

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07919772 3

#QCH
R...

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

THE UNIVERSITY OF CHICAGO PRESS

INDEXED

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ.

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ КАТКОВА И К^о.

1859.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, 18-го іюля 1880 года.

Ценсоръ *А. Драшусовъ.*

О РЕФОРМАХЪ

ВЪ ГРАЖДАНСКОМЪ СУДОПРОИЗВОДСТВѢ¹

VIII.

Юридическая неопредѣленность еще не самая главная причина неправильнаго размноженія и развитія процессовъ. Еще вреднѣе можетъ быть въ этомъ отношеніи вліяніе неопредѣленности *фактической*.

Содержаніе каждаго процесса можетъ быть представлено въ видѣ силлогизма, въ которомъ первую часть составляетъ юридическое основаніе, законное начало, изъ коего истекаетъ право на искъ: это большая посылка. Вторую часть составляетъ фактъ, къ которому требуется приложить законъ: меньшая посылка. Третью часть составляетъ выводъ, то-есть заключеніе и требованіе. Изъ вывода, дѣлаемаго просителемъ, образуется искъ; выводъ, дѣлаемый судомъ, превращается въ рѣшеніе. Для того, чтобъ этотъ выводъ былъ твердъ и вѣренъ, необходимо, чтобы въ вѣрности той и другой посылки не предстояло никакого сомнѣнія. Если стороны соглашаются въ фактахъ, если факты не требуютъ повѣрки и подтвержденія,

(1) См. *Русскій Вѣстникъ* № 12.

тогда суду остается только разрешить спорный вопрос о правѣ. Но если факты, представляемые сторонами, неясны, противорѣчатъ между собой и служатъ предметомъ разногласія между тяжущимися, тогда задача суда становится сложнѣе: ему предстоитъ, прежде чѣмъ онъ приступитъ къ вопросу юридическому, привести въ совершенную извѣстность истину *фактическую*, для чего употребляется система *доказательствъ*.

Для разрешенія *юридического вопроса*, судья долженъ имѣть всѣ средства въ самомъ себѣ, подъ своею рукою: тутъ тяжущіеся обращаются къ его непосредственному знанію; но фактическая сторона дѣла, въ случаѣ спора о ней, должна быть объяснена по тѣмъ даннымъ, которыя представляются сторонами, и существуютъ отдѣльно и независимо отъ судьи и закона. Слѣдовательно здѣсь судья не въ самомъ себѣ исключительно имѣетъ средства для познанія истины; здѣсь онъ долженъ судить не по личному своему опыту и знанію, а по тому, что есть и доказано въ дѣйствительности (*secundum allegata et probata*).

Въ основаніи иска лежитъ право. Факты представляются, такъ сказать, матеріальною подкладкою права, матеріальнымъ его осуществленіемъ и вмѣстѣ вышними признаками права. Поэтому въ фактахъ заключается всегда и первый матеріальный поводъ къ начатию иска. Въ основаніи всякаго спора лежитъ, какъ мы сказали, неизвѣстность, неопредѣленность, съ окованіемъ коей оканчивается и споръ. Слѣдовательно, чѣмъ шире область этой неизвѣстности, тѣмъ болѣе поводовъ къ спорамъ.

Первую причину неизвѣстности должно искать въ сферѣ матеріальной, въ области фактовъ, служащихъ вышнимъ выраженіемъ права: въ ней-то и заключается первоначальный и неизсякаемый источникъ сомнѣній, столкновеній и споровъ; всѣ они рождаются отъ неопредѣленности. Представимъ себѣ споръ о завладѣніи земли. Юридическая сторона вопроса здѣсь проста и не подвержена сомнѣнію: никто не въ правѣ завладѣть чужою собственностью; конечно никто изъ тяжущихся не рѣшится доказывать, что это положеніе несправедливо, и что онъ имѣлъ право завладѣть чужимъ. Въ такомъ случаѣ споръ сосредоточивается весь въ фактической сторонѣ вопроса: гдѣ граница между нашими владѣніями, гдѣ кончается *мое*, и начинается *твое*? Къ этому предмету относится несогласіе. Откуда жъ оно возникло? Отъ неизвѣстности матеріальной. Еслибы была несомнительно опредѣлена граница нашего владѣнія, мы не

проблѣ бы повела: спорить о ней. Полагая, что споръ идетъ о действительности завѣщанія: нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что если оно простирается на родовое имѣніе, то не можетъ быть действительно, или въ томъ, что если, напримѣръ, свидѣтели на немъ подписались племянники получающаго завѣщаніе, то завѣщаніе не имѣетъ силы: это положенія безспорныя. Споръ состоитъ въ томъ единственно, что одна сторона называетъ имѣніе родовымъ, другая благопріобрѣтеннымъ; одна называетъ свидѣтелей племянниками известнаго лица, другая отвергаетъ это. Отчего такой споръ сдѣлался возможнымъ? Отъ неизвѣстности матеріальной. Нѣтъ, стало-быть, въ виду такого акта, который удостовѣрялъ бы, безъ сомнѣнія, о родовомъ свойствѣ имѣнія, или о родствѣ двухъ данныхъ лицъ между собою, или есть актъ, но онъ недостаточно ясенъ или опредѣлителенъ. Такіе примѣры не трудно умножить, но и приведенныхъ достаточно для убѣжденія въ томъ, что въ большей части случаевъ матеріальная неизвѣстность служитъ первымъ источникомъ спора.

Основная причина фактической неизвѣстности заключается въ природѣ вещей и въ природѣ человѣческой; слѣдовательно, рѣшительное уничтоженіе этого главнаго источника процессовъ невозможно, Поводомъ къ иску служитъ — явленіе міра действительнаго, дѣйствіе человѣка: оно ведетъ къ возбужденію вопроса о томъ: какую законную норму слѣдуетъ приложить къ этому явленію или дѣйствію? Но прежде чѣмъ этотъ вопросъ поступитъ на разрѣшеніе суда, необходимо, чтобы онъ возникъ среди частныхъ лицъ, заинтересованныхъ фактомъ; а между этими лицами возбужденіе этого вопроса тѣмъ удобнѣе, чѣмъ менѣе опредѣленно или чѣмъ болѣе сомнительно значеніе самаго факта. Фактъ служитъ матеріальнымъ выраженіемъ права или виѣшнимъ его признакомъ: если этотъ признакъ такъ ясенъ, что не допускаетъ сомнѣнія о томъ, что должно обозначаться имъ, или выраженіе такъ точно, что для всѣхъ очевидна сущность выражаемаго, тогда разногласіе или вовсе не можетъ имѣть мѣста, или разрѣшается безъ всякаго затрудненія.

Какъ бы ни была совершенна существующая въ государствѣ система судопроизводства, какія бы формы ни устанавливало законодательство въ видахъ уменьшенія процессовъ, процессы будутъ не уменьшаться, а размножаться, если право собственности въ ежедневномъ его проявленіи, дѣйствіемъ и употребле-

нимъ выражается неопредѣлительно, если вѣдѣніе признака этого права столь неточно, что оставляютъ мѣсто частымъ сомнѣніямъ о матеріальныхъ границахъ собственности, владѣнія и пользованія: однимъ словомъ, если въ сферѣ частныхъ сдѣлокъ и отношеній, происходящихъ изъ личного права и правъ по имуществу, господствуетъ безпорядокъ, вслѣдствіе коего дѣлается затруднительнымъ приведеніе въ извѣстность явленій и фактовъ, служащихъ выраженіемъ и доказательствомъ права. Въ такомъ случаѣ каждая сторона, подъ вліяніемъ недоразумѣнія или личного интереса, можетъ почитать себя въ правѣ, не на основаніи положительныхъ данныхъ, представляемыхъ предметомъ спора, но на основаніи личныхъ своихъ выводовъ и предположеній. Такъ напримѣръ, въ государствѣ, гдѣ не вошло еще въ обычай вести повсемѣстные акты для записки браковъ, рожденій и смерти, гдѣ каждый изъ этихъ моментовъ долженъ быть приводимъ въ извѣстность посредствомъ изслѣдованія, господствуетъ неопредѣленность относительно всѣхъ правъ, сопряженныхъ съ этими фактами; слѣдовательно, и число спорныхъ дѣлъ объ этихъ правахъ должно быть весьма значительно. Тамъ, гдѣ не опредѣлены съ точностью границы поземельнаго владѣнія, нѣтъ конца ссорамъ сосѣдей и возникающимъ вслѣдствіе того тяжбамъ о завладѣніи: для опредѣленія правъ собственности на землю приходится большею частію изслѣдовать самое владѣніе, возстановить посредствомъ второстепенныхъ, сложныхъ и сомнительныхъ доказательствъ фактъ который долженъ бы быть очевиднымъ для всякаго, еслибы система поземельнаго владѣнія и укрѣпленія правъ устроена была въ надлежащемъ порядкѣ. Известно, сколько затрудненій въ разрѣшеніи представляютъ у насъ, напримѣръ, дѣла о размежеваніи по документамъ черезполосныхъ владѣльцевъ, дѣла о подтопѣ луговъ и держаніи воды на мельницахъ, о самовольномъ завладѣніи, о стеченіи долговыхъ обязательствъ, и проч. Главнымъ источникомъ этихъ затрудненій служитъ фактическая неопредѣленность, неясность, шаткость и неполнота тѣхъ формальныхъ признаковъ, которыми должно быть связано представленіе о правѣ, и если эта неясность представляетъ такъ много затрудненій для самого суда, то тѣмъ болѣе — для лицъ подсудныхъ. Можно сказать съ увѣренностью, что вдвое менѣе дѣлъ доходило бы до судебного разбирательства, еслибы фактическая сторона права была опредѣлена съ ясностью.

Этотъ важный предметъ всегда долженъ быть въ виду у законодателя, желающаго ограничить количество возникающихъ тяжбъ. Для успѣшнаго достиженія этой цѣли слѣдуетъ разчитывать не на механическія процессуальныя средства, погашающія процессъ произвольно и насильственно: слѣдуетъ преслѣдовать это въ томъ самомъ источникѣ, откуда оно рождается, — въ юридическихъ условіяхъ и принадлежностяхъ гражданскаго быта. Приведеніе въ порядокъ, полноту и ясность законовъ и обрядностей, коими управляется и утверждается право собственности, есть лучшее средство для предупрежденія споровъ относительно этого права.

IX.

Учрежденіе, имѣющее цѣлю достиженіе и признаніе правды въ обществѣ, должно быть само вѣрно правдѣ. Какъ бы ни были настоятельны, чѣмъ бы ни извинялись побужденія, вслѣдствіе которыхъ нарушается правда, — въ частномъ ли дѣлѣ, съ заднею мыслью о благѣ частномъ, въ государственномъ ли дѣлѣ, во имя смутной идеи о благѣ общественномъ (*salut public*), — нигдѣ и никогда правду нельзя нарушать безнаказанно: рано или поздно она отмститъ за себя, и нарушеніе ея отзовется горькими плодами, подроетъ въ самомъ корнѣ благосостояніе частнаго быта, распалитъ и исказитъ жизнь общественную, выведетъ изъ равновѣсія высшія силы, которыми держится и управляется цѣлое общество. Такъ и должно быть, потому что въ сущности сама правда есть основное благо и частнаго и общественнаго быта.

Вотъ начало, которое, по нашему мнѣнію, не слѣдуетъ ни подъ какимъ предлогомъ упускать изъ виду, когда разсуждаешь о такомъ великомъ дѣлѣ, каково учрежденіе суда и расправы. Какъ бы ни было великолѣпно новое зданіе, которое воздвигнется на обломкахъ или изъ обломковъ прежняго, какъ бы ни были отдѣльны, разчитаны и соображены въ общей связи особенныя его части, — оно не будетъ прочно, оно не исполнитъ своего назначенія, если не будетъ въ немъ свойствъ всего, чѣмъ можетъ назваться прочнымъ на землѣ, то-есть простоты и правды. Если система судопроизводства должна быть прочною и дѣйствовать съ успѣхомъ, то всѣ формы ея и обряды должны

быть дѣйствительнымъ выраженіемъ того, что подъ ними предполагается, а не фальшивымъ официальнымъ представленіемъ того, чего нѣтъ въ дѣйствительности. Судъ долженъ быть судомъ, а не пустою формою; иначе не будетъ въ немъ правды.

Историческое развитіе нашей общественной и государственной жизни, согласное впрочемъ въ главныхъ чертахъ съ историческимъ развитіемъ другихъ народовъ, привело насъ къ архаической формѣ суда, донинѣ существующей. Въ началѣ своей исторіи видимъ мы судъ въ чистой формѣ частной борьбы, происходящей между сторонами передъ судьей, который послѣ этой борьбы высказываетъ конечный результатъ ея, провозноситъ не приговоръ о безусловномъ правѣ той или другой стороны, а рѣшеніе о томъ, которая должна считаться побѣжденною. Законъ положительный имѣетъ въ виду почти исключительно процессуальную сторону дѣла: въ немъ почти не встрѣчаемъ опредѣленій о правѣ. Право живетъ еще въ сознаніи народномъ, въ обычаяхъ, — въ представителяхъ его, присутствующихъ на судѣ. Судъ, по содержанію своему (въ смыслѣ объективномъ), есть дѣло народное, земское: власть не вызываетъ заботы объ охраненіи права, потому что не высказала ясно отъ своего имени и того, что есть право. Въ то же время, по внѣшнимъ признакамъ своимъ (въ смыслѣ субъективномъ), судъ есть право власти, вручаемое тому или другому лицу, — право сказывать рѣшеніе со взиманіемъ пошлины въ своемъ присудѣ, въ своей волости, въ своемъ кормленіи.

Но мѣръ того какъ утверждается государственное единство, измѣняется мало-по-малу и этотъ характеръ суда. Органами суда являются представители центральной власти — воєводы и судьи московскихъ приказовъ; но не имъ собственно принадлежитъ храненіе и сказываніе права. Право не успѣло еще организовать въ стройное цѣлое, получить самостоятельное значеніе. Изъ области непосредственнаго вѣдѣнія, изъ среды народной, оно перешло въ другую, болѣе тѣсную, но еще не ясно опредѣленную сферу. Хранителями его и истолкователями дѣлаются такъ-называемые приказные люди, дьяки и подьячіе. Судебная власть еще не приобрѣла себѣ самостоятельности, не обозначилась рѣзкою чертою въ кругу государственныхъ учреждений; судъ не отличается отъ правительства, понятіе о подсудности сливается съ понятіемъ о вѣдомствѣ и подчиненіи. Обращеніе тяжущагося къ суду выражается въ формѣ челобитья; въ искѣ его и жалобѣ еще неясно выра-

жаются твердое, сознательное требованіе *права*, какъ чего-то безусловно-принадлежащаго ему: въ нихъ всего чаще слышится просьба о помощи, бессознательное: *укажи, пожалуй или помилуй!* Судъ, по началу своему словесный и составительный, подъ вліяніемъ приказнаго элемента, превращается болѣе и болѣе въ письменный и слѣдственный; формы его становятся сложнѣе и запутаннѣе; судоговореніе теряетъ свой первоначальный характеръ живой рѣчи: къ нему присоединяется множество письменныхъ челобитій и канцелярскихъ помѣтъ. Въ приговорѣ пишется: «бояринъ (или воевода) съ товарищи, слушавъ дѣла, приговорили», но мы знаемъ, что содержаніе приговора и дѣйствительный судъ принадлежитъ дьяку, или подьячему, приказному человѣку: у него спрашиваютъ въ чемъ дѣло, ему приказываютъ подвести указы; онъ дѣлаетъ помѣты на челобитьяхъ и выпискахъ отъ имени судьи; онъ составляетъ рѣшеніе, кого и почему обвинить и оправдать. Оттого и приговоръ не имѣетъ внутренней безусловной самостоятельной силы, оттого нѣтъ яснаго понятія объ инстанціи, оттого не организовалась еще апелляция, а въ замѣнъ ея, въ обширномъ и неопредѣленномъ смыслѣ, употребляется *спорное челобитье* на дьячью помѣту, на судейское вершеніе, — челобитье, обращаемое безразлично къ тому же судѣ, который повершилъ дѣло, къ главному боярину, завѣдывающему приказомъ, къ государю. Оттого въ каждомъ почти дѣлѣ рѣшеніе по нѣскольку разъ перевершается однимъ и тѣмъ же лицомъ или мѣстомъ: для этого стѣбитъ только судѣ сложить вину на дьяка, или дьяку подвести новые законы.

Соотвѣтствуетъ ли эта приказная форма прямому и чистому понятію о судѣ? Судейскому приговору принадлежитъ рѣшительное значеніе только на томъ основаніи, что въ немъ судья высказалъ *свое убѣжденіе о правѣ*: для того и облачается онъ судебною властью, чтобы *судить*. Но если приговоръ, составляемый отъ имени судьи, выражаетъ не его собственное убѣжденіе, а убѣжденіе или мнѣніе другаго лица, которое скрывается во тѣмъ и не можетъ назвать себя судьей, въ такомъ случаѣ судъ лишается главной своей опоры. Въ немъ нѣтъ прямоты и искренности, въ немъ есть *неправда*. Возможно ли примириться съ этою неправдой? Возможно ли разстаться съ нею, уничтожить ее?

Примириться съ нею *невозможно и не должно*. Она служить источникомъ большей части неправдъ, совершающихся

на судѣ, распложая ихъ по закону необходимости. Она ставитъ на судѣ въ фальшивое положеніе и судью, и приказнаго чловѣка, и самихъ тяжущихся. И въ добросовѣстномъ судѣ убиваетъ она энергію, развиваетъ равнодушіе къ своему дѣлу: тѣмъ болѣе въ такомъ, который по природѣ своей склоненъ къ лѣни. Чловѣкъ, желающій судить и рѣшать на самомъ дѣлѣ и пріучить къ тому своихъ сочленовъ, вступая въ обязанность судьи, на первыхъ же порахъ встрѣчаетъ почти непреодолимые препятствія, въ вѣковой приказной привычкѣ, въ укоренившихся издавна свойствахъ самой среды, въ коей онъ призванъ дѣйствовать. Если онъ хочетъ быть судьей, не только по имени, то рѣдко желаютъ этого товарищи его, успѣвшіе уже свыкнуться съ спокойнымъ положеніемъ повелѣвающей, но не дѣйствующей власти: для этого, кромѣ труда умственного и матеріальнаго, необходимо еще знаніе, необходима увѣренность въ себѣ, которыхъ они не успѣли пріобрѣсть. Не желаютъ этого приказные люди: имъ непріятно было бы утратить свое значеніе и превратиться на самомъ дѣлѣ въ исполнителей чужихъ приказаній. Они привыкли имѣть свое мнѣніе и распоряжаться чужимъ убѣжденіемъ. Съ другой стороны, если одному изъ членовъ суда, по офиціальному положенію или по особеннымъ внутреннимъ качествамъ, удастся пріобрѣсть дѣйствительный авторитетъ, сдѣлаться дѣйствительнымъ судьей, то въ немъ, подѣ вліяніемъ той же приказной формы, почти всегда выказывается стремленіе къ исключительному владычеству надъ всѣми прочими членами, стремленіе—судить и дѣйствовать однолично за всѣхъ, хотя и самъ онъ большею частію невольно подчиняется вліянію и мнѣнію приказныхъ людей, сильныхъ всѣмъ искусствомъ рутины, всѣмъ могуществомъ терпѣливаго труда. Такимъ образомъ къ прежней неправдѣ присоединяется еще новая: коллегіальная форма суда, сохраняя весь свой титулъ, скрываетъ подѣ нимъ всѣ несовершенства одноличнаго взгляда и одноличной власти.

Не менѣе фальшиво и положеніе приказнаго чловѣка, когда онъ желаетъ быть вѣренъ своей обязанности. Каковы бы ни были судьи, которымъ онъ докладываетъ, онъ чувствуетъ съ перваго же опыта, что въ рукахъ его сила дѣйствительная, сила труда и знанія, слѣдовательно и сила рѣшенія. Но этою силой долженъ онъ пользоваться скрытно, не имѣя права открыто признать ее передъ всѣми. Офиціально онъ долженъ представляться лицомъ, не имѣющимъ на судѣ своего мнѣнія, тогда

какъ въ дѣйствительности это мнѣніе управляетъ судомъ. Та-
кая роль должна казаться тяжелою для добросовѣстнаго человѣка,
а недобросовѣстному предоставляетъ полную свободу, дѣлать
что ему угодно. Человѣку, имѣющему высокое понятіе о судѣ,
тяжело уже и то, что на немъ одномъ лежить, въ большей
части случаевъ, нравственная отвѣтственность, которая при
нормальномъ устройствѣ суда разлагалась бы на совѣсть каж-
даго члена; что убѣжденіе его, какъ бы ни было честно, дол-
жно выражаться косвенно, въ живой формѣ чужаго убѣжде-
нія. Таково положеніе приказнаго человѣка посреди судей,
отказавшихся отъ своей дѣятельности. Оно становится еще
тяжелее, еще соблазнительнѣе, когда эти судьи, или нѣкоторые
изъ нихъ, при неспособности прямо судить о дѣлѣ, при от-
сутствіи всякаго юридическаго взгляда, при лѣни, препятству-
ющей имъ внѣгнута въ дѣло во всѣхъ подробностяхъ, желаютъ
удержать за собой роль судьи и рѣшать дѣло въ дѣйстви-
тельности. Недобросовѣстный дѣлопроизводитель будетъ чув-
ствовать себя свободно и въ этомъ положеніи; но для добро-
совѣстнаго оно невыносимо: каждый день приходится ему
вступать въ скрытую, глухую борьбу съ мнѣніями, коихъ не-
разумность для него очевидна, съ невѣжествомъ, произволомъ,
съ привычкою судить о всякомъ дѣлѣ свысока и поверхностно,
съ нравственными взглядами, отрицающими всякое юридиче-
ское основаніе, съ выводами казуистики, не опирающейся на
твердое убѣжденіе. Борьба эта не можетъ быть открытою, и
нерѣдко необходимость принуждаетъ въ ней борца схватиться
за первое попавшееся орудіе, лишь бы при помощи его
можно было одолѣть. Кто знакомъ на практикѣ съ приказнымъ
дѣломъ, тому должно быть извѣстно напримѣръ, что опытный
докладчикъ въ дѣлѣ, сколько-нибудь трудномъ и запутанномъ, ни-
когда не выскажетъ передъ судьями всего того, что находитъ
въ дѣлѣ и самъ признаетъ необходимымъ къ рѣшенію, а вы-
сказываетъ только то, что по его разчету, должно, не запуты-
вая судей, привести ихъ къ такой резолюціи, которая въ дан-
номъ случаѣ вытекаетъ изъ обстоятельствъ дѣла. Такъ при-
нужденъ поступать докладчикъ и тогда, когда дѣйствуетъ добро-
совѣстно, и тогда, когда преслѣдуетъ въ дѣлѣ личныя свои
цѣли: и въ томъ, и въ другомъ случаѣ говорится одно, а въ умѣ
держится другое. Но вынуждаясь фальшивымъ положеніемъ
своимъ на судѣ къ употребленію такого оружія, докладчикъ
своро привыкаетъ пользоваться имъ безразлично во всѣхъ слу-

чалъ, не обращая вниманія на то, что это оружіе несправедливое, какими бы цѣлями ни извинялось его употребленіе. Такимъ образомъ мало-по-малу вся обрядовая сторона приказнаго дѣла заражается неправдой, слагается изъ *неправды*, писаной и словесной, къ которой все привыкають до того, что не могутъ и представить себѣ иныхъ, прямыхъ и искреннихъ отношеній къ дѣлу и къ людямъ. Мудрено ли, что въ такой школѣ скоро ослабѣвають и энергія воли, и вѣра въ силу честнаго убѣжденія, и добросовѣстное стремленіе къ изысканію истины (1)?

Тотъ же неправдой испорчено и положеніе тяжущихся относительно судьи, и другъ къ другу. Они стоятъ лицомъ къ лицу передъ судьей, но не могутъ прямо отнестись къ нему, и, положивъ въ его руки судьбу своего дѣла, не могутъ вполне успокоиться ни на довѣрїи къ суду, ни на сознаніи твердости своего права. Они начинаютъ ходатайствовать передъ судьей, но не смѣютъ положиться и на его слово, зная, что позади судьи таится другая, приказная сила, которая держитъ въ своей власти все нити и пружины судебного механизма, держитъ слово судейское, держитъ слово закона и правды. Поневоля приходится обращаться къ ней, дѣйствовать, если можно, на ея убѣжденіе, если нельзя, — искать случая сдѣлки съ ними и даже радоваться возможности такихъ сдѣлокъ. Сколько неправды въ этой печальной необходимости! По наружности, по формѣ — обращеніе къ правдѣ, на самомъ дѣлѣ — расчетъ на неправду. Но и приобрѣта въ свою пользу мнѣніе и слово приказной силы, проситель еще не можетъ на этомъ успокоиться. Пожалуй, на сей разъ судья не покорится этой силѣ, захочетъ

(1) Подъ вліяніемъ письменной системы, сказано въ рапортѣ комиссіи для разсмотрѣнія новаго устава сардинскаго судопроизводства, «если докладчикъ нацѣленно или только по безпечности какому-либо допустить невѣрность въ докладѣ; если, обремененный работою, онъ, при многосложности актовъ, составляющихъ дѣло, неумышленно пропуститъ какое-либо обстоятельство, утвержденіе или отрицаніе, сократитъ какой-нибудь документъ, исключивъ изъ него все, что по мнѣнію его не имѣетъ вліянія на разрѣшенія дѣла, если умышленно или даже безъ всякой цѣли, но по естественной склонности всякаго человѣка налагать права, по мнѣнію его законныя, а не тѣхъ, кои представляются ему неосновательными; если предупреденный болѣе въ пользу одной чѣмъ другой стороны, онъ успеетъ обнаружить вліяніе на другихъ судей, — обвиненная сторона при чисто письменной и секретной системѣ не будетъ имѣть никакой возможности открыть или исправить ни ошибку, ни недосмотръ, ни самый умыселъ».

боротся съ нею и утвердить на судѣ свое собственное мнѣніе и слово, можетъ-быть кривое или неблагородное. Такъ, переходъ отъ сомнѣнія къ сомнѣнію, не видя передъ собою *единства* власти, отъ которой мочь бы ожидать вѣрнаго рѣшенія, просятель принужденъ и здѣсь и тамъ отыскивать себѣ кривыя лазейки къ суду, когда нѣтъ возможности пройти по прямой и ровной дорогѣ.

Неужели же нѣтъ возможности найти и открыть передъ всѣми прямую и широкую дорогу къ правосудію, установить для всѣхъ, отыскивающихъ свое право, прямыя и искреннія отношенія къ лицамъ, которыя должны служить органамъ правосудія, устроить положеніе этихъ лицъ такъ, чтобы согласіе мнѣнія съ убѣжденіемъ, слова съ мнѣніемъ, дѣла съ словомъ и формою, было для нихъ легко и естественно, чтобы не было во взаимныхъ отношеніяхъ органовъ суда между собою и къ подсуднымъ лицамъ той неправды, которою эти отношенія теперь проникнуты? Есть возможность, такъ отвѣтить всякій, въ комъ есть еще вѣра въ правду и въ духовныя силы природы человѣческой.

Приказная форма суда неразрывно связана съ господствующею въ немъ *исъменностію* и *канцелярскою тайной*, и будетъ держаться до тѣхъ поръ, пока судѣ не сдѣлается *словеснымъ* и *открытымъ*. Только на этихъ условіяхъ возможно освободить его отъ приказной формы и неправды, съ нею связанной.

Письменная форма суда имѣетъ еще у насъ много защитниковъ, и несправедливо было бы думать, что всѣ они защищаютъ ее недобросовѣстно, не по убѣжденію. Они указываютъ не безъ основанія, что письменное производство, имѣетъ нѣкоторое преимущество передъ словеснымъ, только черезъ ибру преувеличиваютъ это преимущество, потому что не обнимаютъ вопроса во всей его цѣлости, а имѣютъ въ виду только одну сторону. Затѣмъ указываютъ они на матеріальныя препятствія ко введенію у насъ словеснаго судопроизводства, на недостатокъ людей, спеціально къ тому приготовленныхъ, и т. п., но и здѣсь ошибаются они, предполагая, что словесное судопроизводство требуетъ отъ судей болѣе способностей, знанія и опытности, нежели письменное. Какъ будто можно допустить, что легче и удобнѣе обращаться съ сложными и искусственно-построенными формами, нежели съ формами простыми и естественными!

Письменное производство дѣйствительно имѣетъ на своей

сторонѣ нѣкоторыя выгоды: судья не принужденъ здѣсь скватывать налету, одинъ за другимъ, факты, нерѣдко противорѣчащія, а можетъ разомъ обозрѣвать все содержаніе дѣла на одномъ планѣ; ему нѣтъ нужды посвящать на выслушаніе процесса по нѣскольку продолжительныхъ засѣданій; онъ приступаетъ къ разсмотрѣнію дѣла, когда оно совсѣмъ уже приготовлено къ рѣшенію, можетъ заняться дѣломъ спокойнѣе, удобнѣе сосредоточить вниманіе на всѣхъ его обстоятельствахъ и безпристрастнѣ относиться къ противорѣчащимъ внушеніямъ сторонъ; можетъ разсматривать вмѣстѣ по нѣскольку прикосновенныхъ одно къ другому дѣлъ, не заставляя тяжущихся подолгу дожидаться своей очереди. Все это можетъ казаться убѣдительнымъ и даже неопровержимымъ доказательствомъ въ пользу письменности поверхностному взгляду человѣка, составившаго себѣ кабинетное понятіе о сущности письменнаго и словеснаго судопроизводства и не знающаго на практикѣ письменнаго суда и приказной сферы. Опытъ показываетъ, что тѣ самыя качества, которыя кабинетная теорія присвоиваетъ исключительно письменному суду, въ немъ именно всего рѣже встрѣчаются на самомъ дѣлѣ. Тотъ, кому близко знакомо это дѣло на практикѣ, кто исполнялъ судейскія обязанности, кто работалъ въ судебныхъ канцеляріяхъ и не научился еще давать себѣ отчетъ во всемъ, что дѣлаетъ самъ, и что около него дѣлается, тотъ, конечно, не станетъ доказывать преимущество письменной формы суда надъ словесною, при какихъ бы то ни было условіяхъ.

Съ письменнымъ производствомъ необходимо сопряжено то раздвоеніе судебной власти на присутствіе и канцелярію, на которое мы указали выше, раздвоеніе, несогласное съ идеей объ единствѣ, какъ необходимомъ условіи всякой власти. Судья долженъ *выслушать* обѣ стороны для того, чтобы сказать имъ свое рѣшеніе: вотъ первоначальная, простая и нормальная форма суда. Здѣсь отношеніе судьи къ тяжущимся — прямое, искреннее, непосредственное: тяжущіеся стоятъ лицомъ другъ къ другу передъ судьей. Но при письменномъ производствѣ между обѣими сторонами, равно какъ между ними и судьей, находится бумага. Бумага, по старинной пословицѣ, все терпитъ; она лжетъ и не краснѣетъ. Всѣ офиціальныя сообщенія тяжущихся съ судомъ производятся съ одной стороны посредствомъ неограниченнаго числа прошеній, въ которыхъ запутывается сущность дѣла, собираются нестройныя груды до-

интересѣхъ, повторяется по нѣскольку разъ съ нѣкоторыми
одни и тѣ же факты и доводы; съ другой стороны, посредъ
ствомъ множества журнальныхъ записокъ, отношеній, вѣдѣній,
продписаній и подтвержденій, которыхъ требуетъ каждое дѣ-
ствіе суда въ отношеніи къ табущимся. Такимъ образомъ на-
копится масса писаной бумажки, составляется дѣло; и зашну-
тываются въ немъ узлы. Судьи не имѣютъ возможности разо-
путать ихъ, очистить сущность дѣла отъ всѣхъ его покрововъ,
выкинуть въ него непосредственно. Эта работа принадлежитъ
канцеляріи, — новое писаніе, новое повтореніе одного и того
же: сколько здѣсь теряется напраснаго труда, сколько губится
дромъ силы и времени, известно каждому, кто знакомъ съ
канцелярскимъ обрядомъ. Дѣло готовится къ докладу, но
это приготовленіе состоитъ по формѣ, въ составленіи записки,
которую приказная обрядность, помимо закона, превратила въ
перошеску цѣдикомъ сыраго бумажнаго матеріала, составляю-
щаго содержаніе дѣла. Такимъ образомъ изученіе дѣла, то-есть
приготовленіе того убѣжденія, которое должно вести къ рѣше-
нію, принадлежитъ непосредственно не судьямъ, но канцеля-
ріи, а судьи знакомятся съ нимъ посредствомъ доклада. Не
въ приказномъ производствѣ, самый докладъ превращается въ
формальность, не всегда соблюдаемую. Большею частію и до-
клада не бываетъ, а дѣло обдѣлывается между судьями и про-
изводителями. Составляется рѣшеніе, но кто участвовалъ въ
составленіи его, чье убѣжденіе, чей взглядъ служить ему основ-
вомъ, этого въ большей части случаевъ опредѣлить невозможно.
Предполагается, что судьи слушали записку изъ дѣла; но еслибы
въ каждомъ дѣлѣ дѣйствительно читалось громадное собраніе
бумагъ, называемое пространною запиской, то не достало бы
времени для рѣшенія десятой доли дѣлъ, рѣшаемыхъ въ судѣ;
и судьи, даже при всей готовности, не въ состояніи были бы
прослѣдить нить дѣла и объять сущность его по длиннымъ и
запутаннымъ бумагамъ записки. Вотъ въ какомъ видѣ являютъ
на самомъ дѣлѣ такъ-называемыя преимущества письменнаго
производства. Такая форма процесса сама по себѣ уже объ-
ясняетъ, почему судьи равнодушны къ своему дѣлу, отчего
происходитъ пассивное положеніе ихъ на судѣ: суда и нѣтъ
для нихъ въ истинномъ значеніи слова, а есть только обрядъ
приказный. Если этотъ обрядъ лишентъ жизни и духа, лишентъ
правды и дѣйствительнаго значенія, то и въ судьяхъ нечего раз-
читывать на живую дѣятельность духа. Она явилась бы сама.

сабою, и тѣ же судьи стали бы действительными судьями, когда бы вмѣсто нѣмой бумаги стали передъ ними живые люди, и совершалось бы передъ лицомъ ихъ действительно живое состязаніе спорящихъ. Еслибы, притомъ, въ залу присутствія проникъ вѣтъ, котораго она лишена теперь, то ни одинъ судья не могъ бы остаться равнодушнымъ свидѣтелемъ спора, и каждый желалъ бы составить себѣ и выразить собственное мнѣніе: тогда дѣятельность его получила бы внѣшнее побужденіе, тогда не ослабло бы въ немъ сознаніе нравственной отвѣтственности передъ совѣстью и передъ обществомъ; тогда, въ священномъ и торжественномъ обрядѣ суда, не было бы той неправды, того разлада между дѣломъ и формою, которыхъ не должны мы допускать въ обрядѣ суда, если самый судъ долженъ быть судомъ, а не пустымъ обрядомъ.

Итакъ, если словесная форма суда должна быть почитаема самою простою и естественною, если эту форму видимъ мы у всѣхъ народовъ и на первой ступени общественнаго развитія, на которой застааетъ ихъ исторія, и на высшей ступени сознательнаго ихъ бытія и устройства, то, кажется, нельзя сомнѣваться, что именно отъ нея и слѣдуетъ ожидать лучшаго успѣха даже тамъ, гдѣ есть недостатокъ въ судьяхъ, специально приготовленныхъ наукой и опытностью къ юридическому дѣлу. Такого судью запугаетъ, спутаетъ и сдѣлаетъ равнодушнымъ бумажная форма; напротивъ, словесное разбирательство дастъ ему опору, поддержитъ въ немъ постоянный интересъ къ своему дѣлу и разовьетъ въ немъ тѣ качества, которыя необходимы для добраго судьи. Словесное судопроизводство будетъ лучшею школою для образованія судей, единственнымъ средствомъ для уничтоженія вреднаго разлада между наукой права и юридическою практикою. Отлагать введеніе этой естественной формы суда до тѣхъ поръ, пока при господствѣ письменной формы образуются добросовѣстные и опытные судьи, значить, не дожидаться никогда ни истинныхъ судей, ни желаемаго правосудія.

Х.

Многіе разсуждаютъ о словесномъ судопроизводствѣ, не давая себѣ яснаго отчета, въ чемъ состоитъ сущность его, и думая, что со введеніемъ словесной формы суда всякое пись-

иное производство должно само-собою уничтожиться. Иные, увлекаясь живостью и плодотворностью публичныхъ дебатовъ во французскомъ судопроизводствѣ, готовы поставить его за образецъ всякаго новаго устройства, какъ совершенное примѣненіе формы словесной, не подозревая того, что одинъ изъ главныхъ недостатковъ французскаго процесса состоитъ именно въ сложности производства и въ чрезмѣрномъ развитіи *письменности*.

Дѣло въ томъ, что ни одна форма суда не можетъ быть чисто словесною и каждая требуетъ, въ большей или меньшей степени, производства *письменнаго*. Каждый процессъ, въ послѣдовательномъ развитіи своемъ до минуты рѣшенія, дѣлится на двѣ части: въ первой дѣло готовится къ суду, во второй совершается самый судъ. Словесное разбирательство относится къ этой послѣдней части и состоитъ въ томъ, что стороны лично или черезъ своихъ представителей являясь передъ судомъ, объясняютъ взаимныя свои претензіи и излагаютъ свои доводы и опроверженія. Живое слово употребляется при этомъ съ тою цѣлью, чтобы судья, посредствомъ дѣйствительнаго состязанія тяжущихся, могъ придти къ юридическому убѣжденію въ справедливости той или другой стороны и произнести приговоръ о правѣ. Но основаніемъ такого состязанія должны служить во первыхъ *факты*, изъ которыхъ составляется дѣло и возникаетъ вопросъ; во вторыхъ, положительно и опредѣлительно высказанные *предметы* иска или требованія. Тѣ и другіе должны быть заявлены, утверждены несомнительно (*фиксированы*): должны служить матеріальною подкладкою и опоркою процесса. Одною слова для этой цѣли не всегда достаточно, при разнообразіи и сложности гражданскихъ отношеній, изъ которыхъ возникаютъ процессы. Если довериться одному слову, то въ большей части случаевъ невозможно было бы привести процессъ къ концу: нельзя было бы знать съ достовѣрностью, чего именно каждая сторона требовала, что утверждала, въ чемъ созналась, каждая могла бы отказаться отъ самаго рѣшительнаго слова или измѣнять по произволу первоначальный смыслъ, судья остался бы въ недоумѣніи, что и по какимъ фактамъ судить ему, ни одинъ судебный приговоръ не имѣлъ бы надлежащей фактической твердости. Эта необходимость утвердить каждое дѣло на прочной письменной основѣ выразилась въ формѣ процесса у всѣхъ народовъ въ самыя раннія эпохи историческаго ихъ существованія. Къ этой цѣли

вели римскія формулы исковъ; на нее указываютъ и у насъ первоначальныя формы судныхъ рѣчей въ старинныхъ судныхъ спискахъ. Формы эти, развиваясь мало-по-малу, доходили вездѣ до чрезмѣрнаго размноженія и наконецъ, при развитіи канцелярскаго обряда, превращали весь процессъ въ одно цѣльное письменное производство, такъ что въ позднѣйшую эпоху народнаго самосознанія приходилось вездѣ обращаться къ историческому первообразу суда. Но при новыхъ условіяхъ юридическаго и общественнаго быта, безъ сомнѣнія, уже невозможно было возстановить его во всей первоначальной простотѣ: вездѣ, на ряду съ новыми формами словеснаго разбирательства, появились новыя письменныя формы предварительныхъ судебныхъ дѣйствій.

Формы эти сложились типически въ двухъ главныхъ видахъ. Одинъ, представителемъ коего можетъ служить прусская система, состоитъ въ *судебномъ протоколѣ*. Стороны выслушиваются судьей, и рѣчи ихъ, со включеніемъ первоначальной жалобы, доказательствъ и возраженій, записываются въ протоколъ подъ надзоромъ судьи. Форма эта состоитъ въ связи съ слѣдственнымъ характеромъ прусскаго гражданскаго процесса и съ офиціальною обязанностію судьи достигать въ гражданскомъ дѣлѣ истины посредствомъ *разспроса*.

Другая форма составляетъ принадлежность французскаго процесса и состоитъ въ томъ, что дѣло готовится къ суду безъ всякаго участія и надзора судьи, и даже безъ прямого участія самихъ тяжущихся, посредствомъ особенныхъ чиновниковъ, или стряпчихъ, которымъ стороны офиціально повѣряютъ всѣ фактическіе и юридическіе матеріалы, какими располагать могутъ. Почитаемъ нелишнимъ указать на нѣкоторыя подробности этого порядка, такъ какъ на французскій процессъ чаще всего указываютъ у насъ какъ на образецъ, которому должно слѣдовать.

Цѣль учрежденія офиціальныхъ стряпчихъ, *avoués*, при всѣхъ французскихъ судахъ (кромѣ тѣхъ, въ коихъ судопроизводство происходитъ сокращеннымъ порядкомъ, то-есть мировыхъ и коммерческихъ), состоитъ въ томъ, чтобы *вопервыхъ* дать каждому изъ тяжущихся готоваго ходатая, который управляетъ бы за него всѣмъ ходомъ процесса, наблюдая за исполненіемъ обрядовъ, требуемыхъ закономъ и предупреждая ошибки и упущенія, которыхъ всегда трудно избѣжать частному человѣку, незнакому съ особенностями судебного обряда; *во вторыя*

установить между тяжущимися удобнѣйшій способъ сообще-
 ния, при коемъ они могли бы, не имѣя надобности въ личной
 явке, объяснить другъ передъ другомъ взаимныя основанія и
 требованія и приготовиться къ публичной и словесной борьбѣ
 передъ судомъ, такъ чтобъ одна сторона съ своими доказа-
 тельствами и возраженіями не могла сдѣлать на другую непред-
 видѣннаго и внезапнаго нападенія. Для этой цѣли каждая сторона
 обязана избрать себѣ стряпчаго, изъ числа состоящихъ при судѣ,
 а стряпчий обязанъ представлять и защищать ее на судѣ; то-
 есть обязанъ совершать составлять для нея всѣ акты, необходи-
 мые для приготовленія дѣла къ суду, исполнять всѣ требуемыя
 закономъ формальности (*postuler*), и заявлять передъ судомъ
 всѣ ея требованія (*conclure*); совершать, въ качествѣ ходатая
 подавать просьбы съ объявленіемъ способовъ и основаній, иска
 и защиты, и даже, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, можетъ словесно
 защищать своего кліента на судѣ, совокупно съ адвокатомъ.

Способъ этотъ съ перваго взгляда представляется значитель-
 нымъ облегченіемъ какъ для судей, такъ и для тяжущихся. Но на
 дѣлѣ служить онъ источникомъ большой медленности, запуты-
 ваетъ ходъ процесса и ведетъ ко множеству злоупотребленій.

Дѣло начинается съ того, что истецъ, избравъ себѣ стряп-
 чаго, вручаетъ ему свои документы. Затѣмъ адресуется къ
 отвѣтчику, черезъ посредство пристава и отъ имени его, судеб-
 ный вызовъ (*exploit d'ajournement*). Отвѣтчикъ, получивъ его,
 обязанъ въ теченіе восьми дней избрать себѣ стряпчаго, и съ этого
 времени все сообщеніе сторонъ между собою совершается по-
 средствомъ бумагъ, пересылаемыхъ между стряпчими: по
 закону эта пересылка и полученіе бумаги могутъ быть удо-
 стовѣряемы простою распиской стряпчаго, но по обычаю и
 для взаимной выгоды судебныхъ чиновниковъ, установилось
 мало-по-малу между стряпчими посредствующее лицо прото-
 коллиста (*greffier*), будто бы для большей вѣрности сообщеній,
 но въ самомъ дѣлѣ для того, чтобы протоколисту чаще доста-
 влялось собирать свои пошлины съ проентелей. Увѣдомивъ бу-
 лагою (*acte d'assigner*) стряпчаго истцоваго о своемъ назначеніи,
 стряпчий отвѣтчика черезъ пятнадцать дней послѣ того со-
 общаетъ ему объясненія и бумаги въ защиту своего кліента,
 въ формѣ прошенія, адресуемаго на имя суда (*requête en défense*):
 Черезъ восемь дней первый стряпчий въ подобной же формѣ
 (*requête en réponse*) доставляетъ второму свои возраженія. По
 окончаніи этого обряда или по прошествіи сроковъ, для него

установленныхъ, одинъ изъ стряпчихъ, по желанію, можетъ пригласить другаго къ явкѣ на дѣйствительный судъ. Это называется *romsnière l'audience* и совершается посредствомъ особаго акта (*acte d'avenir*): его передаетъ судебный приставъ (онъ также беретъ въ свою пользу пошлины за передачу акта въ тѣхъ случаяхъ, когда ему предоставлено взыскать актъ). Но это еще не послѣдній актъ стряпчаго: онъ долженъ внести самое дѣло въ судъ, поставить его въ очередь (*mettre au rôle*). Для этой цѣли составляется особенный актъ (*placet*), содержащій въ себѣ изложеніе фактической стороны дѣла, доводы, заключеній и требованій; не позже какъ наканунѣ засѣданія онъ вручается протоколисту, записывается въ очередной реестръ и отдается обратно стряпчему. Въ назначенный день стряпчій является въ присутственную залу до начала засѣданія съ этимъ актомъ и вручаетъ его дежурному приставу. При открытіи засѣданія приставъ провозглашаетъ дѣло, стоящее на очереди; стряпчій противной стороны долженъ быть тутъ же и представить съ своей стороны подобный актъ съ противоположными заключеніями. На этомъ, по большей части, и останавливается дѣло: судъ еще не начинается. Первое провозглашеніе имѣеть цѣлью удостовѣриться въ томъ, что обѣ стороны явились на судъ въ лицѣ своихъ стряпчихъ и вычеркнуть изъ очереди всѣ дѣла, по которымъ нѣтъ на лицо стряпчаго отвѣтника, утвердить *рѣшительную* очередь. Затѣмъ дѣло вызывается на судъ черезъ восемь дней; но и этотъ срокъ еще не окончательный. Можетъ случиться, и весьма часто случается, что который-нибудь изъ стряпчихъ не представилъ своихъ заключеній или представилъ ихъ не вполне или извиняется тѣмъ, что не получилъ всѣхъ нужныхъ свидѣній отъ своего кліента и не вполне изучилъ дѣло. Тогда ему назначается для того новый срокъ. Стряпчіе, соединенные общими интересами, часто сами соглашаются между собою въ дѣйствіяхъ, имѣющихъ цѣлью оттянуть дѣло, котораго по привычкѣ къ лѣни или къ равнодушію не успѣли еще приготовить. Такимъ образомъ день, въ который дѣло дѣйствительно будетъ засужено, почти всегда находится въ неизвѣстности и зависитъ отъ множества случайностей (исключая дѣла, производящихся скороокончательнымъ порядкомъ).

Такимъ образомъ порядокъ приготовленія дѣла къ суду, установленный закономъ для пользы тяжущихся, на самомъ дѣлѣ оказывается обрядомъ сложнымъ и отягощающимъ.

Французскіе писатели, защищая основанія этого порядка, дѣлаютъ, что причину всѣхъ недостатковъ его должно искать въ злоупотребленіяхъ исполнителей. Намъ, кажется, однакоже, что начала этого порядка не выдерживаютъ здравой критики, что въ немъ не доставтъ простоты, что въ немъ самомъ есть скрытая неправда.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни разумна сама по себѣ идея дать тяжущимся официальныхъ представителей и защитниковъ и освободить судью отъ обременительнаго участія въ собираніи актовъ, составляющихъ содержаніе дѣла, — идея эта во французскомъ судопроизводствѣ проведена такъ безусловно и рѣшительно, что въ конечномъ результатѣ своемъ приводитъ къ совершенному отчужденію тяжущихся отъ суда и ставить ихъ въ положеніе беззащитное относительно тѣхъ самыхъ лицъ, которыя по закону должны быть официальными ихъ защитниками. Законъ довѣряетъ здѣсь простымъ судебнымъ служителямъ, не всегда имѣющимъ достаточныя юридическія свѣдѣнія, такое дѣло, которое должно было бы составлять принадлежность судебной власти, установленіе первоначальныхъ отношеній между тяжущимися и первоначальное соображеніе представляемыхъ ими доказательствъ. Законъ требуетъ отъ тяжущихся предварительнаго, письменнаго производства, опредѣляетъ число бумагъ, подаваемыхъ отъ лица ихъ въ формѣ прошеній на имя суда, даетъ взаимнымъ объясненіямъ ихъ значеніе матеріальной основы для предстоящаго процесса, и въ то же время предоставляетъ стряпчему совершать всѣ эти дѣйствія безъ всякаго вѣдома судей и безъ всякаго надзора со стороны ихъ, такъ что судъ, въ ординарномъ порядкѣ процесса, ни прежде, ни во время *пледированія*, не принимаетъ ни въ какое соображеніе содержаніе всѣхъ бумагъ, которыя были подаваемы на имя его при письменномъ производствѣ. Въ этихъ бумагахъ должны содержаться по закону доказательства, опроверженія и возраженія, и для подачи ихъ требуются сроки, но тотъ же законъ не видитъ въ этихъ бумагахъ дѣйствительныхъ эксцепцій, репликъ и дупликовъ, составляющихъ основу всякаго письменнаго состязанія, и относитъ всѣ эти необходимыя дѣйствія къ другому, последующему моменту состязанія словеснаго. Отсюда проистекаетъ, что предварительное производство дѣла посредствомъ стряпчихъ во Франціи, при всѣхъ формальностяхъ, подробныхъ письменному суду, не имѣетъ однакоже какою-либо сущности, какъ приготовленіе матеріаловъ для суда, не вы-

привести своего назначения, потому что единично оделенно не разстанут. Стряпчие, зная, что решение для них только не зависит отъ всего того, что они пишутъ другъ другу отъ имени стороны, не заботятся о добросовѣстномъ собираніи и разъясненіи всѣхъ фактовъ на основаніи процесса и ограничиваются только поверхностнымъ составленіемъ бумагъ и формальною пересылкой другъ другу документовъ. Съ другой стороны, собственный интересъ, тѣсно связанный съ количествомъ написанныхъ листовъ, заставляетъ ихъ по своему произволу и безъ всякаго контроля, какъ со стороны тяжущихся, такъ и со стороны суда, расплывать бумажную переписку. О содержаніи бумагъ, о ясности въ изложеніи, нѣтъ нужды много заботиться по той же причинѣ, что бумаги эти (кромѣ заключительныхъ записокъ, извѣстныхъ подъ названіемъ *qualités*) не имѣютъ на судѣ дѣйствительнаго значенія. И точно, всякій, кому случалось читать эти бумаги, вѣроятно съ изумленіемъ спрашивалъ себя: какъ могла удержаться во Франціи XIX столѣтія такая тяжеловѣдность внѣшней формы, такая варварская конструкція безконечныхъ періодовъ, такая запутанность и темнота выраженій?

Къ сожалѣнію, французскій законъ, допустивъ вредное отдѣленіе обязанности стряпчихъ (*avoués*) отъ должности адвоката, предоставилъ первымъ исключительную монополію предварительнаго производства, и допустилъ вмѣстѣ съ тѣмъ продажность стряпчихескихъ мѣстъ. Продажность прокурорскихъ должностей существовала во Франціи издревле. Она установлена была для казеннаго дохода, при Францискѣ I, уничтожена канцлеромъ Лопиталемъ, потомъ возстановлена при Генрихѣ III и снова отменена декретомъ учредительнаго собранія въ 1791 году. Ей суждено было снова возродиться въ первой четверти XIX столѣтія.

За всѣ свои дѣйствія, то-есть за каждый написанный и подписанный листъ бумаги, стряпчій получаетъ отъ своего клиента вознагражденіе въ размѣрѣ, определенномъ въ особомъ тарифѣ. Такимъ образомъ званіе стряпчаго соединено съ доходомъ весьма значительнымъ и не имѣющимъ строгой определенности. Законъ обязываетъ ихъ (наравнѣ съ нотариусами, протоколистами и судебными приставами), при вступленіи въ должность, представлять значительную денежную сумму, къ обезпеченію ответственности, сопряженной съ ихъ должностью; это обстоятельство, само по себѣ незначительное, оказалось въ послѣдствіи весьма важнымъ: благодаря ему, всѣ перечислен-

ные бывшіе чиновники, въ томъ числѣ и стряпчие, утверждая за собою исключительное положеніе въ отношеніи къ правительству, а также и въ отношеніи къ предметамъ торговли. Съ 1816 года предоставлено каждому изъ нихъ, при добровольномъ оставленіи должности, представлять за себя преемника правительству; вслѣдствіе того всѣ эти мѣста снова сдѣлались продажными, и передаются посредствомъ сдѣлокъ, официально признаваемыхъ властью. По мѣрѣ умноженія процессовъ и гражданскихъ актовъ, начала возрастать и цѣна каждаго подобнаго мѣста. Теперь она доходитъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ до огромныхъ размѣровъ (1). Естественно, что при такихъ условіяхъ должность стряпчаго получаетъ значеніе откупнаго мѣста; и каждый, заплативъ деньги своему предмѣстнику, старается всѣми мѣрами вознаградить себя за уплаченную сумму и увеличить свой доходъ или перепродать мѣсто тому, кто больше дастъ за него; а правительство, при передачѣ мѣста, наблюдаетъ только за исполненіемъ формальныхъ условій перехода, не имѣя возможности слѣдить за способностью и нравственными качествами новаго чиновника. Какъ ни соблазнительнъ такой обычай, какъ ни отяготительны послѣдствія его для гражданъ, прибѣгающихъ къ помощи судебныхъ чиновниковъ, правительство до сихъ поръ не нашло еще средства уничтожить его. Главное затрудненіе состоитъ въ томъ, что при уничтоженіи продажи, необходимо возвратить всѣмъ чиновникамъ, съ процентами, всѣ денежные залоги, съ давнихъ поръ внесенные въ казну и составившіе въ ней значительный фондъ, а этотъ фондъ, безъ сомнѣнія давно уже растраченный на другія надобности, по послѣднимъ исчислениямъ, простирается въ одной капитальной суммѣ до 59.665.000 франковъ.

Этимъ положеніемъ, которое созидала себѣ французскіе судебные стряпчие, и къ которому отчасти приводитъ ихъ самъ законъ, объясняется возможность многочисленныхъ злоупотреб-

(1) Ниже 5.000 франковъ не стоитъ ни одно мѣсто; но есть и такія, за которыя даютъ по 400 и по 500 тысячъ франковъ; протоколъ въ парижскихъ гражданскихъ судахъ былъ проданъ за 700,000 франковъ, а доходы протокола въ парижскомъ коммерческомъ судѣ цѣнятся въ миллионъ франковъ. Цѣнность всѣхъ мѣстъ, принадлежащихъ такъ называемымъ *officiers ministériels* во Франціи, предполагается до миллиарда франковъ. См. *Philosophie de la procédure civile* par R. Bordeaux.

лени. Стряпчіе во французскомъ судопроизводствѣ получили значеніе приказной силы, которой не можетъ миновать ни одинъ изъ тяжущихся. Въ ихъ рукахъ находится все пригетельное производство, и они мало-по-малу развили въ немъ огромную письменность, въ союзѣ съ прочими исполнительными чиновниками (*greffiers* и *huissiers*). Правда, закономъ постановлено, что кромѣ бумагъ, на которыя есть въ немъ прямое указаніе, все остальные не обязательны для тяжущихся и падаютъ насчетъ самихъ стряпчихъ, такъ же какъ и все акты, признанные ничтожными и напрасными (*Code pr.* ст. 81, 1034); правда, что по закону президентъ суда, постановившаго рѣшеніе, долженъ повѣрять таксацію, и недовольный имѣетъ право возражать противъ нея; но и эти законы оказываются безсильными противъ произвола стряпчихъ. *Вопрерыль*, стряпчій выигравшей стороны самъ составляетъ счетъ издержкамъ (и еще за этотъ счетъ беретъ пошлину); *восторыль*, повѣривъ со стороны судьи существуетъ только по имени, а не въ дѣйствительности; судья занятъ дѣлами болѣе важными, да и вообще равнодушенъ ко всемъ актамъ, которые входятъ въ составъ предварительнаго производства; *стретмыль*, французскій таксаціонный тарифъ до того запутанъ, что сами судьи, а тѣмъ болѣе тяжущіеся теряются въ разнообразныхъ его правилахъ, а стряпчіе держатся въ свою пользу собственной системы истолкованія и примѣненія этихъ правилъ; *счтосертмыль*, для возраженія противъ таксаціи назначенъ краткій трехдневный срокъ, и подавать его долженъ все-таки стряпчій обвиняемой стороны, состоящій при томъ же судѣ и связанный одинаковыми побужденіями со стряпчимъ, составившимъ таксацію; *вплтыль*, все производство по таксаціи и по возраженіямъ противъ нея совершается подъ покровомъ канцелярской тайны, а не въ публичномъ засѣданіи. Пользуясь такимъ выгоднымъ положеніемъ, стряпчіе мало-по-малу успѣли ввести въ обычай, противъ котораго никто уже и не возражаетъ, такіе акты и установить такіе формальности письменнаго производства, о коихъ нѣтъ и помину въ законѣ, присвоить въ свою пользу доходы совершенно произвольные. Сильные единствомъ своей корпораціи и общихъ выгодъ, поставленные закономъ безусловными посредниками между судьей и тяжущимся, стряпчіе присвоили себѣ полное владычество надъ послѣдними до того, что по милости ихъ все болѣе и болѣе стѣсняется отношеніе тяжущихся къ неофіціальнымъ ихъ защитникамъ:

строго измѣнить или передать дѣла административному управленію, и во многихъ мѣстахъ кліенты безъ согласія стряпача не имѣютъ возможности выбрать себѣ адвоката.

Такова оборотная, письменная сторона французскаго процесса, и здѣсь мы видимъ также черты неправды, искажающей правосудіе, и здѣсь является передъ нами владычество приказной, канцелярской силы. Этотъ примѣръ неучителенъ: онъ показываетъ намъ, какъ опасно при учрежденіи суда держаться одной рѣшительной, безусловной доктрины, разобщать судью отъ тяжущимися и ставить между ними мертвыя формы, не имѣющія внутренней правды, дѣйствительнаго значенія. Оставляя эти формы для нормальнаго ординарнаго процесса, устраняя ихъ только тамъ, гдѣ по закону допускается производство скороокончательное (*affaires sommaires*), французскій законъ самъ противорѣчитъ признанному имъ началу. Если сложныя формальности предварительнаго производства дѣйствительно необходимы для вѣрности и правильности рѣшеній, то не слѣдуетъ устранять ихъ ни въ какомъ дѣлѣ; если же можно обойтись безъ нихъ, безъ ущерба правосудію, въ некоторыхъ дѣлахъ, требующихъ особой быстроты, то для чего не распространить упрощенный порядокъ на всѣ дѣла безъ исключенія? Потребность въ скоромъ рѣшеніи должна быть одинакова для всѣхъ дѣлъ, и мѣра ея ни въ какомъ случаѣ не должна быть произвольною, основанною на внѣшнихъ случайныхъ признакахъ дѣла. Если въ одномъ процессѣ не могутъ быть терпимы излишнія формы, безъ нужды замедляющія производство, не должна быть допущена возможность произвола и случайностей, то на томъ же основаніи точно такое же требованіе существуетъ и во всякомъ другомъ процессѣ, каковъ бы ни былъ предметъ его. Сокращенія или замедленіе производства должно зависеть не отъ искусственнаго начала, принятаго закономъ, а отъ естественныхъ условій каждаго дѣла. Если фактическая сторона дѣла такъ сложна и запутана, что требуетъ осторожнаго и продолжительнаго изысканія истины, то, несмотря на всю краткость формъ, окончаніе дѣла замедлится; если же обстоятельства дѣла сами по себѣ просты и могутъ быть сразу обняты судьей и подведены подъ юридическую норму, въ такомъ случаѣ сложность процессуальныхъ формъ будетъ излишнею предосторожностью и послужитъ готовымъ предлогомъ къ проволочкѣ тамъ, гдѣ безъ обязательнаго правила все разрѣшилось бы просто и скоро.

На этомъ основаніи во многихъ новѣйшихъ системахъ гражданскаго процесса, съ легкой руки женеваго кодекса, давно уже отмѣнено раздѣленіе производства на обыкновенное и скоросноснательное (1).

Существенная часть французскаго процесса состоитъ изъ производства словеснаго, то-есть изъ словесной борьбы тяжущихся въ лицѣ своихъ защитниковъ-адвокатовъ (*plaidoiers*). Мы видѣли, какія затрудненія представляются на пути, ведущемъ къ этому словесному состязанію. Но когда и этотъ путь пройденъ, рѣшеніе можетъ быть еще неблизко, производство можетъ еще растянуться на довольно продолжительное время, словесный судъ можетъ еще превратиться въ письменный.

Если судъ и дѣйствительно начать, это еще не значитъ, что онъ будетъ оконченъ въ то же засѣданіе. Стряпчій, не приготовившійся къ дѣлу, и здѣсь можетъ уклониться отъ педированія по *лучесоту*, представивъ суду отводы и отсрочныя возраженія. Впрочемъ и независимо отъ подобныхъ удовокъ, всякій сколько-нибудь сложный процессъ непременно разбивается на нѣсколько засѣданій, и эти разсрочки также подвержены случайностямъ. Очередь дѣламъ распределяется по восьми дневнымъ ероямъ. Такъ можетъ случиться, напримѣръ, что 1-го числа педировалъ адвокатъ истца; адвокату противной стороны назначается отвѣчать 8-го числа, истцу возражать 15-го, послѣднее само принадлежитъ отвѣтчику 22-го числа; наконецъ прокуроръ уже 29-го числа объявляетъ свое заключеніе въ тѣхъ случаяхъ, когда оно по закону требуется. При словесномъ

(1) Къ числу новѣйшихъ и лучшихъ уставовъ гражданскаго судопроизводства принадлежитъ сардинскій кодексъ, изданный въ 1855 г. Законодатель старался здѣсь воспользоваться всѣми указаніями критики и опыта; однако и въ сардинскомъ кодексѣ, подъ вліяніемъ французскаго, удержалось еще раздѣленіе производства на ординарное и скоросноснательное; къ ординарному порядку относится и предварительное письменное производство; оно устроено на французскихъ началахъ, съ тою разницею, что должность адвоката не раздѣльна съ должностью стряпчаго, но назначеніе адвокатовъ также обязательно для всѣхъ тяжущихся въ судѣ первой степени или провинціальныхъ: эта обязанность распространяется даже на суды коммерческіе; стороны на словесномъ составаніи имѣютъ право защищаться сами, если дозволитъ судъ. Сардинское судопроизводство доставляетъ однакоже тяжущимся болѣе гарантій, нежели французское, противъ произвольной медленности въ обмѣнѣ доказательствъ между адвокатами и въ очередномъ выслушаніи дѣла на судѣ.

судопроизводство судья судить не по письменнымъ документамъ, а по тому, что происходило на судѣ въ его присутствіи; стало-быть рѣшать дѣло можетъ только такой судья, который присутствовалъ при всѣхъ засѣданіяхъ по одному и тому же дѣлу, адвокатъ долженъ также присутствовать на всѣхъ засѣданіяхъ и слышать все то, что говорится со стороны противной. Отсюда слѣдуетъ, что если въ одинъ изъ назначенныхъ дней судья или адвокатъ не можетъ почему-либо присутствовать въ засѣданіи, дѣло должно быть отложено: оно отлагается въ такихъ случаяхъ и на двѣ, и на три недѣли, и на цѣлый мѣсяць.

И по совершеніи всѣхъ описанныхъ нами обрядовъ рѣшеніе дѣла можетъ еще быть отложено. Если судья, по совѣщаніи о дѣлѣ, найдетъ, что при помощи одного словеснаго состязанія нельзя объять съ точностію всѣ обстоятельства дѣла и приступить съ полною достовѣрностію къ рѣшенію, онъ въ правѣ еще назначить новую особенную форму производства. Въ такомъ случаѣ, по особому постановленію суда, или предписывается прямо представить на разсмотрѣніе судей все дѣло подлинникомъ, со всѣми документами, или одному изъ судей поручается разсмотрѣть дѣло и въ опредѣленный срокъ сдѣлать суду докладъ съ краткимъ изложеньемъ обстоятельствъ и доводовъ, или же назначается по сложнымъ дѣламъ формальное письменное производство. Здѣсь снова начинается дѣятельность стряпчихъ. Стряпчій истца въ теченіе пятнадцати дней долженъ подать исковую жалобу, а между тѣмъ сообщить свои документы, при особомъ актѣ, въ протоколъ (*acte de production*) и сверхъ того увѣдомить о томъ формально стряпчаго противной стороны (*acte de produit*). Этотъ послѣдній, въ теченіи 15 дней послѣ того, долженъ разсмотрѣть документы истца, сообщить свои документы въ протоколъ съ соблюденіемъ подобныхъ же формальностей и объявить свое возраженіе противъ жалобы. Законъ дозволяетъ и дальнѣйшую переписку между стряпчими, если представлены послѣ первыхъ бумагъ новые документы. Когда съ обѣихъ сторонъ представлены объясненія, или истекли всѣ положенные сроки, то *вслѣдствіе просьбы которой-либо изъ нихъ* (то-есть ея стряпчаго), всѣ акты поручаются на разсмотрѣніе члену докладчику. Но есть еще возможность отводить и того докладчика и въ такомъ случаѣ или въ случаѣ его отказа, болѣзни, медленности, по *новой письменной просьбѣ* одной изъ сторонъ, президентъ назначаетъ новаго докладчика. Докладъ дѣлается въ засѣданіи, но послѣ доклада адвокаты не имѣютъ права

говорить, а могут только представлять полнотелные записки. Это письменное производство имѣетъ много очевидныхъ недостатковъ. Впервыхъ, само по себѣ оно слишкомъ сложно и запутанно; въ немъ много излишнихъ письменныхъ обрядностей (*productions, significations* и пр.); ходъ его, такъ же какъ и ходъ предварительныхъ объясненій зависитъ отъ произвола стряпчихъ. Ввторыхъ, назначается оно уже послѣ того, какъ дѣло прошло весь рядъ длинныхъ притовительныхъ объясненій и словесныхъ состязаній; все это производство, которое тянется въ иныхъ случаяхъ болѣе года, теперь уже признается ненужнымъ, и начинается новый процессъ, съ тою же цѣлью, къ которой долженъ былъ вести весь прежній. Втретьихъ, письменное производство назначается и измѣняется по приговорамъ суда, которые требуютъ формальнаго предъявленія сторонамъ, отчего происходитъ много лишней траты времени и лишнихъ издержекъ.

Изъ всего выше изложеннаго видно, что, несмотря на словесный характеръ французскаго судопроизводства, письменность допускается имъ въ обширныхъ размѣрахъ; что нѣтъ въ немъ простоты и единства, безъ которыхъ никакая система не можетъ съ успѣхомъ дѣйствовать. Письменное производство можетъ быть дѣйствительно необходимо въ нѣкоторыхъ дѣлахъ, но необходимость его могла бы обнаружиться при самомъ началѣ процесса, еслибы первая дѣйствія тяжущихся на судѣ обращены были дѣйствительно къ лицу суда и совершались подь непосредственнымъ его вѣдѣніемъ. Учрежденіе стряпчихъ, какъ представителей-ходатаевъ и посредниковъ между судомъ и неопытными сторонамъ, безъ сомнѣнія, было бы полезно какъ для судей, такъ и для тяжущихся, и способствовало бы успѣшному ходу дѣлъ, еслибъ избраніе стряпчихъ не было безусловно обязательно во всѣхъ дѣлахъ и для каждаго просителя. Такая мѣра могла бы быть признаваема, по усмотрѣнію суда, обязательною только въ тѣхъ дѣлахъ, въ которыхъ, по сложности содержанія, по личнымъ отношеніямъ сторонъ и т. п., казалось бы затруднительно и неудобно предоставлять лично самимъ тяжущимся веденіе и разъясненіе дѣла. Во всѣхъ прочихъ дѣлахъ, то-есть въ большинствѣ, стороны гораздо проще и удобнѣе могли бы вести споръ свой лично передъ судьей, при помощи стороннихъ защитниковъ по свободному избранію. Такимъ образомъ легчайшій и простѣйшій способъ суда принялъ бы видъ обыкновеннаго производства,

а производство болѣе сложное составляло бы исключительный, особенный видъ его.

Такого именно взгляда придерживается женеvскій процессъ. По мысли женеvскаго законодателя, всѣ спорныя дѣла принадлежатъ къ двумъ разрядамъ: одни, по своей несложности или по своему предмету, дозволяютъ приступить къ словесному суду непосредственно, безъ приготовительнаго письменнаго производства. Для другихъ, болѣе сложныхъ, это производство необходимо. Первые составляютъ *общее правило* процесса; послѣднiя — исключенiе изъ правила. Въ общемъ порядкѣ, послѣ формальнаго предъявленiя иска, судебное производство (*introduction des causes en justice*) начинается съ того, что истецъ записываетъ въ протоколъ суда свой вызовъ (*exploit d'ajournement*), и этою запиской устанавливается очередь для слуханiя дѣла. По вызовѣ отвѣтчика немедленно начинается словесный судъ, въ которомъ участвуютъ или сами тяжущiеся, или ихъ адвокаты. Но если по содержанию дѣла окажется необходимость, судъ назначаетъ болѣе сложный обрядъ: онъ состоитъ или въ предварительномъ обмѣнѣ между тяжущимися письменныхъ документовъ и заключенiй, или въ формальномъ предварительномъ производствѣ, съ непремѣннымъ участiемъ адвокатовъ. По окончанiи этого производства судъ самъ собою назначаетъ день для словеснаго состязанiя.

Проще французской и ближе къ правдѣ устроена прусская система предварительнаго письменнаго производства (1). Здѣсь оно составляетъ не пустую формальность, а дѣйствительную основу процесса. Первымъ актомъ тяжущагося на судѣ служитъ заявленiе жалобы (*Anmeldung der Klage*), записываемое въ протоколъ (*Informations-Protocoll*) (2); затѣмъ является настоящая

(1) Главныя начала прусскаго гражданскаго судопроизводства содержатся въ уставѣ 1795 года: оно было исключительно письменнымъ до 1837 года. Въ этомъ году изданы были правила сокращеннаго суда, которыя положено примѣнять къ значительному количеству процессовъ особенной скорости (*Mardatsprocess, summarischer Process и Bagatellprocess.*) Правила эти положили начало системѣ словеснаго судопроизводства, которая съ 1846 года распространена на всѣ вообще дѣла, безъ различiя обыкновенныхъ суммарныхъ процессовъ.

(2) Это заявленiе жалобы въ протоколъ имѣетъ особую цѣль: имъ называется *разгросъ* истца, по особому началу прусскаго судопроизводства, о чемъ будетъ ниже упомянуто. Впрочемъ на практикѣ раз-

жалоба: она должна содержать въ себѣ полное изложеніе фактической и юридической стороны иска. Списокъ оъ жалобѣ доставляется отвѣтчику (*Inspination der Klage*), и онъ приглашается явиться въ судъ для дачи отвѣта передъ однимъ изъ младшихъ членовъ суда, или такъ-называемымъ судебнымъ депутатомъ (4). Для этого назначается ему срокъ отъ двухъ до шести недѣль; впрочемъ судѣ дозволено, по обстоятельствамъ дѣла, и сокращать и продолжать этотъ срокъ, не болѣе однакоже одного раза, развѣ обѣ стороны согласно пожелаютъ измѣненія. Отвѣтчикъ можетъ или, явившись лично, изложить свое оправданіе на словахъ, и въ такомъ случаѣ оно тутъ же заносывается въ протоколъ, или, до истеченія срока, прислать въ судъ письменный отвѣтъ; но въ последнемъ случаѣ непременно требуется, чтобъ отвѣтъ былъ за подписью одного изъ стряпчихъ или адвокатовъ (*Rechtsanwalt*, прежній *Iustizcommissar*). Если съ наступленіемъ срока отвѣтъ не полученъ, то судъ, по докладу депутата, предполагаетъ отвѣтчика сознавшимъ обстоятельства, изложенныя въ жалобѣ, и не ожидая долге, приступаетъ по ходатайству истца къ разсмотрѣнію дѣла. Въ отвѣтъ своемъ отвѣтчикъ обязанъ очистить вполнѣ всѣ предметы жалобы; а тѣ обстоятельства и документы, по которымъ онъ не далъ отвѣта, почитаются признанными. Новые возраженія, основанныя на обстоятельствахъ, изложенныхъ въ жалобѣ, не принимаются по одному и тому же дѣлу прежде апелляции. Возраженія отвѣтчика, имѣющія цѣлью отстранить или догасить процессъ (отводы, *dilatorische und peremptorische Einreden*), если подтверждены очевидными доказательствами, могутъ быть представлены, но только одинъ разъ, до вступленія въ отвѣтъ по существу, и въ такомъ случаѣ разсматриваются судомъ немедленно. Жалоба и возраженіе на нее составляютъ по

спросъ не всегда оказывается необходимымъ, и потому эта предварительная формальность (*Anmeldung der Klage*) часто опускается, а прямо подается жалоба.

(4) Вызовъ тяжущихся, которые не находятся въ томъ же городѣ, гдѣ судъ, дѣлается въ Пруссіи безъ посредства служителей суда или полиціи, а прямо черезъ почту; но для доставленія конвертовъ съ повѣстками употребляются особые присяжные почтальоны. Со всякаго письменнаго объясненія своего и документовъ, при немъ прилагаемыхъ, тяжущійся долженъ представлять копію для сообщенія противной сторонѣ.

закону достаточное письменное основаніе процесса; дублика и реплика допускаются лишь въ томъ случаѣ, когда въ отвѣтѣ приведены такія обстоятельства, о которыхъ не упомянуто въ жалобѣ: тогда къ дубликѣ и репликѣ приглашаются въ сроки, назначаемые судомъ, или сами тяжущіеся, или стряпчіе, если тяжущіеся избрали себѣ стряпчихъ; впрочемъ участіе сихъ послѣднихъ по прежнему необходимо при составленіи письменныхъ объясненій; въ такомъ случаѣ стряпчій и отвѣчаетъ за содержаніе подписанной имъ бумаги. Послѣ дублики и реплики дальнѣйшія письменныя объясненія не допускаются; письменное производство заключается, и назначается отъ суда день словеснаго и публичнаго суда, о чемъ за три дня вывѣшивается въ судѣ извѣщеніе. Определенная очередь можетъ быть отложена только одинъ разъ, по просьбѣ самихъ сторонъ, вслѣдствіе особенно уважительныхъ причинъ; но препятствіе со стороны стряпчаго ни въ какомъ случаѣ не принимается въ уваженіе.

Такимъ образомъ прусское предварительное производство не разобщаетъ судьи съ тяжущимися. Депутатъ, выслушавшій ихъ и принимающій отъ нихъ объясненія, представляется здѣсь не безгласнымъ орудіемъ, а посредствующимъ звеномъ, принадлежащимъ къ составу суда, живымъ дѣятелемъ, который управляетъ, отъ имени суда и по его авторитету, ходомъ всего производства. Письменные объясненія тяжущихся имѣютъ для суда дѣйствительное значеніе. «Жалобой и отвѣтомъ на нее, говоритъ прусскій законъ, опредѣляются границы, въ которыхъ долженъ совершать свое движеніе судебный споръ. Истецъ долженъ помѣстить въ своей жалобѣ все, чего требуетъ отъ противника послѣдній, въ отвѣтѣ своемъ—все, что имѣетъ возразить противъ требованія. Послѣ того, въ теченіи процесса, не можетъ имѣть мѣста ни новое требованіе истца, ни новое встрѣчное требованіе (Gegenforderung) отвѣтчика. Истецъ не въ правѣ уже измѣнить основанія своего иска (sein Klagefundament), отвѣтчикъ не можетъ въ той же инстанціи представить новыя, на фактахъ основанныя, возраженія (neue auf Thatsachen beruhende Einreden). Въ дальнѣйшемъ ходѣ процесса, то-есть при словесномъ производствѣ, допускается приведеніе новыхъ обстоятельствъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой отвѣтъ на жалобу даетъ поводъ истцу приводить ихъ, и въ какой они, бывъ приведены на семъ основаніи, даютъ поводъ отвѣтчику возражать на нихъ.» (Instr. vom 24 Juli 1833 § 29.) Въ другомъ мѣстѣ

(Verordn. v. 24 Juli 1849 § 20) прусскій законъ предоставляетъ однакоже суду, по взаимному согласію тяжущихся, принимать, по заключеніи письменнаго и до начатія словеснаго производства, указаніе на факты, въ которыхъ обѣ стороны согласны, и въ теченіи самаго словеснаго суда принимать отъ нихъ всякія ссылки и указанія (jede Art von Beweisaufnahme).

К. Побѣдоносцевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ВОЙНА ПИЕМОНТА СЪ АВСТРІЕЙ

ВЪ 1849 ГОДУ⁽¹⁾

IV.

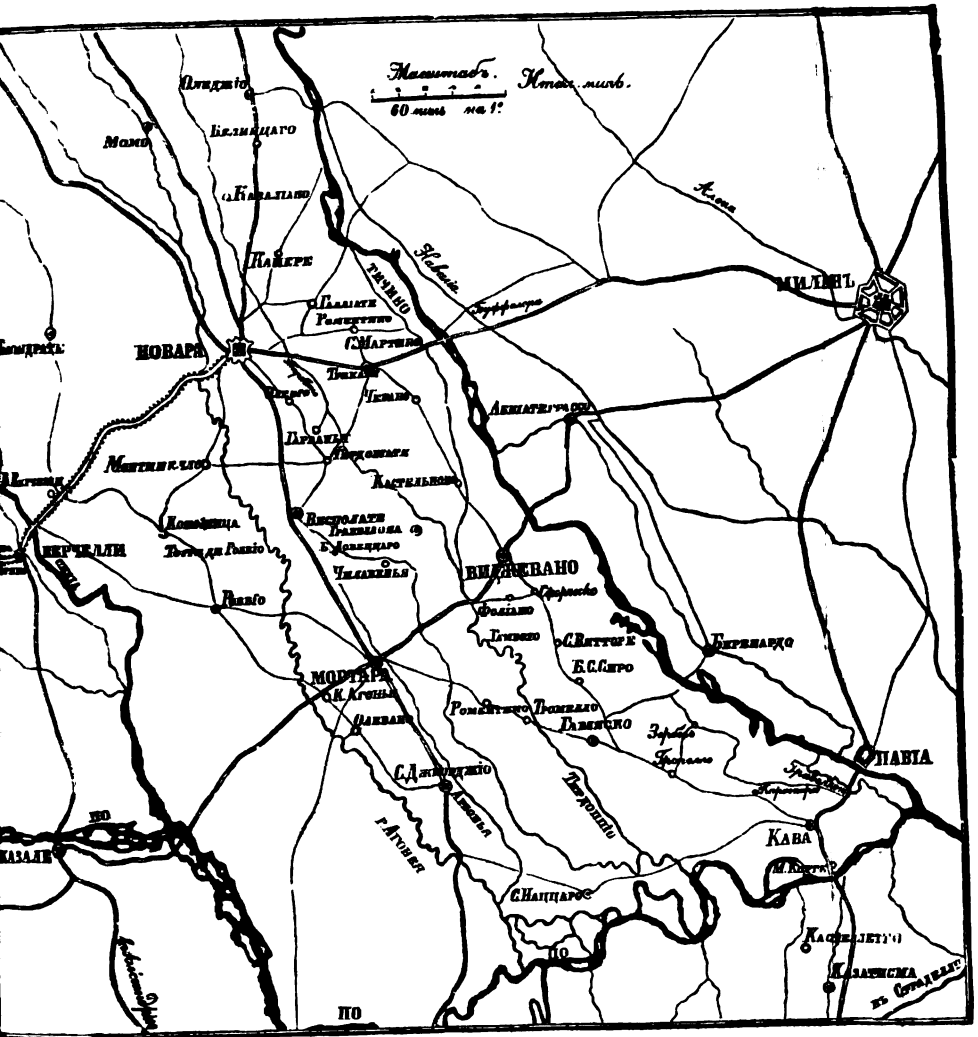
Ровно въ полдень 20 марта кончилось перемиріе. Карлъ-Альбертъ въ головѣ дивизіи герцога Генуэзскаго первый перешелъ черезъ мостъ; всеобщій крикъ войска привѣтствовалъ появленіе короля на непріятельскомъ берегу, въ бывшихъ его владѣніяхъ. Дивизія эта должна была сдѣлать рекогносцировку къ сторонѣ Мадженты, третья же дивизія—приблизиться къ мосту для поддержанія ея въ случаѣ надобности. Нигдѣ не было видно непріятельскихъ войскъ; австрійскіе ведеты, стоявшіе за Тичино, загляли домъ таможни, находившійся впереди моста, и отступили. Отъ жителей Мадженты Хржановскій узналъ, что непріятель выступилъ изъ города еще наканунѣ вечеромъ и потянулся къ Павіи или къ Лоди; болѣе же точныхъ свѣдѣній получить было невозможно: такъ скрытно отступили Австрійцы или можетъ-быть жители не хотѣли дать болѣе подробныхъ извѣстій, боясь мщенія Австрійцевъ.

(1) См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 11 и 12.

Тѣмъ не менѣе дорога въ Миланъ была открыта. Хржановскій могъ, пользуясь увлеченіемъ войскъ, двинуться въ Ломбардію, поднять ее, отрѣзать непріятеля отъ пути его отступленія, подать руку венеціанскому возстанію, и разиги о чии принудивъ къ отступленію корпусъ, осаждавшій Венецію, присоединить къ арміи всѣхъ волонтеровъ, которые не замедлили бы прибыть изо всѣхъ концовъ Италіи, и съ удвоенными силами двинуться на Радецкаго. Еслибы фельдмаршалъ подступилъ даже подъ стѣны Турина, то крѣпости Казале, Александрія, Кони и Генуя, удержали бы его долѣе, нежели было нужно для спасенія Піемонта и для того, чтобъ уничтожить значеніе знаменитаго фланговаго марша его. Прибавимъ къ этому, что генералу Ла-Марморѣ можно было приказать двинуться къ Павіи, занять ее и воспротивиться переправѣ австрійскихъ войскъ назадъ. Легкія побѣды въ Ломбардіи возвысили бы нравственную силу войскъ и пробудили бы въ молодыхъ солдатахъ довѣріе къ своимъ начальникамъ и къ собственнымъ силамъ.

Подобный способъ дѣйствія могъ имѣть самыя рѣшительныя послѣдствія; но Хржановскій, вѣрный своему плану, приказалъ дивизіи герцога Генуэзскаго остаться на ночь у Мадженты, а четвертой отступить на прежнюю позицію. Вновь отправленъ былъ офицеръ за извѣстіями къ Ромарино, а король и главнокомандующій возвратились въ Трекате.

Посмотримъ теперь, чтò дѣлали Австрійцы. Еще 18 числа рѣшено было произвести вторженіе въ Піемонтъ черезъ Павію, и съ этою цѣлю разосланы были приказанія для сосредоточенія всей арміи къ этому пункту. Войскамъ, находившимся у Мадженты, приказано было, дабы ввести непріятеля въ заблужденіе, отступать сначала по дорогѣ къ Лоди, а потомъ повернуть къ Павіи. Въ то время какъ Піемонтцы робко переправлялись черезъ Тичино, Радецкій совершалъ со всею своею арміею переходъ черезъ эту рѣку на другомъ пунктѣ, у Павіи. Въ одиннадцать часовъ утра корпусъ генерала д'Аспре вошелъ на островъ на рѣкѣ Тичино, принадлежавшій еще Австріи, а ровно въ полдень 70-тысячная армія, сосредоточенная у Павіи, съ 210 орудіями начала переправу по каменному мосту и по двумъ понтоннымъ, которые были наведены съ необычайною быстротой австрійскими понтонирами. Черезъ рѣку Гравеллоне (рукавъ Тичино) войска переправились также тремя колоннами: правая вбродъ, а лѣвая и средняя по понтоннымъ

мостамъ. Такимъ образомъ Радецкій совершилъ переправу и разрѣзалъ сардинскую армію надвое, не встрѣтивъ со стороны непріятеля почти никакого сопротивленія. Ромарино, которому были даны такія подробныя инструкціи, вмѣсто того чтобы, занявъ позицію, задерживать непріятеля и выстрѣлами своими увѣдомить главнокомандующаго о наступленіи со стороны Павіи, остался на правомъ берегу рѣки По, отрядивъ на лѣвый одинъ батальйонъ въ Зерболо, одинъ въ Каву и два въ Меццана-Корте. Батальйонъ въ Зерболо, отрѣзанный движеніемъ правой

австрійской колонны отъ своей дивизіи, отступилъ на главные силы, сильно преслѣдуемый непріателемъ; батальонъ, находившійся въ Кавѣ, приблизился къ Гравеллоне и, рассыпавшись въ стрѣлки, въ продолженіи двухъ часовъ задерживалъ непріателя (такъ легка была защита этой переправы!); наконецъ, видя несообразность своихъ силъ, батальонъ этотъ отступилъ и, соединившись съ двумя, бывшими въ Меццана-Корте, перешелъ на правую сторону По и, согласно полученному приказанію, развелъ мостъ (вынуты были три первыя барки, чтобы воспрепятствовать непріателю зажечь остальные). Ромарино же отправился обѣдать въ Страделлу, не считая даже нужнымъ послать тотчасъ же въ главную квартиру офицера съ увѣдомленіемъ о случившемся.

Часовъ около восьми вечера прибылъ въ главную квартиру первый посланный офицеръ, съ донесеніемъ, что 5-я дивизія находится не въ Кавѣ, а на правой сторонѣ рѣки По, у Казатисмы, и что Ромарино остается еще въ Страделлѣ.

Около десяти часовъ вечера прибылъ офицеръ изъ штаба Ромарино съ увѣдомленіемъ, что генералъ этотъ, видя превосходство австрійскихъ силъ, рѣшился остаться на правой сторонѣ рѣки По, а потому не занялъ Кавы и велѣлъ, по отступленіи всѣхъ войскъ его дивизіи за рѣку, мостъ у Меццана-Корте развести: вслѣдъ за тѣмъ получено было донесеніе отъ генерала Беса о наступленіи австрійской арміи со стороны Кавы.

По полученіи этихъ извѣстій, Хржановскій немедленно послалъ два приказанія, чтобы генералъ Ромарино прибылъ въ главную квартиру и далъ объясненіе причины своихъ дѣйствій, и чтобы генералъ Фанти принялъ начальство надъ ломбардскою дивизіею и согласно прежде полученнымъ приказаніямъ исправилъ, по мѣрѣ возможности, сдѣланныя ошибки. Но было уже поздно: возвращеніе въ Меццана-Корте было невозможно, потому что Австрійцы обсадили уже стрѣлками всѣ дома, находившіеся около моста и, поставивъ сильную батарею, ракетами сожгли мостъ на столько, на сколько позволяло весьма низкое въ то время стояніе воды. Такимъ образомъ у ломбардской дивизіи отнята была возможность соединиться съ главными силами, и она была обречена на совершенное бездѣйствіе; непріатель овладѣлъ важнѣйшимъ пунктомъ сардинскаго расположенія и стратегическимъ ключомъ позиціи.

Ромарино, сдавъ начальство надъ дивизіею, поѣхалъ сначала въ Трино, потомъ большимъ обходомъ въ Арону, пробираясь

къ границѣ Швейцаріи, но здѣсь 23 числа, узанный однимъ заимодавцемъ, былъ арестованъ въ почтовомъ домѣ и отправленъ въ Туринъ. Въ Аронѣ еще ничего не знали о его поступкѣ, а потому арестъ основывался на одномъ подозрѣніи: какимъ образомъ генераль, командующій дивизією, находится такъ далеко отъ своихъ войскъ? Ромарино, какъ депутатъ, сильно протестовалъ противъ нарушенія неприкосновенности его особы. Тѣмъ не менѣе, онъ оставленъ былъ подъ арестомъ, и, по полученіи извѣстія изъ арміи о его поступкѣ, рѣшено было отдать его подъ военный судъ, но самый процессъ начать по окончаніи войны, когда обнаружится, какія послѣдствія произошли отъ его неповиновенія.

Между тѣмъ генераль Аспре, не встрѣчая нигдѣ никакого сопротивленія, двинулся къ Гропелло и Гарляско; за нимъ слѣдовалъ Аппель. Вратиславъ шелъ на Зерболо, Турнъ остался въ Кавѣ, направивъ одну бригаду въ Меццана-Корте; резервъ же перешелъ Гравеллоне около 2 часовъ по полуночи и ночевалъ на берегу этого рукава. Одна бригада изъ резерва оставлена была въ Павіи, другая должна была прибыть туда же 22 числа. Бригада изъ корпуса Вратислава слѣдовала по лѣвому берегу Тичино, прикрывая движеніе корпуса отъ Мадженты къ Павіи; ей приказано было перейти на другой день Тичино у Беренардо. Графъ Радецкій смѣло теперь могъ двигаться къ Новарѣ, потому что сожженіе моста у Меццана-Корте отделило 5-ю и 6-ю сардинскія дивизіи и бригаду авангарда отъ главныхъ силъ и сдѣлало ихъ нестрашными для австрійской арміи. Въ случаѣ пораженія, путь ея отступленія былъ совершенно обезпеченъ, и вся трудность состояла бы лишь въ переправѣ обратно въ Ломбардію, подъ ударами преслѣдующаго непріятели. Зато, въ случаѣ удачи, фельдмаршалъ могъ окончить кампанію въ нѣсколько дней.

Отступленіе Ромарино на правый берегъ рѣки По было тяжелымъ ударомъ для Хржановскаго. вмѣсто цѣлаго дня, который могъ онъ имѣть въ своемъ распоряженіи, еслибы ломбардская дивизія стойко держалась у Кавы и потомъ отступила къ Мортарѣ, у него осталось лишь нѣсколько часовъ ночнаго времени для сбора арміи. Ночныя движенія всегда медленны, въ особенности, когда вынуждены неожиданностью: въ направленіи и употребленіи различныхъ частей почти никогда невозможно сохранить единство и порядокъ, ручающіеся за успѣхъ. Несмотря на то, сардинскій главнокомандующій на-

дѣялся сосредоточить свои силы раньше прибытія непріятеля и, принявъ бой впереди Виджевано, побѣдить его и отбросить къ рѣкѣ По.

Немедленно въ 8¹/₂ ч. вечера были посланы приказанія: первой дивизіи (Дурандо) двинуться къ Мортарѣ и занять позицію впереди этого города, за каналомъ Роджіа Бирага; вторая дивизія (Беса) была направлена къ Виджевано, съ приказаніемъ расположиться впереди этого города, у Сфорческо. Не желая ночнымъ движеніемъ утомлять всѣхъ войскъ, Хржановскій приказалъ третьей дивизіи (Перроне) двинуться въ Гамболо, четвертой (герцога Генуэзскаго) въ Виджевано и резервной къ Мортарѣ, лишь на слѣдующее утро съ разсвѣтомъ; бригада Солароли должна была перейти къ мосту у Буффалоры. Главнокомандующій полагалъ, что непріятель не можетъ быть ранѣе, какъ около одиннадцати часовъ, а слѣдовательно дивизія Бесса и четыре батальона, стоявшіе въ Борго-Санъ-Сиро для связи и поддержки Ромарино, будутъ въ состояніи удержатъ непріятеля до прибытія четвертой дивизіи. Чтò же касается Мортары, то Хржановскій былъ совершенно увѣренъ, что непріятель не въ состояніи прибыть туда раньше трехъ часовъ по полудни.

Король прибылъ въ Виджевано въ 11 часовъ вечера, 20 марта, въ сопровожденіи всей своей свиты и 60 карабинеръ, составлявшихъ постоянный его конвой. Съ разсвѣтомъ, генераль Бесъ занялъ Сфорческо и выслалъ авангардъ къ Санъ-Сиро, а для прикрытія праваго своего крыла и связи съ первою дивизіей, отрядилъ вправо, по дорогѣ въ Мортару, бригаду Казале. Къ 11 часамъ утра прибылъ первый полкъ савойской бригады (третьей дивизіи); главнокомандующій поставилъ его на дорогѣ въ Гамболо, за глубокимъ оврагомъ, поддерживавъ батарею изъ 10 орудій и полкомъ генуэзской кавалеріи.

Между тѣмъ австрійская армія направилась изъ Зерболо на Виджевано и Мортару въ слѣдующемъ порядкѣ: Аспре и Аппель черезъ Гарляско на Мортару, резервъ и главная квартира въ Гарляско, Турнъ на Санъ-Джорджіо, Вратиславъ на Гамболо, отрядивъ часть войскъ въ Виджевано. Около десяти часовъ утра 21-го числа отрядъ этотъ, поддержанный бригадой Страссальдо, шедшею въ головѣ колонны Вратислава, атаковалъ піемонтскій авангардъ въ Санъ-Сиро и послѣ трехчасоваго боя отгѣснилъ его въ Сфорческо. Генераль Бесъ, узнавъ, что правое его крыло прикрыто уже расположеніемъ дивизіи Дурандо, послалъ за бригадой Казале, отправленною въ Фольяно; но бригада эта, заблу-

дившись, не могла придти вовремя. Несмотря на то, Бесъ, съ другою своею бригадою, батареею артиллеріи и двумя эскадронами кавалеріи, послѣ пятичасоваго отчаяннаго боя, успѣлъ отразить непріятеля и отбросить его къ Санъ-Витторе. Гусары полка Радецкаго, прикрывая отступление, бросились въ атаку на стрѣлковъ и налетѣли почти на самыя пушки, но два королевскіе піемонтскіе эскадрона принудили ихъ отступить, оставивъ много плѣнныхъ въ рукахъ непріятеля. Второй савойскій полкъ, подоспѣвшій въ то время, поставленъ былъ въ резервъ, за дивизіею генерала Беса. Несмотря на успѣхъ, появленіе австрійской бригады, направленной съ лѣваго берега Тичино черезъ Беренардо, и затѣмъ корпуса Вратислава заставило Піемонтцевъ прекратить преслѣдованіе.

Во время этого дѣла Хржановскій, видя, что противъ него дѣйствуетъ одинъ лишь корпусъ Вратислава, посылалъ одни за другими приказанія 4-й дивизіи и бригадѣ Савоне (третьей дивизіи) ускорить движеніе; онъ намѣревался перейти немедленно въ наступленіе и уничтожить слабыя силы непріятеля, но около 2 часовъ получилъ увѣдомленіе, что, по причинѣ поздней раздачи пищи войскамъ, они не могутъ прибыть ранѣе, какъ около 6-ти часовъ. Подобное замедленіе ставило піемонтскую армію въ критическое положеніе. Еслибы непріятель бросился на Гамболо всѣми силами, онъ могъ бы разрѣзать армію и прекратить всякое сообщеніе съ войсками, находившимися въ Мортарѣ. Въ самомъ дѣлѣ, около 5-ти часовъ Вратиславъ направилъ бригаду Страссальдо противъ савойскаго полка, расположеннаго позади Гамболо. Этотъ полкъ, какъ сказали мы выше, поставленъ былъ за оврагомъ; шесть пушекъ справа и четыре слѣва, а также полкъ генуэзской кавалеріи, поддерживали его. Хржановскій, видя важность сохраненія этого поста, самъ отправился къ нему, дабы личнымъ присутствіемъ воодушевить солдатъ. Подѣхавъ къ полку, генералъ сказалъ: «Господа, я васъ поставилъ здѣсь, будучи увѣренъ, что Австрійцамъ не удастся выбить васъ отсюда.» Савойцы оправдали ожиданія своего главнокомандующаго. Непріятель приблизился подъ прикрытіемъ густой цѣпи стрѣлковъ и съ крикомъ бросился въ атаку; Савойцы подпустили Австрійцевъ на пятьдесятъ шаговъ и встрѣтили такимъ сильнымъ огнемъ, что непріятель побѣжалъ; полкъ и кавалерія бросились въ преслѣдованіе, но были удержаны, потому что неблагоприятно было пустить ихъ впередъ, не имѣя чѣмъ поддержать, тѣмъ болѣе,

что появленіе свѣжей бригады Вольгемютъ на помощь сдѣлало успѣхъ сомнительнымъ. Перестрѣлка длилась до 6¹/₂ часовъ вечера. Бригада Савона и дивизія герцога Генуэзскаго пришли къ концу дѣла. Медленность движенія ихъ, произшедшая отъ дурной организаціи продовольственной части, не позволила Хржановскому перейти въ наступленіе и тѣмъ устранить катастрофу, которая готовилась сардинской арміи. Непріятель вездѣ былъ отбитъ и отступилъ на прежнія свои позиціи.

Хотя нѣкоторые военные писатели полагаютъ, что атака на Сфорческо была сдѣлана съ цѣлью отгѣснить Сардинцевъ назадъ, овладѣть Виджевано и, ставъ такимъ образомъ ближе къ Милану, улучшить свои сообщенія, приобрести болѣе пространства для дѣйствій, удерживать близостью своего расположенія Ломбардію отъ возстанія, а главное откинуть сардинскую армію къ Новарѣ и, отрѣзавъ ей всѣ сообщенія, заставить принять бой въ самомъ невыгодномъ положеніи; но имѣя въ виду незначительность силъ, употребленныхъ для достиженія такихъ важныхъ результатовъ, можно полагать скорѣе, что цѣль этой атаки была удержать однимъ корпусомъ главныя силы сардинской арміи около этого пункта въ то время, когда остальные корпуса направлялись на Мортару.

Молодая войска въ этотъ день сражались превосходно, они нѣсколько разъ атаковали непріятеля штыками и съ меньшими силами не только удержались на своихъ позиціяхъ, но еще взяли у непріятеля около 200 плѣнныхъ. Къ вечеру у Хржановскаго были подъ рукою три дивизіи; на слѣдующее утро главнокомандующій намѣревался самъ атаковать непріятеля, разчитывая, что ломбардская дивизія сдѣлаетъ полезную диверсію въ тылу у непріятеля, переправясь черезъ мостъ у Меццана-Корте, о сожженія котораго еще ничего не знали въ главной квартирѣ.

Дѣло, произшедшее на правомъ флангѣ, уничтожило всѣ надежды.

Еще 20 числа приказано было генералу Дурандо перейти изъ Весполате въ Мортару и расположиться за каналомъ Роджіа Бирага, а резервной дивизіи герцога Савойскаго прикрыть правый флангъ расположенія 1-й дивизіи.

Для объясненія подробностей расположенія, Хржановскій послалъ 21 числа въ 10 часовъ утра начальника штаба своего, Александра делла-Мармора, поручивъ ему наблюсти за испол-

неніемъ его приказаній и передать герцогу Савойскому короткую записку слѣдующаго содержания:

«Я хорошо знаю мѣстность позади канала Роджіа Бирага; я самъ ее осматривалъ, и увѣрю ваше высочество, что лучшаго мѣста для дѣйствій кавалеріи, какъ то, на которомъ придется вамъ дѣйствовать, не найдете во всемъ Пиемонтѣ.»

Черезъ часъ послѣ отъѣзда Ла-Мармори, Хржановскій, привыкшій къ необыкновенной аккуратности въ отдачѣ приказаній, и желая устранить всякое недоразумѣніе, велѣлъ на письмѣ изложить всѣ приказанія относительно расположенія войскъ подъ Мортарою и послалъ диспозицію къ герцогу Савойскому съ офицерами своего штаба, капитаномъ Баталіа и поручикомъ Піо, которые поскакали немедленно, не захвативъ даже своихъ плащей. Объ этомъ ничтожномъ обстоятельстве упоминаемъ потому, что оно заставило офицеровъ этихъ возвратиться въ тотъ же вечеръ назадъ и привезти извѣстіе о мортарскомъ сраженіи въ главную квартиру, которая безъ этого быть-можетъ не скоро бы узнала о немъ.

Въ сумерки, около 5¹/₂ часовъ вечера, услышана была въ главной квартирѣ канонада со стороны Мортары. По позднему времени, полагая, что непріятель вѣроятно дѣлаетъ рекогносцировку въ этомъ направленіи, и притомъ зная, что въ Мортарѣ находится 22 т. пѣхоты, 2 т. кавалеріи и 48 орудій, Хржановскій былъ совершенно спокоенъ; тѣмъ не менѣе, онъ послалъ одного офицера изъ своего штаба, давъ ему приказаніе проникнуть какъ можно ближе къ Мортарѣ, и если пушечная пальба прекратится раньше, чѣмъ онъ доѣдетъ до этого города, возвратиться назадъ. Дѣйствительно канонада прекратилась весьма скоро, и слышна была только ружейная пальба, которую главнокомандующій считалъ перестрѣлкою аванпостовъ. Черезъ нѣсколько времени и она прекратилась. Посланный офицеръ, обманутый окорымъ прекращеніемъ пальбы, возвратился также назадъ, согласно приказанію, не сообщивъ ничего новаго. Король, совершенно довольный днемъ, объявилъ, что онъ будетъ ночевать посреди савойской бригады.

Я приведу здѣсь разказъ Хржановскаго о томъ, какъ получено было извѣстіе о мортарскомъ дѣлѣ:

«Разославъ всѣ приказанія, я сидѣлъ на диванѣ въ фермѣ, мнѣ отведенной, вблизи бивачнаго расположенія, и курилъ сигару, обдумывалъ, не забыто ли еще что-нибудь. Около часу по полуночи,

когда я собирался лечь для отдыха, явились ко мнѣ капитанъ Беталиа и поручикъ Піо. «Что новаго?» спросилъ я ихъ спокойно. — Ваше превосходительство, первая и резервная дивизіи разбиты совершенно и бѣжали съ поля сраженія. «Куда?» спросилъ я, испуганный. — Мы не знаемъ, но кажется, что на Роббіо; неприятель совершенно неожиданно атаковалъ наши войска въ 5½ часовъ; дивизіи держались на позиціи весьма недолго и отступили въ городъ; наступившая темнота страшно увеличила беспорядокъ, и послѣ атаки неприятеля на Мортару войска стали отступать кто куда успѣлъ. Насъ хотѣлъ генераль Дурандо удержать при войскахъ, но, не имѣя съ собою плащей въ такую сырую ночь, мы просились возвратиться въ Сфорческо.

«Пораженіе при Мортарѣ было страшнымъ для меня ударомъ: оно уничтожало всѣ мои наступательные планы и ослабляло въ войскахъ увѣренность, приобретенную первоначальною встрѣчей съ неприятелемъ у Сфорческо.

«Немедленно я бросился къ королю. Грустное зрѣлище представилось моимъ глазамъ. Король спалъ. Кусокъ полотна, постланный на менѣ сыромъ мѣстѣ, и шерстяное одѣяло служили ему постелью, рапецъ изголовьемъ. Его лицо, желтое и худое, осыпанное огромными черными усами, при огнѣ биваковъ и заревѣ нѣсколькихъ издали горѣвшихъ хижинъ, казалось мертвенно блѣдно. Сонъ его былъ неспокойный: онъ отгонялъ, отталкивалъ что-то руками; тяжелая видѣнія тревожили его. Ординарецъ, стоявшій возлѣ него, постоянно поправлялъ сбрасываемое одѣяло. Бѣдный король! быть-можетъ во снѣ ему представилась страшная вѣсть, которую я несъ, и тяжкая будущность, готовившаяся ему!...

«Имѣя дозволеніе входить и будить короля во всякое время, я приблизился къ нему и взялъ его за руку. Король проснулся и быстро вскочилъ. «Ваше величество, войска, подѣ Мортарою находившіяся, совершенно разбиты и отступили.»—А мой сынъ? былъ первый вопросъ короля. «Я ничего не знаю, но думаю, что онъ въ безопасности.»—Что же вы полагаете дѣлать теперь? спросилъ король. «У меня два плана, отвѣчалъ я.—первый—на разсвѣтѣ, съ имѣющимися подѣ рукою 30 тысячами, двинуться къ Мортарѣ, напасть на неприятеля и, разбивъ его, соединиться съ ломбардскою дивизіей, которая вѣрно переправится къ тому времени на лѣвую сторону По.»—Въ случаѣ неудачи, спросилъ король, куда армія должна будетъ отступить? «Sire! il n'y a pas de la retraite» (1), отвѣчалъ я, потому что, исполняя этотъ планъ, я дѣйствительно все ставилъ бы на одну карту.»—Если такъ, сказалъ король, —этотъ планъ не годится: какой у васъ другой? «Сосредоточить на флангѣ неприятеля у Новары всю піемонтскую армію, угрожая его сообщеніямъ въ случаѣ движенія къ Турину. Этотъ маневръ, согласованный съ движеніемъ генерала Альфонса делья-Марморя, который, присоединивъ ломбардскую дивизію, будетъ угрожать тылу Австрійцевъ, если не поправитъ дѣло, то по крайней мѣрѣ не позволитъ неприятелю углу-

(1) - Государь, отступления нѣтъ.

биться въ Пиемонтъ.» Король согласился, а потому немедленно разосланы были приказанія для отступленія къ Новарѣ.»

Сраженіе при Мортарѣ принадлежитъ къ числу нечаянныхъ нападеній; дѣло рѣшено было такъ скоро, такъ мало было единства въ дѣйствіяхъ сардинскихъ войскъ и такое отсутствіе порядка, что представить въ цѣлости картину сраженія невозможно; а потому ограничимся разсмотрѣніемъ первоначальнаго расположенія войскъ, какъ главной причины пораженія, и короткимъ описаніемъ самаго хода сраженія въ разныхъ пунктахъ.

Дивизія Дурандо, прибывъ ночью съ 20-го на 21-е изъ Весполате въ Мортару, заняла поутру позицію по обѣимъ сторонамъ дороги въ Гарляско, нѣсколько впереди города; до полудня стояла она на позиціи подъ ружьемъ въ ожиданіи непріятеля; въ часъ прибыла дивизія герцога Савойскаго и расположилась вправо отъ города. Въ половинѣвтораго часа по полудни пріѣхалъ генералъ делла-Мармора, съ приказаніемъ немедленно расположить войска въ четырехъ верстахъ отъ города, между Пероной и дорогою въ Гарляско за каналомъ Роджіа Бирага, который окружаетъ Мортару съ восточной стороны. Войска должны были прикрыть городъ со стороны Гарляско и Санъ-Джорджіо, сообщаясь съ генераломъ Бесомъ чрезъ Фольяно, а съ главною квартирою—по дорогѣ въ Виджевано. Первой дивизіи (Дурандо) приказано было занять пространство отъ Фаэнцы до дороги въ Гарляско, а дивизіи герцога Савойскаго прикрыть правый флангъ, расположившись между дорогами въ Гарляско и рѣчкой Агоньей. Вся кавалерія должна была стать за правымъ флангомъ резервной дивизіи.

Герцогъ Савойскій, какъ старшій, принявъ начальство надъ обѣими дивизіями, видя сильное утомленіе войскъ, скорое приближеніе ночи, и слыша со стороны Сфорческо сильную пальбу, доказывавшую, что усилія непріятеля обращены противъ Виджевано, былъ убѣжденъ, что Австрійцы не атакуютъ его въ этотъ день, а потому рѣшился до разсвѣта слѣдующаго дня не передвигать дивизіи на новыя позиціи, а оставить возлѣ города, въ которомъ офицеры могли найти хорошій обѣдъ и отдыхъ, а войска всѣ нужные припасы, чего конечно нельзя было найти на позиціи, указанной Хржановскимъ. Всѣ генералы одобрили это распоряженіе.

Такъ какъ никто не ожидалъ атаки, то войска были расположены вокругъ города въ самомъ близкомъ отъ него разстояніи

(въ $\frac{1}{2}$ верстѣ) безъ всякаго соблюденія правилъ, указываемыхъ тактикою. Дивизія Дурандо стояла по обѣ стороны дороги въ Гарляско, бригада королевы на правомъ, а аостская на лѣвомъ флангахъ; бригады эти были раздѣлены широкимъ каналомъ, на которомъ находился одинъ только мостъ. Правый флангъ дивизіи упирался въ монастырь Св. Альбина, занятый однимъ батальйономъ, центръ сталъ на небольшихъ песчаныхъ возвышеніяхъ, лѣвый же флангъ примкнулъ къ кладбищу. Кавалерія, принадлежавшая къ дивизіи, расположилась близъ города позади кладбища; 16 орудій были разсѣяны по всему протяженію фронта. Резервная дивизія стояла между Мортарою и Кастель-д'Агонья, причеъ гвардейская бригада расположилась на правомъ, а бригада Кунео на лѣвомъ флангахъ; эта послѣдняя была удалена отъ города всего на 150 сажень, и заняла однимъ батальйономъ мельницу, находившуюся на правомъ ея крылѣ. 24 орудія были поставлены въ центрѣ и по флангамъ; кавалерія же—одинъ полкъ за правымъ флангомъ, другой и 8 орудій въ резервъ за Мортарой.

Мѣстность вокругъ города покрыта садами, виноградниками, изрѣзана рвами и каналами, такъ что нужно было знать ее очень хорошо, дабы въ случаѣ отступленія не подвергнуть армию совершенному пораженію. Но такъ какъ не ожидали быть атакованными въ этой позиціи, то, разумѣется, никто не озаботился осмотрѣть ее и устроить нужные сообщенія. Наконецъ, вмѣсто того чтобы высылкою большей части кавалеріи впередъ развѣдать о намѣреніяхъ непріятеля, вся кавалерія оставлена была на бивакахъ; приказано было даже разсѣдлатъ лошадей; всѣ мѣры осторожности ограничились выставленіемъ цѣпи вѣдетовъ и посылкою малыхъ развѣздовъ.

Около 4 $\frac{1}{2}$ часовъ пополудни, въ то время, какъ почти всѣ офицеры обѣихъ дивизій отправились въ городъ обѣдать, развѣздъ ниццскихъ уланъ привезъ извѣстіе, что непріятель показался на дорогѣ изъ Гарляско. Дѣйствительно корпусъ д'Аспре (около 15 тысячъ), имѣя въ головѣ дивизію эрцгерцога Альберта, прикрытую такою густою цѣпью стрѣлковъ, что невозможно было опредѣлить, куда она хочетъ направить свои усилія, появился въ 5 часовъ въ виду изумленныхъ піемонтскихъ войскъ и, построивъ на походѣ колонны къ атакѣ, въ 5 $\frac{1}{2}$ часовъ огнемъ 24 орудій, направленныхъ противъ центра дивизіи Дурандо, началъ сраженіе.

Послѣ первыхъ выстрѣловъ, стрѣлки, а по ихъ примѣру 2-й

батальионъ бригады королевы, составленный почти изъ однихъ рекрутъ, побѣжали назадъ. Полкъ Кунео, изъ резервной дивизии, введенный на его мѣсто, возстановилъ порядокъ, но когда въ 6 часовъ Австрійцы двинулись въ атаку, бригада королевы и пришедшій ей на помощь полкъ бригады Кунео бросились въ безпорядкѣ въ Мортару. Австрійцы на плечахъ ихъ ворвались въ городъ. Австрійскій полковникъ Бенедекъ, успѣвъ устроить два батальиона полка Гіулая, занялъ площадь и главную улицу и захватилъ такимъ образомъ весь обозъ первой пиемонтской дивизии, расположенный въ городѣ. Съ занятіемъ Мортары сообщеніе между двумя бригадами прекратилось; въ самомъ городѣ завязалась страшная свалка; темнота увеличивала безпорядокъ; одиночный бой, выстрѣлы, крики на всевозможныхъ языкахъ, стоны и проклятія раненыхъ раздавались въ воздухъ. Пиемонтскіе солдаты разсѣялись по всѣмъ направленіямъ. Въ совершенной темнотѣ трудно было сохранить какой-нибудь порядокъ; никакихъ приказаній не было дано на случай отступленія, а потому никто не зналъ, что дѣлать. Аостская бригада, отдѣленная глубокимъ каналомъ, не могла во время сраженія принять дѣятельное участіе и оказать какую-либо помощь бригадѣ королевы; желая что-нибудь сдѣлать, дабы помочь ей, одинъ батальионъ, два орудія и два эскадрона двинуты были въ городъ на выручку; но Бенедекъ встрѣтилъ отрядъ этотъ сильнымъ огнемъ, и часть батальиона, окруженная со всѣхъ сторонъ, положила оружіе; другая часть, кавалерія и артиллерія успѣли пробиться. Герцогъ Савойскій также двинулъ на помощь городу два батальиона при двухъ орудіяхъ, но видя множество бѣгущихъ со всѣхъ сторонъ, онъ убѣдился, что поздно уже думать о побѣдѣ, а должно спасать оставшіяся войска. Вслѣдствіе того всѣмъ войскамъ въ 9 часовъ вечера приказано отступать черезъ Кастель-д'Агонья на Роббіо. Одинъ батальионъ и часть артиллеріи, шедшіе позади, сбившись съ дороги, направились къ Валенцѣ.

Генераль Александръ делла-Мармора, зная, что первый батальионъ бригады Кунео, выбитый изъ монастыря Св. Альбина, снова овладѣлъ имъ и, окруженный со всѣхъ сторонъ, еще храбро защищался, безъ всякой надежды на помощь, собралъ, сколько могъ, бѣгущихъ и, устроивъ ихъ, двинулся на выручку. На дорогѣ онъ встрѣтилъ два батальиона бригады Кунео и два орудія, посланные къ монастырю Св. Альбина герцогомъ Савойскимъ съ тою же цѣлью. Онъ приказалъ имъ остаться въ

резервъ, а самъ съ своимъ отрядомъ, несмотря на сильную пальбу непріятеля, ворвался въ монастырь и успѣлъ увести отрѣзанный батальонъ. Когда отрядъ этотъ приближался къ мѣсту, гдѣ былъ оставленъ резервъ, его встрѣтили выстрѣлами, принимая за непріятеля, и только спустя нѣсколько времени, узнавъ свою ошибку, прекратили огонь. Не зная дороги, которая вела отъ Санъ-Джіорджіо въ Кастель-д'Агонья, и полагая, что единственный путь отступленія остался черезъ городъ, занятый непріятелемъ, онъ рѣшился пробиться. Построивъ въ колонну свои войска и поставивъ въ средину артиллерію, онъ двинулся впередъ. При этой новой атакѣ, Австрійцы были приведены въ сильное смущеніе, но Бенедекъ, понимая въ чемъ дѣло, потребовалъ, чтобы Сардинцы положили оружіе. Молодые войска, разстроенныя неудачей, не зная силъ противника, въ числѣ 1800 человекъ сложили оружіе. Ла-Мармора, шедшій въ головѣ колонны, успѣлъ пробиться съ 50 человеками черезъ городъ и въ 9 часовъ вечера прибылъ въ Кастель-д'Агонья. Такимъ образомъ незнаніе мѣстности вокругъ города было причиною самой большой потери Пиемонтцевъ.

Вообще Сардинцы потеряли до 500 убитыми и ранеными и болѣе 2.000 плѣнными при 66 офицерахъ; сверхъ того 6 пушекъ, множество зарядныхъ ящиковъ и почти весь обозъ первой дивизіи; но болѣе всего уменьшило численную силу обѣихъ дивизій множество солдатъ и офицеровъ, которые, отдѣлившись отъ своихъ частей, скитались по окрестности, не зная куда направиться, и присоединились къ своимъ полкамъ лишь послѣ новарской битвы. Потеря Австрійцевъ въ этой битвѣ простиралась до 300 убитыми и ранеными; но одержавъ такую блистательную побѣду, они не вполне воспользовались ею, не преслѣдовали въ эту же ночь непріятеля, хотя бы какою-нибудь частью, и дали ему спокойно отступать. Побѣда эта надъ превосходнымъ въ числѣ непріятелемъ и огромные трофеи, у него взятые, необыкновенно возвысили духъ австрійскихъ войскъ.

Еще до разсвѣта 22-го числа сардинскія войска направились къ Новарѣ (1). Оставивъ въ Трекате дивизію герцога Генуэз-

(1) Направленіе сардинской арміи на Верчелли было конечно выгодно, потому что она тотчасъ же прикрылась бы рѣкою Сезіей и выиграла бы свои сообщенія, но тогда Хржановскій не могъ бы присоединить къ себѣ бригаду Сомароли и часть дивизіи Дурандо, которыя въ то время

скаго, для прикрытія отступленія, въ четыре часа пополудни войска двинулись далѣе и къ вечеру прибыли въ Новару, не будучи тревожимы Австрійцами. Тамъ уже находилась дивизія Дурандо. Герцогъ Савойскій, сдѣлавъ большой обходъ на Роббіо, прибылъ только ночью 22-го, бригада Солароли перешла въ Роментино къ 6 часамъ пополудни, и такимъ образомъ въ ночь съ 22 на 23 вся сардинская армія сосредоточилась около Новары. О 5-й дивизіи не было никакихъ извѣстій.

22-го числа австрійская армія двинулась впередъ въ слѣдующемъ порядкѣ: Вратиславъ изъ Гамболо въ Чилавеню, направляясь къ Верчелли; Аспре въ Весполате, а авангардъ его корпуса къ Гарбань, въ восьми верстахъ отъ Новары; Аппель, слѣдовавшій за нимъ, остановился позади Весполате; Турнъ въ Торре ди Роббіо, на правой сторонѣ Агоньи; резервный корпусъ и главная квартира прибыли въ Борго Лавеццаро. Такимъ образомъ первый и четвертый корпуса шли параллельно пути отступленія непріятели на Верчелли, чтобъ отрѣзать Пиемонтцевъ отъ дороги въ Туринъ и Алессандрію; второй же, третій и резервный корпуса тѣснили его съ фронта.

Хотя между Мортарою и Новарою всего шесть часовъ марша, и можно было, предупредивъ соединеніе пиемонтскихъ дивизій, одержать побѣду вѣрную и легкую, но фельдмаршалъ приказалъ войскамъ двигаться медленно и съ большими отдыхами, чтобы солдаты сохранили бодрость и силы для предстоявшаго сраженія. Отъ этого австрійская армія потеряла слѣды непріятели и не знала куда онъ отступилъ, въ Новару или Верчелли. Послѣдняго очень боялся Радецкій, потому что, какъ мы сказали выше, это давало возможность Сардинцамъ перейти за рѣку Сезію. Получивъ ложное донесеніе отъ авангарда, что Хржановскій направился въ Верчелли, онъ приказалъ, въ ту же ночь еще корпусу Вратислава двинуться въ Борго-Верчелли и тѣснить отступающаго непріятели.

Диспозиція на 23 число была слѣдующая: съ разсвѣтомъ Турну приказано было направиться вслѣдъ за корпусомъ Вратислава, а въ случаѣ еслибы непріятель сосредоточился у Новары, идти къ этому городу; Аспре, Аппелю и резерву — двинуться изъ мѣстъ своихъ ночлеговъ прямо къ Новарѣ. Двѣ бригады, оставленныя въ Павіи, съ третьею, перешедшею Ти-

находились у Новары и могли быть совершенно отрѣзаны непріятеlemъ.

чно 22 марта, были направлены въ Казале съ тѣмъ, чтобъ онѣ предупредили тамъ Италіянцавъ на рѣкѣ По. Эти три бригады и нѣсколько отрядовъ, оставленныхъ въ Мортарѣ и другихъ городахъ, уменьшили числительную силу арміи на 12.000, такъ что у Радецкаго осталось около 57.000 при 186 орудіяхъ. Корпуса двигались одинъ отъ другаго на разстояніи отъ 10 до 15 верстъ; разобщеніемъ этимъ могъ бы воспользоваться рѣшительный противникъ, но для этого нужно было старое, закаленное въ бояхъ войско, а не армія, упавшая духомъ и состоявшая почти изъ однихъ рекрутъ.

Хржановскій долженъ былъ искать битвы рѣшительной: путь его отступленія лежалъ въ Савойю и къ Лаго-Маджіоре, то-есть удалялъ его отъ основанія дѣйствій и отъ войскъ, оставшихся на правой сторонѣ По; главнокомандующій сверхъ того понималъ, что при отступленіи на сѣверъ армія его, состоявшая изъ молодыхъ конскриптовъ и людей женатыхъ, будетъ ежедневно уменьшаться, по мѣрѣ приближенія къ мѣстамъ ихъ жительства. Наконецъ король желалъ рѣшительнаго боя: ему надобна эта игра счастья, которая столько разъ ставила его такъ высоко, какъ будто бы для того, чтобы сдѣлать болѣе чувствительнымъ паденіе. Побѣда подъ стѣнами Новары дала бы возможность выиграть свои сообщенія и принудила бы Радецкаго вступить въ переговоры, потому что онъ могъ ежедневно ожидать появленія у себя въ тылу генерала Альфонса Ла-Мармори, который, присоединивъ къ себѣ ломбардскую дивизію, имѣлъ бы до 18 тысячъ.

Битва при Новарѣ была послѣднимъ актомъ кровавой драмы войны за независимость Италіи.

V.

Городъ Новара лежитъ между двумя ручьями Агонья и Тердоппіо. Въ двухъ верстахъ на югъ отъ города находится холмъ, господствующій надъ городомъ и надъ дорогою въ Мортару, и на которомъ построена деревня Биккока. Съ каждой стороны холма, крутые скаты образовали глубокіе овраги, весьма удобные для защиты. На востокъ отъ деревни мѣстность болотиста и перерѣзана двумя глубокими рвами; на западъ, за оврагомъ, тянутся обширныя обработанныя поля, покрытыя виноградниками, и

на которыхъ разбросано множество фермъ. Поля эти перерезаны каналомъ, идущимъ параллельно Агонь въ весьма близкомъ отъ нея разстояніи. За каналомъ проходитъ дорога изъ Верчелли въ Новару.

Съ разсвѣтомъ 23-го марта Хржановскій расположилъ сардинскую армію на позиціи слѣдующимъ образомъ: первая дивизія, состоявшая почти изъ одной бригады Аоста, потому что изъ бригады королевы послѣ мортарскаго дѣла остались только два батальона, расположилась на правомъ флангѣ линіи позади фермы Каза-Нуова, примкнувъ къ каналу Дасси, идущему почти параллельно Агонь; четыре орудія были поставлены на крайнемъ правомъ флангѣ, прикрываясь насыпью канала одна батарея въ центрѣ и одна на лѣвомъ флангѣ дивизіи. Вторая дивизія, составляя центръ всего расположенія, стала впереди фермы Читаделла, имѣя въ срединѣ двѣ батареи. Третья дивизія заняла деревню Биккоку; впереди ея, на скатѣ справа отъ дороги въ Мортару, поставлена была большая батарея въ 14 орудій, для обстрѣливанія дороги и плато; два орудія находились на самой дорогѣ. Часть кавалеріи выдвинута была къ деревнѣ Оленго и стала на небольшомъ возвышеніи за рвомъ Оленго, идущимъ параллельно дорогѣ. Полкъ, составленный изъ трехъ четвертыхъ батальоновъ, поставленъ былъ за первую, а другой такой же полкъ и два батальона берсальеровъ за третьей дивизіей; они заняли стрѣлками глубокой оврагъ, лежащій къ востоку отъ Биккоки. Бригада Солароли стала на дорогѣ въ Трекате, позади ручья Тердоппіо; она назначена была для прикрытія лѣваго фланга расположенія войскъ въ случаѣ атаки непріятеля съ этой стороны. Въ общемъ резервѣ находились двѣ дивизіи: четвертая, герцога Генуэскаго, у кладбища Санъ-Наццаро, позади третьей дивизіи, и резервная, герцога Савойскаго, близъ города, позади праваго фланга, около дороги въ Верчелли, наблюдая ее сильными кавалерійскими разъѣздами. Кавалерія, принадлежавшая дивизіямъ, поставлена была позади второй линіи, а аванпосты выдвинуты за ручей Квартара и деревню Оленго.

Генераль Хржановскій имѣлъ цѣлю сначала утомить непріятеля продолжительною обороною позицій у Оленго и Биккоки и заставить его ввести въ дѣло всѣ свои силы; потомъ Хржановскій намѣревался наступить на него двумя свѣжими дивизіями, состоявшими подъ предводительствомъ королевскихъ дѣтей, любимыхъ и уважаемыхъ всею арміею за ихъ храбрость. Съ этою цѣлю главнокомандующій раздѣлялъ всю армію на двѣ части,

изъ которыхъ одна стояла въ боевыхъ линіяхъ, другая въ резервѣ; въ боевыхъ же линіяхъ каждая дивизія построена была въ двѣ линіи съ резервомъ, дабы имѣть возможность постепеннымъ введеніемъ всѣхъ частей въ дѣло дольше удерживать непріяеля.

Сила пиемонтской арміи простиралась до 50 тысячъ, въ томъ числѣ 44 тысячи пѣхоты (76 батальйоновъ), 2.500 лошадей (36 эскадроновъ) и 111 орудій. Длина фронта позиціи, занимаемой ею, была 1.400 сажень.

Позиція была выбрана очень хорошо, но имѣла недостатки, общіе всѣмъ оборонительнымъ позиціямъ. Наступающій, прорвавъ линію, одерживалъ совершенную побѣду; притомъ онъ могъ атаковать позицію съ какой ему угодно было стороны, употребляя на это произвольное число войскъ, въ то время какъ обороняющійся не имѣлъ возможности противопоставлять ему равныя силы своевременно, по затруднительности передвиженія резервовъ съ одного мѣста на другое. Сверхъ того новарская позиція имѣла частный недостатокъ, происходившій отъ дурнаго качества савойскому близкому позади боевыхъ линій находившемуся уже Каstellяцѣ, гдѣ молодые солдаты, не обстрѣленные еще досыта, могли найти безопасное убѣжище отъ непріятельскихъ пуль и вообще отъ опасностей битвы; для конскриптовъ, упавшихъ духомъ, близость города была чрезвычайно-сильною приманкой. Но это обстоятельство совершенно было упущено изъ виду, и у входовъ въ городъ не были даже поставлены сильные отряды карабинеровъ, обязанные возвращать назадъ солдатъ, оставившихъ ряды войскъ.

Утро дня сраженія было сумрачно, шелъ дождь; войска были утомлены маршемъ и голодны, потому что транспорты не прибыли вовремя, и солдаты должны были довольствоваться сухарями и тѣмъ, что можно было достать въ небольшомъ городѣ. Въ войскахъ мало было увѣренности въ успѣхъ.

Въ 11 часовъ утра король, при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ, возвѣстившемъ о приближеніи непріяеля, объѣхалъ ряды войскъ, встрѣчаемый привѣтственными криками, и направился къ Биккокѣ, гдѣ уже начался бой. Не далеко отъ биккокской церкви, на правой сторонѣ дороги, находится небольшая площадка за фермою, куда по преимуществу сыпались снаряды непріяеля. Жители Биккоки съ почтеніемъ указываютъ на это мѣсто: тамъ стоялъ король.

Атаку производилъ второй австрійскій корпусъ, Аспре, шед-

ній со стороны Оленго. Построивъ дивизию эрцгерцога Альберта по обѣ стороны дороги, прикрывъ лѣвый флангъ ея частью дивизіи Шафюча, а остальную часть этой дивизіи и всю кавалерію, состоявшую при кордусѣ, поставивъ въ резервъ, баронъ д'Аспре, послѣ довольно продолжительной канонады, двинулъ войска свои въ атаку деревни Биккоки. Нѣсколько ваводовъ берсальеровъ, состоявшихъ изъ молодыхъ солдатъ, бѣжали съ поля сраженія, какъ только открылась канонада, и произвели этимъ самое невыгодное впечатлѣніе на войска лѣваго крыла, привыкшія еще съ прошлой кампаніи уважать своихъ отрядковъ. При приближеніи Австрійцевъ, 15 полкъ бригады Савона, занимавшій Биккоку, послѣ нѣкотораго сопротивленія бѣжалъ также въ Новару, которая, какъ мы сказали выше, по своему положенію въ тылу сражавшихся войскъ, должна была сдѣлаться по необходимости сборнымъ мѣстомъ всѣхъ бѣглецовъ съ поля сраженія.

Савойская бригада, одна изъ самыхъ храбрыхъ въ сардинской арміи, была послана на мѣсто бѣжавшихъ. Бригада эта прошла мимо короля, привѣтствуемая, аостскій «le Roi», и, пѣвая *марсельезу*, штыками выбила Австрійцевъ пули австрійцевъ занятыхъ ими строеній и прогнала за ферму *глы Бжн*, взявъ около 200 плѣнныхъ. Эскадронъ генуэзской кавалеріи атакою своею поддержалъ наступленіе Савойцевъ

Генералъ Аспре выдвинулъ почти всю свою артиллерію противъ пункта атаки, подкрѣпилъ первую линію остальною частью дивизіи Шафюча и, осыпавъ деревню выстрѣлами, снова повелъ войска въ атаку. Противъ центра Сардинцевъ и бригады Солароли дѣйствовали одни стрѣлки, поддержанные кавалерією.

Атака Австрійцевъ была такъ стремительна, что савойская бригада, поддержанная еще 16 полкомъ бригады Савона, не выдержала ее и послѣ самой отчаянной обороны отступила назадъ. Командиръ 3-й дивизіи, генералъ Перроне, палъ смертельно раненый. Австрійцы въ два съ половиною часа по полудни вторично овладѣли Биккокою.

Для противодѣйствія неприятелю Хржановскій выдвинулъ изъ резерва сначала одну, а потомъ двѣ батареи и, сосредоточивъ на одномъ пунктѣ 32 орудія, приказалъ дивизіи герцога Генуэзскаго двинуться въ атаку. Дивизія эта отгѣснила неприятеля за Кастелляццо и Оленго. Въ то время герцогъ Савойскій съ 4-мя батальонами бригады Кунео и двумя батальонами гвардейскихъ стрѣлковъ прибылъ на помощь лѣвому крылу. Хржановскій

принялъ начальство надъ этимъ отрядомъ и лично повелъ его въ атаку деревни Биккокк; артиллерія дѣйствовала превосходно; непріятель былъ выгнанъ отовсюду, и едва піемонтскіе батальоны поравнялись съ деревнею, 1.200 австрійскихъ солдатъ, занявшихъ дома, положили оружіе. Въ то же время стрѣлки и кавалерія австрійскіе, дѣйствовавшіе противъ центра и бригады Солароли, также принуждены были отступить.

Это была рѣшительная минута. Еслибы Хржановскій, пользуясь успѣхомъ, перешелъ всѣми силами въ наступленіе, Австрійцы дорого бы заплатили за свою смѣлость атаковать всю сардинскую армію однимъ корпусомъ и за свое разобщенное движеніе. Сардинскій главнокомандующій могъ уничтожить корпусъ Аспре до прибытія корпуса Аппеля, потомъ броситься на третій корпусъ и разбить его до прибытія остальныхъ силъ Радецкаго. Выигрышъ сраженія зависѣлъ отъ этой минуты. Но Хржановскій, зная крѣпость позиціи, на которой была расположена сардинская армія, не рѣшился двинуться впередъ и даже изъ излишней осторожности приказалъ герцогу Генуэзскому, занявшему уже Кастелляццо и Оленго, отступить назадъ. Случай былъ упущенъ.

Спасенный Аспре, получивъ увѣдомленіе, что уже вся австрійская армія движется къ нему на помощь, пользуясь отступленіемъ Сардинцевъ, устроилъ свои войска опять и занялъ Кастелляццо и Оленго; корпусъ его былъ совершенно утомленъ и не могъ продолжать боя, но въ то самое время начали прибывать другія войска и дѣло измѣнилось.

Радецкій получилъ въ полдень донесеніе отъ Аспре, что около Новары сосредоточена вся сардинская армія; сильная канонада съ этой стороны еще прежде сказала ему, что дѣло завязалось горячее, а потому онъ приказалъ корпусу Аппеля и резерву двинуться немедленно на помощь Аспре, а корпусамъ Вратислава и Турна измѣнить направленіе и слѣдовать въ Новару.

Корпусъ Аппеля былъ задержанъ на пути своимъ транспортомъ и понтонами, назначенными для устройства переправъ черезъ Сезію и Агонью; они перерѣзали ему дорогу, и сами оставаясь подъ выстрѣлами непріятеля, помѣшали войскамъ третьяго корпуса прибыть на позицію раньше четырехъ часовъ по полудни.

Первая дивизія этого корпуса развернулась противу центра, вторая позади ея и обѣ двинулись въ атаку; но первыя ушли

Австрійцевъ были совершенно безуспѣшны: дивизія Беса заставила ихъ отступить, а перекрестный огонь пиемонтскихъ батарей центра и лѣваго фланга нанесъ непріятелю сильныя потери. Радецкій ожидалъ прибытія остальныхъ силъ, а Хржановскій, несмотря на видимый успѣхъ, не переходилъ всѣми силами въ наступленіе.

Около 5-ти часовъ по полудни подошелъ резервный корпусъ къ Оленго.

Фельдмаршалъ Радецкій, понимая, что деревня Биккока есть ключъ всей сардинской позиціи, построилъ корпуса Аспре и Аппеля въ колонны къ атакѣ и, прибавивъ къ нимъ бригаду изъ резерва, направилъ всю эту страшную массу на деревню. Остальная часть резерва выстроилась влѣво, для задержанія центра и праваго фланга Пиемонтцевъ.

Замѣтя это, генералъ Хржановскій, для отклоненія удара приказалъ дивизіямъ Дурандо и Беса перейти въ наступленіе.

Дурандо двинулся къ фермѣ Торіоне, занятой бригадою австрійской пѣхоты, батальйономъ стрѣлковъ и 20-орудійною батареей. Во время этого наступленія, аостская бригада попала въ ровъ, откуда на нее посыпались пули австрійскихъ стрѣлковъ; четвертый батальионъ этой бригады бѣжалъ съ поля сраженія, другіе батальионы тоже стали колебаться, но, увлеченные впередъ своими офицерами, бросились въ ровъ, захватили въ плѣнъ около сотни тирольскихъ стрѣлковъ и, несмотря на пули и картечь, атаковали штыками непріятеля и выбили его изъ Торіоне. Генералъ Бесъ также заставилъ непріятеля, стоявшаго передъ нимъ, отступить.

Но въ то время, какъ правый флангъ и центръ дѣйствовали такъ успѣшно, корпусъ Турна появился на правомъ флангѣ Пиемонтцевъ, а на лѣвомъ Австрійцы овладѣли Биккокою.

Турнъ, не найдя непріятеля у Верчелли и услышавъ пальбу по направленію къ Новарѣ, направилъ свой корпусъ къ этому городу. Въ 5 часовъ, онъ прибылъ къ мосту на Агоньѣ и потѣснилъ назадъ встрѣченные отряды сардинской кавалеріи.

Четыре съ половиною дивизіи, брошенные Радецкимъ на Биккоку, овладѣли деревнею. Хржановскій прискакалъ къ сломанному крылу, направилъ бригаду Кони и два батальиона, взятые изъ дивизіи Беса, съ правой стороны Биккоки, а герцогу Генуэзскому приказалъ атаковать эту деревню по большой дорогѣ. Три лошади были убиты подъ герцогомъ. Тогда, ставъ въ головѣ трехъ батальионовъ, пѣшкомъ повелъ онъ ихъ въ атаку; но

примѣръ, годось и усилія героическаго принца были напрасны: онъ долженъ былъ отступить, прикрывая своими слабыми силами, въ продолженіи 2 $\frac{1}{2}$ часовъ, бѣгущее лѣвое крыло.

Отступленіе войскъ изъ Бикокки открыло флангъ второй и первой дивизіи, а потому король, постоянно находившійся тамъ, гдѣ грозила наибольшая опасность, послалъ Ла-Мормору съ приказаніемъ всѣмъ войскамъ немедленно начать отступление.

Приказаніе Хржановскаго, чтобы дивизіи Беса и Дурандо двинулись впередъ, имѣло весьма благодѣтельныя послѣдствія для сардинской арміи, потому что это позволило разбитымъ войскамъ лѣваго крыла, отступить подъ ихъ прикрытіемъ, въ городъ. Дѣйствительно, непріятель, занявъ деревню и выдвинувъ на позицію артиллерію, ограничился усиленною картечною пальбою по бѣгущимъ и не рѣшился устремиться вслѣдъ за ними, дабы, ворвавшись въ городъ, повторить мортарское дѣло, только въ большемъ размѣрѣ.

Безпорядокъ на лѣвомъ флангѣ сардинскихъ войскъ былъ ужасный: артиллерія, дольше другихъ войскъ остававшаяся на позиціи, для удержанія наступавшихъ своимъ огнемъ, въ галопъ догоняла потомъ войска, давая раненыхъ, лежавшихъ на полѣ сраженія, и бѣгущихъ; длинная колонна зарядныхъ ящиковъ и раненыхъ тянулась въ городъ черезъ Мортарскія ворота; ночь уже наступила; Хржановскій велѣлъ поставить нѣсколько пушекъ на земляныхъ бастионахъ Новары и построить баррикаду передъ воротами, дабы сколько-нибудь удержать непріятеля, еслибъ онъ вздумалъ броситься за бѣгущими.

Дивизія Беса, приблизившаяся къ Новарѣ около 7 часовъ, когда уже было совершенно темно, была принята за непріятеля и встрѣчена сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ; это произвело большой безпорядокъ въ войскахъ, которыя полагали, что городъ занятъ непріателемъ; вскорѣ однако ошибка объяснилась; часть дивизіи вошла въ городъ черезъ Мортарскія ворота, а другая часть была направлена въ Агонате.

Первая дивизія въ началѣ отступления была неожиданно встрѣчена съ фланга картечью артиллеріи корпуса Турна, поставленною за каналомъ Дасси, и выстрѣлами тирольскихъ стрѣлковъ, засѣвшихъ за насыпью; но выславъ на правый флангъ свой берсальеровъ аостской бригады, для перестрѣлки съ непріателемъ, дивизія успѣла отступить къ городу, безъ большихъ потерь, потому что наступленіе корпуса Турна было

удержано сопротивленіемъ резервной дивизіи герцога Сардинскаго, расположенной на верчельской дорогѣ.

Бригада Солароли, атакованная непріателемъ, послѣ короткаго сопротивленія, видя поражение лѣваго крыла, поспѣшно отступила къ городу и еще въ тотъ же вечеръ была послана для ночлега и отдыха въ Камере.

Въ совершенной темнотѣ многіе солдаты сардинской арміи, отделившіеся отъ своихъ частей и не знавшіе объ отступленіи арміи въ Новару, подъ начальствомъ своихъ офицеровъ, успѣвшихъ собрать и устроить ихъ, бросились еще разъ впередъ и атаковали непріателя; эти позднія усилія, конечно, не принесли никакой пользы, а только протянули сраженіе до 9 часовъ вечера, или, по италіянскому счету, до 3 часовъ ночи. Непріатель, утомленный продолжительнымъ боемъ, не преслѣдовалъ Пиемонтцевъ и расположился ночевать на мѣстахъ, гдѣ прежде бивуакировала сардинская армія.

Потери съ обѣихъ сторонъ были значительны, да и не могло быть иначе. Сраженіе было болѣе артиллерійское, а бой—на штыкахъ: одна изъ батарей 3-й дивизіи (7-я) сдѣлала 1500 выстрѣловъ отъ 11 часовъ утра до 5½, по-полудни. Австрійцы потеряли 3 тысячи убитыми и ранеными и 1400 взятыми въ плѣнъ. Потеря Сардинцевъ простиралась до 4 тысячъ убитыми и ранеными и до 2 тысячъ плѣнными; сверхъ того они оставили въ рукахъ непріателя 12 подбитыхъ орудій и одно знамя; всего вышло изъ строя у Сардинцевъ около осмой части войскъ, собранныхъ подъ Новарою.

Карль-Альбертъ, послѣ взятія непріателемъ Биккоки, видѣлъ, что нѣтъ уже возможности выиграть сраженіе; всѣ планы его и всѣ надежды рушились. Несчастный король ѣздилъ по полю сраженія, тамъ, гдѣ грозила наибольшая опасность, гдѣ летало болѣе пуль и картечи. Ни просьбы, ни убѣжденія окружавшихъ не могли заставить его удалиться; повидимому онъ искалъ смерти, но смерть обѣжала его: вокругъ ложились снаряды и убивали приближенныхъ; одинъ король былъ невредимъ. Около 7 часовъ вечера, къ нему подъѣхалъ генераль Дурандо съ просьбою не подвергать безъ пользы жизнь свою опасности. «Generale, сказалъ ему король, è questo il mio ultimo giorno, lasciatemi morire.» (Генераль, это послѣдній день моей жизни, дайте мнѣ умереть.) Генераль Дурандо почти насильно увлекъ его въ Новару.

Между тѣмъ въ городѣ совершались кровавыя сцены. Войска,

собравшіеся подъ Новарою 22 и 23 числа, какъ мы сказали выше, не были хорошо накормлены, потому что количество припасовъ, привезенныхъ для войскъ, было слишкомъ недостаточно. Утомленные сраженіемъ и голодные солдаты увидѣли въ городѣ послѣ отступленія, что всѣ лавки заперты, жители попрятались, интендантъ бѣжалъ, синдикъ города тоже скрылся. Тогда съ топорами въ рукахъ они бросились разбивать двери лавокъ, для добытія себѣ пищи; многіе вышли изъ города, грабя и опустошая окрестности. Чернь присоединилась къ солдатамъ: толпы ея, видя совершенную безнаказанность, бѣгали съ криками по улицамъ, грабили дома, оставленные жителями, и жажгали ихъ. Безпорядокъ увеличивался ежеминутно; испуганные жители выбѣгали въ ужасѣ на улицы, напрасно вывая о помощи. Артиллерія, прибывая съ поля битвы и въ совершенной темнотѣ быстро проѣзжая по улицамъ, чтобы скорѣе достигнуть выхода изъ города и тамъ устроиться, давила подъ колесами попадавшихъ ей на встрѣчу.

Главнoкомандующій, истощивъ всѣ усилія, уговоры и угрозы, приказалъ нѣсколькимъ взводамъ кавалеріи разсѣять негодяевъ; новое сраженіе завязалось въ городѣ въ то время, какъ еще нѣкоторые отряды сражались впереди Новары съ Австрійцами. Атака уланъ, крики, стоны и проклятія несчастныхъ, раздавленныхъ лошадьми, дождь сверху, кровь и трупы снизу,—такой былъ видъ Новары въ ночь съ 23 на 24 марта.

Страшный безпорядокъ, разстройство и упадокъ духа войска не позволялъ даже думать о продолженіи войны, а потому еще ночью король послалъ находившагося при немъ отвѣтственнаго министра Кадорна и генерала Казати къ Радецкому, испрашивая перемирія.

Генералъ Казати нашелъ въ непріятельскомъ лагерѣ только начальника австрійскаго генеральнаго штаба, генерала Гесса, отдававаго приказанія для движенія разныхъ корпусовъ на слѣдующій день съ цѣлю преслѣдованія піемонтской арміи; Радецкій же уѣхалъ въ главную квартиру въ Борго Лавеццаро. Когда Казати сказалъ, что онъ пріѣхалъ просить перемирія, пока камеры не утвердятъ мирныхъ условій, то Гессъ, именемъ Радецкаго, отвѣчалъ, что преслѣдованіе будетъ производиться безостановочно до тѣхъ поръ, пока король не приметъ тѣхъ мирныхъ условій, которыя ему будутъ предложены.

По возвращеніи посланныхъ во дворецъ Беллини, гдѣ находился Карлъ-Альбертъ, въ восемь съ половиною часовъ вечера,

король, призвавъ своихъ дѣтей, главнокомандующаго, генераловъ и всю свиту, сказалъ имъ: «Господа, я посвятилъ себя итальянскому дѣлу, для него я жертвовалъ своею жизнью, жизнью моихъ дѣтей и моимъ трономъ! Я не успѣлъ. Понимаю, что я буду нынѣ лишь препятствіемъ къ заключенію совершенно необходимаго мира; къ тому же у меня не достанетъ рѣшимости подписать его. Такъ какъ я не могъ найти смерти на полѣ сраженія, я сдѣлаю послѣднюю жертву для моего отечества. Я слагаю корону и отказываюсь отъ трона въ пользу сына моего, герцога Савойскаго.»

Ни просьбы, ни убѣжденія не могли отклонить его отъ принятаго намѣренія. Король обнялъ всѣхъ присутствовавшихъ, вошелъ въ кабинетъ, и написавъ прощальное письмо къ женѣ, черезъ часъ потомъ съ двумя только служителями оставилъ Новару и проѣхалъ австрійскіе аванпосты подъ названіемъ отставнаго генерала графа Барго. Въ Ниццѣ, взявъ у коменданта Санта-Роза заграничный паспортъ, Карль-Альбертъ сказалъ: «Передайте сыну моему, что всякій разъ, какъ онъ объявитъ войну Австріи, можетъ считать меня въ рядахъ войска какъ простаго солдата». Онъ не дожидъ до этого: смерть застигла его 28 іюля 1849 года въ Опорто (въ Португаліи), гдѣ онъ поселился.

Послѣдній пушечный выстрѣлъ у Новары не только опрокинулъ знамя освобожденія Италіи, но убилъ въ то же время самаго героическаго защитника и мученика за свободу Италіи.

24-го марта, въ три часа утра, Хржановскій приказалъ начать отступленіе къ Мома и Боргоманнеро. Вывести всѣ войска изъ Новары не было никакой возможности, множество солдатъ оставили знамена и занялись грабежомъ въ городѣ. Еслибы Австрійцы на другой день утромъ двинулись прямо въ Новару, то могли бы захватить въ плѣнъ около 6 тысячъ сардинскихъ солдатъ, оставшихся въ городѣ; но не зная объ отступленіи пиемонтской арміи, они начали бомбардировать городъ. Это принесло Хржановскому величайшую пользу, потому что солдаты толпами стали оставлять городъ и въ этотъ еще день 5 тысячъ присоединились къ своимъ частямъ, многіе же изъ нихъ бросились по направленію къ Биллезе, распространяя на пути ужась и опустошеніе.

Депутация отъ города Новары, имѣя въ главѣ духовенство, вышла навстрѣчу побѣдителямъ съ просьбою о пощадѣ го-

рода. Австрійцы въ этотъ день преслѣдовали непріятеля весьма слабо.

Вечеромъ 24-го марта, новый король, Викторъ-Эммануиль, отправился лично въ лагерь Радецкаго и заключилъ перемиріе, которое должно было послужить основаніемъ при заключеніи мирнаго договора между Австрією и Сардинією.

Условія перемирія были слѣдующія: пространство между Тичино и Сезією должно быть занято Австрійцами; рѣка Сезія назначена демаркаціонною линією между двумя враждующими сторонами; гарнизонъ въ крѣпости Алессандріи должны были содержать Австрійцы вмѣстѣ съ Сардинцами, на полномъ содержаніи послѣднихъ. Піемонтская армія, перейдя Сезію, должна быть приведена на мирное положеніе, ломбардскія войска распущены, адмиралъ Альбини вызванъ съ эскадрою изъ Адриатическаго моря; миръ долженъ быть заключенъ возможно скорѣе, причемъ границы обоихъ государствъ остаются тѣ же, какія были передъ войною; плѣнные возвращаются обоюдно, Сардинія платитъ Австріи въ вознагражденіе за военныя издержки 65 милліоновъ франковъ. Въ случаѣ же прерванія перемирія, условлено было не прежде возобновлять военныя дѣйствія, какъ по минованіи десяти дней со времени объявленія о томъ.

Въ то время какъ это происходило на сѣверномъ театрѣ войны, вотъ чтò было на южномъ:

Три австрійскія бригады, подъ начальствомъ Вимпфена, посланныя Радецкимъ для занятія Казале, прибыли туда 24 числа и нашли часть моста снятою; въ Казале былъ старый замокъ, защищаемый ротою ветерановъ. Вимпфенъ приготовился уже бомбардировать городъ. Извѣстіе о перемирії прекратило военныя дѣйствія.

Генералъ Фанти, принявшій послѣ отъѣзда Ромарино начальство надъ ломбардскою дивизією, приблизился къ Меццана-Корте и, послѣ долгихъ усилій, исправивъ мостъ, готовился двинуться на соединеніе съ главными силами, но узнавъ о несчастномъ исходѣ мортарскаго дѣла, направился въ Алессандрію для защиты этой крѣпости.

Генералъ Альфонсъ делла Мармора пришелъ въ Парму 26 марта, но получивъ печальное извѣстіе о заключенномъ перемирії, отправился поспѣшно въ отечество.

Тяжелы были условія, предложенныя Сардиніи, но въ такомъ положеніи, въ какомъ она находилась, всякія условія были хороши, потому что продолжать борьбу было невозможно

Нередно республиканцы увидѣли свои ошибки! Они думали, что опасность, угрожающая независимости Сардиніи, подыметъ весь народъ, заставитъ его броситься къ оружію, пожертвовать всѣмъ для спасенія отечества. Но народъ безмолвствовалъ; онъ не хотѣлъ войны, ему миръ былъ необходимъ. Викторъ-Эммануилъ видѣлъ это, и потому, когда городовые представители Александріи, въ рѣчи, произнесенной подестою, просили его еще попробовать счастья, призвать къ оружію волонтеровъ, послать священниковъ для проповѣдованія народной войны, онъ имъ отвѣчалъ: «*mi si diano dei milioni, mi si dia un esercito, e allora la guerra sara possibile (1).*»

Мирные переговоры начались. Недовольные исходомъ войны, столь противнымъ общимъ надеждамъ, демагоги Генуи, распространивъ слухъ, что, по предварительнымъ условіямъ, Генуя должна быть занята Австрійцами и заплатить имъ 50 милліоновъ франковъ, взволновали все населеніе этого города и, воспользовавшись общимъ неудовольствіемъ, провозгласили Геную республикой.

Итакъ, вслѣдъ за войной съ внѣшнимъ непріателемъ, королю нужно было начать новую—съ врагомъ внутреннимъ. Герцогъ Генуэзскій съ частію войска посланъ былъ въ Биллезе, для прекращенія безчинствъ, производимыхъ бѣглыми солдатами, а Альфонсъ дельла Мармора—для приведенія Генуи въ повиновеніе. Герцогъ Генуэзскій казнилъ смертію многихъ виновныхъ, пойманныхъ на дѣлѣ, и этою строгостію скоро прекратилъ безпорядки. Ла-Мармора, послѣ нѣсколькихъ дней блокады и кровавыхъ стычекъ, ночью пробрался въ Геную, захватилъ главныхъ возмутителей и заставилъ населеніе признать власть короля.

Какъ обыкновенно бываетъ, побѣжденный всегда виноватъ, и вотъ почему многіе современные журналы и военные люди приписали ошибкамъ Хржановскаго несчастный исходъ войны. Взглянувъ однако безпристрастно, должно согласиться, что хотя планъ кампаніи, составленный сардинскимъ главнокомандующимъ, и не безукоризненъ, но Хржановскій сдѣлалъ все возможное, чтобы приготовить успѣхъ надъ непріателемъ. До дня разрыва перемирія онъ устроилъ армію, сколько позволили обстоятельства и средства, которыми онъ располагалъ; въ день открытія военныхъ дѣйствій, пиемонтскія войска были рас-

(1) «Пусть будутъ даны мнѣ нѣсколько милліоновъ, пусть будетъ дано мнѣ войско, и тогда война будетъ возможна.»

предѣлены такимъ образомъ, что имѣли возможность сосредоточиться въ самое короткое время на любомъ пунктѣ и встрѣтить непріятеля совокупными силами. Но въ дѣлѣ военномъ весьма многое зависитъ отъ случая, а въ кампанію 1849 года постоянное несчастіе преслѣдовало сардинскую армію. Еслибы Ромарино исполнилъ приказаніе главнокомандующаго, то весьма вѣроятно, что непріятель не могъ бы даже переправиться черезъ Тичино у Павии и стать во флангъ піемонтской арміи. Переправа же его въ другомъ мѣстѣ, на примѣръ у Буффалоры, не повела бы за собою такихъ рѣшительныхъ слѣдствій. Далѣе, пересматривая происшествія въ томъ порядкѣ, въ какомъ они слѣдовали, мы видимъ, что приписать Хржановскому потерю мортарскаго сраженія невозможно, потому что съ его стороны исполнено было все, что могло быть сдѣлано, для пріуготовленія успѣха, то-есть сосредоточены довольно значительныя силы для противодѣйствія непріятелю, указана хорошая позиція, опредѣленъ способъ дѣйствія, даны подробныя инструкціи. Виновать ли онъ въ томъ, что корпусъ Піемонтцевъ далъ себя разбить вдвое слабѣйшему непріятелю? винувать ли онъ въ томъ, что его приказанія не были исполнены, его инструкціи пренебрежены?

Еще до мортарской битвы, Хржановскій хотѣлъ со всѣми силами, имѣвшимися у него подъ рукою, броситься на непріятеля: это движеніе спасло бы отъ пораженія войска, расположенныя у Мортары. Неисправность продовольственной части была причиною невозможности перейти въ наступленіе и уничтожила планъ, искусно придуманный.

Потомъ сборъ подъ Новарою всѣхъ силъ, какія только можно было притянуть для рѣшительной битвы, выборъ позиціи и размѣщеніе на ней войскъ, конечно, говорятъ въ пользу Хржановскаго. Планъ его утомить непріятеля продолжительною обороной крѣпкой позиціи и потомъ перейти въ наступленіе также былъ хорошъ, потому что основывался на знаніи нравственнаго положенія піемонтской арміи. Его ли вина, что повторенныя атаки одного австрійскаго корпуса заставили ввести въ дѣло почти всѣ резервы, и что, вмѣсто того чтобы утомить непріятеля, его собственныя войска были совершенно утомлены, такъ что съ приходомъ трехъ свѣжихъ непріятельскихъ корпусовъ проигрышъ сраженія былъ несомнѣненъ? Справедливо его можно упрекнуть въ томъ, что онъ не воспользовался временнымъ успѣхомъ и не разбилъ корпуса

Астре до прихода остальныхъ силъ непріятеля, но нельзя считать неосновательнымъ оправданіе Хржановскаго, что онъ боялся двинуть войска свои съ крѣпкой позиціи, чтобы не наткнуться на всѣ силы непріятеля на такой мѣстности, которая не давала бы его слабѣйшимъ силамъ никакого преимущества передъ противникомъ.

Упрекъ же въ томъ, что Хржановскій не приготовилъ армію къ встрѣчѣ непріятеля, что онъ не организовалъ лучше продовольственной и другихъ частей, что онъ не внушилъ арміи дисциплины и военного духа, совершенно несправедливъ: что могъ сдѣлать въ какіе-нибудь шесть мѣсяцевъ человекъ, не пользующійся популярностью, человекъ, на котораго смотрѣли съ недовѣріемъ? Онъ указывалъ министрамъ на невозможность начать войну съ такими войсками и съ такими военными средствами, какія имѣла Сардинія: ему на это отвѣчали объявленіемъ войны Австріи!

Сардинскіе министры до такой степени были озадачены несчастнымъ исходомъ войны, въ то время какъ они ожидали огромныхъ трофеевъ, что не хотѣли вѣрить, чтобы неудача произошла отъ дурной организаціи и администраціи войскъ; неуспѣхъ они приписывали измѣнѣ главнокомандующаго, генерала Хржановскаго, и начальника ломбардской дивизіи, генерала Ромарино. Назначено было слѣдствіе.

Обвинить Хржановскаго нельзя было ни въ чемъ, кромѣ дурно составленнаго плана, но планъ этотъ былъ утвержденъ королемъ, слѣдовательно совершенно согласовался съ его мнѣніемъ. Желая однако очистить войско отъ того порицанія, которое оно заслужило въ глазахъ Европы за столь ничтожное сопротивление непріятелю, министерство рѣшилось свалить всю вину на этихъ двухъ генераловъ. Хржановскій призванъ былъ въ комиссію для объясненія по многимъ обвинительнымъ пунктамъ. Я приведу здѣсь разказъ Хржановскаго объ этомъ допросѣ.

— Васъ обвиняютъ въ томъ, что вы, зная Ромарино какъ неспособнаго генерала, не настояли на томъ, чтобы ему не было вручено командованіе ломбардскою дивизіей.

— Я, отвѣчалъ Хржановскій, — выразилъ королю мое мнѣніе объ этомъ генералѣ въ присутствіи г. военнаго министра, и король сказалъ, что именно вслѣдствіе моего отзыва онъ не можетъ согласиться на назначеніе Ромарино. Пріѣхавъ въ главную квартиру, я услышалъ, что Ромарино все-таки назначенъ.

и считая это волею короля, я не смѣлъ входить съ новыми представленіемъ.

— Вы не дали точныхъ приказаній Ромарино, какъ онъ долженъ расположить войска и дѣйствовать.

— Это несправедливо. Я, 19-го марта, самъ поѣхалъ въ расположеніе дивизіи и, дабы предупредить всякія недоразумѣнія, далъ самыя точныя инструкціи этому генералу, въ присутствіи генерала Фанти и начальника штаба ломбардской дивизіи.

— Вы не сообщали въ военное министерство свѣдѣній о нуждахъ войскъ и ихъ нравственномъ состояніи.

— Свѣдѣнія эти посылались каждые два дня.

— Ихъ не находимъ въ дѣлахъ министерства.

Дѣйствительно, въ дѣлахъ министерства не было никакихъ донесеній, по безпорядку ли, существовавшему во всѣхъ управленіяхъ, или потому, что они уничтожены были умышленно, дабы обвиненіе имѣло болѣе силы.

— Въ такомъ случаѣ у меня есть доказательства, что въ министерство были посылаемы всѣ нужныя свѣдѣнія.

— Какія они?

— Исходящій журналъ, писанный рукою штабныхъ адъютантовъ.

Принесенъ былъ журналъ, и оказалось, что дѣйствительно донесенія посылались каждые два дня.

— Въ такомъ случаѣ, вы не отсылали этихъ донесеній, потому что они не были получены въ министерство.

— Прикажете послать за почтовымъ журналомъ; въ немъ вы увидите росписки почтмейстеровъ въ полученіи пакетовъ.

Журналъ былъ принесенъ. Коммиссія убѣдилась въ справедливости словъ Хржановскаго.

— Это странно, въ министерствѣ не было получено ни одной вашей бумаги.

— Я имѣю нѣкоторыя доказательства, что министерство получало мои донесенія.

— Какія?

— Отвѣты министерскіе, хранящіеся въ дѣлѣ входящихъ бумагъ.

Принесены были журналы входящихъ бумагъ, и оказалось, что Хржановскій былъ совершенно правъ.

Коммиссія, не предполагавшая существованія журналовъ при штабѣ главнокомандующаго, принуждена была признать Хра-

новскаго чистымъ отъ всякаго порицанія, и чтобы хотя отчасти загладить свою несправедливость, министерство предложило ему вступить генераломъ въ сардинское войско.

«Спасенный отъ грозившей мнѣ опасности, разказывалъ Хржановскій, аккуратностію письменной части, которой я научился, бывъ еще въ русскомъ генеральномъ штабѣ, я ничего болѣе не желалъ какъ скорѣе оставить ту страну, въ которой за труды мои чуть не заплатилъ потерей чести, а потому отказался наотрѣвъ отъ предлагаемаго мнѣ мѣста и на другой день послѣ казни Ромарино уѣхалъ изъ Сардиніи.»

Ромарино, призванный на судъ, показалъ, что онъ послушался приказанія главнокомандующаго затѣмъ, чтобы соединиться съ Ла-Марморой и съ авангардомъ, а потомъ съ соединенными силами броситься въ тылъ Австрійцамъ въ то время, какъ главная армія станеть дѣйствовать противъ нихъ съ фронта. Конечно, подобное оправданіе не могло спасти его; онъ былъ приговоренъ къ смерти и заключенъ въ темницу.

Узнавъ о своей участи, Ромарино написалъ письмо къ королю, испрашивая у него помилованія и обѣщая объявить всѣ планы и намѣренія республиканцевъ, клонившіеся къ уничтоженію царствующаго дома, и открыть, кто находился въ заговорѣ.

Такъ какъ признаніе его могло сильно компрометировать многихъ стоявшихъ во главѣ правленія, то посланъ былъ къ Ромарино довѣренный человекъ, который увѣрилъ его, что партія республиканская хлопочетъ о его прощеніи, и что король изъявилъ на это свое согласіе, оставляя объявленіе помилованія до дня экзекуціи. Между тѣмъ, король ничего не зналъ о письмѣ, которое писалъ къ нему Ромарино.

Въ назначенный день преступникъ былъ выведенъ на площадь для казни, ожидая всякую минуту прибытія гонца съ извѣстіемъ о помилованіи; онъ говорилъ рѣчь къ народу, въ которой уговаривалъ его служить вѣрно своему королю и любить свое отечество. Гонецъ не прибывалъ. По прочтеніи декрета, преступнику были завязаны глаза, ружья опустили, офицеръ махнулъ платкомъ, и Ромарино, вмѣстѣ съ своимъ признаніемъ, отправился въ лучшей міръ.

Свѣдѣнія о послѣднихъ минутахъ Ромарино почерпнуты мною какъ изъ современныхъ журналовъ, такъ равно изъ разказовъ Хржановскаго, который былъ очевидцемъ всего происходившаго, сначала какъ соучастникъ, потомъ какъ обвинитель Ромарино.

Теперь остается намъ разказать еще одинъ грустный эпизодъ изъ кампаніи 1849 года, усмиреніе Брешии.

Въ кампанію 1848 года Брешия принимала самое дѣятельное участіе въ дѣлѣ освобожденія Италіи; городъ этотъ, имѣя всего 40 тысячъ жителей, выставилъ цѣлый пѣхотный полкъ (21-й), находившійся потомъ, въ 1849 году, въ составѣ ломбардской дивизіи; всевозможныя пожертвованія деньгами и припасами были сдѣланы жителями Брешии для сардинской арміи.

Слѣдуя системѣ, принятой графомъ Радецкимъ, командующій корпусомъ, расположеннымъ, въ венеціанскихъ земляхъ генералъ Гайнау, оставленный правителемъ Ломбардіи во время отсутствія фельдмаршала, наложилъ на Брешию, за ея особенное сочувствіе къ Сардинцамъ, контрибуцію въ 520 тысячъ лиръ, которыя они должны были уплатить 23 марта.

Въ брешийскомъ замкѣ, расположенномъ на горѣ, господствующей надъ городомъ, находилось 500 австрійскихъ солдатъ въ гарнизонѣ.

Когда въ назначенный день комендантъ замка явился въ думу, для полученія денегъ, жители, уже приготовленные эмигрантами, еще наканунѣ прибывшимъ въ городъ изъ Швейцаріи, возстали и задержали коменданта плѣнникомъ. Народъ вооружился чѣмъ попало и атаковалъ цитадель, но всѣ усилія его овладѣть замкомъ остались тщетными.

Увѣдомленный о возстаніи, Гайнау отправилъ генерала Нугента съ двумя батальонами пѣхоты и эскадрономъ кавалеріи для усмиренія города. Генералъ этотъ прибылъ къ Брешии 26 и потребовалъ изъявленія покорности. Жители, воодушевленные слухами о побѣдахъ піемонтской арміи, отвѣчали: «Мы будемъ защищаться до тѣхъ поръ, пока городъ не будетъ обращенъ въ пепель.» Три атаки Нугента были отбиты, и генералъ этотъ, сильно раненный въ ногу, принужденъ былъ уѣхать въ Миланъ.

Гайнау, узнавъ объ этомъ, немедленно направилъ къ Брешии три тысячи изъ корпуса, блокировавшаго Венецію, и самъ, прибывъ къ отряду 31-го марта, принялъ начальство надъ всѣми войсками, осаждавшими городъ. Въ этотъ же день отправленъ былъ парламентаръ въ городъ съ требованіемъ безусловной покорности и съ угрозою сжечь городъ въ случаѣ сопротивленія: «вы знаете меня, писалъ онъ, я никогда не измѣняю моему слову.» Жители, зная, что, вслѣдствіе побѣдъ піемонтской арміи, Австрійцы должны будутъ отступить за Адиджъ, послали къ Гайнау, въ отвѣтъ, увѣдомленіе о побѣдахъ Карла-Альберта,

полагая, что Гайнау не имѣеть еще никакихъ извѣстій изъ дѣйствующей арміи.

Вмѣсто того, чтобы, подождавъ немного, дать возможность жителямъ убѣдиться въ томъ, что слухи, дошедшіе до нихъ, совершенно ложны, и что сопротивленіе бесполезно, Гайнау отвѣчалъ: «я знаю что произошло, и если черезъ два часа городъ не сдастся, я обращаю его въ пепель.» Жители, ожидая ежеминутно прибытія на помощь сардинской арміи, рѣшились защищаться. Они послали къ Гайнау священника, съ извѣщеніемъ, что каждый выстрѣлъ по городу будетъ стоить жизни одному изъ плѣнныхъ Австрійцевъ; но они еще не знали хорошо Гайнау, — подобная угроза не могла остановить его; онъ приказалъ атаковать городъ. Брешианцы сражались отчаянно; каждый домъ превратился въ укрѣпленіе, каждая улица въ плацъ битвы. Мы приведемъ здѣсь письмо Гайнау къ Радецкому объ этомъ штурмѣ.

«Я никогда не думалъ, пишетъ онъ, что можно защищать такое дурное дѣло съ такимъ мужествомъ. Всѣ усилія войскъ въ день 31-го марта были напрасны. 1-го апрѣля, съ разсвѣтомъ, звукъ колоколовъ въ городѣ возвѣстилъ, что жители готовы къ новой защитѣ; сраженіе началось съ величайшимъ ожесточеніемъ со стороны мятежниковъ. Я приказалъ тотчасъ открыть жестокое бомбардированіе и далъ сигналъ къ общей атакѣ. Большія потери, которыя мы понесли, и упорное сопротивленіе непріятеля, принудили меня поступать съ величайшею строгостью. Я приказалъ не брать плѣнныхъ, а убивать на мѣстѣ всѣхъ, кого возьмутъ съ оружіемъ въ рукахъ, и зажигать всѣ дома, изъ которыхъ стрѣляли. Пожаръ и бомбардированіе разрушили городъ....»
и т. д.

Письмо это достаточно говорить, что тамъ дѣлалось; прибавимъ только, что полгорода было сожжено и четверть всего населенія погибла. Недовольный однако этимъ строгимъ наказаніемъ, Гайнау, послѣ взятія города, приказалъ жителямъ, на ихъ счетъ, въ теченіи полугода выстроить всѣ дома, разрушенные во время бомбардированія, заплатить правительству контрибуціи шесть милліоновъ лиръ, триста тысячъ — раненымъ и сиротамъ убитыхъ и, сверхъ того, каждому австрійскому солдату, находившемуся во время штурма, дать прибавки къ жалованію въ день по одной лирѣ (немного менѣе 25 к. сереб.), а офицерамъ денежное вознагражденіе, пропорціональное окладамъ каждаго. Потомъ приказано было, на счетъ города, выстроить памятникъ австрійскимъ солдатамъ, павшимъ въ сраженіи.

Денежнымъ наказаніемъ не кончилось, — начались розыски, допросы, арестованія, тѣлесныя наказанія женщинъ и дѣтей и разстрѣливаніе мужчинъ.

Трудно повѣрить, что 9-го іюля, то-есть три мѣсяца спустя послѣ взятія Брешии, шестеро изъ гражданъ этого города были повѣшены, на другой день еще шесть, и такъ далѣе, въ теченіи нѣсколькихъ дней, съ изысканною жестокостію. И это не выдумка озлобленныхъ Италіянцевъ, — это говорятъ официальные документы: правительственные газеты и журналы (1).

Въ августѣ мѣсяцъ заключенъ былъ миръ Сардиніи съ Австрією. Границы обоихъ государствъ остались тѣ же, какъ и до войны. Викторъ-Эммануилъ отказался отъ притязаній на Парму и Модену, и Сардинія обѣщала заплатить Австрійцамъ 65 милліоновъ франковъ. Король ничего не успѣлъ выговорить въ пользу ломбардскихъ эмигрантовъ и Венеціи, которая держалась еще съ замѣчательнымъ мужествомъ.

И. С.

(1) Система террора вошла въ привычку всѣхъ государственныхъ людей Австріи того времени. «Пятнадцать дней ужаса поведутъ за собою пятнадцать лѣтъ спокойствія», сказалъ Радецкій, когда депутація Милана жаловалась вице-королю на солдатъ, вступившихъ въ стычку съ народомъ 3 и 4 января 1848 года.

ИТАЛІЯНСКІЙ ВОПРОСЪ

I.

Священный союзъ между Австріей, Пруссіей и Россіей, былъ заключенъ для защиты отъ завоевателей и для подавленія революціоннаго духа. Французская революція, съ деспотизмомъ дѣйствій и съ знаменемъ свободы, а также безконечныя войны Наполеона произвели на Европу такой испугъ, что ей, по самому естественному побужденію, захотѣлось найти средство, какъ бы оградить себя на вѣки вѣчныя отъ такихъ внезапныхъ и ужасныхъ потрясеній. Франція не могла приступитъ къ этому соглашенію. Оно преимущественно имѣло ее въ виду и было направлено противъ ея вліянія. Англія также осталась въ сторонѣ: мѣшали ли ей ея внутреннія учрежденія, понимала ли она непрочность средствъ, неясность цѣли и двусмысленность побудительныхъ причинъ союза, или знала она тогда уже, что дни его сочтены, и что различіе государственныхъ интересовъ не уничтожается въ своей роковой сущности ни дружбой монарховъ, ни подписью договоровъ. Поэтому священный союзъ явился на политической аренѣ въ образѣ тройственности, въ числѣ, которое съ давнихъ временъ запечатлѣно таинственнымъ, символическимъ и религіознымъ характеромъ. И точно, стремленія союза, поскольку они высказались, имѣли въ себѣ что-то мистическое. Самое названіе свя-

щеннаго указывало точку отправленія и взглядъ на предпоставившія событія. Они были, повидимому, въ глазахъ союзныхъ правительствъ не что иное, какъ отступленіе отъ правилъ нравственности, забвеніе Господнихъ заповѣдей, нарушеніе законовъ, которые, будучи однажды изданы, должны вѣчно соблюдаться. Это воззрѣніе исключало измѣняемость понятій, признавало существующій порядокъ за единственно-правильную форму и отрицало всякую долю правды во всякомъ желаніи переменъ. Тутъ исторія разсматривалась какъ трупъ, который вѣрно не тронется съ того мѣста, куда его положить. Трактатъ 1815 года назначилъ—какъ и гдѣ кому быть, а священный союзъ закрѣпилъ его своими нравственно-религіозными положеніями. Воля Провидѣнія и безъ того лежитъ на ходѣ исторіи. Не безъ участія Неба движется земля. Союзъ державъ, хотя бы и первоклассныхъ, не можетъ безнаказанно братья за то, что составляетъ долю Неба въ исторіи человечества. Не все прошедшее грѣхъ, не все будущее—преступленіе. Теперь, когда мы оглядываемся назадъ, когда разыгранная драма кончилась, и зрители, развѣхавшись по домамъ, могутъ спокойно обсудить полученныя впечатлѣнія, намъ невольно, самъ собою, представляется вопросъ: отчего такой необыкновенный страхъ обуялъ въ то время кабинетами, и что побуждало дипломатію поставить своею задачею осуществленіе заоблачныхъ теорій? Дипломатія хотѣла отвратить возможность завоеваній, но тогдашнія событія скорѣе внушали увѣренность, чѣмъ возбуждали сомнѣніе. Что Франція, въ концѣ концовъ, завоевала? Эти лавры, которые сыпались въ неисчислимомъ количествѣ на голову Наполеона, превратились ли въ какое-нибудь существенное приобрѣтеніе, въ клочокъ земли, въ новыхъ подданныхъ? Что Франція выиграла и чего не проиграла? Исходъ наполеоновскихъ побѣдъ, и для великаго полководца, былъ такъ ужасенъ, что могъ служить и достаточнымъ урокомъ и достаточнымъ доказательствомъ тѣхъ силъ, того разумѣнія, того единодушія, какими обладала уже Европа для усмиренія нарушителей ея спокойствія. На дѣлѣ оказалось, что завоевателей, еслибъ они представлялись даже въ образѣ Наполеона Перваго, нечего особенно бояться. Итакъ достойнымъ вниманія и предварительныхъ мѣръ могъ показаться только революціонный духъ. Онъ внушалъ основательныя опасенія. Отъ него слѣдовало застраховать Европу. Но неужели можно было думать, что, и безъ заранѣе составленнаго союза,

не соединятся внезапно воѣ державы, если снова возникнуть тѣ сцены крови и безумія, которыя такъ страшно прославили послѣдніе годы прошлаго столѣтія? Неужели, еслибы гдѣ-нибудь стали опять проповѣдывать равенство, и чтобы провести эту идею во всей ея полнотѣ, до самыхъ крайнихъ предѣловъ, сравнять людей даже ростомъ, начали имъ рубить головы, то европейскія государства, безъ всякихъ предварительныхъ договоровъ, не возстали бы дружно противъ такихъ теоретиковъ, какими часто являлись Французы? Въ книгахъ ихъ теоріямъ не достаесть послѣдовательности, въ дѣйствіи они бывали ужасны ею. Кажется, что именно неистовства революціоннаго духа, по впечатлѣнію, какое они произвели и какое должны произвести во всякое время, не вызывали на преждевременное соглашеніе, ибо оно состоялось бы тотчасъ при наступленіи событія. Скажутъ, должно было предупредить его, но въ чемъ же заключается забота каждаго правительства? Чувство самосохраненія присуще ему и безъ договоровъ. Договоръ не предупреждаетъ, а усмиряетъ. Надежда на усмиреніе ослабляетъ заботу о предупрежденіи. Предвареніе зависитъ отъ хода государственной жизни внутри самаго государства. Для того, чтобы тутъ вести дѣла хорошо и разумно, не нужно ни съ кѣмъ договариваться, ожидать внѣшней помощи и налагать на себя новыя обязанности. Они уже наложены разумомъ, иными, высшими законами. Договоръ въ подобныхъ случаяхъ есть не что иное, какъ условіе доставить, при надобности, матеріальную силу, а страхъ матеріальной силы не предупреждаетъ въ исторіи безнадежныхъ попытокъ и человѣческаго безумія. Сила должна подтверждать истину: тогда поднятый вопросъ разрѣшается окончательно, и остается только скорбный слѣдъ той мысли, что для убѣжденія людей нужны иногда не одни духовныя средства. Если сила вызывается на услуги лжи, эгоизму, невѣжеству, то, безъ сомнѣнія, можетъ дать просторъ беззаконіямъ всякаго рода и заставить нѣсколько поколѣній прожить на землѣ, какъ ей угодно; но корень болѣзни не уступитъ лѣтарству и не потеряетъ свойствъ растительности отъ того, что несмѣтное число больныхъ сойдетъ въ могилу съ отупѣлыми головами и съ отчаяніемъ въ сердцѣ. «Молчи, не то я убью», тутъ конечно разговоръ становится невозможнымъ, и удовольствіе бесѣды прекращается. Но что жъ изъ этого выйдетъ? Мы увидимъ, что одинъ силенъ, другой слабъ, одинъ вооруженъ, другой нѣтъ, одному хотѣлось бы погово-

рять, другой не расположенъ слушать. Взаимныя отношенія собесѣдниковъ сдѣлаются для насъ совершенно ясны, а между тѣмъ мы не будемъ вполне удовлетворены. На сценѣ, кромѣ нихъ, окажется еще третье лицо, это самый предметъ разговора, вызвавшій страшную угрозу. Что станется съ нимъ, съ предметомъ? потерпѣть ли онъ какой-либо уронъ? нанесется ли ему, въ его духовной неприкосновенности, какая-нибудь легкая рана? Обезпечивая Европу отъ покушеній революціоннаго духа, священный союзъ, по логической необходимости, принявъ на себя обязанность оказывать оружіемъ содѣйствіе правительствамъ въ ихъ распряхъ съ подданными. Такого рода содѣйствіе не надолго приводитъ къ желанной цѣли. Оно унижаетъ тѣхъ, кто въ немъ нуждается, оно въ сущности не помогаетъ, а губитъ, ибо служитъ несомнѣннымъ признакомъ, что всѣ духовныя связи враждующихъ сторонъ порваны, а какое правительство, въ какомъ бы ни находилось положеніи, согласится на подобное признаніе, и выгодно ли ему заявить эту печальную дѣйствительность? Съ одной стороны, всѣ требованія, возникшія во время тогдашнихъ переворотовъ, были осуждены Европою отъ лица священнаго союза; съ другой, она признала законность нѣкоторыхъ требованій, ибо сама побудила Людовика XVIII или, что все равно, одобрила его намѣреніе даровать Франціи конституцію. Изъ всего этого слѣдуетъ, что нельзя было обязать подавлять всѣ проявленія новыхъ потребностей.

Наконецъ, какіе интересы побуждали Россію вступить въ священный союзъ? Завоеваніе ей уже совсѣмъ не было страшно. Она почти не имѣла войска, когда пришелъ Наполеонъ, и между тѣмъ уцѣлѣла. Всякій Русскій побился бы объ закладъ, что если еще разъ какой-нибудь сказочный герой придетъ на ея поляны, то кончится тѣмъ же, походить, походить, и уйдетъ. Что прикажете съ Россіей дѣлать, какъ завоевать ее? О революціонномъ духѣ не стоило и не стоить думать. Откуда возьмется онъ? изъ какихъ началъ? изъ какихъ преданій? На какой незасѣянной почвѣ выростетъ? Что дѣлалось у другихъ снизу, у насъ шло сверху. У насъ власть въ той формѣ, въ какой она подвигла Россію на чудеса ея исторіи, сама возбуждала движеніе впередъ и была поборницей, исходнымъ началомъ нововведеній по всѣмъ отраслямъ образованности. У другихъ власть имѣла консервативный характеръ, она упорствовала, боролась съ натискомъ идей, возникавшихъ въ низшихъ слояхъ общества. У насъ, напротивъ, въ обществѣ,

въ народѣ, былъ виденъ принципъ космична, въ правительствѣ принципъ движенія. Образовательная сила, сила, стремящая впередъ, дотога присуща у насъ власти, что составляетъ ея историческій смыслъ, первое условіе ея историческаго бытія, всю святость ея призванія и все право на благословія народа. Идея, которую она представляетъ, выразилась рѣзко въ Петръ Великомъ. Безъ этого направленія власть у насъ не мыслима и не мыслимо европейское значеніе и могущество Россіи.

Очевидно, кажется, что Россія приступила къ союзу не изъ корыстныхъ видовъ, а изъ участія къ ближнему и по убѣжденію въ святости теоріи, положенной въ основу договора. Странное дѣло! Чтò въ дѣйствіяхъ частнаго человѣка производятъ высоко-нравственное впечатлѣніе и потому имѣетъ благотворное вліяніе, то, перенесенное въ сѣру международныхъ отношеній, теряетъ эту духовную прелесть и даетъ горькіе плоды. Человѣкъ, добровольно погившій жертвою ученія, хотя и ложнаго, съ самозабвеніемъ стоявшій за безопасность себѣ подобнаго, за честь, за правду, за независимость, есть одно изъ прекрасныхъ явленій, въ награду которыхъ исторія раздастъ свои вѣнцы. Человѣкъ чѣмъ болѣе забываетъ себя, тѣмъ болѣе помнить его. Но если государство возьмется за подвиги самоотверженія, выйдетъ ли изъ нихъ утѣшительное слѣдствіе? Забьется ли чье-нибудь сердце благороднѣе, и какими лаврами посыплется могила народа, уходившаго себя самого на пользу сосѣда? Я не хочу сказать, что народъ относительно другихъ народовъ долженъ быть глухъ къ воплю страданій, къ голосу угнетенныхъ, къ наглому искаженію правды,—моя мысль та, что государство только тогда поступитъ вѣрно, когда подвигъ его будетъ отраженіемъ существенной потребности, когда оно ополчится за другихъ не съ самозабвеніемъ, а съ сознаніемъ, принесетъ жертвы, но соберетъ и плоды, то-есть не станетъ задавать себѣ задачъ по указаніямъ отвлеченнаго понятія. Чѣмъ меньше человѣку пользы отъ его участія въ судьбѣ ближняго, тѣмъ человѣкъ выше; государство же чѣмъ болѣе благъ извлекаетъ для себя изъ совершеннаго добра; чѣмъ это добро и подвиги во имя справедливости необходимѣе его насущнымъ потребностямъ, тѣмъ громаднѣе значеніе государства. Одни говорили: все существующее незаконно; другіе сказали противное. Одни отрицали жизнь въ ея коренныхъ, неизмѣнныхъ началахъ; другіе признали за нею право существованія, предписать ей учено-кабинетныя условія и не упомя-

нубъ въ нихъ о ея творческой дѣятельности. Россія, какъ юноша, полный свѣжихъ силъ, увлеклась формулой, которая разрѣшала всѣ задачи и успокаивала сомнѣнія ума, правиломъ, не допускавшимъ исключеній, возможностью одолѣть всѣ препятствія и однажды навсегда положить конецъ всѣмъ не-приятностямъ. Она исполнила честно данное слово и долго, долго оставалась вѣрна ему. Направленіе политики измѣняется не вслѣдствіе размышленій и раскаянія, а по вліянію какого-нибудь событія, которое не помѣстится въ составленную раму и потребуетъ отъ нея иныхъ размѣровъ. Въ политикѣ обыкновенно открываетъ глаза фактъ. Она имѣетъ упрямый характеръ. Она, покуда обстоятельства не сгоняютъ ея, ни за что не сойдетъ съ того пути, по которому заблагоразсудила отправиться. Она недавно еще любила научныя построенія, системы, принципы, опредѣляла естественныхъ враговъ, кидалась въ объятія вѣрнымъ друзьямъ и полагала, что Божій міръ срывается съ оси, когда жизнь громоздила передъ нею явленія, не подходившія подъ ея категоріи. Ей было еще недовѣдомо, что лучшая система, это—не имѣть никакой, а слѣдить зорко за неотвратимыми требованіями и интересами жизни, приглядываться къ ея естественному ходу и не думать, что пріязненныя или родственныя отношенія могутъ всегда улаживать государственныя интересы и пролагать куда угодно русло исторіи. Законы вѣчной правды даны, всѣмъ извѣстны и понятны. Есть свѣтъ, и можно не заблудиться. Конечно тутъ не обходится безъ большаго труда и великой мудрости. Впрочемъ дѣло просто: надо отстаивать существенныя интересы, а не ихъ подчинять заранѣе нарисованному плану. Россія въ ту самую минуту, какъ былъ подписанъ договоръ священнаго союза, утратила уже нѣсколько выгоды своего положенія. Занявшая высокое мѣсто въ ряду европейскихъ государствъ своимъ огромнымъ содѣйствіемъ къ сокрушенію Наполеона, она сошла съ пьедестала именно тѣмъ, что приняла на себя обязанности, которыя собственно ей ни на что не были нужны. Еслибъ она показала немного болѣе совершенно непредосудительнаго эгоизма и сохранила въ эту благопріятную минуту полную независимость, и еслибы современемъ обратились къ ней съ просьбой о помощи, то это обращеніе было бы неминуемо сдѣлано не только къ ея матеріальнымъ, но и къ нравственнымъ силамъ, за нею оставалось бы право судья, вмѣшательства оружія и разума, у нея была бы полная свобода дѣйствій. Она

предписала бы условія, а не находилась бы въ необходимости исполнять ихъ. Договоръ лишалъ ее этого величія и давалъ чувствовать, что будетъ настоять надобность не въ ея разсужденіяхъ, а въ ея штыкахъ. Въ услугъ, въ благодѣяніи, въ милосердіи, чѣмъ болѣе личнаго произвола, тѣмъ они и нравственнѣе и обязательнѣе для тѣхъ, кому оказаны. Изъ началъ вышли роковыя слѣдствія. Россія была для европейскихъ народовъ, и едва ли не остается теперь, землею невѣдомою, баснословнымъ краемъ. Европа знала только, что тамъ гдѣ-то, въ гиперборейскихъ странахъ, безъ шума, безъ огласки, соединились въ одно цѣлое какіе-то разнохарактерные Скивы и заняли безконечныя пространства. Европу поражалъ географическій фактъ существованія Россіи, которая не росла постепенно на ея глазахъ, а внезапно, во всеоружіи, вышла передъ нею изъ головы Юпитера. Европа не цѣнила количества жизненной силы, необходимой для роста такого государства, и, не отдавая себѣ отчета, по смутнымъ понятіямъ, воображала, что оно создано восточною хитростью и дикимъ богатырствомъ. Подъ матеріальнымъ могуществомъ, подъ необъятною громадною и даже подъ замѣтнымъ направленіемъ, уклонявшимся всегда отъ совершеннаго застоя, свойственнаго единожды сложившимся монархіямъ Востока, Европѣ не чудилось ничего, кромѣ варварскихъ привычекъ и бездонной пропасти невѣжества. Но она не имѣла къ Россіи непріязненнаго чувства и не боялась, что, по милости ея, можетъ сдѣлаться со временемъ казацкимъ царствомъ. Громили ли Русскіе Турокъ, отнимали ли у нихъ области, вступали ли въ Берлинъ, учился ли одинъ изъ нашихъ великихъ князей греческому языку, на случай, если будетъ греческимъ царемъ,—это не было для Европы сигналомъ тревоги, и мысль, пущенная въ оборотъ записками Ласъ-Казаса, сперва какъ острота, потомъ какъ предчувствіе зараждавшагося мнѣнія, никому не приходила въ голову. Россія дѣйствовала, ее ограничивали въ дѣйствіяхъ, она вела войны, побѣждала, дѣлала пріобрѣтенія, но все это принималось какъ простыя историческія событія. Съ ними или боролись, или ихъ допускали. Ей не приписывали сверхъестественныхъ наклонностей, несвойственныхъ другимъ государствамъ, замысловъ, гибельныхъ для цѣлой Европы, и вреднаго вліянія на нее. Она доставляла себѣ удовольствіе смотрѣть на насъ немного свысока, какъ учитель на учениковъ, похваливала, когда мы безъ запинки говорили наизусть заданный урокъ, вѣжливо преувеличивала наши успѣхи,

иногда льстила намъ, но вообще жила съ нами дружелюбно, въ къ ея увѣренности въ духовномъ превосходствѣ надъ нами не примѣшивалось нисколько чувства вражды. Она не признавала въ насъ ни идей, ни талантовъ, и даже побѣды Суворова въ Италіи объясняла грубымъ варварствомъ, которое позволяло ему не щадить людей. Мысль эта перешла въ Россію, и многіе, въ высшихъ слояхъ общества, предпочитали Суворову Румянцова, какъ полководца, дѣйствовавшаго не напропалую, а по соображеніямъ, основаннымъ на глубокихъ знаніяхъ науки. Это, повторяемъ, не мѣшало Россіи быть членомъ европейскаго семейства. И мы съ своей стороны, безъ всякой затаенной неприязни, смотрѣли на развитіе европейскаго просвѣщенія, желая искренно принимать участіе въ немъ. Я говорю не о суевѣрїи и предрасудкахъ массъ, а о тогдашнемъ направленіи нашей политики. Когда страшныя теорїи, примѣненные къ практикѣ, поколебали довѣріе къ этому просвѣщенію, мы не одни впали въ сомнѣніе, мы не выставились впередъ, гордо провозглашая, что намъ, по особенной благодати, поручено храненіе священнаго огня. Въ 1812 году пришли къ намъ, собственно говоря, не враги, а друзья. Они явились, чтобы вызвать наружу болѣе запасы нашихъ физическихъ и умственныхъ силъ, привести насъ въ большее общеніе съ остальнымъ міромъ, способствовать быстрѣйшему развитію нашей государственной жизни и, не вѣдая, чтѣ творять, въ купѣли крови окрестить насъ въ вѣру новыхъ идей, нужныхъ новому времени. Мы не тотчасъ уразумѣли таинственныя цѣли Провидѣнія и долго, долго сохраняли аристократическую пристойность при видѣ предлагаемыхъ даровъ. Эти друзья наши, или, если хотите, враги шли на насъ съ огнемъ и мечомъ, безъ желанія погибели намъ, недоумѣвая, за что, изъ какихъ благъ, за какія наши вины слѣдовало имъ драться съ нами. Ихъ привелъ поневолѣ тотъ, кому въ тогдашнюю минуту удивительно пошло бы названіе безпокойнаго человѣка, прилагавшееся послѣ безъ всякаго толку къ первому встрѣчному. Жажда какой-то безотчетной поэзіи, ненасытимая потребность все новыхъ, все несбыточныхъ и бесплодныхъ подвиговъ, привычка къ опьяненію на поляхъ сраженій отъ дымящейся крови и падающихъ царствъ не ослабили въ неутомимой душѣ Наполеона, и онъ посѣтилъ снѣжныя пустыни Гиперборейцевъ. Остатки его армій, пропавшихъ безъ вѣсти на мрачномъ сѣверѣ, подъ пепломъ пожаровъ и подъ льдами неслыханныхъ рѣкъ, нѣсколько храбрыхъ, уцѣлѣвшихъ

отъ холода и желѣза, приносили въ Европу впечатлѣнія ужаса. На ихъ воображеніи остался слѣдъ не плана войны, хорошо или дурно составленнаго, не хода сраженій и не кровавыхъ битвъ съ правильно-организованнымъ войскомъ. Имъ все мерещились однѣ невиданныя прежде картины: безлюдныя жилища, неза-селенныя пространства, сугробы, снѣга, оцвѣпѣлыя воды, морозы, жестокіе морозы, и густыя бороды казаковъ и ратниковъ, которыхъ плѣнные Французы называли тогда солдатами по случаю (*soldats de circonstance*). Эти разказы о неописанныхъ бѣдствіяхъ, о суровой природѣ, о дикихъ физиономіяхъ, не были однакожь пропитаны злобой и не возбуждали въ слушателяхъ охоты приписывать намъ аттиловскія поползновенія. Трагическая повѣсть раздражала любопытство не страхомъ опасности, а занимательностью чудеснаго содержанія.

Когда обитатели этого царства зимы прошли Европу изъ конца въ конецъ съ оружіемъ въ рукахъ, то въпервыхъ она вся, даже низшіе слои ея населенія, прикованные обыкновенно къ мѣсту, гдѣ родились, видѣли, что русское войско не состоитъ изъ казаковъ, похожихъ будто бы на рати Монголовъ; во вторыхъ, можно безъ преувеличенія сказать, что наша армія была встрѣчена вездѣ, и у союзниковъ, и у непріятелей, радушнѣе, съ большимъ сочувствіемъ, чѣмъ всѣ другія арміи. Хотя русскій солдатъ не могъ объясняться ни съ кѣмъ на его родномъ языкѣ, но русскаго солдата вездѣ понимали и вездѣ полюбили. Дьяволъ оказался не такъ дурень, какъ его рисуютъ. Положимъ, что мы находились тогда въ исключительныхъ обстоятельствахъ, и что насъ принимали какъ избавителей, которые нанесли смертельную рану тому, кто утомилъ своимъ геніемъ побѣдъ и тѣхъ, кого прославилъ, и тѣхъ, кого унижилъ. Но, независимо отъ положенія, въ самомъ характерѣ нашемъ не оказалось для народовъ тѣхъ отталкивающихъ свойствъ, тѣхъ историческихъ преданій, по милости которыхъ Французъ встрѣчалъ Англичанина или Нѣмца не такъ любезно, какъ насъ, а Англичанинъ былъ съ Французомъ менѣе сносенъ, чѣмъ съ нами. Конечно, русское войско посѣщало и прежде Европу, но оно не заходило во Францію, а даже до сихъ поръ, чтобы получить извѣстность за свои достоинства или недостатки, надо побывать на языкѣ у Французовъ. Имѣли ли побѣжденные нужду въ великодушіи, Русскіе первые приходили имъ на мысль; желали ли союзники нани, чтобы, при раздѣлѣ плодовъ побѣды, каждому изъ нихъ досталось на часть какъ можно побольше, они были увѣ-

рены, что русскій кабинетъ не внесетъ жадности эгоизма въ эти горячіе переговоры. Всѣ надѣялись на наши рыцарскія чувства, всѣ ждали ихъ отъ насъ и какъ будто ставили намъ ихъ въ обязанность. Полагали ли иностранцы, такъ хорошо расположенные къ намъ въ ту минуту, что мы обладаемъ тѣмъ всеобъемлющимъ и просвѣщеннымъ могуществомъ, которое не любитъ обуздывать благородныя побужденія сердца, или что простодушные варвары, неиспорченные образованностію, не будутъ слишкомъ разчетливы,—это все равно. Не отъ Англичанъ и Нѣмцевъ ждала Франція помилованія. Не ими побѣжденною хотѣлось ей признавать себя. Ея надежды сосредоточивались на русскомъ государѣ, и онъ оправдалъ ихъ, насколько могъ. Подъ его влияніемъ нашествіе озлобленныхъ народовъ приняло человѣколюбивый, рыцарскій характеръ, и въ послѣдствія были смягчены условія, замышленные побѣдителями. Онъ при дипломатическихъ переговорахъ, основанныхъ впрочемъ на старыхъ началахъ, возвышалъ голосъ не въ пользу однихъ правительствъ, и русскій государь внушилъ къ себѣ искреннюю любовь, къ нему обращались восторги народовъ, вызванные происшествіями войны и мира. Россія пріобрѣла европейскую популярностъ. Не одно уже русское правительство стало извѣстно Европѣ, она, въ лицѣ нашей арміи, познакомилась ближе съ самими Русскими и зажила съ нами дружелюбно. Мы, такъ сказать, удивили общее мнѣніе и завладѣли его ненадежнымъ расположеніемъ.

Великія событія, въ которыхъ исторія призвала насъ играть важную роль, и многія свойства нашей природы подняли насъ на высоту: искусственность нашихъ возрѣній уронила насъ. Въ практикѣ мы шли сначала по прямому пути, теорія сбита потомъ насъ съ толку. Священный союзъ былъ излишнимъ прибавленіемъ къ трактату 1815 года, напрасною роскошью. Побѣдители, въ упоеніи побѣды, полагали, что и будущее, самое далекое, самое невидимое, не уйдетъ отъ ихъ предусмотрительности, какъ не спаслось настоящее отъ ихъ оружія. Они думали, по выраженію англійскаго журнала *Times*, посадить на цѣпь вѣтеръ и, подобно датскому королю Кануту, отдать приказаніе морскимъ волнамъ, чтобы не напирали на берегъ.

Впечатлѣніе, произведенное на Европу нашею арміею и нашимъ государемъ, стало приходить въ забвеніе, умолкли крики побѣдъ и громъ пушекъ, прекратилось страшное передвиженіе вооруженныхъ массъ, и улеглись воды бунтовавшаго океана. Тогда другіе вопросы выросли изъ земли. Гдѣ жъ хваленныя блага

мира, гдѣ исполненіе столькихъ надеждъ и столькихъ обѣщаній? Того уже нѣтъ, на кого подъ конецъ взваливались всѣ вины, и кто одинъ былъ будто бы причинойъ всѣхъ слезъ, всѣхъ страданій, всей невинно-пролитой крови. Терялась наша популярность. Опять Россія, связанная съ Европой, кажется, накрѣпко разными протоколами, начала, въ мнѣніи народовъ, отдѣляться отъ нея, рисуясь на мрачномъ фонѣ сѣвера одинокимъ, таинственнымъ и зловѣщимъ призракомъ. Россію стали называть колоссомъ. Предположеніе Наполеона, что Европа можетъ сдѣлаться казацкимъ царствомъ, явилось на сцену. Чего не говорили о насъ? и—что мы опасны, какъ Гунны, и—что намъ противенъ малѣйшій запахъ свободы, самый легкій вздохъ отъ нестерпимой боли, и—что мы лукавимъ, какъ Азіятцы, и—что всѣхъ подучаемъ или приневоливаемъ. Если какое-нибудь государство принимало стѣснительныя мѣры и на самыя скромныя требованія отвѣчало дикимъ насиліемъ, это было не что иное, какъ давленіе сѣвернаго колосса. Колоссъ поставилъ себя въ такое положеніе, что былъ во всемъ безъ вины виноватъ. А потому съ нами случилось то, чего не бывало еще въ нашей исторіи, и что чрезвычайно замѣчательно. Когда и для насъ наступили дни бѣдствій или, вѣрнѣе сказать, дни спасенія нашего отъ политики принципозъ и заоблачныхъ теорій, когда понадобились и намъ доказательства дружбы отъ нашихъ нѣжныхъ друзей, то ни между народовъ, ни между правительствъ не нашлось никого, кто бы протянулъ намъ пріязненную руку. Даже самъ константинопольскій патриархъ, отступая отъ формулы, узаконенной обычаемъ, не молился за своихъ единовѣрцевъ, а всенародно призывалъ благословеніе христіанскаго Бога на оружіе Агарянъ. До такого отчужденія дошли мы по милости священнаго союза! Но кому же онъ существенно былъ нуженъ, если мы вступили въ него не изъ личныхъ выгодъ? Для уясненія этого вопроса необходимо обратиться къ Вѣнскому Конгрессу и трактату 1815 года.

Мы сказали, что онъ имѣлъ въ основаніи старья начала. И точно. Обсужденію вѣнскаго конгресса подлежало много предметовъ. Богато было содержаніе, широка рама. Передъ нимъ лежали въ развалинахъ вѣковыя зданія и временныя постройки, сколоченныя наскоро духомъ войны и безпредѣльнаго самовластія. У его ногъ валялся неприбранный вѣнецъ съ головы плебея, коронованнаго папой и недавно еще боготворимаго, по единому праву случая, счастья, таланта, съ тѣмъ

самымъ фанатическимъ умилениемъ, которое считалось исключительною данью другимъ могуществамъ и не должно было, по заведенному порядку, разнѣжить человѣческое сердце передъ такимъ кумиромъ.

Разнообразіе идей, пущенныхъ въ оборотъ французскою революціей и передъ нею, общеніе, въ какое были приведены народы походами Наполеона, напряженное вниманіе умовъ, ожидавшихъ, чѣмъ вся эта исторія кончится, какъ отдѣлится въ ней ложь отъ истины, преходящее отъ вѣчнаго, словомъ, масса вопросовъ, внутреннихъ и внѣшнихъ, пугала воображеніе. Теперь, послѣ совершившагося событія, объясненнаго и книгами и послѣдствіями, когда уже все стали одинаково премудры и догадливы, намъ кажется чрезвычайно странно, какимъ образомъ великіе государственные умы, люди опыта и знаній, не замѣтили, что видѣется ясно земля новаго свѣта и начинается новый періодъ исторіи. Они не очень обезпокоились трудностями дѣла и приступили къ нему безъ особенныхъ церемоній, взяли одну внѣшнюю, формальную сторону его, и разсѣкли узель Александровымъ мечомъ. Я не строю утопій и не хочу сказать, что надлежало разорвать со всемъ старымъ и выступить на дорогу, гдѣ не было слѣда. Новое должно быть продолженіемъ, отнюдь не началомъ. Новое тогда только истинно, когда вытекаетъ изъ стараго. Но бояться слѣдствій и возвращаться къ причинамъ, которыя ихъ произвели, но думать, что у тѣхъ же причинъ можно уничтожить тѣ же роковыя слѣдствія, — эта юношеская мечта не сбывается. Указаній, признаковъ, чему должно уступить и о чемъ надобно преимущественно позаботиться, скопилось много къ тому времени, въ которое засѣдалъ вѣнскій конгрессъ. И между тѣмъ двѣ только мысли вошли въ составъ протоколовъ 1815 года: династическіе интересы и равновѣсіе Европы. Династическіе интересы поставили каждаго Нѣмца въ весьма-затруднительное положеніе: они создали ему, какъ говорится въ Германіи, тридцать шесть отечествъ (*sechs und dreissig Vaterländer*). Надо было никого не обидѣть, ни князя липше-детмольдскаго, ни князя вальдекскаго, ни иныхъ великихъ и простыхъ герцоговъ. Равновѣсіе потребовало великолѣпной оправы для драгоценнаго перла въ діадемѣ Европы, — для Австріи. Я не упоминаю о другомъ европейскомъ сокровищѣ, о Турціи. О ней не было рѣчи на вѣнскомъ конгрессѣ да и не настояло надобности:

всякій зналъ и безъ того, что эта неприкосновенная святыня должна быть окружена общимъ уваженіемъ.

Лудовикъ XVIII, вѣрный своей политической религіи, велъ счетъ своему царствованію со смерти своего несчастнаго племянника и не признавалъ за дѣйствительно случившееся ничего, что произошло во время его изгнанія. Онъ хотѣлъ думать, что, живя въ Митавѣ, благополучно царствуетъ во Франціи. Подражатели ему, хотя и несовершенно рабскіе, нашлись на вѣнскомъ конгрессѣ. Они тоже придерживались особеннаго лѣтосчисления и тоже нѣсколькимъ, очень замѣчательнымъ годамъ сказали: васъ не было. На мѣстахъ разрушенія воздвиглись зданія не въ духѣ новѣйшей архитектуры, а приноровленные къ старому стилю. Европа уравнилась. Для такого мудренаго дѣла клалась на вѣсы племена, народы, царства, и если стрѣлка колебалась, то эти чугунныя гири перекаладывались съ одной тарелки на другую. Австрійцы вышли легки, подбавили Итальянцевъ; не тянули Голландцы, придали имъ тяжести полу-Французами. Казалось, какому тутъ быть равновѣсію? но стрѣлка остановилась недвижима. Видно вѣрно, видно хорошо. Конечно, распредѣлять государства по національностямъ—это неосуществимая мечта, вредная даже имъ самимъ въ извѣстномъ положеніи и при извѣстной степени развитія. Такое правило безъ исключеній было бы также своего рода насиліемъ, страстью, отвлеченною теоріей и революціоннымъ приемомъ. При совѣщаніяхъ, гдѣ требуется разумное разрѣшеніе затрудненій, допускается только исполнимое. Но національности однакожь существуютъ, у нихъ есть часто неизсякаемая струя жизни, историческое отвращеніе, историческое сочувствіе, глухая злоба, скопившаяся на сердцѣ отъ долгихъ страданій. Сліяніе иныхъ національностей бываетъ физически-невозможно, а подчиненіе иныхъ одна другой даетъ самое горькое содержаніе для самыхъ горькихъ страницъ исторіи. Эгоистическое или неумышленное невѣдѣніе національностей было первостепенною и не современною ошибкой вѣнскаго конгресса. Что за странное направленіе, что за непостижимый складъ ума! Интересы какого-нибудь нѣмецкаго владѣтеля, который отъ лица своего государства, по силѣ союзнаго акта, представляетъ, въ случаѣ надобности для защиты Германіи, двухъ или трехъ солдатъ, были приняты къ серіозному соображенію, а въ то же самое время не услышанъ вопль народовъ, и ихъ заявленные потребности пройдены безъ вниманія, какъ будто возможно было умиротворить

самымъ фанатическимъ умиленіемъ
тательно данью другимъ могучимъ
заведенному порядку, развѣ
такимъ кумиромъ.

Разнообразіе иде
волюціей и пере
народы похоло
ожидавшихъ
ней ложь

вопросо
Тепер
гаму
му

Россия на этомъ «страш-
грѣхи одни шли ошуюю,
горячаго участія. Она сама,
положенію, избавлялась, безъ свя-
несправедливости и заблуж-
настоятельно въ домашнія, такъ-
привело бы къ благой цѣли. Выше
государь заботился не о правителяхъ
вычанныхъ особъ оказалъ сочувствіе на-
Александръ I возсталъ противъ нѣ-
хотѣла раздѣлить Францію, и не желалъ
Францію, которая хотѣла раздѣлить Францію, и не желалъ
Французовъ. Подъ его вліяніемъ, въ первую
Французовъ. Подъ его вліяніемъ, въ первую
въ первомъ трактатѣ влѣчена мысль, ка-
Россіи, Пруссіи и Австріи. Эту мысль онъ одинъ
отъ чего прочіе легко уклонились, по-
она все-таки не была выражена въ обязательной и
идеи

Но какимъ же образомъ свободная Англія, связанная съ Евро-
пой близкими отношеніями и огромными интересами, допустила
такую расправу съ ея жителями? Представительница правиль-
наго развитія, одаренная практическимъ пониманіемъ хода жизни
и ея глубокаго смысла, съ какою цѣлью признала она эти
кабинетныя построенія удовлетворительнымъ рѣшеніемъ задачи
и не обратила вниманія на малую прочность ихъ фундамента?
Гдѣ же былъ гордый духъ ея учреждений, когда лордъ Касслери
подписывалъ трактатъ 1815 года? Эгонистическая политика
Англіи, коварный Альбионъ, это вошло почти въ пословицу,
давно надоѣло и повторяется какъ тѣми, которые много зна-
ютъ и которыхъ все тревожитъ, такъ и тѣми, которые ничего
не знаютъ и которыхъ ничто не тревожитъ. Нельзя однакожъ
не замѣтить, что такого рода обвиненія слышались и въ са-
мой Англіи, отъ ея вѣрныхъ и лучшихъ сыновъ. Лордъ
Чатамъ защищалъ Америку, Фоксъ французскую револю-
цію, а лордъ Брумъ въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго сто-
лѣтія, въ одномъ изъ своихъ сочиненій, сказалъ, что если
Англичане любятъ свободу у себя, то не должны оставаться
къ ней холодны и у другихъ. Эта мысль не имѣетъ всеобщей
популярности въ Англіи. Англичанинъ допустить ее изъ ува-
женія къ логическому выводу, котораго нельзя опровергнуть;
изъ пристойности, свойственной благовоспитанному джентль-

ту, но не оттого, чтобы въ самомъ дѣлѣ признавалъ оди-
нственность своихъ правъ съ правами обитателей материка и
считалъ ихъ наравнѣ съ собою достойными тѣхъ благъ,
пользуется самъ. Англія даритъ міру картину своего
общественнаго и государственнаго быта, разумныхъ перемѣнъ,
совершаемыхъ умственною борьбой, а не силою кулака. Ан-
глія служитъ доказательствомъ, что съ практическою дѣятель-
ностію легко уживается и любовь къ наукѣ и непрерывное
движеніе идей. У нея есть послѣдователи всѣхъ истинъ, всѣхъ
химеръ и заблужденій. Она продаетъ лучшіе товары и даетъ
читать лучшую литературу. У нея банкиръ умѣетъ и вести
банкирскія дѣла, и написать превосходную исторію Греціи; канц-
леры казначейства находятъ время управлять англійскими фи-
нансами, говорить рѣчи въ парламентѣ, отбиваться отъ еже-
дневныхъ нападеній и сочинять толстые томы или о Гомерѣ,
какъ Гладстонъ, или о достовѣрности римской исторіи, какъ
Льюизъ, изумляя ученый міръ спеціальною знаніемъ и внося но-
вый свѣтъ въ сферу науки. Англія поднимаетъ вопросы о всемъ,
что облагораживаетъ существованіе человѣка; она усѣяна раз-
ными обществами, дѣйствующими ревностно, неутомимо и
щедро, для распространенія религіи, знаній, образованности,
на самыхъ отдаленныхъ точкахъ земнаго шара; она оплодотво-
ряетъ пустыни, проникаетъ всюду, и на дикіе острова, и въ
Срединную Имперію, и на дно океана, думая притомъ, не безъ
нѣкотораго преувеличенія, что ея интересы тождественны съ
общими интересами просвѣщенія, что ея преобладаніе болѣе
благодѣтельно, болѣе спасительно для человѣчества, чѣмъ вся-
кое другое. Я не берусь разбирать, до какой степени это убѣж-
деніе ея справедливо, но утверждаю только, что оно суще-
ствуетъ. Популярность Французовъ и преимущественное упо-
требленіе въ Европѣ французскаго языка, а не англійскаго, Ан-
гличанинъ объясняетъ не иначе, какъ вѣчнымъ господствомъ
безумія надъ разумомъ. Несмотря однакожъ на такое участіе
Англіи во всемірномъ развитіи, она полагаетъ себѣ извѣстныя
границы. Вотъ именно тутъ, гдѣ это дѣйствіе прекращается,
тутъ-то и возникаетъ поводъ къ нареканію. Англія не беретъ
на себя обязанности быть опекуншей человѣческаго рода.
Она доставляетъ пособія, представляетъ примѣръ,—перени-
май, пользуйся,—и избавляетъ себя отъ дальнѣйшихъ хлопотъ.
Въ англо-саксонскомъ характерѣ есть черта, которая была

главною причиною великихъ подвиговъ этого племени и крутыхъ мѣръ англійской политики. Англичанинъ родится съ надеждою на одного себя. *Help yourself, помогай самъ себѣ*, вотъ его основное правило. Правило въ высшей степени полезное для сильнаго и страшное для слабаго. Оно въ молодомъ обществѣ, какъ Американскіе штаты, доводитъ до анархіи. Американецъ уже слишкомъ помогаетъ себѣ. Онъ ждетъ защиты не отъ полиціи, не отъ законовъ, а отъ своего револьвера. Въ Англійи эти явленія устранены зрѣлостью общественнаго развитія. Но у англійской мысли корень тотъ же. Все это дотога, кажется, вѣрно, что напримѣръ нѣтъ страны, гдѣ бы болѣе пеклись о бѣдныхъ и устанавливали въ ихъ пользу такіе огромные сборы и налоги, какъ въ Англійи, а между тѣмъ нѣтъ также страны, гдѣ бы бѣднаго болѣе презирали. Бѣдность въ глазахъ Англичанина есть не что иное, какъ признакъ лѣни, неумѣнія и презрѣнія къ святому правилу *help yourself*. Есть награды, которыя тогда только приносятъ существенную пользу, когда заслужены; есть дѣла, которыя человѣкъ долженъ дѣлать самъ; есть ссоры, которыхъ постороннее вмѣшательство не прекратить. Оттого, и согласно своей степенности, Англичане не восторгаются криками свободы, а предпочитаютъ ея дѣйствительное проявленіе, хотя и въ ничтожномъ фактѣ, всѣмъ возгласамъ о правахъ человечества. Англичане не навязываютъ свободы съ штыкомъ въ рукахъ и предоставляютъ хлопотать о ней тѣмъ самимъ, которые увѣряютъ, что она имъ нужна. Отстраняя вопросъ, въ какой мѣрѣ положеніе народа всегда тождественно съ его нравственнымъ состояніемъ, съ его настоящими, а не мечтательными потребностями, и до какой степени онъ всегда стѣбитъ своего правительства, нельзя не согласиться, что англійское *help yourself* бывало причиною жестокаго равнодушія въ англійской политикѣ. Случалось вѣдь, что, какъ ни бейся, все не поможешь себѣ. Этого Англичане часто не хотѣли знать. Если затрогивались ихъ интересы, горе было тѣмъ, кто не умѣлъ помочь себѣ! Да кто же впрочемъ поступалъ иначе? Политику Англичанъ нельзя назвать хитрою. Это и пошло и не вѣрно. Она скорѣе властительна. Другіе, если раскрыть исторію, хитрили гораздо болѣе, желали хитрить отъ всей души, но хитрости исчезали незамѣченными, потому что, отъ недостатка силы, неимѣли успѣха. Хитрость на большой сценѣ не ведетъ къ цѣли и гра-

нличить съ тупоуміемъ, въ чемъ конечно невозможно упрекнуть Англичанъ. Да имъ и нельзя особенно хитрить. У нихъ все выводится наружу, обо всемъ говорится во всеуслышаніе цѣлаго міра, и не остается у вопроса ни одной стороны, которая не была бы обсуждена въ мельчайшихъ подробностяхъ. Но нельзя не сказать, что англійская политика заслуживала строгіе приговоры за надменное презрѣніе къ дѣлу успѣха у другихъ народовъ, и что этому обвиненію преимущественно подлежатъ торійскіе кабинеты. Чрезмѣрная гордость всегда наказывается въ человѣческихъ дѣлахъ. Отъ непрочности мира на материкѣ Европы не разъ уже страдали финансы Англій и великіе коммерческіе интересы этой торговой страны.

На вѣнскомъ конгрессѣ Англія, руководимая совѣтами торійскаго кабинета, не имѣла въ виду ни освобожденія народовъ, ни умиротворенія національностей. Передъ ея воображеніемъ носидись Наполеонъ и война, стоявшая ей такъ дорого. Англія хотѣла только отстранить всякую насильственную, матеріальную помѣху развитію европейской государственной жизни и установить то желанное равновѣсіе, которое упрочило бы блага мира. Въ ту минуту ей точно думалось, что драгоценное спокойствіе не нарушится, если великія державы уравниются, если Франція будетъ обрѣзана, и если совершится застрахованіе отъ фантазіи предприимчиваго властителя. Англія видѣла въ Французахъ своихъ исконныхъ враговъ и въ ту эпоху была особенно раздражена противъ нихъ, но признавала за ними и достаточно силы, и достаточно охоты, чтобы снова привести въ хаотическое состояніе европейскія стихіи. Могущество Россіи обнаружилось во всемъ поразительномъ блескѣ. Италіянцы, по тогдашнему общему мнѣнію, не потерявшему еще и теперь своей важности, считались народомъ неспособнымъ къ серіозной политической и независимой жизни. Ихъ исторія, безконечныя распри ихъ городовъ, вѣчныя междуусобицы, неумѣнье согласиться ни въ чемъ, возбуждали къ нимъ полное недовѣріе Европы. На Нѣмцевъ Англія смотрѣла безъ малѣйшаго опасенія и полагала, что они, развѣ только при самой тщательной обстановкѣ, могутъ быть полезны для общей цѣли, то-есть оплотомъ отъ новаго Наполеона или отъ Россіи.

Если Франція послѣ своего кроваваго протеста противъ всѣхъ властей, законовъ, вѣрованій, обычаевъ, привычекъ, очень легко перешла подъ ферулу военнаго деспотизма и

вслѣдъ за однимъ человѣкомъ ринулась съ неизмовѣрными послуханіемъ на цѣлый міръ; если она одна могла произвести такую суматоху, то что же будетъ, когда, по какому-нибудь непредвидѣнному случаю, не подходящему подъ правильные расчеты ума, явится Франція въ союзѣ съ Россіей, гдѣ шестьдесятъ милліоновъ ждутъ одного мановенія своего государя? Страхъ этой опасности, пренебреженіе къ Италіянцамъ и увѣренность въ слабости Нѣмцевъ, были причиною того нѣжнаго расположенія, какое оказано Австріи, и слишкомъ малой заботы о дѣйствительномъ единствѣ Германіи и прочномъ устройствѣ Италіи. Эти соображенія потушили послѣднія искры, издававшія едва замѣтный блескъ нѣсколькихъ мыслей, благопріятныхъ народностямъ, и подкрѣпили поборниковъ династическихъ интересовъ, невѣрнаго равновѣсія, стараго порядка вещей. Естественнымъ образомъ Австрія выступила на первый планъ. Все дѣло было въ ней. Ее слѣдовало возвысить, усилить, удовлетворить. Она одна могла въ будущемъ служить громовымъ отводомъ отъ бурь, понесутся ли они съ запада или съ востока. Это была задушевная мысль англійскаго кабинета еще до 1815 года. Италіянскій историкъ Фарини открылъ, что уже въ 1813 году состоялся между Австріей и Англіею тайный договоръ, которымъ устраивалось господство Австріи надъ Италіей. Всѣ обещанія, данныя народамъ для поддержанія народнаго энтузіазма противъ Наполеона, все дружелюбіе, ласки, вѣжливое обхожденіе съ ними изгладились проворно изъ памяти, и предсѣдатель вѣнскаго конгресса, князь Меттернихъ, съ спасительною идеей австрійскаго равновѣсія, а вѣрнопопданный всѣхъ предрѣжащихъ властей, никогда не безпокоившій себя справками объ ихъ происхожденіи, французскій министръ князь Талейранъ, съ нравственнымъ знаменемъ легитимизма выступили впередъ, обольстительно рисуя живописные виды вѣчнаго мира, безпечной жизни, невозмутимаго благоденствія государствъ. Англійскій кабинетъ охотно подчинился вліанію Меттерниха. Это тѣмъ легче и удобнѣе сдѣлалось, что глава сентджемскаго кабинета, лордъ Касслери, по своему характеру, не имѣлъ особеннаго расположенія къ нововведеніямъ. Заклятой тори, въ невыгодномъ значеніи этого слова, консерваторъ во что бы ни стало, ревнитель гоненій на Ирландію и кровавыхъ мѣръ противъ недовольныхъ католиковъ, онъ много способствовалъ водворенію принятой тогда европейской системы, но былъ, какъ иные утвер-

ждають, выраженіемъ не англійскаго народа, а своего личнаго образа мыслей и своей партіи, которая потому стояла во главѣ управленія, что отличалась ненавистію къ Франціи и Наполеону. Правда, что когда лордъ Касслери, здоровый еще тѣломъ, но утомленный борьбою въ парламентѣ, увидѣлъ, что планы его не осуществляются, что Греція бьется за независимость, а Ирландія все бунтуетъ, и перерѣзалъ себѣ перочиннымъ ножикомъ сонную артерію, то лондонская чернь, присутствуя на торжествѣ похороннаго шествія, дикими криками изступленной радости провожала въ Вестминстерское аббатство бранные останки перваго министра Англіи.

Никто конечно не могъ сначала предвидѣть, что Австрія, обнаружившая такую слабость въ битвахъ противъ Наполеона и потерпѣвшая самыя постыдныя пораженія, получить на свою долю лучшіе трофеи; что союзники, нѣсколько разъ обманутые нерѣшительностію, колебаніями и отступничествомъ политики ея, согласятся соединить на ней всѣ пріязненные чувства своихъ сердецъ и уступятъ ей первое мѣсто. Европа повиновалась Меттерниху. Вѣна была избрана мѣстомъ засѣданій конгресса. Столица Австрійской имперіи приняла видъ всемірнаго праздника. На него собрались съ разныхъ сторонъ чуть-чуть не всѣ блистательные представители человѣческаго величія: власти, ума, красоты, таланта, богатства, рожденія. Радостными огнями горѣлъ городъ. Театры, балы, любовь, служили отдыхомъ для людей, озабоченныхъ судьбами царей и царствъ. Все обошлось прекрасно. Ни откуда не послышалось зловѣщаго пророчества. Кассандра не явилась изъ лавровой рощи Аполлона сказать князю Меттерниху, что все земное дымъ, и не нарушила удовольствія ликующихъ Грековъ. Князь Меттернихъ не зналъ, что скоро, около этого самаго дворца, гдѣ пожинаетъ онъ плоды своихъ тонкихъ соображеній, соберутся какія-то безобразныя толпы и потребуютъ его изгнанія; что сами жители дворца найдутъ великаго министра неспособнымъ къ отправленію должности и припишутъ ему одному, его дурной системѣ, всѣ бѣды; что онъ будетъ принужденъ бѣжать изъ Вѣны, опозоренный ненавистію народа и пренебреженіемъ двора; что имя его сдѣлается символомъ предательства, хитрости, насилія, и что придется умереть ему въ ту минуту, когда Европа станетъ повторять не это прославленное имя, а другое, изумленная гениальностію инаго предательства, иной хитрости, инаго насилія.

Вѣсть о вступленіи Наполеона на французскій берегъ въ Жуанскомъ заливѣ упала неожиданною бомбой среди этихъ веселій, но ватерлооская битва покончила напрасную тревогу. Иліонъ былъ разрушенъ, и побѣдители воротились, каждый въ свою собственную Элладу, наслаждаться блаженствомъ у домашнего очага.

Н. Павловъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

РОДСТВЕННИКИ

XI.

Въ одинъ день Матвѣй Васильевичъ воротился изъ присутствія съ какимъ-то особенно умильнымъ выраженіемъ лица, какъ-будто онъ получилъ награду, или удостоился лестнаго отзыва отъ начальника. По всему было видно, что онъ сообщить какую-нибудь пріятную новость. И въ самомъ дѣлѣ, когда сѣли за столъ и Матвѣй Васильевичъ утолилъ нѣсколько голодь, возбужденный пятичасовымъ сидѣніемъ, онъ обратился къ женѣ съ такими словами :

— А я сдѣлалъ нынче очень интересное знакомство. Приѣхалъ сюда одинъ помѣщикъ хлопотать по дѣлу; дѣло это у меня въ столѣ, и онъ заѣзжалъ нынче посоветоваться о немъ со мною. Должно-быть прекрасный человекъ! Онъ еще очень молодъ, лѣтъ двадцати трехъ, не больше, имѣетъ независимое состояніе: у него душъ семьсотъ или восемьсотъ, что-то въ этомъ родѣ, и никого родныхъ, кромѣ матери, послѣ которой ему достанется еще душъ двѣсти.

— Какъ его фамилія? спросила протяжно Анна Федоровна.

— Брежинъ, Павелъ Сергѣевичъ.

(1) См. *Русскій Вѣстникъ* № 12.

— Надѣюсь, ты пригласишь его.

— Да, я просилъ его побывать у насъ, онъ обѣщалъ, и на дняхъ сдѣлаетъ намъ визитъ; вѣроятно, въ воскресенье, а можетъ-быть и въ субботу, — въ субботу тоже вѣдь будетъ праздникъ, и онъ можетъ разчитывать, что застанетъ меня дома.

— Чтò, онъ хорошъ собой? спросила Софья Матвѣвна, слушавшая съ особеннымъ любопытствомъ.

— Какъ тебѣ сказать? отвѣчалъ отецъ:—по моему, если мущина уменъ, такъ и хорошъ, а если притомъ у него, какъ у Брежина, восемьсотъ душъ, такъ онъ и красавецъ.

— Ну ужь, папаша, навѣрно какой-нибудь уродъ, вы вѣчно такъ! Любезенъ ли онъ по крайней мѣрѣ?

— Почему же я знаю? вѣдь не со мною же ему любезничать въ присутствіи.

— Откуда этотъ Брежинъ? спросила Анна Федоровна.

— Да имѣніе его въ Орловской губерніи и еще, кажется, въ Пензенской, навѣрно не знаю, а жилъ и воспитывался онъ въ Москвѣ, сперва дома, а потомъ въ университетѣ.

— Провинціалъ! презрительно замѣтила Софья Матвѣвна.

— Какъ провинціалъ? я тебѣ говорю, онъ жилъ въ Москвѣ, сказалъ Матвѣй Васильевичъ съ маленькою досадою, недовольный тѣмъ, что дочь не раздѣляетъ съ нимъ удовольствія, которое доставило ему пріобрѣтеніе этого новаго знакомаго.

Впрочемъ пренебреженіе, которое показывали къ новому знакомому Софья Матвѣвна и ея сестра, все это время усердно ей вторившая и повторявшая, какъ эхо, всѣ ея слова, пренебреженіе это было наружное; на самомъ же дѣлѣ Брежинъ очень интересовалъ ихъ, и онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ его визита.

Въ субботу всѣ старшіе члены семейства Терскихъ размѣстились въ гостиной, какъ обыкновенно размѣщались они, когда ждали новаго или мало знакомаго гостя, то-есть Анна Федоровна въ новомъ чепцѣ, и вообще очень щеголевато одѣтая, сидѣла на диванѣ и раскидывала грань-пасьянсъ; около нея въ креслахъ у круглаго стола помѣщалась Софья Матвѣвна, тоже одѣтая очень нарядно. Передъ нею стояла на столѣ рабочая корзинка и лежала начатая бисеромъ закладка въ книгу съ словомъ *souvenir*; эту закладку она вышивала всегда, когда ждали новое лицо. Не подалеку отъ Софьи Матвѣвны сидѣла Анна Матвѣвна, одѣтая одинаково съ сестрой; она держала въ рукахъ раскрытую французскую книгу и помахиwała

ею на лицо, такъ какъ оно очень разгорѣлось отъ ожиданія. Матвѣй Васильевичъ расхаживалъ взадъ и впередъ по комнатамъ и дымилъ сигарой. Васекъ строго-настрого было приказано не выходить изъ передней, и потому они не боялись быть застигнутыми врасплохъ. Софья Матвѣвна лѣниво вычищала иглой ногти, потому что сувенирчикъ приходилъ ко концу, и его нужно было побережечь на случай прїѣзда гостя. Но стоило только чуть скрипнуть двери въ передней, какъ всѣ принимались за дѣло: Софья Матвѣвна начинала вышивать, Анна Матвѣвна открывала, гдѣ попало, книгу и принималась читать, точно будто дверь въ передней приводила въ дѣйствіе механизмъ, заставлявшій ихъ двигаться. Но тревога оказывалась ложною, никто не показывался, и онѣ возобновляли прерванный разговоръ и глази на столъ работу. Ожиданіе ихъ въ этотъ день было напрасно: Брежинъ не прїѣхалъ. На слѣдующій день повторилась та же сцена. Въ этотъ разъ Матвѣй Васильевичъ, казалось, былъ чѣмъ-то сильно озабоченъ; онъ тревожно ходилъ по комнатамъ и безпрестанно поглядывалъ на часы.

— Однако, чтò же это? видно Брежинъ и нынче не будетъ, сказалъ онъ, снова поглядывая на часы, а мнѣ необходимо сегодня сдѣлать визитъ Шебарину. Теперь почти половина перваго: позже будетъ уже неловко.

— Чтò же, ступай! не цѣлый же день его ждать.

Матвѣй Васильевичъ вышелъ и черезъ минуту явился во фракѣ и со шляпою въ рукѣ.

Но только что онъ хотѣлъ сойти съ крыльца, какъ къ подъѣзду подъѣхали сани, и изъ нихъ вышелъ Брежинъ.

— А! Павелъ Сергѣевичъ! очень радъ! пойдите, я васъ представляю женѣ и дочерямъ, а меня ужъ извините: мнѣ необходимо сдѣлать одинъ очень нужный визитъ.

И онъ повелъ своего гостя на верхъ.

— Павелъ Сергѣевичъ Брежинъ! произнесъ Матвѣй Васильевичъ, вводя его въ гостиную и обращаясь къ женѣ.

Матвѣй Васильевичъ былъ правъ, уклоняясь отъ прямого отвѣта на вопросъ своей дочери, хорошъ ли Брежинъ. Онъ былъ довольно высокъ, хорошо сложенъ, но его нельзя было назвать красивымъ мужчиной. Въ его лицѣ хороши были только глаза, большіе и темные; они смотрѣли внимательно и вмѣстѣ насмѣшливо улыбались, именно улыбались глаза, потому что все лицо оставалось неподвижно. Одѣтъ онъ былъ безукоризненно,

но безъ малѣйшаго щегольства. Манеры его были чрезвычайно просты и какъ-будто лѣнны.

— Ну-съ, такъ я васъ оставляю въ обществѣ дамъ, проговорилъ Матвѣй Васильевичъ.

Брежинъ молча кивнулъ ему головой и подалъ руку. Терскій ушелъ.

— Какъ вамъ понравился нашъ Петербургъ? начала Анна Федоровна.

— Я уже не въ первый разъ въ Петербургѣ, и всякій разъ онъ производилъ на меня какое-то гнетущее, тяжелое впечатлѣніе... Москву я люблю больше, прибавилъ Брежинъ, какъ бы не желая полнѣе высказывать своего мнѣнія о Петербургѣ.

— Ахъ, какъ это можно! воскликнула Софья Матвѣевна: — Москва не иное что, какъ большой провинціальный городъ.

— Но главное — общество тамъ ужасное, прибавила Анна Федоровна глубокомысленно.

— Ужаснаго я ничего въ немъ не замѣтилъ, отвѣчалъ Брежинъ, — смѣшнаго много, но и то никакъ не больше, а можетъ быть и меньше, чѣмъ въ петербургскомъ.

— А у васъ много тамъ знакомыхъ? спросила Анна Федоровна.

— У моей матери много, но собственно мое знакомство ограничивалось небольшимъ кружкомъ товарищей.

— Но ваше имя и состояніе, мнѣ кажется, даютъ вамъ право на входъ въ высшій кругъ?

— Не знаю, имѣю ли я право на это, — по крайней мѣрѣ я не искалъ этой чести.

— Вы вѣрно вообще не честолюбивы, замѣтила Анна Федоровна съ любезной улыбкою: — вотъ вы не хотите служить, а съ вашимъ образованіемъ вы могли бы сдѣлать хорошую карьеру.

— У меня есть другія обязанности: я помѣщикъ; притомъ, мнѣ кажется, что помѣщикъ, хорошо понимающій свое назначеніе, тоже служить отечеству.

— Да! по выборамъ? но вѣдь въ этой службѣ, кажется, нельзя дослужиться до большихъ чиновъ.

Брежинъ ничего не отвѣчалъ и только улыбнулся.

— А пророс! Вы вѣдь, кажется, учились въ Московскомъ университетѣ? Не знали ли вы тамъ графа Сѣвскаго?

— Графъ Сѣвскій былъ однимъ изъ моихъ товарищей. Онъ знакомъ съ вами?

Анна Федоровна не ожидала этого вопроса; ей хотѣлось только пустить пыль въ глаза новому знакомому: «знай, вотъ-могъ, какихъ мы тузовъ знаемъ.»

— Нѣтъ, отвѣчала она, мы незнакомы съ нимъ домами, но, года четыре тому назадъ, мы нанимали дачу въ одномъ мѣстѣ съ его родными. Онъ былъ тогда студентомъ и прїѣзжалъ на каникулы: мы часто съ нимъ встрѣчались. Очень милый молодой человѣкъ! Чтѣ, какъ онъ теперь?

— Я очень радъ, что могу сообщить вамъ только приятное о человѣкѣ, который васъ такъ интересуеть. Графъ служитъ въ Москвѣ, онъ совершенно здоровъ и даже пополнѣлъ, отвѣчалъ Брежинъ съ едва замѣтною насмѣшливою улыбкой.

— Софи! обратилась Анна Федоровна къ вошедшей въ это время дочери, которая выходила на минуту изъ гостиной и не слышала этого разговора, — вотъ М-г Брежинъ знаетъ графа Сѣвскаго: вообрази, говорить, онъ пополнѣлъ!

— Неужели? спросила Софи:—я думаю, къ нему это нейдетъ.

— Ахъ, навѣрное нейдетъ! подтвердила Анна Матвѣвна.

Брежинъ хотѣлъ уже откланяться, но въ это время въ гостиную вошла Марья Петровна. Анна Федоровна скорчила недовольную мину.

— Развѣ дѣти окончили уже свой занятія? спросила она племянницу.

Анна Федоровна всегда спрашивала при гостяхъ Марью Петровну о дѣтяхъ, и въ этотъ разъ по привычкѣ сдѣлала то же, забывъ, что былъ праздникъ, и слѣдовательно дѣти не учились.

— М-ше Каринская, прибавила она, обращаясь къ гостю, — М-г Брежинъ.

На лицѣ Брежина выразилось на минуту удивленіе.

— Если я не ошибаюсь, проговорилъ онъ, глядя на Марью Петровну своими внимательными глазами, — такъ это я вашего брата зналъ въ Московскомъ университетѣ.

— Николай Каринскій? спросила Марья Петровна, глядя на Брежина съ свѣтлою улыбкой.

— Да.

— Это мой родной братъ; вы знали его?

— Я былъ его лучшимъ другомъ. Въ послѣднее время мы жили вмѣстѣ, и онъ умеръ на моихъ рукахъ.

При этихъ словахъ голосъ Брежина звучалъ грустно.

Марья Петровна вся преобразилась; глубокая грусть смѣшалась на ея лицѣ съ живою радостью; она видѣла передъ собою

человѣка, который былъ такъ близокъ съ ея любимымъ братомъ. Тотъ, казалось, понялъ этотъ взглядъ и началъ разказывать о молодомъ Каринскомъ; много говорилъ онъ объ ихъ университетской жизни; живо обрисовалъ нѣкоторыя черты его характера... Марья Петровна никого еще въ своей жизни не слушала съ такимъ живымъ вниманіемъ и сочувствіемъ.

— Да, заключилъ Брежинъ, — я очень, очень многимъ обязанъ ему, и если во мнѣ есть что-нибудь доброе и хорошее, то это слѣдствіе его вліянія.

— Приятно видѣть такую привязанность, сказала Анна Федоровна, съ своею язвительною улыбкой.

— Не я одинъ, возразилъ Брежинъ: — о Каринскомъ вспоминаютъ многіе съ такимъ же восторгомъ: это доля всѣхъ гениальныхъ людей... особенно послѣ смерти, прибавилъ онъ съ насмѣшливою улыбкой.

— Но вѣрно не всѣ говорятъ о немъ съ такимъ благоговѣніемъ, какъ вы.

— Вы употребили настоящее выраженіе, холодно отвѣчала Брежинъ: — именно съ благоговѣніемъ я буду всегда вспоминать то время, которое провелъ съ нимъ.

Онъ всталъ и началъ прощаться.

— Я навѣялъ на васъ грусть своими разказами, сказалъ онъ обращаясь къ Марьѣ Петровнѣ, — простите.

— Я вамъ очень благодарна за эту грусть, я давно не слышала ничего о братѣ, и мнѣ тѣмъ пріятнѣе было говорить о немъ съ вами, что вы такъ же какъ и я любили его.

— Намъ пріятно будетъ видѣть васъ почаще, сказала Анна Федоровна, — по середамъ у насъ назначены вечера...

Брежинъ откланялся и уѣхалъ.

«Бѣдная дѣвушка, думалъ онъ, еслибъ ея братъ былъ живъ, она не была бы принуждена вырабатывать сама себѣ кусокъ хлѣба... сдѣлаться гувернанткой въ такія лѣта, да еще попасть къ такимъ людямъ! Нужно будетъ сыскать ей другое мѣсто, если ужъ нельзя будетъ сдѣлать чего-нибудь лучшаго... Однако, продолжалъ онъ думать, подъ какимъ же предлогомъ я это сдѣлаю?.. чего добраго, какъ разъ попадешь въ рыцари, защитники угнетенной невинности, а я этого вовсе не желалъ бы.» Брежинъ всегда старался объяснять какими-нибудь посторонними, часто даже неблагоприятными причинами, свои добрыя побужденія, которыя являлись въ немъ просто по влеченію его доброй, благородной натуры. Это была одна изъ слабыхъ сторонъ характера Бре-

жина: онъ всегда хотѣлъ казаться хуже, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ. Это происходило въ немъ не отъ цинизма, не отъ желанія хвастаться своими пороками и выдумывать небывалые, за невѣніемъ дѣйствительныхъ,—онъ просто не хотѣлъ выдаваться изъ общей массы, а постоянно прятался въ созданную имъ для себя раковину, смѣясь въ душѣ надо всѣмъ и надо всѣми, не исключая и самого себя. Если случалось, что его ловили на какомъ-нибудь добромъ поступкѣ, онъ гордо и холодно подтверждалъ его, какъ другой, сердясь, сознался, бы въ какомъ-нибудь пороки, который хотѣлъ скрыть, и въ которомъ его вдругъ уличили. Брежинъ высказывалъ иногда и свои дѣйствительныя убѣжденія, но никогда не возражалъ, если ихъ оспаривали, никого не хотѣлъ убѣждать, предоставляя каждому думать, какъ ему угодно, и, между тѣмъ какъ брошенное имъ въ разговоръ мнѣніе поднимало горячій споръ между собесѣдниками, онъ сидѣлъ молча и съ насмѣшливою улыбкой смотрѣлъ на спорившихъ; если же къ нему относились, онъ неожиданно принималъ сторону того, кто говорилъ противъ него.

ХІІ.

На другой день Матвѣй Васильевичъ отдалъ визитъ Брежину, а слѣдующую среду Брежинъ опять поѣхалъ къ Терскимъ. У всѣхъ знакомыхъ Терскихъ были разобраны дни, въ которые они принимали по вечерамъ, и среда была назначенный день Терскихъ. Брежину хотѣлось поговорить съ Марьею Петровною и посмотреть общество петербургскихъ чиновниковъ. У Терскихъ въ этотъ вечеръ, какъ нарочно, собралась большая часть ихъ знакомыхъ; въ кабинетѣ хозяина играли на двухъ столахъ въ карты, а въ залѣ, довольно ярко освѣщенномъ, танцевали въ нѣсколько паръ подъ звуки фортепіано. Брежинъ пробрался между танцующими и вошелъ въ гостиную; она тоже была полна гостями. На диванѣ, какъ-то отдѣльно ото всѣхъ, сидѣлъ пожилой господинъ необыкновенно величественной наружности, со звѣздой на груди; по одну его сторону сидѣлъ въ креслахъ Матвѣй Васильевичъ, по другую Анна Федоровна; они исключительно занимались имъ и предоставили другимъ гостямъ занимать другъ друга.

— Павелъ Сергѣевичъ! вскричалъ Матвѣй Васильевичъ, вско-

чивъ съ своего мѣста и иди на встрѣчу Брежину, и тутъ же незнакомилъ его съ господиномъ, сидѣвшимъ на диванѣ. Брежинъ раскланялся и сѣлъ возлѣ Анны Федоровны; поговоривъ съ нею нѣсколько времени и выбравъ удобную минуту, онъ вышелъ изъ гостиной и отправился отыскивать Марью Петровну.

— Павелъ Сергѣевичъ! у меня къ вамъ просьба, раздалось вдругъ у него надъ ухомъ. Брежинъ обернулся, возлѣ него стоялъ Матвѣй Васильевичъ съ карточкою въ рукѣ. — Сдѣлайте пожалуйста партію въ преферансъ съ Шебаринымъ (имя господина со звѣздой).

— Не играю-съ, отвѣчалъ Брежинъ.

— Какъ? вовсе не играете?

— Вовсе не играю.

— Ахъ, Боже мой, какъ это жаль! какъ это жаль! а я было на васъ разчитывалъ. Какъ же это быть?

— Да посмотрите, вонъ два господина сидятъ такъ...

— Нѣтъ, эти не годятся... А! Михаилъ Семеновичъ, вотъ кстати!.. вскричалъ онъ вдругъ, увидѣвъ входившаго Шедрина. — Зять мой, статскій совѣтникъ Михаилъ Семенычъ Шедринъ. Г. Брежинъ.

— Очень пріятно... проговорилъ Шедринъ съ любезною улыбкой.

— Ну-съ, я очень радъ, что вы пріѣхали, продолжалъ Матвѣй Васильевичъ, — а я сейчасъ былъ въ ужасномъ затрудненіи: Шебаринъ у меня...

— Здѣсь? спросилъ Михаилъ Семеновичъ съ просіявшимъ лицомъ.

— Да, и вообразите! некого посадить съ нимъ играть: Луцкой не пріѣхалъ, вотъ молодой человекъ не играетъ — онъ показавъ глазами вслѣдъ уходившему Брежину, — ну, а изъ остальныхъ кого же?

— Конечно, конечно, подтвердилъ Шедринъ.

— Такъ видно ужъ мы съ вами сядемъ... хоть и не хотѣлось бы мнѣ...

— Ну что жъ дѣлать, нельзя же.

Между тѣмъ Брежинъ подошелъ къ Марьѣ Петровнѣ, которая не принимала участія въ танцахъ и сидѣла поодаль на маленькомъ диванчикѣ. Она съ улыбкою кивнула ему головой, какъ старому знакомому: ей казалось, что она уже давнымъ-давно знала Брежина.

— У васъ нынче цѣлый балъ, проговорилъ Брежинъ, садясь

возлѣ нея, а меня сейчасъ хотѣли засадить за карты съ этимъ господиномъ со звѣздой.

— Что же вы?

— Разумѣется, отказался.

— Напрасно: вѣдь это большая честь играть съ такою значительною особой, сказала Марья Петровна, лукаво глядя на Брежина.

— Нѣтъ-съ, ужь ежели я играю когда-нибудь, такъ для удовольствія, а никакъ не изъ чести. Другое дѣло, еслибъ я былъ его подчиненнымъ, тогда, почему знать, можетъ-быть это и доставило бы мнѣ удовольствіе, потому что я могъ бы похвалиться этимъ передъ товарищами, которые не удостоились этой чести.

Брежинъ произнесъ это серьезно и даже съ оттѣнкомъ грусти, какъ будто въ самомъ дѣлѣ не ручался за себя. Это неприятно подѣйствовало на Марью Петровну; она внимательно поглядѣла на Брежина... «Нѣтъ, подумала она, обманываешь, мой милый, тебѣ и тогда это не доставило бы удовольствія: ты совсѣмъ не такъ пустъ, какъ хочешь казаться.» И ей стало досадно, для чего другъ ея брата притворялся съ нею.

— Вотъ ужь я вовсе не ожидалъ встрѣтить васъ въ Петербургѣ, сказалъ Брежинъ, вдругъ перемѣняя разговоръ:—а знаете ли? я узналъ васъ тотчасъ, какъ увидѣлъ.

— Вѣрно я очень похожа на брата?

— Да, между вами есть сходство, но я узналъ васъ не по этому: я видѣлъ васъ еще прежде, и притомъ въ разнообразныхъ положеніяхъ и при такой различной обстановкѣ, что узналъ бы васъ вездѣ и во всемъ. Я любовался вами (извините за выраженіе), когда вы въ простомъ нарядѣ крестьянки, съ корзиной на рукѣ, внимательно поглядывая по сторонамъ, искали въ лѣсу грибовъ. Я видѣлъ васъ и въ незатѣйливомъ костюмѣ двухъ-трехъ историческихъ женщинъ и даже въ кругу лицъ миеологическихъ въ образѣ Психеи...

Марья Петровна съ недоумѣніемъ смотрѣла на Брежина.

— Въ рисункахъ вашего брата, добавилъ онъ, улыбаясь.—Вы знаете, что нѣтъ такого таланта, которымъ бы онъ не обладалъ: онъ рисовалъ превосходно; живопись была его отдохновеніемъ послѣ ученыхъ занятій, и вы постоянно были его моделью для всѣхъ молоденькихъ женщинъ въ его картинахъ, точно такъ, какъ ваша матушка служила ему оригиналомъ для всѣхъ красивыхъ старушекъ. Онъ находилъ, кажется, боль-

шое удовольствіе воспроизводить въ своей памяти образы любимыхъ имъ особъ.

И Брежинъ на минуту задумался.

— Мнѣ бы очень хотѣлось познакомиться съ вашею матушкой, продолжалъ онъ послѣ минутнаго молчанія:—по всему, что мнѣ разказывалъ о ней вашъ братъ, это должно быть замѣчательная женщина. Представьте меня ей пожалуйста.

— Очень жалѣю, что не могу этого сдѣлать: мать моя живетъ почти за полторы тысячи верстъ отсюда. Я приѣхала сюда одна.

— Одиѣ? повторилъ Брежинъ съ удивленіемъ:—однако вы совершили геройскій подвигъ... ѣхать за такую даль одной, въ незнакомый городъ и къ незнакомымъ людямъ!

— Не правда ли? но я не стану васъ обманывать: я точно ѣхала въ незнакомый городъ, но только не къ незнакомымъ людямъ, а къ роднымъ. И Марья Петровна посмотрѣла на Брежина тѣмъ же лукавымъ взглядомъ.

— Роднымъ?.. Ахъ, да! теперь я припоминаю: вашъ братъ говорилъ мнѣ, что матушка урожденная Терская... такъ они вамъ близкіе родственники?

— Матвѣй Васильичъ родной братъ моей матери.

Лицо Брежина вдругъ сдѣлалось серьезно; Марья Петровна тоже смутилась и замолчала.

Въ это время мимо нихъ прошла Анна Ѳедоровна.

— Марья Петровна! уже девять часовъ: дѣтямъ пора спать, проговорила она мимоходомъ.

Марья Петровна вспыхнула; она никогда не укладывала дѣтей, и Анна Ѳедоровна очевидно сдѣлала ей это замѣчаніе съ намѣреніемъ унизить ее передъ Брежинымъ.

— Вы вѣрно очень любите дѣтей, что такъ занимаетесь съ своими кузинами? спросилъ тотъ, желая помочь ей выйдти изъ замѣшательства.

— Да, я люблю дѣтей...

— Марья Петровна! вы слышала? повторила Анна Ѳедоровна, возвращаясь мимо нихъ назадъ.

— Если дѣти хотятъ спать, такъ велите уложить ихъ Дарѣ, какъ обыкновенно... отвѣчала Марья Петровна, сколько могла равнодушно.

Брежину было какъ-то неловко: онъ взялъ лежавшую на столикѣ книгу и сталъ ее перелистывать.

— *Revenants?* прочелъ онъ заглавіе, — что это такое вы читали?

— Да; это *M. Dumas fils* вздумалось перетасовать нѣсколь-ко знаменитыхъ сочиненій, которыхъ я впрочемъ, къ сожалѣнію, не читала, какъ не читала и очень многого, что хотѣлось бы прочесть.

— Если вамъ угодно, я могу вамъ доставлять книги: у меня много такихъ книгъ, которыя могутъ интересовать васъ.

Марья Петровна наклонила голову въ знакъ благодарности, и глаза ея засверкали отъ удовольствія, какъ у ребенка, которому обѣщали давно желанную игрушку.

— Я зналъ, что мое дѣло задержать меня здѣсь довольно долго, продолжалъ Брежинъ,—и потому захватилъ съ собою почти всю свою библіотеку; если позволите, она вся къ вашимъ услугамъ. Кромѣ всѣхъ лучшихъ русскихъ, у меня есть французскіе, нѣмецкіе и англійскіе писатели. Какую изъ этихъ литературъ вы больше любите?

— Я очень мало читала. У насъ тамъ такъ трудно достать книгъ. Съ нашими лучшими писателями я еще-таки знакома, но на французскомъ прочла только три романа и нѣсколько стихотвореній Ламартина, а о нѣмецкой литературѣ не имѣю почти никакого понятія. Мнѣ хотѣлось бы сначала прочесть прежнихъ извѣстныхъ писателей, особенно Гете и Шиллера.

— Почему жь особенно этихъ?

— Такъ; я много о нихъ слышала; потомъ мнѣ случилось прочесть нѣсколько отрывковъ изъ ихъ сочиненій, которые возбудили во мнѣ сильное желаніе прочесть ихъ вполнѣ.

— Они завтра же будутъ у васъ.

— Кто это они? спросила Софья Матвѣвна, подошедшая въ это время.

— Шиллеръ и Гете, отвѣчалъ Брежинъ улыбаясь.

— Шиллеръ и Гете? Ахъ, да это нѣмецкіе писатели.

— Я предложилъ къ услугамъ Марьи Петровны свою библіотеку, а если и вамъ угодно, я буду очень радъ...

— Ахъ, очень вамъ благодарна! Есть у васъ французскія книги?

— Есть и французскія.

— И Дюма есть?

— Нѣтъ-съ, Дюма нѣтъ, а вотъ, если угодно Бальзака или Жоржъ-Санда... сказалъ Брежинъ, пародируя отвѣты прикащи-

ковъ книжныхъ лавокъ, потому что Софья Матвѣвна очень похожа была на покупательницу.

Къ Софьѣ Матвѣвнѣ подошелъ Тюменевъ.

— Одинъ туръ вальса? сказалъ онъ, протягивая руку.

Софья Матвѣвна оперлась на его плечо, и они понеслись.

— Вашъ братъ очень любилъ англійскую литературу, началъ опять Брежинъ,—и заставилъ и меня полюбить ее. Живя съ нимъ, трудно было не увлечься его симпатіями и антипатіями, и въ настоящее время у меня цѣлая библіотека изъ однихъ англійскихъ книгъ.

— Я почти незнакома съ англійскою литературой. Языка этого не знаю, да и въ переводѣ прочла только одинъ романъ: это *Пенденнисъ* Теккерея. За то я нѣсколько разъ перечитывала его и долго все о немъ думала.

— Это одинъ изъ лучшихъ новѣйшихъ романовъ.

— Чтò особенно меня въ немъ поразило, это необыкновенное разнообразіе и... оконченность характеровъ. Лицъ такъ много, но всѣ они обрисованы такъ живо и ярко, что надолго останутся въ памяти... Потомъ всѣ эти отношенія дѣйствующихъ лицъ разобраны до такихъ мельчайшихъ подробностей, что ничего уже не остается дополнять своимъ воображеніемъ, какъ это случается въ другихъ романахъ. И все это такъ полно жизни... Но герой романа мнѣ не понравился.

— Отчего же?

— Мнѣ кажется, что если авторъ выводитъ такого человѣка, въ котораго всѣ женщины, съ которыми онъ ни встрѣтится, влюбляются, какъ въ Пенденниса, то онъ долженъ показать въ его характерѣ хоть одну черту, которая возбуждала бы сочувствіе и объяснила бы это общее расположеніе къ нему. А въ Пенденнисѣ ничего такого нѣтъ, одно самолюбіе и самолюбіе. Ни въ любви, ни въ дружбѣ, онъ ни на минуту не забудется, ни на минуту не увлечется искреннимъ чувствомъ; даже въ отношеніяхъ къ матери онъ какъ будто постоянно старается сохранить свое достоинство. Все въ немъ разчитано, заучено, натянуто... Такого человѣка нельзя полюбить.

— Ну, а его пріемная сестра? спросилъ Брежинъ, который, казалось, не хотѣлъ высказывать своего мнѣнія, а желалъ только слышать сужденія Марьи Петровны.

— Это прекрасная, благородная натура, но подъ конецъ я осталась и ею недовольна: по моему, она поступила дурно, выйдя за Пенденниса.

— Она любила его.

— Да, но онъ-то ея не любилъ, и женись на ней, поступилъ опять такъ изъ самолюбія, какъ и во всемъ. Она не могла этого не понимать. Онъ зналъ, что она всегда любила его, но не обращалъ на это вниманія, не дорожилъ ея любовью, а тутъ, когда задѣли его самолюбіе, когда женщина, которую онъ считалъ прикованною къ себѣ, вдругъ осмѣлилась полюбить другаго, онъ предложилъ ей свою руку... Онъ не думалъ о ея счастья, ему не нужно было ея любви, онъ хотѣлъ только крѣпче привязать къ себѣ женщину, которую считалъ своею собственностью. Вѣдь это обидно!

— Вотъ видите: вы упрекаете ее въ недостатокъ того чувства, за которое сейчасъ осуждали Пенденниса, сказалъ Брежинъ улыбаясь.

— Нѣтъ, нѣтъ! горячо возразила Марья Петровна: — это совсемъ другое... Я можетъ-быть не умѣю хорошо выразить этого... видите... здѣсь страдало не самолюбіе ея, а ея... ея женская гордость: она была оскорблена и въ своемъ чувствѣ...

— Марья Петровна! будьте такъ добры, поиграйте на фортепьяно: Надежда Ивановна ужасно устала, произнесла томнымъ голосомъ высокая, худая и блѣдная дѣвушка, бывшая институтская подруга Анны Матвѣвны, подойдя къ Марьѣ Петровнѣ и остановясь передъ ней въ самой граціозной позѣ.

Марья Петровна встала.

Брежинъ взялся за шляпу.

— Куда же вы?

— Да что жъ мнѣ теперь дѣлать? не въ карты же играть съ его превосходительствомъ.

И онъ уѣхалъ.

XIII.

Брежинъ скоро вполнѣ разгадалъ безотрадную жизнь Марьи Петровны; впрочемъ это не трудно было понять и человѣку менѣе привыкшему наблюдать, чѣмъ онъ: Терскіе не только не срывали своего грубаго обращенія съ родственницей, но еще нарочно выказывали его при другихъ, чтобы дать всемъ понять, что она не равная, и слѣдовательно на нее не нужно обращать большаго вниманія. Уже со втораго своего посѣщенія Терскихъ, Брежинъ увидѣлъ, что действительное положе-

нiе Марьи Петровны гораздо хуже, чѣмъ онъ воображалъ сначала. Увидѣвъ ее въ первый разъ въ чужомъ домѣ, онъ подумалъ, что нужда заставила ее пойти въ гувернантки, что несчастный случай столкнулъ ее съ этими людьми, и еще тогда же, какъ мы видѣли, рѣшился на первый разъ помочь ей хоть тѣмъ, что постарается сыскать ей другое мѣсто у людей болѣе добрыхъ и образованныхъ; но что онъ могъ сдѣлать для нея теперь? Люди, которые ее такъ оскорбляли и унижали, и отъ которыхъ онъ хотѣлъ бы избавить ее, были ей родственники и еще самые близкіе... Мать ея была не въ такой крайности, чтобы не могла сама содержать дочь, и если Марья Петровна не жила съ нею, то вѣроятно для этого были какія-нибудь другія причины... Брежинъ рѣшился ждать какого-нибудь случая, который показалъ бы ему, чѣмъ онъ можетъ быть полезенъ ей, а между тѣмъ старался всѣми средствами развлекать ее. Не занимаясь ею исключительно, не оказывая ей особеннаго вниманія, потому что съ перваго разу замѣтилъ, какъ не нравилось это ея роднымъ, и понявъ, что это могло навлечь на нее новыя непріятности, онъ однако дѣлалъ только то, что могло занимать ее; рѣдко говоря съ нею одной, но ведя общій разговоръ, всегда выбиралъ такой предметъ, который могъ почему-нибудь интересовать ее; онъ присылалъ книги Софьи Матвѣевнѣ, но только тѣ, которыя хотѣла прочесть Марья Петровна; онъ постоянно старался предупредить ея желанія и дѣлалъ тысячи тѣхъ мелкихъ услугъ, которыя имѣютъ такую цѣну, если въ нихъ проглядываетъ любовь или истинное участіе. Марья Петровна видѣла это очень хорошо, хотя онъ не показывалъ даже и ей, что все это дѣлалось для нея, и ея привязанность къ Брежину, начавшаяся съ перваго свиданія, росла съ каждымъ днемъ. Брежина тоже что-то влекло къ Марьѣ Петровнѣ, но была ли это любовь, онъ самъ не зналъ. Брежинъ любилъ однажды. Онъ былъ еще студентомъ втораго курса, когда пріѣхавши на лѣтнія вакаціи въ деревню, влюбился въ хорошенькую дочку своего сосѣда, только что вышедшую изъ пансіона. Родные ея были согласны на ихъ бракъ; ихъ помолвили, но свадьбу отложили на два года, когда Брежинъ кончитъ свое образованіе въ университетѣ. Прошелъ годъ, другой. Брежинъ кончилъ курсъ, и въ самый день послѣдняго экзамена поскакалъ въ деревню. Не доѣзжая версты пятидесяти до дому, онъ встрѣтился на станціи съ какимъ-то молодымъ человѣкомъ, который, такъ же какъ и онъ, принужденъ былъ дожидаться, потому что ло-

шадей не было. Въ дорогѣ знакомства завязываются скоро: они разговорились. Молодой человекъ оказался тоже помѣщикомъ, и ѣхалъ теперь жениться. Это партія выгодная во всѣхъ отношеніяхъ... Можетъ-быть г. Брежинъ знаетъ М-лле Рапсову? Кровь бросилась въ голову Брежину: это было имя его невесты. Однако онъ подавилъ въ себѣ чувство горести и досады, и даже согласился на предложеніе молодаго чиновника ѣхать вмѣстѣ. Въ деревнѣ Брежинъ пробылъ не долго, и скоро уѣхалъ за границу. Черезъ годъ онъ воротился, и опредѣлился на службу въ Москвѣ. Здѣсь онъ узналъ случайно, что его прежняя невеста живетъ съ мужемъ тоже въ Москвѣ. Брежинъ поѣхалъ къ ней: ему хотѣлось испытать, какое чувство пробудить въ немъ это свиданіе. Къ удивленію своему, онъ увидѣлся съ нею безъ малѣйшаго волненія: въ сердцѣ его не было уже любви къ ней, но вмѣстѣ съ тѣмъ не было и прежней жажды любви. Когда Брежинъ встрѣтился съ Марьей Петровной, ея грустная доля возбудила въ немъ полное участіе, но ни красота ея, ни ея прекрасная, полная желанія жизни натура, не расшевелили его уснувшаго сердца; и если онъ желалъ сблизиться съ нею, то потому только, что въ близкихъ отношеніяхъ къ хорошенькой и умной женщинѣ всегда есть какая-то прелесть.

Брежинъ сталъ очень часто посѣщать Терскихъ, кромѣ того онъ видѣлся съ Марьей Петровной у Луцкихъ, съ которыми тоже скоро познакомился.

У Агніи Артамоновны была въ домѣ своя особая половина изъ нѣсколькихъ комнатъ, гдѣ она принимала только самыхъ короткихъ своихъ знакомыхъ и друзей. Въ одной изъ этихъ комнатъ, совершенно заставленной цвѣтами и тропическими растеніями, которую Луцкая называла своимъ зимнимъ садомъ, сидѣли однажды Марья Петровна, Луцкая, Брежинъ и компаньонка Луцкой, высокая худая Англичанка, съ безконечнымъ ввязаніемъ въ рукахъ, нѣчто въ родѣ необходимой мебели, на которую никто не обращалъ вниманія. Марья Петровна пріѣхала къ своей пріятельницѣ, выдержавъ дома самую неприятную сцену съ теткой, и потому была очень разстроена. Разговоръ не вязался: Брежинъ сидѣлъ возлѣ роаяля и машинально бралъ одною рукой аккорды.

— Спойте-ка намъ, что-нибудь, говорила Луцкая.

— Чтò прикажете?

— Да что-нибудь. Вонъ тамъ цѣлая кипа романовъ, выберите.

Брежинъ взялъ первую попавшуюся тетрадь и раскрылъ ее. Это была пѣсня Кольцова:

Сяду я за столъ
Да подумаю,
Какъ на свѣтѣ жить
Одинокому.

Простымъ, но полнымъ тоски безотраднaго одиночества, словамъ этой пѣсни Брежинъ придалъ столько тихой, глубокой скорби, голосъ его звучалъ такою неподдѣльной грустью, что даже всегда веселая и безпечная Луцкая задумалась; тамъ, гдѣ-то на днѣ ея души, шевельнулся упрекъ; ей вдругъ почему-то пришло въ голову, что до сихъ поръ жизнь ея была пуста и бесполезна, что, можетъ-быть, такъ же пошло и бесполезно пройдетъ вся она. Брежинъ кончилъ, но не останавливаясь началъ играть фантазію на ту же тему. Сначала звуки лились такъ же медленно и плавно, въ нихъ слышалось то же уныніе, та же тихая, глубокая, но спокойная грусть; но мало-по-малу они стали падать рѣзко и отрывисто, въ нихъ послышался какъ будто ропотъ, и вдругъ они слились въ одинъ потрясающій душу вопль отчаянія. Холодъ пробѣжалъ по головѣ Марьи Петровны и шевельнулъ ея волосы; она взглянула на Брежина, думая увидѣть на его лицѣ отраженіе той душевной муки, которая такъ ясно слышалась въ его игрѣ, но лицо его оставалось по прежнему неподвижно и безстрастно, и только въ глазахъ не было обыкновенной насмѣшливости.

— Играйте еще, сказала Луцкая, когда Брежинъ кончилъ.

— Усталъ, отвѣчалъ онъ лѣнливо.

— Вадоръ! не лѣнитесь... только пожалуста что-нибудь болѣе веселое: ваше пѣніе и музыка произвели на меня очень тяжелое впечатлѣніе.

— Кажется и на васъ тоже? спросилъ Брежинъ Марью Петровну, которая, задумчиво облокотясь на рояль, все еще какъ будто слушала.

— Да на кого жь не нагонить скуки такая плачевная музыка? отвѣчала за нее Луцкая.

— Со мной бываетъ наоборотъ, возразила Марья Петровна: — слушая печальную музыку и особенно эти заунывные напѣвы нашихъ пѣсень, я испытываю какое-то тихое успо-

комвующее чувство; а веселая, особенно бальная музыка, наводит на меня какую-то неприятную, раздражающую тоску. Отчего это, я не понимаю, отнеслась она къ Брежину.

— Вѣроятно оттого, что веселая музыка не согласна съ обыкновеннымъ настроеніемъ вашего духа.

— Вотъ это хорошо! сказала смѣясь Марья Петровна: — да почему жь вы думаете, что я никогда не бываю весела?

— Кажется, что такъ! проговорила Луцкая: — на твою долю, кажется, выпадаетъ немного счастливыхъ минутъ.

— А кто жь бываетъ счастливъ постоянно? сказалъ Брежинъ:— и право, это къ лучшему: тѣмъ дороже мы цѣнимъ тѣ немногія счастливыя минуты, которыя посылаетъ намъ судьба; и эти свѣтлыя минуты особенно сладки бываютъ тогда, когда являются послѣ долгихъ годовъ испытанія. Составьте чью-нибудь жизнь всю изъ такихъ минутъ, и онѣ потеряютъ всю свою прелесть. Какъ хотите, человекъ все понимаетъ и цѣнитъ черезъ сравненіе: кто никогда не былъ несчастливъ, не будетъ въ состояніи вполнѣ оцѣнить свое счастье; кто не испыталъ всей горечи бѣдности, не будетъ знать цѣны своему богатству, — и наоборотъ.

— Положимъ, что мы понимаемъ все только по сравненію, сказала Марья Петровна, — но развѣ это сравненіе непременно нужно дѣлать собственнымъ опытомъ? Развѣ, напримѣръ, богачъ не можетъ понять цѣну своему богатству, сравнивая его съ бѣдностью другихъ? Иначе выйдетъ, что человекъ можетъ понимать только то, что самъ испыталъ.

— Да оно такъ и есть. Ужь повѣрьте, что кто всегда былъ сытъ, тотъ не пойметъ, какъ неприятно быть голоднымъ, сказалъ Брежинъ съ улыбкой.

— Ну, а какъ же вы-то пропѣли сейчасъ эту пѣсню, съ такимъ чувствомъ, какъ будто вполнѣ понимаете всю неприятность бѣдности, а вѣдь у васъ, кажется, никогда не было недостатка въ золотой казнѣ? спросила Луцкая.

— Правда, я думалъ не о себѣ, когда игралъ, началъ было Брежинъ и вдругъ прибавилъ: — но можетъ-быть, я безсознательно взялъ только одну сторону смысла этой пѣсни, тоску одиночества, а это несчастіе я испыталъ.

— Несчастіе!.. какъ будто одинокій не можетъ быть счастливымъ? Да неужели же счастье можно найти только въ семейной жизни?

— А въ чемъ же другомъ искать его? Кто не испыталъ, тотъ

не пойметъ, какъ неприятно видѣть вокругъ себя одни только безучастныя лица слугъ, какъ тяжело знать, что никому въ мірѣ нѣтъ дѣла до того, живы вы, или умерли, счастливы, или нѣтъ; какъ грустно, возвращаясь домой, послѣ цѣлаго дня трудовъ и хлопотъ, знать, что никто не обрадуется вашему приходу, никто не встрѣтитъ васъ привѣтливою улыбкой, а вмѣсто отдыха въ кругу любящихъ существъ, васъ ждетъ только невыносимая скука одиночества. Право, спокойный очагъ и любящая жена, вотъ все, чего я теперь желаю, проговорилъ Брежинъ, лѣниво вытягиваясь въ креслѣ.

— За чѣмъ же дѣло стало? Женитесь, сказала Луцкая.

Брежинъ ничего не отвѣчалъ и задумчиво жегъ на свѣчкѣ сигару.

— Но вѣдь вы не такъ одиноки, сказала Марья Петровна, — у васъ есть мать.

— Моя мать не любитъ деревни, и живетъ зиму въ Москвѣ, а лѣтомъ за границей, на водахъ, и я рѣдко вижу ее, отрывисто отвѣчалъ Брежинъ, съ какимъ-то особенно мрачнымъ выраженіемъ лица.

— Какъ ни грустно одиночество, проговорила Марья Петровна, — но мнѣ кажется, что для мужчины оно не можетъ быть такъ тяжело, какъ вы говорите: мало ли чѣмъ можетъ онъ наполнить свою жизнь?

— Напримѣръ, чѣмъ же?

— Но для васъ все: и общественная дѣятельность...

— Общественная дѣятельность? да какая же? служба что ли? Отвѣдалъ я эту дѣятельность и, признаюсь, она пришлась мнѣ не по вкусу. Можетъ ли наполнить жизнь такая дѣятельность, гдѣ нѣтъ пищи... не говорю ужъ сердцу, но даже и уму, гдѣ все приносится въ жертву формѣ, гдѣ всѣ ваши дѣйствія связываются рутинной?.. Впрочемъ, продолжалъ Брежинъ, немного помолчавъ, — можетъ-быть другимъ такой-то порядокъ и нравится. Я зналъ такихъ господъ, которые страдали жаждой дѣятельности и совершенно успокоивались, когда поступали на службу. И выходитъ, что и въ насъ-то самихъ было желаніе только казаться дѣятельными... Точно дѣти... Когда большіе суетятся и хлопчутъ, они схватятъ какую-нибудь вещь, таскаютъ ее безъ всякой надобности съ мѣста на мѣсто и воображаютъ, что помогаютъ общему дѣлу, и съ важностью разказываютъ, что ужасно утомились. Но оставимъ нашу службу. Возьмите какую

хотите дѣятельность: въ состояніи ли она совершенно наполнить жизнь?

— Ну, все-таки... а ужъ женщинѣ, кромѣ семейной жизни, ничего не остается, возразила Луцкая. — И желала бы я знать, почему женщины не допускаются къ общественной дѣятельности? Развѣ мы глупѣе васъ?

— Кто жъ осмѣлится это подумать? отвѣчалъ Брежинъ улыбаясь: — и еслибы отъ меня зависѣло, я весь дипломатическій корпусъ составилъ бы изъ женщинѣ, и тогда всѣ дѣла пошли бы лучше: женщины вѣдь извѣстныя дипломатки.

Марья Петровна улыбнулась.

Между-тѣмъ пробило одиннадцать часовъ, и Марья Петровна стала собираться домой.

— Что жъ, ты ужъ ѣдешь? спросила Луцкая.

— Пора!

Агнія Артамоновна встала и пошла проводить свою приятельницу.

— Вотъ вамъ невѣста, сказала она возвращаясь: — хороша, умна, прекрасно образована, — чего же вамъ еще? — и вѣрно будетъ отличною женой. Заставьте только полюбить себя.

Брежинъ насмѣшливо смотрѣлъ на Луцкую.

— Вы ужъ начинаете пробовать свои дипломатическія способности, сказалъ онъ.

Луцкая пристально и строго посмотрѣла ему въ глаза. Брежинъ опустилъ голову. Ему стало стыдно словъ своихъ.

— Для того, чтобы жениться такъ, какъ я хочу, мнѣ нужно полюбить, а я не влюбленъ въ Марью Петровну, да вѣроятно и не люблю ея.

— Кого жъ вы можете полюбить послѣ этого?

— Никого. Мнѣ кажется, что еслибы я встрѣтилъ теперь ангела въ образѣ женщины, такъ и того не могъ бы полюбить. Къ счастью, ангелы-то не сходятъ съ неба, проговорилъ Брежинъ какъ-то брюзгливо.

— Жалкій же вы человекъ! сказала она, покачивая головой. — Толкуеть: одинокъ, одинокъ, а когда ему указываютъ на дѣвушку, которой онъ даже не стѣбитъ, онъ начинаетъ говорить: не могу никого любить, и тому подобный вздоръ. Сознайтесь лучше, что вамъ тепло и хорошо живется на свѣтѣ, и что вы выдумываете отъ нечего дѣлать призрачныя страданія и упиваетесь ими какъ дѣйствительными... Вы ужъ и испугались, что васъ оторвутъ отъ вашей лѣнивой, безпечной жизни, и пе-

жалуй, чего добраго, насильно навязуть такую обувь... Пожалуста успокойтесь! и посватайтесь, да за васъ-то, можетъ-быть, не выйдуть.

Брежинъ съ улыбкой слушалъ этотъ горячій потокъ словъ и въ раздумьи натягивалъ перчатки.

— А вѣдь пожалуй вы и правы, сказалъ онъ, — я, кажется, действительно никуда негодный человекъ... Однако прощайте, прибавилъ онъ, взявшись за шляпу.

— Чтò жъ вы спѣшите? разсердились, что я откровенно высказала вамъ свое мнѣнiе? спросила Луцкая съ усмѣшкой.

— Нѣтъ-съ, я боюсь, что вы заставите меня полюбить васъ. Агнiя Артамоновна расохоталась.

— Пожалуста не бойтесь, сказала она: — еслибы вамъ и вдумалось на мнѣ жениться, такъ я-то не пойду за васъ да и ни за кого: я вѣдь также очень дорожу своею свободой, только не скрываю этого такъ, какъ вы.

— Ну и желаю вамъ пользоваться этою счастливою свободой какъ можно дольше, проговорилъ Брежинъ съ притворною досадою и ушелъ.

XIV.

Дня три спустя послѣ этого вечера, Марья Петровна сидѣла въ классной и занималась съ дѣтьми; вдругъ ее поразило имя Брежина, произнесенное Матвѣемъ Васильевичемъ, въ сосѣдней комнатѣ; онъ говорилъ съ безпокойствомъ. Марья Петровна стала прислушиваться.

— Да чтò такое съ нимъ? спрашивала Анна Федоровна.

— Не знаю, но говорятъ, болѣзнь серьезная; нынче вечеромъ поѣду его навѣстить.

Сердце сжалось въ груди Марьи Петровны при этомъ извѣстiи. Брежинъ былъ уже для нея какъ-будто не чужой. Съ нетерпѣнiемъ ожидала вечеромъ Марья Петровна возвращенiя Матвѣя Васильевича; онъ прiѣхалъ еще болѣе озабоченный, чѣмъ утромъ.

— У него тифозная горячка, сказалъ онъ, — я засталъ его въ страшномъ жару и бреду, потомъ онъ пришелъ въ себя на нѣсколько минутъ, узналъ меня. Я предложилъ было ему дать знать его матери, но онъ испугался, упрашивалъ не дѣлать этого: болѣзнь, говорить, пройдетъ, а мать испугается, и это

может повредить ей здоровью... Онъ, кажется очень привязанъ къ ней. Однако ему замѣтно дѣлается хуже, и уже при мнѣ онъ опять впалъ въ безпамятство.

Съ мучительною ясностью воображала себѣ Марья Петровна безотрадное положеніе больного на рукахъ слуги и наемной сидѣлки. За чѣмъ она не сестра его? Она старалась бы нѣжнымъ вниманіемъ и предупредительностью, которыя такъ необходимы больному, облегчить его страданія. За чѣмъ пустыл приличія приковываютъ ее къ мѣсту и не позволяютъ летѣть туда, гдѣ она такъ хотѣла бы быть въ эту минуту? Да если бы она и рѣшилась пренебречь этими приличіями, развѣ ее отпустить? да наконецъ и самъ Брежинъ, какъ онъ это приметъ? Нѣтъ, объ этомъ нечего и думать! Съ томительнымъ нетерпѣніемъ ждала она извѣстій о немъ, но извѣстія эти были неутѣшительны: ему было все хуже. Марья Петровна страдала нестерпимо. Она роптала на судьбу, преслѣдующую ее съ ожесточеніемъ, окружающую ее людьми, которымъ она не можетъ сочувствовать, и отнимающую у нея тѣхъ, кто начинаетъ принимать въ ней искреннее участіе. Она живо чувствовала, что видѣть Брежина и говорить съ нимъ было единственною ея отрадой.

Такъ прошло около мѣсяца; наконецъ опасность миновала, и Брежинъ медленно началъ выздоравливать.

Однажды послѣ обѣда Матвѣй Васильевичъ и Анна Федоровна уѣхали за какими-то закупками и дома остались однѣ дѣвицы. Софья Матвѣвна и Анна Матвѣвна играли въ преферансъ съ болванчикомъ, потому что кузина ихъ отказалась составить имъ партію. Марья Петровна сидѣла съ книгой у окна и при мерцающемъ свѣтѣ сумерекъ старалась разобрать мелкую французскую печать. Она не слышала или показывала, что не слышитъ колкихъ намековъ, которыми осыпали ее сестры, разсерженные ея отказомъ.

— Марья Петровна чрезвычайно огорчена болѣзнью Брежина, сказала старшая,—поэтому-то видно и не хочетъ играть.

— О, да! навѣрное, подтвердила младшая.

— Сама виновата, зачѣмъ была съ нимъ жестока: онъ, бѣдненькій, вѣрно заболѣлъ съ отчаянія.

— Ахъ, да! конечно!

Вдругъ у подъезда раздался звонокъ.

— Это экипажъ Брежина! воскликнула Софья Матвѣвна, взглянувъ въ окно.—Марья Петровна! примите его пожалуйста;

мы сейчасъ придемъ, только волосы, пойдѣмъ, немного поправимъ.

Марья Петровна осталась одна. Сердце ея сильно билось; никогда еще не ждала она Брежина съ такимъ волненіемъ. Вотъ онъ вошелъ, худой, блѣдный, слабый. Марья Петровна встала и пошла ему навстрѣчу.

— Наконецъ вы оправились, сказала она, подавая ему руку, — я такъ боялась за васъ.

Она никогда не подавала ему руки, и потому это было уже не простымъ обыкновеннымъ привѣтомъ; притомъ, въ голосѣ Марьи Петровны было столько нѣжнаго участія... Блѣдное лицо Брежина освѣтилось радостною улыбкой.

— Какъ вы похудѣли! продолжала Марья Петровна, глядя на него съ участіемъ: — и знаете ли, что всего болѣе беспокоило меня въ вашемъ положеніи? это то, что за вами некому было ухаживать: больному мало простыхъ услугъ... Отчего вы не хотѣли увѣдомить свою мать?

Лицо Брежина омрачилось, какъ всегда, когда говорили ему о его матери.

— Я не могъ рѣшиться на это: ея здоровье такъ слабо, что всякое сильное потрясеніе можетъ быть для нея гибельно.

— Я не думаю, чтобы ваша мать была вамъ благодарна за такое самоотверженіе, хотя оно и показываетъ вашу любовь къ ней: вы лишили ее возможности быть полезной вамъ.

— Ваша доброта видитъ самоотверженіе тамъ, гдѣ его вовсе нѣтъ. Моя мать не могла бы мнѣ ничѣмъ помочь, и это еще болѣе увеличивало бы мои страданія. Видите, прибавилъ Брежинъ съ улыбкой, — здѣсь есть даже частица эгоизма. Но какъ бы то ни было, теперь я здоровъ, и стало-быть нечего и говорить объ этомъ. Поговоримте лучше о васъ. Скажите, что съ вами? Вы ужасно перемѣнились въ это время. Вы также страдали или, лучше сказать, вы все продолжаете страдать, мнѣ кажется...

Но въ это время вошли дѣвицы Терскія, и разговоръ сдѣлался общимъ. Скоро возвратились и Матвѣй Васильевичъ съ Анною Федоровной; она упросила Брежина провести съ ними вечеръ; пріѣхали Луцкіе, Тюменевъ и какая-то г-жа Канисевичъ, съ тремя дочерьми: одною большою и двумя маленькими. Брежинъ никогда еще не былъ такъ веселъ; онъ много говорилъ и занималъ всѣхъ; Луцкая замѣтила ему это.

— Вы нынче необыкновенно любезны; прежде это случалось съ вами рѣдко.

— Это потому, что я нынче счастливъ.

— А можно спросить причину?

— Причина самая простая. Я уже говорилъ вамъ какъ-то, что тогда только узнаешь настоящую цѣну вещи, когда ее потеряешь или рискуешь потерять. Я едва не лишился жизни, а теперь она мнѣ возвращена, и мнѣ кажется, что теперь только я узналъ ей всю цѣну.

— И только одно это дѣлаетъ васъ счастливымъ? спросила Агнія Артамоновна, смотря на него испытующимъ взоромъ.

— Развѣ этого не довольно?

— Mesdames! давайте играть въ «судьбу»! предложилъ Тюменевъ.

— Какъ это? спросила дѣвица Канисевичъ.

— Развѣ вы не знаете? спросила Софья Матвѣевна.—Вотъ видите: одинъ пишетъ имена мужчинъ, другой—дамъ, третій—что они дѣлаютъ, четвертый—гдѣ, пятый можетъ писать—въ какое время; иногда выходятъ очень забавныя вещи.

— Да вотъ, какъ въ послѣдній разъ мы играли, сказалъ Тюменевъ,—вышло: Марья Петровна съ М-г Брежинымъ въ стаканѣ купаются. *Imaginez vous bien tout cela!* купаются вмѣстѣ въ стаканѣ! *C'est charmant!*

И Тюменевъ, насмѣшливо прищуря глаза на Марью Петровну и покручивая усы, посмѣивался, подсакивая на стулѣ.

— Посмотрите, какъ М-г Брежинъ серіозень, а вѣдь въ душѣ, я вижу, также смѣется.

— Сдѣлайте одолженіе, говорите только за себя и не старайтесь заглядывать ко мнѣ въ душу; можетъ-быть то, что вы тамъ увидите, вовсе не будетъ приятно для васъ, проговорилъ Брежинъ съ явною насмѣшкой, что у него бывало рѣдко.

Тюменевъ покраснѣлъ и съ досады началъ щипать свои усы, но не нашелся, что отвѣтить.

Марья Петровна встала и пошла къ дѣтямъ, которыя играли въ другомъ углу зала въ лото и о чемъ-то горячо спорили.

— Что у васъ такое? спросила она, садясь возлѣ нихъ.

— Да вотъ, я выигралъ, началъ кузень ея Володя, задыхаясь отъ волненія,—сказали 90, я поставилъ и выигралъ, а Лизанька Канисевичъ говоритъ, что она выиграла, а у нея...

— У меня уже давно былъ заставленъ цѣлый рядъ, я только не замѣтила, перебила его дѣвочка.

Марья Петровна объявила имъ, что они оба выиграли, и противники остались очень довольны.

Дѣти перестали играть въ лото и бѣгали одинъ за другимъ по комнатѣ; Марья Петровна сидѣла одна у стола и задумчиво устанавливала на карту шашечки.

— Что это вы одни играете въ лото? спросилъ ее Брежинъ, подходя къ столу и садясь противъ нея на стулъ.

Марья Петровна подняла голову и посмотрѣла на него улыбаясь.

— Вотъ игра, которой я терпѣть не могу, произнесла она.

— Отчего же?

— Да скажите, что за удовольствіе безъ всякой мысли разставлять шашечки на тѣ мѣста, которыя вамъ указываютъ? Я не люблю игръ, которыя весь интересъ заключается въ выигрышѣ.

— Да вѣдь и во всѣхъ играхъ выигрышъ составляетъ главный интересъ. По крайней мѣрѣ въ этой игрѣ не себя винишь за проигрышъ.

— А развѣ вы думаете, что въ своихъ неудачахъ или въ своемъ несчастіи легче винить судьбу, нежели себя?

— Безъ сомнѣнія. Когда человѣкъ самъ виноватъ въ своихъ неудачахъ или въ своемъ несчастіи и понимаетъ это, то, кромѣ горечи отъ несбывшихся надеждъ, является еще мучительное, тяжелое чувство поздняго сожалѣнія, что поступилъ такъ, а не иначе...

— Это правда. Но вѣдь это чувство не можетъ быть продолжительно. Человѣкъ скоро оправится отъ первой неудачи и опять вступитъ въ борьбу съ жизнью съ новымъ жаромъ, съ новою надеждою на успѣхъ. Но если онъ убѣдится, что судьба противъ него, или пожалуй тѣ обстоятельства, изъ которыхъ сложилась его жизнь, то это убьетъ въ немъ всю энергію, потому что, какъ хотите, можетъ ли человѣкъ дѣятельно приняться за что-нибудь, когда знаетъ, что это ему не удастся? Потомъ, развѣ это исключаетъ собственные его ошибки? и если присоединится то чувство поздняго сожалѣнія, о которомъ вы говорите, то жизнь сдѣлается ужь рѣшительно нестерпима.

Марья Петровна замолчала и задумалась.

— Послушайте! началъ Брежинъ, послѣ минутнаго молчанія:—говоря это, вы думали о себѣ. Не скрывайтесь пожалуйста, прибавилъ онъ, замѣтивъ, что Марья Петровна хотѣла воз-

ражать:—я давно понялъ, что вамъ тяжело жить, что вы постоянно и глубоко страдаете. Но зачѣмъ же вы не хотите видѣть, что близъ васъ есть человѣкъ, который принимаетъ въ васъ самое искреннее, самое безкорыстное участіе, который готовъ сдѣлать все... все, чтобъ избавить васъ отъ этой ежедневной пытки, быстро убивающей ваши физическія и можетъ-быть душевныя силы. Я давно хотѣлъ говорить съ вами, но не зналъ, какъ вы это примете. Сегодня мнѣ показалось, что я прочелъ въ глазахъ вашихъ участіе и ко мнѣ, и это даетъ мнѣ смѣлость... Скажите, ради Бога, не могу ли я быть чѣмъ-нибудь вамъ полезень? Я не умѣю самъ придумать, потому что не знаю хорошо вашихъ обстоятельствъ...

Марья Петровна молчала.

— Наконецъ, продолжалъ Брежинъ, напрасно ожидавшій ея отвѣта,—если ужъ я ничѣмъ не могу помочь вамъ, позвольте мнѣ быть вашимъ другомъ; говорите мнѣ откровенно, какъ говорили бы вашему брату, все, что васъ волнуетъ, огорчаетъ. Я самъ испыталъ, какъ тяжелы скрытыя страданія, а вашъ братъ заставилъ меня узнать, какое облегченіе доставляетъ дружба: вѣрьте, раздѣленное горе наполовину уменьшается.

Марья Петровна опять ничего не отвѣчала. Брежинъ говорилъ все это, опустилъ глаза; теперь онъ взглянулъ на нее. Марья Петровна была блѣдна какъ полотно, губы ея были сжаты, и тонкій носикъ раздувался, какъ будто она удерживала слезы.

— Благодарю васъ, Павелъ Сергѣичъ, проговорила она наконецъ, напрасно стараясь подавить дрожаніе голоса: — я нисколько не сомнѣваюсь въ искренности вашего участія, но вы уже слишкомъ преувеличили непріятность моего положенія, и мнѣ очень жаль, если слова, сказанныя мною случайно и безъ всякой цѣли, заставили васъ подумать, что я желаю возбудить къ себѣ ваше состраданіе.

Лицо Брежина омрачилось.

— Я не думалъ, сказалъ онъ,—что, предлагая вамъ свою дружбу, оскорблю васъ; если такъ, простите и забудьте то, что я сказалъ.

— Я отказываюсь отъ вашей дружбы вовсе не потому, чтобъ оскорблялась ею, но я не хочу навязывать вамъ свое горе, когда ничѣмъ не могу, еслибы и хотѣла, отплатить вамъ за ваше участіе: вѣдь моя-то дружба вамъ вовсе не нужна.

— Да нѣтъ же, нѣтъ! ваша дружба нужна мнѣ, можетъ-бытъ

больше, чѣмъ моя вамъ. И неужели вы въ состояніи будете отказать мнѣ въ ней, когда я скажу вамъ, что въ этой дружбѣ я полагаю все возможное для меня счастье?

— Нѣтъ, и если когда-нибудь...

— Не когда-нибудь, а теперь!... Ну, вы согласны? дайте же руку.

Марья Петровна подала руку. Эта рука была суха и холодна, какъ мраморъ.

— Но, ради Бога, чтѣ съ вами? вы нездоровы!..

— Да, я нынче очень дурно себя чувствую. Сегодня утромъ я выходила и, вѣрно, простудилась: самой холодно, а голова горитъ.

И Марья Петровна облокотилась на столъ и оперлась на руки своимъ пылающимъ лбомъ. Брежинъ съ грустью смотрѣлъ на нее.

— Прощайте! сказала она вставая:—пойду въ свою комнату и лягу: можетъ-быть будетъ лучше.

— Господи! они убьютъ васъ, произнесъ Брежинъ.

— Кто? я же вамъ говорю, что вы ошибаетесь.

— Итакъ мы друзья? спросилъ Брежинъ, не выпуская руки, которую она ему подала, и пристально смотря ей въ глаза.

— Друзья, друзья, произнесла Марья Петровна, сially улыbnуться.

Печально склонивъ голову, вошла она въ свою комнату и въ изнеможеніи упала на стулъ. Голова ея закинулась назадъ, сложенные руки судорожно сжались. Слезъ не было, но въ полуоткрытомъ ртѣ, во всей позѣ молодой дѣвушки выражалось глубокое, безнадежное отчаяніе.

«Безумная! прошептала она: я люблю его!»

А онъ? онъ только сожалѣлъ о ней, какъ сожалѣлъ бы о всякой другой на ея мѣстѣ. Она для него ничего не значить. И дружбу-то свою онъ предложилъ ей какъ средство облегчить ея страданія; стало-быть при другихъ обстоятельствахъ онъ не искалъ бы и ея дружбы. Нѣтъ, онъ не чувствуетъ къ ней ничего кромѣ состраданія!

И Марья Петровна съ отчаяніемъ схватила себя за голову, какъ будто боясь, что ея мозгъ не выдержитъ этой мучительной мысли и разорвется на части.

Между тѣмъ гости разѣхались, свѣчи погасили, и въ залѣ, освѣщенномъ только одною лампой, медленно прохаживались изъ угла въ уголъ Матвѣй Васильевичъ и Анна Федоровна.

— Замѣтила ты, Анна Федоровна, какъ Брежинъ былъ сегодня любезенъ съ Сонечкой? говорилъ Матвѣй Васильевичъ.— Я давно уже вижу, что онъ оказываетъ ей особенное вниманіе, что она ему нравится, но ничего не говорилъ тебѣ, потому что хотѣлъ прежде самъ хорошенько увѣриться, но теперь, кажется, нельзя сомнѣваться въ его намѣреніяхъ.

— Какихъ намѣреніяхъ? спросила Анна Федоровна, какъ будто не понимая, о чемъ онъ говорилъ.

— Да неужели же ты ничего не замѣчаешь? Брежинъ не нынче, такъ завтра сдѣлаетъ Сонечкѣ предложеніе.

— Полно, такъ ли, Матвѣй Васильичъ? спросила Анна Федоровна, насмѣшливо поглядывая на мужа.

— Помилуй, матушка, тутъ, кажется, и сомнѣваться нечего. Человѣкъ ѣздитъ чуть не каждый день, ухаживаетъ за дѣвушкой, предупреждаетъ всѣ ея желанія; теперь, едва оправаясь отъ болѣзни, ѣдетъ прежде всего сюда, и какъ ребенокъ радуется, что опять увидѣлся съ нею, значить влюбленъ. А сколько я знаю Брежина, онъ неспособенъ ухаживать за дѣвушкой изъ одного пустаго волокитства.

— Да, только Софи-то, можетъ-быть, служить для него тутъ ширмами, чтобы прикрыть ими свое ухаживанье за Марьей Петровной.

— Ты всегда и во всемъ видишь Марью Петровну! съ досадою проговорилъ Матвѣй Васильевичъ.

— Повѣрь мнѣ, мой другъ, я не ошибаюсь. Я наблюдала за ними и, если не онъ, то по крайней мѣрѣ она очень интересуется имъ. Чтò жь? это очень естественно, онъ выгодный женихъ.

— Только она-то для него не партія и, конечно, она понимаетъ это. А что она любезнѣе съ нимъ, чѣмъ съ другими, такъ это потому, что онъ былъ друженъ тамъ съ ея братомъ... ну, а онъ принимаетъ въ ней участіе, какъ въ бѣдной дѣвушкѣ. Это вздоръ! Поговоримъ-ка лучше о Сонечкѣ, я вотъ хотѣлъ посоветоваться съ тобою насчетъ ея приданого. Брежинъ, конечно, ничего не спросить, но все-таки нельзя же отдать ее съ тѣмъ только, чтò у нея есть.

— Да чтò же объ этомъ толковать, когда еще ничего неизвѣстно!

— Ну, все равно! Сонечка въ такихъ лѣтахъ, что скоро должна выйти замужъ не за того, такъ за другаго; и во всякомъ случаѣ гораздо лучше заранѣе и понемногу прикупить и сдѣ-

латъ тамъ что нужно, а то вы тогда засуетитесь, заспѣшите, и все обойдется втрое дороже.

— Къ гардеробу Софи, мнѣ кажется, немного нужно прибавить. Подвѣчное платье можно взять у Катринъ: оно годится, я думаю, безъ передѣлки; у нихъ одинакія талія; ну, потомъ...

И Анна Ѳедоровна пустилась вычислять всѣ необходимыя пополненія, которыхъ, сверхъ ожиданія, оказалось не мало; Матвѣй Васильевичъ только морщился, но, боясь разсердить жену, ничего не возражалъ.

— А все-таки, заключила она:—по моему мнѣнію нужно, если не совсѣмъ удалить Марью Петровну, то хоть внимательно наблюдать за нею. Впрочемъ это я беру на себя. Что ты ни говори, а она способна разстроить это хоть изъ одной зависти.

— Полно, полно, матушка! лучше порадуемся, что намъ, Богъ дастъ, удастся устроить и другую дочь безъ лишнихъ издержекъ и за человѣка честнаго, да еще богатаго. Она будетъ такъ же счастлива, какъ и Катечка.

— Ну, эта партія повыгоднѣе! У Брежина восемьсотъ душъ, а у Михайла Семеныча только должность.

— Ну, что же? жалованье хорошее и открытая добыча впереди; впрочемъ будущее неизвѣстно.

И супруги разстались.

XV.

Марья Петровна сидѣла одна въ гостиной. Передъ ней, на маленькомъ столикѣ, лежала раскрытая книга, но она не читала ея. Подперши рукою голову, она тоскливо смотрѣла въ окно, но, кажется, ничего не видѣла, точно такъ, какъ за минуту передъ тѣмъ десять разъ прочла одну страницу и не поняла ни одного слова. Раздался звонокъ; Марья Петровна вздрогнула, провела рукою по лбу, и взявши книгу, откинулась на спинку кресла и опять начала читать. Вошелъ Брежинъ.

— Здравствуйте, Марья Петровна!

Она молча протянула руку.

— Вы однѣ?

— Да, всѣ уѣхали—смотреть дачу, которую хочетъ нанять Матвѣй Васильичъ.

— А васъ, кажется, не радуешь и весна, вы все скучаете, грустите. Что-нибудь еще новое?

— Нѣтъ, ничего...

— Марья Петровна! это не хорошо: вы измѣняете дружбу.

— Чѣмъ же?

— Вы не хотите быть откровенной, не хотите сказать...

— Да что жъ вамъ сказать? прервала его Марья Петровна:— что я скучаю? вы сами это знаете, вы сейчасъ это сказали.

Брежнинъ задумчиво прошелся раза два по комнатѣ и сѣлъ возлѣ Марьи Петровны.

— Послушайте! началъ онъ:—я знаю, что всѣ утѣшенія пошлы и бесполезны, когда нельзя помочь... но развѣ ваше положеніе безвыходно, развѣ вы не можете оставить родныхъ, и если...

— Да вовсе не это положеніе и заставляетъ меня грустить; ко всему можно привыкнуть, и я почти привыкла ко всѣмъ этимъ непріятностямъ, по крайней мѣрѣ онѣ огорчаютъ меня гораздо меньше, чѣмъ прежде... Меня приводитъ въ отчаяніе то, что и въ будущемъ-то я ничего не вижу для себя утѣшительнаго... Я постоянно жила ожиданіемъ чего-то: чего именно, я и сама не знаю! День за день, годъ за годъ, и наконецъ вижу, что и вся жизнь моя пройдетъ въ одномъ этомъ томительномъ ожиданіи бесплодно, безцѣльно... Мнѣ хотѣлось бы быть полезной; эта пустая жизнь начинаетъ становиться для меня невыносима... Посмотрите, продолжала она послѣ минутнаго молчанія:—вотъ эта крестьянка, что идетъ тамъ по улицѣ... Приведите ее сюда, покажите ей всю эту обстановку, которая, конечно, покажется ей роскошью; скажите ей, что вотъ эта женщина всегда можетъ пользоваться такими же удобствами, что она не знаетъ, что такое забота о завтрашнемъ днѣ, что, если хочеть, она можетъ весь день просидѣть спокойно на одномъ мѣстѣ, потому что и безъ нея все будетъ сдѣлано; скажите все это этой крестьянкѣ и прибавьте, что эта женщина несчастна,—она не повѣритъ... А между тѣмъ я съ радостію промѣняла бы свою жизнь на ея жизнь, полную трудовъ и лишеній. У нея есть какое-нибудь назначеніе, она все-таки приноситъ пользу...

— Но еслибы и можно было сдѣлать такой обмѣнъ, развѣ вы думаете, что были бы счастливѣе на ея мѣстѣ? Вѣдь, для того, чтобъ ужиться съ этими людьми и довольствоваться ихъ

жизнию, вамъ нужно было бы стать на одинакую съ ними степень образованія.

— А вы думаете, что общество, въ которомъ я живу, больше образовано? Нѣсколько лишнихъ свѣдѣній, и гораздо больше суетности—вотъ и все. Право, мнѣ кажется, что лучше жить между простыми грубыми людьми, но добрыми и честными по природѣ, нежели между этими такъ-называемыми образованными, въ которыхъ эгоизмъ и глупое тщеславіе подавили всѣ человѣческія чувства... И, Боже мой! еслибъ вы знали, какъ надоѣли мнѣ всѣ эти люди и эта мелочная жизнь, которую они ведутъ, и которую и я поневолѣ должна жить! Мнѣ хотѣлось бы смотрѣть на все это, какъ Луцкая: она во всемъ видитъ только смѣшное.

— И, право, въ жизни больше смѣшнаго...

— Да именно это-то и грустно... Можетъ-быть, еслибъ я могла жить отдѣльною отъ всѣхъ жизнью,—можетъ-быть и я тогда принимала бы все это такъ же легко... Право, я теперь пошла бы даже въ монастырь, еслибы не знала, что и тамъ все то же...

— Но вамъ только семнадцать лѣтъ, передъ вами цѣлая жизнь, въ которой ждетъ васъ еще много радостей, счастья; вы можете полюбить...

— Любовь!.. не говорите мнѣ про нее; любить одной ужасно! съ какимъ-то испугомъ невольно проговорила Марья Петровна.

Брежинъ вздрогнулъ и посмотрѣлъ на нее. Марья Петровна сидѣла, подперши голову руками, на щекахъ ея горѣлъ лихорадочный румянецъ, глаза свѣтились болѣзненнымъ блескомъ. Страшное волненіе овладѣло вдругъ Брежинымъ, сердце его такъ сильно забилось, что захватило ему дыханіе; не зная самъ, что дѣлаетъ, онъ схватилъ руку Марьи Петровны и страстно прижалъ ее къ губамъ. Въ сосѣдней комнатѣ слышались шаги: Матвѣй Васильевичъ и Анна Федоровна съ дочерьми возвратились домой.

— Павелъ Сергѣевичъ! возгласилъ Терскій, пожимая Брежину руку.—А мы ѣздили смотрѣть дачу: пора подумать о переселеніи.

— Что жъ, наняли? спросилъ Брежинъ, чтобъ сказать что-нибудь.

— И прехорошенькую! Въ шесть комнатъ, съ садомъ, за

садомъ сейчасъ роща... не далеко отъ Луцкихъ... вотъ бы и вы къ намъ туда же: лѣтомъ вѣдь скучно въ Петербургѣ.

— Это было бы очень приятно, говорилъ Брежинъ разсѣянно.

«Что жь это? думалъ Брежинъ, возвратясь домой,—я люблю эту дѣвушку и, какъ мальчишка, не умѣлъ до сихъ поръ понять, какое чувство влекло меня къ ней... Счастіе такъ близко, такъ возможно, а я!.. Бѣдная, сколько страданій терпѣла она, благодаря моей глупости. Но что, если это восклицаніе, вырвавшееся у нея невольно, относится не ко мнѣ?... Что, если она любить кого-нибудь другаго?..»

Брежинъ на минуту задумался, потомъ горько усмѣхнулся.

«А это очень можетъ быть; это такъ идетъ къ моей глупѣйшей участи.»

XVI.

Весна наступила. Петербургъ пустѣлъ. Пароходы безпрестанно отходили, нагруженные мебелью; по улицамъ тянулись цѣлые обозы и тощіе одинокіе возики, съ разнымъ домашнимъ хламомъ. Богачи переселялись за городъ дышать чистымъ воздухомъ и пользоваться сельскими удовольствіями въ великолѣпныхъ загородныхъ дачахъ; бѣдняки не хотѣли отстать отъ нихъ и спѣшили населять карточные домики, чтобъ получать на сморки и флюсы. Терскіе тоже переѣхали на нанятую ими дачу, близъ богатой дачи Луцкихъ. Прежде, Агнія Артамоновна была бы вовсе не рада этому сосѣдству, теперь она имъ очень довольна: она можетъ быть почти неразлучна съ своимъ другомъ; она радуется и за Марью Петровну: дачная жизнь, навѣрно, поправитъ ея здоровье, которое въ послѣднее время видимо слабѣло. Луцкая совѣтовалась объ этомъ съ своимъ докторомъ, и онъ сказалъ, что лучшее лѣкарство для М-ле Каринской мѣщанъ, чистый воздухъ и какъ можно больше разсѣянія. Тотчасъ, по переѣздѣ на дачу, Луцкая приступила къ исполненію этого предписанія. Она уговорила Марью Петровну учиться верховой ѣздѣ, и каждый день часа по два проводила съ нею въ манежѣ; устраивала катанья на лодкахъ, дальнія прогулки въ лѣсъ... Марья Петровна, казалось, охотно принимала участіе въ этихъ удовольствіяхъ: она сама понимала, что ей необходимо стараться

развлекать себя, чтобы не дать совершенно овладѣть гнетущею ея грусти,—но все это дѣлала она какъ-то машинально.

Брежинъ тоже нанялъ для себя дачу за рощей, примыкавшею къ саду Терскихъ, такъ что могъ ходить къ нимъ прямо черезъ эту рощу и ихъ садъ, минуя главную дорогу. Дѣло его было кончено, но онъ не торопился въ деревню. Онъ часто ходилъ къ Терскимъ, но постоянно былъ разсѣянъ и чѣмъ-то озабоченъ. Анна Федоровна скоро замѣтила это и стала внимательно наблюдать за нимъ. Брежинъ выходилъ изъ себя: ему хотѣлось говорить съ Марьей Петровной, а Терская не оставляла его ни на минуту. Кромѣ того и Марья Петровна видимо избѣгала этихъ разговоровъ наединѣ, и вообще обхожденіе ея съ Брежинымъ сдѣлалось холодно и принужденно. Брежинъ думалъ, что она сердится на него за его послѣдній поступокъ, и тѣмъ сильнѣе хотѣлъ съ нею объясниться. Онъ постоянно былъ въ тревожномъ волненіи. Любовь, такъ незамѣтно вкрадываясь въ его сердце, росла съ каждымъ днемъ, и онъ нетерпѣливо хотѣлъ узнать, раздѣляетъ ли Марья Петровна это чувство. Пока онъ пользовался ея дружбой, пока видѣлъ въ ней сочувствіе къ себѣ, любовь его была такъ тиха, такъ спокойна, что онъ и самъ не умѣлъ бы отдать отчета, любилъ ли Марью Петровну. Ему было пріятно слушать ее, ему было отраднo и спокойно въ ея присутствіи, но онъ не скучалъ и безъ нея. Теперь, напротивъ, сердце его постоянно рвалось къ Марьѣ Петровнѣ, имъ овладѣвало мучительное безпокойство, что эта женщина не принадлежитъ ему, что всякую минуту онъ можетъ невозвратно потерять ее...

Былъ тихій, прекрасный вечеръ. По дорогѣ отъ дачи Луцкихъ къ рѣкѣ ѣхали верхомъ на прекрасныхъ англійскихъ лошадяхъ Марья Петровна и Агнія Артамоновна. За ними, нѣсколько поодаль, ѣхалъ берейторъ. Солнце садилось; ослѣпительными брызгами послѣднихъ лучей прорывалось оно сквозь вѣтви деревьевъ и золото-розовымъ цвѣтомъ окрашивало тонкія полосы облаковъ, висѣвшихъ надъ нимъ. Длинные тѣни деревьевъ темнозелеными пятнами лежали на изумрудной муравѣ, осыпанной красными искрами заката. Тихій, свѣжій вѣтерокъ дулъ въ лицо... и этотъ мягкій вѣтерокъ, и это широкое зеленое поле, и мѣрная зыбь галопа хорошо выѣзженной лошади, все это доставляло Марьѣ Петровнѣ новое, еще неиспытанное ею, удовольствіе, и лицо ея оживлялось, глаза загорались, грудь высоко подымалась, жадно впивая чистый, свѣжій воздухъ. Упоительное чувство свободы

охватило Марью Петровну, ей стало легко... Какъ эти птицы, которыя летѣли надъ ея головой, ей хотѣлось быстро, быстро нестись въ этомъ прозрачномъ свѣжемъ воздухѣ, все равно куда-нибудь, лишь бы имѣть больше движенія, и она съ замирающимъ сердцемъ все ускоряла галопъ лошади. Луцкая нарочно отстала, чтобы посмотреть издали, хорошо ли сидитъ на лошади ея пріятельница. Это была первая прогулка Марьи Петровны верхомъ, до сихъ поръ она ѣздила только въ манежѣ. Вдругъ изъ за-лѣсу вышелъ охотникъ съ двумя собаками. Одна шла у его ногъ, другая, вѣроятно молодая, носилась взадъ и впередъ по полю и далеко ушла впередъ отъ своего хозяина. Увидѣвъ всадницъ, она со всѣхъ ногъ пустилась имъ навстрѣчу. Марья Петровна хотѣла пріостановиться, но было уже поздно: собака съ громкимъ лаемъ бросилась подъ ноги ея лошади; та дрогнула, взвилась на дабы и стремглавъ понесла Марью Петровну по полю. Луцкая и берейторъ поскакали за нею. Охотникъ былъ Брежинъ. Замѣтивъ, что лошадь испугалась и понесла, онъ бросился ей наперерѣзъ, но въ это время она споткнулась на всемъ скаку, Марья Петровна не удержалась на сѣдлѣ и упала на траву. Брежинъ подбѣжалъ и поднималъ ее. Марья Петровна была безъ чувствъ. Блѣдная, съ закрытыми впалями глазами, съ закинутою головой, она какъ мертвая лежала на рукахъ Брежина.

— Что жъ вы ее держите на рукахъ? отъ этого она не придетъ въ себя! закричала Луцкая, подскакавъ и сходя съ лошади.—Какъ это мило—ходить по полю съ собаками и пугать лошадей! продолжала она, развязывая ленты и снимая съ Марьи Петровны шляпку.

— Ну, теперъ вы стоите какъ статуя отчаянія; бѣгите скорѣе, достаньте гдѣ-нибудь воды!

Брежинъ опомнился. Когда онъ воротился, неся воду въ кожаномъ походномъ стаканѣ, Марья Петровна пришла уже въ себя, и обѣ дѣвушки сѣдѣли рядомъ на травѣ.

— Боже мой! я никогда не прощу себѣ...

— Да вамъ не въ чемъ и винить себя. Все это случилось оттого, что я еще плохо ѣзжу верхомъ: сначала не умѣла удержать лошадь, а когда она споткнулась, не умѣла удержаться въ сѣдлѣ...

— Но вы вѣрно ушиблись? спросилъ Брежинъ, боясь услышать «да».

— Нѣтъ, меня только оглушило это паденіе, но я не чувствую нигдѣ боли, по крайней мѣрѣ теперь.

Брежинъ сѣлъ подлѣ нея на траву.

— Хочешь, я пошлю за коляской, а мы тутъ дождемся? спросила Луцкая.

— Нѣтъ, нѣтъ! я хочу опять сѣсть на лошадь: мнѣ кажется, теперь я буду гораздо смѣлѣе ѣздить. Только посидимъ здѣсь немного, я еще не отдохнула.

— Чтѣ это вы дѣлаете? за чтѣ вы ее бьете? спросила Луцкая Брежина, увидѣвъ, что онъ толкнулъ ногою подошедшую къ нему собаку такъ сильно, что она взвизгнула.

— Я не могу теперь видѣть эту собаку, отвѣчалъ онъ, немного покраснѣвъ.

— Какое ребячество! проговорила Марья Петровна, разсмѣявшись.—Поди сюда!.. Какъ ее зовутъ?

— Топси.

— Топси! Топси! поди ко мнѣ!

Собака робко подошла къ Марьѣ Петровнѣ.

— Какая красивая собака! сказала Марья Петровна, взявъ ее обѣими руками за голову:—какъ она умно смотритъ!

— Развѣ ты любишь собакъ? спросила Агнія Артамоновна.
— Я не знала.

— Я люблю всѣхъ животныхъ и, особенно, большихъ собакъ.

— Вы позволите мнѣ подарить ее вамъ? спросилъ Брежинъ.

— Я была бы очень довольна, но вы знаете, мнѣ нельзя ее взять къ себѣ. Все равно, пусть она будетъ моя. Слышишь, Топси? ты моя теперь, и если твой баринъ осмѣлится обижать тебя, приди пожалуйся мнѣ.

И Марья Петровна продолжала весело болтать; минувшая опасность, казалось, оживила ее и вырвала изъ той апатичной грусти, которая въ послѣднее время совершенно овладѣла ею.

— Мари! пора, становится сыро, сказала Луцкая.

Марья Петровна встала. Лошадей подвели.

— М-г Брежинъ! не угодно ли вамъ помочь намъ сѣсть на лошадь, сказала Луцкая:—вы, кажется, не знаете, что мы не можемъ садиться сами.

Брежинъ взявъ Марью Петровну за талию и приподнявъ, какъ ребенка; но когда онъ почувствовалъ какъ билось ея сердце подъ его рукою, руки его задрожали, голова закружилась, и онъ едва не уронилъ Марью Петровну.

Задумчиво склонивъ голову, пошелъ Брежинъ къ своей дачѣ.

Случай этотъ показалъ ему, какъ дорога была для него эта дѣвушка. Уединившись, онъ почувствовалъ, что на этотъ разъ онъ не въ силахъ уже умалять и опошлять свои порывы. Заговорило живое сердце и одержало верхъ надъ его рутиннымъ настроеніемъ. Неожиданная семейная вѣсть скоро помогла Брежину освободиться отъ послѣднихъ отзвуковъ вялой нерѣшительности. Онъ получилъ письмо отъ своей матери.

«... Я больна, писала ему мать,—не тяжело, и говорятъ, не опасно, но какое-то предчувствіе говоритъ мнѣ, что я не перенесу этой болѣзни и скоро умру. Павелъ! пріѣзжай ко мнѣ скорѣе. О, еслибы ты зналъ, какъ горячо я желаю тебя видѣть! Я хочу выпросить у тебя прощеніе, хочу лечь въ гробъ, примиренная съ сыномъ. О, сынъ мой, зачѣмъ я опомнилась такъ поздно! Какъ хотѣла бы я прожить еще нѣсколько лѣтъ, чтобы любовью, преданностію загладить то, что ты выстрадалъ черезъ меня. Бѣдное заброшенное дитя, ты жилъ въ домѣ матери и не зналъ, что такое материнскія ласки; послѣ цѣлаго года ученія, трудовъ, ты пріѣзжалъ въ пустой домъ, и тебя не встрѣчали, какъ другихъ, горячія объятія матери. Я не исполнила ни одного своего долга, и не имѣю права требовать отъ тебя ни любви, ни даже уваженія, но я никогда не слыхала отъ тебя ни одного грубаго слова, ни одного упрека,—я знаю твое доброе сердце и увѣрена, что ты простишь меня...»

«... Какъ бы я хотѣла, чтобы тебя полюбила какая-нибудь женщина, чтобъ умирая, я знала, что оставляю тебя счастливымъ; это сдѣлало бы мою смерть менѣе мучительною...»

Долго Брежинъ сидѣлъ задумавшись, и крупныя слезы тихо, безъ усилія, катились по его щекамъ.

Топси тихонько визжала, свернувшись въ клубокъ на диванѣ; наконецъ она не выдержала, встала, тихо подошла къ Брежину и, положивъ свою красивую голову на его колѣно, тяжело вздохнула, смотря ему въ глаза. Брежинъ взглянулъ на нее, и незамѣтно его мысли перешли на другой предметъ.

— Да, Топси! сказалъ онъ положивъ руку на ея голову,—она должна быть нашею госпожей, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Онъ всталъ, поспѣшно одѣлся и, присѣвши къ столу, наскоро написалъ нѣсколько словъ; свернулъ бумажку и спряталъ ее за перчатку; потомъ онъ взялъ шляпу и пошелъ къ Терскимъ.

Терскіе сидѣли всею семьей за чайнымъ столомъ на террасѣ, выходящей въ садъ.

— Вотъ и Павелъ Сергѣичъ, сказалъ Матвѣй Васильевичъ, увидѣвъ Брежина, который, по обыкновенію, шелъ къ нимъ черезъ садъ.—Добро пожаловать! А мы только сейчасъ о васъ говорили.

— Я пришелъ къ вамъ проститься:—завтра уѣзжаю, сказалъ Брежинъ и взглянулъ на Марью Петровну.

Она поблѣднѣла, и чашка такъ сильно задрожала въ ея рукѣ, что она поспѣшила поставить ее.

— Что такъ? спросили Матвѣй Васильевичъ и Анна Федоровна.

— Сейчасъ получилъ письмо отъ матери: она очень больна и хочетъ поскорѣ меня видѣть.

Начались соболѣзнованія.

— Ну, Богъ дастъ, ваша матушка поправится, и тогда вы опять къ намъ? спросилъ Матвѣй Васильевичъ.

— Не знаю, развѣ что-нибудь особенное.

Марья Петровна поблѣднѣла еще больше.

Брежинъ просидѣлъ еще нѣсколько минутъ и сталъ прощаться. Пожимая дрожащую руку Марьи Петровны, онъ незамѣтно передалъ приготовленную имъ записку. Марья Петровна вспыхнула, смутилась и едва не выронила ея.

— Какъ огорченъ бѣдный!, говорилъ Матвѣй Васильевичъ, когда Брежинъ ушелъ.—Однако это очень непріятная новость, продолжалъ онъ, идя за Анной Федоровной въ комнаты.

— Чтò жь тутъ особенно непріятнаго?

— А то, что мать его можетъ умереть,—тогда годъ траура; хоть это и глупый обычай, но Брежинъ, навѣрно, захочетъ его соблюсти, а въ годъ многое можетъ измѣниться.

Придя въ свою комнату, Марья Петровна дрожащими руками развернула записку. Вотъ чтò писалъ ей Брежинъ:

«Простите, что я осмѣливаюсь писать къ вамъ, но мнѣ такъ необходимо сказать вамъ нѣсколько словъ. Въ послѣднее время отношенія наши измѣнились: можетъ-быть я виноватъ передъ вами, но если это наказаніе, то, повѣрьте, слишкомъ жестокое. Завтра я уѣзжаю. Неужто мы разстанемся при тѣхъ же холодныхъ отношеніяхъ? Это невыносимо-болно! Мнѣ нужно сказать вамъ многое. Приходите,—ради Бога, не откажите мнѣ въ этой милости,—приходите завтра поутру въ семь часовъ въ рошу, чтò за вашимъ садомъ, я буду ждать васъ. Отъ этого свиданія зависитъ для меня все.»

Марья Петровна крѣпко задумалась надъ этимъ письмомъ. Въ

послѣднее время она избѣгала Брежина, потому что боялась какимъ-нибудь неосторожно вырвавшимся словомъ дать замѣтить ему, что она его любитъ. Она сама установила, холодныя отношенія къ нему, которыя были такъ для нея мучительны. Теперь ей хотѣлось бы проститься съ нимъ, хоть какъ съ другомъ. Но что онъ хочетъ сказать ей? Можетъ-быть ему грустно оставить ее въ томъ же невыносимомъ положеніи, и онъ придумалъ какое-нибудь средство, чтобы получше устроить ея жизнь, и опять услышитъ она тѣ же слова состраданія, хоть и полныя участія, но жгучія, когда ихъ произноситъ человѣкъ, отъ котораго хотѣлось бы слышать слова не состраданія, а любви. Зачѣмъ ей добровольно рѣшиться на эту пытку? Нѣтъ, она не пойдетъ на это свиданіе. Но вотъ ей представился образъ Брежина, грустный, разстроенный; ей стало жаль его; она вспомнила его слова: «ваша дружба нужнѣе мнѣ, чѣмъ моя вамъ»; ей показалось жестокимъ отказать ему, когда онъ быть-можетъ въ этомъ свиданіи ожидалъ и для себя утѣшенія. И можетъ ли она отказаться отъ блаженства видѣть его еще разъ, можетъ-быть въ послѣдній разъ? Она пойдетъ! Пусть онъ говоритъ, что хочетъ, пусть, не зная, оскорбляетъ ея любовь; она постарается не понимать его словъ, она будетъ только прислушиваться къ звуку его голоса. Какъ она благодарна, что онъ оставилъ ей это письмо, она никогда съ нимъ не разстанется, и Марья Петровна снова прочла его. Въ этихъ наскоро набросанныхъ словахъ было что-то больше простаго участія, но что же значили эти слова: «отъ этого свиданія зависитъ для меня все»?

Неужели? и тысячи грезъ, неясныхъ, неопредѣленныхъ, но полныхъ надежды, замелькали въ ея молодой головкѣ. Не скоро и не легко сломить жизнь эту благодатную вѣру въ будущее, этотъ ничѣмъ незамѣнимый даръ молодости!

XVII.

Ярко свѣтило солнце въ окно, когда Марья Петровна проснулась. Она торопливо встала съ постели и взглянула на часы: было почти семь. Поспѣшно одѣвшись, она выбѣжала въ садъ. Сердце ея сильно билось, когда она отворяла калитку въ рощу. Брежинъ уже ждалъ ее. Онъ стоялъ, прислонясь къ стволу

дерева, и солнечные лучи, пробиваясь сквозь вѣтви, падали на его соломенную шляпу и свѣтлый сюртукъ; Марья Петровна быстро пошла къ нему. Никогда еще не была она такъ прекрасна. Тревожная ночь положила на лицо ея матовую блѣдность и засвѣтила чуднымъ блескомъ ея прелестные черные глаза. Она была вся въ бѣломъ, и бѣлая тюлевая косынка небрежно была накинута на ея черные волосы. Брежинъ съ минуту молча смотрѣлъ на нее страстнымъ взоромъ.

— Вы ангелъ! проговорилъ онъ, почтительно цѣлуя поданную ему руку:—вы пришли: какъ мнѣ благодарить васъ?

— Вы хотѣли говорить со мною: я думала, общавши вамъ мою дружбу, я не могла отказать вамъ въ этомъ.

— Марья Петровна, одной дружбы мнѣ мало. Я былъ глупецъ, я не понималъ, какъ глубоко любилъ и люблю я васъ, и только въ послѣднее время я понялъ, что вы необходимы для моего счастья. Скажите, любите ли вы меня?... Мнѣ нужна не дружба, а любовь ваша... Можете ли вы полюбить меня, согласитесь ли вы быть моею женой?

Марья Петровна дрожала всѣмъ тѣломъ и не могла произнести ни одного слова.

— Черезъ нѣсколько часовъ я уѣзжаю. Я давно уѣхалъ бы,—вы одни удерживали меня здѣсь. Скажите, долженъ ли я возвратиться, или...

Брежинъ вдругъ остановился: за ними послышался шорохъ. Марья Петровна оглянулась, къ нимъ подходила Анна Федоровна съ своею вѣчною язвительною улыбкой на губахъ.

— Павелъ Сергѣевичъ! воскликнула она, какъ будто удивившись:—какъ вы любезны! вы еще разъ пришли проститься съ нами. А мы нынче, какъ нарочно, встали ранѣе обыкновеннаго: вчера условились сдѣлать довольно дальнюю прогулку пѣшкомъ. Пойдемте въ комнаты! чай, я думаю, уже поданъ.

Дѣлать было нечего. Кусая губы отъ злости и досады, Брежинъ послѣдовалъ за Анною Федоровной, подтвердивъ, что дѣйствительно не хотѣлъ уѣхать, не поблагодаривши еще разъ за то радушіе, которымъ постоянно пользовался въ ихъ домѣ. Онъ надѣялся хоть по лицу Марьи Петровны прочесть, чего онъ могъ ожидать. Но она тотчасъ же ушла и воротилась, когда онъ сталъ уже прощаться. Брежинъ взялъ ея руку и вопросительно глядѣлъ въ глаза.

— Надѣюсь, что мы скоро увидимъ васъ опять, произнесла Марья Петровна, покраснѣвъ и нѣсколько дрожащимъ голосомъ.

Сердце сильно забилося въ груди Брежинъ: въ этихъ ничего незначащихъ словахъ онъ увидѣлъ отвѣтъ на свой вопросъ.

Весь день Анна Федоровна ни слова не сказала съ племянницей и только изрѣдка строго и серьезно на нее поглядывала. Вечеромъ, когда Марья Петровна хотѣла уже ложиться, ей пришли сказать, что тетка желаетъ говорить съ нею и ожидаетъ ее внизу, въ гостиной. Съ недобрымъ предчувствіемъ пошла Марья Петровна внизъ.

— Садитесь! сказала Анна Федоровна, когда Марья Петровна вошла и остановилась передъ нею:—мнѣ нужно поговорить съ вами.

Марья Петровна сѣла.

— Марья Петровна! начала Анна Федоровна, помолчавъ:—вы, конечно, понимаете, что послѣ поступка, который вы себѣ позволили, я не могу больше оставить васъ въ своемъ домѣ.

— О какомъ поступкѣ вы говорите? спросила Марья Петровна.

— О вашемъ тайномъ свиданіи съ Брежинымъ. Вчера я замѣтила, какъ вы, прощаясь съ нимъ, передали ему записку; я догадалась что это значило, и велѣла наблюдать за вами. Сегодня видѣли, какъ вы встали и отправились прямо въ рощу, и пришли сказать мнѣ, я послѣдовала за вами... Марья Петровна! у меня взрослая дочери; я, конечно, не боюсь, чтобы вашъ примѣръ вредно подѣйствовалъ на ихъ нравственность, но все-таки ваше поведеніе бросило бы на нихъ нѣкоторую тѣнь.

— Однимъ словомъ, вамъ хочется, чтобы я отъ васъ уѣхала? я и сама этого желаю и завтра же оставлю васъ.

— Да и для васъ это удаленіе будетъ полезно. Я благодарю Бога, что мнѣ удалось вовремя прервать это свиданіе... впрочемъ, я думаю, оно не первое и вѣроятно уже поздно...

— Какъ? вы осмѣливаетесь предполагать!.. вскричала Марья Петровна, вся вспыхнувъ отъ негодованія и гордо поднявъ голову.

— Надвюсь, вы не станете оправдываться, это было бы слишкомъ безстыдно.

— Оправдываться? передъ вами? повторила презрительно Марья Петровна.—Да еслибы мнѣ и вздумалось это, развѣ вы поймете, что могутъ существовать отношенія, которыхъ нечего стыдиться? Я дѣйствительно ходила видѣться съ Брежинымъ, а остальное все ложь. Вы сами это знаете. Вы знали, что я

безъ того скоро оставила бы васъ, и выдумали все это для того, чтобъ имѣть возможность самимъ выгнать меня изъ дому. Поступокъ совершенно достойный васъ!

Въ голосъ и во всѣхъ чертахъ лица молодой дѣвушки выразалось такое глубокое, уничтожающее презрѣніе, что Анна Федоровна побагровѣла отъ злости. Ея притворное равнодушіе исчезло, она вскочила съ своего мѣста, хотѣла что-то сказать, но Марья Петровна уже вышла.

Негодование и гнѣвъ поддерживали Марью Петровну во все время этой возмутительной сцены, но когда она осталась одна въ своей комнатѣ, силы оставили ее. Клевета, какъ бы груба и негѣпа ни была она, всегда болѣзненно дѣйствуетъ на душу, особенно на душу молодую. Долго сидѣла Марья Петровна, печально склонясь на руку, и горькія думы проходили въ ея головѣ одна за другою и омрачали ея прекрасное лицо. Часы пробили два, а Марья Петровна все еще сидѣла въ томъ же положеніи. Чего не передумала она въ это время! Она прослѣдила всю свою недолгую, но безотрадную жизнь, и въ душу ея запала суевѣрная мысль, что ей не суждено въ жизни счастья. Она взглянула на образъ, какъ будто спрашивая отвѣта на эту мучительную мысль, потомъ тихо опустилась на колѣни и стала горячо молиться. Молитва успокоила ея взволнованную душу: она вспомнила слова Брежина, его взоръ, полный любви, и раскаялась, что за минуту передъ тѣмъ осмѣлилась усомниться въ благодати Божіей. Не сбылась ли ея завѣтная мечта? Брежнѣ любить ее, и можетъ ли ея отъѣздъ помѣшать ихъ соединенію? Онъ разсѣетъ эту клевету, еслибъ Анна Федоровна вздумала распустить ее въ его отсутствіе, и пріѣдетъ къ ней.

Уложивъ свои вещи, Марья Петровна сѣла писать къ Агніи Артамоновнѣ, съ которою не надѣялась увидѣться, потому что Луціе уѣхали еще наканунѣ къ своимъ родственникамъ въ Петергофъ, и хотѣли пробыть тамъ дня два. Марья Петровна оставила ей длинное письмо, исполненное горячихъ выражений благодарности за ея дружбу и участіе; не объясняя истинной причины своего отъѣзда, она писала, что домашнія обстоятельства требуютъ ея немедленнаго отъѣзда.

Марья Петровнѣ не входило еще въ голову, какъ трудно будетъ ей сдѣлать такое далекое путешествіе одной и почти безъ денегъ, потому что тридцати рублей, которые получила она за уроки музыки, не могло достать и на половину дороги. Она сожалѣла теперь только о томъ, что не могла сію же ми-

нуту оставить своихъ родныхъ и по необходимости должна была провести еще ночь въ ихъ домѣ.

На другой день рано утромъ къ ней пришелъ Матвѣй Васильевичъ и принесъ ей десять рублей, извиняясь, что при теперешнихъ обстоятельствахъ своихъ не можетъ ей дать больше. Онъ началъ утѣшать ее, говорилъ, что, разумѣется, далекъ отъ нелѣпаго заключенія своей жены, которая все это и сама-то сдѣлала по недоразумѣнью, но онъ не смѣетъ удерживать племянницу, потому что хорошо понимаетъ, что послѣ такого оскорбленія она не можетъ остаться; сожалѣлъ, что, при всемъ желаніи своемъ, они не умѣли сдѣлать жизнь ея у нихъ пріятною. Въ заключеніе онъ просилъ ее забыть всѣ непріятности, которыя она перенесла у нихъ, и помнить только то, что въ душѣ они всѣ ее любятъ, какъ самую близкую родню. Марья Петровна равнодушно и не прерывая выслушала всю эту рѣчь и ничего на нее не отвѣчала. Она отказалась принять деньги, говоря, что до Москвы у нея достанетъ, а тамъ она надѣется достать у одного знакомаго купца, и потому просить Матвѣя Васильевича не беспокоиться о ней. Матвѣй Васильевичъ не возражалъ. Онъ проводилъ ее до станціи желѣзной дороги и, прощаясь, снова изъяснилъ сожалѣніе, что все случилось не такъ, какъ онъ желалъ. Марья Петровна опять ничего не отвѣчала на эти запоздалыя сожалѣнія и довольно холодно простилась съ дядей.

Съ стѣсненнымъ сердцемъ сѣла она въ вагонъ, и только тутъ представился ей весь ужасъ ея положенія — отправиться въ такой дальній путь одной, съ двадцатью пятью рублями въ кошелькѣ и съ невѣрною надеждой достать еще денегъ въ Москвѣ!...

Выпроводивъ Марью Петровну, Анна Федоровна нѣсколько времени въ сильномъ волненіи ходила по комнатѣ. Она вовсе не того желала. Она хотѣла унижить племянницу, и вмѣстѣ того сама была унижена ею. Злоба кипѣла въ душѣ почтенной Анны Федоровны, и она рѣшилась отомстить гордой дѣвушкѣ. Дня черезъ три послѣ отъѣзда Марьи Петровны, къ ея матери было послано слѣдующее письмо:

«М. Г. Александра Васильевна! Мнѣ очень жаль, что я должна сообщить вамъ много непріятнаго насчетъ вашей дочери. Я вполне понимаю, какъ больно будетъ выслушать это для вашего материнскаго сердца, но я считаю своею обязанностью объяснить вамъ, почему мы не могли долѣе оставить вашу

дочь у насъ въ домѣ. Еще съ самаго ея прїѣзда, я замѣтила дурныя склонности и испорченный нравъ Марьи Петровны и употребляла съ материнскою нѣжностью всѣ старанія исправить ее. Это мнѣ не удалось, а послѣдствія доказали, что я не ошибалась въ своихъ предположеніяхъ. Ваша дочь свела дурныя сношенія съ однимъ молодымъ человѣкомъ, посѣщавшимъ нашъ домъ; я сама застала ее съ нимъ на свиданіи. Вы конечно понимаете, М. Г., что послѣ такого поступка, мы не могли долѣе оставить вашу дочь въ нашемъ домѣ, смѣю сказать, всѣми уважаемомъ. Нечего говорить, что мы употребляли всѣ старанія, чтобы доставить ей всѣ удовольствія и все нужное для ея окончательнаго образованія; желали сдѣлать и сдѣлали бы еще больше, и, если это не исполнилось, виноваты не мы. Примите» и пр.

«А. Терская.»

XVIII.

Жаркій лѣтній день. На небѣ ни одного облачка. Раскаленный воздухъ неподвиженъ. Вдоль широкаго луга противъ пыльнаго дѣвичьяго монастыря тянутся два ряда лубочныхъ и парусныхъ палатокъ, съ разнымъ товаромъ: ситцами, платками, тесемками, лентами, башмаками, хомутами, пряниками, орѣхами. Въ узкомъ пространствѣ между этими рядами, пестрою толпой прохаживаются разряженные молодые бабы и дѣвушки, грызя орѣшки и весело поглядывая на всѣ стороны. Молодые парни, одѣтые также по праздничному, въ красныхъ рубахахъ и кафтанахъ въ навидку, нѣкоторые съ гармоніей въ рукахъ, ходятъ нѣсколько поодаль тоже толпой и дѣлаютъ вслухъ замѣчанія, а иногда и подекиваются надъ своими деревенскими красавицами. Вотъ какая-нибудь дѣвушка, задѣтая за живое, оборачивается и рѣзко отвѣчаетъ насмѣшнику: тогда на минуту завязывается живая, но шутовская перебранка, возбуждающая общій хохотъ. За рядами лавокъ съ такъ-называемымъ краснымъ товаромъ, плотною массой стоятъ множество телѣгъ. Тутъ между лошадьми и цѣлымъ лѣсомъ поднятыхъ вверхъ оглоблей снуютъ пожилыя бабы и мужики-бородачи, народъ степенный: они прїѣхали на ярмарку не за однимъ весельемъ; имъ нужно прежде сбыть повыгоднѣе привезенный ими товаръ и закупить разныхъ вещей, необходимыхъ въ хозяйствѣ. Черный оборванный цы-

гань, верхомъ на маленькой косматой лошадекѣ, скачетъ взадъ и впередъ въ тѣсномъ кружкѣ, образованномъ телѣгами, и, мотая руками и ногами, старается выказать небывалыя достоинства своей клячи. Въ толпѣ мужиковъ и цыганъ, передъ которыми онъ гарцуетъ, слышится крупная русская брань и споръ. Два пьяныхъ мужика, то сталкиваясь, то расходясь, пробираются къ своимъ телѣгамъ. Одинъ страшно бранится и придирается ко всѣмъ встрѣчнымъ; другой, болѣе кроткаго нрава, старается уговорить его.

— Евсеичъ!.. не годится!.. ну, выпилъ ты? выпилъ?.. ну и ладно, а безобразничать ненадо.

Воздухъ оглашается тысячею разнообразныхъ звуковъ. Мальчишки задаютъ нестройный концертъ на дудкахъ и сопѣлкахъ, накупленныхъ на ярмаркѣ; лошади ржатъ; слѣпые нищие монотонно поютъ «Лазаря»; изъ отворенныхъ оконъ кабака несется смѣшанный шумъ пѣсенъ, брани и говора; съ того мѣста, гдѣ на солому груды навалена всякая глиняная посуда, раздаются какой-то дребезжащій короткій звукъ; опытыя покупщицы стучатъ палочкою по горшкамъ, чтобъ узнать не худы ли они. А знойное лѣтнее солнце такъ и паритъ, такъ и льетъ свои лучи и освѣщаетъ яркимъ свѣтомъ всю эту оживленную картину.

Вновь прибывающіе мужики прежде всего идутъ въ монастырь. Тамъ, въ растворенныхъ настежь воротахъ стоитъ столбъ, покрытый скатертью, сшитою изъ разноцвѣтныхъ ситцевыхъ лоскутковъ; на немъ поставленъ образъ, а передъ образомъ оловянная тарелка. Сюда-то спѣшатъ простодушные крестьяне. «Здѣсь святые дѣвы вмромъ мажутъ», говорятъ они; издали еще снимаютъ шапки, набожно крестятся, подходятъ къ столу, прикладываются къ образу, кладутъ мѣдную монету на тарелку и, опять крестясь, подходятъ къ монахинѣ, которая съ смиренною физиономіей сидитъ возлѣ на стулѣ. Она встаетъ, беретъ кисть и, обмакнувъ ее въ баночку съ деревяннымъ масломъ, изображаетъ на челѣ подошедшаго крестъ. Немного даже, видѣ монастырскихъ стѣнъ, разбиты три или четыре парусинныя палатки; въ этихъ палаткахъ торгуютъ также монахини. Онѣ продаютъ образочки, ладонки и, между прочимъ, какія-то молитвы, писанныя славянскими буквами, красными и черными чернилами, на небольшихъ лоскуткахъ бумаги. Монахини увѣряютъ, что эту молитву принесъ какой-то святой старецъ изъ Іерусалима, и кто эту молитву купить и будетъ

носить въ ладонкѣ на шеѣ, тотъ получить отпущеніе сорока грѣховъ.

Въ одной изъ этихъ палатокъ сидѣли двѣ мохачини; одна съ большимъ жаромъ разказывала другой, только-что воротившейся изъ путешествія для сбора, разныя монастырскія и городскія новости.

— Ахъ, мать моя!.. совсѣмъ забыла сказать. Александры Васильевны дочка-то, Марья Петровна-то!.. воротилась. Какая исторія-то у ней тамъ вышла! Нынче поутру прибѣгала сестра Рахиль... она теперь все тамъ пребываетъ, родственница вѣдь тоже, нельзя!.. Разказывала, какой муки натерпѣлась Марья Петровна-то!.. Дядя-то ея вышелъ старый развратникъ. Завалъ это къ себѣ-то, какъ и добрый, да и хотѣлъ на нее посягнуть! Она оттуда бѣжать! пѣшкомъ до Москвы дошла по желѣзной дорогѣ. Жара была, дорога-то раскалилась! Ну, извѣстно, дѣло ея нѣжное, непривычное... Александра Васильевна-то, правду сказать, выдержала ее не по состоянію... Ну, деньги, знаешь, у ней всѣ вышли. Чтѣ дѣлать? Хотѣ Христовымъ именемъ иди... Сидитъ это она, въ Москвѣ-то, на паперти церковной, и горько плачетъ. Вдругъ, откуда ни возмись, старецъ: «О чемъ, говорить, ты плачешь, горькая сирота?» Она такъ и обомлѣла, видитъ, что это не спроста, и разказала ему всю правду. Старецъ это выслушалъ, да и говорить: «ну, говорить, Богъ тебя не оставитъ за твое претерпѣніе, не унывай!» да вдругъ и пропалъ. Она глядь-поглядь, никого нѣтъ, только на колѣняхъ у нея лежитъ мѣшокъ съ деньгами.

— А-а-а! она не замѣтила какая у него борода? круглая или клинышкомъ?

Новый притокъ жаждущихъ очищенія грѣховъ прервалъ этотъ разговоръ.

Дѣйствительно Рахиль такъ разказала похождения Марьи Петровны сестрамъ-монахинямъ. Какъ ни вывѣдывала она у своей двоюродной сестры причину ея скорого возвращенія (всѣ думали, что Марья Петровна пробудетъ въ Петербургѣ по крайней мѣрѣ года три), та отвѣчала одно, что петербургскій климатъ разстроилъ ея здоровье, и потому она поспѣшила воротиться на родину. Такое объясненіе казалось Рахили слишкомъ просто, а потому и неправдоподобно, и она, по нѣсколькимъ схваченнымъ на лету словамъ, вырвавшимся у Александры Васильевны, составила свою исторію.

А между тѣмъ Марья Петровна, грустная и разстроенная,

сидѣла въ своей комнатѣ, въ которой ничто не измѣнилось въ ея отсутствіе. Возлѣ нея сидѣла Александра Васильевна. Она видала чудокъ и по временамъ съ тоскою взглядывала на блѣдное лицо дочери. Посреди комнаты на полу лежалъ открытый чемоданъ. Передъ нимъ на колѣняхъ стояла толстая «дѣвка» и выбирала изъ него разныя вещи. Возлѣ нея, усердно ей помогая, стояла, тоже на колѣняхъ, Рахиль. На стульяхъ и столахъ разложены были разныя вещи туалета Марьи Петровны.

— Машенька! сказала вдругъ Александра Васильевна: — да повеселѣй хоть немного, не терзай ты моего сердца.

— Да я вовсе не грущу, маменька! Я нездорова, не отдохнула еще отъ дороги...

— И, матушка-сестрица! виѣшалась Рахиль:—чего вамъ грустить-то? Слава Богу, теперь съ маменькой, не на чужой сторонѣ.

Марья Петровна сдѣлала нетерпѣливое движеніе, но ничего не отвѣчала.

— Какой прекрасный бархатъ! Чтò это, сестрица, вы шили что ли себѣ чтò? спросила Рахиль, вынувъ изъ чемодана довольно большой кусокъ чернаго бархата.

— Да, это остатокъ. Возьмите себѣ, можетъ-быть вамъ на что-нибудь годится.

— Ахъ, мать моя! красавица моя! воскликнула Рахиль, вскочивъ и бросаясь къ Марьѣ Петровнѣ:—доброта-то какая! прибавила она, цѣлуя ее въ плечо. Она бережно сложила подарокъ, завернула его въ бумагу и отложила въ сторону, потомъ опять воротилась къ своему занятію.

— Это вы тамъ, барышня, платье-то сшили? спросила дѣвка, вынувъ изъ чемодана платье изъ прекрасной *taffetas barrée* и осторожно кладя его на столъ.

— Небось, дяденька подарилъ! подхватила Рахиль.

— Нѣтъ, это я купила.

— Неужели жь онъ вамъ, сестрица, ничего не подарилъ?

— Ахъ, сестра! чтò у васъ это за подарки? развѣ этимъ доказывается расположеніе?

— Ну, все-таки! виѣшалась Александра Васильевна: — а то не тѣмъ ли ужъ, что измучаютъ, да истираняютъ? Нѣтъ, нынче родные-то хуже чужихъ; только все изъ интересу и дѣлаютъ. Чтò ужъ и говорятъ! искупующіе дни пришли; только и думаютъ всѣ, что о деньгахъ. Видно скоро ужъ кончина міра! Все такъ, какъ сказано въ Писаніи: и любви нѣтъ ужъ той между людьми; братъ возстаетъ на брата, царство на царство.

— Охъ, Господи! не дай дожить до этого страха! проговорила Рахиль съ трепетомъ. — Какъ придетъ Антимизмъ, да начнетъ мучить!.. Ахъ, сестрица, что это за прелесты! вдругъ воскликнула она, раскрывъ коробочку и вынимая изъ нея большой крестъ изъ бирюзы. — Вотъ бы на Царицу Небесную хорошо бы повѣсить на розовой, знаете, лентѣ.

— Возьмите себѣ, если онъ вамъ такъ нравится: онъ мнѣ не нуженъ.

— Да развѣ я, сестрица, съ этимъ намѣреніемъ сказала? Помилуйте, что это вы? онъ вамъ самимъ пригодится.

— Мнѣ ничего не нужно! сдѣлайте мнѣ удовольствіе, возьмите.

Рахиль пришла въ такой восторгъ, что даже прослезилась. Она бросилась къ Марьѣ Петровнѣ и стала ловить ея руку, чтобы поцѣловать. Марья Петровна съ трудомъ избавилась отъ такого изъявленія благодарности.

Можетъ-быть читатель удивится, что встрѣчаетъ Марью Петровну опять грустною, послѣ того какъ ея лучшее желаніе исполнилось. Дѣло вотъ въ чемъ: письмо Анны Ѳедоровны произвело желаемое дѣйствіе на вспыльчивый, раздражительный характеръ Александры Васильевны. Она не дала себѣ труда подумать, на сколько основательно и правдиво взводимое на ея дочь обвиненіе, и ни одна мысль не пришла ей въ голову въ оправданіе или извиненіе ея. Прочтя письмо, Александра Васильевна пришла въ неистовство: рвала на себѣ волосы, била себя въ грудь и проклинала дочь, посрамившую ея имя. Нѣсколько разъ она перечитала это письмо, и каждый разъ оно производило на нее то же дѣйствіе. Марья Петровна пріѣхала на другой день по полученіи этого роковаго письма. Отраднo и легко было у ней на душѣ, когда она вѣзжала въ свой родимый городокъ. Все, что испытала она въ немъ неприятнаго, давно было забыто ею; она надѣялась, что теперь на многое будетъ смотрѣть другими глазами, и думала только о томъ, что здѣсь конецъ ея страданіямъ, что здѣсь она хоть нѣсколько успокоится въ объятіяхъ любящей матери. Радостно билось ея сердце, когда она подѣзжала къ своему дому. Марья Петровна велѣла ямщику остановиться у воротъ и, никѣмъ незамѣченная, вошла въ домъ. Въ залѣ въ сильномъ волненіи ходила Александра Васильевна.

— Маменька! маменька! закричала Марья Петровна, подбѣгая къ матери.

Александра Васильевна оглянулась, хотѣла было броситься къ дочери, но вдругъ остановилась.

— А! это ты? сказала она: — зачѣмъ пожаловала? прочь! прочь съ моихъ глазъ, убирайся къ своему любовнику!

— Маменька!.. ради Бога... что это значитъ? проговорила блѣдная дѣвушка дрожащимъ голосомъ.

— Не смѣй называть меня матерью! ты мнѣ не дочь больше... я проклинаю тебя!

Марья Петровна пошатнулась. Грудь ея сдавило какъ тисками; въ глазахъ потемнѣло, и она безъ чувствъ упала на полъ.

Гнѣвъ Александры Васильевны исчезъ въ ту же минуту. Она бросилась къ дочери, звала ее, цѣловала ея похолодѣвшія руки и называла себя ея убійцей. Когда она взглянула въ блѣдное, исхудавшее лицо дочери, она поняла, что Марья Петровна выстрадала много, и вдругъ ей пришло въ голову, что обвиненіе могло быть ложно, что она поторопилась и напрасно оскорбила дочь. Когда Марья Петровна пришла въ себя и нѣсколько успокоилась, Александра Васильевна показала ей письмо и какъ можно нѣжнѣе и осторожнѣе просила ее объяснить, что все это значило. Не обвиняя своихъ родныхъ, Марья Петровна сказала своей матери, что все это несчастная ошибка, недоразумѣніе... Она ничего не сказала матери о своихъ отношеніяхъ къ Брежину, потому что боялась, что въ подозрительномъ умѣ Александры Васильевны тотчасъ мелькнетъ мысль, что дочь выдумала это, чтобъ оправдаться. Марья Петровна думала, что лучше оставить это до пріѣзда Брежина: тогда все объяснится само собою. Но Александра Васильевна готова была всему вѣрить: вся злоба ея теперь перешла на брата и его жену, и Марья Петровна стоило большаго труда отговорить мать отъ намѣренія послать жесткое письмо, полное самыхъ горькихъ упрековъ, которое та уже написала къ брату.

Сознавая, что виновата передъ дочерью, Александра Васильевна употребляла всѣ усилія, чтобъ изгладить въ душѣ ея горькое чувство оскорбленія, но трудно уничтожить первое впечатлѣніе. Проклятіе матери еще раздавалось въ ушахъ Марьи Петровны. Ея не трогали уже ласки матери, она не понимала этой любви безъ малѣйшаго довѣрія, она знала, что стоило кому-нибудь выдумать самую нелѣпую клевету на нее, и ласки эти обратятся въ самыя грубыя оскорбленія, и Марья Петровна продолжала грустить. Только мысль, что Брежинъ любитъ ее, и надежда скоро увидѣть его, поддерживали ее.

Но и эта надежда скоро исчезла. Прошло четыре мѣсяца; о немъ не было никакого слуху. Луцкая уѣхала за границу и ничего ей не писала. Марья Петровна придумывала всевозможныя препятствія, которыя могли бы задержать Брежина, и все еще не теряла надежды; но время шло, а Брежинъ не являлся. Неужели онъ не пріѣдетъ? Въ такомъ случаѣ онъ или умеръ или... разлюбилъ ее. Но Марья Петровна была такъ увѣрена въ Брежинъ, что послѣдняя мысль только на минуту мелькнула въ ея головѣ. Онъ умеръ... Долго она отвергала эту ужасную мысль, снова перебирала въ умѣ своемъ всѣ препятствія, но наконецъ поневолѣ должна была остановиться на этой мучительной мысли.

XIX.

Ночь. Лампада, горящая въ углу передъ образомъ, слабо освѣщаетъ маленькую комнатку Марьи Петровны; только вызолоченный окладъ иконы ярко блеститъ, и темные лики Спасителя и Божіей Матери кротко глядятъ въ отверстія ризы, окруженныя вѣнчиками. Марья Петровна легла въ постель, но сонъ не смыкаетъ ея тяжелыхъ вѣкъ. Въ отчаянной тоскѣ мечется она по постели, кровь кипитъ во всемъ ея тѣлѣ; во рту спеклось отъ горячаго тяжелаго дыханія; сердце то замретъ, то вдругъ порывисто забьется и захватитъ дыханіе. Марья Петровна судорожно прижимаетъ руки къ груди и бессмысленнымъ, отчаяннымъ взоромъ смотритъ на образъ. «Боже мой! Боже мой!» шепчетъ она изсохшими, горячими губами, и припавъ лицомъ къ подушкѣ, глухо рыдаетъ, но слезы не льются изъ воспаленныхъ глазъ. То бросится она на колѣни передъ образомъ и, прислонясь пылающимъ лбомъ къ полу, бессознательно и машинально повторяетъ: «Боже мой! Боже мой!» Но нѣтъ словъ для молитвы; нѣтъ въ сердцѣ силы молиться. Мысли спутаны и не подчиняются волѣ; въ отуманенной головѣ поминутно являются странные образы и снова исчезаютъ во мракъ, переплетаясь съ какими-то свѣтлыми кругами, которые все болѣе и болѣе сжимаются и нестерпимо сдавливаютъ мозгъ. И Марья Петровна съ отчаяніемъ хватается за голову: она боится, что разсудокъ оставить ее, и почти желаетъ этого.

Вотъ какія ночи проводила Марья Петровна. На утро она вставала блѣдная, съ горящею головой, съ воспаленными гла-

зами, съ болѣзненной дрожью во всемъ тѣлѣ. Александра Васильевна стала замѣчать, что дочь ея все болѣе и болѣе впадаетъ въ мрачную задумчивость; иногда вовсе не слышитъ о чемъ ее спрашиваютъ, иногда вдругъ отвѣтитъ на вопросъ, долго спустя и не замѣчая, что уже давно говорятъ о другомъ. Александра Васильевна встревожилась. Она старалась развлекать дочь; возила ее погостямъ, заводила новыя знакомства. Напрасно Марья Петровна увѣряла мать, что еще не оправилась, что гости утомляютъ ее, и что она была бы—гораздо счастливѣе, еслибы проводила время одна или съ нею. Александра Васильевна не вѣрила.

— Ну, что за компанія тебѣ такая старуха, какъ я! все хорошо кстати. Конечно, съ матерью необходимо быть, да не мѣшаетъ и въ общество выѣзжать. А то все одна, да одна: этакъ и совсѣмъ одурѣешь. И мнѣ старухѣ, и то надобно бы все одной-то сидѣть.

Знакомые осаждали Марью Петровну вопросами о Петербургѣ, о тамошнихъ удовольствіяхъ, барышни—о модахъ. Марья Петровна отвѣчала какъ попало, часто не впадать, и тѣмъ начала возбуждать о себѣ разные нелѣпыя толки. Александра Васильевна никакъ не могла понять, отчего груститъ ея дочь, и едва уснувшее подозрѣніе, брошенное въ ея душу письмомъ Анны Ѳедоровны, снова возникло въ ея умѣ. «Можетъ-быть и правда, думала она,—что у нея остался тамъ любовникъ, вотъ она и груститъ». И Александра Васильевна дѣлалась строга, даже груба съ дочерью.

Но что же въ самомъ дѣлѣ мѣшало Брежину исполнить свое намѣреніе? Мать его умерла. Выплакавъ слезы на ея могилѣ, онъ поскакалъ въ Петербургъ и на другой же день явился къ Терскимъ. Его приняли съ родственнымъ радушіемъ. Всѣ, наперерывъ, старались выразить ему свое участіе, когда узнали о его потерѣ; особенно Софья Матвѣвна: она совершенно засыпала его восклицаніями горести. Брежинъ старался отвѣчать какъ можно любезнѣе, но ему не того было нужно. Прошелъ часъ, а Марья Петровна не показывалась, нетерпѣніе его увеличивалось съ каждою минутой. Наконецъ онъ рѣшился спросить о ней, стараясь придать своему голосу какъ можно болѣе равнодушія.

— Да развѣ она не при васъ уѣхала? спросила Софья Матвѣвна.

— Уѣхала?

— Семейныя дѣла, сказала небрежно Анна Ѳедоровна:—она еще съ дѣтства была помолвлена съ однимъ молодымъ человекомъ. Не знаю что мѣшало до сихъ поръ имъ соединиться, но теперь это препятствіе какъ-то устранилось, и она поѣхала съ нимъ вѣнчаться.

Брежина обдало холодомъ. Итакъ онъ напрасно надѣялся, да и на чемъ основывалась его надежда? Не оттолкнула ли его Марья Петровна при первомъ шагѣ къ сближенію; дала ли она ему хоть чѣмъ-нибудь понять, что раздѣляла его любовь? Слова, сказанныя ею при прощаніи, и которыя онъ принялъ за отвѣтъ на свое признаніе, были конечно ничего незначащею фразой, которую она сказала бы и при другихъ обстоятельствахъ. Вольно жъ ему было придавать имъ значеніе!

Этою давно обдуманною ложью Анна Ѳедоровна надѣялась заставить Брежина забыть Марью Петровну и жениться на Софьѣ Матвѣевнѣ. Она впрочемъ старалась извинить себя тѣмъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствуетъ и для пользы племянницы. Брежинъ, по ея мнѣнію, и не думалъ жениться на Марьѣ Петровнѣ; видя, что онъ забылъ ее, она броситъ глупыя надежды и выйдетъ за человека, ей равнаго. Къ несчастію, глубоко обдуманный ею планъ не совсѣмъ удался: Брежинъ вовсе пересталъ къ нимъ ѣздить и скоро уѣхалъ въ деревню.

XX.

— Что мнѣ дѣлать, Анна Ефимовна, съ моею Машей-то? говорила Александра Васильевна, сидя разъ за чайнымъ столомъ у своей старинной пріятельницы, доброй старушки-помѣщицы. —Какъ вотъ воротилась изъ Петербурга, все грустить да хвораетъ, не знаю что и подумать. Климать, говорить, ей тамошній былъ очень вреденъ, а лѣчиться не хочетъ.

— Это точно, отвѣчала Анна Ефимовна,—ужь это такой городъ Петербургъ. Вотъ Иванъ Степанычъ Свѣтозаровъ, секретарь, служилъ тамъ всего пять лѣтъ, такъ не повѣрите какъ страдаетъ! Какъ вступить это ему въ поясницу, такъ разогнуться даже не можетъ, такъ и ходить крючкомъ.

— Какой вздоръ вы говорите, такъ, слушать не хочется, вступилась въ разговоръ жена городничаго, бывшая также здѣсь.—Просто ей дѣвичья жизнь надоѣла. Найти ей хорошаго жениха, такъ все и пройдетъ.

Послѣднее мнѣніе показалось Александрѣ Васильевнѣ болѣе основательнымъ, и, воротясь домой, она крѣпко призадумалась.

«Въ самомъ дѣлѣ, думала она, Маша именно въ такихъ лѣтахъ, когда хорошій молодой мужчина можетъ приглянуться. Можетъ-быть ей тамъ кто-нибудь и понравился; вотъ она и скучаетъ, а какъ выйдетъ замужъ, такъ какъ разъ и забудетъ.»

— Ахъ, Господи! воскликнула Рахиль, когда Александра Васильевна сообщила ей эту мысль.—Какъ это мы по сю пору не догадались. Ну, точно! такъ-то вотъ она и не любитъ, когда къ ней пристають, что скучаетъ. Чтò жъ ей сказать? вѣдь не просить же вправду самой себя мужа. Знаете, тетенька! прибавила она, одушевляясь:—я найду сестрицѣ жениха, да такого, что лучше требовать нельзя. Къ намъ вѣдь много изъ міру-то ходятъ холостыхъ.

— Постарайся, Рахиль! Ты знаешь, умѣю ли я быть благодарной.

— И, тетенька, какъ это вамъ не грѣхъ! Развѣ я антиресанка какая. Сестрица-то вѣдь мнѣ не чужая... Я и такъ, тетенька, довольна вашими благодѣяніями, не скотина какая-нибудь, умѣю чувствовать, прибавила она, цѣлуя Александру Васильевну въ плечо.—Да вотъ! вдругъ воскликнула она, — Ананей Сидорычъ! у него свой домикъ,—или Андрей Мартынычъ Крушининъ, тоже человекъ прекрасный.

— Да ты не таранти, перебила ее Александра Васильевна, —коли можешь, такъ сыщи жениха хорошаго, а за кого попадя я свою Машу не отдамъ.

Рахиль замолчала и удалилась. Она въ тотъ же день принялась усердно хлопотать и такъ успѣшно, что дня черезъ три пришла къ Александрѣ Васильевнѣ съ докладомъ, что за Марью Петровну сватается Леонидъ Модестовичъ Круглооковъ. Леонидъ Модестовичъ былъ еще очень молодой человекъ, уѣздный франтъ и душа общества, какъ его всѣ называли. Онъ служилъ въ судѣ, одѣвался щегольски, несмотря на то, что получалъ очень небольшое жалованье, и былъ бы очень недурень собой, еслибы самъ не безобразилъ себя. Отыскалъ онъ въ какомъ-то оракулѣ статью подъ заглавіемъ: какъ узнавать внутреннія свойства человека по внѣшнимъ признакамъ, въ которой, между прочимъ, прочелъ слѣдующее: *улы рта весьма подняты, а середина наиболее опущенная книзу обозначаютъ человека остроумнаго.* Леонидъ Модестовичъ имѣлъ претензію быть человекомъ остроумнымъ и съ этихъ поръ

немилосердо сталъ кривить ротъ, стараясь придать ему форму сердца.

Леонидъ Модестовичъ скоро явился къ Александрѣ Васильевнѣ съ визитомъ, и такъ какъ былъ совершенно увѣренъ въ успѣхъ, то въ тотъ же разъ и сдѣлалъ предложеніе. Александра Васильевна отвѣчала, что подумаетъ и поговоритъ съ дочерью.

— Машенька! знаешь ты Леонида Модестовича?

— Какого Леонида Модестовича?

— Круглоокова? Какъ онъ тебѣ кажется?

— Не знаю, маменька, я его мало видала. Кажется, человѣкъ хорошій. А что?

— Да онъ дѣлаетъ тебѣ предложеніе, проситъ руки твоей. Что ему сказать?

— Скажите ему, что я не намѣрена выходить замужъ.

— Какъ же это можно, Машенька! Ну, положимъ, онъ тебѣ не нравится, а вѣдь такъ сказать, значить отбить жениховъ.

— И прекрасно! Я буду очень рада, если меня оставятъ въ покоѣ.

Александра Васильевна не стала спорить съ дочерью. Ей и самой не нравился Леонидъ Модестовичъ. Однако она не послушала ея и отказала не такъ, какъ хотѣла Марья Петровна.

— Ну ужь, пойдетъ она за этакого скомороха! сказала Александра Васильевна Рахили, которая прибѣжала узнать, что отвѣчала Марья Петровна.—Ужь и жениха нашла! что въ немъ? Голь какъ соколъ, ни ума, ни степенности, такъ, скоморохъ какой-то.

Но скоро стали свататься женихи и богаче, и степеннѣе Леонида Модестовича, а Марья Петровна продолжала отказывать всѣмъ наотрѣзъ. Александра Васильевна начинала сердиться.

— Что же это, Маша, какихъ же тебѣ еще жениховъ? ужь за этихъ нейти, такъ я и не знаю за кого тебя выдать.

— Да что вамъ такъ хочется, чтобы я вышла замужъ? Развѣ я вамъ надоѣла, что вы хотите меня выдать за перваго встрѣчнаго?

— Что ты, матушка? какой это встрѣчный? чѣмъ не женихъ? И должность хорошая, и не старъ...

— Но если я не хочу замужъ? Позвольте мнѣ остаться еще при васъ. Еще успѣю выйти: я еще не стара.

— Да когда жь успѣешь? Вѣдь пока есть женихи—и выходи, а тамъ и рада была бы выйти, да не за кого. Ты помни, что

у тебя приданого нѣтъ никакого, а за красоту брать охотниковъ немного.

Съ такими разговорами и совѣтами каждый день приставали къ Марьѣ Петровнѣ и не давали ей ни минуты покоя. Къ довершенію неудовольствія Леонидъ Модестовичъ, получивъ отказъ, влюбился въ Марью Петровну по уши. Онъ всюду преслѣдовалъ ее; вздыхалъ, принималъ отчаянныя позы и надоѣдалъ ей нестерпимо. Онъ опять приступилъ къ Рахилѣ, прося ее высватать за него Марью Петровну во что бы то ни стало.

— Я осыплю тебя золотомъ, серебромъ, говорилъ онъ, въ порывѣ любви, забывая, что у него не было ни того, ни другаго.—Въ парчу тебя одѣну, какой-нибудь этакой тюрбанъ тебѣ подарю: уговори Марью Петровну выйти за меня.

— Я и безъ подарковъ рада была бы всею душой, потому что вы человекъ хорошій, да что жъ я могу сдѣлать? Сами старайтесь пондравиться.

— Что жъ дѣлать? не могу! Вотъ такъ вѣдь кажется и сыплю съ другими, а какъ подойду къ ней, не знаю просто что и сказать. Дуракъ да и полно! даже всякое уваженіе къ себѣ потерялъ.

Рахиль обѣщалась хлопотать и безпрестанно надоѣдала Марьѣ Петровнѣ, расхваливая умъ и доброе сердце Леонида Модестовича и описывая горячую любовь его къ ней. Марья Петровна не знала какъ избавиться отъ этой докучки: тщетно увѣрjala она ее, что не хочетъ ни за кого замужъ, и что потому Рахиль напрасно трудится; та не унималась. Наконецъ Марья Петровна рѣшительно объявила, что не хочетъ и слышать о Леонидѣ Модестовичѣ. Нѣсколько времени прошло довольно спокойно, и о сватовствѣ не было и помину. Вдругъ Рахиль, которая дня два вовсе не ходила, снова явилась съ какимъ-то таинственнымъ видомъ и торжественно объявила, что Свѣтозаровъ поручилъ ей узнать расположеніе Александры Васильевны и позволять ли ему сдѣлать предложеніе.

Свѣтозаровъ былъ секретарь уѣзднаго суда, изъ духовнаго званія, человекъ уже не молодой; имѣлъ довольно большое состояніе, пріобрѣтенное имъ на службѣ, женихъ былъ завидный, а Александра Васильевна рѣшилась на этотъ разъ во что бы то ни стало уговорить дочь.

— Ну, Машенька! сказала она:—ужь если это не женихъ, что теперь сватается, такъ я ужь и не знаю, какого тебѣ еще.

— Кто это еще дѣлаетъ мнѣ такую честь? спросила Марья Петровна съ покорностію мученицы: она знала, что избавиться отъ этого разговора нѣтъ никакой возможности.

— Свѣтозаровъ, секретарь! отвѣчала Рахиль.

— Маменька, скажите мнѣ пожалуста:—вы желаете моего счастья, или только хотите выдать меня замужъ?

— Чтò это ты, Маша, говоришь! Кто жь и пожелаетъ тебѣ больше счастья, какъ не мать?

— Такъ зачѣмъ же вы меня мучите этими женихами? Я васъ прошу ради Бога, оставьте меня въ покоѣ; позвольте мнѣ остаться въ дѣвушкахъ: я гораздо буду счастливѣе, чѣмъ замужемъ за человѣкомъ, который мнѣ не нравится и котораго я не могу даже уважать.

— Да кто жь тебѣ нравится? петербургскіе франты? Извини, —у насъ ихъ нѣтъ; тамъ бы и выходила.

— Да вы, сестрица, подумайте! вѣдь вы барыней будете жить, въ каретѣ будете ѣздить! говорила Рахиль убѣдительнымъ тономъ.—Вы ему ндравитесь. Онъ говоритъ: ничего, говоритъ, не пожалѣю, чтобъ ее утѣшить. Вѣдь у него денегъ-то куры не клюютъ. Извѣстно ужь какое это мѣсто: съ иного имѣнія столько доходу-то не получишь. Вы хоть бы маменьку-то, утѣшили.

— Нѣтъ, видно нынче отъ дѣтей нечего ждать утѣшенья-то, съ горестію произнесла Александра Васильевна.

Марья Петровна чувствовала, что слезы готовы хлынуть изъ ея глазъ; она встала и ушла въ свою комнату. Александра Васильевна и Рахиль нѣсколько минутъ сидѣли молча. Рахиль первая заговорила.

— Какъ хотите, тетенька, а здѣсь что-нибудь не даромъ! Сестрицу надо бы полѣчить.

— Я и то уже хотѣла посоветоваться съ докторомъ.

— Что докторъ! онъ тутъ не поможетъ, потому что здѣсь, надо полагать, больше порча. Я вамъ приведу такого человѣка, что разомъ все, какъ рукой, сниметъ. У сестры Иларіи тоже была этакая пахондрія, такъ онъ съ трехъ зорь на ноги ее поставилъ.

— Охъ, Рахиль! боюсь я этихъ колдуновъ. Дастъ онъ какой-нибудь дряни не понимаючи, вѣкъ не человѣкомъ сдѣлаетъ.

— Да вѣдь онъ никакихъ лѣкарствъ не даетъ. Нашепчетъ только воду да и велитъ ея умываться по зарямъ.

— Все-таки съ Машей надо поговорить: безъ ея согласія я не рѣшусь.

Александра Васильевна отправилась въ комнату дочери. Марья Петровна сидѣла передъ столомъ и тихо плакала.

— Машенька! нѣжно произнесла Александра Васильевна, подходя къ ней:— о чемъ я хотѣла съ тобой поговорить... Ты бы, мой другъ, подлѣчилась. Взгляни, вѣдь ты сама на себя стала непохожа: таешь какъ свѣча. Вотъ—Рахиль говоритъ, что знаетъ этакое лѣкаръ, —изъ простыхъ, который очень скоро излѣчиваетъ такія болѣзни.

«Этого еще не доставало!» подумала Марья Петровна.

— Повѣрьте, маменька, что лучшее лѣкарство для меня— спокойствіе. Не приступайте ко мнѣ съ женихами, позвольте проводить время какъ я хочу, и вы увидите, что я скоро поправлюсь.

— Да вѣдь онъ, матушка, никакихъ лѣкарствъ давать не будетъ, только нашенчетъ простую воду, да раза три ею умоветь.

— Полноте, маменька! какъ вамъ не стыдно этому вѣрять!

Александра Васильевна не хотѣла раздражать дочь новыми спорами, видя, что она и безъ того разстроена, но не отказалась отъ намѣренія испытать это послѣднее средство. На другой день Рахиль привела обѣщаннаго лѣкаря.

— Машенька! онъ пришелъ, сказала Александра Васильевна, входя къ дочери.

— Кто пришелъ?

— Лѣкаръ-то, о которомъ я тебѣ говорила.

— Маменька! вѣдь я же васъ просила...

— Да ты видь хоть на минуту; онъ на тебя только взглянетъ.

Дѣлать было нечего. Марья Петровна покорилась и пошла за матерью. Въ передней стоялъ высокій толстый мужикъ съ какою-то еонною физиономіей. Онъ посмотрѣлъ на Марью Петровну, покачалъ головою, и когда она вышла, объявилъ, что порча сильная, и что одною водой вылѣчить уже нельзя, а нужно составить особое лѣкарство, которое онъ и пришлетъ на другой день. Зная, что Марья Петровна ни за что не согласится принимать это лѣкарство, Александра Васильевна рѣшилась лѣчить ее тайно отъ нея самой. Она тихонько подливала лѣкарство въ кушанья дочери и три дня сряду, подъ разными предлогами, будила ее на зарѣ и приказывала подавать для умыванія нашенчанную воду. Марья Петровна все это видѣла, но, не желая заводить съ матерью бесполезныхъ и непріятныхъ споровъ, дѣлала видъ, что ничего не замѣчаетъ. Она была ужъ и за то благодарна, что ей не надоѣдали больше замуже-

ствомъ. Дѣйствительно, послѣ отказа Свѣтозарову, женихи не являлись.

Марья Петровна была этимъ очень довольна и даже какъ будто повеселѣла. Можетъ-быть она и совершенно примирилась бы съ своею жизнію, еслибы нашла себѣ дѣятельность по душѣ. Но совершенное бездѣйствіе томило ее невыносимо.

Безполезныя пустыя женскія рукодѣлья не занимали ея; книги, которыя она привезла изъ Петербурга, она всѣ прочла по нѣскольку разъ и почти знала ихъ наизусть. Цѣлые дни ходила она взадъ и впередъ по комнатамъ, брала то ту вещь, то другую, и ничѣмъ не могла заняться. Вдругъ ей пришло въ голову отыскать школу для дѣтей, и она съ радостью ухватилась за эту мысль. Посовѣтовавшись съ матерью, она предложила нѣкоторымъ знакомымъ учить ихъ дѣтей за самую умѣренную плату, но, къ удивленію ея, всѣ они отказались подъ разными предлогами. Одни говорили, что дѣти ихъ еще слишкомъ малы, другіе находили, что она слишкомъ молода, чтобы взять на себя такую обязанность; а между тѣмъ, несмотря на возрастъ, отдавали дѣтей къ священникамъ или брали къ себѣ въ домъ гувернантокъ однихъ съ нею лѣтъ и гораздо менѣе ея свѣдущихъ. Марья Петровна поняла, что тутъ что-то кроется, и стала старательно за всѣмъ наблюдать. Скоро она замѣтила, что на нее смотрятъ совсѣмъ уже не тѣми глазами и принимаютъ не такъ, какъ прежде. Дѣвицы смущались, когда она къ нимъ подходила, и старались поскорѣй ее оставить, если не были тотчасъ же отзываются своими матерями, и Марью Петровну постоянно окружали одни только мужчины, да и тѣ обращались съ нею какъ-то ужъ слишкомъ фамильярно. Даже въ матери своей Марья Петровна замѣтила перемѣну: Александра Васильевна сдѣлалась съ нею вовсе не ласкова и постоянно была мрачна. Марья Петровна не знала что подумать.

XXI.

Былъ праздничный день. Александра Васильевна воротилась отъ обѣдни. Марья Петровна уже нѣсколько времени была нездорова и никуда не выходила. Только-что начала было Александра Васильевна переодѣваться подомашнему, какъ къ дому подкатилась карета, запряженная парой рослыхъ вороныхъ лошадей. Изъ нея вышелъ мужчина пожилыхъ лѣтъ, щегольски

одѣтый. Александра Васильевна взглянула въ окно и загорѣлась.

— Ахъ, батюшки! Это Чебыревъ! воскликнула она:—подай-ка мнѣ, Маша, шаль, поскорѣе, да поди одѣнься, не хорошо такъ человѣкъ онъ почтенный.

— Извините меня передъ нимъ, маменька. Я нездорова, не могу выйти, сказала Марья Петровна, уходя въ свою комнату.

Александра Васильевна хотѣла было что-то возразить на это, но въ эту минуту хлопнула дверь въ передней, и она пошла встрѣчать нежданнаго гостя. Въ залъ вошелъ господинъ высокаго роста, съ надмѣнною физиономіей, во фракѣ, съ двумя звѣздами на груди. Это былъ подгородній пыльный помѣщикъ, Семень Семенычъ Чебыревъ. Чебыревъ считался въ городѣ человѣкомъ значительнымъ и очень образованнымъ. Онъ былъ сынъ бѣднаго чиновника, служилъ въ Петербургѣ, вышелъ въ отставку съ чиномъ тайнаго совѣтника и полнымъ пенсіономъ, и, поселившись въ женниномъ имѣніи, зажилъ помѣщикомъ. Но не тѣмъ сначала думалъ онъ кончить. Онъ хотѣлъ остаться въ Петербургѣ, чтобы самому руководить на служебномъ поприщѣ единственнаго сына, въ которомъ надѣялся окончательно осуществить свои честолюбивыя мечты. Но молодой Чебыревъ еще въ началѣ своего ученія показалъ, что не оправдаетъ надеждъ, которыя основывалъ на немъ отецъ. Онъ учился дурно, велъ себя еще хуже и скоро былъ выключенъ изъ учебнаго заведенія за совершенную неспособность и дурное поведеніе. Скрѣпя сердце, Семень Семенычъ опредѣлялъ сына въ полкъ. Тамъ Чебыревъ скоро сдѣлался полковымъ шутомъ: надъ нимъ не смѣялся и не обманывалъ его только тотъ, кто не хотѣлъ. Видя, что и въ этой службѣ нѣтъ никакого толку, и что сынъ умѣетъ только дѣлать долги, Семень Семенычъ велѣлъ ему выйти въ отставку и самъ вмѣстѣ съ нимъ уѣхалъ въ деревню. Изъ полку Чебыревъ вынесъ только привычку напиваться *до положенія ризъ*, которая совершенно разстроила его, и безъ того, бѣдныя умственные способности. Семень Семенычъ часто ѣздилъ въ городъ и довольно надолго, но рѣдко посѣщалъ Александру Васильевну.

— Какому счастливому случаю обязана я удовольствіемъ видѣть васъ въ своемъ убогомъ жилищѣ?

Такъ привѣтствовала его Александра Васильевна, имѣвшая обыкновеніе съ значительными людьми говорить витіевато.

— Желанію васъ видѣть, любезнѣйшая Александра Васильев-

на! желанію васъ видѣть, и больше ничему, описходительно отвѣчалъ Семень Семенычъ, пожимая ей руку.—Ну, чтò, какъ идуть ваши дѣла? спросилъ онъ, когда они уѣзлись въ гостинной:

— По прежнему, ваше превосходительство: не отлично и не худо. Благодареніе Господу!

— Все хлопочете, хозяйничаете... Да какъ у васъ все мило, чисто, уютно; право, я завидую вамъ. У меня хоть и палаты, въ сравненіи съ вашимъ домикомъ, да не такъ отраднò.

Александра Васильевна поклонилась и разсѣялась, какъ бы давая знать, что она очень хорошо понимаетъ, что это комплиментъ.

— Гдѣ изволили быть у обѣдни? спросила она.

— Въ мужскомъ монастырѣ. Чтò это вы, кажется, перестали заниматься имъ и наставлятъ на путь истины монашествующую братью? Совсѣмъ испортились! И у обѣдни-то не стоять какъ слѣдуетъ: все ходятъ взадъ-впередъ.

— Вы все шутите, ваше превосходительство! Не мнѣ ихъ наставлятъ, а они намъ должны показывать примѣръ добродѣтелей.

— Къ сожалѣнію, это не такъ ведется... А чтò ваша прекрасная дочка? Отчего я не вижу ея?

— Она просить у васъ извиненія: нездорова, не можетъ выйдти.

— Чтò это она у васъ все хвораетъ?

— Богъ знаетъ! Не могу и придумать чтò это значить.

— А я такъ вамъ скажу: вы воспитали ея нѣмного не по состоянію—вотъ она и скучаетъ, потому что жизнь, которую вы ведете, не удовлетворяетъ ее. Важъ нужно выдать ее за богатаго жениха...

— Ваша правда. Я и сама теперь вижу, что воспитала ее не такъ, какъ бы слѣдовало, да ужь поздно—поправить-то нечѣмъ. Вы говорите: выдать за богатаго... Да вѣдь богатый женихъ спросить чтò и за невѣстой, а вы знаете, что все мое состояніе въ этомъ домѣ да въ пенсіи, которую я, конечно, не могу передать, хоть бы и хотѣла.

— Зачѣмъ же такъ думать, что всѣ богатые и невѣсть богатыхъ ищутъ?.. Да чтò тутъ разговаривать? Безъ дальнихъ околичностей, я вамъ прямо скажу, что за тѣмъ и пріѣхалъ, чтобы просить руки вашей дочери для моего сына. Вотъ вамъ и богатый жевихъ!

Такое неожиданное счастье так смутило Александру Васильевну, что въ первую минуту она не нашлась, что сказать.

— Благодарю васъ за вѣсть, начала было она, но Чебыревъ не далъ ей докончить.

— Не благодарите, Александра Васильевна, не благодарите!... Я знаю, что многіе найдутъ, что ваша дочь не партія моему сыну, но я, несмотря на свое званіе и состояніе, иначе смотрю на эти вещи. Я не считаю неприличнымъ для себя сближаться съ низшими, потому что не самъ унижаюсь до нихъ, а ихъ возвышаю до себя. Къ тому жъ, что значать всё эти наши отличія? Не всё ли мы равны въ нѣкоторомъ родѣ?

— Вотъ чувства, достойныя истиннаго христіянина! воскликнула съ умилениемъ Александра Васильевна.

— Образованность, образованность, любезнѣйшая Александра Васильевна, даетъ такой возвышенный взглядъ на вещи, превосходительно замѣтилъ Чебыревъ. — Ну-съ, прибавилъ онъ, вставая, — такъ поговорите съ вашею дочкой, подумайте, какъ водится, а мы между тѣмъ будемъ кое-что готовить къ принятію дорогой невѣстушки. Хе-хе-хе! заключилъ Семень Семенычъ, давая тѣмъ понять, что онъ нисколько и не сомнѣвается въ согласіи.

Александра Васильевна сіяла. О такомъ счастьи она не смѣла и мечтать. Ея дочь выйдетъ за богача, будетъ невѣсткою такого значительнаго лица! будетъ первою дамою во всемъ уѣздѣ, а пожалуй и въ губерніи! У какой матери не закружилась бы отъ этого голова!

— Ну, что вы поговорили съ нѣмъ превосходительствомъ? спросила Марья Петровна, улыбаясь.

— Сядемъ-ка Машенька! нѣмъ нужно съ тобою поговорить, произнесла Александра Васильевна важно и торжественно.

Марья Петровна, дрожа, опустилась въ кресло; ея сердце почувало что-то недоброе.

— Возблагодаримъ Бога, другъ мой! Онъ посылаетъ тебѣ такое счастье, о которомъ я не смѣла бы и просить Его.

— Какое же это счастье?

Чебыревъ просить руки твоей для своего сына, произнесла Александра Васильевна съ сіяющимъ лицомъ.

— И вы называете это счастьемъ? И вы благодарите Бога за то, что вашей дочери предлагаютъ въ мужа полупомѣшаннаго, пьянаго человѣка?

— Что ты это, Маша? какой же онъ помѣшанный? Я не

слыхала, проговорила Александра Васильевна, нѣсколько смутившись.

— Вы слышали, и знаете это такъ же хорошо, какъ и я, но васъ ослѣпляетъ богатство Чебырева! какъ будто одно богатство можетъ составить счастье! Поблагодарите Чебырева за честь, и скажите, что я не желаю выходить замужъ.

Александра Васильевна вышла изъ себя.

— Да что ты, принца крови что ли ожидаешь? Чебыревъ ей не женихъ! Сынъ генерала—ей не женихъ! Помѣщикъ полторы тысячъ душъ—ей не женихъ!.. кричала она, все болѣе и болѣе возвышая голосъ. — Да что ты думаешь, я не сумѣю заставить тебя...

— И вы рѣшитесь погубить вашу дочь?.. Маменька! я просила и еще разъ прошу васъ, позвольте мнѣ остаться въ дѣвushкахъ, не принуждайте...

— Это вздоръ, сударыня! Тутъ въ самомъ дѣлѣ должна быть какая-нибудь причина. Ты должна бы была быть благодарна, что Чебыревъ такъ добръ, что не обращаетъ вниманія на слухи, которые о тебѣ ходятъ. Вѣдь на тебя скоро пальцами будутъ показывать.

— Какіе слухи? спросила Марья Петровна съ замирающимъ сердцемъ.

— Ты сама должна знать... потому что, судя по твоимъ поступкамъ, поневолѣ подумаешь, что эти слухи справедливы.

— Я хочу знать, что про меня говорятъ.

— А! ты хочешь знать! Изволь. Говорятъ, что ты напроказничала въ Петербургъ и потому боишься выходить теперь замужъ.

Марья Петровна почувствовала, что у нея въ груди что-то какъ будто оборвалось; она дико посмотрѣла на мать и склонилась лбомъ на сложенные крестомъ на столѣ руки. Александра Васильевна въ сильномъ волненіи ходила по комнатѣ. Наконецъ продолжительное молчаніе Марьи Петровны начало ее беспокоить. Она взглянула на дочь. Марья Петровна сидѣла въ томъ же положеніи; черные волосы ея распустились и волнами падали на бѣлыя исхудалыя руки. Гнѣвъ Александры Васильевны нѣсколько поутихъ.

— Маша! что съ тобой? спросила она, подходя къ дочери.

Марья Петровна подняла голову; медленно встала съ мѣста и, не взглянувъ на мать, шатаясь, пошла въ свою комнату. Александра Васильевна еще нѣсколько времени ходила по гостиной, наконецъ не вытерпѣла и пошла къ дочери. Марья

Петровна сидѣла въ креслѣ, неподвижно устремивъ глаза на одну точку, блѣдная и холодная, какъ статуя. Александра Васильевна испугалась, позвала горничную. вмѣстѣ съ нею она раздѣла дочь и уложила ее въ постель. Марья Петровна повиновалась машинально, какъ-будто не чувствуя, что съ ней дѣлаютъ. Весь день она пролежала, не шевелясь, въ какомъ-то оцѣпенѣннн; вечеромъ открылся жаръ и бредъ, она начала метаться по постели, произнося безсвязныя слова. Послали за докторомъ; онъ тотчасъ же явился. Это былъ высокій художавый Нѣмецъ. Розенкранцъ считался лучшимъ уѣзднымъ врачомъ во всемъ уѣздѣ. Нѣсколько удачныхъ лѣченій, сдѣланныхъ имъ по прїѣздѣ въ Пыльнскъ навсегда упрочили за нимъ эту славу. Видя, что дѣла идутъ хорошо, онъ пересталъ заниматься медициной и устремилъ всю свою дѣятельность на торговыя предпріятія, не покидая однакожь своей обширной практики. Розенкранцъ пощупалъ пульсъ, послушалъ бїеніе сердца, произнесъ нѣсколько разъ: гм! гм! но никакъ не могъ понять болѣзни. Видя наконецъ, что нечего ломать попустому голову, онъ прописалъ наудачу какую-то микстуру и велѣлъ напоить болящую чѣмъ-нибудь горячимъ. Прощаясь, онъ взялъ рубль серебромъ, который подала ему Александра Васильевна, замѣтивъ совершенно справедливо, что этого совсѣмъ бы не нужно, и уѣхалъ, обѣщаясь быть непременно на другой день.

XXII.

Черезъ немного дней послѣ того въ уединенной гостиницѣ Пыльнска между новопрїѣзжимъ молодымъ человѣкомъ и коридорнымъ слугой происходилъ слѣдующій разговоръ:

— Скажи пожалуйста, говорилъ молодой человѣкъ, задумчиво ходя по комнатѣ,—отъ кого я могу узнать объ одномъ семействѣ, которое долго жило въ нашемъ городѣ?

— Кого это вамъ угодно-съ? мы всѣхъ знаемъ-съ.

— Я зналъ одного молодаго человѣка отсюда, Каринскаго. Что его родные, и теперь здѣсь живутъ?

— Это, должно полагать-съ, покойный сынокъ Александры Васильевны. Какже-съ, онѣ постоянно здѣсь пребываютъ.

— У нея вѣдь, кажется, есть дочь?

— Точно такъ-съ! была и дочка.

— Какъ была? развѣ она теперь не съ ней живетъ?

— Кто это? Марья Петровна-то? Нѣтъ-съ, онѣ приказали долго жить.

— Умерла? вскричалъ молодой человѣкъ.—Быть не можетъ!

— Помилуйте! изъ чего же намъ врать-то-съ? Вчерашняго числа девять дѣнь было-съ.

— Но отъ чего? чтѣ съ ней было?

— Богъ ихъ знаетъ-съ! Алексѣй Абрамычъ сами ихъ лѣчили; всѣ, можно сказать, старанія употребляли, да видно отъ смерти-то никто не спасетъ.

« Ужъ лучше бы вовсе не стараясь, проворчалъ молодой человѣкъ, коноваль какой-нибудь!»

— Маменька-то ихняя, какъ похоронили дочку, такъ и слегли; оченно ужъ убивались, да врядъ-ли и встанутъ... безъ всякой надежды... продолжалъ половой, не замѣчая, что молодой человѣкъ уже не слушалъ его.

— Ну, а мужъ ея?

— Чей этта-съ?

— Марья Петровны; вѣдь она въ прошломъ году вышла за мужъ.

— Никакъ нѣтъ-съ, онѣ за мужемъ не были-съ. Жениховъ точно у нихъ много было, и женихи все первый сортъ-съ: Свѣтозаровъ секретарь, Иванъ Спиридонъчъ, Леонидъ Модестовичъ, даже Чебыревъ генераль сваталъ за своего сына — всѣмъ-съ, какъ есть, отказали; должно быть имѣли желаніе въ дѣвицахъ остаться.

Молодой человѣкъ поблѣднѣлъ еще больше, потомъ вдругъ вспыхнулъ. Въ глазахъ его заблестѣла страшная злоба.

— Степанъ! произнесъ онъ надорваннымъ голосомъ: — ступай за лошадьми: мы сейчасъ ѣдемъ.

— Узжать изволите-съ? спросилъ корридорный, когда прѣзжіи сходили съ лѣстницы, — а вашъ человѣкъ сказывалъ, что пробудете у насъ денька два-три... Счастливаго пути-съ! прибавилъ онъ, не получая отвѣта.

Молодой человѣкъ сѣлъ въ экипажъ, лошади тронули, и коляска быстро покатила къ заставѣ, по главной улицѣ Пыльнска.

Н. О—овъ.

О РЕФОРМАХЪ

ВЪ ГРАЖДАНСКОМЪ СУДОПРОИЗВОДСТВѢ¹

ХІ.

Въ необходимой связи съ словеснымъ судопроизводствомъ состоятъ учрежденіе *адвокатовъ*.

Въ первоначальномъ періодѣ юридической жизни общества, когда понятіе о правѣ хранится еще среди народа, и изысканіе его въ потребномъ случаѣ незатруднительно, когда судъ обставленъ немногими и простыми формами, исполненіе коихъ удобно для каждаго: тогда каждому естественно искать и отвѣчать за себя лично. Но съ развитіемъ гражданской жизни измѣняется видъ суда; право слагается въ догматическую форму закона, и знаніе его дѣлается не для всѣхъ доступнымъ: по мѣрѣ того, какъ усложняются вопросы о законѣ и о правѣ, съ нимъ связанномъ, изысканіе истины фактической, изысканіе правды законной становится болѣе и болѣе затруднительнымъ, ибо примѣненіе закона къ противорѣчивымъ интересамъ тяжущихся дѣлается невозможно безъ *истолкованія* его. Законъ стремится обнять по возможности всѣ стороны граж-

(1) См. *Русскій Вѣстникъ* № 12 и 13.

данской жизни, но, умножая свои опредѣленія, онъ въ то же время стремится присвоить имъ безусловное значеніе, распространить на всѣхъ гражданъ обязательную ихъ силу, требуетъ непремѣннаго ихъ исполненія. Исполненіе невозможно безъ знанія, а знаніе законовъ, по мѣрѣ умноженія ихъ, становится все менѣе и менѣе доступнымъ массѣ гражданъ, подчиненныхъ закону. Между тѣмъ законъ, въ строгой своей послѣдовательности, не можетъ допустить никакой сдѣлки съ незнаніемъ и, для того чтобы обезпечить и утвердить безусловную власть свою, по необходимости предполагаетъ во всѣхъ гражданахъ знаніе закона, — знаніе, котораго нѣтъ и не можетъ быть въ дѣйствительности. Каждый гражданинъ, отыскивающий или защищающій свое право, непремѣнно долженъ знать, какимъ оружіемъ бороться на судѣ съ своимъ противникомъ; иначе каждый споръ его на судѣ будетъ не только затруднителенъ, но и опасенъ. Для того, чтобы пополнить въ себѣ недостатокъ знанія, тяжущійся прибѣгаетъ къ содѣйствію стряпчаго, человѣка, знающаго законы и судебное производство, довѣряетъ ему вести вмѣсто себя дѣло. Такимъ образомъ, по необходимости, между судомъ и подсуднымъ лицомъ является посредствующее лицо—стряпчій, лицо, необходимое для тяжущагося и во многихъ случаяхъ полезное для самого суда, ибо участіе стряпчаго въ веденіи дѣла можетъ при нѣкоторыхъ условіяхъ обезпечить суду точнѣйшее соблюденіе необходимыхъ обрядовъ и формальностей. Вотъ почему въ обществахъ, гдѣ на твердомъ основаніи римскаго права рано развилась полная система гражданскихъ законовъ съ обширною своею казуистикой и рано устроился сложный механизмъ письменнаго производства, само правительство старалось организовать въ правильно видѣ сословіе стряпчихъ, прокураторовъ, судебныхъ ходатаевъ, требуя для вступленія въ должность стряпчаго нѣкоторыхъ формальныхъ условій и знанія законовъ. У насъ, вълѣдствіе той же естественной потребности частныхъ лицъ, съ XVII столѣтія, вошло въ употребленіе поручать веденіе дѣла стороннимъ ходатаямъ посредствомъ вѣрящихъ челобитныхъ, но со стороны правительства не было никакой попытки организовать стряпчихъ въ видѣ особаго сословія и подчинить какимъ-либо формальностямъ вступленіе въ эту должность. Стряпчіе избирались у насъ безразлично изъ всякаго званія, по произволу самихъ тяжущихся, и правительство

оставалось равнодушно къ качествамъ и познаніямъ этихъ судебныхъ представителей.

Если при письменномъ производствѣ участіе стряпчихъ въ дѣлѣ вызывается потребностью подсудныхъ лицъ, то при производствѣ словесномъ это участіе получаетъ уже видъ необходимости, не для частной только, но и для общественной пользы; учрежденіе стряпчихъ или адвокатовъ дѣлается непременною принадлежностью цѣлой системы судопроизводства. Они становятся необходимы въ большей части случаевъ не только для тяжущихся, какъ законные ихъ защитники, но столько же, если еще не болѣе, и для самого суда, который только при помощи ихъ можетъ съ удобствомъ и скоростью разработать и осмыслить весь фактической и юридической матеріалъ сложнаго процесса. При письменномъ производствѣ весь этотъ матеріалъ заключается въ бумагахъ, составляющихъ дѣло, разрабатывается канцеляріей и представляется суду въ видѣ доклада, ибо при множествѣ дѣлъ и огромности переписки судъ не въ состояніи принять на себя, кромѣ рѣшенія, и непосредственную разработку всего матеріала, накопленнаго въ грубомъ и нестройномъ видѣ. Но рано или поздно наступаетъ время, когда становится для всѣхъ очевидною несостоятельность канцелярій въ исполненіи этой обязанности, при возрастающемъ количествѣ дѣлъ и размноженіи письменности: наступаетъ пора обратиться къ простѣйшей формѣ словеснаго производства. Здѣсь основаніемъ сужденія и рѣшенія должны служить уже не мертвыя бумаги, подаваемые на судъ отъ имени тяжущихся, а живыя рѣчи ихъ передъ судьями; здѣсь уже не канцелярія, а самимъ тяжущимся принадлежитъ дѣло обирая и изложенія передъ судомъ матеріала, изъ коего слѣдуютъ вещественное и юридическое содержаніе процесса.

Эта работа не представляетъ ни для нихъ самихъ, ни для суда, значительныхъ затрудненій, если содержаніе дѣла просто и не запутано, если отдѣленіе въ немъ фактической стороны отъ юридической и постановленіе вопросовъ, истекающихъ изъ спора, не требуетъ особой подготовительной дѣятельности и особыхъ логическихъ и юридическихъ качествъ; въ такомъ случаѣ каждый изъ тяжущихся самъ можетъ изложить обстоятельства дѣла въ томъ видѣ, какъ они ему представляются, и опредѣлить передъ судомъ свои требованія и свои доводы, а судъ не трудно и по этому изложенію обнять содержаніе процесса, взвѣсить и провѣрить доказательства и возраженія и все, что

можетъ быть въ нихъ смутнаго, уяснить тотчасъ же собственнымъ сознаниемъ. Если даже оказывается неравенство силъ той и другой стороны въ способѣ изложенія дѣла и защиты, то для уравненія сторонъ достаточно будетъ положительной дѣятельности судьи, когда, внимательно слѣдя за рѣчью, онъ будетъ помогать ей разпросомъ объ обстоятельствахъ, подлежащихъ уясненію. Если дѣло не глубоко, и вопросы его не сложны, то все содержаніе его безъ труда уясняется и исчерпывается съ помощью этого разпроса.

Но когда процессъ по содержанію своему оказывается сложнымъ и даетъ поводъ къ возбужденію многихъ вопросовъ, когда въ немъ оказывается или предполагается обиліе фактовъ неясныхъ и противорѣчивыхъ, и вопросы о фактѣ такъ тѣсно связаны съ вопросами о правѣ, что отдѣленіе ихъ требуетъ особой ловкости, особыхъ приемовъ и ясности изложенія, тогда изложеніе дѣла самими тяжущимися не обезпечиваетъ ни имъ самимъ, ни судья, обязанному выслушивать ихъ, вѣрнаго и скорого рѣшенія. Судья не можетъ столь же свободно и просто, какъ въ предыдущемъ случаѣ, оказывать свое содѣйствіе сторонамъ въ разъясненіи обстоятельствъ дѣла, ибо при фактической запутанности разпросъ становится въ рукахъ его сомнительнымъ и невѣрнымъ орудіемъ для изысканія истины: здѣсь судья, непримѣтно, какъ для себя самого, такъ и для тяжущихся можетъ склонить это орудіе въ ту или другую сторону, и вмѣсто возстановленія естественнаго неравенства спорящихъ силъ, легко можетъ еще увеличить это неравенство. Съ другой стороны предоставить и въ этомъ случаѣ самимъ тяжущимся изложеніе передъ судьей обстоятельствъ дѣла, требованій и доводовъ, значило бы въ высшей степени затруднить и замедлить отправленіе правосудія. На первый взглядъ казалось бы, что сама сторона лучше сторонняго человѣка должна знать обстоятельства своего дѣла и лучше можетъ объяснить ихъ передъ судьей, которому не трудно уже будетъ опредѣлить по нимъ взаимныя требованія и освѣтить ихъ юридическимъ сознаниемъ. Но на самомъ дѣлѣ оказывается иное. Только въ простыхъ и несложныхъ дѣлахъ, и то большею частію съ помощію разпроса, сама сторона можетъ безопасно принять на себя разказъ своего дѣла; если же предметъ сложенъ, или выходитъ изъ разряда случаевъ, ежедневно встрѣчающихся и нелегко обнимаемыхъ простымъ здравымъ смысломъ, тяжущійся, большею частію неопытный въ искусствѣ излагать факты и мы-

сли, всего менѣе способенъ объяснить свое дѣло такъ, чтобы немедленно можно было понять его. Всякій, кому случилось говорить публично, кто бывалъ въ положеніи докладчика, знаетъ, что для этого еще недостаточно обыкновеннаго образованія, и что фактическое изложеніе составляетъ именно самую затруднительную часть словесной рѣчи: нужно долго и пристально трудиться, покуда привыкнешь наконецъ излагать факты ясно, такъ, чтобы ничто необходимое не было выпущено, чтобы не было ничего лишняго, и все расположено было на своемъ мѣстѣ. Такой навыкъ весьма рѣдко встрѣчается въ большинствѣ тяжущихся; итакъ естественно, что если имъ самимъ предоставлено будетъ изложеніе дѣла, то успѣха быть не можетъ. Передъ лицомъ суда, особенно публичнаго, невольно смѣшается и тотъ, кто умѣлъ бы изложить свое дѣло въ частной бесѣдѣ; ставъ лицомъ другъ къ другу, рѣдкіе изъ тяжущихся, если устоять противъ естественной робости, успѣютъ сохранить спокойствіе духа и ясность мысли, столь необходимыя для ясности рѣчи; а если есть между ними значительное неравенство природныхъ силъ, то подъ влияніемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ, оно еще болѣе увеличится; робкій и неумѣлый по природѣ окажется еще болѣе робкимъ и неумѣлымъ передъ судомъ, а безстыдный и ловкій, приготовясь заранѣе, и здѣсь не утратитъ природныхъ своихъ качествъ. Довѣрится такой неравной борьбѣ и выводить изъ нея свои заключенія, было бы крайне опасно. Но кромѣ того и слѣдить за нею было бы крайне затруднительно, часто вовсе невозможно. Въ рѣдкихъ случаяхъ, и то съ большимъ трудомъ, судъ могъ бы составить себѣ ясное понятіе о дѣлѣ по словесному изложенію самихъ тяжущихся, если оно, какъ обыкновенно бываетъ при словесномъ производствѣ, должно служить главнымъ, существеннымъ матеріаломъ для рѣшающаго судьи. Въ большей части случаевъ оно повело бы къ смѣшенію понятій и о фактахъ, и о правдѣ; судъ послѣ одного засѣданія вынужденъ былъ бы назначать новыя засѣданія, для разъясненія того же дѣла, или требовать отъ тяжущихся письменнаго изложенія, то-есть прибѣгать къ помощи письменнаго производства. Короче сказать, словесное производство хотя нѣсколько сложныхъ дѣлъ, при такомъ порядкѣ, сдѣлалось бы невозможнымъ.

Вотъ чѣмъ въ особенности объясняется и оправдывается необходимость представителей, или адвокатовъ, въ гражданскомъ судопроизводствѣ. Кажется, за тѣмъ не слѣдовало бы уже пред-

лагать въ безусловномъ смыслѣ давно поднятый вопросъ о пользѣ этого учрежденія. Въ этомъ смыслѣ онъ можетъ почитаться рѣшеннымъ, и доказывать, что адвокатура во всякомъ случаѣ вредна и не соответствуетъ цѣлямъ гражданскаго суда, значило бы не признавать результатовъ, представляемыхъ опытомъ всѣхъ народовъ, у коихъ дѣйствуетъ система словеснаго судопроизводства. Въ настоящее время стоять на очереди лишь вопросы объ относительномъ значеніи этого учрежденія; критическая повѣрка должна касаться отдѣльныхъ случаевъ, въ которыхъ примѣненіе его необходимо, или можетъ быть опущено безъ вреда, либо даже съ пользою для правосудія; наукѣ, по указаніямъ опыта, предстоитъ опредѣлить, на сколько это учрежденіе можетъ быть усовершенствовано, очищено отъ недостатковъ и получить лучшую организацію. Тѣмъ не менѣе появляются еще у насъ отъ времени до времени противники самаго учрежденія, слышатся мнѣнія, заподозрѣвающія самую идею, которая лежитъ въ его основаніи. Но при этомъ выпускаютъ обыкновенно изъ виду необходимую связь адвокатуры съ гражданскимъ процессомъ въ томъ видѣ, какъ онъ организовался въ послѣднее время, сообразно потребностямъ и условіямъ новыхъ гражданскихъ обществъ, забываютъ, что усиленное развитіе гражданскихъ сдѣлокъ и отношеній не дозволяетъ уже во многихъ случаяхъ сохранить или возстановить простую, первобытную форму суда, забываютъ, что требовать въ одно и то же время введенія у насъ словесной формы гражданскаго судопроизводства и, безусловно отрицать необходимость адвокатуры по дѣламъ гражданскихъ, значитъ требовать невозможнаго.

Говорятъ иные, что «въ гражданскомъ процессѣ невозможно дать сторонамъ совершенно равносильныхъ представителей ихъ правъ; что здѣсь *праву* одной стороны необходимо противопоставляется *неправо* другой стороны; что слѣдовательно, почти всякій процессъ съ адвокатомъ есть необходимо процессъ злонамѣренный.» На этомъ основаніи доказываютъ, что «самый возвышенный идеалъ гражданской адвокатуры есть ея *уничтоженіе*» (1). Мы думаемъ, что такое мнѣніе происходитъ отъ односторонности взгляда на гражданскій процессъ и отъ неяснаго понятія объ его

(1) См. замѣтку объ адвокатахъ г. С.—ва, помѣщенную въ 6-й книжкѣ *Русскаго Вѣстника* за 1859 годъ.

сущности. Несправедливо было бы при сужденіи о гражданскомъ процессѣ начинать съ предположенія о злонамѣренности той или другой стороны, въ немъ участвующей. Напротивъ, здѣсь прежде всего должна быть предполагаема добросовѣстность каждаго изъ тяжущихся, въ отысканіи или защитѣ своего права, которое онъ почитаетъ лучшимъ; здѣсь законодателю нѣтъ дѣла до скрытаго намѣренія, съ которымъ та или другая сторона ведетъ процессъ, и понятіе о зломъ умыслѣ сюда не прилагается. Злой умыселъ можетъ быть въ томъ или другомъ отдѣльномъ дѣйствіи, подавшемъ поводъ къ процессу, можетъ быть въ совершеніи того или другаго процессуальнаго акта, но соединять понятіе о зломъ умыслѣ съ понятіемъ о *правѣ судебной защиты*, предоставляемой каждому изъ тяжущихся одинаково, независимо отъ всякаго соображенія съ тѣмъ, кто изъ нихъ окажется правымъ или виноватымъ, было бы не разумно. Въ дѣлѣ уголовномъ, поводомъ къ начатію суда служить *преступное дѣйствіе*, какъ скоро оно обнаружилось; здѣсь совершенно оправдывается предположеніе о зломъ умыслѣ въ совершеніи этого дѣйствія; здѣсь главная цѣль суда состоитъ въ отысканіи виновника преступленія, въ изслѣдованіи внутренней связи между преступленіемъ и совершившимъ его, и въ наказаніи виновнаго; здѣсь добывается исключительно матеріальная истина. Гражданское судопроизводство, такъ же какъ уголовное, направлено къ тому, чтобъ обезпечить въ каждомъ частномъ случаѣ дѣйствіе закона, возстановить силу его, когда онъ нарушенъ. Какъ здѣсь, такъ и тамъ, предполагается незаконное дѣйствіе, нарушеніе закона. Но разница состоитъ въ томъ, что предметъ уголовного суда составляетъ нарушеніе *безусловнаго* права; а гражданскому суду подлежитъ нарушеніе такого права, которое можетъ быть оспорено, находится подъ сомнѣніемъ. Въ основаніи гражданского процесса лежитъ *неизвѣстность о правѣ*; изъ нея проистекаетъ споръ; еслибъ ея не было, то не было бы нужды и въ судѣ; цѣль суда состоитъ именно въ прекращеніи этой неизвѣстности. Гражданское право, съ одной стороны объективное и матеріальное, съ другой стороны опирается на многочисленныя формальности, возникаетъ, измѣняется и исчезаетъ вслѣдствіе обстоятельствъ, столь же разнообразныхъ какъ вся гражданская жизнь, зависитъ отъ случая и времени, подчиняется влиянію и дѣйствій и бездѣйствія. Поэтому, относительно той или другой личности, съ которою оно соединяется, гражданское право въ каждую данную

минуту можетъ измѣнить свой видъ, и понятіе стороннихъ или заинтересованныхъ лицъ о принадлежностяхъ его, видъ и значеніе; можетъ быть не одинаково. Суду предстоитъ опредѣлить: каковъ долженъ быть въ данную минуту истинный, единый взглядъ на право, каковъ долженъ быть нормальный видъ его; при этомъ можетъ оказаться, что одна сторона права, а другая ошибалась, или даже что обѣ стороны были въ заблужденіи. На этомъ основаніи каждый изъ тяжущихся можетъ добросовѣстно защищать такое право, которое въ послѣдствіи, по суду, окажется недѣйствительнымъ, высказывать такое убѣжденіе, которое судъ признаетъ ложнымъ. Не забудемъ притомъ, что судъ есть не только отысканіе истины, но и борьба сторонъ между собою; что въ этой борьбѣ каждая сторона можетъ употреблять всякое оружіе, лишь бы оно было законно, и въ правѣ пользоваться всѣми ошибками и промахами стороны противной; что процессъ самъ по себѣ, въ формальномъ своемъ развитіи, даетъ начало новымъ правамъ, которыя въ теченіе его возникаютъ для той или другой стороны,—правамъ формальнымъ, которыя, присоединяясь къ матеріальному праву, составляющему содержаніе спора, нерѣдко вовсе измѣняютъ видъ дѣла и вопроса, и доставляютъ побѣду той сторонѣ, которая не могла бы утвердить свое существенное право, еслибы не успѣла пріобрѣсть среди самаго процесса случайное, формальное право. Въ этомъ смыслѣ обвинять въ злонамѣренности адвоката, защищающаго споръ, который признанъ потомъ неправымъ, одно и то же, что обвинять въ зломъ умыслѣ истца или отвѣтчика за то, что онъ рѣшился начать или поддерживать споръ о правѣ, признанномъ въ послѣдствіи недѣйствительнымъ. Никто, конечно, не потребовалъ бы отъ тяжущагося, чтобъ онъ, начиная дѣло, необходимо и прежде всего имѣлъ въ виду возстановленіе правды объективной *ради самой правды*: предполагается, что главная цѣль тяжущагося—удовлетвореніе субъективнаго, личнаго интереса, на основаніи права, которое онъ почитаетъ своимъ. Отъ адвоката невозможно ни ожидать, ни требовать въ этомъ отношеніи болѣе чѣмъ отъ лица, лично заинтересованнаго въ дѣлѣ. Отъ адвоката можно требовать, чтобъ онъ оставался вѣренъ правдѣ въ защитѣ частнаго права, которую принялъ на себя, но совсѣмъ на иныхъ основаніяхъ. Дѣйствительно, отъ добросовѣстнаго адвоката повсюду требуется, чтобъ онъ, при защитѣ кліента, имѣлъ въ виду интересъ своего кліента, а не свой собственный; адвокатъ дѣй-

ствуешь недобросовѣстно, если, вводя въ заблужденіе своего кліента, защищаетъ упорно во всѣхъ инстанціяхъ требованіе, явно притивозаконное и безнадежное; если почитаетъ нужнымъ спорить противу всякаго показанія, сдѣланнаго, или документа, представленнаго противною стороною, какъ бы ни была ясна и неопровержима справедливость того или другаго. Вотъ чего можно требовать отъ адвоката, но не разумно было бы предполагать, что всякій гражданскій искъ, защищаемый адвокатомъ, долженъ быть *безусловно* справедливъ, и сужденіе о матеріальной правдѣ этого иска основывать на послѣдующемъ рѣшеніи, по которому можно судить только объ *условной*, формальной справедливости. Допустивъ такое предположеніе, мы уничтожимъ адвокатовъ, но если будемъ послѣдовательны, должны будемъ уничтожить и тяжущихся, и суды, и все то, что въ особенности называется гражданскимъ правомъ.

Вовторыхъ, государство приняло бы на себя неразрѣшимую задачу, еслибы поставило себѣ цѣлью дать сторонамъ во всѣхъ случаяхъ *совершенно* равносильныхъ защитниковъ: совершеннаго равенства силъ не бываетъ ни въ физическомъ, ни въ нравственномъ мірѣ. Цѣлью закона должно быть *возможное* уравненіе силъ, то-есть возможное устраненіе тѣхъ причинъ, которыя развиваютъ и усиливаютъ природное неравенство, учрежденіе такой формы, такого порядка, при коихъ естественное неравенство имѣло бы какъ можно менѣе вліянія на ходъ дѣла, или уравновѣшивалось бы другими гарантіями справедливости. Поэтому государство, въ строгомъ смыслѣ, не даетъ отъ себя защитниковъ тяжущимся и не заботится о взвѣшиваніи силъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, а предоставляетъ сторонамъ выбирать себѣ защитниковъ по произволу. Дѣло государства устроить такъ, чтобы не было недостатка въ этихъ защитникахъ и затрудненія въ присканіи ихъ, и чтобы каждый изъ нихъ былъ достаточно приготовленъ наукою и опытомъ къ отправленію своей должности.

Въ третьихъ, еслибы не предстояло надобности въ адвокатахъ, и оказалась бы возможность уничтожить ихъ тамъ, гдѣ они уже существуютъ съ пользою для общества, это значило бы, что насталъ золотой вѣкъ, въ которомъ нѣтъ мѣста никакимъ спорамъ, никакой неизвѣстности, никакому злу. Въ этомъ только смыслѣ можно желать совершеннаго уничтоженія адвокатуры, но это будетъ пустое, праздное желаніе. По-

пытки уничтожить адвокатуру, бывали и прежде, но нигдѣ не удавались.

Польза, приносимая адвокатами въ гражданскомъ процессѣ, не ограничивается однакоже указанною нами необходимою связью этого учрежденія съ словеснымъ судопроизводствомъ. Есть другія не менѣ важныя соображенія, которыя убѣждаютъ въ его необходимости и практической пользѣ.

Только при помощи адвокатовъ судебное состязаніе можетъ достигнуть полноты и живости, а эта полнота и живость необходима для того, чтобы судья могъ обзрѣть дѣло со всѣхъ сторонъ, проникнуть въ самую сущность его и составить себѣ твердое убѣжденіе: она только можетъ предохранить судью отъ односторонности взгляда, столь вредной для правильности рѣшенія. Для того, чтобы право получило перевѣсъ на судѣ, съ каждой стороны, по каждому требованію должно быть представлено съ возможною полнотою и ясностію все, что только слѣдуетъ сказать въ защиту каждой стороны; при изложеніи фактическихъ отношеній каждой стороны должно быть высказано и юридическое начало, которое служить имъ основаніемъ, и которымъ сторона руководствовалась въ своихъ дѣйствіяхъ. Только адвокаты способны представить суду такое изложеніе. Всякое дѣло человеческое, какъ бы ни было по началу своему разумно и духовно, можетъ превратиться въ механическій трудъ, если человѣкъ допуститъ усилиться въ себѣ равнодушію, этому естественному врагу всякой духовной жизни: а гдѣ нѣтъ духа, тамъ изсякъ источникъ жизни, форма осталась безъ содержанія, чувство долга существуетъ только по имени, и дѣло мысли и разума готово превратиться въ дѣло бессмысленной привычки. Дѣло правосудія подвержено той же опасности, и всѣ мы хорошо знаемъ, что равнодушные судьи, встрѣчаются у насъ къ сожалѣнію едвали не чаще, чѣмъ судьи, проникнутые сознаніемъ долга и привыкшіе всегда видѣть въ своемъ дѣлѣ живой интересъ мысли и истины. Для того чтобы человѣку не трудно было сохранить и поддерживать въ себѣ этотъ интересъ, эту живую связь съ дѣломъ, которому онъ посвятилъ себя, для этого нужно, чтобы самое дѣло было живое, чтобы мысль, прежде чѣмъ примется за свободный трудъ свой не была въ необходимости всякій разъ тратить свои силы въ механической, черной работѣ, не представляющей никакого интереса. А таково будетъ именно положеніе судьи, если онъ во всякомъ дѣлѣ принужденъ будетъ выслушивать на судѣ противо-

рѣчивыя, запутанныя, а иногда и вовсе бессмысленныя объясненія самихъ тяжущихся, не умѣющихъ изложить свои обстоятельства и требованія ясно и послѣдовательно. Но когда передъ судомъ послышится живая рѣчь адвоката, знакомаго съ искусствомъ изложенія, когда притомъ передъ судомъ и участвующими въ немъ будутъ не затворенныя двери тайной присутственной камеры, а общество, принимающее живое участіе во всемъ, что происходитъ на судѣ, тогда процессъ получить видъ дѣйствительной, живой и разумной борьбы. Тогда рѣдкій судья въ состояніи будетъ остаться невнимательнымъ и равнодушнымъ. Въ такомъ только видѣ, то есть при участіи адвокатовъ и при открытомъ засѣданіи, судъ сдѣлается лучшею школою для образованія судей и адвокатовъ. Если судъ не есть механическое дѣло, для коего достаточно рутины, если не все равно, кто бы ни судилъ, то для праваго суда необходимо образованіе цѣлаго сословія судей, среди коего хранились бы и неизмѣнное чувство судейскаго долга и твердость судебной доктрины, дающей устойчивость рѣшеніямъ, а такое сословіе не можетъ и образоваться безъ содѣйствія адвокатовъ. Всякое приготовленіе судей къ школахъ, какъ бы ни было тщательно устроено, образуетъ развѣ ученыхъ и чиновниковъ, но никакъ не судей; судья предстоить еще выработаться въ той самой средѣ, для которой онъ себя предназначаетъ, а для этого необходимы открытая судебная арена; къ явленіямъ коей могъ бы онъ присмотрѣться и прислушаться, необходимы живые авторитеты, которымъ могъ бы онъ слѣдовать, необходимы не школьныя, а дѣйствительныя упражненія мысли и слова въ судебномъ дѣлѣ; судья долженъ взрости и укрѣпиться не на канцелярскихъ обрядностяхъ, убивающихъ духъ юридическаго знанія, онъ долженъ пройти школу суда, долженъ быть свидѣтелемъ борьбы судебной, долженъ испытать ощущенія зрителя, ей сочувствующаго, покуда въ состояніи будетъ самъ принять участіе въ этой борьбѣ и въ ней собрать всѣ силы, нужныя для судейскаго званія. А борьба эта, повторяемъ, не можетъ быть дѣйствительна, жива, плодотворна и поучительна безъ участія адвокатовъ.

Уравненіе силъ тяжущихся, о которомъ мы упомянули выше, какъ объ одной изъ цѣлей судебного представительства, простирается не на одни только умственные качества сторонъ. Бываютъ случаи, когда неравенство общественнаго положенія тяжущихся служить немаловажнымъ препятствіемъ къ дости-

женію цѣлей правосудія. Борьба слабаго съ сильнымъ, бѣднаго съ богатымъ, зависящаго съ тѣмъ, отъ кого онъ по разнымъ отношеніямъ зависитъ, всегда и вездѣ была затруднительна и опасна. Въ иныхъ случаяхъ такая борьба была бы рѣшительно невозможна безъ помощи адвоката. Адвокатъ, если онъ, какъ и слѣдуетъ, находится въ положеніи не зависимомъ ни отъ правительственныхъ лицъ, ни отъ судей, и самъ не принадлежитъ къ офиціальному составу суда, если, надѣясь на нравственную силу дѣла, которое защищаетъ, онъ можетъ вмѣстѣ съ тѣмъ опереться на нравственную силу цѣлой корпораціи, къ которой принадлежитъ и на сознание общества, присутствующаго при борьбѣ,—адвокатъ, и прибавимъ, одинъ только адвокатъ въ состояніи смѣло рѣшиться на состязаніе съ личнымъ интересомъ матеріальной силы и выставить противъ нея оружіе силы духовной. Передъ адвокатомъ можетъ устыдиться и грубое насиліе, хотя оно не обратило бы вниманія на робкія возраженія человѣка, котораго оно привыкло почитать ничтожнымъ и зависящимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ адвокатъ, по своему положенію, удобнѣе, нежели тяжущійся, можетъ сохранить въ самомъ себѣ, внушить своему противнику и поддержать въ судьяхъ то хладнокровіе и мѣру, которыя такъ необходимы для правильной борьбы, и которыя такъ не трудно нарушить среди спора тому, чей матеріальный интересъ въ этомъ спорѣ участвуетъ.

Если не вездѣ учрежденіе адвокатовъ соответствуетъ своей цѣли и выполняетъ свою задачу удовлетворительно, если еще слышатся въ иныхъ мѣстахъ жалобы на тягости и затрудненія, происходящія отъ адвокатовъ, то причинъ этому слѣдуетъ искать не въ несостоятельности самаго начала адвокатской защиты, но, во первыхъ, въ недостаткахъ внѣшней или внутренней организаціи сословія адвокатовъ; во вторыхъ, въ безусловной строгости закона, черезъ мѣру стѣсняющаго свободу частныхъ лицъ въ избраніи себѣ защитниковъ, общимъ обязательнымъ правиломъ.

Адвокатомъ можетъ быть не всякій, но лишь тотъ, кто достаточно приготовленъ къ этому званію. Случалось, что правительство, несправедливо опасаясь чрезмернаго вліянія, которое можетъ имѣть въ обществѣ корпорація людей, сильныхъ знаніемъ, мыслію и словомъ, пыталось открыть въ это сословіе свободный доступъ людямъ всякаго званія, не подвергая ихъ соблюденію никакихъ формальностей и не требуя отъ нихъ ни-

какого приготовленія; но такія мѣры всегда вели къ дурнымъ послѣдствіямъ и, вмѣсто одного воображаемаго зла, развивалось другое зло, дѣйствительное. Нѣтъ никакого повода опасаться деспотизма мысли тамъ, гдѣ мысль можетъ свободно развиваться подѣ контролемъ общаго мнѣнія; владычество мысли, если и доходить иногда до насилія, то это насиліе бываетъ лишь минутнымъ уклоненіемъ отъ истины и скоро исчезаетъ подѣ вліяніемъ той же самой мысли. Должно опасаться, чтобы не развился въ обществѣ иной деспотизмъ, деспотизмъ невѣжества или поверхностнаго празднаго знанія или грубой силы, не управляемой здравою мыслию и не допускающей никакого контроля мысли. Требовать уничтоженія адвокатуры или ослабленія ея на томъ основаніи, что всякое сословіе, въ которомъ развивается умственная сила, составляетъ опасный элементъ въ обществѣ, было бы не только въ высшей степени не разумно, но и въ высшей степени опасно для общественнаго порядка. Безумно было бы думать, что въ развитіи мысли заключается опасность для общества: напротивъ, никакого порядка въ обществѣ невозможно себѣ представить безъ идеи, проникающей всѣ гражданскія отношенія. Опасность для общества состоитъ въ униженіи мысли, въ глухомъ и безпорядочномъ ея развитіи, въ распространеніи ложныхъ понятій, пустыхъ и поверхностныхъ знаній во вредъ знанію истинному. Въ этомъ смыслѣ трудно представить себѣ для общества что-либо полезнѣе такого сословія, въ которомъ прочное специальное знаніе сосредоточивается и развивается не безпорядочно, а подѣ вліяніемъ внутренней, разумной дисциплины, въ которомъ сохраняются начала и убѣжденія подѣ вліяніемъ корпоративнаго духа. Вліяніе такой силы на все общество можетъ быть только благотѣльное и становится вреднымъ въ такомъ лишь случаѣ, когда, по ложному разчету, силу эту стараются подчинить внѣшнимъ авторитетамъ и связать внѣшними узами, не довѣряясь внутреннему авторитету, который, развившись въ ней самой, одинъ только могъ бы поддержать въ ней порядокъ и равновѣсіе. Сословіе адвокатовъ, такъ же какъ и сословіе судей, тогда только можетъ исполнить свое назначеніе и удовлетворить своей цѣли, когда будетъ сословіемъ въ самомъ себѣ заключеннымъ, стоящимъ возлѣ судебной власти, но не зависящимъ отъ нея. Законодатель не долженъ забывать, что есть сословія, для которыхъ только честь и убѣжденіе могутъ служить надежнымъ руководствомъ и основаніемъ порядка, для

которыхъ владычество матеріальной силы и безусловнаго приказа было бы гибельно. Для вступленія въ такое сословіе должны быть установлены формальныя требованія, но какъ скоро сословіе организовалось, необходимо предоставить ему свободную, независимую дѣятельность (1). Превращая адвоката въ офиціальное лицо, состоящее при судѣ и отъ суда зависящее, ограничивая число адвокатовъ, назначая имъ на судѣ мѣсто на ряду съ низшими исполнительными чинами, законъ тѣмъ самымъ помѣшалъ бы достиженію цѣли, которой служить адвокатъ, и стѣснилъ бы, ко вреду правосудія и гражданъ, свободу ихъ въ выборѣ себѣ защитниковъ. Если частное лицо поставлено будетъ въ необходимость выбирать себѣ представителя изъ ограниченнаго числа стряпчихъ, состоящихъ при судѣ, то отъ этого произойдетъ для нихъ монополія, во всякомъ случаѣ тягостная для просителей, и между самими стряпчими возможны будутъ стачки, неизбѣжныя при всякой монополіи. Съ другой стороны, видя въ стряпчемъ лицо, подчиненное су-

(1) Условія для вступленія въ званіе адвоката не вездѣ одинаковы. Порядокъ, существующій во Франціи, едвали заслуживаетъ безусловнаго одобренія, потому что не вполне обезпечиваетъ соединеніе въ адвокатъ всѣхъ качествъ, требуемыхъ для этого сословія. Здѣсь всякій молодой человѣкъ, окончивъ курсъ университетскихъ наукъ, можетъ тотчасъ же записаться въ списокъ адвокатовъ и долженъ въ теченіе опредѣленнаго срока заниматься пригготовительною практикой (stage). Гораздо строже въ этомъ отношеніи требованія женеваго закона объ адвокатахъ 1834 года. Здѣсь требуется прежде всего, чтобы кандидатъ въ адвокаты окончилъ курсъ юридическихъ наукъ. Далѣе, нужно чтобъ онъ посвятилъ себя въ теченіе опредѣленнаго времени спеціальному изученію права и затѣмъ подвергся подробному испытанію въ немъ, со стороны философской и догматической. Послѣ того назначается ему срокъ для судебныхъ упражненій (stage), для изученія права и буквы законовъ на практикѣ, для навыка во всѣхъ формахъ и обрядностяхъ судебного и адвокатскаго дѣла. При исполненіи этихъ, условій для всѣхъ желающихъ, безъ ограниченія числа, открыта свободная конкуренція ко вступленію въ адвокатство; но со вступленіемъ въ него, на каждомъ изъ адвокатовъ лежитъ непремѣнная нравственная или гражданская отвѣтственность за его дѣйствія, и эта отвѣтственность всего тщательнѣе охраняется тѣмъ самымъ сословіемъ, къ которому онъ принадлежитъ. Разумѣется, что условія для вступленія въ адвокатское званіе должны быть тѣмъ менѣе строги, чѣмъ ниже стоитъ въ обществѣ уровень общаго и спеціального юридическаго образованія, и чѣмъ настоятельнѣе потребность въ адвокатахъ, для которыхъ сама практика должна служить, по окончаніи курса наукъ, лучшею пригготовительною школою.

дейскому произволу, опредѣляемое и увольняемое судьями и отъ судей зависящее, тяжущійся не могъ бы съ полнымъ довѣріемъ на него положиться: трудно ожидать, чтобы въ такомъ положеніи адвокаты могли образовать изъ себя сословіе, приобрести твердое сознаніе достоинства какъ личнаго, такъ и корпорационнаго, связаннаго съ ихъ званіемъ, и развить въ средѣ своей чувство долга и преемственной чести.

Въ этомъ отношеніи необходимо, чтобы лицо, дѣйствующее въ качествѣ адвоката, имѣло право принимать на себя всѣ дѣйствія, соединенныя съ судебнымъ представительствомъ. Нѣкоторые теоретики процесса (1) допускаютъ отдѣленіе должности защитника, адвоката или ассистента, отъ должности представителя, стряпчаго или прокуратора, такъ что адвокатъ долженъ помогать сторонѣ своими совѣтами, рѣчами на судѣ и составленіемъ судебныхъ бумагъ и записокъ; а настоящимъ хозяиномъ дѣла (*dominus litis*) долженъ быть стряпчій, какъ офиціальныи представитель тяжущагося. Съ этой теоріей невозможно согласиться. На французскомъ судопроизводствѣ можно видѣть примѣръ того, какъ вредно раздѣленіе судебныхъ представителей на два сословія, изъ коихъ одному, въ качествѣ офиціальныхъ стряпчихъ (*avoués*), предоставляется исключительно одинъ отдѣлъ адвокатской дѣятельности (*postulation*), другому, въ качествѣ адвокатовъ, дозволено принимать на себя защиту тяжущихся въ публичномъ засѣданіи (*plaidoirie*) (2). Обѣ части процесса, раздѣляемыя такимъ образомъ между двумя сословіями, состоятъ между собою въ необходимой связи; въ обѣихъ одинаково взаимное дѣйствіе формы на содержаніе процесса и содержанія на выборъ формы; поэтому въ каждомъ процессѣ весьма важно, чтобы онъ сначала до конца былъ веденъ и защищаемъ въ одномъ и томъ же духѣ и по одному плану: такого единства невозможно ожидать отъ участія въ процессѣ двухъ защитниковъ, дѣйствующихъ не по одному началу и не по одинаковымъ побужденіямъ. Для тяжущагося происходитъ оттого явная невыгода и проволочка: онъ два раза долженъ приступать къ совѣщаніямъ о дѣлѣ съ своими защитниками; два раза догово-

(1) См. Bluhme, *Encyclopædie der in Deutschland geltenden Rechte*. В. II. § 583.

(2) Только при кассационномъ судѣ званіе стряпчаго соединено съ званіемъ адвоката.

ваться о вознагражденіи съ разными лицами; раздѣляясь между этими лицами, должна ослабѣвать и нравственная отвѣтственность, которую принимаетъ на себя защитникъ въ отношеніи къ кліенту. Такое раздѣленіе должностей существуетъ почти исключительно во Франціи. Въ Пруссіи обѣ онѣ соединены въ видѣ судебного стряпчаго (Rechtsanwalt); даже въ рейнскихъ провинціяхъ, гдѣ дѣйствуетъ французская система процесса, должность стряпчаго соединена съ должностью адвоката въ одномъ лицѣ (Advocat-Anwalt). Въ Англіи должности стряпчаго (attorney, solicitor) и адвоката (counsel, barrister) раздѣлены, но стряпчіе болѣе подчинены адвокатамъ, нежели во Франціи.

ХІІ.

Участіе адвокатовъ въ гражданскомъ процессѣ, при словесномъ судопроизводствѣ, дѣлается необходимымъ; но было бы несправедливо распространить эту необходимость на всѣ дѣла и во всякомъ процессѣ принуждать тяжущихся дѣйствовать черезъ адвокатовъ. Въ этомъ отношеніи существующія системы судопроизводства представляютъ большое разнообразіе. Участіемъ адвокатовъ на судѣ придается значеніе болѣе или менѣе рѣшительное или произвольное, сообразно тому какъ опредѣляется цѣлою системой дѣятельность судьи въ веденіи процесса. Одни законодательства, представителемъ коихъ можетъ служить французское, основаны на состязательномъ началѣ (Verhandlungsmaxime), воспреещающемъ судѣ принимать участіе въ развитіи и веденіи спора между тяжущимися; другія, и во главѣ ихъ прусское, основаны на слѣдственномъ началѣ (Untersuchungsmaxime), не только допускающемъ въ судѣ, но и требующемъ отъ него дѣятельнаго участія въ этомъ спорѣ. Подъ вліяніемъ того и другаго начала, принимаемаго въ слишкомъ строгомъ, безусловномъ смыслѣ, образовалась юридическая доктрина, имѣющая съ той и съ другой стороны безусловныхъ противниковъ и послѣдователей. Съ той и съ другой стороны, какъ обыкновенно случается, нѣтъ недостатка въ людяхъ, проповѣдующихъ, что имъ однимъ принадлежитъ истина, и что все зависитъ отъ безусловнаго примѣненія того или другаго начала. Ученіе школы не могло не отразиться и въ положительныхъ законодательствахъ, — къ

ущербу для истины; но въ настоящую минуту, кажется, проходить пора фанатическаго увлеченія отвлеченными началами процесса. Теорія, болѣе и болѣе сближаясь съ практикой, требуетъ отъ нея указаній, и не рѣшается строить цѣлую систему съ высоты общаго понятія о предметѣ. Кажется, недалеко уже время, когда, по указаніямъ опыта и необходимости, сложится, помимо предрасудковъ и педантизма, болѣе простая и справедливая теорія процесса.

Формальное понятіе о состязательномъ началѣ составилось уже тогда, когда въ новыхъ европейскихъ обществахъ сдѣлалась господствующею письменная форма судопроизводства. Первобытною же формою вездѣ была, какъ извѣстно, форма словесная. Судъ былъ и въ то время состязаніемъ сторонъ, но когда спорящіе стояли налицо передъ судьей, то судья всегда имѣлъ случай предлагать имъ вопросы о событіяхъ и доказательствахъ, требовать отвѣта и, въ случаѣ неясности его, помогать тяжущемуся новыми разспросами. Это было вполнѣ естественно, и тогда, конечно, никто не возбуждалъ сомнѣнія о томъ, имѣеть ли право судья, для произнесенія приговора о спорныхъ претензіяхъ, требовать отъ той или другой стороны разъясненія спора. Когда процессъ сдѣлался письменнымъ, вышло изъ обычая требовать личнаго присутствія тяжущихся на судѣ; матеріаломъ для сужденія сдѣлались почти исключительно бумаги, составляемыя по принятой формѣ и по разчитанному плану; судъ, занятый разнообразными дѣлами, обремененный надзоромъ за канцеляріей и ея обрядностями, не имѣлъ уже ни времени, ни необходимости слѣдить за внутреннимъ содержаніемъ каждой бумаги, подаваемой одною изъ сторонъ, и приступалъ къ разсмотрѣнію ея только тогда, когда всѣ бумаги, механически накопившіяся въ теченіе производства, представлялись на разсмотрѣніе въ видѣ дѣла, достигшаго формальной полноты. Естественно, что когда наступала минута рѣшенія, судѣ приходилось судить дѣло по тому, что въ немъ написано, и довольствоваться тѣми бумагами, какія есть, хотя бы невозможно было возстановить по нимъ полный образъ дѣйствительныхъ событій. Отсюда возникло мало-помалу понятіе о страдательномъ положеніи судьбы въ отношеніи къ фактамъ, собраннымъ тяжущимися, въ отношеніи къ самимъ тяжущимся и, наконецъ, къ изысканію матеріальной истины, которая, подъ вліяніемъ съ одной стороны приказнаго бездѣйствія, съ другой—приказной хитрости, все болѣе

и болѣе исчезала изъ виду и замѣнялась истиной формальною. Къ такому положенію привели судью условія письменнаго суда и образовавшаяся вслѣдствіе ихъ привычка, но утвердившись обычаемъ, оно по времени принято было и теоріей процесса, какъ положеніе нормальное и законное.

Однакоже такое отношеніе судьи къ дѣлу, къ тяжущимся и къ истинѣ не удовлетворяло требованіямъ правды, не соответствовало вполне прямой цѣли правосудія. При такомъ порядкѣ форма должна была получить неестественное развитіе на счетъ содержанія дѣла, процессуальные вопросы размножились до чрезмѣрности, такъ что разрѣшеніе спорныхъ дѣлъ совершалось по этимъ вопросамъ несравненно чаще, нежели по вопросамъ матеріальнаго, чисто гражданскаго права. Въ концѣ XVIII столѣтія философская критика коснулась, въ числѣ многихъ другихъ, и этого предмета. Стали говорить, и конечно не безъ основанія, что слѣдуетъ возвратити судью къ прежнему простому и естественному его положенію и дать ему болѣе свободы въ изысканіи истины матеріальной, чтобъ онъ имѣлъ болѣе средствъ составить себѣ въ каждомъ процессѣ убѣжденіе о правдѣ, которая должна быть единственнымъ основаніемъ каждаго рѣшенія. Поднятый вопросъ, какъ бываетъ со всѣми свѣжими вопросами, обсуживался съ увлеченіемъ, и мнѣнія готовы были отъ одной крайности перейти къ другой. Результатомъ новой теоріи былъ уставъ прусскаго гражданскаго судопроизводства, изданный въ 1794 и 1795 годахъ, и съ изданіемъ его впервые догматически обозначилось рѣзкое различіе между состязательнымъ и слѣдственнымъ началомъ процесса.

Въ прусскомъ уставѣ рѣзко проведено было начало слѣдственное. Оставаясь при прежней письменной формѣ, новый законъ выразилъ въ себѣ рѣшительное стремленіе къ тремъ главнымъ цѣлямъ: *вопервыхъ*—сдѣлать обязательнымъ личное присутствіе на судѣ тяжущихся; *во вторыхъ*—ограничить по возможности участіе адвокатовъ на судѣ; и *въ третьихъ*—расширить власть судьи такъ, чтобъ онъ, въ силу своего званія, изслѣдовалъ истину, не стѣняясь указаніями и объясненіями сторонъ.

Вотъ въ чемъ состояли по уставу 1795 года главныя черты дѣятельности прусскаго судьи:

Судья *обязанъ* лично и непосредственно изслѣдовать основательность или неосновательность фактовъ, составляющихъ

содержаніе дѣла, и разъяснить ихъ все по возможности для правильного примѣненія закона, такими средствами, какія могутъ оказаться вѣрнѣе, ближе къ цѣли и дешевле для тяжущихся. Тяжущіеся сами обязаны объяснять суду факты, потребные для рѣшенія, по чистой правдѣ и разумѣнію, такъ какъ никто не въ правѣ основывать свои выгоды на дѣйствіяхъ недозволенныхъ. За умышленное извращеніе или утайку истины они подлежатъ штрафу. Въ случаѣ упорнаго отказа отъ требуемыхъ объясненій, самый фактъ, требующій объясненія, можетъ быть во вредъ упорствующему признанъ за доказанный. Сторона, основывающая свое право на фактъ, обязана указать суду на средства удостовѣриться въ немъ, но судья, не стѣняясь этими указаніями, можетъ употребить и другія средства по указаніямъ, взятымъ изъ обстоятельствъ дѣла и взаимныхъ объясненій между тяжущимися; однакоже при этомъ постановлены для судьи слѣдующія ограниченія: онъ не въ правѣ выходить за предѣлы тѣхъ фактовъ, которые составляютъ содержаніе первоначальной жалобы и возраженія; онъ не долженъ руководствоваться при изслѣдованіи частными свѣдѣніями, которыя можетъ имѣть объ обстоятельствахъ дѣла; судья не въ правѣ торопить тяжущихся, не долженъ насиловать ихъ сознаніе изворотливыми вопросами, или входить въ подробности, не имѣющія въ дѣлѣ существеннаго значенія, не долженъ ни прямо, ни косвенно указывать сторонѣ и на законныя средства защиты, когда сама она не обращаетъ на нихъ вниманія, если при ней находится стряпчій, котораго нѣтъ повода подозрѣвать въ умышленной оплошности; если же нѣтъ при ней законнаго защитника, судья обязанъ самъ помогать ей въ изысканіи и изслѣдованіи средствъ къ защитѣ. Все происходящее при изслѣдованіи вносится въ протоколъ. Изслѣдованіе начинается съ перваго заявленія о жалобѣ: судья тотчасъ же и до подачи самой жалобы приступаетъ къ разспросу истца обо всѣхъ обстоятельствахъ и доказательствахъ иска, и составляемый при томъ протоколъ (Informationsprotocoll) есть главное основаніе каждаго процесса. Подобный же разспросъ дѣлается отвѣтчику, по явкѣ его. За тѣмъ стороны вмѣстѣ ставятся передъ судьей и разспрашиваются совокупно, при чемъ отмѣчается въ особенности все, въ чемъ онѣ между собою противорѣчатъ и въ чемъ успѣли согласиться. Послѣ того, чтобы представить дѣло въ полномъ видѣ и въ общемъ обзорѣ, какъ передъ судомъ, такъ и передъ сторонами, въ удостовѣреніе того,

что всѣ факты и требованія ихъ поняты и представлены вѣрно, судья или судебный депутат составляетъ сжатое изложеніе всѣхъ обстоятельствъ дѣла съ отдѣленіемъ всего спорнаго отъ безспорнаго (*status causae et controversiae*). По прочтеніи этой записки, если тяжущіеся, при содѣйствіи судьи, не разсудили за благо помириться или войти въ соглашеніе, производится вновь инструкція о всѣхъ предметахъ, оказавшихся въ спорѣ: она заключается, по усмотрѣнію судьи, тогда, когда исчерпаны уже всѣ средства къ изысканію истины.

Въ связи съ этою системою состояло въ Пруссіи—стѣсненіе адвокатскаго участія въ процессѣ. Оно было вызвано противоположною крайностію, до которой доведенъ былъ въ то время такъ-называемый общегерманскій письменный процессъ правиломъ, воспрещавшимъ кому бы то ни было, хотя бы простому крестьянину, начинать и вести дѣло лично безъ адвоката. Вслѣдствіе этого правила адвокаты, во множествѣ состоявшіе при всѣхъ большихъ и малыхъ германскихъ судахъ и не имѣвшіе въ то время правильной сословной организаціи, захватили въ свои руки монополію всѣхъ процессовъ и управляли каждымъ по своему произволу. Всеобщія горькія жалобы противъ владычества адвокатовъ, прежде чѣмъ гдѣ-либо, вызвали въ Пруссіи рѣшительную мѣру. Въ 1780 году было положено вовсе уничтожить адвокатовъ, а вмѣсто нихъ и изъ среды ихъ вскорѣ были выбраны въ качествѣ официальныхъ лицъ такъ-называемые *юстицъ-коммиссары*. По цѣли закона, они должны были помогать тяжущимся уже не по свободному договору за условную плату, но въ качествѣ ассистентовъ судьи должны были контролировать самого судью въ инструкціонной его дѣятельности. Намѣреніе закона однакожь не совсѣмъ исполнилось на дѣлѣ. Общество не довольствовалось дѣятельностію коммиссаровъ: оно чувствовало потребность въ дѣйствительныхъ защитникахъ и представителяхъ. Когда законъ расходится съ требованіями дѣйствительности, общество находитъ способъ удовлетворить своей потребности помимо закона: такъ случилось и на этотъ разъ. Въ Пруссіи, при новомъ порядкѣ судопроизводства, тяжущіеся перестали сами являться на судъ, что было бы для однихъ крайне тягостно, для другихъ разорительно или вовсе невозможно. Мѣсто ихъ заняли на судѣ тѣ же юстицъ-коммиссары, превратившись такимъ образомъ въ адвокатовъ на прежнемъ основаніи, такъ что въ послѣдствіи самъ законъ долженъ былъ расширить дѣятельность судебныхъ защитниковъ, пере-

именовавъ ихъ изъ юстиць-коммиссаровъ въ судебныхъ страпчихъ (Rechtsanwälte).

Очевидно, что прусскій законодатель, желая въ новомъ уставѣ своемъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ правды безусловной, поставилъ передъ собою слишкомъ трудную задачу, которую не въ силахъ былъ разрѣшить удовлетворительно. Въ новомъ уставѣ его выразилось съ одной стороны несостоятельное стремленіе патриархально-бюрократической власти распространить какъ можно далѣе офиціальныи надзоръ за соблюденіемъ повсюду строгой справедливости; съ другой стороны, недостаточно взвѣшены были, на ряду съ положительными, и отрицательныи качества человѣческой природы. Задача, указанная закономъ прусскому судѣ, слишкомъ обширна. Границы ея опредѣлены неясно; такъ что и самъ онъ легко можетъ увлечься до произвола въ изслѣдованіи истины, и стороны не могутъ имѣть къ нему полнаго довѣрія, вида въ немъ лицо офиціальное, а не безпристрастнаго посредника. Это недовѣріе было тѣмъ болѣе естественно, что судья при первоначальномъ изслѣдованіи могъ выслушивать и допрашивать каждую сторону съ глазу на глазъ и не въ присутствіи другой стороны и не въ публичномъ засѣданіи; слѣдовательно, другая сторона не могла быть обезпечена въ безпристрастіи его дѣятельности. Присвоенное судѣ качество совѣтника нисколько не согласуется съ нормальнымъ представленіемъ о судейской обязанности, выразившимся въ законодательствахъ всѣхъ вѣковъ по этому предмету, и съ понятіемъ, которое имѣютъ о судѣ сами тяжущіеся. Всѣ эти неудобства не замедлили обнаружиться при дѣйствіи прусскаго устава, такъ что въ послѣдствіи само законодательство вынуждено было, при дальнѣйшемъ развитіи процесса и при введеніи въ него новыхъ началъ словесности и публичности, допустить значительныи отступленія отъ строгости слѣдственнаго начала. По новѣйшему прусскому законодательству требуется отъ каждой стороны прежде всего опредѣлительное изложеніе взаимныхъ требованій и доказательствъ; затѣмъ, вмѣсто пространнаго изслѣдованія о фактѣ и о правѣ по протокольнымъ запискамъ, установлено публичное состязаніе передъ судомъ лично самихъ сторонъ или ихъ законныхъ защитниковъ; но этому состязанію должно предшествовать словесное изложеніе обстоятельствъ дѣла однимъ изъ членовъ суда (судебнымъ депутатомъ), составляющее фактическую основу преній и подлежащее разбору и опроверженію. Разумѣется, что при сло-

весномъ состязаніи, и офиціальное положеніе адвокатовъ на судѣ должно было измѣниться и дѣятельность ихъ значительно расширится. При всемъ томъ положеніе прусскаго судьи относительно тяжущихся и теперь отличается характеромъ самодѣятельности и попечительности: и теперь законъ возлагаетъ на него обязанность «вѣрнѣйшимъ и ближайшимъ законнымъ способомъ изслѣдовать истину лежащихъ въ основаніи процесса событій, которыя своевременно приведены были тяжущимися». Судья имѣетъ право требовать, и безъ ссылки сторонъ, тѣ лица, отъ которыхъ можетъ ожидать, вѣрнѣе нежели отъ самой стороны, показанія объ истинѣ, можетъ требовать личной явки тяжущихся и предлагать имъ, или представителямъ ихъ, вопросы.

На иномъ началѣ основана французская система судопроизводства. По французскому понятію о судѣ, судья обязанъ только разрѣшить споръ, а собираніе матеріаловъ для этого рѣшенія вовсе не относится къ его дѣятельности; поэтому и такъ называемая инструкция процесса во Франціи имѣетъ совсѣмъ не то значеніе, какое дается этому слову въ прусскомъ и вообще въ германскомъ процессѣ. Одно изъ главныхъ правилъ французскаго судьи состоитъ въ томъ, что всякій обязанъ самъ наблюдать за своимъ правомъ, что гдѣ нѣтъ просьбы, тамъ нѣтъ и дѣйствія (*vigilantibus jura sunt scripta*): ходъ цѣлаго процесса, отъ первой жалобы до рѣшенія, зависитъ отъ *ходатайства*, отъ просьбы той или другой стороны, которая признаетъ для себя полезнымъ просить (*de la partie la plus diligente*); такъ что безъ просьбы дѣло, уже офиціально начатое между стряпчими, можетъ пролежать долгое время безъ движенія, не обращая на себя никакого вниманія судьи. Даже признаніе одной изъ сторонъ, сдѣланное на судѣ, въ засѣданіи, не служитъ доказательствомъ признаннаго событія, если сторона, которая желаетъ воспользоваться словами противника, не просила тогда же о запискѣ ихъ въ особый актъ. Окончательныя заключенія (*conclusions*) тяжущихся составляютъ для судьи строгую рамку, за предѣлы которой онъ не можетъ перейти ни въ какомъ случаѣ; законъ вовсе отнимаетъ у него право *дополнять*, даже по безспорнымъ обстоятельствамъ дѣла, возраженія и фактическія ссылки, если о нихъ не упоминаютъ сами стороны, напримѣръ при мѣнять давность, когда на нее не ссылалась сторона въ свою пользу. Нарушеніе этихъ правилъ со стороны суда даетъ законный поводъ просить о кассациі рѣшенія (*s'il a été prononcé*

sur les choses non demandées). Правда, что французскій процессъ уполномочиваетъ судью, впрочемъ по просьбѣ тяжущихся, приступать къ разспросу ихъ объ обстоятельствахъ дѣла; однако этотъ разспросъ допускаетъ такія формальности, которыя значительно ослабляютъ слѣдственное его значеніе: стороны допрашиваются по одиначкѣ, не въ публичномъ засѣданіи и не всегда непосредственно самимъ судьей, который долженъ рѣшать дѣло; имъ дается срокъ на приготовленіе къ отвѣту. Французскому судѣ предоставлено въ нѣкоторыхъ случаяхъ право требовать доказательствъ, и т. п. Но въ существѣ своемъ французскій процессъ основанъ на началѣ состязательномъ. При господствѣ этого начала, французскій законъ не дозволяетъ никому защищать себя на судѣ безъ помощи по крайней мѣрѣ судебного стряпчача, онъ предоставляетъ только стряпчачу, а не самому тяжущемуся, направлять ходъ дѣла, представлять или измѣнять заключеніе, требовать записки признанія противной стороны. Отъ суда далѣе зависитъ обязывать сторону, чтобъ она представила для защиты своей адвоката, если по усмотрѣнію суда оказывается, что самъ тяжущійся не въ состояніи представить дѣло съ надлежащею ясностію: въ такомъ случаѣ, еслибы тяжущійся не могъ самъ найти себѣ адвоката, судъ назначаетъ ему защитника по своему распоряженію (d'office). Справедливо замѣчаютъ, что это безусловное запрещеніе является на судѣ безъ защитника во многихъ случаяхъ оказывается на дѣлѣ стѣснительнымъ для тяжущихся, и что обязательное участіе адвоката въ дѣлахъ не сложныхъ и не представляющихъ затрудненія въ рѣшеніи, представляется часто въ видѣ формальности, которая, не принося существенной пользы ни суду, ни тяжущимся, только замедляетъ окончаніе дѣла и увеличиваетъ судебныя издержки.

Строгое примѣненіе слѣдственного начала къ гражданскому судопроизводству ставитъ судью въ несвойственное ему, затруднительное и неловкое положеніе, нарушаетъ равновѣсіе, въ которомъ судья долженъ находиться относительно тяжущихся. Но и начало состязательное, если развилось также подъ вліяніемъ односторонней, безусловной и самоувѣренной теоріи, также ведетъ къ вреднымъ послѣдствіямъ, приучаетъ судью къ формальному воззрѣнію на предметъ дѣла, заставляетъ его смотрѣть на правду не совсѣмъ прямо, а съ искусственной точки зрѣнія. Для естественнаго чувства справедливости оскорбительна мысль о томъ, что судья, связанный безусловно изло-

женіемъ тяжущихся и представителей ихъ, долженъ быть иногда нѣмымъ слушателемъ и свидѣтелемъ жи, что онъ, видя передъ собою путь къ достиженію истины, долженъ отказаться отъ изысканія истины, и такимъ образомъ иногда по неволѣ и безсознательно дѣлается орудіемъ неправды и ябеды, произносить приговоръ объ истинѣ формальной и въ то же время внутренно протестуетъ противъ него по своему убѣжденію. Чѣмъ сильнѣе въ процессѣ господство формы надъ содержаніемъ, тѣмъ очевиднѣе становится искусственность того положенія, въ которое утвердившаяся вѣками теорія поставила судью относительно къ правдѣ, долженствующей составлять конечную цѣль судебного приговора. Нѣтъ сомнѣнія, что форма процесса въ этомъ отношеніи подвергнется еще многимъ измѣненіямъ, покуда успѣетъ достигнуть надлежащей простоты и совершенства. Въ новѣйшихъ законодательствахъ, основанныхъ на состязательномъ началѣ, замѣтно уже стремленіе освободиться отъ исключительнаго господства состязательной теоріи. Истинное и неизмѣнное правило ея состоитъ въ томъ, что факты, составляющіе содержаніе тяжбы, и доказательства, относящіяся къ нимъ, должны быть указаны судѣ самими тяжущимися и обозначать предѣлы его дѣятельности; но въ этихъ предѣлахъ должна быть предоставлена судѣ свобода доискиваться до истины, чтобъ онъ могъ составить себѣ убѣжденіе о правѣ.

ХІІІ.

Первый признакъ всякой правды есть искренность. Правда не боится свѣта. Чтò прячется отъ свѣта и скрывается въ тайнѣ, въ томъ вѣрно есть неправда. Въ этомъ признакѣ совѣсть каждаго человѣка имѣетъ лучшее средство для повѣрки каждой мысли, возникающей въ душѣ его, каждаго движенія воли, каждаго дѣйствія. Есть мысли и движенія, которыя страшно освѣтить, потому что они не терпятъ свѣта: но строгая совѣсть всюду стремится внести свѣтъ для того, чтобы повсюду была правда или, по крайней мѣрѣ, неправды было какъ можно менѣе. Чѣмъ сильнѣе это стремленіе, тѣмъ болѣе приближается человѣкъ къ тому согласію мысли съ словомъ и дѣйствіемъ, котораго достиженіе составляетъ главную цѣль во внутреннемъ его развитіи.

Таково же должно быть и стремленіе совѣсти общественной — правосудія. Если цѣль его дѣйствительно состоитъ въ охраненіи правды, въ исправленіи и обличеніи неправды, въ соблюденіи закона, то оно не можетъ, не должно опасаться свѣта, и всѣ дѣйствія его должны совершаться открыто, потому что обличеніе неправды во тьмѣ не есть обличеніе, объявленіе правды въ тайнѣ не есть объявленіе. Итакъ, когда правосудіе человѣческое избираетъ для себя таинственные пути и тщательно скрываетъ ихъ отъ общаго вѣдѣнія, это значитъ, что въ путяхъ правосудія есть кривизна, которую оно опасается обнаружить передъ всѣми. Но кривые пути не обезпечиваютъ прямого достиженія предположенной цѣли; для того чтобъ исправить ихъ, необходимъ свѣтъ, безъ котораго невозможно ни ясное сознаніе недостатковъ, ни рѣшительное ихъ исправленіе. Вотъ почему судопроизводство закрытое, совершающееся подъ покровомъ канцелярской тайны, не допускающее объявленія судебныхъ дѣйствій, скрывающее свои приговоры отъ всеобщаго вѣдѣнія, не удовлетворяетъ цѣлямъ правосудія. Стало-быть достиженіе правды не вполне обезпечивается судебными дѣйствіями, если эти дѣйствія не терпятъ свѣта. Иные возражаютъ, что обнаруженіе зла соединено съ нѣкоторою опасностью, что несовершенства общественнаго организма могутъ быть исправляемы только постепенно и негласно, что есть язвы общественныя, къ которымъ слѣдуетъ прикасаться съ осторожностью, которыхъ не слѣдуетъ выставлять наружу; но эти возраженія едва ли примѣнимы къ дѣлу правосудія общественнаго. Если формы его несовершенны, если дѣйствіе его невѣрно и медленно, если на всякомъ шагу встрѣчается въ немъ неправда матеріальная подъ ложнымъ видомъ правды формальной, если господство мертваго обряда вытѣсняетъ изъ него живой духъ правды законной, то чѣмъ же инымъ, какъ не отсутствіемъ свѣта, поддерживаются и развиваются всѣ эти недостатки, и можно ли надѣяться на исправленіе ихъ, покуда не будетъ свѣта и искренности въ отправленіи правосудія? Канцелярскій образъ Фемиды, совершающей свое дѣло съ повязкою на глазахъ, давно уже пересталъ быть удовлетворительнымъ символомъ правосудія. Судъ, первая потребность гражданскаго общества, важнѣйшее дѣло общественной власти, дѣло правды, важное не для однихъ только тѣхъ лицъ, которыя непосредственно въ немъ участвуютъ, но и для всѣхъ гражданъ, — долженъ совершаться не во тьмѣ, но открыто передъ всѣми.

Въ первобытной жизни народовъ гласность была непремѣнною и естественною принадлежностью судопроизводства, принадлежностью той безсознательной свободы, которою проникнуты были общественныя отношенія. Римскіе преторы творили судъ открыто на публичной площади; судьи германскихъ и славянскихъ племенъ засѣдали и судили подѣ открытымъ небомъ; даже двери византійскихъ базиликъ, гдѣ совершался судъ, не были еще заперты для народа. Не ранѣе XV-го или XVI-го столѣтія появляются на западѣ Европы закрытые суды съ канцелярскими обрядностями: тамъ они образовались подѣ влияніемъ каноническаго права, новаго слѣдственнаго начала и новой формальной юриспруденціи, сдѣлавшейся исключительнымъ достояніемъ особаго, замкнутаго въ самомъ себѣ, сословія юристовъ, воспитанныхъ на писаномъ римскомъ правѣ. У насъ, такъ же какъ на Западѣ, новый порядокъ установился около того же времени, незамѣтно, мало-по-малу, безъ положительнаго законнаго предписанія, вѣроятно подѣ влияніемъ административной централизаціи, собиравшей во едино всѣ части московскаго государства, и приказнаго начала, посредствомъ котораго она достигала своей цѣли. Такимъ образомъ сложилась и у насъ мало-по-малу нынѣшняя приказная форма закрытаго суда.

Пробудившись въ истекшемъ столѣтіи, въ нынѣшнемъ проявилось повсюду съ особенною силою стремленіе возстановить гласность судопроизводства и утвердить ее на новыхъ началахъ, которыхъ не касалось общественное сознаніе ни въ древней, ни въ средневѣковой жизни. Въ настоящую минуту, кажется, не подлежитъ уже сомнѣнію, что гласность принадлежитъ къ необходимымъ условіямъ правильнаго судопроизводства (1).

(1) «Общественная власть, говоритъ Блунчли, не можетъ поставить себѣ цѣлью изслѣдованіе совѣсти гражданина, разысканіе о томъ, что происходитъ во внутренней таинственной, духовной его жизни, въ невидимой жизни души его. Дѣятельность ея простирается только на внѣшнія, видимыя явленія, въ которыхъ выражается эта внутренняя жизнь, — въ той мѣрѣ, въ какой нарушается ими установленный законный порядокъ; имѣя дѣло не съ таинствами души, подлежащими божескому, а не человѣческому суду, а только съ внѣшними явленіями, земное человѣческое правосудіе нуждается въ дневномъ свѣтѣ, и только то, что съ помощію его различить можно, подлежитъ его вѣдѣнію.» Blunzschli *Allg. Staatsrecht.* В. II, стр. 205.

епт. Судъ долженъ быть открытымъ прежде всего для самихъ тяжущихся. Для нихъ ни въ какомъ случаѣ не должно быть безусловной канцелярской тайны. Долговременнымъ канцелярскимъ опытомъ, кажется, давно уже доказано, что установленіе ненужныхъ запрещеній, не принося никому существенной пользы, вредить только существеннымъ цѣлямъ правосудія и ведетъ къ разврату и сѣмъ судей, и тяжущихся, устанавливая между ними искусственныя ложныя отношенія. Со стороны тяжущагося очень естественно желаніе знать, въ какомъ положеніи находится его дѣло, въ чемъ состояло послѣднее судебное дѣйствіе, что доказываетъ передъ судомъ и о чемъ ходатайствуетъ его противникъ, какъ изложена та или другая бумага, которой придаетъ онъ особенную важность, и т. п. Столь же естественна была бы и со стороны судьи, или канцеляріи, готовность удовлетворить этому желанію. Но если законъ безъ нужды запрещаетъ сообщать тяжущемуся потребное для него свѣдѣніе, то законъ становится самъ поводомъ къ нарушенію ненужнаго запрещенія, ибо не можетъ ни погасить въ тяжущемся естественнаго желанія, ни убѣдить его въ томъ, что удовлетвореніе этому естественному желанію есть дѣйствіе преступное. Гдѣ долженъ быть свѣтъ по естественному порядку, тамъ не слѣдуетъ искусственно уничтожать свѣтъ и устанавливать тайну, не слѣдуетъ для того именно, чтобъ естественное желаніе свѣта не было нарушеніемъ закона. Запрещеніе непременно будетъ нарушено, съ вредомъ для нравственности общественной и для прямоты общественныхъ отношеній. Тяжущійся вынужденъ будетъ искать противозаконныхъ средствъ для полученія нужныхъ свѣдѣній, соблазнять судью или чиновника къ нарушенію закона. Съ другой стороны послѣдній, пріучаясь мало-помалу входить въ тайныя сдѣлки съ просителемъ, запутываясь и самъ во множествѣ запрещеній и обрядностей, имѣющихъ по первоначальной цѣли закона неодинаковое значеніе, привыкаетъ истолковывать каждое запрещеніе въ самомъ обширномъ смыслѣ и дѣлать просителямъ затрудненія, даже тамъ, гдѣ законъ вовсе не устанавливалъ безусловнаго запрещенія. Понятно, что со введеніемъ словеснаго судопроизводства должна будетъ сама собою исчезнуть бѣльшая часть запрещеній, которыя составляютъ принадлежность письменнаго суда и приказной формы; но и всякая система словеснаго суда непременно должна удовлетворять необходимымъ условіямъ гласности. Условія эти

требуютъ въ особенности: чтобы судья входилъ въ непосредственныя сношенія съ одною стороною, по судебнымъ дѣйствіямъ своимъ, не иначе какъ въ присутствіи другой стороны; чтобы каждый актъ, каждое требованіе одной стороны были немедленно сообщаемы другой; чтобы каждая сторона имѣла право во всякое время требовать оказанія актовъ и бумагъ, заключающихся въ дѣлѣ; чтобы каждая сторона имѣла право присутствовать при допросѣ свидѣтелей и принимать въ немъ участіе подъ надзоромъ суда; чтобы докладъ дѣла, если онъ требуется, не былъ тайною, но совершался въ присутствіи сторонъ и подлежалъ ихъ возраженіямъ. Вотъ главные условія гласности, соблюденіе коихъ необходимо для того, чтобы тяжущіеся могли сохранить прямые, открытыя отношенія къ суду и полное къ нему довѣріе.

Но для того, чтобы соблюденіе этихъ необходимыхъ условій было вполне обезпечено, нужна еще иного рода гласность: для того, чтобы судъ всегда былъ открытымъ для тяжущихся, нужно, чтобы онъ не былъ тайною и для всего общества. Во-первыхъ, судъ есть дѣло общественное; слѣдовательно общество въ правѣ интересоваться тѣмъ, что на немъ происходитъ: тѣмъ живѣе этотъ интересъ, чѣмъ крѣпче связь членовъ общества между собою, составляющая самую надежную опору общественнаго порядка; а потому общественная власть не можетъ желать, чтобы каждый гражданинъ почиталъ важнымъ для себя только личный интересъ свой, оставаясь равнодушнымъ къ правамъ остальныхъ гражданъ. Въ этомъ смыслѣ судебный приговоръ есть достояніе цѣлаго общества, а судъ становится средствомъ для развитія въ обществѣ правильныхъ понятій о правѣ и для утвержденія въ каждомъ гражданинѣ уваженія къ закону и сознанія взаимныхъ правъ и обязанностей; чѣмъ доступнѣе становится для гражданъ понятіе о правѣ, тѣмъ болѣе одушевляется самое право жизненными началами народности. Въ закрытыхъ судахъ развитіе права совершается подъ вліяніемъ односторонняго, схоластическаго или приказнаго взгляда, разобщаясь болѣе и болѣе съ жизненною средой, изъ которой оно должно возникать и въ которой должно дѣйствовать.

Вовторыхъ, какъ бы ни были судьи опытные и добросовѣстны въ своемъ дѣлѣ, они по свойству человѣческой природы легко могутъ уклониться отъ справедливости и нарушить мѣру, если дѣло свое совершаютъ въ тайнѣ и не подлежатъ конт-

ролю общественнаго мнѣнія. Въ самомъ лучшемъ судѣ можетъ развиваться мало-по-малу чувство равнодушія, если единственно въ себѣ самомъ долженъ онъ искать возбужденій и одобреній, поддерживающихъ живое участіе въ дѣлѣ, невольна притупляемое привычкою: не у всякаго найдется столько силы, чтобъ онъ могъ всегда самъ поддержать себя, не нуждаясь въ участіи цѣлаго общества. Кому близко извѣстны обычаи закрытыхъ судовъ, тотъ, конечно, знаетъ, какъ не трудно ревностному судѣ превратиться въ равнодушнаго: къ сожалѣнію, многіе судьи доходятъ до того, что безъ малѣйшаго упрека совѣсти занимаютъ чтеніемъ газетъ или дремлютъ во время засѣданія и, подписавъ поданныя имъ бумаги, думаютъ, что исполнили свою обязанность. Столь печальныя, и къ сожалѣнію, столь извѣстныя всѣмъ явленія дѣлаются невозможными при открытомъ судѣ. Чтò дѣлается въ четырехъ стѣнахъ, безъ свидѣтелей, того нельзя уже дозволить себѣ въ присутствіи общества. Закрытый судъ нерѣдко принимаетъ видъ домашняго дѣла, которое обдѣлываютъ между собою судьи съ дѣлопроизводителями: нѣтъ нужды распространяться о томъ, какъ унижается правосудіе такимъ воззрѣніемъ, или лучше сказать, такою привычкою, которую бессознательно приобрѣтаютъ приказные судьи, не думая даже о томъ, сколько въ ней унижительнаго для званія судьи. Но въ открытомъ и публичномъ засѣданіи судъ носитъ на себѣ характеръ достоинства и торжественности, съ которыми несовмѣстны подобныя привычки: каждый изъ судей прежде всего станетъ заботиться о томъ, чтобы не унижить въ лицѣ своемъ достоинства судьи, а тяжущійся или адвокатъ въ публичномъ засѣданіи суда не всегда рѣшится на такія рѣчи, которыя безъ всякаго стыда изложилъ бы на бумагѣ: онъ позаботится тогда тщательнѣе взвѣсить и доказательства, и обвиненія свои, потому что противникъ можетъ публично обличить и устыдить его въ неправдѣ. Присутствіе публики благотѣльно дѣйствуетъ и на адвокатовъ. Только въ присутствіи общества, каждый адвокатъ получаетъ дѣйствительное сознаніе лежащей на немъ нравственной отвѣтственности; ибо при закрытыхъ стѣнахъ суда адвокатъ, еще болѣе нежели судья, способенъ увлечься инстинктами лѣни и равнодушія къ своему дѣлу. Но подъ контролемъ общественнаго мнѣнія, всякій употребитъ всѣ силы для того, чтобы поддержать честь или утвердить свою репутацію, постарается сдѣлать яснымъ и общедоступнымъ свое изложеніе, строже провѣрить логическую вѣрность сво-

ихъ доводовъ. Только въ публичномъ засѣданіи можетъ развиться талантъ адвоката; здѣсь только и тяжущіеся получаютъ возможность ознакомиться съ епособностію того или другаго адвоката, которому желаютъ поручить свое дѣло.

Гласность судебныхъ засѣданій имѣетъ не мало противниковъ. Одно изъ главныхъ возраженій, повторяемыхъ ими, состоитъ въ томъ, что публичность не соответствуетъ достоинству правосудія, превращая судъ въ публичное зрѣлище, на которое сходятся толпы людей праздныхъ. Такое возраженіе возможно лишь со стороны тѣхъ, кто не знакомъ на самомъ дѣлѣ ни съ судебнымъ дѣлопроизводствомъ въ закрытыхъ засѣданіяхъ, ни съ порядкомъ суда публичнаго. Кому извѣстны по собственному опыту таинства, совершающіяся въ канцеляріяхъ и присутственныхъ камерахъ, тотъ вѣрно не станетъ доказывать, что приказный, закрытый обрядъ благопріятно дѣйствуетъ на развитіе судей и на поддержаніе достоинства, которое должно принадлежать суду. Съ другой стороны, всякій можетъ удостовѣриться на опытѣ, что судъ публичный не составляетъ пустаго и празднаго зрѣлища. Бывали отдѣльные случаи, когда достоинство публичнаго суда нарушалось неприличными демонстраціями со стороны зрителей, когда на судѣ разыгрывалась соблазнительная борьба партій; но эти случаи принадлежать къ рѣдкимъ исключеніямъ и никакъ не могутъ служить опроверженіемъ самого начала публичности: иначе слѣдовало бы допустить, что всякое нарушение закона служить доказательствомъ его негодности и непримѣнимости. Напротивъ, торжественность и достоинство публичнаго суда поражаютъ всякаго, кому случается присутствовать при засѣданіяхъ его: если это свидѣтель добросовѣстный, если онъ истинно желаетъ притомъ пользы своему отечеству, то онъ не можетъ не пожелать, чтобъ и въ родной странѣ его судъ совершался съ такимъ же достоинствомъ, съ такимъ же добросовѣстнымъ вниманіемъ судей и зрителей къ ходу процесса. Судебная власть имѣетъ всѣ средства наблюдать за сохраненіемъ должнаго порядка на судѣ и въ публикѣ, и случайныя уклоненія отъ этого порядка тотчасъ же прекращаются, не оставляя за собою слѣда.

Не должно представлять себѣ однакоже, что всякое засѣданіе суда предполагаетъ необходимо присутствіе публики. Невозможно ожидать, чтобы по всякому дѣлу, и самому незначительному, зала засѣданія наполнялась слушателями, по-

тому что всякій занять собственными своими дѣлами, и общій интересъ въ публикѣ возбуждается лишь нѣкоторыми процессами, вызывающими, по содержанию своему или по личности участвующихъ, особое любопытство; въ большей части случаевъ зала засѣданія останется пустою. Но не въ томъ состоитъ публичность засѣданія, чтобы всегда присутствовала при немъ публика, а въ томъ, чтобы всякій имѣлъ возможность быть свидѣтелемъ суда. Одного сознанія этой возможности будетъ уже достаточно для того, чтобы и судьи, и тяжущіеся почитали открытымъ для всѣхъ все, что совершается на судѣ. Притомъ, усмотрѣнію суда предоставляется обыкновенно устранять публичность засѣданія въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ судъ признаетъ ее несомвѣстною съ требованіями общественной нравственности, или когда сами тяжущіеся по взаимному согласію пожелаютъ судиться въ закрытомъ засѣданіи.

XV.

Съ вопросомъ о судопроизводствѣ тѣсно связанъ вопросъ объ устройствѣ судебной власти и ея органовъ. Какъ бы ни была совершенна система судопроизводства, невозможно положить на нее исключительно и успокоиться на той мысли, что эта система повсюду и при всякихъ условіяхъ должна дѣйствовать съ успѣхомъ, что при помощи ея и подъ ея вліяніемъ сами собою исправятся тѣ орудія, посредствомъ которыхъ дѣйствіе ея совершается. Если не устроена на правильныхъ началахъ судебная организація, если судейскія должности замѣщены людьми мало способными и мало образованными, мало обеспеченными въ матеріальномъ содержаніи и поставленными въ зависимое положеніе, если притомъ вмѣстѣ съ судебнымъ дѣломъ возложены на судью обременительныя обязанности иного рода, то и совершеннѣйшая система процесса не будетъ дѣйствительна: она останется собраніемъ мертвыхъ формъ, которыхъ приложение судья станетъ почитать существенною своею обязанностію; не заботясь о томъ, какъ онѣ прилагаются и къ какому результату приводятъ. Совершенствуя формы судопроизводства, необходимо въ той же мѣрѣ усовершенствовать и формы судоустройства и поставить судъ на ту

степень власти и значенія, которыя принадлежать ему въ ряду государственныхъ учреждений.

Первое условіе для этого есть строгое отдѣленіе суда отъ управленія. Дѣятельность той и другой власти совершенно различная. Цѣль какъ той такъ и другой—охраненіе общественнаго порядка, примѣненіе закона. Но судебная власть, имѣя въ виду чистое право и строгую норму закона, руководствуется имъ, и только имъ однимъ, неуклонно и послѣдовательно, не обращая вниманія ни на какія временныя, мѣстныя и личныя условія; всегда вѣрная сама себѣ и строгому разумному истолкованію закона, она принимаетъ только тѣ соображенія, которыя указываетъ ей этотъ самый законъ. Судья ставитъ передъ собою частный вопросъ, подлежащій его разрѣшенію, и идетъ къ этому разрѣшенію размѣреннымъ, осмотрительнымъ шагомъ; не опуская ни одной обязательной формы, взвѣсивая строго всѣ обстоятельства, относящіяся къ вопросу, онъ не обязанъ ничего искать за предѣлами этого вопроса, и не спрашиваетъ себя, чѣмъ отзовется, какое дѣйствіе произведетъ его приговоръ въ частной или общественной жизни. Если судья рѣшилъ дѣло по своему убѣжденію о *правѣ*, составляющемъ единственную цѣль судейскаго изысканія, то затѣмъ уже нисколько не отвѣтствуетъ за послѣдствія своего рѣшенія.

Не таковъ путь администраціи. Имѣя въ виду потребность минуты и условія мѣста, она съ этою потребностью, съ этими условіями соображаетъ свои дѣйствія, среди множества разнообразныхъ обстоятельствъ избираетъ скорѣйшій и вѣрнѣйшій способъ къ достиженію своей цѣли, и въ примѣненіи закона нерѣдко бываетъ въ необходимости руководствоваться не столько строгою идеей закона, который она не имѣетъ права и способности истолковывать, сколько колеблющимся чувствомъ справедливости и мѣры; она принимаетъ въ соображеніе не только личность гражданина, но и отношенія его къ цѣлому обществу; дѣйствія ея, непосредственно слѣдующія за рѣшеніемъ, простираются въ своемъ вліяніи на всѣ разнообразныя отношенія лица и на цѣлую среду, въ которой совершаются. Отъ этого, правила, руководствующія дѣятельностью администраціи, столь же разнообразны и измѣнчивы, какъ обстоятельства, среди коихъ она дѣйствуетъ.

Отсюда очевидно, что каждый родъ дѣятельности требуетъ особо приготовленныхъ людей, и что смѣшеніе въ одномъ и

тѣмъ же органѣ судебной и правительственной дѣятельности непремѣнно ведетъ къ смѣшенію понятія о правѣ — въ судѣ, къ педантизму и формализму — въ администраціи. Администрація съ одной стороны допускаетъ нѣкоторый произволъ въ дѣйствіяхъ лицъ, облеченныхъ властью, съ другой требуетъ зависимости, подчиненія и исполнительности. Напротивъ, понятіе о судѣ исключаетъ всякую идею о произволѣ, а независимость отъ личнаго вліянія, неподчиненіе никакому приказу, кромѣ того, который исходитъ отъ закона, составляютъ необходимое условіе, безъ котораго судъ не можетъ быть судомъ: если же къ обязанности судьи принадлежать дѣла управленія, то онъ поневолѣ перенесетъ и въ судебную свою сферу, изъ сферы административной, привычку повиноваться личной волѣ, привычку, которая въ отношеніи къ суду есть соблазнъ и отрицаніе правосудія. Судъ долженъ быть самостоятеленъ и независимъ, слѣдовательно долженъ быть отдѣленъ отъ управленія; не мѣшаясь въ дѣла администраціи, судъ долженъ быть поставленъ такъ, чтобъ администрація не вмѣшивалась въ принадлежащее ему рѣшеніе спорныхъ дѣлъ и толкованіе закона, чтобы святое и разумное дѣло правосудія совершалось въ немъ спокойно, безъ всякаго вмѣшательства со стороны чуждаго элемента такъ-называемой кабинетной юстиціи, составляющей свои опредѣленія въ сферѣ, которой чужды всѣ условія правильнаго и обдуманнаго суда: судъ долженъ пользоваться правомъ отвергать всякое подобное вмѣшательство. Къ области суда принадлежитъ все, что можетъ составлять предметъ спора о правѣ и гражданского требованія: каково бы ни было личное положеніе истца и отвѣтчика, изъ какого бы дѣйствія ни проистекало основаніе иска, — нѣсто истцу и отвѣтчику должно быть передъ судомъ, а не передъ администраціей, такъ-называемая административная юстиція не должна присвоивать своему вѣдомству дѣла, возникающія по гражданскому требованію, какъ скоро нѣтъ въ нихъ спора о правѣ публичномъ или общественномъ. Съ другой стороны, къ области суда не должно относиться ничто, принадлежащее къ управленію и къ безспорному производству: обремененіе суда дѣлами, въ которыхъ нѣтъ спора, а есть только исполненіе, совершеніе или свидѣтельство, не соответствуетъ истинному значенію суда и препятствуетъ успѣшному отправленію правосудія.

Въ понятіи *инквизиторы*, судъ представляется не болѣе какъ средствомъ для разрѣшенія частныхъ распрей, а главною цѣлю его предполагается—установить порядокъ тамъ, гдѣ онъ былъ нарушенъ вслѣдствіе частнаго несогласія. Съ этой точки зрѣнія, сущность приговора становится уже дѣломъ второстепеннымъ, а при равнодушномъ отношеніи къ этому предмету можно дойти до той мысли, что и нѣтъ нужды требовать отъ судьи во всѣхъ случаяхъ особыхъ качествъ, нужныхъ для этого званія, нѣтъ нужды искать разумнаго единства въ судебныхъ приговорахъ. Подобною односторонностью взгляда объясняется равнодушіе *инквизиторовъ* государственныхъ людей къ поддержанію внутренняго и внѣшняго достоинства судебной власти. Но такое понятіе о судѣ не соотвѣтствуетъ уже потребностямъ нашего времени и современному развитію общественной жизни. Было бы еще недостаточно, еслибы судъ только обезпечивалъ вообще охраненіе внѣшняго порядка и служилъ только къ прекращенію несогласій: необходимо, чтобъ онъ обезпечивалъ *каждому гражданину* спокойное и вѣрное пользованіе принадлежащимъ ему *правомъ*, необходимо, чтобы каждый приговоръ суда былъ основанъ на правѣ, а въ этомъ смыслѣ по каждому спорному дѣлу требуется не только рѣшеніе, но и рѣшеніе *вѣрное, правое*. Невозможно общественной власти полагаться исключительно на форму судебного приговора и оставаться равнодушною къ существу его: довольствуясь формою, не трудно забыть о томъ, что форма установлена для того, чтобы собственность была присуждена тому именно, кому она принадлежитъ по праву. Если придетъ въ забвеніе эта существенная цѣль правосудія, то можетъ ослабѣть въ обществѣ священное уваженіе къ правамъ всѣхъ и cadaго. Поэтому и для общественной власти весьма важно, чтобы судъ получалъ дѣйствительное, *принадлежащее ему*, значеніе.

Для того, чтобы судъ могъ быть вполне самостоятеленъ и независимъ, необходимо, чтобъ и каждый *судья* имѣлъ тѣ же самыя качества. Для судьи необходимо такое внѣшнее положеніе, въ которомъ онъ могъ бы совершать свое дѣло спокойно и безпристрастно, не подчиняясь ничему личному вліанію. Онъ долженъ быть, во первыхъ достаточно обезпеченъ въ средствахъ къ жизни, чтобъ имѣть возможность безъ затрудненія противиться всѣмъ искушеніямъ — снизу, въ видѣ корыстныхъ сдѣлокъ съ подсудными лицами, и сверху — въ видѣ объ-

правій и награды за личныя одолженія и за вѣрность внушеніямъ. Вѣвторыхъ, за дѣйствія свои по званію судьи, онъ долженъ отвѣчать передъ закономъ и судомъ, а не передъ гнѣвомъ и милостью начальника. Если начальникъ въ іерархическомъ порядкѣ администраціи сохранить при себѣ право награждать и наказывать судью, отставлять и перемѣщать его по своему произволу, — въ такомъ случаѣ напрасно было бы ожидать отъ судьи независимости и добросовѣстности. Въ сферѣ, подчиненной личному вліянію, никогда не воспитается добрый судья для дѣла, основаннаго только на свободномъ убѣжденіи, никогда не образуется судебное сословіе, связанное духомъ правды и чести и единствомъ разумнѣя законовъ, никогда не утвердится правый судъ на прочныхъ основаніяхъ.

Только независимые судьи могутъ быть вполнѣ способны къ своему званію и вполнѣ достойны его. Этому мнѣнію иногда противопоставляютъ другое: «только тогда можно поставить судей въ положеніе независимое, когда они будутъ вполнѣ способны къ своему званію и достойны его», и на такомъ основаніи доказываютъ, что тамъ, гдѣ не организовалось еще судебное сословіе, гдѣ немного судей, вполнѣ соответствующихъ своему званію и проникнутыхъ сознаніемъ своего достоинства, тамъ судья долженъ еще состоять подъ страхомъ отвѣтственности передъ личною волей, тамъ судъ еще не можетъ быть освобожденъ отъ бюрократическаго надзора правительственной власти. Такое мнѣніе невѣрно ни въ логическомъ, ни въ историческомъ смыслѣ. Или независимость суда и судей необходима для того, чтобы какъ судъ, такъ и судьи были достойны своего назначенія, или судебная власть никогда не должна выходить изъ-подъ правительственной опеки. Кажется, въ наше время никто уже не споритъ противъ перваго положенія, и никто не допускаетъ втораго. Если такъ, то какимъ же образомъ возможно будетъ ожидать прочныхъ улучшеній въ судебномъ сословіи и развитія въ немъ внутренней силы, внутренняго единства, если судья останется въ зависимомъ положеніи? Подъ вѣншиимъ гнетомъ, подъ закономъ страха, подъ личною опекой не можетъ развиваться духовная сила, требующая свободы и самосознанія, и ежедневный опытъ показываетъ намъ, что отвѣтственность передъ лицомъ всегда превращается въ случайную и воображаемую отвѣтственность, а правительственный надзоръ за правосудіемъ — въ формальную очистку

посредствомъ наружной отчетности и періодическихъ подтвержденій. Нѣтъ сомнѣній, что независимость суда и судьи, сама по себѣ, при отсутствіи другихъ необходимыхъ качествъ, еще недостаточна для того, чтобы судъ сдѣлался вполне соотвѣтствующимъ своему назначенію: въ такомъ случаѣ независимость эта легко можетъ превратиться въ деспотизмъ и привычку къ насилию. Но, въ соединеніи съ словесною формою суда и съ гласностью, независимость суда будетъ именно тою силою, которая способна поднять судъ на степень самостоятельной власти, а судебному сословію дать нравственное единство и правильную организацію. Какъ одно изъ учрежденій государственныхъ, судъ не изымется отъ надзора высшей государственной власти; какъ всякое дѣло общественное, судъ подлѣжитъ контролю общественнаго мнѣнія. Но и власть государственная, и общество могутъ слѣдить за дѣйствіями суда только тогда, когда дѣйствія его будутъ открыты для всѣхъ: въ противномъ случаѣ всякій надзоръ будетъ недѣйствителенъ, всякія предписанія, подтвержденія, ревизіи и отчетности останутся пустою и лживою формою; потому что и для общественной власти, публичность составляетъ единственно вѣрное средство надзора. Назначеніе судей принадлежитъ власти правительственной, но при письменной, приказной формѣ суда, въ отсутствіи публичности и адвокатуры, какими скудными и невѣрными средствами и указаніями должна будетъ ограничиться общественная власть, при выборѣ людей, достойныхъ судейскаго званія! Опытъ давно уже научилъ насъ, какъ недостаточны для этой цѣли тѣ способы, которыми можетъ располагать бюрократія, если довѣряется исключительно своимъ собственнымъ силамъ: слѣдованіе по степенямъ служебной лѣстницы, сужденіе о личностяхъ по исправности и количеству канцелярскихъ занятій, назначеніе на мѣста въ видѣ наградъ и отличій, представленія по начальству, — всякому извѣстно, какъ трудно самому добросовѣстному начальнику сдѣлать вѣрную оцѣнку и удачный выборъ при такихъ скудныхъ способахъ, какъ часто, по привычкѣ къ нимъ, самый выборъ людей получаетъ видъ формы и совершается столь же равнодушно, какъ и другія обрядности бюрократическаго дѣла. Но съ водвореніемъ на судъ публичности и адвокатуры, кругъ для выбора долженъ значительно расширяться, и вѣрный выборъ людей, для занятія судебныхъ должностей, впервые станетъ возможнымъ. Мы

привыкли слышать частыя жалобы на недостатокъ способныхъ и достойныхъ людей, и этимъ самымъ недостаткомъ поневоля иногда оправдываемъ легкость выбора и назначеній: намъ часто указываютъ, въ видѣ подобнаго оправданія, на недостатокъ юридическаго образованія въ обществѣ и въ массѣ чиновниковъ, состоящихъ кандидатами на мѣста. Невозможно однакоже примириться съ мыслию о томъ, что общество не въ силахъ выдѣлать изъ среды себя достаточное количество способныхъ людей для отправленія важнѣйшаго общественнаго дѣла: невозможно допустить, чтобы число такихъ людей было дѣйствительно такъ незначительно, какъ мы готовы себя представить. Стоитъ ближе присмотрѣться къ каждой общинѣ, къ каждому кружку людей, состоящихъ въ непосредственныхъ между собою отношеніяхъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что въ способныхъ людяхъ нѣтъ у насъ недостатка, и что многіе изъ нихъ, къ сожалѣнію, проживаютъ даромъ свои силы, не находя имъ приложенія и цѣли для дѣятельности. Многимъ изъ насъ приходилось видѣть, сколько можетъ иногда распространить около себя свѣта и силы одинъ изъ такихъ людей, если, успѣвъ случайно занять мѣсто, соотвѣтствующее его способностямъ и наклонностямъ, приступаетъ свободно и просто къ дѣлу и къ обращенію съ людьми, состоящими подъ его вліяніемъ: нерѣдко около такого человѣка оживляются люди, считавшіеся прежде за неспособныхъ и негодныхъ. И нравственною силой его вызываются и въ нихъ спавшія дотолѣ силы, потому что сила нравственная, если дѣйствуетъ прямо и открыто, не истощаясь напрасно въ мелочныхъ обрядностяхъ, не можетъ остаться безплодною. Напротивъ въ той сферѣ, гдѣ форма и обрядность занимаютъ главное мѣсто и составляютъ всю дѣятельность человѣка, гдѣ нѣтъ простоты и откровенности во взаимныхъ отношеніяхъ людей, связанныхъ между собою только искусственнымъ началомъ служебной іерархіи, тамъ и дѣло становится механическимъ обрядомъ, и люди превращаются въ орудія бездушныя машины дѣлопроизводства. При такихъ условіяхъ, когда нѣтъ живой связи между людьми, нѣтъ живаго духа въ дѣлѣ, нѣтъ и возможности людямъ способнымъ ни образоваться, ни выказаться. Они должны явиться, лишь только явится свѣтъ и возникнетъ жизнь въ той сферѣ, гдѣ предстоитъ имъ дѣйствовать. Тогда и для власти общественной не затруднительно будетъ отыскивать людей, способныхъ къ су-

дебнымъ должностямъ: когда судебныя дѣйствія будутъ открыты для всѣхъ, тогда способность каждаго обнаружится сама собою, и мнѣніе о способности того или другаго дѣятеля, составленное теперь по формальнымъ признакамъ, по случайнымъ и отрывочнымъ соображеніямъ, получить тогда твердую основу. Сословіе адвокатовъ, когда оно достаточно разовьется и организуется, должно, по естественному порядку, сдѣлаться разсадникомъ и для судебного сословія.

К. ПОВѢДНОСЦЕВЪ.

ЗАПИСКИ

ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ЭНГЕЛЬГАРДА¹

V. ПОЛЬСКАЯ ВОЙНА.

1792. Вскорѣ по объявленіи и торжествѣ мира взялъ я отпускъ и отправился въ Могилевскую губернію къ отцу моему, получившему отставку, при чемъ пожаловано было ему по смерти восемьсотъ душъ въ Бѣлоруссіи, куда онъ на житье и переѣхалъ.

Отецъ мой меня встрѣтилъ нѣкоторымъ для меня прискорбнымъ выговоромъ: «Хорошо ты пишешь реляціи (ибо я ему писалъ о происшедшемъ со мною въ мачинской баталіи). Но въ реляціи, припечатанной въ газетахъ, того нѣтъ; каждый кто отличился, всякій именованъ, но ты съ прочими помѣщенъ въ спискѣ, что былъ примѣромъ храбрости и мужества; рекомендованные награждены орденами, золотыми шпагами съ надписью: *за храбрость*, а тебѣ съ прочими назначенъ одобрителный листъ за подписаніемъ князя Н. В. Репнина.» Больно мнѣ было услышать таковой выговоръ и несправедливость, отъ начальства мнѣ оказанную; но къ счастію моему, князь Г. С. Волконскій, при отъѣздѣ моемъ въ отпускъ, какъ онъ былъ

(1) См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 1-й, 2-й и 4-й.

корпусный жой командиръ, далъ мнѣ аттестатъ, съ прописаніемъ всего до меня касающаго во время мачинской баталіи. Показавъ оный отцу моему, я достаточно его удостовѣрилъ, что писалъ я неложно и не былъ самохвалъ.

Полкъ десяти-батальионный Екатеринославскій былъ раскисированъ и остался по прежнему изъ четырехъ батальионовъ, какъ и всѣ прочіе гренадерскіе полки; офицеровъ и нижнихъ чиновъ размѣстили по другимъ полкамъ, а штабъ-офицерамъ велѣно прислать въ военную коллегію прошенія о томъ, кто въ какой полкъ пожелаетъ быть помѣщенъ. Для чего я и отправился въ С.-Петербургъ, и такъ какъ князь Репнинъ былъ тамъ, то и хотѣлъ просить его утвердить своимъ подписомъ аттестатъ, данный мнѣ княземъ Волконскимъ, по которому могъ бы я требовать награжденія.

Прибывъ въ С.-Петербургъ, увидѣлся я съ служившимъ тогда при банкѣ И. С. Захаровымъ (1), по сосѣдству деревень отца моего сдѣлавшимся ему короткимъ знакомымъ. Когда сказалъ я ему о причинѣ моего пріѣзда, то онъ говорилъ мнѣ, что онъ хорошій пріятель Панкратьеву, управлявшему канцелярію князя Репнина, и просилъ вѣрить ему мой аттестатъ для показанія и требованія отъ него совѣта, какъ съ нимъ поступить. Я не разчелъ, что Панкратьевъ, писавъ реляцію, не захочетъ признать свою ошибку, и аттестатъ Захарову отдалъ.

На другой день пріѣхалъ я къ Захарову, который мнѣ сказалъ, что Панкратьевъ удивляется аттестату, данному мнѣ княземъ Волконскимъ, ибо-де онъ меня не рекомендовалъ. Несмотря на то, рѣшился я ѣхать къ князю Репнину и съ самимъ имъ объясниться, что на другой день и исполнилъ. Пріѣхалъ я поутру къ князю часовъ въ десять; передъ кабинетомъ его Панкратьевъ меня встрѣтилъ и спросилъ, что мнѣ угодно. Я сказалъ ему о моей претензіи; но онъ, какъ и Захарову, говорилъ мнѣ, что княземъ Волконскимъ я не рекомендованъ, и просилъ идти съ нимъ въ канцелярію. Пришедъ туда, показываетъ онъ мнѣ рапортъ князя Волконскаго, въ которомъ онъ рекомендовалъ лично только при немъ бывшихъ, но что онъ утверждаетъ въ донесеніи справедливую рекомендацію карейныхъ командировъ. Тогда я сказалъ: «посмотрите рапортъ карейнаго моего командира». Въ немъ Панкратьевъ увидѣлъ, что

(1) Иванъ Семеновичъ Захаровъ, сенаторъ, занимавшійся литературой, и членъ Шишковской «Бесѣды любителей русскаго слова».

рекомендація моя во всеѣ согласна съ полученнымъ мною аттестатомъ. На это Панкратьевъ сказалъ, что дѣлали представленія къ награжденію только тѣхъ, кого корпусные командиры рекомендовали лично (а). «А затѣмъ вы получить не можете болѣе ничего», прибавилъ онъ. «Какъ бы то ни было, ска- залъ я, прошу о мнѣ доложить его сіятельству; по известной его справедливости, онъ не откажетъ удовлетворить въ моемъ требованіи.»

Панкратьевъ вошелъ въ кабинетъ къ князю и, пробывъ тамъ съ четверть часа, позвалъ меня къ нему. Какъ скоро я вошелъ, то князь, не давъ мнѣ вымолвить ни слова, сказалъ: «Здрав- ствуйте, мой другъ; это вы, который мною въ мачинской баталіи посланы были атаковать гору? вы то исполнили какъ храбрый офицеръ и добрый слуга ея величества (и выхвалялъ меня минутъ съ пять). Да вы, другъ мой, и награждены». — Ваше сіятельство, я видѣлъ себя въ списокѣ награжденнымъ одобрительнымъ листомъ. «Какъ, другъ мой, вы этимъ недо- вольны? развѣ не все равно, ордена, шпаги?—все то не что иное, какъ благоволеніе монаршее, то же что и листы, а вы хотите быть вывѣскою вашей храбрости. Благоразумному че- ловѣку довольно, когда уже знаетъ, что его имя и служба известны государынѣ; вамъ болѣе ничего не надобно, и нѣтъ надобности ни въ какомъ аттестатѣ. Простите, мой другъ, я не имѣю болѣе времени быть съ вами; спѣшу во дворецъ; а когда случай приведетъ насъ быть вмѣстѣ на ратномъ полѣ, зная вашу способность, мужество и ревность къ службѣ, не пре- мину васъ употребить какъ отличнаго штабъ-офицера.»

Вотъ чѣмъ кончилось мое объясненіе съ человѣкомъ, слы- шимъ такъ справедливымъ, какъ древній Аристидъ. Итакъ не оставалось мнѣ ничего болѣе дѣлать въ Петербургѣ. Я опредѣ- лился въ Козловскій мушкетерскій полкъ, которымъ командовалъ

(а) Между нѣкоторыми я замѣтилъ, что отлично рекомендованъ рот- мистръ Хорватъ и награжденъ орденомъ Св. Георгія IV класса, кото- раго съ двумя эскадронами гнали Турокъ съ двадцать, и что самъ князь Репнинъ видя, сказалъ, что ихъ надобно одѣть въ сѣрые кафтаны. Показавъ ему сіе, я сказалъ: «не натурально, чтобы корпусный коман- диръ, будучи занятъ распоряженіемъ, могъ видѣть дѣйствія всѣхъ, а въ пѣхотѣ невозможно никому особливо отличиться, ибо изъ фронта вы- скокнть невозможно, развѣ только въ такомъ случаѣ, каковъ мнѣ пред- ставился, что случается чрезвычайно рѣдко, тѣмъ болѣе, что то было въ глазахъ самого главнокомандующаго.»

ко мнѣ хорошо расположенный полковникъ И. Н. Ромасовскій, давно просившій меня перейти къ нему въ полкъ. Я спѣшилъ увѣхать, ибо съ Польшею начиналась война (а), и Ковловскій полкъ уже пошелъ къ границѣ въ отрядъ генералъ-поручика графа Мелина.

Возвратясь къ отцу моему, снабдившему меня всѣмъ потребнымъ, отправился я въ полкъ, который уже нашелъ въ Новогрудкѣ Виленской губерніи, и, къ сожалѣнію моему, не успѣлъ къ неважному дѣлу, бывшему при мѣстечкѣ Мирѣ.

Войска вступили въ Польшу разными отрядами: генералъ-поручикъ Ферзенъ со стороны Рогачева; генералъ-поручикъ графъ Мелинъ со стороны Толочина (б). Со стороны Лидландіи и Полоцкой губерніи вступили два отряда; всѣ они были подъ главнымъ начальствомъ М. Н. Кречетникова.

Вся молдавская армія, подъ главнымъ начальствомъ генералъ-аншефа М. В. Каховскаго, переправясь черезъ Днѣстръ въ Могилевъ, вступила въ Польшу; авангардомъ оной командовалъ графъ Ираклій Ив. Марковъ (2), а подъ нимъ флигель-адъютантъ императрицы, графъ Валеріанъ Александровичъ Зубовъ (3). Такимъ образомъ со всѣхъ сторонъ тѣснили Поляковъ.

Авангардъ молдавской арміи отдѣлился на большое разстояніе отъ главнаго корпуса; о Полякахъ всѣ думали, что при появленіи нашихъ войскъ они тотчасъ побѣгутъ. Но извѣстный польскій генералъ Костюшко (4), служившій волонтеромъ въ Соединенныхъ Штатахъ Америки, когда они отложились отъ Англій, былъ мужественъ и опытомъ наученъ въ военномъ искусствѣ. Узнавъ, что русскій авангардъ далеко

(а) Претекстъ сей войны подали нѣкоторые польскіе вельможи, недовольные новою конституціей, просившіе императрицу уничтожить оную, ибо она противна ихъ вольности и прежнимъ уставамъ; и потому что малая только часть ихъ участвовала въ утвержденіи оной. Почему и составили они конфедерацію въ Тарговицахъ.

(б) Деташементъ его состоялъ изъ полковъ Муромскаго и Козловскаго мушкетерскихъ, Смоленскаго драгунскаго и одного полка донскихъ козаковъ съ десятью орудіями полевой артиллеріи.

(2) Графъ Ираклій Ивановичъ Марковъ, генералъ отъ инфантеріи, родился 2 ноября 1753 года, умеръ 26 марта 1829 года.

(3) Графъ Валеріанъ Александровичъ Зубовъ, генералъ отъ инфантеріи, род. 28 ноября 1771 г., ум. 21 іюня 1804 г.

(4) Тадеушъ Костюшко, род. 1753 г., ум. $\frac{2}{16}$ октября 1817 г.

отдѣлился отъ арміи, съ значительными силами остановился онъ у Мураховы. Графъ Марковъ, не имѣя достаточнаго свѣдѣнія о силѣ непріятеля, атаковалъ его; сраженіе сдѣлалось упорно, и уже наши стали ослабѣвать, потеряли много людей и были въ опасности быть разбитыми, какъ, къ счастью, обозъ авангарда сталъ показываться изъ-за горы въ пыли. Костюшко, думая, что то идетъ вся армія, и не бывъ въ силахъ съ оною сразиться, отступилъ. За сію мнимую побѣду графъ Марковъ и всѣ съ нимъ бывшіе осыпаны награжденіями, вмѣсто того чтобы за самовольное отдаленіе на большое разстояніе отъ арміи, чѣмъ подвергали весь авангардъ опасности истребленія, быть отданными подъ военный судъ. Но тутъ былъ братъ фаворита, молодой человекъ съ пылкимъ желаніемъ отличиться: вотъ и вся побѣда. Послѣднее было дѣло той арміи подъ Дубенкой, гдѣ Костюшко взялъ хорошую позицію между болотистыми дефилеями, укрѣпивъ оныя флешами. Поляки защищались храбро; рѣшилъ дѣло полковникъ Паленбахъ съ Елисаветградскимъ конно-егерскимъ полкомъ; онъ овладѣлъ сими укрѣпленіями, но самъ былъ убитъ. Послѣ сего вся армія безостановочно шла къ Варшавѣ. Съ другой стороны графъ Мелингъ и Ферзенъ, имѣвъ небольшое дѣло подъ Мстивомомъ, дошли до Буга, гдѣ получили извѣстіе отъ Каховскаго, что съ Поляками война кончилась, и чтобы Кречетниковъ съ своими отрядами остановился. Вскорѣ наши войска заняли Варшаву, и конституція уничтожена.

Дѣйствительный тайный совѣтникъ Яковъ Ефимовичъ Сиверсъ (5) сдѣланъ чрезвычайнымъ посломъ въ Польшу на мѣсто Штакельберга. Каховскій былъ оставленъ начальникомъ всѣхъ войскъ въ Польшу и пожалованъ графомъ за успѣшное окончаніе сей кампаніи.

Войска заняли всю Польшу и расположились по квартирамъ. Козловскій полкъ поступилъ въ виленскій отрядъ, подъ начальствомъ генераль-майора Н. Д. Арсеньева (6); зима протекла покойно, хотя Поляки и показывали намъ свое недоброжелательство.

1793. Въ 1793 году въ январѣ прибылъ командовать войсками генераль-аншефъ баронъ Игельстромъ, на мѣсто графа

(5) Графъ Яковъ Ефимовичъ Сиверсъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, род. 1730 г., ум. 1808 г. Любопытныя записки его изданы теперь въ Германіи.

(6) Николай Дмитріевичъ Арсеневъ, генераль-майоръ, ум. 1796 г.

Каховскаго. Новый нашъ командиръ не оставилъ насъ ни одного мѣсяца на однѣхъ квартирахъ; всѣ войска избили Подышу въ шахматы. Въ апрѣлѣ взяты были кантониръ-квартиры около Варшавы, Гродно и Вильны, не далѣе одной миди отъ сихъ городовъ. Въ маѣ вступили въ лагерь, гдѣ и простояли до юля, во время котораго близъ Варшавы производились маневры.

На одни изъ маневровъ Игельстромъ пригласилъ всѣхъ дворовъ министровъ, всѣхъ знатныхъ чужестранцевъ и польскихъ магнатовъ. Маневры состояли въ слѣдующемъ: артиллеріи генераль-майоръ Тищевъ съ артиллеріею поставленъ былъ на горѣ, которую самъ главнокомандующій атаковалъ съ остальными войсками; Тищевъ по нѣкоторомъ времени ретировался; тогда войска заняли его позицію, на которой поставлены были палатки, и приготовленъ былъ обѣденный столъ, которымъ Игельстромъ угощалъ всѣхъ, имъ приглашенныхъ, генераловъ и штабъ-офицеровъ. Подъ кувертомъ самого хозяина и у многихъ другихъ нашлись стихи, слѣдующаго содержания: «Знаете ли, отчего генераль Игельстромъ такъ веселъ? оттого, что онъ въ своей жизни первую выигралъ баталію». (И въ самомъ дѣлѣ, онъ не имѣлъ никогда случая не только дать баталію, но и никакого сраженія подъ личнымъ своимъ предводительствомъ.) Какое онъ ни прилагалъ стараніе отыскать сочинителя сего пасквиля, но не могъ; сіе показываетъ, какъ онъ всегда былъ нелюбимъ войскомъ.

При Гродно лагерь былъ усиленъ, куда и Козловскій полкъ былъ потребованъ.

Въ Гродно открытъ былъ сеймъ; Сиверсъ потребовалъ за понесенныя Россіею убытки въ уничтоженіи конституціи, за разрушеніе анархіи, подобной французскимъ якобинамъ, губерніи: Мицскую, Подольскую и Волынскую. Долго Поляки сопротивлялись, но когда увидѣли, что ревностнѣйшіе изъ ихъ патріотовъ изъ Гродно пропадали, то по продолжительномъ преніи согласились сказанный край уступить императрицѣ. Но такъ какъ въ Гродно былъ и прусскій министръ Бухгольцъ и дворы наши были въ тѣсной связи, то Поляки справедливо опасались, чтобы король прусскій не сталъ требовать нѣкоторыхъ областей, смежныхъ съ его королевствомъ; потому что его министръ Лукезини способствовалъ сдѣлать имъ конституцію 3-го мая (а). По утвержденіи на сеймѣ, какъ сказано, усту-

(а) Одинъ мсвархъ имѣлъ требованіе за то, что сдѣлалъ конституцію, а другой за то, что разрушилъ ее; и оба правы, по праву сильного.

днть край Россіи, тогда же сдѣлали постановленіе, что ежели кто предложитъ трактовать съ Пруссіею въ уступкѣ земель отъ Польши, того тутъ же на сеймѣ изрубить.

Обрядъ сейма такъ происходилъ. Близъ трона, на которомъ король всякое собраніе бывалъ, вокругъ его сидѣли министры. По сторонамъ сенаторы. Вдоль стѣны сдѣланы были мѣста амфитеатромъ для депутатовъ, или, какъ они называли, пословъ, отъ каждаго повѣта по два человѣка. За ними находились зрители, какъ Поляки, такъ и иностранцы, но послѣднимъ не дозволялось быть въ мундирахъ и съ оружіемъ. Избираемъ былъ сеймовый маршалъ, отъ котораго зависѣло, если многіе требовали голоса, говорить кому онъ позволить. На сей сеймѣ былъ выбранъ маршаломъ графъ Бѣлинскій; собраніе сейма всегда начиналось въ 3 часа по полудни; какъ скоро король садился на тронъ, то сеймовый маршалъ объявлялъ: *сесія заюсна*, то-есть засѣданіе открыто. На что депутаты отвѣчали: *заюсна*. Ежели сего не скажутъ, то засѣданіе не почиталось открытымъ. Послѣ сего маршалъ предлагалъ что въ прошломъ сеймѣ заслушано и не окончено, или о чемъ слѣдуетъ трактовать. Тогда депутаты требовали голоса; сеймовый маршалъ говорилъ: *ма глосъ посоль* на примѣръ *слонимскій*. Получа позволеніе, тотъ начиналъ предлагать въ чемъ имѣлъ нужду. Ежели его голосъ былъ принятъ собраніемъ, то всѣ закричатъ: *сиода*. И уже то почитано утвержденнымъ и не могло ничѣмъ быть нарушено; если предлагаемое противно, то закричатъ: *не позволямъ*. Ежели же иные кричатъ: *сиода*, а другіе: *не позволямъ*, то собирали голоса подписаніемъ депутатовъ на листѣ бумаги, который носили для сего особые избранные, и тогда рѣшилось дѣло по большинству голосовъ. Иногда случалось, что дѣлали возраженія на произнесенную рѣчь, по дозволенію сеймоваго маршала, и должно сказать, что ораторы объяснялись съ большимъ краснорѣчіемъ, иные говорили противъ короля въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ, на которыя и король отвѣчалъ всегда съ особливымъ снисхожденіемъ и краснорѣчивымъ убѣжденіемъ. Когда же король хотѣлъ говорить, то канцлеръ произносилъ: *яснѣйшій панъ кроль мовѣ*. Король Станиславъ Августъ былъ прекрасный мущина, высокаго роста и важной осанки; на сеймѣ онъ всегда былъ въ мундирѣ *народовой* кавалеріи.

Графъ Бѣлинскій былъ близорукъ; когда многіе депутаты требовали позволенія говорить, то онъ долго разсматривалъ въ лорнетъ, дабы позволить говорить тому, который согласовался

съ интересами дворовъ російскаго и прусскаго. Случалось, что ошибкою позволялъ говорить противнымъ пользамъ оныхъ, и они тогда же были выводимы бывшими тутъ русскими офицерами во фракахъ, для сего нарочно наряжаемыми. Одинъ закушленный депутатъ Сухуржевскій хотѣлъ было предложить трактовать съ прусскимъ министромъ; тогда многіе депутаты, обнаживъ сабли, бросились на него и нанесли ему нѣсколько ударовъ такъ, что упомянутые офицеры насилу могли его спасти и вывести изъ сеймовой залы; а слуги, бывшіе въ свѣяхъ, кричали: *здрайца* (измѣнникъ), и забросали его шапками.

Во все время шумливаго сего сейма безпрестанные были праздники, балы, фейерверки; какъ нашъ посолъ, такъ и прусскій, угощали и веселили Поляковъ, а равно и они угощали Русскихъ. Множество было польскихъ самознатнѣйшихъ дамъ, красотою и любезностію одушевлявшихъ сіи праздники; но красотою затмѣвала всѣхъ прочихъ четырнадцати-лѣтняя княжна Четвертинская (а) (7).

Нѣсколько было засѣданій, но трактовать съ прусскимъ министромъ никто болѣе предлагать не осмѣливался. Наконецъ въ одно таковое засѣданіе сеймъ былъ окруженъ 4 батальонами съ пушками. Генераль-майоръ Раутенфельдъ въ мундирѣ введенъ былъ въ сеймовую залу; близь трона поставлены ему кресла; четыре человека офицеровъ въ мундирахъ также введены были въ залу и размѣщены въ разныхъ мѣстахъ, чтобъ исполнять повелѣнія его превосходительства.

Когда король вошелъ и сѣлъ на тронъ, то сеймовый маршалъ объявилъ по обыкновенію: *Сессія заюсна. Не заюсна, не заюсна*, со всѣхъ сторонъ раздался крикъ. И сколько разъ маршалъ ни начиналъ объявлять, то таковымъ же крикомъ отвѣтствовали, что происходило до трехъ часовъ утра. Къ дверямъ залы поставленъ былъ караулъ, чтобы никого не выпускать; король изнемогъ, и ему приносили нѣсколько разъ бульйону и вина.

Наконецъ въ три часа утра, безъ обыкновеннаго предложенія, что *сессія заюсна*, Бѣлинскій, подошедъ къ трону, доложилъ, что получена отъ російскаго посла нота. Король приказалъ ее про-

(а) Которая была послѣ замужемъ за Д. Л. Нарышкинымъ и была въ фаворѣ у императора Александра.

(7) Марья Антоновна Нарышкина, ум. 1854 г. Она была супруга оберъ-егермейстера Дмитрія Львовича Нарышкина.

честь. Въ тотъ требовалось сдѣлать легацию или отдѣлить нѣсколько депутатовъ трактовать съ прусскимъ министромъ. Когда требовалось, чтобы каждый подписалъ, согласенъ на то, или нѣтъ, то никто не осмѣливался подать противный голосъ, страшась быть отправленнымъ въ Сибирь. Почему выбраны были уполномоченными тѣ, которые уже были напередъ назначены и готовы подписать все, что будетъ имъ приказано. Тѣмъ кончилось сіе насильственное засѣданіе (8).

Уполномоченные уступили Пруссіи великое герцогство Познаньское, что утверждено сеймомъ, и сеймъ въ сентябрѣ распущенъ. Король и всѣ министры возвратились въ Варшаву, а полки вступили въ квартиры. Козловскій полкъ расположился въ Слонимѣ.

Поляки, которые были забираемы на сеймъ, какъ было сказано, и о которыхъ думали, что отправлены въ Сибирь, на другой же день по окончаніи сейма явились въ Гродно, гдѣ они содержались хорошо, но тѣсно.

1794. Такъ какъ я сдѣлалъ нѣкоторый долгъ, о которомъ нужно мнѣ было объясниться лично съ моимъ отцомъ, то и хотѣлъ проситься въ отпускъ, но полковникъ упросилъ меня остаться до его возвращенія—ибо дѣла требовали его самого въ Лифляндію,—объщавъ мнѣ непременно пріѣхать въ январѣ. Въмѣсто того онъ возвратился уже въ мартѣ, когда получено было повелѣніе ни въ отставку, ни въ отпускъ не принимать прошеній. Чтобы меня удовлетворить, полковникъ позволилъ мнѣ сказаться больнымъ и ѣхать въ Могилевскую губернію подъ именемъ капрала Семенова, котораго далъ мнѣ въ сопровожденіе, съ тѣмъ, чтобы я пріѣхалъ передъ выступленіемъ въ лагерь, то-есть въ первый ~~январь~~ ~~марта~~.

Во время зимнихъ квартиръ видно было броженіе польскихъ умовъ. Я, будучи въ короткомъ обхожденіи со многими слонимскими жителями и въ окружности города, гдѣ квартировала полкъ, видѣлъ, что между ними происходили какіе-то неприязненные къ намъ замыслы, но не имѣвъ никакого предписанія, оставилъ безъ большаго вниманія всѣ ихъ рѣчи, которыхъ я былъ свидѣтель, почитая ихъ пустымъ самохвальствомъ и думая, ежели бы что между ними затѣвалось, то конечно генералъ Игельстромъ, сдѣлавшись на мѣсто Сиверса чрезвычай-

(8) Засѣданіе это происходило 22 сентября 1793 г.

нымъ посломъ, былъ бы о ихъ расположеніи извѣстенъ и сдѣлалъ бы по сему случаю начальникамъ войскъ предписаніе. Но онъ былъ усыпленъ новою Далеюю, его любовницею, графинею Залуцкою, какъ и многіе генералы, подражавшіе въ этомъ главному начальнику. Онъ пренебрегъ тогдашнія обстоятельства, а иначе заговоръ, Поляками сдѣланный, заранѣе былъ бы открытъ военными чиновниками, квартировавшими въ Польшѣ.

Пробывъ у отца моего до 20-го апрѣля, я отправился въ полкъ на своихъ лошадяхъ, не имѣя ни малѣйшаго понятія о происходившемъ въ Польшѣ. Приѣхавъ въ Минскъ и остановясь въ корчмѣ, пошелъ я къ вице-губернатору Михайлову, который былъ женатъ на сестрѣ сверхъ-комплектнаго майора Козловскаго полка Арсеньева; я увидѣлъ хозяйку и всѣхъ, съ нею живущихъ, въ слезахъ; отъ нихъ узналъ я, что въ Польшѣ сдѣлалась революція (9); что въ Вильнѣ генераль-майоръ Арсеньевъ захваченъ Поляками въ полонъ, что войска наши истреблены, и что Поляки въ большихъ силахъ идутъ къ Минску. Притомъ я узналъ, что полковникъ Рокасовскій подалъ просьбу въ отставку, отпущенъ въ отпускъ и проѣхалъ уже чрезъ Минскъ, а что полкъ Козловскій выступилъ изъ Слонима къ Бресту-Литовскому, и что мнѣ въ полкъ проѣхать никакъ невозможно, ибо всѣхъ Русскихъ Поляки на пути рѣжутъ. Чрезвычайное увѣдомленіе сіе меня изумило и привело въ большое затрудненіе; не бывъ отпущенъ начальствомъ, а только партикулярно полковникомъ, подвергалъ я себя военному суду, или объявляя, что получилъ отъ полковника позволеніе, подвергалъ его той же отвѣтственности, чѣмъ оказалъ бы ему неблагодарность, почему я рѣшился, несмотря ни на какую опасность, ѣхать въ полкъ. Едва только возвратился въ корчму; тѣмъ оставилъ свой экипажъ, какъ отъ губернатора Н. И. Неплюева (10) ординарецъ пришелъ требовать меня къ нему, ибо онъ былъ извѣщенъ о моемъ приѣздѣ отъ г. Михайлова. Нечего было дѣлать; я долженъ былъ надѣть мундиръ и къ нему явиться. Послѣ очень вѣжливаго мнѣ приѣма, Неплюевъ

(9) Здѣсь говорится о революціи 6 апрѣля 1794 г., подробности которой разказываются ниже.

(10) Здѣсь должно-быть говорится о Николаѣ Ивановичѣ Неплюевѣ, сынѣ извѣстнаго Ивана Ивановича, служившаго еще при Петрѣ Великомъ и умершаго въ 1773 году. Онъ прославился особенно дѣйствіями своими въ Оренбургскомъ краѣ съ 1742 по 1760 годъ.

сказалъ: «Я очень радъ вашему прибытію; мое здѣсь самое критическое положеніе: увѣдомился я, что Поляки съ нѣсколькими войсками и большимъ числомъ посполитаго рушенья идутъ къ Минску; здѣшніе жители также не надежны. Здѣсь оставлено: двѣ роты Смоленскаго пѣхотнаго полка, нѣсколько выздоровѣвшихъ изъ госпиталя, двѣ полковыя пушки и пришедшихъ три партіи рекрутъ, каждая по сту человѣкъ, но ни одного нѣтъ штабъ-офицера; почему извольте принять все то въ свою команду, сдѣлать свое распоряженіе и изготovitъ дѣлать отпоръ.» Я ему представилъ мое положеніе, что я не подѣ своимъ именемъ, что подвергаю себя военному суду, и столько убѣдилъ его моими резонами и просьбою, что онъ согласился меня отпустить, но съ тѣмъ, чтобы я не въ Слонимѣ ѣхалъ, ибо проѣзду никакого тутъ не было, но въ Несвижѣ, гдѣ находятся генераль-губернаторъ новозабраннаго отъ Польши края, Тимоеѣй Ивановичъ Тутолминъ (11), и военный начальникъ той части, генераль-майоръ Б. Ф. Кноррингъ (12), прибавивши, что имъ извѣстно, гдѣ Козловскій полкъ, и тамъ я узнаю, гдѣ безопаснѣе къ нему проѣхать.

Получа сіе позволеніе, я безъ малѣйшаго медленія отправился и на другой день подѣ вечеръ пріѣхалъ въ Несвижѣ. Оставя свой экипажъ въ корчмѣ, пошелъ я къ артиллеріи майору Н. И. Богданову; онъ удивился, меня увидѣвъ, и спросилъ: какъ я сюда попалъ? Какъ я рассказалъ ему о моихъ обстоятельствахъ: «Братецъ», сказалъ онъ мнѣ, «уѣзжай какъ можно скорѣй отсюда; нашъ генераль Кноррингъ самый грубый человѣкъ; онъ тебѣ сдѣлаетъ тму неприятностей; поѣзжай въ Пинскъ: эта дорога безопасна, потому что по ней идетъ сюда три батальона егерей, а въ Пинскѣ начальникомъ Н. С. Ланской; ты знаешь, онъ самый добродушный человѣкъ; Брестъ оттуда не далеко, и тебѣ можно будетъ свободно доѣхать въ полкъ».

Я, простясь съ нимъ, тотчасъ пошелъ въ корчму, чтобы въ ту же минуту уѣхать; но капраль мой, встрѣтивъ меня съ печальнымъ видомъ, сказалъ, что онъ только что пришелъ отъ генерала, который, потребовавъ его къ себѣ, спросилъ: съ кѣмъ

(11) Тимоеѣй Ивановичъ Тутолминъ, генераль отъ инфантеріи, родъ 3 января 1740 г., ум. 1 ноября 1809 г. Онъ былъ въ 1806—1809 годахъ главнокомандующимъ въ Москвѣ.

(12) Богданъ Федоровичъ Кноррингъ, генераль отъ инфантеріи, родъ 1741 г., ум. 1826 г.

онъ ѣдетъ? А какъ онъ донесъ, что съ экипажемъ и людьми Козловскаго полка майора Энгельгардта, то и приказалъ ему пожитки и повозки отдать подъ сохраненіе въ комиссаріатскій цейхгаузъ, лошадей въ козачій табунъ, а самому съ людьми явиться къ подполковнику Сакену (13) (что нынѣ фельдмаршалъ), принять на всѣхъ солдатскую аммуницію и ружья и состоять у него въ командѣ. Услышавъ сіе огорчительное повѣствованіе, пошелъ я опять къ Богданову, который, погоревавъ со мною, сказалъ, чтобы я къ Кноррингу на другой день не прежде явился, пока онъ съ нимъ обо мнѣ не переговоритъ, ибо-де онъ съ нимъ только однимъ по-пріятельски обходится; въ противномъ случаѣ онъ мнѣ наговоритъ столько грубостей, что я потеряю терпѣніе.

На другой день, пока не извѣстилъ меня Богдановъ, видѣлъ я большую суматоху, ибо и въ Несвижѣ получено извѣстіе, что Поляки идутъ атаковать городъ. Въ замкѣ поправляли брустверы, ставили пушки. Тамъ было тогда три роты артиллеріи, три эскадрона Украинскаго легкоконнаго полка, двѣ сотни козакъ; кромѣ того пришло пять партій рекрутъ, и изъ Пинска шло три батальона егерей. Генералъ долго занимался отправленіемъ курьеровъ и партій въ разныя направленія, уже около полудня Богдановъ могъ переговоритъ съ нимъ обо мнѣ; «ну, сказалъ онъ мнѣ: ступай теперь; я упредилъ его о тебѣ, и хотя нѣсколько умягчилъ его угрюмость, но не вовсе уломалъ сего медвѣдя».

Я явился къ генералу въ кабинетъ, и вотъ нашъ разговоръ. Онъ спросилъ меня самымъ худымъ выговоромъ по-русски: «Кто вы таковъ?»—Козловскаго полка премьеръ-майоръ Энгельгардтъ. «Когда пріѣхалъ?».—Вчера. «Неправда, я не имѣлъ о васъ записка, а пріѣхалъ съ экипажемъ майора Энгельгардта капралъ Семеновъ.—» Это я, ваше превосходительство; я отпущенъ былъ отъ полковника партикулярно. «А, это другой дѣлъ, явитесь въ команду къ подполковнику Сакену; я велю ему вамъ дать сотни двѣ рекрутъ, и мы будемъ вмѣстѣ драться съ Поляками.»—Ваше превосходительство, я бы за честь поставилъ себѣ во всякое другое время быть въ вашей командѣ, но судите о моихъ обстоятельствахъ: я долженъ отвѣтствовать передъ военнымъ судомъ за самовольную отлучку или показать

(13) Графъ Фабіанъ Вильгельмовичъ Остенъ-Сакенъ, генералъ фельдмаршалъ, род. 20 октября 1752 г., ум. 7 апрѣля 1837 г.

себя неблагодарнымъ моему полковнику, сдѣлавшему мнѣ одолженіе; а притомъ его въ полку нѣтъ, и я не знаю, какъ о мнѣ полкъ показываетъ. «А, вы не кочите быть зо мной; вамъ въ вашъ полкъ не можно доѣхать.»—Я рѣшусь на всякую опасность, только чтобы быть въ полку. «Нѣтъ, г. майоръ, вы не кочите зъ нами умиралъ и вы боитесь Поляковъ.»—Я никогда не имѣлъ чести служить съ В. П., и вы меня не знаете; но ото всѣхъ моихъ командировъ я имѣлъ счастье заслужить лучшее о себѣ мнѣніе, а бывъ такъ дурно предупрежденъ вашимъ превосходительствомъ, почту за несчастье остаться здѣсь, почему сдѣлайте милость, отпустите меня. «Вы тумалъ, что безъ васъ обойтись не можно, изволь ѣхать хоть къ шорту.» Я не ожидалъ ничего болѣе, будучи очень доволенъ любезнымъ его приемомъ, а еще болѣе милостивымъ его отпускомъ; вышелъ, запрегъ лошадей и, погоняя не оглядываясь, прибылъ благополучно въ Пинскъ.

Николай Сергѣевичъ Ланской принялъ меня самымъ добродушнымъ образомъ, увѣдомилъ меня, что Козловскій полкъ давно выступилъ изъ Бреста и пошелъ за Вислу въ Сендомирское воеводство присоединиться къ войскамъ, вышедшимъ изъ Варшавы, и что къ полку мнѣ проѣхать невозможно. Онъ совѣтовалъ мнѣ, чтобъ я свой экипажъ оставилъ у него, а самъ бы отправился въ Лабунь курьеромъ къ графу И. П. Солтыкову, командуящему всѣми войсками въ новозабранномъ краю, откуда уже можно будетъ чрезъ австрійскую Галицію пробраться въ Сендомирское воеводство, гдѣ расположены наши войска: но чтобъ я дождался отряда полковника Чесменскаго (14) изъ Бреста и узналъ отъ него про тогдашнія обстоятельства. Оный отрядъ посланъ былъ въ Брестъ останавливать идущія разныя малыя къ полкамъ команды оставшихся за болѣзнію въ зимовыхъ квартирахъ и препроводить ихъ въ Пинскъ. Почему и я имѣлъ случай показывать себя за болѣзнію остававшимся въ Слонимѣ. Итакъ, дождавшись черезъ день того detachementa, отправился я Волынской губерніи въ мѣстечко Лабунь, съ нѣсколькими тысячами червонцевъ, которые долженъ былъ Ланской переслать къ графу Солтыкову.

При пріѣздѣ въ Лабунь, у вѣзда заставили меня подписать реверсъ, чтобы ни подъ какимъ видомъ я не сказывалъ никому,

(14) Александръ Алексѣевичъ Чесменскій, сынъ графа Алексѣя Григорьевича Орлова-Чесменскаго.

откуда прѣхалъ, и ничего бы не говорилъ, что мнѣ известно о польскихъ обстоятельствахъ.

Явясъ къ его сіятельству и отдавъ казначею привезенную мною сумму, исправно лгалъ я о моемъ приключеніи. Графъ еще повторилъ мнѣ строгое приказаніе, объявленное мнѣ при въѣздѣ, и общалъ по просьбѣ моей при случаѣ отправить меня къ полку.

Смѣшно было, что на вопросъ многихъ моихъ знакомыхъ: «откуда?» я отвѣчалъ: «не знаю.»—«Зачѣмъ прѣхалъ?» «Не знаю.» *Тщетная предосторожность* тогда, когда уже всѣ знали о случившейся въ Польшѣ революціи! Поляки распустили о ней слухи, съ прибавленіемъ о своихъ геройскихъ подвигахъ.

Черезъ нѣсколько дней прибылъ изъ корпуса генераль-поручика Ферзена (получившаго начальство вмѣсто барона Игельстрема) Углицкаго полка поручикъ Трейденъ, съ которымъ я былъ знакомъ и зналъ, что Углицкій полкъ былъ въ томъ корпусѣ. Я атаковалъ его, но и ему вѣрно было говорить: «не знаю». Однакожъ онъ объявилъ мнѣ, что корпусъ въ Сендомирскомъ воеводствѣ, и что всѣ бывшія наши войска тамъ собрались и ожидаютъ соединенія прусскаго корпуса, подъ личнымъ начальствомъ самого короля Фридриха-Вильгельма, для наступательнаго дѣйствія противъ Поляковъ. Я далъ ему слово говорить, что онъ мнѣ ничего не разказывалъ. Но зная и Трейдена лично и то, что онъ служить въ Углицкомъ полку, который былъ въ томъ корпусѣ, я просилъ графа Солтыкова съ нимъ меня отправить. Его сіятельство разгнѣвался и сказалъ мнѣ: чтобъ я впередъ не осмѣлился проситься, дабы тѣмъ не подать поводъ отгадать о происшедшемъ въ Польшѣ (а).

Нѣкогда его сіятельство сказалъ при всѣхъ, что генераль-поручикъ Загряжскій съ корпусомъ двинулся къ Владиміру Волынской губерніи. Я, вопреки запрещенія, просилъ графа, чтобъ отправилъ меня въ оный корпусъ, что онъ мнѣ и позволилъ, предписавъ тому генералу употребить меня на службу до соединенія моего съ Козловскимъ полкомъ.

Я уже нашелъ корпусъ генераль-поручика Загряжскаго при Бугѣ; авангардъ его, подъ командою полковника Рарока, на-

(а) Такими скрытными мелочами познается человѣкъ, и служить сему доказательствомъ, что когда нужно было благоразумное распоряженіе, то онъ отозванъ, а на мѣсто его поступилъ кн. Н. В. Репнинъ.

ходилса у самаго мѣстечка Дубенки. Его превосходительство принялъ меня благосклонно, оставя при себѣ, а по нѣкоторомъ времени я былъ имъ употребленъ за оберъ-квартирмистра. Полковникъ Рарокъ, какъ Смольянинъ, снабдилъ меня для рыцарскихъ подвиговъ подъемною лошадыю изъ-подъ казеннаго ящика и далъ мнѣ въ услуги одного солдата.

До начатія описанія военныхъ дѣйствій, увѣдомлю о революціи, въ Польшѣ воспослѣдовавшей.

Генераль баронъ Игельстромъ, видя буйство въ Польшѣ, требовалъ приведенія въ то положеніе польскихъ войскъ, которое должно быть по силѣ послѣдняго сейма. Полкъ Дзелинскаго, расположенный въ Варшавѣ, прислалъ только 16 человекъ для опредѣленія въ русскіе полки, представя, что затѣмъ осталось у него въ полку комплектное число. Бригада Мадалинскаго, расположенная между Бугомъ и Наревомъ, собравъ свои эскадроны у Остроленки, явно отрелась распустивъ свои войска.

Баронъ Игельстромъ послалъ противъ сихъ мятежниковъ, съ полкомъ карабинеръ, бригадира Багрѣва, при приближеніи котораго Мадалинскій пошелъ къ прусской границѣ, а оттуда въ Сендомирское воеводство, съ такою поспѣшностію, что Багрѣвъ не могъ его настичь.

Игельстромъ собралъ въ Варшаву весь корпусъ, расположенный по квартирамъ около оной; полки: Сибирскій и Кіевскій, гренадерскіе, Харьковскій и Ахтырскій, легкоконные, полкъ Донскихъ козаковъ и 20 орудій полевой артиллеріи.

Онъ приказалъ изъ Бреста отрядить генераль-майора Хрущова, съ 6-ю батальонами, 10-ю эскадронами, 6-ю орудіями полевой артиллеріи, однимъ полкомъ козаковъ; генераль-майору Рахманову, изъ Дублина, съ отрядомъ 3-хъ батальионовъ, 4-хъ эскадроновъ, полкомъ Донскихъ козаковъ и 10-ю орудіями, перейти Вислу противъ Пулавы. Присоединиться же къ симъ отрядамъ велѣно генераль-майору Денисову (15) съ 10-ю эскадронами, 2-мя ротами пѣхоты, полкомъ Донскихъ козаковъ и 5-ю орудіями полевой артиллеріи. Тоже присоединиться къ онымъ приказано изъ Кракова изъ разныхъ полковъ небольшимъ

(15) Графъ Федоръ Петровичъ Денисовъ, донской атаманъ, ум. 1811 г. Титулъ и фамилія его были переданы внуку его по дочери Василю Васильевичу Орлову, отцу теперешнихъ графовъ Орловыхъ-Денисовыхъ.

отрядамъ, коихъ было около тысячи человекъ пѣхоты и конницы.

Генераль-майору Тормасову Игельстромъ приказалъ съ однимъ батальйономъ, двумя ротами егерей, 6-ю эскадронами, полкомъ Донскихъ козаковъ и 4-мя орудіями полевой артиллеріи преслѣдовать Мадалинскаго.

Какъ скоро Мадалинскій вошелъ въ Сендомирское воеводство, всѣ польскія войска, расположенныя тамъ, съ нимъ соединились.

18 марта, перешедшіе Вислу отряды соединились у Апотова, и принялъ надъ всѣми этими войсками команду, какъ старшій, генераль-майоръ Денисовъ.

Денисовъ продолжалъ путь къ Кракову и прибылъ 22 марта въ Скальмирецъ, гдѣ Тормасовъ, преслѣдуя Мадалинскаго, остановился.

Костюшко тогда уже прибылъ въ Краковъ, подписалъ актъ возстанія и издалъ свою прокламацію, учредивъ революціонное правительство, и выступилъ противъ корпуса генераль-майора Денисова. Къ войскамъ, собраннымъ имъ въ Краковъ и бывшимъ въ Сендомирскомъ воеводствѣ, присоединились Мадалинскій съ 5-ю или до 6-ю тысячами регулярныхъ войскъ и нѣсколько горныхъ крестьянъ, называемыхъ Гарабсъ и Мазуровъ.

Денисовъ, увѣдомившись 23 марта, что непріятель шель къ Сломнику, въ 3-хъ миляхъ отъ Скальмильца, отрядилъ туда того же вечера Тормасова съ двумя батальйонами, двумя ротами, 6-ю эскадронами, однимъ полкомъ козаковъ и 8-ю левыми орудіями.

Въ ночи съ 23-го на 24-е число Денисовъ узналъ, что непріятельская колонна тянется вдоль Вислы къ Костюшкѣ, въ 3-хъ миляхъ отъ Скальмильца, гдѣ стоялъ подполковникъ Фризель съ 4-мя эскадронами гусаръ, почему и отрядилъ туда подполковника Лыкошина съ однимъ батальйономъ.

На другой день генераль-майоръ Тормасовъ встрѣтилъ непріятеля при деревнѣ Раславичи, въ двухъ миляхъ отъ Скальмильца. Крутой и глубокій оврагъ раздѣлялъ нашихъ отъ непріятеля. Тормасовъ донесъ тотчасъ о томъ Денисову, который далъ ему знать, что вскорѣ съ нимъ соединится, и тотчасъ отправилъ своихъ козаковъ, но самъ остался прохлаждаться. Генераль-майоры Рахмановъ и Хрущовъ не очень охотно повиновались донскому генералу, уговаривали его пообѣдать, потомъ выпить кофею, и такъ проводили время,

• что уже почти прибыли къ Тормасову къ вечеру, но тогда уже было поздно.

Тормасовъ, увидя изъ-за лѣсу козаковъ, думалъ, что весь корпусъ за оными слѣдуетъ, почему рѣшился, не дождавшись, атаковать непріятеля въ превосходныхъ силахъ и пошелъ вдоль буерака искать мѣста для удобнѣйшаго перехода черезъ оный. Непріятель тоже пошелъ по другой сторонѣ оврага. Какъ скоро можно было перейти оный, Тормасовъ атаковалъ Костюшку; начало обѣщало успѣхъ; кавалерія непріятельская не могла выдержать дѣйствія нашей артиллеріи и отступила за пѣхоту. Тормасовъ бросился на оную, но, по превосходству силъ непріятеля и крѣпкой его позиціи, Тормасовъ совершенно былъ разбитъ, потерялъ всѣ пушки, и съ малымъ числомъ едва самъ спасся.

Денисовъ, видя, что послѣ разбитія Тормасова весь его отрядъ сталъ уже слабѣе непріятельскаго, ретировался къ Казимиру. На другой день, то-есть 26, прибылъ къ Денисову полковникъ Чичеринъ съ 5-ю эскадронами, 2-мя ротами егерей, однимъ козачьимъ полкомъ и 5-ю орудіями. Получивъ сіе подкрѣпленіе, Денисовъ пошелъ опять къ Скальмирцу.

Какъ скоро Поляки въ Варшавѣ узнали о одержанной Костюшкою побѣдѣ, и объявлена была его прокламація, то она въ ту же ночь прибита была ко всѣмъ домамъ, и революція вспыхнула.

Съ давняго времени въ варшавскомъ арсеналѣ работали день и ночь, заготовляли снаряды и патроны. Барону Игельstromу не приходило и на мысль узнать, что тамъ дѣлается. Поляки увѣрили генерала, что войска польскія готовы вмѣстѣ съ русскими защищать городъ отъ революціи; Игельstromъ слѣпо имъ повѣрилъ. Польскія войска въ Варшавѣ были слѣдующія: 2 батальйона коронной гвардіи; 2 батальйона полка Дзелинекаго; рота венгерской гвардіи; 3 роты канонеровъ; 2 роты артиллерійскихъ фузилеровъ; 80 человекъ минеровъ и саперовъ; 3 роты охранной казны; 4 эскадрона конной гвардіи; 2 эскадрона *народовой* кавалеріи; 3 эскадрона королевскихъ уланъ.

Расположеніе польскихъ войскъ, сдѣланное ихъ генераломъ Чиховскимъ, по согласію генераль-майора Апраксина (16), занимав-

(16) Степанъ Степановичъ Апраксинъ, генералъ отъ кавалеріи, род. 1756 г., ум. 1827 г.

шаго должность дежурнаго генерала, было таково: въ арсеналѣ 1 батальионъ гвардіи, 2 роты артиллерійскихъ фузилеровъ и одна рота канонеръ; у пороховаго магазина 1 батальионъ гвардіи, 2 роты канонеръ, полкъ королевскихъ уланъ. Прочія польскія войска должны были оставаться въ своихъ казармахъ. Сіе расположеніе было измѣнительное, подъ видомъ, чтобы сіи пункты защищать отъ черни народноѣ, но настоящая была цѣль, чтобы удобнѣе противу насъ дѣйствовать.

За откомандированіемъ въ разныя мѣста русскихъ войскъ, въ самомъ городѣ было ихъ 9 батальионовъ, 6 эскадроновъ, 300 козаковъ и 18 орудій полевой артиллеріи, кромѣ полковыхъ пушекъ. Расположеніе войскъ было таково: кромѣ караула при главной квартирѣ, двѣ роты расположены на квартирахъ близъ оной; прочія войска поставлены были на квартирахъ, въ разныхъ частяхъ города по одному батальиону съ 2 орудіями; между ними, небольшими частями, кавалерія, для совокупнаго сношенія и поданія помощи одной части войскъ съ другою. Поляки, чтобы узнать сіе расположеніе, неоднократно дѣлали фальшивыя тревоги, а потому взяли свои мѣры, чтобы прервать сіе сцѣпленіе. Егерскій батальионъ Клугена поставленъ былъ на мѣстѣ, называемомъ *Три кроля*, чтобы не пропускать Дзелинскаго изъ казармъ. Бригада генерал-майора Милашевича расположена была близъ онаго.

Баронъ Игельстромъ созвалъ военный совѣтъ и требовалъ мнѣнія: остаться ли въ Варшавѣ, или со всѣми войсками идти разбить Костюшку и тѣмъ при самомъ началѣ задушить революцію?

Причины не оставлять Варшаву были слѣдующія:

1) Единственно изъ варшавскаго арсенала могутъ польскія войска быть снабжаемы, безъ чего Костюшко, не имѣя потребныхъ снарядовъ, долженъ вскорѣ разными русскими и прусскими отрядами быть истребленъ. 2) Ежели оставить Варшаву, всѣ польскія войска, соединясь, присовокупя къ тому вольницу варшавской буйной черни, составятъ значительный корпусъ. 3) Въ Варшавѣ есть главное мѣсто непремѣннаго правленія, преклоннаго къ намъ, которое, какъ и всѣ приверженные къ Россіи, подвергнутся опасности, преданные въ руки непріязненной партіи. 4) Король не можетъ остаться безъ насъ въ Варшавѣ, а пожелаетъ ли онъ выѣхать съ нашими войсками? Если же онъ поѣдетъ, то какая будетъ тягость за собою возить и оберегать его?

Совѣтъ, внявъ сіи обстоятельства, рѣшительно положилъ: остаться въ Варшавѣ.

За нѣсколько дней до 6 апрѣля, казалось, все успокоилось. Однакожь была молва, что, наканунѣ вечеромъ, изъ арсенала въ окошки выброшено было для черни до 50.000 патроновъ.

6-го апрѣля 1794 г., въ четыре часа утра, небольшой отрядъ конной польской гвардіи выступилъ изъ казармъ и напалъ на нашъ караулъ, поставленный между сими казармами и желѣзными воротами Саксонскаго сада. Караулъ выстрѣлилъ два раза изъ пушекъ, принужденъ оставить ихъ и отступить, а польскій тотъ отрядъ, подрубивъ у лафетовъ колеса, возвратился въ казармы. Послѣ сего вся конная гвардія выступила; часть отправилась къ арсеналу, а другая къ пороховому магазину. Сею атакою началось непріятельское дѣйствіе. Вскорѣ сигнальными пушечными выстрѣлами изъ арсенала дали знать: польскимъ войскамъ быть на назначенныхъ мѣстахъ, а черни собираться.

Изъ арсенала выдавали черни ружья и сабли; во всемъ городѣ было слышно: *до брами! ратуйте отчизну!*

Народъ занялъ дома, близъ которыхъ расположены были наши войска; изъ окошекъ стали по нимъ стрѣлять, бросать каменя и все чѣмъ ни попало. Многіе офицеры не могли прибыть къ своимъ командамъ; сношеніе нашихъ войскъ было прервано; рѣдкія генеральскія приказанія доходили къ кому посланы. Подкъ Дзелинскаго обошелъ постъ батальйона Клугена другою улицей и атаковалъ генераль-майора Милашевича, который при самомъ началѣ былъ раненъ. Полковникъ князь Гагаринъ (17) былъ раненъ и потомъ народомъ убитъ. Войска наши не скоро собрались на назначенныя мѣста и разстройство сдѣлалось общее. Квартира барона Игельстрома была атакована со всѣхъ сторонъ. Хотя неоднократно возмутители были отражаемы, но число ихъ безпрестанно умножалось. Одинъ только батальйонъ майора Вимпфенца прибылъ къ генералу, да подъ вечеръ пробился съ батальйономъ майоръ Титовъ. При главной квартирѣ находились: генераль-поручикъ Апраксинъ, генераль-майоръ Гр. Н. Зубовъ (18), генераль-квартирмейстеръ Пистеръ.

(17) Князь Ѳеодоръ Сергѣевичъ Гагаринъ, генераль-майоръ, род. 23 декабря 1757 г. Дочь его княжна Вѣра Ѳеодоровна вышла замужъ за извѣстнаго поэта князя П. А. Вяземскаго.

(18) Графъ Николай Александровичъ Зубовъ, оберъ-штабмейстеръ,

Въ началѣ сраженіе происходило на Сенаторской улицѣ в у дома, занимаемаго главнокомандующимъ; по многимъ атакамъ и отраженіямъ, наши войска заняли дома комиссіи. Отъ короля присланъ былъ генераль Бишевскій, съ предложеніемъ, что въ Варшавѣ будетъ усмирено, ежели Игельстромъ съ войскомъ выступитъ. Съ отвѣтомъ генераль послалъ своего племянника, подполковника Игельстрома, который и поѣхалъ вмѣстѣ съ Бишевскимъ, но народъ его умертвилъ. Послѣ чего король опять прислалъ сказать, что ежели Игельстромъ желаетъ выступитъ изъ Варшавы, то онъ безъ оружія можетъ выйти, и назначено ему будетъ по какимъ улицамъ проходить; на сіе предложеніе не дано было отвѣта. Весь тотъ день сраженіе продолжалось.

На другой день поутру сраженіе опять возобновилось, но непріятель вездѣ былъ отраженъ. Послѣ полудня снова начались нападенія; безпрепятственно, съ небольшою потерей, можно было бы, оставя Варшаву, соединиться со всѣми войсками, но Игельстромъ никакъ не хотѣлъ оставить ни города, ни дома, въ которомъ онъ жилъ. Прочія наши войска въ разныхъ частяхъ города, не получая никакого приказанія, претерпѣвали поражение. Генераль-майоръ Новицкій вывелъ нѣкоторые батальоны въ Іерусалимскія ворота къ парку нашей артиллеріи, стоявшей у Воли; многіе батальоны сами собою къ оной присоединились, оставя генерала въ самомъ критическомъ положеніи. Генераль-артиллеріи Тищевъ былъ убитъ. Прусскій генераль Волки, начальствовавшій войсками близъ Варшавы, прибылъ къ оной, имѣя съ собою не болѣе тысячи человекъ, и расположился у кладбища, по правую сторону пороховаго магазина.

Въ ночи на 8-е число сожгли всѣ бумаги, находившіяся въ канцеляріяхъ генерала. Лишь только стало разсвѣтать, Поляки начали атаку. По сему наши принуждены были, оставя домъ генерала, занять дворъ комиссіи. Всѣ окружныя улицы наполнены были непріятельскою артиллеріей, войсками и чернію. Макрановскій прислалъ парламентаря и требовалъ, чтобы генераль, положи оружіе, сдался на дискрецію. Оставалось

род. 24 апрѣля 1763 г., ум. 9 августа 1805 г. Онъ былъ женатъ на дочери Суворова Натальѣ Александровнѣ, род. 1775 г., ум. 30 марта 1844 г.

нашихъ войскъ не болѣе четырехъсотъ человекъ и при оныхъ четыре полковыя пушки. Итакъ рѣшились пробиваться.

Майоръ Батуринь, видя еще нѣкоторое въ рѣшимости колебаніе, сказалъ: «извольте идти за мной.» Пустя двѣ пушки впередъ, пошли по улицамъ: Свентоярской, Сакротинской и Фавориткѣ, къ заставѣ Повонской. Пушки впереди очищали нашимъ путь, а заднія двѣ пушки прикрывали отступление; но на всякомъ шагу должны были выдерживать сильный пушечный и ружейный огонь, особливо изъ домовъ; итакъ наконецъ соединились съ прусскими войсками. Отдохнувъ въ деревнѣ Бабичѣ до четырехъ часовъ пополудни, наши отошли въ Модзинъ къ Вислѣ, милю отъ Варшавы, гдѣ и ночевали. Сабурову, прикрывавшему госпиталь, приказано было идти къ Новигроду, на устье Наревы, гдѣ ему и переправиться. Туда прибыли еще три роты Петербургскаго полка. 9-го числа наши прибыли въ деревню Счерскъ; тамъ только Игельстромъ узналъ, что съ Новицкимъ вышедшія войска чрезъ Карчевъ въ Ловичахъ (Сендомирскаго воеводства) присоединились къ прочимъ нашимъ войскамъ.

Баронъ Игельстромъ получилъ повелѣніе ѣхать въ свои деревни въ Лифляндію, а войска поручены въ командованіе генераль-поручику Ивану Астафьевичу Ферзену.

Въ самый день революціи въ Варшавѣ, Поляки отправили прокламацію Костюшки во всю Польшу и Литву, а равно увѣдомленіе о происшедшихъ обстоятельствахъ.

Въ Вильнѣ заранѣе гетманъ Косаковскій предувѣдомлялъ генераль-майора Арсеньева, что готовится революція, чтобъ онъ былъ остороженъ и взялъ свои мѣры; но тотъ былъ въ интригѣ съ паньей Володковичевою, какъ къ ней, такъ и ко всемъ Полякамъ имѣлъ слѣпую довѣренность, смѣялся со всеми ими о страхѣ Косаковскаго, который наконецъ писалъ къ нему: «что 5-й и 7-й Литовскіе полки идутъ въ Вильну, и что онъ насилу могъ отъ нихъ уѣхать и будетъ самъ съ приверженными въ Вильну часа черезъ два». Случилось сіе вечеромъ, когда у Арсеньева были всѣ мнимые его друзья Поляки. Онъ показалъ имъ записку Косаковскаго; тѣ увѣрили его, что то была совершенная ложь, но когда разѣхались, Косаковскій пріѣхалъ ночью въ Вильно и тотчасъ послалъ за Арсеньевымъ, но уже было поздно. Ударилъ въ набатъ; Поляки бросились на гауптвахту и на сонныя квартировавшія наши войска. Полки Нарвскій и Псковскій большею частію были захвачены

въ плѣнъ, а сопротивлявшихся умерщвляли безъ всякой пощады. Самого генерала Арсеньева взяли на чердакъ, спрятавшагося за трубу; въ числѣ плѣнныхъ взятъ былъ и полковникъ Языковъ. Косаковского взяли на квартирѣ, но онъ защищался храбро до тѣхъ поръ, пока выстрѣлилъ всѣ бывшіе съ нимъ заряженные пистолеты и многихъ нападавшихъ на него убилъ и ранилъ. На другой день его повѣсили (а).

Артиллеріи капитанъ Сергій Алексѣевичъ Тучковъ, къ счастью, по первому удару въ набатъ, вскорѣ ушелъ къ своимъ двумъ ротамъ артиллеріи, стоявшимъ на Погулянкѣ, и нашелъ всю свою команду готовую у орудій. Къ нему мало-по-малу стали прибѣгать отъ сказанныхъ полковъ нѣкоторые офицеры и нижніе чины, и собралось ихъ до 700 человекъ. Онъ подступилъ къ городу и сталъ оный канонировать; Поляки хотѣли было его атаковать, но видя устройство его войскъ, опасались. Поляки потребовали отъ Арсеньева, чтобъ онъ приказалъ Тучкову остановить кононаду, но тотъ отказался, а принудили полковника Языкова, чтобъ онъ отъ имени генерала послалъ такое приказаніе. Тучковъ, получа сіе предписаніе, отвѣчалъ, что пока генерала лично не увидитъ, то приказа не послушаетъ, и требовалъ, чтобы его ему выдали. Но какъ начало разсвѣтать, и онъ увидѣлъ, что польскіе полки собрались и вывезли изъ своего арсенала артиллерію, то, по малому числу своихъ войскъ, ретировался онъ къ Гродно и прибылъ туда благополучно безъ малѣйшей потери, хотя при началѣ жарко былъ преслѣдуемъ.

Въ Гродно командовалъ генераль-майоръ князь Пав. Дмитр. Циціановъ (19). Какъ человекъ разумный и съ воинскими особенными дарованіями, онъ былъ остороженъ и содержалъ войска въ должномъ порядкѣ, и потому тотчасъ по дошедшей молвѣ принялъ свои мѣры; дождавшись Тучкова, взялъ съ Гродно

(а) Когда Косаковский поспѣшалъ къ Вильнѣ, на небольшой рѣчкѣ подмогилъ подъ нимъ ледъ, и онъ едва не утонулъ. По сему случаю написали на вислицѣ его: *co ta wisiec ne utonie*, то-есть: «кому быть повѣшеному, тотъ не утонетъ». Должно сказать, что Поляки имѣли справедливую причину его ненавидѣть; дѣйствительно, онъ былъ измѣнникъ своему отечеству, а притомъ ни одинъ человекъ изъ Русскихъ не сдѣлалъ столь много озлобленія Полякамъ, какъ онъ.

(19) Князь Павелъ Дмитріевичъ Циціановъ, генералъ отъ инфантеріи и главнокомандующій въ Грузіи, род. 1754 г. Этотъ знаменитый полководецъ былъ измѣннически убитъ старшинами города Баку, 8 февраля 1806 г.

контрибуцію, занялъ крѣпкую позицію и оставался тамъ до времени.

Между тѣмъ Поляки предались совершенно духу французской революціи; многіе знатные Поляки были перевѣшаны, въ числѣ которыхъ: князь Масальскій, бискупъ Виленскій, Ожаровскій и Четвертинскій. Колонтай игралъ роль Робеспьера; хотѣлъ было всѣхъ Русскихъ перерѣзать, но Костюшко, завременно прибывъ въ Варшаву, до злодѣйства сего не допустилъ. Послѣ, когда уже Прага, предмѣстіе Варшавы, Русскими была взята и передъ занятіемъ самой Варшавы, Колонтай ушелъ съ большою суммой денегъ.

Костюшко наименованъ былъ главнымъ начальникомъ съ неограниченною властью. Наскоро формировалъ онъ войска, умноживъ регулярные полки вольницею, такъ что въ каждомъ полку былъ тройной комплектъ. Кавалерію паны снабдили хорошими лошадьми, отдали всѣхъ своихъ охотниковъ, которые были искусные стрѣлки, войска усилили «посполитымъ рушеніемъ», то-есть: всѣ шляхтичи, живущіе наподобіе однодворцевъ,—а въ Польшѣ ихъ многое множество,—должны были вооружиться; сверхъ того набраны были крестьяне: не имѣвшіе достаточнаго оружія, они вооружены были косами наподобіе пикъ. Съ главнѣйшими силами Костюшко пошелъ противъ Ферзена, къ которому король прусскій присоединился съ значительнымъ корпусомъ. Зайончекъ назначенъ былъ противиться со стороны Красной Россіи. Въ Литвѣ начальствовали: Вавржецкій, Гедройчъ и Бѣлякъ, командовавшій татарскими полками; сіи Татары поселены были въ Виленскомъ воеводствѣ и отчасти въ Гродненскомъ, и снабдили 16 эскадроновъ. Но всѣ сіи польскіе генералы, ни теорической, ни практической войны не знали; послѣ Костюшки считался у нихъ лучшимъ Домбровскій, служившій въ саксонской службѣ полковникомъ.

Описавъ польскую революцію, приступаю къ описанію военныхъ дѣйствій.

Полковникъ Рарокъ, командующій авангардомъ отряда Г. П. Загряжскаго, донесъ, что Поляки поутру въ 4 часа, въ числѣ тысячъ восьми и болѣе, заняли, отъ Дубенки верстахъ въ двухъ, ту самую позицію, которую занималъ Костюшко противъ арміи Каховскаго, и что уже съ его козаками начали перестрѣлку. Весь нашъ отрядъ состоялъ изъ 10 батальионовъ, 12-ти эскадроновъ, 1 полка донскихъ козаковъ и 10-ти орудій полевой артиллеріи.

Не снимая лагеря, весь отрядъ выступилъ къ Дубенкѣ; пока оный приближался, Поляки выслали эскадрона четыре на шармицель, но какъ скоро усмотрѣли, что два батальйона обходятъ ихъ позицію, а отрядъ шель прямо къ нимъ въ лицо, то они и ретировались къ лѣсу, а потомъ и совсѣмъ ушли къ Хелму. Пѣнные показали, что то была рекогносцировка, но польскія войска у Хелма были въ большомъ числѣ подъ командою генерала Зайончека.

Черезъ день послѣ незначащаго сего дѣла, прибылъ съ корпусомъ генераль-поручикъ Дерфельденъ (20). Такъ какъ онъ былъ старѣе въ чинѣ Загряжскаго, то онъ и поступилъ къ нему въ команду. Авангардъ порученъ генераль-майору гр. Валеріану Зубову; онъ составленъ былъ изъ 4-хъ батальйоновъ, 6-ти эскадроновъ, 1 полка донскихъ козаковъ и 4-хъ орудій полевой артиллеріи; весь корпусъ состоялъ болѣе чѣмъ изъ 15 тысячъ человекъ.

На другой день пошли атаковать Зайончека, бывшаго при Хелмѣ, разстояніемъ отъ насъ верстахъ въ тридцати, двумя колоннами, а для облегченія марша—разными дорогами. Я командовалъ авангардомъ колонны генерала Загряжскаго; дорога черезъ лѣсъ была чрезвычайно дурна и разстояніемъ далѣе той, по которой пошелъ Дерфельденъ. Мы пришли спустя часъ, когда началось дѣло. Лишь только вступили мы въ линію и открыли канонаду противъ построеннаго редута съ артиллерією и прикрытаго косіонерами, Поляки, оставя редутъ, побѣжали, но орудія успѣли увезти; одно только увязло въ болотѣ, которое взялъ нечаянно Низовскаго полка адъютантъ Гололобовъ. Стоящимъ на правомъ флангѣ легкоконнымъ двумя полкамъ велѣно было атаковать *народовую* кавалерію, прикрывавшую бѣжавшихъ косіонеровъ. Положеніе мѣста было болотистое, къ намъ клиномъ сузившееся, а къ непріятелямъ шире; за симъ болотомъ былъ ложементъ, въ которомъ помѣщенъ былъ непріятельскій батальйонъ. Лишь только полки наши пошли въ атаку, какъ болото заставило ихъ тѣсниться къ флангамъ, почему и разстроились; изъ ложемента открытъ былъ по нихъ ружейный огонь, *народовая* кавалерія ударила на оба фланга и обратила нашихъ въ бѣгство; Дерфельденъ велѣлъ сдѣлать нѣ-

(20) Вильгельмъ Христофоровичъ Дерфельденъ, генералъ отъ кавалеріи, родомъ Эстляндецъ; род. 1735 г., ум. 3 сентября 1819 г. Онъ былъ любимецъ Суворова.

сколько выстрѣловъ ядрами по неприятелямъ и своимъ, что заставило нашихъ остановиться, а неприятелей ретироваться. Тѣмъ и дѣло кончилось, съ небольшою нашею потерей. У неприятеля убито было болѣе трехъ сотъ человекъ, въ томъ числѣ одинъ полковникъ, занимавшій редутъ; много взято въ плѣнъ косіонеровъ, которые, какъ неохотно сражавшіеся, отпущены по домамъ.

Случилось мнѣ съ подполковникомъ Мейеромъ проѣзжать мимо базилянскаго монастыря въ Хелмъ, отъ мѣста сраженія верстахъ въ трехъ. У сего монастыря поставлены были маленькія чугунныя 4 пушки, изъ которыхъ стрѣляли во время церковныхъ праздниковъ, и каковыя у всѣхъ почти польскихъ костеловъ бывають, и которыя послѣ положены были на мужицкую телѣгу и съ лафетами. Мейеръ сказалъ мнѣ: «поѣдемъ поскорѣе, чтобы не подумали, что мы хотимъ присвоить себѣ честь взятія сей страшной батареи». Но представьте мое удивленіе, когда я увидѣлъ въ реляціи, что сію батарею взялъ майоръ Шепелевъ, за что данъ ему былъ георгіевскій крестъ. Какъ поносно начальству дѣлать такое злоупотребленіе и безчестить сей почтенный орденъ! Но къ несчастію, не одинъ сей былъ таковой примѣръ; люди достойные и дѣйствительно заслужившіе бывали безъ всякаго награжденія, потому что не хотѣли подличать, а самохвалы и подлые льстецы были осыпаны почестями.

На другой день пошли вслѣдъ Зайончека въ Красный Ставъ, но онъ такъ скоро бѣжалъ, что не могли его настичь, и онъ переправился черезъ Вислу при Пулавѣ, имѣніи князя Чарторижскаго, который много способствовалъ къ поощренію революціи, снабжая Костюшку деньгами. Не доходя до оной десять верстъ, корпусъ остановился. Дерфельденъ имѣлъ повелѣніе имѣній Чарторижскихъ не щадить, для чего Пулава была разграблена до основанія; сады и парки не уступали расположеніемъ и красотою Царскому Селу; богато украшенный огромный домъ разоренъ, картины изорваны, бібліотека, состоявшая изъ 40 тысячъ волюмовъ, вся истреблена, такъ что никто ни однимъ полнымъ сочиненіемъ не воспользовался, кромѣ подполковника С. Н. Щербачева, которому удалось приготовленные, видно, для отправления два ящика съ лучшими изданіями французскихъ книгъ себѣ присвоить. Натуральный кабинетъ весь былъ разбитъ, а превосходное собраніе окаменѣлостей все раздроблено.

Тутъ получили отъ прусскаго короля увѣдомленіе, что онъ, соединивъ свою армію, состоявшую изъ 30 тысячъ человекъ, съ корпусомъ Ферзена, разбилъ Костюшку подъ Песочнымъ, преслѣдуетъ его и приглашаетъ Дерфельдена перейти Вислу и преградить отступленіе Костюшкѣ къ Варшавѣ. Мы съ восхищеніемъ были уже готовы сіе исполнить, какъ получили повелѣніе отъ князя Репнина, коему поручено главное начальство надъ войсками: поспѣшить къ Несвижу, несмотря ни на какія обстоятельства, ибо граница Россіи угрожается сильными мятежными войсками. Почему Дерфельденъ, ко всеобщему огорченію, принужденъ былъ, во исполненіе того ордера, на другой день выступить.

Не доходя до мѣстечка Брестовичъ, узнали, что генералъ Макрановскій расположенъ былъ съ корпусомъ въ 10-ти миляхъ отъ нашего пути. По сему извѣстію, графъ Зубовъ выпросилъ позволеніе съ своимъ авангардомъ атаковать его, но приближась къ нему мили за четыре, узналъ, что онъ нарочито силенъ, и просилъ подкрѣпленія, — для чего Загряжскій съ своимъ отрядомъ былъ посланъ. Какъ графъ Зубовъ былъ генераль-майоръ, то и хотѣлъ, чтобы Загряжскій принялъ начальство, а тотъ отъ того отговаривался тѣмъ, что посланъ только его подкрѣпить. Итакъ, не согласясь въ томъ между собою, оба возвратились въ корпусъ и продолжали маршъ до Слонима.

Пробывъ тамъ нѣсколько дней, князь Репнинъ приказалъ оставить для прикрытія російскихъ границъ генерала-майора Лассія съ 4-мя батальонами и 6-ю эскадронами, а всему корпусу идти къ Вильнѣ, ибо генераль-майоръ Кноррингъ безуспѣшно атаковалъ оную и Поляки сильно ему противились. Но едва дошли къ рѣкѣ Нѣману, при мѣстечкѣ Бѣлицѣ, получили донесеніе отъ Лассія, что онъ атакованъ Сираковскимъ, съ короннымъ войскомъ, татарскими полками Бѣляка и посполитымъ рушеніемъ, всего до 18 т. человекъ. Почему генераль-поручикъ Загряжскій командированъ съ своимъ отрядомъ идти форсированнымъ маршемъ на сикурсъ. Отъ Бѣлицъ до Слонима около 12 нѣмецкихъ миль; мы шли почти безъ роздыху, и черезъ 22 часа подъ Слонимомъ соединились съ Лассіемъ. Поляки хотѣли переправиться черезъ рѣку Щару по плотинѣ, простирающейся на версту и на которой устроена была большая мельница, нашими тогда сожженная. Не взирая на несоразмѣрныя силы и храбрый напоръ Поляковъ въ продолженіе 8-ми часовъ, храбрая

защита плотины полковником Коновницынымъ (а) съ его Старооскольскимъ полкомъ сдѣлала покушенія ихъ тщетными. Съ другой стороны Щары, неприятельскою батареей, устроенною изъ 20 орудій, много убито у насъ людей, однихъ канонеровъ въ Старооскольскомъ полку убито три комплекта. Непріятель, видя безуспѣшное усиліе переправиться, къ вечеру уже прекратилъ канонаду и отступилъ версты на двѣ отъ рѣки. Лассій тоже отступилъ на недаленое разстояніе къ опушкѣ лѣса и посылалъ своихъ людей небольшими частями показываться въ разныхъ мѣстахъ изъ-за лѣса, чѣмъ заставилъ Поляковъ думать, что онъ получилъ подрѣзленіе.

По соединеніи корпуса, положено было въ совѣтъ, чтобы въ ту же ночь перейти Щару у Жировицкаго Базилянскаго монастыря, вверхъ отъ Слонима въ 5-ти верстахъ, и зайти неприятелю въ тылъ; для чего, какъ я былъ за оберъ-квартирмейстера, позвали меня для сдѣланія должнаго распоряженія и чтобы приготовить проводниковъ. Я, квартируя въ Слонимѣ зиму и будучи псовый охотникъ, всѣ мѣстоположенія зналъ, зналъ и то, что отъ Слонима по правой сторонѣ къ Журавичамъ были непроходимыя зыби, и, чтобы оныя обойти, надобно было окружить по крайней мѣрѣ версть 40. Генералы усомнились; приказано было, по обыкновенію, представить Жидовъ, чтобы отъ нихъ о томъ развѣдать. Жиды мое показаніе утвердили, почему планъ сей былъ оставленъ. Мнѣ приказано было построить портативный мостъ; Щара тутъ была шириною саженой четырнадцать, глубиною аршинъ около трехъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и глубже. Черезъ два дня мостъ былъ готовъ, положенъ на воловыя фуры и опредѣленъ къ оному Херсонскаго полка корнетъ, казалось, человекъ исправный.

Дерфельденъ и самъ съ корпусомъ возвратился и увѣдомилъ, что онъ намѣренъ сдѣлать обходъ, зайти неприятелю съ тыла, и что когда дастъ знать, тогда Загряжскій, переправясь по приготовленному мосту, атаковалъ бы его въ лицо, въ ожиданіи же того предупредительнаго повелѣнія корпусъ былъ въ ежеминутной готовности.

Вмѣсто того чтобы зайти съ тылу и заранѣе дать намъ знать, Дерфельденъ шелъ по другой сторонѣ Щары отъ Деретчина, и мы, не бывъ извѣщены, увидѣли уже его аванпостъ козаковъ,

(а) Который былъ потомъ генераломъ отъ инфантеріи и дежурнымъ генераломъ главнаго штаба императора и въ томъ званіи умеръ.

вступившихъ съ непріятелемъ въ перестрѣлку. Корпусъ выстроился, но мостъ замедлилъ двинуться къ назначенному мѣсту переправы. Я приказалъ сказанному опредѣленному къ мосту офицеру, чтобы повозчиковъ никуда не отпускалъ и воловъ кормилъ бы у самыхъ фуръ, но онъ въ точности того не исполнилъ, въ чемъ, безъ всякаго оправданія, была моя оплошность, ибо, подожавъ на подчиненнаго, я самъ надъ нимъ не надсматривалъ. Однакожь наконецъ мостъ былъ поставленъ; я первый съ двумя гренадерскими ротами и двумя орудіями по оному переправился, а за мной и весь отрядъ; но Дерфельдена корпусъ нашъ опередилъ. Впрочемъ, ежелибы моею оплошностію мы и не промѣшкали, все бы не успѣли атаковать непріятеля прежде Дерфельдена и помѣшать ретирадѣ Сираковского, который, видя превосходящія его силы, наступающія на его флангъ, ретировался за дефилеи къ Кобрину.

Дерфельденъ жаловался князю Репнину на Загряжскаго, что онъ причиною того, что непріятеля упустили, а какъ тотъ расположенъ былъ лучше къ Дерфельдену, нежели къ Загряжскому, то, не разобравъ обстоятельства, дѣлалъ послѣдному строгіе и несправедливые выговоры, почему Загряжскій отпросился и поѣхалъ въ Россію. По короткому обхожденію бывшаго моего командира съ графомъ Зубовымъ, онъ упросилъ его, чтобы позволилъ мнѣ быть при немъ волонтеромъ, на чтò онъ съ большою ко мнѣ благосклонностію согласился. Итакъ я сталъ волонтеръ противъ воли.

При графѣ Зубовѣ было насъ волонтеровъ однихъ штаб-офицеровъ человекъ съ сорокъ; мнѣ было тогда двадцать семь лѣтъ, а лѣтами я былъ всѣхъ старѣе. Въ числѣ оныхъ былъ графъ П. Х. Витгенштейнъ (21) и А. П. Ермоловъ (22). Мнѣ было пріятно то, что я жилъ во все продолженіе кампаніи у полковника Рарока, бывшаго съ полкомъ въ авангардѣ у графа. Такъ какъ я не имѣлъ своего экипажа, то до сего во всемъ нуждался, а тогда я уже былъ какъ бы у себя и во всемъ имѣлъ изобиліе.

Князь Репнинъ предписалъ Дерфельдену, чтобъ онъ остался въ Слонимѣ и находящагося за дефилеями, расположеннаго при Кобринѣ Сираковского атаковать не осмѣливался. Тутъ пред-

(21) Князь Петръ Христіановичъ Витгенштейнъ, генераль-фельдмаршалъ, род. 25 декабря 1768 г., ум. 30 мая 1843 г.

(22) Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, одинъ изъ героевъ отечественной войны и знаменитый своими подвигами на Кавказѣ, нынѣ здравствующій.

сталъ случай, чрезъ который князь Багратионъ приобрѣлъ славу, искупивъ смерть. Какъ заслуги его были столь велики и столь извѣстны, то я о семъ умолчу, но въ послѣдствіи кампаніи онъ съ эскадрономъ бросался въ преслѣдованіе Гедройча и Ваврецаго съ такою отчаянною храбростію, что одинъ разъ въ преслѣдованіи непріятельскаго аррьергарда подъ вечеръ заѣхалъ въ непріятельскій лагерь и навелъ ужасъ; нѣсколько разъ бросался на пѣхотныя колонны, за что въ одну сію кампанію справедливо получилъ владимірскій орденъ и чинъ (23).

Между тѣмъ какъ князь Николай Васильевичъ Решнинъ, будучи въ Несвижѣ, боялся, чтобы Поляки не вторглись въ россійскія границы, Грабовскій съ небольшою партіей прокрался чрезъ Минскую губернію къ Бѣлоруссіи, думая, что тамъ недовольные россійскимъ правительствомъ возмутятся, а какъ войска оттолѣ всѣ были выведены, то симъ отважнымъ предпріятіемъ отвлечетъ русскія силы изъ Польши, въ чемъ онъ очень ошибся. Князь Циціановъ, свѣдавъ о томъ, съ своимъ небольшимъ отрядомъ истребилъ его, не допустивъ до Рогачева.

Графъ Суворовъ, по порученію фельдмаршала графа Петра Александровича Румянцева, увидѣвшаго худые успѣхи Русскихъ въ Польшѣ, собравъ корпусъ тысячъ въ двѣнадцать близъ Варковичъ, внезапно при Кобринѣ разбилъ Сираковскаго, который отступилъ къ Крупчицамъ на крѣпкую позицію и получилъ сильное подкрѣпленіе, но и тамъ вторительно былъ истребленъ. Послѣ сего, не давая ни мало отдыха, Суворовъ истребилъ сильный корпусъ, бывшій у Бреста-Литовскаго подъ командою Макрановскаго. Во всѣхъ оныхъ дѣлахъ 25 тысячъ человекъ Поляковъ съ ихъ артиллеріею какъ будто не бывало (а). Онъ прошелъ въ три недѣли около пяти сотъ верстъ.

О всѣхъ сихъ дѣйствіяхъ мы узнали вдругъ. Костюшко, увѣдомившись о сильномъ пораженіи его войскъ графомъ Суворовымъ, предписалъ всѣмъ бывшимъ польскимъ войскамъ въ Ли-

(23) Князь Петръ Ивановичъ Багратионъ, генералъ отъ инфантеріи. род. 1765 г., ум. 7 сентября 1812 г. отъ раны, полученной подъ Бороднинымъ.

(а) При Брестѣ польскія войска стояли за рѣкою и городомъ, ожидая непріятеля съ большой дороги, но Суворовъ, оставя пѣхоту съ артиллеріею въ виду Поляковъ, самъ съ конницею ночью переправившись черезъ Бугъ, обошелъ и ударилъ на непріятеля въ тылъ; Поляки, изумленные, всѣ были истреблены.

тѣ, оставя оную, соединиться съ нимъ. Князь Николай Васильевичъ пересталъ страшиться и приказалъ Дерфельдену тѣснить отступающія литовскія войска. Скоро мы настигли оныя, и до самаго Бѣлостока ежедневно происходили аррьергардныя дѣла, подавшія случай къ счастью, какъ я выше сказалъ, князя Багратиона.

Въ продолженіи нашихъ дѣйствій, король прусскій съ соединенною арміею, безуспѣшно державъ Варшаву въ блокадѣ, отступилъ къ своимъ границамъ. Польскій генералъ Дембровскій преслѣдовалъ прусскія войска съ постоянными выгодами. Ферзенъ (24) потянулся вверхъ по Вислѣ.

Князь Репнинъ хотѣлъ тѣмъ окончить кампанію, и мы получили отъ него повелѣніе вступить въ квартиры. Но вдругъ графъ Суворовъ прислалъ ордеръ къ Дерфельдену, извѣщая, что Ферзенъ, переправясь черезъ Вислу, подъ Мацевичами, разбилъ Костюшку и взялъ его самого въ плѣнъ, и что хотя Дерфельденъ съ корпусомъ и не состоитъ у него въ командѣ, но чтобы симъ воспользоваться и однимъ ударомъ поразить гидру мѣтежа, Суворовъ именемъ ея величества повелѣваетъ форсированнымъ маршемъ гнать ретирующіяся литовскія войска и съ нимъ соединиться, а князю Репнину о томъ сообщить. Дерфельденъ колебался въ томъ повиноваться, но графъ Зубовъ настоялъ, и мы тотчасъ выступили. На пути прибыли въ корпусъ 700 козаковъ Черноморцевъ, которые поступили въ авангардъ; кошевой Чапега съ своимъ полковникомъ, обвѣшаннымъ крестами, явился въ команду къ графу и, проходя одно мѣстечко, увидѣвъ поросятъ, сказалъ своему полковнику: «Алексѣй Семеновичъ, видишь, какіе гладкіе поросята, чего глядишь?» Тотъ сейчасъ соскочилъ съ лошади, нѣсколько ихъ поймалъ, закололъ и положилъ къ себѣ въ торбу. Вотъ какія войска!

Мы уже настигли аррьергардъ Гедройча при переправѣ его черезъ Бугъ, близъ деревни Поповки, какъ Черноморцы донесли, что Поляки, переправившись, ломаютъ мостъ, а по той сторонѣ въ лѣсу засѣли ихъ егери съ пушкою и не допускаютъ Черноморцевъ тому воспрепятствовать. Графъ Валеріанъ Александровичъ былъ съ Софійскимъ карабинернымъ полкомъ и всѣми при немъ бывшими волонтерами; полковникъ Рарокъ, посадивъ своего

(24) Графъ Иванъ Евстаѣевичъ Ферзенъ, генералъ отъ инфантеріи, ум. 1799 г.

полка гренадеръ на лошадей изъ Фрунтоваго обоза, прискакалъ къ графу. Подъѣхавъ къ берегу, чтобъ узнать, въ которомъ мѣстѣ былъ тотъ мостъ, Рарокъ сказалъ: «Господа, развѣжайтесь, не-пріятель, увидя генерала, окруженнаго столь многочисленною свитой, будетъ по немъ стрѣлять». Мы только-что отъ него отъѣхали, и я былъ отъ графа шагахъ въ десяти, какъ вдругъ роковое ядро, фунта въ полтора, оторвало у графа лѣвую ногу, а у Рарока правую, и то былъ отъ нихъ послѣдній выстрѣлъ. Графа отнесли въ лощину; со всѣхъ сторонъ собрались медики и занялись отнятіемъ его ноги, а Рарокъ оставался безъ малѣйшей помощи. Я велѣлъ его полка гренадерамъ положить его на плащъ и отнесть его въ Поповку, въ господскій домъ, тутъ находившійся, куда послѣ операціи и графа перенесли. Такъ какъ не скоро сдѣлана была операція и много вытекло крови, то Рарокъ на другой день и умеръ.

При графѣ оставленъ былъ батальионъ егерей, а войска и все волонтеры выступили, и на другой же день подъ Кобылкою присоединились къ арміи графа Суворова, въ соединеніи и бывшаго корпуса Ферзена, гдѣ я имѣлъ чрезвычайное удовольствіе прибыть къ своему полку, который былъ подъ начальствомъ прикомандированнаго подполковника Бибикова (25).

Нельзя умолчать случая, который послужить можетъ примѣромъ не бояться смерти, и что она находитъ свою жертву не тамъ, гдѣ ея ожидаютъ. Одинъ лифляндскій 4-й егерскій батальионъ командуемъ былъ подполковникомъ Шпарманомъ, человекомъ пожилымъ, небогатымъ, женатымъ и обремененнымъ большою семьей. Во время нашего похода онъ говорилъ, что такъ какъ онъ пойдетъ послѣ кампаніи въ отставку, то и не желаетъ рисковать своею жизнію, что ежелибы кто захотѣлъ принять его батальионъ снисходительно, то онъ радъ бы его былъ сдать, чтобы самому выпроиться въ отпускъ, впредь до отставки. Графъ Зубовъ былъ ко мнѣ благосклоненъ и обѣщалъ мнѣ доставить тотъ батальионъ, и у насъ съ Шпарманомъ почти сдѣлано было условіе. Но такъ какъ онъ съ симъ батальиономъ оставался при графѣ и не подвергался опасности,

(25) Александръ Александровичъ Бибиковъ, сенаторъ, род. 1765 г., ум. 1829 г., второй сынъ знаменитаго дѣйствіями противъ Пугачева Александра Ильича Бибикова, командовавшій въ 1812 году с.-петербургскимъ ополченіемъ.

то онъ мнѣ и отказалъ въ сдачѣ. Я былъ на прагскомъ штурмѣ, остался здоровъ, а онъ занемогъ горячкою и черезъ нѣсколько дней умеръ.

22-го октября подошли мы къ предмѣстію Праги, укрѣпленному крѣпкимъ ретраншаментомъ, занятымъ 30 тысячами чело­вѣкъ польскаго войска; но онъ былъ такъ обширенъ, что, чтобы хорошо оный защитить, по крайней мѣрѣ надобно было быть сильнѣе втрое. Въ ту же ночь заложено было нѣсколько батарей, и для прикрытія оныхъ ложементъ. 23-го числа канонировали ретраншаментъ, на чтѣ и намъ отвѣчали,—безъ большаго вреда съ обѣихъ сторонъ.

Слабая сторона ретраншаamenta праваго фланга была со стороны Вислы, для чего между сею рѣкой и болотомъ, поросшимъ мелкимъ лѣсомъ, былъ отдѣльный, крѣпко укрѣпленный ретраншаментъ верстахъ въ двухъ отъ главнаго, подъ начальствомъ полковника Яблоновскаго. Къ вечеру того дня, генералъ-майоръ Денисовъ съ 7-ю колонной, назначенною для штурма, получилъ повелѣніе обойти то болото и остановиться далѣе пушечнаго выстрѣла, и чтобъ онъ, по общимъ сигналамъ для прочихъ 6-ти колоннъ, штурмовалъ отдѣльное то укрѣпленіе.

Мы подошли въ сумерки и остановились въ колоннѣ. Во время нашего марша, съ другой стороны Вислы по насъ стрѣляли изъ пушекъ безъ малѣйшаго вреда.

Со мною былъ странный случай, подавшій поводъ къ разнымъ догадкамъ. Ночь была холодная и небольшой морозъ; легли мы нѣсколько соснуть и прикрылись соломой, которую нашли въ близъ-находившемся хуторѣ. Поляки, усмотря насъ, во всю ночь стрѣляли свѣтлыми ядрами, чтобы не быть въ распахъ атакованными. Лишь только я задремалъ, какъ вдругъ почувствовалъ, что кто-то меня ударилъ по ляшкѣ; я думалъ, что со мною хотѣлъ пошутить майоръ Арсеньевъ, и я ему сказалъ: « полно, братъ, шалить, я было заснулъ. » Онъ говоритъ: « лежи смирно, возлѣ тебя упала бомба. » А какъ нѣсколько времени прошло, бомба не разразилась и отъ трубки солома не загорѣлась, то я къ ляшкѣ протянулъ руку и оцупалъ каркасъ. Надобно было думать, что уже онъ, вовсе потерявъ силу, подкатился ко мнѣ и остановился; но вѣроятнѣе, что глыба земли, въ которую онъ ударился, отбрызгнула и ударила меня.

По сдѣланной диспозиціи, по первой сигнальной ракетѣ

войска должны были сформироваться въ колонны, по второй идти къ назначеннымъ пунктамъ и остановиться на пушечный выстрѣлъ, по третьей штурмовать. Первый сигналъ, видно, мы, просмотрѣли; по второму встали, а по третьему тронулись, но уже услышали крикъ штурма и открывшійся огонь; почему въ ретраншamentъ противу насъ Поляки, будучи предупреждены, встрѣтили насъ изъ всѣхъ дефензій сильнымъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ, такъ что голова колонны остановилась на нѣсколько минутъ. Но Денисовъ велѣлъ принять вѣтвь по болоту, и мы по поясъ въ водѣ вошли въ ретраншamentъ, поражая бѣгущихъ къ Прагѣ, куда мы вошли уже въ порядкѣ. Тамъ мы нашли всѣхъ въ разбродѣ и на грабежѣ. Вскорѣ поставлены были батареи по берегу Вислы и открыли канонаду по Варшавѣ; мостъ Поляки успѣли разобрать.

Чтобы вообразить картину ужаса штурма по окончаніи онаго, надобно быть очевиднымъ свидѣтелемъ. До самой Вислы на всякомъ шагу видны были всякаго званія умерщвленные, а на берегу оной навалены были груды тѣлъ, убитыхъ и умирающихъ: воиновъ, жителей, Жидовъ, монаховъ, женщинъ и ребятъ. При видѣ всего того сердце человѣка замираетъ, а взоры мерзятся таковымъ позорищемъ. Во время сраженія, человѣкъ не только не приходитъ въ сожалѣніе, но остервеняется, а послѣ убійство дѣлается отвратительно.

Вечеру, оставя часть войска охранять Прагу, мы возвратились въ лагерь. Поляки потеряли на валахъ 13 тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ третья часть была цвѣтъ юношества варшавскаго; болѣе двухъ тысячъ утонуло въ Вислѣ; около 800 человѣкъ изъ гарнизона уцѣлѣло, перешедши на другую сторону; 14.680 человѣкъ взято въ плѣнъ, изъ числа которыхъ восемь тысячъ на другой день отпущены въ дома; умерщвленныхъ жителей было несчетно. Русскіе потеряли 580 человѣкъ убитыми и 960 раненыхъ; пушекъ и мортиръ взято въ ретраншamentъ 104.

25-го октября присланы были изъ Варшавы депутаты съ письмомъ отъ короля, которые представлены были графу Суворову. Побѣдитель сидѣлъ въ палаткѣ, разбитой на опроверженномъ ретраншamentѣ; деревянный отрубокъ былъ вмѣсто стула, а другой, повыше, вмѣсто стола. Графъ, какъ скоро увидѣлъ ихъ, бросилъ свою саблю и сказалъ: «миръ, тишина и спокойствіе.» Обнявъ пословъ, послы обнимали его колѣна и спрашивали: на какихъ угодно будетъ пунктахъ графу предписать

капитуляцію польской столицѣ, повергающей къ освященнымъ стопамъ российской монархини? Побѣдитель отвѣчалъ: «жизнь, собственность, забвеніе прошедшаго, и моя государыня даруетъ миръ и спокойствіе.» Послы, изумившись, возвратились въ Варшаву, ожидавшую ихъ съ трепетомъ. Они, еще не доѣзжая берега, кричали: «Покой! Покой!» Народъ въ восхищеніи бросился въ воду и вынесъ ихъ на рукахъ; въ радостныхъ крикахъ провожали ихъ въ Раду. «Вивать императрица, вивать Суворовъ!» — по всей Варшавѣ слышны были такіе клики.

Въ сію ночь въ Варшавѣ произошло волненіе; мятежники намѣревались вслѣдъ выступившимъ войскамъ насильно увести короля и всѣхъ российскихъ военно-плѣнныхъ; но народъ до того не допустилъ. Колонтай, похитя казну, въ ту же ночь скрылся.

Графъ Суворовъ, извѣстясь, что польскія войска не хотѣли сдаться и выступили къ Кракову, велѣлъ Денисову съ его колонною идти вверхъ по Вислѣ, переправиться черезъ оную у Гуры въ бродъ и преслѣдовать оныя. О походѣ ономъ сказано будетъ послѣ, а теперь скажу о вступленіи нашихъ войскъ въ Варшаву.

Генераль-майору Буксгевдену (26) приказано починить мость.

27-го октября прибылъ польскій подполковникъ Гофманъ, съ прошеніемъ осьмидневнаго срока на размышленіе. Суворовъ отвѣчалъ: «ни минуты!» Черезъ часъ присланы Потоцкій и графъ Мостовскій съ письмомъ отъ короля, уполномочивающаго начать переговоры о мирѣ. Побѣдитель сказалъ: «съ Польшею у насъ войны нѣтъ, я не министръ, но военачальникъ: сокрушаю толпы мятежниковъ.» Того же дня съ донесеніемъ императрицѣ о взятіи Варшавы посланъ былъ подполковникъ Бибииковъ.

29-го, въ девять часовъ утра, войска наши вступили въ Варшаву съ распущенными знаменами, барабаннымъ боемъ и музыкою; графъ Суворовъ ѣхалъ въ простомъ мундирѣ. Какъ скоро побѣдитель съѣхалъ съ мосту, на самомъ берегу встрѣченъ былъ магистратомъ, купечествомъ и мѣщанами, съ хлѣбомъ и солью, и ему поднесли городскіе ключи. Графъ Суворовъ принялъ ихъ, поцѣловалъ и сказалъ: «хорошо, что они

(26) Графъ Федоръ Федоровичъ Буксгевденъ, генералъ отъ инфантеріи, род. 3 сентября 1750 г., ум. 11 августа 1811 г.

дешевле достались, нежели тѣ», показавъ на Прагу. Улицы, по которымъ проходили побѣдители, усыпаны были народомъ, восклицавшимъ: «Вивать Екатерина!» «Вивать Суворовъ!»

У назначенной для графа Суворова квартиры ожидали его россійскіе плѣнные, генераль-майоръ Милашевичъ и генераль-майоръ Арсеньевъ (котораго потомъ наименовалъ онъ дежурнымъ генераломъ); 1376 человекъ нижнихъ чиновъ, 500 Прусакъ и 80 Австрийцевъ.

На другой день графъ Суворовъ посѣтилъ короля, а черезъ два дня польское величество назначилъ, что пріѣдетъ къ нему. Графъ приказалъ дежурному генералу написать церемоніаль, какъ принимать короля, въ которомъ сказано было: «Графскіе адъютанты встрѣтять его у кареты, дежурный генералъ у лѣстницы, а графу должно встрѣтить его передъ пріемною комнатою.» Но лишь только сказали, что король ѣдетъ, графъ Суворовъ безъ шпаги и шляпы бросился встрѣчать къ каретѣ и сталъ было короля принимать подъ руки; но, остановясь, сказалъ: «погодите, погодите; вѣдь, Николай Дмитричъ, по церемоніалу не тутъ я долженъ принять его величество; простите меня; я такъ почитаю освященную особу вашего величества, что и забылся.» Оставя короля, онъ побѣжалъ въ домъ и принялъ его уже передъ пріемною.

Преслѣдованіе Поляковъ, ушедшихъ изъ Варшавы, болѣе похоже было на триумфальное шествіе, чѣмъ на походъ; войска были во всемъ изобиліи; въ началѣ они встрѣчали толпами Поляковъ, не хотѣвшихъ слѣдовать ихъ главному начальнику Вавржецкому; потомъ цѣлыя эскадроны и батальоны клали оружіе, и находили оставленныя пушки. Въ мѣстечкѣ Опочнѣ козаки нашли 22 пушки, съ ихъ зарядными фурами и около трехъ тысячъ ружей, и донеся о томъ генералу, отправились преслѣдовать далѣе. Какъ былъ прямѣйшій трактъ догнать бѣгущихъ, то Денисовъ отправился по оному, а взять сказанную артиллерію въ мѣстечкѣ Опочнѣ Денисовъ отрядилъ полковника Вольфа съ Елисаветградскимъ конно-егерскимъ и Козловскимъ пѣхотнымъ полками и батальономъ егерей. Пришедъ туда, нашли тамъ прусскаго майора Кроха, съ отрядомъ въ 800 человекъ, приставившаго караулъ къ сказаннымъ орудіямъ. Онъ, бывши въ недалекомъ разстояніи, узналъ черезъ своихъ лазутчиковъ, что Поляки оставили въ Опочнѣ упомянутыя орудія и, пришедъ туда, когда козаковъ тамъ уже не было, оныя присвоилъ себѣ. Полковникъ Вольфъ, прибывъ съ сво-

имъ отрядомъ въ Опочню, требовалъ отъ прусскаго майора, чтобъ онъ тѣ орудія отдалъ намъ, какъ взятые нашими козаками. Майоръ Крохъ отвѣчалъ, что, «когда онъ прибылъ въ Опочню, ни одного козака тамъ не нашелъ и, по военному праву, взявъ оныя орудія въ свое вѣдѣніе, рапортовалъ о томъ королю, а затѣмъ отдать ихъ уже не можетъ.» Вольфъ донесъ о томъ Денисову, который прислалъ ордеръ: «взять». Вольфъ показываетъ своего генерала ордеръ майору Кроху, но тотъ сказалъ, что «отрядъ его малосиленъ, а Русскихъ болѣе вчетверо, слѣдственно вы можете взять, но только вооруженною рукой и какъ непріятель, но добровольно я вамъ пушекъ не отдамъ.» Вольфъ опять донесъ о семъ отвѣтъ, и что онъ взять силою не осмѣливается, безъ точнаго на то повелѣнія. Денисовъ, думая, что Каменскій, подполковникъ егерскаго батальона, скорѣе исполнить его волю, поручилъ ему исполнить то, а Вольфа съ конно-егерскимъ полкомъ потребовалъ къ себѣ. Крохъ къ Каменскому идти не захотѣлъ, а тотъ употребилъ меня, чтобъ уговорить упрямаго прусскаго майора. Хотя я на свое краснорѣчіе не надѣялся, но долженъ былъ исполнить приказаніе. Крохъ мнѣ сказалъ: «посудите сами: еслибы вы были на моемъ мѣстѣ и отрапортовали своему начальству, то могли ли бы отдать безъ повелѣнія онаго?» Возразить было нечего, и тогда онъ мнѣ показалъ письмо, полученное имъ отъ Денисова, сочиненное по-французски извѣстнымъ Копьевымъ (27), такимъ вздоромъ наполненное, что мнѣ было стыдно, которое онъ въ оригиналѣ отправилъ къ королю, между прочимъ было въ ономъ написано, что «видно Прусакамъ диковинка брать пушки, а Русскимъ не въ диковинку, даже ими и не уважаютъ,» и проч... Споръ о сихъ пушкахъ доходилъ до короля и графа Суворова, и уже гораздо послѣ о томъ рѣшено. Когда сія распря о пушкахъ происходила, въ мѣстечкѣ Вартахъ Ваврецкій былъ окруженъ и принужденъ былъ сдать се со всѣми генералами и войсками, которыхъ тотчасъ обезоружили. Послѣ чего вся армія заняла зимовыя квартиры; Козловскому полку назначены онѣ были за 18 миль отъ Варшавы по правую сторону Вислы.

За взятіе Варшавы, графъ Суворовъ пожалованъ фельдмар-

(27) Алексѣй Даниловичъ Копьевъ, авторъ извѣстной комедіи *Лебедянская ярмарка*. (Спб. 1794 г.)

шляхъ, и присланъ былъ ему повелительный жезлъ (28); многіе награждены были орденами и золотыми шпагами за храбрость, въ числѣ которыхъ и я удостоился получить шпагу; многіе произведены въ слѣдующіе чины, въ томъ числѣ и я, по рекомендаціи, за многія дѣла, въ которыхъ я былъ во время польской экспедиціи, пожалованъ подполковникомъ, послѣ семилѣтней моей службы въ премьеръ-майорскомъ чинѣ; всѣ штабъ и оберъ-офицеры награждены золотыми крестами на георгиевской лентѣ въ петлицу, съ надписью, съ одной стороны: *за труды и храбрость*, а съ другой: *Прага взята 1794 года 24 октября*; солдаты получили медали.

Козловскій полкъ получилъ повелѣніе придти въ Варшаву и помѣщенъ былъ въ казармахъ близъ Лазенокъ, загороднаго королевскаго дворца.

Впервые мнѣ случилось быть подъ начальствомъ великаго полководца, графа Суворова. Онъ былъ тонкій политикъ и подъ видомъ добродушія былъ придворный человекъ; передъ всѣми показывалъ себя страннымъ, оригиналомъ, чтобы не имѣть завистниковъ; когда съ кѣмъ надобно было объясниться наединѣ, то сказывали, что онъ говорилъ съ убѣдительнымъ краснорѣчіемъ; сужденія его были основательны, а предпріятія чрезвычайно дальновидны, что опытъ доказалъ. Вырвались у него сказанныя моему другу слова, показывающія правило, котораго онъ держался: «Pour parvenir, mon ami, il faut avoir la patience d'un' oiseau.» (*Чтобы достигнуть, надобно быть терпеливымъ, какъ розоносца.*) Но какъ скоро онъ былъ втроемъ, то и принималъ на себя блажь. Совершенно зналъ языки: французскій, нѣмецкій, латинскій, греческій и турецкій. Въ угожденіе ему надобно было къ его странностямъ привыкнуть, не говорить: «не могу знать», «не могу доложить», даже и «не знаю».

(28) Суворовъ донесъ Екатеринѣ о взятіи Варшавы тремя словами: «Ура! Варшава наша!» Екатерина отвѣчала 19 ноября двумя словами: «Ура! фельдмаршалъ!» Кромѣ жезла съ брилліантами, Екатерина пожаловала ему 7000 душъ, императоръ австрійскій свой портретъ, а король прусскій ленты чернаго и краснаго орла. Екатерина написала ему: «Вы знаете, что я не произвожу никого черезъ очередь... но вы, завоевавъ Польшу, сами себя сдѣлали фельдмаршаломъ». Дѣйствительно Суворовъ обошелъ девять генералъ-аншефовъ: графа И. П. Солтыкова, графа Н. И. Солтыкова, князя Н. В. Репнина, князя Ю. В. Долгорукова, графа И. К. Эльмта, князя А. А. Прозоровскаго, графа В. П. Мусина-Пушкина, М. Ѳ. Каменскаго и М. В. Каховскаго.

О всѣхъ таковыхъ онъ говаривалъ: «Боже упаси отъ немогу-знаекъ; отъ нихъ бѣда; надобно все знать.» Напримѣръ, вдругъ спросить кого: «что султанъ дѣлаетъ?» надобно соврать что хочешь, только не говорить: «не знаю»; или напримѣръ: «далеко ли отъ Варшавы до Праги?» скажи: «250 верстъ 13 сажень и 1 аршинъ», то онъ и доволенъ и говоритъ: «вотъ на-стоящій человѣкъ: все знаетъ».

Военныя его дѣйствія всегда располагаемы были такъ, чтобы дѣйствовали на мораль людей, какъ на своихъ, такъ и на непріятелей. Визирь шелъ атаковать принца Кобургскаго и вѣрныя имѣлъ извѣстія, что Суворовъ былъ еще наканунѣ въ Берлатъ, верстахъ около ста отъ принца. Какъ вдругъ вмѣсто Цесарцевъ увидѣлъ онъ себя атакуемаго Русскими; изумленіе было болѣе причиною побѣды, чѣмъ самая храбрость. Равно и разбитіе трехъ польскихъ корпусовъ; Поляки о самомалѣйшихъ нашихъ движеніяхъ имѣли скорыя и вѣрныя извѣстія; о Суворовѣ же и эхо не касалось до ихъ слуха; ожидали отъ Русскихъ нападенія съ лица, вдругъ Суворовъ, какъ съ неба упалъ, поразилъ ихъ при Кобринѣ и, не давъ имъ образумиться, при Брестѣ и Крупицѣ. Хотя много оставлялъ онъ за собою усталыхъ, которые приходили на другой день или на третій, даже и позднѣе, но скорыми своими маршами и внезапностію всегда побѣждалъ. Генералы и военные съ дарованіемъ люди долго думали и приписывали всѣ дѣла его счастію; но уже въ италянскую кампанію увидѣли въ немъ генія въ военномъ искусствѣ, и что всѣ баталіи, имъ выигранныя и ни одна не проигранныя, были обдуманы человѣкомъ, котораго никто постигнуть не могъ.

Суворовъ окружалъ себя людьми простыми, которые бы менѣе всѣхъ могли отгадать его; однакожъ отъ нихъ завистѣла участь служащихъ подъ начальствомъ графа Суворова. Чтобы получить какое награжденіе за настоящую службу, надобно было съ низостію искать тѣхъ покровительства; таковы были при немъ Курисъ, Мандрыкинъ, и прочіе... Кто въ нихъ не снискалъ, не только не успѣвалъ по службѣ, но иногда обращалъ на себя неудовольствіе графа, и самъ онъ своею странно-стію иногда унижалъ людей достойныхъ. Во время прагскаго штурма онъ закричалъ: «И я возьму ружье со штыкомъ.» «Нѣтъ, ваше сіятельство, не пустимъ васъ», говорили знавшіе его; кто хваталъ за узду его лошади, кто хваталъ его за руку и полы платья, когда онъ и шагу не намѣренъ былъ сдѣлать;

но онъ дѣлалъ видъ будто вырывался, и кричалъ: «трусы, трусы, пустите меня!» Только что выпущенный изъ кадетскаго корпуса поручикъ Оленинъ какъ-то попался къ нему въ свиту, и по простотѣ своей, думая сдѣлать ему угодное, сказалъ: «Извольте, ваше сіятельство, я васъ проведу на возвышенное мѣсто, откуда вы изволите усмотрѣть весь штурмъ.» Графъ его расцѣловалъ: «вотъ одинъ только герой, а вы всѣ трусы», сказавъ онъ. Однакожь и затѣмъ тѣ его не пустили. Чтò же? Всѣ тѣ, которые его не пускали, были награждены, а Оленинъ остался безъ ничего и отпущенъ въ полкъ. Во время сраженія Суворовъ всегда бывалъ на козачьей лошади и на козачьемъ сѣдлѣ, дѣлалъ видъ, что скакалъ въ пылъ сраженія, но какъ скоро замѣчалъ, что никто его не удерживаетъ, останавливался, слѣзалъ съ лошади и переправлялъ свою обувь, говоря: «Охъ, онуча жметъ ногу.» (Онъ, вмѣсто чулокъ, обертывалъ ноги тонкимъ полотномъ, на подобіе онучъ.)

Спалъ онъ всегда на сѣнѣ, покрытомъ простынею; другой постели во всю жизнь не имѣлъ; всякій день обливался холодною водою, несмотря ни на какую погоду; столъ его былъ простой, но сытный; въ постные дни никогда не ѣлъ онъ скоромнаго; никогда не заботился, чтò будетъ ѣсть; этимъ занимался Курисъ. Часъ обѣда Суворова, когда захотѣлъ; иногда въ 8 часовъ утра, но не позже 11. Говорили, что онъ любитъ пить, но это неправда: передъ обѣдомъ онъ выпивалъ большую рюмку водки, а за столомъ рюмки двѣ вина; если же иногда наливалъ третью, то Тимченко, его камердинеръ, ему запрещалъ, равно еслибы сверхъ обыкновеннаго хотѣлъ съѣсть лишнее; «ну, Тимченко не велить, говорилъ онъ, надобно слушаться».

По прибытіи моемъ въ Варшаву, я долженъ былъ явиться къ нему съ рапортомъ. Чтобы сдѣлать ему угодное, понаслышкѣ, изготовился я отвѣчать на всѣ его странныя требованія, но вмѣсто того обратилъ на себя его негодованіе, за что, не знаю, и получилъ за столомъ чувствительный афронтъ. Думаю, что подалъ къ тому поводъ слѣдующій случай: сержантъ гвардіи передъ обѣдомъ разносилъ водку по старшинству чиновъ; ежели кто были въ однихъ чинахъ, то тотъ сержантъ спрашивалъ, съ котораго года и мѣсяца состоятъ въ оныхъ; почему и меня спросилъ, какъ человѣка новаго и впервые бывшаго у графа. Я сказалъ, что уже 6 лѣтъ 3 мѣсяца и 12 дней въ семь чинѣ, и усмѣхнулся. Казалось, что графъ сего не могъ при-

мѣтить, но другой причины къ его неудовольствію не было. Сѣли за столъ; мнѣ пришлось сѣсть наискось противъ графа. Вдругъ онъ вскочилъ и закричалъ: «воняеть!» и ушелъ въ другую комнату. Адьютанты его начали открывать окошки и сказали ему, что «дурной запахъ прошелъ». «Нѣтъ, кричалъ онъ, за столомъ вонючка». Они стали обходить всѣхъ сидящихъ и начали обнюхивать; одинъ ко мнѣ подошелъ, сказалъ: «вѣрно у васъ сапоги не чисты, извольте выйти, графъ не войдетъ, пока вы не встанете и не прикажете себѣ сапоги вычистить; тогда опять можете сѣсть за столъ.» Представьте мое смущеніе; однакожь дѣлать было нечего. Я всталъ, сказалъ тому адъютанту: «доложите графу: я вижу, что моя физиономія ему не понравилась; какъ бы мнѣ пріятно ни было обратиться на себя благосклонное его вниманіе, но я къ нему болѣе не явлюсь»—и вышелъ. Посудите, пріятно ли было служить при немъ человѣку съ благороднымъ чувствомъ; признаюсь, что, несмотря на его великій геній, и служа подъ нимъ въ его славныхъ побѣдахъ, пріобрѣтая чины и ордена, трудно перенести подобныя оскорбленія, которыя не съ однимъ со мною случались, но и съ нѣкоторыми генералами.

Варшава для меня была фатальна. Прибылъ я съ полкомъ 15 декабря, и привезъ съ собою экономическаго провіанта почти на цѣлый мѣсяць, но отъ казны удовольствованъ былъ по 17-е число. Тогда случилось, что подполковникъ Ржевскій, командиръ одного егерскаго батальйона, не имѣлъ болѣе провіанта, да и въ магазинахъ также его не было. Для сего батальйона отъ разныхъ полковъ собирали провіантъ для ежедневнаго продовольствія. Генераль-поручикъ Ферзенъ, командующій войсками, расположенными въ Варшавѣ, отдалъ приказъ: что ежели полковые и батальйонные командиры узнаютъ, что въ магазинахъ провіанта нѣтъ, то заранѣе бы доносили, по которое время провіантъ у нихъ кончится, въ противномъ случаѣ таковыя нерадивые начальники будутъ отвѣчать передъ военнымъ судомъ. И какъ тотъ день уже было 17-е число, то я и рапортовалъ, что Козловскій полкъ провіанта не имѣетъ, да и въ магазинѣ, по справкѣ моей, не имѣется. Рапортъ, отправленный мною того же дня къ бригадному командиру, генераль-майору Буксгевдену, пролежалъ у него въ канцелярїи болѣе сутокъ, почему Ферзенъ получилъ оный уже чрезъ два дня. Онъ тотчасъ поѣхалъ къ фельдмаршалу графу Суворову доложить, что оберъ-провіантмейстеръ Слѣпушкинъ ложно увѣрилъ графа, что всѣ

полки удовлетворены по 22-е число, а полкъ Козловскій уже два дни безъ провіанта. Графъ оказалъ: «Помилуй Богъ, не хорошо, Слѣпушкинъ за ложь будетъ солдатъ». Все сіе происшествіе узналъ я уже послѣ.

Я легъ спать, какъ вдругъ ночью слышу, что меня будятъ; просыпаюсь и вижу у моей постели на колѣняхъ стоящаго штабъ-офицера. Я удивился, и спрашиваю: кто онъ и чего отъ меня хочетъ? «Я оберъ-провіантмейстеръ Слѣпушкинъ; отъ васъ зависитъ, чтобъ я завтра же былъ солдатъ, или остался въ своемъ званіи.»—Какъ это? «Вы рапортовали, что полкъ снабженъ провіантомъ только по 17-е число, и фельдмаршалъ мнѣ объявилъ, что ежели я ему отъ полка не представлю промеморію, что онъ удовлетворенъ по 22-е число, то поклялся, что онъ никогда еще никого не сдѣлалъ несчастнымъ, но меня разжалуетъ въ солдаты.»—Что жъ мнѣ дѣлать? «Я привезу провіантъ; прикажите принять и дать мнѣ въ приѣмъ квитанцію.» Какъ долженъ я былъ поступить? Если я ему въ томъ откажу, я буду причиной несчастія человѣка; ежели исполню его просьбу, то сдѣлаю чувствительнѣйшее неудовольствіе генералу Ферзену, всѣми уважаемому, и котораго я душевно почиталъ. Однакожъ я рѣшился огорчить Ферзена и не сдѣлать несчастнымъ человѣка, мнѣ незнакомаго, и котораго по репутаціи зналъ даже за человѣка, не имѣющаго честныхъ правилъ.

Я велѣлъ разбудить квартирмистра и ротныхъ приѣмщиковъ, приказалъ принять провіантъ по 22-е число и раздать въ роты, что и было исполнено. Написалъ рапортъ, что послѣ поданнаго отъ 17-го числа моего рапорта полкъ удовлетворенъ провіантомъ по 22-е число, поставя на рапортъ 19-е число, и отправилъ тотъ же часъ въ бригадное дежурство, а тѣмъ же числомъ Слѣпушкину далъ въ приѣмъ квитанцію; на спросъ же его бумагою: по которое число удовлетворенъ полкъ провіантомъ? далъ промеморію уже 20 числомъ.

Слѣпушкинъ какъ скоро былъ допущенъ къ фельдмаршалу, то и представилъ данную мною ему промеморію. Графъ послалъ дежурнаго генерала Арсеньева показать оную Ферзену и сказать: «не хорошо обижать Нѣмцамъ Русскихъ». Ферзень, до котораго послѣдній мой рапортъ еще не дошелъ, чрезвычайно много былъ раздраженъ; тотчасъ написалъ онъ къ фельдмаршалу рапортъ съ требованіемъ, чтобъ я былъ преданъ военному суду за ложное донесеніе.

Къ счастью моему, того же числа наряженъ я былъ считать

эксстраординарную сумму съ двумя другими штабъ-офицерами. Я явился въ канцелярію въ 11 часовъ; правитель канцеляріи, г. Мандрыкинъ, вручая мнѣ книгу и ордера, сказалъ: «извольте поспѣшить счетомъ и представить сегодня въ 9 часовъ вечера; графу нужно сего же дня отчетъ отправить». Сумма была слишкомъ 50 тысячъ червонцевъ; я говорилъ, что въ такое короткое время счесть невозможно, но Мандрыкинъ съ грознымъ видомъ сказалъ: «Я не знаю, можно ли или не можно, но я вамъ объявляю графское приказаніе, впрочемъ это ваше дѣло; какъ вы хотите, только знайте, что уже и курьеръ къ отправленію готовъ, а графъ отговорокъ не любитъ.»

Нечего было дѣлать; съ собравшимися моими товарищами принялись мы считать; суммы выдаваемы были большимъ числомъ, большею частію шпионамъ; два ордера были не подписаны, на 150 червонцевъ; я показалъ ихъ Мандрыкину, сказавъ, что счетная коммиссія принять ихъ не можетъ. Мандрыкинъ сказалъ: «Графъ ихъ послѣ подпишетъ, извольте считать.» Я предложилъ своимъ товарищамъ, которые не хотѣли брать на свою отвѣтственность, но я ихъ увѣрилъ, что ежелибудетъ взысканіе, то я за сію сумму отвѣчаю, на что они и согласились. Итакъ мы успѣли кончить счеты, подвести итоги и сдѣлать счетную выписку, которую, при рапортѣ графу, принесъ я къ Мандрыкину въ назначенный срокъ. Онъ просилъ меня подождать, пошелъ къ его сіятельству, и вынеся отъ него, показалъ мнѣ подписанные тѣ ордера, которые даны были мнѣ безъ подписи.

Мандрыкинъ предложилъ мнѣ свои услуги, а какъ я благодарилъ за его ко мнѣ доброхотство, сказавъ, что на сей разъ я не имѣю никакой нужды, онъ возразилъ: «Полно, не могу ли теперь же я вамъ услужить?» И тогда показалъ мнѣ рапортъ Ферзена, требовавшего меня судить военнымъ судомъ. Хотя я передъ судомъ и былъ бы оправданъ, ибо дѣйствительно полкъ удовольствованъ былъ по 22-е число, и рапортъ мой о томъ посланъ былъ еще 19-го числа, дошедши до рукъ Ферзена чрезъ два дня послѣ, но не менѣе того больно бы было быть подъ судомъ, что, по обыкновенію, вносилось въ послужной списокъ. Итакъ я чрезвычайно симъ огорчился. Мандрыкинъ, видя мое смущеніе, сказалъ: «Не безпокойтесь; графъ никогда этотъ рапортъ не увидитъ, и мы его *ускрамимъ*» (слово, употребляемое графомъ), и тогда же его разодралъ.

Ежели съ такимъ извѣстнымъ и заслуженнымъ генераломъ

могли такъ поступать управляющіе канцелярію, то какой справедливости должны были ожидать низшіе классы подчиненныхъ? Потомъ Мандрыкинъ спросилъ меня: «Кажется, вы просились въ отпускъ? Скоро ли вы хотите ѣхать?»—Я бы тотъ же часъ уѣхалъ, какъ скоро получу паспортъ. «Погодите немного». Онъ пошелъ въ кабинетъ фельдмаршала и вынесъ отъ него мой отпускъ. Получа оный, пріѣхалъ я въ казармы (сдавать мнѣ было нечего, ибо полкомъ командовалъ я по наружности, потому что полковникъ мой, за отсутствіемъ моимъ, сдалъ полкъ по полковничьей инструкціи майору Арсеньеву), и собравшись, уѣхалъ.

Дорогою объѣхалъ я короля Станислава-Августа, котораго вели въ Гродно, гдѣ ожидалъ его князь Н. В. Репнинъ. Итакъ императрица возвела его на престолъ польскій, и она же лишила его короны.

Послѣ сего Польша была раздѣлена: Россія получила всю Литву по Нѣманъ и западный Бугъ, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Курляндское герцогство поддалось добровольно. Пруссія присвоила Варшаву и всѣ земли, смежныя съ ея владѣніемъ, съ крѣпостями Данцигомъ и Торунью. Австрія получила земли, смежныя съ ея Галиціею, по западный Бугъ, съ Величкою, до Кракова, который сдѣланъ вольнымъ городомъ.

Прибывъ къ отцу моему, узналъ я, что зять мой, С. К. Вязмитиновъ, сдѣланъ былъ генераль-губернаторомъ Уфимской и Симбирской губерній и командиромъ Оренбургскаго корпуса. Онъ уговорилъ меня перейти подъ его начальство, чтобы быть вмѣстѣ съ моею сестрой. Почему въ 1795 году данъ мнѣ былъ третій Оренбургскій полевой батальионъ, и такъ я перемѣстился въ столь-отдаленный край.

Въ семь году открылась персидская война, продолжавшаяся до восшествія на престолъ государя императора Павла I, подъ главнымъ начальствомъ генераль-поручика графа В. А. Зубова. Успѣхомъ сей войны было взятіе Дербента.

1796. Въ 1796 году въ августъ было избраніе и утверженіе, вмѣсто умершаго, новаго киргизскаго меньшей орды хана. Обрядъ сей происходилъ слѣдующимъ образомъ: между Оренбурга и мѣноваго двора, за Ураломъ, построенаго въ трехъ верстахъ отъ крѣпости, Киргизы собрались въ нѣсколько тысячъ кибитокъ, разныхъ ихъ родовъ, управляемыхъ своими султанами. Когда за Ураломъ поставлены были собранныя войска Оренбургскаго корпуса, тогда генераль-губернаторъ послалъ тому

народу сказать, чтобъ онъ приступилъ, по обычаю своему, къ избранію хана, уже заблаговременно назначеннаго нашимъ правительствомъ. По нѣкоторомъ преніи, избраніе кончилось. Хана нарядили въ богатую парчевую, чернобурыхъ лисиць, шубу и такую же шапку, присланную въ даръ отъ двора; Киргизы, посадя его на кошму, подняли на руки и начали качать съ превеликимъ крикомъ, на что отвѣтствовано было въ честь хана пальбою изъ крѣпости и состоявшей при полкахъ артиллеріи, и ружейнымъ бѣглымъ огнемъ. Послѣ чего ханъ былъ угощаемъ съ султанами обѣденнымъ столомъ у генераль-губернатора, а всѣ прочіе Киргизы—на степи близъ нашихъ войскъ, которыхъ угощеніе состояло во множествѣ изготовленнаго ихъ кушанья, или по ихнему бишъ-бармака, то-есть, изрубленной мелко баранины съ лукомъ и бараньимъ саломъ, пловомъ и кумысомъ. Киргизы хватали кушанье, какъ голодные волки; у каждаго былъ приготовленъ кожаный мѣшокъ, висѣвшій на шеѣ; одни, выжавъ рукою жиръ и жижу въ ротъ, оставшееся въ рукѣ въ запасъ клали въ сіи кожаные мѣшки. Тѣмъ кончился весь праздникъ; на другой же день Киргизы откочевали во внутрь степи (1).

(1) Глава эта напечатана нами съ нѣкоторыми, впрочемъ, не большими пропусками. *Ред.*

Г. АБУ О РИМСКОМЪ ВОПРОСѢ

La Question romaine, par M. Edmond About. Bruxelles. 1859.

Папская власть переживаетъ въ настоящее время весьма трудную для себя эпоху, которой можно отыскать нѣкоторую аналогію въ прошедшей ея исторіи. Въ XIV и XV вѣкѣ, католическая Европа, сознавая страшныя злоупотребленія, которыя господствовали въ церкви, и если не были, конечно, произведены одними папами, то по крайней мѣрѣ находили въ нихъ себѣ твердую опору, старалась ограничить власть римскихъ первосвященниковъ. На многихъ соборахъ былъ поднимаемъ этотъ вопросъ въ томъ или другомъ видѣ; лица, извѣстныя глубокими познаніями и возвышеннымъ характеромъ, посвящали труды свои осуществленію реформы въ этомъ смыслѣ. Значительная часть западной Европы отдѣлилась тогда отъ католицизма, но римскій первосвященникъ остался по прежнему безусловнымъ распорядителемъ духовныхъ судебъ тѣхъ странъ, которыя сохранили вѣрность ему. Но въ XIV и XV вѣкѣ вопросъ шель о духовной власти папы, и не могъ касаться свѣтской или такъ-называемой временной власти его, такъ какъ реформація не нашла себѣ сочувствія въ Италіи: теперь онъ идетъ пока о свѣтской власти папы, но нельзя не видѣть, что ха-

ракторъ духовной власти папы долженъ подвергнуться важному измѣненію, если будетъ удовлетворительнымъ образомъ разрѣшенъ вопросъ о секуляризаціи Папскихъ Владѣній. Конечно, значеніе этого вопроса теперь далеко не то, какимъ оно было тогда: въ исходѣ среднихъ вѣковъ онъ интересовалъ всю Европу, тогда какъ въ XIX вѣкѣ онъ интересуется преимущественно только Италію, хотя очевидно, что окончательное разрѣшеніе его не можетъ быть достигнуто безъ значительнаго поворота во взглядахъ всей католической Европы на значеніе папы. Несомнѣнно одно, что до тѣхъ поръ, пока свѣтская власть папы не будетъ разрушена, Италія не получитъ прочнаго политическаго устройства.

Со временъ Макиавелли и до самыхъ послѣднихъ дней всѣ лучшіе писатели и государственные люди Италіи одинаково приписывали папской власти то раздробленіе, то политическое безсиліе, тѣ внутренніе безпорядки которыми страдала эта страна. И естественно. Можетъ ли папа сочувствовать стремленіямъ италіанской націи къ успѣху, въ политическомъ устройствѣ, когда католицизмъ, утверждающій непреложность человѣческихъ уставовъ церкви наравнѣ съ божественными ея началами, переноситъ и на свѣтскія дѣла Папскихъ Владѣній принципъ неприкосновенности существующаго порядка, и старается подавить свободу вездѣ, гдѣ ни господствуетъ онъ? Можетъ ли папа искренно желать автономіи Италіи и политическаго ея могущества, когда, по самому свойству папской власти, всѣ эти временные интересы должны разсматриваться ею лишь какъ служебное средство для достиженія іерархическихъ цѣлей? Можетъ ли папа хотя сколько-нибудь внимать интересамъ страны, когда интересы эти противрѣчатъ его собственнымъ видамъ, какъ главы католическаго міра? Судьба поставила папу во главѣ Италіи, но черезъ это не сдѣлала его италіанскимъ государемъ. Взоры его обращены ко всему міру, ибо тамъ, а не на скромномъ поприщѣ Римской области развивается его настоящая дѣятельность, и подданные его, со всѣми законными своими потребностями, со всѣми благородными своими стремленіями, должны уничтожаться предъ этимъ всемірнымъ значеніемъ своего государя. Они должны служить не болѣе какъ пьедесталомъ для этой громадной власти, въ которой невозможно не видѣть наслѣдія древней Римской имперіи, съ ея всемірнымъ владычествомъ. И если мы замѣчаемъ, что свѣтскіе властители обыкновенно теряютъ способность заботиться объ интересахъ своей страны, коль

скоро начинаютъ поддаваться даже самому отдаленному искушенію идеи владычества надъ другими народами, то во сколько разъ сильнѣе римскія преданія о всемірномъ господствѣ должны дѣйствовать въ совѣтахъ папскаго престола, когда эти римскія преданія находятъ себѣ могущественную опору во внѣшнемъ пониманіи вселенскаго характера христіанской церкви, и слѣдовательно во сколько разъ менѣе способнымъ долженъ становиться папа къ тому, чтобы внимать голосу жителей своей маленькой области, этой весьма незначительной доли католическаго міра? Благосостояніе ихъ или нищета, успѣхи на пути нравственнаго и умственнаго развитія или совершенное невѣжество, мало занимаютъ правительство римскаго первосвященника, лишь бы только его подданные давали ему средства поддерживать съ должнымъ величіемъ санъ свой за вратами Рима. Если же страна, выведенная, наконецъ, изъ терпѣнія, поднимается для того, чтобы найдти законное удовлетвореніе своимъ потребностямъ, чтобы искоренить злоупотребленія, находящія себѣ опору въ папѣ и окружающемъ его духовенствѣ, то вся католическая Европа готова спѣшить на помощь римскому престолу. По убѣжденіямъ ея, неограниченная свѣтская власть папы въ Римской области необходима для того, чтобы сохранить за нимъ то независимое положеніе, безъ котораго не можетъ существовать глава католическаго міра.

Очевидно, поэтому, что вопросъ о такъ-называемомъ отдѣленіи свѣтской власти папы отъ его власти духовной не можетъ быть разрѣшенъ на почвѣ Италіи, но весьма близко интересуеъ значительную часть Европы. Въ этомъ заключается главнѣйшая его трудность. Когда императоръ Французовъ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, взялъ въ свои руки дѣло италіанской независимости и свободы, наивно было ожидать, чтобы онъ могъ привести это дѣло къ окончательному разрѣшенію. Вопросы, подобные этимъ, разрѣшаются не пушками и не на поляхъ сраженій, а всемъ ходомъ исторіи, переворотомъ въ мнѣніяхъ и вѣрованіяхъ цѣлыхъ поколѣній. Съ другой стороны несомнѣнно, однако, что Наполеонъ III могъ бы значительно подвинуть вопросъ этотъ впередъ, если бы исполнилъ въ точности программу, которая съ такою пышностію провозглашена была имъ въ началѣ войны. Свѣтская власть папы опирается вовсе не на добровольную преданность къ нему его подданныхъ, а на то содѣйствіе, какъ мы замѣтили сейчасъ, которое постоянно готова оказывать ей католиче-

ская Европа. Австрія идетъ во главѣ ея, и войска этого государства, въ теченіи почти всего нынѣшняго столѣтія, энергически охраняли римскій престолъ, точно такъ же, какъ и престолы прочихъ итальянскихъ государей, отъ уступокъ справедливымъ желаніямъ ихъ подданныхъ. Императоръ Наполеонъ возвѣстилъ всей Европѣ, что онъ намѣренъ разрушить австрійское преобладаніе на полуостровѣ и предоставить страну эту самой себѣ. Нельзя было сомнѣваться, что итальянскія правительства, лишенная опоры вѣрныхъ своихъ союзниковъ, должны были бы въ подобномъ случаѣ значительно измѣнить свою политику; не имѣя болѣе въ своемъ распоряженіи чужеземныхъ штыковъ, они принуждены были бы ввести лучшее управленіе въ своихъ владѣніяхъ. Страны, окружающія Римъ, Тоскана, Модена, Парма, Неаполь,—въ которыхъ народонаселеніе уже давно тяготится системою своего управления и требуетъ либеральныхъ учрежденій, достигли бы, вѣроятно, осуществленія своихъ желаній. Въ нихъ водворилось бы конституціонное правительство, и еслибы правительство это дѣйствовало съ такимъ же благоразуміемъ и уваженіемъ ко всѣмъ правамъ, какъ дѣйствовало правительство въ Пиемонтѣ, еслибъ оно такъ же сильно содѣйствовало нравственному и матеріальному развитію народонаселеній, то это было бы, конечно, не мало важнымъ ударомъ для свѣтской власти папы. Все безобразіе свѣтскаго господства черныхъ рясъ и всѣхъ этихъ красныхъ илиловыхъ чулковъ обнаружилось бы еще поразительнѣе, и это было бы, можетъ-быть, самымъ лучшимъ средствомъ убѣдить католическую Европу, до чего свѣтское владычество папы не согласно съ духомъ нашего времени и потребностями народа, подвластнаго папѣ, какъ свѣтскому государю.

Неудачное разрѣшеніе, или лучше сказать, совершенное отстраненіе вопроса, не можетъ, впрочемъ, побуждать къ молчанію о немъ. Напротивъ, теперь болѣе нежели когда-нибудь любопытно бросить взглядъ на состояніе Римской области, которому суждено, быть-можетъ, по силѣ обстоятельствъ, еще долго оставаться неизмѣннымъ. Тайнственность, окружавшая до сихъ поръ римское правительство, наиболѣе способствовала ему въ томъ, что общественное мнѣніе во многихъ странахъ Европы все еще не выразилось противъ него съ тою рѣшительностію, съ какою оно должно было бы выразиться; по крайней мѣрѣ это вполне справедливо по отношенію къ Фран-

ци. Вообще надо замѣтить, что нѣтъ страны въ западной Европѣ, въ которой было бы распространено такъ мало свѣдѣній о положеніи Италіянскаго полуострова, какъ во Франціи. Въ то время, какъ въ Германіи и Англійи появляются безпрепятственно обстоятельныя сочиненія, посвященныя этому предмету, въ то время какъ журналы почти ежедневно наполняются корреспонденціями изъ разныхъ италіянскихъ городовъ; съ подробностію рисующими положеніе страны, французская публика ограничивается скудными и отрывочными свѣдѣніями о томъ, что происходитъ за Альпами. Извѣстная нота графа Реневаля (14 мая 1856 года), въ которой онъ рисовалъ розовыми красками положеніе Римской области, и которая надѣлала такъ много шума во всей Европѣ, осталась почти безъ отвѣта въ его собственномъ отечествѣ. Только-что окончившаяся война породила, правда, множество брошюръ, относящихся къ этому предмету; болѣе двадцати изъ нихъ лежатъ, въ эту минуту, передъ нашими глазами, но мы были бы въ крайнемъ затрудненіи, еслибы намъ захотѣлось заимствовать изъ нихъ какія-либо, хотя сколько-нибудь основательныя, свѣдѣнія о положеніи и потребностяхъ италіянскихъ государствъ. Посреди этой всеобщей бѣдности политической литературы объ италіянскомъ вопросѣ, книга г. Эдмонда Абу, заглавіе которой мы выписали въ началѣ нашей статьи, не могла пройти незамѣченною. Авторъ ея пользуется большою извѣстностію въ своемъ отечествѣ. Мы не станемъ разсуждать о томъ, въ какой степени извѣстность эта имъ заслужена, но во всякомъ случаѣ, еслибы онъ даже пользовался ею рѣшительно безъ всякаго права, винить въ этомъ слѣдуетъ не его, а французскую публику, которой приходится теперь какъ нельзя болѣе по вкусу романы и повѣсти г. Абу. Книга, о которой говоримъ мы теперь, отличается всѣми недостатками, замѣчаемыми и въ другихъ произведеніяхъ того же самаго писателя: всюду видно желаніе блистать эффектами, скорѣе забавлять, чѣмъ поучать общество; каждая страница наполнена остротами и каламбурами дурнаго тона, особенно неприятными въ сочиненіи, которое занимается серьезнымъ вопросомъ. Несмотря на эти недостатки, въ книгѣ г. Эдмонда Абу собрано много интересныхъ свѣдѣній. Мы постараемся извлечь изъ нихъ самое существенное, и дополнимъ ихъ подробностями изъ другаго, недавно вышедшаго сочиненія, болѣе серьезнаго по содержанію, чѣмъ памфлетъ

французскаго писателя (1). Нужно ли упоминать объ одномъ обстоятельствѣ, которое можетъ возбудить особенный интересъ къ разбираемой нами книгѣ? Несмотря на то, что она подверглась судебному преслѣдованію во Франціи, вслѣдствіе громкихъ жалобъ католическаго духовенства, говорить, что французское правительство не осталось безъ нѣкотораго участія въ ея составленіи. Г. Эдмондъ Абу одинъ изъ тѣхъ молодыхъ людей, которые привыкли грѣться на солнцѣ придворныхъ милостей; съ самаго начала онъ былъ въ близкихъ сношеніяхъ съ парижскимъ официальнымъ міромъ; романы его печатались большею частію въ *Мониторъ*, гдѣ появились также и первыя главы занимающаго насъ теперь его сочиненія о римскомъ вопросѣ. На основаніи этихъ данныхъ, очень многіе въ началѣ войны, и въ томъ числѣ газета *Times*, были убѣждены, что онъ рѣшился посвятить перо свое событіямъ, совершающимся на полуостровѣ, по совѣту самого французскаго правительства, которое хотѣло расположить въ извѣстномъ смыслѣ общественное мнѣніе страны. Предоставляемъ судить читателямъ, насколько справедливо это подозрѣніе: послѣднія событія, кажется, совершенно его опровергаютъ, но кто можетъ поручиться, что въ странѣ, гдѣ политика такъ много зависитъ отъ произвола одного лица, она не можетъ идти въ послѣдствіи совершенно другимъ путемъ, чѣмъ намѣревалась идти вначалѣ?...

Книга г. Эдмонда Абу есть не что иное, какъ поразительная картина злоупотребленій, безпорядковъ и притѣсненій, уверенившихся въ Папской области, подъ сѣнію намѣстника Св. Петра и многочисленнаго, лѣниваго и по большей части невѣжественнаго духовенства. Состояніе страны этой, дѣйствительно, крайне бѣдственно, и замѣчательнѣе всего, что само римское правительство нисколько не думаетъ этого скрывать. Дѣло только въ томъ, что, въ то время какъ страна главнымъ образомъ обвиняетъ его въ своемъ матеріальномъ и нравственномъ паденіи, римское правительство слагаетъ на страну отвѣтственность за всѣ терзающія ее бѣдствія. Графъ Реневаль, прожившій долгое время въ Римѣ, не задумывается стать открыто на сторону этого послѣдняго мнѣнія: «Это—нація, въ которой господствуетъ поразительное разобщеніе — такъ

(1) *Geschichte Italiens von der Gründung der regierenden Dynastien bis zur Gegenwart*, von Reuchlin, вошедшая въ составъ *Staatsgeschichte der neuesten Zeit*, Бидерманна.

рисуетъ онъ римскій народъ, — воодушевляемая пламеннымъ честолюбіемъ, не имѣющая ни одного изъ тѣхъ качествъ, которыя составляютъ могущество и величіе другихъ народовъ, лишенная энергіи, воинственнаго духа, потребностей ассоціаціи, всякаго уваженія къ закону и къ общественнымъ отличіямъ.» Мы надѣемся, что читатели наши станутъ на сторону противоположнаго мнѣнія.

Г. Эдмондъ Абу представилъ въ книгѣ своей изображеніе — довольно впрочемъ поверхностное — различныхъ слоевъ римскаго общества. Нельзя не сознаться, что заключенія, къ которымъ пришелъ онъ, тоже не весьма отрадны. Низшіе классы въ самомъ Римѣ отличаются крайнею бѣдностью и тѣми пороками, которые съ нею неразлучны. Съ самаго 1815 года правительство не сдѣлало ничего, или почти ничего, для того, чтобы распространить хотя какое-нибудь образованіе между жалкими своими подданными: въ Римѣ процвѣтаютъ нѣкоторые семинаріи, въ которыхъ учится молодежь, посвящающая себя духовному званію; что же касается до свѣтскихъ учебныхъ заведеній, то ихъ весьма немного, и находятся они въ крайне-несчастномъ положеніи. Нельзя сказать, впрочемъ, чтобы правительство нисколько не заботилось объ умственномъ и нравственномъ состояніи народа. Заботы эти выражаются въ томъ, что оно издастъ для него отъ времени до времени книги духовнаго содержанія, но многія изъ нихъ походятъ на тотъ катехизисъ, видѣнный г. Гладстономъ въ Неаполѣ, отъ безнравственности котораго содрогнулся знаменитый англійскій государственный человѣкъ. Цѣль ихъ — охранять дѣтское невѣдѣніе простаго человѣка, распространять младенческую невинность въ массахъ и поддерживать убѣжденіе, что для ихъ собственной душевной пользы необходима опека со стороны духовенства. Монахи многочисленныхъ духовныхъ орденовъ, находящихся въ Римѣ, особенно заботятся о томъ, чтобы поддержать въ низшихъ классахъ римскаго народонаселенія это безгрѣшное невѣдѣніе самыхъ необходимыхъ и общедоступныхъ вещей. «Капуцинъ», говоритъ г. Абу, находить себѣ входъ въ каждое жилище: онъ даетъ женѣ лоттерейные билеты, пьетъ съ мужемъ вино, присматриваетъ за дѣтьми, а иногда даже и производитъ ихъ. Римскіе плебеи увѣрены, что никогда не умрутъ съ голоду; имъ позволяется сколько угодно нищенствовать и воровать; въ замѣнъ этого отъ нихъ требуется только, чтобы они были преданы католи-

ческой религіи, падали ницъ передъ духовенствомъ, унижались передъ знатными и не дѣлали революцій.» Если отъ низшаго сословія обратимся къ среднему, то очутимся лицомъ къ лицу съ одинаково-нерадостнымъ зрѣлищемъ. Собственно говоря, средняго класса въ Римѣ не существуетъ, да и какъ бы могъ онъ тамъ образоваться? Въ другихъ государствахъ Европы къ рядамъ его принадлежитъ все, что живетъ трудомъ и знаніемъ, все, что успѣло съ помощію этихъ двухъ могущественныхъ орудій составить себѣ богатство и независимое положеніе въ обществѣ. Но въ Римѣ эти орудія не существуютъ или по крайней мѣрѣ не имѣютъ тамъ никакой дѣйствительной силы. Трудъ? Но онъ подвергается нареканію и возбуждаетъ къ себѣ презрѣніе въ странѣ, въ которой духовенство подаетъ примѣръ бездѣйствія и считаетъ своею обязанностію благосклонно смотрѣть на лѣнь, вида въ ней лишь доказательство умѣренности и отсутствія эгоистическихъ стремленій: нищета считается вѣдь главною христіанскою добродѣтелію, и проповѣдуется вѣдь церковію презрѣніе къ земнымъ благамъ, а церковное правительство не должно ли содѣйствовать проповѣди, дѣлая по мѣрѣ силъ своихъ невозможнымъ для своихъ подданныхъ не исполнять ея. Полезными признаются одни лишь труды духовнаго званія, и только тотъ имѣетъ право на уваженіе, кто занимаетъ какое-либо мѣсто въ церковной іерархіи. Образованіе? Но подъ этимъ словомъ правительствомъ понимается только такое знаніе, которое проникнуто церковнымъ характеромъ. Всякое свѣтское знаніе считается заблужденіемъ ума, а нерѣдко и положительно преслѣдуется, и на страницахъ *Index librorum prohibitorum* ежегодно выставляются творенія, которыя доставили своимъ авторамъ повсемѣстную славу въ Европѣ. Могъ ли, поэтому, образоваться средній классъ въ Римѣ, когда не достааетъ тамъ двухъ самыхъ главныхъ элементовъ, составляющихъ его силу? Поэтому *mezcosato*, человѣкъ средняго сословія, человѣкъ трудящійся, возбуждаетъ къ себѣ глубокое презрѣніе въ высшихъ сферахъ общества, въ рядахъ духовенства и аристократіи. Адвокаты, между которыми находятся весьма достойные люди, какъ напримѣръ гг. Росси, Кетти, Лунати, не встрѣчаютъ себѣ нигдѣ хорошаго пріема. Знатныя лица пользуются при нуждѣ ихъ услугами, но не только не считаютъ себя обязанными имъ, а какъ будто сами дѣлаютъ имъ одолженіе, прибѣгая къ ихъ совѣтамъ. Къ тому же адвокаты не отли-

чаются надлежащимъ смиреніемъ и были сильно замѣшаны въ революціи 1848 года; этого достаточно, чтобы навлечь на нихъ особенное преслѣдованіе духовенства. «Адвокаты были нашею язвой, теперь мы начинаемъ отъ нея выльчиваться,» говорилъ кардиналъ Антонелли герцогу Грамону, намекая этимъ прошедшимъ временемъ, что большинство этого класса людей находится въ ссылкѣ или заточеніи. Медики тоже не въ лучшемъ положеніи. Вообще получить хорошее медицинское образованіе въ Римѣ крайне трудно, ибо правительство способствуетъ, кажется, съ своей стороны, всѣми зависящими отъ него мѣрами, упадку этой важной отрасли знаній. «Намъ нужно получить двѣ докторскія степени, говорилъ одинъ изъ римскихъ лѣкарей автору разбираемой нами книги, — одну теоретическую, другую практическую. Между первымъ и вторымъ экзаменомъ мы упражняемся въ госпиталяхъ, но прелаты, имѣющіе высшій надзоръ за образованіемъ, не дозволяютъ лѣкарю, ради нравственности, прежде чѣмъ онъ не выдержалъ послѣдняго своего экзамена, присутствовать при родахъ. Мы учимся акушерству на куклахъ и на нихъ набиваемъ себѣ руку. Черезъ шесть недѣль я получу, наконецъ, всѣ требуемыя степени, и тогда буду лихимъ акушеромъ, даромъ что никогда не видалъ, какъ рожаютъ женщины.» Когда наконецъ, послѣ разныхъ препятствій и мытарствъ, молодой человѣкъ получаетъ званіе медика, положеніе его въ обществѣ нисколько не дѣлается завиднымъ. Онъ не имѣетъ доступа въ такъ-называемые порядочные дома, ему платятъ за визитъ самую ничтожную цѣну — 2 павла (30 к. сер. на наши деньги), на него смотрятъ свысока, единственно только потому, что онъ честнымъ трудомъ добываетъ себѣ прожитаніе, тогда какъ, надѣвши рясу, могъ бы пользоваться большимъ почетомъ, не дѣлая ровно ничего. Въ такомъ упадкѣ находятся въ Римѣ либеральныя профессіи. Что касается до промышленнаго и торговаго класса, то положеніе его не можетъ быть блестящимъ, уже по той весьма естественной причинѣ, что съ давнихъ поръ промышленность и торговля пришли въ Папской Области въ крайній упадокъ. А между тѣмъ въ странѣ этой онѣ могли бы развиваться блестящимъ образомъ! Съ обѣихъ сторонъ омывается она морями — Адриатическимъ и Средиземнымъ, — и на прибрежьи каждаго изъ нихъ обладаетъ отличными портами, на востокъ — Анконою, на западъ — Чивита-Веккію. Внутри страна отличается замѣчательнымъ плодородіемъ: на нѣкоторыхъ, луч-

шихъ участкахъ пшеница даетъ самъ-пятнадцать, на средникъ—самъ-тринадцать, и самъ-девять на участкахъ низшаго качества. Горы покрыты оливковыми деревьями, лучшими во всей Европѣ; во многихъ мѣстахъ растутъ пальмы и апельсиновые рощи; растительность такъ обильна, что скотъ иногда круглый годъ пасется въ чистомъ полѣ, не зная хлѣва. Виноградныхъ лозъ весьма много, и отличаются онѣ такими разнообразными качествами, что въ Папской области можно было бы выдѣлывать всевозможныя вина и самаго лучшаго свойства. Мы не станемъ высчитывать всѣхъ даровъ, которыми природа такъ щедро надѣлила владѣнія римскаго первосвященника, ибо это завлекло бы насъ слишкомъ далеко; къ тому же, какая польза пересчитывать ихъ, когда они остаются почти безъ всякаго употребленія? Можно проѣхать иногда цѣлыя десятки верстъ, особенно въ областяхъ, прилежащихъ къ Риму, и не встрѣтить ни одного воздѣланнаго поля, не увидеть ни одной, какой бы то ни было, фабрики. Но на кого падаетъ отвѣтственность за такое поразительное и преступное бездѣйствіе? Главнымъ образомъ, теперь падаетъ она, конечно, на народъ, который не умѣетъ или не хочетъ воспользоваться природными богатствами, разстилающимися передъ его глазами, но съ другой стороны, справедливость требуетъ замѣтить, что еслибы, несмотря на внушенія своихъ пастырей, онъ и захотѣлъ предаться дѣятельности, то неминуемо встрѣтилъ бы себѣ на каждомъ шагу затрудненія. Нѣтъ страны, въ которой бы существовало столько всевозможныхъ привилегій, сколько въ Римѣ: продажа соли, табаку, сахару, свѣчъ, даже плодовъ и овощей на рынкахъ принадлежитъ только избраннымъ лицамъ или корпораціямъ, имѣющимъ на то особое дозволеніе отъ правительства. Къ этому присоединяется еще, что пути сообщенія крайне плохи. Нерѣдко приходится видѣть, что въ одномъ городкѣ или деревнѣ хлѣбъ продается по 2½ копейки за фунтъ, а въ другомъ, находящемся не болѣе какъ на разстояніи четырехъ миль отъ перваго, по 1½ копейки; въ мѣстечкѣ Соннино литръ вина стоитъ 14 копѣекъ, а въ двухъ миляхъ отъ него, въ Пальяно, литръ того же самаго вина продается по 5 копѣекъ. Одинъ изъ самыхъ лучшихъ городовъ Папской области, Болонья, соединяется съ Римомъ такими отвратительными дорогами, что письма получаютъ тамъ изъ Рима позднѣе, чѣмъ изъ Вѣны и Парижа. Каждый день отправляется почта изъ Болоньи за границу, и только четыре раза въ недѣлю отходятъ она въ столицу госу-

дарства. О желѣзныхъ дорогахъ нечего и говорить: только въ самое послѣднее время соединили онѣ Римъ съ Чивита-Веккiей, да и то еще инженеры не могли нѣсколько мѣсяцевъ построить станцію: тутъ мѣшала мужской монастырь, тамъ женскій, а въ другомъ мѣстѣ загородная вилла какого-нибудь кардинала, не соглашавшагося продать ее ни за какія деньги. Изъ этого видно, съ какими огромными затрудненіями должна бороться въ Папской области торговля и промышленная дѣятельность. Посреди всеобщей бѣдности, нѣсколько, можно сказать, процвѣтаетъ только одинъ классъ, — классъ фермеровъ, или, какъ называются они въ Римѣ, сельскихъ купцовъ. Они берутъ на аренду огромныя помѣстья, принадлежащія римской аристократіи, воздѣлываютъ землю, пасутъ на ней свой скотъ и по окончаніи срока выплачиваютъ обыкновенно землевладѣльцу наемную цѣну чистыми деньгами. Классъ этихъ людей—самый богатый, изъ всѣхъ тѣхъ, разумѣется, которые живутъ собственнымъ трудомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, одинъ изъ самыхъ образованныхъ. Въ 1848 году люди этого класса не жалѣли своего состоянія, доставшагося имъ, можн^о сказать, пѣтомъ и кровью, для того чтобы поддержать республиканское правительство, водворенное на мѣстѣ правительства клерикальнаго. Одинъ изъ нихъ, въ то время, окончилъ даже на свой счетъ постройку моста Лариччіа, одного изъ лучшихъ произведеній новѣйшей архитектуры. Завидное положеніе, въ которомъ находятся фермеры, эти сельскіе купцы, доказываетъ, что римскій народъ вовсе не такъ неспособенъ къ порядочной дѣятельности, вовсе не такъ безнадежно зараженъ всяческими пороками, какъ увѣряетъ г. Реневаль и люди одинаковаго съ нимъ образа мыслей. Къ несчастію, этотъ классъ людей достаточныхъ, трудолюбивыхъ, образованныхъ, не многочисленъ въ Римѣ и нисколько не опровергаетъ общаго правила, что средняго сословія, въ настоящемъ значеніи слова, тамъ не существуетъ. Гдѣ образованіе находится въ упадкѣ, торговля, промышленность стѣснены различными тягостными условіями, и лѣность, вкоренившись въ массѣ націи, находитъ себѣ покровительство въ высшей власти, — тамъ нельзя, конечно, встрѣтить много гражданъ, которые честному труду обязаны положеніемъ своимъ въ обществѣ.

Остается, слѣдовательно, только аристократія. Дѣйствительно, въ Римѣ существуетъ нѣсколько семействъ,—Корсини, Боргезе, Лудовизи, Доріа, Граціоли и многія другія,—знатное про-

исхождение которых не подвержено ни малѣйшему сомнѣнію, которые доселѣ сохранили и свои богатства, и свою аристократическую снѣсь. Нѣкоторыя изъ нихъ получаютъ отъ 400 до 500 тысячъ франковъ ежегоднаго дохода; дворцы, картинныя галереи ихъ великолѣпны и открыты почти каждый день для посѣщенія и осмотра иностранцевъ; пышность ихъ, когда дѣло доходитъ до того, чтобы задать какое-нибудь празднество, не знаетъ себѣ сравненія,—стоитъ, для примѣра, вспомнить только о князѣ Боргезе, который, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, по случаю возвращенія папы Пія VII, израсходовалъ въ одинъ день 1.200.000 франковъ на пиръ, данный имъ римской черни. Но въ то же время можно указать на римскую аристократію какъ на самый поразительный примѣръ того, до какого ничтожества можетъ низойти это сословіе, когда утрачивается всякая законная причина для его существованія. Кажется, римскіе аристократы сами убѣдились, что назначеніе ихъ состоитъ только въ томъ, чтобы чваниться своимъ происхожденіемъ, давать балы и праздники, и проводить затѣмъ свою жизнь въ самомъ позорномъ бездѣйствіи. Многіе знатные владѣльцы отличнѣйшихъ картинныхъ галлерей не знаютъ никакого толка въ тѣхъ сокровищахъ, которыми они обладаютъ. Въ другихъ странахъ, гдѣ также сохранились потомки нѣкогда славныхъ, но утратившихъ въ послѣдствіи всякое политическое и общественное значеніе, родовъ, они истрачиваютъ свои силы, за неумѣніемъ употреблять ихъ инымъ, лучшимъ образомъ, на чувственныя наслажденія. Въ Римѣ губить аристократію не этотъ животный разгулъ: вліяніе духовенства, лежащее всею своею тяжестью на римскомъ высшемъ сословіи, сдѣлало изъ лицъ, принадлежащихъ къ нему, какихъ-то автоматовъ. Римскіе аристократы люди довольно кроткіе и миролюбивые: они не гнетутъ народа, не злодѣйствуютъ; но клерикальное воспитаніе и постоянная опека со стороны клерикальнаго правительства высосали изъ нихъ всю жизнь. Гоголь въ своемъ *Римѣ* нѣсколькими геніяльными чертами схватилъ самую сущность воспитанія и образа жизни тамошней знати. Г. Эдмондъ Абу говоритъ гораздо подробнѣе о томъ же самомъ предметѣ, но подробныя описанія эти прибавляютъ очень мало къ краткому очерку нашего геніяльнаго художника.

«Вотъ молодые дворянчики, говоритъ авторъ, гуляющіе по Корсо, каждый между двумя іезуитами. Они поражаютъ своею красивою наружностію, несмотря на черное платье и неизмѣнный бѣлый галстукъ, и всѣ они воспитаются одинаково подъ тѣнью огромной, съ широкими

полями, шляпы своего наставника. Голова ихъ походитъ уже на вычищенный садъ, откуда тщательно вырваны всѣ мысли; сердце ихъ чуждо всякихъ страстей, и хорошихъ, и вредныхъ. Когда они выдерживаютъ послѣдніе экзамены и получаютъ дипломъ въ своемъ невѣжествѣ, то тотчасъ же одѣваются по лондонской модѣ и отправляются на публичное гулянье. Съ утра до ночи странствуютъ они по Корсо, по аллеямъ Пинчіо, въ виллахъ Боргезе и Панфони, и пѣшкомъ и верхомъ, съ лорнетомъ или палкою въ рукахъ, и странствуютъ безъ цѣли до тѣхъ поръ, пока не наступитъ время женить ихъ. Не пропуская ни одной обѣдни, ни одного представленія въ театрѣ, они и смѣются, и зѣваютъ, крестятся и аплодируютъ съ одинаковою апатіей и безстрастіемъ. Всѣ они внесены въ списки двухъ или трехъ конгрегацій, и не посѣщаютъ ни одного клуба. Игра въ карты не прельщаетъ ихъ, они не содержатъ танцовщицъ, не любятъ пить и никогда не запутываются въ интригахъ.

«Въ одно прекрасное утро имъ минуешь двадцать пять лѣтъ. Въ этомъ возрастѣ Американецъ съ успѣхомъ перепробовалъ уже два ремесла, составилъ себѣ состояніе, выигралъ процессъ, спорилъ о религіозныхъ вопросахъ, освободилъ негра и, пожалуй, даже покорилъ какой-нибудь островъ. Англичанинъ въ эти года имѣлъ уже время получить двѣ ученые степени, сопровождалъ какое-нибудь посольство, основалъ контору, объѣхалъ всю Европу, говорилъ рѣчи на митингахъ.... Римскій князь ничего не видалъ, ничего не слышалъ, не сдѣлалъ, не выстрадалъ, ничему не научился и ничего не любилъ. Отворяется, обыкновенно, монастырская рѣшотка, выходитъ оттуда молодая дѣвушка, столь же неопытная, какъ онъ, и вотъ эти два невинныя существа преклоняются передъ священникомъ, который разрѣшаетъ имъ плодить такихъ же невинныхъ, какъ они сами....

«Думаете ли вы, что подобный бракъ будетъ сопровождаться несчастьями? Нисколько. А между тѣмъ молодая женщина весьма не дурна. Но небесный сводъ, разстилающійся надъ Римомъ, гаситъ, кажется, въ самомъ зародышѣ пламень страсти. Молодая супруга римскаго князя вачнетъ съ того, что народитъ ему множество дѣтей; хотите ли знать за тѣмъ, какъ будетъ она проводить свои дни зимою? Вставаніе съ постели, туалетъ, дѣти, мужъ, отнимаютъ у нея часть утра. Съ часу до трехъ она дѣлаетъ визиты; въ три часа отправляется въ виллу Боргезе, въ четыре переѣзжаетъ на *Monte Pincio*, а передъ обѣдомъ прогуливается по Корсо. Все высшее общество собирается утромъ въ этихъ трехъ мѣстахъ; еслибы какая-либо изъ значительныхъ римскихъ дамъ не появилась тамъ, то на другой день отправились бы къ ней узавать объ ея здоровьи. Наступаетъ вечеръ,—всѣ возвращаются домой, обѣдаютъ, одѣваются и ѣдутъ въ гости.... Одна очень умная женщина говорила мнѣ про римскіе салоны: «Входя въ нихъ, я чувствую, что становлюсь глупа; ничтожество охватываетъ меня съ самой передней.»

Интересы политическіе и общественные совершенно не касаются римской аристократіи, какъ-будто составляютъ область другаго міра, откуда извѣстія рѣдко долетаютъ до ея ушей. Такъ

проходить, день за день, безмятежная и безцвѣтная жизнь римскихъ знатныхъ семействъ, пока какое-нибудь неожиданное, грозное событіе не нарушитъ ихъ апатіи. Въ 1848 году случилось одно изъ подобныхъ событій. Римская знать разсѣялась тогда изъ города, потомъ снова, вслѣдъ за папою, возвратилась въ свои дворцы, и воспоминаніе о минувшихъ многознаменательныхъ дняхъ сохранилось въ ней развѣ только по памятнику, который маркизъ Памфили воздвигнулъ въ честь Французовъ на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ они проливали кровь согражданъ его.

Вотъ въ какомъ положеніи находятся въ Римѣ низшіе классы, среднее сословіе и аристократія. Какое же сдѣлать изъ этого заключеніе? Согласится ли съ тѣмъ, что римское народонаселеніе не способно ни къ какому, ни къ политическому, ни къ гражданскому возрожденію, что оно осуждено вѣчно прозябать подъ игомъ самаго страннаго изъ правительствъ, которыя существуютъ въ теперешней Европѣ? Мы думаемъ, что подобное мнѣніе было бы крайне несправедливо. Впервые, все сказанное нами до сихъ поръ относится болѣе къ самому Риму и его окрестностямъ, то-есть къ мѣстностямъ, наиболѣе извѣстнымъ европейскимъ путешественникамъ, и надъ которыми они удобнѣе могли дѣлать свои наблюденія. Римскія легатства и провинціи, области, находящіяся за Апеннинскими и прилежащія къ Адриатическому морю, обращали на себя до сихъ поръ несравненно менѣе вниманія, а между тѣмъ положеніе ихъ имѣетъ много особеннаго. Вліяніе духовенства не пользуется въ нихъ—разумѣется, относительно—такою силой, какъ въ самомъ центрѣ католицизма; въ городахъ сохранились остатки муниципальнаго управленія, весьма ничтожные конечно, но которыми народонаселеніе умѣетъ дожить и отстаиваетъ ихъ со всевозможнымъ упорствомъ; богатые землевладѣльцы, проводящіе всю жизнь въ деревняхъ, обладаютъ несравненно ббльшимъ пониманіемъ своихъ интересовъ и ббльшимъ, вообще, образованіемъ, чѣмъ аристократическія семейства, никогда не покидающія своего мѣста около папскаго престола. Мы не думаемъ проводить рѣзкую черту между народонаселеніемъ этихъ провинцій и народонаселеніемъ самаго Рима и прилежащихъ къ нему областей, но все-таки несомнѣнно, что тамъ заключается много элементовъ для благоустроенной гражданской и политической жизни, и римское правительство достойнымъ образомъ исполнило бы свою

задачу, еслибы способствовало правильному и постепенному развитію этихъ элементовъ. Въ то время, какъ въ прилегающихъ къ Средиземному морю частяхъ Папскихъ Владѣній потребовались бы чрезвычайныя усилія центральной власти для того, чтобы пробудить дѣятельность въ жителяхъ, ибо ничего нельзя ожидать тамъ отъ ихъ собственной инициативы, — въ Мархихъ, въ Романьи, Умбри, нужно было бы только, чтобы власть эта своимъ враждебнымъ жизни вліяніемъ не парализировала матеріальнаго и нравственнаго развитія народонаселенія. Съ самаго начала XVI вѣка, съ тѣхъ поръ, какъ провинціи, о которыхъ говоримъ мы, окончательно сдѣлались достояніемъ папскаго престола, онѣ никогда не примирялись съ клерикальнымъ правительствомъ и оказывали ему, хотя и не слишкомъ энергичное, но постоянное противодѣйствіе. Очевидно, поэтому, что изображеніе различныхъ классовъ римскаго общества, сдѣланное нами выше, не можетъ быть приложено съ полною справедливостію ко всей странѣ, что участь, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ ея областей была бы вовсе не такова, какъ теперь, еслибы господствовала тамъ иная форма правленія. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоить только бросить взглядъ на то, какимъ образомъ устроено римское правительство, и до какой степени устройствомъ своимъ оно мѣшаетъ всякому успѣху обществу, находящагося подъ его покровомъ.

«Въ теченіи всего послѣдняго времени, говорить итальянскій писатель Раналли, подданные папы пользовались тишиною безъ сноукійствія, сномъ безъ отдохновенія, и имѣли государя безъ правленія.» Слова эти какъ нельзя лучше изображаютъ состояніе Римской области. Одинъ изъ отличнѣйшихъ государственныхъ людей Англіи (1) говорилъ въ прошедшемъ году, въ засѣданіи парламента, что вообще всякое правительство можетъ исполнять двоякаго рода задачу: во первыхъ способствовать развитію политической и гражданской свободы страны, ничѣмъ не стѣсня свободной инициативы гражданъ, и во вторыхъ, заботиться о сохраненіи порядка и безопасности внутри государства. Первое изъ этихъ условій, сказалъ онъ, по различнымъ обстоятельствамъ, выполняется не вездѣ въ Европѣ; что же касается до втораго, то почти всѣ европейскія правительства заботятся о немъ съ

(1) Лордъ Джонъ Россель.

одинаковою ревностію. И действительно, австрийское владычество въ Италіи, вслѣдствіе тяжелаго политическаго гнета, водвореннаго имъ тамъ, возбудило противъ себя всеобщее негодованіе. Но помимо политическихъ вопросовъ, австрийское владычество заботилось о матеріальномъ благосостояніи подчиненныхъ ему италіянскихъ областей, объ огражденіи въ нихъ общественной безопасности и порядка. Знаменитый государственный человекъ, о которомъ мы упомянули соѣчасъ, утверждаетъ, что только три страны въ Европѣ: Турція, Неаполь и Римъ, не подходятъ въ настоящее время подъ это правило. Действительно, въ Римской области жители не только не пользуются никакими политическими правами, ни малѣйшею свободой рѣчи или дѣйствій, но въ то же самое время не обезпечены ничѣмъ ни въ личной безопасности своей, ни въ своихъ правахъ частной собственности. Правительство тамъ убѣждено, что не оно существуетъ для народа, а, напротивъ, народъ существуетъ для него, долженъ посильными трудами доставлять ему содержаніе, а затѣмъ уже можетъ самъ, какъ хочетъ, охранять имущество свое отъ ночныхъ грабежей и свою жизнь отъ ночныхъ и дневныхъ разбоевъ.

Какимъ же образомъ устроена эта удивительная система римскаго управленія, заботящаяся не о безопасности, а о душевной пользѣ подданныхъ? Исходитъ она, разумѣется, отъ лица самого папы, который, уже по самому принципу своей власти, признается непогрѣшимымъ и единственнымъ распорядителемъ судебъ подвластнаго ему народа. Г. Эдмондъ Абу не счелъ нужнымъ распространяться о личности Пія IX, сидящаго теперь на римскомъ престолѣ, и поступилъ весьма благоразумно: что можно было бы сказать новаго объ этомъ человекѣ, который столь же неповинно съ своей стороны разыгрывалъ когда-то роль приверженца либеральныхъ идей, какъ теперь разыгрываетъ роль поборника самаго не уступчиваго деспотизма? Знаменитый, нѣкогда, папа находится совершенно въ рукахъ партіи, представителемъ которой служить теперешній государственный секретарь въ Римскихъ владѣніяхъ, кардиналъ Антонелли. Авторъ разбираемой нами книги говоритъ довольно подробно о жизни и дѣятельности кардинала и нарисовалъ ихъ, вообще, весьма мрачными красками: самое мѣсто, гдѣ протекли его первые дни, должно было, по его мнѣнію, воспитать въ немъ тогъ характеръ, который онъ внесъ, въ послѣдствіи, въ стѣнныя завѣщанія своихъ общественныхъ обязанностей. «Онъ ро-

дился въ логовищѣ, говоритъ г. Абу. Деревня его, Соннино, известна въ исторіи преступленій гораздо болѣе, чѣмъ известна Аркадія въ исторіи добродѣтели. Это гнѣздо коршуновъ укрывается между горъ, на границѣ Неаполитанскаго королевства. Лѣса, въ которыхъ деревья покрыты вьющимися растеніями, глубокіе овраги, мрачные гроты, составляютъ пейзажъ, представляющій всѣ удобства для совершенія злодѣйства. Дома въ Соннино, старые, дурно построенные, лѣпящіеся одинъ надъ другимъ и почти необитаемые для человѣка, служатъ складомъ для награбленной добычи, магазиномъ для хищничества. Бодрое и сильное народонаселеніе занималось нѣсколько столѣтій сряду вооруженнымъ разбоемъ и доставало себѣ пропитаніе съ ружьемъ въ рукахъ. Новорожденные вдыхали въ себя вмѣстѣ съ горнымъ воздухомъ презрѣніе къ законамъ, всасывали съ молокомъ матери жадность къ чужому достоянію. . . .» Авторъ продолжаетъ въ этомъ тонѣ, но мы не выписываемъ далѣе, полагая, что наши читатели не будутъ увлечены яркостью его красокъ и этою печальною наклонностью къ мелодраматическимъ преувеличеніямъ, которая такъ сильно укоренилась теперь во французской литературѣ. Простая истина несравненно дороже: изъ нея оказывается, что отецъ Антонелли сначала былъ пастухомъ, потомъ занялъ мѣсто управителя въ какой-то деревнѣ и сдѣлалъ себѣ небольшое состояніе. Тотъ изъ сыновей его, — Джакомо, — который занимаетъ теперь въ Римѣ мѣсто государственнаго секретаря, получилъ воспитаніе въ Главной римской семинаріи. Окончивши тамъ курсъ наукъ, онъ, вопреки совѣтамъ начальства, не принялъ монашескаго обѣта и переходилъ, въ званіи домашняго секретаря, отъ одного прелата къ другому. Его тонкій умъ, вкрадчивый характеръ, прилежаніе къ труду, обратили на него вниманіе многихъ важныхъ лицъ, и съ той минуты передъ Антонелли, сыномъ бѣднаго пастиуха, открылась блестящая карьера въ Римѣ. Уже при Григоріѣ XVI онъ занималъ весьма важныя должности: папа этотъ, какъ известно, былъ упрямымъ противникомъ всякихъ нововведеній и терпѣлъ около себя только такихъ людей, которые раздѣляли на этотъ счетъ его образъ мыслей. Антонелли умѣлъ подладиться подъ характеръ правителя и всемогущаго министра его, кардинала Ламбускини. Когда же, послѣ его смерти, въ 1846 году, по голосу народа первосвященника, въ Римѣ началось движеніе, которое долженствовало, по мнѣнію многихъ, привести къ свободѣ не только

это государство, но и всю Италию, Антонелли не задумался откаться от своихъ прежнихъ убъжденій и соединиться съ либеральною партіей. Во все то время, когда Пій IX былъ героемъ итальянскихъ патриотовъ, Антонелли не переставалъ занимать около него самое видное мѣсто и отказался отъ мѣста этого только тогда, когда положеніе папской власти сдѣлалось не совсѣмъ безопаснымъ. Удаленіе его отъ политическихъ дѣлъ не было, впрочемъ, продолжительно. Въ концѣ 1848 года Антонелли появляется въ Гаэтѣ, вслѣдъ за удалившимся туда папою, и занимаетъ при немъ званіе государственнаго секретаря *in partibus*: съ этихъ поръ онъ непрерывно и до самаго послѣдняго времени находился во главѣ управленія. Изъ этихъ нѣсколькихъ словъ видно, что всѣми успѣхами своими Антонелли обязанъ вкрадчивости своего характера, умѣнью ладить со всѣми лицами и со всѣми партіями и отсутствіемъ убъжденій. Такихъ свойствъ недостаточно, конечно, для репутаціи настоящаго государственнаго человѣка, и стоить только взглянуть на то положеніе, въ которомъ находился Римъ въ послѣднее время, дабы убѣдиться, что Антонелли вовсе не заслуживаетъ ея. Онъ умѣлъ только отлично устроить свое собственное положеніе и положеніе всѣхъ своихъ родственниковъ: самъ онъ кардиналъ, первый министръ, имѣетъ огромное состояніе, не имѣвши прежде ровно ничего; одинъ изъ его братьевъ — губернаторъ банка и ссудной казны, второй — глава муниципальнаго совѣта въ Римѣ, третій занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ полиціи, четвертый не занимаетъ никакого мѣста, но положеніе его, быть-можетъ, тѣмъ завиднѣе, ибо онъ находится неотлучно при особѣ кардинала и исполняетъ всѣ тайныя его порученія. Обстановка эта какъ нельзя болѣе выгодна, и счастливымъ смертнымъ, пользующимся ею, остается только желать, чтобы жизнь ихъ текла такъ же безмятежно, какъ протекала она до сихъ поръ. Самому кардиналу не болѣе пятидесяти трехъ лѣтъ. «Онъ еще не старъ, говоритъ г. Эдмондъ Абу. Тѣлосложеніе его крѣпкое, и здоровье его — здоровье настоящаго горнаго жителя. Ширина его лба, блескъ глазъ, орлиный носъ и вообще вся верхняя часть его фигуры возбуждаетъ нѣкоторое удивленіе. Смуглое лицо свидѣтельствуетъ несомнѣнно объ умѣ. Но огромная челюсть, длинные зубы, жирныя губы указываютъ на самые грубые инстинкты. Когда онъ прислуживаетъ папѣ въ религіозныхъ церемоніяхъ Святой Недѣли, онъ поражаетъ своимъ презрительнымъ и надменнымъ видомъ. Онъ жи-

вотъ въ самомъ Ватиканѣ, надъ покоями Пия IX. Римляне спрашиваютъ, въ видѣ каламбура, кто выше—папа, или Антонелли? Всѣ классы общества одинаково его ненавидятъ. Самъ Кончини не возбуждалъ къ себѣ столько вражды. Кардиналъ единственный человѣкъ, на счетъ котораго сходятся всѣ мнѣнія.»

«Этотъ счастливый смертный, замѣчаетъ авторъ въ другомъ мѣстѣ, страдаетъ только одною слабостью, очень, впрочемъ, извинительною въ его положеніи, — страхомъ смерти. Одна высокая и красивая женщина, которую онъ удостоивалъ своихъ лѣтностей, разказывала мнѣ: «Когда я являлась на свиданіе, онъ бросался на меня какъ сумасшедшій и страстно ощупывалъ мои карманы. Только удостовѣрившись такимъ образомъ, что у меня не было спрятаннаго оружія, онъ вспоминалъ, что мы — друзья.»

Таковъ характеръ государственнаго человѣка, отъ котораго зависитъ въ настоящее время все управленіе въ Римѣ. Стѣбитъ взглянуть теперь, какъ устроена самая система этого управленія (1). Вся страна раздѣлена на нѣсколько провинцій, вовсе неравныхъ между собою по пространству. Нѣкоторыя изъ нихъ, именно провинціи Урбино и Пезаро и легатства: Болонья, Анкона, Феррара и Форли, управляются кардиналами-легатами (красными чулками), остальные монсиньорами, то-есть прелатами (лиловыми чулками). Не всѣ правители эти пользуются одинаковою властію, — часто, даже въ той же самой области, одинъ изъ нихъ имѣетъ или гораздо болѣе или менѣе правъ, нежели его предшественникъ, ибо опредѣленіе этихъ правъ зависитъ совершенно отъ произвола папы. Кардиналы и монсиньоры завѣдываютъ полиціею, войсками (карабинерами), председательствуютъ въ провинціальныхъ совѣтахъ, изрекаютъ административнымъ путемъ, *via sommaria*, судебные приговоры, могутъ также по произволу освобождать виновныхъ отъ исполненія произнесенныхъ надъ ними судебныхъ приговоровъ. Такъ какъ провинція или легатства иногда весьма обширны, то раздѣляются они въ свою очередь на округа, которыми управляютъ губернаторы. Эти должностныя лица председательствуютъ въ муниципальных совѣтахъ, которые собираются только съ ихъ дозволенія и могутъ разсуждать только

(1) Нѣкоторыя подробности объ этомъ предметѣ можно найти въ упомянутомъ выше сочиненіи г. Рейхлина: *Geschichte Italiens*.

о тѣхъ предметахъ, о которыхъ разсуждать дозволено имъ правительственною властію. И кардиналы, и монсиньоры, и губернаторы почти совершенно свободны отъ отвѣтственности за свои дѣйствія: правительство не можетъ слѣдить за ними, ибо по-неволѣ должно смотрѣть на все ихъ же собственными глазами, народонаселеніе не защищено отъ ихъ беззаконій никакими правами, печать не пользуется даже тѣнью свободы. Слѣдствіемъ этого происходитъ, конечно, самый безграничный произволъ: если и не встрѣчается теперь, быть-можетъ, правителей въ родѣ кардинала Маттеи, который, при Григоріѣ XVI, сожигалъ въ Равеннѣ рукою палача не нравившіяся ему приказанія римскаго правительства и оставался, несмотря на то, безнаказаннымъ, то тѣмъ не менѣе беззаконія всякаго рода не только не уменьшились, но можетъ-быть возросли въ послѣднее время. Карабинеры публично разказывали въ 1848 году, какъ они силою таскали въ дома легатовъ и монсиньоровъ тѣхъ женщинъ, на которыхъ эти достойные начальники обращали свои нечестивые взоры. «Всѣмъ извѣстно, замѣтилъ на дняхъ въ парламентѣ лордъ Джонъ Россель, что римскіе кардиналы сами первые готовы издѣваться надъ управленіемъ, которое идетъ такъ дурно въ ихъ рукахъ. Еще весьма недавно, на вопросъ, сдѣланный одному болонскому легату, каково идутъ дѣла въ его области, тотъ отвѣчалъ: «Очень хорошо; жители весьма довольны; мнѣ кажется, впрочемъ, что во всей Болоннѣ только два лица преданы папскому правительству, — я да мой помощникъ; въ помощникъ, однако, я не совсѣмъ увѣренъ.» Съ другой стороны извѣстно, что эти же самые кардиналы смотрятъ на всякое выраженіе неудовольствія по поводу ихъ распоряженій, какъ на невѣрность церкви и богоотступничество.

По высшимъ сановникамъ можно составить себѣ нѣкоторое понятіе объ ихъ подчиненныхъ. Свѣтскія лица совершенно исключены изъ управленія: только духовное званіе даетъ право на всѣ правительственныя мѣста. Всѣ сколько-нибудь важныя должности — министровъ, префектовъ, посланниковъ, членовъ высшихъ судебныхъ трибуналовъ президента и вице-президентовъ государственнаго совѣта и консулы финансовъ, генераль-директора полиціи, директоровъ всѣхъ благотворительныхъ и учебныхъ заведеній, — заняты лицами духовнаго званія. Безполезно доказывать, что въ этомъ заключается главное зло, которымъ страдаетъ римское управленіе: духовенство рѣшительно неспособно исполнять различныя обязанности, принимаемыя имъ на себя, ибо не

ниже ни: светы, ни требующихся на то свидѣній; оно уважаетъ только каноническіе законы и не цитаетъ ничего кромѣ презрѣнія къ гражданскимъ законамъ; оно само чувствуетъ, наконецъ, неловкость своего положенія, и тѣмъ сильнѣе укореняется въ немъ сознаніе этого, тѣмъ съ большею надменностью пользуется оно своею властію.

Можно было бы удивляться, какимъ образомъ католическое духовенство, считающее въ своихъ рядахъ очень много людей достойныхъ и высокообразованныхъ, оказывается до такой степени неспособнымъ къ управленію свѣтскими дѣлами; съ перваго взгляда это представляется даже невѣроятнымъ, и потому мы видимъ, что многіе готовы производить изъ вольнодумства всѣ нападки, которымъ подвергается римская клерикальная администрація, готовы называть противниковъ папскаго правительства вольтеріянцами и энциклопедистами. Но опытъ не одной только Папской области, а многихъ другихъ странъ, ясно свидѣтельствуешь въ пользу великаго начала секуляризаціи. Истинный служитель слова не можетъ хотѣть свѣтской власти; призванный дѣйствовать словомъ и убѣжденіемъ, онъ не измѣнить своему призванію и не обратится къ пособію меча. Властолюбіе есть качество, совершенно противоположное духовному званію и совершенно искажающее его, когда случается, что люди духовнаго званія заражаются этимъ качествомъ. Духовный человѣкъ, носящій власть, въ сущности перестаетъ уже быть духовнымъ, и только носить личину человѣка духовнаго: поэтому-то нѣтъ среды въ человѣческомъ обществѣ, въ которой было бы такъ распространено лицемеріе, какъ въ атмосферѣ, окружающей духовныя лица, облеченныя свѣтскою властію или вообще вмѣшивающіяся въ свѣтскія дѣла. Это фактъ, засвидѣствованный исторіей и легко объясняющійся изъ самаго существа понятій о духовномъ званіи и свѣтской власти. Значеніе государственной власти совершенно искажается въ рукахъ духовенства. Государственная власть должна ограждать внѣшній порядокъ въ человѣческомъ обществѣ, наблюдать за внѣшнею стороною человѣческой жизни, заботиться о томъ, чтобы подданные могли здѣсь на землѣ жить по-человѣчески. Свѣтская власть легко можетъ удержаться въ этихъ предѣлахъ; если она посягаетъ на святую совѣсть, на свободу внутреннихъ движеній человѣческой души, или тѣхъ внѣшнихъ дѣйствій человѣка, которыя безвредны для его ближнихъ, то это можетъ быть лишь временнымъ

заблужденіемъ, но никакой свѣтскій судъ не можетъ долго вѣнчать въ себѣ безумное призваніе замѣнить собою Страшный Судъ Божій. Совершенно противное мы видимъ тамъ, гдѣ правительствуетъ духовенство. По высокому призванію своему, оно считаетъ и должно считать своимъ назначеніемъ заботу о духовномъ, вѣчномъ благѣ людей, о благѣ ихъ будущей жизни. Принимая въ свои руки управленіе свѣтскими дѣлами, оно не можетъ не перенести этого взгляда на свою свѣтскую дѣятельность. Оно равнодушно смотритъ на свои свѣтскія правительственныя обязанности и въ замѣнъ того старается употреблять свѣтскія средства для достиженія духовныхъ цѣлей. Не исполняя обязанностей свѣтскаго правительства, оно вступаетъ на ложный путь при исполненіи своихъ духовныхъ обязанностей, и усиливается служить дѣлу, которое *не отъ міра сего*, земными средствами, искажающими его. Полиція должна заботиться о безопасности гражданъ, о неприкосновенности ихъ собственности; въ рукахъ духовенства она становится благодѣтельницей душевной пользы ихъ. Она святотатственно вторгается въ область религіи, а между тѣмъ своего настоящаго дѣла не дѣлаетъ; воры и разбойники пользуются свободой дѣйствовать безнаказанно, а дѣйствія и мысли, совершенно безвредныя или даже полезныя, подвергаются стѣснительному надзору и бываютъ встрѣчаемы недоброжелательно, на томъ основаніи, что стремленіе самостоятельно мыслить и дѣйствовать изобличаетъ недостатокъ смиренія. Покорность монастырскаго послушника требуется отъ каждаго подданнаго, и въ то же время тотъ, кто оказываетъ покорность правительству, не пользуется отъ него никакою защитой. Потерять имущество, потерпѣть незаслуженное наказаніе, не значить еще погубить свою душу; духовное правительство, пекущееся о спасеніи душъ своихъ подданныхъ, очень легко смотритъ на эти бѣдствія, тѣмъ болѣе, что въ своей земной жизни само нисколько не испытываетъ, какъ велико неудобство всѣхъ этихъ бѣдствій. Никакой свѣтскій деспотизмъ не можетъ представить такого извращенія естественнаго хода дѣлъ. Физическая сила употребляется на такіе дѣла, которыя могутъ быть совершены лишь духовною силой; вслѣдствіе того, съ одной стороны, духовная сила слабеетъ, потому что дѣло ея возлагается на физическую силу, а съ другой стороны, физическая сила, принимая на себя задачи, для нея недостижимыя, не исполняетъ того, что могло бы быть ею исполнено. Полиція становится небеснымъ учрежденіемъ,

решити — земныя. Физическая и духовная силы мѣняются роками, и объ тратятся безплодно, не исполняя ни та, ни другая своего назначенія. Поэтому-то въ высшей степени несправедливо думать, что идею секуляризаціи защищаютъ противники церкви. Напротивъ, осуществленіе этой идеи необходимо для того, чтобы церковь стала церковью, а государство государствомъ, чтобы Божіе было отдано Богу, а кесарево кесарю.

Несообразность теперешняго устройства Папскихъ Владѣній такъ очевидна, что не одни только подданные папы протестовали и протестуютъ противъ него, но Европа нѣсколько разъ старалась внимательствомъ своимъ измѣнить его. Такъ, напримеръ, въ знаменитомъ меморандумѣ 1831 года, представленномъ четырьмя главными державами, настоятельно требовалось ввести свѣтское управленіе въ Римскомъ государствѣ. Въ 1848 году произведена была даже значительная реформа въ этомъ смыслѣ, но вскорѣ прежній порядокъ вещей возстановленъ былъ вѣсть съ реакціей, начавшеюся не только въ Папскихъ Владѣніяхъ, но и на всемъ полуостровѣ. Лицеиѣрное правительство нашло самое вѣрное средство обойти требованія народа: лица свѣтскаго званія, которымъ вручало оно временно, и вынужденное только настоятельною необходимостію, управленіе дѣлами, отличались такою неспособностью, что несчастное общество начинало вспоминать о правленіи клерикаловъ, какъ о сравнительно-лучшемъ для себя времени.

Ошибочно было бы, впрочемъ, думать, что въ Папскихъ Владѣніяхъ вовсе нѣтъ учреждений, которыя ограничивали бы произволъ духовныхъ должностныхъ лицъ. Въ каждой значительной провинціи находится консульта (административный совѣтъ), которая состоитъ изъ четырехъ лицъ свѣтскаго званія, и съ которою легаты и жомсиньйоры должны совѣщаться о всѣхъ важныхъ дѣлахъ; но члены этого совѣта назначаются самимъ папой и не иначе, какъ по представленію легата. Такъ, напримеръ, въ провинціяхъ существуютъ провинціальныя, въ городахъ — муниципальныя совѣты, но стбитъ взглянуть только на ихъ устройство, на кругъ ихъ дѣйствій, чтобы понять, какъ обманчивы эти призраки гражданскаго самоуправленія. Каждый округъ состоитъ изъ общинъ, которыя сами избираютъ членовъ своихъ совѣтовъ, и выборы эти происходятъ обыкновенно слѣдующимъ образомъ: не всѣ жители общины имѣютъ право подавать голоса, а только тѣ въ нихъ, которые получили отъ полиціи и приходскаго свя-

щенника свидѣтельство въ благонамѣренности своей и хорошемъ поведеніи. Очевидно, слѣдовательно, что съ самаго начала избиратели находятся совершенно въ рукахъ правительства, или, лучше сказать, правительство допускаетъ къ выборамъ только тѣ лица, въ которыхъ оно вполнѣ увѣрено. Избранные такимъ образомъ общинные совѣтники представляютъ папѣ или его легату списокъ кандидатовъ для муниципальнаго совѣта. Списокъ этотъ обыкновенно весьма великъ; такъ, напримѣръ, въ Болоньѣ въ него вносится 156 лицъ, тогда какъ нужно назначить не болѣе одиннадцати членовъ. Муниципальные совѣты участвуютъ точно такимъ же образомъ въ выборѣ главнаго провинціального совѣта каждой области. Казалось, папскому правительству нечего было бы опасаться встрѣтить какую-либо оппозицію со стороны устроенныхъ на подобномъ основаніи мѣстныхъ властей, но подозрительность его успокоивается не такъ легко. И въ муниципальных, и въ провинціальныхъ совѣтахъ къ избраннымъ членамъ оно присоединяетъ еще довольно значительное число членовъ, назначенныхъ имъ самимъ, и притомъ эти правительственные совѣтники никогда не мѣняются, тогда какъ одна треть избранныхъ должна черезъ каждые два года подвергаться смѣнѣ. Для довершенія картины нужно замѣтить, что въ муниципальных совѣтахъ предсѣдательствуютъ губернаторы, а въ провинціальномъ—кардиналь, безъ согласія которыхъ совѣты эти не могутъ заниматься никакимъ важнымъ дѣломъ, не могутъ принять никакого самостоятельнаго рѣшенія. Если прибавить къ этому совершенное безмолвіе печати, то, безъ сомнѣнія, каждый читатель составитъ себѣ надлежащее понятіе о значеніи этого муниципальнаго управленія, на которое папское правительство любитъ указывать каждый разъ, какъ считаетъ необходимымъ оправдываться передъ общественнымъ мнѣніемъ цивилизованной Европы.

Послѣ обозрѣнія административнаго управленія, необходимо упомянуть въ нѣсколькихъ словахъ о судебномъ устройствѣ Римской области. Можно сказать, что это самая больная сторона Рима, что нигдѣ безпечность и безобразіе клерикальнаго управленія не выставляется въ болѣе-отвратительной наготѣ. О независимости судебного сословія отъ посторонняго вліянія, и преимущественно отъ вліянія правительственной власти, о великомъ правилѣ этомъ, признаемъ теперь почти во всей западной Европѣ, не можетъ быть и рѣчи въ Папскихъ Владѣ-

никъ. И тутъ, точно такъ же какъ и въ администраціи, возмне въ неслыханное обыкновеніе замѣщать судейскія должности только лицами духовнаго званія. Такъ какъ жалованье, соединенное съ этими должностями, весьма незначительно, то обыкновенно замѣщаются онѣ или тѣми членами духовенства, которые только вступаютъ на общественное поприще, или же, чаще всего, тѣми, которые запятнали себя какимъ-нибудь важнымъ проступкомъ, а потому отправляютъ ихъ засѣдать въ судѣ, какъ въ изгнаніе. Судьи духовнаго званія, наполняющіе собою трибуналы Римской области, не имѣютъ никакого понятія о законѣ. Большая часть изъ нихъ отличаются хуже чѣмъ подозрительною репутаціей, и благодѣтельное папское правительство нисколько не тревожится этимъ: въ 1845 году, деканъ Гросси, занимавшій одно изъ самыхъ важныхъ мѣстъ въ главномъ апелляціонномъ судѣ, былъ публично уличенъ въ подлогъ какихъ-то бумагъ, за что былъ отставленъ, правда, отъ должности, но съ сохраненіемъ полной пенсіи. Можно сказать утвердительно, что римскіе судьи ревностно заботятся только объ одномъ—награбить себѣ, по возможности, кое-какое состояніе и не возбудить ничѣмъ противъ себя неудовольствія высшаго духовенства.

Что касается до судебного порядка, то онъ устроенъ слѣдующимъ образомъ: въ главномъ городѣ каждой провинціи находится трибуналъ какъ для уголовныхъ, такъ и для гражданскихъ дѣлъ. Засѣданія его, разумѣется, не публичны; если тяжущіяся стороны не довольны его приговоромъ, то могутъ подавать жалобу въ высшій апелляціонный трибуналъ, засѣдающій въ Римѣ и извѣстный подъ именемъ: *Sacra Romana Rota*. Въ этомъ главномъ судилищѣ находится двѣнадцать прелатовъ, называющихся *auditori*. Каждый изъ нихъ имѣетъ одного помощника и двухъ секретарей, *segreti*, которые разбираютъ бумаги, относящіяся къ процессу, и составляютъ изъ нихъ докладныя записки для своихъ патроновъ. *Rota* изрекаетъ приговоры свои, не стѣняясь никакими законами, никакими правилами; она можетъ руководствоваться безразлично совѣстью и примѣрами прошедшаго; чаще всего руководствуется она произволомъ. Члены этого трибунала не вступаютъ въ переговоры съ тяжущимися сторонами, но такъ какъ дѣло зависитъ, главнымъ образомъ, не столько отъ нихъ, сколько отъ ихъ помощниковъ и секретарей, составляющихъ доклады, то на умиловивленіе этихъ всемогущихъ лицъ обращается, обыкновенно, главное вниманіе. Имъ публично да-

итя преддѣства, угоненія, и это такъ вошло въ нравы, что рѣшительно никого не удивляетъ, и никто не находитъ этого даже предосудительнымъ. Все сказанное нами относится только къ одной сторонѣ римскаго судопроизводства: что же касается до дѣлъ, въ которыхъ замѣшаны духовныя лица, до такъ-называемыхъ религіозныхъ преступленій: святотатства, богохульства и т. д., то они подлежатъ особому суду мѣстныхъ епископовъ. Высшимъ апелляціоннымъ трибуналомъ надъ всѣми этими епископскими судами служитъ извѣстный *Santo Ufficio*, судъ инквизиторскій, засѣдающій постоянно въ столицѣ государства.

Всѣ политическіе процессы поступаютъ на обсужденіе такъ-называемыхъ исключительныхъ судовъ, назначаемыхъ въ Римѣ самимъ папою, а въ провинціяхъ кардиналами-легатами. Бываетъ, впрочемъ, очень часто, что легаты предсѣдательствуютъ и въ обыкновенныхъ трибуналахъ, въ тѣхъ случаяхъ особенно, когда имъ хочется составить приговоръ въ извѣстномъ смыслѣ. Всѣ старанія ихъ направлены къ тому, чтобы политическій и гражданскій порядокъ, существующій въ Римѣ, ничѣмъ не былъ нарушенъ, и чтобы существующія злоупотребленія были переносимы съ совершенною покорностію и смиреніемъ. Это считается основнымъ правиломъ, передъ которымъ должно совершенно умолкнуть чувство пастырской кротости и снисходительности. Папское правительство отличается неумолимою строгостію къ такъ-называемымъ политическимъ преступленіямъ и расточаетъ свое милосердіе лишь на тѣ обыкновенныя злодѣянія, ежедневно совершающіяся въ государствѣ, отъ которыхъ терпятъ личная безопасность и имущество гражданъ. Лишь только выражаетъ кто-либо малѣйшее неудовольствіе противъ господствующаго порядка, какъ попадаетъ немедленно подъ надзоръ полиціи, подъ такъ-называемое *precetto*. Лица, имѣвшія несчастіе подвергнуться ему, надолго, иногда на всю жизнь, бываютъ обречены на нѣчто въ родѣ монастырскаго послушанія: они должны при заходѣ солнца немедленно возвращаться домой и не покидать его до утра, не могутъ выѣзжать за городъ, даже для прогулки, полиція можетъ во всякое время посѣщать ихъ и слѣдить за исполненіемъ своихъ предписаній. Число лицъ, находящихся подъ *precetto*, огромно и увеличивается съ каждымъ днемъ. Г. Эдмондъ Абу увѣряетъ, что въ одномъ Витербо, при народонаселеніи въ 14.000 человекъ, ихъ не менѣе 250; въ другихъ обширнѣйшихъ городахъ ихъ конечно несравненно болѣе. Всякое отступленіе отъ упомянутыхъ нами поли-

цѣлѣхъ правилъ подвергаетъ виновнаго тюремному заключенію, что можетъ, конечно, считаться одною изъ самыхъ послѣднихъ степеней наказанія, ибо римскія тюрьмы ужасны. Несчастные преступники десятками заключаются тамъ въ небольшихъ комнатахъ, не имѣютъ воздуха, обременены цѣпями и должны довольствоваться отвратительною, не рѣдко даже вредною пищею. Главная тюрьма Римской области, Пальано, превосходить можетъ-быть всѣ прочія дурнымъ своимъ устройствомъ. Въ 1856 году, заключенные въ ней преступники, выведенные изъ терпѣнія бѣдственнымъ положеніемъ своимъ, рѣшились бѣжать, хотя едвали могли разчитывать на успѣхъ своего предпріятія: большая часть этихъ несчастныхъ, дѣйствительно, были перестрѣляны въ то время, какъ пробирались по крышамъ тюрьмы. Но не одинъ только тюрьмы ожидаютъ въ Римской области тѣхъ, кто осмѣливается возвышать свой голосъ противъ существующихъ злоупотребленій: смертная казнь употребляется тамъ, быть-можетъ, еще чаще, чѣмъ даже въ Неаполь. Особенно относится это къ адриатическимъ провинціямъ, гдѣ политическій надзоръ за гражданами принадлежалъ, до послѣднихъ событій, пополамъ папскому и австрійскому правительству. Несомнѣнные факты показываютъ, что въ теченіе послѣднихъ семи лѣтъ въ Анконѣ подверглись за политическія преступленія смертной казни 60, въ Болоньѣ 180 чело-вѣкъ. Австрійское военное начальство, господствовавшее въ этихъ городахъ, не хотѣло ничего знать о законахъ, распоряжалось въ Римской области какъ бы въ своей собственной странѣ. Одинъ изъ достойнѣйшихъ итальянскихъ патриотовъ, г. Фарини, разказываетъ въ недавно-изданной имъ брошюрѣ случай, который можетъ дать понятіе объ австрійскомъ судопроизводствѣ. «Въ 1852 году, въ Феррарѣ, говоритъ онъ, жилъ молодой чело-вѣкъ благороднаго происхожденія, прекрасно воспитанный, бывший у всѣхъ на хорошемъ счету, по имени Гаэтано Унгарелли. Молодой чело-вѣкъ этотъ былъ схваченъ по приказанію австрійскаго генерала, вмѣстѣ съ семью другими лицами, по обвиненію въ политическомъ заговорѣ. Ему сдѣлали допросъ о немъ самомъ, объ его сообщникахъ, ихъ планахъ и образѣ мыслей: онъ отвѣчалъ, что въ свои года не могъ еще имѣть долгой политической жизни и не знаетъ ничего, въ чемъ бы могъ упрекнуть себя. Тогда попытались тронуть его, говоря ему о родственникахъ, которые будто бы умоляли на ко-лѣняхъ о немъ австрійскаго генерала. Затѣмъ прибѣгли къ угро-

замъ, но все одинаково бесполезно: молодой человекъ молчалъ. Отъ угрозы перешли скоро къ исполненію ихъ и принесли орудія бичеванія; Унгарелли просилъ, чтобъ его избавили отъ подобнаго позора; ему отвѣчали, что онъ долженъ въ такомъ случаѣ сдѣлать откровенное сознание. Въ теченіи двухъ часовъ онъ былъ подвергаемъ тѣлесному наказанію, которое нарочно прерывали отъ времени до времени. Вся эта сцена происходила въ присутствіи его друга, Доменико Малагутти, которому приписывали также составленіе какого-то возмутительнаго письма. Унгарелли и Малагутти были одинаково приговорены къ смертной казни. Фельдмаршалъ Радецкій смягчилъ это наказаніе для перваго изъ нихъ, осудивши его на двѣнадцать лѣтъ *carcere duro* и каторжную работу. Несчастный былъ дѣйствительно скованъ одною цѣпью съ отъявленными злодѣями въ анконской гавани, гдѣ онъ пробылъ восемнадцать мѣсяцевъ, потомъ былъ переведенъ въ тюрьму Пальяно. Что касается до Доменика Малагутти, то онъ былъ разстрѣлянъ.»

Строгость римскаго правительства и достойнаго союзника его, правительства австрійскаго, неумолима, какъ мы уже замѣтили выше, только къ политическимъ преступленіямъ. Что касается до обыкновенныхъ уголовныхъ преступленій, то тутъ, напротивъ, господствуетъ непростительная слабость и проявляется незлобивость, свидѣтельствующая лишь о томъ, какъ мало интересуется папское правительство благосостояніемъ и безопасностію своихъ подданныхъ. Отъявленный разбойникъ имѣетъ множество средствъ укрыться отъ пресѣдующаго его правосудія: всякая церковь, монастырь, всякое церковное владѣніе, можетъ служить ему надежнымъ убѣжищемъ (*asylum*). Всѣмъ извѣстно, какимъ разгуломъ пользуются въ Римѣ бандиты, благодаря непроходимымъ дорогамъ и безопасности вооруженной силы. При Григоріѣ XVI римское правительство принуждено было вести съ ними по всей формѣ дипломатическіе переговоры и даже предлагало предводителямъ этихъ разбойничьихъ шайкъ богатыя пожизненные пенсіи, если только они откажутся отъ своего страшнаго ремесла (1). Но даже въ томъ случаѣ, когда отъявленный преступникъ подвергается заслуженной казни, наказаніе его нисколько не служитъ спасительнымъ примѣромъ для народа. Правительство

(1) Рейхлинъ *Geschichte Italiens*, 115.

подлежатъ такою дурною репутациею, что, когда оно даже съ полною справедливостію распределяетъ свои кары, всякій готовъ видѣть въ лицахъ, подвергающихся имъ, несчастныя и позитивныя жертвы. Народу очень хорошо извѣстно, что при производствѣ слѣдствія употребляются пытки и тѣлесныя наказанія. Въ 1856 году самъ болонскій трибуналъ долженъ былъ публично осудить жестокия средства, *violenti e feroci*, которыми стараются вынудить сознание у обвиненныхъ. Къ тому же, въ то время какъ политическіе процессы рѣшаются въ нѣсколько часовъ, обыкновенные уголовные процессы длятся нередко десять или пятнадцать лѣтъ; публика забываетъ, конечно, какое преступленіе совершилъ идущій на казнь, и почти всегда на пути своемъ онъ слышитъ: *poveretto!* съ выраженіемъ неподдѣльнаго къ нему сочувствія. Нужно прибавить къ этому возмутительное лицепріятіе, которымъ отличаются римскіе суды: клерикальная партія, проповѣдующая, по ученію Евангелія, всеобщее равенство и братство на землѣ, старается всѣми силами поддержать сословное различіе въ самой столицѣ католицизма. Въ то время какъ человѣкъ бѣдный и незнатный подвергается самымъ строгимъ наказаніямъ, для человѣка богатаго и извѣстнаго своимъ происхожденіемъ существуютъ всевозможныя послабленія. Доказательства этого разсыпаны обильно во всѣхъ, самыхъ безпристрастныхъ сочиненіяхъ о Римѣ, и мы жалѣемъ только, что г. Абу, какъ нарочно, выбралъ изъ нихъ наиболее неудачныя и неосновательныя. Такъ, напримеръ, онъ говоритъ, что герцогъ Чезарини Сфорца убилъ, въ порывѣ гнѣва, своего слугу за грубость и отбѣлся только заключеніемъ на мѣсяцъ въ монастырь. Герцогъ успѣшилъ протестовать противъ этой клеветы, ибо положительно доказано, что убійство совершено было имъ по печальной неосторожности и безъ всякаго злаго умысла. Онъ напечаталъ недавно въ *Times* письмо, адресованное къ нему самимъ г. Эдмондомъ Абу, въ которомъ французскій писатель сознаетъ свою ошибку и величаетъ герцога главою либеральной партіи, покровителемъ земледѣлія, другомъ прогресса, врагомъ клерикальнаго правленія и своимъ естественнымъ союзникомъ — похвалы, встрѣченныя, надо замѣтить, съ явнымъ презрѣніемъ тѣмъ лицомъ, къ которому онъ относятся. Легкомысліе г. Абу несколько не уменьшаетъ, впрочемъ, достовѣрности той истины, что знатное лицо въ Римѣ всегда найдетъ средства уничтожить слѣды своего преступленія, или укрыться отъ отъѣтственности

за него. Но если убійство такъ часто находить въ Римѣ средства избѣгнуть достойной кары правосудія, то воровство пользуется еще большею безнаказанностію: оно совершается открыто, на широкую руку и, позволительно думать, даже съ содѣйствіемъ полиціи. Г. Эдмондъ Абу привелъ въ своей книгѣ достаточное количество разказовъ о томъ, какъ друзья и знакомые его были ограбляемы среди бѣлаго дня, на большой дорогѣ, и получали на всѣ свои жалобы одинъ и тотъ же неизмѣнный отвѣтъ: «*Che volete?* что хотите? бѣдность очень велика!» Безполезно было бы приводить здѣсь эти разказы, ибо всякій, посѣщавшій Римскія Владѣнія, можетъ черпать ихъ десятками изъ своихъ собственныхъ воспоминаній. Но самую полную безнаказанностію пользуется, сравнительно съ прочими, сословіе административное. Довольно упомянуть о процессѣ маркиза Кампаны, надѣлавшемъ такъ много шума въ свое время, чтобы понять, до какой степени безстыдства можетъ дойти грабежъ римскихъ высшихъ чиновниковъ. Кампана былъ директоромъ ссудной казны (*monte di pietà*): то былъ человекъ образованный, отличавшійся изящнымъ вкусомъ и имѣвшій особенную страсть къ коллекціямъ драгоценныхъ вещей, обращавшихъ на себя вниманіе своею стариной или изящною отдѣлкой. Коллекціи эти поглащали почти всѣ, весьма значительные, его доходы, и вскорѣ онъ очутился безъ денегъ. Кампана рѣшился прибѣгнуть къ займамъ, но у кого же было лучше занять, какъ не у той же самой ссудной казны, которой онъ былъ директоромъ? И дѣйствительно, онъ занялъ 100.000 франковъ, подъ залогъ, съ вѣдома тогдашняго министра финансовъ, монсиньера Галли. Вскорѣ способъ этотъ до того понравился Кампанѣ, что онъ рѣшился снова взять денегъ изъ кассы, но на этотъ разъ безъ всякаго уже залога и никому не говоря о томъ, то-есть покусился на чистое воровство. Въ теченіи двухъ лѣтъ, между 1854 и 1856 годами, похитилъ онъ такимъ образомъ 2.647.730 франковъ, и потомъ въ 1857 году еще 2.587.200 франковъ. Хищничество директора ссудной казны не могло конечно оставаться для всѣхъ тайною, несмотря на всѣ его старанія скрыть его; но возможно ли было подвергать ответственности Кампану, когда онъ давалъ такіе превосходные пиры, когда домъ его открытъ былъ съ утра до ночи для всей римской знати? Въ прошедшемъ (1858) году, однако, кардиналъ Антонелли замѣтилъ, что скандалъ зашелъ слишкомъ далеко, и рѣшился положить ему конецъ: къ тому же маркизъ

Кампана былъ одинъ изъ немногихъ чиновниковъ свѣтскаго званія, не возбуждалъ къ себѣ, слѣдовательно, особеннаго сочувствія духовенства, и мѣсто, занимаемое имъ, давно уже прельщало роднаго брата кардинала. Кампана былъ уличенъ въ хищничество и отданъ подъ судъ: пренія тянулись очень долго, и адвокатъ его, позволившій себѣ въ рѣчи нѣкоторыя свѣлыя выраженія о многихъ другихъ злоупотребленіяхъ въ Римѣ, былъ отставленъ на нѣсколько мѣсяцевъ отъ должности. Виновный былъ присужденъ къ каторжной работѣ на двадцать лѣтъ, но приговоръ этотъ былъ вскорѣ замѣненъ заключеніемъ въ какой-то монастырь, гдѣ онъ живетъ теперь въ совершенномъ спокойствіи.

Ежедневно происходятъ въ Римѣ явленія, совершенно противныя духу современной цивилизаціи, всѣмъ понятіямъ, принятымъ въ остальныхъ европейскихъ обществахъ. Въротерпимость не извѣстна даже по имени въ столицѣ католицизма, и иновѣрцы, особенно несчастные Евреи, подвергаются гоненіямъ, которыя характеромъ своимъ напоминаютъ средніе вѣка. Г. Эдмондъ Абу разсказываетъ много случаевъ, подтверждающихъ это: удовольствуемся для примѣра нѣкоторыми. Евреи не имѣютъ права въ Папской Области пріобрѣтать себѣ землю для воздѣлыванія, и если изрѣдка это удается имъ, то не иначе, какъ подъ чужимъ именемъ. Одинъ изъ нихъ прибѣгнулъ къ этому способу и нѣсколько времени отлично велъ свои дѣла: хитрость его не долго оставалась, однако, тайною, и лишь только узнали сосѣди, кто настоящій владѣлецъ земли, какъ начали грабить его со всѣхъ сторонъ самымъ наглымъ образомъ. Тотъ, кто далъ Еврею свое имя для пріобрѣтенія земли, не могъ или не захотѣлъ подавать жалобу и вообще принимать какія-либо мѣры противъ того грабежа, которому она подвергалась. Мѣры эти, впрочемъ, не могли быть слишкомъ сложны или обременительны: надлежало только нанять нѣсколькихъ сторожей, но Евреи, по римскимъ законамъ, не могутъ нанимать себѣ христіанъ въ услуженіе. Несчастный землевладѣлецъ отправился къ начальнику французскаго гарнизона въ Римѣ, генералу Гюйону, откровенно объяснилъ ему все дѣло и просилъ заступничества. Генералъ началъ хлопотать очень ревностно: ему обѣщали сдѣлать исключеніе въ пользу Еврея, о которомъ идетъ рѣчь, не отнимать у него земли, позволить ему нанять сторожей, — но дни шли за днями, земля болѣе и болѣе терпѣла отъ грабежа, а обѣщаніе не испол-

нялось. Генералъ Гюйонъ рѣшился тогда прибѣгнуть къ болѣе энергическимъ мѣрамъ, — онъ прямо объявилъ кардиналу-министру внутреннихъ дѣлъ, что не выйдетъ отъ него до тѣхъ поръ, пока желанное разрѣшеніе не будетъ у него въ карманѣ. Министръ долженъ былъ уступить этимъ настоятельнымъ просьбамъ и вынесъ изъ кабинета своего бумагу, на которой обозначено было имя сторожа, долженствовавшего поступить къ Еврею. Владѣлецъ земли былъ, конечно, въ восторгѣ и не зналъ мѣры своей благодарности французскому генералу, — но что же оказалось? Сторожъ, имя котораго стояло въ министерскомъ дозволеніи, давно уже умеръ! Въ то же самое время полиція дала знать Еврею, что его ожидаютъ весьма неприятныя послѣдствія, если онъ вздумаетъ еще разъ обращаться съ просьбою къ г. Гюйону. Таковы гарантіи, которыми пользуется собственность Евреевъ въ Папскихъ Владѣніяхъ. Но не одна только собственность, — всѣ прочія, самыя законныя права ихъ не внушаютъ ни малѣйшаго къ себѣ уваженія. Въ городѣ Ченто, Феррарской области, богатый Еврей, г. Падова, былъ женатъ на весьма-красивой женщинѣ, тоже, разумѣется, Еврейкѣ. Черезъ нѣсколько времени она не захотѣла жить съ своимъ мужемъ, бѣжала отъ него и рѣшилась выйти замужъ за христіанина. Кардиналъ Опиццони самъ совершалъ бракосочетаніе. Г. Падова обратился съ жалобою къ высшему правительству, но ему отвѣчали весьма грубымъ образомъ, что жидовскіе браки не признаются римскимъ закономъ. Стоитъ упомянуть за тѣмъ объ исторіи Мортары, надѣлавшей въ свое время такъ много шума, и тогда сдѣлается вполне понятнымъ, почему, несмотря на нѣкоторыя либеральныя мѣры Пія IX, несмотря на то, что онъ разрушилъ ворота Гетто, позволилъ Евреямъ ходить днемъ по улицамъ, и не сгоняетъ уже ихъ насильно одинъ разъ въ недѣлю слушать христіанскія проповѣди въ церкви, — число ихъ уменьшается въ Римѣ съ каждымъ годомъ. При Григоріѣ XVI ихъ было тамъ 12.700, теперь же, по послѣднимъ исчисленіямъ, находится только 9.200 человекъ.

Скажемъ, въ заключеніе, нѣсколько словъ о финансовомъ состояніи Папскихъ Владѣній. Г. Эдмондъ Абу представилъ о немъ много любопытныхъ свѣдѣній въ своей книгѣ, которыя заимствованы имъ главнымъ образомъ изъ сочиненія маркиза Неполи: *О государственномъ долгѣ Римской области*. Мы видимъ изъ нихъ, что едвали въ какой-либо другой странѣ налоги отличаются такою обременительностію. Въ Болоньѣ, на-

примѣръ, сельская поземельная собственность платить 160 фр. въ каждыя 100 фр. дохода, подлежащаго налогу: фискъ, такимъ образомъ, не ограничивается тѣмъ, что поглощаетъ весь доходъ, но ежегодно беретъ еще часть капитала. Правительство, милосердное къ бандитамъ, считаетъ жестокость своею обязанностію, когда дѣло идетъ о взысканіи податей: въ 1855 году, примѣръ, почти вся южная Европа терпѣла отъ бѣзны винограда, и въ то время какъ во всѣхъ другихъ странахъ правительства старались помочь несчастнымъ собственникамъ, въ Римѣ налогъ на виноградъ въ этомъ самомъ году пролился до 4.862.500 фр. Но такъ какъ съ владѣльцевъ виноградниковъ дѣйствительно нечего было взять, то всѣ общины должны были нести отвѣтственность за правильность и полноту сбора этого налога. Ввозъ и вывозъ товаровъ обложенъ самыми тягостными пошлинами: папское правительство взимаетъ по 10 процентовъ съ общей цѣнности всѣхъ вывозимыхъ и по 16 со всѣхъ ввозимыхъ товаровъ. Скотоводство крайне затруднительно въ Римѣ, ибо должно платить по 7 р. с. съ головы при продажѣ, еще больше того въ случаѣ вывоза. Лошади платятъ по 5 процентовъ со своей цѣнности каждый разъ, какъ они продаются, такъ что если одной лошади случится перемѣнить двадцать владѣльцевъ, то правительство получить съ нея то же самое, во что она обошлась первому своему хозяину.

Таковы тягости, обременяющія торговлю и промышленность Римской области: можно было бы привести много другихъ примѣровъ, но и тѣ, которые приведены нами, говорятъ, кажется, довольно краснорѣчиво. Папское правительство не задумывается, правда, утверждать при всякомъ удобномъ случаѣ, что подданные его платятъ налоговъ не болѣе какъ по 9 фр. съ человѣка. Можно возразить на это, вопервыхъ, что объ умѣренности налоговъ никакъ нельзя судить по цифрамъ, что она познается только по сравненію съ общимъ богатствомъ народа. «Несравненно лучше платить много и быть богатымъ, какъ англійская нація, справедливо замѣчаетъ авторъ разбираемой нами книги. Что сказали бы, примѣръ, о правительствѣ королевы, если бы послѣ того, какъ торговля, промышленность, земледѣліе, всѣ отрасли народнаго богатства страны, пришли бы въ совершенный упадокъ, оно стало хвастаться тѣмъ, что каждый англійскій подданный платитъ не болѣе 9 фр. налога!» Но не говоря уже объ этомъ, совершенно несправедливо, будто Римляне платятъ столь умѣренную сумму: дѣло въ томъ, что

правительство считаетъ тутъ только одни прямые налоги, платимые государству, и не считаетъ налоговъ косвенныхъ, точно такъ же, какъ провинціальныхъ и муниципальных тяжестей. Чтò касается до первыхъ, то они обременительны до послѣдней степени, ибо самые необходимые продукты, — вино, хлѣбъ, мука, мясо, овощи, сѣно, дрова, — обложены болѣе или менѣе высокою податью. Какъ высоки суммы, платимыя каждою провинціей или городомъ для собственнаго своего содержанія, можетъ дать совершенно достаточное понятіе одинъ примѣръ: Болонья платитъ ежегодно около 2.200.000 фр. прямыхъ налоговъ и 2.400.000 франк. провинціальныхъ тяжестей, слѣдовательно, болѣе чѣмъ ту же самую сумму. Нужно ли говорить, что налоги и подати распределены самымъ несправедливымъ образомъ и падаютъ преимущественно на промышленное, торговое населеніе и бѣдныхъ землевладѣльцевъ?

Государственные расходы Римской области простираются среднимъ числомъ ежегодно до 46 милліоновъ франковъ. Изъ нихъ 25 милліоновъ идетъ на уплату публичнаго долга, возрастающаго съ поразительною быстротой; 10 милліоновъ на швейцарскую гвардію и на несчастныхъ папскихъ солдатъ, *papalini*, какъ ихъ называютъ, которые никогда не участвуютъ въ войнахъ, а служатъ только для того, чтобы сопровождать религіозныя церемоніи да давить народъ при малѣйшемъ неудовольствіи съ его стороны; 3 милліона на тюрьмы, тоже не совсѣмъ необходимыя для народнаго благосостоянія и кромѣ того извѣстныя во всей Европѣ своимъ отвратительнымъ устройствомъ. Затѣмъ 2 милліона идутъ на министерство юстиціи, 250.000 фр. на публичныя работы, 1.500.000 фр. на благотворительныя заведенія и только 400.000 на народное просвѣщеніе. Такимъ образомъ изъ 46.000.000 фр. только 4.000.000 идутъ на то, чтò могло бы дѣйствительно быть полезнымъ для народа, но и эта ничтожная сумма расхищается по большей части безъ всякой пользы. Слѣдуетъ ли удивляться, послѣ того, что при отвратительной администраціи, при всеобщемъ застоѣ промышленности и торговли, при бѣдности и праздности народонаселенія, Римское государство только и существуетъ займами? Государственный долгъ простирается теперь до 359.403.756 франковъ, и въ этой суммѣ содержаніе иностранныхъ, — французскихъ и австрійскихъ — войскъ обошлось до сихъ поръ болѣе чѣмъ въ 22 милліона фр. Бюджетъ прошедшаго года показываетъ дефицитъ въ 12 милліоновъ.

Какъ же устроено управленіе римскими финансами? Каноническое право строго запрещаетъ членамъ католической церкви заниматься какими бы то ни было денежными сдѣлками, оборотами, банкирскими дѣлами, торговыми и промышленными предпріятіями, а между тѣмъ все управленіе это, начиная съ самой должности министра финансовъ, находится въ рукахъ духовныхъ лицъ. Это послѣднее злоупотребленіе возбуждало наиболѣе неудовольствія противъ себя, и одною изъ первыхъ мѣръ Пія IX, въ исходѣ 1847 года, было учрежденіе такъ-называемой консулты финансовъ. Въ послѣдствіи, въ *Motu proprio* 1849 года, учрежденіе это было еще разъ подтверждено самымъ опредѣленнымъ образомъ: «Консулта, сказано въ немъ, будетъ подавать свой голосъ при опредѣленіи всѣхъ статей дохода, а равно будетъ контролировать и расходы. Съ мнѣніемъ ея будутъ согласоваться при назначеніи новыхъ налоговъ, при измѣненіи налоговъ существующихъ, при распредѣленіи ихъ, будутъ совѣщаться съ нею о средствахъ поднять торговлю и вообще обо всемъ, что можетъ служить къ увеличенію народнаго богатства.» Разумнымъ словамъ этимъ суждено до сихъ поръ оставаться только словами. Они были сказаны въ 1849 году, а консулта была собрана въ первый разъ только въ 1853 году, но съ тѣхъ поръ и до самаго послѣдняго времени она имѣла только номинальное значеніе. Обязанность ея состоитъ въ томъ, чтобы безмолвно соглашаться на всѣ мѣры папскаго правительства; никто не спрашиваетъ ея мнѣнія, а если она и подаетъ его въ нѣкоторыхъ случаяхъ безъ спросу, то мнѣніе это не имѣетъ рѣшительно никакой силы.

Таково политическое и гражданское состояніе Римской области въ настоящее время. Злоупотребленія, господствующія во всѣхъ отрасляхъ администраціи и судебного устройства, такъ возмутительны, положеніе общества, страдающаго отъ нихъ, такъ бѣдственно, что честные и просвѣщенные приверженцы папской власти, въ Европѣ, все рѣже рѣшаются возвышать теперь свой голосъ въ ея защиту. Они знаютъ, что дѣло, которое хотѣли бы они отстаивать, окончательно проиграно въ глазахъ всѣхъ лицъ, не зараженныхъ католическимъ суевѣріемъ и не слѣпо увѣжденныхъ въ непогрѣшимости папы *quand même*. На дняхъ современное состояніе Римской области было предметомъ долгаго и серьезнаго обсужденія въ собраніи, гдѣ власть римскаго первосвященника имѣетъ, правда, весьма мало поклонниковъ, но гдѣ безграничная свобода преній и уваженіе

ко всѣмъ высказываемымъ мнѣніямъ давали полную возможность этимъ немногимъ представить безпрепятственно апологію Пія IX и его министровъ. Мы говоримъ о засѣданіи 28 іюля въ англійскомъ парламентѣ (1). Два ирландскихъ католика: г. Бауиеръ (Bowyer) и г. Мегиръ (Maguire) явились ревностными защитниками теперешняго римскаго правительства и того политическаго и гражданскаго порядка, который оно поддерживаетъ въ своемъ государствѣ. По мнѣнію ихъ, Италія не можетъ имѣть правительства, которое болѣе отвѣчало бы политическимъ ея потребностямъ и ревностнѣе заботилось бы о ея благосостояніи. Великое достоинство его заключается въ первыхъ въ томъ, что оно вполне національно. Имѣлъ ли бы Римъ какое-нибудь значеніе въ Европѣ, еслибы намѣстники Св. Петра не избрали его своею столицей? Чтò могло бы спасти его въ противномъ случаѣ отъ того, чтобы не низойти ему на равную ступень съ Болоньей, Феррарой, Моденой, Пармой и другими городами полуострова? «Папы всегда были опорой національной партіи, воскликнулъ г. Бауиеръ. Юліи II говорилъ венеціанскому посланнику: «Во всей Италіи только два національныхъ государя—герцогъ капуанскій и моя тіара.» Герцогъ капуанскаго уже нѣтъ, а тіара еще цѣла, и до сихъ поръ не лишилась своего прежняго величія!» Во всемъ, чтò ставится теперь просвѣщенной Европой въ упрекъ папской власти, г. Бауиеръ видитъ, напротивъ, ея великую заслугу. Онъ не отрицаетъ, что управленіе Римской области находится въ рукахъ духовенства, но чтò же, спрашиваетъ онъ, въ томъ дурнаго? Человѣкъ свѣтскій исполненъ мірскихъ и эгоистическихъ интересовъ; онъ увлекается ими то въ ту, то въ другую сторону, духовное же лицо стоитъ выше всѣхъ земныхъ страстей и умѣетъ сохранить невредимымъ свое безпристрастіе. Другой католикъ, г. Мегиръ, не ограничился только общими разсужденіями; онъ обратился къ самымъ фактамъ. «Не стану возражать на всѣ клеветы, которыми вошло въ обыкновеніе осыпать папское правительство, сказалъ онъ. Замѣчу только, что въ послѣдніе годы оно улучшается съ каждымъ днемъ, что это правительство вполне хорошее, прогрессивное, и г. Гладстонъ лучше ладилъ бы съ финансами, еслибъ онъ былъ не англійскимъ, а римскимъ канцлеромъ казначейства.» Доказательство

(1) См. *Times*, Friday, July 29, 1859.

такого страннаго мнѣнія г. Мегиръ видитъ въ томъ, что финансы Рима находились бы въ блестящемъ положеніи, еслибы республиканская партія не оставила послѣ себя на 7 милліоновъ ф. ст. (42 милліона руб. сер.) ассигнацій, потерявшихъ почти всякую цѣнность. Онъ забываетъ только при этомъ объяснить, почему республиканцы умѣли внушить довѣренность къ своимъ ассигнаціямъ, не прибѣгая для этого, какъ положительно теперь извѣстно, ни къ какимъ насильственнымъ мѣрамъ. Точно такъ же и во всемъ остальномъ: г. Мегиръ указываетъ на значительное число воспитанниковъ въ римскихъ семинаріяхъ, не говоря ни слова о томъ, какого рода воспитаніе получаютъ они тамъ; указываетъ на количество миль, на которыя простирается телеграфъ, забывая, что въ наше время телеграфъ не рѣдкость почти во всѣхъ странахъ Европы. Но главные доводы, которыми оба названные нами члена палаты общинъ думали извинить теперешнее папское правительство, заключаются въ бѣдственномъ состояніи римскаго народонаселенія. Римскій народъ, по ихъ мнѣнію, до такой степени зараженъ лѣзвостію, безпечностію и всевозможными пороками, что нельзя было бы желать для него того самоуправленія, которое производить такіа чудеса въ Англии. «Благородный лордъ, проведшій такъ много времени въ Италиі, замѣтилъ г. Бауиеръ, обращаясь къ лорду Джону Росселю, казалось, долженъ былъ бы знать, что такое италіанскій народъ. Онъ не можетъ не знать, что Италіанцы вовсе не похожи на Англичанъ. Когда онъ говоритъ о необходимости для жителей Римской области устроить самимъ свое управленіе и выразить свободно и безпрепятственно, въ чемъ заключаются ихъ потребности, то забываетъ, конечно, что политическія партіи будутъ болѣе деспотически тяготѣть надъ народонаселеніемъ, чѣмъ теперешнее правительство. Можетъ ли послѣ этого говорить благородный лордъ о спокойномъ выраженіи общественнаго мнѣнія, какъ будто бы дѣло шло о парламентскихъ выборахъ въ Миддльсексъ? Все это вигскія теоріи, вовсе неприложимыя къ италіанскому обществу, сложившемуся совсѣмъ при другихъ условіяхъ, чѣмъ общество нашей страны.»

Не трудно было, конечно, опровергнуть эти софизмы. Не трудно было изобличить эти устарѣвшія замашки всѣхъ деспотическихъ правительствъ въ родѣ римскаго, которыя, прикрываясь мнимымъ невѣжествомъ и неспособностію къ политической жизни своихъ подданныхъ, на этомъ основаніи счи-

таютъ себя въ правѣ нисколько не заботиться объ ихъ благѣ. Разумное и благонамѣренное правительство должно опираться въ подвластномъ ему обществѣ на самый просвѣщенный классъ людей. Вопросъ въ томъ, находится ли такой классъ въ Римской области. Знаменитѣйшіе государственные люди Англій, наиболѣе знакомые съ состояніемъ италіянскаго полуострова, не задумались отвѣчать на него утвердительно. «Грустно слышать мнѣніе, замѣтилъ г. Гладстонъ, будто бы въ Италіи, и особенно въ Папскихъ Владѣніяхъ, находятся только двѣ партіи — одна крайняя республиканская, а другая слѣпо привязанная къ папеккой власти и готовая отстаивать всё ея злоупотребленія; что будто бы тамъ нѣтъ партіи умѣренно-либеральной или вигской, какъ выразились сейчасъ умышленно. Если подъ вигскою партіей подразумѣвать ту, которая привержена къ разумной, конституціонной свободѣ, то смѣло утверждаю, что она существуетъ въ Римской области. Ряды ея, правда, мельчаютъ съ каждымъ днемъ, но происходитъ это отъ того, что, вслѣдствіе невыносимыхъ гоненій, она находитъ невозможнымъ оставаться въ своемъ отечествѣ и переселяется въ другія страны, гдѣ болѣе свободы для мысли и дѣйствій. Нельзя не замѣтить при этомъ, что во всей Европѣ приверженцы крайнихъ политическихъ теорій и поклонники абсолютизма готовы съ радостью и заодно осыпать насмѣшками мысль о существованіи въ Италіи класса людей, привязаннаго къ разумнымъ либеральнымъ учрежденіямъ. Еслибы классъ этотъ пользовался влияніемъ на правительство Римской области, дѣла пошли бы тамъ вовсе не такъ, какъ идутъ они теперь, и приверженцы папы убѣдились бы, что нападки на управленіе его происходятъ не отъ вражды къ католической религіи. Касательно самого себя, по крайней мѣрѣ, могу увѣрить, что я очень уважаю папу и желаю только, чтобы у него постоянно былъ подъ носомъ парламентъ, въ родѣ, напримѣръ, парламента піемонтскаго, который мѣшалъ бы этому непогрѣшимому лицу дѣлать каждый день непростительные промахи.» Лордъ Пальмерстонъ отвѣчалъ однимъ только доводомъ на рѣчи двухъ упомянутыхъ нами ирландскихъ членовъ, но доводомъ неопровержимымъ. «Римское правительство, замѣтилъ онъ, не имѣетъ рѣшительно никакого оправданія въ глазахъ просвѣщенной Европы. Если оно такъ хорошо и такъ прогрессивно, какъ хотѣлъ увѣрить насъ почтенный джентльменъ (г. Бауйеръ), то чѣмъ же объяснить то несомнѣнное обстоя-

тельство, что давно было бы оно низвергнуто, еслибы только не опиралось на чужеземныя войска? Оно само нисколько не обольщаетъ себя на этотъ счетъ, а кому же, кажется, какъ не ему, знать лучше настоящее расположеніе умовъ въ Римской области? Не въ характерѣ людей низвергать безъ причины какое бы то ни было правительство. Говорятъ, правда, что человѣкъ, по природѣ своей, будто бы разрушительное животное, но вѣдь все-таки не въ такой же стѣпени. (*Смѣхъ.*) Напротивъ, мы видимъ, что если правительство хорошо, то даже въ томъ случаѣ, когда оно возбуждаетъ противъ себя неудовольствіе меньшинства, большинство, здравымъ смысломъ своимъ, сдерживаетъ это неудовольствіе. Въ 1848 году, напримѣръ, нашей собственной столицѣ угрожало возмущеніе; что же случилось? Сотня тысячъ благомыслящихъ гражданъ вооружились не пистолетами, не кинжалами, а простыми палками, и городъ остался такъ же спокоенъ въ этотъ день, какъ днемъ ранѣе и днемъ позднѣе. То же самое происходило бы и въ Римѣ, еслибы тамъ было дѣйствительно хорошее правительство.»

Мы упомянули, кажется, обо всемъ, что находится любопытнаго въ книгѣ г. Эдмонда Абу: остается сказать только нѣсколько словъ о тѣхъ средствахъ, которыя онъ считаетъ наиболее дѣйствительными для преобразованія Римской области. Г. Абу—истый Французъ, съ ногъ до головы; понятно, слѣдовательно, что средства эти состоятъ, по его мнѣнію, въ одномъ—въ устройствѣ хорошаго правительства. Еслибы только вмѣсто теперешняго римскаго управленія поставлено было другое, въ родѣ, напримѣръ, того, которое существуетъ во Франціи, все пошло бы отлично, и Римская область превратилась бы внезапно въ страну, цвѣтущую всякимъ довольствомъ. Мы далеко не раздѣляемъ столь сладостныхъ надеждъ. Мы знаемъ, что хотя въ Римской области есть классъ людей, сознающихъ бѣдственное положеніе страны и достаточно просвѣщенныхъ для того, чтобы помочь ему, все-таки большинство народонаселенія сильно заражено тѣми недостатками, которые обыкновенно развиваются при отсутствіи всякихъ политическихъ интересовъ и всякой полезной гражданской дѣятельности. Если оно не разъ возставало единодушно противъ тяготѣвшаго надъ нимъ гнета, то только оправдывало этимъ слова, сказанныя недавно г. Гизо: «Есть степень дурнаго правительства, которой народы, большіе и малые, невѣжественные и просвѣщенные, одинаково

не переносятъ въ наше время» (1). Но нельзя не сознаться, что никакое правительство, можетъ-быть, не обязано нести такой строгой ответственности за общество, подвластное ему, какъ правительство римское. Римскій народъ не могъ трудиться надъ своимъ благосостояніемъ; всѣ сѣмена жизни были подавляемы въ немъ ревнивыми пастырями. Но еслибъ и ожили эти сѣмена, римскій народъ не могъ бы измѣнить правительственную систему въ смыслѣ болѣе сообразномъ съ своими потребностями, ибо система эта постоянно опиралась на чужеземную помощь, служившую ей всѣми своими силами.

Владѣнія папы состоятъ изъ областей, весьма различныхъ между собою и по матеріальнымъ богатствамъ и по степени развитія народонаселенія: адриатическія провинціи стоятъ въ этомъ отношеніи несравненно выше тѣхъ, которыя находятся по ту сторону Апеннинъ. Обязанныя одинаково съ ними изнывать подъ бременемъ дурнаго правительства, не разъ провинціи эти поднимали знамя возмущенія: духъ оппозиціи Риму никогда не умиралъ въ нихъ, и еще за долго до начала послѣдней войны графъ Кавуръ говорилъ, что онѣ достаточно созрѣли для того, чтобы пользоваться либеральными учрежденіями. Недавнія событія, кажется, подтвердили это мнѣніе: вся Романья, значительная часть Умбріи и Мархій, поспѣшили свергнуть съ себя власть папы и, предоставленная самимъ себѣ, умѣли сохранить порядокъ и уваженіе къ закону. Будемъ надѣяться, что Европа поможетъ имъ въ этомъ дѣлѣ и по крайней мѣрѣ положить конецъ насильственному сохраненію въ сердцѣ Италіи невозможнаго порядка вещей, посредствомъ иностранной вооруженной силы. Очищеніе Папскихъ Владѣній отъ французскихъ войскъ будетъ мѣрою болѣе полезною для Италіи, болѣе надежною и болѣе гуманною, чѣмъ рѣзня при Маджентѣ и Сольферино...

Ев. Феоктистовъ.

(1) *Mémoires*, tome II, 293.

БѢДНОСТЬ

ПОВѢСТЬ

I.

Черезъ нѣсколько лѣтъ по возвращеніи войскъ нашихъ изъ Франціи, NN пѣхотная дивизія была расположена въ В*** губерніи. Дивизионный штабъ стоялъ въ губернскомъ городѣ, а также и штабъ *.... пѣхотнаго полка.

В*** былъ городишка прескверный. Домовъ и жителей въ немъ было очень мало, но онъ былъ такъ разбросанъ, что на томъ же самомъ пространствѣ могъ бы помѣститься огромнѣйшій и великолѣпнѣйшій городъ. Осенью и весною по его улицамъ грязь была непроходимая, а лѣтомъ страшная пыль.

Разъ лѣтомъ, въ воскресенье, назначенъ былъ отъ *.... пѣхотнаго полка разводъ на площади передъ соборною церковью. День былъ невыносимо знойный, но несмотря на то почти весь городъ собрался къ собору, потому что военные стали въ городѣ недавно, жители не успѣли еще привыкнуть къ разнымъ парадамъ и смотрамъ, и притомъ же недавніе славные подвиги нашей арміи были очень живы въ памяти русскаго общества и народа, и это придавало военнымъ еще болѣе интереса.

Когда разводъ началъ собираться, изъ воротъ крошечнаго, стараго домика, при самомъ въѣздѣ въ городъ, вышелъ молодой офицеръ, средняго роста и стройный, одѣтый въ полную форму и перетянутый въ рюмочку; подъ мышкой онъ несъ какой-то узелокъ. Онъ спѣшилъ къ разводу и шелъ очень скоро, потому что отъ его квартиры до соборной церкви было по крайней мѣрѣ полторы версты. Когда онъ прошелъ уже съ версту, его обогналъ дивизионный адъютантъ, проскакавшій на новенькихъ дрожкахъ, запряженныхъ парюю въ оглобляхъ.

«Счастливецъ!» подумалъ офицеръ, провожая взглядомъ пару рыжихъ съ дрожками и адъютантомъ, и потомъ грустно посмотрѣлъ на свой узелокъ.

Немного не доходя до площади, онъ свернулъ въ глухой переулокъ. Убѣдившись, что никто его не видитъ, онъ развязалъ узелокъ, вынулъ оттуда пару новыхъ сапогъ, переобулся и, завязавъ въ старый платокъ истасканные сапоги, въ которыхъ вышелъ изъ квартиры, пошелъ далѣе. Скоро ему попалась торговка, продававшая вишни и огурцы; офицеръ поздоровался съ нею, назвавъ ее по имени, и отдалъ ей узелокъ свой, прося поберечь его, пока онъ вернется съ развода.

На разводѣ онъ былъ одинъ изъ самыхъ интересныхъ офицеровъ: никто не маршировалъ лучше его, ни у кого не было такой тонкой талии и такъ ловко сидѣвшаго мундира. Много женскихъ глазъ, хорошенеккихъ и дурныхъ, свѣтлыхъ и темныхъ, взглядывали на него благосклонно, но онъ такъ занятъ былъ службой, что не обратилъ вниманія на присутствующихъ, пока не кончился разводъ; тогда только онъ съ любопытствомъ оглянулъ зрительницъ и, полюбовавшись нѣсколько секундъ тѣми дамами, которыя показались ему хорошенеккими, ушелъ съ площади. Онъ былъ страшно голоденъ, потому что ничего не ѣлъ утромъ.

Проходя мимо торговки, онъ взялъ у нея узелокъ, переобулся опять, съѣлъ два огурца, обтерши ихъ предварительно своимъ клѣтчатымъ бумажнымъ носовымъ платкомъ, заплатилъ ей мѣдный грошъ и пошелъ домой.

Деньщикъ встрѣтилъ его въ дверяхъ квартиры.—Давай умыться, сказалъ офицеръ, проходя въ низенькую комнатку, которая служила ему и спальней, и столовой, и пріемной.

— Сейчасъ, отвѣчалъ деньщикъ.—Письмо есть къ вашему благородію, прибавилъ онъ, забѣгая впередъ офицера и подавая ему письмо, лежавшее на столѣ.

Офицеръ взялъ письмо, распечаталъ конвертъ, на которомъ было написано: «Его благородію Семену Ивановичу Чувашеву, въ городѣ В***, прапорщику *... пѣхотнаго полка,» и сталъ читать:

«Милый братъ! Если у тебя станетъ денегъ доѣхать сюда, то похлопочи о переводѣ твоёмъ; я же здѣсь помогу тебѣ обмундироваться, а лошадку тебѣ я уже приготовилъ хорошую; по случаю пришлось купить очень дешево, почти за безцѣнокъ. Совѣтую тебѣ продать все лишнее и ненужное изъ твоего платья: можетъ-быть этихъ денегъ хватитъ тебѣ на дорогу. Впрочемъ на всякій случай постараюсь прислать тебѣ рублей двадцать пять. Прощай! Твой другъ и братъ Михайлѣ Чувашевъ.»

«Братъ! Братъ! Какъ онъ добръ ко мнѣ! подумалъ Семень Ивановичъ, прочитавъ письмо. Непремѣнно перейду въ кавалерію! Награди Богъ брата за все, за все. Еслибъ я могъ когда-нибудь отблагодарить его!»

Семень Ивановичъ раздѣлся, умылся и спросилъ объѣдать. Деньщикъ принесъ ему въ горшкѣ щи съ говядиной и кашу, подалъ ему отлично вычищенную оловянную ложку, старый ножъ и вилку, и сталъ тщательно убирать его платье. Семень Ивановичъ съ большимъ аппетитомъ поѣлъ щей и каши и легъ спать, мечтая о переходѣ въ уланы.

Не откладывая, принялся онъ хлопотать о переводѣ своемъ въ кавалерію для совмѣстнаго служенія съ братомъ; ему удалось это безъ всякихъ затрудненій, тѣмъ болѣе, что полкъ, въ которомъ служилъ его братъ, былъ изъ числа полковъ, расположенныхъ въ военномъ поселеніи, куда очень не охотно въ первое время переходили офицеры.

Черезъ нѣсколько времени прапорщикъ Чувашевъ, переименованный въ корнеты У... уланскаго полка, ѣхалъ къ мѣсту своего назначенія. Братъ встрѣтилъ его со слезами радости. Ужь три года, съ того самаго дня какъ Семень Ивановичъ былъ выпущенъ изъ корпуса, любимую мечтой Михаила Ивановича было перевести брата въ свой полкъ, обмундировать, купить ему лошадь верховую и устроить жизнь его такъ спокойно и удобно, какъ это возможно съ его скудными средствами. Для этого Михайлѣ Ивановичъ отказывалъ себѣ въ самомъ необходимомъ, откладывалъ рубли и гроши изъ своего поручичьяго жалованья, которое въ то время было чуть не втрое меньше теперешняго.

Семень Ивановичъ тоже былъ сильно растроганъ: заботли-

вость брата, его радость при свиданіи, его простое, совершенное самоотверженіе, наполнили душу молодого корнета благодарностію, преданностію и глубокииъ уваженіемъ; это было первое благородное чувство, извѣданное имъ на его жизненномъ пути, и тѣмъ легче возникло оно въ душѣ его и тѣмъ глубже укоренилось.

Братья зажили на славу: у нихъ была казенная квартира въ три комнатки, чистая и теплая, съ казенною мебелью, и два деньщика, изъ которыхъ одинъ стряпалъ на кухнѣ и смотрѣлъ за лошадьми, а другой исполнялъ роль ихъ камердинера и прачки. Жалованье они получали по кавалерійскому окладу поселенному, то-есть нѣсколькими рублями больше, чѣмъ въ кавалеріи, расположенной на вольныхъ квартирахъ, а эти нѣсколько десятковъ рублей, да еще въ тогдашнее время, много значили для бѣднаго офицера. Расходомъ завѣдывалъ Михаилъ Ивановичъ. Онъ былъ необыкновенно разчетливъ и аккуратенъ; у него гроша не пропадало даромъ, что не мѣшало ему быть человѣкомъ щедрымъ: онъ никогда не отказывался помочь нуждающемуся товарищу и дѣлалъ это съ большою готовностію, между тѣмъ какъ Семень (хоть далеко не такой разчетливый) страхъ не любилъ употреблять деньги иначе какъ на свою собственную особу. Братья жили очень дружно, несмотря на огромную разницу въ характерахъ: Михаилъ Ивановичъ былъ человѣкъ угрюмый, жесткій и страшно вспыльчивый; онъ не искалъ развлеченій, боялся, или по крайней мѣрѣ конфузился женщинъ и изъ товарищей сходилса очень съ немногими, и то большею частію съ такими же нелюдимами, какъ онъ самъ. Воспитывалса онъ, какъ и братъ, въ корпусѣ, а всякому извѣстно, какъ въ то время обращались съ кадетами. Не мудрено, что при этомъ воспитаніи его натура загрубѣла и зачерствѣла, а нужда, встрѣтившая его по выходѣ изъ корпуса, и сознаніе своей некрасивости и неловкости, сдѣлали его угрюмымъ и застѣнчивымъ. Но подъ этою грубою оболочкой таилось много внутренняго благородства и горячая потребность привязанности, и вся эта привязанность, со всѣмъ пыломъ и самоотверженіемъ его страстной, неразвитой души, излилась на брата, котораго онъ любилъ какъ отецъ, какъ братъ, какъ другъ. Семень Ивановичъ не могъ не видѣть всей силы этой любви, и съ своей стороны чувствовалъ къ нему благодарность, уваженіе и дружбу; но къ такому сильному, всепоглащающему чувству, какъ любовь къ нему Михаила Ивановича, онъ не былъ способенъ.

За то онъ обладалъ многими преимуществами другаго рода: онъ былъ не дурень собою, строень, ловокъ, не отказывался отъ общества товарищей и скоро приобрѣлъ пріятелей втрое больше нежели его братъ. Женщинъ онъ тоже не чуждался, даже не прочь былъ поволочиться; любилъ танцовать и особенно хорошо танцевалъ вальсъ.

Вскорѣ по пріѣздѣ въ полкъ онъ сталъ учиться верховой ѣздѣ; Михаилъ Ивановичъ далъ ему нѣсколько уроковъ, но ученикъ скоро превзошелъ учителя, и эти уроки прекратились. Черезъ годъ Семень Ивановичъ не только сравнялся съ своими товарищами, но даже сдѣлался однимъ изъ лучшихъ ѣздоковъ.

II.

Изъ скромнаго жилища бѣдныхъ армейскихъ офицеровъ прошу моего читателя перенестись въ огромный барскій домъ, построенный во вкусъ прошлаго столѣтія, окруженный съ трехъ сторонъ великолѣпнымъ садомъ и находящійся въ богатомъ селѣ Спасскомъ, имѣніи генеральши Каминой.

Утро. Парадные комнаты, убранныя дорогою, роскошною старинною мебелью, еще пусты; только отъ времени до времени пройдетъ лакей, одѣтый въ длиннополый сюртукъ изъ тонкаго сукна, да обмететъ пыль со столика или поправитъ кресло. А господа давно уже встали, и суета и бѣготня множества горничныхъ по длинному корридору доказываетъ, что дамы одѣваются. Наконецъ бьетъ 11 часовъ, и гостиная мало-по-малу начинаетъ наполняться. Первая является барыня лѣтъ двадцати семи, полная, бѣлая и румяная, съ небольшими глазками, быстро перебѣгающими съ предмета на предметъ. Послѣ нея входятъ двѣ дѣвушки: одна лѣтъ двадцати пяти, некрасивая, но съ умными бойкими глазами; другая очень молоденькая, хорошенькая и скромная; онѣ подходятъ къ полной дамѣ и почтительно цѣлуютъ ее, называя: *chère soeur* Вѣра Васильевна, а она торопливо возвращаетъ имъ поцѣлуй, приговаривая: *bon jour, Nadine, bon jour, Lise!* Вслѣдъ за тѣмъ входятъ еще три дамы: одна ужъ не молодая, съ остатками нѣжной красоты, другая блѣдная и горбатая, третья очень молодая и необыкновенно красивая, и наконецъ робкая дѣвушка лѣтъ двадцати, къ которой всѣ относятся съ покровительственною ласковостью.

Три дѣвицы садятся за пьльцы, а четыре дамы усаживаются группой около дивана.

— Savez-vous que le mariage aura lieu dans trois jours à Alexievka? шепотомъ спрашиваетъ Вѣра Васильевна у всѣхъ трехъ дамъ, значительно взглядывая на каждую изъ нихъ.

— Ah! произносятся тѣ и придвигаются къ ней ближе.

— Oui, говоритъ Вѣра Васильевна и продолжаетъ разказывать что-то шепотомъ, пока не входитъ въ гостиную маленькая старушка въ черномъ шелковомъ платьѣ и бѣломъ чепцѣ, при появленіи которой всѣ вскакиваютъ съ мѣстъ и подходятъ къ ея рукѣ. Старушка цѣлуетъ всѣхъ и очень ласково, но съ нѣкоторою важностью, отвѣчаетъ на разспросы о здоровьи *chère maman*. Разговоръ происходитъ на французскомъ языкѣ; въ этомъ домѣ по-русски говоритъ только прислуга.

Вскорѣ потомъ общество увеличивается еще появленіемъ нѣсколькихъ человѣкъ дѣтей различной величины, съ гувернантками и няньками. Всѣ эти дѣти тоже подходятъ къ рукѣ старушки, и тоже на французскомъ языкѣ освѣдомляются о здоровьѣ *grand'maman*, которая съ своей стороны цѣлуетъ ихъ съ большою нѣжностью. Сидя на диванѣ, старушка начинаетъ раскладывать пасьянсъ; дочери, особенно Вѣра Васильевна, принимаютъ въ пасьянсѣ большое участіе, только три дѣвушки (двѣ изъ нихъ дочери генеральши, а третья,—воспитанница) прилежно вышиваютъ въ пьльцахъ.

Старушка разложила два раза пасьянсъ, называемый «путешественникъ», три раза «карпатскія горы» и откинулась на спинку дивана.

— Двадцать-пятое августа! повторила генеральша.—Ахъ, да! Завтра именины Натальи Ивановны; нужно послать поздравить ее. *Sophie!* напиши къ ней; поздравь ее отъ меня.

— *Tout de suite, maman*, отвѣчала, вставая, старшая изъ дочерей генеральши. Она сейчасъ же написала письмо, и посланный отправился.

Пока посланный отправляется въ село Алексѣевку, гдѣ живетъ Наталья Ивановна, къ которой графиня Софья Васильевна писала по приказанію матери,—мы скажемъ нѣсколько словъ о семействѣ Каминныхъ, которое будетъ играть нѣкоторую роль въ моемъ разказѣ.

Во второй половинѣ прошлаго столѣтія въ селѣ Алексѣевскомъ жили богатые помѣщики Яровы. У нихъ были дѣти: сынъ Иванъ и дочь Елизавета. Сынъ, окончивъ воспитаніе подѣ

руководствомъ Француза-гувернера, поступилъ въ гвардію; дочь была воспитана въ Смольномъ Монастырѣ, тогда только что основанномъ, а по выходѣ оттуда вышла замужъ за богатаго генерала Камина, по смерти котораго (черезъ десять лѣтъ послѣ женитьбы) у нея осталось шесть дочерей и 1500 душъ, оставленныхъ мужемъ въ ея полное распоряженіе. Лизавета Ильинишна жила постоянно въ одномъ изъ своихъ имѣній, селѣ Спасскомъ, гдѣ застаеъ ея и нашъ разказъ. Она была женщина умная и добрая, но насъвозъ пропитанная аристократическими предразсудками и убѣжденіями. Дѣтей своихъ она вѣжно любила, особенно старшую дочь Софью, что впрочемъ не помѣшало ей уговорить эту любимую дочь въ пятнадцать лѣтъ выйдти замужъ за пятидесятилѣтняго графа Д., и, слабая характеромъ, но сильно привязанная къ матери, Софья безпрекословно покорилась! Лизавета Ильинишна была увѣрена, что она составила счастье дочери, выдавъ ея за знатнаго старика, и не ошиблась: добрая, кроткая Софья скоро искренно привязалась къ своему старому мужу, который оказался отличнѣйшимъ человѣкомъ. Между тѣмъ подростали другія дочери, и Лизавета Ильинишна твердо рѣшилась найти имъ какъ можно скорѣе приличныхъ и богатыхъ жениховъ и принялась за это удивительно ловко и искусно, не теряя при этомъ нисколько своей важности и высокаго тона. Если только холостой, богатый человѣкъ появлялся въ Спасскомъ, можно было смѣло предсказывать, что онъ тамъ женится; Лизавета Ильинишна никогда не давала промаха въ этомъ случаѣ. Между прочимъ ей много тутъ помогали разные ея кузены и кузины, все люди болѣе или менѣе богатые, знатные, чиновные. Такъ вторую дочь, Вѣру, она отдала за очень-богатаго помѣщика, который, однакожь, нажилъ себѣ это богатство далеко не честнымъ образомъ; но генеральша, приискивая партіи дочерямъ, не входила въ подробности о характерѣ и степени благородства любимыхъ ею жениховъ: она заботилась только, чтобы зять ея былъ богатъ, *comme il faut* и хорошей фамиліи. Потомъ въ Спасскомъ сталъ часто бывать очень богатый старичокъ, родственникъ мужа ея троюродной сестры. Старичку очень понравилась красавица Людмила, но Лизавета Ильинишна разчитала, что для Людмилы женихи еще найдутся, а старому богачу гораздо приличнѣе жениться на горбатой Любви Васильевнѣ,—разчитала и выдала Любоньку за старика. Вслѣдъ за тѣмъ к—ій губернаторъ, съ большими надеждами на блистательную карьеру, же-

ялся на Людмилѣ. Лизу сговорили за полковаго командира прекрасной фамиліи и съ большою протекціей, и наконецъ для Надежды Васильевны (которая, къ большому огорченію матери, оставалась въ дѣвушкахъ до двадцати пяти лѣтъ) прискивался женихъ, правда старый и глупый, но также полковой командиръ и также хорошей фамиліи и съ протекціей.

Со стороны дочерей, Лизавета Ильинишна не встрѣчала ни малѣйшаго сопротивленія своей волѣ; она думала, что une jeune fille, bien élevée, должна быть послушна и покорна какъ овечка, и до самаго замужства (хоть бы ей пришлось выйти за мужъ въ сорокъ лѣтъ) должна быть невинна и наивна какъ дитя. Дочери ея были воспитаны согласно съ этимъ убѣжденіемъ. Какъ всѣ знатныя барыни того времени, Лизавета Ильинишна имѣла постоянно одну или двухъ воспитаницъ; она обходилась съ ними ласково, одѣвала прилично и потомъ выдавала замужъ по собственному усмотрѣнію, за какого-нибудь мелкопомѣстнаго дворянина или чиновника съ небольшимъ капиталцемъ.

Казалось, Лизавета Ильинишна, богатая и знатная, окруженная покорными дочерьми и знатными и почтительными зятями, должна быть совершенно счастлива, и она была дѣйствительно очень счастлива, но и на солнцѣ есть пятна, и счастье генеральши помрачилось недавно однимъ очень неприятымъ для нея обстоятельствомъ. Братъ ея Иванъ Ильичъ, отчаянный вѣтрогонъ, вышедши въ отставку гвардіи поручикомъ, проводилъ жизнь въ пирахъ и кутежахъ, въ волокитствѣ и любовныхъ интригахъ, и не думалъ о женитьбѣ; изъ этого слѣдовало, что имѣніе его, слишкомъ тысяча душъ, должно было достаться по смерти его дѣтямъ его сестры. Это обстоятельство очень примиряло Лизавету Ильинишну съ ея безпутнымъ братомъ, и въ рѣдкіе пріѣзды его въ Спасское (онъ не любилъ важнаго, церемоннаго тона, господствовавшаго въ домѣ сестры) онъ былъ принимаемъ съ необычайною лаской и предупредительностію. И Лизавета Ильинишна и зятья ея ужъ считали Алексѣевку Ивана Ильича своею собственностью, какъ вдругъ на пятидесятомъ году онъ вздумалъ жениться на крѣпостной своей дѣвкѣ, которая имѣла уже отъ него трехъ дочерей. Напрасно родственники усовѣщивали его и строили разныя козни, чтобы помѣшать исполненію его намѣренія: Иванъ Ильичъ не только женился, да еще и узаконилъ дочерей и отдалъ имъ все свое состояніе. Можно себя представить, какъ огорчили Лизавету Ильинишну и ея ари-

стократовъ-зятьевъ и потеря надежды на наслѣдство, и безнравственный, неприличный поступокъ Ивана Ильича! Напрасно Лизавета Ильинишна съ кузиной своею, княгиней В., и еще съ двумя особенно знатными кузенами пыталась доказать брату всю черноту его поведенія и убѣдить его, обезпечивъ жену и дочерей какими-нибудь десятью или двадцатью тысячами рублей, возвратить Алексѣевку ея законнымъ наслѣдникамъ: Иванъ Ильичъ слышать ничего не хотѣлъ.

III.

Посланный вѣхалъ наконецъ въ большое село Алексѣевку, проѣхалъ хорошенькую деревянную церковь, проѣхалъ богатую господскую усадьбу и направился къ небольшому хуторку, находившемуся въ полуверстѣ отъ Алексѣевки. Тамъ, на пригоркѣ, стоялъ хорошенькій домикъ, за которымъ былъ виденъ маленькій молодой садикъ, содержимый съ удивительною заботливостію; подъ окнами на небольшихъ грядкахъ пестрѣли всѣхъ возможныхъ сортовъ цвѣты, дорожки были чисты и усыпаны пескомъ. На балконѣ сидѣла старая женщина съ необыкновенно добрымъ и симпатическимъ лицомъ, она вязала чулокъ и замятно наслаждалась красотой тихаго и прохладнаго вечера.

— Человѣкъ пріѣхалъ изъ Спасскаго, Наталья Ивановна! сказала, появившись на балконѣ, черномазенькая дѣвочка лѣтъ четырнадцати, глядя изъ подлобья на барыню.

— Пріѣхалъ? Съ письмомъ, что ли? торопливо говорила Наталья Ивановна, направляясь къ двери.

Съ радостнымъ волненіемъ она взяла письмо изъ рукъ посланнаго и, возвратившись на балконъ, стала читать его.

— Глашенька! Глаша! закричала она мягкимъ, ласкающимъ голосомъ. — Поди сюда, милая!

На балконъ вышла дѣвушка лѣтъ восемнадцати, довольно стройная, съ лицомъ, которое казалось не дурнымъ, благодаря его свѣжести. Одѣта она была просто, но очень мило.

— Чтò вамъ угодно, маменька? спросила она немного рѣзкимъ контролемъ.

— А вотъ письмо отъ графини. Посмотри-ка. Лизавета Ильинишна прислала поздравить меня.

И Наталья Ивановна стала читать вслухъ письмо графини,

писанное по-французски; дѣвушка слушала съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ, не переставая вышивать какую-то прошиву.

— Я пойду отвѣчать графинѣ, сказала мать, окончивъ читать письмо. Удовольствіе отражалось въ лицѣ ея, слышалось въ ея голосѣ и даже выказывалось въ ея походкѣ.

Потомъ Наталья Ивановна сѣла передъ небольшимъ столикомъ въ своей чистенькой спальнѣ и написала къ Лизаветѣ Ильинишнѣ почтительно-дружеское, а къ графинѣ Софѣ Васильевнѣ вѣжливое и любезное письмецо, и велѣла отдать ихъ посланному.

— Какъ добра къ намъ Лизавета Ильинишна! Ахъ, какъ добра! говорила, возвратившись на балконъ и принявшись опять за чулокъ, Наталья Ивановна своей дочери, которая сидѣла на ступенькахъ балкона и, не переставая шить, ничего не отвѣтила матери. — А будетъ ли готово твое платье къ пятницѣ, Глашенька? спросила мать, желая перемѣнить разговоръ. — Какова-то будетъ погода въ пятницу для свадьбы Матрешини!

— Платье будетъ готово маменька! И какое оно хорошенькое, прелесть!

— Да, оно очень мило, *simple, mais très distinguée*, сказала старушка, оглядывая дочь съ невыразимою нѣжностью.

— Я буду одѣта лучше, нежели Дунюшка и Дашенька, не смотря на то, что ихъ платья очень дорого стоятъ, самодовольно замѣтила Глаша. — Только вы не говорите имъ, маменька, что я сама шила его; я ужъ сказала, что платье мнѣ заказано у *marchande de modes*.

— Ахъ, Глашенька! Зачѣмъ же говорить неправду? замѣтила Наталья Ивановна съ добродушнымъ упрекомъ.

— Ахъ, маменька! вѣдь онѣ часто смѣются, что я сама себѣ все шью.

— Ну, что жъ! онѣ богаты и могутъ заказывать себѣ платья у кого хотятъ, а ты бѣдная...

— Ахъ, маменька! нетерпѣливо проговорила Глаша, махнувъ рукой.

Наталья Ивановна замолчала и стала смотрѣть на пестрыя грядки цвѣтовъ, на заходящее солнце, на темнѣвшій вдали соновый лѣсъ.

И кроткое лицо Натальи Ивановны приняло грустное выраженіе. Ей вспомнилось ея прошедшее, горькое прошедшее. Вспомнилось ей, какъ она, бѣдная, безродная сирота, помѣщенная въ Смольный Монастырь (по ходатайству вельможи,

Богъ знаетъ почему принявшаго въ ней участіе), подружилась тамъ съ богатою Лизанькой Яровой, какъ Лизанька упросила своихъ родныхъ послѣ выпуска взять къ себѣ ея друга Наташу, и какъ хорошо и весело онѣ жили два года въ Алексѣевкѣ. Потомъ явился генералъ Каминъ, посватался за Лизаньку; она вышла за мужъ, переселилась въ роскошный домъ въ Спасскомъ, и друга своего Наташу взяла съ собою. Прошло нѣсколько лѣтъ. Въ Спасскомъ часто съѣзжалась знатная родня генерала и жены его, въ томъ числѣ нѣсколько молодыхъ людей; изъ нихъ нѣкоторые волочились за миловидною и кроткою подругой Лизаветы Ильинишны. Наталья Ивановна была очень скромна, ни съ кѣмъ не кокетничала, но одинъ изъ ея обожателей, бывший половчѣе и поискуснѣе другихъ, успѣлъ внушить ей сильную привязанность, которой она отдалась со всею нѣжностію любящаго сердца и невинной души. Молодой человѣкъ увѣрилъ ее, что женится на ней, что страстно, безумно любитъ ее, что застрѣлится, если не убѣдится въ ея привязанности, въ ея взаимности, и Наталья Ивановна повѣрила ему и отдалась ему безусловно. Онъ увезъ ее къ себѣ въ деревню и можетъ-быть въ самомъ дѣлѣ женился бы на ней, тѣмъ болѣе, что она скоро почувствовала себя беременною, но умеръ скоропостижно, и бѣдная Наталья Ивановна осталась безъ пристанища съ потерянною репутаціей и съ надеждой дать жизнь ребенку безъ имени и обреченному на самую горькую участь. Чтò было дѣлать бѣдной женщинѣ? Она нашла, что лучше всего возвратиться къ своему прежнему другу, Лизаветѣ Ильинишнѣ, и положиться на ея великодушіе. Лизавета Ильинишна не обманула ея довѣрія, не отреклась отъ женщины, осужденной приговоромъ свѣта. Правда, она не оставила Натальи Ивановны въ своемъ домѣ (да и сама Наталья Ивановна не согласилась бы на это), но отдала ей въ полное распоряженіе домикъ въ Алексѣевкѣ, изъ которой ей досталась четырнадцатая часть по смерти родителей, и тѣмъ доставила Натальѣ Ивановнѣ средства къ скромной и безбѣдной жизни. У Натальи Ивановны родилась дочь. Можно себѣ представить, какъ дорогъ былъ для матери этотъ ребенокъ, единственная отрада и утѣшеніе за всѣ перенесенныя ею страданія, единственная цѣль ея жизни! Наталья Ивановна была счастлива, сколько можно быть счастливою въ ея положеніи. Дочь ея росла и крѣпла; съ другомъ и благодѣтельницею своею Лизаветою Ильинишною,—существомъ, которое было для нея

дороже всего въ мірѣ послѣ дочери,—она тоже изрѣдка видалась. Приѣзжая въ Спасское, Наталья Ивановна не являлась въ парадныя комнаты, но проводила по нѣскольку часовъ съ Лизаветой Ильинишной въ ея спальнѣ. Генеральша, пріятельница ея, обращалась съ нею съ такимъ тактомъ, такъ деликатно и дружески, что ни на минуту не давала чувствовать бѣдной женщинѣ неловкость ея положенія.

Все это вспомнила Наталья Ивановна, любясь яснымъ лѣтнимъ вечеромъ и потомъ тихою звѣздною ночью, и вспомнила со многими подробностями, интересными для нея одной. А между тѣмъ воздухъ дѣлался все прохладнѣе: давно уже стих шумъ на деревнѣ, и Глашенька, давно переставшая работать, уже нѣсколько разъ зѣвнула во весь ротъ и ушла въ комнату.

IV.

Настала пятница, торжественный день, о которомъ упоминала и въ Спасскомъ Вѣра Васильевна, и къ которому давно готовилась Глаша въ Алексѣевкѣ. Въ этотъ день назначена была свадьба Матрешы, дочери Ивана Ильича Ярова (умершаго нѣсколько лѣтъ назадъ) и законной супруги покойника, Марѣы Мироновны. Матреша выходила за уланскаго офицера, бывшаго ей нѣсколько сродни: онъ былъ незаконнорожденный сынъ троюродной сестры Ивана Ильича и ея дяди; впрочемъ о происхожденіи его знали очень немногіе; знатные родители связь свою и рожденіе ребенка прикрыли грудями золота, и все это осталось тайной для общества и даже для большей части родныхъ. Отецъ и мать назначили Семенову по двадцати пяти тысячъ рублей ассигнаціями и съ самаго дня рожденія ни разу не упомянули о немъ. Семеновъ (такая была дана фамилія жениху Матрешы) взросъ на рукахъ людей, которымъ было заплачено за его воспитаніе, но которые тоже не знали, чей онъ сынъ. Случай свелъ его въ губернскомъ городѣ съ семействомъ Марѣы Мироновны; его поразила эффектная, хотя немного грубоватая, красота Матрешы; онъ познакомился и скоро сдѣлалъ предложеніе; и мать и дочь согласились на него, мать потому, что Семеновъ былъ уланъ (въ то время военные были еще въ большой модѣ) и имѣлъ состояніе, дочь—по

этимъ же самымъ причинамъ и потому, что ей вообще хотѣлось выйдти скорѣе замужъ.

Марѳа Мироновна затѣяла очень пышную свадьбу, съ музыкой и танцами, хотя общество знакомыхъ ея было очень не многочисленно: богатые помѣщики пренебрегали ею, какъ женщиною низкаго происхожденія и дурной жизни, а бѣдные завидовали ея богатству и притворялись, будто тоже пренебрегаютъ ею. Наталья Ивановна въ смиреніи своемъ считала себя не въ правѣ пренебрегать кѣмъ бы то ни было и веда знакомство съ Марѳой Мироновной; дочери Яровой были единственными подругами Глашеньки. Понятно, съ какимъ нетерпѣніемъ Глаша, никуда не выѣзжавшая, ни съ кѣмъ почти не знакомая, ожидала дня свадьбы Матрешы, — дня, въ который такъ шумно и весело нарушится томительное однообразіе ея жизни.

Дѣвишникъ прошелъ скучно для дѣвицъ, потому что шаферы Семенова, офицеры одного съ нимъ полка, не пріѣхали по случаю какого-то смотра. Они явились въ самый день свадьбы не задолго до вѣнчанія. Невѣсту одѣли въ богатое бѣлое платье съ блондовою отдѣлкой; она была очень мало взволнована, даже смѣялась. Глашенька, славившаяся между подругами своимъ вкусомъ, причесала молодую, надѣла ей вуаль и цвѣты; потомъ послѣдовалъ обрядъ благословенія; Марѳа Мироновна, наблюдавшая когда-то этотъ обрядъ въ знатныхъ домахъ (какъ-нибудь въ щелочку изъ дѣвичьей или корридора), хотѣла подражать видѣннымъ ею знатымъ дамамъ и упасть въ обморокъ, но это удалось ей очень плохо; впрочемъ, къ счастью, это видѣли только немногіе, потому что молодые люди и дѣвицы были слишкомъ заняты разсматриваніемъ другъ друга.

Остальныя двѣ дочери Марѳы Мироновны, черезчуръ бойкія и смѣлыя дѣвушки, съ манерами, очень напоминавшими дѣвичью, безъ церемоніи разсматривали офицеровъ и, смѣясь, повѣряли одна другой свои замѣчанія, а скромная Глаша, стоя нѣсколько поодаль отъ нихъ, только изрѣдка взглядывала на улановъ и потому, краснѣя, опускала глаза, или отворачивалась въ другую сторону.

Между этими уланами былъ знакомый нашъ Семень Ивановичъ; онъ очень мало измѣнился въ три года, прослуженные имъ въ кавалеріи, только сдѣлался еще ловчѣе и развязнѣе, да получилъ поручичій чинъ. Глашенька съ перваго взгляда очень понравилась ему и своею скромностію, и лицомъ, которое показалось ему прехорошенькимъ. Съ другой стороны Семень

Ивановичъ обратилъ на себя вниманіе не одной Глашеньки, а всѣхъ дѣвицъ вообще, своею интересною наружностью и ловкостью.

Хотя церковь была всего въ пяти шагахъ отъ дома, однакожь невѣсту повезли туда въ каретѣ, и остальные гости тоже поѣхали, а не пошли пѣшкомъ. Наталья Ивановна не явилась на свадьбу подъ предлогомъ зубной боли: она всячески старалась не показываться въ большомъ обществѣ. Держа вѣнецъ надъ головою жениха, Семень Ивановичъ частенько взглядывалъ на Глашеньку, а она съ своей стороны украдкою тоже часто бросала взгляды на стройнаго поручика.

Обрядъ вѣнчанія кончился; молодыхъ привезли домой, посадили за столъ, пышно убранный цвѣтами, и стали пить за ихъ здоровье. Гостей было не такъ много: нѣсколько помѣщичьей средней руки съ взрослыми дочерьми и сыновьями, претендентами на руку богатыхъ невѣстъ, дочерей Марѣи Мироновны. Послѣ чаю начались танцы. Здѣсь Семень Ивановичъ ужь окончательно затмилъ собою своихъ товарищей; онъ приглашалъ чаще всѣхъ Глашеньку, которая изъ дѣвицъ танцевала лучше всѣхъ, и которая часъ отъ часу больше и больше ему нравилась.

Этотъ вечеръ и слѣдующіе за нимъ два дня веселостей по случаю свадьбы рѣшили судьбу Глашеньки: Семень Ивановичъ влюбился въ нее, сталъ часто бывать сначала у Марѣи Мироновны, а потомъ и у Натальи Ивановны, и наконецъ рѣшился сдѣлать предложеніе Глафирѣ Андреевнѣ.

Правда, не одна любовь побудила его къ этому; были еще причины, по которымъ Семень Ивановичъ принялъ это рѣшеніе: во первыхъ онъ смолоду чувствовалъ влеченіе къ знатымъ людямъ, а зная, какимъ покровительствомъ и даже дружбой генеральши Каминой пользовалась Наталья Ивановна, онъ надѣялся, что частица этого покровительства будетъ удѣлена и ему, что конечно очень пригодится ему въ службѣ; во вторыхъ онъ разчитывалъ, что Глаша хоть и незаконная дочь, но все-таки дочь богатаго челоуѣка, и вѣроятно имѣеть порядочныя деньжонки, оставленныя ей отцомъ. Мысль, что онъ женатъ будетъ на незаконнорожденной дочери, нѣсколько смущала влюбленнаго, но онъ вспоминалъ о красотѣ Глашеньки, о покровительствѣ Каминой и о прочемъ, и успокоивался.

Прежде всего Семень Ивановичъ, разумѣется, открылъ намѣреніе свое брату. Михайла Иваныча ошеломило это извѣстіе.

Ему чужды были побужденія, заставлявшія его брата принять это рѣшеніе: какъ человѣкъ, избѣгающій женщинъ, онъ не зналъ любви, а къ знатымъ людямъ не чувствовалъ никакого влеченія, покровительства ничьего никогда не искалъ, и потому извѣстіе, что братъ его женится на незаконной дочери, ужаснуло его. Во всѣхъ слояхъ общества есть свои кривыя понятія.

— Какъ хочешь, братъ! отвѣчалъ Михаилъ Ивановичъ на признаніе брата: — но я всегда скажу тебѣ, что это дѣло не хорошее.

— Чѣмъ же не хорошее? Она незаконная дочь, положимъ, но за то какія выгоды!...

— Выгоды! выгоды! возразилъ Михаилъ Ивановичъ: — деньги-то есть ли еще у нея? вѣдь этого тебѣ никто не говорилъ навѣрное, да и не хорошо разчитывать на чужія деньги, а протекція этихъ генераловъ да князей—Богъ съ нею! Лучше бы своимъ трудомъ да Божиимъ благословеніемъ безъ всякой протекціи выйдти въ люди!

Семень Ивановичъ подумалъ, что его братъ хоть честнѣйшій человѣкъ, но вовсе не смыслить, какъ нужно жить въ свѣтѣ, чего искать и чѣмъ дорожить, и остался при своемъ рѣшеніи.

Между тѣмъ въ Спасскомъ узнали, что за Глашей ухаживаютъ какой-то офицеръ, и стали разузнавать, что онъ за человѣкъ, какое имѣетъ состояніе и хорошей ли фамиліи. Всѣ эти вопросы довольно вѣрно разрѣшилъ племянникъ кузины Лизаветы Ильинишны, служившій въ одномъ полку съ Чувашевыми. Узнавъ, что Семень Ивановичъ не имѣетъ состоянія, всѣ знатные доброжелатели Натальи Ивановны единогласно рѣшили, что выдавать за него Глашу не слѣдуетъ, а слѣдуетъ прискаты мелкопомѣстнаго помѣщика или чиновника съ деньжонками, однимъ словомъ, жениха въ родѣ тѣхъ, за которыхъ Лизавета Ильинишна выдавала своихъ воспитанницъ. Все это при первомъ случаѣ генеральша написала Натальѣ Ивановнѣ; разумѣется, письма этаго мать не показала Глашенькѣ: она, какъ Лизавета Ильинишна и всѣ дамы, воспитывающія дѣтей по ея методѣ, находила, что дѣвушка должна узнать о предложеніи, которое ей дѣлается, тогда только, когда это предложеніе уже принято родными. Но Глаша не была похожа на дочерей Лизаветы Ильинишны: она считала себя въ правѣ разсуждать, годится или не годится для нея такой-то женихъ, отказать ли ему, или выйдти за него, и разсудивъ, рѣшила, что выйдеть за Семена Ивановича, если только онъ сдѣлаетъ ей предложеніе; Семень Ивановичъ ей

правился; ей льстило, что ее, бѣдную дѣвушку, онъ предпочелъ богатымъ невѣстамъ Дунышкѣ и Дашенькѣ, которыя очень кокетничали съ нимъ; наконецъ другихъ жениховъ у нея не имѣлось, а ей хотѣлось скорѣе выйти замужъ,—желаніе общее почти всѣмъ дѣвушкамъ въ мірѣ.

А Семень Ивановичъ все ѣздилъ да ѣздилъ въ Алексѣевку и со всякимъ разомъ все болѣе и болѣе влюблялся въ Глашу, которая казалась ему и красавицей, и ангеломъ добро и ты скромности, однимъ словомъ, всѣмъ, что только можетъ нравиться мужчинамъ.

Семень Ивановичъ вскорѣ рѣшился ѣхать въ Алексѣевку и просить у Натальи Ивановны руки ея дочери.

— Благодарю васъ, но позвольте мнѣ прежде подумать: моя Глашенька еще такъ молода, отвѣчала Наталья Ивановна на предложеніе Семена Ивановича.

Семень Ивановичъ скоро раскланялся и уѣхалъ, а Наталья Ивановна осталась въ страшномъ затрудненіи; ей нужно было выбирать одно изъ двухъ золь: или не исполнить совѣта Лизаветы Ильинишны со всею ея знаменитою родней, или поступить противъ воли дочери. Хотя Глаша никогда ничего не говорила матери касательно расположенія своего къ Семену Ивановичу, но материнское сердце Натальи Ивановны давно отгадало и желанія, и чувства дочери, и огорчить ее отказомъ Семену Ивановичу старушкѣ было очень тяжело.

«Что дѣлать? что дѣлать?» повторяла про себя Наталья Ивановна, и наконецъ рѣшилась поговорить объ этомъ съ дочерью, хотя это и не согласовалось съ системой воспитанія дѣвицъ, которую Наталья Ивановна признавала въ теоріи, и которой Лизавета Ильинишна слѣдовала на практикѣ.

Глаша, съ пылающимъ лицомъ, шила въ своей комнатѣ. Она слышала разговоръ матери съ Семеномъ Ивановичемъ, подставивъ ухо къ замочной скважинѣ въ двери гостиной. При входѣ матери, она подняла на нее сверкающіе глаза свои съ полувопросительнымъ, полунедовольнымъ выраженіемъ.

— Мнѣ нужно поговорить съ тобою, Глашенька! сказала Наталья Ивановна, садясь возлѣ дочери.

— О чемъ, маменька? спросила Глаша.

Наталья Ивановна откашлянулась и взглянула на дочь боязливо-испытующими глазами.

— Сейчасъ былъ у меня Семень Иванычъ,—ты знаешь, зачѣмъ? спросила мать.

— Да почему жъ я буду знать это? возразила немного рѣзко

Глаша, которой показалось, что мать намекаетъ на ея подслушиванье.

— Вотъ за чѣмъ, продолжала мать съ возрастающимъ смущеніемъ.—Онъ... желаетъ... просить твоей руки...

Глаша покраснѣла и сначала опустила голову, а потомъ подняла ее и пристально взглянула на мать.

— Ну, что жь, маменька? спросила она отрывисто.

— Да я бы... видишь ли, Лизавета Ильинишна пишетъ что нужно отказать, потому что онъ совсѣмъ бѣдный человѣкъ, сказала Наталья Ивановна.

— Ахъ, маменька! да что Лизаветѣ Ильинишнѣ-то за дѣло? Не ей съ нимъ жить.

— Да такъ, мой другъ, но она изъ участія къ намъ... Она пишетъ, что лучше бы тебѣ выйти за помѣщика или чиновника...

— Ну, гдѣ ихъ набрать, этихъ помѣщиковъ или чиновниковъ? Развѣ такихъ вотъ, за какихъ Лизавета Ильинишна своихъ воспитанницъ выдаетъ! Марѳа Мироновна видѣла одного изъ этихъ солидныхъ господъ въ городѣ: въ дегтярныхъ, говорить, сапогахъ и распяный-пьяный. Да и всѣ они, говорятъ, такіе! Такъ-то и мнѣ осчастливить себя, что ли?

— Что же дѣлать? что же дѣлать? шепотомъ проговорила Наталья Ивановна, качая головой.

Глаша взглянула опять на мать, нетерпѣливо пожала плечами и стала шить съ удвоенною скоростью.

— Только, маменька, я не пойду за такихъ уродовъ, какъ Кумачевъ, про котораго разказывала Марѳа Мироновна, сказала Глашенька, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія.

«Что же дѣлать? повторила мать только ужь мысленно. Да и жаль было бы отдать-то ее за кого-нибудь изъ этого сорта! Ужь лучше бѣдность!..»

— Вѣдь теперь бѣднымъ дѣвушкамъ не скоро женихи найдутся, проговорила опять Глаша.

«Правда, правда! А вѣдь ей нужно скорѣе выйти замужъ: она такъ прелестна,» подумала Наталья Ивановна, ослѣпленная материнскимъ пристрастіемъ, и ей вспомнились горестныя увлеченія молодости.

— Какъ хочешь, Глашенька! Я сдѣлаю такъ, какъ хочешь, проговорила мать какъ бы испугавшись чего-то.—Что жь, Семень Иванычъ хорошій молодой человѣкъ: вѣжливый, почти-тѣльный, ловкій, ну, а образованіе... что жь дѣлать!..

— Да я сама развѣ образованная? возразила Глаша, которую мать напрасно старалась выучить говорить по-французски и вдолбить ей кое-что изъ мѣологіи, исторіи и географіи.

Наталья Ивановна задумалась: ей было неловко и грустно не исполнить совѣта своего друга и благодѣтельницы, но не исполнить желанія Глаши — это было еще тяжелѣе. Притомъ Наталья Ивановна, какъ всѣ люди, легко подчиняющіеся вліянію другихъ, подчинялась больше тѣмъ, съ кѣмъ жила или чаще видѣлась.

Черезъ нѣсколько дней Семень Ивановичъ былъ женихомъ Глаши, а Лизавета Ильинишна получила отъ Натальи Ивановны письмо, въ которомъ, увѣдомляя о помолвкѣ дочери, Наталья Ивановна сознавалась, что Семень Ивановичъ такъ понравился Глашѣ, что возставать противъ ея наклонности у нея не стало духу. Въ Спасскомъ, прочитавъ письмо это, всѣ, пожимая плечами, рѣшили, что Наталья Ивановна непростительно слаба къ дочери; но что, ужъ если она выдаетъ Глашеньку замужъ, то нужно по возможности помочь ей по части приданого.

V.

Семень Ивановичъ былъ счастливъ, очень счастливъ, когда въ первый разъ поцѣловалъ руку своей невѣсты, покраснѣвшей при этомъ случаѣ какъ маковъ цвѣтъ, но едва ли не былъ онъ счастливѣе, когда его сослуживецъ, родственникъ Каминой, предложилъ Семену Ивановичу представить его своей знатной родственницѣ.

Не безъ волненія бѣдный поручикъ подѣхалъ къ богатому дому Каминой, и вступилъ въ эти огромныя, великолѣпныя комнаты. Въ гостиной засѣдала Лизавета Ильинишна съ нѣкоторыми изъ дочерей и зятьевъ своихъ. Барыни, одѣтыя съ изящною и дорогою простотой, сидѣли въ креслахъ, мужчины важно, серьезно разговаривали между собою, и надъ всѣмъ этимъ блестящимъ кругомъ свѣтскихъ людей господствовала старуха-генеральша, и все это почтительно преклонялось передъ нею.

Племянникъ представилъ ей Семена Ивановича.

— Очень рада познакомиться съ вами; Наталья Ивановна была всегда моимъ лучшимъ другомъ, проговорила она привѣтливо, но съ тѣмъ покровительственнымъ видомъ, который она

сама того не сознавая и не замѣчая, принимала со всѣми низшими себя.

— Прошу садиться, сказала генеральша, когда Семень Ивановичъ, поклонившись почтительно и довольно ловко, сталъ не подалеку отъ дверей.

Семень Ивановичъ, поклонившись еще разъ, сѣлъ на кончикъ стула возлѣ дверей. Затѣмъ послѣдовало два три малозначащихъ вопроса отъ генеральши и ея дѣтей; Семень Ивановичъ отвѣчалъ очень скромно и почтительно, что вообще нравится сильнымъ міра сего въ ихъ сношеніяхъ съ бѣдными и нечиновными людьми. Часа черезъ полтора онъ хотѣлъ откланяться.

— Отобѣдите у меня, ласково сказала ему Лизавета Ильинишна.

Чувашевъ остался. За обѣдомъ хоть и рѣдко заговаривали съ нимъ, однакоже и не оставляли его безъ вниманія; одно смущало его: всѣ присутствующіе говорили между собою по-французски, такъ что онъ ни слова не понималъ изъ ихъ разговора.

Уѣзжая отъ Каминныхъ, Семень Ивановичъ былъ какъ нельзя болѣе доволенъ приѣмомъ генеральши. Онъ улыбался заранѣе при мысли, какъ она замолвитъ словечко о немъ какому-нибудь важному лицу, и какъ на него посыплются вслѣдъ за тѣмъ чины и всякаго рода отличія. «Чудакъ братъ!» заключилъ онъ наконецъ, вспомнивъ, что Михаилъ Ивановичъ до сихъ поръ не перемѣнилъ своего мнѣнія о его женитьбѣ.

Между тѣмъ въ маленькомъ домикѣ Натальи Ивановны происходила страшная суматоха. Шили приданое Глашенькѣ. Вся женская прислуга (у Натальи Ивановны было нѣсколько семействъ, подаренныхъ ей Лизаветой Ильинишной) была занята этимъ. Марѳа Мироновна, довольная случаемъ разыграть роль покровительницы, прислала Натальѣ Ивановнѣ двухъ своихъ швей. Наталья Ивановна накупила у разнощиковъ всякой всячины на тысячу рублей (разумѣется, ассигнаціями), да отъ Лизаветы Ильинишны получила пропасть полотень, тонкихъ и толстыхъ, салфетокъ, полотенцевъ, нѣсколько ковровъ домашняго производства, лисій мѣхъ на шубу, чайный сервизъ, поѣзженную, но еще новую съ виду коляску. Всѣ эти подарки радовали Наталью Ивановну болѣе какъ знакъ вниманія и дружбы къ ней ея знатной благодѣтельницы: напoотмѣнъ Глашу они радовали своимъ

веществомъ, и она, при всякой новой присылкѣ подарковъ изъ Спасскаго, все болѣе и болѣе чувствовала любовь и благодарность къ Лизаветѣ Ильинишнѣ, къ которой до того времени была довольно равнодушна, и которой еще никогда не видала.

Глаша была занята съ утра до ночи шитьемъ, кройкой, а главное, присматриваньемъ за швеями и закройщицами. Болѣе всего боялась она, чтобы швеи не отрѣзали какъ-нибудь лишняго аршина холста или коленкора въ свою пользу, и потому слѣдила за ними неусыпно; въ этомъ ей много помогала ея любимица, черномазая горничная дѣвчонка Дарья, особенно, когда прїѣзжалъ ея женихъ, котораго она встрѣчала всегда съ большою радостью, хоть все-таки очень застѣнчиво. Эта застѣнчивость, впрочемъ, должна была скоро исчезнуть, потому что происходила не отъ природной робости и не изъ сознанія своихъ недостатковъ, а просто отъ непривычки къ обществу мужчинъ.

Глаша была въ восторгѣ, что выходитъ замужъ прежде прїятельницъ своихъ Даши и Дуни, въ восторгѣ отъ своего молодого и ловкаго жениха, въ восторгѣ отъ того, что и ей наконецъ есть чѣмъ поважничать передъ богатыми невѣстами, такъ часто возбуждавшими прежде въ ней досаду и зависть своимъ дорогимъ гардеробомъ и вообще своею богатою обстановкой. Теперь въ свою очередь имъ было досадно, что бѣдную и вовсе не такъ красивую, какъ онѣ, Глашеньку предпочелъ имъ молодой человекъ, который такъ нравился имъ, и котораго онѣ такъ старались завлечь въ свои сѣти. Поэтому въ ихъ, повидимому, прїятельскихъ разговорахъ съ Глашею часто срывались какъ бы невзначай съ обѣихъ сторонъ колкости, что еще болѣе разжигало скрытую взаимную неприязнь. Особенно же Глаша *подняла носъ*, по выраженію подругъ своихъ, съ тѣхъ поръ, какъ Семень Ивановичъ побывалъ у Кампной.

— Ужъ какъ была рада ему Лизавета Ильинишна! говорила Глаша своимъ подругамъ: — просила его прїѣзжать почаще; я, говоритъ, много объ васъ хорошаго наслышалась ото всѣхъ; прїѣзжайте, говоритъ, ко мнѣ почаще; мнѣ это, говоритъ, такъ ужъ будетъ прїятно.

— Вотъ какъ! сказала Дуня: — да ужъ не будетъ ли Лизавета Ильинишна у тебя посаженою матерью?..

— Да, она желала бы, отвѣчала Глаша, ни мало не смущаясь отъ слышанной колкости: — да нездорова теперь; простудилась, говорятъ, на свадьбѣ у Надежды Васильевны.

— Ахъ, жалость какая! проговорила Даша, очень хорошо знавшая, что Глашенька все жеть.

— Барышня! Семень Иванычъ ѣдетъ! крикнула Дарья изъ другой комнаты.

— Въ самомъ дѣлѣ? Ахъ, Боже мой! я не ожидала его сегодня! заговорила Глашенька, бросаясь къ зеркалу пригладить прическу и поправить платье.

Семень Ивановичъ пріѣхалъ узнать отъ Натальи Ивановны, когда намѣрена она назначить свадьбу.

Черезъ мѣсяцъ тихо и скромно обвѣнчались Семень Ивановичъ и Глашенька. Кромѣ семейства Марѳы Мироновны и двухъ пріятелей Чувашева на свадьбѣ никого не было. Даже Михаилъ Ивановичъ не пріѣхалъ. На другой день, когда новобрачные пріѣхали къ Марѳѣ Мироновнѣ, когда вошла въ гостиную прекрасно одѣтая Глашенька, а за нею появился стройный молодой мужъ ея, — дочери Марѳы Мироновны чуть не плакали съ досады. Какъ ни была молчалива и застѣнчива Глаша при этомъ первомъ свадебномъ визитѣ, однакожь она не преминула объявить своимъ пріятельницамъ, что завтра она съ мужемъ поѣдетъ въ Спасское.

Они въ самомъ дѣлѣ туда поѣхали, по желанію Лизаветы Ильинишны; Наталья Ивановна сопутствовала имъ. Генеральша на этотъ разъ приняла друга своего, съ новобрачными, въ гостиной: замужество дочери нѣкоторымъ образомъ смывало пятно съ репутаціи матери. Поцѣловавши съ чувствомъ свою старую подругу, Лизавета Ильинишна обратилась къ молодымъ супругамъ.

— Здравствуйте, мои милые! поздравляю васъ! Дай вамъ Богъ любовь да совѣтъ. Садитесь! А премилая твоя дочка, Наталья Ивановна! очень мила! продолжала Камина шепотомъ и по-французски.

Глашенька, краснѣя какъ маковъ цвѣтъ, стояла съ опущенными глазами, пока Лизавета Ильинишна не повторила приглашенія сѣсть; тогда она несмѣло и неловко опустилась на ближайшее кресло.

— Какъ она скромна! *qu'elle est timide!* говорила Лизавета Ильинишна, обращаясь къ Надеждѣ Васильевнѣ, которая одна изъ всѣхъ дочерей была у нея на этотъ разъ.

— Чтò жъ вы, мой милый, теперь въ полкъ поѣдете съ женой? спросила генеральша у Семена Ивановича.

— Точно такъ, ваше превосходительство! отвѣчалъ Чувашевъ.

— Вашъ командиръ прекрасный человекъ; я его давно знаю, сказала Лизавета Ильинишна.

За обѣдомъ, какъ водится, пили за здоровье новобранныхъ, а послѣ десерта Чувашевы съ матерью стали прощаться съ хозяйкой.

— До свиданія, милые мои! сказала Лизавета Ильинишна молодымъ.—Надѣюсь, что вы не будете забывать меня. А съ тобою, Наталья Ивановна, зачѣмъ намъ разставаться? Я всѣхъ дѣтей пристроила и осталась одна, ты тоже; такъ лучше же намъ жить вмѣстѣ; переѣзжай-ка ко мнѣ.

Наталья Ивановна со слезами на глазахъ пожала руку своего друга.

Конечно, щепетильная относительно свѣтскихъ приличій, генеральша не пригласила бы себѣ въ домъ Наталью Ивановну, еслибы хоть одна изъ дочерей ея была въ дѣвушкахъ.

— Ахъ, маменька! какая добрая и любезная Лизавета Ильинишна, твердила всю дорогу Глашенька. И ей представлялась самая очаровательная жизнь: знакомства съ разными князьями и вельможами, дружба знатныхъ дамъ, дочерей генеральши, зависть Дунечки и Даши, и пр. и пр.

Семень Ивановичъ тоже мечталъ, но его мечты относились къ болѣе существеннымъ выгодамъ, могущимъ произойти отъ этого знакомства: онъ мечталъ о томъ, чтобы протекція Лизаветы Ильинишны помогла ему поскорѣе получить эскадронъ да чины и кресты и, чего добраго, добраться до званія полковаго командира, а послѣ ужъ и желать нечего; все будетъ—и честь, и деньги! «И вдругъ кончу я жизнь помѣщикомъ пятисотъ душъ», заключилъ Семень Ивановичъ, и улыбнулся съ такою пріятностію, что Глашенька приняла эту улыбку на свой счетъ и опустила глаза, покраснѣвъ до ушей.

VI.

Прошло четыре года. Въ довольно большомъ селеніи, принадлежащемъ N° округу NN военного поселенія, въ маленькой квартиркѣ, бѣдно, хоть и опрятно убранной, сидѣла Глафира Андреевна и перешивала себѣ какое-то платье. Она очень

измѣнилась со времени свадьбы; она никогда не была хороша собою (хоть и казалась Семену Ивановичу красавицей), но прежде украшали ее молодость и свѣжесть, а теперь этой свѣжести и въ поминѣ не было; цвѣтъ лица ея потемнѣлъ, кожа загрубѣла, и въ выраженіи ея лица, никогда не отличавшемся особенною мягкостію, проявлялось теперь столько жесткости и холодности, что только одинъ Семень Ивановичъ могъ смотреть на нее съ удовольствіемъ.

Не золотые дни пережила Глафира Андреевна въ эти четыре года. Правда, мужъ все еще любилъ ее всею душой, но кромѣ этого ни одна мечта ея нимало не осуществилась. Глафира Андреевна скоро поняла, какое огромное разстояніе отъ покровительства Лизаветы Ильинишны до чести принадлежать къ ея кругу, до сближенія съ важною ея родней; она поняла, что такое бѣдность, поняла, что ей ужъ нечѣмъ возбуждать зависть въ комъ бы то ни было. Многое поняла Глафира Андреевна, но все это не уменьшало ея тщеславія и суетности, напротивъ еще сильнѣе разгоралось въ ней желаніе выйдти въ люди.

— Глафира Андреевна, баринъ пошлетъ завтра на базаръ? спросила у нея Дарья.

— Какже, пошлетъ. А развѣ что нужно, Дарьюшка?

— Соли нужно; вся вышла; сегодня людямъ безъ соли обѣдъ варять.

— Ахъ, Боже мой! какъ это скоро соль выходитъ! сказала Глафира Андреевна, качая головой.

— Да вѣдь я жъ ея не съѣдаю, грубо возразила Дарья.

— Знаю, знаю, что не ты, быстро проговорила Глафира Андреевна:— это все эти дармоѣды, объѣдали дворовые...

— Да ужъ какіе объѣдалы, и Боже сохрани! Вотъ на меня всѣ взѣлись, что я имъ мало ѣсть даю. Все имъ мало!..

— А если кто изъ нихъ осмѣлится рассуждать объ этомъ, ты скажи мнѣ. Семень Иванычъ покажетъ ему на эскадронной конюшнѣ, какъ рассуждать.

— Вотъ и мамка, такая обжора, что ужасъ! Сегодня утромъ дала ей большой кусокъ хлѣба и луку, а она теперь опять ѣсть просить! Ну, далеко ли до обѣда?

— И не давай ей, не нужно. Что за баловство такое! Пустякъ ѣсть четыре раза въ день: можно наѣсться, слава Богу! Глаша! ушибешься! проговорила Глафира Андреевна двухлѣт-

ней дочери, которая, ввалившись въ комнату, пробиралась подъ столъ къ дивану.

Въ то же время въ дальней комнатѣ раздался крикъ груднаго; сначала слабый и жалобный, крикъ этотъ дѣлался все громче и пронзительнѣе. На лицѣ Глафиры Андреевны выразилась досада.

— Чего кричить эта гордастая? Поди скажи, чтобы мамка покормила ее, что ли. Такъ ужь надоѣла со своимъ крикомъ! сказала Глафира Андреевна.

Дарья ушла, но крикъ не прекращался. Глафира Андреевна вышла изъ терпѣнія и побѣжала въ палисадникъ, куда за ней послѣдовала и Глаша со своею нянькой. Съ Глашей мать обхаживалась довольно ласково, хотя вообще мало обращала на нее вниманія.

Въ палисадникѣ онѣ оставались не долго; какъ только утихъ пронзительный крикъ ребенка, Глафира Андреевна отправилась въ домъ и велѣла внести Глашу въ комнату, чтобы она не загорѣла на солнцѣ. Глафира Андреевна опять сѣла шить, и работала не переставая, пока вернулся мужъ ея.

Увы! Семень Ивановичъ измѣнился не менѣе жены; въ его суровомъ, мрачномъ лицѣ трудно было узнать черты того веселаго молодого человѣка, который такъ заинтересовалъ дѣвицъ Яровыхъ, а за ними и Глашеньку.

Маленькая Глаша выбѣжала на встрѣчу отцу, но лицо его нисколько не прояснилось; онъ очень равнодушно взялъ ее за руку и сказалъ: «здравствуй». Сѣли за столъ; обѣдъ былъ довольно хорошъ, но каждаго кушанья подавалось такъ мало, что два человѣка съ трудомъ могли быть сыты, а явись третій—ему рѣшительно нечего было бы ѣсть. Семень Ивановичъ обѣдалъ съ большимъ аппетитомъ: онъ цѣлое утро училъ солдатъ въ манежѣ по просьбѣ своего эскадроннаго командира Семенова, уѣхавшаго въ свое имѣніе. За обѣдомъ Семень Ивановичъ не произнесъ почти ни одного слова, но Глафира Андреевна не переставала говорить: она повѣрила мужу свои сегодняшнія непріятности, рассказала объ обжорствѣ дворни вообще и мамки въ особенности и о крикливости Лизы, второй своей дочери. Послѣ обѣда Чувашевъ пошелъ спать, а жена его выслала въ садикъ дѣтей, чтобы они не шумѣли, приказавъ нянькѣ сидѣть въ тѣни и не пускать Глашу на солнце: сама же принялась опять за свое шитье.

Часа два никто не прерывалъ ея занятія; въ домѣ было такъ

нико, что стучь машинка на стѣнныхъ часахъ явственно слышался во всѣхъ комнатахъ; въ дѣвичьей двѣ дѣвчонки вышивали въ пальцахъ, не отрывавсь ни на минуту отъ работы и сохраняя мертвое молчаніе. Дарьюшка возлѣ нихъ тоже что-то шила и строго наблюдала за дѣвчонками, а мальчикъ и деньщикъ чистили ножи и подсвѣчники на заднемъ крыльцѣ и тихою перебранивались черезъ плетень съ мамкой и нянькой. Въ гостиную донеслся только шурьдакъ плачь Лизы да веселый, звонкій голосокъ Глаши, но Глафира Андреевна не обращала на это вниманія, а между тѣмъ она очень любила свою старшую дочь. Въ тѣ болѣе грубыя времена матери любили своихъ дѣтей не такъ какъ теперь; тридцать лѣтъ тому назадъ, немногія матери понимали, какъ нуженъ ребенку постоянный надзоръ и вниманіе матери. Дѣти по цѣлымъ днямъ оставались въ обществѣ нянекъ и горничныхъ, а матерямъ и въ голову не приходило, что онѣ не исполняютъ своихъ обязанностей къ дѣтямъ.

Наконецъ въ гостиную вошелъ мальчикъ.

— Матрена Ивановна прѣехали изъ деревни и приказали просить васъ пожаловать къ нимъ, сказалъ онъ Глафирѣ Андреевнѣ.

— Скажи, что я кланяюсь и сейчасъ буду, отвѣчала она.

Глафира Андреевна поспѣшила переодѣться, надѣла простенькій, хорошенькій чепчикъ своего издѣлія, который очень шелъ къ ней, дождалась, пока всталъ мужъ, и пошла вмѣстѣ съ нимъ къ Семеновымъ.

Квартира Семенова была нѣсколько больше занимаемой Чувашевыми. Матрена Ивановна убрала ее очень пестро и съ большими претензіями. Въ настоящее время она съ мужемъ и двумя молоденькими офицерами его эскадрона пила чай въ гостиной и, расфранченная, въ какой-то неестественной позѣ, разыгрывала роль важной дамы.

— Здравствуй! медленно сказала она, вошедшей Глафирѣ Андреевнѣ и поцѣловалась съ нею, не вставая съ мѣста.

— Ну, какъ вы съѣздили? Здорова ли Марѳа Мироновна и сестры твои? садясь спросила Глафира Андреевна, какъ всегда, скороговоркой и отрывисто.

— Благодарю; всѣ здоровы; а сестру Дуню на прошлой недѣлѣ просватали за помѣщика Зигмана; очень, очень богатый человекъ.

— Съносокъ уже кончился у тебя, Василій Петровичъ?

спросилъ Семень Ивановичъ у Василя Петровича Семенова.

— Слава Богу, кончился; началась уже уборка хлѣба. Какой урожаем отличный! такъ тысячами и пахнетъ, весело проговорилъ Семеновъ.

— Когда же свадьба? спросила Глафира Андреевна у Матрены Ивановны.

— Еще не скоро. Нужно же приготовить приданое. Четыремъ модисткамъ заказали платья, чепчики и мантильи, своихъ десять швей шьютъ съ утра до ночи бѣлье, а все-таки скоро не поспѣеть. Да нужно еще купить серебро, лошадей, карету, шубу... Все это въ недѣлю не покончишь, отвѣчала Семенова.

Въ продолженіи всѣхъ этихъ разказовъ болѣзненно ныло сердце Глафиры Андреевны, но она молчала и притворялась, что очень рада замужству своей бывшей подруги: она давно уже поняла, какъ нелѣпо и невыгодно ей продолжать съ своими пріятельницами войну на булавахъ, начатую ею передъ замужствомъ, поняла, что у противницъ ея слишкомъ много шансовъ для непрерывнаго торжества надъ нею, и смирилась, а въ награду за это смиреніе къ ней частенько являлись знаменія вниманія М-те Семеновой въ видѣ мѣшковъ муки или крупы, битой птицы, яицъ и проч.

— Одна бѣда, говорилъ Василій Петровичъ, обращаясь къ мужчинамъ,—старосты и прикащики все мошенничаютъ. Ужъ я смѣнялъ, смѣнялъ ихъ, да все толку нѣтъ. Чтò ни говори Матрена Ивановна, а нужно выходить въ отставку.

— Да, я удивляюсь, какъ можно служить при вашемъ состояніи, замѣтилъ одинъ изъ молодыхъ людей.

— Да, а развѣ можно жить въ деревнѣ? живо возразила Семенова.—Тамъ у насъ сосѣдей почти нѣтъ, никакого пріятнаго общества нельзя найти.

— За то Петрушѣ понравилось въ деревнѣ: посмотрите, какъ онъ загорѣлъ, сказалъ Семеновъ, показывая на вошедшаго четырехлѣтнаго сына.

Мальчикъ, смуглый какъ мать, и некрасивый какъ отецъ, въ самомъ дѣлѣ былъ черенъ до невѣроятности.

«Какое сравненіе съ моею бѣленькою Глашей!» радостно подумала Глафира Андреевна; «за то онъ богатъ, а она—несчастливая безприданница,» мысленно прибавила нѣжная мать, и ей стало грустно.

Между тѣмъ время быстро летѣло въ разговорахъ о сѣно-

носѣ и старостахъ, о модисткахъ и швеяхъ, шьющихъ приданое Дуни, о пріятномъ обществѣ, объ отставкѣ, о выправкѣ солдатъ и о лошадиныхъ подковахъ. Давно уже стемнѣло, давно улегся спать Петруша, наѣвшись молочной каши и разныхъ сластей; а въ домѣ Чувашевыхъ нянька и мамка, накормивъ Глашу жидкою пшенной кашницей безъ масла и уложивъ спать дѣтей, воспользовались отсутствіемъ господъ и сномъ домашняго шпиона, Дарьюшки, отправились по своимъ надобностямъ въ кухню или за ворота. Въ дѣтской скоро раздался сначала жалобный, а потомъ пронзительный крикъ груднаго ребенка, но никто не слышалъ этого крика, никто не явился на зовъ бѣдной малютки, и прокричавъ долго и напрасно, уставшая и обезсиленная крикомъ, она опять уснула тревожнымъ и прерывистымъ сномъ.

Наконецъ вернулись Семень Ивановичъ съ женою.

— Дѣти спятъ? спросила Глафира Андреевна у встрѣтившейся Дарьи, и получивъ утвердительный отвѣтъ, пошла въ спальню.

— Ну, Семень Иванычъ, сказала Глафира Андреевна своему мужу, когда они остались одни, — какъ бы хорошо было, еслибъ Василій Петровичъ въ самомъ дѣлѣ вышелъ въ отставку, а тебѣ дали его эскадронъ!

— Да, вздыхая проговорилъ Семень Ивановичъ.

— А какъ ты думаешь, это можетъ быть? Какъ ты думаешь? спрашивала Глафира Андреевна.

— Надѣяться можно. Старше меня только одинъ Возницынъ, да и тотъ на дурномъ счету у начальства.

— На дурномъ счету? Слава Богу! Ахъ, Господи, Господи! И Глафира Андреевна прошептала какую-то молитву, безпрестанно крестясь и взглядывая на образъ.

VII.

Насталъ сентябрь. Семеновъ дѣйствительно подалъ въ отставку. Офицеры частенько разсуждали, кто приметъ эскадронъ. Почти всѣ соглашались, что это право принадлежит Чувашеву; онъ же и старше всѣхъ, кромѣ Возницына, но Возницынъ что за служивый? онъ только книжки читаетъ, а вѣдать кренделемъ; и какой онъ кавалеристъ? ноги короткія,

голосъ слабый. Чувашевъ—дѣло другое: на него стѣбитъ ве-
смотреть и въ пѣшемъ строю и на конѣ—картина, а не офи-
церъ! А голосъ! Какъ начнетъ командовать, такъ заслушаешься!
И кто бы ни прѣхалъ изъ высшаго начальства, всегда назнача-
ютъ Семена Ивановича и пѣшимъ и коннымъ ординарцемъ, и
высшее начальство всегда остается довольною его выправкой,
посадкой, и проч., и проч.

Вѣроятно и полковой командиръ взялъ все это во вниманіе,
потому что какъ только вышла отставка Семенова, приказомъ
по полку предписано было Чувашеву принять эскадронъ на
законномъ основаніи.

То-то была радость въ домѣ Семена Ивановича! Глафира
Андреевна и плакала, и молилась Богу, и обнимала свою Глашу,
чего съ нею никогда не бывало. Даже Семень Ивановичъ по-
веселѣлъ. И было чему радоваться: не говоря о томъ, что это
новое назначеніе облегчало Чувашеву дальнѣйшее повышение
по службѣ, сколько еще выгоды! Конечно, командовать эска-
дронномъ въ поселеніи далеко не такъ пріятно и полезно, какъ
на *вольныхъ квартирахъ*: это извѣстно всякому военному че-
ловѣку; здѣсь, напримѣръ, полкъ получаетъ фуражные деньги
для покупки овса и сѣна только полгода, да и то полковой коман-
диръ самъ продовольствуетъ полкъ, а въ остальные полгода
фуражъ получается натурою отъ поселенія; провіантъ же, слѣ-
дующій эскадрону, выдается изъ поселеннаго магазина прямо
на руки жителей, у которыхъ квартируютъ нижніе чины,—
слѣдовательно и тутъ плохо; но несмотря на все это, Чувашевъ
былъ очень доволенъ принятіемъ эскадрона и надѣялся
поправить свои весьма стѣсненные обстоятельства.

Прежде всего Семень Ивановичъ, какъ человѣкъ предусмо-
трительный, далъ себѣ слово обратитъ на себя особенное вни-
маніе начальства своимъ усердіемъ и рвеніемъ къ службѣ. Въ
то время служба была не то что теперь. Старые служивые
любятъ вспоминать ее. «Правда, солдатика было тогда жутко,
говорятъ они, но за то, что за народъ былъ! Тысячу палокъ
съѣсть, и какъ ни въ чемъ не бывало! А посмотришь на фронтъ—
какъ одинъ человѣкъ! душа не нарадуется!»

Кажется, трудно было обратитъ на себя вниманіе начальства
при такомъ блестящемъ состояніи арміи, однако Семень Ива-
новичъ сдержалъ слово. Правда, за это жестоко заплатились
спина и здоровье солдатъ, но стѣбитъ ли помнить объ этихъ
ничтожныхъ созданіяхъ, когда дѣло идетъ о такой священной

и важной вещи, какъ пріобрѣтеніе средствъ для будущаго благосостоянія семьи русскаго дворянина и отличнаго служани?

Да, тогда было грустное, страшное время! Двадцать пять лѣтъ несъ тяжкое бремя службы бѣдный солдатъ, отданный совершенно на произволъ своего начальника, а что ручалось за нравственность и благоразуміе этого начальника? И какихъ ужасныхъ лишеній не испытывалъ солдатъ, какихъ жестокихъ, безчеловѣчныхъ побоевъ не переносилъ онъ за то, что поднималъ ногу ниже своего сосѣда, за то, что на мундирѣ одна пуговица была темнѣе другой, за то, что лошадь или дурно ѣсть, или захромала, или плохо пьетъ, или пошла галопомъ съ правой, а не съ лѣвой ноги, и мало ли еще за что! И все это двадцать пять лѣтъ! Теперь прошли эти времена, и участь несчастнаго русскаго солдата мало-по-малу облегчается.

Миръ праху великихъ людей, способствовавшихъ распространенію просвѣщенія въ Россіи, великихъ писателей, которые произведеніями своего пера содѣйствовали смягченію нашихъ нравовъ и проявленію гуманныхъ началъ въ нашемъ обществѣ! И да будетъ благословенъ тотъ, съ чьимъ именемъ неразлучна мысль о всякомъ благомъ начинаніи, о всемъ разумномъ и великомъ, совершающемся нынѣ въ отечествѣ нашемъ!

Но обращая на себя особенное вниманіе начальства отличнымъ состояніемъ своего эскадрона, Семень Ивановичъ не забывалъ пословицу: «что за честь, когда нечего ѣсть.» О, напротивъ! онъ очень хорошо ее помнилъ и притомъ былъ превосходный хозяинъ и мастеръ своего дѣла: отъ продовольствія строевыхъ лошадей у него столько овса оставалось въ экономіи, какъ ни въ одномъ эскадронѣ, а между тѣмъ кони были въ отличномъ тѣлѣ; во время кампанента, когда нижніе чины продовольствовались не по квартирамъ, а изъ котла, для чего отпускалось отъ полуторы до трехъ копѣекъ серебромъ въ сутки на человѣка кромѣ провіанта, Семень Ивановичъ умѣлъ извлекъ выгоду, и у него оставалась порядочная экономія и денегъ и муки, хотя ежедневно варилось по два раза въ довольноненькое количество (а о качествѣ некогда было, за службой, забогиться) и хлѣба отпускалось по три фунта въ день на человѣка. Правда, хлѣбъ постоянно былъ не выпеченъ, да вѣдь это все равно. Никто не спрашивалъ, никому не было дѣла, какой хлѣбъ ѣсть бѣдный солдатъ, сытъ ли онъ, отчего у него такое желтое и испитое лицо, старообразное не по лѣтамъ. Впрочемъ,

въ нѣкоторыхъ случаяхъ Семенъ Ивановичъ чрезвычайно заботился о здоровьи своихъ подчиненныхъ; онъ находилъ, на примѣръ, что говядина слишкомъ горячительная пища для лѣтняго времени и давалъ солдатамъ щи или съ бараниной, или съ саломъ, или съ бараньею солониной, при чемъ и соль оберегалась. Солдаты заболѣвали и умирали въ эскадронѣ Чувашева не чаще чѣмъ въ другихъ. Чего не вынесетъ желѣзная натура русскаго простолюдина! Когда предписано было высшимъ начальствомъ отпускать въ лѣтніе мѣсяцы на заработки нижнихъ чиновъ для улучшенія имъ же пищи на заработанные деньги, Семенъ Ивановичъ и въ этомъ случаѣ умѣлъ и начальству угодить и себя не забыть: изъ донесеній, представляемыхъ эскадронными командирами, всегда оказывалось, что каждый человѣкъ изъ отпускаемыхъ Чувашевымъ на заработки получалъ задѣльной платы гораздо болѣе, сравнительно съ другими эскадронами, при чемъ Семенъ Ивановичъ не забывалъ уменьшать число отпущенныхъ на заработки нижнихъ чиновъ своего эскадрона; такъ на примѣръ, отпуская пятьдесятъ человѣкъ, онъ доносилъ, что не можетъ отпустить болѣе двадцати человѣкъ и для пользы службы находить нужнымъ чаще смѣнять отпускаемыхъ на заработки, чтобъ они не могли отстать отъ своихъ товарищей по службѣ, за что получалъ благодарность отъ начальства и пользовался его лестнымъ мнѣніемъ.

А между тѣмъ обстоятельства Чувашевыхъ понемногуправлялись, но это не изгнало изъ ихъ хозяйства прежней строгой экономіи. Дворня ихъ бѣла по прежнему мало и дурно; для своего стола Глафира Андреевна также разчитывала всякій кусокъ, но Глашу она одѣвала очень мило. Правда, бѣлья у ребенка было мало, и все такое толстое, грубое, за то платья были всегда прекрасно сшиты и вышиты. Глафира Андреевна была мастерица на это. Сама она одѣвалась тоже просто, но со вкусомъ. Говоря о семьѣ Чувашевыхъ, мы часто забываемъ одного изъ членовъ ея, меньшую дочь ихъ, крошечную Лизу, но намъ это простительно, о ней едвали помнили когда-нибудь отецъ и мать. Она явилась на свѣтъ нежданная и не желанная: Глафирѣ Андреевнѣ съ мужемъ хотѣлось имѣть сына—родилась дочь, и родители не влюбили ея, какъ будто она была виновата, что не исполнилось ихъ желаніе. Ей поставили колыбельку, приискали мамку, дали три-четыре толстыя рубашки и нѣсколько старыхъ пеленокъ, и тѣмъ кончились заботы о ней ея родителей. Здорова ли она или больна, сыта или го-

одна, купать ее или постоянно держать въ грязи,—никто этимъ не интересовался, и росла бѣдная малютка, какъ Богу угодно было, кушала и голодала, хворала и выздоравливала, не видя материнской ласки и привѣта. Только добрая бабка ея, крѣдка прїѣзжая къ дочери, ронила нѣсколько слезъ надъ колыбелью нелюбимаго, забытаго ребенка, и давала себѣ слово, какъ только подростетъ Лиза, взять ее, съ разрѣшенія Лизаветы Ильинишны, къ себѣ на воспитаніе; но бабка прїѣзжала не часто: на ея рукахъ было все домашнее хозяйство въ Спасскомъ, да притомъ же дочь принимала ее не слишкомъ нѣжно. Глафира Андреевна отъ природы имѣла мало нѣжности въ характерѣ, а кромѣ того ей было досадно, что Наталья Ивановна, несмотря на всѣ ея вовсе не тонкіе намеки, никакъ не хотѣла выпрашивать для своей дочери и ея семьи, у Лизаветы Ильинишны, разные знаки вниманія для сокращенія расходовъ зятя. Въ этомъ случаѣ кроткая Наталья Ивановна была непоколебима и довольствовалась тѣмъ, что отдавала дочери всѣ матеріи и полотна, которыя получала въ подарокъ отъ своей благодѣтельницы. Сама же Глафира Андреевна рѣдко ѣздила въ Спасское, хотя Лизавета Ильинишна всегда милостиво принимала ее; Чувашевой страшно было оставлять безъ своего надзора домъ и хозяйство, несмотря на то, что, какъ ей самой казалось, она вполнѣ довѣряла Дарьюшкѣ.

Разъ утромъ, Глафира Андреевна, опять беременная, сидѣла и шла въ гостиной, въ особенно-дурномъ расположеніи духа: она видѣла сонъ, что у нея опять будетъ дочь, а снамъ она вѣрила болѣе всего на свѣтѣ. Вдругъ вошла Дарья; ея черные глаза какъ-то особенно блестяли; на лицѣ выражалась злобная радость.

— Вы себѣ сидите да шьете, и не знаете, что у насъ дѣлается въ домѣ, сказала она барынѣ, съ которою обращалась довольно фамильярно.

— А что такое? съ живостью спросила Глафира Андреевна.

— Марѣушка родила, съ триумфомъ проговорила донощица. Глафира Андреевна всплеснула руками.

— Неужто? Ахъ она мерзавка этакая!.. Да какъ же это?.. Ничего замѣтно не было!.. Ахъ, скверная, отвратительная тварь!.. Поди, Дарьюшка, скажи ей, что я ей дамъ развратничать!.. Ужъ будетъ ей!.. Ахъ, Господи! хоть бы скорѣй Семенъ Иванычъ пришелъ! Мерзавка этакая!..

Глафира Андреевна была въ сильномъ волненіи и негодова-

ни. Да и какая добродѣтельная дама, особенно въ тѣ времена чистой нравственности, не испорченной еще лжеумствованіями разныхъ Жоржъ-Сандовъ и тому подобныхъ вредныхъ писателей, не ощутила бы точно такого же негодованія?..

Между тѣмъ Дарья побѣжала въ кухню. Тамъ на голыхъ доскахъ лежала бѣдная родильница; блѣдное лицо ея выражало безпокойство, тревогу и глубокое страданіе. Возлѣ нея спалъ крошечный, необмытый младенецъ; мать лежала отвернувшись отъ него, и только когда въ кухнѣ не оставалось ни души, она украдкой взглядывала на дитя и старалась прикрыть грязною тряпкой, въ которую оно было завернуто, посинѣвшее отъ холода тѣлце. Дарья ворвалась въ кухню.

— Барыня ужъ знаетъ, заговорила кухонный шпионъ. — Такъ убивается барыня, такъ убивается, что и Боже сохрани! Говорить: я ей задамъ, я ее научу дѣтей рожать!.. Только барыня дожидается...

Родильница глухо застонала и инстинктивно взялась за ребенка, но тотчасъ же вновь отвернулась.

— Баринъ идуть! крикнулъ комнатный мальчишка и стремглавъ бросился изъ кухни встрѣтить барыня.

— Чтò съ тобой, Глашенька? спросилъ Семень Ивановичъ, взглянувъ на взволнованное лицо жены.

— Да ужъ то дѣлается въ нашемъ домѣ, что и Боже упаси! заговорила съ жаромъ и чуть не со слезами супруга. — Представь, эта негодная тварь Марѣушка родила!..

— Гм! А вотъ я велю отправить ее на эскадронную конюшню, хладнокровно отвѣчалъ мужъ. — Давайте обѣдать, заключилъ онъ.

Семень Ивановичъ былъ человѣкъ съ очень-твердымъ характеромъ: чтò онъ сказалъ, то непременно будетъ исполнено. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней преступную Марѣушку отвели на конюшню. Это было въ субботу передъ вечеромъ, въ то самое время, какъ раздался благовѣстъ къ вечернѣ, и набожная супруга Семена Ивановича отправилась въ церковь. Тамъ, на колѣняхъ передъ образомъ Спасителя она усердно молилась о томъ, чтобы Богъ даровалъ ей сына, чтобы начальство всегда оставалось довольно ея мужемъ, чтобы Богъ послалъ имъ счастье и богатство, и пр. и пр.

И кто бы сказалъ, глядя на эту женщину, такъ усердно, такъ пламенно молившуюся, что она морить свою дворню голодомъ, а «дѣвокъ» еще и работою, что она терпѣть не можетъ

свою малютку-дочь, что, по ея желанію, переноситъ жестокое наказаніе еще не оправившаяся послѣ родовъ служанка ея, кто бы сказалъ все это?.. И еслибы вдругъ на молящуюся Глафиру Андреевну низошло божественное откровеніе, и она бы поняла, на сколько она, богомольная жена, вѣрная супруга и мать законныхъ дѣтей, хуже, грѣшнѣе и безнравственнѣе той несчастной, которую теперь свѣкли на конюшнѣ за дурное поведеніе, что сказала бы и сдѣлала бы тогда она? Божественное откровеніе не посѣщаетъ такихъ людей, какъ Глафира Андреевна; они обыкновенно живутъ и умираютъ въ полномъ сознаніи собственной праведности, непогрѣшимости и совершенства.

Возвратясь домой, Глафира Андреевна увидѣла на своемъ дворѣ какой-то фазтонъ.

— Наталья Ивановна пріѣхала, сказала Дарья, выбѣжавшая навстрѣчу барынѣ. Глафира Андреевна не торопясь прошла въ комнаты. Наталья Ивановна была въ дѣтской.

— Здравствуйте, маменька! произнесла Чувашева отрывисто и безъ малѣйшаго отвѣтка нѣжности въ голосѣ.

— Здравствуй, Глашенька! радостно проговорила старушка. — А я вотъ съ внучками! Что за милыя дѣтки! какъ выросли! А гдѣ Семень Иванычъ?

— Онъ на ученьи, маменька! Пойдемте въ гостиную.

— Пойдемъ, мой другъ! Да, вотъ что, Глашенька! сказала Наталья Ивановна, нѣсколько запинаясь: — ты велѣла бы купать Лизочку...

— И-и, маменька! Не до нея мнѣ: и такъ дѣла пропасть! Ну, что у васъ новенькаго въ Спасскомъ?

— Новости-то есть, да не совсѣмъ хорошія, со вздохомъ отвѣчала мать.

— Что, что такое? живо спросила Глафира Андреевна.

— Да вотъ, дня два назадъ, Лизавета Ильинишна получила письмо отъ графини Софьи Васильевны, въ которомъ она пишетъ, что война будетъ съ Польшею; почти навѣрное, говорить, извѣстно.

Глафира Андреевна всплеснула руками, озадаченная неприятнымъ извѣстіемъ.

— Неужто? Ахъ, Боже мой, что за несчастіе! Ну, какъ вдругъ Семень Иванычъ пойдетъ въ походъ! Что я буду безъ него дѣлать? Да меня обворуютъ, ограбятъ эти людоѣды-дворяне! Ужъ и при немъ, да и то, что дѣлается! Вотъ на дняхъ

эта мерзавка Мареушка, представьте, родила... Этакая дрянная-распутница!..

Наталья Ивановна подавила тяжелый вздохъ и ничего не отвѣтила.

Пришелъ Семенъ Ивановичъ. Извѣстiе о войнѣ не поразило его такъ, какъ жену.

— Наша дивизiя пойдетъ послѣдняя, какъ резервная, а вѣрнѣе всего, что и вовсе не пойдетъ. Не безпокойся, Глашенька, сказалъ Чувашевъ женѣ.

VIII.

Началась польская кампанiя, и, противъ ожиданiя, NN резервная дивизiя одна изъ первыхъ получила повелѣнiе выступить въ походъ немедленно. Неожиданное извѣстiе это такъ поразило Глафиру Андреевну, что у нея родился сынъ двумя недѣлями раньше должнаго срока.

— Не тревожься, Глашенька! утѣшалъ мужъ больную жену. — Эта кампанiя не можетъ быть продолжительна: Поляковъ усмирять, можетъ-быть, прежде чѣмъ мы достигнемъ Польши; а между тѣмъ походъ представляетъ много выгодъ...

И Семенъ Ивановичъ такъ вразумительно растолковалъ женѣ эти выгоды, что она, если не совсѣмъ утѣшилась (она была очень привязана къ мужу), то нѣсколько успокоилась и проводила мужа со слезами, но не съ отчаянiемъ, и по отъѣздѣ его отъ скуки принялась еще рачительнѣе за хозяйство. Стоило посмотрѣть на ея огороды въ этомъ году, а сколько она развела домашней птицы, а сколько воротничковъ, нарукавничковъ и прошвъ вышили за это время ея «дѣвки»! Онѣ вышили бы еще и больше, но лучшая швея, Мареушка, заболѣла воспаленiемъ въ мозгу, вскорѣ послѣ смерти своего ребенка, который съ первыхъ дней жизни началъ хирѣть и чахнуть, и наконецъ въ одну темную и удушливую ночь умеръ у тощей груди своей голодной, измученной матери, измученной постояннымъ сидѣнiемъ за пальцами, бранью и толчками барыни и Дарьюшки.

Два или три раза въ мѣсяцъ Глафира Андреевна получала письма отъ мужа; они обыкновенно были очень коротки. Вотъ для примѣра одно изъ нихъ, въ точной копiи:

« Друхъ мой Глашинька я благодаря Бога живъ и здоровъ и

дѣла мои идутъ хорошо письмо твоѣ получилъ и рать што ты здорова Детей благословляю и цалую твой друхъ Семень Чужашовъ. »

Глафиру Андреевну очень утѣшали эти письма; но прошло полгода, восемь, девять мѣсяцевъ, и, вопреки ожиданію ея, войска не возвращались. Глафира Андреевна стала не нашутку тосковать и скучать, и тѣмъ болѣе, что она все это время никуда не ѣздила, и у нея кромѣ матери никого не бывало. Наконецъ, для разсѣянія, она рѣшилась поѣхать въ Спасское и заѣхать по дорогѣ къ Семеновымъ. Она выбралась въ путь въ прекрасный осенній день; солнце ярко освѣщало пожелтѣвшіе лѣса и скошенные луга, поля и степи; нити паутины носились въ чистомъ, сухомъ воздухѣ; но Глафира Андреевна не была любительницей природы; она довольна была, что время было удобное для дороги—и только. Съ нею былъ сынъ, котораго она сама кормила, и Глаша. Бѣдная же Лиза осталась на попеченіи Дарьюшки. Передъ вечеромъ Глафира Андреевна подъѣхала къ новому каменному дому Семеновыхъ, и сердце ея, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ съ ней бывало, защемило завистью. Ее радушно встрѣтилъ на крыльцѣ добрый Василій Петровичъ и провелъ въ гостиную, гдѣ съ подобающею важностію сидѣла его супруга, которая, сказать мимоходомъ, пополнила, разгрубила и очень мало напоминала ту красивую Матрешу, въ которую влюбился, восемь лѣтъ назадъ, Василій Петровичъ.

— Ахъ, Глашенька! проговорила она радостно:—какъ ты хорошо сдѣлала, что пріѣхала! Я здѣсь просто умираю со скуки. Это твоя Глаша? какъ она выросла! Да, поздравляю тебя съ сыномъ. Я его еще не видала.

— Какъ вы прекрасно здѣсь устроились! сказала Глафира Андреевна.—Домъ какой чудесный! я какъ скоро выстроили!..

— Чтѣ толку въ домѣ, когда здѣсь такъ скучно! возразила Матрена Ивановна.—Вотъ до войны хотъ товарищи Василя Петровича частенько навѣдывались, а теперъ—просто умирай со скуки.

« Боже мой! какъ можно скучать, живя въ такомъ богатствѣ? подумала Глафира Андреевна. Да я бы скуку на глаза не пустила, еслибы все это было мое... »

— А теперъ они закужились тамъ въ Польшѣ, да и забыли объ насъ, сказалъ Василій Петровичъ.

— Ну, ужь что тамъ за веселости на войнѣ? замѣтила Глафира Андреевна.

— Въ Польшѣ-то? возразилъ Василій Петровичъ.— Да тамъ такъ весело, какъ нигдѣ на свѣтѣ: я вѣдь стоялъ тамъ два года и увѣренъ, что и теперь тамъ такъ же весело, несмотря на войну. А Польки-то что за женщины! Хоть мертвѣго разве-седать!..

На лицѣ Глафиры Андреевны вдругъ показался яркій румянецъ: въ ней въ первый разъ заговорила ревность, къ которой супруга Семена Ивановича отъ природы была очень склонна, но которой до сихъ поръ не было повода вспыхнуть.

— Да, Польки ужасныя кокетки! сказала Матрена Ивановна: — говорятъ, ни одинъ человѣкъ не можетъ устоять, если ужь онъ захотятъ завлечь!

Матрена Ивановна очень хорошо видѣла, какое чувство зашевелилось въ душѣ Глафиры Андреевны, и рада была случаю разжечь его: она не простила Глафирѣ Андреевнѣ предпочтенія, оказаннаго ей Семеномъ Ивановичемъ, къ которому въ первое время замужства своего Матрена Ивановна тоже была неравнодушна. Женщины никогда не прощаютъ такихъ вещей.

Глафира Андреевна не спала всю ночь: ей такъ и представалось, что Семенъ Ивановичъ измѣнилъ ей, что его завлекла какая-то Полька, что онъ растратилъ для нея всѣ накопленные имъ деньги, и пр., и пр.

На другой день она встала съ жестокою головною болью отъ бессонницы и волненія, и отправилась въ Спасское. Всею дорогу неотвязно преслѣдовали ее тѣ же ужасныя мысли.

У Лизаветы Ильинишны въ этотъ разъ было мало гостей: только Надежда Васильевна и Лизавета Васильевна, которыхъ съ дѣтьми и гувернантками жили у матери, съ тѣхъ поръ какъ мужа ихъ пошли въ походъ, да еще около дюжины внуковъ и внучекъ Лизаветы Ильинишны. Надежда Васильевна сдѣлалась очень бойкою барыней и привыкла одѣваться очень небрежно, впрочемъ только въ отсутствіе мужа; при немъ напротивъ она очень занималась своею наружностію. У нея было трое дѣтей, изъ которыхъ перваго сына она очень любила, а къ остальнымъ была гораздо равнодушнѣе. Лизавета Васильевна была такъ же мила и скромна, какъ и прежде; у нея тоже было уже двое дѣтей.

— Здравствуйте, моя милая! ласково сказала Лизавета Ильинишна, когда Глафира Андреевна, пробравшись сначала заднимъ

прямомъ въ комнату матери, появилась наконецъ въ гостиной и подошла къ рукѣ генеральши.—Ну, какъ вы поживаете съ вашими дѣтками? пишетъ ли вамъ мужъ?

Глафира Андреевна, отвѣтивъ на эти вопросы, обратилась съ поклономъ къ дочерямъ генеральши. Онѣ приветливо пожали ей руку.

— Садитесь же, моя милая, поближе, продолжала генеральша.—Ну, вотъ тебѣ и радость, Наталья Ивановна! Такъ вы и дѣтокъ своихъ привезли? Очень рада буду ихъ видѣть. Позовите ихъ сюда!

Наталья Ивановна вмѣстѣ съ дочерью отправилась за дѣтьми. Глаша была очень живо одѣта, мать выучила ее дѣлать реверансъ, но, несмотря на то, какая разница между ею и внучками генеральши! Она ни слова не умѣла ни по-французски, ни по-нѣмецки, не умѣла держать себя, бываетъ то слишкомъ рыва, то слишкомъ дика. Все это очень хорошо видѣла Глафира Андреевна, и въ ея головѣ мелькнула мысль, которую она дала себѣ слово привести въ исполненіе.

Лизавета Ильинична приласкала Глашу, отослала ее къ дѣтямъ, и такимъ образомъ исполнивъ все, по ея мнѣнію, чтобы показать должное вниманіе дочери своего друга, она разложила пасьянсъ и углубилась совершенно въ свое занятіе. Наталья Ивановна съ чулкомъ въ рукахъ помѣстилась подлѣ генеральши въ креслахъ и тоже часто и съ любопытствомъ посматривала на карты; изрѣдка старушки переговаривались между собою по-французски о томъ, куда положить бубнового валета и шиковую двойку. Лизавета и Надежда Васильевны что-то вязали табуринымъ крючкомъ и разговаривали съ Глафирой Андреевной хоть ласково, но все-таки съ нѣкоторымъ принужденіемъ. Наталья Ивановна часто взглядывала на дочь съ свойственнымъ ей выраженіемъ любви и участія. Ея материнское сердце чувствовало, что у ея Глаши, несмотря на довольно спокойное лицо, что-то не весело на душѣ. Послѣ ужина Глафира Андреевна попросила у матери чернилъ и бумаги.

— Ты Семену Иванычу будешь писать? спросила Наталья Ивановна и, на утвердительный отвѣтъ дочери, прибавила:— поклонись же ему отъ меня.

Глафира Андреевна положила передъ собой листокъ бумаги и стала чертить довольно крупными каракулями письмо, полное жалобъ, упрековъ, подозрѣній и пр. Окончивъ писаніе на тре-

тѣй страницѣ, она запечатала, подписала адресъ и попросила мать отправить письмо на почту.

— Хорошо, другъ мой, отвѣчала старушка, — а вѣдь какъ кстати! Завтра пятница, а всякую пятницу нарочный ѣздитъ въ городъ на почту. Маланья! сказала она своей горничной, — отнеси письмо это прикащику; пускай отправитъ его на почту.

Написавши письмо, Глафира Андреевна тотчасъ почувствовала нѣкоторое облегченіе своей тоски; вспомнила о недавно-принятомъ ею намѣреніи, которое рѣшилась попытаться привести въ исполненіе сейчасъ же. Она начала тѣмъ, что два раза тяжело и громко вздохнула.

— Что ты, другъ мой, не весела такъ? съ участіемъ спросила Наталья Ивановна.

— Чего мнѣ веселиться, маменька? отвѣчала Глафира Андреевна. — Сами знаете, какія наши обстоятельства...

— Знаю, мой другъ, знаю, сказала мать, — и разлука съ мужемъ, это тоже очень грустно, но сегодня ты какъ-то особенно не въ духѣ, не весела.

— Да какъ и веселиться, маменька? Вотъ дѣти подростаютъ; Глашъ седьмой годъ пошелъ; нужно ее воспитывать, а какъ? на какія деньги? Думаешь, думаешь, да просто голова кругомъ пойдетъ.

И Глафира Андреевна приложила платокъ къ глазамъ.

— Да, въ самомъ дѣлѣ! Боже мой, Боже! заговорила старушка, приходя въ неописанное волненіе. — Ну, что жъ, Глашенька, не печалься: авось Богъ поможетъ. Не плачь, Глашенька!

— Вотъ я частенько думаю: здѣсь такая прекрасная гувернантка, дѣтей такъ много учится; ну, какой разчетъ сдѣлало бы Лизаветъ Ильинишнѣ, еслибъ она и мою Глашу приняла! А я бы за нее вѣчно Бога молила! сказала Глафира Андреевна.

— Да, это конечно, отвѣчала въ раздумьи Наталья Ивановна. — Я постараюсь, похлопочу, Глашенька! Можетъ-быть и удастся. Ты только не плачь, мой другъ! Я къ тебѣ пріѣду, этакъ мѣсяца черезъ полтора, и скажу тогда, какъ рѣшить Лизавета Ильинишна.

— Ахъ, маменька, ужъ какъ я вамъ благодарна буду! Да вамъ, кажется, спать пора: ужъ поздно. Прощайте, маменька!

И Глафира Андреевна, успокоившись отчасти, относительно двухъ обстоятельствъ, которые мучили ее прошедшую ночь и сегодня, заснула крѣпкимъ и покойнымъ сномъ.

А старушка долго еще лежала съ открытыми глазами и раз-

думывала какъ бы исполнить данное ею дочери обѣщаніе, и не будетъ ли это ужь слишкомъ нахально такъ пользоваться дружбой Лизаветы Ильинишны и прибѣгать къ ней съ такими значительными просьбами.

На другой день Глафира Андреевна чувствовала себя гораздо лучше, хотя изрѣдка и приходили ей въ голову тѣ же дурныя мысли касательно вѣрности Семена Ивановича. Какъ и вчера, утро прошло очень однообразно: тѣ же важныя засѣданія въ гостиной, тѣ же монотонные разговоры, и между тѣмъ никто не чувствовалъ скуки—такъ всѣ они привыкли къ подобному препровожденію времени,—одна Глафира Андреевна скучала: она привыкла къ жизни болѣе дѣятельной; хлопоты по хозяйству, шитье и перешиванье платьевъ и чепчиковъ, надзоръ за работою горничныхъ, все это не оставляло ей почти ни минуты свободной въ продолженіи дня.

— Приѣхалъ ли посланный на почту? спросила генеральша за завтракомъ.

Взоры всѣхъ обратились съ выраженіемъ сильнаго любопытства на дворецкаго.

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство! отвѣчалъ басомъ толстый дворецкій.

— Какъ долго! замѣтила генеральша, сдвинувъ брови, и, вставъ изъ-за стола, возвратилась опять къ своему дивану и разложила пасьянсъ.

— Какой нынче прекрасный день! сказала Наталья Ивановна.

— А! и тепло? спросила Лизавета Ильинишна.

— Очень тепло, даже жарко, отвѣчала Надежда Васильевна.

— И вѣтра нѣтъ? спросила генеральша.

— Нѣтъ, тихо, удивительно тихо, отвѣчали ей.

— Такъ можно походить въ саду; *allons, mesdames!* сказала Лизавета Ильинишна.

Все общество поднялось и вышло по старшинству, вслѣдъ за генеральшей. Лизавета Ильинишна прошла раза два по широкой аллеѣ, идущей внизъ отъ балкона, заглянула въ оранжерею, полюбовалась цвѣтами и предложила воротиться домой. При входѣ въ домъ, ее встрѣтилъ дворецкій.

— Съ почты приѣхали, проговорилъ онъ, подавая ей письмо на серебряномъ подносі.

— Только одно? Кому это? спросила генеральша, отдавая письмо Надеждѣ Васильевнѣ.

— Письмо къ Лизѣ, maman, отвѣчала Надежда Васильевна, прочитаю адресъ.

— Мнѣ? vous permettez, maman? спросила покраснѣвшая отъ радости Лизавета Васильевна.

— Lisez, Lisez, mon enfant! сказала Лизавета Ильинишна.

Лизавета Васильевна быстро пробѣжала письмо, и лицо ея приняло такое счастливое выраженіе, что Лизавета Ильинишна спросила:

— Въ чемъ дѣло? что такое?

— Маман, война кончилась; полки возвращаются.

— Неужели? вскрикнула громче всѣхъ Глафира Андреевна.

Она больше ничего не слышала, не слышала, отъ кого получено это письмо, достовѣрны ли сообщенныя въ немъ извѣстія: мысль, что она скоро увидится съ мужемъ, одна занимала ея голову. Нужно сказать правду, Глафира Андреевна любила мужа, сколько можетъ любить такая жесткая, черствая натура, а тутъ еще ревность навлекризовала ее.

На другой день она поѣхала домой, съ нетерпѣніемъ желая услышать тамъ подтвержденіе слышанной ею новости. Конечно, она заѣхала по дорогѣ опять къ Семеновымъ, и чего ужъ она тамъ не разказала! Она объявила прежде всего, что получила отъ Семена Ивановича извѣстіе объ окончаніи войны, что онъ ужасъ какъ тоскуетъ по ней на чужой сторонѣ, что придетъ домой скоро, очень скоро, и т. п. Глафира Андреевна хотѣла слыть счастливою хоть въ этомъ отношеніи. Богъ знаетъ, повѣрили ли ей Семеновы. Можетъ-быть они думали, что, сдѣлавшись дамой и матерью семейства, она постыдится быть такою лгуньей, какъ прежде. Въ такомъ случаѣ они жестоко ошибались.

IX.

Война кончилась. Войска возвратились, а съ ними и Семень Ивановичъ возвратился къ нетерпѣливо-ожидавшей его Глафирѣ Андреевнѣ. Она конечно не преминула на первыхъ же порахъ высказать ему свои сомнѣнія и подозрѣнія, но Семень Ивановичъ сумѣлъ утѣшить ее и доказать, что во время разлуки ихъ ни чьи прелести не имѣли надъ нимъ никакой силы. Что же касается до растраты денегъ, лучшимъ доказательствомъ несправедливости подозрѣній жены въ этомъ отношеніи служили

привезенныя имъ домой двѣнадцать тысячъ ассигнаціями. Показывая ей эти деньги, Семень Ивановичъ довольно откровенно и подробно разказалъ женѣ, какимъ образомъ онѣ собраны; разказалъ, какъ онъ съ эскадрономъ, будучи отдѣленъ отъ полка, покупалъ у Жидовъ съѣстные припасы для людей и фуражъ для лошадей гораздо менѣе слѣдуемаго количества, да кромѣ того въ квитанціяхъ, взятыхъ отъ Жидовъ-продавцевъ (за которыя Семень Ивановичъ платилъ по двадцати пяти рублей, за каждую) значилось купленнаго фуража и съѣстныхъ припасовъ вдвое больше и цѣны за нихъ вдвое дороже. Злые языки утверждали, что у Семена Ивановича находились еще другіе источники для пріобрѣтенія привезеннаго имъ капиталца, и источники эти будто бы были еще почище упомянутыхъ сдѣлокъ съ Жидами (не считавшихся въ то время дѣломъ нечистымъ), но объ этомъ Семень Ивановичъ не упоминалъ въ откровенномъ разговорѣ съ женою, а потому и мы считаемъ эти слухи пока не заслуживающими особеннаго вѣроятія.

И зажили Чувашевы по прежнему, только не надолго. Скоро въ ихъ жизни случились двѣ перемѣны, очень чувствительныя: впервыхъ Наталья Ивановна написала имъ, что Лизавета Ильинишна согласна принять маленькую Глашу для воспитанія со своими внучками, воторыхъ Семень Ивановичъ получилъ первый эскадронъ и потому долженъ былъ переѣхать съ семействомъ въ городокъ N, столицу военнаго поселенія въ той губерніи.

Глафира Андреевна успѣшила отвезти дочь въ Спасское, сдала ее бабушкѣ, прочла длинное наставленіе Глашѣ о томъ, чѣмъ она можетъ порадовать родителей, и уѣхала; со слезами расцѣловавъ ручки генеральши за оказанное ею благодѣаніе. Дѣвочка не плакала и не грустила, оставшись въ Спасскомъ; она очень скоро привыкла къ новой жизни и къ новымъ подругамъ и стала учиться довольно хорошо.

Другая перемѣна, переѣздъ въ N, казалась Глафирѣ Андреевнѣ гораздо значительнѣе; до сихъ поръ, по недостатку средствъ, она вела жизнь совершенно уединенную; съ переѣздомъ же въ N ей предстояло совсѣмъ проститься съ такою жизнію, ей нужно было сдѣлать много знакомствъ, побывать съ визитомъ у нѣсколькихъ генеральшъ, часто видаться съ невѣсткой, съ женою Михаила Ивановича.

Кстати о Михаилѣ Ивановичѣ, читатель! Я такъ увлекся описаніемъ житья-бытья моихъ героевъ, что отъ самой свадьбы

Семена Ивановича и до сихъ поръ ни разу не упомянулъ о немъ. Дѣло въ томъ, что послѣ женитьбы Семена Ивановича, старшій братъ не игралъ уже такой важной роли въ его жизни, какъ прежде, хоть чувства его къ меньшому брату не измѣнились. Видались они рѣдко, Михаилъ Ивановичъ между тѣмъ избралъ себѣ другой родъ службы въ N и былъ очень занятъ; времени для отлучекъ у него было немного, притомъ же онъ очень мало сходилъ съ Глафирою Андреевной. Она не могла терпѣть его, потому что знала, какъ онъ возставалъ противъ желанія Семена Ивановича жениться на ней, а Михаилу Ивановичу не нравилось ея хвастовство, вѣчные толки объ ея хорошихъ отношеніяхъ ко всякой знати и пр. Когда войска пошли въ Польшу, Михаилъ Ивановичъ сталъ еще рѣже навѣдываться къ невѣсткѣ, и причиною тому былъ не одинъ только недостатокъ симпатіи, а также и то, что Михаилъ Ивановичъ, этотъ суровый нелюдимъ, этотъ ненавистникъ женщинъ, влюбился. И выборъ его былъ какъ нельзя больше неудаченъ, хоть и свидѣтельствовалъ о томъ, что, сверхъ всякаго ожиданія, Михаилъ Ивановичъ обладалъ очень изящнымъ вкусомъ.

Дѣвушка, въ которую онъ влюбился, была очень хороша собою и, по тогдашнему, хорошо образована; она говорила по-французски, любила читать, переписывала стихи Пушкина и Козлова въ розовыя тетрадки, участвовала въ благородныхъ спектакляхъ, устраиваемыхъ окрестными помѣщиками; но самое это образованіе было преградой для совершеннаго равенства ея съ Михаиломъ Ивановичемъ. Притомъ же взглядъ его на женщинъ былъ такой, какъ у нашихъ предковъ до-петровскихъ временъ, а Марья Петровна (предметъ страсти его) была немного кокетка, слѣдовательно, можно себѣ представить, какъ онъ смотрѣлъ на нее! А между тѣмъ, какъ это часто бываетъ въ свѣтѣ (вспомнимъ Кароля и Лукрецію Флоріани), онъ влюбился въ дѣвушку, которая наименѣе отвѣчала его требованіямъ, наименѣе подходила къ бессознательно-существовавшему въ его воображеніи идеалу женщины. У Марьи Петровны было много жениховъ и обожателей между военными, ей было изъ чего выбирать, и она не торопилась замужествомъ, но война неожиданно перенесла въ Польшу и жениховъ ея и поклонниковъ. Марья Петровна вспомнила, что ей за двадцать лѣтъ, и мысль о необходимости пристроиться, а также нежеланіе остаться старою дѣвой, заставили ее обратить вниманіе на Михаила Ивановича, остававшагося въ N, и помогли его иска-

нiя. Марья Петровна была сирота, и потому некому было запретить ей выйти за него, родные же, у которыхъ она жила, добрые, здравомыслящіе люди, пытались было отклонить ее отъ этого намѣренія, но въ характерѣ Марьи Петровны было много рѣшительности и независимости, такъ же какъ и легкомыслія; она не послушала совѣтовъ добрыхъ и любившихъ ее родныхъ и вышла за Михаила Ивановича.

Воспитанная въ хорошей, простой и благородной семьѣ, она была кокеткой только отъ нечего-дѣлать; кокетство не привилось окончательно къ ея натурѣ, и вышедши замужъ, Марья Петровна скоро и безъ труда отрѣшилась отъ всякаго желанія нравиться, но мужъ не забывалъ, что прежде она была кокеткой, и не вѣрилъ ея обращенію на путь истинный. При томъ же, безпечная и откровенная Марья Петровна имѣла неосторожность разказать мужу въ первые дни замужства исторію своихъ дѣвическихъ увлеченій. Эти маленькіе, пустячные романы, всю важность которыхъ составляютъ по большей части какой-нибудь поцѣлуй *à la dérobée*, какое-нибудь объясненіе чаще въ воображаемой любви, или любовное письмецо, — романы, въ которыхъ признанія рѣдкому мужу не доводится выслушивать, если только онъ женился на дѣвушкѣ, любящей его и прямодушной, — Михаилу Ивановичу, по природѣ страшно ревнивому, показались совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ. Изъ этого проистекли сцены ревности, которымъ не было, числа незаслуженныя и нелѣпыя подозрѣнія, сдѣлавшіяся источникомъ настоящаго несчастія, между тѣмъ какъ Михаилъ Ивановичъ и жена его, каждый порознь, заслуживали гораздо лучшей доли.

Невѣстки на первыхъ же порахъ не полюбили другъ друга. Глафирѣ Андреевнѣ показалась Марья Петровна женщиной не образованною и дурнаго тона: она не упоминала въ разговорахъ своихъ о разной знати, не хвастала, не задавала тону, а все это казалось почему-то Глафирѣ Андреевнѣ необходимою принадлежностью образованной женщины и первымъ признакомъ *du comte il faut*. Съ другой стороны Марья Петровна все не нравилось въ ея невѣсткѣ: и ея грубый, рѣзкій голосъ, и ея вѣчная болтовня, и ея хвастливость, и ея обращеніе съ прислугой, и пр. и пр. Однакожъ по наружности невѣстки были въ довольно-хорошихъ отношеніяхъ, хоть рѣдко видались.

Но вотъ Семень Ивановичъ съ семействомъ переселился въ Н. Глафира Андреевна обила старую мебель новымъ

ситцемъ, повѣсила на окнахъ бѣлыя сторки, побывала въ губернскомъ городѣ въ нѣсколькихъ магазинахъ, какъ будто для заказыванія себѣ чепчиковъ и платьевъ, а въ сущности для того, чтобы посмотрѣть модныя фасоны платьевъ и снять носовымъ платкомъ выкройку съ модныхъ чепчиковъ. Пріѣхавши домой, она тотчасъ принялась за дѣло, и черезъ нѣсколько дней готово было платье для визитовъ къ генеральшамъ, проживающимъ въ N, прекрасно и по модѣ сшитое, хоть и недорогое, хорошенькая шляпка и два очаровательныхъ берета, о которыхъ, при первомъ свиданіи съ невѣсткой, она разказала, что они выписаны ею изъ самаго моднаго магазина въ Петербургѣ.

Въ день, назначенный для визитовъ, Глафира Андреевна, разодѣвшись какъ можно наряднѣе, сѣла въ давно-знакомую намъ коляску, вычищенную и блестящую какъ стеклышко и запряженную парюю хотъ бракованныхъ, но довольно видныхъ лошадей, и поѣхала съ визитами. Женатыхъ генераловъ въ N было четыре, да кромѣ того было еще много семейныхъ штабъ-офицеровъ; ко всѣмъ имъ нужно было заѣхать; Глафира Андреевна такъ и сдѣлала, чтобы никого не обидѣть, и нужно сказать, что первое появленіе жены Семена Ивановича въ N—скомъ свѣтѣ сдѣлало на всѣхъ очень пріятное впечатлѣніе. Во время оно, давно, Глафира Андреевна очаровывала своею скромностію, но теперь въ бойкой и говорливой барынѣ трудно было узнать прежнюю скромную, даже застѣнчивую дѣвушку. За то эта барыня окончательно обворожила всѣхъ своимъ умѣньемъ держать себя; въ этомъ отношеніи врядъ ли уступила бы она несравненному Павлу Ивановичу Чичикову. Нужно было видѣть, какіе почтительные реверансы выдѣлывала она передъ генеральшами, съ какимъ смиреніемъ слушала ихъ и какъ деликатно отвѣчала имъ, и вы бы поняли, отчего всѣ онѣ такъ дружно принялись расхваливать Глафиру Андреевну послѣ перваго ея визита. Съ штабъ-офицершами она была нѣсколько свободнѣе, но и ихъ умѣла совершенно очаровать и расположить къ себѣ. Окончивъ визиты, она заѣхала къ невѣсткѣ собственно для того, чтобы похвастаться передъ ней своимъ моднымъ платьемъ и новенькою шляпкой.

— Здравствуйте, сестрица! сказала Глафира Андреевна, войдя въ комнату.—Ахъ, какъ я устала! сколько визитовъ сдѣлала! Какія премилыя дамы всѣ наши генеральши! Прекрасныя дамы! И какъ онѣ мнѣ были рады!

— Да, есть изъ нихъ всякія: и милыя и вовсе не милыя, замѣтила Марья Петровна.

— О, нѣтъ! всѣ, всѣ премылыя! Ужасъ какъ просили меня почаще бывать у нихъ. Здѣсь, говорятъ онѣ, очень мало образованныхъ дамъ, такъ вы ужь пожалуста пріѣзжайте къ намъ почаще.

— Которая же изъ нихъ говорила, что здѣсь мало образованныхъ дамъ? живо спросила Марья Петровна.

— Не помню, право, кто именно. А Михаилъ Ивановичъ все на службѣ? спросила Глафира Андреевна, не желая отвѣчать на вопросъ невѣстки.

— Нѣтъ, онъ отдыхаетъ теперь въ кабинетѣ послѣ обѣда. А я очень желала бы знать, кто именно сказалъ это вамъ. Если это Боровкина, такъ вѣдь она сама дура и читать даже, кажется, не умѣетъ, а Дубинина только важничаетъ да хвастаетъ.

— Ахъ, какъ можно! прекрасныя дамы! Конечно, онѣ жили въ хорошемъ кругу, разборчивы на знакомства. Однакожь мнѣ пора! Прощайте, сестрица!

«Вотъ возится съ своими генеральшами, какъ дуракъ съ писаною торбой, проговорила Марья Петровна, когда уѣхала Глафира Андреевна. Да вѣдь все лжетъ, вотъ что досадно! Слова не скажетъ безъ того, чтобы не соврать.»

Х.

— Я узналъ сегодня очень важную новость, Глашенька, сказалъ разъ Семень Ивановичъ своей женѣ.—Генералъ Боровкинъ переведенъ отъ насъ, а на его мѣсто корпуснымъ командиромъ назначенъ какой-то генералъ Макаровъ.

— И это навѣрное извѣстно? спросила жена.

— Навѣрное, ужь приказъ полученъ.

Какое перо можетъ описать суматоху, поднявшуюся въ N, вслѣдствіе полученія помянутаго приказа! Кто, этотъ генералъ Макаровъ? каковъ онъ человекъ? требователенъ ли по службѣ и каковы именно его требованія? каковъ онъ съ подчиненными? вотъ вопросы, занимавшіе всѣхъ служащихъ. Конечно, барынь еще болѣе интересовало, богатъ и женатъ ли онъ, есть ли у него дѣти, и молода или стара, хороша или дурна жена его, и тому подобныя подробности его семейнаго быта: жен-

щина всегда вѣрна самой себѣ; ей очень трудно въ чемъ бы то ни было отрѣшиться отъ ея исходнаго пункта, семейнаго очага (своего или чужаго), предмета думъ и дѣятельности всей ея жизни.

Тѣ изъ жителей N, у которыхъ имѣлись въ Петербургѣ родные, друзья или благодѣтели, не преминули тотчасъ же спросить у нихъ письменно, что за штука генераль Макаровъ. Вскорѣ полученъ былъ въ N отвѣтъ, что «оный» генераль Макаровъ на очень хорошемъ счету у правительства, ибо отличался въ двѣнадцатомъ году въ рядахъ воиновъ, истребившихъ великую армію Наполеона и его союзниковъ; что онъ вдовъ, имѣетъ одну тринадцати-лѣтнюю дочь; что за женой онъ получилъ огромное состояніе, а самъ человѣкъ почти безъ всякаго состоянія, стараго покроя и терпѣть не можетъ щеголей и баричей, воспитанныхъ на французскій манеръ. Эти неопредѣленные отвѣты очень мало удовлетворили любопытство N—цевъ.

Но вотъ наконецъ пріѣхалъ этотъ давно ожидаемый генераль Макаровъ, вотъ назначенъ имъ смотръ, а давно ужъ ждали этого смотра! Самые ретивые изъ командировъ стали исподволь готовиться къ нему, какъ только узнали о назначеніи новаго начальника. Нечего и говорить, что герой нашъ Семень Ивановичъ напрягъ всѣ силы свои и все умніе, чтобы представить новому начальнику часть свою въ лучшемъ видѣ, и отличиться передъ нимъ, во что бы то ни стало, своимъ усердіемъ и рвеніемъ къ службѣ, и это пламенное желаніе обратить на себя вниманіе новаго командира сказалось очень выразительно на спинахъ солдатъ.

А сколько пламенныхъ молитвъ возносила къ Богу преданная супруга Семена Ивановича передъ пріѣздомъ корпуснаго командира! «Будетъ ли Макаровъ такъ доволенъ всегда Семеномъ Ивановичемъ, какъ былъ Боровкинъ? Пошли Господи! пошли Господи!» шептала она, набожно крестясь и взглядывая на икону. И эти молитвенныя желанія сбылись: генераль остался очень доволенъ эскадрономъ Семена Ивановича.

Генераль Макаровъ дѣйствительно пріобрѣлъ въ 1812 году репутацію отлично храбраго и распорядительнаго офицера, но годы и еще кой-какія обстоятельства уничтожили въ немъ воинственный духъ. На старости лѣтъ занимала его гораздо болѣе всѣхъ всевозможныхъ войнъ и сраженій, хорошо пригнанная аммуниція, отлично вычищенные ружья и сабли, на ученяхъ блестящія какъ жарь, а въ аммуничникахъ разставлен-

ныя симметрически, мастерской ранжиръ; подъ тѣнь эскадрона; относительно всѣхъ этихъ требованій Семень Ивановичъ былъ такой мастеръ, какъ никто, и новый начальникъ скоро обратилъ на него особенно милостивое вниманіе, получилъ о немъ мнѣніе какъ о полезнѣйшемъ и отличнѣйшемъ офицерѣ, очень полюбилъ его и сталъ ему протектировать напропалую.

Нужно отдать справедливость Семену Ивановичу: онъ умѣлъ записывать расположеніе начальства съ большимъ тактомъ; онъ не низкопоклонничалъ, не раболѣпствовалъ передъ нимъ какъ другіе, а между тѣмъ угождалъ ему безпрестанно, предупреждалъ малѣйшее желаніе старшаго, и притомъ такъ тонко, что оставалось только удивляться ему!

Можно себѣ представить, какъ радовало Глафиру Андреевну расположеніе начальства къ ея мужу! Да, несмотря на бѣдность (что за состояніе пятнадцать тысячъ ассигнаціями при желаніяхъ и претензіяхъ Глафиры Андреевны!), она была почти счастлива въ это время: мужъ ея былъ на самомъ лучшемъ счету у начальства, къ ней онъ былъ по прежнему привязанъ и притомъ питалъ сильное уваженіе къ ея уму и высокимъ нравственнымъ достоинствамъ; въ обществѣ тоже она пользовалась уваженіемъ. Были однакожь профаны, утверждавшіе, что Глафира Андреевна больше ничего какъ лгунья и хвастунья, но число этихъ профановъ было очень не велико, и притомъ большая часть изъ нихъ были люди ничего не значащіе, а не какія-нибудь полковницы и генеральши; на такихъ людей, конечно, не стоило обращать вниманія. Къ разсѣянной жизни въ N Глафира Андреевна не только скоро привыкла, но ей даже нравилась такая жизнь и наконецъ обратилась въ потребность: Глафира Андреевна вставала съ разсвѣтомъ, задавала работу горничнымъ, осматривала купленную на базарѣ провизію, заказывала обѣдъ, потомъ садилась шить чепчики, платья и мантильи себѣ, платица дѣтямъ, и шила не переставая до самаго обѣда, потомъ, вздремнувъ полчаса или часъ, она опять принималась за шитье до самаго того времени, когда нужно было ревизовать работы горничныхъ и одѣлять пинками, бранью и оплеухами лѣнивыхъ и неисправныхъ. Очень естественно, что послѣ такого трудового дня Глафира Андреевна чувствовала необходимость развлечься, а что жъ за развлеченіе дома, въ своей семьѣ? Конечно, нужно или поѣхать въ гости, или принимать у себя гостей; и она ѣздила къ штабъ-офицершамъ, къ адъютантшамъ, къ дамамъ, составляв-

шимъ средній кругъ городка N, и ихъ принимала у себя. Что же касается до генеральшъ, то, несмотря на ихъ милостивое расположеніе къ Глафирѣ Андреевнѣ, онѣ держали себя свысока со всѣми, даже и между собою вѣчно пикировались и чинились, хотя нѣкоторыхъ дамъ принимали ласково, но въ близкое знакомство съ ними не входили, приглашали ихъ только на званые вечера и дѣлали имъ визиты два раза въ годъ.

У Глафиры Андреевны, черезъ годъ по возвращеніи ея мужа изъ кампаніи, родилась дочь, потомъ еще черезъ годъ другая. Такое приращеніе семьи пугало Глафиру Андреевну, и она съ ужасомъ думала:

«Что если у меня всякій годъ будетъ прибавляться по ребенку? Какъ при нашей бѣдности не только ужъ воспитать и пристроить всѣхъ ихъ, но даже прокормить и одѣть прилично?» Къ счастью, прошло потомъ два, четыре, пять лѣтъ, а дѣтей у нея не было.

Между тѣмъ, по ходатайству генерала Макарова, старшая дочь Чувашевыхъ была принята на казенный счетъ въ институтъ; Лизу, даже безъ просьбы матери, Наталья Ивановна взяла въ Спасское, и наконецъ Глафира Андреевна умолила мать и сынку ихъ Ванѣ выхлопотать у Лизаветы Ильинишны милость помѣстить и его въ гостепріимномъ Спасскомъ. Вотъ и опять успокоилась на время Глафира Андреевна. При ней остались только двѣ меньшія дочери, она кормила ихъ вмѣсто завтрака и ужина пшенной кашей безъ масла; не давала чаю, не изъ гигиеническихъ цѣлей, но изъ разчета (у нея изъ всѣхъ дѣтей одинъ Ваня пилъ чай), и одѣвала въ очень хорошенькія платья, перешитыя изъ ея платьевъ; за ними смотрѣла старая наша знакомая Марѣушка; вразумительное наказаніе, послѣдовавшее за ея первымъ проступкомъ, не исправило ея: она почти всякій годъ грѣшила такимъ же образомъ, претерпѣвала такое же наказаніе, и дѣти ея умирали такъ же, какъ и первое дитя. Дарья же или, какъ называла ее Глафира Андреевна, Дарьюшка, по прежнему ходила въ ключахъ, у нея тоже былъ шести-лѣтній ребенокъ, хоть она никогда не была замужемъ, и—странное дѣло!—ея не наказали, когда родился у нея этотъ ребенокъ, и даже Глафира Андреевна не хотѣла, чтобъ она повязала себѣ голову платкомъ въ вѣчное напоминаніе своего проступка. Скупая по природѣ, Дарья приходилась совершенно по характеру своей барыни; крапа она немного и съ большимъ

умѣніемъ и осторожностію, но посмотрѣли бы, какъ ѣли и сколько ѣли у нихъ дворовые!

Такъ жили и поживали Чувашевы: дѣти росли, родители старѣлись; Семень Ивановичъ дѣлался все мрачнѣе, Глафира Андреевна все скучнѣе; а между тѣмъ генераль Макаровъ по прежнему покровительствовалъ имъ. Семену Ивановичу, въ доказательство очень лестнаго мнѣнія о немъ, давались отъ генерала самыя трудныя и самыя блестящія порученія, напримеръ: показать другимъ эскадронамъ и полкамъ пригонку и бѣленіе аммуниціи, содержаніе ременнаго убора, пригонку мундштуковъ и т. п., даже иногда спрашивалось мнѣніе Семена Ивановича (какъ офицера опытнѣйшаго и отлично знающаго свое дѣло) касательно удобства новыхъ сѣделъ, новыхъ мундштуковъ и т. п., и Семень Ивановичъ всѣ даваемые ему порученія исполнялъ, а на дѣлаемые ему вопросы отвѣчалъ всегда удовлетворительнѣйшимъ образомъ. Генераль Макаровъ души не слышалъ въ Чувашевѣ и считалъ его чудомъ совершенства въ служебномъ отношеніи.

Наконецъ Семень Ивановичъ получилъ майорскій чинъ и сдалъ эскадронъ, но «что за честь, когда нечего ѣсть!» думала Глафира Андреевна, потому что положеніе ихъ послѣ сдачи эскадрона стало затруднительнѣе. Но энергія и разчетливость побѣждали всѣ затрудненія, и, трясясь надъ каждою копейкой, отказывая подъ часъ себѣ и дѣтямъ въ самомъ необходимомъ, Глафира Андреевна напрягала всѣ свои силы, чтобы сдѣлать сколько возможно приличнѣе въ своей внѣшней обстановкѣ то, что было на виду: туалетъ свой и дѣтей, убранство парадныхъ комнатъ и т. п.

«Что дѣлать, что у меня такъ много дочерей? говаривала про себя Глафира Андреевна. За то, всѣ онѣ, кромѣ Лизы, конечно, будутъ красавицы. Какъ пріятно будетъ вывозить трехъ дочекъ-красавицъ! Всякій будетъ тогда говорить обо мнѣ: это М-ме Чувашева, мать извѣстныхъ красавицъ! Вотъ только Лиза какъ бы не осталась старою дѣвкой; на ней хоть бы какой-нибудь чиновникъ или помѣщикекъ женился. Ну да ужъ я все это обдѣлаю! Слава Богу, что больше дѣтей у меня не будетъ!...»

И ошиблась Глафира Андреевна. Ровно черезъ пять лѣтъ послѣ рожденія послѣдней дочери, она опять почувствовала себя беременною. Конечно, это ее не мало огорчило. «Господи! еслибъ я выкинула, или родила бы мертваго!» молилась Глафи

ра Андреевна, во все время беременности своей, и такъ была увѣрена, что молитва ея будетъ услышана, что не позаботилась приискать мамку, такъ что когда у нея родилась совершенно здоровая дѣвочка, нѣжная маменька, вовсе не чувствуя желанія сама кормить ее, поручила Мареушкѣ кормить малютку рожкомъ. Можно себя представить, какъ исполняла эту обязанность неразвитая женщина, которая, по милости матери порученнаго ей ребенка, отъ голода, холода и побоевъ, лишилась шестерыхъ дѣтей и всякій день, трудясь съ утра до ночи, получала отъ госпожи своей въ благодарность и поощреніе брань и колотушки!

— Ужь хоть бы умерла Саша! говорила Глафира Андреевна, не только про-себя, но и вслухъ.

По всему видно было, что Сашѣ предстоитъ еще худшая участь, чѣмъ Лизѣ, но малютка родилась подъ счастливою звѣздой: не прошло и шести недѣль со дня ея рожденія, какъ въ домъ Чувашевыхъ внесли маленькій гробикъ и опустили въ него сморщенное, бездыханное тѣлце Саши. Глафира Андреевна не проронила при этомъ ни слезинки; двѣ меньшія дочери, взглянувъ на грустную процессію съ тупымъ любопытствомъ, побѣжали драться и хохотать въ свою дѣтскую; только Мареушка заплакала, и заплакала можетъ-быть отъ раскаянія, обмывая трупъ крошечнаго созданыца, которое при жизни она морила голодомъ. Семена Ивановича даже дома не было, когда хоронили его дочь: онъ едвали помнилъ о ея существованіи; вообще онъ не обращалъ вниманія на дѣтей, и только будучи въ очень-хорошемъ расположеніи духа, ласкалъ старшихъ дѣтей своихъ. Ласки его были очень оригинальны: онъ или сдавливалъ имъ носъ пальцами, или прыскалъ на нихъ водою изъ рюмки, или еще что-нибудь въ этомъ родѣ.

Молитва Глафиры Андреевны была услышана: дѣтей у нея больше не было.

И вотъ опять потянулись года за годами, съ ихъ заботами, радостями, горестями и развлеченіями. У Семена Ивановича, несмотря на бѣдность и заботы, стало показываться брюшко, ноза то въголовѣ показалось много сѣдыхъ волосъ. Изъ майоровъ онъ былъ произведенъ въ подполковники. Глафира Андреевна пожелтѣла какъ воскъ, носъ ея вытянулся, черты лица обозначились еще рѣзче. Вотъ ужъ Глашѣ исполнилось шестнадцать лѣтъ, но мамаша ея увѣряетъ, что ей только четырнадцатый годъ; еще минуть годъ, и Глаша вышла изъ института, будучи семнадцати лѣтъ.

Разочаровалась Глафира Андреевна: далеко не красавица ея Глашенька. И хорошенькою ее назвать нельзя. Впрочемъ ея личико могло нравиться своею живостію и наивно-дѣтскимъ выраженіемъ. Конечно, ее не думали вывозить, вопервыхъ, потому, что, по словамъ маменьки, ей было только пятнадцать лѣтъ, во вторыхъ потому, что нужно было еще выправить ея талію, приучить ее мало-по-малу къ обществу, а въ ожиданіи этого Глашенька, рѣзвая какъ бѣлка, наивная какъ ребенокъ, шалила съ двумя меньшими сестрами, наѣдалась стручевъ и огурцовъ, конечно потихоньку отъ матери, не позволявшей ей много ѣсть изъ боязни, чтобъ она не располнѣла, и Глаша отъ всей души проклинала діету, а также и корсетъ, въ который ее затягивали ежедневно безъ всякаго милосердія.

Разъ зимою Семень Ивановичъ былъ на ученьи. Ему поручены были всѣ команды: ординарческія, образцовыя, гвардейскія, учебныя и юнкерскія; болѣе всѣхъ досаждала и бѣсила его юнкерская команда, и ужь какъ онъ муштровалъ бѣдную молодежь! Дурно марширующіе, плохо ѣздящіе, опаздывающіе на ученье подвергались разнымъ наказаніямъ: сидѣнію на гауптвахтѣ, стоянію на часахъ, дежурству на конюшнѣ; кромѣ того, подполковникъ угощалъ несчастныхъ юнкеровъ подъ часъ такими комплиментами, которые всякому изъ нихъ казались несравненно хуже любого наказанія. Объ одномъ, особенно некрасивомъ юнкерѣ, онъ сказалъ при немъ его товарищамъ, нисколько не церемонясь: «Господа! откуда выписали вы эту бразильскую обезьяну?» Другому молодому человѣку, котораго природа одарила до непристойности большимъ и краснымъ носомъ, Чувашевъ также при всѣхъ сказалъ: «Дурное дерево растетъ въ сукъ, а вы — въ носъ!» И много такихъ и еще худшихъ комплиментовъ слышали отъ него молодые люди, которые по волѣ злаго рока попадали подъ команду неподражаемаго Семена Ивановича.

Если Глафира Андреевна узнавала, что такой-то юнкеръ сидитъ третій день на гауптвахтѣ, или двѣ смѣны ходитъ на часахъ, то полушутя говорила мужу:

— Чтò ты, Семень Иванычъ, такъ строгъ съ молодыми людьми? Можетъ-быть изъ нихъ есть богатенькіе; пригодились бы, какъ наши дочки подростуть.

Семень Ивановичъ обыкновенно ничего не отвѣчалъ на это.

Въ тотъ день, о которомъ мы говоримъ, Семень Ивановичъ былъ особенно въ дурномъ расположеніи духа; и было отчего: юнкера маршировали отвратительно, ѣдили изъ рукъ вонъ

плохо; троихъ онъ послалъ на гауптвахту, остальныхъ обругалъ и пошелъ домой съ сильнымъ желаніемъ поскорѣе побить своего камердинера Фильку, за то, что на его рейтузахъ во время ученя оторвалась штрипка. Но желанію этому не суждено было исполниться: подходя къ дому, онъ увидѣлъ дрожки дежурнаго штабъ-офицера.

Провинившагося Фильки въ передней не случилось, и Семень Ивановичъ успѣшилъ пройти въ гостиную, гдѣ засталъ гостя, разговаривавшаго съ Глафирой Андреевной о погодѣ.

— Семень Иванычъ! весело проговорилъ гость, увидавъ хозяина.—А я къ вамъ по дѣльцу: нельзя ли намъ поговорить?

Семень Ивановичъ попросилъ гостя въ кабинетъ.

— Я къ вамъ съ важною новостью, улыбаясь сказалъ полковникъ З., войдя въ кабинетъ:—вы знаете, что командиръ N.... полка подалъ въ отставку послѣ неудачнаго смотра корпуснаго командира?

— Да, я слышалъ это, полковникъ, отвѣчалъ Семень Ивановичъ.

— И корпусный командиръ представилъ васъ на его мѣсто, продолжалъ полковникъ, слѣдя, какое впечатлѣніе произвели слова его на Чувашева.

— Меня? съ удивленіемъ и недоувѣрчивостію спросилъ Семень Ивановичъ.—Да вѣдь я еще молодой подполковникъ, и въ одномъ нашемъ корпусѣ болѣе тридцати штабъ-офицеровъ старше меня.

— Все это я знаю, но таково было желаніе его высокопревосходительства, отвѣчалъ, улыбаясь и пожимая плечами, полковникъ:—а вамъ извѣстно, Семень Иванычъ, какъ много значить представленіе его высокопревосходительства. Притомъ этотъ полкъ оказался такъ дурень, такъ опущень во всѣхъ отношеніяхъ и вообще такъ далеко отсталъ отъ другихъ что его высокопревосходительство рѣшилъ, что только, вы, при вашемъ рвеніи къ пользѣ службы и отличномъ знаніи ея, можете поправить несчастный полкъ и поставить его на ряду съ другими, и потому старшинство тутъ мѣшать не можетъ.

« Конечно, много значить и представленіе и желаніе корпуснаго командира, особенно такого, какъ нашъ, но вѣдь и ему могутъ отказать....» подумалъ Семень Ивановичъ и выдержалъ себя такъ хладнокровно, что дежурный штабъ-офицеръ не

замѣтилъ и признака радостнаго волненія на лицѣ Чувашева, и съ тѣмъ уѣхалъ.

За то, что было съ Глафирой Андреевной, когда мужъ разказалъ ей, что онъ услышалъ отъ полковника! Она и надѣялась и сомнѣвалась, и плакала и благодарила Бога. Цѣлые четыре мѣсяца она была постоянно въ лихорадочномъ состояніи, и Богъ ее знаетъ, какъ хватило у нея силъ сколько-нибудь скрывать это волненіе отъ знакомыхъ.

Въ то время, какъ Глафира Андреевна окончательно изнемогла отъ неизвѣстности, чѣмъ разрѣшать представленіе объ ея мужѣ, и когда она рѣшительно не могла уже скрывать своего тревожнаго, мучительнаго состоянія, вдругъ разнеслась по городку **Н** вѣсть, чтополученъ приказъ о назначеніи Семена Ивановича полковымъ командиромъ **Н**—скаго уланскаго полка. Вскорѣ за тѣмъ услужливые за нѣсколько рублей писаря принесли самый приказъ къ Семену Ивановичу; онъ взялъ дрожащими руками дорогой для него документъ и, пробѣжавъ его глазами, понесъ въ гостиную къ Глафирѣ Андреевнѣ.

Не могу и не берусь описывать радость и счастье почтенныхъ супруговъ. Семень Ивановичъ, по своему обыкновенію, *выдерживалъ характеръ*, и постороннему, непроницательному человѣку могъ бы показаться довольно равнодушнымъ къ выпавшему на его долю такому неожиданному счастью; за то намучившаяся до полученія приказа Глафира Андреевна рѣшительно сходила съ ума. Она даже хорошо накормила въ этотъ день своихъ несчастныхъ дворовыхъ: такъ велика была ея радость!

Здѣсь кончилась многотрудная жизнь моихъ героевъ, кончились мелкія заботы о кускѣ насущнаго хлѣба, и началась жизнь другая, въ болѣе широкихъ размѣрахъ, въ несравненно лучшей обстановкѣ и съ безчисленными, самыми отрадными надеждами на будущее.

Н. Николаенко.

ДВѢ КОМЕТЫ.

Текутъ, въ согласіи и мирѣ,
Сія радостнымъ лучомъ,
Семейства звѣздныя въ эфирѣ,
Своимъ указаннымъ путемъ.

Но двѣ проносятся кометы
Тѣмъ стройнымъ хорамъ не въ примѣръ,—
Онѣ ихъ солнцемъ не согрѣты,
Не сестры безмятежныхъ сферъ.

И въ небѣ встрѣтились уныло,
Среди скитанья своего,
Два безотрадныя свѣтила,
И поняли свое родство.

И можетъ, съ сѣвера и съ юга
Ведеть ихъ тайная любовь
Въ пространствѣ вновь искать другъ друга,
Привѣтствовать другъ друга вновь.

И въ разное они теченье
Опять влекомыя судьбой,
Сойдутся ближе, на мгновенье,
Чѣмъ всѣ міры между собой.

К. Павлова.

ПРОДАЖА ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ИМУЩЕСТВЪ,

КАКЪ ОДНО ИЗЪ СРЕДСТВЪ ДЛЯ УДОВЛЕТВОРЕНІЯ СОВРЕМЕННЫМЪ ФИНАНСОВЫМЪ ПОТРЕБНОСТЯМЪ РОССІИ

Каждому извѣстно, что съ теченіемъ времени публичныя потребности развивающихся народовъ и государствъ растутъ и расширяются, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличиваются и государственныя расходы. При обыкновенномъ ходѣ событій, и особенно при хорошемъ устройствѣ финансовъ, не трудно поддержать равновѣсіе между государственными расходами и доходами. Но нерѣдко встрѣчаются въ исторіи обстоятельства, происходящія изъ важныхъ внутреннихъ или вѣшнихъ перемѣнъ въ быту государства, при которыхъ государственныя потребности увеличиваются до такой степени, что обыкновенныя мѣры къ ихъ удовлетворенію, равно какъ и къ возстановленію нарушеннаго баланса между расходами и доходами, оказываются недостаточными. Въ такомъ положеніи нерѣдко находилась Англія, начиная съ конца XVII столѣтія: Маклей полагаетъ, что съ 1685 по 1841 годъ народонаселеніе Англіи возрасло нѣсколько болѣе, чѣмъ втрое, а государственныя расходы увеличились почти въ сорокъ разъ. Въ подобныхъ, кажется, обстоятельствахъ въ настоящее время находится и Россія. Обширность настоящихъ или предстоящихъ государственныхъ потребностей ея не будетъ подлежать сомнѣнію, если

вспомнимъ о нѣкоторыхъ современныхъ вопросахъ, еще недавно находившихся въ состояніи зародыша, а нынѣ получившихъ высокое значеніе настоятельныхъ государственныхъ и народныхъ нуждъ. Между потребностями этого рода главное мѣсто занимаетъ дѣло объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ; но и другіе вопросы, напримѣръ умноженіе и усовершенствованіе средствъ народнаго образованія, умноженіе и улучшеніе путей сообщенія, необходимость повышенія окладовъ жалованья большинству лицъ, состоящихъ въ государственной службѣ и т. д., представляютъ потребности довольно значительныя.

По новѣйшимъ статистическимъ свѣдѣніямъ, находилось во всей Имперіи 8.227 учебныхъ заведеній и 450.002 учащихся, такъ что на 100 жителей обоого пола приходилось учащихся среднимъ числомъ 0,70, или 1 на 143. Относительно пропорціи учащихся, всѣ губерніи и области въ Европейской Россіи раздѣляются на три разряда: къ первому принадлежатъ 10 губерній, въ которыхъ число учащихся составляетъ нѣсколько болѣе одного процента всего населенія; ко второму 21 губернія, гдѣ учащихся отъ 1 до $\frac{1}{2}$ процента; къ третьему 18 губерній, гдѣ число учащихся менѣе $\frac{1}{2}$ %, или менѣе нежели 1 на 200. Пропорція чрезвычайно слабая! По новѣйшимъ же свѣдѣніямъ, въ Австріи считается 1 учащійся на 15 человекъ всего населенія; во Франціи и Великобританіи 1 на 11, въ Пруссіи 1 на 6,5; а въ Соединенныхъ Американскихъ Штатахъ, со включеніемъ учащихся въ воскресныхъ школахъ, 1 на 5. Для уменьшенія разности, которая существуетъ между числомъ учащихся въ Россіи и въ другихъ государствахъ, слѣдовало бы значительно умножить средства народнаго образованія и вмѣстѣ съ тѣмъ соразмѣрно увеличить государственные расходы. Кромѣ учрежденія новыхъ учебныхъ заведеній, не менѣе необходимо усовершенствовать нынѣ существующія, особенно низшія, которыя, по скудости своихъ экономическихъ, а затѣмъ и учебныхъ средствъ, далеко не достигаютъ своего назначенія.

Если просвѣщеніе составляетъ одну изъ высшихъ человеческихъ потребностей вообще, то оно въ высшей степени необходимо для страны, въ которой болѣе 20 милліоновъ людей, до сихъ поръ собою не распоряжавшихся и имѣющихъ вскорѣ явиться на поприще самостоятельной гражданской жизни и подвизаться на немъ своими собственными силами.

Образованіе получаетъ высшее значеніе и для дворянскаго сословія въ то время, когда общественное положеніе дворянина будетъ основываться не на привилегіяхъ происхожденія, дававшихъ право пользоваться безотчетно трудомъ подвластныхъ крестьянъ, а на личномъ достоинствѣ, которое преимущественно почерпается изъ образованія, развивающаго нравственныя и умственныя силы человѣка.

Кромѣ средствъ народнаго образованія, Россія ощущаетъ еще необходимость въ усовершенствованіи своихъ водяныхъ и сухопутныхъ способовъ сообщенія. Если во всякомъ государствѣ удобныя сообщенія составляютъ важное условіе народно-хозяйственнаго и общественнаго развитія, то они гораздо важнѣе становятся для Россіи, которая, страдая отъ неравенства въ распредѣленіи своихъ естественныхъ производительныхъ силъ, разъединенныхъ огромными пространствами, лишена достаточныхъ природныхъ путей сообщенія.

Гидрографія пяти великихъ европейскихъ державъ, разсматриваемая въ отношеніи къ судоходности, представляетъ слѣдующіе результаты, приведенные г. Рославскимъ-Петровскимъ: На одну квадратную милю всего протяженія государства, судоходнаго пространства рѣкъ приходится

въ Великобританіи и Пруссіи болѣе $\frac{4}{5}$ версты.	
во Франціи	$\frac{2}{5}$ —
въ Австріи	$\frac{2}{5}$ —
въ Европейской Россіи	$\frac{1}{5}$ —

Изъ этихъ данныхъ видно, что Россія, обладающая самыми большими рѣками въ Европѣ, по важности ихъ въ отношеніи къ судоходству, занимаетъ послѣднее мѣсто въ ряду упомянутыхъ государствъ. Если мы обратимъ вниманіе на обширность канальной системы каждаго изъ упомянутыхъ государствъ, сравнительно съ пространствомъ, имъ занимаемымъ, то первое мѣсто будетъ опять на сторонѣ этихъ государствъ, и преимущественно на сторонѣ Великобританіи. На одну квадратную милю приходится каналовъ:

въ Великобританіи болѣе $\frac{4}{5}$ версты.		
во Франціи $\frac{2}{5}$ —	{ меньше чѣмъ } въ Британіи:	вдвое.
въ Пруссіи и Австріи $\frac{1}{4}$ —		въ 11 разъ.
— Европейской Россіи $\frac{1}{30}$ —		въ 64 раза.

По списку желѣзныхъ дорогъ, отстроенныхъ, строящихся и

назначенныхъ къ построению по 1 января 1857 года, желѣзныхъ дорогъ круглымъ числомъ состояло:

въ Англiи	19.750	версть.
— англiйскихъ владѣнiяхъ вообще.	27.000	—
— Пруссiи, Австрiи и разныхъ германскихъ владѣнiяхъ съ Данией	17.360	—
во Францiи.	12 616	—
въ Соединенныхъ Американскихъ Штатахъ	52.916	—
— Россiи и Царствѣ Польскомъ.	4.242	—

Но еще явственнѣе, чѣмъ прочiя западныя государства, особенно Англiя, ощущаетъ Россiя недостатокъ въ своемъ народномъ хозяйствѣ по отношенiю къ количеству и качеству другихъ сухопутныхъ средствъ сообщенiя, напริมѣръ, шоссе, почтовыхъ и другихъ тому подобныхъ дорогъ.

Такъ какъ желѣзныя дороги представляютъ удобный предметъ для частной предприимчивости, то для покрытiя Россiи обширною сѣтью желѣзныхъ дорогъ желательно было бы, чтобъ образовалось болѣе частныхъ акционерныхъ обществъ, которыя согласились бы употребить свой капиталъ для этой цѣли. На самомъ же государствѣ, или по крайней на мѣрѣ земствѣ, лежитъ болѣе тяжелая обязанность умножать и улучшать прочiя сухопутныя дороги, которыхъ постройка, несмотря на ихъ производительность въ народномъ хозяйствѣ, не можетъ входить собственно въ кругъ частныхъ предпрiятiй.

Далѣе, въ числѣ важныхъ современныхъ потребностей должна быть упомянута необходимость возвышенiя окладовъ жалованья большинству лицъ, состоящихъ въ государственной службѣ, соразмѣрно возвышенiю цѣнъ на главныя жизненныя потребности. Кому изъ насъ неизвѣстно, что почти повсемѣстно въ Россiи цѣны на съѣстные припасы, отопленiе, квартиры, значительно увеличились? Явилась потребность въ болѣе изысканной одеждѣ, и вообще вся обстановка жизни перемѣнилась до такой степени, что многiе предметы, которые за нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ признавались прихотью, нынѣ составляютъ уже первую необходимость. Несмотря на то, оклады остались, большею частiю, прежнiе, то-есть жалованье не увеличилось. Эта несоразмѣрность дохода съ расходомъ не рѣдко принуждаетъ служащаго забывать правила честности и искать постороннихъ доходовъ, противныхъ закону и совѣсти. Къ чему первоначально увлекла мелкаго чиновника нужда въ насущномъ хлѣбѣ, то вскорѣ превращается въ

приманку, отъ которой и при повышеніи чина и улучшеніи своего положенія отказаться трудно. Язва лихоимства, сопутница чиновничьяго пролетариата, свирѣпствующая въ нѣдрахъ государственнаго организма, имѣеть, конечно, много причинъ, во все же упомянутая нами причина едвали не принадлежитъ къ числу главныхъ, и во всякомъ случаѣ она заслуживаетъ особеннаго вниманія, потому что можетъ быть устранена матеріальными средствами,—возвышеніемъ окладовъ. Послѣ надлежащаго возвышенія окладовъ жалованья будетъ имѣть болѣе силы и голосъ общественнаго мнѣнія, который теперь невольнo смолкаетъ при вопросѣ: какъ жить бѣдному человѣку?

Если примемъ въ соображеніе массу исчисленныхъ нами потребностей, по поводу народнаго образованія, путей сообщенія, возвышенія окладовъ служащимъ, то легко поймемъ значительность государственныхъ расходовъ, нужныхъ на ихъ удовлетвореніе. Но какъ ни велики эти потребности и сопряженные съ ними расходы, однако они не могутъ быть сравнены съ тѣми, которыхъ требуетъ улучшеніе быта помѣщичьихъ крестьянъ со всѣми условіями, необходимыми для совершеннаго его осуществленія.

Принимая все это во вниманіе, равно какъ и то, что удовлетвореніе огромнымъ потребностямъ невозможно безъ соответствующихъ имъ средствъ, спрашиваемъ: откуда же взять эти средства? На сколько эти потребности касаются самого народа, на столько, конечно, можно ожидать, относительно требуемыхъ средствъ, нѣкоторой помощи отъ его частнаго содѣйствія. Но такъ какъ надлежащее ихъ удовлетвореніе требуетъ признанія ихъ государственными, то-есть удовлетворенія ихъ правительствомъ, насчетъ государства, то прежде всего возникаетъ вопросъ о значительномъ и немедленномъ увеличеніи государственныхъ доходовъ.

I

Къ какимъ средствамъ должно прибѣгнуть, чтобъ увеличить государственные доходы Россіи? Рѣшеніе этого вопроса, при настоящихъ обстоятельствахъ, представляется очень затруднительнымъ, потому что обыкновенныя средства, которыми устраняются финансовыя затрудненія,—экономія въ государственныхъ расходахъ, возвышеніе налоговъ и государственный кредитъ—

не могутъ оказаться достаточными средствами для восстановленія баланса между государственными доходами и непрерывно возрастающими расходами Россіи въ настоящее время.

Экономія въ расходахъ, какъ въ каждомъ другомъ, такъ и въ государственномъ хозяйствѣ представляетъ весьма важное условіе хорошаго управленія. Въ этомъ отношеніи нѣкоторыя мѣры, принятыя правительствомъ до настоящаго времени, для устраненія лишнихъ расходовъ, особенно на содержаніе войска, должны быть признаны очень полезными, какъ средства уравновѣсить государственные доходы съ расходами. Принципъ экономіи можетъ вести также къ важнымъ результатамъ въ кредитныхъ операціяхъ, напримѣръ, по сбереженію процентовъ при усиленномъ погашеніи государственныхъ долговъ, оставляющемъ въ казнѣ огромныя суммы, которая она, въ противномъ случаѣ, должна была бы израсходовать. Какъ ни важна, впрочемъ, экономія въ государственныхъ расходахъ, но для нея есть извѣстные предѣлы: если Россія, по непроступности своего положенія, можетъ безъ всякаго опасенія сокращать свои военныя силы, то относительно другихъ государственныхъ расходовъ не должно забывать, что, развѣ изъ исключеніемъ экономіи въ расходахъ по части кредита, дѣйствительную пользу приноситъ только сбереженіе излишка, остающагося послѣ разчетливаго и выѣстъ полнаго удовлетворенія необходимымъ государственнымъ потребностямъ; безусловное же стремленіе къ уменьшенію государственныхъ расходовъ въ то время, когда дѣло идетъ объ увеличеніи ихъ для удовлетворенія новымъ необходимымъ потребностямъ, угрожало бы неизбѣжнымъ стѣсненіемъ развитію юнаго государства, которое быстро движется на пути къ усовершенствованіямъ въ своемъ организмѣ.

Относительно налоговъ нельзя не замѣтить, что, соразмѣрно настоящему народному богатству Россіи, они уже и теперь довольно значительны, и что, въ случаѣ ихъ ощутительнаго возвышенія, уплата ихъ, вѣроятно, окажется крайне-затруднительною и невозможною. Съ этой стороны едвали можно ожидать значительной помощи для необходимаго умноженія государственныхъ доходовъ. Возвышеніе налоговъ было бы возможно и для народнаго хозяйства безвредно, еслибъ ему предшествовали обстоятельства, особенно благопріятныя увеличенію народнаго богатства, какъ напримѣръ то, которое должно произойти въ будущемъ отъ улучшенія быта крестьянъ. Безъ этого условія, то-есть

Богъ увеличенія народнаго богатства, возвышать налоги было бы несообразно съ требованіями современной науки финансовъ, которая признаетъ необходимою всевозможное сбереженіе народнаго богатства, составляющаго главный источникъ государственныхъ доходовъ. Бываютъ случаи, что вслѣдствіе увеличенія нѣкоторыхъ налоговъ государственные доходы могутъ даже уменьшиться. Это въ особенности относится къ важнейшимъ налогамъ съ потребления, къ таможеннымъ пошлинамъ и акцизамъ, которые оказываются доходными преимущественно при умеренномъ окладѣ и обширномъ потребленіи. Съ этой точки зрѣнія, хорошаго вліянія на государственные доходы скорѣе, кажется, можно бы ожидать не отъ увеличенія, а отъ рациональнаго преобразованія личныхъ прямыхъ налоговъ въ поземельные, отъ пониженія нѣкоторыхъ налоговъ съ потребления, въ особенности многихъ таможенныхъ пошлинъ (1), отъ уничтоженія винной монополіи и отъ преобразованія другихъ регалій. Но подобныя мѣры предполагаютъ совершенное преобразование всей финансовой системы, которое, вслѣдствіе своей значительности, встрѣтитъ много препятствій и потребуетъ времени. Мы видимъ, на примѣръ, что даже къ упраздненію винной монополіи находятся нѣкоторыя препятствія, ибо хотя правительство, подобно лучшимъ публицистамъ, вѣроятно, давно уже создало неудобства, съ нею сопряженныя, но упраздненіе винныхъ откуповъ, какъ извѣстно, отсрочено еще на нѣсколько лѣтъ.

Итакъ, не прибѣгнуть ли, для покрытія предстоящихъ расходовъ, къ государственному кредиту?

Прежде, чѣмъ отвѣтимъ на этотъ вопросъ, не лишнимъ будетъ обратить вниманіе на главныя черты нынѣшняго состоянія государственныхъ долговъ Россіи. По отчету комиссіи погашенія долговъ за 1858 годъ, къ 1859 году количество процентныхъ долговъ было слѣдующее:

(1) «Опытъ доказываетъ всякій день все болѣе и болѣе, что налоги стѣсняютъ потребленіе соразмѣрно ихъ возвышенію, и что всякое пониженіе налоговъ, давая болѣе развитія потребленію, увеличиваетъ доходъ государственнаго казначейства, такъ что соединеніе значительнаго числа мелкихъ налоговъ даетъ сумму, въ два, въ три и въ четыре раза большую, нежели какую доставляли высокія пошлины.» *Les réformes d'Huskisson et de sir Robert Peel.* G. Garnier, *Éléments des Finances*, Paris. 1856 p. 28—29.

Срочныхъ вѣнскихъ голландскими гульденами	45.127.000
Срочныхъ внутреннихъ	154.116.786
Безсрочныхъ вѣнскихъ и внутреннихъ руб. сер.	306.147.068
Фунтовъ стерлинговъ	4.620.000
Всего на серебро	515.988.012
Особо отложеннаго капитала	4.215.714

Долги, извѣстные подъ именемъ безсрочныхъ, состоятъ изъ 6, 5, 4½ и 4-процентныхъ облигацій. Кромѣ вышепоказанныхъ есть еще слѣдующіе государственные долги:

Долгъ въ серіяхъ государственнаго казначейства XV—LV, составляющій	93 милл. р. с.
Долгъ заемному банку на сумму около	325 милл. р. с.

наконецъ безпроцентный долгъ, состоящій въ кредитныхъ билетахъ, которыхъ къ концу 1858 года было въ обращеніи 644.648.719 р. с., при размѣнномъ фондѣ въ 110.812.483 р. с. Всего процентныхъ и безпроцентныхъ долговъ 1.578.636.731 р. с., за вычетомъ же особо отложеннаго капитала и размѣннаго фонда 1.463.608.534 р. с. (1).

Изъ этихъ немногихъ данныхъ видно, что государственные долги Россіи довольно велики; равнымъ образомъ видно и то, что пособіе кредита потребно въ очень значительной степени для превращенія безпроцентныхъ долговъ въ процентные. Но кромѣ того оказывается рѣшительно необходимымъ консолидировать часть серій и внутреннихъ долговъ сохраннымъ казнамъ и заемному банку. Уже для этихъ потребностей, безъ удовлетворенія которыхъ наши финансы не могутъ пріобрѣсти прочность, необходимую для финансовъ благоустроеннаго государства, нужны громадныя займы. Между тѣмъ политическая экономія и всеобщая исторія, говоря объ огромныхъ займахъ и необходимости удовлетворять государственныхъ займодавцевъ платежомъ процентовъ, указываютъ на опасныя послѣдствія большихъ займовъ и между этими послѣдствіями въ особенности на увеличеніе налоговъ, какъ на мѣру, уменьшающую главный источникъ государственныхъ доходовъ,—доходъ народный. Отъ увеличенія налоговъ повышаются цѣны на разные предметы по-

(1) Сборникъ статистическихъ свѣдѣній Географическаго общества, книжка II: Статистическое обозрѣніе операцій государственныхъ кредитныхъ установленій, статья г. Даманскаго. — Русскій Вѣстникъ 1859, Т. XX, апр. кн. I: Русскій государственный долгъ. — Отчетъ министра финансовъ за 1858 годъ и т. д.

треблений, а вследствие того искусственно возмущается задѣльная плата, безъ всякой выгоды для рабочаго класса. Между тѣмъ возвышеніе задѣльной платы необходимо уменьшаетъ доходъ капиталистовъ, страдающихъ уже и отъ упомянутой дороговизны товаровъ. Столь невыгодное положеніе капиталистовъ въ государствѣ, обремененномъ налогами, принуждаетъ ихъ, рано или поздно, перемѣщать свои капиталы за границу и наконецъ переселиться лично въ страны, болѣе благоприятствующія ихъ интересамъ. Ясно, что такого рода обстоятельства наносятъ вредъ народному производству, ибо значительная потеря производительно употреблявшихся капиталовъ и ихъ владельцев, иногда и лично поддерживающихъ народную промышленность, можетъ быть для нея весьма ощутительна. Съ упадкомъ же народнаго производства, народный и государственный доходъ можетъ до того уменьшиться, что, при всей строгости взысканія податей, восполнѣдуетъ недостатокъ доходовъ на обыкновенные, необходимые государственные расходы, или на уплату процентовъ займодавцамъ. Замѣтимъ еще, что увеличеніе долговъ въ мирное время подвергаетъ государство еще большей опасности въ случаѣ войны, которая, сама по себѣ умножая расходы, обыкновенно нарушаетъ балансъ доходовъ и расходовъ. Поэтому-то, имѣя въ виду всѣ послѣдствія долговъ, наука совѣтуетъ въ мирное время думать о дѣятельномъ ихъ погашеніи, а не объ увеличеніи ихъ безъ крайней необходимости. Впрочемъ изъ словъ нашихъ не слѣдуетъ заключать, что настоящіе долги Россіи совершенно несоразмѣрны ея средствамъ, или что вовсе нельзя разчитывать на помощь кредитныхъ операцій въ отношеніи къ современнымъ потребностямъ. Напротивъ, мы убѣждены, что безъ такой помощи удовлетвореніе современнымъ государственнымъ потребностямъ было бы едва ли возможно, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы желаемъ указать и на предѣлы, внѣ которыхъ государственный кредитъ теряетъ свою силу и свои благотѣльные свойства.

Относительно помощи кредита по крестьянскому дѣлу, намъ кажется, что еслибы напримѣръ при уничтоженіи крѣпостнаго права, вникая въ затруднительное положеніе дворянъ, владѣющихъ людьми безъ земли, мелкопомѣстныхъ владельцевъ, имѣющихъ менѣе 21 души мужескаго пола, наконецъ, помѣщиковъ, имѣющихъ не болѣе 100 душъ мужескаго пола, и вообще имѣющихъ крестьянъ, которые платятъ оброкъ не съ земли, а съ личныхъ промысловъ, правительство согласилось выкупить крестьянъ

землепользователям разрядовъ, или, лучше сказать, дать возможность безразличное убыткамъ, имѣющимъ возникнуть для помѣщиковъ съ упраздненіемъ крѣпостнаго права, то средства для этой цѣли можно было бы получить при пособіи государственнаго кредита, предварительно упроченнаго.

По новѣйшимъ свѣдѣніямъ о количествѣ крѣпостнаго населенія, собраннымъ въ началѣ 1858 года г. Тройницкимъ, число крѣпостныхъ крестьянъ у владѣльцевъ, не имѣющихъ земли, составляетъ 15.390 душъ муж. пола; у владѣльцевъ съ землемъ, имѣющихъ менѣе 21 души, 371.210 душъ муж. пола; наконецъ у владѣльцевъ, имѣющихъ до 100 душъ 1.656.824 души мужескаго пола. Такъ какъ, при оцѣнкѣ души муж. пола безъ земли по 75 р. сер., выкупъ первыхъ требовалъ бы 1.154.250, вторыхъ— 27.840.750, а третьихъ, при оцѣнкѣ души мужескаго пола безъ земли среднимъ числомъ по 40 р., что для помѣщиковъ этого разряда было бы совершенно достаточно, — 66.272.960 р. сер., всѣхъ же разрядовъ не болѣе 95.267,960 р. с., то та или другая кредитная операція, совершенная правительствомъ, при столь незначительной суммѣ, не могла бы быть обременительна для государства, особенно если принять въ соображеніе ту огромную пользу, которую должны принести эти деньги русскому сельскому хозяйству, такъ какъ ближайшихъ успѣховъ сельскаго хозяйства можно ожидать у насъ преимущественно отъ того класса мелкихъ помѣщиковъ, въ пользу котораго была бы предпринята эта операція. Равнымъ образомъ и выкупъ крестьянскихъ усадебъ, при помощи государственнаго кредита, не представляетъ затрудненія. Принимая, что для выкупа усадебъ пришлось бы платить на душу муж. пола среднимъ числомъ по 20 р. сер., выкупъ усадебъ для всего крѣпостнаго населенія (1) 10.829.512 душъ муж. пола потребовалъ бы 216.590.240 р. с., а за исключеніемъ тѣхъ, которые безъ содѣйствія казны собственными средствами купили бы усадьбу, круглымъ числомъ 200.000.000 руб. сер. Сумму эту должно признать совершенно достаточною для выкупа усадебъ во всей Россіи и для вознагражденія тѣхъ помѣщиковъ, которые получали доходы свои не столько съ земли, сколько съ личныхъ заработковъ своихъ крестьянъ. Въ Вѣлкороссіи можно помѣ-

(1) Разумѣется, за исключеніемъ изъ общей цифры этого населенія, показанной г. Тройницкимъ, 15.390 душъ крестьянъ, принадлежащихъ владѣльцамъ, не имѣющимъ поземельной собственности.

ить на усадьбу по 6 душъ, въ Малороссіи по 3 души; общими круглыми числомъ можно полагать по 5 душъ на усадьбу, и следовательно при назначеніи по 20 р. съ души, на каждую усадьбу придется приблизительно по 100 р., а всякій согласится, что эта сумма была бы чрезмерна во многихъ земледѣльческихъ губерніяхъ. Мы думаемъ, что четвертая доля усадебъ можетъ быть оцѣнена по 25 рублей за усадьбу, а остальные могутъ быть раздѣлены на разряды отъ 25 до 250 рублей, и что при этой оцѣнкѣ помѣщики получили бы удовлетворительное вознагражденіе не только за усадьбы, но и за принадлежавшее имъ право взимать оброкъ съ личнаго труда. Правда, что сумма 200 милліоновъ нельзя назвать незначительною, ибо она превышаетъ цифру средняго вывоза товаровъ и монеты за границу, составлявшую въ 1857 году, по официальнымъ свѣдѣніямъ, 491.743.000 р. с. Она даже немногимъ меньше и всего итога государственныхъ доходовъ Россіи въ 1853 году, доходившихъ, по статистикѣ Кольба, до 224.308.000 р. с. Однако, несматривая на это, если только выкупъ усадебъ будетъ представлять *окончательное дѣйствіе* въ дѣлѣ освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ отъ крѣпости землѣ, то удовлетвореніе этой потребности путемъ государственнаго кредита все-таки будетъ выгодно и очень возможно. Выпускъ правительствомъ трехпроцентныхъ облигацій съ частымъ и сильнымъ тиражемъ для поддержанія курса ихъ, зачетъ части помѣщичьихъ долговъ кредитнымъ установленіямъ, перенесенныхъ насчетъ государства, внутренней и иностранной заемъ,—вотъ средства, которые, отдѣльно или совокупно употребленные, при взносъ освобожденными крестьянами надлежащихъ сборовъ на уплату процентовъ и погашеніе долга, могутъ доставить крестьянамъ усадьбу и личную свободу отъ вотчинной зависимости и прикрѣпленія къ землѣ, безъ обремененія государства, которое, напротивъ, много выиграю бы, даже въ своихъ финансовыхъ средствахъ, отъ оживленія сельско-хозяйственной промышленности. Но выкупъ крестьянъ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, или крестьянскихъ усадебъ вообще, составляетъ мѣру, не вполне еще улучшающую бытъ помѣщичьихъ крестьянъ; полное же и прочное улучшеніе ихъ быта требуетъ выкупа ихъ не только съ усадьбой, но и съ болѣе или менѣе значительною частію земли, состоящей нынѣ въ ихъ пользованіи. Еслибы правительство, предположивъ окончить крестьянское дѣло, рѣшилось принять на себя и въ этой операціи посредничество между помѣщиками и ихъ крестья-

нами, тогда рассчитывать на одну лишь помощь кредита едва ли было бы возможно.

Основываясь на предварительных оценках земли и результатов не столько мнѣнїем публицистовъ, сколько мнѣнїем большинства помѣщиковъ, имѣющихъ полное право оценивать свою собственность по своимъ личнымъ и мѣстнымъ соображенїямъ, можно предполагать, что выкупъ земли, уступаемой крестьянамъ въ будущемъ, потребуетъ огромныхъ суммъ. Смотра по количеству уступаемой крестьянамъ земли, сумма выкупа можетъ простираться отъ 100 до 120 р. сер. съ души муж. пола, что составляетъ, за вычетомъ упомянутыхъ 15.390 душъ, на 10.829.512 душъ муж. пола освобожденныхъ крестьянъ, въ первомъ случаѣ 1.082.951.200 р. с., а во второмъ— 1.299.541.440 р. с. (1).

Въ томъ или другомъ случаѣ выкупная сумма представляетъ столь огромные размѣры, что выпускъ трехпроцентныхъ облигацій и другія вышеупомянутыя операціи дѣлаются непримѣнимыми. Такъ напримѣръ выпускъ трехпроцентныхъ облигацій, возможный при умеренной суммѣ выкупа, при большой суммѣ имѣлъ бы послѣдствїемъ пагубное переполненїе рынка кредитными знаками. Еслибы впрочемъ, противъ всякаго чаянїя, громадный выпускъ трехпроцентныхъ облигацій и не оказалъ вреднаго влїянїя на денежный рынокъ, все-таки онъ, по другимъ причинамъ, не достигъ бы своей цѣли. Это доказать не трудно. Главное условїе исполнимости всей этой операціи, въ случаѣ ея возможности, состоитъ въ исправномъ вносѣ въ казну освобожденными крестьянами выкупной подати, назна-

(1) Сверхъ числа крѣпостныхъ людей, показанныхъ въ таблицѣ крѣпостнаго населенїя г. Тройницкимъ, упомянуты по вѣдомствамъ нѣкоторыхъ казенныхъ палатъ крестьяне, состоящіе не въ полномъ, а во временномъ, или ограниченномъ крѣпостномъ положенїи, именно: во Владимірской губерніи—мастеровыхъ во владѣнїи 3 дворянъ, 3.429 д., въ Минской—поіезуитскихъ и ленныхъ, во владѣнїи 66 помѣщиковъ, 19.229 д., въ Пермской—приписныхъ къ частнымъ заводамъ отъ казны 19.620 д. и непрѣмѣнныхъ или урочныхъ работниковъ 10.892 д., итого во владѣнїи 11 помѣщиковъ 30.512 д., въ Симбирской—государственныхъ крестьянъ, не исполнившихъ обязанности своей къ помѣщику, 350 д., приписанныхъ къ Тальской бумажной фабрикѣ 253 д., и принадлежащихъ Марїинскому институту благородныхъ дѣвицъ 423 д., итого 1.026 д., въ Подольской—ленныхъ, поіезуитскихъ и подлежащихъ коменскаціи, во владѣнїи 15 помѣщиковъ, 3.731 д.; всего же въ пяти губерніяхъ 58.927 душъ.

вещей на уплату процентов по долгу, на издержки по управлению и на погашение долга. Исправность же крестьян в исполнении этой обязанности будет зависеть от величины возмещенной с них выкупной подати, а эта последняя—от всей суммы выкупа. Если бы выкупная сумма была невелика, тогда и выкупная подать крестьян могла бы быть умеренна, например по 4 р. с. съ души (1); такая подать, не разоряя крестьянского хозяйства, облегченного вследствие уничтожения крепостного права, не дала бы повода къ недоимкамъ, пагубнымъ для выкупной операции, и вмѣстѣ съ тѣмъ погашение долга могло бы совершиться довольно скоро; но при вышепоказанныхъ цифрахъ выкупной суммы въ 1.082.951.200 р. с. и 1.299.541.440 р. сер., выкупная подать въ 4 р. сер. съ души, составляющая въ годъ всего 43.318.048 р. сер., была бы недостаточна для успѣшнаго выкупа; ибо такъ какъ въ первомъ случаѣ, за вычетомъ суммы, требуемой на уплату процентовъ по долгу, не говоря уже объ издержкахъ по управленію, оставалось бы въ началѣ выкупной операціи только 10.829.512 р. сер. на погашение долга; во второмъ случаѣ, за вычетомъ суммы на уплату процентовъ, только 4.331.804 р. с., то при столь незначительныхъ средствахъ, погашение долга, особенно въ последнемъ случаѣ, было бы весьма медленно и крайне обременительно какъ для должника, такъ и для кредитора. Это объясняютъ слѣдующія вычисленія примѣрнаго выкупа облигацій, совершаемаго казною по тиражамъ три раза въ годъ, исключительно выкупными средствами по 4 р. с. съ души, при величинѣ выкупа, принятой въ 100 и 120 р. с. на душу:

Размѣры выкупа на душу.	Итогъ выкупной суммы.	Число тиражей.	Число лѣтъ, нужное для выкупа.	Количество денегъ, действительно израсходованныхъ на уплату выкупной суммы съ процент.
100 р. с.	1.082.951.200	139.33	46.44	1.931.690.149 р. с.
120 — —	1.299.541.440	231.43	77.14	3.352.554.223 — —

Изъ этого видно, что въ первомъ случаѣ выкупъ облигацій

(1) Мы считаемъ выкупную подать по числу душъ только для простоты счета; но само собой разумѣется, что мы не думаемъ предлагать выкупную подать, взимаемую съ души, а не съ земли. Подушная выкупная подать повлекла бы за собой прикрѣпление къ землѣ и общинѣ, отъ котораго должна избавить насъ предстоящая реформа.

требуетъ безъ малаго 50-ти лѣтъ, и въ теченіе этого времени должно быть израсходовано 848.738.949 р. сер. болѣе первоначальной суммы, а во второмъ случаѣ, почти при 80-лѣтнемъ срокѣ выкупа, излишекъ противъ первоначальной суммы будетъ простирается до 2.253.012.783 р. сер. (1).

Вслѣдствіе столь медленнаго погашенія долга, казна бесполезно приплачивала бы кредиторамъ огромныя суммы, и при всемъ томъ кредиторы были бы недовольны, потому что медленный выкупъ облигацій уронилъ бы ихъ первоначальный курсъ. Нуженъ частый и громадный выкупъ облигацій по тиражу, чтобы поддерживать курсъ облигацій, а такой выкупъ возможенъ только при большихъ выкупныхъ средствахъ; при медленномъ же погашеніи долга, простирающемся отъ 46 до 77 лѣтъ, курсъ ихъ можетъ быть поддержанъ не шансами тиража, а только значительнымъ возвышеніемъ уплачиваемыхъ по нимъ процентовъ, что поглотило бы данныя выкупныя средства и сдѣлало бы всю операцію невозможною. При необходимости щадить хозяйство крестьянъ, платящихъ выкупную подать, возвышеніе этой подати было бы неудобно исполнимо; затѣмъ, для усиленія выкупныхъ средствъ, пришлось бы правительству, кромѣ выпуска трехпроцентныхъ облигацій, прибѣгнуть къ вышеупомянутымъ кредитнымъ операціямъ. Но и онѣ, развѣ за исключеніемъ зачета по выкупу помѣщичьихъ долговъ кредитнымъ установленіямъ, перенесенныхъ на счетъ государства, при большой суммѣ выкупа, превышающей одинъ миллиардъ руб. сер., оказались бы столь же неумѣстными и пагубными для финансовъ государства, какъ и выпускъ трехпроцентныхъ облигацій. Однакожъ изъ всего сказаннаго нами въ отношеніи большой суммы выкупа вовсе не слѣдуетъ, чтобы выкупъ, превышающій сумму одного миллиарда руб. сер., во всякомъ случаѣ безъ разстройства финансовъ былъ невозможенъ, а слѣдуетъ только то, что онъ невозможенъ исключительно путемъ государственнаго кредита и выкупной подати съ крестьянъ. Впрочемъ, и при умѣренной выкупной сум-

(1) Для облегченія вычисленій мы будемъ впередъ брать вмѣсто двухъ цифръ среднюю сложную изъ нихъ цифру выкупа, а именно 1.191.046.320 р. с., которой погашеніе при тѣхъ же средствахъ выкупа и тиражахъ по третямъ будетъ требовать 59 лѣтъ или 177.11 тиража и 2.555.764.832 р. с. всего расхода. Эта средняя цифра выкупа будетъ намъ служить основой для дальнѣйшихъ соображеній.

нѣ, правительство, ограничиваясь однѣми лишь кредитными операціями и выкупною податью, еще не вышло бы изъ затруднительнаго положенія, не зная, откуда взять средства на удовлетвореніе прочимъ современнымъ потребностямъ, выше упомянутымъ нами. Итакъ, при всемъ вѣрованіи въ силу кредита, ясно, что необходимо еще прямое, непосредственное увеличеніе государственныхъ доходовъ. Только при этомъ условіи кредитъ получаетъ прочное основаніе и, будучи прикинѣнъ къ дѣлу даже въ большихъ размѣрахъ, можетъ значительно облегчить удовлетвореніе государственнымъ потребностямъ; въ противномъ же случаѣ, помощь со стороны кредита, въ государствѣ, имѣющемъ довольно значительные долги, не можетъ быть такъ велика, какъ нѣкоторые полагаютъ.

При такихъ обстоятельствахъ рождаются слѣдующіе вопросы: *Вопервыхъ, кѣмъ ли, въ числѣ непосредственно завѣдываемыхъ правительствомъ источниковъ государственнаго дохода, такихъ источниковъ, которыхъ доходность могла бы быть значительно увеличена?*

Вовторыхъ, какую мѣру слѣдовало бы принять для достиженія этой цѣли?

Втретьихъ, какъ привести эту мѣру въ исполненіе и, наконецъ, какъ пользоваться вырученными вслѣдствіе этой мѣры доходами, такъ чтобы они, удовлетворяя важнымъ современнымъ потребностямъ, приносили казнѣ еще наиболее высокіе проценты и сверхъ того косвенно послужили къ увеличенію народнаго богатства и другихъ государственныхъ доходовъ?

Въ отвѣтъ на эти вопросы постараюсь доказать, что правительство, рѣшась на мѣру продажи государственныхъ имуществъ, одобряемую теоріей и практикой, безъ особенныхъ жертвъ могло бы въ огромныхъ размѣрахъ увеличить свои доходы въ настоящемъ, удовлетворить ими главнымъ современнымъ потребностямъ, а увеличивая вмѣстѣ съ тѣмъ народное богатство, обезпечить для себя высшіе доходы и на будущее время (1).

(1) Мысли, которыя развиты ниже, были высказаны мною въ предварительномъ очеркѣ еще въ 1857 году и въ этомъ видѣ, въ рукописи, представлены нѣкоторымъ изъ высшихъ сановниковъ. Въ послѣдніе годы я не упускалъ изъ виду матеріаловъ, которые постепенно являлись въ нашей литературѣ и были мнѣ отчасти полезны при дальнѣйшемъ развитіи основныхъ положеній упомянутого очерка.

II.

Отыскивая источники государственного дохода, которых доходность могла бы быть увеличена, взглянемъ на недвижимую собственность государства, находящуюся въ вѣдомствѣ министерства государственныхъ имуществъ. По отчету министра этого вѣдомства за 1856 годъ, во ввѣренномъ ему управленіи состояло къ 1857 году 81.196.563 дес. 799 $\frac{1}{4}$ саж. земли, съ населеніемъ 18.436.829 крестьянскихъ душъ обоого пола, въ томъ числѣ 8.982.839 душъ муж. пола (1). За исключеніемъ земель у иностранныхъ поселенцевъ, Евреевъ-земледѣльцевъ, Калмыковъ, Киргизовъ, степныхъ, спорныхъ съ уральскими козаками, во временномъ пользованіи находящихся и особыхъ земель въ вѣдѣніи департаментовъ сельскаго хозяйства и лѣснаго, всего 20.535.790 дес. 2.080 саж., остается 60.660.772 дес. 1.119 $\frac{1}{4}$ саж. земли. Это количество земли распределяется слѣдующимъ образомъ:

Казенныхъ оброчныхъ и пустопорожнихъ	8.573.715 дес.	1.753 саж.
Крестьянскихъ удобныхъ	37.116.961	— 1.194 —
— неудобныхъ	5.105.370	— 1.845 —
Общихъ, черезполосныхъ и спорныхъ	9.864.724	— 1.127 —

Въ этомъ же вѣдомствѣ къ 1857 году состояло 108.408.407 дес. 1.493 саж. лѣсовъ, а именно:

Казенныхъ	89.982.569 дес.	2.079 $\frac{1}{2}$ саж.
Казенныхъ, имѣющихъ особое назначеніе	5.569.000	— 1.393 —
Крестьянскихъ	12.856.837	— 420 $\frac{1}{2}$ —

Кромѣ лѣсныхъ, въ вѣдомствѣ министерства государственныхъ имуществъ состояло 21.126 казенныхъ оброчныхъ статей, которыхъ пространство, впрочемъ, въ отчетѣ не обозначено. Мирскихъ же оброчныхъ статей было 23.995.

Въ 1856 году, всѣ денежные сборы, какъ государственные, такъ и общественные, составляли по окладу до 45.412.886 р. сер., изъ числа которыхъ подлежавшіе государственному каз-

(1) Всѣ данныя этого отчета относятся къ одной только Европейской Россіи, за исключеніемъ Царства Польскаго и Финляндіи, которыхъ государственныя имущества, равно какъ и находящіяся въ Сибири и Закавказскомъ краѣ, не подлежатъ вѣдомству министерства государственныхъ имуществъ.

нтейству доходы и сборы простирались по окладу до 32.656.063 р. сер. Принимая въ соображеніе: 1) что подушная подать и земскій сборъ, наравнѣ съ рекрутскою и натуральными повинностями, обязательны для всѣхъ крестьянъ податнаго сословія, слѣдовательно казна, и не имѣя государственныхъ имуществъ, могла бы по прежнему получать эти сборы; 2) что кромѣ расхода въ 2.239.900 р. сер., ассигнуемаго изъ капиталовъ министерства государственныхъ имуществъ, содержаніе министерства требуетъ еще 5 милл. р. с., мы видимъ, что, за вычетомъ этихъ суммъ, чистаго дохода, получаемаго собственно съ государственныхъ имуществъ, остается 28½ милл. р. с. (1). Чтобы однакожъ имѣть определенное понятіе о степени доходности государственныхъ имуществъ, для этого нужно знать капитальную цѣнность ихъ: сравнивая цифры капитала и дохода, можно бы наглядно показать, какой процентъ государство получаетъ отъ этого капитала.

Для опредѣленія степени доходности государственныхъ имуществъ, нужно бы имѣть множество подробныхъ данныхъ, къ различнымъ мѣстностямъ Имперіи относящихся, изъ которыхъ можно бы вывести заключеніе о капитальной цѣнности имущества. Но, къ сожалѣнію достаточныхъ свѣдѣній по этому предмету у насъ до сихъ поръ не имѣется (2). А потому, чтобы дать понятіе о степени доходности государственныхъ имуществъ, обратимся къ слѣдующимъ соображеніямъ и вычисленіямъ:

(1) Хотя цифры дохода, приводимыя нами, относятся къ одному 1856 году, но такъ какъ мы беремъ окладныя суммы, сами по себѣ уже выражающія приблизительно средній доходъ, то и не считаемъ нужнымъ отыскивать среднюю цифру дохода за нѣсколько лѣтъ. Еслибы впрочемъ мы вывели эту цифру изъ данныхъ о доходѣ, дѣйствительно поступавшемъ, въ теченіе извѣстнаго періода лѣтъ, то едвали бы она была выше нами означенной, именно по причинѣ значительныхъ недомокъ, которыхъ напримѣръ въ 1855 г. считалось 21.147.114 р. с.

(2) По крайней мѣрѣ, какъ собраніе свѣдѣній о капитальной цѣнности земельныхъ угодій, такъ и выводы изъ нихъ средней сложной цѣны десятины для уѣздовъ и губерній, не входили въ инструкцію комиссіи уравниванія денежныхъ сборовъ, несмотря на то, что занятія такого рода могли бы, повидимому, войти въ кругъ дѣйствія этой комиссіи. Только въ послѣднее время правительство обратило вниманіе на эти свѣдѣнія, чему служитъ доказательствомъ первый выпускъ въ 1858 году матеріаловъ для статистики Россіи, собираемыхъ по вѣдомству министерства государственныхъ имуществъ. Тамъ находимъ довольно подробныя свѣдѣнія о капитальныхъ и продажныхъ цѣнахъ разныхъ земельныхъ угодій въ двухъ губерніяхъ, Ярославской и Костромской; дагѣ сюда

Полагая приблизительно десятину земли среднимъ числомъ въ 11 р. с., мы получимъ для капитальной цѣнности государственныхъ земель, то-есть для 60.660.772 дес. сумму 667.268.492 р. с.; при оцѣнкѣ десятины лѣса среднимъ числомъ въ 30 р. с., мы получимъ для капитальной стоимости 108.408.407 дес. лѣса 3.252.252.210 р. с., затѣмъ капитальная цѣнность земли и лѣсовъ вмѣстѣ составитъ 3.858.859.930 р. с. Прибавляя къ этой суммѣ цѣнность оброчныхъ статей, получаемую посредствомъ капитализаціи ихъ окладнаго дохода (2.243.238 р. 87 к. с.), принимаемаго за $2\frac{1}{2}\%$, именно 89.729.354 р. 40 к. с. (1) и капитальную цѣнность мірскихъ оброчныхъ статей, составляющую при обращеніи ихъ окладнаго дохода (855.049 р. 16 к. с.) въ $2\frac{1}{2}\%$ —34.201.960 р. с., получимъ 4.043.461.016 р. с. За вычетомъ изъ этой суммы капитальной цѣнности земли, подъ оброчными статьями находящейся и составляющей, при оцѣнкѣ десятины въ 11 р. с., 44 милл.,—цѣнности, уже заключающейся въ общей цифрѣ цѣнности государственныхъ земель, капитальная цѣнность государственныхъ имуществъ будетъ 3.999.461.016 р. с., круглымъ числомъ 4 миллиарда р. с. Эту приблизительною оцѣнку можно скорѣе назвать низкою, чѣмъ высокою; она была бы даже слишкомъ низка, въ сравненіи съ дѣйствительною капитальною цѣнностью государствен-

же относится новѣйшее предписаніе министерства внутреннихъ дѣлъ начальникамъ губерній собирать за нѣсколько лѣтъ свѣдѣнія о продажныхъ цѣнахъ разныхъ земельныхъ угодій. Еще болѣе данныхъ по этому предмету должно заключаться въ трудахъ дворянскихъ комитетовъ, нуждающихся въ подобныхъ свѣдѣніяхъ для опредѣленія капитальной цѣнности усадебныхъ земель. Съ окончаніемъ дѣйствій этихъ комитетовъ, послѣ общаго свода ихъ результатовъ, можно будетъ легче получить среднюю сложную цѣнность десятины и оцѣнить государственныя имущества, на сколько это возможно при настоящемъ положеніи ихъ обмежеванія.

(1) Большое разнообразіе казенныхъ и мірскихъ оброчныхъ статей не дозволяетъ искать ихъ приблизительною цѣнности иначе, какъ посредствомъ капитализаціи ихъ дохода. Если мы принимаемъ этотъ доходъ за $2\frac{1}{2}\%$, то изъ этого не слѣдуетъ, что по нашему мнѣнію оброчныя статьи дѣйствительно приносятъ такой процентъ казнѣ и міру; принять процентъ высшій противъ вѣроятнаго заставляла насъ необходимость отысканія цѣнности этихъ статей, по возможности близкой къ вѣроятной продажной цѣнѣ; эта же послѣдняя должна быть ниже ихъ первоначальной капитальной цѣнности, потому что болѣшая часть оброчныхъ статей много пострадала отъ ареднаго содержанія и другихъ причинъ.

нашъ имуществъ, еслибы въ суммѣ четырехъ миллиардовъ заключалась цѣнность рабочихъ силъ населенія этихъ имуществъ и принадлежащаго ему хозяйственного инвентаря, не входящая въ нашъ счетъ.

Такъ какъ оцѣнка, принятая нами, довольно низка, то и доходъ съ государственныхъ имуществъ, выраженный въ процентахъ съ капитала въ 4 миллиарда р. с., окажется выше дѣйствительнаго, то-есть того, который оказался бы при высшей оцѣнкѣ тѣхъ же имуществъ. Теперь взглянемъ, какому проценту равняется доходъ съ государственныхъ имуществъ при принятой нами оцѣнкѣ. Намъ извѣстно, что въ 1856 году всѣ денежные сборы съ государственныхъ имуществъ, какъ государственные, такъ и общественные, по окладу, составляли около 45.412.886 р. с. Отсюда ясно видимъ, что упомянутыя имущества, доставляя эту сумму, приносили около $1\frac{1}{7}\%$. А какъ изъ этого дохода въ государственное казначейство поступаетъ по окладу только 32.656,063 р. с., то получаемый казначействомъ доходъ составляетъ только $\frac{6}{10}\%$ съ капитальной цѣнности государственныхъ имуществъ. Наконецъ за вычетомъ вышеупомянутыхъ сборовъ, обязательныхъ для крестьянъ, хотя бы они и не принадлежали къ вѣдомству государственныхъ имуществъ, и за вычетомъ сборовъ на содержаніе министерства этихъ имуществъ, доходъ съ нихъ въ собственномъ смыслѣ составляетъ около $28\frac{1}{2}$ мил. р. с., слѣдовательно только $\frac{5}{7}\%$. Итакъ, наша приблизительная оцѣнка и основанная на ней вычисленія ведутъ насъ къ тому заключенію, что государственныя имущества приносятъ правительству среднимъ числомъ около 1% . Это заключеніе будетъ еще болѣе правдоподобно, если вспомнимъ, что и во многихъ государствахъ западной Европы, при болѣе развитомъ хозяйствѣ и хорошемъ управленіи, возможномъ только при умѣренномъ объемѣ дѣла, онѣ часто даютъ также весьма незначительные проценты.

Чтобы точнѣе убѣдиться въ малопродуктивности государственныхъ имуществъ, не лишнимъ будетъ разсмотрѣть подробнѣе ихъ части, которыя въ собственномъ смыслѣ составляютъ казенное владѣніе, то-есть казенныя удобныя пустопорожныя земли, лѣса и оброчныя статьи.

Что касается надѣла государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ пустопорожною землею, то необходимость такого ея употребленія подлежитъ еще сомнѣнію. По вычисленію Тенгоборскаго, средняя величина участковъ государственныхъ крестьянъ въ

Россіи превышаетъ среднюю величину крестьянскихъ участковъ въ другихъ государствахъ. Сличая губерніи между собой въ отношеніи надѣла крестьянъ удобною землею, найдемъ, правда, большое неравенство; но все же изъ классификаціи Тенгоборскаго видно, что 19 губерній хорошо (1), 16 удовлетворительно, и только остальные 13 скудно надѣлены землею. Но такъ какъ неравенство въ естественномъ распредѣленіи луговъ, пашень, неудобныхъ земель и лѣсовъ зависитъ отъ качества почвы и разныхъ климатическихъ и другихъ мѣстныхъ условій, то неравномѣрность въ надѣлахъ разными земельными угодьями не всегда можетъ быть произвольно устранена.

Впрочемъ неравенство въ надѣлахъ крестьянъ земель въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже не бесполезно для народнаго хозяйства. Такъ, напримѣръ, въ отношеніи къ земледѣлію, малые и средніе крестьянскіе участки, особенно при хорошихъ условіяхъ сбыта произведеній, допуская большее сосредоточеніе хозяйственныхъ силъ, могутъ быть легче и лучше обрабатываемы и давать болѣе, по крайней мѣрѣ валоваго, дохода, чѣмъ большіе крестьянскіе участки при несоразмѣрныхъ имъ хозяйственныхъ силахъ. Кроме того, гдѣ мало земли у крестьянъ, тамъ они прибѣгаютъ часто къ различнымъ постороннимъ промысламъ, соединеніе которыхъ съ хлѣбопашествомъ надолго ограждаетъ Россію отъ бѣдствій городского ремесленнаго пролетаріата, отъ котораго такъ страдаетъ западная Европа. Сверхъ того, неравенство надѣловъ землею, какъ и неравенство въ степени ея производительности, заставляютъ крестьянъ обращать излишекъ своихъ рабочихъ силъ туда, куда привлекаютъ ихъ недостатокъ въ этихъ силахъ и болѣе высокая заработная плата. Если это обстоятельство и принуждаетъ одну часть народонаселенія переходить съ мѣста на мѣсто, за то съ другой стороны оно отчасти устраняетъ неудобства, возникающія отъ причинъ, нами выше приведенныхъ. Съ этой точки зрѣнія увеличеніе участковъ государственныхъ крестьянъ новыми надѣлами и въ народно-хозяйственномъ отношеніи оказывается не безусловно полезнымъ (2).

(1) Въ Астраханской и Саратовской губерніяхъ приходится на душу отъ 12 до 20 десятинъ земли.

(2) Изъ крестьянскихъ земель слишкомъ 9.864.724 дес. общинныхъ, чрезполосныхъ и спорныхъ земель представляютъ въ народно-хозяйственномъ отношеніи владѣніе, сопряженное съ многочисленными неудобствами. Владѣніе общинами, спорными и чрезполосными землями рождаетъ множество безконечныхъ тяжбъ и ссоръ, препятствующихъ

Что же касается до государственныхъ лѣсовъ, то, какъ изъ выше показанныхъ цифръ видно, при оцѣнкѣ десятины лѣса среднимъ числомъ въ 30 р. с., капитальная цѣнность ихъ составляла бы 3.252.252.210 р. с. Не должно, впрочемъ, забывать, что цѣны лѣса, смотря по мѣстности, представляютъ большое разнообразіе. Здѣсь будетъ кстати привести мнѣніе г. Соловьева по этому предмету, высказанное имъ въ *Хозяйственной статистикѣ Смоленской губерніи*.

«Нѣтъ ничего труднѣе, замѣчаетъ онъ, какъ говорить о цѣнахъ на лѣсъ. Цѣна лѣса зависитъ отъ многихъ условій, влияние которыхъ ограничивается весьма небольшими мѣстностями. Такъ, напримѣръ, въ мѣстностяхъ, которыя по общему характеру слѣдуетъ отнести къ малолѣснымъ, встрѣчаются отдѣльныя большія дачи, изъ которыхъ производится постоянная продажа лѣса. На разстояніи 15 или 20 верстъ отъ этихъ дачъ лѣсъ дешевѣе. Далѣе влияние ихъ прекращается, и цѣны лѣса согласуются съ общимъ характеромъ мѣстности. Это происходитъ отъ того, что перевозка лѣсныхъ матеріаловъ обходится иногда дороже самой цѣнности лѣса. Точно также, наоборотъ, въ лѣсныхъ уѣздахъ встрѣчаются мѣстности, около которыхъ мало, или вовсе нѣтъ лѣса; отъ этого цѣны возвышаются, между тѣмъ, какъ за 30 или за 40 верстъ онѣ чрезвычайно низки. Кромѣ того, цѣны на лѣсъ совершенно различны на мѣстѣ и на рынкахъ. Такъ же онѣ измѣняются при продажѣ на срубъ цѣлыми дачами и десятинами, еще болѣе бревнами и саженьями. Большое имѣетъ влияние на цѣну лѣса большее или меньшее удаленіе лѣсныхъ дачъ отъ сплавныхъ рѣкъ; но влияние это ограничивается небольшимъ разстояніемъ отъ береговъ этихъ рѣкъ. Отношеніе цѣнности дровяного лѣса къ строевому, при покупкѣ на срубъ подесятинно, также неодинаково. Въ мѣстахъ, гдѣ много строевого лѣса, дровяной лѣсъ почти не имѣетъ цѣны, потому что дрова выходятъ изъ сучьевъ строевыхъ деревьевъ. Въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ мало или вовсе нѣтъ строевого лѣса, дровяной лѣсъ доходитъ до значительной цѣнности. Наконецъ, ко всему этому надо прибавить разное качество лѣса при разныхъ древесныхъ породахъ и различной степени густоты. Всѣ эти многоразличныя усло-

ривіи сельскаго хозяйства. Прежде такихъ земель было гораздо болѣе; но если ихъ количество, благодаря полюбовному размежеванію, уменьшилось, то все же ихъ осталось еще много.

вія могутъ быть въ различныхъ сочетаніяхъ, такъ что сколько условій и разныхъ комбинацій ихъ, столько составляется неодинаковыхъ цѣнъ.» Г. Соловьевъ показываетъ, что цѣна десятины строеваго лѣса на срубъ въ Смоленской губерніи доходить до 150 р. с.

По другимъ источникамъ, именно по выводамъ продажныхъ цѣнъ за десятину лѣса, изъ свѣдѣній, собранныхъ лѣсными таксаторами Ярославской губерніи (1), цѣна за десятину строеваго лѣса доходить: высшая отъ 50 до 200 р. с., а низшая отъ отъ 10 до 150 р.; дровянаго: высшая отъ 18 до 70, а низшая отъ 3 до 50 р. Изъ вѣдомости разныхъ земельныхъ угодій Костромской губерніи узнаемъ, что цѣна земли подъ строевымъ лѣсомъ: высшая отъ 45 до 250, а низшая отъ 15 до 150 р.; цѣна десятины подъ дровянымъ лѣсомъ: высшая отъ 25 до 110, а низшая отъ 10 до 60 р. с.

Г. Гакстгаузенъ въ своемъ проектѣ колонизаціи сѣверныхъ лѣсныхъ губерній, именно Архангельской, Олонецкой и Вологодской, полагая среднимъ числомъ на десятину по 300 деревъ, цѣною въ 100 р. с., заключаетъ, что цѣна государственнаго лѣса однихъ этихъ губерній равняется 5.555.000.000 р. с. (2). Если оцѣнивать такимъ образомъ лѣсъ въ мѣстностяхъ, обильныхъ этимъ матеріаломъ, то что сказать о цѣнѣ на лѣсъ въ странахъ, гдѣ его мало?

Послѣ вышесказаннаго, принятая нами средняя сложная цѣна лѣса государственныхъ имуществъ должна быть признана очень умѣренной. Но и въ такомъ случаѣ доходъ съ лѣсовъ вѣдомства государственныхъ имуществъ будетъ представлять ничтожный процентъ съ суммы ихъ капитальной ценности. Принимая въ соображеніе, что, за исключеніемъ безденежнаго отпуска лѣса, окладной лѣсной доходъ въ 1856 году равнялся 1 милл. р. с., мы найдемъ, что эта сумма при оцѣнкѣ лѣсовъ, принятой нами, составляетъ доходъ только около $\frac{1}{3}\%$. Если въ число дохода министерства государственныхъ имуществъ включить безденежный отпускъ лѣса, оцѣненный въ 1856 году въ 1.739.618 р. с., и предположить, что дѣйствительно поступившій денежный доходъ вполнѣ равенъ окладной суммѣ, то есть 1 милл. р. с., то весь доходъ, именно: 2.739.618 р.

(1) *Матеріалы для статистики Россіи*; выпускъ первый 1858 года.

(2) Десятинна такого лѣса, какой видѣлъ Г. Гакстгаузенъ въ Вологодской губерніи, стояла бы, по его мнѣнію, въ Германіи 2000—3000 р. Tegoborski. *Etudes sur les forces productives*. Т. I.

сер., составлялъ бы только около $\frac{1}{10}\%$. Но такъ какъ въ числѣ 108.408.407 дес. лѣса есть крестьянскихъ 12.856.837 дес., за вычетомъ которыхъ остается казенныхъ 95.551.570 д., то, предполагая, что казна дѣйствительно получаетъ полный окладъ дохода, и принимая въ расчетъ цѣнность безденежнаго отпуска, мы увидимъ, что доходъ съ казенныхъ лѣсовъ равняется $\frac{1}{10}\%$, отъ представляемаго казеннымъ лѣсомъ капитала при принятой нами оцѣнкѣ десятины лѣса. Оставляя же безденежный отпускъ лѣса въ сторонѣ и вычитая изъ окладнаго дохода 587.675 р. с., то-есть издержки на расходы лѣснаго вѣдомства, показанныя въ отчетѣ за 1856 годъ, получимъ чистаго дохода только 412.325 р. с., что составляетъ только около $\frac{1}{71}\%$ съ капитала. Еслибы кто, имѣя подъ руками отчеты лѣснаго управленія по отдѣльной губерніи, пожелалъ убѣдиться въ степени доходности лѣсовъ этой губерніи, тотъ, принимая, конечно, соответственную мѣстности среднюю сложную цѣну десятины лѣса, пришелъ бы, вѣроятно, къ подобнымъ же результатамъ въ отношеніи отдѣльной губерніи, къ какимъ дошли мы относительно государственныхъ лѣсовъ вообще.

Теперь обратимся къ третьей составной части государственныхъ имуществъ, находящейся въ непосредственномъ владѣніи казны, именно къ оброчнымъ статьямъ. Подъ казенными оброчными статьями разумѣются разныя недвижимыя, ненаселенныя государственныйя имущества и вообще связанные съ поземельною собственностію источники доходовъ, отдаваемые казною въ оброчное и откупное содержаніе частнымъ лицамъ (1). По отчету министра государственныхъ имуществъ за 1856 годъ, казенныхъ оброчныхъ статей состояло 21.126. Окладной доходъ съ нихъ составлялъ въ это время 2 243.238 р. 87 $\frac{1}{2}$ к. сер. Если въ отношеніи казенныхъ оброчныхъ статей, въ доступныхъ намъ офиціальныхъ источникахъ подробныхъ свѣдѣній нѣтъ, за то тѣмъ болѣе полуофиціальныхъ свѣдѣній объ этомъ предметѣ доставляетъ намъ *Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ* за 1859 г., именно въ первой книжкѣ, въ статьяхъ гг. Раева и Прыткова. Изъ нихъ,

(1) Кромѣ казенныхъ оброчныхъ статей есть еще мірскія, отданныя во владѣніе крестьянскимъ обществамъ, и казенныя лѣсныя оброчныя статьи, состоящія въ лѣсномъ вѣдомствѣ; тѣ и другія въ приводимомъ нами отчетѣ въ число 21.126 оброчныхъ статей не входятъ. Ниже помѣщенныя данныя относятся исключительно къ однимъ собственно такъ-называемымъ казеннымъ оброчнымъ статьямъ.

между прочимъ, видно, что въ великороссійскихъ и южныхъ губерніяхъ состояло казенныхъ оброчныхъ статей къ 1858 г. 8.592 съ окладнымъ доходомъ на сумму въ 1.074.045 р. 72 к., а въ западныхъ губерніяхъ, за исключеніемъ прибалтійскихъ, 12.492 съ доходомъ на сумму 976.094 р. 35 к. Данныя, собранныя въ статьѣ г. Прыткова, показываютъ, что изъ всего количества оброчныхъ статей въ западныхъ губерніяхъ, за исключеніемъ корчемъ и шинковъ, только пятнадцатая часть можетъ считаться значительно доходною, а вся остальная масса приноситъ доходъ, отдѣльно съ каждой статьи, весьма ничтожный: по нѣкоторымъ даже менѣ одного рубля. О малопродуктивности оброчныхъ статей свидѣтельствуетъ также вѣдомость о поступленіи съ нихъ дохода и оставшейся къ 1858 году недоимкѣ въ западныхъ губерніяхъ. Мы вывели итоги чиселъ, приведенныхъ въ этой вѣдомости, изъ которыхъ видно, что въ теченіи 10 лѣтъ (съ 1848 по 1858 годъ) ожидалось дохода съ оброчныхъ статей 7.071.306 р. 18½ к., а дѣйствительно поступило только 4.857.061 р. 32 к. с., слѣдовательно, на 2.214.244 р. 86½ к. с. менѣ противъ оклада, и, наконецъ, что за всѣми поступленіями и исключеніями доходовъ по разнымъ случаямъ осталось въ недоимкѣ къ 1858 г. 1.648.866 р. 55 коп.

При взглядѣ на обширность государственныхъ имуществъ въ Россіи и весьма малую ихъ доходность, невольно рождается вопросъ о причинахъ такого явленія. Причины эти могутъ быть раздѣлены на общія и особенныя. Подъ общими должно разумѣть тѣ, которыя возникаютъ отъ вліянія климата, топографическаго положенія государства, неравнобѣрнаго распределенія производительныхъ силъ, недостатка естественныхъ и искусственныхъ путей сообщенія, недостатка народнаго образованія, въ особенности хозяйственнаго, и т. д. Подъ вторыми тѣ, которыя происходятъ изъ казенной администраціи. Первые, какъ извѣстныя изъ общей статистики Россіи, мы можемъ оставить въ сторонѣ, тѣмъ болѣе, что онѣ относятся не только къ государственнымъ имуществамъ, но и къ частнымъ, распространяя свое вліяніе на все народное хозяйство. Какъ ни важны эти причины, однако онѣ не могутъ быть признаны главными въ отношеніи малопродуктивности государственныхъ имуществъ, ибо при тѣхъ же самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ мы видимъ, что доходность частной недвижимой собственности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ея капитальная

дѣйствіе быстро увеличиваются, въ то время, какъ государственная собственность этого не представляетъ. Отсюда ясна, что малопродуктивность послѣдней имѣетъ еще свои особенныя причины. Въ чемъ же состоятъ эти особенныя, казенному управленію свойственныя причины?

Мы имѣемъ довольно доказательствъ, не подлежащихъ никакому сомнѣнію, что наше правительство не упускаетъ изъ виду сбереженія источниковъ дохода и не щадитъ издержекъ для надлежащаго ихъ развитія. Но съ другой стороны и то не подлежитъ сомнѣнію, что эти заботы и попеченія не всегда достигаютъ своей цѣли. Напримѣръ, повидимому, состояніе сельскаго хозяйства государственныхъ имуществъ должно бы быть лучше, чѣмъ въ частныхъ имѣніяхъ; между тѣмъ сравненіе этихъ имѣній съ первыми приводитъ къ заключенію противоположному. Несмотря на различныя мѣры, предпринимаемыя департаментомъ сельскаго хозяйства въ видахъ улучшенія земледѣлія, это послѣднее въ казенныхъ имѣніяхъ рѣдко встрѣчается на такой степени развитія, на какой находится въ частныхъ владѣніяхъ.

Итакъ, изъ положенія сельскаго хозяйства государственныхъ имуществъ видно, что малопродуктивность государственныхъ имуществъ не происходитъ отъ тщательнаго сбереженія источниковъ дохода, а что, напротивъ, цѣль эта на дѣлѣ не всегда достигается. Еще яснѣе можно видѣть это на лѣсномъ управленіи. Задачу лѣсной администраціи можно опредѣлить слѣдующимъ образомъ: управляя государственными лѣсами рационально, сберегать лѣсъ тамъ, гдѣ его недостаточно, разводить тамъ, гдѣ его мало или совсѣмъ нѣтъ, и увеличивать сбытъ лѣса съ пользою для казны тамъ, гдѣ въ немъ изобиліе. Между тѣмъ извѣстно, что, несмотря на всѣ старанія правительства ввести рациональное лѣсоводство, гдѣ лѣса было немного, тѣмъ онъ почти совершенно истребленъ, гдѣ его вовсе не было, тамъ его разведено немного, а гдѣ было много лѣсовъ, тамъ ихъ, правда, много убыло, но едвали съ дѣйствительною пользою для казны, потому что соответственнаго приращенія въ ея лѣсныхъ доходахъ не замѣтно. Извѣстно, правда, что относительно сбереженія лѣсовъ и частныя владѣльцы въ Россіи не отличаются особенною осмотрительностью. Однако все-таки положеніе частныхъ лѣсовъ, особенно тамъ, гдѣ потребность въ нихъ чувствительно увеличилась, гораздо лучше казенныхъ. Отчего же это происходитъ? Объясненія причинъ такого

явленія, по мнѣнію многихъ, нужно искать не въ губернскихъ отчетахъ, а развѣ въ губернскихъ очеркахъ. Мы хотимъ сказать, что непроеводительное для казны истребленіе лѣсовъ, какъ и вообще неудовлетворительное положеніе государственныхъ имуществъ, ббльшая часть публики приписываетъ злоупотребленіямъ чиновниковъ этого вѣдомства. Однако, объяснять такимъ образомъ причину состоянія государственныхъ имуществъ и ихъ малодоходность было бы, кажется, не совершенно справедливо. Нельзя полагать, чтобы чиновники этого вѣдомства отъ природы были хуже прочихъ. Мы увѣрены, что во всѣхъ вѣдомствахъ находятся чиновники добросовѣстные и недобросовѣстные, и что вообще, несмотря на разнообразіе обязанностей, природа человѣка остается одна и та же. Въ защиту этихъ чиновниковъ можно сказать, впрочемъ, еще и то, что и во многихъ другихъ государствахъ, гдѣ чиновники стоятъ на высшей степени умственного и нравственного образованія, и народное хозяйство больше развито, положеніе государственныхъ имуществъ все-таки хуже положенія имуществъ частныхъ, а доходъ съ нихъ, при однихъ и тѣхъ же мѣстныхъ условіяхъ, всегда далеко ниже получаемого съ частныхъ имѣній (1). Итакъ, въ чемъ же наконецъ заключается дѣйствительная причина недоходности государственныхъ имуществъ, сравнительно съ частными? Эта причина, относящаяся не только къ Россіи, но и ко всѣмъ прочимъ государствамъ, состоитъ преимущественно въ томъ, что казенное управленіе, при своей хозяйственной дѣятельности, не обладаетъ могущественнымъ двигателемъ, заключающимся въ благотворномъ побужденіи личнаго интереса, свойственного частнымъ владѣльцамъ и предпринимателямъ. Можетъ-быть, чиновникъ исполняетъ свои обязанности и добросовѣстно, но требовать отъ него, чтобы, особенно при маломъ вознагражденіи за труды, онъ заботился о чужой собственности съ такимъ же усердіемъ и дѣятельностію, съ какими хорошій частный хозяинъ управляетъ своимъ имѣніемъ, значило бы требовать невозможнаго (2).

(1) Это доказалъ, между прочимъ, г. Патовъ въ своемъ рапортѣ прусской палатѣ представителей 1856—1857 года.

(2) Почти то же самое можно сказать и объ арендаторахъ, напримѣръ съемщикахъ оброчныхъ статей въ Россіи, не потому, правда, чтобы они были чужды побужденіямъ личнаго интереса, но потому, что ихъ интересъ обыкновенно не совпадаетъ съ интересомъ казны. Въ особен-

Отсюда вытекаетъ та истина, подтверждаемая какъ теоріей, такъ и практикой, что казна, при управленіи, особенно недвижимымъ имуществомъ, не можетъ заниматься хозяйствомъ съ такимъ же успѣхомъ, какъ частныя лица на своей собственности. Если неудобства, сопряженныя съ казеннымъ управленіемъ, замѣтны уже за границей, гдѣ количество доменъ болышею частію незначительно, то тѣмъ болѣе они ощутительны въ Россіи, гдѣ государственныя имущества столь обширны. Эта необыкновенная обширность нашихъ доменъ, требующая значительныхъ издержекъ на управленіе, вмѣстѣ со сложнымъ механизмомъ бюрократической централизаціи, замедляющей ходъ дѣлъ и удовлетвореніе мѣстнымъ потребностямъ, возлагаютъ на чиновниковъ бремя обязанностей, которое превышаетъ ихъ силы. Такимъ образомъ зло, проистекающее изъ отсутствія благотворныхъ побужденій личнаго интереса, приобретаетъ еще болѣе силы и производитъ то, что недостатки нашей администраціи рѣзче бросаются въ глаза, чѣмъ въ другіихъ государствахъ. Для устраненія этого зла можно бы увеличить число чиновниковъ по части исполнительной, или усилить контроль надъ даннымъ числомъ служащихъ. Но какъ то, такъ и другое едва ли можетъ принести дѣйствительную пользу. Первое умножить уже и безъ того значительныя издержки по управленію; второе, также увеличивая эти издержки, усилить до крайности недовѣрчивость, которая, какъ извѣстно, хорошаго чиновника дѣлаетъ равнодушнымъ и апатичнымъ, а дурнаго не исправляетъ, но учить только осторожности. Кажется, вмѣсто того, чтобъ увеличивать численный составъ управленія, можно бы прибѣгнуть къ уменьшенію круга его дѣятельности, посредствомъ сокращенія переписки, уменьшенія централизаціи и т. п. Но и эти средства будутъ только полумѣрами. Поэтому, не упуская изъ виду возможныхъ реформъ въ управленіи, надобно противодѣйствовать злу сокращеніемъ обязанностей, а въ послѣдствіи и уменьшеніемъ самаго числа служащихъ съ помощію преобразованія части недвижимаго имущества въ движимое, то-есть въ денежный капиталъ, завѣдываніе которымъ будетъ гораздо легче пер-

ности это справедливо относительно аренды на короткіе сроки: въ этомъ послѣднемъ случаѣ арендаторъ старается извлечь наивозможно-болышую пользу изъ имѣнія, не щадя его производительныхъ силъ и не дѣлая въ немъ никакихъ прочныхъ улучшеній.

ваго и принесеть, какъ мы покажемъ это далѣе, значительный доходъ, невозможный при самомъ лучшемъ казенномъ управленіи недвижимымъ имуществомъ. Къ этой цѣли и, что еще важнѣе, къ удовлетворенію современнымъ потребностямъ можетъ служить, по нашему мнѣнію, предлагаемая нами мѣра продажи государственныхъ имуществъ.

Ю. Микшевичъ.

(Оканчаніе слѣдуетъ.)

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ ИСТОРИИ РУССКАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ И ЛИТЕРАТУРЫ

ВЪ КОНЦѢ XVIII ВѢКА¹

III.

Новыя подробности по дѣлу Новикова и прочихъ мартинистовъ.

Уже три раза имѣли мы случай сообщать читателямъ *Русскаго Вѣстника* свѣдѣнія о Новиковѣ и основанномъ имъ обществѣ (2). При скудости матеріаловъ для составленія полной исторіи этого замѣчательнаго явленія въ развитіи нашей общественности и литературы, мы иногда невольно ошибались и должны были въ каждой новой статьѣ исправлять неточности предыдущей. Вѣроятно, найдутся и еще неисправности, которыя современемъ будутъ устранены открытіемъ новыхъ документовъ. По крайней мѣрѣ теперь намъ удалось, кажется, возстановить хронологію главнѣйшихъ событій въ исторіи новиковаго общества, скромно возникшаго въ 1779 году, при участіи немногихъ членовъ и ничтожныхъ средствахъ и окончательно

(1) Первыя двѣ статьи помѣщены въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1858 года № № 4 и 15.

(2) *Русскій Вѣстникъ* 1857, № 19 и 1858 № № 15 и 22.

разрушившагося въ 1792 году, когда оно успѣло употребить на общее благо многія сотни тысячъ и привлечь къ себѣ не малое число людей извѣстныхъ, сильныхъ и просвѣщенныхъ. Въ эту печальную эпоху гоненія погибла, вѣроятно, большая часть тѣхъ документовъ, которые могли бы подробно разъяснить дѣйствія новиковскаго общества. Страхъ подвергнуться допросамъ Прозоровскаго и даже Шешковскаго, взглядъ котораго умѣлъ проникать въ самыя сокровенныя хранилища подозрительныхъ правительству лицъ, заставилъ, конечно, многихъ уничтожать разныя бумаги, которыя могли компрометировать тѣхъ, у кого онѣ находились. Другія бумаги были, какъ говорятъ, затеряны по нерадѣнію профессора Чеботарева, бывшаго секретаремъ общества при началѣ его существованія, а нныя конфискованы во время ареста Новикова, Лопухина, Тургенева и князя Трубецкаго, странствовали по разнымъ вѣдомствамъ, и если и существуютъ, то погребены въ какихъ-нибудь архивахъ, гдѣ, до благоприятнаго случая, едвали догадываются о ихъ существованіи. Тѣмъ болѣе должны мы дорожить тѣми, хотя бы и немногими, офиціальными или достовѣрными документами, которые попадаютъ намъ въ руки.

Нѣсколько времени тому назадъ представился намъ случай получить нѣсколько такихъ документовъ, за подлинность которыхъ мы можемъ поручиться передъ читателями. Они принадлежатъ къ послѣднимъ годамъ того періода, разъясненію котораго мы посвятили наши разысканія. Живое наше сочувствіе къ благороднымъ трудамъ Новикова и его друзей, конечно, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Мы представили факты, которые громко свидѣлствуютъ о томъ, какъ ошибочно понимали тогда цѣль ихъ дѣйствій. Въ тѣхъ матеріалахъ, которые мы теперь представляемъ, читатели увидятъ такъ-сказать оборотъ медали. Далекіе отъ всякаго пристрастія, мы приводимъ ихъ, какъ разъясненіе до нѣкоторой степени образа дѣйствій правительства въ отношеніи къ Новикову. Не считая изложенныя въ этихъ документахъ обстоятельства достаточными причинами для жестокаго преслѣдованія и наказанія, которымъ онъ подвергся, мы полагаемъ, что все-таки эти причины, истинныя или выдуманныя его врагами, имѣли значеніе въ глазахъ Екатерины, въ то время находившейся подъ впечатлѣніемъ французской революціи. Мы видѣли, въ чемъ состояли заслуги Новикова и его общества; теперь посмотримъ, какіе были обвинительные противъ него пункты.

- Читателямъ уже извѣстно, что Новиковъ выступилъ на общественное поприще въ Москвѣ въ началѣ 1779 года, взявши на содержаніе Университетскую типографію на десять лѣтъ, срокомъ по 1-е мая 1789 года (1); изъ обнародованныхъ нами свѣдѣній, они знаютъ, какъ быстро шло предпринятое имъ дѣло, какъ образовались «Дружеское ученое общество» и «Типографическая компанія» съ принадлежавшими къ нимъ учрежденіями: учебными заведеніями, книжными лавками (2), библиотекой, аптеками, типографіями, благотворительными предпріятіями и пр. Такъ какъ основатели и двигатели этого широкозадуманнаго дѣла принадлежали къ разсѣянному тогда повсюду обширному масонскому братству, въ которомъ, какъ во всякой правильной ассоціаціи, удесятеряются силы и средства каждаго, то и можно объяснить себѣ скорые успѣхи московскаго предпріятія. Но въ этой-то самой принадлежности къ масонству, крылись и зародыши невзгодъ, ожидавшихъ общество. Мы говорили не разъ о причинахъ, по которымъ не любили масонство Екатерина и многіе ея приближенные, вскормленные идеями, совершенно противоположными мистицизму, и имѣвшіе превратное понятіе и о тѣхъ масонахъ, которые не принадлежали къ разряду шарлатановъ, въ родѣ Калиостро. Въ Москвѣ масонскія ложи имѣли особенно серіозный характеръ, такъ какъ туда скоро вступили многіе изъ лучшихъ людей тамошняго общества, которые не ограничивались одними засѣданіями и произнесеніемъ рѣчей о предметахъ отвлеченныхъ, но доказывали дѣломъ любовь свою къ человечеству, его просвѣщенію и облегченію его страданій. Намъ извѣстны пять тогдашнихъ московскихъ ложъ: ложа-мать «Латона» и подчиненныя ей ложи: «Свѣтоноснаго треугольника», «Блισταющей звѣзды», «Святаго Моисея» и «Девкаліона» (3). Въ послѣдней былъ великимъ мастеромъ стула извѣстный Семенъ Ивановичъ Гамалѣя (4). Множество братьевъ засѣдало въ

(1) *Исторія Импер. Москов. Университета* стр. 216.

(2) Есть извѣстіе, что Новиковъ имѣлъ книжную торговлю съ Лейпцигомъ.

(3) *Магазинъ свободно-каменнычической*. М. 1784, Ч. I, стр. 84, Ч. II, стр. 31, 58 и 92. Книга эта, имѣющаяся въ нашей библиотекѣ, составляетъ величайшую библиографическую рѣдкость. См. Сопикова Ч. III, № 6137.

(4) Ложа эта была открыта 21 октября 1782 года, какъ видно изъ имѣющейся у меня рукописной рѣчи Гамалѣя на ея открытіе. Другія

собраніяхъ, которыя открывались пѣніемъ хора, и нѣтъ сомнѣнія, что искренно произносились многими изъ братьевъ слова (1):

Бѣги отъ насъ, злой вольнодумецъ,
Распутный, мѣсть сихъ удались!
Бѣги, неистовый безумецъ,
Безбожникъ адскій, здѣсь не зрись!
Сей ордена всегда предметъ:
Премудрости постигнуть свѣтъ! (2)

Предубѣжденіе противъ московскихъ масоновъ имѣло между прочимъ причинами: сношенія ихъ съ иностранными ложами и мнѣніе, что они особенно были преданы наслѣднику престола, Павлу Петровичу, который, давно достигнувши совершенныхъ лѣтъ, легко могъ имѣть партію, считавшую его въ правѣ вступить на престоль. Слѣдующая масонская пѣсня, которую пѣли въ московскихъ ложахъ, можетъ дать поводъ думать, что такіа опасенія были не совсѣмъ безъ основанія, особенно если вспомнимъ, что мартинисты не только были возвращены изъ ссылки, но что многіе изъ нихъ вошли въ большую силу въ началѣ царствованія императора Павла I:

Залогъ любви небесной
Въ тебѣ мы, Павелъ, зримъ;
Въ четѣ твоей прелестной
Зракъ ангела мы зримъ.
Украшенный вѣнцомъ,
Ты будешь намъ отцомъ.

Судьба благоволила
Петровъ возвысить домъ
И насъ всѣхъ одарила,
Даря тебя плодомъ.
Украшенный вѣнцомъ,
Ты будешь намъ отцомъ.

Съ тобой да воцарятся
Блаженство, правда, миръ!

рѣчи его напечатаны въ *Магазинъ свободно-каменщикескомъ* Ч. II, стр. 92 и 103.

(1) Если не ошибаемся, великимъ намѣстнымъ мастеромъ ложи-матери «Латоны» былъ Лопухинъ, и ему принадлежитъ рѣчь, говоренная при открытіи ложи «Блισταющей звѣзды» 31 мая 1784. Тамъ же, Ч. II, стр. 31.

(2) Тамъ же, Ч. II, стр. 137.

Безъ страха да явятся
 Предъ трономъ нищъ и сиръ.
 Украшенный вѣнцомъ,
 Ты будешь всѣмъ отцомъ.

Уже ты видишь ясно
 Врата безсмертныхъ въ храмъ,
 Къ которому опасно
 Ступаютъ по трудамъ!
 Тебѣ Минерва мать!
 Ты можешь путь скончать!

Петрова кровь безцѣнна,
 Богини Росской сынъ,
 О отрасль вождельнна,
 Теки, какъ исполнишь,
 Блаженства вѣчный свѣтъ
 Куда тебя ведетъ (1).

Хотя этой пѣсни предшествуютъ двѣ другія въ похвалу Екатеринѣ, которой мудрость и благотворительность въ нихъ воспѣты, но онѣ гораздо короче, чѣмъ приведенная нами, и заключаютъ въ себѣ и другія постороннія мысли: о дружбѣ братьевъ и т. д. Вообще мы считаемъ знаменательнымъ существованіе особой пѣсни, въ которой три строфы посвящены Павлу Петровичу, особенно въ то время, когда, послѣ заграничнаго путешествія, онъ почти совершенно удалился отъ двора въ Гатчино, и похвалы ему не могли нравиться въ Петербургѣ.

Какъ бы то ни было, намъ извѣстно, что на Новикова стали смотрѣть неблагосклонно, еще въ концѣ 1784 года (2). Затѣмъ подозрѣнія на него стали усиливаться (3), и въ 1785 и 1786 годахъ онъ испыталъ многія непріятности: опечатаніе книжной лавки своей, конфискацію нѣкоторыхъ книгъ; наконецъ даже, по подозрѣнію Новикова въ сектаторствѣ, архіепископъ Платонъ дѣлалъ ему испытаніе въ догматахъ православія, по приказанію государыни (4). Хотя отзывъ Платона и былъ самый удовлетворительный, но Новиковъ остался у государыни на дурномъ замѣчаніи. Она рѣшилась не допускать впредь, чтобы казенная Университетская типографія

(1) Тамъ же, ч. I, стр. 132.

(2) *Русскій Вѣстникъ* 1837, № 49, стр. 556.

(3) Тамъ же, стр. 563—568.

(4) Вопросы пункты Новикову отъ Платона напечатаны въ *Летописьхъ Русской литературы и древности* 1859, кн. I, отд. 3, стр. 26.

оставалась, послѣ срока контракта Новикова, въ рукахъ чело-
вѣка, печатавшаго книги, изъ которыхъ нѣкоторыя признаны были
опасными. Государыня приняла мѣры заранѣе, и 17 октя-
бря 1788 года подписанъ былъ ею слѣдующій рескриптъ
главнокомандующему въ Москвѣ П. Д. Еропкину:

«Петръ Дмитріевичъ! Подтверждаемъ и теперь прежнее
наше повелѣніе, чтобъ Университетская типографія, по исте-
ченіи срока, на содержаніе поручику Новикову не была отда-
на; о чемъ вы кураторамъ Московскаго университета объявите.
Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны.»

Вслѣдствіе этого повелѣнія, съ 1-го мая 1789 года Универси-
тетская типографія отдана на содержаніе коллежскому ассес-
ору Свѣтушкину, къ которому перешло и изданіе *Москов-
скихъ Вѣдомостей* (1). Съ этою переменой прекратился въ
томъ же 1789 году выходъ *Дѣтскаго Чтенія* и *Экономиче-
скаго Магазина*, издававшихся при *Вѣдомостяхъ*. Едва успѣлъ
быть отстраненъ Новиковъ, какъ уже журналистика лишилась
двухъ чрезвычайно полезныхъ органовъ.

Вскорѣ успѣхи французской революціи навели страхъ на
всю Европу, и вездѣ стали принимать дѣятельныя мѣры стро-
гости въ надеждѣ предупредить распространеніе какихъ-либо
безпокойствъ. Новиковъ, скомпрометированный предательскою
перепиской барона Шрейдера (2), былъ признанъ опаснымъ чело-
вѣкомъ. Еропкинъ вышелъ въ отставку, и на мѣсто его главное
начальство въ Москвѣ съ февраля 1790 года принялъ князь А. А.
Прозоровскій, который былъ назначенъ на это мѣсто именно
вслѣдствіе своей репутаціи строгаго блюстителя дисциплины и
точного исполнителя получаемыхъ приказаній. Мнѣніе о немъ
Потемкина, выраженное въ письмѣ его къ императрицѣ, по случаю
назначенія Прозоровскаго въ Москву (3), оставшіяся свидѣ-
тельства Лопухина (4) и другихъ современниковъ, наконецъ
извѣстія о его дѣйствіяхъ даютъ возможность безошибочно
составить понятіе о его личности. Прозоровскій былъ ума
чрезвычайно ограниченнаго и не получилъ никакого образова-
нія; сердце у него было если не злое, то и не доброе, при-
томъ ожесточенное непрерывнымъ подчиненіемъ военной дис-

(1) *Ист. Импер. Моск. Унив.* стр. 263.

(2) *Русскій Вѣстникъ* 1858. № 15, стр. 454.

(3) *Русскій Вѣстникъ* 1858. № 15, стр. 457.

(4) *Записки Ш. В. Лопухина*, часть I, книга 3.

цѣплинѣ, которая отличалась въ его время особливою суровостію. Несмотря на то, что Прозоровскій до тѣхъ поръ никогда не былъ самостоятельнымъ военначальникомъ, онъ былъ надмененъ съ нисшими и чванился знатностію своего происхожденія, богатствомъ, чинами. Словомъ, это былъ одинъ изъ тѣхъ усердныхъ исполнителей, о которыхъ говорятъ, что если имъ прикажутъ повѣсить кого-нибудь, то первый вопросъ ихъ будетъ: «за голову, или за ноги?» Извѣстно, что такіе люди питаютъ жестокое озлобленіе противъ того, что называютъ *ученостію*, которую они презираютъ, и еще болѣе ненавидятъ, чуя по инстинкту, что она должна судить здраво о ихъ дѣйствіяхъ и постоянно противъ нихъ протестовать, хотя бы однимъ лишь преступнымъ въ ихъ глазахъ молчаніемъ и удаленіемъ отъ всякаго столкновенія съ грубою силой, которую они представляютъ. Можно себѣ представить, что Прозоровскій былъ радъ порученію строго слѣдить за московскими мартинистами, которые печатали и сочиняли книги, говорили о достоинствѣ и правахъ человѣка, трудились на пользу просвѣщенія и филантропіи и т. п. Новиковъ и друзья его почувствовали гнѣтъ новаго главнокомандующаго, который однако не сумѣлъ повидимому сначала поймать ихъ въ чемъ-нибудь подозрительномъ, несмотря на все свои старанія. По крайней мѣрѣ мы знаемъ, что въ началѣ 1791 года въ Петербургѣ сочли нужнымъ послать въ Москву Безбородку и при немъ Н. П. Архарова съ секретнымъ порученіемъ произвести дознаніе о мартинистахъ, но Безбородко не былъ изъ тѣхъ людей, которые «изъ любви къ искусству» принимаютъ на себя подобныя комиссіи, и оба посланные возвратились въ Петербургъ, нарочно ничего не сдѣлавши (1). Тогда Прозоровскій удвоилъ свои старанія, чтобы отличиться своею дѣятельностію, и наконецъ удача увѣнчала его хлопоты. Онъ получилъ слѣдующій рескриптъ, подписанный государыней 13 апрѣля 1792 года:

«Князь Александръ Александровичъ! Недавно появилась въ продажѣ книга, церковными литератами напечатанная, содержащая разныя собранныя статьи изъ повѣствованій раскольническихъ, какъ-то: мнимую исторію о страдальцахъ соловецкихъ, списокъ съ челобитной Соловецкаго монастыря, посланной къ Москвѣ въ 106 году, посланіе и пренія о сложеніи

(1) *Русскій Вѣстникъ* 1858, № 15, стр. 457.

перстныхъ крестовъ, повѣсть о протопопѣ Аввакумѣ, и прочіе тому подобныя, наполненные небывалыми произшествіями, ложными чудесами, а притомъ искаженіями во многихъ мѣстахъ дерзкими и какъ благочестивой нашей церкви противными, такъ и государственному правленію поносительными. Сія книга пущена въ продажу съ выдраніемъ заглавнаго листа, такъ что нельзя видѣть, гдѣ она напечатана; да вѣроятно, что и при сохраненіи того листа въ цѣлости, не могло быть на ономъ справедливо показано мѣсто ея тисненія, тѣмъ паче, что на другихъ подобныхъ, церковною же печатію изданныхъ книгахъ означено, будто бы они съ преложенія російскаго перепечатаны въ королевской гроденской типографіи; по сему по разнымъ соображеніямъ быть неуповательно, и есть вѣроятность, что подобныя книги издаются въ Москвѣ, въ партикулярныхъ типографіяхъ, наипаче же имѣемъ причину подозрѣвать въ семъ дѣлѣ извѣстнаго вамъ Николая Новикова, который, какъ слышно, сверхъ типографіи, имѣющейся у него въ Москвѣ, завелъ таковую и въ подмосковной его деревнѣ. Вслѣдствіе чего, повелѣваемъ вамъ выбрать одного изъ совѣтниковъ уголовной или другой какой палаты, и одного или двухъ изъ засѣдателей верхняго земскаго суда, людей вѣрныхъ, надежныхъ и исправныхъ, послать ихъ нечаянно въ помянутому Новикову, какъ въ московскій его домъ, такъ и въ деревню, и въ обоихъ сихъ мѣстахъ приказать имъ прилежно обыскать, не найдется ли у него таковая книга, либо другія ей подобныя, или же по крайней мѣрѣ литеры церковныя. И то и другое будетъ служить достаточнымъ обличеніемъ, что изданіе помянутой книги есть его дѣло, и въ такомъ случаѣ не только лишается онъ права содержанія типографіи, какъ преступившій изданныя отъ насъ повелѣнія, коими предоставлено изданіе церковныхъ книгъ единственно духовнымъ типографіямъ, подъ наблюденіемъ синода нашего заведеннымъ, но подвергается конфискаціи всѣхъ таковыхъ книгъ и литеръ а сверхъ того и должному по законамъ отвѣту и взысканію; чего ради и подлежитъ самого его взять подъ присмотръ и допросить о причинѣ такового запрещеннаго поступка. При воспослѣдованіи сего не оставьте такожъ безъ вниманія и нужнаго изслѣдованія и сего обстоятельства, что какъ помянутый Новиковъ, по общему объ немъ свѣдѣнію, есть человекъ, не стяжавшій никакого имѣнія ни по наслѣдству, ниже другими извѣстными и законными средствами, а нынѣ почитается въ числѣ весьма достаточныхъ людей,

наипаче же знатными зданіями и заведеніями, то откуда онъ и какимъ образомъ все то пріобрѣлъ, и можетъ ли оправдать безкорыстное его въ семь случаѣ поведеніе. О чемъ всемъ по надлежащемъ изслѣдованіи не оставьте донести намъ обстоятельно и немедленно. Пребываемъ вамъ благосклонны.» (1)

Итакъ вотъ на какомъ основаніи рѣшено было арестовать Новикова; вотъ каковы были первые поводы къ исполненію дѣла, получившаго столь печальную извѣстность. Предоставляемъ читателямъ судить, до какой степени могли эти поводы казаться основательными. Намъ кажется, что въ приведенномъ документѣ не столько обращало на себя вниманіе появленіе раскольнической книги, сколько существованіе разныхъ заведеній, учрежденныхъ Обществомъ, которое впрочемъ офиціально рушилось еще въ ноябрѣ 1791 года (2), когда закрылась «типографическая компанія».

Извѣстно, какъ распорядился Прозоровскій арестованіемъ Новикова въ деревнѣ его Авдотынѣ, какую торжественность придалъ онъ этому дѣйствию, отправивъ туда, кромѣ чиновниковъ, цѣлый эскадронъ гусаръ и выбравъ для подобной экспедиціи день рожденія императрицы (3). Новиковъ былъ арестованъ утромъ 21 апрѣля 1792.

Вечеромъ у Прозоровскаго былъ балъ по случаю торжественнаго праздника. На балѣ этомъ былъ извѣстный герой мачинской битвы, князь Н. В. Репнинъ, мартинистъ, бывший въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ съ Новиковымъ и его друзьями. Вѣсть о необыкновенномъ событіи утра не могла остаться тайною по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ лицъ, имѣвшихъ большія связи, а потому на балѣ многіе узнали о происшедшемъ.

(1) Книга, о которой здѣсь упомянуто, показана у Сопикова, Часть I, стр. 104, № 442: «Исторія о отцахъ и страдальцахъ соловецкихъ, иже за благочестіе, святыя церковныя законы и преданія, въ настоящаго времена пострадаша; тутъ же и челобитная монаховъ Соловецкаго монастыря къ царю Алексѣю Михайловичу, повѣсть о бѣгомъ клобуцкѣ и другія статьи; изданъ старообрядцами въ 4, безъ означенія года и мѣста.» № 443: «Тожь, новаго изданія 1788 въ 8.» Сопиковъ прибавляетъ: «Оба изданія рѣдки, наипаче потому, что напечатаны тайно, безъ дозволенія духовнаго правительства, яко противныя церкви и соблазнительныя.»

(2) *Русскій Вѣстникъ* 1857, № 19, стр. 571.

(3) *Русскій Вѣстникъ* 1857, № 19, стр. 572, и 1858, № 15, стр. 458, и № 22, стр. 179.

Говорятъ, что Репнинъ, услышавъ эту новость, поблѣднѣлъ какъ полотно и весь вечеръ былъ очень разстроенъ. Нѣтъ сомнѣнія, что его не только опечалила участь друзей, но и встревожила мысль о неприятностяхъ, ожидавшихъ его самого. Шешковскій въ тѣ времена былъ страшнѣе даже Репнину.

По полученіи донесенія Прозоровскаго объ арестъ Новикова, у котораго, како видно, найдены были книги, напечатанныя безъ цензуры, императрица послала князю 1 мая изъ Царскаго Села слѣдующее повелѣніе:

«Князь Александръ Александровичъ! Реляція ваша отъ 24 апрѣля нами сего же мѣсяца 28 числа поутру получена; по разсмотрѣніи жъ оной къ нашему удовольствію видимъ, что вы Новикова книги опечатали и его расположены о непозволенной продажѣ запрещенныхъ книгъ слѣдовать, а потому за нужное сочли о произведеніи того слѣдствія вамъ предписать нужныя для васъ правила слѣдующія: 1) Какъ Новиковъ осмѣлился печатать и торговать такими книгами, кои по указу нашему не только продавать, но и печатать запрещены, въ чемъ онъ и его товарищи обязаны двоекратно подписками, но онъ за всѣмъ тѣмъ отъ того запрещеннаго промысла не отсталъ. 2) Вамъ извѣстно, что Новиковъ и его товарищи завели больницу, аптеку, училище и печатаніе книгъ, давъ такой всему благовидный видъ, что будто бы всѣ тѣ заведенія они дѣлали изъ любви къ человѣчеству; но слухъ давно носится, что сей Новиковъ и его товарищи сей подвигъ въ заведеніи дѣлали отнюдь не изъ человѣколюбія, но для собственной своей корысти, уловляя пронырствомъ своимъ и ложною какъ бы набожностію слабодушныхъ людей, корыстовались грабленіемъ ихъ имѣній, въ чемъ онъ неоспоримыми доказательствами обличенъ быть можетъ, и сего ради повелѣваемъ онаго Новикова на основаніи нашего учрежденія предать законному сужденію, избравъ надежныхъ вамъ людей; по окончаніи же во всѣхъ судахъ того слѣдствія и заключеній, должны они представить вамъ на ревизію, вы же препроводите на рѣшеніе въ сенатъ. 3) Не оставьте его Новикова выпросить и о томъ, какъ онъ вошелъ въ службу и вышелъ изъ оной, даже до вступленія его въ нынѣшній промыслъ, сколько за нимъ было имѣнія, да и нынѣ сколько же, и какъ оное приобрѣлъ. Впрочемъ пребываемъ къ вамъ благосклонны.» (1)

(1) Извлеченія изъ нѣкоторыхъ отвѣтовъ Новикова помѣщены въ

Не только книжные лавки и типографія Новикова были тогда опечатаны, но и у другихъ книгопродавцевъ произведенъ былъ обыскъ, при чемъ найдены у нихъ тѣ же запрещенныя книги, почему и назначенъ надъ ними судъ, продолжавшійся нѣсколько лѣтъ.

Что же касается до друзей Новикова, то ихъ въ началѣ не тревожили, обративъ все вниманіе на того, кого почитали наиболѣе опаснымъ. Вскорѣ послѣ первыхъ допросовъ Новикова, Прозоровскій получилъ слѣдующій рескриптъ отъ 10 мая, подписанный въ Царскомъ Селѣ:

«Князь Александръ Александровичъ! Реляціи ваши мая отъ 5 и 6 чиселъ мы получили; что вы Новикова по повелѣнію нашему не отдали подъ судъ, весьма апробуемъ, видя изъ вашихъ реляцій, что Новиковъ человекъ коварный и хитро старается скрыть порочныя свои дѣянія, а симъ самымъ наводитъ вамъ затрудненія, отлучая васъ отъ другихъ порученныхъ отъ насъ вамъ дѣлъ, и сего ради повелѣваемъ Новикова отослать въ Слесельбургскую крѣпость, а дабы оное скрыть отъ его сотоварищей, то прикажите везти его на Владиміръ, а оттуда на Ярославль, а изъ Ярославля на Тихвинъ, а изъ Тихвина въ Шлюшинъ, и отдать тамошнему коменданту; везти же его такъ, чтобъ его никто видѣть не могъ, и остерегаться, чтобъ онъ себя не повредилъ. Сіе Новикова отправленіе должно на подобныхъ ему наложить молчаніе, а между тѣмъ бумаги его подъ собственнымъ вашимъ смотрѣніемъ прикажите надежнымъ вамъ людямъ разбирать, и что по примѣчанію найдете нужнымъ, или вновь что открываться будетъ, доставляйте къ намъ; съ имѣвшеюся въ Гендриковомъ домѣ Лопухина типографіей прикажите то же сдѣлать, что сдѣлано съ типографіей Новикова. Впрочемъ пребываемъ вамъ благосклонны.»

Разборъ многочисленныхъ книгъ и бумагъ Новикова не могъ не быть продолжителенъ. Прозоровскій подробно доносилъ государынѣ о томъ, что въ нихъ находилось, чему доказательствомъ можетъ служить слѣдующій рескриптъ ея отъ 30 мая изъ Царскаго Села:

«Князь Александръ Александровичъ! Мы получили бумаги, присланныя отъ васъ при донесеніяхъ 17 и 20 сего мѣсяца. По

Русскомъ Вѣстникѣ 1858, № 15, стр. 442, 443, 444, 445, 446 и 455. Хотя они даны уже позже Шешковскому, по предмету ихъ сходны съ тѣми, что велѣно было дознать Прозоровскому.

разсмотрѣніи оныхъ не находимъ мы между ими нужныхъ оригинальныхъ сочиненій, какъ то: отвѣтовъ великаго пріората, изъ коихъ присланы только сдѣланныя выписки, многихъ писемъ партикулярныхъ отъ членовъ, о коихъ въ тѣхъ бумагахъ упоминается, и протоколовъ новѣйшаго времени, изъ которыхъ бы послѣднія ихъ затѣи и упражненія яснѣе могли быть видимы. Прикажете поискать ихъ въ оставшихъ бумагахъ и по отысканіи пришлите оныя сюда. Пребываемъ вамъ благосклонны.»

Дѣло Новикова кипѣло и въ Москвѣ, гдѣ Прозоровскій разбираетъ бумаги и отправляетъ ихъ въ Петербургъ, и въ Петербургѣ, гдѣ онѣ пересматривались послѣ допроса, произведеннаго Шешковскимъ въ Шлиссельбургѣ привезенному туда Новикову. По бумагамъ этимъ оказалось, что ревностнѣйшими его сподвижниками были: Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ, князь Николай Никитичъ Трубецкой и Иванъ Петровичъ Тургеневъ. Слѣдующіи любопытный рескриптъ Екатерины отъ 1 августа изъ Царскаго Села, заключаетъ въ себѣ исчисленіе взведенныхъ на Новикова обвиненій и осужденіе его, а также распоряженія о мѣрахъ, которыя должны были быть приняты относительно ближайшихъ его друзей.

«Разсматривая произведенные отставному поручику Николаю Новикову допросы и взятыя у него бумаги, находимъ мы съ одной стороны вредные замыслы сего преступника и его сообщниковъ, духомъ любоначалія и корыстолюбія зараженныхъ, съ другой же крайнюю слѣпоту, невѣжество и развращеніе ихъ послѣдователей. На семь основаніи составлено ихъ общество; плутовство и обольщеніе употребляемо было къ распространенію раскола не только въ Москвѣ, и въ прочихъ городахъ. Самыя священныя вещи служили орудіемъ обмана. И хотя поручикъ Новиковъ не признается въ томъ, чтобы противу правительства онъ и сообщники его какое зло имѣли намѣреніе, но слѣдующія обстоятельства обнаруживаютъ ихъ явными и вредными государственными преступниками: *Первое.* Они дѣлали тайныя сборища, имѣли въ оныхъ храмы, престолы, жертвенники; ужасныя совершались тамъ клятвы съ цѣлованіемъ креста и Евангелія, которыми обязывались и обманщики и обманутые вѣчною вѣрностію и повинованіемъ ордену златорозоваго креста съ тѣмъ, чтобы никому не открывать тайны ордена, и еслибы правительство стало сего требовать, то, храня оную, претерпѣвать мученіе и казни. Узаконенія о семь, писанныя рукою Новикова, служатъ къ обличенію ихъ. *Второе.* Мимо

законной, Богомъ учрежденной власти, дерзнули они подчинить себя герцогу брауншвейтскому, отдавъ себя въ его покровительство и зависимость, потомъ къ нему же относились съ жалобами въ принятомъ отъ правительства подозрѣніи на сборища ихъ и чинимыхъ будто притѣсненіяхъ. *Третье.* Имѣли они тайную переписку съ принцемъ гессенкассельскимъ и съ прусскимъ министромъ Вельнеромъ изобрѣтенными ими шифрами и въ такое еще время, когда берлинскій дворъ оказывалъ намъ въ полной мѣрѣ свое недоброхотство: изъ посланныхъ отъ нихъ туда трехъ членовъ двое и понынѣ тамъ пребываютъ, подвергая общество свое заграничному управленію и нарушая чрезъ то долгъ законной присяги и вѣрность подданства. *Четвертое.* Они употребляли разные способы, хотя вообще къ уловленію въ свою секту извѣстной по ихъ бумагамъ особы; въ семъ уловленіи, такъ какъ и въ помянутой перепискѣ, Новиковъ самъ призналъ себя преступникомъ. *Пятое.* Издавали печатныя у себя, непозволенные, развращенныя и противныя закону православному книги и послѣ двухъ сдѣланныхъ запрещеній осмѣлились еще продавать новыя, для чего и завели тайную типографію. Новиковъ самъ призналъ тутъ свое и сообщниковъ своихъ преступленіе. *Шестое.* Въ уставѣ сборищъ ихъ, писанномъ рукою Новикова, значатся у нихъ храмы, епархіи, епископы, миропомазаніе, и прочія установленія и обряды, внѣ святой нашей церкви не позволительныя. Новиковъ утверждаетъ, что въ сборищахъ ихъ оныя въ самомъ дѣлѣ на существовали, а упоминаются только одною аллегоріей для пріобрѣтенія ордену ихъ вящаго уваженія и повиненія; но сямъ самымъ доказывается коварство и обманъ, употребленные имъ съ сообщниками для удобнѣйшаго слабыхъ умовъ поколебанія и развращенія. Впрочемъ хотя Новиковъ и не открылъ еще сокровенныхъ своихъ замысловъ, но вышеупомянутыя обнаруженныя и собственно имъ признанныя преступленія столь важны, что по силѣ законовъ тягчайшей и нещадной подвергають его казни. Мы однакожь, и въ семъ случаѣ слѣдуя сродному намъ челоуѣколюбію и оставляя ему время на принесеніе въ своихъ злодѣйствахъ покаянія, освободили его отъ оной и повелѣли запереть его на пятнадцать лѣтъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. Чтò же касается до сообщниковъ его, Новикова, статскаго дѣйствительнаго совѣтника князя Николая Трубецкаго, отставныхъ бригадировъ Лопухина и Тургенева, которыхъ не только признанія Новикова, но и многія, писан-

ныя руками ихъ заразительныя бумаги обличаютъ въ соучаствованіи ему во всѣхъ законопротивныхъ его дѣяніяхъ, то повелѣваемъ вамъ, признавъ каждаго изъ нихъ порознь, истребовать чистосердечнаго по прилагаемымъ при семъ вопросамъ объясненія, а притомъ и получить отъ нихъ бумаги, касающіяся до заграничной и прочей секретной переписки, которыя, по показанію Новикова, у нихъ находятся. Вы дадите имъ знать волю нашу, чтобъ они отвѣты свои учинили со всею истинною откровенностію, не утаивая ни малѣйшаго обстоятельства, и чтобы требуемыя бумаги представили. Когда же они то исполнять съ точностію, и вы изъ отвѣтовъ ихъ усмотрите истинное ихъ раскаяніе, тогда объявите имъ, что мы, изъ единаго человѣколюбія освобождая ихъ отъ заслуживаемаго ими жестокаго наказанія, повелѣваемъ имъ отправиться въ отдаленныя отъ столицъ деревни ихъ и тамъ имѣть пребываніе, не выѣзжая отнюдь изъ губерній, гдѣ тѣ деревни состоятъ, и не возвращаясь къ прежнему противозаконному поведенію подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, употребленія надъ ними всей законной строгости. А если кто изъ нихъ и послѣ сего дерзнетъ хотя единаго человѣка заманить въ свой гнусный расколъ, таковой не избѣгнетъ примѣрнаго и жестокаго наказанія. Когда же они отправятся, донесите намъ, дабы потомъ могли мы дать тамошнему начальству повелѣнія о наблюденіи за ихъ поступками.»

Итакъ судьба Новикова была рѣшена, несмотря на то, что при всѣхъ угрозахъ и претерѣнныхъ имъ лишеніяхъ онъ не признался въ томъ, «чтобъ онъ и сообщники его какое злое имѣли намѣреніе». Виноватъ онъ былъ только въ печатаніи книгъ, считавшихся предосудительными. Разсматривая теперь безпристрастно прочіе обвинительные пункты, видимъ, что ему вѣняли въ тяжкое преступленіе дѣянія, весьма обыкновенныя въ масонскихъ ложахъ, тогда разрѣшенныхъ правительствомъ и находившихся вездѣ въ сношеніяхъ съ иностранными братьями, а также угожденіе «извѣстной особѣ», то-есть наслѣднику престола. Все это, такъ же какъ переписка съ извѣстнымъ германскимъ мистикомъ Вельнеромъ, тогда могло казаться весьма важнымъ, или нарочно представлялось въ такомъ видѣ княземъ Зубовымъ и ему подобными. Что же касается до обвиненія Новикова въ плутовствѣ, а многихъ друзей его въ глупости, то мы должны прямо сказать, что это видимая натяжка. Новиковъ многое изъ того, что задумалъ, исполнять не могъ,

потому что ему препятствовали въ томъ, но на него никто не жаловался изъ тѣхъ, которые приносили жертвы на общую пользу, избравъ его распорядителемъ дѣлъ общества; да и сдѣлано имъ такъ много, что нельзя подозрѣвать его въ корыстолюбіи или утайкѣ суммъ, особенно если вспомнимъ, что онъ провелъ остатокъ дней своихъ въ бѣдности. Благородный же порывъ, вслѣдствіе котораго добрые люди жертвовали значительною частію своего достоянія на благо своихъ ближнихъ, нельзя признать простымъ ослѣпленіемъ.

Обратимся теперь къ прочимъ обвиненнымъ, о которыхъ мы имѣемъ свѣдѣнія въ запискахъ И. В. Лопухина (1). Тургенева въ то время въ Москвѣ не было, потому мы и не знаемъ на-вѣрно, гдѣ и кѣмъ были сдѣланы ему вопросы; намъ извѣстно только, что онъ прожилъ въ сибирской своей деревнѣ до воцаренія Павла Петровича, который назначилъ его директоромъ Московскаго университета (2). Князь Трубецкой былъ призванъ для отвѣта къ князю Прозоровскому, который былъ къ нему довольно снисходителенъ, вѣроятно изъ уваженія къ знатности его рода и къ должности управляющаго московскимъ казначействомъ, которую онъ занималъ. Прозоровскій почти не придирался къ нему и даже писалъ государынѣ, что Трубецкой, во вниманіе своего раскаянія, достоинъ помилованія. Но Трубецкой все-таки былъ высланъ на жительство въ свою ливенскую деревню Никитовку (3), гдѣ также оставался до вступленія на престолъ императора Павла I (4).

Иначе поступилъ Прозоровскій съ Лопухинымъ. Его, по разнымъ причинамъ, Прозоровскій особенно ненавидѣлъ и съ самаго пріѣзда въ Москву подвергъ надзору самаго мелочнаго шпионства, которое было извѣстно Лопухину, смѣявшемуся надъ такими предосторожностями. Лопухинъ казался Прозоровскому человѣкомъ чрезвычайно опаснымъ, потому что раздавалъ часто милостыню, которую считалъ, еще болѣе чѣмъ товарищи его, дѣломъ истинно-христіанскимъ. Прозоровскій же подозрѣвалъ въ этомъ чуть ли не намѣреніе бунтовать народъ и даже думалъ,

(1) Часть I, книга 3.

(2) *Ист. Импер. Моск. Унив.* стр. 289.

(3) *От. Зап.* 1840. № 1, Отд. 7, стр. 3.

(4) Дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Н. Н. Трубецкой, род. 6 ноября 1744, ум. 1821. Онъ былъ женатъ на княжнѣ Ларварѣ Александровнѣ Черкасской.

что Лопухинъ не могъ бы раздавать ее такъ щедро, еслибы не дѣлалъ фальшивыхъ ассигнацій. Всѣ дѣйствія Лопухина стали извѣстны Прозоровскому, который по своему толковалъ каждый его шагъ и въ донесеніяхъ своихъ въ Петербургъ расписывалъ его въ самыхъ черныхъ краскахъ и ставилъ ему въ вину даже то, что онъ однажды сжегъ ненужныя бумаги и письма, которыя у него накопились. Наконецъ разразилась бѣда надъ мартинистами; Новикова арестовали и сначала не получали даже вѣрныхъ извѣстій, гдѣ онъ и что съ нимъ сдѣлалось. Вдругъ получаетъ Прозоровскій приведенный нами рескриптъ отъ 1 августа и немедленно требуетъ къ себѣ Лопухина. Лопухинъ принявъ присланнаго за нимъ адъютанта Прозоровскаго такъ спокойно, что посланный даже удивился. Лопухина привезли въ Петровскій дворецъ, гдѣ, по случаю лѣтняго времени, жилъ тогда главнокомандующій. Онъ принявъ Лопухина гордо и дерзко, такъ что обвиненный попросилъ его перестать горячиться по пустому и дать ему вопросныя пункты. Прозоровскій сталъ ихъ давать ему на особыхъ листахъ бумаги, на которыхъ Лопухинъ и писалъ отвѣты прямо набѣло. Допросы продолжались два дня, въ которые ему пришлось просидѣть съ Прозоровскимъ съ глазу на глазъ часовъ двадцать. Всѣхъ вопросовъ было осмнадцать; они были исправлены рукой императрицы и сочинены такъ, чтобы преимущественно вывѣдать что-либо о сношеніяхъ мартинистовъ съ тою «высокою особою», о которой сказано выше. Прозоровскій употреблялъ разныя хитрости, чтобы добиться признаній; на примѣръ иногда, ходя по кабинету, онъ будто разговаривалъ самъ съ собою и бормоталъ: «теперь Новиковъ-то здѣсь, такъ съ нимъ можно тотчасъ и свести», или: «Новиковъ-то вѣдь во всемъ признался». Но Лопухинъ не конфузился и продолжалъ писать свои отвѣты. Прозоровскій прерывалъ иногда его занятія словесными вопросами. Лопухину было объявлено, что онъ долженъ представить всѣ свои бумаги подъ страхомъ смертной казни; онъ сказалъ, что не боится этого, а на слова Прозоровскаго, что у него должна быть переписка съ якобинцами, сказалъ: «я не уступлю вамъ въ вѣрности государынѣ и отечеству, а потому не смѣйте дѣлать мнѣ такихъ вопросовъ.» Прозоровскій смутился и возразилъ, что объ этомъ будетъ Лопухину письменный вопросъ, но его не оказалось, и князь долженъ былъ опять выслушать не лестныя для себя вещи. Въ другой разъ Прозоровскій назвалъ друзей Новикова иллю-

инатами. Лопухинъ представилъ въ оправданіе написанный имъ планъ, какимъ образомъ мартинистамъ остерегаться отъ сношеній съ иллюминатами, которыхъ московскіе мартинисты считали послѣдователями вредной секты. Прозоровскій не хотѣлъ принять эту рукопись, говоря, что она не нужна, но приказалъ Лопухину представить всѣ бумаги свои за печатью. Въ числѣ ихъ Лопухинъ помѣстилъ и этотъ планъ, который, кажется, пригодился потомъ для его оправданія. Остальные вопросы касались сношеній съ герцогомъ брауншвейгскимъ и берлинскими мартинистами, и отвѣчать на нихъ было не трудно, также какъ и на обвиненіе въ томъ, что собранія были тайныя, между тѣмъ какъ время и мѣсто ихъ бывали извѣстны полиціи. Отвѣты свои Лопухинъ заключилъ воззваніемъ къ императрицѣ, къ которой они прямо должны были быть посланы. Послѣ того Прозоровскій объявилъ князю Трубецкому и Лопухину указъ объ ихъ ссылкѣ въ деревню, позволивъ имъ остаться въ Москвѣ десять дней, первому для сдачи должности по казначейству, а второму для устройства дѣлъ и приготовленія къ разлукѣ съ нимъ девятидесятилѣтняго его отца (1).

Лопухинъ надѣялся, что голосъ истины, высказывавшійся въ его окончательномъ воззваніи, тронетъ императрицу. Ожиданія не обманули его; государыня вспомнила о его престарѣломъ заслуженномъ отцѣ, и 19 августа состоялся слѣдующій рескриптъ ей, подписанный въ Царскомъ Селѣ:

«Князь Александръ Александровичъ! Донесеніе ваше съ приложенными при ономъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника князя Трубецкаго и статскаго совѣтника Лопухина допросами мы получили, и вслѣдствіе того подтверждаемъ вамъ въ разсужденіи князя Трубецкаго исполнить въ точности предписанное указомъ нашимъ отъ перваго числа сего мѣсяца; казначействомъ же остаточнымъ, въ которомъ онъ состоялъ, можетъ управлять второй по немъ членъ до опредѣленія старшаго. Чтожь касается до Лопухина, то изъ уваженія къ службѣ отца его, и чтобы въ престарѣлыхъ его лѣтахъ не сразить онаго сыновнимъ изъ столицы изгнаніемъ, всемилоствѣйше позволяемъ помянутому статскому совѣтнику Лопухину остаться при отцѣ своемъ въ Москвѣ. Поведеніе его однакожь строго

(1) Владиміръ Ивановичъ Лопухинъ, генераль-поручикъ, род. 8 іюня 1703, ум. 29 іюня 1797. Онъ былъ женатъ на Авдотѣ Ильинишнѣ Исаевой, ум. 1774 года.

должно быть наблюдаемо, и сверхъ того да дастъ онъ вамъ честное слово, какъ дворянинъ, прервать всю связь по прежнему своему товариществу и удалиться навсегда отъ всякаго по оному сообщенія. Пребываемъ вамъ благосклонны.»

Итакъ Лопухинъ остался въ Москвѣ подъ присмотромъ полиціи. При воцареніи императора Павла I, онъ былъ вызванъ въ Петербургъ и скоро пожалованъ тайнымъ совѣтникомъ и сенаторомъ въ Москву, гдѣ и кончилъ свою жизнь (1).

Участь студентовъ Невзорова и Колокольниковъ, о которыхъ говорится въ 3 пунктѣ рескрипта 1 августа 1792 года и которые путешествовали на счетъ Лопухина за границу, известна: ихъ арестовали въ Ригѣ, при возвращеніи ихъ изъ чужихъ краевъ, и посадили въ Петропавловскую крѣпость. Колокольниковъ скоро умеръ въ больницѣ, а Невзоровъ былъ освобожденъ уже Павломъ I (2).

Семенъ Ивановичъ Гамалѣя и Григорій Максимовичъ Походяшинъ, близкіе друзья Новикова, не были ни арестованы, ни допрашиваемы, ни сосланы. Повидимому послѣдняго оставили въ покоѣ, считая его за жертву Новиковскаго обмана, и полагали, что онъ достаточно наказанъ за свою съ нимъ связь потерей огромнаго капитала, который, какъ впрочемъ известно, добровольно былъ имъ пожертвованъ на общественную пользу. Гамалѣя же былъ бѣденъ какъ Іовъ, смиренъ, въ сношенія отъ имени общества не входилъ, а потому и не подвергся непріятностямъ, несмотря на огромное моральное вліяніе, которое имѣлъ на окружающихъ. За ними учредили надзоръ, также какъ и за прочими мартинистами: братомъ Новикова, княземъ Ю. Н. Трубецкимъ, княземъ Черкасскимъ, Чулковымъ, Ладженскими и пр. Шварцъ, вѣроятно, подвергся бы горькой участи, еслибы былъ еще въ живыхъ.

Князь Репнинъ не даромъ поблѣднѣлъ на балѣ у Прозоровскаго. Слѣдующій рескриптъ, подписанный императрицей въ Царскомъ Селѣ 31 августа, доказываетъ, что бумаги мартинистовъ скомпрометировали его:

«Князь Александръ Александровичъ! По нашей къ вамъ до-

(1) Дѣйствительный тайный совѣтникъ И. В. Лопухинъ, род. 24 февраля 1754, ум. 22 іюня 1816. Онъ былъ женатъ на Матренѣ Ефимовнѣ Пикитиной.

(2) *Русская Бесѣда*, 1856, кн. III, Отд. 6, стр. 91. и *Библиотеч. Записки*, 1858, гдѣ напечатано письмо Невзорова къ Поздѣву.

вѣренности не сомнѣвались мы, что вы должную предъ нами съ вашей стороны искренность и чистосердечіе предпочтаете всякому личному уваженію, и вслѣдствіе того видя неостатеніе долгу сего въ письмѣ вашемъ отъ 23 настоящаго мѣсяца, гдѣ вы представляете переписку князя Репнина съ Шредеромъ, похваляемъ вашъ поступокъ, а какъ подлинныхъ князя Репнина писемъ вы не прислали, то и повелѣваемъ оныя къ намъ доставить, пребывая впрочемъ къ вамъ благосклонны.»

Къ сожалѣнію, мы не знаемъ содержанія и судьбы переписки Репнина и Шредера. Важныя заслуги князя на военномъ и дипломатическомъ поприщѣ, конечно, должны были защитить его отъ сильныхъ преслѣдованій. Однако онъ повидимому впалъ въ нѣкоторую немилость. Когда въ 1793 году праздновалось торжество мира съ Турціей, Репнинъ не былъ пожалованъ фельдмаршаломъ, на что имѣлъ повидимому полное право, и по старшинству, и какъ рѣшитель мачинской побѣды, которая кончила въ 1791 году войну, заключившуюся блистательнымъ миромъ, вопреки желанію Потемкина. Репнинъ получилъ похвальную грамоту, брилліантовые андреевскіе знаки *вторично* (онъ имѣлъ ихъ еще съ 1784 года) и шестьдесятъ тысячъ рублей на поправленіе домашнихъ дѣлъ (1). Съ 1792 года онъ оставался въ должности ливонскаго и эстляндскаго генералъ-губернатора, что для чловѣка, какъ Репнинъ, можетъ считаться чѣмъ-то въ родѣ почетной ссылки. Въ 1795 году, за усмиреніе Литвы, онъ получилъ опять похвальную грамоту, домъ въ Петербургѣ и деревню, причемъ подчинено ему управленіе Литвой. Императоръ Павелъ, въ третій день своего царствованія, пожаловалъ Репнина фельдмаршаломъ, отдавши такимъ образомъ должную справедливость его многолѣтнимъ государственнымъ заслугамъ (2).

Такова была судьба главныхъ лицъ, замѣшанныхъ въ дѣлѣ о картинистахъ. Касательно ихъ имуществъ были сдѣланы слѣдующія распоряженія. Сентября 17-го императрица подписала въ Петербургѣ слѣдующій рескриптъ:

«Князь Александръ Александровичъ! на донесеніе ваше отъ 10-го сего мѣсяца повелѣваемъ, въ опредѣленія къ дѣтямъ и

(1) *Слов. достоп. людей*, Бантышъ Каменскаго, 1836 г. Ч. IV, стр. 303.

(2) Князь Н. В. Репнинъ род. 11 марта 1734. ум. 12 мая 1801. Онъ былъ женатъ на княжнѣ Натальѣ Александровнѣ Куракиной.

имѣнію поручика Новикова опекуновъ, поступить на основаніи изданныхъ отъ насъ учрежденій о управленіи губерній. Пребываемъ впрочемъ къ вамъ благосклонны.»

Затѣмъ 11 февраля 1793 воспослѣдовала другой рескриптъ князю Прозоровскому, изъ С.-Петербурга.

«Князь Александръ Александровичъ! По поданному отъ васъ представленію повелѣваемъ: *Первое.* Хранящіяся въ конторѣ синодальной забранныя въ деревнѣ Новикова и въ лавкахъ три тысячи запрещенныхъ книгъ и вновь секретно напечатанныхъ до трехъ же тысячъ предать огню всѣ безъ изыятія, не внося и къ намъ экземпляровъ. *Второе.* Главнымъ образомъ по внимательномъ разборѣ и рассмотрѣніи двухъ иностранныхъ библиотекъ, находящихся въ одномъ изъ домовъ Новикова, вредныя въ оныхъ книги всѣ истребить, а изъ полезныхъ богословскія отдать въ Законоспаскую академію, прочія же въ университетъ. *Третье.* О помянутыхъ домахъ, за Новиковымъ считающихся, справиться достовернѣйшимъ образомъ, собственные ли онѣ его, или общественные. Въ первомъ случаѣ слѣдуетъ оныя отдать въ вѣдомство опеки дѣтей Новикова, но въ послѣднемъ поступить оныя должны въ распоряженіе приказа общественнаго призрѣнія. *Четвертое.* Объ отобранныхъ у бывшаго при Новиковѣ доктора облигаціяхъ на сто тысячъ рублей, Походашину принадлежащихъ, изслѣдовать съ точностію, когда и на что именно они даны, и что окажется, намъ донести, дабы потому могли мы изъявить волю нашу о употребленіи ихъ. *Пятое.* Совѣтнику уголовной палаты полковнику Олсуфьеву за службу его всемилоостивѣйше пожаловали мы орденъ Св. Владиміра 4 степени, а командѣ, при Новиковѣ бывшей, указали выдать годовое жалованье. Пребываемъ къ вамъ благосклонны.»

Докторъ, о которомъ здѣсь говорится, былъ М. П. Багрянскій, другъ Новикова, добровольно раздѣлившій заточеніе его въ Шлиссельбургъ. Совѣтникъ же московской уголовной палаты Олсуфьевъ начальствовалъ экспедиціей въ Авдотьино для арестованія Новикова, въ которой участвовалъ отрядъ гусаръ подъ командой князя Жевахова.

Послѣ окончанія дѣла мартинистовъ, князь Прозоровскій отправился въ Петербургъ наслаждаться своими успѣхами. Въ запискахъ Храповицкаго, подъ 26 числомъ февраля 1793, мы читаемъ: «Князь Прозоровскій, пріѣхавшій изъ Москвы, помѣшалъ читать газеты. Онъ пріѣхалъ сирѣчь къ наградѣ за истре-

блженіе мартинистовъ» (1). Но, кажется, онъ не получилъ въ то время ничего.

Для обстоятельнаго, но возможности, изложенія хода дѣлъ по имуществу и долгамъ Новикова и прочихъ членовъ «Типографической компаніи», приводимъ здѣсь указъ генераль-прокурору графу Самойлову отъ 25 апрѣля 1795 года, уже напечатанный нами прежде (2).

«Графъ Александръ Николаевичъ! Разсмотрѣвъ поднесенное намъ по дѣлу извѣстнаго Новикова отъ определенныхъ нами особъ мнѣніе, повелѣваемъ по генеральной вѣдомости и расчету, сочиненнымъ главнокомандовавшимъ въ Москвѣ генераломъ-аншефомъ княземъ Прозоровскимъ, на основаніи положенія нашего, въ 24 день декабря 1793 г. состоявшагося, приобрѣтенное имъ имѣніе, какъ-то: состоящую въ Орловскомъ намѣстничествѣ деревню сто девять душъ, каменный въ Москвѣ Гендриковскій домъ, при ономъ аптеку со всѣми къ ней принадлежностями, имѣніе, гдѣ вмѣщалась типографія, бѣлую бумагу, книги и все, что въ немъ находится, не исключая и типографическихъ инструментовъ, становъ съ литерами и всего, что до того принадлежитъ, а также и домъ каменный у Никольскихъ воротъ съ публичнаго торгу продать подъ распоряженіемъ главнокомандующаго въ Москвѣ и съ назначеніемъ при продажѣ Гендриковскаго дома, яко въ залогъ въ Опекунскомъ Совѣтѣ состоящаго, отъ того Совѣта одного члена; что же касается до другаго у Никольскихъ воротъ дома, заложеннаго генералу-поручику Лопухину, то хотя мѣсто подъ онымъ по конфирмованному нами въ 1775 году плану подходитъ подъ площадь, и стоитъ онъ на самой спланидѣ стѣны города Китая и вошелъ въ ровъ, но по твердости его и для заплаты по закладной долгу дозволяемъ его продать, съ тѣмъ чтобы соблюдены были правила конфирмованныхъ же нами пунктовъ о каменномъ приказѣ. Изъ вырученныхъ же денегъ заплатить по закладной, какъ значить въ вѣдомости, оному генералу-поручику Лопухину полную сумму и съ подлежащими за все время процентами; а выручаемыя за продажу прочаго имѣнія деньги и должныя по векселю Новикову двѣнадцать тысячъ рублей обратить на уплату прочихъ подлежащихъ ко удовлетворенію долговъ, и первоначально Воспита-

(1) *Отечест. Записки*, 1827, Т. 31, № 89, стр. 433.

(2) *Русскій Вѣстникъ*, 1857, № 19, стр. 573.

тельному Дому съ дополненіемъ, буде бы долгъ онаго вырученными деньгами за домъ, ему заложенный, не удовлетворился, изъ суммы за прочее имѣніе получаемой; ежели же что останется за уплатою вышеписанныхъ по закладнымъ, а также 48.590 р. 54 коп. съ процентами разнымъ людямъ, какъ значить въ генеральной вѣдомости законныхъ долговъ, то оное, равно какъ и облигацію на 50.000 р. Григорія Походяшина, положенную въ залогъ въ Опекунскомъ Совѣтѣ на вспоможеніе неистовымъ Новикова дѣламъ, отдать въ приказъ общественнаго призрѣнія, а другія его облигаціи на сто тысячъ рублей, которыя найдены у Новикова при заарестованіи его, и изъ нихъ никакого употребленія не дѣлано, а были на сбереженіи, въ разсужденіи того, что онъ, какъ по дѣлу значить, не малымъ уже своимъ капиталомъ пожертвовалъ обману Новикова и за легкомысліе довольно потерпѣлъ, ему возратить; давшимъ же свои капиталы на вспоможеніе неистовымъ дѣламъ въ удовлетвореніи отказать, и данныя Новиковымъ за поручительство Походяшина вексели и всякія сдѣлки уничтожить; а хотя въ числѣ таковыхъ состоитъ и князь Николай Трубецкой, которому Новиковъ долженъ, какъ по генеральной вѣдомости значить, одиннадцать тысячъ десять рублей; то какъ генераль-аншефъ князь Прозоровскій изъясняетъ, что онъ со всею семьей своею находится въ совершенной бѣдности, проживъ послѣднее свое и жены своей имѣніе, и сіи деньги суть единственнымъ вспоможеніемъ къ его и семьи его съ однимъ женатымъ сыномъ содержанію; а такъ же и малолѣтныя дѣти коллежскаго ассессора Шварца, которыхъ отецъ хотя въ заведеніи извѣстнаго сборища былъ изъ первыхъ руководителей, но капиталъ двадцать восемь тысячъ рублей отъ Татищева, въ томъ же сообществѣ участвовавшего, данъ въ пользу тѣхъ малолѣтнихъ Шварцовыхъ дѣтей, то первому изъ сроднаго намъ милосердія, а послѣднимъ по невинности ихъ заплатить сполна и съ процентами. Родовое же его, Новикова, имѣніе, Никитской округи село Тихвинское, Авдотьино то жъ, въ коемъ съ переведенными изъ купленной орловской деревни одиннадцатью душами сто тридцать пять душъ, въ чемъ и братъ его надворный совѣтникъ Алексѣй Новиковъ, по неполученію выдѣла, участіе имѣеть, оставить въ пользу наслѣдниковъ подъ опекой на законномъ основаніи, отдѣля изъ того законную часть оному надворному совѣтнику Новикову. Въ сходствіе чего не оставьте снести о приве-

даннъ егѣ въ исполненіе съ главнокомандующимъ въ Москвѣ, нашимъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ Измайловымъ. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны.»

Извѣстно, что императоръ Павелъ, вступивши на престолъ, не только немедленно освободилъ Новикова, но указомъ 11-го ноября 1796 возвратилъ ему во владѣніе все его имѣніе, которое состояло въ вѣдомствѣ приказа общественнаго призрѣнія. Государь, которому представили только-что выпущеннаго изъ крѣпости Новикова, спросилъ его: «Чѣмъ могу вознаградить васъ за все, что вы потерпѣли?» Новиковъ отвѣчалъ: «Освобожденіемъ всѣхъ, которые заключены въ одно время со мною.» Мы говорили уже о нѣкоторыхъ причинахъ, охладившихъ расположеніе государя къ Новикову (1). Дѣйствительно, дѣла его не поправились, въ то время какъ Репнинъ, Лопухинъ, Тургеневъ и другіе были щедро награждены за прошедшія невагоды.

Новиковъ прежде всего озаботился вознаградить своихъ товарищей, понесшихъ значительные убытки по предпріятію, котораго онъ былъ главнымъ распорядителемъ и исполненіе котораго было прервано насильственно въ такое время, когда много капиталовъ было затрачено въ надеждѣ несбывшагося успѣха. Слѣдующія лица были исключены изъ числа его кредиторовъ, вѣроятно, въ качествѣ не простыхъ займодавцевъ, но сообщниковъ Новикова въ дѣлѣ, признанномъ преступнымъ: Г. М. Походяшинъ, князь Н. Н. Трубецкой, И. П. Тургеневъ, А. Ф. и П. Ф. Ладыженскіе. Новиковъ подалъ всеподданнѣйшее прошеніе о доставленіи ему средствъ расплатиться съ ними, и государь, бывший тогда въ Москвѣ, подписалъ 10 апрѣля 1797 слѣдующій, также напечатанный уже нами рескриптъ московскому главнокомандующему М. М. Измайлову (2).

«Михаилъ Михайловичъ! Даннымъ отъ насъ бывшему генераль-прокурору графу Самойлову прошедшаго ноября 11 дня указомъ, возвращено было во владѣніе отставному поручику Новикову имѣніе его, состоявшее въ вѣдомствѣ московскаго приказа общественнаго призрѣнія: нынѣ же, всемилостивѣйше снисходя на его Новикова прошеніе, повелѣваемъ московскому приказу общественнаго призрѣнія, оставя то имѣ-

(1) *Русскій Вѣстникъ*, 1858, № 15, стр. 461.

(2) *Русскій Вѣстникъ*, 1857, № 19, стр. 575.

не въ полномъ своемъ вѣдомствѣ и распоряженіи, и предвѣрительно освобода всѣхъ по немъ Новиковѣ поручителей, употребить оное на заплату долговъ его какъ Воспитательному Дому, такъ и всѣмъ другимъ кредиторамъ, включая въ число оныхъ майора Походяшина, и тѣхъ, которыхъ вексели на счетъ сего имѣнія имъ Походяшинымъ подписаны были, равно и прочихъ въ прилагаемой у сего запискѣ именованныхъ, кои прежде изъ списка кредиторовъ исключены были. Пребываемъ вамъ благосклонны.»

По дѣламъ Новикова составленъ былъ подробный докладъ, по разсмотрѣніи котораго въ Петербургѣ, новый московскій главнокомандующій, князь Юрій Владиміровичъ Долгоруковъ, получилъ слѣдующій рескриптъ. Онъ подписанъ государемъ 9 іюля 1797, на фрегатѣ «Эммануиль», противъ Красной Горки:

«Господинъ генералъ отъ инфантеріи и московскій военный губернаторъ князь Долгоруковъ! Разсматривая поданный намъ докладъ относительно должной суммы поручикомъ Новиковымъ Московскому Воспитательному Дому, находимъ мы, что изъ помянутаго долга въ 1786 году выдано было въ заемъ восемьдесятъ тысячъ рублей съ срокомъ на пять лѣтъ, подъ обязательство дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя Юрія Никитича Трубецкаго, бригадировъ Лопухина и Чулкова, надворныхъ совѣтниковъ (Алексѣя) Новикова и Гамалѣи, съ залогомъ каменнаго дома, у подпоручика Шредера ими купленнаго, и съ поручительствомъ притомъ князя Черкаскаго и майора Кутузова, которые сверхъ того представили въ залогъ недвижимое ихъ имѣніе въ деревняхъ съ людьми, въ четырехъ стахъ семи душахъ состоящее; а съ ними безъ залоговъ въ поручительство же подписались: полковникъ Ладыженскій, дѣйствительный статскій совѣтникъ князь Трубецкой, титулярный совѣтникъ князь Енгальчевъ, тайный совѣтникъ Лопухинъ, полковникъ Тургеневъ и поручики Карамзинъ и (Николай) Новиковъ, что отъ тѣхъ займщиковъ доннынѣ ни капитала, ни процентовъ въ уплатъ не было, и долгъ сей съ процентами по 1 іюня сего года возросъ до ста сорока семи тысячъ девяти сотъ шестидесяти двухъ рублей пятидесяти копѣекъ, каковая сумма до совершенной заплаты оной и еще увеличится; а между тѣмъ оказалось, что помянутый заложенный Опекунскому Совѣту домъ принадлежитъ уже собственно поручику Новикову и по бывшимъ съ нимъ происшествіямъ поступилъ

въ распоряженіе московскаго приказа общественнаго призрѣнія со всѣмъ прочимъ его Новикова имѣніемъ, которое однакожь хотя по указу нашему отъ 11 ноября прошлаго 1796 года возвращено было ему Новикову, но по прошеніи его вторичнымъ указомъ нашимъ отъ 10 апрѣля сего года, даннымъ предмѣстнику вашему, дѣйствительному тайному совѣтнику Изамайлову, предписали мы, остава то имѣніе въ полномъ вѣдомствѣ и распоряженіи приказа общественнаго призрѣнія и предварительно освободя всѣхъ по немъ Новиковѣ поручителей, употребить оное на заплату долговъ его, какъ Воспитательному Дому, такъ и всѣмъ другимъ кредиторамъ, включая въ число оныхъ майора Походяшина, и тѣхъ, которыхъ вексели на счетъ сего имѣнія имъ Походяшинымъ подписаны были, равно и прочихъ въ приложенной у того запискѣ именованныхъ, кои прежде изъ списка кредиторовъ исключены были. Но какъ таковое на просьбу Новикова снисхожденіе и освобожденіе вышесказанныхъ поручителей учинено нами въ томъ единственно удостовѣреніи, что имѣніе Новикова достаточно на удовлетвореніе не только Воспитательнаго Дома, но и всѣхъ партикулярныхъ долговъ; а нынѣ совѣтъ противное тому является, и Совѣтъ Опекунскій за исключеніемъ поручительскаго имѣнія и личности ихъ, изъ одного оставшагося у него въ залогъ дома, всего своего долга съ процентами совершенно выручить не надѣется; того ради и въ предохраненіе капитала Воспитательнаго Дома; яко публичнаго мѣста, отъ ущерба и невозвратной потери, повелѣваемъ не освобождать отъ поручительства тѣхъ, которые въ исправномъ платежѣ занятой изъ Воспитательнаго Дома суммы съ процентами поручками подписались; и въ случаѣ недостатка на платежъ того долгу одного Новикова дому, употребить въ продажу на недостающее число имѣніе поручителей, стараясь, чтобъ въ удовлетвореніи своемъ изъ того имѣнія первенствующее предъ всѣми другими имѣлъ право, что и возлагаемъ мы на особенное ваше попеченіе, и ожидаю объ успѣхѣ въ томъ вашихъ донесеній, пребываемъ впрочемъ къ вамъ благосклонны.»

Обращаемъ вниманіе нашихъ читателей на два имени, которыя въ первый разъ встрѣчаются здѣсь въ официальныхъ документахъ о «Типографической компаніи». Первое Алексѣя Михайловича Кутузова, товарища Радищева (1), друга Карам-

(1) *Русскій Вѣстникъ*, 1858, № 23, стр. 400.

зна (1) и переводчика Клопштоковой *Мессиды* (2). Второе самого Карамзина; изъ этого видно, что въ 1786 году, то-есть немедленно по прїѣздѣ его съ И. П. Тургеневымъ изъ Симбирска (3), Карамзинъ находился въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ съ членами Новиковскаго общества и былъ тамъ своимъ человѣкомъ. Кажется, это довольно убѣдительно для тѣхъ, которые почему-то стараются уменьшить значеніе связей Карамзина съ Новиковымъ и его друзьями.

Вслѣдствіе такого повелѣнія князь Долгоруковъ представилъ соображеніе свое объ обеспеченіи до нѣкоторой степени долга Новикова Опекунскому Совѣту, и въ Гатчинѣ состоялся 11 сентября 1797 года рескриптъ, утверждающій представленіе князя:

«Господинъ генералъ отъ инфантеріи и московскій военный губернаторъ князь Долгоруковъ! Апробуя представленіе ваше, чтобы для скорѣйшаго взысканія Московскому Опекунскому Совѣту долгу съ поручика Новикова и его поручителей обратиться въ уплату онаго заложенную отъ одного изъ тѣхъ поручителей, полковника Ладыженскаго облигацію Государственнаго Ассигнаціоннаго Банка въ пятьдесятъ тысячъ рублей, дано отъ насъ повелѣніе главному сего банка директору, дѣйствительному тайному совѣтнику князю Куракину, о переводѣ означенной облигаціи на имя Опекунскаго Совѣта и о заплатѣ ему по оной слѣдующихъ денегъ: при окончательномъ же платежѣ всего долгу Новикова долженствуетъ учиненъ быть съ прочими поручителями надлежащій разчетъ. Пребываемъ вамъ благосклонны.»

Итакъ предположенія Новикова о вознагражденіи убытковъ своихъ товарищей не состоялись по причинѣ огромнаго взысканія Опекунскаго Совѣта, который, какъ учрежденіе общественное, долженъ былъ быть удовлетворенъ прежде всѣхъ, а сумма этого взысканія превосходила обеспечение, представляемое имуществомъ Новикова и даже его поручителей. Изъ нихъ особенно пострадали А. Ф. Ладыженскій, князь Н. Н. Трубецкой и Г. М. Походяшинъ, еще во время существованія «Типографической компаніи» сдѣлавшіе огромныя затраты капиталовъ. Князь Трубецкой, преслѣдуемый кредиторами, вовсе разорился. Походяшинъ, который пріобрѣлъ въ

(1) Тамъ же.

(2) Сопиковъ, Ч. IV, № 8.682.

(3) *Русскій Вѣстникъ* 1857, № 19, стр. 562.

1792 году въ собственность книжный магазинъ «Типографической компаніи», также совершенно разстроилъ свои дѣла. Онъ хотѣлъ поправить ихъ въ послѣдствіи лотереей, о которой говорится въ слѣдующемъ рескриптѣ императора Александра I московскому военному генералъ-губернатору, графу Ивану Петровичу Салтыкову, изъ С.-Петербурга, отъ 5 марта 1804 года:

«Надворный совѣтникъ Походяшинъ, въ принесенномъ отъ него прошеніи изъясняя разныя обстоятельства, приведшія книжную его торговлю въ упадокъ и разстройство, просилъ дозволенія распродать книжный его магазинъ въ Москвѣ посредствомъ лотереи.

«Уваживъ въ приводимыхъ Походяшинымъ обстоятельствахъ, что книжный его магазинъ при самой почти покупке его у бывшей компаніи Новикова, по дѣлу для него постороннему, и безъ вины его, былъ въ 1792 году конфискованъ, и въ семь положеніи чрезъ десять лѣтъ до 1802 года находился,—я нахожу справедливымъ, снисходя на прошеніе Походяшина, дозволить ему открыть въ Москвѣ для распродажи книжнаго его магазина лотерею въ теченіе одного года, а не болѣе, считая отъ времени съ открытія, на правилахъ при семь прилагаемыхъ.

«Вы не оставите объявить Походяшину сіе дозволеніе, ограждать довѣріе публики самымъ точнымъ надзоромъ полиціи, что бы никакого подлогу, ни замѣшательства въ высылкѣ билетовъ и полученіи по онымъ книгъ не происходило.»

Изъ приложенныхъ къ этому рескрипту правилъ для розыгрыша лотереи видно, что магазинъ Походяшина состоялъ изъ 2.500 заглавій русскихъ книгъ на сумму по каталогамъ до 500.000 рублей. Полагалось раздать 35.000 билетовъ, по 10 рублей каждый. Изъ вырученнаго капитала 20 процентовъ назначалось въ пользу общественныхъ заведеній. Билеты всѣ должны были быть выигрышные и могли быть рассылаемы для продажи къ почтмейстерамъ въ другіе города. Билеты предлагалось вынимать изъ колеса самимъ покупателямъ или ихъ повѣреннымъ и немедленно получать выигрышъ. Выигрыши раздѣлены были на 11 степеней: 1 въ 10.000 р.; 1 въ 5.000 р.; 4 въ 2.500 р.; 90 въ 200 р.; 450 въ 75 р.; 450 въ 50 р.; 6.750 въ 17 р.; 2.250 въ 16 р.; 8.000 въ 13 р.; 8.000 въ 12 р.; 5.000 въ 10 рублей.

Намъ не извѣстны результаты этого предпріятія Походяшина. Но мы знаемъ, что онъ умеръ въ двадцатыхъ годахъ чуть не въ нищету, благословляя память Новикова, который былъ

невольною причиною его разоренія, но за то обогатилъ его сердце неоцѣненнымъ сокровищемъ — христіанскою любовью къ ближнимъ, развитою Новиковымъ въ достойномъ его ученикѣ (1).

Конецъ жизни Новикова намъ извѣстенъ. Онъ имѣлъ утѣшеніе умереть въ своемъ родовомъ имѣніи, Авдотинѣ, гдѣ родился. Заботливость друзей въ теченіи двадцати двухъ лѣтъ сохраняла для него родимое гнѣздо, котораго онъ самъ хотѣлъ лишиться себя для расплаты съ долгами. Вскорѣ послѣ его смерти въ 1818 году Авдотино было продано съ публичнаго торга. Мы сообщили уже читателямъ *Русскаго Вѣстника* о дальнѣйшей судьбѣ и настоящемъ положеніи этого имѣнія (2).

Чтобъ исчерпать всѣ имѣющіеся у насъ въ настоящее время неизданные матеріалы, намъ слѣдуетъ теперь вернуться за нѣсколько лѣтъ и сказать нѣсколько словъ о судѣ надъ московскими книгопродавцами, у которыхъ найдены были въ 1792 году книги, напечатанныя въ Москвѣ безъ разрѣшенія цензуры.

Разсмотрѣніе дѣла обвиненныхъ книгопродавцевъ было поручено общему собранію, составленному нарочно изъ присутствій магистрата и судовъ надворнаго и уѣзднаго (3). Впрочемъ императрица отдала изъ Царскаго Села князю Прозоровскому слѣдующее приказаніе отъ 18 августа 1792 года:

«Князь Александръ Александровичъ! Препровождая при семъ прошеніе, дошедшее къ намъ отъ московскихъ книгопродавцевъ, коихъ лавки, по обрѣтеніи въ нихъ запрещенныхъ книгъ, опечатаны, повелѣваемъ вамъ, въ разсужденіи просьбы ихъ объ отпечатаніи лавокъ, учинить немедленно рѣшеніе съ законами согласное и намъ о томъ донести. Пребываемъ вамъ впрочемъ благосклонны.»

По этому же дѣлу отъ 31 августа, императрица писала Прозоровскому изъ Царскаго Села:

«Князь Александръ Александровичъ! О книгопродавцахъ, имѣвшихъ въ лавкахъ своихъ запрещенныя книги, повелѣваемъ на основаніи указа, къ вамъ посланнаго отъ 19 сего мѣсяца, законное учинить рѣшеніе, которое, однакожь, не исполняя, представить намъ съ вашимъ мнѣніемъ. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны.»

Несмотря на эти подтвержденія, дѣло тянулось долго. Въ

(1) *Русскій Вѣстникъ* 1857 г., № 19, стр. 552.

(2) *Русскій Вѣстникъ* 1858, № 22, стр. 175.

(3) *Записки И. В. Лопухина*, ч. 1, кн. 3.

него хотѣли было запутать прощенного Лопухина. 17 сентября 1792 года онъ получилъ приглашеніе явиться въ судъ. Тамъ приготовили ему, по недобрежелательству главнокомандующаго, или изъ угожденія ему, вопросы, обвинявшіе его въ томъ, что онъ участвовалъ въ продажѣ запрещенныхъ книгъ. Дѣло состояло въ томъ, что Лопухинъ пользовался кредитомъ у нѣкоторыхъ книгопродавцевъ, отпускавшихъ другимъ торговцамъ книги по реэстрамъ, на которыхъ Лопухинъ, даже не читая ихъ, надписывалъ: «отпустить по сему реэстру книги на мой счетъ». Однажды онъ сдѣлалъ это для какого-то бѣднаго книгопродавца, которому покровительствовалъ одинъ изъ пріятелей Лопухина. При опечатаніи лавки, изъ которой отпущены были книги, отобранъ былъ и самый реэстръ, гдѣ между прочимъ значилось, что отпущено книгъ, оказавшихся запрещенными, на семь рублей. Изъ этого хотѣли вывести обвиненіе на Лопухина, въ участіи по продажѣ запрещенныхъ сочиненій. Лопухинъ сейчасъ написалъ объясненіе, въ которомъ доказалъ, что онъ ни въ чемъ не виноватъ, тѣмъ болѣе, что онъ не продавалъ, а покупалъ книги, хотя бы и запрещенныя; не за это взысканія по закону не полагалось. Разсерженный такою придиркой, Лопухинъ хотѣлъ послать письменную жалобу императрицѣ и сказалъ о томъ Прозоровскому. Князь извинился недоразумѣніями, но Лопухинъ объявилъ ему, что при первомъ подобномъ случаѣ онъ непременно пошлетъ письмо къ государынѣ. Прозоровскій захотѣлъ отомстить ему, и когда дѣло о книгопродавцахъ, перешедшее черезъ судъ и уголовную палату, поступило къ нему на ревизію, онъ настаивалъ на обвиненіи Лопухина. Предсѣдатель сталъ доказывать, что это невозможно по закону. Прозоровскій вышелъ изъ себя, выгналъ предсѣдателя, но дѣло все-таки не приняло для Лопухина другаго оборота, чего, впрочемъ, не могло и быть (1).

Мы не имѣемъ возможности, да нѣтъ и особаго интереса слѣдить за ходомъ дѣла книгопродавцевъ по судебнымъ инстанціямъ. Скажемъ только, что оно кончилось уже при главнокомандующемъ М. М. Измайловѣ въ 1796 году. Замѣчательно, что виновные въ продажѣ запрещенныхъ книгъ были прощены по случаю рожденія великаго князя Николая Павловича. Вътъ рескриптъ о томъ императрицы, данный въ Царскомъ Селѣ 2-го іюля 1796 года:

«Михайло Михайловичъ! Разсмотрѣвъ дѣло о продажѣ за-

(1) Тамъ же.

прещенныхъ книгъ, производившееся въ московскихъ присутственныхъ мѣстахъ, и учиненныя во оныхъ рѣшенія, коими по мѣрѣ преступленій, сообразно съ законами, приговорены къ разнымъ наказаніямъ купцы: Никита Колчугинъ (1), Иванъ Переплетчиковъ, Матвѣй Глазуновъ, Тимошей Полежаевъ, Иванъ Козыревъ, Иванъ Луковниковъ, Павелъ Вавиловъ, университетскій переплетчикъ Водопьяновъ, купцы же: Петръ Заикинъ, Василій Глазуновъ и Семень Ивановъ, повелѣваемъ: призвавъ сихъ осужденныхъ въ московскую уголовную палату и прочтя имъ тамъ сдѣланные объ нихъ приговоры, объявить потомъ, что мы, для рожденія любезнаго внука нашего, великаго князя Николая Павловича, ихъ прощаемъ. Пребываемъ вамъ благоклонны.»

Вотъ всѣ подробности о Новиковѣ и по дѣлу о мартинистахъ, которыя мы на этомъ разѣ имѣемъ сообщать читателямъ. Благопріятныя обстоятельства доставили уже намъ не мало документовъ, касающихся до этого любопытнаго эпизода екатерининскихъ временъ. Если они не вполне еще объяснили дѣло, такъ долго бывшее совершенно темнымъ, и по которому утратилось такъ много любопытныхъ свидѣтельствъ, то все-таки они пролили на него нѣкоторый свѣтъ. Такой успѣхъ побуждаетъ насъ вновь обратиться къ лицамъ, которыя имѣютъ у себя какіе-либо письменные или печатные памятники описываемыхъ нами событій, прося ихъ доставлять намъ означенныя свѣдѣнія въ редакцію *Русскаго Вѣстника*, въ Москвѣ. Этимъ они будутъ способствовать дѣлу, можно сказать общему, потому что рѣчь идетъ о людяхъ, принадлежавшихъ къ тѣмъ обществамъ, о которыхъ одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ нашихъ соотечественниковъ (2) сказалъ: «Они не ограничивались теоріей, созерцаніемъ: они заботились также о практическомъ усовершенствованіи страны и умѣли хорошо выбирать средства для достиженія своей благородной цѣли. Въ этомъ ихъ вѣчная слава!»

Михаилъ Лонгиновъ.

(1) Никита Никифоровичъ Кольчугинъ (умеръ 1827 г.) былъ очень богатый и умный книгопродавецъ, котораго лавка находилась тогда на Никольской, въ домѣ, принадлежащемъ теперь Ремесленному Обществу. Книжная торговля наследственное дѣло семейства Кольчугинныхъ. Послѣ Н. Н. ею занимался сынъ его Григорій и наконецъ внукъ его Иванъ Григорьевичъ Кольчугинъ, который извѣстенъ своимъ знаніемъ библиографіи всѣмъ любителямъ и знатокамъ русскихъ книгъ, посѣщающимъ часто его лавку на Никольской, подлѣ Казанскаго собора.

(2) Н. И. Тургеневъ.

ПИСЬМА

О КРЕСТЬЯНАХЪ И ЗЕМЛЕДѢЛІИ

ВО ФРАНЦІИ¹

III. ВАНДЕЯ.—МЕНА И ЛУАРА.—МАЙЕННА.—САРТА.

I.

При имени *Вандеи*, напоминающемъ о самомъ огромномъ изъ многочисленныхъ кровавыхъ пятенъ нашей исторіи, не могу не обратиться мыслию къ прошлому времени, не съ цѣлюю разказывать подробности печальнаго возстанія, но для того, чтобы вспомнить вмѣстѣ съ вами о его причинахъ и послѣдствіяхъ. Въ этомъ воспоминаніи многое окажется не бесполезнымъ для Россіи. Если между всѣми людьми, къ какой бы націи ни принадлежали они по своему рожденію, существуетъ солидарность, то ошибки или несчастія однихъ не могутъ не принести пользы другимъ: взирая на подводные камни, угрожавшіе намъ, вы можете принять мѣры, чтобы не разбиться о нихъ, въ свою очередь.

Вамъ извѣстно, какимъ образомъ утвердилась въ странѣ нашей свобода. Въ X столѣтіи вся Франція, занимавшаяся тогда почти исключительно земледѣліемъ, находилась въ состояніи

(1) См. *Русскій Вѣстникъ*, № 9 и 10.

рабства, *servage*. Потомъ образовались города; люди, соединенные общимъ мѣстожительствомъ, узнали свои собственныя силы и силы своихъ притѣснителей. Они стали требовать вольностей. Владѣльцы—и духовные и свѣтскіе—отвергли справедливыя ихъ требованія. Горожане заперли тогда свои ворота, забили въ набатъ, схватились за оружіе и перерѣзали какъ епископовъ, такъ и свѣтскихъ бароновъ. Борьба продолжалась около двухъ столѣтій и окончилась всеобщимъ освобожденіемъ средняго сословія въ XII вѣкѣ.

Прошло еще два столѣтія, и крестьяне стали также подумывать о возстановленіи своей утраченной свободы. Тогда-то король Лудовикъ X рѣшился лучше поспѣшить продажей имъ этой свободы, изъ опасенія, чтобъ они не приобрѣли ея даромъ. Бароны противились, на сколько у нихъ хватало силъ, примѣру, поданному имъ королевскою властью; затѣмъ они рѣшились, наконецъ, продать то, что могли бы у нихъ отнять силою, и дѣйствительно продали вольности тѣмъ изъ своихъ подданныхъ, которые были въ состояніи заплатить за нихъ. Великіе общественные перевороты совершаются не въ одинъ день, и время играетъ въ нихъ важную роль. Къ несчастію, въ нашихъ переворотахъ вліяніе времени было слишкомъ велико. Выкупъ рабовъ происходилъ такъ медленно и съ такими затрудненіями, что послѣ восьми вѣковъ борьбы, послѣ повелѣній объ общемъ освобожденіи королей Лудовика X въ 1315 г., Генриха II въ 1553 и Лудовика XVI въ 1779 годахъ, все еще въ 1789 году находились рабы во многихъ французскихъ провинціяхъ. Слѣдуетъ замѣтить, что крестьяне вмѣсто того, чтобы содѣйствовать усилю королевской власти, часто не хотѣли выкупаться, замѣтивъ, что продажа свободы была несравненно выгоднѣе продавцу, нежели тому, кто приобрѣталъ ее.

Дѣйствительно, въ томъ видѣ, въ какомъ существовала тогда эта свобода, она клонилась совершенно въ пользу господъ. Не только продавали они вольности по огромной цѣнѣ, но нерѣдко выбирали съ земли то, что теряли въ личномъ трудѣ чело-вѣка; крестьянину приходилось, выкупивъ самого себя, выкупать еще землю, чтобъ имѣть возможность жить на ней. Что касается до господина, онъ получалъ двойную выгоду: освободившись отъ необходимости обрабатывать землю непосредственно своими крѣпостными, онъ избѣгалъ всякаго риска и случайностей, ибо отдавалъ свои помѣстья въ аренду, за вѣрность дохода которой отвѣчали личность, имущество и ежегодный сборъ наем-

щина. То было слѣдовательно не столько свобода, сколько смѣшанное рабство, ибо ни личность человѣка, ни земля, питавшая его, не могли сбросить съ себя всѣ обременявшія ихъ тягости. Землевладельцы, видя невозможность обирать людей, которые не имѣли ничего, или притворялись, что ничего не имѣли, и желая въ то же время обезпечить себѣ постоянный доходъ, не отдавали своимъ подданнымъ въ частную собственность землю, за пользованіе которой приходилось этимъ подданнымъ платить такіе тяжкіе и многочисленные налоги, но только уступали имъ землю въ общинное пользованіе, подъ условіемъ не дробить ея и владѣть ею обща. Кромѣ того въ хартіяхъ, установленныхъ по этому случаю, они озаботились выговорить, что подданные ихъ будутъ во всемъ судимы ихъ собственнымъ судомъ (*judiciables en tous cas de leurs justices*). Но такъ какъ помѣщики по произволу назначали и смѣняли нотаріусовъ, заключавшихъ контракты между ними и ихъ арендаторами, и выбирали сами судей, долженствовавшихъ разбирать ихъ распри, то имѣли на своей сторонѣ и силу, и право, и въ сущности такъ-называемые вольные люди оставались по прежнему рабами. Прежде чѣмъ освободить людей отъ ига рабства, нужно было бы уничтожить злоупотребленія, порожденныя феодализмомъ, которыя должны были бы пасть вмѣстѣ съ нимъ, а вмѣсто того сохранились до самаго 1789 года. Нужно было бы, чтобы чиновники государственной казны не походили на бандитовъ, грабившихъ съ одной стороны короля, а съ другой его подданныхъ; чтобы въ арміи господствовала дисциплина, которая не позволяла бы войску быть сборищемъ разбойниковъ, готовыхъ на всякаго рода преступленія; чтобы владѣльцы не походили на тирановъ, не признающихъ надъ собою никакой власти; чтобы католическое духовенство, славившееся своими богатствами, не было самымъ скрупулезнымъ, эгоистическимъ и наименѣе милосерднымъ сословіемъ изъ трехъ сословій государства; требовалось наконецъ, чтобы господствовала всюду справедливость, и чтобы храмъ Фемиды дѣйствительно превратился въ святилище. До тѣхъ поръ, пока этого не было, а этого не было до самаго 1789 года, крестьяне, свободные только по имени, должны были въ сущности оставаться рабами. Главная вина, слѣдовательно, лежала въ учрежденіяхъ, завѣщанныхъ издавна скептическому XVIII вѣку. Вмѣсто того, чтобы поразить злоупотребленія въ самомъ зародышѣ, тщетно старались истреблять ихъ послѣдствія. Лудовикъ XVI понялъ это, и при вступленіи своемъ на

престоль вознамѣрился совершить въ дѣйствительности переворотъ, давно уже совершившійся на бумагѣ, переворотъ, въ необходимости и законности котораго былъ твердо убѣжденъ его благородный умъ. Къ несчастію, умъ его не могъ сравниться съ его сердцемъ: уступая эгоистическимъ требованіямъ окружавшихъ его лицъ, которыя пользовались злоупотребленіями, обогащались отъ всеобщей нищеты и старались утвердить собственное свое значеніе на всеобщемъ безгласіи народа, онъ не могъ исполнить великую задачу, которой совершеніе сдѣлало бы его имя славнѣе именъ Карла Великаго, Генриха IV и Лудовика XIV.

Безразсудно было бы не принимать въ разчетъ безчисленныя затрудненія, которыя часто мѣшаютъ самымъ великодушнымъ намѣреніямъ, не взирая на святость ихъ цѣли и средствъ, принятыхъ для ихъ осуществленія. Въ ненависти своей ко всякому прогрессу, притѣснители согласились бы видѣть дома свои разрушенные притѣсненными, еслибы только въ замѣнъ этого удалось имъ побить камнями всѣхъ приверженцевъ реформы. Препятствія раждались въ нашей странѣ со всѣхъ сторонъ, какъ отъ безразсуднаго нетерпѣнія лицъ, желавшихъ преобразований, такъ и отъ бессмысленной злобы лицъ привилегированныхъ. Не было нигдѣ умѣренности; никто не зналъ и не хотѣлъ знать уступокъ и сдѣлокъ.

Въ достопамятную ночь 4 августа 1789 года національное собраніе разорвало послѣднія цѣпи рабства, отмѣнивши *main-morte*, во всѣхъ ея возможныхъ видахъ, и вмѣстѣ съ нею огромное количество различныхъ господскихъ правъ, противъ которыхъ тщетно возставали легисты XVIII столѣтія, и о которыхъ одинъ изъ нихъ выражался такимъ образомъ: «Люди, ихъ жизнь, смерть, свобода, ихъ контракты, наслѣдство, скоть, торговля, малѣйшія ихъ дѣйствія, словомъ, все, до самыхъ удовольствій ихъ, сдѣлалось достояніемъ господской власти.» Уничтожая въ то же время продажу должностей, оно положило основаніе даровому судопроизводству и навсегда отмѣнило право вотчиннаго суда, *justice seigneuriale*, которое изъ храма Ѧмиды дѣлало притонъ беззаконія. Право исключительной охоты, право голубятень, загородокъ для скота, пали одно вслѣдъ за другимъ. Собраніе поставило духовенство на надлежащую высоту, отмѣнивъ десятину и другіе сборы, которые во многихъ провинціяхъ поселяли только раздоръ между священникомъ и сельскими жителями. Равное распределеніе

многое замѣнило прежнія безчисленныя извѣтія отъ плателецъ, которыми пользовались многія провинціи и большая часть тогдашнихъ городовъ; военныя и гражданскія должности становились съ этихъ поръ доступными только личному достоинству, безъ различія сословій. Національное собраніе, разрушая всѣ отжившія средневѣковыя формы стѣсненія, которыя лежали на земляхъ, открывало всѣмъ гражданамъ доступъ къ приобрѣтенію земель и пустило въ продажу по низкой цѣнѣ церковныя имущества, то-есть половину земель всего королевства. Но, въ то время какъ городское и сельское населеніе всей Франціи привѣтствовало съ восторгомъ образъ дѣйствій своихъ представителей, жители Вандеи обнажили противъ отечества междуусобный мечъ, лежавшій безъ употребленія со времени войнъ Фронды.

Кто до тѣхъ поръ зналъ Вандею, кому случалось слышать ея имя? Была ли то провинція, рѣка или гора? Въ какой области лежала она: въ Бретани, Анжу или Пуату? Сохранила ли исторія на своихъ страницахъ воспоминанія о ея войнахъ, историкахъ, поэтахъ, о чемъ-нибудь, что пользовалось славой и заслуживало ея? Нѣтъ, не было ничего подобнаго. Ни нашептваніе Римлянъ, ни завоеванія варваровъ, ни распространеніе христіанства не ознаменовались ничѣмъ особеннымъ въ Вандеѣ: она не проливала своей крови подобно остальной Франціи въ великомъ общинномъ движеніи XI вѣка, не проливала она ея при изгнаніи Англичанъ изъ королевства въ XV столѣтіи; религиозныя войны, смуты Лиги и Фронды миновали, не отозвавшись въ ней ничѣмъ такимъ, что могло бы возбудить особенное участіе. Безъ прошедшаго, безъ преданій, безъ великихъ воспоминаній, Вандея была мертвою страной, уснувшею по крайней мѣрѣ съ X столѣтія, уснувшею такъ крѣпко, что когда въ 1793 году Франція думала пробудить ее отъ сна, произнесши магическія слова, которыя повсюду производили поголовное возстаніе: *отечество въ опасности!* слова эти, Франція, *отечество*, не имѣли для Вандеи смысла, она не поняла ихъ.

Историки этихъ несчастныхъ войнъ не обращали на матеріальное и нравственное состояніе страны этой того вниманія, котораго по оригинальности своей она вполне заслуживаетъ. Только углубившись въ эту страну, подышавъ ея воздухомъ, ставши на время ея жителемъ, можно постигнуть, какимъ образомъ Вандея сдѣлалась классическою страной междуусобной войны: столько удобствъ представляетъ она для сопротивленія,

и такъ много непреодолимыхъ трудностей встрѣчается тамъ для наступательнаго образа дѣйствій.

Страна, лежащая по лѣвому берегу Луары, начиная отъ Сомюра, и на пространствѣ 800 квадратныхъ лье, заключающая въ себѣ части Анжу, Пуату и графства Нантскаго, представляетъ и теперь еще много страннаго. Въ области, примыкающей къ Луарѣ, хотя и нѣтъ въ ней ни горъ, ни рѣкъ, ни долинъ, ни большихъ покатостей, почва неровна, волнообразна, изрѣзана оврагами, не воздѣлана и покрыта роскошнымъ дроккомъ въ двѣ сажени вышиною. Въ концѣ прошлаго столѣтія земледѣліе, какъ и все остальное, находилось тамъ почти въ первобытномъ состояніи. Убѣдившись разъ навсегда, что поля эти, въ настоящее время столь плодоносныя, не могутъ быть обработаны, поселяне оставили расти на нихъ этотъ громадный дрокъ, который въ Вандеѣ растетъ самъ собой на всякой почвѣ, покинутой плугомъ. Небольшіе участки, разчищенные и обрабатываемые по году или по два, засѣянные рожью и гречихой, удовлетворяли потребностямъ жителей, ничего не оставляя однако для вывоза и торговли, по совершенному недостатку путей сообщенія. Черезъ Вандею шла только одна хорошая дорога — отъ Нанта на Ла-Рошель; другая, отъ Сомюра къ Рошъ на Йонѣ (Roche sur Yon, теперь Napoléon-Vendée), была начата, но не окончена. Что касается до проселочныхъ дорогъ, то онѣ были и въ тѣ времена, точно такъ же какъ теперь, мрачныя, глубокія ложбины, служившія канавами для стока водъ или руслами для источниковъ, окаймленныя по сторонамъ почти отвѣсными скатами, вышиною въ три или четыре метра, на которыхъ росъ дикій терновникъ, непроницаемый для самаго быстрого оленя, и гдѣ только въ знакомыхъ ему мѣстахъ могъ пробираться заяцъ. Хмѣль вьется по гибкимъ вѣтвямъ этого терновника до самой его верхушки и переплетается тамъ съ душистыми цвѣтками каприфолиа, и вся эта непроницаемая, сплошная масса зелени разстилается у подножія столѣтнихъ дубовъ, огромныхъ каштановыхъ деревьевъ, которыхъ стволы, источенные годами, скрыты подъ густымъ плющомъ, и въ мрачной тѣни которыхъ такъ привольно укрыться преступнику, подстерегающему свою добычу.

Вообще мало такихъ мѣстъ въ Вандеѣ, гдѣ могла бы свободно повернуться телѣга или двѣ телѣги проѣхать рядомъ. Волъ—единственное четвероногое, способное пробраться черезъ этотъ лабиринтъ грязи, куда никогда не проникалъ лучъ

солнца; идя своею медленною и мѣрною поступью, волъ имѣеть обычай ставить ногу въ углубленіе, сдѣланное идущимъ впереди воломъ, и такимъ образомъ въ глинистой почвѣ образуются глубокія борозды, такъ-называемыя *chapelets*, или ступеньки, которыя и въ теченіи единственныхъ трехъ мѣсяцевъ, когда онѣ бываютъ сухи, препятствуютъ проѣзду экипажей по этимъ мѣстамъ. У покусившагося на подобное путешествіе все бы нутро вытрясло отъ непрерывнаго *staccato*. Дороги эти, рѣшительно недоступны пѣшеходамъ и экипажамъ въ теченіи цѣлыхъ двухъ третей года, бываютъ нерѣдко опасны даже и для всадниковъ; одинъ изъ моихъ знакомыхъ потерялъ оба свои башмака въ грязи, которая доходила, буквально, до брюха его лошади. Крестьяне пробираются кое-какъ по крутымъ окраинамъ дороги, перелѣзая черезъ плетни, которыми огорожено каждое поле. Дно дороги вѣчно покрыто водою, и отъ времени до времени попадаютъ 'трусщобы, или, какъ называютъ ихъ тамъ, *mollots*, гдѣ почва такъ вязка, что могла бы втянуть въ себя человѣка или животное, еслибы, за неимѣніемъ камней и хрящу, не укладывали эти мѣста фашинникомъ и древесными сучьями.

Нѣтъ вовсе большихъ городовъ, многолюдныхъ центровъ, гдѣ образованность могла бы скопляться, развиваться и распространяться оттуда по окрестностямъ. Изрѣдка попадаютъ только мѣстечки, селенія, да разсѣяны мызы, по большей части приносившія прежде не болѣе 400 или 500 франковъ ежегоднаго дохода, а теперь приносящія отъ двухъ до трехъ тысячъ; жилища эти стоятъ не окруженныя ни дворами, ни изгородью; даже сторожевая собака не оберегаетъ ихъ; дверь отворяется передъ всякимъ, кто хочеть воспользоваться гостепріимствомъ, а скотъ пасется безъ надзора въ поляхъ, обнесенныхъ изгородью.

Переступите порогъ двери, на которой виднѣется обыкновенно бѣлый крестъ, сдѣланный известью. За дверью видно углубленіе, гдѣ стоитъ грубо раскрашенное изображеніе Богородицы съ Младенцемъ. Прежде всего взоры ваши встрѣчаютъ стопку, уставленную ружьями домохозяевъ. Какое множество кроватей! Обширная комната раздѣлена высокими шкафами изъ вишневаго дерева, и шкафы эти служатъ перегородками, раздѣляя комнату на части. Тутъ, въ этой единственной комнатѣ, дватри, а иногда даже четыре поколѣнія живутъ вмѣстѣ. Это кажется невозможнымъ, а однако это такъ: родители въ одномъ

углау, дѣти въ другомъ, внуки въ третьемъ, кто въ изголовьи, кто въ подножии кровати, смотря по полу и по возрасту. И жамія поколѣнія! Есть тамъ, напримѣръ, теперь въ одномъ семействѣ человекъ, котораго зовутъ Лудовикомъ XVI, потому что, по счету, онъ шестнадцатый ребенокъ отъ одного отца и одной матери. На моемъ собственномъ дворѣ живетъ фермеръ, 97 лѣтъ отъ роду, который участвовалъ во всѣхъ войнахъ Вандей, а теперь доживаетъ свои дни въ семействѣ одного изъ своихъ сыновей, трехъ своихъ внуковъ и двухъ правнуковъ.

Точно такъ же какъ дворяне часто мѣняютъ свое родовое имя на имя своихъ помѣстій, вандейскіе фермеры принимаютъ черѣдко названіе своихъ мызъ. Гиллардьерцами называются мызники Гиллардьеры; Молестьерцами—мызники Молестьеры; если мызы эти принадлежатъ одному и тому же владѣльцу, то фермеры до сихъ поръ говорятъ, что находятся въ его подданствѣ (*sujection*), и между собою называютъ другъ друга: *наши люди (nostra gens)*. Часто два лица поселяются на одной и той же мызѣ и живутъ въ самыхъ близкихъ и дружескихъ отношеніяхъ; въ такомъ случаѣ они состоятъ *en personnerie* и говорятъ другъ про друга: *nos personniers*. Это послѣдніе остатки нашихъ достопамятныхъ старинныхъ сельскихъ артелей. Часто это бываютъ семейства, совершенно чуждыя одно другому, неравныя ни по числу своихъ членовъ, ни по ихъ способностямъ, работающія слѣдовательно вмѣстѣ и на одной фермѣ при самыхъ различныхъ условіяхъ. Укажу, для примѣра, на ферму, стбѣющую 1200 фр. и обрабатываемую теперь четырьмя семействами. Одному изъ нихъ, состоящему изъ трехъ человекъ, принадлежитъ половина заведенія, другому, изъ десяти, между которыми четверо малолѣтнихъ, принадлежитъ только четверть; послѣдняя четверть, наконецъ, раздѣлена пополамъ между двумя семействами, изъ которыхъ въ одномъ четыре здоровыхъ и дюжихъ работника, а другіе состоятъ изъ вдовы и четырехъ ребятъ. Всѣ они живутъ вмѣстѣ, въ полномъ мирѣ и согласіи.

Мѣсто, находящееся передъ домомъ и образующее дворъ, никогда не огораживается стѣнами. Не вдалекѣ отъ жилища огромный дубъ или каштановое дерево, считающее свой ростъ не годами, а вѣками, простираетъ далеко свои могучія вѣтви и прикрываетъ обыкновенно всѣ принадлежности фермы: телѣгу, плугъ и прочія орудія работы.

Глядя на эту картину одинокихъ, разбросанныхъ жилищъ,

не обнесенныхъ ни заборомъ, ни стѣною, на эту жизнь на чистомъ воздухѣ, передъ лицомъ Бога и людей, на эту благородную довѣренность, начинаешь дышать свободно и легко, ибо чувствуешь, что находишься среди здороваго народонаселенія, въ которомъ честность съ давнихъ временъ утвердила свое мѣстопробываніе.

Среди безбрежнаго волнистаго океана зелени тщетно взоръ человѣческій искалъ бы чего-нибудь особеннаго, на чемъ бы остановиться; каждое небольшое поле непремѣнно окружено дубами и каштановыми деревьями, обвитыми плющомъ; дрокъ смѣняется дрокомъ, и мореплаватель, покинутый безъ компаса среди обширнаго моря, скорѣе упадетъ на настоящій путь, чѣмъ иностранецъ, заблудившійся въ этомъ лабиринтѣ извилистыхъ дорожекъ, которыя всѣ походятъ одна на другую. Вечеромъ, когда жители прячутся подъ своимъ кровомъ, все молчитъ, все неподвижно и угрюмо; вѣтеръ колышетъ только вѣтви деревьевъ, которыя непроницаемою густотой своею скрываютъ отъ взора звѣздное небо; не слышно даже голоса неизбежнаго сторожа, лая собаки, по которому можно было бы набрести на жилище. Ничто не говоритъ о присутствіи людей среди этого поразительнаго безмолвія.

Такова страна, называемая *Бокажъ*, или *Льса*, и занимающая не много болѣе чѣмъ половину Вандейскаго департамента и весь округъ Шоле въ департаментѣ Мены-и-Луары.

За тѣмъ слѣдуетъ *Марэ (Marais)*, то-есть *Болото*, влажная и низменная почва котораго состоитъ изъ луговъ, пересѣченныхъ множествомъ небольшихъ рѣчекъ, ручейковъ и соединительныхъ каналовъ, прорытыхъ ихъ же водами: страна земноводная, въ которой вода занимаетъ столько же мѣста, сколько и суша, которая производитъ только тростникъ, камышъ и гигантскіе грибы, и изъ нѣдръ которой человѣческая промышленность умѣла вызвать жизнь и движеніе устройствомъ искусственной, необыкновенно плодородной почвы. Отсутствіе естественныхъ склоновъ задерживало стокъ воды, а плотность почвы препятствовала ей просачиваться въ землю. Наконецъ придумали средство справиться съ бѣдою: проведены были рвы отъ 10 до 12 футовъ шириною, а земля, выбрасываемая направо и налево, дала возможность поднять промежутки между рвами и образовать насыпные участки такой величины, что ихъ можно обработать заступомъ въ одинъ день (имъ дали названіе *mottes*); эти участки почти вездѣ одинаковыхъ размѣровъ, съ четырьмя

рвами по сторонамъ; за четырьмя рвами одного участка слѣдуютъ такія же насыпи другихъ участковъ и такъ далѣе. Ни шнуръ, ни циркуль не были въ дѣлѣ при этой обширной канализаціи: въ ней встрѣчаются линіи кривыя, параллельныя, ромбы, трапеціи, однимъ словомъ, всевозможныя геометрическія фигуры. Мѣстами каналы болѣе широкіе перерѣзываютъ въ различныхъ направленіяхъ этотъ оригинальный лабиринтъ насыпей и рововъ; мѣстами встрѣчаются насыпи большихъ размѣровъ, иногда простирающіяся отъ 50 до 60 метровъ въ длину. Чтобы земля не осыпалась, по берегамъ рововъ насадили ольху, иву, осину, тополи и всѣ тѣ растенія, которыя любятъ отражать въ хрусталѣ воды подвижную листву своихъ гибкихъ наклоненныхъ вѣтвей.

Марѣ представляется въ четырехъ различныхъ видахъ, смотря по наружной формѣ и по способу пользованія, а именно: 1) *болота соляныя* (*marais salants*), прилежащія къ морю и доставляющія соль; 2) *болота мокрыя* (*marais mouillés*) или покрытыя водою только часть года; 3) *болота, постоянно закрытыя водою*, или пруды, и наконецъ 4) *болота осушенныя*.

Послѣднія высушены были посредствомъ обводныхъ рововъ и плотинъ, которыя удерживаютъ верхнія воды и даютъ имъ опредѣленное теченіе, а также посредствомъ семи главныхъ каналовъ, которые служатъ къ осушенію почвы при высокой водѣ и къ орошенію ея во время засухи. Плотины, идущія по берегамъ этихъ каналовъ, замѣняютъ дороги; насыпи покрыты цвѣтущими поселками, а высушенныя земли въ центральной части обращены въ прекрасныя луга, между тѣмъ какъ полосы земли, ближайшія къ морю и возвышающіяся надъ всѣми другими, засѣяны хлѣбомъ. Эта страна, богатая домашними животными и зерновымъ хлѣбомъ, покрыта теперь красиво построенными фермами, которыя придаютъ поверхности ея оживленный видъ. Только во время долгихъ и дождливыхъ зимъ, влажная стихія вступаетъ въ свои права, и земледѣлецъ остается плѣнникомъ въ своемъ домѣ посреди водъ, покрывающихъ землю со всѣхъ сторонъ.

Болото не высушенное составляетъ самую оригинальную и вмѣстѣ съ тѣмъ самую бѣдную часть Вандеи. Жилище здѣсь носить названіе *hutte* (хижина), а жители, *huttiers*, живутъ кое-какъ посреди заразной и сырой атмосферы, тяготящейся надъ этими мертвыми волнами, и питаются добычею рыбной ловли и охоты за водяными птицами—гусьями, утками, чирками и другими, которыя въ изобиліи встрѣчаются зимою,

и которыхъ они убиваютъ безъ промаха, изъ своихъ длинныхъ карабиновъ. Хижина, построенная изъ плотно-убитой глины и покрытая камышомъ, на которомъ пробивается макъ и дикій чеснокъ, расположена всегда на самой высокой части насыпи и полузакрыта окружающими ее деревьями. Ландшафтный живописецъ пришелъ бы въ совершенный восторгъ, при видѣ этого убѣжища, утонувшаго въ зелени деревъ на берегу воды, посреди нимфей, незабудокъ и душистой мяты, а философъ позавидовалъ бы этой тишинѣ, этому уединенію, этому спокойствію, къ которымъ излучины каналовъ преграждаютъ доступъ человѣка. Но нашъ *huttier* не одаренъ ни глазомъ живописца, ни духомъ философа, да къ тому же и внутренность жилища нисколько не соответствуетъ наружной красотѣ его. Прoberитесь въ какую-нибудь изъ самыхъ привлекательныхъ хижинъ, и вы увидите, что бѣднѣйшее жилище крестьянина другихъ мѣсть, въ сравненіи съ ней, можетъ назваться Лувромъ. Въ серединѣ единственной комнаты расположена печь: два раздвоенные деревянные бруска воткнуты въ землю, третій положенъ поперекъ и снабженъ крючкомъ, на которомъ виситъ котель, такой же пустой, какъ и самая хижина. Трубы нѣтъ и признаковъ, и дымъ густыми струями выносится въ дверь. Задыхавшись отъ смрада, который совершенно ослѣпляетъ васъ, вы спрашиваете у грубыхъ существъ, спокойно расположившихся на полу, какъ они могутъ выносить подобную атмосферу, и они отвѣчаютъ вамъ съ видомъ грустной покорности судьбѣ: «Что жъ намъ дѣлать, мой добрый другъ, мы уже такъ привыкли.»

И дѣйствительно, крестьянинъ крѣпко держится старины; привычка — его божество; рутина — его повелитель. Онъ будетъ страдать всю свою жизнь и даже не подумаетъ объ измененіи разъ установленнаго обычая: сынъ его можетъ-быть и затѣетъ какую-нибудь перемѣну, но онъ—никогда. Онъ привыкаетъ ко всему, и разъ привыкнувъ къ чему бы то ни было, почитаетъ привычку свою чѣмъ-то священнымъ. Этимъ у него все оправдывается, и все объясняется. Мнѣ самому случилось видѣть приложеніе къ дѣлу этого правила, которое, надо признаться, заходитъ уже слишкомъ далеко. Въ болотахъ водится множество угрей, и вы конечно знаете, что, по кореннымъ правиламъ повареннаго искусства, кожу съ нихъ должно сдирать, когда они еще живы. Я спросилъ однажды у женщины, занимавшейся этою операціей, неужели ей не жалко обдирать

этихъ бѣдныхъ животныхъ, еще бившихся у нея въ рукахъ. «Что же дѣлать, мой добрый другъ? отвѣчала она: сначала мнѣ было ихъ очень жалко; но съ тѣхъ поръ, какъ я ихъ обдираю, они уже успѣли привыкнуть къ этому!»

Бѣдная хижина устраивается изъ пучковъ тростника, связанныхъ гибкими прутьями и соединенныхъ верхушками въ формѣ шпика. Тамъ нѣтъ никакой мебели, ни малѣйшаго признака огня. Всѣ спятъ на полу на связкахъ камыша. Вамъ представляется жизнь, доведенная до первобытной простоты, и человѣкъ, сошедшій на самую низшую ступень общественной лѣстницы.

У каждаго семейства есть свой *yole*, легкій челнокъ, узкій и длинный, поднимающій пять-шесть человѣкъ и необходимый для переѣзда по этой необыкновенной странѣ; кормчій (*yoleur*) ловко управляетъ имъ посредствомъ длиннаго шеста. Зимой, когда воды высоко поднимаются и грозятъ все затопить, обитатель хижины втаскиваетъ челнокъ въ свое жилище и располагается въ немъ. Тогда ему уже нечего бояться: при сильномъ разливѣ челнокъ, замѣняющій ему полъ, поднимется на водѣ, и онъ всегда найдетъ столько тростнику, чтобъ устроить себѣ нѣчто въ родѣ шалаша.

Марѣ, какъ видите, Венеція въ обширныхъ размѣрахъ, — только обутая въ деревянные башмаки.

За *Бокажемъ* и *Марѣ* слѣдуетъ наконецъ *Равнина* (*La Plaine*), состоящая изъ обширнаго пространства земли, оставленнаго когда-то океаномъ, въ X вѣкѣ, если вѣрить преданію. Посредствомъ многочисленныхъ каналовъ, осушившихъ почву, какъ въ Голландіи, пространство это обращено въ земли, удобныя для обрабатыванія; оно защищено отъ напора волнъ плотинами, дамбами и другими искусственными сооруженіями. Въ этой части Вандей, гдѣ нерѣдко глазъ не встрѣтитъ ни одного дерева, ни одного тощаго кустарника, передъ вами до самаго небосклона стелются зеленѣющія пастбища, перерѣзанныя широкими и глубокими рвами, которые дѣлаютъ страну недоступною для всякаго, кто съ дѣтства не приучился къ употребленію *pigouille*: такъ называется длинный и толстый шестъ съ деревяннымъ кружкомъ на нижней оконечности, неразлучный спутникъ обитателей *Равнины*, такъ же, какъ и обитателей *Марѣ*. Добравшись до ската насыпи, они погружаютъ этотъ шестъ въ средину рва, гдѣ онъ твердо устанавливается съ помощію кружка, потомъ, опираясь на него, однимъ прыжкомъ переносятся на другой берегъ.

Земля составляетъ только точку опоры, и если въ *Марѣ* чело-вѣкъ живетъ болѣе на водѣ, чѣмъ на сушѣ, въ *Равнинѣ* онъ становится амфибіею иного рода и движется почти столько же по воздуху, сколько по твердой почвѣ. Мушны, женщины и дѣти съ ранней юности привыкаютъ къ этой странной гимнастикѣ: безъ утомленія и опасности они перебираются такимъ образомъ черезъ каналы отъ 20 до 24 футовъ шириною.

Жилище, построенное изъ грязи и прутьевъ и покрытое тростникомъ, носитъ названіе *sabane* (шалашъ), а обитатели называются *sabaniers*. Общее однообразіе страны не исключаетъ однако нѣкотораго разнообразія въ частностяхъ. Такъ напримѣръ вся поверхность сѣверной части, болѣе возвышенная и открытая для морскихъ вѣтровъ, представляетъ самый пустынный и обнаженный видъ. Ни одно дерево, ни одинъ кустарникъ не нарушаетъ однообразной растительности злаковъ. За то эти злаки отъ солености морскаго воздуха, съ которымъ они находятся въ такомъ близкомъ соприкосновеніи, и отъ здороваго свойства почвы, производящей ихъ, имѣютъ болѣе питательное свойство, нежели ниворосли въ южной части. Наоборотъ, поверхность послѣдней пріятнѣе для глазъ; жилища тамъ ближе одно къ другому; не рѣдко они окружены небольшими плантаціями тамаринда, ивъ и тополей, нарушающихъ однообразіе ландшафта. Песчаная дюны, окружающія южную часть *Равнины*, возвышаясь на высоту 20 — 30 метровъ, служатъ ей защитою отъ порывистаго морскаго вѣтра. Ихъ волнообразная цѣпь, со всѣхъ сторонъ какъ бы облитая голубоватымъ и золотистымъ отливомъ, составляетъ чудную раму этой красивой зеленѣющейсея полосы. Но недолговѣчна зелень этихъ обширныхъ луговъ. Весна какъ-будто спѣшитъ полною рукою разсыпать на нихъ цвѣты и ароматы; скоро потомъ плотная почва высыхаетъ отъ палящихъ лучей солнца и знойныхъ вѣтровъ. Тогда *Равнина*, лишняя всякой растительности, представляетъ только бесплодную и дикую пустыню. Зимой всѣ низменныя части ея превращаются въ обширное озеро, усѣянное островками странной формы, особенно частыми тамъ, гдѣ тянется пологая берега. Въ это время года всѣ средства передвиженія и перевоза ограничиваются челноками, которые здѣсь гораздо меньше, чѣмъ въ *Марѣ*; только съ помощью ихъ возможна переправа по рвамъ и затопленнымъ лощинамъ. Иногда челнокъ такъ малъ, что можетъ поднять только одного чело-вѣка

который стоитъ въ немъ, стараясь сохранить равновѣсіе, чтобы не опрокинуть своей орѣховой скорлупки. Иногда аргонавтъ нашъ лежитъ какъ въ гробу, въ своей ладѣ, которая едва можетъ вмѣщать его и которая плыветъ, погружаясь въ воду до самыхъ краевъ. Обратившись такимъ образомъ въ пловучую лодку, онъ несется по вѣтру къ стаѣ дикихъ утокъ, которымъ намѣревается послать зарядъ изъ своего длиннаго карабина.

Проводя жизнь между небомъ и водою, на землѣ, которая затопляется на зиму и высыхаетъ лѣтомъ, и которой сверхъ того угрожаетъ океанъ, грохочущій на горизонтѣ за чертою насыпей и песчаныхъ холмовъ, человекъ непрерывно видитъ беспомощность одиночества и сознаетъ безсиліе свое передъ могуществомъ стихій, готовыхъ ежеминутно стереть его съ лица земли. Оттого фермеры сблизились здѣсь повсюду между собою, составили болѣе или менѣе значительныя общества и раздѣлили пастбища на нѣсколько большихъ участковъ. Члены этихъ обществъ собираются ежегодно для избранія должностныхъ лицъ: *директора*, обязаннаго приводить въ исполненіе мѣры, утвержденныя обществомъ; *казначей*, завѣдывающаго храненіемъ актовъ и регистровъ, платою за работу, а равно и сборомъ податей, назначенныхъ на ихъ содержаніе; *смотрителя плотинъ*, обязаннаго имѣть надзоръ за плотинами, каналами и шлюзами, а также за исполненіемъ предписанныхъ работъ. Должность перваго безвозмездна, двѣ прочія соединены съ опредѣленнымъ содержаніемъ. Каждый изъ членовъ общества уплачиваетъ налогъ, пропорціональный съ количествомъ земли, принадлежащей ему и подверженной наводненію. Когда, во время бури или высокихъ приливовъ, море грозитъ потопить прибрежную страну, всѣ спѣшатъ на призывъ набата, раздающагося по деревнямъ; каждый, не задумываясь, приноситъ на мѣсто бѣдствія все, что можетъ остановить напоръ воды, даже самые цѣнные предметы, сѣно, снопы, удобреніе, матеріалы разрушенныхъ хижинъ и пр.; по окончаніи опасности, убытки подвергаются оцѣнкѣ, и члены общества уплачиваютъ ихъ безъ споровъ и проволочекъ. Всѣ эти вознагражденія, а равно и счета казначея утверждаются въ общемъ годичномъ собраніи, засѣданіе котораго происходитъ въ шинкѣ и оканчивается большимъ торжествомъ, изобильно приправленнымъ виномъ и водкою. Вода здѣсь величайшій врагъ; объ ней говорилось такъ много дурнаго въ засѣданіи, что, послѣ неимоверныхъ усилій

поставить преграду ея вторженіямъ, странно было бы допустить ее въ свой желудокъ.

Вандеѣ свойственны еще двѣ необыкновенныя отрасли промышленности, нѣкогда процвѣтавшія, а теперь пришедшія въ упадокъ. Я разумѣю охоту за эхиднами и ловлю пѣвокъ. Нѣтъ нигдѣ такого множества эхиднъ, какъ въ Вандеѣ: охота за этими ядовитыми пресмыкающимися имѣла свое значеніе для страны, и до сихъ поръ въ лѣсахъ *Бокажа* и въ *Равнинахъ* встрѣчаются иногда охотники за эхиднами. Одежда приспособлена къ ремеслу. Чтобы избѣжать укушенія, они покрываются кожей съ головы до ногъ, оставляя только два отверстія для глазъ. По прибытіи на мѣсто, гдѣ водятся пресмыкающіяся, охотники зажигаютъ нѣсколько сучьевъ и ставятъ на нихъ мѣдный котелъ съ молокомъ; запахъ молока привлекаетъ эхиднъ: по мѣрѣ того, какъ онѣ появляются, охотникъ хватается ихъ и сажаетъ въ боченокъ, прикрываемый искусно сдѣланнымъ клапаномъ. Когда запахъ молока болѣе не дѣйствуетъ, то охотникъ опоражниваетъ котелъ и бросаетъ въ него одну изъ пойманныхъ имъ эхиднъ, и она, сжигаемая раскаленнымъ металломъ, издаетъ пронзительный свистъ. Эта минута самая прибыльная для охоты: эхидны, которыя, какъ кажется, очень любятъ другъ друга, хотя ничѣмъ не доказываютъ этого нѣжнаго чувства, поспѣшаютъ на этотъ отчаянный призывъ, и охотникъ въ короткое время собираетъ ихъ множество. Когда сосѣднія мѣста опустѣютъ, то онъ беретъ свой котелъ и отправляется далѣе. Съ тѣхъ поръ, какъ теріакъ вышелъ изъ употребленія, охота эта пришла въ совершенный упадокъ, и мѣсто ея заступила ловля пѣвокъ, которая производится совершенно инымъ способомъ. Ловець прохаживается по болоту, обнаживъ свои ноги; къ нимъ тотчасъ же пристають пѣвки, и ловець, отрывая ихъ одну за другою, кладетъ въ какую-нибудь посуду или въ мѣшокъ. Нѣкогда пѣвка пользовалась большою славой; одно время она едва не замѣнила змѣи, вѣчно обвивающей жезлъ Эскулапа, но пробилъ и ея часъ, и ей пришлось жить опять спокойно въ своемъ грязномъ болотѣ. Глубокое презрѣніе обнаружила къ ней гомеопатія, и нашлись искусники, выдумавшіе особаго рода продолговатый рожокъ, которому дали названіе *искусственной пѣвки*.

Пѣвка имѣетъ отъявленнаго врага себѣ въ уткѣ, которая ни за что не хочетъ согласиться, чтобы пѣвка была полезна только для наружнаго употребленія, и полагаетъ, что ее можно съ боль-

шою пріятностію принимать внутрь. Полудикая утка, послѣднее прибѣжище и провидѣніе обитателя болотъ, находитъ въ Вандеѣ обѣтованную землю; она летаетъ, плаваетъ и прогуливается по воздуху, по волнамъ и по землѣ, до тѣхъ поръ, пока, по прошествіи извѣстнаго времени, потребитель не познакомитъ ее съ четвертою стихіей. Эти птицы ровно ничего не стобятъ своимъ владѣльцамъ, не требуютъ никакого ухода, въ тинѣ болотъ находятъ обильную пищу, состоящую изъ маленькихъ животныхъ всякаго рода, и о существованіи этой полуручной птицы вспоминаютъ тогда только, когда наступаетъ время отправлять ее на рынокъ. Конечно, такая собственность основана на правахъ, нѣсколько неопредѣленныхъ, но со всѣмъ тѣмъ ее признаютъ и уважаютъ, и между обитателями болотъ найдутся такіе, которые, не владѣя ни клочкомъ земли, кромѣ мѣста, занимаемаго ихъ хижиною, одною продажей утокъ выручаютъ по нѣскольку сотъ франковъ.

Въ одномъ изъ округовъ Вандеи, когда землевладѣлецъ проживаетъ въ своемъ помѣстьи, то образуется оеобаго рода фермерство, нѣчто среднее между воздѣлываніемъ земли посредствомъ наемныхъ работниковъ и половничествомъ. Крестьянинъ обрабатываетъ землю, присматриваетъ за домашними животными, перевозитъ на ферму хлѣбъ, сѣно, солому и жнивье, а помѣщикъ доставляетъ ему строения, домашнихъ животныхъ, сѣмена и орудія, уплачиваетъ подати, поземельные налоги и всѣ издержки при уборкѣ сѣна и жатвы. Фермеръ только работаетъ; онъ оставляетъ за собою только шестую часть сбора и носитъ названіе *sixtain*.

Въ осушенной части *Maré* такъ же, какъ и въ *Ravenne*, гдѣ нѣтъ ни лѣсу, ни торфу, ни каменнаго угля, человекъ могъ бы погибнуть отъ холода и не имѣлъ бы топлива для приготовленія себѣ пищи, еслибы природа не явилась къ нему на помощь съ своею обычною предупредительностію. Эти болотистыя земли отличаются такимъ плодородіемъ, что онѣ никогда не истощаются, даютъ непрерывно, не получая ничего въ замѣнъ. Если онѣ остаются въ залежи, то составляютъ отличныя пастбища; при разработкѣ онѣ обращаются въ самыя плодосныя мивы. Конскій навозъ не производитъ на нихъ никакого вліянія, коровій положительно имъ вреденъ. Навозъ рогатаго скота идетъ на топливо: его перемишиваютъ съ рубленою соломой, и изъ этой смѣси выдѣлываются круглые и плоскіе кирпичи, толщиною въ руку, которые просушиваются на солнцѣ. Топливо это

неудобно по сильной густотѣ дыма, который съ трудомъ проходитъ въ дурно-устроенныя трубы и распространяетъ вокругъ себя удушающій смрадъ. Но крѣпкія легкія деревенскихъ жителей не страдаютъ отъ такой бездѣлицы, и когда дымъ ослѣпляетъ ихъ и заставляетъ плакать однимъ глазомъ, они смѣются другимъ, при мысли, что жители *Бокажа* дорогою цѣной покупаютъ у нихъ золу, необходимую имъ для удобренія ихъ полей.

Въ *Марѣ* преимущественно встрѣчается особый классъ жителей, *colliberts*, которые не смѣшиваются съ другимъ населеніемъ. Въ X вѣкѣ, въ тѣ дни, когда благородный властитель принудилъ каждаго свободнаго человѣка избрать себѣ господина и дерзнулъ опозорить все земледѣльческое населеніе ошейникомъ рабства, житель *Марѣ*, благодаря своей нищетѣ, не привлекавшей корыстолюбія землевладѣльца, успѣлъ ускользнуть отъ общаго порабощенія. Человѣкъ въ полномъ смыслѣ безземельный и бездомный, онъ остался *свободенъ отъ ошейника* (*collibert, colli libertus*), въ то время когда все вокругъ него погружалось въ рабство. Другіе постепенно возвратили себѣ часть своей прежней свободы: оль до этихъ дней сохранилъ свою нищету. Не имѣя ни дома, ни собственности, онъ живетъ на лодкахъ, презираемый въ странѣ своей наравнѣ съ кретиномъ, хотя вѣроятно вся причина его низкаго положенія въ обществѣ заключается въ его крайней бѣдности и въ совершенномъ отсутствіи умственнаго развитія. *Collibert* составляетъ послѣднюю категорію жителей *Марѣ*.

Изъ всего сказаннаго нами не трудно понять, до какой степени удобны для междуусобной войны такія страны, каковы *Бокажъ*, *Марѣ* и *Равнина*, и какія огромныя выгоды представляютъ онѣ мѣстнымъ стрѣлкамъ. Еслибы было что-нибудь такое, что могло бы еще болѣе возвысить славу изумительнаго геройства республиканскихъ солдатъ, то конечно это *что-нибудь* было усмиреніе возстанія въ подобной мѣстности.

Благодаря нищетѣ своей и явному неблаговоленію природы, Вандея избѣжала алчности великихъ средневѣковыхъ бандитовъ. Владѣльцы здѣсь были лицадо такой степени ничтожныя, что не въ состояніи были вполнѣ угнести эту страну. Имена тѣхъ, которымъ предстояло изумить Францію, воспрянувъ изъ глубины своихъ болотъ, никогда не раздавались въ залахъ Версаля. Домосѣды по доброй волѣ столько же, сколько по необходимости и по недостаточному состоянію, дворяне этихъ кантоновъ доставили коро-

лямъ мало придворныхъ. Гордые своею независимостію и полныя презрѣнія къ позлащенному рабству, имѣвшему во Франціи множество приверженцевъ во всѣ времена, они оставались дома, и если случалось, что кто-нибудь изъ ихъ среды поступалъ ко двору въ пажы, то родственники обыкновенно говорили ему, съ видомъ глубочайшаго сожалѣнія: «Вотъ ты и сдѣлался лакеемъ, мой милый!» И если въ послѣдствіи король украшалъ грудь его лентою одного изъ своихъ орденовъ, они позорили названіемъ недоудка этотъ почетный и для многихъ неоцѣненный знакъ отличія. Эти свойства гордой независимости и привязанности къ родной почвѣ, господствовавшія издавна въ Вандеѣ, породили нѣкотораго рода федеративную связь между дворянами и подвластными имъ людьми; послѣдніе всегда почитали своихъ господъ истинными дѣтьми родной страны, и въ туземныхъ графахъ и маркизахъ чтили потомковъ древнихъ влѣстителей, господствовавшихъ надъ ними въ счастливые дни ихъ независимости. Земля, которой часть перешла нынѣ въ руки *буржуазіи*, и на которую даже крестьяне начали простирать руку, составляла тогда исключительную собственность дворянства. При отсутствіи городовъ, помѣщики не встрѣчали подлѣ себя завистливой *буржуазіи*, которой богатства раздражали бы ихъ, и въ отношеніяхъ своихъ къ крестьянамъ сохранили добродушную простоту, не имѣвшую ничего общаго съ жестокою тиранніей, господствовавшей въ остальной Франціи. Впрочемъ грубые и невѣжественные, подобно своимъ крестьянамъ, они проживали вдали отъ остальнаго міра, въ глуши болотъ и кустарниковъ, едва умѣя читать и писать; у нихъ не было ни роскошныхъ жилищъ, ни замковъ, украшенныхъ произведеніями архитектуры, ваянія и живописи. Погребъ былъ всегда снабженъ изобильно, за то нигдѣ не было библіотеки. Не было ни парковъ съ прекрасными видами, ни садовъ, ни цвѣтовъ, ни даже пѣвчихъ птицъ, которыя появляются какъ бы въ изъясненіе благодарности человѣку, за то, что онъ украсилъ для нихъ природу. Вмѣсто всего этого, массивныя жилища, построенныя гдѣ пошло посреди лѣса; единственные гости этихъ неграціозныхъ замковъ — маленькіе губители заборовъ и кустарниковъ: сорока, шаловливая синица, скрывающая самую свирѣпую душу подъ миловидною и граціозною наружностью, крикливая соя, зловѣщій воронъ и преимущественно птица мрака, вьющая гнѣздо свое подъ стропилами церквей и распѣвающая надъ мертвецами, беззвучно летящая ночная сова, которой крикъ, усвоен

ный инсургентами, долженъ былъ въ послѣдствіи сдѣлаться сигналомъ соединенія для Вандейцевъ, которымъ случилось заблудиться между кустами дрока. Она дала даже имя свое тѣмъ мученикамъ фанатизма, которые назывались *шуанами* (*chouans—châts-huants*).

Пить, ѣсть и охотиться, вотъ что было единственнымъ занятіемъ этихъ сельскихъ дворянъ. Крестьянинъ содѣйствовалъ господину своему во всѣхъ его забавахъ; въ награду за это, господинъ смотрѣлъ сквозь пальцы на браконьерство (1), а потому дичь почиталась благотворною манной, которою каждый могъ пользоваться. Въ другихъ мѣстахъ землевладелецъ строго соблюдалъ ненавистное право охоты, а здѣсь онъ и не думалъ пользоваться привилегіей, въ которой не имѣлъ ни малѣйшей надобности. Оттого Вандецъ и приобрѣлъ ту вѣрность взгляда и мѣткость выстрѣла, которыя такъ дорого обошлись въ послѣдствіи республиканскимъ солдатамъ.

Эта извѣстная степень дружелюбія между крестьянами и помѣщиками отозвалась во время вандейской войны. Судьба хотѣла, чтобы тѣ отношенія, которыя могли бы служить основой мира и спокойствія, послужили у насъ орудіемъ для кровопролитія. Впрочемъ, не справедливо было бы сказать, что здѣшніе крестьяне и дворяне связаны были узами искренней любви. Удостоивая крестьянина фамилярнымъ обхожденіемъ, дворянинъ и здѣсь смотрѣлъ на него какъ на простолюдина, съ которымъ у него не могло быть ничего общаго. Крестьянинъ боялся своего господина, и въ глубинѣ души все-таки ненавидѣлъ въ немъ челоуѣка, отъ котораго зависѣла его жизнь. Конечно, господинъ требовалъ здѣсь отъ него менѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ иномъ мѣстѣ Франціи, зато крестьянинъ и добывалъ менѣе и оставался такимъ же бѣднякомъ, какъ и другіе крестьяне. Несмѣя обнаруживать ненависть свою передъ господиномъ, онъ честилъ служителей его, съ которыми имѣлъ сношеніе, презрительнымъ прозвищемъ *nobliet*, уменьшительное отъ слова *noble*, благородный, и теперь еще эта кличка употребляется имъ нерѣдко. Взгляните на него, когда онъ взрываетъ борозды плугомъ, въ который впряжены четыре рабочіе вола. Каждый изъ воловъ имѣетъ свое названіе: *châtain*, *rougeau*, *mougeau* и *nobliet*. Послѣднему достается самое дурное мѣсто, подъ рукою пахаря, который всегда можетъ достать его своимъ бичомъ. Гнѣвъ его возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ онъ осыпаетъ ру-

(1) Охота украдкой, въ противность закону.

гательствами трехъ первыхъ быковъ, и всѣ удары, заслуженные ими, сыплются на бѣднаго *poiblet*.

Вы знаете, какъ богата была нѣкогда Франція монастырями обоего пола и всевозможныхъ орденовъ. Въ эпоху самой страшной нищеты, въ XIII вѣкѣ, особенно были въ ходу нищенствующіе ордена. Бѣдность господствовала повсюду; многіе старались вмѣнить ее себѣ въ заслугу передъ Богомъ. При устройствѣ одного изъ этихъ орденовъ, всѣ грудные младенцы воскликнули единогласно: «Вотъ истинные служители Божіи!» Названіе осталось за монахами; они получили наименованіе «братій-служителей» (*Frères servites*). Не знаю, извѣстно ли вамъ, что, по достовѣрнымъ извѣстіямъ, это чудо повторилось въ наше время, и притомъ у васъ въ Россіи, въ честь одного изъ знаменитыхъ писателей нашихъ, г. Александра Дюма, который издаетъ въ эту минуту описаніе своего недавняго путешествія въ Россію и на Кавказъ. Стоить ему только возвѣстить о себѣ въ какомъ-нибудь захолаустыи вашего обширнаго отечества, какъ всѣ дѣти, въ упоеніи восторга, восклицаютъ, хлопая своими ручонками: «Александръ Дюма, да, я знаю его; это авторъ *Монтекристо* и *Мушкетеровъ!*» Безъ сомнѣнія, это служитъ доказательствомъ ранняго развитія дѣтей въ Россіи, а равно и популярности нашей литературы. Александръ Дюма растратилъ, правда, въ импровизаціяхъ, слишкомъ быстрыхъ, одну изъ самыхъ богатыхъ организацій, какія когда-либо создавала природа, и зданіе его литературной славы, высоко поднимаясь вверхъ, не имѣетъ твердаго основанія, что сильно вредитъ его прочности и долговѣчности, но тѣмъ не менѣе онъ остается однимъ изъ самыхъ популярныхъ писателей. Поэтому я имѣю право полагать, что читателямъ вашимъ извѣстенъ одинъ изъ его послѣднихъ романовъ: *Les louves de Machecoul*, дѣйствіе котораго происходитъ въ Вандеѣ, а предметъ заимствованъ изъ послѣдняго возстанія роялистовъ въ 1832 году. Я приведу вамъ нѣсколько преданій этой мѣстности, которыя убѣдятъ васъ, что вандейскіе сеньйоры не всегда бывали патріархальными пастырями чловѣческихъ стадъ своихъ, и что хотя они обыкновенно стригли овецъ благосклонною рукой, но иногда и сдирали съ нихъ кожу.

Въ 1210 году, владѣтельница Машкула называлась Беатри-сою. Никогда еще женщина не любила дѣтей такъ сильно, какъ она: только она любила ихъ, какъ любятъ баранину или говя-

дню, изъ одного обжорства. Благородная дама, какъ видите, была людоедка, и ей непременно каждый день подавали къ столу ребенка. Ловчіе ея исходили все окрестности, отыскивая дѣтей; наконецъ помѣстья опустѣли: ни одного ребенка въ нихъ не осталось, и поварь, чтобы пособить горю, вздумалъ однажды изготовить къ столу своей госпожи молодую собаку. Беатрисъ поправилось новое кушанье, она привыкла къ собачьему мясу, и такъ какъ ей удобно было раскаться въ своемъ прежнемъ людоедствѣ, нисколько не стѣняя своего аппетита, она основала въ лѣсу Рошъ на Йонъ (Roche sur Yon), гдѣ въ наше время находится городъ Наполеонъ-Ванде, монастырь, который она посвятила Св. Августину. Она щедро одарила его, и благодарные монахи вписали имя ея въ число своихъ праведниковъ, установили въ честь ея годовщину, молились за нее и восхваляли хвалы ея Богу.

Былъ еще владѣтель Машкуля, передъ страшную репутаціей котораго блѣднѣетъ слава благородной Беатрисы. Я разумѣю Жиль де Ретца, маршала Франціи, который храбро сражался рядомъ съ Іоанною д'Аркъ, помогъ ей выгнать Англичанъ изъ Франціи и, при вѣнчаніи Карла VII въ Реймсѣ, удостоился чести держать королевское знамя. Разорившись вслѣдствіе безумной расточительности, онъ принялся за изученіе магіи, по совѣту одного Флорентинца, который обѣщаль ему милость дьявола, чтобы съ помощью ея возвратить потерянное богатство. Не возможно было бы повѣрить всемъ ужасамъ и неистовствамъ, которые совершилъ маршалъ Ретцъ для пріобрѣтенія милости злаго духа, еслибъ они не подтверждены были его собственнымъ признаніемъ и не записаны въ его процессѣ: онъ приносилъ дьяволу человѣческія жертвы. Занимая слишкомъ высокое положеніе въ обществѣ, онъ не считалъ нужнымъ скрывать свои сумазбродства и преступленія. Оттого въ скоромъ времени они сдѣлались всемъ извѣстны. Давно уже въ народѣ носилась молва, что онъ похищаетъ самыхъ красивыхъ дѣтей обоюбого пола, запираетъ ихъ въ замкахъ Машкуля и Шантосе (Champtocé), гдѣ предаетъ ихъ мучительной смерти и кровь ихъ употребляетъ для своихъ заклинаній. Напрасно несчастные вассалы, съ которыхъ онъ собиралъ эту ужасную дань, горько оплакивали участь его жертвъ. Имя и званіе преступника, его огромное богатство, устрашали правосудіе, которое въ отношеніи къ нему долго оставалось глухимъ и слѣпымъ. Наконецъ жизнь этого чудовища стала до такой степени

возмутительна, общественное негодованіе съ такою силой возстало противъ него, что епископъ нантскій и сенешаль Ренна, главный судья области, принуждены были уступить требованію народа и, опасаясь, чтобы Бретонцы и Анжуйцы, выведенные изъ терпѣнія такою страшною тиранніей, не вздумали съ нимъ расправиться сами, приговорили его къ сожженію на кострѣ. Изъ документовъ, составляющихъ процессъ маршала, видно, что онъ убѣжденъ былъ въ безнаказанности, обнаруживалъ глубочайшее презрѣніе къ своимъ судьямъ и съ величайшимъ хладнокровіемъ отвѣчалъ имъ, что онъ совершилъ столько преступленій, что ихъ было бы достаточно для осужденія на смерть 10 тысячъ человекъ. Въ башнѣ Машекуля найдена была цѣлая бочка пережженныхъ костей; и такое количество дѣтскихъ остововъ, что число погибшихъ дѣтей приблизительно должно было простираться до сорока. Во всѣхъ его замкахъ, вездѣ, гдѣ онъ проживалъ, найдено было то же самое. Присутствіе его повсюду ознаменовано было убійствомъ. Число дѣтей, зарѣзанныхъ этимъ чудовищемъ, простиралось до ста сорока. И съ какою цѣлью и какимъ образомъ? Это было ужаснѣе самой смерти. То были жертвы дьяволу. Иногда Ретцъ отдавалъ своему чародѣю кровь ребенка, руку, глаза или сердце. Печальнѣе всего то, что, потерявъ всякое сознаніе добра, зла и правосудія, злодѣй до конца сохранилъ увѣренность въ своемъ спасеніи. Ему казалось, что онъ угодилъ въ одно и то же время и Богу, и дьяволу. Онъ не отрицалъ существованія Бога, но старался подкупить своего судью обѣдами и процессіями. Дьяволу же онъ довѣрялся вполнѣ, жертвовалъ ему всѣмъ, кромѣ жизни и души. Это его и успокоивало. Когда его разлучили съ его чародѣемъ, то онъ, рыдая, сказалъ ему слѣдующія странныя слова: «Прости, другъ мой Францискъ, молю Бога, чтобъ онъ даровалъ тебѣ терпѣніе и знаніе, и будь увѣренъ, что если ты сохранишь терпѣніе и надежду на Бога, мы въ великой радости свидимся въ царствѣ небесномъ». Его осудили на сожженіе и возвели на костеръ, но не сожгли; изъ уваженія къ его могущественной фамиліи и къ дворянству вообще, его задушили, прежде чѣмъ запылалъ костеръ. Тѣло не было обращено въ пепелъ. Благородныя дѣвицы пришли за нимъ на нантскій лугъ, гдѣ совершилась казнь, сняли тѣло собственными руками и, съ помощью нѣсколькихъ монахинь, схоронили его съ большими почестями въ церкви одного изъ городскихъ монастырей.

Быль еще въ Вандеѣ другой классъ, имѣвшій несравненно болѣе вліянія на крестьянъ, чѣмъ дворянство,—это классъ духовенства. Они боялись и вмѣстѣ любили его, и эти два чувства, нынѣ далеко уже не столь сильныя, какъ прежде, пережили всѣ ихъ старинныя вѣрованія. Черезвычайно набожная Вандея избирала своихъ священниковъ изъ среды своей, она снабжала ими сосѣдственныя епархіи, она вездѣ устраивала мужскіе и женскіе монастыри. Многочисленныя семейства этой бѣдной и отсталой страны не въ состояніи были прокормить всѣхъ своихъ членовъ. Такимъ образомъ въ монастыри и семинаріи спѣшили поступать всякій, кому лѣнь была обрабатывать землю, кого манило честолюбивое желаніе замѣнить блузу рясою, чтобы стать выше городскихъ жителей и почти поравняться съ дворянами, и кто, по слабости ума и тѣла, не въ состояніи былъ выносить житейскія заботы.

Понятно, что за люди были эти священники. Вышедши изъ какой-нибудь фермы, затерянной въ глубинѣ *Бокажа* или въ туманѣхъ *Марѣ*, они проводили по нѣскольку лѣтъ въ семинаріи и оттуда возвращались на мѣста викаріевъ и потомъ священниковъ въ какой-нибудь скромной вандейской деревушкѣ. Они ничего не знали, да и знать не хотѣли о томъ, что дѣлается на свѣтѣ; напрасно лучи просвѣщенія сіяли надъ ними, они оставались вѣрны преданіямъ XII вѣка; одно только невѣжество зажигало въ ихъ сердцахъ пламя фанатизма, и большая часть ихъ отъ всей души трепетала революціи, которая приближалась къ нимъ, разсыпая щедрою рукою дары свои и обѣты. Отмѣною десятины, революція примирила священника съ крестьяниномъ, уничтоживъ собственными руками все то, что подавало поводъ къ ихъ обоюдной враждѣ во всѣхъ мѣстахъ, куда успѣли проникнуть начала разумной жизни или инстинкты независимости. Но революція не остановилась на этомъ: она поставила священника въ простое положеніе должностнаго лица, получающаго опредѣленное жалованье. Уничтоживъ постановленія папы Іоанна XXII (который съ чисто-финансовою цѣлью увеличить *аннаты* (1), имъ же установленныя, умножилъ въ XIV вѣкѣ безъ всякаго основанія число епископовъ), національное собраніе, въ видахъ народнаго единства, опредѣлило, чтобы епархіальное раздѣленіе соответствовало

(1) Папскій доходъ, собираемый съ духовенства.

административному, и чтобы въ каждомъ департаментѣ было только по одному епископу. Въ сущности это было великимъ благодѣяніемъ для народа. Но нѣтъ возможности безнаказанно коснуться неподвижности духовенства. Боязливые священники видѣли въ этой реформѣ посягательство на права церкви; прелаты, съ потерей мѣстъ терявшіе всякое значеніе, громко возопили противъ нея; тѣ, для которыхъ выгодна была переимѣна, не думали имъ мѣшать; и все это вмѣстѣ произвело страшный шумъ. Епископы и священники должны были избираться народомъ и наравнѣ съ прочими чиновниками давать гражданскую присягу въ вѣрности націи, закону и королю. Однимъ словомъ, обнаружилась попытка распустить римское войско и поставить священниковъ въ ряды прочихъ гражданъ. Король требовалъ повиновенія, но папа побуждалъ къ упорному сопротивленію, затѣмъ, конечно, чтобы въ послѣдствіи принять отъ перваго консула республики то, въ чемъ онъ отказывалъ христіаннѣйшему королю.

Между тѣмъ какъ оставались совершенно спокойными жители тѣхъ немногихъ приходоу, гдѣ священники и викаріи присягнули конституціи, страшное волненіе обнаружилось тамъ, гдѣ прежнее духовенство старалось представить новыхъ конституціонныхъ священниковъ язычниками и безбожниками. Чтобы возбудить противъ нихъ общее негодованіе, имъ дали прозваніе *intrus*, то-есть самовольно втершіеся, и церкви ихъ оставались пусты. Даже дѣти убѣгали при встрѣчѣ съ новымъ служителемъ алтаря, восклицая: «вотъ идетъ присяжникъ!» Никто не хотѣлъ ни говорить съ нимъ, ни служить ему, ни даже продавать ему что-нибудь. Можно было подумать, что это какой-нибудь прокаженный среднихъ вѣковъ, какой-нибудь отверженецъ, которому древніе отказывали въ огнѣ и водѣ; бывали многочисленныя приходы, гдѣ невозможно было служить обѣдню, потому что священникъ не находилъ ни одного дома, гдѣ бы ему дали угольевъ для камильницы и для зажигація свѣчей.

Что же касается до тѣхъ, которые отказались отъ присяги, то они во мнѣніи своихъ прихожанъ приобрѣли еще большую святость и невидимое могущество, и изъ священниковъ обратились въ мучениковъ. Для спасенія души достаточно было прослушать ихъ обѣдню, исповѣдывать имъ грѣхи и получить изъ ихъ рукъ причастіе. Нѣкоторые изъ нихъ даже творили

чудеса, и потому возможность укрывать ихъ почиталась великимъ счастьемъ и особеннымъ знакомъ милости Божіей.

Въ каждомъ приходѣ былъ по крайней мѣрѣ одинъ изъ такихъ изгнанниковъ, и власть ихъ надъ душами была безгранична: имъ однимъ предоставлено было связывать и разрѣшать на землѣ. Въ глубокую ночь къ нимъ привозили отвсюду крестить дѣтей и напутствовать умирающихъ. Бракъ, котораго не благословили они, почитался беззаконнымъ. Изгнанные изъ церкви, они воздвигали алтари на какой-нибудь лужайкѣ, въ непроницаемой чашѣ дрока, а прислужники ихъ ходили изъ одной фермы въ другую, тайнственно стучались въ дверь, которая нѣсколько отворялась передъ ними, и говорили вполголоса: «Завтра, въ полночь, на такомъ-то перекресткѣ или на такой-то полянѣ». И на другой день, женщины, дѣти, старики перебирались черезъ плетни, скользили между кустами дрока, и всѣ являлись въ назначенное мѣсто съ обнаженною головою и съ четками въ рукахъ.

Отличительнымъ характеромъ роковой войны, вспыхнувшей въ Вандеѣ, болѣе всего доказывающимъ огромное вліяніе духовенства, было дѣятельное, безпримѣрное въ исторіи участіе въ ней того пола, которому предоставлено завидное право не присутствовать при отвратительныхъ человѣческихъ побоищахъ. Женщины всякаго званія, дворянки и крестьянки, полу-свѣтскія знатныя дамы и жены фермеровъ, отправлялись за своими сыновьями, мужьями, отцами и любовниками, поддерживая ихъ въ минуту утомленія, одушевляя ихъ упавшее мужество и яростными криками побуждая ихъ къ кровопролитію. Нерѣдко случалось, что онѣ, забывая свое всегдашнее рабство, появлялись съ топоромъ въ рукахъ, и съ бѣшенными воплями срубали деревья свободы. Новыя Спартанки, онѣ гнали сыновей своихъ въ битву и даже не рѣдко научали малолѣтнихъ дѣтей участвовать въ кровопролитіи и подобно имъ осквернять уста свои отвратительнымъ пиршествомъ смерти. Князь де-Тальеймонъ, Шареть, Тентеңьякъ обратили палатки свои въ будуары, а Тереза де-Мельенъ (Moelien), мадамъ де-Боли (Beauglie), мадамъ де-Ларошфуко присутствіемъ своимъ придавали лагерю защитниковъ религіи нѣчто дѣйствительно похожее на станъ крестоносцевъ. Рясы священниковъ и платья красавицъ двигались дружно на коняхъ и цѣплялись за однѣ и тѣ же изгороди. Въ битву вступали всѣ вмѣстѣ и, спасая другъ друга жизнь въ теченіи дня, вечеромъ укрывались вмѣстѣ же

въ одной палаткѣ и вели тамъ любовныя рѣчи. Нѣчто въ высшей степени рыцарское и упойтельное представляла возможность за изгородами Вандей предаваться очарованію любовныхъ свиданій!

Вандейскіе дворяне, намѣревавшіеся противодѣйствовать революціи, поняли, что священники втайнѣ трудились во имя одного съ ними дѣла и составили съ ними тѣсный союзъ. Подъ этимъ двойнымъ предводительствомъ возстали крестьяне Вандей противъ той самой революціи, которая несла имъ полное освобожденіе. Между тѣмъ какъ въ другихъ частяхъ Франціи дворянская кровь лилась подъ рукой ожесточенныхъ крестьянъ, въ Вандей взаимная близость дворянъ и крестьянъ и дружелюбныя отношенія, издавна установившіяся между этими двумя классами, не только оградили дворянъ отъ всякой опасности, но даже дали имъ возможность предводительствовать крестьянами въ войнѣ, предпринятой собственно въ ущербъ крестьянскихъ интересовъ.

Армія составляла родъ феодалнаго ополченія, въ которомъ каждый землевладѣлецъ велъ въ битву своихъ прихожанъ, избравшихъ его предводителемъ. Въ составъ ея входили три различные отряда: 1) лѣсные сторожа, браконьеры, контрабандисты, дезертеры, служители, потерявшіе мѣста вслѣдствіе эмиграціи, это былъ избранный отрядъ; 2) вооруженные крестьяне; и наконецъ 3) безоружная толпа, которая носила палки, наподобіе ружей, и служила только для увеличенія числа и внушенія большаго страха непріятелю; она собиралась около пушекъ и зарядныхъ ящиковъ, и къ ней примыкали женщины, дѣти, старики и семинаристы.

Такъ-называемую кавалерію составляли нѣсколько сотенъ людей, набранныхъ, какъ попало, между продавцами домашней птицы и плодовъ, и эти всадники появлялись верхомъ на вьюкахъ, съ которыми они обыкновенно разѣзжали по ярмаркамъ. Для большей оригинальности, они привязывали къ хвостамъ своихъ влячь трехцвѣтныя кокарды и солдатскіе эполеты, подобранные въ сшибкахъ. Что же касается до артиллеріи, то она была малочисленна, да впрочемъ при такой партизанской войнѣ въ ней и не предстояло большой надобности.

Вся эта ватага крестьянъ, одѣтая въ синіе и сѣрые камзолы изъ грубаго сукна, подъ которыми были бѣлые шерстяные или бумажные жилеты, стаянутае поясомъ, двигалась впередъ безъ всякаго порядка и оглашала воздухъ звуками роговъ. Лица ихъ

окрыжены длинными, гладкими волосами, падающими до плечъ, а на головахъ огромныя круглыя шляпы, украшенныя бѣлою, а иногда зеленою кокардой. Деревянная или оловянная ложка вѣта у нихъ въ петлицу: это единственная, необходимая утварь ихъ. Въ лѣвой рукѣ у нихъ четки, къ которымъ они безпрестанно прикладываются, между тѣмъ какъ на груди у нихъ навѣшены распятія, нарамники, *ризы Богородицы*, куски ткани, на которыхъ вышиты красныя сердца съ крестомъ наверху и съ зелеными пальмовыми вѣтвями вокругъ. При видѣ такой толпы, въ безпорядкѣ разсыянной по дорогѣ и состоящей изъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, которые, смиренно потупивъ глаза въ землю, громко читаютъ молитвы или поютъ псалмы, можно было подумать, что видишь передъ собою толпу богомольцевъ, идущихъ куда-нибудь для исполненія даннаго обѣта или съ иною благочестивою цѣлю. Но ружья съ сверкающими на солнцѣ штыками, пистолеты, платкомъ привязанные къ поясу, сабли, вѣтвья въ веревочныя портупей, косы, прилаженные навыворотъ, вилы, копыя и палки, надъ которыми развѣвается бѣлое знамя, вышитое лиліями, но женщины съ двумя сумками за плечами, одною для головъ патриотовъ и *городскихъ господъ* (*les messieurs de la ville*), а другою для денегъ, вся эта странная обстановка возвѣщаетъ войну.

Между этими войнами нѣтъ ни субординаціи, ни дисциплины: совершенное равенство господствуетъ въ лагерѣ защитниковъ неограниченной монархіи, и они сражаются противъ республики, руководствуясь ея же принципами. «Потребность равенства чувствовалась такъ сильно, говоритъ маркизъ де-Ларошжакленъ въ своихъ *Мемуарахъ*, что дворяне старались обращаться съ каждымъ офицеромъ изъ крестьянъ, какъ съ равнымъ себѣ.» Въ случаѣ необходимости устраивали даже іерархію совсѣмъ навыворотъ, такъ что послѣдніе становились первыми; если же войско претерпѣвало неудачу, по упущеніямъ низшихъ офицеровъ, то подвергать ихъ наказанію не смѣлъ никто, и почиталось за лучшее приписывать поражение дѣйствию гнѣва Божія. Крестьянинъ ни за что не дерзнулъ бы пробраться въ комнаты своего господина; но вандейскій солдатъ садится за столъ своего генерала и во что бы то ни стало хочетъ участвовать въ совѣщаніяхъ. Онъ сражается, побуждаемый непокорностію, чтобы не покориться закону о рекрутскомъ наборѣ: онъ сражается дома, чтобы не отправиться на сраженіе за предѣлы своей родины; замѣтьте при томъ, что

онъ сражается противъ свободы, которую самъ любитъ. За то, побѣдить ли онъ, или будетъ побѣжденъ, во всякомъ случаѣ восторжествуетъ свобода. Онъ не хочетъ повиноваться поставленнымъ надъ нимъ офицерамъ, въ руки которыхъ желѣзная дисциплина передаетъ его; онъ добровольно слѣдуетъ за вождями, которыхъ избираетъ самъ и къ которымъ питаетъ полную довѣренность. Эти вожди въ первыхъ прокламаціяхъ своихъ употребляли республиканскую формулу: «братья и друзья!» и долгое время крестьяне заставляли ихъ идти пѣшкомъ вмѣстѣ съ собою. Никакимъ внѣшнимъ признакомъ не отличались они отъ солдатъ: но когда Ларошжакленъ вздумалъ носить на головѣ, на поясѣ и на шеѣ красные платки, всѣ вожди послѣдовали его примѣру, и такая мода, придавая имъ видъ разбойничьихъ атамановъ, оправдывала прозваніе *разбойниковъ*, которое имъ придали патріоты, и которое они потомъ сами приняли.

Ночью на Вандейцевъ нападалъ паническій страхъ, и не было никакой возможности принудить ихъ къ сраженію въ темнотѣ. Мужеству ихъ необходимъ былъ дневный свѣтъ. Когда хотѣли подвинуть впередъ какой-нибудь отрядъ, то кричали: «Господинъ такой-то идетъ по такой-то дорогѣ; кто хочетъ за нимъ слѣдовать?» Предводители, при началѣ атаки, тѣмъ же способомъ формировали свои роты. Кричали обыкновенно: «идите къ такому-то толстому дереву, къ такому-то дому», и солдаты шли. Передъ битвой они читали молитвы и крестились каждый разъ, когда собирались стрѣлять, прося Бога, чтобъ Онъ направилъ пулю прямо въ грудь которому-нибудь изъ его созданий. Что же касается до патрулей и часовыхъ, то не было никакой возможности побудить ихъ къ исполненію этихъ необходимыхъ служебныхъ обязанностей, и вся тягость ихъ падала на офицеровъ.

На дѣлѣ выходитъ, что эта незаконная война обратилась во вредъ ея виновникамъ: дворяне потеряли въ ней свое обаяніе, а крестьяне научились независимости и свободѣ.

Экспедиціи никогда не бывали продолжительны. Хлѣбомъ запасались дня на четыре, на пять; по истощеніи этого запаса и послѣ первой схватки, все исчезало какъ бы по мановенію волшебника: ратники возвращались домой обнять женъ своихъ и *перемѣнить рубашку*, оставляя вождей съ нѣсколькими дезертерами и бездомными бродягами.

Тактика Вандейцевъ отличалась необыкновенною простотою и не требовала никакого военнаго искусства: ложиться ничкомъ,

чтобъ избѣжать пушечнаго выстрѣла, вскакивать быстро и, бросаясь на канонировъ, убивать ихъ у самыхъ орудій,—таковъ былъ ихъ образъ дѣйствій. Республиканскіе солдаты не встрѣчали никакого сопротивленія. Ихъ допускали въ этотъ лабиринтъ изрытыхъ дорогъ, о которыхъ мы уже говорили. «Вотъ Синіе! разсыптесь, ребята!» (1) кричали предводители, если ихъ ратники стояли сомкнутою толпой и представляли слишкомъ удобную цѣль для артиллеріи и застрѣльчиковъ; и всѣ тотчасъ скрывались за изгороди и между кустами дрока. Они заставляли Синихъ раздроблять свои силы и потомъ нападали на нихъ навѣрное, и почти не подвергаясь никакой опасности. Если послѣдніе пытались пробить брешь въ оградахъ, то не находили за ними ровно ничего, кромѣ кустовъ дрока, между которыми невидимые для нихъ Вандейцы цѣпились въ нихъ съ полною увѣренностію, и если первымъ выстрѣломъ давали промахъ, то вторымъ убивали наповалъ противника. Если патріоты начинали колебаться отъ этихъ убійственныхъ выстрѣловъ, то они бросались на нихъ изъ своей засады и добывали ихъ палками. Солдаты, терявшіе увѣренность и ослабѣвавшіе въ этомъ неисходномъ лабиринтѣ находили неминуемую смерть. Для Вандейца вездѣ возможно было отступление, для патріота нигдѣ. Солдатъ не смѣлъ пуститься на преслѣдованіе напріятеля, который восклицалъ, укрываясь въ чащѣ: «Да здравствуетъ король!»

Вандейцу нечего было хлопотать о жалованьѣ, о сѣстныхъ припасахъ, о боевыхъ снарядахъ. Страна снабжала его всѣмъ нужнымъ; напротивъ того, Синіе должны были тащить все это съ собою. Перевозка тяжестей могла производиться только на туземныхъ узенькихъ телѣжкахъ, да и тѣ поворачивать могли только на перекресткахъ, часто очень отдаленныхъ одинъ отъ другаго. Съ большимъ трудомъ они могли дѣлать миля по три въ день, такъ что спасти ихъ при отступленіи не было никакой возможности. Опрокидывался ли зарядный ящикъ, или увязала телѣжка въ грязи, вся армія останавливалась, и существованіе ея подвергалось опасности. Одерживая побѣду, разбойники находили на полѣ битвы оружіе, боевые снаряды, сѣстные припасы и одежду; проигрывая сраженіе, они оставляли въ добычу своимъ противникамъ только деревянные башмаки,

(1) «Voilà les Bleus! Egaillez-vous, les gas!» Мѣстные выраженія: egailler, рассыпаться; gas вмѣсто gars, то-есть garçons.

которые сбрасывали съ себя, чтобы бѣжать какъ можно скорѣе. Ружья же свои они или прятали въ чащѣ оградъ, или разбивали. Полное знаніе мѣстности давало имъ возможность сражаться тогда только, когда они того хотѣли. Не допуская до нападенія, они дѣйствовали всегда наступательно, каково бы ни было ихъ положеніе, и хорошо знали, какъ неудержимъ былъ порывъ ихъ перваго натиска. Если дѣло случалось на какомъ-нибудь открытомъ мѣстѣ, они обходили непріятеля; никогда не появляясь передъ нимъ большими массами, они не боялись его пелотонной стрѣльбы, между тѣмъ какъ они сами при каждомъ выстрѣлѣ изъ своихъ ружей, заряженныхъ четырьмя-пятью пулями, вѣрно прицѣливались и производили ужасное опустошеніе въ сомкнутыхъ рядахъ своихъ противниковъ.

О боевомъ порядкѣ, правильномъ сообщеніи и распредѣленіи дѣйствующихъ отрядовъ и резервовъ нечего и думать въ странѣ, гдѣ невидимый непріятель окружаетъ васъ со всѣхъ сторонъ, исчезая передъ вами, когда силы ваши велики, и налетая на васъ съ неистовствомъ, когда вы ослабѣваете. Средствомъ сельскихъ колоколенъ, мельницъ, расположенныхъ на возвышенной мѣстности, и высокихъ деревьевъ, Вандейцы устраивали систему телеграфическаго сообщенія, служившую имъ для указанія непріятельскихъ переходовъ. Напротивъ того, Синіе блуждали по изрытымъ дорогамъ, непрерывно подвергаясь обманамъ цѣлаго поселенія, встрѣчая враговъ на каждомъ шагу и попадая изъ засады въ засаду; измѣна грозила имъ со всѣхъ сторонъ, и вслѣдствіе этого солдаты роптали на офицеровъ, офицеры на генераловъ, генералы на народныхъ представителей, находившихся при войскѣ, а послѣдніе доносили на всѣхъ и всѣхъ обвиняли. Не понимая причины неудачъ своего войска, Конвентъ глухо волновался; едва сдерживая порывы гнѣва.

Но какимъ образомъ захватить, побороть и уничтожить противника, который появляется вездѣ, и котораго нигдѣ нельзя встрѣтить? Каждое селеніе, куда бы ни проникли солдаты, необитаемо, мрачно, пусто: жилище заперто, конюшня пуста, ни у одного колодезя нѣтъ ни бадьи, не веревки; а между тѣмъ постилка въ хлѣвахъ совершенно свѣжа, и дымъ, выходящій изъ трубы, свидѣтельствуетъ, что огонь едва потухаетъ на очагѣ. Какъ будто невидимый духъ возвѣстилъ жителямъ о приближеніи Синихъ, и они исчезли мгновенно и разсѣялись по воз-

духу. Если встрѣчаются крестьяне, то это мирные земледѣльцы, исключительно занятые своею работою; они не слышали ружейныхъ выстрѣловъ, они не имѣютъ понятія, что страна наполнена инсургентами, но руки ихъ почернѣли отъ пороха, карабинъ спрятанъ въ двухъ шагахъ, и едва пройдутъ Синіе, земледѣлецъ становится разбойникомъ. Какъ будто разыгрывается громадная драма съ переодѣваніемъ, кровавое волшебство, посредствомъ котораго каждый кустъ дрока превращается въ неприятеля, каждое дерево стрѣляетъ изъ ружья, и колючія листья терновника становятся вилами и косами! Послѣ побѣды Синіе видятъ передъ собою только беззащитныхъ поселянъ, женщинъ, дѣтей, которые имъ низко кланяются, и на которыхъ ни у кого не поднимется рука; но случись потерпѣть имъ пораженіе, и тѣ же беззащитные поселяне тѣснятъ ихъ, бросаются на походные госпитали, рубятъ и разстрѣливаютъ раненыхъ, умирающихъ и лѣкарей, съ воплями, достойными Гуронова и Караибова, между тѣмъ какъ женщины и дѣти побиваютъ камнями отсталыхъ, заблудившихся между каналами Марэ и взрытыми дорогами *Бокажа*.

Самые мирные изъ поселянъ углублялись въ чащу своихъ дровяныхъ кустовъ, припирали телѣжку въ какое-нибудь недоступное мѣсто, раскидывали одѣяла на оглобли, поднятыя къ верху, и цѣлыми семьями проживали по мѣсяцамъ подъ этими навѣсами, прикрытыми папоротникомъ, не смѣя даже разводять огня, дымъ отъ котораго могъ бы обличить ихъ присутствіе. Они переносили голодъ, холодъ, погибали иногда отъ лишений, но всегда оставались вѣрными дѣлу, которому они посвятили свою жизнь.

Е. Бонмеръ.

ЛЮБОВЬ ИЛИ ДРУЖБА ?

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ МОЕЙ ЗНАКОМОЙ.

Проводивъ отца и матушку, мы съ братомъ недѣли на двѣ остались полными и единственными хозяевами нашего хорошенькаго домика, находившагося на самомъ краю города. Первымъ моимъ движеніемъ послѣ ихъ отъѣзда было объѣхать всѣ комнаты, отворить окна, подышать упоительнымъ воздухомъ ранняго лѣтняго утра, полюбоваться свѣтлыми кружками солнца, игравшаго на полу, на стѣнахъ и на бѣлыхъ занавѣскахъ оконъ, и наконецъ отправиться въ свою комнату. Въ первый разъ въ жизни оставалась я хозяйничать, и потому, несмотря на мою привязанность къ отцу и матушкѣ, ихъ отъѣздъ, за которымъ слѣдовала блестящая перспектива моей двухнедѣльной самостоятельности, казался мнѣ событіемъ гораздо болѣе радостнымъ, чѣмъ грустнымъ; къ тому же, братъ мой, мой милый Александръ, находился подлѣ меня. Послѣ четырехлѣтней разлуки, мы встрѣтились съ нимъ, какъ... но нѣтъ, трудно выразить тѣ чувства, которыя наполняли мое сердце при встрѣчѣ съ братомъ. Не помню, кто-то говорилъ, что горестъ разлуки съ избыткомъ вознаграждается радостью свиданія. Эта глубокая истина была прочувствована мною: цѣлые годы разлуки и нетерпѣливаго ожиданія были забыты въ одно мгновеніе. И теперь мой первый кандидатъ, блистательно окончивши курсъ въ Московскомъ

университетѣ, приготовлялся къ магистерскому экзамену и рѣшилъ провести цѣлый годъ въ своемъ семействѣ, конечно, для того, чтобы послѣ проститься съ нами на неопредѣленное время,—да, это правда,—но отраднѣй годъ его пребыванія у насъ вѣдь только-что начинается, а тамъ Богъ знаетъ, что еще будетъ. Однимъ словомъ, проводивъ отца и матушку, я считала себя счастливою, и... можетъ-быть, еще болѣе потому, что свѣтлая мысль о нашемъ другѣ Жакѣ, который, въ продолженіи двухъ предстоящихъ недѣль, будетъ нашимъ постояннымъ собесѣдникомъ, озаряла чуднымъ блескомъ все, что меня окружало. При мысли о Жакѣ все начинало улыбаться мнѣ: и темныя кедры, позлащенные лучами солнца, при малѣйшемъ дыханіи вѣтра шумѣвшіе у моего окна, и лучи солнца, разноцвѣтными огнями игравшіе въ хрусталѣ и флаконахъ, разставленныхъ на моемъ туалетѣ; даже самое благоуханіе жасминовъ, волкомерій, олеандровъ, лимонныхъ и померанцевыхъ деревьевъ, взлелѣянныхъ мною съ непостижимыми трудами въ нашемъ суровомъ уральскомъ климатѣ, казалось мнѣ привлекательнѣе обыкновеннаго. Небольшой стеклянный шкафъ съ книгами, письменный столъ съ разными кабинетными вещами, бѣлыя занавѣски оконъ, зеленыя ширмы, все это пряталось въ густой зелени и выглядывало оттуда, какъ будто смѣялось и сочувствовало настроенію моего духа. Я попросила нашу нянюшку готовить утренній самоваръ, а сама, отворивъ окно и усѣвшись въ кресла, стала смотрѣть сквозь темноту старыхъ кедровъ и лиственницъ на прозрачную лазурь неба и на серебристо-махровыя облачка, исчезавшія какъ призракъ въ глубинѣ ея, и вмѣстѣ съ тѣмъ я невольно прислушивалась то къ шероху и шепоту деревьевъ, какъ они, будто полусонныя, съ лѣнивою нѣгой и сладострастіемъ передавали другъ другу свои дивныя сны и, вновь очарованные, поддавались обаянію лѣтняго воздуха, то къ звонкимъ переливнымъ трелямъ птицъ, оглашавшихъ садъ своимъ нѣжнымъ пѣніемъ, то, наконецъ, къ немолчному дребезгу и ропоту волнъ, которыя, дробясь о горныя камни, съ шумомъ пробѣгали около нагорной стороны нашего сада и терялись за сосновою рощей. Между тѣмъ изъ залы неслись мелодическіе звуки рояля, звуки дивной ораторіи Бетговена, и сливались въ общей гармоніи.

Долго ли сидѣла я, очарованная музыкальными фантазіями, погруженная въ нѣмой восторгъ, для описанія котораго нѣтъ пера, нѣтъ словъ для его выраженія,—не помню. Но вотъ душистый гаванскій дымъ, смѣшиваясь съ запахомъ цвѣтовъ, донесся до

меня и, тонкими синими струями, полетѣлъ въ окно. Я не слышала, когда умолкъ рояль, и какъ мой братъ Александръ вошелъ въ мою комнату и сталъ за мною. Сердце у меня весело забилося, я не успѣла еще наговориться съ братомъ, не успѣла еще привыкнуть къ его обществу, несмотря на то, что въ продолженіи двухъ недѣль, со времени его пріѣзда, мы были почти неразлучны. Не умѣю дать себѣ отчетъ, какъ это случилось, что обрадованная его приходомъ, увѣренная въ его присутствіи, я не обернула головы и продолжала безмолвно смотрѣть на небо, прислушиваясь къ говору волнъ да къ шепоту дремавшихъ кедровъ. Наконецъ это молчаніе было прервано братомъ:

— Какой жаркій день! а что за небо, что за воздухъ! Конечно, я не узнаю нашего края.

Слушая Александра, я положила руки и голову на окно и думала о томъ, какъ я счастлива...

— Но, продолжалъ братъ,—дѣйствительно ли отъ рѣки и отъ цвѣтовъ эта свѣжесть и аромать въ комнатѣ моей мечтательной феи? я же склоняюсь болѣе къ мысли, что все это происходитъ отъ ея золотистыхъ волосъ и ея присутствія здѣсь.

При послѣднихъ словахъ Александръ наклонился и поцѣловалъ мои локоны.

Ласки брата, постоянно серьезнаго и задумчиваго, были для меня пріятною неожиданностью и чрезвычайно растрогали меня; но, сдержавши свой сердечный порывъ, я не сдѣлала ни малѣйшаго движенія въ отвѣтъ на его ласки.

— А вотъ уже почти девять часовъ, снова началъ онъ.— Жакъ долженъ скоро придти, я звалъ его сегодня пить чай съ нами.

При имени Жака, я подняла голову и взглянула на брата. Онъ засмѣялся и сказалъ, что можетъ сообщить мнѣ пріятное извѣстіе.

— Какое?

— Процессъ Жака оконченъ, и онъ получить право распоряжаться своимъ имѣніемъ.

— Слава Богу! воскликнула я съ радостью.

Мнѣ и на мысль не пришло, что за окончаніемъ процесса долженъ слѣдовать отъѣздъ Жака. Въ продолженіи года я до того свыклась съ присутствіемъ своего друга, что оно сдѣлалось для меня такою же естественною необходимостію, какъ языкъ для выраженія мыслей, какъ воздухъ для поддержанія жизни, и потому я никакимъ образомъ не могла себѣ представить его

отъѣздъ. А между тѣмъ я должна была знать, что Жакъ Роштинскій не можетъ навсегда остаться въ нашемъ городкѣ; я знала, что онъ здѣсь только какъ на временной станціи, и что его ожидаетъ другая дѣятельность. Наше знакомство завязалось не съ перваго раза; сначала я была недовольна Жакомъ и находила его далеко непривлекательнымъ. Пока длился процессъ, Жакъ не имѣлъ права выѣхать отсюда и принужденъ былъ поступить здѣсь на службу. Но провинціальная скука и неумѣнье обознаться въ окружающей средѣ сгубили сначала моего друга. Его очень любезно принимали въ семействѣ губернатора Засельскаго, дочь котораго, молодая дѣвушка, оказывала ему большое вниманіе: однако Жакъ чувствовалъ себя непріютно въ этомъ домѣ и бросился въ другаго рода удовольствія. Отъ бездѣлья и провинціального застоя въ жизни ему пришла въ голову фантазія испытать, какъ далеко пойдетъ жалкая измелеченность и подобострастіе нашего общества къ нему, аристократу и богачу. Дерзко волочась за хорошенькими чиновницами, онъ сталъ нагло поступать съ несчастными мужьями. Будучи предупрежденъ рекомендаціями брата въ пользу нашего семейства, онъ не скрывалъ отъ насъ своихъ ловеласовскихъ похощеній и зло смѣялся, разказывая свои столкновенія съ чиновниками. Отъ этихъ разказовъ негодованіе накопило у меня на душѣ; онъ своевольничалъ безнаказанно, подъ покровительствомъ своихъ воображаемыхъ правъ, опираясь на свое положеніе, по крайней мѣрѣ въ то время мнѣ это такъ казалось. Однажды, разказавши намъ одинъ фактъ, подтверждавшій рабское подобострастіе къ нему общества, онъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ, какъ я нахожу этотъ поступокъ мужа одной изъ нашихъ самыхъ важныхъ дамъ, считавшейся до Жака неприступною добродѣтелью; я не могла удержаться, чтобы не наименовать своего собесѣдника бояриномъ и пустымъ фатомъ. Послѣ этого онъ пересталъ къ намъ ходить, но также прекратилъ и всѣ свои сношенія съ обществомъ. Вотъ въ это время онъ началъ пить вино, проводить въ оргіяхъ цѣлыя ночи, цѣлыя дни бродить за городомъ по большой дорогѣ. Однимъ словомъ, провинціальная жизнь подѣйствовала на него разрушительно. Къ счастью, письмо брата, въ которомъ онъ описалъ намъ характеръ и образъ мыслей своего друга, спасло его, потому что возобновило наше знакомство, перешедшее въ скоромъ времени въ тѣсную дружбу, которая прогнала скуку и хандру Жака.

Съ Александромъ сблизили Жака университетскіе годы; во имя этой дружбы съ братомъ я считала своею обязанностію вывести Жака изъ омота, въ который попалъ онъ; я не отдавала себѣ отчета, на сколько здѣсь участвовали красота Жака, увлекательность его рѣчей и его молодость. Ему было около тридцати лѣтъ... Я очень сблизилась съ нимъ, и мы съ нимъ считали себя друзьями.

Пока я радовалась счастливой развязкѣ въ судьбѣ нашего друга, Аннушка накрыла бѣлою салфеткой столъ и принесла шипящій утренній самоваръ. Я начала разставлять чайный приборъ, думая о Жакѣ и улыбаясь своимъ мыслямъ. Птицы весело щебетали въ ясной лазури, упоительный воздухъ лился въ комнату. Кедры дремали у моего окна; съ горы, изъ нашего Георгіевскаго монастыря, неслись одинъ за другимъ удары колокола, и съ каждымъ ударомъ время летѣло и приближало минуту прихода нашего друга; но, чу! нетерпѣливый колокольчикъ загремѣлъ по всему дому, и вслѣдъ за нимъ ровные шаги приблизились къ моей двери.

— *Etes vous visible, Marie?* послышался лаковый голосъ, сопровождаемый легкимъ стукомъ въ дверь.

При звукахъ знакомаго голоса, я безсознательно спряталась за померанцевое дерево и сквозь густую зелень его смотрѣла, какъ дверь отворилась, и стройная фигура Жака явилась на порогѣ.

Взглянувъ на Жака, я поняла, что онъ находится въ превосходномъ расположеніи духа. Его черные глаза блестѣли весельемъ изъ-подъ бархатныхъ бровей, волосы, цвѣта воронова крыла, откинутые назадъ, совершенно открывали его чистый, гладкій лобъ, и неувимая улыбка скользила по смуглому лицу нашего друга. Только въ одеждѣ его замѣчалась странность его характера: въ жаркій лѣтній день ему вздумалось одѣться въ черный бархатный сюртукъ и сверхъ того застегнуться наглухо. Но черный бархатъ такъ удивительно шелъ къ блиставшимъ бѣлизной воротничкамъ и рукавчикамъ его рубашки, къ свѣтлосѣрому галстуку, панталонамъ и ботинкамъ одинаковаго цвѣта, что невольно пришло бы на умъ тому, кто не зналъ небрежности и разсѣянности Жака: неужели онъ изъ кокетства одѣлся въ черный сюртукъ? Въ одной рукѣ у него была шляпа, въ другой газеты, которыя, по обыкновенію, каждую почту онъ приносилъ къ намъ и читалъ вмѣстѣ со мной.

Братъ встрѣтилъ хохотомъ своего друга.

— А, догадываюсь, у тебя вѣрно новый камердинеръ.

— Да? спросилъ Жакъ, останавливаясь и оглядывая себя съ изумленіемъ.—А, этимъ нарядомъ точно я обязанъ моему человѣку, отвѣчалъ онъ.

— Еслибы ты этого и не сказалъ, такъ я знаю и могу даже разказать весь процессъ твоего туалета. Ты, по своему обыкновенію, одѣвался, не выпуская изъ зубовъ сигары и не отводя глазъ отъ книги, а на неотвязчивыя настоянія твоего человѣка отвѣчалъ, какъ всегда: одѣвай, во чтѣ хочешь; твой камердинеръ въ нерѣшимости начинаетъ пересчитывать передъ тобой весь запасъ твоего гардероба, ты, не слушая его, выходишь изъ терпѣнія и кричишь, чтобъ онъ надѣвалъ на тебя хоть этотъ сюртукъ:—угадалъ я?

— Не совсѣмъ, отвѣчалъ Жакъ, подходя ко мнѣ и раскидывая вѣтви померанца,—я не читалъ сегодня, но думалъ, а думалъ я о Мери. Да чтѣ жъ она прячется отъ меня за цвѣты? Bonjour, mon amie!

Я засмѣялась и протянула ему руку.

— Только изъ зелени и можетъ показаться такая античная ручка, сказалъ онъ, пожимая мнѣ руку.—Но, Мери, я смотрю на васъ и объявляю, что очень доволенъ вашимъ нарядомъ; посмотри, Александръ, какъ бѣлое платье идетъ къ ея воздушному стану, къ ея задумчивому личику.

Въ отвѣтъ на слова Жака, я поклонилась ему.

— Какой глубокой, серіозный поклонъ! Нравятся мнѣ эти поклоны, Мери.

— Дайте мнѣ, Роцинскій, сюда газеты, сказала я тихо.

— Нѣтъ, возразилъ онъ, бросая ихъ на столъ;—вашъ сегоднешній день принадлежитъ мнѣ. Въ продолженіи двухъ недѣль, Александръ совершенно овладѣлъ вами. Я не требователенъ, Мери; вспомните только, по цѣлымъ часамъ, бывало, сижу здѣсь безмолвно и жду терпѣливо ласковаго взгляда синихъ очей, «ясныхъ, привѣтливыхъ милой моею».

Жакъ, напѣвая эту пѣсню, отошелъ отъ меня, подвинулъ кресло къ столу и зажегъ сигару.

— Я вовсе не милая ваша, Жакъ, отвѣчала я, выходя изъ своего зеленого убѣжища:—съ чего вы это взяли?

— Александръ, поручись за меня, воскликнулъ онъ, обращаясь къ брату,—и увѣрь свою фею, что она точно мила; но, Мери, прибавилъ онъ, тихо наклоняясь съ улыбкой ко мнѣ,—давайте скорѣе, скорѣе чаю; вашъ другъ умираетъ отъ жажды.

Мы всё сидѣли вокругъ чайнаго стола. Александръ по моей просьбѣ рѣзалъ лимонъ, Жакъ, полулежа въ креслахъ, курилъ, внимательно слѣдя за синими струйками гаванскаго дыма. Я начала разливать чай; солнце, заглянувъ въ стаканы, рассыпалось въ комнатѣ и шаловливо забѣгало по зелени цвѣтовъ.

— Чтò ты сегодня дѣлалъ, давно ты всталъ? обратился братъ къ своему другу, закуривъ сигару и принимаясь за чай.

— Я всталъ довольно рано, лѣниво отвѣчалъ Жакъ, смотря на меня съ улыбкой,—чтобъ имѣть время для полученія двухъ безтолковыхъ писемъ.

— Отъ кого? спросилъ братъ.

— Одно изъ Москвы, мой другъ, отъ дяди Роцинскаго, зоветъ меня служить, *bête qu'il est*, а другое изъ Петербурга отъ брата моей матери.

— Мнѣ жалко васъ, Жакъ, сказала я, задумавшись,—вы потеряли много времени; въ ваши лѣта вы должны быть давно полезнымъ гражданиномъ, а вы, чтò вы сдѣлали?

— Я не сдѣлалъ никому зла, Мери, отвѣчалъ онъ грустно,—и мнѣ это было такъ легко, стоило только отдаться безъ сопротивленія теченію жизни.

— Этого мало для того, чтобъ имѣть право назваться человекомъ и гражданиномъ.

— Чтò же дѣлать, Мери, мой безцѣнный другъ? Съ перваго же раза меня втокнули на ту дорогу, по которой я не могъ идти, не презирая самого себя.

— И ты бросился въ крайность, въ разгульную жизнь студента, договорилъ братъ, смѣясь.

Жакъ пристально, дружескимъ взглядомъ посмотрѣлъ на Александра, и, замысловато улыбаясь, сказалъ ему:

— Ты наговариваешь на меня, мой строгій пуританинъ: въ товариществѣ съ тобой я жилъ настоящимъ монахомъ.

— *Pardon de vous interrompre*, обратилась я къ брату, который приготовлялся что-то возражать своему другу.—Скажите мнѣ, Жакъ, нравится вамъ студенческая жизнь?

— Съ которой стороны разсматривать ее, Мери? Разумѣется, въ ней больше хорошаго, чѣмъ дурнаго; въ девятнадцать лѣтъ она нравилась мнѣ, но потомъ, когда мнѣ привелось взглянуть на нее со стороны разгуля, тогда, правда, я увидѣлъ, что въ ней есть много тягостнаго. Впрочемъ я всемъ обязанъ универси-

тету, его здоровое вліяніе принесло мнѣ ту пользу, что я не успѣлъ измельчать и обратиться въ сухаго и жесткаго эгоиста.

— Развѣ вы чувствовали себя способнымъ къ такому обращенію? спросила я съ живостью.

— Нѣтъ, Мери, клянусь Богомъ! вскрикнулъ онъ, съ гордымъ и злымъ хохотомъ, быстро поднимаясь съ мѣста и смотря на синее небо;—нѣтъ, не чувствовалъ я себя способнымъ ни къ какому застою, моральному разрушенію, но окружавшая меня сфера душила, давила.

Я вспомнила, что Жакъ очень часто обвинялъ своихъ родныхъ и свое богатство въ томъ, что онъ не сдѣлалъ ничего полезнаго въ своей жизни.

— Хорошо, а еслибы Жакъ былъ бѣднымъ человѣкомъ, замѣтила я вслухъ, но какъ бы про себя,—какую дѣятельность отыскалъ бы онъ себѣ?

— Тогда, Мери, мнѣ было бы гораздо удобнѣе, тогда я сталъ бы свободно выбирать себѣ дѣятельность. А теперь изъ меня сдѣлали блуждающую комету.

— Но что-нибудь намѣрены же вы дѣлать, Жакъ?

— Конечно, мой другъ, былъ мнѣ успокоительный отвѣтъ;— тотъ, котораго вы называете своимъ другомъ, не можетъ остаться празднымъ, не краснѣя отъ вашего взгляда.

— И?..

Я наклонилась къ нему, смотря въ его блестящіе глаза.

— Договаривайте, Мери, воскликнулъ онъ, улыбаясь.

— Вы будете, Жакъ, въ послѣдствіи жить въ вашей деревнѣ, и много услугъ, пользы можете оказать бѣдному классу, нашимъ земледѣльцамъ; вы, Жакъ, богатый человѣкъ, можете завести тамъ школы и поддержать ихъ. Ваши крестьяне будутъ свободны, и образованіе не послужитъ во вредъ ихъ дѣтямъ; вы обладаете огромными матеріальными средствами, и можете прекрасно ими распорядиться, какъ человѣкъ добрый, умный, честный. О, Жакъ, какъ я люблю васъ!

Онъ быстро схватилъ меня за руки, и взглянулъ мнѣ въ глаза.

— Не смотрите на меня такимъ взоромъ, проговорила я серьезно и съ невольною грустью.

— Какимъ?

— Жакъ улыбнулся.

— C'est le ton qui fait la chanson, я не могу объяснить вамъ этого.

Мой другъ задумался и потупилъ глаза въ землю.

— Посмотрите на меня теперь, сказалъ онъ, послѣ мнутаго молчанія, не выпуская моихъ рукъ.

Я посмотрѣла и засмѣялась; въ его искристомъ взорѣ выражалась только нѣжность и необыкновенная теплота.

— Вы вполне порядочный человѣкъ, Жакъ, и въ вознагражденіе за то, что вы умѣете управлять вашими глазами, я сыграю вамъ послѣ обѣда вашу любимую каватину *Casta Diva*, изъ *Нормы*.

Жакъ не отвѣчалъ на мои слова, выпустилъ мои руки, и, выбросивъ за окно свою недокуренную, потухшую сигару, сталъ безмолвно смотрѣть въ синюю глубь неба.

А съ горы снова посыпались мѣрные и звучные удары колокола, темные кедровые попрежнему сладко шумѣли у моего окна, и говоръ волнъ такъ же немолчно вторилъ нѣбную птиць и нагорнымъ звукамъ, призывавшимъ къ молитвѣ.

— «Достойно», сказала я, вставая и благоговѣнно крестясь.

— Этотъ звонъ отзывается чѣмъ-то радостнымъ въ моей душѣ, проговорилъ Жакъ, стоя у окна.

Александръ улыбнулся.

— Жакъ — скептикъ, замѣтила я.

Онъ быстро обернулся ко мнѣ.

— Ваша улыбка, Мери, противорѣчитъ вашимъ словамъ.

— Но вспомните, сколько разъ вы повторяли за Гейне: «О, объясните мнѣ загадку жизни, скорбную и древнюю загадку, мучившую столько головъ. О, скажите мнѣ, что такое человѣкъ, откуда и куда онъ идетъ, кто обитаетъ тамъ далеко, надъ золотыми звѣздами.»

— Ваши синіе глаза, Мери, давно объяснили мнѣ все это, отвѣчалъ онъ, съ тихою улыбкой и легкимъ вздохомъ.

— Такъ вы, Жакъ... проговорила я, краснѣя отъ удовольствія.

— Да, Мери, съ вами невольно учишься вѣрить и дѣлаться счастливымъ.

— Однакомъ какъ мнѣ ни пріятно сидѣть съ вами, сказалъ братъ, вставая, — я долженъ исполнить порученіе отца и сходить къ Поликарпу Федоровичу.

Поликарпъ Федоровичъ — это одинъ изъ бѣдныхъ сослуживцевъ нашего отца, или, какъ называлъ его Жакъ, одинъ изъ моихъ пріятелей. Человѣкъ, обремененный огромнымъ семействомъ, онъ былъ уволенъ отъ службы за пятирублевую взятку начальникомъ, которому понадобилось мѣсто для своего про-

ici, и снова былъ принятъ отцомъ, уже на свою ответственность. Личность Поликарпа Федоровича представлялась мнѣ типомъ угнетеннаго чиновника; къ нему я чувствовала особенное состраданіе. Сердце мое разрывалось въ каждый его приходъ къ намъ, и это заставляло меня часто и много говорить съ нимъ, спрашивать о его житьѣ, о его женѣ, дѣтяхъ. Вотъ къ этому чиновнику отецъ, уѣзжая, далъ брату порученіе, относившееся до службы. А Александръ, точный какъ Нѣмецъ, воспользовался первымъ свободнымъ случаемъ, чтобы поскорѣе исполнить эту обязанность.

Я вышла вмѣстѣ съ братомъ изъ своей комнаты, чтобы взять шитье, которое лежало въ гостиной. Возвратившись черезъ нѣсколько минутъ, я застала Жака, уже преспокойно сидѣвшаго въ моихъ креслахъ у окна, и, разумѣется, не отважилась безпокоить его, потому что въ подобныхъ случаяхъ онъ былъ весьма не обязателенъ, да и, вообще, не отличался, по крайней мѣрѣ въ отношеніи ко мнѣ, свѣтскою услужливостію. «Развѣ мало вамъ мѣста въ этой комнатѣ? бывалъ его обыкновенный отвѣтъ на мои замѣчанія; мнѣ нравится сидѣть здѣсь у окна, и я не расположенъ уходить отсюда.» Поэтому, войдя въ свою комнату, я, ни слова не говоря, принялась за шитье, усѣлась на стулъ подлѣ своего друга, у окна, выходившаго на дворъ. Жакъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на мой приходъ; облокотившись на окно, онъ сидѣлъ, какъ будто вовсе не замѣчая меня. Я также не сочла нужнымъ заводить разговоръ. Наше молчаніе продолжалось нѣсколько минутъ.

— Мери, сказалъ онъ наконецъ, не оборачиваясь, — подойдите сюда и посмотрите, хорошъ ли я сдѣлалъ выборъ книгъ для васъ; завтра отсылаю его въ Петербургъ.

Я подошла, онъ вынулъ изъ кармана каталогъ и, не смотря на меня, передалъ его мнѣ.

— Выборъ сочиненій дѣйствительно превосходенъ, отвѣчала я, пересмотрѣвъ означенныя въ его каталогѣ изданія, — но многія изъ нихъ невозможно достать въ Россіи.

— Это ничего не значитъ, возразилъ онъ, лѣниво взглянувъ на меня съ боку, — у меня есть въ Петербургѣ отличнѣйшій корреспондентъ, который, если нужно, достанетъ книги со дна моря.

«Прекрасно», подумала я, и попросила Роцинскаго сказать мнѣ цѣну каждаго изданія.

— Зачѣмъ вамъ? спросилъ онъ съ неудовольствіемъ, быстро взглянувъ на меня.

— Для соображеній.

— Для какихъ?

— Вотъ вы увидите; говорите же.

— Я самъ не знаю, Мери, отвѣчалъ онъ равнодушно, снова отворачиваясь отъ меня.

— Такъ вотъ, Жакъ, сказала я, подходя къ письменному столу и вынимая изъ ящика деньги, — вотъ всѣ мои фонды, оставленные мнѣ матушкой; у меня не остается у самой ни копейки. Возьмите эти деньги и выпишите на нихъ книги, а если чего не достанетъ, такъ можно будетъ выкинуть вотъ напримеръ это, это, это...

И я, быстро подчеркнувъ карандашомъ нѣсколько сочиненій, означенныхъ Жакомъ, положила каталогъ и деньги около него на окно.

— Мери, воскликнулъ онъ, вскакивая съ негодованіемъ съ кресла, — вы поступаете безсовѣстно!

— Какой вы дерзкій, Жакъ, замѣтила я улыбаясь.

— А вы? какъ назвать вашъ поступокъ?

Глаза его блестя, онъ быстро подошелъ ко мнѣ.

— У васъ есть замашка, Жакъ, ставить себя всегда на равную ногу съ женщиной.

— Не съ женщиной, а съ вами, былъ мнѣ неожиданный отвѣтъ.

— Положимъ, такъ, возразила я послѣ нѣкотораго раздумья, — развѣ я не женщина?

— Вы исключеніе изъ общаго правила, вы можете понимать вещи, какъ онѣ есть.

Съ этими словами онъ снова занялъ свое мѣсто.

— То-есть, Жакъ, вы предполагаете, что я могу выслушивать, не оскорбляясь, ваши дерзости? сказала я, подойдя къ нему и облокотившись на спинку его кресла.

— Разумѣется, продолжалъ онъ, не отводя глазъ отъ кедровъ, — вы можете выслушать, не оскорбляясь, всякую истину.

— А вы сами можете гордиться этимъ достоинствомъ и выслушаете отъ cadaго человѣка колкую истину?

— Безъ сомнѣнія.

— Такъ позвольте мнѣ замѣтить вамъ, что вы неправы.

— Какъ такъ?

Онъ быстро обернулся ко мнѣ.

— Вы не можете смотрѣть на вещи съ настоящей точки зрѣнія.

— Я не понимаю васъ.

— Вы близоруки, Жакъ.

— Чтò это такое?

Нетерпѣнiе уже начало выражаться на его лицѣ.

— Вы лишены такта и той прозорливой деликатности, которая можетъ вникнуть въ каждое состоянiе, войти въ каждую сферу общества и стать въ уровень съ каждымъ человѣкомъ. Вы слишкомъ аристократъ для этого.

— Мери, закричалъ онъ, вскакивая съ мѣста, — вы оскорбляете меня!

— Вы оскорбились? спросила я съ удивленiемъ. — Странно!

— Тутъ рѣшительно нѣтъ ничего страннаго, отвѣчалъ онъ, нахмуривъ свои брови.

— Но вы вѣдь уважаете меня, Жакъ.

— Безъ всякаго сомнѣнiя. Дальше?

— Слѣдовательно, истина, высказанная мною, не можетъ колоть ваши глаза.

— Еслибъ это была истина, такъ я не сошелся бы съ вами.

— Такъ вы думаете, что я могу лгать?

— Конечно нѣтъ, но вы сами заблуждаетесь.

Жакъ неловко выразился, я улыбнулась и воспользовалась его ошибкой.

— Точно такъ же, мой другъ, сказала я, подходя къ нему ласково и положивъ свою руку на его плечо, — и вы можете заблуждаться, высказывая мнѣ истины: чтò ручается, что въ настоящую минуту, осуждая мой поступокъ въ отношенiи книгъ, вы смотрите на него не сквозь призму своего минутнаго впечатлѣнiя? Но, Жакъ, простите меня, я нарочно назвала васъ аристократомъ; эта мысль давно уже не приходитъ мнѣ въ голову.

— Прощу, пожалуй, отвѣчалъ онъ простодушно, — если вы избавите меня отъ вашихъ денегъ, на которыя можно выписать развѣ только какихъ-нибудь два изданiя.

— И двухъ достаточно, возразила я, показывая ему на два сочиненiя, — вотъ этихъ.

— Такъ я не хочу прощать васъ.

И онъ съ досадою отошелъ отъ меня.

— Ахъ, Жакъ, сказала я со вздохомъ, — сколько разъ говорила

я вамъ, что подобная обязательность обременяетъ меня, просто оскорбляетъ меня!

Онъ положилъ деньги къ себѣ въ карманъ и попросилъ мою особу отойти отъ него и не начинать съ нимъ разговора, до тѣхъ поръ пока ему самому не вздумается заговорить со мной.

— Не хотите ли, чтобъ я почиталъ вамъ что-нибудь? скавалъ онъ, лишь только я отошла отъ него и принялась за шитье.

— Съ удовольствіемъ; читайте *La conquête de l'Angleterre par les Normands*.

Подвинувъ свое кресло къ моему столу, онъ открылъ *Iliadu*, говоря, что мой Тьерри ему надоѣлъ.—Я хочу читать прощаніе Гектора съ Андромахой.

Не имѣя желанія противорѣчить Жаку, я облокотилась на столъ и поддавалась обаянію его звучнаго симпатическаго голоса, который гармонировалъ, какъ нельзя болѣе, съ чтеніемъ вѣчно-юнаго созданія творческой фантазіи древнихъ Грековъ.

— Что же вы не шьете? замѣтилъ мнѣ Жакъ, неожиданно прерывая свое чтеніе.

Не отдавая себѣ отчета, я поспѣшно взялась за наперстокъ, но онъ, выскользнувъ у меня изъ рукъ, скатился прямо подъ ноги моему собесѣднику, который наступилъ на него ногой, и по своему обыкновенію не шелохнулся, чтобъ услужить мнѣ; напротивъ, продолжая вѣсьма спокойно сидѣть въ креслахъ, онъ, казалось, все свое вниманіе устремилъ на то, какъ я вставала, отодвигала стулъ и наклонялась, отыскивая наперстокъ.

— Онъ, кажется, у меня подъ ногами, замѣтилъ Жакъ, внимательно слѣдя за моими движеніями.

— Развѣ вы чувствуете его у себя подъ ногами? спросила я, стоя на колѣняхъ около стола.

Жакъ выразилъ глазами: «да».

— Такъ потрудитесь выкатить его ко мнѣ.

Онъ вѣсьма обязательно исполнилъ мое желаніе и носкомъ сапога выкатилъ наперстокъ прямо мнѣ въ руки.

Я подняла его, надѣла на палецъ и опять усердно принялась за шитье; Жакъ также спокойно сталъ продолжать свое прерванное чтеніе.

Окончивъ пѣснь, онъ положилъ книгу на столъ и, облокотившись на ручку кресла, пристально посматрѣлъ на меня.

— Вамъ что-то нужно? спросила я, почувствовавъ на себѣ его взглядъ.

— Мнѣ хочется курить, а сигары всѣ вышли; сходите, Мери, къ брату въ кабинетъ и принесите мнѣ оттуда сигару.

— Отчего же вы сами нейдете?

— Я много старше васъ, Мери.

« Причина очень резонная », подумала я, вставая.

Возвратившись черезъ минуту, я подала ему сигары. Положивъ ихъ на столъ, онъ взялъ меня за руки и обратился ко мнѣ съ вопросомъ: « Не кажется ли мнѣ онъ, Жакъ, дикимъ человѣкомъ? »

— Вы кажетесь мнѣ Жакомъ, ни болѣе, ни менѣе, отвѣчала я.

— Вы не сердитесь на меня?

— Если я могу на что сердиться, такъ на вашъ вопросъ: за кого принимаете вы меня?

— Вы не находите дерзкимъ мое обращеніе съ вами?

— Я не вижу въ немъ ничего дурнаго.

— Вамъ оно нравится?

— Правда, и особенно хорошаго ничего не вижу.

— Вы думаете, что я поступаю съ вами какъ должно?

— Каждый человѣкъ имѣетъ свои особенности, на которыхъ, я полагаю, надо вначалѣ смотрѣть снисходительно, а потомъ можно къ нимъ привыкнуть.

Съ легкимъ вздохомъ пожавъ мнѣ руки, онъ сказалъ, что я феноменъ въ своемъ родѣ, въ чемъ однакожъ онъ никогда не сомнѣвался.

— Въ жизнь свою не встрѣчалъ я женщины менѣе тщеславной и болѣе гордой!

— Прекрасно, Жакъ! воскликнула я со смѣхомъ:— но скажите мнѣ, что за фантазія пришла вамъ сегодня въ голову анализировать свое обращеніе со мной? Оно давно перестало быть новостью для меня.

— Отчего, Мери, пришла мнѣ эта фантазія въ голову? Вашъ наперстокъ, мой другъ, напомнилъ мнѣ одну старинную исторію, вслѣдствіе которой мнѣ заперли двери въ одномъ домѣ.

— И васъ, конечно, это научило быть поосторожнѣе?

— Конечно: но въ первый разъ замѣчаю я у Мери, проговорилъ онъ, какъ будто въ недоумѣніи поднимая свои черныя брови и пожимая плечами,—этотъ хитрый и исполненный протодушія взглядъ. Это, поистинѣ, удивительно; при взглядѣ на васъ, мнѣ невольно припоминаются мои бывшие споры съ вашимъ братомъ, который утверждалъ, что только женщина можетъ быть самымъ искреннимъ и задушевнымъ другомъ мужины, а я, опровергая его, доказывала, что женщина слаба-

поэтому мелочна, и никогда не можетъ заслужить дружескаго уваженія мужчины. Отвѣчайте, Мери, не глупъ ли былъ я?

— Совсѣмъ нѣтъ, Жакъ, и я отчасти даже соглашаюсь съ вашимъ мнѣніемъ: женщина должна бы быть другомъ мужчины, но почти никогда не бываетъ; вы не уважали, Жакъ, женщины вообще?

— Я не зналъ васъ прежде.

Онъ сдѣлалъ удареніе на словѣ *васъ*.

— Я не запрашиваюсь на комплиментъ... Но съ которыхъ поръ вы стали уважать меня какъ человѣка? спросила я, складывая свое шитье и сядя къ окну.

— Вы, Мери, очень походите лицомъ на вашего брата и понравились мнѣ съ перваго раза; но я сталъ уважать васъ, какъ человѣка, съ того времени, какъ вы назвали меня пустымъ фактомъ. Сначала вашъ характеръ казался мнѣ глубокомысленнымъ, холоднымъ, молчаливымъ, но послѣ того какъ вы назвали меня бояриномъ, я понялъ источникъ вашей молчаливости и не могъ не полюбить васъ, какъ друга.

— У васъ нѣтъ самолюбія, Жакъ, это не хорошо!

— Вы говорите противъ себя, милая Мери, это также не хорошо, но однакожь это не мѣшаетъ мнѣ уважать васъ и спрашивать самого себя: кто виноватъ, что мужчины, иногда довольно благородные, оказываются вѣроломными и измѣнниками въ глазахъ женщинъ?

— Наши человѣческія чувства, Жакъ, наше непостоянство, отвѣчала я, тихонько вздохнувъ.

— Чьи чувства?

— Человѣка.

— А потомъ?

— Пожалуй того, кто вызываетъ на вѣроломство и измѣну.

— Значить, женщины?

— А женщины развѣ не оказываются измѣнницами и кокетками въ глазахъ мужчины?

— Ну, такъ мужчины?

Улыбка начала скользить по лицу Жака.

— Виноваты и мужчины и женщины; право, имъ не въ чемъ упрекать другъ друга.

— Но скажите мнѣ, можетъ ли кто передъ вами оказаться измѣнникомъ?

Я улыбнулась.

— Какая тонкая улыбка и сколько въ ней самонадѣянности

гордости; взоръ вашихъ синихъ глазъ какъ будто говоритъ: «что же, попробуй, кто смѣетъ».

— Нѣтъ, Жакъ, нѣтъ, мой другъ, отвѣчала я горячо,—я не понимаю, чтобы человѣкъ, нравственно развитый, могъ оказаться измѣнникомъ въ чьихъ бы то ни было глазахъ. Были ли вы когда-нибудь измѣнникомъ въ своихъ отношеніяхъ къ женщинамъ? Я готова ручаться, что нѣтъ.

— Правда, Мери, сказалъ Жакъ съ такою улыбкой, въ которой однакожь промелькнуло чувство глубокаго презрѣнія,—я никогда не былъ измѣнникомъ, обманщикомъ, хотя и случилось мнѣ довольно часто имѣть интриги съ замужними женщинами и вести себя не очень осторожно въ отношеніи къ нимъ.

— Вы никогда не представляли себя на мѣстѣ супруга?

— Никогда, Мери, отвѣчалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія;—но, кажется, я легче могу перенести со стороны женщины открытую измѣну, чѣмъ подлый обманъ.

— Это понятно; но отчего вы никогда не представляли себя на мѣстѣ мужа?

Онъ улыбнулся.

— Какіе странные вопросы вы иногда дѣлаете, Мери! оттого, мой другъ, что женитьба прежде представлялась мнѣ невозможностью.

— А нынче?

Онъ пристально взглянулъ мнѣ въ глаза и замѣтилъ мнѣ, что въ моемъ взорѣ не видитъ дна. Это замѣчаніе заставило меня нахмуриться и отвернуться къ окну.

— Нынче, Мери, отвѣчалъ онъ, поспѣшно подходя ко мнѣ и садясь подлѣ меня на окно,—я думаю вотъ о чемъ: еслибы моя будущая жена нашла человѣка, котораго полюбила бы такъ же, какъ нѣкогда я былъ любимъ ею,—а я хочу быть любимымъ пламенно, страстно, нѣжно,—какъ поступила бы она въ такомъ случаѣ? Вамъ отвѣчать, мой другъ.

Я молчала.

— Или какъ должна была бы она поступить, Мери?

— Не знаю, Жакъ, сказала я послѣ недолгаго молчанія,—но я не понимаю возможности любить пламенно и нѣжно два раза въ жизни.

— И я также, Мери; но допустимъ гипотезу вотъ какую: мы съ вами мужъ и жена, любимъ пламенно другъ друга, однакожь наша пламенная любовь постепенно должна стихнуть и обратиться въ тихую симпатію. Въ это время является чело-

вѣкъ, который увлекаетъ ваше вниманіе, представившись вамъ совершенно съ новой стороны; потому ваши чувства, наконецъ ваше сердце принадлежитъ ему. Чтѣ бы въ такомъ случаѣ вы сдѣлали?

Пустое предположеніе Жака, что я жена его, поразило меня. Въ первый разъ выраженное между нами, оно отозвалось радостью и удовольствіемъ въ моемъ сердцѣ. Я очень покраснѣла и, облокотившись на столъ, погрузилась въ размышленіе по поводу словъ Жака. Въ своемъ умѣ никогда не представляя его ни мужемъ своимъ, ни возлюбленнымъ, я чувствовала однакожъ, что онъ очень родственъ моей душѣ, очень близокъ моему сердцу; его постоянное присутствіе у насъ, его общество слилось какъ будто со всѣмъ моимъ существованіемъ.

— Мери, о чемъ же вы думаете, чтѣ же вы не отвѣчаете на мой вопросъ? прервалъ Жакъ мои размышленія.

— О васъ, о вашихъ словахъ, мой милый супругъ, я думаю, отвѣчала я, поднимая голову.

Наморщивъ лобъ, онъ замѣтилъ нетерпѣливо, чтобъ я оставила свои шутки и отвѣчала на его вопросъ. «Конечно, изъ этого и не можетъ выйти ничего, кромѣ шутки», подумала я; и эта мысль не навела на меня грусти, потому что, повторяю, хотя я не могла отдѣлать его отъ самой себя, но никогда не воображала его своимъ мужемъ.

— Жакъ, сказала я серіозно,—вопросъ, предлагаемый вами, многосложенъ и труденъ.

— Такъ обдумывайте, я буду ждать.

Съ этими словами онъ всталъ, подошелъ къ кресламъ, и, лѣниво откинувшись на спинку ихъ, устремилъ свой искривленный взоръ на верхушки кедровъ.

Я засмѣялась.

— Чтѣ означаетъ вашъ смѣхъ? обратился онъ быстро ко мнѣ. Досадой и нетерпѣніемъ блистали его черные глаза.

— Чтѣ такое любовь, Жакъ, чтѣ такое симпатія? Всегда ли онѣ проявляются одинаково, всегда ли любовь оканчивается симпатіей, и если оканчивается, такъ возможно ли послѣ этого любить еще кого-нибудь? Потомъ, чтѣ такое бракъ, и отчего, большею частію, изъ браковъ по любви происходятъ несчастныя супружества, и бездна другихъ вопросовъ представляются уму при одномъ прикосновеніи къ тому, на чтѣ вы требуете быстрого отвѣта.

Жакъ задумался.

— Изъ счастливой любви, рѣшилъ онъ наконецъ, — никогда не можетъ произойти несчастія.

— Но оглянитесь вокругъ себя, я вы увидите тысячу при-

— Не на здѣшнее ли общество совѣтуете вы взглянуть мнѣ, или не на моихъ ли прелестныхъ кузинъ? спросилъ онъ пронически. — Но мы далеко ушли отъ цѣли нашего разговора, мнѣ хочется знать, какъ поступили бы вы, будучи моею женою, въ случаѣ своего увлеченія?

— Вы хотите знать непременно мои убѣжденія относительно этого предмета? спросила я, улыбаясь.

Глаза Жака сдѣлали утвердительный знакъ.

— Я думаю... думаю, что на непорочности женщины держится семейная жизнь, которая есть основа каждаго человѣческаго общества.

— Дальше, моя милая Мери...

Глаза его выражали нетерпѣливое любопытство.

— И потому, мой милый супругъ, отвѣчала я, улыбаясь и смотря на небо, — въ случаѣ своего увлеченія, я горазмышлю прежде, чѣмъ рѣшусь на какой-нибудь шагъ.

— Мери, подите сюда, дайте мнѣ пожать вашу ручку.

Я поспѣшила отвѣтить на его призывъ и рукожатіе.

— Еще вопросъ, мой воздушный другъ: любили вы кого-нибудь?

Я не могла удержаться отъ улыбки.

— Ваша улыбка увѣдомляетъ меня о дикости моего вопроса; но не увлекалъ ли кто-нибудь особенно вашего вниманія?

— Кажется, нѣтъ, отвѣчала я, снова подходя къ окну, — да впрочемъ и некогда было. Нужно только представить себѣ, что цѣлыхъ пять лѣтъ, по возвращеніи своемъ изъ института, я не имѣла минуты свободной. Когда я пріѣхала домой, располагаясь со школьной скамейки отдохнуть на свободѣ, отецъ и мать, поговоривъ съ своею дочерью-институткой, нашли необходимымъ почти сызнова образовать меня. Да, Жакъ, пять лѣтъ тому, не болѣе, я не имѣла никакихъ понятій, убѣжденій, никакихъ взглядовъ, жила въ мірѣ химеръ и сновъ, даже безъ понятія о добродѣтели и нравственности; я воображала жизнь путемъ, усыпаннымъ цвѣтами, не предполагая, что этотъ путь покрытъ черными грѣшками, пошлостью и подчасъ, о! какимъ тяжелымъ мракомъ! Эти пять лѣтъ заставили меня отказаться отъ вымысловъ и взглянуть на жизнь, какъ она есть. Я радуюсь

своему развитію, Жакъ, потому что теперь глубже могу чувствовать и радость, и горе. Божій міръ и безъ вымысловъ прекрасенъ; взгляните только на это синее небо, зеленую садъ, темную рощу, прислушайтесь къ этому шумному, спокойному говору волнъ, загляните въ свое сердце, мой другъ заключила я, наклоняясь къ нему и смотря въ его черныя подернутые думой глаза.—А вы, были вы влюблены когда нибудь?

Онъ, задумавшись надъ моими словами, молчалъ. Спустила нѣсколько минутъ, я повторила свой вопросъ.

— Если влеченіе мужчины къ хорошенькому женскому личику можетъ назваться влюбленностію, такъ, пожалуй, бывалъ отвѣчалъ онъ, нетерпѣливо откидывая назадъ свои длинные волосы.

— Много разъ? спросила я съ удивленіемъ.

— Разъ двадцать, былъ мнѣ отвѣтъ.

— О, о! Жакъ, вы шутите.

— Увѣряю васъ честнымъ словомъ.

— И всѣхъ любили одинаково?

— Зачѣмъ вы назвали это чувство любовью? Просто влюбчивость.

— Хорошо, положимъ, влюбчивость, но отвѣчайте же на мой вопросъ.

— Къ одной изъ нихъ я чувствовалъ влеченіе всѣхъ больше, мое чувство продолжалось съ полгода.

— Давно это было? спросила я торопливо.

— Да, Мери, отвѣчалъ онъ съ улыбкой, взглянувъ на меня,—давно, лѣтъ восемь назадъ тому.

— Кто же была эта особа, возбуждавшая въ васъ такое продолжительное чувство? произнесла я разсѣянно или стараясь казаться разсѣянною.

— Одинъ маленькій ангелочекъ, какъ называютъ ихъ тамъ, невинный младенецъ, безъ понятія о добрѣ и злѣ. Этотъ ангелочекъ довольно странную роль сыгралъ въ моемъ прошедшемъ. Эта дѣвушка была моимъ первымъ увлеченіемъ...

Жакъ остановился.

— Прекрасно; такъ отчего же вы разлюбили ее?

— Одна великосвѣтская Юнона увлекла мое вниманіе, и я скоро понялъ, что мой ангелочекъ очень глупъ, не въ состояніи понимать самыхъ пустыхъ вещей и давно весь высказался.

— Потомъ, что же сдѣлалось съ этимъ ангелочкомъ?

— Потомъ, продолжалъ Жакъ, иронически улыбаясь, — изъ лупаго ангелочка вышла довольно умная женщина, и въ послѣдствіи кокетничала со мной. Она была моимъ первымъ увлеченіемъ и послѣднею песчинкою между мной и модными красавицами. Я пересталъ было вѣрить въ самую любовь; я пересталъ уважать женщинъ, и послѣ первой неудачи и пераго обмана, я не испытывалъ любви, хотя у меня и было много любовныхъ интригъ. Моральная спячка начинала овладѣть мной. О, еслибы вы знали, Мери, какая борьба происходила во мнѣ, что вынесъ я въ то время, мой другъ!

— Жакъ, никогда не приходило вамъ на умъ перемѣнить образъ жизни... напримѣръ, ѣхать на Кавказъ?

— Рѣзать людей, Мери? вскричалъ онъ, открывая на меня зои глаза:—отъ васъ ли это я слышу? за что? что сдѣлали вы мнѣ?

— Извините меня за мой вопросъ, но продолжайте: какъ же вы вышли изъ этой чудовищной сатурналіи?

— Къ моему счастью, продолжалъ онъ, постепенно успокоиваясь, —въ скоромъ времени послѣ этого я встрѣтился съ Александромъ, который нѣжностію и теплотой своего сердца, истотою своего ума, святостію своихъ убѣжденій поддержалъ меня на скользкомъ пути моего паденія; моя впечатлительность и живость возвратились мнѣ, а съ ними и отвращеніе ко всему черному и грязному.

— Жакъ, сказала я, —такъ вы чувствуете глубокое отвращеніе къ разврату, мой другъ. Однакожь вы повторили его здѣсь.

— Да, Мери, но я долженъ объяснить вамъ это: я ѣхалъ сюда въ бышенствѣ, готовый на борьбу со всѣмъ міромъ. Приѣхавъ сюда. Здѣсь все такъ же грязно и сонно, только спать грязнеть иначе, чѣмъ тамъ. Я увлекся на мгновеніе просто побопытствомъ; вы въ то время все молчали, и я не святой духъ, чтобъ угадать васъ. Но стоило, Мери, произнести вамъ одно слово, и я бросилъ всю эту пошлость, грязь. Я человѣкъ и требую сочувствія; я молодъ, и для меня необходимо молодое нравственное существо, которое могло бы понимать меня, поощрять за дурное и подарить ласковымъ взглядомъ за доброе... Я угадываю вашу мысль: вы хотите сказать, что это требованіе или желаніе недостойно мужчины-человѣка; вознагражденіе или порицаніе своихъ поступковъ онъ долженъ находить въ самомъ себѣ; все это такъ, но многіе ли изъ насъ способны жить безъ

сочувствія? Нѣтъ, я первый отказываюсь отъ этого жесткаго катонизма и требую сочувствія своего маленькаго друга.

При послѣднихъ словахъ, Жакъ быстро поднялся съ мѣста и, подойдя ко мнѣ, протянулъ свою руку. Но я, откинувшись отъ него, обратилась къ нему съ вопросомъ:

— Что заставляетъ васъ, Жакъ, отзываться съ презрѣніемъ о женщинахъ, нападать на нихъ?

— Но, Мери, проговорилъ онъ, останавливаясь, озадаченный моимъ вопросомъ,—я не нападаю на нихъ; впрочемъ, прибавилъ онъ послѣ, но съ злою улыбкой, какъ будто спохватившись и стараясь поправить свою ошибку,—не сами ли вы назвали чудовищною сатурналіей господствующій между ними развратъ?

— А вы сами, Жакъ, возразила я быстро,—были вы святымъ человѣкомъ между ними, что имѣете право порицать ихъ поступки? Какъ достаетъ у васъ духа бросать въ нихъ камнемъ?

Онъ наморщилъ свой чистый лобъ и искоса посмотрѣлъ на меня, но въ его нахмуренномъ взглядѣ было много чего-то слишкомъ лукаваго и смѣющагося.

— Я былъ свободенъ, Мери, отвѣчалъ онъ съ гордостью послѣ минутнаго молчанія,—никому не давалъ никакихъ обязательствъ, поэтому считалъ себя полнымъ господиномъ своихъ поступковъ. Къ тому же... къ тому же, прибавилъ онъ, закусывая губы и снова какъ-то замысловато посмотрѣвъ на меня:—я мужчина.

— Только этого не доставало! воскликнула я съ негодованіемъ.—Стыдитесь, Жакъ, не вы бы это говорили; другихъ я выслушиваю молча, но вамъ, вамъ болтать эту дѣтскую сказку: вы мужчина!.. Вы прежде мужчины человѣкъ, точно такъ же какъ и женщина.

— Такъ вы думаете, Мери! вскричалъ онъ тономъ оскорбленной гордости, между тѣмъ какъ смѣхъ разлился по его лицу.

— Я думаю, Жакъ, возразила я, выведенная изъ терпѣнія выраженіемъ его лица,—что вы не имѣете права требовать отъ человѣка, чтобъ онъ шелъ прямо по тому пути, на которомъ вы сами непрерывно спотыкаетесь. Какое право вы имѣете обязывать мыслящее существо въ отношеніи къ себѣ тѣмъ, чѣмъ сами не въ состояніи отплатить ему? На какую свободу послѣ этого имѣете право претендовать вы, когда сами при малѣйшей возможности обращаетесь въ деспота? Какъ можете вы, Жакъ, быть поборникомъ этого глупѣйшаго деспотизма, изъ котораго истекаетъ ложь, обманъ, коварство, вѣроломство?

Послѣ этого, клянусь вамъ, вы родились не то, чтобы жить и умереть рабомъ.

— Мери, началъ онъ, выслушавъ меня съ нахмуренными бровями, но въ голосѣ его слышалось что-то подстрекающее, — вѣдь вы сами говорили, мой другъ, что на непорочности женщины держится семейная жизнь.

Это напоминаніе окончательно вывело меня изъ терпѣнія; лукавый, убѣждающій и вмѣстѣ съ тѣмъ дружескій тонъ Жака сардиль меня неописанно.

— А, вотъ вы куда пошли! отвѣчала я: — но не забывайте, Жакъ, что это мое свободное, невынужденное убѣжденіе, я сознательно сама дошла до него, я убѣждена такъ, а не иначе, потому что хочу идти по этой дорогѣ, а не по той. Неужели вы думаете, что я способна дрожать передъ порицаніемъ и упреками того, который самъ стоитъ по колѣно въ грязи? Неужели я похожа на рабыню, которая безмолвно можетъ покориться безосновательнымъ требованіямъ деспота, не умѣющаго управиться съ самимъ собой? Разувѣрьтесь, Жакъ; мои убѣжденія, повторяю вамъ, свободны, я исподволь пришла къ нимъ; но никто не считалъ нужнымъ навязывать ихъ мнѣ, принуждать меня къ нимъ, а теперь никто не имѣетъ этого права.

Въ продолженіи моей рѣчи, Жакъ, сидя въ вреслахъ, съ улыбочкою почти блаженства смотрѣлъ на меня; возбудивъ мое негодованіе, онъ, казалось, любовался имъ, и находился въ полномъ восторгѣ.

— Мери, мой маленькій тигренокъ! воскликнулъ онъ съ восторгомъ:—вы прекрасно судите, но еслибы вы знали, какою отрадой вашъ глубокій, гнѣвный взоръ, ваши прямые и честныя слова проливаются въ мое сердце, вы еще разъ, мой другъ, вышли бы изъ терпѣнія; это такъ рѣдко съ вами случается.

— Ахъ, Жакъ, проговорила я съ неудовольствіемъ, отворачиваясь отъ него;—у васъ есть дурная привычка поддразнивать меня.

— Но, Мери, возражалъ онъ, подойдя ко мнѣ и начиная одною рукою играть моими локонами,—вы сами вызвали меня на это; кто вамъ сказалъ, что я нападаю на женщинъ? Я не уважалъ тѣхъ женщинъ, съ которыми судьба сводила меня, потому что не встрѣчалъ у нихъ ни одной свѣтлой мысли, ни одного роднаго слова, ни на одно свое сердечное движеніе не приходилъ отзыва, и чувствуя, что сердце и умъ мой спятъ между ними непробуднымъ сномъ, не могъ уважать ихъ, и

подчасъ презирать, но не нападалъ на нихъ съ безтолковыми порицаніями. Я слишкомъ хорошо знаю, Мери, что женщина вообще ни болѣе, ни менѣе, какъ отраженіе общества: общество дряхлѣетъ и падаетъ, она вмѣстѣ съ нимъ развращается; общество поднимается, оживаетъ, женщина становится нравственною и добродѣтельною. Вы сами когда-то говорили мнѣ, мой другъ, что обязанность матери семейства, если понимать ее какъ должно, страшная обязанность, что не всякая въ состояніи исполнить ее добросовѣстно, а между тѣмъ у каждой изъ нашихъ женщинъ единственная цѣль въ жизни выйти замужъ. Женщинъ нельзя осуждать, но можно презирать ихъ, какъ мелкія существа.

Я повернулась къ нему и попросила его, чтобъ онъ оставилъ въ покоѣ мои локоны.

— Такъ я уйду отъ васъ, уйду къ тому окну, и не стану говорить съ вами, проговорилъ Жакъ, полушутя, полусерьезно.

Я знала, что онъ въ состояніи это сдѣлать, а мнѣ хотѣлось болтать съ нимъ и слушать его.

— Скажите мнѣ, мой другъ, обратилась я къ нему, оставилъ въ забвеніи первую мою просьбу:—я очень глупа, потому что на мгновеніе могла ошибиться въ васъ?

— Такъ глупа, моя милая Мери, отвѣчалъ онъ съ улыбкой,— что я удивляюсь, откуда выработался у васъ этотъ взглядъ и убѣжденіе. Вотъ васъ нельзя назвать отраженіемъ общества; и, знаете, вы болѣе, чѣмъ всякая женщина, подвержены суду, суду Бога, нравственности и людей, не такъ ли?

Въ это время вошелъ мой братъ, осторожно державшій въ рукахъ двѣ махровыя розы.

— Я тебя утѣшу, Мери, сказалъ онъ, взявъ меня за руки.— Ты знаешь, я заходилъ сегодня къ Поликарпу Федоровичу, онъ выходитъ въ отставку и имѣетъ намѣреніе заняться мелкими казенными поставками; своихъ дѣтей онъ отдалъ въ пансіонъ при гимназіи, и вообще теперь въ его семействѣ замѣтно нѣкоторое довольство.

— Да? но откуда же онъ добылъ себѣ деньги? спросила я, съ изумленіемъ поднимая голову.

— Это тайна; онъ нашелъ, кажется, кладъ, проговорилъ улыбаясь Александръ.

— Это тотъ Поликарпъ Федоровичъ, вашъ пріятель, Мери? спросилъ прерывающе Жакъ.

Промелькнувшая въ моемъ умѣ свѣтлая мысль заставила

меня быстро взглянуть на нашего друга. Онъ весь вспыхнулъ отъ моего взгляда, однакожь тотчасъ сумѣлъ овладѣть собой, и, прехолодно посмотрѣвъ на меня, лѣниво отвелъ свои глаза въ другую сторону. Братъ съ замысловатою улыбкой кивнулъ головой на своего товарища.

— А когда же мы будемъ обѣдать, Маша? обратился онъ ко мнѣ.

— Хоть сейчасъ; но гдѣ вы хотите обѣдать?

— Въ роцѣ, подѣ кленами, сказали въ одинъ голосъ братъ и Жакъ.

Итакъ, далеко, на самомъ концѣ сосновой рощи, омываемой свѣтлыми, уже стихнувшими волнами рѣки, подѣ двумя гигантскими кленами, накрытъ былъ на три прибора столъ. Столѣтніе клены казались зелеными прадѣдами, отдѣлившимися отъ молодого поколѣнія деревь, и стояли они какъ будто въ раздумьи, распустивъ свои раскидистыя вѣтви до земли и глядясь въ бездонную глубину водянаго неба. Дни, какъ секунды, пролетали надѣ ихъ головами, недѣли за недѣлями, годы за годами пробѣгали въ вѣчность, а они все горды и спокойны, все тѣ же столѣтніе красавцы; попрежнему величественно поднимаются они въ вышину своими густо-тѣнистыми вершинами, мирно стоятъ надѣ моею родною рѣкой, глядясь въ ея свѣтлую поверхность, и попрежнему словно размышляютъ о быстротности несущагося мимо ихъ времени. Около ихъ колоссальныхъ стволовъ до сихъ поръ еще лежатъ огромные бѣлые камни, когда-то набросанные вмѣсто скамеекъ по распоряженію моего отца. Рѣка, разстилающаяся передѣ ними, омываетъ золотой песокъ, и свѣтлая струя, просачивающаяся изъ того камня, къ которому тогда была привязана лодка брата, все еще бѣжитъ по желтому, какъ золото, песку, и на пути своемъ, волшебнымъ своимъ могуществомъ, превращаетъ, бѣлые, темные и сѣрые голыши въ безцѣннѣйшіе опалы, изумруды и рубины. Добѣжавши до синяго, какъ лазурь, камня, заслоненнаго отъ солнца желтой насыпью, она ласково прижимается къ нему, обвиваетъ его съ тихимъ лепетомъ и, рассыпавшись звонкимъ серебрянымъ смѣхомъ, бросается въ рѣку; волны, разбѣгаясь, принимаютъ къ себѣ съ радостнымъ трепетомъ красавицу струйку. Весна смѣняется весной, жатва слѣдуетъ за жатвой. Необъятныя поля, тянущіяся за рощею, наполняются, какъ и прежде, шумнымъ движеніемъ въ лѣтніе дни; толпы народа подходятъ къ нимъ изъ окрестныхъ деревень,

пѣсниами издалека возвѣщая свое приближеніе. Все здѣсь по старому, и зарѣчный лѣсъ все еще такъ же неприступно грозенъ, такъ же тонетъ въ непробудномъ мракѣ и сумрачно глядитъ даже на горячія объятія солнца. Все напоминаетъ здѣсь моей душѣ бывшее время, мою юность и неразлучную ея спутницу — любовь, напоминаетъ мнѣ моего милаго брата и безцѣннаго Жака, съ которымъ мы бывало столько разъ стояли здѣсь на синемъ камнѣ, погруженные въ думы, и, обрывая лепестки цвѣтовъ или листья деревьевъ, прилежно слѣдили за уносившими ихъ волнами. Жизнь моя въ своемъ теченіи катилась безостановочно, сокрушая и измѣняя все на своемъ роковомъ пути, а ты, суровый край моей родины, какъ цвѣль нѣкогда въ лѣта моей юности, такъ цвѣтешь и донинѣ въ своей могучей неизмѣнной красотѣ.

Жакъ сидѣлъ противъ меня, наклонившись надъ своею тарелкой; его длинные волосы спустились на лобъ, черный сюртукъ былъ растегнутъ, и около пуговицъ сѣраго жилета виднѣлась пунцовая роза. Александръ, опорожнивъ свою тарелку, съ улыбкой взглянулъ на меня и остановилъ свой взоръ на моемъ цвѣткѣ, лежавшемъ на столѣ.

— Откуда Господь послалъ тебѣ эти розы? обратилась я къ нему.

— Я заходилъ къ Николаеву, гувернеру Засельскихъ, отвѣчалъ онъ; — молодая Засельская, увидѣвъ меня съ нимъ въ саду, спустилась къ намъ, начала меня спрашивать о Жакѣ, котораго не видала около двухъ недѣль, и во время своей болтовни, проходя мимо цвѣтниковъ, сорвала эти двѣ розы; одну изъ нихъ отдала мнѣ, для того чтобъ имѣть предлогъ послать другую Жаку.

«А, вотъ какъ!» замѣтила я про себя, смотря на цвѣтокъ. «Что за отношенія у Жака къ Засельской?» думала я. Она приходится ему какою-то троюродною кузиной. Въ городѣ всѣ громко говорили о предполагаемой женитьбѣ Жака на ней, но самъ Жакъ никогда не упоминалъ въ своихъ разговорахъ со мною даже имени Засельской. Стало-быть эти слухи были чистѣйшею выдумкой провинціального бездѣлья. Мой другъ сказалъ бы мнѣ объ этомъ; я пользовалась его безграничною довѣренностью. Онъ часто говаривалъ мнѣ: «Ни съ однимъ человѣкомъ въ продолженіи всей своей жизни не сходился я такъ коротко, какъ съ вами, Мери, ни съ однимъ не былъ такъ откровененъ: я готовъ повѣрить вамъ все, что у меня есть на душѣ; можетъ-быть это происходитъ оттого, что я

увѣренъ въ вашей справедливости, въ вашемъ участіи, и могу безопасно положиться на твердую нравственность моего друга. Мнѣ даже кажется, что, передавая вамъ свою прежнюю жизнь, я не только облегчаю себя, но роднюсь съ вами, и съ невыразимымъ блаженствомъ думаю, что переданное вамъ кануло въ вѣчность и никакъ уже болѣе не повторится въ моей жизни.» Это довѣріе Жака воспрещало всякое любопытство съ моей стороны въ отношеніи того, о чемъ онъ не считалъ нужнымъ говорить. А все-таки думы однѣ за другими пролетали въ моей головѣ при взглядѣ на цвѣтокъ.

— Мери, *mettez moi au courant de vos pensées*, сказала Жакъ,—отчего вы сдѣлались грустны? Дайте мнѣ вашъ цвѣтокъ.

Я исполнила его желаніе.

Взявши изъ моихъ рукъ цвѣтокъ, онъ свиль его съ своимъ, и потомъ, посмотрѣвъ нѣсколько мгновеній на обвившія одна другую розы, неожиданно для меня кинулъ ихъ въ воду съ словами:

— Неситесь, пышныя, куда хотите.

«Если Засельская любить Жака, подумала я, нахмуривъ брови, то онъ поступилъ дурно; но это не можетъ быть, мой другъ слишкомъ добръ и благороденъ для такого поступка.»

— Да скажите же мнѣ, Мери, о чемъ вы думаете? повторилъ онъ.

— Жакъ, начала я, внимательно смотря на него и стараясь прочесть въ его черныхъ глазахъ, съ какою цѣлью кинулъ онъ цвѣты въ воду,—я думаю въ настоящую минуту о томъ, что только дурной человѣкъ способенъ заплатить насмѣшкой или холоднымъ презрѣніемъ за любовь: согласны вы со мной, Жакъ?

— Согласенъ, моя милая Мери, возразилъ онъ съ жаромъ;—если мы сами не можемъ отплатить за любовь любовью, такъ должны цѣнить и уважать чувства любящихъ насъ.

Я покраснѣла отъ удовольствія и потупила глаза въ тарелку.

— Но, Мери, продолжалъ Жакъ,—я не совсѣмъ доволенъ вами, вы далеко не откровенны со мной. Зная весь здѣшній глупый говоръ насчетъ моихъ отношеній къ Засельской, вы показывали видъ, какъ будто ничего не знаете; это не хорошо, Мери, это не по-дружески.

И мой другъ нахмурился.

— Я ожидала, Жакъ, что вы сами заговорите.

— Отчего же было не спросить вамъ?

— Я не знаю отчего, отвѣчала я въ недоумѣніи,—но все-таки мнѣ кажется, что, будучи на вашемъ мѣстѣ, я предупредила бы всевозможные вопросы.

— Мери, началъ Жакъ безъ дальнихъ разсужденій, обращаясь ко мнѣ,—мой дядя, Роцинскій, думалъ еще въ Москвѣ женить меня на Засельской.

— А дальше?

— Вслѣдствіе этого я еще тамъ пересталъ ходить къ нимъ; нынче, воображая себѣ, что провинціальная скука сдѣлала меня сговорчивѣе, Засельскіе возобновили свое исканіе.

— И вы, разумѣется, Жакъ?... сказала я съ улыбкой.

— Разумѣется, Мери, отвѣчалъ онъ, также улыбаясь,—я рѣшительно показываю видъ, что не хочу жениться на ней; но они все еще питаютъ какую-то глупую надежду, которая впрочемъ поддерживается нѣкоторымъ образомъ письмомъ моею любезной матушки.

— Къ тому же, прибавилъ братъ,—Засельскимъ не легко отказаться отъ своихъ плановъ и надеждъ: Жакъ считается прекраснымъ женихомъ.

Я съ удивленіемъ взглянула на Жака, какъ на прекраснаго жениха, и невольно задумалась. Мои понятія насчетъ прекраснаго жениха были въ то время очень странны. Прекрасный женихъ—это на мой взглядъ было что-то такое, весьма удобное для покупки, продажи, промѣна, вообще для коммерческихъ оборотовъ, и вдругъ, кто же? Жакъ оказывается прекраснымъ женихомъ! Это подѣйствовало на меня чрезвычайно непріятно, и я почти съ укоромъ взглянула на брата, который придалъ своему другу такую пошлую кличку.

— Я знаю, о чемъ задумалась мыслящая головка Мери и подернулись грустною думой ея умные глаза, проговорилъ Жакъ, смотря на меня своимъ мглистымъ взоромъ.

— Отчего?

— Вы правы, Мери, я могу быть прекраснымъ другомъ, прекраснымъ мужемъ, отцомъ, но никогда прекраснымъ женихомъ, потому что ничто въ мірѣ не можетъ меня заставить жениться. Мери нѣсколько разъ высказывала мнѣ свой взглядъ на прекраснаго жениха, обратился онъ къ брату.

— Да, Жакъ, и я почти сердита на Александра.

— Богъ васъ знаетъ, замѣтилъ братъ улыбаясь.—Я четыре года не видался съ Машей, годъ съ тобой, Роцинскій, и какъ мнѣ угадать теперь фантастическій взглядъ, составленный вами

на многія вещи здѣсь, въ глуши? Но выпьемъ же, Роцинскій, по рюмкѣ хереса за процвѣтаніе вашего взгляда.

— Нѣтъ, нѣтъ, пегсі, былъ отвѣтъ.

Это педантическое воздержаніе отъ крѣпкихъ напитковъ, которое выказывалъ Жакъ съ минуты возобновленія нашего знакомства, казалось мнѣ забавнымъ.

— Отчего, Жакъ? сказала я, улыбаясь и наливая ему въ рюмку вина.

Онъ немножко нахмурился и отвѣчалъ, что, пожалуй, если я хочу этого непременно, такъ онъ выпьетъ.

Послѣ обѣда братъ остался дремать подъ кленами, Жакъ ушелъ на синій камень, который былъ окруженъ съ трехъ сторонъ водой и смотрѣлъ, стоя на немъ, на катившіяся волны. Долго стоялъ онъ одинъ, наклонившись надъ рѣкой, наконецъ тихо, какъ будто про себя прошепталъ мое имя. Я быстро встала, но, сдѣлавши нѣсколько шаговъ къ нему, остановилась.

— Чтѣ же моя волшебница нейдетъ ко мнѣ? проговорилъ онъ, какъ будто нечаянно обративъ свои глаза въ мою сторону.

— Извините, Жакъ, сказала я, поспѣшно подходя къ нему и становясь подлѣ него на камень,—я думала, что мнѣ послышалось...

— Мери, взгляните, какія свѣтлыя волны и какая яркость въ глубинѣ: тамъ и небо, и солнце, и лѣсъ, и блистающіе близкой горные камни, какъ будто чертоги Нептунова царства... Но, мой другъ, у меня есть до васъ просьба, проговорилъ онъ, быстро и внимательно взглянувъ мнѣ въ глаза.

— Я слушаю васъ, Жакъ, сказала я.

— Моя просьба до того пуста, что мнѣ необходимо предупредить васъ объ ея ничтожности.

Я взглянула на него вопросительно.

— Не предлагайте мнѣ никогда за столомъ вина.

— Отчего?

— Ваши синіе глаза и черныя рѣсницы въ особенности хороши тогда, когда смѣются и спрашиваютъ. Оттого, милая Мери, что я не люблю здѣшнихъ винъ.

— А, теперь понимаю, отчего вы не сказали этого при Александрѣ, который не знаетъ толку въ винахъ: кое-какъ отличаетъ хересъ отъ мадеры, и то, полагаю, больше по цвѣту.

Онъ засмѣялся и, отвернувшись отъ меня, снова засмотрѣлся въ глубину рѣки.

— Но скажите мнѣ, Жакъ, начала я, положивъ свою руку къ нему на плечо,—вы пили прежде?

— Нѣтъ, не пилъ, Мери, отвѣчалъ онъ, не отводя глазъ отъ воды,—но запивался.

— И этими винами?

— Какія попадались, и даже водкой.

— А теперь отчего вы не пьете?

— Не чувствую необходимости.

— Такъ значитъ вы пьете только по необходимости?

— Хорошія вина пью и изъ удовольствія.

— А запиваетесь дурными?

— Было время, отвѣчалъ онъ съ легкимъ вздохомъ, несмотря на меня,—когда напивался и хорошими, и дурными, и всѣмъ, что ни попадалось; но теперь, надѣюсь, что это время никогда уже не повторится.

— Жакъ, вы дурно дѣлали? спросила я, ласково заглядывая ему въ глаза.

Онъ быстро повернулся ко мнѣ и, взявши меня за руки, съ необыкновенною нѣжностію посмотрѣлъ мнѣ въ глаза.

— Не сознаю этого, мой маленькій другъ: тогда было одно время, теперь другое.

— Тогда или нынче, не все ли одинаково дурно имѣть наклонность къ обращенію себя въ четвероногое? не такъ ли, Жакъ?

— Мери, вы не понимаете многого. Есть чувства, мой другъ, началъ онъ, съ задушевною теплотой во взглядѣ, сжимая мнѣ руки, — которыя дѣлаютъ человѣка выше, благороднѣе, нравственнѣе. Эти чувства святыя и глубокія, запавши разъ въ душу, проливаютъ на нее милость Бога; благотворное вліяніе ихъ не исчезнетъ никогда; воспоминаніе о нихъ, святое и свѣтлое, всегда останется при человѣкѣ и сохранить его въ жизни отъ всего чернаго, грязнаго, злаго, сохранить его отъ моральнаго паденія. Объ этихъ чувствахъ я не имѣлъ понятія прежде, и потому не мудрено, что, видя вокругъ себя только черноту и мракъ, мракъ непроходимый, непроницаемый, изъ котораго тщетно искалъ исхода, я, не находя исхода, скользилъ и падалъ на тинистомъ пути. А жизнь, молодость между тѣмъ кипитъ въ крови, нужно употребить на что-нибудь излишекъ своихъ силъ, бросаешься во всѣ стороны, и все-таки не находишь ему мѣста. Тогда этотъ излишекъ начинаетъ тебя душить, какъ, помните

въ разказѣ вашей старушки няни, легионъ чертей душилъ одного человѣка, требуя у него работы; вотъ при такихъ обстоятель-ствахъ, понемногу утрачивая вѣру въ людей, въ самого себя, моральной опоры не видя никакой, начинаешь пить, запивать-ся: это по крайней мѣрѣ лишаетъ человѣка сознанія.

— Такъ неужели вы были когда-нибудь разочарованы? про-говорила я въ раздумьи.

— Чтобы разочароваться чѣмъ-нибудь, необходимо прежде очарованіе, а я, къ счастью, никогда не былъ очарованъ тѣмъ обществомъ, въ которомъ жилъ.

— А теперь?

— Теперь, Мери, отвѣчалъ онъ съ восторгомъ, смотря на зарѣчный лѣсъ и дальній небосклонъ,—теперь я хочу жить, хочу любить, хочу вѣрить, хочу быть добрымъ человѣкомъ.

« О, Жакъ всегда былъ и будетъ добрымъ человѣкомъ », по-думала я, и Поликарпъ Федоровичъ съ своимъ бѣднымъ семей-ствомъ промелькнулъ въ моемъ умѣ.

— Жакъ, у меня есть до васъ просьба, обратилась я тихо къ своему другу.

— Прекрасно, Мери, воскликнулъ онъ, снова схвативъ меня за руки и пожимая ихъ;—благодарю васъ: для меня истинное наслажденіе услышать изъ вашихъ устъ слово просьбы. Богъ видитъ, какъ оно сладко отдается въ моемъ сердцѣ.

— Позвольте мнѣ поцѣловать васъ за ваше доброе сердце, сказала я тихо, но настоятельно.

Въ отвѣтъ на мою просьбу, Жакъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ, и съ строгостію восьмидесятилѣтняго старика про-говорилъ, что я съ ума схожу.

Я еще разъ, такъ же настоятельно, повторила ему свою просьбу.

— Чтò это за дикія мысли лѣзутъ вамъ въ голову, Мери? во-зразилъ онъ съ нетерпѣніемъ.—Послѣ того, надобно забыть всѣ приличія...

— Съ которыхъ поръ вы сдѣлались, Жакъ, отвѣчала я, спо-койно смотря на него,—такимъ строгимъ поборникомъ приличій? Каждый воленъ понимать ихъ по своему, и потому я не уйду отъ васъ, пока вы не дадите мнѣ позволенія поцѣловать себя.

— Чтò за упорство въ этой головкѣ, и какимъ упрямствомъ свѣтятся ея глаза! лицо ея приняло рѣшительное выраженіе.

Кончено; она будет мучить меня, а не откажется отъ своей дикой мысли.

Говоря это, Жакъ откинулъ назадъ свои черные волосы и снисходительно удостоилъ наклонить ко мнѣ свой чистый, какъ слоновая кость, лобъ.

Я обвила руками его шею и крѣпко поцѣловала моего добраго и благороднаго друга въ лобъ.

— Удовлетворились ли вы теперя? спросилъ оно холодно.

— Да, Жакъ.

— Итакъ вы можете идти отсюда; я желаю остаться одинъ.

Съ этими словами онъ отвернулся отъ меня.

Не имѣя обыкновенія утомлять Жака своими разговорами, я ушла съ сняго камня и возвратилась подъ кленъ къ дремавшему брату. Усѣвшись подлѣ него, я обвила одною рукой его шею и, приклонивъ голову къ нему на плечо, засмотрѣлась на волны, которыя безостановочно неслись мимо меня и своими мѣрнымъ шумомъ навѣвали на меня сладкую дрему. Синева неба, облитая горячими лучами солнца, утопала въ долгой нѣгѣ, и клены, наклонившись къ рѣкѣ, не освободились еще отъ царившей дремоты полудня. Только неугомонное трещаніе стрекозы, раздававшееся въ ближней осоцѣ, да немолчный говоръ далекихъ волнъ потрясали сонный воздухъ. А Жакъ все стоялъ на камнѣ подъ палящимъ солнцемъ и неумоимо глядѣлъ на катившіяся передъ нимъ волны. Время несло съ волнами, минуты за минутами быстро летѣли, четыре удара пробилъ однообразный бой городскихъ часовъ, сладкая дремота начала спускаться на мои глаза; шумъ волнъ становился тише и отдаленнѣе, трещаніе стрекозы глуше отдавалось въ моихъ ушахъ, синева неба глубже уходила въ безпредѣльность, вѣтви кленовъ выше и выше поднимались надъ моею головой, наконецъ и темный лѣсъ, толпившійся въ отдаленіи, какъ будто задыгался; еще минута, съ шумомъ понесся онъ уже по берегу рѣки вслѣдъ за волнами; тогда и фигура Жака, обрисовывавшаяся рѣзко на голубомъ воздухѣ, постепенно приближаясь ко мнѣ, начала уменьшаться, между тѣмъ братъ и клены, и все, что находилось вокругъ меня, исчезло, а волны и лѣсъ, и впередъ всего улыбающійся Жакъ, несутся вдоль берега, разсыпая на пути своемъ золотые сны, и то исчезая, то вновь появляясь, убаюкиваютъ они меня звуками своего соннаго полета. Волшебные сны спустились на землю, одѣли ее лазурнымъ сіяні-

еть, и я, утопая въ золотѣ лазури, ничего болѣе не вижу и не слышу...

Смерклось. Солнце совершенно зашло за горизонтъ, бѣлыя облачка, ежедневно игравшія другъ съ другомъ по вечерней зарѣ, обмывшись въ аломъ закатѣ солнца, убѣжали уже вслѣдъ за нимъ на западъ. Небо, синее и глубокое, свѣтилось сквозь густую зелень деревъ; мѣсяцъ, съ высоты пронизывая ее своими лучами, серебрилъ садъ и мою комнату. Легкій вѣтерокъ, пробѣгая въ зелени деревъ, обдавалъ меня прохладнымъ воздухомъ. Вскорѣ послышался благовѣсть ко всенощной изъ монастыря, и могучій, звучный голосъ колокола, оглашая окрестность, торжественно пронесся въ воздухъ, какъ будто прощальный поклонъ погаснувшимъ за горизонтъ золотымъ лучамъ солнца и вмѣстѣ съ тѣмъ привѣтъ божественной ночи.

Проснувшись одна въ своей комнатѣ, долго сидѣла я у окна, стараясь отдать себѣ отчетъ въ моемъ волшебномъ переселеніи изъ рощи въ комнату. Наконецъ я встала и рѣшилась идти отыскивать брата или Жака, чтобы попросить у нихъ объясненія чуда. «Ужъ не сомнамбула ли я?» грезилось мнѣ въ то время, какъ я обходила комнаты; «или не брать ли перенесъ меня на рукахъ?» подумала я, спускаясь въ садъ,—это вѣроятнѣе. Четыре года назадъ тому, онъ носился со мною какъ съ ребенкомъ, а съ тѣхъ поръ я нисколько не выросла.» Размышляя такимъ образомъ, поднималась я по нагорной сторонѣ сада. Вездѣ было тихо: ни говора, ни шаговъ не раздавалось. Пробираясь между деревьями, углубилась я въ узкія аллеи, окружила цвѣтники и, наконецъ, нигдѣ не встрѣтивъ никого, подошла къ рѣкѣ. Облокотившись на перила, нѣсколько минутъ простояла я здѣсь, смотря, по десяти-саженному обрыву берега, на косматые, сѣдые волны, скакавшія около огромныхъ бѣлыхъ камней, врѣзывавшихся въ рѣку. Потомъ по бѣлой тропинкѣ, тянувшейся по самому обрыву берега и огороженной перилами, начала я спускаться къ рощѣ. Мѣсяцъ въ небесахъ да золотыя звѣзды, мерцавшія надъ моею головой, были монми единственными спутниками. Подойдя къ мрачной густотѣ толпившихся передо мною соеенъ, я въ нерѣшимости остановилась.

Между нашими людьми носились глупые слухи, будто, послѣ солнечнаго заката, въ этой рощѣ раздается непонятный говоръ, будто невѣдомые звуки наполняютъ ее; говорили даже, что злые духи обитаютъ въ ней. Я любила гулять въ этой рощѣ почти столько же, какъ и слушать разказы моей няни о злыхъ

духахъ, нѣкогда обитавшихъ тамъ. Съ трепетнымъ наслажденіемъ поддавалась я всегда, и особенно въ темныя ночи, чарующему вліянію этихъ волшебныхъ разказовъ. Конечно, ни брата, ни Жака не надѣялась я встрѣтить здѣсь, но цѣль моей прогулки уже измѣнилась. «Пусть, теперь, они одни отыскиваютъ меня», подумала я, входя съ замираніемъ сердца подъ густую тѣнь темныхъ сосенъ, среди которыхъ царствовала мертвая тишина: нигдѣ не щелкнетъ, нибрякнетъ, ни шелокнетъ.» Пробираясь въ густь, со страхомъ прислушивалась я къ отдаленному ропоту волнъ да къ шелесту своихъ шаговъ. Фантастическое сіяніе мѣсяца, скользящее съ высоты въ рощу, равсыпалось по моему пути, и блѣдныя трепетныя тѣни его потянулись по темной зелени деревь, а за ними средневѣковыя легенды и баллады съ своими страшными и чудными героями, большею частію похожими, какъ двѣ капли воды, на Жака, ярко выступили передъ моими глазами и наполнили ночное безмолвіе непонятными, глухими звуками, которые грозно и тихо загудѣли въ моихъ ушахъ. Повременамъ останавливаясь, я съ трепетомъ оглядывалась вокругъ себя, или смотрѣла на синее небо, на золотыя звѣзды, и думала о томъ, какъ тамъ божественно свободно, и вновь погружаясь въ свои фантазіи, шла я впередъ, не чувствуя подъ собой земли и возвращаясь къ своимъ милымъ героямъ, къ ихъ прекраснымъ невѣстамъ, проживала съ ними тѣ времена, въ которыя любовь продолжалась и за гробомъ. Но вотъ звонкое серебряное журчаніе волшебной струйки донеслось до меня, и вода безчисленными свѣтлыми полосами сверкнула сквозъ зелень. Я очутилась подъ кленами. Подойдя къ синему камню, около котораго на легкой зыби качалась лодка брата, нѣсколько минутъ простояла я здѣсь, заглядѣвшись на рѣку и на дремучій зарѣчный лѣсъ.

Чу! вдали раздались едва доносившіяся до моего слуха слова: Мери, Маша! «Это братъ и Жакъ отыскиваютъ меня»,—подумала я, снова входя въ рощу, и съ радостнымъ страхомъ углубляясь въ самую густоту ея деревь.

— Она должна быть въ рощѣ, неся изъ сада голосъ брата, отчетливо раздававшийся среди ночнаго безмолвія.

Я остановилась, притаивъ дыханіе, и со страхомъ обняла старую высокую сосну.

— Не можетъ быть, говорилъ другой голосъ,—она трусиха,

у нея пылокое воображеніе, способное населить всю природу русалками и лѣшими; нѣтъ, ни за что не пойдетъ она туда одна.

— Я почти увѣренъ, что она тамъ, пойдемъ же, и ты увидишь. Маша, откликнись!

«Какъ же, сейчасъ», думала я, со смѣхомъ прижимаясь крѣпче къ соснѣ и удерживая дыханіе.

— Вотъ видишь, ея тамъ нѣтъ, теперь все звонко отдается, а у нашей феи тонкій слухъ. Да однакоже гдѣ она? проговорилъ Жакъ, уже встревоженнымъ голосомъ.

— Я пойду въ рощу, вѣрно она сидитъ тамъ, подъ кленами, и смотритъ на волны.

— Иди, если хочешь,—голосъ Жака чрезвычайно измѣнился,—но я увѣренъ, что Мери одна не ступитъ ногой въ рощу. Бывало отъ какого-нибудь глупаго разказа, отъ шероха вѣтра, или тѣни дерева, онався поблѣднѣетъ и задрожитъ. У нея скверная привычка ходить по этой проклятой дорожкѣ, по этому обвалу.

На слова Жака не было отвѣта, но вскорѣ послышался трескъ сухихъ вѣтвей. Александръ, зная меня хорошо, вошелъ въ рощу. «Вѣроятно и Жакъ съ нимъ», промелькнуло у меня въ умѣ. Приподнявшись на носки башмаковъ, я тихонько отошла отъ сосны, и стала направляться къ опушкѣ рощи. Вскорѣ опять вышла я на бѣлую тропинку, проклятую Жакомъ. Оглядѣвшись кругомъ и не видя никого, начала я подниматься по обрыву берега около перилъ, тихонько напѣвая: «Горныя вершины». Вѣтеръ игралъ съ моими кудрями, пѣнистыя волны съ шумомъ скакали подо мной, рѣка, съ отражавшимися въ ней звѣзднымъ небомъ, темными облаками, которыя поднимались съ южной стороны, и дремучимъ лѣсомъ, дрожала въ берегахъ. Вдали, на самой вершинѣ тропинки, рельефно обрисовалась на синемъ небѣ стройная фигура Жака. Напѣвая громче и громче, я приближалась къ нему.

— Это моя подруга, легкая и воздушная, какъ фантазія поэта, поднимается сюда, не касаясь до земли,—летитъ мнѣ съ высоты восторженный голосъ моего друга.—Мери, неужели вы изъ рощи? воскликнулъ онъ, схвативъ меня за руки:—лѣсная нимфа, вы измучили своихъ друзей.

Ни слова не говоря, я высвободила свои руки изъ его рукъ и, облокотившись на перила, съ безотчетною грустью, мгновенно овладѣвшею мной, засмотрѣлась на далекую высоту звѣзднаго міра; послѣднія слова моего пѣнія: «погоди не мною», все еще отдавались въ моей душѣ.

— Что съ вами, Мери? спросилъ съ безпокойствомъ Жакъ, наклонясь и смотря мнѣ въ глаза.

— Ничего, Жакъ, отвѣчала я тихо, смотря на небо и скрестивши на груди руки,—но что за бездонная синева тамъ, мой другъ, и кажется мнѣ, что я могу слиться съ ней и потонуть въ глубинѣ ея.

Жакъ молча, своимъ блестящимъ взоромъ, слѣдилъ по направленію моихъ глазъ.

Между тѣмъ волны скакали, шумѣли и покрывали наши голоса своимъ гуломъ, а темныя облака приближались съ юга и заволакивали лазурь неба.

— Жакъ, начала я снова,—я улетѣла бы отсюда далеко, далеко, туда, гдѣ такъ привѣтливо мерцають звѣзды, туда, гдѣ даже и женщина свободна; но скажите мнѣ, какъ называется эта блистающая надъ нами звѣзда?

— Вега, мой другъ.

— Я когда-нибудь буду тамъ; а та, что горитъ, точно золотая?

— Арктуръ, отвѣчалъ Жакъ, смотря въ небо.

— И тамъ буду. Какъ хорошо безсмертіе! Скажите мнѣ, отчего находятъ иногда на человѣка такія минуты, въ которыя такъ и хочется разорвать эту земную оболочку и, простившись навсегда съ прекрасною землею, потонуть въ голубыхъ волнахъ воздуха.

— Это потому, моя безцѣнная Мери, отвѣчалъ онъ, грустно смотря на меня съ нѣжностью,—что божественная и глубокая синева неба заключается въ насъ самихъ, только носятъ между нами иное названіе.

— Какое, мой несравненный другъ? прошептала я, глядя черезъ перила на волны.

Наклонившись ко мнѣ такъ, что горячее дыханіе его устъ касалось моей щеки, онъ звучнымъ шепотомъ произнесъ одно только слово, слово старое какъ мѣсяцъ, но вѣчно полное юной жизни и вѣчно отдающееся радостію въ молодомъ сердцѣ.

«Мы слишкомъ зафантазировались съ Жакомъ надъ рѣкой, и къ чему?» подумала я, стряхивая съ своими спуетившимися на лобъ кудрями и свои прекрасныя грезы. Потомъ, съ улыбкой посмотрѣвъ въ большіе глаза своего собесѣдника, я спросила его:

— Право такъ?

Моей улыбки достаточно было для того, чтобы вывести изъ

терпѣнія строптиваго Жака. Нахмуривши свои бархатныя брови, оградивъ на своемъ лицѣ весь сумракъ зарѣчнаго дѣся, онъ отвернулся отъ меня и нетерпѣливо застучалъ своими тонкими красивыми пальцами по периламъ.

Я улыбаясь смотрѣла на небо, на дѣсь и въ глаза Жаку.

— Развѣ вы не видите, Мери, проговорилъ онъ съ неудовольствіемъ, спустя нѣсколько минутъ послѣ моего вопроса, — что мѣшаете мнѣ думать? идите отсюда.

Понимая слишкомъ хорошо, что присутствіе мое, вслѣдствіе моихъ словъ, сдѣлалось непріятнымъ Жаку, я молча удалась отъ него и пошла по направленію къ роцѣ отыскивать брата.

— Гдѣ ты это пропадаешь? вскричалъ Александръ, встрѣчая меня въ саду.

— Сначала я искала васъ, отвѣчала я, обнимая его, — потомъ пряталась отъ васъ, наконецъ разговорила съ Жакомъ, рассердила его и очутилась здѣсь; но скажи, какимъ образомъ попала я изъ роци въ комнату?

— Я перенесъ на рукахъ, какъ бывало прежде, мою маленькую сестричку, былъ мнѣ тихій отвѣтъ, сопровождаемый нѣжною улыбкой.

Обнявшись другъ съ другомъ, мы пошли съ братомъ въ комнаты, оставивъ Жака одного мечтать надъ рѣкой.

— А гдѣ же вы были?

— За мной присылалъ Засельскій, мы были у него вмѣстѣ съ Жакомъ.

Я вопросительно посмотрѣла на брата.

— Я не могу тебѣ ничего сказать насчетъ нашего визита, потому что онъ касается до Жака.

Конечно, послѣ этого отвѣта мнѣ нечего было любопытствовать. Я замолчала, и мы скоро вошли черезъ стеклянную дверь въ залу, гдѣ были поданы огни: двѣ свѣчи стояли на роулѣ, двѣ другія стояли на столѣ подъ зеркаломъ.

— Александръ, сказала я, становясь въ амбразуру окна, — у меня есть до тебя просьба.

— Говори, Маша.

— Сходимъ ко всенощной.

Улыбка мелькнула на его устахъ.

— Но всенощная уже отходить.

— Нѣтъ, Александръ, завтрашній праздникъ, и всенощная будетъ длинная, сходимъ хоть на нѣсколько минутъ помолиться.

— Съ удовольствіемъ, но что за праздникъ завтра?

Я сказала брату имя святаго, котораго празднуютъ память.

— Пойдемъ, пойдемъ, мой другъ, а послѣ всенощной будемъ кататься по рѣкѣ, разумѣется, если не будетъ грозы, прибавилъ онъ, заглянувъ въ окно на небо.

Александръ, вызвавшись принести мнѣ шляпку, мантилью и перчатки, ушелъ отъ меня.

Жакъ долго еще послѣ насъ оставался въ саду. Я, надѣвши шляпку и мантилью, стала натягивать уже перчатки, какъ онъ съ нахмуреннымъ лицомъ явился въ комнату и прошелъ, какъ будто не замѣчая меня, прямо къ роялю. Съ шумомъ открывъ его, онъ подвинулъ къ себѣ одною ногой табуретъ, сѣлъ и небрежно заигралъ какой-то бѣшенный вальсъ.

— До свиданія, Жакъ, проговорила я, проходя мимо его.

— Мери, остановилъ онъ меня, сильнымъ аккордомъ заключая свою неистовую игру, — садитесь подлѣ меня.

Мнѣ было не время; однакожъ я разсудила, что могу удѣлать ему нѣсколько минутъ.

— Мой другъ, началъ онъ, ласково обращаясь ко мнѣ; и голосъ его зазвучалъ необыкновенною нѣжностью, — скажите мнѣ, приходитъ вамъ желаніе выйдти замужъ?

Облокотившись на рояль, съ минуту обдумывала я слова Жака и своей отвѣтъ.

— Да не за кого, Жакъ, отвѣчала я наконецъ, вставая.

— Какъ? я не понимаю васъ! воскликнулъ онъ, схвативъ меня за руки и заставляя садиться.

— Очень просто: чтобъ отдаться человѣку, слить свою жизнь съ его жизнію, для этого необходимое условіе — любовь.

— А изъ уваженія, изъ братской привязанности не находите вы возможнымъ выйдти за мужъ, а потомъ полюбить?

Я отрицательно покачала головой.

— Вы не соглашаетесь?

— Нѣтъ, Жакъ, выходить замужъ безъ любви, по моимъ понятіямъ, величайшій грѣхъ, и я никогда не рѣшусь на подобный шагъ.

Онъ посмотрѣлъ на меня съ улыбкой удовольствія.

— Но, Мери, посмотрите, всѣ и вездѣ и всегда такъ дѣлали и дѣлаютъ.

— Сколько разъ я говорила вамъ, Жакъ, что мое свободное убѣжденіе не можетъ быть закономъ для всѣхъ, у каждаго свой взглядъ на вещи, и никто не можетъ идти, не дѣлая грѣха, противъ своей совѣсти, противъ своихъ убѣжденій.

— Прекрасно, Мери, прекрасно, мой другъ, проговорилъ онъ разсѣянно, какъ будто обдумывая что-то другое.

Я улыбнулась.

— Чтò означаетъ ваша улыбка?

— Я смѣюсь глупости тѣхъ, которыя выходятъ замужъ только для того, чтобы выйти замужъ.

— Что же въ этомъ глупаго?

— Нѣтъ резоновъ выходить замужъ безъ любви: вся невыгода супружества и неприятности брака на сторонѣ женщины, она дѣлается рабой, она надѣваетъ на себя цѣпи.

— И вы также сдѣлаетесь рабой, если выйдете замужъ, проговорилъ онъ съ лукавою улыбкой, какъ будто въ утѣшеніе мнѣ.

Я еще улыбнулась.

— Знакома мнѣ эта улыбка, знакомъ этотъ взглядъ!

— Да, Жакъ, я не могу быть рабой, не пойду я замужъ за такого человѣка, который разнится со мной во взглядахъ и убѣжденіяхъ, еслибъ я даже и любила его. Не могу я возвыситься до этого «высокаго самоотверженія» или низойти до унижительной роли рабыни, я слишкомъ развита для этого.

— Конечно, Мери, вы неспособны обманывать человѣка, мужъ вашъ будетъ знать, чего можетъ ожидать отъ васъ.

— Да, Жакъ, но прежде всего я должна знать, чего мнѣ ожидать отъ мужа, потому что, выйдя замужъ, волей или неволей нужно будетъ покориться ему.

— Мери, въ васъ нѣтъ женскаго самоотверженія.

— Во мнѣ нѣтъ, Жакъ, скажите лучше, женскаго самозабвенія, этого глупаго чувства, истекающаго изъ любви, которое мучитъ себя и другихъ, потому что въ немъ есть много эгоистичнаго. А чтò касается до самоотверженія, такъ я готова жизнью пожертвовать для васъ. Но я заговорила съ вами, мнѣ пора идти ко всенощной. До свиданія, мой другъ, или пойдемте вмѣстѣ съ нами.

Послѣ минутнаго колебанія Жакъ взялся за шляпу и подалъ мнѣ руку.

— Не мѣшало бы надѣть тебѣ, Маша, бурнусъ, замѣтилъ братъ, когда мы спускались къ лѣстницы,—посмотри, туча приближается, облака уже забѣгали надъ нашими головами. Позволь, я схожу за бурнусомъ.

— Да я не останусь долго въ церкви, я не могу молиться много, вотъ Роцинскій знаетъ.

Но Рощинскій ничего не отвѣчалъ. Онъ шелъ, опустивъ голову, какъ будто вовсе не слыша моихъ словъ. Александръ также замолчалъ, и мы такимъ образомъ безмолвно шли до калитки, выходявшей прямо къ монастырской горѣ. Ночь была темная и жаркая, по небу начали уже пробѣгать облака, довольно густыя; мѣсяцъ, блуждая въ нихъ, то выглядывалъ, осыпая насъ робкимъ трепетнымъ сіяніемъ, то вновь скрывался, какъ будто испугавшись ночной темноты и грозно подвигавшейся тучи. Душистый горошекъ, геліотропы, левкои, ночныя красавицы наполняли воздухъ чрезвычайно сильнымъ благоуханіемъ, удушливымъ ароматомъ. Легкій вѣтеръ, дрожавшій въ листьяхъ кустовъ и деревъ, казалось, замеръ въ густой зелени. Около насъ въ воздухъ стояло грозное безмолвіе, между тѣмъ какъ вдали яркія молніи начинали уже прорѣзывать черную тучу, и глухіе раскаты грома, скатываясь къ рѣкѣ, сливались съ ропотомъ волнъ.

— Вы понимаете, Мери, началъ Жакъ, послѣ того какъ братъ отворилъ калитку, и мы стали подниматься на гору,—вы понимаете, что я, какъ мущина, не могу долго жить здѣсь тунеядцемъ.

— Конечно, Жакъ, отвѣчала я спокойно,—вамъ нужно будетъ избрать себѣ пока какое-нибудь занятіе здѣсь. Вездѣ можно съ пользой жить.

— Нѣтъ, Мери, хотя я счастливъ подлѣ васъ, доволенъ подлѣ вашего брата, но моя совѣсть запрещаетъ мнѣ продолжать это счастье; я скоро долженъ ѣхать отсюда,—туда, гдѣ съ большею пользой могу употребить свою дѣятельность. Вы понимаете это, Мери?

Мѣсяцъ скрылся въ облака, поэтому Жакъ не могъ видѣть, какъ смертельная блѣдность разлилась по моему лицу, передъ совершенно-неожиданною для меня встрѣчей съ возможностью его отъѣзда.

— Я понимаю это, Жакъ, сказала я, послѣ минутнаго молчанія, совершенно овладѣвъ своимъ голосомъ.

— Итакъ, Мери, я уѣду отсюда, оставлю скоро навсегда вашъ край.

Мое молчаніе было единственнымъ отвѣтомъ на его слова.

— Вы молчите? продолжалъ онъ, своимъ тихимъ голосомъ, тщетно прождавъ нѣсколько минутъ моего отвѣта.—Но вы сами говорили мнѣ, что я, какъ гражданинъ, долженъ приносить пользу своему отечеству.

— Вы правы, Жакъ.

— Мери, мы можемъ разстаться съ вами друзьями?

— Конечно, Жакъ, проговорила я едва слышно.

— Будете вы писать мнѣ?

— Да, прошептала я.

— И легко перенесете мой отъѣздъ?

Я молчала, Жакъ еще повторилъ свой вопросъ. Я снова ничего не отвѣчала, потому что задыхалась отъ рыданій.

— Итакъ Мери, вы не хотите отвѣчать мнѣ? сказалъ онъ, послѣ минутнаго молчанія, въ продолженіи котораго я успѣла оправиться.

— Нѣтъ, Жакъ, проговорила я, едва сдерживая свое отчаяніе: — я не хочу хитрить, мнѣ будетъ невыразимо трудно разстаться съ вами, но да благословить васъ Богъ, я не умру безъ васъ, и надѣюсь даже, что буду казаться спокойною, провожая васъ; я могу перенести и вашъ отъѣздъ, и мою вѣчную разлуку съ вами. Желаю вамъ отъ души всевозможнаго счастья.

Съ усиліемъ окончивъ свою рѣчь, я замолчала. «Жакъ уѣдетъ, думала я; но какъ онъ уѣдетъ? развѣ это возможно, когда отъ одной мысли объ его отъѣздѣ голова у меня закружилась, въ глазахъ потемнѣло?» Братъ что-то говорилъ съ нимъ, но я ничего не могла уже слышать. То мнѣ казалось, что я лишаюсь разсудка, то я удивлялась, чтò сомной дѣлается. Я только то понимала, что слишкомъ далеко ушла въ своей спокойной привязанности, которая откликнулась инымъ голосомъ передъ возможностью нашей разлуки съ нимъ? чтò за жизнь моя будетъ безъ него, чтò за рядъ страшныхъ однообразныхъ дней, длинныхъ и темныхъ, какъ эта туча надъ нами? Кого буду я поджидать каждое утро, кого встрѣчать съ улыбкой, кому повѣрю свои недоумѣнія, у кого спрошу объясненія непонятныхъ мнѣ загадокъ жизни? А длинные зимніе вечера, съ кѣмъ буду проводить ихъ? Съ кѣмъ буду бродить по полямъ и съ кѣмъ буду слушать чудныя пѣсни осенняго вѣтра, смотрѣть на волны, объяснять ихъ говоръ, смотрѣть на звѣздное небо, отыскивать между золотыми звѣздами знакомыя мнѣ созвѣздія, съ кѣмъ буду молиться, кого уговаривать къ молитвѣ? Жакъ слился со всею обстановкой моей жизни, и не въ моей власти уже было отдѣлать его отъ себя. Все опустѣетъ безъ Жака: и темная роща, и зеленый садъ; вся моя свѣтлая радость, все мое ясное счастье, я чувствовала, кончатся съ его отъѣздомъ. «Чтò же опять, думала я, развѣ счастье вѣчно на землѣ? Цѣлымъ свѣтлымъ годомъ я искупила всѣ свои

будущія страданія; а сколько есть людей, страдающихъ безъ надежды и упованія, безъ всякаго взгляда на прошедшее! У меня есть прошедшее, я любила, я была счастлива, и должна найти утѣшеніе въ самыхъ своихъ страданіяхъ. Я не должна роптать; неужели я не могу вынести жизни? развѣ я не чело-вѣкъ, развѣ я могу страдательно поддаваться ея случайностямъ? не достанетъ у меня силы снести ея первый ударъ, не достанетъ у меня воли для борьбы съ нею? неужели я до того слаба, что въ отчаяніи преклонюсь передъ обстоятельствами? Пусть Жакъ уѣзжаетъ, я и безъ него найду себѣ дорогу, на которой также буду жить, чувствовать и мыслить. Но я не увижу его никогда... и у меня снова потемнѣло въ глазахъ.

— Мери, что же вы остановились? идите, вскричалъ Жакъ.

Я оглядѣлась вокругъ: мы были уже на горѣ, около монастырскихъ воротъ. Природа какъ будто гармонировала съ настроеніемъ моей души. Мѣсяцъ ушелъ въ тучу, и темнота ночи закутала всю окрестность. Великолѣпный видъ съ горы, которымъ мы столько разъ любовались съ Жакомъ, совершенно исчезъ. Только блескъ площадекъ, мерцавшихъ на темной колокольнѣ монастыря, какъ тысяча огненныхъ глазъ, бросалъ кровавый свѣтъ на мрачныя сосны и ели, которыми окруженъ былъ монастырь, и виднѣлось въ глубинѣ ихъ полуразвалившееся зданіе бѣлой часовни съ блестящимъ куполомъ, какъ будто полуночное привидѣніе, окутанное бѣлымъ саваномъ. Мы взошли на паперть. Здѣсь было темно, какъ въ могилѣ; только одна лампадка передъ ликомъ Пречистой Дѣвы съ Божественнымъ Младенцемъ на Ея рукахъ озаряла это мрачное преддверіе храма и своимъ замогильнымъ свѣтомъ вызывала благочестивыя думы у входящихъ, напоминая имъ о далекой, невѣдомой странѣ, о тихомъ пристанищѣ жизни лучшей. Снова послышался благовѣстъ колокола, но звонъ его раздавался уже глуше и торжественнѣе подъ тяжелыми сводами храма.

— Идите первая, сказалъ Жакъ, перекрестившись и отворяя двери.

На насъ повѣяло теплою атмосферой, пропитанною благовоніями. Блескъ тысячи свѣчъ ослѣпилъ на нѣсколько мгновеній мое зрѣніе, голоса пѣвчихъ въ стройной гармоніи неслись съ хоръ и ниспадали на толпу молящагося народа. «Сюда», прошептала Жакъ, направляясь въ лѣвый придѣлъ, куда обыкновенно никто не становился, по причинѣ отдаленно-

сти отъ священнодѣйствія. Въ то время, какъ въ правомъ придѣлѣ совершалась божественная служба, раздавалось громкое пѣніе, густая толпа народа сливалась въ одну нераздѣльную массу, золотыя ризы иконъ обливались блескомъ свѣтъ, въ лѣвомъ придѣлѣ въ то же время было тихо и мрачно, только одна свѣча тускло теплилась передъ образомъ Спасителя и какая-то темная фигура видѣлась въ отдаленіи, пѣніе пѣвчихъ и голосъ дьякона едва доносились до нашего слуха. Мы съ Жакомъ всегда молились здѣсь. Я стала около стѣны, стараясь подавить свое отчаяніе и даже самое воспоминаніе о моемъ другѣ, которое сдѣлалось невыносимымъ для меня. Долго смотрѣла я на ликъ Божественнаго Учителя, сіявшій мнѣ ласково и привѣтливо, какъ будто изъ устъ Его лились слова любви и утѣшенія. Слезы невольно потекли изъ моихъ глазъ, я пала на колѣни, и, приклонивши свое лицо къ холоднымъ плитамъ желѣзнаго пола, забыла все въ мірѣ, забыла самое себя. Мнѣ казалось, что какая-то невѣдомая, непонятная мнѣ сила наполнила мое существо неопредѣленными чувствами и звуками, которые рвались наружу, и шумомъ, гуломъ, звономъ отдавались въ моей душѣ. Эта сила, я чувствовала, съ непостижимыми болью и отрадой какъ будто отдѣляла мою душу отъ тѣла и уносила ее въ другой міръ, въ міръ свободный, полный чудесъ и божественной поэзіи, въ міръ, которому нѣтъ имени, передъ которымъ нѣмѣетъ человѣческая мысль, и бездонность, безконечность котораго ужасала мой слабый умъ; но сердце мое чувствовало и понимало всю непонятность и отвлеченность, всю безвременность и безпредѣльность этого дивнаго, полного свободы и блаженства міра. Нѣсколько минутъ молитвы показались мнѣ цѣлыми вѣками. «Да, я хочу вѣрить, повторяла я, хочу надѣяться, хочу любить, хочу жить и на прекрасной землѣ, и внѣ пространства и времени, безконечное число лѣтъ, и если умереть мое немощное тѣло, такъ духъ мой, мой разумъ, созданный по подобію Бога живаго и вѣчнаго, долженъ жить вѣчно.»

— Посмотрите, Мери, всѣ уже вышли изъ церкви, и сторожъ гаситъ свѣчи, раздался надъ моимъ ухомъ знакомый голосъ.

Въ молитвѣ я не искала подкрѣпленія своимъ нравственнымъ силамъ. Я любила молитву для молитвы; отдаваясь ей, я забывала въ то время все на свѣтѣ, все житейское, и испытывала блаженные минуты непонятной любви, неземнаго сча-

отія. И потому звуки знакомаго голоса заставили меня вздрогнуть и возвратиться къ такой же, какъ и прежде, горькой дѣйствительности. При взглядѣ на Жака, мысль объ его отъѣздѣ снова тоской охватила мою душу.

— Послушайте, Мери, продолжалъ онъ, — какъ дождь стучить въ окна; а вотъ и громъ.

Дѣйствительно раздался страшный ударъ грома. Прежде я безотчетно приблизилась бы къ моему другу, теперъ я удалась отъ него такъ же безотчетно, но онъ не замѣтилъ этого и подалъ мнѣ руку.

— Монастырскія ворота сейчасъ затворять, Мери, намъ необходимо выйти, если, разумѣется, вамъ не придется фантазія провести здѣсь ночь.

— А гдѣ же братъ? спросила я, подходя къ дверямъ, и только тогда замѣтила, что его нѣтъ съ нами.

— Онъ ушелъ за бурнусомъ вамъ. Посмотрите, какъ дождь льетъ, Мери! сказалъ онъ, когда мы вышли на чистый воздухъ:— ваше воздушное платье плохая защита отъ дождя. Какъ вы пойдете? Нечего дѣлать, зайдемте въ часовню, подождемъ тамъ вашего брата.

Я ничего не отвѣчала, мнѣ было не до словъ Жака, не до дождя, не до грома, не до молніи. Черныя мысли объ его отъѣздѣ захватывали мою душу и тяжелымъ камнемъ тяготѣли на моемъ сердцѣ. Я не замѣтила, какъ мы дошли до часовни. Уже было сыро, мрачно; каменный полъ мѣстами провалился, но, по словамъ Жака, часовня все же представляла достаточную защиту отъ дождя. Опомнившись черезъ нѣсколько минутъ, я почувствовала, что нахожусь съ Жакомъ одна, далеко отъ всѣхъ. Сколько разъ прежде мы, бывало, гуляли съ нимъ одни и въ рождѣ, и по рѣкѣ, и здѣсь нѣсколько разъ сиживали, любуясь грозой и блескомъ молніи. Мысль, что мы съ нимъ одни, никогда не приходила мнѣ въ голову. Въ первый разъ промелькнула она у меня въ умѣ, и отчего отъ нея холодъ пробѣжалъ по моимъ жиламъ? отчего я задрожала? развѣ мой добрый другъ можетъ быть страшенъ для меня? могу ли я бояться его? Да, я боюсь его, онъ страшенъ мнѣ. И прижавшись въ уголь, я начала успокоивать себя всевозможными доводами и резонами, но мои резоны и доводы въ первый разъ въ жизни оказались для меня не дѣйствительными. Лицо мое и голова продолжали горѣть, сердце биться и замирать съ невыразимою болью и съ какимъ-то смутнымъ наслажденіемъ. Въ темнотѣ едва можно было разли-

чить фигуру Жака, стоявшаго у дверей; только глаза его, устремленные на меня, проникали какъ будто въ мою душу и жгли меня волшебнымъ огнемъ. Вѣтеръ свистѣлъ и рыдалъ, какъ безумный, носясь между соснами; шумъ проливнаго дождя и грохотъ грома раздавались гуломъ по всей горѣ. Фосфорическій блескъ молній, отражаясь на блѣдномъ лицѣ Рощинскаго, дѣлалъ его еще блѣднѣе, и глаза его, горѣвшіе въ темнотѣ, какъ двѣ звѣзды, еще глубже и больнѣе проникали въ мое сердце. Нѣтъ, страдательно выносить его ужасное присутствіе было выше силъ моихъ. Я машинально вышла и направилась къ дверямъ.

— Вы съ ума сходите, Мери. Куда вы? воскликнулъ Жакъ съ испугомъ.

— Отойдите отъ меня, закричала я, едва владѣя собой,—я боюсь васъ!

— Идите! былъ мнѣ гордый отвѣтъ:—идите, куда хотите! И Жакъ, отстранившись, далъ мнѣ дорогу.

Странное чувство гроза всегда вызываетъ у меня: мнѣ кажется, моя энергія крѣпнетъ подѣ ударами грома, и только тогда я понимаю всю силу человѣческаго духа, который, какъ будто охватывая своею мощью бунтующія силы физической природы, покоряетъ ихъ себѣ и царитъ надъ ними. Вышедши на чистый воздухъ, я подняла свою горячую голову и смотрѣла въ небо, на тучи, на молніи; крупный дождь обливалъ мое лицо, но я, не замѣчая этого, чувствовала себя вольною, сильною, и сердце мое трепетало дикою радостью, когда молніи, взвиваясь зигзагами, бороздили тучи по всѣмъ направленіямъ, и въ то же мгновеніе вслѣдъ за ними раздавались удары грома, съ трескомъ и грохотомъ раскатываясь по всей горѣ. Наконецъ, мнѣ сдѣлалось холодно отъ дождя; я постепенно успокоилась до того, что снова могла выносить присутствіе Жака. Онъ все еще стоялъ на порогѣ и по прежнему слѣдилъ за мною своими блестящими глазами.

— Мери, началъ онъ тихо и холодно, не сдѣлавъ шагу къ мнѣ на встрѣчу.—Знаете, какія мысли занимали меня въ то время, какъ вы стояли подѣ дождемъ? Вы не отвѣчаете, значитъ, не знаете. Я думалъ: Мери можетъ простудиться, захворать, съ ней сдѣлается горячка, хорошихъ докторовъ здѣсь нѣтъ, горячка обратится въ тифъ, и Мери умретъ. Передъ своимъ отъѣздомъ я пойду за гробомъ ея, мы похоронимъ ее здѣсь на склонѣ горы, около монастыря и рѣки, подѣ соснами.

Жакъ остановился, потомъ началъ онъ снова:—Я спрашивалъ самого себя: кто изъ насъ будетъ счастливѣе: Мери ли, которая успокоится на вѣки, или я, оставшійся въ живыхъ?

— И размышляя такимъ образомъ, вы, Жакъ, продолжали стоять, не шелохнувшись съ мѣста, проговорила я, приближаясь къ нему.

— Да, Мери, я продолжалъ спокойно любоваться, какъ ваннъ бѣлый нарядъ свѣтилъ подѣ блескомъ молній, отвѣчалъ онъ холодно, но въ голосѣ его слышалось внимательному уху едва замѣтное волненіе.

Этого было достаточно для меня. Я поняла, что ничѣмъ не могла такъ оскорбить своего друга, какъ своимъ бессмысленнымъ страхомъ, своею глупою, безотчетною недоувѣрчивостію. Я залилась слезами и бросилась къ нему на шею.

— Простите меня, Жакъ, говорила я, цѣлуя его въ лобъ и въ щеки, и заливаясь слезами,—простите меня въ силу моей любви къ вамъ: я люблю васъ больше всего на свѣтѣ, больше своей жизни, своего счастія. Вы моя первая и послѣдняя любовь; если вы женитесь на мнѣ, Жакъ, вы будете счастливы со мной: я не даю вамъ никакихъ обѣщаній больше, вы знаете меня; но если эта женитьба пойдетъ въ разладъ съ планами вашей жизни, такъ пусть это будетъ наше послѣднее свиданіе; я счастлива, что въ послѣдній разъ могу сказать вамъ: я люблю васъ, мой милый, добрый Жакъ, я никогда не забуду этого свѣтлаго года моей жизни и въ своихъ молитвахъ буду до смерти благословлять васъ и молиться Спасителю о счастіи моего милаго, незабвеннаго друга.

Жакъ слушалъ меня и принималъ мои ласки, казалось мнѣ, холодно; но когда я кончила говорить, онъ страстно прижалъ меня къ груди и задыхающимся отъ волненія голосомъ проговорилъ почти шепотомъ:

— Разстаться съ моимъ гениемъ-хранителемъ, съ свѣтлою звѣздой моей жизни, развѣ это возможно?

Мнѣ казалось, что я въ первый разъ слышу Жака и въ первый разъ вижу его: онъ на себя не походилъ. Прижимая меня къ своей груди, онъ былъ блѣденъ, глаза его горѣли, въ членахъ его пробѣгалъ осязательный трепеть. Любя своего друга въ эту минуту больше всего въ мірѣ, я не могла и бояться его; забывши все, отца, мать, брата, свой домъ, весь свѣтъ, я помнила только, что нахожусь въ горячихъ объятіяхъ своего возлюбленнаго, чувствовала только его жаркое дыханіе

и проживала съ нимъ лучшія минуты своей жизни. Я глубоко сознавала, что безъ него вся жизнь моя будетъ мрачнѣе окружающей насъ темноты, а съ нимъ темнота ночи, буря, вѣтеръ и дождь и все невзгодѣ непогоды—яснѣе Божьяго дня и теплѣе краснаго солнышка. Жакъ, обнимая меня, что-то говорилъ, голосъ его дышалъ то безумною страстью, то сумасшедшимъ наслажденіемъ, но, потерявши сознание обо всемъ, меня окружавшемъ, я не могла понять и словъ его. Не чувствуя уже ни дождя, ни вѣтра, ни грома надъ собой, я замѣчала только сверкавшіе въ мглѣ глаза моего безцѣннаго Жака, видѣла только его прекрасное лицо, освѣщаемое по временамъ синимъ блескомъ молній, и слышала только громкое бѣненіе его сердца.

— О, мой милый! милый, несравненный Жакъ! я люблю тебя всѣми силами своей души. Жизнь моя только съ тобой и при тебѣ будетъ полна и ясна.

Онъ близко, очень близко наклонился ко мнѣ, слушая мои слова.

— Итакъ, прошептала онъ звучно, приподнимая мою голову съ своей груди и прижавъ свои уста къ моимъ,—пусть этотъ поцѣлуй будетъ залогомъ твоего и моего счастья.

— Роцинскій, Маша! гдѣ же ты? раздался голосъ брата:—я принесъ бурнусъ тебѣ, а дождь почти уже прошелъ.

— Здѣсь, отвѣчала я быстро, но не охотно освобождаясь изъ объятій Жака.

— Слава Богу, говорилъ Александръ, окутывая меня бурнусомъ:—я давно былъ бы здѣсь, да меня задержалъ человекъ, призжавшій отъ Засельскаго за мной и за тобой, Роцинскій; ну, а вы какъ здѣсь? Я думаю, Маша разсердилась за мое отсутствіе.

Жакъ овладѣлъ моею рукой и отвѣчалъ полушутя, полу-серіозно брату:

— Ты такъ скоро сходилъ, я удивляюсь твоимъ ногамъ.

Я улыбнулась, Александръ расхохотался.

— А тучи проходятъ, говорилъ онъ, смотря на небо.—Значитъ, наша прогулка по водѣ не разстроится. Дома насъ ожидаетъ чай, а тебѣ, Роцинскій, мой человекъ принесъ уже, я думаю, сухое платье.

Спускаться съ горы было чрезвычайно неловко; ноги скользили по мокрой травѣ; мы всѣ спотыкались на каждомъ шагу, но поддерживая другъ друга за руки, не замѣчали этого. На-

противъ, мы съ Жакомъ еще смѣялись и говорили, что въ миллионъ разъ удобнѣе спускаться съ горы, чѣмъ подниматься на гору. Братъ съ этимъ не соглашался, но мы утверждали, что невыразимо какъ пріятно, когда ноги катятся по мокрой травѣ. Такимъ образомъ кое-какъ, безъ большихъ приключеній, мы спустились съ горы до садовой калитки. Здѣсь мы находились уже въ своихъ владѣніяхъ. Въ саду было гораздо свѣжѣе, съ листьевъ сыпался на насъ дождь, во многихъ мѣстахъ образовались ручьи и настоящія маленькія озера. Сквозь зелень и темноту ночи свѣтился вдали изъ моего окна привѣтливый огонекъ. Пробираясь въ гущѣ деревьевъ, мы осторожно шли на него и, выбирая по возможности сухія мѣста, тщательно обходили воду. Братъ съ Жакомъ, идя по сторонамъ около меня, очень походили на заблудившихся въ дремучемъ лѣсу странствующихъ царевичей русскихъ сказокъ, я же, возлюбленная одного изъ нихъ и сестра другаго, годилась въ царевны, освобожденныя изъ когтей лѣшаго или какого-нибудь другаго злобнаго сказочнаго чудовища, а вдали свѣтилось путеводною звѣздой гостепріимное жилище благодѣтельной феи, гдѣ ожидалъ насъ великолѣпный пріемъ.

Вскорѣ мы достигли этого гостепріимнаго жилища. Въ залѣ горѣли свѣчи, у меня въ комнатѣ на столикѣ стоялъ шипящій самоваръ съ чайнымъ приборомъ, ромомъ, лимономъ и разными печеньями, издѣльями моей нянюшки, какъ-то: сдобными булочками, кренделями, ватрушками. Благодѣтельная фея какъ будто поджидала насъ. Я заглянула за ширмы, тамъ распоряженіями брата приготовлено было для меня чистое бѣлье и бѣлый капотикъ. Въ минуту переодѣвшись, я сѣла къ чайному столу поджидать своихъ дорогихъ гостей. Сердце у меня весело билось, на душѣ было спокойно и свѣтло. Весь Божій міръ, казалось, пѣлъ и выражалъ одну любовь, безконечную любовь. Я не заглядывала въ будущее, не оглядывалась на прошедшее, мое настоящее было такъ хорошо, что заставляло забывать все на свѣтѣ. Сидя въ моей хорошенькой комнаткѣ, я смѣялась надъ всѣмъ и всему: и цвѣтамъ моимъ, и пыхтѣвшему самовару, и плѣнительному запаху сдобнаго печенья, даже комару, который Богъ вѣсть какими судьбами залетѣлъ въ мою комнату и, съ пищаніемъ носясь надъ моею рукой, впивался въ нее: «Онъ также хочетъ жить», думала я. Но чу! въ залѣ раздаются шаги, сердце мнѣ говорить, что это шаги моего драгоцѣннаго Жака.

— Можно войти? слышится мнѣ его нѣжный и веселый голосъ.

— О, очень возможно.

И съ своимъ прямодушнымъ видомъ, съ невыразимою любовью въ глазахъ, онъ, мой милый, улыбается мнѣ и напѣваетъ:

Молися востоку,
Будь вѣренъ пророку,
Любви будь вѣрнѣй.

Александръ также показался мнѣ необыкновенно веселымъ; оба съ сигарою въ зубахъ, оба одинаково одѣтые, они имѣли для меня особенную привлекательность.

— Туча прошла, привѣтствовала меня братъ, — и такая звѣздная ночь спустилась на землю!

Жакъ бросился отворять окно, Александръ съ шумомъ подвигалъ кресла къ столу. Я стала разливать чай. Право, всѣ были счастливы и довольны, но я всѣхъ счастливѣе, всѣхъ довольнѣе.

— Чтò за дивная ночь, говорилъ братъ смѣясь, — а взгляни на Жака: онъ молчитъ, улыбается, онъ утопаетъ въ блаженствѣ; не можешь ли ты сказать мнѣ, чтò съ нимъ дѣлается?

— Ты знаешь? спросила я, краснѣя.

— Да, что вамъ было очень комодно тамъ на горѣ? Александръ лукаво поднималъ брови.

• Я снова покраснѣла и взглянула на Жака.

— Чтò касается до меня, возразилъ мой Жакъ, смотря на меня безъ всякаго зазрѣнія совѣсти, — то мнѣ гораздо было жарче тамъ, чѣмъ здѣсь.

Я не знала, куда дѣваться отъ смущенія. Братъ громко засмѣялся и, наклонившись ко мнѣ, обнялъ меня, потомъ своего друга и поздравилъ насъ обоихъ.

Жакъ также выразилъ желаніе поздравить меня, я улыбнулась и спросила его: не будетъ ли это дико? Но Жакъ, обнявши меня, фактически подтвердилъ, что теперь между нами не можетъ быть ничего дикаго.

День, незабвенный день моей жизни быстро подвигался къ безднѣ вѣчности; минуты, полныя блаженства, летѣли однѣ за другими. Звучный бой городскихъ часовъ пробилъ уже давно десять ударовъ. Кедръ не шумѣли, но пѣли подъ моимъ окномъ одну дивную пѣсню про счастье и любовь, волны звучно вторили имъ, мѣсяцъ съ высоты заглядывалъ, таин-

ственный, въ мое окно, какъ будто подстерегая наше счастье и привѣтствуя насъ, и звѣзды, мерцавшія въ глубинѣ, съ такою же любовью лили свои лучи на землю, какъ глаза моего милаго на меня. Жакъ и братъ предложили мнѣ окончить этотъ день прогулкой по рѣкѣ. «Провести еще нѣсколько времени съ Жакомъ? о, согласна, согласна.» Я не успѣла еще освоиться съ своимъ положеніемъ, и потому, изъ полной чаши упиваясь своимъ счастьемъ, отдалась ему безъ сопротивленія.

И вотъ, мы, неутомимые путешественники, вновь очутились въ саду. Хотя земля такъ же была мокра, какъ во время нашего первого перехода, но свѣжій воздухъ, синее небо, бѣлыя облачки, какъ махровыя розы, разбросанныя по небу, игриво летавшія вслѣдъ за тучей, лунный свѣтъ, блестящія капли дождя, дрожавшія на листьяхъ зелени, все это заставляло забывать маленькое неудобство нашего перехода. Съ наслажденіемъ вдыхала я въ себя этотъ живительный воздухъ, подходила къ лиственницамъ, кедрамъ, липамъ, срывала липовый цвѣтъ и упивалась его ароматомъ. Мнѣ хотѣлось сообщить мой восторгъ Рощинскому и брату, но они, казалось, не меньше моего наслаждались очарованіемъ божественной ночи. Жакъ, по моей просьбѣ, набиралъ для меня букеты, наклонялся къ цвѣтникамъ и, долго прислушиваясь къ дыханію и шепоту цвѣтовъ, общалъ мнѣ чувства, вызванныя у него счастьемъ и любовью. Мой серьезный братъ, показывая видъ, что исключительно занятъ удобствами нашего перехода, не упускалъ случая схватить и потянуть къ себѣ раскидистую вѣтвь какого-нибудь дерева; и когда серебряный дождь осыпалъ насъ, онъ начиналъ извиняться въ своей нечаянности и снова, при первомъ удобномъ случаѣ, совершалъ какую-нибудь шалость, или, попросивъ понюхать мой букетъ, овладевалъ имъ окончательно, убѣдительно доказывая, что изъ этихъ цвѣтовъ онъ вынюхалъ весь ароматъ, и заставлялъ моего Жака идти набирать для меня новые, или, нарвавши дорогою зелени отъ березъ и хвойныхъ растений, предлагалъ мнѣ этотъ букетъ, серьезно увѣряя, что теперь всякая зелень имѣетъ свой непостижимый ароматъ, который въ миллионъ разъ лучше всевозможныхъ цвѣтовъ. Мы соглашались съ этимъ и прибавляли, что ни одинъ разъ въ своей жизни намъ не случалось быть такъ близко къ природѣ, понимать ее и чувствовать, что каждая былинка выглядываетъ какъ-то особенно.

И такъ мы, счастливые, дошли до рѣки. Александръ соскочилъ

въ лодку, за нимъ я и Жакъ. Я сѣла, какъ бывало прежде, къ рулю, братъ отвязалъ лодку, взялъ весло, и съ двухъ его размаховъ, наша лодочка понеслась по свѣтлой равнинѣ волнъ. Чудная картина окружала насъ. Съ одной стороны отдаленный, глухой, едва доносившійся до нашего слуха гулъ засыпавшаго города, темная роща нашего сада, высокая гора, монастырь на горѣ, окруженный своими темнозелеными стражами, соснами и елями, съ своими остроконечными, какъ будто вырѣзанными на синевѣ неба, темными колокольнями, которые огромными тѣнями печально отражались въ водѣ; только пѣніе птицъ, да монотонный тонъ башенныхъ часовъ, да шумъ и дребезгъ волнъ, неутомимо скакавшихъ около горы и разбивавшихся объ ея бѣлыя камни, нарушали безмолвіе нашего берега. Съ другой стороны, разложенный на берегу рыбачій огонь бросалъ фантастическія тѣни на дремучій лѣсъ, облитый серебрянымъ сіяніемъ мѣсяца, и неслась оттуда, разсыпаясь по волнамъ, раздольная и унылая пѣсня, какъ будто отвѣтъ далекихъ друзей. Я наклонилась къ водѣ; мѣсяцъ, глядясь въ ея зеркальную поверхность, дрожалъ и замиралъ отъ наслажденія, увидѣвъ въ глубинѣ свой томный ликъ. Все было спокойно, свято и торжественно. При каждомъ взмахѣ веселъ, брызги чистѣйшаго хрусталя летѣли во всѣ стороны и каскадами падали въ бездонное синее небо, надъ которымъ скользила наша лодочка. Я смотрѣла въ глубину дрожавшей подъ нами синевы неба, смотрѣла въ высоту лазури, величественно раскидывавшейся надъ нами, и мнѣ представлялось, что мы строемъ находимся въ надзвѣздныхъ, безпредѣльныхъ странахъ, летимъ въ воздушныхъ необъятныхъ пространствахъ. Братъ сидѣлъ противъ меня; лицо его, постоянно задумчивое, приняло, подъ мягкими лучами мѣсяца, отбѣнокъ безконечной нѣжности и ласки. Жакъ Роцинскій, облокотившись къ себѣ на колѣни, смотрѣлъ на меня: лунное сіяніе озаряло его лицо, отражало на немъ все блаженство божественной ночи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, непостижимую человѣческую грусть, которая какъ-то невѣдомо для насъ самихъ примѣшивается къ самымъ счастливымъ минутамъ нашей жизни.

— Вы напоминаете мнѣ, Мери, сидя у руля, въ бѣломъ нарядѣ, съ вашими кудрями, говорилъ онъ, — одно изъ граціозныхъ и игривыхъ созданій причудливой фантазіи Генриха Гейне.

Я наклонилась къ водѣ и продолжала безмолвно смотрѣть въ

глубину дрожавшаго подѣ нами неба. Братъ взглянулъ на меня, взмахнулъ веслами и тихонько запѣлъ:

Прости, мой другъ,
Лети, мой челнѣ...

Но чѣмъ дальше, тѣмъ голосъ его становился громче и громче; потомъ онъ перешелъ въ какую-то арію безъ словъ, и тогда изъ груди его посыпались дивныя металлическіе звуки; горное эхо звучно вторило имъ и оглашало рѣку на далекое пространство. Наконецъ, серебряною рулою закончивъ свою арію, онъ, почти не останавливаясь и не нарушая гармоніи, перешелъ въ русскій мотивъ и заключилъ свое пѣніе словами старой пѣсни, относившимися ко мнѣ:

Что призадумалась, дѣвица красная,
Очи блеснули слезой?

— Превосходно! могъ только проговорить Жакъ. Чтò касается до меня, я плакала. Жакъ неожиданно схватилъ меня за руку и вскрикнулъ, чтобъ я не наклонялась такъ близко къ водѣ. Дѣйствительно, заслушавшись брата, я засмотрѣлась въ глубину рѣки на моего милаго и на себя, и совершенно забыла, что мы на водѣ.

— Смотрите, Мері, на эти лѣса, взгляните, какія страшно высокія сосны.

Я улыбнулась ему.

— А сколько преданій въ нашей сторонѣ объ этихъ соснахъ, сказалъ братъ, обращаясь къ Жаку, — и всѣ они свидѣтельствуютъ объ юности народа, объ его близости къ природѣ.

— Какія же это преданія? спросилъ Жакъ.

— Да вотъ нынче я слышалъ одно; слушай Мері, ты охотница до этихъ разказовъ.

— Я слушаю, говори, говори.

— Я разказываю вамъ со словъ народа, началъ братъ, принимая на себя роль безстрастнаго повѣствователя.

«Въ одну бурную, осеннюю ночь, когда дождь и вѣтеръ спорятъ между собой за владычество надъ темными лѣсами, несчастный крестьянинъ заблудился въ дремучемъ лѣсу, куда даже и вѣтеръ со страхомъ заглядывалъ, потому что, несмотря на непогоду, кружившуюся въ поляхъ, всѣ высокія сосны и ели этого лѣса стояли, не шелохнувшись вѣткой, въ своемъ мрачномъ спокойствіи. Крестьянинъ, дрожа отъ холода и страха,

рѣшился просить пріюта у темной сосны. «Матушка сосна! обратилась онъ къ ней, сокрой и защити меня отъ осенней ноченьки.» Ласково зашелестѣла сосна, и нашъ мужичокъ, пріютившись здѣсь, спокойно заснулъ подъ защитой у нея. Въ полночь, вдругъ онъ былъ пробужденъ необыкновеннымъ шумомъ: шерохъ и глухіе звуки ходили по лѣсу, какъ будто сосны говорили другъ съ другомъ; звуки приближаются къ нему; онъ поднимаетъ голову, прислушивается и ясно различаетъ ихъ. Сосны вступили въ разговоръ съ сосной, пріютившею его: «сестра, говорили онѣ, умираетъ мать наша, пойдемъ проститься съ ней.» Вдохнула сосна и отвѣчала, что нельзя ей въ эту ночь оставить путника, которому дала обѣщаніе сохранить и защитить его отъ осенней непогоды. Да исполнится святое обѣщаніе сестры! И снова глухіе звуки пронеслись по лѣсу, сосны сдвинулись съ своихъ мѣстъ и пошли проститься съ матерью. И вновь слышитъ крестьянинъ: сосна высокая, старая какъ лѣсъ, съ трескомъ подламывается на своемъ корнѣ и летитъ съ гуломъ на землю, страшнымъ шумомъ наполняя весь лѣсъ. Рыданія и вопли раздались со всѣхъ сторонъ. Проснувшись на другой день, добрый мужичокъ въ самомъ дѣлѣ увидѣлъ умершую сосну, поклонился ей и пошелъ отыскивать дорогу. Да, сильные вѣтры бываютъ въ этомъ краю,» заключилъ Александръ.

— Что за поэтическій разказъ, проговорилъ Жакъ, — не правда ли, Мери? Взгляни, Александръ, она уже поблѣднѣла, и глаза ея блестятъ; это твой разказъ произвелъ на нее такое впечатлѣніе. Моя Мери такъ привязана къ своему суровому краю, что я начинаю опасаться, какъ она разстанется съ нимъ; а черезъ двѣ недѣли по возвращеніи твоего отца будетъ наша свадьба.

— Но, Жакъ, рискнула я замѣтить, — моя мать такъ скоро не согласится.

Мой милый улыбнулся.

— Она также знаетъ о моемъ намѣреніи: вчера я сказалъ ей это и твоему отцу, они ужъ ко всему приготовились.

— Значитъ и ты, Александръ? спросила я съ удивленіемъ.

Братъ засмѣялся.

— О намѣреніи Жака жениться на тебѣ? Я зналъ еще въ Москвѣ.

— И вы мнѣ ничего не сказали, проговорила я, съ укоромъ смотря на него, — это не хорошо, это не подружески.

— Я ждалъ, Мери, что вы сами заговорите. Вы любите меня

слишкомъ по-братски; еще сегодня сумѣли вспомнить мое нетерпѣніе своимъ поцѣлуемъ.

— Скажи мнѣ, спросилъ братъ, — женился ли бы ты на моей сестрѣ, еслибъ она согласилась выдти замужъ, любя тебя по-братски?

— Я зналъ, что Мери не способна къ этому, возразилъ Жакъ.

— Зачѣмъ же вы меня спрашивали сегодня вечеромъ насчетъ этого?

— Чтобы подтвердить свои предположенія, моя Мери; ни за какія блага въ мірѣ я не женился бы на тебѣ тогда: я хочу быть любимъ пламенно и нѣжно, какъ любить меня мой другъ.

Братъ улыбнулся своей тонкою улыбкой и замѣтилъ, что мы далеко отъ дому. Дѣйствительно, гора, монастырь и городъ давно уже скрылись изъ нашихъ глазъ; съ той и съ другой стороны тянулись только одни безконечные лѣса, да чародѣй мѣсяць, услужливо сопровождаая нашу лодочку, не оставлялъ еще насъ.

— Теперь, я думаю, надо сказать Машѣ, зачѣмъ мы были приглашены къ Засельскому, особенно я.

— Къ чему? впрочемъ какъ хочешь.

— До Засельскаго, началъ братъ, обращаясь ко мнѣ, — Богъ знаетъ какими судьбами донеслись слухи о намѣреніи Жака жениться на тебѣ; впрочемъ извѣстно, что у насъ стобитъ только о свадьбѣ подумать, какъ уже всѣ знаютъ. Итакъ, Засельскій, опираясь на право своего родства съ Роцинскимъ, призываетъ меня къ себѣ и начинаетъ объяснять мнѣ, какъ будто я не зналъ безъ него, непреоборимую преграду, которую женитьба Жака на тебѣ положить между нимъ и его родными. «И неужели изъ этого неровнаго брака, говоритъ мнѣ онъ, Роцинскій рѣшится отказаться отъ службы своему отечеству, рѣшится погрузиться въ безцвѣтную, безцѣльную жизнь, тогда какъ, по своему рожденію, онъ черезъ нѣсколько лѣтъ можетъ занять одинъ изъ важныхъ постовъ въ государствѣ? Передайте вашей сестрѣ, которую я считаю за умную и благородную дѣвицу, что она увлечетъ Роцинскаго за собой въ бездну; родные его никогда не примутъ ее за свою, она съ ними не можетъ имѣть ничего общаго, Роцинскіе живутъ чуть ли не тысячелѣтіе. Если она, польстившись на блестящую партію...»

— Вы поблѣднѣли, Мери, шерваль Жакъ брата, — не кажется

вамъ страннымъ, что человекъ, предковъ котораго колотили палками, можетъ разсуждать въ девятнадцатомъ столѣтїи, какъ феодалный баронъ?

— Нѣтъ, Жакъ, но вотъ вамъ Богъ свидѣтель, смотрящїй на насъ съ высоты звѣзднаго міра, сказала я, поднимая руки къ небу, — еслибы вы вздумали вернуться къ нимъ, жить въ ихъ обществѣ, я рѣшилась бы скорѣе схоронить здѣсь въ темной глуши и свою любовь и свое счастье, чѣмъ жить съ вами, окруженная вашими сїятельными дядюшками и тетушками.

Жакъ нахмурился и сказалъ, чтобъ я не повторяла передъ нимъ въ другой разъ подобной безсмыслицы.

— Да, мой милый Жакъ, это безсмыслица, вы иной породы.

Морщины между его бровями понемногу сгладились отъ моихъ словъ, и онъ, улыбаясь, взялъ меня за руку.

— Мы уѣдемъ отсюда съ тобой, Мери, но уѣдемъ на югъ Россїи и тамъ гдѣ-нибудь около Чернаго моря изберемъ себѣ мѣсто жительства.

— Около тѣхъ мѣстъ, гдѣ побольше жизни и движенїя, мой милый, отвѣчала ему я, — но чѣмъ кончился вашъ визитъ?

— Ничѣмъ, сказалъ братъ, — я не могъ исполнить его порученїя и передать его слова, Жакъ также не счелъ нужнымъ объявлять о своемъ намѣренїи, потому что еще самъ не былъ увѣренъ въ твоей любви къ нему.

— Чтò же вы сказали Засельскому, мой Жакъ?

— Попросилъ его не мѣшаться не въ свое дѣло.

Я засмѣялась.

— И такъ, Мери, мы оставимъ съ тобой эту глушь, но оставимъ не одни; твоему отцу и матерп незачѣмъ будетъ жить здѣсь, мы все, чтò любимъ, заберемъ отсюда съ тобой, моя Мери.

— Кромѣ этой рощи, Жакъ, и этихъ угрюмыхъ лѣсовъ; оставайтесь, мрачные, я скоро навсегда распрощусь съ вами!

Мы приплывали вновь къ темнымъ кедрамъ нашего сада, пѣніе птицъ и пѣсни рыбаковъ уже умолкли, легкая зыбь пробѣгала по рѣкѣ. А небо было такъ же бездонно и глубоко, свѣжесть ночи такъ же упоительна, мѣсяцъ попрежнему во всемъ блескѣ скользилъ въ небесахъ и, замирая, глядѣлся въ свѣтлую поверхность рѣки. Говоръ волнъ отсчитывалъ уже послѣднія минуты моего дня, который стоялъ, наклонившись на краю вѣчности.

Мы вышли на берегъ. Жакъ обнялъ меня, взглянулъ на небо, на рѣку, на дремучій лѣсъ, на дальнія синѣвшія горы, и проговорилъ:

— Мери, мы счастливы, теперь мы должны и будемъ жить для пользы окружающихъ насъ, стараться о поддержаніи нашего счастья.

Минуты пролетѣли за минутами, часы за часами канули въ вѣчность, и мой день, свѣтлый день, день незабвенный моей жизни, съ котораго начинается мое ясное счастье, вслѣдъ за часами, минутами и секундами, съ послѣднимъ ударомъ башенныхъ часовъ скользнулъ въ бездну вѣчности...

КАМСКАЯ.

ИЗЪ МОСКОВСКИХЪ ЗАПИСОКЪ

Надѣюсь, что читатели похвалятъ меня, когда имъ сдѣлается известно, что во мнѣ ужасно развито чувство законности. Я до того благоговѣю передъ исполнителями, представителями и посланниками закона, что даже не имѣю охоты встрѣчаться съ ними. Это происходитъ у меня отъ того же, отъ чего я никогда не желалъ познакомиться ни съ однимъ великимъ или замѣчательнымъ человѣкомъ. Никогда любопытство не подстрекало меня посмотрѣть на какого-нибудь Наполеона, и по той же причинѣ я не искалъ случая увидѣть какого-нибудь квартального. Я всегда предпочиталъ дивиться имъ и любоваться на нихъ издали, заочно. Мнѣ страшно было подумать, что живой образъ общественнаго дѣятеля, звукъ его голоса, его взглядъ, его осанка повредятъ хотя отчасти тому высокому мнѣнію, какое я имѣю или обязанъ имѣть о немъ. Пусть одинъ ставитъ все вверхъ дномъ, а другой приводитъ все въ порядокъ, только бы дѣлали они это, думалъ я всегда, гдѣ-то тамъ, на лунѣ, откуда мнѣ ихъ не видно. Я не читаю обличительной литературы, ибо боюсь, что она поссоритъ меня съ дѣйствительностію. Я отъ роду не былъ почти ни на одномъ гуляньѣ, а все отъ страха, что встрѣчусь тамъ съ иными блюстителями тишины въ разгарѣ ихъ дѣятельности, и что форма покажется мнѣ хуже идеи. Эти мысли и прочія подобныя имъ, того же характера, того

же успокоительнаго настроенія, роились у меня въ головѣ утромъ сего августа 19-го дня; ни одна изъ нихъ не сталкивалась съ другою бурно, дыша войною, а всѣ онѣ разгуливали въ царствѣ мысли тихо, дружились между собою, сливались въ одно цѣлое и укладывались на покой, не воспаляя болѣзненно мозга. О королева, жизнь однако прекрасна, повторялъ я за маркизомъ Позой. Все, что дѣйствительно, то разумно, твердилъ я съ настойчивостію, по приказанію Гегеля. Должно замѣтить, что такъ какъ, по мнѣнію Экклезіаста, всякій человекъ ложь, то мнѣ въ эту минуту, вопреки моей наклонности ничего не наблюдать, ничего не видѣть, едвали не захотѣлось, какъ-то бессознательно, какъ-то юношески, примѣнить къ дѣлу мое воззрѣніе, оправдать существующимъ предметомъ понятіе, составленное о немъ, и я спѣшилъ ринуться въ вѣншію жизнь, то-есть ѣхать изъ дому Богъ вѣдаетъ за чѣмъ. Но тутъ, на границѣ, гдѣ оканчивалось мое, и начиналось чужое, случилось со мною происшествіе, важное въ моихъ глазахъ и недостойное, къ сожалѣнію, никакого вниманія въ глазахъ многихъ другихъ. Предвижу, что иной подозрительный читатель подумаетъ иронически: «важное происшествіе, въ Москвѣ, на Лубянкѣ!... Что жъ это за происшествіе? Ужъ не пожаръ ли? какая диковинка! не хотите ли вы описывать его? Но вѣдь пожаръ описанъ давнымъ давно, описанъ Шиллеромъ, да и тотъ напрасно это сдѣлалъ, вышло не такъ хорошо, какъ можно было ожидать. Ужъ не мертво ли пьяный лежалъ безъ чувствъ на улицѣ, а толпа стояла поодаль, опасаясь подойти къ нему въ ожиданіи полицейскаго и не чувствуя въ себѣ довольно христіанскаго мужества, чтобы преодолѣть опасенія, забытья и помочь ближнему? Ужъ не этого ли пьянаго клалъ будочникъ на извощика, головою внизъ? Чему быть другому? гдѣ жъ происшествіе и что тутъ важнаго?»

На такого рода замѣчанія не слѣдовало бы, конечно, и возражать, еслибы въ нихъ не крылось намѣреніе обидѣть Москву, во что бы ни стало. Правда, въ ней не бываетъ никакихъ особенныхъ происшествій, кромѣ тѣхъ, которыя установлены давнишнимъ обычаемъ, ведутся изстари и получили право гражданства; къ которымъ привыкли наши глаза, и которыя не поражаютъ уже насъ своею неожиданностію. Но что же дурнаго, если сама случайность подчинена какой-то заранѣе заготовленной формѣ? Ночь смѣняется днемъ, вѣка вѣками, исчезаютъ царства, на мѣсто ихъ являются другія, а у насъ

горитъ домъ, бѣжить народъ, скачутъ пожарные, тутъ валется пьяный, а тамъ на порогъ будки показывается одинъ изъ ея хозяевъ съ заспанною физиономіей, въ сюртукъ, надѣтомъ на одну руку, съ очевидною заботой окончить свой туалетъ и напялить на плеча остальную половину своего мундира, хотя, по ходу дѣла, нельзя отгадать того времени, когда другая рука бдительнаго стража попадетъ въ другой рукавъ сюртука. Чтò жь, повторяю, дурнаго, если нѣтъ происшествій, кромѣ, такъ-сказать, происшествій законныхъ? Но строгіе судьи не то подразумеваютъ. Подъ недостаткомъ новизны и оригинальности въ происшествіяхъ они хотятъ видѣть праздность ума, пустоту сердца; что жизнь не кипитъ, не бьетъ ключомъ, и что въ ней нѣтъ дѣйствительно интересовъ, ни общественныхъ, ни политическихъ, ни научныхъ, ни художественныхъ, ни еще Богъ знаетъ какихъ. Вотъ эта затаенная мысль и нестерпима и близорука. Къ чему мы всё стремимся, къ чему стремится всякое общество? къ счастью? А кто-то сказалъ, что только тотъ народъ счастливъ, у котораго нѣтъ исторіи. Если у насъ не совершается никакихъ чрезвычайныхъ событій, поражающихъ своимъ значеніемъ и разнообразіемъ, если одни явленія не смѣняются безпрерывно другими, принося съ собою новые плоды неистощимой, дѣятельной любви и неусыпно работающей мысли, то не должны ли мы благодарить небо, не явный ли это признакъ его благоволенія къ намъ и нашего благоденствія? Соловей, говорятъ, поетъ когда страдаетъ. Счастливыцы нѣмы.

Я забылъ, однако, мое происшествіе. Позволю себѣ обратиться къ нему. Оно также не выходитъ изъ колеи обыкновенности, но это-то, по моему, составляетъ его достоинство и даетъ ему нѣкоторое право на снисходительность читателей. Они уже знаютъ, какъ свѣтло было у меня на душѣ 19-го августа утромъ, свѣтло было и на улицѣ. Жаръ былъ невыносимый. Когда отворилась дверь на крыльцо, и я ступилъ на него, то подумалъ, ужь не воротиться ли, чтобы не посеориться съ дѣйствительностью. На крыльцѣ не было ни одной полоски тѣни. Полуденное солнце палило. Страшная пыль, пыль московская, пыль невообразимая поступила на мѣсто живительнаго воздуха, сотвореннаго Господомъ Богомъ. Пыль захватывала дыханіе, ослѣпляла глаза, отравляла источникъ жизни и поднималась надъ Лубянской столбомъ, сплошною, волнистою массой, пронизанною въ каждой точкѣ жгучими лучами раскаленнаго свѣтила. Это была не улица въ столицѣ великаго госу-

дарства, посреди образованнаго населенія, у котораго есть и университетъ и театръ, не улица города или деревни, гдѣ собрались люди пожить вмѣстѣ, это былъ отрывокъ изъ царства Плутона, какой-то путь страданій, посѣщенный Божиимъ гнѣвомъ, откуда человѣку подобало бѣжать опроретью, путь чрезъ Ливійскую степь, когда по ней проносится огнедышущій широкко. Вамъ становилось не понятно, какъ отъ этого наводненія пыли не прекращались сообщенія по улицѣ, какъ еще двигались по ней разумныя существа и безъ умолку гремѣли экипажи. Вы дивились на каждаго прохожаго и проѣзжаго. Каждый изъ нихъ представлялся вамъ героемъ особеннаго рода. Всѣ они были одарены величіемъ духа, простотою требованій, презрѣніемъ ко всякому комфорту и способностью дышать какинъ угодно воздухомъ. Я бросился назадъ къ двери, когда неожиданное явленіе такъ поразило меня, что я остолбѣнѣлъ отъ истиннаго изумленія. У меня внутри сдѣлалось теплѣе, чѣмъ было снаружи. Возлѣ моего крыльца похаживалъ дворникъ съ непокрытою головою и кое-гдѣ около тротуара, къ вящему удовольствію и къ довершенію картины, посыпалъ пескомъ. Песокъ, еще песокъ, когда хотѣлось увидѣть поскорѣе воду, Балтійское море, Атлантическій океанъ, это окончательно привело меня въ совершенный ужасъ.

— Злодѣй, что ты это дѣлаешь? закричалъ я ему.

— Велѣно, проговорилъ онъ мнѣ съ невозмутимымъ спокойствіемъ, продолжая свое страшное занятіе.

— Какъ велѣно? сказалъ я, — тутъ надо воды, а не песку; что за вздоръ! кто велѣлъ?

— Хожалый, отвѣчалъ дворникъ и на этотъ разъ легко улыбнулся.

Тутъ, признаюсь въ моемъ грѣхѣ, я почувствовалъ, что мое сердце вдругъ лишилось той нѣжности къ дѣйствительности, съ которою, за минуту еще, я находился въ такихъ дружескихъ отношеніяхъ. И за чѣмъ это вздумалось мнѣ безъ всякой надобности ѣхать шататься по городу? Не лучше ли было сидѣть дома и не видать, какъ, на мѣсто поднявшейся пыли, готовится новый запасъ, чтобы, чего Боже сохрани, не ощутилось недостатка въ ней?

— Но ты бы сказалъ ему, что онъ сумасшедшій, отвѣчалъ я дворнику.

— Вѣдь онъ за это вычиститъ зубы или отведетъ въ часть, благоразумно замѣтилъ мой собесѣдникъ, не переставая, хотя

съ нѣкоторою бережливостію, рассыпать изъ своей урны благодѣянія на землю, какъ древняя Церера.

Я воротился. Сговорить было нельзя. Жаръ не тревожилъ меня болѣе, пыль не приводила въ отчаяніе. Настало другое мученье. Мнѣ хотѣлось разрѣшить одну изъ задачъ сфинкса, хотѣлось обратиться въ первобытное состояніе, уразумѣть приказъ хожалаго, проникнуть въ тайники его мысли, придти съ нимъ въ единеніе и снова полюбить дѣйствительность. Вѣдь хожалый тоже человѣкъ, думалъ я, а человѣкъ, какъ бы ни былъ своенравенъ, если что-нибудь приказываетъ, то непременно по причинѣ и съ цѣлью. Сыпать песокъ, тутъ вѣрно есть разумное основаніе, есть мысль, а если я не добрался еще до нея, то потому только, что она должна быть очень глубока и не сразу дается въ руки. Какой малолѣтній, выйдя теперь на улицу, не пойметъ, что въ песокъ нѣтъ никакой надобности? Правда, слыхалъ я, что у многихъ людей, даже чрезвычайно просвѣщенныхъ, необыкновенно умныхъ, когда они вступаютъ въ отправленіе общественныхъ обязанностей, дѣлается какой-то вывихъ въ умѣ, особеннаго рода неизлѣчимая болѣзнь. Можетъ-быть и хожалый страдаетъ этимъ недугомъ, котораго главный признакъ состоитъ въ томъ, что самыя простыя, азбучныя истины дѣлаются совершенно непонятны больнымъ, и вода кажется имъ пескомъ, а песокъ водою. Ну, когда въ зимнее время дворники бросаютъ на тротуары этотъ африканскій матеріалъ, отъ котораго, при одной мысли о немъ, пробѣгаетъ трепеть по моимъ жиламъ, это я понимаю, это зачѣмъ, чтобы прохожій не могъ поскользнуться. Распоряженіе имѣетъ видимо благую цѣль, но 19 августа, во время египетскаго жара и только намъ избраннымъ, истымъ Москвичамъ извѣстной пыли, насчетъ которой остальное европейское человѣчество пребываетъ въ совершенномъ невѣжествѣ, зачѣмъ, думалъ я, этотъ непостижимый, мистическій хожалый изрекъ свое всемогущее и загадочное слово? Не вздумалось ли ему показать улицу въ праздничной одеждѣ? Но лѣтомъ, на солнцѣ, песокъ есть сущее несчастье, а не украшеніе. Не желалъ ли онъ припрятать отъ глазъ недостатки мостовой? Но въ такомъ случаѣ надо было всю ее покрыть густымъ слоемъ песку, зачѣмъ же рассыпать его кое-гдѣ у тротуара, какъ цвѣты на пути побѣдителя? Притомъ же противно нравственности, чести, всѣмъ понятіямъ о добродѣтеляхъ стараться обманывать глаза наружностію вещи, когда сущность ея скверна. Нельзя подо-

зрѣвать хожалаго въ намѣреніи отступить отъ высокаго правила. Хожалый, какъ представитель власти, долженъ дѣйствовать прямо, откровенно, это ея обязанность. Да и какъ бы мостовая ни была дурна, все-таки видъ ея не произведетъ ни такого вреднаго, ни такого непріятнаго впечатлѣнія, какъ созерцаніе песка въ этотъ удушливый день, какъ пыль, убійственная, неслыханная пыль. Нѣтъ, хожалый имѣлъ въ виду что-нибудь другое, не можетъ быть, чтобъ онъ, увлеченный оригинальностью своихъ идей, махнулъ рукой на тѣхъ злополучныхъ, которые между тѣмъ ѣхали по улицѣ, шли по ней, и велѣлъ покупать да сыпать песокъ безъ дальняго разглагольствія! Имъ конечно ничего не сдѣлается, пусть ихъ глотаютъ его сколько душѣ угодно.

Приказаніе отдано было по утру, натошакъ. Нельзя его объяснять послѣдствіями отуманенной головы и дорого купленными наслажденіями роскошнаго стола. Словомъ, съ какой стороны ни подходилъ я къ вопросу, онъ предстоялъ передо мною въ грозномъ величіи неприступной крѣпости. Утомленный этимъ умственнымъ напряженіемъ, я вспомнилъ, что есть на небѣ и на землѣ такія вещи, о которыхъ не чудилось нашимъ мудрецамъ. Слова Гамлета меня успокоили. Я пересталъ думать о хожаломъ.

Н. Павловъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

Что склонилася ты надъ рѣкою
И задумчиво въ волны гладишь?
Увлеклась ли ты грустной мечтою,
Иль за быстрой волною слѣдишь?
Берегись, — закружится головка,
Зарябитъ у тебя лишь въ глазахъ,
Заманитъ тебя рѣчка-плутовка
И съ собою умчитъ на волнахъ...
Точно люди, холодныя волны
Все куда-то бѣгутъ да бѣгутъ,
Другъ за другомъ, тревогою полны,
Въ даль безвѣстную шумно текутъ.
И не грѣтся солнца лучами
Ихъ холодная глубь никогда,
И не спятъ онѣ сладкими снами,
Все спѣшать, и не знаютъ куда!
Не гляди же въ волну ты глубоко,
Не разкажетъ она ничего...
Въ чистомъ небѣ, смотри, тамъ, далеко,
Все такъ ясно, свѣтло, хорошо!

В. З.

II.

На берегу Женевского озера.

Всѣ цвѣты благоухаютъ ;
 Мракъ ложится на долины...
 И блѣднѣя потухаютъ
 Альповъ гордыя вершины.

Виноградъ роскошно вѣтся
 По стѣнамъ и окнамъ дома ;
 Пѣсня съ озера несется...
 Эта пѣсня мнѣ знакома :

Я слыхалъ ее когда-то
 Въ годы юности и счастья...
 И поеть она свободу,
 Ея солнце и ненастье...

Съ звучнымъ плескомъ волнъ лазурныхъ
 Звуки пѣсни чудно слиты...
 Альповъ гордыя вершины
 Точно саваномъ покрыты !

III.

Скучно что-то стало по-свѣту толкаться,
 Понапрасну смысла въ людяхъ добиваться ;
 Что-то жить сгрустнулось средь коварства, злобы...
 И глядѣть завидно стало мнѣ на гробы :
 Подъ сосновой крышкой баринъ безпокойный
 И подлець бездушный такъ лежать пристойно !
 Сердце перестало суетно томиться
 И крестовъ не жаждетъ подъ крестомъ добиться !
 Поумнѣли люди, какъ по волѣ мага !
 Въ гробъ подружались и соха и шпага,
 Графская корона съ треухомъ сроднилась, —
 А во время оно — какъ предъ нимъ гордилась ! —
 Всѣмъ въ землѣ покойно ; все въ правахъ сравнилось...
 Долго ли же, братцы, мнѣ-то жить осталось ? —

АНДРЕЙ КОМАРОВЪ.

ПРОДАЖА ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ИМУЩЕСТВЪ, КАКЪ ОДНО ИЗЪ СРЕДСТВЪ ДЛЯ УДОВЛЕТВОРЕНІЯ СОВРЕМЕННЫМЪ ФИНАНСОВЫМЪ ПОТРЕБНОСТЯМЪ РОССІИ (1).

III.

Во времена преобладанія натурального хозяйства, владѣніе недвижимою поземельною собственностію признавалось почти исключительнымъ источникомъ богатства, а вслѣдствіе правъ и преимуществъ, съ нимъ сопряженныхъ, служило основой политическаго и общественнаго могущества и значенія. Государи были вотчинниками обширныхъ имѣній и получали почти всѣ свои доходы съ вотчинъ. Этотъ порядокъ продолжался и послѣ того, какъ государство освободилось отъ вотчиннаго характера. Пока незначительныя придворныя и государственныя потребности удовлетворялись преимущественно изъ доходовъ съ недвижимыхъ государственныхъ и удѣльныхъ имуществъ, состоявшихъ большею частію въ одномъ и томъ же административномъ вѣдомствѣ, до тѣхъ поръ обыкновенно верховная власть старалась не только не уменьшать количества своихъ доменъ, но, по возможности, увеличивать ихъ, какъ главную опору своей силы. Въ этомъ духѣ дѣйствовали во Франціи Филиппъ Кра-

(1) См. *Русскій Вѣстникъ* № 15-й.
т. XXII.

сивый и его преемники; такъ поступали Карлъ IX во Франціи, Фердинандъ и Изабелла въ Испаніи и многіе нѣмецкіе князья во времена реформаціи. Но съ увеличеніемъ государственныхъ потребностей, и расходы увеличиваются до того, что удовлетвореніе ихъ одними доходами съ доменъ дѣлается не возможнымъ. Вслѣдъ за тѣмъ домены, представлявшія сперва большею частію частную собственность господствующей династіи, будучи обременены государственными расходами, получаютъ характеръ государственныхъ имуществъ. Къ этому-то времени главнымъ образомъ относятся законодательныя постановленія о неотчуждаемости, неприкосновенности государственныхъ имуществъ, которыя еще въ XVII и XVIII столѣтіяхъ повсюду въ Европѣ имѣли силу. Въ Англіи, несмотря на законъ королевы Анны, постановлявшій неотчуждаемость коронныхъ имѣній, и предшествовавшія ему распоряженія парламента въ томъ же духѣ, принципъ неотчуждаемости не имѣлъ на дѣлѣ строгаго примѣненія. За то во Франціи, гдѣ домены рано получили характеръ государственныхъ имуществъ, этотъ принципъ достигъ полнаго развитія. Уже Филиппъ Долгій упрочилъ неприкосновенность доменъ, а еще болѣе Карлъ Красивый и Карлъ IX. Благодаря такой политикѣ, преимущественно декрету Карла IX, изданному въ Муленѣ, въ 1506 году, и другимъ постановленіямъ, домены во Франціи, несмотря на расточительность Бурбоновъ, представляли еще значительное недвижимое имущество до тѣхъ поръ, пока декретомъ 23 ноября 1790 года законы о неотчуждаемости ихъ не были отмѣнены. Принципъ неотчуждаемости государственныхъ имуществъ постепенно проникалъ, особенно съ XVII столѣтія, въ Германію, гдѣ вопросъ, кому именно принадлежатъ эти имѣнія, возбудилъ много споровъ; этотъ принципъ далъ начало сперва многимъ мѣстнымъ узаконеніямъ, подъ вліяніемъ которыхъ княжескія имѣнія превращались въ нераздѣльныя майоратства, пока наконецъ, въ XVIII столѣтіи, неприкосновенность государственныхъ имуществъ почти во всѣхъ германскихъ государствахъ не была ограждена законами. Однако, такъ-называемое имущество княжеской казны въ Германіи большею частію признавалось не принадлежащимъ государству, и лишь только въ новѣйшее время это различіе стало исчезать, когда доходы княжеской казны замѣнены штатнымъ содержаніемъ. Съ тѣхъ поръ, какъ большая часть обыкновенныхъ государственныхъ потребностей

покрывается прямыми и косвенными налогами, а благодаря развитію денежнаго хозяйства и кредита, чрезвычайные государственные расходы производятся преимущественно при пособіи займовъ, неотчуждаемость коронныхъ имѣній потеряла свое значеніе. Къ тому же наука о народномъ и государственномъ хозяйствѣ начала указывать на значительныя неудобства, сопряженныя съ казеннымъ управленіемъ недвижимыми имуществами. «Во всякомъ большомъ европейскомъ государствѣ, говоритъ Адамъ Смитъ, продажа казенныхъ земель доставила бы огромную сумму денегъ, которая, при хорошемъ ея употребленіи, принесла бы доходъ несравненно высшій противъ получаемаго съ доменъ.» По мнѣнію Смита, государственныя земли, дурно воздѣлываемыя и за ничтожную плату отдаваемыя въ аренду, могли бы, черезъ продажу, доставить капиталъ въ 40, 50, а иногда и въ 60 разъ больше получаемаго отъ нихъ дохода. «Хотя доходъ съ государственныхъ имуществъ, повидимому, ничего не стоить частнымъ лицамъ, однако на дѣлѣ оказывается, что именно этотъ доходъ казны обходится подданнымъ гораздо дороже, чѣмъ всякой другой, одинаковый съ нимъ по величинѣ.» Извѣстнѣйшіе экономисты и многіе государственные люди раздѣляютъ нынѣ это мнѣніе.

Раньше нежели гдѣ-либо, мѣра отчужденія государственныхъ имуществъ была испытана на практикѣ въ Англіи. Еще во времена Елисаветы и Якова I продано было значительное количество государственныхъ имуществъ (Sinclair, *Hist.* 1. 205. 232). Въ послѣдствіи отчужденіе ихъ повторялось здѣсь такъ часто, что съ 1855 по 1856 годъ весь доходъ съ доменъ составлялъ уже только 281.561 фунт. стерл., то-есть 0,4% всего государственнаго дохода. Во Франціи отчужденіе государственныхъ имуществъ, получивъ съ 1790 года законную силу, доставило до 1793 года сумму въ 600 милл. ливровъ (Bresson, *Hist. fin.* T. II, p. 142). Хотя эта мѣра исполнялась во Франціи не такъ, какъ слѣдовало, и при томъ при самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, однакоже правительство выручило болѣе 4.631.000.000 франковъ отъ продажи доменъ съ 1790 по 1830 годъ (1). Въ настоящее время не проданныхъ доменъ во Франціи осталось такъ мало, что доходъ съ нихъ въ 1856 году составлялъ только 2,5% всего государственнаго дохода.

(1) Chabrol, *Rapport au roi* II p. 13.

Въ Пруссіи законъ 1713 г., воспрещавшій продажу доменъ, былъ замѣненъ закономъ, изданнымъ 5 ноября 1809 года, по которому во многихъ случаяхъ отчужденіе государственныхъ имуществъ было дозволено.

Вотъ слова знаменитаго прусскаго министра Штейна, сказанныя въ достопамятную эпоху возрожденія этого государства: «Рациональною администраціей давно доказано, что отчужденіе доменъ представляетъ благотворную мѣру въ отношеніи къ народному хозяйству. Результаты на практикѣ вездѣ подтвердили то, чему учитъ теорія, а именно, что сельское хозяйство наиболѣе процвѣтаетъ въ тѣхъ государствахъ, въ которыхъ нѣтъ государственныхъ имуществъ.

«Что касается до возраженій противъ отчужденія доменъ, то они истекають изъ ложныхъ юридическихъ понятій. Желающій поддержать принципъ неотчуждаемости пусть откроетъ другія средства для принесенія государству помощи въ настоящемъ положеніи и пусть докажетъ, что эти средства будутъ столь же вѣрнымъ и дешевымъ пособіемъ, какимъ представляется отчужденіе государственныхъ имуществъ. Даже безсрочная аренда всегда менѣе допускаетъ конкуренцію, чѣмъ продажа земель.

«Относительно лѣсовъ практика и теорія также противъ ихъ неотчуждаемости, и навѣрно можно ожидать, что громкій ропотъ на недостатокъ дровъ въ Пруссіи замолкнетъ, какъ только большое пространство лѣса будетъ частною собственностію. Поэтому государственные лѣса также должны быть проданы, и должны быть приняты мѣры для опредѣленія вѣроятной отъ нихъ выручки (1).»

Сумма, полученная отъ продажи доменъ въ Пруссіи, простиралась въ первой половинѣ текущаго столѣтія до 55½ милл. талеровъ, а съ тѣхъ поръ она значительно увеличилась.

Въ Австріи уже въ 1817 г. было продано много доменъ, и если съ 1818 по 1843 годъ сумма, вырученная отъ этой продажи, не превышала 35½ милл., за то въ одномъ 1855 году продано въ Австріи государственныхъ имуществъ на 80 милл. гульденовъ. Вслѣдствіе долговременной продажи, количество доменъ въ этомъ государствѣ, прежде весьма значительное, до того уменьшилось, что въ настоящее время годовой доходъ

(1) Извлеченіе изъ министерскаго предписанія, даннаго Штейномъ тайному совѣтнику Заку 20 января 1808 г.

съ нихъ едва составляетъ 1% всѣхъ государственныхъ доходовъ. Что эта мѣра вообще въ большомъ употребленіи въ европейскихъ государствахъ, о томъ свидѣтельствуетъ между прочимъ доходъ съ доменъ, составляющій повсюду незначительный процентъ всего государственнаго дохода. Такъ напримѣръ въ 1856 году онъ составлялъ въ Саксоніи 9,5%; въ Бельгіи—менѣе 4%; въ Нидерландахъ—1,8%; въ Норвегіи около 1%.

Мѣра отчужденія государственныхъ имуществъ была отчасти испытана и въ Россіи. По манифесту 27 мая 1810 года (1), получившему съ 1812—1817 годъ нѣкоторыя дополненія, а въ послѣдствіи совершенно отмѣненному, разрѣшена была продажа казенныхъ оброчныхъ статей, лѣсовъ и имѣній, состоящихъ во временномъ частномъ владѣніи (2).

Изъ фактовъ, говорящихъ въ пользу отчужденія государственныхъ имуществъ, достаточно будетъ привести слѣдующее: въ Даніи, въ концѣ прошедшаго десятилѣтія, государственный имуществъ были проданы такъ выгодно, что чистый доходъ, который государство получало съ нихъ до продажи, оказался равнымъ $\frac{1}{2}$ —1% продажной суммы. Въ Испаніи государственный имуществъ, проданныя въ 1841 году, оцѣнены были только въ 33 милл. реаловъ, а продажа ихъ доставила правительству 926 милл. реаловъ. Въ Баваріи продано государственныхъ имуществъ въ теченіи двухъ лѣтъ на 2.350.557 флориновъ: эти имуществъ до ихъ продажи приносили чистаго дохода 51.151 флор. или $2\frac{1}{10}$ %, а сумма, вырученная отъ продажи, въ 45 разъ больше прежняго чистаго дохода и вмѣсто

(1) Полное Собрание Законовъ Т. XXXI, № 24.244, § 1—10. Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ, мартъ 1859 года.

(2) Что касается до правъ пользования, предоставленныхъ исключительно государству, или такъ-называемыхъ регалій, которыя отчасти имѣютъ много сходства съ государственнымъ имуществами, собственно такъ называемыми, то и онѣ подпали въ нѣкоторыхъ странахъ одинаковой участи съ доменами. Такъ во Франціи и Англии всѣ горные промыслы находятся въ настоящее время въ частномъ владѣніи. Въ Бельгіи тоже, за исключеніемъ копей каменнаго угля и немногихъ другихъ промысловъ. Въ Баденѣ и Виртембергѣ осталось ихъ въ рукахъ правительства также немного. Въ 1849 г. въ Пруссіи одинъ изъ членовъ финансовой комиссіи представилъ проектъ отчужденія не только остальныхъ доменъ и лѣсовъ, но также горныхъ заводовъ и соляныхъ промысловъ. Еще прежде, въ 1847 г., обѣ палаты ландтага высказали желаніе объ отмѣнѣ соляной регаліи.

2, 3% приносить 4, 2% (1). Результатъ продажи лѣсовъ во Франціи по 1833 годъ былъ слѣдующій: 116.780 гектаровъ продано было за 114.297.000 франковъ; они были оцѣнены въ 107.032.000 фр., слѣдовательно выручка превышала оцѣнку на 7.264.000 фр. (эти лѣса до продажи приносили казнѣ чистаго дохода 3.996.400 фр., то-есть 3½% вырученной отъ продажи суммы); кромѣ того, подлежа послѣ отчужденія поземельной подати, они доставили казнѣ еще 7.470.000 фр. дохода. Приложивъ эту сумму къ суммѣ 114.297.000 фр., видимъ, что государственный доходъ отъ продажи лѣсовъ составлялъ 121.767.000 фр., то-есть на 14.735.000 фр. превзошелъ оцѣнку. Даже опасеніе относительно вѣроятности истребленія этихъ лѣсовъ съ поступленіемъ ихъ въ частную собственность, высказывавшееся при отчужденіи, оказалось въ послѣдствіи неосновательнымъ, а напротивъ положеніе лѣснаго хозяйства значительно улучшилось (2). Въ заключеніе прибавимъ, что въ Англіи и во Франціи продажа даже всѣхъ государственныхъ лѣсовъ признается полезною, а обширныя домены Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ не подлежатъ казенному управленію и не отдаются въ аренду, а только продаются частнымъ лицамъ и ежегодно доставляютъ государству значительный доходъ.

Основываясь на вышеприведенныхъ мнѣніяхъ и фактахъ, подтверждающихъ эти мнѣнія на дѣлѣ, нельзя сомнѣваться въ томъ, что отчужденіе нѣкоторой части государственныхъ имуществъ принесло бы и въ Россіи въ настоящее время значительную пользу. Чтобъ еще болѣе убѣдиться въ этомъ, разсмотримъ возраженія, которыя могутъ быть приведены противъ этой мѣры.

Нѣкоторые германскіе ученые утверждаютъ, что большія домены умѣстны, слѣдовательно не должны быть отчуждаемы въ такой странѣ, гдѣ сельское хозяйство еще не достигло той степени развитія, при которой усовершенствованное хозяйство

(1) Rau, *Lehrbuch der politischen Oekonomie*, В. III, *Finanzwissenschaft*.

(2) Въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ въ 1833 году проданы свинцовыя и серебряныя копи, не приносявшія почти никакого дохода; несмотря на это, при отчужденіи они доставили значительную сумму, превышавшую ихъ цѣнность, а съ теченіемъ времени сдѣлались для частныхъ владѣльцевъ богатымъ источникомъ дохода. Rau, *Lehrbuch der politischen Oekonomie*, В. III.

и свободный частный трудъ землевладельца дѣлаются необходимыми. На это замѣтимъ во первыхъ, что весьма трудно опредѣлить въ сельскомъ хозяйствѣ быстро развивающейся страны тотъ моментъ, до котораго вышеупомянутыя условія можно считать лишними, и съ котораго они становятся необходимыми; во вторыхъ, если при развитомъ сельскомъ и народномъ хозяйствѣ отчужденіе государственныхъ имуществъ можетъ принести болѣе пользы, чѣмъ напримѣръ на той ступени развитія, которой теперь достигла Россія, то изъ этого еще нисколько не слѣдуетъ, будто бы отчужденіе доменъ въ Россіи въ настоящее время бесполезно; третьихъ, если даже и согласиться въ дѣйствительной умѣстности большихъ доменъ, то Россія имѣетъ столь огромныя государственныя имущества, что, за отчужденіемъ значительной части, во владѣніи казны останется ихъ еще довольно много.

Говорятъ иногда, что недоходность государственныхъ имуществъ не должна служить поводомъ къ ихъ отчужденію, потому что доходъ съ поземельнаго имущества и его цѣнность современемъ вообще увеличиваются, такъ что продажа доменъ въ будущемъ доставила бы выручку гораздо большую, чѣмъ та, которую можно получить въ настоящее время. На это замѣтимъ, что разчитывающіе на значительность выручки отъ продажи доменъ въ отдаленной будущности забываютъ о тѣхъ убыткахъ, которые несетъ казна до отчужденія, получая съ государственныхъ имуществъ самый ничтожный доходъ. Положимъ, что отчужденіе доменъ, не приносящихъ 1% дохода, дало бы въ настоящее время не болѣе 3% дохода, и что продажа ихъ въ будущемъ можетъ доставить 4%. Но казна, довольствуясь менѣе чѣмъ 1%, когда имѣетъ возможность получать 3%, при значительной отсрочкѣ отчужденія доменъ, могла бы понести убытки, не пополнимыя запоздалою выручкой 4%, вмѣсто 3%. Кроме того, надобно еще принять въ соображеніе и то обстоятельство, что на повышеніе поземельной ренты и цѣны на землю можно надѣяться только при успѣшномъ развитіи земледѣлія и всего народнаго хозяйства, а безъ отчужденія государственныхъ имуществъ, обусловливающаго удовлетвореніе важнымъ государственнымъ потребностямъ, прогрессъ сельскаго и народнаго хозяйства не возможенъ. Поэтому отчужденіе въ будущемъ не можетъ доставить болѣе выгоды, чѣмъ отчужденіе въ настоящее время, а по всей вѣроятности доставить гораздо менѣе выгоды. Нѣтъ

сомнѣнія, что при благоприятныхъ обстоятельствахъ цѣнность поземельнаго государственнаго имущества современемъ повышется, но цѣнность частныхъ имѣній повышается еще въ гораздо-большой пропорціи, и лучшая разработка проданныхъ доменъ частными лицами можетъ доставить болѣе выгоды народному хозяйству, а слѣдовательно и казнѣ, которой интересы нельзя отдѣлять отъ интересовъ народнаго хозяйства.

Нельзя считать несомнѣннымъ и то, что государственные лѣса не должны подлежать отчужденію, что надлежащее пользование лѣсами и рациональное лѣсоводство требуютъ именно казеннаго управленія.

Хотя мы и признаемъ вообще основательность нѣкоторыхъ причинъ, по которымъ лѣса и при развитомъ хозяйствѣ должны состоять въ вѣдѣніи государства; все же эти причины не препятствуютъ отчужденію значительной части лѣсовъ въ странѣ, обладающей огромнымъ ихъ количествомъ. Кромѣ того замѣтимъ, что предпочтеніе, отдаваемое государству передъ частными лицами въ рациональномъ пользованіи и управленіи лѣсами — главная причина, говорящая въ пользу удержанія лѣсовъ въ казенномъ владѣніи—въ отношеніи къ Россіи; по нашему мнѣнію, теряетъ свою силу. Гдѣ государственные лѣса подлежатъ, или могутъ подлежать строгимъ правиламъ рациональнаго лѣснаго хозяйства, тамъ, конечно, не должно отчуждать ихъ безъ крайней необходимости. Но можетъ ли это относиться къ нашему лѣсному хозяйству? можно ли и въ будущемъ ожидать, при всѣхъ заботахъ правительства, такого же рациональнаго управленія огромными пространствами нашихъ государственныхъ лѣсовъ, какое находимъ въ миніатюрныхъ, въ сравненіи съ нашими, лѣсахъ мелкихъ государствъ Германіи и нѣкоторыхъ другихъ странъ? Мало этого: издержки по такому управленію, еслибы оно и было у насъ возможно, при огромномъ количествѣ казенныхъ лѣсовъ, далеко превзошли бы самый доходъ съ нихъ. Вообще о введеніи вполнѣ рациональнаго лѣснаго хозяйства у насъ до тѣхъ поръ серьезно и подумать нельзя, пока, черезъ продажу государственныхъ имуществъ, лѣса не будутъ приведены къ тѣмъ умѣреннымъ размѣрамъ, при которыхъ возможно примѣненіе рациональныхъ началъ къ ихъ управленію. У насъ невозможно не только рациональное лѣсное хозяйство, по даже и удовлетворительное охраненіе казенныхъ лѣсовъ. Интересъ частныхъ лицъ прямо враждебенъ государственнымъ лѣсамъ; каждый старается извлечь для себя возможно большую

пользу изъ казенной собственности, въ томъ убѣжденіи, что она, почти беззащитная, какимъ бы то ни было путемъ все-таки будетъ уничтожена. Между тѣмъ, въ случаѣ продажи значительной части государственныхъ лѣсовъ, проданная часть приобрететъ лучшую охрану въ интересѣ купившихъ ее частныхъ лицъ, а въ остальной части сдѣлается удобнымъ введеніе, при казенномъ управленіи, рациональнаго хозяйства.

При отчужденіи только извѣстной части государственныхъ лѣсовъ, могутъ остаться въ завѣдываніи казны всѣ лѣса, необходимыя для защиты горныхъ странъ отъ разрушающихъ стихій, для укрѣпленія летучихъ песковъ и рѣчныхъ береговъ, наконецъ для устройства образцовыхъ лѣсныхъ дачъ и школъ. Этимъ требованіямъ, равно какъ и другимъ, относящимся къ землямъ, нужнымъ для устройства образцоваго сельскаго хозяйства, не трудно будетъ удовлетворить, тѣмъ болѣе, что, по нашему предположенію объ отчужденіи, тѣ земли, которыя состоятъ нынѣ въ вѣдѣніи департаментовъ сельскаго хозяйства и лѣснаго, и многія другія не входятъ вовсе въ счетъ государственныхъ имуществъ, оцѣненныхъ нами въ 4 миллиарда (1). Что касается до мнѣнія, будто бы казенныя имущества составляютъ важную опору государственнаго кредита, то очевидно, что государственный кредитъ можетъ легко обойтись безъ такой поддержки. Государственныя имущества никогда не могли поддерживать курсъ не только простыхъ бумажныхъ денегъ, но даже мандатовъ на приобретение опредѣленныхъ участковъ изъ числа государственныхъ доменъ. Государственный кредитъ зависитъ отъ политическаго устройства страны и отъ состоянія финансовъ. При хорошемъ устройствѣ финансовъ, государство, почти не имѣющее доменъ, можетъ пользоваться такимъ огромнымъ кредитомъ, каковаго не имѣетъ другое при самыхъ огромныхъ недвижимыхъ имуществахъ (2).

(1) См. оцѣнку, представленную нами въ предыдущей книжкѣ *Русскаго Вѣстника*.

(2) Въ отношеніи недвижимостей горнаго вѣдомства говорятъ, что, при отчужденіи въ руки частныхъ владѣльцевъ, они могутъ скорѣе истощиться, и что у частныхъ лицъ обыкновенно нѣтъ достаточныхъ средствъ и знаній для рациональнаго горнаго производства. Но если частныя владѣльцы дѣйствительно обращаются неосторожно съ элементами горнаго производства, то это неудобство можетъ быть устранено посредствомъ правительственнаго надзора, какой учрежденъ, на примѣръ, во многихъ странахъ Европы. Впрочемъ, гдѣ частныя владѣльцы до-

Иные говорятъ еще, что домены не слѣдуетъ отчуждать потому, что онѣ представляютъ лучшее средство вознагражденія за оказанныя государству заслуги. Но при хорошемъ устройствѣ финансовъ не трудно, кажется, правительству найти для этого другіе способы вознагражденія, а гдѣ въ нихъ чувствуется недостатокъ, тамъ выгодное отчужденіе доменъ, увеличивая государственные доходы вообще, могло бы доставить правительству средства и на этотъ предметъ.

Возражаютъ, наконецъ, противъ отчужденія государственныхъ имуществъ, что будто бы выручка отъ ихъ продажи можетъ быть легко растрчена. Это предположеніе въ такомъ только случаѣ основательно, если правительство рѣшается продать государственныя имущества безъ надлежащей къ тому нужды. Но тамъ, гдѣ они отчуждаются съ цѣлю доставить необходимыя средства для удовлетворенія настоятельнымъ государственнымъ потребностямъ, гдѣ правительство имѣетъ въ виду дать выручкѣ отъ ихъ продажи неизмѣримо-производительное значеніе, тамъ предполагать растрату полученныхъ отъ продажи суммъ было бы почти то же самое, что предполагать растрату податей, собранныхъ на расходы по государственному долгу, растрату денегъ, назначенныхъ на расходы по государственному управленію, или наконецъ расточеніе средствъ, необходимыхъ для защиты отечества въ военное время и т. д.

Изъ этого краткаго обзорѣнія важнѣйшихъ возраженій, высказанныхъ преимущественно въ Германіи противъ отчужденія государственныхъ имуществъ, видно, что ни одно изъ этихъ возраженій собственно не имѣетъ большаго значенія, особенно въ отношеніи къ Россіи. Къ числу ихъ можно бы прибавить еще одно, состоящее въ опасеніи злоупотребленій со стороны чиновниковъ при продажѣ доменъ. Этому возраженію нѣкоторые придаютъ большой вѣсъ, если не въ Германіи, то въ Россіи. Но не гораздо ли легче принять надлежащія мѣры осторожности противъ злоупотребленій при продажѣ государственныхъ имуществъ, чѣмъ тогда, когда они осязуются въ полномъ составѣ во владѣніи государства и управленіи тѣхъ же чиновниковъ?

вольно хорошо понимаютъ свои интересы, тамъ нечего опасаться за преждевременное истощеніе производительныхъ силъ горной промышленности. Что же касается большихъ капиталовъ и знаній, необходимыхъ для горнаго промысла, то ими могутъ обладать, если не частныя лица, то компаніи на акціяхъ.

Впрочемъ, для самаго полнаго удовлетворенія тѣмъ государственнымъ потребностямъ Россіи, которыя указаны нами въ началѣ нашей статьи (1), отнюдь не нужно будетъ отчуждать всѣ государственныя имущества. Это мы надѣемся ниже доказать цифрами, хотя и было бы трудно опредѣлить впередъ, на какую именно сумму можетъ простираться эта продажа, и какая часть ихъ потребуется къ отчужденію. Это даже совершенно невозможно, потому что продажная цѣна, устанавливаемая лишь только во время самой продажи, большею частію не соответствуетъ предварительной оцѣнкѣ имуществъ, но обыкновенно значительно превышаетъ ее. Сумма всей выручки и, вообще, степень пользы отчужденія государственныхъ имуществъ будутъ зависѣть отъ способа ихъ отчужденія и отъ тѣсно-связанныхъ съ ними способовъ употребленія выручки, что и составляетъ предметъ нашего отвѣта на третій изъ вопросовъ, которые мы себѣ задали.

III.

Какъ привести въ исполненіе мѣру отчужденія государственныхъ имуществъ, и какъ пользоваться вырученными вслѣдствіе этой мѣры доходами, такъ чтобъ они, удовлетворяя важнымъ современнымъ потребностямъ Россіи, приносили казнѣ наибольше высокіе проценты и сверхъ того косвенно послужили къ увеличенію народнаго богатства и другихъ государственныхъ доходовъ?

Положеніе Россіи теперь очень выгодно. Правительство наше, рассмотрѣвъ разные способы отчужденія, употребленные въ другихъ государствахъ, можетъ избрать себѣ самый лучший путь, а слѣдовательно избѣгнуть тѣхъ ошибокъ, которыя иногда случались при этой операціи. Мы не будемъ здѣсь разсматривать всѣ начала раціональнаго отчужденія, — такой разборъ далеко выходилъ бы изъ предѣловъ нашей статьи, — и только упомянемъ о трехъ условіяхъ, которыя при отчужденіи государственныхъ недвижимостей кажутся намъ достойными особеннаго вниманія.

Вопервыхъ, отчужденіе государственныхъ имуществъ должно быть постепенное, то-есть не слѣдуетъ одновременно прода-

(1) См. предыдущую книжку *Русскаго Вѣстника*.

вать ихъ въ слишкомъ большомъ количествѣ (1), ибо въ такомъ случаѣ предложеніе лѣсовъ, земель и т. д., могло бы превышать запросъ и, вслѣдствіе того, произвести пониженіе цѣны.

Вовторыхъ, такъ какъ рынокъ можетъ быть переполненъ товаромъ, не только въ количествѣ, но и въ качествѣ, не соответствующемъ запросу, то и отчуждаемыя государственныя недвижимости въ своемъ качествѣ, то-есть въ видѣ и объемѣ, могутъ не соответствовать мѣстнымъ потребностямъ покупателей, слѣдовательно и запросу. Обыкновенно принимается за правило, что продажа государственныхъ имуществъ мелкими участками болѣе полезна, нежели большими. Хотя многія обстоятельства говорятъ въ пользу этого образа отчужденія, но все же нельзя сказать, что онъ вездѣ примѣнимъ и всегда выгоденъ. Такъ напримѣръ, въ отношеніи лѣса, особенно строевого, продажа мелкими участками даже вовсе не можетъ быть признана выгодною, ибо хорошее лѣсоводство требуетъ болѣе обширныхъ пространствъ, чѣмъ какія нужны для земледѣлія. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что должно продавать лѣса не иначе, какъ большими участками, а слѣдуетъ только то, что безъ крайней необходимости не должно раздроблять ихъ на малые участки, особенно въ томъ случаѣ, когда могутъ найдтись покупатели и на большія лѣсныя пространства, хотя бы эта оптовая продажа и не обѣщала столь значительной выручки, какъ отчужденіе малыми участками (2). Отчужденіе же небольшими участками можетъ относиться къ оброчнымъ статьямъ, имѣющимъ обыкновенно незначительные размѣры, и къ удобнымъ пустопорожнимъ землямъ вообще. Впрочемъ, еслибы государство имѣло большое количество удобныхъ пустопорожнихъ земель, то, какъ ни выгодно, въ финансовомъ отношеніи, ихъ отчужденіе малыми участками, неудобства, возникающія для народнаго хозяйства отъ чрезмѣрнаго раздробленія поземельной собственности, не дозволили бы исключительно слѣдовать одному этому виду продажи земель. Но такъ какъ количество казенныхъ удобныхъ пустопорожнихъ земель, способныхъ къ отчужденію, относительно не

(1) Конечно, это количество можетъ быть гораздо значительнѣе въ Россіи, чѣмъ въ другихъ государствахъ, никогда не обладавшихъ недвижимою собственностію въ такихъ размѣрахъ. Но во всякомъ случаѣ въ одной мѣстности нельзя продавать разомъ много земель и лѣсовъ.

(2) Способъ отчужденія по малымъ участкамъ равномѣрно непримѣнимъ къ недвижимостямъ горнаго вѣдомства, обыкновенно не позволяющимъ произвольнаго ихъ раздробленія.

велико въ Россіи, то послѣднее замѣчаніе къ ней собственно не относится.

Отчужденіе малыми участками можетъ быть невыгодно для казны и въ томъ отношеніи, что раздробленное на части имѣніе теряетъ иногда для земледѣльца ту потребительную цѣнность, какую оно имѣло до раздробленія, а это уменьшаетъ его продажную цѣну. Противоположный способъ отчужденія будетъ вообще умѣстенъ тамъ, гдѣ запросъ требуетъ не малыхъ, а обширныхъ недвижимостей, напримѣръ въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ находится много богатыхъ помѣщиковъ и вообще значительныхъ капиталистовъ, а масса народа бѣдна, гдѣ, слѣдовательно, запросъ на имущества большихъ размѣровъ можетъ быть значительный, между тѣмъ какъ запроса на малые участки почти вовсе не будетъ. Напротивъ, въ мѣстностяхъ зажиточныхъ, гдѣ мелкихъ капиталистовъ много, а большихъ нѣтъ, тамъ отчужденіе малыми участками будетъ выгодно, чѣмъ большими. Вообще, должно принять за правило при отчужденіи, чтобы способъ продажи основывался не на отвлеченныхъ началахъ одностороннихъ теорій, а болѣе на томъ, чтобы предложеніе отчуждаемыхъ недвижимостей, въ отношеніи вида и объема, соответствовало, по возможности, запросу, существующему на нихъ въ каждой мѣстности. Правда, что степень и видъ запроса выражаются окончательно только на публичныхъ торгахъ — въ цѣнѣ, платимой покупателями за приобретаемые ими государственныя недвижимости; однакоже есть много средствъ болѣе или менѣе разузнать напередъ характеръ мѣстнаго запроса и вмѣстѣ съ тѣмъ принять соответственный ему способъ отчужденія. Опубликованіе подробныхъ свѣдѣній о числѣ и размѣрахъ имѣній, проданныхъ въ разныхъ губерніяхъ за послѣдніе годы, могло бы доставить богатый статистическій матеріалъ для разысканій этого рода.

Втретьихъ, не менѣе важное условіе удачнаго отчужденія состоитъ въ способахъ взноса выручки за проданныя государственныя имущества. Слишкомъ выгодныя условія покупки могутъ увлечь многихъ къ приобретенію на суммы, превышающія собственныя ихъ средства, и произвести послѣдствія, пагубныя и для покупателей и для казны, которой интересы явно пострадали бы отъ невзноса денегъ, слѣдующихъ ей съ покупателей (1). Равнымъ образомъ, и слишкомъ строгія усло-

(1) Это общее правило допускаетъ, въ примѣненіи къ Россіи, одно важное исключеніе, о которомъ мы будемъ говорить ниже.

віа касательно уплаты суммъ за купленные имѣнія могутъ произвести невыгодныя послѣдствія. При слишкомъ стѣснительныхъ условіяхъ уплаты, конкуренція покупателей значительно уменьшится въ сравненіи съ тою конкуренціей, которая могла бы быть при болѣе умѣренныхъ условіяхъ. Примеры такихъ строгихъ и неблагопріятныхъ продажъ условій встрѣчаемъ въ 1811, а въ особенности въ 1836 году въ Пруссіи.

Въ 1836 году, прусское правительство постановило, при отчужденіи участковъ, которыхъ цѣнность превышаетъ 400 талеровъ, одну треть продажной суммы взимать съ покупателя при отдачѣ ему домены, другую спустя годъ, а послѣднюю съ истеченіемъ двухлѣтія; при отчужденіи доменъ, продажная сумма которыхъ менѣе 400 талеровъ, половина суммы должна была уплачиваться при полученіи имѣнія, а другая половина по прошествіи года. При такихъ условіяхъ уплаты оказалось, что въ то время въ Пруссіи покупатели являлись только на весьма-дешево-продаваемые государственныя имущества. Въ Россіи, на основаніи манифеста 27 мая 1810 года, продажа казенныхъ оброчныхъ статей, лѣсовъ и имѣній, во временномъ частномъ владѣніи состоявшихъ, производилась такъ, что окончательно утвержденныя продажныя суммы вносились въ продолженіи пяти лѣтъ, вмѣстѣ съ процентами съ неуплаченной части.

Казна тогда только можетъ выдержать конкуренцію частныхъ лицъ, продающихъ свои имѣнія въ одно время съ нею, если будетъ соображаться съ условіями уплаты, существующими, на основаніи мѣстныхъ обычаевъ, между частными лицами при продажѣ имѣній, и напротивъ, она будетъ въ убыткѣ, если не обратитъ вниманія на условія, къ которымъ публика привыкла, ибо продаваемые одновременно съ казенными частныя имѣнія, при болѣе-выгодныхъ для покупателя условіяхъ уплаты, скорѣе находятъ покупателей, а вслѣдствіе того, при большемъ запросѣ, и продаются по высшимъ цѣнамъ, чѣмъ казенныя. При такихъ обстоятельствахъ является особый классъ спекулянтовъ, которые, при низкомъ запросѣ на казенныя имѣнія, извлекаютъ пользу изъ непрактичныхъ условій, установленныхъ правительствомъ, то-есть покупаютъ ихъ дешево съ публичныхъ торговъ для того, чтобы послѣ, соглашаясь на требуемыя частными лицами облегченія въ разсрочкѣ уплаты, продавать съ барышомъ. Впрочемъ, какъ это видно изъ исторіи отчужденія государственныхъ имуществъ, уста-

новленіе вѣрныхъ правилъ относительно уплаты суммъ за проданныя домены довольно трудно.

Успѣхъ отчужденія государственныхъ имуществъ зависитъ также и отъ того, къмъ они будутъ покупаемы. Этотъ вопросъ тѣсно связанъ съ другимъ, и самымъ важнымъ: какое употребленіе выручки можетъ наиболѣе увеличить государственный доходъ? Если домены отчуждаются съ публичныхъ торговъ, то уже въ видахъ наибольшей конкуренціи покупателей, слѣдовательно и повышенія цѣнъ на продаваемыя имущества, необходимо допустить участіе въ этихъ торгахъ лицъ всѣхъ сословій. Но несмотря на всю основательность такого требованія, нельзя не замѣтить, что, при настоящихъ обстоятельствахъ, участіе помѣщиковъ въ покупкѣ доменъ было бы особенно выгодно для государства, по нижеслѣдующимъ соображеніямъ.

Успѣшное отчужденіе большихъ недвижимостей предполагаетъ существованіе значительныхъ свободныхъ капиталовъ у націи; безъ этого условія покупатели требуютъ разсрочки платежей и другихъ облегченій, замедляющихъ ходъ всей операціи отчужденія. Что касается до числа свободныхъ капиталовъ, то извѣстно, что оно унасъ очень незначительно, но съ другой стороны, если будетъ произведенъ выкупъ крестьянскихъ земель, то помѣщики, какъ владѣльцы капитала, состоящаго въ землѣ, уступаемой крестьянамъ, будутъ имѣть право на полученіе огромнаго выкупнаго капитала, и слѣдовательно будутъ имѣть значительныя и притомъ вѣрныя средства уплаты. Какъ скоро правительство принимаетъ на себя выкупъ земли, уступаемой помѣщиками крестьянамъ, оно дѣлается должникомъ помѣщиковъ. Вслѣдствіе этого, при отчужденіи доменъ, помѣщикамъ никакихъ облегченій въ уплатѣ дѣлать не надо, ибо казна, въ качествѣ выручки за проданныя имѣнія, получила уже впередъ капиталъ въ видѣ земли, уступленной крестьянамъ, такъ что продажа доменъ помѣщикамъ будетъ не что иное, какъ погашеніе части государственнаго долга, по дѣлу выкупа крестьянскихъ земель, посредствомъ обмѣна уступленныхъ крестьянамъ земель на казенныя, или, что то же, посредствомъ выкупа государственными имуществами долговыхъ обязательствъ, выданныхъ помѣщикамъ отъ правительства.

Взглянемъ теперь на это обстоятельство съ другой точки зрѣнія. Будучи должникомъ помѣщиковъ, казна получала бы съ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ выкупную подать, на

уплату процентовъ, погашеніе долга и т. д., что составляло бы, считая на все бывшее крѣпостное населеніе по 4 р. сер. съ души, 43.318.048 руб. сер. При огромной суммѣ выкупа, превышающей 1 миллиардъ руб., очевидно, что казна отъ этой подати не имѣла бы ни малѣйшей прибавки въ доходахъ и напротивъ была бы еще принуждена прискивать другія средства къ удовлетворенію огромныхъ расходовъ по выкупу. Совершенно иное будетъ, если помѣщики станутъ покупать смежныя съ ихъ имѣніями казенныя земли, оброчныя статьи и лѣса, ибо чѣмъ болѣе вслѣдствіе этого уменьшается выкупная сумма, а слѣдовательно и количество процентовъ, платимыхъ на нее, тѣмъ значительнѣе будетъ доходъ казны, доставляемый свободно частію выкупной подати. Подать, которая прежде едва была достаточна на уплату процентовъ съ выкупной суммы, за уменьшеніемъ послѣдней и за соразмѣрнымъ сбереженіемъ процентовъ, дастъ возможность усилить погашеніе долга, или можетъ быть обращена на другія государственныя потребности. Чѣмъ скорѣе долгъ по выкупу крестьянскихъ земель станетъ уменьшаться, тѣмъ ранѣе казна будетъ въ состояніи распорядиться всею суммой выкупной подати, какъ чистымъ приращеніемъ государственныхъ доходовъ, и тѣмъ ранѣе, съ другой стороны, окажется возможность понизить эту подать и уравнять бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, относительно налога, съ другими сословіями.

Правда, что во всякомъ случаѣ отчужденіе доменъ доставитъ большія выгоды, будутъ ли онѣ продаваться помѣщикамъ или другаго рода покупателямъ. Однакожъ участіе помѣщиковъ, какъ кредиторовъ казны, въ покупкѣ казенныхъ земель должно непосредственно послужить къ немедленному уменьшенію выкупной суммы и къ сокращенію въ выпускѣ облигацій, что очень важно въ видахъ прочности рынка государственнымъ облигаціями. Наконецъ, отчужденіе помѣщикамъ государственныхъ имуществъ, болѣе или менѣе совпадающее съ дѣломъ выкупа крестьянской земли, могло бы также нѣсколько подѣйствовать на пониженіе цѣнъ земель, уступаемыхъ крестьянамъ, ибо помѣщики, желающіе купить дешево казенныя земли, смежныя съ ихъ имѣніями, должны сообразно тому оцѣнить и свои угодыя при уступкѣ ихъ крестьянамъ, какъ скоро эти угодыя имѣютъ тѣ же качества и находятся въ одинаковыхъ мѣстныхъ условіяхъ съ казенными землями. Вотъ причины, по которымъ участіе помѣщиковъ въ покупкѣ государственныхъ имуществъ было бы особенно желательно. Во-

прось теперь въ томъ, можно ли разчитывать на значительное участіе помѣщиковъ въ покупкѣ государственныхъ имуществъ? Въ малоземельныхъ частяхъ Имперіи, особенно въ оброчныхъ имѣніяхъ, многіе изъ помѣщиковъ, за уступкою значительной части своей земли крестьянамъ, могутъ ощущать недостатокъ въ ней, а слѣдовательно и потребность соразмѣрнаго расширенія своихъ владѣній посредствомъ приобрѣтенія смежныхъ казенныхъ земель, лѣсовъ и оброчныхъ статей. Это расширеніе помѣстьевъ дало бы владѣльцамъ возможность перемѣстить нѣкоторыя крестьянскія усадьбы на вновь-приобрѣтенныя земли, разумѣется, при обоюдномъ согласіи крестьянъ и владѣльца, или дозволило бы помѣщикамъ заняться тѣми отраслями сельскаго хозяйства, которыя не требуютъ значительныхъ рабочихъ силъ, напримѣръ лѣсоводствомъ, скотоводствомъ и т. п. Правда, что, вслѣдствіе преобразованія отношеній между помѣщиками и крестьянами и неизбѣжныхъ при этомъ перемѣнъ въ устройствѣ помѣщичьяго хозяйства, менѣе зажиточные изъ владѣльцевъ будутъ нуждаться въ наличныхъ деньгахъ, а при недостаткѣ въ нихъ и трехпроцентныя облигаціи на небольшія суммы будутъ для нихъ нужнѣе недвижимыхъ имуществъ. За то болѣе зажиточные помѣщики и владѣльцы крупныхъ облигацій (которыя, въ сравненіи съ мелкими, имѣютъ менѣе подвижный характеръ, и на выкупъ которыхъ по тиражамъ, при относительно-медленномъ ихъ погашеніи, надѣяться скоро нельзя) приобрѣтали бы казенныя недвижимости весьма охотно, такъ какъ доходъ съ нихъ, при самомъ обыкновенномъ частномъ хозяйствѣ, какъ извѣстно, превышаетъ доходъ, приносимый трехпроцентными облигаціями. Принимая все это въ соображеніе, можно, кажется, разчитывать на дѣятельное участіе помѣщиковъ въ покупкѣ казенныхъ имѣній. Участіе это достигло бы еще гораздо большихъ размѣровъ, еслибъ отчужденіе государственныхъ имуществъ было начато нѣсколькими годами ранѣе выкупа крестьянскихъ земель. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, если даже казна станетъ уступать свои имѣнія помѣщикамъ на самыхъ выгодныхъ для нихъ условіяхъ, напримѣръ, въ долгъ подъ залогъ земель, въ будущемъ уступаемыхъ крестьянамъ, или, лучше сказать, въ зачетъ будущаго крестьянскаго выкупа (въ обмѣнъ за земли, которыя должны быть уступлены крестьянамъ), ограничиваясь до этого времени полученіемъ умѣренныхъ процентовъ съ суммы стоимости уступленныхъ помѣщикамъ имуществъ,—и тогда государство не только ничего не потеряетъ,

но много выиграетъ, потому что помѣщики, будучи привлекаемы выгодными условіями покупки, сдѣлались бы въ большомъ количествѣ надежными должниками казны, съ которыхъ она, въ минуту разрѣшенія выкупа крестьянскихъ земель, можетъ получить свой долгъ въ видѣ земли, уступаемой крестьянамъ, и вслѣдъ за тѣмъ пользоваться значительною частію выкупной подати съ крестьянъ, какъ приращеніемъ своихъ доходовъ.

Если помѣщикамъ, по упомянутымъ причинамъ, можетъ быть дано передъ прочими покупателями нѣкоторое преимущество, то такое преимущество не можетъ быть дано безусловно, а только съ тѣмъ, чтобы сумма цѣнности покупаемыхъ помѣщиками казенныхъ недвижимостей не превышала суммы стоимости уступаемой крестьянамъ земли, и чтобы, слѣдовательно, это было въ сущности не продажа, а обмѣнъ казенныхъ земель на крестьянскія земли. Для такого обмѣна долженъ быть назначенъ срокъ, а для конкуренціи между помѣщиками могутъ быть открыты торги. Еслибы кто изъ помѣщиковъ не явился на эти торги, назначенные исключительно для нихъ, или еслибы кто изъ нихъ пожелалъ пріобрѣсти казенныхъ недвижимостей сверхъ суммы цѣнности земли, уступаемой крестьянамъ, тотъ уже долженъ явиться на публичные торги, открытые для покупателей всѣхъ сословій и званій, а въ томъ числѣ и для государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ (1).

Что же касается прочихъ покупателей, то о нихъ мы не имѣемъ сказать ничего особеннаго, развѣ только то, что покупателю, дающему высшую цѣну, или внушающему надежду на хорошее управленіе пріобрѣтаемыми недвижимостями, на публичныхъ торгахъ должно быть отдано преимущество передъ прочими конкуррентами. Въ отношеніи нѣкоторыхъ недвижимостей, а именно лѣсовъ, особенно строевыхъ, въ губерніяхъ, изобилующихъ ими, желательно было бы отчужденіе въ руки не отдѣльныхъ лицъ, а компаній (2). Такъ какъ надлежащій способъ пользованія и управленія этими недвижимостями большею частію не допускаетъ произвольнаго ихъ

(1) Такимъ образомъ продажа упомянутымъ крестьянамъ пустопорожнихъ удобныхъ земель доставила бы имъ тѣ же выгоды, которыхъ они лишились съ прекращеніемъ раздачи этихъ земель, бывшей въ употребленіи до отчужденія.

(2) То же самое должно сказать о горныхъ заводахъ и промыслахъ, еслибы правительство рѣшилось на отчужденіе ихъ.

газдробленія, слѣдовательно, требуетъ продажи большими массами, то покупка ихъ предполагаетъ значительные капиталы, которые рѣдко случаются у отдѣльныхъ лицъ, но которые не трудно собрать съ помощію ассоціаціи. Отчужденіе этого рода недвижимостей въ руки компаній доставить еще и ту выгоду, что въ уставахъ для такихъ компаній могутъ быть впередъ обозначены такія условія, которыя возлагать на отдѣльныя лица было бы трудно, а слѣдить за исполненіемъ ихъ еще труднѣе. Учрежденіе компаній такого рода, на основаніи хорошо обдуманыхъ уставовъ, можетъ принести пользу не только участвующимъ въ нихъ лицамъ, ко и цѣлой странѣ, а именно можно ожидать, что онѣ будутъ охранять лѣса отъ истребленія и придавать имъ надлежащую цѣнность введеніемъ правильного лѣсоводства, лѣсной торговли и промышленности, оживлять цѣлыя страны рациональною обработкой лѣсовъ, оставшихся прежде безъ употребленія, по недоступности своей для частныхъ лицъ, улучшать пути сообщенія расчисткою рѣкъ, прорытіемъ каналовъ и проложеніемъ дорогъ тамъ, гдѣ этого будутъ требовать ихъ интересы. Далѣе, отъ этихъ компаній можно ожидать усовершенствованій въ постройкѣ морскихъ и рѣчныхъ судовъ, разведенія въ лѣсистыхъ странахъ техническихъ заведеній: лѣсопильных мельницъ, поташныхъ, скипидарныхъ и тому подобныхъ заводовъ; наконецъ, эти компаніи могли бы содѣйствовать развитію торговли лѣсными матеріалами, распространять свѣдѣнія о лѣсоводствѣ, лѣсной торговлѣ, лѣсопромышленности и т. д. Не говоря уже о значительной выручкѣ при продажѣ лѣсовъ, подобныя компаніи могутъ принести пользу казнѣ увеличеніемъ таможенныхъ сборовъ, вслѣдствіе усиленнаго вывоза лѣсныхъ товаровъ и привоза, въ замѣнъ ихъ, заграничныхъ продуктовъ, а также вслѣдствіе сбереженія издержекъ и болѣе дешеваго удовлетворенія потребностямъ при снабженіи разныхъ вѣдомствъ лѣснымъ матеріаломъ и т. д. Учрежденіе подобныхъ компаній преимущественно важно для странъ, изобилующихъ лѣсомъ; въ странахъ же, гдѣ лѣса, особенно строеваго, вообще мало, тамъ онѣ можетъ быть выгодно продаваемъ не только компаніямъ, но и помѣщикамъ, на определенныхъ условіяхъ. Впрочемъ, чѣмъ менѣе будетъ стѣснительныхъ условій въ уставахъ компаній, тѣмъ скорѣе можно надѣяться на привлеченіе къ нимъ иностранныхъ капиталовъ, желательное какъ для успѣха самаго отчужденія, такъ и въ интересахъ народнаго хозяйства вообще.

Наконецъ при всѣхъ этихъ торгахъ должны быть принимаемы, вмѣсто денегъ, по нарицательной цѣнѣ, предполагаемы нами трехпроцентныя облигаціи, которыя будутъ выданы помѣщикамъ за уступленныя ими крестьянскія земли. Такимъ образомъ эти облигаціи погашались бы не одними лишь средствами выкупной подати, и курсъ ихъ держался бы высоко. Что одно это условіе было бы безсильно для поддержанія курса облигацій, еслибы вовсе не было тиража, въ этомъ нѣтъ спора: множество примѣровъ изъ финансовой исторіи разныхъ государствъ убѣждаетъ въ этомъ. Но въ соединеніи съ тиражемъ это условіе можетъ оказать очень могущественное дѣйствіе.

Что касается производительнаго употребленія выручки отъ продажи государственныхъ имуществъ, то обращеніе ея на удовлетвореніе современнымъ потребностямъ Россіи, и преимущественно на выкупъ крестьянскихъ земель, можетъ доставить государству неисчислимыя выгоды. Само собою разумѣется, что эти выгоды тѣмъ скорѣе обнаружатся, чѣмъ успѣшнѣе будетъ совершаться дѣло отчужденія, и чѣмъ большая часть вырученныхъ суммъ будетъ употреблена на современные потребности.

Постепенное отчужденіе государственныхъ недвижимостей и удовлетвореніе упомянутымъ потребностямъ должны составлять одно неразрывное цѣлое; въ этомъ-то соединеніи отчужденіе и можетъ оказаться именно мѣрой, служащею къ огромному увеличенію государственныхъ доходовъ и народнаго богатства. Длинный рядъ благотѣльныхъ послѣдствій отчужденія мы можемъ раздѣлить на два разряда: прямые и косвенныя.

Первыя состоятъ прежде всего въ томъ, что извѣстная часть малоходныхъ недвижимостей, бывшихъ во владѣніи правительства, съ поступленіемъ въ частную собственность, дѣлается болѣе производительною (1), слѣдовательно, народное богатство выигрываетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ расширяется главный источникъ государственныхъ доходовъ; во вторыхъ другая часть государственныхъ имѣній, остающаяся во владѣніи казны и доведенная, посредствомъ продажи, до меньшихъ размѣровъ, также станетъ давать болѣе дохода, чѣмъ прежде; ибо это уменьшеніе

(1) Недвижимая поземельная собственность, въ частномъ владѣніи состоящая, приноситъ въ Россіи, при самомъ обыкновенномъ хозяйствѣ, часто до 8%, тогда какъ государственныйя имущества не приносятъ казнѣ и 1%.

слишкомъ обширныхъ доменъ должно послужить къ облегченію, улучшенію и удешевленію управленія, ими завѣдывающаго; наконецъ, отчужденіе доставитъ казнѣ финансовыя средства противъ разстройства финансовъ и государственнаго кредита. Всѣ эти выгоды являются безъ малѣйшей жертвы со стороны государства, ибо казна не только получаетъ въ видѣ выручки (1) всю капитальную цѣнность проданныхъ недвижимостей, но, такъ какъ эти недвижимости попрежнему остаются въ предѣлахъ государства, то она и послѣ отчужденія не лишается правъ получать съ нихъ въ будущемъ доходъ посредствомъ податей и налоговъ, какими обыкновенно облагается частная поземельная собственность. Правда, что общій доходъ, который казна получала съ государственныхъ имуществъ до продажи ихъ, будетъ уменьшаться по мѣрѣ отчужденія ихъ, но этотъ ущербъ съ избыткомъ вознаграждается упомянутыми прямыми выгодами, возникающими отъ продажи, не говоря уже о косвенныхъ.

Если прямыя послѣдствія отчужденія представляютъ значительныя выгоды, то еще важнѣе будутъ выгоды, возникающія отъ отчужденія косвенно, то-есть вслѣдствіе надлежащаго употребленія выручки. Мы уже, прежде замѣтили, что въ случаѣ, если сумма выкупа крестьянскихъ земель будетъ значительна, то-есть отъ 1.082.951.200 р. до 1.299.541.440 р. или среднимъ числомъ 1.191.046.320 р., то выпускъ трехпроцентныхъ облигацій и примѣненіе другихъ кредитныхъ операцій, возможныхъ при небольшой суммѣ выкупа, будутъ неудобноисполнимы, и что выкупная подать, вносимая освобожденными крестьянами, едва достаточная для уплаты процентовъ и погашенія казеннаго долга по выкупу, не составитъ прибыли въ государственныхъ доходахъ. Съ отчужденіемъ государственныхъ имуществъ, отчасти въ обмѣнъ на крестьянскія земли, отчасти съ общихъ публичныхъ торговъ, и при употребленіи выручки на выкупъ—все перемѣняется, прежде невозможное дѣлается вполне возможнымъ.

Несмотря на свою первоначальную громадность, сумма выкупа крестьянскихъ земель, вслѣдствіе отчужденія государственныхъ имуществъ, въ непродолжительное время можетъ быть доведена до тѣхъ умѣренныхъ размѣровъ, при которыхъ вы-

(1) Выручка обыкновенно превышаетъ первоначальную оцѣнку.

пускъ облигацій и ихъ кратковременный выкупъ, посредствомъ подати съ крестьянъ и выручки отъ продажи доменъ, не встрѣчаетъ препятствій, и при которыхъ примѣненіе разныхъ кредитныхъ операцій будетъ вполнѣ возможно, такъ что дѣло выкупа совершится гораздо скорѣе и будетъ стоить дешевле, чѣмъ при однихъ выкупныхъ средствахъ, получаемыхъ съ крестьянъ и отъ продажи государственныхъ имуществъ.

Вышепринятая нами средняя выкупная сумма 1.191.046.320 р., при ежегодномъ взносѣ крестьянами выкупной подати въ 43.318.048 р. с., требовала бы для своего погашенія третними тиражами 177,11 тиража, то-есть 59 лѣтъ. На уплату процентовъ и погашеніе долга нужно было бы, въ теченіе этого времени, израсходовать всего 2.555.764.832 р. с. Положимъ теперь, что помѣщики, привлекаемые выгодными условіями покупки, приобрѣтаютъ, прежде выпуска облигацій, государственныхъ имуществъ на 391.046.320 р. с., такъ что оставшая часть выкупной суммы будетъ составлять не болѣе 800 милл. р. Это обстоятельство будетъ уже весьма важно, потому что выпускъ трехпроцентныхъ облигацій на эту сумму гораздо скорѣе возможенъ, чѣмъ въ предыдущемъ случаѣ, а выкупъ всѣхъ облигацій принятымъ нами способомъ, посредствомъ выкупной подати съ крестьянъ, совершился бы уже не въ 59 лѣтъ, а только въ 27 лѣтъ, то-есть въ 81,16 тиража. На уплату по выкупу потребуется всего 1.170.453.657 р. с., слѣдовательно противъ предыдущаго случая менѣе въ 1.385.311.175 р. с.

Если же и послѣ доведенія выкупной суммы до 800 милл. р. будетъ продаваемо уже всѣмъ безъ различія покупателямъ государственныхъ имуществъ ежегодно на сумму около 27 милл. р. с., то эта сумма выѣстъ съ 43 милліонами выкупной подати составитъ въ общемъ итогѣ 70 милліоновъ рублей. Изъ этихъ 70 милліоновъ можно вычесть 10 милліоновъ на другія современныя потребности, и если затѣмъ будетъ употребляемо ежегодно на выкупъ трехпроцентныхъ облигацій всего 60 милл. р. с., то погашеніе 800 милліоновъ оканчивается въ 51, 34 тиража, т.-е. въ 17 лѣтъ и 1 мѣсяцъ; государственныхъ имуществъ въ теченіи этого времени будетъ продано на 455.823.246 р. с., на уплату выйдетъ всего 1.026.600.000 р., сбереженіе противъ предыдущаго случая составитъ 143.853.657 р. с. Если же вся предполагаемая нами ежегодная выручка отъ продажи и вся выкупная подать, то-есть всего 70 милл. р. с., будутъ употреблены на погашеніе долга въ 800 милл. р. с., то выкупъ облигацій

по тиражамъ въ треть совершится въ 42,20 тиража, то-есть, въ 14 лѣтъ 1 мѣсяць, на уплату будетъ израсходовано всего 984.000.000 р. с., экономіи противъ предыдущаго случая еще 42.600.000 р. Въ теченіе этого срока будетъ продано государственныхъ имуществъ на сумму 373.547.328 р. с., а прибавляя къ этому числу стоимость имуществъ, которыя, какъ мы предположили, могутъ быть приобрѣтены вначалѣ одними помѣщиками, получимъ всего 764.893.648 р., что составляетъ не много болѣе $\frac{3}{10}$ капитальной цѣнности государственныхъ имуществъ, принятой нами въ 4 миллиарда р. с.

Если казна приметъ на счетъ государства долгъ помѣщиковъ кредитнымъ установленіемъ въ 430 милл., а на остальную часть 800 милл., то-есть 370 милл. р. сер., выпустить трехпроцентныя облигаціи, то эти послѣднія при одной только выкупной подати съ крестьянъ, за вычетомъ изъ нея $1\frac{1}{2}\%$, платимаго кредитнымъ установленіямъ, выкупаются по третнымъ тиражамъ въ 36 тиражей, или въ 12 лѣтъ. Послѣ выкупа облигацій долгъ кредитнымъ установленіямъ погашается, при ежегодномъ взносѣ той же подати крестьянами, въ 32,32 третныхъ тиража, то-есть въ 10 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ; на уплату этого долга выйдетъ 466.535.377 р. с.

Если и при перемѣщеніи помѣщичьихъ долговъ кредитнымъ установленіямъ на счетъ государства будетъ продаваемо ежегодно государственныхъ имуществъ на сумму около 27 милл. р. с., и если изъ выкупной подати будетъ обращено 10 милл. на другія современныя потребности, а остальныя вмѣстѣ съ выручкою отъ продажи, то-есть всего 60 милл., пойдутъ на выкупъ 370 милл. р. с. облигацій, то погашеніе ихъ, за вычетомъ изъ выкупныхъ средствъ $1\frac{1}{2}\%$ по долгу кредитнымъ установленіямъ, кончится въ 23,34 тиража, то-есть въ 7 лѣтъ 9 мѣсяцевъ; если же вся ежегодная выручка отъ продажи, вмѣстѣ съ выкупною податью (то-есть 70 милл. р. с. въ годъ), при тѣхъ же остальныхъ условіяхъ, будетъ употреблена на выкупъ облигацій, то послѣдній кончится, по третнымъ тиражамъ, въ 19,29 тиража, то-есть въ 6 лѣтъ 5 мѣсяцевъ. Долгъ кредитнымъ установленіямъ, при выкупныхъ средствахъ въ 60 милл., погашается въ 6 лѣтъ 7 мѣсяцевъ; на уплату пойдетъ 456 милл. р. с., а при выкупныхъ средствахъ въ 70 милл. р. с., взносами по третямъ, долгъ уплачивается въ 6 лѣтъ 6 мѣсяцевъ, и весь расходъ по немъ составитъ 452.200.000 руб. с.

Такимъ образомъ мы видимъ, что отчужденіе государственныхъ имуществъ послужить могущественнымъ рычагомъ для поднятія незначительною силою бремени, которое въ противномъ случаѣ превышало бы самое крайнее напряжение со стороны государства.

Остается намъ дать еще нѣкоторыя объясненія на счетъ средствъ къ удовлетворенію другихъ современныхъ потребностей, кромѣ выкупа крестьянскихъ земель. Мы видѣли при нѣкоторыхъ изъ вышеприведенныхъ способовъ выкупа, что, вслѣдствіе выручки отъ продажи государственныхъ имуществъ, 10 милл. р. с. изъ выкупной подати могутъ быть употреблены на эти потребности. При обращеніи на выкупъ всей выкупной подати, составляющей, вмѣстѣ съ предполагаемою нами ежегодною выручкой отъ продажи имуществъ, выкупной фондъ въ 70 милл., конечно, не остается ничего для упомянутыхъ потребностей; но такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ выкупъ облигацій совершается весьма скоро, то затѣмъ вся годичная выручка отъ продажи государственныхъ имуществъ можетъ быть употреблена на удовлетвореніе современнымъ потребностямъ. А съ окончаніемъ всей выкупной операціи, то-есть послѣ уплаты долга кредитнымъ установленіямъ, вся подать съ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ составляетъ чистый доходъ государства, и слѣдовательно, еслибъ отчужденіе государственныхъ имуществъ и было прекращено, все-таки казна могла бы найти въ выкупной подати обильныя средства на расходы по народному образованію, улучшенію путей сообщенія и повышенію окладовъ жалованья чиновникамъ. Не менѣе важно и то, что послѣ счастливаго окончанія всей выкупной операціи и послѣ ликвидаціи долга кредитнымъ установленіямъ выкупная подать можетъ быть совсѣмъ отмѣнена, и на ея мѣсто можетъ быть введенъ общій, равный для всѣхъ поземельный налогъ. Налогъ этотъ, безъ обремененія плательщиковъ, могъ бы доставить въ цѣломъ сумму, которая далеко превышала бы выкупную подать.

Безъ отчужденія государственныхъ имуществъ не могутъ быть удовлетворены столь важныя потребности, какъ выкупъ крестьянскихъ земель и другія упомянутыя нами, а нужно ли говорить, какъ, при настоящемъ положеніи Россіи, настоятельно удовлетвореніе этихъ потребностей? нужно ли говорить о безчисленныхъ благодѣтельныхъ послѣдствіяхъ для умственнаго, нравственнаго, общественнаго и политическаго быта Россіи,

соединенныхъ съ удовлетвореніемъ ихъ? Вспомнимъ только о нѣкоторыхъ важнѣйшихъ результатахъ, вытекающихъ для народа и государства изъ операціи отчужденія: надѣленіе миллионъ людей, освобожденныхъ изъ крѣпостнаго состоянія, поземельною собственностію, безъ жертвованій со стороны государства, безъ убытка для помѣщиковъ; открытіе новаго простора для свободнаго труда и частной предпріимчивости, посредствомъ отчужденія нѣсколькихъ миллионъ десятинъ государственныхъ недвижимостей; распространеніе народнаго образованія; умноженіе и усовершенствованіе путей сообщенія; улучшеніе положенія чиновниковъ, слѣдовательно и вѣроятное уменьшеніе лихоимства, а затѣмъ и улучшеніе управленія, правосудія, упроченіе личной безопасности, все это должно могущественно подѣйствовать на умноженіе народнаго богатства во всѣхъ отношеніяхъ, слѣдовательно, должно выиграть не только народное производство цѣнностей, но и обращеніе ихъ, распредѣленіе и потребленіе. А вслѣдствіе такого увеличенія народнаго богатства, всѣ доходы государства, заимствующіеся изъ этого источника, могли бы въ значительной степени увеличиться, безъ обремененія подданныхъ, тѣмъ болѣе, что въ такомъ случаѣ могло бы произойти совершенное преобразованіе финансовой системы въ духъ современной науки. Несообразныя съ требованіями науки налоги и подати можно бы тогда легко замѣнить другими, болѣе доходными для государства, менѣе обременительными для подданныхъ. Вотъ косвенныя послѣдствія отчужденія государственныхъ имуществъ.

По достиженіи такихъ важныхъ результатовъ посредствомъ отчужденія части государственныхъ имуществъ, большая часть ихъ осталась бы еще во владѣніи казны. Доходъ съ оставшейся части этихъ владѣній, вслѣдствіе уменьшенія количества ихъ, вѣроятно, увеличился бы и дошълъ бы можетъ-быть до 2^о ихъ капитальной цѣнности; но спрашивается, нѣтъ ли средства еще увеличить доходность хотя нѣкоторой части изъ этихъ оставшихся за государствомъ недвижимостей? По нашему мнѣнію, самымъ лучшимъ средствомъ къ достиженію такой цѣли будетъ опять постепенное отчужденіе еще нѣкоторой части доменъ. Возможность доходнаго употребленія выручки заключается въ назначеніи ея на погашеніе 4, 5 и 6-процентныхъ государственныхъ долговъ, которые, какъ мы въ началѣ нашей статьи замѣтили, составляютъ довольно значительную сумму.

Эти долги, вслѣдствіе непредвидимыхъ событій и чрезвычайныхъ потребностей, могутъ еще болѣе увеличиться, такъ что вскорѣ націи пришлось бы тратить ежегодно около 45 милліоновъ рублей сер. на уплату однихъ процентовъ по государственному долгу. При томъ приращеніи народнаго богатства и государственныхъ доходовъ, о которомъ мы говорили, государственные долги не будутъ, конечно, обременительны; но нѣтъ сомнѣнія, что все-таки погашеніе долговъ и ежегодное сбереженіе поглащаемыхъ ими милліоновъ было бы весьма выгодно для государства, особенно вслѣдствіе того 4, 5 и 6-процентный долгъ будетъ погашаться продажей имуществъ, приносящихъ отъ 1 до 2% дохода. При теперешнемъ состояніи русскаго государственнаго кредита (когда фонды стояли на 4½%), обязанность платить ежегодно по 45 милл. рублей процентовъ могла бы быть выкуплена на биржѣ, безъ такъ-называемой *конверсии*, за сумму одного милліарда рублей, то-есть за цѣнность государственныхъ имуществъ, приносящихъ не болѣе 10 милл. р. дохода. Слѣдовательно, выручка отъ новой продажи государственныхъ имуществъ могла бы получить весьма производительное назначеніе, ибо, будучи употреблена на погашеніе долговъ, приносила бы казнѣ свыше 4%, а послѣ погашенія всѣхъ процентныхъ долговъ послужила бы къ уменьшенію налоговъ на предполагаемую нами штатную сумму комиссіи погашенія долговъ, то-есть на 45 милл. руб. сер. въ годъ.

Отчужденіе части государственныхъ имуществъ съ цѣлію погашенія долговъ, съ успѣхомъ испытанное въ западной Европѣ, повело бы въ свою очередь къ новому увеличенію народнаго богатства и доходовъ казны. Государственный же кредитъ, по окончаніи этой операціи, получилъ бы такую прочную основу на будущее время, какой онъ не имѣетъ ни въ одномъ европейскомъ государствѣ, потому что ни одно европейское государство не имѣетъ средствъ вполнѣ расплатиться съ своими кредиторами. Притомъ, если вспомнимъ о количествѣ вышеупомянутыхъ расходовъ и суммъ государственнаго процентнаго долга, то увидимъ, что достиженіе столь важныхъ результатовъ не только не потребуетъ продажи всѣхъ государственныхъ имуществъ, оцѣненныхъ нами въ 4 милліарда, но даже можетъ ограничиться гораздо менѣе чѣмъ половиною суммы ихъ цѣнности. Въ результатѣ Россія, послѣ всей опе-

раціи, будетъ имѣть все еще больше доменъ, нежели сколько имѣютъ ихъ самыя богатая доменами государства Европы.

Вотъ, въ бѣгломъ очеркѣ, выгоды, которыя можетъ доставить Россіи отчужденіе государственныхъ имуществъ. Онѣ столь велики, что сомнительно, принесло ли когда-либо завоеваніе обширной и богатой страны и присоединеніе ея къ государству такую пользу, какой можно ожидать отъ удачнаго исполненія мѣры отчужденія; а это внутреннее приобрѣтеніе не требуетъ ни пролитія крови, ни жертвъ человеческой жизни, ни непроизводительной растраты денегъ, ни порабощенія чужой независимости и свободы, однимъ словомъ, ни одного изъ тѣхъ бѣдствій, которыми сопровождаются внѣшнія завоеванія. Вся борьба по этому дѣлу можетъ ограничиться краткимъ преніемъ въ комитетѣ министровъ и государственномъ совѣтѣ и закончиться однимъ почеркомъ пера той могущественной и благотѣльной руки, которая положила начало упраздненію крѣпостнаго права, и которой Провидѣніе, повидимому, предоставило начертать одну изъ лучшихъ страницъ русской исторіи.

Ю. Микшевичъ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Дворянское гнёздо. Романъ И. С. Тургенева Москва. 1859.

Трудно сказать, начиная разборъ новаго произведенія г. Тургенева, что болѣе заслуживаетъ вниманія, само ли оно со всѣми своими достоинствами, или необычайный успѣхъ, который встрѣтилъ его во всѣхъ слояхъ нашего общества. Во всякомъ случаѣ, стоить серьезно подумать о причинахъ того единогласнаго сочувствія и одобренія, того восторга и увлеченія, которые вызваны были появленіемъ *Дворянскаго Гнѣзда*. На новомъ романѣ автора сошлись люди противоположныхъ партій въ одномъ общемъ приговорѣ; представители разнородныхъ системъ и возрѣній подали другъ другу руку и выразили одно и то же мнѣніе. Романъ былъ сигналомъ повсемѣстнаго примиренія и образовалъ родъ какого-то литературнаго *trêve de Dieu*, гдѣ каждый позабылъ на время свои любимыя мнѣнія, чтобы вмѣстѣ съ другими спокойно насладиться произведеніемъ и присоединить голосъ свой къ общей и единодушной похвалѣ. Конечно, тутъ можно видѣть торжество поэзии и художническаго таланта, самовластно подчиняющихъ себѣ разнороднѣйшіе оттѣнки общественной мысли, но съ нѣкоторою основательностію тутъ можно предполагать также, что не каждая изъ рукоплещущихъ сторонъ одинаково понимаетъ

внутреннее значеніе произведенія, и не каждая въ приговорѣ своемъ подразумѣваетъ именно то, что другая.

Разбирать причины и, такъ-сказать, составныя части громаднаго успѣха, встрѣченнаго романомъ г. Тургенева—не наше дѣло. Скажемъ только, что явленіе это, по нашему мнѣнію, принадлежитъ къ числу очень замѣчательныхъ явленій послѣдняго времени. Мы хорошо понимаемъ единодушіе въ приговорѣ, когда дѣло заходитъ объ общей идеѣ, въ которой каждый человекъ порознь или цѣлый народъ вмѣстѣ узнаютъ свою неотъемлемую собственность, свое отраженіе и цѣль для своихъ стремленій; но единодушіе передъ свободнымъ проявленіемъ авторской фантазіи, передъ вопросомъ искусства, передъ фигурами и образами, которые вызваны потребностію отдельнаго, частнаго лица или его художническою прихотью—такое единодушіе представляетъ уже хорошую тему для изслѣдованія. Достаточно вспомнить, что для образованія подобнаго факта нужно было каждому изъ многочисленныхъ судей позабыть на время всѣ нажитыя имъ теоретическія отношенія къ другимъ людямъ (иначе онъ бы никогда съ ними не сошелся), а это вообще довольно рѣдко случается во всѣхъ литературахъ. При подобныхъ явленіяхъ уму наблюдателя неизбежно представляется одно изъ двухъ: или счастливое произведеніе вдругъ отвѣтило эстетическимъ и моральнымъ потребностямъ, жившимъ скрытною, затаенною жизнію въ умахъ большей части современниковъ, или при оцѣнкѣ произведенія существуетъ какого-либо рода недоразумѣніе, имѣющее право на раскрытіе и объясненіе.

Мы можемъ сказать откровенно, что, по искреннему нашему убѣжденію, въ составленіи успѣха новому произведенію г. Тургенева участвовали въ извѣстной мѣрѣ и то и другое изъ этихъ условій.

Когда-то, довольно давно, печатно было замѣчено, что для автора *Записокъ Охотника* періодъ поэтическихъ анекдотовъ съ тонкими чертами изъ народнаго быта, съ мастерски-заостреннымъ юмористическимъ словомъ, съ легкими, повидимому, но глубоко задуманными и сильно выработанными картинами и положеніями, прошелъ безвозвратно. Послѣ *Записокъ Охотника* автору не оставалось ничего болѣе, какъ пуститься въ открытое море полной, многосторонней народной жизни, если онъ не хотѣлъ укорениться въ одномъ родѣ и вѣчно плавать у береговъ народнаго быта, въ этихъ анекдотахъ, похожихъ на изящныя, щеголе-

ватыя лодочки, неоцѣнимыя для прогулокъ, для полусеріозныхъ и полупуштливыхъ бесѣдъ, но мало пригодныя къ большому, долгому и серіозному плаванію за богатствами русскаго духа и русскаго поэзіи. Кромѣ сельскихъ подробностей, помѣщичьихъ и чиновничьихъ нравовъ, на очереди художническаго воспроизведенія стояло еще тогда цѣлое, такъ-называемое, образованное общество наше со всѣми разнообразными своими явленіями, которыя возникали, двигались, цвѣли и умирали безъ всякаго свидѣтеля, наподобіе невидимокъ, рѣдко-рѣдко оскорбляемыя любопытнымъ взоромъ наблюдателя. Изъ этого страннаго терема, созданнаго, какъ и всѣ терема, пренебреженіемъ, лѣнностію мысли и самодовольствомъ писателей, г. Тургеневъ пытался съ самаго начала освободить нѣсколько образовъ, но онъ относился еще къ новому міру, куда вступалъ, очень горделиво; онъ какъ бы сомнѣвался, способенъ ли этотъ міръ къ независимой жизни въ искусствѣ, сумѣетъ ли онъ держать себя какъ слѣдуетъ и принесетъ ли онъ честь и похвалу своему покровителю. вмѣсто того, чтобы попытаться уразумѣть черты открывшагося ему міра, авторъ сталъ *выбирать* между ними и, какъ бываетъ всегда въ такихъ случаяхъ, выносилъ на свѣтъ не то, что дѣйствительно имѣло силу и значеніе въ обществѣ, а то, что походило на самого искателя, на собственные его идеалы. Но явленія жизни неумолимы, какъ древніе боги. Ихъ не вызовешь презрѣніемъ или укоромъ, ихъ не дождешься, сложа горделиво руки на груди, и въ добавокъ ничѣмъ ихъ не замѣнишь: ими надо овладѣть открыто и честно, какъ овладѣваютъ сердцемъ гордой и благородной женщины, для чего очищаютъ и исправляютъ собственную свою мысль и собственную свою жизнь. Не всякій способенъ къ такому смѣлому приступу, который одинъ даетъ побѣду и обладаніе: вотъ почему бѣольшая часть изящныхъ произведеній, содержаніе которыхъ касалось исторіи нашего общества, отличалась въ то время выдумываніемъ явленій, подлогомъ и подставкой изобрѣтенныхъ мотивовъ, вмѣсто настоящихъ и жизненныхъ. Покуда само общество хранило суровое, равнодушное молчаніе, — ложные слухи, произвольныя догадки и сплетни ходили о немъ по литературѣ безъ малѣйшаго препятствія. Даже Гоголь не могъ измѣнить литературную привычку къ выдумкѣ, лишь только основная интрига произведенія помѣщалась въ средѣ тѣхъ слоевъ общества, которые непосредственно слѣдуютъ за мел-

кимъ чиновничествомъ, сельскимъ дворянствомъ и городскимъ провинціальнымъ населеніемъ. Самые странные литературные букеты, не имѣвшіе ни формы, ни цвѣта, ни запаха, набиралъсь именно на той почвѣ, которая принадлежала классамъ, заявляющимъ претензію на образованность, на умѣніе лучше понимать жизнь, и разумнѣе, богаче и художественнѣе устроить ее. Великій примѣръ Гоголя принесъ одну только пользу: онъ обратилъ писателей въ чуткихъ сторожей, которые на порогъ этого особеннаго и разнообразнѣйшаго общества проводили дни и ночи, ожидая, не покажется ли кто случайно изъ вѣчно-замкнутыхъ и недоступныхъ дверей. Когда сама тѣснота и обиліе жизни, тамъ царствующей, выбрасывали какое-либо явленіе наружу, подобно тому, какъ нѣкоторыя многолюдныя страны выбрасываютъ излишекъ своего населенія въ Америку, неусыпные стражи устремлялись на жертву съ поспѣшностію и рвеніемъ людей, прожившихъ многія сутки безъ сна и дѣла или съ пустымъ дѣломъ въ рукахъ. Такимъ образомъ получили мы нѣсколько настоящихъ типовъ, работанныхъ, надо признаться, очень удовлетворительно и множествомъ несомнѣнныхъ талантовъ, потому что таланты у насъ находятся въ обратной пропорціи со *знаніемъ*: знанія мало, дарованій много. Впрочемъ, мы ~~все-таки~~ ^{не} должны быть благодарны этого рода литературному захвату, какъ и ^{не} мало требовалъ онъ доблести, усилій мысли и наблюденія. По милости его, мы приобрѣли, какъ уже сказали, нѣсколько законченныхъ типовъ, напримѣръ типъ *широкой натуры*, освободившей себя отъ всякой отвѣтственности передъ совѣстію, типъ *ничтожнаго характера* съ сильными претензіями и развитою головою, типъ *благодѣяющаго бюрократа*, загоняющаго людей къ порядку и добродѣтели, какъ стадо, и т. д. Мы подстерегали жизненныя явленія изъ-за угла не даромъ!

Немного ранѣе *Рудина*, и особенно съ этого романа, мы видимъ г. Тургенева уже въ серединѣ того круга, по внѣшней окрѣпкѣ котораго ходила вся наша литература, и не только въ серединѣ, но въ прямомъ, открытомъ и свободномъ общеніи со всѣмъ его поэтическимъ, комическимъ и подъ часть трагическимъ населеніемъ. Нажитыя понятія, предубѣжденія и предразсудки остались у него за порогомъ новаго міра, да и въ этомъ новомъ мірѣ онъ уже ищетъ не *исключительныхъ* явленій, которыми можно было бы поразить простыхъ людей, а

ищетъ человѣка съ отношеніями, опредѣляющими и направляющими его. Какъ ни отрывчаты его разказы, какъ ни слышатся въ нихъ еще тайная робость за себя и за внутреннее достоинство выводимыхъ имъ лицъ, говоръ публики вокругъ новыхъ его произведеній показалъ, что онъ уже близокъ къ настоящему дѣлу, что ему остается превратить свои намеки въ ясные, положительные факты, договорить свои полуоткровенія, додѣлать фигуры, брошенные на половинѣ, и получить затѣмъ право на названіе лѣтописца современной жизни. Черезъ рядъ болѣе или менѣе удачныхъ опытовъ, г. Тургеневъ дошелъ наконецъ до простой, многозначительной драмы, какая является въ *Дворянскомъ Гнѣздѣ*, и какихъ тысячъ вихомолку разыгрываются по разнымъ угламъ нашего отечества, дошелъ до лицъ и характеровъ, нисколько не запятанныхъ грубымъ авторскимъ произволомъ, а взятыхъ изъ неисчислимой движущейся толпы такъ-называемаго образованнаго общества, гдѣ они укрываются отъ лѣниваго наблюденія; словомъ онъ изобразилъ такое событіе, которое оказалось связаннымъ тончайшими нитями съ нашею современностію, съ сердцами всего настоящаго, или, лучше, всего *отживающаго* поколѣнія. Таковъ былъ результатъ смѣлаго и вмѣстѣ дружелюбнаго отношенія къ жизни. Мудрено ли, что общество, узнавъ наконецъ въ яркой картинѣ одну изъ тайнъ собственнаго существованія, встрѣтило картину съ увлеченіемъ и восторгомъ, которыми оно обыкновенно награждаетъ людей, открывающихъ ему дорогу къ самосознанію, къ оцѣнкѣ себя и къ суду надъ собою?

Но мы сказали также, что въ составленіи огромнаго большинства хвалителей новаго произведенія г. Тургенева участвовало и участвуетъ, почти равную частію съ основательными и вполне законными причинами, простое недоразумѣніе. Не трудно будетъ доказать это, если потрудимся разобрать, хотя отчасти, толки и сужденія публики по поводу главныхъ дѣйствующихъ лицъ романа, и особенно по поводу самаго поэтическаго и самаго привлекательнаго изъ нихъ,—барышни провинціальнаго города, благородной Лизаветы Михайловны.

Дѣло вотъ въ чемъ. Изъ среды патріархальнаго, но уже суетнаго и испорченнаго семейнаго быта, г. Тургеневъ вывелъ образъ молодаго существа, которое съ первыхъ шаговъ на поприщѣ жизни замѣчаетъ, что оно не вторитъ общимъ интересамъ окружающихъ, ихъ понятіямъ, радостямъ и заботамъ.

Въ душѣ Лизаветы Михайловны созрѣлъ и выросъ религіозно-нравственный идеалъ существованія, который не можетъ сдружаться съ тѣмъ, что представляется дѣвушкѣ въ настоящемъ и чего можетъ она ожидать въ будущемъ. Послѣ первыхъ неудачныхъ усилій помириться на чемъ-нибудь въ текущей жизни, она быстро разрываетъ съ ней всѣ связи и заключается въ монастырь.

Общее выраженіе участія и умиленія со стороны публики проводило ее въ это послѣднее убѣжище; но нельзя сказать, чтобы характеръ дѣвушки и сущность ея жизни были оценены и поняты удовлетворительно большинствомъ ея поклонниковъ: иначе послѣдніе не стали бы такъ много соболѣзновать о судьбѣ ея и можетъ-статься вмѣстѣ со слезами ~~счастья~~ ^{счастья} граданія явилось бы у нихъ и какое-либо другое чувство. Намъ кажется, что внѣшняя сторона ея существованія много участвовала въ привлеченіи къ ней тѣхъ симпатій, которыми она теперь пользуется. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ дѣвуш^{ка}, мечтающая исключительно о моральныхъ обязанностяхъ своихъ, когда въ ея ~~году~~ ^{году} въ ея положеніи думается о свѣтлой прозѣ и радостяхъ жизни, а вотъ первые проблески любви и ~~счастья~~ ^{счастья}, падающіе на ея сердце, не живительною росой, а каплями яда и огорченій; вотъ отступаетъ она ~~передъ~~ ^{передъ} грубою дѣйствительностію, начинаетъ чувствовать ~~свое~~ ^{свое} отвращеніе къ земнымъ иск^лченіямъ и торопится унести ~~дѣйственную~~ ^{дѣйственную} чистоту ума и сердца въ суровую монастырскую келью. Не для жизни даны ей были молодость, красота, высокая предчувствія истины и блага, все погубило въ цвѣтѣ, застигнутое неожиданнымъ морозомъ среди весны, и притомъ той чудной весны, которая возстаетъ всегда подъ перомъ г. Тургенева. Inde... отсюда слезы! Но еслибы судить о лицѣ этомъ только по выраженію горя и жалобъ, возбужденныхъ имъ въ читателяхъ, то пришлось бы отнести его къ числу тѣхъ слабыхъ, хотя и интересныхъ организмовъ, которые страдаютъ потому, что неспособны къ здоровому человѣческому существованію. Кто изъ поклонниковъ Лизаветы Михайловны замѣтилъ, что въ нѣжную, граціозную и обаятельную форму ея облеклась такая строгая идея, которая часто бываетъ не подъ силу и болѣе развитымъ, и болѣе крѣпкимъ мышцамъ? Лизавета Михайловна способна тронуть и вызвать слезу у самаго хладнокровнаго читателя, это правда, но одною слезой и сожалѣніемъ она не можетъ довольствоваться: она имѣетъ право на нѣчто большее нежели слеза и сожалѣніе, чѣмъ, какъ извѣстно, вполне

оцѣниваются и достаточно вознаграждаются многія героини трогательныхъ романовъ, испытавшія горе и несчастія.

А за тѣмъ еще въ общемъ хорѣ поклонниковъ нашей повѣсти сильную долю голосовъ образуетъ новая и особенная раса «искателей идеаловъ». Удивительно иногда становится, когда подумаешь, къ какому употребленію и къ какому злоупотребленію способны бываютъ слова! Чего не вводится иногда подъ покрывку слова, весьма опредѣленнаго сначала, но за тѣмъ потерявшаго, отъ общаго употребленія, какъ старая монета, первоначальный штемпель и надпись свою? Чего не стараются тогда схоронить въ его нѣдрахъ, и подчасъ какимъ страннымъ требованіямъ и цѣлямъ принуждено оно бываетъ служить и отвѣчать? Идеальность, на языкѣ эстетики, означаетъ всякій образъ, соединяющій въ себѣ всю ту сумму нравственныхъ и поэтическихъ чертъ, какая ему свойственна по природѣ его. Это очень просто и, пожалуй, можетъ быть выражено еще въ другой формулѣ, именно: всякій нравственный и поэтический образъ — истинный дѣйствительности и самому себѣ, есть идеаль. На основаніи этого опредѣленія и комическое лицо, подъ перомъ художника-писателя, можетъ оказаться идеаломъ, такъ же точно, какъ, на основаніи того же опредѣленія, самая благонамѣренная фигура, снабженная многими добродѣтелями и прекрасными мнѣніями, но безъ жизненной и поэтической правды, не въ состояніи будетъ добиться до желаемаго повышения въ идеаль. Съ этою азбукой эстетики благоразумное меньшинство новѣйшихъ искателей идеаловъ, пожалуй, и согласится отвлеченно, но вотъ гдѣ вся партія цѣликомъ расходится съ эстетикой. Настоящій идеаль можетъ иногда казаться осужденіемъ и отрицаніемъ того низшаго порядка вещей, гдѣ онъ явился и призванъ дѣйствовать, а у ложныхъ идеалистовъ онъ обязанъ узаконять его и мирить съ нимъ. На языкѣ новѣйшихъ искателей идеаловъ, всякая попытка облагородить будничныя, такъ сказать, подробности жизни, пошлый ходъ ея, грубыя и закоренѣлыя ея привычки, называется стремленіемъ къ идеализаціи и чѣмъ труднѣе задача сообщить пошлomu какое-либо значеніе и достоинство, тѣмъ выше цѣнять они усилія писателя и тѣмъ сильнѣе приходятъ отъ него въ восторгъ. Съ ужасомъ и отвращеніемъ бѣгутъ они, въ ремеслѣ, отъ замазки первоначальнаго матеріяла красками и лакомъ, какая почасту дѣлается для прикрытія его трещинъ и пороковъ: замазка и лакъ, наоборотъ, составляютъ для нихъ

желанную цѣль и послѣднее слово въ искусствѣ. Они отличаются отъ всѣхъ другихъ искателей тѣмъ, что непричастны ихъ волненіямъ, а напротивъ любятъ покой, умственную и физическую нѣгу: идеаль для нихъ почти то же, что праздникъ для школьника, освобождающій его отъ всѣхъ обязанностей и отъ всякой заботы. Они бы желали праздника на круглый годъ, и если можно, навсегда. Въмѣстѣ съ тѣмъ въ умѣ ихъ таится невысказанное желаніе, чтобъ идеалы служили щегольскими ширмами для прикрытія неприятныхъ житейскихъ случаевъ, требующихъ скорой и дѣятельной помощи, — для устраненія отъ глазъ явленій и событій, волнующихъ общественную совѣсть и нарушающихъ безмятежное состояніе души, которое имъ такъ дорого. Они даже судятъ объ относительномъ достоинствѣ идеаловъ по матеріальному употребленію, какое можно сдѣлать изъ того или другаго. Сквозь запутанныя опредѣленія идеаль ихъ часто выглядываетъ не въ образѣ эстетическаго понятія, а въ формѣ полезной мѣры благочинія. Завидѣвъ въ лицѣ Лизаветы Михайловны безропотную покорность судьбѣ, убѣдясь, что впечатлѣніе, производимое ею, тихо и отрадно, и особенно не найдя въ ней никакого протеста противъ людей и обстоятельствъ, отъ которыхъ она, безъ жалобы, скрывается въ монастырской кельѣ, вся эта (раса новѣйшихъ искателей идеаловъ въ одинъ голосъ причислила ее къ сонму своихъ любимцевъ и увѣнчала автора за созданіе такого безкорыстнаго, скромнаго и похвальнаго существа.

Но такъ ли все это?

Есть афоризмъ, не подлежащій сомнѣнію: «поэты рождаются», но можно прибавить къ нему, что и высоко нравственные характеры тоже «рождаются», по крайней мѣрѣ, возникновеніе ихъ часто бываетъ необъяснимо. Они образуются иногда безъ помощи воспитанія, примѣра, правилъ и указаній, сохраняемыхъ семействомъ отъ старины или отъ господствующаго ученія: они могутъ явиться (и часто являются) въ години полной духовной тьмы, въ нѣдрахъ самаго испорченнаго круга, при совершенномъ отсутствіи моральныхъ убѣжденій, еще не добытыхъ или уже потерянныхъ окружающимъ ихъ міромъ. Этими характерами доказывается только высокое достоинство человѣческой природы, способной всегда творить нравственные типы, ее выражающіе. Иногда нѣтъ никакой возможности указать, гдѣ началась работа ихъ благодатной мысли, когда и чѣмъ пробудилась ихъ душа, по какому поводу

они разошлись съ общими понятіями и создали себѣ особенную мѣрку для опредѣленія добра и правды. Достоверно одно, что иногда достаточно самой скудной духовной пищи для развитія ихъ моральнаго существованія въ изумительномъ блескѣ; какая-нибудь книжка, какое-нибудь ничтожное событіе въ домашнемъ быту дѣлаются неожиданно крѣпкими основами ихъ будущаго развитія. Для Лизаветы Михайловны достаточно было няни Агаеи съ ея пламеннымъ разказомъ о мученикахъ и подвижникахъ, съ ея народно-мистическимъ настроеніемъ, чтобъ обратить молодой умъ совсѣмъ въ противоположную сторону, именно къ строгому пониманію моральной идеи, заключающейся въ религіи. Часто даже глубоко нравственные характеры обходятся и безъ этихъ толчковъ, безъ этой подмоги на первыхъ шагахъ своихъ въ жизни. Учителями ихъ дѣлаются просто всѣ безобразныя, темныя, неразумныя и тупыя проявленія страстей и обычаевъ окружающаго ихъ быта: они учатся правдѣ въ виду господствующаго произвола, сознанію обязанностей своихъ—на духовномъ и тѣлесномъ растлѣніи близкихъ людей, порядку, справедливости и снисхожденію на общей распущенности и на дикихъ порывахъ животнаго существованія. Можно сказать даже, что тѣмъ заразительнѣе всѣ примѣры, окружающіе ихъ, тѣмъ они тверже укореняются и смѣлѣе идутъ въ правомъ пути. Кто впервые указалъ его, кому обязаны они первымъ извѣстіемъ о его существованіи, неизвѣстно. Можетъ-быть это—неизбѣжное дѣйствіе пріспѣвашаго времени обновленія для всѣхъ, или можетъ-быть это—дѣйствіе точно такой же благодати, какъ напримѣръ поэтическій даръ: какъ бы то ни было, Лизавета Михайловна принадлежитъ къ семьѣ этихъ самородныхъ нравственныхъ характеровъ.

Великое достоинство этого лица состоитъ особенно въ томъ, что авторъ не лишилъ его вмѣстѣ съ тѣмъ существенныхъ правъ и качествъ молодости. Этого и надо было ожидать. Не такой писатель г. Тургеневъ, чтобы могъ остановиться на отвлеченномъ образѣ, заняться сухимъ или одностороннимъ педантическимъ идеаломъ. Лизавета Михайловна является намъ въ полной красѣ дѣвичьяго развитія; дѣло только въ томъ, что фантазія дѣвушки, работа ея головы и ея сердца, самая игра жизненныхъ силъ, все уже окрашено врожденнымъ нравственнымъ чувствомъ, отъ котораго она ни убѣжать, ни освободиться не можетъ, которое составляетъ ея величіе и ея кару

посреди людей. Да и проявляется оно особеннымъ, весьма тонкимъ образомъ. Ни разу не встрѣтишь у нея рѣзкаго слова, крикливаго осужденія или враждебнаго поступка противъ опредѣленій и понятій большинства (а вѣдь подобные грубые порывы мысли и нужны многимъ людямъ для уразумѣнія характера); нравственное чувство ея выражается только постоянною боязнію жизни, постояннымъ къ ней недоувѣріемъ и какимъ-то испугомъ передъ новыми, еще незнакомыми ея явленіями, точно въ молодой душѣ Лизаветы Михайловны уже поселилось убѣжденіе, что оттуда ждать нечего. Никто изъ самыхъ близкихъ людей не владѣетъ ея сердцемъ, ея довѣренностію: привязанностію племянницы не можетъ даже похвастаться сама Марѳа Тимоѳеевна, превосходный типъ умной, добросердечной старухи, по природѣ любящей въ человѣкѣ молодость и достоинство. Марѳа Тимоѳеевна однакоже слишкомъ бойка. У Марѳы Тимоѳеевны сохраняется еще отбѣнокъ барскаго своеволія, даже въ самомъ добрѣ, которое она дѣлаетъ: этого уже достаточно, чтобъ испугать ея племянницу, Лизу, на которой всякій отбѣнокъ, лишенный нравственнаго смысла, отражается болѣзненно, замыкая ей уста и сердце. Еще тоньше, можетъ-быть, поступилъ авторъ, выбравъ Паншина, пустаго свѣтскаго болтуна, первымъ предметомъ, на которомъ сосредоточиваются у Лизы пробужденныя ея наклонности къ любви и взаимности. Тутъ выказываетъ она очень мало проникательности, знанія и пониманія людей: нравственное чувство остается единственнымъ руководителемъ и единственнымъ оберегателемъ молодой дѣвушки. Отношеніями Лизы къ Паншину начинается и самая повѣсть г. Тургенева.

Паншинъ этотъ, по выдѣлкѣ, по обилію и роскоши второстепенныхъ подробностей, можетъ-быть, уступаетъ въ романѣ только изображенію «львицы» Варвары Павловны, обработанному авторомъ съ изумительною тщательностію. Паншинъ вступаетъ въ семейство Лизы почти какъ побѣдитель, еще прежде какой-нибудь побѣды. Пустѣйшая мать героини—бывшая ~~сестри-~~ сутка—за него горой. Удивительный представитель русской полуобразованности и русскаго фальшиваго развитія, который такъ изумляютъ иностранцевъ, онъ надѣленъ всеми возможными талантами: талантомъ живописца, музыкальнымъ, чиновничьимъ, но въ той степени, какая нужна, чтобы занимать, тѣшить людей и никогда не приносить имъ ни духовной, ни вещественной пользы. Онъ и ораторъ, и берейторъ, и

свѣтскій человѣкъ — а все это въ мѣру, такъ, чтобы ничто не походило на настояще дѣло или призваніе. Всякое дѣло или призваніе требуютъ участія души и мысли, а душа и мысль Паншина обращены только къ самому себѣ. Лизавета Михайловна находитъ, что онъ и *добрый человѣкъ*: онъ можетъ играть, пожалуй, и добраго человѣка очень натурально, покуда мелкія страсти, единственно доступныя ему, спятъ спокойно въ нѣдрахъ его пустой груди. Это совершеннѣйшій типъ *выправки*, которымъ наполнены канцелярія и салоны Петербурга, смѣшной и позорный въ одно время, если разсмотрѣть его ближе, но очень годный на выставку, когда нужно обмануть глаза образованнаго міра, чего, какъ извѣстно, всё мы крѣпко добиваемся. Въ провинціи онъ еще и представитель столичнаго *прогресса*, высокаго моральнаго и общественнаго развитія, которое тамъ совершилось или совершается.

Такой-то человѣкъ принялся со всѣмъ усердіемъ и со всѣмъ кокетствомъ, къ какому только способенъ, разрабатывать сердце Лизаветы Михайловны въ свою пользу, и это не изъ одной потѣхи: она успѣла тронуть даже его черствую душу. Мы застаемъ ее въ ту минуту, когда она начинаетъ поддаваться его усиліямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ читатель пораженъ въ ней признаками какого-то невольнаго страха, подозрѣнія и нерѣшительности: это и есть именно обычная работа нравственнаго чувства, замѣняющаго ей опытность и бодрствующаго надъ нею во всякое время. За блестящею наружностію Паншина, за радужною игрою его артистическихъ притязаній, свѣтскихъ пріемовъ и полупризнаній, не видится благородной дѣвушкѣ моральнаго образа, смутно живущаго въ ея душѣ, не слышится голоса, отвѣчающаго ея предчувствіямъ и вопросамъ... Подъ конецъ она даже расположена считать свои неопредѣленные требованія, неумолкающіе призывы сердца и нравственной природы, за особенность или за уродство своей организаціи, которыя должно таить отъ людей, потому что они никѣмъ не признаются, никѣмъ не угадываются, равно чужды матери, Паншину, Марѣ Тимоѣевнѣ и всему семейству. Она рѣшается отдать свою руку Паншину на одномъ условіи — лишь бы не мѣшалъ онъ ей сдѣлаться доброю женой, лишь бы позволилъ прожить вѣкъ наединѣ съ собственною ея мыслию. Почти чередъ самымъ совершеніемъ этой безразсудной жертвы является изъ-за границы усталый и сильно пораженный

домашнимъ несчастіемъ Лаврецкій. Онъ обращаетъ на себя вниманіе Лизы и окончательно отводитъ ее отъ соперника своего, Паншина.

Чѣмъ же дѣлается для нея Лаврецкій? Спустя немного, она опять стоитъ и передъ нимъ въ недоумѣніи, въ раздумьи, опять съ ношей неразрѣшимыхъ вопросовъ и неисполнимыхъ требованій своихъ!

Многимъ показалось страннымъ одно мѣсто въ романѣ. Вскорѣ послѣ того, какъ между Лаврецкимъ и Лизой завязались тихія, дружелюбныя отношенія, начинавшія перерождаться, подъ покровомъ взаимной передачи чувствъ и мыслей, въ настоящую любовь, Лизавета Михайловна сказала ему разъ въ неопisanномъ волненіи: «Вы должны простить вашу жену». Воскличаніе Лизы было такъ ново для слуха публики, что многіе приняли его за грубую ошибку, за случайную гримасу, исказившую ея фizioномію. Для насъ откровенное слово Лизаветы Михайловны имѣетъ другое значеніе: имъ высказала она ясное пониманіе своего собственнаго положенія, имъ выразила ужасъ къ своей любви, зараждающейся на краю пропасти, и положила ей предѣлъ, да имъ же намѣтила и все что остается еще дѣлать Лаврецкому въ теченіи его жизни, какъ мы сейчасъ же разберемъ подробнѣе.

Во всемъ этомъ, кажется намъ, трудно усмотрѣть какое-либо потворство быту или извѣстной средѣ жизни, которое оправдывало бы надежды, возложенныя новѣйшими искателями идеаловъ на лицо Лизаветы Михайловны. Совсѣмъ наоборотъ: глубокая, поучительная, но нисколько не сентиментальная драма связана, такъ-сказать, со всѣмъ ея существованіемъ. Драма есть уже въ ея появленіи между людьми того круга, которые намъ представлены авторомъ, драма сопровождаетъ затѣмъ каждый шагъ ея, не кончаясь даже и тамъ, гдѣ авторъ кончаетъ повѣсть. Куда скроется Лизавета Михайловна отъ требованій своей мысли? Гдѣ она найдетъ тотъ кровъ, подъ которымъ пугливая совѣсть уже не можетъ быть потревожена? Есть ли, въ самомъ дѣлѣ, убѣжище для нея?.. Не выдуманъ тутъ келья, какъ старый, романтической мотивъ, пригодный къ тому, чтобы завершить романъ чѣмъ-нибудь поприличнѣе.

Постараемся однакожь уяснить самую мысль, которая всплываетъ въ безсвязныхъ словахъ Лизаветы Михайловны, когда она вызываетъ Лаврецкаго на примиреніе съ женою словами: «Надо будетъ покориться... Я не умѣю говорить, но если мы

не будемъ покоряться...» и проч. Слѣдуетъ замѣтить вообще, что Лиза никогда не выражается у автора полною и опредѣленною мыслью, но вся состоитъ только изъ побужденій, предчувствій и намековъ, и это по причинамъ, о которыхъ скажемъ послѣ. Мысль ея оставляется на разборъ и догадку читателя, и мы съ своей стороны разбираемъ ее такъ: въ большей части семейныхъ бурь и катастрофъ люди столько же наказываются неизмѣнными опредѣленіями закона, установленія, сколько и тайною моралью, которая неизмѣнно присутствуетъ въ самой жизни. Это сбылось именно на Лаврецкомъ. Чего искалъ онъ въ женѣ своей? Онъ плѣнился, разказываетъ намъ авторъ, красотой ея формъ, роскошными линиями тѣла, свободой и граціей ея движеній, наконецъ умомъ, способнымъ чувствовать и понимать разнообразныя эстетическія наслажденія. Самую обаятельную черту въ ея характерѣ была именно эта склонность искать эстетическія наслажденія всюду вокругъ себя, въ обстановкѣ жизни и въ обязанностяхъ, налагаемыхъ ею. Въ эпоху молодости Лаврецкаго, лицо, отличное подобными стремленіями, пріобрѣтало общее уваженіе и подчасъ общее удивленіе, какъ за особенный даръ, ниспосланный ему небомъ. Чувство изящнаго, а иногда просто навѣкъ въ щегольствѣ и нѣкоторые признаки *вкуса*, при внѣшнихъ преимуществахъ, ставили лицо или избранницу на недосягаемый пьедесталъ въ общественномъ мнѣніи. Говорить тутъ о необходимости какихъ-либо жизненныхъ правилъ и основаній считалось пошлостью, педантизмомъ, «нестерпимою рефлексіей»; пониманіе красоты и эстетическихъ приличій казалось символомъ пониманія всего остальнаго на свѣтѣ. Но чувство изящнаго, особенно у поверхностныхъ, неглубокихъ натуръ, къ числу которыхъ принадлежитъ большая часть нашихъ любителей и любительницъ изящнаго, служитъ только чѣмъ-то въ родѣ красиваго, кокетливаго мостика, сокращающаго и облегчающаго имъ дорогу къ страстямъ и чисто-животнымъ упражненіямъ. Надо, впрочемъ, сказать, что Варвара Павловна щедро заплатила мужу за выборъ его. «Не даромъ, говоритъ авторъ, вѣяло прелестью отъ всего существа его молодой женою: не даромъ сулила она чувству тайную роскошь неизвѣданныхъ наслажденій: она сдержала больше, чѣмъ сулила.» Оставалось удержать Варвару Павловну при себѣ навсегда, но удержать иначе нельзя было, какъ исчерпавъ до послѣдняго обола все то добро, которое она принесла съ собою въ домъ,

именно красоту и способность наслаждаться; съ послѣднимъ обломомъ она уже становилась безпомощною нищей и ничѣмъ не могла замѣнить потерь своихъ. Но Лаврецкій поступаетъ не такъ. Покуда роскошная, парижская жизнь гремитъ въ собственномъ его салонѣ, подъ руководствомъ жены, онъ сидитъ у себя въ кабинетѣ и страстно, лихорадочно, неусыпно *учится*. Чему именно, зачѣмъ, для какой опредѣленной цѣли — это ему самому неизвѣстно, это только характеристическая черта его эпохи. Безвыходное занятіе, судорожная любознательность, бросающаяся во всѣ стороны, плаваніе въ морѣ науки безъ компаса, безъ пристани въ виду, вотъ его дѣло, какъ и любимое дѣло всего поколѣнія современниковъ его. А между тѣмъ Варвара Павловна не ждетъ. Въ характерѣ ея нѣтъ нисколько нравственной бережливости: она скучаетъ богатствомъ красоты, когда нѣтъ возможности тратить его. Не видя близкой руки помогающей, она весело проживаетъ достояніе свое, она принимается бросать его по сторонамъ. Варвара Павловна дѣлаетъ только то, на что призвана, для чего воспитывалась дома и въ казенномъ заведеніи, чего ожидала отъ своей красоты и своего ума. Лаврецкій вывелъ ее на сцену дѣйствія, открылъ ей арену для подвиговъ и за то своевременно получилъ узаконенную плату. Чего онъ могъ ожидать болѣе, выбирая такую жену, что онъ сдѣлалъ для укрѣпленія связи своей, кромѣ предоставленія женѣ полной свободы располагать собою? Онъ виноватъ передъ ней и передъ своею совѣстію почти столько же, сколько преступная жена его виновата передъ закономъ, и приговоръ, изреченный Лизой, по вдохновенію нравственнаго чувства, становится неотразимъ: «надо покориться... надо простить.» Больше ничего не остается дѣлать!

Авторъ не оставилъ безъ разрѣшенія и вопроса, почему умный, серьезный Лаврецкій могъ такъ ошибиться въ выборѣ жены. Для поясненія этого обстоятельства, г. Тургеневъ рассказываетъ намъ исторію всего семейства Лаврецкихъ, начиная отъ прадѣда ихъ, разбойника, грабящаго и злодѣйствующаго съ вѣдома, почти съ позволенія общества, до отца, англomана, преобразователя, женившагося случайно на крѣпостной дѣвушкѣ и сдѣлавшагося трусомъ и тряпкой, по выраженію Гоголя, какъ только жизнь немножко серьезно заглянула ему въ лицо. Первый блѣзъ сосѣдей, вѣшалъ «мужиковъ за ребра», послѣдній заводилъ англійское хозяйство и старался образовать изъ сына

своего *Спартанца*, не знакомаго со слабостями человѣческой природы. Такъ было до 1825 года, когда «близкіе знакомые и пріятели Ивана Петровича (отца нашего героя) подверглись тяжкимъ испытаніямъ» и самъ онъ вдругъ притихъ и сжался до глубочайшаго ничтожества, до невыразимой пошлости. Всѣ эти страницы у г. Тургенева, съ ихъ быстрыми, но крупными очерками лицъ, гдѣ проходятъ, почти какъ видѣнія, разоренныя и истасканныя графини о-бокъ съ любовниками своими, бѣдныя дворовыя дѣвушки, попавшія въ господа, дикіе помѣщичьи, подъ взглядомъ которыхъ замираетъ всякая жизнь въ нѣмомъ трепетѣ и безъ сопротивленія, принадлежать къ числу мастерскихъ страницъ романа. Это вѣрная, оживленная картина русскихъ образованныхъ поколѣній въ XVIII столѣтіи и въ первой четверти настоящаго? Нужно ли говорить, что она далеко оставляетъ за собою недавнія безобразныя попытки изобразить близкую намъ старину посредствомъ голыхъ выписокъ изъ «записокъ» и «памфлетовъ», скрѣпляя ихъ только циническими намеками? Нѣтъ ничего общаго въ картинѣ г. Тургенева съ этою возмутительною игрою на почвѣ исторіи, игрою, которую еще въ добавокъ хотѣли намъ выдать за свободное, творческое созданіе, какъ будто изъ подобранныхъ цитатъ, изъ коллекціи скандальныхъ анекдотовъ, можетъ выйдти что-либо кромѣ смѣшенія, поясняющаго только малую совѣстливость писателя передъ собой и передъ публикой. Изъ картины г. Тургенева оказывается, что нашъ Лаврецкій нѣсколько разъ уже былъ *надорванъ* въ жизни, прежде чѣмъ послѣдняя штука жены подкосила его существованіе. Такъ или иначе, но и тутъ все поколѣніе, къ которому онъ принадлежитъ, раздѣляетъ его участь. Почти каждый изъ его членовъ и разными способами былъ обезсиленъ, прежде чѣмъ являлся къ жизни и дѣятельности; жизнь и дѣятельность валили его только окончательно съ ногъ на землю. На школьныхъ скамьяхъ, на первыхъ порывахъ молодости, или дома передъ требованіями воспитателей, начиналась для каждаго нравственная діета, направленная къ укрощенію, извращенію или къ отмиѣнн природныхъ силъ челоуѣка. Двадцати трехъ лѣтъ *Спартанецъ* былъ круглый невѣжда въ наукахъ, а еще болѣе въ жизни. Варвара Павловна явилась первымъ существомъ, которое приняло съ улыбкой и доброжелательствомъ этого юнаго «Алкида», какъ называетъ его авторъ, описывая его мужественную наружность, скрывавшую младенческое сердце и невѣдніе. Алкидъ ничего

не разбиралъ. Въ одномъ имени женщины, въ одномъ ея образѣ заключалось для него полное представленіе всего нравственнаго, благороднаго и чистаго въ мірѣ. Когда Варвара Павловна разрушила это представленіе, то она разрушила не одну идею, а цѣликомъ всю жизнь человѣка. Несчастіе, однакожь, было полезно Лаврецкому. Оно смягчило и обработало его душу, надѣливъ ее тѣмъ мудрымъ снисхожденіемъ, о которомъ говорить поэтъ, дало пониманіе русской жизни и, подобно спасительному балласту, привлекло его изъ обширныхъ, но неопредѣленныхъ стремленій, къ землѣ, къ роднымъ степямъ, къ нуждамъ, печалямъ и волненіямъ ближнихъ. Все существо его сдѣлалось чрезвычайно добрымъ, симпатическимъ: сердца окружающихъ покоряются ему невольно, увлеченныя его общимъ благорасположеніемъ. Онъ радуется успѣхамъ людей, ихъ радостямъ, какъ собственному счастью, и только, обращаясь на себя, желалъ бы себѣ еще разъ молодости, еще разъ любви и еще разъ жизни. Какъ ни странны и мало разумны подобныя желанія, но они почти сбываются, когда сильный ударъ женной руки разрушаетъ его воздушный замокъ... Таковъ Лаврецкій, замѣнившій Паншина въ сердцѣ Лизаветы Михайловны.

Послѣ этого длиннаго комментарія читатель нашъ можетъ подумать, что затѣмъ все просто (и очевидно въ романѣ, что всѣ цѣли и намѣренія его открыты, что завязка его должна быстро развиться въ яркую картину и быстро склониться къ неизбежной катастрофѣ, уже предугадываемой всѣми. Нѣсколько иначе однакожь происходитъ дѣло въ самой повѣсти, показывая еще разъ, что ясность комментарія бываетъ, большею частію, кажущаяся, фальшивая ясность, и что онъ рѣдко можетъ дать понятіе о тайной, невидимой сторонѣ, какую имѣетъ всякое замѣчательное произведеніе искусства, и какую сухая, критическая передача никогда не исчерпаетъ сразу. Благодаря этому свойству, многое выходитъ иначе, чѣмъ мы ожидаемъ; напримѣръ: образы главныхъ дѣйствующихъ лицъ написаны авторомъ далеко не съ тою грубою выразительностью, которая совершенно освобождаетъ зрителя отъ труда составлять о нихъ мнѣніе, на чтѣ мѣтитъ обыкновенно комментарий; отношенія между лицами далеко не такъ просты, чтобы достаточно было нѣсколькихъ размышленій и намековъ для полнаго опредѣленія ихъ, и наконецъ интрига романа, задержанная въ своемъ теченіи созерцательнымъ настроеніемъ и автора, и героевъ возникшимъ изъ самаго хода повѣствованія, совсѣмъ не такъ бурно

несется къ концу, какъ можно было бы предполагать, а напротивъ задумчиво и роскошно тянется, прежде чѣмъ повернуть ей къ естественному и уже давно открывшемуся истоку. Займемся комментариемъ и этой второй, оборотной стороны романа, какъ сдѣлали уже для наиболѣе-очевидной и яркой его стороны. Особенный смыслъ, о которомъ мы говорили, кажется намъ, сообщенъ роману слѣдующимъ, весьма важнымъ обстоятельствомъ: герои его, Лиза и Лаврецкій, лишены всякой возможности существовать въ мірѣ на тѣхъ основаніяхъ, какія выпали имъ на долю, или какія они избрали себѣ. Бѣдственная, роковая невозможность эта оказывается съ перваго появленія ихъ на сцену отсутствіемъ свободнаго движенія, мертвенностью воли и безсиліемъ передъ гнетомъ внѣшняго міра, то-есть всѣми признаками зловѣщей атоніи, поэтической характеръ которой не спасаетъ однакожъ человѣка отъ гибели. Они стоятъ передъ читателемъ, открытые для всѣхъ житейскихъ бурь и не имѣя ничего въ рукахъ чѣмъ бы защититься. Со всѣми ихъ качествами, какъ нельзя болѣе походятъ они на тѣхъ страдальцевъ романической школы живописи, которыхъ мы видимъ на картинахъ о-бокъ съ орудіями ихъ страданій, покорно принимающихъ всѣ удары враговъ, посылая только угасающій, взоръ къ звѣздамъ и ласковому небу. Все ихъ значеніе заключается въ достоинствѣ характера и въ удивительно-глубокомъ выраженіи фізіономіи, но существенный признакъ жизни—движеніе—такъ чуждъ имъ, что, кажется, съ первымъ шагомъ на встрѣчу обстоятельствъ или на борьбу съ ними они лишились бы всего своего величія. Вотъ почему и фигуры Лизы и Лаврецкаго написаны авторомъ въ легкомъ, полупрозрачномъ тонѣ, который не даетъ усмотрѣть и распознать тотчасъ же ихъ лица и свойственное имъ выраженіе. Мѣсто сильныхъ красокъ жизни замѣнено тутъ безчисленными и тончайшими чертами; каждая изъ нихъ отвѣчаетъ какой-либо тайной сторонѣ ихъ существованія, и каждая будитъ въ душѣ читателя множество личныхъ воспоминаній, множество знакомыхъ и родныхъ ему ощущеній. Удивительное обаяніе, производимое героями, зиждется именно на обилии, выразительности и значеніи этихъ подробностей, бросающихся въ глаза съ перваго же раза, между тѣмъ какъ полный образъ героевъ возстаетъ уже гораздо позднѣе и требуетъ уже нѣкотораго размышленія. Оно и понятно. Единственная сила, сосредоточивающая человѣка, мгновенно объясняющая его для всѣхъ воз-

ровъ, опредѣляющая и обнажающая его, есть опять-таки движеніе, или, другими словами, употребленіе воли, борьба за себя и свои основанья. през Лиза и Лаврецкій не борются, не отстаивают своей жизни, а только заняты мыслию, какъ бы благороднѣе, достойнѣе и великодушнѣе подчиниться всему, чего потребуютъ и къ чему принудятъ ихъ обстоятельства. Страдательное положеніе есть ихъ удѣлъ на землѣ, и притомъ удѣлъ, столько же данный имъ извнѣ, сколько и взятый на себя по охотѣ, несмотря на нѣкоторыя попытки Лизы и Лаврецкаго освободиться отъ него, противорѣчація основному ихъ характеру и потому всегда неудачныя, какъ бываетъ безслѣдна всякая вспышка. Гдѣ же причина, спрашивается, этого нравственнаго паралича, поразившаго ихъ въ срединѣ жизни? Прежде чѣмъ дѣйствовать на внѣшній міръ, всякому человѣку необходимо позаботиться объ устройствѣ и организациі своего собственнаго личнаго и внутренняго міра. Для того, чтобы вести какую-либо борьбу, необходима твердая точка опоры, которая нигдѣ не найдется, кромѣ насъ же самихъ. У иныхъ, болѣе счастливыхъ поколѣній, первые зачатки нравственнаго капитала, столь нужнаго для развитія природныхъ силъ въ человѣкѣ, достаются, такъ-сказать, по наслѣдству и даромъ. Лизѣ и Лаврецкому ничего не было оставлено. Вдохновеніе часто приходило на помощь первой, но не освобождало ея совершенно отъ необходимости внутренней работы, а еще менѣе освобожденъ былъ отъ нея Лаврецкій. Они должны были сами наживать всякую общечеловѣческую мысль, всякое свѣтлое, коренное правило жизни, и притомъ еще безпрестанно повѣрять на самихъ себя всякій моральный принципъ, чтобы удостовѣриться, не фальшиваго ли онъ чекана и достоинства. Такъ мало достовѣрности представляли имъ тѣ признанные и законные авторитеты, которымъ другіе народы слѣпо и охотно подчиняются. Но заниматься устройствомъ своихъ домашнихъ, такъ-сказать душевныхъ дѣлъ и въ то же время принимать всѣ вызовы обстоятельствъ и храбро выдерживать безконечныя дуэли съ случайностями жизни, работа вообще очень тяжелая. Лиза и Лаврецкій ограничились одною половиною ея и обратили всю энергію воли исключительно на самихъ себя. Можетъ-быть, покажется страннымъ, что мы говоримъ объ энергіи и волѣ нашей четы послѣ того, какъ признали удѣломъ ихъ на землѣ страдательное положеніе по преимуществу. Оно и точно странно, если глядѣть на нихъ со стороны дѣйствующаго или по

крайней мѣрѣ волнующагося міра, гдѣ обыкновенно стоятъ читатели, и гдѣ они неохотно, да и весьма неловко показываются; но если посмотрѣть на нихъ въ ихъ ду^{хѣ} ~~хѣ~~ ульѣ, въ тайной ихъ работѣ надъ собою, дѣло принимаетъ совсѣмъ другой оборотъ. Въ царствѣ растений есть роды, обозначаемые названіемъ *тайлобрачныхъ*; между русскими людьми есть многочисленный классъ, который можно бы назвать *тайморбочимъ*: онъ неутомимо, упорно трудится надъ собою, подъ покровомъ глубочайшаго молчанія, въ глухомъ, незримомъ тайникѣ собственнаго духа. Отсюда и явленіе, часто повторяющееся въ нашей жизни. Внѣшній міръ, напримѣръ, по прежнему стоитъ, какъ стоялъ, каждый и всѣ оставляютъ его жить въ покоѣ, какъ живетъ, но взглядъ на него уже измѣнился, опередилъ его и даже покинулъ. Со словъ нашего автора мы сказали, что Лаврецкій былъ обезсиленъ, прежде чѣмъ наступила пора обнаруженія силъ, и это, кажется намъ, несомнѣнно въ отношеніи той стороны его существованія, которая соприкасается съ живымъ и дѣйствующимъ міромъ; со словъ же нашего автора можемъ сказать наоборотъ, что Лаврецкій потратилъ огромное количество труда и силы на другую, нравственную сторону своего существованія. Между нимъ и отцомъ его англomanомъ лежитъ, напримѣръ, цѣлая бездна развитія, но кто же вырылъ ее, какъ не Лаврецкій-сынъ? Въ превосходныхъ сценахъ, изображающихъ намъ психическое состояніе Лаврецкаго, по полученіи въ Парижѣ несомнѣннаго доказательства измѣны жены и собственнаго позора, мы видимъ, какъ пробуждаются въ немъ мрачныя силы его родоначальниковъ, отцовъ и дѣдовъ его, и какъ твердо побѣждаетъ онъ ихъ въ себѣ. Страшныя испытанія, какимъ подвергаетъ его Варвара Павловна, по возвращеніи въ Россію, никогда не застаютъ его врасплохъ, а находятъ его также насторожѣ противъ грубыхъ инстинктовъ и увлеченія: онъ страстно бережетъ человѣческое, гуманное чувство свое, добытое съ такимъ трудомъ, даже передъ коварствомъ и низостью. Плебейская кровь, которая отчасти течетъ въ его жилахъ, помогаетъ его усиліямъ, но не создала ихъ, какъ намекаетъ авторъ, не вполне основательно, по нашему мнѣнію: плебейская кровь также нуждается въ обузданіи ея духовнымъ началомъ, можетъ-быть даже болѣе, чѣмъ кака-либо другая. Энергическое управленіе своимъ внутреннимъ міромъ—вотъ гдѣ единственная доблесть Лаврецкаго, не имѣющаго иной доблести. Этимъ онъ отличается отъ всѣхъ литера-

турныхъ типовъ 20-хъ и 30-хъ годовъ нашего столѣтїа, отъ Чацкихъ, Онѣгиныхъ и Печориныхъ. Чацкій, Онѣгинъ, Печоринъ, свободно презирають всю окружающую ихъ современность, совсѣмъ и не подозрѣвая, что презрѣніе надо бы начать съ самихъ себя, и что они составляютъ первое звено той самой современности, которую такъ охотно осмѣиваютъ. Они выдѣляютъ себя изъ толпы безъ малѣйшаго права на то или по праву въ родѣ «вольности дворянской», и ни разу не пришлось имъ подумать, что измѣненіе порядка вещей, который тяготитъ ихъ, должно не предшествовать измѣненію ихъ собственной жизни, а слѣдовать за нимъ. Лаврецкій менѣе заносчивъ и развязенъ, но онъ серьезнѣе ихъ. Не нужно прибавлять, кажется, что мы отдаемъ ему преимущество только за обиліе содержанія, произведенное самимъ ходомъ жизни и времени, а не за выразительность и яркость образа, чѣмъ первые, конечно, далеко превосходятъ его.

Всѣ замѣчанія эти еще въ большей степени прилагаются къ Лизаветѣ Михайловнѣ. Мы сейчасъ говорили о ея врожденномъ нравственномъ чувствѣ, которое есть тоже произведеніе естественнаго хода времени и развитія самой жизни. Лиза постоянно отстываетъ передъ событіями и требованіями дѣйствительнаго міра, ея окружающаго, это правда; но также правда и то, что безъ особенной внутренней энергии она никогда не могла бы защититъ себя такъ полно отъ его условій, притязаній и понятій! Съ своимъ врожденнымъ даромъ пониманія или, лучше, предчувствія высшаго порядка вещей, она проходитъ между людьми удивительно строго и твердо, между тѣмъ какъ внѣшнее ея существованіе колеблется, безъ малѣйшаго сопротивленія, дуновеніемъ всѣхъ случайностей жизни. Сила ея только въ ея мысли. Но характеръ Лизы, какъ типа современной образованной дѣвушки, лучше всего объясняется сравненіемъ его съ другимъ типомъ того же рода, первымъ по времени и по достоинству, именно съ Татьяной Пушкина.

Между Татьяной Пушкина и вторымъ типомъ русской провинціальной барышни, достойнымъ этого названія, Лизой г. Тургенева, лежитъ промежутокъ тридцати годовъ, но онъ еще ничего не значитъ въ сравненіи съ бездной, которая раздѣляетъ ихъ въ нравственномъ смыслѣ. Можно ли было въ тридцатыхъ годахъ нашихъ вообразить себя русскую дѣвушку съ тѣми чертами и свойствами, какія замѣчаемъ нынѣ у героини новаго романа г. Тургенева? Необычайно данное

путешествіе свершилъ этотъ образъ съ того времени, какъ впервые показался въ литературѣ нашей. Для того, чтобы Татьяна Пушкина могла превратиться въ знакомую намъ Лизу, ей нужно было убѣдиться въ бѣдности и тщетѣ всего, что прежде такъ тѣмло, волновало и занимало ее. Прежняя Татьяна занята исключительно исторіей своей любви и ни о чемъ другомъ, кромѣ орудія и проводника этой любви, Онѣгина, понятія не имѣетъ, да еще и объ немъ понятія ея весьма ограничены и скудны. За то она исполнена женственности, граціи и страсти, которыя заступаютъ ей мѣсто всѣхъ правилъ и обяза мыслей. Еще и до сихъ поръ, по остатку стараго романтизма, любовь понимается многими какъ идея, исключаящая всѣ другія идеи, и съ появленіемъ которой человѣкъ освобождается отъ всѣхъ обязанностей, житейскихъ и нравственныхъ. Влюбленная женщина, по одному тому, что она влюбленная женщина, представляется и теперь существомъ, исполнившимъ на землѣ все, что слѣдовало ему исполнить, изъятымъ отъ суда и мелкихъ ожиданій своихъ собратій по крови и отечеству. Что же было въ тридцатыхъ годахъ? Любовь, какъ священная отиѣтка, положенная на избранника или избранницу чьею-то невидимою рукой, тотчасъ же выводила ихъ изъ толпы, каковы бы впрочемъ ни были ихъ душевныя качества и умственное настроеніе, и вѣчно-свѣжая поэзія Пушкина воплощала это понятіе общества въ живомъ типѣ, который останется перломъ его творческой дѣятельности. Блестящая, ослѣпительная красота этого типа не можетъ, однакоже, помѣшать намъ всмотрѣться пристально во всѣ черты его. Татьяна подъ конецъ обнаруживаетъ еще и способность къ сдѣлкамъ съ своею совѣстію, какія обыкновенно зараждаются въ обществѣ, еще не имѣющемъ твердыхъ основаній, когда нужно обойти препятствіе или установленіе, слишкомъ строго повелѣвающее. Тогда является тайный кодексъ самовольныхъ правилъ и исключеній, который и дѣйствуетъ рядомъ съ нравственными законами, въ ущербъ имъ и оскорбляя ихъ однимъ своимъ присутствіемъ. Татьяна за-мужемъ за генераломъ, къ которому ласковъ, дворъ и которому она остается, безъ любви, вѣрна на вѣкъ. Это уже способно возбудить подозрѣніе, но она еще любитъ втайнѣ Онѣгина и находится замужемъ—вотъ что положительно дурно, если не съ точки зрѣнія тѣхъ годовъ, когда творилъ поэтъ, то съ точки зрѣнія нашей современности, когда многое уразумѣлось проще и правильнѣе. Вѣдь Татьяна

обманываетъ тутъ не только свою совѣсть, но и *въру* другаго человѣка, хотя все чисто и безукоризненно въ ней по наружности. Далеко не такъ полно и ослѣпительно, какъ Татьяна, выразила себя Лиза въ романѣ г. Тургенева (да и кому же у насъ подѣ силу мѣряться съ Пушкинымъ въ выраженіи!), но она сдѣлала огромное пріобрѣтеніе съ тѣхъ поръ, какъ показала впервые Татьяной. Лиза имѣетъ строгія нравственныя основанія; сдѣлки съ совѣстію ей противны; благоговѣніе къ свѣту и къ условнымъ приличіямъ замѣнилось неудержимымъ стремленіемъ направить все свое домашнее, обыденное существованіе въ смыслѣ одной религіозно-моральной идеи, врожденной ей или пріобрѣтенной ею. Это уже своего рода героизмъ, а понятіе о необходимости возводить до героизма благородныя побужденія и такъ-называемыя добродѣтели не существовало еще во времена Пушкина, да и теперь оно далеко не привычный и далеко не вполнѣ знакомый намъ гость.

Какъ бы то ни было, но покамѣсть Лизавета Михайловна и Лаврецкій покорно выжидаютъ приговора жизни и обстоятельство, не дѣлая ничего, чтобъ обратить его въ свою пользу, смягчить или избѣжать его. Это круглыя сироты извѣстнаго общественнаго быта, и выраженіе тихой, грустной поэзіи, свойственной людямъ, обреченнымъ на жертву съ самаго рожденія, принадлежитъ имъ по праву. Поэзія этого рода создала вокругъ нихъ ровный, свѣтозарный ореолъ, и отъ нихъ разошлась по всему роману. Въ ея кроткой, задумчивой атмосферѣ движется даже большая часть второстепенныхъ лицъ, какъ напримѣръ дворовый человѣкъ, старикъ Антонъ, дошедшій, путемъ привычки, до благоговѣнія къ удручавшей его власти, приживалка въ комнатѣ Марѣи Тимофеевны, музыкантъ Леммъ съ его постоянною благодарностію и вспышками вдохновенія (лицо, впрочемъ, сильно отзывающееся воспоминаніями стараго романтизма) и проч. Всего болѣе присутствуетъ она въ описаніяхъ, и кто ѣхалъ вмѣстѣ съ Лаврецкимъ въ деревню, послѣ его долгой заграничной жизни, кто жилъ съ нимъ въ глуши его помѣстья передъ степями, получившими для него внятную и знаменательную рѣчь, ходилъ съ нимъ по опустѣлому, тяжелому дому умершей тетки, смотрѣлъ свободно и смѣло разросшійся садъ помѣстья, при тишинѣ едва движущейся и какъ бы замершей жизни, кто наконецъ провожалъ съ нимъ верхомъ Лизу, посѣтившую его уединенное жилище, и возвращался съ нимъ опять домой, при лунной ночи, пере-

живая въ себѣ сладкое чувство новой привязанности, имъ овладѣвшее, тотъ уже не позабудетъ этихъ впечатлѣній. Томительно и отрадно ложатся они на сердце читателя, наполняя его въ одно и то же время грустью и наслажденіемъ. Есть мгновеніе въ романѣ, когда поэзія, окружающая образы Лизы и Лаврецкаго, достигаетъ своего апогея. Неожиданно разнесшійся слухъ о смерти жены Лаврецкаго открываетъ вдругъ и впервые нашей четѣ надежду на счастье. Съ обычною боязнію, съ непобѣдимымъ сомнѣніемъ въ возможности его, съ тайными упреками совѣсти, поминутно возстающими въ душѣ ея отъ каждаго самаго незначительнаго обстоятельства, начинается Лиза привыкать къ этой мысли. Она еще вся поглощена борьбой между надеждой и опасеніями, не понимаетъ сама, что съ ней дѣлается, когда разъ застаетъ ее чудная лѣтняя ночь, Лаврецкій, прокравшійся въ садъ, неожиданное свиданіе съ нимъ и первый, единственный поцѣлуй любви, сорванный съ ея устъ въ тишинѣ ночи, который отдается въ другомъ мѣстѣ города, у бѣднаго Демма, вѣроятно предчувствовавшаго свиданіе, юною и вдохновенною сонатой. Надо читать это описаніе въ романѣ, чтобъ испытать его обаятельное и потрясающее дѣйствіе; но поцѣлуй, какъ и всѣ надежды четы, длится одно мгновеніе. Онъ какъ будто вызвалъ изъ гроба львицу Варвару Павловну, потому что вслѣдъ за тѣмъ она является въ маленькій городской домикъ Лаврецкаго и умоляетъ его о пощадѣ и прощеніи, въ которыхъ, видимо, нисколько не нуждается. Тогда всѣ расчеты съ жизнію кончаются для Лизы, она рѣшительно прерываетъ связь съ людьми, обществомъ, и убѣгаетъ въ монастырь, Лаврецкій тоже пропадаетъ, Богъ вѣсть куда, на долгое время. Чистая поэзія самоотреченія, омывавшая ихъ съ самаго появленія на сцену до того, что лишила воли, простора и движенія, теперь окончательно слилась въ безмятежную рѣку надъ ихъ головами. Мудрено ли, что новѣйшіе искатели идеаловъ рукоплещутъ этому покорному отреченію отъ радостей жизни и желали бы сдѣлать его даже закономъ для всѣхъ людей? Мы цамъ, которые просто лучше хотимъ присоединиться къ тѣмъ чувствительнымъ сердоплакивающимъ внѣшнюю судьбу и участь четы, хотя слезы наши будутъ пролиты столько же надъ несчастіями Лизы и Лаврецкаго, сколько и надъ тѣмъ обстоятельствомъ, что только такою поэзіей и возможно было автору осязгить ихъ симпатическіе образы.

Весьма замѣчательно, что и самъ авторъ, кажется, раздѣляетъ

это сожалѣніе. Онъ относится къ главнымъ лицамъ своей повѣсти, по нашему мнѣнію, такъ свободно, какъ только возможно писателю относиться къ своему собственному произведенію. Конечно, онъ сочувствуетъ страданіямъ своихъ героевъ, болѣетъ вмѣстѣ съ ними всѣми ихъ болѣзнями, но при этомъ онъ не увлеченъ ими и постоянно сберегаетъ для себя право суда надъ ними. Это двойное отношеніе къ героямъ выражается у него мимолетными, едва уловимыми чертами, но вы чувствуете, что подъ роскошными поэтическими описаніями его течетъ еще какой-то другой источникъ, который не даетъ имъ переродиться въ болѣзненные, идиллическія произрастенія распущенной фантазіи. Этотъ крѣпящій источникъ есть критическая способность автора, и она одинъ только разъ выступаетъ вполнѣ наружу, именно въ концѣ романа, когда Лаврецкій, съ лирическимъ воодушевленіемъ, благословляетъ молодое, свѣжее поколѣніе, поселившееся въ домѣ отсутствующей Лизы, на новую и лучшую жизнь. Для тѣхъ, которые умѣютъ понимать неписанное, источникъ этотъ слышенъ былъ гораздо ранѣе, чуть ли не съ самаго начала романа. Упреки, какіе можно сдѣлать главнымъ дѣйствующимъ лицамъ романа, уже всѣ сдѣланы авторомъ, прежде читателя, въ собственной своей совѣсти. Стоитъ только внимательнѣе посмѣтрѣть, чтобы открыть во множествѣ слѣды повѣряющей и обсуждающей мысли его. Иногда кажется даже, будто романъ написанъ съ цѣлюю подтвердить старое замѣчаніе, что великія жертвы, принимаемыя отдѣльными лицами ежедневно и по своему произволу, точно такъ же свидѣтельствуютъ о болѣзни общества, какъ и великія преступленія, слишкомъ часто повторяющіеся въ немъ. Могло ли это случиться, еслибъ авторъ не имѣлъ ничего въ виду, кромѣ простой передачи образовъ, представшихъ его воображенію? На фізіономіяхъ Лизы и Лаврецкаго также, повременамъ, играютъ лучи какой-то другой мысли, чѣмъ ихъ собственная. Какъ ни обаятельно изображена Лиза, какимъ вниманіемъ, участіемъ и любовью ни окружаетъ ее авторъ, но чрезвычайная осторожность въ созданіи этого характера уже показываетъ заботливость автора не проговориться, а видимыя усилія его держаться на одной съ нимъ высотѣ тоже родились не безъ причины. Отъ превосходнаго образа Лизы, даже и теперь, послѣ тщательной его обработки, все-таки отдѣляется мысль, что зародышъ настоящей поэзіи, питающей сердце, заключается въ свободномъ обмѣнѣ чувствъ, подобно тому

какъ условія общественнаго просвѣщенія заключаются въ общій мысли. Авторъ глубоко сочувствуетъ Лизѣ, но какъ будто боится ея стремленій. Само собою разумѣется, что въ отношеніи Лаврецкаго онъ могъ высказаться опредѣленно. Вотъ почему столько разъ проходитъ у него по всему разказу о нашемъ героѣ легкое выраженіе осужденія и состраданія, столько разъ наводится читатель, тихо и не замѣтно, на строгій тонъ и приговоръ. При самомъ искреннемъ участіи къ лицу, въ умѣ читателя возникаютъ безпрестанно вопросы, и это именно потому, что самъ авторъ приступалъ къ изображенію лица съ такими же точно вопросами въ душѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и оберегаетъ своего Лаврецкаго; его видимо томить опасеніе, чтобы кто-нибудь не поднялъ голоса и не сказалъ: «довольно уже надумались мы о прошломъ, и говорили всѣ свои жалобы, и оплакали его тлетворное дѣйствіе на себя и другихъ: ипора или умирать вмѣстѣ съ нимъ, или оттолкнуть его отъ себя, какъ нѣкогда Кіевляне отталкивали, на середину Днѣпра, въ быстрину рѣки, стараго бога своего, столько вѣковъ тупо и грозно стоявшаго передъ ними.» Онъ торопится предупредить замѣчаніе, ослабить его дѣйствіе всѣми возможными поясненіями, и заботливость, съ которою придумываетъ онъ извиненія для Лаврецкаго, впадая даже въ преувеличеніе (вспомнимъ похвальбу Лаврецкаго собой и своимъ поколѣніемъ, въ концѣ романа), свидѣтельствуетъ несомнѣнно, что возраженіями нельзя удивить его, и что они заранѣе чувствуемы были имъ въ глубинѣ собственной его мысли. Это двойственное отношеніе къ лицамъ, къ которому, впрочемъ, авторъ приведенъ былъ неизбежно свойствомъ выводимыхъ характеровъ и сущностью самаго повѣствованія, отразилось въ заглавіи романа. *Дворянское Гнѣздо* звучитъ, кажется намъ, весьма иронически и заставляетъ ожидать если не сатиры, то, по крайней мѣрѣ, горькой драмы, взятой изъ нѣдръ извѣстнаго общественнаго круга, а между тѣмъ романъ, носящій такое зловѣщее названіе, весь исполненъ снисхожденія, нѣжной поэзіи и тихой жалобы. Въ *простыя* эпохи творчества, этого бы не могло никогда случиться, но не въ такой эпохѣ живетъ авторъ нашъ, и особенно, не изъ простаго и яснаго настроенія, какъ было у предшественниковъ нашихъ, вышли люди, подпавшіе теперь художнической кисти его.

Остается еще третье важное лицо романа, и притомъ един-

ственное, живущее всею полнотою жизни, смѣло идущее ко всемъ цѣлямъ своимъ, свободно и мастерски управляющее событиями, именно «львица» Варвара Павловна. Мы уже говорили о ней, но не можемъ удержаться еще отъ нѣсколькихъ словъ. Торжествующій образъ Варвары Павловны нарисованъ такъ ярко у автора, что почти выходитъ изъ рамы повѣствованія и противорѣчить общему его колориту, выдержанному въ томномъ и нѣжномъ полу-свѣтѣ. Существо, болѣе безобразное въ нравственномъ отношеніи и болѣе искушающее и раздражающее въ физическомъ смыслѣ—трудно и представить себѣ. Это порожденіе особеннаго рода сборной, такъ-сказать, цивилизаціи, которая, по частямъ, наплываетъ съ разныхъ сторонъ на челоѣка, ни сколько не заботясь о томъ, гдѣ она ляжетъ, на чемъ ляжетъ и какъ ляжетъ. Она только равно удаляетъ челоѣка отъ народныхъ убѣжденій и отъ народныхъ предрассудковъ, отъ духовныхъ стремленій времени, и отъ его заблужденій, отъ хорошихъ и дурныхъ сторонъ общаго отечества, замѣщая все это понятіемъ о служеніи самому себѣ или даже потребностямъ своего организма, какъ у нашей львицы, подъ тѣмъ покровомъ щегольства и приличія, какія только нужны не для обузданія чужихъ страстей, а для лучшаго ихъ возбужденія, прикрытія и направленія. Эта цивилизація намъ хорошо извѣстна: мы почасту различаемъ ея признаки у себя дома, преимущественно въ такъ-называемыхъ избранныхъ кругахъ общества, и можно полагать, что есть не малое количество читательницъ, публично негодующихъ на львицу Варвару Павловну, и втайнѣ, можетъ-быть, бессознательно завидующихъ ея уму и способности наслаждаться жизнію, опрокидывая всѣ препятствія на пути своемъ. Одно лицемѣріе еще связываетъ львицу Варвару Павловну съ гражданскимъ обществомъ; не будь лицемѣрія, она была бы такъ гола, такъ отвратительно свободна, какъ Отаитянка или жительница Сандвичевыхъ острововъ. Чему ей покоряться? Во всемъ мірѣ не существуетъ для нея какого-либо обязательнаго правила, такъ какъ внутри ея не существуетъ и признака какого-либо противорѣчія—все ясно и просто для нея, все побѣждено и покорено ею. Оттого силы для борьбы съ людьми въ пользу своихъ интересовъ, нерастраченныя на воспитаніе себя, у нея всегда на-лицо и дѣйствуютъ неотразимо, открыто и побѣдоносно. Моралистъ и этнографъ одинаково задумаются надъ этимъ образомъ, который такъ полно представленъ г. Тургеневымъ. Но для львицы, по-

добныхъ Варварѣ Павловнѣ, недостаточно родной почвы и отечества, гдѣ, по условіямъ жизни и образованія, сцена дѣйствія еще узка и должна довольствоваться партеромъ изъ небольшого числа знатоковъ и цѣнителей этого рода талантовъ. Вотъ почему «львицы» наши охотно бѣгутъ за границу, гдѣ арена для подвиговъ ихъ значительно расширяется, и гдѣ въ самыхъ разнородныхъ кругахъ могутъ они найти полное пониманіе и полное признаніе всѣхъ своихъ доблестей. Столицы Европы наполнены этими героинями, увидѣвшими свѣтъ на родныхъ нашихъ берегахъ Клязьмы, Суры, Камы, иногда и далѣе, иногда въ бѣдномъ и нуждающемся семействѣ. Однакожь и столицы Европы не въ силу, подѣ часъ, отказать имъ въ удивленіи. Оно и понятно. Явленіе туземныхъ львицъ, европейскихъ Варварѣ Павловнѣ возникаетъ отъ заблужденія страстей, отъ извращенія мысли, отъ дѣйствія различныхъ ученій, обуревающихъ общество, наконецъ просто отъ жажды шума и извѣстности. Онѣ имѣютъ если не оправданіе, то, по крайней мѣрѣ, своего рода опредѣленіе. Ничего подобнаго нѣтъ въ настоящей, родной нашей Варварѣ Павловнѣ. Она можетъ похвастать, что никогда не поддавалась «гибельнымъ впечатлѣніямъ» отъ чего бы то ни было, что ни вредное чтеніе, ни опасное размышленіе не участвовали въ образованіи ея вкусовъ, что она такъ же мало обязана своимъ величіемъ увлеченію страсти, какъ и превратному понятію о независимости. Какъ же тутъ не удивиться? Варвара Павловна сама создала себя. Она есть точно такое же самородное, оригинальное явленіе русской жизни, какъ и антиподъ ея, благородная Лизавета Михайловна: ими выражаются два противоположные полюса одного и того же общественнаго развитія.

Ничто такъ не утверждаетъ въ этомъ убѣжденіи, какъ одно обстоятельство, равно приложимое къ обоимъ лицамъ: Варвара Павловна тоже не имѣла никакой подпоры внѣ себя для своего бѣдно-рожденнаго, хилаго нравственнаго чувства, какъ другая для строгаго своего идеала. Есть на свѣтѣ множество характеровъ, которые нуждаются болѣе чѣмъ въ общихъ правилахъ, составляющихъ достояніе всего человѣчества, для того, чтобы сберечь свое достоинство и укрѣпить въ себѣ нетвердыя понятія о чести. Имъ нужны еще частныя правила разумнаго существованія, требованія, узаконенныя обычаемъ, примѣры, вошедшіе въ силу закона, словомъ весь тотъ неписанный уставъ общежитія, какой обыкновенно вырабаты-

вается самими народами въ своихъ нѣдрахъ, служить имъ лучшею характеристикой и составляетъ, можетъ-быть, высшее ихъ произведеніе: въ немъ различныя національности сознаютъ себя какъ нравственные лица. Подобные кодексы есть у Англичанъ, Нѣмцевъ, Французовъ, но особенно у первыхъ; благодаря этимъ кодексамъ, всѣ личности, кромѣ гражданской и религіозной связи, связываются еще воедино и общимъ представленіемъ житейской морали, составляя, такимъ образомъ, великое духовное братство. Никто не можетъ нарушить его, подъ опасеніемъ сильнаго нареканія, и каждый членъ безсознательно стремится возвратиться къ нему всякаго ослушника. На эти готовые указанія долга и порядка именно и опираются люди, имѣвшіе несчастіе родиться безъ внутренней потребности къ воспитанію себя, и дѣйствительно, при бѣдности натуры, тутъ заключается единственное спасеніе для человѣка. Ничего подобнаго у насъ нѣтъ. Каждый человѣкъ у насъ есть единственный руководитель, оцѣнщикъ и судья своихъ поступковъ. Мы не можемъ согласиться другъ съ другомъ ни въ одномъ, самомъ простомъ и самомъ очевидномъ нравственномъ правилѣ, мы разнимся во взглядахъ на первоначальныя понятія на азбуку, такъ-сказать, ученія о человѣкѣ. Представленія о дозволенномъ и недозволенномъ, въ различныхъ кругахъ нашего общества, до такой степени разнородны и противорѣчивы, что поступокъ, выставяемый на позоръ одною стороною, даетъ поводъ наивно похвастаться имъ другою стороною. Все это называется свободой жизни. Многие даже смотрятъ на самое явленіе какъ на весьма выгодное для общественнаго положенія, не связаннаго никакими путами, никакими узкими и тиранническими опредѣленіями обычая, и потому способнаго широко развиваться во всѣ стороны. Не знаемъ, такъ ли это, но, по крайней мѣрѣ, умноженіе лицъ, подобныхъ Варварѣ Павловнѣ, въ послѣднее время, и наглые примѣры откровеннаго заявленія своего безумія, безпрестанно встрѣчающіеся, несомнѣнно свидѣтельствуютъ, кажется, что намъ покаместъ еще нечего гордиться этою свободой.

Какъ ни длинна статья наша, но рѣшаемся сдѣлать еще одно, послѣднее замѣчаніе.

Говорятъ, что мы *молодой народъ*, и это правда, если принять въ соображеніе недостаточное развитіе многихъ сторонъ общественнаго быта; но если судить по свойству нашихъ пороковъ и даже добродѣтелей, то мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, и очень старый народъ. Возьмите, напримѣръ, жизнь того класса

который выведенъ передъ нами въ *Дворянскомъ Гнѣздѣ*. Развѣ порокъ не пріобрѣлъ тутъ изящества, тонины и замысловатости, совершенно чуждыхъ народамъ, дѣйствительно юнымъ? Но оставимъ отрицательную сторону и посмотримся только внимательно къ лучшей, положительной сторонѣ нашего быта. Спрашивается: какое общество, только что начинающее свое поприще, только что вышедшее изъ дѣтства, способно чувствовать и переживать то горе, которымъ страдаютъ герои *Дворянскаго Гнѣзда*? Мы сомнѣваемся даже, чтобъ оно могло просто слѣдить за хитрою сѣтью разнородныхъ нравственныхъ требованій, которою опутаны мысль и воля честнѣйшихъ и лучшихъ людей, выведенныхъ передъ нами авторомъ. Нужно было обществу многое пережить на свѣтѣ, прежде чѣмъ успѣла образоваться въ немъ эта неугомная повѣрка своихъ стремленій, это тяжелое созиданіе идеаловъ жизни на развалинахъ другихъ идеаловъ, данныхъ исторіей, это духовное скитанье, смѣемъ выразиться, изъ одного нравственнаго представленія въ другое, которое обнаруживается отчасти въ Лизѣ и уже такъ развилось въ Лаврецкомъ. Конечно, позволено будетъ сказать, что кругъ, гдѣ они родились, старъ, если не годами, то раннею, преждевременною опытностью: даже доблести его и самый героизмъ далеко не юношескіе, а скорѣе такого круга, который находится въ порѣ зрѣлости, уже граничащей съ утомленіемъ. Добродѣтели молодости всегда и проще, и менѣе подготавливаются, и обнаруживаются свободнѣе. Исторія воспитанія Лаврецкаго, разказанная авторомъ, поясняетъ намъ, отчего на молодыхъ физіономіяхъ могутъ показываться черты и признаки старчества. Если это такъ, то впервыхъ ироническое названіе «Дворянскаго Гнѣзда», данное кругу, изъ котораго вышелъ Лаврецкій, само собою оправдывается, а вовторыхъ необходимость обновленія, упрощенія и освѣженія этого круга становится очевидна. Пророчествомъ близкаго обновленія кончается и самый романъ г. Тургенева: послѣднее слово его есть воззваніе къ молодому поколѣнію, являющемуся на смѣну старому съ новою жизнью и новыми понятіями. Такъ и должно было кончить все это повѣствованіе: иначе оно вышло бы апотеозой немощи и страданія, подтвержденіемъ того анти-общественнаго правила, по которому нравственное достоинство никогда не должно имѣть въ жизни гордаго и смѣлаго шага, а всегда или падать или влачиться за другими, какъ калѣка.

Да и не одному кругу Лизы, Лаврецкаго, Варвары Павловны не-

обходимо, кажется, обновленіе, а всё́мъ классамъ общества, безъ исключенія котораго-либо изъ нихъ, и если мысль эта имѣетъ какую-либо долю истины, то писателямъ нашимъ предстоитъ важная роль въ обществѣ, потому что всякое дѣло нравственнаго свойства всегда было предчувствуемо ими ранѣе чѣмъ другими и въ минуту своего свершенія всегда находило ихъ за себя и въ переднихъ рядахъ. Невольно припоминается это теперь, когда встрѣчаются изъ писателей софисты, испытывающіе странное наслажденіе публично бичевать себя взывая съ сокрушеннымъ сердцемъ: «мы ничего не сдѣлали, мы ни на что не способны, и благодать приходитъ къ намъ отъ тѣхъ, кто мало мыслить, ничему не учится и плохо видитъ!» Особенно въ отношеніи къ нашему автору требованія и ожиданія публики могутъ и должны быть чрезвычайно строги и взыскательны.

Г. Тургеневъ уступаетъ другимъ современнымъ нашимъ повѣствователямъ, пользующимся извѣстностію, въ нѣкоторыхъ качествахъ, а особенно въ качествѣ непосредственнаго, невольнаго творчества, овладѣвающаго предметами описанія сразу, по инстинкту и, такъ сказать, по естественной потребности своей. Онъ долженъ думать и много думать, прежде чѣмъ обнаружится въ немъ какая-либо сторона создающей силы: такъ, по крайней мѣрѣ, намъ кажется изъ тщательнаго изученія его произведеній. Но въ замѣнъ, ни у одного изъ нашихъ повѣствователей нѣтъ такого чутья къ тончайшимъ поэтическимъ оттѣнкамъ жизни, такого остраго психическаго анализа и такого пониманія невидимыхъ струй и теченій общественной мысли, которыя пересѣкаютъ въ разныхъ направленіяхъ современный бытъ нашъ. Вотъ почему отъ него всегда можно ожидать именно того слова, которое на очереди, или которымъ занято большинство умовъ. Преимущество это, кромѣ таланта, условливается и обширностію горизонта, какимъ пользуется его мысль: оно отличаетъ даже многіе изъ прежнихъ его разказовъ, стоящіе, по исполненію, ниже задачъ, набросанныхъ имъ для разрѣшенія. При такихъ качествахъ невозможно писателю смотрѣть на предметы постоянно съ одной точки зрѣнія или не видѣть, какъ приближается время ихъ измѣненія, и какъ возстаетъ за ними рядъ новыхъ явленій, имѣющихъ право требовать, чтобы поэтъ-этнографъ обратился къ нимъ лицомъ. До сихъ поръ г. Тургеневъ былъ избранный и непревосходимый летописецъ *безвыходныхъ положеній*. Какъ ни удобны, для развязки потрясающей драмы, такъ-называемыя, «безвыходныя

положенія» вообще, но и для нихъ наступила пора преобразованія. Можно требовать теперь, по крайней мѣрѣ, чтобы «безвыходныя положенія» раждались изъ естественнаго теченія и развитія обстоятельствъ, изъ свободной воли самихъ лицъ, выбравшихъ себѣ дорогу посреди множества дорогъ, а не походили на стѣну, поставленную какою-то невидимою рукой поперекъ пути, на которую неизбежно натапливаются всѣ проезжающіе и проходящіе, и подъ тѣнью которой умираютъ, не зная что имъ дѣлать. Настроеніе, родившее всѣ прежніе романы г. Тургенева, исчерпано послѣднимъ, *Дворянскимъ Гнѣздомъ*, кажется намъ, до капли. *Дворянскимъ Гнѣздомъ* авторъ завершилъ всѣ старыя свои представленія, всѣ образы, тревожившіе душу его въ теченіи многихъ лѣтъ: онъ возвелъ ихъ наконецъ до полного выраженія и тѣмъ самымъ простился съ ними навсегда. Таково обычное дѣйствіе мастерскихъ произведеній на самого писателя. Мастерскимъ своимъ произведеніемъ авторъ окончательно снимаетъ съ себя многолѣтнюю работу и отгоняетъ прочь цѣпь мыслей и образовъ, деспотически владѣвшихъ его фантазією до минуты ихъ всесторонняго осуществленія. Мастерское произведеніе есть желанный конецъ творческаго пути, съ которымъ забываются волненія и страданія дороги, вмѣстѣ со всѣми ея явленіями: память о нихъ есть уже достояніе исторіи и записокъ. Послѣ него, какъ послѣ мистическаго возрожденія, жизнь должна начинаться снова, и счастливъ тотъ художникъ, который, такимъ образомъ, можетъ становиться нѣсколько разъ духовно-юнымъ, чувствовать себя нѣсколько разъ безъ прошлаго и не замѣчать въ фантазіи своей ни малѣйшаго признака закоренѣлой привычки или застарѣлыхъ вкусовъ и наклонностей. Этого именно имѣемъ мы право и поводъ ожидать отъ г. Тургенева.

П. Анненковъ.

ПИСЬМА

О КРЕСТЬЯНАХЪ И ЗЕМЛЕДѢЛІИ

ВО ФРАНЦІИ¹

III. ВАНДЕЯ.—МЕНА И ЛУАРА.—МАЙЕННА.—САРТА.

II.

Значительная часть департамента Мены-и-Луары, составляющая округъ Шоле, на лѣвомъ берегу Луары, обозначается у насъ названіемъ Вандеи, по причинѣ важной роли, которую этотъ округъ игралъ во всѣхъ возмущеніяхъ роялистовъ. Онъ составляетъ часть *Бокажа*, носить на себѣ всѣ отличительные признаки его и, подобно ему, принималъ участіе въ героической и несчастной попыткѣ герцогини Беррійской въ 1832 году. Это послѣднее вандейское возмущеніе имѣло неисчислимыя слѣдствія для будущности всей страны. Оно побудило правительство Людовика-Филиппа провести по всей Вандеѣ множество стратегическихъ дорогъ для безопаснаго прохода войскъ и для распространенія воздуха и свѣта, съ тою цѣлю, чтобъ освободить отсталый народъ отъ вліянія дворянъ и духовенства, и чтобы поставить его въ уровень съ прочими жителями Франціи. Обнаружилось упорное сопротивленіе противъ мѣры, долженствовавшей имѣть слѣдствіемъ своимъ радикальное преобразование матеріальнаго и нравственнаго состоянія страны, и дворяне, предпочитая свои политическія убѣжденія огром-

(1) См. *Русскій Вѣстникъ*, № 15.

нымъ выгодамъ, которыя имъ представлялись, всѣми силами препятствовали, гдѣ только могли, устройству дорогъ. Впрочемъ дѣло приведено было къ концу и обогатило землевладѣльцевъ. Повсюду принялись за расчистку полей съ дрекомъ, которыя преобразились въ необыкновенно - плодоносныя нивы, съ тѣхъ поръ, какъ настала возможность вывозить хлѣбъ и отправлять его на рынокъ. Великолѣпныя стада рогатаго скота появились въ лугахъ, занимающихъ низменные полосы этой неровной страны. Плата за провозъ упала на половину; во многихъ мѣстахъ оказалась возможность замѣнить рабочихъ быковъ лошадьми, а привозная и отпускная торговля на фермахъ приняла обширные размѣры. Лѣтъ въ тридцать времени, цѣнность земель учетверилась, доходъ также учетверился; фермы, отдававшіяся за 100, отдаются теперь за 400, а между тѣмъ ни цѣнность земли, ни доходъ, не достигли еще своего *maximum*. Таковъ результатъ полной эманципаціи крестьянъ! Причиною его была революція, противъ которой они столько боролись, и которая доставила неисчислимыя выгоды и имъ и дворянамъ, владѣльцамъ почвы.

Не подумайте, чтобы такое огромное и быстрое возвышеніе цѣнности и доходовъ поземельной собственности могло привести меня въ восторгъ, еслибы великое экономическое преобразование не доставило и крестьянамъ столько же выгодъ, сколько землевладѣльцамъ, а можетъ-быть и болѣе. Долгое время спустя, послѣдніе замѣтили приращеніе своей собственности. Старые владѣльцы, сколько по духу рутины, столько и по чувству челоуколюбія относительно своихъ фермеровъ, отказывались возвышать наемную плату за свои земли. Нѣкоторыя фермы отданы были на такіе долгіе сроки, что до истеченія ихъ наемщики могли извлечь столько чистой прибыли, что въ состояніи были пріобрѣсти покупкою небольшіе хутора и въ свою очередь сдѣлаться землевладѣльцами. Они-то и испортили свое дѣло, открывъ глаза собственникамъ на требованія, которыя возможно предъявлять на будущее время. Изучивъ въ совершенствѣ свойство почвы и средства туземной промышленности, эти мелкіе собственники-новички оставались на фермахъ, которыя они прежде воздѣлывали, и которыя составляли источникъ ихъ обогащенія, а свои новыя пріобрѣтенія отдали въ наемъ по неслышаннымъ цѣнамъ.

Духъ страны тоже совершенно измѣнился. Со времени іюльской революціи, дворянство, занимавшее прежде всѣ

должностнымъ мѣста, стало избѣгать государственной службы. Многіе изъ среды его рѣшились жить въ своихъ имѣніяхъ и, истрачивая свои доходы на мѣстѣ, распространили вокругъ себя довольство. Другіе сдѣлались агрономами, основали земледѣльческія собранія, изучили усовершенствованныя методы земледѣлія и приложили ихъ къ дѣлу въ своихъ владѣніяхъ, купили новыхъ машинъ, животныхъ заграничной расы, дорогихъ жеребцовъ, и, своимъ личнымъ значеніемъ, своими способностями, доказанными на дѣлѣ, и услугами, оказанными обществу, они благородно приобрѣли себѣ снова то вліяніе, котораго лишили ихъ политическія событія. Нѣкоторые же, для увеличенія доходовъ, что было имъ необходимо при потерѣ жалованья, сопряженной съ потерей выгодныхъ мѣстъ, которыя они занимали прежде, продали часть своихъ фермъ, пустились въ спекуляцію, въ промышленныя предпріятія, и заразились горячкою ажіотажа, волнующею Францію, въ продолженіи десяти лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ она не занята, ничѣмъ болѣе благороднымъ. Есть и такіе, которые разорились отъ этой азартной игры, и имущества ихъ поступили въ продажу. Все проданное скупилъ буржуазія, и черезъ посредство ея болѣе либеральное направленіе еще болѣе проникло въ эти отстающія области.

Въ странѣ этой господствуетъ хозяйство среднихъ размѣровъ. Раздробленіе почвы не произвело еще въ ней своихъ опустошеній; фермы продаются въ полномъ составѣ, поля не разбиваются на участки, какъ не рѣдко дѣлается въ остальной части департамента Мены-и-Луары. Поэтому крестьянинъ исключительно занимается сельскимъ хозяйствомъ. Все достояніе его заключается въ фермѣ, и капиталы его преимущественно помѣщаются въ торговлѣ скотомъ. Онъ покупаетъ его въ плохомъ видѣ, откармливаетъ и получаетъ отличные барыши. Женщины и дѣти имѣютъ гораздо менѣ занятій, гораздо менѣ работаютъ, чѣмъ въ странѣ мелкаго хозяйства, оттого школы постоянно посѣщаются дѣтьми обоого пола, и воспитаніе дѣлаетъ значительные успѣхи, хотя и находится совершенно въ рукахъ религіозныхъ братствъ. Вообще землевладѣлецъ живетъ съ фермеромъ своимъ въ самыхъ лучшихъ, можно сказать дружескихъ отношеніяхъ. Какъ только пронесется вѣсть о прибытіи *мсье* (*Monsieur notre maître*), какъ называютъ его всегда, всѣ являюся къ нему съ визитомъ и начинается неизбежный обмѣнъ поцѣлуевъ и объятій, которые были бы очень

пріятны, еслибъ однѣ женщины принимали въ нихъ участіе; но мужчины брѣются только по воскресеньямъ, такъ что въ теченіи недѣли бороды ихъ страшно жестки. Вы можете попросить у нихъ всякой услуги, не относящейся къ условіямъ найма, въ полной увѣренности, что отказа не будетъ: старыя привычки барщины перешли къ нимъ въ кровь, и они не задумаются потревожить себя и своихъ лошадей, чтобы сдѣлать переѣздъ, всегда довольно тяжелый, если принять въ соображеніе состояніе дорогъ, о которомъ я говорилъ въ предыдущемъ письмѣ. Особенно священникъ распоряжается ими какъ ему угодно: въ отношеніи къ нему они остались по прежнему оброчными и барщинными крестьянами. У него ведется реестръ, въ который онъ записываетъ каждаго, назначая съ одного 5, съ другаго 10, съ третьяго 20 франковъ ежегодно, и налогъ этотъ выплачивается безъ всякихъ отговорокъ. Если ему понадобится телѣга для какихъ-нибудь работъ около дома, или для перевозки дровъ и сѣстныхъ припасовъ, то въ воскресенье онъ возвѣщаетъ съ каедръ, что въ такой-то день такой-то фермеръ долженъ явиться къ нему на работу съ быкомъ и телѣгою. Все это незаконно и очень похоже на лихоимство, потому что священникъ получаетъ жалованье и не имѣетъ права требовать чего-либо отъ своихъ прихожанъ, кромѣ платы за молебны и обѣдни, которыя ему заказываютъ. Эти злоупотребленія всѣмъ извѣстны, и исправить ихъ было бы обязанностію меровъ, генеральныхъ совѣтниковъ и депутатовъ. Но у человѣка, занимающаго хорошее мѣсто, единственная великая забота сохранить это мѣсто. А священникъ управляетъ общественнымъ мнѣніемъ и распоряжается выборами, и если кто-нибудь приметъ сторону крестьянъ, то его ославятъ самымъ опаснымъ врагомъ ихъ и лиходѣемъ. Покорное стадо изгонитъ изъ овчарни сторожеваго пса и добровольно бросится къ пасть волка. *Experto crede Roberto.*

Вообще никто не проигралъ, а всѣ выиграли въ Вандеѣ, какъ и въ остальной Франціи, отъ новаго порядка, установленнаго революціей 1789 года. Священникъ изъ глубины своей исповѣдальни пользуется огромнымъ вліяніемъ: ни одинъ крестьянинъ безъ его совѣта не возьметъ фермы, ни одинъ безъ его разрѣшенія не женитъ своихъ дѣтей. Каждое воскресенье, алтарь Св. Дѣвы покрывается приношеніями усердныхъ богомольцевъ: священникъ пускаетъ эти приношенія въ продажу, и никто не спрашиваетъ у него отчета, на какое употребленіе идутъ

вырученныя деньги. Ни одинъ крестьянинъ не рѣшится умереть, не заказавъ ему значительнаго числа обѣдней за упокой своей души, и семейства умершихъ никогда не забываютъ справлять годину. Слѣдовательно священникъ всесилень, какъ и прежде: вся разница въ томъ, что онъ сдѣлался гораздо богаче. То же самое можно замѣтить и относительно дворянина. Въмѣсто того, чтобы деспотически раздавать приказанія, часто несправедливыя, онъ проситъ услуги, и всегда находятся люди, которые за счастье почитаютъ оказать ему эту услугу. Онъ не надѣяется болѣе людей ударами палки или хлыста, но получаетъ отъ нихъ вчетверо и впятеро болѣе денегъ, чѣмъ для него и пріятнѣе и полезнѣе. Чтò касается до крестьянина, то онъ возвратился въ великое семейство, онъ сталъ Французомъ, подобно прочимъ своимъ соотечественникамъ, онъ платитъ подати, оказываетъ повиновеніе рекрутскому уставу, и страна не знаетъ дезертеровъ, которые, лѣтъ за двадцать назадъ, составляли истинное отчаяніе жителей. Разбогатѣвъ, онъ выкупаетъ своихъ дѣтей, когда можетъ, и замѣняетъ ихъ охотниками.

Самая значительная мануфактурная промышленность страны заключается въ выдѣлываніи платковъ и салфетокъ, средоточіе котораго составляетъ Шоле. Такъ какъ за исключеніемъ Шоле, имѣющаго отъ 10 до 12 тысячъ жителей, въ этой части Франціи нѣтъ городовъ, то ткачи разсѣяны по мѣстечкамъ, (bourgs). Ткачествомъ занимаются отъ 75 до 80 тысячъ человекъ. Промышленность эта—цвѣтущая, или бѣдная, судя по тому, съ какой точки будете смотрѣть на нее: цвѣтущая она въ томъ смыслѣ, что обогащаетъ всѣхъ фабрикантовъ; бѣдная, потому что не доставляетъ средствъ къ существованію работникамъ, которые ею занимаются. Самые записные изъ нашихъ экономистовъ скажутъ вамъ, что она потому находится въ такомъ состояніи, что иначе быть не можетъ, и что все идетъ къ лучшему на свѣтѣ, гдѣ живетъ такъ привольно. Но я вижу въ этомъ одинъ изъ самыхъ важныхъ признаковъ неестественнаго направленія нашего экономическаго быта; какъ въ политикѣ, такъ и здѣсь, опека и централизація гнетутъ большинство въ пользу меньшинства: безвыходная нищета рабочихъ классовъ, рядомъ съ быстрымъ обогащеніемъ тѣхъ, кто заставляетъ ихъ работать и имѣетъ возможность недостаточно платить имъ за труды, составляетъ одну изъ главнѣйшихъ причинъ безпрерывныхъ революцій, терзающихъ Францію. Прощая во времена первой

имперіи, ткацкая промышленность сдѣлалась исключительнымъ занятіемъ во всѣхъ бургахъ Вандей и этой части Анжу. Нынѣ все переѣнилось; ткачь, несмотря на ожесточенную борьбу противъ конкуренціи машинъ, преданъ на жертву самой страшной нищеты. Лѣтомъ онъ нанимается временнымъ работникомъ на фермѣ, для уборки жатвы, но и этотъ ненадежный источникъ существованія изсякаетъ съ каждымъ днемъ. Ткача можно употреблять только на работы, требующія одной лишь физической силы, а эти работы все менѣе и менѣе производятся людьми, потому что по многимъ отраслямъ земледѣльческихъ работъ, и особенно для молотбы хлѣба, введены въ употребленіе машины, значительно ограничившія потребность въ работникахъ.

На всемъ пространствѣ этой полосы встрѣчаются два совершенно различные класса людей: классъ крестьянъ—сильное и энергическое племя земледѣльцевъ, и классъ жителей бурговъ—племя жалкое, чахлое, въ которомъ привычка къ нищеты сокрушила энергію, высушила сердце, убила физическія силы. Эти два племени не смѣшиваются между собою: если сынъ земледѣльца не найдетъ себѣ фермы, то онъ скорѣе сдѣлается священникомъ или пойдетъ въ монахи, а ни за что не согласится на переселеніе въ бургъ. Призваніе Вандейца—быть по преимуществу земледѣльцемъ и никогда не оставлять деревни. Вандейцы не увеличиваютъ собою числа бесполезныхъ людей въ городахъ, какъ то дѣлаютъ поселане въ прочей Франціи. Дочь фермера останется дѣвушкою, вступить въ монастырь или будетъ жить на фермѣ и нянчить дѣтей своего брата, но не пойдетъ замужъ за жителя бурга, что было бы для нея крайнимъ униженіемъ. И это потому, что онъ нищій по профессіи; если не самъ онъ, то жена его и дѣти непременно собираютъ милостыню. Жена ткача бросаетъ бесполезную прялку, надѣваетъ нищенскую суму и, шатаясь цѣлый день по фермамъ, собираетъ подать съ земледѣльца и приноситъ вечеромъ хлѣба дѣтямъ и мужу. Этотъ налогъ нищенства земледѣлецъ уплачиваетъ частію изъ страха, частію изъ жалости, и опять-таки земля, *alma nutrix*, кормитъ безсильную промышленность.

Итакъ нищенство — вотъ участь жены и воспитаніе дѣтей вандейскаго ткача. Но надо сказать правду, это нищенство, неизбежное, роковое, не развращаетъ, не покрываетъ позоромъ того, кто имъ занимается, какъ то бываетъ въ другихъ мѣ-

стахъ. Оно чередуется съ работою, и всѣ эти голодные нищіе съ радостью возвратятся къ работѣ, если только будутъ находить ее, и если она обезпечитъ ихъ существованіе.

Одинъ изъ недостатковъ ткацкой промышленности состоитъ въ томъ, что она не даетъ никакого занятія дѣтямъ. Дѣвочка занимается пряжею, но это занятіе сдѣлалось совершенно безплоднымъ съ тѣхъ поръ, какъ машины сокрушили своими желѣзными зубами всѣ прялки, нѣкогда болтавшіяся на боку у каждой крестьянки, какъ сабли у солдатъ. Мальчикъ шатается и собираетъ подаваніе, а когда подростетъ, то нанимается на лѣто у фермеровъ, гдѣ иногда, въ продолженіи четырехъ мѣсяцевъ, зарабатываетъ сколько-нибудь, чтобы пополнить недостатокъ двухъ соединенныхъ источниковъ существованія — нищенства и ткацкой промышленности, но и это бываетъ рѣдко.

Ткачъ несчастнѣе другихъ работниковъ: дѣломъ своимъ онъ можетъ заниматься только въ подвалѣ. Воздухъ верхнихъ этажей, даже ближайшаго къ землѣ, до такой степени измѣнчивъ, что весьма немногія произведенія могутъ выносить непрерывныя атмосферическія перемены. Въ подвалѣ воздухъ не возобновляется, и потому остается почти на одинаковой точкѣ температуры. Правда, что человекъ, и особенно дитя, худѣетъ тамъ и медленно гаснетъ, но что за дѣло до этого, лишь бы продуктъ его былъ проченъ, и торговецъ могъ пріобрѣсти значительныя выгоды. Итакъ станъ ткача расположенъ въ подвалѣ; подвалъ этотъ, мрачный, сырой, лишенный свѣта и воздуха, зимою наполняется большими лужами, и только въ половину освѣщенъ узкимъ рѣшетчатымъ окномъ, верхняя часть котораго едва выглядываетъ изъ-подъ земли. Тамъ-то рождаются бѣдныя дѣти, и тамъ же влачатъ всѣ дни своей жизни. Я видѣлъ молодую дѣвушку лѣтъ 16-ти или 18-ти, бѣдный увядающій цвѣтокъ; въ продолженіи шести дней въ недѣлю, она не видитъ другаго горизонта, кромѣ черныхъ и сырыхъ сводовъ своего подвала, не видитъ ни неба, ни людей, ни жизни, ни природы, иначе какъ сквозь грязныя стекла узкаго окна. Есть работы, которыя не требуютъ большой силы, и потому вознаграждаются менѣе; но за то выполнить ихъ можетъ женщина, и за ними-то чахнутъ женщины. Впрочемъ и эти работы составляютъ исключеніе, а вообще женщинамъ бываетъ трудно найти дѣло.

До сихъ поръ эти несчастные страдаютъ безъ гнѣва, безъ помысла о мести. Религія утѣшаетъ и поддерживаетъ ихъ, и въ нѣдрахъ ея они почерпаютъ какой-то фатализмъ, благо-

даря которому, общество можетъ еще нѣсколько времени спать спокойно. Я посѣтилъ одного изъ ткачей, на котораго мнѣ указали какъ на лучшаго работника въ околоткѣ. Онъ былъ молодъ, здоровъ, имѣлъ только двухъ дѣтей, и жена его не прибѣгала еще къ крайнему средству нищенства. Онъ обрадовался, что человѣкъ, принадлежащій къ буржуазіи, спустился къ нему въ подвалъ, началъ бесѣдовать съ нимъ, съ участіемъ спрашивалъ о борьбѣ его съ нищетою, объяснялъ ему причины ея, въ настоящее время почти неизбѣжныя, старался разсѣять его предубѣжденія, уничтожить въ немъ зарождавшуюся ненависть; онъ говорилъ мнѣ съ грустною улыбой:

«Конечно, на свѣтѣ должны быть бѣдняки, и богатъ не можетъ быть каждый; но очень грустно, что не всегда находятъ работу тотъ, кто хочетъ трудиться.»

Онъ мнѣ разказывалъ, что нѣсколько недѣль назадъ жена его заняла четыре су для сосѣдки, у которой дѣти кричали и *не хотѣли заснуть*, потому что просили хлѣба, а у матери хлѣба не было. Благодаря неожиданной помощи, въ этотъ вечеръ они заснули. А на завтра?.. И подумайте, что подобныя сцены повторяются ежедневно и угрожаютъ каждому! Видно, есть что-нибудь очень неестественное въ нашемъ законодательствѣ, касающемся промышленности! Видно, есть причины, искусственно задерживающія преобразование такого рода промысловъ соотвѣтственно съ современными экономическими обстоятельствами!

На всѣхъ свадьбахъ у вандейскихъ крестьянъ, я замѣтилъ благочестивый обычай, хотя онъ и сопровождается печальною обстановкой. Въ послѣдній день пиршества, когда веселье достигаетъ крайняго предѣла, самые записные весельчаки изъ среды многочисленныхъ гостей надѣваютъ шутовскіе костюмы, парики изъ нитокъ, изорванныя шляпы, рубища. Переодѣтые такимъ образомъ, они исполняютъ *пляску нищихъ*. Человѣкъ 60 или 80 нищихъ изъ бурга, женщинъ, дѣтей, стариковъ, съ блѣдными, изможденными лицами, съ сумою за плечами, съ утра присутствуютъ при этомъ необузданномъ весельи, въ которомъ никогда не въ состояніи будутъ принять участіе, и которое передъ глазами ихъ представляетъ осмѣяніе ихъ нищеты.

Но во время этой дикой пляски, сытный обѣдъ готовится имъ въ ригѣ; тотчасъ всѣхъ ихъ усаживаютъ за столы, уставлен-

ные множествомъ огромныхъ блюдъ, и они принимаются ѣсть и пить, а прислуживаютъ имъ сами новобрачные, ихъ отцы и матери, братья и сестры. Кушанья не изысканны и отличаются только количествомъ. Все это остатки съ блюдъ и тарелокъ; въ теченіи двухъ дней эти остатки были собираемы и наконецъ составили одно цѣлое въ широкомъ вмѣстительнѣ огромнаго ушата. Какъ бы то ни было, вся эта ужасающая смѣсь исчезаетъ въ одно мгновеніе, а хлѣбъ, который не помѣщается въ желудкахъ гостей, наполняетъ сумы, замѣчательныя своею вмѣстимостью. И здѣсь опять земледѣліе питаетъ промышленность, неблагодарную дочь, такъ дурно вознаграждающую свою великодушную кормилицу.

Остальная часть департамента Мены-и-Луары не имѣетъ никакого сходства съ округомъ Шоле; общій видъ страны, люди, нравы, обычаи, способъ воздѣлыванія земли, все совершенно иное. Наружный видъ страны веселъ, открытъ; земля, не исчезая подъ густымъ покрываломъ зелени, какъ въ *Бокажъ*, какъ будто улыбается небу, питается лучами солнца, и передъ нами опять появляются виноградники, которые даютъ бѣлое вино, достоинствомъ своимъ не уступающее лучшимъ винамъ Франціи. Я угощаю моихъ парижскихъ пріятелей *шампанскимъ*, которое доставляетъ мнѣ мой виноградникъ въ Анжу, и никто изъ нихъ не въ состояніи угостить меня лучшимъ шампанскимъ.

Благодаря богатству и разнообразію своей почвы, департаментъ Мены-и-Луары, (за исключеніемъ Шоле), земледѣльческой, мануфактурный и промышленный въ одно и то же время, составляетъ одну изъ самыхъ богатыхъ областей Франціи, хотя земледѣліе далеко еще не достигло своего настоящаго развитія. Изобиліе произведеній даетъ ему возможность пускаться въ торговлю предметами самые разнородные. Къ вывозу въ другіе департаменты винъ, водокъ, уксусу, зерноваго хлѣба всѣхъ родовъ, бобовъ, клевера, льна, откормленнаго скота и пр., доставляемыхъ сельско-хозяйственною промышленностію, присоединяются продукты минеральнаго богатства: желѣзо, каменный уголь, цокольный камень, мраморъ, гидравлическій цементъ, известь, кирпичъ, черепица, горшечная глина и пр. Шиферныя ломни Анжера, самыя значительныя во Франціи, заслуживаютъ особеннаго вниманія. Всѣ лѣсные матеріалы растутъ здѣсь превосходно, тутовое дерево даетъ средства къ разведенію шелковичныхъ червей, и почти всѣ плодовые деревья въ изобиліи. Прибавимъ къ

этому, что мало областей, гдѣ бы садоводство было развито до такой степени: камелія, магнолія, даже чайное дерево цвѣтутъ роскошно; огородничество доставляетъ множество продуктовъ, и разсадники Анжера и Дуэ рассыпаютъ по всему міру плоды своихъ произведеній.

Это страна средняго и мелкаго хозяйства; большія фермы уменьшаются въ числѣ; большія помѣстья дробятся все болѣе и болѣе; крестьянинъ съ необыкновенною жадностію старается пріобрѣтать земли и покупаетъ ихъ по неслыханнымъ цѣнамъ; во многихъ кантонахъ осталось весьма мало богатыхъ владѣльцевъ, которые, проживая на своихъ земляхъ, сами занимаются воздѣлываніемъ и улучшеніемъ ихъ. Можно сказать вообще, что за исключеніемъ виноградниковъ, почти вся земля отдается въ наемъ, и прямо отъ собственника поселенцу, потому что въ цѣломъ департаментѣ едвали наберется нѣсколько человѣкъ, занимающихся съемкой земель и передачей ихъ въ наймы по частямъ. Впрочемъ вы найдете, особенно въ округѣ Вегре (Vegré), значительное число мелкихъ помѣщиковъ, которые очень дорожатъ своими помѣстьями и серіозно занимаются земледѣльческимъ промысломъ. Они не только постоянно живутъ на мѣстѣ и наблюдаютъ за работами, но нерѣдко и сами принимаютъ въ нихъ участіе и вслѣдствіе этого сближаются съ богатыми фермерами. Они вмѣстѣ съ работниками убираютъ сѣно передъ грозой, задаютъ кормъ, особенно молодымъ животнымъ, и объѣзжаютъ рабочій скотъ, еще не совсемъ привыкшій къ ярму. Они всегда сами испытываютъ новыя земледѣльческія орудія. Вы всегда можете встрѣтить ихъ на рынкахъ, которые они посѣщаютъ для продажи своихъ произведеній или для узнанія цѣнъ на жизненные продукты. Ихъ образъ жизни и обыкновенная одежда отличаются чрезвычайною простотой: они обѣдаютъ и ужинаютъ большею частію въ одно время съ своими служителями и поденщиками; очень рѣдко скидаютъ они домашній камзолъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они отправляются верхомъ въ сосѣдній городъ. Впрочемъ блуза и камзолъ составляютъ единственную одежду, приличную на рынкѣ, и нѣтъ купца, который бы не вмѣнилъ себѣ въ удовольствіе, почти въ обязанность, безъ зазрѣнія совѣсти надуть буржуа, который бы появился на рынкѣ въ своей городской одеждѣ.

При такихъ условіяхъ, землевладѣльцы не встрѣчаютъ въ управленіи своими имѣніями неприятныхъ столкновеній, кото-

ры нерѣдко приводили въ отчаяніе тѣхъ, кто задумывалъ, изъ одной прихоти, поселиться въ деревнѣ, не любя-ея и не изучивъ ея, какъ должно; то-есть они платятъ не дороже обыкновенныхъ фермеровъ за пищу и работу служителей, не боятся ни расхищенія своей собственности, ни напрасной траты рабочаго времени. Почти всѣ они довольны своимъ положеніемъ; они улучшаютъ свои земли, прилично воспитываютъ дѣтей, и если не получаютъ отъ земледѣлія слишкомъ большихъ процентовъ за свой капиталъ и трудъ, за то и не подвергаются внезапнымъ бѣдствіямъ, которыя, по несчастію, слишкомъ часто поражаютъ другія отрасли промышленности.

Половничество (*métayage*), нѣкогда распространенное по всей странѣ, болѣе и болѣе уступаетъ мѣсто фермерству (*fermage*) (1). Название остается, между тѣмъ какъ исчезаетъ самое дѣло, и теперь во Франціи названія *métairie* и *ferme, métayers* и *fermiers* употребляются почти безразлично, хотя этимологія этихъ словъ совершенно иная. Какъ бы то ни было, половничество встрѣчается однакожь еще вездѣ, хотя и съ нѣкоторыми измѣненіями. Такъ напримѣръ, по мѣрѣ приближенія къ Бретани, доля поселенца превышаетъ половину сбора, между тѣмъ какъ по сосѣдству съ большими городами требованія землевладѣльцевъ относительно всевозможныхъ поборовъ такъ высоки, что доля поселенца съ половины уменьшается на одну треть, а иногда и еще болѣе.

Между этими различными поборами, какую бы форму они ни носили, нѣкоторые, какъ кажется, составляютъ не что иное, какъ простое традиціонное изъясненіе покорности раба господину, между тѣмъ какъ другіе поистинѣ отяготительны. Таковы напримѣръ сборы дюжинами яицъ, килограммами масла, дюжинами цыплятъ и парами каплуновъ; таковы же эти пѣшіе и конные дни для перевозки въ городъ запасовъ вина, дровъ и т. п.; таковы поборы возами соломы и сѣна. Всѣ эти дурные обычаи, мало приносящіе выгоды господину и сильно стѣсняющіе поселенца, начинаютъ исчезать мало-по-малу или по крайней мѣрѣ значительно ограничиваются на дѣлѣ.

Кромѣ раздѣла на двѣ части всѣхъ произведеній, половнику обыкновенно предоставляются въ полное распоряженіе огородные овощи и различные припасы для ежедневной пищи

(1) *Métayage*, половничество, хозяйство изъ-полу; *fermage*, фермерство, отдача земель въ наемъ за деньги.

семейства и служителей, молоко, масло и пр., а также и дрова, добываемыя при очисткѣ оградъ или стрижкѣ деревьевъ, вѣтви которыхъ обрѣзываются въ положенные сроки; это составляетъ какъ бы вознагражденіе за поддержку оградъ и чистку рововъ. Что же касается до прядильныхъ растений, то собственникъ получаетъ долю свою пенькой, куделей и волной, а иногда и нитками. Какъ бы въ вознагражденіе за многосложныя работы, необходимыя при обработкѣ этихъ растений, все сѣмя предоставляется въ пользу половника.

По мѣрѣ того, какъ половничество замѣнялось фермерствомъ, вниманіе землевладѣльцевъ по необходимости должно было обратиться на заключеніе условій при отдачѣ въ наемъ земель. Но я долженъ здѣсь повторить критическое замѣчаніе, которое я уже сдѣлалъ прежде: до сихъ поръ немногія изъ этихъ условій измѣнились къ лучшему. По правдѣ сказать, земледѣліе обязано своими успѣхами гораздо болѣе пренебреженію, чѣмъ соблюденію правилъ, основанныхъ на старинныхъ обычаяхъ. По счастью, весьма немногіе хлопчутъ о выполненіи тѣхъ условій, которыя они не сами включили въ контрактъ, а оставили въ немъ, не имѣя духа освободиться изъ-подъ гнета обычая, освященнаго временемъ. Поэтому они нисколько не препятствуютъ фермерамъ улучшать земледѣліе. Надзоръ за управленіемъ фермами не имѣетъ никакого значенія, а если онъ и существуетъ на дѣлѣ, то отличается кротостію и снисходительностію; очень рѣдко, при окончаніи сроковъ, прибѣгаютъ къ суду экспертовъ.

Найдется много фѣрмъ, на которыя нѣтъ писанныхъ условій. Фермеры пользуются ими по словесному договору, и нерѣдко всѣ гарантіи ихъ заключаются въ статьѣ, вписанной въ счетную книгу *господина* (*maître*),—титулъ, которымъ до сихъ поръ пользуется землевладѣлецъ. Едвали кто-нибудь злоупотребилъ такою полною довѣренностію.

Во многихъ помѣстьяхъ фермерство переходитъ отъ отца къ сыну; поселянъ съ трудомъ можно увѣрить, что кто-нибудь въ правѣ согнать ихъ съ мѣста, гдѣ они родились; и такимъ фермерамъ никогда не приходило въ голову разчитывать на истощеніе почвы, несмотря на то, что срокъ ихъ владѣнія не былъ обезпеченъ закономъ. Только съ тѣхъ поръ, какъ подѣ неблагоприятнымъ вліяніемъ неслыханнаго возвышенія цѣнъ на нѣкоторыя фермы и продажи наемныхъ условій съ аукціона, перемены стали чаще, взаимная недовѣрчивость заступила мѣсто

прежней безграничной довѣренности. Оказалось, какъ говорятъ старики фермеры, покачивая головою, «больше наемщиковъ, чѣмъ плательщиковъ». Достаточные земледѣльцы притворились бѣдняками; они стали уплачивать арендную сумму малыми частями, когда бы могли уплачивать ее разомъ, и, изъ опасенія надбавки, оставались должниками до срочнаго дня, хотя и имѣли въ запасъ порядочныя суммы. Нѣкоторые земледѣльцы, боясь обмануться, обнаружили необыкновенную требовательность и корыстолюбіе, какъ будто изъ зависти къ довольству своихъ фермеровъ, какъ будто бы это довольство не было единственною гарантіею ихъ состоятельности.

Срокъ контрактовъ для найма земли никогда почти не превышаетъ девяти лѣтъ, иногда заключается условіе на семь лѣтъ, а бываютъ и такіе владѣльцы, которые почитаютъ землю чѣмъ-то въ родѣ дома, и заключаютъ контрактъ на три, на шесть или на девять лѣтъ, предоставляя себѣ право взять обратно свои земли у фермеровъ, предупредивъ ихъ только за годъ.

Всѣ согласны въ томъ, что отдача земель на короткіе сроки сопряжена съ большими неудобствами; но весьма немногіе умѣютъ устоять противъ искушенія и стараются отдавать какъ можно менѣе тотъ срокъ, по истеченіи котораго они въ правѣ будутъ потребовать надбавки къ условленной платѣ; видя прогрессивное возвышеніе цѣнности земли и дохода, рѣдко кто остается въ границахъ благоразумія и не увлекается безразсудною наддачей на фермы, при заключеніи новыхъ контрактовъ. Признаюсь, при видѣ того, что всякое улучшеніе почвы съ помощію труда или капитала, употребленнаго фермеромъ, ведетъ къ возвышенію платы за ферму при каждомъ возобновленіи контракта, я нисколько не удивляюсь, что наемщики или вовсе не заботятся объ улучшеніяхъ, которыя влекутъ за собою однѣ хлопоты и излишніе расходы въ будущемъ, или что прежде всего они стараются извлечь изъ земли какъ можно болѣе продуктовъ и употребить, по возможности, наименьшее количество работы и удобренія.

Большое несчастіе дѣшьяго крестьянина, что онъ не знаетъ никакого промысла; оттого на фермахъ, несмотря на перемѣны въ числѣ служителей, пропадаетъ много времени. Исправленіе сбруи, земледѣльческимъ орудій, устройство плетней, воротъ, лѣстницъ, конечно занимаютъ часть ненастныхъ дней, но эти занятія почитаются занятіями отъ нечего-дѣлать, ихъ бросаютъ

каждую минуту, за нихъ принимаются отъ времени до времени, съ большими промежутками, исполняютъ ихъ кое-какъ, безъ единства и соревнованія, но и ихъ вообще крайне недостаточно.

Длинные зимніе вечера рѣдко употребляются съ такою пользой, какъ бы то желательно было. На нѣкоторыхъ фермахъ по вечерамъ очищаютъ орѣхи, изъ которыхъ выдѣлывается масло для домашняго употребленія, или съ тою же цѣлю готовятъ тыквенныя сѣмена; также выдѣлываютъ ульи и плетутъ корзинки, въ которыхъ молодыя дѣвушки относятъ на рынокъ яйца и мало. Мальчики плетутъ для собственнаго употребленія соломенные шляпы, которыя и прочны и красивы. Женщины прядутъ или вяжутъ, что также можно назвать потерей времени, если сравнить результаты ихъ черепашей работы съ тѣмъ, что въ то же время можетъ изготвить машина.

Но потеря времени на бесполезную работу есть еще наименьшее зло; пагубнѣе всего развратъ, поражаемый праздностію, которой предаются крестьяне въ дождливые и морозные дни или въ долгіе зимніе вечера; тѣ же самые работники, которые очень не охотно принимаются за дѣло, выгодное для фермы или для самихъ себя, всю ночь готовы просидѣть за картами, а иногда до такой степени пристращаются къ этому бесплодному занятію, что послѣ ужина отправляются за нѣсколько миль, чтобы только поиграть въ карты. Нерѣдко сыновья домохозяина увлекаются этимъ пагубнымъ примѣромъ и вносятъ въ семейство развратъ и разореніе.

Пища анжуйскаго крестьянина отличается необыкновенною умѣренностію. Ветчина единственное мясо, появляющееся на столѣ у фермера; кромѣ случаевъ болѣзни или выздоровленія, когда врачъ предписываетъ пациенту куриный, телячій или говяжій бульйонъ, не было еще примѣра, чтобы деревенская хозяйка рѣшилась зарѣзать какое-нибудь животное. Даже и ветчина подается изрѣдка, и то въ маломъ количествѣ, и замѣчательно, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ хлѣбъ хуже, мяса употребляютъ всего менѣе. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ есть фермы пространствомъ въ пятьдесятъ гектаровъ, гдѣ не убиваютъ болѣе одной свиньи въ годъ. Тамъ, пищу хозяина, равно какъ и работниковъ его, почти исключительно составляютъ: хлѣбъ, испеченный изъ смѣси пшеничной, ржаной и ячной муки; густыя похлебки изъ капусты, картофелю и луку, съ боль-

шимъ количествомъ соли и весьма малымъ количествомъ масла; скудно приправленные овощи; яйца въ густую по одному на человѣка за обѣдомъ, за ужиномъ и завтракомъ маленькій кусокъ плохаго сыру, нѣсколько луковицъ зеленыхъ и сырыхъ весною, одно или два яблока осенью, три или четыре сухіе орѣха зимою, и чеснокъ въ изобиліи во всякое время года. Когда по воскресеньямъ подаютъ нѣсколько ветчины, то каждый берётъ ее гомеопатическими приѣмами, едва достаточными, чтобы нѣсколько измѣнить вкусъ хлѣба.

Разные напитки, сидръ и даже вино въ общемъ употребленіи у крестьянъ въ Анжу. Оттого пьянство такъ же рѣдко въ Анжу, какъ оно обыкновенно въ Вандеѣ и въ Бретани. Такъ-то справедливо, что постоянное употребленіе чего бы то ни было никогда не поведетъ къ излишеству, между тѣмъ какъ лишеніе повлечетъ за собою совершенно иной результатъ. Давайте свободу народу; приучайте его къ ней все болѣе и болѣе, и вы будете управлять имъ спокойно и мирно; вы будете великимъ государемъ, подданные будутъ боготворить васъ, вашу память будетъ благословлять потомство. Въмѣсто этого, сдѣлайте изъ свободы запрещенный плодъ, отнимите у націи всѣ права и гарантіи, и тогда самый законъ, самое право, самая свобода, этотъ источникъ самообладанія, будутъ дѣйствовать на людей какъ напитокъ опьяняющій, лишающій памяти и сознанія. Никакая хитрость тутъ не поможетъ. Вы закуете въ цѣпи Сампсона, обрѣзавъ предварительно его длинные волосы, но волосы отрастутъ снова, и, въ одинъ прекрасный день, когда менѣе всего можно было бы ожидать этого, какая нибудь бездѣлица, — дурно истолкованный текстъ закона, не вовремя запрещенный банкетъ, — можетъ опрокинуть великолѣпное зданіе, воздвигнутое съ такимъ трудомъ, и за дѣло надо будетъ приниматься снова.

А кто виновать? Ужь не свобода ли? Нѣтъ, напротивъ того— лишеніе свободы, не хуже того какъ лишеніе вина распространяетъ пьянство.

Когда въ 1777 г. германскій императоръ Іосифъ II посѣтилъ Францію, то онъ говорилъ, что, во время путешествія, его поразила болѣе всего улица въ 70 миль длиною. Онъ разумѣлъ подъ этимъ чудную плотину, которая отъ Анжера до Орлеана ограждаетъ роскошныя долины Луары отъ наводненій этой причудливой рѣки. Въ самомъ дѣлѣ, бурги слѣдуютъ вдоль этой плотины, а въ промежуткахъ безчисленное множество домовъ, частію увеселительныхъ, частію принадлежащихъ крестья-

янамъ, матросамъ, харчевникамъ, придаютъ этой очаровательной странѣ, по справедливости названной садомъ Франціи, видъ жизни и благосостоянія, который и описать невозможно. Ничто не можетъ сравниться съ плодородіемъ земель въ долинѣ Луары: онѣ никогда не отдыхаютъ и ежегодно дѣютъ троекратную жатву. Воздѣлываютъ ихъ слѣдующимъ образомъ. Сажаютъ аллеями сливы и между ними разводятъ виноградныя лозы, которыя воздымаютъ свои могучіе побѣги до вершины деревьевъ, служащихъ имъ опорой. Свободное пространство между этими рядами сливъ и виноградныхъ лозъ занято хлѣбными растениями и бобами, которыя сѣются попеременно, такъ что земля никогда не остается въ покоѣ. Когда путешественникъ проѣзжаетъ по этой плотинѣ въ апрѣлѣ, то видитъ передъ собою почти сплошную массу деревьевъ, покрытыхъ цвѣтами, а землю усыпанную лепестками ихъ, какъ благоухающимъ снѣгомъ. Осенью, когда съ деревьевъ уже сняты плоды и на вѣтвяхъ ихъ зрѣютъ виноградныя кисти; тогда всѣ жители, мужчины и женщины, карабкаются на деревья для сбора винограда и съ вершины своихъ длинныхъ лѣстницъ перебрасываются пѣснями и шутками, приправленными крупною солью. Въ этихъ-то роскошныхъ долинахъ Луары созрѣваютъ сливы, главное складочное мѣсто которыхъ составляетъ Турь, и которыя извѣстны далеко за предѣлами своей родины, подъ названіемъ французскаго чернослива. Одинъ изъ друзей моихъ какъ-то говорилъ мнѣ, что подъ туманнымъ небомъ Англіи ему случилось ѣсть только одинъ родъ спѣлыхъ плодовъ, и что эти спѣлые плоды были сушенныя сливы изъ Тура.

Въ этихъ же роскошныхъ долинахъ, а равно и на прелестныхъ островахъ, образуемыхъ Луарою, растетъ въ изобиліи лучшая конопля во Франціи. Пенька, добываемая изъ нея, предпочтается даже русской для выдѣлыванія корабельныхъ канатовъ, веревокъ на желѣзные заводы и рыболовныхъ сѣтей, — однимъ словомъ, для производства такихъ предметовъ, которые при маломъ объемѣ требуютъ наибольшей крѣпости. А фабриканты парусныхъ полотень предпочитаютъ эту пеньку италіанской, потому что нитки, добываемыя изъ нея, отличаются большою прочностью и упругостью.

Зачѣмъ бы, кажется, этой причудливой рѣкѣ то струиться тонкою полосой воды, какъ бы затерянною среди обширныхъ песковъ, то поражать селенія, основанныя на берегахъ ея, страшными разливами своихъ водъ? Я помню, что разъ ве-

черомъ, въ январѣ мѣсяцѣ 1843 года, въ Сомюрѣ, гдѣ мнѣ случилось быть въ то время, я легъ спать, какъ мнѣ казалось, въ городѣ, построенномъ на твердой землѣ; на другой день утромъ оказалось, что я проснулся на островѣ, и въ нижнемъ этажѣ каждаго дома было на два метра воды. Ночью прорвало плотину передъ кавалерійскою школою, изъ которой предусмотрительное начальство наканунѣ еще вывело всѣхъ людей. Въ 1856 году наводненіе было гораздо ужаснѣе; плотину прорвало во многихъ мѣстахъ, вся долина лежала подъ водою въ продолженіи двухъ недѣль лѣтомъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ, и потери, причиненныя этимъ несчастіемъ, простирались на сотни миліоновъ.

Такое неправильное распредѣленіе водъ Луары возбуждаетъ жителей этихъ острововъ къ дѣятельности, мало свойственной крестьянамъ, которые своею вялостью и неповоротливостью обыкновенно напоминаютъ быка, неизмѣннаго товарища ихъ работъ. Весною, когда рѣка вступить въ русло свое, все населеніе рассыпается по полямъ; потребность въ работникахъ такъ велика, что нерѣдко грудныхъ дѣтей оставляютъ на попеченіе ихъ старшей сестры, дѣвочки лѣтъ пяти или шести, а матери отправляются помогать работникамъ. Страшно подумать! По цѣлымъ днямъ бѣдныя малютки, оторванныя отъ игръ, свойственныхъ ихъ возрасту, съ ранней юности приучаются къ тяжкимъ обязанностямъ женщины; гордыя довѣренностью, которую имъ оказываютъ, онѣ инстинктивно сознаютъ всю важность возложеннаго на нихъ порученія и всегда возвращаютъ невредимо слабое существо, ввѣренное ихъ попеченію. Зимой, ранѣе четырехъ часовъ утра, пенька, вынутая изъ печи, гдѣ она досушивалась со вчерашняго дня, мнется, треплется и освобождается отъ кострики; мужчины, женщины, дѣти, собравшись вмѣстѣ безъ огня, предупреждаютъ наступленіе дня. Стыдъ тому, кто громкимъ стукомъ трепального орудія не опередитъ втораго пѣнія пѣтуха!

Когда безвременное наводненіе Луары или другія бѣдствія уничтожаютъ надежды цѣлаго года, то жители острововъ пускаются въ торговые обороты; они покупаютъ невыдѣланный прядильный матеріалъ, въ селеніяхъ, которыя, по дальнему разстоянію отъ рѣки, не могутъ съ выгодною заниматься его обработкою; они обрабатываютъ его и находятъ такимъ образомъ полезное занятіе для всѣхъ рукъ. Дѣла всегда много, и зимніе дни пролетаютъ слишкомъ скоро!

III.

Послѣ такого подробнаго описанія Вандей и департамента Мены-и-Луары, немного остается мнѣ сказать о департаментахъ Майенны и Сарты (составлявшихъ нѣкогда провинцію Мены), лежащихъ между Анжу, Бретанью и Нормандіей. Эти два департамента отличаются тѣми же характеристическими чертами, какъ Анжу и Вандея, но уже не столь рѣзкими и значительно сглаженными. Когда вандейская армія перешла черезъ Луару, изгнанная изъ *Бокажа* страшнымъ мечомъ Клебера и Марсѣ, то она направилась къ Менѣ, гдѣ возможна еще была убійственная партизанская война. Въ этой старинной провинціи нѣтъ горъ, но почва ея, вездѣ неровная, усѣяна холмами и во многихъ мѣстахъ перерѣзана долинами и оврагами. Нѣсколько рѣчекъ и безчисленное множество ручейковъ струятся по всѣмъ направленіямъ и сильно затрудняютъ переходы, особенно въ нижней Менѣ. Сверхъ того, проселочныя дороги, узкія, съ изгородами по обѣимъ сторонамъ, мѣстами обрывисты и каменисты, мѣстами покрыты грязью и рытвинами. Во время сильныхъ дождей, вода несется по нимъ цѣлыми потоками, отъ чего въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онѣ до такой степени изрыты, что часто полоса дороги бываетъ на десять футовъ ниже уровня прилежащихъ къ ней полей. По краямъ ея, идутъ глубокіе рвы и земляныя насыпи, которыя всѣ покрыты кустарниками, терновникомъ и высокими деревьями, и отъ того вся страна издали кажется однимъ непрерывнымъ лѣсомъ. Дубы, вязы, буки, каштановыя деревья, которыми покрыты валы, раскидываютъ вѣтви свои во всѣ стороны и какъ будто тѣснятся другъ къ другу. Многія изъ этихъ деревьевъ, обрубленные на нѣкоторой высотѣ, широко разбрасываютъ свои боковыя вѣтви, которыя срѣзаются въ определенное время. Эти деревья зеленью и густотою листвы превосходятъ деревья высокоствольныя. Стволъ ихъ мало-помалу раздается въ ширину, пустѣетъ внутри и образуетъ на верху отверстіе. Эти стволы служили складочными магазинами, куда инсургенты 1793 года нерѣдко прятали свое оружіе и запасы, нѣкоторые даже умѣли устроить себѣ въ глубинѣ ихъ убѣжище, которое открыть не было никакой возможности. Нѣсколько

лѣтъ тому назадъ, въ дуплѣ одного изъ этихъ деревьевъ, нашли скелетъ мятежника, который забрался туда и тамъ умеръ. Вѣроятно ослабѣвши отъ раны, онъ не въ состояніи былъ выбраться на свѣтъ, и смерть медленная и ужасная превратила убижище его въ могилу. Кто этотъ покойникъ, ошибиться невозможно: ружье, лежавшее подлѣ него, доказывало, что онъ еоддате, а четки, которыя еще обвивали его пальцы, свидѣтельствовали, что онъ Вандеецъ.

Жители этихъ двухъ департаментовъ сохранили характеры и нравы, которымъ одиночество и отчужденіе другъ отъ друга придали особую фizioномію, заслуживающую описанія. вмѣсто того, чтобы группироваться и соединяться въ деревни и селенія, какъ то дѣлается въ открытой и цвѣтущей части департамента Мены-и-Луары, дома земледѣльцевъ разсѣяны по всей странѣ за непроницаемыми оградами, о которыхъ я говорилъ сейчасъ, и которыя окружаютъ поля и разграничиваютъ владѣнія; кромѣ времени большихъ работъ, каковы сѣнокосы и жатва, каждое семейство живетъ всегда въ совершенномъ уединеніи. Крестьянинъ, отецъ семейства, окруженный женою, дѣтьми, работниками и стадами, управляетъ всѣмъ по своему произволу, не опасаясь критики или любопытства сосѣдей. Впрочемъ ферма доставляетъ ему почти все, что ему нужно для его существованія; ему не за чѣмъ выѣзжать за предѣлы ея; поля доставляютъ ему зерновой хлѣбъ, садъ—овощи, яблони — сидръ; онъ самъ выкармливаетъ коровъ, свиней, куръ, и имѣетъ въ обиліи молоко, ветчину, яйца. Жена его и дочери выпрядаютъ ему на одежду шерсть его овецъ, или ленъ и пеньку, которыя онъ самъ собираетъ.

Проводя жизнь въ постоянномъ одиночествѣ, не имѣя съ другими людьми тѣхъ сношеній, которыя измѣняютъ и смягчаютъ характеръ, менскій крестьянинъ обнаруживаетъ въ обхожденіи своемъ совершенную дикость и при первомъ взглядѣ не располагаетъ въ свою пользу. Разъ въ недѣлю, эти поселяне отправляются съ своими продуктами въ сосѣдній городъ, гдѣ ихъ отрывистый и грубый голосъ, ихъ суровое нарѣчіе, неповоротливость и неподвижность ихъ въ толпѣ, грубая одежда и длинные, дурно причесанные волосы заслужили имъ прозвище *кабановъ*. Они упрямо держатся своихъ обычаевъ, сколько по лѣности, столько и по предубѣжденію, и заранее обнаруживаютъ отвращеніе ко всему для нихъ необыкновенному. Нечего и говорить, что всѣ эти особенности относятся

преимущественно къ тѣмъ крестьянамъ, которые живутъ въ деревенской глуши; въ окрестности большихъ городовъ они вездѣ одинаковы: они вѣжливѣе, за то хитрѣе, лукавѣе, и сильнѣе ненавидятъ буржуазію, которую видятъ гораздо ближе; они лучше и хуже въ одно и то же время.

Здѣсь, такъ же какъ въ Вандеѣ, бурги и деревни исключительно населены ремесленниками или купцами, которые правами, обычаями и одеждою совершенно отличны отъ крестьянъ. Послѣдніе даже рѣдко вступаютъ съ ними въ свойство, и особенно до революціи земледѣлецъ почиталъ бы за униженіе взять жену не изъ своего класса.

Образъ жизни этихъ крестьянъ суровъ. Близкія сношенія обоеухъ половъ, неизбѣжныя при общей работѣ, не влекутъ за собою злоупотребленій и разврата, которые такъ обыкновенны въ другихъ мѣстахъ, но женщины находятся въ угнетеніи. Жена фермера считаетъ себя не въ правѣ приказывать что-либо работникамъ, даже сыновьямъ своимъ, если они вышли изъ ребячества. Если ей случится овдовѣть, то она очень рѣдко остается во главѣ управленія; она или выходитъ снова за мужъ или совсѣмъ оставляетъ ферму; она сохраняетъ ее только въ такомъ случаѣ, если хотя одинъ изъ ея сыновей довольно великъ и можетъ принять на себя распоряженіе работами, или если на ея рукахъ остается самое незначительное хозяйство. Во всѣхъ житейскихъ дѣлахъ женщины занимаютъ подчиненное мѣсто; во время обѣда, онѣ никогда не садятся за столъ вмѣстѣ съ мужчинами, кромѣ тѣхъ дней, когда раздѣляютъ съ ними труды, какъ напримѣръ во время жатвы, или въ торжественныхъ случаяхъ, каковы свадьбы, крестины и т. п. Но въ обыкновенное время онѣ вѣдаютъ стоя или сидя гдѣ-нибудь поодаль, въ углу, и безпрестанно встаютъ съ мѣста, чтобы прислуживать мужчинамъ.

Въ самомъ ухаживаньи молодаго человѣка за невѣстою, виденъ скорѣе покровитель, чѣмъ покорный любовникъ, и на праздникахъ посторонніе молодые люди не смѣютъ танцевать съ его будущею супругой, не испросивъ у него позволенія. Когда утромъ въ день свадьбы онъ отпрапляется, на восходѣ солнца, въ сопровожденіи своего отца, за невѣстою, чтобы везти ее въ церковь, то находитъ ее въ будничномъ платьѣ, занятую ежедневною работою. «Развѣ ты не ожидала насъ?» говорить онъ ей. «Почему же я могла знать, что вы не перемѣнили своего намѣренія?» съ покорностью отвѣчаетъ моло-

дая дѣвушка, и тогда только наряжается и идетъ за своимъ женихомъ. Свадьба совершается всегда въ томъ мѣстѣ, гдѣ женихъ основываетъ свое хозяйство. При рожденіи ребенка, спрашиваютъ: «Мальчикъ это?» Если случится противное, то говорятъ, съ презрительною ужимкой: «Это тварь (*une créature*).» При рожденіи мальчика весело звонять въ колоколь, при рожденіи дѣвочки колоколь остается неподвиженъ. Женщины, оставаясь постоянно въ совершенной зависимости и не выходя никогда изъ тѣснаго круга домашнихъ занятій, становятся застѣнчивыми и дикими и нисколько не стараются преодолѣть себя. Несмотря на это, онѣ добры, кротки, снисходительны и смыслены; во время нашихъ бѣдственныхъ междуусобій, не принимая, подобно обитательницамъ Вандеи, дѣятельнаго въ нихъ участія, онѣ при каждомъ случаѣ доказывали свое мужество, преданность и доброту.

Вступивъ на почву Мены, вандейская армія утратила много достоинства и чистоты, хотя и стала страшнѣе, потому что смѣшалась съ самыми нечистыми элементами. Религіозныя вѣрованія не такъ живы у менскаго крестьянина, и никто не позаботился освѣтить его душу свѣтомъ нравственности. Житель *Бокажа* терзалъ республиканца, точно такъ, какъ, въ средніе вѣка, монахъ терзалъ невѣрнаго или еретика; инсургентъ Мены, нимало не заботясь объ интересахъ божескихъ или королевскихъ, убивалъ для того только, чтобы грабить. Эти толпы пополнялись не крестьянами-фанатиками, какъ въ Вандеѣ, но бѣглыми рекрутами, дезертерами республиканскихъ войскъ, контрабандистами, отставными надсмотрщиками за охотою, даже отставными таможенными служителями, лишившимися своихъ мѣстъ съ уничтоженіемъ драконовскихъ законовъ противъ свободной торговли солью, такъ что браконьеры и надсмотрщики за охотой, контрабандисты и таможенные, соединялись вмѣстѣ чувствомъ ненависти противъ этой безнравственной революціи, которая не признавала ничего священнаго, ни даже старинныхъ налоговъ на привозную соль.

Они не составляли, подобно Вандейцамъ, многочисленныхъ полчищъ, способныхъ выступить въ открытое поле; они ходили отрядами отъ 30 до 50 человекъ, останавливали курьеровъ, дилижансы, умерщвляли мировыхъ судей, меровъ, республиканскихъ чиновниковъ и особенно пріобрѣтателей національныхъ имуществъ. Чтò же касается до тѣхъ, которые были не пріобрѣтателями, а только фермерами этихъ имуществъ, то

они отпавлялись къ нимъ и заставляли платить себѣ за наемъ фермы. Обыкновенно они старались уничтожать мосты, портить дороги, перерубать оси телегъ, чтобы не допускать жизненныхъ припасовъ въ города. Они осыпали страшными угрозами каждаго, кто привозилъ свои продукты на рынокъ, и приводили въ исполненіе свои угрозы, предавая огню и расхищенію жилища непокорныхъ. Не имѣя силъ занять страну своимъ войскомъ, они поставили себѣ цѣлью волновать ее и для того не допускали согражданъ своихъ принимать какую-либо должность въ республикѣ, наказывали за пріобрѣтеніе національныхъ имущества и заставляли городскихъ жителей терпѣть голодъ.

Днемъ, шуаны — такъ называли ихъ — прятались въ самой густой чащѣ лѣсовъ Мены, почти непроходимыхъ по множеству остролиста, терновника и папоротника, растущихъ повсюду между деревьями. На нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой, въ мѣстахъ, гдѣ угольщики устраивали свои ямы, встрѣчались поляны отъ восьми до десяти метровъ въ діаметрѣ. Вокругъ этихъ полянъ, вмѣсто хижинъ, они выкапывали себѣ ямы. Отверстіе, едва достаточное для того, чтобы человекъ могъ проползти въ него на колѣняхъ, расширялось понемногу подобно опрокинутой воронкѣ, такъ что яма могла вмѣщать въ себѣ человекъ шесть-семь, лежавшихъ на постелѣ изъ мха, папоротника и сухихъ листьевъ. Сводъ поддерживали грубыя подпорки, а входъ былъ искусно закрытъ круглою опускною дверью и плетнемъ изъ тонкихъ прутьевъ, перевитыхъ мхомъ. Синіе, посланные для отысканія инсургентовъ, проходили надъ головами ихъ, ничего не подозрѣвая; а шуаны принуждены были запасаться продовольствіемъ, и оставались по нѣсколько въ своихъ убѣжищахъ, не смѣя показаться на свѣтъ.

При Мансѣ (Мань), главномъ городѣ Мены, въ ночь на 12 декабря 1793 года войско инсургентовъ потерпѣло совершенное пораженіе отъ республиканской арміи подъ предводительствомъ Клебера и Марсѣ. Въ теченіи девяти мѣсяцевъ, пока продолжался первый актъ этой нечестивой войны, танувшейся непрерывно до 1796 года, погибло болѣе 600 тысячъ Вандейцевъ, истребившихъ въ свою очередь почти такое же число патриотовъ. Я не говорю уже о матеріальныхъ убыткахъ, о разрушенныхъ селеніяхъ, сожженныхъ фермахъ, уничтоженномъ богатствѣ. Вотъ какъ дорого обходится междуусобная война! И какая была цѣль ея? Еслибы это послѣднее возстаніе крестьянъ восторжествовало, то XVIII вѣкъ исчезъ бы

изъ исторіи, и Франція возвратилась бы къ царствованію Людовика XIV, — эпохѣ славной, если слава заключается во множествѣ данныхъ сраженій, въ потокахъ пролитой крови и въ безвременной гибели живыхъ существъ; — эпохѣ позорной, если позоръ заключается въ совершенномъ порабощеніи націи подъ гнетъ кичливаго деспотизма, въ попраніи всѣхъ чело-вѣческихъ правъ, въ доведеніи народа до страшной нищеты.

Несмотря на свое бессмысленное сопротивленіе, департаменты Майенны и Сарты приобрѣли на свою долю часть благодѣяній, разлитыхъ по всей Франціи революціею-освободительницею 1789 года. Лучи свѣтаозарили мракъ этихъ отсталыхъ селеній, и съ тѣхъ поръ успѣхи земледѣлія идутъ своимъ путемъ, наперекоръ упрямымъ крестьянамъ и къ ихъ собственной выгодѣ, и еще болѣе къ выгодѣ дворянъ, которые направляли удары ихъ противъ этой революціи. Здѣсь, какъ и въ Вандеѣ, та же ферма, которая сорокъ пять лѣтъ тому назадъ отдавалась внаймы за шестьсотъ, семьсотъ, восемьсотъ франковъ, приноситъ теперь двѣ тысячи, двѣ тысячи пятьсотъ и до трехъ тысячъ дохода. Здѣсь преобладаютъ хозяйства средняго и мелкаго размѣра; земли, и безъ того уже раздробленныя, подлежатъ еще большому раздробленію. Съ трудомъ можно отыскать ферму во сто гектаровъ; самыя значительныя заключаютъ въ себѣ обыкновенно отъ 30 до 50, а въ окрестностяхъ городовъ, гдѣ цѣнность земель, производящихъ предметы роскоши, несравненно выше, встрѣчаются участки гораздо меньшаго объема; есть и такіе, пространство которыхъ не превышаетъ четырехъ или пяти гектаровъ (менѣе пяти десятинъ тридцатной мѣры), и на которыхъ небольшое семейство находитъ еще средства существовать въ довольствѣ, разумѣется относительномъ.

Въ послѣднее время земледѣліе сдѣлало большіе успѣхи, что можно приписать улучшенію дорогъ, облегчающихъ сообщеніе, сбытъ продуктовъ и перевозку удобренія, также болѣе частому и разумному употребленію удобреній, и въ особенности мергеля и извести. Въ песчаныхъ *ландахъ* заведены сосновыя плантаціи, доставляющія смолу; озера осушены; хлѣбныя растенія и виноградники даютъ обильный урожай на самой дурной почвѣ. Въ нѣкоторыхъ кантонахъ сидръ и грушевка замѣняютъ вино. Пчеловодство очень значительно, но выдѣлываніе *манскихъ восковыхъ свѣчъ* потеряло свое прежнее значеніе вслѣдствіе конкуренцій, поддѣлокъ и торговыхъ обмановъ. Фермеръ, который держитъ быковъ и лошадей,

исправляетъ не только всѣ работы на своей фермѣ, но нерѣдко и въ сосѣдней *closerie*, которая, по малому пространству своему, едва въ состояніи прокормить нѣсколько коровъ. *Closier* уплачиваетъ рабочими днями за воздѣлываніе своихъ полей, и такимъ образомъ становится помощникомъ фермера, съ которымъ онъ соединенъ обоюдными услугами. Во всякомъ случаѣ услуги эти рѣдко доходятъ до кошелька, и денегъ не получаетъ ни тотъ, ни другой. Я употребилъ два слова: *closerie* и *closier*, которыя постараюсь объяснить вамъ, хотя они и не имѣютъ въ наше время опредѣленнаго значенія. Въ средніе вѣка, междуусобныя войны землевладѣльцевъ и разбой вооруженныхъ шаекъ, служившихъ орудіемъ ихъ грабежей, подвергали нивы непрерывнымъ опустошеніямъ, и потому необходимость заставила поселянъ огораживать ихъ заборами. Когда неограниченная монархія заступила мѣсто феодальной тиранинн, то опустошеніе полей не прекратилось, и безцеремонность, съ которою короли, принцы и дворяне пользовались своимъ правомъ охоты, подвергала непрерывно поле бѣднаго крестьянина опустошеніямъ отъ оленей и кабановъ (жизнь которыхъ, по смыслу королевскихъ указовъ, была гораздо дороже жизни простолудиновъ), собакъ и охотничьихъ лошадей. Это побудило настроить безчисленныя ограды, которыя, подъ названіемъ *clos*, пересѣкали окрестности всѣхъ городовъ и бурговъ, и остатки которыхъ еще видны во многихъ изъ нашихъ деревень. Болѣе всего страдали виноградники, потому что сборъ съ нихъ производится только осенью, то-есть въ самое благопріятное время для охоты. Оттого всѣ они были обведены оградами, которыя во многихъ мѣстахъ сохраняются и въ наше время. Большая часть лучшихъ винь обозначается названіемъ какого-нибудь *clos*, напримѣръ *Clos-Vougeot*, который, конечно, пользуется заслуженною извѣстностью и въ Россіи. Виноградарь назывался *closier*, а вслѣдствіе этого и всѣ земли, которыя онъ обрабатывалъ, носили названіе *closerie*. Но въ настоящее время *closerie* есть не чтѣ иное, какъ маленькая ферма, а *closier* хозяинъ ея.

Торговля департаментовъ Сарты и Майенны, по преимуществу земледѣльческихъ, большею частію занимается продажей произведеній земли, которыя добываются въ большомъ изобиліи. Домашнія животныя составляютъ также важную статью ея. Вывозится значительное количество консервовъ. Клеверныя сѣмена, орѣховое и конопляное масло принадлежатъ къ обыкно-

веннымъ статьямъ торговли. Въ Парижъ и въ Нормандію отправляются въ большомъ количествѣ орѣхи, каштаны и сушеные плоды. Наконецъ вывозъ дичины, домашней птицы, яицъ, также очень значителенъ: необходимо еще упомянуть объ откормленных гусяхъ, которыхъ пухъ не уступаетъ своимъ достоинствомъ драгоценному пуху сѣверныхъ гагокъ, а также о каплунахъ и пулярдакахъ, разводимыхъ въ Мансѣ. Нѣтъ гастронома во Франціи, у котораго бы не просіяло лицо при одномъ имени *этихъ добрыхъ гражданъ Мены*, какъ называетъ ихъ нашъ Беранже въ одной изъ самыхъ веселыхъ своихъ пѣсень. Когда цыплята подростаютъ, то ихъ обыкновенно заставляютъ биться другъ съ другомъ, чтобы рѣшить ихъ участь — быть ли имъ пѣтухами, или каплунами. Побѣдители остаются пѣтухами, побѣжденные обращаются въ каплуновъ: *vae victis!* Неумолимая людская промышленность заставлятъ ихъ выпивать до дна чашу несчастія: извращая въ отношеніи къ нимъ порядокъ природы, она заставлятъ ихъ заниматься воспитаніемъ дѣтенышей, произведенныхъ на свѣтъ ихъ безопасными побѣдителями. Для этого фермерша выбираетъ самаго сильнаго каплуна, ощищиваетъ ему брюхо, натираетъ ощипанное мѣсто крапивою, обкармливаетъ птицу до-пьяна хлѣбомъ, обмоченнымъ въ винѣ, и сажаетъ ее въ клѣтку вмѣстѣ съ двумя или тремя довольно большими цыплятами. Цыплята подползаютъ каплуну подъ брюхо, треніе ихъ облегчаетъ ему боль отъ ранъ, нанесенныхъ крапивою, и это облегченіе сближаетъ его съ ними. Послѣ двухъ или трехъ пріемовъ этой пытки, каплунъ привязывается къ цыплятамъ, усыновляетъ ихъ, всюду ходитъ за ними и обнаруживаетъ къ нимъ нѣжную любовь; тогда число ихъ увеличиваютъ, и онъ ухаживаетъ за всѣми, и еще гораздо долѣе, чѣмъ бы въ состояніи была сдѣлать мать, которая между тѣмъ садится опять на яйца и выводитъ новое поколѣніе.

Самую значительную отрасль туземной мануфактурной промышленности составляетъ тканье полотень, столоваго бѣлья и другихъ льняныхъ тканей, которое занимаетъ отъ 15 до 20 тысячъ челоуѣкъ, разбѣянныхъ по городкамъ и деревнямъ. Эта промышленность, нѣкогда значительная и цвѣтущая, въ настоящее время частію уступила мѣсто производству бумажныхъ издѣлій.

Если крестьянинъ не фермеръ и не собственникъ, то онъ ваннмаетъ себѣ отдѣльные участки земли, которые называютъ

ся *pièces à volage* (1), и которые рѣдко занимаютъ пространство болѣе одного гектара. Такой родъ сдачи чрезвычайно выгоденъ для собственника, чрезвычайно отяготителенъ для наемщика; *terres volantes* отдаются въ наемъ гораздо дороже, чѣмъ большія фермы, сравнительно съ ихъ доходами. Эти деревенскіе пролетаріи, кромѣ обрабатыванія *terres volantes*, недостаточныхъ для прокормленія ихъ, нерѣдко по зимамъ занимаютъ ткачествомъ. Иные работаютъ на желѣзныхъ дорогахъ, подвозятъ и разбиваютъ камни для поддержанія дорогъ императорскихъ и департаментскихъ, большихъ и малыхъ; другіе занимаютъ добываніемъ каменнаго угля, желѣзной руды, ломкою мрамора, шифера, известковаго камня; въ лѣсахъ, рубкою лѣса для выжиганія угля, для построекъ и для выдѣлки деревянной посуды, сдираніемъ коры, распиливаніемъ брусевъ подъ рельсы и проч. и проч.

Въ основаніи земледѣлія лежитъ семейное начало: отецъ и мать работаютъ и экономничаютъ до того, что часто лишаютъ себя всего необходимаго; если богачи въ городахъ нерѣдко находятъ, что нѣтъ ничего необходимѣе излишняго, то въ деревняхъ придерживаются того мнѣнія, что нѣтъ ничего лишнѣе необходимаго, и мужественно отказываютъ себѣ во всемъ, питая надежду скопить столько, чтобы купить современнымъ красивое поле—постоянный предметъ всѣхъ желаній крестьянина. Оттого онъ оставляетъ для себя только собственныя произведенія самой низкой цѣнности, а все лучшее отвозитъ на рынокъ, куда онъ охотно отправляется, чтобы развѣдать обо всемъ, что можетъ интересоваться его. На этотъ день онъ подражаетъ своимъ сосѣдямъ-горожанамъ и трактуетъ о дѣлахъ въ харчевнѣ между чашкою кофе и рюмкою водки. Харчевня—это биржа крестьянина, и почти можно сказать, что если онъ ходитъ въ воскресенье къ обѣднѣ, то болѣе всего за тѣмъ, чтобы по выходѣ изъ церкви встрѣтить въ харчевнѣ сосѣдей и потолковать съ ними о повышеніи и пониженіи цѣнъ на земледѣльческіе продукты, дабы случайный покупатель не могъ захватить его врасплохъ.

Дѣти его—домашніе служители, до тѣхъ поръ, пока конскрипція не увлечетъ ихъ съ фермы, или жажда корысти не заставитъ ихъ опредѣлиться куда-нибудь въ услуженіе. Съ

(1) *Pièces à volage, terres volantes*—участки, отдаваемые на короткое время безъ контракта, сегодня одному, завтра другому.

семи до восьми лѣтъ они пасутъ стада въ поляхъ или водятъ быковъ на пашнѣ. Это начало ихъ земледѣльческаго воспитанія. Когда имъ исполнится десять лѣтъ, то начинается ихъ воспитаніе элементарное и религіозное; они посѣщаютъ, за исключеніемъ времени жатвы и посѣва, общественную школу, гдѣ обучаются читать и писать, рѣшаютъ задачи по четыремъ ариѳметическимъ правиламъ и преимущественно повторяютъ слово въ слово, машинально, но нисколько не понимая смысла, уроки изъ катехизиса. Послѣ перваго причащенія, менѣе достаточные родители берутъ ихъ изъ школы, чтобы помѣстить въ услуженіе на фермы, гдѣ они забываютъ то немногое, чему когда-то научились. Хорошо еще, если въ послѣдствіи они въ состояніи будутъ подписать свое имя. Для вычисленій же они никогда не пользуются своими ариѳметическими познаніями; у нихъ есть особый способъ сводить счеты изустно, котораго я никакъ не могъ понять, но который производится довольно быстро и вѣрно. Дѣти достаточныхъ крестьянъ остаются въ школѣ до пятнадцати лѣтъ; они совершенствуются въ своихъ познаніяхъ и даже идутъ далѣе, поступая въ курсъ совершеннолѣтнихъ, устраиваемый наставникомъ въ продолженіи трехъ-четырехъ зимнихъ мѣсяцевъ.

Чувство взаимной привязанности соединяетъ крестьянина съ землевладѣльцемъ, котораго онъ называетъ не иначе, какъ своимъ господиномъ, *Monsieur notre maitre*; они какъ бы составляютъ одно общество и расстаются неохотно. Иной землевладѣлецъ получаетъ съ своихъ фермеровъ за свои земли плату гораздо ниже той, которую бы онъ могъ получить, еслибы захотѣлъ отдать ихъ другимъ. Надо замѣтить, что вообще въ богатыхъ благородныхъ семействахъ земледѣльцы находятъ болѣе всего снисхожденія. Половничество, бывшее нѣкогда главнѣйшимъ способомъ найма земли, содѣйствовало къ поддержанію самыхъ лучшихъ отношеній между собственниками и поселянами. Послѣдніе почитались членами семейства; господинъ навѣщалъ ихъ во время болѣзни, помогалъ имъ деньгами безъ процентовъ для улучшенія домашняго скота и покупки удобреній. Такимъ образомъ земледѣліе могло сдѣлать успѣхи при содѣйствіи собственниковъ, которые своимъ кошелемъ и своими теоретическими свѣдѣніями помогали воздѣлыванію собственныхъ земель своихъ изъ-полу (*à moitié fruit*).

Благодаря матеріальному направленію нашего вѣка, безраз-

судной роскоши, жадѣ наслажденій, пожирающей классы общества, избалованные счастьемъ, благодаря желанію извлекать изъ сельской собственности доходы, которые бы равнялись прибыли съ капиталовъ, помѣщаемыхъ въ промышленныя предприятия, такой порядокъ вещей исчезаетъ, и глухая вражда грозитъ заступитъ мѣсто прежнихъ патріархальныхъ отношеній. Я виню въ томъ не поселянъ, а этихъ разбогатѣвшихъ владѣльцевъ, чуждыхъ сельскихъ обычаевъ, которые, не имѣя ни привязанностей, ни осѣдлости въ какой-либо странѣ, видятъ въ крестьянахъ не болѣе какъ грубыхъ батраковъ, доставляющихъ имъ своею работою средства къ жизни, и безжалостно обременяютъ ихъ. Случается, что нѣсколько богатыхъ собственниковъ, владѣющихъ въ одной и той же общинѣ значительнымъ числомъ фермъ, для упрощенія своихъ дѣлъ ввѣряютъ свои земли одному главному фермеру, который носитъ названіе *syndic fermier*, и который беретъ по контракту всѣ ихъ фермы для того, чтобъ отъ себя уже раздавать ихъ поодиначкѣ крестьянамъ. Это своего рода управитель, но обходится гораздо дешевле, потому что онъ, въ одно и то же время, и фермеръ, и повѣренный землевладѣльца, основывающій всѣ барыши свои на раздачѣ въ наемъ взятыхъ имъ на свою отвѣтственность земель. При такомъ порядкѣ дѣлъ уплата производится свободнѣе и точнѣе, тѣмъ болѣе, что крестьяне гораздо охотнѣе ведутъ дѣла между собою, чѣмъ съ какими-нибудь буржуа, и въ то же время, въ случаѣ необходимости, обнаруживаютъ жестокость, къ которой не въ состояніи прибѣгнуть сами землевладѣльцы. Послѣдніе готовы притѣснить своихъ фермеровъ, но сами не рѣшаются на это: имъ надобно не видать своей несправедливости, чтобы не слишкомъ тревожиться ею.

Иногда при заключеніи условій встрѣчается смѣшеніе полоничества съ фермерствомъ, то-есть одна часть найма фермы уплачивается наличными деньгами, а другая зерновымъ хлѣбомъ.

Малые размѣры фермъ и участковъ, а равно и привязанность крестьянина къ рутинѣ, препятствуютъ распространенію машинъ, столь разнообразныхъ въ наше время и имѣющихъ цѣлю сокращеніе работъ и сбереженіе человѣческихъ силъ. Впрочемъ одна изъ нихъ уже принимается охотно, это молотильная машина. Молотьба хлѣба цѣпами до такой степени медленна и тяжела, что нѣкоторые богатые земле-

владѣльцы завели машины; но ббольшая часть нанимаетъ передвижную молотилку, за наемъ которой уплачиваютъ или по-денно, или смотря по количеству гектолитровъ вымолоченныхъ зеренъ. По мѣстному обычаю, молотьба производится тотчасъ же послѣ жатвы, и есть нѣчто торжественное въ актѣ вступленія во владѣніе вымолоченнымъ хлѣбомъ,—хлѣбомъ, приобрѣтеннымъ цѣною такихъ тяжелыхъ трудовъ и поступающимъ въ амбары по минованіи столькихъ случайностей, которыми онъ подвергается въ продолженіи восьми или девяти мѣсяцевъ, вслѣдствіе атмосферическихъ пере мѣнъ и другихъ физическихъ явленій. Въ работѣ рукъ человѣческихъ есть своего рода поэзія, но замѣнившая ихъ машина носить на себѣ характеръ величія. Неутомимый не знающій отдыха паръ, пожирая время пространство, не нуждается въ часахъ отдыха и развлеченія, которыхъ требуетъ немощъ человѣка. Пospѣшимъ же, пока есть еще время, описать церемонію праздника снопа (*la fête de la gerbe*), заключающаго жатву и молотьбу, для которыхъ менскій крестьянинъ считаетъ долгомъ отложить въ сторону всѣ прочія занятія.

Старикъ-крестьянинъ на закатѣ дней своихъ почитаетъ за счастье сказать, что онъ ни разу на своемъ вѣку не пропустилъ ни одного «праздника снопа», и даже тѣ, кто пересталъ заниматься земледѣліемъ, сохраняютъ привычку приходить во время жатвы на помощь своимъ роднымъ и принимать участіе въ послѣдней работѣ, которая вознаграждаетъ земледѣльца за всѣ труды цѣлаго года. Когда работа приближается къ концу, и когда настилаютъ послѣдній по-садъ сноповъ, молотильщики ставятъ въ одномъ изъ угловъ риги снопъ, украшенный лентами и цвѣтами, и привязываютъ его накрѣпко, но такъ, чтобъ это было не замѣтно, къ столбику, вбитому въ землю. Остальные снопы уже насланы на токъ. Тогда всѣ жнецы и молотильщики собираются вмѣстѣ и въ торжественной процессіи идутъ къ владѣльцамъ фермы или, за отсутствіемъ ихъ, къ фермеру и женѣ его и просятъ, чтобъ они пособили имъ настлатъ послѣдній снопъ, который сами молотильщики не въ силахъ поднять съ земли безъ ихъ помощи. Отдавъ приказаніе сходить въ погребъ за виномъ, для подкрѣпленія ослабѣвшихъ силъ, владѣльцы отправляются въ ригу, и послѣ многихъ усилій и обильнаго возліянія, веревки разрываютъ, снопъ поднимаютъ съ земли, и веселая толпа, вы-

строившись рядами, начинается триумфальное шествіе на токъ, распѣвая пѣсню, употребляемую съ незапамятныхъ временъ при этой церемоніи, къ которой впрочемъ она нисколько не относится.

Шествіе открываютъ два человѣка, вооруженные метлами, которыми, подъ предлогомъ метенія дороги, поднимаютъ тучи пыли, способныя ослѣпить даже кротовъ; затѣмъ слѣдуетъ снопъ, который несутъ владѣльцы, и за ними идутъ дѣти ихъ съ пучками колосевъ въ рукахъ. Если на праздникъ случится присутствовать постороннимъ, то молодая дѣвушка сначала подносятъ имъ на оловянномъ блюдѣ, наполненномъ пшеницею, букетъ полевыхъ цвѣтовъ, потомъ сажаютъ ихъ на носилки, обвитыя гирляндами, и волею-неволею несутъ ихъ въ триумфъ. Самый искусный вѣяльщикъ идетъ за ними съ своимъ вѣяломъ, наполненнымъ зернами, которыя онъ взбрасываетъ на воздухъ, выказывая всю свою ловкость, а толпа молотильщиковъ, вооруженная цѣпами, бьетъ тактъ по землѣ и замыкаетъ шествіе.

По приближеніи къ току, процессія обходитъ его съ тою же торжественностью; снопъ развязываютъ, распускаютъ и при этомъ стрѣляютъ изъ ружей, что дѣлается непременно на всѣхъ деревенскихъ праздникахъ. Тогда приносятъ на столъ, покрытомъ чистою скатертью, хлѣбъ изъ лучшей пшеничной муки, комокъ масла и бутылки съ виномъ, чтобы каждый ѣлъ и пилъ, сколько кому угодно. Послѣ этого молотба оканчивается посреди пѣсень и радостныхъ восклицаній. Вечеромъ, за ужиномъ, непременно подается творогъ. Наканунѣ еще молодые молотильщики ходили въ сосѣднюю ферму, чтобы привязать букетъ къ скамейкѣ, на которую садится молодая дѣвушка доить корову: это означаетъ, что дѣвушку приглашаютъ принести творогу на праздникъ. Когда начинаютъ подавать молочное кушанье, пятеро юношей и столько же молоденькихъ дѣвшекъ встаютъ съ мѣста и, вычистивши сначала щеткою каждого изъ гостей, подаютъ ему букетъ; потомъ молодницы заставляютъ каждого мужчину проглотить по ложкѣ простокваша; счастливъ тотъ, кому дѣвушка, какъ будто по неловкости, перемараетъ носъ и лицо: эта неловкость означаетъ любезность и дружбу. Хохоть и шутки сопровождаютъ церемонію.

Ужинъ оканчивается пѣсней *жнецовъ*, первыя строфы которой не имѣютъ ни малѣйшаго интереса, но послѣднія, несомнѣнно на неправильность фактуры, отличаются тою остроумною

граціей и наивностью, которыя характеризуютъ народныя пѣсни Грековъ и древніе романсы Испанцевъ. Вотъ эти строфы:

VII.

Dans la peine, dans l'ouvrage,
 Dans les divertissements,
 Je n'oublie jamais ma mie,
 C'est ma pensée en tout temps.
 Ho! batteux, battons la gerbe,
 Compagnons joyeusement!

VIII.

Ma mie reçoit de nos lettres
 Par l'alouette des champs;
 Elle m'envoie les siennes
 Par le rossignol chantant.
 Ho! batteux etc.

IX.

Sans savoir lire ni écrire,
 Nous lisons ce qui est dedans.
 Il y a dedans ces lettres:
 «Aime moi, je t'aime tant.»
 Ho! batteux etc.

X.

Viendra le jour de la noce,
 Travaillons en attendant.
 Devers la Toussaint prochaine
 J'aurai tout contentement.
 Ho! batteux etc. (1)

-
- (1) Никогда не забываю
 О подругъ я моей,
 Посреди трудовъ, заботы
 Все я думаю объ ней.
 Дружно, братцы, ну-ка, ну!
 Обмолочивай копну!

Послѣ пѣсни, начинается играть скрипка: ночь проходить въ танцахъ.

ЕВГЕНІЙ БОНМЕРЪ.

Писемъ ждетъ моихъ подруга
 Съ вольнымъ вѣтромъ-вѣтеркомъ,
 А ко мнѣ пересылаетъ
 Съ голосастымъ соловьемъ,
 Дружно, братцы, ну ка, ну!
 Обмолачивай копну!

Неучаса мы читаемъ
 Въ этой грамотѣ листы.
 Въ нихъ написано немного:
 «Я люблю, люби жъ и ты!»
 Дружно, братцы, ну-ка, ну!
 Обмолачивай копну!

Скоро свадьбы день веселый,
 Полно, милая, тужить!
 Надо въ будни по работать,
 Чтобъ все нужное нажить!
 Дружно, братцы, ну-ка, ну!
 Обмолачивай копну!

ПО ДОРОГѢ¹

(Посвящается Е. Ф. Головачовой.)

Въ маѣ мѣсяцѣ текущаго года я былъ командированъ господиномъ начальникомъ губерніи для переслѣдованія одного довольно неприятнаго дѣла, за которое я, какъ человѣкъ по службѣ еще неопытный, брался весьма не охотно. Надѣюсь, что благосклонный читатель пойметъ всю затруднительность моего положенія и искренно посочувствуетъ мнѣ, когда я объясню ему, въ чемъ заключалось возложенное на меня порученіе. Дѣло было вотъ какое: богатый помѣщикъ одного изъ уѣздовъ нашей губерніи, баринъ въ полномъ смыслѣ этого слова, какъ-то *неосторожно* обошелся съ однимъ изъ своихъ крестьянъ, чѣмъ, къ удивленію его, не только вышепомянутый крестьянинъ, но и все село осталось крайне недовольно. Этотъ столь замѣчательный фактъ обратилъ на себя даже вниманіе одного изъ почтенныхъ нашихъ столоначальниковъ, г. Мысленка, который еще на дняхъ говорилъ мнѣ: «Удивительная это, доложу вамъ, вещь, Александръ Дмитричъ! У насъ все толкуютъ о какомъ-то *прогрессѣ*, о движеніи впередъ на Руси; а я такъ, долженъ признаться, съ своей

(1) См. *Русскій Вѣстникъ* № 4.

точки зрѣнія, обсуживаю этотъ предметъ совсѣмъ иначе; вотъ такъ и жду, что въ скоромъ времени настанетъ свѣтопреставленіе. Всюду и давно замѣчено мною, продолжалъ онъ, съ важностью понюхавъ табаку и устремивъ глаза въ потолокъ, что братъ возстаетъ на брата, а нонче ужъ и дѣти возстаютъ на отцовъ своихъ. Вотъ, хоть бы тѣ же мужички, бывало, при видѣ господъ своихъ падаютъ ницъ, да только приговариваютъ: «вы наши отцы, мы ваши дѣти», а нонче, чуть чтò, лѣзутъ, куда не слѣдуетъ, съ жалобой.»

Дѣйствительно такъ поступили и крестьяне генераль-майора Чухрова. Пошутить съ ними не совсѣмъ деликатно помѣщикъ, а они ужъ и разсердились тотчасъ, и въ судъ. Выѣхали на слѣдствіе и исправникъ, и стряпчій, и лѣкаръ, сытно поужинали у его превосходительства, какъ называли они Чухрова, выпили по стакану шампанскаго и сверхъ того много множество менѣе благородныхъ, но болѣе свойственныхъ ихъ натурѣ и привычкамъ напитоковъ, пробились часу до третьяго утра въ ералашъ, а въ 8 приступили къ слѣдствію. Оказалось, какъ и слѣдовало ожидать, что помѣщикъ былъ совершенно правъ, а крестьяне кругомъ виноваты. Но крестьяне и тутъ не убѣдились въ неправотѣ своей. Вечеромъ того же дня они собрались за барскимъ гумномъ, долго судили и рядили о происшествіяхъ утра, ирѣшили, выбравъ трехъ толковыхъ, бойкихъ мужиковъ, отправить ихъ съ жалобой къ губернатору. Это-то избирательное собраніе, устроившееся за гумномъ села Блисталова и пославшее въ канцелярію губернатора своихъ депутатовъ, было причиною того затруднительнаго положенія, въ которомъ я находился, и о которомъ сейчасъ имѣлъ честь говорить вамъ. «Чтò тутъ дѣлать? думалъ я. Ну какъ помѣщикъ-то и въ самомъ дѣлѣ виноватъ? Вѣдь придется не только идти противъ него,—а онъ почти свой начальнику губерніи,—но и противъ всѣхъ уѣздныхъ властей, взявшихъ его сторону.» А губернаторъ и такъ ужъ и въ прошломъ году, когда я поспорилъ съ однимъ исправникомъ, женатымъ на одной изъ многочисленныхъ хорошенькихъ крестницъ его превосходительства, замѣтилъ мнѣ: «Эхъ, Александръ Дмитричъ, умный вы человекъ, а страсть у васъ какая-то становится въ контру со всѣмъ, чтò у насъ есть просвѣщеннаго и благороднаго.» Я было сталъ защищаться, призвалъ на помощь всѣ такія слова, которые, по моему мнѣнію, должны были произвести эффектъ на его превосходительство, говорилъ о долгѣ службы, о святой обязан-

ности стоять за угнетенныхъ, о любви къ истинѣ, какъ основѣ всякаго правосудія. Но его превосходительство перебилъ меня словами: «Резонеръ вы, молодой человекъ, резонеръ, и повѣрте мнѣ старику, право, это дѣло не чиновничье.» Однако дѣлать было нечего, отправляться нужно.

Наканунѣ отъѣзда явился я къ губернатору за послѣдними инструкціями. Его превосходительство принялъ меня весьма благосклонно, изъявилъ надежду, что я оправдаю лестное его ко мнѣ довѣріе, и подѣ конецъ просилъ, чтобъ я, возвращаясь изъ Блесталова, заѣхалъ по дорогѣ въ Крутицы, къ поручику Пруткову, да напомнилъ бы ему о карточномъ должкѣ въ 1700 руб. сер., который онъ уже третій годъ все собирается заплатить его превосходительству. Я съ достоподобнымъ почтеніемъ принялъ и это второе порученіе его превосходительства, хотя тутъ же вспомнилъ, что Крутицы лежатъ не совсѣмъ по пути отъ Блесталова въ городъ, а личность г-на Пруткова мнѣ изстари была весьма антипатична. Но что дѣлать! Какъ не подавить иногда неприятнаго ощущенія, когда стоишь передъ лицомъ начальника, когда тутъ же, какъ въ эту минуту, присутствуетъ и супруга его, даже весьма и весьма благовоспитанная, и привѣтливо посматривая на меня, повторяетъ: «Да, Monsieur Зарницынъ, вы бы очень обязали насъ, еслибъ обдѣлали для насъ это дѣло. Очень очень обязали бы. Вы можете себѣ представить, чего стоитъ d' avoir une maison aussi bien montée que la nôtre (ея превосходительство, говоря со мной, постоянно втираетъ въ русскую рѣчь французскія слова, и особенно благоволитъ ко мнѣ за знаніе этого языка),—а тутъ еще Мери больна! у нея une maladie de langueur, une sorte de spleen, que sais-je! Ее непременно нужно везти за границу.»—Да, да, поддакнулъ губернаторъ, готовый впрочемъ жертвовать своими 1700 рублями не столько изъ отеческой нѣжности къ больной дочери, сколько для того, чтобъ откупиться этими деньгами на нѣсколько мѣсяцевъ отъ присутствія ея превосходительства и имѣть возможность безпрепятственно посѣщать небольшой сѣренькій домикъ съ каленкоровыми занавѣсками на окнахъ, въ одной изъ отдаленныхъ улицъ города. Ея превосходительство впрочемъ мало стѣсняется этими отношеніями своего супруга: она, какъ женщина благоразумная и дальновидная, даже довольна слабостью мужа, которая въ этомъ супружествѣ сдѣлалась мечомъ обоюдоострымъ, и если съ одной стороны поражаетъ иногда нѣжное сердце ея превосходительства, то съ другой стороны даетъ ей средства, при

маленькихъ семейныхъ размовкахъ, совершенно поражать и даже обращать въ бѣгство его превосходительство, упрекнувъ его нѣсколько разъ сряду жизнью, такъ мало соответствующею его преклоннымъ лѣтамъ, положенію въ свѣтѣ и высокому сану отца семейства, отца такой дочери, какова Мери. Послѣ такихъ семейныхъ сценъ, губернаторъ долго избѣгаетъ всего, что могло бы навлечь на него гнѣвъ оскорбленной супруги, а ея превосходительство съ смиреніемъ несетъ крестъ свой, какъ говорить она въ интимной бесѣдѣ пріятельницѣ своей княжнѣ Л., и съ новымъ рвеніемъ отдается вся воспитанію бѣдной Мери, изъ которой ей хочется непременно сдѣлать *une vraie Anglaise*. А хочется ей этого на томъ основаніи, что она въ какой-то книгѣ прочитала, что англійская аристократія самая аристократическая изъ всѣхъ аристократій. Къ несчастію, прекрасная Мери напоминаетъ гордыхъ дочерей Альбіона только впадою грудью, шотландскимъ произношеніемъ и страшною неприступностью, пугающею все общество губернскаго города и не доставляющею ей самой, повидимому, ни малѣйшаго наслажденія.

Не считаю нужнымъ утруждать вниманіе читателя разказомъ о томъ, какъ доѣхалъ я до Блесталова, что нашелъ и что дѣлалъ тамъ. Скажу только, что пріѣхалъ туда съ невеселыми думами, а уѣхалъ съ думами, еще болѣе мрачными и безотрадными.

Пробывъ въ Блесталовѣ трое сутокъ и переслѣдовавъ дѣло, я наконецъ уѣхалъ, не совсѣмъ дружелюбно простившись съ провожавшими меня до крыльца уѣздными властями, которыя, несмотря на всю оказываемую мнѣ вѣжливость, казалось, готовы были растерзать меня на части. Я старался забыть о всѣхъ этихъ враждебныхъ физіономіяхъ, подслащенныхъ приторными улыбками, вглядываясь въ пріветливыя лица крестьянъ, попадавшихъ мнѣ на улицѣ и низко кланявшихся моему тарантасу, и, припоминая различіе собранныхъ мною въ Блесталовѣ свѣдѣній съ показаніями земской полиціи, тихо повторялъ про себя стихи Майкова:

Но отчего такъ созданъ свѣтъ,
Что гдѣ хоть два есть человѣка,
И два есть взгляда на предметъ?

Выѣхавъ изъ села, мы тихо поплелись вдоль песчанаго берега какой-то безыменной рѣчки, гдѣ вилась довольно краси-

вая, но весьма неудобная для ѣзды дорога. Погода стояла удушливо-жаркая. Каждый день около полудня по небу ходили дождевыя облака, иногда сливаясь даже въ сплошныя темныя тучи: все ждали дождя, но дождь не шелъ. Юговосточный вѣтеръ все снова и снова разгонялъ тучи, и солнце принималось печь пуще прежняго. Истомленный непріятною работою въ Блισταловѣ, разслабленный страшнымъ жаромъ и убаюканный движеніемъ экипажа, я скоро впалъ въ тревожную дремоту, изъ которой иногда вдругъ вырывало меня внезапное, слишкомъ сильное наклоненіе тарантаса въ ту или другую сторону. Тогда я силился открыть глаза, и съ безпокойствомъ, свойственнымъ всѣмъ засыпающимъ въ дорогѣ, всматривался нѣсколько минутъ въ своего кучера, желая угадать, оборачивался ли онъ въ продолженіи моего сна и не смѣется ли надъ моею заспанною физиономіей и страннымъ киваніемъ головы. Потомъ поправлялъ фуражку, садился прямо, а черезъ минуту снова принимался дремать. Странныя грезы видѣлись мнѣ: то снился мнѣ начальникъ губерніи; брови его хмурились, лицо выражало неудовольствіе; онъ укоризненно глядѣлъ на меня, перелистывая исписанную мою рукою тетрадь, и какъ-то вразумительно говорилъ: «Поймите же наконецъ, Александръ Дмитричъ, что становится въ контру со всѣмъ, чтѣ есть у насъ просвѣщеннаго», и т. д. Я не дослушивалъ и обращалъ свой скучающій взглядъ въ ту сторону, гдѣ сидѣла ея превосходительство съ княжной Л.; но оказывалось, что и губернаторша находится въ грустномъ расположеніи духа; неодобрительно качая головой, она шептала княжнѣ: «Какъ жаль, что этотъ молодой человекъ такъ плохо рекомендуетъ себя, en prenant le parti de la canaille. А онъ такъ бѣгло говоритъ по-французски.» То видѣлъ я себя въ крестьянской избѣ. Въ переднемъ углу на лавкѣ лежитъ больной. Блѣдное лицо его съ запекшимися губами, съ потухшимъ взглядомъ, страшно искажено предсмертною мукой. Я наклоняюсь къ нему, чтобъ о чемъ-то спросить его; онъ дѣлаетъ усиліе, чтобы понять меня, останавливаетъ на мнѣ свой безжизненный взоръ, и вдругъ въ глазахъ его загарается какая-то страшная, безсилая злоба. Онъ отчаянно шевелитъ языкомъ; но языкъ не повинуется болѣе и, касаясь воспаленнаго неба, издаетъ только какой-то глухой, нѣвнятный звукъ. Больной въ безпокойствѣ мечется на подушкѣ, одною рукою показываетъ на чашку съ водою, поставленную на окнѣ, а другую судорожно прижимаетъ

къ изсохшей груди. Въ томъ углу, гдѣ стоятъ двѣ женщины, слышенъ сдержанный плачь. И вдругъ въ избѣ является уѣздный лѣкаръ, и на латинскомъ языкѣ объясняетъ мнѣ что-то непонятное о ходѣ болѣзни умирающаго. И вотъ изба исчезаетъ, и я снова въ домѣ губернатора, но уже не въ кабинетѣ его, а въ большой пріемной залѣ. На срединѣ комнаты стоитъ столъ, покрытый бѣлою скатертью и окруженный толстыми восковыми свѣчами въ большихъ церковныхъ подовѣчникахъ. На столѣ лежитъ Мери, одѣтая въ шелковое бѣлое платье, съ вѣнкомъ изъ бѣлыхъ лилій на головѣ. Какъ прекрасна она въ этомъ пышномъ бѣломъ нарядѣ при двойномъ освѣщеніи свѣчей и яснаго солнечнаго луча, который, пробившись сквозь кисейныя занавѣски окна, мягко ложится на всю ея фигуру и освѣщаетъ ея правильное, будто мраморное лицо! Какъ идетъ къ ней быть мертвой! Она въ эту минуту какъ будто достигла своего идеала «англійской» неподвижности и холодности. На устахъ у нея улыбка, полная гордаго спокойствія, которая ясно говоритъ: «Я сознаю, что и здѣсь, и теперь, я не то, что другіе смертные. Послушайте, вотъ пономарь читаетъ по мнѣ какъ-то почтительно, и онъ чувствуетъ, что передъ нимъ не простой покойникъ.» Но вотъ стѣны губернаторскаго дома падаютъ, и я вижу одну изъ аллей Титовскаго сада. Зоя, легкая и нарядная какъ бабочка, бѣжитъ по дорожкѣ. Я нагоняю ее; она останавливается и насмѣшливо говоритъ мнѣ: «Что, говорила я вамъ, Александръ Дмитричъ, что вы не созданы для службы, и что вамъ не слѣдуетъ служить! Жили бы вы лучше въ деревнѣ, занимались бы хозяйствомъ, садомъ...» Она все еще шевелитъ губами, а я уже не слышу ея, а только воображаю себѣ, что, продолжая рисовать картину моей деревенской жизни, она говоритъ мнѣ: «женились бы на любимой дѣвушкѣ, которая изъ любви къ вамъ...» И я готовъ уже согласиться съ нею, и уже протягиваю къ ней руки, какъ вдругъ между нами мой умирающій. Зоя вскрикиваетъ и съ ужасомъ глядитъ въ это изнеможенное лицо, и вдругъ сама вся измѣняется; исчезла ея веселость и беззаботность, крупныя слезы катятся по щекамъ. А между тѣмъ больной все силится сказать что-то, и катается по травѣ, а вдали слышатся дикіе крики и хлопанье бичей. Я открылъ глаза, мы вѣзжали въ бродъ; мой Сергѣй изо всѣхъ силъ нахлестывалъ коренную, и брызги весело летѣли изъ-подъ ногъ пристяжныхъ въ мое пылающее лицо. Я совсѣмъ ободрился и началъ припоминать всѣ грезы

свои, какъ вдругъ, вспомнивъ о губернаторѣ и его семействѣ, я пораженъ былъ мыслию о данномъ мною обѣщаніи захватить Пруткову. Къ счастью, мы не пробѣжали еще поворота въ Крутицы; я отдалъ Сергѣю приказаніе ѣхать туда и уже не засыпалъ болѣе, довольный тѣмъ, что вовремя вспомнилъ о единственномъ средствѣ смягчить неизбѣжный гнѣвъ его превосходительства. Черезъ два часа, я уже вѣзжалъ во дворъ г. Пруткова и тотчасъ замѣтилъ, что поручика должно-быть нѣтъ дома; такъ-называемая парадная дверь была заперта, и передъ самымъ крыльцомъ нѣсколько дворовыхъ ребятъ забавлялись игрой въ бабки. Въ домѣ все казалось тихо; только въ одной комнаткѣ, окна которой выходили въ небольшой палисадникъ, украшенный піонами и нарцисами, на подоконникѣ одного изъ широко-открытыхъ оконъ, сидѣла молодая и довольно красивая женщина въ пестрой кисейной блузѣ, съ откинутыми назадъ широкими рукавами и съ нечесаною головою. Неизящное *неллиже* обрисовывало какъ нельзя лучше ея весьма развитыя формы и выказывало полныя бѣлыя руки. Когда я вѣзжалъ въ ворота, она усердно щелкала орѣхи и не безъ участія смотрѣла на игравшихъ въ бабки; но увидѣвъ, что я вылѣзъ изъ тарантаса и разговариваю съ однимъ изъ молодыхъ парней, скрылась въ комнату, и вслѣдъ за тѣмъ появился изъ дому казачокъ въ вышитой снурками венгеркѣ, босой, и широко отворивъ переднюю дверь, преравно объявилъ, что барина, де, нѣтъ дома. Я ужъ успѣлъ узнать прежде, что Прутковъ уѣхалъ на нѣсколько дней въ одинъ изъ уѣздныхъ городовъ, гдѣ въ Духовъ день долженствовала быть ярмарка. Мнѣ было досадно, что я напрасно сдѣлалъ довольно значительный крюкъ, и тѣмъ досаднѣе, что ѣхать тотчасъ дальше было невозможно; лошади были до крайности измучены послѣднимъ, довольно томительнымъ переѣздомъ, и я, скрѣпя сердце, долженъ былъ рѣшиться переночевать въ Крутицахъ, съ тѣмъ чтобы на другой день рано утромъ ѣхать дальше. Я вошелъ въ домъ, гдѣ меня тотчасъ охватила атмосфера, живо напомнившая мнѣ тотъ отвратительный воздухъ, который встрѣчаетъ васъ при вступленіи въ какой-нибудь грязный номеръ губернской гостиницы. Это воздухъ, въ которомъ сразу высказывается вся наша лѣнь, невоздержность, неряшество и отсталость. Понятно, что первъ-тъ дѣломъ моимъ было открыть окно, вторымъ—закурить сигару. Пока я занимался этимъ, босой казачокъ исчезъ на минуту и скоро снова явился. Онъ объяснялъ мнѣ, что Соло-

монида Викентьевна приказали узнать, угодно ли мнѣ будетъ ужинать или кушать чай. Я попросилъ чаю, и, въ ожиданіи его, принялся осматривать комнаты. Въ нихъ, впрочемъ, все было такъ пусто, такъ непривлекательно, что осмотръ мой не могъ занять много времени. Въ трехъ открытыхъ для меня, такъ-называемыхъ парадныхъ комнатахъ, залѣ, гостиною и кабинетѣ, невозможно было отыскать малѣйшаго признака жизни и дѣятельности. Ничто не намекало на нравственную сторону хозяина, какъ будто у него ея вовсе не было: ни одной картины на стѣнахъ, обитыхъ дорогими, но уже засаленными обоями, ни одного портрета на этажеркѣ или столикѣ, ни одного растенія на окнѣ, нигдѣ ни письма, ни записки, ни книги; только въ кабинетѣ отыскалъ я календарь текущаго года и *Опытнаго ветеринара*, въ которомъ, впрочемъ, несмотря на совершенно-истасканную обертку, вторая половина была еще не разрѣзана; только два открытыхъ ломберныхъ стола, съ исписаннымъ по всѣмъ направленіямъ сукномъ, свидѣтельствовали объ утомительной работѣ хозяина, длившейся, вѣроятно, не разъ съ утра до поздней ночи, и съ ночи до утра. Напившись чаю и посмотрѣвъ, какъ рыжая горничная, съ разстегнутымъ сзади платьемъ, пронесла въ кабинетъ подушки и простыню, заставившія меня содрогнуться при мысли, что онѣ предназначались мнѣ, я вышелъ изъ дому безъ всякой опредѣленной цѣли, только съ желаніемъ освѣжиться, выбравшись изъ этой душной атмосферы, изъ-подъ гнета тяжелыхъ мыслей, навѣянныхъ на меня этимъ печальнымъ помѣщичьимъ домомъ. Перебравшись черезъ большой оврагъ, я вошелъ въ деревню, расположенную очень живописно на крутомъ берегу узкой рѣчки, отдѣляющей деревню отъ приходскаго села. На улицѣ царствовала совершенная тишина, что {заставило меня вспомнить, что въ этотъ день былъ Семикъ, вызвавшій, вѣроятно, все молодое народонаселеніе въ одну изъ березовыхъ рощицъ, которыя виднѣлись на томъ берегу рѣчки, вправо и лѣво отъ села. Старики и старухи, забравшись на полати, и обрадовавшись тишинѣ, вѣроятно, сладко дремали, и быть-можетъ снились имъ ихъ молодые годы, ихъ Семики съ зелеными вѣнками и разукрашеною березой, съ веселыми пѣснями и плясками. Ребятишки видно всѣ отправились, кто съ матерью, кто самъ по себѣ, поглазѣть на народъ, да послушать пѣсень. Даже собакъ, которыми такъ изобилуютъ наши деревни, почти не было видно. Изрѣдка выскакивала откуда-нибудь шафа,

лѣниво щурилась на меня, и, вѣроятно, не считая меня достойнымъ своего вниманія, какъ бы не хотя тявкнувъ на меня разъ-другой, отправлялась на свое мѣсто. Глядя на такое нерадѣніе собакъ къ дѣлу, я невольно вспомнилъ о моемъ почтенномъ сослуживцѣ, г. Мысленкѣ, который еще не давно объяснялъ мнѣ, что не разъ имъ замѣчено было, что собаки лаютъ гораздо усерднѣе и больше, когда хозяева бываютъ дома, и выводилъ изъ этого странное заключеніе, что-вотъ и собака, а не лучше человѣка. И нашъ братъ, какъ начальникъ тутъ, такъ дѣло дѣлаеть, а нѣтъ, такъ отъ дѣла бѣгаетъ. Прощедши болѣе половины улицы, я наконецъ завидѣлъ человѣческую фигуру. Когда я подошелъ ближе, то разглядѣлъ, что то была женщина. Она сидѣла у самаго обрыва горы изадумчиво смотрѣла въ даль. Возлѣ нея лежалъ укутанный въ большой полушубокъ мальчикъ лѣтъ четырехъ, русая головка котораго покоилась на ея колѣняхъ. И мать, и сынъ казались изнуренными. У ребенка было до прозрачности блѣдное личико съ какими-то синеватымъ отливомъ и впалыми глазами. Лицо матери, еще далеко не старое и очень красивое, выражало столько грусти и страданія, что пройти мимо ея безъ участія было бы невозможно. Всѣ черты ея были тонки и правильны до безжизненности; за то выраженіе свѣтившихся темныхъ глазъ ея ясно говорило вамъ, что передъ вами не обыкновенная крестьянская женщина, мирно, почти бессознательно прожившая половину своего вѣка на барщинѣ, другую въ душной избѣ среди иногда сытой, иногда голодной, но всегда почти апатичной семьи. Нѣтъ, взглянувъ на нее повнимательнѣе, вы тотчасъ убѣждались, что передъ вами существо, выработавшееся силою душевныхъ страданій, и если не вполне развитое, то далеко опередившее все то, что окружаетъ его.

— Что это, милая, обратился я къ ней, слегка приподнявъ фуражку и наклонивъ голову,—у васъ на деревнѣ такъ тихо и пусто? Видно всѣ ушли вѣнки завивать?

— А то куда же? отвѣчала она, оглядывая меня съ ногъ до головы.—Бабы, вѣстимо, всѣ въ лѣсъ пошли, да и ребятъ увели, а мужики еще въ полѣ, съ работы не ворочались.

— А развѣ мужики-то у васъ не ходятъ вѣнки завивать?

— А коли имъ ходить-то, сударь? Весной работа спѣшная,—не стоитъ. Да они у насъ, спасибо, не очень охочи праздничать, навыку-то не имѣютъ; круглый годъ работа: шесть дней на барщинѣ, а въ воскресный день надо и свою семью про-

кормить: Наше бабье дѣло все полегче, такъ и веселье-то больше на умъ идетъ.

— Да вѣдь вамъ безъ мужиковъ, чай, тоже не весело? все однѣ бабы, да бабы.

— Чтò же не весело-то? отвѣчала она:—привычка! А вотъ нонѣ, къ нашимъ бабамъ, еще служивый съ музыкой присталъ такъ у нихъ тамъ теперь, чай, такія пляски да пѣсни идутъ, что и-и Господи!

— А ты чтò же не пошла съ ними? спросилъ я, пристально поглядѣвъ ей въ лицо.

— Пытали онѣ, сударь, бабы-то, меня уговаривать, отвѣчала она,—пойдемъ-молъ, Афросинья, да пойдемъ! По крайней мѣрѣ хоть прогуляешься маленько. Да нѣтъ, не до того мнѣ, батюшка, грустно окончила она и потупила голову.

— Чтò же, аль больна? спросилъ я.

— Нѣтъ, сама, помилуй Богъ, не больна, возразила она,— да не до веселья мнѣ. Вотъ на одномъ году третьяго покойника хоронить собираюсь; а вѣдь оно не легко, это дѣло-то.

— Кто же у тебя померъ?

— Да вотъ прошлымъ-то лѣтомъ мать схоронили, а зимой сынишка убрался. Голосъ ея при послѣднемъ словѣ дрогнулъ.— А теперь невѣстка ужъ совсѣмъ на ладонь дышетъ,—не нынче, завтра покончится. Ужь они по ночамъ и огня не гасятъ, все ждуть, что вотъ-вотъ отойдетъ.

— Гдѣ же она? спросилъ я.—Я бы поглядѣлъ, нельзя ли чѣмъ помочь ей, спросилъ бы въ городѣ у доктора, прислалъ бы лѣкарства....

Афросинья махнула рукой.

— Поздно, сударь, уныло шепнула она:—да и Господь съ ней! и сама съ мѣрой развяжется, да и другимъ руки развяжетъ, покончила она и отвернулась, какъ бы желая прекратить неприятный для нея разговоръ. Минуты съ двѣ мы молчали. Она первая заговорила опять.

— А вы, сударь, отколѣва проѣзжать изволите?

— Я изъ Блισταлова, тетюшка. Заѣхалъ было съ дѣльцемъ къ вашему барину, да вотъ дома не засталъ.

— Уѣхалъ онѣ, еще вѣчоръ уѣхалъ, замѣтила Афросинья. А что, въ Блισταловѣ-то, сказываютъ, бѣда приключилась, прибавила она, вопросительно взглянувъ мнѣ въ лицо.

— Да, бѣда, коротко отвѣтилъ я, не желая пускаться въ дальнѣйшія объясненія. — А вы какъ знаете?

— Да слухомъ земля полнится, отвѣтила она.—Охъ, ужь и лють, лють ихъ баринъ-то, прибавила она не безъ горечи.

— Ну, а вашъ каковъ? спросилъ я.

— Да нашъ чтò! отозвалась она.—Нечего Бога гнѣвить, не больно тѣснить; все больше прикащикъ дѣйствуетъ. А онъ ничего. Вотъ одно маленько непристатно, что держать это онъ у себя какую-то чиновницу, ну такъ она ужь больно непутевая. А вѣдь тожь, когда осенью принесемъ тальки да холсты, такъ лается-лается, словно барыня какая, еще ину пору ударить норовить. Ну-у, баринъ чтò жь? Развѣ только инымъ часомъ, коли подъ пьяную руку ему попадешься, такъ словомъ какимъ изобидить, а рукамъ воли не даетъ. Одновѣ какъ-то, лѣтъ пятокъ, знать, будетъ, ѣхавши съ охоты, стеганулъ онъ арапникомъ Семку Голыша по головѣ, за то, что онъ шапки не ломаетъ; ну да на грѣхъ и вышибъ ему глазъ; такъ оченно опосля жалѣлъ, и въ тотъ же вечеръ вина съ уксусомъ примачивать прислалъ, да цѣлковый пожаловалъ. Оно, конечно, цѣлковый-то вмѣсто глаза не вставишь; ну да съ кѣмъ грѣха не бываетъ?

— А глазъ-то пропалъ? спросилъ я.

— Выболѣлъ, батюшка, какъ есть выболѣлъ, отвѣчала Афросинья.—Послѣ сказывали, что кабы въ ту пору да пѣвочкѣ ему, ну, можетъ-быть и не окривѣлъ бы. Да намъ гдѣ же это знать-то? Вѣдь у насъ лѣкарей-то нѣтъ, а какіе есть, такъ отъ нихъ кромѣ худа не дождешься.

— Такъ у васъ здѣсь все-таки есть докторъ?

— Э, батюшка, какой докторъ! возразила Афросинья.—Знамо дѣло, есть, такъ, простой знахарь; ну кой-чѣмъ по своему и лѣчить.

— Чтò же, помогаетъ?

— Инымъ разомъ поможетъ, кто вытерпитъ. Ну а кто не снесетъ, дѣлать нечего.

— Чего не снесетъ?

— Да снадобья-то его. Вотъ онъ, къ примѣру, отъ лихорадки даетъ такъ такого лихаго, что больной-то катается-катается, клещетъ его, клещетъ, такъ замертво и останется. Ну, коли снесъ, отстанетъ она отъ тебя, а вотъ покойница матушка, царство ей небесное! какъ испила этого зелья, такъ и зашла; сутокъ трое только и кричала: батюшки родные, жжетъ меня всю; все мое внутреннее выгорѣло! Такъ съ тѣмъ и покончилась. А какъ покончилась она, да стали мы ѣз обмывать, глядимъ—

а по ней даже пятна зеленяя повыступили. И Господь его въдаетъ, чего это онъ ей закатилъ; ужь какъ мучилась сердечная, не накажи Господи! Недѣль съ восемь послѣ ея смерти, куда ни пойду, а она все точно стоитъ передо мною, да жалуется, да стонетъ. Ужь отслужила я панихиду по ней, такъ будто и полегчѣло. А знахаря того то-есть по сію пору обхожу. Издали завизжу, такъ норовлю какъ бы другой дорогой пробраться. А то сойдись я съ нимъ, я бы ему, кажись, всѣ глаза-то выпала.

Афросинья горячилась все болѣе и болѣе. Я радовался этому, потому что былъ убѣжденъ, что, разъ расходившись, она многое сообщитъ мнѣ о своемъ житьѣ-бытьѣ; а я, какъ читатель уже знаетъ изъ прежнихъ разказовъ, собранныхъ мною по дорогѣ, до крайности любопытенъ во всемъ, чтò касается до крестьянскаго быта. Я не ошибся. Поговоривъ еще нѣсколько минутъ о матери, Афросинья обратилась къ смерти сына. Но голосъ ея такъ сильно задрожалъ, произнося имя Петруни, и лицо вдругъ сдѣлалось до того печально, что мнѣ стало жаль вызывать ее на подобныя воспоминанія. Впрочемъ, Богъ знаетъ, думалъ я, чтò для нея легче, жить съ этою, постоянно-гнетущею грустью и беречь ее для себя, или хотъ разъ опять высказать ее всю, съ ея разѣдающею болью, съ ея свѣтлыми и мрачными воспоминаніями? И я внимательно слушалъ.

« Вотъ ужь какъ Петруня занемогъ у меня, говорила она, ужь на что я перепугалась, а тутъ же порѣшила, что не пойду я къ этому окаянному, не дамъ ему загубить мое дитятко. Коли ужь на то воля Божія, пускай молъ, по крайности, своею смертію умираетъ. А долго мадѣль онъ у меня, и чтò я съ нимъ горя приняла, такъ и сказать не возможно. Въ ту пору у насъ на селѣ-то повальная горячка ходила, и въ сосѣдней избѣ пять человѣкъ въ ней лежало. Петруня-то и забѣги къ нимъ, въ избу, за ихъ мальченкой. Утромъ-то онъ забѣжалъ, а къ вечеру-то и свалился въ горячкѣ. Тутъ и Митюньку-то вотъ — и она указала на спящаго мальчика — схватила она, и онъ, тоже, недѣли три вылежалъ. Ужь чтò тутъ было, Господи! Измучилась я мукой съ ними; день-то еще все не такъ, и народъ-то ходитъ, и свѣтло-то, и сработать чтò придется, все какъ будто забудешь хотъ на минуту свою думу горькую. А какъ придетъ ночь, истома да и только. Всѣ полягутъ спать, кто на печь, кто на полати, а я положу ихъ рядкомъ на лавочку, да такъ всю ночь, вплоть до бѣлой зари, возлѣ нихъ и сижу

да сторожу ихъ; а они, сердечные, мечутся, лопочуть... то вскочить, особливо это Петруня, словно бѣжать куда хочетъ: держи, кричитъ, держи его, Ванька, ишь онъ мои бабки унесъ! или другое что, какъ это они тамъ играючи кричатъ на дворѣ, а самъ такъ и лѣзетъ, такъ и рвется. Держу я это его, унимаю, и водой-то пою, думаю, лучше опамятуется; ну и затихнетъ онъ маленько. Какъ потише стануть, такъ на зарѣ-то, ину пору, и я прислонюсь къ стѣнкѣ, да вздремну маленько, а руками все держу ихъ, боюсь, засну и не услышу какъ убѣгутъ. Вотъ послѣ трехъ недѣль Митюха-то и опамятовался, да самъ пить попросилъ. Ну, слава тебѣ Господи! думаю: авось Господь и Петруню-то подниметъ; и ужь что теперь грѣха-то таить, батюшка, Петруню-то я не въ примѣръ больше любила. И первенькой-то онъ у меня былъ, и ужь мальчикъ-то какой! кажись, и все село обойди, такова не найдешь. Бѣленькій, да крѣпознкій, словно ядрышко орѣховое; а ужь умница какой, и сказать нельзя! Бывало, какъ выражу я его въ воскресный день въ ситцевую рубаху, да надѣну сапожки смазные,—а онъ охочь, куда охочь былъ у меня рядиться,—да пойдетъ онъ съ отцомъ къ обѣднѣ, я только иду позади ихъ, да ухмыляюсь, а сердце-то во мнѣ такъ и радуется, словно птица трепещется, и свѣтъ-то Божій кажется ужь такъ красенъ, да хорошъ, что вѣкъ бы только жить, да радовался. И чудно это мнѣ въ ту пору бывало, какъ вздумая, что у людей забота есть, и вспомнить не хочется, что было время, и у меня свое горе бывало.»

Она остановилась. Лицо ея сіяло; какъ будто Петруня стоялъ еще передъ ней. Я не хотѣлъ выжидать возвращенія ея къ горести о потерянномъ сынѣ, и спросилъ, какое же горе бывало у нея прежде. Она тихо улыбнулась, какъ улыбаемся мы при воспоминаніи о давно-прошедшихъ заблужденіяхъ, наградившихъ насъ, хотя нѣсколько горькимъ, но необходимымъ для жизни опытомъ.

— Разказывать тебѣ о моемъ прежнемъ горѣ, батюшка, это все одно, что всю жизнь свою тебѣ пересказывать: тебѣ будетъ долго слушать, мнѣ долго говорить.

— А что за бѣда, что долго! возразилъ я.—Если тебѣ только не лѣнь сказывать, а я слушать готовъ, пожалуй хоть до завтра.

— Что жь, пожалуй, лѣниво и нерѣшительно отвѣчала Афро-синья, вся погруженная уже въ свой внутренній міръ, и видимо придумывавшая откуда начать.—Да что тутъ, вдругъ рѣ-

шительно произнесла она. — Ужь сказывать, такъ все сказывать; вѣдь отъ этого меня не прибудеть, ни убудеть, а я, по крайности, хоть прошлое-то помяну.

« Жила я, видишь ли, сударь, въ дѣвкахъ, то-есть такъ, что лучше не надо. Домъ нашъ былъ въ ту пору богатый домъ; я у батюшки была одна дочка, да два мальчика у насъ было; ну и берегъ меня отецъ пуще глаза своего; чего бывало ни попрошу, ни въ чемъ мнѣ отказа нѣтъ; слова недобраго я отъ родителей не слыхивала; щелчкомъ они меня сызмалѣтства не тронули; только на работу былъ строгъ нашъ покойникъ, царство ему небесное! лѣнтяевъ, да бѣлоручекъ сильно не долюбивалъ. Ну да этимъ я не тяготилась, не любила я и сама сложа руки сидѣть, завистлива была на работу; все бывало норовлю противъ подругъ получше да поскорѣе сдѣлать. Жили мы на селѣ, вонъ что за рѣчкой, оно все однихъ господъ, и теперь наша изба все тамъ же стоитъ, пятая отъ краю, недалеко отъ храма Господнева; еще четыре окна на улицу выходятъ, да крылечко съ навѣсомъ; а рядомъ-то съ нами старостинъ домъ. Онъ у насъ, Прокофій-то Андреевъ, знать ужъ лѣтъ пятнадцать, какъ въ старостахъ сидитъ, богатѣйшій мужикъ, и умкомъ, и степенствомъ, всѣмъ взялъ; только крутъ, о! крутъ нравомъ. Ну, и хитерь, куда хитерь, старая лисица. Вотъ тоже денежки любилъ. Когда бывало подъ хмѣлькомъ, такъ и самъ говорить: «знать денежки меня за то и любятъ, что я самъ ихъ оченно люблю.» И было у Прокофья-то Андреевича, сударь ты мой, въ ту пору четыре малолѣтнихъ сынка; старшему-то годковъ пятнадцать было; да племянникъ еще, ужъ на возрастъ, сирота, парень смиренный такой былъ, Лексѣемъ прозывали. Принялъ онъ его—невеличекъ еще онъ былъ—замѣсто сына, и ласковъ онъ былъ до него, нѣча сказать; бывало важивалъ его таково хорошо, почитай лучше своихъ ребятъ; ну, и работой больно не отягощалъ, и не знавалъ онъ у нихъ, что значить поѣсть попросить: бывало тетѣа не дожидаячися накормить. Оно все бы хорошо; только какъ сталъ это Лексѣй-то на ноги подниматься,— а статный, видный, изъ себя былъ онъ малый,— стали люди поговаривать, что вотъ-молъ какого Прокофій Андреечъ за своихъ ребятъ рекрута царю выростилъ; да такъ и пошли Алеху-то Алехой-солдатомъ прозывать. Бывало услышитъ это Прокофій Андреечъ, ну и ничего на это; только когда будто ухмыльнется и тожъ племянника, словно въ шутку, такъ назоветъ. Ну и Алеха тожъ ничего. «Что жь,

говорить, солдатомъ, такъ солдатомъ быть. Пожилъ у дядюшки, благодареніе Богу, хорошо, ну и будетъ. И тамъ, Господь дастъ, не пропадемъ. Грамотѣ, спасибо, обучили, калѣкой тоже не выростили; еще гляди, и въ гвардію угожу.» Говорить бывало такъ-то, и таково молодецки и плечомъ подергиваетъ, да бровью поводитъ, только глаза не горятъ, словно ихъ заволакиваетъ. Вотъ, сударь мой, приглянулся мнѣ этотъ самый парень, приглянулась и я ему. Бывало, гдѣ ни сойдемся, въ праздникъ ли на улицѣ, въ будни ли на работѣ, онъ съ меня глазъ не сводитъ. Нѣтъ, чтобы такъ-то гдѣ одну меня подстерегалъ, или говорилъ бы мнѣ рѣчи непристатныя; а случится намъ встрѣтиться, такъ что взгляну на него, такъ и вижу я въ глазахъ его, что у него на душѣ дѣется. А я-то... ужъ и сказать не могу, что это въ ту-пору надо мной было; все-то я бывало пере-думаю, на рѣкѣ моючи, а въ огородѣ полючи, что и не бывать-то мнѣ за нимъ, и что уйдетъ-то онъ въ солдаты, и увидеть-то можетъ мнѣ его ужъ ни коли не приведется. А какъ встрѣтилась съ нимъ, точно тѣхъ думъ и не бывало. Не хочу глядѣть, а гляжу на него, словно глаза-то не мои, словно слушаться имъ меня не надобно. Говорить станеть со мной, слушаю, не дохну, а сердце-то во мнѣ биться перестанеть; только чувствую, что горитъ все лицо мое, какъ отъ солнышка отъ вешняго. Замолчить, я взглянуть хочу — не могу, будто глазоньки-то мои вдругъ къ землѣ приковались. А взгляну, такъ не сведу уже съ него глазъ своихъ. А бывало какъ запоеть онъ на дворѣ, или въ огородѣ у нихъ, такъ тутъ мнѣ и работа на умъ нейдетъ; словно бывало, гдѣ стояла, будто дурочка, да слушаю-слушаю, пока слезы по лицу градомъ покатыся. Да ужъ и пѣвалъ же онъ. Господи! Что то за голосъ былъ! Такъ вотъ бывало сердце-то въ груди и переворачиваетъ.

« Такъ это, сударь мой, длилось наше дѣло вплоть до осени. Убрались мы съ хлѣбомъ, а уродилъ его Господь въ тотъ годъ многое множество. Глядимъ — у насъ на селѣ, что ни день, то сговоръ. Такое ужъ у насъ здѣсь заведеніе, что къ Покрову всѣ жениться поднимаются. Пришли мы это одна отъ обѣдни, пообедали, и говорить это мнѣ вдругъ батюшка, что пора, де, и мнѣ замужъ сряжаться, нечего-молъ въ дѣвкахъ засиживаться, а жадаеть онъ, чтобы я выходила нынѣшнимъ годомъ, и жениха онъ мнѣ приискалъ ужъ хорошаго. Обмерла было я со-всѣмъ отъ отцовыхъ рѣчей, и какъ это я передъ нимъ устояла, и какой отвѣтъ давала ему, и какъ потомъ изъ избы вы-

шла, да на огородъ, ничего-то не помню; только помню, что повалилась я тамъ на траву, и словно душить меня что-то, и лихорадка меня бьетъ, а слезъ нѣтъ ни слезиночки. Ужь не знаю, долго ли, коротко ли я тутъ маялась, только слышу, вдругъ запѣлъ Лексѣй за плетнемъ, и таково заунывно поеть, точно душеньку выплакать хочетъ. Какъ взрыдала я тутъ, какъ заплакала, Господи, откуда только слезы взялись! Онъ поеть, а я плачу, какъ рѣкой льюся. Вотъ и слышу, замолкъ онъ, подошелъ къ плетню, да и говорить тихо таково да жадобно: «Полно, говорить, тебѣ сокрушаться, Афросиньюшка. Чтò, говорить, свѣтлые глазоньки-то свои темнишь, да грудь бѣлую надрываешь? Ты, говорить, глянь на меня. Вѣдь и я все знаю, а вотъ не сокрушаюсь же, еще пѣсни пою.» Самъ говорить, а у самого лицо-то какъ у мертваго, а губы-то словно не хотя ухмыляются. «Дѣлать нечего, не судьба, говорить, намъ была, Афросиньюшка, вмѣстѣ вѣкъ свѣковать. Зналъ я это давно, а оттого, это знаючи, не хотѣлъ я смущать твое сердце дѣвичье. Да невольны мы, знать, надъ нимъ, надъ сердцемъ-то.»

«Замолкъ это онъ на минуточку; стою я и молчу, словно къ смерти присужденная; и говорить онъ мнѣ опять: «Афросиньюшка, говорить, прошу я у тебя теперь одной милости,» а самъ въ поясъ мнѣ кланяется. «Подойди, говорить, ты къ плетню, поцѣлуй меня въ уста въ первый и въ послѣдній разъ, и пропадай тогда моя головушка! буду самъ просить, чтобы сдавали меня скорѣй въ некруты. Подойди,» говорить, и смотреть на меня, будто въ душу ко мнѣ просится.

«Пусть простить меня Господь, коли грѣшна я передъ нимъ, батюшка, а не вижу я въ томъ грѣха и по сю пору. Подошла я къ плетню и поцѣловала его въ уста, въ первый и въ послѣдній разъ.»

Афросинья вдругъ остановилась, голось ея будто порвался въ груди. Щеки вспыхнули какъ при первомъ поцѣлуѣ любви, глаза заблестали необычайнымъ огнемъ. Но черезъ минуту прежняя блѣдность покрыла лицо ея, и она продолжала тихимъ, ровнымъ голосомъ: «Въ Казанскую-то перевѣнчали меня за Терентья, а послѣ зимняго Николы случилась рекрутчина, и ушелъ Лексѣй нашъ въ солдаты. И видѣла я его однажды только послѣ свадьбы: шла я разъ съ деревни къ матери на село, и повстрѣчался онъ мнѣ за плотиною. День-то былъ суровый такой,—снѣжокъ порошилъ и вѣтрево таково было; на дворѣ не то что зима, не то осень, вездѣ слякоть такая, что и

ногъ не вытащишь, а въ дугахъ ни травинки зеленой, ни цвѣточка алаго. Иду я эдакъ прикутамшись, и вижу, Лексѣй мнѣ на встрѣчу съ возомъ одинъ, на мельницу рожь везетъ. Дрогнуло во мнѣ сердце, словно что оборвалось въ груди. Одначе виду я ему не показала, прошла мимо; онъ мнѣ низко-низко таково поклонился, и я ему въ отвѣтъ; и только и было нашего съ нимъ свиданія.

«Вотъ и стала я жить замужнею женой, продолжала, вздохнувъ, Афросинья. Вошла я въ домъ тоже въ богатый: первый вѣдь домъ на селѣ мужнинаго-то отца былъ, и версть за сто Федора Гладкаго добрые люди знали и чествовали. Ну и приняли они меня въ семью ласково, радостно таково; невѣста я тоже была завидная и по работѣ и по виду; ну, и награжденіе батюшка мнѣ далъ хорошее. За денежки любилъ меня отецъ-свекоръ, за работу безустанную свекровь-матушка. Мужъ изъ себя молодецъ, парень смиренный, не глупый,—кажись чего бы желать еще? А вѣдь что я слезъ выплакала въ первые годы, и сказать нельзя. И что за задача это была, Господи Боже мой! Живемъ мы съ мужемъ смиренно, не слышать промежъ насъ ни ссоръ, ни раздора, а не даетъ намъ Богъ любви да совѣта. Ни онъ ко мнѣ, ни я къ нему: онъ въ избу,—я въ кѣтъ; я въ горницу,—онъ подъ навѣсъ уйдетъ. Вѣдь и нечѣмъ похаить другъ друга, а живемъ какъ чужіе: къ обѣднѣ ли,—идемъ врозь; на работѣ,—слова другъ другу не молвимъ. Придемъ съ поля домой, не скажетъ онъ мнѣ слова привѣтнаго, не спроситъ у меня поѣсть, все къ матери, да къ матери. Думаю бывало, подойти мнѣ развѣ къ нему, да словно стыдно мнѣ: сама я шла за него не съ охотой; можетъ, думаю, и онъ меня поневолѣ бралъ; можетъ, я и не мила ему, что же мнѣ ему на шею-то вѣшаться? Такъ бывало отхожу и я отъ него. Придется ли поѣсть поставить, рубаху ли чистую въ день субботній достать, все то сдѣлаю молча; и онъ возьметъ, ни слова не вымолвить. Жили мы эдакъ, батюшка, знать года съ два. Тошнехонько мнѣ стало: гляжу я,—всѣ молодые живутъ какъ люди, одни мы словно не-люди. Ужь и въ народѣ-то поговаривать объ насъ стали. Что ты будешь дѣлать? вѣдь рты-то имъ не замажешь; вѣдь добрая слава на печи лежитъ, а худая-то куда прытко бѣжить. Вотъ пришла я одна прайзникомъ къ матушкѣ. Сидимъ мы въ сѣнечкахъ; и тутъ-то я плачу, тутъ-то убиваюсь, сказываю ей про свое горькое житье-бытье. Гладимъ,—а передъ нами стоитъ матушка попадья старая.

Ходила она нитки отъ синильщика брать, да и зашла къ намъ мимоходомъ. И умная была та попадаья женщина, такая умная, что и не сыскать другой эдакой. «Что это, говорить, молодца, ты такъ огорчаешься?» Я молчу, а матушка-то и передаетъ ей, что вотъ молъ такъ и такъ, вотъ какое чудное дѣло у насъ дѣется. Разспросила это и меня попадаья еще кой о чемъ, да и говорить :

«— Не кручинься-молъ, говорить,—Афросиньюшка. Вотъ дай-молъ, родишь себѣ сынишку, али дочку,—а я въ ту-пору тяжела была,—и все-то промежъ васъ перемѣнится, и будешь ты еще съ муженькомъ-то душа въ душу жить, вотъ попомни тогда слово мое. И послѣднія это ея слова были. Сказала это она, простилась, да и пошла по улицѣ; да, не доходя шаговъ двадцати до дому, упала, да и духъ вонь: значить ударъ ее ошибъ. Ну, переполошилось тутъ все село, послалъ прикащикъ въ городъ; наѣхалъ это судъ, лѣкаръ тожъ пріѣхалъ; много тутъ было хлопотъ; сказываютъ, батюшкѣ-то попу не въ копѣчку обошлось все это. Одначе, подъ исходъ недѣли вышло отъ начальства позволеніе хоронить попадаью. Ну, схоронили это ея, поплакали объ ней сынъ да невѣстка, поплакали и объ денежкахъ, что перешли изъ ихъ мошны къ лѣкарю да къ исправнику; да по скорости, почитай, всѣ и забыли объ нашей старой попадаѣ. Не забыла только я ея словъ послѣднихъ, и ждала я своего дѣтища словно солнышка яснаго. Вотъ подошла опять осень. На другой день Катерина-то дня, въ самый день великомученика Петра Александрійскаго и простилъ меня Господь. Родила я себѣ мальчика, а мужа-то въ ту пору дома не было,—въ городъ ѣздилъ онъ съ барскими подводами. Ну, и окрестили мы Петруню-то безъ него. Жду я не дожусь, когда вернется Терентій. Что-то будетъ, думаю, и сбудутся ли всѣ слова попадаи покойницы? Вотъ прошло эдакъ съ недѣлю; сижу я разъ подъ вечеръ на лавочкѣ съ мальченкой, кормлю его, слышу, ворота скрипятъ. Собака было брехнула, да и молчить,—значить, знакомый челоѣкъ во дворъ идетъ. Глянула въ окно матушка-свекровь, да таково весело, и говорить: «Петруня! говорить, кричи тятку, это онъ изъ города-то вернулся, проси скорѣй гостинца», и вышла на крылечко. Гляжу я, идетъ мужъ въ избу, и радостный такой; положилъ шапку, распоясаясь, да и говорить: «Здравствуй, хозяйка! дай тебѣ Богъ сына-то, говорить, на радость себѣ вырастить.» Нагнулся, и на мальчонку-то поглядѣлъ, а я сижу,

ни слова не вымолвлю; только слезы-то на Петруню такъ и капаютъ, такъ и капаютъ. Поглядѣвъ это мнѣ вдругъ мужъ въ лицо, и словно кипяткомъ его обдало: опечалился онъ весь, и пошелъ въ дверь выпрягать лошадь. Идетъ онъ къ двери-то, а я гляжу ему вслѣдъ, словно отъ сердца у меня что отрывается; и хочу воротить его словомъ ласковымъ, да языкъ не слушается, словно душить меня что.

«И пошло у насъ все по старому; не пришла еще знать пора сбыться всѣмъ словамъ попадьи-покойницы. Только бывало и утѣхи у меня, что дитя мое ненаглядное; только съ нимъ бывало отведу я свою душеньку, разгорюю горе горькое. День-то денской работа, и присѣсть ину пору некогда; ну да и дѣло-то наше крестьянское: зиму-то зимскую въ избѣ тѣснота, что и повернуться негдѣ. За то, какъ придетъ ночь, да поляжутъ всѣ, сижу я бывало, кормлю сыночка своего дорогаго, и чего-чего я надъ нимъ не передумую: и какъ хорошъ и пригожь-то онъ у меня будетъ, и какимъ умницей возращу я его, и какъ женить-то его буду на первой, то-есть, въ селѣ на красавицѣ; какъ буду отпускать его подъ вѣнецъ съ слезами, да съ молитвами; какъ будетъ онъ успокоивать меня подъ старость лѣтъ. А какъ пришла весна, куда ни пойду, Петруню все съ собой да съ собой тащу; сяду гдѣ ни-на-есть съ нимъ одна, и ужъ тутъ-то радуюсь, тутъ-то веселюсь надъ нимъ. А ину пору, и на него гляючи, вдругъ тяжелехонько станеть мнѣ. «Дитятко мое, дитятко, говорю, сыночекъ ты мой желанный! растешь ты у меня словно сиротинушка. Не любя я отцу твоему, знать не любъ ему будешь и ты, безталанный мой! Господи, Господи! И чѣмъ прогнѣвало Тебя дитя малое?» Говорю такъ-то, а сама плачу, какъ рѣкою льюсь. А Петруня-то глядитъ, глядитъ на меня,—да и ухмыльнется ласково таково; и ручонки мнѣ протягиваетъ, словно слезы мои утереть хочетъ. Ну и люблюсь я на его глазки ясные, на его ручки бѣлыя, и горя моего словно и не бывало.»

«Прошло эдакъ болѣ полгода. Ходилъ мой хозяинъ тою зимой на азарботки и вернулся въ ту пору, какъ мужички наши гречиху отсѣяли. Вышла я разъ съ Петруней на лужокъ за огородъ гусей постеречь, разостлала я тутъ же на лугу и холстики и пустила Петруню на травку, а сама сижу нитки сучу. Вижу, идетъ мой хозяинъ по огороду, подошелъ къ плетню, облокотился и смотритъ на мальчонку, а къ намъ не выходить. «Что говорю, ему глядишь? подъ, возьми Петруню-то. Не бойсь,

руки-то не отвалятся, хоть бы когда приласкалъ дитя.» Перелѣзъ это онъ на дугъ, подошелъ къ Петрунѣ, глядитъ на него. Не вытерпѣла я тутъ: вскочила, взяла парнишку на руки, утерла ему ротенокъ. «Цѣлуй, говорю, тятю.» Потянулся Петруня къ отцу и ротикъ разинулъ. Взялъ его отъ меня хозяинъ. «Ну, говорю, Петруня, скажи-ка тяткѣ, какъ собачка лаесть.»— Амъ, амъ! говоритъ. «Ладно, говорю; а ладошки-то дѣлать умѣешь? Ну-ка: ладошки, ладошки, гдѣ были? у бабушки.» Ну, и ладошки дѣлаесть, хлопаесть ручонками, чтò есть силишки. Ухмыляется на него Терентій, глядитъ, словно въ первый разъ его видитъ. Съѣлъ это съ нимъ на траву, глазъ съ него не сводить. Да вдругъ и говоритъ мнѣ: «Афросинья, говоритъ, правда это люди-то бають, что онъ на меня похожъ?»— Вѣстимо, говорю, похожъ; и глаза твои, черные, и носъ такой же длинный да тонкій. «А я, говоритъ, все думалъ, что онъ будетъ на другаго похожъ.» Говоритъ, а самъ глазъ на меня не поднимаетъ.—Это, я говорю, плохіе порядки, какъ робяты-то рождаются ни въ мать, ни въ отца, а въ прохожаго молодца. Ну, а нашему въ кого же быть? На меня не похожъ, значить въ тебя уродился. «А можетъ въ Лексѣя», говоритъ, а самъ инда зардѣлся.—Въ Лексѣя? говорю я, и таково мнѣ это горько стало. Чтò же это, говорю я, ты меня попрекать Лексѣемъ-то вздумалъ? развѣ я тебѣ не путевая жена какая? Да и Лексѣя-то я твоего съ тѣхъ поръ, какъ замужъ вышла, почитай, въ глаза не видала. «Да я, говоритъ, и не къ тому; развѣ я тебя порочу чѣмъ, хозяйка? А все же чай онъ у тебя изъ мыслей-то не выходитъ?» Говоритъ это онъ, а голосъ-то у него словно дрожить. А у меня отъ груди-то словно пудовикъ отпалъ, таково вдругъ радостно на сердцѣ стало.—Чтò же, говорю, мнѣ объ немъ думать? Ему своя дорога, а мнѣ своя. Ему, можетъ, тамъ хорошо, а мнѣ здѣсь не худо. Чтò же мнѣ ребячь-то въ него родить? лучше въ Тереху, чѣмъ въ Алеху. Засмѣялся мой хозяинъ. «На, говоритъ, на его, мать! и подаетъ мнѣ Петруню. Смотри, мы его выростимъ, такой молодецъ у насъ будетъ, что всѣхъ парней на деревнѣ за поясъ заткнетъ. Бери же его, хозяйка, да пойдемъ ужинать!»—Иди, говорю, съ нимъ, а я вотъ холстъ собираю, тоже приду. «Чтò жь, говоритъ, Петруня, мы безъ матери-то пойдемъ? самъ третьей-то веселій будетъ. А ты вотъ лучше холстъ-отъ собирай, хозяйка, а мы съ Петруней гусячь загонячь будемъ.» Взялъ это онъ опять на руки мальчонку, и принялся съ нимъ ясы точить, да гусей

собирать, а самъ веселый такой, что я николи его такимъ и не видывала. Собрались мы и пошли къ дому, и хорошо мнѣ таково, словно свѣтлый праздникъ насталь. Идемъ мы огородомъ, а ужь и мѣсяцъ взошелъ, ясно на землю свѣтитъ. Вошли во дворъ, гляжу я, а изъ-подъ навѣсу-то словно что бѣлое шелохнулось да поднялось; такъ я назадъ и попятилась. «Что ты? что ты? говорить хозяйинъ, и весело таково ухватилъ меня за руку: вотъ впрямь баба! чего испужалась? это свѣтъ отъ мѣсяца на столбу играетъ.» А мнѣ, правду сказать, въ ту пору покажись, что это мать-попадья пришла поглядѣть, какъ сбывается ея слово вѣрное.

«И съ той поры вотъ живемъ мы душа въ душу съ хозяйномъ моимъ, продолжала, помолчавъ немного, Афросинья,—и, кабы не горе наше съ ребятами, кажись и желать бы намъ нечего. А вотъ кручина-то наша гдѣ! и она указала на Митюшу, который давно уже проснулся; но съ лѣнью, свойственною всѣмъ слабымъ дѣтямъ, потягивался и валялся на колѣняхъ матери.—Вотъ что насъ сушить-то, прибавила она, и тяжело вздохнула.—Митюня-то нашъ эво какой хиленькій, а о Петрунѣ и по сю пору мы вспомнить безъ слезъ не можемъ. И что за дитя такое было чудное, Господи! И какъ это я жива послѣ него осталась, сама не соображусь. Какъ въ ту пору сталъ Митюня мой поправляться, и вижу я, что Петрунѣ вмѣсто того все тяжелѣетъ, да тяжелѣетъ, я съ горя сама себя не помнила. Ужь и то-то, и другое-то я надъ нимъ попробую; все-то мнѣ сдается, что не ладно я дѣлаю. Въ послѣдній ужь это день передъ его смертію, вижу я, что ужь очень тяжко ему; побѣжала я къ прикащицѣ просить, не поможетъ ли она чѣмъ. Дала она мнѣ какого-то бальзаму натереть его, да травки какой-то дала обварить, попить велѣла. Ну, пить-то онъ у меня не сталъ, и съ сахарцомъ давала, не пьетъ. Вытерла я его бальзамомъ, посадила на печь, думала, хоть бы потъ-то его прошибъ, можетъ жаръ-то бы утолился. Да нѣтъ ужь, видно больше Бога не будешь. Полежалъ онъ съ полчаса время на печи-то, и сталъ долой проситься. «Маменька, говоритъ, родненькая! скинь меня, говоритъ, отселѣва, мнѣ и такъ ужь тошнехонько. Сними жь ты меня, Христа ради!» Послушала-послушала я, нѣту силушки слушать, какъ стонетъ онъ да просить таково жалобно. Сняла я его, положила на лавку. Гляжу, а онъ ужь и дохнетъ, и нѣтъ. Тутъ матушка-свекровь подошла, и шепчетъ мнѣ: «неси, говоритъ, невѣстка, рубашку;

уберемъ его; развѣ не видишь, онъ кончается?» Обмерла я вся. «Господи! думаю, дитячко ты мое желанное! Такъ насталъ же тотъ часъ, пришлось мнѣ пережить тебя. Наряжу, уберу я тебя въ самый въ послѣдній разъ!» И пошла я въ клѣтъ, достала изъ сундучка новехонькую красную рубашечку, что шила я ему про свѣтлый день. Обмыли, одѣли мы его, положили подъ образа, дали ему свѣчку въ ручонку его блѣдную, и сталъ онъ отходить чуть зорька занялась, словно вышла встрѣчать она его душу свѣтлую. О-охъ, сударь! коли не хоронилъ ты дѣтища роднаго, не понять тебѣ словъ моихъ, не понять тебѣ, какъ горюетъ мать, какъ терзается. И не дай тебѣ Богъ того испробовать. Какъ пришелъ отецъ, положилъ его на столъ, ничего то я не помню, словно каменная просидѣла я весь тотъ день возлѣ сына моего любимаго. И спасибо имъ, не трогали меня домашніе, дали они наглядѣться мнѣ на моего ангела свѣтлаго, и на личико его бѣлое, и на уста его сахарныя, и на ножки его прыткія. И сидѣла я, глядѣла на него, и слезинки не выронила, словно и вѣкъ мнѣ тутъ сидѣть надобно, и только и дѣла моего, что на него глядѣть. Такъ ужь, около вечера, вывела меня матушка-свекровь въ сѣнечки: «Поди молю, невѣстка, просвѣжись, говорить, маленько, а то ты и сама, пожалуй, за нимъ пойдешь.» Вышла я на дворъ, гляжу, подъ навѣсомъ хозяинъ мой что-то изъ досокъ ладить. Подошла я къ нему, вижу, гробикъ дѣлаетъ; хотѣла я что-то молвить, а языкъ-то и не ворочается. Посмотрѣлъ на меня хозяинъ, да сквозь слезъ и говоритъ мнѣ: «Ходилъ я, говорить, къ батюшкѣ попу; сказывалъ онъ, что завтра не царскій день, хоронить можно.» Какъ сказалъ онъ мнѣ это, тутъ только опаматовалась я, что унесутъ они сокровище мое съ глазъ моихъ, предадутъ его землѣ-тлѣннѣю, и...» Афросинья не договорила; страшный, раздирающій душу вопль вырвался изъ ея груди, и она закрыла лицо руками. Митюша приподнялся на ея колѣняхъ и съ страхомъ и недоумѣніемъ смотрѣлъ на плачущую мать. Я тихонько взялъ его ручки и положилъ ихъ вокругъ шеи ея. Афросинья не отталкивала сына и плакала все тише и тише. Когда она нѣсколько успокоилась, я помогъ ей встать и проводилъ ее до ея избы. Она ласково простилась со мною. Я спросилъ ее, можно ли придти побесѣдовать съ ней, когда случится опять быть въ Крутицахъ, съ уговоромъ, прибавилъ я, чтобы не поминать уже больше тогда о Петрунѣ. «Что же

не поминать-то? отвѣтила она. Онъ и такъ у меня николи изъ памяти не выходитъ.»

Тихо и задумчиво побрелъ я изъ села. Солнце только-что закатилось, съ луговъ поднимался паръ, на мосту тѣснилось стадо, и раздавалось хлопанье кнута и крики пастуховъ. Въ гору поднимались разодѣтыя крестьянки, передъ которыми выплясывалъ молодой солдатикъ съ гармоніей. Они замѣтили меня, когда я еще былъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ, и почтительно умолкли. Молодые и хорошенькія дѣвушки стыдливо потупляли глаза и жались къ старшимъ, за которыхъ старались спрятаться. Только двѣ развязныя деревенскія львицы громко смѣялись, показывая рядъ бѣлыхъ зубовъ, и отважно смотрѣли въ мою сторону. Всѣ онѣ, кажется, приняли меня за своего барина. Когда я поровнялся съ ними, онѣ смутились, стали толкать другъ друга и перешептываться, а когда я прошелъ, послышался взрывъ дружнаго хохота, потомъ хоръ затанулъ веселую, безконечную пѣсню.

Черезъ нѣсколько минутъ я былъ уже во дворѣ Петра Васильевича Пруткова. Тутъ возлѣ каретнаго сарая я увидѣлъ пролетку, запряженную рослою красивою лошадью. Я спросилъ у стараго кучера, занимавшагося починкою сбруи, кому принадлежитъ экипажъ.

— Это борковская дьячиха къ Соломонидѣ Викентьевнѣ пожаловать изволила, не безъ ироніи отозвался старикъ.—Видно прочуяла старая вѣдьма, что нашего барина дома нѣтъ. А лошадку-то ей далъ графскій управляющій Ларивонъ Гаврилычъ. Знать общія съ ней дѣла имѣютъ-сь, покончилъ онъ, засмѣялся и раскашлялся. Не желая вступать съ нимъ въ дальнѣйшія объясненія, я проворно перешелъ дворъ и, не встрѣтивъ никого въ передней, прошелъ въ кабинетъ Петра Васильевича. Усѣвшись въ покойное кресло, поставленное подлѣ окна, я вытащилъ изъ кармана книгу; но оказалось, что было уже слишкомъ темно и читать безъ огня невозможно. Я просидѣлъ нѣсколько минутъ, поджидая появленія кого-нибудь изъ прислуги; но никто не являлся, изъ чего я заключилъ, что никто и не подозрѣваетъ возвращенія моего въ барскіе покои. Я хотѣлъ уже идти отыскивать услужливаго казачка, какъ меня поразилъ разговоръ за стѣной, гдѣ доселѣ я слышалъ только отрывистыя слова и звяканье чайныхъ чашекъ и ложекъ.

— Оно конечно, на то есть воля ваша, Соломонида Викентьевна, говорилъ дребезжащій женскій голосъ, напоминав-

шій мнѣ звукъ разбитаго колокольчика:—оно конечно, что вы въ своей власти находитесь изволите, ну, а ей-Богу, не худо бы вамъ, королева моя, до поры до времени о себѣ озаботиться. Ну, цыганки, это точно ничего, нечего было вамъ и смущаться ими, постыдными тварями. Ну, покутить съ ними Петръ Васильевичъ по слабости своей, отъ этого васъ не прибудеть, ни убудеть; только развѣ какую копѣйку на нихъ на распроклятыхъ бросить. За то вѣдь вернется изъ города-то, чай и васъ лаской и гостинцемъ не забудеть. Это точно... Все жъ вы живете полною хозяйкой въ дому, и каждый долженъ всякое почтеніе вамъ оказывать. А если, къ примѣру, вотъ это-то дѣльцо уладится, такъ это ужъ другая статья...

— Смѣшна ты мнѣ ей-Богу, Агаея Матвѣвна, слышался тонкій голосокъ, принадлежавшій, вѣроятно, Соломонидѣ Викентьевнѣ.—Ну, что ты меня княжной этою стращаешь? Ты сообрази сама, ну съ какой стати польстится она на Петра Васильевича? Что онъ, князь что ли, или графъ какой?

— Кто же говоритъ вамъ, что князь или графъ? вразумительно отвѣтила Агаея Матвѣвна.—Ей это на что? она сама княжна, нашему графу племянница. А нуженъ ей мужъ, да нужно имѣніе. А Петръ Васильевичъ, сами знаете, чѣмъ не мужъ?

— За то имѣнья-то у насъ ужъ очень много, замѣтила, презрительно смѣясь, Соломонида Викентьевна. — Долгу-то чай больше, чѣмъ волосъ на головѣ.

— Все же, какъ хотите, восемьсотъ душъ, съ важностію отозвалась Агаея Матвѣвна,—да конный заводъ, да винокурня, а у нея-то какъ есть ничего. Матушка-то ея, Любовь Никитишна, по милости своей, во время своего вдовства все спустить изволила. Эдакой голи, да еще княжеской крови, такой женихъ находка, сострила Агаея Матвѣвна.—Такъ-то, матушка Соломонида Викентьевна. А ужъ Ларивонъ-то Гаврилычъ, и, Господи!

— Ахъ, поди ты съ своимъ Ларивономъ Гаврилычемъ, съ досадой крикнула Соломонида Викентьевна.—Ну, что ты съ нимъ ко мнѣ суеться?

— Ваша воля, ваша воля! поспѣшила проговорить Агаея Матвѣвна.—Я и про княжну-то, ей-Богу, только изъ доброжелательства моего къ вамъ, васъ предупреждаю.

— И про княжну это все вздоръ, запальчиво возразила Соломонида Викентьевна.—Этому не бывать, не бывать. Ужъ коли

на то пойдеть, я сама къ ней поѣду, я всю подноготную ей разкажу; я ей покажу, кто я, я и ей, и ея маменькѣ такихъ скандалезовъ надѣлаю...

Соломонида Викентьевна остановилась, чтобы перевести духъ.

— Эхъ, матушка Соломонида Викентьевна! съ необыкновенною нѣжностію заговорила Агаея Матвѣвна.—Ну, что вы себя попусту беспокоить изволите? А только что, то-есть, касается до княгини, то вы тутъ ничего не сдѣлаете. Развѣ, вы думаете, не знаютъ они про васъ, чѣмъ вы Петру Васильевичу доводитесь? Знаютъ, матушка, какъ Богъ святъ, знаютъ. Мнѣ ихъ ключница еще ономнися сказывала. Да они васъ и въ домъ-то пускать не велятъ, а заартачитесь вы, такъ, не во гнѣвъ будь вамъ сказано, еще ихніе лакеи вамъ въ шею наладутъ, сударыня.

— Да что это? заговорила опять съ сердцемъ Соломонида Викентьевна:—ужь тебѣ не поручили ли и его съ княжной сводить?

— Эхъ, куда намъ, Соломонида Викентьевна! кротко отвѣтила Агаея Матвѣвна.—Мы люди маленькіе. Тамъ и почище и познатнѣ насъ персоны найдутся, сведутъ! Вѣдь княгиня-то тоже съ дочкой на ярмарку поѣхали.

При этихъ словахъ Агаеи Матвѣвны, Соломонида Викентьевна кашлянула, словно ей что поперекъ горла стало.

— А вотъ, Ларивонъ Гаврилычъ, съ невозмутимымъ спокойствіемъ продолжала дьячиха,—нечего грѣха таить, точно просилъ слово за него замолвить, объяснить вамъ, то-есть, всѣ его чувства, и что въ законныя супруги онъ васъ имѣтъ желаетъ.

Соломонида Викентьевна молчала.

— Вотъ вы, моя сударыня, все это извольте размыслить! тихо и вразумительно продолжала сваха.—Вѣдь Ларивонъ-то Гаврилычемъ вамъ тоже пренебрегать не приходится: человекъ онъ смиренный, не пьющій, чиновничій сынъ, ну и домишко въ городѣ имѣють. Жалованья тоже въ годъ рублей пятьсотъ получаютъ. Да еще отсыпное, да побочныхъ доходцевъ немало наберется. Вѣдь у борковскихъ-то мужичковъ, сами изволите знать, денегъ куры не клюютъ,—значить, есть чѣмъ почтеніе оказать управителю. А тутъ что? Сколько ни живите, вы все подъ страхомъ находитесь, что вотъ-вотъ Петръ Васильевичъ вздумаетъ вступить въ законное супружество, а вы тогда

при чемъ останетесь? А какъ будетъ у васъ муженекъ-то на вѣки-вѣчные, такъ вамъ что?—трава не расти. Приложите свой капиталецъ къ благосостоянію дружка сердечнаго, устройтесь домикомъ, обзаведетесь законными дѣточками. Еще когда и Петръ Васильевичъ заѣдетъ къ вамъ въ гости, да на васъ порадуется, ей-Богу порадуется.

Объ собесѣдницы помолчали.

— Такъ-то-съ, Соломонида Викентьевна, произнесла наконецъ Агаея Матвѣвна твердымъ, какъ бы не терпящимъ возраженій тономъ. И дѣйствительно, Соломонида Викентьевна не возражала, и отвѣтила только тихимъ и задумчивымъ голосомъ:

— Да, такъ-то, такъ-то....

Черезъ нѣсколько минутъ, въ комнатѣ застучали тарелками и ножами; а вскорѣ голосъ Агаеи Матвѣвны торжественно провозгласилъ: «За ваше здоровье, Соломонида Викентьевна, и за исполненіе желаній Ларивона Гаврилыча!» и вслѣдъ за тѣмъ послышалось передвижаніе стульевъ, свидѣтельствовавшее о томъ, что объ собесѣдницы садятся за ужинъ.

Какъ бы невольно подслушавъ этотъ разговоръ, я совершенно забылъ о своей книгѣ и объ огнѣ, за которымъ собирался идти, и долго оставаясь еще на своемъ прежнемъ мѣстѣ, съ чувствомъ безпредѣльнаго отвращенія думалъ я о всемъ слышанномъ мною. Потому мысли мои стали перебѣгать то къ тому, то къ другому изъ видѣнныхъ мною, въ послѣдніе дни, лицъ и предметовъ, и на сердцѣ становилось все тяжелѣе и безотраднѣе. Какъ грозныя тѣни, отъ которыхъ вѣтъ безнадежностью, пронеслись передо мною и начальникъ губерніи, и генералъ-майоръ Чухровъ, и чиновники земской полиціи, и губернаторша съ ея дочкой, въ которой она старается убить всякое человѣческое чувство, кромѣ тщеславія. Потому воображенію моему представлялся Петръ Васильевичъ Прутковъ съ его возлюбленною, и за нимъ длинною вереницей тянулись цыганки, Агаея Матвѣвна съ Ларивономъ Гаврилычемъ, и наконецъ княгиня съ княжной, готовыя вступить въ соперничество съ Соломонидой Викентьевной, лишь бы завладѣть восемьюстами душами поручика. Съ грустью думалъ я о грубости изобилующаго подобными личностями общества, и уже почти готовъ былъ отвернуться отъ него, когда вдругъ предо мною явилась Зоя, но не та Зоя, какою я зналъ ее, а та, какою желалъ бы ее видѣть, и какою она могла бы быть при другомъ воспитаніи и другомъ направленіи. Съ свѣтлою, полною чистыхъ упованій

улыбкой, она указывала вдаль. А тамъ, окруженные первыми лучами восходящей зари, стояли рука объ руку Терентій съ женою и дѣтьми, а поодаль отъ нихъ Алексѣй.

Я открылъ глаза, и только теперь замѣтилъ, что немного вздремнулъ. Полный мѣсяць свѣтилъ мнѣ въ лицо, изъ сада вѣяло прохладой, а за стѣной слышался скрипъ кровати и вздохи Соломонида Викентьевны, тревожно поворачивавшейся съ боку на бокъ. Я заглянулъ въ гостиную. Тамъ, развалившись на диванѣ, крѣпко спалъ казачокъ, выжидавшій моего пробужденія. Передъ нимъ стояла оплывшая сальная свѣча. Я погасилъ ее, снова усѣлся въ кресла, но не могъ уже заснуть до зари. Новый день встрѣтилъ я съ новыми, свѣтлыми надеждами.

А. Д. З.

СТИХОТВОРЕНІЯ

ПИСЬМО КЪ *** В. А. ЖУКОВСКАГО (1).

Я самъ, мой другъ, не понимаю,
Какъ можно рѣдко такъ писать
Къ друзьямъ, которыхъ обожаю,
Которымъ все бы радъ отдать!..
Подруга дѣтскихъ лѣтъ, съ тобою
Бываю сердцемъ всегда
И говорить люблю мечтою...
Но говорить перомъ — бѣда!
День почтовой есть день мученья!
Для моего воображенья
Враги чернилица съ перомъ!
Сидѣть согнувшись за столомъ
И чтобъ открыть души движенъя
Перо въ чернила помакать,
Написанное жъ засыпать

(1) Стихотвореніе это есть частное письмо В. А. Жуковскаго, не назначавшееся къ печати. За доставленіе его изъ бумагъ особы, къ которой оно было адресовано, мы обязаны благодарностію В. А. Норову, родственнику ея. *Ред.*

Скорѣй пескомъ для сбереженья, —
Все это, признаюсь, мнѣ адъ!
Что ясно выражаетъ взглядъ
Иль голоса простые звуки,
То на бумагѣ, невпопадъ,
Для услажденія разлуки,
Должны въ опредѣленный день
Мы выразить перомъ!.. А лѣнь,
А мрачное рѣположенье,
А сердца тяжкое стѣсненье
Всегда ль даютъ свободу намъ
То мертвымъ повѣрять строкамъ,
Что въ глубинѣ души таится?
Неволи мысль моя страшится:
Я авторъ — но писать лѣнивъ!
За то всегда, всегда болтливъ,
Когда твои воображаю
Столь драгоценныя черты,
И самъ себя изображаю,
Сколь нѣжно мной любима ты!
Всегда, всегда разгорячаешь
Ты пламенной своей душой
И сердце и разумъ мой!
О сколь ты даромъ обладаешь
Быть милой для твоихъ друзей!
Когда письмо твое читаю,
Себя я лучшимъ ощущаю,
Довольнѣй участію своей,
И будущихъ картина дней
Передо мной животворится,
И хотъ на мигъ единый мнится,
Что въ жизни все имѣю я:
Любовь друзей — судьба моя.

Храни, о другъ мой неизмѣнный,
 Сей для меня залогъ священный!
 Пиши — когда же долго нѣтъ
 Письма отъ твоего поэта,
 Все вѣрь, что другъ тебѣ поэтъ, —
 И жди съ терпѣніемъ отвѣта.

1814. Января 4.

* * *

Не отъ гоненій, не отъ злобы,
 Не отъ вражды, иль клеветы,—
 Отъ нашихъ думъ ушли мы оба,
 Бѣжали вмѣстѣ, я и ты.

Зачѣмъ же прежній гласъ упрека
 Опять твердить тебѣ одно?
 Опять пытающее око
 Во глубь души устремлено?

Смотри: нашъ день восходить чисто,
 Ночной разсѣлся туманъ,
 Играя далью золотистой,
 Насъ манить жизни океанъ,

Уже надутое вѣтрило
 Нашъ челнъ уносить въ новый край...
 Не сожалѣй о томъ, что было,
 И взоръ обратно не кидай!

Гр. Ал. Толстой.

ИЗЪ ГЕРВЕГА.

Хотѣлъ бы я угаснуть, какъ заря,
Какъ алые отливы небосклона,
Какъ зарево вечернее горя,
Я бы хотѣлъ излиться въ Божье лоно.

Я бы хотѣлъ, какъ свѣтлая звѣзда,
Зайти, блестя въ негаснущемъ мерцаньи,
Я утонуть хотѣлъ бы безъ слѣда
Во глубинѣ лазурнаго сіянья.

Пускай бы смерть моя была легка
И тихо жизнь моя такъ уходила,
Какъ легкій запахъ вешняго цвѣтка,
Какъ синій дымъ, бѣгущій отъ кадшла.

Я бы хотѣлъ подняться, какъ роса,
Когда ее встрѣчаетъ солнце жадно,
И, какъ росу, пускай бы небеса
Испили духъ больной и безотрадный.

И какъ летить отъ ары слабый звонъ,
Въ предѣлахъ дальнихъ, тихо замирая,
Такъ, отъ земной темницы отрѣшенъ,
Я бѣ улетѣть хотѣлъ къ родному краю.

Нѣтъ, не зайдешь ты свѣтлою звѣздой,
Ты не угаснешь, заревоиъ пылая,
Не какъ цвѣтокъ умрешь ты полевою,
Не улетишь, звѣня, къ родному краю.

Угаснешь ты, но грозная рука
Тебя сперва безжалостно коснется:
Природы смерть спокойна и легка;
На части сердце, умирая, рвется!

Гр. Ал. Толстой.

РАСКОЛЬНИКЪ

Въ далекую пустынь былъ сосланъ старикъ,
Раскола поборникъ упорный.
Согбенный подъ гнетомъ тяжелыхъ веригъ,
Покрытый одеждою черной,
Съ челомъ обнаженнымъ, высокій, худой,
Бывало бродилъ онъ какъ духъ гробовой.

Не разъ всю Россію въ конецъ изъ конца,
Отъ Вятки до устьевъ Дуная,
Прошелъ онъ, вражду къ никоньянамъ въ сердцахъ
Своихъ годовѣрцевъ питая.
По селамъ и скитамъ являлся и всюду
Взывалъ онъ къ народу: «Покайтесь, быть худу!»

Была краснорѣчіемъ дикимъ полна
Суровая рѣчь изувѣра;
Простые умы увлекала она
Могуществомъ словъ и примѣра.
Умѣлъ ужасать онъ и трогать до слезъ
Словами укора, мольбы и угрозъ.

Онъ дерзко въ среду православныхъ входилъ,
 Ихъ къ древнему звалъ благочестью,
 Вездѣ и повсюду открыто твердилъ,
 Что посланъ онъ съ страшною вѣстью,—
 Что жатва готова, грядетъ уже Жнецъ,
 Что близокъ растлѣнному міру конецъ;—

Что въ знаменье кары разсѣлась гора,
 Магогъ на землѣ появился,
 Послѣдняго часа приспѣла пора,
 Антихристъ въ Перми родился.
 Онъ вѣрилъ,—чтобъ души спасти никоньянъ,
 Безгрѣшны всѣ средства и самый обманъ.

Отважный фанатикъ, онъ кары властей
 Искалъ, какъ грѣховъ отпущенья,
 Онъ видѣлъ вѣнецъ мученическій въ ней
 И жаждалъ за вѣру гоненья.
 И старца желанье исполнилъ Творецъ:
 Поборникъ раскола былъ взятъ наконецъ,

И сосланъ въ обитель, и годъ ужъ въ ней жилъ,
 И постъ и труды послушанья
 Съ безмолвнымъ терпѣньемъ покорно сносилъ;
 Но братьямъ на всѣ увѣщанья
 Насмѣшкою дерзкой старикъ отвѣчалъ,
 Иль съ гордымъ презрѣньемъ упорно молчалъ.

Эпархіи этой въ то время главой
 Достойный Христа былъ избранникъ,
 Любви и смиренья подвижникъ святой;
 Имъ призрѣнъ и сирый и странникъ;
 Какъ истинный пастырь, о стадѣ своею
 Болѣзною радѣлъ онъ и пекся о немъ.

Разъ паству свою объѣзжая, вступилъ
 Онъ въ дальнюю эту обитель,
 Припомнилъ о старцѣ, о немъ спросилъ,
 И съ горестью кроткій святитель
 О мрачномъ упорствѣ его услышалъ,
 И ссыльнаго видѣть онъ самъ пожелалъ.

И въ кельѣ убогой сошлись одни—
 Сошлись во имя Христово—
 Два старца сѣдые, Господь да они,
 Воители Божьяго слова.
 Угрюмо глядѣлъ непреклонный старикъ;
 Былъ грустенъ, но кротокъ святителя ликъ.

И началъ онъ: «Сынъ мой, иди со Христомъ.
 Ты воленъ отъ узъ заключенья.
 Насиловать совѣсть считаю грѣхомъ;
 Прости намъ свое заточенье.
 Пріятенъ для Бога даръ вольный сердцецъ;
 Но жертвъ принужденныхъ не любить Творецъ.»

Съ нѣмымъ удивленьемъ воспрянулъ старикъ,
 Глядѣлъ недоувѣрчивымъ окомъ;
 Его недоувѣрье святитель проникъ,
 И молвилъ онъ съ грустью глубокой:
 «Иди, братъ мой, съ миромъ, нашъ грѣхъ извиня;
 Но ежели можешь, послушай меня;

«Не бойся, я спорить не буду съ тобой,
 Не стану въ словахъ препираться;
 Но, братъ мой, уйдешь ты исполненъ враждой,
 Не такъ бы хотѣлъ я разстаться.
 Намъ, старцамъ, не много осталось ужъ дней,
 Чтò скажемъ тамъ Богу о встрѣчѣ своей?»

СТИХОТВОРЕНИЯ.

• Ученье Христово такъ просто, свѣтло,
Мы къ правдѣ стремилися оба;
О, какъ же оно раздѣлить насъ могло?
За что мы враждуемъ до гроба?..
Тутъ есть заблужденье, не правда ль, мой сынъ?
Подумаемъ вмѣстѣ, поищемъ причинъ. »

Ихъ тайной бесѣды никто не слыхалъ.
Коснѣя въ слѣпомъ озлобленнѣ,
Упорнымъ молчаньемъ сперва отвѣчалъ
Раскольникъ на зовъ примиренья;
Но мало-по-малу, какъ пласть ледяной
Лучъ яркаго солнца пронзаетъ весной,

Въ строптивую душу лучъ свѣта проникъ;
Словами любви и смиренья
Глубоко былъ тронуть суровый старикъ
И началъ съ владыкой онъ пренне.
И жарко онъ вѣру свою защищалъ;
Но кротко святитель его обличалъ.

То не были рѣчи грозы и суда,
Не праздное словъ претыканье,
Была та бесѣда—живая вода—
О духъ Христова посланья,
О чудномъ завѣтѣ любить и прощать.
Внимая ей старецъ забылъ возражать.

И первый разъ въ жизни почувалъ старикъ
Сомнѣнье въ душѣ потрясенной
Во всемъ, чему вѣрить онъ съ дѣтства привыкъ,
Что правдой считалъ довременной,
За что подвизался, страдалъ для чего,
Что было задачей всей жизни его.

И ужасъ душою его овладѣлъ;
 Растерянный, блѣдный, убитый,
 Онъ снова владыку оспорить хотѣлъ;
 Но словъ не нашель для защиты,
 Для битвы и съ нимъ и съ душою своей...
 А рѣчь благодати гремѣла сильнѣй.

«Довольно, довольно! воскликнулъ старикъ;
 Отыдь отъ меня, соблазнитель!
 Лукавый твой голосъ мнѣ въ душу проникъ,
 Помилуй, помилуй, святитель!
 Я вѣрю, ты правъ; но, учитель Христовъ,
 Оставь умереть меня въ вѣрѣ отцовъ.

«Я старъ, погляди, я въ могилу гляжу;
 Мнѣ поздно назадъ возвращаться;
 Смотри, я у ногъ твоихъ, отче, лежу,
 Дозволь мнѣ, какъ былъ я, остаться.
 Могу ли я, братій наставникъ моихъ,
 Отступникомъ вѣры явиться средь нихъ?»

«Могу ли?..» Но не даль окончить святой
 И самъ до земли преклонился.
 «И я на колѣняхъ, мой сынъ, предъ тобой.
 Такъ дивный учитель молился:—
 На Божіе дѣло, въ Христовъ вертоградъ,
 Когда бъ ни пришелъ ты, не поздно, мой братъ.

«Господь твою душу изъ мрака воззвалъ;
 Но демонъ гордыни лукавой
 Еще въ ней гнѣздится, еще не упалъ
 И сердце смущаетъ отравой.
 О сынъ мой! о братъ мой! отвергнешь ли ты
 Зовъ Бога для духа земной суеты?»

• Помолимся вмѣстѣ. Стань рядомъ со мной.
 Смирненную старцевъ молитву
 Услышитъ Создатель и съ славой земной
 Пошлетъ намъ побѣдную битву.
 Еще лишь усилье, еще одинъ шагъ,
 И будетъ поверженъ послѣднй нашъ врагъ. »

И рядомъ съ владыкой челомъ до земли
 Раскольникъ смиренно склонился,
 И слезы по блѣднымъ ланитамъ текли,
 И жарко онъ, жарко молился.
 А подлѣ святитель молился о немъ,
 И ангелы Божьи летали кругомъ.

И праздникъ былъ въ небѣ. Сіонъ ликоваль
 Возврату заблудшаго сына;
 А онъ, примиренный, онъ свѣтель возсталъ.
 Одна въ немъ осталась кручина,
 Одно было горе: о жизни былой;
 И робко онъ молвилъ: « Владыко святой,

• Ты истинной церкви открылъ мнѣ врата;
 Но смѣю ли къ ней приобщиться?
 Поборникъ раздора, во имя Христа,
 Достоянъ ли съ Нимъ примириться?
 Отецъ мой, Господь милосердъ безъ конца;
 О дай заслужить мнѣ прощенье Творца!

• Я грѣшникъ великій, неправды пророкъ,
 Я съятель былъ озлобленья,
 И многихъ, о, многихъ во тьму я увлекъ
 Въ безумномъ моемъ ослѣпленнѣ.
 Пусты меня къ братьямъ заблудшимъ моимъ,
 Да Божіе дѣло повѣдаю имъ.

« Скажу имъ: Простите, я васъ обманулъ;
Во тьмѣ пресмыкаясь кромѣшной,
Во тьму эту, братья, и васъ я втянулъ;
Простите мнѣ, каюсь я, грѣшный.
Дозволь же, святитель, дозвожь, я пойду
И чающихъ свѣта къ тебѣ приведу,—

« Къ тебѣ, изцѣлитель и врачъ слѣпоты,
Къ тебѣ, благовѣстникъ прощенья.
О, еслибъ намъ всё говорили какъ ты,
Безъ гнѣва, вражды и презрѣнья, —
Давно бъ на Руси, о святитель, давно
Одинъ былъ бы пастырь и стадо одно.»

М. Розенгеймъ.

СЕНКОВСКИЙ ЖУРНАЛИСТЪ И ПОВѢСТВОВАТЕЛЬ.

Собрание сочиненій Сенковского (Барона Брамбеуса), съ портретомъ и жизнеописаніемъ автора, 9 частей, in 12. С.-Петербургъ. Въ тип. Академіи наукъ. 1858—1859.

Листы Барона Брамбеуса. 2 части, in 12. С.-Петербургъ. Въ тип. И. Глазунова и Кома. 1858.

Опись Неаполекъ Сенковский. (Баронъ Брамбеусъ.) Біографическія записки его жены, in 12. С.-Петербургъ. Въ тип. Акад. наукъ. 1858.

Шутить и вѣкъ шутить — какъ зась на это ставитъ?
Грибоедовъ.

Передъ нами лежитъ оконченное изданіе сочиненій покойнаго О. И. Сенковского, предпринятое его супругой съ единственною цѣлю: «поставить мужу достойный памятникъ изъ его же трудовъ и мысли». (Т. I, стр. VII.) Должно сказать, что это намѣреніе исполнено самымъ удовлетворительнымъ образомъ: изданіе красиво, дешево, хорошо расположено и по возможности полно. Кромѣ того, къ нему приложены два жизнеописанія автора: одно въ I томѣ составлено его ученикомъ, недавно умершимъ ориенталистомъ П. С. Савельевымъ, снабдившимъ свой трудъ подробною бібліографическою росписью сочиненій Сенковского; другое, напечатанное отдѣльно, написано вдовой его. Изъ разныхъ мѣстъ этихъ жизнеописаній видно, что готовится еще полная біографія Сенковского. Во всемъ этомъ видна забота увѣковѣчить въ потомствѣ имя и труды автора, забота, которую внушило издателямъ почтенное чувство признательности и любви къ памяти чтимаго ими человѣка. Въ какой степени памятникъ, воздвигнутый Барону Брамбеусу изъ его сочиненій, назидателенъ и уважителенъ для потомства, это должна рѣшить строгая и безпристрастная критика, на которую безспорно имѣетъ право человѣкъ, имѣвшій когда-то огромное вліяніе на значительную часть русскихъ читателей, человѣкъ, писавшій такъ много, о столькихъ разнородныхъ предметахъ, на столькихъ древнихъ и новыхъ языкахъ.

Критикъ въ настоящемъ случаѣ много дѣла, если она сочтетъ нужнымъ оцѣнить всѣ эти разнородные труды. Ихъ надо раздѣлить между спеціалистами: исторія, этнографія, древности, музыка, философія, физика, филологія, медицина, политическая экономія, обо всемъ этомъ говорилъ Сенковский, разбиравшій сочиненія разныхъ авторовъ или писавшій самъ статьи по этимъ частямъ. Не знаемъ, совершитъ ли когда-нибудь наша критика такой подвигъ, и какой именно результатъ извлечетъ она

изъ подобнаго труда. Что касается до насъ, то мы ограничимся сообщеніемъ здѣсь нѣсколькихъ мыслей о Сенковскомъ, какъ о беллетристѣ и редакторѣ когда-то значительнаго журнала; въ этомъ видѣ онъ больше всего знакомъ публикѣ и всего больше имѣлъ въ свое время вліянія на нее.

Сенковскій началъ писать въ 1818 году, когда ему едва исполнилось 18 лѣтъ, но въ то время онъ писалъ попольски, а въ русской литературѣ имя его въ первый разъ появилось въ 1822 году. Затѣмъ въ теченіи десяти лѣтъ онъ занимался преимущественно Востокомъ и помѣщалъ въ журналахъ и альманахахъ путевыя замѣтки, рецензіи, изслѣдованія о Востокѣ, переводы съ арабскаго и проч. Въ 1833 году онъ выступаетъ въ смирдинскомъ *Новоселѣ*, какъ беллетристъ; а съ 1834 дѣлается редакторомъ и душою *Библиотеки для Чтенія*, которая состояла подъ его редакціею до 1849 года, и въ которой онъ продолжалъ участвовать до конца 1856 года. Въ этотъ же періодъ времени подъ его редакціей находились: *Энциклопедическій Лексиконъ* (1838 — 1839), *Военная бібліотека* (1838 — 1840), *Сынъ Отечества* (1841). Съ 1856 года Сенковскій посвящаетъ себя фельетону обновленнаго *Сына Отечества*; въ началѣ 1858 года онъ работаетъ для *Весельчака*, но вскорѣ жестокая болѣзнь прекращаетъ жизнь Сенковскаго. Онъ умираетъ, явившись въ послѣдній разъ передъ публикой подъ фирмой «Ивана Иванова сына Хохотенко-Хлопотунова-Пустяковскаго», умираетъ въ послѣдней метаморфозѣ безчисленныхъ псевдонимовъ, подъ которыми скрывался въ печати. Новые интересы занимали литературу, когда умеръ Сенковскій, и смерть его прошла почти незамѣченною... *Sic transit gloria mundi!*

А было время, когда слова: «Баронъ Брамбеусъ», «Библиотека для Чтенія», «Литературная Лѣтопись» были словами магическими. Они приводили публику чуть не въ восторгъ, а на господъ «сочинителей» наводили страхъ и трепетъ при мысли: «ну, какъ отдѣлаетъ?» Пять или шесть лѣтъ голосъ *Библиотеки* былъ въ нашей литературѣ тѣмъ же, что голосъ Австріи на германскомъ сеймѣ. Не очень трудно заглушить разумныя и умѣренныя требованія словами: «все это вздоръ, пустяки, опасныя бредни», особенно, когда слова эти обращены къ лицамъ, которыя и сами того же мнѣнія, но не смѣютъ высказаться громко, пока его не прокричитъ сильный авторитетъ; произнеси онъ только эти слова, и робкіе единомышленники сейчасъ рады найти себѣ опору и еще громче возопить: «вздоръ, пустяки» и проч. Такъ было и въ нашей литературѣ; вспомнимъ, что еще и теперь не совсѣмъ вывелись у насъ мнѣнія въ родѣ слѣдующихъ: «Бредни всѣ эти нѣмецкія штуки; намъ нужна практика, а не теорія; намъ нужны

только инженеры, артиллеристы, всякаго рода специалисты; древніе языки вездѣ, на нихъ не ищутъ, а давать молодежи читать Грековъ да Римлянъ — такъ еще наберется республиканской «наберин»; отъ философіи только умъ за разумъ зайдетъ, да распространится безбожіе; что намъ Европа? Мы сами по себѣ, а ее шапками закидаемъ. Мало ли что еще услышите въ этомъ родѣ! Представьте же себѣ, какой эффектъ произведенъ былъ тому двадцать пять лѣтъ, когда подобные возгласы можно было слышать въ обществѣ гораздо чаще, чѣмъ теперь, когда тажкій опытъ еще не доказалъ нецѣлности нашихъ «живеть» и «авось» и нустарго самохвальства, свойственного жалкому невѣжеству; представьте себѣ, какой эффектъ, говоримъ мы, произведенъ былъ на публику проповѣдями *Библиотеки для Чтенія*. До тѣхъ поръ такъ-называемые большіе журналы иногда обличали свое невѣжество, но никогда не бѣли невѣжеству систематически хвалебныхъ гимновъ; журналы эти публика читала мало: одни были для большинства скучны, другіе непонятны. Только *Телеграфъ* умѣлъ занимать ее; впрочемъ и о немъ большинство читателей говорило потихоньку: «къ чему всѣ эти умствованія?» а нѣкоторые благонамѣренные мужи прибавляли: «не худо бы запретить ихъ; мы не Нѣмцы, у насъ это не нужно». Вдругъ среди этихъ многочисленныхъ, но робкихъ голосовъ, раздается голосъ, принадлежащій ученому профессору, и громко, самоувѣренно и самодовольно провозглашаетъ: «Милостивые государи! Васъ хотятъ обморочить, когда говорятъ вамъ, что нужна наука, критика, теорія и проч. и проч. Вѣрите мнѣ, я самъ изучилъ многое; если я иногда говорю серьезно объ ученыхъ предметахъ, то это «für wenige», въ средѣ *старыхъ париковъ*, съ которыми нахожусь поневолѣ въ сношеніяхъ. Но до васъ это нисколько не касается; они сами по себѣ, вы — тоже, и соприкосновеніе съ ними вамъ вовсе не нужно, а можетъ только сбить васъ съ толку. Философія — бредъ, даже намъ, ученымъ, непонятный; исторія — басня, которую для потѣхи можно украшать какими угодно выдумками; критика — выраженіе личнаго мнѣнія, опредѣляемаго расположеніемъ духа и состояніемъ пищеваренія; то же можно сказать и о всѣхъ такъ-называемыхъ убѣжденіяхъ. Вообще наука — достояніе пустыхъ мечтателей и пройдохъ-шарлатановъ, а пользы отъ нея не ждите. Не ройтесь въ скучныхъ книгахъ, не учитесь тому, что вамъ ни на что не пригодно въ вашей ежедневной жизни. Если хотите, я докажу вамъ, что Шамполіонъ сумашедшій, а Гумбольдтъ вралъ. Надо пользоваться жизнью и почитать кое-что только для потѣхи. Я много знаю потѣшнаго и мало ли что еще выдумаю. А вотъ я вамъ разкажу, какъ я танцевалъ на потолокъ, какъ книги въ лавкѣ Смирдина обратились въ пустыя головы и проч. и проч. У меня тутъ

цѣльмъ рази, гдѣ показывается такія умеренныя цѣны, что индотки надорасте. А если какой-нибудь лѣвъ умничаетъ, который хотѣть васъ морочить, задумаетъ меня перебивать, я его такъ отдѣлаю, что вы еще больше убѣдитесь, пригодна ли на что-нибудь эта мнимая ученость.»

Спрашивается, трудно ли имѣть, произнося такія рѣчи, успѣхъ въ публикѣ, въ которой едва-едва начинаютъ созрѣвать сѣмена перваго образованія, которая недоувѣрчиво смотритъ на новыя для нея попытки ума человѣческаго, на успѣхи науки, дающаея не легко и не всякому? Разумѣется, публика эта будетъ въ восторгѣ, что нашелся авторитетъ, громко высказывающійся въ пользу ея любезной лѣны и инстинктивнаго мраколюбія, и скажетъ непростительнымъ учителямъ: «Оставьте насъ въ покоѣ; вы насъ обманываете и мучите напрасно: это говоритъ вашъ же братъ ученый, да еще какой! Онъ всю премудрость человѣческую проглотилъ, а чистосердечіе васъ. Онъ будетъ насъ забавлять; мы знать ничего не хотимъ и пойдемъ за нимъ.»

Вотъ въ короткихъ чертахъ картина успѣха *Библиотеки для Чтенія* въ публикѣ тридцатыхъ годовъ.

Да, грустно, но надобно признаться, что такъ именно относился къ читающему русскому люду умный, многосторонне-образованный профессоръ, выступивъ на литературную арену. Таковъ онъ былъ какъ повѣствователь и журналистъ, то-есть въ томъ видѣ, въ которомъ онъ болѣе всего былъ читаемъ и пользовался большою славою. Если выбрать для *Библиотеки для Чтенія* девизъ, то самымъ удачнымъ будетъ короткое слово: *глумленіе*. Его встрѣтите вы на всякомъ шагу, во всевозможныхъ видахъ: глумленіе надъ наукой, прогрессомъ, гениемъ, поэзіей, убѣжденіями, истиной; глумленіе надъ читателями и даже надъ самимъ собою. Всѣ такъ привыкли къ тому, что Баронъ Брамбеусъ потѣшается и глумится, что публика даже въ ученыхъ статьяхъ его, касающихся до самыхъ разнородныхъ предметовъ, не знала, шутить ли онъ, или говорить серьезно, тѣмъ болѣе что рядомъ съ какиъ-нибудь ученымъ разсужденіемъ Баронъ представлялъ ей насмѣшки надъ тою же наукой, о которой сейчасъ трактовалъ докторально. Онъ говорилъ съ серьезнымъ лицомъ, но тутъ же подмигивалъ толпѣ изподтишка, давая чувствовать, что это только такъ, для *decorum*, а въ сущности заняться надо потѣхой, которая сейчасъ явится на выручку. Пусть разберутъ специалисты его ученые труды, но на непосвященныхъ въ таинства изученій Востока или древностей труды эти должны были производить такое впечатлѣніе.

Одинъ изъ искренно-уважаемыхъ нами писателей выразилъ мнѣніе, что одною изъ причинъ такого шуточнаго направленія

Сенковскаго было появленіе его на поприщѣ русской литературы въ такое время, когда онъ уже слишкомъ близко изучилъ ученыхъ и литературныхъ сокровища народовъ; далеко ушедшихъ въ дѣлѣ науки и вообще просвѣщенія. Почтенный авторъ статьи о Сенковскомъ думаетъ, что, вышедши изъ ученаго европейскаго міра науки, Сенковскому трудно было не считать ниже своего достоинства имѣть дѣло съ нашею литературой, съ которою онъ до того времени былъ очень мало знакомъ, а встрѣтася съ ней лицомъ къ лицу, онъ не могъ отнестись къ ней безъ ироніи и насмѣшекъ, видя ея бѣдность и дѣтское состояніе. Мы никакъ не можемъ раздѣлять такого мнѣнія. Для чего же приниматься за дѣло, которому не сочувствуешь, или для чего, по крайней мѣрѣ, продолжать его, увидѣвъ, что оно не соответствуетъ наклонностямъ нашимъ? Если сознание собственнаго высокаго достоинства въ васъ существуетъ, то докажите, что вы дѣйствительно выше сцеры, въ которую бросила васъ судьба. Событія успеваемъ просвѣщенія, прихотчивайте къ нему публику, какъ это дѣлаютъ другіе, тоже люди не безъ достоинствъ, старайтесь подблизиться съ нуждающимися хоть частицей вашего богатства, а не давайте невѣжеству оружія противъ успѣховъ просвѣщенія, глумясь надъ ними такъ недобросовѣстно. Притомъ Сенковскій высказывалъ презрѣніе свое не только къ книжному хламу, который у насъ издается въ такомъ изобиліи, но и къ дѣльнымъ нашимъ попыткамъ и даже къ произведеніямъ лучшихъ людей Европы, которыми человечество должно по справедливости гордиться.

Если Сенковскій и хвалилъ какую-нибудь книгу, то это было отнюдь не по убѣжденію, отнюдь не на основаніи какихъ-либо критическихъ началъ или постоянныхъ собственныхъ воззрѣній. Онъ самъ неоднократно признавался, что его похвала происходила отъ минутнаго настроенія духа. Въ дѣйствіяхъ такого рода можно видѣть нѣчто въ родѣ новой маски, скрывавшей обыкновенную замашку нашей тогдашней журналистики: хвалить своей приходъ. Похвалы Сенковскаго щедро расточались сотрудникамъ *Библиотеки для Чтенія*, бездарнымъ стихокропателямъ, авторамъ раздирательныхъ или «поморныхъ» повѣстей и т. п. А что писатели эти точно были самые плохіе, это доказывается забвеніемъ, которому они преданы давно, даже въ той публикѣ, которая ими тогда восхищалась. Мы вообще не видимъ въ *Библиотеке* того величаваго безпристрастія, которымъ она будто бы такъ отличалась отъ прочихъ журналовъ. Она рѣдко входила въ полемику, это правда, но за то выходки ея противъ враждебныхъ ей журналовъ и писателей были желчны, ядовиты. Стоить вспомнить отзывъ ея о Пушкинѣ, когда онъ задумалъ издавать *Современникъ*... Часто выходки эти никого не называли, но цѣль ихъ бы-

вада легко открываема смѣтливымъ читателемъ. Шарлатанство въ *Библиотеку* пускалось въ ходъ столько же, сколько и глумленіе. Баронъ Брамбеусъ топчетъ напримѣръ, бывало, въ грязь французскую романтическую школу, да тутъ же и смастеритъ повѣсть изъ ея лоскутковъ. Къ этому должно прибавить нестерпимый деспотизмъ и гордую самоувѣренность редактора относительно писателей, участвовавшихъ въ журналѣ. Сенковскій не только поправлялъ ихъ статьи по своему, но передѣлывалъ ихъ, вставлялъ въ нихъ свои мысли, противорѣчившія часто взгляду автора, соединялъ двѣ статьи въ одну, словомъ подвергалъ рукописи лучшихъ литераторовъ всевозможнымъ извѣщаніямъ. Это доказано фактами, да и самъ Сенковскій этимъ хвастался и высоко сообщалъ читателямъ, что только этимъ поддерживаетъ достоинство журнала. При этомъ случаѣ, какъ и при всякомъ другомъ, сыпались на писателей тѣ шуточки, безъ которыхъ *Библиотека* нигдѣ не обходилась. На шуточки она считалась неистощимою, и читатели удивлялись этой способности. Мы уже сказали, каковы часто бывали предметы этихъ шутокъ, и оставляемъ читателямъ вывести заключеніе: достойны ли такія глумленія ученаго профессора? Что касается до его рецензій, то онѣ писались преимущественно на пустѣйшихъ книжонки, по поводу которыхъ всего легче ему было предаваться любимому своему занятію. Тутъ обыкновенно подтрунивалось надъ заглавіемъ книги, фамиліей автора, какою-нибудь нелѣпою выпиской, особенно надъ словами *сей* и *оный* и надъ Москвою. Петербургскіе журналисты съ презрѣніемъ отзывались тогда о Москвѣ, гдѣ издавались *Телескопъ*, *Молва*, *Московский Наблюдатель*, журналы, чуждые шарлатанства, не льстившіе грубымъ инстинктамъ толпы, и мало распространенные въ публикѣ, большинство которой и не у насъ однихъ предпочитаетъ балаганъ ученой аудиторіи. Но посмотрите, какая разница во взглядахъ замѣтна уже въ наше время. Пишущіе объ исторіи нашей литературы отзываются съ почтеніемъ объ этихъ московскихъ журналахъ, пытающихся высказывать опредѣленные убѣжденія и научные взгляды, а *Библиотека* забыта или упоминается только какъ печальный фактъ и для полноты обзора. Изъ нея уцѣлѣла почти микроскопическая доля. Всѣ ея глумленія и остроты пережили вѣкъ какого-нибудь водевиля. Да и во время ея славы люди истинно образованные не могли не порицать или не презирать этого жалкаго, рѣчнаго смѣха надъ всѣмъ, что есть высокаго и прекраснаго, смѣха на подрядъ, на срокъ, похожаго на принужденную гримасу, которая способна не развеселить, а опечалить...

Слава Барона Брамбеуса однако нѣсколько лѣтъ росла въ публикѣ и служила доказательствомъ его величія для тѣхъ, которые

думаютъ, что шумъ, гамъ и продажа чьихъ-либо сочиненій во множествѣ экземпляровъ—лучшія ручательства за ихъ достоинство. Явились повѣсти Барона Брамбеуса, разчетъ на то, что публика не замѣтитъ въ имени автора отсутствія одной буквы и раскупитъ книгу. Въ театральномъ мірѣ явились пьесы: *Баронъ Брамбеусъ* и *Сей и оный*. Баронъ заслужилъ честь журнальныхъ нападокъ, рукописныхъ сатиръ и пародій отъ Воейкова, Бахтурина и др. Все это было необходимымъ атрибутомъ славы журналиста. Въ толпѣ имя его сдѣлалось извѣстнѣйшимъ изъ всѣхъ именъ литературнаго міра, между писателями оно сдѣлалось чѣмъ-то страшнымъ. Имя это никогда не будетъ забыто въ летописяхъ заблужденій нашей словесности, оно займетъ въ нихъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ...

Но по мѣрѣ того, какъ легковѣрные читатели все болѣе и болѣе восхищались *Библиотекой*, лучше наши писатели одинъ за другимъ отъ нея отставали. При основаніи ея Смирдинымъ, почти всѣ они общались журналу свое сотрудничество. Но увидѣвъ, что это подчиняетъ ихъ желѣзной диктатурѣ Брамбеуса, они не захотѣли подвергаться его самовольнымъ распоряженіямъ, тѣмъ болѣе что имъ совѣстно стало считаться сотрудниками журнала, котораго мнѣнія они не могли уважать, по отсутствію въ немъ всякихъ убѣжденій и по пристрастному осужденію многихъ произведеній, дѣлавшихъ честь нашей литературѣ. Москва, въ которой никогда не было въ журнальномъ мірѣ того духа спекуляціи и той склонности балагурить, какими нерѣдко отличались повременныя петербургскія изданія, первая протестовала противъ литературной монополіи, которую хотѣлъ захватить Брамбеусъ, и первыми бойцами вышли на арену Надеждинъ и Бѣлинскій въ *Телескопъ* и *Молвь*. Потомъ былъ основанъ *Наблюдатель* и наконецъ въ Петербургѣ *Современникъ* Пушкина. Но журналы эти избрали для себя размѣры, слишкомъ скромные; они не развили такой дѣятельности, которая могла бы дать имъ перевѣсъ надъ *Библиотекой*, и голосъ толкучаго рынка продолжалъ раздаваться громче разумной рѣчи. Притомъ названные нами журналы не имѣли того житейскаго, практическаго умѣнья дѣйствовать, которое необходимо для успѣха всякаго дѣла рукъ человеческихъ. *Библиотека* продолжала здравствовать, и рѣшительный ударъ нанесенъ былъ ей только въ 1840 году, когда возобновленные за годъ *Отечественныя Записки* надежно и крѣпко соединили юныя силы литературы, созрѣвавшія до того времени въ попыткахъ тѣхъ журналовъ, на которые такъ свысока смотрѣлъ Баронъ Брамбеусъ.

Сенковскій продолжалъ быть дѣятельнымъ редакторомъ *Библиотеки* до 1849 года. Въ послѣдствіи участіе его въ этомъ изда-

ни ослабло, и едва ли послѣдніе годы существованія журнала до 1856 должны лежать на его отвѣтственности. Мы сказали уже, что съ 1856 года онъ сдѣлался фельетонистомъ газеты *Сынъ Отечества*. Фельетоны эти, не лишены остроумія своего рода, привлекли этой дешевой газетѣ множество подписчиковъ. Изъ объявленія объ изданіи ея на слѣдующій годъ видно, что эти читатели принадлежали преимущественно къ особому міру петербургскихъ чиновниковъ, которые не могли уйти впередъ съ вѣкомъ, и были въ восторгѣ отъ того, что любимецъ ихъ снова сталъ тѣшить публику. Лестная награда и удивительное постоянство! Наконецъ въ эпоху, когда множество современныхъ интересовъ вызывало на работу всѣхъ людей серьезныхъ и ученыхъ, Сенковский кончилъ свою журнальную карьеру участіемъ въ *Весельчакѣ*, для котораго шуточные статьи сочинялъ онъ, страдая болѣзненными припадками, прекратившими дни его на 58 году отъ роду.

Таково поприще Сенковского, какъ журналиста. При всей его многосторонней учености, при всемъ его умѣ, оно было не только безплодно, но и вредно въ исторіи нашего просвѣщенія. Высокомеріе, отсутствіе убѣжденій, глумленіе надъ всѣмъ и надъ всѣми, страсть острить и шутить безъ умолку—вогъ атрибуты *Библиотекки для Читателя*, надѣлавшіе столько вреда и уничтожающіе тѣ ея достоинства, которыхъ не могло не быть въ журналѣ въ первые годы его существованія, при огромныхъ средствахъ, которыми располагалъ Смирдинъ. Въ біографіи Сенковского, написанной его вдовой, упоминается о какихъ-то обстоятельствахъ, препятствовавшихъ Сенковскому съ 1848 года заниматься журналомъ съ тѣмъ же усердіемъ, какое онъ оказывалъ прежде. Мы никакъ не можемъ понять, какъ это могло случиться. Намъ кажется, что литературное направленіе того рода, къ которому онъ слѣдовалъ, ни при какихъ обстоятельствахъ не могло служить препятствіемъ къ занятію журналистикой и беллетристикой. Отрицаніе возможности убѣжденій и проповѣдь, поощряющая невѣжество къ самодовольству, находятъ къ несчастію слишкомъ много покровителей, и съ этой стороны, кажется, нечего ему было бояться. Препятствія могли быть удѣломъ другихъ людей и журналовъ, а не того писателя, который былъ послѣднимъ выраженіемъ и цвѣтомъ совершенно-безвреднаго, съ извѣстной точки зрѣнія, прошедшаго направленія нашей журналистики. Барону Брамбеусу какъ-то не пріяталъ ореолъ мученика за прогрессивный образъ мыслей.

Повѣсти Барона Брамбеуса какъ нельзя лучше гармонируютъ съ его журнальными статьями. Онъ въ нихъ по крайней мѣрѣ вѣренъ самому себѣ: тотъ же тонъ, тотъ же языкъ, тѣ же мысли, тѣ же шуточки. Онъ считалъ себя юмористомъ-правоописателемъ.

Но это была жалкая мечта самолюбія. Повѣсти эти или дѣтскія quasi-восточныя аллегоріи, ужасно надѣдающія, или ни съ чѣмъ несообразныя выдумки, въ которыхъ нелѣпое хочеть прикинуться фантастическимъ, или невозможныя похождения изъ будто бы современнаго быта, гдѣ дѣйствуютъ не люди, а какіе-то призраки, и гдѣ нечего искать и тѣни истины въ изображеніи нравовъ и характеровъ. Все это неестественно, натянуто, безжизненно, сочинено, а не создано; все искажено желаніемъ, усиленіемъ блеснуть, сострить, поднять на смѣхъ что-нибудь дѣльное или высокое. Отъ повѣстей этихъ вѣетъ какимъ-то холодомъ; нигдѣ не согрѣты онѣ истиннымъ чувствомъ. Словомъ, въ нихъ нѣтъ и признака художественнаго таланта. Онѣ писаны только съ цѣлю осмѣять то какую-нибудь науку, то какое-нибудь чувство, а часто и нѣсколько наукъ и чувствъ заразъ. Никто не скажетъ, что въ нихъ, такъ же какъ и въ журнальныхъ статьяхъ Сенковского, не разсыпано мѣстами много ума. Но что въ одномъ умѣ, когда художественнаго созданія нѣтъ, и во всемъ проглядываетъ одна и та же недостойная цѣль: вѣчное глумленіе? Лучшими образцами брамбеусовскаго рода могутъ служить его первыя повѣсти, которыя были какъ бы его литературнымъ манифестомъ. Это *Фантастическія путешествія*, посвященныя униженію современныхъ успѣховъ археологіи и естествознанія, и знаменитый *Большой выходъ у Сатаны*. Въ этомъ *выходѣ*, безцеремонной контрафакціи повѣсти *La comédie du diable* Бальзака, котораго Брамбеусъ такъ бранилъ, можно найти программу *Библиотеки для Читателя* со всеми ея шуточками и воззрѣніями. Ученый профессоръ дебютировалъ въ литературѣ сочувствіемъ къ ея порицателямъ и ея униженію (въ лицѣ Дьявола-Журналистики и Чорта-Словесности), насмѣшками надъ наукой вообще и философіей въ особенности, и выраженіемъ своего презрѣнія къ формамъ политической и гражданской жизни, выработаннымъ вѣковыми усилиями человѣчества. Словомъ, повѣсть эта достойна возбудить самое восторженное сочувствіе со стороны такого рода людей, которые у насъ если еще не совсѣмъ вывелись, то по крайней мѣрѣ копошатся только въ мракѣ и изподтишка, и сами портятъ свое дѣло, когда рѣшаются выйти на свѣтъ Божій, приподнявъ маску.

Сенковский провозглашалъ, что онъ призванъ осуществлять преобразование нашей прозы и довершить ту реформу языка, которую началъ Пушкинъ, переработавши русскій стихъ. Онъ хотѣлъ писать разговорнымъ языкомъ и для того сталъ гнать *сін* и *омнѣ* и другія канцелярскія слова и обороты. Но чистый, легкій языкъ ему не давался, и нововведенія его ограничились преимущественно подражаніемъ многословію и пустословію фельетоновъ Жюль-Жанена, котораго онъ такъ же безпощадно ругалъ, какъ и Бальзака.

Кромѣ того въ языкѣ Сенковскаго выражаются безпрестанно то видимое усиліе, то неестественная изысканность, которая невольно высказываются, когда писатель во что бы то ни стало хочетъ постоянно блещеть остроуміемъ и оригинальностью. Отъ этого трудно читать долго его сочиненія подрядъ. Теперь помѣются надъ тѣмъ, кто скажетъ, какъ это бывало прежде, что Сенковскій преобразователь русской прозы.

Мы не беремся судить объ ученыхъ трудахъ Сенковскаго, который зналъ такъ много, занимался столькими предметами отъ восточныхъ языковъ до гальванопластики. Познанія и обширный умъ его не подлежатъ сомнѣнію; содѣяніемъ этого необыкновеннаго человѣка, который былъ родъ живой энциклопедіи, дорожили не только многіе ученые, но и знаменитые художники, Листъ, Брюловъ и нашъ славный Глинка, второй оперѣ котораго онъ посвятилъ такую умную и дѣльную статью. Мы хотѣли высказать мнѣніе свое о немъ, только какъ о журналистѣ и повѣствователѣ. Мнѣніе это писали мы не безъ печальнаго чувства. Горько говорить о томъ, что столько знаній и ума потрачено не только напрасно, но даже къ явному ущербу и вреду святаго дѣла воспитанія въ русской публикѣ твердыхъ убѣжденій и уваженія къ дѣлу успѣха, науки и человѣческаго разума. Вредное вліяніе Сенковскаго не остается безъ послѣдствій даже теперь; и въ наше время можно еще прослѣдить многія изъ пущенныхъ имъ въ ходъ литературныхъ привычекъ и замашекъ, только въ нѣсколько измѣненномъ видѣ.

Издатели его сочиненій хотѣли поставить ему памятникъ изъ его трудовъ и мысли. Памятники ставятся не только радостнымъ, но и печальнымъ событіямъ; полезны и тѣ, и другіе. Читатели сами доскажутъ, къ какому роду отнести памятникъ, во всякомъ случаѣ любопытный и поучительный, о которомъ шла у насъ съ ними рѣчь.

Михаилъ Лонгиновъ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ УКАЗАНІЯ.

Темля въ обществѣ исторіи и древностей російскихъ. 1859 г. Книга первая: январь—мартъ.

Мы не будемъ останавливаться на статьяхъ спеціальныхъ, требующихъ подробной рецензіи, и по нашему обычаю уважемъ лишь на слѣдующіе любопытные матеріалы:

Источники малоросійской исторіи. ч. II.

Въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1858, № 21, указано на первую ихъ часть. Вторая заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія о козняхъ, лице-

нтрии и самоуправствѣ Массоны, о заблужденіяхъ, или, правдѣннѣ сказать, о непостижимомъ ослѣпленіи Петра Великаго, не смотря на многіе доносимы и «напикванн» (въ стихахъ), даже обвинявшие германа еще за семнадцать лѣтъ до Полтавской битвы и т. д. Въ числѣ множества разнородныхъ бумагъ, любопытна, между прочимъ, «Клятвенная присяга священническая» 1722 г. апрѣля 4 и «Объявленіе (отъ того же дня) отъ Святѣйшаго Правительствующаго Всероссийскаго Синода всему Россійскому Государству Духовному и Священному чину». Сверхъ обязанности священника удалаться всякаго «раскольническаго согласія», отписывать, обличать и письменно о раскольникахъ архіерею объявлять, равно какъ и о ложныхъ чудесахъ, «ежели вымыслитель тотъ свой вымыслъ на исповѣди объявить», въ *Присягѣ* сказано: «Къ сему же еще обязуюся, во званіи моемъ поступать, какъ при хиротонисаніи моемъ завѣщано, и въ данномъ мнѣ отъ рукоположившаго мене во Іерейство Архіерея, печатномъ поученіи и въ ставленной грамотѣ объявлено, и какъ отъ Святѣйшаго Правительствующаго Всероссийскаго Синода, въ духовномъ Рескриптъѣ, и въ собственномъ духовному и священному чину, печатномъ Маіа 17-го числа (нынѣшняго) 1722 года, о исповѣди объявленіи изъяснено, и утверждено, и о чемъ по тому объявленію доносить повелѣно, то буду доносить и объявлять самою сущюю правдою, безъ всякаго лжи прилога, и безъ употребленія лукавственныхъ вымысловъ, имѣя страхъ лишенія чести, живота и памятуя незабытно неумытныи Судъ Божій.» Въ *Объявленіи* синодъ говоритъ: «Нѣкоторые злодѣи, исповѣдываясь духовнымъ своимъ отцемъ грѣховъ своихъ, объявляютъ на исповѣди и злодѣйственное свое намѣреніе, не съ раскаяніемъ и отложеніемъ умышленія, но съ непремѣннымъ злаго того дѣяства желаніемъ, и отцы духовные объявляютъ того никому не держаютъ, вынѣяюще то грѣхъ быти, что не есть грѣхъ, но полезное хотящаго быти злодѣяства пресѣченіе... Кто при исповѣди объявить духовному отцу своему нѣкое не сдѣланное, но еще къ дѣлу намѣренное отъ него воровство, наипаче же измѣну или бунтъ на государя или на государство, или злое умышленіе на честь или здравіе Государя и на фамилію Его Величества... то долженъ духовникъ... слѣдуя именному Е. И. В. указу (28 апрѣля 1722) донести вскорѣ о немъ гдѣ надлежитъ... Однакожь въ томъ объявленіи, важности того, на исповѣди показаннаго, не открывать; понеже по оному Указу такихъ злодѣевъ, которые и въ выше означенныхъ злыхъ словахъ явятся, нигдѣ, кромѣ Тайной Канцеляріи и Преображенскаго Приказу, разспрашивать не повелѣно, но токмо въ томъ объявленіи тайно сказать, что такой-то человекъ (показавъ тѣмъ чинъ и имя) имѣетъ злую на Госу-

дарованъ на: проше, что выше сего помышлю, мысль и нераскаянное измышленіе, отъ чего великой вредъ: быть хоцетъ, за что безъ всякаго медленія поймать и заростовать быть должень.» Далѣе приводятся примѣры вредныхъ послѣдствій утайки свѣдѣніемъ открытыхъ ему на исповѣди злыхъ намереній и въ числѣ разныхъ лицъ, названъ и несчастный царевичъ Алексѣй. «А ежели кто изъ священниковъ сего не исполнитъ и, о выше означенномъ услышавъ, вскорѣ не объявитъ, тотъ безъ всякаго милосердія, яко противникъ и таковыиъ злодѣемъ согласникъ, наче же Государственныхъ вѣдѣвъ прикрыватель, по лишеніи сама и нѣвня, лишентъ будетъ и живота.»

Далматовскій монастырь (пугачевскій бунтъ) 1773—1774. Матеріалы для исторіи пугачевского бунта.

Послѣ свидѣній, помѣщенныхъ во 2 книгѣ *Чтеній* 1858 г., настоящія статьи уже мало любопытны; но все же онѣ пригодятся современемъ для полной исторіи «пугачевщины», какъ пригодятся и все, что написано и открыто по сю пору, и все что напишется и отыщется впередъ. Что касается до «Русскаго Барда» (какъ величали Гаврила Романовича его современники) то, сказать правду, записки его, напечатанныя въ *Русской Бесѣдѣ*, съ одной стороны и не очень занимательны и не представляютъ ничего новаго, съ другой же — онѣ скрываютъ или затемняютъ даже известные случаи. Такъ Державинъ умалчиваетъ объ опрометчивости своей въ Саратовѣ, о подробностяхъ погони за нимъ Пугачева, о распорядительности и храбрости благоразумнаго Бошняка, коменданта саратовскаго. Доставленные священникомъ А. Сулоцкимъ г. Боланскому для *Чтеній* матеріалы о распоряженіяхъ синода и подвигахъ тобольскаго и казанскаго духовенства извлечены еще въ 1844 г. изъ архива тобольской консисторіи. Описаніе осады и защиты Далматовскаго монастыря составлено Далматовской Николаевской церкви протоіереемъ Гр. Плотниковымъ. Тревожное состояніе этой обители продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ; а собственно осада, перестрѣлки, вылазки, битвы и т. д., — три недѣли. Въ числѣ защитниковъ упоминается знакомое имя подьячаго Алексѣя Мералюкова. Не дядя ли поэта А. О. Мералюкова, уроженца далматовскаго? Главнымъ распорядителемъ всѣхъ дѣйствій монастыря былъ іеромонахъ Вонифатій Многогрѣшный. Архимандритъ Іакинѣй Камперевъ былъ тогда въ Тобольскѣ. Устроивъ все, что нужно и возможно было къ спасенію своего монастыря отъ бродячихъ шаекъ, онъ отправился къ начальнику тобольскаго края Чичерину для личныхъ съ нимъ объясненій и для полученія отъ него по себѣ обителей: людей, пушекъ, пороха и проч. Онъ надѣлся во-

время возвратился къ своей наставъ; но продолжительная болѣзнь не позволила ему участвовать въ военныхъ подвигахъ датчановскихъ кавалеровъ. Чичеринъ — спаситель Сибири (говорить Судоплицъ); онъ дѣйствовалъ «во всемъ быстро, силно и умно». Только по удаленности управляемаго имъ края не посмѣлиють его «между знаменитыми помощниками Екатерины II».

Очерки Польской кампаніи въ 1831 г. Соч. свѣтлѣйшаго князя Варшавскаго, графа И. Ѳ. Паскевича-Эриванскаго.

Это просто полемическая статья, направленная противъ графа К. Ѳ. Толя, который вызвалъ ее своею, также полемическою статьей, направленною противъ князя И. Ѳ. Паскевича. «Я узналъ въ послѣдствіи (говорить фельдмаршалъ), что реляція о взятіи Варшавы была напечатана въ лембергской (львовской) газетѣ бывшимъ тамъ нашимъ полковникомъ, которому графъ Толя послалъ рукопись. Въ этой реляціи сказано, что графу Толю принадлежить успѣхъ кампаніи и штурмъ Варшавы. Оно действительно такъ и было. Фельдмаршалъ былъ раненъ при началѣ штурма, и все дѣло было ведено и рѣшено гр. Толемъ, который не только не уступалъ славы взятія Варшавы князю Варшавскому, но и очень строго осуждалъ его нерѣшимость, медленность, излишнюю нехотати осторожность, внезапность приказовъ и отказовъ при тѣхъ или другихъ распоряженіяхъ. Вероятно, рукопись гр. Толя также появится въ *Чтеніяхъ*. Что до *Очерковъ*, то въ нихъ всего вѣрнѣе и яснѣе — ревнивое чувство нерасположенія автора къ лучшимъ генераламъ нашей арміи: къ гр. Толю, Нейгардту, Муравьеву, гр. Сакену. Постоянно отвергалъ, по крайней мѣрѣ на первый разъ, все соображенія начальника штаба и генераль-квартирмейстера, Паскевичъ, съ какимъ-то самоуслажденіемъ говоритъ: «въ арміи были два генерала почти выгнанные мною изъ Грузіи». (sic...) И что же? Преемниками его были на Кавказѣ Муравьевъ и генераль-квартирмейстеръ Нейгардтъ (послѣ барона Ровена и Головина).

Судя по нѣкоторымъ неловкостямъ и ошибочнымъ указаніямъ въ *Очеркахъ*, можно усомниться въ томъ, чтобъ они вышли изъ-подъ пера князя Варшавскаго. Впрочемъ онъ не славился литературными свѣдѣніями. Писалъ же о подвигахъ счастливаго полководца на Кавказѣ, въ Персіи и въ Азіатской Турціи, одинъ изъ бывшихъ при немъ адъютантовъ, г. Ушаковъ.

Вотъ главные обмолвки:

1. Князь Паскевичъ прибылъ въ армію послѣ жаркой битвы подъ Остроленкой. Между тѣмъ рѣшено было перенестись русскими войскамъ за Вислу. Уже мостъ, по соображеніямъ еще графа Дибича-Забалканскаго, былъ наводимъ при самой прусской

границѣ. Свѣтлѣйшій дѣлго не сочувствовалъ этой мысли, заведѣлъ движеніе на Вислу, и, тѣмъ не менѣе (стр. 2, § IV), говоритъ въ *Очеркахъ*: «графъ Налень дошелъ уже до Остка и началъ ставить мостъ». Подумашь, что первая переправа устраивается при знаменитомъ графѣ Эриванскомъ; а на дѣлѣ она устраивалась при покойномъ графѣ Забалканскомъ.

2. Графъ Толь предлагаетъ отправить кавалерію на Калишъ. Предложеніе, по принятому правилу, отвергнуто; а въ заключеніе сказано (стр. 4, § V): «Я позволяю только послать партію козаковъ, чтобъ они пошли, куда *хотѣтъ*, но были въ походѣ не болѣе 36 часовъ. 500 человекъ козаковъ, два эскадрона гусаръ и два орудія посланы.» Итакъ козаки и гусары отправились куда глаза глядятъ; а подъ Калишемъ очутились кирасиры и драгуны, изъ которыхъ одни рубились на коняхъ, а другіе свѣжились у моста и обстрѣливали непріятеля. Ночью Поляки оставили Калишъ; а Русскіе утромъ заняли его. (Разказы самѣхъ участниковъ въ этомъ дѣлѣ.)

3. Вотъ ожидается графъ Крейцъ изъ Литвы, «гдѣ Гелгудъ былъ разбитъ и загнанъ въ Пруссію» (стр. 6). Кто же его разбилъ и загналъ въ Пруссію? Ужъ не Крейцъ ли, по распоряженію фельдмаршала? Совсѣмъ нѣтъ. Мнѣ тѣмъ памятнѣе всѣ подробности этого слѣпаго случая, что я писалъ реляцію о *шавельскомъ дѣлѣ*, въ которомъ разбитъ корпусъ Гелгуда. Жмудь, отрѣзанная военными обстоятельствами отъ своей (Виленской) губерніи, тогда образована была въ отдѣльную, временную Самогитскую область изъ уѣздовъ Тельшевскаго, Россіенскаго, Шавельскаго и Поневѣжскаго (Упитскаго). Областное правленіе было въ Тельшахъ. Областнымъ начальникомъ былъ Э. К. Ширманъ, одинъ изъ воиновъ 1812 г., носившій до конца жизни въ груди вражью пулю, а на груди крестъ изъ собственныхъ костей, вынутыхъ и вышедшихъ изъ раненой его груди. Все наше войско состояло изъ сводныхъ батальионовъ четырехъ полковъ: Софійскаго, Невскаго, Нарвскаго и Капорскаго, изъ запасныхъ батальионовъ 3 и 4 морскихихъ полковъ, изъ резервнаго батальиона принца Карла полка и Донскаго козачьяго полка полковника Грекова, да случайно попавшихъ въ Палангенъ изъ Россіиенъ черезъ Пруссію гвардейскихихъ пионеровъ съ полковникомъ Бартоломеемъ (давно ужъ генералъ). Полковыми командирами были: Софійскаго Д. Д. Ахлестышевъ (нынѣ сенаторъ), Нарвскаго—И. Н. Хотяинцевъ (также сенаторъ), Невскаго—А. Н. Крюковъ. Прочихъ не помню. Послѣ сраженія на Понарской горѣ (по Трокской дорогѣ въ Вильну) Гелгудъ отступилъ къ Ковно; но, будучи отрѣзанъ отъ главнаго польскаго войска, рѣшился пробиться на Митаву, въ несбыточныхъ мечтахъ возмутить не только Курляндію, а и весь Остзей-

свѣй край. Въ сущности онъ могъ разчитывать только на католическій, сильно возбужденный ксендзами фанатизмъ Литвиновъ въ Жмуди; но Остзейцы ужъ вовсе не сочувствовали польскому движению. Они, задолго до попытки Гелгуда, готовились уже къ отпору всякаго впаденія въ ихъ границы изъ Самогитіи. Такъ рыцари курляндскіе образовали изъ себя національную, такъ-сказать, стражу. Въ числѣ ихъ я помню Шеппинговъ, Кор+овъ и проч. Такъ на помощь Шавлей пришло изъ Риги 60 конныхъ волонтеровъ. Мнѣ довелось быть свидѣтелемъ воинскаго стремленія Курляндцевъ; я тогда былъ, по служебнымъ порученіямъ, еще въ Митавѣ, гдѣ мнѣ отведено было помѣщеніе близъ склепа герцоговъ и герцогинь Бироновъ (въ замкѣ), и гдѣ, скажу кстати, въ одной изъ занимаемыхъ мною горницъ я засталъ еще прекрасно-вышитые по атласу обои—плодъ уединенія герцогини Биронъ въ продолженіе ссылки временщика; на нихъ были изображены разные рисунки совершенно въ китайскомъ вкусѣ: цвѣты, деревья, травы, звѣри, Китайцы подъ зонтиками, домики, лодочки и т. д. Возвращаюсь къ Гелгуду: чтобы прорваться въ Курляндію, ему должно было идти на Шавли (уѣздный городъ въ имѣніи графа Н. Д. Зубова); силы его были значительны: два полка линейныхъ, два егерскихъ, одинъ конно-егерскій, три уланскихъ и артиллерія; сверхъ этого, отряды партизановъ Шимановскаго, Дембурскаго, Хлоповскаго и Ролланда; наконецъ «повстанцы» (навербованные въ Литвѣ охотники). Всего было, конечно, подъ ружьемъ болѣе 20 т. чел. У насъ же въ оборѣ противъ него едва ли было 2000 и одна пушка!.. Вся эта рать заключалась въ сводныхъ и запасныхъ батальйонахъ Невскаго, Копорскаго, принца Карла, 3 и 4 морскихъ полковъ, да въ Ригѣ сформированномъ отрядѣ волонтеровъ (60 чел.). При пушкѣ же была прислуга гарнизонная. Бой тутъ, конечно, не ровный. Притомъ Шавли, бѣдное мѣстечко, населенное невоинскими Евреями и отсюду открытое, казалось, невозможно было бы и отстоять. Таковы были соображенія старшаго по чину и должности полковника генеральнаго штаба Коцебу, и онъ отступилъ къ Митавѣ. Странно, какъ онъ не обратился съ просьбою о подкрѣпленіи къ генералу Деллинггаузену, стоявшему на одинъ переходъ отъ Шавлей. Генераль Ширманъ, узнавъ объ отступленіи Коцебу, тотчасъ послалъ ему приказъ: сдать команду старшему по немъ и немедленно велѣтъ ей воротиться въ Шавли. Полковникъ Крюковъ, принявъ отрядъ, быстро вернулся, укрѣпился, сколько позволяли время и мѣстность, плетнями да ямами, вооружилъ деньщиковъ, поставилъ на возвышенности единственную пушку и въ ожиданіи непріятеля затѣялъ какъ бы въ полковой праздникъ музыку и пѣсни. Это до того ободрило Евреевъ, что

и они вышли изъ своихъ домовъ на площадь съ топорами, граблями, кочергами и проч. Вотъ Гелгудъ двинулся, вотъ онъ въ виду, приближается; Крюковская рать стойко поджидаетъ его полки на ружейный выстрѣлъ. Артиллерійскій прапорщикъ Мечъ обстрѣливаетъ дорогу, и что залпъ, то изъ рядовъ непріятельскихъ выхвачено нѣсколько жертвъ. Не горюясь, не горячася, молодой Мечъ стрѣлялъ въ нихъ также мѣтко, также хладнокровно, какъ бы въ мишень на ученьи. Уцѣлѣвшіе отъ пушки храбрецы встрѣчены ружейнымъ огнемъ. Послѣ перестрѣлки пошли въ дѣло штыки. Уланы (лучшее польское войско) пробились на городскую площадь. Деньщики и Евреи сыпали на нихъ камни, полѣна, что ни попало. Между тѣмъ дѣло разгарается: гдѣ продолжается стрѣльба, гдѣ кипитъ рукопашный бой; а Мечъ все бросаетъ свои снаряды въ ряды прибывающихъ по дорогѣ силъ. Вотъ дрогнули пѣхотинцы. Вотъ повстанцы побѣжали во всѣ стороны. Они смутили солдатъ. вмѣсто сильнаго отсюда натиска, началось вездѣ отступленіе. Уланы не могли долго держаться одни, и Гелгудъ пустился съ ними по лѣсамъ и полямъ къ прусской границѣ.

Здѣсь я долженъ признаться, какъ не военный разкащикъ о *шавельскомъ дѣлѣ*, что ни тогда, ни теперь не могъ и не могу понять тѣхъ тактическихъ, стратегическихъ и особенно политическихъ соображеній, по которымъ, конечно, Деллинггаузенъ пошелъ съ своею дивизіей на встрѣчу Гелгуду при вторженіи его въ Шавельскій уѣздъ, не двинулся на помощь Крюкову, зная о происходившемъ сраженіи, слыша по недалекому разстоянію пушечную пальбу, и наконецъ не преслѣдовалъ и бѣгущаго отъ Шавлей непріятеля. Ширманъ и Грековъ отправились отъ Тельшъ на Палангенъ, гдѣ присоединился къ нимъ Бартоломей, и мы отправились отыскивать слѣды польскихъ уланъ. Но бѣгущимъ, какъ говаривалъ князь Кутузовъ-Смоленскій, вездѣ дорога. Трудно мнѣ было поспѣвать за мчавшимися во всю рысь піонерами на невыразимо тряскомъ Россинантъ, которымъ снабдилъ меня Бартоломей. Перекинувъ черезъ сѣдло пуховую подушку, вооружась пистолетами и съ турецкимъ кинжаломъ при бедрѣ, я храбро покачивался то къ гривѣ, то къ хвосту, то съ бока на бокъ, словно переваливался изъ ухаба въ ухабъ. А какъ хотѣлось мнѣ настичь Гелгуда, взять его въ плѣнъ и привѣситъ къ петлицѣ моего статскаго сюртука военный крестъ Св. Георгія!.. Но рыцарскія мечты мои, при каждомъ, хотя и нѣсколько смягченномъ пуховою подушкой, толчкѣ отъ невольныхъ прискакиваній на сѣдлѣ, обращались въ какія-то смутныя видѣнія подвиговъ Донкихота и Санчо-Панса. Вотъ разбросанные по лѣсу эполеты, шарфы, значки и т. д., все, что офицеры и уланы въ отчаяннн срывали съ себя

и разбросали по лѣсу, указали намъ ихъ слѣды. Мы скоро увидѣли, настѣгли бѣгущихъ, еще нѣсколько саженой, и они, съ боя или безъ боя, наши плѣнники... но прусская граница близко — Гелгудъ ступилъ на нейтральную землю. Мы остановились. И что же увидѣли? Адъютантъ несчастнаго Гелгуда, неистово вскрикнувъ: «измѣнникъ!» застрѣлилъ его. Вотъ какъ «Гелгудъ разбитъ и загнанъ въ Пруссію».

Записка Романа Медокса о предпріятіи его «составить кавказско-горское ополченіе».

Пылкій юноша, сынъ или внукъ Медокса, извѣстнаго въ лѣтописяхъ московскаго театра, корнетъ, состоявшій при славномъ атаманѣ донскихъ казаковъ, графѣ Платовѣ, мечтающій о подвигахъ Пожарскаго, Минина, Палицына, Трубецкаго, и героевъ Плу-тарха, и Дѣвы Орлеанской, вздумалъ спасти въ 1812 г. Россію отъ Наполеона. Когда сгорѣла Москва, его родина, онъ отправился на Кавказъ, самъ себя написалъ «инструкцію» отъ имени военнаго министра, будто бы по Высочайшей волѣ, запаса деньжонками, одѣлся конногвардейцемъ, назвался флигель-адъютантомъ, вошелъ въ сношенія съ Горцами и, легче чѣмъ можно было бы предположить, подготовилъ кавказско-горское ополченіе. Всего забавнѣе въ этой рыцарской повѣсти, что мѣстные власти повѣрили ему во всемъ на слово: командовавшій на кавказской линіи Портавчинъ, гражданскій губернаторъ Брискорнъ и губернскій прокуроръ Озерскій даже подписали «записку совѣта о составленіи кавказско-горскаго ополченія». Но, увы! благородныя мечты юноши-патріота увѣнчались заключеніемъ его въ крѣпость. Любопытно бы узнать всѣ подробности этого дѣла и ближе познакомиться съ молодымъ героемъ оригинальной повѣсти.

Письмо и при немъ замѣчанія по разнымъ отраслямъ государственнаго управленія гр. А. Р. Воронцова (къ императору Александру I.).

Государственный канцлеръ, графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ, писалъ свои замѣчанія въ 1801 году, на покой въ имѣніи своемъ Владимірской губерніи, «селѣ Андреевскомъ». Поводомъ къ этому былъ призывъ его въ Петербургъ. Юный монархъ изъявилъ ему желаніе пользоваться совѣтами его опытности въ государственныхъ дѣлахъ. Но осторожный дипломатъ-ветеранъ не торопился прибытіемъ въ столицу. Онъ предварительно отправилъ изъ деревни къ государю свои письменные совѣты. Между тѣмъ императора окружила молодежь, и графъ не возвратился на службу. Въ числѣ «приближенныхъ» были, между прочими: Н. Н. Новосильцевъ, состоявшій позже при цесаревичѣ Константинѣ Павловичѣ въ Варшавѣ,

потомъ графъ и предсѣдатель государственнаго совѣта; князь Адамъ Чарторижскій, который хотя и удалился изъ Россіи при блеснувшей Полякамъ надеждѣ на Наполеона, однако не принялъ дѣятельнаго участія въ замыслахъ Польши (письмо его къ гр. Матушевичу, отъ 10 іюня 1812 изъ Сѣнявы; я видѣлъ списокъ этого письма, снятый со списка графа Браницкаго) и лишь позже, не будучи уже связанъ отношеніями своими къ Александру I, не уклонился, при императорѣ Николаѣ, отъ участія въ польскомъ возстаніи 1830—1831 годовъ; князь П. П. Долгоруковъ, ближайшій государю по сердцу изъ всѣхъ любимцевъ его, и извѣстный разговоромъ своимъ съ Наполеономъ въ войну 1805 (*Сказаніе о родѣ князей Долгоруковыхъ*, соч. кн. П. Долгорукова); графъ Н. П. Румянцовъ, просвѣщенный обладатель музея древнихъ памятниковъ, историческихъ и литературныхъ; графъ П. А. Строгановъ, перешедшій въ отечественную войну въ армию и переименованный изъ дѣйств. ст. сов. майоромъ; князь В. П. Кочубей (предсѣдатель государственнаго совѣта); Чичаговъ (адмиралъ); графъ Н. А. Толстой (оберъ-гофмаршалъ); князь Х. А. Ливенъ (министръ народнаго просвѣщенія).

Бросивъ бѣглый взглядъ на всѣ перевороты и на все, что сдѣлано по внутреннему въ Россіи управленію, отъ Петра I до Павла I включительно, и сказавъ, что тогда былъ *хаосъ совершенный*, графъ Воронцовъ изложилъ свои предположенія: о *селяхъ*, потерявшемъ уже и въ то время, до уничтоженія коллегій учрежденія министерствъ, все то значеніе, которое присвоилъ ему Петръ Великій; о *совѣтѣ*—не государственномъ, который еще не существовалъ, а о *приватномъ совѣтѣ*, состоящемъ изъ доверенныхъ лицъ, такъ-сказать о царской думѣ; о *государственномъ хозяйствѣ*: о податяхъ, о долгахъ, монетѣ, ассигнаціяхъ, торговлѣ, фабрикахъ и заводахъ; наконецъ о *политикѣ*, о *военной части*, о *флотѣ*.

Въ *Замѣчаніяхъ* заслуживаютъ вниманіе нѣкоторыя изъ примѣчаній. Такъ напримѣръ, разказывая о вступленіи на престолъ Анны Іоанновны, графъ говоритъ: «Хотя верховный совѣтъ и весьма дурное употребленіе сдѣлалъ изъ своей инфлюенціи и власти и проч., но по крайней мѣрѣ не солдатово престоломъ распоряжало». Упомянувъ о Петрѣ III, онъ восклицаетъ: «Горькіе плоды неразборчиваго въ публикѣ фамилярства вкусилъ Петръ III, умаля имъ въ глазахъ окружавшихъ его должное почтеніе къ священному сану и не пріобрѣта себѣ ни отъ кого чистосердечной привязанности!» Указывая на нѣкоторыя злоупотребленія временъ Екатерины II и сказавъ даже: «да и люди едва ли уже не желали въ 1796 году *скорой перемѣны*, которая по естественной кончинѣ сея государыни и воспослѣдовала», онъ признаетъ

«прямою эпохою водворенія сихъ злоупотребленій—самовластіе и властолюбіе князя Потемкина.»

Два мнѣнія адмирала Мордвинова: 1) *о ростисе доходовъ на 1821 годъ.* 2) *По дѣлу о помѣщикахъ Протопоповъ.*

Жалуюсь на краткость времени, предоставленнаго государственному совѣту для разсмотрѣнія государственной росписи (бюджета), *отъ одного засѣданія до другаго*, графъ Мордвиновъ обращаетъ особенное вниманіе на скудость содержанія всѣхъ мѣстъ и лицъ по вѣдомству министерства юстиціи въ цѣлой Россіи: изъ 450 милліоновъ асс. дохода едва сотая съ небольшимъ часть отдѣлялась на «служителей правосудію». «Доколѣ правосудіе въ Россіи не будетъ достаточно вознаграждено удовлетвореніемъ всѣхъ необходимыхъ нуждъ исполнителей онаго, то правда не возсядетъ на судъ; ибо правду не можно водворить тамъ, гдѣ скудость обитаетъ. Она не совмѣстна съ нищетою, коея первое дѣйствіе—охлажденіе сердца и ослабленіе умственныхъ способностей».

Не касаясь мыслей, въ послѣдствіи или приведенныхъ въ исполненіе, или больше развитыхъ, или покуда еще неисполнимыхъ (о срочной службѣ солдатъ, объ увольненіи въ годовые отпуски «половиннаго числа арміи», объ отменѣ рекрутскихъ наборовъ, о частныхъ заемныхъ банкахъ, объ уничтоженіи личныхъ повинностей и проч.), укажу на слѣдующія мысли графа Мордвинова: 1) О возстановленіи святости словъ закона: контрактъ есть святъ и ненарушимъ. 2) О распространеніи торговыхъ и промышленныхъ правъ на всѣ лица, безъ различія гильдейскихъ раздѣленій. 3) Объ учрежденіи третейскаго суда между казною и частными людьми, въ обязательства съ оною входящими. 4) О возстановленіи древняго закона по дѣламъ суднымъ между имуществомъ казеннымъ и частныхъ людей, объ апелляціонномъ производствѣ оныхъ и проч.

Въ заключеніи не соглашаясь на утвержденіе статьи, которая «касается до губерній, на особыхъ правахъ по винокурению состоящихъ», графъ Мордвиновъ возстаетъ на противоположныя стремленія графа Д. А. Гурьева: «Какъ не благоразсуждено было, ни сообщить записки по сему предмету министра финансовъ, ниже дать объясненія, въ чемъ именно она состояла, а объявлено было государственному совѣту, чтобы онъ *не разсуждалъ*, *но подписалъ предварительно изготовленный журналъ одобренія*, то по сей статьѣ я не могу дать ни мнѣнія, ни согласія моего на оную. Но мысля, что когда все касающееся до правъ и единого частнаго лица подвергается всегда бываетъ внимательному сужденію государственнаго совѣта, то прикосновеніе къ совокуп-

нымъ правамъ многихъ и великихъ областей, составляющихъ знатную часть Имперіи, не долженствовало бы, конечно, сокрыто быть въ тайнѣ отъ свѣдѣнія государственнаго совѣта».

Дѣло Протопопова—романъ, чуть не «Ринальдо-Ринальдини». Въ Кіевской губерніи появились сильныя шайки разбойниковъ. Земская полиція переловила (въ 1816 г.) болѣе 270 человекъ изъ нихъ. Между тѣмъ губернское начальство просило содѣйствія со стороны помѣщиковъ въ поимкѣ злодѣевъ, дерзко и явно осаждавшихъ многія селенія. Такъ атаманъ одной изъ грабительскихъ шайкъ, нѣкто Кирдянь, былъ взятъ съ своими товарищами въ деревнѣ помѣщика Протопопова, въ Журжницахъ. Черезъ шесть дней, когда капитанъ-исправникъ прибылъ въ имѣніе Протопопова, разбойники сданы ему *не избитые, не изуродованные, съ цѣльными руками и ногами*. Изъ Журжницъ они доставлены въ Звенигородъ (Звенигородку), переданы городничему, долго содержались въ городской тюрьмѣ и на послѣдокъ переведены въ Кіевъ, въ 188 верстахъ отъ Звенигородки. Но вотъ «разгарается сердоболіе къ Кирдяну»: плацъ-майоръ, случайно занимавшій мѣсто кіевскаго коменданта, требуетъ новаго свѣдѣнія по показанію Кирдяна, что въ Журжницахъ, въ погребу дома помѣщика, по приказанію Протопопова, переломаны *молотомъ* руки и ноги его, даромъ что обѣ руки и одна нога были *налицо!* Другая нога отнята прежде, при появленіи на ней признаковъ антонова огня. Отсюда три свѣдѣнія, одно другаго пристрастнѣе, одно другаго беззаконнѣе. Семидесятилѣтній старикъ, надворный совѣтникъ Протопоповъ, отецъ поимщика разбойниковъ, заслуженнаго, израненаго воина 1812 года, испугался усилій плацъ-майора погубить невиннаго сына его, рѣшился задобрить гонителя, который—это очень замѣчательно—былъ и донощикъ и слѣдователь и судья!... Новый Аристидъ не отказался отъ денегъ. Но позже, черезъ три уже недѣли объявилъ о «взяткѣ» и сталъ обвинителемъ старика въ «лиходательствѣ», и *лиходатель* обвиняетъ, а *лихоимецъ* оставленъ въ покоѣ.

Сенатъ рѣшилъ участь *лиходателя* такъ: «Конечно сдѣлалъ онъ то по любви родительской къ сыну своему, за что и приговоренъ онъ, Протопоповъ, къ лишенію чиновъ, дворянскаго достоинства и къ ссылке въ Сибирь, предавая судьбу его монаршему милосердію.»

Но въ государственномъ совѣтѣ раздался за невинно-подсудимыхъ голосъ графа Мордвинова: «Будучи пораженъ произнесеннымъ отъ правительствующаго сената приговоромъ, я не могу, восклицалъ онъ, иначе оный почестъ, какъ предосудительнымъ для правительства.» Хорошо, что голосъ его не остался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ: всѣ члены, кромѣ министра юсти-

нинъ и адмирала «отъ-Девина, согласился съ нимъ, и Протопоповъ помилованъ. Честь и слава государственному мужу! честь и слава ему, который завещалъ потомству въ своихъ «мнѣніяхъ» столько драгоценныхъ мыслей о судопроизводствѣ и законодательствѣ! Укажу кстати на одинъ изъ важнѣйшихъ и еще не напечатанныхъ «голосовъ» его. Это «золотой голосъ» по дѣлу объ эмбенскихъ рыбныхъ ловляхъ.

Эмбенскія воды пожалованы императоромъ Павломъ I графу Кутайсову въ собственность. Когда возникла мысль объ отобраніи ихъ обратно въ казну, графъ Н. С. Мордвиновъ сильно отстаивалъ права собственника. Въ обзорѣ замѣчательныхъ статей IV книги *Чтеній* 1858 г., мы указали на мнѣніе графа Николая Семеновича по дѣлу подобному или хоть близко подходящему къ вопросамъ, возбужденнымъ въ «золотомъ голосѣ». Мы указали на странное разрѣшеніе (имъ и А. С. Шишковымъ) вопроса касательно отчужденія имущества (экспроприаціи). Тамъ всякое «отчужденіе» предоставлялось непосредственно самодержавной власти; здѣсь совершенно противоположныя соображенія и заключеніе. Твердость, смѣлость, послѣдовательность и правдивость этого голоса и доставили ему эпитетъ «золотой» въ общественномъ мнѣніи. Но откуда же произошло такое разительное измѣненіе убѣжденій такого государственнаго мужа, какимъ былъ Мордвиновъ?.. Я объясняю это такъ: «золотой» голосъ поданъ въ началѣ царствованія Александра I. Краснорѣчивый адмиралъ былъ тогда моложе и, естественно, впечатлительнѣе, рѣшительнѣе, настойчивѣе. Когда откровенный морякъ былъ вызванъ изъ черноморскаго флота въ столицу, онъ еще не изучалъ придворнаго барометра, не освоился съ атмосферою царедворцевъ и безстрашно говорилъ, какъ и что думалъ. Позже, при всей правдивости, прямотѣ и твердости характера, онъ нечувствительно сталъ мягче, сговорчивѣе, осторожнѣе. Лѣта, опытъ жизни и среда, въ которой вращался Мордвиновъ, не могли не подѣйствовать на него. Вотъ откуда, я полагаю, и разнорѣчіе въ его мнѣніи 1816 г. съ «золотымъ» голосомъ. Притомъ ему былъ и урокъ: хотя, прочитавъ этотъ голосъ, императоръ и написалъ: «быть по сему»; но ему вскорѣ былъ сообщенъ совѣтъ: возвратиться въ Крымъ, гдѣ онъ пробылъ до 1812 года, когда былъ снова вызванъ на службу.

Донесеніе въ правительствующій сенатъ куратора Шувалова.

Младшій кураторъ В. Е. Адагуровъ донесъ сенату о нѣкоторыхъ, по его понятіямъ, безпорядкахъ въ дѣлахъ и счетоводствѣ по Московскому университету. Шуваловъ, опровергнувъ всѣ обвиненія, заключилъ свои объясненія надеждой, что сенатъ оправ-

даетъ его передъ свѣтомъ, и что усердіе и реальность не будутъ вмѣнены неправдою въ корысть и пристрастіе.

Ададуровъ былъ назначенъ вторымъ кураторомъ Екатериной II. Извѣстно, что онъ училъ ее русскому языку. Что касается до Шувалова, то съ перваго знакомства своего съ нимъ Екатерина полюбила его, какъ человѣка просвѣщеннаго; но скоро не влюбила, какъ хитраго и уклончиваго царедворца. Унасъ много уже писано о Шуваловѣ; но по сию пору мы знаемъ его только какъ создателя Московскаго университета. Мы знаемъ его, какъ мужа, если не вполне ученаго, то достаточно для своего времени образованнаго, разумнаго, дѣятельнаго и безкорыстнаго. Онъ, что бы ни говорилъ Ададуровъ о безпорядкахъ по университету, «вспомоществовалъ (своему учрежденію) деньгами и другими многими потребными вещами, о чемъ (смыло удостовѣряетъ передъ сенатомъ обвиняемый) всему университету извѣстно». Но каковъ онъ былъ, какъ фаворитъ Елисаветы, какъ человѣкъ *случайный* и какъ *будничныи* человѣкъ, какъ соперникъ кадета Бекетова и врагъ фрейлинъ, особенно же княжны Гагариной? Этого мы еще не знаемъ; по крайней мѣрѣ не знаемъ изъ печатныхъ источниковъ.

Николай Сушковъ.

3 іюня 1859.

II

Теоретическая механика. Сочиненіе профессора Н. Брашмана. М. 1850.

Съ истиннымъ удовольствіемъ привѣтствуемъ это сочиненіе содержащее очеркъ лекцій, преподаваемыхъ профессоромъ Брашманомъ при Московскомъ университетѣ. Оно получило уже первое основаніе свое въ рукописныхъ листахъ, сообщенныхъ ученымъ профессоромъ своимъ слушателямъ для руководства при его преподаваніи. Собравъ эти отдѣльные листы, прибавивъ къ нимъ значительныя дополненія и полезныя задачи, г. Брашманъ составилъ изъ нихъ литографированный курсъ своихъ чтеній, изъ котораго наконецъ образовалась книга, о которой мы теперь говоримъ. Книга эта, содержащая изложеніе аналитической механики соотвѣтственно современнымъ требованіямъ науки и знакомящая читателя со способомъ преподаванія профессора, замѣчательна во многихъ отношеніяхъ; можно сказать, что исторія ея

тно связана съ развитіемъ и распространіемъ математическихъ наукъ въ Россіи. Многие изъ учениковъ профессора, получившіе свое университетское образованіе при непосредственномъ его содѣйствіи, занимаются нынѣ преподаваніемъ и распространіемъ математическихъ наукъ въ нашей странѣ; почти во всѣхъ русскихъ университетахъ механика преподается учениками московскаго профессора, получившими свое первоначальное образованіе въ механикѣ по общимъ началамъ, изложеннымъ въ этой книгѣ. Всѣ они, безъ сомнѣнія, встрѣтятъ ее съ добрымъ привѣтомъ. Но и лица, занимающіяся прикладною математикой, незнакомыя съ преподаваніемъ профессора, скоро подружатся съ нею.

Книга профессора Брашмана назначена въ руководство при изученіи теоретической механики. Простота и общность теоретическихъ выводовъ и обиліе приложений, объясняющихъ эти выводы, вотъ главные задачи, которыя авторъ имѣлъ въ виду при составленіи своей книги. Для достиженія этой цѣли онъ не стѣснялся общими принятыми формами изложенія механики; но это едва ли можетъ вести къ порицанію сочиненія; напротивъ, мнѣ кажется, что достоинство сочиненія увеличивается именно тѣмъ, что авторъ освободилъ его отъ всякаго лишняго педантизма, который болѣе затрудняетъ обучающагося, нежели приноситъ ему пользы. Отъ книги, назначенной въ руководство, требуется прежде всего вѣрный взглядъ на предметъ и простое изложеніе его; это важнѣе, нежели схоластическое соблюденіе формъ.

Въ основной идеѣ *Теоретической механики* находимъ отступленіе отъ общепринятаго способа изложенія этой науки. Обыкновенно дѣлятъ ее на теорію равновѣсія (статику) и теорію движенія (динамику); первая предшествуетъ второй, и теорія движенія приводится къ теоріи равновѣсія съ помощію правила Даламбера о потерянныхъ силахъ. Профессоръ Брашманъ, придерживаясь этого принятаго порядка въ общихъ чертахъ, предпочелъ однако дѣлить науку на механику точки и механику системы, и начинаетъ прямо съ движенія свободной точки. Поступая такимъ образомъ, профессоръ желалъ по возможности упростить изложеніе своей науки и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщить начинающему ясное и опредѣленное понятіе о силахъ. Исходною точкой, какъ для равновѣсія, такъ и для движенія, должно быть опредѣленіе силы; но понятіе о силѣ получается только изъ движенія, такъ что для яснаго разумѣнія дѣйствія силы лучше всего прежде ознакомиться съ нѣкоторыми свойствами движенія. Впрочемъ, чтобъ удовлетворить читателя, желающаго совершенно отдѣлить теорію равновѣсія отъ теоріи движенія, авторъ помѣстилъ въ особомъ при-

бавленіи къ своей книгѣ доказательство о параллелограммѣ силъ независимо отъ рассмотрѣнія ускореній, которыя онѣ производятъ.

Показавъ въ первой главѣ способъ опредѣленія силы черезъ ускореніе, которое она производитъ, и изложивъ приемы для составленія и разложенія силъ, авторъ приступаетъ во второй главѣ къ выводу главныхъ свойствъ криволинейнаго движенія свободной точки. Читатель найдетъ въ этой главѣ различныя выраженія и преобразованія главнаго закона криволинейнаго движенія, служащія для удобнѣйшаго рѣшенія вопросовъ разнаго рода; начинающій ознакомится съ средствами и приемами механики для рѣшенія задачъ, сюда относящихся. Въ этой главѣ авторъ обратилъ также особенное вниманіе на теорію брошенныхъ тѣлъ, получившую въ послѣднее время значительное развитіе; онъ пользовался преимущественно изслѣдованіями Дидіона. Механика несвободной точки раздѣлена на статику и динамику. Равновѣсіе несвободной точки изложено съ большею общностью, нежели въ какомъ-нибудь другомъ сочиненіи. Въ динамикѣ несвободной точки авторъ далъ особенное развитіе теоріи движенія маятника; изслѣдованія, сюда относящіяся, были напечатаны уже г. Брашманомъ въ *Бюллетень С. П. Академіи Наукъ* 1851 года.

За общею механикой точки слѣдуютъ многочисленныя приложенія теоретическихъ выводовъ. Изъ самаго распредѣленія предмета уже видна цѣль, которую авторъ имѣлъ въ виду. Желая съ одной стороны ознакомить читателя съ современнымъ состояніемъ теоретической механики, а съ другой стороны употребить свою науку какъ средство для умственнаго развитія молодыхъ людей, начинающихъ заниматься математическими науками, онъ совершенно отдѣлилъ теорію отъ приложеній, помѣстивъ послѣднія въ особыхъ отдѣлахъ, соотвѣтствующихъ теоретическимъ отдѣламъ. Книга г. Брашмана въ особенности богата приложеніями, которыя выбраны съ большою тщательностью и съ большимъ умѣньемъ. Изучающій теоретическую механику найдетъ въ нихъ многочисленные случаи и замѣчанія, поясняющія теоретическіе выводы и служащія весьма полезными примѣрами для упражненія, какъ въ механикѣ, такъ и въ математическомъ анализѣ. Собраніе этихъ приложеній уже само по себѣ, независимо отъ теоретическихъ отдѣловъ, составляетъ трудъ, замѣчательный по полнотѣ своей и пользѣ, которую онъ можетъ приносить занимающимся теоретическою механикой.

Вторая часть книги содержитъ механику системы; она не окончена, потому что авторъ, какъ это объяснено въ предисловіи, былъ принужденъ спѣшить изданіемъ перваго тома для своихъ слушателей. Послѣ общихъ выраженій для опредѣленія центра

тяжести, авторъ излагаетъ въ этой части свое собственное доказательство правила возможныхъ скоростей для какой-нибудь системы, приведя условія равновѣсія системы къ условію равновѣсія точки. Это доказательство, отличающееся большою простотою, было напечатано въ IV книгѣ *Бюллетеня Общества испытателей природы*, 1858 г. Отъ общаго уравненія равновѣсія авторъ переходитъ къ общему уравненію движенія системы. Остальная часть этого тома содержитъ приложение правила возможныхъ скоростей къ общимъ вопросамъ механики системы. Сюда относится общее свойство движенія системы, условія равновѣсія и движенія неизмѣняемой системы, прочность равновѣсія, дѣйствіе мгновенныхъ силъ, вращательное движеніе неизмѣняемой системы около оси и около точки и приложение уравненія равновѣсія неизмѣняемой системы къ равновѣсію сводовъ.

Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ продолженія этого сочиненія, которое безъ сомнѣнія будетъ много содѣйствовать распространенію математическихъ наукъ въ Россіи.

А. Давидовъ.

III.

Ботаническій словарь, или собраніе названій какъ русскихъ, такъ и многихъ иностранныхъ растений, на языкахъ латинскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ и другихъ, употребляемыхъ различными племенами, обитающими въ Россіи. Составилъ Н. Анненковъ. Москва, 1859.

Въ прошломъ году сказали мы въ *Русскомъ Вѣстникѣ* (№ 3) нѣсколько словъ объ изданной г. Анненковымъ книжкѣ подъ главіемъ: *Простонародныя названія русскихъ растений*. Мы тогда указали на пользу и значеніе этого сочиненія вообще. Книга, о которой говоримъ теперь, есть собственно второе изданіе первой, но совершенно переработанное и выросшее вчетверо или впятеро. Она еще болѣе придвигаетъ насъ къ разрѣшенію ближайшей, главной цѣли русскихъ ботаниковъ, — къ составленію русской флоры, на отечественномъ языкѣ. Но кромѣ этой, чисто ученой цѣли, книга г. Анненкова въ настоящемъ ея видѣ имѣетъ и практическую пользу. Авторъ говоритъ въ предисловіи, что сдѣланныя имъ дополненія даютъ ему смѣлость надѣяться, что настоящее изданіе будетъ найдено полезнымъ: 1) для лицъ, желающихъ узнать русскія названія растений, описываемыхъ въ различныхъ сочиненіяхъ подъ латинскими названіями; 2) для узнанія латинскихъ названій тѣхъ растений, описанія которыхъ весьма часто встрѣчаются въ русскихъ сочиненіяхъ только подъ рус-

скими именами; 3) для врачей и аптекарей, къ которымъ нередко обращаются съ требованіями различныхъ лечебныхъ растений, называемыхъ мѣстными простонародными именами, и у которыхъ многія лечебныя растенія извѣстны подъ особенными фармацевтическими именами, несхожими съ тѣми, подъ какими они извѣстны въ ботаникѣ; такыя растенія въ *словарь* означены такъ: (фарм.), и сдѣлана ссылка на настоящее названіе; 4) для лицъ, проживающихъ среди различныхъ племенъ, обитающихъ въ Россіи, какъ-то Черемисовъ, Эстонцевъ, Латышей, Татаръ, Финновъ, Чувашей, Мордвы, Самодовъ, Остяковъ, Тунгусовъ, Грузинъ, Армянъ и т. д., называющихъ различныя растенія только на своемъ языкѣ и могущихъ доставить множество весьма замѣательныхъ свѣдѣній о свойствахъ и употребленіяхъ различныхъ растений; 5) для читающихъ нѣмецкія и французскія хозяйственныя сочиненія, въ которыхъ по большей части къ нѣмецкому или французскому названію растенія не прибавляется его латинскаго наименованія; 6) для иностранцевъ, знающихъ растенія подъ нѣмецкими и французскими названіями и желающихъ узнать ихъ латинское или русское названіе; 7) сельскіе хозяева найдутъ въ немъ списокъ почти всѣхъ хозяйственныхъ, огородныхъ, луговыхъ, красильныхъ и лѣсныхъ растений съ тѣми именами, подъ которыми они извѣстны въ наукѣ и въ продажѣ; 8) наконецъ, г. Анненковъ полагаетъ, что собраніе простонародныхъ названій, пополненное содѣйствіемъ просвѣщенныхъ соотечественниковъ, даетъ возможность въ послѣдствіи времени обработать правильнымъ образомъ номенклатуру русскихъ растений и условиться въ выборѣ для нихъ постоянныхъ названій, оставивъ за прочими названіями значеніе мѣстныхъ выраженій.

Сообразивъ эти указанія, не трудно замѣтить, въ чемъ именно практическая польза книги г. Анненкова. Хозяйство наше начинаетъ мало-по-малу отрекаться отъ старинныхъ обычаевъ, въ которыхъ оно такъ долго косьмо; земледѣльцы стали вводить у себя новыя породы хлѣбовъ; травосѣяніе и огородничество развиваются съ большею силою, такъ же какъ и садоводство; при этомъ приходится безпрестанно сношаться съ заграничными хозяевами и продавцами, и необходимо знать истинное названіе полученнаго растенія, а до сочиненія г. Анненкова въ этихъ названіяхъ царствовала величайшая путаница, которая уже не разъ отражалась и на самомъ хозяйствѣ.

Почти то же можно сказать о цѣлебныхъ растеніяхъ. Въ этомъ отношеніи польза ботаническаго словаря будетъ, можетъ-быть, еще чувствительнѣе. Въ Россіи очень много цѣлебныхъ растений, особенно въ юговосточной ея части и на Кавказѣ; каждый земледѣлецъ могъ бы частію пользоваться своими собственными

средствами въ этомъ отношеши, а между тѣмъ не разъ случается, что выпиоываются вывѣтрившіяся аптечныя травы, корни и т. д. изъ Петербурга или Москвы, тогда какъ тѣ же травы растутъ подъ бокомъ. Это особенно странно видѣть на Кавказѣ, гдѣ постоянная высокая теплота лѣта вырабатываетъ въ изобиліи самыя разнообразныя цѣлебныя средства. Но незнаніе мѣстныхъ названій часто совершенно лишаетъ возможности пользоваться туземными цѣлебными растеніями. *Ботаническій словарь* устранить это затрудненіе.

Касательно исполненія скажемъ, что оно весьма удовлетворительно, какъ по полнотѣ, такъ и по формѣ своей, которая весьма удобна для быстраго наведенія нужныхъ справокъ. Чтобъ удалить сбивчивость, происходящую отъ двойныхъ и тройныхъ наименованій однихъ и тѣхъ же растеній по-латыни, авторъ ввелъ, гдѣ нужно, краткую синонимичку.

Много еще русскихъ растеній не занесено въ списокъ г. Анненкова, но въ немъ ихъ уже несравненно больше, нежели въ первой, прошлогодней его книжкѣ; нѣкоторыя мелкія сочиненія, содержащія въ себѣ наименованія растеній по-русски или на одномъ изъ инородческихъ нарѣчій, ускользнули и теперь, какъ въ прошломъ году, отъ вниманія сочинителя, но въ подобномъ дѣлѣ, менѣе нежели въ какомъ другомъ, можно требовать совершенной законченности. Судя по приглашенію о доставленіи ему справокъ, авторъ самъ надѣется современемъ довести трудъ свой мало-помалу до той полноты, которую можно будетъ считать удовлетворительною. Мы полагаемъ, что всякій просвѣщенный Русскій можетъ принести искреннюю благодарность г. Анненкову за совершенный имъ многосложный и по истинѣ не легкій трудъ.

А. Б.

ИЗЪ ЯПОНИИ (1).

Хакодади, марта 7, 1859 г.

Русскіе журналы и газеты часто говорятъ о театрахъ, балахъ, иногда о торжественныхъ обѣдахъ. Да позволить же русская публика и намъ, временнымъ Японцамъ, подать вѣсточку о томъ, какъ горсть Русскихъ пріютилась въ далекой Японіи, какъ, несмотря на бѣдность средствъ, старалась провести зиму весело,

(1) Получено въ Москвѣ черезъ Гонгъ-Конгъ и Парижъ 3 іюля ст. ст.

старалась забыть, что она заброшена на крайній Востокъ, окружена Японцами, которые не умѣютъ ни танцовать, ни слушать музыку, не умѣютъ даже ѣсть порядочно. Но какія же общественныя удовольствія, спросятъ меня, тамъ, гдѣ нѣтъ дамъ? вѣдь Японскъ нельзя же назвать дамами... Въ томъ-то и дѣло, что въ нашемъ консульствѣ въ Хакодади есть двѣ дамы, которымъ, разумѣется, мы и обязаны всѣми удовольствіями и лучшими воспоминаніями нынѣшней зимовки въ Японіи. Онѣ принимали горячее участіе во всѣхъ нашихъ затѣяхъ, онѣ желали заставить молодежь, хоть изрѣдка, забывать заботы о службѣ, родинѣ, родныхъ и всѣхъ тѣхъ, воспоминанія о которыхъ такъ часто тревожили насъ въ полуторогодичномъ странствіи по океанамъ.

Въ первое время, по приходѣ нашихъ двухъ маленькихъ судовъ въ Хакодади, мы рѣшительно не разчитывали на удовольствія. Впечатлѣніе, произведенное на насъ городомъ и Японцами, никакъ не совпадало съ мыслию о чемъ-либо могущемъ хоть нѣсколько разнообразить морскую жизнь. Мы уже приготовились сидѣть на своихъ клиперахъ, заниматься дѣломъ, мечтать и въ сотый разъ перечитывать старыя письма изъ Россіи; разговоръ почти не предвидѣлось... О чемъ могутъ говорить люди, прожившіе полтора года въ одной комнатѣ? Разказывать былое?... но вѣдь всѣ мои сослуживцы давно уже знаютъ, какъ звали моего дѣдушку, сколько у меня тетушекъ, кузинъ, которая изъ нихъ всѣхъ лучше, и т. д. Мѣняться впечатлѣніями?... но для этого нужно имѣть ихъ. У Японцевъ есть, пожалуй, лѣтомъ и театры, есть гостиницы и дома, въ которыхъ они собираются веселиться; иногда даже съ своими семействами, но дѣло въ томъ, что туда иностранца не пустятъ; а если и удастся вамъ забраться какъ-нибудь туда, то Японцы перестанутъ веселиться и займутся вашими часами, костюмомъ и въ особенности сапогами, которые ихъ всего болѣе интересуютъ. Въ этихъ собраніяхъ Японцы немножко ѣдятъ, немножко пьютъ, безпрестанно курятъ свой прекрасный табакъ изъ микроскопическихъ мѣдныхъ трубокъ, и весело посмѣиваются, глядя, какъ молодыя дѣвушки пляшутъ и поютъ передъ ними. Дѣвушекъ на эти вечера матери начинаютъ водить едва не съ малолѣтства: здѣсь онѣ учатся манерамъ, свѣтскости, набираются ума-разума, и въ послѣдствіи здѣсь же находятъ жениховъ... Матери и вообще замужнія женщины, которыхъ узнаешь по выкрашеннымъ черною краской зубамъ, могутъ тутъ присутствовать развѣ только въ качествѣ прислужницъ или нянекъ. Во внутреннюю жизнь Японцевъ тоже проникнуть нельзя. Вы познакомились, напримѣръ, съ какимъ-либо чиновникомъ на улицѣ, ему понравилось ваше ласковое, безце-

рациональное обращеніе, любопытство тоже сильно подстрекаетъ его, и вотъ онъ прїидетъ, разумѣется съ губернаторскаго позволенія, въ гости къ вамъ на клиперъ; но попытайтесь отдать ему вѣдѣть... никакія убѣжденія, никакіе подарки не заставятъ его согласиться на это. Онъ и радъ бы, можетъ-быть, да начальства боится, которое за такое преступленіе, вѣроятно, тотчасъ же заставитъ его распороть себѣ животоъ. Домашнюю жизнь простаго народа, пожалуй, можно отчасти видѣть, благодаря японскимъ домамъ, въ которыхъ стѣны замѣняются подвижными бумажными ширмами. Вы увидите въ полусвѣтѣ—потому что прозрачная бумага все-таки не стекло—небольшую комнату, безъ всякой мебели; полъ ея устланъ мягкими, до щепетильности чистыми, циновками, на которыхъ вокругъ жаровни сидитъ японская семья; хозяйка на этой же жаровнѣ готовитъ кушанье, дѣти возятся и играютъ, а остальные грѣютъ руки. Въ первое время вашего появленія семья ошалѣетъ, неподвижно и безмолвно вытаращитъ на васъ глаза, но пройдутъ двѣ, три минуты, женщины по большей части спрячутся, а мужчины, кто посмѣлѣе, подойдутъ къ вамъ и начнутъ ощупывать ваше платье, фуражку и т. д., убѣждая васъ при этомъ снять, изъ опасенія за чистоту цыновокъ, сапоги. Если вы хотите проникнуть далѣе, и вамъ не надоѣло еще разуваться, то пожалуй, у гостепрїимнаго хозяина, можете войти въ комнату и сѣсть у жаровни; можетъ-быть вамъ даже предложить трубочку и бѣлаго, крѣпкаго, разумѣется безъ сахару, чаю въ микроскопической чашечкѣ. Но и все тутъ: не зная языка, разговаривать вы съ ними не можете, а семейной жизни все-таки не увидите, потому что ваше появленіе мгновенно уничтожаетъ ее. Да и процессъ снятия сапогъ скоро наскучиваетъ. Хорошо еще, если вы въ калошахъ. Калоши, надѣтыя на двухъ или на трехъ, часто отвлекаютъ вниманіе Япоцевъ отъ ногъ остальной публики; но и это не всегда удается. Разъ намъ случилось зайдти въ одинъ изъ великолѣпныхъ японскихъ храмовъ: изъ восьми человекъ только двое были въ калошахъ; они первые подошли къ дверямъ, сняли при бонзѣ калоши и въ сопровожденіи его вошли въ храмъ. Остальные, подходя къ этимъ двумъ парамъ, дѣлали видъ, что тоже снимаютъ калоши, и такимъ образомъ, не снимая сапогъ, осмотрѣли храмъ. Но зато нужно было видѣть ужасъ и ошалѣніе бонзы, когда онъ замѣтилъ, что калошъ только двѣ пары, и смекнулъ, что въ нихъ никакимъ образомъ не помѣстятся всѣ шестнадцать ногъ.

Но зато есть уличная и лавочная жизнь, хотя и далеко не столь оживленная, какъ въ Китаѣ. Лавокъ много; всѣ онѣ открыты съ улицы и разнообразіемъ предметовъ продажи напоминаютъ намъ лавки нашихъ маленькихъ уездныхъ городковъ,

въ которыхъ зачастую, рядомъ съ кускомъ мыла, вы увидите связку баранокъ и, пожалуй, штуку сукна. Въ лавкѣ вамъ все продадутъ, но денегъ ни за что взять не посмѣютъ, а отведутъ васъ въ нарочно устроенную до 15 іюля для иностранцевъ контору, гдѣ кредитъ для насъ, разумѣется, не ограниченъ. Это отчасти и хорошо, потому что къ золоту нашему Японцы не питаютъ никакого почтенія, а серебро такъ быстро уплываетъ на Востокъ изъ рукъ Европейца, что его не напасешься. Къ тому же размѣнять деньги на японскія серебряныя, четырехугольныя монеты, за недостаткомъ ихъ, не легко, а въ конторѣ, гдѣ чиновникамъ и переводчикамъ за комиссію идетъ довольно большой процентъ, берутъ не только доллары, но и русское серебро. Но, кажется, чиновникамъ просто нравятся эти проценты за комиссію; по крайней мѣрѣ, размѣнявъ какъ-нибудь наши деньги на ицibu, мы не встрѣчали затрудненій въ лавкахъ. А можетъ-быть, правительство хитрымъ образомъ хочетъ узнать настоящую цѣну товарамъ: мы замѣтили, что чиновники быстро набавляютъ цѣну на тѣ вещи, которыя скорѣе раскупаются иностранцами. Мѣнять же деньги на японское золото или связки желѣзныхъ *кошей*, очень похожихъ на китайскіе *чозы*, не удобно: первое очень рѣдко, а для вторыхъ нужно имѣть съ собою подводу.

На улицѣ иногда можно натолкнуться на очень оригинальную сцену: на перекресткѣ, передъ маленькимъ столомъ, сидитъ на скамеечкѣ Японецъ, окруженный толпою дѣтей. Это приишникъ. Въ безчисленныхъ ящичкахъ его столика лежитъ густое, глянцевитое и чрезвычайно тягучее тѣсто, растертая краска и нѣсколько необходимымъ для него инструментовъ, щипчиковъ, ножицъ. Готоваго товара у него нѣтъ, а работаетъ онъ тотчасъ же по заказу дѣтей; одинъ требуетъ пѣтуха, другой собаку, третій мышъ, и т. д. Онъ схватываетъ пустую тростинку, насаживаетъ на одинъ конецъ ея кусокъ тѣста, вздуваетъ его, щипчиками и ножницами выдѣлываетъ голову, крылья, ноги, потомъ въ различныхъ мѣстахъ подкрашиваетъ свое произведеніе, — и черезъ минуту покупатель удовлетворенъ. Работаетъ онъ съ удивительною быстротою, и все время болтаетъ съ дѣтьми, импровизируя вѣроятно при каждомъ новомъ заказѣ приличный разговоръ. По выраженію дѣтскихъ лицъ и звучному смѣху, можно заключить, что онъ остритъ и потѣшаетъ своихъ покупателей. Вниманіе иностранцевъ подстрекаетъ его самолюбіе: онъ еще живѣе начинаетъ работать и болтать, дѣти еще громче смѣются, и заказы увеличиваются. Вамъ сдѣлается завидно... захочется также купить у него пряникъ, послушать его болтовню и весело посмѣяться съ окружающимъ васъ юнымъ поколѣніемъ... Иногда ве-

черомъ вы натолкнетесь на освѣщенный домъ. Ширмы передней стѣны замѣнены деревянною рѣшеткой, за которою вы увидите передъ жаровнями трехъ или четырехъ японскихъ красавицъ, разряженныхъ въ пухъ и въ прахъ, и сидящихъ неподвижно на корточкахъ. Это выставка невѣсть. Костюмъ ихъ живописенъ и богатъ, но сильно набѣленные и нарумяненные лица, широкіе носы и слишкомъ выпуклыя щеки заставляютъ васъ скоро со вздохомъ отвернуться отъ этого живаго товара. Японцы, кажется, привыкли къ этимъ выставкамъ, и рѣдко у рѣшетки вы найдете толпу, но если вы сами остановились, то можете быть увѣрены, что десятки зѣвакъ окружатъ васъ съ фонарями, и будутъ смотрѣть не на женщинъ, а на то, какъ вы смотрите. Надоѣла вамъ эта ласковая, но иногда фамиллярная толпа, вы можете крикнуть, и она быстро разбѣжится отъ васъ въ разныя стороны, постукивая деревянными скамеечками, которыя они надѣваютъ на ноги вмѣсто калошъ.

Официальные приемы у губернатора намъ давно уже надоѣли своимъ однообразиемъ. Входя въ официальную приемную залу или галерею губернатора, я уже напередъ знаю всѣ малѣйшія подробности посѣщенія: по обѣимъ сторонамъ галереи поставлены кресла и узенькіе, низенькіе столы, покрытые толстымъ краснымъ сукномъ. Одна сторона галереи уже занята Японцами, сидящими неподвижно по чинамъ, начиная съ губернатора. При появленіи нашемъ фаланга эта встаетъ, отвѣшиваетъ полу-японскій, полу-европейскій поклонъ. Мы наконецъ разсаживаемся. Послѣ двухъ или трехъ минутъ молчанія, губернаторъ предлагаетъ черезъ переводчика, стоящаго все время между столами, вопросъ о здоровьи старшаго изъ насъ; его благодарятъ и спрашиваютъ о его здоровьи.... потомъ еще два-три официальныхъ вопроса, и затѣмъ наврѣмя, пока подадутъ угощеніе, наступаетъ тишина. Господа эти безъ церемоніи разсматриваютъ насъ, а мы ихъ. Теперь они далеко уже не такъ неподвижны, какими ихъ видѣли въ первое посѣщеніе Нагасаки графомъ Путятинимъ. Нѣкоторые чиновники доходятъ даже до такого нарушенія этикета, что киваютъ головою и пересмѣиваются съ тѣми изъ насъ, которые успѣли покороче познакомиться съ ними. Неподвижною и подобострастною остается только та часть публики, которая окружаетъ губернатора, сидя на полу, на пяткахъ. Въ старомъ и безжизненномъ лицѣ губернатора нельзя ничего прочесть, но зато энергическое, молодое и умное лицо вице-губернатора подаетъ большія надежды; это прогрессистъ, и иногда явно презируетъ устарѣлый японскій этикетъ, встаетъ изъ-за стола, подходитъ къ намъ, съ любопытствомъ разсматриваетъ нѣкоторыя принадлежности нашихъ костюмовъ, разспрашиваетъ про наши ордена, про осаду

Севастополя в 1812 годъ; на артиллерійскомъ ученіи даже снискиваетъ нашего мнѣнія. Словомъ, будь побольше такихъ людей въ Японіи, то она, пожалуй, съ ея природными богатствами, съ ея способнымъ, трудолюбивымъ и въ высшей степени перемчивымъ населеніемъ, въ полъба, шута, догнала бы насъ. Но возвратимся къ губернаторскому обѣду: пять-шесть Японцевъ, одѣтыхъ сверхъ нѣсколькихъ обычныхъ халатовъ въ парадныя, накрахмаленныя тюники, съ гербами на плечахъ, слѣдовательно не простолюдины, вносятъ уже подносы для обѣда. Передъ каждымъ Японцемъ и Русскимъ поставятъ по два лакированныхъ подноса, на одномъ табакъ, трубки и маленькая жаровня, на другомъ чашка съ чаемъ, двѣ чашки съ саки и три или четыре блюдечка съ кусочками разныхъ кушаньевъ. Супъ ихъ вкусенъ, но остальные блюда никуда не годятся: какъ разъ попадешь на моллюска, трепанга, каракатицу и тому подобную дрянъ; разъ даже пирожное было посыпано совершенно несъѣдомымъ веществомъ, мелкими деревянными стружками. Зачѣмъ эти стружки попали сюда, я никакъ понять не могъ, тѣмъ болѣе, что никто и изъ Японцевъ не ѣлъ ихъ. Разумѣется, голодный обѣдъ этотъ продолжается только нѣсколько минутъ, и тотъ изъ насъ, кто хочетъ ѣсть, принимается за превосходный японскій сладкій хлѣбъ, а остальные опять начинаютъ безмолвно глазѣть на Японцевъ. Иногда послѣ обѣда удается завязать разговоръ, но не надолго: изъ губернатора, что называется, нужно выжимать отвѣты, а ужъ вопроса и подавно не скоро дождешься. Просидѣвъ такимъ образомъ съ часъ, мы встаемъ, раскланиваемся и уходимъ, одни браня Японцевъ за однообразіе, а другіе за черезчуръ-утонченную кухню.

Словомъ, до 15 іюля, то-есть до дня, съ котораго по трактатамъ начнется въ Японіи свободная торговля и сношенія съ другими націями, Европейцу трудно поближе познакомиться съ этимъ способнымъ, но чрезвычайно привыкшимъ къ рутинѣ, народомъ. Японецъ всего боится и все еще хочетъ хитростію или важностію заставить Европейца плясать по своей дудкѣ. Эти неопредѣленныя отношенія сердятъ насъ на каждомъ шагу; только и беремъ, что настойчивостію, да строгимъ тономъ. Гуляя, наприкладъ, въ улицѣ, гдѣ рѣдко еще появляются Европейцы, захочешь закурить сигару, и за огнемъ естественно завернешь въ одинъ изъ домовъ, въ полуоткрытую дверь котораго видишь жаровню. По большей части вамъ подадутъ огня съ поклономъ и съ свойственною Японцамъ вѣжливостію, но иногда хозяинъ заупрямится, притворится, что не понимаетъ васъ, и начнетъ даже гнать изъ дому. Новичокъ, пожалуй, и послушался бы, но мы народъ уже опытный, разомъ перемѣнимъ вѣжливый тонъ на строгій, прикрикнемъ, и хозяинъ вдругъ пойметъ что нужно, и доброду-

жно улыбаясь, подасть огня. Верстахъ въ трехъ отъ города есть крѣпость, въ родѣ тѣхъ, которыя строились нѣкогда казаками при завоеваніи Сибири, то-есть неглубокій ровъ, низенькій валъ и красивый частоколъ, а внутри нѣсколько казармъ и арсеналъ. Узнали мы, что Японцы въ эту крѣпость Европейцевъ не пускаютъ; это, разумѣется, подстрекнуло любопытныхъ, и мы рѣшились попытаться осмотрѣть ее. Охотниковъ до экспедиціи нашлось человѣкъ шесть; мы подошли къ крѣпости, и черезъ нѣсколько минутъ она была въ нашихъ рукахъ. Еще издали увидѣвъ насъ, нѣсколько Японцевъ собрались у воротъ съ цѣлю загородить дорогу; мы подходимъ, вѣжливо просимъ позволенія войти, намъ отвѣчаютъ, съ важною и съ выраженіемъ страха, отрицательно, кричать и машутъ руками, стараясь показать, что войти нельзя. Но мы рѣшительно не понимаемъ и твердою поступью идемъ впередъ: непріятель уже слегка сконфуженъ, и боясь дотронуться до иностранца, начинаетъ отступать, продолжая впрочемъ кричать и махать руками; дѣйствуя наступательно, мы уже на дворѣ, непріятельская колонна получаетъ сильныя подкрѣпленія, но увы! уже окончательно растерялась, и не настаиваетъ, а проситъ насъ вернуться назадъ. Мы неумолимы и продолжаемъ шествіе. Просьбы переходятъ въ мольбы, выраженіе важности и несокрушимой твердости давно уже уступило мѣсто отчаяннымъ и униженнымъ заклинаніямъ, но уже повдно, мы разгуливаемъ по крѣпости какъ у себя дома; непріятель понялъ, что проигралъ поле сраженія, и спѣшить удержать за собою по крайней мѣрѣ нѣкоторыя укрѣпленныя мѣста, запираетъ арсеналъ, казamatы. Любопытство наше, между прочимъ, удовлетворено, и мы собрались на крылечкѣ одной казармы и уже составляемъ военный совѣтъ о томъ, какъ завести переговоры съ побѣжденнымъ непріятелемъ. Японцы еще нѣсколько минутъ съ ужасомъ смотрятъ на насъ, потомъ на лицахъ ихъ начинается мало-по-малу выражаться любопытство, они понемногу подходятъ къ намъ, и вотъ мы уже окружены вдесятеро сильнѣшимъ насъ непріятелемъ, ласково болтаемъ съ нимъ, пьемъ воду, куримъ табакъ и заставляемъ самихъ же Японцевъ смѣяться надъ тѣмъ, что глупо было не пускать насъ въ крѣпость. Говорятъ, что на подобные случаи карауламъ отдается приказаніе не впускать иностранцевъ, а если войдутъ, то не выгонять. Такимъ образомъ приходится намъ за все сражаться въ Японіи: понадобится намъ лошади, въ ближайшей деревнѣ съ радостію отдадутъ ихъ на цѣлый день за безцѣнокъ, но бѣда, если вздумаемъ сдѣлать это свѣдома японскихъ чиновниковъ: тотъ же самый крестьянинъ начнетъ увѣрять, что у него нѣтъ лошадей, и откажетъ на отрѣзъ. Японцы умудрились даже найти предлогъ не пускать

насъ въ свои гостиницы. Лучшій, только что выстроенный домъ въ городѣ отданъ подѣ гостиницу для иностранныхъ офицеровъ. Тамъ подадутъ японскій обѣдъ, чай, приведутъ танцовщицъ и пѣвуній, но о столѣ не стоятъ и говорить: онъ такой же какъ и у губернатора, съ тою только разницею, что сюда мы приносимъ свои ножи и вилки, хотя и привыкли отчасти ѣсть японскими палочками. Танцы же Японокъ уже черезчуръ однообразны и неграціозны: двѣ дѣвушки становятся vis-à-vis, хлопывая въ ладоши и причитывая какую-то комическую и вовсе не нравственную пѣсню, непрерывно мѣняются мѣстами. Мелодія японскихъ пѣсень мнѣ тоже не понравилась; долго и монотонно танецъ Японка жалобнымъ завывающимъ голосомъ свою пѣсню, перемѣшивая ее съ жестами и декламациею. Она тотчасъ напомнитъ вамъ русское кладбище и на немъ воющую бабу... Понятно, что лучше вовсе не слушать подобныхъ пѣсень.

Вотъ и все, чѣмъ могла собственно Японія разнообразить нашу зимовку. Загородныя прогулки зимою пѣшкомъ не совсѣмъ удобны, да къ тому же по трактату мы не имѣемъ права заходить далѣе десяти верстъ отъ центра города. Въ городѣ все приглядѣлось, а новаго ничего не случается: о ворахъ и пьяницахъ здѣсь, кажется, и понятія не имѣютъ; совсѣмъ не то, что въ Китаѣ, гдѣ на каждомъ перекресткѣ непременно увидите какой-либо скандалъ.

Теперь понятно увлеченіе, съ которымъ мы дружно столпились вокругъ нашихъ дамъ. Разказы Шилинго о томъ, какъ разнообразили моряки въ полярныхъ экспедиціяхъ свое время, воодушевляли насъ. Какъ же намъ было не попытаться возсоздать Россію въ Японіи, какъ не попробовать устроить театръ, маскарады, пикникъ и наконецъ матросскіе театры? Была бы добрая воля, да запасъ веселости,—и подобныя предпріятія всегда удадутся. На святкахъ дамы устроили елку, для украшенія которой очень кстати пришлись японскіе конфеты и фонари. На этотъ праздникъ, разумеется, были приглашены японскіе чиновники съ женами и дѣтьми. Женъ своихъ до сихъ поръ еще чиновники боятся познакомить съ нашими дамами, но дѣтей привели, хотя и не много. Къ несчастію дѣти, стѣсняемая ли этикетомъ и двумя саблями, которыми здѣсь непременно украшаютъ cadaго чиновничьяго сына, или просто запуганныя новизною, не веселились, и далеко не приняли въ этомъ вечерѣ того участія, какое мы сами нѣкогда выказывали на елкахъ. Взрослымъ понравились розданныя дѣтямъ, маленькія европейскія картинки, до которыхъ Японцы вообще большіе охотники, но поняли они значеніе праздника, кажется, только тогда, когда имъ дали ужинать. Несмотря на то, что дома Японцы очень мало ѣдятъ, европейскій столъ

имъ нравится. Нашъ почтенный консулъ, человекъ давно уже знакомый съ Японіей, не забылъ приготовить для нихъ побольше пирожного, и нужно было видѣть, какъ Японцы быстро уничтожали подаваемое, а чего не могли доѣсть, прятали въ рукава, аккуратно завертывая въ бумажку, запасъ которой всегда необходимъ для нихъ, какъ для насъ еще не знакомые имъ носовые платки. Послѣ ужина всѣ они въ продолженіи получаса старались, самымъ неприличнымъ въ образованномъ обществѣ образомъ, доказать хозяину, что сыты по горло, и наконецъ, убѣдившись ли, что исполнили всѣ условія вѣжливости, или просто не надѣясь на второй ужинъ, разошлись по домамъ. Въ Новый Годъ у консула обѣдалъ губернаторъ съ чиновниками. Насъ поразила умѣренность, вѣжливость и простота, съ которою держалъ себя губернаторъ: онъ ничему особенно не удивлялся, но не стыдился осмотрѣть каждую для него новую вещь, спрашивалъ и просто сознавался, что многого еще нѣтъ у Японцевъ. Ему очень понравился серебряный сервизъ, европейскія вина и весь обѣдъ, но ни разу не выказалъ онъ увлеченія или слишкомъ большаго удивленія. Глядя на него, я невольно забывалъ, что онъ Японецъ, и помнилъ только, что онъ губернаторъ. Нѣкоторые изъ чиновниковъ не смѣли сѣсть за одинъ столъ съ губернаторомъ, и имъ должны были поставить особенный столикъ, а трое или четверо такъ и вовсе не сажались обѣдать, а поочереди держали сзади губернатора его саблю. Этимъ несчастнымъ старшіе изъ чиновниковъ иногда давали остатки кушаньевъ съ своихъ тарелокъ, точно такъ же какъ и тому, который долженъ былъ записывать все, что дѣлалось и говорилось во продолженіи всего визита.

Спросить меня, какимъ же образомъ могли составиться у насъ маскарады? гдѣ мы взяли костюмовъ, для кого наконецъ маскировались?.. Портныхъ на обоихъ клиперахъ нашлось довольно, а прекрасныя, почти ничего не стоящія въ Японіи, шелковыя матеріи, парча и бархатъ — матеріалъ очень удобный для костюмовъ. Легкія и граціозныя танцовщицы, Жидовки, Тиролька, Шотландка, скромное домино, Тиролецъ, Японцы, магъ, донъ-Жуанъ, Фальстафъ, пьеро, полишинель и наконецъ русскій парень, составляли пестрыя и довольно блестящія группы. Костюмы каждаго клипера были тайною для другаго, точно такъ же какъ и дамскіе для нихъ обоихъ. Эта таинственность была предлогомъ ко всевозможнымъ пари, и на послѣднемъ маскарадѣ мы едва не проиграли его дамамъ. Полчаса мы бродили по залѣ, и несмотря на увѣренія почтеннаго хозяина, были убѣждены, что дамъ нѣтъ еще въ нашей пестрой толпѣ. Къ счастью, толстый Фальстафъ, отдавивъ одной изъ танцовщицъ ногу, съ легкостью отпрыгнулъ въ сторону и наткнулся на громадныя вазы съ цвѣтами, которыхъ

прежде не видалъ въ залѣ; вазы оказались бумажными и заключали въ себѣ дамъ, отсутствіе которыхъ начинало сильно беспокоить все общество. Кромѣ того, на маскарады приглашались Американцы и Японцы. Между послѣдними мѣшались наши русскіе Японцы, ставя въ тупикъ какъ ихъ, такъ и насъ. Заставить Японцевъ принять участіе въ нашихъ танцахъ и въ *petits jeux* намъ рѣдко удавалось. Глядя на наши танцы, весело и шумно совершавшіяся подъ звуки скрипки, гитары, а иногда и клиперской шарманки, Японцы скоро начинали зѣвать и рѣдко досиживали вечеръ. На первомъ маскарадѣ впрочемъ ихъ занимали высокія и дебелыя танцовщицы, которыя, разумѣется, изъ всѣхъ силъ старались интриговать и кокетничать съ ними; но зато какъ вытянулись ихъ лица, когда веселыя нимфы скинули маски и такимъ образомъ открыли обожателямъ свои загорѣлыя фizioноміи, остяченныя усами и бакенбардами?.. А кажется, какъ бы не соблазниться имъ нашими танцами? мы съ такимъ удовольствіемъ и рвеніемъ вытанцовывали польки и даже мазурки, несмотря на неудобство половъ, покрытыхъ японскими циновками.

Но всего болѣе въ продолженіи зимы развлекали насъ приготовленія къ театру. Мы рѣшились сыграть *Ревизора*, и не раскаивались: онъ удался на столько, на сколько можетъ только удался домашній театръ. Городничій и вмѣстѣ режисеръ нашъ, А. В. В., былъ безукоризненъ... да и не мудрено: онъ такъ часто видалъ въ Москвѣ Щепкина и не разъ игралъ въ этой роли въ благородныхъ спектакляхъ. С. П. П. въ роли Хлестакова тоже превзошелъ наши ожиданія, тѣмъ болѣе, что на роль эту не легко было найдти охотника. По крайней мѣрѣ онъ далеко не заслуживалъ упрека, который нѣкогда сдѣлалъ Дюру Гоголь. Сначала костюмы для театра заставили насъ сильно призадуматься: сукна въ Японіи нѣтъ, и мы не знали какъ помочь этому горю. Къ счастью нашлась очень приличная бумага или фланель, и костюмы оказались удовлетворительными. Къ спектаклю для не участвующихъ были приготовлены каллиграфированныя афишки, а для Американцевъ и Японцевъ, кромѣ того, небольшіе комментаріи, для тѣхъ и другихъ, разумѣется, на родныхъ имъ языкахъ. Американцамъ, кажется, понравилась пьеса, по крайней мѣрѣ замѣтно было, что они сознательно смотрѣли на нашу игру; но Японцы врядъ ли поняли сюжетъ. Видно было, что они не обращали никакого вниманія на ходъ пьесы, а одушевлялись только при явно-комическихъ или вообще патетическихъ сценахъ. Паденіе Петра Ивановича Бобчинскаго, на примѣръ, произвело такой восторгъ и шумъ между ними, что пришлось сдерживать слишсомъ громкія изъявленія восторга... Словомъ, несмотря на всѣ таранія наши съ лизиться съ Японцами и сколько-нибудь при-

охотить ихъ къ нашему обществу, нужно сознаться, что намъ это не удалось; мы можемъ только надѣяться, что тѣмъ, кого судьба занесетъ сюда на будущую зиму, придется, можетъ-быть, уже танцовать и маскироваться съ Японцами.

Заключая нашъ зимній сезонъ, мы устроили для дамъ на послѣднихъ дняхъ масляницы загородный пикникъ, но уже не приглашали на него Японцевъ. Верстахъ въ пяти отъ города выстроенъ на скорую руку временный лазаретъ для нашихъ матросовъ. Лазаретъ этотъ, какъ и всѣ японскіе дома, не что иное какъ досчатый сарай, нагрѣваемый по здѣшнему обыкновенію жаровнями. Это отсутствіе печей и другихъ необходимыхъ условий комфорта не остановило насъ избрать его мѣстомъ для нашего пикника, тѣмъ болѣе, что больныхъ тамъ уже не было. Единственную, довольно большую, комнату этого зданія мы убрали турецкими диванами изъ парусовъ, драпировками изъ флаговъ, японскими фонарями и небогатымъ числомъ зеркалъ, нашедшихся на обоеихъ клиперахъ; но въ уваженіе того, что праздникъ былъ устроенъ въ честь дамъ, исключили всѣ обыкновенныя, военныя украшенія. Однако не забыли отдѣлать небольшой уголокъ для дамской уборной, гдѣ превосходный, парижскій несессеръ, разумѣется мужской, служилъ приличнымъ и необходимымъ украшеніемъ. Но, несмотря на всѣ эти старанія, мы чувствовали, что не могли достойно отблагодарить дамъ за всю любезность, которую онѣ выказывали намъ въ продолженіи зимы. Даже пріѣздъ ихъ на пикникъ въ дурную погоду на единственныхъ, впрочемъ первыхъ въ Хакодади, саняхъ вполне доказывалъ участіе, принимаемое ими во всѣхъ удовольствіяхъ нашихъ... За обѣдомъ было выпито нѣсколько тостовъ, предложенныхъ нами въ короткихъ, но отъ души сказанныхъ словахъ; первый тостъ былъ въ честь двухъ царицъ праздника, второй за нашихъ матерей и сестеръ, и наконецъ третій—за ожидающихъ насъ невѣстъ... Эти тосты заставили всѣхъ насъ призадуматься; вспомнить былое, отдаться воспоминаніямъ, надеждамъ, мечтамъ. Воображеніе быстро понесло меня изъ Москвы въ Севастополь, оттуда въ родную Тверь, въ Архангельскъ; но не надолго... тяжелая дѣйствительность тотчасъ же заставила меня сознать, что я въ Хакодади. Праздникъ кончился уже въ первомъ часу ночи. На обратномъ пути мы всѣ, при свѣтѣ фонарей и факеловъ, провожали дамъ верхами. Путешествіе совершалось очень медленно: дурная дорога и темнота безпрестанно останавливали сани, а всадники, то сами падали съ некомфортабельныхъ японскихъ сѣделъ, то должны были подымать своихъ неподкованныхъ лошадей. Такъ отпраздновали мы масляницу, но съ нею не кончились наши сношенія съ берегомъ: съ постомъ начались и приличные времени занятія.

Три вѣка назадъ, христіанство въ первый разъ проникло въ Японію. Оно занесено было сюда португальскими миссіонерами, іезуитами, въ 1543 году. Незадолго передъ этимъ, въ Японіи распространилась и буддійская религія, но она нисколько не помѣшала водвориться христіанству. Іезуитовъ отлично приняли въ Японіи, и они скоро нашли многочисленныхъ послѣдователей своего слова даже при дворѣ императорскомъ. Быстрые успѣхи ихъ удивили весь христіанской міръ; и еслибы іезуиты, занимаясь только дѣлами религіи, не позволяли себѣ мѣшаться въ политическія распри, обуревавшія тогдашній японскій дворъ, то смѣло можно сказать, что Японія была бы уже давно христіанскимъ государствомъ. Около того времени Сіогунъ, или правитель, Таико-Сима, герой народныхъ легендъ и предметъ всеобщаго уваженія, успѣлъ захватить въ свои руки верховную власть, оставивъ Микадо, настоящему государю, и его потомкамъ, только призракъ власти, право называться императоромъ, всякій день надѣвать новое платье и ѣсть на новой посудѣ, ничего не дѣлать и никому не показываться, исключая своихъ многочисленныхъ женъ. По смерти Таико, при его преемникахъ сіогунскаго достоинства, при едва установившихся новыхъ отношеніяхъ членовъ правительства, политическія смуты естественно должны были охватить государство. Японія раздѣлилась на двѣ партіи. Одну изъ нихъ поддерживали христіане. Вспыхнула страшная междуусобная война, полная всевозможныхъ ужасовъ, безпощаднаго кровопролитія и разгулявшагося звѣрства. Сильная буддійская партія, имѣя при дворѣ гораздо многочисленнѣйшихъ защитниковъ, нежели христіане, скоро взяла перевѣсъ. Въ 1609 г. христіанству нанесенъ былъ послѣдній ударъ въ Японіи. Гоненіе было такъ сильно, что домъ, на которомъ написанъ былъ годъ христіанской эры или высѣченъ крестъ, подвергнулся немедленному разрушенію. Съ тѣхъ поръ Японія прервала всѣ сношенія съ другими націями, и умѣла сохранить въ продолженіи двухъ съ половиною вѣковъ это исключительное положеніе. Только Голландцы, не желая потерять прибыльную торговлю съ Японіей, успѣли удержаться въ Ферато, но этого могли они достигнуть только отреченіемъ отъ единовѣрства съ католиками и принятіемъ всевозможныхъ унижительныхъ для иностранца и христіянина условій. Мы знаемъ ихъ тяжкую, темничную жизнь въ Нагасаки, ихъ покорность японскимъ чиновникамъ и наконецъ ихъ ежегодное присутствіе при торжественномъ попираніи креста, церемоніи, установленной со времени истребленія христіанства въ Японіи. Многодѣтнее, постыдное молчаніе Голландцевъ, кажется, теперь хорошо объясняется: по словамъ Японцевъ, мѣдъ, главный предметъ вывозной торговли, сдѣлалась вдругъ,

послѣ событій послѣднихъ годовъ, то-есть заключенія трактатовъ, въ двадцать разъ дороже той цѣны, по которой Голландцы вывозили ее въ продолженіи двухъ съ половиною столѣтій.

Теперь разумѣется времена переимѣнились: завѣса, такъ долго скрывавшая Японію отъ глазъ всего образованнаго міра, снята, и намъ досталось на долю первымъ снова водрузить въ Японіи крестъ Господень. При консульствѣ нашемъ есть священникъ, и къ великому посту выстроена временная маленькая церковь, въ которой будутъ говѣть экипажи нашихъ судовъ. Дамы заняты были шитьемъ церковныхъ одеждъ, а трое изъ офицеровъ написали на картонѣ масляными красками образа. Образъ Спасителя взятъ съ Типіановской картины *La Moneta*, а Божіей Матери— съ дрезденской Мадонны Рафаэля. Нашлось между нами нѣсколько порядочныхъ голосовъ, и уже составленъ довольно многочисленный хоръ пѣвчихъ. На дняхъ церковь была освящена во имя Воскресенія Христова. Во время службы у дверей толпится всегда любопытная кучка Японцевъ; между ними иногда можно видѣть бонзу, съ прискорбіемъ и недовѣрчиво смотрящаго на первые признаки новаго водворенія христіанства въ Японіи. Недавно въ церкви былъ португальской матросъ, съ пришедшаго сюда недавно китобойнаго корабля, говорившій, что осьмнадцать лѣтъ не имѣлъ случая быть въ христіанскомъ храмѣ. Странная случайность... Португальцы первые занесли вѣру Христову въ Японію, и первый иностранецъ, вошедшій черезъ два съ половиною столѣтій къ намъ въ церковь, былъ тоже Португалецъ.

Такъ проживаемъ мы въ Японіи. Въ десятый разъ перечитываемъ всѣ извѣстія о Россіи, довольно щедро напечатанныя въ случайно завезенныхъ сюда изъ Шангаи нѣсколькихъ нумерахъ *Allgemeine Zeitung* и *Patrie*. У почтеннаго консула нашего мы нашли два нумера *Русскаго Вѣстника* за 1858 годъ и съ восторгомъ прочитали въ одномъ изъ нихъ письмо изъ Парижа о праздникѣ 12 января въ честь московскаго университета. Подобное чтеніе не часто теперь выпадаетъ на нашу долю, и пока его нѣтъ, мы довольствуемся еженедѣльнымъ, иллюстрированнымъ листкомъ, юмористико-комическаго содержанія, издаваемымъ офицерами обоихъ клиперовъ, *Пластун* и *Джигита*, этихъ новыхъ Ореста и Пилада нашей кругосвѣтной эскадры. Весны мы ждемъ съ нетерпѣніемъ; съ нею мы должны идти на Амуръ, въ Николаевскъ, слѣдовательно, хотя и въ новую, а все-таки въ Россію. Тамъ ждутъ насъ письма, журналы и бездна новостей, которыхъ вѣрно не мало накопилося въ полтора года.

А. Корниловъ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

La guerre est morte, vive la guerre! Нельзя быть вполне увѣреннымъ, чтобъ этотъ афоризмъ, въ приложеніи къ войнѣ, не оправдался въ той же мѣрѣ, какъ и въ сферѣ политической. Едва только Франція подписываетъ трактатъ мира, какъ всѣ съ тоскою озираются вокругъ и спрашиваютъ себя: противъ кого направится теперь эта дисциплинированная масса, вѣчно жаждущая военной славы? Всѣ припоминаютъ, что «Франція имѣетъ печальную привилегію отдыхать во время войны», и съ опасеніемъ видятъ, что время этихъ отдыховъ можетъ наступать слишкомъ часто, и что дѣло цивилизаціи, которое, по увѣренію императора Наполеона III, должно подвинуться впередъ французскими штыками, еще далеко не кончено. Эта опасная монополія на раздаваніе цивилизаціи можетъ повести къ неизчислимымъ затрудненіямъ. Стоитъ только императору Французовъ объявить, что онъ хочетъ сразиться за дѣло порядка и свободы, какъ вся Европа обязана безусловно вѣрить ему и послать свои контингенты подъ императорско-французское знамя. Иначе императоръ Наполеонъ отъ огорченія заключитъ тотчасъ миръ и лишитъ цивилизацію своихъ милостей. Нейтралитетъ не допускается въ такомъ важномъ дѣлѣ; необходимо идти въ битву, куда прикажетъ императоръ Французовъ. Въ послѣднюю войну нейтральныя Россія и Англія не удовлетворили его ожиданій. Правда, графъ Валевскій въ своей нотѣ призналъ справедливость увѣщаній князя Горчакова, обращенныхъ къ Германіи; но, по словамъ *Times*, императоръ въ разговорѣ съ г. Ратацци сказалъ о русской политикѣ: «elle hésite, oui, elle hésite!» Что касается до Англіи, то она, конечно, не послала своего флота подъ начальство французскаго адмирала; но нигдѣ ни однимъ словомъ не выразила своего намѣренія нарушить нейтралитетъ или мѣшать Франціи въ ея борьбѣ съ Австріей. Изъ рѣчей, произнесенныхъ членами новаго министерства на выборахъ, только двѣ касались вопросовъ внѣшней политики. Сэръ-Чарльзъ-Вудъ сказалъ: «Въ случаѣ, если Германія втянется въ войну, то въ этотъ водоворотъ попадутъ страны, которыя мы должны защищать во имя нашихъ интересовъ и во имя нашихъ національныхъ обязательствъ. (*Нльтъ, нльтъ.*) Мы обязаны защищать нѣкоторыя изъ этихъ странъ, если на нихъ будетъ сдѣлано нападеніе. (*Нльтъ, нльтъ.*) Мы обязаны по трактату

сдѣлать это, и я увѣренъ, что всѣ, даже мой другъ, прерывающій мою рѣчь, считаютъ священными обязательства, налагаемыя трактатами. (*Слушайте.*)» Г. Вильсонъ пояснилъ эти слова сэръ-Чарльза-Вуда. «Если случится, сказалъ онъ, что Германія придетъ на помощь Австріи, а Россія на помощь Франціи, и если онѣ поставятъ въ опасность самостоятельное королевство Бельгіи, тогда Англія по трактату обязана охранять независимость этой страны; а я увѣренъ, что мы никогда не откажемся и не оставимъ безъ вниманія дѣло, обязательное для Англіи.» И такъ, единственный случай, когда Англія готова была вмѣшаться въ войну, было нападеніе на Бельгію, вѣчный нейтралитетъ которой обезпеченъ всѣмъ европейскимъ союзомъ государствъ. Утѣшительно думать, что притязанія императора Французовъ не простирались такъ далеко, чтобы требовать безусловной покорности и не позволять никому вступаться даже за Бельгію. Впрочемъ какъ знать? Когда человекъ отдается весь увлеченію власти, ему трудно остановиться на полпути; а когда при этомъ онъ считаетъ себя призваннымъ совершить великій подвигъ цивилизации, обязанъ ли онъ останавливаться передъ преградами европейскаго общежитія, чужаго права и чужой свободы? Эти стремленія цезаризма возникали не разъ въ властителяхъ, которыхъ произволъ не встрѣчалъ или не усматривалъ твердыхъ преградъ въ свободной разумной жизни окружающей европейской среды. Они доселѣ еще вызываютъ въ сильныхъ земли наклонность прилагать къ себѣ стихи римскаго поэта:

Tu regere imperio populos, Romane, memento
 Haec tibi erunt artes, pacisque imponere morem,
 Parcere subjectis et debellare superbos (1).

Они вызвали девизъ Габсбургскаго дома, составлен ный изъ сочетанія всѣхъ гласныхъ: *Austriae Est Imperare Orbi Universo* (2); они руководили политикою французскаго цезаризма, возникавшаго въ началѣ и въ половинѣ нынѣшняго столѣтія. Наполеонъ III въ своемъ сочиненіи *Les idées napoléoniennes* сравниваетъ Францію при Наполеонѣ I съ Римомъ. Цитуя слова Монтескье о причинахъ усиленія Рима, именно объ отсутствіи преградъ въ союзѣ другихъ народовъ, нынѣшній императоръ Французовъ прибавляетъ: «что случай и счастье сдѣлали для увеличенія Рима, то Наполеонъ приобрѣлъ своею политикою въ пользу Франціи.» Если авторъ приведенныхъ нами словъ руководствуется политикою своего дяди, то невольно приходятъ на мысль вопросы: долго ли продлится эта

(1) «Помни, Римлянинъ, что твое дѣло править народами; это будетъ твоимъ занятіемъ; ты будешь своею силою приучать народы къ миролюбію, щадить смирившихся и поборать гордыхъ.»

(2) Австрія должна владычествовать надъ всею землею.

политика и не благоразумнѣ ли было бы поставить ей преграды, не дожидаясь, пока она достигнетъ своего апогея? Современный французскій цезаризмъ является съ девизомъ свободы и національности, но для всѣхъ ясно, что рано или поздно онъ долженъ будетъ столкнуться съ свободною страной, мѣшающею ему безконтрольно выполнять свои замыслы; этотъ цезаризмъ хочетъ пользоваться общественнымъ мнѣніемъ Европы для своихъ цѣлей, но для всѣхъ ясно, что онъ оскорбляетъ это мнѣніе на каждомъ шагѣ и старается сдѣлать его безгласнымъ, закупивши или застрашавши органы гласности. Подъ личиною народной демократической власти, онъ домогается безконтрольнаго господства, забывая, что только та власть сильна и непоколебима, которая основывается на разумной свободѣ и поддерживается общественно. *La guerre est morte, vive la guerre*—это необходимый девизъ французскаго императорства; ему нужно останавливать, смирать, страшать, разрушать; ему нужно военное положеніе, привилегія славы, новое безъ перемѣнъ къ лучшему, диктатура, звукъ оружія, который заставилъ бы молчать «низкіе интересы». Пока всѣ эти потребности удовлетворяются внутри Франціи, другимъ державамъ, безспорно, остается только спокойно ждать исхода; но когда онъ переходятъ за предѣлы страны, слѣдуетъ ли предоставлять французскому императору исполненіе даже такого дѣла, изъ котораго могло бы выйти что-либо доброе, какъ напримѣръ освобожденіе Италіи отъ австрійскаго любоначалія?

Теперь, когда мнимая готовность Франціи освободить Италію не увѣнчалась успѣхомъ, можно спросить себя: не было ли ошибкою со стороны Англіи, что она такъ упорно придерживалась мира и не хотѣла, вмѣстѣ съ Франціею, выступить противъ Австріи? Не было ли преступнымъ это равнодушіе къ дѣлу Италіи и это крайнее увлеченіе идеями гг. Брайта и Кобдена? Подобные вопросы предлагаютъ себѣ весьма многіе, и между прочимъ даже Французы. Недавно въ *Journal des Débats* талантливый редакторъ этого журнала, г. Прево-Парадолъ помѣстилъ статью объ Англіи и изъ цензурныхъ разчетовъ придалъ ей видъ библиографической замѣтки. Указавши на вліяніе христіанскихъ идей въ Англіи, г. Прево-Парадолъ продолжаетъ: «Однако было бы несправедливо приписывать исключительно успѣхамъ цивилизаціи и христіанскихъ чувствованій эту привязанность Англіи къ миру, и эту совершенно новую страсть къ строгому нейтралитету. Гордость и презрѣніе, уваженіе къ себѣ и неуваженіе къ другимъ имѣютъ здѣсь большую долю участія. Справедливо или нѣтъ, англійская публика привыкла вѣрить, что большинство народовъ европейскаго материка безвозвратно осуждено на анархію или рабство, и поэтому она не интересуется ихъ испытаніями или несогласіями, если

только ничто не грозит прямо безопасности Англии.» Далѣе авторъ видитъ причину равнодушія Англии къ дѣламъ материка въ томъ, что ея вниманіе обращено болѣе на другія страны свѣта, и замѣчаетъ: «Результатомъ всѣхъ этихъ чувствованій, хорошихъ или дурныхъ, было поведеніе Англии въ теперешнемъ кризисѣ. Будущее покажетъ, не обманулась ли она въ своихъ инстинктахъ и въ своихъ разчетахъ и, усвоивши себѣ политику, подобную американской, не забыла ли Англія, что не океанъ, а только Ламаншъ отдѣляетъ ее отъ материка, переполненнаго солдатами.»

Въ этихъ словахъ писателя, отличавшагося всегда благородными симпатіями къ Англии, слышится не столько укоръ, сколько совѣтъ,—одинъ изъ тѣхъ совѣтовъ, которые даются отъ избытка горечи; въ этихъ словахъ есть своя доля правды, но мы не можемъ принять ихъ безусловно. Что Англичане способны въ своей внѣшней политикѣ проводить высокія нравственныя начала, это доказали между многими другимъ ихъ многочисленные трактаты о прекращеніи торговли неграми, изъ которыхъ иные были куплены за большія деньги у европейскихъ правительствъ. Вообще мы не понимаемъ этого рѣзкаго разграниченія между началами внѣшней и внутренней политики, и если Англія умѣетъ уважать свободу лицъ то она умѣетъ еще болѣе уважать свободу государствъ. Защищая у себя дома каждаго члена общества отъ произвольнаго вмѣшательства правительства, Англичане, и преимущественно торійская партія, проводятъ то же начало и въ международной сферѣ; виги и во внутренней и во внѣшней политикѣ допускаютъ нѣкоторое вмѣшательство, но истина весьма часто бываетъ не на ихъ сторонѣ. Далѣе, развивши въ высшей степени у себя дома чувство законности, Англичане смотрятъ съ чрезвычайнымъ уваженіемъ на трактаты, и долго обдумываютъ прежде, чѣмъ вписать въ нихъ свое имя. Наконецъ, въ интересахъ англійскаго народа лежитъ миръ. Общественное мнѣніе, управляющее страной, уже давно пришло къ тому сознанію, что и внутри страны слишкомъ много дѣла, и что только внутреннее безсиліе старается прикрыть себя внѣшнимъ блескомъ. Отдѣльныя лица могутъ жертвовать собою во имя идеи или даже каприза: англійскихъ дамъ не разъ высылала италянская полиція за ихъ политическія *спичи*; пишущій эти строки самъ однажды присутствовалъ при одной изъ такихъ рѣчей въ Туринѣ; въ отрядѣ Гарибальди были искусные стрѣлки-волонтеры изъ Англичанъ. Восходя далѣе, можно указать на лорда Стратфорда де-Редклифа, который истратилъ большую часть своего состоянія, чтобы поддержать въ Турціи вліяніе своей страны во имя либеральныхъ началъ. Но правительство не имѣетъ права тратить кровь и деньги народа во имя какого-

нибудь порыва чувства. Да и вообще для порывовъ нѣтъ мѣста тамъ, гдѣ царствуетъ чувство долга. «Я надѣюсь, что каждый исполнитъ свой долгъ», сказалъ Нельсонъ передъ великою битвой и не прибавилъ ни одного патріотическаго восклицанія. Англичанина руководитъ прежде всего чувство долга, направляя силы его преимущественно на домашніа дѣла; у народа такъ много интересовъ внутри страны, здѣсь идетъ такая упорная борьба различныхъ началъ, что самому дѣятельному человѣку всегда есть возможность наполнить свою дѣятельность. Англичанинъ на столько патріотъ, что онъ смотритъ съ ироніей на увѣренія въ патріотизмъ и употребляетъ самое слово «патріотъ» въ ироническомъ смыслѣ. Чувство долга къ странѣ, вѣрноподданничество къ коронѣ, *loyalty*, вотъ національныя выраженія, священныя для Англичанина. Только война съ Наполеономъ I, война за основныя начала англійской конституціи, оставила въ народѣ глубокія воспоминанія. Статуи Веллингтона и Нельсона красуются въ огромномъ числѣ въ Лондонѣ, но тамъ почти столько же статуй Роберта Пила. Война для Англичанъ соединяется съ идеею о деспотизмѣ, и они ненавидятъ ее инстинктивно. «Мы въ Англійи, сказано въ *Times*, разучились находить удовольствіе въ войнѣ только для войны или для славы... Англійская нація не сходитъ съ ума отъ побѣдъ, не называетъ улицъ ихъ именами, не изображаетъ ихъ на громадныхъ картинахъ. Жителямъ нашего острова побѣды священны только по воспоминаніямъ тѣхъ благъ, которыя были ими достигнуты, той безопасности и народной чести, которыя были ими охранены. Нація охотно обращается отъ этихъ явленій необходимаго зла къ борьбѣ мирныхъ принциповъ, и всякій гражданинъ, прочитавши въ *Лондонской Газетѣ* новыя назначенія по арміи, занимается по прежнему домашними реформами, и желаетъ, чтобы вниманіе страны было обращено на парламентъ, законодательство, церковь, города или сельскія общины.» Всѣ эти причины, вмѣстѣ взятая, производятъ то, что Англичане очень неохотно вмѣшиваются въ дѣла другихъ государствъ; на благодарность они не разчитываютъ, на успѣхъ своего вмѣшательства не могутъ всегда надѣяться. Недавно еще лордъ Стратфордъ де-Редклифъ, долговременнымъ пребываніемъ въ Константинополь, изучившій на опытъ плоды англійскаго заступничества, выразилъ въ парламентъ желаніе, чтобъ Англія ограничивалась только выраженіемъ своихъ мнѣній и не шла далѣе; онъ указалъ на примѣръ вмѣшательства въ дѣла Неаполя, который не повелъ ни къ чему и не смягчилъ ни на волосъ системы покойнаго короля.

Въ италіянскомъ вопросѣ были еще особыя причины воздержности Англичанъ. Они убѣждены, что мирными переговорами можно было достигнуть болѣе вѣрныхъ результатовъ, чѣмъ вой-

ною. Выбравшись въ войну, имъ приходилось и сражаться съ Австріею, и контролировать своего союзника; быть второстепенными дѣятелями, зависѣть вполне отъ императора Французовъ казалось не совѣстнымъ съ честью Англіи. Наконецъ припомнимъ, что самъ императоръ сдѣлалъ невозможно подобную помощь; передъ самою войною англійское правительство сдѣлало послѣднія усилія къ мирнымъ соглашеніямъ; Австрія приняла ихъ, Франція отвергла. Каковы бы ни были эти условія, но они предлагались Англіею, и этой странѣ нельзя было тотчасъ послѣ отказа стать на сторону Франціи. Подобная помощь имѣла бы смыслъ въ послѣдствіи, еслибы французскія войска потерпѣли неудачу; но они шли отъ побѣды къ побѣдѣ, и Англичанамъ оставалось только выразить свое сочувствіе ожидаемому освобожденію Италіи. Теперь, когда миръ явился такою неожиданностію, и когда Сардинія подверглась оскорбленію за свою довѣрчивость, Англичане не могутъ равнодушно подумать о томъ, что ихъ могла постигнуть та же судьба. На обѣдѣ консервативной партіи графъ Мальмсбери высказалъ подобное опасеніе. «Еслибы мы участвовали въ военныхъ операціяхъ, говоритъ онъ, и заключено было бы перемиріе, то думаете ли вы, что съ нами посовѣтовались бы больше, чѣмъ съ королемъ сардинскимъ, который, сколько намъ извѣстно, послѣ всѣхъ геройскихъ подвиговъ своей арміи, оставленъ былъ въ блаженномъ невѣдѣніи относительно переговоровъ между его союзникомъ и его непріателемъ (*одобреніе и смѣхъ*), пока его не увѣдомили, чтъ война кончилась? Нашъ адмиралъ въ Адриатическомъ морѣ неожиданно увидѣлъ бы шлюпку, приближающуюся къ его кораблю съ бѣлымъ флагомъ, и французскій офицеръ сказалъ бы этому адмиралу, что онъ по добру по здорову можетъ возвратиться въ Портсмуть. (*Одобреніе и смѣхъ.*) Таково было бы наше положеніе въ этой войнѣ, если судить по дѣйствіямъ главнаго актера этой драмы въ отношеніи къ его помощникамъ.»

Нейтралитета желала вся Англія и умѣла сохранить его одинаково при двухъ противоположныхъ министерствахъ. Когда оппозиція въ обѣихъ палатахъ напала на рѣзкій тонъ депеши, адресованной къ Пруссіи лордомъ Джономъ Росселемъ, министерская партія съ своей стороны сослалась на депешу, писанную къ той же Пруссіи лордомъ Мальмсбери; послѣ долгихъ преній оказалось, что обѣ депеши составлены совершенно въ одномъ тонѣ, и что слѣдовательно внѣшняя политика Англіи нисколько не измѣнилась въ теченіе всей войны. И теперь оппозиція не хочетъ допустить, чтобъ имя Англіи было вписано въ трактатъ, который распределяетъ Италію безъ согласія Италіанцевъ и даже вопреки ихъ желанію. «Англія, говорилъ лордъ

Мальмсбери на обѣдѣ консерваторовъ, справедливо воздержалась отъ вмѣшательства въ несправедливую войну; она должна также воздержаться отъ вмѣшательства въ дѣло самаго неудовлетворительнаго мира. (*Одобреніе.*) У насъ были въ послѣднее время конгрессы и конференціи, на которыхъ Англія устранила дѣла, вовсе до нея не касавшіяся. Хлопотали о томъ, чтобы дать билль реформы такому народу, о которомъ мы ничего не знаемъ, — Молдаванамъ и Валахамъ. Что же вышло? — Это тайна и загадка для всѣхъ государственныхъ людей Европы. Удержимся же отъ введенія биллей реформы въ италіянскія государства; чѣмъ больше мы станемъ вмѣшиваться въ дѣла и интересы другихъ государствъ, до насъ не касающіеся, тѣмъ болѣе мы станемъ запутываться въ неразрѣшимыя затрудненія. (*Одобреніе.*)

Засѣданіе нижней палаты по поводу мира повело къ объясненіямъ со стороны лорда Джона Росселя. Въ этомъ засѣданіи лордъ Эльчо не упустилъ случая, чтобы высказать, какъ должно быть оскорблено нынѣшнее англійское правительство и особенно лордъ Пальмерстонъ виллафранкскою сдѣлкой. «Я не завидую, сказалъ онъ, чувствамъ моего благороднаго друга, когда подумаю, что, заключая миръ, императоръ Французовъ не спросилъ у него совѣта и не дождался его внушеній... Я думаю, что мои два благородные друга въ настоящемъ случаѣ заслуживаютъ самаго глубочайшаго сожалѣнія (*смѣхъ*); по живописному выраженію, они страшно *сръзались* (*смѣхъ*).» На эти замѣчанія, поддержанныя г. Фитцджеральдомъ, отвѣчалъ лордъ Джонъ Россель. «Лордъ Эльчо, сказалъ онъ, кажется, радуется тому, что надежды моего благороднаго друга и мои собственныя на освобожденіе Италіи рушатся. Если это и справедливо, я бы все-таки не сталъ стыдиться желанія, чтобы свободныя учрежденія были введены всюду, гдѣ только возможно. (*Одобреніе.*) Вмѣшиваться въ дѣла страны, съ цѣлью водворить и поддерживать въ ней свободныя учрежденія, или радоваться процвѣтанію этихъ учрежденій и горевать о ихъ паденіи — не одно и то же. Г. Фитцджеральдъ говорилъ о г. Каннингѣ. Я помню очень хорошо, какъ г. Каннингъ отзывался о вступленіи Французовъ въ Испанію. Испанцы установили у себя свободныя учрежденія, и Французы пришли, чтобы разрушить ихъ. Г. Каннингъ объявилъ нейтралитетъ, но въ то же время не усомнился признаться, что сочувствіе его было на сторонѣ Испанцевъ. Г. Фитцджеральдъ ссылался на образъ дѣйствій предшествующаго правительства. Радуюсь тому, что мой благородный другъ не поставилъ насъ въ необходимость разсуждать объ этомъ. Я очень склоненъ думать, что предшествующее правительство съ безпристрастіемъ, съ заботливостью сдѣлало все, что отъ него зависѣло, чтобы сохра-

нить нейтралитетъ Англіи и предупредить бѣдствія войны. Когда намѣревались отправить лорда Мальмсбери на конгрессъ, я сказалъ, помнится, что если онъ не достигнетъ удовлетворительныхъ результатовъ, причиною этого не будетъ ни недостатокъ таланта, ни недостатокъ доброй воли съ его стороны. Въ преніяхъ объ объявленіи недовѣрія прежнему правительству, когда документы не были еще сообщены, я также считалъ справедливымъ думать, что документы эти будутъ говорить въ его пользу; не выдавъ этихъ бумагъ, я считалъ насъ не въ правѣ предполагать въ нихъ доказательства недостатка таланта или безпристрастія со стороны правительства. Еслибы мы были принуждены изслѣдовать до подробностей образъ дѣйствій предшествующаго министерства (и я радуюсь, что на мнѣ не лежитъ эта обязанность), можетъ-быть мы увидѣли бы, что въ извѣстныхъ случаяхъ оно шло не тѣмъ путемъ, который, по моему мнѣнію, привелъ бы къ удовлетворительному результату. Я думаю, что съ самаго начала переговоровъ съ Франціей могло бы быть сдѣлано многое, чего не сдѣлали. Но охотно миную этотъ вопросъ при настоящихъ обстоятельствахъ. Почтенный джентльменъ, руководствуясь тѣми немногими свѣдѣніями, которыя имѣетъ онъ самъ, и тѣми многими свѣдѣніями, которыя я счелъ нужнымъ сообщить, порицаетъ образъ дѣйствій настоящаго управленія. Почтенный джентльменъ приводитъ одно обстоятельство, которое навлекло на меня нареканія, а именно то, что мы посовѣтовали Пруссіи не вмѣшиваться въ войну, потому что мы считали такое вмѣшательство преждевременнымъ, и не становиться въ рядъ воюющихъ державъ. Но я ссылаюсь на депешу лорда Мальмсбери, гдѣ въ самыхъ энергическихъ выраженіяхъ давался тотъ же совѣтъ, и говорилось Пруссіи, что ея берега будутъ опустошены, и что Англія не окажетъ ей никогда содѣйствія. Всѣ свѣдѣнія, собранныя мною въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, убѣдили меня, что это предостереженіе было сдѣлано весьма энергически, ибо оно было не только отправлено къ нашимъ посланникамъ при нѣмецкихъ дворахъ, но и сообщено нѣмецкимъ резидентамъ въ Англіи, чтобъ они знали образъ мыслей благороднаго графа: до такой степени считалъ онъ своею обязанностію помѣшать нѣмецкимъ державамъ вмѣшаться въ войну. Я не сожалѣю о совѣтѣ, данномъ Пруссіи, чтобъ она хорошо обдумала свой шагъ прежде чѣмъ вступить въ ряды воюющихъ державъ, если только этотъ совѣтъ способствовалъ удержать Пруссію въ границахъ благоразумной и умѣренной политики. Я убѣжденъ, что, воздержаваясь отъ участія въ борьбѣ, она сильно содѣйствовала ограниченію военныхъ дѣйствій тѣсными ихъ предѣлами. Я думаю, что еслибы Пруссія вмѣшалась въ войну подъ предлогомъ, что

война приближается къ Минчію, было бы трудно предвидѣть, до какихъ предѣловъ она дошла бы, и когда миръ могъ бы быть провозглашенъ. Можно привести этому примѣръ. Сегодня получено изъ Неаполя письмо, въ которомъ говорится, что королевство это не было расположено вмѣшаться въ войну, но что еслибы Германія и Пруссія вмѣшались въ нее, то вѣроятно сила общественнаго мнѣнія принудила бы неаполитанское правительство также принять участіе въ борьбѣ. Полагаю, что если бы эта война продолжалась, вся Италия и вся Германія превратились бы въ одну сцену разрушенія и кровопролитія. Я радуюсь тому, что военныя дѣйствія прекратились. Почтенный джентльменъ говоритъ, что еще не разрѣшенъ вопросъ, соберется ли по этому случаю конгрессъ или нѣтъ. Вопросъ этотъ величайшей важности, это такой вопросъ, о которомъ, какъ мнѣ кажется, не слѣдуетъ выражать мнѣнія преждевременно. (*Одобреніе.*) Если я не ошибаюсь, императоры французскій и австрійскій не со всѣмъ согласны относительно этого, и вообще вопросъ предложенъ намъ въ такой формѣ, которая не позволяетъ еще разрѣшить его. Мнѣ кажется, однако, что Англія должна бы употребить свое вліяніе для упроченія мира, и если возможно для улучшенія мирнаго трактата. Во всякомъ случаѣ мы ни подъ какимъ видомъ не должны отказываться отъ нейтральнаго и безпристрастнаго положенія, которымъ по мнѣнію почтеннаго джентльмена, мы обязаны предшествующему правительству. Что касается до меня, то я думаю, что мы не обязаны этимъ положеніемъ ни предшествующему, ни теперешнему правительству; думаю, что никто другой, а общественное мнѣніе всей страны принудило поступить такъ, какъ было поступлено. Этому были причины,—многочисленныя причины. Я позволилъ себѣ, говоря съ моими избирателями, изложить положеніе воюющихъ державъ и показать, почему ни одна изъ нихъ не имѣла права на наше содѣйствіе. Съ тѣхъ поръ мои мнѣнія не измѣнились. Съ другой стороны было невозможно объявить подробно, что мы намѣревались дѣлать. Могу сказать только, что еслибы вся Европа пригласила насъ рассмотреть всевозможные мирныя трактаты, нашею обязанностью было бы, по мнѣнію моему, не участвовать ни въ одномъ трактатѣ, не соответствующемъ нашимъ понятіямъ о величїи и независимости Англіи. Мы должны быть готовы дѣйствовать, имѣя постоянно въ виду охраненіе достоинства страны. Не буду говорить объ этомъ ничего болѣе. Мнѣ кажется, что предложеніе благороднаго лорда было бы неумѣстно; но что касается до нашего образа дѣйствій, то всякій разъ какъ будетъ онъ обсуждаемъ палатою, я буду готовъ защищать его отъ порицанія. (*Одобреніе.*)

Изъ этой рѣчи лорда Джона Росселя видно, что нынѣшнее министерство не прочь принять участіе въ устройствѣ Италіи, если это возможно, на конгрессѣ. Въ такомъ смыслѣ высказывается постоянно и *Morning Post*, органъ лорда Пальмерстона. Но оппозиція и всѣ преданія торійской дипломатіи ведутъ къ невмѣшательству. Общественное мнѣніе высказалось въ послѣднее время также въ пользу этой системы. Наполеоновская политика, говорятъ Англичане, конечно, дорого обходится Англии, но эта страна помнитъ, во что обошлась ей война съ Франціею, и смотритъ на войну, какъ на крайнее средство. Это убѣжденіе не того или другаго государственнаго человѣка, а цѣлаго англійскаго народа, и напрасно г. Фридрихъ фонъ-Раумеръ обвиняетъ въ нерѣшительности партію торіевъ. «Разчетливые умники, говоритъ онъ въ недавно-вышедшей брошюрѣ *Zur Politik des Tages*, никогда не спасали государствъ; Провидѣніе поручало исполненіе великихъ задачъ только великимъ характерамъ. Это доказываютъ люди, подобные Чатаму, Питту, Борку, Веллингтону, Каннингу.» Но и эти люди въ настоящее время, вѣроятно, слѣдовали бы политикѣ невмѣшательства. Съ Наполеономъ III труднѣе бороться, чѣмъ съ его дядею; онъ желаетъ не территоріальныхъ пріобрѣтеній, а нравственнаго вліянія. Для многихъ онъ олицетворяетъ идею того порядка, который водворенъ имъ во Франціи; другіе видятъ въ немъ демократическій элементъ. Святой отецъ протираетъ надъ нимъ благословляющія длани, и къ нему же протягивали недавно свои мятежныя руки гг. Кошутъ и Клапка.

Superis deorum
Gratus, et imis (1).

Какимъ образомъ Англія можетъ растолковать континенту истинное значеніе французскаго цезаризма, если континентъ такъ мало понимаетъ свободу, ея истинныхъ друзей и недруговъ? Мы видѣли, что нѣкоторые Англичане предлагаютъ дѣйствовать только примѣромъ; либерализмъ, къ какой бы націи онъ ни принадлежалъ, всегда будетъ съ сочувствіемъ обращаться къ Англіи,—и въ ея несокрушимая сила.

Новый австрійскій журналъ, полуофициальный, *Progress*, уже указываетъ на образованіе новаго союза. «При теперешнемъ положеніи вселенной, сказано здѣсь, когда существуетъ такъ много нерѣшенныхъ вопросовъ, ни одно европейское государство не можетъ устоять безъ союзниковъ. Хорошіе союзы суть единственное средство охранять право и интересы въ то время, когда

(1) - Милъ верхнимъ богамъ, милъ и нижнимъ -. Гораций.

право и интересы взвѣшиваются мечомъ Бренна. Поэтому вопросъ о союзахъ, послѣ плачевныхъ опытовъ настоящаго, составляетъ самую важную задачу политики, и отъ рѣшенія этого вопроса будутъ зависеть тысячи вопросовъ, которые предстоятъ такому государству, какъ Австрія. Эти слова сказаны тотчасъ вслѣдъ за доказательствами того, что Австрія не можетъ рассчитывать на союзъ ни съ Россіей, ни съ Пруссіей, ни съ Англійей. Остается, слѣдовательно, Франція, какъ естественный союзникъ Австріи, и можно думать, что свиданіе въ Виллафранкѣ не останется безплоднымъ въ этомъ отношеніи и поведетъ къ новой политической комбинаціи. Мы твердо надѣемся, что мечты нѣкоторыхъ Австрійцевъ о союзѣ трехъ императоровъ Европы не осуществятся; мы думаемъ, что вообще великое государство, какова Россія, не нуждается въ особыхъ частныхъ союзахъ и желаетъ, чтобы подобнаго рода союзы не возобновлялись. Существуетъ одинъ международный союзъ, въ которомъ большія государства могутъ пользоваться большимъ вліяніемъ, не нарушая права другихъ державъ; въ частныхъ союзахъ есть всегда что-то скрытное, какое-нибудь намѣреніе, которое боится свѣта гласности и опасно для общаго спокойствія. Отношенія между правительствами могутъ измѣняться, смотря по обстоятельствамъ; но эти отношенія представляются фактами временными, преходящими. Напротивъ, союзъ есть юридическое обязательство, послѣдствій котораго нельзя предвидѣть, и которое безплодно отвлекаетъ государство отъ его насущныхъ интересовъ.

Англія никогда не затягивалась въ постоянные союзы и всегда съ опасеніемъ смотритъ на континентальныя комбинаціи. Такъ-называемый англо-французскій союзъ въ теченіе пяти лѣтъ подвергался не разъ испытаніямъ. «На него, по выраженію лорда Гаудена, Французы смотрятъ такъ, какъ энциклопедисты прошедшаго столѣтія смотрѣли на религію; они произносили слово и не вѣрили его смыслу.» Понятно, что при новой войнѣ, когда Франція безъ приготовленій, какъ увѣрялъ императоръ, могла выставить въ Италіи около 200.000 человекъ, Англія не могла оставаться равнодушною къ средствамъ своей защиты. Французскіе журналы, въ томъ числѣ *Journal des Débats* горько жалуются на недоувѣріе къ мирнымъ расположеніямъ императора. Но должно согласиться, что Англія не можетъ смотрѣть спокойно на вооруженія Франціи, особенно когда ей извѣстно, что для всѣхъ партій этой страны война съ Англійей была бы самою популярною войной, и что принципы англійскаго государственнаго устройства не могутъ быть по сердцу императору. Поэтому и на митингахъ и въ парламентахъ въ Англійи всѣ заговорили о необходимости принять рѣшительныя мѣры обороны. Въ палатѣ лордовъ, въ засѣданіи 5-го іюля, этотъ вопросъ былъ поднятъ лордомъ

Линдгорстомъ. Въ длинной рѣчи онъ изложилъ исторію всѣхъ нападений на Англію со временъ Стюартовъ, и настаивалъ на необходимость усиленія англійскаго флота. «Я не соглашусь, сказалъ онъ, жить въ зависимости отъ дружбы или снисхожденія какой-либо страны. (*Громкое одобреніе.*) Я опираюсь только на мою собственную силу, на мою собственную дѣятельность, на мое собственное пониманіе. (*Одобреніе.*) Развѣ хоть одинъ лордъ въ этой палатѣ не согласенъ съ высказанными мною началами? (*Пауза.*) Я радуюсь, милорды, что это не такъ. Я съ сожалѣніемъ обязанъ сказать, что на насъ неблагопріятно смотрятъ на материкѣ Европы, и не думаю, чтобы послѣднія событія улучшили наше положеніе. Но я скажу болѣе, я выскажу увѣренность, почерпнутую мною изъ собственнаго внимательнаго наблюденія, что если возникнетъ какой-нибудь благовидный поводъ къ несогласію между этою страной и Франціей, и если это несогласіе поведетъ къ враждѣ, то объявленіе войны Англіи французскимъ правительствомъ будетъ принято съ энтузіазмомъ не только со стороны французской арміи, но и со стороны массы французскаго народа. (*Слушайте, слушайте.*) Если меня спросятъ: «развѣ вы не полагаетесь на увѣренія и рыцарскія качества (*courtesy*) императора Наполеона?» то я отвѣчу, что питаю глубокое уваженіе къ его высокой особѣ, и что не хочу входить въ объясненія по этому предмету, а предоставляю каждому благородному лорду вывести свои заключенія и составить свое собственное мнѣніе. Если меня спросятъ, почему я не могу положиться на императора Наполеона, я отвѣчу прямо: потому что онъ въ такомъ положеніи, въ которомъ онъ не можетъ поручиться самъ за себя. (*Слушайте, слушайте! и смѣхъ.*) Онъ находится въ положеніи, въ которомъ долженъ подчиняться обстоятельствамъ, и я не соглашусь на то, чтобы безопасность Англіи была въ зависимости отъ такихъ случайностей. (*Слушайте, слушайте.*) Милорды, полагаться на самого себя есть лучшее правило для успѣха въ частной жизни. Оно также существенно для величія народа. (*Слушайте, слушайте.*)» Благородный лордъ напомнилъ собранію знаменательныя слова: *vae victis!* и убѣждалъ позаботиться о безопасности Англіи. Почти въ томъ же духѣ говорилъ и лордъ Стратфордъ де-Редклифъ, такъ долго поддерживавшій въ Турціи англійское вліяніе. «Я вполне согласенъ, сказалъ онъ, съ моимъ благороднымъ и ученымъ другомъ, что вопросъ идетъ не о степени довѣрія этой страны къ имостранной державѣ или къ императору Наполеону; но стыдъ и поношеніе для такого великаго народа, каковъ нашъ, хотя одинъ часъ существовать чужимъ снисхожденіемъ. (*Одобреніе.*) Такое существованіе не только возбуждаетъ чувство стыда, которое мы отвергаемъ съ него-

дованіемъ; но черезъ это мы лишаемъ сами себя возможности исполнять лежащія на насъ обязанности ко всему свѣту и къ Провидѣнію, которое поставило насъ въ положеніе дѣлать добро безпредѣльно. Рѣчи этихъ двухъ ораторовъ были поддерживаемы не только членами оппозиціи, но и членами министерской партіи. Такъ лордъ Брумъ говорилъ о «необходимости приготовленій въ оборонѣ (*слушайте, слушайте*), не во имя личныхъ чувствъ къ какой-либо иностранной націи или ея правителямъ, но просто вслѣдствіе положенія дѣлъ въ Европѣ, которая кишитъ огромными арміями подъ начальствомъ нѣсколькихъ лицъ, имѣющихъ абсолютную неограниченную власть.» Тотъ же контрастъ Англійи и континента выставленъ былъ и лордомъ Элленборо. «Въ послѣднія одиннадцать лѣтъ, съ 1848 года, всѣ европейскія государства, отчасти изъ взаимнаго недовѣрія, отчасти же по недовѣрію къ своимъ подданнымъ, стремились къ увеличенію своихъ военныхъ силъ. Они достигли своей цѣли и достигли ея цѣною огромныхъ финансовыхъ жертвований. Я ужасаюсь ихъ финансовой слабости и ихъ военной силы, ибо я знаю, что единственная надежда ихъ спастись отъ тяжести, лежащей на нихъ, есть совмѣстная война противъ нашего отечества. (*Слушайте, слушайте.*) Небезопасно этой странѣ оставаться невооруженною посреди вооруженныхъ народовъ.» Къ сожалѣнію, въ этихъ словахъ много правды, и, особенное географическое положеніе Англійи еще не позволяетъ ей оставлять безъ вниманія свои военныя средства.

Чтобъ успокоить Англійю, императоръ Французовъ объявилъ, что онъ приводитъ свою армію и флотъ на мирное положеніе. Но если это положеніе будетъ то же, какое было до италіанской войны, то нельзя сказать, чтобъ оно было очень успокоительно. «Мы послѣдуемъ, сказано въ *Times*, въ свое время примѣру Франціи; но мы далеко еще не достигли до совершенства ея мирнаго положенія.» Извѣстно, что въ мартѣ мѣсяцѣ войска французскія, по словамъ императора, были на мирномъ положеніи, а между тѣмъ черезъ недѣлю послѣ объявленія войны 170.000 было уже въ Пиемонтѣ. Во всякомъ случаѣ нельзя не утѣшаться тѣмъ, что Англійя взяла на себя обязанность контролировать воинственныя движенія Франціи.

Но англійскіе финансы чувствуютъ великую тяжесть этой обязанности. Г. Гладстонъ, канцлеръ казначейства въ новомъ кабинетѣ, представилъ палатѣ общинъ балансъ казначейства за годъ, окончившійся 30-мъ іюня. Государственные доходы простирались до 66.689.573 фунтовъ стерлинговъ, расходы до 66.033.675 фун., дефицитъ—344.102 фун. Въ числѣ расходовъ пошло на платежъ процентовъ по государственному долгу 28.265.072 фун., на армію 13.775.165, на флотъ 9.417.242 фун., на дополнительные расходы по

войнѣ съ Китаемъ и Россіей 782.523 ф., что составляетъ въ итогѣ—52.240.002 ф. На внутреннюю администрацію, на юстицію, дипломатическую часть и дворъ употреблено 13.793.674 ф., но въ этомъ числѣ заключаются еще 4.469.345 ф. издержекъ по взиманію податей, а за исключеніемъ этой статьи останется издержекъ, произведенныхъ собственно на внутреннія потребности, только 9.324.329. Если присоединить къ этой цифрѣ пропорциональную ей долю издержекъ взиманія податей, то мы получимъ для всѣхъ внутреннихъ потребностей 10.000.244 ф. Все остальное, то-есть почти 85 процентовъ всего расхода, пошло на содержание и увеличеніе военныхъ силъ и на платежъ процентовъ по долгамъ, которые сдѣланы по поводу войнъ.

Планъ бюджета на будущій годъ представляетъ цифры еще болѣе высокія. На армію полагается 13.200.000 ф., на флотъ—12.782.000 ф. Общій итогъ расходовъ исчисленъ въ 69.207.000 ф., доходовъ — въ 64.340.000 ф.; дефицитъ, простирающійся до 4.867.000 ф., будетъ покрытъ прибавочнымъ налогомъ съ дохода (income-tax). «Всякій понимаетъ, говоритъ по этому поводу *Times*, что главный виновникъ такого отягощенія нашего бюджета—нашъ воинственный союзникъ.»

Англія находится еще въ положеніи гораздо болѣе выгодномъ, нежели другія государства Европы. Главная сила Англіи заключается во флотѣ, а флотъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ поглотить такихъ огромныхъ финансовыхъ средствъ, какія поглощаются арміями, и, что не менѣе важно, самый громадный флотъ отвлекаетъ далеко не столько людей отъ полезной гражданской дѣятельности, сколько армія, сравнительно гораздо слабѣйшая. Наконецъ, какъ замѣчаютъ Англичане, флотъ можетъ быть употребляемъ только противъ внѣшнихъ враговъ и никакъ не можетъ угрожать внутренней свободѣ страны. Поэтому Англичане не очень боятся расходовъ на свои «деревянные стѣны.» Но на материкѣ Европы есть причины серьезно боятся постоянно возрастающаго увеличенія государственныхъ расходовъ, а для предусмотрительныхъ людей есть причины не только боятся, но даже трепетать за будущее многихъ государствъ. Не имѣя громадныхъ средствъ, доставляемыхъ Англіи ея народнымъ богатствомъ, многія государства материка Европы вотъ уже нѣсколько лѣтъ какъ живутъ и даже воюютъ на счетъ будущаго. Во Франціи такая игра интересами будущаго объясняется теперешнимъ политическимъ состояніемъ этой страны. Выгодныя для подписчиковъ условія, на которыхъ императоръ Французовъ заключаетъ займы свои, даютъ во Франціи этимъ займамъ популярность. Въ настоящую минуту, когда курсы фондовъ поднялись, Французы въ восторгѣ, что имъ удалось выиграть на курсѣ въ одинъ или два мѣсяца 6 или 7 процентовъ на свой капиталъ, помещенный въ

фондахъ. Можно сказать съ увѣренностію, что если Наполеонъ III черезъ годъ или два вздумаетъ увеличить еще на полмилліардъ государственный долгъ Франціи, то этотъ *bon plaisir* его не только не встрѣтитъ ропота, но даже доставитъ удовольствіе демократической націи. Какое дѣло, что страна идетъ быстрыми шагами къ гибели? *Après nous le déluge*—давнишнее правило не только деспотической, но и демократической мудрости. Долги вѣдъ придется платить потомству, а современники останутся съ барышомъ. Императоръ и администрація получаютъ столько денегъ, сколько имъ угодно, а публика получить биржевые бенефисы. Кто осмѣлится среди этого всеобщаго удовольствія вымолвить слово объ опасности займовъ для будущаго? Литература повинуется мановенію администраціи; законодательное сословіе уже заранѣе такъ фасонировано, что въ немъ не можетъ раздаться голосъ истиннаго патріотизма. Все зависитъ отъ произвола правительства, а правительство, которое уже не разъ ставило на карту свое собственное существованіе, не задумывается ставить на карту будущность Франціи. *Va banque*—становится при такомъ ходѣ дѣлъ политическимъ лозунгомъ. Но къ счастью для Европы, другія правительства не могутъ имѣть побужденія къ такой азартной игрѣ. Интересы стародавнихъ династій состоятъ въ томъ, чтобъ упрочивать будущность своихъ странъ и предотвращать насильственные перевороты, которые, когда только бывали серьезны, всегда имѣли одною изъ главныхъ причинъ своихъ финансовое разстройство. Улучшеніе финансовъ и сокращеніе расходовъ составляетъ прямой интересъ монархій, имѣющихъ возможность заботиться не объ одномъ только текущемъ днѣ, но и о своей прочности въ будущемъ. Что же побуждаетъ большую часть законныхъ монархій Европы къ этому крайнему напряженію силъ, которое мы теперь видимъ и которое невозможно долго выдержать странамъ материка? Почему не сокращаются, а разрастаются государственные расходы, не уменьшается, а увеличивается число постоянного войска во многихъ странахъ Европы? Финансы большей части европейскихъ государствъ можно поправить не иначе, какъ черезъ сокращеніе издержекъ на военныя силы: съ этимъ всѣ согласны, всѣ считаютъ это за аксіому, а между тѣмъ нельзя не видѣть, что съ каждымъ годомъ дѣлаетъ въ Европѣ успѣхъ небывалая прежде воинственность, и въ мрачный часъ невольна напрашивается мысль, что европейская исторія когда-нибудь кончится взаимнымъ избіеніемъ цивилизованныхъ народовъ. Какъ объяснить это странное и не очень лестное для чести народовъ Европы явленіе? Не слѣдуетъ ли приложить и къ цѣлой Европѣ фразу англійскаго журнала и, измѣнивъ ее, сказать такъ: «главный виновникъ все-

го этого—воинственный сочленъ европейскаго международнаго союза, Французская имперія?»

Французская имперія, надобно признаться, имѣетъ обаятельную силу. До сихъ поръ еще хорошій тонъ требуетъ, чтобы вездѣ все дѣлалось такъ, какъ дѣлается въ Парижѣ. Тамъ считается нужнымъ и можетъ-быть въ самомъ дѣлѣ нужно производить эффекты парадами и маневрами; правительство, живя *sur le qui vive*, не знаетъ тамъ часа покоя, потому что дѣйствительно стоитъ на горячемъ пеплѣ, подѣ которымъ таятся вулканы. Въ другихъ мѣстахъ ничего этого нѣтъ, но мода, идущая изъ Парижа, оказываетъ свое дѣйствіе, и дѣло доходитъ до того, что чуть не фабрикуется искусственный горячій пепель, лишь было бы сходство съ столицею модъ. Ошибочно или нѣтъ, но въ Парижѣ полагаютъ, что императорская корона должна быть постоянно обвита свѣжими лаврами, и вотъ мысль о лаврахъ готова стать модною мыслию въ цѣлой Европѣ.

Почти тридцать лѣтъ какъ г. Кобденъ развиваетъ теорію примѣра, которымъ должна дѣйствовать Англія на материкъ Европы. «Мы призваны, говорилъ недавно г. Сидни Гербертъ своимъ избирателямъ, къ тому, что называется нравственнымъ вліяніемъ въ Европѣ; ни одна страна не имѣетъ большаго вліянія, чѣмъ Англія, потому что своими свободными учреждениями, своею свободою мысли и свободою словъ она можетъ дать всему свѣту такой урокъ, какого нельзя получить ни изъ какого другаго источника». На дѣлѣ однакоже оказывается, что хорошій примѣръ не всегда бываетъ дѣйствительно дурнаго, и что политическія моды все еще идутъ въ Европу не изъ той страны, которая дѣйствительно благоденствуетъ и дѣйствительно превосходитъ всѣ другія страны своимъ могуществомъ.

Было бы не справедливо обвинять Францію за то, что въ Европѣ находится такъ много охотниковъ подражать ей. Но императоръ Французовъ не ограничивается теоріей примѣра, проповѣдываемой г. Кобденомъ. Иногда онъ принуждаетъ силою, чтобы брали съ него примѣръ; иногда онъ находитъ нужнымъ доказать также силою, что копія всегда слабѣ оригинала. Политика его такъ же измѣнчива и капризна, какъ парижскія моды, но менѣе разборчива въ своихъ средствахъ нежели деспотизмъ царства модъ, довольствующійся добровольнымъ подчиненіемъ. Она любитъ дѣйствовать силою, и такъ какъ, само собою разумѣется, пріятнѣе дѣйствовать съ успѣхомъ, нежели безъ успѣха, то она любитъ заранѣе обезпечивать себѣ возможность успѣха. Цѣль ея стремленій состоитъ въ томъ, чтобы можно было ей дѣйствовать, когда только задумается, и дѣйствовать съ вѣрнымъ успѣхомъ.

Нѣтъ еще мѣсяца тому, какъ можно было ожидать, что сила

обстоятельствъ устранить значительную долю поводовъ къ потрясеніямъ, угрожавшимъ спокойствію и мирному развитію силъ образованнаго міра. Соединились самыя благоприятныя обстоятельства, давашія возможность одновременно разрѣшить три вопроса, чрезвычайно важные для благоденствія Европы. Война устранила всѣ препятствія къ освобожденію Италіи отъ австрійскаго владычества и къ образованію въ сѣверной части полуострова обширнаго государства, которое могло бы пріобрѣсти самостоятельность и независимость отъ сосѣдей. Италія, которая издавна находилась подъ иноземнымъ вліяніемъ и служила яблокомъ раздора между Германіей и Франціей, могла устроиться такъ, что, подъ покровительствомъ международнаго союза, была бы въ силахъ противопоставить твердый отпоръ притязаніямъ своихъ сосѣдей, которые вслѣдствіе того потеряли бы одинъ изъ главныхъ поводовъ ко взаимнымъ ссорамъ. Австрія, утративъ господство надъ Италіей, была бы принуждена болѣе позаботиться о своихъ внутреннихъ дѣлахъ и искать силы въ привязанности и довольствѣ своихъ народовъ; она была на пути къ тому, чтобы придти въ свои естественныя границы, которыя придали бы ей прочность и могущество и сдѣлали бы ее государствомъ преимущественно славянскимъ. Накоонецъ Германія, которая столько вѣковъ тратила свои силы внѣ своихъ предѣловъ безплодно для своего внутренняго могущества и единства, готова была также войти въ свои предѣлы и устроиться подъ гегемоніей Пруссіи, отказываясь отъ фальшивыхъ преданій Священной Римской Имперіи.

Нѣтъ еще мѣсяца тому назадъ, всѣ эти надежды казались близки къ осуществленію, но тогда въ сердца Европы осталось бы мало поводовъ къ потрясеніямъ и раздорамъ, и той политикѣ, которая любитъ дѣйствовать, было бы мало случаевъ дѣйствовать и еще меньше случаевъ дѣйствовать съ вѣрнымъ успѣхомъ. Къ чему бы служили военныя силы, когда онѣ были бы заперты со всѣхъ сторонъ твердыми преградами? Тогда пришлось бы поневолѣ уменьшить армію. Сосѣди могли бы тоже уменьшить свои арміи, исправить свои финансы и употребить свои средства на улучшение своего благосостоянія. Но вовсе не того было нужно. Нужно было оставить за собою свободу дѣйствовать и, если можно, устроить чужія дѣла такъ, чтобы можно было воевать когда заблагоразсудится: понадобится воевать въ августѣ, — хорошо, чтобы въ августѣ явился поводъ къ войнѣ; пройдетъ августъ въ мирныхъ парадахъ и патриотическихъ празднествахъ и лишь къ сентябрю созрѣетъ необоримая храбрость въ сердцахъ доблестныхъ подпоручиковъ, — надобно, чтобы и въ сентябрѣ былъ приличный и почетный поводъ къ войнѣ и т. д. Вотъ что было нужно политикѣ, любящей дѣйствовать, и едва ли не до-

стигнуто все это въ виллафранкскихъ preliminarіяхъ къ цюрихскому миру, котораго девизъ, какъ кажется, будетъ : *la guerre est morte ; vive la guerre !*

Мы не возьмемся исчислять всѣ возможные послѣдствія сдѣлки, въ которую разрѣшилась борьба двухъ императоровъ, враждовавшихъ между собою лишь для того, чтобы заключить союзъ тѣсной дружбы. Взглянемъ на ближайшія послѣдствія этого мира для Германіи и Италіи.

Мы уже сказали, что въ Германіи дѣлала видимые успѣхи гегемонія Пруссіи, — та изъ возможныхъ формъ германскаго единства, которая одна можетъ быть признана безвредною для славянской и италіанской національностей и слѣдовательно одна имѣетъ залогомъ прочной будущности. Въ то же время это одна изъ самыхъ дѣйствительныхъ комбинацій для того, чтобы ограничить поле, на которомъ можетъ разыгрываться воинственный духъ Франціи. Миролюбивыя чувства сдѣлались бы тогда болѣе или менѣе обязательными для императора Французовъ; они потеряли бы прелесть произвольныхъ движеній свободаго духа, но за то пріобрѣли бы дѣйствительную цѣну для народовъ Европы. Виллафранкскія условія устранили и то и другое. Они предупредили успѣхи Пруссіи, бросили въ Германію нѣсколько новыхъ сѣмянъ раздора и обезпечили за Франціей возможность пользоваться внутренними несогласіями, германскихъ государствъ и удивлять міръ своею умѣренностію въ побѣдѣ.

Пруссія стоитъ теперь на очереди и можетъ прежде другихъ ожидать нападеній. Австрія укоряетъ ее въ измѣнѣ интересамъ Германіи, императоръ Французовъ обвиняетъ ее за намѣреніе предложить посредничество воюющимъ сторонамъ. Теперь надобно ожидать рѣшительныхъ столкновеній между Австріей и Пруссіей на сеймѣ во Франкфуртѣ. Они начались уже во время войны. Австрія сдѣлала послѣднее усиліе связать свое дѣло съ общегерманскимъ дѣломъ и предложила на сеймѣ передать принцу Прусскому главное начальство надъ всею германскою арміей. Черезъ это Пруссія была бы лишена возможности дѣйствовать какъ отдѣльная держава, а потому она отклонила австрійское предложеніе и предоставила Баваріи начальство надъ корпусомъ, расположеннымъ на верхнемъ Рейнѣ. *Preussische Zeitung* объявляетъ теперь, что Пруссія не могла принять на себя защиту Ломбардіи или трактатовъ Австріи съ италіанскими герцогами, и что она имѣла въ виду только оборону Германіи. Посредничество, которое Пруссія имѣла въ виду, не состоялось вслѣдствіе *сюрприза* виллафранкскаго. *Journal des Débats* сообщаетъ, что Пруссія спрашивала мнѣнія нейтральныхъ державъ и потомъ обратилась къ Франціи съ вопросомъ: какія ея условія? Французское правительство от-

въ начало, что оно желаетъ присоединенія Ломбардіи къ Пиемонту, образованія изъ Венеціи отдѣльнаго государства и рѣшенія вопроса о герцогствахъ посредствомъ конгресса. Пруссія за одно съ Англіею ждала дальнѣйшихъ успѣховъ французскаго оружія, чтобы предложить Австріи эти условія. Ничего не могло быть естественнѣе такого образа дѣйствій, и его безуспѣшность объясняется только волею двухъ императоровъ, которые въ войнѣ за Италію видѣли только свои личные счеты.

Германія въ послѣднее время начинала одобрять поведеніе Пруссіи, и лучшіе люди всѣхъ партій видятъ въ ней опору германскаго единства и могущества. Неожиданный миръ еще болѣе утвердилъ Германцевъ въ этой мысли; они узнали на опытъ недостатки теперешняго союзнаго устройства и еще болѣе убѣдились въ необходимости прусской гегемоніи. Въ собраніи лицъ либеральной партіи всѣхъ германскихъ государствъ положено было, что должно заботиться о предоставленіи власти надъ всѣмъ союзнымъ войскомъ Пруссіи и объ исключеніи всѣхъ негерманскихъ земель изъ Союза. Оба эти условія дополняютъ другъ друга. Какъ скоро къ Союзу будутъ принадлежать только нѣмецкія провинціи Австріи, Пруссія будетъ имѣть даже числовой перевѣсъ, и ея гегемонія будетъ вызвана силою вещей. Тѣ планы, которые выступили впередъ десять лѣтъ тому назадъ, на эрфуртскомъ сеймѣ, ожили снова, и принцъ Прусскій, пользуясь совѣтами либеральнаго министерства, вѣроятно не повторитъ тѣхъ ошибокъ, которыя были сдѣланы тогда королемъ. При нынѣшнемъ прусскомъ правительствѣ становится особенно рельефнымъ контрастъ его съ Австріею, и Германія, успокоившись отъ первыхъ впечатлѣній страха, возбужденнаго разливомъ наполеонизма, вспомнила о томъ мрачномъ вліяніи, которое Австрія имѣла постоянно на сеймѣ. Никакая выигранная битва, ни одна самая блестящая побѣда не могла бы поставить Пруссію такъ высоко въ глазахъ Германцевъ, какъ откровенная либеральная политика министерства барона Шлейница. Мы намѣрены говорить въ будущемъ политическомъ обзорѣни подробнѣе о поведеніи Пруссіи, на основаніи дипломатической переписки, обнародованной г. фонъ-Шлейнацемъ. Должно надѣяться, что въ своей новой политикѣ Пруссія найдетъ самый лучший оплотъ противъ всѣхъ махинацій Австріи и противъ всѣхъ проектовъ нападенія на рейнскія провинціи. Но нельзя не видѣть, что вилафранкскій миръ придалъ форсу махиниціямъ Австріи, и что послѣ этой войны международное положеніе Пруссіи сдѣлалось затруднительнѣе, чѣмъ было передъ войною. Пруссія, конечно, можетъ разчитывать на союзъ и помощь со стороны Англіи; она можетъ найти великую силу въ той симпатіи, которую возбудила она повсюду своими правительственными дѣй-

ствіями въ послѣдніе полтора года: тѣмъ не менѣе обязанность ея къ самой себѣ и къ Германіи требуетъ, чтобы она оставалась вооруженною, а это неминуемо замедлитъ успѣшный ходъ ея внутреннихъ реформъ. Много средствъ и силъ націи будетъ потрачено на непроезводительныя издержки, и, конечно, всякій видитъ, что главный виновникъ того—воинственный сосѣдь Пруссія.

Совершенно другое явленіе представляетъ Австрія.

Въ этой странѣ манифестъ императора, возвѣщающій о мирѣ, также провозглашаетъ такъ-называемое «новое время». Нельзя не радоваться общанію, и можно ожидать много добра отъ исполненія его, даже для Австріи. Народъ всегда готовъ забыть поражение арміи, потерю провинціи, дипломатическую невзгоду, если только этою цѣной онъ можетъ купить хотя небольшую долю свободы. Кажется, подозрительность австрійскаго правительства къ австрійскимъ народамъ не можетъ найти себѣ пищи въ событіяхъ поры испытанія; въ критическую минуту для Австріи народы выражали недовольство, но его выражала еще больше вѣрноподданная армія; народы просили и ждали того, что давно уже общало имъ правительство, — мѣстнаго управленія, которое въ теченіи десяти лѣтъ совершенно потонуло въ канцеляріяхъ и все еще не выплываетъ изъ омута такъ-называемыхъ предварительныхъ работъ. Война можетъ имѣть то благодѣтельное вліяніе, что она пост.вила императора болѣе или менѣе лицомъ къ лицу съ его народами, которые были заслонены отъ него правительственными лицами и особенно государственнымъ совѣтомъ (Reichsrath). Императоръ имѣлъ чрезвычайное довѣріе къ этому совѣту, который, по словамъ корреспондента *Times*, составляютъ «выжившіе изъ ума государственные люди, бывшіе когда-то хорошими законниками, и свѣтскіе іезуиты». Если возникалъ какой-нибудь живой политической вопросъ, онъ замиралъ, какъ скоро доходилъ до государственнаго совѣта; это почтенное собраніе изощрилось въ томъ, что умѣло постоянно находить самыя достаточныя причины для удержанія *status quo*. До сихъ поръ не видно еще, чтобы «новое время» перешло изъ слова въ дѣйствительность; по прежнему, и даже еще болѣе прежняго, полиція съ любопытствомъ прислушивается ко всему, что говорится на улицахъ и въ домахъ, и поддерживаетъ во всемъ цвѣтъ систему глухихъ доносовъ; по прежнему журналы могутъ открыто говорить только о патриотизмѣ, а къ списку запрещенныхъ иностранныхъ изданій прибавлена еще *Kölnische Zeitung*. Въ *Allgemeine Zeitung*, газетѣ, преданной Австріи, нашли мы извѣстіе о какомъ-то Павлѣ Вагнерѣ, совершившемъ въ Пресбургѣ слѣдующее преступленіе: въ одномъ трактирѣ онъ «презрительно смотрѣлъ» на императорскихъ чиновниковъ, говорилъ объ

изгнаніи «Вѣнцевъ» и пилъ за здоровье великаго князя Константина Николаевича. За это виновный былъ приговоренъ къ шестимѣсячному тюремному заключенію, съ лишеніемъ пищи по одному разу въ недѣлю. Такихъ «оскорбленій величества» въ іюнѣ мѣсяцѣ было двадцать четыре. Для того, чтобы начать дѣло реформы, Австрія нужны новыя, свѣжіе люди, которые рѣшились бы отказаться и отъ старомодной системы Меттерниха, и отъ той новой системы по наполеоновской модѣ, представителъ кокорой г. фонъ-Бахъ стоитъ еще непоколебимо, «вѣрный своему мѣсту до тѣхъ поръ, пока это мѣсто остается вѣрнымъ ему». Люди, подобные г. фонъ-Баху, не могутъ измѣнить рутинѣ или сдѣлать уступку; все или ничего—вотъ девизъ ихъ; разъ вступивши на извѣстную дорогу, разъ составивши себѣ систему, эти люди считаютъ слабостію и преступленіемъ идти въ какую-либо сдѣлку съ дѣйствительностью; они готовы скорѣе погубить страну и пасть подъ ея развалинами, чѣмъ признать себя побѣжденными. При такой неспособности къ живой дѣятельности, при неумѣнн видѣть что-либо, кромѣ искусственно созданныхъ теорій, подобнымъ людямъ приходится удалиться со сцены, когда выступаютъ живыя силы. Конечно, перемѣна лицъ не есть еще доказательство полного отреченія отъ системы, оказавшейся несостоятельною; но народъ привѣтствуетъ удаленіе вѣрныхъ поборниковъ отжившаго, въ надеждѣ на лучшее. Такъ, нельзя не порадоваться, напримѣръ, тому, что въ Пруссіи министръ внутреннихъ дѣлъ г. Флотвелль вышелъ въ отставку, награжденный орденомъ Гогенцоллернскаго дома; это былъ единственный остатокъ министерства г. Мантейфеля, и его присутствіе въ новомъ либеральномъ правительствѣ производило странную дисгармонію. Все, что бросало невыгодную тѣнь на правительство, являлось изъ канцеляріи г. Флотвелля; вспомнимъ интерпелляцію г. Нѣголевскаго, мѣры противъ польскаго языка, и проч.

Нельзя не пожелать, чтобы г. фонъ-Бахъ послѣдовалъ примѣру г. Флотвелля. Слухи объ отставкѣ его распространились въ Вѣнѣ, но до сихъ поръ еще не оправдались положительно. Вотъ что говоритъ по этому случаю корреспондентъ журнала *Times*: «Въ политическихъ кругахъ указываютъ на графа Аппони, какъ на вѣроятнаго преемника барона Баха; но вчера (7-го іюля) увѣрили меня, что было сдѣлано предложеніе барону Йошика (Ioszika), бывшему прежде венгерскимъ канцлеромъ (Hofkanzler), и одному изъ предводителей старой консервативной партіи въ Венгріи. По моему мнѣнію, барона Йошика не сдѣлаютъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, потому что онъ человекъ рѣшительнаго характера и ни за что не согласится быть орудіемъ придворной партіи. Вѣнскіе оптимисты льстятъ себя надеж-

дою, что все пойдет хорошо, если только они успѣютъ сбить съ рукъ педлюжины господъ, доказавшихъ свою правительственную неспособность; но къ сожалѣнію съ переменю лицъ не всегда соединяется радикальное измѣненіе системы. Прежде всякихъ правительственныхъ улучшеній, придворная партія должна убѣдиться, что теперешняя система не можетъ продолжаться, а этого не случится до тѣхъ поръ, пока существуетъ постоянная армія въ 600 или 700 тысячъ. Говорятъ также о г. фонъ-Шмерлингѣ, какъ о будущемъ министрѣ; но жалко, если такой замѣчательный человекъ приметъ должность теперь, — онъ *изведется* навѣрное въ полгода. Графъ Кламъ-Мартиницъ, теперешній краковскій губернаторъ, добивается мѣста министра, но онъ отъявленный іезуитъ и потому не пользуется популярностью. Въ Австріи такой неурожай на способныхъ государственныхъ людей, что я не знаю никого, способнаго возстановить порядокъ во внутреннихъ дѣлахъ имперіи. Положеніе въ высшей степени грустное, потому что при теперешнемъ порядкѣ вещей способные люди не имѣютъ въ Австріи ни средствъ, ни охоты заявить согражданамъ и правительству свою способность: гдѣ гласность не выдвигаетъ впередъ способныхъ людей и не разоблачаетъ бездарности и нерадѣнія, тамъ неизбежны ошибки въ выборѣ лицъ для публичныхъ должностей, неизбежны протекція, nepотизмъ и тѣ фальшивыя репутаціи, которыя опираются не на собственную силу, испробованную на дѣлѣ, а на неугомонную говорливость какого-нибудь кружка или салона.

Тотъ же корреспондентъ газеты *Times* въ слѣдующихъ словахъ описываетъ состояніе умовъ въ славянскихъ провинціяхъ Австріи: «Расположеніе въ Кroatіи и Славоніи очень дурно и, вѣроятно, сдѣлается еще хуже теперь, послѣ смерти бана Елачича. Храбрый банъ сказалъ мнѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ: «г. фонъ-Бахъ успѣлъ превратить ревностныхъ патриотовъ въ недовольныхъ плательщиковъ податей.» Въ минуту, когда существованіе имперіи въ опасности, іезуиты, окружающіе министра духовныхъ дѣлъ, побудили его къ оскорбленію Русиновъ, самаго вѣрнаго русско-славянскаго племени, живущаго въ Галиціи. Русины, числомъ около 2.900,000 душъ, принадлежать къ греко-уніатской церкви и признаютъ папу духовнымъ пастыремъ. Однако священники совершаютъ служеніе на славянскомъ языкѣ, они вступаютъ въ бракъ, а потому іезуиты смотрятъ на нихъ, какъ на схизматиковъ. Они убѣдили недавно графа Леона Туна предписать Русинамъ замѣну кириллицы латинскою азбукою, и слѣдствіемъ такого нелѣпаго и невѣроятнаго вмѣшательства было то, что Русины жаловались правительству на поведеніе высшихъ чиновниковъ, «старающихся отнять у нихъ наслед-

ственное ихъ сокровище, кирилицу, а съ нею вмѣстѣ языкъ и религію, достояніе болѣе чѣмъ тысячи лѣтъ.» Повторю, если дѣла будутъ идти такимъ образомъ, Австрія непременно распадется на части.» Что касается до Венгріи, то Австрія, конечно, не можетъ разчитывать на расположеніе этой страны. Въ *National-Zeitung* извѣщаютъ, что уже послано 60.000 войска для того, чтобы держать Венгрію въ страхѣ, хотя, какъ оказалось, всѣ извѣстія о возстаніяхъ въ этой странѣ не оправдались. Гг. Кошутъ и Клапка не пользуются довѣріемъ народа, который не разчитывалъ на помощь со стороны императора Французовъ. Если Венгрія дѣйствительно подыметъ знамя возстанія, то оно будетъ поднято не г. Кошутомъ, а людьми изъ школы г. фонъ-Баха. Централизаторскіе планы этого министра, котораго прежній вкусъ къ демократіи совершенно правильно развился во вкусъ къ диктатурѣ, въ состояніи уничтожить всѣ элементы, сдерживающіе порядокъ въ странѣ; въ этихъ планахъ живетъ наполеоновскій духъ, который уже самъ по себѣ нисколько не свойственъ Австріи, но на дѣлѣ еще искажается примѣсью мѣстной грубости, неповоротливости и привязанности къ старинѣ и рутинѣ. Осуществлять эти планы въ Австріи можно лишь развѣ для того, чтобы убѣждать міръ въ несравненномъ превосходствѣ французской централизаціи надъ австрійскою и во томъ, что французская централизація можетъ быть еще болѣе гибельна въ другихъ странахъ, нежели въ самой Франціи. Идя наперекоръ всѣмъ географическимъ и этнографическимъ особенностямъ Австріи и всѣмъ преданіямъ ея исторіи, австрійскій наполеонизмъ истощилъ всѣ финансовыя средства страны, возбудилъ всеобщее недовольство и не успѣлъ снискать себѣ наполеоновской военной славы. Онъ искалъ себѣ единственной опоры въ той военной силѣ, которая оказалась теперь такъ несостоятельна на полѣ брани.

«Битва при Сольферино, говоритъ *Times*, уясняетъ вполне характеръ обоихъ противниковъ. Всѣ ея фазы и отдѣльныя событія теперь намъ хорошо извѣстны. Картина ея неизгладимо нарисована въ нашемъ воображеніи. Съ помощью корреспондентовъ въ обоихъ лагеряхъ — этихъ герольдовъ мирнаго и священнаго характера, — мы слѣдовали за австрійскимъ, точно такъ же какъ и за французскимъ императоромъ по всему полю битвы. Мы имѣли возможность смотрѣть на борьбу черезъ французскія и австрійскія очки. Сраженіе при Сольферино будетъ извѣстно потомству въ томъ же самомъ видѣ, въ которомъ оно извѣстно намъ. То была долгая и кровавая битва, въ которой отъ восхода до заката солнца боролись около 400.000 человекъ; Австрійцы были разбиты въ

ней непріателемъ, бывшимъ слабѣ ихъ численно, но превосходящимъ ихъ вооруженіемъ и смѣлливостью. Пока еще вся Европа находится подъ впечатлѣніемъ страшныхъ подробностей этой рѣзни, мы постараемся извлечь изъ нея должное нравоученіе. Почему Австрійцы проиграли это сраженіе? Почему они были вездѣ поражаемы и въ продолженіе всей этой войны? Не потому, конечно, чтобъ они уступали Французамъ въ храбрости. Въ битвѣ при Сольферино, напримѣръ, по офіціальнымъ свѣдѣніямъ каждой арміи, они убили и ранили 12.000 Французовъ, потерявши сами только 9.000 убитыми и ранеными. Если подъ конецъ дня, потери съ обѣихъ сторонъ находились въ такой пропорціи, то значитъ Австрійцы не предались бѣгству. Нельзя также сказать, чтобъ они были не искуснѣе Французовъ въ стрѣльбѣ. Стрѣлки ихъ убили 720 французскихъ офицеровъ, тогда какъ Французамъ удалось убить только 230 офицеровъ австрійскихъ. Дисциплина ихъ весьма удовлетворительна; *сила косности*, которою отличаются они, превосходна, и они отступаютъ всегда твердымъ и неторопливымъ шагомъ, смѣло глядя въ лицо непріателю. Почему же, повторяемъ, люди, умѣющіе такъ храбро терять сраженія, не могутъ выиграть ни одного сраженія? Къ несчастію для нихъ, потому что сила въ нашъ вѣкъ зависитъ отъ современной науки, а ихъ наука—не теперешняго, а давноминувашаго времени. Про нихъ можно сказать, что они находятся въ почтенномъ застоѣ. Ими управляютъ старыя правила, старые люди, устарѣвшая рутина. Передъ ними непріатель, который ни на *сантимѣ* не заботится о старинѣ и не задумается прибѣгнуть къ самому неправильному образу дѣйствій, лишь бы выиграть побѣду, между тѣмъ, какъ Францъ Юсіѣвъ напрягаетъ весь свой умъ на то, чтобы произвести какой-нибудь маневръ по всѣмъ правиламъ Лудовика XIV. Онъ остается вполне вѣренъ стариннымъ преданіямъ, когда, перешедши Минціо со всѣми своими силами, вдругъ опять появляется на прежнемъ берегу съ двумястами тысячъ человекъ, вознамѣрившись удивить непріателя появленіемъ своимъ на другой день въ девять часовъ утра. Между тѣмъ императоръ Французовъ—представитель юной, не слѣдующей никакимъ правиламъ школы, — не такъ-то скоро поддается удивленію. Онъ прибѣгаетъ къ такой выдумкѣ, которую не одобритъ никакой маститый, семидесятилѣтній ветеранъ, — онъ посылаетъ человека на воздухоплавательномъ шарѣ, и потративши только немного шелку, да нѣсколько фунтовъ газу, получаетъ точныя свѣдѣнія о положеніи непріятельскихъ войскъ, которыя скрыты по всѣмъ правиламъ науки отъ его взоровъ, съ намѣреніемъ удивить его на другой день въ девять часовъ утра. Чело-

ловѣкъ своего времени, умный, дѣятельный, хитрый, изъ всего извлекающій пользу,—авантюристъ XIX вѣка не терпитъ недостатка ни въ какихъ свѣдѣніяхъ. Онъ знаетъ напередъ, что должно случиться, знаетъ, гдѣ находится непріятель, и какъ велики его силы; и въ то время какъ самодовольный, тяжелый на подъемъ Австріецъ потѣшается при мысли о сюрпризѣ, который онъ готовитъ Французамъ на другой день, Французы налаждаютъ на него еще на разсвѣтѣ и овладѣваютъ полемъ сраженія. Точно такъ же и во всемъ другомъ... Битва при Сольферино была выиграна Французами, благодаря превосходству ихъ артиллеріи. Ядра стрѣляли изъ парѣзныхъ пушекъ ихъ на такое разстояніе, на которое не могли хватать пушки обыкновенныя. Ясно для всякаго, чѣмъ должно было это кончиться. Непріятельская артиллерія замолкла прежде даже, чѣмъ успѣла достаточно подвинуться впередъ. Людскія кости и мясо тѣ же самыя теперь, какъ были тысячу лѣтъ тому назадъ, а оружіе вовсе не такъ неизмѣнно. Храбрость и стойкость, умѣнье не разстраивать ряды и въ порядкѣ подвигаться впередъ не принесутъ никакой пользы, если противъ войска будутъ дѣйствовать пушки, которыя стрѣляютъ на двѣ мили разстоянія и будутъ собирать смертоносную жатву въ его рядахъ, прежде чѣмъ оно успѣетъ добраться до живаго непріятели. Джентльмену старой школы не остается въ подобномъ случаѣ ничего болѣе, какъ умереть съ приличною твердостью и достоинствомъ, бросая, если заблагоразсудится ему, въ послѣднюю минуту презрительный взглядъ на непріятели, который достигаетъ побѣды такими плебейскими и неправильными средствами.»

Не солдаты и не народы, изъ которыхъ берутся солдаты, виновны въ пораженіи Австріи. Вина лежитъ на правительствѣ, на генералахъ и администраціи. Кто какъ не генералы должны отвѣчать за то, что эта армія, доказавшая свою храбрость своею кровью, была разбита на тѣхъ самыхъ поляхъ, на которыхъ она еще нѣтъ десяти лѣтъ какъ сражалась съ успѣхомъ и потомъ столько разъ и съ такимъ блескомъ маневрировала? Кто виноватъ, что богъ войны оказался строже на своемъ смотру, нежели бывали австрійскіе командиры на парадахъ? Довольно было одного рѣшительнаго удара, чтобы въ австрійской арміи обнаружилась всѣ тѣ недостатки, которыми обыкновенно страдаетъ плохое военное устройство. Можно было бы привести множество доказательствъ тому, почерпнутыхъ изъ корреспонденцій англійскихъ газетъ; въ послѣднее время даже вѣрная *Аугсбургская газета* высила свой голосъ противъ австрійскаго комиссаріата и вообще тамошняго военного устройства. «Близъ Вероны, говоритъ,

она въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ номеровъ, войскамъ выдавали на вино только по шести крестеровъ на человѣка, — въ странѣ, въ которой уже нѣсколько лѣтъ господствуетъ болѣзнь винограда, и лишь съ большимъ трудомъ можно достать вина и пива. И слыхано ли, чтобы въ виду непріятеля выдавалось солдатамъ продовольствіе деньгами, а не натурой? Нечего послѣ того удивляться, что солдаты, несмотря на свою храбрость, отправляясь голодными на поле битвы, покидали его отъ изнеможенія и даже сдавались въ плѣнъ? Намъ пишутъ изъ Инспрука, что туда привозили раненныхъ, на открытыхъ телѣгахъ, не прикрытыхъ отъ солнечныхъ лучей даже кускомъ полотна, и еслибы не состраданіе городскихъ жителей, то они могли бы всѣ погибнуть. Все необходимое для больныхъ, матрасы, одѣяла, бѣлье и проч., находится въ Грацѣ. Какъ не вспомнить при этомъ о прусской конницѣ, которая отправилась въ битву при Іенѣ на лошадяхъ, ничего не ѣвшихъ ровно сутки, тогда какъ въ самой Іенѣ лежалъ огромный складъ овса? Произошло это оттого, что сдѣлали запросъ въ Веймаръ, можно ли воспользоваться этимъ овсомъ, а когда пришло позволеніе, то кавалерія уже была истреблена. Дурное устройство это происходитъ точно такъ же, какъ въ 1806 году въ Пруссіи, — отъ бездѣйствія и непредусмотрительности чиновниковъ, отъ отсутствія въ нихъ всякой самостоятельности, отъ страха *отвѣтственности*. Все превратилось въ машину и ждетъ толчка и направленія сверху, то-есть изъ Вѣны, а оттуда нѣтъ никакой возможности предвидѣть всѣ мѣстные потребности и придумать средства удовлетворить ихъ.»

Въ газетѣ *Times* разказывается нѣсколько подробностей о дѣйствіяхъ австрійскихъ начальниковъ въ Венеціи. Начали съ того, что потопили нѣсколько кораблей при входѣ въ гавань близъ Маламокко. Черезъ нѣсколько дней по телеграфу пришло приказаніе потопить еще три лучшіе парохода, принадлежащіе компаніи Млойда, и это было исполнено, хотя можно было достигнуть этой же цѣли потопленіемъ судовъ, въ пятьдесятъ разъ менѣе цѣнныхъ. Въ оправданіе потомъ говорилось, что эта операція, стоившая около 1.300.000 рублей серебромъ, была сдѣлана по ошибкѣ: въ депешѣ было будто бы прочтено слово *affondare* (потопить) вмѣстѣ *apprettare* (изготовить.) Около 20.000 войска посылались ежедневно на острова Лидо, Полестину и другіе для ихъ обороны. Войска шли съ тяжелою аммуниціей при 92 градусахъ (по Фаренгейту) жару, не находили ни палатокъ, ни бараконъ, ни даже тѣни, потому что начальство повыврубило всѣ деревья. Авторъ письма заключаетъ его слѣдующею картиной положенія Венеціи: «Насильственный заемъ, бумажныя деньги, экстраординарныя конскрипціи, возрастающая

дороговизна всѣхъ предметовъ потребленія, совершенный недостатокъ работы, полубанкротство и долго питаемая надеждами идея освобожденія, — все это дѣлаетъ Венецію очень опаснымъ мѣстопробываніемъ для угнетающихъ, хотя они и называютъ свое правленіе почетнымъ именемъ отеческаго.

Но возвратимся къ австрійской арміи. Нельзя говорить о ней мало, когда она испытала такъ много несчастій. Правительство умѣло, повидимому, довольно крѣпко склотить ее изъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ. Подъ знаменемъ его Венгры, Славяне, Кроаты, Итальянцы, Нѣмцы служили вмѣстѣ и дрались другъ около друга, но несмотря на всѣ усилія австрійской военной бюрократіи, они не могли составлять единую, сплошную массу. Солдатъ этой арміи, попавшихъ въ плѣнъ къ Французамъ, едва можно было удержать оттого, чтобъ они не бросились на горло другъ другу. Чѣмъ же поддерживалось единство въ столь разноцвѣтной массѣ? Единствомъ своей арміи Австрія преимущественно была обязана своимъ офицерамъ и одушевляющему ихъ *esprit de corps*. Австрійскій офицеръ, лишь только онъ вступаетъ въ это званіе, забываетъ о своей національности и не знаетъ ничего выше своего новаго положенія. И весьма понятно. Къ какому бы классу ни принадлежалъ онъ прежде, надѣвая мундиръ, онъ тотчасъ же дѣлается привилегированнымъ лицомъ. Онъ перестаетъ быть гражданиномъ, онъ становится членомъ особаго сословія въ дурномъ смыслѣ этого слова, сословія, которое приближаетъ его къ надменной и тицеславной австрійской аристократіи. На него смотрятъ какъ на опору — увы! можетъ-быть единственную опору — государства, онъ всюду пользуется первымъ мѣстомъ и почетомъ, въ самой фнзиономіи его является что-то особенное, чѣмъ онъ сразу отличается въ толпѣ. Нужно ли удивляться поэтому, что военное званіе въ Австріи передается не рѣдко отъ отца къ сыну, и что тамъ находится множество семействъ, которыя считаютъ долгомъ посвящать себя военной службѣ? Нужно ли говорить, какія были послѣдствія того, что помѣщики, вмѣсто того, чтобы жить въ своихъ владѣніяхъ и участвовать въ мѣстномъ управленіи, проводили лучшую часть жизни въ полкахъ и набирались тамъ деспотическихъ привычекъ? Опираясь на корпорацію офицеровъ, австрійское правительство умѣло до сихъ поръ поддерживать внѣшнее единство въ войскѣ. Всѣ усилія его были обращены на то, чтобы положить какъ можно болѣе рѣзкую границу между солдатомъ и его начальникомъ, и съ этою цѣлію никогда почти офицеръ не назначался въ полкъ одинаковой съ нимъ національности. Солдаты совершенно беззащитны отъ произвола офицеровъ; *Аугсбургская газета* приводитъ много случаевъ изъ послѣдней войны въ родѣ того, что офицеръ въ боевое время по-

сылалъ строеваго солдата за двадцать верстъ отыскивать забытыя имъ калоши. Такія послабленія въ пользу офицеровъ допускались систематически, и политика эта привела къ тому, что солдаты привыкли машинально исполнять приказанія и распоряженія начальства, но не имѣютъ никакого къ нему довѣрія, не чувствуютъ къ нему ничего, кромѣ страха. Стѣбитъ ли же удивляться, что армія, созданная на такихъ началахъ, нигдѣ не могла выдержать напора непріятеля, уступавшаго ей численностію?

Результатъ пораженія Австрійцевъ при Маджентѣ и Сольферинно будетъ особенно важенъ, говоритъ газета *Times*. Деспотизмъ можетъ существовать только подъ условіемъ непобѣдимости. Тѣло Лудовика XIV было сопровождено свистками на пути его къ мѣсту погребенія, и Наполеонъ Великій тщетно обращалъ вокругъ себя взоры съ надеждою, что друзья посоветуютъ ему продолжать борьбу, прежде чѣмъ онъ подпишетъ свое отреченіе. Въ арміи, точно такъ же какъ во всемъ народонаселеніи австрійскаго государства, господствуетъ, если вѣрить полученнымъ нами свѣдѣніямъ, страшное неудовольствіе и раздраженіе. Войска по прежнему полагаются на самихъ себя, но не имѣютъ уже болѣе довѣрія къ своимъ предводителямъ. Гулакъ лишенъ былъ должности только изъ опасенія неминуемаго бунта. Впервые, общественное мнѣніе въ странѣ и лагерѣ указываетъ на аристократію, какъ на главную причину теперешняго бѣдствія. Австрійцы, Венгры, Кроаты, вѣрные военному *esprit de corps*, хотятъ снова идти противъ враговъ, но уже не подъ предводительствомъ бывшихъ у нихъ до сихъ поръ начальниковъ. Они отказываются вѣрить, чтобы они были хуже Французовъ. Они раздражены, но не испуганы, и раздраженіе это выражается особенно сильно не столько противъ непріятеля, который разбилъ ихъ, сколько противъ системы, которой они были принесены въ жертву... Но если вѣрить людямъ, которые постоянно находились въ послѣднее время въ австрійскомъ лагерѣ, то войска требуютъ новыхъ битвъ не съ тѣмъ, чтобы сохранить Италію за австрійскимъ владычествомъ, не съ тѣмъ, чтобы поддержать прежнюю правительственную политику, а съ единственною цѣлью возстановить честь арміи и доказать міру, что Австрійцы не уступаютъ Французамъ. Почти вся страна раздѣляетъ это чувство. Правительство, которое терпѣлось въ мирное время потому только, что успѣхъ былъ на его сторонѣ, немедленно возбудило презрѣніе къ себѣ, лишь только оказалось слабымъ; всѣ подданные его заразъ открыли, что оно не обладаетъ никакими нравственными качествами, которыя спасли бы страну отъ всеобщей вражды. Теперь только, въ первый разъ, услышалъ императоръ правду, и въ то время какъ военное могущество его сильно потрясено

Французами, громко раздается голосъ народа: « Неужели вся страна была доведена до банкротства и принесена въ жертву лишь вслѣдствіе безсильнаго самообольщенія правительства въ его военномъ превосходствѣ? »

• Трудно предсказать, продолжаетъ *Times*, какъ далеко пойдетъ это весьма естественное раздраженіе вооруженныхъ и безоружныхъ подданныхъ Австрійской имперіи. Чувство, подобное этому, одушевляло и англійскую націю во время крымской кампаніи, когда обнаружались nepотизмъ и неспособность собственныхъ нашихъ начальниковъ. Во всей системѣ нашей, военное устройство — единственная отрасль, которая неразрывно вьжется съ деспотизмомъ и не подлежитъ контролю палаты общинъ. Но мы не предались излишнему отчаянію при поразившихъ насъ невзгодахъ, ибо хорошо знали, что въ нашихъ рукахъ поправить дѣло. Положеніе Австріи вовсе не таково. Она не обладаетъ ни свободою печати, ни конституціонными учрежденіями, ни палатою общинъ; система управленія ея такова, что одинъ ударъ можетъ потрясти ее, но необходимы сверхъестественныя усилія, чтобъ опять доставить ей какую-либо прочность. »

Приведемъ еще одну руководящую статью газеты *Times*, чтобы дополнить сказанное объ австрійской системѣ и о теперешнемъ состояніи Австріи:

• Система, вступившая въ силу при востшествіи императора Франца-Иосифа на престолъ, можно сказать, рушилась. До 1848 года правительство Австріи, хотя, по понятію Англій, деспотическое и малодушное, держалось однакоже извѣстныхъ преданій, довольно гуманыхъ, и признавало въ извѣстной степени самостоятельность національностей. Хотя не было даровано конституціонной свободы, однакоже допускались провинціальныя отличія разныхъ частей имперіи, и мысли о томъ не было, чтобы пренебрегать ими. Несчастныя событія этого года внушили правило: « не знать сдѣлокъ ». Всѣ полагали, что Лудовикъ-Филиппъ палъ по недостатку рѣшимости, и что прусскій король не достаточно плаылъ противъ демократическаго теченія изъ боязни вступить въ борьбу съ берлинскою чернью. Несчастія, постигшія баварскаго короля, папу и мелкихъ италіянскихъ владѣтелей, были приписаны тому, что народы, соблазнивъ дурнымъ примѣромъ Франціи, замѣтили слабость и трусость своихъ повелителей. Когда государственные люди Австріи въ минуту ужасныхъ смятеній убѣдили одну императорскую особу отречься отъ престола и возвели на тронъ другую, въ лицѣ осьмнадцатилѣтняго юноши, то они дали перевѣсъ тому началу, которое хотя и доставило Австріи временную силу, но послужило причиною безсмія, постигшаго имперію нынѣ. Возведеніе Франца-Иосифа на тронъ

было осуществленіемъ принципа сопротивленія. Имя юнаго государя, полнаго силъ, явилось символомъ упорства. Отъ его руки имперія должна была получить характеръ желѣзнаго деспотизма, характеръ, котораго прежде рѣшительно не было въ ней. Призваніемъ царствованія сдѣлалась борьба съ либеральными началами, или съ такими неприятелями, которые, какъ казалось, служили представителями свободы. Униженіе Сардиніи, подавленіе возстанія Венгріи, заключеніе конкордата съ Римомъ, ограниченіе протестантизма и провинціальныхъ привилегій, вотъ главные подвиги въ хроникѣ царствованія Франца-Иосифа. Мѣры эти имѣли успѣхъ въ извѣстныхъ размѣрахъ, но успѣхъ былъ непродолжителенъ, а дальнѣйшія послѣдствія оказались крайне горькими.

«Нужно ли говорить, что при разрушеніи всего, что только сообщало живучесть политическому и національному существованію, оставалось въ цвѣтущемъ состояніи одно только учрежденіе? Это *одно* была армія. Австрійской арміи въ продолженіи десяти лѣтъ было приносимо въ жертву все, что только называлось австрійскимъ. И въ обыкновенное время довольно много дѣлается для возвеличенія военнаго костюма. Юный принцъ, помѣщенный въ армію, приучается смотрѣть на свой чинъ полковника или генерала, какъ на почесть, ближайшую къ почести своего царственнаго происхожденія, приучается считать гражданскія занятія неприличными для себя, неблагородными, недоблестными. Въ Германіи, и особенно при австрійскомъ дворѣ, принцъ рѣдко разстается съ своимъ мундиромъ и приучается обнаруживать сознаніе важности своего званія тѣмъ, что публично выражаетъ свое равнодушіе ко всякому другому званію. Эти обычаи были доведены до крайности въ Австрійскомъ домѣ. Францъ-Иосифъ былъ солдатъ и самъ хвалился, что не былъ ничѣмъ другимъ. Его идея или идея совѣтниковъ, окружавшихъ его въ юные годы, была та, что солдатъ есть единственное орудіе правительственной власти, и что натуральный союзникъ ея есть священникъ. Управлять странюю при пособіи крѣпкаго союза духовнаго званія съ военнымъ составляло главную цѣль заботливости Франца-Иосифа; императоръ старался объ этомъ больше нежели какой-либо другой современный намъ монархъ. Конкордатъ заключенъ съ Римомъ не столько по рабской преданности папскому престолу, сколько по разчету, что Римъ будетъ полезнымъ союзникомъ свѣтской власти Австріи въ дѣлѣ сліянія провинцій монархіи въ одно тѣло, одинаково зависящее отъ общихъ авторитетовъ. Это было достигнуто по наружности. Всюду замѣчали преданность и видимое довольство; монархіа не только была спокойна, но выказывала любовь къ императору и преданность интересамъ имперіи. Арміа, казалось, благоден

больше всѣхъ. Единство дисциплины, неизвѣстное до того времени, было наложено на австрійскія земли. Отъ Тичино до Карпатскихъ горъ люди, говорящіе различными языками, исповѣдующіе разныя религіи, раздѣленные обычаями и неисчислимыми предрасудками, слушались однихъ и тѣхъ же словъ команды, повертывались направо и налево по одному и тому же приказу. Военныя приготовленія монархіи не прерывались. Правительство не радѣло объ улучшеніяхъ даже въ томъ финансовомъ смыслѣ, который пользовался уваженіемъ самыхъ реакціонныхъ монарховъ, и всѣ заботы его сосредоточивались на томъ, чтобы собирать огромные запасы оружія и военныхъ матеріаловъ, строить укрѣпленія, готовить офицеровъ—преимущественно для италіанской кампаніи.

«Какой же плодъ принесло все это? Армія, для которой жертвовали всѣмъ, армія, поглотившая средства, которыми можно было произвести благодѣтельныя реформы и удовлетворить провинціи,—эта армія была разбита при Маджентѣ и Сольферино. Австрійскій цезарь двинулъ всю вооруженную силу своей имперіи и видѣлъ своими глазами ея недостатки. Въ такихъ обстоятельствахъ насъ радуетъ извѣстіе, что есть хорошіе виды на возвращеніе къ болѣе мягкой и, какъ думаютъ Англичане, къ болѣе мудрой системѣ. Императоръ, увѣряютъ насъ, научился болѣе уважать свою имперію и ея потребности въ этотъ злополучный мѣсяцъ,—іюнь 1859. Говорятъ, что прокламація императора вызвана искреннимъ желаніемъ ввести полезныя перемѣны, и что Австрія скоро броситъ систему управленія, къ которой мы такъ привыкли. Если наша надежда не обманетъ насъ, то Австрія выиграетъ гораздо больше, нежели сколько утратила она уступкой Ломбардіи, и ея пораженіе принесетъ ей болѣе пользы, нежели самыя блистательныя побѣды; вмѣсто того чтобъ ослабѣть отъ своихъ потерь, она приобрететъ силу, какую никогда не могутъ доставить ни укрѣпленные лагери, ни четверть міліона солдатъ подъ ружьемъ.»

Трудно впрочемъ предвидѣть, что будетъ теперь болѣе занимать Австрію, исполненіе ли обѣщаній, данныхъ въ прокламаціи можетъ быть немного сгоряча, или осуществленіе другихъ видовъ, которые позаботился оставить открытыми передъ Австріей ея великодушный противникъ. Внутреннія реформы бывають только тогда прочны, когда бывають вынуждены силою обстоятельствъ. Но новый другъ австрійскаго императора сдѣлалъ все возможное, чтобъ облегчить для него тяжесть силы обстоятельствъ, побуждающей Австрію вступить рѣшительнымъ шагомъ на путь реформъ. Теперь уже не столько обстоятельства, сколько развѣ горестныя воспоминанія о недавнихъ неудачахъ могутъ руководить дѣйствіями Австріи. Но у нея осталось много средствъ разсѣять свое горе и безъ

трудной заботы о внутренних реформах. Она может развлекаться спорами съ Пруссіей въ германскомъ сеймѣ, можетъ развѣивать *велико-германскія* чувствованія въ Баваріи, Саксоніи и Ганноверѣ, можетъ туманить уже и такъ немного туманный германскій патриотизмъ проповѣдываніемъ истины, къ сожалѣнію довольно популярной въ Германіи, что всемірно-историческое назначеніе германскаго народа состоитъ не въ устройствѣ внутреннихъ дѣлъ Германіи, а въ распространеніи цивилизаціи между славянскими варварами, и что пока Австрія совершаетъ отъ имени Германіи эту великую миссію, Германія должна повременить въ своихъ стремленіяхъ къ собственному единству, такъ какъ всякому должно быть ясно до очевидности, что единство Германіи, чѣмъ позднѣе осуществится, тѣмъ будетъ величественнѣе.

Да не можетъ ли Австрія, несмотря на Мадженту и Сольферино, утѣшать себя еще и надеждой на будущіе успѣхи своего оружія на равнинахъ Ломбардіи? Мы не рѣшаемся идти такъ далеко, чтобъ отвѣчать утвердительно на этотъ вопросъ, но вотъ что говоритъ *Аугсбургская Газета*, этотъ вѣрный органъ широкаго австро-германскаго патриотизма: «Австрія, сказано въ *Allgemeine Zeitung*, владѣетъ послѣ мира, какъ и прежде, ключомъ къ покоренію Ломбардіи. Совершенно въ ея власти воспользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобъ снова завоевать Ломбардію, можетъ-быть даже до Сезии, а въ случаѣ не будетъ недостатка. Кто станеть ей противорѣчить въ этомъ? Ужь конечно не новый итальянскій союзъ подѣ председательствомъ папы. У этого страннаго созданія на лбу написано его безсиліе: папа въ немъ—духовный глава, отлученный отъ церкви король—наиболѣе сильный вассалъ, и Австрія—фактическій центръ тяжести.»

Австрія представляется намъ теперь въ чрезвычайно эффектно-драматическомъ положеніи. Если у нея есть сердце, въ чемъ мы не сомнѣваемся, то въ этомъ сердцѣ должна происходить борьба по крайней мѣрѣ въ родѣ той, какую испыталъ Геркулесъ на перепутіи. Передъ Австріей лежатъ теперь два пути. Славенъ путь трудный, путь въ гору; по крайне заманчивъ путь легкій, путь подѣ гору,—въ бездну, куда, говорятъ, чловѣкъ чувствуетъ невольное влеченіе ринуться, когда стоитъ на краю бездны. Можно ли устоять отъ соблазна отомстить Сардиніи въ итальянскомъ союзѣ, а Пруссіи въ Германскомъ? Можно ли отказать отъ самаго удобнаго случая покорываться отъ конкурдата съ святымъ отцомъ и отъ новозаключеннаго конкурдата съ великодушнѣйшимъ изъ противниковъ и безкорыстнѣйшимъ изъ друзей? Наконецъ не можетъ быть и вопроса о томъ, что нельзя владѣть крѣпостями и не извлекать изъ нихъ хотя какой-нибудь пользы. Это было бы не только безразсудно,—это было бы измѣной отечеству, это было бы въ-

роломнѣ казни чужихъ военноплѣнныхъ, въроломнѣ взятны своимъ союзникамъ. Вѣдь здѣсь дѣло идетъ объ отечествѣ, о великомъ отечествѣ, о двуглавомъ австрійскомъ орлѣ, который долженъ остаться, какъ говорится, о двухъ головахъ, германской и римской, чтобы въ случаѣ крайности можно было ему не беречь ни одной. Правда, что надобно будетъ держать армію, а денегъ нѣтъ въ кассѣ, но развѣ не научила насъ нація, которой вождь даритъ теперь Австріи свою дружбу, что для *salut public* все можетъ быть приносимо въ жертву, что ассигнація въ 1000 франковъ можетъ стоить 20 франковъ, а нація все-таки остается рыцарскою націей? Да и пострадають-то отъ государственнаго банкротства только свои подданные, а большинство ихъ Славяне, между тѣмъ какъ Австрія держава германская и должна употреблять Славянъ лишь какъ орудіе для возвеличенія Германіи. Славяне народъ покорный; еще болѣе обезпечить ихъ покорность можно разными дипломатическими маневрами сначала на франкфуртскомъ сеймѣ, а потомъ можетъ-быть кое-гдѣ и въ другихъ мѣстахъ по широкой Европѣ, а чтобы не было дурнаго примѣра, можно приналечь на Италію. Чтò прежде дѣлалось тайкомъ отъ Европы, для чего заключались сепаратные трактаты, которые, какъ оказалось теперь, подають поводъ къ разнымъ неблагонамѣреннымъ толкамъ; того можно достигнуть явными постановленіями будущаго святѣйшаго сейма, и это будетъ даже *une pierre à deux coups*; это будетъ и для себя очень выгодно и скрѣпитъ еще болѣе дружбу съ новымъ союзникомъ, который тоже былъ неприятно награжденъ разными неблагонамѣренными толками въ Европѣ, крайне несправедливой къ нему, за благое намѣреніе научить Сардинію уму-разуму. Добрые австрійскіе католики, руководимые добрыми пастырями, конечно примутъ какъ манну небесную все то, чтò будетъ смиренно совершено его апостольскимъ величествомъ съ утвержденія его святѣйшества раба рабовъ Божіихъ.

Но и помимо италянскаго союза, который можетъ-быть и не состоится, благодаря голосу Европы, Австріи представляетъ много соблазна теперешнее внууренное положеніе Италіи. Въ этой странѣ грозно приближается время могущества крайнихъ партій. Средняя партія умѣренныхъ, которая могла бы успокаивать страсти, помогать мирнымъ сдѣлкамъ, разводивъ непримиримыхъ, теряетъ почву, на которой могла бы стоять. Если для Австріи осталась еще свобода выбора, если Австрія еще можетъ выиграть больше, нежели сколько она утратила, то для Италіи виллафранкскія прелиминаріи не принесли и не могутъ принести ничего, кромѣ зла.

Можно не задумавшись сказать, что ни одно изъ италянскихъ го-

сударствъ не выиграло ровно ничего. Напротивъ, каждое изъ нихъ много потеряло, и едва ли не болѣе всего потеряла Сардинія, на которую былъ излитъ потокъ благодѣяній бонапартизма. Пиемонтъ, правда, будетъ владѣть отнынѣ Ломбардіею почти до рѣки Минчіо: не станемъ повторять сказаннаго о томъ, сколько ненадежно подобное владычество около сосѣда, который, имѣя въ своихъ рукахъ неприступныя почти крѣпости, и нисколько не скрывая своей вражды, будетъ непрерывно угрожать ему своими страшными силами. Для Пиемонта предстоитъ другая, несравненно важнѣйшая опасность. До сихъ поръ, благодаря либеральнымъ своимъ учрежденіямъ, благодаря спокойствію, въ которомъ находилась, вслѣдствіе ихъ, страна, онъ занималъ передовое мѣсто въ Италіи и былъ живымъ укоромъ и урокомъ остальнымъ ея правительствамъ. Сохранитъ ли онъ положеніе это и послѣ войны? Будетъ ли голосъ его пользоваться прежнею силой? Будетъ ли наконецъ раздаваться изъ Пиемонта тотъ же голосъ, который раздавался прежде? Сохранятся ли самыя конституціонныя учрежденія въ Пиемонтѣ? Безполезно было бы отрицать, что учрежденія эти не успѣли еще до сихъ поръ достаточно окрѣпнуть въ странѣ и пустить глубокіе корни въ ея народонаселеніи. Нація еще только привыкала къ нимъ, она постепенно пріобрѣтала необходимый политическій смыслъ, и если развитіе ея на этомъ пути сопровождалось до сихъ поръ значительными успѣхами, то обязана она этимъ преимущественно своей либеральной партіи и предводителю этой партіи, стоявшему до сихъ поръ во главѣ управленія въ Пиемонтѣ. Графъ Кавуръ умѣлъ достигнуть огромныхъ результатовъ: приверженцы папы и приверженцы Маццини, еще недавно раздѣлявшіе между собою господство въ общественномъ мнѣніи Италіи, не знавшіе никакихъ другихъ средствъ для достиженія своихъ цѣлей, кромѣ средствъ насильственныхъ, потеряли въ последнее время почти все свое вліяніе. Все, чтó мыслило и было одушевляемо благородными стремленіями въ Италіи, взидало на Пиемонтъ, какъ на надежнѣйшую свою опору; примѣръ его могущественно дѣйствовалъ на сосѣднія страны, распространяя въ нихъ истинныя понятія о законности, правосудіи, необходимости просвѣщенія, необходимости самодѣтельности въ обществѣ и поражала такимъ образомъ революціонную гидру. Еслибы Пиемонтъ продолжалъ идти этимъ путемъ, онъ исполнилъ бы достойнымъ образомъ свою задачу. Хотя съ самаго начала тамошняя либеральная партія была слишкомъ чувствительна къ упрекамъ въ эгоизмъ, которыми не переставали осыпать ее приверженцы насильственныхъ переворотовъ, хотя сама она поддавалась припадкамъ нетерпѣнія, но несомнѣнно, что графъ Кавуръ все-таки обуздывалъ слишкомъ-впечатлительныхъ Италіянцевъ. Вліяніе его по-

всюду въ Италіи почти не знало себя предѣловъ въ послѣднее время; довольно было одного слова его, чтобы люди либеральныхъ стремленій дѣйствовали въ томъ смыслѣ, который онъ указывалъ имъ. Отставка знаменитаго министра не можетъ быть разсматриваема какъ личное дѣло съ его стороны; она указываетъ на паденіе цѣлой системы, цѣлой политической партіи, которой онъ служилъ представителемъ. Партія эта имѣла неосторожность возбудить повсюду самыя лестныя надежды, которыя она думала осуществить посредствомъ союза съ чужеземною державою: что скажетъ она теперь тѣмъ странамъ, которыя поспѣшили возстать противъ своихъ правительствъ и снова должны подчиниться имъ? Чѣмъ поддержитъ она мужество несчастныхъ народонаселеній среди тѣхъ политическихъ гоненій, которымъ вѣроятно подвергнутся они, несмотря на обѣщанную амнистію? Какъ будетъ выслушивать она упреки за разстройство финансовъ, за расточеніе огромныхъ суммъ на вооруженія, долженствовавшія привести къ такимъ печальнымъ результатамъ? Не будемъ говорить утвердительно, но множество данныхъ заставляютъ предполагать, что конституціонныя учрежденія Пиемонта вступаютъ въ критическій для себя періодъ. Паденіе либеральной партіи доставитъ неминуемо торжество приверженцамъ крайнихъ демократическихъ направленій: г. Мацини, еще въ началѣ войны стоявшій одиноко въ Италіи, снова пріобрѣтетъ то вліяніе, которымъ онъ пользовался когда-то на погибель страны. Съ другой стороны положеніе Пиемонта и Ломбардіи между двумя новыми союзниками и подъ выстрѣлами крѣпостей ломбардо-венецянскаго *четыреугольника* потребуетъ отъ Пиемонта содержанія значительныхъ военныхъ силъ. Страна эта, уже истощенная налогами, не получитъ большаго облегченія отъ того, что извѣстная доля тяжести будетъ падать отнынѣ на Ломбардію. Справедливое уравненіе налоговъ въ двухъ частяхъ одного государства поведетъ лишь къ неизбѣжнымъ затрудненіямъ, потому что увеличеніе налоговъ въ Ломбардіи не можетъ быть принято этою областью безъ нѣкотораго ропота со стороны большинства ея народонаселенія. Финансы новаго государства будутъ обременены, успѣхи благосостоянія замедлятся, и либеральныя учрежденія не будутъ въ силахъ произвести всеобщее довольство и обезпечить всеобщую привязанность къ законному порядку. Много будетъ пищи для волненій, и много будетъ представляться поводовъ къ тому, чтобы воспользоваться многочисленною арміею для водворенія диктатуры. Мы не предполагаемъ недобросовѣстности, а говоримъ лишь о естественныхъ послѣдствіяхъ двухъ фактовъ: многочисленности войска и слабости умѣренно-либеральной партіи.

Тотчасъ по принятіи отставки графа Кавура, король Викторъ-

Эммануилъ предложилъ графу Ареше составить новое министерство: графъ Ареше ничѣмъ не былъ извѣстенъ до послѣдняго времени, и, какъ кажется, получилъ столь лестное порученіе только потому, что находился въ близкихъ сношеніяхъ съ императоромъ Наполеономъ. Попытка его образовать новое управление оказалась неудачною, и тогда король долженъ былъ обратиться къ г. Ратацци. Государственный человѣкъ этотъ съ самаго 1848 г. не переставалъ играть значительную роль въ Пиемонтѣ. Во время первой войны за независимость, когда послѣ перемирія въ Саласко аббатъ Джіоберти составилъ министерство, г. Ратацци получилъ въ немъ портфель юстиціи. Уже тогда онъ выказалъ себя приверженцемъ крайнихъ демократическихъ мнѣній и былъ одною изъ главныхъ причинъ того, что въ новомъ министерствѣ не оказалось никакого единодушія. Джіоберти считали человѣкомъ слишкомъ консервативнымъ, и его же собственные товарищи не оказывали ему никакой опоры; онъ долженъ былъ покинуть министерство, которое съ этихъ поръ могло назвать себя вполне демократическимъ. Оно управляло дѣлами до битвы при Новарѣ. Послѣ этого несчастнаго событія, г. Ратацци и товарищи его должны были отказаться отъ должности, но въ этомъ же самомъ году бывшій министръ юстиціи снова занялъ мѣсто министра внутреннихъ дѣлъ въ кабинетѣ, образовавшемся подъ предсѣдательствомъ графа Кавура. Образъ его мыслей не сходилъ съ убѣжденіями перваго министра, но онъ служилъ связью между нимъ и демократическою партіей; присутствіе его въ кабинетѣ сдерживало эту партію отъ слишкомъ яростной оппозиціи. Въ юлѣ 1857 года произошла извѣстная попытка Маццини и Пизакане сдѣлать высадку на берега Неаполя; для этой цѣли былъ захваченъ ими пароходъ въ Генуѣ, и въ самомъ городѣ этомъ были произведены смуты. Г. Ратацци показалъ при слѣдствіи по этому дѣлу слабленіе къ демократамъ. Такой образъ дѣйствій возбудилъ въ странѣ сильное негодованіе противъ г. Ратацци, и онъ долженъ былъ выйти въ отставку. Въ прошедшемъ году, впрочемъ, онъ избранъ былъ президентомъ туринской палаты депутатовъ. Такова прошлая дѣятельность человѣка, которому поручено было составленіе новаго министерства въ Пиемонтѣ и Ломбардіи. Въ этомъ министерствѣ самъ г. Ратацци получилъ портфель внутреннихъ дѣлъ, президентомъ же совѣта министровъ назначенъ генералъ Ламармора, управлявшій военною частію при графѣ Кавурѣ. Присутствіе въ министерствѣ гг. Дабормиды и Ламармору показываетъ, что оно не будетъ отличаться вполне демократическимъ характеромъ. Гарантію противъ этого можно видѣть еще въ томъ обстоятельствѣ, что, какъ извѣщаютъ, графъ Кавуръ дѣятельно помогалъ г-ну Ратацци въ его переговорахъ съ товарищами.

Несомнѣнно, однако, что министерство, въ которомъ г. Ратаци занимаетъ такую видную роль, будетъ вынуждено бороться съ огромными трудностями, какъ въ самомъ Пиемонтѣ, такъ и въ Ломбардіи. Неудовольствіе въ послѣдней изъ этихъ странъ возрастаетъ съ каждымъ днемъ: правительство уже было вынуждено къ нѣкоторымъ мѣрамъ строгости, не совсѣмъ согласнымъ съ тою конституціонною свободой, которая господствовала до начала несчастной войны въ Пиемонтѣ. Такъ, напримѣръ, оно дало предостереженіе (avertissement) *Миланской газетѣ* за то, что въ ней были помѣщены какія-то не совсѣмъ точныя свѣдѣнія о войнѣ; вслѣдъ за тѣмъ оно обратилось съ воззваніемъ ко всѣмъ жителямъ Ломбардіи, грозя имъ полицейскими преслѣдованіями за слишкомъ неосторожныя мнѣнія о мирѣ въ Виллафранкѣ. Французская манера находить себѣ такимъ образомъ мало-по-малу приверженцевъ за Альпами, и кто можетъ поручиться, что, при теперешнихъ обстоятельствахъ, самая конституція Пиемонта не уподобится пародіи на конституцію, существующую во Франціи?

Что касается до Тосканы и Модены, то была ли кака-нибудь возможность для этихъ странъ удержаться отъ возстанія, когда глава могущественнаго государства провозгласилъ торжественно, что онъ идетъ возстановить независимость и свободу Италіи во всѣхъ предѣлахъ ея отъ Альповъ до Адриатическаго моря; когда первыя попытки движенія въ ихъ средѣ не встрѣтили со стороны его ни малѣйшаго неодобренія; когда французскій принцъ выбралъ своимъ мѣстопребываніемъ Тоскану и поддерживалъ тамошнихъ жителей въ патріотическомъ ихъ одушевленіи? Если лицамъ, отъ которыхъ такъ много зависѣли въ послѣднее время судьбы Италіи, было заранѣе извѣстно, что движеніе это не приведетъ ни къ какому результату, отчего было имъ не объявить прямо, что желаніе измѣнить форму своего правленія и соединиться съ Пиемонтомъ въ одно большое государство останется безсильнымъ желаніемъ? Откровенный образъ дѣйствій удержалъ бы ихъ, можетъ-быть, отъ возстанія, избавилъ бы ихъ отъ печальной необходимости почувствовать на себѣ сильнѣе, нежели когда-нибудь, руку угнетавшихъ ихъ правительствъ. Теперь для странъ этихъ настала часъ возмездія послѣ краткаго и эфемернаго самообольщенія съ ихъ стороны. Миръ, уготованный въ Виллафранкѣ, заключаетъ въ себѣ, правда, амнистію для всей Италіи, но кому неизвѣстно, какъ часто въ странѣ этой амнистія нисколько не мѣшала правительствамъ призвать къ отвѣту слишкомъ компрометированныхъ гражданъ? Развѣ въ 1848 и 1849 годахъ всѣ италіянскіе государи, лишившіеся временно престола, не провозглашали, начиная съ самого папы, полной

амнистiи, по возвращенiи въ свои государства? Даже при всемъ добромъ намѣренiи съ ихъ стороны исполнить данное обѣщанiе, исполненiе его не будетъ, можетъ-быть, зависѣть отъ ихъ воли. Возьмемъ, для примѣра, Парму. Правительница этой страны, по мѣрѣ силъ и обстоятельствъ, исполняла добросовѣстно свои обязанности, и дѣятельность ея заслуживаетъ тѣмъ болѣе похвалы, что она принуждена была бороться съ огромными затрудненiями. Супругъ ея, Карлъ III, оставилъ по себѣ страшную память въ государствѣ; строгость не рѣдко отзывалась въ немъ жестокостью, и мѣры, къ которымъ прибѣгалъ онъ, возбуждали почти всеобщую къ нему ненависть. Тѣлесныя наказанiя восстановлены были въ странѣ, въ которой они давно уже были изгнаны изъ законодательства; люди хорошаго происхожденiя и воспитанiя подвергались имъ наравнѣ съ отъявленными преступниками; не рѣдко обрушивались они даже на женщинъ. Около герцога образовался цѣлый классъ его приверженцевъ, который изъ угодливости господину старался превзойти его безумною жестокостью. Всѣ эти презрѣнные люди удалены были герцогинею Луизою, лишь только она приняла въ свои руки управленiе государствомъ. Они скорбѣли о томъ, что лишились прежней власти. Но между ними и массою народа не могло существовать примиренiя. Народъ желалъ отмстить имъ за униженiе, которому подвергался онъ отъ нихъ при прежнемъ управленiи. Велика была заслуга временнаго правительства, что оно успѣло, послѣ удаленiя герцогини, поддержать порядокъ въ странѣ и не допустить тѣхъ кровавыхъ сценъ мщенiя, которыхъ нельзя было не ожидать со стороны разъяреннаго народа. Къ несчастiю, если прежняя правительница возвратится въ страну—какъ и слѣдуетъ ожидать этого—она поневолѣ должна будетъ опереться на упомянутыхъ нами людей, съ которыми сама должна была бороться вначалѣ. Они одни отстаиваютъ прежнiй порядокъ вещей, тогда какъ вся страна объявила себя въ пользу присоединенiя къ Пиемонту и будетъ, вѣроятно, противиться возвращенiю герцогини Луизы. Успѣетъ ли на этотъ разъ правительница сохранить то же самообладанiе, которое она обнаружила прежде и не допустить партiю, окружавшую когда-то ея мужа, снова достигнуть преобладанiя въ странѣ? А если она не успѣетъ? Не придется ли жителямъ Пармы горькимъ упрекомъ помянуть событiя, поставившiя ихъ въ такое безвыходное положенiе? Мы привели въ примѣръ Парму, ибо въ этомъ герцогствѣ правительство въ послѣднiе годы, при всѣхъ недостаткахъ своихъ, отличалось еще весьма благоразумнымъ и умѣреннымъ характеромъ. Чего же нужно ожидать въ Моденѣ и Тосканѣ? Въ обѣихъ странахъ этихъ уже осуществлялась, кажется, надежда водворить политическое устройство, согласное съ поня-

тіями нашего времени и нуждами тамошнихъ народонаселеній; онѣ обнаружили, въ теченіе междуцарствія, нѣкоторое умѣнье управлять собственными дѣлами. Послѣ непродолжительнаго броженія, произведеннаго случившимся переворотомъ, все стало входить тамъ въ обычный порядокъ, и новыя правительства занялись уже серіозною и полезною дѣятельностію. Во Флоренціи, напримѣръ, впервые собралась 7 іюля консульта. Чрезвычайный комиссаръ короля Виктора-Эммануила открылъ за сѣданіе рѣчью; за тѣмъ предложилъ на разсмотрѣніе ея много важныхъ законовъ — о національной гвардіи, муниципальномъ устройствѣ, пересмотрѣ уголовного кодекса и т. д. Назначеніе консулты въ Тосканѣ состояло въ томъ, чтобы перейти впоследствии къ болѣ либеральнымъ учрежденіямъ, и страна съ терпѣніемъ уже ожидала удобной для этого минуты, какъ вдругъ достигло до нея извѣстіе объ условіяхъ, на которыхъ былъ заключенъ миръ. Все это движеніе, съ его надеждами, стремленіями и благородною дѣятельностію, должно было миновать какъ сонъ! Странамъ, въ которыхъ распространилось оно, дается великодушное обѣщаніе простить ихъ за то, что они посылали своего гражданина проливать кровь за свободу и независимость отечества, за то, что содѣйствіемъ своимъ союзникамъ они помогли имъ одержать нѣсколько бесполезныхъ побѣдъ. Легко понять отчаяніе, которое овладѣло ими. Не знаемъ еще, какія мѣры примутъ онѣ противъ угрожающаго имъ бѣдствія; видно только, что Тоскана рѣшилась немедленно бороться съ нимъ по мѣрѣ силъ. Вотъ прокламація, съ которою тамошнее правительство обратилось къ жителямъ: «Тосканцы! извѣстія о событіяхъ, обманывающихъ самыя лучшія надежды, наполняютъ горестью всѣ сердца! Правительство раздѣляетъ ваше отчаяніе, но мы не должны поддаваться ему; нужно подождать обстоятельныхъ свѣдѣній о происшествіяхъ, еще неизвѣстныхъ въ своихъ подробностяхъ. Соединимся тѣснѣе въ доказательство, что мы достойны быть гражданами свободнаго и независимаго отечества. Пока намъ не измѣнить твердость, мы не потеряемъ еще всѣхъ надеждъ. Уполномоченные отправляются въ Туринъ, дабы ознакомиться тамъ съ положеніемъ вещей. Выраженіе печали только увеличило бы нынѣ наше бѣдствіе. Сохранимъ порядокъ, болѣе чѣмъ когда-нибудь необходимый для спасенія отчизны. Завтра соберется консульта: вмѣстѣ съ нею правительство возвыситъ голосъ всей Тосканы, и выскажетъ свое мнѣніе Виктору-Эммануилу, который пользуется всѣмъ нашимъ довѣріемъ. Тоскана не очутится, вопреки ея волѣ и правамъ, снова подъ игомъ и вліяніемъ Австріи.»

Заключеніе мира не остановило только что начинавшейся дѣятельности консулты: она рѣшилась продолжать идти избран-

нымъ ею путемъ, не признавая, чтобъ условія, принятыя въ Вилла-Франкѣ, могли быть обязательными для самостоятельнаго государства, все народонаселеніе котораго выразило единодушно желаніе новаго порядка вещей. Тотчасъ же поспѣшила она провозгласить герцога Леопольда и всю его фамилію законно низверженными съ престола; вслѣдъ за тѣмъ она рѣшилась созвать въ самомъ непродолжительномъ времени учредительное собраніе, которому предоставлено будетъ опредѣлить дальнѣйшія судьбы страны. Законъ 1848 года о выборахъ получилъ свое приложеніе въ настоящее время для назначенія представителей тосканскаго народа. Важныя мѣры эти были приняты среди совершеннаго спокойствія жителей, наблюдавшихъ за тѣмъ, чтобы какія-нибудь смуты не подали повода врагамъ государства дѣйствовать насильственными противъ него средствами. «Если Тоскана, говорится въ прокламаціи министра внутреннихъ дѣлъ, будетъ по прежнему одушевляться истиннымъ національнымъ духомъ, судьбы ея—въ ея собственныхъ рукахъ.» Последнія извѣстія говорятъ о намѣреніи герцога Леопольда отказаться отъ престола въ пользу сына, который готовъ дать странѣ конституцію. Но Тоскана повидимому рѣшилась бодро стоять за перемѣну династіи.

Событія въ Римской области представляютъ особенно грустное зрѣлище въ настоящее время. Несмотря на движеніе, охватывавшее со всѣхъ сторонъ Италію, правительство папы не только не измѣнило своего прежняго образа дѣйствій, но какъ-будто еще съ большею надменностью упорствовало въ немъ, и ознаменовало себя поступками, возбуждившими противъ него живѣйшее негодованіе во всей цивилизованной Европѣ. Мало того: тонъ официальныхъ рѣчей его оскорблялъ болѣе прежняго то государство, которое напругало въ послѣднее время всѣ свои силы за независимость Италіи. Въ рѣчи, произнесенной 20 іюня въ римской консисторіи, папа не удовольствовался только тѣмъ, что приписалъ возстаніе въ подчиненныхъ ему провинціяхъ интригамъ Пиемонта, но почти прямо называлъ короля Виктора-Эммануила «врагомъ церкви, ея служителей и ея священныхъ правъ». Онъ порицалъ намѣренія Болоньи, Равенны и другихъ городовъ присоединиться къ государству, не переставшему съязвлять смуты по всей Италіи. Выраженія эти показываютъ, съ какимъ дружелюбнымъ чувствомъ смотритъ римское правительство на Пиемонтъ и какимъ согласіемъ будетъ проникнуть италіанскій союзъ, когда папа займетъ мѣсто во главѣ его! Не знаемъ, въ какой степени будетъ пріятно Италіи имѣть такого представителя, когда собственные его подданные стараются всѣми силами избѣгнуть его власти. Города Романьи до сихъ поръ еще

упорствуютъ въ намѣреніи присоединиться къ Пиемонту: они были возбуждены къ возстанію лестными обѣщаніями, которыя недавно расточались италіанской націи, и разъ объявивши себя независимыми, должны по неволѣ упорствовать въ своемъ рѣшеніи, ибо примѣръ Перуджіи показываетъ ясно, что ожидаетъ ихъ отъ папскаго правительства. Мы упоминали уже о тѣхъ звѣрствахъ, которымъ предались въ этомъ городѣ наемныя войска, посланныя туда для возстановленія порядка. Негодованіе, возбужденное во всей странѣ этими сценами, было такъ сильно, что само папское правительство рѣшилось представить нѣкоторыя оправданія: въ офиціальномъ своемъ журналѣ оно не отрицало, правда, убійствъ, совершенныхъ въ Перуджіи, но старалось уменьшить ихъ число и сваливало вину въ нихъ не на наемныя войска, а на жителей города. Тосканскій *Мониторъ* достаточно опровергъ эти лживыя показанія: несомнѣныя свидѣтельства, что слухи о неистовствахъ въ Перуджіи нисколько не были преувеличены, итѣмъ мы въ письмахъ, адресованныхъ однимъ Американцемъ, очевидцемъ событій, въ газету *Times*. Онъ жилъ со всѣмъ семействомъ своимъ въ одной изъ лучшихъ гостиницъ Перуджіи, хозяйинъ которой г. Сторти давно уже былъ извѣстенъ путешественникамъ, какъ человекъ необыкновенно честный, миролюбивый и вовсе не занимавшійся политикою. Г. Бостонъ (имя упомянутого нами Американца) разказываетъ подробно, какъ разъяренныя наемники ворвались въ гостиницу, зарѣзали хозяина, двухъ его служителей, изранили его жену и приступили за тѣмъ къ путешественникамъ. Только деньгами успѣли они откупиться отъ вѣрной смерти. Если такія сцены происходили въ гостиницѣ, наполненной иностранцами, какой же участи подверглись дома городскихъ жителей? Римское правительство должно нести тяжкую отвѣтственность за эти страшныя событія, ибо все заставляетъ думать, что наемныя войска явились въ этомъ случаѣ только исполнителями данныхъ имъ порученій. Ударъ былъ заранѣе обдуманъ и приготовленъ въ Римѣ; г. Бостонъ увѣряетъ, что онъ видѣлъ на другой день собственными глазами приказъ правительства войскамъ не щадить жителей, не разбирая ни возраста, ни пола. «Разграбленіе Перуджіи войсками намѣстника Св. Петра, говоритъ *Times*, событіе совершенно средневѣковое по своимъ ужасамъ, преступленіямъ и безумію. Не было ни малѣйшей нужды прибѣгать въ этомъ случаѣ къ оружію. Такъ какъ Французы, одержавшіе рядъ побѣдъ въ сѣверной Италіи и занимающіе своимъ гарнизономъ Римъ, могутъ считаться настоящими господами въ Папскихъ владѣніяхъ, то возстаніе Перуджіи было со стороны этого города крайнею нецѣпостью. Обязанность жителей его состояла въ томъ, чтобы сидѣть смирно и слѣдить, чѣмъ кончатся со-

бытія. Какъ бы то ни было, подъ вліаніемъ примѣра своихъ сосѣдей они выгнали папскаго легата, заперли городскія ворота и объявили себя независимыми. Безполезно спрашивать, какъ поступилъ бы въ подобномъ случаѣ всякій полководецъ или политическій человѣкъ, достойнымъ образомъ носящій это званіе. Онъ вступилъ бы въ переговоры съ народомъ, объяснилъ бы ему, что въ сущности онъ возмущается не столько противъ папы или Австріи, сколько противъ государства, боровшагося въ то время по призыву Италіанцевъ за освобожденіе Италіи. Нельзя предполагать, чтобы толпа, особенно толпа италіанская, осталась глухою къ подобному воззванію. Еслибъ оно оказалось успѣшнымъ, то стоило бы только показать какимъ-нибудь внѣшнимъ образомъ, что между папою и Французами господствуетъ полное согласіе, и ни одинъ выстрѣлъ не раздавался бы на улицахъ Перуджин. Теперь же городъ этотъ вытерпѣлъ всѣ ужасы, которыхъ можно ожидать отъ солдатъ, опыненныхъ приступомъ и встрѣченнымъ ими сопротивленіемъ. Многія женщины и даже дѣти хладнокровно разстрѣлены. Той же участи подверглись содержатели гостиницъ и ихъ прислужники, спокойно стоявшіе около своихъ воротъ. Дома частныхъ жителей были преданы разграбленію. Все это было исполнено Швейцарцами, которые мстили за изгнаніе изъ города своихъ товарищей и дѣйствовали въ этомъ случаѣ не хуже всякихъ другихъ войскъ, раздраженныхъ продолжительными переходами, усталостью, голодомъ, жаждою и наконецъ кровавою рѣзней. Еслибъ это случилось гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, еслибы виновниками этого побоища были Кроаты, заблудившіеся при отступленіи и напавшіе, выбившись изъ силъ, на какой-нибудь италіанскій городъ, который отказался бы принять ихъ въ свои стѣны, подобное событіе было бы сочтено обыкновеннымъ несчастіемъ, неизбежнымъ при войнѣ. Но въ событіи, о которомъ говоримъ мы, есть нѣчто особенное, свидѣтельствующее, что главная роль въ немъ принадлежала не солдатамъ, а лицамъ, въ которыхъ характеръ клерикаловъ смѣшанъ съ характеромъ разбойниковъ. Лишь только пришло въ Римъ извѣстіе о безумномъ возстаніи въ Перуджин, какъ телеграфъ былъ остановленъ, и когда жители города рѣшились вступить въ переговоры съ папскимъ правительствомъ, то не могли получить никакого отвѣта. Между тѣмъ швейцарскіе полки были отправлены противъ Перуджин проселками и выступили на большую дорогу только въ нѣсколькихъ шагахъ отъ городскихъ предмѣстій. Ограбивши прежде всего винныя магазины, они ворвались въ городъ. Поздно было молить о пощадѣ. Послѣ битвы, продолжавшейся полтора часа, недавно сформированная національная гвардія должна была уступить, и

Перуджіа досталась въ руки швейцарскихъ наемниковъ. Какимъ образомъ дѣйствовали они въ городѣ, бесполезно разказывать тутъ подробно; довольно замѣтить, что они исполнили въ точности все, что было имъ предписано. Но действительно ли получили они предписаніе? Стоитъ только вспомнить объ осторожномъ переходѣ войскъ и внезапномъ появленіи ихъ передъ городомъ, чтобы дать на это утвердительный отвѣтъ. Жертва была застигнута врасплохъ и получила ударъ, не успѣвши отразить его или умиловить разъяренную руку.

Еще до заключенія мира въ Виллафранкѣ, Пиемонтъ рѣшился принять подъ свое покровительство Романью, для того чтобы не допустить тамъ сценъ, случившихся въ Перуджіа. Нѣсколько сардинскихъ офицеровъ отправлено было для того, чтобы сформировать тамъ армію, а вслѣдъ за ними прибылъ въ Болонью чрезвычайный комиссаръ короля Виктора - Эммануила, г. Массимо д'Адзельйо; жители Романьи хотѣли, устроивши войско, идти тотчасъ на освобожденіе Перуджіа. Благоразумнымъ людямъ удалось удержать ихъ отъ этого похода. За то они объявляли прямо, что не замедлятъ противиться силою всякому новому нападенію папскихъ войскъ на какой бы то ни было городъ ихъ провинціи. Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда разнеслось извѣстіе о мирѣ въ Виллафранкѣ, по которому города Романьи должны будутъ снова возвратиться подъ покровъ папскаго своего правительства.

Нечего и говорить, какое впечатлѣніе должны произвести всѣ эти событія и все это вѣроломство на умы впечатлительныхъ и въ то же время не слишкомъ энергическихъ Итальянцевъ. Хотя это понятно каждому, но мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести здѣсь одну корреспонденцію газеты *Times*, живописно изображающую плоды того нравоученія, которое долженъ извлечь для себя изъ виллафранкской сдѣлки мирный итальянскій гражданинъ, слегка согрѣшившій по части патриотизма:

Что-то онъ объ этомъ скажетъ? Люди, вообще, занимаются съ такою охотою другими, что вопросы въ родѣ этого являются у нихъ тотчасъ же, какъ только приходится имъ слышать о какомъ-либо замѣчательномъ и неожиданномъ событіи. Оно можетъ очень близко касаться ихъ самихъ; но послѣ первой минуты удивленія, любопытное воображеніе ихъ старается угадать, какое впечатлѣніе произведетъ событіе на умы другихъ лицъ. Когда, поэтому, я услыхалъ о поразительномъ мирѣ между двумя императорами, второю мыслию моею было: *что-то онъ объ этомъ скажетъ?*

Лицо, которое я представлялъ себѣ, не былъ ни король сардинскій, ни невинный энтузіастъ графъ Кавуръ, ни прусскій принцъ-регентъ, ни лордъ Пальмерстонъ, ни лордъ Джонъ Россель, ниже

другія первенствующія лица въ европейской политикѣ. Воображеніе мое приняло болѣе широкій, хотя въ то же время и болѣе скромный, полетъ: я думалъ «что скажетъ объ этомъ» какой-нибудь осанистый горожанинъ, отецъ многочисленнаго семейства, благоразумный, разсудительный, благонамѣренный человекъ, живущій въ Венеціи или въ какомъ-либо городѣ Тосканы и Модены.

«До сихъ поръ человекъ этотъ тщательно избѣгалъ политическую дѣятельности. Онъ занимался торговлею, старался служить своимъ покупателямъ, не заботясь о томъ, Нѣмцы они или Италіяны, лишь бы только они исправно платили деньги. Не то, чтобы въ глубинѣ своей души онъ оставался совершенно хладнокровнымъ къ политикѣ; въ дружескомъ кругу, собиравшемся по воскресеньямъ около его стола, ему случалось, озираясь осторожно кругомъ, говорить, что Италія должна принадлежать Италіянамъ, и что онъ, съ своей стороны, ненавидитъ австрійское владычество. Но, повторяемъ, онъ человекъ благоразумный. Има г. Маццини производить трепетъ во всемъ его существѣ. Рѣчь г. Кошута, еслибъ она достигла его ушей, не доставила бы ему никакого удовольствія. Онъ хорошо помнитъ о чрезвычайныхъ усиліяхъ и славномъ паденіи Карла-Альберта и вовсе не расположенъ содѣйствовать никакому патриотическому движенію, если оно не обѣщаетъ вѣрнаго успѣха. Онъ очень любитъ свою страну, но любитъ еще болѣе синьору и свое семейство и не хочетъ компрометироваться никакимъ рискованнымъ дѣломъ.

«Но наступило, наконецъ, время, когда могъ высказаться открыто даже и этотъ осторожный гражданинъ и объявить себя въ пользу независимости своего отечества. Могущественнѣйшій человекъ въ Европѣ возвѣстилъ, что Италія должна быть свободною отъ Альповъ до Адриатическаго моря. Повелитель многочисленной арміи не только сказалъ эти пламенные и очень опредѣленные слова, но вывелъ войска свои на поле сраженія и самъ сталъ во главѣ ихъ. Сама осторожность, еслибъ она явилась на землѣ въ образѣ упомянутаго нами горожанина, не стала бы, вѣроятно, долго колебаться, и рѣшилась бы сердечно выразить свой образъ мыслей. Вслѣдствіе этого, синьоръ Грассо-орте,—имя нашего горожанина,—высказался откровенно. Можетъ-быть онъ помышлялъ уже о томъ, что ему дадутъ какое-нибудь мѣстечко при временномъ правительствѣ, и началъ жертвовать и деньгами, и временемъ славному дѣлу освобожденія. Подобно всемъ людямъ, которые, побѣдивши разъ свое природное расположеніе духа, готовы броситься въ протизоположную крайность, добрый горожанинъ нашъ очутился въ самомъ восторженномъ настроеніи духа; никто не прохаживался по улицамъ съ такимъ шумнымъ энтузіазмомъ, какъ синьоръ Грассо-орте, никто не пѣлъ громче

его патриотическихъ пьесъ, въ которыхъ сила политическимъ чувствованиямъ вознаграждала за бѣдность поэтическаго таланта. Не правъ ли я былъ, что, помню сильныхъ земли, подумалъ прежде всего объ этомъ скромномъ гражданинѣ и воскликнулъ: «что-то онъ объ этомъ скажетъ?» Что долженъ былъ онъ почувствовать, когда услышалъ о внезапномъ мирѣ? Конечно, ему твердятъ, что объявлена всеобщая амнистія, но онъ разсудителенъ и очень хорошо знаетъ, какъ далеко зашелъ онъ, и на какомъ счету будетъ находиться все его семейство до слѣдующаго поколѣнія.

«Что касается его, хотя я вполне ему сочувствую, но личные его страданія не имѣютъ великой важности. Гораздо важнѣе то, что пострадаетъ сама свобода. Благодаря людямъ, подобнымъ сньюору Гроссофорте, революціи избѣгаютъ кроваваго и насильственнаго характера. Эти люди получили теперь ударъ, отъ котораго не легко оправится. Можно обольщать ихъ въ будущемъ самыми заманчивыми надеждами на успѣхъ; можно указывать имъ на союзъ державъ, отличающійся непоборимымъ характеромъ, и можно, пожалуй, снова просить ихъ содѣйствія благу отечества: въ отвѣтъ они будутъ только качать головою и, вспоминая о великой измѣнѣ—ибо не иначе они навывають недавній миръ,—никогда уже не будутъ рисковать своею судьбою для блага свободы.

«Если императору Французовъ хотѣлось отучить всѣхъ благо-разумныхъ патриотовъ отъ внимательства въ политическія дѣла, нельзя было ему поступить лучше. Деспотизмъ получилъ опору, которая не измѣнитъ ему долго послѣ теперешняго кризиса и будетъ способствовать не только подавленію, но къ совершенному уничтоженію свободы отъ Альповъ до Адриатическаго моря. Я не изъ числа тѣхъ, которые порицають императора Французовъ за заключенный имъ недавно миръ. Я не желаю ни другой Мадженты, ни другаго Сольферино, но не могу не скорбѣть глубоко о тѣхъ мирныхъ гражданахъ, которые, будучи обольщены надеждами, возвѣщенными въ императорскихъ приказахъ и бюллетеняхъ, перемѣнили покойное плаваніе свое на бури политическаго переворота и научились теперь горькимъ опытомъ, что когда деспотическіе властители садятся за завтракъ, то интересы маленькихъ людей не имѣютъ для нихъ никакой цѣны, какъ-будто еслибы дѣло шло о безсловесныхъ животныхъ. Люди эти передаются въ подарокъ одною высокою властью другой, подобно рѣдкимъ художественнымъ или мануфактурнымъ произведеніямъ. Слово слышишь, какъ одинъ властитель говоритъ другому по поводу поуды, на которой подаютъ завтракъ: «Съ удовольствіемъ приняю вашему величеству еврейскій фарфоръ по моему рисунку, да встали

позвольте подарить и Тоскану вашему эрцгерцогу, который былъ такимъ вѣрнымъ союзникомъ нашимъ въ теперешней войнѣ.»

Дѣла въ Неаполѣ находятся въ прежнемъ застоѣ: обѣщаніямъ измѣненія внутренней и вѣшной политики суждено, кажется, оставаться только обѣщаніями. За исключеніемъ такъ-называемой *всеобщей* амнистіи, которая оказалась далеко не всеобщей, правительство не приняло ни одной мѣры, которая обнаружила бы намѣреніе его разорвать связь съ политикою Фердинанда II. При дворѣ господствуетъ старая партія—партія слѣпыхъ приверженцевъ покойнаго короля, — и дѣйствуя тайными интригами и кознями, она опутываетъ все болѣе и болѣе его преемника. Генералъ Филанджіери, убѣдившись въ совершенной бесполезности своихъ усилій сообщить какой-либо новый поворотъ управленію, рѣшился подать въ отставку: король удержалъ его, но нѣтъ сомнѣній, что согласіе между ними не можетъ быть продолжительно. Между тѣмъ общество требуетъ реформъ, и остановить эти требованія становится съ каждымъ днемъ труднѣе. До сихъ поръ правительство полагало главную силу свою въ войскѣ, но и эта сила начинаетъ измѣнять ему. Въ настоящее время въ Неаполѣ только и говорятъ, что о возстаніи тамошнихъ швейцарскихъ солдатъ, окончившемся довольно трагическимъ образомъ. Дѣло произошло такъ: Федеральное правительство республики предписало подданнымъ своимъ, находящимся въ услуженіи въ Неаполѣ, не употреблять впредь швейцарскаго знамени, ибо срокъ ихъ найма, ошціально условенный между двумя государствами, прекратился. Смыслъ этого предписанія не всѣмъ полкамъ былъ объясненъ надлежащимъ образомъ: нѣкоторые изъ нихъ поняли его такъ, что ихъ хотятъ навсегда оставить въ неаполитанской службѣ, лишивъ званія швейцарскихъ подданныхъ. Отсюда страшное волненіе въ казармахъ: нѣсколько отрядовъ Швейцарцевъ отравились на Марсово поле и требовали къ себѣ начальниковъ для объясненія. Можно было бы, конечно, все уладить мирнымъ образомъ, но въ Неаполѣ рѣшились немедленно прибѣгнуть къ мѣрамъ строгости. Отъ солдатъ потребовали, чтобъ они безъ всякихъ возраженій возвратились назадъ въ казармы; когда тѣ замедлили исполнить это приказаніе, выдвинули артиллерию и положили нѣсколько десятковъ изъ нихъ убитыми и ранеными на мѣстѣ. Жестокость эта, разумется, только испортила дѣло. Швейцарцы стали единодушно требовать отставки, и правительство было не въ состояніи ихъ удерживать. На другой же день болѣе трехъ тысячъ этихъ войскъ покинули неаполитанскіе берега и отправились на казенныхъ пароходахъ въ Марсель. Правительство, вѣроятно, само сожалѣетъ теперь о своей строгости, лишившей его столь надежной опоры.

Таковы первыя мрачныя страницы, которыми начинается послѣ мира исторія государствъ, болѣе или менѣе принимавшихъ участіе въ войнѣ. Тамъ гдѣ нужны были перемены, все осталось по прежнему; тамъ, гдѣ прежнее могло оставаться, все измѣнилось только не къ лучшему. Французское правительство осталось, также вѣрно самому себѣ; оно хочетъ, чтобы вся Франція видѣла въ виллафранкскомъ мирѣ свою эпопею; всѣ журналы обязаны воспѣвать его, а иностранные органы печати, не подчиняющіеся этому предписанію, задерживаются на почтѣ. Такая часть постигала не разъ газету *Times*, которая не выпускалась во Францію, на томъ основаніи, что *Times*, находить [неудовлетворительнымъ] виллафранкскій миръ и порицаетъ теперешнія вооруженія Франціи. «Эти нападенія, сказано въ *Journal des Débats*, конечно, прискорбны; но кажется, ихъ вліяніе на французскую публику преувеличиваютъ; публика часто не знаетъ о нихъ вовсе. Всѣмъ извѣстно давно, что правительство, по выраженію газеты *Le Nord*, «считаетъ своею обязанностію скрывать отъ негодованія французской публики ѣдкія нападенія нѣкоторыхъ иностранныхъ журналовъ.» Что касается до французскихъ журналовъ, то противъ нихъ принимаются домашнія мѣры. Такъ, напримѣръ, какой-то бордосскій журналъ получилъ предостереженіе за то, что позволилъ себѣ замѣтить, какъ хорошо поступилъ прежній диктаторъ Венеціи, Манинъ, умерши до мира въ Виллафранкѣ. Правительство нашло, что мнѣніе это «антинаціонально» и можетъ внушить обществу «ложныя понятія» о теперешнихъ политическихъ событіяхъ. При безмолвіи независимой печати общество по неволѣ должно упиваться пышными разказами о битвахъ при Маджентѣ и Сольферино, а настоящій смыслъ печальнаго мира, заключеннаго въ Виллафранкѣ, все болѣе ускользаетъ отъ него. Во время войны, на бульварныхъ театрахъ, представлялись піесы, въ которыхъ приказано было позорить Австрійцевъ; теперь строго запрещено выражаться о нихъ дурно. Обстоятельство это не пріятно поразитъ содержателей увеселительныхъ зданій, которые потратили большія суммы денегъ на піесы съ великолѣпною обстановкой,—пушками и стрѣльбою,—гдѣ Австрійцамъ предоставлена была вовсе не завидная роль. Нѣкоторые изъ нихъ думаютъ избѣгнуть непріятности, замѣнивши похвалами все, что было сказано дурнаго о недавнихъ врагахъ и теперешнихъ пріятеляхъ; есть, впрочемъ, піесы, какъ напримѣръ, *La Vois sacrée*, представляемая въ Porte St. Martin, съ которыми рѣшительно невозможно прозвезсти подобную метаморфозу: ихъ исключаютъ вовсе изъ репертуара, получая отъ правительства уплату за издержки. Стоитъ ли удивляться послѣ того, что офиціальныя органы французской печати своими сужденіями и своимъ тономъ хотятъ,

кажется, несомненно доказать, что публика, къ которой обращаются они, лишена всякаго политическаго пониманія? Надо видѣть, къ какимъ извѣстамъ прибѣгаютъ они, чтобы восхвалять и прославлять распоряженія, сдѣланныя недавно въ Виллафранкѣ, послѣ того какъ еще такъ недавно ихъ обурежала неукротимая страсть къ итальянской независимости и свободѣ. Для примѣра можно было бы упомянуть объ одномъ журналѣ, который, впрочемъ не имѣетъ опредѣленной національности и избралъ девизомъ своимъ: *ubi bene, ibi patria*. Мы говоримъ о газетѣ *Le Nord*. Вѣроятно, на основаніи этой латинской поговорки, онъ не знаетъ мѣры своей преданности французскому оѣциальному міру: надо было видѣть съ какимъ изступленіемъ онъ ратовалъ въ началѣ войны за итальянскую свободу и провозглашалъ либеральныя намѣренія императора Наполеона. «Независимость Италіи до Адриатическаго моря!» повторялъ онъ на всѣ голоса вслѣдъ за знаменитымъ манифестомъ, и излишне было бы говорить ему о какой-нибудь уступкѣ, о какомъ-нибудь послабленіи въ этой пышной программѣ. И вдругъ миръ въ Виллафранкѣ со всеми своими послѣдствіями упалъ ему прямо на голову... Достойный журналъ, впрочемъ, не сконфузился: извѣстныя фразы объ умѣренности побѣдителя, объ отвращеніи къ пролитію невинной крови были уже на готовѣ и немедленно пущены въ ходъ. Но при этомъ съ *Le Nord* случилось небольшое несчастье; депеша французскаго правительства, составленная въ общихъ и неопредѣленныхъ выраженіяхъ, была истолкована имъ, по возможности, въ самомъ либеральномъ духѣ. Уже вся Ломбардія, чуть не до самыхъ стѣнъ Венеціи, наслаждалась въ воображеніи его полною свободой! Уже Венеція, съ австрійскимъ эрцгерцогомъ во главѣ, переходила къ конституціоннымъ учрежденіямъ! Въ то время какъ *Le Nord* развивалъ эту блестящую тему, пришла телеграфическая депеша изъ Вѣны, несравненно болѣе обстоятельная, чѣмъ французская, и въ этой депешѣ заключалось все то, чѣмъ справедливо была поражена Европа. Оказывалось, что Ломбардія свободна даже не вплоть до рѣки Минчіо, что Венеція останется за прежними обладателями ея какъ ихъ провинція, а вовсе не какъ особенное государство, и—главное—что знаменитый четырехугольникъ останется въ рукахъ Австрійцевъ. Увлекаемый своимъ рокомъ, злополучный *Nord* усомнился въ справедливости вѣнскихъ извѣстій, и сомнѣніе это, конечно, было весьма законно и понятно. «Четырехугольникъ въ обладаніи Австріи! восклицалъ онъ съ прежнимъ жаромъ,—это невозможно! это немыслимо! Къ чему же было бы въ такомъ случаѣ вести войну? Какую пользу принесла бы война эта Италіи?..» И *Le Nord*, у котораго увѣренность въ либеральныя намѣренія французскаго правительства перешла въ мономанію съ тѣхъ

портъ, какъ дозволена продажа его на улицахъ Парижа, упорно отвергалъ справедливость австрійской депеши, укоряя въ злонамѣренности тѣхъ, кто распускаетъ подобные слухи. Нужно ли говорить какому разочарованію подвергся вскорѣ *Le Nord*? Нужно ли говорить о томъ затруднительномъ положеніи, въ которомъ очутился онъ, будучи принужденъ восхвалять завтра то, что вчера еще находилъ невозможнымъ и бессмысленнымъ? Къ счастью *Le Nord* и подобные ему никогда не теряютъ присутствія духа, и надо видѣть, съ какимъ усердіемъ доказываетъ теперь этотъ прежній яростный защитникъ италіанской свободы, что положеніе дѣлъ крайне затруднится, если въ Пиемонтѣ будетъ восстановлена конституція...

Но обратимся отъ этой грустной картины къ зрѣлищу, можетъ-быть, не болѣе приятному, но за то несравненно болѣе пышному и ослѣпительному. Мы говоримъ о тѣхъ рѣчахъ, въ которыхъ парижскій офиціальнѣйшій людъ выражалъ свои восторги Лудовику Наполеону. Это, какъ извѣстно, особенный родъ краснорѣчія, и есть люди, преимущественно отличающіеся въ немъ. При приѣмѣ государственныхъ сословій въ Тюльери, каждый изъ президентовъ обратился, согласно обыкновенію, съ ученическойю рѣчью къ главѣ государства. «Въ три мѣсяца сколько чудесъ!» такъ началъ графъ Морни. За тѣмъ слѣдуетъ поочередно исчисленіе этихъ чудесъ, изъ которыхъ самымъ главнымъ считается, разумѣется, «побѣда, одержанная императоромъ надъ самимъ собою». Эти послѣднія слова послужили, впрочемъ, неизмѣннымъ мотивомъ для всѣхъ рѣчей, и г. Тролонгъ, занимающійся, какъ извѣстно, исторіею древняго Рима съ похвальною цѣлью отыскать сходство между Наполеономъ III и императоромъ Августомъ, на этотъ разъ сравнилъ, однако, своего повелителя съ Сципіономъ, побѣдившимъ Аннибала при Замѣ.

Какъ ни роскошны эти цвѣты краснорѣчія, но они блѣднѣютъ передъ юридическою изобрѣтательностію г. Дюпена, который въ честь мира задалъ ученикамъ коллегіума, основаннаго имъ въ Варзи (*Varzy*), сочиненіе на тему: *война*. Въ то же самое время онъ обязательно указалъ самъ на тѣ пункты, которые слѣдуетъ развить въ сочиненіи. Вотъ они: *человѣколюбіе въ войнѣ; умеренность въ побѣдѣ; справедливость въ цѣляхъ*. Если люди, стоящіе такъ высоко какъ г. Дюпень, подають столь печальный примѣръ подобострастія, можно ли требовать чего-либо лучшаго отъ людей, не обладающихъ образованіемъ ученаго юриста?

Упомянемъ въ заключеніе о маленькомъ случаѣ, слегка отбѣняющемъ эту картину, которая вся исполнена свѣта, ослѣпительнаго для глазъ, привыкшихъ къ обыкновенному естественному свѣту. Въ маѣ нынѣшняго года, во французскомъ городѣ Тарбѣ муниципалитетъ возвысилъ пошлину за продажу скота.

на рынокъ; народъ, привыкшій только къ императорскимъ указамъ, приходящимъ изъ Парижа, не захотѣлъ платить пошлины, вооружился камнями и началъ осаждать казармы жандармовъ; произошелъ рѣшительный бой съ десятью убитыми и множествомъ раненыхъ. Здѣсь, конечно, не было такъ-называемыхъ политическихъ причинъ; народъ видѣлъ только жандармовъ, исполняющихъ финансовое распоряженіе, видѣлъ мера, который тотчасъ же повязалъ свой шарфъ и началъ командовать, а во всемъ городѣ не нашлось ни одного человѣка, чтобъ объяснить законность принятой мѣры и убѣдить въ необходимости подчиниться ей.

РѢЧЬ ИМПЕРАТОРА ФРАНЦУЗОВЪ.

A l'époque de civilisation où nous sommes, les succès des armes, quelque brillants qu'ils soient, ne sont que passagers, c'est en définitive l'opinion publique qui remporte la dernière victoire (1).

Louis Napoleon.

Ну, слава Богу, наконецъ мы знаемъ, отъ чего Франція преврала нить побѣдъ и не маршировала до Адриатическаго моря, какъ было обѣщано. Мы выведены изъ недоумѣнія, благодаря ея главнымъ государственнымъ сословіямъ. Извѣстно, что эти главные государственныйя сословія, кромѣ неусыпнаго попеченія о благѣ отечества, несутъ еще другія, не менѣ трудныя обязанности. Они то-и-знай путешествуютъ или въ Сентъ-Клу, или въ Тюльери, безпрестанно разсыпаются тамъ въ привѣтствіяхъ, въ похваляніяхъ, изъявляютъ совершенную преданность и неудержимый восторгъ. На этотъ разъ никто не скажетъ, чтобы не было законнаго повода къ выраженію такихъ невольныхъ чувствъ. Освободитель Италіи, благодѣтель Сардиніи, полководецъ, разгромившій ряды непріятели на поляхъ Мадженты и Сольферино, смиренный въ торжествѣ, снисходительный послѣ побѣды, сердечный другъ

(1) - Въ эпоху просвѣщенія, въ какую мы живемъ, успѣхи оружія, какъ бы ни были блистательны, имѣютъ только преходящее значеніе; въ концѣ все-таки общественное мнѣніе одерживаетъ послѣднюю побѣду.

Австрія, сжимавшій въ своихъ объятіяхъ ея императора, воротился въ милую Францію, и, разумѣется, государственныя сословія тотчасъ же направились, какъ и слѣдовало, въ одинъ изъ императорскихъ дворцовъ, чтобы выразить герою, увѣнчанному славой, безграничную любовь и неописанное изумленіе отъ лица французскаго народа. Въ подобныхъ случаяхъ дѣло не обходится безъ рѣчей. Не обошлось и тутъ. Говорили и г. Тролонъ, президентъ сената, и графъ Морни, президентъ законодательнаго сословія, и г. Барошъ, президентъ государственнаго совѣта. Рѣчь графа Морни не лишена прелести. Какъ любезный Французъ, онъ взялъ предметомъ своего краснорѣчія не одинъ громъ оружія, не одни оливы мира, не одну грубую наклонность мужчинъ все драться, да побѣждать, онъ слегка коснулся благороднаго положенія, въ которомъ стояла императрица, и которое облегчало для Франціи дни испытанія, доставившаго ей случай показать свое довѣріе къ императору, свою привязанность къ его династии. Г. Барошъ былъ менѣе придворный и болѣе гражданинъ, онъ въ короткихъ, но выразительныхъ словахъ обрисовалъ управленіе императрицы въ отсутствіе его величества, отдалъ справедливостея твердому мужеству и высокому разуму, не забывъ и августѣйшаго дитяти, которое учится, какъ увѣряетъ г. Барошъ, благодарить небо за побѣды отца. Французская вѣжливость всегда привлекательна, но эти рѣчи особенно понравились намъ не одною святостію истины и тонкостью оборота. Мы видимъ въ нихъ пророчество, радуемся прелюбопытному знаменованію, что вѣрно во Франціи скоро отмѣнится салическій законъ, законъ средневѣковыхъ варваровъ, исключаящій женщинъ изъ наслѣдованія французскимъ престоломъ. Чудныя вещи совершаются во Франціи. Французы боготворятъ красоту и уживаются съ такимъ безобразнымъ закономъ. У Французовъ что слово то свобода, и противно вспомнить, что они изъ свободы дѣлали. Конечно, если во Франціи допустится царствующія королевы или императрицы, то это будетъ лучшее средство для застрахованія страны отъ революцій. Возстать на женщину, существо нѣжное и слабое, оскорбить ее или заставить бѣжать—это неучтиво, не великодушно, не въ характерѣ такъ-называемой рыцарской націи. Она не покусится на такіе грубые, дикіе поступки. Притомъ же, женщина, когда вступится за угнетенныхъ, то послѣдуетъ слѣпо влеченію сердца, не остановится на полудорогѣ и скорѣе изумитъ Европу безуміемъ доброты, чѣмъ хладнокровіемъ жестокости. Вообще женское управленіе имѣетъ свои великія выгоды. Но кажется, я отдалился отъ предмета. Дѣло въ томъ, что во Франціи царствуетъ не императрица, а императоръ, который на привѣтственные рѣчи сказалъ рѣчь отвѣтную,

Въ этой-то отвѣтной рѣчи и заключается разрѣшеніе загадки, о которой упомянуто выше. Нельзя не замѣтить, что Лудовику Наполеону приходится говорить необыкновенно много. Онъ со вступленія своего въ должность президента республики до нашего времени включительно промолчалъ тьму рѣчей. Государственными сословія осаждаютъ его, не даютъ ему покоя и, хотя онъ императоръ, а видно власть его ограничена. Хочетъ, не хочетъ, а отвѣчай, говори. Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, положеніе англійской королевы завиднѣе. Скажетъ себѣ одну рѣчь при открытіи парламента, да еще не сама выдумаетъ, и потомъ сидитъ молча цѣлый годъ, а тутъ отъ гг. Тролона, Морни, Бароша житья нѣтъ. При такомъ обиліи словъ, выходящихъ всенародно изъ собственноручныхъ устъ императора Французовъ, не возможно не впасть въ противорѣчіе, не проговориться и не надавать обѣщаній, которыхъ не думаешь исполнить. Ну что бы поручить какому-нибудь министру! Пусть бы онъ разглагольствовалъ съ государственными чинами о благѣ, о величіи, о славѣ Франціи, суесловилъ о сочувствіи къ страданіямъ челоуѣчества, называлъ себя разумнымъ сыномъ вѣка, отворачивался съ негодованіемъ отъ владычества матеріальной силы, кадилъ нравственному вліянію и распинался передъ цѣлымъ свѣтомъ, что Италія будетъ свободна до Адриатическаго моря, что она должна принадлежать Италіанцамъ! Министра бы за такую болтовню въ отставку, тѣмъ бы дѣло и кончилось. А то посмотрите теперь въ какомъ траги-комическомъ положеніи находится Европа. Она все хлопотала о равновѣсіи, ничего такъ не боялась, какъ нарушенія этого спасительнаго закона. По милости его, нельзя было почти сдѣлать ни шагу. Невѣрные рѣзали христіанъ, Австрійцы потѣшались надъ Италіанцами: Богъ съ ними, только бы не трогали равновѣсія. Установился порядокъ, который въ будущемъ долженъ былъ принести сладкіе плоды. Европейскія дѣла никакъ уже не могли избѣгнуть европейскаго контроля и стали рѣшаться не иначе, какъ сообща, разумнымъ соглашеніемъ всѣхъ государствъ. Прихоть одного челоуѣка, одареннаго неугомоннымъ честолюбіемъ и способностью выиграть нѣсколько сраженій, хотя бы онъ хваталъ звѣзды съ неба и оморочилъ цѣлый народъ отнюдь не допускалась, сдѣлалась на вѣки-вѣчные невозможностью. Убѣжденіе Европы на этотъ счетъ было такъ сильно, возникшая идея, правда, еще въ зародышѣ, такъ велика, что никто не предвидѣлъ того исхода италіанской войны, который въ настоящую минуту предлагаетъ неудобоваримую пищу для государственныхъ умовъ. Какъ Англія-то была спокойна! Конгрессы вошли въ привычку, въ обычай, безъ конгресса было скучно, неловко, жизнь становилась бременемъ: ну кто могъ осмѣлиться

безъ этого европейскаго ареопага распорядиться въ Италіи съ самовольствомъ плантатора? Дѣло несбыточное, мечта воображенія! Недавно *Пончъ*, англійскій дешевый журналъ, изобразилъ между своихъ каррикатуръ огромнаго льва съ растерзаннымъ тигромъ, то-есть Индеей, въ когтяхъ. Левъ, невозмутимо величавый, смотритъ вверхъ, а тамъ на недосыгаемой высотѣ дерутся два чуть-видныхъ орла. Съ одного летятъ перья. Англія точно, какъ этотъ царь звѣрей, смотрѣла на войну, отливала Армстронговы пушки и ждала минуты, когда силы враждующихъ понесточатся, чтобы предписать условія мира. Вѣроятно лордъ Коулей, а можетъ-быть и самъ лордъ Джонъ Россель готовились къ отъѣзду на конгрессъ, гдѣ съ участіемъ всей европейской мудрости порѣшили бы судьбу Италіи. Къ берегамъ Албіона катилась уже конечно та покорная волна, которая понесла бы на себѣ пароходъ могучаго посланника Великобританіи. А Пруссія развѣ воображала, что дѣло обойдется безъ нея, безъ нея, когда она переступала такимъ учебнымъ шагомъ и съ немовѣрнымъ напряженіемъ умственныхъ способностей прошла по порядку черезъ три момента мышленія: *Kriegsbereitschaft* (1), *Marschbereitschaft* (2), *Mobilisation* (3)? Она конечно не имѣетъ вкуса къ тѣмъ цвѣтамъ, которые носятъ простыя названія: черный, бѣлый, и представляютъ грубую массу одного и того же отлива. Ея вкусъ нѣжнѣе, наклоннѣе къ менѣе рѣзкой смѣси, гдѣ не разберешь, много ли пошло на грязный составъ цвѣта дня и цвѣта ночи. Пруссія и хочетъ какъ будто стать во главѣ Германіи, и какъ будто не хочетъ, Пруссія черезъ-чуръ уже любить Пруссію, безпрестанно занимается чѣмъ-то прусскимъ и все о чемъ-то прусскомъ твердитъ въ уши Европѣ, не давая себѣ труда пояснить остальнымъ смертнымъ настоящій смыслъ гіероглифическаго слова. У нея даже депеши къ посланникамъ при иностранныхъ дворахъ отправляются на такомъ прусскомъ языкѣ, такого прусскаго содержанія, что со всѣмъ добрымъ желаніемъ никакъ не поймешь, что въ нихъ написано. Правда, еслибы берлинскій кабинетъ былъ приглашенъ на совѣщаніе объ италіянскихъ дѣлахъ, то едва ли его присутствіе послужило бы значительною подмогой въ преодолѣніи трудностей. Онъ слишкомъ погруженъ въ себялюбивыя размышленія, онъ прежде всего поставилъ бы конгрессу на видъ и продолжалъ бы напоминать, что впервыхъ Пруссія великая европейская держава, вторыхъ, что она членъ Германскаго Союза, треть-

(1) Приведеніе арміи въ военное положеніе.

(2) Приготовленіе арміи къ походу.

(3) Выступленіе арміи въ походъ.

нхъ, что она Пруссія. Это собственно не относилось бы къ дѣлу и не утѣшило бы Италианцевъ, но все-таки она не ожидала дожить до такого разочарованія, что даже послѣ *Mobilisation* не спросить у нея совѣта. Потому-то она находится въ болѣе странномъ положеніи, чѣмъ кто-нибудь. Для нея именно, въ ея интересахъ настоящій поводъ къ *Kriegsbereitschaft*, *Marschbereitschaft*, *Mobilisation*, родился теперь. Прежде онъ былъ отчасти созданиемъ испуганнаго воображенія, желаніемъ снискать популярность въ Германіи, польстить мелкимъ страстямъ ея общественнаго мнѣнія и хотъ на нѣсколько секундъ нарядиться въ павлинныя перья, то-есть занять мѣсто Австріи въ Германскомъ Союзѣ (1).

Теперь скорѣе есть изъ чего Пруссіи двигать свои арміи. Вліяніе ея на Германію будетъ слабѣе, чѣмъ когда-нибудь. Австрія станетъ рѣшительно играть первенствующую, подавляющую роль въ отношеніи къ своей нѣмецкой соперницѣ. Австрія сдѣлалась могущественнѣе всею беззащитностью Италиі и всею нѣжностью недавно благоприобрѣтенной дружбы. Какъ европейской державѣ, Пруссія нанесетъ ущербъ тѣмъ, что Италиа не только не успокоена, но напротивъ поставлена въ такое положеніе, что спокойствіе и не предвидится; какъ составная часть Германскаго Союза, Пруссія должна быть подчинена Австріи; какъ собственно Пруссія, она уже не можетъ выступить впередъ съ чѣмъ-то прусскимъ. Австрійское подавляетъ прусское, тѣмъ болѣе, что все австрійское ясно, опредѣленно, рѣзко, а прусское загадочно, туманно и боязливо. Россія также, по соображеніямъ справедливости и по важности своего значенія, не должна была остаться въ сторонѣ при миротворномъ духѣ, сошедшемъ на двухъ императоровъ. Она въ началѣ войны первая предложила европейскій конгрессъ. Она, ставъ въ нейтральное положеніе вмѣстѣ съ Англійей, признала права Италиі и допустила возстановленіе ихъ силою оружія, а въ послѣдствіи, при разгарѣ нѣмецкаго патріотизма, опредѣлила съ точностію ту мѣстность, гдѣ война можетъ вращаться, не нарушая ни интересовъ Германіи, ни вообще европейскихъ интересовъ. Это опредѣленіе границъ кровавой

(1) Мы не можемъ согласиться съ этимъ взглядомъ на Пруссію, въ которомъ, какъ намъ кажется, остроуміе обвинителя менѣе дружится съ справедливостію судьи, нежели въ другихъ сужденіяхъ, высказанныхъ авторомъ до поводу рѣчи императора Наполеона III. Мы того мнѣнія, что перевѣсъ Пруссіи въ Германскомъ Союзѣ можетъ упрочить миръ въ Европѣ. Политика Пруссіи во время прошлой войны представляется намъ безукоризненною, и мы еще болѣе убѣждаемся въ этомъ изъ дипломатической переписки, которую г. фонъ-Шлейницъ поспѣшилъ огласить съ такимъ благодарнымъ довѣріемъ къ суду общественнаго мнѣнія Европы. Ред.

борьбы намекало на возможность другаго дѣйствія со стороны Россіи, если Франція переступитъ за ту цѣль, которую признала единственною, или если кто-либо, вслѣдствіе эгонистическаго и ложнаго пониманія современныхъ обстоятельствъ, подкрѣпитъ австрійскіе легіоны, заранѣе обреченные, въ общемъ мнѣніи Европы, правосудной карѣ на ломбардо-венеціанскихъ равнинахъ. Россія, не выставляясь впередъ, не поднимая заносчиво головы, вѣсила много въ совершавшихся событіяхъ, и Русскіе могутъ гордиться, что каждый шагъ ея политики, каждое провознесенное слово, были основательны, тверды, значительны и сообразны съ требованіями времени. Какъ же не попросить мнѣнія Россіи формально, торжественно? Францію обязывала къ этому простая учтивость, ибо Россія сильно способствовала свободѣ ея дѣйствій.

Итакъ ни Англія, ни Пруссія, ни Россія не имѣютъ особаго повода умиляться при дружескихъ лобзаніяхъ двухъ вчерашнихъ враговъ и заказывать великолѣпные фейерверки въ честь мира, изливающего свои благодѣянія на Европу. А г. фонъ-Бейстъ, какъ же его-то не пригласили на завтракъ въ Вилла-Франку? Онъ перетолковалъ смыслъ союзнаго акта въ пользу Австріи и сочинилъ для нея новый способъ мышленія. У г. фонъ-Бейста германскіе интересы связаны не только съ австрійскими владѣніями, включенными въ Германскій Союзъ, а напротивъ съ каждымъ клочкомъ австрійской земли, гдѣ бѣ она ни находилась, и съ каждымъ австрійскимъ солдатомъ, помѣстится ли онъ въ Молдавіи или упадетъ на луну. Австрія дѣлаетъ изъ италіанскихъ владѣтелей своихъ вассаловъ, австрійскіе палачи съжуютъ въ Ломбардіи жемчужины, все это, по логикѣ г. фонъ-Бейста, германскіе интересы. Возвысивъ свой громоносный голосъ, онъ поднималъ Саксонію на Францію, шелъ на Парижъ, но теперь, въ силу его собственнаго ученія, надо ему идти на Вѣну. И за чѣмъ это: онъ обезоруживается? Въ самомъ дѣлѣ, если съ Ломбардіей связаны германскіе интересы, если безъ попущенія со стороны Германскаго Союза нельзя никому позволить отнять ее у Австріи, то Австрія не имѣетъ также права уступать ее безъ согласія г. фонъ-Бейста и Германіи.

Австрія своимъ самовольнымъ поступкомъ слѣдовательно оскорбила германскіе интересы и не послушалась наставленій саксонскаго министра. Поэтому и г. фонъ-Бейстъ долженъ быть недоволенъ ходомъ событій. А Италіянцы, они тоже, кажется, не въ восхищеніи отъ своихъ благодѣтелей, хотя впрочемъ имѣютъ основательныя причины къ полному удовольствію, ибо теперь надъ Италіей блещетъ не австрійскій штыкъ, а сіяніе духовной силы, посаженъ предсѣдатель, котораго французскій императоръ любитъ называть святымъ отцомъ. Франція иллюминуетъ, развѣ-

шиваетъ изъ оконъ разноцвѣтныхъ ткани, но вѣдь и ей особенно нечему радоваться; съ нея собрано нѣсколько сотъ милліоновъ франковъ, да отведено на избіеніе болѣе пятидесяти тысячъ ея храбрыхъ солдатъ, и за чѣмъ?—за тѣмъ, чтобы произвестъ на Европу и на всѣ благородныя сердца такое безнравственное впечатлѣніе, какое едва сравнится съ самыми коварными и ужасными явленіями исторіи. Тюркосы и Зуавы, разумѣется, также недовольны. Имъ бы только драться, а оказывается покуда, что драться не съ кѣмъ. Довольна, конечно, Австрія, довольны у нея Кроаты, и то потому только что они всегда и всегдѣ довольны. Вотъ эту-то суматоху въ умахъ, это негодованіе императоръ Французовъ успокоиваетъ своею рѣчью. Онъ наводитъ Европу на истинный путь, объясняетъ свои побужденія, необходимость своего поступка и доказываетъ до очевидности, что Европа должна придти въ восторгъ отъ сдѣланнаго ей сюрприза. Онъ говоритъ между прочимъ:

«Въ то время, когда, послѣ счастливаго двухмѣсячнаго похода, арміи французская и сардинская прибыли къ стѣнамъ Вероны, борьба должна была неминуемо измѣнить характеръ, какъ въ военномъ, такъ и въ политическомъ отношеніи. Я былъ неминуемо вынужденъ напасть съ фронта на непріятеля, укрѣпившагося позади большихъ крѣпостей, защищенныхъ отъ всякой диверсіи съ фланговъ нейтральностью земель, ихъ окружающихъ, и начавъ продолжительную, бесплодную осадную войну, я сталъ бы лицомъ къ лицу съ вооруженною Европой, которая была готова или оспаривать наши побѣды, или увеличивать наши несчастія.

«Тѣмъ не менѣе трудность предпріятія не поколебала бы моей рѣшимости, не остановила бы стремленія моей арміи, еслибы результаты, какихъ слѣдовало ожидать, были соразмѣрны съ тѣми средствами, къ которымъ должно было прибѣгнуть для ихъ достиженія. Надобно было отважиться дерзко на сокрушеніе препятствій, противопоставленныхъ нейтральными землями, и тогда принять бой и на Рейнѣ, какъ на Адиджѣ. Надобно было откровенно подкрѣпить себя содѣйствіемъ революціи; снова пролить драгоцѣнную кровь, которой и безъ того много пролито; словомъ, для того, чтобы восторжествовать, слѣдовало отважиться на такія мѣры, которыя главы государства позволительно принимать, только защищая независимость собственнаго отечества.

«Итакъ, я остановился не отъ усталости или истощенія нашихъ силъ, не отъ пренебреженія къ благородному дѣлу, которому хотѣлъ служить, но оттого, что въ сердцахъ моемъ что-то говорило еще сильнѣе: интересы Франціи.

«Неужели вы думаете, что мнѣ не было тягостно обуздывать солдатъ, которые, въ упоеніи побѣды, того только и тре-

Бовали, чтобъ идти впередъ? Не было ли мнѣ больно вычеркнуть открыто, передъ лицомъ всей Европы, изъ моей программы территорію, простирающуюся отъ Минчіо до Адриатическаго моря? Ужели я безъ всякой скорби видѣлъ, что въ сердцахъ честныхъ людей разрушаются благородныя мечты, патриотическія надежды?

Прежде всего должно замѣтить, что невозможно приказать какому-либо государству: ступай, освобождай или защищай другое, угнетенное, трать трудовую копѣйку своего народа, лей его кровь, а мы будемъ смотрѣть. Никто и не налагалъ на Францію этой обязанности. Но если снять съ событія хитросплетенный покровъ дипломатическаго языка, всѣхъ этихъ тонкостей, шитыхъ бѣлыми нитками, то откроется, что Франція не вынуждена была на войну, а желала, вызвала ее и давно готовилась къ ней. Имѣлъ ли императоръ Французовъ цѣлью составить въ послѣдствіи союзъ съ Россіей и Австріей, чтобы дѣйствовать противъ Англии въ Турціи или инымъ образомъ, думалъ ли онъ только пустить въ ходъ французскую честь, французскую славу и поставить Франціи легкій фонтенель для отвлеченія внутреннихъ болѣзненныхъ соковъ,—разъясненіе этой тайны послѣдуетъ скоро, на нашихъ глазахъ. Дѣло въ томъ, что обвинять Австрію за начало войны значигъ поддаваться дипломатическимъ мистификаціямъ. Война была рѣшена въ умѣ Лудовика Наполеона, и никакіе конгрессы не могли огвратить ея. На конгрессѣ потребовалось бы то, что не уступается безъ боя. Да и заранѣе положено было самый конгрессъ сдѣлать невозможнымъ. Оттого онъ и не состоялся.

Надобно было взвалить на Австрію всѣ вины, и угнетеніе Италіи и нарушеніе европейскаго спокойствія. Имперія—миръ, а потому какъ же можно было ей начинать войну? Имперія можетъ только защищаться. Такимъ образомъ Лудовикъ-Наполеонъ и сталъ воевать и сохранилъ за собой характеръ миротворца. Мы, конечно, говоримъ это не въ защиту Австріи, да сохранить насъ Богъ отъ такого преступнаго помысла, мы только не хотимъ увеличивать баснословными счетнями достояніе этого богача, обремененнаго и безъ того страшнымъ обиліемъ опозоренныхъ сокровищъ. Императоръ Французовъ не только предвидѣлъ, но и приготовилъ войну. Онъ увѣрялъ всѣхъ, что Франція не вооружается, а между тѣмъ ея войска, отлично вооруженныя, въ удивительномъ порядкѣ, съ неизмовѣрною быстротой, и снабженныя въ изобиліи всѣми средствами для удовлетворенія военныхъ потребностей, выросли изъ земли въ предѣлахъ несчастной Сардиніи, какъ будто по мановенію магическаго жезла. Мы не смѣемъ при-

нимать на себя критику дѣйствій такого великаго полководца, какъ императоръ Французовъ, но считаемъ себя въ правѣ сказать, что передъ войною дѣлается, вѣроятно, планъ войны. Неужели же, когда онъ сказалъ, что Италия будетъ свободна до Адриатическаго моря, то не смотрѣлъ на карту и не размышлялъ о средствахъ, какимъ образомъ достигнуть этой цѣли? Что въ превратностяхъ войны можетъ представится случай, когда непріятеля нельзя иначе атаковать, какъ съ фронта,—это не такое неслыханное дѣло, котораго умъ человѣческій не въ силахъ предусмотрѣть; что Австрія владѣетъ четырьмя крѣпостями въ Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ, это написано въ каждой географіи; что дорога къ Адриатическому морю лежитъ изъ Сардиніи по австрійскимъ владѣніямъ черезъ эти крѣпости, что къ югу отъ нихъ находятся Папскія области, то-есть нейтральныя земли, и что Австрійцы укрѣплятса позади большихъ крѣпостей въ случаѣ пораженія,—неужели все это такія неожиданности, съ которыми надо было столкнуться лицомъ къ лицу, чтобы получить о нихъ надлежащія свѣдѣнія, а въ тишинѣ тюльерійскаго кабинета сознание о существованіи такихъ препятствій не могло озарить великій умъ повелителя Франціи? Это напротивъ не случайности, не неожиданности, а прямой неизбѣжный путь, по которому надо было непременно идти. Мы назвали только Папскія области, потому что, надѣемся, императоръ Французовъ, заявляя свое уваженіе къ нейтральности земель, не разумѣлъ подъ ними ни Тосканы, гдѣ французскія войска высадились безъ всякой церемоніи, ни Модены, куда они вступили тоже безъ особенныхъ признаковъ благоговѣнія. Осадная война должна была неминуемо при первыхъ соображеніяхъ о ней остановить вниманіе и броситься въ глаза полководца, поднявшаго знамя за свободу Италіи, и какимъ образомъ можно назвать осаду австрійскихъ крѣпостей бесплодною? Плодъ ея былъ очевиденъ. Безъ осады не было средства исполнить императорскую программу, отнять Венеціанскую область у Австріи. Что, для достиженія цѣли войны, нужно будетъ осаждать крѣпости,—это не было ни отъ кого тайной. Для пріобрѣтенія такого знанія не предстояло надобности переплывать моря и пускаться въ дальнія странствія. Если осада австрійскихъ крѣпостей бесплодна, то во что же превращается громкая, великолѣпная фраза: «Италія должна быть свободна до Адриатическаго моря»? Не принимаетъ ли эта фраза чисто музыкальный характеръ и не дѣлается ли только сочетаніемъ какихъ-то сладкихъ звуковъ, потому именно оболстительныхъ, что въ нихъ нѣтъ опредѣленнаго смысла? Кто хотѣлъ освободить Италію, тотъ долженъ былъ осаждать крѣпости;

кому осада ихъ казалась бесплодною, тотъ не помышлялъ объ италіанской свободѣ и не имѣлъ намѣренія дойти до Адриатическаго моря. Нейтральными державами препятствій поставлено не было. Еслибъ онѣ захотѣли воспрепятствовать войнѣ, то конечно всѣ силы Франціи должны бы направиться въ другую сторону; конечно императоръ Французовъ не бросилъ бы такъ смѣло рыцарскую перчатку Австріи. Онъ потому вступилъ съ нею въ борьбу, что увѣренъ былъ въ нейтралитетѣ Англии и Россіи; онъ очень хорошо зналъ, что безъ ихъ согласія Германія не осмѣлится, при всемъ изступленіи своего страннаго патриотизма, вступить за государство, система котораго поставлена общественнымъ мнѣніемъ цѣлаго міра внѣ закона.

Пруссія, не имѣя опредѣленнаго намѣренія, не зная, какое лучше выбрать изъ желаній, обуревающихъ человѣческую душу, бродила въ своихъ депешахъ и переговорахъ около неудовинной мысли и наконецъ рѣшилась обратиться къ германскому сейму съ предложеніемъ мобилизаціи союзныхъ войскъ. Она и отказалась гарантировать Австріи Ломбардію и хотѣла, опираясь на военныя силы, явиться посредницей между воюющими державами съ цѣлю сохранить за Австріей ея италіанскія владѣнія. Императоръ Французовъ говоритъ, что, продолжая войну, долженъ былъ сражаться на Адиджѣ и на Рейнѣ, а австрійскій императоръ жалуется, что никто изъ союзниковъ не хотѣлъ вступить за него, и что условія, которыхъ онъ могъ ожидать отъ Пруссіи и другихъ нейтральныхъ державъ были тягостнѣе для Австріи чѣмъ тѣ, которыя наложены на нее побѣдителемъ. Пруссія, напротивъ, утверждаетъ, что никакія условія не были приготовлены и что слѣдовательно она двинулась на Рейнъ, такъ, безъ плана, безъ цѣли, съ поэтическою безотчетностью. Мы поставлены между увѣреній двухъ императоровъ, какъ между двухъ огней, не смѣя сомнѣваться въ словахъ ни того, ни другаго, и принужденные, вопреки законамъ физики, признать, что два тѣла въ одно и то же время могутъ занимать одно и то же пространство. Это противорѣчіе, это потемки. Очевидно и несомнѣнно только то, что посредничество Пруссіи не иначе могло быть сдѣлано, какъ съ согласія Англии и Россіи, на условіяхъ, одобренныхъ ими. А не надо забыть, что въ циркулярѣ князя Горчакова мнѣніе русскаго кабинета выражено опредѣлительно, и что Англія смѣнила мнѣнстерство, заподозрѣнное въ сочувствіи къ Австріи. Не могъ же германскій сеймъ, предводимый Пруссіей, въ угодность Баварии и *Аугсбургской газетъ* отправиться въ Парижъ безъ воли другихъ нейтральныхъ державъ. Такой необдуманнѣйшій, дерзкій шагъ могъ точно вести къ европейской войнѣ. Слѣдовательно въ посредничествѣ Пруссіи услышался бы голосъ Европы, а

Европа, какъ самое допущеніе войны и какъ всѣ предшествующія событія показали, была намѣрена дѣйствовать болѣе въ пользу Италіи, чѣмъ Австріи. Никто не шелъ противъ интересовъ Франціи. Многіе только не довѣряли искренности ея императора и боялись, что въ его подвигѣ самоотверженія кроются завоевательные замыслы. Передъ какою же вооруженною Европой очутился бы онъ, еслибы продолжалъ идти къ цѣли, провозглашенной смѣло передъ свѣтомъ? Что же показалося ему такъ опасно для Франціи? Посредничество Пруссіи? Но почему же не принять его, тѣмъ болѣе, что въ немъ выразилось бы мнѣніе Англии и Россіи? почему не выслушать условій, конечно менѣе обременительныхъ для Италіи, чѣмъ тѣ, которыя придуманы двумя императорами? Тогда война прекратилась бы, какъ прекратилась теперь, но не было бы нарушенія императорскаго слова, не была бы Италія предана Австріи живьемъ, не было бы повода къ страшнымъ подозрѣніямъ, къ негодованію, къ горькому разочарованію. Если точно дѣло шло объ Италіи, въ чемъ мы и не желаемъ сомнѣваться послѣ всего того, что слышали отъ императора Французовъ, то неужели онъ находить пищу для своей славы и для славы Франціи въ томъ, чтобы распорядиться, хоть дурно, да самому, не спрашивая ни чьего совѣта и заранѣе оскорбляясь возможностью услышать его? Европа была вооружена не за тѣмъ, чтобы напасть на Францію, а чтобы сосредоточить войну въ мѣстности, указанной княземъ Горчаковымъ, и чтобы имѣть вліяніе на устройство Италіи. А что значитъ: надо было приступить откровенно къ содѣйствію революціи? Да развѣ императоръ Французовъ, вступивъ въ Сардинію, не приступилъ къ этому содѣйствію? да что же онъ защищалъ, какъ не революціонное начало? Онъ шелъ освободить народъ отъ иноземнаго ига, но это иго тяготѣло надъ народомъ въ силу закона, въ силу права, въ силу трактатовъ. Положимъ, что противная сторона нарушила трактаты прежде, положимъ, что она злоупотребила всѣми юридическими и человѣческими правами, но вѣдь вообще дѣйствовать во имя народа, отдѣляя его отъ правительства, называется, справедливо или нѣтъ, революціей. Какимъ же образомъ Лудовикъ-Наполеонъ хотѣлъ вещи и отступаетъ отъ ея опредѣленія? Не ужели союзъ съ Гарибальди, высадка въ Ливорно не указываютъ ясно на сущность дѣла? Да, именно, императоръ Французовъ посылалъ ихъ на смерть за революціонное начало. Но тутъ-то для будущаго, какъ мы имѣли случай замѣтить, было утѣшительно то, что это начало руководилось силою сверху, а не снизу, втѣснялось, такъ сказать, въ рамы законности и принимало совершенно иной характеръ. Этимъ нововведеніемъ могъ бы гордиться Лудовикъ,

Наполеонъ, а не отрицаться отъ него, тѣмъ болѣе, что отречься нельзя. Расширять предѣлы революціи — не настояло никакой надобности, да это и не было бы допущено. Къ чему же выдавать себя безпрестанно за какого-то хранителя тишины и порядка въ Европѣ? Къ чему повторять на разные тоны, что она пропадетъ безъ насъ, и намекать на то, что стѣбитъ мигнуть глазомъ, какъ революціи загорятся по всѣмъ угламъ Божьяго свѣта? Это не такъ уже легко дѣлается. Революціи потеряли уже кредитъ, и конечно Лудовикъ-Наполеонъ способствовалъ ихъ дурной славъ, показавъ новый примѣръ тѣхъ результатовъ, къ которымъ онѣ ведутъ. Мы вѣримъ, что императору Французовъ тягостно было вычеркнуть изъ его программы территорію, простирающуюся отъ Минчіо до Адриатическаго моря; мы не полагаемъ, что онъ безъ скорби разрушилъ въ сердцахъ честныхъ людей благородныя мечты, патріотическія надежды: но у насъ обливается сердце кровью не отъ этихъ надеждъ, которыя пронеслись,

Какъ дымъ по небу голубому,

не отъ пустыхъ грезъ и несбыточныхъ бредней! Мало ли людей сошло въ могилу, не выдавъ ихъ осуществленія? чѣмъ Италіянцы, страдающіе теперь, лучше Италіянцевъ, страдавшихъ нѣсколько столѣтій? Намъ прискорбно, что такая рѣчь была произнесена съ высоты человѣческаго величія. Чтò же долженъ сказать слабый, если такъ говорятъ сильные земли? Неужели атака непріятели съ фронта, осада крѣпостей, нейтральность земель, вооруженная Европа и наконецъ даже сердце, затрепетавшее сильнѣе о благѣ Франціи, чѣмъ о свободѣ Италіи, эти обстоятельства недоступныя человѣческой пронизательности, этотъ громъ, упавшій изъ яснаго неба, эти краснорѣчивыя фразы могутъ служить удовлетворительнымъ объясненіемъ неожиданнаго поступка? Гдѣ же ты, истина? гдѣ дно твоего колодезя? гдѣ стремленіе къ тому нравственному вліянію, о которомъ такъ беспокоился императоръ Французовъ въ своемъ восхитительномъ предисловіи къ войнѣ? Нейтральныя державы приглашаются въ Цюрихъ на конгрессъ. Конечно, ихъ присутствіе тамъ необходимо. Надо же кому-нибудь заняться редакціею мыслей, наскоро набросанныхъ двумя императорами за завтракомъ въ Виллафранкѣ, и изложить эти мысли правильнымъ, хорошимъ слогомъ. Ну, а что, если Англія, Россія и Пруссія погнѣются пускаться въ такой дальній путь? Мириться Франція съ Австріей имѣла полное право, нельзя сказать имъ: продолжайте драться; но устраивать судьбу Италіи не могли они вдвоемъ, наединѣ, въ тихомолку отъ другихъ. Это общее дѣло. Что же, если нейтральныя державы вмѣстѣ съ Сардиніей составятъ

конгрессъ, наберутъ мѣсто для его засѣданій и, не признавая существованія виллафранкскихъ проектовъ, пригласятъ Францію съ Австріей пожаловать туда для рѣшенія италіянскаго вопроса? Кажется, что въ дипломатіи нашего времени произойдутъ важныя перемѣны. Она обогатится, какъ многія науки, новыми истинами и вѣроятно признаетъ за правило, что должно заключать союзы съ планетами, которыя свѣтятъ, хотя не яркимъ, но равнымъ свѣтомъ, и искусно отдѣлываться отъ кометъ, несмотря на то, что отъ нихъ горитъ иногда огнемъ половина видимаго неба. Планету по крайней мѣрѣ всегда найдешь на своемъ мѣстѣ, путь ея извѣстенъ, а пути кометы неисповѣдимы. Сегодня она здѣсь, а завтра въ незримыхъ безднахъ пространства. Народы также не останутся безъ измѣненія въ понятіяхъ и скоро ничего не будутъ такъ боятся, какъ великихъ людей. Ну, говоря правду, на что они? Какая радость проводить время въ томъ, чтобы только удивляться и, хотябы человекъ принесъ въ жертву своимъ, все-таки мелкимъ разчетамъ, цѣлую страну, слышать безпрестанно одно и то же: «а согласитесь, что умень». Хорошіе люди нужнѣ великихъ людей. Не знаемъ, по какой связи мыслей намъ пришли теперь на память нѣкоторыя слова Талейрана. Когда Наполеонъ первый велѣлъ разстрѣлять герцога Энгіенскаго, Талейранъ сказалъ: *c'est plus qu'un crime, c'est une faute* (1), а когда Наполеонъ отправился въ Россію, то Талейранъ произнесъ пророческія слова: *c'est le commencement de la fin* (2).

Н. Павловъ.

СПРАВКИ КСТАТИ.

О память сердца, ты сильнѣй
Разсудка памяти печальной.

Батюшковъ.

I.

Въ 1848 году, декабря 20, на кафедрѣ французскаго національнаго собранія, провозглашенъ былъ результатъ выборовъ въ должность президента французской республики, при чемъ было объявлено, что большее число голосовъ (до 5.334.226), подано въ пользу Людовика-Наполеона Бонапарта, который и былъ сейчасъ признанъ президентомъ. Г. Маррастъ, президентъ собранія,

(1) Это болѣе чѣмъ преступленіе, это ошибка.

(2) Это начало конца.

пригласилъ Лудовика-Наполеона взойти на кафедру и присягнуть конституціи, по которой такая присяга требовалась отъ одного только лица во всей Франціи: новоизбраннаго президента республики. Лудовикъ-Наполеонъ явился на кафедру и твердымъ голосомъ произнесъ: «клянусь». Послѣ этого онъ сказалъ рѣчь, въ которой замѣчательнѣе всего слова: «я исполню свой долгъ, какъ честный человѣкъ.» (*Oeuvres de Napoleon III, Paris, 1856, tome 3, page 29*).

Въ 1851 году, 2 декабря, Лудовикъ-Наполеонъ, въ памагъ годовщины Аустерлица, и въ исполненіе этого долга, при помощи своихъ преторіанцевъ разогналъ штыками національное собраніе, арестовалъ бѣольшую часть лучшихъ людей, составлявшихъ честь и гордость Франціи, и возбудилъ междуусобную войну, которая обагрила кровью Парижъ. Въ это время устрашенные картечью Парижане читали вывѣщенную на домахъ прокламацію, въ которой Лудовикъ-Наполеонъ приглашалъ ихъ *согласиться* на перемѣну формы правленія, сущность которой состояла собственно въ томъ, чтобы вручить ему неограниченную диктатуру (*ibid. page 274*).

II.

Въ 1852 году, 9 октября, городъ Бордо давалъ банкетъ Лудовику-Наполеону, диктатору Франціи. Въ то время приближалась вождедѣнная для него минута, когда онъ считалъ возможнымъ возстановить имперію, названіе которой не могло нравиться Европѣ, знающей очень хорошо, что она можетъ существовать только подъ условіемъ безпрестанной войны. Надо было успокоить умы и увѣрить Францію, что она сама желаетъ имперіи. И вотъ Лудовикъ-Наполеонъ произноситъ на банкетъ рѣчь, въ которой опровергаетъ ложный по его мнѣнію страхъ и прибавляетъ: «нѣкоторые говорятъ: имперія—война. Я говорю: имперія—миръ» (*ibid. page 343*).

Въ 1854 году, 23 января императоръ Наполеонъ III писалъ къ нашему государю знаменитое свое письмо, которое можно считать объявленіемъ той войны, продолжавшейся около двухъ лѣтъ и стоившей Европѣ сотенъ тысячъ людей (*ibid. page 377*).

III.

Въ нынѣшнемъ 1859 году, 3 мая, императоръ Наполеонъ III, выдавая себя за освободителя Италіи, издалъ прокламацію, въ которой торжественно говорилъ: «Италія должна быть свободна до Адриатическаго моря... цѣль этой войны состоитъ въ томъ,

чтобы возвратить Италіи независимость» и пр. (*Московскія Вѣдомости*, 1859, № 102, стр. 760.)

Прошло съ небольшимъ два мѣсяца; австрійская армія разбита при Маджентѣ и Сольферино; Французы за Минчіо; вся Европа увѣрена, что Австрія нечего и думать отстоять свой четырехугольникъ и Венецію; Англія изъявляетъ свое сочувствіе дѣлу Италіи; Германія начинаетъ успокоиваться. Вдругъ Наполеонъ проситъ свиданія съ Францомъ-Иосифомъ, «для власти котораго опасенъ каждый клочокъ земли въ Италіи, сохранившій независимость», по словамъ самого же Наполеона. 12-го іюля они сѣзжаются въ Виллафранкѣ и послѣ умилительныхъ изліаній чувствъ, передъ букетомъ цвѣтовъ, соглашаются ввести въ политическую систему Европу новое учрежденіе, распорядясь судьбами государей и народовъ по своему произволу, при чемъ *освободитель Италіи* оскорбляетъ лучшаго ея представителя и своего союзника, а несчастную Италію соглашается поработить ненавистному австрійскому игу еще сильнѣе прежняго и ужь не *de facto*, а *de jure*. (*Московскія Вѣдомости*, 1859, № 156, стр. 1.171.)

IV.

Наполеонъ III, за *несправедливость* къ нему, сдѣлалъ 19 іюля выговоръ Европѣ въ лицѣ дипломатическаго корпуса. (*Московскія Вѣдомости*, 1859, № 170, стр. 1.272.) Онъ думаетъ давать уроки государствамъ, которыхъ образъ правленія не зависитъ отъ случайностей, грозящихъ *одному лицу*, и которыя потому болѣе надежны въ политическомъ мірѣ чѣмъ импровизированная имперія. Къ счастью изъ всѣхъ этихъ государствъ подувааетъ вѣтеръ не совсѣмъ благопріятный для виллафранкскихъ рѣшеній, гдѣ, по французскому выраженію, *on a compté sans son hôle*. Не даромъ въ лицѣ Кавура вышла такъ-сказать въ отставку изъ наполеоновской службы вся Италія.

Надѣмся, что намъ не нужно ставить подъ нашими справками: *продолженіе впрѣдъ*.

М. Лонгиновъ.

Москва.

19 іюля 1859 года.

ПО ПОВОДУ НОВАГО КРЕДИТНАГО ОБЩЕСТВА.

Въ *Journal de St. Pétersbourg* напечатано:

• Мы узнали, что Государь Императоръ утвердилъ статутъ вновь учреждаемаго Главнаго Банковаго и Торговаго Общества въ Петербургѣ, съ капиталомъ въ 200 милліоновъ франковъ, раздѣленныхъ на 400.000 акцій по 500 фр. каждая.

• Основатели этого общества суть: баронъ Габеръ, правитель дармштадтскихъ банковъ, г. Ганземанъ, бывший министръ финансовъ въ Пруссіи и теперь главный директоръ Учетнаго Банка въ Берлинѣ, и баронъ Мюленсъ.

Спѣшимъ передать это извѣстіе нашимъ читателямъ, въ увѣренности, что оно будетъ принято всѣми съ большимъ удовольствіемъ. Въ публикѣ уже довольно распространено здравыхъ понятій о потребностяхъ нашего сельскаго хозяйства и нашей промышленности. Всѣ уже говорятъ въ одинъ голосъ, что наша экономическая жизнь страдаетъ преимущественно отъ недостатка кредита, этой великой силы, облегчающей до неизмѣрной степени промышленныя предприятия и обороты въ образованныхъ странахъ Стараго и Новаго Свѣта. Очень рѣдко уже стали раздаваться въ нашей литературѣ голоса людей, ожидающихъ спасенія нашей промышленности отъ системы покровительства. Эти люди отсталые, люди очень сомнительной добросовѣстности, только по временамъ испускаютъ нѣжные вздохи о прежнемъ тарифѣ, и благоразумная публика начала уже понимать, что въ глубинѣ этихъ вздоховъ таится ничто иное, какъ желаніе стѣснить наше сельское хозяйство, эту главную нашу промышленность, и безъ того сильно страждущую, въ пользу не многихъ людей, которымъ хотѣлось бы такъ же быстро богатѣть отъ фабрикъ, какъ иные богатѣютъ отъ откуповъ. Истинные друзья фабричной дѣятельности ожидаютъ успѣха ея отъ мѣръ, которыя будутъ равно полезны и ей, и сельскому хозяйству. Нашимъ фабричнымъ заведеніямъ довольно трудно конкурировать съ иностранными отнюдь не потому, что будто бы у насъ принимается черезъ-чуръ уже мало мѣръ, поддерживающихъ дороговизну товаровъ. На черезмѣрную дешевизну предметовъ потребления у насъ грѣхъ жаловаться. Серіозный и доброжелательный взглядъ на дѣло долженъ напротивъ того изыскивать причины, почему наши фабриканты не могутъ продавать свои товары еще дешевле, чѣмъ теперь. Еслибы подешевѣли фабрики, то это было бы большимъ благодѣяніемъ для всѣхъ покупателей, которыхъ, какъ извѣстно, гораздо

больше, нежели фабрикантов, и въ то же время сами фабриканты были бы поставлены въ положеніе болѣе независимое отъ иностранной конкуренціи и отъ возможныхъ пониженій тарифа. Но для того, чтобы фабриканты могли подешевѣть безъ ущерба для выгоды фабрикантовъ, нужно уменьшеніе издержекъ производства. Желаніе достигнуть этой цѣли прежде всего должны хлопотать объ устраненіи по возможности всѣхъ безплодныхъ издержекъ, всѣхъ этихъ *faux frais*, которыхъ тяжесть наши промышленники чувствуютъ гораздо болѣе, нежели промышленники иностранные, конкурирующие съ ними. Большая часть этихъ пустыхъ издержекъ, которые значатся въ фабричныхъ счетахъ прибыли и убытка подъ именемъ «безгласныхъ» или «частныхъ» расходовъ, подъ именемъ «похищеннаго имущества» или «безнадежныхъ долговъ», «долговъ на рабочихъ», «долговъ на отозванныхъ безсрочно-отпускныхъ», наконецъ подъ именемъ «пожертвованій», устранится сама собою вслѣдствіе улучшеній въ полицейскомъ устройствѣ. Такой шагъ впередъ будетъ для самихъ фабрикантовъ полезнѣе, нежели возвышеніе пошлинъ, и въ то же время онъ полезенъ не для нихъ однихъ, а для всѣхъ согражданъ. Можно найти у насъ много подобныхъ обстоятельствъ, равно невыгодныхъ и для фабриканта, и для сельскаго хозяина, и равно замедляющихъ успѣхи какъ фабричной, такъ и сельской промышленности. Одно изъ главныхъ мѣстъ въ ряду этихъ обстоятельствъ занимаетъ почти совершенное отсутствіе кредита. Иностранные промышленники, которымъ доводится разсматривать счетныя книги нашихъ промышленниковъ, выражаютъ крайнее удивленіе громадности оборотнаго капитала, требующагося у насъ для того, чтобы заведеніе могло имѣть хорошій ходъ. Всѣ мы сами знаемъ, что застой нашего сельскаго хозяйства, которое идетъ теперь у насъ не впередъ, какъ въ другихъ мѣстахъ, а назадъ, потому что земля у насъ истощается, а не улучшается, происходитъ отъ недостатка оборотнаго капитала, и что значительная часть разорившихся промышленниковъ разорились отъ неимѣнія достаточнаго оборотнаго капитала. Оба эти явленія, и чрезмерная потребность въ оборотномъ капиталѣ, и невозможность имѣть потребный оборотный капиталъ, происходятъ отъ недостатка кредита.

Съ той экономической точки зрѣнія, которую мы считаемъ за единственно вѣрную, кредитъ могъ бы оказывать вполне удовлетворительную помощь нашей промышленности въ томъ лишь случаѣ, еслибы сдѣлался достояніемъ совершенно свободной конкуренціи. Чѣмъ дешевле будутъ обходиться для промышленности услуги кредита, тѣмъ, конечно, будетъ легче промышленникамъ, и тѣмъ успѣшнѣе будетъ наша промышленность конкурировать съ иностранною. Для дешевизны кредита

необходимы два условія, соответствующія двумъ составнымъ частямъ роста платимаго за капиталъ, — страховой преміи и интереса собственно за капиталъ.

Первый изъ этихъ элементовъ, страховая премія, находится въ зависимости отъ средствъ взысканія, доставляемыхъ гражданскимъ законодательствомъ и судоустройствомъ страны. При неудовлетворительномъ состояніи этихъ условій, рискъ ссужающаго бываетъ иногда такъ великъ, что можетъ принудить его совершенно воздерживаться отъ ссудъ. Въ этомъ случаѣ единственное средство для того, чтобы дать движеніе капиталамъ, состоитъ въ учрежденіи ссудныхъ казенъ, пользующихся разными привилегіями по взысканію своихъ ссудъ. Такія учрежденія могутъ предлагать вкладчикамъ какіе угодно проценты; вкладчики будутъ уступать имъ свои капиталы на самыхъ невыгодныхъ для себя условіяхъ, лишь бы только избавиться отъ риска, сопряженнаго съ довѣріемъ къ частнымъ лицамъ. Повидимому, это было бы выгодно для заемщиковъ, потому что ссудная казна, платя вкладчикамъ низкіе проценты, получаютъ возможность раздавать ссуды также по низкимъ процентамъ. Но въ сущности такая монополія кредита должна оказывать крайне вредное дѣйствіе на промышленность и торговлю. Ссудная казна, по своему казенному характеру, могутъ дѣйствовать лишь на основаніи строгаго регламента. Это неумолимая судьба, не хотящая и не могущая ничего знать о жизни и ея разнообразныхъ обстоятельствахъ и потребностяхъ. Ссуду получить лишь тотъ, кто имѣетъ на нее право, а не тотъ, кто можетъ хорошо ею воспользоваться, и кто дѣйствительно въ ней нуждается. Кредитъ перестаетъ быть живою силой, приравливающеюся къ жизни и служащею нуждамъ ея. А такъ какъ всѣ капиталы привлекаются этимъ порядкомъ въ ссудную казну, то предложеніе капиталовъ въ живомъ обществѣ уменьшается, капиталы въ частныхъ ссудахъ становятся дороже, и къ высокой страховой преміи, платимой за рискъ по взысканію, присоединяется высокій интересъ съ капитала, платимый за то, что число капиталовъ, предлагаемыхъ для услугъ частной промышленности и торговли, стало недостаточно. При такомъ состояніи дѣлъ невозможны ни успѣхи промышленности, ни удачная конкуренція съ иноземною промышленностью. Можно сказать, что возрастаніе числа вкладовъ въ казенныхъ кредитныхъ установленіяхъ обратно пропорціонально возрастанію живаго частнаго кредита, а такъ какъ промышленность, для живаго движенія своего, нуждается именно въ частномъ кредитѣ, и такъ какъ, при теперешнемъ участіи кредита въ европейской промышленности, успѣхи промышленности рѣшительно невозможны безъ пособія частнаго кредита, то можно сказать, что возрастаніе числа вкладовъ въ казенныхъ кредитныхъ установленіяхъ обратно пропор-

ционально успѣхамъ промышленности. Оживить промышленность можно лишь упроченіемъ частнаго кредита посредствомъ личныхъ мѣръ, которыя обезпечивали бы скорое и правосудное рѣшеніе дѣлъ по долговымъ обязательствамъ и облегчали бы заключеніе долговыхъ обязательствъ, черезъ расширеніе круга лицъ, имѣющихъ право пользоваться тѣми формами долговыхъ обязательствъ, которыя признаны за удобнѣйшія для кратковременныхъ займовъ, особенно полезныхъ въ промышленности и торговлѣ, и для займовъ на продолжительные сроки, дающихъ возможность производить капитальныя улучшенія въ недвижимыхъ имѣніяхъ,—то-есть черезъ расширеніе правоспособности къ векселямъ съ одной стороны и къ закладнымъ съ другой.

Въ настоящее время, здѣсь въ Москвѣ, трудно получить займы деньги *подъ вѣрные залоги* иначе какъ по 8% съ платою пошлины со стороны заемщика, между тѣмъ какъ слишкомъ тысяча милліоновъ лежитъ въ кредитныхъ установленіяхъ, платящихъ по 3% и освобожденныхъ отъ платежа пошлины въ пользу государства по выдаваемымъ ими обязательствамъ. Это значитъ, что люди, имѣющіе вѣрные залоги и слѣдовательно заслуживающіе хорошаго кредита, платятъ 5% преміи за разныя неудобства ссуды и преимущественно за трудность взыскапія, къ которому они можетъ-быть и не подадутъ повода. Можетъ ли хорошо идти промышленность, можетъ ли духъ предпріимчивости находить себѣ просторъ при такомъ состояніи кредита?

Если пониженіе страховой преміи зависитъ отъ законодательныхъ мѣръ, то пониженіе другой составной части процентовъ, платимыхъ за наемъ капиталовъ,—собственно интереса на капиталѣ,—не можетъ быть достигнуто ни чѣмъ другимъ, кромѣ конкуренціи. Чтобы конкуренція капиталовъ, при данномъ количествѣ ихъ, увеличилась, этому болѣе всего можетъ содѣйствовать многочисленность тѣхъ мѣстъ и лицъ, которыя занимаются посредничествомъ между людьми, предлагающими капиталы, и людьми, нуждающимися въ нихъ. Эти мѣста и лица суть банки и банкиры. Они принимаютъ капиталы отъ вкладчиковъ, выдаютъ имъ обязательства на себя и полученные такимъ образомъ капиталы ссужаютъ заемщикамъ, отъ которыхъ принимаютъ обязательства въ свою пользу, такъ что вкладчики и заемщики имѣютъ дѣло не непосредственно между собою, а съ банками или банкиромъ. Вкладчики не спрашиваютъ о кредитѣ заемщиковъ, они вѣрятъ банку, и ему уже предоставляютъ всѣ развѣдки о томъ, въ какой мѣрѣ заемщики заслуживаютъ довѣрія. Равнымъ образомъ и заемщики имѣютъ дѣло только съ банкомъ и заботятся лишь о томъ, чтобы банкъ считалъ ихъ заслуживающими довѣрія. И тѣ и другіе вознаграждаютъ банкъ за эти услуги тѣмъ, что банкъ дѣлаетъ ссуды за процентъ нѣсколько болѣе значи-

тельный, нежели тотъ процентъ, который онъ платитъ за вклады. Для опредѣленія вознагражденія, слѣдующаго банку, также нѣтъ никакого другаго правильнаго средства, кромѣ конкуренціи. Чѣмъ больше банковъ, тѣмъ слѣдовательно выгоднѣе для заемщиковъ. Чѣмъ болѣе внутреннее устройство банковъ позволяетъ имъ вѣрно взвѣшивать кредитъ промышленниковъ и шансы промышленныхъ предпріятій; тѣмъ болѣе пользы могутъ банки оказать промышленности. Самыми благопріятными для промышленности условіями по части кредита будутъ тѣ, при которыхъ легко основывать банки такого устройства, чтобъ они находились въ наиболѣе тѣсныхъ связяхъ съ промышленною жизнію общества и наименѣе были ограничены какъ посторонними, такъ и своими собственными регламентами. Казенные банки наименѣе соотвѣтствуютъ этой цѣли. Наиболѣе соотвѣтствуютъ ей, по нашему мнѣнію, банки, учреждаемые частными лицами на правѣ полного товарищества, то есть банки въ родѣ шотландскихъ банковъ, которымъ обязана своимъ процвѣтаніемъ эта страна, отъ природы крайне бѣдная. Акціонерные банки дѣйствуютъ свободнѣе нежели казенные, потому что ихъ правленію дается обыкновенно болѣе полномочія, нежели сколько можетъ быть дано чиновникамъ. Но директоры не могутъ распоряжаться имуществомъ акціонеровъ съ тою свободою, съ какою распоряжаются полные товарищи своимъ собственнымъ имуществомъ. Кромѣ того, акціонеры отвѣтствуютъ за обороты банка только своимъ вкладомъ, тогда какъ полные товарищи рискуютъ всѣмъ своимъ состояніемъ: поэтому съ одной стороны фирма полныхъ товарищей можетъ пользоваться гораздо болѣе кредитомъ, нежели акціонерное общество, а съ другой стороны полные товарищи бдительнѣе остерегаются ошибокъ и недосмотровъ, нежели директоры акціонернаго общества, какъ бы ни велико было право надзора за ихъ дѣйствіями, предоставленное акціонерамъ.

У насъ вообще нѣсколько преувеличиваютъ значеніе акціонерныхъ обществъ, и въ размноженіи акціонерныхъ обществъ не рѣдко видятъ признаки успѣховъ благосостоянія, которыхъ вовсе не окажется, если подвергнуть дѣло строгому анализу. Къ акціонернымъ обществамъ могутъ приливать капиталы просто, чтобы спастись отъ застоя и отъ разныхъ другихъ невзгодъ и опасностей. Капиталамъ приходится иногда искать пріюта себѣ и отдавать себя на произволъ акціонерныхъ компаній почти изъ тѣхъ же побужденій, изъ которыхъ въ старину люди шли въ кабалу, ища себѣ защиты и куска хлѣба. Нельзя по крайней мѣрѣ утверждать, чтобъ этотъ видъ наружнаго преуспѣянія акціонерныхъ обществъ былъ вовсе не мыслимъ.

Цѣлю нашихъ стремленій на пользу отечественной промышленности должно быть упроченіе частнаго кредита, при совер-

шенно свободной конкуренціи частныхъ банковъ. Мы очень хорошо понимаемъ, что эта цѣль не можетъ быть достигнута въ очень скоромъ времени, и потому мы видимъ большой шагъ впередъ въ Высочайше дозволенномъ учрежденіи акціонернаго общества, основаннаго гг. Габеромъ, Ганземаномъ и Мюленсомъ въ Петербургѣ. Мы привѣтствуемъ этотъ новый шагъ Россіи на пути успѣха и ожидаемъ отъ новаго общества дѣятельности болѣе живой, нежели какая была возможна для нашихъ казенныхъ кредитныхъ установленій. Но въ то же время надобно ясно сознавать, что всѣ усилія должны клониться къ тому, чтобы по мѣрѣ возможности все болѣе и болѣе устранять многочисленныя препятствія, задерживающія свободную конкуренцію въ дѣлѣ кредита, и всячески воздерживаться отъ введенія новыхъ монополій и привилегій: монополіи доставляютъ иногда временные блестящіе результаты, но всегда оказываются вредными въ послѣдствіи и никогда не обходятся безъ горькихъ плодовъ.

Замѣтимъ въ заключеніе, что учетные банки не могутъ ни преуспѣвать, ни оказывать значительнаго пособія промышленности, если не имѣютъ возможности выдавать векселя на предъявителя съ обязательствомъ уплаты по предъявленіи. Такіе векселя, или какъ обыкновенно называютъ, банковыя ноты (кредитные билеты), не могутъ имѣть хода въ странѣ, гдѣ слишкомъ много бумажныхъ денегъ, и гдѣ слѣдовательно не можетъ быть спроса на такія обязательства. Изъятіе временно выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ изъ обращенія, постановленное указомъ 10 января 1855 года, есть необходимое условіе дѣйствительныхъ успѣховъ частнаго кредита, какъ и вообще всего, что касается экономической жизни Россіи. О чемъ бы мы ни заговорили, вездѣ мы придемъ къ этому *ceterum censeo* настоящей минуты.

ЗАМѢТКА.

По поводу недавно-изданныхъ *Разказовъ и очерковъ* С. Вахновской, въ фельетонѣ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* (№ 155), а за тѣмъ въ нѣкоторыхъ книгопродавческихъ объявленіяхъ, было сказано, что эти *Разказы* принадлежатъ той самой писательницѣ, которая подъ своими повѣстями подписывала имя Кохановской. Повѣсти Кохановской служили не разъ украшеніемъ *Русскаго Вѣстника*, и редація этого журнала считаетъ своею обязанностью объяснить, на основаніи самыхъ положительныхъ данныхъ, что псевдонимы Вахновской и Кохановской принадлежатъ *двумъ различнымъ авторамъ*.

Публика можетъ быть введена въ заблужденіе случайнымъ сходствомъ именъ. Предостерегая ее, мы исполняемъ нашъ долгъ въ отношеніи къ уважаемой нами писательницѣ и къ нашимъ читателямъ.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ «РУССКАГО ВѢСТНИКА».

М. Г.

Позвольте прибѣгнуть въ дѣлѣ, хотя и незначительномъ, но имѣющемъ общественный интересъ, къ посредству вашего журнала, какъ независимаго и безпристрастнаго органа благотельной гласности.

Въ газетной экспедиціи, состоящей при Тифлисской почтовой конторѣ, я подписался на газету *Indépendance Belge* на нынѣшній 1859 годъ съ тѣмъ, чтобы газету эту адресовали прямо изъ С.-Петербурга *черезъ Ставрополь-Кавказскій въ укрѣпленіе Нальчикъ* (на Кавказской линіи), служащее мѣстопробываніемъ начальника Кабардинскаго округа. По географическому положенію, оно находится между Екатериноградомъ и Ставрополемъ съ одной стороны, то-есть со стороны Петербурга, и Владикавказомъ съ другой,—со стороны Тифлиса. Хотя почтовому вѣдомству можетъ быть извѣстенъ, лучше всякаго другаго, каждый уголокъ нашей обширной Россіи, но петербургскій почтамтъ нашелъ нужнымъ сдѣлать запросъ тифлисской экспедиціи, куда должна быть адресуема газета, на которую я подписался,—и я въ свою очередь повторилъ мою покорнѣйшую просьбу: выслать *Indépendance Belge* изъ Петербурга *черезъ Ставрополь*, въ укрѣпленіе Нальчикъ, такому-то. Я думалъ, что послѣ этого подписчикъ начнетъ наконецъ получать газету своевременно. Чтò же вышло? Недавно я получилъ жалобу моего нальчикскаго подписчика, что газета высылается на его имя изъ Петербурга въ *Тифлисъ*, изъ Тифлиса идетъ обратно въ *Ставрополь* и изъ Ставрополя уже отправляется въ Нальчикъ. Взглянувъ на карту, всякій можетъ увидѣть, сколько лишнихъ верстъ дѣлаетъ несчастная газета. Она опаздываетъ ни больше, ни меньше, какъ 20-ю днями противъ надлежащаго срока.

Надѣюсь, что вы не откажете удѣлить этимъ строкамъ, оправдывающимъ меня передъ моимъ подписчикомъ, мѣстечко въ вашемъ журналѣ.

Примите и пр.

Г. Беренштамъ,
тифлисскій книгопродавецъ

Тифлисъ.

17 іюля, 1859.

СОВРЕМЕННАЯ ЛЪТОНИСЬ .

ВЕЛИКІЯ ГЕОГРАФИЧЕСКІЯ ОТКРЫТІЯ ВЪ ПОСЛѢДНЕЕ

ДЕСЯТИЛѢТІЕ (1).

II.

Съ интереснымъ плаваніемъ Макъ-Клюра непосредственно совпадаютъ открытія, сдѣланныя эскадрою сэръ-Эдварда Бельчера, тою самою, которая спасла экипажъ съ *Ивестигатора*. Въ 1852 году она отправилась въ арктическія страны и состояла изъ пяти кораблей: *Ассистенсъ*, пароходъ *Пиониръ*, *Резолютъ*, пароходъ *Интрепидъ* и *Нортъ-Старъ*. Изъ нихъ только одинъ вернулся назадъ, потому что четыре корабля были затерты льдомъ въ полярномъ морѣ, за что сэръ-Эдвардъ и его офицеры по своемъ возвращеніи преданы были военному суду. Вотъ причина, почему подвиги этихъ мореплавателей такъ мало оцѣнены; бросить корабль на произволъ судьбы считается, хотя часто и неосновательно, но считается дѣломъ зазорнымъ, пятномъ на славу моряка. Августа 21 дня 1852 года сэръ-Эдвардъ Бельчеръ достигъ до острова Бичи, гдѣ съ 1845 на 1846 годъ зимовалъ Франклинъ. Островъ Бичи лежитъ въ такъ-называемой бухтѣ Эреба и Террора (имена Франклиновыхъ судовъ) на юго-западномъ углу большаго острова Нортъ-Девона. Если вступить изъ Баффиновой бухты въ Ланкастерскій зундъ и идти далѣе на западъ по Баррову проливу, то во все время этого плаванія будетъ находиться на правой рукѣ одинъ большой островъ, котораго южный берегъ, обращенный къ Ланкастерскому зунду и проливу Барро, имѣетъ почти прямое направленіе съ востока на западъ. Этотъ большой островъ есть Нортъ-Девонъ, и близъ западнаго угла его находится малая бухта Эреба и Террора, внутри которой лежитъ островъ Бичи. Здѣсь, по предварительному распоряженію, былъ отдѣленъ отъ эскадры и оставленъ транспортъ *Нортъ Старъ*. Прочіе же корабли разошлись въ разныя стороны. Два изъ нихъ, *Резолютъ* и *Интрепидъ*, продолжали плаваніе прямо на западъ по проливу Барро и дошли до Мельвиллева острова, который въ то время считался самымъ западнымъ концомъ арктическаго міра; тамъ они выбрали себѣ для зимовки островъ Дили, не много повосточнѣе знаменитой Парривой *Зимней гавани*. Остальные два корабля, подѣ

(1) См. *Русскій Вѣстникъ*, № 19.

начальствомъ сэръ-Эдварда Бельчера и Осборна, отъ острова Бичи стали подвигаться къ сѣверу вверхъ по Веллингтонову каналу, имѣя у себя вправѣ островъ Нортъ-Девонъ. За годъ передъ тѣмъ отыскиватели Франклина обследовали берега, лежащіе на сѣверъ отъ большаго арктическаго поперечнаго пути, который, если идти съ запада къ востоку, образуется Банковымъ проливомъ, Мельвилевымъ зундомъ, проливомъ Барро и Ланкастерскимъ зундомъ. На всемъ этомъ протяженіи они всюду встрѣчали ведущіе на сѣверъ проходы, или другими словами, весь сѣверный берегъ большаго поперечнаго пути распадался на острова. Въ это же самое время изъ Батфинова залива, сѣвернѣе Ланкастерскаго зунда и южнѣе Смитова зунда, былъ открытъ новый путь къ сѣверо-западу, Джонсовъ зундъ. Этотъ Джонсовъ зундъ ограничиваетъ островъ Нортъ-Девонъ съ сѣвера. Позади всѣхъ этихъ береговъ, которые видѣлъ еще Парри, лежало второе море, куда было столько же проѣздовъ, сколько находилось острововъ между этимъ моремъ и проливомъ Барро. Островъ этихъ много; главные изъ нихъ суть на востокѣ островъ Нортъ-Девонъ, на западѣ—Мельвилевъ островъ. Между ними лежитъ одинъ очень большой островъ, названный Корнваллисомъ, и отдѣленный отъ Нортъ-Девона Веллингтоновымъ каналомъ. Какъ Веллингтоновъ каналъ, такъ и Джонсовъ зундъ, а равно и всѣ проливы, идущіе на сѣверъ отъ большаго арктическаго поперечнаго пути, ведутъ, какъ надобно теперь полагать, въ арктическое море. По этому второму морю еще не плавалъ ни одинъ мореплаватель, но арктическіе путешественники привезли домой вѣсть, что это море, кажется, льдомъ не затерто и сравнительно можетъ быть названо открытымъ. Такая вѣсть и разныя другія обстоятельства навели на предположеніе, что на самомъ дальнемъ сѣверѣ находится уже не земля, а океанъ, и что эта вода никогда совершенно не замерзаетъ, или по крайней мѣрѣ долго стоитъ, не подергиваясь льдомъ.

Въ числѣ узкихъ зундовъ, что ведутъ изъ пролива Барро на сѣверъ, есть одинъ, который раздѣляетъ, какъ мы сказали, островъ Нортъ-Девонъ отъ острова Корнваллисса. Этотъ зундъ въ различныхъ своихъ частяхъ именуется Веллингтоновымъ каналомъ, Королевинымъ каналомъ и проливомъ Пенни. По немъ-то пошли вверхъ Бельчеръ и Осборнъ, и въ Нортomberландскомъ зундѣ принялись отыскивать себѣ гавань для зимовки. Нортomberландскій зундъ есть не что иное какъ островами защищенная бухта, лежащая на Гринеллевой землѣ (подъ 76° 45' сѣверной широты и подъ 99° западной долготы отъ Парижа), а Гринеллева земля есть большой арктическій островъ, который узкою расѣлиною отдѣленъ отъ сѣверо-западнаго угла

Нортъ-Девона. Гавань для зимовки была найдена 17 августа 1852 года, но къ сожалѣнію дальнѣйшаго пути къ сѣверу корабли не продолжали, хотя время года было еще очень благоприятно. Къ сѣверу и сѣверо-западу разстилось море, и при томъ море полярное, какъ можно было заключить по свободнымъ движеніямъ приливовъ и отливовъ. Изъ непростительной робости безъ всякой пользы были пропущены драгоценные дни, хотя море, къ сѣверу чистое и открытое, никакихъ преградъ кораблямъ не представляло. Только 24 человѣка съ лодками на саняхъ отправлены были въ экскурсію къ сѣверу. Въ этихъ лодкахъ, отъ Гринеллевои земли на сѣверъ, они проѣхали по полярному морю и открыли тамъ пару маленькихъ острововъ и одинъ большой островъ, Нортъ-Корнваллисъ, который, казалось, простирался до 78 градуса сѣверной широты. Кромѣ этихъ разъединенныхъ острововъ, и къ западу и къ востоку, и къ сѣверо-западу и къ сѣверо-востоку, повсюду было *видно одно только море*. Въ этой части полярнаго океана приливъ шелъ отъ востока къ западу, — доказательство, что воды эти находились въ непосредственной связи съ Джонсовымъ зундомъ и Баффиновою бухтой. На сѣверномъ берегу Гринеллевои земли, подъ 77° сѣверной широты были найдены *развалины строеній*, которыхъ стѣны были такъ правильно выведены, что невольно приходилось усомниться, дѣйствительно ли онѣ работа нынѣшнихъ Эскимосовъ. Растительность была сравнительно роскошна; она состояла изъ травы, мховъ и кислицы; а арктической міръ животныхъ вездѣ являлся довольно многочисленнымъ.

Весною 1853 года съ обоихъ зимовищъ начались большія санныя экспедиціи. Здѣсь не мѣсто исторически излагать весь ходъ этихъ предпріятій; ихъ результаты можно видѣть на картѣ, которую британское адмиралтейство обнародовало, основываясь на этихъ путешествіяхъ. Земля, лежащая къ сѣверу отъ пролива Барро и Мельвиллева зунда, то-есть къ сѣверу отъ такъ-называемаго большаго поперечнаго пути, состоятъ изъ четырехъ большихъ острововъ. Считая ихъ съ востока на западъ, они идутъ въ слѣдующемъ порядкѣ: Нортъ - Девонъ съ Гринеллевою землею, островъ Корнваллисъ, островъ Мельвилль и островъ принца Патрика, который въ настоящее время есть *ultima Thule* полярнаго моря. Сѣверные мысы этихъ острововъ всѣ болѣе или менѣе приближаются къ 77 градусу сѣверной широты, одинъ лишь островъ Патрика далеко переступаетъ за эту параллель, слишкомъ на 37'. Что касается до береговыхъ линій, то онѣ на карту перенесены точно и вѣрно только тамъ, гдѣ берегъ круто поднимается прямо съ моря; но гдѣ берегъ отлогъ и низменъ, тамъ границу между сушею и моремъ отличить было трудно, иногда даже вовсе невозможно, потому что и суша и море одина-

ково были завалены снѣгомъ и льдомъ, лежали подъ однимъ все скрывшимъ и сгладившимъ уровнемъ. Одна изъ этихъ экспедицій съ своей якорной стоянки изъ Нортomberландскаго зунда отправилась мимо сѣверныхъ береговъ острова Корнваллиса и мимо Сабинова полуострова (на Мельвиллевомъ островѣ), къ зимовищу обонхъ другихъ кораблей и оттуда вернулась опять назадъ. А съ этого зимовища посланы были на островъ Патрика двѣ отдѣльныя экспедиціи, одна къ сѣверной оконечности, другая къ южной оконечности острова, такъ что обѣ экспедиціи производили свои развѣдки по западному берегу острова Патрика, и не много не дошли одна до другой. Изъ этихъ санныхъ экспедицій одна, чтó была подъ начальствомъ командора Ричардса, продолжалась 94 дня и пршшла пространство длиною въ 808 морскихъ миль, между тѣмъ какъ Осборнъ свое санное путешествіе показалъ въ 1208 миль, такъ-что всѣ прежнія предпріятія этого рода помрачены этими двумя поѣздками. Мы укажемъ здѣсь только на самыя замѣчательныя наблюденія, сдѣланныя во время этихъ путешествій, путешествій, которыя *кончились совершенно благополучно безъ малѣйшаго несчастнаго случая*. Сэръ-Эдвардъ Бельчеръ, все подаваясь къ востоку, нашель, что Гриннеллева земля отъ сосѣдственнаго ей острова Нортъ-Девона отдѣлена узкимъ проливомъ, Артуровымъ зундомъ. По сѣверному берегу, то-есть подъ 76° 27' сѣверной широты, сэръ-Эдвардъ добрался до 92 градуса западной долготы отъ Парижа, и тамъ, 20 мая 1853 года, увидѣлъ къ востоку *разстилающееся открытое море*, которое по всей вѣроятности должно было соединяться съ Джонсовымъ зундомъ. Это открытіе тогда показалось чрезвычайно важнымъ. Надо вспомнить, что всѣ мореплаватели, которые съ азиатской стороны черезъ Беринговъ проливъ хотѣли проникнуть въ арктической архипелагъ, подъ 72 или непременно подъ 73 градусомъ сѣверной широты всегда встрѣчали неподвижныя массы льда, даже въ августѣ, въ этомъ кульминаціонномъ пунктѣ полярнаго лѣта. Въ проливѣ Пенни и въ сѣверной части канала Біамъ Мартина (отдѣляющаго Мельвиллевъ островъ отъ острова Корнваллиса) трещины льда и прибывающія вода показались уже въ маѣ. Но бухты по сѣверному берегу были полны весьма стародавнимъ льдомъ, который прямо давалъ поводъ предположить, что всѣ эти закрытые заливы никогда отъ льда не освобождаются. Лейтенантъ Мичамъ, который обследовалъ большую часть западнаго берега на островѣ Патрика, точно также замѣтилъ, что сплошной ледъ, или сравнительно долге держащійся ледяной покровъ океана, простирается вплоть до самаго берега. Поэтому тамъ все кажется мертво, неподвижно, погружено въ вѣчное оцѣпенѣніе, хотя вліяніе лѣта и механическія силы иногда

и могутъ на короткое время производить въ ледяномъ покровѣ разныя разстланы и полынья. Очень удачно и вѣрно выразился недавно г. В. Дове: «Если ближайшее изслѣдованіе глетчеровъ намъ показало, что лежащія на твердой почвѣ ледяныя массы, съ перваго взгляда представляющія образъ величественнаго покоя, находятся въ постоянномъ движеніи, то совершенно справедливо будетъ принять, что твердыя ледяныя барьеры на морѣ еще менѣе имѣютъ въ себѣ условій абсолютнаго покоя.» На западномъ берегу острова принца Патрика былъ усмотрѣнъ только одинъ признакъ, свидѣтельствовавшій о близости полярнаго моря; къ сѣверу и западу небо было покрыто густыми облаками, между тѣмъ какъ на востокъ свѣтлѣлъ такъ-называемый ледяной отблескъ (ice-blink). Арктическіе мореплаватели всѣ единодушно увѣряютъ, что понебу можно узнать на жидкой ли, или на твердой поверхности покоится слой воздуха въ такой-то сторонѣ, и поэтому они отличаютъ *ледяное небо* отъ *воднаго неба*. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ никакихъ животныхъ, кажется, совершенно не было; по крайней мѣрѣ у сѣверныхъ береговъ представители этого міра попадались чрезвычайно рѣдко. Напротивъ того на западномъ краѣ Мельвиллева острова была найдена гусеница, а потомъ, спустя нѣсколько времени, черный паукъ. Въ продолженіи этихъ развѣдочныхъ экспедицій было встрѣчено птицъ слишкомъ 30 различныхъ родовъ; но появленіе этихъ пернатыхъ на столь дальнемъ сѣверѣ объясняется легко; у нихъ нѣтъ одного постоянного мѣстопробыванія, онѣ не привязаны къ извѣстной родинѣ и зимою образно улетаютъ назадъ. Изъ четвероногихъ и млекопитающихъ животныхъ оказалось восемь родовъ: бѣлый медвѣдь, китъ, тюлень, сѣверная лисица, полярный заяцъ, сѣверный олень, арктической кротъ, или леммингъ (*Georychus lemmus*), и мускусный или пахучій быкъ. Присутствіе здѣсь этого послѣдняго звѣря весьма замѣчательнаго, потому что *Bos moschatus* даже и зимою не покидаетъ архипелага. Многочисленными стадами также встрѣчался онъ у юго-западной оконечности Мельвиллева острова; тамъ передъ изумленными арктическими путешественниками звѣри эти выстроились боевыми отрядами, рогами прямо къ непріятелю и всѣ движенія выдѣлывали точно эскадры. Одинъ изъ этихъ быковъ далъ 150 фунтовъ мяса; на пространствѣ двухъ нѣмецкихъ миль видно ихъ было и насчитано не менѣе 150 штукъ. По такому обилію животныхъ должно заключить, что далѣе къ сѣверу за 73° есть растительность, сравнительно роскошная. Тамъ, разумѣется, и люди могли бы прокормиться, и еслибы сэръ-Джонъ Франклинъ попалъ въ такой арктической рай, то онъ могъ бы нѣсколько лѣтъ поддержать пищую свою жизнь. У арктическихъ мореходцевъ на многихъ корабляхъ

пять дней въ недѣлю была свѣжая дичь: такъ добычлива была охота, хотя матросы большею частію въ первый разъ упражнялись въ этомъ благодородномъ занятіи, и лишь очень не многіе дошли до того, что ловко набили руку. Такимъ образомъ совершенно справедливо сказалъ докторъ Кенъ, что въ арктическомъ мірѣ, по скольку мы его знаемъ, нельзя указать ни одного мѣста, гдѣ, на протяженіи 10 нѣмецкихъ миль въ радіусѣ, не было бы человѣку достаточнаго количества пищи. Напомнимъ еще разъ и о томъ, что подъ 77° сѣв. шир. найдены были на Гриннеллевой землѣ остатки жилыхъ строеній, развалины каменныхъ домовъ. Человѣческая натура одарена такою способностію осваиваться даже съ самыми неблагоприятными климатами, что и отыскиватели Франклина наконецъ привыкли къ низкой температурѣ. Люди, состоявшіе подъ начальствомъ сэръ-Эварда Бельчера, увѣряли, что при 2° тепла по Реомюру, они чувствовали себя утомленными, какъ бывало на родинѣ передъ сильною грозой, и когда докторъ Кенъ добрался до первыхъ европейскихъ жилищъ, то его спутники не могли выносить комнатнаго воздуха и ночевали всѣ на дворѣ.

Послѣднею поѣздкою знаменитаго мореплавателя доктора Кена блистательнымъ образомъ завершился періодъ, посвященный на отыскиваніе Франклина, да и самъ Кенъ вскорѣ послѣ этой поѣздки умеръ въ Гаваннѣ¹⁾ въ 1857 году. Поприще его дѣятельности очень далеко отстояло отъ того мѣста, гдѣ совершилась несчастная катастрофа съ *Эребомъ* и *Терроромъ*. Вообще такова ужъ видно была судьба всѣхъ этихъ великихъ экспедицій, что онѣ всюду оглядывали арктической міръ, только не завернули въ тотъ узкій закоулокъ, гдѣ погибли морскіе герои,—хотя по какому-то предчувствію леди Франклинъ всегда указывала на эту сторону, и ея сердце постоянно-вѣрно отгадывало эту мѣстность, гдѣ отважныхъ моряковъ постигла преждевременная страшная смерть. Докторъ Кенъ 30 мая 1853 года отправился изъ Нью-Йорка на бригъ *Адвенсъ*. Экипажъ его состоялъ изъ 17 человѣкъ, а потомъ изъ 19. Кенъ пошелъ вверхъ по Баффиновой бухтѣ и постоянно держался западнаго берега Гренландіи. Что Баффинова бухта никакою землею не замкнута на сѣверѣ, и что она не заливъ, въ прямомъ смыслѣ этого слова, а море,—это извѣстно стало еще въ 1852 году, со времени поѣздки капитана Ингльфильда, который 27 августа достигъ до 78° 30' сѣв. шир. и прошелъ черезъ арктической Гибралтаръ, между мысомъ Александра, что въ Гренландіи, и между мысомъ Изабеллы, что на Гриннеллевой землѣ (1). Такимъ образомъ

(1) Эту Гриннеллеву землю не должно смѣшивать съ одноименнымъ ей островомъ, что въ Веллингтоновомъ каналѣ.

Ингльвандъ открылъ, что Баффиново море посредствомъ Смитова зунда соединяется на сѣверѣ съ неизвѣстными еще морями, и тутъ же онъ видѣлъ совершенно свободное отъ льда водное пространство, по которому, казалось, безъ всякихъ преградъ можно было подвинуться къ полюсу. Не такъ счастливъ былъ Кенъ въ слѣдующемъ году. Хотя онъ также прошелъ черезъ «Геркулесовы столбы полярнаго моря», но къ сѣверу отъ Смитова зунда тотчасъ же началась борьба съ ледяными глыбами и ледяными горами,—борьба на жизнь и смерть.

Ледяныя горы болѣею частью дѣти Гренландіи или по крайней мѣрѣ гренландскихъ заливовъ. Ледяныя горы формируются не изъ замерзшей морской воды; онѣ считаются прѣсноводными метеорологическими продуктами. Своимъ синимъ цвѣтомъ онѣ отличаются отъ прочихъ ледяныхъ образованій; во всякомъ случаѣ онѣ отпрыски твердой земли. Подъ этими широтами западный берегъ Гренландіи крутою ступенюю опадаетъ въ море, часто даже прямоотвѣсно, стѣнами, которыхъ высота среднимъ числомъ 700—900 футовъ. Внутренность Гренландіи была извѣстна очень мало, но поэтому немногому Кенъ заключилъ, что островъ или маленькій материкъ Гренландія покрыта глетчерами, что она есть, какъ говорятъ на Альпахъ, одно сплошное *ледяное море*, *mer de glace*, которое низвергаетъ въ океанъ свои замерзшіе водопады вездѣ, гдѣ только допускаютъ это разсѣлины береговой окраины. Поэтому на западномъ берегѣ этой земли глетчеры принадлежатъ къ числу обыкновенныхъ явленій. Далѣе къ сѣверу есть даже одинъ огромный глетчеръ, теперь всему міру извѣстный подъ именемъ Гумбольдтова глетчера, который прошелъ по мелкому зунду отъ одного острова до другаго острова, отъ Гренландіи до Вашингтоновой земли. Такъ по крайней мѣрѣ самъ Кенъ изобразилъ намъ это явленіе природы; его показаніе еще требуетъ дальнѣйшихъ подтвержденій, несмотря на весь соблазнъ его поэтической прозы. Отъ 78° 30' до 79° 5' берегъ Гренландіи начинаетъ склоняться къ востоку-сѣверо-востоку и наконецъ совершенно исчезаетъ подъ ледяными массами Гумбольдтова глетчера, выступившими изнутри страны. Прямоотвѣсныя стѣны тянутся 15 миль къ сѣверу, и подошва глетчера тамъ стоитъ на низменной опушкѣ берега, который идетъ къ западо-сѣверо-западу. Этотъ-то берегъ Кенъ и назвалъ Вашингтоновою землей. Но островъ ли земля эта, или находится она въ одной общей связи съ Гренландіею,—покаместъ неизвѣстно. Значить, еще изслѣдованію подлежитъ, есть ли Гумбольдтовъ глетчеръ кристалльный мостъ, соединяющій Вашингтонову землю съ Гренландіею, или онъ только наполняетъ собою заливъ на одномъ и томъ же сплошномъ берегѣ.

Глетчеръ только съ виду кажется недвижимо оцѣновѣлымъ. Изъ его расцѣливъ въ теченіи цѣлаго года льются потоки; онъ оказываетъ скрытую и таинственную вѣчную дѣятельность. Онъ постоянно отторгаетъ отъ себя большіе куски льда, которые у его подошвы лежатъ сотнями разметанные на ледяномъ полѣ. Эти ледяныя горы имѣютъ въ вышину 150, иногда даже 300 футовъ. Смотра по лѣтамъ и по своему положенію, онѣ являютъ въ странныхъ и весьма разнообразныхъ формахъ: то кубомъ, то пирамидою, то конусомъ, то подошва ихъ подтаиваетъ, и онѣ представляются зонгикообразными или грибообразными фигурами, пока наконецъ ледяной столбъ не въ состояніи болѣе поддерживать шляпу или верхнюю площадку, и вся масса обрушивается. Такія ледяныя горы, отторгаясь отъ глетчеровъ, пускаются въ путь, мало-по-малу двигаются до открытаго моря и уносятся теченіями въ Атлантическій океанъ, гдѣ онѣ заходятъ даже за дорогу, по которой совершаютъ свои рейсы британско-американскіе пакетботы.

Когда бригъ *Адвенсъ* миновалъ арктическіе Геркулесовы столбы, всѣ офицеры совѣтовали воротиться; но Кенъ среди пловучаго льда продолжалъ свой путь къ сѣверу. Дорога замерзла сзади его, и у берега Гренландіи корабль очутился точно въ клѣткѣ, которую отпереть могло только теплое лѣто. Но въ 1834 году Смитовъ зундъ не раскрывался, точно также и въ 1853 году. Послѣ двухъ страшныхъ арктическихъ зимъ мореплаватели наконецъ принуждены были жечь разныя части своего брига, чтобъ имѣть теплый пріютъ. Тутъ для Кена и его спутниковъ не оставалось ничего болѣе, какъ покинуть *Адвенсъ* тамъ, гдѣ онъ вмержъ въ ледъ, то-есть въ Ренселерской бухтѣ подъ 78° 38' сѣв. шир. у западнаго берега Гренландіи. Здѣсь съ августа 1853 года бригъ стоитъ до сихъ поръ и не можетъ высвободиться. Весною 1855 года три лодки поставлены были на сани и по снѣговымъ полямъ Смитова пролива двинулись въ путь, пока достигли до открытой воды Баффинова моря и добрались до сѣвернѣйшаго датскаго поселенія въ Гренландіи, откуда вскорѣ посланный Соединенными Штатами спасительный пароходъ забралъ возвращавшихся домой моряковъ. Подробное описаніе этой удивительной экспедиціи помѣщено въ двухъ роскошно-изданныхъ томахъ, и увлекательнаго интереса полонъ разказъ о томъ, какъ много разъ спасеніе всего экипажа висѣло на волоскѣ. Опаснѣйшимъ врагомъ былъ все-таки скорбутъ, который всего упорнѣе свирѣпствовалъ въ январѣ, февралѣ и мартѣ, до тѣхъ поръ пока снова начиналась охота, и свѣжею пищею можно было помочь больнымъ.

Замѣчательнѣйшимъ открытіемъ экспедиціи было дознаніе, что среди этой арктической пустыни живутъ люди. Въ началѣ первой зимы къ бригау приходили Эскимосы, селенія которыхъ лежали отъ Ренселерской бухты нѣсколько далѣе внутрь страны. Въ нихъ проявляется вся эластичность человѣческой натуры, которая можетъ выносить невѣроятно суровый и жестокой климатъ. Средняя годичная температура на этомъ побережьи была—15,63° по Реомюру; въ самомъ холодномъ мѣсяцѣ, въ мартѣ, средняя температура доходила до—30,25°, а въ самомъ тепломъ мѣсяцѣ, въ іюлѣ, до+2,84°; но Кенъ увѣряетъ насъ, что въ закрытыхъ мѣстахъ процессъ замерзанія продолжается постоянно цѣлый годъ. Изъ этого ясно, что тамъ и растительность должна быть самая скудная и слабая. Что такое дрова, и что такое деревья, Эскимосы не знали; эти вещи они впервые увидали, когда къ нимъ явился *Адвенсъ*. Свои хижины они строятъ изъ камней и законопачиваютъ пазы мхомъ. Чтобы войти въ такой улей, надо сперва проползть черезъ какой-то длинный туннель, который однако тѣмъ полезнѣе, что не даетъ морозу прямо вторгаться въ жилье. Отъ плашекъ съ жиромъ и отъ теплоты, исходящей изъ человѣческаго тѣла въ хижинахъ, скоро настанетъ такая температура, что Эскимосы скидаютъ свои медвѣжьи шубы и сидятъ совершенно голые, скучившись подобно червямъ. Замѣчательный этотъ народъ всю пищу себѣ добываетъ единственно посредствомъ охоты. Подъ этими широтами преимущественно присутствіемъ моржей обусловлено существованіе человѣческихъ обществъ. Охотиться на моржей можно въ теченіи цѣлаго года, за исключеніемъ трехъ зимнихъ мѣсяцевъ, января, февраля и марта. Въ остальные мѣсяцы на моржа всегда ходятъ съ гарпунами, при чемъ охотники обыкновенно подвергаютъ свою жизнь опасности, ибо раненое животное старается раздробить ледяную кору, по которой къ нему подобрался его преслѣдователь. Эскимосы были бы счастливѣйшими людьми, если бы знали бережливость да расчетъ. Но при арктическомъ аппетитѣ все добытое на ловлѣ обыкновенно съѣдается очень скоро; запасы выходятъ прежде, чѣмъ опять наступитъ пора охоты, и подъ конецъ зимы почти всегда обнаруживается голодъ, если нѣкоторой подмоги не дастъ медвѣжья охота. Эскимось медвѣдя не боится и неустрашимо на него нападаетъ, даже безъ товарища, одинъ. Все его оружіе—копье; единственный его помощникъ—собака. Какъ скоро звѣрь поднимется на дыбы, чтобы напасть, охотникъ всаживаетъ ему въ грудь свое оружіе; при этомъ, само собою разумѣется, очень часто бываютъ и несчастные случаи. Лѣтомъ пищи оказывается вдоволь, особливо когда появятся птицы. Мальчишки съ сѣтками, какими у насъ ловятъ бабочекъ, вскарабки-

ваются на крутые утесы, гдѣ носятъ цѣлыя тучи мелкихъ морскихъ ласточекъ; и съ такою сѣткой каждый ребенокъ въ короткое время налавливаетъ нѣсколько сотъ штукъ. Вся домашняя утварь, даже сани, сложены изъ звѣриныхъ костей, которыя запускаются одна въ другую и крѣпко связываются ремнемъ, такъ что подобныя подѣлки выходятъ чрезвычайно прочны и годятся хоть куда угодно. Желѣзо къ Эскимосамъ заходитъ только черезъ торговлю съ южными сосѣдними народами. Главное же богатство здѣшнихъ племенъ состоитъ въ множествѣ собакъ, которыя будучи приучены къ ѣздѣ и охотѣ, оказываютъ своимъ владѣльцамъ незамѣнимыя услуги, но при наступившемъ голодѣ козлева обыкновенно бываютъ принуждены ихъ всѣхъ убивать.

Эскимосы встрѣчаются не только у Ренселерской бухты, но и гораздо еще далѣе, даже подъ 81° сѣв. шир., въ девяти градусахъ отъ сѣвернаго полюса. По крайней мѣрѣ тамъ были найдены обломки ихъ саней. Это открытіе было сдѣлано въ іюнь 1854 года, во время чрезвычайно замѣчательной развѣдочной экспедиціи, которая придала необыкновенную цѣну открытіямъ доктора Кенъ. Самъ начальникъ не могъ лично предпринять эту санную поѣздку, его здоровье слишкомъ было слабо, и оттого порученіе было возложено на матроса Уилльяма Мортонъ, человѣка надежнаго, испытаннаго, котораго Кенъ очень хорошо зналъ еще съ перваго своего путешествія для отысканія Франклина. Мортонъ не только обладалъ нѣкоторымъ навыкомъ въ морскомъ дѣлѣ и могъ помощію компаса и секстанта начертить карту пройденной дороги, но даже сумѣлъ представить о всѣхъ событіяхъ, съ нимъ случившихся, такое ясное донесеніе, что мы его наблюденіямъ должны вѣрить такъ же несомнѣнно, какъ будто бы все это видѣлъ и рассказываетъ самъ Кенъ. Мортону былъ данъ всего только одинъ спутникъ, крещеный Эскимосъ Гансъ, завербованный въ датской Гренландіи для предстоявшей развѣдочной экспедиціи, но этотъ Эскимосъ не возвратился назадъ на родину вмѣстѣ съ Кеномъ, а не задолго до отъѣзда экипажа исчезъ; по словамъ Кена, причиною такого побѣга была любовная связь, нѣжное чувство, разгорѣвшееся подъ 79° сѣв. шир. Запрягши въ сани собакъ, Мортонъ и Гансъ поѣхали прямо на сѣверъ. У нихъ съ обѣихъ сторонъ былъ берегъ, справа Гренландія въ разстояніи 12 англійскихъ миль, а слѣва въ разстояніи 40 англійскихъ миль арктической островъ Гриннеллева земля. Всего труднѣе и тяжелѣе было путешествіе передъ Гумбольдовымъ глетчеромъ, гдѣ стоялъ цѣлый городъ ледяныхъ горъ, по узкимъ улицамъ котораго надо было прокладывать себѣ дорогу; такъ тѣсно тамъ столпились кристаллическіе монументы. Когда же наконецъ Мортонъ

и Гансъ опять выбрались на свободу, то-есть выѣхали изъ лабиринта этихъ отпрысковъ большаго глетчера, они увидѣли на правой сторонѣ новый берегъ, который они назвали Веллингтоновою землею, и который тянулся сперва къ сѣверу, потомъ къ сѣверо-востоку. Въ началѣ онъ былъ гораздо низменнѣе и открытѣе, чѣмъ западный берегъ южной Гренландіи. Но здѣсь тотчасъ же начали появляться совершенно неожиданныя метеорологическія явленія. Ледяная кора стала не надежна; скоро мѣстами показалась открытая вода, и по ней пернатая дичь. Мортонъ и Гансъ были принуждены продолжать путь берегомъ. Вскорѣ на правой сторонѣ они усмотрѣли чистое море, съ фарватеромъ для кораблей какой угодно величины, и по этому морю вмѣстѣ съ приливомъ и отливомъ двигались къ сѣверу и къ югу тонкія льдины. Санную ѣзду чрезвычайно облегчалъ такъ-называемый подножный ледъ, то-есть ледяная окраина въ нѣсколько футовъ толщины, вплоть у берега, на одномъ уровнѣ съ самымъ высокимъ приливомъ. Однако этотъ подножный ледъ, который держится даже лѣтомъ и образуетъ натуральное шоссе, теперь оказался дряблѣ и прасовистъ; поэтому сани надобно было оставить, и путешественники были должны по берегу подвигаться впередъ пѣшкомъ, пока наконецъ подъ 81° 22' сѣв. шир. выдавшійся мысъ, названный ими Конституція, положилъ предѣлъ ихъ странствованію. Мортону удалось вскарабкаться на утесъ, имѣвшій около 500 футовъ вышины, но подлѣ стояли скалы втрое выше этого утеса. Къ сѣверу и сѣверо-востоку, на сколько видъ не былъ заслоненъ скалами, Мортонъ видѣлъ *совершенно чистое открытое море*. Это было 24 іюня 1854 года. По всей западной сторонѣ горизонта шла береговая линія Гриннеллевои земли, украшенная синеватыми горными цѣпями, которыхъ самый дальній конусъ, Гора Эдварда Парри, показанъ между 82 и 83° сѣв. шир. Къ сѣверо-западу *стояли дождевыя тучи*,—явленіе, не виданное съ тѣхъ поръ, какъ *Адвенсъ* переступилъ за арктическіе Геркулевы столбы. Вслѣдствіе давно уже начавшейся оттепели, появилась кой-какая растительность, хотя весьма скудная; но за то тѣмъ чаще стали встрѣчаться цѣлыми стаями представители міра животнаго, галки, бѣлыя чайки и морскими растеніями питавшіяся морскія ласточки. На берегу былъ убитъ бѣлый медвѣдь, и найденъ обломокъ отъ эскимосскихъ саней, доказательство, что эта страна должно быть прежде была обитаема или по крайней мѣрѣ посѣщаема людьми.

Для необыкновенныхъ этихъ фактовъ представляются два объясненія. Одно изъ нихъ весьма соблазнительно: надо принять свободное отъ льда полярное море, которое никогда не замерзаетъ, или замерзаетъ на короткое время. Для этого необходимо предположить, что къ сѣверу отъ Вашингтоновои земли и отъ

острововъ, изслѣдованныхъ эскадрою сэръ-Эдварда Бельчера, нѣтъ уже болѣе никакихъ довольно-обширныхъ земель, и что теплый гольштромъ, идущій между Шпитцбергеномъ и Новою Землею, окруживъ полюсъ, обратнымъ движеніемъ вливается въ это открытое море и сообщаетъ ему болѣе высокую температуру. Но къ сожалѣнію, этой гипотезѣ не достаѣтъ положительно-несомнѣнныхъ доказательствъ, какъ напримѣръ наблюденій надъ заносными растительными продуктами, которые обыкновенно попадаютъ въ гольштромъ. Пока не будутъ найдены такія доказательства, это первое объясненіе сильно будетъ оспариваемо. Второе объясненіе менѣе соблазнительно, и поэтому критическому уму кажется надежнѣе, какъ-то правдоподобнѣе. Можно принять видѣнное Муртономъ море за мѣстное явленіе, вызванное случайнымъ стеченіемъ особенно-благоприятныхъ метеорологическихъ обстоятельствъ. Вѣдь сколько разъ намъ уже провозглашали, что такую-то и такую экспедиціей былъ усмотрѣнъ открытый полярный океанъ! И какъ часто на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ одни моряки видѣли идущій къ сѣверу, свободный отъ льда фарватеръ, другіе моряки въ слѣдующемъ году находили совершенно замерзлое море! Въ 1852 году Ингльфильдъ засталъ проѣзжать черезъ гренландскій Гибралтаръ вполне расчистившимся, тогда какъ въ 1853 году Кенъ, же встрѣтилъ тамъ большія затрудненія, а въ 1854 и 1855 годахъ Смитовъ проливъ былъ постоянно окованъ льдомъ, и мы не знаемъ, раскрывался ли онъ хоть разъ съ тѣхъ поръ! Море около Вашингтоновой земли было ли свободно отъ льда въ 1852 и 1853 годахъ? расчистилось ли оно опять въ 1855 году? Судя по картѣ Кена, вся доселѣ видѣнная часть полярнаго моря есть не что иное какъ зундъ, а замерзаніе и вскрытіе у моря нѣкоторыхъ его частей, именно зундовъ, зависитъ отъ большихъ случайностей, всего болѣе отъ благоприятныхъ ледоразносящихъ вѣтровъ, господствующихъ въ то время, когда большія ледяныя глыбы хотятъ сплотиться. Но какъ бы то ни было, явленіе 1854 года все-таки остается великою загадкой. Въ Ренселерской бухтѣ самый холодный мѣсяць мартъ, а на третьей недѣлѣ іюня Муртоново море было найдено совершенно вскрывшимся, значитъ процессъ таянія долженъ былъ тамъ начаться уже въ маѣ. Съ другой стороны каналъ Кеннеди между Вашингтоновою и Гринеллевою землею имѣетъ въ ширину только 7 нѣмецкихъ миль, слѣдовательно легко подвергается замерзанію, да и прилегаѣтъ онъ непосредственно къ проливу, который весь заставленъ ледяными горами, и никогда не вскрывается или вскрывается весьма рѣдко, къ проливу, что передъ Гумбольдовымъ глетчеромъ. Сосѣдство вѣчно-холоднаго глетчера навѣрно должно тоже очень сильно остужать мѣстную температуру. Наконецъ

неизвѣстно и то, какою дорогою явились Мортономъ видѣнныя птицы, ибо никто не видалъ, чтобъ онѣ тянули мимо *Адвенса* и вообще вверхъ по Смитову проливу.

Такимъ образомъ вышеупомянутыя открытія оставили намъ не мало новыхъ сомнѣній и вопросовъ. Мортоново море представляется какъ предметъ, болѣе достойный изысканій, чѣмъ сѣверо-западный проѣздъ, дѣйствительно найденный, но едва ли стоящій потраченныхъ на него жертвъ. Наши новыя арктическія открытія не приблизили насъ однакожъ къ сѣверному полюсу болѣе противъ прежняго. Къ нему ближе всѣхъ подходилъ сэръ-Эдвардъ Парри въ июль 1827 года, во время санной экспедиціи, предпринятой отъ Шпитцбергена къ сѣверу. Онъ тогда проникъ до 82° 45', слѣдовательно къ полюсу былъ можетъ-быть ближе чѣмъ самая дальняя Мортономъ видѣнная гора Моунтъ-Парри. При томъ же съ тѣхъ поръ и гренландскіе мореходцы по Шпитцбергенскому морю не однократно доходили до 82° и даже до 82° 30'. Значить, подвигъ Мортонна замѣчателенъ тѣмъ только, что отъ Гренландіи къ западу была достигнута арктическая широта выше той, подъ которою лежитъ сѣверная оконечность Шпитцбергена. Мѣсто, гдѣ перезимовалъ Кенъ, по всѣмъ доселѣ сдѣланнымъ наблюденіямъ и по *средней годичной температурѣ*, хотя до сихъ поръ и считается самымъ холоднымъ мѣстомъ въ полярномъ кругу, но мы знаемъ зимы еще болѣе холодныя, именно зимы въ Якутскѣ и Устьаянскѣ:

Устьаянскъ.	Якутскъ.	Ренселерская бухта.
п о Р е о м ю р у.		
Зима — 30,20	— 30,53	— 27,36
Весна — 14,50	— 7,63	— 19,32
Лѣто + 6,57	+ 11,73	+ 0,44
Осень — 13,77	— 8,77	— 16,37
Весь годъ — 12,98	— 8,80	— 15,65

По новѣйшимъ метеорологическимъ вычисленіямъ выходитъ, что такъ какъ въ Мадрасѣ средняя температура года равняется +22,36° Р., то каждый день въ этомъ индійскомъ городѣ *среднимъ числомъ* на 38° теплѣе чѣмъ въ Ренселерской бухтѣ.

До сихъ поръ, сколько намъ извѣстно, высшая средняя мѣсячная температура была найдена въ Массовѣ. Тамъ въ маѣ она равняется 29,78°. Если ее сравнить съ среднею температурою самаго теплаго мѣсяца полярныхъ странъ, то окажется разность въ 28,29°. Но если среднюю температуру самаго теплаго мѣсяца въ Массовѣ сравнить съ среднею температурою самаго холоднаго мѣсяца въ Якутскѣ, то разность дойдетъ до 63,18°, и конечно она будетъ еще значительнѣе, если взять крайности, встрѣчавшіяся въ теченіи мѣсяца. Съ изумленіемъ усмагриваемъ мы, какія

огромныя разности въ температурѣ въ силахъ выносить человѣческая натура, и какъ скоро она можетъ съ ними осваиваться. Какъ ошибочно послѣ этого было ученіе александрійскихъ мудрецовъ, которые воображали, что земля обитаема только въ умеренныхъ поясахъ! На сѣверѣ есть слѣды, явно указывающіе, что тамъ родъ людской доходилъ до 81°, и кто осмѣлится сказать, что даже самый полюсъ совершенно недостижимъ для человѣка.

Несмотря на свое полное оцѣпенѣніе, отдаленнѣйшій сѣверъ во все однако не бѣденъ грандіозными красотоми. Докторъ Кенъ съ одушевленіемъ и восторгомъ описываетъ намъ яркій блескъ звѣзднаго полярнаго неба. Иззубренные берега Гренландіи съ своими скалами, похожими на замки, и съ своими природными Вандамскими колоннами, величественный Гумбольдтовъ глетчеръ и садъ изъ ледяныхъ пирамидъ на замерзшемъ Кеновомъ морѣ, неугасаемый пылъ вѣчно восходящаго или вѣчно заходящаго арктическаго весенняго солнца, — все это непостижимо дивныя дѣла, столь же великолѣпныя о сию пору, какъ и въ первый день творенія!

ПЕРЕЛЕТЪ НА ШАРЪ ИЗЪ С.-ПЕТЕРБУРГА КЪ КРОНШТАДТУ 17-го МАЯ, 1859.

Отъ начала міра до 1530-тыхъ годовъ нашей эры, цѣлыя тысячя лѣтъ, всѣ люди думали, что солнце вращается около земли и думали такъ, потому что полагались на непогрѣшимость своихъ чувствъ, потому что кажущееся принимали за дѣйствительное и не хотѣли или не могли изслѣдовать это явленіе научнымъ образомъ. Гигантскій оптической обманъ совершался ежедневно въ глазахъ милліоновъ людей, и они не понимали, что глаза ихъ обманываютъ. Нужны были тысячелѣтія, чтобы дождаться Коперника, Галилея и другихъ дѣятелей, которые, озаривъ умъ свой свѣтомъ науки, неоспоримо доказали народамъ міра, что не солнце около земли, а земля обращается около солнца. Обманъ другого рода, оставленный намъ въ наслѣдство древностью, состоитъ въ томъ, что люди, видя одну только поверхность земли, устѣянную растеніями, кишашую животными, положились на это поверхностное явленіе и, сознавая свое превосходство надъ прочими тварями, воображали, что человѣкъ можетъ господствовать надъ всею землей. Серіозно

опровергать такое мнѣніе было бы забавно; но будетъ не лишнимъ бросить здѣсь общій, бѣглый взглядъ на величину предѣловъ, выдѣленныхъ изъ массы нашей планеты на долю живыхъ существъ.

Если наблюдать не одну только земную поверхность, нами обитаемую, но разсматривать землю, какъ планету, какъ шарообразную массу, вращающуюся въ пространствахъ, окруженную воздушною оболочкой и населенную живыми существами. то можно замѣтить, что на этой планетѣ бытіе живыхъ твореній возможно только въ двухъ весьма нетолстыхъ концентрическихъ слояхъ, изъ которыхъ наружный принадлежитъ атмосферѣ или оболочкѣ земли, а внутренней принадлежитъ самому тѣлу планеты. Границу, на которой эти два слоя приходятъ во взаимное, всегдашнее прикосновеніе, составляетъ поверхность земли; на этой поверхности проявленіе жизней бываетъ самое разнообразное, породы живыхъ существъ самыя многочисленныя; но по мѣрѣ удаленія отъ поверхности земли въ глубину, въ нѣдра планеты, а точно такъ же и по мѣрѣ удаленія отъ поверхности земли въ вышину, кнаружи, въ атмосферу, бытіе живыхъ существъ становится менѣ возможнымъ и наконецъ совершенно прекращается, потому что тамъ берутъ перевѣсъ условія неорганической или такъ-называемой мертвой природы, условія, при которыхъ всякое живое существо теряетъ жизнь и переходитъ въ бытіе неорганическое.

Даже въ тѣхъ небольшихъ предѣлахъ, которые назначены для бытія живыхъ существъ, человѣческая порода вовсе не надѣлена возможностью наиболѣе пространнаго обитанія. Нѣкоторыя породы животныхъ, а въ особенности породы земноводныхъ (амфибій), имѣютъ, въ этихъ предѣлахъ, гораздо болѣе простора, чѣмъ человѣческая порода, потому что амфибіи могутъ жить на сушѣ и въ водѣ, а для существованія человѣческой породы самыя благопріятныя условія находятся только на сушѣ.

Примѣняя высказанныя здѣсь общія воззрѣнія къ объясненію частныхъ, легко понять, что дѣятельность человѣческаго рода развивалась только на поверхности тѣла нашей планеты и именно на той ея части, которую обыкновенно называютъ сушею. А такъ какъ въ область человѣческой дѣятельности входитъ и изученіе законовъ самой природы, то всѣ относящіяся сюда наблюденія и изслѣдованія любознательные люди производили почти исключительно на земной поверхности, потому что тутъ жизнь ихъ не подвергалась опасности со стороны планетныхъ условій.

Только весьма немногіе наблюдатели отваживались отдаляться отъ земной поверхности и проникали въ предѣлы, не назначенные

для человѣческаго существованія: въ глубину водъ, въ нѣдра земли или воздушныя пространства, гдѣ жизнь ихъ безпрестанно была въ опасности.

Но за то, когда человѣкъ, полюбившій изученіе природы и увлекаемый этою любовію, рѣшается дерзновенно проникнуть въ предѣлы, не назначенные для человѣческой жизни, тогда природа въ награду за его дерзкую рѣшимость выказываетъ ему въ нѣсколько большемъ размѣрѣ часть своихъ громадныхъ силъ и своего устройства, — и радъ бываетъ человѣкъ, которому удалось видѣть эти чудеса величія, могучести и неизмѣримости...

Все, высказанное въ этихъ послѣднихъ словахъ, я извѣдалъ собственнымъ опытомъ и прочувствовалъ нѣсколько разъ, въ тѣ времена, когда мнѣ удавалось проникать въ предѣлы, не назначенные для человѣческой жизни: когда я опускался въ глубину водъ и знакомился съ вѣчнымъ подводнымъ мракомъ; когда нисходилъ въ нѣдра земли и испытывалъ тамъ могильную сырость и вредоносное дѣйствіе удушавыхъ газовъ, наполняющихъ подземныя ходы; когда былъ надъ облаками, въ царствѣ вѣчныхъ снѣговъ, перебираясь черезъ вершины кавказскихъ горъ. Но никогда я не былъ такъ сильно пораженъ обширностью, безмѣрностью пространства, какъ во время полета на воздушномъ шарѣ, — и несмотря на то, что этотъ полетъ кончился бѣдственно, и мы въ четверомъ погибли, опустившись или, вѣрнѣе сказать, упавъ съ большой высоты въ море, — воспоминаніе о всемъ видѣнномъ и пережитомъ мною въ то время, когда я находился въ безмѣрныхъ и вольныхъ воздушныхъ пространствахъ, будетъ принадлежать къ числу самыхъ пріятныхъ, торжественныхъ воспоминаній въ моей жизни.

Вотъ нѣкоторыя подробности объ этомъ перелетѣ. Въ воскресенье 17-го мая 1859 года около 7¹/₂ часовъ вечера, въ Петербургѣ, изъ сада Перваго кадетскаго корпуса, готовился подняться на воздухъ шаръ, имѣвшій около 15 аршинъ въ діаметрѣ и наполненный почти 20,000 кубическихъ футовъ неочищеннаго водорода. Въ корзинкѣ этого шара находились: 1) пишущій эти строки, 2) г-жа Крейцбергъ, 3) Ал. Дикаревъ, прикащикъ владѣльца аэростата, и наконецъ 4) подъ корзинкою висѣлъ, держась за кольца, укрѣпленные къ двумъ длиннымъ веревкамъ, Карлъ Бергъ, сынъ владѣльца.

Вечеръ былъ ясный, термометръ показывалъ почти + 19°; вѣтеръ умѣренно дулъ съ востока на западъ; въ вышинѣ кой-гдѣ виднѣлись жиденькія облака.

Пока Вильгельмъ Бергъ, владѣлецъ аэростата, съ солдатами хлопоталъ о томъ, чтобы дать шару устойчивость въ вертикальномъ направленіи и уничтожить его качанія изъ стороны въ сто-

рону, я привязалъ къ веревкамъ, соединяющимъ шаръ съ корзиной, инструменты, взятые мною для наблюдений, и когда все было готово, въ 7½ часовъ вечера мы отдѣлились отъ земли.

Не прошло 35 секундъ, я взглянулъ внизъ на густыя массы зрителей, стоявшихъ на плацѣ Перваго кадетскаго корпуса, и немогъ уже различить ничего лица, потому что фигуры людей весьма умалились; еще черезъ минуту огромныя толпы любопытныхъ, стоявшихъ въ окрестностяхъ Кадетскаго корпуса, видѣлись уже какъ большой муравейникъ; звуки замерли, перестали достигать къ намъ съ земли, наступила благодатная тишина.. Но мы вскорѣ были потревожены довольно сильнымъ сотрясеніемъ, отъ котораго вздрогнула и покачнулася корзина, въ которой мы стояли. Эта неприятная тревога была произведена г. К. Бергомъ, который, вися на веревкахъ подъ корзиною и кончивъ свои акробатическія штуки, далъ сигналъ, чтобъ его впустили въ корзину, а для этого надобно было открыть сдѣланныя въ дѣлѣ корзины дверцы, состоящія изъ двухъ половинокъ. Такъ какъ эти дверцы занимали почти все дно корзины, то, когда онѣ были открыты, корзина сдѣлалась почти бездонною, и намъ осталось такъ мало мѣста для ногъ, что мы принуждены были держаться на полподшвѣ, и каждое мгновение, при потерѣ равновѣсія могли оступиться въ отверстую у нашихъ ногъ страшную пропасть.. Впрочемъ минуты черезъ полторы влѣзаніе г. Берга кончилось, дверцы опустились, и пропасть исчезла. Шаръ, поднимаясь по діагонали и медленно вращаясь около вертикальной своей оси, летѣлъ къ западу черезъ Васильевскій островъ, наискось между Среднимъ и Малымъ проспектомъ, потомъ черезъ Смоленское поле и наконецъ, пронесшись надъ сѣвѣрною окраиною Галерной гавани, полетѣлъ надъ взморьемъ и началъ направляться къ сѣвѣрному берегу Финскаго залива, оставивъ позади себя Вольные острова и Крестовскій островъ.

Я взглянулъ на часы и увидѣлъ, что, съ тѣхъ поръ какъ мы отдѣлились отъ земли, прошло еще только семь минутъ, а такъ какъ мѣсто, надъ которымъ мы находились, отстоитъ отъ кадетскаго корпуса около 7 верстъ, и кромѣ того шаръ, поднимаясь по діагонали, достигъ до высоты по крайней мѣрѣ 10,000 футовъ (1), то изъ этого было видно, что мы дѣлали болѣе версты въ минуту. О степени вышины я заключаю потому, что атмосферное давленіе на манометръ уменьшилось на $\frac{1}{7}$ часть: Термометръ показывалъ + 12° P., но я полагаю, что дѣйствительная температура была здѣсь не болѣе + 9° P., и предположеніе мое

(1) 3,500 англійскихъ футовъ равняются нашей верстѣ.

основано на томъ, что ртуть термометра для своего охлажденія требуетъ известнаго времени, а на показанной мною высотѣ шаръ пробылъ только два-три мгновенія, потому что гг. К. Бергъ и А. Динареви, увидѣвъ, что шаръ направляется къ берегу, поспѣшнѣе открыли клапанъ и выпустили часть газа, а вслѣдствіе этого шаръ тотчасъ пошелъ внизъ, и ртуть въ термометръ не успѣла достаточно опуститься.

По мѣрѣ нисхожденія шара, манометръ началъ показывать увеличивающееся атмосферное давленіе, а ртуть термометра опять пошла вверхъ.

Въ то время какъ шаръ, отдѣлившись отъ земли и взбирался вверхъ, достигъ высотѣ около 5,000 футовъ, я почувствовалъ въ ушахъ шипѣніе и опускалъ, что нарообразное вещество выходитъ изъ внутренности уха (изъ барабанной полости) наружу; при этомъ головѣ моей дѣлалось легче. Почти такое же шипѣніе въ ушахъ и тѣ же явленія повторялись, когда шаръ достигъ до высотѣ 10,000 фут.; дыханіе было совершенно свободное, несмотря на то, что мои легкія значительно разстроены; никакая часть тѣла не испытывала ничего болѣзненнаго или непріятнаго. Но когда шаръ опускался внизъ, тогда повторялось въ ушахъ опять шипѣніе, казалось, что наружный воздухъ проникаетъ внутрь уха, и при этомъ являлась очень небольшая тяжесть головы. Какъ я уже сказалъ, шаръ, двигаясь впередъ и вверхъ, дѣлалъ вращательное движеніе около вертикальной своей оси. Кромѣ того шаръ, поднявшись до высотѣ 8,000 футовъ и будучи менѣе сдавливаемъ разрѣженнымъ наружнымъ воздухомъ, началъ понемногу раздуваться, увеличиваться въ объемѣ, и при этомъ изъ нижняго отверстія, находившагося въ хвостѣ шара, вытекалъ воздухъ, занимавшій подъ водороднымъ газомъ самыя нижнія слои внутри шара.

Вліяніе вѣтра или теченіе воздуха для насъ было вовсе незаметно, потому что мы неслись вмѣстѣ съ этимъ вѣтромъ, и (несмотря на то, что унесло насъ болѣе версты въ минуту) вокругъ было невозмутимое, отрадное спокойствіе; даже ни одинъ волосъ на головахъ нашихъ не колебался. При тѣхъ же самыхъ условіяхъ, еслибы мы имѣли возможность летѣть противъ вѣтра, тогда напоромъ воздуха не только оборвало бы всѣ драпри, флаги, но, сдавивъ, разорвало бы и самый шаръ. Ниже будетъ объяснено, на чемъ я основалъ такое предположеніе.

По мѣрѣ удаленія шара отъ земли, горизонтъ расширялся въ огромныхъ размѣрахъ, разстоянія между предметами, находящимися на земной поверхности, сокращались; дома, церкви, дворцы, зданія, быстро умалались, рѣки теряли свою ширину и принимали матовый бѣловатый цвѣтъ, улицы получали видъ глубокихъ разрѣзовъ, сдѣланныхъ между правильными массами зданій; боль-

шія деревья казались крошечными кустами. Парусныя барки, плывшія по взморью, видѣлись будто крошечныя бумажныя кораблики, которые дѣти для забавы пускаютъ на лужицы, образовавшіяся послѣ дождя; а маленькія рыбацкія лодки казались не болѣе той черточкы, того тѣре, которое ставится между печатными словами. Вообще весь Петербургъ разстилался подъ нами, какъ гигантскаго темно-краснаго (1) планъ, раздѣленный называющимися бѣлыми полосами и углубленными прямыми разрѣзами на множество равныхъ долей, между которыми кое-гдѣ изрѣдка попадалась едва замѣтная скудная зелень и мерцали свѣтлыя точки на золоченыхъ куполахъ церквей.

Кромѣ Петербурга въ разныхъ сторонахъ видѣлись на этомъ огромномъ пространствѣ дачи, деревни, селенія, города. Тутъ были: Царское Село, Павловскъ, Стрѣльна, Петергофъ, Ораніенбаумъ, Кронштадтъ, Охтенскій пороховой заводъ, Александровская мануфактура, едва замѣтный Шлиссельбургъ, кое-гдѣ жидкій лѣсъ, и много болотной мѣстности; сверхъ-того къ сѣверо-востоку глазъ слабо различалъ на горизонтѣ темно-сѣрую поверхность Ладожскаго озера, а къ западу разстилалась темно-синяковатая, пространная водяная равнина Финскаго залива, сливавшаяся вдали съ небосклономъ. Надъ головою чистая, глубокая, бездонная лазурь; съ боковъ неизмѣримыя пространства воздуха; далеко на западѣ закатъ солнца; далеко подъ ногами жиденькіе слои и полосы облаковъ...

Совокупность всѣхъ этихъ впечатлѣній производила на мои нервы дивное потрясающее дѣйствіе; все существо мое наполнялось восторгомъ, отрадно было чувствовать себя отрѣшившимся отъ земли, и я смотрѣлъ на разстлавшуюся подо мною огромную поверхность земли и водъ какъ на частичку чуждой мнѣ планеты.

Но скоро шаръ нашъ понесся надъ слоями облаковъ, которыя, казалось, начали окружать землю бѣдою матовою, почти непрозрачною пеленой, и закрыли большую часть обширнаго чуднаго ландшафта; только мѣстами, сквозь огромныя прорѣхи, оставшіяся въ облачной пеленѣ, видѣлась или часть залива, или часть суши; но къ западу Петергофъ, Ораніенбаумъ и Кронштадтъ, а также мѣстности на востокъ были совершенно закрыты отъ глазъ облаками.

Замѣчательно, что въ мелководныхъ мѣста моря глазъ видитъ съ высоты гораздо яснѣе, нежели тогда, когда онъ находится близко къ морской поверхности; на этихъ отмеляхъ, сквозь воду,

(1) Темно-красный оттого, что большая часть крышъ на петербургскихъ домахъ и зданіяхъ окрашена такимъ цвѣтомъ.

просвѣчиваетъ блѣдный желтоорасоватый цвѣтъ морскаго дна, тогда какъ на глубокихъ мѣстахъ вода имѣетъ цвѣтъ темный, свинцовый.

Здѣсь я долженъ сказать нѣсколько словъ объ одномъ явленіи, о которомъ не упоминалъ еще никто изъ людей, поднимавшихся на воздухъ съ ученою цѣлю (1). Когда шаръ опускался такъ низко, что онъ былъ надъ огромною водною равниною въ разстояніи около 2.000 футовъ, то шумъ и плескъ моря долеталъ къ намъ, хотя тихимъ, но безконечно-обширнымъ, торжественнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ мертвеннымъ звукомъ. Въ этомъ звукѣ, въ этомъ мѣрномъ, правильномъ однообразномъ плесканьи миллионовъ волнъ не было жизни, но слышался мертвый механизмъ вращательнаго движенія нашей планеты! На кораблѣ, на пароходѣ нельзя себѣ составить понятія ни объ этой мѣрной правильности шума морскихъ волнъ, которая слышится въ вышинѣ, ни о томъ движеніи нашей планеты, которое отзывается въ этомъ звукѣ моря. Чтобы получить хотя слабую идею объ указанномъ мною явленіи, пусть читатель представитъ себѣ, что онъ находится на берегу рѣки, у запруды, близъ огромной водяной мельницы. Здѣсь, кромѣ шума и плеска воды, онъ будетъ слышать вращательное движеніе большаго мельничнаго колеса, по которому стремится вода. Если такой звукъ плещущей воды, стремящейся къ колесу, представитъ себѣ довольно тихимъ, но безконечно-обширнымъ и мѣрнымъ, то получится слабая идея о вращательномъ движеніи нашей планеты, которое съ вышины слышится въ шумѣ и плескѣ моря. Теперь я возвращусь опять къ началу полета, для того чтобы разказать, какимъ образомъ мы, опустившись, или, вѣрнѣе сказать, упавъ въ море съ высоты, избавились отъ смерти.

Не больше какъ черезъ шесть минутъ, по отдѣленіи отъ земли, шаръ летѣлъ уже надъ взморьемъ и, нѣсколько раздуваясь и вытѣсняя изъ хвоста воздухъ, продолжалъ подниматься вверхъ; еще черезъ минуту мы замѣтили, что онъ направляется къ сѣверному берегу Финскаго залива; видя это и желая опуститься на землю, открыли у шара клапанъ, водородъ началъ вылетать и шаръ пошелъ внизъ; но только что мы прошли сквозь бывшую далеко подъ нами легкую группу облаковъ, которыя стояли въ воздухѣ въ видѣ полосъ тумана, и только что попали въ болѣе низменный слой воздуха, мы увидѣли, что здѣсь направленіе вѣтра

(1) Лица, поднимавшіяся на аэростатахъ съ ученою цѣлю, начиная съ Шарля Ге-Люссака и Гумбольдта, до Биксіо, Барала и Питшнера, не могли замѣтить то явленіе, о которомъ я говорю, потому что они летѣли и опускались надъ землею, надъ сушею, а не надъ моремъ.

совсѣмъ другое, къ юго-западу, и насъ, противъ воли, отъ земли понесло въ открытый заливъ. Тотчасъ же былъ закрытъ клапанъ и для облегченія шара высыпанъ изъ корзинки мѣшокъ песку около 15 фунтовъ. Шаръ опять пошелъ вверхъ; опять мы пробрались сквозь облака, которыя, казалось, стремились къ землѣ или падали внизъ струйками бѣловатаго дыму; насъ несло все дальше отъ земли, зловѣщій горизонтъ моря разширялся, облака въ видѣ чистой кисеи закрывали мѣстность; г-жа Крейцбергъ начинала беспокоиться, и я съ этого времени не только пересталъ записывать свои наблюденія, но даже не имѣлъ времени слѣдить за находившимися со мною физическими инструментами, потому что они были привязаны на одной изъ тѣхъ веревокъ, соединяющихъ шаръ съ корзинкою, на которой висѣлъ мѣшокъ съ большимъ запасомъ лоскутовъ изодраной бумаги; я, какъ ближе всѣхъ находившійся къ этому мѣшку, долженъ былъ почти безпрестанно доставать изъ мѣшка и передавать горсти лоскутовъ этой бумаги то сидѣвшему на обручѣ надъ корзинкою управлявшему клапаномъ шара г. Дикареву, то стоявшему со мною въ корзинкѣ, но съ противоположной стороны, г. Бергу; то самъ долженъ былъ бросать горсти этихъ бумажныхъ лоскутовъ на воздухъ, для того чтобы тотчасъ же знать о томъ, летитъ ли нашъ шаръ вверхъ, опускается ли онъ внизъ, или не измѣняетъ своего уровня (1). Долетѣвъ до середины залива, шаръ устремился къ западу, слѣдуя направленно, ведущему въ открытое море. Черезъ нѣсколько минутъ, медленно вращаясь около вертикальной своей оси и поворачивая насъ лицомъ то къ западу, то къ югу, то къ востоку, то къ сѣверу, шаръ понесся налѣво къ югу. Сквозь облака мы весьма неясно примѣчали часть южнаго берега Финскаго залива. Опять появилась надежда, что удастся опуститься на землю. Понемногу начали открывать клапанъ, пронеслись внизъ сквозь облака и видѣли, что мы направляемся къ берегу противъ того мѣста, гдѣ находится Стрѣльна; но шаръ, какъ заколдованный, вновь началъ удаляться отъ земли и полетѣлъ къ морю. Опять высыпали песокъ изъ другаго мѣшка, и вскорѣ затѣмъ изъ третьяго; опять полетѣли вверхъ. Я взглянулъ на часы, мы находились на воздухѣ уже болѣе 40 минутъ и все неслись въ море. Въ это время шаръ, уже утратившій

(1) Если клочки бумаги, брошенные въ воздухъ, быстро падаютъ внизъ, это показываетъ, что шаръ поднимается вверхъ; если куски бумаги остаются въ воздухѣ на одномъ уровнѣ съ шаромъ, это значитъ, что шаръ опускается внизъ съ небольшою скоростію, то-есть съ такою же, съ какою падаетъ бумага; но если глазамъ кажется, что клочки бумаги летятъ вверхъ, это значитъ, что шаръ падаетъ внизъ съ большою скоростію и въ своемъ паденіи быстро обгоняетъ бумагу, которая тоже летитъ внизъ.

много водорода, нѣсколько разъ самъ собою начиналъ опускаться внизъ, такъ что для облегченія его пришлось высыпать еще три мѣшка песку; но вотъ насъ вновь поворотило къ южному берегу Финскаго залива по направленію къ Петергофу; еще разъ открыли клапанъ, и уже спустились такъ низко, что къ намъ явственно доносился тихій, но обширный и мѣрный шумъ и плескъ моря. И на этотъ разъ надежда обманула насъ: шаръ началъ отдаляться отъ земли и полетѣлъ въ море; высыпали еще два мѣшка песку и опять поднялись вверхъ, но уже не до такой высоты какъ прежде. Слой облаковъ здѣсь прекратился, передъ нами разстиралось безграничное море; немного правѣе къ сѣверозападу, въ весьма-близкомъ отъ насъ разстояніи, былъ Кронштадтъ, окруженный лѣсомъ мачтъ; надъво рисовался богатый зеленью Ораніенбаумъ; насъ несло на Кронштадтъ, и онъ былъ такъ близко, что опять появилась вѣроятность опуститься на землю, но какъ-будто злая судьба насъ преслѣдовала; шаръ раза два поворотился около своей оси и упрямо полетѣлъ отъ земли въ море!

Что теперь было дѣлать? Острова Кронштадта отдѣлены отъ ораніенбаумскаго материка пространствомъ залива, имѣющаго здѣсь только 8 верстъ ширины; по этому пространству ходятъ пароходы, тутъ есть барки, лодки, словомъ, есть вѣроятность какой-нибудь помощи; но перелетѣвъ это пространство, мы понеслись бы надъ обширнымъ открытымъ заливомъ, гдѣ прибрежные города раздѣлены большими разстояніями, гдѣ пароходы и прочія суда встрѣчаются гораздо рѣже, гдѣ замѣтить насъ, въ случаѣ паденія нашего въ воду, было гораздо труднѣе, а сверхъ того шаръ долго держаться на воздухѣ уже не могъ, потому что у насъ въ запасѣ оставалось только два мѣшка песку, другаго же балласту (выбрасываніемъ котораго облегчается шаръ) никакого не было; въ добавокъ ко всему этому, солнце уже садилось, было 8¹/₄ часовъ вечера, а за вечеромъ могла наступить темная ночь... Всѣ эти обстоятельства заставляли насъ думать, что, перелетѣвъ далѣе за Кронштадтъ, мы навѣрное погибнемъ; и поэтому было рѣшено открыть клапанъ и, тутъ же, между Кронштадтомъ и Ораніенбаумомъ, вмѣстѣ съ шаромъ низвергнуться въ море... Гг. Дикаревъ и Бергъ по веревочной лѣстницѣ забрались вверхъ надъ нашими головами, а г-жа Крейцбергъ и я остались въ корзинкѣ. Всѣ надѣли на себя плавательныя подушки, я сбросилъ съ себя шинель и выкинулъ изъ кармана тяжелыя вещи... Г-жа Крейцбергъ сбросила съ себя шаль, бѣдная женщина была блѣдна какъ полотно; гг. Дикаревъ и Бергъ оставались совершенно хладнокровными... Опасность была велика: мы могли захлебнуться врѣзываясь въ воду, или могли быть накрыты и утоплены самымъ шаромъ... Посмотрѣли внизъ, тамъ видѣлись двѣ плывущія барки;

на каждой из них было по три или по четыре человека; видно было, что они насъ замѣтили; мы махали имъ платками и флагами, прося знаками о помощи, они съ любопытствомъ смотрѣли на насъ и преспокойно плыли къ Петербургу... Но вотъ изъ Креништадта въ Ораніенбаумъ бѣжитъ пароходъ, мы начали ему тоже махать платками и флагами, и казалось, насъ замѣтили, казалось, пароходъ началъ замедлять ходъ свой... Нельзя было терять ни минуты... Всѣ мы крѣпко ухватились за веревки, идущія отъ корзинокъ вверхъ къ шару... Широко открыли клапанъ, шаръ ринулся внизъ. Г-жа Крөйдбергъ испустила вопль отчаянія. Прошло нѣсколько безмолвныхъ, роковыхъ секундъ, шумъ и плескъ моря глухо усиливался, мы посматривали то на пароходъ, то на бѣдну, волновавшуюся подъ нашими ногами... Вдругъ корзинка наша вонзилась въ волну, огромныя брызги разбросались во всѣ стороны, раздался женскій пронзительный вопль, и мы погрузились въ воду... Это было одно мгновеніе, шаръ выхватилъ насъ въ вышину сажени на три изъ воды и опять окунулъ въ воду; еще разъ поднялъ сажени на полторы надъ водою (1) и окунулъ въ воду въ третій разъ, послѣ чего корзинка съ лежавшею въ ней намокшею одеждою погрузилась по верхніе края въ шумѣвшія волны. Шаръ, наклонившись надъ водою, такъ что верхушка его обратилась къ западу, повлекъ насъ по поверхности влажной бездны, безжалостно поворачивая и перекачивая корзинку, а слѣдовательно и насъ, во всѣ стороны. Мы висѣли на веревкахъ, вѣпившись въ нихъ руками. Мое положеніе было самое худшее, потому что верхнюю часть веревочной лѣстницы, идущей къ шару, занимали гг. Дикаревъ и Бергъ; послѣдніе три или четыре

(1) Такіе прыжки шара вверхъ происходили отъ слѣдующей причины: когда шаръ и его корзинка находились въ воздухѣ, тогда водородный газъ, заключавшійся внутри шара, долженъ былъ выносить на себѣ тяжесть саванкомъ въ 20 пудовъ (шелковая матерія, изъ которой сшитъ шаръ, веревочная сѣть, которая его покрываетъ въ видѣ чехла, корзинка, обручъ и веревки, составляютъ 5 пудовъ, мы четверо, находившіеся въ корзинкѣ, равнялись, съ одеждою, по крайней мѣрѣ 15 пудамъ); эта тяжесть въ 20 пудовъ сдвигала, сжимала водородный газъ, находившійся въ шарѣ; но когда корзинка, при нашемъ паденіи, втиснулась въ воду, то вода, будучи несравненно плотнѣе воздуха, стала поддерживать на себѣ наибольшую часть той тяжести, которая висѣла на водородномъ газѣ, заключавшемся внутри шара; слѣдствіе уменьшенія тяжести уменьшилось и давленіе, оказываемое ею на водородный газъ; этотъ газъ, по своей упругости и легкости (или, какъ выражаются, по инерціи), отпрянулъ вверхъ, вытаскивая изъ воды за собою корзинку и всю висѣвшую на немъ тяжесть. Тяжесть, поднятая на воздухъ, въ свою очередь начала давить на газъ и увлечать шаръ внизъ до тѣхъ поръ, пока опять съѣла на воду; тогда отпрыгиваніе газа снова повторилось и могло бы повториться нѣсколько разъ, еслибы газъ не вылеталъ изъ шара черезъ открытый клапанъ, и еслибы не увеличилась тяжесть корзинки отъ намокшей одежды.

ступеньки этой лѣстницы я уступилъ г-жѣ Крейцбергъ, а самъ остался внизу на томъ же мѣстѣ, у своихъ инструментовъ, на которомъ стоялъ во время всего перелета. Съ той поры какъ шаръ началъ тащить насъ по волнамъ, въ корзинкѣ стоять было уже нельзя, потому что она находилась совершенно подъ водою; тогда я вцѣпился въ веревки повыше, а ноги уперъ въ верхніе края корзинки. И такъ какъ я вообще слабаго здоровья, то удивляюсь, какимъ образомъ цѣлую четверть часа, пока насъ тащило и перекатывало по водѣ, я не оборвался и не упалъ въ море, при чемъ непременно потонулъ бы, потому что не умѣю плавать.

Пароходъ дѣйствительно насъ замѣтилъ, поворотился и началъ приближаться. Вотъ онъ уже близко, надобно было достать веревку съ якоремъ (1), лежавшую подъ водою въ корзинкѣ; мнѣ посчастливилось ногою оцупать и приподнять якорь, потомъ, правою рукой держась за веревки, лѣвою я быстро схватилъ висѣвшій лапою на моей ногѣ якорь и передалъ его г. Дикареву; тутъ вышла новая небольшая бѣда,—якорная веревка сильно спуталась, такъ что нельзя было ее бросить на палубу парохода, и пароходъ уже почти миновалъ насъ; но наконецъ г. Дикаревъ распуталъ веревку, удачно бросилъ ее на пароходъ, и насъ къ нему скоро притянули. Г. Дикаревъ вылезъ первый на палубу парохода, занимъ я, потомъ г. Бергъ; г-жу Крейцбергъ пришлось почти вытаскивать; отъ испуга, волненія и физическихъ усилій, которыя нужно было употреблять, вися надъ водою, вцѣпившись руками въ веревки, она сильно ослабла.

Мы были спасены (2), но хлопоты и тревога наша не кончились. Надо было спасти шаръ; для этого, съ помощію вольнонаемныхъ рабочихъ, замѣнявшихъ здѣсь матросовъ, привязали шаръ веревками къ пароходу, но отъ этого онъ не угомонился и сталъ такъ сильно парусить, что началъ по вѣтру двигать за собою пароходъ, имѣвшій въ ту минуту весьма слабые пары; когда усилили пары, и пароходъ пошелъ, увлекая за собою привязанный шаръ, тогда отъ встрѣчнаго напора воздуха шаръ сдавило, онъ сперва принялъ форму половины апельсина и очень напрягся, потомъ вдругъ, по всей длинѣ своей снизу до верху лопнулъ, разсѣлся, газъ изъ него вылетѣлъ, и опорожненная шелковая оболочка, удерживаемая, какъ чехломъ, веревочною сѣткою,

(1) Маленькій желѣзный четырехлапный якорь, около 5 фунтовъ вѣсомъ, привязанный къ концу длинной веревки, употребляется для того, чтобы при пущеніи шара на землю, можно было этимъ якоремъ зацѣпиться за какой-нибудь находящійся на землѣ неподвижный предметъ и остановить шаръ, который безъ этого все продолжалъ бы двигаться впередъ, по вѣтру.

(2) Между Оравіенбаумомъ и Кривштадтомъ дѣлаютъ рейсы пароходы *Зора* и *Луна*, принадлежащіе купцу Синебрюхову и Комп. Первый изъ этихъ

превратилась въ круглый сплющенный парусъ, видомъ похожий на огромное чайное блюдо, котораго вогнутая часть была обращена къ пароходу, а выпуклая къ морю. Этотъ огромный, круглый парусъ, образовавшійся изъ шара, дѣлалъ такое сопротивление воздуху, что отъ напора вѣтра, шестнадцать веревокъ, соединяющихъ сѣтку шара (а слѣдовательно и самый шаръ) съ корзинкою и имѣющихъ, каждая, толщину мизинца, перервались всѣ вдругъ, какъ гнилыя нити, и оторванный, сплющенный трупъ шара отнесло сажень на пять и бросило на волны. Нужно было опять поворотить пароходъ, чтобъ догнать и достать шелковую оболочку и веревочную сѣть шара, которыя плыли вдаль въ видѣ безобразной бурой массы (1). Въ то время, когда догнанный и пойманный трупъ шара вытаскивали изъ воды на бортъ парохода, мимо насъ прошелъ другой пароходъ съ пассажирами, которые махали намъ платками, шляпами, и всѣми знаками выражали, что они радуются нашему спасенію (2).

Черезъ нѣсколько минутъ изорванные остатки шара вытащили изъ воды, уложили на бортъ парохода, и мы поплыли къ Ораніенбауму, изъ сада котораго многочисленная публика видѣла нашу гибель.

Такъ какъ везшій насъ пароходъ *Зоря* долженъ былъ черезъ нѣсколько минутъ идти, къ ночи, обратно въ Кронштадтъ, и такъ какъ на слѣдующій день утромъ мы могли, перебравшись на другой пароходъ, изъ Кронштадта ѣхать прямо въ Петербургъ, то, не выходя на берегъ въ Ораніенбаумъ, мы поплыли на ночлегъ въ Кронштадтъ и прибили туда около 10 часовъ вечера (3). Едва успѣвъ выпить чаю и въ мокрой одеждѣ, я отправился на телеграфную станцію, до которой отъ пристани

пароходовъ, то-есть *Зоря*, пришелъ къ намъ на помощь и принялъ насъ на свой бортъ. Шкиперомъ парохода *Зоря* былъ финляндскій уроженецъ Якобъ-Тули, а механикомъ Англичанинъ Джонъ Роджерсъ, уже имѣющій, за спасеніе погибавшихъ, медаль отъ прусскаго правительства. Съ глубокою безпредѣльною благодарностью произношу я здѣсь имя этого великодушнаго, благороднаго человека.

(1) Опять этою помощью обязаны были механику Англичанину Джону Роджерсу.

(2) Послѣ узналъ я, что это былъ пароходъ *Луна*, принадлежащій той же фирмѣ, которой принадлежалъ и спасшій насъ пароходъ *Зоря*.

(3) Я не долженъ умолчать здѣсь о томъ, что вскорѣ по прибытіи въ Кронштадтъ вошелъ къ намъ въ каюту старшій распорядитель пароходовъ *Зоря* и *Луна* Англичанинъ Вардроперъ и возвратилъ мнѣ деньги, которыя я заплатилъ за то, что пароходъ *Зоря* долженъ былъ измѣнить свое направление и сдѣлать остановку для нашего спасенія. Г. Вардроперъ говорилъ, что онъ радъ тому, что удалось помочь намъ, но что денегъ за подобный рейсъ онъ принять не можетъ.

было очень далеко, а такъ какъ на бѣду мою не встрѣтился мнѣ ни одинъ извозчикъ, то все пространство до телеграфной станціи я долженъ былъ пройти пѣшкомъ и возвратился опять въ каюту парохода не ранѣе полуночи. Заснуть я не могъ ни на минуту, и хотя раза три пробовалъ ложиться, но всякій разъ, черезъ нѣсколько минутъ, меня бросало въ жаръ, и я выходилъ освѣжиться и побродить по палубѣ. Бергъ и Дикаревъ отлично храпѣли, г-жа Крейцбергъ тоже спала крѣпкимъ сномъ, такъ что я завидовалъ моимъ спутникамъ.

Наконецъ наступило 18 мая, мы перебрались на другой пароходъ и въ 9 часовъ утра отправились съ брѣнными останками шара въ Петербургъ.

Прежде чѣмъ кончить эту статью, я выскажу два-три сдѣланныя мною замѣчанія относительно устройства аэростатовъ и управленія ими.

1) Шарообразная форма, которую въ настоящее время даютъ аэростатамъ, служить не пособіемъ, а препятствіемъ къ управленію ими, потому что летательный снарядъ, имѣющій форму шара, представляетъ большое сопротивленіе встрѣчному теченію воздуха. Такъ какъ для перелета изъ одного мѣста въ другое самое необходимое для насъ движеніе аэростата есть горизонтальное (параллельное земной поверхности), то летательный снарядъ тогда только представитъ наименьшее сопротивленіе встрѣчному вѣтру и воздуху, когда онъ будетъ имѣть форму весьма сплюснутую сверху внизъ и весьма расширенную въ горизонтальной плоскости. Этотъ летательный снарядъ долженъ состоять не изъ одного огромнаго вмѣстителя, наполненнаго водородомъ (какъ теперешніе аэростаты), но изъ нѣсколькихъ гораздо меньшихъ вмѣстителей, раздѣленныхъ между собою небольшими промежутками (1).

2) Стѣнки или оболочка шара теперь обыкновенно дѣлаются изъ шелковой матеріи, которая пропитывается составомъ, замазываютимъ поры этой ткани. Такая оболочка не прочна и не надежна, она не выдержитъ напора сильного встрѣчнаго вѣтра, въ томъ случаѣ, еслибы пришлось добиться до управленія аэростатомъ и летѣть противъ вѣтра. Въ этомъ я убѣдился собственными глазами въ то время, когда шаръ нашъ былъ привязанъ къ пароходу, тащившему его противъ вѣтра; тогда напоромъ встрѣчнаго воздуха сперва сдавило аэростатъ, и онъ принялъ форму полушара, а послѣ лопнулъ, разсѣлся по всей длинѣ своей.

3) Водородный газъ, которымъ обыкновенно наполняютъ аэростаты, тѣрется напрасно при открытіи клапана во время нис-

(1) Подробное описаніе такого снаряда я представляю въ послѣдствіи.

хождения шара; а самый шаръ отъ значительной убыли водорода лишается возможности опять подняться вверхъ, и если нельзя облегчить его выбрасываніемъ балласта, то падаетъ куда попало. Эти весьма большія неудобства можно бы отстранить, если, вмѣсто того чтобы выпускать водородный газъ изъ шара наружу, стали бы накачивать его изъ шара, черезъ гибкую трубку, въ нагнетательный (сгустительный) снарядъ, который можно было бы помѣщать въ корзинѣ подъ шаромъ. При такомъ устройствѣ, газъ не тратился бы во время полета и можно было бы, не измѣняя количества водорода, заставлятъ шаръ по произволу подниматься и опускаться: для того, чтобы шаръ поднимался вверхъ, слѣдовало бы только открыть кранъ нагнетательнаго снаряда, и водородъ по гибкой трубкѣ пошелъ бы внутрь аэростата, заставляя его подниматься; для того же, чтобы шаръ опускался, слѣдовало бы выкачивать (вытягивать) изъ него водородъ въ нагнетательный снарядъ.

Конечно, отъ помѣщенія нагнетательнаго снаряда увеличилась бы тяжесть аэростата, но прибавокъ тяжести будетъ ничтоженъ, потому что при такомъ устройствѣ пришлось бы гораздо менѣ брать съ собою балласта. Даже, еслибы тяжесть аэростата увеличилась пуда на два, то это неудобство совершенно исчезаетъ передъ тою выгодой, что при новомъ устройствѣ аэростатъ, заключающій то же самое количество водорода, можетъ въ нѣсколько десятковъ разъ долѣ держаться въ воздухѣ, а также подниматься и опускаться, не тратя своего газа.

Наконецъ относительно разныхъ научныхъ наблюдений, которыя были сдѣланы при различныхъ высотахъ учеными, поднимавшимися на аэростатахъ, я полагаю, что эти наблюдения требуютъ еще весьма значительныхъ дополненій и гораздо большей точности и отчетливости. Такое мнѣніе я основываю вотъ на чемъ: вопервыхъ, скорость, съ которою несется шаръ, такъ велика, что наблюдатель, находящійся въ корзинкѣ этого шара, не успѣваетъ не только дѣлать одновременно нѣсколько наблюдений, но даже, по причинѣ быстрыхъ измѣненій, указываемыхъ инструментами, не успѣваетъ записывать разновременныя замѣчаемыя имъ перемѣны; вовторыхъ, сколько мнѣ извѣстно, всѣ тѣ ученые, которые дѣлали наблюдения на аэростатахъ, поднимались въ вышину, кромѣ Ге-Люссака, только по одному разу, и наблюдения ихъ, сдѣланныя по необходимости торопливо, не проверены повторенными сравнительными наблюдениями, помощію тѣхъ же самыхъ инструментовъ.

Чтобъ изъ наблюдений, производимыхъ на аэростатѣ, получить точные и положительные результаты, должно брать какъ можно болѣе балласта, съ цѣлю замедлить быстрое движеніе шара

вверхъ; кромѣ того наблюдатель долженъ, имѣя при себѣ тѣ же самыя инструменты, совершить нѣсколько полетовъ и сдѣлать по каждому предмету нѣсколько повторенныхъ сравнительныхъ наблюдений. Инструменты должно выбирать, по возможности, не большіе, не объемистые, хорошо защищенные, потому что, при опусканіи шара внизъ, корзина его не рѣдко колотится довольно сильно о землю, и инструменты, привязанные къ веревкамъ, соединяющимъ шаръ съ корзиною, ударяются о пни, о камни, могутъ быть раздавлены и растоптаны людьми, которые, сбѣжавшись помогать и притягивая шаръ къ землѣ, обходятся безъ излишнихъ нѣжностей, и руками и ногами дѣйствуютъ какъ попало, лишь бы одолѣть и повалить на землю шаръ.

Если наблюдатель набереть съ собою много инструментовъ и захочетъ въ одинъ полетъ сдѣлать много разнородныхъ наблюдений, то онъ или ничего не сдѣлаетъ какъ слѣдуетъ, или сдѣлаетъ весьма немного, по причинѣ быстро совершающихся перемѣнъ, указываемыхъ инструментами. Гораздо лучше сдѣлать нѣсколько лишнихъ полетовъ, но каждый разъ брать съ собою небольшое число инструментовъ.

П. МАЛИНОВСКІЙ.

ПОѢЗДКА ВЪ ОТРЯДЪ ГАРИБАЛЬДИ.

Миланъ, іюля 13 в. ст.

Съ самаго пріѣзда моего въ Ломбардію, мнѣ, естественно, хотѣлось видѣть Гарибальди. Но пробраться къ нему ту же минуту было невозможно: онъ командовалъ авангарднымъ отрядомъ на границахъ Тироля. Я говорю о времени моего прибытія въ Ломбардію, то-есть три недѣли тому назадъ. Дѣла при Варезе и Комо были уже какъ бы стариною. Притомъ, кромѣ нѣкоторой отдаленности отряда, съ именемъ Гарибальди соединяли что-то таинственное, какую-то неизвѣстность, гдѣ и что. Говорили, будто Гарибальди ежедневно перемѣняетъ мѣста; нынче здѣсь, завтра тамъ. На картинкахъ и платкахъ нерѣдко изображали его какимъ-то бандитомъ, съ знаменемъ въ одной рукѣ, съ обнаженною саблей въ другой, въ шляпѣ съ широкими полями, съ пѣтушьимъ перомъ. Особенно врѣзалось у меня въ памяти подобное изображеніе на шторѣ, въ улицѣ Бассано, гдѣ онъ представленъ шагающимъ черезъ горы, какъ у насъ изображаются Дибичи-Забалканскіе и другіе, скачущіе на какихъ-то необыкновенныхъ коняхъ, по головамъ войскъ, своихъ и Турокъ. Я былъ совершенно увѣренъ, что настоящій Гари-

Бальди вовсе не похожъ на этого прыгуна по Альпамъ, но странно: это изображеніе, въ соединеніи съ разными фантастическими разказами, съ пѣснями, которыя пѣлись на улицахъ о подвигахъ Гарибальди, его имя, поминутно произносимое народомъ, все это производило свое дѣйствіе, и я, такъ ли, не такъ ли, медленно и нерѣшительно собирался съ духомъ... Между тѣмъ ларчикъ отворился очень просто.

5-го іюля, по пріѣздѣ изъ Брешии, я взялъ «открытый листъ» отъ начальника сардинскихъ войскъ въ Миланѣ, но и тутъ, къ удивленію моему, на вопросъ: «гдѣ теперь Гарибальди?» не сказали ничего опредѣленнаго. Я вспомнилъ объ офицерѣ въ красной курткѣ, на дорогѣ въ Брешию, и рѣшился ѣхать туда.

На станціи желѣзной дороги на Брешию, уже знакомой читателямъ изъ прежнихъ моихъ писемъ, меня встрѣтили унылыми фигуры самыхъ разнообразныхъ видовъ, съ узлами и съ чемоданчиками въ рукахъ: имъ было отказано въ билетахъ, по причинѣ скопившихся военныхъ движимостей, солдатъ и припасовъ. Я не отчаивался отправиться, потому что имѣлъ открытый листъ, но все-таки его должно было предъявить начальству. Куда дѣвалось это начальство, было никому неизвѣстно. Между тѣмъ вагоны стояли совсѣмъ готовые, и машина посвистывала, какъ бы намѣреваясь идти. Я бѣгалъ по всѣмъ закоулкамъ дебаркадера и никого не могъ найти, кромѣ кондукторовъ. Въ этихъ дискурсіяхъ попался мнѣ навстрѣчу одинъ изъ моихъ миланскихъ знакомыхъ. «Кого вы ищете?» спросилъ онъ меня, увидѣвъ мою озабоченную физиономію. Я объяснилъ, въ чемъ дѣло. «Да вы никогда не добьетесь толку, отбѣчалъ онъ, и останетесь. Если хотите ѣхать, надо быть расторопнымъ. Уѣзжаютъ здѣсь только расторопные.»

— Да въ чемъ же тутъ расторопность?

— Сѣсть въ вагонъ. Хотите, я вамъ дамъ мѣсто?

— Давайте!

Онъ подхватилъ меня подъ руку, провелъ къ вагонамъ какими-то особыми путями, мимо всѣхъ воротъ, открылъ дверцы въ первомъ классѣ и пожелалъ счастливаго пути.

Я нашелъ въ вагонѣ одну даму, изящной наружности, въ черномъ шелковомъ платьѣ съ кринолиномъ, и еще старичка, съ другою дамой, одѣтыхъ просто. Всѣ они были разстроены и говорили очень жарко. Съ первыхъ же словъ я узналъ, что это Французы. Дама ѣхала отыскивать мужа, полковника, раненнаго въ дѣлѣ при Сольферино. Старичокъ съ женою отправлялись увидѣть сына, тоже раненнаго подъ Сольферино. Всѣ они были посажены въ вагонъ такимъ же услужливымъ геніемъ, какъ и мой.

«Нѣтъ ужъ, теперь кончено! что хотите, а я не пойду отсюда!» говорила дама.

Старичокъ говорилъ то же самое. Это былъ титъ старичковъ-родителей, какими ихъ изображаютъ на картинкахъ и на сценѣ. Надо было слышать его голосъ, сотрясаемый слезами: «о Боже мой, хотъ бы только увидѣть, увидѣть!»

— Говорить, въ ногу, замѣчала мать:—не можетъ быть, чтобъ онъ отъ этого сейчасъ умеръ!

И они принимались читать какое-то письмецо, на синемъ клочкѣ бумаги, и глаза обоихъ, полные слезами, уставались иногда въ него неподвижно, вѣроятно ничего не вида. Сколько самыхъ трогательныхъ мелочей — въ движеніяхъ, восклицаніяхъ, можно было замѣтить! Дама желала знать какой-то адресъ: жена старичка собиралась написать его на клочкѣ, который хотѣла оторвать отъ чистой половины сыновняго письма, но старичокъ остановилъ: «Нѣтъ, нѣтъ!.. Я найду тебѣ другой клочокъ бумаги!» Сколько чувства звучало въ этомъ дрожащемъ мѣль! И старичокъ опять бралъ письмо и уставлялъ въ него неподвижные глаза...

Въ это время стали входить разными дверями дебаркадера французскіе и піемонтскіе солдаты и садиться по вагонамъ. Мѣсть не достало: вѣдь было лѣзть на верхъ. Это былъ самый куріозный поѣздъ, какой только видали на желѣзныхъ дорогахъ.

Вагоны полетѣли въ Брешию. Я опять любовался живописнымъ расположеніемъ Бергамо; компанія оживилась. Всѣ глядѣли въ окошки. Я сильно побаивался за парижскій кринолинъ полковницы, чтобъ онъ не обнаружилъ какихъ-нибудь тайнъ... но все кончилось благополучно. Она весьма ловко и осторожно перемѣняла мѣста, для того, чтобы лучше видѣть панораму города. Невозможно описать, съ какимъ энтузіазмомъ и криками провожалъ народъ эти вагоны, полные солдатами. Работавшіе въ поляхъ бросали свою работу, махали шляпами и платками. Одинъ молодецъ, на стогѣ сѣна, все время, пока мѣстъ вагоны пролетали мимо, прыгалъ на одной ногѣ, вздернувъ шляпу на вылы, и кричалъ ура! и еще неизвѣстно что такое. Другой, не зная, какъ лучше выразить свое одушевленіе и находя обыкновенные способы слишкомъ простыми, вдругъ забѣгалъ по берегу канавы, какъ сумашедшій, взадъ и впередъ, махалъ шляпой и палкой и кричалъ: viva (1)! Солдаты отвѣчали изъ вагоновъ и съ вагоновъ

(1) Это совершенно противоположно слышанному мною въ Туринѣ, будто французскія и піемонтскія войска нашли за Аддой большое нерасположеніе жителей. Цѣлыя деревни молча уходили впередъ. Ничего нельзя было до-

не менее энергически. Музыканты, большею частью стоя на ногах, трубили въ трубы.

Такъ мы мчались среди воинственного гула. Кое-гдѣ, при остановкѣ машины, народъ бѣжалъ съ ведрами и ковшами воды, спѣша напоить солдатъ. Солдаты выскакивали изъ вагоновъ, прыгали съ верху; около ведеръ обирались мгновенно живописныя кучки, въ однихъ рубашкахъ, въ красныхъ штанахъ, безъ шапокъ: «*ici! là bas!*» Иногда ведро подавалось откуда-то снизу, на длинномъ шестѣ; карабкался по насыпи какой-нибудь усердный малый, въ грязной рубашкѣ, съ загорѣлымъ лицомъ, въ соломенной шляпѣ съ аршинными полями,—и предлагалъ на жаждущую братію всего одинъ ковшикъ, который мѣсть далеко и осторожно. Ковшика хватало только на два солдатскія горла, но карабкается еще паремъ съ другой стороны, также съ ковшомъ, и кричитъ солдатамъ по своему, а куча столпилась за мостомъ, не слышитъ и не понимаетъ... малый спускается снова и карабкается въ другомъ мѣстѣ; «*ici! là bas!*» кричатъ сотни разгорѣвшихся усачей... но машина свиститъ, все бросается по мѣстамъ и летитъ снова въ двухъ ярусахъ, съ гуломъ и трубами...

Я остановился въ Брешии въ *Albergo Reale* и тотчасъ отправился отыскивать пиемонтскаго генерала, командовавшаго тамъ войсками. Миѣ сказали, что онъ можетъ сообщить самыя точныя свѣдѣнія объ отрядѣ Гарибальди. Это такъ и вышло.

Въ маленькомъ садикѣ, въ улицѣ dell'Albergo, сидѣло нѣсколько офицеровъ, всѣ въ мундирахъ, исключая одного, среднихъ лѣтъ, бравой наружности, который былъ въ простомъ черномъ сюртукѣ, только въ шпорахъ. Это-то и былъ генералъ F*, начальникъ дивизіи въ Брешии.

Выслушавъ меня, онъ ту же минуту объяснилъ по картѣ два пути въ отрядъ Гарибальди, со всѣми подробностями: одинъ изъ Милана, по желѣзной дорогѣ до Комо, потомъ на пароходѣ до Колико, а оттуда въ почтовыхъ дилижансахъ черезъ Сондріо, до Тирано, гдѣ и находится главная квартира Гарибальди.

Другой путь на Эоло, изъ Брешии, но путь не вѣрный и продолжительный. «Я вамъ совѣтую лучше воротиться въ Миланъ и ѣхать оттуда, замѣтилъ генералъ: вы можете выиграть 10 часовъ, это самое малое.»

биться. Объ Австрійцахъ ни слова, а они тутъ, подъ бокомъ. Хлѣбъ и другіе съѣстные припасы зарывали въ землю. Въ особенности нерасположеніе усилилось подъ Сольферино и Пескьерой. Такъ, говорятъ, было въ началѣ. Можетъ-быть, тутъ дѣйствовала боязнь возвращенія Австрійцевъ. То, что я описываю, было также за Аддою, спустя только недѣлю послѣ сольферинскаго дѣла.

Генералъ былъ любезенъ до чрезвычайности, какъ всѣ вообще сардинскіе начальники.

— Все ли вы поняли? спрашивалъ онъ меня нѣсколько разъ: — нѣтъ ли еще чего-нибудь, пожалуста скажите!

Все было такъ ясно и подробно, что мнѣ оставалось только поблагодарить его и проститься,

— Счастливый путь! Вамъ будетъ случай въ тотъ же день, какъ прїѣдете на мѣсто, размѣняться выстрѣломъ съ Австрійцами, если вы любитель.

На слѣдующее утро, 7 іюля, въ 10 часовъ, я снова мчался въ Миланъ. Мы сидѣли вдвоемъ, въ цѣломъ вагонѣ, съ однимъ молодымъ Французомъ съ бойкою фizioноміей, возвращавшимся изъ главнаго штаба французской арміи. Это былъ поставщикъ винъ въ армію и главную квартиру, и въ то же время корреспондентъ какого-то журнала. Какъ человекъ съ порядочными средствами, онъ держалъ въ Брешии карету и пару лошадей, которыя и развозили его во всѣ концы, куда нужно. Чтò сдѣлаешь съ такимъ сообщателемъ извѣстій, благодѣтельствующимъ армію и главные желудки главнаго штаба? Его пребываніе всюду такъ естественно и такъ просто; онъ собираетъ крохи для журнала самымъ незамѣтнымъ образомъ, по палаткамъ офицеровъ, съ которыми болтаетъ поминутно, и потомъ увозитъ собранныя матеріалы въ Миланъ, катаетъ статью — и мчится снова къ своимъ могущественнымъ «liquides», къ этимъ кастальскимъ, неизсякаемымъ ключамъ воинскихъ вдохновеній.

Въ 3 часа мы прибыли въ Миланъ. Жаръ былъ неестественный. Все вываливалось изъ рукъ. Я никакъ не умѣлъ попасть въ вечерній поѣздъ, отправлявшійся въ Комо (этому виною рѣшительно жаръ), и долженъ былъ встать на другой день въ 4 часа. Къ удивленію моему, народъ уже двигался въ улицахъ и гремѣли омнибусы. Одинъ изъ нихъ доставилъ меня на станцію комской желѣзной дороги. Проѣзжая по улицамъ, я читалъ крупныя печатныя объявленія, или, лучше сказать, восклицанія, зелеными буквами: «Viva il nostro re!» — «Viva l'unione col Piemonte!» (1)

Проѣзжающихъ оказалось очень много, несмотря на такое раннее время. Раздача билетовъ и отправленіе было въ исправности, но вагоны самыя посредственныя и очень тѣсны.

Мы полетѣли, какъ водится, между садами, о какихъ я говорилъ не разъ. Только болѣе встрѣчалось высокихъ деревьевъ: пихтъ, платановъ и другихъ. Иныя были красивы до чрезвычайности.

(1) «Да здравствуетъ нашъ король!» — «Да здравствуетъ соединеніе съ Пиемонтомъ!»

Особенно я помню одну пихту на лѣвой сторонѣ, у самой дороги, подлѣ какой-то виллы. Народъ работалъ въ поляхъ. Женщины были въ большихъ соломенныхъ шляпахъ, но тѣ, которыя работали безъ шляпъ, снова напоминали мнѣ русскихъ деревенскихъ женщинъ. Иногда это сходство было разительно, особенно при свѣтломъ цвѣтѣ волосъ.

Въ Комо, довольно большомъ городѣ, на берегу знаменитаго озера (куда мы прибыли въ 8 часовъ), надо было сѣсть на пароходъ. Я нашелъ самую разнообразную компанію. Дамы, среди которыхъ были самыя блестящія по красотѣ и костюмамъ; статскіе кавалеры въ изысканныхъ сюртучкахъ и въ лайковыхъ перчаткахъ; офицеры и солдаты французскіе и піемонтскіе, и разнокалиберный народъ всякаго званія и цвѣта.

Мы плыли пять часовъ по синимъ, яхонтовымъ волнамъ одного изъ самыхъ прекрасныхъ озеръ въ мірѣ. По обѣ стороны круто подымались высокія горы, покрытыя лѣсомъ. Безпрестанно мелькали виллы и цѣлыя деревни. Иногда на пароходѣ звенѣлъ колокольчикъ (этимъ давали знать о приближеніи парохода къ какому-либо мѣстечку)—кто-нибудь подъѣзжалъ и садился на пароходъ, или съ него сходилъ въ лодку. Берега пестрѣли народомъ; свѣшивались надъ синею водой густыя вѣтви лавровъ и платановъ, и качались длинныя свѣтло-зеленыя пряди плакучей ивы, той самой, о которой пѣла Дездемона, и о которой мы, жители сѣвера, не имѣемъ никакого понятія... глядѣла сквозь эти зеленныя пряди, точно игрушечка, вилла, съ тонкими, прозрачными, на подобіе кружевъ, балконами; ярко пестрѣли разнообразные цвѣты за оградой, въ миніатюрномъ саду; стройная ручка тихонько отворяла рѣшетчатый ставень (которыми здѣсь постоянно, въ продолженіи дня, закрываютъ окна, дабы сохранить прохладу въ комнатахъ), и опять все это уходило въ даль, задвигалось горами, при поворотѣ парохода, и новыя виллы и темнозеленныя уступы горъ являлись передъ глазами пассажировъ...

Говоря вообще, виды Комскаго озера довольно однообразны. Съ начала до конца — голубое озеро по срединѣ горъ, покрытыхъ у подошвы домиками, садами и селеніями. По моему, достаточно видѣть его начало, у Комо, гдѣ особенно красивы два старыя замка, съ лѣвой стороны, и дикіе, оригинальные пласты и уступы чистаго гранита, безъ кустарниковъ и зелени, близъ того же мѣста; потомъ проплыть мили 3—4, и воротиться. Новаго дальше ничего не будетъ. Глазъ утомляется безпрестаннымъ повтореніемъ одного и того же, этою ровною, неизбѣжною рамой горъ и вставленнымъ въ нее зеркаломъ озера.

Нѣмцы умѣютъ любоваться всѣмъ этимъ съ вѣковѣчнымъ Рейхардомъ или Грибеномъ въ рукахъ, и не устаютъ повѣрять

имѣна вилягъ по картѣ, пресеріозно и даже нѣсколько сердито разгудывая по пароходу, какъ въ своей студіи. То же дѣлаютъ иныя Англичане. И тѣ, и другіе дѣлаютъ это совершенно искренно, безъ фокусовъ. Пожалуй, выкинетъ такую штуку и Русскій, но совсѣмъ не оригинально, а развѣ изъ подражанія. Смѣю думать, что въ сущности, въ глубинѣ дѣйствительнаго русскаго характера, не лежитъ такихъ пустяковъ и странностей. Русскій, можетъ-быть и любуясь видами на всемъ протяженіи озера, по картѣ и Грибену, собственно дремлетъ и скучаетъ. Говоря строго, Комо, несмотря на неоспоримую красоту, вѣчно ему принадлежашую, все-таки — мода, и потому платятся немовѣрные деньги за домишко на обрывѣ скалы, но честью насъ утѣряю, что тамъ скучно и неудобно. Жизнь тамъ просто натяжка. Спросите по совѣсти у любого владѣльца самой лучшей виллы, могъ ли онъ выжить хотя мѣсяць *сряду* въ этихъ очаровательныхъ мѣстахъ, о которыхъ трубятъ и кричатъ на всевозможныхъ языкахъ міра,—выжить, не заглядывая поминутно въ Миланъ, или куда-нибудь, гдѣ безъ всякой моды дѣйствительно хорошо и удобно? Французъ, когда ѣдетъ по озеру, обыкновенно ничего не дѣлаетъ, болтаетъ съ сосѣдомъ и плохо смотритъ. Это самый честный путешественникъ на комскихъ пароходахъ. Это даже не путешественникъ, а просто такъ, Французъ, и больше ничего.

Я скоро замѣтилъ на парсходѣ одного *вида* изъ отряда Гарибальди: красная куртка его рѣзко отличалась отъ другихъ костюмовъ и горѣла какъ огонь на солнцѣ. Онъ отправлялся въ отрядъ своего генерала. Мы познакомились и рѣшили ѣхать вмѣстѣ. Черезъ нѣсколько времени, насъ собралась изрядная кучка: пять человекъ, имѣвшихъ одну и ту же цѣль—отрядъ Гарибальди. Между прочимъ какой-то волонтеръ изъ Неаполя, молодой, расторопный парень, въ сѣромъ пальто, въ большой соломенной шляпѣ и съ винтовкой за плечами. Низкостриженная, немного лысая голова его, надо думать, видала много видовъ. Когда мы прибыли въ Колико, незначительный городокъ на другомъ концѣ озера, бойкій Неаполитанецъ съ винтовкой мгновенно уладилъ для насъ обѣдъ въ лучшемъ *albergo*, разчитался, разложилъ пакъ, разыскалъ лошадей до Морбеньо, и мы покатали впятеромъ по великолѣпному шоссе, между горами и садами. Виды были очаровательные, хоть о нихъ и не принято говорить столько, сколько говорится о Комскомъ озерѣ. Индѣ, на высотѣ скалъ, мелькали остатки старыхъ замковъ (какъ увѣрили мои пріятель—«испанскихъ»), бѣгли свѣжіе, новые домики, и вокругъ нихъ, Богъ вѣсть какъ далеко, подъ самыми небесами, разстлались небольшіе желтые коврики бѣдныхъ пашень. Внизу, по обѣ

стороны дороги, тянулись поля кукурузы и винограда. Все— кукуруза и виноградъ—посреди *джельси*, орѣшицъ, дубовъ, кленовъ, тополей и платановъ. Скоро показалась сѣрая, шумная Бито,— такъ назвали мнѣ первую рѣку, встрѣчаемую на этой дорогѣ. Шоссе пошло между ветлами, точь-въ-точь какъ у насъ. Чудное шоссе по горамъ и, частію, болотамъ! Залюбуешься на одни гранитные столбы, какъ они выточены и врыты!

Случалось проѣзжать маленькія деревни. Когда я говорю: деревни, забудьте о томъ, что представляется вамъ при этомъ словѣ на Руси: ничего похожего на нашу деревню. Каменные трехъ-этажные дома, превосходныя мостовыя, лавки не хуже тѣхъ, какія желалъ видѣть въ своемъ помѣстьѣ Маниловъ. Но опять, не думайте, что это великолѣпно и удобно: это все-таки деревня, въ улицахъ бѣдный народъ, ѣсть нечего, деревянный хлѣбъ, которымъ можно стрѣлять въ Австрійцевъ, какъ картечью. Вся деревня—грошъ, только дома по тысячѣ. Никакъ не понимаешь, откуда взялись эти дома, кто ихъ строилъ, на какія средства и матеріалы. Точно какіе духи пришли, выстроили и ушли, а люди, скитавшіеся до тѣхъ поръ по горамъ безъ пристанища, заняли эти палаты, но живутъ все такъ же, какъ жили прежде, безъ пристанища. Есть пожалуй во всякой деревнѣ два-три сальныхъ, грязнѣйшихъ *albergo*, тоже каменные палаты въ два-три этажа, но послѣдняя русская приземистая харчевня накормитъ васъ гораздо лучше. Мы все-таки останавливались у этихъ *albergo*, требовали вина; сама собою являлась кучка сѣрыхъ шляпъ, и одинъ спрашивалъ: «сколько *бикъери*», то-есть стакановъ? Таковъ здѣсь обычай, останавливаться у *albergo*, чтобы проглотить два-три *бикъери* красной влаги, причемъ и веттурино получаетъ свою долю.

Въ Морбеньо мы перемѣнили лошадей и поѣхали снова среди такихъ же долей и садовъ, съ такими же остановками у *albergo*, и въ 7 часовъ вечера прибыли въ Сондрію, главный городъ Вал-талинны, въ которомъ расположена часть отряда Гарибальди. Красные *земды* его бродили по улицамъ и сидѣли передъ кофейнями. Это юноши лучшихъ ломбардскихъ *земидій*. Каждый обязанъ имѣть собственную лошадь. Ихъ всего-на-все человекъ полтора-ста; все это простые солдаты и капралы; офицеровъ только 5 человекъ; старшій изъ нихъ капитанъ. Офицеръ отличается золотымъ или серебрянымъ жгутомъ на плечѣ, вмѣсто эполетъ, и узкимъ галуномъ на *кеми*, какъ у Французовъ. Есть *земды* сѣрые, въ красной кепи (красные въ сѣрой кепи), но, говорятъ, ихъ уничтожаютъ, по той причинѣ, что у Австрійцевъ есть сѣрые гусары, или какія-то войска, похожія на этихъ *земдовъ*. Остальныя

части отряда Гарибальди заключаются въ пѣхотныхъ солдатахъ, между которыми есть также много аристократовъ и образованныхъ людей со всѣхъ концовъ Италіи. Симпатическая личность Гарибальди, его имя и слава привлекаютъ къ нему поминутно не только уроженцевъ Италіи, но и другихъ земель. Душевнаго тепла ищетъ человѣкъ. Оба главные штаба холодны, даже и сардинскій, несмотря на необыкновенную простоту короля. Одно слово — король тутъ, при штабѣ. Онъ и не требуетъ, и не любитъ «ничего такого», да какъ-то сдѣлается иной разъ само-собою и жутко, и неловко. Не онъ, такъ окружающіе напустятъ стужи, чтобы подслужиться. Притомъ атмосфера «спутника» настраивалась постоянно по градуснику «планеты», чтобы какъ-нибудь не сбиться съ толку, не выскочить изъ орбиты, не «задѣть». Этому ужасно боялись, и я воображаю, какъ иногда, или вѣрнѣе всегда, болѣло и надрывалось стиснутое сердце «лучшаго изъ королей», какъ назвали его потомъ Миланды въ одной прокламаціи. И вотъ почему все порядочное, не слишкомъ занятое воинскими орнаментами и отличіями, какъ-то невольно влеклось къ Гарибальди. Въ числѣ замѣчательныхъ лицъ, окружавшихъ его, находились два знаменитые живописца Ломбардіи, Индуно и Пальяно, и венгерскій полковникъ Тюръ (Türr), известный съ 1849 года. Вотъ его краткая исторія: Тюръ служилъ въ 3-мъ гусарскомъ полку Австрійцевъ и однажды ночью ушелъ къ Гергею. Австрійцы прозвали его *Ружьельмъ* (die Flinte). Нѣсколько позже, Тюръ попалъ въ турецкую службу, съ чиномъ майора (бимбаша), а потомъ, не задолго до крымской кампаніи, какъ знатокъ языковъ венгерскаго, валашскаго, сербскаго и нѣмецкаго, былъ принятъ въ англійскую армію, дабы ѣздить въ разныя стороны и собирать всевозможныя свѣдѣнія. Его послали между прочимъ въ Бухарестъ, въ видѣ ремонтера, закупать у Валаховъ лошадей для англійской арміи, и тутъ онъ былъ схваченъ австрійскимъ генераломъ Гербертомъ, который хотѣлъ его разстрѣлять. Англійскій консулъ протестовалъ и мгновенно послалъ депешу въ Англію. Какъ водится, поднялась буря. Три депутаціи отправились къ королеви, прося ее спасти Тюра, и Тюръ былъ спасенъ. Онъ даже не поторопился въ армію, а кончилъ закупку лошадей и, сдавъ ихъ, получилъ разрѣшеніе отправиться подъ Силистрію. Теперь этотъ мудреный проходимецъ у Гарибальди и былъ раненъ подъ Варезе. Мой пріятель, капитанъ Ломексъ (корреспондентъ англійской газеты, о которомъ я говорилъ уже неразъ) (1), видѣлся съ Тюромъ въ Брешии, въ госпиталѣ, и нашелъ его умнымъ и превосходно-образованнымъ человѣкомъ. Четвертая за-

(1) Все о полковникѣ Тюрѣ передано мнѣ г. Ломексомъ.

мѣчательность въ отрядѣ Гарибальди — это бывший профессоръ въ Пизѣ, а потомъ министръ временнаго правительства въ Тосканѣ, Монтанелли. Онъ служить у Гарибальди простымъ солдатомъ. Какіе странные переходы: профессоръ, увлекшій въ ряды національной арміи въ 1848 году всѣхъ своихъ студентовъ, раненный и взятый въ плѣнъ при Куртатоне, потомъ министръ... потомъ каторжникъ Австрійцевъ, далѣе—эмигрантъ и писатель во Франціи въ продолженіи десяти лѣтъ... и наконецъ солдатъ въ рядахъ Гарибальди! Я встрѣтилъ это любопытное лицо въ Сондріо, въ *альберго*: мы закусывали, все въ той же компаніи, вдругъ вошли въ комнату три піемонтскихъ солдата, въ своихъ синесѣрыхъ шинеляхъ и въ синихъ кепи, съ вензелемъ Виктора-Эммануила. Вглядѣвшись ближе въ форму, я увидѣлъ, что это *cacciatori* (1) Гарибальди. Они сѣли тутъ же и спросили чего-то. Двое были пожилые, лѣтъ за сорокъ: одинъ, безъ бороды, все болталъ съ третьимъ, молодымъ, красивымъ парнемъ; другой, съ небольшою подстриженною бородкой, почти совсѣмъ сѣдою, тихій и мягкій на видъ, совсѣмъ непохожій на солдата, съ узкими плечами и весь узенькій и длинный, какъ линейка. Онъ все молчалъ, по крайней мѣрѣ сначала, и я вспомнилъ Гоголя въ *Пропавшей грамотѣ*: «вотъ этотъ все молчитъ: видно много ума зашибъ!» Молчавшій, узенькій, мягкій и кроткій солдатъ былъ Монтанелли.

Такъ иногда обманчива фізіономія человѣка. Я еще не видывалъ такого киселя въ солдатскомъ платьѣ, между тѣмъ мы говорили въ Туринѣ, что нѣтъ ничего огнедышущаго этого человѣка въ бою, на каюдрѣ, въ задушевной компаніи, въ бесѣдахъ о свободѣ Італіи. Книга его: *Mémoires sur la guerre de l'indépendance de l'Italie* читается какъ романъ.

Я не успѣлъ тогда же, въ Сондріо, познакомиться съ Монтанелли и сошелся съ нимъ позже, въ Тирано. Новая пара коней, разысканная Неаполитанцемъ съ винтовкой, понесла насъ далѣе.

Надо замѣтить, что вонзять здѣсь хорошо. Единственныя остановки, какъ нѣчто принятое обычаемъ, — въ деревняхъ передъ *альберго*: три-четыре соломенныхъ шляпы, молодцы въ рубашкахъ и въ сѣренскихъ штанахъ, спрашиваютъ: «сколько стаканчиковъ?» мы скажутъ сколько, — красная струя ухнетъ изъ какого-то жбана, между тѣмъ веттуринъ слѣзетъ, поправитъ коней, приладитъ на нихъ немного развѣхавшіяся вѣтви (2) выпьетъ пару *бикьеры*, затѣмъ садится, и веттура снова гремитъ по дорогѣ.

Горы, покрытыя дремучимъ лѣсомъ, гдѣ, говорятъ, водятся

(1) *Cacciatori delle Alpi*—альпійскіе стрѣлки. Такъ называется этотъ отрядъ даже офиціально.

(2) Въ Ломбардіи, въ жаркое время, покрываютъ лошадей, для прохлады, древесными вѣтвями, которыя пристегиваютъ къ шлеямъ.

медвѣди, козы, тетерева и фазаны; изрѣдка снѣжныя вершины въ облакахъ; бѣленькіе домики по этимъ горамъ; внизу кукуруза, виноградъ, клены, тополи, дубъ, ветла, орѣхъ, осина и платаны да еще сѣрая, ревущая Ацца—вотъ что мелькало мимо насъ во всю дорогу. Раза два встрѣтились крестины, просившіе милостыню, жалкіе, нѣмые уродцы съ зобами. Одна старушечка въ аршинъ вышины довольно долго бѣжала рядомъ съ экипажемъ, дожидаясь особенной подачи. Ей подали, и она отстала.

Боже мой, какія горы и какіе виды! Такъ много уносящей, обаяющей красоты въ этой дикой природѣ, что я иногда не слышалъ вовсе, какъ вертѣлись колеса, и двигался, или не двигался экипажъ. Казалось, все замирало и останавливалось въ созерцаніи... Къ вечеру собралась гроза. Мгновенное зарево вспыхивало въ ущельяхъ, и вдругъ закапали, зашлепали по листьямъ и шоссе крупныя, тяжелыя капли горнаго дождя; еще сильнѣе заревѣла Ацца; какая чудесная, волшебная обстановка для картины, для вѣзда въ Тирано, съ его альпійскими стрѣлками! Я вспомнилъ штору въ улицѣ Бассано и фигуру шагающаго по горамъ бандита... прихотливыя группы облаковъ дѣйствительно обрисовали на одной вершинѣ какого-то гиганта... Однако поэтическая обстановка «въ сущности» допекала очень сильно: мы подняли верхъ своей колясочки и всѣ забились внутрь, сидѣвъ до того какъ попало: кто на козлахъ, кто сбоку, кто сзади, въ особомъ мѣстечкѣ. Кони мчались. Не помню, какъ это случилось, но мы скоро заплѣли разныя «народныя арія», бывшія тогда въ ходу. Вотъ вамъ одна изъ нихъ въ переводѣ, самая приличная, объ «альпійскихъ стрѣлкахъ»:

Я съ отчизною простился,
Я ушелъ и очутился —
Вольный каччаторъ
Межъ Альпійскихъ горъ.

Мать и милыя сестрицы
Провожали до границы
Брата - молодца:
«Бейся до конца!»

А подруга все бѣжала
И за Аццу провожала
Милаго дружка,
Гдѣ шумить рѣка;

И, обнявъ меня рукою,
Говорила мнѣ съ тоскою:
«Другъ мой! добрый путь!
Не жняя... забудь!»

«Позабудь меня, доколѣ
 Будемъ всѣ на вольной волѣ!
 Бейся, умирай
 За родимый край!»

Я пошелъ въ слезахъ, въ тревогѣ...
 Вдругъ встрѣчаю на дорогѣ
 Пятерыхъ стрѣлковъ:
 «Другъ, ты кто таковъ?»

— Изъ Тосканы я привольной,
 Прилетѣлъ я птицей вольной
 Къ вамъ въ завѣтный кругъ!
 «Здравствуй, милый другъ!»

— Ну, а ты, скажи, отколѣ?
 «Я поутру былъ въ Тиролѣ;
 • Вечеромъ — у васъ!»
 — Дихо! въ добрый часъ!

«Ну, а ты какъ въ нашемъ кругѣ?»
 — Изъ Неаполя я, други;
 Нынче здѣсь служу...
 Что я вамъ скажу!

И, впередъ клянуса честию,
 Рады будете извѣстью:
 Ясный соколъ нашъ
 Свиснулъ, — и шабашъ!

— Ну, а ты съ какого краю,
 Понимаешь? «Понимаю!»
 Добрый человекъ?
 «Я хіосскій Грекъ!»

«Есть на свѣтѣ островъ Хіо...»
 — Не слыхалъ, саго шіо!
 Ну да все равно,
 Всѣ мы за одно!

Прозываемся мы нынѣ
 Молодцы-Гарибальдини,
 Братья и друзья,
 Вольная семья!

Слушать всѣ его призыва:
 Viva! Re! Italia viva!...
 Чу! стрѣдаютъ тамъ!..
 Братья, по мѣстамъ!

«Стой! кто идетъ?» раздалось у насъ надъ самымъ ухомъ, и вокругъ блеснули штыки. Это были *берсальери*, разставленные по дорогѣ въ разныхъ мѣстахъ. Неаполитанецъ съ винтовкой хотѣлъ отдѣлаться, какъ-нибудь, шутя, но берсальери насъ окружили и грозное «*chi va la?*» повторилось. Одинъ штыкъ даже залѣзъ къ намъ въ коляску. Шутки въ сторону, пришлось объяснять все порядкомъ. «*Avanti!*» (проѣзжай!) сказали солдаты и разступились. Такая исторія случилась трижды. Наконецъ, въ 11 часовъ ночи, мы въѣхали въ Тирано и остановились передъ домомъ, который занималъ Гарибальди и его штабъ. Это былъ большой трехъ-этажный домъ, принадлежавшій графу Салису, Casa Salis, какъ звали его въ народѣ. Гарибальди жилъ во второмъ этажѣ, по здѣшнему «въ первомъ»—*primo piano*. Нижний этажъ, гдѣ помѣщаются кухни, анбары и кладовыя, не считается жилымъ, такъ точно, какъ и третій, служащій чѣмъ-то въ родѣ чердака, для просушки бѣлья, хлѣба въ зернѣ и овощей, а потому здѣшній трехъ-этажный съ виду домъ собственно одноэтажный.

Въ аркѣ воротъ (съ куріозными фигурами изъ гранита и съ графскимъ гербомъ сверху) была устроена небольшая походная гауптвахта: стояли ружья въ сошкахъ и расхаживали два солдата изъ «національной гвардіи», въ синихъ сюртукахъ и кепи, взбросивъ на плечи ружья. Они сказали намъ, что генералъ у себя, но спитъ, а завтра, какъ слышно, куда-то ѣдетъ въ 4 часа утра. Когда же онъ уѣзжаетъ, гауптвахта снимается и подъ воротами пусто: ни ружей, ни часовыхъ. Развѣ сидятъ на лавочкѣ, пришедшій за чѣмъ-нибудь къ хозяину, горный мужичокъ, въ шпензерѣ изъ красной дерюги, въ шляпѣ съ аршинными полями и въ тяжелыхъ башмакахъ, а не то и вовсе босикомъ.

Покаместъ я разглядывалъ домъ и гауптвахту, подъ аркой загорѣлись огни и выскочилъ откуда-то неопредѣленный господинъ съ большими усами, въ одной рубашкѣ и безъ шапки, потомъ скрылся и выскочилъ опять, все въ томъ же костюмѣ, только въ шляпѣ, и повелъ насъ по улицѣ направо, чтобъ уладить намъ квартиру. Кто его поднималъ со сна: офицеръ, или Неаполитанецъ, ужъ я не знаю, только Неаполитанецъ говорилъ съ нимъ по-дружески. Мы прошли два коротенькихъ переулка и очутились въ воротахъ большаго трехъ-этажнаго дома, затѣмъ поднялись по каменнымъ ступенямъ массивной лѣстницы съ каменными вальжными перилами и вступили въ необитаемые покои графа Веноста-Висконти (по тамошнему произношенію Вискунте): каменные полы, стѣны съ написанными на нихъ морскими видами, гдѣ на берегу неизбѣжные рыбаки разстилали коричневые сѣти, сидѣла собака, поджавъ хвостъ; въ отдаленіи корабли и надъ ними облака въ видѣ почекъ. Зала и гостиная не имѣли такой

живописи: стѣны ихъ украшались древними портретами въ золотыхъ рамахъ; бархатная мебель, столъ съ мраморными досками, всё эти чудеса, точно видѣніе сна, разсматривалъ я не безъ любопытства. Времени было довольно, потому что мы бродили по комнатамъ очень долго, ища, кажется, вчерашняго дня; тогда какъ спать хотѣлось смертельно. Все дѣло заключалось въ усердіи нашего проводника, желавшаго устроить насъ какъ можно лучше. Я долженъ сказать, къ удивленію читателей, что этотъ господинъ въ рубашкѣ былъ не кто иной, какъ графъ Салисъ, хозяинъ Гарибальди. «Самъ и пашеть, и орегъ.» Нужно же было, чтобы все необыкновенное, куріозное, особенное, соединилось для меня вокругъ этого лица. Я послѣ познакомился съ Салисомъ и былъ у него въ кабинетѣ, или, какъ онъ называетъ, въ его «инженерной студіи»: графъ отличный инженеръ и въ то же время охотникъ съ ружьемъ за медвѣдями и тетеревами, чудесный и простой малый, какіе только бываютъ на свѣтѣ.

Но тогда какъ мы бродили по необитаемымъ покоемъ Висконти, я рѣшительно не зналъ, что объ немъ подумать и къ какой категоріи причислить. Наконецъ утомленные «морскими видами» странники остановились въ одной залѣ, и мнѣ первому, какъ гостю, предложена была совсѣмъ готовая чистая постель. Какими невидимыми духами и для кого изъ привидѣній замка была приготовлена тамъ постель, это осталось тайной, да, признаюсь, я не очень и думалъ объ этомъ, начавъ ту же, минуту засыпать, едва опустился въ волны пуховика, взгроможденнаго на другомъ матрацѣ, который былъ набитъ стружками, по обычаю здѣшняго края, что разглядѣлъ я уже послѣ. Только помню, что прокралась какая-то тѣнь, ни стукнувъ, ни шелохнувъ, поставила воду и повѣсила на гвоздь полотенце.

А я все думалъ, что попаду на какой-нибудь бивакъ: верховыя лошади, землянки, горы, что-нибудь такое, и вдругъ—пуховики, невѣроятные графы и палаццо!

На другой день (8-го іюля нов. стил.) я не нашелъ въ домѣ никого: всё мои товарищи видѣлись съ генераломъ рано поутру, въ три часа, и потомъ уѣхали въ Борміо, дальше къ границѣ Тироля. Я ходилъ по комнатамъ совершенно одинъ, разсматривая «визіоніи» древнихъ владѣтелей палаццо. На одномъ почетномъ портретѣ было написано: *Franciscus Nicolai filius supremus valtellinensis cancellarius, MDCCLXXV III.* Рядомъ его жена, въ высокой напудренной прическѣ, съ розаномъ въ рукѣ и съ собачкой на колѣняхъ.

Теперешніе наслѣдники этого палаццо, какъ я узналъ послѣ, живутъ постоянно въ Миланѣ и рѣдко посѣщаютъ прадедовскіе покои. Все это дремало въ тиши Богъ знаетъ сколько лѣтъ, и

нужно было свергнуться многимъ необыкновеннымъ событіямъ, чтобы тайны стараго замка обнаружилась, чтобы случалась та обыкновенная и простая вещь, что я вотъ съѣмъ и пишу въ Тирано моимъ московскимъ пріателямъ.

Я мечталъ потомъ о разныхъ разностяхъ, оставаясь часа три совершенно одинъ въ пяти огромныхъ палатахъ. Я думалъ о ирреспубликаніи Ломбардіи: такіе дома въ маленькомъ городкѣ, пожалуй въ деревнѣ, гдѣ-то въ горахъ, на границѣ Тироля, и отчего жъ древніе канцеляріусы здѣсь жили (1), а ихъ потомки бѣгутъ въ Миланъ, и тѣбуютъ подъ прахомъ старыя, почтенныя баркаты и штофы? Неужели все это натворили Австріяцы, или ужъ таковъ неизбѣжный потокъ времени и моды?

Часовъ въ одиннадцать я пошелъ въ кофейную и спросилъ caffè-e latte (кофею со сливками) и притомъ — серагаі (отдѣльно), чтобы сдѣлать кофею не такъ крѣпкимъ, какъ пьютъ въ Италіи. Мнѣ подали все довольно исправно, только хлѣбъ былъ очень дуренъ, сухъ и каменистъ, какъ вообще въ Ломбардіи. Рыхлости нашего хлѣба здѣсь и не спрашивай. Видно, какъ ни хлопочи, а камень все-таки камень, а не черноземъ. Въ кофейной сидѣли за маленькими столиками солдаты и офицеры, отъ которыхъ я узналъ, что генералъ воротился и принимаетъ.

— Если вы хотите его видѣть, займѣтъ мнѣ одинъ офицеръ, — ступайте сейчасъ, а то онъ опять уѣдетъ, и вы его скоро не поймаете.

Я отправился въ Casa Salis. Тѣ же часовые въ воротахъ. Лѣстница еще великолѣпнѣе и массивнѣе, чѣмъ у Висконти. Гдѣ она кончается, — идутъ сѣни, въ видѣ длиннаго корридора, увѣшаннаго кругомъ разными картинами; болѣе всего королей и королевъ, въ высокихъ бѣлыхъ береткахъ съ зубцами. Я разглядѣлъ хорошо только Генриха IV.

Въ этомъ корридорѣ толпилось нѣсколько офицеровъ и солдатъ, между прочимъ былъ и начальникъ штаба Гарибальди, полковникъ Каррано, выходецъ изъ Неаполя, уже пожилой человекъ, немного лысый, но не сѣдой, а бѣлокурый, — прекрасный и почтенный человекъ, какъ отзывались всѣ, съ кѣмъ мнѣ случалось объ немъ разговаривать. Я объяснилъ ему, что желаю видѣть генерала. Онъ просилъ войти въ залу направо и тамъ подождать, — между тѣмъ доложить. Зала, въ которую я вошелъ, была значительно занята огромнымъ круглымъ столомъ, съ вазой, наполненной цвѣтами. Забѣйте эти цвѣты: въ нихъ выражается поэтическая душа Гарибальди: онъ вѣчно окруженъ поэзіей; кини-

(1) Изображенный на портретѣ былъ даже благодѣтелемъ всей Валтеллины, какъ мнѣ рассказывали послѣ.

гами и цѣтами. Больше ничего не было на этомъ плацъ-парадъ-столѣ. Картинамъ (разумеется, принадлежавшимъ хозяину) изображали подвиги перваго Наполеона и виды Комскаго озера. Два офицера, въ шапкахъ и при сабляхъ, ходили взадъ и впередъ. Одинъ тотчасъ пошелъ обо мнѣ доложить, постучавшись прежде въ дверь слѣдующей комнаты, какъ это здѣсь вообще дѣлаютъ: генералъ велѣлъ просить.

Я переступилъ порогъ съ волненіемъ сильнаго любопытства— и увидѣлъ передъ собою человѣка средняго роста, лѣтъ подъ пятьдесятъ, съ русою бородкой въ просѣдъ и съ низкостриженою головой (въ противность портретамъ), въ новомъ генеральскомъ мундирѣ піемонтскихъ войскъ: синій сюртукъ безъ эполетъ, съ серебрянымъ шитьемъ на воротникѣ и обшлагахъ и съ эксельбантомъ на правомъ плечѣ. Крючки воротника были всѣ до одного разстегнуты, и такъ постоянно ходитъ Гарибальди. Брюки свѣтлосѣрые, съ серебрянымъ лампасомъ. Не трудно было узнать Гарибальди, видѣвъ нѣсколько тысячъ его портретовъ. Я представился. Гарибальди заговорилъ быстро, немного рѣзкимъ, но пріятнымъ голосомъ, извиняясь, что не могъ принять меня вчера.

Онъ говорилъ совершенно хорошо по-французски, что составляетъ здѣсь большую рѣдкость. Кромѣ того онъ говоритъ по-испански, почти какъ на родномъ языкѣ, и недурно по-англійски. Знаетъ ли онъ по-нѣмецки, объ этомъ, я думаю, никогда никто не узнаетъ (1).

Послѣ трехъ первыхъ словъ — обыкновенныхъ привѣтствій и объясненій,— мы сѣли и заговорили о Россіи (онъ былъ въ Одессѣ и Таганрогѣ), а потомъ о войнѣ.....

— Не могу ли я вамъ чѣмъ-нибудь здѣсь служить, сказалъ въ заключеніе Гарибальди: — пожалуста объясните!

Я отвѣчалъ, что желалъ бы пробыть здѣсь нѣсколько дней и потомъ получить свободный пропускъ черезъ лагерь, когда поѣду изъ Тирано.

— Вы можете пробыть здѣсь сколько угодно, замѣтилъ онъ,— а что касается до пропуска, чтобы не забыть, я вамъ напишу его сейчасъ.

Онъ взялъ одинъ изъ бланковъ, лежавшихъ тутъ же на неболь-

(1) Звукъ нѣмецкаго языка, особенно въ то время, такъ непріятно поражаеъ Италіянцевъ, что меня предупреждали еще въ Туринѣ, чтобы я «ради Бога» не проговорился какъ-нибудь на этомъ языкѣ. Въ послѣдствіи, уже по заключеніи мира, во вторую поѣздку мою въ Тирано, я встрѣтилъ въ числѣ *associatori* одного Пруссака, офицера, и чтобы не ломаться съ нимъ на французскомъ діалектѣ, который онъ зналъ весьма не бойко, я предложилъ ему говорить по-нѣмецки, но онъ отказался отъ роднаго языка, сказавъ, что онъ его «забылъ». Вотъ какия дѣла можно надѣлать австрійскимъ управленіемъ!

шомъ столѣ, и написалъ весь пропускъ собственной рукой, а потомъ далъ приложить печать какому-то офицеру, ходившему тутъ же въ шапкѣ.

Въ это время я осмотрѣлъ кабинетъ: большая кровать, съ бѣлымъ одеяломъ и подушками, занимала значительную его часть, стоя не въ углу, а посрединѣ, спинкой къ стѣнѣ. Картины представляли разныя побоища въ улицахъ Парижа. На небольшомъ столѣ, гдѣ писалъ Гарибальди, лежало, вмѣстѣ съ бланками штаба, нѣсколько книгъ, изъ которыхъ въ одной, развернутой, я увидѣлъ итальянскіе стихи. На углу стола — пышная розовая гвоздика, далѣе, на комодѣ, цѣлый букетъ разнообразныхъ цвѣтовъ, перевязанный розовымъ шнуркомъ. Въ окнахъ — бѣлыя гардины. На полу небольшой чемоданчикъ.

— Я надѣюсь, мы еще увидимся, сказалъ мнѣ Гарибальди, подавая бумагу. — Пожалуста заходите, когда вамъ вздумается. Къ сожалѣнію, я мало живу въ Тирано: разныя дѣла поминутно требуютъ разъѣздовъ. Очень жаль, очень жаль!

Таково было первое мое свиданіе съ Гарибальди. Онъ произвелъ на меня самое выгодное впечатлѣніе. Въ немъ много простоты, съ достоинствомъ необыкновеннымъ. Въ голосѣ энергія и сила, что-то командное. Я не помню, чтобы слышалъ когда-нибудь другой подобный голосъ. Онъ говоритъ не останавливаясь, безъ всякихъ запинокъ (особенно на родномъ языкѣ, что мнѣ случалось слышать послѣ). Пишетъ такъ же какъ говоритъ — четко, плавно и красиво, какъ рисуетъ. Можно сказать, что онъ хорошъ собой, особенно пріятны глаза. Ихъ никогда не нарисуютъ, — этого мягкаго, граціознаго движенія широкихъ вѣкъ, — хотя бы рисовалъ Брюлловъ, помноженный на Вандика. Поясной портретъ Гарибальди, изданный въ Туринѣ, довольно похожъ: недостаетъ только «движенія» этихъ глазъ, которое совершенно измѣняетъ впечатлѣніе, и, кромѣ того, не такъ (по крайней мѣрѣ теперь) причесаны волосы. Въ посадкѣ пропала «бравость» Гарибальди; я видѣлъ его послѣ, больнаго, на постелѣ, въ рубашкѣ, но и тутъ онъ былъ бравѣе всѣхъ своихъ портретовъ. Трудно передать и эту поэтическую осанку солдата-Гарибальди, воспитанную командой въ разныхъ бояхъ... но странно: бываютъ минуты, когда онъ точно этотъ портретъ, о которомъ я сказалъ выше; какъ-то тихо выйдетъ изъ кабинета, весь тихій и спокойный, какъ бы оствѣшій и опустившійся, — и ходитъ, и стоитъ тутъ, между своими офицерами, совсѣмъ никому не виденъ, и въ голову не придетъ, сколько поэзіи, прелести, силы и жизни пробудится, въ слѣдующую минуту, въ этой небольшой, тихой и прозой фигуркѣ. Говорять, его надо видѣть въ бою или... хоть въ обществѣ дамъ.

Ходить Гарибальди не скоро, присѣдая и какъ бы задегживаясь, чему причиною, кажется, старая рана.

Встаётъ онъ очень рано, въ 3 часа, и уѣзжаетъ большею частію въ 4. Многіе представляются ему въ половинѣ 4-го. Ложится также рано, часу въ 9-мъ: изъ кабинета выносятъ вечерній кофеи, который допиваетъ тутъ же, на столѣ-плацѣ-парадѣ, какой-нибудь солдатъ, въ шапкѣ. Дверь затворяется плотно, и офицеры тихо выходятъ въ особую дежурную комнату, служащую въ то же время и канцеляріей, гдѣ вы увидите три-четыре бумаги и наслу разыщете писаря, даже можетъ-быть и не разыщете. «Сдѣлайте милость, покажите мнѣ канцелярію генерала!» спросилъ я у дежурныхъ офицеровъ. — Да вотъ она: гдѣ мы сидимъ! — «А гдѣ же бумаги, и кто ихъ пишетъ?» — Пишетъ самъ генераль, или мы... это такъ не много. — Я очень хорошо зналъ, что у нихъ вся переписка на штыкахъ, но все-таки, по привычкѣ, постоянно воображалъ, что гдѣ-нибудь да есть «настоящая» канцелярія, что меня, должно-быть, морочать, или не знаютъ, что отвѣчать.

Разъѣзды Гарибальди очень рѣдко имѣютъ дѣйствительную важность и необходимость: это большею частію прогулки, непосѣдливости энергическаго характера.

Въ 5 часовъ вечера того же дня былъ устроенъ, въ верстѣ отъ Тирано, по дорогѣ въ Борміо, смотръ новобранцамъ, явившимся изъ разныхъ окрестныхъ мѣстечекъ и даже съ разныхъ концовъ Италіи, какъ поется въ пѣснѣ. Плаца никакого не было: пришлось выстроить молодцовъ просто на шоссе.

Я получилъ, по приказанію генерала, лошадь и долженъ былъ ѣхать въ его свитѣ, въ числѣ 6-ти офицеровъ. Гарибальди былъ на бойкомъ ворономъ конькѣ, который сильно игралъ, когда его подавали. Народъ съ любопытствомъ толпился въ улицахъ и не зналъ, какъ выразить свое удовольствіе, что видитъ Гарибальди. Такъ какъ онъ, живя въ Тирано, вовсе не выходитъ изъ дому, а уѣзжаетъ рано, и притомъ нерѣдко въ закрытомъ экипажѣ, то для жителей видѣть его передъ собою близко — составляетъ исключительное событіе. Всѣ снимали шапки и были веселы, какъ дѣти. Одна женщина, очень безцеремонная, забѣжала впередъ, и заглянувъ въ лицо генералу, воскликнула самымъ наивнымъ голосомъ: «Гарибальди!» какъ бы желая объяснить ему поскорѣй, что его знаетъ.

Выѣхавъ за городъ, генераль пустилъ лошадь во всѣ ноги: все это свиснуло какъ вѣтеръ. Всѣ такіе кони, что называется «урвать да уѣхать». Причины такой быстроты, такой ухорской «джигитовки» я до сихъ поръ хорошенько не понимаю. Но какъ будто вездѣ нужно доискаться причины. Мало ли что, даже и посерьознѣе, нежели потребность, выѣхавъ въ чистое поле, провѣтриться, ду-

нуть на лихомъ конѣ, бываетъ съ человѣчествомъ такъ, здорово живешь, безъ самаго мѣшкого отчета.

Признаюсь, не безъ удовольствія, смѣшаннаго съ любопытствомъ, несся и я на моемъ сбромъ конѣ, въ этой маленькой свитѣ Гарибальди. Столько было страннаго, неожиданнаго, оригинальнаго... вдали показался фронтъ въ двѣ шеренги. Гарибальди проскакалъ мимо, безъ всякаго привѣтствія и криковъ, и слѣзъ въ противоположномъ концѣ. Мы слѣзали то же и пошли за нимъ по фронту, который вскинулъ ружья на караулъ еще немного прежде; но все-таки никакихъ криковъ, ничего. Генералъ остановился посрединѣ, посмотрѣлъ у одного малаго ружье, прицѣлился и отдалъ опять, замѣтивъ адъютанту съ улыбкой, что ружья вообще плохи: желательнее было бы замѣнить ихъ лучшими. Адъютантъ тоже улыбнулся, и потомъ всѣ пошли дальше. Остановился въ одномъ пунктѣ, Гарибальди сказалъ нѣсколько словъ, которыхъ смыслъ заключался въ томъ, что новья войска, набираемая такимъ образомъ, должны забыть, что они волонтеры, и думать о дисциплинѣ больше, нежели кто-нибудь. «Дисциплина у меня первое дѣло, замѣтилъ генералъ,—стрѣлять не такъ много и съ толкомъ, стараясь какъ можно екорѣе ударить въ штыки. Штыкъ, помните: штыкъ (1)! Надѣюсь, что вы будете отличные солдаты.»

Потомъ онъ прошелъ дальше и сказалъ то же самое другой части шеренги.

Надо было видѣть, что это за строй: молодежь отъ 14 до 16 лѣтъ, яные босикомъ, въ однихъ рубашкахъ, и даже безъ шапокъ. И ужъ какъ они надували грудь и смотрѣли въ глаза Гарибальди! Не могу забыть одного усерднаго бѣлокураго парня, который изображалъ своею грудью настоящее колесо и стоялъ какъ вкопанный, влившись глазами въ своего командира и повторяя его слова, какъ будто ими закусывалъ. Этотъ молодецъ былъ невыразимо оборванъ.

— У тебя ничего нѣтъ, кромѣ этого? спросилъ у него Гарибальди.

— Ничего!

— Все получите, что нужно, и въ самомъ скоромъ времени! сказалъ, обращаясь ко всѣмъ, генералъ.

(1) Я слышалъ послѣ, что въ отрядѣ Гарибальди выдается только 14 патроновъ на человѣка; по четвертому, или пятому выстрѣлу велѣно стараться ударить въ штыки. Разумѣется, это иногда кончается однимъ стараніемъ. При Сольферино, не помню какой французскій полкъ выпустилъ по 63 патрона на человѣка и только тогда едва-едва могъ пойдти въ штыки. Мнѣ свазывалъ объ этомъ одинъ раненный сержантъ того полка.

У некоторых головы были повязаны, для приличія, платками. Половина была кое-какъ одѣта: въ желтыхъ и сѣрыхъ камзолахъ, въ большихъ шляпахъ и кепи. Пять-шесть настоящихъ солдатъ были поставлены въ разныхъ пунктахъ, какъ бы кадры. Командовалъ всѣми офицеръ. Этимъ смотръ кончился, и мы ускакали въ Тирано точно такъ же быстро.

И вотъ изъ какихъ элементовъ формируются храбрыя, отчаянные войска Гарибальди. Въ одной изъ послѣднихъ стычекъ съ Австрійцами, на горѣ Стельвио (1), мальчикъ 16 лѣтъ взялъ двухъ Австрійцевъ въ плѣнъ и третьяго закололъ. Случай невѣроятный, а между тѣмъ это дѣйствительно случилось, и герой получилъ медаль. «Онъ въ числѣ имѣющихъ знакъ отличія», говорили мнѣ. Такихъ чрезвычайно не много и ихъ легко отыскать. Здѣсь не компрометируютъ подобныхъ наградъ, выдавая ихъ очень осторожно и рѣдко. Какую-нибудь незамѣтную медальку, чинъ капрала, нашивку, иной ждетъ не дожидается. Сынъ Гарибальди, сѣрый *ландъ*, бывший въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, до сихъ поръ только капралъ безъ всякихъ украшеній.

Въ настоящее время въ отрядѣ Гарибальди, отъ Сондріо до Борміо, тысячъ 5—6. Все это пѣхотные солдаты, въ синесѣрыхъ шинеляхъ піемонтской формы. Между ними есть немного берсальери, человекъ полтора. Но этотъ небольшой отрядъ растетъ не по днямъ, а по часамъ. Охотники прибываютъ и собираются въ разныхъ пунктахъ, даже довольно далеко: въ Комо, въ Брешии, и гдѣ-то, гдѣ нѣтъ солдатъ Гарибальди! Говорятъ, всего-на-все съ такими, будетъ тысячъ 12.

О *ландсахъ* я уже сказалъ прежде.

Штабъ генерала Гарибальди состоитъ изъ 7 офицеровъ: начальника штаба, двухъ адъютантовъ (2) и четырехъ ординарцевъ. Кромѣ того нѣсколько солдатъ въ родѣ прислуги.

Я поселился въ таинственныхъ палатахъ Висконти и первый день не видалъ никого. На другой день помѣстился въ томъ же домѣ Монтанелли. Я познакомился съ нимъ очень скоро, но, признаюсь, особеннаго ничего не замѣтилъ, ни въ первый, ни въ послѣдующіе дни. Онъ былъ что-то грустенъ и не разговаривалъ.

Вскорѣ за тѣмъ къ намъ прибылъ третій товарищъ, докторъ 1-го полка альпійскихъ стрѣлковъ, Маэстри. Мы занимали три

(1) Австрійцы стояли въ *двухъ часахъ* отъ позиціи «альпійскихъ стрѣлковъ» на горѣ Стельвио, въ узкихъ долинахъ, и тутъ почти ежедневно происходили стычки.

(2) Одинъ изъ его адъютантовъ, Венеціанецъ, женатъ на Русской. Я видѣлъ ее въ Туринѣ и говорилъ съ нею по-русски: она нѣсколько не забыла роднаго языка и объясняется на немъ какъ чистая Москвитинка.

комнаты, рядомъ, но видѣлись очень рѣдко, только ночью, приходя спать. Оба мои сосѣда скрывались гдѣ-то цѣлый день, въ особенности умѣлъ пропадать Монтанелли. Я послѣ узналъ, что онъ большую часть времени проводитъ съ Гарибальди, съ нимъ завтракаетъ, а иногда и уѣзжаетъ въ горы. Но это альфа и омега, по крайней мѣрѣ съ виду, и ужъ не знаю, въ чемъ и какъ они сходятся.

Не рѣдко, вставая по утрамъ, я слышалъ, какъ въ одномъ домѣ, не далеко отъ меня, дудѣли трубы: это были музыканты новобранцевъ. Они слаживались не долго, вѣроятно вслѣдствіе музыкальности итальянскаго уха,—и потомъ, глядишь: строятся ряды въ одной крайней къ выѣзду улицѣ, и новые Гарибальдини входятъ въ городъ подъ звуки трубъ и маршируютъ мимо оконъ генерала. Эти исторіи повторялись ежедневно, жители сбѣгались толпами при входѣ въ городъ этихъ войскъ; рѣзкій звукъ трубъ будилъ воинственныя чувства, все жило и трепетало надеждами; каждому нѣжному женскому сердцу въ этихъ горахъ ничего не снилось, кромѣ войны, побѣдъ и свободы...

И вдругъ надвинулась туча: 9 числа вечеромъ заговорили о перемиріи. Я сейчасъ пошелъ по кофейнямъ: другой звукъ рѣчей, другія лица: все насунилось, притихло, ходило повѣса головы. Тоска разлилась по всемъ этимъ живымъ переулкамъ, гдѣ за часъ звенѣли свѣжіе женскіе голоса, и сердца вторили шагамъ вступающихъ въ улицы Гарибальдини, и звонкій рожокъ серебряною трелью мѣрно и чисто откликался горами, сзывая охотниковъ еще и еще... все это было только за часъ... и куда все это дѣлось? Страшный звукъ: «перемиріе», потрясъ и уничтожилъ мгновенно самыя ясныя и чистыя упованія. Многіе не вѣрили слуху, но утромъ 10-го іюля получено было оффиціальное извѣстіе...

Я видѣлъ въ этотъ день Гарибальди: онъ былъ сильно разстроены, хотя и старался это скрывать. Войдя къ нему, я нашелъ его ходящимъ по комнатѣ, въ полномъ мундирѣ и въ шапкѣ. Онъ снялъ ее, увидѣвъ меня, и бросилъ на столъ. То же сдѣлалъ другой офицеръ, бывший тоже въ шапкѣ. Потомъ мы заговорили. Этотъ день положилъ предѣлы церемоніямъ между нами. Послѣ того шапки уже не снимались.

Черезъ двое сутокъ я уѣхалъ изъ Тирано, оставаясь къ концу снова одинъ-одинехонекъ въ цѣломъ домѣ. Я хотѣлъ проститься съ людьми, которые мнѣ служили, и благодарить ихъ, но не могъ ихъ отыскать: выходилъ всѣ комнаты, всѣ этажи, заглянулъ въ кухню: двери отперты, а никого нѣтъ. Дѣлать было нечего: я воротился назадъ въ свою комнату, мнѣ было пріятно туда воротиться и взглянуть снова на ея стѣны. Я грустно съ ними про-

щалося. Въ самомъ дѣлѣ, грустно покидать то, чего уже никогда не увидишь; въ эту минуту шевелятся въ душѣ самыя странныя мысли, и мертвый, холодный мраморъ стола, на которомъ за нѣсколько мгновений писали вы къ своимъ друзьямъ, способенъ оживиться тѣми напоминаніями, тѣми чувствами и жизнію, которая сообщалась лежавшему на немъ клочку бумаги. Я очень серьезно пошелъ простигся съ канцеляріусомъ Францискомъ и его женой, какъ-будто они были живые обитатели палатцо. Хорошій портретъ дѣло великое: въ немъ рѣшительно остается частица души того, съ кого онъ писанъ. Канцеляріусъ выразительно глядѣлъ на меня изъ своей золотой рамы; жена его, въ знакъ удовольствія, казалось, давала понюхать розанъ. Будь въ это время ночь, я увѣренъ, стало бы жутко съ этими *господами*...

Я оставилъ нѣсколько франковъ на одномъ столѣ, и не знаю, когда ихъ возьмутъ, потому что на другомъ столѣ, въ комнатѣ, гдѣ жилъ Маэстри, очень давно лежали такіе же франки, вѣроятно оставленные другимъ странникомъ для служителей дома, и никто не бралъ этихъ франковъ. Маэстри и Монтанелли говорили мнѣ, что это совсѣмъ не ихъ деньги.

Изъ Тирано до Колико ходятъ дилижансы два раза въ день. Я выѣхалъ выѣсть съ однимъ Англичаниномъ, который находился при отрядѣ Гарибальди въ качествѣ волонтера. Это былъ господинъ не совсѣмъ обыкновенный, даже по наружности: плотный, большой и плечистый, съ огромною бородой впросѣдъ и густыми сѣдыми волосами, остриженными въ кружокъ. Малый, созданный ходить по одиночку на медвѣдя. Онъ былъ особенно живописенъ, задремавъ какъ-то въ своемъ углу дилижанса; шапка съ него свалилась, и всклокоченные сѣдые волосы ходили надъ нимъ какинъ-то бѣлымъ облакомъ; онъ дремалъ, обнявъ свой штуцеръ,—и на все это падалъ искоса мѣсячный лучъ.

Фамилія этого господина Пиръ (Pier). Онъ — капитанъ англійской службы и въ то же время страстный *охотникъ*, *sassiaio*, по призванію. Для него все что шевелится — уже дичь, будь это фазанъ, лось или Австріецъ. Въ его памятной книжкѣ ведется счетъ убитымъ въ разное время *зѣрлямъ* — и тутъ, послѣ 23-го номера, который былъ какой-то шотландскій медвѣдь, слѣдуетъ 24-й номеръ — Австріецъ, а тамъ опять номера три общезвѣстной дичи, и затѣмъ снова «бѣлый звѣрь».

Собираясь на «бѣлаго звѣря», капитанъ весьма серьезно отправился къ одному извѣстному ружейнику въ Плимуть и заказалъ ему двусвольный штуцеръ, бьющій на 1000 метровъ (почти на версту). Вывѣрка штуцера и вся исторія покупки были дѣломъ чрезвычайнымъ, требовавшимъ всего охотничьяго вниманія и

терпѣнія. Наконецъ штуцеръ полученъ, и съ нимъ капитанъ отправился прѣмешенько въ отрядъ Гарибальди. Во время всей кампаніи онъ охотился весьма удачно, положивъ 57 *баллизъ медальей* на 70 выстрѣловъ, при чемъ трехъ снялъ на разстояніи километра, то-есть почти одной версты. (Это онъ сказывалъ мнѣ лично.) Особенное удобство къ охотѣ представляла ему послѣдняя позиція отряда Гарибальди, на подъемъ горы Стельвио. Бѣлые звѣри постоянно разгуливали въ виду. Капитанъ, выпивъ чашку кофею, забирался въ кусты, или за камень, и замѣтивъ «бѣлка», спрашивалъ у товарища: «Какъ вы думаете, сколько?» подразумевалось—*метровъ*.—Да безъ малаго 600! «Дѣло! говорилъ капитанъ: мы такъ и поставимъ!» (то-есть визирь, сквозь который цѣлятся). Выстрѣлъ оглашалъ ущелія, и бѣлая фигура летѣла вверхъ ногами. Капитанъ записывалъ слѣдующій номеръ, закуривалъ сигару и отправлялся въ Борміо, или въ Тирано, гдѣ бродилъ неопредѣленно по улицамъ, съ виду мрачный и неприступный, но собственно разговорчивый и сносный, когда къ нему рѣшались приблизиться. Онъ былъ замѣтенъ своею фигурой и даже костюмомъ, потому что не носилъ общей формы, а ходилъ въ черной венгеркѣ, подпоясавшись своею англійскою саблей, только на головѣ у него было что-то въ родѣ сардинской *кети*, съ трехцвѣтною кокардой. Его звали обыкновенно «капитаномъ».

Я познакомился съ нимъ очень оригинально. Мы сидѣли въ дилижансѣ рядомъ. Иногда мнѣ случалось что-нибудь записать въ памятную книжку. Однажды охотничій взглядъ стрѣлка скользнулъ по моей книжкѣ: «Скажите пожалуйста, отчего вы записываете по-русски?» спросилъ меня капитанъ.—Проще не можетъ быть причины: я Русскій! отвѣчалъ я. «Вы Русскій? Я тоже былъ въ Петербургѣ, и мнѣ понравилась ваша азбука: я выучилъ ее, и кое-что записываю иногда вашими буквами.» Онъ показалъ мнѣ свою книжку: писано было изрядно, но е вездѣ обратное — э. Я замѣтилъ ему это, и онъ обѣщалъ исправиться. *Слѣдующій номеръ*, если дикая фантазія капитана велитъ записать его русскими буквами, будетъ записанъ правильно.

Мы говорили потомъ довольно долго на пароходѣ. Капитанъ вытащилъ изъ сумки карту Комскаго озера, купленную имъ въ Сондріо и тамъ же отпечатанную (отличная, подробнѣйшая карта, отпечатанная въ крохотномъ городкѣ Вальтеллины, который самъ-то существуетъ не на всякой картѣ), и показывалъ мнѣ разныя дачи, между прочимъ дачу одного русскаго князя. Потомъ онъ сообщилъ мнѣ часть своихъ охотничьихъ походовъ. Изъ этого и изъ слышаннаго еще прежде въ Тирано, я составилъ мой объемъ очеркъ.

Въ Англии знаютъ о профессіи капитана Пира и называютъ

его капитаномъ-дьяволомъ (the diabolical captain). Мнѣ говорилъ мой пріятель, корреспондентъ англійскаго журнала, что этому «дьявольскому капитану» придется долго отыскивать дичь въ чужихъ горахъ и лѣсахъ, потому что въ настоящее время, послѣ охоты на «бѣляковъ», въ Англію воротиться ему весьма неловко. Сохрани Господи, если на улицѣ узнаютъ, что это идетъ *the diabolical captain*.

Туринъ, 15 іюля.

Пріѣхавъ въ Миланъ, я пробылъ тамъ только сутки и 13 іюля собрался въ Туринъ. Въ этотъ день случилось въ Миланѣ странное, не совсѣмъ объяснимое происшествіе: утромъ, часу въ 9, ходили по городу краткія печатныя афиши о мирѣ. Ихъ можно было покупать въ разныхъ лавочкахъ за нѣсколько су. Я купилъ себѣ такую афишу въ 12 часовъ; это было не что иное, какъ экстренное прибавленіе къ миланской газетѣ *Il Progresso*, заключавшее въ себѣ депешу изъ Парижа въ Миланъ, въ которой передавалось содержаніе депешы императора къ императрицѣ изъ Валеджіо, отъ 11 іюля, о вилафранкскихъ условіяхъ (1). Ровно черезъ часъ послѣ того, какъ я купилъ афишу, эти объявленія, напечатанныя во всѣхъ газетахъ Европы, стали для Милана библиографическою рѣдкостью: ихъ старательно отбирала полиція, и въ одной лавкѣ взято было слишкомъ три тысячи экземпляровъ. Я хотѣлъ купить другой листочикъ, какъ рѣдкость, и обратился къ моему услужливому хозяину, содержателю отеля *Grande-Bretagne*: онъ разослалъ по улицамъ и кофейнымъ пятерыхъ расторопныхъ служителей, и только одному удалось гдѣ-то достать засаленный экземпляръ. Уже и безъ того говорили дурно о мирѣ, сходились кучками въ улицахъ, на площадяхъ, и толковали по цѣлымъ часамъ. Но когда отобрали афишки, боязливые толки увеличились, народъ не зналъ что и подумать. Къ чему же клонилось такое распоряженіе? Какъ его объяснить? Если императоръ былъ убѣжденъ въ достоинствѣ заключеннаго мира, если онъ надѣялся «обрадовать» имъ Италію, то надо бы спѣшить сообщеніемъ такого извѣстія, надо бы увѣдомить Миланъ *прямо* изъ лагера, что было такъ просто и естественно; этого даже требовала деликатность отношеній, въ какихъ «освободитель»

(1) Г. Бергъ прислалъ намъ эту библиографическую рѣдкость. Кромѣ вѣрнаго перевода на италіанскій языкъ той самой депешы, которая перепечатана нами въ политическомъ обзорѣ № 12, въ афишѣ гдѣ ровно ничего. *Ред.*

старался всѣми мѣрами поставить себя къ Италіи. Но депеша прежде всего послана въ Парижъ, она проѣхала Миланъ,—и Миланъ ничего не зналъ объ этомъ. Изъ Парижа извѣстіе послано въ Европу и въ Миланъ, какъ будто въ чужой, неприкосновенный къ событіямъ городъ, стоящій въ этомъ случаѣ на ряду со всѣми другими. Вѣроятно, Портсмуть получилъ эти строки прежде Милана (потому что ближе и нѣтъ на дорогѣ Монъ-Сени), да кромѣ того, въ Портсмуть не отбирали афишекъ, а въ Миланъ вздумали отбирать. Тутъ, мнѣ кажется, кроется слѣдующее: конечно, императоръ зналъ очень хорошо, что миръ «не понравится» Ломбардіи, а ему ѣхать черезъ Ломбардію въ Парижъ, не миновать Милана и Турина. Приемъ можетъ выйти неблагопріятный. Стало-быть, необходимо замедлить сообщеніемъ офиціальныхъ извѣстій о мирѣ и пустить ихъ тогда, когда императорскій и королевскій проѣздъ уже совершится; вѣроятно, при отправкѣ ошиблись въ разчетъ, и депеша попала въ Миланъ, что называется, «не въ часъ», именно въ тотъ день, когда тамъ ожидали Наполеона и Виктора-Эммануила. И вотъ отчего могъ явиться приказъ отбирать какъ можно скорѣе зловредныя, смущающія афиши, захватить ихъ сколько можно болѣе... Миланъ встрѣтилъ «побѣдителей» *solemnement*, какъ выражались тамъ, и только. Въ Туринѣ, куда императоръ и король имѣли прибыть 15 іюля, съ трудомъ собрали національную гвардію. Тамъ крики негодования раздавались громче. Портреты Наполеона исчезли изъ магазиновъ, и даже въ одномъ смѣнились портретами Орсини. Французскій жандармъ (замѣтьте: французскій) явился въ этотъ магазинъ и сталъ рвать портреты Орсини. Хотя и въ тотъ же день напечаталъ объ этомъ происшествіи въ газетѣ *Италія*, жалуюсь на небывалое и неслыханное *нашествіе* французской полиціи на туринскіе магазины. Жандарму вѣрно было извиниться и купить побольше разныхъ картинокъ. Мнѣ разказывалъ объ этомъ самъ хозяинъ магазина, гдѣ воевалъ французскій жандармъ... Наконецъ, національная гвардія собрана и выстроена у дебаркадера, къ которому должны были пріѣхать по желѣзной дорогѣ король и императоръ. По улицѣ Терезы выстроено въ двѣ шеренги французское войско. И былъ въ это время въ улицѣ Терезы и помѣстился отлично, въ окнахъ. Въ началѣ 7 часа показалось четырехъ-мѣстное лоно. Наполеонъ сидѣлъ по правую руку, Викторъ-Эммануилъ по лѣвую, оба въ мундирахъ и въ шляпахъ съ плюмажемъ. Противъ Наполеона сидѣлъ маршалъ Вальянъ; противъ Виктора-Эммануила какой-то другой генераль. Я взглянулъ мелькомъ на короля: онъ былъ точно тотъ же, какимъ я описалъ вамъ его въ одномъ изъ прежнихъ писемъ,—обыкновенное, живое чело-вѣческое лицо. Сѣрые глаза живо глядѣли и привѣтствовали на-

Родъ. Я обратился потомъ къ Наполеону. Не знаю, съ чѣмъ сравнить этотъ рѣзкій переходъ отъ тепла и жизни къ холоду и мраку. Отъ роду не видывалъ я ничего подобнаго. Какъ будто сидѣлъ не человекъ, а бронзовая, неподвижная статуя; особенно поражалъ этотъ ровный, блѣдно-матовый цвѣтъ лица, гдѣ вовсе не было глазъ, и никакого выраженія! Не шевельнулась ни одна черта, не дрогнулъ ни одинъ волосъ въ усахъ, сведенныхъ къ концу тонкими ниточками. Статуя, рѣшительно статуя. Говорятъ, это его обычная фizioномія. Онъ задалъ себѣ задачу не выражать на лицѣ «ровно ничего», и добился этого самымъ блистательнымъ образомъ, какъ ни одинъ актеръ. Лицо его дѣйствительно ничего не выражаетъ...

Н. Бергъ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

До сихъ поръ одно только англійское министерство постоянно подвергало свои дипломатическія сношенія контролю парламента и общества; остальные правительства изрѣдка говорили по нѣскольку словъ въ своихъ офиціальныхъ журналахъ или общали объяснить дѣло «въ свое время», но это время иногда вовсе не наступало. Одни только такъ-называемыя *синія книги*, blue books, гдѣ печаталась дипломатическая переписка Англій, дѣйствительно разъясняли взаимныя отношенія государствъ и разсѣивали тревожные слухи. Теперь дипломатія дѣлаетъ важный шагъ впередъ, который, конечно, увеличитъ довѣріе и уваженіе къ ней: прусское министерство пошло по слѣдамъ англійскаго, а недавнія пренія въ англійскомъ парламентѣ показали примѣръ новаго широкаго пониманія международныхъ сношеній. Баронъ Шлейницъ обнаруживалъ свои дипломатическія сношенія съ Австріею за последнее время и тѣмъ положилъ начало прусскимъ *синимъ книгамъ*; въ англійскомъ парламентѣ обсуждался образъ дѣйствій министерства уже не въ прошедшемъ, а по отношенію къ будущему конгрессу. Мы видѣли, что опытные дипломаты, каковы лордъ Стратфордъ-де-Редклиффъ и маркизъ Норманби, высказались въ пользу такого гласнаго обсуждения дипломатическихъ вопросовъ; одинъ изъ недав-

нихъ членовъ палаты общинъ, г. Гриффитъ, подтвердилъ то же самое въ засѣданіи 22 іюля. « Пришло время, сказалъ онъ, когда наша дипломатія должна перестать секретничать. Дипломатія нашего времени ведется такъ хорошо, что нѣтъ надобности скрывать ее отъ общества, и я думаю, что будетъ въ высшей степени полезно для нашей страны, если публикѣ стануть сообщать обо всемъ, что происходитъ. Какимъ образомъ палата, которая, какъ говорить, имѣеть дѣйствительную правительственную власть, остается въ совершенномъ невѣдѣніи о заключенномъ мирѣ? Мы увѣрены, что это удивленіе почтеннаго члена парламента раздѣляютъ весьма многіе, даже на континентѣ. И въ самомъ дѣлѣ, вся Европа въ теченіи полугода находилась въ тревожномъ положеніи, всѣ испытывали на себѣ тяжесть войны, — въ Россіи не состоялся заемъ, и сдѣланы были издержки на движеніе войскъ, въ Пруссіи мирные граждане были призваны къ оружію и проч., — а между тѣмъ ни французскій *Moniteur*, ни *Oesterreichische Correspondenz*, не позаботились сообщить положительно объ условіяхъ виллафранкскаго мира. Еслибы не англійскій парламентъ, то эти условія до сихъ поръ были бы извѣстны только двумъ императорамъ да, можетъ-быть, нѣкоторымъ дипломатическимъ канцеляріямъ; еслибы лордъ Джонъ Россель не провозгласилъ ихъ во всеуслышаніе всему свѣту, и еслибы не существовалъ другой вѣрный и нескромный источникъ — газета *Times* — вся Европа до сихъ поръ терялась бы въ догадкахъ. Эта гласность, эта энергія въ развѣдываніи обо всемъ придаетъ особенную силу Англии и бросаетъ на нее особый свѣтъ; здѣсь совершается постоянная своего рода секуляризація того, что въ другихъ странахъ считается официальной монополіей извѣстныхъ круговъ, ревниво берегущихъ свое достояніе и повторяющихъ на разные лады слова австрійскаго генерала: « вы мнѣ обязаны вѣрить, какъ честному Австрійцу, а я вамъ не вѣрю ». Энергія частныхъ лицъ и журналовъ въ Англии спасаетъ страну отъ апатіи; Англичанинъ имѣеть свободный доступъ повсюду, гдѣ замѣшаны интересы Англии, гдѣ есть что разузнать и сообщить во всеобщее свѣдѣніе. Во время войны Австрійцы узнавали о смерти своихъ родственниковъ черезъ два мѣсяца послѣ ихъ похоронъ, и только изъ Англии могли получать объ этомъ болѣе скорыя свѣдѣнія. *Journal des Débats* отправилъ своего корреспондента, г. Амеде Ашара, въ армію, и, какъ говорить г. Прево-Парадоль, « мы съ безпокойствомъ смотрѣли на поѣздку нашего любезнаго и остроумнаго сотрудника ». Чтобы показать трудность для частнаго человѣка добиться какихъ-либо свѣдѣній, составляющихъ собственность официальныхъ лицъ, авторъ выставляетъ слѣдующія характеристическія особенности французской и англійской арміи: « Различіе между нами

и нашими сосѣдями замѣчается особенно сильно въ отношеніяхъ печати къ арміи. Корреспондентъ англійскаго журнала въ лагерѣ своей націи столь же у себя дома, какъ въ судѣ или парламентѣ. Англійская армія несравненно ближе къ гражданской жизни, чѣмъ наша, и самая широкая гласность нисколько не оскорбляетъ ея. Англійскіе офицеры и генералы становятся солдатами, такъ сказать, случайно и по необходимости; они выходятъ на время изъ остальнаго міра и возвращаются въ него тотчасъ же послѣ исполненія своей обязанности. Чернилица и перо корреспондента не скандализуютъ васъ рядомъ съ фуражкой, сюртукомъ и палкой лорда Раглана. Французская армія—это огромная и превосходная военная машина; она всегда готова дѣйствовать, всегда отличается отъ остальнаго общества и сохраняетъ свою особую личность, и въ мирное, и въ военное время. Въ этой корпораціи, всегда направленной къ дѣйствию, нѣтъ мѣста для бесполезныхъ членовъ; всѣ части тѣсно связаны, все движется вмѣстѣ и въ молчаніи; сюда приходятъ только для того, чтобы сражаться, здѣсь говорятъ только для того, чтобы командовать. » Эти слова талантливаго писателя можно приложить и къ континентальной дипломатіи; она не допускаетъ «бесполезныхъ членовъ», дѣйствуетъ въ молчаніи, и рѣшается публиковать только трактаты, да и то не всѣ, а лишь не секретные. Мы воображаемъ, съ какимъ нетерпѣніемъ всѣ Италіянцы ждутъ теперь каждаго новаго номера *Times*, чтобы узнать изъ него судьбу свою, и какъ довольны они, что парламентъ еще не распущенъ.

Какъ бы то ни было, но, благодаря англійскому парламенту и газетѣ *Times*, мы знаемъ теперь не только условія мира, но отчасти и его предшествовавшую исторію. Виллафранкскія прелиминаріи формулированы слѣдующимъ образомъ:

1) Оба императора будутъ способствовать учрежденію италіянскаго союза.

2) Союзъ этотъ будетъ находиться подъ почетнымъ предсѣдательствомъ папы.

3) Австрійскій императоръ уступаетъ императору Французовъ свои права на Ломбардію, за исключеніемъ крѣпостей Мантуи и Пескьеры, такъ что граница австрійскихъ владѣній будетъ идти отъ крайняго района Пескьерской крѣпости прямо вдоль рѣки Минчіо до Граціо; отсюда чрезъ Скорцароло и Луцано до рѣки По, отъ этого же пункта остается неизмѣнною нынѣшняя граница. Императоръ Французовъ передаетъ уступленную ему территорію королю сардинскому.

4) Венеція будетъ составлять часть италіянскаго союза, но останется подъ властью австрійско-императорской короны.

5) Великій герцогъ тосканскій и герцогъ моденскій возвратятся въ свои владѣнія и даруютъ всеобщую амнистію.

6) Оба императора предложить святѣйшему отцу ввести необходимыя реформы въ его владѣніяхъ.

7) Полная и всеобщая амнистія будетъ дарована съ обѣихъ сторонъ лицамъ, замѣшаннымъ въ послѣднихъ событіяхъ на территоріяхъ воюющихъ державъ.

Эти прелиминаріи подвергались обсужденію въ англійской палатѣ общинъ, въ засѣданіяхъ 28 и 29 іюля. Лордъ Джонъ Россель обратился прежде всего къ условію объ италіянскомъ союзѣ. «Согласно плану, начертанному въ Виллафранкѣ, сказалъ онъ, союзъ долженъ состоять изъ папы, какъ президента, и изъ австрійскаго императора, двухъ австрійскихъ эрцгерцоговъ, неаполитанскаго короля и сардинскаго короля, какъ членовъ. Но, сэръ, я не могу понять, чтобы союзъ, образованный такимъ образомъ, могъ послужить для блага Италіи.» (*Слушайте.*) По мнѣнію члена за Лондонъ, невозможно соединеніе въ одной федераціи такихъ разнородныхъ элементовъ, какія представляютъ Сардинія и Папская область, и лордъ Пальмерстонъ подтвердилъ слова своего товарища. «Какимъ образомъ, сказалъ онъ, представители этихъ правительствъ могутъ сидѣть за однимъ столомъ и разсуждать объ общихъ дѣлахъ?» (*Слушайте.*) Папа будетъ почетнымъ главою союза; но король сардинскій отлученъ отъ церкви. (*Нѣтъ!*) Да! отлученъ, не индивидуально, — но всѣ лица, завладѣвшія какою-либо частію папской территоріи, объявлены отлученными отъ церкви; а такъ какъ комиссары сардинскаго короля управляли легатствами, то безъ особенно-глубокихъ логическихъ соображеній можно вывести заключеніе, что черезъ это король сардинскій отлученъ отъ церкви. (*Слушайте.*) Но мы уже говорили о несообразностяхъ италіянскаго союза, и теперь не будемъ повторять сказаннаго, а соберемъ только свѣдѣнія, которыя извѣстны по этому предмету. Существуютъ два проекта италіянскаго союза: одинъ принадлежитъ графу Валевскому, другой — кардиналу Антонелли. По проекту французскаго министра иностранныхъ дѣлъ, союзъ долженъ состоять изъ семи государствъ, которыхъ голоса въ союзномъ совѣтѣ распредѣляются такимъ образомъ: Парма и Модена имѣютъ по одному голосу; папа, Тоскана и Австрія, — по два, Сардинія и Неаполь — по три голоса. Почетное президентство принадлежитъ папѣ, но въ дѣйствительности предсѣдателями будутъ поочередно короли сардинскій и неаполитанскій. Для общей защиты учреждается союзная армія изъ континентовъ отъ всѣхъ италіянскихъ государствъ; точно такъ же нѣкоторыя крѣпости получаютъ характеръ обще-италіянскихъ, а именно: Гаэта, Мантуя и Піаченца; въ каждой изъ нихъ должны находиться войска союзныя и того государства, на территоріи котораго находится крѣпость. Какъ видно, графъ Валевскій принялъ за образецъ Германскій Союзъ и на-

дѣется, что въ Италіи это устройство будетъ дѣйствовать лучше, чѣмъ въ Германіи. Кардиналъ Антонелли сдѣлалъ только одно измѣненіе во французскомъ проектѣ: онъ требуетъ для папы дѣйствительнаго президентства, *bona fide*; что касается до союзной арміи, то онъ считаетъ ее необходимою для защиты не только противъ внѣшнихъ, но и противъ *внутреннихъ* враговъ. «Можно догадываться, сказано въ *Times*, кто эти *домашніе* враги, но это противорѣчитъ началу невмѣшательства, которое было выставлено за основаніе въ виллафранкскомъ трактатѣ.» Впрочемъ положительно неизвѣстно еще, принялъ ли папа почетное президентство; отвѣчая на запросъ объ этомъ, лордъ Пальмерстонъ сказалъ въ палатѣ, 28 іюля: «Я не могу дать удовлетворительнаго отвѣта, потому вопервыхъ, что федерація еще не образовалась, а вовторыхъ потому, что наши отношенія къ папѣ вовсе не такого рода, чтобъ онъ съ особенною откровенностію сталъ говорить намъ о своихъ намѣреніяхъ по этому предмету. *(Смѣхъ.)* Я совѣтую моему почтенному и ученому другу (1) обратиться за извѣстіями къ почтенному и ученому члену за Дондадькъ, который, особенно послѣ того, что произошло прошлую ночь (2), по всѣмъ вѣроятіямъ, пользуется гораздо бѣльшимъ довѣріемъ папы, нежели я. *(Снова смѣхъ.)* Но, говоря серьезно, я не имѣю никакихъ данныхъ, на основаніи которыхъ могъ бы удовлетворительно отвѣчать моему почтенному и ученому другу.» Лучше всего намѣренія папы должны бы быть извѣстны газетѣ *Univers*, и вотъ что говоритъ она: «Папа смотритъ на предложеніе почетнаго президентства въ италіанской федераціи какъ на выраженіе сьновней преданности императора; но онъ не можетъ принять на себя это бремя, не зная въ точности обязанностей, сопряженныхъ съ нимъ и отношеній его къ другимъ италіанскимъ государямъ. Когда сообщать ему эти свѣдѣнія, тогда онъ посмотритъ, позволяютъ ли ему интересы католицизма принять званіе президента. Во всякомъ случаѣ, само собою разумѣется, что образованію союза должно предшествовать замиреніе Италіи и покорность мятежныхъ папскихъ провинцій.» Итакъ, папа требуетъ вознагражденія за свои труды по званію президента Италіи. Можетъ-статься, его желаніе будетъ выслушано благосклонно двумя императорами, представителями католицизма; но Англія не присоединится къ нимъ; въ этой странѣ сомнѣваюся не только въ пользѣ папскаго предсѣдательства, но даже въ состоятельности папскаго правительства и въ возможности поддерживать его.

(1) Г. Скулли, вновь избранный членъ за Коркъ.

(2) Г. Бауеръ, членъ за Дондадькъ. 28 іюля непомѣрно восхвалялъ правительство папы.

Этотъ вопросъ занялъ почти все засѣданіе палаты общинъ, 28 іюля. Нашлись, конечно, и поборники папы между католическими членами; особенно ратовали за него гг. Бауиеръ и Мегиръ. «Я не стану, сказалъ г. Бауиеръ, подробно опровергать всѣ клеветы, взводимыя на папское правительство, но не колеблясь скажу, что это правительство улучшилось въ послѣдніе годы (*слушайте и смѣхъ*), что это—хорошее правительство (*смѣхъ*), что это—прогрессивное правительство (*смѣхъ*), и я могу сказать моему высокопочтенному другу, если мнѣ позволено его такъ называть, канцлеру казначейства, что у папы есть остатки отъ доходовъ. (*Слушайте, слушайте и смѣхъ.*) Величайшее имя Италіи было имя папы, который въ прежнее время былъ главою партіи гвельфовъ, то-есть національной партіи... Чтò стало бы съ Римомъ безъ папы? Чтò такое Римъ, какъ не городъ папы? Чтò будетъ съ Римомъ, если папа лишится свѣтской власти и сдѣлается простымъ пенсіонеромъ? Это будетъ значить то же, чтò лишитъ Оксфордъ его университета или уничтожитъ въ Виндзорѣ замокъ.» Г. Мегиръ, авторъ сочиненія о Римѣ и редакторъ журнала *Cork Examiner*, сказалъ почти такой же панегирикъ папскому правительству. За то лордъ Джонъ Россель и лордъ Пальмерстонъ представили папское правительство совершенно въ другихъ краскахъ; вообще, по мнѣнію большинства Англичанъ, италіанскій вопросъ не можетъ быть рѣшенъ основательно до тѣхъ поръ, пока главный центръ Италіи, Римъ, останется въ такомъ положеніи, какъ теперь: порядокъ въ немъ поддерживается только иностранными войсками, и первое анархическое движеніе обнаруживается тотчасъ въ Римѣ. Особенно сильно говорилъ «эксцентрическій джентльменъ», г. Друммондъ. «Я утверждаю, сказалъ онъ, что нельзя сдѣлать Италію свободною до тѣхъ поръ, пока не будутъ приняты рѣшительныя мѣры для контроля церковной власти. (*Слушайте.*) Вопросъ не о территоріальныхъ перемѣнахъ. Съ 1848 года церковная власть получила такое вліяніе во всей Европѣ, на какое она не рѣшалась со времени французской революціи; ни одно государство не спаслось отъ этого.» Перечисливши всѣмъ извѣстные факты ультрамонтанизма и католической нетерпимости, г. Друммондъ продолжаетъ: «Несомнѣнно, что папская власть, которая теперь усилилась гораздо болѣе, чѣмъ прежде, несовмѣстна съ свободою. (*Слушайте.*) Если свѣтскимъ римско-католикамъ необходимо освободиться отъ церковнаго рабства, то они должны сдѣлать это сами. Я знаю то, что Англія, какъ протестантская страна, не можетъ вмѣшаться въ это дѣло съ надеждой на успѣхъ. А такъ какъ главная задача конгресса должна состоять въ этомъ, то Англія, протестантская страна, обязана держаться въ сторонѣ, потому что она не можетъ достигнуть ничего хорошаго.»

Другой вопрос, тѣсно связанный съ миромъ, относится къ его исполненію. Въ Виллафранкѣ положено возвратить герцоговъ на ихъ престолы, а между тѣмъ народонаселеніе Тосканы и Модены высказывается противъ этого. Правда, австрійскіе журналы, кажется, совершенно увѣрены въ томъ, что никакая сила не можетъ противиться волѣ двухъ императоровъ. «Непонятно, сказано въ *Wiener Zeitung*, какимъ образомъ органы печати рѣшаются сомнѣваться въ исполненіи или въ возможности исполненія виллафранкскихъ условій. Запечатлѣнные подписью двухъ императоровъ, эти прелиминаріи гарантированы въ своемъ исполненіи даннымъ словомъ и могутъ быть исполнены, потому что составлены двумя могущественными монархами.» Но будутъ ли употреблены войска французскія или австрійскія для приведенія въ исполненіе императорской воли? Англійское министерство сообщило палатѣ общинъ, что императоръ Французовъ не рѣшится на такую мѣру и будетъ противиться вступленію австрійскихъ войскъ на территорію герцогствъ. О себѣ же англійское правительство объявило прямо, что оно считаетъ себя обязаннымъ дѣйствовать согласно съ желаніями народонаселенія въ герцогствахъ. «Если, сказалъ лордъ Джонъ Россель, представители тосканскаго народонаселенія — и я долженъ сказать, что это народъ самый спокойный и благоразумный (*слушайте, слушайте*), — если его представители соберутся и объявятъ, что оно можетъ жить счастливо только подъ извѣстнымъ правительствомъ, въ такомъ случаѣ уполномоченному ся величества невозможно будетъ идти противъ этого объявленія. (*Громкое одобреніе.*)» Лордъ Джонъ Россель говорилъ это еще прежде полученія извѣстія о томъ, что тосканское народонаселеніе высказалось въ пользу присоединенія Тосканы къ Пиемонту. Событія, совершившіяся послѣ его рѣчи, даютъ Англійи еще болѣе повода стоять на сторонѣ герцогствъ и противиться вооруженному вмѣшательству.

Вотъ тѣ объясненія которыя даны были англійскимъ правительствомъ передъ лицомъ всей Европы. Въ засѣданіи 28-го іюля и 8 августа разрѣшенъ былъ также вопросъ, который въ теченіи нѣсколькихъ дней занималъ общественное мнѣніе, и который вызванъ былъ манифестами двухъ императоровъ, заключившихъ миръ. Вопросъ состоялъ именно въ слѣдующемъ: кому принадлежалъ проектъ условій для замиренія Италіи, который имѣлъ сильное вліяніе на Австрію, и о которомъ упоминается въ императорско-австрійскомъ манифестѣ? Графъ Рехбергъ обвинилъ Пруссію въ этомъ проектѣ. Это обвиненіе было поводомъ къ обнародованію дипломатическихъ актовъ, изъ которыхъ открывается образъ дѣйствій нейтральныхъ державъ, и въ особенности Пруссіи, во время войны.

Мы представимъ здѣсь существенное содержаніе дипломатической переписки, которая поясняетъ многое во взаимныхъ отношеніяхъ главныхъ державъ. Напомнимъ читателямъ, что первыя сношенія Австріи съ Пруссіею поручены были генералу Виллисену, который для этой цѣли отправился въ Вѣну. Изъ прусской депеши 14-го іюня видно, что Пруссія тогда уже имѣла въ виду вооруженное посредничество на слѣдующихъ основаніяхъ: сохраненіе территоріальныхъ владѣній Австріи въ томъ видѣ, въ какомъ они опредѣлены трактатомъ 1815 года, и вообще сохраненіе юридическихъ отношеній (Rechtzustand) Европы. Въ замѣнъ этого Пруссія требовала, «чтобъ Австрія, равно какъ и прочія германскія правительства предоставили Пруссіи на сеймѣ инициативу всѣхъ необходимыхъ для того мѣръ, и отказались отъ отдѣльныхъ союзовъ.» Австрійскій кабинетъ, не обѣщая ничего, требовалъ отъ Пруссіи письменнаго обязательства въ томъ, что она останется вѣрною тѣмъ основаніямъ, которыя принять она обѣщаетъ; баронъ Шлейницъ, въ отвѣтъ на это, справедливо замѣтилъ, что такое обязательство нарушило бы нейтралитетъ Пруссіи и лишило бы ее возможности принять на себя званіе посредницы. Въ своей депешѣ отъ 22-го іюня, графъ Рехбергъ снова проситъ письменныхъ удостовѣреній и высказываетъ ту мысль, что Ломбардія гарантирована Австріею по акту вѣнскаго конгресса, на основаніи общихъ началъ, «служившихъ руководствомъ для консервативныхъ державъ Европы.» Къ числу этихъ консервативныхъ державъ, какъ кажется, графъ Рехбергъ причисляетъ всѣ большія государства, кромѣ Франціи: «само собою разумѣется, говоритъ онъ, что необходимо защищать солидарно то, что было пріобрѣтено солидарно», и что, слѣдовательно, Пруссія должна вступить въ союзъ съ Австріею; за это она получитъ всѣ права союзника, то-есть «миръ будетъ заключенъ не иначе, какъ съ общаго согласія». Графъ Рехбергъ не можетъ примириться съ мыслию о вооруженномъ посредничествѣ Пруссіи; «Имя, и самое дѣло, говоритъ онъ, должны навсегда оставаться чужды отношеніямъ Австріи къ Пруссіи. Мы желаемъ, чтобы Пруссія прямо и рѣшительно высказалась противъ Франціи.» Это значило лишить Пруссію всякой самостоятельности и подчинить ее совершенно волѣ австрійскаго кабинета, на что не могъ согласиться баронъ Шлейницъ.

Между тѣмъ, въ тогъ самый день, когда графъ Рехбергъ писалъ въ Веронѣ свою ноту, лордъ Джонъ Россель высказывалъ мнѣніе англійскаго правительства объ отношеніяхъ Германіи къ италіянскому вопросу. «Нѣтъ никакого основанія думать, писалъ онъ къ лорду Блумфильду, что крѣпости на Минціо и Адиджѣ составляютъ барьеръ Германіи. Должно вспомнить, что крѣпости Цескіера, Верона и Мантуя не составляли никогда старинныхъ

границъ Германіи; напротивъ, страна отъ Вероны до Адриатическаго моря въ 1792 году принадлежала слабому, несовиственному и упадавшему италіянскому государству... Принцъ-регентъ Пруссіи, при своемъ благоразуміи, взвѣситъ неудобство того, чтобы на его страну смотрѣли какъ на поборницу дурнаго управленія Италіи. Для безопасности Берлина и Магдебурга нѣтъ надобности, чтобы въ Миланѣ и Болонѣ было дурное правитель-ство.» Депеша заключается слѣдующими словами: «можетъ-быть, очень скоро наступитъ время, когда голосъ примиряющихъ и дружественныхъ державъ будетъ услышанъ, и доводы въ пользу мира не будутъ болѣе бесплодны.» Прусскій кабинетъ полагалъ, что такое время уже наступило 24 іюня; въ этотъ день отправлены были депши въ Лондонъ и Петѣрбургъ, и въ нихъ говорилось о желаніи «собща найти средства для окончанія кровопролитія и для скорѣйшаго возстановленія мира и безопасности Европы, необходимыхъ для ея моральныхъ и матеріальныхъ интересовъ.» Пруссія предлагала «общее посредничество» главныхъ нейтральныхъ державъ. Въ отвѣтъ на это предложеніе, князь Горчаковъ, въ своей депешѣ отъ 23 іюня (7 іюля), объявилъ, что Государь Императоръ принялъ съ удовольствіемъ предложеніе берлинскаго кабинета, и что Его Величество надѣется на благоприятный отвѣтъ со стороны англійскаго правительства. Но, одобряя вполне принципъ посредничества, русскій министръ иностранныхъ дѣлъ желалъ напередъ знать, согласится ли Австрія принять его. Мы знаемъ до сихъ поръ, сказано въ депешѣ, вообще о расположеніи французскаго правительства принять принципъ мирныхъ переговоровъ при посредничествѣ трехъ дворовъ; но взглядъ Австріи совершенно неизвѣстенъ намъ. Затѣмъ, по мнѣнію князя Горчакова, необходимо знать желанія воюющихъ и ихъ требованія. «Только владѣя этими необходимыми данными, три кабинета могутъ составить свое мнѣніе и сознательно приступить къ дѣлу общаго посредничества; за посредничествомъ послѣдуетъ конгрессъ, который опредѣлитъ преобразование Италіи, имѣя въ виду европейское равновѣсіе и интересы общественнаго порядка.» Лордъ Джонъ Россель отвѣчалъ также на прусскую депешу отъ 24 іюня, но прямымъ отказомъ предложить свое посредничество. Отказъ этотъ онъ основывалъ на томъ, что Пруссія не желаетъ измѣненія австрійской территоріи въ Италіи, а довольствуется реформами; по мнѣнію же англійскаго министра, независимость Италіи есть необходимое условіе мира, тѣмъ болѣе, что императоръ Французовъ уже обязался освободить Италію отъ Альповъ до Адриатическаго моря. При томъ, англійскій кабинетъ видитъ зерно всѣхъ затрудненій и бѣдствій Италіи въ папскомъ правительствѣ; до тѣхъ поръ, пока эти два условія—независимость Италіи и реформы въ Папской обла-

сти—не будутъ выполнены, всякій мирный трактатъ обезпечить только преобладаніе Австріи. Депеша лорда Джона Россела написана 7-го іюля. За два дня передъ тѣмъ баронъ Шлейницъ отвѣчалъ на австрійскую депешу отъ 22 іюня и рѣшительно отвергалъ обязательность для Пруссіи гарантировать австрійскія владѣнія въ Италіи; трактатъ 1815 года не есть нѣчто неизмѣнно: сама Австрія участвовала въ его перебѣнахъ, какъ напрымѣръ въ вопросѣ о Бельгіи, Краковѣ, Нешателѣ. Прусскій министръ уверяетъ графа Рехберга въ томъ, что онъ не принялъ предложенныхъ ему условій, и считаетъ Пруссію въ правѣ дѣйствовать заодно съ Россіею и Англіею для возстановленія мира. «Послѣ того, какъ Австрія, сказано въ депешѣ, своими поступками въ отношеніи къ Сардиніи, вопреки представленіямъ Пруссіи, вызвала противъ себя всѣ опасности, которыя могли быть предотвращены, не логично ли, что Пруссія старается не покидать посреднической роли и соглашается по этому предмету съ прочими главными державами?» Можетъ-быть именно эти слова внушили австрійскому правительству подозрѣніе, что проектъ посредничества сочиненъ барономъ Шлейницемъ; графъ Рехберъ высказалъ это въ своей депешѣ 16 іюля, а 23 іюля прусскій министръ отвѣчалъ на нее своею депешей. Изъ этой послѣдней видно, что австрійское правительство рѣшительно не соглашалось, чтобы Пруссія приняла на себя посредничество; оно дозволяло ей сдѣлать Франціи предложеніе о мирѣ, но не иначе, какъ подъ условіемъ сохраненія *status quo* 1815 года. Пруссія не составляла никакого проекта, но французское правительство составило проектъ и потомъ сообщило его австрійскому правительству, приписавши его нейтральнымъ державамъ; «такимъ образомъ, сказано въ депешѣ, одна изъ воюющихъ сторонъ во время войны сообщила другой о намѣреніяхъ нейтральныхъ державъ.» Дѣйствительно, это нѣсколько странно; но лордъ Пальмерстонъ, въ засѣданіи палаты общинъ, 28 іюля, объяснилъ, какъ было дѣло. «Во время войны, сказалъ онъ, французскій посланникъ при этомъ дворѣ передалъ моему благородному другу небольшой клочокъ бумаги, на которомъ были написаны условія соглашенія, выраженные въ общихъ словахъ; онъ просилъ, чтобы британское правительство передало ихъ австрійскому правительству, и сказалъ, что эти условія могутъ послужить основаніями для мира. Мой благородный другъ, по соглашеніи съ своими товарищами, рѣшилъ, что было бы неблаговидно со стороны нашего правительства, при нашемъ пламенномъ желаніи видѣть прекращеніе войны, отказаться совершенно отъ передачи этихъ сообщеній: одна изъ сторонъ думала, что эти сообщенія неведутъ къ мирному соглашенію, и другая могла ихъ принять и не принять. Мы не

Считали абсолютно-необходимымъ отказаться отъ передачи такихъ сообщений. Съ другой стороны мы чувствовали, что положеніе спорящихъ сторонъ въ войнѣ вовсе не таково, чтобы, по нашему мнѣнію, оно оправдывало наше внимательство посредствомъ сообщений съ нашей стороны. Поэтому мы избрали путь, представлявшійся какъ самый удобный. Мы сказали: «мы сообщимъ предложенія австрійскому министру; они содержатъ ваши, а не наши замѣчанія; но мы не прибавимъ къ нимъ никакихъ совѣтовъ или мнѣній, и мы прямо скажемъ, что это сообщаете вы, а не мы.» Такъ и было сдѣлано; мой благородный другъ передалъ меморандумъ австрійскому министру, сказавши ему, что это не наши предложенія, а предложенія, доставленныя французскимъ правительствомъ (*слушайте, слушайте*), и что австрійское правительство можетъ поступить съ ними какъ ему угодно; но что касается до условій, мы не высказали о нихъ никакого мнѣнія.» Но, вѣроятно, расчетъ основывался на томъ, чтобы хотя косвенно притянуть Англію къ участию въ войнѣ и подѣйствовать на Австрію возможностью такого противника. Лордъ Пальмерстонъ, какъ видно изъ приведенныхъ словъ, старался оправдаться въ какомъ бы то ни было участіи; онъ, по выраженію *Times*, исполнилъ только должность ночтальюна. Но палата довольно холодно приняла объясненія, и оппозиція доказывала, что не слѣдовало принимать «клочокъ бумаги».

Въ засѣданіи 8-го августа по поводу преній, которыя были вызваны предложеніемъ лорда Эльчо, и о которыхъ мы будемъ говорить сейчасъ подробнѣе, на запросъ, сдѣланный г. Уайтсайдомъ, лордъ Джонъ Россель также объяснялъ исторію этаго знаменитаго «клочка бумаги». «Разкажу подробно, отвѣчалъ лордъ Джонъ, какъ произошли событія. Французскій посланникъ часто говорилъ со мною о мирныхъ условіяхъ, которыя, по его мнѣнію, могли бы быть предложены по прошествіи нѣкотораго времени и въ случаѣ успѣховъ французскаго оружія. Я выслушивалъ его мнѣнія и замѣчалъ только, что невѣроятно ожидать отъ императора Французовъ и императора австрійскаго готовности заключить миръ въ столь раннее время, и что потому всѣ переговоры о мирныхъ условіяхъ должны быть отложены. Но посланникъ вручилъ мнѣ однажды бумагу съ объясненіемъ, что его правительству было бы пріятно, еслибы заключающіяся въ ней условія были переданы, съ одобреніемъ правительства ея величества, австрійскому императору; онъ прибавилъ, что по его мнѣнію, котораго онъ впрочемъ не можетъ доказать, эти условія были бы приняты его государемъ, еслибъ Австрія предложила ихъ. Въ тотъ день должно было происходить засѣданіе совѣта министровъ, и я поспѣшилъ сооб-

щитъ обо всемъ моимъ товарищамъ. Всѣ они согласились единодушно, что мы не должны предлагать упомянутыхъ мирныхъ условий формальнымъ образомъ, но такъ какъ условія эти могли назваться умѣренными въ сравненіи съ прокламаціей императора Французовъ, то мы не почли себя въ правѣ утаивать ихъ отъ австрійскаго правительства. Мнѣ было поручено сообщить упомянутую бумагу графу Аппони, и я дѣйствительно сообщилъ ее ему въ тотъ же самый вечеръ. Высокопочтенный джентльменъ спрашиваетъ, какого мнѣнія была на этотъ счетъ Пруссія? Кажется никакого, ибо я не обращался къ Пруссіи съ этимъ предметомъ. (Смѣхъ.) Онъ спрашиваетъ также, что сказала Россія? Опять-таки ничего, ибо я не сносился по этому поводу съ російскимъ посланникомъ. (Смѣхъ.) Австрійскій посланникъ отвѣчалъ мнѣ, что считаетъ своимъ долгомъ сообщить предложенныя условія своему правительству, но желалъ предварительно знать мое о нихъ мнѣніе. Я отвѣчалъ: «Великобританское правительство вручаетъ ихъ вамъ для передачи австрійскому императору, но что касается до нашего мнѣнія, то мы положительно отказываемся выразить его. Австрія можетъ ихъ принять или отвергнуть, какъ ей заблагоразсудится.» Онъ выразилъ мнѣ на это: «Не думаю, чтобы вѣнскій кабинетъ принялъ эти предложенія; но предположивши, что они будутъ приняты, и что Австрія согласится приступить на основаніи ихъ къ переговорамъ, что послѣдуетъ тогда?»—Если вы предоставите мнѣ право, отвѣчалъ я, переговорить съ російскимъ и прусскимъ посланниками и увѣдомить ихъ объ этихъ мирныхъ условіяхъ, и если вообще не встрѣтятся никакихъ затрудненій для того, чтобы принять ихъ за основаніе мирныхъ переговоровъ, я готовъ дѣйствовать въ этомъ смыслѣ.» Лордъ Джонъ Россель прибавилъ, что чрезъ нѣсколько дней послѣ приведеннаго нами разговора его съ австрійскимъ посланникомъ, графъ Аппони сообщилъ ему, что вѣнскій кабинетъ считаетъ сообщенныя ему мирныя условія совершенно невозможными. Дѣло тѣмъ и кончилось, и австрійское правительство не имѣло, слѣдовательно, никакого основанія смотрѣть на условія, сообщенныя ему частнымъ образомъ и не имѣвшія никакой солидарности съ англійскимъ кабинетомъ, какъ на выраженіе образа мыслей нейтральныхъ державъ. Въ томъ же засѣданіи 8 августа г. Дизраэли изъявилъ желаніе знать, сообщила ли правительству ея величества французскому правительству свое мнѣніе объ этихъ предложеніяхъ. Лордъ Пальмерстонъ отвѣчалъ, что французскому посланнику ничего не было сообщено въ этомъ отношеніи. Итакъ, становится очевиднымъ, что англійское правительство не несетъ на себѣ никакой отвѣтственности за вилла-франкскія мирныя условія, хотя съ другой стороны тоже очевидно, что «ключокъ

бумаги» произвелъ на Австрію эффектъ именно тѣмъ, что былъ переданъ англійскимъ правительствомъ и написанъ въ его духѣ. Онъ игралъ не маловажную роль при закрѣпленіи новой дружбы между Австріей и Франціей, охладилъ Австрію къ нейтральнымъ державамъ, явилъ Францію во всемъ блескѣ великодушія и въ то же время могъ убѣдить Италію и Европу, что собственныя намѣренія Наполеона III были совершенно согласны съ намѣреніями либеральнаго лорда Джона, и что императоръ принужденъ былъ уступить лишь силѣ обстоятельствъ. Это подлинно былъ очень хитрый «ключокъ бумаги».

Этотъ частный случай находится въ связи съ общимъ вопросомъ о томъ, слѣдуетъ ли Англіи принять участіе въ рѣшеніи италянскаго вопроса посредствомъ конгресса. Мы говорили въ предыдущей книжкѣ *Русскаго Вѣстника* о политикѣ невмѣшательства, которая связана со всѣми преданіями партіи торійской. Партія виговъ имѣетъ также свои преданія; всякій разъ, когда члены этой партіи составляли кабинетъ, Англія принимала дѣятельное участіе въ дѣлахъ Европы. Еще недавно, въ засѣданіи палаты общинъ 21 іюля, лордъ Пальмерстонъ представилъ красно-рѣчивый панегирикъ англійскому вмѣшательству. «Такъ какъ возникъ вопросъ о вмѣшательствѣ этой страны въ дѣла другихъ государствъ, и такъ какъ въ публикѣ весьма часто преобладало мнѣніе, что вмѣшательство этой страны бывало неосновательно или неудачно, то я хочу напомнить палатѣ о нѣкоторыхъ случаяхъ, когда это вмѣшательство имѣло мѣсто, и укажу палатѣ, что результаты его были благопріятны для интересовъ и счастья той страны, въ дѣла которой мы вмѣшивались. Англія вмѣшалась въ дѣла Греціи, и что было результатомъ? Результатомъ было то, что Греція, образовавши независимое государство, пользуется теперь выгодами конституціи; и хотя мы не можемъ одобрить всего, что дѣлаетъ греческое правительство (*одобреніе со стороны оппозиціи*), однако, сравнивая теперешнее положеніе Греціи съ тѣмъ, которое было до нашего вмѣшательства, нельзя отвергать, что Греки сдѣлались счастливѣе, чѣмъ были въ прежнемъ положеніи. (*Слушайте, слушайте.*) Мы вмѣшались въ дѣла Бельгіи, и что оказалось въ результатѣ? Результатъ тотъ, что Бельгійцы такъ хорошо управляются, такъ счастливы, такъ вѣрны престолу и преданы своему правительству, какъ какой бы то ни было народъ на свѣтѣ. (*Слушайте, слушайте.*) Мы вмѣшались въ дѣла Португаліи, и что было результатомъ? Въ результатѣ оказалось, что Португалія, вмѣсто деспотическаго правительства, исполненнаго злоупотребленій, теперь имѣетъ парламентскую конституцію, во многомъ похожую на нашу, и дѣлаетъ успѣхи во всемъ, что связано съ внутреннимъ счастьемъ и благосостояніемъ народа. Мы вмѣшались въ дѣла Испаніи, и что было результатомъ? Ре-

результатомъ вмѣшательства было то, что Испанія, бывшая въ прежнее время попеременно то подъ произволомъ и деспотическимъ правленіемъ, то въ революціонномъ хаосѣ, теперь пользуется парламентскою конституціей; Испанія такъ же счастлива и довольна и быстро подвигается на пути внутренняго благосостоянія. (*Слушайте, слушайте.*) Мы вмѣшались также въ торговлю неграми; и я очень счастливъ, что могу сказать: результатомъ нашего вмѣшательства было то, что милліоны Африканцевъ—я говорю съ увѣренностію: милліоны Африканцевъ—обязаны нашему вмѣшательству избавленіемъ отъ величайшихъ бѣдствій, какія только возможны для человѣка. (*Одобреніе.*) Я говорю о тѣхъ массахъ, которыя избѣжали въ послѣдніе годы и избѣгнуть на будущее время, при перевозѣ въ Бразилію, всѣхъ ужасовъ рабства. (*Слушайте, слушайте.*) Нельзя голословно обвинять англійское правительство за то, что оно употребляетъ вліяніе Англій въ дѣлахъ, касающихся иностранныхъ государствъ; необходимо посмотрѣть, какіе результаты могутъ произойти отъ этого; и если вмѣшательствомъ можно достигнуть благопріятнаго результата, то я думаю, что правительство черезъ свое вмѣшательство выказываетъ то вліяніе, которое по праву принадлежитъ великой странѣ. (*Слушайте, слушайте.*)

На этотъ панегирикъ оппозиція отвѣчала также не менѣе убѣдительными примѣрами. «Благородный лордъ, сказалъ г. Фитцджеральдъ, исчислилъ нѣсколько случаевъ нашего вмѣшательства, но есть другіе, о которыхъ онъ забылъ упомянуть. (*Слушайте, слушайте.*) Я не знаю, что хорошаго послѣдовало, напримѣръ, отъ вмѣшательства благороднаго лорда въ дѣла Неаполя. (*Слушайте.*) Напротивъ, когда вопросъ о *Кальяри* (1) занималъ общественное вниманіе, отсутствие нашего посланника въ Неаполь имѣло невыгодное вліяніе на его рѣшеніе. Былъ еще случай, въ которомъ благородный лордъ вмѣшался всею силой этой страны для того, чтобы выхлопотать небольшое вознагражденіе человѣку, называвшему себя англійскимъ подданнымъ (2). (*Слушайте.*) Но самый замѣчательный примѣръ вмѣшательства представило правительство, въ которомъ благородный лордъ былъ членомъ, и которое послало лорда Минто отъ одного конца Италіи до другаго съ цѣлю возбуждать революцію, давать обѣщанія, которыя не были исполнены, и побуждать народъ къ жертвованіямъ для полученія выгодъ, которыя не были достигнуты. Благородный лордъ вмѣшался также въ италіянскія дѣла въ 1848 году и отказался отъ тѣхъ условій, которыхъ не удалось вполне достигнуть государствамъ сѣверной Италіи черезъ одиннадцать лѣтъ, послѣ всѣхъ страда-

(1) Дѣло о пароходѣ Кальяри, см. *Русскій Вѣстникъ* 1858 № 9.

(2) Дѣло Буря Паскелло съ греческимъ правительствомъ въ 1849 году.

ній въ эти годы и послѣ кровавой войны. Другой членъ оппозиціи г. Уайтсайдъ столь же рѣшительно высказался противъ вмѣшательства: «Почтенный джентльменъ (г. Верней, изъ партіи лорда Пальмерстона) настаиваетъ на то, что политика Англіи должна состоять въ снисканіи хорошихъ правительствъ для другихъ странъ. Я съ грустью вижу, что повсюду существуетъ порядочный запасъ дурныхъ правительствъ. Если эта политика вмѣшательства есть дѣйствительно политика правительства, и если почтенный джентльменъ вѣрно истолковываетъ мысли благороднаго лорда, то я съ ужасомъ смотрю на бурныя волны, въ которыхъ мы готовы броситься. Ни одно начало международнаго права не оправдываетъ нашего вмѣшательства въ управленіе другихъ странъ, будетъ ли это управленіе дурно или хорошо.»

Въ самомъ дѣлѣ, если поставить вопросъ такимъ образомъ, если одному государству дать право контролировать внутреннія дѣла другого, то не будетъ конца недоразумѣніямъ и насилію. Сегодня какому-либо властителю покажутся чужія дѣла слишкомъ ретроградными, завтра другой найдетъ ихъ черезчуръ либеральными; невозможно, чтобы всѣ правительства устраивались по извѣстнымъ даннымъ образцамъ, да и гдѣ искать этихъ образцовъ? Въ главныхъ европейскихъ державахъ? но онѣ не одинаково смотрятъ на либерализмъ или ретроградность; даже въ одной и той же странѣ министерство графа Мантейфеля и министерство барона Шлейница различно смотрѣли напримѣръ на австрійскую правительственную систему. Правительство есть представитель народа, и нельзя не признать справедливости политическаго афоризма: «каждый народъ достоинъ своего правительства». Что выиграли Неаполитанцы отъ послѣдняго вмѣшательства Англіи и Франціи? Королю Фердинанду не было ни тепло, ни холодно отъ того, что около его дворца не было отелей двухъ посланниковъ, и что г. Поэріо и его товарищи освободили сами себя въ открытомъ морѣ. Дипломатія только компрометировала себя, показавши свое безсиліе, и готова была воспользоваться первымъ предлогомъ, чтобы возвратиться прилично къ своимъ архивамъ; скончался король Фердинандъ, и посланники французскій и англійскій тотчасъ явились поздравить его преемника, хотя и неизвѣстно было, послѣдуетъ ли кака-нибудь переменна неаполитанской правительственной системы. Въ прусскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ накопился, вѣроятно, цѣлый архивъ по поводу голштинскаго вопроса, а между тѣмъ дѣло не подвинулось ни на шагъ, и германскимъ книгопродавцамъ предстоитъ еще долго издавать брошюры подъ заглавіемъ: *Zur Schleswig-Holsteinischen Sache*. Австрія пробовала отзывать своихъ посланниковъ изъ Пьемонта и Швейцаріи, и Пьемонтъ и Швейцарія нисколько не убѣждались черезъ это въ своемъ

неразуміи и не приносили повинной головы графу Булю. Можно бы привести еще нѣсколько примѣровъ подобнаго одиночнаго вмѣшательства; но думаемъ, что приведеннаго нами достаточно, чтобъ убѣдиться въ несостоятельности вмѣшательства одного или двухъ государствъ для достиженія цѣли, можетъ-быть, и похвальной. А сколько разъ подобное вмѣшательство задерживало правильный ходъ исторіи народа! Австрійскія войска посылались въ Неаполь для подавленія конституціонной партіи, которой теперь всѣ желаютъ успѣха; французскія войска ходили въ Испанію для уничтоженія той формы правленія, которая все-таки утвердилась въ этой странѣ, только нѣсколькими годами позже. Однимъ словомъ, всякій разъ, когда только одно или два государства, а не вся Европа, брались рѣшать какой-либо вопросъ, касавшійся внутренняго устройства или международнаго положенія страны, — это вмѣшательство не имѣло успѣха.

Другой результатъ былъ въ тѣхъ случаяхъ, когда вся Европа принимала участіе въ рѣшеніи вопросовъ, и всѣ примѣры, приведенные лордомъ Пальмерстономъ, относятся именно къ этой категоріи. Въ послѣднее время, на парижемъ конгрессѣ 1856 года, формулировано было начало вмѣшательства по поводу вопроса о Дунайскихъ Княжествахъ; конгрессъ постановилъ прямо, что частное вмѣшательство замѣняется общеевропейскимъ, въ которомъ гораздо болѣе гарантій для свободы и независимости второстепенныхъ государствъ. Частное вмѣшательство то же, что частные союзы; оно представляетъ только одинъ элементъ, не европейскій, а мѣстный, особенный. Образуется ли на примѣръ союзъ католическихъ государствъ, — протестантскія державы будутъ стѣснены имъ; союзъ во имя извѣстнаго политическаго начала поставитъ въ опасность тѣ страны, которыя не слѣдуютъ этому началу; наконецъ еще болѣе опасности могутъ представить династическіе союзы, примѣръ которыхъ могли представить такъ называемые испанскіе браки въ 1847 году. Вотъ почему общественное мнѣніе всегда порицало частные союзы и частное вмѣшательство и видитъ идеалъ дипломатіи въ международномъ союзѣ и въ общеевропейскомъ вмѣшательствѣ. Вспомнимъ, что въ этомъ послѣднемъ Европа видѣла надежду на разрѣшеніе италіанскаго вопроса; и нельзя не сожалѣть о томъ, что для Австріи необходимо было пораженіе при Сольферино, чтобы хотя издали приблизиться къ согласію на конгрессъ.

При общеевропейскомъ вмѣшательствѣ, безспорно, что участіе Англіи необходимо: исключительная континентальная дипломатическая система была бы невыгодна для дѣла цивилизаціи. Англія представляетъ собою неизмѣнно живой элементъ европейской жизни, и своимъ вліяніемъ можетъ содѣйствовать политическому преуспѣянію народовъ, или по крайней мѣрѣ охранить это преу-

спѣваніе отъ вредныхъ вліяній. Въ каждой странѣ всѣ люди, разумно любящіе свое отечество, обращаются—не изъ подражанія, а изъ соревнованія—къ Англіи, къ этому оплоту здравыхъ либеральныхъ началъ или «религіозной и политической свободы», какъ сказалъ недавно Американецъ г. Далласъ. Какая бы партія ни стояла во главѣ англійскаго правительства, это правительство не можетъ быть ретрограднымъ. «Вся наша страна, сказано въ *Times*, либеральна, и кто бы ни управлялъ ею, долженъ управлять по началамъ прогресса. Въ 1853 году лордъ Абердинъ, вступая въ министерство, удивилъ палату лордовъ, сказавши, что у Англіи есть только одна внѣшняя политика, и что, кто бы ни былъ секретаремъ иностранныхъ дѣлъ, его политика необходимо должна быть одинакова съ политикою его предшественника. То же самое видѣли мы въ отношеніи лорда Мальмсбери и то же самое увидимъ въ дѣйствіяхъ лорда Джона Росселя. Это тождество простирается и на внутреннія дѣла такъ же, какъ на внѣшнюю политику.» Виги и тори въ континентальномъ смыслѣ въ высшей степени либеральны, и графу Дерби, лорду Станли, г-ну Дизраэлю пришлось бы занимать едвали не крайнюю лѣвую сторону въ континентальныхъ палатахъ. На домашнемъ, англійскомъ языкѣ обѣ партіи называютъ другъ друга иначе. Еще недавно, въ засѣданіи палаты общинъ, 28 іюля, г. Дизраэли и лордъ Пальмерстонъ приложили свои понятія о партіяхъ къ континенту. Г. Дизраэли, въ упрекъ лорду Джону Росселю сказалъ слѣдующее: «Скажу благородному лорду одно: къ несчастію, онъ увѣренъ, будто по всей Италіи существуетъ партія виговъ; пока онъ не выкинетъ этой идеи изъ своей головы, онъ никогда не будетъ въ состояніи смотрѣть на вопросъ такъ, какъ слѣдуетъ смотрѣть человѣку въ его положеніи. (*Слушайте, слушайте.*) Кажется, что всякій разъ, когда благородный лордъ говоритъ объ Италіи, ему представляется учрежденіе чего-то въ родѣ клуба Брукса (1) во Флоренціи, и это онъ называетъ поэзією (*смѣхъ*). Какъ только онъ заговоритъ о Петраркѣ, я уже знаю, къ чему это ведетъ (*смѣхъ*). Я уже говорилъ благородному лорду, что его образъ дѣйствій можетъ кончиться волненіями въ Италіи (*слушайте, слушайте*) и вызоветъ всѣ тайны общества въ этой странѣ (*слушайте*,

(1) Brooks's klub, клубъ виговъ, основанный въ 1764 году и построенный Бруксомъ, виноторговцемъ: сначала въ немъ только играли въ карты, теперь собираются люди одного политическаго оттѣнка. Лордъ Джонъ Россель членъ этого клуба, въ которомъ всего 375 членовъ, платящихъ ежегодно по 75 руб. сер.; если кто при баллотировкѣ получитъ два черные шара, тотъ не можетъ поступить въ члены. Можно поручиться, что напримѣръ г. Дизраэли никогда не получитъ этого званія, потому что, кромѣ лорда Джона Росселя, и лордъ Пальмерстонъ членъ клуба Брукса. Этотъ клубъ одинъ изъ самыхъ замкнутыхъ; гости и иностранцы въ него не допускаются.

слушайте); если онъ думаетъ, что возрожденіе Италіи можетъ быть совершенно тайными обществами, то увидитъ, что онъ играетъ въ пользу какого-нибудь великаго военнаго деспота, который пожнетъ всѣ плоды отъ этого. На эту злую иронию отвѣчалъ лордъ Пальмерстонъ. «Когда, сказалъ онъ, насъ называютъ адвокатами революціи, я отвѣчу, что настоящій адвокатъ революціи тотъ, кто поддерживаетъ дурныя правительства, которыя приводятъ народъ въ отчаяніе, и дѣлая безнадежными легальныя улучшения, побуждаютъ къ заговорамъ и темнымъ интригамъ людей, не выдающихъ другаго исхода въ своихъ бѣдствіяхъ. (*Одобреніе.*) Высокопочтенный джентльменъ сказалъ, что мой благородный другъ оболъщается мыслию, что въ Италіи существуетъ великая партія виговъ. Да, тамъ есть великая партія виговъ — великая конституціонная партія — и эта партія годъ за годомъ боролась съ республиканскою партіей и мащинистами, которые имѣли въ виду волненія и смуты вмѣсто спасительныхъ реформъ. Но я скажу высокопочтенному джентльмену, что сходство между Англіею и Италіею гораздо больше, чѣмъ онъ представилъ въ своей веселой ироніи. Въ Италіи существуетъ не только партія виговъ, но и партія торіевъ (*смѣхъ*); и эта торійская партія, управляя страной, будучи въ меньшинствѣ и вступивши въ борьбу съ вигами, была причиною многихъ волненій, которыхъ мы были свидѣтелями (*одобреніе*). Виги гораздо многочисленнѣе, но они до сихъ поръ не могли провести «вота о недовѣрїи» (1) своимъ противникамъ (*смѣхъ*), и они до сихъ поръ изнемогаютъ подъ тяжестью бѣдствій, причиняемыхъ партіей произвола и деспотизма, захватившею правленіе въ свои руки. Я не отвергаю конституціонныхъ симпатій, въ которыхъ упрекаетъ насъ высокопочтенный джентльменъ, и откровенно признаюсь, что мы съ удовольствіемъ увидѣли бы возвышеніе тѣхъ истинныхъ друзей Италіи, которые для всѣхъ частей полуострова желаютъ разумной и умѣренной свободы, какъ единственнаго прочнаго основанія счастья». Остроуміе увлекло лорда Пальмерстона слишкомъ далеко: сравненіе, сдѣланное г-мъ Дизраэли неудачно, но несправедливо также сравнивать австрогерцогскія правительства въ Италіи съ партіей торіи; г. Гладстонъ, самъ принадлежащій болѣе къ этой партіи, чѣмъ къ вигамъ, счелъ долгомъ протестовать противъ словъ г. Дизраэли и защищать партію, «преданную разумной и конституціонной свободѣ». «Въ Италіи, сказалъ онъ, существуетъ такая партія (*слушайте, слушайте*), и уже десять лѣтъ, какъ Сардинія сдѣлалась ея связью (*слушайте, слушайте*). Въ настоящую минуту

(1) Вотируя недовѣрїе министерству графа Дерби, либеральная партія отвергла его. См. *Русскій Вѣстникъ* № № 10, 11 и 12.

Италия находится въ критическомъ положеніи; эта партія въ опасности потерять почву подъ собою и уступить дорогу революціонной партіи: ея разстройство и упадокъ, естественно, дастъ толчокъ принципамъ послѣдователей г. Мадзини. Ни одно правительство не должно упускать этого изъ виду при разсмотрѣніи италянскаго вопроса. (*Слушайте, слушайте.*) Конечно, Европа обязана не давать почувствовать друзьямъ умѣренныхъ убѣжденныхъ въ Италіи, что они покинуты главными державами (*слушайте, слушайте*), и что имъ не остается другаго выбора, какъ быть раздавленными и стертymi въ пыль или абсолютистами или революціонною партіей. Та благородная партія, о которой говорить г. Гладстонъ, и которую такъ неудачно называлъ г. Дизраэли партіей виговъ, всегда встрѣчала сочувствіе въ Англіи, кто бы ни управлялъ этою страной, и въ интересахъ ея должно желать участія Англіи на общеевропейскихъ конгрессахъ. Не въ одной Италіи, и во всѣхъ второстепенныхъ государствахъ люди либеральныхъ мнѣній готовы привѣтствовать это участіе; здѣсь дѣло идетъ не о вигихъ или торіяхъ, а обо всей Англіи, и, измѣняя нѣсколько слова г. Дизраэли и лорда Пальмерстона, можно сказать, что въ Италіи дѣйствительно существуетъ англійская партія, то-есть люди, проникнутые тѣми началами, которыя представляются Англіею.

Въ международныхъ рѣшеніяхъ до сихъ поръ еще не формулировано правило о большинствѣ голосовъ, и потому Англіи представляется возможность своимъ участіемъ принести много пользы, даже въ томъ случаѣ, еслибъ ея голосъ былъ единственнымъ на конгрессѣ. Но необходимо для нея все-таки имѣть этотъ голосъ, а не быть простымъ зрителемъ, которому дозволяется подписать свое имя на мирномъ трактатѣ. Въ этомъ смыслѣ высказался лордъ Джонъ Россель въ засѣданіи палаты общинъ 28 іюля. Онъ прочелъ слѣдующую депешу графа Валевскаго, адресованную къ нему:

«Французскій и австрійскій уполномоченные готовы собраться немедленно въ Цюрихъ, чтобы составить мирный трактатъ, на основаніяхъ, принятыхъ ихъ величествами. Изъ моей прежней корреспонденціи вамъ извѣстно, что правительство желало, чтобы главныя державы участвовали въ окончательномъ устройствѣ италянскихъ дѣлъ. Намѣренія его величества не измѣнились въ этомъ отношеніи, и мы надѣемся, что державамъ возможно будетъ составить конгрессъ или конференцію для совѣщанія обо всѣхъ вопросахъ, вызванныхъ теперешнимъ положеніемъ дѣлъ въ Италіи и тѣсно связанныхъ со всеобщими интересами. Нѣтъ нужды прибавлять, что, по самому характеру новыхъ отношеній, которыя должны образоваться въ Италіи, требуется предварительное соглашеніе между различными государствами полуострова; необходимо, чтобы эти государства собрались для обсужденія

основаній той федераціи, установленіе которой принято двумя государствами на будущее время.»

Эта депеша французскаго правительства весьма важна. Изъ нея видно, что императоръ смотритъ на виллафранкскій миръ, какъ на такой актъ, который рѣшаетъ окончательно только вопросъ о владѣніи Ломбардіею; что же касается до остальныхъ вопросовъ, «тѣсно связанныхъ со всеобщими интересами», то о нихъ предоставляется конгрессу произнести свой приговоръ. Но всѣ государства, приглашаемыя на конгрессъ, должны напередъ знать, какая роль будетъ предоставлена имъ въ этомъ собраніи, и лордъ Джонъ Россель высказалъ свой взглядъ на этотъ вопросъ, въ засѣданіе 28 іюля. «Мы, сказалъ онъ, не сочли нужнымъ въ настоящее время дать рѣшительный отвѣтъ на депешу графа Валевскаго. Мы благодарили императора Французовъ за сдѣланное имъ сообщеніе; но мы указали, хотя и не письменно, а черезъ посланника ея величества въ Парижъ, на то, что есть два условія, съ которыми мы должны сообразоваться, прежде нежели согласимся участвовать въ какой-либо конференціи. Во-первыхъ, мы должны видѣть цюрихскій трактатъ, который готовится заключить. Сколько мнѣ извѣстно, еще не рѣшено, будетъ ли цюрихскій трактатъ простымъ подтвержденіемъ, за подписью уполномоченныхъ, статей трактата, заключеннаго въ Виллафранкѣ двумя монархами, или въ Цюрихѣ подписанъ будетъ болѣе обширный трактатъ, касающійся вообще дѣлъ Италіи. Цюрихскій трактатъ можетъ быть даже менѣ виллафранкскихъ прелиминарій, или онъ можетъ просто подтвердить миръ, заключенный между двумя императорами и сардинскимъ королемъ, не касаясь общихъ дѣлъ Италіи далѣе уступки территоріи со стороны австрійскаго императора. Отъ содержанія этого трактата, когда онъ будетъ составленъ и офиціально сообщенъ правительству ея величества, отъ этого содержанія будетъ зависѣть рѣшеніе вопроса, слѣдуетъ ли намъ принять сдѣланное намъ приглашеніе участвовать въ конференціи европейскихъ державъ. *(Слушайте, слушайте.)* Кромѣ того есть еще одно обстоятельство. Я убѣжденъ въ томъ, что совершенно бесполезно присоединяться къ конференціи по италіанскимъ дѣламъ, если австрійскій императоръ не будетъ участвовать въ ней. Во время подписанія виллафранкскаго трактата, онъ, какъ извѣстно, сдѣлалъ возраженіе противъ всякаго конгресса или конференціи, и я утверждаю, что было бы странно стараться объ устройствѣ италіанскихъ дѣлъ безъ содѣйствія Австріи, а также, можетъ-быть, и Пруссіи; странно также величать именовъ собранія главныхъ державъ какой-либо конгрессъ или конференцію, въ которыхъ не засѣдали бы представители Австріи и Пруссіи. *(Слушайте.)*

Далѣ, для насъ весьма важно знать напередъ, какіе вопросы предстоятъ разсмотрѣнію конгресса или конференціи. Вилла-Франкскій трактатъ оставилъ совершенно неустроеннымъ положеніе Італіи; результатъ цюрихскаго трактата можетъ быть тотъ же самый, а потому возникаетъ вопросъ, какія мнѣнія на конференціи будутъ полезны для устройства италіанскихъ дѣлъ. Необходимо извѣстное соглашеніе или единство мнѣній между государствами, составляющими конгрессъ; во всякомъ случаѣ и справедливиѣе и благоразумнѣе не участвовать въ немъ вовсе, нежели приступить къ нему, имѣя въ перспективѣ, что онъ на первомъ же шагѣ разойдется по причинѣ непримиримости мнѣній. *(Слушайте, слушайте.)*

Итакъ, англійское правительство ждетъ исхода цюрихскихъ конференцій, для которыхъ уже собрались уполномоченные Франціи, Сардиніи и Австріи. Англія только тогда вмѣшается въ устройство италіанскихъ дѣлъ, когда будетъ надежда, что это вмѣшательство поведетъ къ благопріятному результату. Въ этомъ смыслѣ высказывались постоянно члены министерской партіи. «Безъ сомнѣнія, сказалъ лордъ Пальмерстонъ въ засѣданіи 28-го іюля, никакое правительство этой страны не станетъ предлагать Англіи участвовать въ конгрессѣ только для того, чтобы вести протоколы сдѣлкамъ, совершеннымъ другими договаривающимися сторонами, безъ предварительнаго согласія и участія Англіи. Мы можемъ идти на конференцію съ цѣлью улучшить условія, еще неокончательно заключенныя и еще открытыя для преній; но Англія не обязана дѣлаться простымъ протоколистомъ переговоровъ, въ которыхъ она не имѣла ни участія, ни голоса. *(Слушайте, слушайте.)*» Въ засѣданіи 28-го іюля первый лордъ казначейства высказался еще яснѣе: «Конечно, сказалъ онъ, конференціи и конгрессы обыкновенно собираются по окончаніи войны; и если весьма похвально заботиться объ ихъ собраніи до войны, то одинаково полезно участвовать въ нихъ и послѣ войны, съ цѣлью измѣнить тѣ сдѣлки, которыя, будучи оставлены безъ измѣненія, вели бы къ тому, чтобы возобновить непріязненные столкновения. *(Слушайте, слушайте.)*... Къ несчастію, сэръ, на Італію смотрятъ иначе, чѣмъ на Англію; но въ природѣ вещей нѣтъ никакого основанія, почему бы ей не пользоваться, — въ природѣ человѣческой нѣтъ основанія, почему бы ея народонаселенію не имѣть способности пользоваться тою же гражданскою и политическою свободою и жить подъ тѣми же учрежденіями, которыя судьба даровала намъ. И, если въ основѣ совѣтовъ Европы лежитъ желаніе такого улучшенія, если оно осуществимо, то я утверждаю, что правительство, вступающее въ сношенія съ этою цѣлію, заслужитъ одобреніе всѣхъ, для кого дорого благоденствіе и счастье человѣчества. *(Одобрено.)*» Г. Гладстонъ въ томъ же засѣданіи доказывалъ, что Англія

обязана принять участіе въ конференціяхъ, если это можетъ быть полезно для Италіи и Европы. «Необходимо смотрѣть, сказалъ онъ, не на то, какія условія были заключены въ извѣстное время въ извѣстномъ трактатѣ, а на то, какимъ образомъ миръ можетъ быть восстановленъ съ наибольшимъ ручательствомъ въ прочности. *(Слушайте, слушайте.)* Когда разъ началась война, и дѣло постоянного мира требуетъ измѣненія даже такого трактата, какъ вѣнскій, то государственные люди Англіи не только не сдѣлаютъ ошибки, если выскажутся совершенно въ пользу этого, но они даже обязаны поступить такъ. *(Слушайте, слушайте)...* Что касается до Франціи, то, конечно, Англія обязана безусловно оказывать ей помощь въ достиженіи всего, что благопріятствуетъ свободѣ и порядку въ Европѣ; но, съ другой стороны, правительство также обязано не затягиваться напередъ ни въ какія сдѣлки. *(Слушайте.)*» Министерская партія основывала необходимость участія Англіи въ конгрессѣ и необходимость самаго конгресса на томъ, что послѣдняя война была только новымъ фазисомъ италіанскаго вопроса, поднятаго уполномоченными главныхъ европейскихъ державъ на парижскомъ конгрессѣ 1856 года; съ другой стороны, въ этотъ вопросъ входятъ такіе предметы, которые могутъ быть определены не иначе, какъ всею Европой. «Франція и Австрія, говорилъ лордъ Пальмерстонъ, могутъ сказать, что Италія образуетъ федерацію, но не въ ихъ власти организовать подобную систему; онѣ могутъ сказать, что станутъ способствовать ей, но нельзя привести ее въ исполненіе трактатомъ, заключеннымъ въ Цюрихѣ или гдѣ бы то ни было.»

Въ отвѣтъ на всѣ убѣжденія министерства, оппозиція съ своей стороны доказывала необходимость воздержаться отъ всякаго вмѣшательства въ италіанскія дѣла и отъ участія въ конгрессѣ. «Война, сказалъ г. Дизраэли, была не нашимъ дѣломъ; миръ также не былъ нашимъ дѣломъ; теперь возникаютъ затрудненія, въ которыхъ намъ приходится вмѣшаться; но съ успѣхомъ и съ достоинствомъ мы не можемъ выступить въ послѣднемъ актѣ, для того, чтобы спасти другія лица отъ затрудненій, которыя ими созданы, и за которыя мы не отвѣчаемъ. *(Слушайте, слушайте.)*» Въ другой рѣчи своей, предводитель консервативной партіи въ палатѣ общинъ напомнилъ, что всѣ конгрессы, въ которыхъ участвовала Англія, налагали на нее только обязательства и не давали никакихъ выгодъ. «По вѣнскому трактату, сказалъ онъ, мы гарантировали Пруссіи ея саксонскія провинціи. Случайно и въ виду самыхъ настоятельныхъ интересовъ, Англія, могу сказать, завязалась въ самое торжественное и неудачное обязательство, въ какое только она входила. Теперь говорятъ, что, ближайшая война будетъ направлена противъ Пруссіи. Въ какое

же положеніе мы станемъ въ случаѣ войны между Пруссією и большою державой, когда существуетъ въ вѣнскомъ трактатѣ статья о гарантіи? Если вы теперь пошлете министра на конгрессъ или конференцію, все равно гдѣ они соберутся, въ Цюрихъ или Парижъ, для какого дѣла вы его пошлете? Ничего не дѣлать будетъ знакомъ нашей незначительности; входитъ въ обязательства значить втнуть себя въ новыя издержки и въ новую отвѣтственность. *(Слушайте, слушайте.)* Г. Бауиеръ, ирландскій католикъ, извѣстный ученый публицистъ, возставалъ противъ конгресса, основываясь на личномъ характерѣ лордовъ Пальмерстона и Джона Росселя. «Ни одно иностранное правительство, сказалъ онъ, не пытается довѣрія къ министрамъ ея величества, и я не вѣрю, чтобы либеральная партія была довольна ими. *(Слушайте, слушайте.)* Всякій разъ, когда эти благородные лорды вмѣшивались въ италіянскія дѣла, они производили несогласіе и вредъ. Въ своей жизни они только разстроивали все и ничего не устроили. *(Слушайте, слушайте.)*» Въ томъ же смыслѣ говорилъ и г. Уайтсайдъ: «Если обратить вниманіе на конгрессъ 1856 года, сказалъ онъ, то ничто въ немъ не поощряетъ благороднаго вконта вступить въ дипломатическую корреспонденцію, которой онъ такъ сильно желаетъ. Никто не произнесъ такого строгаго суда надъ рейсвикскимъ миромъ, какъ лордъ Маколей, который сказалъ, что посланники произвели войну, а генералы заключили миръ. Выслушавши объясненія благороднаго лорда и благороднаго вконта и разсмотрѣвши все, что произошло въ этой безтолковой странѣ, въ Италіи, мы говоримъ, что такъ какъ мы не участвовали въ кровавой войнѣ, то будетъ благоразумно и согласно съ политикою предоставить заключеніе мира тѣмъ, кто велъ войну. *(Слушайте, слушайте.)*» Г. Брайтъ съ своей точки зрѣнія также говорилъ противъ вмѣшательства Англій. «Я сильно сомнѣваюсь, говорилъ онъ, а по правдѣ сказать, я не сомнѣваюсь, но совершенно увѣренъ въ томъ, что если Англія придетъ на конференцію только для того, чтобы подписать свое имя на документахъ, вовсе бесполезныхъ для Италіи *(слушайте, слушайте)*, не возбуждающихъ сочувствія въ этомъ народѣ, то Англіи лучше вовсе не касаться этого дѣла. *(Одобреніе.)*» Г. Брайтъ объявилъ, что онъ согласенъ больше съ г. Дизраэли.

Еще болѣе разъяснился взглядъ англійскихъ партій на вопросъ о конгрессѣ изъ продолжительныхъ преній 8 августа. Въ этомъ засѣданіи лордъ Эльчо предложилъ адресъ ея величеству въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «По мнѣнію этой палаты, будетъ не согласно ни съ честью, ни съ достоинствомъ этой страны, сохранявшей въ теченіи всѣхъ послѣднихъ переговоровъ строгій и непристрастный нейтралитетъ между двумя воевавшими державами и упо-

треблявшей ревностныя усилія для того, чтобы предупредить начало непріязненныхъ дѣйствій, если она приметъ участіе въ какихъ бы то ни было конференціяхъ, съ цѣлю опредѣлить подробности мира, котораго прелиминаріи были условлены между императоромъ Французовъ и императоромъ австрійскимъ. • Лордъ Эльчо доказывалъ, что адресъ, предложенный имъ, вытекаетъ прямо и послѣдовательно изъ всей политики, которой слѣдовала до сихъ поръ Англія. Политика эта можетъ быть опредѣлена словами: « безпристрастный нейтралитетъ », то-есть, по выраженію благороднаго лорда, « состояніе совершеннаго равнодушія, столь же чуждое вражды, сколько и дружбы ». По мнѣнію его, правительство, въ послѣднее время, склонно къ тому, чтобы понимать нейтралитетъ совершенно въ другомъ смыслѣ. Оно не скрываетъ своего желанія изгнать Австрійцевъ изъ Италіи, оно обнаруживаетъ къ нимъ явную вражду и въ то же время хочетъ вмѣшаться въ устройство италіанскихъ государствъ, не имѣя на этотъ счетъ никакихъ опредѣленныхъ политическихъ плановъ. Какъ будетъ оно дѣйствовать, напримѣръ, въ отношеніи къ герцогствамъ, къ Папскимъ Владѣніямъ, къ занятію Рима французскими войсками? Каждый изъ этихъ вопросовъ въ состояніи создать правительству необычайныя затрудненія, которыя невозможно будетъ разрѣшить иначе, какъ войною. • Осмѣлюсь сказать, замѣтилъ лордъ Эльчо, что я сочувствую Италіи, можетъ-быть не менѣе любого члена этой палаты, и радъ былъ бы видѣть народонаселеніе этой прекрасной страны счастливымъ и довольнымъ, подъ властію мудраго и благонамѣреннаго правительства. Скажу даже болѣе, для безопасности всего міра и нашей собственной страны ничего не могло бы быть лучше, какъ образованіе соединеннаго королевства Италіи съ 25.000.000 жителей. (*Слушайте, слушайте.*) Но кто повѣритъ возможности подобнаго событія? Развѣ что-нибудь въ современномъ положеніи Италіи оправдываетъ эти надежды? Это—прекрасная мечта, пріятный сонъ, который, неизвѣстно, осуществится ли когда-нибудь! Согласилась ли бы Франція видѣть около своихъ предѣловъ могущественное государство, которое воспрепятствовало бы навсегда утвержденію на полуостровѣ французскаго вліянія? По всѣмъ соображеніямъ этимъ, лордъ Эльчо настаивалъ, что англійское правительство не должно никакимъ образомъ вмѣшиваться въ конференціи. • Если оно питаетъ довѣріе къ императору Французовъ, замѣтилъ онъ, не зачѣмъ ему присутствовать на конгрессѣ, а если не довѣряетъ ему, то *a fortiori* должно отстраниться отъ конгресса. • Доводы лорда Эльчо были подкрѣплены доводами другихъ членовъ оппозиціи, и въ особенности, предводителя ея, г. Дизраэли. По мнѣнію его, участіе Англіи на конгрессѣ послужитъ къ окончательному раз-

рушенію трактатовъ 1815 года, къ водворенію вмѣсто нихъ совершенно неопредѣленныхъ отношеній между европейскими державами, и все это безъ всякой основательной надежды для Англій, что вмѣшательствомъ своимъ она принесетъ какую-нибудь пользу политическому устройству италіанскаго полуострова. «Вы хотите покончить, сказалъ онъ, съ устройствомъ, которое дано было Италіи на вѣнскомъ конгрессѣ, вы готовы опереться для того на условія виллафранкскаго мира: но образъ дѣйствій, принимаемый вами, свидѣтельствуетъ о большой слабости и вмѣстѣ съ тѣмъ ведетъ къ великимъ опасностямъ. Какое имѣете вы ручательство, что виллафранкскія прелиминаріи будутъ смягчены подъ вашимъ вліяніемъ въ той степени, что не воспрепятствуютъ исполненію вашихъ плановъ? Вотъ въ чемъ заключается практическая сторона вопроса. Когда соберется конгрессъ, то, по всему вѣроятію, два императора, установившіе между собою эти прелиминаріи, постараются привести ихъ въ исполненіе. Если мы окажемъ имъ въ этомъ наше содѣйствіе, если поможемъ возстановить изгнанныхъ герцоговъ на ихъ престолахъ, если обратимся съ своими совѣтами къ папскому правительству и утвердимъ за святѣйшимъ отцомъ предсѣдательство надъ италіанскимъ союзомъ, то присутствіе наше на конгрессѣ, съ такими политическими намѣреніями и дѣйствіями, не возвыситъ нашей репутаціи и не будетъ соответствовать настоящимъ интересамъ нашей страны. *(Слушайте, слушайте.)* Но предположимъ, что вы будете преслѣдовать свою собственную политику и провозгласите, въ отношеніи къ Италіи, тѣ рѣшительные планы, которые заключались въ первой прокламаціи императора Французовъ: какими обладаете вы средствами, для того, чтобъ осуществить ихъ? Готовы ли вы вступить въ войну, для освобожденія Италіи отъ Альповъ до Адриатическаго моря? А если вы не хотите войны, то что же вы станете дѣлать?» Г. Дизраэли настаивалъ съ особенною силою на томъ, что требованіями своими оппозиція вовсе не хочетъ стѣснить свободу дѣйствій правительства, но желаетъ только предохранить страну отъ такой политики, которая неминуемо должна привести ее къ войнѣ. «Министры могутъ возразить на это, замѣтилъ онъ, что участіе на конгрессѣ совершенно выполняетъ желаніе оппозиціи, ибо указываетъ на намѣреніе ихъ ограничиться только нравственнымъ вмѣшательствомъ. Мой отвѣтъ будетъ таковъ: «Если вы обратитесь къ двумъ державамъ съ дипломатическими совѣтами, когорые послужатъ, въ случаѣ успѣха, къ обезпеченію спокойствія Европы, то, конечно, исполните этимъ только свой долгъ; но если вы вступите въ конгрессъ при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ онъ долженъ собраться вслѣдствіе виллафранкскихъ прелиминаріи или цюрихскаго трактата, то принуждены будете дѣй-

ствовать или играть пассивную роль. Если вы отказываетесь от всякой инициативы и считаете своею обязанностию только поддѣлывать благіе совѣты, то можете сдѣлать это и въ простой депешѣ. Если вы хотите предъявить политику, которую намѣрены въ то время защищать, то подобное вмѣшательство соединено съ огромнымъ рискомъ и можетъ, пожалуй, помечь къ войнѣ, которая неизвѣстно когда окончится.» Оппозиція выразила такимъ образомъ, что, по ея мнѣнію, Англія не можетъ извлечь изъ участія своего на конгрессѣ никакой пользы не только для самой себя, и не для италіанскаго полуострова. Вліяніе ея обнаружится, напротивъ, несравненно болѣе могущественнымъ образомъ, когда она, повидимому, будетъ отклонять отъ себя всякое вмѣшательство въ италіанскія дѣла. «Пусть министры двухъ державъ, установившихъ вилла-ранскіе предиминаріи, замѣтилъ тотъ же самый государственный человѣкъ, соберутся въ Цюрихѣ. Пусть примутся они за устройство своего собственнаго дѣла. Посмотрите тогда на ихъ произведеніе: то будетъ зрѣлище любопытное и вмѣстѣ съ тѣмъ крайне поучительное. И если послѣ того намъ придется вмѣшаться въ это дѣло, то, повѣрьте, чѣмъ болѣе обнаружимъ мы теперь собственнаго достоинства и воздержанія, тѣмъ болѣе большимъ могуществомъ будетъ пользоваться вліяніе наше, когда правители Франціи и Австріи, въ случаѣ неуспѣха своего дать какое-либо прочное устройство Италіи, сдѣлаютъ воззваніе къ намъ, не для того, чтобы выпутать ихъ изъ тѣхъ затрудненій, которыя они сами создали себѣ, но для того, чтобы обезпечить общеевропейскій миръ и общее дѣло цивилизаціи. (Одобрене.)»

Министерство отвѣчало рѣшительно и смѣло. Оно обратилось, во первыхъ, къ упреку, который сдѣланъ былъ ему лордомъ Эльзо, будто оно искажаетъ истинный характеръ нейтралитета, обнаруживая во всемъ, что касается италіанскихъ дѣлъ, явную неприязнь къ Австріи. «Остановимся нѣсколько минутъ на томъ, что подразумѣвается подъ мнимою враждою нашею къ Австріи, замѣтилъ канцлеръ казначейства, г. Гладстонъ. Полагаю, что нѣтъ государственнаго человѣка въ этой странѣ, нѣтъ члена въ этой палатѣ и даже нѣтъ ни одного человѣка въ Англіи, занимавшагося безпристрастно политикою, который былъ бы воодушевленъ безсмысленнымъ чувствомъ вражды къ Австріи. (Слушайте, слушайте.) Безполезно было бы отрицать существованіе подобнаго чувства и у правительства, ибо столь недѣлая мысль не была доказана, какъ мнѣ извѣстно, ни однимъ какимъ бы то ни было фактомъ. Англія сильно заинтересована въ сохраненіи европейскаго равновѣсія, и все, что подрываетъ великія европейскія государства, угрожаетъ миру, и слѣдовательно интересамъ Англіи. Наша обязанность и вмѣстѣ съ тѣмъ наше желаніе видѣть Австрію

сильною, счастливою и процвѣтающею. *(Слушайте, слушайте.)* Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ у насъ не было своего собственнаго понятія о томъ, при какихъ обстоятельствахъ Австрія можетъ наиболѣе полезнымъ образомъ исполнять обязанности, налагаемыя на нее ея положеніемъ въ Европѣ, и въ то же время успѣшнѣе развивать свои частныя и индивидуальныя интересы. *(Слушайте, слушайте.)* По несчастному положенію дѣлъ, всякій разъ, какъ проявлялось, въ теченіи послѣднихъ сорока пяти лѣтъ, стремленіе къ свободѣ въ какомъ-нибудь углу Италіи, всякій разъ какъ пробуждалось тамъ желаніе достигнуть хоть со-той части тѣхъ вольностей, которыя такъ драгоценны Англичанамъ, Австрія немедленно простирала свою желѣзную руку и возстановляла во всей силѣ злоупотребленія прежнихъ правительствъ. *(Громкое одобреніе.)* Къ чему же привела подобная система? Обыкновенно говорятъ, и совершенно справедливо, что провинціи, принадлежащія Австріи, управляются несравненно лучше, чѣмъ остальные области италіянскаго полуострова. Повторяю, нельзя отрицать въ этомъ нѣкоторой правды. Для репутаціи самой Австріи было очень важно, чтобъ административная система ея среди такого умнаго народонаселенія, какъ народонаселеніе Венеціи и Ломбардіи, доведена была до значительнаго превосходства. Но въ то время какъ собственныя ея провинціи находились въ несравненно-лучшемъ положеніи, чѣмъ Неаполь и Папскія Владѣнія, она тяготѣла желѣзнымъ игомъ надъ Папскими Владѣніями и Неаполемъ, не имѣя возможности взятънъ того, даровать имъ тѣ административныя улучшенія, которыя водворяла у себя. Сознаю охотно, что Австріи приходилось бороться съ огромными трудностями, сознаю даже, что ей очень трудно и теперь освободиться отъ тѣхъ отвратительныхъ преданій, которыя завѣщаны ей прежними ея государственными людьми. Но, несмотря на то, наша обязанность рассмотретьъ внимательно, какія наилучшія условія для благосостоянія Италіи, Австріи и Европы на будущее время. Не лучше ли было бы для самой Австріи, не была ли бы она гораздо могущественнѣе, еслибы не обладала италіянскими провинціями? *(Слушайте, слушайте.)* Можно не соглашаться съ этимъ мнѣніемъ, но въ то же время нельзя не признавать его законности. Что касается до меня, я убѣжденъ, что Австрія никогда не успѣетъ безмятежно пользоваться господствомъ своимъ въ Италіи. Я такого мнѣнія, что никогда не освободится она отъ той системы преслѣдованій и всяческихъ стѣсненій, которую должно считать ядомъ столько же для нея самой, сколько и для несчастной этой страны. *(Слушайте, слушайте.)* Несмотря на четырехугольникъ, несмотря на каменные стѣны и мурты, несмотря на штыки и ружья, владычество ея надъ умами и серд-

цами людей въ занимаемыхъ ею итальянскихъ областяхъ постоянно будетъ грозить тревогами. Не надо ли, следовательно, людямъ, которые хотятъ блага Австріи, помышлять о томъ, чтобъ она ограничилась предѣлами, въ которыхъ могла бы пользоваться естественнымъ и благодѣтельнымъ вліяніемъ на остальные народы? (*Одобреніе.*)» Та же самая мысль и въ столь же опредѣленныхъ выраженіяхъ была высказана главою министерства. «Всегда былъ я такого мнѣнія, и держусь его еще теперь, замѣтилъ лордъ Пальмерстонъ, что Австрія была бы несравненно сильнѣе, еслибы не владѣла Италіей. (*Слушайте.*) Провинціи эти—ея Ахиллесова пята; онѣ ничего не прибавляютъ къ ея могуществу, и подвергаютъ ее только нападкамъ; онѣ—причина не только военнаго, но и нравственнаго ея безсилія. Для сохраненія извѣстнаго порядка вещей въ собственныхъ своихъ провинціяхъ, она считаетъ необходимымъ поддерживать порядокъ еще несравненно худшій во всѣхъ прочихъ областяхъ Италіи и такимъ образомъ она отвѣчаетъ, поневолю, за всѣ бѣдствія, отъ которыхъ страдаетъ итальянскій народъ.»

О самомъ предложеніи лорда Эльчо министерство выразило мнѣніе, что адресъ, предложенный лордомъ, имѣетъ цѣлю связать руки исполнительной власти, даже въ томъ случаѣ, еслибы успѣхъ ея на конгрессѣ былъ заранѣе обезпеченъ самымъ положительнымъ образомъ. Правительство еще никому не выражало открыто, приметъ ли оно или нѣтъ участіе въ засѣданіяхъ конгресса; все зависитъ отъ того, будутъ или нѣтъ устранены тѣ затрудненія, которыя оно видитъ теперь на этотъ счетъ; но еслибы затрудненія эти дѣйствительно уладились, то отказъ со стороны правительства обнаружилъ бы въ немъ забвеніе своего долга. Оппозиція утверждаетъ, правда, что единственная цѣль конгресса уладить нѣкоторыя подробности мира между двумя императорами, но это совершенно не вѣрно. Подробности мира должны быть опредѣлены самими воюющими державами, но кромѣ этихъ подробностей существуютъ еще великіе вопросы европейской политики, отъ которыхъ зависитъ будущее благоденствіе Италіи. Какое право имѣетъ Англія отказываться отъ участія въ ихъ обсужденіи, если она получитъ положительное доказательство, что голось ея будетъ пользоваться силою и вліяніемъ? Исторія показываетъ, что таковъ былъ образъ дѣйствій этой страны всякій разъ, какъ заходило дѣло о политическомъ устройствѣ тѣхъ или другихъ европейскихъ государствъ. Такъ поступило министерство лорда Грея въ 1831 году. «Вопросъ касался тогда не всего итальянскаго полуострова, замѣтилъ г. Гладстонъ, а однихъ только Папскихъ Владѣній. Великія европейскія державы соединились для того, чтобы сдѣлать нѣкоторыя представленія римскому пра-

интересу о введении необходимых реформъ. Должна ли была Англія отстраниться отъ содѣйствія этимъ державамъ, на томъ основаніи, что папа вовсе не былъ расположенъ внимать представляемымъ ему совѣтамъ? Еще менѣе основательны, по мнѣнію министерства, увѣренія, будто бы оно готово вмѣшаться въ италіянскія дѣла, не имѣя никакихъ опредѣленныхъ плановъ касательно будущаго устройства полуострова. Дѣло идетъ о томъ, чтобы не допустить насильственнаго возстановленія герцоговъ, упрочить за страну право распоряжаться самой своими собственными дѣлами, отстранить злоупотребленія, которыя признаны теперь всею Европой. Другой знаменитый членъ министерства, лордъ Джонъ Россель, подтвердилъ ту же самую мысль о необходимости обезпечить за народонаселеніемъ герцогствъ право избрать себѣ форму правленія, наиболѣе соответствующую ихъ интересамъ. Я убѣжденъ, замѣтилъ онъ между прочимъ, что если предоставить самимъ Италіянцамъ устройство ихъ политическаго быта (*слушайте*), то раздраженіе и неудовольствіе, господствовавшія на полуостровѣ, совершенно прекратятся, и они успѣютъ водворить у себя хорошія правительства. Что касается до нашего образа дѣйствій среди этихъ обстоятельствъ, то хотя я и отказываюсь отъ непрерывнаго вмѣшательства въ дѣла другихъ государствъ, не могу однако забыть исторію нашей страны. Не могу я оставаться равнодушнымъ къ ея величію или забыть объ ея обязанностяхъ. Не соглашусь я съ новою фантастическою политикою, вслѣдствіе которой странѣ нашей пришлось бы отдѣлиться, какъ было, по мнѣнію нѣкоторыхъ, во времена Римлянъ, отъ цѣлага міра и заниматься только своими внутренними дѣлами. (*Одобреніе.*) Трудно было бы выразить искреннѣе сочувствіе италіянскому народонаселенію, какъ скоро, не полагаясь на соизвѣстную чужеземную помощь, которая служитъ только источникомъ замѣшательства и опасеній для всей Европы, оно само, безъ насильственныхъ, революціонныхъ мѣръ и съ полнымъ соблюденіемъ законности заботится о своемъ политическомъ устройствѣ. Одинъ изъ членовъ министерства, г. Сидни Гербертъ, справедливо замѣтилъ, что событія, происходящія въ Средней Италіи послѣ войны, свидѣтельствуютъ ежедневно о достаточной зрѣлости тамошняго народонаселенія для либеральныхъ политическихъ учреждений. «Легко сказать, что Италія не способна для свободы, сказалъ онъ, но какая же страна способна для нея, прежде чѣмъ она ея не получитъ? (*Одобреніе.*) Легко говорить про широдъ, прежде водворенія въ его средѣ либеральныхъ учреждений, что онъ кровожаденъ, любить только смуты и волненія. Такъ говорилъ, вѣроятно, о насъ самихъ король Іоаннъ Беззе-

мельный. Онъ также, конечно, утверждалъ, что народъ нашъ не способенъ для свободы. Но мы сдѣлали опытъ и въ теченіи цѣлаго ряда столѣтій доказываемъ свою способность къ либеральнымъ учрежденіямъ. И если Италіянцы не способны выносить свободу, то съ другой стороны трудно также утверждать, чтобъ они были способны выносить теперешнюю систему своего управленія. (*Одобреніе.*)» Обращаясь потомъ къ мысли, что утверженіе либеральныхъ учреждений въ Италіи будетъ въ первое время сопровождаться, быть-можетъ, нѣкоторыми смутами и волненіями, г. Сидни Гербертъ не считаетъ этого достаточною причиною для того, чтобъ оставалъ Италіянцевъ косить въ теперешнемъ ихъ несчастномъ положеніи. «Да развѣ не видимъ мы и теперь, воскликнулъ онъ, смуты и волненія на полуостровѣ? Слѣдуетъ ли опасаться тайныхъ обществъ и революціонныхъ трибуналовъ, когда не меньшія бѣдствія и опасности существуютъ тамъ и въ настоящее время? Въ одномъ изъ италіянскихъ государствъ, напримѣръ, конституціонное правительство, незаконно и безъ всякой причины, было отмѣнено только произволомъ короля. (*Одобреніе.*) Въ другомъ, столь же произвольно былъ отмѣненъ *Code Napoléon* произволомъ полиціи. (*Слушайте.*)»

По заключеніи преній, лордъ Эльчо согласился взять обратно предложенный имъ адресъ, не желая подвергнуть его явной неудачѣ, въ случаѣ еслибы палата приступила къ подачѣ голосовъ. Во всякомъ случаѣ и оппозиція и министерство имѣли случай высказать опредѣленно свой образъ мыслей касательно участія Англіи на конгрессѣ: они одинаково согласны въ томъ, что Англія должна отказаться отъ присутствія на немъ, если роль ея ограничится только обсужденіемъ нѣкоторыхъ подробностей мира. «Англія представляетъ въ Европѣ, замѣчаетъ *Times*, свободу мысли, свободу пера и языка. Она должна заботиться объ охранѣ и распространеніи конституціонныхъ формъ и не можетъ, слѣдовательно, присутствовать на конгрессѣ, гдѣ голосъ ея будетъ раздаваться одиноко.» Несогласіе между оппозиціею и министерствомъ состоитъ только въ томъ, что министерство надѣется приступить къ конгрессу, обезпечивши за Англіею успѣхъ и вліяніе ея на немъ къ несомнѣнному благу италіянскаго полуострова, а оппозиція сомнѣвается въ возможности такихъ благопріятныхъ условій. Событія не замедлятъ рѣшиться, которая изъ двухъ партій отличалась большею проницательностію въ этомъ случаѣ.

13-го августа произошло закрытіе настоящей сессіи парламента. Члены палаты общины были приглашены, по обыкновенію, къ барьеру палаты лордовъ, и по прибытіи ихъ, лордъ канцлеръ (лордъ Кампбелль) прочелъ слѣдующую рѣчь:

«Милорды и джентльмены!»

«Мы получили приказаніе ея величества освободить васъ отъ дальнѣйшаго присутствія въ парламентъ, и въ то же время передать вамъ благодарность ея величества за ревность и пржежаніе, съ которыми вы исполняли ваши обязанности въ теченіи оманчивающейся теперь сессіи парламента.

«Различныя обстоятельства, прерывавшія обычный ходъ занятій, воспрепятствовали рѣшенію важныхъ вопросовъ, которыя указаны были ея величествомъ вниманію парламента въ началѣ нынѣшняго года; но ея величество надѣется, что вопросы эти будутъ приняты въ серьезное разсмотрѣніе въ ближайшую эпоху предстоящей сессіи.

«Послѣ того, какъ война, вспыхнувшая на сѣверѣ Италіи, была прекращена виллафранкскимъ миромъ, ея величеству сдѣланы были различныя сообщенія, съ цѣлю увѣрится въ томъ, что если наступать конференціи между великими державами Европы для того, чтобы привести въ порядокъ распоряженія касательно настоящаго и будущаго положенія Италіи, то будетъ ли посланъ уполномоченный ея величества на эти конференціи, но ея величество не получила еще до сихъ поръ необходимыхъ свѣдѣній, которыя дозволили бы ей рѣшить, удобно ли, по ея мнѣнію, принять ей участіе въ подобныхъ переговорахъ.

«Ея величеству было бы пріятно, еслибы она увидѣла себя въ состояніи содѣйствовать установленію распоряженій, способныхъ утвердить общій миръ на основаніяхъ прочныхъ и удовлетворительныхъ.

«Ея величество, согласно съ условіями тиснъ-гзинскаго трактата, поручила уполномоченному своему въ Китаѣ отправиться къ пекинскому двору и надѣется, что эти прямыя сообщенія съ императорскимъ правительствомъ будутъ имѣть благопріятное вліяніе на сношенія двухъ странъ.

«Ея величество приказываетъ намъ увѣдомить васъ, что она взираетъ съ довѣріемъ на сохраненіе дружескихъ отношеній, которыя существуютъ по счастью между ея величествомъ и всѣми иностранными государствами и державами.

«Ея величество считаетъ счастіемъ для себя, что можетъ поздравить васъ съ возстановленіемъ спокойствія въ индійскихъ ея владѣніяхъ. Ревностнымъ усиліемъ ея будетъ содѣйствовать внутреннему ихъ улучшенію и изгладить слѣды той борьбы, на которую ея величество взирала съ глубокимъ огорченіемъ.

«Финансовое устройство этой части имперіи ея величества будетъ привлекать серьезное вниманіе ея величества.

«Ея величество съ большимъ удовольствіемъ даровала свое согласіе проектамъ законовъ, предложеннымъ вами для образованія резервовъ морскихъ и сухопутныхъ силъ. Полная и постоянная система національной обороны должна быть во всякое время предметомъ огромной важности.

«Джентльмены палаты общинъ,

Ея величество приказываетъ намъ передать вамъ ея сердечную благодарность за готовность и ревность, съ которыми вы удовлетворяли необходимымъ потребности публичной службы этого года.

«Милорды и джентльмены,

«Ея величество приказываетъ намъ выразить вамъ искреннюю радость, съ которою она взираетъ на всеобщее благосостояніе и довольство, господствующія въ ея владѣніяхъ. Счастіе народа ея величества—самый дорогой предметъ сердцу ея.

«Удалившись въ ваши графства, вы будете принуждены исполнить тамъ много обязанностей, тѣсно связанныхъ съ достиженіемъ этой великой цѣли, и ея величество ревностно молить о томъ, чтобы благословеніе всемогущаго Бога слѣдовало за вами въ вашихъ трудахъ по исполненію этихъ обязанностей къ общему благу всѣхъ классовъ подданныхъ ея величества.»

За тѣмъ лордъ канцлеръ объявилъ засѣданія парламента отсроченными до 27 октября.

Мы привели существенное содержаніе всѣхъ рѣчей, которыя были произнесены въ англійскомъ парламентѣ по вопросу о вмѣшательствѣ, и которыхъ выводъ, самый общій и безпристрастный, представляетъ намъ королевская рѣчь въ относящейся сюда части ея. Можно, кажется, сказать, что вопросъ этотъ, поскольку онъ касается Англии, разъясненъ вполне, благодаря этимъ преніямъ; по крайней мѣрѣ все, что можетъ быть сдѣлано человѣческими силами, сдѣлано для разъясненія этого вопроса, и осталось въ немъ темнымъ лишь то, что сокрыто отъ человѣка и находится въ волѣ судьбы. Послѣ такой разработки остается дѣйствовать и становится труднымъ ошибиться при дѣйствіи. По нашему мнѣнію, ничто не можетъ такъ способствовать явнѣ Англии пониманію политическихъ вопросовъ, какъ знакомство съ преніями англійскаго парламента, гдѣ политическіе вопросы подвергаются совокупному, всестороннему обсужденію правительствомъ ея величества и оппозиціею ея величества. Нападеніе противниковъ придаетъ энергію правительству, защищающему свой образъ дѣйствій; то или другое начало представляется не въ отвлеченномъ видѣ, а со всею жизненною обстановкою, которая не допускаетъ абсолютнаго рѣшенія, а ведетъ къ практическимъ результатамъ, къ объясненію всѣхъ послѣдствій даннаго начала. Особенно чувствуется необходимость подобной разработки въ отношеніи къ такимъ спорнымъ вопросамъ, какъ вопросъ о вмѣшательствѣ.

Какъ мы сказали выше, благотворныхъ послѣдствій можно ожидать только отъ общеевропейскаго вмѣшательства; для своей дѣйствительности, оно должно быть свободнымъ актомъ государствъ, которыя на конгрессѣ обсуждаютъ вопросъ со всѣхъ сторонъ и соглашаютъ свои интересы съ интересами всей Европы. Для Англии, привыкшей къ безусловной свободѣ преній, кажется

непонятнымъ всякое напередъ заданное рѣшеніе; эта же свобода должна руководить и всѣми европейскими государствами въ ихъ совѣщаніяхъ на конгрессахъ. Что нужды, если мнѣніе какой-либо изъ державъ, оставшихся во время войны нейтральными, и не будетъ принято? уже одно заявленіе добраго мнѣнія не останется безплоднымъ, а послужитъ зерномъ новаго развитія. Мы видѣли примѣръ этого въ парижскомъ конгрессѣ 1856 года; много было высказано на немъ такихъ желаній, которыя не осуществились тотчасъ же; но они послужили исходомъ для будущаго. Въ сферѣ международныхъ отношеній всегда останется много нерѣшенныхъ вопросовъ, но чѣмъ чаще будутъ разсуждать о нихъ, чѣмъ болѣе станутъ разсматривать ихъ съ разныхъ сторонъ и призывать къ тому общественное мнѣніе, тѣмъ скорѣе можно отстранить вредныя послѣдствія запутанности и неизвѣстности. Этимъ путемъ вырабатывались всѣ политическія начала. Положимъ, что все, сказанное англійскимъ министерствомъ въ парламентѣ, повторится англійскими уполномоченными на конгрессѣ; даже въ томъ случаѣ если они не будутъ поддержаны уполномоченными другихъ державъ, все-таки ихъ слова будутъ имѣть свой вѣсъ для будущаго Италіи.

Но, въ то время, какъ Франція дружелюбно приглашаетъ Англію на конференціи, Англичане тревожно смотрятъ на французскія вооруженія и опасаются, чтобъ они не имѣли цѣли, враждебной для Англій. Вопросъ о довѣрїи къ императору Французовъ сдѣлался государственнымъ или министерскимъ вопросомъ въ парламентѣ. Оппозиція требуетъ, чтобы нынѣшніе министры убѣдили императора уменьшить свои вооруженія; министерство старается увѣрить, что императоръ прекрасно расположенъ къ Англій, а между тѣмъ само принимаетъ мѣры обороны; манчестерская партія обвиняетъ и министерство и императора въ бесполезной тратѣ огромныхъ суммъ на войско и флотъ; наконецъ журналы, выражая общественное мнѣніе страны, стараются доказать необходимость принять неотлагательныя мѣры для безопасности Англій. На нихъ-то посыпались обвинения со стороны людей, полагающихъ, что въ настоящее время нужно болѣе заботиться о томъ, чтобы тушить огонь и заглушать несогласія между Франціей и Англійей, нежели о томъ, чтобы разъяснять дѣло и указывать на причины возможныхъ несогласій.

Times вступился за права свободной печати, и въ нѣсколькихъ статьяхъ высказалъ отношеніе англійской журналистики къ императору Французовъ и къ правительственной партіи въ Англій. Въ этихъ статьяхъ, *Times* даетъ объясненія по поводу тѣхъ нападокъ, которыя были сдѣланы на него въ парламентѣ г. Брайтомъ и лордами Пальмерстономъ и Росселемъ; съ другой сто-

фоны въ нихъ очень мѣтко изображены теперешнія отношенія Англіи къ Франціи. Поэтому мы считаемъ нужнымъ привести по возможности полно слова англійскаго журнала.

« Ни одинъ изъ нашихъ государственныхъ людей, сказано здѣсь, не откажется сознаться въ преданности своей ученію о свободѣ печати—«этомъ палладіумѣ нашихъ политическихъ правъ», «опорѣ нашей конституціи», «могучемъ средствѣ распространять въ народѣ тѣ свѣдѣнія, то образованіе, которыя позволяютъ ему судить о всѣхъ предметахъ съ ясностію, безпристрастіемъ, умѣренностію, и такимъ образомъ предохраняя его отъ невѣжества и крайностей, непрерывно поддерживаютъ его вліаніе.» Кому не приходилось говорить подобныя рѣчи? Но осмысливаемся спросить, кто дѣйствительно и откровенно убѣжденъ въ ихъ истинѣ? Думаемъ, что нѣтъ такого Англичанина, который, увидѣвши въ салонѣ французскаго или германскаго заведенія для минеральныхъ водъ газету на природномъ своемъ языкѣ, не почувствовалъ бы нѣкоторой гордости; но въ то же самое время, вѣроятно, немногіе изъ Англичанъ отыскивали и уясняли себѣ настоящія причины, отъ которыхъ зависитъ несомнѣнное превосходство нашей журналистики. Англійская печать выше всей остальной европейской печати, потому что она свободна,—свободна въ самомъ полномъ и широкомъ значеніи этого слова; она свободна писать не одно только то, что можетъ быть пріятно правительственнымъ лицамъ, что льститъ минутному настроенію общества, что можетъ облегчить образъ дѣйствій того или другаго министерства, но свободна смѣло высказывать все то, чего по большей части не выскажутъ правительственныя лица, чего не видитъ масса публики, и что вовсе хотѣли бы скрыть отъ нея повелители народовъ,—то-есть, простую и голую истину.» *Times* имѣетъ въ виду при этихъ словахъ такъ-называемыя независимыя органы англійской печати, во главѣ которыхъ стоитъ сама эта газета, занявшая положеніе совершенно внѣ политическихъ партій и вслѣдствіе того пріобрѣтшая то огромное вліаніе, которымъ она пользуется. Между тѣмъ какъ вигскія, торійскія или радикальныя газеты принуждены защищать каждая свою партію и ея признанныхъ вождей, газета *Times*, не заручившаяся ни одной партіи, можетъ смотрѣть на всякій вопросъ независимо и склоняться то къ одной, то къ другой партіи, смотря по свойству дѣла и ходу обстоятельствъ. Это даетъ газетѣ *Times* огромную силу. Стоя внѣ партій, она стоитъ выше ихъ и не рѣдко командуетъ ими. Въ ея голосѣ слышится голосъ большинства націй, общее мнѣніе всей Англіи, то мнѣніе, которому въ послѣднемъ результатѣ подчиняется и парламентъ и правительство, и которое такъ тяжело вѣсится въ дѣлахъ Европы. *Times* намеряетъ

на это независимое положеніе свое между политическими партиями и защищаетъ отъ ихъ нетерпимости свободу независимой печати. «Едва ли, говоритъ *Times*, въ наше время найдется одинъ государственный человѣкъ, который успѣлъ составить себѣ надлежащее, основательное понятіе о свободной печати. Едва ли можетъ хотя одинъ изъ государственныхъ людей возвыситься надъ тою мыслию, что печать должна быть только выраженіемъ образа мыслей известной партіи или известнаго круга людей, и признаеть за нею право налагать свои собственные понятія и дѣлать свои собственные приговоры. Тщетно болѣзненные отпрыски періодической литературы, вышедшіе на свѣтъ Божій для служенія не всей публикѣ, а только интересамъ какого-либо лица или партіи, вымираютъ одинъ за другимъ. Опытъ этотъ нисколько не разрушаетъ прежнихъ заблужденій. Нечего удивляться послѣ того, что люди, столь же неспособные понять неограниченную и самостоятельную свободу печати, какъ слѣпой не можетъ оцѣнить переливы свѣта, считаютъ своею обязанностью отъ времени до времени читать ей нравоученія и серьезно вѣруютъ въ превосходство своей мудрости, упрекая журналы за обнаруженіе истинъ, которыхъ имъ не хотѣлось бы слышать. Это недовѣріе и ненависть къ свободной печати не составляютъ принадлежности какой-либо одной партіи, напротивъ, они раздѣляются даже людьми самыхъ либеральныхъ убѣжденій. Вогъ, на примѣръ, г. Брайтъ! Вѣтъ извѣстно, что онъ имѣетъ свои особенныя понятія о мирѣ и войнѣ, вслѣдствіе которыхъ здравая истина бываетъ ему иногда крайне непріятна. Онъ до того пристрастенъ къ миру, что не можетъ спокойно сносить, когда кто-нибудь выражаетъ малѣйшее сомнѣніе въ его сохраненіи. Для людей, привыкшихъ думать и писать безъ всякихъ предрасудковъ, лучшимъ средствомъ поддержать миръ кажется точное и откровенное обнаруженіе истины, такъ чтобы нація могла сама судить о настоящей его прочности, не предаваясь ни чрезмѣрному довѣрію, ни безрассудному паническому страху. Такими соображеніями руководствовались мы въ отношеніи къ Франціи. Безъ малѣйшей вражды, съ полнымъ доброжелательствомъ къ доблестнымъ нашимъ соотчуждамъ, но въ то же самое время, думаемъ мы, съ должнымъ пониманіемъ того правительства, которое у нихъ господствуетъ, мы осмѣливались только замѣчать, что имперія—вовсе не въ такой степени миръ, какъ хотѣлъ бы увѣрить насъ императоръ. Мы напоминали, что со времени окончанія крымской войны Франція постоянно соглашалась съ Россіею противъ насъ, и что политика ея въ отношеніи къ Италіи постоянно противорѣчила желаніямъ англійскаго народа. Отъ времени до времени приходилось намъ также указывать на то, въ какой степени увеличила Франція

своей «лотъ», и какъ увеличеніе это требуетъ точно такія же усилий и съ нашей стороны. Вѣрные призванію своему беспристрастныхъ глашатаевъ истины, не могли не замѣтить мы, какъ мало соответствуетъ недавно заключенный трактатъ требованіямъ Италіянцевъ и тѣмъ предлогамъ, подъ которыми начата была война. Никто не отрицаетъ серіозно этихъ фактовъ, но тѣмъ, которые стараются увѣрить себя, что вѣчный миръ не только желателенъ, но весьма возможенъ, было бы пріятно не обращать на нихъ вниманія. Г. Брайтъ сильно гнѣвается на насъ за то, что мы не опровергли этихъ фактовъ и не замѣнили ихъ мечтами о взаимномъ обезоруженіи и о трактатахъ для непрерывной торговли. Ни одна страна не убѣждена болѣе Англіи въ томъ, что торговля—болѣе вѣрный путь къ благосостоянію, къ могуществу и величію, чѣмъ самыя блестящія побѣды; но хотя истина эта хорошо извѣстна королямъ и императорамъ, однако рѣдко хотѣли или умѣли они оцѣнить ее. Рѣдко довольствуются они тѣмъ, чтобы положить основы процвѣтанію страны и предоставить будущимъ вѣкамъ благословить ихъ память. Они требуютъ немедленной расплаты за свою дѣятельность, чего-нибудь такого, о чемъ могутъ тотчасъ же толковать ихъ панегиристы и говорить имъ поздравительныя рѣчи придворные ихъ риторы. Пусть Франція приступитъ къ обезоруженію, и съ какою радостью, съ какою ревностью не только мы послѣдуемъ ея примѣру, но даже превзойдемъ ее въ этомъ отношеніи! Но до тѣхъ поръ, пока Италія не перестанетъ страдать то отъ революцій, то отъ вооруженнаго вмѣшательства, пока окончаніе одной войны будетъ сопровождаться словами, возвѣщающими начало другой, г. Брайтъ можетъ, если угодно ему, воспѣвать прелести коммерческихъ трактатовъ и трактатовъ для обезоруженія, мы не послѣдуемъ его примѣру, ибо привыкли разсуждать на основаніи положительныхъ фактовъ, а не на основаніи произвольныхъ мечтаній.

«Лордъ Джонъ Россель не менѣе гнѣвается на свободную печать. Онъ — одинъ изъ предводителей министерства, хвастающагося приготовляемыми имъ вооруженіями для защиты страны, а все-таки не можетъ понять, зачѣмъ совѣтуемъ мы націи вооружаться. Скажемъ же ему откровенно, зачѣмъ. Затѣмъ, что мы знаемъ настоящую цѣну такимъ государственнымъ людямъ, какъ онъ; за тѣмъ, что, сознавая даже опасность, люди эти все-таки не приготовить страну къ оборонѣ, если не побудитъ ихъ къ тому общественное мнѣніе, которому они не въ состояніи сопротивляться. Они, пожалуй, отвѣтятъ намъ, что не имѣютъ никакого страха, никакихъ опасеній; они стануть дѣйствовать, какъ если бы самое вѣрное средство избѣгнуть опасности состояло въ томъ, чтобы никогда не говорить о ней, и дѣйствія ихъ, вмѣсто

того, чтобы быть въ совершенномъ противорѣчїи съ ихъ словами, какъ видимъ это теперь, совершенно согласовались бы съ ними. Въ настоящее же время лордъ Джонъ Россель и его товарищи толкуютъ о мирѣ, а готовятъ къ войнѣ. Еслибы и мы заговорили ихъ тономъ, никогда не приняли бы они своихъ теперешнихъ рѣшеній. Но предостереженіе, съ которымъ обратился лордъ Джонъ Россель къ печати, касается только нѣкоторыхъ пунктовъ. Онъ готовъ предоставить намъ полную свободу разсуждать объ Австріи или второстепенныхъ италіанскихъ государствахъ, но мы воздерживаемся отъ этихъ разсужденій, ибо они не могутъ принести пользы, и не могутъ отвратить существующаго зла. Лордъ Джонъ Россель хотѣлъ бы наложить на насъ молчаніе только въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло угрожаетъ серіозною опасностью. Недавно выдержали мы нападеніе отъ лорда Пальмерстона, который былъ скандализованъ враждебнымъ, какъ выразился онъ, тономъ, принятымъ нами въ отношеніи къ Франціи. Ну, а самъ лордъ Пальмерстонъ не обнаруживалъ, вѣроятно, никакой неприязни къ другой союзницѣ нашей, Австріи, когда громко выражалъ надежду, что она будетъ вытѣснена изъ Италіи? По рѣчамъ, произнесеннымъ имъ тогда, мы можемъ сами судить очень хорошо о томъ, что, по мнѣнію нашего цензора, можно, и чего нельзя говорить. По многимъ причинамъ, для перваго министра, точно такъ же какъ для г. Брайта выгодно, чтобы не проливалось слишкомъ много свѣта на современное положеніе Франціи. Лордъ Пальмерстонъ утверждаетъ, что война, окончившаяся столь неожиданнымъ образомъ, начата была не императоромъ; онъ желалъ ей полнаго успѣха, точно такъ же какъ теперь желаетъ явиться на конгрессъ, чтобы избавить императора Наполеона отъ безчисленныхъ затрудненій и опасностей, возбужденныхъ недавно войной, начатою и конечною вопреки просвѣщенному мнѣнію Англїи и Германіи. Онъ можетъ преслѣдовать свои цѣли, но пусть не надеется, чтобы мы содѣйствовали ему умышленнымъ извращеніемъ фактовъ, или что нація, принудившая его когда-то отказаться отъ должности за излишнюю податливость желаніямъ императора Наполеона, дозволитъ ему теперь облегчить исполненіе виллафранкскаго трактата или доставитъ лорду Джону Росселю въ качествѣ нашего уполномоченнаго возможность повторить въ Цюрихѣ тѣ же самыя причуды, которыми онъ отличился въ Вѣнѣ.»

Въ другомъ мѣстѣ *Times* говорить слѣдующее: «Наше призваніе, самое существованіе наше состоятъ въ томъ, чтобы говорить свободно и открыто о политическихъ людяхъ и дѣлахъ. Какъ скоро мы перестанемъ слѣдовать этому призванію, насъ вовсе не будетъ на свѣтѣ. Еслибы мы сказали, что не можемъ

себѣ представить газету, избѣгающую всякаго собственнаго сужденія, то сказали бы неправду, ибо передъ нами лежатъ многіе иностранные журналы, показывающіе, до какой степени безличности могли бы мы дойти. Но наша печать свободна, и въ этомъ отношеніи мы также мало похожи на континентальную журналистику, какъ живой человекъ мало похожъ на скелетъ или лѣсъ на корабельную вервь. Можетъ-быть придетъ день, когда г. Брайтъ, окруженный острвами лондонской періодической литературы, появляющейся на свѣтъ не иначе какъ подъ условіемъ императорскаго *imprimatur*, съ обичною своею энергіей и свободою будетъ нападать на великобританскій дворъ и на наши старинныя государственныя корпораціи. Не встрѣтитъ онъ тогда передъ собою никого, кто могъ бы смутить его своимъ гнѣвомъ, и понравится, конечно, тѣмъ, кого онъ пожелаетъ расположить въ свою пользу. Но нравственное зрѣлище политической жизни будетъ принадлежать уже временамъ прошедшимъ, въ настоящемъ будетъ господствовать только обманъ. Несчастный журналистъ, провинившійся какии-либо мнѣніемъ, тотчасъ же подвергнется приговору лицепріятнаго судьи, который готовъ будетъ приписать самыя дурныя умыслы соотечественнику своему Англичанину и умыслы самыя благородныя чужеземнымъ деспотамъ. Цензура, какъ случается обыкновенно, изберетъ предметомъ своихъ неистовствъ людей слабыхъ и честныхъ, и когда императоры съ лѣгіонами своими будутъ исполнять свое дѣло, то туча негодованія разразится надъ головою какого-нибудь бѣднаго моралиста, который дерзнетъ повторить старыя избитыя истины о томъ какъ вредны и разорительны войны.

«Если бы мы говорили неправду — другое дѣло, но если вся вина наша состоитъ только въ томъ, что словами своими мы оскорбили чувства какого-нибудь императора и его солдатъ, то мы попросимъ позволенія защищаться сами. Мы существовали прежде Наполеона III и даже прежде Наполеона I. Мы — такое же существенное учрежденіе въ нашей странѣ, какъ они въ своей. Мы нисколько не измѣнились не только съ тѣхъ поръ, какъ Людовикъ-Наполеонъ жилъ въ С.-Джемсѣ, но и съ тѣхъ поръ какъ дядя его былъ еще подпоручикомъ артиллеріи. Мы существовали прежде, чѣмъ родились лордъ Джонъ Россель и г. Брайтъ. Эра, произведшая революцію во Францію, одарила Англію свободою печати. Печать эта сохранила свободу страны, дѣйствуя совершенно самостоятельно и говоря всѣмъ и обо всѣмъ правду, по мѣрѣ своихъ силъ и способностей. Никто не можетъ унизить заслугу ея, — какъ главной опоры и органа свободнаго законодательства и публичнаго судопроизводства. Она — одна изъ главныхъ силъ нашей страны, наслѣдіе нашихъ отцовъ, которое мы обязаны передать своимъ дѣтямъ. Императоръ Французовъ не могъ

ее передъ своими глазами, какъ одно изъ великихъ учрежденій европейской политики, прежде чѣмъ онъ хоть разъ выстрѣлилъ изъ ружья, сказалъ рѣчь или потребовалъ подачи голоса въ свою пользу. Слова наши, конечно, не лишили императора Французовъ его силы ни для добра, ни для зла. Онъ по прежнему въ состояніи начать страшную войну и заключить великодушный миръ. Онъ можетъ по прежнему наказывать, потомъ расположить въ свою пользу могущественнаго сосѣда и тотчасъ послѣ этого угрожать другому. Мы позволимъ себѣ при этомъ выразить личное свое мнѣніе, что Наполеонъ III — человѣкъ необыкновенно твердаго образа мыслей и постоянныхъ чувствованій. Таково мнѣніе его друзей, и самъ онъ любилъ хвалиться этимъ до сихъ поръ. Но г. Брайтъ убѣжденъ, что императоръ Французовъ столь же раздражителенъ, какъ онъ самъ, и что мы, случайною критикою его поступковъ, отдалили отъ насъ его дружбу и подвергнули опасности нашъ союзъ съ нимъ. Мы увѣрены, что это — игра воображенія, не основанная на изученіи фактовъ, и думаемъ, что подобное мнѣніе объ императорѣ Наполеонѣ несравненно хуже, чѣмъ наше собственное.

Г. Брайтъ избралъ себѣ кліента, который мало заботится о своемъ адвокатѣ. Императоръ хорошо знаетъ нашу страну, и не можетъ не цѣнить той любви къ правдѣ и той свободѣ рѣчи, которыхъ нельзя найти нигдѣ въ другомъ мѣстѣ. Въ доказательство этого мы можемъ привести недавній и весьма осязательный примѣръ. Будучи несравненно благоразумнѣе окружающихъ его лицъ, онъ увидѣлъ, какой великій интересъ для него самого, для его арміи и цѣлой Франціи, заключается въ составленіи точной и безпристрастной исторіи войны. Онъ допустилъ поэтому присутствіе нашего корреспондента во французской арміи. Франція должна благодарить императора за то, что свѣдущій воинъ описалъ міру лучшіе подвиги ея войска, безстрастное мужество и воинскіе таланты Наполеона III. Французскіе корреспонденты, отправленные для изображенія войны, не достигли далѣе Алессандріи, а представитель нашего журнала присутствовалъ при Монтебелло, при Палестро, въ кровавыхъ битвахъ при Маджентѣ и Маленьяно и при ожесточенной борьбѣ на поляхъ Сольферино. Франція знаетъ о своихъ собственныхъ побѣдахъ черезъ посредство нашего журнала, который хотѣлъ представить ей какъ злѣйшаго ея врага. Но въ чемъ же выразилась эта мнимая вражда? Мы держались за миръ до тѣхъ поръ, пока миръ былъ возможенъ. Мы желали, чтобъ Австрія, тѣмъ или другимъ путемъ, покинула страну, откуда сыпались на нее проклятія, и гдѣ она запятнала свое имя; но мы не могли на себя принять строгой отвѣтственности обнаженія меча за свободу Ита-

ли. Императоръ провозгласилъ, что «Италія должна быть свободна отъ Альповъ до Адриатическаго моря», и послѣ быстрыхъ успѣховъ, не посоветовавшись даже съ своимъ союзникомъ въ ближайшей палаткѣ, заключилъ внезапный миръ, по которому Австрія сохраняетъ свое преобладаніе на полуостровѣ. Не знаемъ, что побудило его къ этому, но помнимъ хорошо, что было говорено имъ самимъ мѣсяць тому назадъ. Наравнѣ съ Италіей, французскою арміею и самою Франціей раздѣляемъ мы сожалѣніе о томъ, что потративши такъ много крови и денегъ, онъ не даровалъ Италіянцамъ свободы. Онъ самъ это чувствуетъ и каждый день считаетъ нужнымъ объяснять и оправдывать свой образъ дѣйствій. Можно ли думать послѣ этого, что императоръ негодуетъ на нашу критику? И почему сталъ бы онъ негодовать на нее? Наполеонъ III, одинъ изъ передовыхъ людей своего вѣка, самый видный актеръ на подмосткахъ міра. Онъ любитъ конечно похвалу; но умѣетъ также ужиться съ порицаніями. Онъ не любитъ только оставаться незамѣченнымъ, а это именно и желаютъ навлечь на него наши парламентскіе цензоры. Онъ могъ бы, еслибы захотѣлъ того, вовсе не допускать *The Times* во Францію, и чиновники его часто прибѣгаютъ къ этому, но онъ самъ отмѣняетъ ихъ распоряженія. Онъ знаетъ лучше офиціальныя своихъ служителей, что мы — друзья обѣихъ націй. Мы оплакиваемъ наши собственныя чрезмѣрныя вооруженія, которыя ничего не значатъ въ сравненіи съ французскими, — совершенно ничтожными, по мнѣнію императора. Мы терпимъ отъ этого и пользуемся языкомъ и перомъ для выраженія жалобъ нашихъ на бремя, одинаково тяготящее какъ надъ Франціей, такъ и надъ Англіей.

• Любопытно, что въ то самое время какъ наши государственные люди обращаются съ строгими укорами къ англійской печати, за то, что она слишкомъ смѣло выражается объ императорѣ Французовъ и его политикѣ, *Journal des Débats* нападаетъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ на этихъ самыхъ государственныхъ людей, за возбуждаемую будто бы ими въ нашей странѣ ненависть къ Франціи. Но, говоря по правдѣ, ненависти этой вовсе не существуетъ. Мы желаемъ жить въ добромъ согласіи съ Франціей, ибо въ союзѣ двухъ державъ видимъ вѣрнѣйшую гарантію для сохраненія мира въ Европѣ, а съ общимъ миромъ связаны всѣ самые жизненные наши интересы. Если мы приводимъ флотъ и армію нашу въ такое положеніе, которое способствовало бы намъ отразить всякое нечаянное нападеніе, то мы помогаемъ этимъ только императору Французовъ отдѣлаться отъ совѣтовъ тѣхъ неразлучныхъ лицъ, которые вѣчно готовы прославлять нападеніе на Англію, какъ подвигъ самой мудрой французской политики.

Г. Брайтъ, лордъ Джонъ Россель, и лордъ Пальмерстонъ представили въ палатѣ общинъ торжественный протестъ по этому поводу. Г. Брайтъ такого мнѣнія, что мы достигли, наконецъ, золотого вѣка, когда націи всего свѣта убѣдились такъ глубоко въ грѣховности и безразсудности войны, что нужно только немного умѣренности со стороны печати для сохраненія вѣчнаго мира. Мы вспоминаемъ при этомъ о Прутѣ, Минчю, Инкерманѣ и Сольферино, и вовсе не такъ убѣждены, какъ желали бы того, въ истинѣ упомянутого нами мнѣнія. Г. Брайтъ ворковалъ на эту тему въ теченіи цѣлыхъ десяти лѣтъ, но мы вовсе не видимъ, чтобы предсказанія его оправдались событіями. Еще менѣе думаемъ мы, чтобы статьи или фразы какихъ-либо англійскихъ журналовъ произвели двѣ послѣднія, разорительныя войны. Крымская война 1854 и италіанская 1859 годовъ произошла бы точно такъ же, еслибы г. Лагероньеръ водворился у насъ съ неограниченною властью надъ англійскою печатью. Развѣ это не справедливо? Мы предлагаемъ г. Брайту, въ тѣ минуты, когда спитъ въ немъ ораторское вдохновеніе и онъ сходитъ съ своего треножника, отвѣчать спокойно на этотъ вопросъ. За г. Брайтомъ слѣдовалъ лордъ Джонъ Россель. Обзорѣвая прошедшія войны, онъ приходитъ къ тому заключенію, «что онѣ были произведены не столько спорами за территорію, сколько возбужденіемъ враждебныхъ страстей, которыя, оскорбляя гордость, свойственную всякой великой націи, производятъ войну изъ всякаго спорнаго вопроса, хотя въ сущности легко было бы уладить его въ теченіи двухъ или трехъ недѣль дипломатической корреспонденціи.» Лордъ Джонъ выразилъ, такимъ образомъ, свое согласіе съ мнѣніемъ г. Брайта. Но предположивши даже, что мнѣніе это справедливо, кѣмъ же были произведены всѣ войны отъ 1100 до Р. Х. и до 1800 по Р. Х? Конечно, не журналами, ибо за исключеніемъ памфлетистовъ времени королевы Анны и первыхъ Георговъ, мы не помнимъ о яростныхъ воззваніяхъ къ войнѣ въ періодической литературѣ до самаго начала теперешняго столѣтія. Печать (какъ мы понимаемъ это слово теперь) почти не существовала въ то время, а земля, несмотря на то, утучнялась кровью храбрыхъ и благородныхъ поколѣній, слѣдовавшихъ одно за другимъ. Кого же должно винить въ томъ? Лордъ Джонъ Россель винитъ печать, а мы винимъ императоровъ, королей, государственныхъ людей, дипломатовъ,—то-есть, истинныхъ прототиповъ лорда Джона! Вспомнимъ опять таки о великихъ европейскихъ войнахъ отъ самаго аміенскаго мира до 1815 года. Будетъ ли въ настоящее время сколько-нибудь разсудительный и образованный человекъ отрицать, что войны эти были произведены не какою другою причиною, какъ только честолюбіемъ перваго Бонапарта? Конечно,

когда ему нѣтъ былъ предлогъ, онъ обращался съ укорами къ англійскимъ журналамъ, а самъ между тѣмъ приготавливалъ свои силы для новаго покушенія на свободу и независимость Европы. Честолюбіе завоевателя, а не безразсудность публициста вызвала все эти бѣдствія, и теперь повторяется то же самое, что происходило тогда. Если императоръ Лудовикъ-Наполеонъ уже достаточно обогрѣлъ землю человѣческой кровью, вину этого не должно, слѣдовательно, сваливать на литеры наборщика. Ужъ не австрійская ли журналистика—бѣдная, пригнѣтенная и связанная полицейскими предписаніями—накликала недавно 200.000 французскихъ воиновъ на поля Ломбардіи?

Чего же требуетъ отъ насъ лордъ Джонъ? Должны ли англійскіе журналы отказаться отъ разсужденія о событіяхъ существенной важности для интересовъ человѣчества, и которыя касаются онымъ близкимъ образомъ интересовъ нашей страны? Словомъ, выиграемъ ли мы болѣе ложью и молчаніемъ, чѣмъ открытою и свободною рѣчью? Нѣтъ сомнѣнія, что смѣло высказанная правда влечетъ за собою нѣкоторыя неудобства, но въ сравненіи съ тѣми благодѣяніями, которыя происходятъ отъ укоренившейся у насъ привычки выражать безъ утайки свое мнѣніе, они становятся совершенно ничтожными. Станетъ ли утверждать лордъ Джонъ Россель, что императоръ Наполеонъ воздержится отъ всякаго воинственнаго предпріятія противъ нашей страны, если англійская печать падетъ ницъ передъ его стопами? Подобное униженіе съ ея стороны обнаружило бы только ея безсиліе, и вовсе не остановило бы занесеннаго удара. Съ полнымъ безвирстрастіемъ повторяемъ, поэтому, что страшныя военныя силы Франціи посреди мирной Европы побуждаютъ публицистовъ нашей страны излагать смѣло и открыто свои мысли для поученія и предостереженія своихъ соотечественниковъ. •

Энергическое слово въ самомъ дѣлѣ подѣйствовало. Чтобъ успокоить то раздраженіе, которое возбуждали въ Англійи французскія вооруженія, императоръ Наполеонъ не только поставилъ армию на мирную ногу, но также сталъ разоружать корабли. Это, впрочемъ, не остановитъ дѣйствій комиссіи, которая назначена англійскимъ правительствомъ для изысканія средствъ обороны Англійи. Рѣчь, произнесенная императоромъ 15-го августа на банкетѣ въ Луврѣ, не разувѣряетъ друзей мира. Обиліе матеріаловъ заставляетъ насъ отложить нашъ отчетъ о ней, равно какъ о положеніи Германіи до слѣдующей книжки. Мы прибавимъ здѣсь только нѣсколько подробностей, касающихся Италіи.

Новое министерство, образовавшееся въ Піемонтѣ, извѣстно теперь въ полномъ своемъ составѣ. Мы имѣли уже случай сообщить нашимъ читателямъ нѣсколько свѣдѣній объ образѣ мыслей

и прошлой деятельности г. Ратацци, которому поручено было составить кабинетъ. Мѣсто президента совета занимаетъ въ немъ, какъ мы сказали, генералъ Ламармора, постоянный и ревностный приверженецъ графа Кавура. Кроме этихъ двухъ государственныхъ людей, приобрѣвшихъ уже себѣ нѣкоторую репутацію въ послѣдніа десять лѣтъ, главныя должности въ новомъ управленіи розданы слѣдующимъ лицамъ: г. Дабормида получилъ портфель иностранныхъ дѣлъ, г. Ойтана (Oytana) — финансовъ, графъ Казатти — народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, маркизъ Монтичелли — публичныхъ работъ, г. Мильетти — юстиціи. За исключеніемъ генерала Дабормиды и графа Казатти, все названныя нами лица почти вовсе неизвѣстны въ политическомъ мірѣ. Г. Ойтана занималъ при графѣ Кавурѣ скромное мѣсто генеральнаго секретаря въ министерствѣ финансовъ и, не обладая большими талантами, очень близко знакомъ, какъ говорить, со всеми подробностями ввѣренной ему отрасли управленія. О г. Мильетти извѣстно только, что онъ хорошій адвокатъ, а о маркизѣ Монтичелли неизвѣстно даже и этого: онъ — Генузецъ по происхожденію, еще очень молодъ, но люди, которые близко его знаютъ, ожидаютъ очень многого отъ его талантовъ и пророчатъ ему весьма блестящую политическую карьеру. Оба названныя нами министра находятся въ тѣсной дружбѣ съ г. Ратацци и раздѣляютъ, кажется, его образъ мыслей, еклоняющійся къ радикализму. Что же касается до гг. Дабормиды и Казатти, названныхъ нами выше, то имена ихъ извѣстны всякому, слѣдившему за событиями въ Пьемонтѣ послѣ 1848 года: первый изъ нихъ, человекъ умѣренныхъ, либеральныхъ убѣжденій, подписалъ въ 1849 году, при министерствѣ г. Массимо д'Азельйо, извѣстный миланскій миръ между Пьемонтомъ и Австріей. Вскорѣ послѣ этого, когда во главѣ управленія сталъ графъ Кавуръ, онъ получилъ портфель министра иностранныхъ дѣлъ, который онъ сохранялъ до самаго 1855 года. Въ это время, какъ извѣстно, образовался союзъ между Пьемонтомъ и западными державами противъ Россіи: генералъ Дабормида энергически противился этому союзу, и увидѣвъ, что оппозиція его не имѣетъ успѣха, поспѣшилъ выйти въ отставку. По окончаніи крымской войны, онъ былъ отправленъ чрезвычайнымъ посланникомъ къ с.-петербургскому двору, для возобновленія дружескихъ сношеній между двумя государствами. Г. Дабормида никогда не скрывалъ своей антипатіи къ Австріи, и дипломатическія ноты его къ вѣнскому двору по поводу сквестра, наложеннаго на имущество сардинскихъ подданныхъ въ Ломбардіи, памятнымъ еще до сихъ поръ своимъ раздражительнымъ и надменнымъ тономъ. Что касается до графа Казатти, то въ послѣдніа десять лѣтъ онъ жилъ въ совершеннѣй-

ломъ удалости отъ государственныхъ дѣлъ, но въ 1848 и 1849 годахъ роль его принадлежала къ числу самыхъ блестящихъ въ политическомъ мѣрѣ. Графъ Казатти—уроженецъ Ломбардіи: когда въ Миланѣ вспыхнуло возмущеніе, вередъ которымъ Радецкій поспѣшилъ вывести свои войска, онъ избранъ былъ главою временнаго правительства, утвердившагося въ этомъ городѣ. Все усилія его клонились къ тому, чтобы достигнуть соединенія между Пиемонтомъ и Ломбардіей и уничтожить ту мѣстную, муниципальную вражду, которая съ давнихъ поръ существуетъ между Миланомъ и Туриномъ: извѣстно, что задача эта не могла быть выполнена вслѣдствіе противодѣйствія крайней республиканской партіи, во главѣ которой находился тогда г. Маццини. Одно время счастье улыбнулось, казалось, Карлу-Альберту, и Пиемонтъ и Ломбардія соединились подъ его скипетромъ: король поручилъ тогда графу Казатти довершить это соединеніе, составивши министерство, въ которомъ та и другая страна имѣли бы своихъ представителей. Министерство это существовало не болѣе двухъ недѣль и рушилось тотчасъ же послѣ пораженія пиемонтскихъ войскъ на поляхъ Кустоццы. Графъ Казатти, замѣтили мы выше, совершенно отказался послѣ этого отъ политической дѣятельности, но недавнія событія снова пробудили въ немъ желаніе быть полезнымъ отечеству. Онъ былъ уже слишкомъ старъ и не могъ принять участіе въ войнѣ: онъ посвятилъ себя, наряду съ сестрами милосердія, попеченію раненыхъ въ Ассандрінѣ. Г. Ратацци употребилъ все усилія, чтобы побудить его вступить въ свое министерство, и это весьма помятно: никакая мѣра не могла быть пріятнѣе для Ломбардіи, гдѣ графъ Казатти пользуется давнишнею, широкою популярностію.

Тотчасъ же послѣ образованія новаго управленія, г. Ратацци обратился съ циркуляромъ ко всемъ губернаторамъ и генералъ-интендантамъ, съ цѣлю объяснить, какими правилами будетъ руководствоваться его политика. Циркуляръ этотъ, впрочемъ, довольно блѣденъ. Замѣчательнѣе всего въ немъ то обстоятельство, что первый министръ высказываетъ положительное желаніе идти по слѣдамъ своихъ предшественниковъ и сохранить конституцію въ Пиемонтѣ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она существовала до сихъ поръ. «Правительство короля, говоритъ г. Ратацци, хочетъ быть правительствомъ цѣлой страны, а не какой-либо одной партіи.» Слова эти знаменательны въ устахъ челоука, недавнее возвышеніе котораго сочтено было кѣрнѣишимъ признакомъ, что крайняя демократическая партія будетъ стараться отнынѣ осуществить свои идеи, но согласныя съ тѣмъ порядкомъ, который былъ водворенъ графомъ Кавуромъ и его приверженцами. Г. Ратацци предписываетъ

областнымъ правителямъ приготовить со всевозможною скоростію вновь прибрѣтенныя Пиемонтомъ провинціи къ представительному образу правленія; онъ общаетъ расширить муниципальныя вольности городовъ и сельскихъ общинъ и дѣлаетъ по этому поводу слѣдующее замѣчаніе: «Представители центральной власти въ различныхъ провинціяхъ, говоритъ онъ, не должны забывать, что, по духу нашихъ учреждений, они въ то же самое время, и еще въ гораздо высшей степени, представители самыхъ провинцій въ отношеніи къ правительству, что они должны покровительствовать, поддерживать, упрочивать законнымъ образомъ мѣстную дѣятельность, какъ общественную, такъ и частную, а не подавлять ее и не пользоваться ею только для правительственныхъ цѣлей.» Вообще, нельзя не сказать, что весь циркуляръ отличается умѣренно-либеральнымъ направлениемъ, и въ немъ вовсе не видно тѣхъ демократическихъ замашекъ, которыхъ можно было бы ожидать отъ министерства г. Ратацци.

Положеніе, въ которомъ находится теперь это новое министерство, въ высшей степени затруднительно, и можно только желать, чтобъ эти затрудненія поддержали въ немъ единодушіе, крайне нужное теперь, а не возбудили разногласія, которое было бы крайне пагубно, не только для Пиемонта, но и для всей Италіи, и которое однакожъ, нельзя не видѣть этого, очень естественно при разнородности составныхъ элементовъ кабинета. Новое министерство будетъ на всякомъ шагѣ встрѣчаться съ великими трудностями. Мы не говоримъ уже о цюрихскихъ конференціяхъ, отъ исхода которыхъ можетъ зависѣть его существованіе. Но въ то самое время, когда уполномоченные воевавшихъ державъ совѣщаются въ Цюрихѣ, въ сѣверной и центральной Италіи происходитъ національное движеніе, предъявляющее Пиемонту свои требованія, а между тѣмъ значительный корпусъ «освободителей» улаживаетъ освобожденную страну своимъ присутствіемъ и готовъ при случаѣ напомнить ей о долгѣ благодарности и побудить правительство къ надлежащему уразумѣнію такъ-называемыхъ «политическихъ соображеній высшаго рода» (*considérations politiques d'un ordre élevé*). Имя Наполеона и имя Италіи не составляютъ уже теперь одного гармоническаго аккорда, а Пиемонтъ принужденъ оба эти имени произносить вмѣстѣ. Имя Наполеона III, говоритъ *Times*, обладало до сихъ поръ магическимъ вліяніемъ на Итальянцевъ, но обладало имъ только потому, что императоръ призывалъ ихъ къ отграднымъ для нихъ подвигамъ. «Выгоните-ка мнѣ Нѣмцевъ изъ Италіи!» «Очистите всю страну, отъ Альповъ до Адриатическаго моря, отъ Австрійцевъ!» Приказанія эти были выполняемы съ восторгомъ. Но теперь вмѣсто ихъ слышатся дру-

лія. «Итальянцы, повинуйтесь безпрекословно государю вашему папѣ.» «Святой отецъ, преобразуйте свое правительство и перестаньте грабить народъ.» «Моденцы, преклоните колѣна предъ герцогомъ, котораго вы только что изгнали.» Каждое изъ этихъ приказаній рѣзко оскорбляетъ чувства и понятія тѣхъ, къ кому оно относится; оно возбуждаетъ въ нихъ сначала удивленіе, которое немедленно уступаетъ мѣсто неистовому негодованію.» Тоскана, Модена и Парма положительно отказываются принять въ свои предѣлы тѣ династіи, которыя были изгнаны оттуда два мѣсяца тому назадъ, и желаютъ образовать, подъ властію Виктора-Эммануила, вмѣстѣ съ Пиемонтомъ, одно обширное королевство Сѣверной Италіи. Ломбардія сильно сочувствуетъ этимъ стремленіямъ, очень хорошо понимая, что осуществленіе ихъ сдѣлаетъ Миланъ столицей новаго королевства. Въ самомъ Пиемонтѣ все то огромное большинство людей, которые чувствуютъ себя Италіянцами, жаждетъ такого исхода и требуетъ, чтобы правительство содѣйствовало этимъ стремленіямъ, несмотря на то, что они противорѣчатъ виллафранкскимъ пунктамъ и волѣ освободителя. Трудно будетъ теперешнему правительству лавировать между этими противоположными требованіями своей страны и двухъ императоровъ.

Нельзя сомнѣваться въ томъ, что движеніе, охватившее теперь Сѣверную Италію отъ Альповъ до Тибра, не можетъ быть подавлено никакою силой, кромѣ насильственного вмѣшательства Франціи и Австріи. Оно не отступитъ ни передъ комическою угрозою герцога моденскаго завоевать свое прежнее государство съ помощію 4.000 человекъ какого-то сброда, удалившагося за нимъ въ изгнаніе, ни передъ кроткими и либеральными обѣщаніями герцогини пармской, ни передъ отчаяннымъ рѣшеніемъ тосканскаго эрцгерцога Леопольда отказаться отъ престола въ пользу сына своего Фердинанда. Въ этомъ противодѣйствіи государствъ Средней Италіи не только прежней политической системѣ, но всему, что напоминаетъ о прошедшемъ ея существованіи, Тоскана отличается столько же своею энергіею, сколько и благоразуміемъ. Она рѣшилась доказать Европѣ, что требованія, выражаемая въ ней теперь, принадлежать всему народу, а не одной какой-либо партіи, какъ желали бы заставить думать приверженцы вѣнской политики, и правительство ея потребовало мнѣнія всѣхъ общинъ государства касательно происходящаго теперь переворота. «Событіе это, говоритъ тосканскій *Мониторъ*, такъ важно, что для народа ничто не можетъ сравниться съ нимъ. О чемъ, дѣйствительно, идетъ дѣло? Дѣло идетъ о томъ, что бы сказать Европѣ: «Мы не можемъ, мы не хотимъ болѣе имѣть на своемъ престолѣ австрійскую династію. Мы не хотимъ ея, ибо

она до такой степени враждебна итальянской национальности, что могла сражаться против насъ при Сольферино. Мы не можемъ принять ее, ибо, еслибъ она возвратилась въ наши предѣлы, обогрѣнная итальянскою кровью, она способствовала бы только къ нашему вѣчному несчастію и возмутила бы навсегда спокойствіе Италіи.» «Не разъ происходили въ исторіи реставраціи монарховъ, изгнанныхъ анархическимъ народонаселеніемъ, говоритъ тотъ же офиціальнѣйшій тосканскій органъ въ другомъ мѣстѣ, но не происходило еще реставраціи въ томъ случаѣ, когда анархія была произведена не націею, а самимъ государемъ. Въ такомъ именно положеніи находимся мы теперь. Государь нашъ лишился престола, потому что онъ былъ не Италіянцемъ, а Австрійцемъ. Онъ не можетъ теперь возвратить себѣ свой прежній титулъ, ибо принципъ національности восторжествовалъ, и еслибы Леопольдъ снова вступилъ на престолъ, то неминуемо возникла бы борьба между національнымъ чувствомъ и чужеземнымъ преобладаніемъ, которая совершенно разорила бы нашу страну.» Общины всей Тосканы не замедлили отвѣтомъ на торжественный запросъ своего правительства: болѣе милліона гражданъ выразили желаніе присоединиться къ Пьемонту. Требованіе это встрѣтило себѣ единодушное подтвержденіе въ тосканскомъ учредительномъ собраніи, которое сошлось въ началѣ августа. Такимъ рѣшительнымъ образомъ дѣйствіемъ ознаменовалась предупредить Тоскана исполненіе плановъ тѣхъ державъ, которыя хотѣли просто и прямо возвратить ее къ старому порядку вещей. Она не вѣритъ никакимъ обѣщаніямъ, которыя сдѣланы герцогствамъ для того, чтобъ облегчить возвращеніе въ ихъ предѣлы прежнихъ ихъ правителей, да и какъ могла бы она вѣрить имъ? Развѣ конституція не была обѣщана герцогомъ Леопольдомъ въ 1849 году, при вступленіи его, подъ прикрытіемъ Австрійцевъ, во Флоренцію? Развѣ существуетъ какое-нибудь основаніе думать, что правители Тосканы и Модены, находящіеся въ близкихъ родственныхъ сношеніяхъ съ Габсбургскимъ домомъ, успѣютъ остаться независимыми отъ австрійскаго вліянія, особенно теперь, когда Австрія сама становится членомъ итальянскаго союза? Вѣнская политика не знаетъ и не можетъ знать сдѣлокъ на полуостровѣ: она привыкла и принуждена считать своими врагами всѣхъ, кто не служитъ съ безусловною преданностію интересамъ ея владычества и не забываетъ объ обязанности своей служить отечеству и считать себя Италіянцемъ.

Основательныя причины заставляютъ думать, что только по настоящему требованію императора Наполеона сардинское правительство рѣшилось отозвать изъ Тосканы и Модены чрезвычай-

ныхъ своихъ комиссаровъ, которые отъ его имени управляли до сихъ поръ этими государствами. Но и эта мѣра исполнена была только на половину. Такъ, напримѣръ, въ Моденѣ, уполномоченный туринскаго кабинета, г. Фарини, сложилъ съ себя свое званіе, но немедленно вслѣдъ за тѣмъ былъ избранъ диктаторомъ герцогства. Другой изъ комиссаровъ, г. Буонкомпаньи, управлявшій, какъ извѣстно, Тосканою, удалился, правда, изъ этой страны, но мѣсто его занялъ г. Рикасоли — ревностный партизанъ соединенія съ Пиемонтомъ. Затрудненія остаются, слѣдовательно, въ прежнемъ своемъ видѣ, хотя парижскій и вѣнскій кабинеты довольно ясно выказываютъ свое желаніе возвратить изгнаннымъ правителямъ ихъ престолы. Французскія войска, — именно тотъ самый злополучный 5-й корпусъ, который неизвѣстно за чѣмъ странствовалъ съ принцемъ Наполеономъ, по окрестностямъ театра войны, — получили приказаніе занять герцогства. Полуофіціальныя парижскіе журналы особенно настаиваютъ на томъ, что войска эти имѣютъ «une mission politique». Имъ суждено, вѣроятно, поддерживать своимъ нравственнымъ вліяніемъ дѣйствительность доводовъ французскаго дипломата, графа Резе (Reiset), который убѣждаетъ теперь жителей герцогствъ возвратиться добровольно подъ отеческую фѣрулу ихъ прежнихъ властителей. Но эти усилія остаются тщетными. Въ герцогствахъ не оказывается никакой привязанности къ австрійской династїи и очень мало привязанности къ Бонапартамъ, несмотря на ихъ италіянское происхожденіе и многія благодѣянія. Изъ учтивости къ г. Резе было начертано на домахъ Флоренціи нѣсколько надписей, провозглашавшихъ принца Наполеона герцогомъ Тосканы, но при подачѣ голосовъ не было и помина о немъ, и герцогская корона единодушно присуждена Виктору-Эммануилу. Журналы, наиболѣе благосклонныя къ французскому правительству, не въ состояніи болѣе скрывать, что правительство это утратило всю популярность свою между италіянскимъ народонаселеніемъ. Виллафранкскій миръ не имѣетъ себѣ на всемъ протяженіи полуострова другаго названія, какъ *tradimento* (измѣна). Тоскана, Модена и Парма не только не думаютъ распускать своихъ войскъ, но непрерывно обращаются къ нимъ съ прокламаціями, въ которыхъ говорятъ имъ о необходимости противиться до послѣдней капли крови старому порядку вещей. Въ послѣднее время даже распространился положительный слухъ, что между тремя герцогствами заключенъ военный союзъ, главная цѣль котораго противиться оружіемъ возстановленію прежнихъ государей на престолахъ ихъ, и что должность главнокомандующаго войсками этого союза получилъ и принялъ генералъ Гарибальди. Не ясно ли, что пребываніе французскихъ войскъ въ странахъ, въ которыхъ происходитъ такое силь-

ное броженіе умовъ, не только не возстановитъ спокойствія, но ежедневно будетъ давать поводъ къ его нарушенію? И потомъ, какъ долго продлится это пребываніе? Французскіе журналы утверждаютъ, что до тѣхъ поръ пока не соберется конгрессъ, и «судьбы» Италіи не устроятся окончательнымъ образомъ. Но конгрессъ еще не соберется очень долго, можетъ-быть даже никогда... Останется ли въ такомъ случаѣ чужеземное войско на неопредѣленное время въ герцогствахъ, точно такъ же какъ остается оно геперь въ Римѣ? Но какъ же понимать въ такомъ случаѣ торжественное обѣщаніе данное когда-то, что тотчасъ по изгнаніи Австрійцевъ изъ полуострова Италіянцы будутъ предоставлены самимъ себѣ, дабы безъ всякаго помѣшательства и посторонняго вліянія могли они заняться своимъ политическимъ и гражданскимъ устройствомъ?..

Было бы несправедливо не упомянуть и о либеральномъ подвижничествѣ французскихъ дипломатовъ въ Италіи. Между тѣмъ какъ г. Резе убѣждаетъ Тосканцевъ покориться Лотарингскому дому, въ Римѣ французскіе дипломаты непрерывно смѣняютъ одинъ другаго, рассыпая все краснорѣчіе свое для того, чтобъ убѣдить папу и его совѣтниковъ сдѣлать хотя какія-нибудь уступки духу времени и стеченію политическихъ обстоятельствъ. Но ни папа, ни кардиналы не внемлютъ совѣтамъ «дружественной» державы и продолжаютъ компрометировать ее и своими рѣчами и своими дѣйствіями. Такъ, напримѣръ, императоръ Наполеонъ объявилъ объ амнистіи всѣмъ принимавшимъ участіе въ послѣднихъ событіяхъ; черезъ нѣсколько дней послѣ этого торжественнаго объявленія, папа, «призвавши святое имя Бога», нарядилъ военный судъ надъ предводителями возстанія въ Перуджии, и семеро изъ нихъ были приговорены къ смертной казни. Такъ, напримѣръ, императоръ Наполеонъ гордится тѣмъ, что будто бы разрѣшилъ одну изъ великихъ задачъ нашего времени и даровалъ свободу Италіянцамъ, а папа обращается съ посланіемъ ко всѣмъ епископамъ, въ которомъ возстаетъ противъ распространившейся теперь на полуостровѣ ереси, «будто бы Богъ сдѣлалъ всѣхъ людей свободными въ ихъ мнѣніяхъ, какъ политическихъ, такъ и религіозныхъ». При такомъ упорствѣ Пія IX и его совѣтниковъ, трудно предполагать, чтобы посольство г. Менневала, которому поручено трактовать о необходимости реформъ въ Римской области, увѣнчалось какимъ-нибудь успѣхомъ. Еще неизвѣстно достоверно, въ чемъ, по мнѣнію французскаго правительства, должны состоять эти реформы. Одинъ клерикальный журналъ, *Gazette de Liege*, опредѣляетъ ихъ слѣдующимъ образомъ: принятіе въ Папскихъ Владѣніяхъ Наполеонова кодекса, учрежденіе консульты, конституція для четы-

рехъ легатствъ. Если извѣстіе это справедливо, то французское правительство, очевидно, возобновляетъ теперь почти тѣ же самыя требованія, которыя были выражены въ 1849 году Лудвикомъ-Наполеономъ въ извѣстномъ письмѣ его къ г. Эдгару Нею. Отвѣтъ папы на предложенія французскаго императора еще неизвѣстенъ; но возмущившіяся провинціи Римской области успѣли осуществить въ своихъ предѣлахъ тѣ реформы, которыхъ требуетъ французскій императоръ. Болонья признала Наполеоновъ кодексъ дѣйствующимъ законодательствомъ, къ величайшей радости всего своего народонаселенія. Папское правительство, правда, до сихъ поръ еще усиливается доказать, что не все народонаселеніе, а только незначительное меньшинство возстало противъ него въ провинціяхъ: еще недавно обратилось оно съ циркуляромъ къ главнымъ державамъ, въ которомъ протестуетъ противъ разрушенія бывшими своими подданными укрѣпленій въ Феррарѣ и объявляетъ, что поступокъ этотъ «исполнилъ душу святаго отца горестью и возбудилъ въ немъ справедливое и живѣйшее негодованіе». Сардинія, «поощряющая всѣхъ нарушителей порядка въ Италіи», одна виновна, по мнѣнію римскаго правительства въ томъ, что возставшія провинціи до сихъ поръ еще не покорились добровольно прежнему своему игу. Но слова эти не находятъ себѣ полной вѣры въ Европѣ. «Понимаемъ, говорить по этому поводу *Times*, затруднительное положеніе Франціи и Австріи. Нѣтъ ничего труднѣе, какъ ладить съ человѣкомъ, который готовъ ежеминутно разыграть роль мученика, а въ ожиданіи того считаетъ своимъ долгомъ мучить другихъ. Піи IX не въ состояніи предохранить римскій народъ отъ прожорливости клерикальной саранчи, но охотно умретъ на ступеняхъ Ватикана, если только Наполеонъ III или Францъ-Иосифъ начнутъ понуждать его къ какой-либо благодѣтельной реформѣ въ его владѣніяхъ. Они могутъ сломить, но не склонить его. Онъ будетъ отказываться отъ всякихъ уступокъ, съ полною готовностію подвергнуться изгнанію или даже смерти и представить такимъ образомъ зрѣлище папы, преслѣдуемаго двумя старѣйшими сынами церкви. Никому, конечно, не приходитъ и въ голову преслѣдовать этого дряхлаго, но въ то же время упорнаго старика. До тѣхъ поръ пока французскія войска не перестанутъ поддерживать его, онъ будетъ систематически разорять свой народъ; какъ скоро войска выйдутъ изъ Рима, онъ неминуемо принужденъ будетъ спасаться бѣгствомъ. Вотъ дилемма.»

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Іюля 27 изъ главной квартиры въ Андіи, близъ аула Тандо, главнокомандующій Кавказской арміи князь Барятинскій донесъ Государю Императору о покореніи Его державъ Аваріи, Койсубу, Гумбета, Салатавіи, Андіи, Технучала, Чеберлоя и другихъ верхнихъ обществъ на лѣвомъ крылѣ Кавказской арміи по теченію Андійскаго Койсу.

Съ паденіемъ Веденя, пали Чечня и Ичкерія: все населеніе сѣверной покатоности горъ, обращенныхъ къ лѣвому крылу Кавказской линіи, покорилось, и непокорнымъ оставалось лишь пространство между Андійскимъ хребтомъ и главнымъ хребтомъ Кавказскихъ горъ. Это-то пространство было театромъ блистательныхъ военныхъ дѣйствій нынѣшней лѣтней кампаніи. На востокъ отъ Владикавказа и отъ большой военно-грузинской дороги, кавказскія горы развѣтвляются на нѣсколько хребтовъ. Главный хребетъ направляется на юго-востокъ; южный склонъ этого хребта обращенъ къ лезгинской кордонной линіи, сѣверный къ непокорному нагорному Дагестану. Отъ этого главнаго хребта вблизи Владикавказа отдѣляются такъ-называемыя Черныя горы, направляющіяся на сѣверо-востокъ. Сѣверный склонъ этихъ горъ обращенъ къ теченію рѣкъ Сунжи, Ассы и Гойты; южный—къ теченію рѣки Аргуна. Страна, лежащая на сѣверъ отъ Черныхъ горъ, называется Малою Чечней и давно уже покорствуеетъ Россіи; страна, лежащая на югъ отъ Черныхъ горъ, есть Большая Чечня, къ которой принадлежит и Ичкерія. Главнымъ укрѣпленнымъ мѣстомъ въ этой странѣ былъ Ведень, столица Шамиля; странз эта покорилась Россіи послѣ взятія Аргунскаго ущелья и Веденя. Южную, или, правильнѣе, юго-восточную границу этой страны образуетъ второе боковое развѣтвленіе Кавказскихъ горъ, отдѣляющееся отъ главнаго хребта нѣсколько далѣе на юго-востокъ, нежели Черныя горы. Это развѣтвленіе называется Андійскимъ хребтомъ, и оно-то отдѣляло страны, покорившіяся намъ послѣ взятія Веденя, отъ странъ, повиновавшихся еще Шамилю. Андійскій хребетъ, такъ же, какъ и Черныя горы, имѣетъ сѣверовосточное направленіе, между тѣмъ какъ главный хребетъ Кавказскихъ горъ тянется на юго-востокъ. Чѣмъ далѣе на востокъ, тѣмъ болѣе эти два хребта расходятся; довольно обширное пространство, которое они оставляютъ между собою, извѣстно подъ именемъ нагорнаго Дагестана. Можно представлять себѣ это пространство въ видѣ равносторонняго треугольника. Одна сторона этого треугольника образуется главнымъ Кавказскимъ хребтомъ; это юго-западная сторона его; за нею лежитъ Лезгинская линія. Другую сторону треугольника образуетъ Андійскій хребетъ; это сѣверо-западная сторона его; за нею лежатъ Ичкерія, Чечня, Салатавія. Третья сторона, ограничивающая треугольникъ съ востока, образуется Кумыхскими горами и отдѣляетъ треугольникъ отъ покорнаго Дагестана. Главныя рѣки, орошающія этотъ треугольникъ, имѣютъ верховья свои въ главномъ Кавказскомъ хребтѣ. Всѣ онѣ носятъ имя Койсу, то-есть деревенская рѣка, и всѣ онѣ сливаются въ

сѣверо-восточномъ углу треугольника и образуютъ рѣку Сулакъ, которая течетъ сначала на сѣверъ по направленію къ Тереку, но не доходя до этой рѣки поворачиваетъ на востокъ и впадаетъ въ Каспійское море. Сулакъ образуется изъ четырехъ рѣкъ Койсу. Самая сѣверная изъ этихъ рѣкъ есть Андійское Койсу, текущее вдоль по южному склону Андійскаго хребта. Южнѣе и правѣ Андійскаго Койсу течетъ Аварское Койсу; еще далѣе на югъ и направо—Черное Койсу; наконецъ самый правый большой притокъ Сулака есть Казыкумышское Койсу.

Когда Ведыя достался въ наши руки, то Шамиль отретировался за Андійскій хребетъ и образовалъ противъ лѣваго крыла нашей Кавказской линіи свою линію вдоль по теченію Андійскаго Койсу. Такъ какъ вышнимъ лѣвомъ предположено было перенести военныя дѣйствія въ глубь нагорнаго Дагестана, то съ этою цѣлю, по общему плану, г. главнокомандующій двинулъ въ началѣ іюля концентрически въ долину Андійскаго Койсу три главныхъ отряда: чеченскій, подъ начальствомъ генераль-лейтенанта графа Евдокимова (изъ 15 батальионовъ пѣхоты, 2 эскадроновъ драгунъ, 12 сотенъ иррегулярной конницы, при 20 орудіяхъ) къ средней части теченія этой рѣки отъ Веденя черезъ Андійскій хребетъ въ Технуцалъ (особая боковая колонна направлена изъ Аргунскаго ущелья туда же черезъ Чеберлой); лезгинскій, подъ начальствомъ генераль-майора князя Меликова (изъ 11½ бат. пѣхоты, одного эскадр. драгунъ, 1 сотн. казаковъ и 14 сот. милиціи, при 12 орудіяхъ, черезъ Дядо, Иланхеви и сибѣговой Богозскій хребетъ, въ Ункратль и Богуяль, лежащіе въ западномъ углу треугольника, на лѣвомъ флангѣ Шамиля; дагестанскій, подъ начальствомъ генераль-адъютанта барона Врангеля (изъ 11 бат. пѣхоты, 4 эск. драгунъ, 9 сот. иррегулярной кавалеріи, при 16 орудіяхъ) отъ Бургуна черезъ Гумбетъ къ южной части Андійскаго Койсу, въ сѣверовосточномъ углу треугольника, на правомъ флангѣ Шамиля. Одновременно съ этими дѣйствіями, тушинскій отрядъ (2 бат. при 4 горныхъ орудіяхъ и 5 сот. милиціи) разработывалъ на западѣ отъ Ункратля дорогу отъ с. Дикло до Хушети, и обезопасивъ это недавно покоренное общество занятіемъ укрѣпленныхъ башенъ и совершеннымъ огражденіемъ къ нему доступа изъ Ункратля, долженъ былъ присоединиться къ лезгинскому отряду, а отрядъ генераль-майора Манюкина получилъ порученіе переправиться черезъ Аварское Койсу на крайнемъ правомъ флангѣ непріятеля и потомъ соединиться съ дагестанскимъ отрядомъ.

Такимъ образомъ, непріятель подвергся одновременно атакѣ съ центра и обонихъ фланговъ.

15 іюля, по прибытіи главнокомандующаго, авангардъ чеченскаго отряда, подъ начальствомъ генераль-майора барона Николаи, двинуть былъ къ перевалу Андійскаго хребта.

Погода была прекрасная и всѣ окрестности были видны на далекое разстояніе: Андійскія ворота, дорога отъ нихъ въ Андію, отсюда въ Дарго и другія мѣста, по которымъ двигался отрядъ князя Воронцова въ 1845 году, все это обозначалось весьма ясно. Правѣ видѣлась гора Киятль, увѣнчанная новымъ укрѣпленіемъ Шамиля, возведеннымъ послѣ паденія Веденя; еще далѣе, уже менѣе ясно, рисовались высоты Аваріи.

Андія и окружающіе ее четыре небольшіе аула были въ огнѣ; Шамиль зажигалъ всѣ деревни на лѣвомъ берегу Андійскаго Койсу и угонялъ силою жителей на правый берегъ.

17 числа, оставивъ на позиціи промежуточный этапъ, весь отрядъ перешелъ къ авангарду и расположился на отдѣльныхъ шпицахъ высоты, окружающихъ озеро Ретло; на сосѣднихъ макушкахъ горъ стояли кучки неприятельскихъ пикетовъ.

Боковая колонна, выдвинутая изъ Шатоя на высоты за Шаро-Аргунюмъ для прикрытія чеберлоевскихъ ауловъ, лежащихъ на сѣверныхъ склонахъ горъ, обращенныхъ къ Аргунскому ущелью, прошла теперь черезъ Чеберлой къ аулу Мукажой, оттуда 17 июля прибыла къ главному отряду и вѣсть съ нимъ расположилась при озерѣ Ретло на высотахъ Андійскаго хребта. Весь край этотъ, доселѣ никогда не посѣщенный нашими войсками, былъ пройденъ безъ выстрѣла.

18 июля была произведена главнокомандующимъ усиленная рекогносцировка дорогъ къ Технучалу, округу, лежащему на югъ отъ перевала, между переваломъ и лѣвымъ берегомъ Андійскаго Койсу. Для прикрытія была назначена колонна изъ 3 батальоновъ, 4 горныхъ орудій и всей кавалеріи, подъ начальствомъ генералъ-майора князя Дадіана. Дорога пролежала по обрывистымъ берегамъ озера, черезъ чеберлоевскій аулъ Гой, разоренный недавно Шамилемъ. Среди развалинъ и обгорѣлыхъ бревенъ стояла уцѣлѣвшая башня, съ высѣченными на ней крестомъ, памятникомъ бывшаго здѣсь нѣкогда христіанства. Пустой аулъ, неубранные посѣвы, слѣды пожара — все напоминало о бѣдственномъ положеніи племенъ, надъ которыми тяготѣлъ еще за нѣсколько дней деспотизмъ Шамиля, прибѣгнувшаго въ концѣ своего владыкованія къ жестокимъ мѣрамъ истребленія.

Послѣ продолжительнаго подъема, съ высокою обрыва открылся видъ на долину Андійскаго Койсу, въ коей расположены технучальскіе аулы; далѣе видна была Карата и другіе аулы вверхъ по теченію Койсу. Нигдѣ не замѣтно было особаго движенія, только въ ближайшемъ къ намъ аулѣ Тандо стояла партія мюридовъ съ 4 значками.

Высота, на которой расположился главнокомандующій, давала возможность осмотрѣть всѣ окрестности и повѣрить ихъ съ картой. Тутъ видны были всѣ дороги, ведущія въ долину Койсу изъ Шатоя, Чеберлоя, Караты, Аварія, Андіи и Богулаля, множество ауловъ, окруженныхъ террасами полей и зеленью садовъ, и завалы надъ обрывами праваго берега Койсу у переправъ, далѣе цѣлая масса хребтовъ и отдѣльныхъ высотъ, нагроможденныхъ одна на другую, и мрачныя трещины, обозначающія теченіе горныхъ рѣкъ.

19, 20 и 21 июля войска продолжали заниматься разработкой дорогъ и возведеніемъ трехъ земляныхъ редутовъ, для обезпеченія основаннаго у озера Ретло провіантскаго склада.

22 числа, оставивъ здѣсь три батальона для исправленія дорогъ и для прикрытія складовъ, остальныя войска перешли къ спуску въ Технучаль на высоты Гаркалойламъ, и авангардъ занялъ брошенный жителями аулъ Тандо. При этомъ, отступившая изъ аула партія мюридовъ завязала перестрѣлку съ нашими милиціонерами, и Чеберлоевцы—

недавнiе союзники мюридовъ—такъ стремительно атаковали непріятеля, что тотъ, бросивъ нѣсколько тѣлъ и лошадей, бѣжалъ.

Между тѣмъ, въ началѣ іюля же, войска дагестанскаго отряда готовились къ совокупному и одновременному съ войсками лѣваго крыла движенію въ долину Андійскаго Койсу, разработали дороги по Салатавіи и стянули къ Буртунаю съ плоскости провинціи, артиллерійскіе и инженерные запасы. Этотъ отрядъ долженъ былъ дѣйствовать противъ праваго фланга Шамилева въ округѣ, называющемся Гумбетъ и прилегающемъ къ Салатавіи.

По полученнымъ отъ лазутчиковъ свѣдѣніямъ, Шамиль укрѣпилъ многіе изъ пунктовъ Гумбета, испортилъ дороги и призвалъ къ оружію весь край; а дабы еще вѣрнѣе имѣть Гумбетовцевъ въ своихъ рукахъ, онъ приказалъ имъ отправить свои семейства и стада въ Аварію, что и было ими исполнено. Главнѣйшая позиція Шамиля въ Гумбетѣ была Килитлинская гора, мало доступная и сильно укрѣпленная. Гора эта лежитъ на границахъ округа Гумбетъ и округа Андін, лежащей на западъ отъ Гумбета, между Гумбетомъ и Технуцаломъ.

Согласно предначертанію главнокомандующаго, общее движеніе колоннъ на Андійское Койсу должно было начаться въ половинѣ іюля. Имѣя въ виду это, а равно и то, что Буртунай, при сказанномъ движеніи, уже не могъ служить непосредственнымъ складомъ для продовольственныхъ и военныхъ запасовъ, генераль Врангель предположилъ устроить вагенбургъ въ Мичикалѣ, какъ въ пунктѣ, наиболѣе удовлетворяющемъ условіямъ предстоящаго движенія и важномъ на случай снабженія войскъ чеченскаго отряда запасами.

Вслѣдствіе этого, 3-го іюля занять Мичикаль, благополучно и безъ потерь. Бывшіе на мичикальскихъ завалахъ Гумбетовцы, при появленіи нашихъ войскъ, быстро отступили къ Мехельтѣ.

Сосредоточеніе отряда въ Мичикалѣ представляло важныя выгоды въ военномъ отношеніи. Отсюда отдѣляются дороги по тремъ направленіямъ къ Аргуани черезъ Анчимееръ, къ Мехельтѣ и къ Андійскимъ воротамъ. Неизвѣстность, какое изъ этихъ направленій будетъ нами избрано, принудила непріятеля раздробить свои силы и дозволила намъ безпрепятственно занять крѣпкое по мѣстоположенію селеніе Аргуани.

Въ Мичикалѣ было получено положительное приказаніе главнокомандующаго перейти къ Аргуани и занять чиркатскую и сагрытлосскую переправы на Андійскомъ Койсу. Вслѣдствіе этого, 14-го числа, на разсвѣтѣ, отрядъ выступилъ черезъ Анчимееръ къ Аргуани и передовая колонна (3¼ батальона, 2 орудія и 3 сотни конницы), подъ начальствомъ генераль-майора Ракусы, направилась на сагрытлосскую переправу, съ тѣмъ чтобы, если возможно, захватить ее. Войска, уже сдѣлавшія трудный переходъ черезъ Анчимееръ, и неся на рукахъ заранѣе приготовленный мостъ, ускореннымъ маршемъ прошли десятиверстное (крайне-трудное) разстояніе, раздѣлявшее переправу отъ Аргуани, и къ вечеру достигли Койсу. Но здѣсь осматривъ произведенный охотниками подъ огнемъ непріятеля, застывшаго на противоположной сторонѣ въ завалахъ, показалъ полную невозможность тотчасъ же приступить къ нападкѣ моста.

У Сагрытло Андійское Койсу течетъ въ глубокихъ отвѣсныхъ скалахъ, доступъ къ которымъ повсюду возбраненъ природою. Единственно возможное для переправы мѣсто (гдѣ у Горцевъ былъ мостъ, и гдѣ рѣка суживается отъ $1\frac{1}{2}$ до 2-хъ сажень) находилось подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ заваловъ, устроенныхъ на противоположномъ берегу, въ видѣ крытой галереи изъ нѣсколькихъ ярусовъ, перпендикулярно спускающейся къ теченію рѣки. Какъ мостъ, такъ и тропинка, ведущая къ оному съ нашего берега, были совершенно сорваны горцами.

Подробный осмотръ берега, совершенный въ теченіе 15-го числа съ крайнею опасностью, подъ выстрѣлами, еще болѣе убѣдилъ въ невозможности, безъ продолжительныхъ осадныхъ работъ, овладѣть мѣстомъ бывшего сагрытлоскаго моста, ибо, кромѣ описанной крытой галереи, по всему берегу рѣки была устроена другая, галерея, изъ толстаго тесанаго камня съ бойницами, и раскрыть ее для дѣйствій нашей артиллеріи не представлялось возможности, такъ какъ спускъ съ берега на рѣку былъ подорванъ отвѣсно на высотѣ 7 сажень.

Рѣшено было испытать переправу въ полуверстѣ ниже сагрытлоскаго моста, гдѣ хотя рѣка и имѣетъ въ ширину болѣе 15 сажень, но за то доступы туда были гораздо свободнѣе, а неприятель, не полагая, чтобы здѣсь могли мы что-либо предпринять, имѣлъ противъ этого пункта отдѣльный постъ изъ 20 человекъ, засѣвшихъ подъ кручею берега въ пещерѣ.

Въ ночи на 16-е число, по всему протяженію занятаго берега были насыпаны завальчики, въ которыхъ помѣстились густою цѣпью стрѣлки отъ Дагестанскаго полка и 21-го стрѣковаго батальйона; а противъ пещеры на выгодномъ мѣстѣ устроили батарею изъ 3 единороговъ. Такимъ образомъ правый берегъ совершенно находился подъ перекрестнымъ огнемъ, что подавало возможность не дозволить неприятелю усилить засѣвшихъ въ пещерѣ горцевъ, а равно послѣднимъ покинуть свою позицію.

16-го числа мюриды въ пещерѣ, видя себя отрѣзанными, рѣшились покориться, просили пощады и даже вызвались укрѣпить канатъ на своемъ берегу; но канатъ, при многихъ попыткахъ, оказалось невозможнымъ перебросить, а посему были вызваны охотники, дабы перенести впадь бичевку. Вызвалось нѣсколько человекъ изъ Дагестанскаго полка и 21-го стрѣковаго батальйона; нѣкоторые изъ нихъ не доплыли, одинъ утонулъ, а двое, именно Дагестанскаго полка рядовой Кочетковъ и юнкеръ Шпейеръ, кидаемые бурунами со скалы на скалу, достигли праваго берега и успѣли укрѣпить тамъ канатъ.

Тогда замирившіеся горцы тотчасъ же измѣнили свое намѣреніе, и снова засѣвъ въ пещеру, открыли по нашимъ огонь. Нѣсколько пущенныхъ туда гранатъ и сильный огонь нарѣзнаго оружія заставили измѣнниковъ попрятаться въ глубь пещеры, чѣмъ была отнята у нихъ возможность вредить намъ болѣе значительно. Переправившіеся же на ту сторону Кочетковъ и Шпейеръ укрылись за каменьями шагахъ въ 50-ти отъ пещеры, а пройти къ нимъ и истребить ихъ не дозволялъ мюридамъ огонь нашихъ стрѣлковъ.

Вслѣдъ за тѣмъ къ натянутому черезъ рѣку канату была привѣшена деревянная люлька, посредствомъ которой нашлись охотники изъ

офицеровъ, солдатъ и всадниковъ дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка переправилъ на ту сторону. Черезъ часть столь трудной и неудобной переправы, подъ выстрѣлами мюридовъ изъ пещеры, собралась на лѣвомъ берегу команда до 42-хъ человекъ, которая, имѣя впереди себя хорунжаго Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка Кайтуки-Тюлеова, прапорщика 21-го стрѣльцоваго батальона Туркестанова и юнкера конно-иррегулярнаго полка Алхаза-Гусейнова, вскарабкалась по скаламъ до пещеры, несмотря на сильный огонь, ворвалась въ нее и истребила всѣхъ ея защитниковъ, за исключеніемъ одного, сдавашагося военнопленнымъ.

Такимъ способомъ мы завладѣли противоположнымъ берегомъ. Оставалось слѣдить съ бѣшеною рѣкой; но всѣ усилія сдѣлать переправу сколько-нибудь безопасною для войскъ, на этотъ разъ, оказались тщетными по причинѣ ширины рѣки и стремительности потока. Въ это время дежурный штабъ-офицеръ, подполковникъ Девель, предложилъ свое средство устроить веревочный мостъ на манеръ морскихъ плетенокъ.

Между тѣмъ непріятель въ теченіе 17-го числа значительно усилился, и весь правый берегъ покрылся значками. Но горцы, наученные опытомъ предшествовавшаго дня, скрывались въ своихъ блиндажахъ и въ буграмахъ; перестрѣлка происходила только на самой переправѣ, противъ которой на горѣ непріятель успѣлъ устроить ночью нѣсколько сомкнутыхъ заваловъ; въ то же время два непріятельскія орудія расположенныя выше по рѣчкѣ, на высотѣ, цѣлый день стрѣляли гранатами въ нашъ лагерь. Расстояніе было такъ велико, что наша артиллерія не отвѣчала имъ, дабы не тратить напрасно зарядовъ.

Въ пещерѣ, занятой наканунѣ горцами, оставались наши охотники; вся непріятельская сторона противъ переправы обстрѣливалась такимъ перекрестнымъ огнемъ стрѣлковъ и артиллеріи, что непріятель хотя и вредилъ огнемъ своимъ, но не могъ оказать сильнаго сопротивленія переходу нашихъ войскъ. Тѣмъ не менѣе у насъ все еще не существовало сообщенія съ правымъ берегомъ, кромѣ одного переброшеннаго каната, по которому успѣла переправиться команда охотниковъ Дагестанскаго полка, подъ начальствомъ штабъ-капитана Исаяскаго, а къ непріятелю непрерывно прибывали новыя подкрѣпленія. Надобно было въ этотъ же день стать твердою ногой на другой сторонѣ, иначе горцы, при всей многочисленности, могли бы въ продолженіе ночи преградить намъ переходъ слишкомъ сильными завалами.

Устраивавшій переправу подполковникъ Девель превзошелъ всѣ ожиданія. Изъ коновязей и другихъ веревокъ былъ сплетенъ мостъ въ 13 сажень длиною; съ нашей стороны была возведена плотина на двѣ сажени, и несмотря на огонь непріятеля съ горы, постоянно усиливавшийся въ продолженіе работы, къ двумъ часамъ по полудни подполковникъ Девель успѣлъ перекинуть веревочный мостъ черезъ рѣку. Переходить можно было только по одиночкѣ; но по разсчету времени можно было надѣяться перевести къ разсвѣту достаточное число войскъ, чтобы съ увѣренностію атаковать непріятеля подъ прикрытіемъ нашего огня съ лѣваго берега, а потому генералъ-майоръ Ракусса при-

казалъ 2-му и сводному батальонамъ Дагестанскаго полка и ротъ 2-го батальона Ширванскаго полка переходить на тотъ берегъ.

Къ разсвѣту 18-го числа собралось на правомъ берегу только 8-мь ротъ Дагестанскаго полка. Послѣ чрезвычайныхъ усилій двухъ предшествовавшихъ дней, побѣдивъ послѣднее препятствіе, долго казавшееся неодолимымъ, войска были такъ одушевлены, что генералъ-майоръ Ракусса рѣшился идти на штурмъ съ 8-ю ротами. Съ восходомъ солнца роты были на непріятельскихъ завалахъ и нашли ихъ брошенными: горцы бѣжали ночью.

Какъ скоро мы овладѣли правымъ берегомъ, тотчасъ же было приступлено къ устройству моста на Сагрытло, гдѣ висящія надъ бездною скалы сближаются на пять аршинъ. Главное затрудненіе въ этой работѣ состояло въ томъ, чтобъ открыть съ лѣваго берега спускъ черезъ скалу, взорванную горцами на высотѣ 7-ми и на протяженіи 10-ти сажень.

Подполковникъ Девель пристроилъ къ скалѣ изъ матеріаловъ, найденныхъ въ завалахъ, деревянный срубъ, и сообщеніе открылось.

Не взирая на трудность, съ которою была устроена и совершена переправа, и на присутствіе огромныхъ непріятельскихъ партій, потеря наша весьма незначительна, что можно отнести къ искусству, съ которымъ были расположены и скрыты завалами лѣваго берега наши стрѣлки. Въ теченіе 4 дней потеряно 52 человѣка убитыми, ранеными и потонувшими. Лошадей убито, 17; выпущено артиллерійскихъ зарядовъ 130 и патроновъ 59,427.

Переходъ дагестанскаго отряда на правый берегъ Андійскаго Койсу получилъ для насъ особенное значеніе, вслѣдствіе современнаго ему движенія колонны генералъ-майора Манюкина черезъ перевалъ Койсубулинскаго хребта къ Аварскому Койсу, выше соединенія Аварскаго Койсу съ Андійскимъ. Какъ только наши войска 22-го числа заняли высоты у аула Ахкентъ и открыли между собою сообщеніе, въ лагерь отряда барона Врангеля явилась депутація всѣхъ деревень Аваріи и Койсубу (округовъ, лежащихъ между Андійскимъ и Аварскимъ Койсу) съ изъявленіемъ покорности.

Такимъ образомъ, успѣшное выполненіе общаго плана наступательныхъ дѣйствій въ самомъ началѣ уже принесло плоды, превзошедшіе самыя смѣлыя ожиданія. Общества, шестнадцать лѣтъ тому назадъ отторгнутыя изъ-подъ нашей власти, съ непритворною искренностію спѣшили покориться и просили забыть прошедшее. Гумбетовцы, никогда еще не складывавшіе предъ нами оружія, возвращаются съ своими стадами на лѣвый берегъ Койсу къ прежнимъ ауламъ. Чиркаты и укрѣпленный Улу-Кале спѣшили тоже покориться.

Но на этомъ не остановились у.гѣхи наши, пріобрѣтенные въ теченіе десяти дней. Съ прибытіемъ чеченскаго отряда на высоты Гаркалой-Дамъ, съ которыхъ онъ угрожаетъ непріятелю по всѣмъ направленіямъ, съ занятіемъ аула Тандо, окончательно очистившимъ лѣвый берегъ Андійскаго Койсу отъ непокорнаго населенія, а главное съ приведеніемъ къ окончанію разработки дорогъ, ведущихъ въ Андію и Техуцаль, — горцы повсемѣстно стали убѣждаться въ невозможности дальнѣйшаго существованія шамилевскаго правленія. Всѣ Чеберлоевцы, недавно силою уведенные изъ своихъ ауловъ, бѣжали обратно къ намъ

съ стадами и водворяются на прежнихъ мѣстахъ. При ихъ переселеніи, андійскій наибъ Дебиръ думалъ оказать сопротивленіе, но наши миссіонеры атаковали его партію, разогнали ее и отбили наибскій значокъ.

25-го іюня явились депутаты отъ Андійцевъ, и извѣстный наибъ Абазавъ изъявилъ покорность; вслѣдъ за ними покорился весь Технуцаль и однѣ за другими стали прибывать въ лагерь депутаціи отъ самыхъ дальнихъ обществъ, обитающихъ въ верховьяхъ Шаро-Аргува и у подножія горъ. Всѣ жители, угнанные на правый берегъ Андійскаго Койсу, возвращаются назадъ въ свои аулы.

Обойденный съ обоихъ фланговъ неприятель очутился между двухъ огней: чеченскій отрядъ, занявъ Технуцаль, грозилъ Каратѣ, а дагестанскій, ставъ въ Аваріи, отрѣзывалъ его отъ остальной массы непокорнаго населенія (1). Этотъ маневръ, послуживъ сигналомъ покорности всей страны, поставилъ Шамиля въ столь опасное положеніе, что онъ, бросивъ свое укрѣпленіе съ 13 орудіями, скрылся; а Кази-Магома, оставивъ устроенные надъ переправой крѣпкіе завалы, отступилъ, покинувъ даже Карату; укрѣпленіе Шамиля до прибытія туда войскъ нашихъ занято карауломъ отъ только-что покорившихся Андійцевъ.

Однимъ словомъ, весь край этотъ внезапно изъ театра упорныхъ военныхъ дѣйствій превратился въ страну покорную. съ надеждою отдохнуть отъ долготѣнихъ бѣдствій.

Министерство финансовъ извѣщаетъ, что подписка на вѣнскій трех-процентный заемъ въ 12 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, которая была приостановлена въ апрѣлѣ сего года по случаю упадка курса на русскіе фонды, возобновлена 1 (13) августа въ Лондонѣ и Берлинѣ, по цѣнѣ 68 за сто, съ допущеніемъ пользованія процентами съ 1 мая 1859 года, что превращаетъ этотъ заемъ въ заемъ по 3 съ 66½, или по 4⁵¹¹/₁₀₀₀ % (2). Для вноса денегъ по этому займу назначены слѣдующіе сроки: 3% при подпискѣ, 12 % августа 18 (30), 13 % сентября 12 (24), 14 % октября 20 (1 ноября), 13 % ноября 28 (10 декабря) 1859 года, и 13 % января 13 (25) 1860 года.

Въ газетѣ *Times* 15 августа, въ отдѣлѣ *Money-market* напечатано сужденіе объ этомъ займѣ, довольно благопріятное.

Изъ обнародованнаго нынѣ устава Главнаго банковаго и торговаго общества въ С.-Петербургѣ видно, что дѣйствія его по залогу недвижимыхъ имуществъ будутъ имѣть ограниченныя размѣры. Общество будетъ пользоваться, по совокупности правъ его, десятилѣтнею исклю-

(1) Для большей ясности сдѣлаемъ еще одно географическое замѣчаніе. Въ верховьяхъ Андійскаго Койсу лежитъ округъ Ункратль. Ниже Ункратля по лѣвому берегу Андійскаго Койсу слѣдуютъ округи: Технуцаль, Андія, Гумбетъ, а по правому берегу: Богулалъ, Карата, Койсубу. Аварія лежитъ между Койсубу и Аварскимъ Койсу.

(2) Русскіе 4½ % фонды имѣютъ теперь въ Лондонѣ курсъ 99½ за сто.

чительною привилегіей въ своихъ операціяхъ. Изъ этого слѣдуетъ, что Россія въ продолженіе ближайшихъ десяти лѣтъ не будетъ имѣть другаго *акціонернаго* общества, которое занималось бы тѣми же торговыми и банковыми операціями и конкурировало бы съ Главнымъ обществомъ. Конкуренція будетъ ограничиваться участіемъ торговыхъ домовъ, имѣющихъ именныя фирмы, и уставъ Главнаго общества не препятствуетъ тому, чтобы нѣкоторыя изъ привилегій Главнаго общества были распространены въ продолженіи предстоящаго десятилѣтія на торговые дома, устроенные на основаніи полнаго товарищества.

ЗАМѢТКА.

Въ отдѣлѣ иностранныхъ извѣстій № 161 *Русскаго Инвалида* редакція этого казеннаго изданія сочла нужнымъ обратиться съ разными совѣтами къ русскимъ періодическимъ изданіямъ и между прочимъ позволила себѣ прочесть лекцію нашему журналу, по поводу помѣщенія въ немъ карикатуры на графа Гюлая, изданной въ Туринѣ. Редакція *Русскаго Инвалида*, дѣлая намекъ на то, что эта карикатура есть *собственное* изобрѣтеніе *Русскаго Вѣстника*, обвиняетъ насъ въ насмѣшкѣ будто бы надъ всѣми генералами, проигрывавшими сраженія, и въ наименованіи ихъ «ослами». Не знаемъ, что побудило редакцію *Русскаго Инвалида* взвести на насъ это обвиненіе, въ неосновательности котораго редакторъ *Русскаго Инвалида*, конечно, самъ былъ убѣжденъ, если только, въ чемъ мы не сомнѣваемся, онъ видѣлъ книжку *Русскаго Вѣстника*, подвергшуюся атакѣ военнаго журнала, имъ издаваемаго. Равнымъ образомъ мы не понимаемъ, что *иностранною* наша въ этомъ обвиненіи редакція *Русскаго Инвалида*, кромѣ развѣ того, что это обвиненіе можетъ прозвезсти эффектъ лишь на иностранную публику и на ту часть русской публики, которая не читаетъ и не знаетъ русскихъ журналовъ. Но мы очень хорошо знаемъ и понимаемъ, какъ равно знаютъ и понимаютъ это всѣ люди сколько-нибудь порядочнаго тона, что редакція какого бы то ни было журнала, казеннаго или частнаго, имѣетъ право, хотя бы и наканунѣ самой оригинальной изъ *іереміадъ*, защищать себя не иначе, какъ прямо, не бросая неблагоприятнаго свѣта на другія изданія. Намъ совѣстно объяснять, что карикатура, помѣщенная въ письмѣ нашего корреспондента, или, какъ называетъ ее величественно *Русскій Инвалидъ*, «неостроумная картина русскаго журнала», нисколько не выражаетъ собою мнѣнія нашего журнала, а помѣщена нами, какъ фактъ, дающій понятіе о состояніи умовъ, или, вѣрнѣе, не столько даже о состояніи умовъ, сколько объ уличной жизни въ Італіи.

Увлеченія часто приводятъ людей и редакціи журналовъ въ недовкое положеніе. *Русскій Инвалидъ*, увлеченный чувствомъ

самосохраненія, не устоялъ и отъ другаго увлеченія,—отъ увлеченія очень опаснымъ чувствомъ гордости. Онъ считаетъ дозволеннымъ для себя всякое средство, потому что статьи изъ него, какъ онъ объявляетъ во всеуслышаніе, переводятся въ *le Nord* и *Neue Preussische Zeitung*. Сколько намъ извѣстно, ни *Мониторъ*, ни *Австрійская Корреспонденція*, ни *Полицейскія Вѣдомости* не думаютъ гордиться тѣмъ, что изъ нихъ многое перепечатывается другими журналами. Но если вниманіе, оказываемое иностранными газетами *Русскому Инвалиду*, способно внушить его редакціи непомерное чувство гордости, то не худо было бы, еслибъ эта редакція не оплачивала этимъ газетамъ такъ неблагодарно, какъ она дѣлаетъ, ежедневно искажая въ своемъ переводѣ тѣ извѣстія, которыя она изъ нихъ заимствуетъ. Намъ кажется также, что австрійскіе генералы имѣютъ болѣе права пенять на *Русскій Инвалидъ*, нежели на насъ, даже еслибъ они и повѣрили ему, что карриатура на графа Гюлая сочинена нами самими. Во всякомъ случаѣ эта карриатура не болѣе какъ шутка, и шутка далеко не такъ злая, какъ телеграфическая депеша, которая не называла себя карриатурой, и въ которой, вслѣдствіе незнанія одного французскаго глагола, извѣстіе, что вся австрійская армія была въ дѣлѣ, превратилось въ извѣстіе, что вся австрійская армія отступила. Въ заключеніе напомнимъ редакціи *Русскаго Инвалида* и еще объ одномъ чувствѣ благодарности,—о чувствѣ благодарности за получаемое ею жалованье. Когда это чувство возьметъ въ ней верхъ надъ дурными чувствами гордости и самосохраненія *à tout prix*, тогда русская публика, узнающая о русскихъ военныхъ приказахъ и военныхъ реляціяхъ единственно изъ *Инвалида*, будетъ имѣть возможность читать эти важные документы не обезображенные, какъ нынѣ, несмѣтными и непростительными въ этомъ случаѣ опечатками.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ

АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО СЕЛЬСКИЙ ХОЗЯИНЪ.

Многіе сельскіе хозяева у насъ недоумѣваютъ, какимъ образомъ можетъ произойти увеличеніе ихъ доходовъ вслѣдствіе освобожденія труда нашихъ поселенъ. Всѣ согласны, что свободный человѣкъ работаетъ больше, нежели крѣпостной, что хозяйство, основанное на вольнонаемномъ трудѣ, будетъ гораздо разчетливѣе хозяйства барщиннаго, и что по мѣрѣ того какъ будетъ выходить изъ употребленія барщина, земля будетъ обрабатываться лучше и давать лучшіе урожан. Соглашаясь въ этомъ, всѣ согласны и въ томъ, что Россія будетъ производить послѣ реформы больше хлѣбовъ, нежели сколько она производитъ теперь. Въ этомъ согласны всѣ, или по крайней мѣрѣ болѣе или менѣе всѣ, но за этимъ начинаются недоумѣнія. Что коммерческое хозяйство разчетливѣе барщиннаго, въ этомъ нѣтъ спора; но будетъ ли оно прибыльнѣе у насъ, при нашей обстановкѣ, при недостаточности нашихъ средствъ сбыта? Что русское сельское хозяйство, освобожденное отъ стѣсненій, будетъ производить больше прежняго, въ этомъ также нѣтъ спора; но будетъ ли выгодно для нашего сельскаго хозяйства это усиленіе производства? не подешевѣетъ ли хлѣбъ, вслѣдствіе того, что его будетъ родиться больше, и не придется ли за большее количество хлѣба получать тѣ же самыя деньги, которыя получаютъ теперь за меньшее количество хлѣба? Эти вопросы задаютъ себѣ весьма многіе сельскіе хозяева у насъ, и мы пользуемся настоящимъ случаемъ, чтобы сказать о нихъ нѣсколько словъ, давая гласность извѣстіямъ о ходѣ дѣлъ того акціонернаго общества, которое было задумано вслѣдствіе размышленій объ этихъ вопросахъ.

Тѣ рѣшительно ошибаются, которые полагаютъ, что доходы, получаемые у насъ отъ сельскаго хозяйства, могутъ возвыситься только вслѣдствіе возвышенія цѣны на хлѣбъ. Напротивъ, выгоды Россіи настолько требуютъ, чтобы цѣны на хлѣбъ въ нашихъ портовыхъ городахъ значительно понизились, потому что только при этомъ условіи мы можемъ соперничествовать въ хлѣбной торговлѣ съ другими странами, отпускающими хлѣбъ, и преимущественно съ Америкой, которая почти совершенно отбила уже у насъ хлѣбную торговлю. Въ тѣхъ частяхъ Россіи, откуда идетъ отпускной хлѣбъ, производство его должно значительно усилиться, дабы можно было выручить на количествахъ хлѣба то, что будетъ потеряно на цѣнѣ. Отъ значительнаго усиленія хлѣбнаго производства зависитъ вся будущность русской отпускной торговли, а такъ какъ освобожденіе труда есть самое вѣрное средство для усиленія производства, то понятно, почему даже съ экономической стороны Россія не можетъ обойтись безъ отчужденія обязательной работы. Что же касается до доходовъ, получаемыхъ отъ сельскаго хозяйства, то они могутъ возвыситься у насъ, говоря вообще, не отъ возвышенія цѣнъ на хлѣбъ, а отъ значительнаго приращенія въ количествахъ производимаго хлѣба и отъ значительнаго развитія тѣхъ отраслей сельскаго хозяйства, которыя занимаютъ переработку непосредственныхъ продуктовъ почвы, и между которыми первое мѣсто принадлежитъ скотоводству, превращающему хлѣбъ и траву въ масло, сыръ, мясо, сало, кожу и т. д. Англійскій фермеръ получаетъ три четверти своего дохода отъ ското-

водства, между тѣмъ какъ въ русскомъ сельскомъ хозяйствѣ имъ доставляется едва десятая доля дохода. Между тѣмъ отъ увеличенія скотоводства зависятъ успѣхи и самого земледѣлства, которое получаетъ отъ него удобреніе. Поэтому все то, что содѣйствуетъ успѣхамъ скотоводства въ Россіи, заслуживаетъ особеннаго вниманія мыслящихъ и предприимчивыхъ людей.

Не касаясь другихъ сторонъ вопроса объ условіяхъ процвѣтанія русскаго скотоводства, мы остановимся на этотъ разъ на одной изъ нихъ. Легко понять, что затруднительность сбыта играетъ важную роль въ теперешнемъ положеніи нашего скотоводства, но легко также понять, что, вслѣдствіе меньшей громоздкости продуктовъ скотоводства, недостаточность нашихъ путей сообщенія менѣе затрудняетъ перевозку ихъ, нежели перевозку хлѣба. Можно даже думать, что тѣ части Россіи, которыя удалены отъ рѣкъ и желѣзныхъ путей, имѣютъ въ скотоводствѣ самое удобное средство для сбыта своихъ сельскихъ произведеній: вывезти хлѣбъ въ видѣ мяса, масла и т. д., гораздо легче нежели вывезти его въ зернахъ. Именно въ этихъ краяхъ Россіи, гдѣ сельское хозяйство доставляетъ теперь очень незначительные доходы, скотоводство могло бы получить особенное развитіе, лишь бы оказалась достаточный спросъ на его продукты. Но откуда можетъ идти этотъ спросъ какъ не изъ-за границы? Пока въ Россіи усилится потребленіе продуктовъ скотоводства, пройдетъ еще много времени: для этого нужно большое развитіе довольства, а у насъ во многихъ мѣстахъ у крестьянина нѣтъ даже и куска хорошаго чернаго хлѣба, да и горожане наши потребляютъ очень мало мяса. Вся надежда нашего скотоводства на сбытъ продуктовъ его за границу, и вотъ мы пришли къ той мысли, которая вызвала акціонерное общество *Сельскій Хозяинъ*.

Назначеніе этого общества—перерабатывать продукты русскаго сельскаго хозяйства для отпуски ихъ за границу. Заведеніе, первоначально предпріятое Обществомъ, есть фабрика для переработки продуктовъ скотоводства. Мѣстомъ фабрики выбранъ Ростовъ на Дону, пунктъ, безъ сомнѣнія самый удобный для этой цѣли во всей Россіи. Къ Ростовской фабрикѣ вздумали потомъ присоединить колоссальную паровую крупчатку, которую рѣшили устроить въ Таганрогѣ,—предпріятіе, которое надобно также назвать очень раціональнымъ, если только припомнить, что на всемъ юго-востокѣ Россіи нѣтъ хорошей мельницы, что этотъ край, богатый пшеницей, получаетъ крупчатую муку изъ Ельца, и наконецъ, что за границу охотнѣе стали бы брать муку, нежели зерновую пшеницу. Не можетъ быть сомнѣнія, что мысль, положенная въ основаніе общества *Сельскій Хозяинъ*, принадлежитъ къ самымъ счастливымъ мыслямъ, и нельзя было не желать полнаго успѣха этому обществу. Вопросъ состоялъ только въ томъ, какіе размѣры всего выгоднѣе для двухъ упомянутыхъ нами заведеній его, и можетъ ли вообще акціонерное общество браться за подобныя предпріятія. Во всякомъ случаѣ, ходъ дѣлъ этого общества заслуживаетъ живаго интереса не однимъ только акціонерамъ его, и мы съ большимъ удовольствіемъ передаемъ публикѣ нижеслѣдующіе документы, за доставленіе которыхъ мы обязаны В. А. Кокореву, а равно его, при которомъ они были намъ присланы. Считаемъ нужнымъ замѣтить, что записки, извлеченіе изъ которыхъ читатели найдутъ ниже, были составлены въ апрѣлѣ мѣсяцѣ этого года, а редакціей получены въ маѣ.

I.

ПИСЬМО Г. КОКОРЕВА.

Въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ составилось въ Россіи столько акціонерныхъ обществъ, что капиталъ ихъ, включая главное обществомъ желѣзныхъ дорогъ, простирается свыше 450 милліоновъ рублей на серебро, и всѣ эти общества сложились изъ довѣрія частныхъ лицъ къ учредителямъ и предпріятіямъ. Но результатъ взаимнаго довѣрія есть откровенность, и потому учредители и директора компаній, или обществъ, прежде всего обязаны удостовѣрить всѣхъ акціонеровъ въ намѣреніи своемъ вести дѣло откровенно и искренно. Худо ли, хорошо ли идетъ дѣло, оправдана ли цѣль успѣхомъ, или вышла въ чемъ-нибудь ошибка, все должно быть высказано, всѣ внутреннія дѣйствія должны быть выворочены наружу. Иначе быть не должно въ такихъ дѣлахъ, гдѣ капиталъ собранъ отъ частныхъ лицъ, гдѣ довѣрители—цѣлое общество, гдѣ дѣйствователи — люди, избранные обществомъ. Долгъ и честь обязываютъ давать довѣрителямъ откровенный отчетъ; въ дѣлахъ акціонерныхъ обществъ тайна, неоглашеніе подробностей, прикрытіе ошибокъ, должны быть признаны за гражданскія преступленія. Вносить въ дѣла акціонерныя, сложившіяся изъ силъ и средствъ общества, бюрократическія начала со всѣми ихъ секретамъ — значить вести ихъ по пути казенной дѣятельности, которой несостоятельность по части промышленности доказана во всѣхъ странахъ многими опытами.

Всѣ эти соображенія убѣждаютъ въ томъ, что акціонерныя дѣла тогда только разовьются и упрочатся, когда они не будутъ ведены тайнѣ, и когда притомъ сами акціонеры будутъ дѣятельно слѣдить за употребленіемъ ихъ капиталовъ, и для ревизіи отчетовъ, читаемыхъ въ общихъ годовыхъ собраніяхъ, станутъ избирать людей способныхъ и готовыхъ выполнить это порученіе, а не такихъ, которые, не понимая дѣла, или не желая удѣлять ему часть своего времени и трудовъ, пріѣзжаютъ въ правленіе компаніи только для обрядности, почти не смотря перелистываютъ книги и тотчасъ же пишутъ избитую фразу, что они находятъ отчетъ вѣрнымъ и правильнымъ. Эти ревизіи, дѣлаемыя

только для формы, вносятъ съ собою въ общества зародышъ великаго зла, онѣ внушаютъ управляющимъ дѣлами обществъ и директорамъ мысль, что можно ворочать дѣлами общества по своему произволу, а отсюда истекаютъ всѣ вредныя послѣдствія произвола.

Сказавъ, что ревизіи годовыхъ отчетовъ и дѣлъ компаній производятся акціонерами, избираемыми общимъ собраніемъ, я не могу не упомянуть о характерѣ, который имѣютъ у насъ во большей части общія собранія акціонеровъ. Отсутствіе единства въ дѣйствіяхъ, поработившее Русь и приучившее ее къ татарскому арму, по несчастію проявляется у насъ повсюду и до сихъ поръ. Акціонеры собираются въ залу общаго собранія, разединенные, не обмѣнявшіеся взаимно мыслями о тѣхъ предметахъ, которые будутъ подлежать общему обсуживанію, часто не дающіе себѣ труда даже узнать другъ друга. При слушаніи отчета, на нѣкоторыхъ физіономіяхъ появляется сомнѣніе, на нѣкоторыхъ туловищахъ пожимаются плеча: это показываетъ, что внутреннее побужденіе къ протесту есть, но оно только этимъ и выражается. Если дѣло коснется предметовъ, по поводу которыхъ директора спрашиваютъ мнѣнія или рѣшенія общаго собранія акціонеровъ, то на лицахъ этихъ господъ выступаетъ выраженіе нерѣшительности и колебанія; при этомъ нерѣдко случается подмѣтить, какъ сосѣдъ говоритъ сосѣду: «начинайте говорить вы, а я васъ поддержу», а сосѣдъ отвѣчаетъ ему: «нѣтъ, ужъ вы лучше начинайте», и ни тотъ, ни другой не начинаетъ, — и рѣшеніе пишется такъ-сказать подъ диктовку тѣхъ же директоровъ.

При подачѣ голосовъ, при избраніи ревизоровъ и директоровъ, повторяются тѣ же грустныя сцены сомнѣнія и нерѣшительности, продолжающіяся до тѣхъ поръ, пока какіе-нибудь господа, *по секретному порученію директоровъ*, шепнуть акціонерамъ, что избирать слѣдуетъ такого-то.

Быть-можетъ скажутъ, что акціонеры дѣйствуютъ такъ нерѣшительно потому, что права ихъ неотчетливо опредѣлены въ уставахъ. Но развѣ не отъ общаго собранія этихъ акціонеровъ зависитъ войти куда слѣдуетъ съ представленіемъ о дополненіяхъ, поясненіяхъ и даже измѣненіяхъ сказанныхъ уставовъ?

Если мы не рѣшаемся, или не можемъ рѣшиться защищать свои собственные интересы, имѣя на то право и голосъ, предоставленный намъ закономъ, если мы не пользуемся благодѣяніями гласности для своихъ собственныхъ выгодъ, то чего же можно ожидать отъ насъ тамъ, гдѣ дѣло будетъ касаться только однихъ интересовъ общественныхъ, или государственныхъ?

Дай Богъ, чтобы въ нашихъ компаніяхъ и обществахъ поско-

рѣй вывелись безпечность и нерадѣніе со стороны акціонеровъ, чтобъ они разумно слѣдили за ходомъ дѣла, на которое положили свой капиталъ, чтобы пріучались къ единству въ дѣйствіяхъ, и убѣдились, что директоры суть ихъ повѣренныя, обязанныя отвѣчать имъ за свои распоряженія, наконецъ, чтобы гласно обнаруживалось и преслѣдовалось всякое неустройство, возникающее въ администраціи обществъ.

Признавая и высоко цѣня пользу гласности для упроченія акціонерныхъ обществъ, препровождаю въ редакцію *Русскаго Вѣстника* двѣ статьи о ходѣ дѣлъ общества *Сельскій Хозяинъ*. Статьи эти требуютъ печати, какъ потому, что касаются интересовъ трехъ сотъ пятидесяти акціонеровъ, такъ и потому, что это есть болѣе надежный способъ доставить возможность всѣмъ имъ узнать въ подробности о томъ, что сдѣлано съ капиталомъ, который они внесли для учрежденія и дѣйствій этого общества.

II.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ЗАПИСКИ Г. ЛЕВАШОВА.

I. ТАГАНРОГСКАЯ МУКОМОЛЬНАЯ МЕЛЬНИЦА И ПРИБАДЛЕЖНОСТИ.

Для устройства мукомольной паровой мельницы куплено мѣсто очень удобное, въ двухъ верстахъ отъ Таганрога, на высокомъ берегу моря: воздухъ чистый, грунтъ твердый, глина прочная, огнепостоянная, песокъ, камень известковый, бутовый и шоссейный подъ руками, въ колодезь, вырытомъ у моря, оказалась прѣсная, весьма хорошая вода въ изобиліи; съ устройствомъ спуска къ морю и небольшого мола, каботажныя суда могутъ прямо приходять сюда для нарузки и вырузки.

Домъ прежняго владѣльца этой дачи и нѣкоторыя другія строенія служатъ жилищемъ для строителя мельницы, г. Штедера, и прочихъ иностранцевъ, участвующихъ въ постройкѣ этого заведенія; плодовитый садъ, кромѣ удовольствія и выгоды живущихъ, представляетъ необходимую въ здѣшнихъ мѣстахъ защиту отъ лѣтняго зноя. Мѣсто довольно обширное, которое, когда спланируется, будетъ еще помѣстительнѣе; впрочемъ прежде планировки надобно хорошенько сообразить, во что обойдется она, и окупатся ли ея издержки представляемою выгодною; во всякомъ случаѣ въ настоящее время планировка не составляетъ необходимости, кромѣ

того развѣ, что слишкомъ крутые бугры и обрывы должны быть спущены во избѣжаніе обваловъ, могущихъ повредить колодезь и водокачальный домикъ.

Кромѣ кирпичныхъ сараевъ и печи для обжиганія известе, устроенныхъ отъ общества на землѣ, состоящей въ арендномъ содержаніи, есть на купленной землѣ прежніе кирпичные заводы, и вновь устроено французскими мастерами заведеніе для выдѣлки, по особымъ формамъ, обыкновеннаго кирпича, изъ котораго будетъ складываться фабричная труба, также и для кирпича огнепостояннаго, который до сихъ поръ можно было только выписывать на корабляхъ изъ Англіи, или привозить сухопутно съ луганскихъ заводовъ (что также обходилось не дешево). При всемъ томъ, только часть кирпича, потребнаго для постройки мельницы и прочихъ заведеній готовится на своихъ заводахъ; большая часть заподражена у постороннихъ заводчиковъ. Еслибы при началѣ этого предпріятія были выписаны кирпичедѣлательныя машины, устроены въ надлежащихъ размѣрахъ обжигательныя печи, и заготовлено достаточно топлива, то можно бы приготовить и все потребное количество кирпича, ежели не цѣною выгоднѣе, то по качеству лучше; потому что приготовляемый здѣсь вольными промышленниками кирпичъ вообще не хорошъ.

Строитель мельницы, г. Штецеръ, весьма свѣдущій, по видимому, въ этомъ дѣлѣ, молодой человекъ. Онъ очень дорожитъ своею репутаціею и усердно занимается. Онъ полагаетъ окончить постройку мельницы, установить машины и привести ее въ дѣйствіе къ 1-му января будущаго 1860 года, если не встрѣтятся какихъ-либо особыхъ, непредвидимыхъ препятствій.

Фундаментъ, выведенный прошедшею осенью, сдѣланъ прочно и во время зимы былъ тщательно оберегаемъ отъ вреднаго вліянія атмосферическихъ перемѣнъ и весенней воды.

Стѣны мельницы предполагается класть на англійскомъ цементѣ, который хотя скоро твердѣетъ, но все же не можетъ до времени высохнуть такъ, чтобы сотрясеніе машинъ въ полномъ дѣйствіи не имѣло вліянія на свѣжія стѣны столь высокаго зданія, и потому необходимо узнать мнѣніе людей спеціальныхъ о томъ, не нужно ли дать время просохнуть и окрѣпнуть строенію, прежде чѣмъ пустить въ ходъ весь механизмъ этой мельницы.

Для помѣщенія 500 человекъ рабочихъ, внизу близъ моря устроенъ весьма хорошій временный балаганъ, свѣтлый, съ русскими печами и котлами для приготовленія пищи, столами, лавками и нарами въ два яруса. Это строеніе по минованіи надобности можетъ получить другое назначеніе, напримѣръ служить конюшнею, или помѣщеніемъ для свиней и другихъ животныхъ (ежели таковыя будутъ откармливаться при мельницѣ), а

затѣмъ вовсе не нужно строить предположенную здѣсь свинарню съ бойнею; ибо приготовленіе въ прокъ мяса должно все производиться на Ростовской фабрикѣ; притомъ же одними отрубями нельзя вполне откармливать свиней на убой, а можно ихъ только готовить къ окончательному откармливанію, которое во всякомъ случаѣ производится зерновымъ хлѣбомъ. Опытъ лучше покажетъ, что выгоднѣе, переводить ли подготовленныхъ такимъ образомъ животныхъ въ Ростовъ для окончательнаго уже тамъ ихъ откармливанія, или вовсе не держать свиней при мельницѣ, а отруби отправлять въ Ростовъ на порожнихъ судахъ, идущихъ въ Ростовъ за солониною, пшеницею и прочими товарами, перевозимыми въ Таганрогъ для заграничнаго отпуса.

Предположеніе выстроить особую водоподъемную башню, съ резервуаромъ для воды на обыкновенныя потребности всѣхъ живущихъ при мельницѣ, кажется излишнимъ. Дешевле и удобнѣе будетъ сдѣлать цистерну, въ которую подземными канавками пропустить дождевую воду со всѣхъ крышъ, составляющихъ довольно большую площадь; надъ этою цистерной можно поставить ручной насосъ, а въ самомъ зданіи мельницы устроить небольшой резервуаръ на случай пожара и прочихъ надобностей.

Водокачальный домикъ уже готовъ и сдѣланъ хорошо, но колодезь еще не совсѣмъ отдѣланъ.

Паровая машина, поднимающая воду въ паровики на мельницѣ будетъ дѣйствовать не постоянно, а только по нѣсколькимъ часамъ въ сутки, въ остальное же свободное время ее можно будетъ употребить на какое-нибудь полезное дѣло, напримѣръ на пилку досокъ, крученіе канатовъ, маслбойню или иное что-либо.

Что касается до магазиновъ для ссыпки пшеницы, построенныхъ въ прошедшемъ году, то нельзя назвать эту работу вполне прочною; всѣ перемычки надъ воротами, а можетъ-быть и еще нѣкоторыя части зданія придется передѣлать. Здѣсь временно помѣщены мастерскія и кладовая; зимою готовились тутъ закладныя рамы, оконныя переплеты, кружала, палубы, тачки, носилки и проч. Механическая мастерская будетъ нужна и по окончаніи всѣхъ построекъ на мельницѣ для починки своихъ машинъ, инструментовъ и снарядовъ. Для такого заведенія много найдется и посторонней работы; она будетъ истиннымъ благодѣяніемъ для всего здѣшняго края, гдѣ до сихъ поръ нѣтъ еще средствъ исправить малѣйшую порчу самой простой машины, и потому не вводятся въ употребленіе молотильныя, сѣяльныя, жатвенныя и другія машины этого рода, составляющія необходимую потребность земледѣлія, которое по этой самой причинѣ находится здѣсь въ младенчествѣ, несмотря на дивное плодородіе почвы. Приходящіе сюда въ огромномъ количествѣ

корабли и пароходы также не рѣдко крайне нуждаются въ починкѣ своихъ принадлежностей. Не только содержаніе, но даже устройство подобной механической мастерской, можетъ окупиться въ короткое время: Впрочемъ это заведеніе, вѣроятно, не займетъ всѣхъ трехъ отдѣленій магазинновъ, и часть ихъ можетъ быть употреблена для склада зерноваго или молотаго хлѣба.

Сверхъ того въ зданіи самой мельницы предназначена одна часть для пекарни морскихъ сухарей и галегъ. Пекарня, вѣроятно, еще не сразу будетъ въ полномъ дѣйствіи; ибо необходимо сначала на небольшомъ количествѣ удостовѣриться въ дѣйствительной, а не воображаемой выгодности этого производства. Другая часть строенія опредѣлена для жилища работниковъ, но ихъ можно будетъ помѣстить, отчасти въ тѣхъ строеніяхъ, въ которыхъ нынѣ живутъ иностранные мастеровые, употребляемые временно при постройкѣ, отчасти же въ другихъ зданіяхъ; остающіяся затѣмъ свободными части мельницы могутъ служить магазинами.

Магазины г. Альераки въ Таганрогѣ у пристани, нанятые для есыпки пшеницы, за отмѣною заготовленія оной впредь до окончанія мельницы, остаются излишними. Г. Альераки согласенъ взять ихъ назадъ и уничтожить контрактъ; но часть этого помѣщенія нужна для склада солонины и прочихъ произведеній Ростовской фабрики. Впрочемъ, надобно правду сказать, что магазины эти лучшіе въ городѣ, гдѣ большая часть зданій у пристани, разрушенныхъ бомбардированіемъ неприятелей, находится еще въ развалинахъ.

Въ настоящее время нѣтъ еще надобности закупать пшеницу, ибо мельница не готова, и цѣны теперешнія не основательны. При хорошемъ урожаѣ онѣ должны понизиться, при плохомъ возвыситься, но угадать этого заранее нельзя; однако въ концѣ осени, когда извѣстенъ будетъ урожай здѣсь и за границу, и когда требованіе обнаружится, такъ какъ устройство мельницы будетъ приходить къ окончанію, необходимо будетъ купить нѣкоторое количество пшеницы и приготовить къ будущей навигаціи муку для испытанія сбыта ея за границу. Можетъ-быть въ послѣдствіи времени окажется возможнымъ и выгоднымъ брать чужую пшеницу для размола; но при началѣ операціи необходимо имѣть свой запасъ пшеницы, дабы не оставлять мельницы безъ дѣйствія въ ожиданіи постороннихъ помоловъ, которые могутъ не прежде достигнуть значительнаго количества, какъ по удостовѣреніи потребителей въ хорошемъ качествѣ производимой на этомъ заведеніи муки, по усиленіи требованія на нее для мѣстнаго употребленія, а также и для отправки за границу.

Мясная лавка въ Таганрогѣ уничтожена за невыгодностью. Но

Одна лавка изъ трехъ нанятыхъ за 1350 руб. въ годъ на большой улицѣ, должна остаться для продажи въ ней теперь солонины, ветчины, языковъ, колбасъ, консервовъ и прочихъ произведеній Ростовской фабрики, а въ послѣдствіи времени муки, галетъ и морскихъ сухарей, кои будутъ приготовляться на мельницѣ, дабы познакомить потребителей съ товарами акціонернаго общества. Прочія двѣ лавки, въ коихъ помѣщаются винный погребецъ и булочная, сданы за 900 рублей, такъ что остающаяся за компанію лавка обходится наймомъ по 450 руб. въ годъ: по здѣшнему это не дорого.

Прежнее правленіе распорядилось выписать изъ Англій вмѣстѣ съ машинами, для установокъ ихъ, десять человекъ Англичанъ, а г. Штецеръ требовалъ только четверыхъ; онъ говоритъ, что съ лишними работниками дѣло не пойдетъ скорѣе, ибо механизмъ устанавливается постепенно, а содержаніе будетъ стоить дороже; французскихъ каменщиковъ и кирпичниковъ онъ тоже не желалъ имѣть. Но такъ какъ они уже прежде наняты по контрактамъ и показали свое искусство на ростовскихъ постройкахъ, притомъ отъ нихъ заимствуютъ много полезныхъ усовершенствованій наши русскіе работники, то присутствіе ихъ здѣсь можно одобрить.

II. Пароходъ и баржи.

Пароходъ и баржи, заказанные въ Англій, хотя и предполагается продать, но, кажется, компаніи выгоднѣе будетъ оставить ихъ за собою, потому что будетъ довольно имъ работы въ оба пути. Изъ Таганрога въ Ростовъ ирдется отвозить соль заграничную, отруби и другія потребности, и можно перевозить также постороннюю кладь и пассажировъ; изъ Ростова пойдетъ въ Таганрогъ пшеница для мельницы, солонина, консервы, сало, кожа, мыло, каменный уголь, бочки для муки (ежели она по американскому способу отправляться будетъ за границу въ бочкахъ), и все это составитъ сотни тысячъ пудовъ, а здѣсь каботажныя суда берутъ иногда баснословныя цѣны за перевозку изъ Ростова и подвозку съ пристани къ мореходнымъ кораблямъ; притомъ за противными вѣтрами и мелководьемъ въ гирлахъ Дона, каботажныя суда теряютъ напрасно много времени. Въ прошлую навигацію весьма плохой пароходъ компаніи *Надежда*, ходившій между Таганрогомъ и Ростовомъ, заработалъ много денегъ.

На счетъ общества заказаны въ Глазго одинъ желѣзный пароходъ въ 60 силъ, на сумму ф. с. 4.250; три желѣзныя баржи на 2.850, а всего фунт. с. 7.100. Со всѣми расходами эти суда не могутъ обойтись дороже 60.000 рублей сер.

Всѣ три баржи вмѣстѣ поднимаютъ около 19 тыс. пуд., или 1.900 четвертей пшеницы, или 3.800 мѣшковъ муки. А провозъ на рейдъ изъ Таганрога стоить на обыкновенныхъ каботажныхъ судахъ отъ 10 коп. за четверть весною и до 20 осенью. Кроме того, изъ Ростова въ осеннее время могутъ выходить только суда съ осадкою не болѣе 42 дюймовъ (6 четвертей), а такъ какъ деревянныхъ судовъ съ такою осадкой, годныхъ для ѣзды на рейдъ, не имѣется, то не рѣдко до 300 судовъ остается безъ движенія въ гирляхъ Дона, и потому-то, начиная съ августа мѣсяца, уже дѣлаютъ огромную разницу въ цѣнѣ пшеницы и другихъ товаровъ въ Ростовѣ противъ Таганрога. Баржи *Сельскаго Хозяина* съ грузомъ будутъ имѣть осадки не болѣе 35 дюймовъ, и потому нѣтъ сомнѣнн, что онѣ во всякое время будутъ имѣть возможность проходить гирля.

Посмотримъ теперь, какъ велика будетъ потребность перевоза съ Ростовской фабрики и Таганрогской мельницы. При удовлетворительномъ дѣйствіи, то-есть разчитывая на убой 6 тыс. быковъ, 12 тыс. барановъ и 1 тыс. свиней, отпускъ Ростовской фабрики будетъ отъ 150 тыс. до 200 тыс. пудовъ. Что же касается до Таганрогской мельницы, то при денной только работѣ, она будетъ молотъ, по крайней мѣрѣ, 80 тыс. четвертей пшеницы. Считаая, что половина этой пропорціи будетъ отпускаться за море, мы находимъ, что независимо отъ перевозки покупаемой въ Ростовѣ пшеницы къ Таганрогской мельницѣ, общество *Сельскій Хозяинъ* будетъ имѣть своихъ грузовъ до 600 тыс. пудовъ въ годъ, что составитъ до 32 рейсовъ для каждой баржи на рейдъ.

А такъ какъ нагрузка трехъ баржей, съ проѣздомъ на рейдъ и выгрузкою, не потребуетъ двухъ дней, то останется еще свободнаго времени для заработка отъ другихъ торговцевъ, по крайней мѣрѣ на такое же число рейсовъ. Принимая въ сложности за фрахтъ по 20 коп. съ 10 пудовъ, можно будетъ кромѣ перевозки своихъ произведеній, зарабатывать отъ 12 до 20 тыс. рублей; весь же годовой расходъ не можетъ составить 10 тыс. рублей, а именно:

За трехъ мореходцевъ, на каждой баржѣ	
по 450 руб. въ гѣто на баржу.	1.350 р.
• 6 моряковъ на пароходѣ.	900 »
• 2 кочегара.	300 »
• шкипера.	1.000 »
• механика.	800 »
• 20 тыс. пуд. угля.	3 000 »
непредвидимый расходъ и ремонтъ	2.650 »
	<hr/>
	10.000 »

Притомъ общество найдетъ большое облегченіе въ сбытѣ своихъ произведеній тѣмъ, что солонину, муку, сухари, будетъ

доставлять прямо на борт корабельщиковъ, которые у него будутъ снабжаться провіантомъ: для этой цѣли устроены два трюма на пароходѣ.

До сихъ поръ англійскіе шкиперы, приходящіе въ азовскіе порты, зная, что не могутъ найти хорошей солонины, снабжались ею въ Англии на путь сюда и обратно; когда же будутъ знать, что здѣсь продается отличная солонина (какова безъ всякаго сомнѣнія приготовленная на Ростовской фабрикѣ), то они, по мнѣнію свѣдущихъ и совершенно безпристрастныхъ людей, здѣсь будутъ запасаться на рейсъ домой и обратно сюда. То же самое и съ сухарями. 14.000 мореходцевъ, приходящіе ежегодно въ азовскіе порта, для снабженія своего потребуютъ въ сложности около 63 тыс. пуд. сухарей (по два фунта въ сутки на три мѣсяца) и 32 тыс. пуд. солонины. Удвойте это количество, и вы найдете около 200 тыс. пуд., которые придется развозить на рейдъ Таганрогскій, въ Маріуполь, Бердянскъ и Керчь.

III. Ростовская фабрика и принадлежности.

Мѣстность Ростовской фабрики весьма удобная, въ близкомъ разстояніи отъ города и рѣки Дона, на берегу рѣчки Темерника, впадающей въ Донъ; она заключаетъ въ себѣ болѣе 30 десятинъ, съ прочнымъ каменнымъ, помѣстительнымъ домомъ, службами и обширнымъ плодовитымъ садомъ, и куплена за 25 тыс. рублей. Это не дорого: одни бывшія тутъ строенія по теперешнимъ цѣнамъ стоятъ болѣе 15 тыс. Кроме рѣчки, для воды есть два колодца; камень, добываемый здѣсь, хотя и не годится для извести, но употребляется для бута подъ строенія и для шоссеиныхъ дорогъ, необходимыхъ по причинѣ рыхлаго черноземнаго грунта, обрастающагося при малѣйшей сырости въ тонкую грязь.

По выемкѣ камня, можно обратить каменоломню въ прочный несгораемый подвалъ для склада солонины, консервовъ и прочихъ произведеній мясной фабрикаціи; онъ тѣмъ удобнѣе, что обращенъ будетъ къ сѣверу.

Возведенныя прошлымъ лѣтомъ постройки, а именно: зданія двухъ-этажныя съ подвалами для иностранцевъ, заключающія въ себѣ по нѣскольку отдѣльныхъ квартиръ, два полукаменные (фахверковые) корпуса, изъ коихъ въ одномъ помѣщаются мастерскія, въ другомъ салотопня и приготовленіе консервовъ, особый каменный корпусъ, гдѣ помѣщается коптильня, ледники, солильня съ холодильниками и временная бойня, также нѣкоторыя другія строенія, въ особенности же фабричная труба, имѣющая болѣе 20 сажень высоты, построены весьма хорошо и одобрены акаде-

микомъ г. Вальпреда, который по старой привычкѣ пріѣзжалъ къ намъ сюда изъ Новочеркасска, равно какъ и многими другими свидѣющими лицами. Замѣчательны также, по своей простотѣ, удобствѣ и красивому виду, два ледника изъ камыша.

Въ теперешнемъ своемъ объемѣ, фабрика дѣйствуетъ весьма удовлетворительно, ежедневно убивается и разрабатывается отъ 15 до 20 быковъ, но для обработки 40 или 50 штукъ въ день, какъ предполагается для полного дѣйствія ея, помѣщеній недостаточно. Фабрикація можетъ принять полное свое развитіе съ возведеніемъ тѣхъ зданій, которыя предполагается окончить въ нынѣшнемъ году, лишь бы не было остановки въ заготовленіи скота.

Теперь мнѣ кажутся необходимыми слѣдующія постройки:

- 1) Бойня. Тогда занимаемое оною мѣсто въ солоннѣ, можетъ быть обращено для соленія кожъ, а тамъ, гдѣ онѣ теперь солятся, можно помѣстить обдѣлку роговъ, копытъ, костей и прочихъ остатковъ.
- 2) Особая мыловарня и свѣчное заведеніе, а тамъ, гдѣ теперь варится мыло, можно устроить выварку клея, которая будетъ очень выгодна по теперешней дороговизнѣ столярнаго клея, продающагося по 20 коп. сереб. за фунтъ, между тѣмъ, какъ остатки, изъ которыхъ онъ добывается, до сихъ поръ остаются безъ употребленія. Особую же салотопню строить, кажется, нѣтъ надобности, ибо теперь дѣйствующая паровымъ снарядомъ салотопня, можетъ отлично обрабатывать много сала, а магазинъ для склада товаровъ, какъ уже сказано выше, всего лучше устроить въ каменоломнѣ.
- 3) Устройство дорогъ и тротуаровъ съ водостоками.
- 4) Загоны и базы для скота.
- 5) Домъ для рабочихъ. Эти строенія можно сдѣлать весьма дешево изъ барочнаго лѣса, который здѣсь недорогъ.

Сверхъ того, по мнѣнію моему, нужно устроить машинную выдѣлку боченковъ, которыя теперь обходятся очень дорого, до 5 руб. сереб. за штуку, а ихъ потребуются, при полномъ дѣйствіи фабрики и мельницы, огромное количество для солонины, сала и муки, примѣрно до 100 тысячъ штукъ, если не болѣе; также было бы полезно завести механическую распилку досокъ на ящики для мыла и консервовъ, ибо ручная пила медленна и обходится дорого. Воду же подымать изъ колодезя лучше всего конною машиною или обыкновеннымъ ручнымъ насосомъ; ея требуется не слишкомъ много, но во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ возить ее бочками, какъ дѣлается теперь.

Управляющій Ростовскою фабрикою, г. Тернеръ, человѣкъ дѣятельный, усердный и весьма смысленный Англичанинъ; онъ хотя и взятъ изъ Англійскаго магазина въ Петербургѣ, но знакомъ еще съ малыхъ лѣтъ съ мяснымъ дѣломъ, ибо отецъ его

Занимался мясным производствомъ въ Англіи. Онъ распоряжается отлично, умѣетъ обходиться съ русскими работниками и иностранцами (которыхъ держитъ въ такой дисциплинѣ, что изъ нихъ никто безъ его дозволенія не смѣетъ даже разговаривать съ посторонними посетителями). Въ покупкѣ матеріаловъ и наймѣ работниковъ онъ соблюдаетъ интересы компаніи; въ конторѣ у него одинъ только челоувѣкъ, но дѣло въ порядкѣ. Лошади ѣзжалы и рабочія въ исправности, а корму получаютъ немного.

Я видѣлъ, какъ быка мгновенно убиваютъ ударомъ особаго молотка, пробивающаго черепъ и мозгъ; горло прорѣзываютъ уже не живому, чтобы спустить кровь, потомъ шкуру снимаютъ обыкновеннымъ ножомъ, но весьма искусно, отрѣзываютъ ноги, рога и голову, внутренности вынимаютъ, тушу вѣшаютъ и поднимаютъ машиною, разнимаютъ сначала на двѣ половины и даютъ повисѣть, потомъ дѣлятъ уже на части, кости распиливаютъ, а не рубятъ. Мясо, идущее для соленья, кладутъ на каменные столы, гдѣ оно охлаждается, обмывается, натирается солью, составленною изъ трехъ разныхъ сортовъ: соли португальской (сетубальской), эстонской и влецкой, при чемъ Нѣмцы надѣваютъ кожаныя рукавицы; затѣмъ оно укладывается въ огромные чаны, весьма чистые, рядами, и пересыпается солью; чтобы не топтать мяса грязными ногами, солильщикъ надѣваетъ въ чану мѣдная, луженая калоши; на всѣхъ рабочихъ фартуки опрятные. Для консервовъ же мясо снимается съ костей, изъ которыхъ готовится бульйонъ; въ этомъ бульйонѣ варятъ мясо, послѣ чего его разрѣзываютъ на куски, взвѣшиваютъ и укладываютъ въ жестянки, наливая бульйономъ, крышки накладываютъ и тотчасъ же запаиваютъ, оставляя только въ срединѣ крышки небольшую скважину, нарочно повернутую. Потомъ жестянки устанавливаютъ рядами въ нарочно устроенную для сего желѣзную рѣшетку и опускаютъ въ беры, гдѣ вода, смѣшанная съ кислотами, и покрытая слоемъ жира, нагревается парами до 80 градусоу по Реомюру, но не кипитъ; на жестянки становятъ накладки, чтобы выбрасываемый наружу кипѣніемъ бульйонъ не терялся; когда же отъ нагреванія весь воздухъ выгонится изъ жестянокъ, тогда снимаютъ накладки, обтираютъ крышки, и отверстія запаиваютъ, не вынимая жестянки изъ бера; охлаждаютъ ихъ наложеніемъ губки, намоченной въ холодной водѣ. Вообще съ консервами очень много хлопотъ; нужно величайшее вниманіе и аккуратность. Всѣмъ распоряжается по этой части г. Брюно. Былъ случай, что одна жестянка лопнула и обожгла его и другаго мастера, по причинѣ не довольно крѣпкой запайки. Это доказываетъ, что воздухъ весь дѣйствительно выгоняется изъ банокъ. Многія жестянки средней величины сами собою сплю-

щиваются отъ давленія наружнаго воздуха; въ избѣжаніе сего имъ слѣдуетъ дать другую форму, именно дѣлать шире и ниже для большаго сопротивленія. Изъ банокъ и меньшаго и большаго формата ни одна не подвергается подобному поврежденію. Въ мастерской, гдѣ готовятъ жестянки, устроены машинки для обрѣзыванія жести по шѣркѣ, сгибанія въ трубки, вырѣзыванія дна и крышекъ и проч.; все весьма удобно, и работа идетъ скоро, но при большемъ развитіи этой фабрикаціи нужно прибавить мастеровъ; кромѣ Французовъ тутъ есть двое русскихъ учениковъ, хорошо занимающихся. Также и на бойнѣ есть русскіе мясники, перенимающіе у Французовъ ихъ ловкость и искусство. Одинъ, бывшій прежде въ комнатной прислугѣ Русскій, самъ охотно пошелъ въ мясники, онъ уже хорошо приспособилъ себя къ дѣлу и былъ очень полезенъ во время болѣзни главнаго мясника Француза.

До сихъ поръ здѣсь употребляютъ въ дѣло: мясо, кожи, сало, языки, почки и мясистыя части головъ; кости, рога и копыта, хотя собираются, но пока еще не обрабатываются и не продаются, только изъ ногъ вывариваютъ такъ-называемое костяное масло или квашенинное сало. Мозгъ изъ костей топится вмѣстѣ съ обыкновеннымъ саломъ, тогда какъ онъ долженъ идти собственно для приготовленія помады, имѣющей въ продажѣ цѣнность въ 10 разъ большую противъ сала. Мозгъ же головной, печени, легкія, горловина, внутренности и кровь большею частію ни на что не употребляются, но при полномъ развитіи дѣла эти остатки составятъ немаловажный предметъ обработки; изъ нихъ можно варить крѣпкій бульонъ и проч.

Но всего важнѣе въ этомъ дѣлѣ выгодная покупка скота, дешевое содержаніе его и хорошее откармливаніе. На этомъ основывается вся выгода акціонеровъ, а потому этотъ предметъ требуетъ всевозможнаго вниманія, соображенія и дѣльныхъ распоряженій главнаго управленія и мѣстныхъ исполнителей. Последніе воли, при насъ поступавшіе на бойню, были довольно худы; правда, что всѣ лучшіе уже выбраны были прежде. Поэтому теперь прекращенъ убой скота до тѣхъ поръ, пока будетъ купецъ свѣжій, нагульный, а оставшійся отъ прежней покупки долженъ откармливаться на пастбищахъ, къ чему теперь самое удобное время съ появленіемъ свѣжей травы и пока еще не наступили жары. За недостаткомъ денегъ, покупка вновь скота до сихъ поръ не производилась, и теперь только отправляются коммиссіонеры за покупкою, но довольно уже пропущено времени, и много прошло весеннихъ ярмарокъ. Здѣсь рѣдко можно достать готоваго на бойню скота; по большей части приходится покупать худой скотъ и его откармливать. Эта статья очень

важная и требует большой заботливости и умѣнья. Поэтому не худо было бы совсѣмъ отдѣлить эту хозяйственную часть отъ фабрики, устроивъ такъ, чтобы лицо, которому будетъ поручена покупка и приготовленіе къ бою скота, завѣдывало всѣми степями, сѣнокосами и прочимъ хозяйствомъ и было заинтересовано въ прибыли, отъ этого происходящей. Никакой наемникъ не можетъ сдѣлать того, что сдѣлаетъ самъ хозяинъ. Это можно сравнить съ казенною дѣятельностію и частною. Подрадчиковъ постороннихъ найти нельзя такихъ, которые, заботясь о своихъ выгодахъ, соблюдали бы и выгоду компаніи; притомъ на покупку и нагулъ 12-ти тысячъ быковъ и 10-ти тысячъ овецъ, ежегодно требуется капиталъ въ 600 или 700 тысячъ рублей, котораго не могутъ имѣть обыкновенные скотопромышленники. Казалось бы, это можно устроить такъ: пригласить человѣка способнаго и благонадежнаго, и выдавать ему въ кредитъ, по мѣрѣ надобности, деньги на покупку скота, наемъ людей, пастбищъ, сѣнокосовъ, и на устройство всѣхъ хозяйственныхъ заведеній, за капиталъ положить банковые проценты, а скотъ на бойню принимать отъ него по существующимъ на живую скотину цѣнамъ, или по цѣнамъ опредѣлительнымъ съ пуда мяса, глядя по достоинству; ежели скотъ не хорошъ, то не принимать, но ежели онъ только худъ и способенъ быть откормленъ, то дозволить опять представлять его на фабрику, а который будетъ совершенно забракованъ, дозволить продавать его постороннимъ покупателямъ. Затѣмъ уже нѣтъ дѣла компаніи, по чемъ купленъ скотъ, чего стоитъ выкормка и проч.; она не входитъ ни въ какія хозяйственныя распоряженія по сему предмету, но можетъ во всякое время требовать свѣдѣнія о количествѣ наличнаго скота, кормовъ о проч., и повѣрять это на мѣстѣ, черезъ своихъ уполномоченныхъ; такимъ образомъ выданный капиталъ обезпеченъ будетъ наличнымъ имуществомъ. Между тѣмъ компанія можетъ и у другихъ промышленниковъ покупать готовый на убой скотъ, ежели найдетъ выгоднымъ; чрезъ то компанія не будетъ въ зависимости отъ поставщика, онъ же, имѣя въ виду соревнователей, будетъ продавать не дороже ихъ; между тѣмъ желаніе выгоды себѣ заставитъ его усилить вниманіе къ лучшей выкормкѣ скота; онъ можетъ не только покупать чужой скотъ для нагула, но и свой разводить, имѣя пастбища, запасы кормовъ и хозяйственное устройство, а главное людей, приспособленныхъ къ этому дѣлу. Сама компанія, черезъ непосредственныхъ своихъ агентовъ, никогда не достигнетъ тѣхъ результатовъ, какіе бываютъ плодомъ разумаго свободнаго труда въ свою пользу. Затѣмъ ей не нужны будутъ ни степи, ни хутора, ни множество наемныхъ людей, за коими надзоръ такъ труденъ; отчетность бу-

дѣтъ мѣнѣе сложна, и дѣло само собою слѣдуютъ гораздо прѣстѣе. Опытъ показалъ уже, что для компаніи убыточно имѣть мясныя лавки, тогда какъ много торговцевъ имѣють отъ нихъ хорошую прибыль; безъ сомнѣнія, въ Ростовѣ и теперь найдется оборотливый купецъ, который будетъ имѣть выгоду, ежели ему стануть отпускать съ фабрики говядину по цѣнамъ, во что обходится, даже съ прибавленіемъ умѣренныхъ процентовъ.

Консервы въ 2½, въ 5 и 15 фунтовъ вѣсу всѣ очень хороши; но были бы еще лучше, ежели бы можно было не такъ перерабатывать говядину. Солонина хотя нѣсколько жестка, но вполне соответствуетъ своему назначенію для заграничнаго сбыта, ибо можетъ выдержать дальнія морскія путешествія; притомъ вѣсъ и количество кусковъ равное во всѣхъ бочкахъ, а качество ея, по сортамъ, означено акуратно, извѣстными въ торговлѣ знаками: это такія условія, которыя требуются необходимо на иностранныхъ рынкахъ. Въ Таганрогъ при насъ уже стали покупать солонину иностранные шкипера; одинъ изъ нихъ, которому какіе-то недоброжелатели акціонернаго общества сказывали, будто бы въ серединѣ бочекъ мясо плохое, купилъ одинъ боченокъ, раскрывъ его, пересмотрѣлъ всѣ куски и, удостовѣрившись въ несправедливости подобныхъ слуховъ, взялъ для себя цѣлую партію, говоря, что впередъ онъ уже и смотрѣть не будетъ. Ветчина, языки, колбасы и другія копченія отдѣланы превосходно, только свиные были довольно мелкой породы, отъ чего вышла окорока довольно малы и самое мясо не лучшаго достоинства. Современемъ нужно будетъ развести своихъ свиныхъ хорошей породы. Сало топленое говяжье, баранье и свиное, а также и мыло, очень хороши. Пробы всего нами взяты были самими, наудачу безъ выбора.

Современемъ весьма полезно было бы расчистить русло рѣчки Темерника отъ впаденія въ Донъ версты на полторы вверхъ до самой фабрики; тутъ слѣдовало бы устроить свою пристань и доки для каботажныхъ судовъ. Но это требуетъ надлежащаго изслѣдованія мѣстности и соображенія, сколь велики будутъ издержки. Можетъ-быть общество волжско-донской желѣзной дороги, предполагающее заняться расчисткою донскихъ устьевъ и на Дону имѣть свои пароходы, найдетъ полезнымъ принять участіе въ этомъ весьма важномъ для здѣшняго края предпріятіи. Когда будетъ производиться здѣсь покупка пшеницы для Таганрогской мельницы, тогда на первое время нужны будутъ магазины въ Ростовѣ, но ежели устроится пристань на Темерникѣ, тогда и ссыпка хлѣба должна производиться тутъ же, для чего можно построить весьма дешевые магазины изъ барочнаго лѣса. При ожидаемомъ въ будущемъ широкомъ развитіи

дѣла акціонерной компаніи въ здѣшнемъ краѣ, собственныя пристани здѣсь и въ Таганрогѣ и свои каботажныя суда принесутъ ей огромную пользу тѣмъ, что товары будутъ грузиться на суда прямо изъ магазиновъ и прямо съ судовъ поступать въ магазины, для чего должны быть устроены, гдѣ нужно, краны, блоки, рельсы, тачки и прочія, облегчающія передвиженіе тяжестей, механическія приспособленія. Теперь все это производится съ большими неудобствами, тяжкимъ трудомъ и потерей времени. Теперешнее разстояніе отъ Ростовской фабрики до берега Дона болѣе 4 верстъ, притомъ же черезъ гору, а въ Таганрогѣ, отъ мельницы до пристани, не менѣе 5 верстъ; часто бываетъ грязь, гололедица и тому подобныя затрудненія. Одна перевозка тяжестей на этомъ пространствѣ уже составляетъ значительный расходъ; здѣсь она обыкновенно обходится отъ 2 до 3 коп. съ пуда, не рѣдко и много дороже, но лошади и рабочіе съ каждымъ днемъ дорожаютъ, и нужно заблаговременно принять мѣры къ сокращенію подобныхъ расходовъ, чрезвычайно обременительныхъ для этого рода коммерческихъ предпріятій,—тѣмъ болѣе, что компанія учреждена не на короткое время и должна стараться упрочить всѣ свои заведенія, которыя тѣмъ болѣе принесутъ выгоды, чѣмъ долѣе существовать будутъ, ибо первоначальныя немаловажныя издержки останутся все тѣ же, но раздѣлятся на большее число оборотовъ производительнаго капитала.

Наемъ степей въ настоящемъ положеніи дѣла, при покупкѣ скота агентами компаніи, необходимъ для нагула скота лѣтомъ и заготовленія сѣна для зимняго продовольствія. Хотя иногда сѣно можно купить готовое дешевле того, во что обходится приготовленіе его наемными рабочими на арендованной землѣ, но безъ заготовленія сѣна обойтись нельзя, чтобы не быть въ совершенной зависимости отъ постороннихъ продавцовъ сѣна, которые не преминутъ воспользоваться случаемъ и возвысятъ цѣны по своему произволу, зная, что компанія не имѣетъ возможности обойтись безъ покупки необходимыхъ кормовъ для скота. Притомъ, снимая огульно большія степи, можно раздробительною отдачею въ наемъ участковъ подъ хлѣбопашество и прогонъ чужихъ гуртовъ выручать большую часть арендной платы, такъ что остальное количество, необходимое для продовольствія гуртовъ компаніи, обойдется очень дешево. Эта операція при хорошемъ надзорѣ можетъ принести значительную пользу. Если же компанія найдетъ возможнымъ устроить заготовленіе скота на вышеозначенномъ особомъ основаніи, тогда поставщикъ скота весьма охотно приметъ арендованныя степи.

Что касается до нанимаемаго обществомъ хутора Шейкина, то до сихъ поръ еще выгоды отъ него не получается, ибо съ

22 марта по 1 октября 1858 года израсходовано по этому заведенію 4635 руб., а собрано хлѣба, сѣна, выжжено извести и проч. на сумму 2637 рублей, да имущества числится на 1100 рублей. слѣдовательно за прошедшій годъ оказывается убытка 918 руб. Но такъ какъ это еще только начало, и хозяйство не вполне устроено, то нельзя судить о томъ, выгодно или нѣтъ продолжать это хозяйство, тѣмъ болѣе, что, по мнѣнію здѣшняго управленія, хуторъ этотъ необходимъ, какъ мѣсто отдохновенія для скота, идущаго съ дальнихъ степей на фабрику. Но теперешній управитель хуора, агрономъ Редемейстеръ, полагаетъ, что 400 десятинъ земли, находящейся при этомъ заведеніи, недостаточно, а нужно арендовать находящійся, по близости, другой хуторъ Савченковъ, при коемъ 1200 десятинъ, и тогда образуется уже порядочное хозяйство въ 1600 десятинъ; опредѣливъ на устройство его единовременно до 12 тысячъ рублей и ежегодно оборотной суммы до 14 тысячъ руб., полагая въ томъ числѣ проценты и погашеніе капитала, можно получать дохода болѣе 20 тысячъ руб. въ годъ, слѣдовательно 6000 руб. чистой прибыли. Но не одна только денежная прибыль и удобство имѣть мѣсто отдохновенія для скота, пригоняемаго изъ степей, можетъ служить побудительною причиною къ устройству этого заведенія. Акціонерное общество, располагающее значительными средствами, должно стремиться къ высшей благороднѣйшей цѣли; оно можетъ подать примѣръ, какъ вести благоустроенное сельское хозяйство, во всѣхъ его многообразныхъ отрасляхъ, и тѣмъ содѣйствовать возвышенію народнаго благосостоянія, въ одной изъ благодатнѣйшихъ странъ нашего отечества, гдѣ сельское хозяйство находится еще въ совершенномъ младенчествѣ. Эта мысль можетъ осуществиться, ежели будетъ здѣсь устроено земледѣліе со всѣми новѣйшими усовершенствованіями, приноровленное къ мѣстности, и вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ предпринято рациональное скотоводство, приготовленіе молочныхъ скоповъ, разведеніе свиней, домашнихъ птицъ, шелководство, пчеловодство, воздѣлываніе табаку, карды и другихъ торговыхъ, масляныхъ, красильныхъ, лѣкарственныхъ растений, разведеніе виноградниковъ, плодовыхъ и лѣсныхъ деревьевъ, хозяйственные постройки и проч. Все это, кромѣ необходимыхъ первоначальныхъ издержекъ, дальнѣйшихъ расходовъ не требуетъ: ибо хорошо устроенная экономія должна себя сама поддерживать и тѣмъ практически убѣдить другихъ хозяевъ въ пользу подобныхъ заведеній. Хозяйственные постройки должны быть самыя дешевыя и незатѣйливыя, машины и орудія простыя, сообразныя съ мѣстными потребностями, счетоводство образцовое по ясности и простотѣ своей.

Стени, занимаемая обществомъ, для нагула скота могутъ быть

въ связи съ этимъ образцовымъ хозяйствомъ, ибо какъ откармливаніе взрослой, такъ и воспитаніе молодой скотины и овцеводство въ большихъ размѣрахъ имѣютъ къ нему близкое отношеніе; однимъ словомъ, здѣсь долженъ быть разсадникъ лучшихъ племенныхъ животныхъ и всѣхъ полезныхъ растений, также источникъ практическихъ свѣдѣній по всѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства.

IV. Общій взглядъ на дѣло.

Изъ всего вышесказаннаго явствуетъ, что все доселѣ сдѣланное болѣе или менѣе соотвѣтствуетъ своему назначенію. Сдѣлано уже довольно много, суда по времени и тѣмъ затрудненіямъ, съ которыми приходилось бороться бывшему главному правленію въ Таганрогѣ, и сдѣлано основательно. Мясная фабрикація производится весьма хорошо, хотя она производится еще и не въ полномъ объемѣ, за недостаткомъ помѣщенія. Вопросъ о томъ: выгодно ли и въ какой мѣрѣ выгодно удастся продать за границу солонину и консервы, долженъ разрѣшиться вскорѣ; иностранные корабли пришли уже въ Таганрогъ, на одномъ изъ нихъ будетъ отправленъ грузъ этихъ произведеній въ Англію на продажу, и когда они будутъ проданы тамъ, тогда только съ достовѣрностію можно будетъ судить о той прибыли, какую можно получать за всѣми расходами отъ произведеній компаніи. Теперь уже на мѣстѣ въ Таганрогѣ солонина продается иностраннымъ шкиперамъ около трехъ руб. сер. за пудъ, и боченки получаютъ обратно, стобитъ же она себѣ со всѣми расходами не болѣе 2 рублей 50 коп.; выгода стало-быть значительная; опытъ покажетъ, много ли можно продать такимъ образомъ. И кажется вѣрнѣе будетъ на будущее время принять за правило—посылать за границу только то количество солонины, какое здѣсь нельзя продать. Консервы другое дѣло: имъ главный сбытъ долженъ быть въ чужихъ краяхъ; ибо тамъ они гораздо больше требуются, чѣмъ у насъ.

Что касается до мукомольной мельницы, то заранѣе опредѣлить нельзя, какой результатъ будетъ имѣть эта операція. Конечно, въ здѣшнемъ краѣ, гдѣ пшеница въ такомъ изобиліи, превращеніе ея въ муку не можетъ быть убыточно, и часть этой муки навѣрное разойдется на мѣстѣ, ибо до сихъ поръ муку привозятъ сюда изъ дальнихъ мѣстъ. Остальная мука пойдетъ за границу, гдѣ, по увѣренію опытныхъ въ этомъ дѣлѣ торговыхъ людей, мука всегда продается много дороже зерна: такъ напримѣръ на греческихъ островахъ шерфдоко бываетъ самая простая мука вдвое дороже

пшеницы. Къ тому же всѣмъ извѣстно, что мука, привозимая изъ Америки, вездѣ охотно покупается. Ежели укупорка въ бочки по американскому способу, не довольно извѣстная у насъ, будетъ затруднительна и обойдется на первый случай дорого, то время и опытъ укажутъ способы, какъ это лучше уладить. Нѣкоторые увѣряютъ, что въ Одессѣ паровыя мельницы оказались невыгодными. Странное дѣло! оно стоить того, чтобъ узнать основательно, а это совсѣмъ не грудно: каждый, у кого есть въ Одессѣ знакомые, можетъ весьма скоро получить подробныя свѣдѣнія объ этомъ предметѣ, который вѣроятно не составляетъ важной тайны.

Затѣмъ, обращаясь къ главному предмету заботливости акціонеровъ, то-есть къ полученію доходовъ на употребленный капиталъ, надобно сказать правду, что нельзя требовать доходовъ, когда дѣло еще не устроено. Должно взять терпѣніе и дожидаться, пока мельница будетъ выстроена, мясная фабрика окончена, скотъ и пшеница закуплены, переработаны и проданы: тогда только будетъ виденъ полный результатъ; а на это при благопріятныхъ обстоятельствахъ нужно по крайней мѣрѣ еще два года времени, ибо къ нынѣшней осени только могутъ быть окончены постройки на фабрикѣ, и не прежде октября будетъ она въ полномъ дѣйствіи. То, что зимой будетъ на ней приготовлено, поступитъ въ продажу съ открытіемъ навигаціи будущею весной и лѣтомъ. Мельница же не раньше можетъ начать свои дѣйствія, какъ будущею весной, и слѣдовательно только небольшая часть годовой пропорціи муки можетъ поступить лѣтомъ и осенью въ продажу, такъ что весь годовой оборотъ виденъ будетъ не прежде, какъ въ 1861 году. Но конечно уже и будущею весной можно будетъ сообразить весь ходъ дѣла, хотя еще не вполне вѣрно, а только приблизительно.

До сихъ поръ акціонерное общество имѣло лишь одни расходы; теперь только начинается небольшая выручка денегъ отъ продажи произведеній Ростовской фабрики; но для дѣйствія этой фабрики, всего еще куплено только 2 тысячи быковъ, изъ коихъ обработано не болѣе 1500 штукъ, и по какой бы высокой цѣнѣ ни были проданы эти произведенія, сумма, вырученная за нихъ, все будетъ ничтожна въ сравненіи съ тѣми огромными издержками, коихъ стоило первоначальное устройство заведеній, производство фабрикаціи и содержаніе всего управленія. Когда же на фабрикѣ будетъ разрабатываться ежегодно отъ 10 до 12 тысячъ быковъ, 10 тысячъ овецъ и тысяча свиней, а на мельницѣ перемалываться до 150 тысячъ четвертей пшеницы, тогда будетъ уже совсѣмъ другой расчетъ.

Однимъ словомъ, дѣло это еще начинается; до сихъ поръ оно

велось не дурно, и получило уже прочное основаніе, а въ будущемъ общаетъ хорошую прибыль акціонерамъ и пользу для государства отъ развитія здѣшняго края. Для достиженія этого нужно:

1. Какъ можно скорѣе устроить и пустить входъ всѣхъ предложенныхъ заведеній.

2. Стараться уменьшить издержки вообще, а въ особенности избѣгать расходовъ непроезводительныхъ.

3. Заготовленіе и откармливаніе скота устроить на выгоднѣйшихъ и удобнѣйшихъ правилахъ, ибо чѣмъ дешевле скотъ обойдется, чѣмъ болѣе онъ дастъ сала и мяса лучшаго достоинства тѣмъ болѣе будетъ прибыли отъ фабрикаціи; ежели случится общее возвышеніе цѣнъ на скотъ, этого бояться нечего: оно не повредитъ интересамъ компаніи, потому что и мясо, и всѣ продукты изъ него тогда будутъ дороже.

Покупаемый скотъ непременно долженъ быть застрахованъ.

4. Слѣдуетъ развивать всѣ побочныя отрасли мясной фабрикаціи, извлекая всевозможную пользу изъ животныхъ остатковъ и не пренебрегая никакимъ предметомъ, сколь бы онъ ни казался маловажнымъ, ибо всѣ мелочи, всѣяны вмѣстѣ, составляютъ уже такую крупную цифру, которая можетъ покрыть издержки главной фабрикаціи.

Вотъ нѣкоторые соображенія по этимъ предметамъ:

По 1-му пункту. Такъ какъ суммы потребныя на постройки уже ассигнованы, большая часть матеріаловъ и работниковъ заготовлены и заподражены, машины для мельницы заказаны, то, при внимательномъ надзорѣ мѣстнаго управленія компаніи, всѣ необходимыя постройки, вѣроятно, будутъ нынѣшнимъ лѣтомъ окончены.

Остается озаботиться покупкою достаточнаго количества скота и нагуломъ его, дабы къ осени мясная фабрикація могла производиться въ полномъ объемѣ, а до тѣхъ поръ приготовить достаточное количество жестянокъ для консервовъ, бочекъ для солонины, для сала и муки, ящиковъ для мыла и проч. Осенью также слѣдуетъ начать покупку пшеницы для мельницы; притомъ само собою разумѣется, что нужно всегда имѣть въ запасъ годовую пропорцію соли иностранной и русской. Сообразивъ, сколько на все это потребно денегъ, должно имѣть ихъ въ готовности, чтобы не было остановки ни въ чемъ.

По 2-му пункту. Уменьшеніе расходовъ должно произойти:

а) Отъ сокращенія штатовъ по управленію. Вмѣсто двухъ директоровъ-распорядителей теперь будетъ одинъ главноуправляющій.

Должность завѣдывавшаго постройкою Таганрогской муко-

мельной мельницы кандидата г. Войны можетъ быть вовсе уничтожена, равно какъ и должность наблюдавшаго за кирпичнымъ заводомъ и известковыми печами г. Воеводскаго, на мѣсто коего нуженъ простой смотритель съ окладомъ не болѣе 200 руб. въ годъ.

Нанятый для покупки пшеницы г. Поповъ, за отѣною покупки оной, въ настоящее время не нуженъ, да и на будущее время обойдтись можно безъ него, ибо покупка пшеницы должна происходить въ конторѣ, а приемка ея на мельницѣ.

Управляющій ростовскою конторою, за уничтоженіемъ самой конторы, будетъ не нуженъ.

Агенты заграничные также не нужны.

б) Отъ ограниченія наемныхъ помѣщеній:

Кирпичный заводъ г. Алѣраки съ окончаніемъ постройки мельницы будетъ не нуженъ.

Магазины г. Алѣраки у пристани, за которые платится 4000, не нужны за отѣною покупки пшеницы; ежели часть магазина оставить для склада солонины и проч., то наемъ будетъ стоить не болѣе одной тысячи рублей.

Изъ трехъ лавокъ въ Таганрогѣ, нанятыхъ у г. Камбурова, двѣ не нужны.

Контора въ Ростовѣ и наемъ амбаровъ стоятъ 6000 рублей; контора вовсе не нужна; амбары, ежели нѣкоторые потребуются, то не болѣе, какъ на двѣ тысячи рублей.

в) Съ отѣною нѣкоторыхъ построекъ, безъ коихъ легко можно обойдтись, особливо на первое время, могутъ сократиться единовременные расходы. Такъ при Таганрогской мельницѣ домъ директора, водоподъемная башня и свинарня могутъ быть отѣнены, при Ростовской фабрикѣ, ежели не строить особой салотопни и помѣщенія для соленія кожъ, также особаго зданія для подъема воды и особой конторы, а магазинъ для склада товаровъ устроить въ каменоломнѣ, какъ объяснено мною выше сего, то можетъ быть также немаловажное сокращеніе расходовъ.

По 3-му пункту. При заготовленіи скота необходимо имѣть въ виду, что зимою и въ началѣ весны онъ бываетъ здѣсь очень худъ; только тѣ волы остаются въ тѣлѣ, которые стоятъ на бардѣ у помѣщиковъ или откармливаются промышленниками для продажи мясникамъ на убой; съ появленіемъ новой травы въ апрѣлѣ мѣсяцъ скоть начинаетъ поправляться, это продолжается до конца мая, потомъ отъ сильныхъ жаровъ онъ опять худѣетъ, и только послѣ освѣжительныхъ дождей въ сентябрь и октябрь снова поправляется, въ продолженіи же декабря, января и февраля онъ требуетъ хорошаго сѣна, въ достаточномъ количествѣ, для того чтобы не похудѣть. Сообразно съ симъ порядкомъ вещей, нужно покупать и откармливать скотину заблаговременно, чтобы

имѣть всегда въ готовности сытую скотину въ достаточномъ количествѣ; но во всякомъ случаѣ, полагать надобно, что въ самое жаркое время въ избѣжаніе порчи мяса отъ жара лучше оставивать убой скота и мясную фабрикацію.

По 4-му пункту. Мыло обыкновенное, простое, варится теперь въ небольшомъ количествѣ изъ остатковъ своего сала, но выгодно и нарочно для этого покупать сало, а свое продавать, ибо за него даютъ охотно по 4 руб. 25 коп., за то, что оно хорошо очищено, а на сторонѣ можно купить сало обыкновенное теперь же по 3 руб. 25 коп., а въ другое время и дешевле.

Изъ пуда сала съ прибавкою соды, извести, соли и воды, выходитъ обыкновенно два пуда мыла. Ежели на всѣ издержки фабрикаціи, щедро положить расходовъ 1 руб. 75 коп. на пудъ, то 2 пуда мыла себѣ стоить пять рублей, то-есть по 2 руб. 50 коп. за пудъ, затѣмъ 1 руб. 50 коп. чистой прибыли отъ каждого пуда. Ежели въ годъ выдѣлывать 60 тысячъ пудовъ мыла, это составитъ девяносто тысячъ рублей барыша на употребленный капиталъ въ 150 тысячъ.

Клей столярный въ раздробительной продажѣ стоить 20 коп. за фунтъ, крѣпкій бульйонъ отъ 20 до 30 коп. Ежели оптомъ продавать тотъ и другой по 6 рублей за пудъ, выдѣлывая только 2000 пудовъ клею и 2000 пудовъ бульйону, на фабрикацію которыхъ потребуется издержекъ весьма немного, то получится доходу 24.000 рублей.

Въ послѣдствіи времени, когда устроенъ будетъ кожевенный заводъ, то фабрикація клею можетъ быть значительно увеличена. Не говорю уже о свѣчахъ и о томъ, что приготавливая простое мыло, ничего не значить нѣкоторое количество его, напримѣръ, одну тысячу пудовъ, обратить въ высшій сортъ душистаго мыла, которое продается по 12 рублей за пудъ и болѣе, а мозгъ изъ костей, вмѣсто перетапливанія на сало, стоющее 4 руб. 25 коп., обращать въ помаду и продавать по крайней мѣрѣ по 25 рублей за пудъ. Для этого въ обширномъ саду при фабрикѣ очень легко засѣвать нѣсколько грядъ резедою и другими цвѣтами, такъ хороши растущими въ здѣшнемъ тепломъ климатѣ, на этой богатой почвѣ; перегоня ихъ черезъ маленькій кубикъ на той же плитѣ, гдѣ готовятъ кушанье, можно имѣть свои всегда свѣжія душистыя масла, почти даромъ.

Коптильное и колбасное заведеніе въ настоящемъ положеніи можетъ производить гораздо болѣе того, что оно теперь приготавливаетъ, лишь бы матеріаловъ было достаточно; сбытъ этихъ продуктовъ не можетъ быть затруднителенъ.

Для извлеченія пользы изъ всѣхъ прочихъ остатковъ нужно имѣть особую небольшую лабораторію.

V. РАЗЧЕТЪ ГОВОРАГО ОБОРОТА СУММЪ ПО ТАГАНРОГСКОЙ ПАРОВОЙ
МУКОМОЛЬНОЙ МЕЛЬНИЦѢ.

Предполагаемъ стоимость паровой мукомольной мельницы объ 18 поставкахъ и 6 запасныхъ, съ отдѣленіемъ для печенія сухарей, и со всѣми принадлежащими къ ней постройками, въ 400.000.

На таковой паровой мельницѣ будетъ молотья по 7 бушелей въ часъ на каждомъ поставѣ, слѣдовательно на 18 поставкахъ по $15\frac{3}{4}$ четвертовъ или $22\frac{1}{2}$ четверти въ часъ. Это даетъ въ годъ, полагая 300 рабочихъ дней въ году:

при 12-часовой работѣ	81	тыс.	четвертей
при 20 — — —	135	—	—

Такъ какъ на машинахъ гг. Фербернъ, смотря по качеству пшеницы, можно молотъ ея отъ 8 до 9 бушелей въ часъ на каждомъ поставѣ, то при благопріятныхъ обстоятельствахъ, и ежели будутъ пущены въ ходъ нѣсколько изъ запасныхъ поставовъ, можно смолотъ:

при 12 часахъ работы до 120	тысячъ	четвертей
при 20 — — —	165	— — —

Хорошая пшеница дастъ изъ 60 фунтовъ отъ 50 до 54 фунтовъ муки, то-есть отъ 83 до 90 проц.; похуже пшеница 48 ф. муки или 80 проц. Принимаемъ въ рѣзчетъ среднюю сложность 85 проц.

Паровая размолка дастъ около 55 проц. 1-го сорта муки и 30 проц. 2-го сорта муки.

Мы разчитываемъ только на 50 проц. 1-го сорта, 25 проц. 2-го сорта, 10 проц. 3-го сорта, и полагаемъ 10 проц. на отрубя и 5 проц. за пропажу.

Расходъ на годовое содержаніе мельницы, по прилагаемому подробному списку, составитъ при 12-часовой работѣ 95.000 руб.; при 20-часовой работѣ 140.000 руб. Сверхъ того полагаемъ на погашеніе стоимости мельницы и машинъ, по 10 проц. въ годъ вычету, 40.000 руб. сер. и на половину расходовъ по общему управленію общества 15.000 руб. сереб.

На такихъ основаніяхъ получаемъ слѣдующіе результаты:

При 12 часах работы.

При 20 часах работы.

Выручка изъ 81.000 четверт. въ 10 пуд.		Изъ 135 000 четв. въ 10 пуд.		
	Пуды.	Руб. сер.	Пуды.	Руб. сер.
за муку 1-го сорта по 1 р. 30 к.	403.000	526.500	675.000	877.500
" " 2-го " " 1 " 25 "	202.500	202.500	337,500	337.500
" " 3-го " " " 60 "	81.000	48.600	135.000	81.000
за огруби.	10 "	8.100	135.000	13.500
Расходъ:	769.500	785.700	1.282.500	1.309.500
Покупка пшеницы по 6 руб.		486.000		810.000
Содержаніе мельницы.		95.000		195.000
Погашеніе		40.000		40.000
Половина расходовъ по общему управленію		15.000		15.000
Итого.		636.000		1.003.000
Чистая фабричная прибыль		149.700		304.500
или на употребленный оборотный капиталъ въ 600.000 руб. 25%			На употребленный оборотный капиталъ въ 1.000.000 р. 30½%	

Годовое содержаніе мельницы.

При 12 час.	При 20 час.		При 12 час. Руб. серб.	При 20 час. Руб. сер.
1	1	директоръ	3.000	3.000
1	1	механикъ главный	1.200	1.200
1	2	— —	900	1.800
3	6	кочегаровъ	600	1.200
1	2	для смазки машинъ	240	480
6	12	мельниковъ по 840 руб.	5.040	10.080
16	32	рабочихъ . по 180 —	2.880	5.760
2	2	пекаря	1.680	1.680
1	1	ременный мастеръ.	600	600
1	1	столяръ.	480	480
2	2	кузнецъ и слесарь	600	600
1	1	литейщикъ.	900	900
6	6	дворниковъ и сторожей	960	960
10	20	рабочихъ мастеровыхъ.	1.800	3.600
10	20	чернорабочихъ	1.200	2.400
1	1	смотритель воротъ	360	360
1	1	— магазиновъ	1.200	1.200
1	1	помощникъ.	360	360
5	5	прислуга, кучеръ и проч.	800	800
100 000 п.	160.000 п.	каменнаго угля.	15.000	24.000
Упаковка по 30 коп. съ четверти.			24.300	40.500
Содержаніе лошадей и повозокъ.			4.000	4.000
Страхование отъ огня.			6.000	6.000
Ремонтъ и непредвидѣнный расходъ			20.900	28.000
Итого.			98.000	140.000

Въ этомъ разчетѣ, какъ и въ смѣтѣ для постройки, прибавлены расходы по пекарнѣ, но въ разчетъ оборотовъ она не включена. Оборотнаго капитала для приведенія въ дѣйствіе пекарни не прибавится, а маленькую разницу составитъ только потребный уголь.

Въ Азовское море приходитъ ежегодно среднимъ числомъ около 1.400 судовъ, на которыхъ въ сложности находится по 10 человекъ мореходцевъ, итого около 14.000, которымъ нужно по

Пекарня устраивается на 6 печей, которыя въ сутки могутъ приготовить около 1.400 пуд. сухарей (работа предполагается только въ теченіи навигаціи).

2 фунта сухарей на сутки; разчитывая отъ 1½ до 4½ мѣсяцевъ срокъ, на который имъ надобно запастись провизіею, или въ сложности на 3 мѣсяца, находимъ, что для одного только купеческаго флота въ Азовскомъ морѣ потребно около 63.000 пуд. сухарей или галетъ въ годъ. Кромѣ сего надѣмся на сбытъ въ портахъ черноморскихъ и на сѣнокосы. Галеты приготовляются большею частію изъ муки 3-го сорта — изъ 3 пуд. муки дѣлается 4 пуд. галетъ. Цѣна имъ по добротѣ отъ 1 руб. до 2½ руб. сереб. за пудъ.

VI. РАЗЧЕТЪ ОБОРОТА СУММЪ ПО РОСТОВСКОЙ ФАБРИКѢ.

1. РАСХОДЪ.

9 мѣсяцевъ 220 дней, по 50 быковъ въ сутки,	
11.000 быковъ по 46 р.	506.000 р.
360 тысячъ кил. жестянокъ по 9 к.	32.400
Ящики и этикетки 2.	9.000
Топливо и рабочіе при консервахъ по 5 к.	18.000
	59.400 р.
Солъ 32 тысячи пудъ по 55 к.	17.000
Селитры.	960
Рабочіе при соленіи 10 к. съ пуда.	14.400
Бондари по 6 к.	8.640
	41.000 р.
Страхованіе около.	3.000
Общее управленіе и содержаніе служащихъ, лошадей, рабочихъ и проч.	15.500
На погашеніе расходовъ по купленнымъ привилегіямъ.	2 500
	21.000 р.
Ремонтъ инструментовъ и машинъ.	9.600 р.
	Итого 637.000 р.

2. ПРИХОДЪ.

Изъ 11.000 быковъ, полагая по 17½ п. мяса въ каждомъ, получается 192.500 пудовъ мяса, которыя приготавливаются:	
32.500 п. на консервы 360 000 кил. 35 к. (1).	126.000 р.
4.400 жестянки почекъ по 75 к.	3.300 р.
Изъ 180.000 пуд. на солонину 144.000 пуд., а именно	
50 тысячъ п. по 3 р. 20 к. р. 160.000	
80 — — 3 р.	240.000
14 — — 1½	21.000
	421.000

(1) Стоимость консервовъ поставлена не продажная, а фабричная, съ прибавленіемъ лишь 10%.

Бульоннаго жиру 1.000 пуд. по 5 р.	5.000
Сада топленаго изъ 11 тысячъ быковъ по 2 п. 30 фунт. около 30 тысячъ 80 % п.	24.000
Изъ 32.500 пуд. еще 3.200 — 75 %	2.400
	<hr/> 26.400
	по 4 ¹ / ₂ р. 112.200
11.000 кожъ по 7 р.	77.000
11.000 языковъ по 25 к.	2.750
Около 7.500 п костей по 16 к.	1.200
Кошута, рога	3.400
Масла изъ ногъ, копченіе, мозгъ и проч.	2.200

Кромѣ того отъ превращенія сала въ мыло можно приобрести слѣдующую выгоду:

Расходъ: 26.400 п. сала по 4 ¹ / ₂ р.	112.200
10.000 п. соды по 2	20.000
5.000 п. известія по 15	750
4 000 п. соли по 50	2.000
10 000 угля по 13	1.300
Мастеръ	600
Рабочіе	1.440
Ящики 10 200 по 75	7.650
Мелкій расходъ	1.060
	<hr/> Итого 147.000

Приходъ: 51 тыс. пуд. (себѣ 290 к.), продажа по 4 р. . 204 250 57.000

Р. 821.250

Отсюда оказывается, что при расходѣ въ 637.000 р. предвидится приходъ 821.250 р., слѣдовательно прибыли около 184.250 р.

Примѣчаніе. Здѣсь неучтена прибыль, могущая послѣдовать отъ убоя овецъ и свиней, отъ клееваренія, приготовленія кожъ и химическихъ продуктовъ крови и внутренностей.

III.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ЗАПИСКИ Г. БОГДАНОВА.

1. Счетоводство. Обзоръ книгъ и вообще счетоводства не представляетъ ничего, могущаго возбудить сомнѣнія въ правильности произведенныхъ расходовъ. Если нѣкоторыя условія съ наемными людьми представляются обременительными для общества, то ихъ оправдываетъ необходимость имѣть спеціальныхъ людей въ дѣлѣ новомъ и въ краю, представляющемъ большія затрудненія при наймѣ служащихъ всякаго рода. Одинъ изъ бывшихъ директоровъ, г. Скараманга, имѣющій свою значительную контору въ Таганрогѣ, несмотря на обширность своихъ дѣлъ, по временамъ входилъ въ размѣтрѣніе отчетности общества *Сельскій Хозяинъ* и находилъ отчетность удовлетворяющею условіямъ благоустроенной коммерческой конторы. Управ-

ляющій конторою, г. Кингъ, при знаніи счетоводства и языковъ, знакомъ съ разными формальностями и приемами заграничной торговли, что вѣроятно и побудило дирекцію заключить контрактъ, на условіяхъ, очень выгодныхъ для г. Кинга.

2. Продукты, производимые на Ростовской фабрикѣ. По испытанію, консервы изъ говядины, солонина, ветчина и сало оказываются качествомъ удовлетворительныхъ. Находятъ, что консервы нѣсколько переварены, а солонина солоната и жестка. Оба эти продукта, по словамъ мастеровъ, не могутъ быть приготовляемы иначе, и еслибы допустить меньшую варку первыхъ и меньшую солоность второй, то нельзя ручаться за ихъ прочность. Мыло, приготовленное въ небольшомъ количествѣ, порядочное, и хотя не можетъ равняться съ лучшимъ бѣлымъ казанскимъ, но превосходить тѣ сорта, которые имѣются въ Таганрогѣ и Ростовѣ. Солонина была продаваема въ апрѣлѣ, и ее разобрали до 100 боченковъ (въ боченкѣ чистой солонины $8\frac{1}{2}$ пуд.) на пришедшіе къ Таганрогу корабли. Солонина эта не высшаго сорта, но судохозяева находили ее удовлетворительною. Покупателямъ оптомъ (не менѣе 10 боченк.) продана солонина по 23 р., а покупателямъ меньшаго количества (не въ разницу, а боченками) по 26 р. безъ боченковъ, которые получаютъ обратно. Сало баранье продано отъ 4 р. 20 к. до 4 р. 50 к. за пудъ. На консервы требованія пока нѣтъ.

Кромѣ вышеозначенныхъ предметовъ еще приготовляются копченая солонина, колбасы, шпикъ, консервы изъ почекъ и копченые языки; но эти продукты еще не вполне готовы, и оттого нельзя сказать, какого они будутъ качества, но по тщательности приготовленія прочаго можно ожидать хорошихъ продуктовъ.

3. Мясныя лавки. Двѣ лавки, въ Таганрогѣ и Ростовѣ, закрыты, и конечно ихъ лучше бы не открывать, потому что пользы отъ нихъ не было; мясо продавали слишкомъ дешево, а расходы на прикащиковъ были велики. Теперь существуетъ одна лавка въ Таганрогѣ для продажи продуктовъ, приготовленныхъ фабрикаціей; тутъ продавалась пока солонина шкиперамъ пришедшихъ кораблей, а современемъ будутъ продаваться и всѣ прочіе продукты. Содержаніе этой лавки не должно быть дорого, а между тѣмъ она необходима.

4. Работы на Ростовской фабрикѣ. Всѣ приготовленія мясныхъ продуктовъ, производимыя иностранными мастерами, идутъ съ замѣчательною быстротою, ловкостью и чистотою. Управляющій фабрикою, г. Тернеръ, человекъ, кажется, весьма дѣльный, энергическій и съ любовью занимающійся своимъ дѣломъ. Работами по постройкамъ занимается г. Лебедевъ (помощникъ г. Ганала, находящагося въ отсутствіи), повидимому человекъ внимательный.

5. Строенія и машини. Въ Ростовской фабрицѣ всѣ доселѣ возведенныя зданія построены удовлетворительно, соответствующе своему назначенію и, принимая въ разчетъ дороговизну матеріяловъ и работъ, существующую въ прибрежьѣ Азовскаго моря, а равно и затрудненія, съ которыми приходилось бороться въ дѣлѣ новомъ, строенія обошлись не дорого. Цѣнность строеній значительно возвысилась отнесеніемъ на нихъ непродуцированныхъ расходовъ управленія; но и эти расходы были неизбежны, хотя можетъ-быть и могли быть нѣсколько меньше, еслибы всѣ подробности дѣла были тщательно соображены въ началѣ. Дирекцію обвинять тутъ нельзя, потому что прежде чѣмъ избранымъ директорамъ поручено было управленіе дѣлами общества, архитекторъ и разные мастера иностранцы были уже наняты. О машинахъ неспеціалистамъ судить нельзя, но онѣ работаютъ хорошо. Можно замѣтить только, что есть нѣсколько машинъ, и между прочимъ одна паровая, которыя куплены, но въ дѣло не употреблены. Впрочемъ такихъ машинъ немного, и современемъ имъ конечно найдется работа.

На мукомольной мельницѣ построены только магазины для склада пшеницы, водокачальня, помѣщеніе для рабочихъ, фундаментъ подъ мельничное зданіе и кое-какія временныя строенія. Магазины построены не совсемъ хорошо, но съ небольшими поправками могутъ исполнять свое назначеніе; въ настоящее время они заняты мастерскими, гдѣ заготавливаются разныя вещи для будущей мукомольни: колоды, рамы, двери и проч. Водокачальня построена хорошо; помѣщеніе для рабочихъ удобно и недорого. О фундаментѣ судить теперь нельзя, но по видимому онъ проченъ и достаточно углубленъ. Инженеръ-строитель г. Штецеръ, кажется, понимаетъ свое дѣло хорошо, но условіе заключеннаго съ нимъ нельзя одобрить: по условію, худо или хорошо онъ построитъ мельницу, вознагражденіе одно — условленное жалованье. Не лишнимъ было бы назначить за удовлетворительную постройку премію отъ 3 до 5 тысячъ рублей; въ большомъ дѣлѣ это не составитъ счета, а между тѣмъ побудитъ инженера внимательнѣе заботиться о прочности и быстротѣ работъ. Инженеръ-строитель общается, что мукомольня въ нынѣшнемъ же году можетъ быть пущена въ ходъ, но когда готовъ только фундаментъ, трудно рѣшить неспеціалистамъ, можетъ ли сбыться обѣщаніе строителя. Впрочемъ приспособленія для быстроты работъ сдѣланы, и матеріялы большею частію приготовлены.

6. О земляхъ, купленныхъ въ собственность общества, должно сказать слѣдующее:

1. Земля для Ростовской фабрики отъ г. Лисенко 33 десятины 1.186 кв. сажень съ домомъ и разными строеніями заплачена 25.000 р. Куплена дешево и очень удобна.

2. Земля для Таганрогской мукомольни до 10 десятинъ, съ небольшимъ домикомъ, за 15.000 р. Эта покупка не дешева, но по удобству можетъ считаться выгодною.

3. Днѣпровская мѣстность 200 десятинъ за 9.800 р. Какъ о цѣнѣ и удобствѣ этой земли, такъ равно и о потребности въ ней для общества, можно будетъ судить по осмотру самой мѣстности и соображеніямъ управляющаго дѣлами общества.

Земли и строенія нанятыя суть:

1. Хуторъ Шейкинъ, съ землею 400 десятинъ на 12 лѣтъ, съ правомъ продлить аренду еще на 8 лѣтъ; плата по 700 р. с. въ годъ. Хуторъ этотъ не далеко отъ Ростовской фабрики и можетъ быть полезенъ, какъ станція для скота, идущаго со стеной на фабрику. Плата за наемъ земли, по мѣстнымъ цѣнамъ, не высока. Заведеніе на хуторъ хозяйства, съ наймомъ еще сосѣдней земли 1.000 десятинъ и хлѣбопашествомъ, можетъ быть выгодно и нѣтъ, смотря по тому, какъ поведется дѣло. Вопросъ объ этомъ рѣшигъ г. Рипасъ, по своимъ соображеніямъ.

2. Кирпичный заводъ отъ г. Алѣраки, съ землею 3 дес. 600 кв. саж. на 10 лѣтъ. Плата 600 р. въ годъ. Заводъ нуженъ для постройки мукомольной мельницы только нынѣшній годъ. Продолжать операцію дѣланія кирпича изъ выгоды собственно этой фабрикаціи конечно не стоить, и заводъ лучше сдать, если можно.

3. Четыре магазина и четыре амбара у г. Алѣраки, въ концѣ мола таганрогской гавани, по 4.000 р. въ годъ. Насмъ этотъ не дорогъ и магазины, хотя и не всѣ, должны быть заняты продуктами Ростовской фабрики, привозимыми отсюда для отправки за границу и для продажи на мѣстѣ въ Таганрогъ; а если будетъ размогъ компанейской пшеницы, то конечно всѣ магазины и амбары нужны.

4. Старочеркасскія степи на 3 года за 6.000 р. въ годъ.

5. Новочеркасскія степи, земли 40.000 дес. 713 кв. саж. на 4 года, по 12.500 р. въ годъ.

Дороги, или дешева первая степи, не могу судить, не выдавъ ихъ, а вторыя наняты положительно дешево, ибо часть изъ нихъ отдана за 10 тысячъ въ годъ, и много земли еще остается. Степи необходимы, когда будетъ покупка скота самою компаніей, а не отъ подрядчиковъ только. Новочеркасская степь арендована г. фонъ-Дезеномъ на свое имя, почему отъ него должна быть сдѣлана передача степи обществу.

6. Домъ у г. Можинскаго на 2 года по 1.000 р. въ годъ.

7. Лавки у г. Камбурова на 4 года по 1.350 р. въ годъ.

Въ домѣ помѣщается главная контора и имѣеть квартиру управляющій конторою, г. Книгъ. Изъ лавокъ двѣ отдаются насмъ г. Байкову за 900 р. въ годъ, а третья занята продажею продуктовъ

Ростовской фабрики. Наемъ лавокъ и дома не дешево, но и не дорого, по таганрогскимъ цѣнамъ. Лавки на хорошемъ мѣстѣ.

7. Заграничная торговля. Общество замѣтило, что имѣть агентовъ за границею не нужно, а можно поручить продажу товаровъ торговымъ домамъ, занимающимся дѣлами по коммиссіямъ. Управляющій конторою, г. Кингъ, находигъ, что, по крайней мѣрѣ на первый случай, это не удобно, ибо торговый домъ, получивъ товаръ на коммиссію, не будетъ горячо заботиться о сбытѣ его, получая плату за складъ. Вѣрно или нѣтъ это замѣчаніе, могутъ судить люди, знающіе заграничную торговлю. Агентамъ заграничнымъ отказъ посланъ.

8. Управление. Должно отдѣть справедливую похвалу выбору людей, какъ въ главной конторѣ, такъ и въ отдѣльных частяхъ. Люди, занятія которыхъ можно было видѣть, все способные и образованные люди. Излишними предметами управления можно считать въ настоящее время контору въ Ростовѣ, служащихъ въ ней и особаго повѣреннаго, г. Попова. И контора ростовская, и г. Поповъ, должны бы заниматься покупкою пшеницы и отправкою оной въ Таганрогъ. Современемъ, когда будетъ эта покупка, то и контора и служащіе могутъ быть нужны. Недостатокъ заключается въ неимѣніи лица для завѣдыванія частію бывшаго директора, г. фонъ-Дезена, по покупкѣ скота, откормкѣ его и досмотру за степями и землями. Часть эта очень важна и требуетъ дѣльнаго человѣка.

9. Общій взглядъ на дѣло. Выгода или невыгода фабрикаціи разныхъ животныхъ продуктовъ главнѣйше зависитъ отъ разрѣшенія вопроса о сбытѣ продуктовъ за границею. Потому необходимыя условія для успѣха слѣдующія: 1) Производство продуктовъ въ обширныхъ размѣрахъ, для чего фабричныя помѣщенія, существовавшія до 1 октября и имѣющія быть построенными въ настоящемъ году, представлять полное удобство. Такъ на примѣръ, если стануть бить ежегодно до 6 тысячъ быковъ и такое же количество мелкаго скота, барановъ и свиней, то уже можетъ послѣдовать достаточный дивидендъ (разумѣется, при сбытѣ всѣхъ продуктовъ по предполагаемымъ, не высокимъ цѣнамъ, и когда не послѣдуетъ несчастій отъ падежей, пожара, или безкормицы). Удвоивъ это количество, что возможно по размѣрамъ строеній, можно ожидать результатовъ очень выгодныхъ. 2) Своевременное заготовленіе скота, для продовольствія котораго представляютъ достаточныя средства нанятая пастбища и земля. Нельзя покупать скотъ только отъ особыхъ подрядчиковъ, еслибы таковые и нашлись, ибо подрядчики будутъ поставлять не всегда хорошаго качества товаръ, и потомъ компанія будетъ всегда въ невыгодной зависимости отъ нихъ. Зная, что своей покупкѣ скота у компаніи нѣтъ, а остановка въ фабрич-

номъ производствѣ есть убытокъ, подрядчики воспользуются необходимостію компаніи купить скотъ у нихъ и предложить условія какія захотятъ. Часть скота, конечно, можетъ быть съ выгодой приобрѣтаема отъ подрядчиковъ и помѣщиковъ. Необходимо, чтобы въ главѣ дѣла, собственно по приобрѣтенію скота, стоялъ человекъ честный и разумный. Часть эта должна быть отдѣльная, какъ и была, отъ фабрикаціи приготовленія животныхъ продуктовъ. 3) Приготовление въ умѣренно-большемъ количествѣ мыла, клею, салныхъ свѣчъ, ветчины и колбасъ, и, если удобно окажется по дальнѣйшимъ соображеніямъ, выдѣлка и дубленіе кожъ. Могутъ сказать, почему же не дѣлать стеарина, олеина и стеариновыхъ свѣчъ? Но выработка этихъ предметовъ требовала бы новыхъ зданій и машинъ, чего пока слѣдуетъ избѣгать; между тѣмъ какъ первые товары (мыло, свѣчи и проч.) не потребуютъ значительныхъ зданій и машинъ, а частію могутъ фабриковаться въ существующихъ строеніяхъ, или хотя и въ новыхъ, но стоящихъ не дорого; сбытъ же эти товары найдутъ выгодный на мѣстѣ.

О мукомольной мельницѣ мнѣнія торговыхъ людей различны. Говорящіе за предпріятіе, указываютъ на торговлю пшеничною мукою изъ Америки, на мѣстный сбытъ, хотя въ незначительномъ количествѣ, и потомъ на потребность въ размолотой пшеницѣ для Греческаго Архипелага. Противники утверждаютъ, что пшеницы мукою за границу не возьмутъ, что на мѣстную потребность не разойдется и десятой части муки, могущей быть выработанною на мельницѣ, и что укупорка муки въ бочки, кромѣ новости предмета, при чемъ неизбѣжны ошибки, будетъ стоять втрое дороже, чѣмъ въ Америкѣ, по дороговизнѣ бочекъ на прибрежьяхъ Азовскаго моря, и наконецъ, что подтвержденіемъ невыгодности предпріятія могутъ служить одесскія паровыя мельницы, идущія будто бы плохо. Говорятъ, что когда была въ Одессѣ одна мельница, то давала большую прибыль, потому что вся мука, приготовляемая ею, шла на мѣстную потребность, и требованіе было выше предложенія; теперь, когда стало три мельницы, и предложеніе на мѣстную потребность выше требованія, а за границу сбыту нѣтъ, предпріятія не даютъ дивиденда. Которая сторона права, рѣшить нельзя безъ долговременныхъ справокъ, но вотъ что можно сказать рѣшительно: безъ покупки самою компаніей пшеницы для размола, дѣло никакъ не пойдетъ, и мельница будетъ безъ работы. Торгующіе пшеницею не дадутъ на мельницѣ ничего на размоль для мѣстной потребности. Еслибы даже кому и требовалась мука, то при одинаковой платѣ купцы будутъ отдавать пшеницу на вѣтряныя мельницы изъ желанія убить новое дѣло, не потому, чтобы оно мѣшало имъ, а такъ, изъ готовности противодѣйствовать новому предпріятію.

ВТОРАЯ ПОѢЗДКА КЪ ГАРИБАЛЬДИ.

Миланъ, 11 (23) іюля.

Передъ отъѣздомъ моимъ въ Россію, мнѣ хотѣлось еще разъ видѣться съ Гарибальди и я отправился къ нему въ Тирано обыкновеннымъ путемъ черезъ Комо и Колико. Когда мы поѣхали въ дилижансѣ изъ послѣдняго городка, въ компаніи шести человѣкъ, одна дама, сидѣвшая напротивъ меня, вдругъ спросила у сосѣда вслухъ поитальянски: «узнайте пожалуйста, куда ѣдетъ этотъ Французъ!» Дѣло шло обо мнѣ, и я рѣшился отвѣчать самъ, объявивъ прежде всего мою націю. «Ахъ Боже мой, вы Русскій!... мнѣ писали, что еще какой-то Русскій жилъ въ Тирано и останавливался въ моемъ домѣ». — Это былъ все я же, графиня, сказалъ я, и очень радъ, что встрѣтилъ хозяевъ, кого могу поблагодарить за такое прекрасное помѣщеніе. — Мы начали говорить объ Италіи, о мудреномъ мирѣ, о проѣздѣ Наполеона черезъ Миланъ, и графиня Веноста-Висконти, наследница канцеляріуса Франциска Николаевича, котораго вы можете-быть помните изъ прежняго моего письма, сообщила мнѣ много разныхъ оригинальныхъ слуховъ, между прочимъ, будто бы общій говоръ въ Миланѣ, что Наполеонъ боялся «d'un coup de pistolet», и что солдатамъ были розданы боевые патроны (1). Въ нашъ разговоръ вскорѣ вмѣшался бывший тутъ же въ дилижансѣ военный комиссаръ сардинской арміи, который замѣтилъ, что неожиданность мира не могла не поразить всѣхъ, потому что никто къ нему не приготовился. 6 числа іюля комиссаръ находился въ главной квартирѣ короля въ Валеджіо, гдѣ говорили о предстоявшемъ съ часу на часъ дѣлѣ съ Австрійцами, и король принималъ необходимыя мѣры... вдругъ, 7-го утромъ, заключено перемиріе! Полагаютъ, что самъ король ничего не зналъ о послѣднихъ распоряженіяхъ Наполеона (2).

Мы разстались съ графинею въ Морбеньо. Она поѣхала въ Мазино брать воды и поручила мнѣ передать поклонъ ея домашнимъ, но я прибылъ въ Тирано очень поздно, въ первомъ часу ночи, и не рѣшился тревожить пустынныхъ обитателей палацца, а взялъ комнату въ *albergo della Posta*.

(1) Я разказывалъ послѣ объ этомъ слухѣ всюду, но подтвержденія не получилъ.

(2) Какъ я слышалъ послѣ, Наполеонъ почелъ нужнымъ сочинить ссору съ королемъ, и въ эти дни ни были не въ ладахъ. Отсюда всѣ диктаторскія фразы и прокламаціи императора отъ одного своего лица, что особенно не нравилось въ Туринѣ.

Тутъ мнѣ сказали, что Гарибальди со штабомъ въ Ловере, на берегу озера Изео. Должно было ѣхать съ какимъ-нибудь веттуринномъ на Эдоло, черезъ Тонале (перевалъ изъ Валтеллины въ Валкамонику) и потомъ, въ дилижансѣ, до Ловере, всего на все 90 километровъ (1).

Повидавшись на другой день съ любезнымъ графомъ Салисомъ и еще кое съ кѣмъ изъ знакомыхъ въ Тирано, я нанялъ веттуру въ одну лошадь и выѣхалъ ровно въ 5 часовъ, когда жаръ немного посклынулъ. Таковъ здѣсь обычай: выѣзжать лѣтомъ въ 5 часовъ пополудни, если только не имѣется особенной надобности, и я замѣтилъ, что веттуринъ, договариваясь со мною, сильно упиралъ на этотъ часъ. О дорогѣ онъ отзывался дурно, что она *pericolosa, brutissima*. «Посмотримъ, какая такая дорога называется у васъ *brutissima*», подумалъ я, усаживаясь въ маленькую крытую веттуру, и былъ убѣжденъ, что дорога будетъ какъ дорога, особенно для нашего брата, видавшаго въ этомъ отношеніи такіе виды, какихъ и «не снилось здѣшнимъ философамъ».

Солнце все еще пекло довольно сильно. Я забился въ уголъ веттуры и любовался оттуда переливами горныхъ уступовъ, которые укатывались передо мною вдаль, одинъ за другимъ, безконечными, свѣтлолиловыми порогами, пока не сливались на горизонтѣ съ синевою неба. Только на самомъ ближнемъ порогѣ можно было различить нѣкоторые предметы: желтые коврики пашень, бѣленькіе домики высоко-заброшенныхъ *raesi* и темный гребень лѣса, изъ-за котораго вырывались косвенные прозрачные лучи... Мы долго не говорили ни слова съ веттуринномъ, сидѣвшимъ подлѣ меня направо. Это былъ молодой человекъ, довольно пріятный, но грустный на видъ, въ сѣромъ камзолѣ и въ шляпѣ съ большими полями. Я не заводилъ разговора, потому что плохо знаю языкъ; а онъ молчалъ, вѣроятно, изъ учтивости. Наконецъ, при поворотѣ влѣво, гдѣ начинается подъемъ на Тонале, веттуринъ спросилъ: «а что, синьйоръ, въ первый разъ ѣдете по этой дорогѣ?» — Въ первый разъ, отвѣчалъ я. При этомъ веттуринъ махнулъ длиннымъ своимъ кнутомъ, съ виткою ручкой, по направленію къ горамъ, гдѣ я видѣлъ давнымъ-давно сѣроватыя полоски какихъ-то мелкихъ арокъ, подымавшихся зигзагами къ верху, но никакъ не думалъ, что наша дорога будетъ лежать черезъ нихъ: это было очень далеко, на другомъ берегу Адды, между тѣмъ какъ мы ѣхали прямо, по сую сторону Адды, которая разбилась въ этомъ мѣстѣ на множество ручьевъ, захвативъ значительное пространство, кое-гдѣ пересѣкаемое садами. Мнѣ

(1) Около 86 верстъ.

казалось, что стрѣнькія арки съ каждымъ часомъ уходятъ назадъ, но мы вдругъ поворотили поперекъ рѣки, отличнымъ каменнымъ мостомъ, и, потомъ по шоссе, ровному какъ стрѣла, въѣхали въ туннель, пробитый въ скалѣ для сокращенія пути. Затѣмъ мы очутились опять на шоссе, которое стало подыматься въ гору. Это шоссе, высѣченное въ гранитѣ, было дѣломъ необъятныхъ трудовъ и смотрѣло совершенною игрушкой, какъ смотреть все въ Ломбардіи, что дѣлано руками изящнаго ломбардскаго народа, хотя съ виду онъ такой бѣдный, грязный и забытый, хотъ говорить съ такимъ жалкимъ акцентомъ, какого не услышишь нигдѣ. Странное дѣло этотъ грустный акцентъ Ломбардіи. Сначала онъ поразилъ меня въ Кастильйоне, въ нѣсколькихъ отвѣтахъ моего веттурина, съ которымъ я ѣхалъ въ Ривольтеллу. Я думалъ, что это случайность, личная особенность веттурина и только, но послѣ я нашелъ случай замѣтить, что этотъ акцентъ принадлежитъ всему низшему классу Ломбардіи, даже слышится иногда и выше. Что это такое? откуда? Грустный, мудреный вопросъ, къ которому должна прислушаться исторія. Неужели постоянное иго, безконечная перспектива чужаго господства, чужихъ прихотей и налоговъ могутъ забраться наконецъ въ самый языкъ народа, потрясти и надорвать самыя священныя струны!

Мой веттуринъ, взятый изъ Тирано, имѣлъ тотъ же самый грустный акцентъ и потрясалъ имъ меня ежеминутно.

Когда мы стали, по проѣздѣ туннеля, подыматься въ гору и даже немного прежде, надъ самымъ туннелемъ, я замѣтилъ нѣсколько мелкихъ березъ, разбросанныхъ по скаламъ. Это были первыя березы, которыя я видѣлъ въ Ломбардіи, и я тотчасъ вспомнилъ по нимъ очень многое на сѣверѣ. Удивительная вещь родина! Какой-нибудь древесный листъ, нѣсколько отличный отъ другихъ, которые вы видите безпрестанно, стебель знакомаго цвѣтка, и вдругъ что-то зашевелится внутри, и приснятся разные сны, миротворящіе душу, въ какомъ бы состояніи она ни находилась. Меня сильно тянуло къ листьямъ давно-невиданной березы, и я долго высматривалъ скалу пониже и удобнѣе, куда бы забраться и сорвать зеленую вѣтку, но такой скалы не встрѣчалось долго.

Мы все подымались выше и выше, не иначе какъ шагомъ. Веттуринъ постоянно шелъ пѣшкомъ. Иногда лошадь приостанавливалась сама собой, какъ бы по привычкѣ, на минуту, на двѣ, послѣ чего веттуринъ кричалъ ей очень странный звукъ: *тиджа!* (1), и лошадка снова трогалась шагомъ. Я не зналъ, чѣмъ любоваться: видами, или прекраснымъ шоссе, которое было обрамлено съ

(1) Я слышалъ это «тиджа» и въ другихъ мѣстахъ Ломбардіи.

лѣвой стороны почти непрерывною каменною стѣной, аршина въ полтора вышины, съ небольшими прорѣзами въ видѣ арокъ, чтобы въ нихъ стекала вода, и кромѣ того, черезъ это сокращалась работа. Вправо поднимались гранитныя скалы, у самаго подножія которыхъ шоссе имѣло узкую ложбинку изъ мелкихъ камней, также для стока воды, потому что иначе дожди могли бы размыть самую дорогу. Стѣнка прерывалась только тамъ, гдѣ не было крутаго обрыва, а шелъ какой-нибудь лужокъ, непременно покрытый высокими каштанами особой породы, съ длиннымъ темнымъ листомъ; тутъ же навѣрное стояло нѣсколько бѣдныхъ, хотя и каменныхъ домиковъ, съ крышами изъ плоскихъ каменныхъ плитъ сѣраго цвѣта; гдѣ-нибудь, въ сторонѣ, желтѣла крохотная полоска чего-то такого въ родѣ ржи (1), но мнѣ показалось не рожь. Далѣе подымались высокіе стволы кукурузы, иногда перемѣшанной съ фасолью и картофелемъ, даже съ коноплей и вилками жалкой капусты; индѣ только что налившіяся груши глядѣли изъ листовъ своего густаго, круглаго деревца, и все это непременно за каменнымъ заборомъ. Немного дальше — фиги, виноградъ, миндальные орѣхи и снова роскошные, темнозеленые каштаны, которыхъ тамъ болѣе всего, и среди такого разнообразія и богатства произрастеній, среди божественной природы, заставляющей забывать время и чрезвычайные вопросы нашего вѣка, вы видите самаго бѣднаго и жалкаго представителя всего творенія, — человѣка, вѣрнѣе сказать человѣчка, небольшого роста, съ грустнымъ выраженіемъ въ лицѣ, безъ пѣсень, безъ улыбки, даже какъ какъ будто безъ языка. Точно нѣтъ никакихъ наслажденій въ этихъ удивительныхъ горахъ, изъ которыхъ, кажется, никогда бы не вышелъ; только трудъ и одинъ трудъ, неизбежный, беспощадный, знакомъ здѣшнимъ жителямъ, сморщеннымъ въ 30 лѣтъ, и какъ будто не знающимъ молодости. Самыя дѣти безжизненно тихи и неигривы. Эти жители ходятъ какъ Тиролецъ, знакомые намъ по картинкамъ и сценѣ: красный камзолъ безъ рукавовъ, надѣтый на рубашку, сѣрое нижнее платье до колѣнъ (все это необыкновенная дерюга), потомъ чулки или голыя ноги и башмаки; на головѣ большая сѣрая шляпа. Такъ одѣты и мальчики. Женщины ходятъ въ сарафанахъ, большею частію синяго цвѣта, съ открытою головою, или въ платкахъ, а иногда въ большихъ соломенныхъ шляпахъ. Я присматривался къ типу лицъ: онъ разнообразенъ весьма, какъ и во всей Ломбардіи. Кажется, болѣе темнорусыхъ, съ прямымъ или горбатымъ носомъ. Нѣкоторыя женщины напомнили мнѣ нашихъ цыганокъ. Между ребятами встрѣчаются

(1) Веттурия называлъ *sigala* — это измѣненное *segala*, что значить *рожь*.

часто бѣлокурые, но чисто бѣлоголовыхъ нѣтъ. Нерѣдко видишь кретинскіе зобы, которые безобразяютъ этихъ бѣдняковъ чрезвычайно.

Вообще, по горамъ, жителей не много. Вы увидите кучку работающихъ въ саду, подлѣ домиковъ; серпы и цѣпы точно тѣ же, какъ у насъ, но работа идетъ очень тихо, цѣпы ложатся и брякаютъ медленно, потому что нечего молотить: и при такой работѣ все сожнуть и обмолотить въ день. Увидите еще дѣвочку, или мальчика, которые гоняютъ по горамъ двѣ-три козы, съ позвонками подѣ бородой. Вотъ босые ребята, въ красныхъ курткахъ и въ своихъ живописныхъ шляпахъ, свѣсили ноги надъ пропастью, разваливъ на каменной оградѣ, которая идетъ по шоссе... а тамъ опять скалы и каштаны, и горы уступами, а внизу, за тридцать земель, въ тысячѣ ручьевъ извивается Адда...

Растительность довольно разнообразна, несмотря на каменистую почву. Изъ деревьевъ попадаютъ осина, тополь, вязъ, ветла, береза и ель. Въ травѣ много цвѣтовъ: мелкій лиловый колокольчикъ, гвоздика, желтые цвѣты разнаго рода, но безъ имени, какъ бываетъ вообще. Я спросилъ у моего веттурина объ одномъ красивомъ салтанѣ, который видалъ не рѣдко въ нашихъ степяхъ: «пасопо cosi» (1), отвѣчалъ онъ еще грустнѣе, чѣмъ обыкновенно, и махнулъ рукой. Птицъ чрезвычайно мало; но въ одномъ садикѣ стояло все-таки пугало въ «тирольскомъ костюмѣ»; я вспомнилъ нашу: «онъ не будетъ, онъ не станетъ летать... то-есть «воръ-воробей», который всего-на-все одинъ и отпущенъ на цѣлый десятокъ садовъ.

Скоро мы вѣхали въ селеніе съ церковью, какія у насъ бываютъ только по городамъ. Сардинскій трехцвѣтный флагъ вися на колокольнѣ. Странно звучалъ въ горахъ тонкій, чистый колоколь, и звукъ его, по мѣрѣ нашего удаленія, уходилъ все ниже и ниже, и наконецъ сталъ раздаваться Богъ знаетъ гдѣ, какъ-то особенно теряясь и расплываясь подѣ скалами. Я рѣшительно не зналъ, сколько часовъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы оставили мостъ передъ туннелемъ — мостъ, который при каждомъ поворотѣ, я видѣлъ сверху чуть замѣтною сѣренькою полоской и вмѣстѣ съ нимъ тонкіе зигзаки безчисленныхъ ручьевъ Адды, какъ бы застывшей и мертвой, Адды, которая такъ шумна и быстра внизу... виды становились лучше и лучше. Я ничего не встрѣчалъ подобнаго ни въ природѣ, ни на картинахъ, и удивляюсь, какъ не придетъ никакому Каламу въ голову поселиться здѣсь на лѣто и написать три тысячи пейзажей, одинъ

(1) «Такъ растутъ себѣ! Богъ ихъ знаетъ какіе!»

другаго разнообразіе. Развѣ что «голодно». Особенно рекомендуемое мѣсто въ полчаса отъ Бельведера, гдѣ влѣво, саженьхъ въ тридцати надъ головою, возвышаются двѣ одинокія ели. Ихъ не возможно не замѣтить: это первыя ели во всю дорогу. Если вы поѣдете въ 5 часовъ, то увидите ихъ въ концѣ 8-го. Надо обратиться лицомъ въ сторону Сондріо.

«Bella sera!» воскликнулъ мой веттуринъ, устроившись снова подле меня, потому что, вѣроятно, усталъ: «ni caldo, ni freddo! bella sera!»

Онъ посматривалъ иногда на часы, разчитывая, сколько проѣхали и когда пріѣдемъ. Замѣтите: человекъ самый бѣдный, простой крестьянинъ, въ затасканномъ камзолѣ, въ самомъ невиданномъ нижнемъ платьѣ — а все-таки съ часами. Это здѣсь такъ обыкновенно, потому что дешево. Трудно опредѣлить сумму, за какую могли ему достаться подержанные серебряные часы. Кромѣ того — онъ «веттуринъ», и ему часы необходимы.

Но я рѣшительно забылъ, что называютъ люди *часами* — *irregarabile tempus* — которое, говорятъ, *fugit*, но оно для меня *стояло*, и было мнѣ вовсе не нужно. Я только глядѣлъ вдаль и по сторонамъ, можно сказать, не слыша и не чувствуя ничего, кромѣ природы. До этой минуты я никогда не проникался такъ глубоко природой. Здѣсь она имѣетъ полную власть надъ человекомъ и покоряетъ все его способности. Здѣсь невозможно думать — можно только смотрѣть и слушать эту горную тишину, почти непрерываемую никакими звуками... изрѣдка чирикнетъ птичка, глухо звякнетъ бубенчикъ козы, и гдѣ-то постоянно журчитъ струя воды, пробираясь по камнямъ... Но должно сказать, что кромѣ природы здѣсь имѣетъ значеніе и эта безконечно-вьющаяся каменная стѣнка, и это шоссе, и домики, и старыя замки вдали — по моему, все это необходимо для полноты впечатлѣнія, и нельзя выбросить ни одного штриха.

Въ половинѣ 9-го мы прибыли въ Бельведерь: такъ называется крайняя и почти высшая точка пути, послѣ которой поворачиваютъ влѣво, огибая гору по направленію къ деревнѣ Априкѣ. Здѣсь построена гостиница, — маленькій изящный домикъ въ два этажа и онъ-то называется *Belvedere*, № 406. Кажется этотъ заброшенный такъ высоко *номеръ*, оторвался отъ Тирано и связывается съ номерами его домовъ. Вѣроятно послѣдній № въ Тирано — 405. Подлѣ домика каменная конюшня съ сѣноваломъ. Все такъ чисто и красиво, что было бы кстати любому нашему помѣщику. Веттуринъ попросилъ позволенія покормить лошадь, о чемъ заговаривалъ заранѣе, какъ будто боялся, что я не разрѣшу. Однако сталъ ее кормить не распрягая, подставивъ только маленькія подвижныя ясли, а я вошелъ внутрь *Belvedere*, гдѣ сейчасъ за-

жглись огни. Въ небольшой комнатѣ стоялъ столъ, скамейки и стулья. На стѣнахъ — картинки, въ числѣ которыхъ я встрѣтилъ одну знакомую даму *aux deux crayons*, потомъ огромное объявление о дилижансахъ изъ Эдоло въ Бергамо, и наконецъ, самая лучшая картина: *Notizie del giorno* (1), отъ 29 іюня.

Рядомъ съ этою комнатою, назначавшеюся для пріѣзжихъ, была небольшая кухня, съ множествомъ всякой хитрой посуды на полкахъ: мѣдныя кастрюли, половники, чумички, жестяныя блюда, фаянсовыя тарелки въ большомъ количествѣ, даже формы для желе — все это сіяло и пестрѣло по разнымъ угламъ. Въ одномъ мѣстѣ, за рѣшеткой, прижались куры. Конечно, ихъ никогда не выпускаютъ, потому что иначе — поминай какъ звали. Какой-то молодецъ, высокій ростомъ, безъ сомнѣнія пришелецъ долины, въ сѣромъ пальто и шляпѣ, и еще двое въ рубашкахъ, что-то въ родѣ поваровъ, хлопотали около огромнаго куска сыру. Потомъ я замѣтилъ еще одну женщину, которую молодцы кликали Терезой. — «Синьйоръ прикажетъ сыру», сказалъ мнѣ высокій парень въ шляпѣ, «или *стракино*?» — А что такое *стракино*? «Тоже сыръ, только пожирнѣе!» отвѣчали мнѣ.

— Ну, давайте стракину! — Принесли новый кусокъ сыру, приготовили вина, воды, хлѣба, и предложили все это вынести подъ навѣсъ, на воздухъ, куда меня и безъ того такъ и тянуло.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Бельведера, на самомъ краю горы, устроенъ былъ небольшой навѣсъ на столбикахъ, съ коническою крышей изъ древесныхъ вѣтвей, на верху которой полоскался въ воздухѣ (неизбѣжное дѣло!) трехцвѣтный флагъ. Куда не занесли теперь этотъ флагъ! Какъ нужны, подумаешь, человѣку всё эти значки, краски и цвѣта...

Подъ навѣсомъ стоялъ длинный столъ, съ двумя скамьями по сторонамъ. Это было одно изъ самыхъ поэтическихъ мѣстъ въ дѣломъ мѣрѣ. Но становилось уже темно, и я едва разглядывалъ очертанія ближайшихъ горъ. Невозможно описать, что чувствуетъ и какъ настраивается человѣкъ на такой высотѣ, среди такой природы, ночью, въ тишинѣ, и притомъ, окруженный удобствами образованнаго міра. Я такъ былъ сытъ этимъ необыкновеннымъ вечеромъ, и всѣмъ видимымъ около меня, что долго не могъ приняться за принесенный сыръ, а все сидѣлъ, и смотрѣлъ, то вдаль и кругомъ, то на колебаніе свѣчки, которая передо мною горѣла, то вслушивался въ неизъяснимо-странный звукъ колокола, принявшійся снизу, изъ темной пропасти, покрытой кустами, которыхъ окраины изрѣдка таинственно шевелились отъ вѣтру... Остановимся здѣсь. Я не умѣю прибавить ни одной чер-

(1) Приказъ по войскамъ.

ты. Все остальное, невыразимое, всё переливы разнообразныхъ чувствъ, грезъ и воспоминаній, могутъ быть скорѣе дополнены воображеніемъ, чѣмъ какою-либо кистью.

Черезъ полчаса мы снова тронулись въ путь, все такимъ же прекраснымъ шоссе и все-таки въ гору. Мѣсто было очень высоко: я видѣлъ на другой горѣ, наравнѣ съ нами, даже немного ниже, сѣрыя массы неподвижныхъ облаковъ, которыя зашли въ ущелье какъ будто переночевать, задвинулись туда и тихо и важно дремали въ сумракъ и тишинѣ вечера. Скоро, направо, показались строенія Априки.

— *Aprica!* сказалъ мой веттуринъ, показавъ кнутомъ: *Grat miseria!*

— Почему же? спросилъ я.

«Почему? *Habitanti qui hanno poco terreno, per conseguenza non sono ricchi, sono poveri* (1)! сказалъ грустно веттуринъ.

Я нарочно привожу подлинныя слова веттурина, эту оригинальную, дѣтски простую разстановку словъ, гдѣ особенно необходимо на концѣ невыразимо-грустно звучащее «*poveri*». «Всѣ-то вы теперь *poveri*», подумалъ я.

Когда мы поравнялись съ Априкой, которая была отъ дороги саженьяхъ въ пятидесяти, внизу, въ ущельи,—мой веттуринъ крикнулъ: «*hei, Stampa!*»

Къ удивленію моему, на этотъ крикъ отозвался изъ темноты голосъ, и они тотчасъ заговорили между собою; это было нѣсколько быстрыхъ, отрывочныхъ словъ, переброшенныхъ черезъ пропасть.

— *Mio miso!* сказалъ потомъ трогательнымъ голосомъ веттуринъ, обратившись ко мнѣ, когда мы проѣхали Априку, и голосъ невидимаго Стампы пропалъ въ отдаленіи. И какъ все это странно и необыкновенно и какъ хватаетъ за сердце! Одинъ *miso* — Богъ знаетъ гдѣ, подъ облаками, гдѣ *gran miseria*, другой живетъ въ Тирано, въ изрядномъ городкѣ, и когда они видятся, и какъ держится эта дивная заоблачная *amicizia?*.. между тѣмъ достаточно одному подать во мракъ ночи голосъ черезъ пропасть, чтобы другой *miso* услышалъ и откликнулся.

Дорога повернула влѣво, въ гору, и потомъ опять зигзакомъ направо. Вершины горъ становились меньше и меньше. Мнѣ казалось, что мы взѣдемъ на самый гребень, но послѣ какого-то огромнаго, брошеннаго *albergo* и какой-то деревни, съ высокою изящною церковью (кажется Кортено), мы повернули вправо и стали спускаться уже не по шоссе, а простою дорогой, но все-таки весьма исправною и удобною. Работы на шоссе прерваны

(1) Мало земли, и стало-быть жители не богаты, бѣдны.

войною; осталось довести нѣсколько миль, что, вѣроятно, будетъ кончено въ скоромъ времени. Въ одномъ мѣстѣ веттуринъ свелъ лошадь подъ уздцы по причинѣ крутизны, а въ другомъ предложилъ мнѣ слѣзть, потому что было очень круто. Я прошелъ пѣшкомъ шаговъ пятьсотъ и могъ хорошо разсмотрѣть дорогу: дорога, какъ дорога, нисколько не *brutissima* и не *pericolosa*. Даже и слѣзать было бы не нужно. Въ Россіи при такихъ спускахъ не слѣзаютъ. Вправо подымались прекрасныя ели, мѣстами очень высокія. Царѣдка замѣтны были порядочныя березки. Я сорвалъ на одной нѣсколько листовъ и посылаю вамъ. «Теперь можно съѣсть,» сказалъ веттуринъ, и все-таки не утерпѣлъ, повторилъ, обращаясь ко мнѣ, своимъ груетнымъ тономъ: «*pericolosa!*» въ видѣ нѣкотораго вопроса. Чтобъ утѣшить его, я сказалъ также: «*pericolosa!*» Затѣмъ мы оба съѣли и покатали доброю рысью. По моему гораздо *pericolos'*истѣе было катить рысью надъ обрывами, гдѣ не было никакихъ оградъ и даже столбиковъ, но видно веттуринъ и его лошадь къ этому привыкли: мы летѣли рядомъ съ чернѣвшими пропастями, лихо поворачивали вправо и лѣво, и при свѣтѣ брезжившихъ лучей мѣсяца, скрытаго горами, прикатили въ Эдоло, захвативъ подконецъ опять небольшой отрывокъ чудеснаго шоссе.

Эдоло, можно сказать, небольшой городокъ, съ трехъ-этажными каменными домами, отлично вымощенный, даже съ гранитными плитами для колесъ, и такими же тротуарами. Но все это спало, и ворота вездѣ были заперты. Въ улицахъ ни души. Былъ первый часъ ночи. Веттуринъ насилу достучался въ одномъ *albergo*. Мы вошли въ комнату съ трактирными признаками: со столами, на которыхъ не все еще было убрано послѣ чьей-то закуски; съ картинами по стѣнамъ, изображавшими «Лѣто, Весну, Осень и Зиму.» Я полюбопытствовалъ разглядѣть хорошенько только «сію послѣднюю», и не нашелъ ничего зимняго.

Какая-то рыжая, сонная и зѣвающая фигура, напоминавшая сильно польскаго Жида, двигалась безмолвно по *альберю*, въ шапкѣ, какъ будто недовольная тѣмъ, что мы встревожили покой этихъ дремавшихъ стѣнъ и лавокъ, вмѣстѣ съ дамами, подъ названіемъ весны, лѣта и зимы. Мой веттуринъ тутъ же пропалъ и вскорѣ явился съ какимъ-то старичкомъ, въ синей ветхой курткѣ, съ бѣдною и жалкою физиономіей. Старичокъ былъ изъ Ловере (главная квартира Гарибальди) и предлагалъ свезти меня туда, не дожидаясь дилижанса. Грѣшный человекъ, въ первую минуту я подумалъ, что вотъ завезли меня Богъ знаетъ куда, и хотятъ надуть, но мы вѣдь «сами съ усами». Что дѣлать, есть страна, очень близкая моему сердцу, гдѣ подобныя штуки въ значительномъ употребленіи, особенно по дальнимъ проселочнымъ закоул-

камъ. Нельзя же вдругъ все это забыть. Я сказалъ старичку наотрѣзъ, что намѣренъ дожидаться дилижанса, тѣмъ болѣе, что это недолго: часа три, какъ показывали печатныя расписанія на стѣнахъ. Старичокъ грустно замолкъ, но не отходилъ и смотрѣлъ на меня, какъ бы умоляя. Я рѣшился объяснить подробно: такъ требователенъ и такъ грустенъ былъ сопровождавшій всѣ мои движенія взглядъ бѣднаго, сухощаваго старичка, со впадыми глазами. И что же? оказалось, что онъ хотѣлъ везти меня за цѣну дилижанса и только этого добивался. Мнѣ стало стыдно. Я прибавилъ еще франкъ, всего на все — шесть франковъ за 60 слишкомъ верстъ по горамъ! — и падо было видѣть, какъ бросился старичокъ и какъ опять прибѣжалъ, чтобы повторить, что онъ явится сѣйчасъ, сѣйчасъ, чтобы я какъ-нибудь не измѣнилъ своего намѣренія. Дѣйствительно, ту же минуту явилась небольшая крытая веттура въ одну жидкую, но проворную лошадку, которая совершенно напоминала своего сухощаваго, но быстрого и живаго хозяина.

Мы полетѣли полною рысью. Рядомъ со мною сидѣлъ какой-то человекъ, подсѣвшій къ намъ, когда я былъ уже въ веттурѣ: такой же бѣднякъ, какъ мой новый веттуринъ-старичокъ, съ такимъ же длиннымъ носомъ, только помоложе и въ сѣромъ картузѣ, а не въ шляпѣ. Сначала они все говорили между собой, а потомъ обратились ко мнѣ, съ вопросомъ, точно ли заключенъ миръ, и что слышно объ немъ въ Туринѣ? Я отвѣчалъ, что никто ничего не знаетъ, и говорятъ розно.

— Плохо! сказалъ мой сосѣдъ: —какой это миръ и зачѣмъ? Говорятъ, вступилась Россія и не хочетъ, чтобы Наполеонъ шель дальше! Такъ говорятъ!

Надо замѣтить, что они вовсе не думали, что я Русскій, и принимали меня за Француза, а потому о Наполеонѣ говорили осторожно.

Я опять сказалъ, что ничего не знаю, потому что трудно знать отсюда, что дѣлается въ Россіи.

— И какъ это можно разлучать Ломбардію съ Венеціей, продолжалъ сѣрый картузъ, — и къ кому пойдутъ эти крѣпости, Мантуя и Верона, одинъ Богъ знаетъ. Развѣ можно оставить ихъ Австрійцамъ? эдакъ они снова придутъ сюда къ намъ, гдѣ нѣтъ ни одной крѣпости.

Въ такомъ духѣ они говорили долго, то между собою, то обращаясь ко мнѣ.

Я увидѣлъ широкую рѣку, быструю и мутную, какъ всѣ видѣнные мною горныя рѣки. Она мчалась по полянамъ съ обыкновеннымъ шумомъ. Это была — Оліо. Затѣмъ мы пробѣжали нѣсколько селеній, правильнѣе *paesi*, какъ говорятъ здѣсь, потому

что слово *селеніе* опять напоминает совсѣмъ другое. Кое-гдѣ мелькали сады, похожіе на всѣ другіе сады, которые видишь въ Ломбардіи поминутно. Часа въ четыре мы остановились въ одной улицѣ мѣстечка *Capo di Ponte*, гдѣ должны были оставить моего сосѣда и покормить лошадь. Я замѣтилъ на площади отличный фонтанъ съ тремя мраморными лебедями. Подобные фонтаны, статуи, обелиски — здѣсь самая обыкновенная вещь почти въ каждой *паазе*, а ѣсть нечего, и по улицамъ ходятъ оборванцы. Мы въѣхали во дворъ. Я наблюдалъ за моимъ старичкомъ-веттуриномъ, какъ онъ отпрягалъ лошадь и съ нею разговаривалъ. Вышло что-то такое, чего лошадь какъ будто не хотѣла и не слушалась. Пріятель веттурина вмѣшался въ дѣло и началъ также разговаривать съ лошадью, повидимому зная всѣ ея привычки и свойства не хуже хозяина. Всѣ эти три существа были связаны между собою старинными узамъ. Трогательно было видѣть, какъ старичокъ, купившій клочокъ сѣнца, раздумывалъ, все ли вдругъ отдать лошаdkѣ, или раздѣлить. Сначала онъ раздѣлилъ, но увидѣлъ, что этого ужъ очень мало, особенно, когда поджарая лошадь стала быстро уничтожать травяной вѣникъ, брошенный ей подъ морду. Старичокъ побѣжалъ снова къ веттурѣ, подержалъ въ рукахъ такой же оставшійся вѣникъ, нельзя ли и его какъ-нибудь раздѣлить, но увидѣвъ, что это рѣшительно невозможно, побѣжалъ и отдалъ все своей лошаdkѣ.

Между тѣмъ длинноносый его пріятель отыскивалъ, гдѣ бы намъ выпить кофею. Все еще было заперто, хотя въ улицахъ начиналъ уже двигаться народъ: все какіе-то немудрые Тирольцы въ грубыхъ рубашкахъ, съ накинутыми на плеча красными и желтыми камзолами. Я говорю «Тирольцы», чтобъ этимъ дать вамъ нѣкоторое понятіе о костюмѣ, но собственно, пожалуй, это были не Тирольцы, хотя и жили отъ Тироля въ двухъ шагахъ, при такихъ же условіяхъ, съ такою же природой. Въ одномъ *caffè* отперли и сейчасъ же уладили кофей и достали гдѣ-то въ другомъ домѣ молока. Кофей былъ весьма исправный, молоко также; ко всему этому—хлѣбъ и бисквиты, посыпанныя сахаромъ. Признаюсь, я почему-то не ожидалъ всего этого отъ *Capo di Ponte*, и думалъ только наслаждаться видомъ мраморныхъ лебедей. Пристроившись къ кофейю какъ слѣдуетъ, я продолжалъ бесѣдовать съ сѣрымъ картузомъ и наконецъ рѣшился объявить ему мою націю. Онъ устремился на меня съ любопытствомъ: «Куда жъ вы теперь ѣдете?» — Въ Ловере. «Зачѣмъ же въ Ловере?» — Къ генералу Гарибальди. «Вы вѣрно у него служите волонтеромъ?» — Нѣтъ, просто-за-просто ѣду на него взглянуть, хотя уже его видѣлъ, и кромѣ того имѣю къ нему два пакета изъ Тирано.

Такъ какъ въ Тирано меня знали, то и просили доставить въ

Ловере двѣ бумаги, — отвѣтъ на какія-то предписанія штаба Гарибальди. Надо знать, что въ Тирано оставался небольшой отрядъ, и велъ переписку со штабомъ. Разумѣется, они пользовались всѣми случаями для переписки, потому что правильные курьеры черезъ переваль—здѣсь непозволительная и вѣроятно невозможная роскошь.

Съ моимъ собесѣдникомъ произошла быстрая перемѣна. Онъ былъ хорошъ со мной, какъ и съ «Французомъ», но когда услышалъ, что я Русскій и ѣду къ Гарибальди, то ужъ и не зналъ, какъ мнѣ услужить и какую выкинуть шутку.

Онъ сѣлъ противъ меня и началъ разказывать разныя разности о Гарибальди: какъ онъ отдалъ къ нему въ отрядъ послѣдняго сына, пятнадцати лѣтъ; какъ самъ поймалъ въ горахъ четырехъ Австрійцевъ и доставилъ къ генералу; какъ двѣ тысячи *гарибальдини* (Гарибальдовыхъ солдатъ) могутъ разбить четырнадцать тысячъ *Тедесковъ*;—все это лилось рѣкой. Говоря, онъ двигался весь неизмовѣрно; наѣзжалъ на меня на своей маленькой скамейкѣ и снова отѣзжалъ назадъ, трогалъ меня руками для убѣжденія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разказа, потомъ не выдержалъ, вскочилъ и побѣжалъ черезъ улицу къ какому-то Джузеппе, объявить новость: «Русскій, къ Гарибальди и пр.» Къ вѣщшему удовольствію всѣхъ окружающихъ, которые мало-помалу стали прибывать къ дверямъ кофейни, вся эта простота, въ рубашкахъ, въ большихъ сѣрыхъ шляпахъ, иной въ накинутой на плечи красной курткѣ изъ дерюги, въ крѣпкихъ чоботахъ съ необыкновенными подошвами,—къ удовольствію всѣхъ этихъ добродушныхъ народовъ, я вынулъ изъ сумки небольшой, но хорошій портретъ Гарибальди и показалъ компаніи.

«Preciso!» воскликнулъ животрепещущій, вертячій Носъ, окруженный братією: «preciso!» (1).

Надо было видѣть, какъ они смотрѣли на портретъ баснословно-любимаго ими генерала, какъ эта бумажка, къ которой они прикасались съ благоговѣніемъ, переходила изъ рукъ въ руки, и какъ Носъ слѣдилъ, чтобы чего-нибудь съ нею не случилось. Это была сцена, способная извлечь самыя пріятныя слезы, сцена, которую трудно забыть, и я думаю, что я никогда ея не забуду, и что всѣ эти красныя дерюги, эти добродушныя толстыя рубашки будутъ вѣчно запечатлѣны въ моей памяти.

Вдругъ явился какой-то мальчикъ чистить мнѣ сапоги, и они, говоря безъ преувеличенія, заблестали какъ зеркало. Я хотѣлъ спросить, гдѣ можно купить такую ваксу, но тутъ же какъ-то все это забылось, перепуталось съ разными другими мыслями,

(1) Похожъ! какъ вылитый!

которыя кучами, безъ всякаго спросу, тѣснились въ мою голову: бѣднѣйшій мальчикъ и вакса, какъ у лорда; петергофскій фонтанъ, персики въ возу, точно картофель, дерюги и сердца, чистѣйшія перловъ, имя Гарибальди, наконецъ я, какими-то судьбами попавшій въ эти горы, все это сновало, маячило и смѣнялось одно другимъ въ моемъ воображеніи... Я хотѣлъ заплатить мальчику за услугу, но сѣрый картузь меня остановилъ: «niente, niente, signor! per amicizia!» (1).

Между тѣмъ лошадка давнымъ-давно съѣла свой вѣнникъ. Время было ѣхать. Я сказалъ объ этомъ веттуруину.

«Subit, signor, subit!» (2).

Черезъ минуту веттура выѣхала изъ воротъ. Когда я садился, сѣрый картузь хотѣлъ протянуть мнѣ руку, но изъ учтивости не рѣшался этого сдѣлать, такъ что я долженъ былъ его предупредить. Мы разстались самыми добрыми пріятелями. Въ улицѣ нѣсколько сѣрыхъ шляпъ махали мнѣ истинно подружески.

Жиденъкая лошадка пошла покачиваться очень усердно. Выѣхавъ изъ городка, я скоро замѣтилъ на одномъ лугу мелькающихъ *гарибальдини*, которые обучались рассыпному строю. Звонкая труба оглашала горы, и сѣрыя шинели то бѣжали врознь, или рядомъ, то прилегали къ травѣ и наводили ружья. Во всемъ этомъ мало чувствовалось *pace*, развѣ — *armistizio*.

Мы ѣхали долго, минуя разныя *paesi*: Брено, Маленьо, Чивидате, ПIANBORNO, Ангоне, Эрбанно. Кругомъ зеленѣли самые роскошные сады, иногда съ большими, ровными лугами между деревьевъ. Послѣ Эрбанно показалось очень много ветелъ, похожихъ на тѣ, какія сажаютъ у насъ по дорогамъ. Направо и налево подымались горы, покрытыя разнообразнымъ лѣсомъ. За *paese Voarito* я увидѣлъ по горамъ мелкій дубнякъ. Съ правой стороны показалась довольно большая и шумная рѣчка Дессо, которая, по словамъ моего веттураина, впадаетъ въ Олію. Вскорѣ мы увидѣли опять эту красивую рѣку. Мелькнуло еще двѣ деревни: Корно и Роньо, опять сады, ветлы и луга, кукуруза, джелъси, фасоль, картофель, жидкіе вилки капусты, и снова кукуруза, виноградъ и джелъси. Въ Корнѣ мы на минуточку остановились. Я услышалъ стукъ въ одномъ строеніи, въ родѣ того, какъ бы молола мельница и пошелъ посмотреть, что это такое. Строеніе было *пекарня*. Особая деревянная машина мѣсила тѣсто: тяжкій валекъ брякалъ по столу и мялъ подставленный подъ него комъ, отъ котораго тутъ же пекарь отдѣлялъ небольшіе куски и сажалъ

(1) Ничего, ничего, синьйоръ! это изъ расположенія!

(2) Сейчасъ, синьйоръ, сейчасъ! они провозносятъ: *субитъ*, такъ точно, какъ *двое* вмѣсто *дуг*, *тютти* вм. *тутти* и т. п.

въ печь, откуда выходили кругловатые хлѣбцы, на подобіе картечи, хлѣбцы, имѣющіе одинъ и тотъ же видъ въ цѣлой Ломбардіи. Потомъ мы снова двинулись и ѣхали что-то не долго. «Ловере!» сказалъ веттуринъ, весело повернувшись ко мнѣ и показавъ вдаль кнутомъ. *Rasse* побольше другихъ запестрѣло красноватыми строеніями, налѣво сверкнуло озеро, котораго зеленая, прозрачная равнина вскорѣ покатила передъ нами далеко, до самаго горизонта, отражая въ себѣ отвѣсныя скалы съ бороною лѣсовъ, а вправо красноватыя зданія Ловере. Было очень жарко (одиннадцатый часъ дня), когда мы въѣхали въ городокъ. Много солдатъ купалось въ озерѣ. Иные ловили удочками рыбу. Направо, подъ навѣсомъ, нѣсколько офицеровъ пили кофей. Я скоро замѣтилъ на площади начальника штаба Гарибальди, вылѣзъ и отдалъ ему пакеты, которые привезъ, спросивъ о генералѣ.

«Онъ не совсѣмъ здоровъ, но принимаетъ, отвѣчалъ полковникъ Каррано:—вы можете его легко увидѣть.»

Гарибальди занималъ довольно большой домъ, но не такъ видный, какъ домъ Салиса въ Тирано. У воротъ стоялъ всего на все одинъ часовой. Большое трехцвѣтное знамя висѣло надъ аркой.

Я поднялся на каменную лѣстницу и очутился въ комнатахъ, украшенныхъ множествомъ масляныхъ картинъ, изображавшихъ болѣе всего женскія и мужскія головы. Въ одной изъ такихъ комнатъ сидѣлъ дежурный адъютантъ и что-то читалъ. Я просилъ доложить генералу: меня позвали въ кабинетъ ту же минуту.

Я нашелъ Гарибальди въ постелѣ: онъ сидѣлъ, прислонясь къ высокимъ подушкамъ, закрытый одеяломъ по поясъ, въ бѣлой голландской сорочкѣ, обыкновеннаго статскаго покроя. Онъ принялъ меня съ живостію и сейчасъ заговорилъ своимъ звучнымъ, энергическимъ голосомъ:

— Пожалуста, садитесь вотъ тутъ, и мы потолкуемъ! Я очень жалѣлъ, что мнѣ не удалось побесѣдовать съ вами прошлый разъ. Вы сами видѣли, сколько было разныхъ хлопотъ и занятій. Вся эта возня меня уложила, но за то теперь больше свободныхъ минутъ. Мнѣ хотѣлось высказать вамъ мое сочувствіе успѣхамъ вашего великаго отечества, которое имѣетъ всѣ залоговы для великаго будущаго. Я безконечно благоговѣю передъ вашимъ Императоромъ, которому пришла мысль эманципаціи народа, одареннаго, сколько я его разумію, самыми необыкновенными способностями и живущаго среди земли, которой нѣтъ ничего подобнаго по силамъ и богатствамъ всякаго рода. Это лучшій кусокъ вселенной. Эманципировать такую землю—дѣло необыкновенное, мысль не простой души. Это показываетъ, что вашъ Императоръ—славный человекъ (*bon, brave homme*). Когда я узналъ объ этомъ, всѣ мои мысли стремились къ тому,

чтобы какъ-нибудь его увидѣть и высказать ему мое величайшее, безконечное уваженіе; это не уваженіе, а благоговѣніе. Меня всегда видѣли на сторонѣ угнетенныхъ, преслѣдуемыхъ судьбою народовъ. Я бился за нихъ въ Америкѣ и здѣсь. Судите жъ, какъ меня трогаетъ, какъ близко моей душѣ освобожденіе одной изъ лучшихъ націй въ мірѣ, освобожденіе безъ всякихъ битвъ, чистосердечное, искреннее, открытое. Дай Богъ, чтобы желаніе вашего государя скорѣе исполнилось. Но что бы ни случилось, какъ бы ни пошло съ начала это дѣло, — его имя запишется въ исторіи крупными буквами. Оно уже записано. Онъ *сдѣлалъ* свое дѣло: мысль двинута, ее не воротить... истинно славный человѣкъ!.. Я понимаю невообразимыя трудности, чтобы разрѣшить этотъ вопросъ; трудности, связанныя прежде всего съ неизмѣрными богатствами вашей страны и ея пространствомъ... Но знаете: это сила, все-таки это сила. Только взглянешь, присмотришься къ вамъ чуть-чуть, — и не разберешь, гдѣ хорошо, гдѣ дурно. Я понимаю это: шевельни дурное, — рвется хорошее, жертвуется сила... трудно — дивная страна!.. Все это мнѣ очень пріятно высказать Русскому, котораго судьба занесла въ наши горы. Душевно вамъ благодаренъ за вашъ визитъ. Все это носилось въ моихъ мысляхъ, лишь только я васъ увидѣлъ, но времени рѣшительно не было; я не зналъ, какъ сдѣлать, и вотъ — обстоятельства помогли.

Гарибальди говорилъ съ небольшими разстановками. Я не прерывалъ его ни разу, исключая двухъ-трехъ замѣчаній, которыя не считаю нужнымъ здѣсь приводить. Я старался припомнить всѣ его фразы и передаю здѣсь, какъ умѣю, вѣрно. Когда онъ кончилъ, я сказалъ нѣсколько словъ, что думаю объ этомъ мудреномъ вопросѣ, — словъ, которыя намъ приходится повторять въ пустынныхъ горахъ, и которыя не говорятся печатно въ нашемъ отечествѣ. Гарибальди, послѣ минутнаго размышленія, сказалъ: «да, вы правы! это такъ.»

Нельзя не задуматься по случаю этого разговора, всѣхъ этихъ замѣчаній, высказанныхъ итальянскимъ генераломъ, и гдѣ, и какъ, и въ какое время. Стало-быть важенъ и великъ вопросъ, что онъ шевелитъ всякаго, про кого и не думаешь. Гарибальди, больной, въ постели, озабоченный судьбою собственнаго народа, только-что по заключеніи неожиданнаго и непріятнаго мира, и говоритъ пламенную рѣчь о сѣромъ русскомъ мужичкѣ, которому и не снится, что объ немъ такъ много думаютъ въ «Европѣ».

Въ это время доложили о пріѣздѣ какого-то графа, имени котораго я хорошо не разслышалъ; Гарибальди велѣлъ просить. Я отошелъ къ столу, гдѣ лежали по прежнему бланки, двѣ-три книги и небольшой ручной штуцеръ.

Дверь отворилась, вошелъ человѣкъ пожилыхъ лѣтъ, но живой и крѣпкій, въ бѣломъ лѣтнемъ сюртукѣ, и быстро пошелъ къ постели генерала, громко говоря на дорогѣ извиненія и желаніе видѣть, — какъ человѣкъ самый близкій и знакомый.

Я окинулъ его взглядомъ и опять обратился къ столу, а потомъ къ картинамъ на стѣнахъ... Вдругъ въ комнатѣ раздались всхлипыванья и рыданья. Я мгновенно обратился: это плакалъ графъ, закрывъ лицо. О чемъ онъ плакалъ, Богъ его знаетъ. Можетъ быть о Ломбардіи, и это всего скорѣе, потому что слухи носились о возвратѣ Австрійцевъ. Но о чемъ бы ни были эти рыданія, они были поразительны въ мужчинѣ, въ почтенномъ старикѣ, эти женскіе, не мужскіе вопли. Я почувствовалъ какой-то холодъ и чувствую его теперь, вспомнивъ это лицо и слезы. Обстрѣленный солдатъ Гарибальди смотрѣлъ на старика изъ подлобья, быстро, чуть замѣтно улыбнулся, и опять лицо его приняло мраморное, спокойное выраженіе. Графъ отеръ глаза, подалъ Гарибальди руку, посмотрѣлъ на него нѣсколько времени, что-то сказалъ и быстро вышелъ; Гарибальди отвѣчалъ ему вслѣдъ: «пожалуста успокойся!»

Я подошелъ къ генералу, чтобы также проститься, онъ взялъ меня за руку и долго ее держалъ.

«Желаю вамъ всего лучшаго, сказалъ онъ мнѣ. Помните, что у васъ есть добрый другъ въ Италіи, которымъ вы можете всегда располагать. Это очень мудро, но еслибы случилось, что я могу вамъ быть полезенъ, пожалуста напишите. Адресовать можно просто въ Туринъ.»

Таково было мое послѣднее свиданіе съ Гарибальди. Есть какая-то особенная, непостижимая сила въ нѣкоторыхъ исключительныхъ личностяхъ привлекать къ себѣ людей. Этою силой Гарибальди владѣетъ по преимуществу. Полагаю, что всѣ, кто его знаетъ, подтвердятъ мои слова.

Когда я обѣдалъ потомъ въ *albergo d' Oro*, Гарибальди прислалъ офицера спросить меня, что мнѣ нужно, чтобы я высказалъ откровенно. Я отвѣчалъ, что мнѣ ничего не нужно, что я дожидаюсь только отбытія парохода.

«Это неудобно: вы проиграете цѣлый день, сказалъ офицеръ, пароходъ отходитъ завтра утромъ. Позвольте устроить вамъ мѣсто въ дилижансѣ.» И онъ побѣжалъ и взялъ мнѣ мѣсто, между тѣмъ, какъ я нарисовалъ двухъ *гарибальдини*: *ивуда* и *каччаторе*.

Мы выѣхали черезъ часъ, на волахъ, потому что дорога сначала была очень трудна и гориста, но лошади были все-таки пристегнуты сзади, для смѣны воловъ, когда будетъ можно. Рядомъ со мною, въ купе, сидѣлъ одинъ капитанъ изъ отряда Гарибальди, выходецъ изъ Неаполя, человѣкъ хорошо образован-

ный, съ которымъ мы нѣсколько времени говорили о разныхъ разностяхъ, но потомъ оба заснули подъ тихую качку дилижанса, едва-едва катившаго колеса, и проспали вплоть до деревни Піаніко, гдѣ оставили воловъ и живо понеслись на тройкѣ лошадей, изъ которыхъ одна скакала впереди, на особыхъ возжахъ.

Шоссе вездѣ чудесное. Кругомъ сады, гдѣ изобилуютъ джелъси. Проснувшійся офицеръ разсуждалъ о томъ, что Италія вырабатываетъ шелку почти столько же, сколько вырабатывается его въ цѣломъ мірѣ, при чемъ Ломбардія, Венеція и долина По доставляютъ половину.

Я не помню именъ и порядка деревень, которыя мелькали довольно часто. Въ Трескоре, небольшомъ *борю*, противъ одного красиваго, трехъ-этажнаго дома, сидѣлъ на лавкѣ, подъ навѣсомъ платановъ, какой-то мущина, почтенной и пріятной наружности, въ бѣломъ пальто, съ трехцвѣтною ленточкой въ петлицѣ. Когда мы поровнялись съ нимъ, онъ всталъ и просилъ насъ остановиться. Дилижансъ тотчасъ сталъ.

— Скажите пожалуйста, обратился онъ къ моему сосѣду, офицеру изъ отряда Гарибальди (форма *каччатори* очень извѣстна въ Валтеллинѣ и Валкамоникѣ):—какъ здоровье генерала?

— Онъ еще въ постели, отвѣчалъ офицеръ, но чувствуетъ себя очень хорошо и вѣроятно скоро встанетъ!

Въ это время показалась въ воротахъ молодая дама привлекательной наружности, одѣтая очень просто, но изящно.

— Вотъ и графиня хотѣла знать о томъ же, замѣтилъ мущина въ пальто: — подойдите, графиня, вы можете спросить сами о генералѣ!

Она подошла къ самымъ колесамъ и, раскраснѣвшись, спросила о Гарибальди. Офицеръ отвѣчалъ то же самое, съ нѣкоторыми подробностями о болѣзни: это была старая рана, которая иногда открывается у генерала, вслѣдствіе усиленной дѣятельности и волненій.

— Такъ онъ скоро встанетъ! сказала графиня, поднявъ глаза къ небу:—подай Господи! А мы всѣ здѣсь въ постоянной тревогѣ за его здоровье!

И вотъ какая любовь, надежда и довѣренность къ одному лицу! Именемъ его наполнены всѣ ущелья, всѣ палаццо и всѣ норы, гдѣ только живетъ и движется хоть одна простая душа. Завидный жребій! Надо было видѣть лицо этой женщины и ея прекрасные глаза, полные слезами, когда она говорила о генералѣ и шептала свои молитвы. Казалось, я слышалъ молитвенный шепотъ всей прекрасной Ломбардіи и чувствовалъ боязливый трепетъ ея сердца, при мысли о возвращеніи притѣснителей... Бѣдными слезами надо писать исторію этихъ чудныхъ горъ и до-

лишь, и все-таки никто не выразить половины того, что можно прочесть на живыхъ ея страницахъ; никакая музыка не передастъ этого горькаго акцента, который звучитъ такъ просто и естественно въ устахъ народа, въ самыхъ обыкновенныхъ разговорахъ, — народа, одѣтаго въ толстыя, грубыя рубашки, хотя онъ и живетъ въ каменныхъ палатахъ и воздѣлалъ сады, можетъ-быть, первые въ мірѣ...

Мы пріѣхали въ Бергамо въ 6½ часовъ вечера. Издали, съ желѣзной дороги, нельзя имѣть понятія объ этомъ городѣ. Это одинъ изъ превосходныхъ городовъ Ломбардіи. То, что называется на картѣ предмѣстьемъ, такъ хорошо, что вы готовы не вѣрить никакимъ картамъ...

Мы имѣли время напиться кофею и потомъ пошли тихонько на желѣзную дорогу. По улицамъ двигалось множество раненныхъ Французовъ, съ подвязанными руками и хромающихъ. Это можно видѣть теперь во всѣхъ городахъ между Миланомъ и Пескьерой. Военные разныхъ родовъ мелькали всюду; кто пилъ кофею противъ какого-нибудь ресторана, обыкновенно на открытомъ воздухѣ; кто читалъ газеты; зуавы толпились около одного дешеваго Пинетти; магазины сіяли... гдѣ-то гремѣла музыка... красивые экипажи мчались по улицамъ. Самая кипящая, европейская жизнь проявлялась вездѣ; совсѣмъ не хотѣлось ѣхать. Мы шли очень лѣнливо съ моимъ пріателемъ *гарабальдино*, безпрестанно оглядываясь на живой и красивый городъ. Станція поразила меня изяществомъ стѣнной живописи. Я обратилъ на это вниманіе капитана, но онъ ничего не понималъ, взглянулъ небрежно и молчалъ. Видно, для него это было самое обыкновенное и естественное явленіе.

Часовъ въ 10 вечера мы вѣзжали въ знакомыя, пріятныя улицы...

Н. Бергъ.

О ДВОРЯНСКИХЪ ОПЕКАХЪ.

Не касаясь опеки и попечительства въ порядкѣ семейнаго права, я имѣю въ виду указать на тѣ затрудненія, съ которыми сопряжено опредѣленіе опекуновъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ къ недвижимымъ имѣніямъ, отдаваемымъ въ опеку за долги и вообще по распоряженію правительства. Изъ какихъ лицъ дворянскаго сословія могутъ быть избираемы опекуны этого рода? Мелкопомѣстные неслужащие дворяне, большею частію обремененные долгами, не соединяютъ въ себѣ условій необходимыхъ

для званія опекуновъ; а помѣщики, вышедшіе въ отставку по болѣзни или по домашнимъ обстоятельствамъ, весьма неохотно принимаютъ на себя опекунскія обязанности, съ которыми сопряжена личная отвѣтственность.

Самый приступъ къ принятію имѣнія въ завѣдываніе опеки оглашается мѣрою, конечно законною, но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма грустною для исполнителей закона. Владѣльца имѣнія, описаннаго задолги, слѣдуетъ тотчасъ же удалить изъ его усадьбы. Хорошо, если должникъ найдетъ пристанище гдѣ-нибудь у добрыхъ людей, и испытывая состраданіе ближнихъ, со стоическою твердостью будетъ ожидать послѣдняго удара молотка на аукціонѣ, который передастъ его родовое имѣніе тому изъ покупателей, кто дастъ за него больше денегъ! Но и въ этомъ случаѣ должность опекуна навязываетъ мирному и сострадательному помѣщику, желающему спокойствія, очень непріятныя хлопоты. Она дѣлаетъ его невольнымъ свидѣтелемъ поразительныхъ домашнихъ сценъ, обязывая его выпроводить всю многочисленную семью за порогъ ея дома.

Процессъ опредѣленія опекуновъ совершается слѣдующимъ образомъ: По полученіи указа губернскаго правленія *о немедленномъ* взятіи въ опеку такого-то имѣнія, дворянская опека назначается въ опекуны извѣстнаго ей помѣщика, и посылая на имя его указъ, предписываетъ земскому суду *немедленно* передать опекуну имѣніе, при членѣ дворянской опеки и при станомъ приставѣ. Помѣщикъ, прочтя указъ, тутъ же обыкновенно даетъ отъ себя отзывъ, что онъ по слабости здоровья принять на себя званіе опекуна не можетъ, или прописываетъ, что онъ по дѣламъ своимъ отправляется въ дальнюю губернію, или наконецъ объясняетъ, что, состоя церковнымъ старостою, онъ по закону освобождается отъ всякой другой должности.

Дворянская опека, получивъ подобный отзывъ, строго предписываетъ земскому суду объявить помѣщику, что безъ медицинскаго свидѣтельства она уволить его отъ званія опекуна не можетъ. Помѣщикъ приглашаетъ къ себѣ уѣзднаго врача, объясняетъ ему свои недуги и, разумѣется, получаетъ желаемое свидѣтельство, которое свидѣтельство опека должна непременно принять въ уваженіе, не имѣя сама свѣдѣній въ медицинѣ. Затѣмъ дворянская опека составляетъ новое опредѣленіе, о назначеніи другаго опекуна; и такой процессъ назначенія опекуновъ и уклоненіе ихъ отъ этой должности подъ разными предлогами, продолжается три, четыре мѣсяца, до тѣхъ поръ пока наконецъ какой-нибудь новичокъ въ уѣздѣ убѣдится личною просьбою предводителя дворянства, и изъявивъ свое согласіе, выразить притомъ полную готовность отправиться на мѣсто *немедленно*. Но

тутъ встрѣчаются новыя непредвидимыя препятствія; становой приставъ, какъ нарочно, отправился на слѣдствіе за 50 верстъ и далѣе отъ того имѣнія; членъ дворянской опеки, командированный присутствовать при передачѣ десяти имѣній, едва успѣваетъ переѣзжать изъ одного мѣста на другое, имѣя въ виду единственное утѣшеніе: высчитывать версты на проселочныхъ дорогахъ, съ тѣмъ чтобы по количеству ихъ получить слѣдующіе ему прогоны изъ уѣзднаго казначейства. Такимъ образомъ проходитъ еще нѣсколько мѣсяцевъ, и имѣніе, которое предписано настрожайше отдать *немедленно* въ вѣдѣніе опеки, остается безъ передачи опекуну. Случается и то, что становой приставъ, не поспѣвъ на мѣсто къ сроку, разъѣзжается и съ опекуномъ, и съ членомъ опеки въ разныя стороны.

Казалось бы, чѣмъ тутъ виновата дворянская опека, которая для приведенія въ исполненіе своихъ указовъ должна обращаться къ посредству земскаго суда и безъ его содѣйствія ничего сдѣлать не можетъ? За всѣмъ тѣмъ, губернское правленіе, не имѣя еще въ виду всѣхъ обстоятельствъ дѣла, насылаетъ строгіе указы, въ которыхъ, не стѣсняясь въ выраженіяхъ, обвиняетъ дворянскую опеку въ медленности, въ безпечности, и грозитъ предать суду членовъ оной и письмоводителя.

Дворянская опека, получивъ такой строгой указъ, приказываетъ письмоводителю сдѣлать справку, и о томъ, что окажется, немедленно донести губернскому правленію. Но дѣло это, какъ и всякія дѣла во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ, значительно уже потолстѣло отъ приобщенныхъ къ нему бумагъ, и само собой разумѣется, что письмоводителю нужно не мало времени для того, чтобы вывести точныя справки, которыя требуются иногда вдругъ по десяти дѣламъ.

Губернское правленіе послѣ неоднократныхъ подтвержденій, получивъ наконецъ справку, усматриваетъ изъ дѣла, что порядокъ соблюденъ законно, и въ силу этого заключенія предписываетъ (уже гораздо мягче) дворянской опекѣ принять зависящія отъ нея дѣятельныя мѣры для приведенія въ исполненіе указа, посланнаго полгода тому назадъ.

Дворянская опека, не имѣя въ своемъ распоряженіи никакихъ другихъ мѣръ, снова продолжаетъ переписываться съ земскимъ судомъ и опекунами; и въ огражденіе личной своей ответственности жалуется губернскому правленію на бездѣйствіе земскаго суда; вслѣдствіе чего правленіе требуетъ отъ того суда объясненій и грозитъ ему уголовнымъ судомъ. Такимъ образомъ сущность дѣла уходитъ въ область формъ и бумажной дѣятельности, не достигая своевременно настоящей цѣли.

А между тѣмъ, несчастный должникъ, пользуясь переходнымъ

состояніемъ, и не проча уже за собою имѣнія, обремененнаго неплатными долгами, думаетъ только о томъ, какъ бы выжать изъ него послѣдній сокъ; продаетъ скоть, движимость, хлѣбъ и пр., и вслѣдствіе всѣхъ этихъ продѣлокъ и оборотовъ, имѣніе передается опекуну въ самомъ разстроенномъ положеніи. Опекунъ, принявъ въ свое вѣдѣніе такое жалкое имѣніе и боясь отвѣчать за него своею собственностію, относится въ дворянскую опеку съ вопросомъ: какъ ему погупить при такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, отъ него нисколько не зависящихъ? Дворянская опека, не объясняя ничего опекуну, предписываетъ руководствоваться законами; точно такъ же, какъ и губернскае правленіе и гражданская палата, безъ всякихъ наставленій и объясненій, указываютъ на законы въ тѣхъ случаяхъ, когда уѣздные присутственныя мѣста испрашиваютъ ихъ разрѣшенія.

Нѣтъ ли же какихъ-нибудь средствъ поправить это положеніе дѣлъ?

Въ средѣ дворянъ уѣзда, многіе желали бы занять мѣста по выборамъ и посвятить себя пользѣ общественной; но такъ какъ число мѣстъ по выборамъ въ уѣздной администраціи весьма ограничено, то и желаніе этихъ многочисленныхъ дворянъ удовлетворено быть не можетъ. Прибавленіе къ настоящему числу уѣздныхъ должностныхъ лицъ, опредѣляемыхъ по выбору, нѣсколькихъ постоянныхъ опекуновъ, избираемыхъ на три года, изъ мѣстныхъ дворянъ, дало бы возможность выдвинуть на служебное поприще многихъ добросовѣстныхъ и дѣятельныхъ людей, для которыхъ званіе опекуна было бы первымъ шагомъ на службѣ дворянству, а способнѣйшимъ изъ нихъ открыло бы въ послѣдствіи путь къ другимъ должностямъ судебнымъ и административнымъ; а отставные помѣщики, отдыхающіе отъ служебныхъ заботъ въ сельскомъ своемъ уединеніи, не были бы вынуждены принимать на себя такіа обязанности, которыхъ они принять не желаютъ, и къ которымъ иные изъ нихъ сами считаютъ себя неспособными.

Въ настоящее время дворянская опека съ большимъ усиліемъ *набираетъ* опекуновъ послѣ долговременной съ ними переписки, и не имѣетъ возможности *избирать* изъ дворянъ такихъ опекуновъ, которые вполне соответствовали бы этому званію, но на общихъ губернскихъ выборахъ призывались бы въ должность опекуновъ дворяне, извѣстные всему обществу; дорожа имѣніемъ своихъ сочленовъ, они старались бы оправдать на дѣлѣ оказанное имъ довѣріе, и тѣмъ болѣе, что эта обязанность была бы срочная; а неисправнаго опекуна дворянская опека всегда имѣла бы право удалить и до срока отъ должности, и мѣсто его предоставить кандидату.

Избранные дворянствомъ уѣздные опекуны (числомъ смотря

по обширности уѣзда) состояли бы въ государственной службѣ, и получая жалованье, не имѣли бы уже надобности пользоваться съ опекаемыхъ ими имѣній процентами съ доходовъ. Скажутъ можетъ-быть, что это увеличеніе чиновниковъ обременитъ общество прибавкою земскихъ повинностей; но для облегченія взысканій и спокойствія большинства дворянъ, можно, кажется, допустить эту прибавку къ жалованью уѣздныхъ опекуновъ. Платить же мы жалованье смотрителямъ хлѣбныхъ магазиновъ, которые существенно не приносятъ намъ пользы.

Н. Е.

ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ.

Вы вѣроятно слѣдили за ходомъ полемики, возбужденной 18-ю калужскими дворянами по поводу подписки въ пользу учреждаемой въ Калугѣ женской гимназіи. Безъ сомнѣнія вы оцѣнили по достоинству и чувства и мысли, выраженные въ письмахъ этихъ восемнадцати, а потомъ девятнадцати, а потомъ не помню сколькихъ еще дворянъ. Я не стану входить въ разборъ всѣхъ претензій, желаній, неудовольствій, убѣжденій, сомнѣній и огорченій этихъ господъ. Почему, напримѣръ, они полагаютъ, что иностранное слово *индивидуумы* значитъ *калужское благородное сословіе*, и принимаютъ на счетъ всего сословія эти слова *Калужскихъ Вѣдомостей*: «не всѣ индивидуумы проникнуты сознаніемъ важности общественныхъ вопросовъ»? Почему другія слова этихъ *Вѣдомостей*: «сословія Калуги начинаютъ обнаруживать сочувствіе къ общественнымъ интересамъ», — должны означать, что обнаруживаютъ это сочувствіе всѣ сословія Калуги, исключая дворянскаго? И чѣмъ именно эти господа оскорбились? Тѣмъ ли, что авторъ статьи *Калужскихъ Вѣдомостей*, замѣчая признаки общественнаго пробужденія, привѣтствуетъ всѣхъ, а слѣдственно и дворянъ съ добрымъ утромъ? Можетъ-быть имъ было бы пріятнѣе пожеланіе спокойной ночи? Или тѣмъ, что статья вообще осмѣлилась коснуться въ своихъ сужденіяхъ благороднаго сословія дворянъ? Или просто они оскорблены тѣмъ, что купеческое сословіе сдѣлало пожертвованіе въ пользу женской гимназіи, и такимъ образомъ осерчали на фактъ? Но въ той же статьѣ *Калужскихъ Вѣдомостей* сообщено о пожертвованіи г. купцомъ Малютиннымъ ста тысячъ рублей для основанія въ Калугѣ банка; этотъ фактъ еще важнѣе, и слѣдовательно еще оскорбительнѣе?

Далѣе: почему, по случаю столь мирнаго учрежденія, какъ гимназія для дѣвочекъ, понадобилась пальба громкими фразами военнаго содержанія? Кажется, присутствіе малодрославецкихъ высотъ въ чертѣ Калужской губерніи не въ состояніи помочь дѣлу просвѣщенія, точно такъ же, какъ не могло бы ему помѣшать нахождение дома Тушинскаго вора въ стѣнахъ самой Калуги, еслибы жители этого города дѣйствительно были убѣждены въ пользу просвѣщенія.

Разрѣшеніе этихъ вопросовъ и многихъ другихъ въ томъ же родѣ, поражаемыхъ содержаніемъ упомянутыхъ писемъ, я оставляю въ сторонѣ (кромѣ двухъ обстоятельствъ, о которыхъ скажу послѣ), но попрошу у васъ, милостивый государь, позволенія сказать мимоходомъ два слова изъ современныхъ наблюденій моихъ надъ общественною жизнію. Тысяча обстоятельствъ убѣждаетъ меня въ томъ, что хотя дѣйствительно всѣ сословія нашего отечества проснулись, но многіе индивидуумы очень недовольны тѣмъ, что ихъ разбудили. Между этими недовольными замѣчаются люди двоякаго рода: одни сердятся просто потому, что слишкомъ заспались; имъ досадно, что бдящіе прохожіе открыли у нихъ не только ставни, но и окна, съ добрымъ намѣреніемъ освѣжить затхлый запахъ и спертый воздухъ ихъ жилищъ; сновидѣнія этихъ индивидуумовъ были безсмысленны, но за то такъ сладки и пріятны въ сравненіи съ представшею передъ ними разумною, но суровою дѣйствительностію; они слышали на улицѣ людской говоръ, но въ просонкахъ еще не могутъ понять, въ чемъ дѣло; во всякомъ случаѣ этотъ шумъ имъ не нравится; онъ отгоняетъ отъ нихъ послѣднія, милыя грезы; они подходятъ къ окну не умытые и не чесанные и впутываются въ общій разговоръ глупо и не впадаютъ. Другіе сожалеютъ о разбѣянной тѣмѣ потому, что появленіе свѣта пробудило не только ихъ самихъ но и все общество. Они сознательно ненавидятъ свѣтъ, но не всѣ изъ нихъ ругаютъ его открыто и громко. Многіе поддѣлываются подъ благородный и разумный тонъ, успѣвая надуть наивныхъ; люди чуткіе отворачиваются отъ нихъ съ презрѣніемъ. Но этого мало. Я нахожу, что эти люди представители той стороны нашего современнаго общественнаго безобразія, до которой литература касалась еще очень мало. Сущность безобразія остается, милостивый государь, одна и та же; она намъ давно знакома или лучше сказать давно противна; она заключается все въ той же отсталости, все въ тѣхъ же сословныхъ предрасудкахъ, все въ той же ненависти къ добру, пользѣ, просвѣщенію и гласности; но, сообразно духу времени, измѣнилась форма проявленія этихъ старинныхъ доблестей. Весь этотъ ветхій хламъ прикрывается теперь покровомъ либерализма, или, правильнѣе, либеральничанья. Были у насъ прежде Тартюфы

нравственности, Тартюфы любви къ Богу, Тартюфы любви къ отечеству; теперь на арену общественныхъ преній и литературныхъ поединковъ являются Богъ знаетъ откуда Тартюфы-прогрессисты. Ихъ голосъ гремитъ при обсужденіи всѣхъ важнѣйшихъ общественныхъ вопросовъ: по случаю освобожденія крестьянъ, они говорятъ о неприкосновенности помѣщичьихъ правъ; по поводу распространяющейся въ народѣ трезвости—о пагубномъ вліяніи общественнаго воздержанія на государственные финансы, столь необходимые для приведенія въ исполненіе благодѣтельныхъ правительственныхъ реформъ; если власть честна и безпристрастна, они кричатъ о насиліи властей; если она потакаетъ ихъ дикимъ нравамъ и низкимъ инстинктамъ, или выгоднымъ для нихъ злоупотребленіямъ, и слѣдовательно дѣйствуетъ незаконно, самопроизвольно и нечисто, они хвалятъ такую власть, разсуждая весьма солидно и благонамѣренно, что истинная свобода совмѣстна только съ строгимъ порядкомъ; если мѣстная администрація вздумаетъ приглашать ихъ къ доброму дѣлу, они толкуютъ объ англійскомъ самоуправленіи; когда общество укоряетъ ихъ въ равнодушіи къ общественнымъ пользамъ и въ недостаткѣ инициативы, они выражаютъ убѣжденіе въ необходимости французской централизаціи; идетъ ли рѣчь о вредѣ и тупости сословныхъ предразсудковъ и объ общечеловѣческомъ достоинствѣ, они повторяютъ, вмѣстѣ съ капитаномъ Копѣйкинскимъ: «мы въ нѣкоторомъ родѣ проливали кровь!» Какъ будто кровь проливалась въ самомъ дѣлѣ одними только капитанами.

По моему мнѣнію, литература должна указать пальцемъ на этихъ прогрессистовъ и выставить на общественный позоръ и смѣшную и безнравственную сторону ихъ лицемернаго образа дѣйствій. Я упомянулъ объ этомъ, милостивый государь, только вскользь, потому что пришлось очень кстати; и за тѣмъ обращаюсь къ главному предмету моего письма, а именно къ указанію на слѣдующія два обстоятельства.

1. Восемнадцать калужскихъ дворянъ объявили печатно, что они ничего не пожертвовали въ пользу женской гимназіи, потому что ихъ не пригласили въ то собраніе, которое было созвано съ этою цѣлію. Имъ возражали, что подобнаго собранія вовсе не было, что они могли знать о предполагаемомъ учрежденіи гимназіи изъ *Калужскихъ Вѣдомостей* и общихъ объ этомъ разговоровъ. Тогда девятнадцать дворянъ, большею частію однофамильцы восемнадцати, имѣли храбрость объявить печатно же, что «имъ необходимъ намекъ о томъ, что пожертвованіе въ пользу воспитанія дѣтей есть дѣло полезное»; и право на свою недогадливость они основывали на томъ, что Русскіе будто бы привыкли къ централизаціи, и еще на пословицѣ: «дѣтя не плачетъ,

мать не разумѣть». Я не согласенъ съ девятнадцатью дворянами. Впервыхъ, чтобы не искать далеко и не выходить изъ черты Калужской губерніи, благая и разумная мысль крестьянъ о воздержаніи отъ вина и мысль г. купца Малютина объ основаніи въ Калугѣ банка указываютъ самымъ блистательнымъ образомъ на способность насъ, Русскихъ, къ самодѣтельности и инициативѣ въ добрыхъ и общепользныхъ дѣлахъ въ то время, когда мы находимся не въ сонномъ, но въ бдящемъ состояніи; а во вторыхъ, пословица о плачущихъ дѣтяхъ приведена девятнадцатью дворянами особенно не кстати: дѣти потому вѣроятно и не плачутъ, что ихъ не заставляютъ учиться; но за то они будутъ плакать и плакать горько, когда станутъ большими невѣждами по милости тѣхъ *неразумѣвшихъ*, которые безъ циркулярныхъ намековъ не могли сообразить того, что воспитаніе дѣтей полезно. Но оставимъ и это въ сторонѣ и согласимся на минуту, что дѣйствительно калужскіе дворяне не могли дѣлать пожертвованій въ пользу женской гимназіи безъ официальныхъ по этому предмету циркуляровъ. Что же оказывается изъ письма *некалужскаго дворянина* Г. В. Солодовникова, заступившагося въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* за честь русскаго дворянина, оскорбленную такъ безцеремонно не разумѣющими девятнадцатью его сочленами? Оказывается, что и единственная причина, по которой *будто бы* калужское дворянство не приняло въ настоящее время участія въ жертвованіяхъ на женскую гимназію, не существуетъ! Да, циркуляры, безъ которыхъ иные ничего не могутъ понять, циркуляры именно объ учрежденіи въ губернскихъ городахъ женскихъ гимназій, циркуляры печатные были разосланы отъ министра внутреннихъ дѣлъ ко всѣмъ губернскимъ предводителямъ дворянства еще въ іюль прошлаго года и приглашали ихъ, какъ извѣстно, «объявить дворянству, не пожелаетъ ли оно принять участіе въ семъ общепользномъ дѣлѣ сообщеніемъ своихъ предположеній и добровольными приношеніями на учрежденіе женскихъ училищъ»; причѣмъ циркуляры не намекали только, но указывали весьма категорически на пользу отъ предполагаемыхъ учрежденій для воспитанія дѣвицъ. Не правдали, милостивый государь, что это и любопытно и назидательно? Для чего же былъ весь этотъ шумъ, это соболѣзнованіе о гибнущей централизаци, эта злобная досада на отсутствіе официальныхъ намековъ и циркуляровъ, этотъ капризный плачъ уже не дѣтей, но восемнадцати, девятнадцати и еще нѣсколькихъ взрослыхъ дворянъ? И какъ объяснить это продолжительное молчаніе обѣихъ заинтересованныхъ въ спорѣ сторонъ по тому именно предмету, который составляетъ сущность спора? Со стороны *Калужскихъ Вѣдомостей* и лицъ, возвращавшихъ восемнадцати дворянамъ, этотъ аргу-

ментъ имѣлъ бы силу зажать ротъ противной сторонѣ, и потему молчаніе ихъ можетъ быть истолковано даже въ смыслѣ великодушія. Если же не объяснять этого молчанія великодушіемъ, то во всякомъ случаѣ нѣтъ ничего предосудительнаго для чести и достоинства тѣхъ, которые хотя бы не изъ великодушія, а только вслѣдствіе ненаходчивости или неловкости, не поражаютъ въ бою своихъ противниковъ на смерть. Но чѣмъ объяснить молчаніе противной стороны объ этомъ важномъ фактѣ, обнаруженномъ Г. В. Солодовниковымъ? Великодушіе ея, напротивъ, выразилось бы тогда, еслибъ она сама указала этотъ фактъ, развивающій собственные ея доводы; но она не указала его. Невѣдѣнія со стороны этихъ восемнадцати или болѣе калужскихъ дворянъ, предполагаемаго г. Солодовниковымъ, допустить нельзя, потому что еслибъ они обвиняли по невѣдѣнію, то, узнавъ дѣла, вѣроятно, отреклись бы отъ своего обвиненія также гласно, какъ гласно обвиняли. Притомъ, если не знали они, то зналъ тотъ, къ кому адресованъ циркуляръ, то-есть предводитель калужскихъ дворянъ, который однимъ словомъ могъ остановить это постыдное ополченіе противъ общепользнаго дѣла. Итакъ, этимъ восемнадцать или болѣе калужскимъ дворянамъ, кажется, не было нужды въ истинѣ, а была нужда только въ предлогѣ для выраженія неудовольствія. Въ чемъ же заключается это неудовольствіе, и отчего оно происходитъ? Вопросы эти не малой важности, и гласное разоблаченіе ихъ принесло бы значительную пользу. Не одно это явленіе, подъ маской либеральничанья и даже лжегражданской смѣлости, выражаетъ досаду на прерванный сонъ и на проявившееся стремленіе къ улучшеніямъ!

Какъ бы то ни было, нельзя не сожалѣть, что безмолвіе по этому предмету и въ дѣлѣ, получившемъ такую гласность, было столь упорно. Еслибъ оно было нарушено въ свое время, то съ одной стороны ни въ чемъ невиновныя губернскія вѣдомости и мѣстная администрація, дѣйствія которой были объяснены въ этихъ вѣдомостяхъ весьма ясно и положительно, были бы защищены отъ несправедливыхъ упрековъ со стороны дворянъ, сочинившихъ и подписавшихъ эти письма; и съ другой стороны пощажена была бы репутація этихъ самыхъ дворянъ, выступившихъ такъ беззащитно на литературное поприще, отъ имени всего калужскаго дворянства, можетъ-быть со спѣхью Донъ-Кихота, но безъ его рыцарской добросовѣстности, — составившихъ обвинительный актъ, доводы и основанія котораго разлетаются какъ пухъ, при малѣйшемъ прикосновеніи къ нимъ истины и здравой логики; наконецъ, печатно завѣрившихъ, что русское дворянство не въ состояніи выработать въ себѣ ни одной доброй и полезной мысли безъ оффиціальныхъ просьбъ или намековъ! Въ заключеніе счи-

таю не лишнимъ обнаружить слѣдующее обстоятельство, могущее служить дополненіемъ къ изобличенію, сдѣланному г. Солодовниковымъ: въ маѣ текущаго года былъ разосланъ къ предводителямъ дворянства отъ министерства внутреннихъ дѣлъ еще другой циркуляръ также по дѣлу о женской гимназій и также печатный, какъ и прошлогодній; чтò и составляетъ два печатныхъ циркуляра по одному и тому же дѣлу.

2. Второе обстоятельство, на которомъ я прошу позволенія остановиться, это мнѣніе г. Энгельгардта (въ *Сверной Пчелѣ*) о губернскихъ вѣдомостяхъ, написанное не просто отъ полноты чувствъ, а вслѣдствіе той же калужской полемики, и слѣдовательно, относящееся собственно къ *Калужскимъ Вѣдомостямъ*. Въ письмѣ г. Энгельгардта есть дѣльные мѣста, а именно все, чтò выписано имъ изъ *Русскаго Дневника*; и я сочувствую вполнѣ этимъ мѣстамъ письма г. Энгельгардта. Дѣйствительно, положеніе, въ которомъ находятся губернскія вѣдомости въ настоящее время, препятствуетъ имъ быть самостоятельнымъ литературнымъ органомъ.

Подвергаясь ценсурѣ, какъ и прочія наши современныя изданія, онѣ еще, кромѣ того, находятся въ зависимости отъ мѣстнаго начальства, — такъ, что отъ воззрѣнія этого начальства на гласность и литературу зависитъ и тонъ и направленіе вѣдомостей. Нѣкоторыя начальства любятъ неумолкаемые, хвалебныя гимны и никогда неосушаемыя слезы умиленія, проливающіяся даже на балахъ и на обѣдахъ; другія до такой степени питаютъ любовь къ благонамѣренному безмолвію, что эта любовь переходитъ просто въ ненависть къ грамотности, вслѣдствіе чего неофіціальная часть вѣдомостей состояла часто изъ двухъ отдѣловъ: 1) таблицы метеорологическихъ наблюденій и 2) реэстра пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ лицъ. Но являлись наконецъ и такія начальства, которыя желали предоставить губернскимъ вѣдомостямъ болѣе простора и независимости и придать имъ интересъ. Тогда вѣдомости получали болѣе жизни и значенія, но такое состояніе ихъ не надежно, потому что зависитъ отъ личнаго взгляда, и все-таки далеко неудовлетворительно. Административное вліяніе на мѣстную газету заключаетъ въ себѣ неизбежное свойство дѣйствовать стѣснительно и въ отношеніи къ редакціи и въ отношеніи къ самой власти, которой, казалось бы, губернская газета могла служить публичнымъ органомъ. Но власть у насъ не имѣетъ обыкновенія проявлять образъ своего воззрѣнія печатно и дѣлиться своими мыслями и предположеніями со всѣмъ читающимъ обществомъ; а если бы она и поступала такъ, то это могло бы имѣть смыслъ и принести пользу только въ такомъ случаѣ, если бы въ губерніи была другая га-

зета, въ которой обсуждались бы общественные вопросы и местные интересы совершенно независимо отъ власти. Всего это къ несчастію, нѣтъ, и потому состояніе губернскихъ вѣдомостей, повторяю, не можетъ быть удовлетворительно, при всѣхъ стараніи редакцій сдѣлать изъ нихъ такой литературный органъ, въ которомъ отражались бы вѣрно и свободно жизнь и дѣятельность губерніи, и при всемъ желаніи мѣстной власти не выставляться въ убѣжденія редакціи.

Итакъ мнѣніе *Русскаго Дневника* о губернскихъ вѣдомостяхъ, повторенное г. Энгельгардтомъ, совершенно правильно; но я не нахожу, чтобы для г. Энгельгардта и его единомышленниковъ былъ выгоденъ независимый характеръ вѣдомостей. Вѣдь мысль, напримѣръ, что *даже пора стращнуть съ себя прахъ отсталости и предрасудковъ*, нова развѣ только для 18 калужскихъ дворянъ съ компаніей, по всей вѣроятности очень мало читающихъ; она повторялась въ литературѣ часто и не такъ скромно, но съ силою и увлеченіемъ, съ глубокимъ негодованіемъ въ всѣмъ презрѣннымъ поборникамъ отсталости и предрасудковъ. Предположимъ же, что эта мысль была бы выражена газетою Калужской же губерніи, но нисколько не зависящею отъ начальства; — какъ вы думаете, милостивый государь, возстали ли бы противъ нея *путемъ печати* восемнадцать и прочіе дворяне! Мнѣ кажется, что не посмѣли бы и заикнуться, потому что нападеніе на частное лицо редактора газеты лишило бы ихъ возможности облечь свое неудовольствіе въ протестъ противъ начальства и отводить глаза добрыхъ людей своимъ лубочнымъ либерализмомъ в темными намеками, такъ удобно не высказывающимся на томъ основаніи, что *волокъ недалечко*. Притомъ же власть можетъ, пожалуй, считать своею обязанностію не вступать въ полемику съ жителями подвластной ей мѣстности, но редакція частнаго журнала не станетъ жертвовать своими убѣжденіями изъ одной боязни *не раздражить чужей*.

Перемена положенія губернскихъ вѣдомостей будетъ также невыгодна для таланта 37 или 40 калужскихъ литераторовъ, какъ гласное судопроизводство и печатаніе процессовъ и именъ преступниковъ было бы невыгодно для полицейскихъ чиновниковъ, уличенныхъ въ грабежъ народа, для помѣщиковъ, сужденныхъ за жестокое обращеніе съ крестьянами, и т. п.; какъ широкая гласность была бы неблагоприятна для лицъ, не бывшихъ подъ судомъ, но опозоренныхъ по своимъ свойствамъ во мнѣніи честныхъ и благородныхъ людей. Между тѣмъ, при настоящемъ порядкѣ вещей, одни имѣютъ случай писать либеральныя статьи, а другіе принимать горделивыя позы и выдавать себя за представителей общественнаго мнѣнія.

Что же дѣлали бы эти господа, еслибъ у нихъ была мѣстная, *зависимая* газета? Надо предполагать, что эта газета дорожила своею репутаціей, и слѣдовательно не помѣщала бы въ *формѣ столбцахъ* трактатовъ о необходимости офиціальныхъ *наказовъ* о томъ, что полезное дѣло—дѣйствительно полезно; вѣдь газеты издаются не для того, чтобъ ихъ бросали подъ столъ, не прочитавши. Этимъ господамъ, для *выраженія общественнаго мнѣнія*, пришлось бы завести свой собственный литературный органъ. Вообразите же себѣ, милостивый государь, что бы это было!.. Въ нашей литературѣ замѣтно весьма угѣшительное явленіе, что понятія, сильно оскорбляющія нравственное чувство, или несогласныя съ здравымъ смысломъ, или противныя успѣхамъ просвѣщенія и дѣлу усовершенствованія человѣчества, проповѣдывались и защищались людьми, отмѣченными полнѣйшею бездарностью. Имена нѣкоторыхъ изъ нихъ получили печальную, всероссійскую извѣстность. О томъ же, каковъ можетъ быть органъ восемнадцати дворянъ съ компаніей, можно судить по напечатаннымъ ими письмамъ. О содержаніи этихъ писемъ мы уже говорили; въ отношеніи же способа ихъ изложенія оказывается, что г. Извѣковъ уличенъ въ неумѣніи писать, а другіе редакторы отличаются, по моему мнѣнію, особенною неловкостью. Такъ одинъ изъ нихъ заставляетъ своихъ сотоварищей не знать навѣрно и не чувствовать самихъ, а только *воображать*, что должны чувствовать *честные дѣятели*, и къ довершенію несчастія, воображеніе редактора оказалось такъ вяло и невѣрно, что не могло замѣнить ему отсутствія чувства и сознанія, вслѣдствіе чего и вышло Богъ знаетъ что такое... вышло, что для *честныхъ дѣятелей* обидно, больно было прочитать слѣдующія слова *Калужскихъ Вѣдомостей*: «пора, давно пора пробудиться отъ усыпленія и стряхнуть съ себя прахъ отсталости и предрасудковъ!» Любопытно знать, въ какомъ видѣ рисуются воображенію нѣкоторыхъ господъ честные дѣятели?

Г. Энгельгардтъ съ компаніей налагаетъ руку на себя и на свою компанію, такъ опрометчиво желая полной независимости губернской газетѣ. Я совѣтовалъ бы г. Энгельгардту и его единомышленникамъ желать, изъ чувства самосохраненія, чтобы литературный отдѣлъ *Калужскихъ Вѣдомостей* состоялъ изъ метеорологической таблицы и извѣстій о приѣзжающихъ и отъѣзжающихъ лицахъ, — и только! Они должны стараться отнюдь не допускать въ этомъ отдѣлѣ даже и перепечатанія объявленій о лучшихъ нашихъ журналахъ, газетахъ и книгахъ, какъ это дѣлается въ иныхъ вѣдомостяхъ; въ однихъ этихъ объявленіяхъ уже слышится что-то демагогическое и крайне оскорбительное...

Видѣвъ съ тѣмъ я обращаюсь къ *Калужскимъ Вѣдомостямъ* съ

убѣдительною просьбою идти дорогой, ими избранною, пока не стоящее положеніе губернскихъ вѣдомостей не измѣнится къ лучшему. Онѣ могутъ возбудить еще не разъ неудовольствіе Тартюфовъ-прогрессистовъ, но это не должно ослаблять бѣшеннаго стремленія редакціи. Честный литературный органъ, какъ и честный человѣкъ, долженъ гордиться равно одобреніемъ своихъ друзей и порицаніемъ своихъ враговъ.

АРСЕНІЙ ГЛАЗОВЪ.

С.-Петербургъ
16-го іюля 1859.

НУЖНЫ ЛИ У НАСЪ УЧИЛИЩА ДЛЯ КРЕСТЬЯНСКИХЪ ДѢВЦЪ?

« Назначеніе женскаго пола есть жизнь семейная, и потому принадлежитъ ему воспитаніе семейное. » Не знаемъ, кто первый высказалъ эту мысль, но ее безусловно приняли тѣ, которые, боясь труда ваумываться въ дѣло, готовы принять всякое мнѣніе, лишь бы оно не обязывало ихъ къ какой-либо новой и особенно хлопотливой дѣятельности, а заботливо распространяютъ эту мысль тѣ, которые по разчету или по совершенному непониманію дѣла, боятся малѣйшаго луча свѣта въ крестьянствѣ.

И что жъ, кажется, эта мысль справедлива? Да, какъ и всякое изъ числа общихъ мѣстъ, къ которымъ обыкновенно прибѣгаютъ тѣ, которые не хотятъ высказать, что у нихъ на душѣ. Дѣйствительно, назначеніе женщины—преимущественно жизнь семейная. Но жизнь семейная для чего? Не для того ли, чтобы въ ней появлялись новыя существа, развивались и формировались въ членовъ гражданскихъ обществъ? Конечно, да. А если да, то какое жъ будетъ участіе женщины въ этомъ процессѣ? Понятно, что не родить только и выкормить,—это принадлежитъ чисто животной природѣ,—а нѣчто большее. Какъ существо съ душою разумною, производящее существа для жизни разумной и духовной вмѣстѣ съ жизнію физическою, она вмѣстѣ съ выкормленіемъ тѣла должна полагать основаніе и воспитанію души. И именно, это дѣло матери, а никого больше. Подъ ея прямымъ вліяніемъ ребенокъ начинаетъ жить послѣ своего рожденія; она управляетъ первыми общеніями его съ міромъ; и первыя впечатлѣнія, самыя живыя и неизгладимыя, доходятъ до него обыкновенно посредствомъ матери. « Въ экономіи природы нравственная дѣятельность предшествуетъ физической; младенчество мальчика открыто для всѣхъ впечатлѣній окружающаго его міра; собственно съ колыбели начинается его воспитаніе; первое его слово есть пер-

вое его понятіе; первый поцѣлуй матери—первый урокъ его. Не помнимъ, кѣмъ сказано это; но сказано совершенно справедливо. Слѣдовательно, первоначальное воспитаніе, физическое, умственное и нравственное, все лежитъ на матери; вотъ главное дѣло, вотъ назначеніе женщины. Отъ нея безусловно ~~и неограниченно~~ зависятъ или подождать прочное ~~основаніе~~ правильному развитію тѣла и души будущаго гражданина, или исказить, изуродовать, даже убить жизнь тѣла и души. Нужно ли же, чтобы она понимала свое назначеніе, разумѣла свое дѣло? Кажется, и спрашивать объ этомъ нечего. Но всякое пониманіе и разумѣніе идетъ путемъ образованія. Чтобы правильно развивать другихъ, нужно прежде всего быть правильно развитымъ самому. Отъ молитвы и до чего угодно, нужно прежде научиться, чтобы послѣ учить другихъ. Теперь спрашивается: въ такихъ ли условіяхъ поставлена въ крестьянствѣ мать, чтобы правильно выполнить свое назначеніе? Достаточно ли она приготовлена къ тому, чтобы дать первоначальное воспитаніе своимъ дѣтямъ? И если приготовлена достаточно, то гдѣ совершается это приготавленіе?

Эти вопросы хочеть рѣшить фраза: «назначеніе женскаго пола есть жизнь семейная, и потому приличествуетъ ему воспитаніе семейное.» *Приличествуетъ воспитаніе семейное!* Такъ, значитъ, семейное воспитаніе въ крестьянствѣ вполне удовлетворительно и достаточно для того, чтобы изъ дѣвочки сформировалась настоящая мать дѣтей? Такъ, значитъ, не выхода за черту крестьянской семьи, она научится всему, что нужно знать ей, чтобы современемъ дать своимъ дѣтямъ первоначальное воспитаніе физическое, умственное и нравственное? Такъ, воистину, такъ! А еслибы было что-либо не такъ, то воспитаніе семейное *не приличествовало бы* будущей матери семейства. Можно ли же достаточно надивиться смѣлости, съ которою иные господа берутся за рѣшеніе вопросовъ, не имѣя ни малѣйшаго понятія о дѣлѣ? Видѣли ли они хоть разъ въ жизни крестьянскую женщину въ семьѣ? Слышали ль, по крайней мѣрѣ, что-нибудь о томъ, какъ тамъ воспитываются дѣти? А если видѣли и слышали, то что жъ они разумѣють подъ *жизнью* семейною и *воспитаніемъ* семейнымъ?

Мы скажемъ нѣсколько словъ о семейной жизни крестьянъ, чтобы можно было видѣть, какое тамъ получаютъ дѣти воспитаніе семейное. Не считаемъ нужнымъ увѣрять въ правдивости своихъ словъ. Будемъ говорить не о томъ, что дѣлается за тысячи верстъ, или дѣлалось за сотни вѣковъ, а о томъ, что есть теперь, на всемъ пространствѣ Руси, и что повѣрять можетъ каждый, кто только захочетъ. Конечно, наши слова сочтеть преувеличеніемъ тотъ, кто и въ глаза не видывалъ *настоящей* крестьянской жизни, кто если и бывалъ въ крестьянскомъ домѣ, такъ въ празд-

никъ или по особенному какому случаю, когда и въ домѣ крестьянина примыто, и самъ онъ съ женою и дѣтьми одѣтъ прилично, и все у него смотреть полудски. Пусть такой господниъ считаетъ наши слова за что ему угодно; отъ этого дѣло не перемѣнится ни на волосъ.

Нѣтъ нужды много говорить о крестьянинѣ, задавленномъ рабствомъ; жизнь его, чисто животная. Все, что можетъ работать, бываетъ съ ранняго утра и до поздней ночи на работѣ, барской или своей, и собирается домой, измученное, голодное съ единственною мыслию поѣсть что-нибудь, весьма не рѣдко сухихъ корокъ съ водою, и уснуть. Все бессильное для работъ, малолѣтки, старики и тяжело больные, пробавляются дома, какъ умѣютъ и какъ знаютъ, и тоже хлопочуть лишь объ одномъ—о кускѣ, или коркѣ хлѣба. Гдѣ живетъ такимъ способомъ, тамъ нѣтъ и не можетъ быть жизни семейной, въ какомъ бы то ни было значеніи этого слова, а есть самецъ и самка (да простятъ насъ за это quasi уничтоженіе челоуѣчества; мы только называемъ вещи своимъ именемъ), наживающіе дѣтей и кое-какъ ихъ выращивающіе. Но даже и этого нельзя сказать, чтобъ они ихъ выращивали; а такъ растутъ какъ-то сами тѣ немногіе, которые не истребляются смертію вскорѣ послѣ своего появленія на свѣтъ. Здѣсь малолѣтнія дѣти самая тяжелая обуза для родителей, отъ которой они не знаютъ какъ избавиться; какъ разъ услышите вы желаніе матери, повторяемое непрестанно: «дождусь ли я, когда вы передохнете?» и слезы не выронитъ она, когда они передыхаютъ. Значитъ, здѣсь подавлена и инстинктивная любовь, которую природа влагаетъ въ каждую живую тварь. О сознательной нравственности и религіи здѣсь не можетъ быть и рѣчи, потому что откуда и когда бы они получили хоть какія-нибудь понятія объ нихъ? Разъ въ двѣ недѣли или въ мѣсяцъ они сходятъ, пожалуй, и въ церковь; но спросите ихъ зачѣмъ? да ужъ такъ водится, отвѣтять. И попа съ образами примутъ въ праздникъ; зачѣмъ? да не больше какъ зачѣмъ, чтобы пьянымъ служить, полупьянымъ кивать головой, и послѣ молебна перессориться за лишній просимый алтынъ. И вотъ вамъ семья, въ которыхъ по приговору нѣкоторыхъ господъ причлиствуется получать воспитаніе будущей матери семейства! А такихъ семей сотни тысячъ на Руси.

Взглянемъ на семейный бытъ крестьянина, такъ-называемаго свободнаго, то-есть казеннаго, который не лишенъ возможности устроить и вести свою семью почелоуѣчески. При какомъ условіи семья можетъ быть устроена и развиваться правильно? При одномъ: если каждый членъ ея знаетъ свои права и свято исполняетъ свои обязанности. Но для того и другаго нужно имѣть чистыя и здравыя понятія о Богѣ, о правдѣ, о жизни и о нрав-

ственномъ законѣ. Есть ли и развиты ли такіа понятія въ крестьянствѣ? Кто заботится объ этомъ? Никто. Отчего и почему такъ, говорить здѣсь не считаемъ умѣстнымъ. Еслибы господа мнимые ревнители православія, бессмысленно увѣряющіе себя и другихъ, что вотъ тамъ-то, въ крестьянствѣ, и хранится вѣра во всей чистотѣ, сами пожили въ деревняхъ, такъ узнали бы, какъ быстро распространяются тамъ нелѣпѣйшія ученія «странниковъ и пришельцевъ». И это при всей строгости преслѣдованія! Имѣютъ ли эти господа понятіе о томъ, что значить въ крестьянствѣ перепачать, перекосить и т. п., и до чего распространено это? Знаютъ ли они, что ни одинъ праздникъ въ крестьянствѣ не обходится безъ пьянства, а слѣдовательно и безъ дракъ? А много вѣдь у крестьяни на праздниковъ въ году! Слыхали ль они, до чего развито по деревнямъ воровство вообще и конокрадство въ частности? А убійства? поджоги? распутство? порубка чужаго лѣсу? Но мы бы никогда не кончили, еслибы рѣшились предлагать вопросы обо всемъ, что есть дурнаго въ крестьянствѣ. Конечно, тамъ и здѣсь можно найти честныхъ крестьянъ, но крестьяне нравственно и умственно развитые составляютъ рѣдкое исключеніе; это рѣшительно капля въ морѣ. И такъ вотъ вамъ крестьянскій бытъ: некрасивъ, сознаемъ; но что жъ дѣлать? мы не фантазируемъ, а пишемъ съ натуры. Скажутъ ли, что мы описываемъ одну какую-нибудь несчастную мѣстность? Нѣтъ, мы говоримъ вообще. Кому угодно повѣрить, пусть только наведутъ справки въ любомъ земскомъ судѣ о числѣ слѣдствій хоть за одинъ годъ. А слѣдствія эти все по дѣламъ крупнымъ; да и изъ нихъ едвали сотая доля доходить до начальства; сколько же мелочей, мелочей въ юридическомъ значеніи, но весьма важныхъ въ христіанской нравственности!

Господа ревнители глубочайшаго обскурантизма выводятъ на сцену «патріархальную простоту нравовъ, на которой (по ихъ мнѣнію) основывается и самое благоденствіе отечества». О патріархальная простота обскурантовъ, и доселѣ не подовѣрвающихся, что общія мѣста—наслѣдіе риториковъ среднихъ вѣковъ, громкія фразы безъ всякаго смысла—теперь уже не только не принимаются съ вѣрой, но возбуждаютъ смѣхъ и даже презрѣніе! Патріархальная простота! Весьма бы желательно, чтобъ они объяснили, что разумѣютъ подъ нею. Да, если подъ этою славною простотой, «основой благоденствія отечества», разумѣть отсутствіе всякой человѣческой стыдливости до того, что два пола, всякаго возраста, свои и чужіе, моются въ одной избѣ, испарившись въ печи, и считаютъ совершенно достаточнымъ защитить обнаженное тѣло двумя ладонями; до того, что въ любой избѣ съ утра до ночи старики и малыя посыпаютъ тѣми отвратительными словами, какихъ нѣтъ ни на одномъ человѣческомъ языкѣ,

которыя у нихъ сопровождаютъ всякую работу, и которыя у нихъ употребляются и тогда, когда одинъ другаго валаетъ не на животь, а на смерть, и тогда, когда мужъ хочетъ приласкать жену, отецъ сына, которыя, значить, сдѣлались такою же насущною потребностію, какъ воздухъ; если разумѣть ту звѣрскую грубость въ сношеніяхъ самыхъ близкихъ лицъ между собой, вслѣдствіе которой мужъ не считаетъ ни грѣхомъ, ни стыдомъ исколотить свою жену два-три раза въ недѣлю, до того, что вошло въ пословицу: мужъ не любитъ жену, коли не колотить ея,—грубость, вслѣдствіе которой у матери поднимаются руки хватить чѣмъ только попало малолѣтнихъ дѣтей, а потомъ у дѣтей поднимаются руки колотить свою мать, когда они взойдутъ въ силу; если разумѣть ту жадность, почти невѣроятную, съ которою они послѣ долгаго невольнаго лишенія бросаются на пищу и водку, считая верхомъ блаженства нажраться до того, чтобы тошнело, и напиться до совершеннаго безпамятства; словомъ, если подъ патріархальною простотою нравовъ разумѣть самую безвыходную грязь, физическую и нравственную, глубочайшее нравственное растлѣніе, совершенное огрубѣніе всѣхъ силъ и способностей души, то такая «патріархальная простота» дѣйствительно существуетъ во всей силѣ. И на ней то, на этой патріархальной простотѣ, по словамъ вышереченныхъ господъ, «основывается самое благоденствіе отечества!» Что тутъ: крайняя ли степень невѣжества, или та отчаянная злонамѣренность, которая, подъ плащомъ осторожности и quasi заботливости о благѣ общемъ, старается во что бы то ни стало сохранить настоящій порядокъ вещей, какъ ни дуренъ онъ? И на что бы проще узнать истину: стоило бы только пригласить умныхъ и хорошихъ по поведенію сельскихъ священниковъ описать, по совѣсти, дѣйствительное нравственное настроеніе крестьянъ, лишь строжайше подтвердивъ имъ, чтобы на этотъ разъ забыли свою несчастную риторичку и писали по правдѣ, а не по образцамъ краснорѣчія!..

Такъ вотъ вамъ жизнь семейная въ крестьянствѣ! Не правда ли хороша, какъ только можетъ быть хорошею, и желать лучшаго не слѣдуетъ? Неудобно ли полюбоваться и воспитаніемъ семейнымъ, если только можно назвать воспитаніемъ то, что дѣлается у крестьянъ?

Первоначальный возрастъ. Здѣсь прежде всего просимъ навести справки о смертности дѣтей. Больше, чѣмъ двѣ трети, гибнетъ ихъ. Между тѣмъ у животныхъ, кромѣ эпидемій, этого нѣтъ. Значить, здѣсь мать далеко не выполняетъ и животнаго своего назначенія. А сколько еще выкидышей отъ колоченья мужа, отъ поученія свекра и т. п. Ужели такъ и быть должно? Ужели высоко-

просвѣщеннымъ господамъ не приходится и въ голову подумать о мѣрахъ сколько-нибудь уменьшить это зло? Видно, не приходится имъ, защитникамъ патріархальной простоты, по милости которой государство лишается постоянно двухъ третей своего народонаселенія.

Дальше, не угодно ли полюбоваться на дѣтей вѣчно грязныхъ, оборванныхъ, одичалыхъ, съ утра до ночи кромѣ зимы, босикомъ и въ рубашенкахъ, бродящихъ всюду? Всмотритесь въ ихъ игры: самая главная и занимательная подражать животнымъ въ томъ, чего никакое циническое перо не напишетъ. Вслушайтесь въ ихъ брань: то же свкернословіе, которое и у родителей не сходитъ языка. Молитва... но можетъ ли здѣсь быть рѣчь о молитвѣ, когда мать, еслибъ и могла научить ихъ молиться, чего почти нигдѣ нѣтъ, видитъ ихъ только по утрамъ и вечерамъ, то-есть когда особенно занята хозяйствомъ, и когда ей слова некогда перемолвить съ дѣтьми? Вся ея наука состоитъ въ безопадномъ колоченьѣ, когда они, одурѣлые отъ голоду, врываются въ избу и съ крикомъ и съ плачемъ, или точнѣе ревомъ, требуютъ себя пищи.

Дальше, вотъ выросли дѣти и пріучаются, колоченьемъ и ругательствами, къ хозяйству: не угодно ли имѣть понятіе объ ихъ нравственномъ направленіи? Потрудитесь взглянуть хоть только на однѣ посѣдки, которыя существуютъ рѣшительно вездѣ по зимамъ. Собралась на ночь молодежь въ одну избу, откуда на этотъ разъ уходятъ всѣ постарше, то-есть женатые. Прислушайтесь къ шуткамъ «парней», и вы ушамъ не повѣрите, какую мерзость можетъ произнести языкъ человѣческой, а «красны дѣвицы» такъ себя, ничего, закроются передничкомъ да и заливаются веселымъ смѣхомъ. Посмотрите на обращеніе: вотъ «парень» хлопнулъ «дѣвицу» по груди, да и на колѣни къ ней. Чтò жъ она, смѣтилась при этой наглости, возмутилась противъ нея? Вотъ вздоръ: то ли еще она видала въ дѣтствѣ отъ мальчишекъ! А вотъ и лучину погасили. Довольно однакожъ, чтобы судить, на сколько развито нравственное чувство въ этихъ будущихъ отцахъ и матеряхъ.

И вотъ семейное воспитаніе кончено, остается этой молодежи пожениться и продолжать дѣло своихъ отцовъ и матерей. Они это и дѣлаютъ. Но такъ какъ человѣкъ ни въ добрѣ, ни въ злѣ стоять на одной точкѣ не можетъ, а всегда стремится впередъ; то и въ крестьянствѣ нравственное растлѣніе съ каждымъ годомъ усиливается и увеличивается.

И вотъ теперъ-то, когда желаютъ положить начало перерожденію низшихъ классовъ, въ эти великія и страшныя минуты, отъ которыхъ зависитъ вся будущность Руси, когда малѣйшая ошибка отзовется неисчислимыми бѣдствіями для цѣлыхъ поколѣній крестьянъ-

лянь, а черезъ нихъ и для всѣхъ прочихъ сословіи, такъ догматично провѣдуютъ, что для будущей матери крестьянской семьи ничего больше ненужно, какъ воспитаться въ средѣ семьи настоящей. какова она есть, что ей приличествуетъ воспитаніе семейное, именно то, каково оно теперь! а объ училищахъ для нея и помышлять не слѣдуетъ, не говоря уже о чемъ-либо большемъ! Просимъ опредѣлить: чего хотять господа, проповѣдывающіе такія вещи?

Б.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Съ чувствомъ особеннаго удовольствія начинаемъ мы настоящее обозрѣніе слѣдующими словами, напечатанными въ *Journal de St. Pétersbourg*:

• Съ тѣхъ поръ, какъ въ Россіи дано больше простора выраженію мысли, русская печать заняла мѣсто въ Европѣ, какъ новый элементъ общей гласности. Русскіе журналы читаются за границей, на нихъ ссылаются, они служатъ предметомъ истолкованій, въ нихъ ищутъ выраженія общественнаго мнѣнія, которое до сихъ поръ имѣло мало случаевъ высказаться. Но въ органахъ иностранной печати все еще замѣтно нѣкоторое колебаніе относительно дѣйствительнаго значенія этого голоса, для нихъ непривычнаго; до сихъ поръ не даютъ себѣ яснаго отчета объ его значеніи и о томъ характерѣ, который слѣдуетъ приписывать ему. Такъ, одинъ журналъ, издающійся въ Брюсселѣ, считается постоянно органомъ русскаго правительства, потому только, что онъ основанъ на капиталъ частныхъ лицъ, живущихъ въ Россіи (1). Точно такъ же, весьма часто думаютъ, будто императорское правительство прямо или косвенно даетъ направленіе ежедневнымъ газетамъ и періодическимъ изданіямъ, выходящимъ въ самой Россіи, и при этомъ основываются только на томъ, что онѣ подчинены предварительной ценсурѣ. Такое

(1) Читателямъ *Русскаго Вѣстника* извѣстно изъ нашихъ политическихъ обозрѣній, что мы всегда причисляли газету *le Nord*, о которой здѣсь идетъ рѣчь, скорѣе къ французскимъ, нежели русскимъ полуофициальнымъ журналамъ.

истолкованіе невѣрно и несправедливо. Мы считаемъ своею обязанностью разъ навсегда опровергнуть его.

«Очевидно, что, открывая болѣе широкій путь для русской печати, правительство имѣло въ виду снять съ себя отвѣтственность во всемъ, кромѣ тѣхъ обязательствъ, которыя вытекаютъ изъ общественныхъ и международныхъ началъ, уважаемыхъ всеми образованными государствами. Предварительная цензура, которой подчинены журналы, не имѣетъ другой цѣли. Цензоры поставлены для наблюденія за тѣмъ, чтобы въ мнѣніяхъ, высказываемыхъ гласно, не было ничего противнаго религіи, нравственности, общественному порядку и уваженію, подобающему государямъ и правительствамъ. Во всемъ остальномъ, всякое честное мнѣніе можетъ быть высказано въ Россіи, и русская печать, получивши право обсуждать въ надлежащихъ границахъ внутренніе вопросы, пользуется тѣмъ же правомъ и въ отношеніи къ вопросамъ иностранной политики.

«Поэтому мы считаемъ долгомъ формально опровергнуть всякое толкованіе, извращающее отношеніе печати къ правительству. Мы уполномочены объявить самымъ категорическимъ образомъ, что журналы русскіе или считающіеся таковыми, издающіеся въ Россіи или въ другихъ странахъ, представляютъ не болѣе, какъ свои собственныя мнѣнія; что правительство не беретъ на себя ни одобрять эти мнѣнія, ни порицать ихъ, и что еще менѣе можетъ оно принять на себя отвѣтственность за нихъ на какомъ бы то ни было основаніи.»

Еслибы эти слова имѣли въ виду какое-либо изъ иностранныхъ правительствъ, то нельзя было бы не подивиться тому, что самыя простыя понятія о значеніи печати еще такъ мало распространены между ними; но *Journal de St. Pétersbourg* обращается къ органамъ европейскаго общественнаго мнѣнія, и мы можемъ пожалѣть только, что они не слѣдили за тѣмъ, что происходитъ въ нашемъ отечествѣ. Во всякомъ случаѣ мы считаемъ себя обязанными выразить наше сочувствіе тому вѣрному взгляду, который высказывается въ приведенныхъ нами словахъ; еслибы мы предполагали возможнымъ другой взглядъ, то вовсе не стали бы обсуждать въ нашемъ журналѣ политическія событія. Мы считали безспорною ту простую истину, что органъ независимой печати имѣетъ задачею разъяснять читателямъ политическіе вопросы съ точки зрѣнія, имъ самими избранной, и что при этомъ онъ руководствуется только своими собственными убѣжденіями, высказываетъ только свои собственныя мнѣнія, за которыя онъ одинъ несетъ на себѣ отвѣтственность. Иначе и быть не можетъ. Область мнѣній, область теоріи не есть та сфера, въ которой дѣйствуетъ правительственная власть. Правительство яв-

ляется въ достойномъ видѣ внутри страны передъ своимъ народомъ не съ мнѣніями, а съ законами, требующими неуклоннаго исполненія. Общественное мнѣніе можетъ колебаться и принимать разные оттѣнки, но устами правительства вѣщаетъ законъ, охраняющій прочностъ общественныхъ отношеній и вооруженный обязательною силой. Съ этимъ же характеромъ силы дѣйствующей или готовой дѣйствовать является правительственная власть и во внѣшнихъ сношеніяхъ. Одна держава можетъ дѣлать заключенія о расположеніи къ себѣ другой державы, можетъ даже, при нѣсколько большей требовательности, объявлять свои притязанія по поводу того или другаго закона, благопріятнаго или стѣснительнаго для ея подданныхъ, по поводѣ той или другой мѣры, ограждающей или тревожащей ея безопасность и ея политическое значеніе, наконецъ по поводу той или другой ноты или того или другаго офиціального объявленія; но одна держава не имѣетъ никакого основанія заводить съ правительствомъ другой державы рѣчь по поводу мнѣній, высказываемыхъ частными лицами въ чужой странѣ, если только этимъ мнѣніямъ не приданъ открыто офиціальный характеръ. Правительство страны, имѣющей хоть какую-нибудь, даже и самую скудную литературу, окружило бы себя неисчислимыми затрудненіями, еслибы рѣшилось придать ей полуофиціальный характеръ. Допуская лишь извѣстные взгляды, запрещая другіе, оно подало бы поводъ приписывать себѣ всякое неловкое слово, всякое поспѣшное сужденіе и было бы принуждено нести за нихъ отвѣтственность. Почему никакой кабинетъ не считаетъ себя въ правѣ взыскивать съ англійскаго правительства за тонъ англійскихъ журналовъ? Потому что эти журналы представляютъ собой собственныя мнѣнія, а не мнѣнія правительства. Мы совершенно согласны съ *Journal de St.-Petersbourg*, что существованіе цензуры у насъ не измѣняетъ дѣла въ этомъ отношеніи. Общая цензура не придаетъ литературѣ полуофиціального характера. Въ странѣ, гдѣ существуетъ цензура, основанная на твердыхъ и постоянныхъ законахъ, гдѣ литература подлежитъ со стороны правительства лишь общему контролю, въ такой странѣ министерство иностранныхъ дѣлъ можетъ быть точно такъ же свободно отъ всякой отвѣтственности передъ иностранными кабинетами за тонъ и отзывы частныхъ журналовъ, какъ и *Foreign Office* въ Англии, и съ другой стороны литература, въ опредѣленныхъ законахъ границахъ, можетъ жить настоящею жизнію. Весь интересъ и вся польза литературы въ отношеніи къ вопросамъ внутренней и внѣшней политики состоятъ въ томъ, чтобъ она предлагала мнѣнія и свѣдѣнія съ полною самостоятельностью. Только при этомъ условіи, мыслящіе умы, таланты, люди свѣдущіе могутъ

приносить пользу самой власти. Какъ бы государственный человекъ ни изучилъ глубоко сферу своего управленія, какія бы здравыя ни имѣлъ онъ понятія о предметахъ, въ нее входящихъ, онъ никогда не сочтетъ для себя лишнимъ прислушаться къ другимъ мнѣніямъ и принять къ соображенію другія понятія. Разнообразіе мнѣній, не налагая на правительство никакой ответственности, можетъ приносить ему существенную пользу. Призванное къ дѣйствию, оно можетъ по своему произволу и усмотрѣнію пользоваться тѣмъ обильнымъ матеріаломъ, который представляетъ независимая печать. Дѣятельность, практика сообразуется всегда съ данными обстоятельствами, она ищетъ достигнуть возможнаго; независимая печать не стѣсняется этими условіями, переноситъ вопросъ на почву общихъ требованій и ставитъ его лицомъ къ лицу съ идеаломъ. Практическій дѣятель можетъ обновлять, освѣжать свои силы въ этой сферѣ, свободной отъ условныхъ пріемовъ и взглядовъ. Дипломатія въ особенности очень часто находила себѣ подспорье въ независимой печати. Въ дипломатіи, какъ извѣстно, дѣло не обходится безъ поворотовъ и уклоненій; ссылки на общественное мнѣніе страны были употребляемы нерѣдко съ большимъ успѣхомъ, то какъ оправданіе, то какъ опора, но само собою разумѣется, что такого рода услугу можетъ оказывать дипломатіи не полуофициальная, а независимая печать. Вотъ почему даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ надъ печатью тяготѣетъ произволъ, правительство чувствуетъ потребность въ свободномъ, независимомъ органѣ гласности: во Франціи *Journal des Débats* не получилъ ни одного предостереженія, и императоръ постоянно въ своихъ дипломатическихъ деклараціяхъ ссылается на общественное мнѣніе, существованіе котораго ему не разъ приходилось доказывать, чтобъ оправдать самого себя.

Таковы были постоянно убѣжденія *Русскаго Вѣстника*, таковъ взглядъ, на признаніи котораго основывается возможность существованія нашего жунала, и мы съ особеннымъ удовольствіемъ встрѣтили подтвержденіе этого взгляда въ полуофициальной статьѣ *Journal de St.-Petersbourg*.

Полтора мѣсяца тому назадъ, вниманіе всей Европы сосредоточивалось на одномъ пунктѣ, на которомъ рѣшался италіанскій вопросъ; Французы и Австрійцы двигались вмѣстѣ, хотя и не по одному направленію, одни впередъ, другіе назадъ; говоря судебнымъ языкомъ, дѣло Италіи находилось въ опредѣленной ин-

станціи. Теперь временные судьи удалились каждый въ свой домъ, занялись своими дѣлами, и потому необходимо слѣдить за ходомъ италіанскаго дѣла въ разныхъ пунктахъ, и въ Парижѣ, и въ Цюрихѣ, и въ Вѣнѣ, и въ Италіи, и въ остальной Европѣ. Впрочемъ самый громкій и рѣшительный голосъ слышится изъ Парижа. Туда, къ императору, спѣшитъ молодой герцогъ, претендентъ на Тоскану, туда отправляются депутаты отъ италіанскихъ государствъ, и приносятъ оттуда народамъ ласковое слово, поощреніе или замѣчанія, услышанныя или подмѣченныя въ Тюльери, или Сень-Совѣрѣ. Куда бы ни переѣхалъ императоръ Французовъ, хотя бы въ самую маленькую деревушку, къ его пріѣзду уже готовъ телеграфъ, «посредствомъ котораго онъ можетъ отдавать свои приказанія», какъ говорятъ французскіе журналы. Конечно, нѣтъ возможности сказать безошибочно, каковы намѣренія императора относительно Италіи и Европы; они только отчасти высказываются, *elles transpirent*, по выраженію Французовъ, въ полуофициальныхъ статьяхъ полуофициальныхъ журналовъ, принадлежащихъ полуофициальнымъ публицистамъ. Слова и даже молчаніе этихъ публицистовъ служатъ темою для самыхъ равнообразныхъ толкованій; сегодня подъ перомъ ихъ проскользнетъ слово «конгрессъ», — и многіе увѣрены, что будетъ конгрессъ; завтра выскажутъ они общую мысль о томъ, что есть событія, которымъ нельзя поставить преградъ, — значить, желаніямъ италіанскаго народонаселенія будетъ дана императорская санкція. Но мы видимъ во всемъ этомъ не болѣе, какъ журнальную рекогносцировку, отъ которой можетъ зависѣть дальнѣйшій планъ кампаніи, но которая можетъ также остаться безъ всякихъ послѣдствій.

Что касается до цюрихскихъ конференцій, то рѣшительно неизвѣстно, на сколько и въ какой формѣ онѣ подвинули вопросъ объ Италіи. Мы достоверно знаемъ только, какъ проводятъ посланники праздничные дни. Въ эти торжественныя минуты они дружно чокаются бокалами шампанскаго и провозглашаютъ обычные тосты; о будничныхъ занятіяхъ положительно ничего неизвѣстно, *rien ne transpire*, кромѣ свѣдѣнія о томъ, что конференціи собираются въ квартирѣ французскаго посланника г. Буркене, и что это сдѣлано изъ уваженія къ графинѣ Коллоредо, у которой европейскія дѣла отнимали одну комнату. Многіе предсказываютъ, что конференціи продлятся до конца сентября, и это предположеніе весьма вѣроятно. Не только изъ полуофициальныхъ намековъ, но и изъ собственныхъ словъ императора Французовъ видно, что онъ теперь смотритъ на будущее устройство Италіи нѣсколько иначе, чѣмъ смотрѣлъ во время вилафранкскаго свиданія. Тогда обѣщано было Австріи, что вѣрные ей герцоги бу-

дутъ возстановлены на своихъ престолахъ; теперь, въ торжественный день 15 августа императоръ Наполеонъ сказалъ пармскому депутату, графу Линати: «Передайте народонаселенію, которое прислало васъ ко мнѣ, что я не стану оружіемъ насиловать его волю и никакой чужеземной арміи не позволю подобнаго насилія». Эти слова далеко не двусмысленны. Положимъ, что они относятся къ Пармезанамъ, о судьбѣ которыхъ императоры позабыли въ Виллафранкѣ; но Австрія должна понять, что грозное *velo* встрѣтитъ всѣ ея попытки возвратить изгнанныхъ герцоговъ. Пармезане единогласно опредѣлили присоединеніе своей области къ Пиемонту, точно такъ же, какъ Тосканцы, Моденцы и жители легатствъ. Такимъ образомъ одна изъ статей австро-французскаго мира уже оказалась несостоятельною. Далѣе, вмѣсто италянскаго союза, начертаннаго въ Виллафранкѣ, явился другой союзъ, образовавшійся изъ центральныхъ государствъ Италіи, съ цѣлю защищать свою независимость; неожиданно-негаданно сформировалось союзное войско, избранъ главнокомандующій, герцогства рѣшительно не хотятъ видѣть на престолѣ свои прежнія династіи и рѣшительно желаютъ присоединиться къ Сардиніи. Вступивши въ союзъ, они и не подумали о почетномъ предсѣдательствѣ папы, ихъ планы имѣютъ болѣе свѣтскій характеръ, и даже въ союзъ приняты легатства, конечно, безъ согласія папы и къ величайшему прискорбію его. Значить, и эта статья виллафранкскихъ прелиминарій не выполнена. Остается условіе о границахъ; но французскіе полуофіціальные журналы разсуждаютъ о немъ такъ: « правда, за Австрію признано владѣніе крѣпостями на Минчіо; но вѣдь не сказано ни слова о томъ, чьи войска будутъ занимать эти крѣпости; отчего бы въ нихъ не поставить сардинскихъ или тосканскихъ войскъ?» А тутъ еще вопросъ о распредѣленіи ломбардскаго долга можетъ повести къ самымъ удачнымъ истодкованіямъ, такъ что австрійскій императоръ, вѣроятно, скоро убѣдится въ томъ, что онъ слишкомъ поспѣшно заключилъ миръ въ Виллафранкѣ, точно такъ же, какъ онъ слишкомъ поспѣшно приказалъ своимъ войскамъ отступать при Сольферино; и въ томъ, и въ другомъ случаѣ онъ не зналъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло.

Если виллафранкскія прелиминарія одна за другою оказываются мертворожденными, то не та ли же самая судьба ожидаетъ и цюрихскія конференціи? Онѣ могутъ продолжаться не только до конца сентября, но еще отъ сентября и до сентября, безъ всякаго существеннаго результата. Послѣ мѣтній, высказанныхъ въ англійскомъ парламентѣ и послѣ новѣйшихъ событій въ Италіи, цюрихскіе протоколы не могутъ быть подтвержденіемъ виллафранкскихъ прелиминарій; самыя прелиминарія оказались не болѣе, какъ по-

литическою рекогносцировкой, которая доказала необходимость отступления. А лучшимъ средствомъ прикрыть такое отступление можетъ послужить европейскій конгрессъ. Австрія, кажется, понимаетъ это, и снова, какъ во дни былые, упирается противъ него, тогда какъ Франція довольно тонко намекаетъ на его необходимость. Вѣроятно, скоро наступитъ время сказать рѣшительное слово: вопросъ о центральной Италиі становится *fait accompli*, подтвержденный прямо императоромъ Французовъ и косвенно Англіею. Въ этой послѣдней странѣ общественное мнѣніе рѣшительно высказалось въ пользу Италиі, которая явилась внезапно во всеоружіи свободы и порядка и въ приговорахъ своихъ народныхъ собраній доказала значительную политическую зрѣлость. Въ *Times* постоянно выражается сочувствіе къ образу дѣйствій Италианцевъ въ послѣднее время; этотъ журналъ какъ-бы умышленно не обращаетъ никакого вниманія на цюрихскія конференціи и видитъ развязку вопроса исключительно въ томъ, чтобъ Италия рѣшила его собственными силами. По словамъ *Times*, при теперешнихъ обстоятельствахъ даже европейскій конгрессъ былъ бы несвоевременнымъ: онъ можетъ начать прямо съ признанія совершившагося факта. Англійскій журналъ разсуждаетъ по этому поводу слѣдующимъ образомъ:

«Необходимъ ли европейскій конгрессъ, и должно ли желать его? Пока Италиі предстоитъ только консолидировать свою національность, ей нѣтъ надобности въ конгрессѣ. Конгрессъ не сдѣлаетъ ей никакого добра, и, конечно, причинитъ ей вредъ. Италия передъ лицомъ конгресса сдѣлалась бы просителемъ въ такомъ судѣ, въ которомъ ея сильный противникъ былъ бы самымъ вліятельнымъ судьею. Начались бы пренія о компромиссахъ и покорности. Конечно, былъ бы предложенъ цѣлый рядъ уступокъ,—и кого, какъ не Италию, убѣждали бы уступить? Никто не подумалъ бы просить Австрію объ отказѣ отъ Мантуи или объ удаленіи изъ Венеціи; но стали бы сильно убѣждать Тоскану, чтобъ она довольствовалась меньшимъ, чѣмъ то, что она имѣетъ, и чтобы народонаселеніе легатствъ возвратилось подъ власть римскаго первосвященника, въ замѣнъ какихъ-либо воображаемыхъ гарантій. Вотъ что сдѣлалъ бы, конечно, конгрессъ, и намъ не хотѣлось бы, чтобъ англійскій посланникъ присутствовалъ при такомъ дѣлѣ. Италианцы до сихъ поръ полагаются на самихъ себя. Это лучшее доказательство ихъ приготовленности къ свободѣ. Истина дѣлается пошлою отъ всякой фразы, въ стихахъ и прозѣ; но мы повторимъ ту бесспорную истину, что единственная надежда на успѣхъ есть природное мужество. Надѣйтесь на мудрость представителей собраній, надѣйтесь на энтузіазмъ народа, надѣйтесь на мужество арміи Центральной Италиі, надѣйтесь на преданность

Гаррибальди. Но не рассчитывайте на того или другого императора, ни на ту или другую симпатизирующую державу; еще меньше полагайтесь на европейскій конгрессъ. Можетъ-быть, есть достаточное основаніе считать на помощь этихъ дѣятелей, всѣхъ вмѣстѣ или каждаго порознь, но, чтобъ они могли принести пользу Италіи, Италія должна помогать сама себѣ. Она должна идти тѣмъ путемъ, какимъ шла доселѣ,—консолидировать, созидать, соединять, сплачивать сама себя; и тогда потребуетъ огромная физическая сила, чтобы разрушить это дѣло. Въ древности одинъ Италіанецъ благоразумною медленностью спасъ Италію отъ чужеземнаго ига—*sanctando restituit rem*. (1) Не можетъ ли подобный образъ дѣйствій привести и теперь къ такому же успѣху? Мы скажемъ Италіи: «трудись, пока тебѣ дана отсрочка; наступитъ время, когда европейскій конгрессъ можетъ быть полезенъ для того, чтобы приложить свою печать къ *status quo* и даровать италіанской конфедераціи прочность государства, поставленнаго подъ гарантію Европы; но время это еще не наступило».

Тосканское правительство представило меморандумъ къ главнымъ европейскимъ державамъ, въ которомъ оно проситъ ихъ содѣйствія въ пользу присоединенія къ Сардиніи. «Великодушный императоръ Французовъ, сказано здѣсь, который, съ такимъ безкорыстіемъ принялъ на себя защиту угнетеннаго народа, который сказалъ и со славою доказалъ фактами, что онъ явится повсюду, гдѣ справедливое дѣло нуждается въ защитѣ; мудрая и либеральная Англія; Россія, которой возвышенная и исполненная величія политика возбуждаетъ теперь удивленіе Европы; храбрая Пруссія, съ такою честью представляющая въ Германіи принципъ національности, не захотятъ отвергнуть или погрѣть права народа спокойнаго, проникнутаго духомъ согласія и порядка, требующаго только возможности заботиться о своей собственной судьбѣ такъ, какъ онъ считаетъ наилучшимъ для своей безопасности и чести. Но если намъ измѣнить человѣческая справедливость, то мы станемъ защищать всѣми средствами наши права и достоинство нашей страны противъ всякаго нападенія. И если счастье измѣнить намъ, мы по крайней мѣрѣ можемъ утѣшать себя мыслью, что всѣ, народъ, національное собраніе, правительство, исполнили свой долгъ, не показавши ни слабости ни хвастовства. Затѣмъ общественное мнѣніе и исторія рѣшатъ, на чьей сторонѣ было право, гражданская мудрость, и на чьей оторонѣ несправедливость, ослѣпленіе, насиліе.» Если дѣло идетъ только о признаніи новаго правительства, то оно не представляетъ затрудненія: это правительство существуетъ теперь не

(1) Медлительностью спасъ государство.

не только *de facto*, но и *de jure*. Мы видѣли, что во время войны оно не было признано нейтральными державами, потому что Тоскана не могла свободно высказать своихъ желаній, будучи занята чужеземными войсками; теперь главныя державы, какъ не принявшія на себя никакихъ обязательствъ въ пользу низвергнутыхъ династій и не гарантировавшія исполненія виллафранкскихъ preliminарій, могли бы признать тосканское правительство въ новой формѣ. Для такого акта нѣтъ надобности въ конгрессѣ, какъ не было въ немъ надобности для признанія французской республики или имперіи: конгрессы же созывались вообще по поводу спорныхъ вопросовъ, для которыхъ не существуетъ прецедентовъ. Правда, на англійской биржѣ носились слухи о томъ, будто Россія предлагаетъ созваніе конгресса, и въ биржевой статьѣ *Times* указывали на эти слухи, какъ на обстоятельство, сильно вредившее успѣху новаго русскаго займа; въ газетѣ *le Nord* помѣщено было также извѣстіе о томъ, что князь Горчаковъ снова настаивалъ на необходимости конгресса. Но *Journal de St.-Petersbourg* опровергаетъ формально это извѣстіе; оно не согласовалось бы съ словами русской ноты къ прусскому правительству, въ которой князь Горчаковъ говоритъ о превратномъ толкованіи, приданномъ первому предложенію Россіи созвать конгрессъ до начала войны. Но условіе о присоединеніи герцогствъ къ Пиемонту измѣняетъ вопросъ; онъ дѣлается уже не тосканскимъ, а общеевропейскимъ, и для него необходимъ общеевропейскій актъ. Есть извѣстіе, что англійскій кабинетъ намѣренъ былъ, 29-го августа, признать короля Виктора-Эммануила на престолѣ трехъ герцогствъ; но позднѣйшая телеграфическая депеша (5 сентября) передаетъ содержаніе статьи *Times*, въ которой одобряется образъ дѣйствій короля сардинскаго, не принявшаго безусловно предлагаемыхъ ему коронъ и чрезъ то отклонившаго всякій предлогъ къ протесту Австріи.

Между тѣмъ среди этихъ толковъ о мирѣ и конгрессѣ, нѣкоторые государства, какъ бы не увѣренныя въ продолжительность мира, принимаютъ мѣры для собственной безопасности. Такъ, Пруссія возобновила работы по укрѣпленію Кенигсберга, въ Бельгіи рѣшено укрѣпить Антверпенъ, а въ Англіи назначена особая коммиссія изъ специалистовъ для изслѣдованія вопроса, въ какомъ положеніи находятся средства защиты страны, и какія мѣры необходимо принять для ея безопасности.

Что касается до укрѣпленій Кенигсберга, то можно предполагать, что они производятся на случай войны съ Даніею. Конечно, вѣроятіе этой войны еще весьма сомнительно; но Ганноверъ, принявшій на себя родъ оберегателя германской чести, уже сдѣлалъ предложеніе на сеймѣ, чтобы снова рассмотреть

вопросъ шлезвигъ-голландскій. Ганноверское правительство въ этомъ случаѣ руководится желаніемъ сдѣлать удобное своей аристократіи, которая находится въ тѣсныхъ родственныхъ связяхъ съ аристократіей голландскою. Неизвѣстно, какой оборотъ приметъ теперь этотъ нескончаемый шлезвигъ-голландскій вопросъ; но война 1849 года доказала безсиліе германскаго флота противъ датскаго, и на всякій случай Пруссія заботится о безопасности своихъ береговъ.

Укрѣпленія Антверпена и англійская комиссія вызваны, конечно, опасностью воинственнаго сосѣда. Такъ поняли это и французскіе журналы, которые стали доказывать, будто Бельгія не имѣетъ права укрѣплять Антверпена. Въ *Times* по этому случаю напечатана слѣдующая статья: «Имѣетъ ли Бельгія право укрѣплять Антверпенъ,—вотъ довольно любопытный вопросъ, о которомъ теперь споритъ печать парижская съ печатью брусельскою. *Patrie* и *Constitutionnel* того мнѣнія, что укрѣплять гавань главнаго бельгійскаго порта значитъ оскорблять Францію. Это такое странное притязаніе, что мы готовы были видѣть въ немъ необдуманную дерзость какихъ-либо писаекъ; но бельгійское правительство смотритъ на это иначе и въ *Indépendance Belge* напечатало полуофіціальное возраженіе. Съ перваго раза невозможно понять, отчего Франція смотритъ подозрительно на то, что нейтральная держава исполняетъ свою обязанность, желая обезпечить свой нейтралитетъ. Франція должна бы видѣть залогъ мира въ каждомъ новомъ камнѣ на антверпенской крѣпости и въ каждой новой защитѣ антверпенской гавани. Исторія доказываетъ, что бельгійская почва была постоянно мѣстомъ пѣтушинаго боя Европы. Каждый городъ приводитъ на память одну или нѣсколько великихъ осадъ; каждое имя указываетъ на поворотную точку какой-либо великой войны; каждый округъ далъ мѣсто и названіе какому-либо огромному сраженію. Взойте почву, гдѣ вамъ угодно, и вы найдете кости Австрійцевъ, Испанцевъ, Голландцевъ, Французовъ, Англичанъ; куда бы вы ни взглянули на этихъ богатыхъ равнинахъ, вы увидите города, напоминающіе старинныя кровавыя исторіи, какъ напримѣръ Намюръ, Монсъ, Гентъ, Брюгге, Люттихъ; прогуляйтесь взадъ и впередъ по этимъ прекрасно-обработаннымъ равнинамъ, и вы встрѣтите земледѣльческіе округи и деревни, носящія имена Ландена, Уденара, Фонтенуа, Жемаппа, Мальплаке, Рамильи, Ватерлоо. Въ топографіи Бельгіи смѣшивается исторія европейскихъ войнъ; плодородная для своихъ сыновъ и богатая въ своихъ фламандскихъ городахъ, она была кровавымъ поприщемъ для иностранцевъ. По общему соглашенію, она была ограждена стѣною съ 1831 года: на этихъ мѣстахъ не дозволено болѣе сражаться.

Бельгійское правительство теперь исправляетъ эту стѣну, и должно было ожидать, что Франція будетъ смотрѣть одобрительно на такое дѣйствіе. Хорошій хозяинъ, увидѣвши, что его сосѣдъ направляетъ свои изломанные ставни и дѣлаетъ новую цѣпь къ своей двери, скажетъ конечно: «очень хорошо». Вѣдь Франція не намѣрена ворваться въ домъ; она не хочетъ подобраться къ серебрянымъ вилкамъ; она не хочетъ украсть въ потьмахъ серебряную вазу, стоящую въ кабинетѣ, или врасплохъ вскочить въ него. Зачѣмъ же писатели, имя которыхъ ставится авторитетомъ, хотя они и не заслуживаютъ этого по направленію и достоинству своихъ сочиненій, зачѣмъ они выступаютъ впередъ и говорятъ намъ, что Францію не устрашаетъ, но опечаливаетъ возобновленіе антверпенской крѣпости? На этотъ вопросъ трудно отвѣчать. Но можетъ-быть, подумавши долго, мы догадаемся о причинѣ безпокойства нашихъ союзниковъ. Эта тоска по поводу бельгійскихъ оборонительныхъ мѣръ есть слѣдствіе чувствительности къ Англіи и къ ея безопасности. Истинная дружба всегда подозрительна. Франція подозрѣваетъ Бельгію въ тайномъ намѣреніи покорить Англію. Всѣ слова стараго Наполеона теперь превращаются въ пословицы, а великій императоръ объявилъ, что Антверпенъ по своему положенію есть «заряженный пистолетъ, приставленный къ сердцу Англіи». Отчеты Ласъ-Казаса о разговорахъ на островѣ Св. Елены служатъ теперь свивиллиными книгами, въ которыхъ Франція читаетъ свою ближайшую судьбу. Французы припоминаютъ, что Наполеонъ избралъ Антверпенъ мѣстомъ главнаго арсенала съ цѣлію покоренія Англіи. *Indépendance Belge* отсылаетъ своихъ французскихъ противниковъ къ архивамъ французскаго военнаго министерства, гдѣ можно найти подробности плановъ, по которымъ Наполеонъ сдѣлалъ Антверпенъ главнѣйшею морскою стоянкой на континентѣ, и по которымъ онъ намѣревался довести его гавань и укрѣпленія до гигантскихъ размѣровъ. Мы читаемъ у Ласъ-Казаса, что Наполеонъ постоянно приписывалъ свое паденіе упорству, съ которымъ онъ преслѣдовалъ мысль объ обладаніи этимъ «пистолетомъ, направленнымъ противъ Англіи», потому что его нежеланіе разстаться съ Антверпеномъ принудило его къ шатильонскому миру. По его словамъ, онъ намѣревался сдѣлать Антверпенъ со стороны моря пунктомъ, изъ котораго онъ могъ бы нанести смертельный ударъ своему смертельному врагу, а со стороны суши крѣпостью, достаточно сильною для спасенія арміи въ случаѣ неудачи и для выдержанія въ теченіи года открытой осады. Бельгійцы увѣряютъ, что они не въ состояніи и этого достигнуть, а Франція все еще подозрѣваетъ и печалится. Франціи страхъ какъ не хочется, чтобы Бельгія оставила въ своихъ ру-

какъ этотъ «пистолетъ, направленный въ сердце Англіи», и чтобъ она такъ крѣпко держала его рукоятку, что никто не можетъ вырвать ее. Пожалуй, Бельгія сдѣлаетъ изъ него дурное употребленіе; пожалуй, она выстрѣлитъ, и Англія будетъ тяжело ранена. Для Англіи эта укрѣпленная гавань должна быть постоянною угрозой; для Франціи укрѣпленія со стороны суши составляютъ постоянное оскорбленіе: наложить засовы и болты и затворить двери на улицу значить не вѣрить честности сосѣда. Разумѣется, для Бельгіи достаточно знать, что Франція не намѣрена нападать на нее. Правда, старый Наполеонъ въ томъ самомъ разговорѣ, въ которомъ онъ сообщилъ Ласъ-Казасу, что для него Антверпенъ былъ цѣлою провинціей, небольшимъ королевствомъ, прибавилъ также, что «Франція ничто безъ границы на Рейнѣ и безъ Антверпена»; но мы не думаемъ, чтобы Франція привела за одинъ разъ въ исполненіе всѣ свои свивлины книги, и Бельгія, полагаемъ мы, должна довольствоваться словомъ императора Французовъ, не предпринимать дерзкихъ предосторожностей противъ Франціи и не позволять себѣ подобныхъ оскорбительныхъ демонстрацій противъ Англіи, какъ союзницы Франціи. Сомнѣніе въ словахъ Наполеона III ведетъ къ дурнымъ послѣдствіямъ. Францъ-Юсифъ сомнѣвался въ мирныхъ намѣреніяхъ императора, и былъ наказанъ войною за свое невѣріе: вѣдь война, мы начинаемъ понимать это теперь, не имѣла другой цѣли, какъ наказать Австрію за недовѣріе. «Сройте ваши укрѣпленія, и я пощажу васъ; а будете воздвигать ихъ, такъ я испробую ихъ силу.» Такъ и Бельгійцы, если они благоразумны, должны вынуть зарядъ изъ ствола и сдать порохъ съ затравки пистолета, столь опаснаго для Англіи. — Мы очень обязаны нашимъ нѣжнымъ и заботливымъ друзьямъ. Мы сами едва ли увидѣли бы опасность, еслибъ намъ не указали на нее такъ ясно. Но въ сущности и теперь, когда мы въ состояніи увидѣть опасность, мы не знаемъ, какъ избѣжать ея. Бельгійцы, пожалуй, отвѣтятъ намъ на наши представленія, что Франція, которой никто не грозитъ и которой приходится надѣвать кольчугу только для нападенія, укрѣпила однако Парижъ; что укрѣпленія Шербурга, который великій Наполеонъ любилъ какъ близнеца Антверпена, окончены только недавно; что мы, Англичане, не знаемъ со времени Вильгельма Норманскаго, что такое вторженіе чужеземцевъ, укрѣпляемъ наши главные пограничные порты; и что выгоды, которыя Наполеонъ находилъ въ укрѣпленіи Антверпена, имѣютъ также цѣну для природныхъ жителей страны, не владѣющихъ другими крѣпостями. Признаемся, намъ трудно отвѣчать на всѣ эти аргументы. Бельгійцы, пожалуй, еще скажутъ, что слово императора Французовъ есть все-таки слово человѣка смертнаго,

и что изъ цѣлаго ряда прецедентовъ можно научиться слѣдующему: тотчасъ послѣ того, какъ Франціей овладѣваетъ припадокъ республиканизма, первымъ дѣломъ ея бываетъ послать армію въ низовыя страны и осадить Антверпенъ. Они скажутъ намъ также, что эта оборона воздвигается не противъ Франціи или Англіи, а противъ всего свѣта; что Бельгія строитъ свои укрѣпленія точно такъ же, какъ герольдъ надѣваетъ свой мечъ, — не для защиты отъ цивилизованнаго непріятеля, который станетъ уважать его священный характеръ лица неприкосновеннаго, а для защиты отъ какого-нибудь задираны и разбойника; *Indépendance Belge* замѣтилъ, что если бельгійская крѣпость есть оскорбленіе, то бельгійская армія должна быть смертельною обидой. Мы должны сознаться, что душевно благодаря за участіе, которое принимаютъ въ насъ наши парижскіе друзья, мы не видимъ, отчего антверпенскія укрѣпленія должны опечалить насъ или оскорбить ихъ. Конечно, очень невесело видѣть заряженный пистолетъ, который наведенъ на васъ; но онъ можетъ попасть въ болѣе страшныя руки, чѣмъ руки короля Леопольда.»

Веселый, шутливый тонъ, въ которомъ написана статья *Times*, совершенно идетъ къ вопросу, поднятому французскими журналами. Во всѣхъ трактатахъ, гдѣ упоминается объ Антверпенѣ, говорится о немъ, какъ о торговомъ портѣ, но нигдѣ не сказано, чтобы Бельгія уничтожила его укрѣпленія. Крѣпость антверпенская существуетъ давно; при Наполеонѣ I она была увеличена, и на Шельдѣ устроены доки. Теперь понадобилось расширить укрѣпленія, потому что городъ значительно разросся и, въ случаѣ осады, дома, находящіеся теперь за крѣпостною стѣной, были бы подъ перекрестными выстрѣлами осаждающихъ и осажденныхъ. Постоянные толки Французовъ объ естественныхъ границахъ, объ естественномъ тяготѣніи валлонскаго народонаселенія къ Франціи, сосѣдство сильныхъ крѣпостей и огромной арміи невольно заставляютъ Бельгійцевъ подумать о своей безопасности. Они разсуждаютъ такимъ образомъ: «Бельгія пользуется правами вѣчнаго нейтралитета, но Франціи можетъ представиться сильный соблазнъ нарушить его; вздумается ей вести войну съ Англіею, Антверпенъ для нея необходимъ; захочетъ она завязать дѣло на Рейнѣ, у нея на дорогѣ Люттихъ. Пока мы будемъ протестовать, пока союзники придутъ на помощь, наши города будутъ въ рукахъ Французовъ; намъ нужна крѣпость, въ которой мы, съ стотысячною нашею арміею, могли бы держаться, пока подоспѣтъ помощь.» Съ 1848 года вопросъ объ устройствѣ большой крѣпости былъ постоянно на очереди. Но мнѣнія по этому предмету расходились: одни требовали укрѣпленія Брюсселя, другіе предпочитали Антверпенъ, и только нѣкоторые эконо-

пометы производили агитацію противъ построенія крѣпостей и за уменьшеніе арміи. Партія, бывшая въ пользу Антверпена, одержала верхъ, и еще въ прошедшемъ году въ палатѣ дебатировался вопросъ объ укрѣпленіи этого города, и члены палаты высказались въ пользу двухъ системъ защиты города: или посредствомъ отдѣльныхъ фортвъ, или посредствомъ большой крѣпостной стѣны (*grande enceinte*), которая шла бы вокругъ нынѣшняго города; послѣднюю систему поддерживали всѣ члены за Антверпенъ, она же одобрена теперь спеціальною коммиссіею и правительствомъ; смѣта работъ составлена въ 75.000.000 франковъ.

Проектъ правительства обсуждался въ палатахъ въ теченіи нѣсколькихъ дней, начиная съ 16-го августа. Дебаты по этому вопросу отличались чрезвычайною запальчивостью, которая обдѣляется плачевною раздражительностію между крайнею лѣвою стороною или оппозиціею, и крайнею правою, также неблагоприятною проекту: здѣсь много членовъ за Брюссель, считавшихъ своимъ долгомъ отстаивать укрѣпленіе этого города. Не проходило дня, чтобы палата не была свидѣтельницею рѣзкихъ словъ, запальчивыхъ упрековъ и всеобщаго волненія; за шумомъ едва можно было разслушать слова президента; члены позволяли себѣ замѣчанія, не относившіяся къ дѣлу, говорили въ одно время, не слушая другъ друга, и вообще показали примѣръ страстнаго увлеченія, который, къ сожалѣнію, весьма не новъ въ парламентарной исторіи Бельгіи. Самыми горячими противниками проекта были гг. Кумансъ и Дюмортъе, члены католической партіи. Послѣдній, въ своей рѣчи 18-го августа, сказалъ между прочимъ: «Укрѣпленія, предлагаемыя настоящимъ проектомъ, послужатъ только къ привлеченію непріятелей на бельгійскую террикторію. Ихъ будутъ оспаривать другъ у друга; Англія, желая защищать ихъ въ своемъ собственномъ интересѣ, сдѣлаетъ Антверпенъ центральнымъ пунктомъ европейскихъ войнъ. (*Выраженіе неудовольствія.*) Желаете ли вы безопасности страны? Не стройте крѣпостей, и на васъ не будутъ нападать! (*Ироническій смѣхъ на скамьяхъ крайней лѣвой стороны.*)... Духъ партій ослабилъ патріотизмъ въ Бельгіи. (*Сильное неудовольствіе.*)» На другой день нѣсколько лицъ подали свой голосъ въ пользу отсрочки преній о проектѣ, и тогда въ палатѣ произошла довольно странная сцена. Генераль Шазаль, военный министръ, Французъ по происхожденію, произнесъ слѣдующія слова: «Необходимо принять или отвергнуть законъ; пусть тѣ, которые рѣшились преклонить голову подъ чужеземное иго, имѣютъ мужество отвергнуть средства защиты.» Эти слова возбудили всеобщее волненіе, на скамьяхъ и въ трибунахъ раздались рукоплесканія. Г. Гобле

(крайней либеральной партіи) сильно ударилъ по своему проекту и потребовалъ напоминанія объ уставѣ палаты; слышались крики: «министра къ порядку!» и, среди всеобщаго шума и беспорядка въ палатѣ и въ трибунахъ, генералъ Шазаль сказалъ въ свое извиненіе: «Нельзя думать, чтобы я сомнѣвался въ патріотизмѣ членовъ этой палаты. Послѣ всего, что я слышалъ, я увлекся одушевленіемъ солдата. *(Очень хорошо.)* На меня клеветали весьма часто, и можетъ-быть отъ этого многіе не доверяютъ мнѣ. Господа, въ тотъ день, когда вы сдѣлали мнѣ честь, принявши меня въ число бельгійскихъ гражданъ, я далъ себѣ обѣщаніе посвятить мою жизнь, мои труды, мою преданность благу страны и защитѣ ея независимости. *(Очень хорошо; рукоплесканія.)*» Послѣ этихъ фразъ, многіе изъ членовъ палаты встали съ своихъ мѣстъ и жали руки растроганному министру, хотя, конечно, отъ него зависѣло не увлекаться въ палатѣ «одушевленіемъ солдата» и сохранить приличный тонъ рѣчи. Другой членъ кабинета, г. Фреръ-Орбанъ, министръ финансовъ, въ засѣданіи 20-го августа уличалъ крайнихъ консерваторовъ въ томъ, что они распускаютъ клеветы на правительство и обвиняютъ не только его, но и самого короля въ угодливости Англіи; эти люди, за одно съ нѣкоторыми иностранными журналами, говорили, будто король Леопольдъ ѣздилъ въ Англію за деньгами и за *mot d'ordre*, то-есть приказаніями, какъ ему поступать. Но извѣстно, что король совершаетъ эти поѣздки ежегодно, что онъ связанъ родствомъ съ королевскою англійскою фамиліей и владѣетъ въ Англіи однимъ изъ королевскихъ дворцовъ. Путешествія короля Бельгійцевъ въ Лондонъ имѣютъ не тотъ характеръ, какимъ отличаются поѣздки баварскаго министра въ этотъ городъ или герцога тосканскаго въ Парижъ? Клевета, если она дѣйствительно существовала, такъ нелѣпа и ничтожна, что г. Фреръ-Орбанъ показалъ бы больше такта, еслибы не упоминалъ о ней въ палатѣ.—Изъ остальныхъ рѣчей самыми замѣчательными были рѣчи гг. Гейманса и Рожье. Г. Геймансъ, молодой ученый историкъ, указалъ на необходимость укрѣпленія Антверпена при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, «когда Европа находится въ тоскливомъ ожиданіи, предвѣщающемъ войну.» Ораторъ сдѣлалъ еще болѣе ясный намекъ: «Если Бельгія, сказалъ онъ, будетъ въ опасности, то развѣ вы задумаетесь дать совершенное полномочіе правительству? Не сдѣлаете ли вы того же, что сдѣлалъ пиемонтскій парламентъ, облекшій короля диктатурой? *(Нѣтъ, нѣтъ! и волненіе.)*... Развѣ нужно ждать, пока закричатъ капитолійскіе гуси? *(Смѣхъ.)* Впрочемъ гуси, спасающіе страну, очень почтенныя птицы. *(Снова смѣхъ.)*» Тѣ, которыхъ г. Геймансъ сравнилъ съ гусями, члены католической партіи, хотѣли было воспользо-

ваться отсутствіемъ многихъ членовъ, которые ушли изъ палаты отъ рѣчи одного изъ радикаловъ, г. Дефре, и отсрочить вотированіе; но это имъ не удалось. Г. Рожье, министръ внутреннихъ дѣлъ, рѣчи котораго обыкновенно пересыпаются рѣзкими словами, на этотъ разъ воздержался отъ нихъ и спокойно представилъ значеніе антверпенскихъ укрѣпленій для независимости Бельгіи; въ 1585, въ 1814 и въ 1831 годахъ Антверпенъ стоялъ твердо, между тѣмъ какъ остальная страна была покорена. Палата въ засѣданіи 20-го августа приняла первый параграфъ проекта большинствомъ 57 голосовъ противъ 42: немедленно будетъ приступлено къ усиленію укрѣпленій Антверпена, за что императоръ Французовъ приказалъ усилить гарнизоны въ Лилль и Шапонъ. Значитъ, и Бельгіи не дешево обходится ея сосѣдство съ Франціей, и ей приходится, даже не безкорыстно, желать чтобы въ этой странѣ утвердилась гражданская и политическая свобода, потому что только свобода можетъ служить гарантіею всеобщаго мира и уваженія къ чужимъ правамъ.

«*La France est soldat*», сказалъ г. Шатобріанъ, и слово это было принято какъ лестный комплиментъ его соотечественниками. До сихъ поръ плохо приходилось тѣмъ правителямъ Франціи, которые не умѣли или не желали сообразоваться съ этимъ преобладающимъ свойствомъ въ характерѣ подвластнаго имъ народа. Несмотря на многія благодѣянія, соединенныя съ правленіемъ Бурбоновъ, несмотря на то, что политическая свобода и свобода печати водворились при нихъ въ странѣ, Франція не могла забыть, что съ ихъ именемъ соединено воспоминаніе о пораженіи ея великаго царственнаго полководца, и платила имъ неприемлемою враждою. Несмотря на гуманный, истинно либеральный характеръ правленія Лудовика-Филиппа, Франція не простила ему безграничнаго пристрастія къ упроченію мирныхъ интересовъ. Монархъ, котораго не могла нація, по понятіямъ ея, заклеймить хуже, какъ назвавши его *Napoléon de la paix*, сознавался потомъ въ изгнаніи своемъ, въ Лондонѣ, что умѣнье владѣть мечомъ должно составлять преобладающее качество того, кто хочетъ мирно править Франціею. Императоръ Наполеонъ III проникся смысломъ этого замѣчанія. Последняя война начата была имъ, по словамъ самыхъ безпристрастныхъ наблюдателей, почти совершенно противъ желанія его подданныхъ: впереди она не сулила имъ ничего, кромѣ неизвѣстности и опасностей; въ настоящемъ она неминуемо должна была поколебать много интересовъ, преуспѣаніе которыхъ неразрывно связано съ сохраненіемъ европейскаго спокойствія. Но императоръ зналъ, что нѣтъ жертвъ, о которыхъ не посмѣшилъ бы забыть его народъ, нѣтъ потерь, которыя не показались бы ему маловажными, когда побѣдоносныя войска съ

триумфомъ возвратятся въ отечество и прибавятъ новые военныя лавры къ тѣмъ, которыми увѣнчана Франція. И дѣйствительно всякій иностранецъ, присутствовавшій при торжественномъ вступленіи стотысячной италіанской арміи въ Парижъ 14 августа, долженъ повторить за Шатобрианомъ: *La France est soldat*. Нельзя сомнѣваться въ правдивости тѣхъ, которые называютъ этотъ день «вполнѣ національнымъ праздникомъ». Никто не станетъ, конечно, упрекать французскій народъ за то пламенное сочувствіе, съ которымъ встрѣтилъ онъ возвращавшіяся войска: что можетъ быть законнѣе, священнѣе этого сочувствія къ людямъ, переносившимъ безчисленныя трудности, жертвовавшимъ своею жизнію? Сочувствіе совершенно естественно въ этомъ случаѣ, но едвали естественно было переходить ему въ восторгъ и радость. Взвѣсивъ на длинныя ряды изуродованныхъ и раненыхъ солдатъ, проходившихъ во главѣ дивизій, на истощенныя и загорѣлыя лица прочихъ вояковъ, на израненныхъ маркитантокъ, которыхъ, за безсиліемъ, вели на показъ впередъ полковъ въ экипажахъ, не естественнѣе ли было бы придать сочувствію, о которомъ мы говорили сейчасъ, болѣе строгій, даже болѣе печальный характеръ, нежели характеръ той шумной радости, которою оглашались 14-го августа улицы Парижа? Не умѣстно ли было бы также вспомнить объ Италіи, за которую проливалась французская кровь, и которая теперь едва можетъ выбиться изъ положенія, созданнаго войной? День 14-го августа свидѣтельствууетъ, что для Француза, въ сущности, нѣтъ нужды, съ кѣмъ бы ни сражаться и за что бы ни сражаться, лишь бы только въ результатѣ была блестящая слава; по завершеніи военныхъ подвиговъ, онъ жаждетъ упиться этою славой, онъ требуетъ «національнаго праздника» съ великолѣпною обстановкой, и погружается въ него душою и тѣломъ, отказываясь отъ всякихъ вопросовъ и размышленій и наслаждаясь зрѣлищемъ военного могущества. «То было чисто военное зрѣлище, говорить *Times*, и все дѣйствіе происходило пантомимно. Когда императоръ желалъ выразить особенное одобреніе какой-либо дивизіи, онъ снималъ съ головы шляпу съ плюмажемъ, и одобреніе было выражено; когда раненая маркитантка проѣзжала мимо въ экипажѣ, онъ чувствительно наклонялъ голову, и публика понимала, что маркитанткѣ назначался пенсіонъ; когда хотѣлось ему пробудить въ народѣ сочувствіе къ императорской династіи, онъ съ поцѣлуями сажалъ на сѣдло своего маленькаго сына, и раздавались аплодисменты. Краснорѣчіе имѣетъ цѣлью убѣдить кого-нибудь и въ чемъ-нибудь, а кого и въ чемъ убѣждать предводителю столь могущественной арміи? Убѣждать нужно или высшихъ или равныхъ себѣ, а кто выше или равенъ Наполеону III во Франціи? Окружающіе самодержавнаго монарха слышатъ только вслушать

его приказанія, чтобы немедленно исполнить ихъ; спѣшать вызвать его одобреніе, въ надеждѣ будущиѣхъ наградъ; спѣшать уловить неудовольствіе на его лицѣ, чтобы пасть передъ нимъ во прахъ или спастись бѣгствомъ. Для всего этого достаточно только жеста, и риторическія разсужденія могутъ лишь ослабить обаяніе власти.»

«Императоръ принесъ съ собою, съ полей Мадженты и Сольферино, право быть либеральнымъ и великодушнымъ», сказалъ г. де-Лагероньеръ въ рѣчи, произнесенной имъ въ генеральномъ совѣтѣ Верхней-Вьены. Итакъ, страшное кровопролитіе въ долинахъ Ломбардіи, гибель десятковъ тысячъ храбрыхъ воиновъ необходимы были французскому правительству для того, чтобы осчастливить Францію если не ослабленіемъ строгостей въ будущемъ, то по крайней мѣрѣ забвеніемъ прежнихъ строгостей. Злоба минувшихъ дѣлъ оказалась безсильною лишь передъ славнымъ ореоломъ, которымъ окружилъ себя императоръ, начавши войну вопреки желаніямъ Франціи и окончивши ее вопреки желаніямъ италянскаго народа и, можно сказать, почти всей Европы. При самомъ полномъ одобреніи примирительной мѣры, на которую рѣшился императоръ Французовъ послѣ побѣдъ при Маджентѣ и Сольферино, нельзя не замѣтить, что не только фраза витійствующаго блюстителя французской печати, но и самое сочетаніе дѣйствительныхъ событій заключаетъ въ себѣ нѣчто риторическое, ярко характеризующее ту страну, которая служитъ театромъ этихъ эффектовъ. На свѣтѣ бываютъ не одни только риторическія разсужденія, которыхъ, какъ говоритъ *Times*, не было на праздникъ 14-го августа; бываютъ и дѣйствія и событія, состоящія изъ реторики.

Амнистія, впрочемъ, справедливо можетъ назваться всеобщою, ибо она не допускаетъ исключеній ни относительно лицъ, ни относительно совершенныхъ ими проступковъ. Всѣ проступки политическіе и по книгопечатанію предаются забвенію, какъ бы ихъ никогда не было, и лица, совершившія ихъ, освобождаются отъ всякаго исключительнаго положенія. «Итакъ, говоритъ *Times*, отворятся теперь во Франціи двери темницъ, перестанетъ полиція слѣдить за подозрительными гражданами, друзья бросятся въ объятія другъ друга послѣ продолжительной разлуки, пароходы полетятъ къ берегамъ Африки и Гвіаны для того, чтобы перевезти въ отечество несчастныя жертвы, искупающія въ отдаленномъ изгнаніи непреклонность и запальчивость своихъ политическихъ убѣжденій. Воспоминаніе о прежнихъ гражданскихъ распряхъ изгладится отнынѣ совершенно. «Съ радостнымъ содроганіемъ сердца, говоритъ органъ одной изъ крайнихъ либеральныхъ партій, думаемъ мы о матеряхъ и дѣтяхъ, которыхъ добрая вѣсть эта преиспол-

нить радостью. Снова увидимъ мы друзей, о которыхъ не переставали сохранять симпатическое воспоминаніе.» Одною отважною мѣрой императоръ Наполеонъ соединилъ всю Францію. Подъ конецъ недавнихъ триумфовъ, празднествъ и пышныхъ фейерверковъ необходимо было приготовить какой-нибудь оригинальный фокусъ, который долженъ былъ поразить и восхитить даже послѣ всего прежняго великолѣпія. И императоръ Наполеонъ успѣлъ въ этомъ въ такой степени, что восторгъ и удивленіе Франціи не миновали еще до сихъ поръ. Взлетѣлъ на воздухъ послѣдній громадный *bouquet*, и изъ него разсыпались въ тысячи семействъ благодѣянія, которыми они наиболѣе должны дорожить.»

Амнистія возвращаетъ во Францію приверженцевъ всевозможныхъ, самыхъ враждебныхъ одна другой партій, людей, которые не имѣли ничего общаго между собою въ своемъ отечествѣ и сошлись только въ изгнаніи. При воспоминаніи ихъ именъ, передъ взорами проносится вся послѣдняя исторія Франціи съ роковаго 1848 года. Мы видимъ тутъ людей, въ родѣ гг. Феликса Пиа, Рибероля, полковника Гинара, возставшихъ противъ того республиканскаго порядка, который существовалъ въ ихъ отечествѣ съ конца 1848 года, и энергически усмиренныхъ президентомъ республики, Лудовикомъ-Наполеономъ, ревностнымъ охранителемъ этого порядка; видимъ людей въ родѣ генерала Шангарнье, который увѣрялъ въ печатныхъ письмахъ своихъ, разошедшихся по всей Европѣ, что ненависть къ нему бывшаго президента, а теперешняго императора, родилась вслѣдствіе его отказа участвовать въ низверженіи республиканской формы правленія; видимъ людей, въ родѣ гг. Эдмонда Валентина, Агриколы Пердягье, Надо, Греппо, Мю, Распая, Жоли и множества другихъ, изгнанныхъ изъ Франціи за изступленіе и крайность своихъ политическихъ убѣжденій, и видимъ въ то же время генерала Ламорвьера, гг. База, Лелло, Дювержье де-Оранна, Шамболя, Туре, пострадавшихъ за то, что избѣгали всякихъ неистовыхъ демократическихъ теорій, и были, напротивъ, непоколебимо привязаны къ идеямъ разумной и умѣренной политической свободы. Съ какою мыслию эти представители разнообразныхъ политическихъ убѣжденій переступаютъ снова порогъ Франціи? Какую опытность принесутъ съ собою эти искатели свободы, изъ которыхъ каждый понималъ ее на свой манеръ, пробывши столь долгое время въ классической странѣ свободы, гдѣ всѣ понимаютъ ее одинаково и одинаково пользуются ея благодѣяніями? Не можемъ ли вспомнить при этомъ одинъ весьма характеристическій анекдотъ: пресловутый г. Лун-Бланъ, удалившись въ Лондонъ, послѣ парижскаго возмущенія 1848 года, началъ издавать тамъ журналъ на французскомъ язы-

нѣ, подѣ заглавіемъ, кажется, *Le bien public*. Въ журналѣ этомъ помѣщена была имъ статья, въ которой знаменитый демократъ разсказываетъ объ обѣдѣ, данномъ мирными гражданами Лондона, по случаю успѣха въ парламентѣ какой-то, дорогой имъ, административной мѣры. Обѣдъ начался и кончился тостомъ за здравіе ея величества королевы, не слышно было на немъ ни пламенныхъ воззваній къ оружію, къ низверженію существующаго порядка, не видно было въ толпѣ зловѣщихъ полицейскихъ комиссаровъ и шпіоновъ, а между тѣмъ г. Луи-Бланъ наивно признался, что ни разу не случалось еще ему, закаленному бойцу революцій, слышать такія смѣлыя и независимыя рѣчи. Ни одинъ министръ или членъ высшаго управленія во Франціи, по словамъ его, даже при самомъ демократическомъ правительствѣ, не дозволилъ бы такихъ свободныхъ сужденій о своихъ дѣйствіяхъ, такого полного отсутствія поклоненія представляемому имъ принципу власти. Англія должна была давать ежедневные уроки въ этомъ отношеніи французской эмиграціи, и можно думать, что уроки эти не остались безъ слѣда, по крайней мѣрѣ для той ея части, у которой нечѣпыя и неистовыя демократическія убѣжденія были вполне искренны, а не служили только маской для прикрытія далеко не честныхъ стремленій. Не всѣ изгнанники, о которыхъ говоримъ мы, захотятъ, впрочемъ, воспользоваться дарованною имъ амністіей.

Въ англійскихъ газетахъ появились письма нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ напримѣръ, гг. Луи-Блана и Виктора Гюго, которые отказываются воспользоваться амністіей. «Если будетъ отмѣненъ гнусный порядокъ, который, по простому подозрѣнію, конфискуетъ личную свободу,—говорится письмо г. Луи-Блана,—порядокъ, превосходящій своею жестокостію знаменитый законъ о подозрительныхъ, которымъ ознаменованы самые мрачные дни французской революціи; если торжественно будетъ провозглашено начало, что никто не будетъ считаться виновнымъ иначе, какъ по приговору суда присяжныхъ; если прекратится стѣсненіе газетъ, и устранена будетъ жестокая система *предостереженій*, замѣняющая судъ равныхъ капризомъ одного лица, и въ одинъ день поглащающая цѣлое состояніе, въ наказаніе за одно слово; если народные представители, свободно избираемые, получаютъ право громко говорить передъ лицомъ Франціи, и публичность ихъ преній не будетъ ограничена; словомъ, если Франція возвратится къ пользованію правами, которыя составляютъ гражданскую и политическую свободу, дѣлаютъ возможною правильную и спокойную оппозицію, то амністія будетъ мѣрой, имѣющею смыслъ и политическое значеніе. До тѣхъ, да будетъ позволено считать ее неискреннею и видѣть въ ней признакъ слабости, а не силы.»

Г. Викторъ Гюго также предпочитаетъ жить въ изгнаніи, пока свобода остается въ изгнаніи: «*Quand la liberté rentre, ja rentrerai*», говоритъ онъ въ заключеніи письма своего къ редактору газеты *Times*.

Многіе полагали, что, несмотря на амнистію, страшный законъ общественной безопасности (*sûreté générale*), съ которымъ неразрывно связано имя мученика и героя италіанской свободы, генерала Эспинаса, останется въ прежней своей силѣ: по закону этому, какъ извѣстно, французское правительство имѣетъ право, безъ всякаго суда и ответственности, сослать въ Алжирь, Каенну или Ламбессу всякаго гражданина, который осужденъ былъ послѣ 1848 года за политическое преступленіе, даже въ томъ случаѣ, еслибы онъ былъ въ послѣдствіи помилованъ, или срокъ его наказанія окончился. Еще недавно видѣли мы примѣръ этому на извѣстномъ демократѣ, г. Бланки, который, высиживши въ Дулленской тюрьмѣ десять лѣтъ за участіе свое въ возмущеніи 15 августа 1848 года, вмѣсто того чтобы выйти на свободу, отправился въ Ламбессу, въ то самое время, какъ французскіе полки шли на освобожденіе Италіи. Очень понятно, что съ такимъ примѣромъ предъ своими глазами, многіе изъ изгнанниковъ взглянули на амнистію, какъ на западню, попавшись въ которую они могли бы совершенно неожиданно для себя перемѣнить пребываніе въ Гайдъ-Паркъ и садахъ Джерси, на далеко не столь пріятное пребываніе въ плантаціяхъ Ламбессы. Теперь оказывается, что французское правительство не намѣревается прилагать законъ общественной безопасности къ лицамъ, возвращающимся теперь изъ ссылки и изгнанія. Въ полуофіціальной газетѣ, *Constitutionnel*, говорится самымъ положительнымъ образомъ, что всѣ преступленія, за которыя дарована амнистія, считаются отнынѣ какъ бы вовсе никогда не существовавшими, такъ, что лица, причастныя имъ, не могутъ, на ихъ основаніи, быть подвергнуты мѣрамъ общественной безопасности. Амнистія истолкована, такимъ образомъ, въ самомъ широкомъ смыслѣ.

Журналистика подлежала во Франціи закону, который предоставлялъ правительству право даватъ журналамъ предостереженія и постановлялъ, что журналъ, получившій три предостереженія, тѣмъ самымъ подвергается прекращенію. Вслѣдствіе амнистіи всѣ эти такъ-называемыя *предостереженія* (*avertissements*), данныя когда бы то ни было различнымъ органамъ печати, считаются не дѣйствительными. Мѣра, конечно, весьма благо-разумная и достойная похвалы, но можно ли заключить изъ нея, что французская печать будетъ пользоваться отнынѣ достаточною свободой, для того, чтобъ она могла съ достоинствомъ и пользою служить интересамъ страны? За нѣсколько дней до изда-

нiя декрета объ амнистiи, въ газетѣ *Le Nord* появились подробности о предполагаемомъ устройствѣ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ новаго департамента для надзора за періодическою литературой, отъ которыхъ журналъ этотъ приходитъ въ благородный восторгъ. Политическія и нравственныя сужденія французскихъ органовъ печати, типографiи, книжныя лавки, букинисты съ своею мелкою торговлей, иностранная періодическая литература—все это должно поступить въ вѣдѣніе особыхъ отдѣленій (*sections*). Главою всего этого новаго департамента назначенъ г. де-Лагеронньеръ, личность крайнезамѣчательная и могущая служить вѣрнымъ мѣриломъ состоянія теперешняго французскаго общества. Г. де-Лагеронньеръ выступилъ на журнальное поприще въ 1848 году, въ газетѣ *Presse*, имѣвшей въ то время редакторомъ знаменитаго г. Эмиля Жирардена. вмѣстѣ съ патрономъ своимъ онъ былъ вначалѣ рьянымъ противникомъ республиканскаго правленія и особенно свирѣпствовалъ противъ генерала Каваньяка. Мало-по-малу, впрочемъ, онъ примирился съ республиканцами и вскорѣ даже опередилъ ихъ: въ одно прекрасное утро, и онъ, и хозяинъ газеты, г. Эмиль Жирарденъ, превратились внезапно въ отчаянныхъ социалистовъ, къ великому ужасу парижскихъ буржуа, недоумѣвавшихъ о причинѣ такого быстрого переворота въ *Presse*. Дѣло объяснялось, впрочемъ, весьма удовлетворительно: 1851 годъ былъ въ исходѣ, страна приготовлялась къ выборамъ въ новое собраніе, и красные демократы, наравнѣ съ социалистами, громко, и къ несчастію, даже весьма правдоподобно, пророчили себѣ успѣхъ. Но президентъ республики, Лудовикъ-Наполеонъ, совершенно измѣнилъ положеніе дѣлъ, захвативши, послѣ *coup d'état* 2 декабря, диктатуру въ свои руки: г. де-Лагеронньеръ, обманувшійся разъ въ своихъ разчетахъ, не обманулся въ нихъ вторично. Онъ немедленно перешелъ на сторону Лудовика-Наполеона и съ тѣхъ поръ неотступно слѣдовалъ за его звѣздою: теперь онъ государственный совѣтникъ, получаетъ огромное жалованье, пользуется особеннымъ расположеніемъ императора и служить ему во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ своимъ перомъ. Слогъ г. де-Лагеронньера, дѣйствительно, весьма гладокъ, чистъ и изященъ, и брошюры его: *L'Angleterre et Napoléon III* и *Napoléon III et l'Italie* обнаруживаютъ въ авторѣ счастливую способность защищать при нуждѣ бонапартистскую политику съ такимъ же успѣхомъ, съ какимъ защищалъ онъ когда-то социальныя теоріи. Главнымъ помощникомъ г. де-Лагеронньера въ трудныхъ обязанностяхъ надзора за періодическою литературой во Франціи будетъ нѣкто г. Эдуардъ Гурдонъ, котораго *Nord* называетъ «дитатеею журнализма» (*enfant du journalisme*), а частнымъ секретаремъ — родной его сынъ, г. де-Ла-

героньеръ *junior*. Не думаемъ, чтобы даже при всевозможныхъ амнистіяхъ, французская журналистика много радовалась своей судьбѣ подъ бдительнымъ окомъ семьи де-Лагероньеровъ и «дяти журналистики». Но если вѣрять словамъ газеты *Constitutionnel*, сказаннымъ, конечно, не безъ вѣдома императора французскаго, то литературу дѣйствительно ожидаютъ серьезныя либеральныя мѣры.

Вообще французская риторика очень затрудняетъ иностранцевъ при сужденіи о смыслѣ того, что говорится во Франціи. Исторія съ фразой: *L'Empire c'est la paix* безпрестанно повторяется. Въ то же самое время, какъ г. де-Лагероньеръ, завѣдывающій этою частію, обѣщаетъ французской журналистикѣ свободу, какъ нѣчто предстоящее въ будущемъ, другіе государственные люди Франціи высказываютъ убѣжденіе, что французская журналистика уже пользуется свободой, и что въ отношеніи свободы періодическая литература Франціи не имѣетъ причины завидовать самымъ либеральнымъ странамъ Европы. Такъ, напримѣръ, еще на дняхъ *alter ego* императора Наполеона, графъ де-Морни, въ рѣчи, произнесенной имъ въ генеральномъ совѣтѣ Пюи-домскаго департамента, старался разсѣять всѣ сомнѣнія на этотъ счетъ. «Во Франціи, замѣтилъ онъ, нѣтъ никакого предупредительнаго средства помѣшать журналу напечатать все, что ему заблагоразсудится. Правительство пользуется противъ печати только оружіемъ предостереженій и запрещеній, то-есть, мѣрами, очевидно, только репрессивными.» Слова эти можно было бы почестъ злою ироніей, еслибъ они не выходили изъ устъ человѣка, въ устахъ котораго, по самому положенію его, подобнаго рода иронія была бы крайне не прилична. По поводу этихъ словъ г-на де-Морни, *Journal des Débats* очень тонко замѣтилъ слѣдующее: «Въ одномъ мѣстѣ своей рѣчи графъ де-Морни опровергаетъ слова англійскихъ журналовъ, будто бы французская печать не свободна. Несмотря на явный смыслъ выраженій г. де-Морни, мы не хотимъ навязывать ему мыслей, которыхъ онъ не имѣлъ. Безъ всякаго сомнѣнія, онъ не желалъ устанавливать серьезное сравненіе между свободой, которою пользуются англійскіе журналы, и тою, которая дарована нашимъ журналамъ при настоящемъ порядкѣ вещей.» Спустя, впрочемъ, нѣсколько дней, *Journal des Débats* позволилъ себѣ нѣсколько болѣе сильныхъ замѣчаній по тому же самому поводу. Онъ вызванъ былъ на этотъ разъ статью *Constitutionnel*, который палъ ницъ передъ мудрыми изреченіями графа де-Морни, пѣлъ гимнъ французской свободѣ печати, но прибавлялъ, что правительство намѣрено еще болѣе обезпечить ее. *Journal des Débats* вдается, по этому поводу, въ слѣдующія разсужденія: «Если у насъ нѣтъ предупредительной цензуры въ принципѣ,

она существуетъ за то въ послѣдствіяхъ, ибо, давая администраціи право предостерегать и запрещать журналы, въ тѣхъ случаяхъ, которые не предусмотрены и не опредѣлены закономъ, теперешній порядокъ открываетъ безграничное поле произволу и даже лишаетъ насъ всякихъ средствъ знать, что позволено и что запрещено намъ говорить. *Constitutionnel* ошибается поэтому, говоря, что, при теперешнемъ порядкѣ вещей, отъ самихъ журналовъ зависитъ вполне ихъ полемика. Въ сущности журналы находятся совершенно въ рукахъ власти, и если до сихъ поръ они пользовались еще незначительною свободой, то обязаны они этимъ умѣренности, съ которою правительство пользовалось своими правами, — умѣренности, которая сохранится, конечно, и на будущее время, но которая не представляетъ однако прочности легальныхъ гарантій.»

Не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести здѣсь кстати мнѣніе *Times* о томъ положеніи, въ которомъ до сихъ поръ французская печать:

«Прощеніе прошедшихъ поступковъ французской журналистики предвѣщаетъ ли свободу ея въ будущемъ? Не думаемъ. Наполеонъ III не можетъ до такой степени отказаться отъ привычекъ самодержавнаго правителя, чтобы провозгласить свободу печати. Но дѣло можетъ этимъ кончиться со временемъ, если справедливо мнѣніе нѣкоторыхъ наблюдателей, что онъ намѣренъ начать новую эру и дать новое направленіе силамъ своего государства. Если онъ рѣшится свергнуть съ себя иго своихъ поповъ, если онъ захочетъ воспитать свой народъ въ здравыхъ политическихъ понятіяхъ, сообщить толчокъ его промышленнымъ и коммерческимъ интересамъ, поколебать запретительную систему и водворить систему свободной торговли, если онъ захочетъ распространить свои колоніи и увеличить число французскихъ торговыхъ судовъ, то можетъ достигнуть всего этого только съ помощію свободы печати. Печать служитъ посредствующимъ звеномъ между людьми мыслящими и людьми трудящимися. Великія мысли заражаются часто въ темнотѣ и появляются сначала въ безобразномъ и даже въ неудобопонятномъ видѣ. Онѣ говорятъ языкомъ, недоступнымъ для народа. Онѣ требуютъ для себя истолкователя въ мірѣ, — истолкователя, обладающаго крѣпкими легкими, необыкновенною плодовитостію рѣчи, способностью уяснять самыя запутанныя вещи, истолкователя, который можетъ возбудить вниманіе и сумѣетъ имъ воспользоваться. Такого рода истолкователь есть печать. Она одна способна, какъ въ физическомъ, такъ и нравственномъ мірѣ уяснить практическое приложеніе великаго изобрѣтенія, предназначеннаго измѣнить свойство вещей и отстранить множество человеческихъ бѣдствій.»

Но печать должна быть свободна, ибо въ противномъ случаѣ она не возбудитъ къ себѣ ни малѣйшей вѣры; она не должна носить цѣпей, ибо иначе она не будетъ пользоваться уваженіемъ ни съ какой стороны. Свободная печать пользуется преимуществомъ, въ которомъ отказано королямъ, императорамъ и государственнымъ министрамъ — разсѣивать народныя заблужденія и предрассудки и замѣнять ихъ истиною. Если Наполеонъ III намѣренъ разрушить теперешнюю, мертвящую, коммерческую систему во Франціи, онъ долженъ обратиться къ свободной печати, безъ содѣйствія которой никогда не удастся ему одолѣть невѣжество большинства народонаселенія. Пусть вспомнитъ онъ, сколько тысячъ столбцовъ этой газеты, наполненныхъ рѣчами и разсужденіями, понадобилось для того, чтобы убѣдить народъ нашъ, во первыхъ, въ томъ, что хлѣбные законы были настоящею причиною недостатка въ продовольствіи, а во вторыхъ, убѣдить нашихъ фермеровъ, что они съ успѣхомъ могутъ вести свое дѣло, отказавшись отъ запретительной системы. Рѣчи и разсужденія эти возбуждали всеобщее вниманіе, ибо англійская нація была увѣрена, что онѣ появляются на поприщѣ, открытомъ для всѣхъ мнѣній, и гдѣ не было пристрастія въ пользу того или другаго адвоката. Когда говорилъ г. Кобденъ, на другое утро тысячи Кобденовъ обращались съ рѣчью къ слушателямъ во всѣхъ концахъ страны; когда г. Кобдену возражали г. Ньюдегатъ или г. Феррандъ, рѣчи ихъ передавались съ такою же вѣрностью и въ такомъ же множествѣ экземпляровъ. Каждый имѣлъ, такимъ образомъ, передъ собою обиліе доказательствъ и фактовъ, и, послѣ внимательнаго чтенія ихъ, могъ установить свой образъ мыслей. Въ качествѣ посредниковъ великой борьбы, намъ оставалось только взвѣшивать доказательства, выводить заключенія, обращать вниманіе публики на тотъ или другой фактъ. Гласности, полной, безпристрастной и безстрашной гласности обязана, поэтому, страна результатомъ, который на дняхъ еще былъ выраженъ г. Кобденомъ такими простыми словами: «Теперь у насъ повсюду вдоволь пищи.» Другаго средства мы не знаемъ для распространенія благосостоянія въ обществѣ. Если Франція не хочетъ видѣть почву свою раздробленною между крайне-мелкими владѣльцами, которые, благодаря тарифу, работаютъ въ пользу небольшого класса мануфактуристовъ, то свободная печать должна получить возможность разсѣять грубое невѣжество, тяготящее надъ строною.

«Но мы должны признаться, что вовсе не желаемъ видѣть французскую печать въ томъ положеніи, въ которомъ находилась она при конституціонной монархіи, на примѣръ, во времена Людовика-Филиппа. Она была тогда далеко не свободнѣе, чѣмъ теперь. Каждый журналъ былъ или органомъ частнаго лица, которое

пользовалось имъ, какъ лѣстницею къ политическому возвышенію, или политической партіи, и посвящалъ себя исключительно служенію ея интересамъ. Печать унизилась до роли оруженосца любого политическаго искателя приключеній. Нѣкоторые изъ нашихъ собственныхъ партій и государственныхъ людей сильно желали бы, чтобъ и англійская печать очутилась въ такомъ же точно положеніи: каждый изъ нихъ хотѣлъ бы имѣть въ своемъ распоряженіи газету, на подобіе того, какъ имѣли ихъ гг. Тьеръ и Жирарденъ. Но въ Англии, здравый смыслъ народа никогда не допуститъ до того. Газета такого рода вовсе не найдетъ себѣ читателей. Журналъ, представляющій интересы одного лица или одной партіи, будетъ такъ же мало имѣть вліянія, какъ и мальчикъ, продающій ее на улицахъ, будетъ имѣть мало барыша. Къ несчастію, не то было во Франціи. Во дни своей свободы, журналы этой страны играли только роль партизановъ и отличались постоянно запальчивостью и яростью, свойственными всѣмъ ораторамъ и писателямъ, которые не пользуются достаточнымъ вліяніемъ. Вслѣдствіе того, всякій разъ какъ человѣкъ, подвергавшійся ихъ нападкамъ, достигалъ власти, первымъ дѣломъ его было запретить ихъ. Одна только газета составляла, нѣкоторымъ образомъ, исключеніе изъ этого правила. Газета *Débats*, болѣе всякаго другаго органа французской печати, издавалась на англійскій манеръ, и потому, начиная съ самаго консульства, она пользовалась уваженіемъ всякаго правительства. Хотя журналъ этотъ не всегда говорилъ съ должною свободой, онъ постоянно возбуждалъ вниманіе, и статьи, помещавшіяся въ немъ, не лишены были нѣкотораго авторитета. Когда снова возвратятся дни свободы — и мы надѣемся, что они не долго заставягъ ждать себя — неужели французская журналистика и французское общество не вспомнятъ о прошедшемъ и не воспользуются его уроками? »

Популярность, сильно пострадавшая черезъ виллафранкскій миръ, восстанавливается теперь не одними лишь внутренними либеральными мѣрами и обѣщаніями. *Constitutionnel* одно утро обрадовалъ бывшихъ политическихъ преступниковъ, а другое утро обрадовалъ Италію.

Италіанскій вопросъ сдѣлалъ важный шагъ впередъ послѣ того, какъ французское правительство рѣшилось высказать въ газетѣ *Constitutionnel*, что оно совѣтовало, правда, герцогствамъ примириться съ своими прежними правителями, но никогда не допустить возстановленія этихъ правителей вооруженною силой. Извѣстіе это не замедлитъ подѣйствовать самымъ благотворнымъ образомъ на расположеніе умовъ въ Средней Италіи. Императоръ Наполеонъ, сдѣлавшій сгранъ этой столь неожиданный сюрпризъ виллафранк-

скимъ миромъ, подчинявшимъ ее, по всеобщимъ ожиданіямъ, прежнему невыносимому игу, приготовилъ теперь, въ свою очередь, не менѣ неожиданный сюрпризъ для Австріи, которая уже мечтала, какъ будетъ она, на свободѣ, распоряжаться въ герцогствахъ, лишь только возвратится туда ея вассалы. *Sunt cuique*, и зловѣщее слово «измѣна», раздававшееся до сихъ поръ на всемъ протяженіи Италіанскаго полуострова, будетъ, вѣроятно, повторяться отнынѣ въ Вѣнѣ и всюду, гдѣ существуютъ обожатели австрійскаго владычества. Нельзя отрицать, что Италія переживаетъ теперь одну изъ самыхъ лучшихъ эпохъ позднѣйшей своей исторіи. Впервые суждено ей осуществить то великое правило *fara da se*, которое служитъ вѣрнымъ мѣриломъ политической зрѣлости и правоспособности народа. Смѣло приступивши къ политическому своему преобразованію, она не допустила до сихъ поръ въ средѣ своей ни малѣйшаго нарушенія порядка, никакого отступленія отъ законности, неуваженія къ правамъ лицъ и сословій. Но воздержность и самообладаніе среди самаго напряженнаго состоянія умовъ могутъ, естественно, продолжаться только до тѣхъ поръ, пока не угаснутъ въ народонаселеніи Средней Италіи надежды на благопріятное устройство ея судебъ. Въ противномъ случаѣ страна эта готовится уже продать дорогою цѣной свою автономію и независимость. Вниманіе правительствъ Средней Италіи было особенно обращено въ послѣднее время на образованіе, такъ-называемой, военной лиги: Тоскана, Модена, Парма и, наконецъ, легатства Римской области вошли теперь въ ея составъ; она будетъ опираться на сорокатысячную армію, во главѣ которой становится піемонтскій генералъ Фанти. Подъ начальствомъ его будетъ служить знаменитый партизанъ, Гарибальди, согласившійся принять команду надъ тосканскою арміей и уже прибывшій для этой цѣли во Флоренцію. Безполезно было бы спрашивать, какую цѣль имѣетъ въ виду сформированіе столь значительной военной силы: цѣль эта прямо указана войскамъ въ прокламаціяхъ, съ которыми обратились къ нимъ правительства Средней Италіи. «Въ то время, говоритъ циркуляръ представителя временнаго правительства въ Тосканѣ, какъ народное собраніе выражаетъ законныя требованія страны, вы должны приготовиться поддерживать эти требованія въ случаѣ нужды даже оружіемъ!» Слова моденскаго диктатора, г. Фарини, не менѣ опредѣленны, когда онъ увѣщаетъ войска «умѣть быть рѣшительными при наступленіи критической минуты». Наконецъ, по довольно-досто-вѣрнымъ извѣстіямъ, король Викторъ-Эммануилъ объявилъ, что никакія соображенія не помѣшаютъ ему подать помощь герцогствамъ, въ случаѣ, еслибъ угрожало имъ насильственное возста-

повненіе прежнихъ правителей. Нужно ли говорить, къ какимъ бѣдствіямъ можетъ подать поводъ столь отчаянная рѣшимость народонаселенія средней Италіи, еслибы справедливыя требованія ея были принесены въ жертву эгоизму и честолюбію нѣкоторыхъ первенствующихъ державъ?

Но какъ бы то ни было, опасность, кажется, миновала, и герцогствамъ остается теперь только съ энергіею и не выступая изъ предѣловъ законности настаивать на водвореніи той формы правленія, которая наиболѣе соответствуетъ ихъ желаніямъ. И эта самая трудная часть задачи была выполнена ими съ полнымъ успѣхомъ. Выборы въ учредительныя собранія происходили почти одновременно въ Тосканѣ, Моденѣ и Пармѣ: вездѣ сопровождались они соблюденіемъ строгаго порядка и привели къ одинаковымъ результатамъ. Демократическая партія, имѣющая предводителемъ своимъ г. Маццини, нигдѣ не имѣла успѣха; за то приверженцы конституціоннаго порядка одержали на выборахъ полное торжество. Въ Тосканѣ они наполняютъ всю палату, и къ рядамъ ихъ принадлежатъ тамъ лица самыхъ знатныхъ историческихъ фамилій.

Тотчасъ по окончаніи выборовъ назначено было 11-го августа открытіе тосканскаго національнаго собранія во Флоренціи. Палата приступила въ тотъ же самый день къ сформированію своего бюро, избрала своимъ президентомъ г. Коппи, весьма уважаемаго члена судебного сословія, а вице-президентами—гг. Андруччи и Романсали. Немедленно вслѣдъ за тѣмъ появился на трибунѣ глава временнаго правительства, баронъ Беттино Рикасоли, и обратился къ представителямъ съ отчетомъ о положеніи страны. Упомянувши вкратцѣ о прошедшихъ событіяхъ, онъ остановился особенно на томъ, что объявленіе войны должно было неминуемо произвести въ Тосканѣ разрывъ между правительствомъ и народомъ. «Дѣло обошлось безо всякихъ насильственныхъ дѣйствій, замѣтилъ онъ, но такъ какъ правитель страны прямо показалъ себя Австрійцемъ, а народъ захотѣлъ остаться народомъ итальянскимъ, то каждый изъ нихъ пошелъ по своей дорогѣ.» Г. Рикасоли изложилъ потомъ, какія страстныя ожиданія и надежды были возбуждены въ Тосканѣ, и какъ надежды эти были разрушены виллафранкскимъ миромъ. За страню остается, впрочемъ, утѣшительная мысль, что еще далеко не все потеряно для будущаго ея благоденствія. Ручательствомъ этому—слова, сказанныя императоромъ Наполеономъ тосканскому уполномоченному, что «не будетъ вооруженнаго вмѣшательства», и что «законныя требованія народа не отвергнутся безъ вниманія». Ручательствомъ служить сочувствіе, питаемое къ дѣлу тосканской свободы королемъ Викторомъ-Эммануиломъ, который убѣждалъ народы Сред-

ней Италіи «заключить, подобно ему, горе въ своемъ сердцѣ и съ мужествомъ ожидать разрѣшенія судьбы полуострова». Слова эти, замѣтилъ въ заключеніе г. Рикасоли, опредѣляютъ ясно, въ чемъ долженъ состоять образъ дѣйствій національнаго собранія: полагаясь на обѣщаніе императора Наполеона, что чужеземныя войска не навяжутъ странѣ силою ненавистнаго ей правленія, собраніе должно заявить торжественно передъ лицомъ Европы, въ чемъ состоятъ законныя и настоятельныя требованія тосканскаго народа.

По прочтеніи этого адреса, маркизъ Джинори-Личчи немедленно предложилъ собранію объявить Лотарингскій домъ лишеннымъ тосканскаго престола. Маркизъ происходитъ отъ одной изъ самыхъ аристократическихъ фамилій въ странѣ; нѣсколько лѣтъ занималъ онъ должность камергера при эрцгерцогѣ Леопольдѣ и, какъ слышно, дѣлалъ въ послѣднее время всевозможныя усилія для спасенія этого государя отъ угрожавшей ему участи, совѣтуя ему уступить справедливымъ требованіямъ Тосканцевъ. «Кормило правленія вручено мнѣ, отвѣчалъ Леопольдъ, выведенный изъ терпѣнія неотступными просьбами маркиза, и я буду править по собственному усмотрѣнію, а вамъ совѣтую отправляться на вашу фабрику.» Надо замѣтить, что фарфоровыя фабрики маркиза Джинори пользуются такою же громкою извѣстностію въ Италіи, какъ знаменитая Севрская фабрика во Франціи. Предложеніе, сдѣланное имъ собранію, о низверженіи съ тосканскаго престола Лотарингской фамиліи опиралось на то простое, но неопровержимое соображеніе, что фамилія эта «сдѣлалась несовмѣстною (incompatibile) съ благоденствіемъ и спокойствіемъ Тосканы и не можетъ возвратиться въ страну, не повергнувши ея въ безпорядки и анархію.» Когда президентъ, по установленному порядку, обратился къ собранію съ вопросомъ, поддерживаетъ ли кто-либо предложеніе г. Джинори, всѣ члены быстро поднялись съ своихъ мѣстъ, и зала засѣданій огласилась громкими и неумолкаемыми кликами. Пренія были непродолжительны, и низверженіе съ тосканскаго престола Лотарингской династіи было принято единогласно, всѣми 168 членами палаты. Объявленіе этого результата распространило сильное удовольствіе въ странѣ, за исключеніемъ, развѣ, самаго низшаго и бѣднаго класса людей, который если и не былъ очень горячо привязанъ къ фамиліи эрцгерцога Леопольда, то по крайней мѣрѣ не чувствовалъ къ ней никакой вражды. Дѣйствительно, правленіе этой фамиліи можетъ назваться кроткимъ и милосерднымъ, въ сравненіи съ правленіемъ прочихъ италіянскихъ государей. Оно никогда не было враждебно къ просвѣщенію, ревностно покровительствовало искусствамъ и постоянно держалось правила: «все для народа, но ничего че-

резь посредство самого народа». Аристократія и духовенство не могли смотрѣть на него благосклонно, ибо оно старалось лишить ихъ политическаго вліянія въ странѣ, но за то низшіе классы неизмѣнно пользовались его милостями. Оно избавило ихъ отъ многихъ тяжкихъ налоговъ, отъ конскрипціи, раздавало отъ времени до времени даромъ пищу, заводило у себя очень мало желѣзныхъ дорогъ и пароходовъ,—ибо «они могли бы уменьшить честные доходы возлюбленнаго его народа», то-есть веттуриновъ и перевозчиковъ тяжестей, — словомъ, не упускало ничего для того, чтобы привязать къ себѣ чернь. Вліяніе его было тлѣтворно, хотя, въ то же время, никто не могъ обвинить его въ жестокосердіи и неумолимой строгости. Оно отстранило отъ себя всѣ мыслящіе и образованные классы въ странѣ, и классы эти, не перестававшіе скорбѣть о глубокомъ униженіи, въ которомъ находилось ихъ отечество, подавленное австрійскимъ вліяніемъ, съ мужествомъ встаютъ теперь для возстановленія своей національной самостоятельности, своихъ правъ, незаконно нарушенныхъ эрцгерцогомъ.

На другой день послѣ разказаннаго нами событія, палата собралась для того, чтобы дать окончательное устройство своимъ будущимъ политическимъ судьбамъ. Дѣло шло о присоединеніи Тосканы къ Пиемонту. Предложеніе это отвѣчало ревностнымъ желаніямъ всѣхъ представителей народа и встрѣчено было палатою съ такимъ же восторгомъ, какъ и предложеніе о низверженіи Лотаринской династіи съ тосканскаго престола. «Ошибочно было бы, замѣтилъ во время преній г. Маццеи, адвокатъ, сомнѣваться въ настоящемъ значеніи нашего рѣшенія. Собраніе это совершенно въ правѣ избрать новую царствующую фамилію. Англійскій парламентъ далеко не имѣлъ на своей сторонѣ такихъ правъ, когда онъ низвергнулъ Якова II и призвалъ домъ Оранскій на англійскій престолъ. То же самое можно сказать о французской палатѣ, которая въ 1830 году замѣнила династію Бурбоновъ династією Орлеанскою, и о другой палатѣ, низвергнувшей Орлеанскій домъ въ 1848 году. Въ отношеніи правъ, мы несравненно сильнѣе, слѣдовательно, депутатовъ Франціи и Англійи. Будемъ же смѣло подавать голоса; это — нашъ долгъ, наша обязанность...» Предложеніе о соединеніи Тосканы съ Пиемонтомъ, подъ властію короля Виктора-Эммануила, было принято 163 голосами. Три депутата, извѣстные приверженцы кандидатуры принца Наполеона, отказались вотировать: замѣчательно что въ числѣ этихъ депутатовъ находился бывшій диктаторъ Тосканы, г. Монтанелли.

Мы нарочно остановились съ нѣкоторою подробностію на первыхъ засѣданіяхъ тосканскаго національнаго собранія, ибо все

происходившее тамъ повторилось въ точности въ Моденѣ. Съ одинаковымъ единодушіемъ объявленъ былъ низвергнутымъ царствовавшій до сихъ поръ въ этомъ герцогствѣ австрійскій эрцгерцогскій домъ, и вслѣдъ за тѣмъ единогласно было объявлено присоединеніе Модены къ Пиемонту. Национальное собраніе продолжало за тѣмъ срокъ диктатуры г. Фарини и поручило ему сдѣлать государственный заемъ въ 5 милліоновъ франковъ: по послѣднимъ извѣстіямъ, заемъ этотъ имѣетъ полную надежду на успѣхъ, что болѣе всего другаго служить доказательствомъ прочности порядка, водвореннаго въ странѣ. Скоро, вѣроятно, и Парма не замедлитъ выразить законнымъ путемъ свои желанія, а въ легатствахъ Римской области дѣлаются уже необходимыя приготовления для выборовъ въ национальное собраніе.

Полуофициальное объявленіе французскаго правительства о томъ, что оно не допуститъ насильственнаго возстановленія въ Средней Италіи прежнихъ тамошнихъ правителей, отстраняетъ только одну трудную сторону вопроса: за тѣмъ остаются еще другія, далеко не меньшей важности. Если герцогства не упадутъ уже болѣе подъ иго австрійскихъ вассаловъ, какое политическое устройство получать они на будущее время? Дозволятъ ли имъ соединиться, по ихъ желанію, съ Пиемонтомъ, или Франція и Австрія единодушно воспрепятствуютъ такому усиленію Савойскаго дома? Кому же суждено будетъ въ послѣднемъ случаѣ занять престолъ Средней Италіи? Разрѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ дастъ, вѣроятно, много пищи европейской дипломатіи, тѣмъ болѣе, что намѣренія «освободителя» Италіи покрыты до сихъ поръ глубокимъ мракомъ. «Взоры всего міра обращены теперь на этого могущественнаго и таинственнаго государя, говоритъ *Times*. Въ самыхъ незначительныхъ поступкахъ его ищутъ указанія его политическихъ соображеній. То онъ ободряетъ и обнадеживаетъ тосканскихъ депутатовъ, и вся Италія не помнитъ себя отъ радости; то радушно принимаетъ въ своемъ дворцѣ юнаго сына эрцгерцога Леопольда, и Италія предается отчаянію. На него смотрятъ теперь, какъ смотрѣли на генерала Монка, когда вся страна находилась въ трепетномъ ожиданіи, возстановитъ ли этотъ генералъ существовавшій прежде порядокъ, сохранить ли республику или овладѣетъ короною для самого себя. Мы видимъ, вопервыхъ, короля Виктора-Эммануила, друга и сотоварища въ битвахъ императора Наполеона, который радъ былъ бы протянуть руку за предлагаемою ему короною, но страшится сдѣлать это, ибо не получаетъ къ тому никакого поощренія. Мы видимъ за тѣмъ молодого эрцгерцога, находящагося теперь въ Парижѣ и выжидающаго тамъ, не откроется ли чего-либо изъ намѣреній французскаго го-

сударя. Кромѣ этихъ двухъ претендентовъ есть еще одинъ, про энтузіазмъ котораго къ итальянской свободѣ распространяють съ умысломъ самые баснословные слухи. Изъ всѣхъ трехъ, однимъ пользуются, какъ угрозою; на сторону другаго склонятся развѣ только въ случаѣ крайней необходимости; третій же, по всему вѣроятію, самый желанный кандидатъ, не осмѣливается прямо обнаружить свои притязанія, но за то не скоро и не легко откажется отъ нихъ.» Дѣйствительно, нигдѣ не говорится открыто про кандидатуру принца Наполеона, но никто не рѣшится утверждать, что подобная мысль совершенно чужда планамъ французскаго правительства. Полуофициальные органы его дѣйствуютъ въ этомъ случаѣ съ крайнею осторожностью: такъ, напримѣръ, недавно *Constitutionnel* помѣстилъ веледѣрчивую статью о томъ, какъ было всегда благотѣльно вліяніе Франціи на полуостровѣ, съ какою легкостью усвоивались тамъ ея учрежденія, и указывалъ въ доказательство на Неаполь, гдѣ весь гражданскій порядокъ устроенъ на французскій манеръ. Между тѣмъ въ Савоіи нашлись приверженцы присоединенія къ Франціи, и піемонтское правительство было даже вынуждено прибѣгнуть по этому поводу къ запретительнымъ мѣрамъ противъ нѣсколькихъ журналовъ. Мы должны впрочемъ замѣтить, что всѣ члены палаты за Савоію, даже рьяный противникъ графа Кавура, г. Коста-де-Борегаръ, выразили преданность свою королю Виктору-Эммануилу.

Какъ бы то ни было, положеніе Піемонта, поставленнаго между лестными для него симпатіями герцогствъ, съ одной стороны, и строгими дипломатическими соображеніями съ другою — крайне затруднительно въ настоящую минуту. Отказаться отъ владычества въ Средней Италіи, къ которому такъ долго стремились его помыслы, было бы столь же тягостно для него, какъ и обольщать народонаселеніе этихъ странъ далеко не вѣрными, быть-можетъ вовсе несбыточными надеждами. Недавно, органъ лорда Пальмерстона, *Morning-Post*, совѣтовалъ королю Виктору-Эммануилу принять предлагаемую ему власть въ герцогствахъ и, такимъ образомъ, разрубить однимъ смѣлымъ ударомъ гордіевъ узелъ. Въ то время, какъ мы дописываемъ эти строки, телеграфъ сообщаетъ намъ извѣстіе, что въ отвѣтъ своемъ тосканской депутаціи, король объявилъ, что онъ не можетъ дать согласіе на присоединеніе къ своему государству Тосканы, прежде чѣмъ европейскія государства не произнесутъ приговора объ итальянскихъ дѣлахъ. Передъ лицомъ этихъ государствъ, онъ явится защитникомъ интересовъ Тосканы и надѣется на ихъ справедливость. Нельзя не пожалѣть во всякомъ случаѣ, что король Викторъ-Эммануилъ лишень среди настоящихъ затрудненій опоры

своихъ представительныхъ палатъ. Свободный голосъ ихъ придалъ бы несравненно болѣе энергіи его внѣшней политикѣ.

«Новое время», сверхъ чаянія водворяемое въ Европѣ какою то обаятельною силой, измѣняющею все къ лучшему, хочетъ повидимому наступить и для Австріи. Пошатнулся наконецъ баронъ фонъ-Бахъ, этотъ крѣпкій дубъ, осѣнявшій долго страну своимъ неумѣреннымъ попечительствомъ и не позволявшій жить развиваться въ ней ничему живому и самобытному; авторъ конкордата отправляется, въ качествѣ посланника, въ Римъ, гдѣ представляется полный просторъ его чувствамъ уваженія къ папѣ. Мѣсто барона фонъ-Баха занялъ графъ Агеноръ Голуховскій, о которомъ въ *Allgemeine Zeitung* сообщаютъ слѣдующія біографическія свѣдѣнія: нынѣшній министръ внутреннихъ дѣлъ родился въ 1812 году; онъ принадлежитъ къ древней польской фамиліи, возведенной въ графское достоинство въ 1783 году. Въ 1848 году графъ Голуховскій былъ сначала губернаторскимъ совѣтникомъ въ королевствѣ Галиціи и Лодомеріи, а потомъ назначенъ намѣстникомъ въ тѣхъ же провинціяхъ, послѣ графа Стадіона. «Эпоха его дѣятельности, говоритъ корреспондентъ *Allgemeine Zeitung*, останется навсегда въ благодарной памяти Галиціи; она обязана графу Голуховскому всеми успѣхами, которые сдѣланы ею въ послѣднее время, въ отношеніи экономическомъ, промышленномъ, научномъ и художественномъ; повсюду встрѣчаются слѣды его дѣятельности на всѣхъ полезныхъ учрежденіяхъ. Особенно оказалъ онъ большую услугу Галиціи двумя въ высшей степени важными учрежденіями: мы разумѣемъ національный институтъ графа Оссолинскаго и домъ для сиротъ и бѣдныхъ графа Станислава Скарбека въ Лембергѣ.» Эти свѣдѣнія не доказываютъ еще безупречности политическихъ убѣжденій графа Голуховскаго, и мы подождемъ еще, пока онъ станетъ дѣйствовать на новомъ поприщѣ, чтобы составить болѣе опредѣленное мнѣніе о томъ, на сколько выиграла Австрія положительно отъ удаленія барона Баха. Не разъ случалось, что то или другое лицо, получивши мѣсто министра, говорило «прости» своимъ прежнимъ вѣрованіямъ и считало своимъ долгомъ слѣдовать совершенно иной программѣ.—Къ новымъ лицамъ, призваннымъ къ высшему управленію, принадлежитъ также баронъ Гюбнеръ, бывшій посланникомъ въ Парижѣ и назначенный теперь министромъ полиціи; наконецъ графъ Рехбергъ сдѣланъ президентомъ совѣта министровъ,—мѣсто, которое послѣ смерти графа Феликса Шварценберга оставалось вакантнымъ.

Перемѣна правительственныхъ лицъ, конечно, явленіе многозначительное въ такой странѣ, какъ Австрія, гдѣ цѣлая система управленія образовалась путемъ личныхъ и фамильныхъ традицій, гдѣ

преемственно дѣйствовали представители одной и той же рутины, служители одного и того же политическаго начала. Но еще важнѣе то обстоятельство, что эти новыя лица вызваны къ дѣятельности не случайно, а вслѣдствіе признанной несостоятельности стараго порядка вещей. «Приговоръ надъ тѣмъ, что совершено барономъ Бахомъ на поприщѣ администраціи, составляетъ задачу историка прошедшаго десятилѣтія,» сказано въ *die Presse*, органѣ бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ. Этотъ приговоръ уже теперь произнесенъ императоромъ и общественнымъ мнѣніемъ въ Австріи. «Рѣшительная перемѣна министерства, говорить *Wanderer*, принадлежитъ въ Австріи къ рѣдкимъ явленіямъ; въ теченіи десятилѣтія сдѣланы только нѣкоторыя перемѣны, которыя почти всѣ основываются на личныхъ отношеніяхъ. Такое явленіе объясняется весьма просто господствующею формою правленія, по которой министерство не есть представитель самостоятельнаго политическаго направленія, а исполнитель самодержавной воли монарха. Поэтому, можно заключать съ полнымъ правомъ объ измѣненіи этой воли, если въ ея органахъ происходитъ такая рѣшительная перемѣна.» Общественное мнѣніе и его представители приняли эту перемѣну не только съ полнымъ сочувствіемъ, но даже съ восторгомъ. Австрійскіе журналы съ гордостью ставятъ свою страну въ примѣръ Франціи и пользуются первымъ дозволеніемъ свободнаго слова, чтобы высказаться противъ французской системы централизаціи.

Новое министерство объявило о своей программѣ въ *Wiener Zeitung* и во всѣхъ мѣстныхъ официальныхъ журналахъ. Въ этой программѣ правительство обѣщаетъ поощрять автономію, смягчить свою опеку и указываетъ на нѣкоторыя мѣры, которыя оно готово принять неотлагательно; сюда относятся: новый уставъ общиннаго управленія, свобода вѣроисповѣданія и слѣдовательно измѣненіе нѣкоторыхъ статей конкордата, контроль надъ финансами и наконецъ представительство государственныхъ чиновъ. Чтобы имѣть возможность правильно обсудить всѣ эти мѣры, правительство обратилось къ самому вѣрному средству: оно дозволило обсужденіе ихъ въ печати; этимъ путемъ, конечно, правительство пріобрѣтетъ самыхъ лучшихъ сотрудниковъ и получитъ возможность безошибочно остановиться въ своемъ выборѣ. Общественное мнѣніе въ Австріи и австрійская печать долго были стянуты въ пеленкахъ, и журналисты, какъ бы не вѣря тому, что имъ развязали руки, просили категорическаго отвѣта у барона Гюбнера, которому подчинена теперь печать. Мы заимствуемъ изъ *Allgemeine Zeitung* разказъ о свиданіи редакторовъ политическихъ газетъ съ министромъ: «Баронъ Гюбнеръ сказалъ, что онъ вполне проникнутъ сознаніемъ о необходимости публичныхъ

органовъ столько же для управляющихъ, сколько для управляемыхъ, и потому желаетъ, чтобъ они шли вмѣстѣ, рука объ руку. Для достиженія этой цѣли, каждому должна быть предоставлена возможность высказывать свои убѣжденія о внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлахъ; съ его стороны печать не потерпитъ ни малѣйшаго стѣсненія, и въ случаѣ жалобы, каждый можетъ откровенно и прямо обращаться къ нему. Редакторъ *Oesterreichische Zeitung*, г. Левентау отъ имени своихъ сотоварищей благодарилъ министра за его благосклонный пріемъ и предложилъ вопросъ: въ какой мѣрѣ можно затрогивать и обсуждать внутреннія событія, не подвергаясь стѣсненіямъ, бывшимъ доселѣ? «Говорите о нихъ совершенно свободно, отвѣчалъ министръ, и заявите мнѣ о своихъ прежнихъ жалобахъ.» Редакторъ газеты *die Presse*, г. Цангъ, представилъ затѣмъ въ живомъ очеркѣ предшествовавшее положеніе печати на что г. министръ еще разъ завѣрилъ, что онъ вполне убѣденъ въ справедливости притязаній печати, и что онъ сдѣлаетъ все для облегченія редакторамъ ихъ трудной задачи, и станетъ поддерживать ихъ во всѣхъ случаяхъ.» Нельзя не порадоваться этимъ словамъ австрійскаго министра, показывающимъ, что новое австрійское правительство понимаетъ всю пользу, какую можетъ принести ему свободное слово въ странѣ. Австрійскіе журналы пережили тяжелое время; но къ чести ихъ должно сказать, что они переносили невзгоды по крайней мѣрѣ честно, не защищаясь отъ нихъ клеветою другъ на друга, и не стараясь отклонять отъ себя грозу мелочнымъ обвиненіемъ своихъ собратій; теперь они могутъ открыто спорить между собою, защищая свои убѣжденія, и никто не заподозритъ ихъ искренности. Мы надѣемся, что слова барона Гюбнера не были навѣяны на него минутнымъ расположеніемъ, и что онъ сумѣетъ устоять, противъ ретроградныхъ внушеній, въ которыхъ, вѣроятно, не будетъ недостатка: система, такъ долго господствовавшая въ Австріи, имеетъ еще своихъ представителей, и они готовы будутъ воспользоваться всѣми случаями, чтобъ отнять у печати то, что общано ей въ минуту свѣтлаго пониманія собственныхъ выгодъ правительства. «Новое правительство, сказано въ *Oesterreichische Zeitung*, протягиваетъ руку управляемымъ, и мы обязаны принять ее съ благодарностью. Да, мы хотимъ стоять вмѣстѣ, говорить обща и, если нужно, обща дѣйствовать. Намъ даны новые вожди; пусть ихъ лозунгомъ будетъ постоянно «впередъ», и всѣ послѣдуютъ за ними, ни одинъ честный человекъ не отстанетъ отъ нихъ.» Провинціальныя журналы также съ восторгомъ привѣтствовали свое освобожденіе: «откровенность безъ прикрасъ, сказано въ нихъ, чистая правдивость, съ которыми *Wiener Zeitung* изобразила положеніе дѣлъ, служить порукою въ томъ, что

правительство заслуживаетъ полнаго довѣрія народовъ Австріи, и что оно оправдываетъ его самымъ утѣшительнымъ образомъ. Долго ли продлится это довѣріе — рѣшить время; правительство само докажетъ отсутствіе его, если какими-либо частными мѣрами будетъ стараться обойти признанное имъ право свободного слова, потому что эта свобода не можетъ перенести ни малѣйшаго пятна.

«Говорите свободно обо всѣхъ вопросахъ», сказалъ баронъ Гюбнеръ. Для австрійскихъ журналовъ эти слова становятся не только правомъ, но и обязанностью, и они приступили немедленно къ ея исполненію; всѣ вопросы, указанные въ офіціальномъ журналѣ, обсуждаются теперь въ печати. Прежде всего обращено вниманіе на средства ослабить правительственную опеку и призвать къ жизни отдѣльныя части государства, развить самоуправленіе. Извѣстно, что въ послѣдніе годы Австрія стремилась все болѣе и болѣе къ централизаціи политической, но что сердцевина государства, общинное устройство оставалось почти въ томъ же видѣ, какъ оно организовалось вслѣдствіе эманципаціонныхъ мѣръ 1848 и 1849 годовъ. Революція 1848 года имѣла въ Австріи особенный характеръ: Австрію хотѣли сдѣлать агломераціею государствъ: Кроаты, Чехи, Трансильванцы хотѣли сдѣлаться независимыми до известной степени, составить конфедерацію, президентомъ которой былъ бы императоръ; въ одной провинціи онъ могъ управлять абсолютно, въ другой по началамъ конституціоннымъ и пр., — на основаніи старинныхъ преданій и привилегій. Народы, составляющіе Австрію, выказали то же стремленіе, какое выказываютъ теперь Голштейнъ и Лауэнбургъ относительно Даніи. Послѣ усмиренія венгерскаго возстанія, австрійское правительство постоянно и рѣшительно дѣйствовало противъ стремленій 1848 года. Но, не желая слишкомъ насиловать своихъ завоеванныхъ подданныхъ, боясь слишкомъ крутымъ поворотомъ испортить дѣло, правительство приводило въ исполненіе задуманные планы исподволь, понемногу, пользуясь всѣми обстоятельствами. На первый разъ оно не только не уничтожило всѣхъ общинныхъ правъ, но дало имъ болѣе широкое развитіе въ либеральномъ смыслѣ. Дѣло шло сначала только объ единообразіи: нужно было во что бы то ни стало уравнивать общинное устройство во всей имперіи. Сверхъ того, подымая общины, правительство унижало аристократію, показавшую много вражды къ нему во время возстанія. Такъ явилось общинное устройство Австріи 1849 года. По этому акту, община получила право избирать своихъ представителей; вопреки старинному помѣщичьему праву, община могла принять въ число своихъ членовъ каждаго крестьянина и чрезъ то освободить его отъ вотчинной зависимости; община имѣла

исключительное право управлять своими дѣлами; засѣданія общиннаго совѣта, смѣта доходовъ и расходовъ—все было гласно; наконецъ община ни въ чемъ не зависѣла отъ вотчиннаго управленія. Такого рода либеральныя учрежденія объясняются только дальнѣйшими цѣлями австрійскаго правительства. Благодаря народному сочувствію, которымъ было встрѣчено общинное устройство, правительство могло приступить къ подавленію провинціализма и къ уничтоженію старинныхъ феодальныхъ правъ. Въ 1851 году сдѣланъ былъ рѣшительный шагъ на пути централизаціи; всѣ провинціальныя сеймы и конституціи уничтожены, и только императору предоставлено право назначать во всѣ должности административныя, судебныя и даже муниципальныя, отъ государственнаго министра до деревенскаго старосты. Имперія раздѣлена на губернаторства, округа и старостства, и проч. Такимъ образомъ и вотчинное устройство подверглось значительному видоизмѣненію. Это послужило одною изъ причинъ теперешняго затруднительнаго положенія австрійскаго правительства; взявши въ свои руки все управленіе, оно стало нуждаться въ огромной массѣ денегъ на жалованье многочисленнымъ чиновникамъ и, для пополненія бюджета, поневолѣ прибѣгало къ такимъ мѣрамъ, которыя возбудили всеобщее неудовольствіе, а между тѣмъ оно не имѣло никакихъ средствъ для того, чтобы контролировать дѣйствія всѣхъ этихъ несмѣтныхъ чиновниковъ. Теперь правительство стоитъ на перепутьи. Если оно захочетъ продолжать прежнюю систему, то ему нужно совершенно уничтожить общинное устройство 1849 года и дать силу закона проекту г. фонъ-Баха; если напротивъ увольненіе этого министра есть дѣло серьезное, то правительство постарается возстановить и развить общинное устройство 1849 года, и въ такомъ случаѣ оно можетъ найти въ немъ исходную точку для будущихъ реформъ. Въ первомъ случаѣ Австрія лишилась бы послѣдней здоровой опоры своей. Воображая, что только аристократія можетъ поддержать монархическій принципъ, правительство австрійское уже возвратилось—было къ старымъ привилегіямъ; оно уже исключило сеньйоріальныя земли изъ общиннаго управленія, возстановило въ нихъ майораты, и даже въ государственномъ совѣтѣ рѣчь шла о возвращеніи прежнихъ привилегій дворянамъ и о подчиненіи имъ общиннаго управленія. Бывшій министръ баронъ Бахъ представилъ проектъ новаго устава для общинъ, но война отвлекла вниманіе правительства на другіе вопросы и къ счастью пріостановила эти ретроградныя стремленія. Можно надѣяться, что допущенная нынѣ гласность спасетъ Австрію отъ ихъ возвращенія.

СОВРЕМЕННАЯ ЛЬТОНІСЬ

ІЗЪ АМЕРИКИ.

Нью-Йоркъ, 18го/30 іюля 1859.

4-го текущаго мѣсяца Соединенные Штаты праздновали 83-ю годовщину своей независимости. Нѣтъ народа, который бы въ такой короткій періодъ времени достигъ такого развитія. И что, въ самомъ дѣлѣ, значитъ столѣтіе въ жизни народа? А Соединенные Штаты успѣли упрочить себѣ благосостояніе и достигнуть могущества въ продолженіи такого времени, какого другимъ народамъ едва достаточно, чтобы съ тяжкими усиліями сложиться въ государство. Вотъ что, говорятъ здѣсь, и въ этихъ словахъ есть много истины, хотя и нельзя съ ними согласиться безусловно. Мнѣ кажется, что восхваляя Соединенные Штаты, не должно выпускать изъ виду, что они не что, иное, какъ продолженіе Англіи, и что въ метрополіи заключается источникъ благосостоянія и могущества Сѣверо-Американскаго Союза. Отъ нея наслѣдовалъ онъ духъ предприимчивости, отъ нея заимствовалъ свое законодательство; отправьтесь въ какой угодно судъ, и черезъ нѣсколько минутъ вы непременно услышите, что адвокаты ссылаются на англійскій *Common Law*, почитаемый охраною правъ американскаго народа. Но надо сказать правду, Сѣверная Америка двинулась впередъ исполненными шагами, съ тѣхъ поръ, какъ она сбросила съ себя тягостную опеку Великобританіи. Промышленность, торговля, земледѣліе достигли у нея такого развитія, которое упрочило за нею одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду образованныхъ націй; благопріятствуемая выгодами своего положенія, она могла посвятить всѣ жизненныя силы свои дѣлу мирныхъ усовершенствованій, не растрачивая ихъ на содержаніе войска и военнаго флота, составляющихъ тяжкую необходимость для великихъ европейскихъ державъ; но если когда-нибудь подобное бремя падетъ на плеча республики, то все существованіе ея измѣнится. Дай Богъ, чтобы подобное несчастіе миновало ея! Впрочемъ и въ нашемъ благосостояніи есть обратная сторона медали; оно сопряжено съ опасностями. Будущіе президентскіе выборы поставятъ всѣ партіи лицомъ къ лицу; онѣ уже раздробились на множество оттѣнковъ, число которыхъ еще болѣе увеличится. Дай Богъ, чтобы избраніе главы исполнительной власти совершилось счастливо, мирно и ко благу страны! Сколько

бы ни сдѣлалъ добра одинъ президентъ, его преемнику всегда еще останется много дѣла.

Что касается до праздника 4-го іюля, установленнаго въ память независимости, то онъ совершается различно въ городахъ и деревняхъ. Горожане, кто только можетъ, спѣшатъ выѣхать изъ города, чтобъ убѣжать отъ шума, а между тѣмъ туда стекаются изъ окрестностей цѣлыя толпы, жаждущія насладиться давкой и фейерверками, которыми городскія власти щедро угощаютъ деревенскихъ любителей. Въ деревняхъ отдыхъ составляетъ главное украшеніе праздника. Составляются группы семействами и селеніями, и гдѣ-нибудь въ лѣсу назначаютъ мѣсто собранія; всѣ отправляются туда въ стройномъ порядкѣ, съ барабаномъ и флейтой; тамъ составляетъ кругъ около трибуны, на которую выступаетъ одинъ изъ присутствующихъ и прочитываетъ конституцію; за тѣмъ слѣдуетъ безчисленное множество ораторовъ, такъ какъ Американцы одарены необыкновенною способностью произносить рѣчи и слушать ихъ безъ усталы. Праздникъ оканчивается пикникомъ, гдѣ чай и лимонадъ единственные напитки. Вина и пива ни капли, если только не примѣшается какал-нибудь чужеземная національность. Соберутся Французы, и на сцену непременно появится виноградный сокъ; соберутся Нѣмцы, и первую роль займетъ хмѣльный напитокъ Гамбринуса. Американецъ вообще не охотникъ до пѣнія, а если въ этотъ день и поетъ, то ужъ конечно одни духовные гимны; совершенно иначе поступаютъ иностранцы, составляющіе съ нимъ рѣзкій контрастъ. Но есть шумъ, который всѣмъ нравится, — это пальба изъ огнестрѣльнаго оружія всевозможныхъ видовъ и трескъ шутихъ. Послѣднія привозятся изъ Китая, который доставляетъ ихъ въ Соединенные Штаты ежегодно до 200,000 ящичковъ! Но нынѣшній годъ обитатели Небесной Имперіи обманули насъ самымъ недостойнымъ образомъ: оказалось, что въ числѣ этихъ шутихъ многія, вмѣсто пороху, начинены были пескомъ. Посудите, какъ сильно было общее негодованіе, и сколько обманутыхъ надеждъ! У насъ есть здѣсь нѣсколько Китайцевъ, которые очень добродушно признались, что ихъ отечество воспользовалось первымъ благоприятнымъ случаемъ, чтобъ отмстить варварамъ за то, что они отравляютъ ихъ опиумомъ и уменьшаютъ ихъ срединное царство, отрѣзывая отъ него части на сѣверѣ и на югѣ. Впрочемъ, если Китайцы наполняютъ землю свои ракеты, за то и Янки южныхъ штатовъ, какъ носятя слухи, кладутъ иногда камни въ кипы хлопчатой бумаги, отправляемая въ Европу.

Невольничество, эта туника Несса, облекающая страну, которая называетъ себя самою свободною въ мірѣ, — невольничество, это установленіе, утвержденное конституціею Союза, все еще составляетъ великій современный вопросъ и будетъ состав-

дать его до тѣхъ поръ, пока останется хотя одинъ чернѣйшій невольникъ на почвѣ Штатовъ. Одна партія осыпаетъ невольничество жестокими и непрерывными ударами, другая съ яростію отстаиваетъ его. Посредничающая партія признаетъ за владѣльцами невольниковъ законныя права, но тѣмъ же менѣе настаиваетъ, чтобъ они постепенно отступались отъ этихъ правъ. Владѣльцы невольниковъ, имѣя на своей сторонѣ конституцію, держатся ея и чувствуютъ свою силу, тѣмъ болѣе, что дѣло идетъ о самомъ ихъ существованіи. Жители сѣверныхъ штатовъ взываютъ къ закону, стоящему выше конституціоннаго, къ закону Евангелія, поступая въ то же время не совсѣмъ по-евангельски съ своими южными братьями. Разрѣшится ли этотъ великій вопросъ мирнымъ путемъ? По всѣмъ вѣроятностямъ, нѣтъ. Умѣренная партія, желая этого разрѣшенія, въ то же время старается отделить его, изъ опасенія, чтобъ оно не совершилось насильственными средствами и не произвело огромныхъ перемѣнъ въ политической организациіи государства и въ положеніи его относительно иностранныхъ державъ. Нападенія аболіціонистовъ, какъ называютъ здѣсь радикальныхъ противниковъ невольничества, приводятъ въ ярость жителей Юга, и эта ярость нерѣдко обрушивается на самыхъ невольниковъ, положеніе которыхъ нѣсколько не улучшается отъ филантропіи Сѣвера. Съ другой стороны многіе негровладельцы стали отпускать на волю своихъ невольниковъ, и число свободныхъ негровъ, хотя и не въ большихъ размѣрахъ, все увеличивается на Югѣ, что начинаетъ нѣсколько тревожить плантаторовъ. По этому случаю недавно происходило въ Балтиморѣ совѣщаніе для разрѣшенія вопроса о свободныхъ неграхъ; дѣло идетъ о запрещеніи эманципаціи и о введеніи системы постепеннаго удаленія или перевода негровъ, уже отпущенныхъ на волю. Эти мѣры пользуются общимъ сочувствіемъ, потому что присутствіе свободныхъ негровъ почитается между плантаторами общественною язвой. Случается иногда, что духовенство принимаетъ участіе въ вопросахъ объ отношеніяхъ владѣльцевъ и невольниковъ, но оно очень робко приступаетъ къ такому щекотливому дѣлу. Недавно оно увѣщевало не препятствовать браку по склонности, если невольники пожелаютъ заключить его, и не разлучать, посредствомъ продажи или инымъ какимъ-либо образомъ, вступившихъ въ брачный союзъ. Но какое дѣйствіе могутъ имѣть подобныя увѣщанія? Если они обращены къ владѣльцамъ, понимающимъ христіанство въ настоящемъ его значеніи, то они бесполезны; не менѣе бесполезны они и въ противномъ случаѣ; конечно, большинство плантаторовъ нѣсколько не расположено признавать негровъ членами великой человѣческой семьи. Что же касается до привоза негровъ изъ ихъ родины въ Америку

то онъ доставляетъ такія огромныя выгоды, что едвали прекратится въ скоромъ времени. Несомнѣно слухи, что цѣлую партію ихъ привезли въ южныя штаты Американскаго Союза; дѣло это подало поводъ къ продолжительнымъ и разнообразнымъ толкамъ: одни убѣждены были въ истинѣ факта, другіе отрицали его; конечно, дѣло это невѣроятное, но равнѣ мало невѣроятнаго совершается? Достоверно то, что на островѣ Кубѣ торговля эта производится въ обширныхъ размѣрахъ. Въ послѣднее время два неготорговца были захвачены американскими крейсерами и преданы суду; 300 негровъ, открытые на ихъ судахъ, отвезены были на счетъ государства въ республику Либерію, на берегъ Африки. Эту пересылку негровъ на почву юнаго цивилизованнаго государства можно считать великимъ благодѣаніемъ. Съ вопросомъ о невольничествѣ всегда соединяется вопросъ о Кубѣ. Присоединители обращаются въ негрофиловъ! Сильныя порицанія сыплются на испанское правительство, за то, что оно не думаетъ о прекращеніи торговли невольниками, противъ которой объявилъ себя въ 1850 г. императоръ бразильскій; и на этотъ счетъ можно сказать многое. Говорятъ: «Посмотрите, сколько мы дѣлаемъ издержекъ, какіе флоты мы снаряжаемъ для прекращенія этой постыдной торговли, и со всѣмъ тѣмъ не можемъ добиться успѣха. Купимъ Кубу, возьмемъ Кубу, если нужно; только одно обладаніе Кубою избавитъ насъ отъ этихъ хлопотъ.» Но спросите у этихъ людей, по видимому столь благонамѣренныхъ, что они думаютъ сдѣлать съ невольниками Кубы, когда этотъ островъ будетъ въ ихъ рукахъ? Освободить ихъ? Нисколько, но сохранить ихъ и размножить. Тогда бы возникъ новый невольничій штатъ и отличный разсаднякъ, произведенія котораго усилили бы цифру невольниковъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Вотъ существенный смыслъ вопроса о Кубѣ, который можетъ найти себѣ поддержку только въ демократическомъ правительствѣ, подобномъ нынѣшнему. Демократъ—партизанъ невольничества! Въ Старомъ Свѣтѣ этому бы не повѣрили, но мы живемъ въ Новомъ Свѣтѣ, оттого у насъ и понятія новыя.

Европейская война, требующая такъ много людей, возобновила здѣсь вопросъ, о которомъ часто трактовали, но который никогда не былъ рѣшенъ въ пользу иностранцевъ, переселяющихся въ Америку. Въ послѣднее время нѣсколько молодыхъ людей, переселившихся изъ разныхъ германскихъ государствъ изъ Франціи и другихъ земель, принуждены были, при возвращеніи на родину, поступить въ военную службу. Напрасно старались они поставить на видъ, что они отреклись отъ всѣхъ правъ подданства или гражданства на своей родинѣ, и что они сдѣлались гражданами Соединенныхъ Штатовъ; правительства

ихъ не признавали за ними права принять иностранное гражданство, если они не выполнили у себя дома всѣхъ военныхъ повинностей. Иностранцы, получившіе права американскаго гражданства, сочли дѣло, касавшееся до собратій ихъ, задержанныхъ въ Европѣ, своими собственнымъ дѣломъ, и обратились въ Вашингтонъ, требуя у статсъ-секретаря объясненія, какое значеніе имѣеть американская натурализація. Послѣдовалъ отвѣтъ въ такомъ смыслѣ, что новые граждане Союза должны были принять ее за какую-то мистификацію. Журналы наполнены жалобами на этотъ счетъ, и всѣ спрашиваютъ другъ у друга, въ чемъ же состоитъ сущность американской натурализаціи, если не въ превращеніи для принимающаго ее всѣхъ отношеній подданства къ странѣ, которой онъ прежде принадлежалъ? Но вопросъ, какъ онъ ни простъ на первый взглядъ, вовсе не таковъ, какъ оказывается по слѣдствіямъ. Въ отвѣтъ на письмо одного Пруссака, принятаго въ число американскихъ гражданъ и по возвращеніи въ Пруссію задержаннаго тамъ для исправленія военной службы, вашингтонскій министръ писалъ, что «право Пруссіи неоспоримо, и что натурализація нисколько не измѣняетъ отношеній, существовавшихъ между прежнимъ правительствомъ и гражданами до отреченія послѣднихъ отъ ихъ національности». Въ отвѣтъ Французу, обратившемуся къ нему съ тѣмъ же вопросомъ, министръ сказалъ: «Ваша натурализація въ нашей странѣ не можетъ избавить васъ отъ военныхъ повинностей, если вы возвратились въ ваше первобытное отечество.» Вотъ настоящій взглядъ американскаго правительства на этотъ вопросъ: онъ прямо противорѣчитъ принципу постоянного подданства, поддерживаетъ право удаленія изъ отечества и составленія внѣ его новыхъ политическихъ связей. Слѣдуя этой доктринѣ, оно говоритъ такъ: если *во время* переселенія своего переселенецъ обязанъ былъ вступить въ военную службу, и если онъ въ послѣдствіи возвратится въ страну, которая требовала у него этой службы, и будетъ тамъ задержанъ и преданъ наказанію, то американское правительство нисколько не обязано за него заступаться. Вопросъ теперь заключается въ томъ, примутъ ли эту доктрину европейскія правительства. До сихъ поръ это еще неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ долго еще будутъ разсматривать это дѣло со всѣхъ сторонъ, тѣмъ болѣе, что оно имѣетъ огромное значеніе для миллионовъ европейскихъ переселенцевъ, получившихъ права американскаго гражданства. Письмо посланника Соединенныхъ Штатовъ въ Берлинъ, отъ 14-го прошедшаго мая, адресованное къ русскимъ подданнымъ, вступившимъ въ число американскихъ гражданъ, извѣщаетъ ихъ, что «они поступаютъ очень неблаго-разумно, если вздумаютъ оставить Штаты, чтобы провести нѣ-

сколько времени въ Россіи, и приводить нѣсколько случаевъ, оправдывающихъ такое предостереженіе.

Вопросъ о натурализаціи, уже много разъ занимавшій умы, поднять былъ въ послѣднее время, по случаю европейской войны. Вотъ другой вопросъ, возникшій по тому же поводу.

Въ случаѣ, если Германскій Союзъ будетъ вовлеченъ въ войну, могутъ ли германскіе арматоры предохранить свои суда отъ задержанія, дѣйствительно или номинальною продажей ихъ американскимъ гражданамъ и поднятіемъ на нихъ американскаго флага? Повидимому, намѣренія правительства на этотъ счетъ таковы, что если американскій гражданинъ дѣйствительно купитъ судно, принадлежащее подданному какой-нибудь воюющей или нейтральной державы, съ которою Соединенные Штаты находятся въ мирѣ, то судно становится американскою собственностью и можетъ требовать защиты у американскаго правительства. Во всякомъ случаѣ, Американецъ можетъ получить патентъ на свое судно не иначе, какъ вслѣдствіе постановленія конгресса. Относительно правъ подданныхъ нейтральныхъ державъ, правительство Соединенныхъ Штатовъ издало декларацію, которая вообще согласуется съ правилами, утвержденными на парижскомъ конгрессѣ, за исключеніемъ постановленія о каперствѣ. Въ ней объявляется, что флагъ покрываетъ грузъ, и что военною контрабандой признаются только оружіе огнестрѣльное и холодное и боевые снаряды, каковы порохъ, свинецъ, селитра и проч. Соединенные Штаты принимаютъ за правило, что каменный уголь не составляетъ военной контрабанды (1).

Атлантическій океанъ какъ будто покрытъ мостомъ изъ судовъ. Въ теченіе іюня мѣсяца изъ Европы прибыло 22 парохода въ три порта: Нью-Йоркъ, Бостонъ и Квебекъ, и почти столько же отправились изъ нихъ въ Европу. Прошло не болѣе 21 года, съ тѣхъ поръ какъ маленькій коркскій пароходъ *Cyrus* прибылъ въ нашъ портъ, — это была первая попытка переѣзда чрезъ Атлантическій океанъ на паровомъ суднѣ. Переѣздъ совершенъ былъ въ 18 дней. Можно представить себѣ впечатлѣніе, произведенное во всемъ государствѣ прибытіемъ этого смѣлаго судна, и вотъ, въ наше время, къ намъ появляются изъ Европы въ три порта по 22 парохода ежемѣсячно. *Tempora mutantur!* Въ добавокъ еще переѣздъ совершается теперь въ 9 дней и нѣсколько часовъ!

Соединенные Штаты, снабженные такимъ множествомъ естественныхъ путей сообщенія и создающіе столько искусствен-

(1) Во время послѣдней италіанской войны Франція приняла то же положеніе; Англія, относительно по этому вопросу, не высказалась еще съ полною опредѣленностію. *Ред.*

михъ, пользуются ими въ полной мѣрѣ. Потрудитесь взять карту и отыскать на ней Детруа, на западной оконечности озера Эри. Оттуда-то выходитъ ежегодно, въ теченіе трехъ лѣтъ, суда достаточной величины, чтобъ изъ глубины нашего запада переправиться въ Лондонъ, Ливерпуль, Глазго и Дублинъ. Не правда ли, что такая предприимчивость дѣлаетъ честь нашимъ арматорамъ? А еще торговля эта въ младенчествѣ; она достигнетъ нѣкогда размѣровъ, которые изумятъ весь міръ. Мы съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе чувствуемъ потребность въ устройствѣ канала, по которому бы могли ходить суда въ 1500—1800 тоннъ, и питаемъ надежду, что англійское правительство не откажетъ намъ въ своемъ содѣйствіи къ выполнению этого плана, въ которомъ оно сильно заинтересовано относительно своей торговли вообще, и своихъ владѣній на сѣверѣ отъ Соединенныхъ Штатовъ въ особенности; вѣроятно оно предоставитъ въ наше распоряженіе свои земли и воды. Почему бы торговлѣ не производиться прямо между производителемъ и потребителемъ, не проходя черезъ руки торговцевъ-посредниковъ, что всегда затруднительно, медленно и нечестиво? Въ 1856 году изъ Детруа отправилось въ Европу только одно судно — шкуна; въ 1857 два судна; въ 1858 тринадцать: одинъ бригъ, четыре барки, восемь шкутъ; а въ 1859 году отправлено 21 судно (по нынѣшнее число), всѣ нагруженные строевымъ лѣсомъ; и въ этомъ числѣ не показаны еще суда, отправляемыя изъ Детруа въ американскіе порты Атлантическаго океана. Между тѣмъ какъ мы расширяемъ нашу навигацію, Англія старается стѣснить ее; теперь тамъ многихъ занимаетъ мысль объ исключеніи изъ каботажной торговли всѣхъ судовъ подъ флагомъ иностранныхъ державъ, не допускающихъ принципа свободной торговли. Повидимому это движеніе направлено противъ Соединенныхъ Штатовъ, не дозволяющихъ Англичанамъ и другимъ иностранцамъ производить каботажную торговлю у своихъ береговъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, американская яхта отправилась въ Англію и возбудила тамъ общее удивленіе; визитъ заплатила намъ яхта *Св. Урсула*, принадлежавшая къ эскадрѣ Королевскаго клуба и совершившая въ 30 дней переѣздъ изъ Клейда въ Нью-Йоркъ въ самое бурное время. На ней находилось много дамъ. Само собой разумѣется, что и судно и экипажъ приняты были здѣсь какъ нельзя лучше. Англійская яхта присутствовала здѣсь въ качествѣ свидѣтеля при гонкѣ американскихъ судовъ.

Ваши читатели, офицеры фрегата *Генералъ-Адмиралъ*, съ удовольствіемъ узнаютъ, что три прекрасные парохода Коллинса, стоявшіе до сихъ поръ праздно, проданы наконецъ компаніи пароваго судоходства по Тихому океану и компаніи панамской же-

лѣзной дороги, которыя пріобрѣли ихъ общими средствами. Эти пароходы стояли на рѣкѣ подлѣ самаго *Генераль-Адмирала*.

Въ ноябрѣ прошедшаго года капитанъ русскаго императорскаго флота Давыдовъ прібылъ съ береговъ Амура въ Санъ-Франсиско (въ Калифорніи), съ порученіемъ выстроить въ Соединенныхъ Штатахъ канонерскую шлюпку для береговой службы въ восточной Азіи. Тотчасъ по пріѣздѣ своемъ, капитанъ занялся изслѣдованіемъ, какого рода дѣсь удобнѣе всего для этой постройки. Дубъ и одинъ изъ видовъ лавроваго дерева, которые употребляютъ обыкновенно наши судостроители, очень хороши для постройки небольшихъ судовъ, особенно такихъ, которыя назначаются для внутренняго плаванія; но еще не рѣшено, годятся ли эти деревья на канонерскія шлюпки такихъ размѣровъ, какія употреблялись во времена крымской войны. Говорятъ, что эту русскую шлюпку предполагалось изготовить и спустить на воду къ концу августа; если это такъ, то никогда еще судно такой силы не было выстроено въ такое короткое время, тѣмъ болѣе, что въ декабрѣ мѣсяцѣ деревья еще не были вырублены. Капитанъ Давыдовъ отзывался съ большими похвалами о гавани Санъ-Франсиско; ему очень понравились тамошнія купеческія суда, и на верфяхъ онъ нашелъ заведенія, совершенно приспособленныя къ потребностямъ торговли. Въ то самое время, когда въ Нью-Йоркѣ спускали въ Атлантическій океанъ величайшее деревянное судно въ свѣтѣ, *Генераль-Адмиралъ*, Калифорнія удостоилась чести спустить въ Тихій океанъ свое первое военное судно, построенное также для Россіи. Островъ Меръ-Эйлендъ, при входѣ въ заливъ Санъ-Франсиско, повидимому долженъ сдѣлаться современемъ очень значительною верфью. Въ Калифорніи надѣются, что американское правительство будетъ строить тамъ суда, необходимыя для охраненія береговъ своихъ на Тихомъ океанѣ, береговъ, которые совершенно открыты первому нападающему и защищены только самымъ рѣдкимъ населеніемъ; подумаютъ о защитѣ ихъ тѣмъ болѣе необходимо, что въ настоящую минуту не было бы никакого средства переправить войска изъ бассейна Миссиссипи на берега Тихаго океана.

Законодательныя власти занимались вопросомъ о раздѣленіи Калифорніи, слишкомъ обширной для одного штата, на два отдѣльные штата; рѣчь шла даже и о введеніи невольничества въ южной части ея; предложеніе это отвергнуто было только большинствомъ 37 голосовъ противъ 31, такъ что можно опасаться, что эта язва когда-нибудь проникнетъ туда. Способъ воздѣлыванія, принятый вездѣ въ южныхъ штатахъ, гдѣ существуетъ невольничество, истощилъ уже болѣе или менѣе земли на востокъ и на западъ отъ Миссиссипи. Владѣльцы ихъ ищутъ теперь

новую печу, которую можно было бы истощать; они переходят съ мѣста на мѣсто, оставляя послѣ себя запустѣніе и влача за собою стада своихъ рабовъ.

Я упоминалъ сейчасъ о *Генералъ-Адмиралъ*. Еще одно слово о немъ. Нѣсколько недель тому назадъ мы видѣли отплытіе его подъ національнымъ флагомъ въ Кронштадтъ черезъ Шербургъ; мы привѣтствовали этотъ великолѣпный фрегатъ, которымъ справедливо гордятся Американцы, въ надеждѣ, что онъ не послѣдній спустится съ ихъ вершей. Капитанъ Шестаковъ и всѣ сопровождавшіе его офицеры оставили самыя пріятныя воспоминанія во всѣхъ, кто имѣлъ съ ними сношенія; здѣсь не скоро забудутъ любезность и вѣжливость, съ которыми они принимали посѣтителей на *Генералъ-Адмиралъ*.

Европейскія правительства слѣдятъ съ участіемъ за развитіемъ сухопутнаго сообщенія между Санъ-Луи на Миссиссипи и Санъ-Франциско. Почтовое управленіе въ Англіи уже приняло мѣры для отправленія съ каждымъ пароходомъ, принадлежащимъ къ линіи сообщеній между Европою и Нью-Йоркомъ, сумки съ письмами, запечатанной въ Лондонѣ и адресованной прямо въ Санъ-Луи, для пересылки оттуда въ Калифорнію. Должно надѣяться, что со временемъ это сообщеніе получитъ большіе размѣры, и сухопутная почта приметъ на себя пересылку журналовъ, что составляетъ теперь монополію пароходовъ. Принимая въ соображеніе, что эта почтовая линія, самая длинная изъ всѣхъ существующихъ въ мірѣ, пересѣкаетъ между Миссури и Калифорніею обширную страну, совершенно дикую и населенную племенами, большею частію враждебными, нельзя не подивиться, что со времени открытія ея въ сентябрѣ прошедшаго года почта приходила правильно и аккуратно на обѣ оконечности своего продолжительнаго пути, за исключеніемъ двухъ кратковременныхъ задержекъ, причиненныхъ дурнымъ состояніемъ дорогъ недалеко отъ границъ Миссури. Число станцій отъ графства Типтонъ (въ штатѣ Миссури) до Санъ-Франциско простирается, какъ слышно, до 164, а цифра муловъ и лошадей, употребляемыхъ каждою почтой туда и обратно, достигаетъ до 716. Съ обѣихъ оконечностей линіи отправляются еженедѣльно по два поѣзда, и они встрѣчаются въ пустыняхъ Скалистыхъ горъ.

Переселеніе сюда изъ Европы происходитъ снова въ значительныхъ размѣрахъ; въ этомъ мѣсяцѣ эмигрантовъ въ Нью-Йоркѣ будетъ 12-ю тысячами болѣе; одинъ ливерпульскій портъ высылаетъ ихъ 10 тысячъ. Одна изъ причинъ такого прилива переселенцевъ должна заключаться въ томъ, что политическая партія, враждебная иностранцамъ (*know-nothings*), потеряла здѣсь всю власть, и опасаться ея нечего. Война въ Европѣ сдѣлается также

великимъ двигателемъ эмиграціи. Переселаться будутъ не только изъ странъ, опустошенныхъ войною, но и изъ тѣхъ, которымъ она угрожаетъ; молодые люди постараются избѣжать конскрипціи, а дурное состояніе торговыхъ дѣлъ заставитъ многихъ отправиться въ Америку отыскивать работы и почвы, которую можно будетъ воздѣлывать мирно. Конечно, такой ходъ дѣлъ чрезвычайно выгоденъ для этой страны: мы очень радуемся появленію рабочихъ рукъ, капиталовъ и новыхъ отраслей промышленности. Въ нынѣшнемъ году Ирландія не вышлетъ намъ своего обычнаго контингента; въ продолженіе 4 лѣтъ, съ 1846 до 1849 г., эта несчастная страна отъ голода и эмиграціи лишилась $1\frac{1}{2}$ милліона жителей. Съ тѣхъ поръ переселеніе приостановилось. Рукъ оказалось недостаточно для земледѣлія; заработная плата возвысилась, и Ирландцамъ не зачѣмъ уже было оставлять родину. Но благоденствіе въ странѣ, одаренной здоровымъ климатомъ, поощряетъ развитіе населенія: пройдетъ нѣсколько времени, и эмиграція съ зеленаго острова снова пойдетъ своимъ чередомъ. Иностранцевъ принимаютъ здѣсь безъ всякихъ затрудненій, не требуя у нихъ по пріѣздѣ никакихъ паспортовъ и документовъ, но иногда случайно задерживаютъ преступниковъ, которыхъ европейскія государства отпускаютъ охотно въ Америку, чтобы только избавиться отъ нихъ. Недавно два такіе переселенца вышли на берегъ съ одного изъ большихъ пароходовъ нашей обыкновенной линіи. Провѣдавъ въ чемъ дѣло, меръ потребовалъ къ себѣ капитана и присудилъ его къ отправкѣ, на его собственный счетъ, этихъ опасныхъ гостей обратно въ Англію, откуда они прибыли.

Я сообщалъ уже вамъ о нашихъ дѣлахъ по карантину. Вы помните конечно, что народъ разрушилъ его, на томъ основаніи, что ему не нравилось его близкое сосѣдство; городскія власти рѣшились повидимому строго преслѣдовать мятежниковъ, чтобы сила осталась на сторонѣ закона, но сила осталась на сторонѣ самой малой фракціи народнаго владычества. Требованію народа уступили; но гдѣ же помѣстить карантинъ? Никто не желалъ имѣть его въ своемъ сосѣдствѣ. *Власть* поняла, что не *съ ея властью* болѣе настаивать. Рѣшено было устроить пловучій госпиталь; онъ плаваетъ теперь по водамъ большаго вѣшняго залива въ семи миляхъ отъ Нью-Йорка, на глубинѣ $4\frac{1}{2}$ брассовъ. Говорятъ, что такое помѣщеніе удобно для потребностей торговли и для охраненія народнаго здоровья.

Говоря вообще, жатвы обѣщаютъ много хорошаго, хотя нынѣшній годъ нельзя назвать самымъ урожайнымъ. Поэтому, вывозъ не будетъ такъ значителенъ, какъ бы желательно было въ настоящее время, когда Америка такъ нуждается въ торговлѣ съ Европою;

нѣ тому же по ту сторону Атлантическаго океана вездѣ, какъ кажется, ожидаютъ отличнаго урожая. Сѣно вездѣ въ Соединенныхъ Штатахъ будетъ въ изобиліи. Сѣно! Это слово можетъ-быть заставитьъ улыбнуться кого-нибудь изъ вашихъ читателей. Но оно составляетъ самый важный продуктъ американскаго земледѣлія. Оно для Америки дороже хлопчатой бумаги, пшеницы и кукурузы. Отсюда понятна важность его урожая. Этимъ же объясняется множество косильныхъ машинъ, употребляемыхъ фермерами для уборки сѣна. Нѣтъ на свѣтѣ народа, который бы употреблялъ столько машинъ, какъ Американцы, — не потому чтобъ они не умѣли работать, напротивъ самыя ихъ машины и изобрѣтенія служатъ доказательствомъ ихъ дѣятельности и трудолюбія. Безъ сомнѣнія, американскій работникъ искустилъ всякаго другаго, никто не умѣетъ работать съ такимъ удобствомъ и такою опрятностію, и ни у кого нѣтъ такихъ отличныхъ орудій, какъ у него; но всегда, гдѣ только возможно, онъ предоставляетъ исправленіе работъ машинамъ и лошадямъ; американскій фермеръ умѣетъ лучше всякаго другаго пользоваться удобствами жизни. Что касается до уборки сѣна, то у насъ есть машины, которыя срѣзываютъ и свѣжую и сухую траву, перестилаютъ сѣно, сгребаютъ, складываютъ въ копны или на воза и потомъ сваливаютъ въ сарай. Машины существуютъ не болѣе десяти лѣтъ, и сколько сдѣлано въ нихъ усовершенствованій! Главная невыгода этихъ машинъ состояла въ томъ, что, по высокой цѣнѣ своей, онѣ доступны были только для большихъ фермъ; теперь ихъ можно встрѣтить на фермахъ въ нѣсколько акровъ, и вѣроятно по прошествіи немногихъ лѣтъ онѣ войдутъ въ общее употребленіе. Сначала нужно было приводить ихъ въ дѣйствіе парюю лошадей, теперь множество ихъ дѣйствуетъ одною лошадыю, и пока дѣло дѣлается, человекъ сидитъ на возу, укрываясь подъ навѣсомъ отъ дождя и солнца. Въ штатѣ Массачуссетсѣ есть обширная фабрика одноконныхъ косильныхъ машинъ, которая не успѣваетъ удовлетворять всѣмъ требованіямъ и заказамъ.

Число нашихъ земледѣльческихъ школъ увеличивается ежегодно, то въ одномъ штатѣ, то въ другомъ. Эти школы, такъ какъ и всякія другія, каждый можетъ заводить по своему желанію; онѣ открываются безъ разрѣшенія правительства, которому нѣтъ никакой подобности узнавать, что въ школахъ преподають и какъ ею управлять. Если до его свѣдѣнія доходитъ, что основывается какое-нибудь общественное заведеніе, и что для этого не достаетъ денегъ, то оно тотчасъ же предлагаетъ свое пособіе. Если графство или городъ основываютъ училище и употребляютъ напримѣръ 20 тысячъ долл., то штатъ удваиваетъ сумму, назначая еще 20 тысячъ. Судя по тому, какъ вы дѣствуете, буду

дѣйствовать и я, — таково правило, которымъ всегда руководствуется правительство при устройствѣ учебныхъ заведеній. Такъ, въ последнее время, жители Овида въ штатѣ Нью-Йоркѣ основали земледѣльческую школу и назначали на учрежденіе ея 40 тысячъ долл., и штатъ тотчасъ доставилъ отъ себя такую же сумму. По моему мнѣнію, такая общность дѣйствій государства и частныхъ лицъ имѣетъ самыя благодѣтельныя слѣдствія. Само собою разумѣется, что, независимо отъ этихъ общественныхъ училищъ, существуетъ большое число частныхъ школъ, содержащихъ себя собственными средствами. На западѣ открыли недавно частное училище особаго рода. Оно назначено для молодыхъ людей, посвящающихъ себя литературѣ; въ часы досуга учителя и воспитанники занимаются ручными работами разнаго рода. При заведеніи находится типографія, ферма, разсадникъ, теплица и проч. Каждый юноша избираетъ занятіе по своему вкусу, и у каждаго есть особая книжка, въ которой записывается его работа. Такимъ образомъ воспитанникъ съ пользою употребляетъ часы досуга на здоровое тѣлесное упражненіе, частію уплачиваетъ тѣмъ за свое литературное образованіе и научается какому-нибудь ремеслу. Это нѣчто похожее на бывшій институтъ въ Гофвилѣ, близъ Берна въ Швейцаріи, состоявшій подъ управленіемъ покойнаго г. Фелленберга.

Я говорилъ сейчасъ о лошадяхъ и силѣ ихъ, прилагаемой къ земледѣльческимъ машинамъ всякаго рода; теперь сообщу вамъ нѣчто о верблюдахъ, заведенныхъ для опыта правительствомъ Техаса въ 1855 году. Число этихъ полезныхъ рабочихъ животныхъ значительно увеличилось въ южныхъ плантаціяхъ и преимущественно на обширныхъ пространствахъ между Миссисипи и Новою Мексикой. Верблюды вывозятся преимущественно съ Канарскихъ острововъ и обходятся владѣльцамъ ихъ отъ 150 до 450 долл. (отъ 180 до 540 руб. сер.). Какъ ни высока такая цѣна, многіе плантаторы нашли, что эти животныя выгоднѣе для нихъ, нежели быки и лошади. Въ самомъ дѣлѣ, верблюдъ въ состояніи переносить грузъ почти цѣлаго воза, а запряженный въ плугъ, онъ безъ малѣйшаго усилія исправляетъ на хлопчатобумажныхъ поляхъ работу двухъ лошадей. Сверхъ того содержаніе его не такъ хлопотливо, какъ содержаніе нашихъ домашнихъ животныхъ. Неприхотливость верблюда обратилась въ половицу; на Канарскихъ островахъ его кормятъ ячменною соломой, а въ новомъ отечествѣ своемъ онъ конечно привыкнетъ къ сѣменамъ хлопчатобумажника. Въ одной изъ плантацій въ Георгіи, десятокъ этихъ животныхъ кормился на полѣ, покрытомъ дурною травой и репейникомъ, гдѣ бы одинъ мулъ съ трудомъ могъ добыть себѣ корму. Изъ Техаса верблюды переселяются

мало-по-малу и въ другіе южные штаты, гдѣ они чрезвычайно полезны для перевозки хлопчатобумажныхъ книгъ; они переносятъ по двѣ книги на разстояніи 20—25 миль и по такимъ дурнымъ дорогамъ, по которымъ запряженный мулъ не въ состояніи бы былъ перевезти столько клади. Животныя эти очень смиренны, только надо умѣть съ ними обращаться, что не такъ легко, какъ кажется съ перваго взгляда. Неумѣнье управлять ими было причиною разныхъ вольностей, на которыя пускались верблюды въ поляхъ, прилегавшихъ къ ихъ дорогѣ, и отъ того городской совѣтъ Гальвестона, столицы Техаса, наложилъ отъ 50 до 100 долл. пени на каждаго, кто выпуститъ верблюда на улицу.

Сѣверная Америка есть страна церквей. Когда въ самой маленькой деревушкѣ вы найдете по крайней мѣрѣ двѣ церкви, то сколько ихъ должно быть въ такомъ городѣ, какъ Нью-Йоркъ, гдѣ жителей около милліона, если причислить къ нему Бруклайнъ, Уильямсбургъ, Джерси-Сити и Гобокеръ, города, отъ которыхъ Нью-Йоркъ отдѣляется только рѣкою, для переправы черезъ которую потребно восемь минутъ времени? Строятся американскія церкви слишкомъ поспѣшно, и вообще не съ большимъ вкусомъ; у Американцевъ нѣтъ архитектурнаго стиля; если они придумываютъ что-нибудь новое, то изобрѣтеніе ихъ бѣдно, чтобы не сказать больше, а когда они подражаютъ, то подражаютъ очень неудачно. Вообще искусство не составляетъ *forte* Американцевъ. Музыка здѣсь дѣлаетъ нѣкоторые успѣхи, благодаря вліянію иностранцевъ; у насъ есть нѣсколько церквей, гдѣ мы слышимъ настоящіе таланты, и гдѣ оперные артисты соперничаютъ другъ съ другомъ въ искусствѣ и ревности къ богослуженію, но весьма сомнительно, чтобы религія много отъ того выигрывала. По поводу церкви, я разкажу вамъ два коротенькіе анекдота. Г. Бичеръ, братъ краснорѣчиваго проповѣдника того же имени въ Бруклайнѣ и самъ проповѣдникъ очень даровитый, избранъ недавно капитаномъ милиціи въ городѣ Эльмирѣ, гдѣ у него приходъ. Только въ Америкѣ возможны подобныя явленія; можно сказать, что тамъ неизвѣстно церковное постановленіе: *Ecclesia abhorret sanguinem*.

А вотъ другая черта американской жизни. Служители при сельскихъ церквахъ исполняютъ часто должность публичныхъ глашатаевъ и прочитываютъ объявленія свои при выходѣ прихожанъ изъ церкви; случилось какъ-то, что одно изъ этихъ объявленій попало нечаянно на кафедру проповѣдника вмѣстѣ съ другими, относившимися къ церковнымъ дѣламъ. Совершавшій богослуженіе былъ иностранецъ и потому не считъ себя въ правѣ оставить безъ прочтенія слѣдующее извѣщеніе, попавшее, по ошибкѣ церковнаго служителя, въ его руки: «Всѣ

владыцы собакъ симъ приглашаются внести собакъ своихъ въ общее росписаніе до перваго числа будущаго мѣсяца; въ противномъ случаѣ будутъ убиты на основаніи закона. Можно себѣ представить, какое дѣйствіе произвело на слушателей подобное предостереженіе, тѣмъ болѣе, что, будучи плохо изложено, оно грозило смертью не собакъ, а ея хозяину. Случилось это въ одной изъ церквей Ланкастера въ штатѣ Пенсильваніи.

Изученіе астрономіи сдѣлало большіе успѣхи въ Америкѣ; здѣсь есть астрономы, труды и имена которыхъ пользуются большою извѣстностію въ Европѣ и вполне заслуживаютъ этой чести. Число нашихъ обсерваторій простирается до 25; замѣчательно, что въ Нью-Йоркѣ, въ этомъ великомъ городѣ, самомъ главномъ и обширномъ портѣ Соединенныхъ Штатовъ и вѣроятно будущей метрополіи всемірной торговли, до сихъ поръ нѣтъ обсерваторіи. За то теперь предлагаютъ устроить три обсерваторіи въ разныхъ мѣстахъ: одну въ центральномъ паркѣ, другую въ самой срединѣ города, третью на городскомъ валу. Предлагающіе это имѣютъ, какъ кажется, капиталы достаточныя для того, чтобы привести предложенія свои въ исполненіе; но спрашивается: не лучше ли было бы соединить эти капиталы и воздвигнуть одну обсерваторію? Любители науки пытаются соединить вмѣстѣ капиталы и познанія, для устройства этого заведенія, въ которомъ чувствуется у насъ сильная потребность; къ ученымъ съ тою же цѣлю присоединяются купцы и мореплаватели.

Въ Бостонѣ дѣятельно занимаются планомъ устройства заведенія, похожаго на Консерваторію искусствъ и ремеслъ въ Парижѣ, въ составъ котораго должны входить музеи геологіи, металлургіи, земледѣлія и механическихъ искусствъ, при которыхъ будутъ основаны кафедры, необходимыя для преподаванія всѣхъ главныхъ и прикладныхъ наукъ. Если гдѣ-нибудь на свѣтѣ высказывается хорошая идея, и особенно если она высказывается въ Соединенныхъ Штатахъ, тотчасъ появляются здѣсь и люди, готовые служить ей, а отъ этого недалеко и до исполненія; потомъ возникаетъ соперничество между городами, и особенно болѣе значительными. Идея, высказанная въ Бостонѣ, не пропала даромъ для Нью-Йорка, гдѣ принялись за устройство огромнаго центрального парка, на разстояніи миль отъ дѣйствительнаго городского центра (вы видите изъ этого, что мы намѣрены расширить нашъ городъ); вокругъ этого парка будутъ расположены всѣ значительныя ученые и художественныя заведенія, которыя требуютъ единенія, простора и тишины. Лѣтъ черезъ десять, конечно, мы въ состояніи будемъ показывать иностранцамъ нѣкоторыя изъ этихъ полезныхъ заведеній, теперь существующихъ только въ предположеніи, но въ нашей странѣ

дѣла дѣлаются быстро. Бостонцы составили уже подписку для устройства зоологическаго музея,—подписка эта принесла болѣе ста тысячъ долл.,—и штатъ Массачуссетъ тотчасъ выдалъ имъ такую же сумму.

Я составилъ въ хронологическомъ порядкѣ списокъ землетрясеній, которыя дошли до моего свѣдѣнія въ послѣдніе шесть мѣсяцевъ. Вотъ онъ: 21 декабря городъ Кингстонъ, на островѣ Ямайкѣ, потерпѣлъ страшное землетрясеніе. 18 февраля вулканъ Мауна-Лоа, на Сандвичевыхъ островахъ, представлялъ страшное зрѣлище; другіе кратеры, на болѣе или менѣе значительныхъ разстояніяхъ, въ той же группѣ острововъ, обнаруживали признаки сильнаго волненія. 22 марта произошло сильное землетрясеніе въ Квито, въ Эквадорѣ, сопровождавшееся гибелью многихъ людей и страшными потерями. Едвали пощадило оно хотя одинъ домъ; куполы и башни общественныхъ зданій падали одинъ за другимъ, въ цѣлости не осталось ни одного. Многіе другіе города того же государства сильно пострадали отъ этого бѣдствія. Въ одномъ калифорнскомъ журналѣ извѣщали, что давно угасшій вулканъ въ графствѣ Шапта обнаружилъ почти въ то же самое время признаки жизни. Подтверженіе этого факта мнѣ не удалось слышать. Одинъ китоловъ сообщилъ намъ, что онъ чувствовалъ три сильные удара въ маѣ мѣсяцѣ подѣ 29° 55' шир. и 69° 10' долг., повторившіеся черезъ часъ; продолжались они болѣе минуты. Извѣстный натуралистъ г. Морицъ Вагнеръ, въ письмѣ къ редактору одного панамскаго журнала, сообщаетъ множество подробностей о землетрясеніи въ Квито, которое потрясло все пространство отъ Попайяна до Гайякмы и, кромѣ столицы, разрушило еще довольно значительный городъ, десять селеній и болѣе 200 фермъ (*haciendas*). Г. Вагнеръ сдѣлалъ двѣ попытки восхожденія на Чимборазо и три на Котопахи. Хотя ни при одномъ изъ этихъ опытовъ онъ не могъ достигнуть своей цѣли по причинѣ неблагоприятной погоды; но труды его не пропали для науки. Онъ сдѣлалъ нѣсколько экскурсій въ неизвѣстныя еще полосы Андъ, и передъ нимъ открылись самыя величественныя виды, которыхъ не въ состояніи создать никакое воображеніе, и которыхъ забыть нѣтъ возможности. Путешествіе, не столь полезное и продолжительное, недавно предпринято небольшимъ судномъ, которое пустилось въ море для увеселительной поѣздки на берегъ Лабрадора. По новости своей, эта идея очень понравилась. Охотниковъ тотчасъ же нашлось достаточное число съ платою по сту долларовъ; шкуна взяла съѣстныхъ припасовъ на четыре мѣсяца. Путешественники забрали съ собою все нужное для охоты и рыбной ловли на берегахъ этой интересной страны.

Въ Европѣ извѣстно превосходное качество американскихъ экипажей. Ихъ нигдѣ не дѣлаютъ такъ прочно, какъ здѣсь, а если къ американскому искусству присоединяется европейскій вкусъ, то уже не остается ничего болѣе желать. Число экипажей, вывозимыхъ отсюда въ Европу, увеличивается съ каждымъ годомъ. Никакой лѣсъ не можетъ сравниться съ нашимъ твердостью, упругостью и прочностью, что даетъ возможность дѣлать очень легкія экипажи. У Американцевъ въ большомъ употребленіи маленькія двухъ-колесныя повозки для одного человѣка; теперь ихъ дѣлаютъ такъ, что онѣ съ запряжкой вѣсятъ не болѣе 50 фунтовъ. Наши пожарныя трубы, приводимыя въ движеніе парами, все болѣе и болѣе входятъ въ употребленіе. Онѣ очень свободно двигаются по городскомъ и деревенскимъ улицамъ, и такимъ образомъ разрѣшаютъ вопросъ о возможности движенія паровозовъ по обыкновеннымъ дорогамъ. У насъ есть уже въ Нью-Йоркѣ такой паровозъ, производящій опыты; вскорѣ мы увидимъ ихъ и по деревнямъ.

Американцы съ особеннымъ успѣхомъ занимаются производствомъ огнестрѣльнаго оружія. И сколько усовершенствованій въ самое короткое время! Какую разрушительную силу сумѣли открыть подъ компактною формою револьвера! Теперь, когда пистоны и пороховницы сдѣлались ненужными, со времени изобрѣтенія пуль, содержащихъ въ себѣ и пистонъ и порохъ, человѣкъ можетъ носить свои боевые снаряды въ карманѣ жилета, а нынѣшній пистолетъ его или ружье стоитъ 12-ти прежнихъ. Каково-то будетъ новое усовершенствованіе, о которомъ придется услышать?

Воздушныя путешествія войдутъ, можетъ-быть, опять въ моду; въ ожиданіи этого строители аэростатовъ хорошо дѣлаютъ, что занимаются изученіемъ этого средства сообщеній и изслѣдованіемъ пространствъ, которыя придется имъ пролетать. Хорошо было бы, еслибы наука могла воспользоваться этими смѣлыми путешествіями, которыя безъ того останутся навсегда дѣломъ безразсудной отваги. Отправленіе воздушнаго шара «Атлантика» происходило въ первыхъ числахъ іюля, въ Санъ-Луи въ штатѣ Миссури; для наполненія его потребовалось не менѣе 50 тысячъ футовъ газа, а по словамъ нѣкоторыхъ, даже до 75 тысячъ. Подъ «Атлантикой» привѣшена была на канатахъ, длиною въ 25 футовъ, лодочка въ 16 футовъ длины, снабженная двумя колесами. Большая корзина изъ ивовыхъ прутьевъ находилась между лодочкой и шаромъ и должна была служить убѣжищемъ для путешественниковъ, еслибы вѣтеръ занесъ ихъ на верхушки деревьевъ, или на городскія кровли. Въ семь часовъ вечера путешественники, въ числѣ четырехъ, сѣли въ лодочку; то были: 1-й г. Уайзъ, ветеранъ амери-

канскихъ воздухоплателей; 2-й г. Ла-Монтанъ, стромтель аэростата; 3-й г. Гаджеръ, на счетъ котораго устроилось все путешествіе, и 4-й г. Гайдъ, редакторъ одного журнала въ Санъ-Луи, сопутствовавшій имъ въ качествѣ исторіографа. Они захватили съ собою журналы, чтобы раздавать ихъ по дорогѣ, и маленькіе свертки писемъ, чтобы бросать ихъ по близости тѣхъ мѣстъ, куда они были адресованы. При обычномъ возгласѣ «пускайте все», шаръ, имѣвшій 60 фут. въ діаметрѣ, величественно поднялся при громкихъ рукоплесканіяхъ многочисленной толпы; поднявшись на нѣкоторую высоту, онъ вступилъ въ струю воздуха, дувшую отъ запада къ востоку, которую г. Уайзъ сравниваетъ съ пассатными вѣтрами Атлантическаго океана. На другой день, на разсвѣтѣ, шаръ находился уже на оконечности озера Эри; путь, которымъ онъ неся, долженъ былъ привести его въ Канаду, а не въ Нью-Джерси, гдѣ предполагалъ остановиться г. Уайзъ. Вскорѣ онъ летѣлъ надъ Ніагарскимъ водопадомъ; двое изъ путешественниковъ должны были сойти не подалеку оттуда, и аэростатъ сталъ тихо опускаться на землю; но вдругъ поднялась страшная буря, и шаръ полетѣлъ съ ужасающею скоростью надъ озеромъ Онтарио. Опасность была неминуема, надо было подняться снова; для этого побросали все, рѣшительно все, даже лодочку. Тогда путешественники вскарабкались въ корзину. Между тѣмъ буря понесла аэростатъ къ землѣ съ быстротою стрѣлы; путешественники ожидали каждую минуту, что ихъ разобьетъ о первый предметъ, который имъ встрѣтится; шаръ бросило въ лѣсъ, гдѣ онъ остановился въ густыхъ вѣтвяхъ вяза, въ 30-ти футахъ надъ почвою; шаръ лопнулъ, газъ ринулся изъ него и канаты порвались; наконецъ путешественникамъ удалось безъ дальнѣйшихъ приключеній ступить на землю. Скоро появились поселяне на помощь къ шару, который пострадалъ гораздо болѣе, нежели путешественники, принятые съ восторгомъ всѣми жителями. Остатки шара были подобраны и отправлены въ Санъ-Луи, куда за ними послѣдовали путешественники; несчастье, случившееся съ шаромъ, можно исправить цѣною нѣсколькихъ сотъ долларовъ. Если принять въ соображеніе долготу между Санъ-Луи и мѣстомъ остановки шара въ графствѣ Джефферсонъ, въ штатѣ Нью-Йоркъ, — разница между ними одинъ часъ съ четвертью, — то шаръ пролетѣлъ разстояніе, отдѣляющее эти двѣ мѣстности, въ 18 съ половиною часовъ. Для такого переѣзда по желѣзной дорогѣ потребовалось бы по крайней мѣрѣ 38 часовъ. Средняя скорость полета составляла 57 миль въ часъ. Разчитывая на основаніи этого опыта, г. Уайзъ увѣряетъ, что въ два или три дня онъ можетъ перелетѣть черезъ океанъ. Совершенное имъ путешествіе, самое значительное изъ

всѣхъ, какія когда-либо дѣлались на аэростатахъ. Сумка съ депешами изъ Санъ-Луи была найдена и отправлена по назначенію. Г. Уайзъ занять теперь исправленіемъ своего шара и собирается летѣть на аэростатъ въ Европу. Всѣ интересуются его предпріятіемъ и желаютъ ему счастливаго путешествія. Если онъ отправится, какъ увѣряютъ, чрезъ нѣсколько недѣль въ Старый Свѣтъ, то онъ привезетъ вамъ самыя свѣжія новости: въ Москвѣ онъ можетъ быть прежде моего письма.

Въ то время, когда воздушный шаръ «Атлантика» летѣлъ надъ Ніагарскимъ водопадомъ, нѣкто г. Блонденъ на канатѣ, натянутомъ поперекъ Ніагары, показывалъ самыя невѣроятныя акробатическія представленія, въ присутствіи безчисленнаго множества зрителей и на высотѣ 150 фут. надъ потокомъ. Переходъ совершился по серединѣ между водопадомъ и висячимъ мостомъ. Приготовленія къ утвержденію каната продолжались нѣсколько дней. При наступленіи времени, назначеннаго для представленія, г. Блонденъ появился на одной изъ оконечностей, со стороны Соединенныхъ Штатовъ, предложилъ нѣкоторымъ изъ зрителей взять ихъ къ себѣ на спину, но получивъ отказъ, рѣшился отправиться одинъ. Достигнувъ до середины каната, онъ началъ выдѣлывать самыя неистовые прыжки, садился, ложился, вставалъ. Подъ нимъ проходилъ пароходъ, и акробатъ нашъ спустилъ на него бичовку; капитанъ привязалъ къ ней бутылку вина, которая тотчасъ же очутилась въ рукахъ Блондена; раскланявшись направо и налево тысячамъ зрителей, стоявшихъ на обоихъ берегахъ, онъ выпилъ залпомъ бутылку, потомъ снова пустился въ путь, который и окончилъ благополучно; онъ совершилъ переходъ свой въ 19 минутъ; осыпанный привѣтствіями Канадцевъ, онъ возвратился такъ же свободно и благополучно на американскій берегъ, двигая передъ собою тачку. Конечно, это самое необыкновенное, никогда и нигдѣ невиданное акробатическое представленіе; г. Блонденъ намѣревается совершить его нынѣшнимъ лѣтомъ еще не одинъ разъ.

Я сообщилъ вамъ о путешествіяхъ по морю, на воздушномъ шарѣ, на канатѣ; мнѣ остается поговорить съ вами о путешествіяхъ по желѣзнымъ дорогамъ. Въ другой разъ я разкажу вамъ, что дѣлается, чтобы путешествія эти были пріятны, теперь я передамъ вамъ то, чего не дѣлаютъ, чтобы они были безопасны. Первый вопросъ занимаетъ Американца гораздо болѣе, чѣмъ второй. Приключенія—страсть его. Приключеніе поддерживаетъ разговоры въ продолженіи девяти дней, говоритъ американская пословица; и эти приключенія, которыя скорѣе бы можно назвать несчастіями, катастрофами, слѣдуютъ одно за другимъ съ такою быстротой, что происшествіе, случившееся сегодня, заставляетъ

забывать вчерашнее. Вотъ одно, которое можно назвать убійствомъ массою; случилось оно въ штатѣ Индіанѣ. Поѣздъ желѣзной дороги, проѣзжая по неширокому водопроводу, провалился въ него съ нею въ полномъ составѣ; вагоны, падая одинъ на другой въ слѣдъ за локомотивомъ, разбивались въ дребезги и представляли массу обломковъ. Прибавьте къ этому, что дѣло произошло ночью, что обломки остановили теченіе воды, которая поднялась и съ яростію ринулась со всѣхъ сторонъ на эту страшную сцену криковъ, отчаянія и смерти; и все это произошло отъ небрежности! Вода давно уже поднялась и такъ сильно подмыла мостъ, перекинутый черезъ водопроводъ, что онъ рухнулъ, когда надвинулся на него поѣздъ. Разсматривая перечень несчастій, случившихся съ 1853 года, я нашелъ, что на 17-ти желѣзныхъ дорогахъ въ Соединенныхъ Штатахъ произошло 17 же несчастій, при которыхъ убито было 393 человекъ и ранено 612! Забудьте, что при послѣднемъ несчастіи число убитыхъ показано около 50-ти, тогда какъ, по общимъ разказахъ, оно простиралось до 100, и почти столько же было раненыхъ; всѣ эти катастрофы больше или меньше произошли отъ небрежности управленія дорогами. Надо сказать правду,—хотя это и очень плохое утѣшеніе,—что компаніи часто принуждаемы были къ уплатѣ большихъ вознагражденій раненымъ и родственникамъ убитыхъ. Но ни въ какомъ случаѣ я не могу похвалить ни американскаго правосудія, ни способа, которымъ оно производится, особенно въ дѣлахъ уголовныхъ.

Отъ времени до времени у насъ все еще прилагается къ дѣлу законъ Линча, противъ котораго безсильны штаты, несмотря на свой титулъ «самодержавныхъ»; вездѣ опасаются черни, или, точнѣе сказать, лучшая часть общества дѣлаетъ чернь своимъ орудіемъ и побуждаетъ ее произносить незаконные приговоры; еслибы такой дикій способъ отправленія правосудія употреблялся только въ южныхъ штатахъ, то это было бы понятно, но онъ встрѣчается и въ сѣверныхъ; ни по чему не замѣтно, чтобы сколько-нибудь уменьшалось число случаевъ, въ которыхъ законъ безсиленъ предъ произволомъ. Вотъ послѣдній случай въ этомъ родѣ: одного человекъ обвинили въ убійствѣ оболъстителя его сестры; убійца былъ не богатъ; преслѣдуемый чернью, онъ бросился въ одинъ домъ, который зажгли, чтобы заставить его выйти оттуда; потомъ его повѣсили на высокой перекладинѣ: два раза спускали его на землю, требуя признанія въ преступленіи; каждый разъ онъ клялся въ своей невинности, наконецъ его подняли въ послѣдній разъ и окончательно повѣсили. Это происходило въ Йовѣ, одномъ изъ сѣверныхъ штатовъ, въ странѣ, гдѣ есть и суды и тюрьмы. Въ упомянутомъ мною случаѣ, преданный казни человекъ не

былъ въ тюрьмѣ, и никакая судебная формальность не была соблюдена; но случается иногда, что чернь захватываетъ людей, находящихся въ рукахъ правосудія; она выламываетъ двери тюрьмы, чтобы захватить того, кого хочетъ поразить своимъ мщеніемъ и предать смертной казни; сколько разъ случалось, что она изменяла рѣшеніе судьи и произносила смертный приговоръ тому, кто былъ освобожденъ постановленіемъ суда! Способъ производства уголовныхъ дѣлъ въ Америкѣ представляетъ самую печальную сторону американской жизни. Одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ людей въ Соединенныхъ Штатахъ, извѣстный и даровитый писатель, не могъ надивиться, какъ можно посвящать цѣлые мѣсяцы на изученіе уголовного права; по его мнѣнію, чтобы выучиться ему, достаточно часу или двухъ. Послѣ этого не покажется страннымъ, что уголовное право совсѣмъ не входитъ въ составъ предметовъ преподаванія въ американскихъ училищахъ правовѣднія.

Въ нашей странѣ совершаются дѣла поистинѣ неутроянныя, и еслибъ я сталъ вамъ ихъ разказывать, то вы бы можетъ-быть обратили на меня пословицу: *a beau mentir celui qui vient de loin* (лгать можетъ вволю тотъ, кто приходитъ издалека). Народъ принимаетъ на себя обязанность исправлять приговоры судовъ, если они дѣйствуютъ не довольно сильно и скоро; онъ также заботится самъ объ открытіи и наказаніи преступленій противъ общественной нравственности. Слѣдующая сцена происходила въ штатѣ Нью-Йоркѣ. Главныя дѣйствующія лица женатый человекъ и его *inamorata*, которая не была его женою. Преступныя отношенія ихъ были извѣстны повсемѣ городѣ, и объ нихъ много толковали. Впрочемъ миръ скоро водворился въ домъ супруговъ, вслѣдствіе обѣщанія исправиться, даннаго мужемъ, получившимъ отъ жены полное прощеніе. Но этотъ миръ былъ непродолжителенъ, и мужъ снова принялся за любовныя проказы. Дѣло размеслось, и толпа народа сговорилаcь отмстить за оскорбленіе жены; она собралась около дома, гдѣ находились виновные; ихъ безъ церемоніи стащили съ постели; все тѣло имъ обмазали дегтемъ и пощадили только голову женщины; потомъ обсыпали ихъ гагачьимъ пухомъ и посадили на телѣгу; ихъ окружила толпа людей, вооруженныхъ всевозможными кухонными инструментами, которые издавали пронзительный шумъ; въ такой процессіи виновную чету провезли по главнымъ городскимъ улицамъ, потомъ вывезли ее за городъ, и бросили тамъ, безъ всякой одежды. На другой день несчастные актеры этой драмы нашли средства очиститься отъ пуху, вымыться и возвратиться въ городъ Нью-Йоркъ. Все это произошло совершенно открыто; не подумайте, чтобъ юстиція вздумала вмѣшаться въ это дѣло *ex officio* или чтобы нашелся обвинитель, который побудилъ бы ее дѣйствовать.

Вотъ случай, при которомъ правосудіе обнаружило всю строгость свою. Одинъ богатый, но уже пожилой житель Санъ-Луи нашелъ молодую дѣвушку, которая согласилась выйти за него замужъ; въ послѣдствіи женихъ нисколько не думалъ объ исполненіи своего обѣщанія, если даже онъ и намѣревался когда-нибудь его выполнить. Молодая дѣвица подверглась злымъ насмѣшкамъ въ обществѣ, которое обвиняло ее въ желаніи заключить бракъ по расчету, а такъ какъ репутація ея сильно пострадала, то она рѣшилась прибѣгнуть къ правосудію, и ей присуждено было вознагражденіе... угадайте какое? Десять тысячъ долларовъ! Народъ привѣтствовалъ это рѣшеніе громогласными ура! Я говорилъ вамъ въ послѣднемъ письмѣ моемъ о процессѣ Сикльза и о рѣшеніи его, которое не замедлило принести плоды свои въ другихъ мѣстахъ Союза, гдѣ соображаются не съ закономъ, а съ предшествовавшими рѣшеніями. Публика наша столько же изумлена была супружескимъ сближеніемъ, которое совершилось между мужемъ и женой, сколько извѣстіемъ о мирѣ, заключенномъ въ Виллафранкѣ между двумя императорами.

Юридическіе нравы народа болѣе всего обнаруживаютъ его истинный характеръ, и потому я охотно вдаюсь въ мелочныя подробности. Въ одномъ изъ судовъ Миссиссипи, одного купца приговорили къ уплатѣ пени во сто долларовъ за то, что онъ продалъ кринолинъ негритянкѣ. Святая свобода!... Одна партія хотѣла заставить Китайцевъ, которыхъ очень много въ Калифорніи, закрыть ихъ храмы, гдѣ они поклоняются своимъ деревяннымъ и мѣднымъ богамъ. Верховный судъ штата рѣшилъ, послѣ продолжительныхъ преній, что конституція Соединенныхъ Штатовъ не запрещаетъ поклоненія идоламъ. Но она не запрещаетъ также и многоженства, а между тѣмъ правительство Союза хочетъ искоренить его на почвѣ Утаха. Въ числѣ воздухоплателей на шарѣ «Атлантикъ», какъ мы видѣли уже, находился въ качествѣ исторіографа одинъ изъ редакторовъ журнала, издающагося въ Санъ-Луи. Оказалось, что онъ совершилъ полетъ на своемъ собственномъ изживеніи. Редакція журнала начала противъ него процессъ подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ самовольно подвергалъ опасности жизнь, драгоценную для общества издателей. Судъ произнесъ рѣшеніе, что «каждый, кому только угодно, имѣетъ право повѣститься на воздушномъ шарѣ.» Недавно два сосѣда завели споръ о правѣ владѣнія коровою, которая стоила не дороже 20 долларовъ. Пятьдесятъ свидѣтелей допрошено было по этому дѣлу, и судебныя издержки процесса простирались до 600 долларовъ. Присяжные присудили отдать животное одному изъ тяжущихся и приговорили другаго заплатить ему одинъ центъ (копѣйку) вознагражденія.

Астрологія, ясновидѣніе и спиритуализмъ дѣлаютъ у насъ

быстрые успѣхи; эти предсказывающія науки занимаются земными дѣлами гораздо болѣе, чѣмъ небесными; въ одномъ изъ сегодняшнихъ журналовъ находятся десять объявленій отъ дамъ-астрологовъ, и вообще этими дѣлами занимаются дамы. За небольшую плату онѣ подаютъ совѣты въ денежныхъ дѣлахъ, назначаютъ выигрышные нумера въ лоттерейхъ, предлагаютъ средства къ заключенію выгодныхъ браковъ и къ примиренію поссорившихся супруговъ. Дѣла любовныя, коммерческія, тяжбыныя, вопросы о болѣзни и смерти, все это извѣстно нашимъ чародѣйкамъ, и онѣ вамъ выскажутъ свое мнѣніе за самое умѣренное вознагражденіе. Спрашивается, какимъ образомъ при такихъ малыхъ доходахъ онѣ могутъ существовать и уплачивать расходы по всѣмъ процессамъ, которые заводятъ съ ними, обвиняя ихъ въ плутовствѣ, и которые онѣ обыкновенно проигрываютъ? Впрочемъ здѣсь не преслѣдуютъ этой сволочи, которая живетъ на счетъ легковѣрія людей, и вѣроятно потому, что болѣзнь заключаетъ врачеваніе въ самой себѣ.

Оканчиваю письмо мое нѣсколькими статистическими данными:

Городъ Нью-Йоркъ, независимо отъ множества телеграфическихъ линій для внутренняго сообщенія, имѣетъ нѣсколько конторъ, для отправленія внѣшнихъ депешъ; среднимъ числомъ каждая изъ нихъ отправляетъ по 405 посланій ежедневно, и до 6000 словъ, содержащихъ журнальныя извѣстія и новости.

Всѣ письма и газеты, отправляемыя въ Соединенные Штаты, должны быть франкированы, также и газеты, идущія за границу; франкированіе заграничныхъ писемъ предоставляется произволу каждаго. Почтовое управленіе продало въ прошедшемъ году почтовыхъ марокъ на 5.700.314 долл., то-есть на семь милл. рубл. сер. Но эта цифра представляетъ только итогъ того, что заплачено за франкированіе; а франкированіе заграничныхъ писемъ производится часто наличными деньгами.

По послѣдней народной переписи оказывается, что цифра женскаго населенія выше цифры мужскаго. На 302.986 мужчинъ въ Нью-Йоркѣ считается 326.918 женщинъ, слѣдовательно женщинъ 23.932 болѣе, чѣмъ мужчинъ. Эта пропорція повторяется въ другихъ городахъ, каковы: Филадельфія, Бостонъ, Бруклейнъ. Съ другой стороны, въ деревняхъ женское населеніе далеко не такъ многочисленно, какъ мужское. Можно сказать, что цифра рожденій въ Соединенныхъ Штатахъ одинакова для обоихъ половъ.

Въ ту самую минуту, какъ я собирался запечатать это письмо, я познакомился съ г. Рахманиновымъ, профессоромъ императорскаго Кіевскаго университета, отправленнымъ въ Соединенные

Штаты, для изученія прикладныхъ математическихъ наукъ. Онъ уже двѣ недѣли какъ прибылъ сюда и началъ свои поѣздки по сѣвернымъ штатамъ. Онъ возвращается изъ Бостона, гдѣ осматривалъ училища, которыми остался очень доволенъ; особенное вниманіе его обратили на себя наровныя средства сообщенія и устройство машинъ; все, что онъ видѣлъ, показалось ему весьма пригодно для Россіи. Если я не ошибаюсь, онъ собираетъ матеріалы для сочиненія, которое онъ намѣревается издать о прикладныхъ наукахъ въ Америкѣ, о машинахъ и постройкахъ, однимъ словомъ обо всемъ, что относится къ дѣлу гражданскаго инженернаго искусства.

Г. МАТИЛЬ.

УКРѢПЛЕНІЯ АНТВЕРПЕНА.

Брюссель, 1-го сентября 1859.

Вамъ угодно было, чтобы, кромѣ экономической корреспонденціи, которую приостановила война и за которую я вскорѣ намѣреваюсь приняться снова (хотя увы! экономическіе вопросы теперь вовсе не въ ходу), я постоянно сообщалъ вамъ свѣдѣнія о Бельгіи. Съ удовольствіемъ исполняю ваше желаніе. Конечно, Бельгія страна очень небольшая; она занимаетъ пространство, едва равняющееся пятисотой части вашего обширнаго отечества, но эта небольшая страна занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ на поприщѣ производительности и пользуется политической конституціей самую либеральную въ Европѣ, уступая въ этомъ отношеніи одной Швейцаріи. Всѣ вопросы, занимающіе націю, могутъ быть свободно обсуживаемы въ парламентѣ, въ печати, на митингахъ, и хотя эти вопросы относятся къ маленькому государству, но такъ какъ они подвергаются преніямъ совершенно открыто и такъ какъ интересы всѣхъ народовъ, большихъ и малыхъ, почти одинаковы, то вѣроятно иностранцы могутъ слѣдить за ними съ пользою и удовольствіемъ. Никто не простоятъ долго передъ мануфактурами, двери которыхъ закрыты для публики, какъ бы ни важны были предметы ихъ производства, какъ бы ни искусны были работники, на нихъ употребляемые; напротивъ того, толпы любопытныхъ тѣснятся около небольшихъ мастерскихъ, съ открытымъ выходомъ на улицу, въ которыхъ работники, хороши ли они или дурны, трудятся на глазахъ у публики. Бельгія представляетъ

собою очень маленькую политическую и экономическую мастерскую, и, смиренно признаюсь, дѣло въ ней идетъ не всегда безукоризненно, но эта маленькая мастерская выходитъ на улицу, и работники трудятся въ ней при открытыхъ окнахъ.

Приступаю къ дѣлу безъ дальнѣйшихъ предисловій, въ надеждѣ, что ваши читатели остановятся на минуту передъ моимъ окномъ, и принимаюсь за важный вопросъ объ усиленіи антверпенскихъ укрѣпленій, который только что предложенъ нашимъ палатамъ, созваннымъ въ чрезвычайное засѣданіе.

I.

Бельгія окружена Нѣмецкимъ моремъ, за которымъ воздвигаются берега Англіи, Голландіей, Пруссіей и Франціей. Съ первыхъ трехъ сторонъ ей опасаться нечего. Англія никогда не помышляла о завоеваніи ея. Голландія, прожившая съ нею пятнадцать лѣтъ въ дурномъ сунружествѣ и разведенная по опредѣленію европейской дипломатіи послѣ жестокой борьбы 1830 года, старается только о сохраненіи добраго согласія съ своею прежнею сожительницей: никогда еще оба народа, — что напоминаетъ нѣкоторыхъ супруговъ, — не любили другъ друга такъ сильно, какъ со времени своей разлуки. Пруссія также не страшна нисколько. Одна только Франція можетъ внушать намъ серьезные опасенія. Въ самомъ дѣлѣ, покореніе Бельгіи составляетъ одну изъ старинныхъ политическихъ страстей Франціи, и наши безпокойные сосѣди въ теченіи восьми столѣтій не пропускали ни одного случая для удовлетворенія этой страсти. Позвольте мнѣ, въ доказательство истины словъ моихъ, представить вамъ краткій историческій очеркъ сношеній между обѣими странами. Съ XI вѣка мы видимъ Французовъ въ борьбѣ съ Фламандцами. При Монъ-Касселѣ въ 1071 г. пылкое рыцарство Франціи разбилось о стѣну копій, выдвинутую противъ него ополченіемъ фламандскихъ общинъ. Спустя полтора вѣка, при Куртре (1302) мужество общинъ нанесло южнымъ завоевателямъ пораженіе еще болѣе сильное; здѣсь погибъ цвѣтъ французскаго дворянства, и на полѣ битвы подобрали шпоры Буассо, отъ чего произошло данное ей названіе *битвы шпоръ*. Еще позднѣе, при Гинегатѣ, въ 1479 г., потомъ при Сенъ-Кентенѣ и Гравелинѣ, завоевательныя стремленія Французовъ были отражены съ успѣхомъ. Несмотря на непрерывныя неудачи, наши южные сосѣди не унывали: менѣе образованные, и особенно менѣе богатые, чѣмъ Фламандцы, которые, какъ извѣ-

стно, занимали еще въ средніе вѣка первое мѣсто на поприщѣ земледѣлія, промышленности и торговли, они только и мечтали объ обладаніи богатыми городами и цвѣтущими нивами Фландрій, подобно шершню (1), постоянно занятому тѣмъ, какъ бы добыть меду изъ пчелинаго улья. Но пчелы фламандскія въ теченіи 500 лѣтъ доказывали, что онѣ не только умѣютъ дѣлать медъ, но что у нихъ есть и жало на его защиту. Къ несчастію, испанское владычество, послѣдовавшее въ обѣихъ Фландріяхъ за правленіемъ герцоговъ бургундскихъ, было гибельно для нашей страны. Деспотизмъ и нетерпимость соединенными силами старались уничтожить ея благосостояніе. Ненствова герцога Альбы посѣляли недовольство между населеніемъ, и когда, въ послѣдствіи, Лудовикъ XIV захватилъ наши провинціи, фландрскія пчелы, не имѣя болѣе меда, не съ такою горячностью отражали французскихъ шершней. Онѣ предоставили это дѣло чужестранцамъ, занимавшимъ наши провинціи, думая конечно то же, что думалъ осель баскописца, говоря: *Notre ennemi c'est notre mattre* (2).

Войска Франціи и Испаніи сшиблись въ Бельгіи, безъ всякаго участія народа въ этой борьбѣ. Франція одержала верхъ, и бельгійскія провинціи раздѣлились. Артуа, часть Фландрій и Генегау, Лилль, Дюнкирхенъ, Сентъ-Омеръ, Аррасъ, Дуэ, Камбре отошли къ Франціи. Хотя испанское владычество ни въ какомъ случаѣ нельзя было назвать разумнымъ и либеральнымъ, но области, покоренныя Лудовикомъ XIV, нисколько не выиграли отъ этой перемены. Чрезвычайно интересныя и важныя подробности объ упадкѣ этихъ провинцій послѣ завоеванія и о причинахъ этого упадка собраны въ *Histoire des villes de France* (Исторіи французскихъ городовъ), изданной нѣсколько лѣтъ тому назадъ г. Аристидомъ Гильберомъ.

Артуа вообще, сказано тамъ, и городъ Аррасъ въ особенности обнаружили поразительные признаки своего упадка подъ владычествомъ Франціи. Причину того находятъ въ увеличеніи налоговъ, въ религіозной нетерпимости, въ препятствіяхъ, полагаемыхъ развитію мануфактуръ и хлѣбной торговли и пр. Но никто не упоминаетъ о главной причинѣ, объ уничтоженіи старинныхъ муниципальных и областныхъ привилегій. Одинъ писатель конца XVIII вѣка увѣряетъ, что населеніе Артуа уменьшилось на $\frac{10}{11}$ со времени изгнанія Испанцевъ. Мы полагаемъ, что подобное вычисленіе преувеличено, но изъ него можно заключить, что надо знать исторію Арраса, и что по одному со-

(1) Vespa scabro.

(2) Нашъ врагъ—это нашъ господинъ.

стоянію этого города въ настоящее время невозможно составить себѣ понятія о прежнемъ его величіи.

Долго не могли оправиться эти провинціи, и теперь еще, при переездѣ черезъ границу, поразительна разница, существующая между сѣверными провинціями Франціи и Бельгіею. Граница какъ будто намѣчена на самой почвѣ: на бельгійской сторонѣ земля хорошо обработана, жилища многочисленны, хорошо построены; жители одѣты опрятно, если не щеголевато; на женщинахъ чепцы тщательно вымыты и разглажены. Напротивъ, на французской сторонѣ видъ страны однообразенъ и печаленъ, население рѣдко, крестьяне одѣты дурно, женщины, вмѣсто бѣлыхъ чепцовъ, покрываютъ себѣ голову дрянными разноцвѣтными платками, чистоты очень сомнительной. Впрочемъ я долженъ прибавить, что, въ послѣднія тридцать лѣтъ, необыкновенное развитіе промышленности въ этой части Франціи много содѣйствовало распространенію довольства въ народѣ, но все-таки нельзя сказать, чтобы присоединеніе этого края къ Франціи послужило къ его благоденствію. Какъ бы то ни было, прочія державы почувствовали необходимость обуздать честолюбіе Лудовика XIV, и, оставивъ за нимъ захваченныя области, рѣшились не допускать его до новыхъ завоеваній. Вдоль границы воздвигнуть былъ рядъ крѣпостей, долженствовавшихъ служить *оградой* противъ Франціи. По договору въ Утрехтѣ (30 января 1713 г.), императоръ и Соединенные Штаты Голландіи условились содержать и охранять ихъ общими силами. Гарнизонъ въ нихъ долженъ былъ состоять изъ отряда въ 30—35 тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ $\frac{2}{3}$ долженъ былъ доставить императоръ, а $\frac{1}{3}$ Голландія. «Ограда» не помѣшала однакоже Бельгіи, по прошествіи нѣкотораго времени, сдѣлаться театромъ новыхъ битвъ и не помѣшала также Дюмурье покорить ея въ 1792 году. Это завоеваніе, бывшее всегдашнею мечтой пружней монархіи, республика умѣла превратить въ дѣйствительность. Сначала, Французы приняты были народомъ какъ освободители отъ ига Австрійцевъ, которые, по своему обыкновенію, умѣли возбудить общую ненависть, но вскорѣ Французы сдѣлались ненавистнѣе самыхъ Австрійцевъ. Бельгія, въ буквальномъ смыслѣ слова, была разграблена войсками, а еще болѣе комиссарами патріотовъ (въ числѣ ихъ особенно отличался Дантонъ), присланными для демократизаціи ея и для приготовленія народа къ соединенію его съ Франціей. Ни въ томъ, ни въ другомъ не имѣли они ни малѣйшаго успѣха. За то надо было видѣть, какъ мало вниманія обращали эти обновители на желанія народа. Въ собраніи, созванномъ въ Брюсселѣ (3 февраля 1793 г.) для рѣшенія слѣдующаго вопроса: *должно ли Бельгію присоединить къ Франціи?* одинъ изъ нихъ, знаменитый Публикола-Шоссаръ сказалъ: «Мнѣ

Голкують о желаніи народа, а я скажу, что *желаніе рѣблческою* *и ли глупато народа ничтожно, потому что онъ дѣйствуетъ во* *средѣ себя.*» Не правда ли, какое странное уваженіе къ господству народа? «Я предлагаю, говорилъ другой, чтобы присоединеніе Бельгіи къ Французской республикѣ совершенно было силою разума, внушеніями филантропіи и братства, дѣйствующими на сердца, и *вѣсьми средствами революціонной тактики*, а въ случаѣ, если усилія наши будутъ безплодны, и намъ по прежнему будутъ *противодѣйствовать* отчаянною системою косности, то я полагаю, что право завоеванія, которое тутъ въ первый разъ будетъ справедливо и полезно міру, должно довершить политическое воспиганіе бельгійскаго народа и приготовить его къ блистательной и счастливой долѣ.» Такъ какъ сила разума и трогательныя внушенія филантропіи не успѣли повидимому побѣдить косность народа, то комиссары принуждены были прибѣгнуть къ *средствамъ революціонной тактики*, и присоединеніе къ Франціи рѣшено было начальными собраніями, составленными изъ небольшого числа подкупленныхъ негодяевъ. Масса народонаселенія молчала. Тѣмъ не менѣе, рѣшеніе объявлено было вполне дѣйствительнымъ, и Бельгія до 1814 года оставалась присоединенною къ Франціи. Тогда она съ великою радостію равсталась съ нею, несмотря на то, что промышленность ея сильно пострадала отъ потери такого громаднаго рынка, какимъ была для нея Французская имперія. Та же самая мысль, которая въ 1713 году повела къ устройству «ограды» побудила, послѣ паденія имперіи, основать Нидерландское королевство. Оно должно было составлять нѣчто въ родѣ укрѣпленныхъ аванпостовъ, которые воздвигали противъ Франціи державы, бывшія жертвами честолюбія Наполеона, по примѣру того, какъ дѣйствовали въ 1713 году державы, бывшія жертвами честолюбія Лудовика XIV. Вслѣдствіе этого рѣшено было, чтобы крѣпости «ограды» были восстановлены и умножены. А такъ какъ эти крѣпости имѣли двойное назначеніе: служить новому королевству и охранять интересы обще-европейскіе, то рѣшено было также перестроить ихъ на общій счетъ. Англія предложила на эти расходы два милліона фунтовъ стерлинговъ и обязалась даже доставить до трехъ милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Наконецъ послѣ катастрофы Ста дней, окончившихся битвой при Ватерлоо, опредѣлено было часть военной контрибуціи, уплаченной Франціей, употребить на построеніе крѣпостей Нидерландскаго королевства. Надзоръ за ними порученъ былъ герцогу Веллингтону, а въ случаѣ нападенія со стороны Франціи, союзныя державы обязались немедленно прелоставить въ распоряженіе короля нидерландскаго вспомогательную армію въ 60 тысячъ человекъ. Такимъ образомъ «ограда» противъ

Франціи была возстановлена и большею частию насчетъ самой Франціи. Двадцать пять крѣпостей и фортвъ, частию прежнихъ, частию новыхъ, почти непрерывно слѣдовавшихъ одна за другою на пространствѣ 30 тысячъ квадратныхъ километровъ, послужили къ устройству этой ограды. Антверпенъ, гдѣ Наполеонъ соорудилъ свой великій морской арсеналъ, гдѣ онъ устроилъ два обширные бассейна и основалъ громадные корабельныя верфи, Антверпенъ, который онъ хотѣлъ, говоря его собственными словами, сдѣлать *пистолетомъ, направленнымъ въ грудь Англіи*, Антверпенъ продолжалъ занимать видное мѣсто въ ряду крѣпостей; однако Англія потребовала, чтобъ онъ не былъ военнымъ портомъ, а оставался на будущее время *исключительно* портомъ коммерческимъ. Наступили событія 1830 года, вызванныя неспособностію и упорствомъ голландскихъ министровъ, и особенно короля Вильгельма I, гораздо болѣе, чѣмъ истинно серіознымъ недоульствиемъ народа. Бельгія, отдѣлившись отъ Голландіи, должна была сама устроить свою судьбу. Присоединеніе къ Франціи *никогда* въ ней мало приверженцевъ; за то она бы охотно признала королемъ своимъ одного изъ сыновей Лудовика-Филиппа. Корова бельгійская была даже предложена герцогу Немурскому, но Лудовикъ-Филиппъ отказался, чувствуя, что прочія державы не согласятся на это избраніе, и не желая возбуждать европейской войны. Леопольдъ, принцъ саксенъ-кобургскій, былъ избранъ королемъ Бельгійцевъ и, вступивъ въ супружество съ принцессою Луизой Орлеанскою, сдѣлался членомъ новаго королевскаго семейства Франціи.

Революція 1830 года, вступленіе на престолъ короля Леопольда и бракъ его съ одною изъ дочерей короля Французовъ совершенно измѣнили политическое положеніе Бельгіи. Изъ укрѣпленнаго аванпоста Европы противъ Франціи, она грозила превратиться въ аванпостъ Франціи противъ Европы. Что же предприняли великія державы, чтобъ избѣжать по возможности слѣдствій новаго порядка вещей? Онѣ объявили, что Бельгійское королевство должно оставаться постоянно нейтральнымъ подъ покровительствомъ пяти великихъ державъ; потомъ 14-го декабря 1831 года заключена была конвенція между Россіей, Австріей, Пруссіей и Англіей съ одной стороны и Бельгіей съ другой, о срытіи нѣкоторыхъ укрѣпленій, самыхъ близкихъ къ французской границѣ. Въ силу этой конвенціи положено было въ продолженіи двухъ лѣтъ срыть укрѣпленія Менина, Ата, Монса, Филиппвила и Мариѣмбурга. Что же касается до прочихъ крѣпостей, то онѣ остались въ прежнемъ видѣ, и даже король Бельгійцевъ обязался поддерживать ихъ въ хорошемъ состояніи. Въ то же время рѣшено было, что Антверпенъ по прежнему будетъ

исключительно коммерческимъ портомъ, и эта послѣдняя статья внесена была даже въ трактатъ 19 апрѣля 1839 года, которымъ окончилось наши безконечные споры съ Голландіей. Но правительство бельгійское, можетъ-быть по внушенію Франціи, которая смотрѣла теперь на Бельгію, какъ на свою союзницу, медлило исполненіемъ условій конвенціи 14-го декабря 1831 года; оно сохранило всѣ свои крѣпости, и только рѣшилось срыть ничтожныя укрѣпленія Ата, Филиппвила и Мариембурга. Но оно не коснулось укрѣпленій Менна и въ особенности Монса, который несравненно важнѣ всѣхъ прочихъ крѣпостей.

Мысль о присоединеніи Бельгіи къ Франціи, казалось, исчезла въ мирное правленіе Лудовика-Филиппа. За то мысль о коммерческомъ союзѣ обѣихъ странъ, безъ сомнѣнія гораздо болѣе плодотворномъ, чѣмъ союзъ политическій, родилась въ умахъ государственныхъ людей, и этотъ союзъ готовъ былъ осуществиться около 1840 года, но его разстроила оппозиція французскихъ мануфактуръ. Король Лудовикъ-Филиппъ преклонилъ голову передъ коалиціей богатыхъ промышленниковъ, которые не хотѣли допустить своихъ бельгійскихъ собратій къ участию въ своихъ монополіяхъ, и простой торговый договоръ, заключавшій въ себѣ нѣсколько взаимныхъ уступокъ, былъ результатомъ переговоровъ, предпринятыхъ для заключенія союза. Вспыхнула революція 1848 года, и мысль о присоединеніи Бельгіи снова появилась на свѣтъ. Въ Парижѣ составилось даже общество съ этою цѣлю, и толпа присоединителей (*annexionistes*) отправлена была въ Бельгію въ мартѣ мѣсяцѣ. Добравшись до пограничной деревни *Risquons-tout*, толпа эта встрѣтила два-три батальона бельгійскаго войска, которые разсѣяли ее безъ выстрѣла. Временное правительство отреклось отъ присоединителей: тѣмъ не менѣе достовѣрно, что нѣкоторые изъ его агентовъ, и въ особенности генеральный комиссаръ Сѣвернаго департамента, принимали участіе въ этомъ дѣлѣ. Какъ бы то ни было, оба правительства оставались по прежнему въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ. Во все время существованія республики, бельгійское правительство не почитало нужнымъ увеличивать средства своей защиты. Къ несчастію, послѣ 2-го декабря, обстоятельства переменились. Носились слухи, что въ числѣ декретовъ, отправленныхъ въ этотъ день для напечатанія въ *Монитеръ*, находился декретъ о присоединеніи Бельгіи къ Франціи, и что онъ остановленъ былъ только по настоянію одного изъ главныхъ актеровъ этой политической драмы. Мы не ручаемся за вѣрность этого слуха; мы можемъ сказать одно только, что съ этого времени отношенія между обѣими странами были постоянно, холодны и часто натянуты. Въ 1852 году г. Гранье де Кассаньякъ, въ ожида-

ниъ чего-нибудь лучшаго, грозилъ намъ войной тарифовъ, чтобы наказать насъ за свободу нашей печати; и въ самомъ дѣлѣ 14-го сентября французское правительство возвысило пошлины на бельгійское желѣзо и каменный уголь. Въ томъ же году появилась брошюра подъ заглавiемъ *Les limites de la France* (Границы Францiи), г. Ле-Массона, назначеннаго теперь префектомъ, брошюра, изданная безъ уплаты штемпельнаго налога, въ которой авторъ старался доказать, что Бельгiя, по своему естественному положенiю, должна принадлежать Францiи. Несмотря на то, все это пламя разрѣшилось однимъ дымомъ: торговый договоръ между Францiею и Бельгiею, котораго срокъ истекъ въ 1852 году, былъ возобновленъ, и брошюра г. Ле-Массона оставлена безъ послѣдствiй. Тѣмъ не менѣе отношенiя двухъ странъ оставались холодны, и всѣмъ памятна горячая выходка графа Валевскаго на парижскомъ конгрессѣ противъ свободы бельгiйской печати, выходка, тѣмъ болѣе неосновательная, что если французское правительство и подвергалось у насъ нападенiямъ со стороны нѣкоторыхъ мѣстныхъ журналовъ, то оно ни въ какомъ случаѣ не имѣло повода жаловаться на нашу международную печать. Впрочемъ и въ этомъ отношенiи оно было совершенно удовлетворено. Два года тому назадъ принятъ былъ законъ такъ называемаго офицiальнаго преслѣдованiя (*de la poursuite d'office*) для прекращенiя нападенiй на иностранныхъ государей, и дватри журнала, совершенно неизвѣстные, *Le Drapeau*, *Le Proletaire* и *Le Crocodile*, испытали на себѣ строгость этого закона. Наконецъ бельгiйское правительство оказало нѣкоторую уступчивость при удаленiи изгнанниковъ, пребыванiе которыхъ въ Бельгiи не нравилось ея могущественному сосѣду; но прежняя холодность не исчезла, и если отношенiя между обими правительствами хороши въ офицiальномъ смыслѣ, то никакъ нельзя сказать, чтобы довѣрiе и искренность играли въ нихъ значительную роль.

II.

Таковы были, въ продолженiи нѣсколькихъ вѣковъ, отношенiя наши къ нашему южному могущественному сосѣду. Нельзя сказать, чтобъ они могли назваться отношенiями добраго сосѣдства. Во всей этой цѣпи событiй, присоединенiе Бельгiи выступаетъ одною изъ постоянныхъ цѣлей французской политики, и, безъ оппозицiи другихъ державъ, это присоединенiе давно бы совершилось. Необходимо замѣтить, что во Францiи этотъ проектъ

пользуется большою популярностію между всѣми жителями, за исключеніемъ можетъ-быть богатыхъ промышленниковъ и не-большаго числа избранныхъ людей, которые ставятъ общіе интересы цивилизаціи выше удовлетворенія національной гордости. Въ Бельгіи же напротивъ того французское господство встрѣтитъ горячее сопротивленіе; необходимо, впрочемъ, въ интересахъ истины, обозначить при этомъ разницу между двумя населеніями, которыя дѣлятъ почти пополамъ нашу страну, отличаясь другъ отъ друга происхожденіемъ, нравами и языкомъ. Фламандцы, принадлежащіе къ германскому племени и говорящіе однимъ языкомъ съ Голландцами (все различіе между ихъ нарѣчіями заключается въ правописаніи и произношеніи нѣкоторыхъ словъ), обнаруживаютъ рѣшительную вражду къ Франціи, и еслибъ имъ пришлось выбирать, то они бы несравненно охотнѣе присоединились къ Голландіи. Напротивъ того, Валлоны, говорящіе французскимъ языкомъ, или мѣстнымъ нарѣчіемъ этого языка, не обнаружили бы такого сопротивленія. Даже въ провинціи Генегау, гдѣ большая часть угольныхъ копей и большихъ металлургическихкихъ заведеній принадлежитъ французскимъ капиталистамъ, гдѣ сверхъ того всѣ бы обрадовались уничтоженію зубчатой стѣны французской таможенной линіи, присоединеніе имѣетъ значительное число приверженцевъ, и французское господство могло бы утвердиться тамъ безъ большихъ затрудненій. Вотъ, говоря искренно, каково наше настоящее положеніе.

Вы видите изъ этого, что мы не безъ основанія чувствуемъ нѣкоторое безпокойство, обращая наши взоры на сторону Франціи. Итакъ, что должно предпринять для отвращенія опасностей, которыя могутъ поразить насъ съ этой стороны, опасностей, какъ доказываетъ опытъ, вовсе не мечтательныхъ? Должно ли положитьсь намъ на договоры и спокойно заниматься плодотворными работами промышленности, которая находится у насъ въ такомъ цвѣтущемъ состояніи? Или нужно намъ облечься тяжелою и дорогою броней укрѣпленій и многочисленнаго постоянного войска, какъ будто бы договоровъ и не было? Неужели на этомъ основаніи мы должны отказаться отъ несомнѣнныхъ выгодъ нашего нейтральнаго положенія, упроченнаго за нами со времени революціи 1830 года?

Вотъ вопросъ, который занимаетъ насъ въ теченіи двадцати лѣтъ, то-есть со времени договора 19 апрѣля 1839 года, положившаго конецъ нашимъ несогласіямъ съ Голландіей. Масса населенія охотно готова вѣрить трактатамъ и избавиться отъ тягостныхъ издержекъ по содержанію арміи: за то нашъ офиціальныи мѣръ сильно проникнуть воинственными идеями, особенно со времени основанія имперіи. Правительство успѣло уже увеличить средства

нашей защиты до такой степени, что бюджетъ нашего военного министерства въ настоящее время такъ же высокъ, *разумѣется относительно*, какъ бюджеты первостепенныхъ военныхъ державъ. Въ подтвержденіе словъ моихъ, заимствую нѣсколько интересныхъ цифръ изъ *Исторіи представительнаго правленія Бельгій* г. Ванденперебома (Vandenpeereboom), члена палаты представителей. Въ періодъ времени отъ 1830 до 1855, валовой доходъ королевства простирался до 3.206.977.461 фр., и изъ этого дохода употреблено было на военныя издержки 1.003.390.428 фр., слѣдовательно изъ доходовъ, простирающихся, среднимъ числомъ, до 127.500.000 фр., мы издерживали ежегодно на содержаніе войска болѣе 40 милл., или треть всѣхъ доходовъ, то есть столько же, сколько издерживаютъ Франція, Англія, Россія и Австрія, великія военныя державы, болѣе чѣмъ Пруссія, и гораздо болѣе, чѣмъ всѣ второстепенныя государства. И эти расходы все увеличивались съ 1848 года, что и натурально впрочемъ, потому что опасность, угрожающая намъ, также постепенно увеличивалась, и *возможность вторженія*, противъ котораго мы должны охранять себя, становилась все болѣе и болѣе вѣроятною. Бюджетъ военного министерства на 1860 г. былъ опредѣленъ въ 32.213.500 фр., но предполагаютъ, что съ чрезвычайными кредитами, которые ежегодно присоединяются къ обыкновеннымъ расходамъ, онъ поднимется выше 45 милл.

Увеличенію военныхъ расходовъ много содѣйствовала необходимость измѣненія нашей системы укрѣпленій, вслѣдствіе перемѣнъ въ нашемъ политическомъ положеніи и обязательствъ, принятыхъ нами въ силу конвенціи 14 декабря 1831 года, а также вслѣдствіе новыхъ требованій военного искусства. Наше правительство со дня на день отсрочивало выполненіе своихъ обязательствъ относительно пограничныхъ крѣпостей, но могъ наконецъ наступить день, въ который мы были бы принуждены выполнить ихъ. Итакъ, по всѣмъ этимъ соображеніямъ, необходимо было замѣнить новыми средствами защиты прежнія средства защиты, которыя съ каждымъ днемъ грозили разрушеніемъ, если не совершеннымъ, то по крайней мѣрѣ отчасти. Съ другой стороны прежняя система потеряла много своего значенія съ тѣхъ поръ, какъ пути сообщенія, умножаясь и совершенствуясь, дали возможность войскамъ обходить крѣпости, господствовавшія нѣкогда надъ всѣми дорогами, по которымъ могла проходить нападающая армія. Наконецъ войско наше было рѣшительно недостаточно, чтобы снабжать гарнизонами 25 крѣпостей и въ то же время отправлять полевую службу. Эти причины побудили назначить въ 1847 году комиссію изъ 27 офицеровъ, которой поручено составить новую си-

стему защиты государства. Эта коммиссія рѣшила уничтожить пограничныя крѣпости и сосредоточить въ Антверпенѣ всѣ средства нашей защиты. Въ силу этой системы, нужно было не только увеличить укрѣпленія Антверпена, но устроить еще передъ крѣпостью обширный укрѣпленный лагерь. Мнѣнія комитета были приняты, и съ тѣхъ поръ потребовались одинъ за другимъ различные кредиты для усиленія укрѣпленій Антверпена. Къ дѣлу приступили съ устройства ряда новыхъ фортвъ, вырыли новые бассейны, гораздо болѣе удобные для помѣщенія военныхъ кораблей, чѣмъ для торговыхъ цѣлей, наконецъ, въ прошедшемъ году, потребовали частнаго расширенія линіи укрѣпленій, то-есть распространенія части нынѣшняго крѣпостнаго вала для включенія въ него новыхъ бассейновъ. Этотъ проектъ повелъ къ жаркимъ преніямъ въ палатахъ, и былъ наконецъ оставленъ вслѣдствіе настоятельной оппозиціи антверпенскихъ депутатовъ. Антверпенцы требовали или совершеннаго уничтоженія пояса укрѣпленій, или большаго расширенія его во всѣхъ направленіяхъ, чтобъ онъ не препятствовалъ прогрессивному развитію ихъ города, и чтобъ онъ не грозилъ, въ случаѣ осады, совершеннымъ разрушеніемъ многочисленныхъ жилищъ, построенныхъ въ теченіи двадцати пяти лѣтъ въ районѣ военныхъ сооруженій и служащихъ пріютомъ для подгороднаго населенія въ 30 тысячъ жителей. Палата представителей согласилась на требованіе Антверпенцевъ. Тогда правительство рѣшилось разомъ потребовать общаго увеличенія укрѣпленій, разумѣя подъ этимъ совершенное уничтоженіе тѣперешней ограды и замѣну ея оградой, несравненно обширнѣйшею. Расходы, необходимыя при такой перемѣнѣ, оно исчислило въ 48 милл.; но это исчисленіе, по увѣренію знатоковъ, слишкомъ низко; необходимо увеличить его до 80 и даже до 100 милл., со включеніемъ орудій. Впрочемъ, чтобы представить свой проектъ, правительство дождалось результата выборовъ, происходившихъ въ прошедшемъ іюнѣ мѣсяцѣ для частнаго возобновленія законодательныхъ сословій (1). Такъ какъ результатъ этотъ оказался для него благопріятнымъ, то оно представило свой проектъ новому законодательному сословію, созванному въ чрезвычайное засѣданіе. Послѣ оживленныхъ преній, палата представителей приняла проектъ закона довольно слабымъ большинствомъ (57 голосовъ противъ 42), и всѣ увѣрены, что сенатъ, засѣдающій въ настоящую минуту, утвердитъ опредѣленіе палаты представителей (2).

(1) Представители у насъ избираются на четыре года; но палаты возобновляются на половину каждыя два года.

(2) Дѣйствительно, 7 сентября сенатъ принялъ проектъ закона большинствомъ 34 голосовъ противъ 15. Ред.

III.

Мнѣ остается теперь представить вамъ обзоръ главнѣйшихъ доводовъ, высказанныхъ, какъ въ палатахъ, такъ и въ печати, по поводу проекта закона, за и *противъ* него.

Пусть выскажутся сначала сторонники проекта закона.

Доводы ихъ были вполне изложены въ объяснительной рѣчи барона Шаала, военного министра. Впрочемъ, въ этихъ доводахъ, какъ вы замѣтите сами, есть нѣкоторая неполнота, потому что ораторъ рассматриваетъ проектъ закона съ одной только военной точки зрѣнія, ни мало не обращая вниманія ни на щекотливые вопросы народнаго права, поднимаемые укрѣпленіями Антверпена, ни на финансовыя и торговыя интересы страны, которымъ новая система можетъ нанести жестокое потрясеніе.

Поставивъ на видъ, что каждое государство нуждается въ особенной системѣ защиты, приспособленной къ его топографическимъ условіямъ, къ его финансовымъ средствамъ, къ характеру и нравамъ жителей, ораторъ представилъ перемѣны, произведенныя революціей 1830 года въ политическомъ и военномъ положеніи Бельгіи.

Нидерландское королевство, сказалъ онъ, входило въ составъ великой коалиціи, устроенной въ 1815 году противъ Франціи. Союзныя державы постарались указать ему систему защиты, сообразную съ этою цѣлю, до подписанія трактата, которымъ они обязались, въ случаѣ войны, выставить ему вспомогательное войско въ 60 тысячъ человекъ. Эта система, исключительно направленная противъ Франціи, была основана на четырехъ рядахъ укрѣпленныхъ мѣстъ, изъ которыхъ каждому указана была опредѣленная цѣль. Первый рядъ долженъ былъ содѣйствовать вмѣшательству Англіи. Онъ состоялъ изъ крѣпостей Остенде, Ньепора, Иперна, Менина, Турне, Уденарда, Гента, Термонда и Антверпена. Онъ защищалъ южную границу отъ моря до Шельды и все теченіе этой рѣки отъ Турне до Антверпена. Это былъ огромный *тетъ-де-понъ* (1), дававшій возможность Англичанамъ высадиться безпрепятственно въ эту часть материка черезъ Антверпень или Остенде и укрыться въ немъ, а потомъ, въ случаѣ неудачи, выбраться снова въ открытое море.

(1) Передовое укрѣпленіе на мостахъ, tête de pont.

Этотъ рядъ укрѣпленій, образовавшій родъ *тетъ-де-нона* на материкѣ, опирался на Зеландскую Фландрію, находившуюся подъ прикрытіемъ укрѣпленій Гульста, Акселя, Слейса и Флессингена. Второй рядъ крѣпостей долженъ былъ содѣйствовать вмѣшательству Германіи. Онъ заключалъ въ себѣ Люксембургъ, Бульйонъ, Филиппвиль, Мариенбургъ, Динанъ, Намюръ, Гюи, Люттихъ, Мاستрихтъ и Венлоо. Эти крѣпости, вмѣстѣ съ Маасомъ и Самброю должны были прикрывать шествіе германскихъ войскъ. Третій рядъ укрѣпленныхъ мѣстъ замыкалъ промежутокъ между Шельдою и Маасомъ, и назначенъ былъ для прикрытія движеній войска, параллельныхъ съ французскою границей. Атъ, Монсъ и Шарлеруа были сооружены съ этою цѣлю. Наконецъ четвертый рядъ крѣпостей охранялъ и прикрывалъ, вмѣстѣ съ Вагаломъ и устьями Рейна и Мааса, голландскія провинціи, которыя составляли великій *редюитъ* всей системы.

«Изъ представленнаго нами объясненія видно, что система защиты Нидерландскаго королевства была устроена преимущественно съ тою цѣлю, чтобы содѣйствовать предпріятіямъ союзныхъ державъ противъ Франціи, и что она опиралась на различные ряды крѣпостей, имѣвшіе опредѣленное назначеніе, и долженствовавшіе, во время войны, получить гарнизоны отъ Нидерландскаго королевства и его союзниковъ.»

«Отдѣленіе наше отъ Голландіи опрокинуло всѣ эти комбинаціи. Союзный трактатъ, обязывавшій иностранныя державы доставить Нидерландамъ 60 тысячъ войска на ихъ защиту, уже не существуетъ. Мы полагаемся можемъ только на собственныя силы. Впрочемъ принятый нами нейтралитетъ не дозволяетъ намъ придерживаться системы защиты, направленной противъ одной какой-нибудь державы.»

Далѣе ораторъ доказывалъ, что открытіе большаго числа новыхъ путей сообщенія значительно ослабило дѣйствительность прежней системы. Потомъ онъ приступилъ къ изложенію новой системы, состоящей въ томъ, чтобъ уменьшить число маленькихъ крѣпостей и замѣнить ихъ одною большою укрѣпленною позиціей, которая могла бы служить основаніемъ и центромъ военныхъ дѣйствій.

«Принципъ раздробленія силъ, продолжалъ онъ, повелъ бы только къ возстановленію идей, господствовавшихъ въ вѣка анархіи и младенчества военнаго искусства, когда каждый народъ, каждое мѣстечко были окружены укрѣпленіями. По мѣрѣ развитія успѣховъ военнаго искусства, обнаружались недостатки подобной системы, и наконецъ всѣ единодушно убѣдились въ той простой и такъ долго непризнанной истинѣ, что желать охранить все значить не имѣть нигдѣ силы и лишиться всего въ

короткое время. Отрицать это въ настоящее время все равно, что не признавать очевиднаго. Не нужно быть стратегистомъ, чтобы понять всѣ преимущества крѣпкой позиціи, передъ которою армія можетъ сосредоточиться и безопасно держаться до той минуты, когда наступитъ благоприятное время для наступательнаго дѣйствія, отдѣльно ли, или въ соединеніи съ державами, которыя найдутъ нужнымъ оказать намъ помощь; для страны она будетъ гораздо важнѣе нѣсколькихъ крѣпостей, на занятіе которыхъ неприятелю потребно будетъ *гораздо меньше времени*, чѣмъ на овладѣніе центральнымъ пунктомъ. Истину сказаннаго нами очень ясно понимали многіе великіе полководцы.

• Приведу мнѣнія знаменитѣйшихъ. Фридрихъ Великій, далеко опередившій свой вѣкъ, выражался слѣдующимъ образомъ въ инструкціи своимъ генераламъ: «Оборонительная война ведетъ къ дѣйствію отрядами, потому что мало опытные генералы стараются сохранить все. Болѣе благоразумные имѣютъ въ виду только главные пункты; они терпѣливо переносятъ малое зло, чтобъ избѣжать большаго». Эрцгерцогъ Карлъ, въ сочиненіяхъ своихъ, составляющихъ авторитетъ въ этомъ дѣлѣ, высказываетъ то же мнѣніе: «Если средства противника значительнѣе, говоритъ онъ, то болѣе всего надо остерегаться, чтобы не раздробить своихъ силъ; иначе можно потерять возможность спасти рѣшительный пунктъ, который одинъ только и заслуживаетъ всего вниманія и всѣхъ усилій». Герцогъ Веллингтонъ былъ совершенно того же мнѣнія и даже имѣлъ случай приложить къ дѣлу систему, которой мы отдаемъ преимущество. Французы овладѣли Португаліей. Герцогъ Веллингтонъ отправленъ былъ съ англійскимъ войскомъ для изгнанія ихъ изъ этой страны. Генералъ Жюно, командовавшій французскою арміей, раздробилъ свои силы. Онъ былъ разбитъ при Вимейро и, послѣ этого пораженія, принужденъ былъ очистить Португалію. Какъ же поступилъ тогда герцогъ Веллингтонъ? Онъ немедленно положилъ основаніе главному средоточію военныхъ дѣйствій, и укрѣпленный лагерь его былъ гораздо обширнѣе того, который мы предполагаемъ устроить въ Антверпенѣ. Гдѣ же поставилъ онъ этотъ лагерь? На границѣ можетъ-быть? Нисколько; онъ помѣстилъ его на значительномъ разстояніи отъ границы, въ Торрестъ-Ведра, на югѣ Португаліи.»

Затѣмъ ораторъ приводитъ мнѣніе Наполеона, потомъ старается доказать, что великія стратегическія позиціи, въ родѣ той, которую предположено устроить въ Антверпенѣ, не только не стѣсняють оборонительнаго движенія арміи, какъ думаютъ нѣкоторые противники проекта, но напротивъ того дѣлаютъ его болѣе вѣрнымъ, удобнымъ и дѣйствительнымъ.

• Не очевидно ли послѣ этого, продолжалъ онъ, что армія, дѣйствія которой опираются на непреступной позиціи, гдѣ ее можно переформировать и пополнить, обнаружить большую самоувѣренность, большую смѣлость въ нападеніи, чѣмъ та армія, которая, при первой неудачѣ, должна разсѣяться по разнымъ мѣстамъ, не имѣя нигдѣ надежнаго убѣжища и тѣмъ самымъ подвергаясь опасности быть разбитой по частямъ, что случилось съ прусскою арміею при Іенѣ и Ауэрштедтѣ? Мнѣ кажется, что никто не возьмется оспаривать такую простую и осязательную истину. Не очевидно ли также, что устройство великаго стратегическаго пункта, который послужитъ основаніемъ военныхъ дѣйствій, основаніемъ снабженія войскъ и убѣжищемъ для бельгійской арміи, увеличить наступательную силу этой арміи, а нисколько не уменьшить ея, и что съ военной точки зрѣнія невозможно придумать ничего лучшаго для безопасности государства? Еслибы нужно было еще болѣе подтвердить эти соображенія, то я бы повторилъ снова, что разсѣяться по двадцати различнымъ пунктамъ значитъ быть слабымъ повсюду; что напротивъ того сосредоточиться на одномъ пунктѣ, обезпечивъ себя прочное основаніе военныхъ операцій, твердую точку опоры, гдѣ бы находились всѣ наши военныя средства, все наше продовольствіе, всѣ боевые снаряды, откуда бы можно было выдвинуться въ полной силѣ и направить сплоченную и хорошо организованную массу туда, гдѣ бы нападеніе ея было всего дѣйствительнѣе,—это значитъ быть сильнымъ на всѣхъ пунктахъ, быть готовымъ встрѣтить непріятеля вездѣ, гдѣ бы онъ ни появился.

• Знайте же, Мм. Гг., что странѣ нашей грозитъ гибель и безчестіе, если мы запремъ и разбросаемъ нашу армію по двадцати крѣпостямъ, которыя большею частію уже потеряли свое стратегическое значеніе, и которыя, если ихъ предоставить самимъ себѣ, не въ состояніи будутъ поставить непріятелю никакой серьезной преграды.

• При нашей же системѣ, непріятель долженъ будетъ выдерживать борьбу не съ одною только арміею. Онъ будетъ знать, что за нею находится мѣсто, снабженное значительнымъ вооруженіемъ, которое дастъ разбитой арміи всѣ средства продолжать борьбу при условіяхъ болѣе благоприятныхъ. Для осады этой позиціи нужно будетъ много матеріальныхъ силъ, и соединеніе ихъ потребуетъ неслыханныхъ издержекъ, долговременныхъ работъ, употребленія въ дѣло всѣхъ средствъ, которыми располагаютъ однѣ только первостепенныя военныя державы.

• Вотъ истины, принятыя комиссіею за основаніе составленной ею системы защиты. Эти истины въ наше время признаны

всѣми: нѣтъ державы, которая бы не старалась замѣнить свои мелкія укрѣпленія большими оборонительными позиціями, которыя бы могли служить опорой и мѣстомъ убѣжища для дѣйствующей арміи. Укрѣпленные лагеря Линца, Ульма, Вероны, Кобленца, Александрии, Генуи, Парижа устроены были съ этою цѣлю.»

Въ заключеніе ораторъ доказывалъ, что Антверпенъ, какъ главный стратегическій пунктъ, по своему положенію на большой рѣкѣ, приводящей его въ сообщеніе съ моремъ, имѣетъ огромное преимущество передъ другими городами, каковъ напримѣръ Брюссель, который многіе хотѣли обратить въ крѣпость на томъ основаніи только, что онъ столичный городъ.

Эта рѣчь была замѣчательна въ высшей степени, и я полагаю, что вы не постѣujete на меня за то, что я представилъ вамъ ея содержаніе. Главное достоинство ея заключается въ чрезвычайно-вѣрныхъ соображеніяхъ о неудобствахъ прежней системы раздробленія силъ и о преимуществахъ ихъ сосредоточенія. Но неужели вопросъ объ укрѣпленіяхъ Антверпена должно было разсматривать въ одномъ только спеціальному отношеніи сравненія этихъ двухъ системъ? Неужели все дѣло заключалось въ простомъ рѣшеніи, будемъ ли мы по прежнему имѣть большое число малыхъ крѣпостей, или одну большую крѣпость съ извѣстнымъ числомъ вспомогательныхъ сооружений? Нѣтъ, на глаза противниковъ проекта, вопросъ былъ обширнѣе, онъ не ограничивался одними военными интересами, онъ заключалъ въ себѣ также интересы политическіе, экономическіе и финансовые, и вотъ различныя соображенія, которыми они старались подкрѣпить свое мнѣніе.

Разсматривая прежде всего вопросъ съ точки зрѣнія международнаго права, противники проекта поставили на видъ положеніе, въ которомъ мы находимся, и обязательства, наложенныя на насъ трактатами. Вотъ двѣ статьи трактата 19-го апрѣля 1839, на которыя они болѣе всего ссылались:

«Ст. 7. Бельгія составитъ государство независимое и постоянно нейтральное. Она обязывается соблюдать одинаковый нейтралитетъ въ отношеніи ко всѣмъ другимъ государствамъ.»

«Ст. 15. Антверпенскій портъ, согласно съ 15 ст. трактата 30 мая 1814 г., останется по прежнему исключительно коммерческимъ портомъ.»

Возможно ли будетъ, говорили противники проекта, по прежнему почитать *исключительно коммерческимъ портомъ* Антверпенъ, увеличенный и усиленный, съ его новыми бассейнами, вовсе неумѣстными при назначеніи чисто коммерческому, съ его корабельными верфями, съ его морскими и военными арсена-

лами, съ его огромными складами разнородныхъ запасовъ, достаточныхъ для снаряженія флота или сухопутнаго войска? Напрасно возражаютъ, что, обязывая насъ дать Антверпену исключительно торговое назначеніе, насъ не обязывали разрушить ея стѣны; можно ли поручиться въ томъ, что, измѣняя совершенно порядокъ вещей, существовавшій въ 1839 году, обращая Антверпенъ въ первоклассную крѣпость, не обратятъ также при случаѣ и гавани его въ военный портъ? Можно ли сказать утвердительно, что она сохранитъ назначеніе исключительно коммерческое? Не нужно ли было по крайней мѣрѣ посовѣтоваться съ державами покровительницами нашего нейтралитета объ истолкованіи этой важной статьи трактата, утвержденного ихъ подписью?

Далѣе, Бельгія образована какъ государство независимое и постоянно нейтральное, и она обязана соблюдать одинаковый нейтралитетъ относительно всѣхъ прочихъ государствъ. Какъ понимать это? Не такъ ли, что Бельгія отказывается отъ права вести войну, и что, въ случаѣ несогласія ея съ другою націей, она должна предоставить великимъ державамъ, обязавшимъ ее къ сохраненію постояннаго нейтралитета, рѣшеніе этого несогласія? Съ другой стороны, налагая на насъ обязанность сохраненія постояннаго и общаго нейтралитета, не обязались ли этимъ самымъ великія державы охранять насъ отъ всякаго нападенія со стороны чужеземцевъ? Нація, задумавшая напасть на Бельгію, будетъ имѣть дѣло не съ одною бельгійскою націей, но еще съ пятью великими державами, покровительницами Бельгіи. Если на примѣръ Голландія вздумаетъ снова объявить намъ войну, то, тотчасъ же, въ силу 7 статьи трактата 19 апрѣля 1839 года, великія державы, обезпечившія нашъ нейтралитетъ, обязаны будутъ подать намъ помощь. Если нападеніе произойдетъ со стороны одной изъ державъ, подписавшихъ трактатъ, то обязательство охранять насъ останется во всей своей силѣ для четырехъ остальныхъ. Но если пять великихъ державъ, подписавшихъ трактатъ 19-го апрѣля 1839 года, имѣютъ, въ силу этого трактата, положительное право не допускать насъ до войны, и если съ другой стороны онѣ обязаны защищать насъ противъ націй, которыя нападутъ на насъ, то что же изъ этого слѣдуетъ? Что мы находимся у нихъ *подъ опекою*, по крайней мѣрѣ относительно нашей внѣшней защиты; что вслѣдствіе этого мы не имѣемъ права сами распоряжаться нашею защитой по своему усмотрѣнію; что мы должны при каждомъ случаѣ просить совѣта у *всѣхъ* державъ - покровительницъ, обезпечивающихъ нашъ нейтралитетъ постоянный и общій. Исполнили мы эту непремѣнную обязанность, наложенную на насъ трактатами? Посовѣтовались ли мы, приступая къ совершенному измѣненію системы нашей защиты,

съ Англіей, Пруссіей, Австріей, Россіей и Франціей? Обсудили ли мы, какъ повелѣвала намъ наша обязанность, вмѣстѣ съ ними это дѣло? Получили ли мы согласіе каждой изъ этихъ державъ?

На это возраженіе, появлявшееся въ печати, защитники проекта не отвѣчали. Сначала правительственные журналы увѣрили, что Франція нисколько не противится увеличенію антверпенскихъ укрѣпленій, что она даже благопріятствуетъ ему, и въ доказательство этого приводили извѣстіе, что военное министерство получило благосклонное сообщеніе плановъ антверпенскихъ укрѣпленій, составленныхъ во время первой имперіи; но потомъ два французскіе журнала *Patrie* и *Pays* сильными нападеніями на проектъ закона (послѣдній съ помощію воинственнаго пера г. Гранье де-Кассаньяка), не опровергнутыми въ *Монитеръ*, какъ то было съ брошюрою г. ле Массона въ 1852 году, возбуждали сильное сомнѣніе въ сочувствіи императорскаго правительства. Наконецъ устройство новаго военнаго округа въ Лиллѣ подъ начальствомъ маршала Макъ-Магона рѣшило всѣ сомнѣнія на этотъ счетъ.

Итакъ, увеличивая антверпенскія укрѣпленія, не посоветовавшись предварительно съ державами, покровительницами нашего нейтралитета, мы подвергаемъ себя, — продолжали противники проекта, — тому, что онѣ въ свою очередь почтутъ себя свободными отъ трактатовъ, которыхъ статьи мы не думаемъ соблюдать свято и ненарушимо. Мы дѣлаемъ недѣйствительными эти трактаты, которые однакоже составляютъ самую сильную изъ нашихъ крѣпостей. Мы даемъ напримѣръ Франціи поводъ оправдать себя въ томъ случаѣ, если ей вздумается ихъ нарушить. Не поступаемъ ли мы еще хуже? Въ случаѣ европейской войны, или даже въ случаѣ войны между Франціей и Англіей, не сдѣлаемъ ли мы *занятіе* Бельгіи необходимымъ для Франціи? Сдѣлавшись *тетъ-де-пономъ* Англіи на материкѣ и служа дополненіемъ къ системѣ бельгійскихъ крѣпостей (если три изъ нихъ и скрыты до сихъ поръ, то 22 остаются въ цѣлости и, какъ кажется, никто не думаетъ ихъ срывать), не будетъ ли Антверпенъ господствовать надъ всею сѣверною границей Франціи, единственною, которая не прикрыта ни моремъ, ни рѣками, ни горами? Безъ сомнѣнія Франціи нечего опасаться съ этой стороны, если Бельгія во всякомъ случаѣ сохранитъ строгій нейтралитетъ; но сохранитъ ли она этотъ нейтралитетъ, въ состояніи ли она будетъ сохранить его? Напримѣръ въ случаѣ войны между Франціей съ одной стороны, и Пруссіей и Англіей съ другой, не будетъ ли она вовлечена въ кругъ дѣйствій двухъ послѣднихъ державъ и не окажется ли она имъ рѣшительнаго со-

дѣйствія передачею въ ихъ руки твердыни, господствующей надъ единственно-доступною границей Франціи? Не будутъ ли въ правѣ Французы предупредить эту опасность успѣшнымъ занятіемъ позицій, которыя, будучи отданы въ руки ихъ непріятелей, могутъ рѣшить войну не въ ихъ пользу? Не могутъ ли они, при такомъ случаѣ, въ оправданіе свое передъ прочими державами, сослаться на народное право, дозволяющее принимать всѣ мѣры предосторожности противъ націи, нейтралигетъ которой сомнителенъ, и которая занимаетъ военныя позиціи необыкновенной важности? Не могутъ ли они объявить намъ, что намѣрены занять Бельгію *временно*, чтобы предупредить своихъ непріятелей? Къ этому необходимо прибавить, что еслибы Французамъ вдумалось сдѣлать высадку въ Англію, то занятіе антверпенской крѣпости было бы для нихъ дѣломъ первой необходимости, и особенно, если укрѣпленія ея будутъ увеличены. Увеличивая укрѣпленія Антверпена, обращая его въ первостепенный военный пунктъ, не создаемъ ли мы для Франціи *военной необходимости* занять Бельгію въ случаѣ войны? Не увеличиваемъ ли мы тѣмъ опасностей нападенія? Не значить ли это ставить громоотводъ за тѣмъ, чтобы привлечь на себя удары молніи?

И дѣйствительно ли наша новая система защиты доставить намъ возможность, какъ увѣряютъ, настоящимъ образомъ охранить государство отъ вторженія, которое по нашей собственной винѣ стало вѣроятнѣе, потому что оно и выгоднѣе теперь для нашихъ южныхъ сосѣдей и даетъ имъ случай оправдать себя? Безъ сомнѣнія, правительство можетъ найти убѣжище и безопасность въ Антверпенѣ, по крайней мѣрѣ на первый разъ, но развѣ правительство и страна одно и то же? Если 4½ милліоновъ Бельгійцевъ принуждены будутъ переносить всѣ бѣдствія вторженія, кормить непріятельскія войска, уплачивать военныя контрибуціи и проч., то къ чему же имъ было издерживать 1200 милліоновъ на военные расходы? Ихъ будутъ защищать, положимъ; но такъ какъ, защищая ихъ, надобно будетъ все-таки оставить въ резервѣ армію не менѣе 60 тысячъ человекъ для охраненія *редюита*, то невозможно будетъ предпринять никакого важнаго движенія, невозможно будетъ отважиться на битву гдѣ-нибудь на границѣ, хотя бы отъ успѣха этой битвы зависѣло спасеніе страны; невозможно потому, что въ случаѣ неудачи *редюитъ* останется безъ всякой защиты. Странный способъ защиты тотчасъ же отдавать въ руки непріятелей страну, объ охраненіи которой идетъ дѣло! Когда Китайцы задумали укрыться отъ вторженія Татаръ, то они выстроили свою великую стѣну вдоль по границѣ, откуда имъ грозила опасность; они и не подумали выстраивать ее на противоположной границѣ. Въ самомъ ли дѣлѣ мы далеко оставили за собою Китайцевъ?

Къ этимъ соображеніямъ юридическимъ, политическимъ и военнымъ присоединяются еще соображенія экономическія, которые имѣютъ не меньшее значеніе. Антверпенъ есть великій торговый центръ и сверхъ того единственный коммерческій портъ въ Бельгіи. Обращая его въ первостепенный военный пунктъ и въ ограду національной независимости, его подвергаютъ не только всѣмъ ужасамъ бомбардированія и уничтоженія огромнаго количества товаровъ, снесенныхъ туда торговлею, но, что еще ужаснѣе, въ случаѣ войны, или просто въ ожиданіи ея, торговля оставитъ его гавань и переселится въ города, которые не подвержены подобнымъ случайностямъ, въ Роттердамъ, въ Амстердамъ, въ Бременъ и въ Гамбургъ. Напротивъ того, Антверпенъ, оставаясь простымъ коммерческимъ портомъ, былъ бы совершенно безопасенъ во время войны: новѣйшее народное право охранило бы его, какъ оно охранило нѣкогда Одессу, Триестъ и Фіуме. Соединить торговлю и войну въ одномъ мѣстѣ значитъ добровольно подвергать опасности интересы торговли; это значитъ также стѣснять войну, потому что не вдругъ можно рѣшиться подвергать истребленію богатства, собранныя торговлею въ большой коммерческой метрополи. Что же мы видимъ въ этомъ отношеніи у народовъ образованныхъ? Всѣ они болѣе и болѣе стараются соображаться съ принципомъ раздѣленія труда и отдѣляютъ свои военныя заведенія отъ заведеній торговыхъ. На Черномъ морѣ Россія имѣла военный портъ въ Севастополѣ и торговый въ Одессѣ; Франція для первой цѣли имѣетъ Тулонъ, Брестъ и Шербургъ, для второй Марсель, Бордо, Нантъ и Гавръ; Англія сосредоточиваетъ всѣ средства защиты въ Плимутъ, Портсмутъ и Ширнессъ, торговлю свою въ Лондонъ, Ливерпуль, Гулль и проч. Наконецъ Сардинія перевела недавно заведенія своего военнаго флота изъ Генуи въ Спецію. Мы одни только въ этомъ отношеніи идемъ наперекоръ прогрессу; мы бессмысленно соединяемъ то, что разлучаетъ прогрессъ.

Наконецъ противники проекта возставали противъ совокупности военной системы, дополненіемъ которой служатъ антверпенскія укрѣпленія. вмѣсто того, чтобъ отягощать народъ разорительнымъ бременемъ военнаго бюджета, поглащающаго треть нашихъ ежегодныхъ доходовъ, вмѣсто того, чтобы воздвигать новыя укрѣпленія, лучше уменьшивъ нашъ бюджетъ, говорили они, сроемъ наши крѣпости. Тогда мы въ состояніи будемъ обойтись безъ конскрипціи, которая такъ страшно тяготѣетъ у насъ надъ низшими классами, уменьшить наши налоги и дѣятельно приняться за увеличеніе благосостоянія массъ. Такимъ образомъ мы все крѣпче и крѣпче будемъ привязывать жителей къ нашей національности: они будутъ охотнѣе защищать ее, когда увидятъ, что

нею сопряжены ихъ собственные интересы. Наступитъ день сноты,—а этотъ день наступитъ не скоро, если въ Бельгiи будетъ укрѣпленныхъ мѣстъ, приобретение которыхъ такъ но для воюющихъ державъ,—и вся нація возстанетъ на защиту еждней, которыя ей обезпечиваютъ вполне свободу и благо- ствiе.

Та сторона вопроса была раскрыта необыкновенно ясно имъ изъ представителей, достопочтеннымъ г. Комансомъ, принадлежащимъ къ самой маленькой фракціи прогрессивной олической партiи. Рѣчь его прочтется съ интересомъ и за дѣлами нашей страны, потому что въ ней заключаются исти- общепонятныя и общепользныя.

Мм. Гг.! Желая высказать вамъ вполне мысль мою, я прежде го замѣчу, что великая перемѣна готова совершиться въ судь- сть нашей страны, что изъ государства нейтральнаго, трудо- биваго и мирнаго, какимъ она была до сихъ поръ и какимъ дасть остаться, ее стараются преобразовать въ государство нное, ей противъ воли навязываютъ славную, но разоритель- ю роль въ случайной борьбѣ между великими державами. Не ово назначеніе Бельгiи, не таковы ея интересы. Каждому на- ду свое призваніе. Признаюсь вамъ, что мнѣ нисколько не изительно быть гражданиномъ небольшой страны, которой зачѣмъ собирать лавры за горами и морями, и что я буду въ чаініи, если мои соотечественники вздумаютъ возобновить ка- бы то ни было крестовыя походы, хотя бы имъ суждено было скрестить всѣхъ Готфридовъ, Робертовъ и Балдуиновъ. Все столубіе мое, какъ Бельгiйца, сознаюсь смиренно, заключается томъ, чтобы мое отечество обречено было на вѣчный миръ и сопряженныя съ нимъ прозаическія наслажденія. Гарантію зависимости и учрежденій небольшой страны никогда не жетъ дать ей армія, какъ бы ни была она мужественна. Ган- тія эта болѣе всего заключается въ несокрушимомъ патріо- змѣ, которымъ общественное благосостояніе одушевляетъ сво- дныхъ и образованныхъ жителей. Сдѣлаемъ Бельгiю образцо- ю націей, отличимъ ее отъ другихъ, распространяя въ ней всѣ плѣхи цивилизаціи; будемъ набирать въ солдаты только охотни- овъ, уменьшимъ налоги, упростимъ нашу административную истему, уничтожимъ всѣ обветшалыя формы ея, обогатимъ но- ю жизнью всѣ отрасли народнаго труда, сдѣлаемъ согражданъ шихъ счастливыми и гордыми своею участіемъ, и будьте увѣ- ны, въ минуту опасности, полмилліона Бельгiйцевъ возьмутся оружіе противъ безразсудной державы, которая задумаетъ по- рить насъ. Эта нравственная сила внушила бы мнѣ гораздо олѣе довѣренности, чѣмъ всѣ твердыни Антверпена.»

«Любя миръ, я не люблю большихъ армій, которыя естественно тяготеютъ къ войнѣ, подобно тому, какъ склады пороха постоянно угрожаютъ взрывомъ. Оставаясь государствомъ трудолюбивымъ, мирнымъ и свободнымъ, Бельгія, по всѣмъ вѣроятностямъ, никогда не вмѣшается въ европейскія распри; обращаясь въ государство военное, она создастъ себѣ относительно важную, которая можетъ внушить ея могущественнымъ сосѣдямъ опасенія, или по крайней мѣрѣ поведетъ ихъ къ принятію предосторожностей, пагубныхъ для ея будущности. Я опасаюсь даже, что мы накличемъ на себя бѣду этимъ шумомъ, который мы въ послѣднее время поднимаемъ на всю Европу; не лучше ли бы намъ было вести себя такъ, какъ ведутъ себя честныя домовитыя хозяйки, которыя не заставляютъ много говорить о себѣ?»

«Такъ какъ наши государственная казна очень богата, и такъ какъ нѣтъ намѣренія уменьшить налоги, то я бы желалъ прибавить милліоновъ пятьдесятъ на улучшеніе нашихъ дорогъ, рѣкъ, училищъ, общественныхъ зданій, всего, что разливаешь просвѣщеніемъ въ народѣ. На этомъ поприщѣ торжество наше было бы неоспоримо, и намъ бы нечего было завидовать другимъ націямъ, которыя бы торжествовали на иныхъ путяхъ. Ужъ конечно потомство не упрекнуетъ насъ за то, что мы вступили на священный путь, на которомъ мы предпочли процессіи промышленности и искусства процессіямъ военнымъ.»

«Вотъ мечты моего патріотизма, не менѣе чистаго,—говорю это утвердительно,—не менѣе возвышеннаго, чѣмъ какой бы то ни было патріотизмъ. Мечты, сказалъ я, и въ самомъ дѣлѣ во многихъ вопросахъ, и въ этомъ особенно, я имѣю свои собственныя мнѣнія, которыя повидимому возбуждаютъ мало сочувствія въ обѣихъ партіяхъ, раздѣляющихъ нашу палату. Я покорюсь горькой необходимости оставаться при своемъ одинокомъ мнѣніи, покорюсь ей съ грустью и безъ суетности. Дай Богъ, чтобы я ошибался, чтобы будущее не оправдало меня, и чтобы мечты мои не обратились когда-нибудь въ страшную дѣйствительность на развалинахъ Антверпена.»

Но эти доводы, равно какъ и многіе другіе, которые я опускаю, не имѣли никакого успѣха. Проектъ закона былъ принятъ, правда, не безъ труда; правда и то, что министерство дѣйствовало на палату съ необыкновеннымъ усиліемъ и привело въ движеніе всѣ пружины, даже тѣ, которыя иногда допускаются политикою, но отвергаются нравственностію. Такъ напримѣръ, въ противность духу нашихъ постановленій, въ дѣло вмѣшался король, чтобы убѣждать представителей къ принятію проекта, и пущено было въ ходъ все вліяніе, какимъ только располагаетъ дворъ; потомъ,

чтобъ облегчить принятіе проекта, къ нему присоединили цѣ-
лый рядъ проектовъ, относящихся къ общественнымъ работамъ,
железнымъ дорогамъ, каналамъ и проч.; послѣдніе должны были,
относительно жителей, недовольныхъ проектомъ закона объ
укрѣпленіяхъ, разыгрывать роль знаменитаго Церберова пирога;
разумѣется, при этомъ дано было почувствовать, что если не
пройдутъ укрѣпленія, то и пирогъ общественныхъ работъ бу-
детъ взятъ обратно. Однимъ словомъ, всё средства казались доз-
воленными для того, чтобы заставить принять проектъ, дѣйстви-
тельность котораго тѣмъ болѣе сомнительна, что новыя укрѣпле-
нія невозможно привести къ окончанію ранѣе нѣсколькихъ лѣтъ,
то-есть въ такую эпоху, когда, по всѣмъ вѣроятностямъ, тучи,
застылающія теперь европейскій горизонтъ, разсѣются, если не
разразятся грозою.

Я долженъ извиниться передъ вами, что такъ долго занималъ
васъ однимъ вопросомъ, но этотъ вопросъ—не трудно убѣдиться
въ этомъ—касается всей Европы столько же, сколько и Бельгіи;
подробности, которыя я сообщилъ вамъ, могутъ приобрести
чрезвычайный интересъ, если событія,—отъ которыхъ да изба-
вить насъ Богъ!—разразятся надъ нашими головами, если когда-
нибудь молнія нападенія ударитъ по направленію нашего ант-
верпенскаго громоотвода.

Г. де-Молинали.

СПОСОБНЫ ЛИ ЕВРЕИ КЪ ВОЕННОЙ СЛУЖБѢ?

Вопросъ, поставленный нами во главѣ этой статьи, у мно-
гихъ читателей несомнѣнно вызоветъ улыбку язвительно-сарка-
стическую. Стоить ли толковать о такомъ предметѣ, скажетъ
большинство? кто жь не знаетъ, что евреи и не склонны и не
способны къ военной службѣ? Вѣдь только одинъ г. Герсевановъ,
на основаніи странныхъ сближеній и фантазій, могъ объявить
евреевъ народомъ «кровожаднымъ и воинственнымъ!» (1)

Мы совершенно согласны въ томъ, что всё сближенія, фантазіи и
выводы г. Герсеванова странны, и даже очень странны. Мы да-
леки отъ того, чтобъ идти по его стопамъ и представлять читате-
лямъ нашимъ иныя сближенія и иныя фантазіи. Мы желаемъ только
обратить вниманіе читателей на нѣкоторые факты, весьма стран-
ные, правда, но крайне любопытные. Факты эти относятся къ

(1) Статья г. Герсеванова о евреяхъ см. *Северную Пчелу*, 1859 г. №№ 63
и 64.

вопросу, насъ занимающему, и отъ нихъ не можетъ и не долженъ отказаться никто, кто думаетъ, что сужденія должны быть основаны прежде всего на фактахъ. Въ сужденіяхъ о евреяхъ факты обыкновенно играютъ весьма незначительную роль; ихъ мѣсто занимаютъ обыкновенно различныя чувства, воспоминанія, сближенія, такъ-называемыя наблюденія и т. д. Но да позволено намъ будетъ уклониться отъ этого обыкновеннаго пути и предпослать нашему сужденію нѣкоторые *несомнѣнные факты*.

Во Франціи живетъ около 100.000 евреевъ, пользующихся съ 1791 года полными правами политическими и гражданскими наравнѣ съ другими гражданами этой страны. Они закономъ и обществомъ *натурализованы*, то-есть считаются Французами еврейскаго вѣроисповѣданія. Между французскими евреями есть много потомковъ испанскихъ и португальскихъ евреевъ, составляющихъ, какъ извѣстно, особенный типъ, но большинство ихъ, населяющее Альзасъ, прирейнскіе департаменты и Парижъ, составляютъ такъ называемые нѣмецкіе евреи, къ которымъ принадлежатъ и наши, русскіе и польскіе, евреи.

Французская революція застала французскихъ евреевъ въ самомъ жалкомъ состояніи; степень образованія, образъ жизни и весь бытъ большинства ихъ были тѣ же, какъ и большинства современныхъ польскихъ евреевъ. Народъ не любилъ ихъ и часто преслѣдовалъ подъ разными предлогами. Когда въ засѣданіи національнаго собранія, 23 декабря 1789 года, графъ Клермонъ-Тоннеръ (Clermont-Tonnerre) предложилъ уравнивать въ гражданскихъ правахъ «протестантовъ, евреевъ, актеровъ и палачей», противъ евреевъ поднялась страшная буря. Они не граждане, говорилъ Ребель (Rewbel), они сами себя не считаютъ гражданами. Они не достойны быть гражданами, прибавилъ аббатъ Мори (Mory), они составляютъ особенный народъ, а не религіозную секту. Они образуютъ государство въ государствѣ. Ихъ отечество не наше, ихъ законы не наши, ихъ нравы не наши. Что они намъ дадутъ въ замѣнъ гражданскихъ правъ, которыя мы имъ дадимъ? Они не воины, не землевладѣльцы, не промышленники: они не знаютъ другаго занятія, кромѣ лихвы. Почтенный аббатъ умолялъ собраніе, ради самихъ евреевъ, ради ихъ блага и спасенія, не даровать имъ гражданскихъ правъ. Такая огромная и незаслуженная милость, увѣрялъ онъ, вызоветъ народную ненависть и увлечетъ народъ къ преслѣдованіямъ. Епископъ нансійскій, Ла-Фаръ (La Fare), былъ тѣго же мнѣнія. «Народъ ненавидитъ евреевъ, говорилъ онъ; въ Альзасѣ ихъ часто преслѣдуютъ; четыре мѣсяца тому назадъ, въ Нанси народъ собирался грабить ихъ дома. Законъ, который дастъ евреямъ гражданскія права, вызоветъ наружу всѣ страсти народныя. Они уже разъ

получили подобную милость отъ англійскаго парламента; но булочники вслѣдъ за тѣмъ перестали имъ продавать хлѣбъ, и несчастные сами просили объ отиѣненіи билля, даровавшаго имъ права и свободу.»

Национальное собраніе въ 1789 году убѣдилось этими доводами; но два года спустя, 28 сентября 1791 года, оно переѣнило свое мнѣніе: оно разомъ уничтожило всѣ ограниченія правъ евреевъ и объявило ихъ полноправными гражданами Франціи.

Шестидесять лѣтъ прошло съ того времени, какъ состоялось это рѣшеніе національнаго собранія. Французскіе евреи во все это время сохранили (кромѣ кратковременнаго промежутка при Наполеонѣ) всѣ свои права. Какое же вліяніе имѣла эта шестидесятилѣтняя эманципація на евреевъ? Справедливы ли теперь еще слова аббата Мори, что «французскіе евреи не воины, не земледѣльцы, не промышленники, что ихъ отечество не общее всѣмъ Французамъ отечество, — не Франція?»

Мы не станемъ здѣсь разсматривать общаго вліянія эманципаціи на французскихъ евреевъ, не станемъ пересчитывать длинныя ряды замѣчательныхъ и всѣми уважаемыхъ дѣятелей во всѣхъ областяхъ администраціи, преподаванія, ученой дѣятельности, финансовъ, промышленности и т. д., вышедшихъ изъ среды французскихъ евреевъ. Насъ здѣсь интересуетъ одинъ вопросъ: какое вліяніе на евреевъ имѣла эманципація въ отношеніи къ военной службѣ? имѣютъ ли они своихъ представителей во французской арміи, и какихъ представителей?

До послѣдняго времени объ этомъ вопросѣ не существовало положительныхъ, достовѣрныхъ данныхъ, и по очень простой причинѣ. Тамъ, гдѣ государство не спрашиваетъ своихъ членовъ, въ какого Бога они вѣруютъ, а какія они имѣютъ способности, познанія и трудомъ пріобрѣтенныя права, тамъ, гдѣ людямъ не привѣшивается при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ ярлыка съ надписью «еврей», или другими надписями, тамъ не легко узнать, какого вѣроисповѣданія тѣ или другіе члены общества, администраціи, войска и т. д. Офиціального контроля надъ вѣроисповѣданіемъ французской арміи нѣтъ, и не легко поэтому было узнать число еврейскихъ членовъ ея. Но теперь, по счастливому случаю, эти данныя существуютъ. Одинъ французскій офицеръ еврейской вѣры взялъ на себя трудъ составить списокъ еврейскихъ офицеровъ, служащихъ во французской арміи, на сколько ему возможно было добыть достовѣрныя свѣдѣнія. Этотъ списокъ напечатанъ въ журналѣ *Archives Israélites* (№ 6, 1859 г.), выходящемъ въ Парижѣ; онъ содержитъ перечень этихъ офицеровъ, съ обозначеніемъ ихъ фамилій, именъ, чиновъ, знаковъ отличія, родовъ войска, въ которыхъ они служатъ, и даже наименованія от-

дѣльныхъ полковъ. Списокъ такимъ образомъ представляетъ всѣ гарантіи достовѣрности; но онъ несомнѣнно не полонъ, потому что, вѣроятно, многіе офицеры еврейской вѣры пропущены, которыхъ вѣроисповѣданія составитель списка не могъ узнать.

Что же показываетъ этотъ списокъ? Онъ показываетъ, что в 1859 году, въ началѣ войны, во французской арміи находилось слишкомъ сто сорокъ офицеровъ еврейскаго вѣроисповѣданія. Эти сто сорокъ офицеровъ распределены по всѣмъ частямъ арміи: они служатъ въ линейныхъ полкахъ, въ кавалеріи, артиллеріи, въ инженерномъ корпусѣ, въ гвардіи, въ интендантствѣ, между алжирскими и венсенскими стрѣлками, сипаями (spahis), въ главномъ штабѣ и во врачебномъ корпусѣ. Вотъ нѣкоторыя подробности: между ними находятся 1 полковникъ (2-го линейнаго полка), 1 подполковникъ, 2 майора, 28 капитана, 23 поручика и т. д. Во врачебномъ военномъ корпусѣ находятся: директоръ парижской военно-медицинской академіи (école de médecine et de pharmacie militaires) Мишель Леви (онъ же теперь президентъ парижской медицинской академіи), 1 главный докторъ, 5 старшихъ врачей, 16 младшихъ и т. д. Изъ 140 офицеровъ 39 имѣютъ знаки почетнаго легіона (5 имѣютъ командорскій крестъ, 4 офицерскій, остальные кавалерскій).

Вотъ данныя, представляемыя нашимъ документомъ. Вспомнимъ, что рѣчь идетъ объ однихъ офицерахъ, и что солдатъ еврейскаго исповѣданія во французской арміи несравненно болѣе, такъ какъ французскіе евреи подвергаются конскрипціи наравнѣ съ другими Французами; вспомнимъ, что во Франціи всего до 100.000 евреевъ, и что, такимъ образомъ, на 700 евреевъ почти приходится по одному офицеру, и мы должны согласиться, что эти факты допускаютъ нѣкоторые выводы. Но мы не поспѣшимъ съ нашими выводами. Мы представимъ прежде читателю еще нѣсколько фактовъ, а потомъ перейдемъ къ выводамъ.

Въ Австріи живетъ 800.000 евреевъ, тѣснимыхъ и гонимыхъ законодательствомъ, католическимъ духовенствомъ (всесильнымъ въ Австріи) и нѣкоторыми частями общества. Во многихъ областяхъ имперіи имъ запрещено даже пребываніе; въ другихъ они лишены права владѣть землею; они не имѣютъ доступа ни къ административнымъ, ни къ судебнымъ, ни къ ученымъ должностямъ; они даже не могутъ вступать въ бракъ между собою безъ особеннаго разрѣшенія императорско-королевскаго апостолическаго правительства. По странной аномаліи однакоже, евреи въ Австріи имѣютъ право служить въ арміи въ офицерскихъ чинахъ, но съ ограниченіемъ (до штабъ-офицерскихъ чиновъ). Казалось бы, что нелѣпо евреямъ пользоваться такимъ нелѣпымъ правомъ, тѣмъ болѣе, что производство въ австрійской арміи не зависитъ

отъ заслугъ, какъ во французской, а отъ протекціи и сословныхъ привилегій. Но несмотря на эту нелѣпость, по офиціальнымъ даннымъ вѣнскихъ газетъ, сообщеннымъ въ *Allgemeine Zeitung des Judenthums* (1859 г. № 29), въ австрійской арміи кромѣ 17,000 еврейскихъ солдатъ находится до 800 офицеровъ еврейскаго исповѣданія.

Мало того. Въ началѣ италіанской войны, вѣнскія газеты сообщали о множествѣ евреевъ, вступившихъ въ корпуса волонтеровъ, между тѣмъ какъ эти же корпуса, по сообщеніямъ вѣнскихъ же газетъ, ознаменовали начало своихъ подвиговъ избіеніемъ евреевъ, даже въ самой Вѣнѣ!.. И эти подвиги волонтеровъ, напоминающіе избіеніе беззащитныхъ евреевъ первыми крестоносцами, не удерживали австрійскихъ евреевъ отъ готовности проливать свою кровь за Австрію! А что они проливали свою кровь за Австрію, въ послѣднюю войну, доказываетъ множество фактовъ, изъ которыхъ приведемъ одинъ, офиціально обнародованный и сообщенный въ вѣнской газетѣ *Presse* (22 іюня). При Маджентѣ австрійское знамя одного полка бригады Бойеръ взято было зуавами; капитанъ-лейтенанты этого полка, баронъ Рау и фонъ-Салемсфельдъ, съ горстью солдатъ пробились между зуавами, спасли знамя и вплавь перенесли его на другой берегъ рѣки Ламбро. Г. фонъ-Салемсфельдъ — еврейскій офицеръ, сынъ прагскаго фабриканта, возведеннаго въ дворянство за услуги, оказанныя австрійской промышленности. Баронъ Салемсфельдъ былъ убитъ при Сольферино.

Какъ трудно производство для евреевъ въ австрійской арміи, доказываетъ между прочимъ слѣдующій случай, сообщенный въ прошломъ году извѣстною *Аугсбургскою газетою*, какъ доказательство рыцарскихъ помысловъ молодого императора. Императоръ Францъ-Іосифъ, на смотру въ одномъ изъ венгерскихъ городовъ, замѣтилъ въ рядахъ солдатъ одного молодого фельдфебеля, котораго лицо было покрыто рубцами. Францъ-Іосифъ остановился передъ нимъ, спросилъ, гдѣ онъ получилъ эти раны, и узналъ, что въ венгерской кампаніи. Полковникъ этого полка засвидѣтельствовалъ отличную храбрость молодого солдата. На вопросъ императора, почему же при такихъ заслугахъ фельдфебель не имѣетъ никакого знака отличія и не произведенъ въ офицеры, полковникъ спокойно отвѣчалъ: «Онъ еврей, ваше величество.» Францъ-Іосифъ снялъ съ себя крестъ за храбрость, надѣлъ на фельдфебеля и произвелъ его въ поручики.

И при всѣхъ этихъ затрудненіяхъ, при тугости производства и при преобладаніи австрійскаго высококомѣрнаго дворянства въ арміи, 800 еврейскихъ офицеровъ служатъ въ австрійской арміи, то-есть 1 офицеръ на 1.000 евреевъ!

Г. Герсевановъ, для котораго, какъ мы выше сказали, еврей народъ «кровожадный и воинственный», долженъ рѣшительно торжествовать отъ этихъ цифръ!

Но мы не думаемъ торжествовать вмѣстѣ съ г. Герсевановымъ. Мы разкажемъ еще нѣсколько фактовъ, а затѣмъ посмотримъ, какіе выводы всѣ эти факты намъ позволяютъ сдѣлать.

Одна изъ непривлекательнѣйшихъ сторонъ известной *Аугсбургской газеты*, повсюду распространенной, ея неукротимая, фанатическая ненависть къ евреямъ. Всѣ средства для нея хороши, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы выставить евреевъ въ самомъ мрачномъ свѣтѣ; она не упускаетъ ни малѣйшаго случая, гдѣ рѣчь идетъ о какомъ-нибудь еврей или евреевъ вообще, чтобы не уколоть, не уязвить или оклеветать ихъ. Она была въ отчаяніи, когда Англія наконецъ допустила евреевъ въ свой парламентъ; съ отчаяніемъ, она недавно говорила, что «уже четыре Жида засѣдаютъ въ палатѣ общинъ!» Успѣхъ новой оперы Мейербера *Le pardon de Ploermel* напомнилъ ей, что Мейерберъ — Жидъ, и что его собственно зовутъ не Джіакомо, а Мейеръ Липманъ Бееръ. Стихотворенія Жида Гейне, по ея выраженію, «не что иное, какъ отрыжка его жидовскаго желудка, начиненнаго лукомъ и чеснокомъ!»

Но никогда эта газета не доходила до такой смѣшной ярости, какъ въ началѣ италіанской войны. Одинъ берлинскій еврей, живущій въ Парижѣ, нѣкій докторъ Бамбергерь, напечаталъ въ апрѣлѣ текущаго года нѣмецкую брошюру, въ которой оправдывалъ политику Лудовика-Наполеона, и вообще не поскупился на восторженныя похвалы его благородству, великодушію, безкорыстію и т. д. *Аугсбургской газетѣ* только этого и нужно было. Ей вдругъ ясны стали всѣ причины войны, причины политическаго упадка Германіи, причины волненій Европы и всѣхъ золъ на свѣтѣ. Эти причины, по ея открытію, таятъ въ томъ единственно, что Жида очень ужъ зазнались въ Германіи, начали много писать, мѣшаться не въ свое «жидовское дѣло», издавать журналы, состоять сотрудниками и корреспондентами при лучшихъ и наиболѣе распространенныхъ журналахъ, даже такихъ, которые имѣютъ христіанскихъ редакторовъ. «Изгоните Жидовъ изъ журналистики, вопила она, и вы увидите, что не будетъ никакихъ войнъ: Германія ^{будетъ} сладко жить въ тѣни своего Бундестага, никто не скажетъ дурнаго слова про доблестную Австрію, словомъ, всѣ будутъ счастливы, даже Гессенцы подъ управленіемъ своего куръириста!» Эти вопли, отъ которыхъ, по выраженію одной нѣмецкой газеты, «и корова размѣтается», продолжались цѣлый мѣсяць. Наконецъ война началась, и герцоги, и великіе герцоги Средней Италіи сочли за лучшее оставить свои владѣнія. Въ этихъ владѣніяхъ живетъ довольно много евреевъ,

терпѣвшихъ страшныя притѣсненія отъ прежнихъ правительствъ. Новыя правительства Тосканы, Пармы и Модены, немедленно по учрежденіи своемъ, объявили, «что всѣ граждане, безъ различія вѣроисповѣданія, пользуются одинаковыми правами передъ закономъ и несутъ одинаковыя обязанности.» Этимъ постановленіемъ евреи Средней Италіи были эманципированы, подобно сардинскимъ и теперь ломбардскимъ. *Аугсбургская газета* не преминула замѣтить это обстоятельство и, сообщая въ корреспонденціи изъ Флоренціи о великой радости между многочисленнымъ еврейскимъ населеніемъ Флоренціи по поводу эманципации, прибавила: «Мы думаемъ, что эта радость флорентинскихъ Жидовъ скоро пройдетъ, когда вспомнятъ, что съ эманципацией связана и необходимость участвовать въ защитѣ страны и вступать въ ряды арміи». Но каково было горестное положеніе редакціи *Аугсбургской газеты*, когда она въ слѣдующемъ же номерѣ должна была сообщить письмо своего христіанскаго корреспондента, который писалъ, что флорентинскіе евреи толпами вступаютъ въ ряды арміи и корпуса волонтеровъ, и что это дѣлаютъ не только люди бѣдные и бездомные, но и богатые, семейные, немолодые, люди обремененные дѣлами! Доблестная газета сообщила этотъ фактъ, не прибавляя ни слова. Онъ былъ сообщенъ и другими газетами; подобные же факты повторились вездѣ въ Италіи: въ Сардиніи, въ Ломбардіи, въ Моденѣ, въ Романѣхъ.

Вотъ тѣ современные факты, которые мы хотѣли сообщить читателямъ. Поставивъ нашъ вопросъ, склонны ли и способны ли Евреи къ военной службѣ, мы не обратились къ временамъ воинственнаго царя Давида или храбрыхъ Маккавеевъ и защитниковъ Іерусалима, потому что храбрость тѣхъ евреевъ нисколько не дозволяетъ заключать о воинскихъ способностяхъ современныхъ намъ ихъ потомковъ. Мы также не обратились къ Арабамъ и Бедуинамъ, подобно г. Герсеванову, выводившему изъ близкаго родства евреевъ съ этими племенами заключеніе, что и евреи, подобно этимъ племенамъ, «кровожадны и воинственны». Мы обратились къ фактамъ современнымъ, живымъ, въ истинности которыхъ всѣ могутъ убѣдиться. Эти факты доказательнѣе ссылокъ на царя Давида, Маккавеевъ, Арабовъ и Бедуиновъ.

Что жъ доказываютъ факты, нами приведенные? Они доказываютъ еще разъ явленіе, на которое указываютъ всѣ стороны современной европейской жизни, что человѣкъ только при свободныхъ условіяхъ жизни, только въ свободной средѣ, можетъ сознать и поддерживать въ себѣ истинное человѣческое достоинство, и что одна уже надежда на такія условія жизни, на вступленіе въ такую среду можетъ нравственно возродить и облагородить людей.

Еврей, угнетаемый и втоптываемый въ грязь, все равно, ясновель-

можными ли польскими панами, турецкими ли правовѣрными пашами и эфенди, нѣмецкими ли фрейгеррами и ограниченными бюргерами, или католическими пасторами, превращается въ жалкое трусливое существо, не защищающеея и тогда, когда его бьютъ какъ собаку. Но этотъ же еврей, при первомъ дыханіи свободы, при первомъ признаніи своего человѣческаго достоинства, возрождается и чувствуетъ себя гражданиномъ, готовымъ на всѣ гражданскія жертвы, готовымъ отдать и кровь и жизнь свою за тѣхъ, кто призналъ его свободнымъ человѣкомъ. Тысячи евреевъ бодро дрались за Австрію, которая имъ только *объщала* (еще 10 лѣтъ тому назадъ!) признаніе ихъ человѣческаго достоинства и дарованіе свободныхъ условий жизни. Удивительно ли, что евреи съ большею еще радостью и готовностью жертвуютъ всѣмъ для тѣхъ, кто имъ не только *объщала*, но дѣйствительно далъ гражданскія права и свободу жить, развиваться и служить обществу чѣмъ могутъ? Удивительно ли послѣ этого, что въ 1848 году евреи въ Германіи, Австріи и Италіи были вездѣ на баррикадахъ, что коммендантомъ знаменитаго вѣнскаго легіона, защищавшаго Вѣну противъ князя Виндишгреца, былъ еврей г. Фишгофъ, что на Фридрихсгайнскомъ кладбищѣ въ Берлинѣ, гдѣ похоронены вмѣстѣ всѣ павшіе въ мартѣ 1848 года, видно не мало надгробныхъ камней съ еврейскими надписями, что, наконецъ, во главѣ славной защиты Венеціи противъ Австрійцевъ въ 1848—49 годахъ стоялъ еврей Даниилъ Манинъ?

Евреи были и будутъ всегда съ тѣми, кто въ нихъ видитъ и признаетъ человѣка и гражданина. Русскіе и польскіе евреи сохранили благодарную память объ Александрѣ I. Имя Александра II для нихъ теперь уже дорого, и они съ горячею любовью взираютъ на него, какъ на будущаго избавителя отъ многихъ горькихъ бѣдъ жизни.

Страстное, наболѣвшее отъ тысячелѣтнихъ страданій сердце евреевъ, все отдается тѣмъ благороднымъ людямъ, которые протягиваютъ имъ руку брата. Вспомнимъ фактъ, разказанный г. Громекой (1), что евреи одного польскаго города съ плачемъ и слезами провожали незначительнаго русскаго чиновника, не грабившаго и не тѣснившаго ихъ, а видѣвшаго въ нихъ людей.

Приведенные нами факты доказываютъ не одну склонность и способность евреевъ къ военной службѣ при извѣстныхъ условіяхъ, но и другую еще сторону еврейскаго характера.

Безконечное множество разъ говорили евреямъ, что они не имѣютъ права требовать полныхъ гражданскихъ и политическихъ

(1) *Современникъ* 1858 г., № 6.

правъ, потому что признають Палестину своимъ отечествомъ и мечтають непрерывно о возвращеніи въ Обѣтованную землю. Безконечное множество разъ евреи протестовали противъ этого мнѣнія, указывая словомъ и дѣломъ, что духовная, религіозная связь ихъ съ Палестиной нисколько не препятствуетъ имъ считать своимъ отечествомъ ту страну, въ которой родились и образовались, съ которою ихъ связываютъ общіе интересы матеріальные и нравственные, общія судьбы, общее горе и радость. Испанскіе и португальскіе евреи, изгнанные изъ своего отечества, до сихъ поръ не перестаютъ говорить языкомъ своей бывшей родины, не перестаютъ обращаться туда съ надеждой на возвращеніе. Даже ужасы инквизиціи не изгладили изъ ихъ памяти дорогихъ воспоминаній о странѣ, въ которой процвѣтали ихъ религіозныя академіи, ихъ наука и искусство, ихъ торговля и промышленность, ихъ семейная и общественная жизнь!

Родинѣ евреи отдають легко то, что составляетъ одно изъ существеннѣйшихъ выраженій народности: они отдають языкъ свой. Евреи нигдѣ теперь не говорятъ древнимъ еврейскимъ языкомъ; вездѣ они говорятъ языкомъ своей родины. Французскій еврей не понимаетъ италіянскаго и ни слова не знаетъ по-нѣмецки. Знаменитый французскій оріенталистъ Ренанъ въ своей *Исторіи семитическихъ нарѣчій* (1) даже доказываетъ, что и древній еврейскій языкъ собственно принадлежалъ не еврейскому народу, а принять имъ по водвореніи въ Палестинѣ у прежнихъ обитателей ея. Нужна была вся безобразная обстановка жизни польскихъ евреевъ во время независимости Польши для того, чтобы евреи сохранили тамъ свое безобразное, нѣмецко-татарско-турецко-малороссійское нарѣчіе, которое несвѣдущіе принимаютъ за древній еврейскій языкъ.

Факты, приведенные нами, показываютъ съ своей стороны, что евреи не словомъ только, но и дѣломъ признають отечествомъ своимъ не Палестину. Австрійскіе еврейскіе солдаты и офицеры дрались съ французскими евреями не за Палестину, не помышляя о Палестинѣ. Они врагами стояли другъ противъ друга, кто за Австрію, кто за Францію. «Какой другой гарантіи еще нужно Европѣ, какихъ другихъ доказательствъ того, что евреи не въ Палестинѣ видятъ свое отечество, а въ тѣхъ странахъ, которыя приняли ихъ, какъ своихъ членовъ, которыя признали ихъ своими дѣтьми?» справедливо спрашиваетъ докторъ Филипсонъ, извѣстный редакторъ упомянутой нами *Allgemeine Zeitung des Judenthums*, сообщая факты (2), представленные нами.

(1) *Histoire générale et système comparé des langues semitiques* par Ernest Renan. Paris 1858. Partie I.

(2) № 29

Евреи всѣмъ готовы жертвовать своему отечеству, кромѣ своей религіи, своихъ убѣжденій. За религію свою, за вѣру въ единого нераздѣльнаго Бога они переносили, переносятъ и теперь всевозможныя страданія, лишенія и пытки. Но эта религія не въ Талмудѣ, не въ толкованіяхъ раввиновъ, не въ тысячѣ обрядовъ и постановленій о пищѣ и питьѣ; только опасности, угрожавшія сущности религіи, вѣрованію въ единого Бога, вызвали всѣ эти толкованія, всѣ эти обряды и постановленія, которыя должны были оградить евреевъ отъ внѣшнихъ вліяній. Но убѣдите евреевъ, докажите имъ, что вамъ нѣтъ дѣла до ихъ религіи, что вы отъ нихъ требуете человѣческихъ и гражданскихъ обязанностей и даете имъ за то человѣческія и гражданскія права, и тогда падутъ Талмудъ, и обряды, и постановленія о пищѣ и питьѣ, какъ они пали вездѣ при свѣтѣ образованія, нравственнаго и умственнаго развитія. Требовать отъ массы евреевъ, чтобъ они предварительно, до вступленія въ болѣе свободную жизнь, отказались отъ этихъ наносныхъ, несущественныхъ элементовъ своей религіи, значитъ требовать отъ мрака, чтобъ онъ самъ освѣтилъ себя...

Я. Р—тъ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Было время, когда великія явленія политическаго міра заготовлялись осторожно въ кабинетахъ министровъ, иногда даже въ будуарахъ красавицъ и потомъ внезапно раздражались надъ изумленною толпой. Было время, когда противъ подобныхъ глухихъ комбинацій нужно было прибѣгать къ дорогимъ шпіонамъ, которые подслушали бы разговоръ между государственными людьми или таинственный шепотъ въ полумракѣ гостиной. Каждое слово высокопоставленныхъ лицъ было залогомъ грозы или свѣтлыхъ, ясныхъ дней; полунамекъ, полуулыбка принимались съ благоговѣніемъ, возбуждали опасенія и надежды; великіе люди говорили мало, но ихъ рѣчи имѣли огромный вѣсъ, въ нихъ никто не позволялъ себѣ сомнѣваться. Теперь времена значительно измѣнились. Не только стали извѣстны всѣ слова, про-

износимыя громко и шепотомъ великими людьми; не только тайны погериали свою обаятельную прелесть, и дипломатическія шпіоны сдѣлались ненужною роскошью, но и сами великіе люди стали говорить очень много и очень часто. За то люди маленькіе научились смотрѣть критически на человѣческія слова, изъ какихъ бы устъ они ни исходили, и имѣютъ постоянно на умѣ мещисто-фелевскую формулу Талейрана о томъ, что слово дано человѣку для того, чтобы скрывать свои мысли. И выслушивая всѣ длинныя рѣчи, назначаемыя для печати или не получающія литературной обработки, люди сдѣлались осторожны въ своемъ довѣрїи и даже стали рѣшительно, упорно отказывать въ немъ. Какимъ бы тономъ ни говорилъ человѣкъ: «вѣрите мнѣ», какъ бы красно-рѣчиво ни доказывалъ онъ, что его призваніе служить не себѣ, а великимъ идеямъ, вселенная никакъ не хочетъ отдаться отрадному спокойствію и вѣрять въ безкорыстное служеніе. Вселенная ждетъ дѣла, и восхитительными словами не восхищается. И дѣйствительно, обстоятельства нерѣдко оправдывали такое недовѣрїе и побуждали предполагать господство личныхъ интересовъ именно тамъ, гдѣ идетъ очень громкая рѣчь о великихъ идеяхъ. Это психологическій фактъ, которымъ нечего чересмѣрно возмущаться; но необходимо имѣть его постоянно въ виду и не увлекаться минутнымъ обаяніемъ слова, иногда звучащаго такъ утѣшительно. Италия еще недавно узнала по собственному опыту, чего можетъ стоить подобное увлеченіе, и какъ то самое, что въ іюль мѣсяцъ значило похвальное стремленіе къ независимости, теперь значить революціонное движеніе.

Ничего не можетъ быть печальнѣе, какъ присутствовать при борьбѣ единодушныхъ желаній италіянскаго народонаселенія съ интригой, которая по первоначальному плану своему должна была оставаться таинственною и темною, но, благодаря теперешней быстротѣ сообщеній и неотразимой силѣ гласности, безпощадно разоблачается въ каждой своей фазѣ. Мы упоминали уже прежде объ отвѣтѣ короля Виктора-Эммануила депутаціи, явившейся къ нему съ предложеніемъ о присоединеніи Тосканы къ Пьемонту; теперь можемъ упомянуть о его же отвѣтѣ, даннымъ депутаціи моденской и составленномъ почти въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ. Отвѣты эти были встрѣчены всеобщимъ одобреніемъ Европы, быть-можетъ, именно потому, что они не заключаютъ въ себѣ ничего опредѣленнаго и легко поддаются самымъ разнообразнымъ толкованіямъ. Въ Тосканѣ слова короля были поняты, какъ положительное согласіе съ его стороны; Флоренція освѣтилась тысячами огней, народъ съ ликованіемъ расхаживалъ по улицамъ, приготавливались банкеты въ честь почти совершившагося, давно желаннаго соединенія. Но въ то же са-

мое время австрійскіе и французскіе полуофіціальныя журналы встрѣтили съ неменьшимъ радушіемъ рѣчь сардинскаго короля, и расточали ему щедрыя похвалы за то, что, выражая свое полное сочувствіе желаніямъ тосканскаго народа, онъ отдаетъ однако все дѣло на рѣшеніе первенствующихъ европейскія державъ, предоставивъ себѣ только роль ходатая и защитника интересовъ Тосканы. Газета *Paus*, извѣстная своими сношеніями съ парижскимъ офіціальнымъ міромъ, громко возстала противъ тѣхъ, которые истолковывали рѣчь короля Виктора-Эммануэля въ смыслѣ твердаго и непреложнаго намѣренія съ его стороны принять наслѣдіе Лотарингской династіи. Столь разнорѣчащія мнѣнія доказываютъ, очевидно, что упомянутая нами рѣчь несмутляла ни пламенныхъ надеждъ народонаселенія Средней Италіи, ни тонкихъ разчетовъ тѣхъ державъ, которыя никогда внутренне не одобряли этихъ надеждъ. Главнѣйшіе органы англійской печати выразились единодушно, что среди тѣхъ затруднительныхъ обстоятельствъ, которыми окруженъ Викторъ-Эммануэль, ничего не могло быть благоразумнѣе его рѣчи, ибо всякая поспѣшность и желаніе дать насильственный поворотъ ходу событій могли бы только затруднить его положеніе и, пожалуй даже, вовлечь его въ новую войну. Но въ то же самое время англійскіе журналы настаиваютъ на необходимости не препятствовать соединенію Тосканы съ Пиемонтомъ. «Ревностно желаемъ мы, говорить по этому поводу газета *Morning Post*, журналъ лорда Пальмерстона, чтобы законныя желанія тосканскаго народа подѣйствовали успѣшнымъ образомъ на парижскій, берлинскій и с.-петербургскій кабинеты; что же касается до кабинета англійскаго, то на этотъ счетъ не можетъ существовать сомнѣнія. Если великія державы не согласятся скоро и чистосердечно на присоединеніе герцогствъ къ Сардинской монархіи, то рѣшеніе италіянскаго вопроса сдѣлается болѣе труднымъ, нежели когда-нибудь. Послѣ того какъ декреты народныхъ собраній торжественно выразили волю народонаселенія Средней Италіи, возстановленіе изгнанныхъ герцоговъ не могло бы совершиться иначе, какъ посредствомъ грубой силы. Чудовищно было бы предполагать, что въ эпоху, въ которую живемъ мы, въ девятнадцатомъ столѣтіи, столь гордящемся своею цивилизаціей, великія европейскія державы, величающіяся своею ролью покровителей законности и права, захотѣли прибѣгнуть къ столь нелѣпымъ и жестокимъ средствамъ для устройства судебъ Средней Италіи.» Почти въ томъ же самомъ тонѣ разсуждаетъ газета *Times* и вообще всѣ англійскіе журналы.

Герцогства положительнымъ и несомнѣннымъ образомъ выразили теперь свою волю, Пиемонтъ принимаетъ на себя защиту ихъ желаній передъ лицомъ всей Европы, есть полное основаніе

думать, что многія изъ главныхъ державъ не воспротивятся осуществленію этихъ желаній,—чѣмъ же объяснить, что до сихъ поръ еще Средняя Італія находится въ переходномъ положеніи и телеграфъ ежедневно приноситъ намъ неожиданныя извѣстія о будущей ея участи? Трудно было бы отвѣчать на этотъ вопросъ, если бы не было возможности проникнуть въ тайны той интриги, которая опутываетъ теперь своими сѣтями полуостровъ. Зачѣмъ, въ то самое время какъ народныя собранія герцогствъ, свободныя отъ всякаго посторонняго вліянія, ни на шагъ не отступая отъ законности, при совершенномъ сохраненіи порядка внутри, устраиваютъ будущую судьбу своихъ странъ,—въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стараются набросить неблагоприятную тѣнь на ихъ рѣшенія? Зачѣмъ полуофициальные органы французской печати начали въ послѣднее время выражать сомнѣніе въ законности тосканскаго народнаго собранія, на томъ основаніи, что выборы не опирались тамъ на такъ-называемый *suffrage universel*, то-есть на поголовную подачу голосовъ? Придирка была такъ наивна, что даже самые закоренѣлые враги теперешняго движенія въ герцогствахъ не сочли возможнымъ уцѣпиться за нее. Поголовная подача голосовъ, *suffrage universel*, не дѣйствуетъ почти нигдѣ въ Европѣ, кромѣ Франціи, да и тамъ успѣхи ея вовсе не такъ блестящи, чтобы считать ее основнымъ закономъ, на который долженъ опираться политическій бытъ всякой свободной страны. Но не будучи поголовною, подача голосовъ въ Тосканѣ была распространена на всѣхъ умѣющихъ читать и писать и обладающихъ какою бы то ни было, хотя самую ничтожную, собственностью. Съ другой стороны, князь Понятовскій, замѣнившій г-на де-Резе, пользовался полною свободой въ своихъ усиліяхъ образовать въ самой Тосканѣ партію въ пользу мирнаго возстановленія прежней династіи, хотя и нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что это задача крайне трудная, и что для выполненія ея названный нами французскій дипломатъ былъ способенъ менѣе всякаго другаго. Князь Понятовскій прожилъ когда-то нѣсколько лѣтъ сряду во Флоренціи, имѣетъ тамъ обширный кругъ знакомства, но вовсе не пользуется тѣмъ вліяніемъ, которое могло бы оправдать выборъ его для посольства въ Среднюю Італію. Преданный удовольствіямъ свѣтской жизни, онъ и самъ не предчувствовалъ, вѣроятно, что судьба превратитъ его современемъ въ дипломата. Стоить ли удивляться послѣ того, что еще до прибытія князя Понятовскаго во Флоренцію, политическіе журналы въ своихъ статьяхъ, и журналы юмористическіе, въ своихъ карриатурахъ, успѣли представить его въ такомъ видѣ, который вовсе не способенъ былъ возбудить къ нему въ Тосканцахъ особенное благоговѣніе? Безчисленные долги его служили главною темой для остротъ: на одной изъ карриатуръ предста-

влено было, что посланникъ снаряжается въ отъѣздъ, а тосканскіе герцоги—молодой и старый—стоя на колѣняхъ, вырываютъ изъ его сапоговъ огромные гвозди, мѣшающіе ему ходить свободно. Шутка покажется весьма остроумною, когда вспомнимъ, что слово *chiodi* означаетъ на тосканскомъ нарѣчїи одинаково *долги* и *сапоги*. Прибывши во Флоренцію, князь Понятовскій возбудилъ еще больше насмѣшекъ противъ себя, своимъ образомъ дѣйствій: всѣ аристократическія фамиліи, съ которыми находился онъ когда-то въ близкихъ сношеніяхъ, ревностно пристали къ новому движенію, и всякая попытка дѣйствовать на нихъ оказалась бы безуспѣшною. Французскій дипломатъ обратился, вслѣдствіе того, безъ разбора ко всякаго рода недовольнымъ, къ отчаяннымъ демократамъ и къ приверженцамъ прежняго правительства, —людямъ, далеко не отличающимся строгою нравственностью, —но и тѣхъ оказалось слишкомъ недостаточно, чтобы съ ихъ помощью можно было надѣяться на какой-нибудь переворотъ. Князь Понятовскій стался увѣрить, что молодой тосканскій герцогъ возвратится въ свои владѣнія съ самою либеральною конституціей, что онъ сохранитъ весь теперешній порядокъ, не будетъ вмѣшиваться въ управление и предоставитъ себѣ свѣтскія, веселыя занятія. Между тѣмъ въ одномъ изъ магазинововъ записывались лица, протестовавшія, какъ сказано было въ документѣ, «предъ Богомъ и императоромъ Французовъ» противъ всего, случившагося въ Тосканѣ со времени отъѣзда эрцгерцога Леопольда. Къ чести тосканскаго правительства надо сказать, что оно предоставляло полную свободу всѣмъ этимъ недостойнымъ затѣямъ и не прибѣгало ни къ какимъ стѣснительнымъ мѣрамъ. Оно извлекло изъ этого двойную выгоду: съ одной стороны, оно доказало очевидно, что въ Тосканѣ господствуетъ полная свобода, что вліяніе Пьемонта вовсе не пользуется тамъ такою силой, какъ хотятъ увѣрить враги теперешняго движенія; съ другой, обнаруживая полное презрѣніе къ интригамъ небольшого числа недовольныхъ и нѣсколькихъ чужеземныхъ агентовъ, оно заявило крѣпость свою и силу, и въ настоящее время уже ничего не слышно о протестѣ «предъ Богомъ и французскимъ императоромъ», красовавшемся въ упомянутомъ флорентійскомъ магазинѣ. Справедливость требуетъ прибавить, что князь Понятовскій протестовалъ письмомъ противъ обвиненія въ тайныхъ махинаціяхъ, возводимого на него тосканскими журналами, но его протестъ былъ составленъ голословно и не убѣдилъ никого въ наше недовѣрчивое время.

Хотя мысль о какомъ бы то ни было возстановленіи—мирномъ или насильственномъ—прежнихъ правительствъ въ Средней Италїи, съ каждымъ днемъ становится все болѣе и болѣе невѣроятною, тѣмъ не менѣе переходное состояніе, въ которомъ находятся эти

страны, возбуждает серьезные опасения за их будущую судьбу. Продолжительная неизвестность может породить, наконец, неудовольствие въ народѣ, мѣра терпѣнія его истощится, и герцогства могутъ вдругъ подвергнуться анархiи, съ которою они боролись до сихъ поръ столь успѣшно. Нельзя поручиться, чтобы перспектива эта не могла улыбаться людямъ, которые любятъ воевать за великую идею мира Европы: смуты какого бы то ни было рода были бы встрѣчены ими, пожалуй, съ радостью, представляя имъ возможность октроировать Италии порядокъ и миръ, и при этомъ случаѣ повернуть, быть-можетъ, ходъ событiй сообразно съ своими видами. Тѣмъ не менѣе, голосъ общественнаго мнѣнія всей Европы въ пользу немедленнаго политическаго устройства государствъ Средней Италии сталъ раздаваться такъ громко, что это показалось опаснымъ французскому правительству, и оно рѣшилось откровенно высказать наконецъ свой взглядъ на вещи. Статья, появившаяся въ *Moniteur universel* и которую французскiе органы печати возводятъ на степень великаго событiя (*événement*), крайне замѣчательна для характеристики самой французской политики. Статья поясняетъ настоящiя условiя виллафранкскаго мира: въ первый разъ она раскрываетъ Европѣ великую тайну, которой не подозрѣвали даже самые прилежные читатели рѣчей, говорившихся въ Парижѣ, ту тайну или тотъ новый сюрпризъ, что виллафранкскимъ миромъ въ сущности вовсе не были разрушены «благородныя мечты и патриотическiя надежды въ сердцахъ честныхъ людей», что если не на словахъ, такъ на дѣлѣ Францiи отнюдь не «было больно вычеркнуть открыто, передъ лицомъ всей Европы изъ военной программы территорiю, простирающуюся отъ Минчио до Адриатическаго моря». Виллафранкскимъ миромъ выполнялась совершенно программа, объявленная императоромъ Наполеономъ III предъ началомъ войны, и достигалось несравненно болѣе того, чего можно было бы достигнуть оружіемъ. Францъ-Иосифъ обязывался, именно, даровать Венеции всевозможныя права и поставить ее въ такое же отношенiе къ Австрiи, въ какомъ Люксембургъ находится къ Германскому Союзу. Дѣлая такую важную уступку, австрiйскiй императоръ отказывался, тѣмъ самымъ, отъ всякаго преобладанiя на полуостровѣ, отказывался отъ политики «быть-можетъ опасной, но тѣмъ не менѣе не лишенной славы»; изъ державы, враждебной Италии, Австрiя дѣлалась державою, дружественною ей, и соглашалась сама «развить италiанскую національность до береговъ Адриатическаго моря». *Мониторъ* говоритъ, что императоръ Францъ-Иосифъ требовалъ только одного въ замѣнъ уступокъ своихъ въ пользу либеральнаго устройства Венеции,—требовалъ возстановленiя государей Средней Италии на ихъ престолахъ. Съ

этимъ условіемъ онъ соглашался на образованіе италіанской конфедерации, на вступленіе въ составъ ея Венеціанской области, признавалъ, словомъ, политическую автономію полуострова. *Мониторъ*, сдержнувъ наконецъ завѣсу со всего, что касается тайныхъ условій виллафранкскаго мира, оставляетъ подъ покровомъ одно только обстоятельство, которое впрочемъ къ миру собственно и не относится: онъ умалчиваетъ, почему нужно было, чтобъ Италія не знала, какое наказаніе уготовано ей за недостатокъ сочувствія къ условіямъ мира, и почему не были объявлены ей именно тѣ условія мира, которыя, какъ теперь оказывается, были преимущественно разчитаны на ея сочувствіе. Италіи приходится теперь, къ сожалѣнію, только подивиться этимъ запоздалымъ извѣстіямъ о либеральныхъ намѣреніяхъ австрійскаго императора въ отношеніи къ Венеціи и о томъ, что онъ хотѣлъ создать для этой области такое же положеніе въ отношеніи къ Австріи, въ какомъ Люксембургъ находится къ Германскому Союзу. Было время, когда французское правительство, не могшее не знать о неблагопріятномъ впечатлѣніи, произведенномъ повсюду виллафранкскимъ миромъ, старалось всѣми силами смягчать это неудовольствіе и истолковывало мирныя условія въ возможно благовидномъ смыслѣ. Отчего же не объявило оно тогда о всѣхъ льготахъ, выговоренныхъ имъ для Венеціи, не подвергаясь такимъ образомъ обвиненію, которое не замедлитъ теперь обрушиться на него, что вся исторія эта придумана теперь *après coup*? Конечно съ дипломатическою проницательностію французскаго правительства не совсѣмъ согласно предположеніе, вытекающее впрочемъ изъ статьи *Монитера*, что французское правительство было серьезно убѣждено въ возможности возвратити италіанскихъ герцоговъ на ихъ престолы въ замѣнъ облегченія участи Венеціанской области. Конечно, исторія не знаетъ еще примѣра тому, чтобы какая-нибудь страна добровольно возстановила у себя ненаціональное и непопулярное правительство изъ платоническаго желанія содѣйствовать освобожденію другой, родственной ей страны. Конечно, уже одно то обстоятельство, что Австрія съ такою готовностію, по словамъ *Монитера*, согласилась сдѣлать всевозможныя уступки Венеціанской области, лишь бы только государи Средней Италіи заняли снова свои престолы, показываетъ, какую важность имѣло это условіе въ ея глазахъ: италіанская конфедерация, въ которой получили бы голось нѣсколько вассаловъ Австріи, стала бы какъ нельзя лучше способствовать ея цѣлямъ и послужила бы еще къ большому утвержденію ея владычества на полуостровѣ. Конечно, все это вѣрно и несомнѣнно, и можно было заранѣе знать, что Италіанцы провинятся черною неблагодарностію въ виду такихъ благодѣяній; но все же изъ деликатности къ Австріи и эрцгерцогамъ

не худо было бы еслибы Франція вовремя объявила Италіи о требованіяхъ Лотарингскаго дома и уступкахъ, у него выгоренныхъ, а равно и о томъ, что Франція откажется отъ своего намѣренія излить всю чашу счастья на Италію, если Италія не подчинится этимъ требованіямъ. Мы не говоримъ уже о симпатіяхъ къ Италіи: мы становимся на точку зрѣнія Австріи и эрцгерцоговъ и спрашиваемъ себя, свидѣтельствуешь ли о доброжелательствѣ къ Лотарингскому дому такое позднее сообщеніе Италіянамъ извѣстія, которое, по убѣжденію *Монитера*, должно было бы расположить ихъ въ его пользу или по крайней мѣрѣ побудить ихъ къ уступчивости? Краснорѣчіе защитника можетъ быть полезно кліенту, только пока процессъ еще не проигранъ, и *Монитеру* было бы приличнѣе возвысить свой голосъ въ пользу Лотарингскаго дома тогда, когда въ герцогствахъ еще не былъ рѣшенъ вопросъ о низложеніи прежнихъ династій, нежели теперь, когда надежды на возстановленіе прежнихъ династій потеряны, и когда поздній голосъ *Монитера* свидѣтельствуешь только о томъ, что онъ не раздавался въ пользу эрцгерцоговъ, пока это могло быть имъ полезно. Какъ выборъ графа Резе и князя Понятовскаго былъ несчастливъ для эрцгерцоговъ, такъ несчастливо для нихъ была выбрана и минута для обнародованія статьи *Монитера*, вразумляющей Италію.

По мнѣнію статьи *Монитера*, національная независимость Италіи могла быть обезпечена только условіями виллафранкскаго мира; въ движеніи, охватившемъ теперь герцогства, она не видитъ ничего кромѣ «маленькихъ мѣстныхъ успѣховъ» (*petits succès partiels*), только вредящихъ общему дѣлу. Если движеніе это не прекратится, если герцогства не согласятся добровольно принять своихъ прежнихъ правителей, правители эти не будутъ, конечно, навязаны имъ силою, но Австрія пріобрѣтетъ въ такомъ случаѣ право не выполнять обѣщаній своихъ касательно Венеціи. Этого мало. Французская правительственная газета оканчиваетъ разсужденія свои знаменательною угрозою, обращенною одинаково и къ Піемонту, и къ Средней Италіи. Какъ будетъ участь этихъ странъ, задаетъ она себѣ вопросъ, если онѣ не откажутся отъ завѣтнаго желанія своего соединиться вмѣстѣ? «Тревожимый враждебными демонстраціями съ правой стороны По, говоритъ *Монитеръ*, императоръ австрійскій утвердится въ военномъ положеніи на лѣвой сторонѣ этой рѣки и вмѣсто политики, основанной на мирѣ и соглашеніи, возникнетъ политика недовѣрія и ненависти, которая породитъ новыя смуты и новыя несчастія.» Слова эти достаточно ясны: они говорятъ, что Піемонтъ и Средняя Италія должны будутъ, какъ хотятъ, раздѣлываться съ Австріею, если станутъ упорствовать въ соб-

ственномъ пониманіи своемъ независимости и свободы. И если возгорится снова вражда между ними и стариннымъ ихъ врагомъ, на кого возложить они свои надежды? На конгрессъ? Но Франція объявляетъ, что не станетъ теперь домогаться на немъ того, что соотвѣтствовало бы теперешнимъ желаніямъ полуострова. « Много возлагается, кажется, надеждъ на европейскій конгрессъ, замѣчаетъ *Мониторъ*; мы также ревностно желаемъ его созванія, но сильно сомнѣваемся, чтобы конгрессъ могъ создать лучшія условія для Италіи. Конгрессъ потребуеть, конечно, того, что справедливо, а справедливо ли требовать у великой державы важныхъ уступокъ, не представляя ей соотвѣтственнаго вознагражденія? Единственнымъ средствомъ достигнуть этого была бы война; но пусть знаетъ Италія, что въ Европѣ есть одна держава, которая ведетъ войну за идею: это—Франція, а Франція уже исполнила свое дѣло. » Трудно было бы высказать яснѣе, что французское правительство совершенно предоставляетъ полуостровъ собственной его злой участи, если онъ не заблагоразсудитъ безпрекословно преклониться предъ тѣмъ, что установлено для него обоюднымъ согласіемъ его непримиримаго врага и « великодушнаго союзника ».

А между тѣмъ, въ то время, когда Франція дѣйствовала на герцогства орудіемъ официальнаго слова и полуофициальныхъ посольствъ, Австрія возлагала свои надежды на военную демонстрацію; она вооружала оставшіяся ей италіянскія крѣпости и поставила на военную ногу три корпуса своей арміи. Герцогства увидѣли себя окруженными съ обѣихъ фланговъ непріятелями, и невольно приходилъ въ голову вопросъ: устоятъ ли они въ этой неравной борьбѣ? Уже и то было бы для нихъ успѣхомъ, еслибъ они сумѣли различить своихъ друзей и враговъ и поняли ту роль, которую имъ хотять предоставить. Завѣса, скрывающая махинацію, впрочемъ, слишкомъ прозрачна. Вѣдь Франція обѣщала, что не позволитъ никому на свѣтѣ дѣйствовать силой для возстановленія низложенныхъ династій, навязываемыхъ герцогствамъ силою добраго слова. Статья *Монитера* можетъ считаться достойнымъ заключительнымъ нравоученіемъ къ повѣсти о поѣздкахъ графа Резе и князя Понятовскаго. Пока принцъ Наполеонъ находился въ Тосканѣ и была еще надежда на его избраніе, Тосканцамъ обѣщано было право свободно подать свой голосъ; но теперь, когда этотъ голосъ поданъ рѣшительно въ пользу присоединенія къ Сардиніи, и двухмѣсячное пребываніе цѣлаго французскаго корпуса не имѣло другихъ слѣдствій, кромѣ возбужденія энтузіазма къ своимъ воинскимъ доблестямъ, — теперь французское правительство находитъ, что такой актъ не согласуется съ виллафранкскими условіями, и

что поэтому Франція отказывается даже отъ своего призванія сражаться за идеи. Италія должна извѣдать теперь настоящую цѣну тому, что такъ громко величалось въ послѣднее время «борьбой за идеи, политикою, основанною на великодушїи, на состраданїи къ народамъ, утратившимъ свою свободу и влачащимъ жизнь свою въ цѣпяхъ» — всей этой фразеологїи, не перестающей, къ несчастїю, морочить свѣтъ, начиная съ 1793 года, когда конвентъ торжественно объявилъ «миръ хижинамъ и войну дворцамъ». Исторїя знаетъ, какого рода «освобожденіе» принесли съ собою пресловутые освободители той эпохи; вся Европа принуждена была вскорѣ подняться противъ нихъ, для того, чтобы спасти бѣдные останки своей независимости и свободы, и народы снова и безъ всякихъ условїй рады были броситься въ объятія прежнихъ своихъ правительствъ. Но примѣры прошлаго проходятъ иногда безъ пользы для настоящаго, и подъ вліяніемъ обольстительныхъ надеждъ, къ сожалѣнію, слишкомъ часто забывается великое правило, что свобода и независимость народа могутъ быть водворены только собственными его усилїями и средствами. «Мы, Англичане, всегда сознавали ту несомнѣнную истину, говоритъ *Times*, что свобода должна имѣть своихъ мучениковъ, прежде чѣмъ она достигнетъ своего полнаго торжества. У насъ тоже есть почтенный свитокъ именъ, въ смерти которыхъ мы живы; но мы пользуемся своими вольностями не потому только, что люди эти жили и умерли, а потому что въ средѣ нашей заключается множество другихъ, которые способны жить такъ, какъ жили они, и готовы умереть ихъ смертію, если представится къ тому необходимость. Что говоримъ мы объ Англіи, то же самое скажемъ и о всякой другой странѣ, стремящейся къ прїобрѣтенїю свободы. Вообще въ странахъ, истинно свободныхъ, подобнаго рода обязательства чувствуются такъ глубоко и такъ сроднились со всѣмъ образомъ мыслей, что открыто напоминать о нихъ, за исключенїемъ самыхъ важныхъ случаевъ, было бы дѣломъ дурнаго тона. Обязательства эти вѣчно присущи каждому члену свободнаго общества. Мы можемъ толковать между собою о нравственной силѣ и твердости духа, но, на всякій случай, мы не лишены также физической твердости и силы. Въ состоянїи ли сказать то же самое о себѣ жители Средней Италїи? Что они желаютъ быть свободными, это еще ровно ничего не значить. Лошадь, овца, канарейка тоже имѣютъ, вѣроятно, какое-нибудь инстинктивное чутье свободы; но вопросъ въ томъ, — способны ли Италїянцы сражаться за свободу, которой они такъ ревностно желаютъ? Если да, то прекрасно; они, вѣроятно, достигнутъ свободы, а если нѣтъ, пусть Австрія бьетъ ихъ, вмѣсто бичей, скорпіонами, и мы, въ Англіи, заткнемъ себѣ только

уши отъ ихъ воплей.» Истина выражена немного рѣзко, что не мѣшаетъ ей однако быть вполне истинною. Трудно думать, чтобы при горячемъ сочувствіи, которое выражаетъ англійское правительство къ дѣлу италіанской свободы,—сочувствіи, которое раздѣляютъ, вѣроятно, многія другія европейскія государства,—при совершенной законности, которою отличаются до сихъ поръ всѣ дѣйствія герцогствъ, при строгомъ соблюденіи порядка въ ихъ средѣ, они не могли отстоять своихъ требованій, еслибы только у нихъ хватило на то достаточно неустрашимости и непреклонной воли. Справедливость требуетъ сказать, что качества эти не проявлялись до сихъ поръ у Италіанцевъ въ желаемой степени. Вотъ какъ рисуетъ, на примѣръ, корреспондентъ газеты *Times*, извѣстный всѣмъ постояннымъ читателямъ этого журнала превосходными письмами своими изъ Флоренціи, теперешнее нравственное состояніе общества въ герцогствахъ: «Ничто, подъ луною, не можетъ возбудить столько удивленія, говорить онъ, какъ италіанская лѣнь. Можно было бы разказывать анекдоты на эту тему съ ранняго утра до поздней ночи. Италіанцы лѣнились при деспотическихъ своихъ правителяхъ, ибо «тяжелый гнетъ убивалъ всѣ силы, необходимыя для полезной работы». Они лѣнятся теперь, потому что «постоянное напряженіе, въ которомъ держатъ ихъ великія событія, лишаетъ ихъ возможности заниматься дѣломъ». Впрочемъ, самая лѣнь эта могла бы сдѣлаться благодѣтельною, еслибы, по крайней мѣрѣ, отъ нечего дѣлать, Италіанцы рѣшились хоть учиться стрѣльбѣ въ стрѣлковыхъ компаніяхъ и артиллерійскихъ клубахъ. Въ Пармѣ существуютъ уже подобныя учрежденія, не только въ городахъ, но и въ селеніяхъ, и, какъ говорятъ, съ большимъ успѣхомъ, но въ Тосканѣ рѣдко раздаются звуки выстрѣловъ. Въ Пиемонтѣ съ давнихъ поръ учреждены клубы для стрѣльбы; ежегодно посѣщаются они наслѣднымъ принцемъ Гумбертомъ, который оспариваетъ тамъ пальму первенства у лучшихъ и престарѣлыхъ уже стрѣлковъ. Опять таки нельзя не пожалѣть, что ничего подобнаго не существуетъ въ Тосканѣ. Уличная жизнь и безпечное препровожденіе времени въ кофейняхъ приняли еще болѣе широкіе размѣры вслѣдствіе послѣднихъ тревогъ и общественнаго броженія. Зѣвущая молодежь, которая проводила когда-то цѣлые дни въ толкахъ о красотѣ ногъ новой танцовщицы или о скандальной исторіи какой-нибудь городской щеголихи, безъ усталы болтаетъ теперь о томъ, кого обманетъ французская политика, Италіанцевъ или Австрійцевъ, и не объявятъ ли себя прусскій принцъ-регентъ и Императоръ россійскій въ пользу италіанской независимости. Не встрѣчается между этою молодежью никого, кто напомнилъ бы ей, что свобода

Италии должна быть дѣломъ самихъ Итальянцевъ, и что здоровый и дюжий человекъ, не занятый ровно никакимъ дѣломъ,—несравненно болѣе измѣнникъ полуострову, чѣмъ императоръ Французовъ. Не правда ли, грустная картина? Но считаю долгомъ замѣтить, что было бы крайне несправедливо объяснять эту позорную дѣнь недостаткомъ храбрости въ Итальянцахъ и боязнь ихъ встрѣтиться лицомъ къ лицу со смертью въ случаѣ необходимости. Пороки этого народа условливаются тѣмъ положеніемъ, въ которомъ находился онъ въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій. Въ характеръ Итальянцевъ много впечатлительности и великодушныхъ порывовъ,—нужно только пользоваться этими качествами въ удобную минуту. Когда, три мѣсяца тому назадъ, извѣстіе о войнѣ пронеслось по полуострову, десятки тысячъ народа бросились къ знаменамъ, и кофейни опустѣли. Въ Пиемонтѣ очутилось столько волонтеровъ, что правительство затруднилось, какъ воспользоваться услугами всѣхъ, желавшихъ поступить на службу, да и теперь еще, если Гарибальди, переезжая изъ одного тосканскаго города въ другой, сдѣлалъ бы воззваніе къ молодежи, за нимъ послѣдовали бы толпы народа. Итальянцы готовы драться, когда заговоритъ въ нихъ кровь, они не испугаются ни пистолета, ни сабли, но бездѣйствіе въ лагерѣ и переходы съ одного мѣста на другое для нихъ невыносимы. Со времени виллафранкскаго мира они впали въ какое-то летаргическое состояніе, которое на половину объясняется уныніемъ, а на половину самоувѣренностью. Императоръ Французовъ увѣрилъ ихъ, что онъ не допуститъ насильственнаго возстановленія герцоговъ. Но если намъ нечего опасаться Франціи и Австріи, разсуждаютъ они на основаніи этого, зачѣмъ же проводить намъ время въ бесполезномъ упражненіи оружіемъ? Мы обладаемъ слишкомъ достаточными силами, чтобы отразить нападеніе папы или герцоговъ, а еслибы намъ пришлось драться съ Французами или Австрійцами, то силы наши, во всякомъ случаѣ, оказались бы слишкомъ слабыми.»

Грозныя слова *Монитера*, впрочемъ, едва ли разчитаны на то, чтобы потревожить апатію, въ которой обрѣтается народонаселеніе герцогствъ. Всѣ извѣстія изъ Италіи согласны въ томъ, что статья *Монитера* не произвела тамъ большаго впечатлѣнія. Народонаселеніе боится тамъ одного—вооруженнаго вмѣшательства Австріи или Франціи, а статья *Монитера* и не хотѣла колебать то повсюду укоренившееся убѣжденіе, что французское правительство будетъ противиться всѣми силами вооруженному возстановленію прежнихъ государей Средней Италіи. Да еслибы она и хотѣла того, то это не удалось бы ей. Какимъ образомъ Модены, напримѣръ, могутъ повѣрить, чтобы императоръ Наполеонъ

дѣйствительно читалъ какую-нибудь симпатію къ дѣх герцогу, послѣ того какъ недавно еще, въ моденскомъ архивѣ иностран- ныхъ дѣлъ, найденны письма этого правителя, исполненны самыми непристойныхъ отъязвовъ объ императорѣ? Дѣйствительно, еслибы не существовало никакихъ другихъ свидѣній и документовъ о личности герцога Франциска, то эти письма, эти изыщныя и благо- воспитанныя выраженія, заключающіяся въ нихъ, образъ мыслей, которымъ они проникнуты, послужили бы достаточнымъ на- ррідомъ для его характеристика. Вотъ на выдержку нѣсколько словъ изъ нихъ, и мы должны еще замѣтить, что выбираемъ ми- менѣе характеристическое мѣсто, дабы не провиниться по милости герцога Франциска противъ *respect à son souverain*: «Пьемонтъ, пишетъ герцогъ къ министру своему Форин, опирается теперь на идола Европы, Наполеона. *А ргорос*, я долженъ вамъ сказать, что моденскій журналъ, по моему мнѣнію, поступаетъ весьма не ловко, воспѣвая славу бонапартистовъ. Читая его, невозможно повѣрить, чтобы то былъ журналъ правительства, не признаващаго Наполе- она. Съ отвращеніемъ увидѣлъ я во вчерашнемъ номерѣ перело- чатку статьи *Монитера* о пребываніи эрцгерцога Максими- лиана въ Тулонѣ. Можно было бы совершенно умолчать объ этомъ, или сказать только, что эрцгерцогъ все осматрѣлъ, и въ честь его давались празднества. Но повторять, что онъ былъ въ восхищеніи отъ Наполеона и тецдерешней Франціи, значитъ только мистифицировать простаковъ, которые убѣждены, что не далѣе какъ завтра я посѣщу заглавить свои преступленія передъ г. Бонапартомъ. Лгунъ *Монитеръ* (*Moniteur menteur*) разказываетъ намъ, безъ сомнѣнія, вещи, которыхъ никогда не происходило.» Въ Вѣнѣ сдѣлана была попытка опровергнуть подлинность этихъ писемъ, но доказательства подлинности такъ убѣдительны, что попытка оказалась безуспѣшною. Что касается до герцога, онъ счелъ самымъ благоразумнымъ хранить объ этомъ казусѣ глубокое молчаніе. Говорятъ, графъ Рехбергъ совѣтовалъ ему обратиться съ оправдательнымъ письмомъ къ императору, и если это такъ, интересно было бы узнать, въ какихъ выраже- нійхъ будетъ составлено это новое посланіе. Не можемъ не упо- мянуть, по этому поводу, о весьма неприятномъ анекдотѣ съ га- зетою *le Nord*: одно изъ упомянутыхъ нами писемъ герцога мо- денскаго было перепечатано въ ней тотчасъ же послѣ его обна- родыванія; что же касается до другаго и самаго любопытнаго, оно не появилось вовсе на столбцахъ ея, къ великому огорченію ея подпизчиковъ. Загадка вскорѣ разъяснилась. Въ письмѣ этомъ, послѣ страшной брани на все западное просвѣщеніе, находятся, между прочимъ, слѣдующія слова: «Сверхъ того, я желаю, и даже *приказываю вамъ*, пользоваться статьями *Nord*, этого *прекраснаго* и добросовѣстно издаваемаго журнала, который, конечно, вами

неулучшено. Съезды думаютъ, что *Nord* уцелеетъ иллининою остротностью, не отпавшиишия перепечатать столь дестинныхъ для себя шеквалъ...

Дипломатическая ловкость французскаго правительства дѣлаетъ на всей Европѣ по омыту инегижъ лѣтъ, не оставающему никакой возможности сомнѣваться въ ней. Это обстоятельство очень затрудняетъ сужденіе о неудачахъ, которыя испытывало французское правительство во всемъ, что дѣлалось имъ въ пользу водворенія эвасъ-герцоговъ въ Италиі. Европа привыкла видѣть смѣлые шаги французской дипломатіи; первый неловкій шагъ, сдѣланный французскимъ правительствомъ, заставляеть ее удивляться, а если за однимъ неловкимъ шагомъ слѣдуетъ другой неловкій шагъ, то является подозрительность. Невольно навязываются вопросы, случайно ли попытка графа Резе и князя Понятовскаго не имѣли успеха, и случайно ли заюздала статья *Монитера*, написанная въ пользу эрцгерцоговъ, или быть-можетъ все это такъ и должно было быть, и герцоги, по крайней мѣрѣ герцогъ моденскій, должны были понести заслуженное наказаніе за свои прежнія враждебныя чувства къ императору Французовъ, а Италия подверглась гнѣву *Монитера* за недогадливость въ другомъ отношеніи. Но чего же можетъ желать Франція? Какъ нація великодушная, какъ благодѣтельница Италиі, она ничего не можетъ другаго желать, ничего другаго не можетъ требовать отъ Италиі кромѣ того, что согласно съ правомъ. Какъ же смотреть и какъ должна смотрѣть Франція на вопросъ о правѣ по отношенію къ герцогствамъ? Статья *Монитера* произвела во Франціи очень большое впечатлѣніе. Хотя въ странѣ этой, несмотря на увѣренія г. де-Морни, главное искусство публициста, какъ говоритъ г. Сенъ-Маркъ Жирарденъ, состоитъ въ томъ, чтобы «писать мало, а думать еще меньше», однакожъ блестящій редакторъ *Journal des Débats*, г. Прево-Парадолъ, ухитрился поставить вопросъ о правѣ съ безопадною логикой. Онъ приглашаетъ своихъ читателей взглянуть на этотъ вопросъ съ *отвлеченной*, какъ онъ выражается, точки зрѣнія борьбы между такъ-называемымъ писаннымъ или положительнымъ правомъ, то есть, въ этомъ случаѣ, правомъ трактатовъ, на которомъ основана власть италянскихъ государей, и между правомъ «народнымъ», по которому сама-страна устраиваетъ свою судьбу и мѣняетъ свое правительство, когда находить нужнымъ. Никакая нація Европы, какъ извѣстно, начиная съ 1789 года, не пользовалась этимъ правомъ чаще Франціи, и теперешнее правительство ея съ гордостью напоминаетъ при каждомъ удобномъ случаѣ, что оно опирается на самую законную изъ всѣхъ основъ,—на волю цѣлаго народа, выраженную поголовною подачей голосовъ. Г. Прево-Парадолъ сожалеетъ о печальной нецослѣдовательности французской по-

Иници, которая по неволѣ принуждена была вѣряться въ Вилларантъ защитницею писаннаго права, принципа, котораго приходится въ непримиримой враждѣ съ ея собственнымъ принципомъ. Но умъ если судьба была такъ неблагоприятна къ французской политикѣ, что она принуждена лаямъ въ этотъ разъ своей вѣрности «народному» праву, то въ ея распоряженіи остается одно только право—право писанное, право трактатовъ, право вригерцоговъ. А тутъ судьба хотѣла быть еще менѣе благоприятна къ французской политикѣ. Стоять за право вригерцоговъ можно или убѣжденіемъ или силой. Но узицианія г. де-Резе и князя Нонатовскаго, какъ мы видели, были неудачны, а что касается до силы, то Франція, устами своего императора, объявила, что не только сама не унетребитъ насилія, но даже никому на свѣтѣ не дозволить грубаго посягательства на свободу Италіи. И такъ что же остается Франціи дѣлать, какъ же отказаться отъ всякаго дѣла съ Италіей? Какой можетъ быть другой выходъ изъ этой дилеммы?

А между тѣмъ медленность цюрихскихъ конференцій наводитъ недобѣрчивыхъ людей на новыя мысли. Говорятъ, будто Франція и Австрія нарочно томятъ Италію и надѣясь на шестостоянство италіанскаго патріотизма, хотѣтъ выиграть время или ждать какого-либо событія въ Италіи, на которое имъ можно было бы опереться, чтобы выйти изъ помянутой крайне-стѣснительной дилеммы между «писаннымъ» и «народнымъ» правомъ, ждать, наиримѣръ, избранія принца Жерома-Наполеона въ герцога, которое дало бы Франціи возможность постоять за право «народное», или провозглашенія красной республики, противъ которой Австрія сечла бы себя въ правѣ употребить военную силу, а Франція была бы принуждена отступить отъ своихъ обѣщаній и дозволить Австріи хотя бы и грубое посягательство на свободу Италіи. Впрочемъ на цюрихскія конференціи всѣ давно привыкли смотреть, какъ на дипломатическую формальность, которую можно таууть, если это желательно, и прекратить по произволу во всякое время. Всѣ понимали, что главный нѣрвъ политики по вопросу объ Италіи не въ Цюрихѣ, а въ томъ мѣстечкѣ или на той станціи желѣзной дороги, гдѣ находится императоръ Французовъ. Настоящія конференціи были въ Сень-Соверѣ и Биарицѣ; и тамъ и здѣсь въ самомъ дѣлѣ возникло нѣсколько новыхъ идей, и были условлены новыя планы для дальнѣйшихъ дѣйствій на будущія судьбы Италіи. Прежде всего князь Меттернихъ, въ качествѣ австрійскаго чрезвычайнаго уполномоченнаго, отыскалъ императора Французовъ въ Сень-Соверѣ и, къ соблазну друзей дипломатическаго этикета, вступилъ съ нимъ въ переговоры, помимо протоколовъ, составлявшихся въ Цюрихѣ. Статью *Монитера* можно считать первымъ протоколомъ сень-соверскимъ. О другихъ результатахъ перегово-

рою нѣтъ вѣрнѣе извѣстій, но парижскій корреспондентъ газеты *Independence Belge* сообщаетъ извѣстія о весьма сложномъ дипломатическомъ распорядкѣ, который будто бы былъ условленъ въ Сенъ-Соверѣ между императоромъ Французовъ и княземъ Меттернихомъ. Герцогъ тосканскій будто бы уступитъ свои наследственные права императору австрійскому, а австрійскій императоръ будто бы передастъ ихъ принцу Жерому-Наполеону. Такимъ образомъ принцъ Наполеонъ вступитъ, на основаніи «писаннаго» права, на престолъ Тосканы, а герцогу тосканскому, вѣроятно на основаніи права «народнаго», предоставлена будетъ корона въ дунайскихъ княжествахъ, которыя дѣйствительно выражаютъ теперь желаніе имѣть наследственного государя и просить князя Кузу, чтобъ онъ ходатайствовалъ о томъ передъ великими державами. Подобная сдѣлка можетъ показаться весьма вѣроятною, потому что дала бы Франціи въ силу «писаннаго» права то, что не давалось ей въ руки въ силу права «народнаго», а вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетворяла бы и Австрію: послѣдняя, въ замѣнъ своего вліянія въ Италіи, получила бы огромное значеніе въ княжествахъ и въ Турціи. Можетъ-быть, этою комбинаціей удовлетворилось бы и народное чувство Германіи, желающей распространенія нѣмецкаго элемента на сосѣдственные страны; но конечно ни Англіи, ни Россіи не можетъ быть выгоденъ и пріятенъ такой распорядокъ, и телеграфъ уже извѣщаетъ насъ, что газета *Times* сильно протестуетъ противъ него.

Путешествіе князя Меттерниха къ Сенъ-Соверу во всякомъ случаѣ уже показывало, что по крайней мѣрѣ Австрія не придавала большаго значенія правильному ходу цюрихскихъ конференцій, и дѣйствительно одна изъ послѣднихъ телеграммъ сообщаетъ извѣстіе, что въ Цюрихѣ скоро будетъ подписанъ трактатъ, но что онъ опредѣлитъ только уступку Ломбардіи и будетъ подписанъ Франціей и Австріей безъ участія Сардиніи. Въ такой героической развязкѣ конференцій, подвигавшихся такимъ черепащимъ шагомъ, нельзя не видѣть враждебности къ Сардиніи, но можно видѣть и уступку требованіямъ Англіи. Газета *Morning Post*, органъ лорда Пальмерстона, указывала 16-го сентября на необходимость для Англіи принять участіе въ дѣлѣ Италіи, и оправдывала это тѣмъ, что нѣтъ надежды на скорое собраніе конгресса. Вѣроятно, въ отвѣтъ на это желаніе Англіи появилась новая статья *Монитера*, 19 сентября. Въ этой статьѣ, французское правительство еще разъ высказывается противъ соединенія герцогствъ съ Пьемонтомъ и убѣждаетъ Англію дѣйствовать въ области дипломатіи за одно съ Франціей, чтобъ измѣнить, въ случаѣ надобности, условія мира.

И эта вторая статья *Монитера* служила предисловіемъ къ новой варіаціи на тему: «политическое устройство Италіи.» При-

глашеніе, сдѣланное Англіи французскимъ правительствомъ, было какъ нельзя болѣе кстати: и безъ него всѣмъ ставилось ясно, что Англія приготовила свое слово въ пользу Италіи, и только политическая ловкость требовала, чтобы всѣ думали, будто инициатива въ этомъ дѣлѣ по прежнему принадлежитъ Франціи. На этотъ разъ въ дѣлѣ принялъ участіе король Бельгійцевъ, котораго личный характеръ возбуждаетъ повсюду глубокое уваженіе, и который, по родственнымъ связямъ своимъ, находится въ самомъ выгодномъ положеніи относительно общеевропейскихъ вопросовъ. Король Леопольдъ, возвратившись изъ Англіи, отправился въ Біарицъ, и здѣсь, какъ извѣщаетъ насъ телеграфъ, убѣдилъ императора Наполеона III согласиться на слѣдующія условія: Австрія уступить Пиемонту крѣпости Пескиеру и Мантую; она дастъ Венеціи отдѣльное управленіе и согласится на присоединеніе Пармы и Модены къ Сардиніи. Но въ замѣнъ этихъ уступокъ лотарингская династія будетъ возстановлена въ Тосканѣ. Легатства останутся нераздѣльными съ Папскою областью и должны довольствоваться обѣщаніемъ реформъ со стороны папы. Эта новая варіація, нельзя не согласиться, удовлетворительнѣе всѣхъ предыдущихъ, но она рѣшаетъ окончательно, на основаніи «народнаго» права, только вопросъ о Пармѣ и Моденѣ; для Тосканы и легатствъ все еще сбережено «писанное» право, или лучше сказать «словесное» право, условленное въ Виллафранкѣ. Впрочемъ важенъ первый шагъ; телеграфъ извѣщаетъ, что въ Брюсселѣ соберется конгрессъ, который, можетъ-быть, сдѣлаетъ что-нибудь еще лучше. Если австрійскій императоръ готовъ платить крѣпостями своей страны за сохраненіе хотя небольшой доли «словеснаго» права, то другія державы, напримѣръ Англія, вѣроятно, не упустятъ случая воспользоваться этимъ. Дипломатія весьма изобрѣтательна въ искусствѣ *saiver les apparences* и этимъ путемъ можетъ подойти очень близко къ послѣднему рѣшенію вопроса. Конгрессъ послужитъ между прочимъ опытомъ того, на сколько Франція дорожитъ союзомъ съ Англіею. Извѣстно, что Англичане не легко дѣлаютъ уступки; англійское правительство отвѣчаетъ за нихъ передъ общественнымъ мнѣніемъ страны; слѣдовательно должно ожидать уступокъ съ той стороны, съ которой онѣ совершаются удобнѣе. А событія послѣднихъ мѣсяцевъ были такого рода, что необходимо подогрѣть дружбу между двумя западными державами какою-нибудь жертвой. Въ древнемъ Римѣ Курцій бросился въ бездну для спасенія отечества; отчего же не бросить въ нее теперь какого-нибудь напередъ задуманнаго плана, особенно если этотъ планъ оказывается не въ оружіи и не на конѣ, какъ былъ Курцій, а подъ маской нѣжныхъ чувствованій и въ котурнахъ великихъ идей?...

Нельзя не видѣть, что мрачныя тучи висятъ теперь на англо-

Французскомъ союзѣ. Наши читатели помнятъ, какъ различно смотрѣли Англія и Франція на средства для устройства дѣлъ въ Италіи. Въ то время, когда императоръ Французовъ готовилъ высадку въ Генуѣ, Англія желала мира; но едва только Англія покорилась необходимости войны, въ надеждѣ, что этимъ путемъ можно достигнуть разрѣшенія италіянскаго вопроса, какъ императоръ Французовъ внезапно заключилъ миръ. Въ томъ и другомъ случаѣ англійскій народъ видѣлъ желаніе сосѣднато правительства устранить Англію отъ участія въ общеевропейскомъ вопросѣ, и это, естественно, должно было возбудить въ немъ недовѣріе. Англичане считали своею обязанностію не оставаться страдательными зрителями совершающихся событій. Во время войны они слѣдили внимательно за ея ходомъ; послѣ владѣн Франческаго мира, они старались угадать дальнѣйшія намѣренія императора Французовъ, чтобы вовремя парализировать ихъ, въ случаѣ, еслибы въ этихъ намѣреніяхъ оказалось что-либо несогласное съ интересами Англіи. Словомъ, они показывали самое полное недовѣріе къ тому, что происходило или готовилось во Франціи, и выражали это недовѣріе болѣе или менѣе рѣзко, смотря по большей или меньшей близости говорившихъ и писавшихъ къ оициальному міру, соблюдающему известныи этикетъ къ союзной державѣ, пока еще не совсѣмъ разорваны мирныи отношенія къ ней. Прежде всего Англичане опасались, чтобы Франція не сдѣлала нападенія на ихъ страну; затѣмъ они опасались, чтобы императоръ Французовъ не измѣнилъ карты Италіи по своему произволу и не утвердилъ своей династіи на престолѣ Тосканы и Модены. Въ виду такихъ опасеній, императоръ Французовъ счелъ нужнымъ объясниться съ своими недовѣрчивыми сосѣдами и поручилъ это графу Морни. Президентъ законодательнаго сословія воспользовался открытіемъ генеральнаго совѣта въ Пюи-де-Домскомъ департаментѣ, чтобы сказать рѣчь, о которой мы упоминали въ предыдущемъ обзорѣнн, и которой главное содержаніе относилось къ Англіи. «Англичане, сказалъ графъ де-Морни, говорятъ: «императоръ таитъ въ глубинѣ своего сердца желаніе отомстить за Ватерло и Св. Елену: онъ заключилъ миръ съ россійскимъ Императоромъ только съ цѣлью приобрѣсти въ немъ себѣ союзника; онъ показалъ чрезвычайное великодушіе къ императору австрійскому также съ цѣлью сдѣлать его своимъ другомъ, и при помощи этого двойнаго союза онъ разчитываетъ напасть на Англію.» Я считаю, что не будетъ неумѣстно и несвоевременно сказать вамъ, что я думаю объ этомъ.» Ораторъ говорилъ своимъ слушателямъ о смягченіи нравовъ въ наше время, о просвѣщеніи и цивилизаціи, погашающихъ въ настоящую эпоху всякое чувство національной вражды, и чтобы окончательно убѣдить слушателей въ великодушіи императора, обратился къ взаимнымъ отношеніямъ Франціи и Россіи. При

отправленіи его въ Петербургъ императоръ Наполеонъ, дозволяя видѣть, сказалъ ему: «Храните неприкосновеннымъ союзъ съ Англіею и старайтесь не разъединять великихъ державъ, а иначе житье имъ напротивъ на то, что, еслибы у нихъ достало здраваго смысла дѣйствовать за одно и въ согласіи, то всѣ жалкія затрудненія, которыя возникаютъ въ Европѣ, могли бы быть разрешены мирнымъ образомъ.» Мы не сомнѣваемся, что императоръ Французовъ и въ настоящую минуту готовъ повторить эти слова, хотя онъ и доказалъ еще недавно на опытѣ, что большія державы не всегда живутъ въ мирѣ, и не всегда приветствуютъ съ радостію рожденіе новой большой державы, но смѣемъ думать, что не одного французскаго правительства, а у всякаго человека, и тѣмъ паче у всякаго правительства на столько достанетъ здраваго смысла, чтобы сочувствовать идеалу г. де-Морни. Однакожъ, къ сожалѣнію, этотъ идеалъ еще далекъ отъ своего осуществленія; къ сожалѣнію, современность представляетъ до сихъ поръ частныя комбинаціи государствъ, которыя основываются на ихъ внутреннемъ характерѣ, и именно Англіи приходится нерѣдко стоять особнякомъ среди прочихъ державъ. Англичаме и Французы росли на глазахъ другъ у друга, сообщаются безпрестанно и подводными телеграфами, и тысячами пароходовъ; а между тѣмъ на каждомъ шагѣ правительства французское и англійское сталкиваются въ своихъ основныхъ началахъ и могутъ ладить только на какомъ-либо внѣшнемъ актѣ, гдѣ-нибудь у далекихъ береговъ. Исторія учитъ насъ, что въ средніе вѣка французскій рыцарь стоялъ гораздо ближе къ рыцарю нѣмецкому, чѣмъ къ своему мирному согражданину. Это тяготѣніе, это братство по оружію продолжается до сихъ поръ въ другой сферѣ, и Англичанинъ не можетъ научиться носить съ любовію оружіе, какъ Французъ не можетъ научиться хранить съ любовію свои завоеванія въ сферѣ политической жизни и готовъ промѣнять ихъ на блескъ и громъ оружія. Ровной, согласной жизни между Англіею и Франціею быть не можетъ, и не можетъ быть того взаимнаго довѣрія и сочувствія, которое нѣкогда называлось *entente cordiale*, и котораго требуетъ графъ Морни отъ Англіи, какъ долгъ уваженія къ императору Французовъ. «Я повторяю, сказалъ онъ, кто, послѣ всего сказаннаго и сдѣланнаго императоромъ, подозреваетъ его въ томъ, что онъ готовится въ тайнѣ, не имѣя другаго побужденія, кромѣ старинной вражды, такое предпріятіе, которое потрясло бы совершенно всѣ самые важные интересы вселенной и нанесло бы самый роковой ударъ цивилизаціи, кто подозреваетъ его въ этомъ, тотъ, значитъ, сомнѣвается въ его словѣ и въ его чести, какъ государя и какъ человека.» Отъ вражды съ Англіею мысль г. де-Морни отарашается съ ужасомъ. Вражду радуютъ къ несчастью въ Лондонѣ: журналисты—чтобы прибавилось число подпи-

платонъ, ораторъ — дабы слѣдовать документарности. По мнѣнію французскаго оратора, между Франціей и Англійей есть одна только область возможнаго соперничества, которую графъ Морни открылъ случайно и неожиданно. Это — область мирнаго соперничества, область промышленности. « Да, оказалъ графъ Морни, останутся вѣсти съ Англійей войны промышленную и торговую, борьбу прогресса и дивализаціи, честную борьбу, въ которой можно признаться, и которая содѣйствуетъ благосостоянію всѣхъ. » При этомъ ораторъ съ большою остремостію указалъ на нѣкоторыя приобритенія, еще недостающія Франціи и существующія въ Англии. « Станемъ подражать англійскому народу въ томъ, чего не достаетъ намъ; станемъ почерпнуть силы въ духъ товарищества, не прибѣгая постоянно къ поддержкѣ и помощи правительства, научимся пользоваться кредитомъ; постараемся завоевать и сохранить посредствомъ мудраго пользованія тѣ вольности, которыя дѣлаютъ человека безусловнымъ господиномъ собственнаго блага, и которыя не имѣютъ другихъ границъ, кромѣ вреда согражданамъ. » Графъ Морни увѣряетъ, что въ этомъ состоятъ желанія императора: « уже амнистія, сказалъ онъ, есть дѣло утѣшенія и замиренія, которое служитъ предисловіемъ новой системы у насъ. »

Англійскіе журналы очень хорошо поняли смыслъ и значеніе рѣчи графа Морни. Они видѣли, что эта рѣчь вызываетъ на объясненія, и не замедлили объявиться. « Британскій народъ, сказано въ *Times*, не имѣетъ ни малѣйшаго желанія оскорблять могущество, благосостояніе, честь или чувствованія Франціи. Съ Франціей у насъ гораздо болѣе общихъ идей и стремленій, чѣмъ съ какою-либо другою страной въ Европѣ. Мы цѣнимъ союзъ съ нею и считаемъ его почетнымъ и выгоднымъ. Мы съ удовольствіемъ увидѣли бы Францію, идущую *pari passu* по тому же пути прогресса въ области промышленности, торговли и колонизаціи, по которому мы сами идемъ. Мы еще болѣе желали бы для нея тѣхъ же политическихъ учрежденій, которыя мы имѣемъ, но мы видимъ, что это невозможно. Въ нашихъ чувствахъ къ Франціи нѣтъ ни злобы, ни даже соперничества. Мысль о томъ, что мы когда-нибудь нападѣмъ на Францію, вздумаемъ предписать ей конституцію или нанести вредъ ея торговлѣ — просто смѣшна. Поэтому Франціи ничего бояться насъ ни въ какомъ случаѣ, кромѣ случая всеобщей европейской войны, которая возбудитъ новыя страсти въ ней самой и раздѣлитъ государства на основаніи чувствъ и условій времени. Несправедливо, будто въ Лондонѣ, при всякомъ случаѣ, возраждались снова предразсудки прошедшаго, увлеченія Грааальгаромъ и Ватерло. Мы не вѣримъ этому, и нѣтъ основанія утверждать, чтобы какой-либо нашъ журналъ, ораторъ или политикъ сказалъ хотя одно слово, могущее оскорбить самолюбіе Франціи или возбудить тревогу, только ради попу-

лярности, как говорить графъ Морисъ. Единственное чувство британскаго народа есть боязнь не одождать предстоитъ намъденія со стороны честолюбиваго, увеселеннаго и влиятельнаго сосѣда, и вслѣдствіе того рѣшилось быть готовымъ въ всякій случай. Для насъ дѣло идетъ исключительно о сохраненіи. Мы не хотимъ отнять у Франціи ни одной нивы земли, ни одного города, ни одного корабля, ни одного чловѣка; но мы не хотимъ также потерять что бы то ни было. Мы съ горестію убѣдились теперь, что въ теченіи нѣсколькихъ вѣкольной естественной истиннѣ Франціи воль ее къ тому, чтобъ играть роль въ европейской политикѣ и рѣшать свои внутренніи смуты посредствомъ военнаго диктаторства или абсолютной диктатин. Это чувство теперь совершенно независиме отъ того или другаго лица, отъ той или другой династии. Народъ, который обдуманно рѣшился управляться военнымъ главой, который упорно видитъ въ этомъ спасеніе отъ внутреннихъ несогласій и орудіе народной славы, долженъ всегда возбуждать справедливое опасеніе въ своемъ сосѣдѣ, твердо рѣшившемся противиться этому. Еслибы въ Лондонѣ установилось такое правительство, какое мы видимъ въ Парижѣ, то весьма скоро половина жителей средняго и низшаго классовъ нашей страны послѣдовала бы призыву пилигримовъ: при такихъ обстоятельствахъ *Great Eastern*, отправляясь еженедѣльно, въ теченіи десяти лѣтъ, едва ли могъ бы вывезти все, что есть дѣйствительно британскаго на нашихъ островахъ. Откуда это преобладающее чувство въ нашей природѣ? Это обыкновенная наша рѣшимость быть господами самимъ собой. Мы не хотимъ зависеть отъ каприза, отъ безумія или даже отъ мудрости какого-либо одного чловѣка. И если таково наше чувство относительно нашихъ собственныхъ учреждений, нашей верховной власти, начальниковъ нашей собственной арміи, нашихъ гражданскихъ и церковныхъ установленій, то нѣтъ ничего необыкновеннаго, если мы не хотимъ зависеть отъ милости и прихоти чловѣка, живущаго въ Тюльери, кто бы онъ ни былъ. Не зачѣмъ хитрить, и мы съ полнымъ уваженіемъ говоримъ, что недавно въ Италіи мы видѣли образецъ того, что можетъ сдѣлать такой чловѣкъ безъ приготовленія и при обыкновенномъ мирномъ положеніи Франціи. Франція увѣрена теперь, какъ говорилъ двѣ недѣли тому назадъ одинъ изъ членовъ ея законодательнаго сословія, что «когда бы ей ни вздумалось, какое время ни выбрала бы она, пятьдесятъ или шестьдесятъ тысячъ чловѣкъ внезапно будутъ брошены на территорію ея неприятелей въ какомъ угодно пунктѣ». Такимъ образомъ, даже оставая въ сторонѣ чувствованія, даже если, по счастливому случаю, Франція и Англія, преслѣдуя общую цѣль, въ настоящее время находятся въ необыкновенномъ

согласіи, все-таки мы должны быть готовы на случай перемены въ чувствованіяхъ или политикѣ Франціи. Это ничего болѣе, какъ логическое слѣдствіе той осторожности, которую мы выказываемъ въ нашихъ собственныхъ домашнихъ учрежденіяхъ. Мы не хотимъ отдаться на произволъ Англичанина, а потому тѣмъ менѣе отдадимся на произволъ иностранца.»

Дѣйствительно, нельзя не подивиться тому, что президентъ французскаго законодательнаго сесловія такъ не кстати заговорилъ о довѣрїи и притомъ съ мыслію обаять ту націю, которая славится своею опытностію въ политическихъ дѣлахъ. Довѣріе есть несомнѣнно одно изъ лучшихъ украшеній человѣческаго общенія, но мѣсто его въ чисто-личныхъ отношеніяхъ людей. Перенесенное въ область права, это прекрасное чувство неизбѣжно ведетъ къ отрицанію права и извращаетъ человѣческое общеніе. Право перестаетъ быть правомъ, когда ищетъ огражденія себѣ въ свободныхъ движеніяхъ чувства, а не въ твердыхъ, верушимыхъ гарантіяхъ, не зависящихъ отъ человѣческаго произвола. Банальная истина, что чувства человѣческія могутъ быть хороши и дурны. Съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ позналъ добро и зло, ни одинъ человѣкъ не можетъ требовать отъ другихъ людей, чтобъ они предавали высшее свое благо, свою свободу, въ полную волю его благородства, и твердо вѣрили, что зло не имѣетъ доступа къ душѣ его. Сантиментальные возгласы не ниведутъ райской жизни на землю, не убѣдятъ человѣка, что ему можно полагаться на князей и на сыновъ человѣческихъ. Къ сожалѣнію, на землѣ уже очень давно явилось право; законъ получилъ власть надъ людьми, и не довѣряя имъ благой волѣ, старается отнять у нихъ возможность дѣйствовать «во вредъ согражданамъ». Все частное, все государственное, все международное право основывается на этомъ необходимомъ въ человѣческихъ дѣлахъ недовѣрїи, и всѣ стремленія законодательства клонятся къ тому, чтобъ одинъ человѣкъ не нарушалъ своею свободой свободы другихъ людей, и чтобъ органы власти, ограждающей законную свободу людей, сами не переступали предѣловъ законности. Первое изъ этихъ стремленій составляетъ источникъ частнаго права, второе—источникъ такъ-называемаго государственнаго или публичнаго права, и чѣмъ сильнѣе проявляются эти стремленія въ человѣческомъ обществѣ, тѣмъ совершеннѣе становится право, тѣмъ могущественнѣе сила закона, тѣмъ возможнѣе чистота и искренность житейскихъ отношеній между людьми. Есть въ человѣческой жизни мѣсто для поэзіи, но есть мѣсто и для прозы, и объявляя войну прозѣ жизни, мы не превратимъ ее въ чистую поэзію. Вооружаясь противъ прозаическихъ предосторожностей, мы не внушимъ поэтическаго довѣрія. Президентъ французскаго

законодательнаго селенія долженъ знать изъ опыта своей собственной жизни, какъ неразумно было доврять вчера людямъ, способнымъ проповѣдывать сегодня о доврѣнн. Его вѣрноединическія чувства можетъ-быть сдѣлались теперь очень тверды, но вѣрно то, что онъ не имѣетъ права ставить себя въ этомъ отношеніи въ примѣръ Англичанамъ, которые полагаютъ свою гордость въ вѣрноподданническихъ чувствахъ къ своей королеви, какъ, по англійскому политическому догмату, положеніе англійской королевы таково, что она, какъ королева, можетъ дѣлать только добро и не дѣлаетъ зла. Нельзя также сказать, чтобъ и со стороны людей ниже стоящихъ было благоразумно вполнѣ доврять провоздвигамъ доврѣнн. Самъ графъ Морни, напримѣръ, говорилъ въ принятой нами рѣчи объ амнистїи, какъ предисловіи новой системы, ожидающей Францію. Другіе общали доврчивымъ людямъ, что новая эра ожидаетъ французскую печать. *Journal des Débats* отозвался на эти общанія, и нельзя сказать, чтобъ онъ отозвался съ доврчивостію, совершенно неблагоразумною, но черезъ несколько дней *Мониторъ* объявилъ, что законы 1852 года о печати остаются въ полной силѣ, и новая эра заставляетъ ждать себя.

Считаемъ не лишнимъ привести здѣсь вполнѣ упомянутую нами статью *Journal des Débats*, такъ какъ она очень хорошо характеризуетъ состояніе политическаго барометра во Франціи, а отчасти служить французскимъ отвѣтомъ на рѣчь графа Морни.

Носились слухи, довольно вѣроятные, о томъ, что императоръ намѣренъ скоро освободить печать отъ стѣсненій, которыя вызваны были нѣкогда обстоятельствами, по счастью теперь уже минувшими. Нѣкоторые умѣренно радуются этому; другіе предаются, напротивъ, неумѣреннымъ опасеніямъ. Что касается до насъ, то мы готовы усвоить себѣ прежнія привычки свободной печати, если свобода эта дѣйствительно будетъ намъ возвращена, и желали бы, съ своей стороны, успокоить тѣхъ, кто боится, чтобы возстановленіе ея не повело къ новымъ безпорядкамъ въ нашемъ обществѣ. Мы не станемъ злоупотреблять правомъ, если оно будетъ намъ возвращено; мы не злоупотребляли имъ, когда оно считалось правомъ неоспоримымъ, признаннымъ всѣми государственными властями, подвергавшимся только контролю закона и надзору судебной власти. Точно такъ же осторожно стали бы мы пользоваться и на будущее время этимъ правомъ, ибо нѣкогда не забудемъ, что у насъ могутъ снова отнять его; что государственныя учрежденія страны далеко не въ силахъ защищать свободу печати, что общественное мнѣніе отличается достаточнымъ равнодушіемъ въ этомъ дѣлѣ, что администрація, привыкшая къ прелести всеобщаго безмолвія, не потерпитъ противорѣчій, гдѣ бы она ни встрѣтилась съ ними; что единственнымъ

защитником жизни будет императоръ, который, не испугавшись амнистии и настоявши на ней вопреки мнѣнію многихъ людей, возмущается также, вѣроятно, и свободой печати. Но этотъ всемогущій защитникъ не можетъ быть постоянно внимательнымъ и постоянно слѣдить за нами. Поэтому мы знаемъ, что если возвращены будутъ намъ наши права, то возвратятся вмѣстѣ съ ними также и опасности. И несмотря на то, мы не колеблемся: мы предпочитаемъ опасность рѣчи болѣзни молчанія.

«Болѣзнь молчанія! Мы увѣрены, что если что-нибудь можетъ побудить императора возстановить свободу печати, такъ это убѣжденіе въ успѣхѣ, который болѣзнь эта одѣлала въ странѣ. Но нашему мнѣнію, для главы великаго государства нѣтъ ничего тягостнѣе того сознанія, что общество, управляемое имъ, погружается въ мертвенную апатію, нѣтъ ничего тягостнѣе, какъ видѣть себя, такъ сказать, одинокимъ, въ пустынѣ, и одному мыслить, одному дѣйствовать, одному говорить, посреди толпы, которая отказалась отъ всякой самостоятельности. Не то, чтобы Франція находилась теперь въ такомъ положеніи: еще далеко до этого; общественный организмъ нашъ полонъ жизненности и силъ во многихъ своихъ элементахъ. Что, напримѣръ, могуще-отвѣщеніе и энергичіе нашего военного сословія? Въ чемъ счастливо и существенно выразился демократическій характеръ, какъ не въ немъ? Еслибы, во Франціи, какая-нибудь сила мало-помалу высосала жизнь изъ всѣхъ частей общественнаго организма, то она сосредоточилась бы вполнѣ въ арміи; всѣ мы чувствуемъ это инстинктивно, и потому-то армія такъ популярна у насъ. Мы привѣтствуемъ то, что живетъ, дѣйствуетъ, и въ чемъ другіе народы чувствуютъ жизненную силу Франціи.

«Сохрани насъ Богъ обвинять въ апатіи нашъ промышленный и торговый классъ! Онъ дѣятеленъ, трудолюбивъ и предприимчивъ. Хотя быстрые переходы отъ мира къ войнѣ нарушаютъ по временамъ стройный ходъ французской промышленности, тѣмъ не менѣе она удивляетъ своею жизненною энергіей. Но, спросить насъ рьяные приверженцы тишины и спокойствія, если солдаты наши такъ храбры, а работники такъ смѣливы и трудолюбивы, чего же вамъ еще нужно? Пожилые люди эти забываютъ, что не мы возвращаемъ свободу печати, а императоръ; что этотъ высшій наблюдатель, изучая болѣзненное состояніе общественнаго организма, замѣтилъ, что нѣкоторыя изъ политическихъ и нравственныхъ отправленій его совершаются болѣзненно, что вслѣдствіе болѣзни этой, имѣющей характеръ паралича, становится необходимымъ постоянно поддерживать дѣятельность въ расслабленномъ организмѣ, постоянно возбуждать его. Мало того: въ извѣстныхъ минуты великій организмъ этотъ не отзывается ни

на какія возбуждательныя средства, и рука, двигавшая ихъ, утѣлится вслѣдствіе его бездѣтельности.

• Мы знаемъ, что весьма неудобно доказывать подобныя шпія прихитрени, мы однако сдѣлаемъ это, хотъ для того, чтобъ испытать, какова обѣщанная намъ свобода; въ случаѣ неудачи опыта мы готовы остановиться.

• Въ январѣ, 1859 года, императоръ рѣшился на войну. Страна не была къ ней приготовлена; ни одна рѣчь, ни одно публичное преніе не указало ей на существованіе италіанскаго вопроса, и на то, что вопросъ этотъ достигъ своего кризиса и требуетъ разрѣшенія европейскимъ конгрессомъ или италіанскою войною. Императоръ могъ замѣтить тогда бессиліе общественнаго мнѣнія и билъ въ правѣ жаловаться на его ушнленіе. Революціонное начало, разчитывая на успѣхи свои въ Италіи, на время едва не разбудило общества, но тогда къ прежней апатіи его присоединился еще страхъ, и война сдѣлалась еще менѣе популярною въ значительной части французскаго народонаселенія.

• Въ то время намъ случалось слышать, какъ консервативные консерваторы, разгнѣванные до того, что почти сожалѣли о парламентскомъ правленіи, утверждали, что двадцать бурныхъ засѣданій менѣе потревожили бы общество и возбудили бы въ немъ менѣе опасеній, чѣмъ одна фраза, произнесенная въ Тюльери, 1 января 1859 года. Фраза эта отъ того именно и произвела такой эффектъ, что она унала вдругъ среди всеобщаго молчанія. Будь она сказана въ началѣ или въ концѣ какого-нибудь пренія, она все-таки сохранила бы свою важность, свой рѣшительный характеръ, но не была бы потрясающею неожиданностію.

• Мы можемъ сказать о мирѣ то же самое, что сказали о войнѣ: миръ также поразилъ всѣхъ; и такъ какъ онъ явился непосредственно вслѣдъ за многими воинственными и задирающими статьями, не допускавшими никакого возраженія, никакихъ опроверженій въ пользу возможности мира, то вилла-франкскій трактатъ былъ по истинѣ театральнымъ эффектомъ, къ которому никто не былъ приготовленъ даже на сценѣ. Что касается до насъ, то никогда еще эффектъ не казался намъ болѣе кстаті. Правда, мы смотрѣли на это событіе преимущественно съ французской точки зрѣнія; мы имѣли на то право. Мы видѣли, что два мѣсяца войны дали Франціи преобладаніе, которое могло только поколебаться отъ продолженія войны, не обѣщавшаго никакихъ выгодъ для насъ. Поэтому, мы привѣтствовали миръ искреннимъ одобреніемъ; мы стали бы защищать его еще съ болѣшимъ жаромъ и настойчивостію, еслибы существовала свобода преній въ печати или свободная трибуна, но такъ какъ недовольные миромъ не имѣли средствъ обнаружить вполне свое

неудовольствіа, равно пять шесть мыслить тому инакъ, недовольные войной не могли ратовать противъ ея необходимости, тогда же задумали, что если тѣ, которые не одобряютъ, обданы молчаніемъ, то и тѣмъ, которые одобряютъ, несправедливо говорить. Изъ тому же мы надѣялись, что къ рѣчь, произнесеннымъ президентами главныхъ государственныхъ собраний, будутъ не только похвалять миру, но и похвалы чего. Похвалы зачинае объясненіе. Только императоръ вознаградилъ насъ за всеобщее безмолвіе; онъ объяснилъ виллафранкскій трактатъ вполнѣ откровенно, и энергично высказалъ самъ то, что могли бы сказать лица, недовольныя миромъ; онъ отвѣчалъ, по нашему мнѣнію, весьма разсудительно на нѣтъ возраженія, вель отъ одного своего лица пренія о такомъ обширномъ предметѣ, говорилъ за всѣхъ, даже за тѣхъ, которые не раздѣляютъ его образа мыслей.

« Не въ первый уже разъ прибѣгалъ императоръ къ столь смѣлой инициативѣ. Намъ памятно, какъ при рожденіи императорскаго принца, онъ съ необыкновеннымъ тактомъ высказалъ самъ то, что върочно, вель думали, и чего однако никто не говорилъ: объ этомъ четвертомъ самѣ коралей и императоревъ, который ридился въ Тюльери; и которому неизвѣстно суждено ли будетъ тамъ умереть.

« Эти проявленія свободнаго ума дѣлають честь государю; онъ долженъ показатъ, что не обманывается словами, которые передъ нимъ расточаютъ, и готовъ прислушиваться за стѣнами дворца къ народной мысли, для того, чтобы быть готовымъ дать ей отвѣтъ, просвѣтитъ ее, утѣритъ и предостеречь. Но для государя Франціи недостаточно овладѣть способностію говорить за всѣхъ: нужно, чтобы мысль его находила себѣ не одни только ластивые отголоски, но при случаѣ встрѣчала и противорѣчія. При этихъ лишь условіяхъ образуется общественное мнѣніе, страна начинаетъ принимать участіе въ событіяхъ своей исторіи. Безъ нихъ, она слабѣетъ и чахнетъ. Конечно, благодаря превосходному своему военному устройству, она способна къ какому-нибудь великому усилію, но самъ повелитель ея чувствуетъ, что усилія такого рода не могутъ быть продолжительны, что они должны неизменно поддерживаться успѣхомъ и не могутъ перенести неудачи. Государи въ правѣ думать, что всеобщее внемозеніе плохой пьедесталъ для ихъ власти: они велики только силою и величіемъ поддерживающихъ ихъ основъ, а тѣ только основы прочны, которые стоятъ твердо и не сплющиваются.

« Мы привели два примѣра неудобствъ молчанія, какъ въ войнѣ, такъ и въ мирѣ. Мы упомянули, что самъ императоръ сознавалъ эти неудобства и старался устранить ихъ. Приведемъ еще третій примѣръ и уже не изъ столь высокой сферы; онъ доказываетъ,

до какой степени болѣзнь молчанія безполезна также и некоторымъ изъ пресвитеренныхъ сановниковъ и чиновниковъ имперіи.

«Генеральныя совѣты оваряли свои заседания въ исключительномъ время, и бывшіи: мемуары, графъ Гасошвилль, обратися къ нимъ съ письмомъ, которое не только было имъ прочтено, и Гасошвилль убѣждаетъ генеральныя совѣты замять свои политическія дѣла. Такой совѣтъ не удивляетъ насъ со стороны графа Гасошвилль: онъ принадлежитъ къ той школѣ и той школѣ, которая любила публичныя прошенія. Но лучшимъ доказательствомъ тому, какъ пресвитеренныя сановники и чиновники государства, чья пріямъ самаго императора, желаютъ, чтобы публичныя прошенія вошли снова въ привычки общества, слушать дѣла, пресвитеренныя гг. де-Морни и Ла-Героньера при отирати генеральныя совѣты въ департаментѣхъ Пюа-де-Домомъ и Верхне-Возомъ. То рѣчи политическаго содержанія, и вызывающія, естественно, на обсужденіе: если вызовъ этотъ остался безъ отвѣта, то единственно потому, что трудно найти людей способныхъ противрѣчить въ теперешнихъ выборныхъ собраніяхъ. Мы убѣдимъ даже, что пресвитеры должны дѣйствовать въ смыслѣ, совершенно противоположномъ тому, въ которомъ они дѣйствовали до сихъ поръ, если хотятъ возбудить какое-нибудь обсужденіе въ генеральныхъ совѣтахъ.

«Если бы мы имѣли честь принадлежать къ числу одного изъ вышеперечисленныхъ совѣтовъ, то не задумались бы отвѣчать на ободряющій вызовъ гг. де-Морни и Ла-Героньера. Можно было бы, дѣйствительно, сказать многое объ этихъ рѣчахъ: можно было бы возражать, наприимъ, на рѣчь г. де-Морни, будто бы печать не подчиняется въ настоящее время никакой предупредительной цензурѣ; но развѣ мѣры, застаивающія писателей употребилъ все усилія, чтобы не задѣть администраціи, подъ страхомъ предаженія, временнаго или окончательнаго запрещенія, которымъ можетъ подвергнуться журналъ, не равносильны предупредительной цензурѣ? Но мы не имѣемъ притязанія разсуждать вмѣсто членовъ генеральныхъ совѣтовъ; мы хотѣли только показать, что лица, самыя приближенныя къ императору, дѣлаютъ похвальныя усилія для того, чтобы возбудить въ народѣ духъ обсужденія и противодѣйствовать болѣзни молчанія. Восстановленіе свободы печати должно служить однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ лѣкарствъ противъ этой болѣзни. Подождемъ, что скажетъ опытъ, и общаемъ заранѣе наше скромное содѣйствіе.

«Мы не хотимъ кончить эту статью, не сдѣлавши одного замѣчанія, которое могутъ сдѣлать многіе изъ нашихъ читателей, но которое болѣе прилично сдѣлать намъ самимъ. Въ статьѣ этой мы часто говорили объ императорѣ, что совершенно противно

Жизнь нашимъ привычкамъ: Въ былыя времена мы говорили
о министрахъ, ибо министры были тогда отвѣтственные:
Ерѣ они отвѣтственны только передъ императоромъ, а импе-
оръ одинъ отвѣчаетъ передъ строю. Разсужденія наши дол-
относиться, слѣдовательно, къ нему. Что касается до насъ,
не видимъ ничего дурнаго въ этой новой методѣ: она нисколько
не уменьшаетъ нашей свободы, можетъ-быть она даже увели-
аетъ ее: что же касается до уваженія, которое должны мы
людать въ нашихъ статьяхъ, то мы подчиняемся этому долгу
ма искренно и охотно.»

Черезъ нѣсколько дней послѣ этой статьи, *Мониторъ* напеча-
тъ слѣдующее правительственное объявленіе :

Многіе журналы объявили о предстоящемъ появленіи декрета,
женствующемъ измѣнить узаконенія 1852 года касательно пе-
и.

Извѣстіе это совершенно не вѣрно.

Печать во Франціи можетъ обсуждать всѣ дѣйствія правитель-
а и направлять общественное мнѣніе. Нѣкоторые журналы,
аясь, сами не зная того, органами враждебныхъ партій, тре-
ютъ для себя большей свободы, которая, послужила бы имъ
ько для облегченія нападковъ на конституцію и основные за-
ы общественного порядка. Правительство императора не от-
кется отъ системы, которая, предоставляя достаточно обшир-
е поприще для преній, противорѣчій и критики, предупреж-
тъ губельныя слѣдствія лжи, клеветы и заблужденій.»

Возвратимся къ взаимнымъ отношеніямъ Франціи и Англіи. Во-
еки графу Морни, мы полагаемъ, что эти отношенія должны
зовываться не на сантиментальныхъ порывахъ довѣрія къ импе-
гору, какъ человеку и государю, а на взаимныхъ интересахъ.
и убѣждены въ томъ, что между двумя западными народами
возможны постоянныя дружественныя отношенія, основанныя на
оюдныхъ интересахъ, и смѣемъ думать, что взаимныя выгоды
ухъ народовъ, вѣроятно, восторжествовали бы надъ воспо-
наніями о прошедшей славѣ и прошедшихъ пораженіяхъ,
либы само французское правительство не подновляло ихъ
зпрерывно. Императоръ Французовъ постоянно передъ ли-
мъ Англіи выставляетъ управляемый имъ народъ жаждущимъ
ичтожить сосѣдній островъ, а себя миротворцемъ, сдержи-
ющими народныя страсти. «Что касается до союза Франціи
Англію, говорилъ онъ въ рѣчи 7 февраля нынѣшняго года,
я употребилъ всѣ средства для того, чтобъ упрочить его... Для
стиженія этой цѣли, столь полезной для цѣлаго міра, я при вся-
мъ случаѣ попиралъ ногами раздражительныя воспоминанія про-
едшаго, нападки и клеветы, даже національныя предразсудки

моей страны.» Тотъ же императоръ Французовъ писалъ потомъ къ сэръ-Франсиску Геду: «миѣ невозможно будетъ усмирить народныя страсти, если я позволю имъ прорваться.» Изъ этихъ словъ можно бы заключить, что императоръ при всякомъ удобномъ случаѣ внушаетъ Франціи мысль о вредѣ этихъ національных предразсудковъ и о темной сторонѣ этихъ народныхъ страстей. Ничуть не бывало. Едва только ему представится случай говорить съ войскомъ или съ народомъ, какъ на первомъ планѣ него является военная слава, военное знамя Франціи. На военномъ праздникѣ 14 августа, императоръ началъ свою рѣчь слѣдующими словами: «Я испытываю удовольствіе, находясь теперь посреди большей части начальниковъ италіанской арміи. Это удовольствіе было бы совершеннымъ, еслибъ къ нему не пришлось сожалѣніе о томъ, что элементы силы, столь хорошо организованной и столь страшной, скоро разъединятся.» Такое сожалѣніе нисколько не успокоительно для сосѣдственныхъ странъ, особенно если вслѣдъ за нимъ оѿціальные публицисты увѣряютъ, что легко пособить горю. «Еслибы, сказано въ *Constitutionnel*, вмѣсто того, чтобъ утишать народное раздраженіе, императоръ возбуждалъ его, помышляя только объ эфемерной популярности, — то Франція, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, встала бы по его голосу, какъ одинъ человекъ.» Г. Гранье-де-Кассаньякъ напоминаетъ въ *Revue*, что Франція въ состояніи въ какомъ угодно пунктѣ непріятельской территоріи высадить во всякое время отъ пятидесяти до шестидесяти тысячъ человекъ, и еще недавно въ *Siècle* выражено было сожалѣніе, что императоръ не приказалъ собрать на Рейнѣ стотысячную армію, «которая сумѣла бы найти дорогу во всѣ столицы Германіи.» И императоръ, и народъ понимаютъ другъ друга; и если въ наше время мало вѣрятъ словамъ, за то твердо вѣрятъ въ характеръ правительствъ, а военная диктатура, какъ выражаются на материнѣ Европѣ изъ вѣжливости, или военный деспотизмъ, какъ обыкновенно выражаются островитяне, — такая черта характера, которую скрыть невозможно. Она особенно рельефно отъбѣняется въ сосѣдствѣ съ этимъ островомъ, гдѣ напримѣръ въ Лондонѣ на 3.000.000 жителей находится только 5.000 войска. Пока Франція увеличивала только свои сухопутныя силы, онѣ казались для Англіи какою-то далекою грозой; но увеличеніе флота приблизило опасность, и агитація въ пользу усиленія средствъ для обороны страны, начатая въ палатѣ лордомъ Линдгорстомъ, — этимъ Несторомъ между государственными людьми Европы, который стоитъ такъ высоко, что могъ бы скорѣе потерять нежели выиграть отъ исканія популярности, — а въ обществѣ поддержанная самыми вліятельными журналами, имѣющими болѣе прочное положеніе, нежели какая бы то ни была диктатура въ

ирѣ, встрѣчена была горячимъ сочувствіемъ. Агитація не успокоилась до тѣхъ поръ, пока правительство не назначило особой комиссіи изъ спеціалистовъ для изслѣдованія средствъ обороны нгліи; вслѣдствіе трудовъ этой комиссіи уже опредѣлено укрѣпить портъ и городъ Портландъ, такъ чтобы новая крѣпость была сильнѣе Гибралтара. Портландъ находится почти насупротивъ Шербурга, и флотъ, находящійся въ этомъ портѣ, можетъ парализовать всѣ движенія шербургской эскадры.

Такая предусмотрительность, какъ читатели видятъ, далеко не лишняя и, конечно, она не заключаетъ въ себѣ ничего оскорбительнаго для императора Французовъ, какъ человѣка и государя. Не желаніе оскорблять кого бы то ни было, а положеніе дѣлъ вызываетъ на подобныя мѣры, и безпристрастные люди въ самой Франціи не могутъ не сознаться, что опасенія Англичанъ не лишены основанія. Въ *Presse* г. Пера высказалъ мысль о томъ, что оффиціальныя журналы имперіи, своими воинственными статьями, поддерживаютъ недовѣріе къ Франціи; г. Прево-Парадолъ также счелъ справедливымъ указать на то, что, при теперешнемъ правительствѣ, Франція не имѣетъ права жаловаться на опасенія, тобъ она не начала войны. Въ *Indépendance Belge* было напечатано письмо изъ Парижа, которое было всѣми замѣчено, какъ выходящее изъ ряда обычныхъ корреспонденцій этой газеты, и въ которомъ подавался Англіи совѣтъ смириться, если она хочетъ избѣжать войны съ Франціей. Г. Прево-Парадолъ говоритъ объ этомъ воинственномъ письмѣ слѣдующее въ *Journal des Débats*: Авторъ этой корреспонденціи прежде всего считаетъ безпорнымъ неоднократно выраженное мнѣніе, будто императоръ Французовъ, при заключеніи виллафранкскаго мира, имѣлъ въ виду преимущественно союзъ съ Австріею. Вступая въ этотъ союзъ, императоръ, какъ говорятъ, руководился желаніемъ исполнить назначеніе второй французской имперіи, то-есть унижить трактаты 1815 года и унижить нравственное могущество Англіи. Корреспондентъ *Indépendance Belge* не приходитъ еще прямо къ тому заключенію, что война съ Англіей неизбежна и что она составляетъ конечную цѣль всѣхъ дѣйствій французскаго правительства; но онъ утверждаетъ, что для избѣжанія этой войны Англія должна подчиниться общему праву и отказаться отъ реобладанія, какъ не соответствующаго болѣе ея силамъ. По его мнѣнію, война неизбежна только въ томъ случаѣ, когда Англія не признаетъ добровольно этой перемѣны въ своемъ положеніи. Мы не станемъ преувеличивать значеніе этой корреспонденціи; но нельзя не согласиться, что въ ней выражается мнѣніе, чрезвычайно распространенное. Конечно, только не обращающая рѣшительно никакого вниманія на современную исторію,

можно утверждать, будто Англія ставитъ себя теперь выше общаго права и пользуется преобладаніемъ въ Европѣ. Нашъ сосѣди вовсе не такъ высокоумны; въ войнѣ, только что окончившейся, они доказали достаточно, какъ далеки они отъ мысли объ исключительномъ вліяніи на дѣла Европы; и нѣтъ ни малѣйшей надобности внушать имъ смиреніе такими угрозами войны, какія выказываетъ противъ нихъ корреспондентъ *Indépendance Belge*. Но эти угрозы заслуживаютъ вниманія. Онѣ еще разъ доказываютъ намъ, какимъ ложнымъ толкованіемъ подвергается всегда поведеніе правительства, если въ рукахъ его находятся всѣ силы большой страны и если оно самоустраивается своею внѣшнею политикой.

И несмотря на очевидную необходимость недоверія, въ сосѣдственныхъ съ Франціей странахъ есть много людей, которые, да и теперь, все еще не желаютъ принимать мѣръ предосторожности. Изъ статьи нашего корреспондента, напечатанной въ этой книгѣ *Русскаго Вѣстника*, видно, что въ Бельгій весьма сильная партія высказывается противъ укрѣпленія Антверпена. Въ Англіи мирная пропганда еще сильнѣе; нѣкоторые изъ государственныхъ людей этой страны рѣшительно отвергаютъ вслѣдствіе мѣру предосторожности и обращаютъ исключительное вниманіе на уменьшеніе расходовъ Англіи. Между этими приверженцами мира *quand même* на первомъ мѣстѣ стоятъ гг. Брайтъ и Кобденъ, и мы воспользуемся этимъ случаемъ, чтобы привести теперь нѣсколько словъ изъ ихъ рѣчей, о которыхъ имѣли случай упоминать прежде.

Г. Брайтъ, какъ извѣстно, считаетъ себя адвокатомъ рабочихъ или «неизбирателей» и поставилъ своею задачей облегчить тяжесть платимыхъ ими налоговъ. Вслѣдствіе этого онъ постоянно нападаетъ на всякаго рода военные издержки. Онъ думаетъ, что гораздо выгоднѣе сдѣлать всѣ возможныя уступки Франціи, чѣмъ тратить деньги на вооруженія; онъ постоянно обвиняетъ правительство, поставленное «избирателями», за то, что имъ руководитъ ложное пониманіе величія Англіи, и видитъ исходъ изъ такого положенія въ томъ, чтобъ англійскій народъ самъ нашелъ свою связь съ французскимъ народомъ. Г. Брайтъ не хочетъ обратить никакого вниманія на политическій характеръ Франціи; въ вопросѣ объ отношеніяхъ Франціи и Англіи онъ видитъ только вопросъ объ отношеніяхъ между производителями и потребителями въ этихъ странахъ. Поэтому онъ серьезно возлагаетъ большія надежды въ дѣлѣ вѣчнаго мира на уничтоженіе пошлинъ съ французскихъ винъ. «Развивая торговлю между двумя народами, говорилъ онъ въ палатѣ общинъ 21-го іюля, уже послѣ виллафранкскаго мира, мы лучше всего упро-

чимъ между ними миръ. Я надѣюсь, что благородный виконтъ, стоящій во главѣ правительства, попытается положить конецъ разорительному возрастанію нашихъ издержекъ и употребить всѣ усилія для обезпеченія мира между Франціей и Англіей, для соединенія этихъ двухъ великихъ народовъ на будущее время узами вѣчной дружбы и для доказательства того, что восемнадцать вѣковъ христіанства не остались безплодными, и что наконецъ существуетъ на свѣтѣ нѣчто похожее на христіанскій образъ дѣйствій.

Г. Кобденъ на обѣдѣ въ Рочдалѣ, 17 августа, также обратилъ вниманіе на необходимость скрѣпить союзъ двухъ народовъ торговыми сдѣлками и указывалъ на нелѣпость взаимныхъ вооруженій. «Что скажете вы, говорилъ онъ, если я вамъ представлю слѣдующій простой разчетъ: возьмите сумму денегъ, которую мы ежегодно тратимъ на средства защиты и предосторожности противъ воинственныхъ нападений со стороны Франціи,—эта сумма будетъ по меньшей мѣрѣ въ шесть милліоновъ фунтовъ, а я полагаю, что она приближается къ двѣнадцати милліонамъ (*слушайте, слушайте*); значить, мы тратимъ шесть милліоновъ фунтовъ стерлинговъ ежегодно на средства защиты противъ возможныхъ нападений Франціи, за исключеніемъ обыкновенныхъ расходовъ на войско, которое мы содержимъ въ виду военныхъ приготовленій въ остальномъ свѣтѣ. Теперь, еслибъ я сказалъ вамъ, что эта сумма гораздо болѣе барыша всей нашей торговли съ Франціей, то необходимымъ слѣдствіемъ этого, на основаніи политической экономіи, будетъ выгода для Англій, еслибы не существовало Франціи. Съ другой стороны, приготовленія во Франціи совершаются тѣмъ же путемъ и въ томъ же размѣрѣ, какъ и въ Англій, съ цѣлью защищаться отъ насъ; слѣдовательно, на основаніи политической экономіи, можно вывести, что для Франціи было бы лучше, еслибъ Англія провалилась на дно морское. Не отвратительно ли, не противоестественно ли, что 36.000.000 Французовъ и 26.000.000 Англичанъ, раздѣленныхъ другъ отъ друга каналомъ въ двадцать миль, въ тысяча восемьсотъ пятьдесятъ девятомъ году послѣ рождества Христова не способны стать въ положеніе взаимной безопасности, или ихъ правительства на столько не довѣряютъ взаимнымъ объявленіямъ, увѣреніямъ, обѣщаніямъ, что постоянно готовятся для обороны или нападенія? Я спрашиваю, развѣ можно назвать утопией желаніе, чтобы дипломатія или государственные люди нашли средство избавить отъ подобнаго ужасающаго скандала весь свѣтъ и тотъ поздній вѣкъ, въ которомъ мы живемъ? (*Одобреніе*).» Г. Кобденъ высказываетъ далѣе убѣжденіе, что Англія совершенно напрасно тратитъ большія суммы на флотъ, тогда какъ могла

бы употребить ихъ болѣе благоразумно. «Дайте мнѣ, говоритъ онъ, пять милліоновъ дохода, вмѣсто того, чтобы восторженно вотировать ихъ на бесполезныя и безсмысленныя издержки,—дайте мнѣ эти деньги для измѣненія таксъ, для уменьшенія таможенныхъ пошлинъ, для освобожденія торговли отъ существующихъ задержекъ и правительственнаго вмѣшательства; дайте мнѣ ихъ, и вы увидите, что можно сдѣлать съ ними; вы увидите, какъ я снялъ бы препятствія и тягости съ вашей торговли; вы увидите, какъ я уменьшилъ бы тѣ пошлины, которыя задерживаютъ наши сношенія съ Франціей. Дайте мнѣ эти деньги для уменьшенія пошлинъ съ французскихъ товаровъ,—и вы закрѣпите гораздо болѣе мирныя связи между двумя странами (*громкое одобреніе*), гораздо болѣе, чѣмъ сколько можно сдѣлать какими бы то ни были военными приготовленіями (*одобреніе*), потому что Францію не испугаете вашими приготовленіями. (*Слушайте, слушайте.*)»

Въ обоюдныхъ выгодахъ свободной торговли для всѣхъ народовъ и въ ея значеніи для всеобщаго мира никто не сомнѣвается. Все, что говорятъ гг. Кобденъ и Брайтъ по этому поводу, подтверждается лучшими государственными людьми не только въ Англіи, но и въ другихъ странахъ. Члены министерства и общественное мнѣніе нисколько не отвергаютъ значенія свободной торговли въ дѣлѣ консолидированія мира, хотя и тутъ главное препятствіе успѣху встрѣчается со стороны Франціи. Лордъ Джонъ Россель находитъ рѣшительно невозможнымъ достигнуть въ настоящее время совершенной взаимности тарифовъ; по мнѣнію его, императоръ Французовъ лично расположенъ къ системѣ свободной торговли, но партія протекціонистовъ слишкомъ сильна во Франціи. «Я вспоминаю, сказалъ лордъ Джонъ Россель въ засѣданіи 21 іюля, что этотъ вопросъ обсуждался нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Сэръ-Робертъ Пиль одно время былъ адвокатомъ взаимности, но онъ убѣдился потомъ, что здравая политика побуждаетъ Англію принять истинный принципъ свободной торговли, не слишкомъ придерживаясь взаимности, и предоставляя другимъ странамъ постепенно убѣждаться въ томъ, что мы сдѣлали это не изъ однихъ только собственныхъ выгодъ. Выгода отъ свободной торговли между двумя народами всегда обоюдна; невозможно, чтобы одинъ выигрывалъ, а другой проигрывалъ; напротивъ, отъ свободной торговли оба должны выигрывать.» Лордъ Пальмерстонъ, въ томъ же засѣданіи палаты сказалъ слѣдующее: «Обсуждая этотъ вопросъ съ однимъ изъ министровъ торговли прежняго французскаго правительства я говорилъ ему, что еслибы я имѣлъ въ виду только интересы Англіи, то я посоветовалъ бы ему сохранить высокія пошлины на желѣзо; пока цѣна на желѣзо будетъ высока во Фран-

щии, до тѣхъ поръ ея земледѣліе будетъ страдать, машины будутъ старообразныя, а между тѣмъ мы выиграемъ отъ нашей политики. Я говорилъ также, что пока существуютъ высокія пошлины на ввозъ нашего каменнаго угля, до тѣхъ поръ онъ будетъ дорогъ; и такъ какъ въ интересахъ Англіи лежитъ сохраненіе этихъ высокіхъ охранительныхъ пошлинъ, то мы должны бы убѣждать Францію, чтобъ она держалась своей охранительной системы. Но мы знаемъ также, что всякій шагъ, сдѣланный какии-либо народомъ на пути уменьшенія пошлинъ, не можетъ быть полезенъ для него, не будучи въ то же время полезнымъ для другихъ народовъ, съ которыми онъ ведетъ торговлю.» Мы позволимъ себѣ, не боясь утомить читателей, привести еще нѣсколько словъ изъ рѣчи г. Вильсона, произнесенной имъ на годовомъ обѣдѣ шеффилдскихъ ножевщиковъ, 3 сентября. Мнѣніе такого человека, какъ редакторъ журнала *Economist*, особенно важно. Г. Вильсонъ находится въ близкихъ отношеніяхъ съ министерствомъ лорда Пальмерстона и пользуется большимъ авторитетомъ въ финансовыхъ вопросахъ. Онъ приглашенъ былъ на шеффилдскій обѣдъ передъ своимъ отъездомъ въ Индію, куда онъ отправляется съ специальнымъ порученіемъ привести въ порядокъ индійское финансовое управленіе, и вотъ выдержка изъ его рѣчи :

«Я думаю, что общество въ Англіи того мнѣнія, что европейскій миръ и союзъ съ Франціею существенны для интересовъ нашей страны; я думаю, что всѣ лица, имѣющія здѣсь значеніе, желаютъ поддержанія европейскаго мира и союза съ Франціею. Но въ то же время я увѣренъ, что лучшее средство для Англіи поддержать этотъ миръ и этотъ союзъ состоитъ въ сохраненіи того достоинства, которое всегда поддерживалось Англіею. Я думаю, что нужно быть готовыми къ войнѣ, и что въ этомъ лучшая гарантія мира. (*Рукоплексканія.*) Джентльмены, на прошлой недѣлѣ намъ грозили объявить войну. Что касается до меня, то я не сожалею объ этомъ. Графъ Морни угрожаетъ Англіи такою войною, въ которую Англія готова вступить; онъ грозитъ Англіи торговымъ соперничествомъ. (*Рукоплексканія.*) Прекрасно! Это война, изъ которой Англія, я увѣренъ, выйдетъ побѣдительницею. Скажу болѣе: это война, которую мы не желали бы никогда окончить. (*Рукоплексканія.*) Англійскіе негоціанты ничего не желаютъ такъ, какъ соперничества съ цѣлымъ свѣтомъ. Но, еслибы мнѣ позволено было подать совѣтъ графу Морни и нашимъ друзьямъ Французамъ, я смиренно представилъ бы имъ, что, до начала этой войны, нужно имъ освободиться отъ безчисленныхъ запрещеній, которыя обратятся непрерывно къ ихъ невыгодѣ. Если они начнутъ эту войну при теперешнихъ условіяхъ, то они будутъ похожи на жокеевъ, слыш-

комъ тяжело нагруженныхъ. Еще сегодня одинъ изъ представителей Манчестера указалъ мнѣ на обстоятельство, подтверждающее справедливость моихъ словъ. Онъ замѣтилъ мнѣ, что одинъ изъ самыхъ важныхъ открытій въ дѣлѣ бумагопряденія сдѣланъ Французомъ; и, странное дѣло! не нашлось ни одного французскаго фабриканта, который пожелалъ бы купить это открытіе, тогда какъ въ Манчестерѣ были люди, готовые заплатить за него 100,000 фунт. стерл. Во Франціи мануфактуристы говорили: «Наша промышленность руководствуется нашими законами, и мы не нуждаемся въ улучшеніяхъ нашихъ машинахъ; мы довольны тѣмъ, что получаемъ, и не хотимъ платить за усовершенствованія.» Я могу сказать графу Морни, что если онъ желаетъ вести войну, о которой говоритъ, то необходимо научиться покупать за самую дорогую цѣну всѣ усовершенствованія. Итакъ, господа, я увѣренъ, что мы не откажемъ этой войны, если Французы желаютъ ея; я увѣренъ, что ни одинъ мануфактуристъ въ Англіи не станетъ противиться ей. Приметъ ли Франція свободную торговлю, или нѣтъ, мы готовы принять торговое и мануфактурное соперничество.»

Такимъ образомъ, государственные люди Англіи охотно принимаютъ перчатку графа Морни для промышленнаго соперничества, находятъ даже это соперничество очень выгоднымъ для Англіи и отнюдь не отвергаютъ значенія торговыхъ сдѣлокъ между двумя народами, какъ средства для упроченія мира. Не между этими народами, кромѣ воспоминаній прошедшаго, стоятъ еще возможные планы французскаго правительства въ будущемъ, а мы видѣли, что эти планы покрыты не слишкомъ густою завѣсой, и что даже по временамъ завѣса снимается вверхъ и по сценѣ проходитъ армія, готовая ринуться на коварный Альбионъ. Поэтому, соглашаясь съ представителями манчестерской школы въ важности свободной торговли, далеко не всѣ Англичане согласны съ другими ихъ положеніями. «Я держусь того мнѣнія, сказалъ г. Кобденъ, которое я слышалъ отъ сэръ-Роберта Пилля относительно этого самого финансоваго вопроса, а именно, что политика Англіи была бы безнадежною и ошибочною, еслибы она вздумала принимать такія предосторожности, чтобы сдѣлать безопасною отъ нападений каждую милю своихъ береговъ и береговъ своихъ колоній. Онъ выразился такимъ образомъ: «мы должны быть готовы къ извѣстнымъ рискамъ, и самый благоразумный государственный человѣкъ тотъ, кто скорѣе рѣшится рисковать, чѣмъ предпринимать эти разорительныя предосторожности». Это мое начало и моя политика въ отношеніи къ нашимъ внѣшнимъ дѣламъ. (Одобреніе.)» На эту часть рѣчи г. Кобдена мы находимъ слѣдующій отвѣтъ въ *Times*:

«Надо отдать справедливость умѣренности г. Кобдена, когда

онъ говорить, что желаетъ только повторять слова сэръ-Роберта Пилл и рискуеть немногимъ. Но дѣла нѣсколько измѣнились со времямъ сэръ-Роберта Пилл. Франція сознательно, и по акту, который г. Кобденъ считаетъ самымъ безпристрастнымъ выраженіемъ ея чувствъ, высказалась въ пользу военного деспотизма. Это ея правительство, и, вѣроятно, оно останется во все наше время. Мы не можемъ отвѣчать даже за теперешнихъ держателей этой громадной власти, тѣмъ менѣе за ихъ наслѣдниковъ. Для насъ не безопасно зависѣть отъ воли одного человѣка, будь онъ самый разумный и самый добрый человѣкъ на свѣтѣ; предположимъ, что Франція станетъ содержать у себя не только армію вчетверо большую, чѣмъ вся армія на островахъ Соединеннаго Королевства, но также болѣе значительный флотъ; это будетъ значить, что мы зависимъ отъ одного лица, которому Франція вздумаетъ вѣрить всѣ свои средства. Совершенно справедливо, что если принять въ соображеніе наши средства обороны только противъ одной Франціи и нашу торговлю съ этою страной, то Франція окажется скорѣе дорогимъ сосѣдомъ; но это горе, которому нельзя пособить, а мы должны благодарить самихъ себя, что дѣла еще не въ худшемъ положеніи: мы въ состояніи защищать себя и заплатить всѣ издержки на такія приготовленія, которыя предохранять насъ вполнѣ не только противъ опасности, но и противъ паники. То, что сдѣлалъ императоръ Французовъ въ нынѣшнемъ году, указываетъ на такую большую военную силу и на такой военный геній, какіе когда-либо были выказаны народами въ древности и въ новое время. Находясь въ двадцати миляхъ отъ Франціи, при нѣкоторой врожденной ненависти между двумя народами и при несогласной политикѣ, мы не можемъ довѣряться какому бы то ни было характеру какого бы то ни было правителя Франціи. Только въ этихъ видахъ мы обращали строгое вниманіе на наши средства обороны.»

Дѣйствительно, на долю Англій выпадаютъ особыя «географическія» обязанности, которыя ей приходится выполнять въ видахъ общаго спокойствія. Опасенія за морское преобладаніе Англій, и вся эта глухая ненависть къ свободной странѣ теперь уже, слава Богу, ослабѣли значительно; Европа видитъ въ Англій негрубую силу, подавляющую живое развитіе народовъ, а скорѣе оплотъ противъ подобной силы, убѣжище для угнетеннаго человѣка и для угнетенной мысли. Материкъ Европы никогда не тяготился англійскимъ вліяніемъ; ни одна война за независимость, оставляющая всегда самое глубокое впечатлѣніе въ народахъ, не вносила на свои страницы имени Англій, какъ врага этой независимости. Напротивъ того, въ періодъ стремленій ко всемірному владычеству, выходившихъ съ запада Европы, народы смотрѣли съ без-

покойствомъ на средства Англіи и въ ея огромныхъ силахъ старались найти собственную защиту, подводный камень, о который доселѣ всегда разбивался военный деспотизмъ, стремившійся поглотить всю Европу. Англія, въ интересахъ всего рода человеческого, должна имѣть такой флотъ, который былъ бы сильнѣе французскаго флота, и если Франція не уменьшаетъ своего флота, то Англія принуждена увеличивать свои морскія силы. Г. Бентинкъ, въ засѣданіи палаты общинъ, 29 іюля, говорилъ между прочимъ слѣдующее: «Во время шербургскихъ празднествъ, у императора Французовъ спросили, какъ великъ будетъ его флотъ? Его величество отвѣчалъ, улыбаясь, что ему лучше другихъ знать, какія силы необходимы для благосостоянія и чести Франціи; по его мнѣнію, для Франціи нужно пятьдесятъ самыхъ лучшихъ винтовыхъ линейныхъ кораблей, не такихъ, какіе теперь находятся въ Шербургѣ и другихъ портахъ, а лучшихъ кораблей, какіе только можетъ создать новая наука. Если, прибавилъ императоръ, мнѣ позволено сдѣлать замѣчаніе, то я скажу, что политика Англіи требуетъ, чтобъ у нея было по крайней мѣрѣ сто линейныхъ кораблей лучшаго достоинства, и я увѣренъ, что это будетъ лучшимъ залогомъ продолжительнаго и прочнаго мира между двумя народами.» А между тѣмъ Англія едва достигла половины той цифры, которую совѣтуетъ ей императоръ Французовъ для защиты отъ французскаго народа. Мудрено ли, что она считаетъ своею обязанностію вооружаться, слѣдуя совѣту или вызову самого императора Французовъ? Но совершенно вѣрно и то, что увеличеніе англійскаго флота нужно только для прочности мира между «двумя народами», и слѣдовательно все дѣло могло бы упроститься приостановленіемъ развитія французскаго флота. Видя это, оппозиція потребовала содѣйствія въ этомъ со стороны правительства, члены котораго были главными дѣятелями англо-французскаго союза. Г. Дизраэли вызывалъ правительство на такой подвигъ. Но правительство нашло его неисполнимымъ. Лордъ Пальмерстонъ въ своихъ отвѣтахъ принужденъ былъ дать такой оборотъ дѣлу, что необходимо усилить англійскій флотъ, не противъ Франціи, а противъ другихъ странъ. «Я напомину, говорилъ онъ 21 іюля, тѣмъ лицамъ, глаза которыхъ устремлены только на Францію, что есть другая великая держава, Россія, которая ежедневно старается возстановить и увеличить свой балтійскій флотъ. *(Слушайте, слушайте.)* Мы должны вспомнить, что по ходу событій существуетъ не одна только держава, съ которою мы можемъ войти въ столкновеніе, но что возможны такія complicacіи, которыя поведутъ Англію къ столкновенію съ другими державами. *(Слушайте, слушайте.)*» Въ засѣданіи 29 іюля лордъ Пальмерстонъ повторилъ почти тѣ же слова: «Палата должна вспо-

мнить, сказалъ онъ, что кромѣ Англій и Франціи есть другія державы, которыя имѣютъ флоты, и съ которыми мы находимся въ дружественныхъ отношеніяхъ; но эти отношенія могутъ измѣниться. Если, по несчастію, возможна война съ Франціей, то она возможна и съ тѣми державами. *(Слушайте.)* Наше морское и военное устройство должно зависѣть не отъ того, что дѣлается въ какомъ-либо иностранномъ государствѣ, но отъ того, что отвѣтственное правительство считаетъ необходимымъ для защиты вѣрренныхъ ему интересовъ. *(Слушайте, слушайте.)* Нельзя не согласиться съ справедливостью этихъ словъ; простое желаніе имѣть большой военный флотъ безъ особенной надобности въ немъ для защиты своихъ колоній или своего купеческаго флота, и безъ особенной національной наклонности къ морскому дѣлу, подастъ поводъ къ опасеніямъ сосѣдей, вызываетъ въ нихъ справедливую подозрительность, легко переходящую въ враждебность, а съ другой стороны только налагаетъ лишнюю тяжесть на финансы государства безъ всякой надежды, чтобы когда-нибудь флотъ могъ оказать дѣйствительную услугу. Подобное стремленіе замѣтно въ послѣднее время въ Пруссіи, и можно предсказать почти навѣрное, что прусскій флотъ при первой войнѣ съ морскою державою сдѣлается жертвой огня или принужденъ будетъ спасаться въ портахъ.

Ссылку лорда Пальмерстона на Россію должно, впрочемъ, принимать, какъ громоотводъ: если въ вопросѣ объ увеличеніи флота глава кабинета могъ еще взваливать вину на Россію, то какую державу, какъ не Францію, имѣютъ въ виду Англичане, укрѣпляя Портландъ и воздвигая новыя батареи въ Гибралтарѣ? Вѣдь о нападеніи Русскихъ на эти мѣста не можетъ быть и рѣчи. Итакъ, очевидно, самъ лордъ Пальмерстонъ совѣтуетъ королевѣ мѣры защиты, имѣя въ виду возможную войну съ Франціей, хотя онъ и не находитъ нужнымъ прямо высказать это. Возможность войны съ Франціей,—вотъ что составляетъ теперь главную заботу Англій, вотъ что заставляетъ ее напрягать свои силы. И надобно сказать, что въ Европѣ очень много людей, которые твердо вѣрятъ въ неизбежность войны между Франціей и Англійей.

Война есть великое бѣдствіе для всякой страны, и нельзя отрицать, что чѣмъ страна богаче, тѣмъ война для нея чувствительнѣе. Но при теперешнемъ положеніи дѣлъ нѣтъ никакой возможности сомнѣваться въ томъ, что не Франція, а Англія выдетъ побѣдительницей изъ борьбы между двумя западными націями, если только суждено ей встревожить вселенную въ недалекое время. Война теперь почти превратилась въ финансовую операцію; окончательная побѣда останется несомнѣнно за тѣмъ народомъ, который будетъ въ состояніи и захочетъ истратить

на войну болѣе денегъ. Разчитываютъ, что послѣдняя ита-
 лянская война, несмотря на ея кратковременность, обошлась
 вообще въ 325.000.000 руб. сер.; изъ этой суммы на долю
 Франціи приходится 125 милліоновъ, на долю Австріи также
 125 милліоновъ, Сардинія истратила 25 милліоновъ, остальными
 италянскія государства — 5 милліоновъ руб. сер.; нейтральныя
 державы заплатили также за свои приготовленія къ войнѣ: Англія
 5 милліоновъ и Германія 32 милліона руб. сер. Въ интересахъ Анг-
 лій, болѣе другихъ странъ заботящейся о будущности своихъ фи-
 нансовъ, конечно, лежитъ миръ; Англичане очень хорошо понимаютъ
 все значеніе финансовъ для своего политическаго благосостоянія,
 но Англичане доказали міру и то, что умѣютъ подчинять свои фи-
 нансовые интересы высшимъ политическимъ соображеніямъ.
 «Джентльмены, говорилъ г. Вильсонъ въ Шеффилдѣ, финансы
 представляютъ не простую ариметику. Финансы суть великая
 политика. Безъ благоустроенныхъ финансовъ невозможно хорошее
 правительство; безъ здоровой политики невозможны здоровые фи-
 нансы.» Исторія англійскаго національнаго долга есть исторія того,
 какъ охотно жертвовали Англичане деньгами, чтобы поддержать свое
 политическое положеніе въ мірѣ. Въ Англіи недавно вышло о-
 цѣнныя обзорныя исторія англійскаго государственнаго долга.
 Газета *Times* изъ этого обзорня дѣлаетъ слѣдующій выводъ:

«Самыя большія возвышенія нашего національнаго долга, ска-
 зано въ этомъ журналѣ, можно указать съ точностью: они имѣютъ
 постоянно одинакую причину — войну, войну, войну. Наступаетъ
 время войны, и долгъ тотчасъ же возрастаетъ; приходитъ миръ,
 и онъ уменьшается; снова война — и снова долгъ увеличивается.
 Исторія нашего долга есть исторія нашихъ войнъ. Карлъ II пере-
 далъ своему наслѣднику государственный долгъ въ 664.263 фунта.
 Эта небольшая сумма послужила первоначальнымъ основаніемъ на-
 шего національнаго долга; секретъ займа, одинъ разъ найденный,
 сталъ прилагаться очень легко, и сѣмя росло скоро и плодотворно.
 Въ 1691 году долгъ возросъ до 3.000.000 ф.; война съ Франціею
 довела его, въ 1697 году, до 14.000.000 ф., и онъ стоялъ на этой
 суммѣ въ теченіи трехъ лѣтъ, то-есть до войны за испанское на-
 слѣдство въ 1702 году. Эта война, еще до участія въ ней Англіи,
 возвысила долгъ до 34.000.000 фунтовъ; а послѣ трехлѣтней
 войны съ Испаніей, начавшейся въ 1718 году, онъ оказался въ
 54.000.000. Миръ, продолжавшійся восемнадцать лѣтъ, благодаря
 кроткому, хотя и не осуществлявшему вполнѣ золотого вѣка, управ-
 ленію сэръ-Роберта Вальполя, этотъ миръ уменьшилъ долгъ до
 46.000.000; но война за право осмотра съ Испаніею и война за ав-
 стрійское наслѣдство имѣли послѣдствіемъ, что въ 1748 году долгъ
 представлялъ уже великолѣпную сумму въ 75.000.000. Послѣ восьми-

лѣтнаго неподвижнаго состоянія, семилѣтняя война почти удвоила долгъ, такъ что въ 1763 году онъ составлялъ 150.000.000 фунтовъ. Послѣ другаго періода мира, наступила американская война, которая опять почти удвоила цифру, оставленную предшествовавшей войной, такъ что въ 1784 году долгъ возросъ до 240.000.000. Слѣдовавшія за тѣмъ десять лѣтъ мира были введеніемъ къ большой войнѣ съ Франціей, когда мы стали прибѣгать къ займамъ съ особеннымъ усердіемъ; до этого времени мы были дѣти въ этомъ искусствѣ, хотя дѣти, подающія надежды... Въ двадцать лѣтъ почти учетверился весь долгъ, который мы накопили въ теченіи столѣтія, и онъ дошелъ не скажемъ до тяжелой или круглой, но до миѳической суммы 860.000.000 фунтовъ. Сорокъ лѣтъ мира уменьшили это чудовище на 100.000.000, но война съ Россіей снова прибавила къ долгу половину этого погашенія, и теперь мы стоимъ на 805.000.000 фунтахъ (слишкомъ 5 миллиардовъ руб. сер.).»

Но эти громадныя цифры національнаго долга не приводятъ въ отчаяніе Англичанъ, а напротивъ внушаютъ имъ сознаніе собственныхъ силъ. Тяжесть этого долга была вынесена Англійей 1815 года, а Англія 1815 года, говорить *Times*, похожа на теперешнюю, какъ длижансъ похожъ на локомотивъ. Сорокъ лѣтъ мира преобразили страну, такъ что ея узнать нельзя. Гордясь по праву нынѣшнимъ промышленнымъ развитіемъ своей страны, Англичане видятъ въ немъ возможность выдержать еще большую тяжесть національнаго долга, какъ они доказали способность погашать его: въ то время, какъ другія государства шли постоянно къ увеличенію своего долга, въ то время какъ напримѣръ русскій государственный долгъ утроился, Англія сумѣла воспользоваться сорокалѣтнимъ миромъ и уплатить 628.000.000 руб. сер. *Times* такъ заключаетъ свой взглядъ на исторію англійскаго національнаго долга: «Этотъ ретроспективный взглядъ не долженъ наводить на насъ уныніе, какъ на народъ, желающій, несмотря на внутреннія заботы и интересы, имѣть голосъ въ дѣлахъ вселенной. Нѣтъ истины болѣе вѣрной, какъ та, что если страна хочетъ имѣть вѣсъ во вселенной, или желаетъ, чтобы ее слушали въ совѣтахъ вселенной, она должна приготовиться къ борьбѣ; а чтобы быть готовою къ войнѣ, ей необходимо приготовиться платить. Поэтому нашъ національный долгъ — если Европа не можетъ извлечь изъ него другаго урока и другихъ данныхъ — конечно говоритъ нашимъ европейскимъ сосѣдямъ самымъ вразумительнымъ языкомъ фактовъ слѣдующее: если мы убѣждены въ справедливости дѣла, за которое сражаемся, то нѣтъ той суммы денегъ, до которой мы не были бы готовы дойти для поддержанія и продолженія войны. Европейскимъ державамъ слѣдуетъ знать этотъ многовѣсный и важный фактъ. Часто дѣла могутъ принять иной оборотъ, если достоверно извѣстно, что

есть на свѣтѣ народъ, который никогда не остановится въ войнѣ до тѣхъ поръ, пока справедливое дѣло не будетъ выиграно. Такой фактъ не разъ можетъ уладить затрудненія, смирить дурное расположеніе духа и предупредить совершенно войну или сократить ее. Въ этомъ отношеніи національный долгъ есть великій монументъ Англіи, на которомъ лежитъ печать нашего характера явственнѣе, чѣмъ въ какой-либо исторіи. •

Въ этихъ словахъ высказывается гордое сознаніе силы и заключается въ то же время намекъ на то, что Англія никогда не потерпитъ исключительнаго вліянія Франціи на европейскія дѣла, а тѣмъ болѣе, не поставитъ себя въ зависимость отъ политики императора Французовъ. Что касается до Франціи, то нынѣшнее правительство, повидимому, едва ли рѣшится открыто объявить себя противъ Англіи, именно потому, что эта страна способна весьма долго выдерживать борьбу, и нападеніе на нее не обѣщаетъ скорыхъ побѣдъ и легко пріобрѣтаемой славы, а нынѣшнее французское правительство не разъ уже показало свою разчетливость. Во французскомъ обществѣ союзъ съ Англіею находитъ самыхъ усердныхъ приверженцевъ въ либеральной партіи всѣхъ Утѣнковъ; только партіи католическая и крайняя демократическая питаютъ глубокую ненависть къ сосѣдней странѣ, потому что видятъ въ ней постоянный оплотъ противъ всѣхъ крайнихъ стремленій.

Но пока обѣ великія западныя державы сводятъ свои старые и новые счеты и стараются подвести благопріятный итогъ, союзъ между ними нашелъ неожиданную поддержку во внѣшнихъ событіяхъ, въ которыхъ имъ предстоитъ дѣйствовать въ качествѣ передовыхъ двигателей европейской цивилизаціи. Послѣ того, какъ Італія разъединила политику Англіи и Франціи, она можетъ снова сойтись въ достиженіи одной общей цѣли на дальнемъ Востокѣ. Въ Китаѣ произошли событія которыя соединять Французовъ и Англичанъ подъ однимъ знаменемъ и хотъ на время отвлечь ихъ вниманіе отъ взаимныхъ недочетовъ.

Въ іюнь мѣсяцѣ нынѣшняго года, посланники французскій и англійскій прибыли съ небольшими эскадрами къ устью рѣки Пейхо, съ тѣмъ, чтобы по этой рѣкѣ отправиться въ Пекинъ для ратификаціи тьендзинскаго трактата. Они нашли устье рѣки закрытымъ, подъ защитою новыхъ укрѣпленій, вооруженіе которыхъ было скрыто весьма искусно. Контръ-адмиралъ Гопъ въ своемъ донесеніи говоритъ, что онъ требовалъ уничтоженія всѣхъ преградъ въ устьѣ рѣки Пейхо, и что ему было обѣщано исполнить его желаніе въ теченіи сорока восьми часовъ. Но въ *Sin-Mail*, англійскомъ журналѣ, выходящемъ въ Гонгъ-Конгѣ, дѣло разказывается иначе: Китайцы объявили, что для посланниковъ

назначенъ другой путь, именно другое устье Пейхо, на сѣверъ тѣ укрѣпленія; туда отправился и посланный отъ китайскаго императора, вице-король Гангъ; Китайцы прибавили, что устье Пейхо укрѣплено противъ нападенія со стороны мятежниковъ, и что входъ въ него не дозволенъ никому; такого содержанія была отправлена депеша къ посланникамъ Франціи и Англии, гг. Бурбулону и Брюсу. Но случайно эта депеша была доставлена поздно; посланники оскорбились проволочкой и поручили все дѣло контръ-адмиралу Гопу. Г. Гопъ построилъ свою эскадру въ боевой порядокъ и началъ уничтожать преграды въ устьѣ Пейхо, 24-го іюня; когда эскадра подошла слишкомъ близко къ крѣпости, съ нею начали стрѣлать, и пять англійскихъ канонирскихъ лодокъ пошли ко дну. Вице-адмиралъ сдѣлалъ высадку, хотѣлъ взять укрѣпленія съ сухаго пути, но принужденъ былъ отступить; всего Англичане потеряли болѣе 450 человекъ, а Французы около 70.

Извѣстіе объ этомъ произвело страшное негодованіе въ Англии. *Times* взываетъ объ отмщеніи за обиду, о примѣрномъ наказаніи вѣроломныхъ Китайцевъ и предлагаетъ послать изъ Индіи цѣлый корпусъ войскъ. Въ *China-Mail* напротивъ обвиняютъ, кажется не безъ основанія, европейскихъ посланниковъ за ихъ нетерпѣливость и поспѣшность. Дѣйствительно, гг. Брюсъ и Бурбулонъ прибыли въ Китай для ратификаціи уже заключеннаго трактата, и слѣдовательно замедленіе въ двухъ дняхъ не составило бы большой разницы; во всякомъ случаѣ нельзя оправдать мирное посольство, которое рѣшается пролагать себѣ путь оружіемъ. Американскій посланникъ, бывший въ то же время близъ устья Пейхо, показалъ болѣе практическаго смысла: онъ согласился слѣдовать по указанному ему пути и такимъ образомъ успѣетъ заключить свой трактатъ. Это обстоятельство возбуждаетъ особенно сожалѣніе со стороны Англичанъ, живущихъ въ Гонгъ-Конгъ и боящихся сильной торговой конкуренціи со стороны другихъ народовъ. «Мы не видимъ, сказано въ *China-Mail*, чтобы китайское правительство было виновно въ измѣнѣ относительно насъ, и чтобы намъ слѣдовало снова начинать войну. Эта война продлилась бы многіе годы, то-есть столько времени, сколько нужно Русскимъ и Американцамъ для того, чтобы приобрѣсти при дворѣ въ Пекинѣ, гдѣ они уже находятся теперь, безусловное и непобѣдимое вліяніе.» Въ самой Англии даже министерскіе журналы, какъ напримѣръ *Morning Post*, *Daily News* и *Economist* порицаютъ образъ дѣйствій вице-адмирала Гопа, другіе же обвиняютъ правительство за то, что оно предписало г. Брюсу непремѣнно войти въ устье Пейхо, хотя бы то и силою. Тѣмъ не менѣе совершенно убійство Англичанъ Китайцами; оно требуетъ

мести и не можетъ быть заглажено простымъ извиненіемъ со стороны китайскаго императора, который изъявилъ готовность наказать виновныхъ и принять въ Пекинъ посланниковъ западныхъ державъ. Англія не хочетъ и слышать о мирномъ посольствѣ; она уже готовитъ въ Индіи военную экспедицію противъ Китая.

Французское правительство успѣшило воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы присоединить свой флагъ къ англійскому, и такимъ образомъ Китайцы помогутъ если не союзу, то согласію между Англією и Францією болѣе, чѣмъ самая краснорѣчивая рѣчь графа Морни. Ни сила, ни право китайскаго богдыхана не имѣютъ такого вѣса, чтобы предотвратить жертву, которой требуетъ доброе согласіе на западѣ. Въ *Монитеръ* уже объявлено, что правительства англійское и французское ведутъ переговоры о дѣйствіяхъ сообща противъ Китая, и приверженцы англо-французскаго союза съ удовольствіемъ видятъ, что имена Пейхо, Шангай, Пекина вытѣснятъ хотя на время имена Шербурга, Парглана, Гибралтара. Дѣло идетъ о взятіи Пекина, и издержки, необходимыя для войны, не могутъ остановить экспедицію. «Это предпріятіе, говоритъ г. Ксавье Ремонъ въ *Journal des Débats*, требуетъ, конечно, значительныхъ издержекъ; но можно замѣтить, что, послѣ побѣды надъ Китайцами, не трудно принудить ихъ къ уплатѣ расходовъ на войну, хотя бы пришлось занять Хузанъ и Пекинъ до окончательной уплаты... Но существуетъ еще поводъ, по нашему мнѣнію болѣе важный, къ войнѣ съ Китайцами: Англичане, конечно, не остановятся передъ подобнымъ предпріятіемъ, а намъ не прилично стоять рядомъ съ ними не на равной ногѣ. Теперь, какъ и прежде, мы открыто объявляемъ себя приверженцами англо-французскаго союза; но мы не думаемъ, чтобъ этотъ союзъ могъ быть прочнымъ, если въ какой-либо части свѣта Франція или Англія станутъ въ положеніе взаимнаго неравенства.» Такимъ образомъ г. Ксавье Ремонъ открылъ въ Китаѣ новую область дружнаго соперничества между двумя народами,—не столь мирную, какъ та, которая открыта графомъ Морни, но можетъ-быть болѣе соответствующую характеру Французовъ.

Съ далекаго востока намъ слѣдовало бы теперь обратиться къ центральной Европѣ, гдѣ слышится голосъ въ пользу новой Германіи, и гдѣ Австрія еще нерѣшительно и робко дѣлаетъ первые опыты своего вторичнаго обновленія; но предметъ этотъ требуетъ болѣе подробнаго изложенія, и мы принуждены отложить его до другаго раза, а теперь снова возвратимся къ Италіи, съ которой начали наше обозрѣніе, и скажемъ въ заключеніе нѣсколько словъ о Папскихъ Владѣніяхъ и королевствѣ Обѣихъ Сицилій.

Между тѣмъ какъ народонаселеніе герцогствъ желаетъ разрушить совершенно свой прежній политическій порядокъ вещей, и французское правительство противится этому, по мѣрѣ своихъ силъ; папа, напротивъ, старается сохранить у себя прежній порядокъ во всѣхъ подробностяхъ, и встрѣчаетъ сопротивленіе опять-таки отъ правительства императора Наполеона III. По очень достовѣрнымъ слухамъ, герцогъ Граммонъ получилъ приказаніе переговорить рѣшительнымъ образомъ съ упрямыми совѣтниками Піа IX и объяснить имъ будущую политику Франціи касательно Рима. Императоръ Наполеонъ предлагаетъ, какъ кажется, папѣ сохранить только верховный протекторатъ надъ легатствами, съ правомъ посылать туда своего губернатора; что же касается до администраціи названныхъ нами областей, назначенія и сбора налоговъ, устройства и командованія военными силами, все это останется тамъ въ теперешнемъ своемъ видѣ и въ совершенной независимости отъ Рима. Сообщая эти слухи, католическій журналъ *Union* прибавляетъ: «Извѣстіе о глубокомъ разрывѣ между императоромъ Наполеономъ и римскимъ дворомъ не составляетъ теперь ни для кого тайны.» Любопытно, въ самомъ дѣлѣ, какъ разрѣшится этотъ вопросъ. Тутъ французское правительство не можетъ сослаться на условія виллафранкского мира, которыя, будто бы, связываютъ ему руки, но именно тутъ таятся поводъ для ближайшихъ смутъ и вмѣшательства большихъ католическихъ державъ. Здѣсь будетъ совмѣстное поприще дѣйствія для императора Наполеона и барона Баха.

Не можетъ быть грустнѣе зрѣлища, какъ нерѣшительность, царствующая теперь надъ неаполитанскимъ королевствомъ. Реформы, необходимость которыхъ была признана людьми самаго умѣреннаго образа мыслей, отъ одного конца Европы до другаго, отлагаются день за день, и правительство этой страны какъ будто избрало своею задачей подтвердить слова отчаянныхъ республиканцевъ, что Неаполь долженъ ожидать себѣ спасенія только отъ кореннаго переворота. Неаполитанская публика съ уныніемъ слѣдитъ теперь за борьбой между генераломъ Филанджіери, имѣющимъ, какъ увѣряютъ, какія-то либеральныя тенденціи, и придворною партією, такъ-называемой *камарильей*, желающею сохранить дѣла въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ существовали они при Фердинандѣ II. Неудивительно, что, среди столь печальныхъ обстоятельствъ, удаленіе изъ королевства швейцарскихъ наемниковъ, отказавшихся служить въ Неаполѣ вслѣдствіе распоряженій федеральныхъ своихъ властей, считается отраднымъ происшествіемъ. Въ наемникахъ этихъ заключалась главная сила неаполитанскаго правительства; къ нимъ однимъ питало оно неограниченное довѣріе и спѣшило собирать ихъ во-

кругъ себя въ критическія минуты. Корреспондентъ *Times* разказываетъ, что когда произошло недавнее возстаніе швейцарскихъ полковъ въ Неаполѣ, престарѣлая королева, не зная еще, кто поднялъ знамя возмущенія, воскликнула: «Пошлите поскорѣе за Швейцарцами!» Ей успѣли объяснить, что Швейцарцы-то именно и бунтуютъ. «Ну, такъ значитъ, мы совсѣмъ пропали», возразила она въ отвѣтъ. Швейцарцы знали ненависть къ себѣ неаполитанскаго народонаселенія и не щадили его при всякомъ удобномъ случаѣ. Достоверные свидѣтели разказываютъ, что въ 1848 году, когда, спустя три дня послѣ усмиренія Швейцарцами майскаго возмущенія, пошелъ сильный дождь и омылъ улицы Неаполя, то море, въ которое стекала вода, сдѣлалось совершенно багровымъ у береговъ своихъ. Въ послѣднее время правительство поняло свою ошибку и старалось всѣми силами удержать Швейцарцевъ, но напрасно. Къ чему прибѣгнуть оно теперь? Рѣшится ли оно сформировать какой-нибудь иностранный легіонъ изъ разнаго сброда европейскихъ негодяевъ или удовольствуется своими собственными войсками? Если суждено будетъ осуществиться послѣднему изъ этихъ предположеній, оно послужитъ, вѣроятно, къ утвержденію вліянія генерала Флианджіери, который пользуется значительною популярностью въ неаполитанской арміи.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Сего сентября 8 дня Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ Великій Князь Николай Александровичъ достигъ шестнадцатилѣтняго возраста, когда, по основнымъ государственнымъ законамъ Россіи, полагается Наслѣднику Императорскаго Престола совершеннолѣтіе, и когда, въ силу учрежденія о Императорской фамилии, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ долженъ былъ присягнуть въ присутствіи Государя Императора какъ въ вѣрности царствующему Государю и отечеству, такъ равно въ соблюденіи права наслѣдства и установленнаго фамильнаго распорядка. Церемонія присяги происходила въ Зимнемъ

Дворецъ въ С.-Петербургѣ. Въ придворной церкви, передъ аналоемъ, на которомъ находились крестъ и Святое Евангеліе, Цесаревичъ произнесъ, поднявъ правую руку, слѣдующія слова:

«Во имя Всемогущаго Бога и предъ Святымъ Его Евангеліемъ клянусь и обещаюсь служить вѣрно и честно Его Императорскому Величеству всемилостивѣйшему Государю моему и родителю, повиноваться ему во всемъ, не щадя жизни до послѣдней капли крови; ограждать и защищать всѣмъ моимъ разумомъ, силою и средствами всѣ права и преимущества самодержавія, могущества и владычества Его Императорскаго Величества въ силу законовъ, какъ нынѣ существующихъ, такъ и впредъ установиться могущихъ, содѣйствуя во всемъ, что можетъ касаться до вѣрной службы Его Императорскому Величеству и до пользы Государства въ званіи наслѣдника Всероссійскаго Престола и соединенныхъ съ ними троновъ Царства Польскаго и Великаго Герцогства Финляндскаго. Обязуюсь и клянусь поддерживать порядокъ престолонаслѣдія и фамильныя узаконенія, установленныя основными законами Имперіи, во всей ихъ силѣ и неприкосновенности, дабы я могъ отдать въ этомъ отчетъ предъ Богомъ и на страшномъ Его судѣ. Боже Отче и Царю царей! Наставь, просвѣти и направь меня на великомъ поприщѣ предстоящей мнѣ службы; да сопутствуетъ мнѣ мудрость, возсѣдающая на Престолахъ Твоихъ; ниспосли мнѣ святыхъ Твоихъ съ небесныхъ высотъ, дабы я понималъ, что угодно предъ очима Твоими, и что справедливо по закону Твоему. Въ руку Твою да будетъ сердце мое. Аминь.»

Актъ присяги, съ подписью Наслѣдника Цесаревича, врученъ былъ министру иностранныхъ дѣлъ князю Горчакову для храненія въ Государственномъ Архивѣ, съ прочими дѣлами, до Императорской фамиліи принадлежащими. Вслѣдъ за тѣмъ въ Георгіевской залѣ Зимняго Дворца, передъ Государемъ Императоромъ и Государыней Императрицей, стоявшими на ступеняхъ трона, Государь Наслѣдникъ прочелъ слѣдующую присягу на вѣрность службы:

«Обязуюсь предъ Всемогущимъ Богомъ служить Его Императорскому Величеству всемилостивѣйшему Государю моему и родителю по всѣмъ военнымъ узаконеніямъ; служить ему вѣрно и повиноваться безпрекословно. Клянусь оказывать врагамъ Его Императорскаго Величества и врагамъ Государства мужественное и твердое сопротивленіе, не щадя крови и живота своего: въ открытомъ ли полѣ или крѣпостяхъ, на сухомъ пути или на морѣ, въ битвахъ, осадахъ и штурмахъ и во всѣхъ случайностяхъ войны безъ исключенія. Обещаюсь открывать все, что услышу или увижу противнаго Его Императорскому Величеству, его войскамъ, его подданнымъ и выгодамъ Государства, защищать и ограждать ихъ во всѣхъ обстоятельствахъ по совѣсти моей и по разуму съ такою же вѣрностію, какъ я преданъ чести и жизни. Обещаю вести себя во всякомъ случаѣ, какъ слѣдуетъ человѣку честному и покорному, мужественному и неустрашимому воину, въ чемъ да поможетъ мнѣ Богъ.»

Россіи возвѣщено объ этомъ событіи слѣдующимъ Высочайшимъ манифестомъ:

Божіею милостію

МЫ АЛЕКСАНДРЪ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССИЙСКІЙ, ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ.

За шестнадцать предъ симъ лѣтъ, 8-го сентября, въ день столь достопамятный въ лѣтописяхъ Россіи пораженіемъ полчищъ Мамая, Господу Богу, искони ей благодѣющему, угодно было даровать Намъ первенца-сына, Великаго Князя, нынѣ Государя Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича. Радостно было принято тогда счастливое сіе событіе блаженной памяти родителемъ нашимъ и всѣми сословіями Имперіи.

Хранимый Всеблагимъ Провидѣніемъ, воспитанный нами въ неуклонномъ слѣдованіи правиламъ церкви православной, въ теплой любви къ отечеству, въ сознаниіи своего долга, Его Императорское Высочество достигъ въ текущемъ году установленнаго основными законами нашими совершеннолѣтія и по принесеніи сего числа Всевышнему благодарственнаго молебствія, торжественно, въ присутствіи нашемъ, произнесъ присягу на служеніе Намъ и Государству.

Возвѣщая о семъ любезно-вѣрнымъ нашимъ подданнымъ, мы призываемъ ихъ къ усердной, общей съ нами молитвѣ: да вознесутся обтѣхой души Цесаревича къ престолу Всемогущаго! Да услышатъ ихъ Сердцевѣдецъ и освѣтитъ его благословіемъ свыше! Да ведетъ его на предлежащемъ ему великомъ и трудномъ поприщѣ путемъ правымъ и непреткновеннымъ, разумъ его озаритъ мудростію, сердце украситъ добродѣтелями, духъ же исполнитъ мужества и силы къ подъятію бремени, нѣкогда его ожидающаго!

Того же 8-го сентября, на основаніи § 27 учрежденія объ Императорской Фамиліи, московскій военный генералъ-губернаторъ, членъ государственнаго совѣта, сенаторъ, генералъ-адъютантъ графъ Сергій Григорьевичъ Строгоновъ, назначенъ въ званіе попечителя къ Его Императорскому Высочеству Государю Наслѣднику Цесаревичу, съ оставленіемъ членомъ государственнаго совѣта, сенаторомъ и въ званіи генералъ-адъютанта. На основаніи того же § 27, попечительство имѣетъ продолжаться до двадцатипятилѣтняго возраста Государя Наслѣдника Цесаревича. Въ обнародованныхъ законахъ опредѣлена одна лишь гражданская сторона попечительства, которая состоитъ въ томъ, что попечитель, будучи совѣтникомъ малолѣтняго, достигшаго до совершенныхъ лѣтъ, вспомагаетъ ему и преподаетъ совѣты по всѣмъ дѣламъ, до имѣнія его касающимся, и утверждаетъ его волю, безъ чего она никогда не можетъ быть дѣйствительною (Учрежденіе о Императорской Фамиліи § 28, Св. Зак. Осн. Т. I, разд. II, ст. 164 изд. 1857 года).

Въ тотъ же день 8-го сентября Россія была обрадована слѣдующими двумя Высочайшими указами правительствующему сенату:

I. «По случаю бывшаго, въ 1831 году, въ Царствѣ Польскомъ и въ западныхъ губерніяхъ имперіи, мятежа, изданными для сего особыми правилами повелѣно: имѣнія, принадлежавшія собственно лицамъ, причастнымъ къ тому мятежу, подвергнуть конфискаціи немедленно, а имѣющія дойти къ нимъ по наслѣдству послѣ родителей и родственниковъ ихъ обращать въ казну по кончинѣ владѣльцевъ, если они не распорядятся сими имѣніями при своей жизни. На основаніи сихъ правилъ, изъ доходившихъ преступникамъ по наслѣдству имѣній одни поступили въ казенное вѣдомство, о другихъ же производятся дѣла въ судебныхъ мѣстахъ; но имѣются въ виду и такія, на которыя право казны можетъ открыться въ послѣдствіи. Въ настоящій день вступленія въ совершеннолѣтіе любезнѣйшаго сына нашего, Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича Великаго Князя Николая Александровича, желая явить новый знакъ монаршаго нашего милосердія къ лицамъ, подлежащимъ дѣйствию вышеозначенныхъ постановленийъ, всемилостивѣйше повелѣваемъ: изъ дѣлъ по конфискаціи и ликвидации имѣній лицъ, причастныхъ къ мятежу 1831 года, окончить установленнымъ порядкомъ только тѣ, которыя начаты производствомъ до 8-го сентября 1859 года, а послѣ сего времени никакихъ новыхъ дѣлъ о конфискаціи по поводу того мятежа не вчинять, и всѣ имущества, движимыя и недвижимыя, въ чемъ бы оныя ни состояли, и на кои право казны могло бы открыться послѣ 8-го сентября 1859 года, или же хотя и открылось прежде сего дня, но о ихъ обращеніи въ казну до 8-го сентября не было начато исковъ въ присутственныхъ мѣстахъ, конфискаціи не подвергать и предоставить воспользоваться сими имуществами законнымъ наслѣдникамъ, не исключая и тѣхъ, кои были виновны въ мятежѣ, если они уже удостоились прощенія и возвратились въ отечество.»

II. «Признавая справедливымъ даровать нижнимъ чинамъ, поступающимъ въ военную службу, облегченіе въ исполненіи этой повинности сокращеніемъ сроковъ обязательной ихъ службы, и избравъ для приведенія въ дѣйствіе сей мѣтры торжественный день совершеннолѣтія любезнѣйшаго сына нашего и наслѣдника престола Государя Цесаревича Великаго Князя Николая Александровича, всемилостивѣйше повелѣваемъ: 1) Нижнимъ чинамъ, которые впредь поступятъ въ рекруты, опредѣлить общіе обязательные сроки службы для отставки: въ военномъ вѣдомствѣ и въ комплектуемыхъ отъ онаго командахъ другихъ вѣдомствъ пятнадцатилѣтній, а въ морскомъ вѣдомствѣ — четырнадцатилѣтній. 2) Нижнимъ чинамъ, поступившимъ уже на службу до настоящаго времени, сократить сроки обязательной службы, назначивъ для сего общій двадцатилѣтній срокъ, безъ различія, въ какихъ бы вѣдомствахъ они ни состояли; а обязанныхъ подѣйствующимъ нынѣ правиламъ двадцатилѣтнимъ и кратчайшими противу сего сроками увольнять въ отставку за эти же сроки и на будущее время. 3) Тѣхъ нижнихъ чиновъ, которые

подвергались или подвергнутся оштрафованіямъ, лишающимъ права на полученіе отставки наравнѣ съ безпорочно-служившими, подчинять при увольненіи отъ службы, независимо отъ выслуги ими устанавливаемыхъ нынѣ общихъ обязательныхъ сроковъ, и всѣмъ прочимъ условіямъ, которыя дѣйствующими узаконеніями опредѣлены для увольненія въ отставку штрафованныхъ нижнихъ чиновъ.»

Министръ внутреннихъ дѣлъ С. Д. Ланской удостоился получить 8-го сентября слѣдующую Высочайшую грамоту, возвышающую Россію, что дѣло объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ, близкое сердцу Монарха, продолжается нынѣ со всевозможною дѣятельностію :

Нашему дѣйствительному тайному совѣтнику, министру внутреннихъ дѣлъ Ланскому.

Опытность ваша, пріобрѣтенная долговременною службой, всегда отличавшеюся ревностнымъ усердіемъ къ пользамъ отечества, побудила Намъ поручить вамъ управленіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Вы вполне оправдали наше къ вамъ довѣріе. Усматривая изъ всѣхъ вашихъ распоряженій постоянную и неутомимую заботливость къ усовершенствованію вѣреннаго вамъ управленія, мы обращаемъ въ особенности вниманіе на благоразумныя дѣйствія ваши по направленію губернскихъ комитетовъ объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ, чѣмъ самымъ вы оказали важную государственную заслугу по успѣшнѣйшему ходу этого дѣла, столь близкаго нашему сердцу и нынѣ со всевозможною дѣятельностію продолжаемому. Во изъявленіе особенной Нашей признательности къ столь-достохвальному служенію вашему, всемилоствѣйше жалуемъ вамъ алмазные знаки ордена Св. Андрея Первозваннаго, кои при семъ препровождаю, пребываемъ къ вамъ навсегда благосклонны.

За нѣсколько дней передъ торжественнымъ днемъ 8-го сентября, депутаты отъ губернскихъ комитетовъ, которые вызваны въ Петербургъ уже изъ 22 губерній, имѣли счастье представляться Государю Императору, въ царскосельскомъ дворцѣ. Его Величество изволилъ благосклонно говорить съ каждымъ изъ гг. членовъ и затѣмъ обратился къ нимъ съ слѣдующими словами:

«Господа! Я очень радъ васъ видѣть. Я призвалъ васъ для содѣйствія дѣлу, равно интересному и для меня и для васъ, и успѣха котораго, Я вполне увѣренъ, вы столько же желаете, сколько и Я. Съ нимъ связано будущее благо Россіи. Я увѣренъ, что вѣрное Мое дворянство, всегда преданное престолу, съ усердіемъ будетъ Мнѣ содѣйствовать.

«Я считалъ себя первымъ дворяниномъ, когда еще былъ Наслѣдникомъ; Я гордился этимъ, горжусь этимъ теперь и не перестаю считать себя въ вашемъ сословіи. Съ полнымъ довѣрі-

омъ къ вамъ началъ Я это дѣло, съ тѣмъ же довѣріемъ призвалъ васъ сюда. Для разъясненія обязанностей вашихъ, Я велѣлъ составить инструкцію, которая вамъ предъявлена; она возбудила недоразумѣнія; надѣюсь, что они разъяснились.

Я читалъ письмо ваше, представленное мнѣ Іаковомъ Ивановичемъ (1): отвѣтъ на него, вѣроятно, вамъ уже сообщенъ. Вы можете быть увѣрены, что ваши мнѣнія будутъ Мнѣ извѣстны: тѣ, которыя будутъ согласны съ мнѣніемъ редакціонной комиссіи, войдутъ въ ея положеніе. Всѣ остальные, хотя бы и несогласныя съ ея мнѣніемъ, будутъ представлены въ главный комитетъ и дойдутъ до Меня. Я знаю, вы сами, господа, убѣждены, что дѣло не можетъ окончиться безъ пожертвованій, но Я хочу, чтобы жертвы эти были какъ можно менѣе чувствительны. Буду стараться вамъ помочь и жду вашего содѣйствія, надѣясь, что довѣріе Мое къ вамъ вы оправдаете не одними словами, а на дѣлѣ.

«Прощайте, господа, до свиданія.»

Между тѣмъ какъ крестьянское дѣло быстро подвигается къ окончательному разрѣшенію, правительство наше приняло на дняхъ мѣру первостепенной важности, полагающую прочное начало устраненію тѣхъ существенныхъ препятствій, которыя должна была встрѣтить у насъ окончательная развязка теперешнихъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ. Превращеніе натуральныхъ повинностей въ денежные оброки и имѣющей слѣдовать за тѣмъ постепенный выкупъ усадебъ и полевыхъ угодій представляютъ собою не что иное, какъ переложеніе цѣнности, заключающейся въ разныхъ крѣпостныхъ и вотчинныхъ правахъ на деньги или опредѣленіе въ рубляхъ. Успѣшность упомянутыхъ нами фазъ крестьянскаго вопроса существенно зависитъ отъ того, чтобы переложеніе это могло оказаться выгоднымъ, а выгоднымъ оно не можетъ оказаться, если деньги, вслѣдствіе особеннаго состоянія денежной системы, не будутъ имѣть прочной цѣнности. Мы не говоримъ здѣсь ни объ оцѣнкѣ повинностей, ни объ оцѣнкѣ усадебъ и земель, но какова бы ни была оцѣнка, сдѣлки этого рода, совершаемыя на деньги, не могутъ идти успѣшно, если самыя деньги подвергнуть того, кто получить ихъ,

(1) Генералъ-адъютантомъ І. И. Ростовцевымъ, председателемъ комисіи для составленія положеній о крестьянзхъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости.

рису, болѣе или менѣе значительному и неопредѣлѣмому закону. Когда цѣнность денежныхъ знаковъ колеблется, то вслѣдствіе ихъ, стараются поскорѣе сбыть съ рукъ тѣ цѣнности, которыя считаются на деньги, и слѣдовательно вмѣстѣ съ деньгами подвергаются колебанію; всякій старается превратить эти цѣнности въ такія цѣнности, которыя подлежатъ меньшему колебанію и подвергають владѣльца меньшему риску; всякій ищетъ случая промѣнять деньги на какой-нибудь цѣнный предметъ, и наоборотъ, избѣгаетъ случая промѣнивать цѣнные предметы или цѣнные права на деньги. Вслѣдствіе того становится мало охотниковъ продавать что бы то ни было и много охотниковъ покупать, а это ведетъ къ тому, что всѣ предметы дорожаютъ. Въ такое время не можетъ имѣть никакого успѣха переложеніе какой бы то ни было цѣнности на деньги, и слѣдовательно, несмотря на всѣ возможные благопріятныя условія съ другихъ сторонъ, несмотря на обоюдное желаніе крестьянъ и помѣщиковъ, и на всѣ облегченія и побужденія, которыя были бы дѣлаемы законодательствомъ, упомянутыя нами необходимыя фазы крестьянскаго вопроса не могли бы въ такое время совершиться успѣшно. У насъ есть народная пословица, что *цѣну Богъ строитъ*. Эта пословица прекрасно выражаетъ ту особенность экономическихъ сдѣлокъ, что онѣ не подчиняются никакому искусственному вліанію. Если нѣтъ существенныхъ условій, необходимыхъ для какого бы то ни было экономическаго дѣла, то дѣло не пойдетъ съ мѣста, какъ бы ни старались подвинуть его.

Прочная цѣнность нашихъ денегъ есть *conditio sine qua non* замѣны барщины оброкомъ и выкупа. Если этого условія не будетъ, можно ручаться чѣмъ угодно, что ни денежные оброки, ни выкупъ не будутъ имѣть хода въ Россіи. Въ этомъ случаѣ нельзя надѣяться на недостаточность экономическаго образованія, нельзя разчитывать на то, что не только наши крестьяне, но даже большинство помѣщиковъ не имѣютъ ясныхъ понятій о свойствахъ денегъ, о биржевыхъ и вексельныхъ курсахъ и т. п. Мы привели уже пословицу: *цѣну Богъ строитъ*. Наши рабочіе тоже не сильны въ политической экономіи, и тѣмъ не менѣе задѣльная плата съ 1756 года почти удвоилась, и совершилось это само собой, безъ малѣйшаго подобія стачекъ, поднимающихъ иногда задѣльную плату на Западѣ. Политическая экономія полезна, потому что открываетъ и разъясняетъ законы экономическихъ явленій, но и безъ знанія политико-экономическихъ законовъ, люди слѣдуютъ имъ въ своей экономической жизни. Различіе между людьми свѣдущими и несвѣдущими въ политической экономіи заключается только въ томъ, что первые могутъ, а послѣдніе не могутъ предвидѣть экономическія явленія. Люди несвѣдущіе увидятъ явленіе

Сами будут участвовать въ немъ, увидятъ напримѣръ, что денежные оброки не распространяются и сами не будутъ вводить себя оброкъ, но они не будутъ знать, отчего это происходитъ, между тѣмъ какъ люди свѣдущіе скажутъ заранее, что такъ именно должно быть, если будетъ имѣть силу такое-то и кое-то обстоятельство, скажутъ напримѣръ, заранее, что оброки выкупъ не будутъ имѣть хода, если деньги не будутъ имѣть юрочной цѣнности.

Но какъ бы ни было необходимо придать нашимъ деньгамъ юрочную цѣнность, а необходимо это не только для успѣшнаго да крестьянскаго дѣла, но и вообще для русской промышленности и торговли, этого невозможно сдѣлать, прежде нежели будутъ вполне упрочены наши государственныя кредитныя установленія. Было бы даже опасно сдѣлать нашъ теперешній рубль истоящимъ рублемъ, при теперешнемъ состояніи нашихъ казенныхъ банковъ, потому что улучшеніе денежной системы привело бы неизбѣжное потрясеніе нашихъ казенныхъ банковъ и причинило бы великій хаосъ, отъ котораго пострадала бы вся страна. Очень легко доказать эту повидимому странную истину. Нашъ послѣдній трехпроцентный заемъ состоялся по курсу 68 за сто и притомъ съ правомъ кредитора получить 1 р. 50 к. въ идѣ процентовъ 1 ноября, когда еще не вся сумма будетъ имѣть есена, а это значитъ, что заемъ собственно состоялся по курсу 6 р. 50 к. за сто. Кредиторы согласились слѣдовательно вѣрить Россіи свои деньги на томъ условіи, чтобы получать интересъ по 3 рубля съ 66½ рублей, или, что все равно, по 4 р. 127/133 коп. со 100 рублей. Какимъ же образомъ случается, что въ то же самое время кредиторы нашихъ казенныхъ банковъ довольствуются 3 рублями интереса со 100 рублей? Причина этого явленія очевидна: она заключается въ томъ, что по вышнему займу деньги вносятся звонкою монетою, а наши казенные банки принимаютъ бумажныя деньги. Противъ этого объясненія нельзя приводить какъ возраженія, что наши банки обязываются выплачивать свой долгъ немедленно по востребованіи. Это обязательство нашихъ казенныхъ банковъ имѣетъ силу и значеніе для отдѣльныхъ лицъ; лица, вносящія вклады, мѣняются: одни носятъ деньги, другія берутъ ихъ обратно, но общая сумма вкладовъ все-таки остается почти безъ измѣненія, и стало-быть русское общество, взятое въ цѣломъ, находитъ нужнымъ вѣрить русскимъ казеннымъ банкамъ огромныя суммы въ 3% тогда какъ то же самое русское общество могло бы получать лишкомъ по 4½% съ русской же комиссіи погашенія долговъ, которая до сихъ поръ находится въ необходимости занимать по 1½% слишкомъ. Эта кажущаяся несообразность объясняется

преимущественно тѣмъ, что комиссія погашенія долговъ занимаетъ звонкою монетою, а казенные банки занимаютъ кредитными билетами: цѣлковый беретъ за себя по $4\frac{1}{2}\%$ интереса; кредитный рубль довольствуется 3% , и мы увидимъ вскорѣ, что онъ будетъ довольствоваться даже 2% , потому что, какъ можно предвидѣть, устанавливаемое нынѣ пониженіе процентовъ съ трехъ на два не произведетъ значительнаго уменьшенія въ числѣ вкладовъ, пока не уменьшится количество денежныхъ знаковъ, находящихся въ народномъ обращеніи.

Что же было бы, еслибы кредитный рубль получилъ прочную цѣнность серебрянаго рубля, и еслибы наши кредитныя установленія остались въ прежнемъ видѣ? Положимъ, что вслѣдствіе немовѣрныхъ усилій удалось бы извлечь изъ обращенія до 400 милліоновъ кредитныхъ билетовъ. Тогда появилась бы у насъ опять звонкая монета, стала бы дороговизна, усилилась бы нашъ вывозъ, и мы начали бы наслаждаться благосостояніемъ, отъ котораго мы теперь отвыкаемъ; но въ то же время мы получили бы возможность свободно распоряжаться нашими деньгами и не захотѣли бы довольствоваться не только 2% , но и 3% съ тѣхъ нашихъ капиталовъ, которые лежатъ въ казенныхъ банкахъ; если бы мы не нашли для нашихъ капиталовъ хорошаго употребленія въ Россіи, мы помѣстили бы ихъ за границей, выславъ ихъ въ видѣ звонкой монеты, которую вездѣ приняли бы отъ насъ, и за которую во многихъ иностранныхъ фондахъ можно получать по 4% , по $4\frac{1}{2}\%$ и даже по 5% . Словомъ, мы предъявили бы наши именныя и безыменныя билеты и потребовали бы уплаты нашихъ вкладовъ. Но что вышло бы изъ этого? Еслибы изъ милліарда рублей, внесенныхъ въ казенные банки въ видѣ вкладовъ, была вытребована одна лишь четвертая доля, то-есть 250 милліоновъ рублей, то гдѣ взяли бы казенные банки эту сумму? То, что они получили въ видѣ вкладовъ, давно роздано ими въ ссуды, и притомъ почти исключительно въ ссуды на долгіе сроки. Банки не имѣютъ права требовать немедленной уплаты отъ своихъ дебиторовъ; они обязались ждать 15, 28, 33, 56 лѣтъ. Они попытались бы можетъ-быть занять 250 милліоновъ, но такую сумму нигдѣ на свѣтѣ нельзя занять, иначе какъ съ весьма продолжительною разсрочкою платежей. Между тѣмъ кредиторы должны быть удовлетворены въ теченіе семи дней, какъ значится въ обязательствахъ, выдаваемыхъ опекунскимъ совѣтомъ. Оставалось бы слѣдовательно единственное средство, — печатаніе новыхъ кредитныхъ билетовъ, но это средство привело бы опять въ разстройство денежную систему и лишило бы русскія деньги прочной цѣнности.

Такимъ образомъ, еслибы при невѣроятныхъ усиліяхъ удалось

привести въ порядокъ нашу денежную систему, и еслибы притомъ наши кредитныя установленія сохранили свой прежній видъ, то всё эти невѣроятныя усилія кончились бы ничѣмъ, и въ результатахъ осталось бы только громадное потрясеніе всей экономической жизни страны. Наши кредитныя установленія, притѣхъ правилахъ, которыми они теперь руководствуются, могутъ существовать лишь на томъ условіи, чтобы существовали бумажныя деньги, и если имѣется въ виду придать прочность нашей денежной системы и уменьшить количество кредитныхъ билетовъ, то прежде необходимо упрочить существованіе кредитныхъ установленій.

Къ тому же, безъ преобразованія нашихъ казенныхъ банковъ, невозможно свободное движеніе частнаго кредита. Казенные банки подавляютъ его своею конкуренціей, а сами, дѣйствуя на основаніи твердыхъ правилъ, не допускающихъ видоизмѣненія сообразно обстоятельствамъ, не могутъ замѣнить собою частный кредитъ. Наука и опытъ равно показали, что государственная власть не можетъ успѣшно заниматься экономическими предпріятіями; здѣсь нужна частная инициатива, свобода дѣйствовать по разчету, пользоваться минутой, соображаться съ обстоятельствами, а всё эти условія экономического успѣха совершенно невозможны, когда предпріятіемъ занимается казна. Можно сказать, что нѣтъ регаліи болѣе разорительной и для страны, какъ регалія кредита. Ни одна современная экономическая задача не можетъ быть разрѣшена страной, въ которой нѣтъ мѣста для правльмаго развитія кредита, а Россіи предстоитъ не мало экономическихъ задачъ: ей надобно совершить выкупъ, надобно принять мѣры для успѣшной конкуренціи съ другими странами во внѣшней торговлѣ, надобно найти средства развивать свою промышленность, не стѣсняя потребителей искусственными тарифами. Ни объ одной изъ этихъ задачъ нельзя и думать при теперешнемъ устройствѣ нашего внутренняго кредита, а оно во многомъ зависитъ отъ устройства нашихъ казенныхъ банковъ.

Выразимъ въ краткихъ положеніяхъ ближайшія экономическія потребности Россіи.

Для успѣшнаго окончанія кредитнаго дѣла и для того, чтобъ наша промышленность и торговля начали жить настоящею жизнью, необходимо упрочить нашу денежную систему.

Но упроченіе денежной системы невозможно безъ предварительнаго упроченія состоятельности нашихъ государственныхъ кредитныхъ установленій.

Слѣдовательно надобно начать рядъ серіозныхъ мѣръ, клонящихся къ экономическому оживленію Россіи, съ преобразованія государственныхъ кредитныхъ установленій.

Такъ говорить логика, и такой образъ дѣйствій приняло наше правительство. Сентября 1-го состоялся Высочайшій Именной указъ правительствующему сенату объ учрежденіи новыхъ пятипроцентныхъ банковыхъ билетовъ (въ объѣмъ на билеты государственныхъ банковыхъ установленій и на новоучрежденные четырехпроцентные билеты непрерывнаго дохода) и о новыхъ правилахъ касательно вкладовъ въ государственныхъ банковыхъ установленіяхъ. Вместе съ обнародованіемъ этого указа и новаго положенія о государственныхъ пятипроцентныхъ банковыхъ билетахъ и о вкладахъ въ государственныхъ банковыхъ установленіяхъ, правительство нашло нужнымъ обнародовать и всеподданнѣйшій докладъ министра финансовъ о преобразованіяхъ по банковымъ установленіямъ. Изъ чтенія этого доклада можно получить совершенно ясное понятіе о необходимости и значеніи мѣръ, принимаемой нынѣ правительствомъ, а потому мы считаемъ за лучшее перепечатать вполнѣ этотъ докладъ, увѣренные въ томъ, что и безъ особыхъ указаній съ нашей стороны, читатели вполнѣ оцѣнятъ его правдивость и неоспоримую силу.

Вотъ самыя слова всеподданнѣйшаго доклада, которыя Государь Императоръ изволилъ разсматривать въ Царскомъ Селѣ 1 сентября сего года.

Докладъ г. министра финансовъ.

Вашему Императорскому Величеству благоугодно было высочайше повелѣть: войти въ соображенія о преобразованіи государственныхъ банковыхъ установленій, дабы примѣнить устройство ихъ къ хозяйственнымъ и торговымъ потребностямъ настоящаго времени.

Нынѣшняя система означенныхъ установленій заключается въ слѣдующемъ:

1) *Вклады* принимаются во всѣхъ банкахъ безостановочно, по одному желанію вкладчиковъ; возвращаются тоже по первому ихъ востребованію, во всякое время; наконецъ приносятъ вкладчикамъ проценты со дня пріема, а по истеченіи года и проценты на проценты, хотя бы оставались безъ производительнаго употребленія.

2) *Ссуды* раздаются по коммерческому банку — на короткіе сроки, не далѣе десяти мѣсяцевъ, а по всѣмъ прочимъ, то-есть заемному банку, сохраннымъ казнамъ воспитательнаго дома и приказамъ общественнаго призрѣнія, на сроки, болѣе или менѣе

продолжительные, преимущественно на 28 и 33 года, съ постепеннымъ возвратомъ малыми долями (1).

Изъ одного сближенія сихъ основныхъ постановленій видно, что за исключеніемъ коммерческаго банка, по всемъ прочимъ нѣтъ надлежащей ответственности между условіями приѣма вкладовъ и сроками возврата ссудъ. Обстоятельство это уже неоднократно обращало на себя вниманіе правительства.

При первоначальномъ учрежденіи нашихъ банковыхъ установленій, слишкомъ за сто лѣтъ передъ симъ, не было особеннаго неудобства отъ принятой системы: народное хозяйство, еще мало развитое, не вызывало ни скорого, ни значительнаго движенія капиталовъ; промышленныя предпріятія возникали рѣдко и въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ; частный кредитъ почти не существовалъ. По сему, съ одной стороны, капиталисты не находили помѣщенія для своихъ сбереженій; а съ другой заемщики, нуждавшіеся въ деньгахъ, подвергались тяжкимъ и разорительнымъ требованіямъ. Для тѣхъ и другихъ, открытіе банковъ, на изложенныхъ основаніяхъ, было истиннымъ благодѣяніемъ. Широкія условія приѣма вкладовъ были необходимы для привлеченія капиталистовъ, не имѣвшихъ еще привычки пускать свои деньги въ оборотъ; для заемщиковъ же надлежало постановить сколь возможно облегчительныя условія относительно возврата ссудъ: въ противномъ случаѣ цѣль учрежденія банковыхъ установленій не была бы достигнута.

Впрочемъ, нельзя не замѣтить, что учрежденныя въ прошломъ столѣтіи сохранныя казны и приказы общественнаго призрѣнія имѣли преимущественно благотворительную цѣль, для поддержанія богоугодныхъ заведеній, основанныхъ въ обширныхъ размѣрахъ; почему и потребности народного кредита составляли въ то время не главный, а лишь второстепенный предметъ заботливости правительства.

Нынѣ, и общественныя потребности, и самыя понятія существенно измѣнились. Правильное устройство кредита составляетъ одно изъ жизненныхъ условій государственнаго развитія. Это сдѣлалось особенно ощутительно въ послѣднее время, съ возрожденіемъ промышленной предпріимчивости, при ожидаемомъ устройствѣ желѣзныхъ дорогъ и другихъ улучшенныхъ путей сообщенія, наконецъ въ виду великой экономической реформы, приготавливаемой, по мысли и указанію Вашего Императорскаго Величества, для большей части земледѣльческаго населенія.

(1) Хотя сохраннымъ казнамъ и приказамъ предоставлены нѣкоторые операціи краткосрочныя, но онѣ составляютъ, по своимъ размѣрамъ, самое ничтожное исключеніе.

Рядъ правительственныхъ мѣръ, уже принятыхъ или предлагаемыхъ, даетъ полную надежду на развитіе народной промышленности, а съ тѣмъ вмѣстѣ должны значительно расширяться и кредитныя операціи, — особенно по коммерческому банку. Съ другой стороны, при постепенномъ упраздненіи обязательнаго труда въ сельскомъ хозяйствѣ, встрѣтится надобность въ обратныхъ капиталахъ, и слѣдовательно въ пособіи поземельнаго кредита. Нынѣ болѣе двухъ третей всѣхъ населенныхъ мѣстъ заложены уже въ государственныхъ банковыхъ установленіяхъ; но, по мѣрѣ выкупа крестьянами усадебъ и полевыхъ угодій, остальная часть заложенныхъ владѣльческихъ земель будетъ освобождаться отъ залога, и владѣльцы получатъ возможность выдвигать ихъ вновь, дабы воспользоваться ссудами, необходимыми для устройства хозяйства на новыхъ началахъ. Наконецъ, самъ выкупъ крестьянскихъ угодій не можетъ совершиться безъ помощи кредита. Все это указываетъ на необходимость образованія земскихъ банковъ, съ достаточными средствами и съ организацией, приспособленною къ новымъ экономическимъ отношеніямъ.

Въ виду столь важныхъ общественныхъ потребностей, которыя будутъ, конечно, проявляться лишь постепенно, въ теченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени, но тѣмъ не менѣе возникнуть неминуемо и настоятельно, необходимо нынѣ же приступить и къ постепенному улучшенію банковской системы, дабы она не могла задержать правильнаго и естественнаго развитія внутренняго кредита, какъ торговаго, такъ и поземельнаго.

Главный недостатокъ нынѣшняго устройства банковъ, какъ объяснено выше, заключается въ несоответственности между условіями вкладовъ и сроками ссудъ. Несмотря на существенное различіе между краткосрочными ссудами, присвоенными коммерческому банку, и ссудами долговременными, установленными для прочихъ банковъ, пріемъ вкладовъ допускается, въ тѣхъ и другихъ, на одинаковыхъ правилахъ, то-есть съ обязанностію возврата капитала, во всякое время по востребованію. Въ этомъ заключается коренное неудобство нашей банковской системы. Кроме того, вкладчикамъ предоставлено еще весьма важное преимущество, не существующее ни въ одномъ правильно устроенномъ банкѣ: именно получать сложные проценты, не ограниченные никакими размѣрами. Такимъ образомъ банки, съ одной стороны, вынуждаются расширять безпредѣльно свои ссудныя операціи, дабы выручать проценты, нужные для уплаты вкладчикамъ, а съ другой обязаны сохранять постоянно въ запасъ значительную массу наличныхъ денегъ, дабы удовлетворять тѣхъ же вкладчиковъ, въ случаѣ внезапнаго требованія ими капиталовъ.

Отсюда неизбежны двѣ крайности: или оскудѣніе кассъ, опасное для кредита банковъ; или чрезмѣрное накопленіе праз-

ныхъ капиталовъ, что столь же убыточно для банковъ, сколь невыгодно для народной промышленности.

Первое, до сихъ поръ, встрѣчалось лишь весьма рѣдко, какъ явленіе случайное и скоропреходящее. Оно было отвращаемо разнообразными пособіями отъ казны. Отвѣтствуя за банки, правительство всегда поддерживало и впредь должно поддерживать ихъ кредитъ, хотя бы это сопряжено было съ нѣкоторыми временными затрудненіями; но такой порядокъ вещей, еслибы онъ сталъ въ послѣдствіи повторяться чаще, нельзя признать ни нормальнымъ, ни удобнымъ для государственнаго казначейства, обремененнаго и безъ того значительными обязанностями.

Другая крайность, то-есть накопленіе излишнихъ капиталовъ, обнаруживалась доселѣ почти постоянно. Вкладчикамъ нашихъ банковъ предоставлены такія выгоды, какихъ нигдѣ не допускается, и потому понятно, что всѣ сбереженія народа обращались доселѣ въ банковыя установленія, которыя, по самой организаціи своей, не могли давать всѣмъ поступающимъ вкладамъ производительное употребленіе, вполне соответствующее многочисленнымъ и разнообразнымъ потребностямъ народной промышленности. Этой причинѣ надлежитъ, между прочимъ, приписать медленное развитіе нашихъ производительныхъ силъ. Чрезмѣрное накопленіе вкладовъ въ банкахъ обнаружилось, въ высшей степени, за два года предъ симъ (въ 1857 г.), когда сумма капиталовъ, нерозданныхъ въ ссуды, составляла огромную цифру—свыше 180 милліоновъ рублей серебромъ. Обстоятельство это заставило правительство понизить банковые проценты, что облегчило кассы банковъ и въ то же время, конечно, содѣйствовало оживленію промышленной дѣятельности.

Въ настоящее время предстоитъ довершить начатое дѣло, и цѣлымъ рядомъ мѣръ ввести кредитные обороты банковъ въ постоянные нормальные предѣлы, сообразные съ современными общественными требованіями.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію предполагаемыхъ съ этою цѣлію мѣръ, не лишне привести нѣкоторыя общія данныя о нынѣшнемъ положеніи государственныхъ банковыхъ установленій.

Къ 1-му января 1859 года состояло по всѣмъ означеннымъ установленіямъ:

1) въ ссудахъ	1.038.199.531 р.
2) вкладовъ:	
а) частныхъ	725.074.952 р.
б) казенныхъ	242.032.089 "
	<hr/>
Итого	967.107.041 р. (1)

(1) Перевѣсъ ссудъ надъ вкладами покрывается собственными капиталами банковъ.

Въ кассахъ находилось:

а) наличными деньгами	25.444.000 р. (1)
б) публичными фондами по нарицательной цѣнѣ	43.405.427 »
Итого . . .	68.849.427 р.

Означенные выше фонды (на сумму до 43.000.000 р.) составляютъ собственность самихъ банковыхъ установлений, и потому могутъ быть реализованы во всякое время; а какъ больша часть сихъ фондовъ заключается въ 6-ти и 5-ти-процентныхъ облигаціяхъ, то представляемый ими капиталъ, по дѣйствительной ихъ стоимости, гораздо выше показанной здѣсь нарицательной суммы.

Къ 1-му іюля 1859 года въ банковыхъ кассахъ числилось:

а) наличными деньгами	23.242.000 р. (2)
б) публичными фондами	47.523.172 »
Итого . . .	71.067.172 р.

Всѣ сіи данныя приводятъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Въ общемъ итогѣ вкладовъ не менѣ четвертой части (242.000.000 р.) внесено казенными мѣстами и слѣдовательно востребованіе оной зависитъ отъ распоряженій самого правительства.

2) Собственно частныхъ вкладовъ состоитъ 725.000.000 руб.: но изъ нихъ значительная часть принадлежитъ къ числу капиталовъ условныхъ (то-есть внесенныхъ съ опредѣленными условіями, относительно платежа процентовъ или сроковъ возврата), а также къ капиталамъ малолѣтнихъ или такихъ лицъ, которые не утверждены въ правахъ наслѣдства, наконецъ и къ капиталамъ выморочнымъ, подлежащимъ обращенію въ пользу казны или разныхъ учреждений. Такимъ образомъ сумма вкладовъ, кои могутъ быть востребованы во всякое время, по одному желанію самихъ вкладчиковъ, составляетъ едвали болѣе половины всѣхъ обращающихся капиталовъ.

3) Удовлетвореніе вкладчиковъ сего рода обезпечивается наличностію банковыхъ кассъ и ежегодно поступающими отъ заемщиковъ платежами въ возвратъ полученныхъ ими ссудъ.

Что касается до ссудъ, выданныхъ банковыми установленіями

(1) Въ этой суммѣ не заключаются кассы приказовъ общественнаго призрѣнія.

(2) Сюда не вошли кассы приказовъ по не полученію всѣхъ срочныхъ вѣдомостей за послѣднее время. Къ 1 мая сего года наличность въ кассахъ приказовъ составляла 1.342.104 рубля.

на суммѣ 1.038 милл. р. (1), то ссуды сіи обезпечены отчасти движимостью, какъ-то: купеческими векселями, товарами, золотомъ, серебромъ и проч., преимущественно же недвижимыми имѣніями, въ числѣ коихъ состоятъ:

а) до 47.000 населенныхъ имѣній, при коихъ числится 7.183.626 ревизскихъ душъ;

б) 1.496 поземельныхъ дачъ (пустопорожныхъ земель) въ количествѣ 1.509.896 десятинъ;

в) наконецъ 1.749 каменныхъ домовъ въ столицахъ и другихъ важнѣйшихъ городахъ и 84 изъ значительнѣйшихъ фабрикъ и заводовъ.

Кромѣ того нѣкоторая часть капиталовъ выдана въ ссуду на разныя общественныя предпріятія: земству, городамъ, дворянству, нѣкоторымъ правительственнымъ учрежденіямъ и государственному казначейству. Ссуды эти допускались не иначе, какъ по особымъ всякій разъ разрѣшеніямъ, и главнѣйше при чрезмѣрномъ накопленіи празныхъ капиталовъ, угрожавшихъ банкамъ значительными потерями.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что розданныя ссуды обезпечены самымъ надежнымъ образомъ: частныя залоги, какъ движимые, такъ и недвижимые, принимались всегда, какъ извѣстно, съ крайнею осторожностію, несравненно въ меньшей суммѣ противъ дѣйствительной ихъ цѣнности; равнымъ образомъ и казенныя займы обезпечены или недвижимою собственностію, принадлежащею разнымъ общественнымъ учрежденіямъ, или особо-установленными сборами и другими источниками, или наконецъ государственными доходами, изъ коихъ, прежде всего, отдѣляется необходимая часть на уплату внутреннихъ и внѣшнихъ долговъ.

Но при семъ нельзя не повторить, что нынѣшнія условія вкладовъ могутъ поражать затрудненія, хотя и временныя, однакоже крайне тягостныя для правительства. При неопредѣленныхъ требованіяхъ, коимъ можетъ подвергаться половина обращающихся въ банкахъ капиталовъ, установленія эти связаны въ своихъ дѣйствіяхъ. Хотя ежегодно значительная часть розданныхъ ссудъ возвращается заемщиками, но требованія вкладчиковъ не могутъ совпадать всегда съ цифрою возвращаемыхъ капиталовъ, и когда по удовлетвореніи вкладчиковъ остаются свободныя капиталы, то банкамъ не остается ничего болѣе, какъ давать имъ новыя помѣщенія, дабы не подвергаться напраснымъ потерямъ.

(1) Ссуды сіи розданы на сроки:

менѣе года 37.368.406 р.

отъ одного года до 15 лѣтъ . 31.371.460 -

Всѣ остальныя на сроки, болѣе продолжительныя.

Такимъ образомъ банковые обороты вращаются постоянно въ томъ ложномъ кругу, изъ котораго, рано или поздно, необходимо выйти, для устройства кредита на болѣе рациональныхъ началахъ.

Въ сихъ видахъ надлежитъ прежде всего:

1) Подчинить министру финансовъ, сверхъ заемнаго и коммерческаго банковъ, обороты сохранныхъ казнь и кредитныя операціи приказовъ общественнаго призрѣнія для единства, быстроты и твердости въ дѣйствіяхъ, столь необходимыхъ при настоящемъ положеніи дѣлъ.

2) Установить должную соотвѣтственность между вкладами и ссудами банковъ. Эта важная мѣра можетъ быть исполнена не иначе, какъ сообразно съ желаніемъ самихъ вкладчиковъ, безъ малѣйшаго нарушенія ихъ интересовъ и съ соблюденіемъ во всей точности обязательствъ, принятыхъ на себя государственными банковыми установленіями.

При такихъ условіяхъ, преобразование нынѣшней системы банковъ, указанное Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, совершится безъ тяжкихъ потрясеній. Капиталы, затраченные нынѣ въ долгосрочныя ссуды, возвратятся постепенно къ своимъ владѣльцамъ, и затѣмъ обращены будутъ на общепользныя предпріятія, коихъ ожидаетъ Россія. Между тѣмъ представится возможность, безъ опасенія для нынѣшнихъ банковъ, открыть кредитныя операціи, вполне соотвѣтствующія требованіямъ народной предпріимчивости, которая при этомъ станетъ развиваться съ болѣею постепенностію и правильностію.

Для достиженія сихъ высшихъ государственныхъ цѣлей, лучшимъ средствомъ было бы предложить самимъ владѣльцамъ билетовъ государственныхъ банковыхъ установленій, имѣющимъ право располагать своими капиталами, избрать одно изъ средствъ, примѣненныхъ къ различнымъ свойствамъ банковыхъ оборотовъ, именно:

или обмѣнять свои вклады на срочные билеты, кои приносили бы высшій противу настоящаго процентъ;

или оставить вклады въ банкахъ, на прежнемъ основаніи, то-есть съ правомъ востребованія капитала во всякое время, но за уменьшенные проценты.

Эти два условія должны удовлетворить разнороднымъ потребностямъ вкладчиковъ: ибо одни изъ нихъ, живя процентами, ищутъ прежде всего вѣрнаго и прочнаго помѣщенія для своихъ капиталовъ, а другіе — оставляютъ деньги въ банкахъ, для храненія, впредь до употребленія ихъ въ торговыя или промышленныя предпріятія. Само собою разумѣется, что тѣ изъ вкладчиковъ, которые не пожелаютъ избрать ни одного изъ означен-

ныхъ условій, могутъ взять свои капиталы обратно, во всякое время и безъ малѣйшаго стѣсненія.

При этомъ нельзя скрыть, что вѣковая привычка отдавать капиталы на храненіе въ государственныя банковыя установленія, съ правомъ востребованія ихъ по произволу, до того вкоренилась во всѣхъ классахъ народа, что вкладчики встрѣтятъ, быть можетъ, нѣкоторыя сомнѣнія при обмѣнѣ нынѣшнихъ своихъ билетовъ на новые срочные.

Посему необходимо присвоить симъ послѣднимъ выгоднѣйшее значеніе, такъ, чтобы они могли приносить, вмѣсто нынѣшнихъ 3, по 5% годоваго дохода. Принятіе такой мѣры требуетъ нѣкоторымъ образомъ и справедливость, при измѣненіи условій, на коихъ внесены были въ банковыя установленія частныя капиталы.

Независимо отъ назначенія высшаго размѣра процентовъ по новымъ пятипроцентнымъ билетамъ, представляется возможнымъ присвоить онымъ еще нѣкоторыя особыя преимущества, какъ предъ билетами комиссіи погашенія долговъ, такъ и предъ билетами государственнаго казначейства, именно:

1. Платежъ процентовъ, на новые билеты по 5 на 100 въ годъ, производить по полугодно, не только въ коммерческомъ банкѣ, но и во всѣхъ шести стахъ уѣздныхъ казначействахъ Имперіи.

2. Для большаго удобства владѣльцевъ билетовъ, выдавать купоны съ дозволеніемъ представлять оные въ коммерческій банкъ и отдѣльно отъ билетовъ для безостановочнаго полученія процентовъ. Такого преимущества не имѣютъ ни вкладчики капиталовъ въ банковыя установленія, ни владѣльцы билетовъ государственнаго казначейства, такъ какъ проценты выдаются: послѣднимъ лишь въ казначействахъ губернскихъ городовъ, а первымъ только въ тѣхъ банкахъ, куда положенъ капиталъ; притомъ, въ обоихъ случаяхъ, не иначе какъ по предъявленіи подлиннаго билета.

3. Относительно способовъ удобнѣйшей передачи новыхъ пятипроцентныхъ билетовъ предоставить имъ также преимущества: а) предъ билетами государственнаго казначейства — выдачею вышеупомянутыхъ билетовъ пріобрѣтателямъ, по ихъ желанію, не только на предъявителя, но и именные, для тѣхъ, кто предпочтетъ укрѣпить ихъ за собою; и б) предъ билетами комиссіи погашенія долговъ — облегченіемъ перехода сихъ новыхъ билетовъ изъ рукъ въ руки по бланковой или простой передаточной надписи.

4. Выкупъ билетовъ учредить на особыхъ началахъ, болѣе выгодныхъ для владѣльцевъ. По существующимъ правиламъ комиссіи погашенія долговъ, одни изъ ея билетовъ выкупаются по

тиражу, то-есть когда выходить ихъ нумеръ, и тогда коммисси возвращаетъ нарицательный капиталъ; другіе же билеты она можетъ погашать лишь покупкою по биржевой цѣнѣ; но какъ на сія послѣдніе почти постоянно существуетъ высокій курсъ, то они большею частію остаются безъ выкупа. Цѣна билетамъ, выкупаемымъ по жребію, поднимается рѣдко выше нарицательной но съ тѣмъ вмѣстѣ и рѣдко и незначительно опускается ниже оной, такъ какъ сими билетамъ во всякое время предстоитъ жеребьевоу выкупъ и, вслѣдствіе того, возвратъ показанной въ билетѣ нарицательной суммы; а потому пріобрѣтатели такихъ билетовъ, не имѣя надежды на полученіе значительной выгоды, не подвергаются однакоже и большимъ потерямъ и обезпечиваются порядкомъ полученіемъ капитала. Напротивъ того билеты, кои предоставлено коммиссiи погашать покупкою по биржевой цѣнѣ, подлежатъ всѣмъ случайностямъ биржевоу спекуляціи, и отъ того цѣнность ихъ можетъ значительно возвышаться; но владѣльцамъ оныхъ не извѣстенъ срокъ обратнаго полученія ихъ капиталовъ. Възвѣсивъ выгоды тѣхъ и другихъ билетовъ коммиссiи погашенія долговъ, признано полезнымъ преимуществу, каждому роду оныхъ принадлежащія, присвоить новымъ пятипроцентнымъ банковымъ билетамъ. Съ этою именно цѣлію сіи билеты будутъ выкупаемы по тиражу или жребію, съ предоставленіемъ пріобрѣтателямъ ихъ объявить: желаютъ ли они ускорить возвратъ своихъ капиталовъ, или же отдалить срокъ ихъ выкупа. Въ первомъ случаѣ билеты поступятъ въ ближайшій тиражъ; а во второмъ будутъ поставлены на очередь послѣ прочихъ. Сими способомъ новые пятипроцентные билеты соединятъ въ себѣ всѣ выгоды главныхъ родовъ погашенія; а владѣльцамъ ихъ дастся возможность по собственному ихъ желанію, или получить свой капиталъ обратно въ ближайшіе сроки, или пустить его въ биржевую торговлю, какъ и другія государственныя бумаги. Принимая въ соображеніе характеръ биржевыхъ цѣнъ, можно заранѣе предполагать, что билеты позднеѣшаго выкупнаго срока, безъ сомнѣнія, будутъ продаваться съ преміей.

5. Дабы владѣльцы билетовъ, вынутыхъ по тиражу, при большомъ стеченіи требованій о выдачѣ по онимъ денегъ, по наступленіи къ тому срока, не могли потерпѣть отъ необходимаго при томъ замедленія въ ихъ удовлетвореніи и лишиться на капиталъ свой процентовъ, хотя бы за нѣсколько дней, разрѣшается имъ заявить свои требованія въ продолженіи цѣлаго мѣсяца до срока и, получивъ тогда же свой капиталъ, пріискать для него другое выгодное помѣщеніе, не терпя теченія процентовъ.

6. Обращеніе новыхъ билетовъ за границею будетъ облегчено всѣми зависящими средствами, что безъ сомнѣнія будетъ содѣй-

ствовать возвышенію биржевой цѣны на билеты, ибо наши пятипроцентныя бумаги постоянно продаются на иностранныхъ биржахъ съ значительною наддачею.

7. Какъ отъ покупки срочныхъ процентныхъ бумагъ многихъ удерживаетъ недостатокъ внутри Россіи посредниковъ для совершенія продажи оныхъ, то для устраненія по возможности сего важнаго неудобства, можно возложить на коммерческой банкъ и его конторы обязанность принимать новыя пятипроцентныя банковыя билеты на комиссію для продажи.

8) Независимо отъ сего, владельцамъ новыхъ билетовъ предоставляется право закладывать оныя не только въ коммерческомъ банкѣ и его конторахъ, но и во всѣхъ приказахъ общественнаго призрѣнія, съ полученіемъ въ ссуду изъ всѣхъ означенныхъ мѣстъ, примѣняясь къ статьѣ 624 Учрежденій кредитныхъ Свода Законовъ тома XI изданія 1857 года, по 90 копѣекъ серебромъ на рубль.

Право обмѣна на новыя пятипроцентныя билеты, предоставляемое владельцамъ билетовъ кредитныхъ установленій, безъ неудобства можетъ быть распространено и на тѣхъ, кои имѣютъ свидѣтельства на четырехпроцентныя непрерывно-доходныя билеты, и могутъ безусловно располагать оными. Мѣра сія тѣмъ справедливѣе, что означенныя свидѣтельства приобрѣтаемы были нынѣшними ихъ владельцами по вызову самого правительства (1). Такимъ образомъ пятипроцентныя банковыя билеты учреждаются исключительно для одной цѣли, именно для обмѣна ихъ на имѣющіеся уже у вкладчиковъ билеты банковыхъ установленій и на свидѣтельства, выданныя на полученіе четырехпроцентныхъ непрерывно-доходныхъ билетовъ. Соотвѣтственно сему пятипроцентныя билеты будутъ выпущены лишь въ потребномъ для таковыхъ обмѣновъ количествѣ, и слѣдовательно замѣнять только прежнія кредитныя бумаги, не увеличивая ихъ массы; а потому и внутренній кредитъ отъ настоящей мѣры нисколько пострадать не можетъ.

Совокупность всѣхъ вышешоказанныхъ преимуществъ, присвоиваемыхъ новымъ пятипроцентнымъ банковымъ билетамъ, столь значительна, что вѣроятно привлечетъ весьма многихъ къ обмѣну ихъ на прежнія билеты и на четырехпроцентныя непрерывно-доходныя. Даже нуждающіеся постоянно въ оборотномъ капиталѣ будутъ имѣть выгоду приобрѣтать эти билеты изъ первыхъ рукъ, по нарицательной цѣнѣ, дабы въ послѣдствіи, когда встрѣтится надобность въ наличныхъ деньгахъ, продать ихъ съ вѣроятною выгодой. При семъ слѣдуетъ принять во вниманіе, что нынѣ

(1) До сего времени, свидѣтельствъ на непрерывно-доходныя билеты выдано на 13 милліоновъ руб. сер.

пятипроцентные билеты комиссіи погашенія долговъ продаются на нашихъ и иностранныхъ биржахъ съ наддачею отъ 10 до 18 р. на сто, и во всякое время находятъ покупателей; и эти билеты государственнаго казначейства (известные въ народъ подъ именемъ серій), приносящіе лишь $4\frac{1}{2}$ % въ годъ, покупаются съ преміей, хотя, при первомъ появленіи, народъ ихъ чуждался. Такимъ образомъ владельцы новыхъ срочныхъ билетовъ, получая ихъ 100 за 100, имѣютъ въ виду воспользоваться весьма значительною преміей. Кроме того они оградятъ себя отъ всякаго пониженія процента, впредь до полученія обратно капитала, которое совершилось въ теченіе 37-лѣтняго срока.

Несмотря однакоже на все сіе, многіе капиталы, составляющіе такъ-сказать подвижной или текучій капиталъ промышленности, останутся въ банкахъ. Въ отношеніи сихъ капиталовъ нельзя мнѣнить, что оныя вносятся вкладчиками преимущественно для храненія, а потому справедливо было бы, если не брать отъ вкладчиковъ вознагражденія за издержки на сбереженіе ихъ собственности, то, по крайней мѣрѣ, какъ это дѣлаютъ банки Англии и Франціи, не производить по такимъ капиталамъ никакихъ процентовъ. Тѣмъ не менѣе, дабы избѣжать крутого поворота въ измѣненіи системы кредитныхъ установленій, достаточно будетъ уменьшить только платимые нынѣ банками по частнымъ вкладкамъ проценты, назначивъ размѣръ оныхъ съ 1 января 1860 года, вмѣсто 3, по 2%, и съ того же времени прекратить начисленіе процентовъ на проценты; самыя же капиталы, какъ само собою слѣдуетъ, будутъ, по прежнему, возвращаемы предьявителямъ билетовъ по востребованію.

Владельцамъ банковыхъ билетовъ на капиталы, положенные въ банки условно, на срокъ, или на вѣчное время, и которые посему не могутъ быть подвергаемы жеребьевому выкупу, можно предоставить право обращать ихъ, на основаніи Высочайше утвержденныхъ правилъ 13 марта текущаго года, въ четырехпроцентные непрерывно-доходные билеты, для чего и срокъ подписки на сіи послѣдніе продолжить до 1 января 1860 года.

Относительно капиталовъ казенныхъ, сословныхъ или принадлежащихъ разнымъ общественнымъ учрежденіямъ, будетъ сдѣлано особое распоряженіе, примѣняясь къ высочайше утвержденному объ нихъ въ 29 день минувшаго іюня мнѣнію государственнаго совѣта. Часть этихъ капиталовъ, какъ составившаяся изъ суммъ государственнаго казначейства, подлежитъ обращенію въ оное, согласно съ началами, одобренными Вашимъ Величествомъ для лучшаго устройства контрольной части. Этимъ средствомъ списутся со счета банковыхъ вкладовъ значительныя суммы, а проценты, поступающіе отъ заемщиковъ на соответствующую часть

капиталовъ, обратятся исключительно въ пользу частныхъ вкладчиковъ.

Затѣмъ для окончательныхъ разчетовъ по банкамъ, пріемъ въ оныя новыхъ частныхъ вкладовъ для обращенія изъ процентовъ, слѣдовало бы прекратить со дня обнародованія новаго о вкладахъ положенія, но какъ оно возымѣетъ дѣйствіе съ 1 января 1860 года, то удобнѣе и пріемъ вновь частныхъ вкладовъ на вышеизложенномъ основаніи продолжить по тотъ же срокъ, впредь до дальнѣйшихъ соображеній правительства.

Разрѣшеніе вопроса: достаточно ли будетъ обыкновенныхъ ресурсовъ банковыхъ установленій для удовлетворенія владельцевъ пятипроцентныхъ банковыхъ билетовъ, зависитъ отъ размѣра капиталовъ, кои обратятся на пріобрѣтеніе пятипроцентныхъ билетовъ и тѣхъ, кои останутся въ банкахъ на низшихъ процентахъ. Во всякомъ случаѣ потребная сумма для погашенія новыхъ билетовъ и для возврата вкладовъ, которые будутъ оставлены въ банкахъ, дополнится, по мѣрѣ надобности, государственнымъ казначействомъ, которое готово принять на себя необходимыя пожертвованія для того, чтобъ отвратить отъ нашихъ кредитныхъ учрежденій опасность, какой они могли бы подвергнуться отъ несоответственности сроковъ уплаты по вкладамъ и по ссудамъ. Отклоняя сіе неудобство и полагая основаніе устройству нашимъ банкамъ на болѣе правильныхъ началахъ, можно упрочить внутренній кредитъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ открыть новые источники производительности, а слѣдовательно и новыя отрасли государственныхъ доходовъ.

Въ ожиданіи сего устройства, отношенія къ кредитнымъ установленіямъ лицъ, получившихъ изъ нихъ ссуды, должны оставаться ненарушимыми. Они по прежнему обязаны вносить въ подлежація учрежденія по занятымъ капиталамъ проценты и погашеніе, которые сполна будутъ обращаемы на выкупъ новыхъ билетовъ по тиражу. Но производство изъ кредитныхъ установленій новыхъ ссудъ подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ, до окончательнаго распредѣленія капиталовъ, на коихъ основаны обороты банковъ, представляется крайне неудобнымъ; а потому силу высочайшаго повелѣнія 16 апрѣля сего года о пріостановленіи выдачи ссудъ подъ населенныя имѣнія, необходимо распространить и на всѣ прочія недвижимыя имущества. Затѣмъ операціи поземельнаго кредита будутъ открыты на новыхъ началахъ, и въ сихъ видахъ учреждена уже при министерствѣ финансовъ, по высочайшему Вашего Императорскаго Величества повелѣнію, особая коммиссія для составленія проекта земскихъ закладныхъ банковъ.

Что касается до ссудъ, производимыхъ изъ кредитныхъ установленій подъ залогъ движимости, то къ пріостановленію сихъ

ссудъ не усматривается надобности. Впрочемъ относительно коммерческаго банка, производящаго именно такіа ссуды, нельзя не упомянуть, что уставъ онаго имѣетъ значительные недостатки и долженъ подлежать кореннымъ измѣненіямъ; вслѣдствіе чего уставъ сей и подвергнуть надлежащему пересмотру.

Въ связи съ банковыми учрежденіями состоятъ также ссудная и вдвоя казна и сберегательная касса. При общемъ преобразованіи необходимо пересмотрѣть и ихъ уставы; до того же времени признано возможнымъ оставить въ сихъ учрежденіяхъ нынѣшній порядокъ.

На сихъ основаніяхъ, какъ уже удостоенныхъ предварительно высочайшаго одобренія Вашего Императорскаго Величества, составлены проекты именнаго указа правительствующему сенату и особаго положенія, повергаемые при семъ на высочайшее благоусмотрѣніе Вашего Величества.

Подписалъ: министръ финансовъ А. Княжевичъ.

Упомянутые въ заключеніи этого доклада проекты именнаго указа и положенія получили высочайшее утвержденіе 1-го сентября. Мы не считаемъ нужнымъ перепечатывать ихъ здѣсь, такъ какъ они помѣщены во всѣхъ газетахъ. Сущность ихъ состоитъ въ слѣдующемъ:

По вкладамъ, внесеннымъ доселѣ въ казенные банки, съ 1860 года будетъ платиться интересовъ не по 3%, а по 2%, и притомъ безъ начисленія процентовъ на проценты. Кто недоволенъ этими условіями, можетъ взять свои деньги обратно. Но въ то же время владѣльцамъ билетовъ заемнаго и коммерческаго банковъ, сохранныхъ казенъ и приказовъ общественнаго призрѣнія, а равно свидѣльствъ на полученіе государственныхъ четырехпроцентныхъ билетовъ непрерывнаго дохода предоставляется право обмѣнять ихъ на новоучреждаемые государственные банковые билеты, которые будутъ приносить по 5% въ годъ и имѣютъ быть выпущены достоинствомъ въ 100, 150, 500 и 1000 р. и надписаны, смотря по желанію получателя, или на имя лица или на предъявителя (на имя неизвѣстнаго). Погашеніе этихъ билетовъ будетъ производиться по тиражу въ теченіи 37 лѣтъ. Каждый годъ будетъ выниматься по жребію извѣстное число билетовъ, и по билетамъ, вышедшимъ по жребію, будетъ производиться уплата капитала рубль за рубль. Приобрѣтателямъ предоставляется право заявлять, желаютъ ли они, чтобы ихъ билеты поступили въ тиражъ въ ближайшій срокъ, или предпочитаютъ отдалить тиражъ.

Новымъ государственнымъ пятипроцентнымъ банковымъ билетамъ предоставлены весьма значительныя преимущества. Они принимаются въ залоги по откупамъ и казеннымъ подрядамъ рубль за рубль, и подъ нихъ выдаются коммерческимъ банкомъ и приказами общественнаго призрѣнія ссуды по 90 к. за 1 рубль. Проценты по нимъ выплачиваются по два раза въ годъ, и притомъ не только въ коммерческомъ банкѣ и его конторахъ, но и во всѣхъ уѣздныхъ казначействахъ. Для полученія процентовъ, если они получаются изъ коммерческаго банка, не требуется предъявленія подлиннаго билета, а достаточно представить отрѣзанный отъ билета купонъ, что даетъ возможность продавать купоны при частныхъ сдѣлкахъ отдѣльно отъ билета. Переходъ безыменныхъ билетовъ отъ одного владѣльца къ другому производится простою передачей изъ рукъ въ руки, а именныя билеты передаются по бланковой надписи безъ всякихъ формальностей и безъ засвидѣтельствванія. Наконецъ продажу билетовъ можно поручать коммерческому банку и его конторамъ, которые обязаны принимать ихъ на комиссію.

Всѣ эти условія такъ выгодны, что новые билеты безъ всякаго сомнѣнія будутъ ходить съ преміей. Даже самыя недобрычливыя люди легко убѣдятся въ томъ, что новые билеты не могутъ подвергать ихъ никакому риску, доставляя имъ значительныя выгоды. Чтобы увидѣть это самымъ нагляднымъ образомъ, стоить только сличить новые билеты съ билетами заемнаго и коммерческаго банка, сохраненныхъ казенъ и приказовъ общественнаго призрѣнія. Эти послѣдніе приносили до сихъ поръ по 3%; владѣльцы ихъ довольствовались этими низкими процентами въ тѣхъ видахъ, что если представилось бы имъ какое-нибудь выгодное помѣщеніе, напримѣръ какая-нибудь выгодная покупка, то они могли вынуть капиталъ во всякое время безъ замедленія. Если капиталъ отданъ на извѣстный срокъ, то въ продолженіе этого срока нельзя вытребовать его, и слѣдовательно нельзя воспользоваться неожиданнымъ случаемъ для выгоднаго оборота, а такъ какъ выгодные обороты не заставляютъ ждать себя, то капиталистъ, раздавшій свои деньги на сроки, принужденъ уступить другимъ счастливые случаи, представляющіеся ему. Этотъ простой расчетъ останавливаетъ многихъ отъ раздачи денегъ взаймы на сроки; кто выжидаетъ напримѣръ случая выгодно купить имѣніе, тотъ не охотно отдастъ свой капиталъ по заемному письму: онъ могъ бы получить съ своего капитала по восьми процентамъ въ годъ, но довольствуется тремя процентами, разчитывая, что при покупкѣ имѣнія онъ можетъ выгадать на цѣнѣ его 10, 15, 20%. Посмотримъ же, выгодно ли ему будетъ обмѣнять свои билеты опекунскаго совѣта на новые пятипроцентныя билеты. При этомъ обмѣнѣ онъ откажется отъ права получить во всякое

время свой капиталъ наличными деньгами изъ казеннаго банка за то приобрѣтетъ право получать не три, а пять процентовъ, и притомъ по два раза въ годъ, у себя подъ бокомъ, и ближайшемъ уѣздномъ казначействѣ. Положимъ же, что черезъ два или три года представится ему случай очень выгодно купить имѣніе. Имѣя билеты опекунскаго совѣта, онъ просто предвидитъ бы ихъ и получилъ бы свой капиталъ сполна, за вычетомъ страховыхъ и вѣсовыхъ денегъ, если живетъ не въ столицѣ. Что же придется ему дѣлать, когда, вмѣсто билетовъ опекунскаго совѣта, въ рукахъ его будутъ новые пятипроцентные билеты? Ему надобно будетъ продавать эти билеты по вольной цѣнѣ, и онъ готовъ опасаться, что или вовсе не найдется покупателей, или будетъ принужденъ продать новые билеты съ убыткомъ. Но это опасеніе устраняется тѣмъ соображеніемъ, что новые билеты будутъ имѣть безъ всякаго сомнѣнія выгодный курсъ на столичныхъ биржахъ; а на биржахъ, по существующимъ биржевымъ правиламъ, прижимка при продажѣ невозможна: биржевой курсъ каждаго биржеваго дня публикуется во всеобщее свѣдѣніе, и маклеры, занимающіеся посредничествомъ при продажѣ и покупкѣ разныхъ цѣнностей на биржѣ, подвергаются строгой ответственности за злоупотребленіе довѣріемъ публики. Едва ли были примѣры, чтобы биржевые маклеры позволяли себѣ уклоняться отъ биржеваго курса: биржевой курсъ публикуется, и ихъ легко уличить въ злоупотребленіе, а за уличкой слѣдуетъ наказаніе, въ этомъ случаѣ безпощадное. Считаемо не лишнимъ сказать мимоходомъ, что у насъ многие уже привыкли теперь къ биржевымъ дѣламъ по покупкѣ акцій, но многие еще не знаютъ, что биржевыя комиссіи не слѣдуетъ поручать никому кромѣ биржевыхъ маклеровъ, потому что никакія конторы, торгующія биржевыми цѣнностями, не представляютъ такого ручательства, какъ биржевые маклеры. Иногородные поступали бы благоразумнѣе, еслибы менѣе ввѣрлялись разнымъ конторамъ, и еслибы обращались прямо къ маклерамъ; этимъ они избѣжали бы многихъ неприятностей и обезпечили бы себя отъ спекуляцій, которыхъ жертвою нерѣдко дѣлаются иногородные покупатели и продавцы акцій. Мы говоримъ это мимоходомъ, чтобы предостеречь иногородную публику отъ излишней довѣрчивости къ конторамъ, не несущимъ на себѣ маклерской ответственности. Но тотъ продавецъ новыхъ пятипроцентныхъ билетовъ, о которомъ мы говоримъ, можетъ не вѣрить не только частнымъ конторамъ, но даже и биржевымъ маклерамъ; ему предоставлено право возлагать комиссію на коммерческій банкъ, который не имѣетъ никакой возможности отступить отъ биржеваго курса. Все дѣло слѣдовательно состоитъ не въ средствахъ продажи, а въ

курсъ, который будутъ имѣть на биржѣ новые билеты. Курсъ этотъ будетъ колебаться; онъ будетъ зависѣть отъ условій займа и отъ степени кредита, которымъ будетъ пользоваться правительство, и по всему вѣроятію онъ будетъ стоять выше нарицательной цѣны билетовъ. Положимъ однако же, что случится невѣроятное; положимъ, что какой-нибудь правительственный шагъ встрѣтитъ неодобреніе биржи, и билеты упадутъ въ курсъ ниже нарицательной цѣны. Тогда при продажѣ ихъ надобно будетъ терять известный процентъ, и слѣдовательно очень важно сообразить заранее, какъ великъ можетъ быть этотъ процентъ. Правительство и тугъ пособляетъ владельцу новыхъ пятипроцентныхъ билетовъ. Увѣренное въ томъ, что курсъ новыхъ билетовъ будетъ держаться высоко, оно обязывается выдавать подъ эти билеты изъ коммерческаго банка и приказовъ общественнаго призрѣнія займы по 90 к. за 1 р. Это значитъ, что въ случаѣ пониженія курса новыхъ билетовъ до 90 к. за 1 р., они превращаются въ билеты, за которыхъ правительство обязано платить по предъявленіи наличными деньгами. Такимъ образомъ правительство обезпечиваетъ, что курсъ новыхъ пятипроцентныхъ билетовъ не упадетъ болѣе чѣмъ на 10%, и что слѣдовательно никто при продажѣ ихъ никогда не потеряетъ болѣе 10%.

Таковъ самый невыгодный случай, который можетъ встрѣтиться; таковъ самый большой рискъ, которому подвергается владелецъ билетовъ. Посмотримъ же, потеряетъ ли онъ что-нибудь, подвергаясь этому риску. Положимъ, что онъ испугался риска и оставилъ свои деньги въ казенныхъ банкахъ изъ 2%. Положимъ далѣе, что его деньги пролежатъ тамъ четыре года. Въ эти четыре года онъ получитъ 8% интереса. Если же онъ обмѣнялъ бы свои билеты на новые, то онъ рисковалъ бы потерять на нихъ при продажѣ въ самомъ неблагоприятномъ случаѣ никакъ болѣе 10%, а между тѣмъ въ четыре года онъ получилъ бы интереса 20%, слѣдовательно за потерей 10%, у него осталось бы все-таки 10%, то есть на 2% болѣе нежели сколько онъ получитъ, оставивъ свои деньги для обращенія изъ двухъ процентовъ.

Но мы взяли самый неблагоприятный случай. На дѣлѣ же новые билеты не могутъ упасть въ курсъ на 10%. Надобно вспомнить, что ихъ будутъ принимать въ залоги по казеннымъ подрадамъ рубль за рубль, что ежегодно будутъ производиться уплаты по тиражу рубль за рубль, что назначеніе высокаго интереса въ 5% при разныхъ другихъ удобствахъ будетъ привлекать много охотниковъ къ ихъ покупкѣ, что наконецъ наше правительство вступаетъ на путь преобразованій, на путь гласности, а это упрочитъ кредитъ его. Надобно вспомнить, что теперь, на другой день послѣ войны, которая сильно потрясла

экономическіе интересы Европы, наше правительство заключило внѣшній заемъ, показавшій, что иностранные капиталисты вѣрятъ ему деньги изъ 3 рублей интереса съ $66\frac{1}{2}$ рублей, или приблизительно по $4\frac{1}{2}$ ‰. Въ этомъ займѣ участвовали многіе русскіе капиталисты, переводившіе съ этою цѣлію свои капиталы за границу. При этомъ они теряли на каждые $66\frac{1}{2}$ рублей почти по $8\frac{1}{2}$ рублей на вексельномъ курсѣ, комиссіи и другихъ расходахъ, и стало быть находили для себя выгоднымъ платить почти по 75 рублей за право получать по 3 р. интереса, или по 40% съ своего капитала, то-есть цѣлымъ процентомъ менѣе, чѣмъ сколько названо по новымъ банковымъ билетамъ, и какъ разъ столько же, сколько приносятъ четырехпроцентные билеты непрерывнаго дохода, учрежденные указомъ 13-го марта нынѣшняго года. Эти капиталы довольствовались слѣдовательно четырьмя процентами и предпочитали облигаціи внѣшняго займа непрерывно-доходнымъ билетамъ только на томъ основаніи, что по первымъ обѣщанъ платежъ звонкою монетою. Но относительно новыхъ пятипроцентныхъ билетовъ г. министръ финансовъ объявляетъ, что обращеніе ихъ за границей будетъ облегчено всѣми зависящими средствами, а это значитъ, что правительство намѣрено платить по нимъ проценты и за границей, гдѣ нельзя платить иначе какъ звонкою монетою. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ устраненіемъ другихъ неудобствъ четырехпроцентныхъ непрерывно-доходныхъ билетовъ, подана надежда, что и это важнѣйшее ихъ неудобство будетъ устранено для новыхъ пятипроцентныхъ билетовъ, а въ этомъ случаѣ, судя по недавнему внѣшнему займу, можно полагать, что въ Россіи въ настоящую минуту было бы выгодно платить не только по 100 р., но даже безъ малаго по 125 р. за тѣ изъ новыхъ пятипроцентныхъ билетовъ, для которыхъ будетъ назначенъ позднѣйшій срокъ тиража. Этотъ расчетъ, основанный не на предположеніяхъ, а на томъ, что показалъ опытъ, приводитъ къ заключенію, что на новые билеты установится премія, и что владѣльцы ихъ могутъ получить даже немедленно выгоду отъ ихъ перепродажи. Правда, что количество новыхъ билетовъ будетъ огромное, а уже одно это должно имѣть слѣдствіемъ пониженіе преміи. Правда и то, что участвующіе въ послѣднемъ внѣшнемъ займѣ обезпечены болѣе нежели на 37 лѣтъ въ томъ, что капиталъ ихъ не будетъ имъ возвращенъ, и проценты не будутъ понижены, а чѣмъ отдаленнѣе срокъ возвращенія капитала, тѣмъ выше цѣнится облигація. Велѣдствіе этихъ обстоятельствъ, новые пятипроцентные билеты, конечно, не будутъ имѣть у насъ преміи въ 25 р., но какую-нибудь премію можно предсказывать имъ съ полною увѣренностію, и мы думаемъ, что къ концу нынѣшняго года установится премія даже на билеты опекунскихъ совѣтовъ, выданные прежде 1-го сентября нынѣш-

ного года и дающіе право на получение новыхъ пятипроцентныхъ банковыхъ билетовъ.

Мы увѣрены въ томъ, что эта мѣра будетъ имѣть полный успѣхъ, и что ею будетъ упрочена состоятельность нашихъ кредитныхъ установлений и открыта возможность дальнѣйшихъ финансовыхъ улучшеній.

Рѣшившись на учрежденіе государственныхъ пятипроцентныхъ билетовъ и на коренное преобразованіе казенныхъ банковъ, правительство сдѣлало смѣлый шагъ, который будетъ записанъ золотыми буквами въ исторіи нашихъ финансовъ и въ исторіи обновленія нашей страны. Внушить эту благодѣтельную рѣшимость могла только сильная, энергическая любовь къ отечеству, направляемая просвѣщенной мыслію. Одинъ разъ ступивши твердо и откровенно по прямому пути, можно съ довѣріемъ смотреть въ будущее и почерпать силы къ преодоленію дальнѣйшихъ трудностей въ живительномъ сознаніи, что долгъ исполненъ.

ЗАМѢТКА.

Въ послѣдней книжкѣ *Морскаго Сборника* сдѣлано нѣсколько замѣчаній, повидимому основательныхъ, на извѣстіе о кораблѣ *Генераль-Адмиралъ*, номѣщенное въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, и еслибы тонъ этихъ замѣчаній былъ менѣе рѣзокъ, намъ оставалось бы только благодарить за нихъ и имъ сочувствовать.

Прочитавъ американскую статью о русскомъ кораблѣ, построенномъ въ Америкѣ, мы рѣшились, не дожидаясь статьи *Морскаго Сборника*, сообщить нашимъ читателямъ краткое описаніе новаго корабля. Мы сдѣлали это не для восхваленія американскаго кораблестроительнаго искусства и вовсе не изъ желанія гордиться тѣмъ, что всѣ металлическія вещи на этомъ кораблѣ сдѣланы изъ мѣди; для насъ извѣстіе о *Генераль-Адмиралѣ* имѣло значеніе особенно потому, что экипажъ этого корабля состоитъ изъ нашихъ соотечественниковъ, и что построенъ этотъ корабль на русскія деньги. Вотъ почему, поспѣшая передачей двухъ-трехъ десятковъ строкъ изъ *Нью-Йоркской Коммерческой Газеты*, мы не остановились передъ тѣмъ затрудненіемъ, что познанія наши и нашихъ московскихъ сотрудниковъ въ русскомъ языкѣ не простираются до короткаго знакомства съ этими еще не вполне обрусѣвшими разноязычными и условными выраженіями, которыя не совсѣмъ правильно называются *русскимъ* морскимъ языкомъ. Печатавъ переводъ, въ точности котораго мы не были увѣрены, мы очень сожалѣли о томъ, что живемъ въ большомъ отдаленіи отъ океановъ, и что морское дѣло не популярно въ Россіи. Пеняя на географію, мы, сказать правду, пеняли немножко и на то, что

у насъ въ Россіи есть *Морской Сборникъ*, печатающій очень много интересныхъ статей, не касающихся до морскаго дѣла, а особаго русскаго словаря морскихъ терминовъ еще не существуетъ. Тогда мы сожалѣли и пѣняли; теперь, когда *Морской Сборникъ* настроилъ насъ на тонъ негодованія, мы готовы даже негодовать вмѣстѣ съ нимъ отъ мысли, что морскія выраженія мало употребительны въ нашемъ обществѣ, что въ нашей литературѣ не появляется романовъ, въ которыхъ, какъ въ послѣднемъ романѣ г. Рюда, дѣйствующія лица и даже женщины говорятъ морскими терминами, и что страничка *Русскаго Вѣстника*, доставившая столько горечи *Морскому Сборнику*, могла доставить нашимъ читателямъ только самое общее понятіе о размѣрахъ и стоимости великолѣпнаго фрегата *Генераль-Адмиралъ*.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗВѢСТІЕ.

Здѣсь въ Москвѣ недавно поступило въ продажу изданіе: *Смѣхъ и слезы*, доктора А. Голицынскаго, рисунки художника Шмелькова. Рисунки обнаруживаютъ замѣчательный талантъ, и намъ пріятно обратить на нихъ вниманіе нашихъ читателей. Хотя въ нихъ есть каррикатурный оттѣнокъ, но ихъ нельзя назвать каррикатами. Они скорѣе подходятъ къ тому роду, который въ живописи называется *tableaux de genre*. Намъ не понравилась только фигура купеческой жены, вскочившей ночью съ постели, чтобы посвѣтить воротившемуся домой пьяному мужу. Разказы обличаютъ также въ г. Голицынскомъ дорованіе. Г. Голицынскій много видѣлъ, много наблюдалъ. Вездѣ у него въ основѣ лежитъ мысль. Онъ разказываетъ живо, занимательно, но иногда, хотя рѣдко, принимаетъ тривіальное за смѣшное и не всегда соблюдаетъ мѣру, то-есть не въ надлежащемъ мѣстѣ ставитъ точку. Не только лишняя страница, но и лишнее слово вредитъ часто впечатлѣнію и портитъ прекрасную картину. Отъ всей души желаемъ успѣха новому изданію и надѣемся, что гг. Шмельковъ и Голицынскій не останутся на этомъ первомъ выпускѣ. Запасъ смѣха и слезъ неистощимъ на землѣ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРИГЛАШЕНІЕ.

Императорскій Царскосельскій, нынѣ Александровскій Лицей, къ предстоящему въ 1864 году пятидесятилѣтію существованія своего приступилъ къ составленію исторіи своей. Онъ желалъ бы оиціальную исторію свою украсить частными разказами изъ воспоминаній людей близкаго учрежденію, разказами на подобіе тѣхъ, какіе сообщены публикѣ редакціей *Атеней* въ послѣднемъ номерѣ его (№ 8 1859 г.) въ запискахъ И. И. Пущина. Потому лицей обращается ко всѣмъ, кто имѣетъ подобныя матеріалы, съ покорнѣйшею просьбою сообщить ихъ ему, адресуя на имя директора лицея. Все доставленное, въ случаѣ, еслибы доставитель пожелалъ, будетъ возвращено по принадлежности въ полной сохранности.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНЪ

А. И. ГЛАЗУНОВА,

ВЪ МОСКВѢ,

на углу Кузнецкаго моста и Рождественки, въ домъ Торлецкаго,

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ ТОЛЬКО-ЧТО ОТПЕЧАТАННЫЙ РОМАНЪ:

ДВОРЯНСКОЕ ГНѢЗДО,

И. С. ТУРГЕНЕВА,

ОДИНЪ ТОМЪ, напечатанный на веленовой бумагѣ, въ 12-ю д. л., 320 страницъ. М. 1859. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р. с.

ФРЕГАТЪ ПАЛЛАДА, очерки путешествія Ивана Гончарова въ 2 томахъ, въ большую 12 долю, заключающіе въ себѣ до 1100 стран., напечатанныхъ четкимъ и красивымъ шрифтомъ. Спб. 1858 г., въ 8 д. л. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р. 50 к.

ПОСТОРОННЕЕ ВЛІЯНІЕ. Романъ въ 4 частяхъ, съ эпилогомъ Соч. князя Г. В. Кугушева (автора «Корнета Отлетаева»); 4 части въ 2 томахъ. М. 1859. г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р. с.

СОБРАНІЕ сочиненій И. И. Лажечникова. 8 томовъ. Съ портретомъ. Спб. 1859 г. въ 16 д. л. Ц. 8 р., съ пер. 10 р. с.

СОЧИНЕНІЯ Э. И. ГУБЕРА, изданныя подъ редакцію А. Тихменова. Съ портретомъ и біографіей автора. Т. 1. Спб. 1859., въ 12 д. л. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р. с.

Тожъ т. 2 и 3. Спб. 1859 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р. с. (на полученіе третьяго тома дается билетъ).

РУКОВОДСТВО къ изученію садоводства и огородничества, составлено Э. О. Рего, адъюнктъ-профес. Горьгорѣцкаго Земледѣльческаго Института. Въ 3 частяхъ. 2 исправленное и дополненное изданіе, съ 5 таблицами литографиров. рисунковъ. М. 1859 г. въ 8 д. л. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р. с.

СБОРНИКЪ полезныхъ знаній къ практическому сельскому хозяйству. Съ надлежащими таблицами и чертежами. Сост. Ф. Беклешовъ. Спб. 1859 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 75 к. с.

ПРАКТИЧЕСКОЕ руководство къ усовершенствованію сѣвскаго хозяйства въ нечерноземной полосѣ Россіи. Соч. Н. Абамбала. Съ 17 въ текстѣ напечатанными рисунк. и 4 литограф. таблицъ и чертежей. 2 изданіе. Спб. 1859 г., ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р. с.

ФОТОГРАФІЯ и фотографическая химія, общепонятно изложена по руководствамъ Монкговена, Легре, Пино, и по соображеніямъ опытныхъ фотографовъ-любителей *А. Дмитриевыхъ*. Съ таблицей рисунковъ. М. 1859 г., ц. 75 к., съ пер. 1 р. с.

КАВКАЗСКІЯ плѣнницы или плѣнь у Шамиля. Невыммышленная повѣсть о восьмимѣсячномъ и шестидневномъ (1854—55 г.) пребываніи въ плѣну у Шамиля семействъ генералъ-майора князя Орбеліани и полковника князя Чавчавадзе. На основаніи собственннхъ показаній лицъ, участвовавшихъ въ событіи, сочиненъ Е. А. Вердеревскій. Съ портретомъ Шамиля. М. 1857 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р. с.

МОСКОВСКОЕ Обозрѣніе 1859 года. *Кн. 1 и 2.* Ц. обложки 2 р. 50 к., съ пер. 3 р. с.

НАЧАЛА политической экономіи. Сочиненіе Ивана Горюхи. Томъ 1-й Спб. 1859 г. (8). 493 стр. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

КУРСЪ Всеобщей Исторіи доктора Георга Вебера, профессора въ Гейдельбергѣ. Т. 1-й, пер. съ нѣмецкаго Е. и В. Корша. Выпускъ первый, Введеніе.—Восточные народы. М. 1859 г., ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. с.

ОХОТА на львовъ Жюля Жерара. Біографія Жюля Жерара, его письма, его разказы о львиной охотѣ. Съ портретомъ Жюля Жерара. Пер. съ французскаго. М. 1859 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р. с.

РУКОВОДСТВО къ фармакологіи доктора Рудольфа Бухгейма, ординарнаго профессора фармакологіи, діететики и исторіи медицины при Императорскомъ Дерптскомъ университетѣ. Съ исправленнаго и дополненнаго авторомъ оригинала въ рукописи второго изданія перевелъ В. Бакстъ. Спб. 1859. Въ 8 д. л. XV и 748 страницъ. Ц. 4 р. 50 к., съ пер. 5 р. с.

О РАЗВЕДЕНІИ кормовыхъ травъ. Резсужденіе, написанное на степень магистра Сельскаго хозяйства и лѣсоводства, агрономомъ А. Советовымъ. М. 1859. Въ 8 д. л. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к. с.

ИСТОРИЯ ГРЕЦІИ Эриста Курціуса. Перев. съ нѣмецкаго 1-го тома 1-е отд. Изд. Н. Д. Попова. М. 1858. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

НАЧАЛЬНЫЯ основанія химіи. Составл. по Реньо, П. Егорова. Изд. 4-е, вновь пересмотрѣнное и дополненное, съ 144 чертежами въ текстѣ. Спб. 1859 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 75 к. с.

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ

РУССКОМУ ВѢСТНИКУ

1859 ГОДЪ

ТОМЪ II.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАТКОВА И К^о.

1859.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

**съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. Москва, 7-го августа 1859 года.**

Ценсоръ *Н. Гиларовъ-Платоновъ.*

АДАМЪ БИДЪ

РОМАНЪ (1)

ГЛАВА I.

МАСТЕРСКАЯ.

Въ каплѣ чернилъ, вмѣсто зеркала, египетскій чародѣй беретъ показывать всякому желающему образы отдаленнаго прошедшаго. То же самое предпринимаю я для тебя, читатель. Съ помощію капли чернилъ на концѣ моего пера, я покажу тебѣ просторную мастерскую мистера Іонатана Борджа, столяра и плотника въ Гейслопѣ, въ томъ видѣ, какой имѣла она осьмнадцатаго іюня 1779 года отъ Рождества Христова. Солнце, перешедшее уже

(1) Романъ, который мы предлагаемъ теперь въ переводѣ, произвелъ большое впечатлѣніе въ Англіи. Не только всѣ литературные журналы отозвались о немъ съ величайшею похвалою; но даже въ *Times* 12-го апрѣля была посвящена ему особая критическая статья, въ которой талантъ автора поставленъ наравнѣ съ талантами гг. Диккенса и Теккерея. Но кто авторъ? этотъ вопросъ занималъ всѣхъ и, какъ кажется, не рѣшенъ еще окончательно. Его первое произведеніе *Scenes of the clerical life*, равно какъ и *Adam Bede* явились подъ псевдонимомъ Джоржа Эллиота; ни издатель, г. Блаквудъ, и никто изъ лицъ близкихъ автору не могъ или не желалъ разоблачить его имя; въ *Westminster Review* по этому поводу помѣщена была статья объ авторскихъ правахъ, въ *Times* печатались письма объ авторѣ *Адама Биде*,

за полдень, свѣтло тепло на пятерыхъ работниковъ, трудившихся въ этой мастерской надъ дверьми, рамами и другими издѣліями. Запахъ соснового дерева отъ кучи досокъ, наваленныхъ передъ растворенною дверью, смѣшивался съ запахомъ жасмина, который разсыпалъ свой лѣтній снѣгъ подъ окномъ на другой сторонѣ комнаты. Косвенные лучи солнца свѣтили сквозь прозрачныя облака древесныхъ порошинокъ, поднимавшіяся изъ-подъ твердаго рубанка, и освѣщали гладко-обстроганныя дубовыя доски, прислоненныя къ стѣнѣ. На кучѣ мягкихъ опилокъ косматая сѣрая пастушечья собака устроила себѣ удобную постель и лежала, уткнувъ носъ въ переднія лапы и хмури во временамъ брови, чтобы взглянуть на самага высокаго изъ пяти работниковъ, который вырѣзывалъ гербъ въ серединѣ деревянной облицовки камня. Этому-то работнику принадлежалъ сильный баритонъ, покрывавшій звуки рубанковъ и молотковъ своею пѣснью:

Проснись, мой духъ, и трудъ дневной
Сверши, какъ солнце надо мной!
Гнетъ лѣви ты отбрось...

Тутъ представилось какое-то измѣреніе, требовавшее болѣе сосредоточеннаго вниманія, и звучный голосъ понизился до тѣснаго свиста; но тотчасъ же онъ опять загремѣлъ съ новою силой:

Отвергни жи тлетворной тѣнь,
Будь чистъ, мой духъ, какъ ясный день!

Такой голосъ могъ выходить только изъ широкой груди, а эта широкая грудь принадлежала крѣпко сложенному мушкетеру, ростомъ почти въ шесть футовъ. Спина его была плоска и шла такъ стройна, что когда онъ выпрямлялся, чтобы посмотреть издали на свою работу, онъ имѣлъ видъ солдата, стоящаго «вольно». Рукавъ, засученный до локтя, обнаруживалъ руку, которая едва ли уступила бы чьей другой въ упражненіяхъ, требующихъ силы, но въ то же время длинныя, гибкіе пальцы, съ широкими оконечностями, казались способными къ искусной работѣ. Рослый, дюжій Адамъ Бидъ былъ Саксонецъ, и оправдывалъ свое происхожденіе; однакоже черные какъ смоля волосы, бросавшіяся въ глаза особенно по контрасту съ легкою, бумажною шапкой, и проникающій взглядъ темныхъ глазъ, свѣтившихся изъ-подъ гу-

подъ рубрикою: «A great unknown». Между прочимъ въ одномъ изъ писемъ было объявлено, что *Adam Bede* принадлежитъ г. Джозефу Литтинсу изъ Варвишира. Такое извѣстіе, сообщенное пасторомъ этого графства, не было никѣмъ опровергнуто, и мы можемъ считать его справедливымъ. Романъ напечатанъ въ первый разъ въ Лондонѣ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года и имѣлъ такой успѣхъ, что въ юлѣ понадобилось уже новое изданіе его. *Рѣ.*

стыхъ, выдавшихся впередъ подвижныхъ бровей, указывали на примѣсь кельтической крови. Лицо было широко, черты крупны. Въ спокойномъ состояніи это лицо не имѣло другой красоты, кромѣ той, которая заключается уже въ одномъ лишь выраженіи бравой честности и веселаго ума.

Очевидно съ перваго взгляда, что слѣдующій работникъ братъ Адама. Онъ почти одного съ нимъ роста, у него тотъ же типъ, тотъ же цвѣтъ волосъ и лица; но семейное сходство дѣлаетъ какъ будто еще поразительнѣе разницу физономіи и выраженія. Широкія плечи Сета нѣсколько согнуты; глаза у него сѣрые, его брови менѣе выдаются и менѣе подвижны, чѣмъ у брата, и взглядъ его, вмѣсто пронизательности, выражаетъ довѣріе и добродушіе. Онъ сбросилъ бумажную шапку, и вы видите, что волосы его не такъ густы и жестки, какъ у Адама, а напротивъ рѣдки и мягки, такъ что можно ясно различать дугу тяжеловѣснаго черепа.

Праздношатающіеся лѣнливцы всегда были увѣрены, что выпросятъ что-нибудь у Сета; они почти никогда не заговаривали съ Адамомъ.

Гармонія столярныхъ инструментовъ и Адамовой пѣсни была наконецъ прервана Сетомъ. Онъ поднялъ дверь, надъ которою при стально работалъ, прислонилъ ее къ стѣнѣ и сказалъ:

— Ну вотъ, я и кончилъ дверь сегодня.

Всѣ работники подняли головы; Джимъ Сольтъ, неуклюжій, красноволосый человѣкъ, извѣстный подъ прозвищемъ Сыпучій Джимъ, пересталъ строгать, и Адамъ сказалъ Сету, быстро взглянувъ на него съ выраженіемъ удивленія:

— Какъ! ты думаешь, что ты кончилъ эту дверь?

— Конечно, отвѣчалъ Сеть съ такимъ же удивленіемъ:—чего жъ еще не достаетъ?

Громкій хохотъ трехъ остальныхъ работниковъ заставилъ Сета оглянуться въ смущеніи. Адамъ не участвовалъ въ смѣхѣ, но на лицѣ его была замѣтна легкая улыбка, когда онъ сказалъ болѣе кроткимъ голосомъ:

— Да вѣдь ты забылъ панели.

Хохотъ снова разразился, когда Сеть всплеснулъ руками и покраснѣлъ до ушей.

— Ура! закричалъ маленькій человѣчекъ, прозывавшійся Проволочный Бенъ, подбѣгая къ двери и хватаясь за нее.—Мы повѣсимъ эту дверь на видномъ мѣстѣ и напишемъ на ней: «Сетова работа, Беда, методиста». Джимъ, давайте краску.

— Чепуха! сказалъ Адамъ.—Полно, Бенъ Кренеджъ, и съ вами можетъ случиться когда-нибудь такой же грѣхъ. Тогда другимъ будетъ очередь смѣяться.

— Попробуйте поймать меня, Адамъ. Много еще утечетъ вре-

мени, прежде чѣмъ моя голова закружится отъ методизма, сказалъ Бенъ.

— Да, но она часто кружится отъ пьянства, а это хуже.

Бенъ однакоже схватилъ уже краску и, приготовляясь дѣлать надпись, выводилъ въ воздухѣ воображаемое *С*.

— Перестаньте, слышите ли вы? закричалъ Адамъ, и, положивъ свой инструментъ, онъ подошелъ къ Бену и схватилъ его за правое плечо.—Перестаньте, или я вытрясу душу изъ вашего тѣла.

Бенъ затрясся подъ желѣзною рукой Адама, но упрямый человѣчекъ не хотѣлъ уступить. Изъ обезсиленной правой руки перехватилъ онъ кисть въ лѣвую и сдѣлалъ движеніе какъ будто хочетъ писать лѣвою рукой. Въ одну минуту Адамъ повернулъ его, схватилъ за другое плечо и, толкнувъ впередъ, прижалъ къ стѣнѣ. Но тутъ Сеть заговорилъ:

— Оставь, Адаи, оставь, Бенъ шутить. Вѣдь онъ правъ, что смѣется надо мной. Я самъ не удержусь отъ смѣха надъ собой.

— Я не отпущу его до тѣхъ иоръ, покуда онъ не обѣщаетъ, что не тронетъ двери, сказалъ Адамъ.

— Послушайте, Бенъ, сказалъ Сеть убѣдительнымъ голосомъ:— не будемъ ссориться изъ пустяковъ. Вѣдь вы знаете, что Адамъ поставитъ на своемъ. Ему перечить все равно, что толкать паровозъ съ желѣзной дороги. Скажите, что вы не тронете двери, и пусть дѣлу будетъ конецъ.

— Я не боюсь Адама, отвѣчалъ Бенъ,—но если вы просите, Сеть, то я, пожалуй, обѣщаю не трогать дверь.

— И благоразумно, Бенъ, дѣлаете, сказалъ Адамъ, смѣясь и пуская его.

Всѣ они снова принялись за работу: но Проволочный Бенъ, побѣжденный въ рукопашной схваткѣ, непременно хотѣлъ заглядить свой позоръ удачными сарказмами.

— О чемъ это думали вы, Сеть, когда забыли панели, началъ онъ:—о лицѣ хорошенькой проповѣдницы, или объ ея проповѣди!

— Подите послушайте ее, Бенъ, сказалъ Сеть добродушно:—она будетъ говорить проповѣдь на лугу сегодня вечеромъ. Можетъ-быть вы начнете сколько-нибудь думать о себѣ, вмѣсто того, чтобы пѣть нехорошія пѣсни, которыя вы такъ любите. Вы бы познакомились можетъ-быть съ религіей, а это было бы для васъ самое дорогое знакомство.

— Еще придетъ для этого время, Сеть; я подумаю объ этомъ, когда захочу остепениться; холостому человѣку не нужны такіе солидныя знакомства. Можетъ-быть я буду заниматься въ одно и то же время и религіей, и ухаживаньемъ, какъ вы, Сеть. Но вѣдь вамъ едвали было бы по-сердцу, еслибы я вдругъ теперь обратился и отбилъ у васъ хорошенькую проповѣдницу.

— Этого нечего опасаться, Бенъ; не беспокойтесь, она не достается ни вамъ, ни мнѣ! Но приходите послушать ее, и вы не удете говорить о ней такъ на вѣтеръ.

— Пожалуй, я въ самомъ дѣлѣ приду взглянуть на нее сегодня вечеромъ, если не будетъ хорошей компаніи въ *Голли-Буши*. Какой текстъ выбрала она? Можетъ-быть я опоздаю, такъ скажите мнѣ лучше напередъ, Сетъ; вѣдь вы навѣрно знаете. Не будетъ ли она говорить такъ: Зачѣмъ пришли вы сюда? Видѣть пророчицу? Аминь, глаголю вамъ! вы видите болѣе, чѣмъ пророчицу, вы видите хорошенькую женщину!

— Бенъ, сказалъ Адамъ довольно строго, — полноте шутить словами Писанія, вы ужь слишкомъ замираетесь.

— Какъ? и вы успѣли обратиться, Адамъ? Я думалъ, что насъ давно уже не дѣйствуютъ женскія проповѣди.

— Я ни къ чему не обращался. Я ничего не сказалъ о женскихъ проповѣдяхъ. Я сказалъ: оставьте въ покоѣ Писаніе. Развѣ васъ уже нѣтъ той шуточной книги, съ которою вы все носитесь? Ну, и ройтесь въ ней своими грязными пальцами.

— Да вы становитесь такимъ же святошей, какъ Сетъ! Я увѣренъ, что вы пойдете слушать проповѣдь сегодня вечеромъ. Вы будете отличнымъ запѣвалой. Но что-то скажетъ пасторъ Ирвинъ, когда его любимецъ, Адамъ Бидъ, сдѣлается методистомъ.

— Не заботьтесь обо мнѣ, Бенъ. Я не сдѣлаюсь методистомъ, какъ же какъ и вы, хотя вы, по всей вѣроятности, сдѣлаетесь чѣмъ-нибудь хуже. Местеръ Ирвинъ довольно уменъ, онъ не станетъ мѣшать людямъ вѣровать такъ, какъ имъ велитъ своя совѣсть. Это дѣло между ними и Богомъ, онъ не разъ говорилъ мнѣ это.

— Такъ, такъ! а все же таки онъ не слишкомъ любитъ вашихъ диссентеровъ.

— Можетъ-быть. Я тоже не слишкомъ люблю Тодово густое пиво, но не мѣшаю вамъ напиваться имъ до-пьяна.

Эта выходка Адама вызвала смѣхъ, но Сетъ сказалъ очень серьезно:

— Нѣтъ, нѣтъ, Адамъ, не слѣдъ сравнивать чью-нибудь религію съ густымъ пивомъ. И у диссентеровъ, и у методистовъ корень тотъ же, что и у церковниковъ.

— Я совсѣмъ не думалъ и не помышлялъ смѣяться надъ чьею-нибудь религіей, Сетъ. Пусть каждый слѣдуетъ своей совѣсти, вотъ и все. Только я думаю, что было бы лучше, еслибы совѣсть позволила имъ стоять спокойно въ церкви: тамъ можно многому научиться. Да и то вѣдь правда, что можно сдѣлаться ужь слишкомъ духовнымъ. На этомъ свѣтѣ намъ нужно еще кое-что, кромѣ Писанія. Посмотрѣ на каналы, на водопроводы, на машины для добыванія

угля, на аркрейтовскія мельницы въ Кромфордѣ; мнѣ кажется для того, чтобы сдѣлать такія вещи, нужно знать кое-что кромѣ Писанія. А послушаешь этихъ проповѣдниковъ, такъ кажется что человѣку всю жизнь должно только и дѣлать, что закрывать глаза и разсматривать то, что дѣлается внутри его. Я знаю, что человѣкъ долженъ имѣть въ душѣ любовь къ Богу, и что Библия слово Божіе. Да чему учить Библия? Она учитъ что Богъ вложилъ духъ въ работника, соорудившаго скннн, чтобъ онъ могъ сдѣлать рѣзную работу, и все, для чего было нужно искусство. Мнѣ вотъ какъ кажется: духъ Божій и всѣхъ вещахъ бываетъ, и во всѣ времена, и въ будни, и въ праздники, и въ великихъ дѣлахъ и изобрѣтеніяхъ, и въ механикѣ, и въ чертежѣ. И Богъ помогаетъ нашимъ головамъ и рукамъ, точно такъ, какъ нашимъ душамъ. И если человѣкъ, послѣ рабочи часовъ, дѣлаетъ что-нибудь полезное, напримѣръ, построитъ печку своей женѣ, чтобъ ей не нужно было ходить въ пекарню, или если удобрить свой садъ такъ, что у него вмѣсто одной картофелины выростутъ двѣ, онъ тоже дѣлаетъ добро и столько же близокъ къ Богу, какъ еслибъ онъ таскался за проповѣдниками и молился и стоналъ.

— Хорошо, Адамъ, сказалъ Сыпучій Джимъ, который перестал строгать, чтобы передвинуть доски, покуда Адамъ говорилъ.— Давно я не слыхалъ такой хорошей проповѣди. Кстати, жемчѣлый годъ уже пристаётъ ко мнѣ, чтобъ я построилъ ей печку.

— Правду ты говоришь, Адамъ, замѣтилъ Сеть серьёзно,—да не совсѣмъ. По твоему выйдетъ, пожалуй, что вовсе нѣтъ пользы въ томъ, чтобы слушать проповѣди, а вѣдь ты самъ знаешь, что проповѣди привели не одного лѣнивца къ трудолюбію. Проповѣдь отымаетъ человѣка отъ полпивной, а не отъ работы.

— Только иногда она заставляетъ забывать панели на дверяхъ. не правда ли, Сеть? сказалъ Проволочный Бень.

— Да, да, Бень, теперь у васъ есть на всю вашу жизнь чѣмъ потрунить надо мною. А въ этомъ виновата не религія; въ этомъ виноватъ Сеть Бидъ; Сеть былъ всегда разсѣянный, безпутный человѣкъ, и религія его не вылѣчила; тѣмъ хуже для него!

— Не печальтесь, Сеть, сказалъ Проволочный Бень;—что ни говори, а вы истинно добрый малый; вы не щетинитесь за каждую шутку, какъ кое-кто изъ вашей родни, хоть они можуть быть и умнѣ васъ.

— Сеть, сказалъ Адамъ, не обращая вниманія на насмѣшку, направленную противъ него,—ты не долженъ принимать дурно то, что я сейчасъ говорилъ. Это говорилось не о тебѣ. Каждый смотритъ на вещи по своему.

— Да, да, Ади, ты не хочешь оскорбить меня, отвѣчалъ Сеть.

— Я хорошо знаю это. Ты какъ твоя собака Джайпъ: иногда по-
тешь на меня, а потомъ лижешь мои руки.

Нѣсколько минутъ всѣ руки работали посреди молчанія, покуда
ерковные часы не начали бить шести. Первый ударъ не успѣлъ еще
розвучать, какъ уже Сыпучій Джимъ отложилъ рубанокъ и сталъ
оставать куртку. Проволочный Бенъ не ввинтилъ винта и бро-
силъ отвертку въ корзину; Нѣмой Тафъ, который молчалъ во все
родолженіе предыдущаго разговора, швырнулъ молотокъ въ
у минуту, какъ поднималъ его; и Сеть также выпрямился и
ротянулъ руку къ своему колпаку. Адамъ одинъ продолжалъ ра-
отать, какъ будто ничего не случилось. Но, замѣтивъ, что ин-
струменты перестали дѣйствовать, онъ поднялъ голову и сказалъ
егодующимъ голосомъ:

— Посмотрите, пожалуйста! На что это похоже, что люди бро-
аютъ инструментъ, какъ только часы начнутъ бить, словно
работѣ нѣтъ вамъ никакой радости, и какъ будто страшно
вамъ двинуть рукой лишній разъ!

Сеть нѣсколько смутился и сталъ собираться медленнѣе; но
Нѣмой Тафъ прервалъ молчаніе и сказалъ:

— Вы, братъ Адамъ, говорите какъ человѣкъ молодой; когда
вамъ будетъ сорокъ шесть лѣтъ, какъ мнѣ, вмѣсто двадцати ше-
сти, такъ тоже не захочется работать по пустому.

— Чепуха! сказалъ Адамъ, все еще раздраженный:— тутъ дѣло
не въ годахъ! Вы, кажется, еще не расслабленный. Терпѣть я не
могу, когда человѣкъ опускаетъ руки, словно убитый громомъ,
прежде чѣмъ колоколъ успѣетъ пробить часы. Стало-быть въ
васъ нѣтъ ни капли гордости и охоты къ труду. И колесо еще
вертится сколько-нибудь, послѣ того какъ его перестанутъ
вертѣть.

— Чортъ возьми, Адамъ! воскликнулъ Проволочный Бенъ:—
оставьте же всякаго дѣлать какъ ему самому хочется! Вы только
что нападали на проповѣдниковъ, а сами ужъ черезчуръ падки до
проповѣдыванья. Вы можете работу любите больше заба-
вы, а я люблю забаву больше работы. Вамъ это должно быть по
сердцу; на вашу долю больше останется дѣла.

Съ этою заключительною рѣчью, которую считалъ весьма силь-
ною, Проволочный Бенъ положилъ свою корзинку на плечо и вы-
шелъ изъ мастерской; за нимъ поспѣшно послѣдовали Нѣмой
Тафъ и Сыпучій Джимъ. Сеть медлилъ и поглядывалъ сомнительно
на Адама, какъ будто ожидая, что онъ скажетъ что-нибудь.

— Зайдешь ты домой, идучи на проповѣдь? спросилъ Адамъ,
поднимая голову.

— Нѣтъ; моя шляпа и все, что мнѣ нужно, у Вилльама Маскри-
Я не ворочусь домой часовъ до десяти. Можетъ-быть я провожу

до дому Дину Моррисъ, если она согласится. Ты вѣдь знаешь, что ей приходится идти одной отъ Пойзера.

— Такъ я скажу матери, чтобъ она не ждала тебя.

— А ты самъ не будешь у Пойзера сегодня вечеромъ? спросилъ Сетъ нѣсколько робко, собираясь уходить.

— Нѣтъ, я пойду въ школу.

До сихъ поръ Джайпъ лежалъ на своей покойной постели, приподымая только по временамъ голову и внимательно посматривая на Адама, когда другіе работники отправлялись изъ мастерской. Но едва Адамъ положилъ отвѣсъ въ карманъ и началъ скручивать передникъ вдоль пояса, какъ Джайпъ подбѣжалъ къ нему и сталъ глядѣть въ лицо своего хозяина, терпѣливо ожидая, что онъ будетъ дѣлать. Еслибы Джайпъ имѣлъ хвостъ, онъ бы, безъ сомнѣнія, сталъ вилять имъ, но будучи лишень этого органа для выраженія своихъ чувствъ, онъ, какъ и многія другія достойныя существа, былъ осужденъ на то, чтобы его считали большою флегмой, чѣмъ какъ создала его природа.

— Что, Джайпъ, готовъ нести корзину, а? сказалъ Адамъ тѣмъ же мягкимъ голосомъ, какимъ говорилъ съ Сетомъ.

Джайпъ прыгнулъ и издалъ короткій лай, какъ будто говорилъ: «разумѣется». Бѣднякъ, онъ не владелъ обильными способами выраженія. Въ эту корзину клался по буднямъ обѣдъ Адама и Сета; и ни одинъ марширующій солдатъ не пропускалъ такъ рѣшительно безъ вниманія всѣхъ знакомыхъ, какъ Джайпъ, когда онъ бѣжалъ съ корзиною по пятамъ своего хозяина.

Выйдя изъ мастерской, Адамъ заперъ дверь, вынулъ ключъ и отнесъ его въ домъ на противоположной сторонѣ двора. Это былъ низкій домъ съ гладкою сѣрою соломенною крышей и желтыми стѣнами; онъ смотрѣлъ очень мило и кротко при вечернемъ освѣщеніи. На сіявшихъ ставняхъ не было ни одного пятнышка, и камень передъ дверью былъ такъ же чистъ, какъ чисты бывають бѣлые камни на берегу моря послѣ отлива. На порогѣ стояла опрятная старушка въ полотняномъ платьѣ съ темными полосками, въ красномъ платкѣ и полотняномъ чепцѣ. Она разговаривала съ пестрыми курами, которыхъ, казалось, привлекло къ ней ошибочное ожиданіе холоднаго картофеля или муки. Зрѣніе старушки было повидимому слабо; она не узнала Адама, куда онъ не сказалъ:

— Вотъ ключъ, Долли; отнесите его пожалуста въ домъ за меня.

— Хорошо. Да не хотите ли вы войти, Адамъ? Миссъ Мери дома и мистеръ Борджъ сейчасъ воротится; навѣрное онъ будетъ радъ поужинать съ вами; ручаюсь вамъ.

— Нѣтъ, Долли, благодарю; я иду домой. Доброго вечера.

Адамъ, съ Джайпомъ за собою, вышелъ большими шагами изъ дѣра и пошелъ поспѣшно по большой дорогѣ, ведущей изъ деревни внизъ къ долинѣ. Когда онъ дошелъ до подошвы пригорка, адникъ, уже не молодой, проѣхавъ мимо него, остановилъ свою шадъ, обернулся и долго смотрѣлъ на рослаго работника въ мажной шапкѣ, кожаныхъ штанахъ и темносинихъ чулкахъ. Адамъ, не замѣчая возбуждаемаго имъ удивленія, пошелъ чезъ поле и снова затянулъ пѣсню, которая весь день вертѣлась него въ головѣ:

Отвергли жи глетворной тѣнь,
 Будь чистъ, мой духъ, какъ ясный день;
 Глазъ Божій видитъ съ высоты
 Твои движенья и мечты.

ГЛАВА II.

Пр о п о в ѣ д ь.

Около трехъ четвертей седьмого въ деревнѣ Гейслопъ было замѣтно необыкновенное движеніе. Очевидно, не одно желаніе погрѣться на вечернемъ солнцѣ заставило жителей выйти изъ своихъ домовъ на всемъ протяженіи небольшой деревенской улицы, отъ гостиницы *Донниторнъ-Армзъ* до воротъ кладбища. Гостиница эта стояла у входа въ деревню; небольшая ферма и амбаръ, присоединенные къ ней, показывали, что она владѣла добрымъ участкомъ земли, и обѣщали путешественнику и его лошади хорошую пищу въ вознагражденіе за то, что обветшавая вывѣска оставила его въ совершенномъ невѣдѣніи относительно герба древняго семейства Донниторновъ.

Местеръ Кессонъ, *ландлордъ* (1), стоялъ уже нѣкоторое время въ дверяхъ, опустивъ руки въ карманы, покачиваясь на пяткахъ и поглядывая на неогороженное мѣсто, на серединѣ котораго стоялъ кленъ, и куда, повременамъ, проходили мущины и женщины съ серьезными, важными лицами. Фигура местера Кессона вовсе не принадлежала къ числу тѣхъ пошлыхъ личностей, которыя позволительно пропустить безъ описанія. Если посмотрѣть спереди, казалось, что она составлена изъ двухъ шаровъ, находящихся одинъ къ другому почти въ такомъ же отношеніи, какъ земля къ лунѣ:

(1) Вотчинникъ, землевладѣлецъ.

то-есть нижній шаръ, по глазомѣру, казался въ тринадцать разъ больше верхняго, который, естественно, игралъ роль зависимаго спутника. Но этимъ и оканчивалось сходство, ибо голова мистера Кессона вовсе не была спутникомъ меланхолическимъ, или «запятнаннымъ шаромъ», какъ Мильтонъ непочтительно называлъ луну. Напротивъ, нельзя вообразить себѣ болѣе гладкую, болѣе здоровую голову. Выраженіе ея, исходившее главнымъ образомъ изъ двухъ круглыхъ и румяныхъ щекъ, — ибо о бугоркѣ, изображавшемъ носъ, и о впадинкахъ, составлявшихъ глаза, едва ли стоить говорить, — было выраженіе довольства и веселости, умѣрившихся только сознаниемъ собственнаго достоинства, которое высказывалось обыкновенно въ посадкѣ головы и ея поворотѣ. Это сознание собственнаго достоинства едва ли могло показаться чрезмѣрнымъ въ человѣкѣ, который пятнадцать лѣтъ былъ буетчикомъ у «господъ», и который, по своему теперешнему высокому положенію, необходимо приходилъ въ частыя соприкосновенія съ подчиненными. Но какъ согласить свое достоинство съ желаніемъ удовлетворить своему любопытству и отправиться на лужайку, гдѣ будетъ проповѣдь? — вотъ задача надъ рѣшеніемъ которой уже пять минутъ работалъ умъ мистера Кессона. Онъ уже отчасти разрѣшилъ ее тѣмъ, что вынулъ руки изъ кармановъ и засунулъ ихъ за жилетъ, наклонилъ голову на сторону и вооружился видомъ презрительнаго равнодушія ко всему, что ни попадется ему на глаза, какъ мысли его были отвлечены въ другую сторону приближеніемъ того всадника, котораго мы застали заглядѣвшимся на пріятеля нашего Адама, и который теперь остановился у дверей гостиницы Донниторнъ-Армъ.

— Дворникъ, разуйдайте лошадь и дайте ей напиться, сказалъ путешественникъ молодому парню въ рабочей курткѣ, который вышелъ изъ двора на топотъ копытъ

— Что такое происходитъ въ вашей деревенькѣ, *ландлордъ*? продолжалъ онъ, слѣзая. — Что за суматоха такая?

— Это по случаю проповѣди методистовъ, сэръ. Было объявлено, что молодая дѣвушка будетъ проповѣдывать на дугу, отвѣчалъ мистеръ Кессонъ хрипатымъ дискантомъ и нѣсколько вычурнымъ тономъ. — Неудобно ли вамъ войти и скушать чего-нибудь?

— Нѣтъ, я спѣшу въ Дростеръ. Дайте только напиться моеи лошади. А вашему священнику-то, я думаю, не слишкомъ пріятно, что молодая дѣвушка проповѣдуетъ у него подъ носомъ?

— Пасторъ Ирвинъ, сэръ, не живетъ здѣсь. Здѣшній приходскій домъ развалина, въ которой не прилично жить джентльмену. Пасторъ Ирвинъ пріѣзжаетъ по воскресеньямъ говорить проповѣдь и оставляетъ лошадь у меня. Лошадь-то сѣрая кобыла; онъ очень ею дорожитъ. Онъ всегда оставлялъ лошадь

Здѣсь, даже когда еще не я содержалъ Донниторнгъ-Армзъ. Я не здѣшній уроженецъ, сэръ, вы это видите по моему выговору. Здѣсь чудно говорятъ, такъ что господамъ изъ *джентри* (1) трудно и понять. Я выросъ между *джентри*, сэръ, и привыкъ къ ихъ произношенію съ дѣтства.

— Такъ, такъ, сказалъ путешественникъ, улыбаясь.—Но вѣдь у васъ здѣсь вѣрно немного методистовъ: въ такомъ земледѣльческомъ мѣстѣ. Я думалъ, что здѣсь едвали найдется хоть одинъ методистъ. Вѣдь вы всѣ фермеры, не правда ли? А фермеры рѣдко бываютъ методистами.

— У насъ здѣсь довольно много ремесленниковъ, сэръ. Вотъ наприимѣръ мистеръ Борджъ, которому принадлежитъ лѣсной дворъ, онъ беретъ много построекъ и починокъ. Потомъ не далеко каменоломни. Есть порядочное количество методистовъ въ Тредльстонѣ. Это городокъ миляхъ въ трехъ отсюда, гдѣ бываетъ армарка; вы можетъ-быть проѣзжали его, сэръ. Теперь на лужайкѣ ихъ человекъ сорокъ оттуда. Оттуда-то заходить къ намъ методизмъ, а у насъ въ Гейслопѣ всего только два методиста: Вильямъ Маскри, колесникъ, да Сетъ Видъ, молодой столяръ.

— Такъ проповѣдница пришла изъ Тредльстона?

— Нѣтъ, сэръ; она пришла изъ Стоншира, почти за тридцать миль. Она здѣсь гоститъ у мистера Пойзера въ господской фермѣ. Видите, вонъ тамъ влѣво эти сараи и высокій орѣшникъ? Она родная племянница жены Пойзера, и они, я думаю, порядкомъ сердятся на нее за то, что она напускаетъ на себя такую дурь. Но говорятъ, что съ этими методистами нѣтъ сладу, когда дурь влѣзетъ имъ въ голову. Они просто сходятъ съ ума на своей религіи. Впрочемъ эта молодая дѣвушка кажется довольно тихою, сколько я могъ узнать. Я самъ не видалъ ея.

— Жаль, что мнѣ некогда подождать и взглянуть на нее; мнѣ надо спѣшить. Я сдѣлалъ крюкъ минутъ въ двадцать, чтобы посмотреть на домъ въ долину. Вѣдь онъ, кажется, принадлежитъ сквайру Донниторну?

— Да, сэръ, это Донниторновскій паркъ, это онъ. Славные тамъ дубы, не правда ли? Мнѣ-то ужъ нельзя не знать, что тамъ такое есть; я тамъ жилъ въ буфетчикахъ пятнадцать лѣтъ. Все это достанется капитану Донниторну, сэръ, внуку сквайра Донниторна. Онъ будетъ совершеннолѣтнимъ къ покосу; тогда-то мы увидимъ виды. Вся окрестная земля принадлежитъ сквайру Донниторну, вся ему принадлежитъ, да.

(1) *Джентри*, дворянство,—классъ, къ которому причисляются въ Англій всѣ нѣсколько достаточные и образованные люди, занимающіе въ обществѣ среднее мѣсто между знатью и простымъ народомъ.

— Ну что жь, имѣніе хорошее, кому бы оно ни принадлежало! сказалъ путешественникъ, садясь на лошадь.— Да у васъ здѣсь и славный, статный народъ. Съ полчаса тому назадъ, вѣзжая на гору, я встрѣтилъ такого молодца, какихъ рѣдко видалъ: столара, рослаго, широкоплечаго парня, черноволосаго и черноглазаго; и шелъ онъ, какъ солдатъ. Вотъ такіе-то люди нужны намъ, чтобы потрепать Французовъ.

— А! это вѣрно Адамъ Бидъ, сэръ, я готовъ биться объ закладъ. Сынъ Тіаса Бида, здѣсь его всякій знаетъ. Онъ необыкновенно умный, дѣльный малый и чрезвычайно силенъ. Божусь вамъ, — извините, сэръ, что я такъ говорю, — онъ можетъ пройти сорокъ миль въ день и поднять десять пудовъ. Вся *дожентри* очень любитъ его, сэръ. Капитанъ Дониторнъ и пасторъ Ирвинъ много съ нимъ возятся. Но онъ немножко поднимаетъ носъ и необхотителенъ.

— Ну, прощайте же, ланлордъ, мнѣ надо торопиться.

— Вашъ покорный слуга, сэръ; прощайте.

Путешественникъ поѣхалъ скорымъ шагомъ по деревнѣ; но когда онъ сталъ приближаться къ лужайкѣ, прелестъ вида на правой рукѣ, странный контрастъ, представляемый группами деревенскихъ жителей, съ кучкою методистовъ подъ кленомъ, а можетъ-быть, еще болѣе любопытство видѣть молодую проповѣдницу, пересилили его желаніе достигнуть скорѣе конца своего путешествія, и онъ остановился.

Лужайка лежала на краю деревни; отъ нея дорога развѣтвилась въ двухъ направленіяхъ: одна шла въ гору, мимо церкви, другая отлого спускалась въ долину. На сторонѣ лужайки, обращенной къ церкви, рядъ избушекъ, крытыхъ соломой, продолжался почти до воротъ кладбища; но на противоположной, съ веро-западной сторонѣ, ничто не заслоняло вида волнистыхъ луговъ, лѣсистыхъ долинъ и темныхъ массъ отдаленныхъ горъ. Богатый холмистый округъ Ломширъ, къ которому принадлежала деревня Гейслопъ, примыкаетъ къ суровой окраинѣ Стоншира и окаймленъ его голыми горами, какъ хорошенькая, цвѣтушая сестра, привѣшенная къ рукѣ суроваго, рослаго, дюжаго брата. Часа въ два-три ѣзды, путешественникъ можетъ перенестись изъ безлѣсной пустыни, прерываемой градами холоднаго, сѣраго камня, въ страну, гдѣ дорога вьется подъ деревьями, или по отлогимъ пригоркамъ, пересѣкаемымъ часто изгородью и покрытымъ высокою луговою травой, да густымъ хлѣбомъ, гдѣ на каждомъ шагѣ встрѣчается какой-нибудь красивый, старый сельскій домъ, пріютившійся въ долинѣ, или возвышающійся на холмѣ, какое-нибудь жильё съ длиннымъ рядомъ амбаровъ и съ группой стоговъ, какая-нибудь сѣрая колокольня, выглядывающая изъ-за деревьевъ,

красиво перемѣшанныхъ съ крышами изъ соломы или изъ темно-красной черепицы. Такъ именно явилась нашему путешественнику церковь деревни Гейслопъ, когда онъ въѣзжалъ на отлогій холмъ, на которомъ она стояла, и теперь, остановившись подлѣ лужайки, онъ могъ обнять взглядомъ почти всѣ характеристическія черты этой красивой мѣстности. Высоко поднимались на горизонтѣ огромныя коническія массы горъ, какъ исполины, защищающіе страну, обильную хлѣбомъ и травою, отъ пронзительныхъ холодныхъ вѣтровъ сѣвера. Онѣ были не очень далеки, и потому не были одѣты таинственною синевою; на ихъ темныхъ, зеленоватыхъ склонахъ виднѣлись, какъ пятна, стада барановъ, которыхъ движеніе можно было подмѣчать при помощи памяти, хотя и нельзя было разглядѣть его глазомъ. День за днемъ смѣняющіеся часы ведутъ около горъ игру свою, но горы остаются не причастны этимъ смѣнамъ, и стоятъ изъ вѣка въ вѣкъ суровыя и мрачныя подъ рдѣніемъ ли утра, подъ лучами ли апрѣльскаго полдня, или подъ багровымъ сіяніемъ лѣтнаго заката. Ниже вершинъ глазу представлялся болѣе близкій рядъ нависшихъ надъ долиной лѣсовъ, пересѣкаемыхъ свѣтлыми полосами пастбищъ или пашней; на листьяхъ не лежалъ еще однообразный колоритъ 'поздняго лѣта: еще отгѣнялись теплыя краски молодого дуба отъ нѣжной зелени ивы и ясени. Затѣмъ слѣдовала долина, гдѣ деревья росли гуще, какъ будто они скатились съ голой плѣшины надъ ними на склонѣ горъ и столпились вмѣстѣ, чтобы заботливѣе охранять высокій замокъ, котораго крыша виднѣлась посреди ихъ съ тонкою полоской дыма, бѣжавшей кверху. Безъ сомнѣнія, передъ этимъ замкомъ былъ обширный паркъ и широкій, свѣтлый прудъ, но нашъ путешественникъ не видѣлъ ихъ съ деревенской лужайки за волнистою поверхностью полей. На переднемъ планѣ представлялся ему другой видъ, не менѣе красивый: въ золотистомъ свѣтѣ косвенныхъ лучей солнца слегка наклонялись стебли пушистой травы, и высокій красный щавель, и бѣлые лепестки цикуты вдоль густой изгороди изъ кустарника. Стояла та пора лѣта, когда звукъ натачиваемой косы заставляетъ насъ пристальнѣе глядѣть на дуга, усѣянные цвѣтами.

Нашъ путешественникъ открылъ бы еще другія красоты, еслибы повернулся немного на своемъ сѣдлѣ и взглянулъ бы на востокъ за пастбища и сарай Ионатана Борджа, къ зеленымъ полямъ и орѣшникамъ господской фермы; но, какъ видно, живыя группы подлѣ него болѣе занимали его. Тутъ были всѣ поколѣнія деревни отъ «дѣдушки Тафта» въ изношенномъ коричневомъ колпакѣ, согнутаго въ-три-погибели, но вѣроятно имѣющаго еще долго простоять на ногахъ, опирающагося на короткую палку, до груд-

ныхъ дѣтей, мотающихъ круглыми головками въ стеганыхъ холотняныхъ колпачкахъ. Отъ времени до времени подходилъ еще кто-нибудь—какой-нибудь дюжий работникъ, вышедшій послѣ ужина посмотрѣть тупымъ, бычачьимъ взглядомъ на непривычную сцену, готовый слушать объясненіе ея отъ всякаго, кто бы ни началъ разговаривать съ нимъ, но самъ не на столько заинтересованный, чтобы сдѣлать вопросъ. Всѣ они тщательно держались поодаль отъ методистовъ, чтобы не смѣшали ихъ съ людьми, ожидающими проповѣди, ибо никто изъ деревенскихъ жителей не признался бы, что пришелъ слушать проповѣдницу; они пришли только посмотрѣть, что тамъ такое дѣлается. Мужчины большею частію собрались около кузницы; но не думайте, что они собрались въ кучу. Крестьяне никогда не толпятся; шепотъ у нихъ неизвѣстенъ, и они, кажется, такъ же неспособны говорить вполголоса, какъ корова или олень. Истинный крестьянинъ поворачивается спиною къ тому, съ кѣмъ ведетъ рѣчь, и бросаетъ ему свой вопросъ черезъ плечо, какъ будто хочетъ убѣжать отъ отвѣта. Онъ отходитъ отъ васъ на нѣсколько шаговъ въ сторону въ самую интересную минуту разговора. Итакъ, группа около кузницы не была тѣсно сомкнута и не заслоняла самого кузнеца, Чеда Кренеджа, который стоялъ, скрестивъ свои черныя, мускулистыя руки, и прислонившись къ двери, и отъ времени до времени испускалъ ревъ хохота на свои собственные остроты, которыя значительно предпочиталъ сарказмамъ Проволочнаго Бена, отказавшагося отъ удовольствій трактира *Голли Бушъ*, чтобы видѣть жизнь въ новой для него формѣ. Но мистеръ Іосифъ Раннъ смотрѣлъ съ одинаковымъ презрѣніемъ на эти два рода остроумія. Кожанный передникъ и нѣсколько томная мрачность мистера Ранна обличаютъ въ немъ съ перваго взгляда деревенскаго сапожника, а высовыванье впередъ подбородка и живота и привычка вертѣть большими пальцами однимъ вокругъ другаго служатъ болѣе тонкими указаніями, имѣющими цѣлью приготовить незнающаго иностранца къ извѣстію, что онъ видитъ передъ собою приходскаго писца. Старый Іосифъ, какъ непочтительно называютъ его сосѣди, находится въ состояніи томнаго негодованія, но уста его еще сомкнуты; онъ сказалъ только вполголоса, гудящимъ басомъ, напоминающимъ настроиваніе виолончели: «Снона царя амморейска: яко въ вѣкъ милость его. И Ога царя васанска: яко въ вѣкъ милость его». Можетъ показаться, что эта цитата имѣла мало отношенія къ окружающимъ обстоятельствамъ, но болѣе глубокое изслѣдованіе и тутъ откроетъ естественную связь, какъ во всякой другой аномаліи. Мистеръ Раннъ внутренно заступался за достоинство церкви противъ такого возмутительнаго вторженія методизма, а такъ какъ достоинство церкви было связано съ его звучною репи-

таціей псалмовъ, то ему естественно пришелъ въ голову псаломъ, который онъ читалъ въ прошедшее воскресенье.

Любопытство, всегда болѣе живое въ женщинахъ, привлекло ихъ къ самому краю лужайки, откуда онѣ могли лучше рассмотреть пуританскую одежду и странныя манеры методистокъ. Подъ кленомъ стояла небольшая тельжка, которую привезли отъ колесника и поставили вмѣсто каеэдры; и вокругъ нея было разставлено нѣсколько скамеекъ и стульевъ. На нихъ сидѣли нѣкоторые изъ методистовъ, закрывъ глаза, погруженные въ молитву или размышленіе. Другіе стояли на ногахъ и глядѣли на поселянъ съ выраженіемъ грустнаго состраданія, которое весьма забавляло Бесси Кренеджъ, смазливую дочь кузнеца, извѣстную сосѣдямъ подъ названіемъ: Чедова Бесси. Ей казалось чрезвычайно страннымъ, зачѣмъ эти люди дѣлаютъ намъ такія гримасы. Чедова Бесси особенно возбуждала сожалѣніе методистовъ, потому что ея волосы, зачесанные подъ чепчикъ, надѣтый на макушку, обнаруживали украшеніе, которымъ она гордилась гораздо болѣе, нежели своими румяными щеками, а именно большія, круглыя серьги съ фальшивыми каменьями, украшеніе, осуждаемое не только методистами, но и родною кузиной и тезкой ея Тимоѣевою Бесси, которая, съ истинно-родственнымъ чувствомъ, не разъ посылала эти серьги къ чорту.

Тимоѣева Бесси, хотя люди близкіе продолжали называть ее дѣвчѣимъ именемъ, давно уже была женою Сыпучаго Джима и владела богатыми сокровищами матерей, изъ которыхъ довольно упомянуть пухлаго младенца, котораго она качала на рукахъ, и плотнаго пятилѣтняго мальчишку, въ короткихъ штанахъ, съ красными ногами, навѣсившаго себѣ на шею заржавленный молочникъ, вмѣсто барабана, и отъ котораго Чедова собачонка тщательно старалась держаться подалѣше. Этотъ юный отрокъ, извѣстный всѣмъ подъ именемъ Тимоѣевой Бесси Бена, движимый любовью и не смущаемый ложною скромностію, вышелъ изъ группы женщинъ и дѣтей и прогуливался вокругъ методистовъ, зѣвая на нихъ и стуча палкою по молочнику, ради музыкальнаго акомпанимента. Но когда одна изъ пожилыхъ женщинъ наклонилась къ нему и хотѣла взять его за плечо съ видомъ серьезнаго увѣщанія, Тимоѣевой Бесси Бенъ сначала сильно брыкнулъ, потомъ бросился бѣжать опрометью и укрывся за ногами отца.

— Пострѣленокъ ты этакой! сказалъ Сыпучій Джимъ, съ нѣкоторою отеческою гордостію, — если ты не перестанешь стучать этою палкою, я отниму ее у тебя. Какъ ты смѣешь брыкаться?

— Давайте-ка мнѣ его, Джимъ, сказалъ Чедъ Кренеджъ, — я его привяжу и подкую, какъ лошадь. А! мастеръ Кессонъ, продолжалъ

онъ, когда эта особа стала медленно приближаться къ группѣ женщинъ:—Какъ ваше здоровье? Вы пришли поглазѣть вмѣстѣ съ нами? Говорятъ, что всё стонуть, слушая методистовъ, какъ будто чувствуютъ боль въ желудкѣ. Я намѣренъ ревѣть, какъ вчера ночью ваша корова; тогда проповѣдница подумаетъ, что я пошелъ на путь истинный.

— Я вамъ совѣтую не выкидывать глупостей, Чедъ, сказалъ мистеръ Кессонъ съ нѣкоторымъ достоинствомъ.—Пойзеру былъ бы неприятно, еслибы съ племянницей его жены стали обращаться непочтительно, хотя онъ можетъ-быть и не доволетъ тѣмъ, что она беретса проповѣдывать.

— Надо сказать, кромѣ того, что она очень не дурна собой, сказалъ Проволочный Бенъ.—Я стою за проповѣди хорошенкии женщинъ; я чувствую, что онъ убѣдятъ меня гораздо скорѣ, чѣмъ уроды. Пожалуй, чего добраго, я самъ сдѣлаюсь методистомъ послѣ сегодняшняго вечера и начну ухаживать за проповѣдницей, какъ Сеть Бидъ.

— Сеть, я долженъ сказать, забирается уже слишкомъ высоко, замѣтилъ мистеръ Кессонъ.—Родственники этой дѣвушки и допустятъ, чтобъ она унизилась до простаго столяра.

— Э! воскликнулъ Бенъ протяжно,—что тутъ значатъ родственники? ровно ничего! Пускай жена Пойзера поднимаетъ носъ и забываетъ прежнее время, но у этой Дины Морисъ, говоритъ нѣтъ ни гроша, она работаетъ на мельницѣ и едва можетъ прокормиться. Красивый молодой столяръ, и къ тому же методистъ какъ Сеть Бидъ, былъ бы для нея не дурная партія. Вѣдь жена Пойзера нянчится же съ Адамомъ Бидомъ, какъ будто онъ родной ея племянникъ!

— Толкуете безъ толку! проговорилъ Юсифъ Ранъ.—Адакъ Сеть двѣ вещи разные, ихъ нельзя мѣрять на одинъ аршинъ.

— Можетъ-быть, отвѣчалъ Проволочный Бенъ презрительно,—только по мнѣ больше приходится Сеть, будь онъ сто разъ методистомъ. Сеть совершенно побѣдилъ меня. Я подтрунивалъ надъ нимъ все время, какъ мы вмѣстѣ работали, а онъ и не думаетъ сердиться на меня, совершенно какъ овца. А вѣдь онъ тоже малый не робкій. Разъ, идя въ полѣ ночью, мы увидѣли, что старое дерево все въ огнѣ, и думали, что это привидѣніе, а Сеть не задумываясь, тотчасъ же подошелъ къ нему такъ же сильно, какъ какой-нибудь констабль. Да вотъ онъ идетъ отъ Вильяма Маскри, вотъ и самъ Вильямъ съ такимъ кроткимъ лицомъ, какъ будто боится ударить по гвоздю, чтобы не было звоздю больно. А вотъ и хорошенкая проповѣдница. Господи! она безъ чешца нужно подойти поближе.

Нѣсколько мужчинъ послѣдовало за Беномъ. Путешественникъ

подъѣхалъ къ лужайкѣ. Дина шла нѣсколько поспѣшно и впереди своихъ спутниковъ, къ телѣгѣ подь кленомъ. Покуда высокій станъ Сета былъ возлѣ нея, она казалась маленькою, но когда она взошла на телѣгу, по стройности и по простотѣ ея чернаго платья, ее сочли бы высокаго роста, хотя собственно она была средняго. Путешественникъ былъ удивленъ, когда увидѣлъ, какъ она подошла и взошла на телѣгу; удивленъ не столько женственною нѣжностію ея чертъ, сколько совершеннымъ отсутствіемъ мысли о себѣ, выказывавшимся въ ея манерахъ. Онъ ожидалъ, что она подойдетъ мѣрнымъ шагомъ, съ задумчивою важностію; онъ былъ увѣренъ, что лицо ея будетъ сіять улыбкою сознательной святости, или будетъ омрачено обличительною горечью. Онъ зналъ только два типа методистовъ: восторженный и желчный. Но Дина шла такъ просто, какъ будто отправлялась на рынокъ, и, казалось, такъ же мало думала о своей наружности, какъ маленькій ребенокъ. Не видно было на лицѣ ея краски и робости, которая говоритъ: «я знаю, что вы считаете меня хорошенькою женщиной, слишкомъ молодою, неспособною проповѣдывать»; движеніе глазъ, сжиманіе губъ, положеніе рукъ не прибавляло: «но вы должны смотрѣть на меня какъ на святую». У нея не было книги въ обнаженныхъ рукахъ; онѣ были свободно опущены напередъ, крестъ-на-крестъ, когда она стояла передъ народомъ, смотря на него своими сѣрыми глазами. Не было проницательности въ этихъ глазахъ; они, казалось, изливали любовь, а не дѣлали наблюдений, въ нихъ была влажность, показывающая, что духъ преисполненъ тѣмъ, что хочетъ выразить, и нечувствителенъ ко внѣшнимъ впечатлѣніямъ. Она стояла лѣвою стороною къ заходящему солнцу; густыя вѣтви защищали ее отъ его лучей; но въ этомъ слабомъ свѣтѣ нѣжный колоритъ ея лица, казалось, получалъ спокойную живость, какъ цвѣты вечеромъ. Лицо ея было мало и продолговато, ровной прозрачной бѣлизны; линія щекъ и подбородка напоминала форму яйца; губы были полны, но тверды, ноздри нѣжны, лобъ низокъ и прямъ, и онъ отдѣлялся отъ черепа замѣтною линіей посреди мягкихъ локоновъ блѣдно-красноватыхъ волосъ. Волосы были зачесаны за уши и покрыты пальца на два выше лба сѣткою, по обычаю квакеровъ. Брови, одного цвѣта съ волосами, были совершенно горизонтальны и рѣзко очерчены. Рѣсницы, того же цвѣта, были длинны и густы. Не было ничего испорченнаго, ничего неоконченнаго. Это было одно изъ лицъ, напоминающихъ бѣлые цвѣтки съ легкими оттѣнками нѣжныхъ красокъ на чистыхъ лепесткахъ. Глаза не имѣли особенной красоты, кромѣ выраженія. Во взглядѣ была такая простота, такая задушевность, такая серіозная любовь, что никакая осуждающая морщина, никакая легкомысленная усмѣшка не могла усто-

ятъ противъ этого взгляда. Юсифъ Ранъ издалъ протяжный кашель какъ будто для того, чтобы поразсудить кой-о-чемъ съ самимъ собою; Чедъ Кренеджъ приподнялъ свою кожаную шапку и чесалъ себѣ голову; а Проволочный Бенъ удивлялся, какъ это Сеть осмѣливается ухаживать за нею.

«Милая женщина, подумалъ иностранецъ про себя, но ужь конечно, природа не назначила ей быть проповѣдницею».

Можетъ-быть онъ принадлежалъ къ числу людей, приписывающихъ природѣ театральныя свойства и думающихъ, что съ цѣлью облегчить искусство и психологію, она создаетъ свои характеры такъ, чтобы въ нихъ нельзя было ошибиться. Но Динъ начала говорить:

— Друзья мои! сказала она внятнѣмъ, но не громкимъ голосомъ:—помолитесь о благословеніи.

Она закрыла глаза и, склонивъ немного голову, продолжала тѣмъ же умѣреннымъ тономъ какъ будто обращаясь къ кому-то стоящему возлѣ нея:

«Спаситель грѣшниковъ! Когда бѣдная женщина, обремененная грѣхами, пошла къ колодезю за водою, она нашла Тебя сидящимъ у колодца. Она не знала Тебя; она не искала Тебя; духъ ея былъ темень; жизнь ея была преступна. Но Ты заговорилъ съ нею. Ты научилъ ее, Ты показалъ ей, что жизнь ея открыта передъ Тобою, и все-таки Ты былъ готовъ дать ей благословеніе, котораго она отъ Тебя не просила. Господи! Ты посреди насъ, Ты знаешь всѣхъ людей; если естъ между нами подобные той бѣдной женщинѣ, если духъ ихъ темень, если жизнь ихъ преступна, если они вышли не искать Тебя, не поучаться, покажи имъ ту свободную милость, которую Ты ей показалъ. Заговори съ ними, Господи; открой уши ихъ моимъ словамъ; приведи имъ въ умъ грѣхи ихъ, да жаждутъ они спасенія, которое Ты готовъ даровать. Боже мой! Ты и теперь со своимъ народомъ; они видятъ Тебя въ ночномъ бѣднѣи, и сердца горятъ въ нихъ, когда Ты говоришь съ ними у дорогъ. И Ты близокъ тѣмъ, которые не знали Тебя: открой глаза ихъ, да видятъ они Тебя, да видятъ Тебя, плачущаго о нихъ и говорящаго: «Вы не хотите придти ко мнѣ, чтобы получить жизнь»; да видятъ Тебя, висящаго на крестѣ и говорящаго: «Отче, отпусти имъ, не вѣдаютъ бо, что творять»; да видятъ Тебя во славу, какимъ Ты снова придешь судить ихъ при скончаніи вѣковъ. Аминь.»

Дина открыла глаза и замолчала, глядя на группу поселянъ, столпившихся болѣе тѣсно на правой сторонѣ.

— Друзья мои, начала она, возвышая немного голосъ:—вы всѣ бывали въ церкви и, я думаю, слышали слѣдующія слова, произносимыя священникомъ: «Духъ Господень на Мнѣ, ибо Богъ пома-

залъ меня проповѣдывать Евангеліе бѣднымъ. • Эти слова отнесъ къ себѣ Исусъ Христосъ; онъ сказалъ, что пришелъ проповѣдывать Евангеліе бѣднымъ. Не знаю, думали ли вы когда-нибудь хорошенько объѣтихъ словахъ; но скажу вамъ, когда, какъ припоминаю, я въ первый разъ слышала ихъ. Это было точно въ такой же вечеръ, какъ сегодня; я была маленькою дѣвочкой, и тетушка, которая воспитала меня, повезла меня слушать добраго человѣка, проповѣдывавшаго внѣ церкви, точь-въ-точь какъ мы теперь здѣсь. Я хорошо помню его лицо. Онъ былъ очень старъ и имѣлъ очень длинныя сѣдые волосы. Голосъ у него былъ прекрасный и очень мягкій; такого голоса я никогда прежде не слыхала. Я была маленькая дѣвочка и почти ничего не знала, и этотъ старикъ показался мнѣ такъ не похожимъ на всѣхъ людей, которыхъ я видала прежде, что я сочла его сошедшимъ съ неба проповѣдывать намъ и сказала тетушкѣ: тетушка, не воротится ли онъ сегодня вечеромъ на небо, какъ писано на картинкѣ въ Библии?

• Этотъ Божій человѣкъ былъ мистеръ Весли, который всю жизнь дѣлалъ то же, что нашъ Спаситель: проповѣдывалъ Евангеліе бѣднымъ. Онъ отошелъ на покой восемь лѣтъ тому назадъ. Я болѣе развѣдала о немъ нѣсколько лѣтъ спустя, но тогда я была глупенькая, легкомысленная дѣвочка, и помню только одно изъ его проповѣди: онъ сказалъ намъ, что Евангеліе значитъ добрая вѣсть. Евангеліемъ, вы знаете, называется то, что Писаніе говоритъ намъ о Богѣ.

• Подумайте же объ этомъ. Исусъ Христосъ дѣйствительно сошелъ съ неба такъ какъ я, будучи ребенкомъ, думала, что сошелъ мистеръ Весли; и сошелъ онъ для того, чтобы принести бѣднымъ добрую вѣсть о Богѣ. Мы всѣ родились въ бѣдныхъ избахъ, и выросли на овсяномъ киселѣ, и жили скудно. Мы не много ходили въ школу, не читали книгъ, и почти ничего не знаемъ, кромѣ того, что дѣлается вокругъ насъ. Намъ-то именно и нужны добрыя вѣсти. Кто живетъ хорошо, тому не такъ хочется слышать вѣсти, идущія издалека, а когда бѣдному человѣку плохо, и когда ему трудно прокормить себя, его радуетъ письмо, показывающее, что есть у него другъ, который поможетъ ему.

• Конечно, мы не можемъ не знать чего-нибудь о Богѣ, даже если мы никогда не слыхали Евангелія, этой доброй вѣсти, которую Спаситель принесъ намъ. Мы вѣдь знаемъ, что все отъ Бога. Развѣ вы не говорите почти каждый день: «Богъ дастъ, будетъ то и то», или: «мы скоро начнемъ косить, лишь бы только Богъ далъ ведра»? Мы знаемъ очень хорошо, что мы совершенно въ рукахъ Божиихъ; мы не сами собой произошли на свѣтъ, мы не можемъ охранять свою жизнь, покуда спимъ. Дневной свѣтъ, и вѣтеръ, и

хлѣбъ, и коровы, дающія намъ молоко,—все отъ Бога. Онъ далъ намъ душу и вложилъ въ насъ любовь дѣтей къ родителямъ, жены къ мужу. Но довольно ли намъ только это знать о Богѣ? Мы видимъ, что онъ великъ и всемогущъ, и можетъ дѣлать все, что Ему угодно; мы тонемъ мыслию какъ въ бурномъ потокѣ, когда пытаемся думать о Немъ. Но можетъ-быть вамъ пришли въ голову сомнѣнія вотъ въ такомъ родѣ: можетъ ли Богъ заботиться о насъ бѣднякахъ? Не создалъ ли Онъ міръ только для знатныхъ и мудрыхъ и богатыхъ? Ему не большаго стоить труда дать намъ насущный хлѣбъ и одежду, но какъ знать, можетъ-быть Онъ такъ же мало заботится о насъ, какъ мы о насѣкомыхъ, живущихъ въ саду, въ которомъ мы разводимъ лукъ и морковь? Поминетъ ли Богъ о насъ, когда мы умремъ? Есть ли у него для насъ утѣшеніе, когда мы будемъ хромы, и больны, и безпомощны? Можетъ-быть также Онъ гнѣвается на насъ; иначе зачѣмъ являются падежъ, и неурожай, и лихорадка, и всякаго рода бѣдствія, и горе? Вѣдь наша жизнь полна горя, и если Богъ посылаетъ намъ добро, Онъ также, повидимому, посылаетъ и зло. Какъ это? Какъ это?

«Ахъ, друзья мои! Мы крайне нуждаемся въ доброй вѣсти о Богѣ. И что значать другія добрыя вѣсти, если нѣтъ у насъ этой вѣсти? Вѣдь все другое кончается, и, умирая, мы все оставляемъ. Но Богъ продолжаетъ существовать, когда все остальное погбло. Что намъ дѣлать, если Онъ не будетъ нашимъ другомъ?»

Тутъ Дина разказала, какъ была принесена добрая вѣсть, и какъ забота Бога о бѣдныхъ обнаружилась въ жизни Иисуса Христа. Она останавливала особенно вниманіе на смиреніи ея и милосердіи.

«Итакъ, вы видите, друзья мои, продолжала она,—Иисусъ Христосъ провелъ свою жизнь въ благодѣяніяхъ бѣднымъ. Онъ проповѣдывалъ имъ на поляхъ, сближался съ бѣдными работниками, и училъ ихъ, и заботился о нихъ. Онъ, конечно, дѣлалъ добро и богатымъ, ибо Онъ былъ полонъ любви ко всемъ людямъ; только онъ видѣлъ, что бѣдные болѣе нуждаются въ Его помощи. Такъ Онъ лѣчилъ хромыхъ, и больныхъ, и слѣпыхъ, дѣлалъ чудеса, чтобы накормить голодныхъ, ибо, говорилъ Онъ, ему жаль было ихъ. И Онъ былъ очень добръ къ маленькимъ дѣтямъ и утѣшалъ тѣхъ, которые лишились друзей, и говорилъ очень кротко съ бѣдными грѣшниками, раскаявавшимися въ своихъ грѣхахъ.

«Развѣ вы не полюбили бы такого человѣка, еслибы видѣли его, еслибъ онъ былъ здѣсь, въ этой деревнѣ? Какое доброе должно быть у него сердце! Какимъ бы другомъ онъ былъ въ нуждѣ! Какъ пріятно было бы учиться у него!

«Но кто же, друзья мои, былъ этотъ человѣкъ? Былъ ли онъ

только добрый человекъ, очень добрый человекъ, и не болѣе, какъ покойный мастеръ Весли? Онъ былъ Сынъ Божій, по образу и по подобію Отца, говоритъ Библія; то-есть совершенно равный Богу, который есть начало и конецъ всего того, что есть, тому Богу, котораго мы хотимъ знать. Итакъ вся любовь, которую Иисусъ Христосъ показывалъ бѣднымъ, это та же самая любовь, которую Богъ имѣетъ къ намъ. Мы можемъ понимать, что чувствовалъ Иисусъ Христосъ, потому что Онъ пришелъ въ тѣлѣ, подобномъ нашему, и говорилъ такими же словами, какими мы говоримъ другъ съ другомъ. Прежде мы боялись думать о томъ, что такое Богъ, Богъ, создавшій міръ и небо, и громъ и молнію. Мы никогда не могли видѣть Его; мы могли только видѣть созданное имъ; а нѣкоторыя изъ его созданій такъ страшны, что мы не могли не дрожать, думая о Немъ. Но Спаситель показалъ намъ, что такое Богъ, такъ что мы, бѣдные невѣжды, могли понять его. Онъ открылъ намъ сердце Божіе, чувства Его къ намъ.

«Но посмотрите еще, зачѣмъ Иисусъ Христосъ пришелъ на землю. Одинъ разъ Онъ сказалъ: «Я пришелъ искать и спасти погибшихъ»; а другой разъ: «Я пришелъ призвать не праведныхъ, а грѣшниковъ къ покаянію».

«Погибшіе!... грѣшники!.. Увы! друзья мои, не мы ли это?»

До сихъ поръ путешественникъ былъ противъ воли прикованъ къ мѣсту чарующею силой нѣжныхъ звуковъ голоса Дины, который имѣлъ такія разнообразныя интонаціи, какъ хорошій инструментъ въ рукахъ талантливаго виртуоза. Простыя вещи, которыя она говорила, казались новыми, какъ знакомая мелодія пробуждаетъ въ насъ новое чувство, когда бываетъ спѣта чистымъ голосомъ молодаго пѣвца. Спокойная глубина убѣжденія, слышавшаяся въ ея голосѣ, казалась доказательствомъ истины ея проповѣди. Путешественникъ видѣлъ, что она совершенно овладѣла умами слушателей. Поселяне придвинулись къ ней, и на всѣхъ лицахъ ничего уже не было видно, кромѣ серьезнаго вниманія. Она говорила медленно, хотя совершенно свободно, и часто останавливалась послѣ какого-нибудь вопроса или перехода въ мысляхъ. Она не мѣняла своего положенія, не дѣлала жестовъ. Весь эффектъ ея рѣчи заключался въ переливахъ голоса, и когда она пришла къ вопросу: позаботится ли Богъ о насъ по смерти? она произнесла этотъ вопросъ такимъ жалобно-молящимъ тономъ, что слезы навернулись на нѣкоторыхъ изъ самыхъ суровыхъ глазъ. Иностранецъ не думалъ уже, какъ въ началѣ, что она не будетъ въ состояніи привлечь вниманіе болѣе грубыхъ слушателей, но онъ все еще сомнѣвался въ ея способности сильнѣе возбудить и потрясти ихъ чувства—способности, необходимой для методистки-проповѣдницы. Но она дошла до словъ: погибшіе!... грѣшники!...

Тутъ произошла большая перемена въ ея голосъ и наружности. Она долго молчала передъ этимъ восклицаніемъ; эта пауза, казалось, была наполнена тревожными мыслями, высказавшимися на ея физиономіи. Ея блѣдное лицо сдѣлалось еще блѣднѣе; круги подъ глазами рѣзче обозначились, какъ бываетъ, когда слезы накаплиются, не стекая, и кроткіе, любящіе глаза приняли выраженіе испуганнаго состраданія, какъ будто она вдругъ увидѣла надъ головами народа какого-то ангела-разрушителя. Голосъ сталъ гуще и глуше, но жестовъ все не было. Не было ничего менѣе похожаго на обыкновенный типъ проповѣдника, нежели Дина. Она не подражала слышаннымъ проповѣдямъ, а говорила прямо отъ души, подъ дѣйствіемъ своей собственной простой вѣры.

Теперь чувства ея приняли новое направленіе. Видъ ея сдѣлался менѣе покойнымъ; дикція болѣе быстра и изволнована. Она старалась показать народу его виновность, его добровольныя заблужденія, его неповиновеніе Богу; она заговорила о ненавистности грѣха, о святости Божіей, о страданіяхъ Спасителя, которыми Онъ открылъ людямъ путь къ искупленію. Наконецъ, въ пламенномъ желаніи воротить заблудшихъ овецъ на путь истинный, ей, казалось, было недовольно говорить всѣмъ слушателямъ въ совокупности. Она обращалась то къ тому, то къ другому изъ нихъ отдѣльно, умоляя со слезами придти къ Богу, пока еще не поздно. Она изображала имъ гибельное состояніе ихъ душъ, утопающихъ въ грѣхахъ, питающихся суетою сего бреннаго міра, далекихъ отъ Бога, Отца ихъ, а потомъ изображала любовь Спасителя, слѣдщаго за ними и ожидающаго ихъ возвращенія.

Неодинъ вздохъ, не одинъ стонъ вырвался изъ груди методистовъ въ отвѣтъ на ея слова; но умы поселянъ не легко воспламеняются: одно лишь неопредѣленное смущеніе, которое легко могло сгладиться снова, вотъ все, что до сихъ поръ вызвала въ поселянахъ не-методистахъ проповѣдь Дины. Однакоже никто не ушелъ, кромѣ дѣтей и дѣдушки Тафта, который, по своей глухотѣ не будучи въ состояніи многое разслушать, отправился назадъ, въ свой уголъ за печкою. Проволочный Бенъ былъ очень встревоженъ и почти жалѣлъ о томъ, что пришелъ слушать Дину; ему почему-то казалось, что сказанное ею будетъ преслѣдовать его такъ или иначе. Однако онъ не могъ отвести отъ нея глазъ, не могъ перестать слушать ее, и въ то же время всякую минуту онъ дрожалъ, что вотъ она посмотритъ на него и заговоритъ съ нимъ отдѣльно. Она уже заговорила такъ съ Сыпучимъ Джимомъ, который теперь держалъ ребенка, чтобы дать отдохнуть женѣ, и этотъ плотный, но мягкосердечный работникъ отеръ кулакомъ нѣсколько слезъ съ смутнымъ намѣреніемъ исправиться,

же ходить въ трактиръ и молиться аккуратно каждое воскресенье. Впереди Сыпучаго Джима стояла Чедова Бесси, которая позывала необыкновенное спокойствіе и внимательность, съ тѣхъ рѣ какъ Дина начала говорить. Не то, чтобы содержаніе проповѣди очень занимало ее: она терпалась въ затруднительныхъ размысленіяхъ о томъ, какія удовольствія и выгоды можетъ представить жизнь, подобная той, которую вела Дина. Потерявъ надежду рѣшить этотъ вопросъ, она принялась изучать носъ Дины, ея глаза, ротъ и волосы, и думать о томъ, что лучше, такого ли рода блѣдное лицо, какъ у этой проповѣдницы, или такія толстыя, красныя щеки и круглыя, черныя глаза, какъ у ней самой. Но мало-по-малу она подруглась вліянію всеобщей внимательности и стала замѣчать, что говорила Дина. Нѣжные звуки убѣжденія, исполненные любви, дѣйствовали на нее: но когда дошло до болѣе-строгихъ увѣщаній, она начала пугаться. Бѣдную Бесси всегда считали шагуной; она это знала. Если непременно должно вести себя въ этомъ дѣлѣ хорошо, то она, очевидно, была на дурной дорогѣ. Она не умѣла найти свое мѣсто въ церкви по воскресеньямъ, какъ Салли Ранъ; она нерѣдко хихикала, когда присѣдала мистеру Фривину, и этимъ недостаткамъ въ религіозности соответствовали пущенія въ болѣе-низкихъ обязанностяхъ благонавія, ибо Бесси, ездиспорно, принадлежала къ разряду тѣхъ немыхъ, небрежныхъ женщинъ, съ которыми можно съѣсть развѣ только «яйцо, яблоко или орѣхъ». Все это она вообще сознавала и до сихъ поръ не лишкомъ стыдилась. Но теперь она начала чувствовать что-то въ родѣ того, какъ еслибы констабль пришелъ вести ее въ судъ за какое-то неопредѣленное преступленіе. Ей, испуганной, представилось, что Богъ, котораго она всегда считала существомъ весьма далекимъ, очень близокъ къ ней, и что Иисусъ Христосъ возлѣ нея и смотритъ на нее, хотя она не видитъ его. Дина имѣла вѣру въ явленія Иисуса Христа, свойственную методистамъ, и необходимо передавала эту вѣру своимъ слушателямъ. Она заставляла ихъ чувствовать, что онъ дѣйствительно находится посреди ихъ и можетъ всякую минуту явиться имъ въ такомъ видѣ, который заполнить души ихъ ужасомъ и раскаяніемъ.

• Смотрите! воскликнула она, обращаясь влѣво и устремляя глаза на одну точку надъ головами народа:—смотрите! Вонъ стоитъ нашъ Господь и простираетъ къ вамъ руки. Слушайте, что онъ говоритъ: «Какъ часто хотѣлъ я собрать васъ, какъ курица собираетъ цыплятъ своихъ подъ крылья, и вы не хотѣли!» И вы не хотѣли!.. говорила она тономъ жалобнаго упрека, снова обращаясь къ народу. Видите ли вы раны гвоздей на Его рукахъ и ногахъ? Ваши грѣхи нанесли Ему эти раны! Какъ Онъ блѣденъ и изнуренъ! Онъ прошелъ черезъ всѣ страданія въ саду, когда душа Его

была прискорбна даже до смерти, и крупныя капли кроваваго пота катились на землю. На Него плевали, и ругались надъ Нимъ, и били Его бичомъ, и осмѣяли Его, и возложили на Него тяжелый крестъ, который раздавилъ Ему плечи. Потомъ пригвоздили Его. О! какія страданія! Его уста пересохла отъ жажды, и надъ нимъ все еще смѣются въ этихъ великихъ мученіяхъ. Но [пересохшими устами Онъ все-таки молился за нихъ: Отче, отпусти имъ, не вѣдать бо, что творять. Потомъ напалъ на него ужасъ глубокой тьмы, и онъ почувствовалъ, что чувствуютъ грѣшники, навсегда оставленные Богомъ. Это была послѣдняя капля въ чашѣ горести. Боже мой, Боже мой! восклицаетъ Онъ,—вскую ма еси оставилъ!

«Все это претерпѣлъ Онъ для васъ. Для васъ! а вы никогда не думаете о Немъ; для васъ, а вы отворачиваетесь отъ Него; вы забываете, сколько пострадалъ Онъ для васъ. Но Онъ не устаетъ трудиться для васъ: Онъ всталъ изъ мертвыхъ, Онъ молится за васъ одесную Бога: Отче, отпусти имъ, не вѣдать бо, что творять. Онъ также и на землѣ; Онъ посреди насъ, Онъ въ эту минуту стоитъ съ вами рядомъ; я вижу Его израненное тѣло и взглядъ Его, исполненный любви.»

Тутъ Дина обратилась къ Бесси Кренеджъ; бодрая молодость и очевидная суетность ея внушили Динѣ состраданіе.

«Бѣдное, бѣдное дитя! Онъ умоляетъ тебя, а ты не слушаешь его. Ты думаешь о серьгахъ и красивыхъ платьяхъ и чепцахъ, и не думаешь никогда о Спасителѣ, который умеръ, чтобъ искупить твою безсмертную душу. Придетъ время, и твои щеки покроются морщинами, и волосы твои посѣдѣютъ, и тѣло твое похудѣетъ и ослабѣетъ! Тогда ты почувствуешь, что душа твоя не спасена; тогда тебѣ надо будетъ предстать передъ Бога въ одеждѣ грѣховъ, и причудъ, и суетныхъ помысленій. И Христосъ, который готовъ помочь тебѣ теперь, не поможетъ тогда, и такъ какъ ты не хотѣла, чтобъ Онъ былъ твоимъ спасителемъ, Онъ будетъ твоимъ судіей. Теперь Онъ смотритъ на тебя съ любовію и милосердіемъ и говоритъ тебѣ: приди ко Мнѣ, да получишь жизнь; тогда Онъ отвернется отъ тебя и скажетъ: отиди отъ Меня въ огонь вѣчный!»

Вытаращенные черные глаза бѣдной Бесси начали наполняться слезами, ея большія, красныя щеки совершенно поблѣднѣли, и лицо приняло такое выраженіе, какъ у маленькихъ дѣтей, когда они готовы заплакать.

«Бѣдное, ослѣпленное дитя! продолжала Дина: — что еслибы съ тобою случилось то же, что случилось съ одною рабой Божіей во дни ея суетности? И она думала только о нарядахъ и копилъ деньги, чтобы покупать ихъ. Она не заботилась о томъ, чтобъ очистить свое сердце, исправить свой умъ: ей хотѣлось только

Быть одѣтою лучше другихъ женщинъ. И однажды, когда, надѣвъ новый чепецъ, она взглянула въ зеркало, то увидѣла въ немъ окровавленную голову, увѣнчанную терніемъ. Эта голова смотритъ на тебя теперь.»

Тутъ Дина указала на точку прямо передъ лицомъ Бесси.

«О! оторви эти бранныя украшенія; отбрось ихъ отъ себя, какъ ядовитыхъ змѣй! Они наносятъ тебѣ пагубныя раны, они отравляютъ твою душу, они влекутъ тебя въ бездонную пропасть, гдѣ ты навѣки потонешь, все болѣе и болѣе удаляясь отъ свѣта и Бога!»

Бесси не могла болѣе вынести: великій ужасъ напалъ на нее, и, вырвавъ серьги изъ ушей, она бросила ихъ на землю, громко рыдая. Отецъ ея, Чедъ, пораженный такимъ обращеніемъ непокорной Бесси, какъ чудомъ, и боясь, какъ бы ему самому не поддаться вліянію проповѣдницы, поспѣшно ушелъ и принялся колотить по своей наковальнѣ, чтобъ успокоить себя. «Что они тамъ ни говорятъ, нужно же ковать лошадей, за это чортъ не возьметъ мою душу», бормоталъ онъ про-себя.

Но теперь Дина начала говорить о радостяхъ, уготованныхъ кающимся, и описывать съ свойственною ей простотою божественный миръ и любовь, которыми наполнена душа вѣрующаго. Она говорила, какъ сознаніе любви Божіей превращаетъ бѣдность въ богатство и удовлетворяетъ душу, такъ что ея не волнуютъ болѣе тревожныя желанія, не смущаютъ опасенія; какъ наконецъ угасаетъ самый первородный грѣхъ, и небо начинается на землѣ, ибо никакія тучи не проходятъ болѣе между душой человѣка и Богомъ, ея вѣчнымъ солнцемъ.

«Друзья мои, сказала она наконецъ,—мои братья и сестры, любимые мною за то, что ради васъ умеръ Господь нашъ, повѣрьте мнѣ, я знаю это блаженство, и потому что знаю его, я желаю, чтобъ и вы стали причастны ему. Я бѣдна, какъ и вы; я своими руками зарабатываю себѣ пропитаніе, но ни одинъ вельможа и ни одна знатная дама не могутъ быть такъ счастливы, какъ я, если въ душахъ ихъ нѣтъ любви Божіей. Подумайте, что такое за благо ничего не ненавидѣть, кромѣ грѣха; быть полнымъ любви ко всякому созданію; ничего не пугаться; быть увѣреннымъ, что все идетъ къ лучшему, не унывать отъ посѣщающей скорби, ибо это воля Отца нашего; знать, что ничто на свѣтѣ, даже если бы земля сгорѣла, или воды потопили насъ,—ничто не можетъ отторгнуть насъ отъ Бога, который любитъ насъ и наполняетъ наши души миромъ и радостью, ибо мы знаемъ, что воля Его всегда свята, справедлива и блага.

«Друзья мои, придите и примите это блаженство; оно предлагается вамъ; это та добрая вѣсть, которую Христосъ пришелъ

проповѣдывагь бѣднѣмъ. Это сокровище не похоже на богатства сего міра, которыхъ чѣмъ больше пріобрѣтаешь, тѣмъ меньше имѣешь покоя. Богъ безконеченъ; любовь его безконечна:

-Любовью Божьей полонъ свѣтъ,
Для всѣхъ она равна;
Предъловъ ей и мѣры нѣтъ,
Не прейдетъ вѣкъ она!-

Дина говорила по крайней мѣрѣ часть, и красноватый свѣтъ заходящаго солнца придавалъ ея словамъ какую-то поразительную торжественность. Иностранецъ, котораго проповѣдь заинтересовала, какъ какая-нибудь драма,—ибо такая обаятельная сила есть во всякомъ искреннемъ, незаготовленномъ напередъ краснорѣчїи, открывающемъ намъ внутреннюю драму чувствъ говорящаго,—теперь повернулъ свою лошадь и поѣхалъ дальше своею дорогой, куда Дина говорила: «споемте немного, друзья мои». Когда онъ съѣзжалъ съ пригорка, до него достигли голоса методистовъ, то возвышавшіеся, то падавшіе съ тѣмъ страннымъ сліяніемъ восторга и грусти, которое составляетъ характеристическую черту религиозныхъ гимновъ.

ГЛАВА III.

Послѣ проповѣди.

Менше часу спустя, Сеть Бидъ шелъ съ Диною по тропинкѣ вдоль пастбищъ и зеленыхъ полей, лежащихъ между деревней и господскою фермой. Дина сняла свой квакерскій чепчикъ и несла его въ рукахъ, чтобы полнѣе наслаждаться прохладой вечернихъ сумерекъ, и Сеть могъ ясно видѣть выраженіе ея лица; онъ шелъ помѣе нея, робко обдумывая что-то, что хотѣлъ сказать ей. То было выраженіе безсознательной, кроткой серьезности: она, очевидно, была погружена въ думы, не имѣющая никакого отношенія къ настоящему или къ ея собственной личности,—настроеніе, всего менѣе способное ободрить влюбленнаго человѣка. Самая походка ея отнимала надежду: въ ней была спокойная сила, не нуждающаяся въ чужой помощи. Сеть смутно сознавалъ это. Онъ говорилъ себѣ: она слишкомъ чиста и свята для кого бы то ни было; обо мнѣ уже нечего и говорить,—и слова, которыя онъ подбиралъ въ своихъ мысляхъ, замерли, не дошедши на его уста. Но другая мысль ободрила его: никто не могъ бы любить ее больше меня и оставить ей больше свободы для со-

вершенія божественнаго дѣла. Они уже нѣсколько минутъ молчали, послѣ того какъ перестали говорить о Бесси Кренеджъ. Дина, казалось, почти забыла, что рядомъ съ ней идетъ Сеть, и шагъ ея становился такъ скоръ, что, видя какъ мало времени имъ остается уже до воротъ фермы, Сеть рѣшился заговорить.

— Вы непременно хотите отправиться назадъ въ Сноуфильдъ въ субботу, Дина?

— Да, отвѣчала Дина спокойно. — Я нужна тамъ. Покуда я размышляла въ воскресенье вечеромъ, на душу пришло мнѣ, что больная сестра Алина нуждается во мнѣ. Я видѣла ее такъ же ясно, какъ мы теперь видимъ это бѣлѣющее облачко; она подняла свою тощую руку и звала меня. И сегодня утромъ, когда я открыла Библию, чтобъ узнать, что мнѣ слѣдуетъ дѣлать, мнѣ прежде всего попались на глаза слова: «И, увидѣвъ видѣніе, мы тотчасъ же старались отправиться въ Македонію». Еслибы я не такъ явно видѣла въ этомъ волю Божию, мнѣ было бы жаль идти; сердце мое болитъ за мою тетку и дѣтей ея и за эту бѣдную, заблудшую овцу, Гетти Соррель. Дай Богъ, чтобы благодать низошла на нее!

— Дай Богъ! сказалъ Сеть. — Мнѣ кажется, Адамъ такъ привязанъ къ ней, что никогда не обратится ни къ кому другому; меня огорчило бы, еслибъ онъ на ней женился, мнѣ не вѣрится, что она сдѣлаетъ его счастливымъ. Великая тайна, какимъ образомъ сердце мушны обращается къ одной женщинѣ изъ всѣхъ, которыхъ онъ видитъ, и ему легче работать для нея семь лѣтъ, какъ Іаковъ работалъ для Рахили, чѣмъ взять другую женщину, которую ему отдають обѣими руками. Я часто думаю объ этихъ словахъ: «и Іаковъ работалъ семь лѣтъ для Рахили, и они показались ему немногими днями, такъ сильно любилъ онъ ее». Я знаю, что эти слова оправдались бы на мнѣ, Дина, еслибы вы дали мнѣ надежду выслужить васъ себѣ черезъ семь лѣтъ. Я знаю, вы думаете, что мужъ развлекалъ бы ваши мысли, потому что апостолъ Павелъ говоритъ, что замужняя женщина заботится о предметахъ міра сего, какъ бы посправиться мужу; и можетъ въ сочете дерзостію съ моей стороны, что я снова заговорилъ съ вами объ этомъ, послѣ того какъ вы сказали мнѣ въ прошлую субботу, что вы объ этомъ думаете. Но я думалъ объ этомъ и ночью и днемъ, и молился, чтобы желанія мои не ослѣпили меня и не заставили считать хорошимъ для васъ то, что хорошо только для меня самого. И мнѣ кажется, что никогда вы не найдете столько мѣстъ Св. Писанія противъ замужства, сколько въ пользу его; ибо Св. Павелъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ, какъ нельзя яснѣе: «Я хочу, чтобы молодые женщины выходили замужъ, и рождали дѣтей, и заведывали домомъ, и

не давали бы врагу повода къ нареканіямъ», и дагѣ: «двое лучше одного». Мы жили бы душа въ душу, Дина. Мы оба служимъ одному господину и ищемъ однихъ и тѣхъ же даровъ, и мнѣ никогда не вошло бы въ голову требовать отъ васъ чего-нибудь, что могло бы помѣшать вамъ въ совершеніи дѣла, для котораго Богъ васъ назначилъ. Я бы употребилъ всевозможныя усилія, чтобы дать вамъ какъ можно больше свободы,—больше, чѣмъ у васъ теперь: теперь вы должны зарабатывать себѣ пропитаніе сами, а у меня довольно силы, чтобы работать на насъ двоихъ.

Разъ начавъ говорить, Сеть продолжалъ серіозно и почти торопливо, чтобы Дина не сказала какого-нибудь рѣшительнаго слова, прежде чѣмъ онъ успѣетъ высказать всѣ заготовленные имъ доводы. Его щѣки разгорались, по мѣрѣ того какъ онъ говорилъ, его кроткіе, сѣрые глаза наполнились слезами, и голосъ его дрожалъ, когда онъ произнесъ послѣднюю фразу. Они дошли до одного изъ тѣхъ весьма узкихъ проходовъ между двухъ высокихъ камней, которые служатъ заборами въ Ломширѣ; Дина остановилась и, обращаясь къ Сету, сказала своимъ нѣжнымъ, но спокойнымъ, звучнымъ голосомъ:

— Сеть Бидъ, я благодарю тебя за твою любовь ко мнѣ, и еслибы я могла смотрѣть на какого бы то ни было мужчину иначе, какъ на брата во Христѣ, я, по всей вѣроятности, смотрѣла бы такъ на тебя. Но душа моя не свободна и не можетъ отдаться мужу. Это хорошо для другихъ женщинъ, и великое и благословенное дѣло быть женою и матерью. Но пусть каждый совершаетъ то, что Богъ далъ ему въ удѣлъ, и идетъ туда, куда призвалъ его Господь. Богъ призвалъ меня служить другимъ, не имѣть своихъ радостей или страданій, но ликовать съ ликующими и плакать съ плачущими. Онъ призвалъ меня возвѣщать Его слово и милостиво помогать мнѣ. Только по очень-явномъ указаніи рѣшилась бы я оставить моихъ братьевъ и сестеръ, лишенныхъ почти всѣхъ благъ сего міра въ Сноффилдѣ, гдѣ деревьевъ такъ мало, что ребенокъ пересчиталъ бы ихъ, и гдѣ такъ трудно жить бѣднымъ зимою. Мнѣ было дано утѣшать и поддерживать малое стадо и обратить многихъ заблудшихъ на путь истины, и душа моя полна этими помышленіями съ самаго того времени, какъ я встаю, до того времени, какъ ложусь. Жизнь моя такъ коротка и дѣло Божіе такъ велико, что я не могу подуматъ завести себѣ свое собственное семейство. Я не была глуха на твои слова, Сеть; увидѣвъ, что мнѣ дана твоя любовь, я сочла это для себя указаніемъ Провидѣнія измѣнить мой образъ жизни и думала, что мы можемъ вмѣстѣ помогать людямъ, и обратилась съ вопросомъ къ Богу. Но каждый разъ, какъ я старалась остановить мой умъ на бракѣ и на томъ,

акъ будемъ мы жить съ тобою вмѣстѣ, другія мысли постоянно озникали во мнѣ, мысли о тѣхъ временахъ, когда я молилась изголовья больныхъ и умирающихъ, и о тѣхъ счастливыхъ часахъ, когда я проповѣдывала, и душа моя была полна любви, и слово давалось мнѣ обильно. И когда я открывала Библію для своего поученія, я всегда нападала на какое-нибудь мѣсто, ясно говорившее, гдѣ мое дѣло. Я вѣрю тебѣ, Сеть; я вѣрю, что ты старался бы быть мнѣ помощію, а не помѣхой; но я вижу, что нашъ бракъ не угоденъ Богу; Онъ влечетъ мое сердце въ другую сторону. Я хочу жить и умереть безъ мужа и безъ дѣтей. Мнѣ кажется, что въ душѣ моей нѣтъ мѣста для моихъ собственныхъ нуждъ и заботъ; Богу было угодно наполнить ее нуждами и страданіями Его бѣднаго народа.

Сеть не былъ въ состояніи отвѣчать, и они пошли далѣе молча. Наконецъ, когда они были почти у самыхъ воротъ, онъ сказалъ:

— Итакъ, Дина, я долженъ искать силы, чтобы перенести это. Но я вижу теперь какъ слаба моя вѣра. Мнѣ кажется, что когда вы уйдете отсюда, для меня не будетъ уже радостей. Я думаю, что чувство мое къ вамъ превышаетъ обыкновенную любовь къ женщинамъ, что я былъ бы доволенъ и не будучи вашимъ мужемъ, еслибъ я могъ пойти жить въ Снофильдъ и быть съ вами. Я считалъ могучую любовь къ вамъ, внушенную мнѣ Богомъ, указаніемъ для насъ обомъ; но кажется, она была назначена только въ испытаніе мнѣ. Можетъ-быть я люблю васъ больше, чѣмъ слѣдовало бы любить какое бы то ни было созданіе; часто я не могу удержаться, чтобъ не отнести къ вамъ слова гимна:

Когда она является въ тиши,
Такъ ясно и божественно сіяя,
Она—заря и свѣтъ моей души,
Она—моя денница золотая.

Можетъ-быть это дурно, и мнѣ слѣдуетъ исправиться. Но, скажите, вамъ не было бы непріятно, еслибы мнѣ выпалъ случай оставить эту сторону и пойти жить въ Снофильдъ?

— Нѣтъ, Сеть; но я совѣтую вамъ ждать терпѣливо и не оставлять легкомысленно родину и родственниковъ. Не дѣлайте ничего безъ яснаго велѣнія Божія. Тамъ холодный и пустынный край, не похожій на эту Гессемскую страну, къ которой вы привыкли. Мы не должны поспѣшно дѣйствовать и сами избирать свою судьбу; мы должны ждать указаній.

— Но вы позволите мнѣ написать вамъ письмо, Дина, если мнѣ нужно будетъ что-нибудь сказать вамъ?

— Конечно; дайте мнѣ знать, если васъ постигнетъ какое-ни-

будь горе. Я буду постоянно вспоминать о васъ въ моихъ молитвахъ.

Они теперь дошли до воротъ, и Сеть сказалъ:

— Я не войду, Дина, такъ прощайте же. Онъ медлилъ въ нерѣшимости, послѣ того какъ она дала ему руку, и сказалъ наконецъ:—Какъ знать, можетъ-быть вы будете иначе смотреть на вещи черезъ нѣсколько времени. Можетъ-быть новое указаніе...

— Оставимъ это, Сеть. Хорошо жить только въ настоящемъ, какъ я прочла въ одной изъ книгъ мастера Весли. Не намъ съ вами строить планы. Наше дѣло только повиноваться и вѣрить. Прощайте.

Дина пожалала ему руку съ нѣсколько-грустнымъ взглядомъ своихъ нѣжныхъ глазъ и потомъ вошла въ ворота, между тѣмъ какъ Сеть повернулъ назадъ и медленно пошелъ домой. Вмѣсто того, чтобъ идти прямо, онъ выбралъ дорогу черезъ поля, по которой они шли съ Диной, и кажется его синій полотняный платокъ былъ очень промоченъ слезами, прежде чѣмъ онъ рѣшилъ, что время въ самомъ дѣлѣ направиться къ дому. Ему было только двадцать три года, и онъ впервые узналъ, что значитъ любить, любить съ восторгомъ, внушаемымъ молодому человѣку женщиной, которую онъ сознаетъ сильнѣе и лучше себя. Любовь такого рода едва ли можно отличить отъ религіознаго чувства, какъ всякую глубокую, чистую любовь къ женщинѣ или къ дѣтямъ, къ искусству или къ музыкѣ. Наши ласки, наши нѣжныя слова, нашъ тихій восторгъ, подъ вліяніемъ осенняго заката, или длинныхъ колоннадъ, или спокойно-величественныхъ статуй, или бетговенскихъ симфоній, всегда приносятъ съ собою сознаніе, что это только мелкія волны въ неизмѣримомъ океанѣ любви и красоты. Наше чувство, въ моментъ самаго сильнаго возбужденія, переходитъ отъ выраженія къ молчанію; наша любовь, достигнувъ своей высшей степени, идетъ далѣе своего предмета и разрѣшается въ ощущеніи божественныхъ таинствъ. И этотъ благословенный даръ обожающей любви отъ начала міра былъ данъ столь многимъ бѣднымъ работникамъ, что мы не можемъ удивляться, находя его въ душѣ методиста-столяра полвѣка тому назадъ, когда еще не замолкли отголоски времени Весли и его товарищей-земледѣльцевъ, цитавшихся годами корвальскихъ полей, послѣ того какъ они истощили свои мышцы и легкія, неся божественное слово бѣднымъ.

Теперь эти отголоски давно уже смолкли, и методизмъ представляется нашему воображенію не посреди зеленѣющихъ горъ и въ густой тѣни широколиственныхъ синоморъ, гдѣ толпа грубыхъ мужчинъ и усталыхъ духомъ женщинъ вшивала вѣру, которая послужила имъ началомъ образованія, возвысила ихъ вообра-

женіе надъ грязными мелочами ихъ узкой жизни и наполнила души ихъ сознаниемъ милостиваго, любящаго, безконечнаго Провидѣнія, сознаниемъ, радостнымъ, какъ лѣто для бездомныхъ бѣдняковъ. Можетъ-быть также для нѣкоторыхъ изъ моихъ читателей съ понятіемъ методизма необходимо соединяются крыши, низко спустившіяся на грязную улицу, мелкіе москательщики, проповѣдники-лизоблюды и лицемѣрный жаргонъ,—явленія, считающіяся во многихъ гостиныхъ хорошаго тона непремѣнными элементами методизма.

Это было бы грустно; ибо я не могу не сознаться, что Сеть и Дина были не что иное, какъ методисты, конечно не такіе, какихъ мы видимъ теперь, то-есть читающіе журналы и молящіеся въ капеллахъ съ красивыми портиками, а напротивъ методисты очень стараго покроя. Они вѣрили въ явныя чудеса, въ мгновенныя обращенія, въ откровенія посредствомъ сновъ и видѣній. Они гадали и искали божественныхъ указаній, открывая Библию наудачу; они понимали Писаніе буквально—способъ, нисколько не освящаемый авторитетомъ комментаторовъ, и я никакъ не могу утверждать, что они говорили правильно и были людьми образованными. Однакоже,—если я правильно понимаю церковную исторію,—вѣра, надежда и любовь не всегда находятся въ прямомъ отношеніи къ правиламъ о согласованіи словъ, и, благодаря Бога, можно имѣть весьма ошибочныя теоріи и весьма возвышенныя чувства. Сырая ветчина, которую неуклюжая Молли удѣляетъ отъ своего скуднаго запаса и несетъ ребенку сосѣдки, чтобъ «остановить припадокъ»,—можетъ-быть, самое недѣйствительное лѣкарство; но доброе чувство любви къ ближнему, внушившее этотъ поступокъ, свѣтитъ благодѣтельнымъ свѣтомъ, который не пропадаетъ даромъ.

Если сообразимъ все это, то Дина и Сеть едва ли покажутся намъ недостойными нашего сочувствія, хотя мы можетъ-быть и привыкли оплакивать болѣе возвышенныя страданія героинь въ атласныхъ башмачкахъ и кринолинахъ, и героевъ, ѣздащихъ на горячихъ лошадяхъ и увлекаемыхъ еще болѣе горячими страстями.

Бѣдный Сеть! Онъ только разъ въ жизни сѣлся на лошадь, еще маленькимъ мальчикомъ, когда мистеръ Ионатанъ Борджъ посадилъ его себѣ за спину, приказавъ держаться крѣпче. И теперь, идя домой при торжественномъ сіяніи звѣздъ, вмѣсто того, чтобы разразиться дикимъ ропотомъ противъ Бога и судьбы, онъ вознамѣривается подавить свою грусть, не требовать исполненія своихъ желаній и жить для другихъ, какъ Дина.

ГЛАВА IV.

ДОМАШНЕЕ ГОРЕ.

Ручей, переполненный до краевъ недавними дождями, перерѣзываетъ зеленую долину; надъ нимъ наклонились низкія, гнушія ивы. Черезъ ручей переброшена доска; по этой доскѣ идетъ Адамъ Бидъ своимъ твердымъ шагомъ; за нимъ по пятамъ Джайпъ съ корзиной. Они, очевидно, пробираются къ крытому соломой дому, возлѣ котораго лежитъ груда строеваго лѣса, шагахъ въ двадцати передъ ними на склонѣ горы.

Дверь дома открыта, изъ нея выглядываетъ пожилая женщина, но эта женщина не любитъ мирно яснымъ вечеромъ; она слѣдила мутными глазами за постепенно-возраставшею точкой, нѣсколько минутъ тому назадъ убѣдилась, что это ея возлюбленный сынъ Адамъ. Лизбета Бидъ любитъ сына любовью женщины, которая поздно въ жизни получила своего первенца. Она суетливая, худая, но крѣпкая старушка, чистая, какъ только что упавшая снѣжинка. Ея сѣдые волосы аккуратно зачесаны назадъ подъ бѣлый полотняный чепчикъ, съ черною лентой. Ея широкая грудь покрыта свѣтло-желтымъ платкомъ, подъ которымъ вы видите нѣчто въ родѣ короткой кофты изъ голубой набойки, подпоясанной вокругъ талія и доходящей до колѣнъ, оставляя наружи широкій край полушерстяной юпки. Лизбета высока и вообще у ней большое сходство съ ея сыномъ Адамомъ.

Теперь глаза ея нѣсколько мутны, можетъ-быть отъ слезъ; но широкія, рѣзко очерченныя брови все еще черны, зубы ея здоровы, и руки ея, погрубѣвшія отъ работы, вяжутъ чулокъ быстро и бессознательно; съ чулкомъ въ рукѣ она стоитъ теперь такъ же прямо и бодро, какъ когда несетъ на головѣ кувшинъ съ водой, отъ колодца. И у матери, и у сына одинъ и тотъ же типъ: одинъ и тотъ же дѣятельный темпераментъ; но не отъ нея Адамъ получилъ свои густыя брови и выраженіе широкаго ума.

Въ семейномъ сходствѣ есть часто что-то глубоко грустное. Природа, этотъ великій трагикъ, связываетъ насъ другъ съ другомъ костями и мускулами и отдѣляетъ болѣе тонкою тканью нашего мозга; сливаетъ вмѣстѣ любовь и отвращеніе, и прикрѣпляетъ насъ узами сердца къ существамъ, каждое движеніе которыхъ оскорбляетъ наше чувство. Мы слышимъ голосъ, нашню собственнымъ кадансомъ высказывающій мнѣнія, которыя мы презираемъ; мы видимъ глаза, увы! такъ похожіе на глаза нашей матери, отвращающіеся отъ насъ съ холоднымъ равнодушіемъ, и

нашъ послѣдній возлюбленный ребенокъ пугаетъ насъ манерами и фязіономіей, напоминающими сестру, съ которою мы разстались во гнѣвъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Отецъ, которому мы обязаны нашимъ лучшимъ наслѣдіемъ: инстинктомъ въ ремеслахъ, живою чувствительностію къ гармоніи, безсознательнымъ искусствомъ рукъ, огорчаетъ и стыдитъ насъ своими ежедневными промахами. Давно умершая мать, которой лицо мы видимъ въ зеркалѣ, когда начинаютъ являться у насъ морщины, нѣкогда раздражала нашу молодую душу своимъ безпокойнымъ характеромъ и нерассудительною настойчивостію.

Такой безпокойный материнскій голосъ слышите вы, когда Лизбета говоритъ:

— Мой милый, пробило уже семь часовъ. Ты всегда остаешься дольше всѣхъ. Тебѣ, я думаю, очень хочется ужинать. Гдѣ же Сеть? Вѣрно опять пошелъ класть поклоны?

— Не безпокойся, мать, Сеть занятъ не дурнымъ дѣломъ. А гдѣ же отецъ? сказалъ Адамъ, быстро входя въ домъ и заглядывая въ комнату налѣво, которая служила мастерскою.—Развѣ онъ не кончилъ гробъ для Толера? Вонъ лѣсъ стоитъ точно такъ же, какъ я видѣлъ его поутру.

— Кончилъ гробъ? возразила Лизбета, идя за нимъ и продолжая вязать.—Какъ бы не такъ! Онъ отправился по утру въ Тредльстонъ и еще не возвращался. Я думаю, онъ опять попалъ въ трактиръ, въ этотъ проклятый *Опрокинутый Вагонъ*.

Темная струя гнѣва быстро разлилась по лицу Адама. Онъ ничего не сказалъ, но сбросилъ куртку и сталъ опять засучивать рукава.

— Чтò ты дѣлаешь, Адамъ? сказала мать съ испугомъ во взглядѣ и голосѣ.—Не приниматься же тебѣ опять за работу; не перекусивъ чего-нибудь.

Адамъ, раздосадованный такъ, что не могъ говорить, вошелъ въ мастерскую. Но мать бросила свои спицы, и поспѣшно идя за нимъ, взяла его за руку и сказала тономъ жалобнаго увѣщанія:

— Нѣтъ, нѣтъ, милый мой, тебѣ нельзя остаться безъ ужина, есть пироги съ мясомъ, чтò ты такъ любишь. Я ихъ нарочно оставила тебѣ. Пойдемъ, поужинай, пойдемъ со мной.

— Оставь, сказалъ Адамъ сердито, отталкивая ее и схватывая одну изъ досокъ, прислоненныхъ къ стѣнѣ.—Время ли говорить объ ужинѣ, когда тутъ гробъ обѣщали доставить въ Брокстонъ завтра въ семь часовъ утра, и ему слѣдовало бы теперь уже быть тамъ, а вонъ не вбито еще ни одного гвоздя? Ни одинъ кусокъ не пойдетъ мнѣ въ горло.

— Да вѣдь ты не можешь же кончить гробъ къ сроку, сказала

Лизбета; — ты убьешь себя работой. Тебѣ придется работать всю ночь!

— Что за дѣло до того, сколько времени мнѣ придется работать? Развѣ гробъ не обѣщанъ? Развѣ можно похоронить чело-вѣка безъ гроба? Я согласился бы скорѣе отрубить себѣ правую руку, чѣмъ такъ обманывать людей. Это меня съ ума сводить. Скоро я положу конецъ всему этому. Довольно уже я вынесъ та-кихъ штукъ.

Бѣдная Лизбета уже не въ первый разъ слышала эту угрозу, и еслибъ она была умна, она ушла бы потихоньку и въ про-долженіи часа ничего бы не говорила. Но женщина рѣдко на-учается той истинѣ, что никогда не слѣдуетъ говорить съ чело-комъ раздраженнымъ, или пьянымъ. Лизбета сѣла на лавку и на-чала плакать, и когда наплакалась до того, что голосъ ея сдѣлался уже очень жалобенъ, она заговорила:

— Нѣтъ, милый, милый мой, ты не уйдешь отъ меня, не сведешь мать свою въ гробъ, не предашь отца разоренію. Вѣдь тебѣ не хо-тѣлось бы, чтобы меня отвезли на кладбище въ твоемъ отсут-ствии? Я не найду покоя въ могилѣ, коли не буду видѣть тебя въ послѣдніи минуты; а кто же дастъ знать тебѣ, когда я буду уми-рать? Когда ты уйдешь на работу въ далекіе края, и Сеть, пожа-луй, уйдетъ за тобой, а отецъ твой не въ силахъ держать пера, вѣдь у него дрожать руки, да и не будетъ знать онъ, гдѣ ты. Ты долженъ прощать своему отцу, ты не долженъ такъ злиться на него. Онъ былъ тебѣ добрымъ отцомъ, покуда не запилъ. Онъ смысленный работникъ, онъ научилъ тебя ремеслу и, вспомни, онъ ни разу не ударилъ меня, не сказалъ мнѣ ни одного дурнаго слова, даже въ пьяномъ видѣ. Вѣдь тебѣ не хотѣлось бы, чтобъ онъ попалъ въ рабочій домъ, твой родной отецъ; онъ былъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ, когда ты былъ груднымъ ребенкомъ, такой же красивый мужчина и такъ же искусенъ во всякомъ дѣлѣ, какъ ты самъ теперь.

Голосъ Лизбеты становился громче, и рыданія какъ будто ду-шили ее. Такіе звуки болѣе всего раздражаютъ чело-вѣка, несущаго истинное горе и занятаго дѣйствительною работой.

Адамъ нетерпѣливо прервалъ ее.

— Послушай, мать, не плачь, не говори такъ. Развѣ у меня и безъ того недовольно мученья? Къ чему говоришь мнѣ вещи, о ко-торыхъ я и безъ того черезчуръ много думаю каждый день? Еслибъ я объ этомъ не думалъ, зачѣмъ же бы мнѣ стараться о нашихъ домашнихъ дѣлахъ такъ, какъ я стараюсь? Но я терпѣть не могу говорить попустому; я берегу свою грудь для работы, а не для раздabarыванья.

— Я знаю, ты дѣлаешь то, чего никто бы не сдѣлалъ. Только ты всегда такъ крутъ съ своимъ отцомъ, Адамъ. Сету ты все

спускаешь, ты останавливаешь меня, когда я упрекну его въ чемъ-нибудь; ни на кого ты такъ не сердилъся, какъ на своего отца.

— Я думаю, лучше сердиться, чѣмъ разговаривать кротко и давать всему идти къ чорту, не такъ ли? Еслибъ я съ нимъ не былъ кругъ, онъ продалъ бы весь матеріалъ со двора и пропилъ бы деньги. Я знаю обязанность отца, а я не обязанъ помогать ему, чтобъ онъ поскорѣе загубилъ себя. И къ чему ты тутъ пришла Сета? Парень, кажется, не дѣлаетъ ничего дурнаго. Оставь меня, мать, и дай мнѣ работать.

Лизбета не смѣла говорить болѣе; она встала и позвала Джайпа; если Адамъ отказался отъ ужина, который она накрыла въ сладкой надеждѣ любоваться сыномъ, покуда онъ станетъ ѣсть, то она хотѣла утѣшиться, накормивъ Адамову собаку съ необыкновенною щедростью. Но Джайпъ слѣдилъ за своимъ хозяиномъ, наморщивъ брови и поднявъ уши, удивленный непривычными событіями, совершавшимися передъ нимъ. Онъ взглянулъ на Лизбету, когда она позвала его, и тревожно зашевелилъ передними лапами; зная очень хорошо, что его приглашаютъ къ ужину, онъ все еще колебался и продолжалъ сидѣть на заднихъ лапахъ заботливо устремивъ глаза на хозяина. Адамъ замѣтилъ внутреннюю борьбу, происходившую въ Джайпѣ, и хотя досада сдѣлала его сегодня менѣе обыкновеннаго нѣжнымъ къ матери, однако эта досада не помѣшала ему по обыкновенію заботиться о своей собакѣ. Мы часто бываемъ добрѣе къ животнымъ, любящимъ насъ, нежели къ женщинамъ, которыя насъ любятъ. Не потому ли, что животныя нѣмы?

— Ступай, Джайпъ, ступай, другъ мой! сказалъ Адамъ, голосомъ ободряющаго приказанія, и Джайпъ, повидимому довольный тѣмъ, что долгъ и удовольствіе указываютъ на одинъ и тотъ же путь, послѣдовалъ за Лизбетой въ жилыя комнаты.

Но съѣвъ ужинъ, онъ тотчасъ же воротился къ своему хозяину, между тѣмъ какъ Лизбета съла одна плакать надъ своею работою. Тѣ женщины, которыя совсѣмъ не злы и не злопамятны, часто всѣхъ болѣе бываютъ сварливы, и если Соломонъ былъ дѣйствительно такъ мудръ, какъ говорятъ, то я увѣренъ, что, сравнивая сварливую женщину съ непрерывно-падающими каплями въ дождливый день, онъ имѣлъ въ виду не вѣдму, не фурию съ длинными когтями, капризную и думающую лишь о себѣ одной. Повѣрьте, онъ разумѣлъ доброе существо, радующееся только радости любимыхъ ею людей, которымъ не даетъ покоя, откладываящее для нихъ всѣ лакомые куски и ничего не тратящее на себя. Онъ разумѣлъ такую женщину, какъ напримѣръ Лизбета, терпѣливая и вмѣстѣ плаксивая, исполненная самоотверженія и придиричивая, женщина, которая тужитъ цѣлый день о томъ, что случилось вчера, и о томъ, что можетъ случиться завтра, и

всегда готова плакать и о добромъ, и о дурномъ. Но въ любовь ея къ Адаму виѣшалось какое-то чувство уваженія, и когда онъ говорилъ: оставь меня, она всегда умолкала.

Такъ проходило время, подъ постукиванье старыхъ стѣнныхъ часовъ и подъ звукъ Адамовыхъ инструментовъ. Наконецъ онъ закричалъ, чтобъ ему дали огня и принесли напитокъ воды (пиво пилося только по праздникамъ), и Лизбета, входя въ мастерскую, рѣшилась сказать: — Ужинъ тебѣ готовъ, когда захочешь.

— Ложись спать, мать, сказалъ Адамъ кроткимъ голосомъ. Работа разсѣяла теперь его досаду.—Я посмотрю за отцомъ, когда онъ придетъ. Можетъ-быть онъ и вовсе не воротится сегодня. Я буду покойнѣе, коли ты ляжешь.

— Нѣтъ, я дождусь Сета; теперь онъ, я думаю, скоро придетъ.

Часы, которые всегда шли впередъ, показывали десятый часъ; но десяти еще не пробило, какъ дверь отворилась, и вошелъ Сеть. Подходя къ дому, онъ слышалъ звукъ инструментовъ.

— Чтò такое, мать? сказалъ онъ: — отчего это отецъ работаетъ такъ поздно?

— Это не отецъ твой работаетъ, ты бы могъ это узнать, еслибъ голова твоя не была набита проповѣдями; все дѣлаетъ братъ твой; кромѣ его никого не бываетъ на-лицо, когда нужно.

Лизбета продолжала говорить, ибо она нисколько не боялась Сета и обыкновенно изливала на него всѣ жалобы, сдерживаемыя робостью передъ Адамомъ. Сеть ни разу въ жизни не сказалъ матери рѣзкаго слова, а робкіе люди всегда изливаютъ свою досаду на человѣка кроткаго. Но Сеть съ озабоченнымъ видомъ вошелъ въ мастерскую и сказалъ:

— Чтò такое, Адди? какъ! отецъ забылъ гробъ?

— Да, братъ, старая пѣсня; но онъ будетъ готовъ, сказалъ Адамъ, поднимая голову и бросая на брата одинъ изъ своихъ ясныхъ, пронизательныхъ взглядовъ. — Но чтò съ тобою? Ты огорченъ. Глаза Сета были красны, и на кроткомъ лицѣ его выражалось глубокое уныніе.

— Да, Адди, но этому помочь нельзя, надо крѣпиться. Такъ ты не былъ въ школѣ?

— Въ школѣ? Нѣтъ, это дѣло терпѣть, сказалъ Адамъ, начиная снова колотить.

— Пусти меня теперь и поди лягъ, сказалъ Сеть.

— Нѣтъ, парень, я теперь расхотѣлся и буду ужъ лучше продолжать. Ты pomoжешь мнѣ отнести гробъ въ Брокстонъ, когда онъ будетъ готовъ. Я тебя разбужу на зарѣ: Поди ужинать и затвори дверь, чтобъ я не слышалъ, чтò говоритъ мать.

Сеть зналъ, что Адамъ всегда дѣлалъ такъ, какъ говорилъ, и

о его нельзя было переубѣдить. Поэтому онъ пошелъ довольно устно въ жилыя комнаты.

— Адамъ не ѣлъ ни куска, съ тѣхъ поръ, какъ пришелъ, сказала Лизбета. — Ты, я думаю, поужиналъ у кого-нибудь изъ твоихъ методистовъ?

— Нѣтъ, мать, отвѣчалъ Сеть, — я не ужиналъ.

— Ну, такъ пойдемъ, сказала Лизбета;—но не ѣшь этихъ пироговъ, потому что Адамъ можетъ-быть съѣсть ихъ, если я ихъ ставлю на столъ. Онъ любитъ пироги съ мясомъ. Только онъ какъ разсердился, что не хотѣлъ ихъ ѣсть, и я отложила ихъ наочно для него. Еще онъ опять грозился уйдти, продолжала она, сшлипывая: — увѣрена я, что онъ уйдетъ когда-нибудь до развѣта, прежде чѣмъ я встану, и не скажетъ мнѣ ни слова, и ужь какъ уйдетъ, никогда потомъ не воротится. Лучше бы мнѣ не имѣть такого сына: ему нѣтъ равнаго по искусству и ловкости, его такъ уважаютъ знатные; лучше бы мнѣ не имѣть его, высокаго, и статнаго, какъ тополь, чѣмъ разстаться съ нимъ, и никогда уже потомъ не видать его.

— Полно, мать, печалиться по пустому, сказалъ Сеть успокоительнымъ тономъ.— Вдвое больше причинъ думать, что Адамъ останется, нежели, что онъ уйдетъ. Онъ можетъ сказать такую вещь въ сердцахъ, ему простибельно иногда разсердиться, а сердце никогда не позволитъ ему уйдти. Подумай, какъ онъ помогалъ намъ въ трудное время, какъ онъ откупалъ меня отъ военной службы, какъ онъ на свои заработки доставалъ лѣсъ отцу, когда у него могло бы быть много своихъ расходовъ, когда не одинъ молодой человѣкъ на его мѣстѣ давно бы женился и обзавелся бы хозяйствомъ. Онъ никогда не измѣнится, не разрушитъ своего дѣла, и не оставитъ тѣхъ, которымъ всю жизнь помогалъ своимъ трудомъ.

— Не говори мнѣ о женитьбѣ его, сказала Лизбета, снова рыдая.— Ему вскружила голову эта Гетти Соррель; это такая, что никогда не сбережетъ копѣйки, да еще все будетъ поднимать носъ на его старую мать. Какъ я подумаю, что онъ могъ бы жениться на Мери Борджъ, и войдти въ часть по торговлѣ, и сдѣлаться важнымъ человѣкомъ, держать работниковъ не хуже местера... Далла мнѣ это говорила тысячу разъ. Еслибы только не вскружила ему голову эта дѣвчонка, негодная ни на что, какъ какой-нибудь цвѣтокъ... Борджа. Онъ такой мастеръ вести счеты и рисовать, а напустилъ на себя такую дурь!

— Но вѣдь ты знаешь, мать, что человѣку нельзя любить именно того, кого другимъ угодно. Никто кромѣ Бога не можетъ управитъ сердцемъ человѣка. Можетъ-быть и мнѣ бы хотѣлось, чтобъ Адамъ выбралъ другую, но я не могу упрекать его въ томъ, что не зависить отъ него. Какъ знать, можетъ-быть онъ и старается

переломить себя! Только онъ не любитъ объ этомъ говорить, и мнѣ остается только просить Бога, чтобы Богъ далъ ему силу и направилъ его.

— Да, ты всегда готовъ молиться, да молитвы-то твои что-то мало приносили тебѣ пользы. Ты не будешь получать двойной платы до Рождества (1). Никогда ты не будешь и въ положеніи такимъ человѣкомъ, какъ твой братъ, какъ ни стараются методисты сдѣлать изъ тебя проповѣдника.

— Ты, пожалуй, говоришь правду, мать, сказалъ Сеть кротко.— Мнѣ далеко до Адама, и онъ сдѣлалъ для меня больше, чѣмъ я когда-нибудь могу сдѣлать для него. Богъ распредѣляетъ людямъ таланты по своей волѣ. Только ты не должна говорить съ пренебреженіемъ о молитвѣ. Молитва можетъ-быть не даетъ денегъ, а даетъ она намъ то, чего не купишь на деньги: силу удалаться отъ грѣха и покоряться волѣ Божіей, что бы Онъ ни послалъ. Еслибы ты молилась Богу о помощи и вѣрилась бы его милости, ты не тревожилась бы такъ.

— Не тревожилась бы? да мнѣ вѣдь и слѣдуетъ тревожиться. На тебѣ видно, что значить никогда не тревожиться. Ты способенъ отдать всѣ твои заработки и совсѣмъ не тревожиться тѣмъ, что ничего не отложилъ на черный день. Еслибъ Адамъ былъ такъ же беззаботенъ, какъ ты, ему бы нечѣмъ было откупить тебя. Не заботьтесь о завтрашнемъ днѣ, не заботьтесь, вотъ что ты всегда говоришь; а что изъ этого выходитъ? Выходить, что Адаму приходится заботиться о тебѣ.

— Это слова Библии, мать, сказалъ Сеть. — Это не значить, что мы должны лѣниться. Это значить, что мы не должны черезчуръ тревожиться и мучиться тѣмъ, что случится завтра, а должны исполнять свои обязанности и предоставить остальное Божіей волѣ.

— Да, да, такой ужъ у тебя манеръ: ты всегда разводишь каплю изъ Библии въ цѣломъ ушатѣ своихъ словъ. Я не вижу, почему это ты знаешь, что слова: не заботьтесь о завтрашнемъ днѣ, значить какъ разъ то самое, что ты говоришь. Библия книга большая, ты можешь всю ее читать и выбирать тексты, и я не могу понять, зачѣмъ ты не выберешь другихъ словъ, такихъ, которыя бы не говорили одно, а значили другое. Адамъ не такъ выбираетъ; я могу понять тотъ текстъ, что онъ всегда твердить: Богу молись, а къ берегу гребись.

(1) Англійскіе рабочіе обыкновенно за десятичасовую работу получаютъ жалованье, а за работу сверхъ этого—задѣльную плату; желая наверстать зимнее время, когда уменьшается работа плотниковъ и каменщиковъ, плотники работаютъ усиленно въ осенніе мѣсяцы. *Ред.*

— Да это не библейскій текстъ, мать. Это изъ книги, которую амь выкопалъ себѣ въ лавочкѣ въ Тредльстонѣ. Писана она челомъ знающимъ, но, мнѣ кажется, уже черезчуръ свѣтскимъ. (нако эта пословица отчасти справедлива, потому что Библия воритъ намъ, что мы должны работать передъ Богомъ).

— Почему же мнѣ было знать? похоже оно на текстъ. Но что, тобою дѣлается, парень? Ты ничего не ѣшь. Не сытъ же и этимъ кусочкомъ пирога? И ты блѣденъ, какъ ломоть свѣжаго яра. Чтò съ тобою?

— Ничего, мать; мнѣ не хочется ѣсть. Я войду опять къ Адаму посмотрю, не пуститъ ли онъ меня кончать гробъ.

— Не хочешь ли теплой каши? сказала Лизбета, материнское уство которой взяло верхъ надъ привычкой ворчать.—Я въ дну минуту зажгу лучинокъ.

— Нѣтъ, мать, благодарствуй, ты очень добра, сказалъ Сеть ронутымъ голосомъ, и, ободренный этимъ проявленіемъ нѣжности, онъ продолжалъ:—дай мнѣ помолиться съ тобою объ отцѣ, и объ Адамѣ, и обо всѣхъ насъ. Можетъ-быть, это подкрѣпитъ тебя больше, чѣмъ ты думаешь.

— Пожалуй, я согласна.

Лизбета, хотя расположенная въ разговорахъ съ Сетомъ отвѣчать всегда: *нѣтъ*, имѣла смутное убѣжденіе, чувствовала, что набожность Сета можетъ доставлять пользу ей самой, охраняя ее отъ бѣдъ и освобождая ее отъ духовныхъ заботъ за самое себя.

Итакъ мать и сынъ стали вмѣстѣ на колѣни, и Сеть началъ молиться о бѣдномъ, блуждающемъ отцѣ и о тѣхъ, которые горюютъ за него дома. И когда онъ сталъ просить Бога, чтобъ Адаму никогда не пришлось поставить шатеръ свой въ далекой странѣ, и чтобы мать во все продолженіе своего земнаго странствія могла находить въ его присутствіи опору и ободреніе, всегда готовыя слезы Лизбеты снова потекли, и она громко зарыдала.

Когда они встали, Сеть опять вошелъ къ Адаму и сказалъ:— Не хочешь ли лечь хоть часа на два, а меня пустить покуда поработать?

— Нѣтъ, Сеть, нѣтъ. Уложи мать и ложись самъ.

Между тѣмъ Лизбета отерла глаза и послѣдовала за Сетомъ, держа что-то въ рукахъ. Это было коричневое съ желтоватыми разводами деревянное блюдо съ варенымъ картофелемъ, кашей и кусками мяса. Тогда была дороговизна, и пшеничный хлѣбъ и свѣжее мясо были рѣдкостью для рабочаго народа. Она поставила блюдо довольно робко на скамейку возлѣ Адама и сказала:—Ты можешь съѣсть кусокъ, не переставая работать. Я тебѣ принесу еще воды.

— Да, мать, пожалуста, сказалъ Адамъ кротко. — Меня начинаетъ томить сильная жажда.

Черезъ полчаса все утихло; въ домѣ не было слышно никакаго звука, кромѣ громкаго постукиванія старыхъ стѣнныхъ часовъ и стука Адамовыхъ инструментовъ. Ночь была очень тиха: когда Адамъ отворилъ дверь, чтобы выглянуть на дворъ въ двѣнадцать часовъ, жизнь была замѣтна только въ рдѣющихъ, мерцающихъ звѣздахъ; каждая былинка травы спала.

Физическое напряженіе и усталость обыкновенно даютъ чистству и воображенію господство подъ нашими мыслями; такъ былъ и съ Адамомъ въ этотъ вечеръ. Покуда мышцы его дѣятельно работали, его умъ оставался въ бездѣйствіи, какъ зритель въ діорамъ передъ нимъ носились видѣнія грустнаго прошедшаго и вѣроятно столько же грустнаго будущаго, быстро смѣняясь одиными другими. Онъ видѣлъ, что будетъ завтра утромъ, когда онъ отнесетъ гробъ въ Брокстонъ и воротится домой завтракать: отецъ его будетъ можетъ-быть дома, ему будетъ стыдно глядѣть въ глаза сыну: онъ сядетъ, болѣе дряхлый, болѣе дрожащій чѣмъ наканунѣ, и повѣситъ голову и станетъ разсматривать каменныя шашки пола; а Лизбета будетъ спрашивать у него, какимъ чудомъ по его мнѣнію, былъ оконченъ гробъ, который онъ бросилъ не додѣланнымъ, ибо Лизбета всегда первая произносила слово упрека, хотя она и горевала объ Адамовой строгости къ отцу.

«Такъ будетъ продолжаться, все хуже и хуже, думалъ Адамъ, нельзя вскатиться на гору, нельзя даже и остановиться, когда катишься внизъ.» Потомъ приходили ему на память тѣ дни, когда онъ былъ маленькимъ мальчикомъ и бѣжалъ возлѣ отца, гордясь тѣмъ, что его берутъ на работу, и гордясь еще болѣе похвалкою отца передъ другими работниками, что этотъ мальчишка имѣетъ необыкновенную способность къ плотничеству. Какой красивый и бодрый мужчина былъ тогда его отецъ! Когда спрашивали Адама, чей онъ сынъ, онъ отвѣчалъ съ чувствомъ собственнаго достоинства: «Я сынъ Тіаса Бида.» Онъ былъ увѣренъ, что всякій знаетъ Тіаса Бида; развѣ не онъ сдѣлалъ удивительную голубятню въ домѣ священника въ Брокстонѣ? То были счастливые дни, особенно когда Сеть, который былъ тремя годами моложе, началъ также выходить на работу, и Адамъ сдѣлался не только ученикомъ, но и учителемъ. Но потомъ настали дни горести, когда Адаму было за десять лѣтъ, и Тіасъ началъ шататься по трактирамъ, и Лизбета начала шататься дома и изливать свои жалобы сыновьямъ. Адамъ хорошо помнилъ ту ночь стыда и страха, когда онъ въ первый разъ увидѣлъ отца своего дикимъ и безумнымъ, когда отецъ буйно горланилъ какую-то пѣсню посреди пьяныхъ товарищей въ трактирѣ

Отрокинутый Вазонъ. Разъ, когда ему было только осмнадцать лѣтъ, онъ убѣжалъ изъ дому на разсвѣтъ съ синимъ узелкомъ на плечѣ и съ *Книгою измѣреній* въ карманѣ, говоря себѣ весьма рѣшительно, что онъ не въ силахъ долѣе выносить домашнія непріятности, что пойдетъ искать счастья куда глаза глядятъ, куда приведетъ случай. Но когда онъ дошелъ до Стонитона, мысль о матери и Сетѣ, оставленныхъ имъ въ нуждѣ, стала неотступно его преслѣдовать, и рѣшимость покинула его. Онъ воротился на слѣдующій день, но страданія и страхъ, которые мать пережила въ эти два дни, съ тѣхъ поръ не переставали носиться передъ нею.

— Нѣтъ, говорилъ себѣ Адамъ,—этого не должно быть въ другой разъ. Плохо потянуть мои дѣла на всахъ въ послѣдній часъ, когда моя бѣдная, старая мать станетъ на сторону дурныхъ моихъ дѣлъ. Моя спина широка и крѣпка, я былъ бы трусъ, еслибъ ушелъ и свалилъ всѣ заботы на людей, которымъ не вынести съ мое. «Сильные должны носить тяготы слабыхъ и не думать о собственномъ удовольствіи.» Вотъ текстъ: къ нему не нужно подносить свѣчки; онъ свѣтитъ собственнымъ свѣтомъ. Дѣло ясное, что идешь по дурной дорогѣ въ этой жизни, когда гоняешься и за тѣмъ, и за этимъ, изъ-за того чтобы было тебѣ самому какъ-нибудь получше да попріятнѣе. Свиныя пусть тычетъ носъ въ корыто да и не думаетъ больше ни о чемъ; а коли ты человѣкъ, да у тебя есть душа, такъ не уснешь покойно на пуховикѣ и не скажешь: пусть себѣ другіе валяются на камняхъ. Нѣтъ, коли я иду подъ ярмомъ, такъ не пожалѣю своей шеи и не заставлю тянуть тѣхъ, кто маломочнѣе меня. Отецъ тяжелый мнѣ крестъ, и кажется, что мнѣ впереди придется нести этотъ крестъ еще много длинныхъ годовъ. Ну что жъ? у меня есть здоровье, руки, хватить и духу.

Въ эту минуту послышался сильный ударъ въ дверь дома, какъ будто кто ударилъ въ нее вѣткою лозы, и Джайпъ, вмѣсто того чтобы залаять, какъ можно было ожидать, испустилъ громкій вой. Адамъ, очень встревоженный, бросился къ двери и отворилъ ее. Но не было никого; все было тихо, какъ часъ тому назадъ: листья не двигались и при свѣтѣ звѣздъ виднѣлось мирное поле по обѣимъ сторонамъ ручья, безъ всякихъ слѣдовъ жизни. Адамъ обошелъ вокругъ дома, и все-таки не видалъ ничего, кромѣ крысы, которая бросилась подъ бревна, когда онъ прошелъ. Онъ воротился въ комнату удивленный; звукъ этотъ былъ такъ страшенъ, что въ ту минуту, какъ онъ услышалъ его, ему пришла въ голову мысль объ ударѣ волшебнаго жезла. Онъ не могъ удержаться отъ содроганія, вспомнивъ, какъ часто мать разказывала ему, что такой именно звукъ слышится въ ту минуту, когда кто-

нибудь умираетъ. Адамъ не имѣлъ склонности къ пустымъ предразсудкамъ, но въ немъ текла крестьянская кровь, вмѣстѣ съ кровью ремесленника, а крестьянинъ точно такъ же не можетъ отдѣлаться отъ старыхъ повѣрій, какъ лошадь не можетъ не дрожать при видѣ верблюда. Кромѣ того, у него былъ тотъ складъ ума, въ которомъ бываетъ соединено съ проникательностію въ области знанія смиреніе въ области тайны. Антипатія къ религіозному резонерству была столько же внушаема ему глубокимъ религіознымъ чувствомъ, сколько и крѣпкимъ здравымъ смысломъ, и онъ часто останавливалъ спиритуалистическую аргументацію Сета словами: «Это великая тайна, ты немного знаешь объ ней.» Такимъ образомъ могло статься, что ухо Адама было открыто повѣрьямъ, несмотря на всю проникательность его ума. Еслибъ новое строеніе обвалилось, и ему сказали бы, что это случилось вслѣдствіе Божьяго суда, онъ бы отвѣтилъ: «можетъ-быть; но тяжесть кровли и стѣнъ была не хорошо разчитана, иначе строеніе не обрушилось бы.» Однако онъ вѣрилъ въ сны и предзнаменованія, и вы видите, что онъ содрогнулся при мысли объ ударѣ волшебнаго жезла.

Но необходимость окончить гробъ представляла ему самое лучшее противоядіе противъ страха, производимаго воображеніемъ, и въ продолженіи десяти минутъ молотокъ его звучалъ такъ непрерывно, что могъ заглушить всѣ другіе звуки, если они и существовали. Однако настала пауза, когда онъ долженъ былъ взять отвѣсъ, и опять послышался странный ударъ, и опять Джайпъ завывалъ. Въ ту же минуту, Адамъ стоялъ уже въ дверяхъ но снова все было тихо, и снова сіяніе звѣздъ не показывало передъ избою ничего кромѣ травы, обремененной росой.

Адамъ минуту думалъ съ безпокойствомъ о своемъ отцѣ; но въ послѣдніе годы онъ никогда не возвращался ночью домой изъ Тредльстона, и по всей вѣроятности слѣдовало предполагать, что онъ теперь просыпаетъ свой хмѣль въ *Опрокинутомъ Вагонѣ*. Сверхъ того мысль Адама такъ привыкла соединять представленіе о будущемъ съ грустнымъ образомъ его отца, что боязнь какого-нибудь роковаго случая была совершенно вытѣснена глубоко вкоренившеюся боязнью того постепеннаго паденія, которое представлялось какъ неизбѣжная принадлежность будущаго. Мысль, за тѣмъ представившаяся Адаму, заставила его снять башмаки и тихонько прокрасться на верхъ, чтобы послушать у дверей спальень. Но и Сетъ и мать его дышали правильно.

Адамъ сошелъ внизъ и принялся снова за работу, сказавъ себѣ: «Я не стану болѣе отворять двери. Не слѣдъ подсматривать, какое лицо у звука. Можетъ-быть есть вокругъ насъ такой міръ, котораго мы не можемъ видѣть, и ухо тоньше глаза и ловить

отъ времени до времени звукъ изъ этого міра. Иные думаютъ, что ихъ удастся также и глазами видѣть этотъ невидимый міръ; но у этихъ людей обыкновенно глаза почти ни на что другое негодны. По моему лучше видѣть, вѣрнѣ ли отвѣсь, нежели видѣть привидѣніе.»

Мыслямъ такого рода свойственно усиливаться все болѣе и болѣе, по мѣрѣ того, какъ утренній свѣтъ тушитъ свѣчи, и птицы начинаютъ пѣть. Когда красноватые лучи солнца заблестѣли на мѣдныхъ гвоздяхъ, образующихъ начальныя буквы имени на крышкѣ гроба, послѣдніе отголоски предчувствія, возбужденнаго ударомъ, таинственной вѣтки, потонули въ радостномъ сознаниі, что дѣло сдѣлано и обѣщаніе исполнено.

Сета не нужно было звать, онъ уже двигался на верху и скоро сошелъ внизъ.

— Ну, парень, сказалъ Адамъ, когда Сеть явился, — гробъ конченъ, и мы можемъ нести его въ Брокстонъ и воротиться до половины седьмаго. Я съѣмъ кусокъ пирога, и потомъ мы отправимся.

Скоро гробъ былъ нагруженъ на широкія плеча двухъ братьевъ, и они пошли въ сопровожденіи Джайпа, слѣдовавшаго за ними по пятамъ, изъ лѣснаго дворика въ узкую улицу, лежащую позади дома. До Брокстона было менѣе двухъ верстъ черезъ противолежащій холмъ, и ихъ дорога пріятно извивалась вдоль изгородей и поперекъ полей, гдѣ блѣдная жимолость и шиповникъ разливали свое благоуханіе по изгородямъ, а птицы щебетали и щелкали въ высокихъ, густыхъ вѣтвяхъ дуба и ясени. Странную смѣсь представляла эта картина: свѣжая юность лѣтняго утра, съ своимъ райскимъ миромъ и прелестью, плотная сила двухъ братьевъ, въ ихъ поношенныхъ рабочихъ платьяхъ, и длинный гробъ на плечахъ ихъ. Они немного отдохнули у маленькой фермы передъ входомъ въ Брокстонъ. Въ шесть часовъ все дѣло было сдѣлано, гробъ заколоченъ, и Адамъ и Сеть шли домой. Они выбрали кратчайшую дорогу черезъ поля и ручей передъ домомъ. Адамъ не поминалъ Сету о томъ, что случилось ночью, но въ немъ самомъ впечатлѣніе было еще такъ сильно, что онъ сказалъ:

— Сеть, парень, если отца не будетъ дома къ завтраку, тебѣ бы, я думаю, не мѣшало сходить въ Тредлстонъ и осведомиться объ немъ. Ты можешь кстати достать мнѣ мѣдной проволоки, которая мнѣ нужна. Не безпокойся о томъ, что потеряешь какой-нибудь часъ работы, мы на этотъ счетъ сдѣлаемся. Что скажешь?

— Я готовъ, отвѣчалъ Сеть, — но посмотри, какія тучи собрались съ тѣхъ поръ, какъ мы вышли изъ дому. Я думаю, будетъ

опять дождикъ. Плохой будетъ покосъ, когда затопитъ луга. Ручей и такъ ужъ довольно полонъ, еще дождикъ день, такъ зальетъ доску, и намъ придется ходить въ обходъ дорогой.

Они теперь шли по долині, и вступили на пастбище, черезъ которое протекалъ ручей.

— Чтò это такое торчать подлѣ явы? продолжалъ Сеть, начиная идти скорѣе. Сердце поднялось у Адама: неопредѣленное опасеніе за отца превратилось въ великій страхъ. Онъ не отвѣчалъ Сету, но побѣжалъ впередъ, предшествуемый Джайпомъ, который началъ лаять тревожно. Въ двѣ минуты онъ былъ у моста.

Такъ вотъ чтò значило предзнаменованіе! Съдоволосый отецъ, о которомъ онъ съ такимъ жестокосердіемъ думалъ нѣсколько часовъ тому назадъ, въ полной увѣренности, что онъ еще долго будетъ терніемъ въ его жизни, можетъ-быть въ то самое время боролся со смертію въ водѣ. Вотъ первая мысль, которая мелькнула въ совѣсти Адама, прежде чѣмъ онъ успѣлъ схватить шинель и вытащить рослое, тяжелое тѣло. Сеть былъ уже возлѣ него и помогалъ ему, и когда тѣло было на берегу, оба сына въ первую минуту стали на колѣни и глядѣли съ нѣмымъ ужасомъ въ мутные глаза, забывая, что нужно было дѣйствовать, забывая все, кромѣ того только, что отецъ ихъ лежалъ мертвымъ передъ ними. Адамъ первый заговорилъ:

— Я побѣгу къ матери, сказалъ онъ зычнымъ шепотомъ, — и ворочусь въ одну минуту.

Бѣдная Лизбета занималась приготовленіемъ завтрака своимъ сыновьямъ, и кашлица ихъ уже кипѣла на огнѣ. Ея кухня всегда была чрезвычайно опрятна, но сегодня она болѣе обыкновеннаго старалась сдѣлать свой очагъ и столъ уютными и привлекательными.

— Дѣти порядкомъ проголодаются, сказала она вполголоса, мѣшая кашу, — до Брокстона добрый конецъ, и отъ воздуха на горѣ голодъ прибавится, а у нихъ къ тому же на плечахъ этотъ тяжелый гробъ. Э-эхъ, онъ теперь еще тяжелѣе съ бѣднымъ Бобомъ Толеромъ внутри. Ну, однакоже, я сдѣлала кашицы чутьчку побольше обыкновеннаго нынѣшнее утро. Можетъ-быть и отецъ какъ разъ придетъ. Ну да онъ ужъ не будетъ ѣсть много кашицы. Онъ выпьетъ на шесть копѣекъ пива и сбережетъ кашицы на денежку; вотъ какъ онъ бережетъ деньги! Я ужъ не разъ твердила ему объ этомъ, да и нынче вѣрно опять придется говорить до вечера. Онъ, бѣдняга, кротко выслушиваетъ, надо сказать правду.

Но тутъ Лизбета услышала тяжелые, бѣгущіе шаги на дворѣ и, обернувшись къ двери, увидѣла Адама, который вошелъ такой блѣдный и разстроенный, что она громко вскрикнула

и бросилась къ нему, прежде чѣмъ онъ успѣлъ вымолвить слово.

— Полно, мать, сказалъ Адамъ нѣскольکو сиплымъ голосомъ, — не пугайся. Отецъ упалъ въ воду. Онъ можетъ-быть еще очнется. Мы съ Сетомъ сейчасъ принесемъ его въ домъ. Достань одѣяло и согрѣй его на огнѣ.

Въ сущности Адамъ былъ убѣжденъ, что отецъ его умеръ, но онъ зналъ, что не было другаго средства сдержать шумное горе матери, какъ дать ей какое-нибудь занятіе, заключающее въ себѣ надежду. Онъ побѣжалъ назадъ къ Сету, и оба сына подняли печальную ношу въ грустномъ молчаніи. Открытые глаза были того же сѣраго цвѣта, какъ у Сета; эти глаза глядѣли когда-то съ кроткою гордостію на сыновей, передъ которыми Тіасу пришлось подъ конецъ жизни со стыдомъ склонять голову. У Сета господствующимъ чувствомъ былъ ужасъ и горе о внезапномъ отнятіи души отца. Но Адамовъ умъ пробѣгалъ прошедшее съ умиленіемъ и жалостію. Когда придетъ смерть, этотъ великій примиритель, мы никогда не расквашаемся въ нашей добротѣ, но расквашаемся въ нашей строгости.

ГЛАВА V.

Ректоръ.

До полудня нѣскольکو разъ принимался сильный ливень и вода стояла глубокими лужами вдоль убитыхъ мусоромъ дорожекъ въ саду священническаго дома въ Брокстонѣ. Вѣтеръ жестоко качалъ и дождь билъ большія провансальскія розы, и всѣ нѣжные цвѣтки, окаймляющіе газонъ, были прибиты къ землѣ и измараны грязью. Грустное было утро: приближалось уже время сѣнокоса, а дождь грозилъ наводнить луга.

Но люди, имѣющіе уютный домъ, находятъ себѣ въ такое время комнатныя удовольствія, о которыхъ они никогда бы не подумали, еслибы не дождь. Не будь сыраго утра, и мистеръ Ирвинъ не игралъ бы въ шахматы съ своею матерью въ столовой, а онъ такъ любитъ и мать свою и шахматную игру, что съ ихъ помощію можетъ очень легко провести нѣскольکو ненастныхъ часовъ. Позвольте мнѣ ввести васъ въ эту столовую и показать вамъ его благословеніе Адольфа Ирвина, ректора брокстонскаго, викарія гейслопскаго, викарія блайтскаго, на котораго самому строгому преобразователю церкви было бы трудно смотрѣть съ неудоволь-

ствіемъ, такъ какъ онъ былъ одинъ пастырь на нѣсколько переходовъ. Мы войдемъ очень тихо и остановимся у растворенной двери, не пробуждая ни рыжеватого сеттера, растянувшегося поперекъ каминна подлѣ своихъ двухъ щенковъ, ни шапки, дрелюющей съ поднятою кверху мордой, какъ какой-нибудь солидный предсѣдатель.

Комната просторна и высока, съ широкимъ окномъ на одной концѣ; стѣны, какъ вы видите, новы и еще не окрашены; но мебель хотя первоначально должна была стоить дорого, стара и скучна на окнѣ нѣтъ драпировки. Пунцовое сукно на большомъ обеденномъ столѣ очень изношено, хотя представляетъ довольно приятный контрастъ съ мертвеннымъ цвѣтомъ штукатурки на стѣнахъ; но на этомъ сукнѣ стоитъ массивный серебряный вазонъ съ графиномъ воды, подобный двумъ другимъ большаго размѣра, прислоненнымъ къ стѣнѣ на боковомъ столѣ, и по срединѣ каждаго изъ этихъ подносовъ виднѣтся гербъ. Вы тотчасъ начинаете подозревать, что жителямъ этой комнаты досталось наследство болѣе крови, нежели богатства, и вы не удивитесь, замѣтивъ, что у мистера Ирвина ноздри и верхняя губа тонко очерчены; но покаместъ намъ видны только его широкая, плоская спина и изобиліе напудренныхъ волосъ, отброшенныхъ назадъ и связанныхъ сзади черною лентой,—консервативная черта въ костюмѣ, показывающая вамъ, что онъ не молодой человекъ. Онъ можетъ-быть современемъ обернется, а покуда намъ можно взглянуть на статную старую даму, мать его; это прекрасная пожилая брюнетка; цвѣтъ лица ея роскошно оттѣняется средь сборокъ чистаго, бѣлаго батиста и кружевъ вокругъ ея головы и шеи. Она такъ же стройна въ своей красивой полнотѣ, какъ статуя Цереры, и въ выраженіи ея темноватаго лица съ тонкимъ орлинымъ носомъ, твердыми горделивыми губами, маленькими черными глазками, есть что-то до такой степени пронизательное и саркастическое, что вы невольно въ вашемъ воображеніи замѣняете шахматы колодою картъ, и вамъ кажется, что она предсказываетъ вамъ вашу будущность. Маленькая, смуглая рука, которою она поднимаетъ свою ферзь, покрыта перлами, бриллиантами и бирюзой; широкій черный вуаль тщательно прикрѣпленъ къ макушкѣ ея чепчика и падаетъ на бѣлыя складки вокругъ шеи, составляя съ ними рѣзкій контрастъ. Много должно-быть нужно времени, чтобъ одѣть эту даму поутру. Но она, кажется, должна быть, по законамъ самой природы, одѣта такъ, а не иначе: она, очевидно, принадлежитъ къ числу тѣхъ царственныхъ существъ, которыя никогда не сомнѣвались въ своемъ божественномъ правѣ и никогда не встрѣчали человѣка столь безразсуднаго, чтобъ онъ рѣшился оспаривать это право.

— Чтò вы скажете на это, Адольфъ? говорить эта великолѣпная старушка, переставляя весьма спокойно свою ферзь и скрепящая руки. — Мнѣ не хотѣлось бы произнести слово неприятное вамъ.

— Ахъ вы, мать-колдунья, чародѣйка вы этакая! какъ доброму христіанину обыграть васъ? Мнѣ бы слѣдовало окропить доску святою водою передъ началомъ игры. Сознаться, что вы выиграли эту партію нечестными средствами.

— Да, да, вотъ чтò разбитые всегда говорятъ о великихъ побѣдителяхъ. Но вотъ солнце падаетъ на доску, чтобы яснѣе показать вамъ, какой вы сдѣлали безразсудный ходъ этою пѣшкой. Чтò жь, хотите еще попытать счастья?

— Нѣтъ, матушка, я предоставляю васъ вашей собственной совѣсти, такъ какъ погода разгуливается. Намъ надо пойти потоптать грязь немного, не правда ли, Юнона? Последнія слова были обращены къ рыжему сеттеру, который вскочилъ на звукъ голосовъ и положилъ носъ съ просящимъ видомъ на колѣни своего хозяина.—Но прежде мнѣ надо пойти на верхъ посмотрѣть на Анну. Меня давеча отозвали на похороны Толера, именно когда я хотѣлъ идти къ ней.

— Не къ чему, Адольфъ, она не можетъ разговаривать съ вами. Катерина говоритъ, что сегодня утромъ у ней одинъ изъ самыхъ сильныхъ припадковъ головной боли.

— Все равно, ей все-таки будетъ приятно, что я приду навѣстить ее. Никакая болѣзнь не помѣшаетъ ей желать этого.

Если вы знаете, какъ часто люди говорятъ безъ всякой цѣли, по привычкѣ, вы не удивитесь, когда я вамъ скажу, что это же самое замѣчаніе и этотъ же самый отвѣтъ тысячу разъ повторялись въ теченіи пятнадцати лѣтъ, съ тѣхъ поръ какъ сестра мистера Ирвина, Анна, нездорова. Великолѣпная старушка, долго одѣвающіяся поутру, обыкновенно не чувствуютъ большой благосклонности къ болѣзненнымъ дочерямъ.

Но куда мистеръ Ирвинъ еще сидѣлъ, глядя Юнону по голвъ, слуга подошелъ къ двери и сказалъ:

— Юсифъ Ранъ желаетъ видѣть ваше достоинство, если вы свободны.

— Пусть его введутъ сюда, сказала мистрисъ Ирвинъ, взявъ работу. — Я всегда люблю послушать мистера Рана. Сапоги у него вѣрно грязны, посмотрите, чтобъ онъ вытеръ ихъ, Карроль.

Черезъ двѣ минуты мистеръ Ранъ появился въ дверяхъ съ очень-почтительными поклонами, которые однакожь нисколько не тронули шапку, ибо она съ громкимъ лаемъ побѣжала черезъ комнату изслѣдовать ноги пришельца, между тѣмъ какъ два щенка, смотря на выдающіяся икры и поношенные чулки мистера Рана

съ болѣе чувственной точки зрѣнія, начали теревить ихъ, ворча съ великимъ наслажденіемъ. Мистеръ Ирвинъ повернулъ свой стулъ и сказалъ:

— Чтò, Юсифъ, ужъ не случилось ли чего-нибудь въ Гейслоутъ, что вы пришли сюда въ такую сырую погоду? Садитесь, садитесь. Не обращайтесь вниманія на собакъ; дайте имъ дружественный толчокъ. Эй, шапка! сюда, разбойница ты этакая!

Очень пріятно бываетъ, когда иные люди оборачиваются къ намъ, такъ пріятно, какъ внезапное дуновеніе теплаго вѣтра зимою или блескъ огня среди холода и мрака. Мистеръ Ирвинъ принадлежалъ къ числу такихъ людей. Онъ былъ похожъ на свою мать, какъ нѣжное воспоминаніе о чертахъ друга бываетъ похоже на дѣйствительное лицо его: всѣ линіи были благороднѣе, свѣтлѣе; выраженіе было добродушнѣе. Еслибы не тонкость очертаній, лицо его можно бы назвать жовіальнымъ; но это слово не передастъ той смѣси добродушія и благородства, которая была замѣтна въ немъ.

— Благодарю, ваше достопочтенство, отвѣчалъ мистеръ Ранъ, стараясь показать видъ, будто не беспокоится о своихъ ногахъ, дрягая однакоже то правую, то лѣвою ногой, чтобъ отогнать щенятъ.— Съ вашего позволенія, я постою, оно приличнѣе. Надѣюсь, что вы и мистрисъ Ирвинъ здоровы, и миссъ Ирвинъ, и миссъ Анна, надѣюсь, здоровы, какъ всегда.

— Да, Юсифъ, благодарю васъ. Вы видите, какъ бодро моя матушка смотритъ. Она заткнетъ за поясъ насъ, молодыхъ. Но чтò же случилось?

— Вотъ видите ли, сэръ. Я пришелъ въ Брокстонъ по одному дѣлу, и счелъ своею обязанностью зайти къ вамъ и уведомить васъ о трѣмъ, чтò происходитъ у насъ. Такихъ происшествій я отродясь не видалъ, хотя въ день Св. Фомы будетъ уже шестьдесятъ лѣтъ, какъ я живу въ нашей деревнѣ; собиралъ я пошлины каждую Святую недѣлю для местера Блика, еще до прибытія вашего достопочтенства въ приходъ, и бывалъ я на всѣхъ службахъ и на всѣхъ похоронахъ и пѣлъ на клиросѣ давнымъ давно, когда Бартель Масси не приходилъ еще, Богъ вѣсть откуда, съ своимъ хорovýmъ и антифоннымъ пѣніемъ, несноснымъ для всѣхъ до одинаго, кромѣ его самого, гдѣ одинъ тянетъ за другимъ, словно бараны блюють въ стойлѣ. Я знаю, въ чемъ состоитъ обязанность приходскаго писаря, и знаю, что я показалъ бы недостатокъ уваженія къ вамъ, и къ церкви, и къ королю, еслибы молчалъ, глядя на такія дѣла. Меня захватили врасплохъ, я ничего не зналъ прежде объ этомъ и такъ смутился, такъ растерялся, какъ еслибы у меня украли мои инструменты. Я спалъ только четыре часа въ прошлую ночь, и то меня всю ночь душило; ужъ лучше бы совсѣмъ не спать.

— Да скажите же на милость, что тамъ такое случилось, Юсиѣ? Воры опять ворвались въ церковь, что ли?

— Воры? нѣтъ, сэръ; а впрочемъ можно сказать, что это дѣйствительно воры и, въ добавокъ, что грабили они церковь. Методистки, сдается, завладѣютъ приходомъ, если ваше достопочтенство и его честь сквайръ Донниториъ не заблагоразсудите сказать слово и запретить это. Не смѣю я давать вамъ совѣты: я никогда не забудусь до такой степени, чтобы считать себя разумнѣе лицъ, стоящихъ выше меня. Но разуменъ ли я, или нѣтъ, дѣло не въ томъ; а что я хотѣлъ сказать вамъ, такъ скажу, что молодая методистка отъ мистера Пойзера проповѣдывала и молитвы читала на Лугу вчера вечеромъ. Это такъ же вѣрно, какъ что я стою теперь передъ вашимъ достопочтенствомъ.

— Проповѣдывала на Лугу? сказалъ мистеръ Ирвинъ съ удивленіемъ, но совершенно спокойно. — Какъ! эта блѣдная, хорошенькая дѣвушка, которую я видѣлъ у Пойзера? Я тотчасъ замѣтилъ по ея одеждѣ, что она методистка, или квакерша, или что-нибудь въ этомъ родѣ; но я не зналъ, что она проповѣдница.

— Я говорю вамъ сущую истину, возразилъ мистеръ Ранъ, придавая своему рту видъ полукруга, и остановился довольно долго, чтобы означить три восклицательныхъ знака. — Она проповѣдывала на Лугу вчера вечеромъ и овладѣла Чедовой Бессю такъ, что съ тѣхъ поръ съ дѣвкой дѣлаются припадки.

— Ну, Бессю Кренаджъ смотритъ доброю дѣвушкой, я думаю, она оправится, Юсиѣ. А еще съ кѣмъ-нибудь дѣлались припадки?

— Нѣтъ, сэръ, этого не могу сказать. Но нельзя знать, что случится, если будутъ такіа проповѣди каждую недѣлю; въ деревнѣ нельзя будетъ жить. Вѣдь эти методисты увѣряютъ народъ, что кто выпьетъ лишнюю рюмку вина и устроитъ себѣ жизнь немного поудобнѣе, тотъ отправится въ адъ, и что это такъ же вѣрно, какъ то, что онъ родился на свѣтъ. Я не гуляка и не пьяница, — этого про меня никто не скажетъ, — но я люблю выпить чарку въ Свѣтлое Воскресенье, или въ Рождество, когда всѣхъ обходишь съ пѣніемъ, и тебѣ поднесутъ даромъ, или когда собираешь пошлщины. Люблю выпить кружку пива съ трубкой и поболтать иногда по-сосѣдски у мистера Кессона. Я вѣдь, слава Богу, былъ крещенъ въ церкви и пробылъ приходскимъ писаремъ вотъ ужъ тридцать два года; такъ, кажется, мнѣ слѣдуетъ знать, что такое истинное законоположеніе церкви.

— Ну, такъ что же вы совѣтуете, Юсиѣ? Какъ, по вашему, слѣдуетъ поступать?

— Мнѣ кажется, ваше достопочтенство, что не должно преслѣдовать эту дѣвушку. Она дѣвушка порядочная, еслибы только оставила проповѣди, да и говорить, что она скоро отправляется

назадъ на свою родину. Она родная племянница местера Пойзера, и я не хочу отзываться сколько-нибудь непочтительно о семействѣ съ господской фермы; я дѣлалъ имъ и тонкіе и простые башмаки почти съ тѣхъ поръ, какъ началъ заниматься башмачнымъ дѣломъ. Но вотъ, сэръ, Вилль Маскри—закоренѣлый методистъ; я увѣренъ, что онъ подговорилъ молодую дѣвушку проповѣдывать вчера вечеромъ; онъ будетъ приводить и другихъ проповѣдниковъ изъ Тредльстона, если ему не подрѣжутъ немного крыльевъ. Такъ я думаю, его бы надо увѣдомить, что ему не дадутъ болѣе дѣлать и чинить церковныя дроги и утварь, а тѣмъ менѣе оставаться въ домѣ и во дворѣ, принадлежащемъ сквайру Доннитору.

— Хорошо, но вѣдь вы сами говорите, Юсифъ, что вы никогда прежде не слыхивали, чтобы кто-нибудь приходилъ проповѣдывать на Лугу: отчего же вы думаете, что теперь они опять будутъ приходить туда? Методисты не ходятъ проповѣдывать въ маленькія деревни, какъ Гейслопъ, гдѣ живетъ только небольшая горсть работниковъ, да и тѣмъ не до того, чтобы слушать ихъ. Никто не мѣшаетъ имъ проповѣдывать на Бинтонскихъ горахъ. Я думаю, Вилльямъ Маскри самъ не проповѣдникъ?

— Нѣтъ, сэръ, у него нѣтъ дара связывать вмѣстѣ слова, когда передъ нимъ нѣтъ книги; онъ попался бы, какъ куръ во щи. Но онъ умѣетъ говорить непочтительно о сосѣдяхъ; вѣдь сказалъ же онъ, что я слѣпой фарисей. Употреблять Библію на то, чтобы находить прозвища старшимъ!... А что и того хуже, добрые люди слышали, какъ онъ говорилъ о нашемъ достоинствѣ въ весьма-неприличныхъ выраженіяхъ. Я бы могъ привести людей, которые показали бы подъ присягой, что онъ называлъ васъ нѣмою собакой и лѣнивымъ пастыремъ. Вы меня извините, что я повторю такія вещи.

— Лучше не повторять, Юсифъ; гораздо лучше не повторять! Пусть дурныя слова такъ и умрутъ, какъ скоро ихъ кто произнесетъ. Вилльямъ Маскри могъ бы быть гораздо хуже, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ. Прежде онъ, говорятъ, былъ пьянымъ негодяемъ, пренебрегалъ работой и билъ жену. Теперь онъ человекъ зажиточный и пристойный, и, кажется, онъ и жена его живутъ какъ слѣдуетъ. Если вы мнѣ докажете, что онъ тревожитъ своихъ сосѣдей и производитъ безпокойства, я, какъ лицо духовное и должностное, сочту своею обязанностью вступиться. Но недостойно благо-разумныхъ людей, какъ мы съ вами, поднимать тревогу изъ пустяковъ, какъ будто намъ кажется, что церковь въ опасности, потому что Вилльямъ Маскри болтаетъ иногда глупости, или потому что молодая дѣвушка сказала нѣсколько серіозныхъ словъ кучкѣ работниковъ на Лугу. Надобно жить и давать жить другимъ, Юсифъ, въ дѣлѣ религіи точно такъ же, какъ и въ про-

чтѣхъ дѣлахъ. Продолжайте же исполнять свои обязанности приходскаго писаря, какъ вы всегда исполняли ихъ, и дѣлать отличные толстые сапоги для вашихъ сосѣдей, и повѣрьте, что въ Гейслопѣ не произойдетъ никакихъ великихъ несчастій.

— Вашему достопочтенству хорошо такъ говорить; я понимаю, что, такъ какъ вы не живете въ своемъ приходѣ, то на моихъ плечахъ больше заботъ.

— Конечно; и вы должны заботиться о томъ, чтобы не унижить церковь въ глазахъ народа, показывая видъ, что пугаетесь за нее отъ всякаго вздора, Юсиѣвъ. Я увѣренъ, что вы, по своему благоразумію, не будете впредь обращать ни малѣйшаго вниманія на то, что говоритъ Вилльямъ Маскри о васъ, или обо мнѣ. Вы съ вашими сосѣдями можете по прежнему выпить умеренную кружку пива, окончивъ свою дневную работу, какъ слѣдуетъ добрымъ сынамъ церкви; а если Вилльямъ Маскри, вмѣсто того, чтобы присоединиться къ вамъ, предпочитаетъ идти на молитвенный митингъ въ Тредльстонъ, пусть его идетъ; это до васъ не касается, покуда онъ не мѣшаетъ вамъ дѣлать, что вамъ угодно. А что касается до праздныхъ словъ, которыя иные говорятъ объ насъ, то мы должны обращать на это такъ же мало вниманія, какъ церковная колокольня на воронъ, каркающихъ вокругъ нея. Вилльямъ Маскри ходитъ въ церковь каждое воскресенье вечеромъ, а по буднямъ прилежно исправляетъ свою работу, и покуда онъ это дѣлаетъ, надо его оставить въ покоѣ.

— Да, сэръ, но въ церкви онъ сидитъ и качаетъ головою, и смотритъ такъ кисло и такъ надувается, покуда мы поемъ, что мнѣ хотѣлось бы треснуть его по рожъ,—да проститъ мнѣ Богъ, и мистрисъ Ирвинъ, и ваше достопочтенство, что я такъ говорю при васъ. И онъ говоритъ, что наше рождественское пѣніе похоже на трескъ сучьевъ подъ котломъ.

— Ну, такъ у него немзыкальное ухо, Юсиѣвъ. Что станешь дѣлать съ дубиноголовыми людьми! Онъ не убѣдитъ въ своемъ мнѣніи другихъ жителей Гейслопа, покуда вы будете пѣть такъ же хорошо, какъ теперь поете.

— Такъ, сэръ, но внутренность переворачивается отъ такого злоупотребленія Св. Писаніемъ. Я знаю не меньше его словъ Библии и могу прочесть псалмы во снѣ, если вы меня ущипнете; но я не коверкаю ихъ на мой собственный ладъ. Это все равно, какъ еслибы я взялъ къ себѣ домой священный сосудъ и употреблялъ бы его за столомъ.

— Это весьма умное замѣчаніе, Юсиѣвъ, но, какъ я ужесказалъ...

Покуда мистеръ Ирвинъ говорилъ, стукъ сапоговъ и брицанье шпоръ слышались на каменномъ полу прихожей, и Юсиѣвъ Ранъ поспѣшно отодвинулся отъ двери, чтобы дать мѣсто неизвѣстному

человѣку, который остановился въ дверяхъ и произнесъ звучнымъ теноромъ:

— Можно войти крестнику Артуру?

— Войдите, крестникъ, войдите! отвѣчала мистрисъ Ирки густымъ, полумужскимъ голосомъ, который былъ свойствомъ этой крѣпкой старушкѣ. Вошелъ молодой джентльменъ въ шлукъ для верховой ѣзды, съ подвязанною правою рукою, послѣ чего въ слѣдовала пріятная смѣсь веселыхъ возгласовъ, и рукожатій, и спросовъ о здоровьи, съ примѣсью радостнаго короткаго милого вилянья хвостами со стороны членовъ семейства, принадлежавшихъ къ собачьей породѣ; было ясно, что посѣтитель находится въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ къ тѣмъ, кого онъ посѣтилъ. Молодой джентльменъ былъ Артуръ Донниторнъ, известный въ Гейслопъ подъ различными названіями: «молодаго сквайра», «наслѣдника» и «капитана». Онъ былъ еще только капитанъ въ лонширской милиціи, но въ понатіяхъ фермеров Гейслопа онъ былъ какъ-то болѣе капитанъ, нежели всѣ молодые джентльмены, занимающіе тотъ же чинъ въ регулярныхъ войскахъ его величества; они меркли передъ нимъ какъ млечный путь меркнетъ передъ планетой Юпитеромъ. Если вы желаете обстоятельнѣе познакомиться съ его партизанскою, вспомните какого-нибудь молодого Англичанина, котораго вы встрѣтили въ какомъ-нибудь иностранномъ городѣ, въ которомъ вы гордились какъ своимъ соотечественникомъ; молодой человѣкъ съ рыжеватыми бакенбардами, каштановыми волосами свѣтлымъ цвѣтомъ лица, хорошо умытаго, благовоспитаннаго съ бѣлыми руками, смотрящаго мастеромъ хорошо драгаться на кулачкахъ и свалить своего противника. Я не стану, какъ какой-нибудь портной, надѣвать вамъ описаніемъ костюма и распространяться о полосатомъ жилетѣ, фракѣ съ длинными фалдами и о низкихъ ботфортахъ. Обращиваясь, чтобы взять стулъ капитанъ Донниторнъ сказалъ:

— Я, однако, не хочу прерывать Юсефа, ему нужно что-то сказать.

— Прошу почтительно извиненія у вашей чести, сказалъ Юсефъ низко кланяясь, — я хотѣлъ сказать его достопочтенству одну вещь, которую другія дѣла вытѣснили было изъ моей головы.

— Такъ наружу съ этою вещью, Юсефъ, сказалъ мистеръ Ирвинъ.

— Можетъ-быть вы не слыхали, что Тіасъ Бидъ умеръ, утопулъ сегодня утромъ, или, вѣроятнѣе, вчера ночью, въ ручей подъ ивами, возлѣ моста, передъ самымъ домомъ своимъ.

— А! воскликнули оба джентльмена въ одинъ голосъ, какъ будто это извѣстіе ихъ очень интересовало.

— И Сеть Бидь приходилъ ко мнѣ сегодня поутру и просилъ меня сказать вашему достопочтенству, что братъ его Адамъ убѣдительно просилъ у васъ позволенія вырыть могилу отцу около Бѣлаго Тернія, потому что мать очень этого желаетъ по причинѣ одного сна, который она видѣла. Они бы пришли сами просить васъ, но имъ такъ много хлопотъ съ коронеромъ (1); а мать такъ разстроена и все проситъ ихъ удержать за собою это мѣсто, чтобы кто-нибудь другой не занялъ его. Такъ если ваше достопочтенство заблагоразсудите, я пошлю къ нимъ моего мальчика, какъ только ворочусь домой. Вотъ о чемъ я осмѣливаюсь беспокоить васъ въ присутствіи его чести.

— Разумѣется, Іосифъ, разумѣется, будетъ у нихъ это мѣсто. Я самъ верхомъ съѣзжу повидаться съ Адамомъ. Но вы все-таки пошлите своего мальчика сказать, что будетъ имъ могила; можетъ случиться, что меня что-нибудь задержитъ. А теперь прощайте, Іосифъ; подите въ кухню и велите дать себѣ пива.

— Бѣдный Тіасъ! сказалъ мистеръ Ирвинъ, когда Іосифъ ушелъ.—Я думаю, хмѣль помогъ ручью потопить его. Я бы порадовался, еслибы бремя свалилось съ плечъ моего пріятеля Адама менѣе прискорбнымъ образомъ. Вотъ уже пять или шесть лѣтъ, какъ этотъ примѣрный малый спасалъ своего отца отъ разоренія.

— Онъ молодець, дѣйствительно, этотъ Адамъ, сказалъ капитанъ Донниторнъ. — Когда я былъ маленькій мальчикъ, а Адамъ парень лѣтъ пятнадцати и училъ меня столярному мастерству, я, бывало, думалъ, что если я когда-нибудь буду богатымъ султаномъ, то сдѣлаю Адама моимъ великимъ визиремъ. И теперь я увѣренъ, что онъ выдержалъ бы такое повышеніе не хуже любого мудреца восточныхъ сказокъ. Если когда-нибудь я сдѣлаюсь изъ бѣдняка съ заложенными напередъ карманными деньгами богатымъ землевладѣльцемъ, Адамъ будетъ моею правою рукой. Онъ будетъ завѣдывать моими лѣсами; онъ, кажется, знаетъ толкъ въ этомъ дѣлѣ лучше всѣхъ, кого мнѣ случалось встрѣтить. И я увѣренъ, что онъ извлекъ бы вдвое больше дохода, нежели сколько получаетъ дѣдушка при управленіи этого стараго дурака Сачеля, который столько же смыслить въ лѣсоводствѣ, сколько карась. Я говорилъ объ этомъ раза два съ дѣдушкой, но онъ почему-то недолюбливаетъ Адама, а я ничего не могу сдѣлать.

(1) *Коронеры* называются въ Англіи лица, считающіяся коронными комиссарами и избираемыя въ каждомъ графствѣ всѣми имѣющими право участвовать въ выборахъ членовъ въ парламентъ. Коронеровъ бываетъ по четыре человѣка на графство; должность ихъ пожизненная; главное ихъ занятіе состоитъ въ осмотрѣ мертвыхъ тѣлъ, произвождаемъ въ присутствіи присяжныхъ. *Прим. пер.*

Но неуждно ли будетъ, ваше достопочтенство, проѣхатьсь верхомъ со мною? Теперь погода великолѣпная. Мы можемъ вмѣстѣ съѣздить къ Адаму, если хотите; только мнѣ нужно будетъ захватить по дорогѣ на господскую ферму, взглянуть на щенятъ, которыхъ Пойзеръ выкармливаетъ для меня.

— Вы должны прежде позавтракать съ нами, Артуръ, сказала мистрисъ Ирвинъ.—Теперь почти два часа. Карроль сію минуту принесетъ завтракъ.

— Мнѣ также нужно захватить на господскую ферму, сказалъ мистеръ Ирвинъ, — чтобы посмотреть еще разъ на маленькую методистку, которая тамъ остановилась. Юсифъ говоритъ, что она проповѣдывала на Лугу вчера вечеромъ.

— Неужто? воскликнулъ капитанъ Дониторнъ, смѣясь:—да она, кажется, тише воды. Впрочемъ въ ней есть что-то поражающее. Я рѣшительно смутился, когда въ первый разъ увидѣлъ ее. Она сидѣла за работой на солнцѣ передъ домомъ, когда я подѣхалъ и, не замѣчая, что она чужая, закричалъ: дома Мартинъ Пойзеръ? Увѣряю васъ, когда она встала, и взглянула на меня, и сказала: «онъ, я думаю, въ домѣ, я пойду позову его», мнѣ положительно стало стыдно, что я говорилъ съ ней такъ открывисто. Она была похожа на святую Катерину въ квакерскомъ платьѣ. Такое лицо рѣдко увидишь въ нашемъ простомъ народѣ.

— Мнѣ бы хотѣлось видѣть эту дѣвушку, Адольфъ, сказала мистрисъ Ирвинъ:—устройте какъ-нибудь, чтобъ она пришла сюда подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ.

— Не знаю, какъ это сдѣлать, матушка. Мнѣ едва ли было бы прилично оказывать покровительство методисткѣ-проповѣдницѣ, даже еслибъ она приняла покровительство лѣниваго пастиуха, какъ называетъ меня Вилль Маскри. Жаль, что вы не пришли пораньше, Артуръ, вы бы услышали доносъ Юсифа на его сосѣда Вилльяма Маскри. Старикашка хочетъ, чтобъ я отлучилъ отъ церкви колесника, а потомъ предалъ бы его свѣтской власти, то-есть вашему дѣдушкѣ, чтобы тотъ выгналъ его со двора. Еслибъ я вздумалъ вмѣшаться въ это дѣло, то подалъ бы поводъ къ такимъ повѣствованіямъ о ненависти и преслѣдованіяхъ, какихъ могутъ только желать себѣ методисты для напечатанія въ ближайшемъ номерѣ своего *Магазина*. Мнѣ не много стоило бы труда убѣдить Чедя Кренаджа и полдюжины другихъ тупоголовыхъ молодцовъ, что они оказали бы великую услугу церкви, выгнавъ Вилльяма Маскри изъ деревни кнутами и навозными виллами; а потомъ, доставивъ имъ возможность на полсоврена напиться вволю послѣ подъятыхъ трудовъ, я бы прекрасно довершилъ исторію въ родѣ тѣхъ, которыя мои братья затѣваютъ въ своихъ приходяхъ въ продолженіи послѣднихъ тридцати лѣтъ.

— Однакоже съ его стороны дѣйствительно дерзко называть васъ лѣнливымъ пастухомъ и нѣмною собакой, сказала мистрисъ Ирвинъ.—Я была бы не прочь немного унять его. Вы слишкомъ добродушны, Адольфъ!

— Плохо поддерживалъ бы я мое достоинство мщеніемъ Вилльму Маскри за его клеветы! Да я даже не знаю навѣрное, клеветы ли это. Я точно лѣнливъ и становлюсь ужасно тяжелъ на лошади, неговоря уже о томъ, что я въ самомъ дѣдѣ строюсь совсѣмъ не по состоянію, такъ что мнѣ приходится сердиться на калѣку нищаго, когда онъ проситъ у меня сикспенсъ (1). Эти бѣдняки, надѣющіеся преобразовать родъ человѣческой тѣмъ, что на разсвѣтѣ выходятъ на проповѣдь передъ началомъ дневной работы, въ правѣ имѣть обо мнѣ невыгодное мнѣніе. Но давайте завтракать. Развѣ Кетъ не придетъ?

— Миссъ Ирвинъ велѣла Бриджитѣ отнести ей завтракъ на верхъ, отвѣчалъ Карроль.—Она не можетъ оставить миссъ Анну.

— А, хорошо. Пусть Бриджита скажетъ, что я сію минуту приду на верхъ навѣстить миссъ Анну. Вы уже совершенно владѣете правою рукою, Артуръ? продолжалъ мистеръ Ирвинъ, замѣтивъ, что капитанъ Донниторнъ вынулъ руку изъ повязки.

— Да, порядочно; но Годвинъ настаиваетъ на томъ, чтобъ я подвязывалъ ее еще нѣкоторое время. Я надѣюсь, однакоже, что буду въ состояніи отправиться въ полкъ въ началѣ августа. Убійственно скучно сидѣть въ деревнѣ лѣтомъ, если нельзя ни охотиться съ собаками, ни стрѣлять чтобы добиться подъ вечеръ пріятной дремоты. Однако мы собираемся пробудить лѣсное эхо 30-го іюля. Дѣдушка далъ мнѣ на этотъ разъ *carte blanche*, и я ручаюсь вамъ за то, что мы достойно отпразднуемъ этотъ день. Вселенная только одинъ разъ увидитъ великую эпоху моего совершеннолѣтія. Я думаю устроить возвышенный тронъ для васъ, крестная маменька, или, лучше, два трона: одинъ на лугу, а другой въ бальной залѣ, чтобы вы могли смотрѣть на насъ съ высоты, какъ олимпійская богиня.

— Я надѣну мой лучшей глазетъ, въ которомъ я была на вашихъ крестинахъ, двадцать лѣтъ тому назадъ, сказала мистрисъ Ирвинъ,—и, увы, мнѣ кажется, я буду, какъ наяву, видѣть вашу бѣдную мать, носящуюся въ своемъ бѣломъ платьѣ, которое уже въ тотъ самый день напоминало мнѣ саванъ. И оно дѣйствительно послужило ей саваномъ, только три мѣсяца спустя. И вашъ чепчикъ, и крестильное платье были схоронены вмѣстѣ съ нею. Ей, бѣдняжкѣ, хотѣлось этого. Слава Богу, вы вышли въ мать, Артуръ. Если-

(1) Пятиалтынный.

бы вы были тощимъ, плаксивымъ, желтымъ младенцемъ, а бы не стала крестить васъ. Я была бы увѣрена, что вы пойдете по Донниторнамъ. Но вы были такой пострѣленокъ, широколицый, широкогрудый, громко кричащій, что я знала напередъ, что вы будете Традждеть, съ ногъ до головы.

— Но вы могли судить нѣсколько опрометчиво, матушка, сказалъ мистеръ Ирвинъ, улыбаясь. — Развѣ вы забыли, что случилось съ послѣдними щенятами Юоны? Одинъ изъ нихъ былъ вылитая мать, а все-таки имѣлъ нѣкоторыя замашки отца. Природа такъ хитра, что даже васъ проведетъ.

— Неправда; природа никогда не дастъ шаекъ вида гончей собаки. Вы никогда не убѣдите меня, что нельзя узнать характеръ челоука по его наружности. Если мнѣ не нравится чьи-нибудь фizioномія, будьте увѣрены, что самъ онъ мнѣ никогда не понравится. Я не желаю знакомства съ людьми уродливыми и съ непріятными лицами, точно такъ же, какъ не желаю ѣсть кушанье, имѣющее непріятный видъ. Если при первомъ взглядѣ на кушанье я содрогаюсь, то говорю: возьмите прочь это кушанье. Отъ бессмысленныхъ, свиныхъ или рыбихъ глазъ тошнить меня; это то же, что дурной запахъ.

— Кстати о глазахъ, сказалъ капитанъ Донниторнъ, — я вспомнилъ, что у меня есть книга, которую я хотѣлъ принести вамъ, матушка. Ее прислали мнѣ изъ Лондона на дняхъ вмѣстѣ съ другими книгами. Я знаю, что вы любите странные волшебные разказы. Это томъ стихотвореній подъ заглавіемъ: *Лирическія баллады*. Бóльшая часть, кажется, дрянъ; но первая не похожа на остальные. Она называется: *Старый морякъ*. Путаница ужасная, но производитъ странное впечатлѣніе. Я вамъ пришлю ее. А есть и другія книги, которыя можетъ-быть заинтересуютъ васъ, Ирвинъ; памфлеты противъ антиноміанизма и евангеликализма и тому подобное. Не понимаю, на что мнѣ прислали такія книги. Я написалъ въ Лондонъ, чтобы впредь мнѣ не присылали книгъ или памфлетовъ о чемъ бы то ни было, кончащемся на *измы*.

— Ну, я самъ не могу сказать, чтобъ очень любилъ *измы*, но, пожалуй, взгляну на памфлеты; все-таки изъ нихъ узнаешь, что дѣлается на свѣтѣ. У меня есть одно дѣло, Артуръ, продолжалъ мистеръ Ирвинъ, вставая и собираясь выйти изъ комнаты: — затѣмъ я сію минуту буду готовъ отправиться съ вами.

Дѣло это заставило мистера Ирвина подняться по старой каменной лѣстницѣ (одна часть дома была очень стара) и остановиться передъ дверью, въ которую онъ осторожно постучался. « Войдите », сказалъ женскій голосъ, и мистеръ Ирвинъ вошелъ въ комнату, гдѣ было такъ темно отъ закрытыхъ ставней и опущенныхъ занавѣсокъ, что миссъ Кетъ, та худая дама среднихъ лѣтъ, которая

стояла въ это время у постели, не могла бы, по недостатку свѣта, заниматься никакою другою работою, кромѣ вязанья, которое лежало на маленькомъ столикѣ подлѣ нея. Но въ настоящую минуту она была занята дѣломъ, требующимъ самаго слабаго свѣта: она при-мачивала свѣжимъ уксусомъ ту больную голову, которая видѣлась на подушкѣ. У этой бѣдной страдалицы было маленькое лицо; можетъ-быть, оно когда-то было хорошо, но теперь оно изнурено и покрыто болѣзненною блѣдностью. Миссъ Кетъ пошла на встрѣчу своему брату и сказала:

— Не говори съ ней: она сегодня не въ состояніи слушать говорящихъ.

Глаза Анны были закрыты, и брови сдвинуты, какъ будто отъ сильной боли. Мистеръ Ирвинъ подошелъ къ постели, взялъ одну изъ нѣжныхъ ручекъ больной и поцѣловалъ ее. Легкое пожатіе, маленькихъ пальцевъ сказало ему, что стоило труда придти на верхъ съ этою цѣлью. Онъ постоялъ минуту, смотря на нее; потомъ повернулся и вышелъ изъ комнаты, ступая очень тихо: онъ снялъ сапоги и надѣлъ туфли, идя на верхъ. Кто знаетъ, въ сколькихъ вещахъ онъ отказывалъ самъ себѣ, чтобы только не мучиться надѣваньемъ или сниманьемъ сапоговъ, тотъ не сочтетъ эту подробность пустою.

А сестры мистера Ирвина, — всякій семейный человекъ, на десять миль вокругъ Брокстона, могъ бы засвидѣтельствовать это, — были такія глупыя, неинтересныя женщины! Была просто жалость, что красивая, умная мистрисъ Ирвинъ имѣла такихъ безцвѣтныхъ дочерей! Чтобы посмотреть на эту красивую старушку, стоило каждый день гонять лошадей за десять миль. Ея красота, ея хорошо сохранившіяся способности и ея старомодная важность были весьма занимательнымъ предметомъ разговора на ряду съ здоровьемъ короля, съ отличными новыми узорами на ситцахъ, съ новостями изъ Египта, и съ процессомъ лорда Даси, до смерти раздражавшимъ бѣдную леди Даси. Но никому не приходило на умъ упоминать о дѣвицахъ Ирвинъ, — никому, кромѣ бѣдныхъ въ деревнѣ Брокстонъ, которые приписывали имъ глубокія знанія въ медицинѣ и называли ихъ неопредѣлительно «барышнями». Еслибы кто-нибудь спросилъ у Юва Думмилло, кто далъ ему фланелевую фуфайку, онъ отвѣтилъ бы: «барышни, прошлою зимой»; а вдова Стинъ много толковала о достоинствахъ «зелья», даннаго ей барышнями отъ кашля. Подъ этимъ именемъ, сверхъ того, онѣ служили весьма дѣйствительнымъ пугаломъ для капризныхъ дѣтей, и многіе ребятишки, при видѣ блѣднаго лица миссъ Анны, съ ужасомъ думали, что ей открыты всѣ ихъ злѣйшіе проступки, и что она знаетъ въ точности число камней, брошенныхъ ими въ утокъ фермера Бриттона. Но для всѣхъ, смотрѣвшихъ на нихъ

съ точки зрѣнія, менѣе мнѳческой, дѣвицы Ирвинъ были существа совершенно излишнія, неартистическія фигуры, не производящія никакого эффекта въ составленіи жизни. Еслибы хроническую головную боль миссъ Анны можно было объяснить какою-нибудь трогательною исторіей обманутой любви, она могла бы еще внушить нѣкоторый романтическій интересъ; но объ ней не знали и не сочиняли никакой исторіи такого рода, и общее мнѣніе было совершенно согласно съ истиной, что объ сестры остались старыми дѣвками по той прозаической причинѣ, что имъ не было сдѣлано выгоднаго предложенія.

Однакоже, — сказать парадоксъ, — существованіе ничего незначащихъ людей имѣетъ весьма важныя послѣдствія на свѣтѣ. Можно доказать, что оно имѣетъ вліяніе на цѣнность хлѣба и на заработную плату, возбуждаетъ много досады въ эгонстахъ и много самоотверженія въ людяхъ съ теплымъ чувствомъ, и вообще играетъ немаловажную роль въ трагедіи жизни. И еслибъ у этого красиваго, благороднаго священника, у достопочтеннаго Адольфа Ирвина, не было этихъ двухъ, на вѣки безбрачныхъ, сестеръ его, судьба его сложилась бы совершенно иначе. Онъ бы, по всей вѣроятности, взялъ себѣ въ молодости красивую жену, и теперь, когда его волосы начинали сѣдѣть подъ пудрою, у него были бы взрослые сыновья и цвѣтушія дочери, словомъ, онъ обладалъ бы тѣми благами, которыя люди считаютъ достаточнымъ вознагражденіемъ за всѣ земныя труды. Но, при данныхъ обстоятельствахъ, получая со всѣхъ своихъ трехъ мѣстъ не болѣе семи сотъ фунтовъ годоваго дохода, и не видя возможности въ одно и то же время содержать свою великолѣпную мать и большую сестру, если и не говорить уже о другой сестрѣ, къ имени которой не присоединяли обыкновенно никакого прилагательнаго; не будучи въ состояніи доставлять имъ всѣ удобства, соответствующія ихъ происхожденію и привычкамъ, и обзавестись своимъ собственнымъ семействомъ, онъ, какъ вы видите, оставался въ сорокъ восемь лѣтъ холостякомъ. Онъ не ставилъ себѣ въ заслугу такого самоотверженія, а говорилъ смѣясь, — если кто-нибудь намекалъ на это, — что онъ, ради холостой жизни, позволяетъ себѣ многое, чего жена никогда бы не допустила. Можетъ-быть онъ одинъ на всемъ свѣтѣ не считалъ своихъ сестеръ существами ничтожными и излишними; ибо у него была одна изъ тѣхъ великодушныхъ, мягкосердечныхъ натуръ, которымъ чужды мелкія и строптивыя мысли. Онъ былъ, если хотите, эпикурецъ; у него не было энтузіазма; въ его чувствѣ долга не было аскетизма, но тѣмъ не менѣе, какъ вы видѣли, онъ былъ одаренъ довольно тонкимъ нравственнымъ чувствомъ, которое внушало ему неутомимую симпатію къ безвѣстнымъ и однообразнымъ страда-

ніямъ. Великодушная снисходительность заставляла его прощать матери жесткость ея къ дочерямъ, которая была еще болѣе поразительна въ сравненіи съ ея заботливою нѣжностью къ нему самому. Онъ не считалъ добродѣтелью ворчать на неисправимые недостатки.

Посмотрите, какъ различно представляется одинъ и тотъ же человѣкъ, если вы прогуливаетесь съ нимъ рядомъ въ дружескомъ разговорѣ, и видите его дома, или если смотрите на него съ возвышенной, исторической точки зрѣнія, либо даже съ точки зрѣнія придирчиваго сосѣда, который видитъ въ немъ болѣе олицетвореніе извѣстной системы, извѣстныхъ мнѣній, нежели человѣка. Мистеръ Ро, странствующій проповѣдникъ, остановившійся въ Тредльстонѣ, включилъ мистера Ирвина въ общую характеристику мѣстнаго духовенства, которое онъ изображалъ людьми, преданными плотскимъ похотямъ и житейской гордости, людьми, которые только и дѣлаютъ, что охотятся съ ружьемъ и собаками, убираютъ свои дома, спрашиваютъ: что будемъ мы ѣсть, что будемъ мы пить, во что мы одѣнемся? не заботятся о раздаяніи хлѣба жизни своимъ паствамъ, проповѣдуютъ только плотскую, подавляющую духъ нравственность, торгуютъ душами, принимая деньги за отправленіе пастырскихъ обязанностей въ своихъ приходяхъ, жителей которыхъ видятъ въ лицо не болѣе одного раза въ годъ. Даже историкъ церкви, который заглянетъ въ парламентскіе отчеты того времени, найдетъ извѣстія, едвали болѣе отрадные, чѣмъ описаніе мистера Ро, сообщаемыя почтенными членами, ревнителями церкви, неважннанными никакимъ сочувствіемъ къ «ватагѣ поющихъ методистовъ». И я никакъ не могу утверждать, что причисленіе мистера Ирвина къ этому классу было совершенно ложно. У него дѣйствительно не было истинно высокихъ цѣлей, не было богословскаго энтузіазма. Еслибы меня стали неотступно допрашивать, я былъ бы принужденъ сознаться, что онъ не чувствовалъ серьезной заботы о спасеніи душъ своихъ прихожанъ, и считалъ бесполезною потерей времени говорить поучительнымъ и возбуждающимъ образомъ съ дѣдушкой Тафтомъ, или даже съ кузнецомъ Чедомъ Кренаджемъ. Еслибъ онъ любилъ теоретическія разсужденія, онъ сказалъ бы, пожалуй, что единственная нормальная форма, которую религія можетъ принять въ такихъ умахъ,—это смутныя, но сильныя ощущенія, сливающіяся съ семейными привязанностями и сосѣдскими обязанностями и освящающія ихъ. Онъ думалъ, что обычай крещенія важнѣе ученія о немъ, и что религіозная польза, которую крестьянинъ выноситъ изъ церкви, гдѣ отцы его молились, и изъ священнаго пространства земли, подъ которою они лежатъ, мало зависитъ отъ яснаго пониманія литургіи или проповѣди. Очевидно, ректоръ не былъ тѣмъ, что теперь называется

серіознымъ человѣкомъ. Его болѣе занимала исторія церкви, нежели богословіе; у него было болѣе охоты вникать въ характеры людей, нежели интереса къ ихъ мнѣніямъ. Онъ не былъ трудолюбивъ, не поражалъ самоотверженіемъ, не слишкомъ щедро раздавалъ милостыню, и богословіе его, какъ вы видѣли, не было очень строго. У него былъ нѣсколько языческой вкусъ, и онъ находилъ въ цитатѣ изъ Софокла или Теоокрита прелесть, не оказывавшуюся въ текстахъ Исаи или Амоса. Но если вы кормили вашего молодого сестера сырымъ мясомъ, можете ли вы удивляться тому, что онъ и подъ старость будетъ падохъ до живыхъ куропатокъ? а всѣ воспоминанія мистера Ирвина о молодомъ энтузіазмѣ и честолюбіи были связаны съ поэзіей и нравственнымъ ученіемъ, довольно далекими отъ Библии.

Съ другой стороны, я долженъ сказать въ пользу ректора, — ибо я сохраняю нѣжное пристрастіе къ памяти ректора, — что въ немъ не было злопамятности, а вѣдь эту черту мы находимъ въ нѣкоторыхъ филантропахъ; что въ немъ не было нетерпимости, а нѣкоторые ревностные богословы, говорятъ, не совершенно чисты отъ этого пятна; что, хотя онъ, по всей вѣроятности, не далъ бы себя сжечь для какого-нибудь общественаго дѣла, и далеко не все свое имущество раздавалъ бѣднымъ, у него была доброта, которой иногда не доставало весьма знаменитымъ корифеямъ добродѣтели: онъ былъ снисходителенъ къ недостаткамъ другихъ и не любилъ думать дурно о комъ бы то ни было. Онъ былъ одинъ изъ тѣхъ людей, не очень часто встрѣчающихся, которыхъ мы узнаемъ съ лучшей стороны только въ томъ случаѣ, если послѣдуемъ за ними подалше отъ площади, отъ эстрады, отъ кафедръ, если войдемъ съ ними въ ихъ домъ, если послушаемъ, какъ говорятъ они съ молодыми и старыми у своего очага, увидимъ ихъ заботливое попеченіе о ежедневныхъ нуждахъ ежедневныхъ товарищей, которые принимаютъ ихъ доброту какъ вещь обыкновенную и не дѣлаютъ изъ нея предмета панегириковъ. Къ счастью, такіе люди жили во времена процвѣтанія великихъ злоупотребленій и были иногда сами живыми представителями этихъ злоупотребленій. Вотъ мысль, которая могла бы хотя немного утѣшить насъ при встрѣчѣ съ противоположнымъ фактомъ, именно, что иногда бываетъ лучше не слѣдовать за великими искоренителями злоупотребленій далѣе входа въ ихъ домъ.

Но, что бы вы ни думали теперь о мистерѣ Ирвинѣ, если бы вы встрѣтили его въ это іюньское утро на сѣрой лошади, въ сопровожденіи собакъ, статнаго, бодрого, мужественнаго, съ добродушною улыбкой на тонко-очерченныхъ губахъ, разговаривающаго съ своимъ блестящимъ молодымъ спутникомъ на гнѣдой кобылѣ, вы бы почувствовали, что хотя онъ и плохо гармонируетъ съ здоровыми теоріями о духовенствѣ, однако по-

чему-то удивительно какъ гармонируетъ съ мирнымъ ландшафтомъ, окружающимъ его.

Посмотрите, какъ они въ яркомъ солнечномъ свѣтѣ, прерываемомъ по временамъ катящимися массами тучъ, вѣзжаютъ на холмъ со стороны Брокстона, гдѣ высокія крыши и ясени ректорскаго дома высятся надъ небольшою выбѣленною церковью. Они скоро будутъ въ Гейслопскомъ приходѣ; сѣрая колокольня и деревенскія крыши лежатъ передъ ними слѣва, а далѣе, справа, они могутъ уже видѣть высокія трубы господской фермы.

ГЛАВА VI.

Господская ферма.

Очевидно, ворота эти никогда не отворяются, ибо передъ ними растетъ высокая трава; а еслибы пришлось отворить ихъ, то они такъ ржавы, что сила, необходимая для того, чтобы повернуть эти ворота на ихъ петляхъ, вѣроятно опрокинула бы четверугольные каменные столбы, къ ущербу двухъ львицъ, которыя раскрываютъ пасть, съ сомнительною плотоядною привѣтливостію, надъ щитами гербовъ, красующихся на обояхъ столбахъ. Было бы не трудно, при помощи зарубокъ, перелѣзть черезъ эти стѣны, которыхъ каменные верхушки совершенно гладки; но, приложивъ глазъ къ ржавой рѣшеткѣ воротъ, мы довольно хорошо можемъ видѣть домъ и весь поросшій травой дворъ, кромѣ самыхъ угловъ его.

Передъ нами красивое старое строеніе изъ краснаго кирпича, котораго цвѣтъ смягчается желтоватымъ лишаемъ, въ счастливомъ безпорядкѣ разросшимся по стѣнамъ и гармонически согласившимъ красный цвѣтъ кирпича съ украшеніями изъ бѣлаго камня, окружающими три фронтона, окна и главную дверь. Но окна забиты деревянными ставнями, и дверь, какъ и ворота, никогда не отворяется. Какъ бы она заскрипѣла и зазвенѣла на каменномъ полу, еслибъ вздумали ее отворить! потому что это массивная, тяжелая, красивая дверь, и вѣрно когда-то захлопывалась она съ громкимъ гуломъ за диврейнымъ лакеемъ, только-что высадившимъ своихъ господъ изъ коляски, въ которой они ѣздили прогуливаться по полямъ.

Но теперь можно было бы подумать, что объ этомъ домѣ идетъ какой-нибудь безконечный процессъ, и что грецкіе орѣхи, созрѣвающие на высокихъ деревьяхъ передъ домомъ, несобранные

свалятся въ траву, еслибы среди большихъ заднихъ строеній не слышался громкій лай собакъ. И вотъ только что отнятые телята, скрывавшіеся до тѣхъ поръ въ хлѣвъ изъ вереска, высовываются изъ него, и жалобно отвѣчаютъ на этотъ лай, безъ сомнѣнія воображая, что онъ имѣетъ какое-нибудь отношеніе къ ожидаемому ими молоку.

Да, этотъ домъ долженъ быть обитаемъ, и мы тотчасъ увидимъ, кто его жители. Вѣдь воображеніе — привилегированный путешественникъ; не боясь собакъ, оно можетъ перебираться черезъ стѣны и безнаказанно заглядывать въ окна. Приставьте глазъ къ одному изъ стеколъ окна, что направо. Чтò вы видите? Большой открытый очагъ и на немъ ржавый таганъ; вокругъ ровный полъ. Въ далекомъ углу комнаты навалена немытая шерсть. Посреди комнаты нѣсколько пустыхъ кулей. Вотъ и все убранство столовой. А чтò видите вы въ лѣвое окно? Нѣсколько вѣшалокъ съ платьемъ, сѣдло, самопрялку и старый открытый сундукъ, набитый пестрыми тряпками. На краю этого сундука лежитъ большая деревянная кукла, которая по степени сохраненія и особенно по отсутствію носа совершенно походитъ на самыя изящныя греческія статуи. Подлѣ сундука маленькій стульчикъ и на немъ ручка дѣтскаго кнутика.

Исторія этого дома ясна теперь. Онъ нѣкогда былъ жилищемъ какого-нибудь сельскаго сквайра (1), котораго фамилія въ мужскомъ колѣнѣ вымерла и была поглощена болѣе живучимъ семействомъ Донниторновъ. Это нѣкогда былъ замокъ; теперь это господская ферма. Какъ жизнь въ приморскомъ городѣ, который превратился изъ мѣста купанія въ купеческій портъ, и въ которомъ лучшія улицы замолкли и заросли травой, а доки, складочныя анбары закипѣли дѣятельностію и зазвучали, — такъ и жизнь въ замкѣ измѣнила свой фокусъ, и лучи ея уже сходятся не въ гостиной, а въ кухнѣ и на заднемъ дворѣ.

И сколько тамъ жизни, хотя теперь самое сонное время года — передъ самымъ сѣнокосомъ, и самое сонное время дня, — по солнцу ровно три часа по полудни, а на красивыхъ стѣнныхъ часахъ мистрисъ Пойзеръ, которая заводятся только разъ въ недѣлю, положивъ четвертаго! Но жизнь какъ-то всегда кипитъ сильнѣе, когда послѣ дождя проглянетъ яркое солнце; теперь оно именно проливаетъ самыя свѣтлыя лучи свои, осыпаетъ искрами мокрую солому, позлащаетъ всякую кочку зеленого мха на красной крышѣ скотнаго двора и превращаетъ даже грязную воду, бѣгущую по канавкамъ къ водосточной ямѣ, въ зеркало для желтоносыхъ утятъ, спѣшащихъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы за-

(1) Дворянъ.

разъ и напиться и выкупаться. Въ воздухѣ стоитъ веселый гамъ самыхъ разнородныхъ звуковъ. Большой бульдогъ, прикованный подлѣ стойловъ, страшно разгнѣванный дерзкимъ поступкомъ пѣтуха, подкравшася къ самой его конурѣ, раздражается громовымъ лаемъ, на который отвѣчаютъ двѣ гончія, запертыя въ отдѣлѣ для коровъ. Старыя курицы, роющіяся съ своими цыплятами въ гнилой соломѣ, дружнымъ кудахтаньемъ выражаютъ свое сочувствіе оторопѣлому пѣтуху, когда онъ присоединяется къ нимъ. Свинья и ея поросята, съ грязными боками и завитыми хвостами, вмѣшиваются въ этотъ концертъ нѣсколько низкихъ, отрывистыхъ нотъ; знакомцы наши, телята, снова поднимаютъ ревъ изъ хлѣва; и среди всего этого шума внимательный слухъ можетъ отличить еще непрерывный говоръ человѣческихъ голосовъ.

Большія ворота сарая широко раскрыты, и въ немъ сидятъ люди, занятые починкою сбруи, подъ руководствомъ мистера Гоби, «балагура», а иначе сѣдельника, угощающаго ихъ новѣйшими треддльстонскими слухами. Нѣтъ сомнѣнія, что пастухъ Аликъ выбралъ неудачный день пригласить сѣдельниковъ, потому что утро выдалось очень дождливое, и мистрисъ Пойзеръ выразилась очень сильно на счетъ грязи, которую внесли съ собою въ домъ эти люди, когда приходили обѣдать. Она даже до сихъ поръ не совсѣмъ успокоилась на этотъ счетъ, хотя со времени обѣда прошло почти три часа, и полъ въ столовой снова совершенно чистъ, такъ же чистъ, какъ и все другое въ этой почтенной комнатѣ, гдѣ, чтобы найти сколько-нибудь пыли, надобно было бы взлѣзть къ шкафу съ посудой и провести пальцемъ по верхней полкѣ, на которой блестящіе мѣдные подсвѣчники наслаждаются лѣтнимъ покоемъ, такъ какъ въ это время года всѣ, разумѣется, ложатся спать засвѣтло или, по крайней мѣрѣ, покуда свѣта довольно, чтобы кое-какъ разобрать общія очертанія предметовъ, предварительно разбивши объ нихъ колѣнки. Конечно, никто не могъ бы придать политурой такую полировку дубовому столу и дубовому футляру для часовъ: мистрисъ Пойзеръ говорила, что только естественная полировка можетъ такъ сиять, и гордилась тѣмъ, что въ ея домѣ все, что блеститъ, наполировано не политурой, а частымъ стираніемъ пыли, и что у нея вовсе нѣтъ лакированной дряни. Гетти Соррель часто пользовалась минутами, когда ея тетка поворачивалась къ ней спиною, чтобы украдкой полюбоваться въ этихъ гладкихъ поверхностяхъ отраженіемъ своего красиваго личика, потому что, такъ какъ дубовый столъ служилъ болѣе для украшенія, то объ его половинки всегда были приподняты и прислонены къ стѣнѣ въ видѣ крыши. Такъ же точно она могла смотрѣться въ большихъ жестяныхъ тарелкахъ, разставленныхъ

по полкамъ, и въ сіяющихъ мѣдныхъ головкахъ на рѣшеткѣ очага.

Въ эту минуту все глядѣло особенно свѣтло и весело, потому что солнце прямо свѣтило на жестяныя тарелки, и съ ихъ гладкой поверхности яркіе лучи отражались на золотистый дубъ и на блестящую мѣдь и еще на кое-что покрасивѣе мѣди и дуба; нѣкоторые лучи падали на тонко-очерченную щеку Дины и золотистыми отливами играли на ея каштановыхъ волосахъ, когда она наклонилась надъ грубымъ домашнимъ бѣльемъ, которое чинила для своей тетки. Не могло быть сцены болѣе мирной и безмятежной, еслибы не шипѣлъ утюгъ подъ рукою мистрисъ Пойзеръ, которая гладила кое-что оставшееся отъ понедѣльничнаго мытья, и еслибы она не дѣлала шума, вода имъ взадъ и впередъ, когда ей нужно было постудить его. При этомъ она быстрымъ взглядомъ своихъ сѣро-голубыхъ глазъ озирала то кухню, то молочню, гдѣ Гетти выжимала масло, то заднюю кухню, гдѣ Нанси вынимала лепешки изъ печки. Не думайте впрочемъ, чтобы мистрисъ Пойзеръ глядѣла злою старухой; она была благообразная женщина, не старше тридцати осьми лѣтъ, съ свѣтлымъ цвѣтомъ лица и бѣлокурыми волосами, хорошо сложенная, съ легкими движеніями. Самая замѣтная часть ея костюма былъ большой клѣтчатый передникъ, почти покрывавшій ея юпку; и ничто не могло быть проще и безыскусственнѣе ея платья и чепчика, потому что не было слабости, которая была бы ей болѣе ненавистна, чѣмъ страсть къ нарядамъ и предпочтеніе красиваго полезному. Семейное сходство между нею и ея племянницей Диной Моррисъ и притомъ контрастъ между ея энергическимъ выраженіемъ и ангельски-кроткимъ выраженіемъ Дины могли бы послужить живописцу прекраснымъ образцомъ для изображенія Марыи и Маріи. Глаза ихъ были совершенно одинаковаго цвѣта, но какъ различно дѣйствовали ихъ взоры, ясно можно было видѣть изъ поведенія Трипа, всякій разъ, когда этотъ пестъ, находящійся въ подозрѣніи у мистрисъ Пойзеръ, неосторожно подвергался ледяному лучу ея взора. Языкъ ея отличался такою же быстротой, какъ ея взоры, и когда бы молодая прислужница ни попала въ черту, до которой хватали ея выстрѣлы, она принималась за неоконченную проповѣдь, какъ шарманка, принимающаяся за свои пѣсни съ той ноты, гдѣ ее остановили.

То обстоятельство, что въ этотъ день били масло, также было одною изъ причинъ, по которымъ неприлично было призывать въ этотъ день сѣдельниковъ, и по которымъ мистрисъ Пойзеръ въ этотъ день особенно бранила служанку Молли. Молли, очевидно, исполнила безукоризненнымъ образомъ свои послѣбѣданныя обязанности, вымыла все очень быстро, и явилась, чтобы спросить,

самымъ покорнымъ тономъ, не състь ли ей за самопрялку, пока не придетъ время доить коровъ. Но это безукоризненное поведение, по мнѣнію мистрисъ Пойзеръ, скрывало тайныя поползновенія и неприличныя желанія, и ихъ-то она сочла нужнымъ тотчасъ раскрыть и поставить на видъ Молли съ самымъ убійственнымъ краснорѣчіемъ.

— За самопрялку, такъ точно! Не за самопрялку хочется вамъ, готова я поручиться. Лучше ужь ступайте, куда вамъ хочется. Въ жизнь мою не видывала такого повѣсничанья. Подумать страшно, что дѣвушка вашихъ лѣтъ такъ и рвется посидѣть съ полъ-дюжиной муштинъ. У меня отъ стыда слово съ губъ не сошло бы, еслибы я была на вашемъ мѣстѣ. А вы? вы здѣсь съ Михайлова дня, и наняла я васъ на тредьстонскихъ *статутахъ* (1), совсѣмъ сплеховала, вы бы должны быть благодарны, что поступили къ хорошему мѣсту, въ уважаемый домъ; въ работѣ вы столько же смыслили, сколько заяцъ въ полѣ; такъ, самое жалкое вы были существо; только у васъ и было что два кулака на рукахъ. Кто научилъ васъ швабрить полъ, желала бы я узнать. У васъ бы грязь оставалась кучами по угламъ; никто бы не счелъ васъ за христіянку. Вамъ теперь прясть хочется, а сколько вильну погубили, пока учились прясть? жалованья вашего не станеть! И вы должны чувствовать это, а не ходить, развѣвая ротъ, и ни о чемъ не думая, какъ будто вы никому ничѣмъ не обязаны. Чесать шерсть передъ балагурами, вотъ чего вамъ хочется, не правда ли? Вотъ куда васъ тянетъ; такъ бы вамъ стремглавъ и броситься въ свою погибель. Вамъ покоя нѣтъ, пока вы не отыскали нѣжнаго сердца, такого же глупца, какъ вы. Небось вы думаете, что такъ и будете блаженствовать, когда выйдете замужъ, да купите себѣ стулъ о трехъ ножкахъ, а на одѣяло-то пожалуй денегъ не хватитъ; штуки три ребятишекъ будутъ драться за одинъ кусочекъ овсяной лепешки.

— У меня и на умѣ не было идти къ балагурамъ, сказала Молли, хныкая, и совершенно пораженная Дантовскою картиною предстоящаго ей будущаго.—У мистера Оттли такъ бывало намъ приказывали; оттого я васъ и спросила. Я и глазъ моихъ не подниму на балагуровъ, пусть съ мѣста не сойду.

— Мистеръ Оттли, право слово! Хорошо вамъ толковать о томъ, что вы дѣлали у мистера Оттли. Мало ли что ваша тамошняя госпожа терпѣла! И соръ былъ по ней, можетъ-быть, и балагуры. Нельзя вообразить себѣ, что другіе люди терпятъ вокругъ себя. У меня не было въ домѣ дѣвушки, которая поступила бы ко мнѣ и знала, что значить чистота; мнѣ кажется, люди живутъ

(1) Статуты—судебное засѣданіе для разбора дѣлъ, касающихся до рабочихъ. *Прим. пер.*

словно поросаты. Вотъ Бетти служила коровницей у Трентовъ, прежде чѣмъ поступила ко мнѣ; такъ она изъ недѣли въ недѣлю не переворачивала сыра, а на поддожникахъ была такая грязь, что мнѣ можно было бы имя свое пальцемъ написать, когда я сошла къ ней внизъ послѣ моей болѣзни,—докторъ еще говорилъ, что это было воспаленіе, слава Богу, что я тогда поднялась съ постели. Только подумайте о томъ, Молли, что вы никогда сами не можете догадаться, что должно дѣлать, живете здѣсь девятый мѣсяцъ, и каждый разъ надобно толковать вамъ. Ну что же вы теперь стоите и не беретесь за самопрялку? Вы большая охотница садиться за вашу работу, когда уже прошло для нея время.

— Мунни, мой утюгъ острый; возьми, подошьи.

Слабый крикливый голосокъ, которымъ было высказано это замѣчаніе, принадлежалъ маленькой дѣвчкѣ трехъ или четырехъ лѣтъ, съ крайне-бѣлокурыми волосами, которая, сидя на высокомъ стулѣ, на концѣ стола, крѣпко сжимала ручку мииніатюрнаго утюга своею пухлою, крошечною ручонкой, и гладила съ великимъ прилежаніемъ, заставлявшимъ ее высовывать свой маленький, красный язычокъ на столько, на сколько позволяла анатомія.

— Остылъ, не правда ли, моя милочка? Да благословить Господь Богъ твое личико! сказала мистрисъ Пойзеръ, которая могла съ замѣчательною легкостью переходить отъ оффиціальнаго, укорительнаго тона къ самому дружескому и нѣжному разговору.—Ну, полно, полно! Мать перестала теперь гладить. Она унесетъ сейчасъ всѣ утюги.

— Мунни, мнѣ хочется пойти въ сайй, къ Томми, посмотрѣть на сѣдельниковъ.

— О! нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ. Тотти замочить себѣ ножки, сказала мистрисъ Пойзеръ, унося утюгъ.—Бѣги-ка лучше въ молочню да посмотри, какъ сестрица Гетти бьетъ масло.

— Мнѣ хочется кусотекъ сыйту, возразила Тотти, у которой, кажется, было въ запасѣ множество просьбъ; въ то же самое время, она уловила удобную минуту погрузить всѣ свои пять пальцевъ въ чашку съ крахмаломъ и, вытащивши ихъ оттуда, замарала этимъ веществомъ всю простыню, на которой гладила мистрисъ Пойзеръ.

— Ну, видано ли это гдѣ-нибудь? завопила мистрисъ Пойзеръ, подбѣгая къ столу, лишь только взоръ ея упалъ на голубую струю крахмала.—Только отвернись отъ ребенка, какъ уже онъ тотчасъ нашалить. Ну что мнѣ съ тобою дѣлать, дрянная дѣвчонка?

Тотти, между тѣмъ, съ необыкновенною быстротою спустилась съ своего стула и, переваливаясь съ ноги на ногу, уже направлялась въ молочню.

Послѣ того какъ крахмаль былъ счищенъ съ помощію Молли, и все необходимое для глаженія убрано, мистрисъ Пойзеръ принялась за вязанье, всегда находившееся у нея подъ рукой и бывшее любимымъ ея занятіемъ, ибо она могла заниматься имъ, какъ автоматъ, ходя изъ угла въ уголъ. Но на этотъ разъ она подошла и сѣла напротивъ Дины, на которую устремила глубоко-мысленный взоръ, не переставая вязать чулокъ изъ грубой сѣрой шерсти.

— Вы похожи, Дина, на тетушку свою, Юдию, когда сидите за шитьемъ. Какъ будто бы вотъ тридцать лѣтъ тому назадъ, когда я еще была дѣвчонкою и смотрѣла бывало, какъ Юдию, убравши все въ домѣ, сидитъ за работою; только тогда мы жили въ маленькой хижинѣ, принадлежавшей моему отцу, а не въ такомъ громадномъ домищѣ, гдѣ вычистишь соръ въ одномъ углу, а онъ уже заводится въ другомъ. И все-таки, глядя на васъ, мнѣ такъ и видится тетушка Юдию, только у той волосы были немного потемнѣе, и она была плотнѣе и шире въ плечахъ. Мы всегда жили съ Юдию въ ладахъ, хотя она была большая чудачка, но мать ваша никогда не могла съ нею хорошенько сойтись. Думала ли ваша мать, что у нея родится дочь, какъ капля воды похожая на Юдию, и что, когда сама она ляжетъ въ Стонитонъ, Юдию принуждена будетъ воспитывать эту дочь? Я всегда говорила Юдию, что ей придется, современемъ, нести тяжкое бремя. И она всегда была одна и та же, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ я начала ее помнить; она не переѣхивалась даже, перешедши къ методистамъ, только стала говорить немного иначе, да носила другой чепецъ; никогда не тратила на себя ни одного пенса больше, чѣмъ нужно было для того, чтобы ходить прилично одѣтою.

— Она была благословенная женщина, сказала Дина:—Богъ наградилъ ее любящею и свободною отъ всякаго эгоизма натурой. И она очень любила васъ, тетушка Рахиль. Часто говорила она мнѣ о васъ въ самыхъ нѣжныхъ словахъ. Когда она заболѣла—мнѣ пошелъ въ то время только одиннадцатый годъ,—то говаривала обыкновенно: «Если я отойду отъ васъ, то ты найдешь себѣ въ тетушкѣ Рахили друга на землѣ, потому что у нея нѣжное сердце», и дѣйствительно, слова ея сбылись.

— Ну, я не знаю, дитя мое, въ какой степени; никто не отказался бы сдѣлать для васъ что-нибудь; вы точно птичка въ небѣ и живете Богъ знаетъ чѣмъ. Я рада была бы замѣнить вамъ мать, еслибы вы только согласились переѣхать въ нашу сторону, гдѣ есть кровь и пища для человѣка и скота, и гдѣ люди живутъ не на голыхъ холмахъ. Вы могли бы выйдти за какого-нибудь порядочнаго человѣка, а такихъ нашлось бы много, если-

бы только отказались отъ этихъ проповѣдей, которыя въ десять разъ хуже всего, что дѣлала Юдѣя. Еслибы вы вышли даже за Сета Бида, этого методиста, то дядя навѣрное помогъ бы вамъ свиньей и можетъ-быть даже коровою; онъ всегда былъ добросердеченъ къ своимъ роднымъ; всѣ они бѣдные люди, и онъ всегда хорошо принималъ ихъ у себя въ домѣ; для васъ онъ сдѣлалъ бы никакъ не меньше того, что сдѣлалъ онъ для Гетти, хоть она ему и родная племянница. Въ домѣ у насъ довольно полотень; можно выгладать и для васъ. Есть цѣлые куски и для простынь, и для скатертей, и для полотенцевъ. Есть простыни, что шла вотъ эта косоглазая Китти; рѣдка была мастерица шить; все себѣ косилась да косилась; дѣти не могли терпѣть ее. И вы знаете, что шитье шло все своимъ чередомъ, да еще на-ткано почти влвое противъ того, сколько есть бѣлья въ домѣ. Да что и говорить, когда вы не хотите послушаться и остепениться и сдѣлаться женщиной, какъ слѣдуетъ, въ своемъ умѣ, вмѣсто того чтобы таскаться по свѣту да проповѣдывать и тратить каждый пенсъ, который вы себѣ добудете, вотъ какъ и до сихъ поръ ничего вы не скопили себѣ на случай болѣзни. И все потому, что вы увѣрены, будто понимаете въ религіи больше, чѣмъ сказано въ молитвенникѣ и катехизисѣ.

— Но не больше чѣмъ въ Библии, тетушка, сказала Дина.

— Нѣтъ, и больше, чѣмъ въ Библии, рѣзко возразила мистрисъ Пойзеръ.—Небось священники-то, которымъ больше и дѣлать нечего, какъ Библию читать, не такъ поступаютъ, какъ вы. Да къ тому же, еслибы всѣ поступали, какъ вы, что съ міромъ-то стало бы?.. Еслибы всякій только бы о томъ и старался, какъ бы обойтись безъ дома и безъ крова, да какъ бы похуже поѣсть да попить, да только бы и толковалъ о томъ, что надобно презирать все то, что отъ міра сего, хотѣлось бы мнѣ знать, куда бы намъ пришлось дѣвать нашъ лучшій скотъ, нашъ лучшій хлѣбъ и наши лучшіе сыры? Всякій сталъ бы себѣ кушать хлѣбъ съ мякиной, стали бы всѣ шататься другъ къ другу, да проповѣдывать, вмѣсто того, чтобы смотрѣть за родными дѣтьми, да откладывать про черный день. Нѣтъ, такая религія не можетъ быть настояща.

— Но, милая тетушка, развѣ я говорю, чтобы всѣ были призваны оставить свою семью и свое дѣло? Такъ и слѣдуетъ, чтобы земля была вспахана, и хлѣбъ собранъ, и всѣ житейскія дѣла справлены. Слѣдуетъ, чтобы люди утѣшались своими дѣтьми и заботились о нихъ, только бы не выходили изъ страха Господня и не забывали бы нужды душевныхъ среди попеченій о плоти. Мы всѣ можемъ служить Господу, каковъ бы ни былъ нашъ удѣлъ, но Онъ возлагаетъ на насъ различные труды и призываетъ каждого изъ насъ на такое дѣло, на которое далъ Онъ намъ

силы. Вѣдь если Тотти заплачетъ въ той комнатѣ, вы побѣжите къ ней, и сердце повернется у васъ при мысли, не случилось ли съ нею чего дурнаго. Такъ и я не могу не идти туда, гдѣ нуждается во мнѣ душа человѣческая, не могу не постараться помочь ей.

— Ну ужъ, сказала мистрисъ Пойзеръ, вставая и направляясь къ двери, — съ вами, знаю я, не столкуешь. Вы все говорите свое. Съ вами говорить, что рѣку просить, сдѣлавай-де милость перестань течь.

Каменный помостъ передъ кухонною дверью между тѣмъ достаточно высохъ, и мистрисъ Пойзеръ могла стать передъ дверью и слѣдить глазами за тѣмъ, что происходило на дворѣ, между тѣмъ какъ сѣрый шерстяной чулокъ быстро разрастался подъ ея дѣятельными руками. Но не простоявши тамъ болѣе пяти минутъ, она вернулась къ Динѣ и сказала ей тревожнымъ, испуганнымъ голосомъ:

— Вотъ чудеса, капитанъ Донниторнъ съ мистеромъ Ирвиномъ ѣдутъ къ намъ на дворъ! Убей меня Богъ, коли они не за тѣмъ пріѣхали, чтобы поговорить насчетъ вашей проповѣди на Лугу, Дина! Вы ужъ сами отвѣчайте имъ, у меня голова идетъ кругомъ. Ужъ я вамъ говорила, что вы накликаете бѣду на своего дядю. Еслибы вы были родная племянница Пойзеру, я бы ничего не сказала. За свою родню каждый вѣдь самъ отвѣчаетъ, все равно что за свой носъ: своя вѣдь плоть и кровь. Но думать, что по милости *моей* племянницы выгонять его изъ фермы, онъ же взялъ меня безпрядницею...

— Нѣтъ, дорогая тетушка, тихо сказала Дина, — вамъ бояться нечего. Я твердо увѣрена, что ни вамъ, ни дядѣ, ни дѣтямъ за меня пострадать не придется. Я проповѣдывала по внушенію.

— Внушеніе! Знаю я эти внушенія! возразила мистрисъ Пойзеръ, быстро и судорожно перебирая спицами. — Когда вы забьете себѣ что-нибудь въ голову, такъ оно у васъ и внушеніе: и ничѣмъ васъ не образумишь. Стоите-себѣ, словно статуя въ тредльстонской церкви, смотрите да улыбаются, хоть тутъ громъ гряни. Съ вами всякое терпѣніе лопнетъ!

Между тѣмъ оба джентльмена подѣхали къ оградѣ и сошли съ лошадей. Они, очевидно, хотѣли зайти въ ферму. Мистрисъ Пойзеръ пошла имъ навстрѣчу, волнуясь въ одно и то же время гнѣвомъ на Дину и замѣшательствомъ передъ рѣдкими гостями, потому что въ тѣ времена земледѣльцы еще съ нѣкоторымъ почтительнымъ страхомъ глядѣли на джентльменовъ, съ тѣмъ страхомъ, съ которымъ нѣкогда созерцали люди боговъ, сошедшихъ на землю въ образѣ человѣческомъ.

— Здравствуйте, мистрисъ Пойзеръ! Какъ вы чувствуете себя

послѣ сегоднешней грозы? сказалъ мистеръ Ирвинъ, съ своею важною ласковостію. — Наши ноги сухи. Мы не замараемъ вашихъ прекрасныхъ половъ.

— О, сэръ, что объ этомъ говорить! отвѣчала мистрисъ Пойзеръ. — Не пожалуете ли вы и господинъ капитанъ въ гостиную?

— Нѣтъ, благодарю васъ, мистрисъ Пойзеръ, сказалъ капитанъ, внимательно оглядывая кухню, какъ бы ища глазами чего-то, — я такъ люблю вашу кухню. Лучше этой кухни я ничего не видалъ, право. Всѣмъ фермерскимъ женамъ не мѣшало бы взять ее за образецъ.

— Вы слишкомъ добры, сэръ. Садитесь, прошу васъ, проговорила мистрисъ Пойзеръ, нѣсколько успокоенная этимъ комплиментомъ и веселымъ видомъ капитана, но все еще не выпускавшая изъ глазъ мистера Ирвина, который смотрѣлъ на Дину и направлялся къ ней.

— Пойзера нѣтъ дома? нѣтъ? спросилъ капитанъ Донниторнъ, садясь такъ, что ему можно было смотрѣть сквозь недлинный проходъ, ведущій въ молочню.

— Нѣтъ его дома, сэръ. Онъ отправился въ Россетеръ, переговорить съ мистеромъ Вестомъ, маклеромъ, на счетъ шерсти. Но отецъ его въ сараѣ, сэръ, и если вамъ угодно...

— Нѣтъ, благодарю васъ; я сейчасъ пойду посмотрѣть шенять, и скажу пастуху, что нужно. Я какъ-нибудь еще забуду къ вашему мужу. Надобно мнѣ потолковать съ нимъ о лошадяхъ. Когда онъ бываетъ свободенъ?

— Что жъ, сэръ, вы его всегда можете застать, кромѣ, когда въ Тредльстонѣ рыночный день. Это по пятницамъ, вы знаете. А то, если онъ гдѣ-нибудь около фермы, его всегда тотчасъ можно отыскать. Еслибы намъ отдѣлаться отъ пустошныхъ луговъ, всѣ бы наши поля были въ одной межѣ. А не то, коли что случится, ужъ онъ вѣрно на пустошныхъ лугахъ, и его не доищешься. Такое ужъ несчастіе. Да оно и въ самомъ дѣлѣ несподручно, чтобы поля были разбросаны по разнымъ графствамъ.

— Да, пустошные луга гораздо лучше бы присоединить къ Чойсовой фермѣ. У него нѣтъ покосовъ, а у васъ ихъ вдоволь. Въдъ ваша ферма, право, лучшая во всемъ имѣніи, и знаете ли что, мистрисъ Пойзеръ? Если я женюсь, я какъ разъ выживу васъ отсюда, отдѣлаю этотъ славный старый домъ и самъ сдѣлаюсь фермеромъ.

— Ахъ, сэръ, сказала мистрисъ Пойзеръ, нѣсколько встревоженная, — какая это вамъ охота! Что фермерство? Правую руку кладете въ карманъ, а лѣвой опять вынимаешь. Трудись, трудись для другихъ, а самъ съ дѣтьми еле сытъ. Конечно, вы не бѣднякъ какой-нибудь, которому нужно трудомъ снискивать

хлѣбъ насущный. Вы и на фермерство можете бросить денегъ сколько вамъ угодно. Но вѣдь плохая и забава бросать деньги-то. Оно конечно, большіе господа въ Лондонѣ больше все этимъ забавляются. Вотъ мужъ на ярмаркѣ слышалъ, что старшій сынъ лорда Деси проигралъ тысячи, тысячи фунтовъ принцу Уэльскому, и что леди Деси заложила свои брилліанты, чтобы заплатить за него. Но вы объ этомъ знаете больше, чѣмъ я, сэръ. А что касается до фермерства, я не думаю, чтобъ оно могло вамъ понравиться. А этотъ домъ... тутъ такъ дуетъ, что не приведи Господи, и полы на верху совсѣмъ сгнили, а ужъ мышей-то въ погребѣ... просто силъ нѣтъ справиться!

— Вѣдь это страшное описаніе, мистрисъ Пойзеръ! Какъ послушаешь васъ, выходитъ, вамъ же лучше, если я васъ отсюда выживу. Но до этого еще далеко. Я не женюсь прежде, какъ лѣтъ черезъ двадцать, когда я буду сорокалѣтнимъ толстякомъ. Да и дѣдушка ни за что не захочетъ разстаться съ такимъ хорошимъ фермеромъ, какъ мистеръ Пойзеръ.

— Что жъ, сэръ, если вы считаете Пойзера такимъ хорошимъ фермеромъ, то не грѣшно бы вамъ замолвить словечко въ его пользу, чтобы въ нашей фермѣ выстроили новыя ворота. Ужъ онъ просилъ, просилъ объ этомъ. И сколько онъ уже положилъ денегъ на эту ферму, и никогда ему не дали ни гроша на поправки, дурной ли, хорошей ли выдавался годъ. И сколько разъ я говорила мужу: еслибъ имѣніемъ распоряжался капитанъ, этому бы не бывать. Говорю я это не въ укоръ тѣмъ, кому на это дана власть, но, право, вѣдь это и обидно, работать съ раннего утра до поздняго вечера и по ночамъ не спать, все думая, какъ бы не передохли телята, да какъ бы сыръ не закисъ, да какъ бы хлѣбъ въ скирдахъ не проросъ, а подъ конецъ года, словно сварилъ обѣдъ, а самому только и придется, что его понюхать.

Разъ пустившись въ розказни, мистрисъ Пойзеръ неслась на всѣхъ парусахъ, ни сколько не затрудняясь своимъ всегдашнимъ уваженіемъ къ *джентри*. Увѣренность, которую она имѣла въ превосходство своего способа выражаться, была двигательною силой, преодолевавшею всѣ преграды.

— Боюсь я только, не надѣлалъ бы я больше вреда, чѣмъ пользы, еслибы сталъ говорить о воротахъ, мистрисъ Пойзеръ, сказалъ капитанъ, — хотя, увѣряю васъ, въ цѣломъ нашемъ помѣстьѣ нѣтъ челоуѣка, за котораго я охотнѣе бы замолвилъ слово, чѣмъ за вашего мужа. Я знаю, что его ферма въ лучшемъ состояніи, нежели всякая другая на разстояніи двадцати миль вокругъ; а что касается до кухни, прибавилъ онъ улыбаясь, — то подобной, чай, въ цѣломъ королевствѣ не отыщешь. Кстати, я никогда не видалъ вашей молочни: покажите мнѣ вашу молочню, мистрисъ Пойзеръ.

— Право, сэръ, не знаю, какъ и показать вамъ ее. Гетти расположилась тамъ съ масломъ, торопится,—готовить на продажу, сэръ; потому что недавно сбили назначенную препорѣжку, право, мнѣ совѣстно....

Эти послѣднія слова мистрисъ Пойзеръ проговорила краснѣ въ полной увѣренности, что капитана въ самомъ дѣлѣ занималъ ея кринки, и что его хорошее мнѣніе объ ней будетъ зависть отъ обзора ея молочни.

— О, я увѣренъ, что все найду въ самомъ лучшемъ порядкѣ. Проводите же меня, пожалуйста, говорилъ капитанъ, отпраме самъ впередъ, между тѣмъ какъ мистрисъ Пойзеръ за нимъ слѣдовала.

ГЛАВА VII.

Молочня.

А вѣдь на молочню, право, стоило посмотрѣть: она представила такое зрѣлище, о которомъ можно стосковаться, бродя по душнымъ и пыльнымъ улицамъ большого города. Чтò за прохлада какая чистота, какой свѣжій запахъ только-что вынутаго изъ-под пресса сыра, твердаго сливочнаго масла, деревянной посуды, и дѣло омываемой чистою водою; какіе нѣжные оттѣнки на красныхъ глиняныхъ горшкахъ и на гладкой поверхности сливокъ на темномъ деревѣ и блестящемъ оловѣ, на сѣромъ известнякѣ и на густой красно-ранжевой ржавчинѣ желѣзныхъ вѣсовъ, винтовъ и крючьевъ! Но можно ли было обратить вниманіе на всѣ эти подробности, когда онѣ служили обстановкою семнадцатилѣтней дѣвушкѣ очаровательной красоты, стоявшей тутъ въ маленькихъ котикахъ (1), и сгибавшей пухленькую ручку чтобы достать фунтъ масла съ чашки вѣсовъ?

Щечки Гетти вспыхнули яркимъ румянцемъ, когда капитанъ вошелъ въ молочню и заговорилъ съ нею; но то не былъ румянецъ замѣшательства или страха, потому что онъ сопровождался улыбками и ямочками на щекахъ и искрами изъ-подъ длинныхъ, темныхъ, загнутыхъ къ верху рѣсницъ; и между тѣмъ какъ тетка ея пустилась въ длинный разказъ о томъ, какъ мало можно было скопить молока для масла и сыра, пока всѣ телата не выпоены, объ огромномъ количествѣ, но посредственномъ качествѣ молока, которое давали комоля коровы, купленные не-

(1) Толстые крестьянскіе башмаки. *Прим. пер.*

давно для опыта, и о множествѣ другихъ предметовъ, которые необходимо должны были интересовать будущаго помѣщика, Гетти выжимала и гладила комъ масла съ совершенно-спокойнымъ, кокетливымъ видомъ, увѣренная въ глубинѣ души, что ни одно движеніе ея головы не потеряно для зрителя.

Есть разнаго свойства красоты, и наводятъ они на мужчинъ помѣшательство разнаго рода, начиная съ необузданной страсти и кончая оупѣніемъ; но есть красота, которая кажется созданною на то, чтобы кружить головы не только мужчинамъ, но и всякому разумному млекопитающему, не исключая даже самихъ женщинъ. Есть въ этой красотѣ что-то напоминающее прелесть маленькихъ котятъ или крошечныхъ, пушистыхъ утеночковъ, производящихъ нѣжными носиками тихо-журчащее щебетаніе и также напоминающее грацію ребенка, только-что начинающаго переступать и сознательно въ первый разъ отваживающагося на шалость. Это красота созданій, на которыхъ вы никакъ не можете сердиться, но которыхъ подъ-часъ вамъ такъ и захочется уничтожить за неспособность понять то состояніе ума, до котораго они васъ доводятъ. Красота Гетти Соррель была именно въ этомъ родѣ. Тетка ея, мистрисъ Пойзеръ, которая хвасталась своимъ презрѣніемъ ко всякой личной привлекательности и положила себѣ за правило быть строжайшимъ изъ всѣхъ менторовъ, то и дѣло заглядывалась изподтишка на красоту Гетти, противъ воли поддаваясь ея обаянію. И бывало, разбранивъ ее, на чемъ свѣтъ стоитъ, какъ слѣдуетъ доброй теткѣ, только о томъ и помышляющей, чтобы научить уму-разуму племянницу (бѣдняжку, у которой не было матери, чтобы пожурить ее), она частехонько сознавалась мужу, когда они оставались съ глазу на глазъ и некому было ихъ подслушать:

— Ну, поди ты, говори, что хочешь, а чѣмъ больше проказничаетъ эта плутовка, тѣмъ больше она хорошеетъ!

Излишне было бы сказывать вамъ, любезный читатель, что щечки Гетти походили на лепестки розы, что ямочки играли на ея пухленькихъ щечкахъ, что подъ длинными рѣсницами скрывались глаза, вмѣстѣ лукавые и томные, что ея кудрявые волосы, попрятанные подъ круглый чепчикъ, когда она была за работой, падали темными мягкими кольцами на лобъ и вокругъ бѣлыхъ ушей, похожихъ формой на раковинку; такъ же излишне было бы говорить, какъ заманчивы были контуры, обозначенные ея бѣлымъ, съ красными узорами, шейнымъ платкомъ, заткнутымъ въ коротенькій, темнаго цвѣта, шелковый спенсеръ; или какъ полотняный съ нагрудникомъ фартукъ молочницы казался рядомъ, достойнымъ быть выкроену изъ шелка и бархата для какой-нибудь герцогини, такими очаровательными складками онъ падалъ вокругъ ея тѣла; или какъ ея темные чулки и башмаки

на толстой подошвѣ теряли всю неуклюжесть, съ которою они непременно сидѣли бы на ногѣ, еслибы то не была ея ножка, все это было бы совершенно бесполезно, развѣ вамъ самимъ случалось видѣть женщину, которая произвела на васъ такое же впечатлѣніе, какое производила Гетти на всѣхъ тѣхъ, кто видѣлъ ее. Иначе, хотя бы вы и могли вызвать передъ собою очень милый образъ, но все-таки онъ ни мало не походилъ бы на эту очаровательную дѣвushку-кошечку. Я могу описывать дивную прелесть свѣтлаго майскаго дня; но если вамъ никогда не случалось забывать весь міръ, слѣдя глазами за вьющимся въ небо жаворонкомъ, или блуждая по мирнымъ тропинкамъ въ ту пору, когда едва распустившіеся цвѣты облекаютъ ихъ въ священную, тихую красоту, подобную той, которая царствуетъ подъ рѣзными арками храма, къ чему послужить мое описаніе? Никогда не передамъ я вамъ того, что самъ передумалъ и перечувствовалъ въ прекрасный вешній день. Красота Гетти дышала всею полнотою весенней прелести; это была красота юныхъ, рѣзвыхъ созданій съ округленными членами, прыгающихъ, увлекающихъ васъ обманчивымъ видомъ невинности, — сравнимъ ее, пожалуй, хоть съ невинностію молодого, звѣздолобаго теленка, который, почувствовавъ внезапную охоту къ прогулкѣ внѣ загона, увлекаетъ васъ въ безумную скачку черезъ рвы и заборы, чтобы подъ конецъ очутиться въ серединѣ болота.

И что за прелестныя позы и движенія принимаетъ хорошенькая дѣвushка, оправляющая масло! То она слегка подбрасываетъ его, движеніемъ, сообщающимъ очаровательный сгибъ рукѣ, то склонить на бокъ полную бѣлую шейку, то нѣжно поглаживаетъ и округляетъ его ладонью, то такъ мило прилаживаетъ его и даетъ ему окончательную форму; а всего этого никакъ нельзя сдѣлать безъ разнообразной игры пухленькаго ротика и черныхъ глазъ. А потомъ и самое масло какъ-будто сообщаетъ ей свою свѣжую прелесть; оно такъ чисто, такъ пріятно пахнетъ; оно выкладывается изъ формы такое твердое, гладкое, словно мраморъ, озаренный палевымъ свѣтомъ.

Гетти же слыла мастерицею готовить масло: это было одно изъ тѣхъ качествъ, которыя щадила въ ней даже неумолимая критика ея тетки: до того она умѣла выполнять свое дѣло со всею граціей, свойственною мастери.

— Надѣюсь, мистрисъ Пойзеръ, что вы будете на праздникъ 30 июля, сказалъ капитанъ Донниторнъ, заплативъ молочнѣ достаточную дань удивленія и изложивъ нѣсколько наскоро составленныхъ сужденій о шведскомъ турнепсѣ и превосходствѣ боломой породы. — Вамъ извѣстно, что готовится, и я надѣюсь, что

будете изъ числа гостей, которые прїѣдутъ раньше, а уѣдутъ въ можно позже. Миссъ Гетти, я приглашаю васъ на два ца. Если я теперь не возьму съ васъ слова, то знаю навѣрное, ужъ не добьюсь удовольствїя. Всѣ молодые фермеры нарастъ постараются отбить васъ у меня.

Гетти улыбнулась и покраснѣла; но прежде чѣмъ она успѣла вѣчать, мистрисъ Пойзеръ вмѣшалась въ разговоръ и обнаружила приличное негодованіе при одной мысли, что молодой майръ можетъ опасаться соперничества отъ подобнаго рода щоровъ.

— Право, сэръ, вы слишкомъ добры, что занимаетесь ею. Когда бы вамъ ни вздумалось съ нею танцовать, она конечно иметъ это съ благодарностію и станетъ гордиться вашимъ вниманіемъ, хотя бы ей пришлось послѣ того просидѣть цѣлый черъ.

— О, нѣтъ, это было бы слишкомъ жестоко для другихъ танщоровъ. Но вы общаете мнѣ два танца, не правда ли? начиналъ капитанъ, рѣшившійся принудить дѣвушку взглянуть на это и заговорить съ нимъ.

Гетти сдѣлала премиленькій книксенъ, украдкой бросила на его полуробкій, полукокетливый взглядъ и промолвила: — Поорно благодарю, сэръ. Съ удовольствіемъ, сэръ.

— Привозите съ собою всѣхъ вашихъ дѣтей, мистрисъ Пойеръ; непременно; и крошку Тотти, и мальчиковъ. Я хочу, чтобы амъ были всѣ маленькія дѣти нашего помѣстья; всѣ тѣ, которые тануть красивыми мущинами и женщинами, когда я буду плѣвивымъ старикомъ.

— О, дорогой сэръ, до этого еще далеко! вскричала мистрисъ Пойзеръ, очарованная простотой, съ которою отзывался о себѣ молодой сквайръ, и думая про себя, съ какимъ удовольствіемъ выслушаетъ ее супругъ, когда она передастъ ему этотъ замѣчательный образчикъ юмора высокородныхъ особъ. Капитанъ слылъ вообще неистощимымъ шутникомъ и забавникомъ и былъ любимъ всѣми въ своихъ владѣніяхъ за свободное и ласковое обращеніе. Каждый фермеръ былъ вполне убѣжденъ, что дѣла пойдутъ совершенно иначе, когда управленіе перейдетъ въ его руки, что тогда-то настанетъ эра изобилїя, новыхъ дорогъ, уменьшенныхъ поборовъ, десятипроцентныхъ доходовъ и проч. и проч.

— Но куда же дѣвалась сегодня Тотти? Мнѣ хочется ее видѣть.

— Гдѣ малютка, Гетти? сказала мистрисъ Пойзеръ. — Она недавно была здѣсь.

— Не знаю. Развѣ въ пивоварнѣ съ Нанси.

Чадолюбивая мать, не будучи въ состояніи противиться иску-

шенію показать свое дѣтище, немедленно отправилась отыскивать его въ заднюю комнату, не безъ опасенія однакожь, не приключилось ли съ нимъ чего-нибудь такого, что сдѣлаетъ его особу и нарядъ не совсѣмъ годными къ представленію.

— А когда масло будетъ готово, вы понесете его на рынокъ? говорилъ между тѣмъ капитанъ.

— О, нѣтъ, сэръ. Такое тяжелое! У меня не хватитъ силъ. Аликъ повезетъ его на лошади.

— Ужь конечно ваши хорошенькія ручки не созданы для такихъ тяжестей.... Вы вѣрно часто гуляете въ эту прекрасную погоду. Зачѣмъ не ходите вы иногда въ чезъ (1)? Теперь тамъ прекрасная зелень и такъ хорошо. Я никогда не видывалъ васъ иначе, какъ въ церкви и дома.

— Тетушка не любитъ, чтобъ я выходила по пустякамъ, сказала Гетти. — Но я иногда прохожу чезомъ.

— А у миссъ Бестъ, экономки, вы никогда не бываете? Кажется, я васъ разъ у нея видѣлъ.

— Я хожу не къ миссъ Бестъ, а къ миссъ Памфреть, горничной вашей тетушки. Она учитъ меня вышивать и чинить кружево. Завтра послѣ обѣда я пойду къ ней пить чай.

Если вы желаете знать причину, почему молодымъ людямъ удалось выиграть такъ много времени для описаннаго *тѣте-à-тѣте*, то должны заглянуть въ кухню, гдѣ Тотти отыскалась, занятая натираниемъ себѣ носа забытымъ мѣшечкомъ съ снѣжкою, при чемъ индиго обильно разсыпался на передникъ, который надѣла на нее къ обѣду, и въ которомъ она такъ и оставалась.

Въ эту минуту Тотти появилась въ молочнѣ, держась за руку матери и съ носикомъ; блестящимъ и раскраснѣвшимся отъ слишкомъ усерднаго и поспѣшнаго употребленія мыла и воды.

— Во-о-тъ она! вскричалъ капитанъ, поднимая дѣвочку и ставя ее на низенькую каменную скамеечку. — Вотъ и Тотти! Кстати, какое же у ней другое имя? Вѣдь не крестили же ее Тотти?

— О, сударь, мы рѣдко зовемъ ее другимъ именемъ. При крещеніи ей дано имя Шарлотты. Это имя издавна ведется въ семействѣ мистера Пойзера: бабушку его звали Шарлоттой. Но мы стали ее звать сначала Лотти, а потомъ ужъ изъ этого вышло Тотти. Правду сказать, оно больше похоже на собачью кличку, чѣмъ на христіанское имя.

— Тотти — важное имя. Да чего! Она и на видъ прямая Тотти. Есть ли у нея карманъ? продолжалъ капитанъ, ощупывая свои собственные карманы на жилетѣ.

Тотти немедленно и съ величайшею важностію приподняла

(1) Часть парка, отгороженная для дичи. *Прим. пер.*

в платъе и показала крошечный пестрый карманъ, находився въ эту минуту въ состояннн совершенно-плоскомъ.

— Тамъ нитиво нѣтъ, сказала она, смотря на него очень серьезно.

— Ничего? Какэя жалость! Такой чудесный карманъ! Дай-ка да? Я, кажется, отыскалъ у себя кой-какія штучки, которыя вно будутъ звенѣть въ немъ. Точно! Смотри-ка! Мы положимъ на пять кругленькихъ серебряныхъ денежекъ; ну, теперь, по-дшай! Ай-да какъ славно онѣ звенятъ въ Тоттиномъ карманѣ!... Онъ тряхнулъ карманомъ, въ которомъ лежало пять шести-пенныхъ монетъ, и Тотти осклабилась и сморщила носикъ отъ радости; но, догадываясь, что больше ничего не дождется, осталась въ комнатѣ, спустилась съ лавки и побѣжала звенѣть карманомъ надъ ухомъ Нанси, между тѣмъ какъ мать кричала ей лѣдъ: «У! безстыдница, дрянная дѣвочка! И не поблагодарила питана! Право, сэръ, вы слишкомъ добры! Но она такъ излована, что стыдно сказать! Отецъ ни въ чемъ ей не перетъ, и съ нею просто сладу нѣтъ! А все отъ того, что младшая, одна у насъ дѣвочка!»

— О, она презабавная замарашка! Какъ есть славная дѣвочка. о пора мнѣ; чай, ректоръ давно ужъ меня ждетъ. До свиданія! Съ этими словами и любезнымъ взглядомъ и поклономъ, обращеннымъ къ Гетти, Артуръ вышелъ изъ молочни. Но онъ ошибался, воображая, что его ждуть; ректоръ такъ занялся разговоромъ съ Диною, что никакъ не желалъ бы прервать его ранѣе, вы сейчасъ услышите, о чемъ они говорили между собою.

Глава VIII.

ПРИЗВАНІЕ.

При входѣ джентльменовъ, Дина встала, продолжая держать протыню, которую чинила, и почтительно поклонилась, вида, что мистеръ Ирвинъ на нее смотритъ и подходитъ къ ней. Онъ никогда еще не говорилъ съ нею, она никогда не видала его вблизи, и когда глаза ихъ встрѣтились, то первую ея мыслию было: «Какая благородная наружность! О, еслибы доброе сѣмя упало на эту почву! Ужъ навѣрное принесло бы плодъ!» Приятное впечатлѣніе вѣроятно было взаимное, потому что мистеръ Ирвинъ поклонился ей съ почтительною любезностію, которая не была бы не-

умѣстною, еслибы передъ нимъ стояла самая важная изъ знакомыхъ ему дамъ.

— Вы гостя въ нашей сторонѣ, были его первыя слова, когда онъ сѣлъ насупротивъ нея.

— Да, сэръ; я изъ Сноффилда, въ Стониширѣ. Тетушка, желала, чтобъ я отдохнула отъ тамошнихъ моихъ трудовъ,—и точно была больна,—была такъ добра, что пригласила меня погостить у ней нѣсколько времени.

— А!... Я очень хорошо помню Сноффилдъ; я разъ какъ-то был тамъ. Скучное, мрачное мѣсто. Тамъ еще строили тогда бумажную фабрику, этому ужъ много лѣтъ. Я полагаю, состояніе въ стечка должно было измѣниться къ лучшему вслѣдствіе зарбковъ, которые жители получаютъ отъ фабрики?

— Оно измѣнилось въ томъ отношеніи, что фабрика привлекла много народу, который кормится работою, и для торговцовъ стало лучше. Я также работаю на фабрикѣ и не могу жаловаться, потому что зарабатываю достаточно для своего пропитанія и даже кой-что откладываю. Но оно все-таки мрачное мѣсто, какъ вы говорите, сэръ, совсѣмъ не то, что здѣсь.

— У васъ вѣрно тамъ родственники, и вы любите Сноффилдъ потому, что вы тамъ дома?

— У меня была тамъ тетка, которая меня и воспитала, потому что я сирота. Но она уже семь лѣтъ какъ умерла, и у меня нѣтъ другихъ родныхъ, кромѣ тетушки Пойзеръ, которая очень ко мнѣ добра. Она желала бы, чтобъ я совсѣмъ переселилась въ эту сторону, которая, нельзя не сказать, очень хорошая сторона: хлѣба на всѣхъ вдоволь. Но я не вольна покинуть Сноффилдъ, гдѣ я возросла и пустила корни, какъ травка на вершинѣ холма.

— Но, сколько мнѣ извѣстно, у васъ здѣсь много друзей и братьевъ по религіи; вѣдь вы методистка, Веслеянка, не такъ ли?

— Да; тетушка въ Сноффилдѣ принадлежала къ братству, и я много имѣю причинъ благодарить Бога за все то, чѣмъ я обязана этому обстоятельству.

— А давно ли вы проповѣдуете? Вѣдь вы, кажется, вчера вечеромъ говорили народу въ Гейслопѣ?

— Я впервые стала трудиться тому четыре года; мнѣ былъ тогда двадцать-первый годъ.

— Стало-быть ваше братство допускаетъ, чтобы проповѣдывали женщины?

— Оно не запрещаетъ имъ проповѣдывать, сэръ, если онѣ чувствуютъ явное призваніе къ святому дѣлу, и если служеніе ихъ оправдывается обращеніемъ грѣшниковъ и укрѣпленіемъ въ вѣрѣ народа Божія. Мистрисъ Флетчеръ,—вы конечно слышали о ней?—кажется, первая изъ женщинъ стала проповѣдывать въ нашемъ

дательствѣ, еще какъ была не замужемъ и называлась миссъ Эванкетъ, и мистеръ Весли одобрялъ ея предпріятіе. Ей дана была большая благодать. И теперь есть еще въ живыхъ многія дугія, драгоценныя помощницы въ дѣлѣ служенія. Слышала я, что въ послѣднее время возстало противъ нихъ нѣсколько голосовъ между братьями, но я увѣрена, что совѣтъ ихъ разрушится... Не подобаешь людямъ указывать пути для Духа Божія, какъ прокладываютъ они путь для теченія воды, и говорить: «теки здѣсь, а не тамъ».

— Но не находите ли вы нѣкоторой опасности въ этомъ дѣлѣ, — я говорю о васъ собственно, напротивъ, — не случается ли иногда, что мужчины, а равно и женщины, считая себя орудіями уша Божія, совершенно заблуждаются, берутся за дѣло, къ которому не способны, и оттого уменьшается уваженіе людей къ священнымъ предметамъ?

— Безъ сомнѣнія, это иногда случается; были и между нами нечестивые, которые старались соблазнить братьевъ; бывали и акіе, которые сами заблуждались. Но вѣдь и у насъ не безъ дисциплины и наказаній, для устраненія подобнаго зла. Между нами заведенъ строгій порядокъ, и братья и сестры наблюдаютъ другъ за другомъ, потому что отвѣчаютъ за душу ближняго. Они не идутъ каждый своею дорогою, говоря: «Развѣ я стражъ моему брату?»

— Но, скажите мнѣ, если я смѣю сдѣлать вамъ такой вопросъ, — спрашиваю я отъ искренняго участія, — какъ пришла вамъ, впервые, мысль о проповѣди?

— Поистинѣ, сэръ, я совсѣмъ о томъ не думала. Я съ шестнадцатилѣтняго возраста приучена была говорить съ маленькими дѣтьми и учить ихъ, и случалось иногда, что сердце мое вдругъ переполнялось, и слова мои въ классѣ текли болѣе свободно чѣмъ обыкновенно; случалось, что я чувствовала иногда неодолимое побужденіе молиться съ болящими. Но я не чувствовала призванія къ проповѣди, потому что, когда я не возбуждена сильно, то скорѣе склонна сидѣть смиренно и углубляться въ самое себя. Такъ, кажется, и просидѣла бы цѣлый день съ мыслию о Богѣ, поглощающею душу, подобно тому, какъ камышки лежатъ на днѣ ручья, омываемые его струями. Вѣдь мысли такъ велики, не правда ли, сэръ? Онѣ охватываютъ насъ, словно глубокий потокъ, и часто я забываю, гдѣ я и гдѣ все меня окружающее, и теряюсь въ мысляхъ, въ которыхъ не могу дать отчета, потому что ни начала, ни конца ихъ не могу выразить словами. Такова была ужъ я всегда съ тѣхъ поръ, какъ я себя помню; но, иногда, независимо отъ моей собственной воли, на меня находили слова, и даны были рѣчи, которыя выливались наружу, какъ льются слезы, когда сердце переполнено, и мы не

можемъ удержать ихъ. И то всегда были времена высокой благодати, хотя я прежде и не думала, чтобъ это могло быть давно и передъ собраніемъ народа. Но, сэръ, Провидѣніе ведетъ насъ какъ малыхъ дѣтей, по пути, котораго мы не знаемъ. Я была призвана проповѣдовать внезапно, и съ тѣхъ поръ ни разу и была оставлена въ сомнѣніи насчетъ дѣла, которое было на мнѣ возложено.

— Разкажите мнѣ все обстоятельно, какъ именно это случилось въ тотъ день, когда вы начали проповѣдовать.

— Это было въ воскресенье. Я шла съ братомъ Марло, членомъ пожилыхъ лѣтъ, однимъ изъ нашихъ проповѣдниковъ, по дорогѣ въ Геттонъ-Динсъ. Это селеніе, котораго жители добываютъ хлѣбъ работою въ свинцовыхъ рудникахъ, и гдѣ нѣтъ ни церкви, ни проповѣдника, и живутъ они какъ овцы безъ пастыря. Оно будетъ больше двадцати миль отъ Сноффилда. Поэтому мы пустились въ путь рано утромъ: пора была лѣтняя. Во мнѣ громко заговорила любовь къ Богу, когда мы шли по холмамъ, гдѣ, какъ вамъ извѣстно, сэръ, нѣтъ деревьевъ, какъ въ здѣшней сторонѣ, которыя бы заслоняли свѣтъ Божій; но видишь надъ собою небеса, раскинутыя какъ шатерьъ, и чувствуешь присутствіе вѣчной десницы. Но прежде чѣмъ мы дошли до Геттона, брату Марло сдѣлалось дурно, такъ что онъ едва не упалъ, потому что онъ подвизался, не жалѣя себя, въ бдѣніи и молитвѣ; трудился черезъ силу и не по лѣтамъ и исходилъ такъ множество миль, проповѣдуя слово Божіе и въ то же время занимаясь своимъ ткацкимъ ремесломъ. А когда мы подходили къ селенію, народъ ждалъ его, потому что онъ напередъ назначилъ время и мѣсто, и тѣ изъ нихъ, которые жаждали слышать слово жизни, собрались тамъ, гдѣ жилища стояли тѣсныя, такъ чтобъ и другіе могли быть привлечены къ слушанію. Но онъ чувствовалъ, что не въ силахъ проповѣдовать, и былъ вынужденъ лечь въ первомъ домѣ, къ которому мы подошли. Я же пошла и сказала объ этомъ народу, думая, что мы войдемъ въ одинъ изъ домовъ и я буду читать имъ Писаніе и молиться съ ними. Но какъ прошла я мимо колтеджей и увидѣла у дверей драхлыхъ старухъ и суровыхъ мушницъ, безмысленно глядящихъ на сіяніе воскреснаго утра, словно безсловесный рогатый скотъ, никогда не иравшій на небо, въ душѣ моей произошло сильное движеніе, и я вся задрожала, какъ бы потрясенная могучимъ духомъ, вошедшимъ въ мое слабое тѣло. И я пошла туда, гдѣ собралась большая толпа народу, поднялась на низенькую стѣну, пристроенную къ зеленочному холму, и стала говорить слова, данныя мнѣ обильно. И всѣ они вышли изъ своихъ жилищъ и обступили меня, и многіе плакали о своихъ грѣхахъ и съ тѣхъ поръ обра-

шлись къ Господу. Такъ начала я проповѣдовать, и съ этого дня е переставала.

Работа Дины выпала у ней изъ рукъ въ продолженіи этого азказа, который она произнесла съ своею обычною простотою, о тѣмъ задумчивымъ, яснымъ, потрясающимъ голосомъ, которымъ она покоряла сердца слушателей. Тутъ она остановилась, одняла свое шитье и продолжала работать по прежнему. Мистеръ Ирвинъ слушалъ ее съ глубокимъ участіемъ. Онъ говорилъ амъ въ себѣ: «Тотъ былъ бы жалкимъ педантомъ, кто вздуалъ бы разыгрывать здѣсь роль педагога; это было бы все равно, что укорять деревья, зачѣмъ они растутъ такъ, а не иначе.»

— И вы никогда не чувствовали замѣшательства отъ сознанія ашей юности, отъ того, что вы красивая, молодая женщина, на которую устремлены глаза мужчинъ? сказалъ онъ вслухъ.

— Нѣтъ; во мнѣ нѣтъ мѣста для такихъ мыслей, и я не полагаю, чтобъ и другіе когда-нибудь обращали на это вниманіе. Я думаю, сэръ, что когда Богъ являетъ черезъ насъ Свое присутствіе, то мы подобны купинѣ горящей: Моисей и не замѣтилъ, какого рода дерево это было; онъ видѣлъ только величіе Божіе. Я проповѣдовала народу грубому и необразованному, такой только можно найти въ деревняхъ за Сноффилдомъ, людямъ, которые смотрятъ очень сурово и дико; но они никогда не сказали мнѣ ни одного грубаго слова и часто привѣтливо благодарили меня, уступая мнѣ дорогу, когда я между ними проходила.

— Я вѣрю этому; этому я очень вѣрю, съ чувствомъ сказалъ мистеръ Ирвинъ. — Ну, а что вы думаете о вашихъ вчерашнихъ слушателяхъ? Нашли ли вы ихъ смиренными и внимательными?

— Совершенно смиренными, сэръ; но я не замѣтила, чтобы благодать Божія сильно подѣйствовала на кого-нибудь изъ нихъ, за исключеніемъ молодой дѣвушки, по имени Бесси Кренеджъ, къ котрой мое сердце сильно легло, когда взоры мои упали въ первый разъ на ея цвѣтущую юность, преданную безумію и суетности. Послѣ я разговаривала и молилась съ нею нѣсколько разъ наединѣ, и не сомнѣваюсь что сердце ея тронуто. Но я замѣтила въ этихъ селеніяхъ, гдѣ народъ ведетъ привольную жизнь, среди зеленыхъ пастбищъ и тихихъ водъ, воздѣлывая землю и выкармливая скоть, какое-то странное равнодушіе къ слову, совершенно отличное отъ того, что я встрѣчала въ большихъ городахъ, напримѣръ въ Лидсѣ, куда онажды ходила навѣщать святую женщину, которая тамъ проповѣдовала. Невообразимо, какъ богата жатва духовная въ этихъ душныхъ, окруженныхъ высокими стѣнами улицахъ, гдѣ идешь словно по двору темницы, и гдѣ слухъ оглушенъ шумомъ

мірской работы. Я думаю, это можетъ-быть потому, что обываніе отрадиѣе, когда жизнь такъ мрачна и тягостна, и что душѣ алчеть сильнѣе, когда тѣло страдаетъ.

— Да, нашихъ земледѣльцевъ не легко возбудить. Они вѣдутъ почти такъ же бессознательно, какъ овцы и коровы. Но здѣсь есть нѣкоторые умные ремесленники. Вы, кажется, знакомы съ семействомъ Бидовъ. Сеть Бидъ, между прочимъ, и тодистъ.

— Да, я хорошо знаю Сета и немного его брата Адама. Сетъ ласковый молодой человѣкъ, откровенный и безобидный. Ему подобенъ патриарху Іосифу своимъ умомъ и знаніемъ, и любовью къ родителямъ и брату.

— Вы, можетъ-быть, не знаете, какое ихъ несчастіе постигло? Отецъ ихъ, Маггіасъ Бидъ, прошедшею ночью утонулъ въ ручьѣ, неподалеку отъ дверей собственнаго дома. Я теперь и навѣстити Адама.

— Ахъ, бѣдная ихъ старая мать! сказала Дина, опуская руки смотря впередъ исполненными жалости глазами, какъ будто бы видѣла передъ собою предметъ своего сочувствія.—Она жестко будетъ горевать. Сеть сказывалъ мнѣ, что она права заботливая и тревожнаго. Пойду, посмотрю, не могу ли я чѣмъ помочь ей.

Въ то время какъ она вставала и складывала свое шитье, кантанъ Донниторнъ, истощивъ всевозможные предлоги, чтобы подольше оставаться между кринками, вышелъ изъ молочнои сопровожденіи мистрисъ Пойзеръ. Тогда мистеръ Ирвинъ такъ всталъ, подошелъ къ Динѣ и, подавая ей руку, сказалъ:

— Прощайте. Я слышалъ, что вы скоро ѣдете. Но это конечно не послѣднее ваше посѣщеніе къ вашей тетушкѣ, и я надѣюсь, что мы еще встрѣтимся.

Его дружелюбное обращеніе съ Диною разсѣяло опасеніи мистрисъ Пойзеръ, и она съ совершенно-просіавшимъ лицомъ проговорила:

— Я еще не освѣдомилась о мистрисъ Ирвинъ и барышняхъ сэръ: надѣюсь, что онѣ въ добромъ здоровьѣ.

— Благодарю васъ, мистрисъ Пойзеръ. Всѣ здоровы, кромѣ Анны, у которой сегодня обыкновенная ея головная боль. Кстати мы съ большимъ удовольствіемъ съѣли превосходный сливочный сыръ, который вы намъ прислали; въ особенности онъ понравился матушкѣ.

— Я очень этому рада, сэръ. Я рѣдко дѣлаю такой сыръ: вспомнила, что мистрисъ Ирвинъ любитъ его. Пожалуста засвидѣтельствуйте ей мое почтеніе, а также и миссъ Кетъ и миссъ Аннѣ. Онѣ давно уже не навѣщали моего птичьяго двора, а въ дняхъ достала прекрасныхъ пестрыхъ цыплятъ, черныхъ съ бѣ-

имъ; можетъ-быть миссъ Кетъ пожелаетъ имѣть парочку такихъ плать.

— Благодарю васъ; я скажу ей, она прѣдетъ и посмотритъ. Пожайте, сказалъ ректоръ, садясь на лошадь.

— Поѣзжайте тише, Ирвинъ, сказалъ капитанъ Донниторнъ, кже вскакивая на лошадь.—Я догоню васъ минуты черезъ три. только хочу сказать пастуху два слова о щенкахъ. Прощайте, истрисъ Пойзеръ; скажите мужу, что я заѣду и переговорю съ имъ надосугъ.

Мистрисъ Пойзеръ поклонилась, какъ слѣдовало, и слѣдила глазами за двумя всадниками до тѣхъ поръ, пока они не съѣхали соора, среди величайшаго волненія свиней и куръ и къ яростному годованію огромной цѣпной собаки; это животное съ ожесточемъ выполняло какой-то пиррихическій танецъ, и каждую минутужно было опасаться, что вотъ-вотъ оборвется цѣпь. Мистрисъ ойзеръ восхищалась этимъ шумнымъ выѣздомъ; омъ служилъ и новымъ ручательствомъ, что дворъ исправно охраненъ, и что и одинъ бродяга не заберется къ ней незамѣченный. Не преде, какъ когда калитка затворилась за капитаномъ, вернулась на въ кухню, гдѣ Дина стояла со шляпою въ рукахъ, ожидая звращенія тетки, чтобы поговорить съ нею, прежде чѣмъ отврвиться въ коттеджъ къ Лизбетъ Видъ.

Мистрисъ Пойзеръ хотя и видѣла шляпу, но не хотѣла обратиться на нее вниманія, не отведши прежде душу насчетъ посѣенія мистера Ирвина.

— Надѣюсь, что мистеръ Ирвинъ не разсердился? О чемъ онъ оворилъ съ вами, Дина? Бранилъ за проповѣдь?

— Нѣтъ, онъ совсѣмъ не сердился; онъ былъ очень со мною асковъ. Я совсѣмъ заговорила съ нимъ, и сама не понимаю, какъ это случилось, потому что я всегда считала его за плотжаго саддукея. Но на видъ онъ такой славный, словно утреннее олнишко.

— Славный! Еще бы! А вы что думали? возразила съ нетергвнѣемъ мистрисъ Пойзеръ, принималась за свое вязанье.—Еще бы не славный! да къ тому же онъ и настоящій джентльменъ, а ужъ мать его просто прелесть, что твоя картина! Ужъ другой такой старухи во всемъ околоткѣ не найдешь. Но вы бы посмотрѣли на него въ воскресенье, на каедрѣ! такъ я ужъ вамъ скажу, истинно важное зрѣлище! Это все равно, говорю я намени Пойзеру, что смотрѣть на полный закомъ пшеницы, или на зеленый лугъ съ стадомъ жирныхъ коровъ. Просто, душъ утѣшеніе. А вотъ тѣ мозгляки, за которыми бѣгають ваши методисты, то, право, охотнѣе бы глядѣла на тощихъ скотинокъ, что пасутся на мрскомъ выгонѣ. Чудный это народъ, подумаешь! Толкуютъ тебѣ,

что хорошо, что худо; а какъ на нихъ посмотрѣшь, сами, чѣмъ во всю жизнь не бѣдали ничего лучше свиного сала и прокислихъ лепешекъ. Но что сказалъ вамъ мистеръ Ирвинъ о вашей глупой выдумкѣ проповѣдывать на Лугу?

— Онъ сказалъ только, что слышалъ объ этомъ, и кажется не нашелъ въ этомъ ничего предосудительнаго. Но, милая тетусь, полноте объ этомъ беспокоиться. Онъ сообщилъ мнѣ новость, которая, я увѣрена, огорчитъ васъ такъ же, какъ огорчила мена Тіасъ! Бидъ утонулъ нынѣшнею ночью въ ручьѣ, и я думаю, старуха мать сильно нуждается въ утѣшеніи. Быть-можетъ, я могу ей быть чѣмъ-нибудь полезною; я хочу къ ней сходить.

— Съ нами силакрестная! Но прежде выпейте чашку чаю, дитя мое, сказала мистрисъ Пойзеръ, переходя внезапно отъ ключа В съ пятью діазами къ откровенному и веселому С.—Котелокъ кипятитъ; чай будетъ готовъ въ минуту; а молодежь какъ разъ подойдетъ и надобно же ихъ напоить. Я согласна, чтобы вы навѣстили старуху; вы одна изъ тѣхъ, которымъ въ горѣ каждый радъ методистъ ли онъ, не методистъ ли; ужь если на то пошло, такъ плоть и кровь, изъ которыхъ сотворенъ человекъ, составляютъ всю разницу между людьми. Иной сыръ дѣлается изъ снятаго молока, а другой изъ парнаго; тамъ ты какъ хочешь ихъ называй, а тотчасъ распознаешь, который изъ нихъ какой,—по одному виду и запаху. Что касается до Тіаса Биды, то—прости Господи мое сгрѣшеніе,—оно и къ лучшему, что Богъ прибралъ его. Въ послѣдніа десять лѣтъ онъ не много дѣлалъ путнаго, а только огорчалъ своихъ. Я думаю, не худо бы вамъ захватить бутылочку рома для старухи; у ней, сердечной, чай, какъ всегда, и подкрѣпительнаго-то ничего въ домѣ нѣтъ. Сядьте, дитя мое, и успокойтесь вѣдь я не пушу васъ, пока вы у меня не выпьете чашку чаю.

Въ продолженіи послѣдней части своей рѣчи, мистрисъ Пойзеръ доставала съ полокъ чайный приборъ и переходила къ шкапу съ хлѣбомъ, сопутствуемая Тотти, которая появилась на сцену, лишь только слышала звонъ чашекъ. Въ то же время Гетти пришла изъ молочни, и стала расправлять свои устами руки, то опуская ихъ, то закидывая на затылокъ.

— Молли, проговорила Гетти томнымъ голосомъ,—бѣгите скорѣе и нарвите мнѣ кленовыхъ листьевъ: масло готово.

— Слышали вы, что случилось, Гетти? спросила ее тетка.

— Гдѣ жь мнѣ было слышать? сказала Гетти въ отвѣтъ съ выраженіемъ досады.

— Да вы, хоть бы и слышали, такъ не слишкомъ бы огорчились. Вы такая пустоголовая, что хоть всѣ умирай, вамъ все нипочемъ. Вамъ бы только сидѣть на верху, да наряжаться бытъхъ два часа сряду. Утони сейчасъ Адамъ Бидъ со всею сю-

О семьей, а вы бы и охъ не молвили; да еще въ ту же минуту гали бы охорашиваться передъ зеркаломъ.

— Адамъ Бидъ... утонулъ? сказала Гетти, опустивъ руки съ испуганнымъ видомъ, хотя и догадываясь, что тетка преувеличиваетъ новость съ назидательною цѣлью.

— Нѣтъ, душа моя, сказала ласково Дина, потому что мигрисъ Пойзеръ перешла къ шкафу, не удостоивая войти въ ольбе-точные объясненія.— Не Адамъ. Старикъ Тіасъ утонулъ. Онъ утонулъ нынѣшнею ночью въ нашемъ ручьѣ. Мистеръ Ирвинъ сейчасъ сказалъ мнѣ объ этомъ.

— О, какой ужасный случай! вскричала Гетти серьезно, но довольно спокойно, и такъ какъ въ эту минуту Молли вошла съ леновыми листьями, то она молча взяла ихъ и вернулась въ олочню, не дѣлая дальнѣйшихъ вопросовъ.

ГЛАВА IX.

МІРЪ ДѢВУШКИ.

Въ то время, какъ Гетти красиво располагала широкіе листья, среди которыхъ блистало палеовое, душистое масло, подобно тому какъ примула красуется въ своемъ зеленомъ гнѣздышкѣ,—боюсь я, грѣха тайтъ нечего, что она больше думала о взглядахъ, которые бросалъ на нее капитанъ Донниторнъ, нежели объ Адамѣ и постигшемъ его несчастіи. Ясные, восторженные взгляды красиваго молодаго джентльмена съ бѣлыми руками и золотою цѣпью, въ блестящемъ мундирѣ и съ неизмѣрнымъ богатствомъ, приводили въ трепетъ суетное сердечко Гетти, заставляли его повторять все одну и ту же безумную пѣсенку. Мы не слыхивали, чтобы Мемнонова статуя издавала свою мелодію подъ усиліями самаго сильнаго вѣтра, или въ отвѣтъ на какое бы то ни было божественное или человѣческое вліяніе, кромѣ скоропреходящихъ лучей утренняго солнца; такъ точно мы должны уживаться съ тѣмъ открытіемъ, что нѣкоторые изъ замысловато-устроенныхъ инструментовъ, называемыхъ человѣческими сердцами, одарены весьма ограниченою музыкальною гаммой и не подумаютъ звучать подъ прикосновеніемъ, которое наполнило бы другія сердца трепетнымъ томленіемъ или бурнымъ восторгомъ.

Гетти совершенно привыкла къ мысли, что на нее всѣ заглядываются. Она вполне сознавала, что, когда Лука Бриттъ приходилъ въ гейслопскую церковь, въ воскресенье послѣ обѣда,

такъ это было нарочно для того, чтобъ ее увидѣть. Она знала, что онъ не прочь бы сдѣлать рѣшительное предложеніе, еслибы дядя Пойзеръ, будучи весьма посредственнаго мнѣнія о молодомъ человѣкѣ, у котораго отецъ такъ плохо обрабатываетъ землю, какъ старикъ Бриттъ, не запретилъ своей женѣ поощрять его истинность какою бы то ни было вѣжливостію. Она замѣтила также, что мистеръ Крегъ, садовникъ въ Чезъ, влюбленъ въ нее по уши, и что недавно присланная имъ-вкуснѣйшая клубника и чудовищный горохъ не что иное, какъ объясненіе въ полнѣйшей формѣ. Она еще лучше знала, что Адамъ Бидъ, сильный, прямой, искусный, честный Адамъ Бидъ, который приобрѣлъ такое вліяніе въ цѣломъ околоткѣ, и котораго дядя ея былъ такъ рѣшительно видѣть у себя по вечерамъ, говоря, что «Адамъ гораздо болѣе постигъ свойство вещей, нежели тѣ, которые считаютъ себя лучше его»,—она знала, что Адамъ, почти всегда суровый и не слишкомъ расположенный ухаживать за дѣвушками, подчасъ краснѣлъ и блѣднѣлъ отъ одного ея слова, отъ одного взгляда. Сфера сравненій у Гетти была очень не обширна; однакожь она не могла не замѣтить, что Адамъ былъ мужчина хоть куда. Онъ зналъ, что сказать о всякомъ предметѣ, показавъ ея дядѣ, какъ подпереть хлѣвъ, и мигомъ починилъ маслобойку; умѣлъ съ одного взгляда опредѣлять цѣнность орѣховаго дерева; зналъ, почему сырость проступала на стѣнахъ, и чѣмъ истреблять мышей. Онъ умѣлъ писать красивымъ, четкимъ почеркомъ,—степень образованія, до которой не достигали и самые богатые фермеры той стороны. Какая разница съ косымъ Бритномъ, который, провожая ее отъ Брокстона до Гейслопа, во всю дорогу только однажды прервалъ молчаніе интереснымъ замѣчаніемъ, что молъ, «стрые гуси начали нестися». Мистеръ Крегъ, садовникъ, конечно былъ человѣкъ не глупый, но онъ былъ кривоногій и говорилъ какъ-то странно, на распѣвъ, притомъ же, по самому умѣренному расчету, ему было едвали не сорокъ лѣтъ.

Гетти была убѣждена, что дядя ея желалъ, чтобъ она поощряла исканія Адама, и съ удовольствіемъ выдалъ бы ее за него. Въ тѣ времена, еще не существовало строгаго разграниченія между фермерами и ремесленниками. Ихъ можно было видѣть вмѣстѣ за кружкою пива, и у домашняго очага, и въ тавернахъ. Фермеръ гордымъ сознаніемъ своихъ капиталовъ и вѣса въ приходскихъ дѣлахъ, утѣшалъ себя въ очевидномъ умственномъ превосходствѣ собесѣдника. Мартинъ Пойзеръ неохотно посѣщалъ таверны, но любилъ поболтать у себя, за домашнимъ пивомъ, съ хорошимъ человѣкомъ, и хотя ему весело было давать совѣты глупому сосѣду, который понятія не имѣлъ о томъ, какъ извлекать наилучшую пользу изъ своей фермы, но пріятно было такъ

же, разнообразіа ради, поучиться чему-нибудь отъ свѣдущаго ма-лаго, каковъ Адамъ Видъ. Вслѣдствіе чего, съ тѣхъ поръ, какъ Адамъ участвовалъ въ постройкѣ новой житницы Пойзера, онъ всегда былъ дорогимъ гостемъ на господской фермѣ; особенно къ зимніе вечера, когда по патриархальному обычаю страны, вся семья, хозяйинъ и хозяйка, дѣти и служители собирались въ знаменитую кухню, и усаживались по чинамъ, кто ближе, кто дальше отъ пылающаго очага. А въ послѣдніе два года, по крайней мѣрѣ, Гетти привыкла слышать отъ дяди, что «хоть Адамъ и живетъ теперь на жалованьи, но онъ безъ всякаго сомнѣнія будетъ современемъ мастеромъ. Не мудрено, что мистеръ Борджъ, какъ носится слухъ, не прочь взять его въ товарищи и выдать за него дочь: женщина, которая за него выйдетъ, не будетъ сидѣть безъ денегъ ни въ Благовѣщеніе, ни въ Михайловъ день.» За этимъ замѣчаніемъ обыкновенно слѣдовало радушное одобреніе мистрисъ Пойзеръ. «Ахъ, примолвить бывало она, конечно, мужъ съ готовымъ состояніемъ находка, да вѣдь случается, что онъ также и готовый дуракъ; большая радость наполнять карманъ деньгами, коли въ немъ дыра! Хорошо ѣздить въ собственной каретѣ на рессорахъ, да какъ посадишь на козлы дурака, такъ онъ какъ разъ опрокинетъ въ лужу. Я всегда говорила, ни за что не выйду за дурака. И свой умъ весь даромъ пропадетъ, какъ свяжешься съ шуткомъ, надъ которымъ всѣ смѣются! Это все равно, что разодѣться, да и сѣсть на осла, лицомъ къ хвосту.»

Подобные обиняки достаточно показывали расположеніе мистрисъ Пойзеръ къ Адаму, и хотя, быть-можетъ, она и мужъ ея разсуждали бы иначе, еслибы дѣло шло объ ихъ дочери, было ясно, что они съ радостію выдали бы за него племянницу, у которой не было ни гроша за душою. И чѣмъ бы ей довелось быть какъ не служанкою, еслибы дядя не прирѣлъ ее, и не воспиталъ въ ней помощницу въ хозяйствѣ для жены своей, которая со времени рожденія Тотти не могла уже выносить никакой тяжелой работы, и ограничивалась надзоромъ за служанками и дѣтьми? Но Гетти не иначе, какъ на мгновеніе ободряла Адама въ его искательствѣ. Даже въ тѣ минуты, когда она всего яснѣе сознавала его превосходство надъ своими другими обожателями, она никакъ не могла принудить себя къ мысли быть его женою. Ей пріятно было чувствовать, что этотъ сильный, умный мужчина, съ смѣлыми взорами, находится совершенно въ ея власти; она пришла бы въ негодованіе при малѣйшемъ его покушеніи ускользнуть изъ-подъ ига ея кокетливаго деспотизма, и привязаться, напримѣръ, къ тихой Мери Борджъ, которая съ такою благодарностію приняла бы малѣйшій знакъ его вниманія. «Чтобъ

онъ полюбилъ Мери Борджъ! Вотъ еще! Да она такая жолта, что какъ приколетъ пеструю ленту, такъ настоѣною смотритъ курною слѣпотою; а волосы-то! настоящая вата! И бывало, когда Адамъ недѣлю-другую не лвится въ ферму, или какинудь иначе выразитъ намѣреніе стряхнуть съ себя свою глупую любовь, ужъ какъ старается Гетти снова завлечь его въ свои сѣти, прикидываясь оробѣвшею и печальною, словно она такъ вся и растерялась отъ его пренебреженія! Но выйдти за него замужъ,—о, это другое дѣло. Ничто въ мірѣ не могло ее склонить къ этому! Щеки ея не дѣлались ни на крошечку румянѣе, когда произносили его имя; она не чувствовала сладостнаго трепета, когда онъ проходилъ мимо ея оконъ, или случайно попадался ей навстрѣчу на тропинкѣ за лугомъ; она ничего не чувствовала и тогда, когда взоры его были прикованы къ ней,—ничего, кромѣ холоднаго торжества въ сознаніи, что онъ ее любитъ, а на Мери Борджъ и глядѣть не хочетъ. Онъ такъ же мало способенъ былъ пробудить въ ней сладостное упоеніе юной любви, какъ изображеніе солнца можетъ пробудить въ нѣжномъ растеніи движеніе весеннихъ соковъ. Она видѣла его такимъ, какимъ онъ былъ: бѣднымъ, обремененнымъ заботами о старыхъ родителяхъ, еще на долгое время неспособнымъ доставить ей даже тѣ удобства, которыми она пользовалась въ домѣ дяди. А мечты Гетти всѣ вертѣлись около роскоши. Куда какъ хорошо, мерещилось ей, сидѣть въ устланной коврами гостиной, всегда носить бѣлые чулки и воротнички изъ ноттингамскаго кружева; имѣть нѣсколько паръ большихъ серегъ, по послѣдней модѣ, и что-нибудь такое, чтобъ отъ платки ея пахло такъ же хорошо, какъ отъ платки миссъ Лиди Донниторнъ, когда она вынимала его въ церкви, и въ особенности не быть вынужденною вставать рано и принимать брань отъ каждаго. Еслибъ, думала она про себя, Адамъ былъ богатъ и могъ дать ей всѣ эти вещи, тогда, пожалуй, она за него бы и вышла!

Но вотъ уже нѣсколько недѣль, новое вліяніе повѣяло на Гетти,—вліяніе неопредѣленное, какъ будто разлитое въ окружающей ее атмосферѣ, облекающееся въ надежды и планы, которыхъ она сама не сознавала, но производящее пріятное наркотическое дѣйствіе, такъ что она ходила и работала словно во снѣ, не давая себѣ отчета ни въ тяжестяхъ, которыя поднимала, ни въ усмілкахъ, которыя дѣлала; такъ что она видѣла всѣ предметы въ какомъ-то влажномъ, кроткомъ свѣтѣ, какъ будто бы жила она не въ этомъ грубомъ мірѣ изъ камней и кирпичей, а въ какомъ-то тихомъ, лучезарномъ мірѣ, подобномъ тому, который мерещится намъ на днѣ морскомъ, когда солнце проникаетъ воды своими лучами. Гетти замѣтила, что капитанъ Донниторнъ очень настойчиво

ищетъ случая съ нею видѣться; что въ церкви онъ садится такъ, чтобъ ему можно было видѣть ее, сидеть ли, встанетъ ли она, что онъ безпрестанно измскиваетъ предлоги для посѣщеній на ферму и всегда старается сказать ей что-нибудь такое, что бы принудило ее говорить съ нимъ и смотрѣть на него. Бѣдное дитя въ это время не больше допускало мысль, что молодой сквайръ могъ когда-нибудь влюбиться въ нее, чѣмъ хорошенькая дочь хлѣбника, которую юный императоръ отличилъ въ толпѣ лестною, но царственною улыбкою, воображаетъ, что будетъ императрицею. Но дочь хлѣбника, воротясь домой, мечтаетъ о прекрасномъ молодомъ императорѣ и быть-можетъ, не допекая хлѣба, думаетъ про себя: какой райскій удѣлъ быть его женою! Такъ точно, образъ капитана неотступно наполнялъ дневныя и ночныя грезы дѣвушки. Широкіе, кроткіе взоры пронизали ее и облили жизнь ея страннымъ, сладостнымъ томленьемъ. Въ сущности, глаза, изъ которыхъ струились эти взоры, въ половину не были такъ хороши, какъ глаза Адама, когда онъ, бывало, смотритъ на нее съ грустною, умоляющею нѣжностію; но они умѣли найти доступную себѣ среду въ капризномъ воображеніи Гетти, въ этой сферѣ, въ которую не могли проникнуть ни взоры, ни образъ Адама. Вотъ уже по крайней мѣрѣ три недѣли, какъ вся почти внутренняя жизнь ея сосредоточивалась въ одномъ воспоминаніи взглядовъ и словъ, которыми обращалъ къ ней Артуръ, въ одномъ воспроизведеніи того, что она почувствовала, когда слышала голосъ его внѣ дома и шаги на лѣстницѣ, когда онъ вошелъ, когда онъ взглянулъ на нее, когда устремился на нее его неотступный взоръ, который словно такъ и дотрогивался до нея, когда онъ подошелъ ближе, красивый и стройный, въ платьѣ изъ такой тонкой матеріи, распространяя вокругъ себя запахъ, подобный благоуханіямъ цвѣтника, распускавшася отъ дыханія вечерняго вѣтра. Глупыя грезы, какъ вы видите, не имѣющія ничего общаго съ любовію, которую испытываютъ нѣжныя осьмнадцатилѣтнія дѣвушки въ наше время; но вѣдь это происходило, если вы припомните, шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ; да и Гетти была дѣвушка совершенно необразованная, — дочь простаго фермера, которой бѣлорукій джентльменъ казался ослѣпительнымъ, какъ божество Олимпа. До этого времени, она даже ниразу не заглядывала въ будущее далѣе ближайшаго дня, когда капитанъ пріѣдетъ на ферму, или далѣе воскресенья, когда она увидитъ его въ церкви. Теперь только она стала думать о томъ, что вотъ она завтра пойдетъ въ Чеззъ, и быть-можетъ, онъ постарается встрѣтиться съ нею, — и что, если онъ вздумаетъ заговорить съ нею, или пройдетъ съ нею рядомъ, когда никого съ ними не будетъ! Этого еще никогда не случалось! И вотъ воображеніе дѣвушки, вмѣсто того, чтобы воссоздавать прошедшее, дѣла-

тельно стало работать надъ тѣмъ, что случится завтра, какъ она увидитъ его, идущаго къ ней навстрѣчу, какъ надѣнетъ новыя розовыя ленты, которыхъ онъ еще не видалъ на ней, и что онъ скажетъ ей, чтобы заставить ее отвѣчать взоромъ на его взоръ, — взоръ, который она будетъ хранить въ памяти весь остальной день.

Въ такомъ расположеніи духа могла ли Гетти оказать какое-нибудь сочувствіе горю Адама или долго думать о бѣдномъ утопленникѣ, Тіасѣ? Юныя души, погруженныя въ сладостный бредъ первой любви, такъ же непричастны нашимъ страданіямъ, какъ бабочка, высасывающая изъ цвѣтка нектаръ; онъ ограждены отъ чужаго гора облакомъ мечтаній, невидимыми взорами и неосознаемыми объятіями.

Въ то время какъ руки Гетти были заняты укладкой масла, а головка мечтала о завтрашнемъ днѣ, Артуръ Донниторнъ, скакавшій рядомъ съ мистеромъ Ирвиномъ по направленію къ ручью, также ощущалъ нѣкоторыя неясныя предвкусенія, и они, подобно нижнему теченію въ океанѣ, разбивались и текли своимъ чередомъ, между тѣмъ какъ въ слухъ его раздавался разказъ Ирвина о Динѣ, — но вдругъ послѣдній, неожиданно сказалъ :

— Что васъ такъ привлекало въ молочнѣ мистрисъ Пойзеръ? Ужъ не сбѣлались ли вы охотникомъ до сырыхъ подземельевъ, или до глиняной посуды?

Артуръ очень хорошо зналъ ректора; онъ не могъ не понять, что всякая хитрость была бы тутъ бесполезна, и потому отвѣчалъ съ своею обыкновенною откровенностію:

— Нѣтъ. Я пошелъ посмотреть на хорошенькую Гетти. Настоящая Геба! Еслибъ я былъ художникомъ, непременно написалъ бы ея портретъ. Это непостижимо, какія хорошенькія дѣвушки попадаютъ между дочерьми фермеровъ, между тѣмъ какъ мужчины все такіе уроды. Самая пошлая, круглая, красная рожа, которая такъ часто встрѣчается между мужчинами, и гдѣ кромѣ щекъ, не различишь ни одной черты, какъ на примѣръ у Мартина Пойзера, превращается у женщинъ той же семьи въ самую прелестную рожицу, какую только можно себя представить.

— Все это очень хорошо, и я съ художественной точки зрѣнія вполне сочувствую вашему восхищенію этою дѣвушкой; но я не желалъ бы, чтобы вы питали ея гордость и вбили бы въ ея маленькую головку, что она необыкновенная красавица, способная сводить съ ума молодыхъ джентльменовъ. Этакъ вы ее совсѣмъ испортите, и она будетъ плохую женой для бѣднаго человѣка, какъ на примѣръ честный Крегъ, который намѣднн преслѣдовалъ ее нѣжными взглядами. Маленькая плутовка ужъ, кажется, и такъ слиш-

комъ расположена сдѣлать мужа несчастнымъ на столько, на сколько слѣдуетъ, по законамъ природы, быть несчастнымъ смирному человѣку, который женится на красавицѣ. Кстати о женитьбѣ; надѣюсь, что теперь, когда бѣднаго старика нѣтъ на свѣтѣ, другъ нашъ Адамъ какъ-нибудь устроится. Теперь у него на рукахъ одна мать. Если я не ошибаюсь, завязалось что-то между нимъ и этою скромною, милою дѣвушкой, Мери Борджъ, такъ по крайней мѣрѣ я заключаю изъ нѣкоторыхъ словъ, вырванныхъ у стараго Ионатана. Но когда я завелъ о томъ рѣчь съ Адамомъ, онъ какъ будто смутился и поспѣшилъ переменить разговоръ. Я полагаю, что онъ не слишкомъ нѣжный вздыхатель; или, быть-можетъ, не захочетъ жениться, пока дѣла его не придутъ въ лучшее положеніе. Онъ одаренъ независимостію характера, которой стало бы на двухъ человѣкъ, и если въ немъ чего-нибудь слишкомъ много, то скорѣе всего гордости.

— Да, это была бы славная партія для Адама. Онъ бы принялъ на себя всѣ дѣла стараго Борджа и отлично бы устроилъ ихъ,—за это я ручаюсь. А мнѣ было бы очень приятно, еслибъ онъ окончателно поселился въ нашемъ приходѣ. Я бы завербовалъ его въ свои великіе визиты, на всякій нужный случай. То-то бы мы надѣлали съ нимъ плановъ, поправокъ и разныхъ усовершенствованій. Только я ни разу не видалъ этой дѣвушки; по крайней мѣрѣ, никогда не обращалъ на нее вниманія.

— Посмотрите на нее въ воскресенье, въ церкви; она сидитъ съ отцомъ по лѣвую сторону каеэды. Будетъ ужъ вамъ заглядываться на Гетти Соррель. Когда я разъ сказалъ себѣ, что не въ состояніи купить собаку, которая мнѣ нравится, то не обращаю на нее вниманія, потому что если она приглянется ко мнѣ и станетъ смотрѣть на меня умильными глазами, то борьба между разчетомъ и влеченіемъ можетъ сдѣлаться слишкомъ тяжелою. Я имѣю слабость думать, Артуръ, что въ этомъ отношеніи приобрѣлъ немножко жизненной мудрости, и такъ какъ эта мудрость для меня, человѣка стараго, стала дешева, то я хочу подѣлиться ею съ вами.

— Спасибо. Она, можетъ, когда-нибудь и пригодится мнѣ. А теперь я еще не вижу въ ней надобности. Господи! какъ раздѣлся ручей! Не пуститься ли намъ маленькимъ галопомъ? теперь мы на ровномъ мѣстѣ.

Вотъ неопѣненное преимущество верховой ѣзды относительно разговоровъ. Ихъ въ каждую данную минуту можно прервать рысью, или галопомъ, и такимъ образомъ можно отдѣлаться хоть отъ самого Сократа. Наши два друга этимъ простымъ средствомъ освободились отъ необходимости продолжать разговоръ до тѣхъ поръ, пока выбрались на лугъ, позади Адамовой хижинны.

ГЛАВА X.

ДИНА НАВѢЩАЕТЪ ЛИЗБЕТУ.

Въ пять часовъ вечера, Лизбета сошла внизъ съ огромнымъ ключомъ въ рукѣ: это былъ ключъ отъ комнаты, въ которой лежало тѣло ея мужа. Весь Божій день, за исключеніемъ случайнаго взрывовъ безутѣшной горести, она провела въ безпрестанномъ движеніи, исполняя первыя печальныя обязанности относительно покойника, съ благоговѣніемъ и точностію, приличными священнымъ обрядамъ. Она вынула небольшой запасъ бѣлаго полотна, береженного съ давнихъ поръ для этого послѣдняго употребленія. Сколько уже лѣтъ прошло, — а кажется, это было вчера, — какъ она показала Тіасу, гдѣ спрятано это полотно, чтобъ онъ тотчасъ же могъ достать его, когда она умретъ, потому что она была старше его. Потомъ она стала счищать до малѣйшей пылинки со всякой вещи въ священной комнатѣ и удалять изъ нея всякій слѣдъ обыденныхъ трудовъ и занятій. Узкое окно, которое до тѣхъ поръ свободно допускало холодный свѣтъ мѣсяца и жаркіе лучи восходящаго солнца до кровати ремесленника, завѣшено было прекрасною бѣлою простыней, потому что теперь наступилъ для него сонъ, равно священный и подъ голыми балками хижинъ и въ палатахъ съ рѣзными потолками. Лизбета починила даже до тѣхъ поръ незамѣченную ею дырочку въ узкомъ пологѣ, составленномъ изъ мелкихъ кусочковъ, потому что ей была дорога каждая минута того короткаго времени, въ которое она еще могла выразить какъ-нибудь свою любовь и уваженіе къ спокойному трупу, которому во всѣхъ своихъ мысляхъ приписывала нѣкоторую сознательность. Существа намъ близкія для насъ не умираютъ вполнѣ, пока мы ихъ не забыли. Они могутъ быть оскорблены, обижены нами. Имъ извѣстно и наше раскаяніе, и нестерпимо болѣзненное чувство, терзающее насъ при видѣ ихъ опустѣвшаго мѣста, и всѣ поцѣлуи, которые мы расточаемъ драгоценнымъ ихъ останкамъ. Старыя крестьянки какъ-то особенно расположены вѣрять, что покойники чувствуютъ. Приличное погребеніе для себя самой было предметомъ помышленій и заботъ Лизбеты въ теченіе многихъ лѣтъ бережливой жизни, съ неяснымъ ожиданіемъ, что она будетъ чувствовать какъ повезуть ее на кладбище, въ сопровожденіи мужа и сыновей; а те-

перь ей казалось, что величайшее дѣло ея жизни будетъ совершено, когда Тіаса прилично схоронить подъ бѣлымъ терновникомъ, — тамъ, гдѣ она однажды видѣла во снѣ, что лежитъ въ гробу, а между тѣмъ она все еще видитъ солнце въ небѣ и слышитъ запахъ бѣлыхъ цвѣтовъ, которые цвѣли такъ сильно въ то воскресенье, когда она въ первый разъ пришла въ церковь за молитвой послѣ рожденія Адама.

И вотъ было сдѣлано, что могло быть сдѣлано на нынѣшній день въ комнатѣ покойника, и все ею самою, съ помощію сыновей, потому что ей не хотѣлось звать на помощь никого изъ деревенскихъ. Она вообще не жаловала своихъ сосѣдокъ, а любимица ея Долли, старая ключница мистера Борджа, которая заходила поплакать съ нею рано утромъ, была ужъ слишкомъ слѣпа, и не могла быть ей чѣмъ-нибудь полезною. Она заперла дверь и, не выпуская ключа изъ рукъ, утомленная, опустилась на стулъ, стоявшій посреди кухни, далеко отъ своего обыкновеннаго мѣста, и гдѣ въ другое время она ни за что не согласилась бы сѣсть. О кухнѣ она въ этотъ день не позаботилась; она была затоптана грязными сапогами и завалена бѣльемъ и всякимъ хламомъ. Но то, что въ обыкновенное время показалось бы нестерпимымъ для Лизбеты, любившей порядокъ и опрятность, казалось ей теперь умѣстнымъ: такъ и слѣдовало, чтобы все въ домѣ смотрѣло странно и беспорядочно въ тотъ день, когда старикъ хозяинъ кончилъ жизнь такимъ бѣдственнымъ образомъ. Какъ же кухнѣ то имѣть такой видъ, какъ будто ничего и не случилось? Адамъ, подавленный горестію и дневными заботами, послѣдовавшими за трудовою ночью, заснулъ на лавкѣ въ мастерской. Сеть въ кухнѣ разводилъ огонь на стружкахъ, намѣреваясь согрѣть котелокъ, и уговорить мать выпить чашку чаю, — роскошь, которую она рѣдко себѣ позволяла.

Въ комнатѣ никого не было, когда Лизбета вошла и опустилась на стулъ. Она окинула безжизненнымъ взоромъ грязь и беспорядокъ, на которыхъ прекрасное вечернее солнце сіяло зловѣщимъ свѣтомъ. Это зрѣлище согласовалось съ тѣмъ мрачнымъ смятеніемъ духа, необходимо слѣдующимъ за первыми минутами внезапнаго горя, когда бѣдная человѣческая душа подобна спящему, котораго положили посреди развалинъ обширнаго города и который пробуждается въ ужасѣ и изумленіи, не зная, не есть ли то начало послѣдняго дня, не понимая, зачѣмъ и откуда явилось это безграничное зрѣлище запустѣнія и какъ, и зачѣмъ онъ самъ, несчастный, попалъ туда.

Въ другое время первую мыслью Лизбеты было бы: гдѣ Адамъ? Но внезапная смерть мужа возвратила ему на эти часы то первое мѣсто въ ея привязанности, которое онъ занималъ двадцать шесть

лѣтъ тому назадъ. Она забыла объ его недостаткахъ, подобно тому, какъ мы забываемъ огорченія минувшаго дѣтства, и помнила только одно: любовь юнаго супруга и терпѣніе старика. Глаза ея продолжали безмысленно блуждать по комнатѣ до тѣхъ поръ, пока вошелъ Сеть и сталъ прибирать нѣкоторыя изъ разбросанныхъ вещей, желая опростать круглый столикъ, чтобы поставить на него чай для матери.

— Что ты дѣлаешь? сказала она съ досадою.

— Я хочу, чтобы ты выпила чашку чаю, отвѣчалъ ласково Сеть.—Тебѣ сдѣлаетъ это пользу; а я покажѣсь кой-что приберу, чтобы въ комнатѣ было поуютнѣе.

— Поуютнѣе! Какъ тебѣ въ голову идетъ говорить это! Не тронь! не тронь! пусть все такъ остается! Для меня нѣтъ больше ни уюта, ни утѣшенія. Нѣтъ, и не будетъ! продолжала она, и по мѣрѣ того, какъ говорила, на глазахъ ея выступали слезы.—Теперь твой бѣдный отецъ умеръ! На него я мыла, и шила, и стряпала цѣлыя тридцать лѣтъ, и ему всегда нравилось, что я дѣлала. И самъ онъ былъ на все гораздъ и справлялъ за меня всякую подѣлку, когда я бывала больна или съ ребятишками. Разъ самъ сварилъ мнѣ пивной супъ, да какой славный, и принесъ на верхъ, а въ другой разъ несъ ребенка, который былъ тяжелъ, какъ двое ребятъ,—цѣлыхъ пять миль, и ни разу не ворчалъ во всю дорогу отъ Варсона до Века, когда мнѣ захотѣлось повидаться съ сестрою, которая потомъ померла объ Рождествѣ тѣмъ же годомъ. И пришлось ему утонуть въ томъ самомъ ручьѣ, который мы переезжали въ день нашей свадьбы, отправляясь домой; еще онъ надѣлалъ мнѣ множество полокъ ставить посуду и всякое добро, и показывалъ мнѣ, хвастался, зная, что мнѣ это будетъ пріятно. И умеръ онъ такъ, что я того и не знала: спала себѣ преспокойно въ постели, какъ будто мнѣ до него и дѣла нѣтъ. Охъ! охъ! До чего я дожила, чтобы все это видѣть... Оставь! оставь! Не хочу чаю! Не до ѣды тутъ и до питья! Когда одинъ конецъ моста провалился, что въ томъ, что другой стоитъ? Умереть бы мнѣ также вмѣстѣ съ моимъ старикомъ. Никто того не знаетъ, какъ мнѣ безъ него горько!

Тутъ Лизбета отъ словъ перешла къ стenanіямъ, качаясь взадъ и впередъ на стулѣ. Сеть, всегда робкій съ матерью, отъ сознанія, что не имѣетъ надъ нею никакого вліянія, чувствовалъ, что бесполезно было бы ее уговаривать и стараться ее успокоить, прежде чѣмъ припадокъ стихнетъ самъ собою, и сложивъ платье отца, которое висѣло со вчерашняго дня для просушки, ушелъ въ кухню смотрѣть за огнемъ, и боялся входить въ комнату, гдѣ сидѣла его мать, чтобы не раздражить ее еще болѣе.

Но покачавшись и постанавъ нѣсколько времени, Лизбета вдругъ стихла и громко сказала самой себѣ:

Пойду, провѣдаю, гдѣ Адамъ. Не могу понять, куда онъ
 іся. Надо сходить съ нимъ наверхъ къ отцу, пока не
 клось: времячко-то, покуда покойникъ еще въ домѣ, уходитъ,
 но снѣгъ таетъ.

Она услышала ея голосъ и вошелъ въ комнату, когда мать вста-
 со стула, и сказала:—Адамъ спитъ въ мастерской, ма-
 та. Лучше не будить его. Онъ очень утомился отъ трудовъ
 чали.

Будить? А кто его хочетъ будить? Не бось не проснется отъ
 , что я на него посмотрю. Я не видала парня ужъ два часа.
 ю ль, подумаешь, онъ былъ ребенкомъ, а отецъ таскалъ его
 укахъ!

Адамъ сидѣлъ на жесткой скамьѣ, склонивъ голову на руку,
 рая покоилась отъ плеча до локтя на длинномъ стругальномъ
 кѣ, посреди мастерской.

Поздалось, онъ присѣлъ только отдохнуть на нѣсколько минутъ
 аснулъ, не перемѣняя положенія, которое принялъ подъ влі-
 емъ печальной, томительной мысли. Лицо его, не мытое со
 рашняго вечера, было блѣдно и покрыто потомъ; волоса
 чьями падали на лобъ, а закрытые глаза впади, какъ всегда
 заеть отъ бессоницъ и горя. Брови были наморщены, и все
 о носило отпечатокъ страданій и усталости.

Джайпъ былъ видимо въ тревожномъ состояніи: онъ сидѣлъ
 заднихъ лапахъ, положивъ морду на протянутую ногу го-
 дина, и то лизалъ неподвижно висѣвшую его руку, то по-
 тривалъ на двери, прислушиваясь ко всякому звуку. Бѣдный
 ѣ былъ голоденъ и утомленъ, но не хотѣлъ покинуть хозяина
 терпѣливо ждалъ, чтобы что-нибудь прервало эту мертвую
 пину. Вслѣдствіе этихъ-то ощущеній Джайпа, намѣреніе Лиз-
 гы не будить Адама не могло быть исполнено, хотя она во-
 а въ мастерскую и подходила къ Адаму такъ тихо, какъ только
 ло возможно; радость Джайпа была ужъ черезчуръ сильна, и не
 гла не обнаружиться отрывистымъ лаемъ; въ ту же минуту Адамъ
 открылъ глаза. Видъ матери служилъ какъ будто продолже-
 емъ его грезъ; потому что во снѣ онъ какъ бы въ лихора-
 чномъ бреду переживалъ все то, что случилось съ утра; мать
 ея потрясающее горе тревожило его и во снѣ. Главная раз-
 ца между дѣйствительностію и его грезами состояла въ томъ,
 о во снѣ Гетти безпрестанно являлась передъ нимъ, страннымъ
 разомъ примѣшиваясь какъ дѣйствующее лицо ко всѣмъ сце-
 емъ, съ которыми у нея не было ничего общаго. Она была
 же у ручья, гдѣ утонулъ его отецъ; она сердила его мать своимъ
 сщеніемъ, и онъ, въ своемъ насквозь промокшемъ платьѣ, встрѣ-
 лъ ее, нарядную, отправляясь въ проливной дождь въ Тредль-

стонъ за похороннымъ подрачникомъ. Но гдѣ бы ни появлялась Гетти, мать его тотчасъ же появлялась вслѣдъ за нею, и когда онъ открылъ глаза, то нисколько не удивился, увидя ее передъ собою.

— Охъ, дитятко, дитятко! немедленно зарыдала Лизбета съ возвратившеюся потребностію къ слезамъ: первое побужденіе недавняго горя — примѣнять свою тоску и свои жалобы ко всякой переменѣ въ обстановкѣ, ко всякому ничтожному случаю. — Никого-то у тебя больше не осталось, кромѣ твоей старой матери, чтобы мучить тебя и быть тебѣ въ тягость. Бѣдный твой отецъ никогда уже не станетъ огорчать тебя; да и мать, пожалуй, скоро уберется вслѣдъ за нимъ, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше; вѣдь я никому больше не нужна. Однимъ старымъ платьемъ можно починить другое тоже старое, но больше ужъ оно ни на что не годится. Ты возьмешь жену, которая лучше будетъ для тебя стряпать и чинить платье, чѣмъ старуха-мать. А я ужъ, что теперь? одно бремя. Мнѣ только сидѣть въ углу за печкой. (Адамъ вздрогнулъ и отвернулся съ непріятнымъ чувствомъ: онъ больше всего на свѣтѣ боялся, чтобы мать не заговорила съ нимъ о Гетти.) Да! будь живъ отецъ твой, никогда бы не захотѣлъ онъ, чтобы я уступила мѣсто другой; потому что ничего безъ меня не дѣлалъ и не могъ безъ меня обойтись, что одна половинка ножницъ безъ другой. Охти мнѣ! Охти мнѣ! Ужъ что бы намъ вмѣстѣ лечь въ сырую могилу; не видали бы мои глаза, что теперь видать; такъ бы и похоронили насъ вмѣстѣ.

Лизбета утихла, но Адамъ хранилъ тягостное молчаніе: въ такой день онъ не могъ говорить съ матерью иначе, какъ съ нужностію; а между тѣмъ жалобы ея, невольно его раздражали. Бѣдная Лизбета такъ же мало могла понять, что слова ея огорчаютъ Адама, какъ мало понимаетъ раненая собака, что стоны ея терзаютъ нервы ея хозяина. Подобно всѣмъ стѣнущимъ женщинамъ, она жаловалась, въ надеждѣ, что ее станутъ утѣшать, и такъ какъ Адамъ ничего не говорилъ, то жалобы ея возобновились еще съ большею горечью.

— Я знаю, что тебѣ лучше было бы безъ меня, потому что ты могъ бы уйти куда бы захотѣлъ, и жениться на комъ тебѣ угодно. Но я не стану тебѣ докучать; вводи въ мой домъ, кого хочешь; и ни словечка дурнаго не скажу. Вѣдь когда люди стары и никуда не годны, то должны считать милостию и то, если ихъ накормятъ, не попрекая. И если сердце твое лежитъ къ такой дѣвкѣ, что принесетъ въ домъ одну бѣдность и разоренье, когда ты могъ бы взять такую, которая сдѣлала бы тебя человѣкомъ, я и тогда не скажу ни слова, потому что теперь, какъ старикъ мой утонулъ, я не лучше стараго ножа, у котораго отломлено лезвее.

Выносить это долге Адамъ былъ не въ силахъ. Онъ молча всталъ съ лавки и вышелъ изъ мастерской въ кухню. Но Лизбета не отставала отъ него.

— Не хочешь ли пойти на верхъ и взглянуть на отца? теперь ужъ тамъ все сдѣлано, и ему приятно будетъ, коли ты пойдешь и посмотришь на него. Онъ всегда любилъ, когда ты бывалъ съ нимъ ласковъ.

Адамъ тотчасъ собрался съ духомъ и сказалъ:—Да, матушка, пойдете наверхъ. Пойдемъ вмѣстѣ, Сеть.

Они отправились на верхъ, и въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ было общее молчаніе. Потомъ ключъ опять щелкнулъ въ замкъ, и всѣ вышли изъ комнаты. Но Адамъ уже не сходилъ внизъ; онъ чувствовалъ себя до того усталымъ и огорченнымъ, что не могъ выносить долге придирчивыя жалобы матери, и легъ отдохнуть на свою кровать. Лизбета лишь только вошла въ кухню и сѣла на мѣсто, какъ накрыла голову фартукомъ и стала по прежнему плакать и стонать и раскачиваться на стулѣ. Сеть думалъ: «Она мало-по-малу успокоится теперь, послѣ того какъ посмотрѣла на покойника,» и пошелъ въ кухню смотрѣть за огнемъ, не теряя надежды уговорить мать выпить чаю.

Лизбета качалась такимъ образомъ болѣе пяти минутъ, испуская глухіе стоны при каждомъ движеніи, какъ вдругъ она почувствовала, что кто-то тихо дотронулся до ея руки, и нѣжный, звучный голосъ сказалъ: «Любезная сестра! Господь послалъ меня сюда, посмотрѣть, не могу ли я тебя утѣшить.»

Лизбета остановилась, внимательно прислушиваясь, но не сняла съ лица фартука. Голосъ былъ ей незнакомъ. Ужъ не духъ ли сестры ея воротился изъ жилища смерти послѣ столькихъ годовъ разлуки? Она затрепетала и не смѣла взглянуть.

Дина, чувствуя, что это изумленіе само по себѣ уже служить облегченіемъ для огорченной женщины, ничего не сказала въ эту минуту, но спокойно сняла шляпу и знакомъ заставила молчать Сета, который при звукѣ ея голоса воротился въ комнату съ трепетнымъ сердцемъ. Она положила руку на спинку Лизбетина стула, и нагнулась надъ нею, такъ чтобъ она могла чувствовать ея ласковую близость.

Лизбета медленно сняла фартукъ и робко раскрыла черные, тусклые глаза. Сначала она ничего не видала, кромѣ чистаго, блѣднаго лица съ ласковыми сѣрыми глазами, и лицо это было ей совершенно незнакомо. Удивленіе ея возрастало. Ужъ не ангель ли это? Но въ эту минуту Дина опять положила свою руку на руку Лизбеты, и старуха внимательно на нее посмотрѣла. Рука эта была гораздо меньше ея руки, но не отличалась ни бѣлизною, ни нѣжностію, потому что Дина отроду не

употребляла перчатокъ, и рука ея носила слѣды трудовой жизни съ дѣтства. Лизбета разсматривала ее съ минуту въ глубокомъ раздумьи, потомъ снова устремила глаза на лицо Дины и сказала, нѣсколько ободренная, но съ выраженіемъ удивленія:

— Какъ! вы тоже работница?

— Да! я Дина Моррисъ, и работаю на бумажной фабрикѣ, когда бываю дома.

— А! сказала Лизбета, не переставая удивляться. — Вы вошли такъ тихо, какъ тѣнь по стѣнѣ, и заговорили надъ моимъ ухомъ, какъ духъ какой-нибудь. И лицо у васъ почти такое же, какъ у того, что сидитъ на гробѣ, въ новой Адамовой Библии.

— Теперь я пришла съ господской фермы. Вы знаете мистрисъ Пойзеръ? Она мнѣ тетка. Она слышала объ вашемъ великомъ несчастіи и очень огорчилась. Я пришла провѣдать, не могу ли чѣмъ помочь вамъ въ горѣ. Я знаю вашихъ сыновей, Адама и Сета; знаю, что у васъ нѣтъ дочери, и когда священникъ сказалъ мнѣ, какъ тяжело легла надъ вами десница Божія, сердце мое потянулось къ вамъ, и я почувствовала призваніе пойти и, если вы позволите, быть вамъ вмѣсто дочери въ этомъ горѣ.

— А! теперь понимаю, кто вы. Вы методистка, какъ Сетъ; онъ сказывалъ мнѣ о васъ, продолжала Лизбета съ досадой. Преобладающее чувство печали снова проснулось въ ней, лишь только миновало изумленіе. — Вы станете говорить, какъ онъ, что горе хорошая вещь. Да, что тутъ толковать! словами тоски не облегчить. Никогда вы меня не увѣрите, что лучше для меня, что старикъ умеръ не въ постели, — ужь если ему суждено было умереть, — и не при пасторѣ, который молился бы объ немъ; а я сидѣла бы тутъ же возлѣ него и просила бъ его не попомнить дурныхъ словъ, которыя мнѣ случилось сказать ему въ минуты досады; и я могла бы подать ему хоть ложку супу до тѣхъ поръ, пока онъ въ состояніи былъ бы глотать. А то умеръ въ студеной водѣ, такъ близко отъ насъ, а мы ничего и не знали! А я сплю себѣ, какъ будто онъ мнѣ не близкій, а чужой какой-нибудь, пришлый нивѣсть откуда.

Тутъ Лизбета снова принялась плакать и качаться, а Дина сказала:

— Да, другъ мой, ваше горе велико. Безчувственно было бы то сердце, которое не содрогнулось бы отъ испытанія, возложеннаго на васъ. Богъ послалъ меня къ вамъ не для того, чтобъ умалить ваше несчастіе, но для того, чтобъ плакать вмѣстѣ съ вами, если вы позволите. Еслибъ у васъ былъ накрытъ столъ для пира, и вы веселились бы съ друзьями, вѣдь вы позволили бы мнѣ придти и сѣсть и веселиться съ вами; вы подумали бы, что мнѣ приятно раздѣлить съ вами это веселіе. Но мнѣ пріятнѣе дѣлать съ вами

горе и трудъ, и мнѣ покажется гораздо тяжелѣ, если вы мнѣ откажете въ этомъ. Не правда ли, вѣдь вы не отошлете меня домой? Вы не сердитесь на меня за то, что я пришла?

— Нѣтъ, нѣтъ! Сердиться! Кто сказалъ, что я сержусь? Съ вашей стороны это очень хорошо, что вы пришли. Ну, Сеть, что жъ вы не подаете ей чаю? вы такъ торопились наливать мнѣ, когда онъ не нуженъ, а не подумаете налить для того, кого слѣдуетъ поподчивать. Садитесь, садитесь. Благодарю васъ за то, что вы пришли меня навѣстить. Вѣдь мало вамъ прибудеть отъ того что вы притащились по мокрымъ полямъ, чтобъ увидать такую старуху, какъ я... Да, у меня нѣтъ дочери; никогда не было. Да я и не тужу о томъ; дѣвки бѣдныя, жалкія созданія. Я всегда желала имѣть сыновей, тѣ сами за себя постоятъ. А вотъ парни вздумаютъ жениться, такъ будетъ у меня довольно дочерей— больше чѣмъ нужно. А ну-ка, заправьте сами себѣ чаю, какъ вы любите; у меня нынче и вкусъ пропалъ; мнѣ все равно, что ни глотать,—все горькимъ покажется.

Дина не стала говорить, что уже пила чай, но приняла предложеніе Лизбеты съ полною готовностію, чтобы при этомъ случаѣ уговорить старуху съѣсть что-нибудь и выпить, въ чемъ она такъ нуждалась послѣ дня, проведеннаго въ постѣ и тяжелой работѣ.

Сеть такъ былъ радъ присутствію Дины въ ихъ домѣ, что это счастье, казалось ему, не слишкомъ дорого было бы куплено цѣною цѣлой жизни, въ которой печаль смѣнялась печалью. Но въ ту же минуту совѣсть стала упрекать его въ этомъ чувствѣ: это было почти то же, что радоваться смерти отца. Несмотря на это, удовольствіе быть вмѣстѣ съ Диной брало верхъ; это ощущеніе было подобно вліянію погоды, котораго никакое сопротивленіе побѣдить не въ состояніи. Оно даже отразилось на его лицѣ такъ рѣзко, что привлекло вниманіе матери, пившей въ это время чай.

— Хорошо тебѣ говорить, что горе полезная вещь, Сеть; тебѣ оно ни почемъ. Посмотрѣть на тебя, такъ подумаешь, что ты не знаешь заботы и печали; ты словно дитя, лежащее въ колыбели съ открытыми глазами. Когда ты былъ ребенкомъ, ты любилъ лежать смирно, проснувшись; а вотъ Адамъ, такъ того ни за что бывало не удержишь въ постели; ты всегда былъ похожъ на мѣшокъ съ мукою, какъ ни брось, все не расшибется; весь въ покойнаго отца, коли ужъ говорить правду. Да и вы точно такую же смотрите, сказала Лизбета, обращаясь къ Динѣ.—Я полагаю это отъ того, что вы методистка. Я вѣдь не въ осужденіе вамъ говорю это; что жъ, коль вы отъ природы не имѣете склонности тревожиться; а иногда такъ и вы то же смотрите печально. Эхъ! коли методисты такъ любятъ горе, и умѣютъ съ нимъ бо-

роться, жаль, что они не могутъ взять его всего на себя и освободить отъ него тѣхъ, кто его не любятъ. Я съ своей стороны передала бы вамъ множество горя: когда былъ живъ мой старикъ, я мучилась съ утра до ночи; а теперь, когда его нѣтъ, рада была бы воротить и прошлое.

— Да, сказала Дина, остерегаясь, какъ бы не оскорбить противорѣчїемъ какое-нибудь чувство старухи; увѣренность, что малѣйшими ея словами и поступками управляетъ сила свыше, проявлялась въ ней въ тончайшемъ женственномъ тактѣ, проистекавшемъ отъ живаго и дѣятельнаго сочувствїа:—да, я помню также, когда умерла моя добрая тетушка, мнѣ было жаль среди тишины, которая сдѣлалась въ домѣ послѣ ея смерти, даже звуковъ ея тяжелаго ночнаго кашля. Но теперь, другъ мой, выпейте другую чашку и покушайте еще немножко.

— А что, сказала Лизбета, принимая чашку изъ ея рукъ и говоря уже не столь жалобнымъ тономъ:—развѣ у васъ не было отца и матери, что вы такъ тосковали по теткѣ?

— Нѣтъ, я не знала ни отца, ни матери. Тетушка воспитала меня съ самаго дѣтства. У ней не было своихъ дѣтей, потому что она никогда не была замужемъ, и она пеклась обо мнѣ такъ же нѣжно, какъ о своемъ родномъ дѣтищѣ.

— Да, признаюсь, это не бездѣлица. Возрастить дѣвочку, съ самыхъ пеленокъ, да еще одинокой женщиной, это все равно, что выкормить изъ рукъ агненка. Но мнѣ сдается, вы не были никогда блаженнымъ ребенкомъ, по вашему виду подумаешь, что вы никогда въ жизни не сердились. Но что же вы стали дѣлать по смерти тетки и почему не перешли жить въ нашу сторону, такъ какъ мистрисъ Пойзеръ такая же родная вамъ тетка?

Дина, видя, что успѣла возбудить вниманіе Лизбеты, рассказала ей всю исторїю своей ранней молодости, и какъ ее приучали трудиться, и что за мѣсто Снофильдъ, и какъ тамъ много нуждающихся, и множество другихъ подробностей, которыя могли бы заинтересовать Лизбету. Старуха слушала и забывала тосковать, бессознательно поддаваясь успокоительному вліянію лица и голоса Дины. Немного погодя, она согласилась на то, чтобъ Дина убрала кухню. Дина настаивала на этомъ, въ той надеждѣ, что арѣлище порядка и спокойствїа скорѣе всего расположитъ Лизбету присоединиться къ молитвѣ, которую она пламенно желала вознести вмѣстѣ съ нею. Между тѣмъ, Сеть вышелъ наколотъ дровъ; онъ понималъ, что Дина пожелаетъ остаться наединѣ съ его матерью.

Лизбета сидѣла, слѣдя глазами за дѣвущкой, которая двинулась по комнатѣ, не суетливо, но быстро приводя ее въ порядокъ и наконецъ сказала:

— Вы мастерица прибирать комнаты. Я бы не побоялась имѣть

снохой; ужъ вы навѣрное не растратили бы сыновняго жания на тряпки и пустыя затѣи. Вы не похожи на здѣшья дѣвокъ. Видно въ Снофильдѣ люди другіе, чѣмъ у насъ.

— Они ведутъ другую жизнь, отвѣчала Дина. — Они занимаютъ разными работами, по окрестнымъ деревнямъ, кто на фабрѣ, кто въ рудникахъ. Но сердце человѣка вездѣ одно и то же. Здѣсь есть дѣти міра и дѣти свѣта, но тамъ больше методичности, чѣмъ здѣсь.

— Та-а-къ. А я и не знала, что методички похожи на васъ. Здѣсь есть жена Вилля Маскри, — тоже, говорятъ, методичка; такъ на нее и взглянуть противно. Настоящая жаба. Да вотъ вы: кабы вы остались здѣсь ночевать? Мнѣ пріятно было бы сидѣть васъ здѣсь завтра утромъ. Но, можетъ-быть, васъ ждутъ истрисъ Пойзеръ?

— Нѣтъ, сказала Дина, — меня не ждутъ, и я охотно останусь, ли вы желаете.

— Ну, вотъ такъ спасибо; здѣсь мѣста довольно. Моя постель въ маленькой комнатѣ надъ кухней, и вы ляжете со мною. Я рада буду видѣть васъ возлѣ себя и поговорить съ вами ночью. Тутъ у меня привычка болтать, а васъ слушать люблю: голосъ васъ словно такой, какъ у ласточекъ, что свили гнѣздо подъ кровлей, запрошлымъ лѣтомъ, когда тѣ, бывало, начнутъ лепетать по утрамъ, сперва такъ тихо и нѣжно. Ахъ! старикъ-то куда любилъ ихъ! И Адамъ также! только онѣ не прилетали въ нынѣшнемъ году. Быть-можетъ, тоже померли.

— Ну, сказала Дина, — вотъ кухня и выметена. А теперь, милая матушка, — вѣдь вы знаете, я ваша дочь на нынѣшній день, — нѣ бы хотѣлось, чтобы вы умылись и надѣли чистый чепчикъ. Помните ли, что сдѣлалъ Давидъ, когда Богъ отнял у него сына? Пока ребенокъ былъ живъ, онъ постился и молилъ Бога пощадить его, и не хотѣлъ ни пить, ни ѣсть, и всю ночь пролежалъ на землѣ, умоляя Бога оставить ему ребенка. Но когда онъ узналъ, что сынъ его умеръ, то всталъ, умылся и помазался, и перемѣнилъ плачь, и пилъ и ѣлъ. И когда его спрашивали, какъ это сдѣлалось, что онъ пересталъ печалиться, когда ребенокъ умеръ, онъ отвѣчалъ: «Когда ребенокъ былъ живъ, я постился и плакалъ, ибо я говорилъ: кто знаетъ, быть-можетъ, Господь и помилуетъ меня, и ребенокъ будетъ живъ. Но теперь онъ умеръ, зачѣмъ же мнѣ постичься? Могу ли я его воскресить? Я пойду къ нему, но онъ ужъ ко мнѣ не воротится.»

— О! вотъ истинное-то слово, сказала Лизбета. — Да, да! мой старикъ ужъ ко мнѣ не воротится, но я пойду къ нему, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Хорошо, дѣлайте со мною, какъ знаете. Вотъ, здѣсь, въ шкапу, чистый чепчикъ, а я пойду въ чуланъ и умоюсь.

Сеть, принеси новую Библию Адама съ картинками, она прочтетъ намъ главу. О! куда мнѣ полюбилося это слово: «Я пойду къ нему, а онъ ужъ ко мнѣ не воротится.»

Дина и Сеть внутренно благодарили Бога за успокоеніе, которое замѣтно было въ Лизбетѣ. Этого-то и старалась достигнуть Дина своимъ тихимъ сочувствіемъ и отсутствіемъ всякихъ увѣщаній. Съ самаго дѣтства и до тѣхъ поръ, она не переставала обращаться съ больными и огорченными, съ душами жестооченными бѣдностію и огрубѣвшими въ невѣжествѣ, и приобрѣла тончайшее чутье въ томъ, какимъ образомъ ихъ можно было лучше всего тронуть и успокоить, и довести до готовности принять слова духовнаго утѣшенія и увѣщанія. Какъ говорила сама о себѣ Дина, она никогда не была предоставлена своимъ собственнымъ силамъ, но ей всегда указывалось свыше, когда молчать и когда говорить. И кто изъ насъ усумнится назвать вдохновеніемъ быструю мысль и благородный порывъ? Послѣ самаго тончайшаго разбора нашихъ умственныхъ процессовъ, мы все-таки должны сознаться съ Диной, что самыя возвышенныя помышленія и лучшіе поступки внушены намъ свыше.

Такимъ образомъ, въ этотъ самый вечеръ, усердная молитва, вѣра, любовь и надежда, воцарились въ скромной комнаткѣ. Бѣдная, старая, раздражительная Лизбета, не отдавая себѣ отчета ни въ одной ясной мысли, не перешедши путемъ религіозныхъ сомнѣній, почувствовала неопредѣленное, смутное сознаніе, той любви, той благодати и мудрости, которая заключена и скрыта во всѣхъ горестяхъ нашей жизни. Она еще не понимала значенія горя. Но она чувствовала, хотя на время, подъ тихимъ вліяніемъ Дины, что должно покориться и терпѣть.

ГЛАВА XI.

Въ хижинѣ.

На слѣдующее утро, уже въ половину пятаго, Динѣ надоѣло лежать безъ сна, слушать пѣнье птицъ и слѣдить за возрастающимъ свѣтомъ сквозь маленькое слуховое окошко. Она встала и принялась одѣваться очень тихо, чтобы не обезпокоить Лизбету. Но кромѣ нея въ домѣ былъ уже на ногахъ еще кто-то и сошелъ внизъ, предшествуемый Джайпомъ. Легкій стукъ отъ шаговъ собаки былъ вѣрнымъ признакомъ, что по лѣстницѣ идетъ Адамъ; но Дина не знала

этого: ей казалось болѣе вѣроятнымъ, что это Сеть, который говорилъ ей наканунѣ, что Адамъ проработалъ напролетъ всю предыдущую ночь. Сеть между тѣмъ проснулся только отъ стука отворяющейся двери. Душевное напряженіе предыдущаго дня, еще усиленное подъ вечеръ неожиданнымъ появленіемъ Дины, не было въ немъ уравновѣшено физическою усталостью, потому что онъ въ этотъ день не столько работалъ, сколько въ другіе дни. По этому когда онъ легъ въ постель, онъ нѣсколько часовъ томился тревожною безсонницей, прежде чѣмъ впалъ въ дремоту, за когорою послѣдовалъ утренній, болѣе обыкновеннаго тяжелый сонъ. Но Адамъ, освѣженный продолжительнымъ отдыхомъ и, какъ всегда, не выносящій бездѣйствія, горѣлъ нетерпѣніемъ начать новый день и побѣдить свою грусть сильною волей и сильнымъ трудомъ. Бѣлый туманъ лежалъ на долинѣ, день обѣщалъ быть свѣтлымъ и теплымъ, и Адамъ послѣ завтрака хотѣлъ отправиться на работу.

— Человѣкъ все можетъ перенести, куда можетъ работать, говорилъ онъ самъ себѣ.—Сущность вещей не измѣняется, хотя и кажется, что жизнь состоитъ изъ однихъ измѣненій. Что квадратъ отъ четырехъ шестнадцать, что рычагъ должно удлинять соразмѣрно тяжести, это также несомнѣнно и въ счастіи, какъ и въ несчастіи. То-то и хорошо въ работѣ, что она привязываетъ насъ къ вещамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ нашею собственною участью.

Окативъ голову и лицо холодною водою, онъ снова почувствовалъ всю свою силу, и черные глаза его были свѣтлы по прежнему, и густые, черные волосы блестѣли отъ свѣжей влаги, когда онъ вошелъ въ мастерскую, чтобы выбрать лѣсъ для гроба отца. Онъ хотѣлъ съ Сегомъ отнести этотъ лѣсъ къ Ионатану Борджу и заказать гробъ одному изъ тамошнихъ работниковъ, чтобы мать не слышала у себя въ домѣ шума печальной работы.

Онъ только что вошелъ въ мастерскую, какъ его чуткое ухо уловило легкій, быстрый шагъ на лѣстницѣ, ужъ конечно не шагъ его матери. Онъ уже спалъ, когда Дина пришла наканунѣ, и теперь никакъ не могъ догадаться, чей бы это могъ быть шагъ. Безразсудная мысль пришла ему въ голову и сильно взволновала его. Неужели это Гетти? Не было ни малѣйшей вѣроятности, чтобы она была въ ихъ домѣ, а однакожь ему не хотѣлось пойти посмотреть и убѣдиться, что это не она. Онъ стоялъ, опершись на доску, за которую взялся, прислушивался къ этимъ звукамъ, которые такъ пріятно дразнили его воображеніе, и по умному, мужественному лицу его разлилась робкая нѣжность. Легкіе шаги стали кружиться около кухни, сопровождаемые осторожнымъ стукомъ метущей щетки и производа не болѣе

шума, чѣмъ тихій вѣтерокъ, когда онъ гонитъ осенніе листы по пыльной дорогѣ. И воображенію Адама представлялось маленькое личико съ темными, свѣтящимися глазами, и плутовская улыбка, и взглядъ, обращенный назадъ на щетку, и полный станъ нѣсколько наклоненный надъ ручкой. Безразсудныя мечты; это не могла быть Гетти; но единственное средство выгнать изъ головы такія мечты было пойти и посмотрѣть, кто тамъ въ самомъ дѣлѣ, потому что воображеніе его все болѣе разыгрывалось, покуда онъ стоялъ, прислушиваясь. Онъ оставилъ доску и пошелъ къ двери въ кухню.

— Здравствуйте, Адамъ Бидъ! сказала Дина своимъ спокойнымъ, звучнымъ голосомъ, переставая мести и останавливая на немъ свои кроткіе, серьезные глаза.—Надѣюсь, что вы довольно отдохнули и укрѣпились, чтобы перенести жару и труды нынѣшняго дня.

Адаму грезилось солнце, а проснулся онъ въ лунномъ свѣтѣ. Адамъ нѣсколько разъ видалъ Дину, но всегда въ господской фермѣ, гдѣ онъ не слишкомъ замѣчалъ присутствіе кого бы то ни было, кромѣ Гетти; только дня за два тому назадъ началъ онъ подозрѣвать, что Сеть влюбленъ въ нее, такъ что до этого времени его вниманіе не было обращено на нее и ради брата. Но теперь ея стройный станъ, ея простое черное платье, ея блѣдное, спокойное лицо поразили его со всею силой, которая принадлежитъ дѣйствительности, вдругъ смѣняющей грезы нашего воображенія. Минуты двѣ онъ не отвѣчалъ, а смотрѣлъ на нее сосредоточеннымъ, испытующимъ взглядомъ, какимъ человекъ глядитъ на предметъ, начинающій вдругъ интересоваться его. Дина въ первый разъ въ жизни почувствовала тревожное самосознаніе; въ темномъ, пронизательномъ взглядѣ этого сильнаго человека было что-то вовсе не похожее на кротость и робость брата его Сета. На лицѣ ея выступила краска, и усилилась отъ сознанія, что она покраснѣла. Это заставило Адама опомниться.

— Я былъ совершенно удивленъ, увидѣвъ васъ; вы очень добры, что пришли навѣстить мою мать въ ея горѣ, сказалъ онъ кроткимъ, благодарнымъ голосомъ, потому что онъ съ своею обыкновенною смѣтливостью тотчасъ догадался, почему она тутъ.—Я увѣренъ, что мать была очень рада вашему посѣщенію, прибавилъ онъ, спрашивая себя съ нѣкоторымъ безпокойствомъ, какъ приняли Дину.

— Да, отвѣчала Дина, снова принимаясь за свою работу,—она, кажется, нѣсколько успокоилась и ночью нѣсколько разъ засыпала. Когда я ушла отъ нея, она спала крѣпкимъ сномъ.

— Кто принесъ извѣстіе о смерти отца въ господскую ферму? сказалъ Адамъ, котораго мысли возвратились опять къ Гетти.

Онъ спрашивалъ себя, подѣйствовало ли сколько-нибудь на нее это извѣстiе.

— Мнѣ сказалъ Мистеръ Ирвинъ, священникъ; и тетушка моя, услышавъ объ этомъ, была огорчена за вашу мать и хотѣла, чтобъ я пришла сюда; и мядюшка, я увѣрена, тоже огорченъ, но вчера онъ былъ цѣлый день въ Россетеръ. Они ждутъ васъ, какъ только у васъ будетъ время; въ этомъ домѣ нѣтъ ни одного человѣка, который бы не былъ радъ васъ видѣть.

Динна чутьемъ сердца угадала, что Адаму до смерти хотѣлось узнать, сказала ли Гетти что-нибудь объ ихъ горѣ; она была слишкомъ строго добродѣтельна, и не могла позволить себѣ даже благонамѣренный вымыселъ, но она сумѣла найти такія выраженія, которыя могли относиться и къ Гетти. Любовь умѣетъ обманывать сама себя, какъ ребенокъ, который играетъ одинъ въ поиратки; ее радуютъ увѣренія, которымъ она сама не вѣритъ. Адаму такъ понравились слова Динны, что воображеніе его тотчасъ же занялось будущимъ посѣщеніемъ господской фермы; можетъ-быть теперь, думалъ онъ, Гетти будетъ ласковѣе ко мнѣ, чѣмъ когда-либо прежде.

— Но вы сами тамъ не останетесь? спросилъ онъ Динну.

— Нѣтъ, я возвращаюсь въ Снофильдъ въ субботу, и мнѣ нужно будетъ рано отправиться въ Тредльстонъ, чтобы захватить окбурнского извозчика. Поэтому мнѣ надобно вернуться въ ферму сегодня къ ночи, чтобы провести послѣдній день съ тетушкой и ея дѣтьми. Но я могу пребыть здѣсь до вечера, если ваша мать согласится; а она, кажется, была хорошо расположена ко мнѣ вчера.

— О! въ такомъ случаѣ она навѣрное захочетъ, чтобы вы остались. Если матушкѣ кто понравится съ перваго раза, того она навѣрное полюбитъ; но она почему-то не жадуетъ молодыхъ женщинъ, хотя, конечно, продолжалъ Адамъ улыбаясь, — ея немилость къ другимъ молодымъ женщинамъ еще не есть причина, чтобъ она не полюбила васъ.

До сихъ поръ Джайпъ присутствовалъ при этомъ разговорѣ въ неподвижномъ молчаніи, сидя на задникъ лапакъ, попеременно глядя на лицо своего хозяина, чтобы подмѣтить его выраженіе, и слѣдя за движеніями Динны по кухнѣ.

Добрая улыбка, съ которою Адамъ произнесъ послѣднія слова, повидимому разрѣшила всѣ сомнѣнія Джайпа, на счетъ точки зрѣнія, съ которой слѣдуетъ ему смотреть на незнакомку, и когда она обернулась, поставивъ щетку въ уголъ, онъ подбѣжалъ къ ней и ласково приложилъ свою морду къ ея рукѣ.

— Видите, Джайпъ прѣзвѣтствуетъ васъ, сказалъ Адамъ, — а онъ вообще не охотникъ до новыхъ знакомствъ.

— Бѣдная собака! сказала Дина, глядя мохнатую, струг шерсть Джайпа,—у меня есть странное чувство къ этимъ бессловеснымъ тварямъ: мнѣ все кажется, что онѣ хотятъ говорить и мучатся тѣмъ, что не могутъ. Я не могу безъ жалости глядѣть на собакъ, хотя можетъ-быть и нечего ихъ жалѣть. Не можетъ-быть въ нихъ есть много такого, чего онѣ не въ состояніи выразить; вѣдь и мы не можемъ высказать словами и полноты того, что чувствуемъ.

Тутъ сошелъ Сеть и обрадовался, найдя Адама въ разговорѣ съ Диной. Ему хотѣлось, чтобъ Адамъ убѣдился, до какой степени она лучше всѣхъ другихъ женщинъ. Но послѣ первыхъ привѣтствій, Адамъ увелъ его въ мастерскую, чтобы посоветоваться съ нимъ о гробѣ, а Дина продолжала чистить кухню.

Часовъ въ шесть они сидѣли за завтракомъ съ Лизбетой въ кухнѣ, выметенной такъ чисто, что сама Лизбета не чище бы вымела ее. Окно и дверь были отворены, и утренній воздухъ приносилъ съ собою смѣшанное благоуханіе божьяго дерева, тиміана и шиповника изъ маленькаго садика, примыкающаго къ хижины. Дина сначала не садилась, а ходила взадъ и впередъ, подавая другимъ теплую кашу и и поджаренный крутеникъ, которые она тщательно изготовила, сперва подробно вытѣдая у Сета, что мать обыкновенно готовить къ завтраку. Лизбета была необыкновенно молчалива съ тѣхъ поръ, какъ сошла внизъ; ей вѣроятно нужно было нѣкоторое время, чтобы пріадаиться къ такому порядку вещей, гдѣ она выходила изъ своей спальни какъ госпожа, находила всю работу сдѣланною и могла сидѣть спокойно, пока другіе служили ей. Это новое ощущеніе, казалось, вытѣсняло изъ ея души сознаніе горя. Наконецъ, отвѣдавъ каши, она прервала молчаніе.

— Каша могла бы быть и хуже, сказала она Динѣ,—я могу ѣсть ее безъ отвращенія. Не худо бъ ей быть капельку погуще. и я всегда кладу въ нее немножко мяты, но какъ вамъ было знать это? Дѣти едвали найдутъ кого-нибудь, кто бъ имъ сварилъ такую кашу какъ я; еще слава Богу, если они найдутъ кого-нибудь, кто сваритъ имъ хоть какую-нибудь кашу. Но вы бы могли выучиться, еслибы вамъ показать; вы съ утра ранняго за дѣломъ и нога у васъ легкая такая, и домъ изрядно вычистили на скорую руку.

— На скорую руку, матушка? сказалъ Адамъ.—Да мнѣ кажется, что домъ прибранъ удивительно. Я не знаю, какъ еще лучше можно прибрать его.

— Ты не знаешь. Да и какъ тебѣ знать? Мужчины никогда не замѣчаютъ, выметень ли полъ, или нѣтъ. Но ты замѣтишь, когда тебѣ подадутъ подгорѣлую кашу, а ужъ безъ этого не

обойдется, когда не я буду присматривать за кухней. Тогда ты скажешь, что мать твоя на что-нибудь да была годна.

— Дина, сказалъ Сеть,—садитесь же теперь, и прошу васъ позавтракайте. Вы намъ уже все подали.

— Да, садитесь-ка, садитесь, сказала Лизбета,—и скушайте кусочекъ. Вы ужь полтора часа на ногахъ, и чай проголодались. Кушайте же, прибавила она жалобнымъ тономъ, когда Дина съела подлѣ нея.—Мнѣ жаль будетъ, когда вы уйдете, но вамъ, я думаю, нельзя долго оставаться. Я бы съ вами ужилась лучше, чѣмъ со многими другими.

— Я останусь до вечера, если вамъ угодно, сказала Дина,—я осталась бы долѣе, но мнѣ надо въ субботу отправляться въ Снофильдъ, а завтрашній день я должна провести съ теткой.

— Ну ужь я бы ни за что не вернулась туда. Мой старикъ былъ изъ Стонишира, но онъ оставилъ эту сторону, какъ былъ еще молодъ, и хорошо сдѣлалъ. Онъ говорилъ, что тамъ вовсе нѣтъ лѣса, такъ какъ же тамъ жить плотнику?

— Да, сказалъ Адамъ,—я помню, какъ отецъ говаривалъ мнѣ, когда я былъ еще мальчикомъ, что еслибы пришлось переселиться, онъ отправился бы на югъ. Но я не знаю, было бы ли это по мнѣ. Бартель Масси говоритъ, а онъ знаетъ югъ, что сѣверные жители породистѣе южныхъ, и умнѣе, и сильнѣе, и больше ростомъ. И потомъ онъ говоритъ также, что нѣкоторыя изъ тѣхъ странъ такъ плоски, какъ ладонь, и ничего не видно издали, если не влѣзть на дерево. Я не могъ бы тамъ жить. Люблю я идти на работу по такой дорогѣ, чтó идетъ съ горки на горку, и чтобы мнѣ видны были поля на нѣсколько миль въ окружности, а за ними или мостъ какой, или городъ, или колокольня. Идешь себѣ и думаешь, что земля-то не клиномъ сошлась, и что, вотъ-молъ, тамъ есть и кромѣ насъ люди, работающіе руками и головой.

— Я такъ люблю смотрѣть на горы, сказалъ Сеть, — когда облака нависнутъ низко-пременно, а вдали свѣтитъ солнце надъ дорогой въ Ломфордъ. Я часто видалъ это во время непогоды: тогда мнѣ кажется, что тамъ-то небеса, вѣчно полныя радостей и сіянія, межъ тѣмъ какъ наша жизнь проходитъ въ мракѣ и печали.

— О, я люблю свой Стониширъ, сказала Дина:—я не хотѣла бы смотрѣть на страны, гдѣ великъ урожай и обилень скотъ, гдѣ почва такъ плоска и ходить по ней такъ легко; не хотѣлось бы мнѣ оставить горы, гдѣ бѣдный народъ живетъ такою трудною жизнію, гдѣ люди проводятъ дни въ рудникахъ, вдали отъ солнечнаго свѣта. Отраднo въ туманные и холодные дни, когда надъ горами висятъ темныя облака, созвавать въ своей душѣ любовь къ Богу и нести ее въ одинокія, убогія каменные хижины, гдѣ ничто иное не дастъ утѣшенія.

— Хорошо вамъ рассуждать; сказала Лизбета, — сами-то и похожи на цвѣтокъ, который живетъ каплей росы и лучомъ солнца, но голодному народу лучше бы оставить голодную страну. А ты, продолжала она, обращаешь къ Адаму, — что вдумалъ ты говорить о томъ, какъ бы уйти на северъ или на югъ? Хочется тебѣ равнѣ оставить прахъ отца и матери и жить в странѣ, которой они не знаютъ? Да я и въ могилѣ-то не буду знать покоя, если ты не будешь приходить на кладбище всаке воскресенья.

— Не беспокойтесь, матушка, сказалъ Адамъ, — еслибъ я и рѣшился оставаться здѣсь, я ушелъ бы уже давно.

Онъ уже окончилъ свой завтракъ, и, говоря это, всталъ съ своего мѣста:

— Что ты будешь дѣлать, спросила Лизбета, — примешься ли за гробъ отца, что-ли?

— Нѣтъ, матушка, сказалъ Адамъ: — мы отнесемъ лѣсъ въ деревню и тамъ закажемъ гробъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! закричала Лизбета жалобнымъ голосомъ: — видишь, что вдумалъ, чтобъ кто другой, а не ты, сдѣлалъ гробъ отцу? Онъ знаетъ толкъ въ хорошей работѣ, и не даромъ у него сынъ такой ловкій, что заткнетъ за поясъ всю деревню и весь Тредьястоу.

— Хорошо, матушка, какъ хочешь: я сколочу гробъ дома; но вдумалъ, что тебѣ будетъ тяжело слышать стукъ этой работы.

— Да отчего же будетъ мнѣ это тяжело? Развѣ не дѣло ты будешь дѣлать? Да и что же въ томъ, тяжело ли мнѣ, легко ли? Въ жизни-то только и есть, что горе тяжкое, такъ гдѣ же тутъ разбирать? Все равно: тотъ ли, другой ли кусокъ съѣсть, когда вкусу нѣтъ во рту. Ты тотчасъ же примись за работу. Я же хочу, чтобы кто-нибудь, кромѣ тебя, прикоснулся къ его гробу.

Адамъ взглянулъ на Сета; который задумчиво смотрѣлъ то на Дину, то на него:

— Нѣтъ, матушка, сказалъ онъ. — Я на это не согласенъ. Если ужъ дѣлать гробъ дома, такъ пусть Сетъ поможетъ мнѣ. Я перелъ обѣдомъ схожу въ деревню, потому что мистеру Борджу нужно повидаться со мной, а Сетъ останется дома и начнетъ работу. Я возвращусь въ полдень и тогда смѣню его.

— Нѣтъ, нѣтъ, настаивала Лизбета и принялась плакать, — ужъ я рѣшилась, что ты одинъ сколотишь гробъ отцу. Какой ты упрямый и своевольный; ни за что вѣдь не сдѣлаешь того, чего мать желаетъ. Ты часто ропталъ на отца, когда онъ былъ живъ, такъ теперь по крайней мѣрѣ, когда онъ умеръ, угоди ему. Онъ и не посмотрѣлъ бы на гробъ Сетовой работы.

— Молчи, Адамъ, молчи, сказалъ Сетъ тихимъ голосомъ, в которомъ слышалось, какихъ усилій стоили ему эти слова. — Мать права. Я пойду на работу, а ты останься дома.

Онъ тотчасъ же ушелъ въ мастерскую, и Адамъ послѣдовалъ за нимъ. Лизбета машинально, покоряясь привычкѣ, стала убирать завтракъ, какъ будто не желая долѣе уступать своего мѣста Динѣ. Дина ничего не сказала, но воспользовалась первымъ случаемъ и спокойно послѣдовала за братьями въ мастерскую.

Они уже надѣли свои фартуки и бумажные колпаки, и Адамъ стоялъ, положивъ лѣвую руку на плечо Сета, а правой, державшей молотокъ, указывалъ на доски, на которыя оба они смотрѣли. Ихъ спины были повернуты къ двери, и Дина вошла такъ тихо, что они замѣтили ея присутствіе только тогда, когда она сказала:

— Сеть Видъ! Сеть вздрогнулъ, и они оба повернулись къ ней. Дина какъ будто не замѣчала Адама и, устремивъ глаза на Сета, сказала съ добродушнымъ спокойствіемъ:

— Мнѣ не хотѣлось бы еще проститься съ вами. Я увижу васъ, когда вы вернетесь съ работы. Если только я засвѣтло поспѣю на ферму, такъ еще будетъ не слишкомъ поздно.

— Благодарю васъ, Дина. Мнѣ было бы пріятно хотъ еще разъ проводить васъ до дому. Это можетъ-быть въ послѣдній разъ.

Голосъ Сета слегка дрожалъ. Дина протянула ему руку и сказала:

— Сегодня у васъ будетъ свѣтло на душѣ, Сеть, за то, что вы были такъ нѣжны и терпѣливы съ вашею старою матерью.

Она повернулась и вышла изъ мастерской такъ же быстро и спокойно, какъ вошла. Адамъ все время пристально смотрѣлъ на нее, но она ни разу не взглянула на него. Какъ скоро она вышла, онъ сказалъ:

— Я не удивляюсь, что ты влюбленъ въ нее, Сеть. У нея лицо, словно лилія.

Вся душа Сета прихлынула къ его устамъ: онъ до тѣхъ поръ никогда еще не повѣрялъ своей тайны Адаму, но почувствовалъ чудное облегченіе, когда сказалъ ему:

— Ахъ, Ади, я люблю ее, и, кажется, слишкомъ сильно. Но она любить меня только, по сколько Богъ велитъ любить своего ближняго. Она никогда не будетъ любить никого, какъ мужа: это мое твердое убѣжденіе.

— Полно, братъ, съ чего ты это взялъ? ободрись. Она не чета бѣльшей части другихъ женщинъ, это я вижу ясно, но если она и лучше ихъ въ многихъ отношеніяхъ, я не думаю, что когда дѣло дойдетъ до любви, она поступитъ иначе, чѣмъ онѣ.

Больше ничего не было сказано. Сеть отправился въ деревню, а Адамъ началъ свою работу.

— Помогни ему Богъ и мнѣ тоже, подумалъ онъ, подымая доску.

— Жизнь не легко намъ дается; и дома-то тяжело, и въ людяхъ-то не весело. Странно подумать, что иной мужчина подыметъ зубами стулъ, или пройдетъ пятьдесятъ миль не отдыхая, а между тѣмъ дрожить, краснѣть и блѣднѣть при взглядѣ только одной женщины во всемъ мѣрѣ. Эту тайну мы не можемъ объяснить, какъ не можемъ объяснить прозябенія зерна.

ГЛАВА XII.

Въ лѣсу.

Въ этотъ же самый четвергъ, утромъ, Артуръ Донниторъ прохаживаясь въ своей уборной, мимо старомодныхъ зеркалъ, отражавшихъ его красивую британскую наружность, и созерцаемый съ мрачныхъ, оливковаго цвѣта, обоевъ дочерью Фараона и ея прислужницами, которымъ, по настоящему, слѣдовало заниматься младенцемъ Моисеемъ, вступилъ самъ съ собою въ споръ, который, въ то время, какъ камердинеръ повязывалъ ему черезъ плечо бѣлый, шелковый шарфъ, перешелъ въ ясное, положительное намѣреніе.

— Я думаю съѣздить въ Игльдель, пожить тамъ съ недѣлю, болѣе или менѣе, и половить рыбу, сказалъ онъ громко.—Я возьму васъ съ собою, Пимъ, и выѣду сегодня же утромъ; такъ будьте готовы къ половинѣ двѣнадцатаго.

Тутъ тихій свистъ, который помогалъ ему при достиженіи такой рѣшимости, превратился въ самое громкое и звонкое пѣніе, и стѣны коридора, по которому онъ шелъ торопливо, вторили его любимой аріи изъ оперы «Нищій»: *Когда сердце наше удручено печалью*. Не геройская пѣсня, скажете вы; не смотря на это, Артуръ, спѣша большими шагами къ конюшнѣ распорядиться насчетъ лошадей, считалъ себя не послѣднимъ героемъ. Собственное одобреніе было ему необходимо и не такое одобреніе, которое досталось бы ему даромъ; нѣтъ, оно должно было служить наградой за значительное количество подвиговъ и добродѣтелей. Онъ еще никогда не былъ преступникомъ противъ этого одобренія и питалъ порядочную вѣру въ свои доблести. Ни одинъ молодой человѣкъ не сознавался въ своихъ заблужденіяхъ съ такимъ чистосердечіемъ какъ Артуръ; чистосердечіе было одною изъ его любимыхъ добродѣтелей; а какимъ образомъ можетъ выказаться наше чистосердечіе въ полномъ блескѣ, если не тогда,

когда мы имѣемъ случай сознаться въ кой-какихъ грѣшкахъ. Артуръ утѣшался сознаниемъ, что всѣ его проступки носили отпечатокъ благородной натуры; то были проступки необузданности, горячей крови, проступки льва, но отнюдь не ползущаго, хитраго, пресмыкающагося созданія. Артуръ былъ рѣшительно не способенъ сдѣлать что-нибудь низкое, подлое или жестокое. «Правда, я чертовски горячій малый, и ринуться въ бѣду мнѣ ни почемъ; но я всегда устрою такъ, чтобы бѣда обрушилась на мои собственныя плечи.» Къ несчастію, бѣдамъ не свойственна поэтическая справедливость и, чаще всего, онѣ всею тяжестью своихъ послѣдствій караютъ не истиннаго виновника, вопреки его громко-выраженнымъ желаніямъ. Только, вслѣдствіе этого несовершенства въ природѣ вещей, Артуру случалось, кромѣ себя, еще кой-кого вовлекать въ хлопоты. Что у него было доброе сердце, это безспорно. Всѣ картины, которыя онъ рисовалъ себѣ въ будущемъ, когда войдетъ во владѣніе имѣніемъ, представляли зажиточныхъ, довольныхъ фермеровъ, обожающихъ своего помѣщика, который служилъ бы образцомъ англійскаго джентльмена; домъ, поставленный на барскую ногу, шегольское убранство, изящный вкусъ, веселое житье, лучшій конный заводъ въ цѣломъ Ломширѣ; кошелекъ, открытый для всякаго общественнаго дѣла; однимъ словомъ, цѣлую обстановку, сколько возможно менѣе напоминающую то, что теперь неразлучно соединялось съ именемъ Дониторновъ. Одно изъ первыхъ дѣлъ, которыя онъ намѣревался совершить, это было—увеличить доходъ, получаемый Ирвиномъ съ гейслопскаго викарства, такъ чтобы онъ могъ завести карету для матери и сестеръ. Его сердечная привязанность къ ректору существовала съ возраста блузъ и панталончиковъ. Это было чувство, соединяющее въ себѣ почтительность сына съ привязанностью брата: въ немъ было на столько братской любви къ Ирвину, чтобы предпочитать общество Ирвина обществу большей части молодыхъ людей, и на столько любви сыновней къ нему же, чтобы сильно опасаться всякаго порицанія со стороны Ирвина.

Теперь вамъ ясно, какъ дважды два четыре, что Артуръ именно такой «добрый малый», какимъ онъ слылъ между школьными товарищами; онъ не могъ выносить равнодушно чужаго горя; въ самомъ дурномъ расположеніи духа огорчился бы всякою неприятностію, могущею приключиться его дѣду; и даже тетка его Лидія, пользовалась тою мягкою благосклонностію, которую онъ простиралъ на весь ея полъ. Имѣлъ ли онъ довольно власти надъ самимъ собой, чтобы вліяніе его на другихъ оставалось всегда такимъ безвреднымъ и чисто благотворнымъ, какъ желало его доброе сердце,—это былъ другой вопросъ, котораго, впрочемъ, еще никто не рѣшалъ не въ его пользу. Вспомните, что ему былъ толь-

ко двадцать первый годъ отъ роду: кто станетъ разбирать слишкомъ строго характеръ человѣка, когда онъ красивъ, щедръ, молодъ и будетъ имѣть состояніе, которымъ можно прикрыть множество грѣшковъ; когда, приключись ему на бѣду, въ безумной скачкѣ переломить ногу бѣдняку, онъ въ состояніи былъ назначить ему хорошенькую пенсію; когда, еслибы случилось ему загубить жизнь женщины, онъ тотчасъ можетъ возстановить ея жизнь посредствомъ дорогихъ *bon-bons*, имъ самимъ уложенныхъ и написанныхъ собственною его рукой? Смѣшно въ подобныхъ случаяхъ позволять себѣ нескромное разбирательство, какъ будто бы справи наводятся о характерѣ и поведеніи какого-нибудь управителя.

Когда дѣло идетъ о молодомъ человѣкѣ, богатомъ и знатномъ, то мы употребляемъ обыкновенно эпитеты благозвучные, общіе, благородные; а дамы, съ тѣмъ тонкимъ чутьемъ, которое составляетъ исключительную принадлежность ихъ пола, тотчасъ видятъ, что онъ «милашка». Можно безошибочно предположить, что онъ проживетъ жизнь, не приведя ни одной изъ нихъ ни въ ужасъ, ни въ соблазнъ: достойный моря корабль, который никто не откажется застраховать. Безъ сомнѣнія, корабли подвержены разнымъ случайностямъ, обнаруживающимъ страшные недостатки въ ихъ постройкѣ, которые никогда бы не были замѣчены, оставайся они на спокойныхъ водахъ, и не одинъ «добрый малый» осуществилъ въ своей особѣ подобное разочарованіе.

Но мы не имѣемъ достаточнаго основанія предаваться неблагоприятнымъ предчувствіямъ, касательно Артура Донниторна, который, нынѣшнимъ же утромъ, оказался способнымъ къ благо-разумной рѣшимости, основанной на внушеніяхъ совѣсти. Надо отдать ему справедливость. Природа его такова, что онъ никогда не сохранить совершеннаго спокойствія и самодовольствія, отклоняясь слишкомъ далеко отъ прямого пути, никогда не перейдетъ за пограничную черту грѣха, за ту черту, на которой должно выдерживать безпрестанныя нападенія съ добродѣтельной стороны. Онъ никогда не объявитъ себя царедворцемъ порока, никогда не станетъ носить его цвѣтовъ въ своей петлицѣ.

Было около десяти часовъ; солнце великолѣпно сіяло. Вся природа казалась прекраснѣе отъ вѣчершняго дожда. Приятно въ такое утро идти по усыпанной пескомъ и гладко-убитой дорожкѣ къ конюшнѣ, замышляя поѣздку. Но запахъ конюшни, который, слѣдуя натуральному порядку вещей, долженъ бы быть въ числѣ вліяній, успокоивающихъ человѣческую душу, всегда производилъ нѣкоторое раздраженіе въ Артурѣ. Онъ на конюшнѣ не имѣлъ права распоряжаться, а въ ней все было устроено самымъ скареднымъ образомъ. Дѣдъ его упорно держалъ во главѣ конюховъ стараго болвана, котораго никакимъ рычагомъ нельзя было

своротить съ допотопной колен; да еще притомъ ему дано было позволеніе набрать въ помощники толпу неотесанныхъ ломширскихъ парней, изъ которыхъ одинъ недавно обновилъ пару ножницъ, выкroyивши продолговатый клокъ шерсти у Артуровой гнѣдой кобылы. Развѣ такое положеніе вещей не огорчительно? Можно перенести бездну непріятностей въ домъ; но постоянно наткаться въ конюшнѣ на непріятности и безпорядки, скажите, не превышаетъ ли силъ человѣческой плоти и крови долгое время выносить это и не впасть въ мизантропію?

Деревянная, съ глубокими морщинами рожа стараго Джона была первымъ предметомъ, который встрѣтили глаза Артура, когда онъ вошелъ на конный дворъ, и этотъ видъ отравилъ удовольствіе, съ которымъ онъ обыкновенно слушалъ лай двухъ гончихъ, неизмѣнныхъ стражей конюшни. Онъ никогда не могъ говорить совершенно терпѣливо съ старымъ болваномъ.

— Вы осѣждаете для меня Мегъ, и подведете ее къ крыльцу въ половинѣ двѣнадцатаго, и въ то же время Раттлера для Пима. Слышите?

— Слышу, слышу, капитанъ, отвѣчалъ очень развязно старикъ Джонъ, слѣдуя за молодымъ сквайромъ въ конюшню.

Джонъ считалъ молодыхъ господъ природными врагами старыхъ слугъ, а молодыхъ людей, вообще, плохую надеждой для будущности міра.

Артуръ вошелъ въ конюшню, съ тѣмъ чтобы приласкать Мегъ, избѣгая, по возможности, смотрѣть на окружающіе предметы, чтобы не выйти изъ терпѣнія до завтрака. Красивое животное стояло въ одномъ изъ внутреннихъ стойлъ, и при входѣ своего господина повернуло къ нему умную, кроткую головку. Маленькій Тротъ, небольшая шпанская собака, ея неразлучный товарищъ, лежала покойно, свернувшись на спинѣ лошади.

— Да, да, Мегъ; да, моя красавица, мы нынче утромъ отвалаемъ славный галопъ.

— Ну, нѣтъ, ваша милость, не думаю я, чтобъ это могло статься, замѣтилъ Джонъ.

— А отъ чего же нѣтъ?

— А отъ того, что она захромала.

— Захромала! Чортъ побери! Что вы говорите?

— Да, то, ваша милость, что парень подвелъ ее черезъ-чуръ близко къ Далтоновымъ лошадямъ; а одна изъ нихъ возьми да и лягни ее; лягнула, да и зашибла ей ногу, переднюю...

Благоразумный разкащикъ воздерживается отъ точнаго описанія того, что воспослѣдовало. Вы понимаете, что тутъ было выговорено не мало крупныхъ словъ, смѣшанныхъ съ успокоительными прибаутками, обращенными къ Мегъ, во время осмотра

ея ноги; что Джонъ присутствовалъ при этомъ осмотрѣ съ столь же безстрастною физиономіей, какъ, еслибъ онъ былъ искусно вырѣзанная дубина изъ яблоннаго дерева, и что, когда Артуръ Донниторнъ перешелъ обратно за желѣзную рѣшетку парка, то ему ужъ не припала охота распѣвать, какъ въ то время, когда онъ входилъ въ конюшню.

Артуръ чувствовалъ себя окончательно раздосадованнымъ и разстроенымъ. На конюшнѣ не было другихъ лошадей для него и слуги его, кромѣ Мегъ и Раттлера. Ну, не досадно ли? Вѣдь случилось же это именно тогда, какъ ему нужно было на недѣлю, другую, уѣхать изъ дому. Провидѣніе было несправедливо, допуская подобное сцѣпленіе обстоятельствъ: быть заперту въ Чезъ съ переломленною рукой, когда всѣ полковые товарищи веселятся въ Виндзорѣ, съ дѣдомъ, который питаетъ къ нему такого же рода привязанность, какъ къ своимъ древнимъ пергаментамъ. И переполняться отвращеніемъ и усталостію послѣ каждой попытки вмѣшаться въ управленіе домомъ или помѣстьемъ! Въ такихъ обстоятельствахъ человѣкъ необходимо приходитъ въ дурное расположеніе духа, и старается заглушить раздраженіе чувствъ тѣмъ или другимъ, болѣе или менѣе законнымъ способомъ. «Солкельдъ сталъ бы каждый день выпивать по бутылкѣ портвейна, ворчалъ онъ сквозь зубы,—но я не довольно крѣпокъ для этого. Ну, ужъ если не могу ѣхать въ Игльдель, такъ, по крайней мѣрѣ, хочу проскакать на Раттлерѣ въ Норбернъ и завтракать съ Гауэномъ.»

Подъ этимъ, громко выраженнымъ намѣреніемъ скрывалось тайное. Если онъ позавтракаетъ и проболтаетъ съ Гауэномъ, то вернется въ Чезъ не прежде пяти часовъ, когда Гетти будетъ уже въ комнатѣ экономки, внѣ опасности съ нимъ встрѣтиться. А выйдетъ она оттуда послѣ обѣда, въ тотъ часъ дня, когда онъ всегда отдыхаетъ и, слѣдовательно, онъ ея совсѣмъ не увидитъ. Да и то сказать, что за бѣда такая, что онъ былъ ласковъ съ хорошенькою дѣвочкой? Впрочемъ, надо признаться, что поболтать съ нею полчаса пріятнѣе, чѣмъ плясать съ цѣлою дюжиной свѣтскихъ красавицъ. Но, можетъ-быть, еще лучше было бы, еслибъ онъ совсѣмъ не обращалъ на нее вниманія; можетъ-быть, это въ самомъ дѣлѣ внушило ей вѣбальмошныя мысли, какъ намекалъ Ирвинъ; хотя Артуръ, съ своей стороны, совсѣмъ не считалъ дѣвушекъ такими нѣжными, ни ихъ сердецъ такими хрупкими. Вообще, на дѣлѣ, онъ находилъ ихъ вдвое холоднѣе и хитрѣе самого себя. Что касалось до возможности дѣйствительно повредить Гетти, объ этомъ и говорить было нечего. Артуръ Донниторнъ съ полною увѣренностію принималъ свое собственное ручательство за самого себя.

Итакъ, полуденное солнце застало его на пути къ Норберну. Съ счастію, Голселльскій общинный выгонъ лежалъ на его дорогѣ и доставилъ Раттлеру случай отличиться нѣсколькими прекрасными прыжками. Ничто, болѣе скачки черезъ рвы и кустарники, не усмиряетъ душевныхъ волненій, и я всегда удивлялся, какъ то центавры, съ ихъ огромными преимуществами въ этомъ отношеніи, оставили по себѣ такую дурную славу.

Послѣ этого, вы, можетъ-быть, удивитесь, узнавъ, что хотя Гаунъ былъ дома, на башенныхъ часахъ замка едва пробило три, какъ Артуръ уже въѣзжалъ въ ворота и, спрыгнувъ съ тяжело вышавшаго Раттлера, входилъ въ домъ наскоро позавтракать. Но я полагаю, что и съ тѣхъ поръ встрѣчались люди, которые скакали, ломая голову, чтобъ избѣжать встрѣчи, а потомъ лѣтели стремглавъ назадъ, чтобы не пропустить ея. Любимая военная хитрость страстей нашихъ, это—сдѣлать притворное отступленіе, и быстрымъ движеніемъ сбить насъ съ ногъ въ ту самую минуту, какъ мы уже считали день своимъ.

— О! да какъ чертовски скакалъ капитанъ! замѣтилъ кучеръ Далтонъ, котораго фигура съ трубкой въ зубахъ, рельефно выступала на стѣнѣ конюшни, когда Джонъ вводилъ туда Раттлера.

— Я желалъ бы, чтобъ онъ взялъ себѣ чорта въ конюхи, проворчалъ Джонъ.

— Чтò жь, онъ тогда имѣлъ бы конюха, попригожѣ теперешняго, замѣтилъ Далтонъ, и эта острота показалась ему до того удачною, что оставшись на сценѣ одинъ-одинехонекъ, онъ нѣсколько разъ вынималъ изъ рта трубку, чтобы подмигивать воображаемымъ слушателямъ и сладостно сотрясаться нѣмымъ, брюшнымъ смѣхомъ, мысленно повторяя разговоръ сначала до конца, съ тою цѣлю, чтобы передать его съ надлежащимъ эффектомъ въ людской.

Когда Артуръ, кончивъ завтракъ, пошелъ обратно въ уборную, то утрення борьба его съ самимъ собой, не могла не мелькнуть въ его умѣ; но теперь ему невозможно было остановиться на этомъ воспоминаніи; невозможно было снова вызвать чувства и размышленія, которыя вдохнули ему такую твердую рѣшимость; такъ же невозможно, какъ воротить то особенное благоуханіе въ воздухъ, которое освѣжило его, когда онъ этимъ утромъ открылъ окно. Желаніе увидѣть Гетти нахлынуло на его душу, какъ дурно запруженный потокъ; онъ самъ удивлялся силѣ, съ которою эта прихоть, повидимому, столь пустая, овладѣла всѣмъ существомъ его. Онъ даже весь дрожалъ, приглаживая щеткой волосы, должно быть отъ того, что скакалъ такимъ сумазброднымъ галопомъ. А все потому, что сдѣлалъ серіозное дѣло изъ пустой вещи, думая объ немъ, какъ будто въ немъ есть какая-нибудь важ-

ность. Ну да, онъ позабавится, увидится сегодня съ Гетти; а потомъ и выбросить весь этотъ вздоръ изъ головы! Все это вина Ирвина. «Еслибъ Ирвинъ ничего не говорилъ, я бы и въ половину столько не думалъ о Гетти, сколько о хромоу ногъ Мегъ!» Однакожь день былъ именно такой, чтобы понѣжиться въ эрми-тажъ: не пойдти ли туда и до обѣда дочитать, на досугъ, *Мурова Зелуко*? Эрмитажъ находился въ сосновой рошѣ: прямая дорога для Гетти съ господской фермы. Такимъ образомъ, ничто не могло быть проще и натуральнѣе: встрѣча съ Гетти будетъ простою случайностію его прогулки, а не предметомъ ея.

Тѣнь Артура мелькала между могучими дубами *Чеза* проворнѣе, нежели можно было ожидать отъ тѣни человѣка усталого, въ жаркую, послѣполуденную пору, и едва пробило четыре часа, какъ онъ стоялъ уже передъ высокою, узкою калиткой, ведущею въ восхитительный лабиринтный лѣсокъ, окаймлявшій одну сторону *Чеза* и называемый Сосновою рошею, не потому чтобы тамъ было много сосенъ, а потому, что ихъ было очень мало. Лѣсъ былъ буковый и липовый; кое-гдѣ мелькала легкая серебристостволоая береза,—именно тотъ родъ лѣса, въ которомъ любятъ скрываться нимфы; вы видите: бѣлые, озаренные солнцемъ члены, то блеснутъ сквозь вѣтви кустовъ, то вдругъ мелькнутъ изъ-за тихо колеблющихся очертаній высокой липы; до васъ долетаетъ нѣжный, звонкій смѣхъ; но если вы взглянете слишкомъ любопытнымъ, нескромнымъ взоромъ, они исчезнутъ за серебристою березой; они заставятъ васъ подумать, что это говоръ журчащаго ручейка; быть-можетъ и сами превратятся въ проворную бѣлку, которая взлетаетъ на дерево и дразнить васъ оттуда, качаясь на самой вершинѣ. Эта была роша не съ расположеннымъ по мѣркѣ дерномъ, или дорожками, усыпанными пескомъ, но съ узкими, густо осѣненными тропинками, которыя были окаймлены тонкими рядами нѣжнаго мха; тропинками, которыя были какъ будто добровольнымъ дѣломъ самихъ деревьевъ и кустарниковъ въ то время, какъ они съ почтеніемъ разступались передъ стройною царницей бѣлоногихъ нимфъ.

И вотъ, Артуръ Донниторнъ пустился по самой широкой изъ этихъ тропинокъ, осѣненной буками и липами. Была тихая, послѣполуденная пора; золотые лучи медленно и томно пробирались сквозь высокія вѣтви, кой-гдѣ блистая на темной тропинкѣ и окаймлявшей ее рѣдко-разсѣянной гирляндѣ мха; послѣполуденная пора, когда судьба завѣшиваетъ свое холодное, ужасающее лицо лучезарнымъ, полупрозрачнымъ покровомъ, обвиваетъ насъ теплыми мягкими крыльями и отравляетъ фил-ковымъ, ароматнымъ дыханіемъ. Артуръ брель-себѣ беззаботно впередъ, съ книгой подъ мышкой; но не смотря въ зем-

лю, какъ дѣлають люди, погруженные въ размышленіе. Глаза его устремлялись на отдаленный изгибъ дороги, а которомъ непременно, въ непродолжительномъ времени, должна была явиться маленькая фигурка. Ахъ! вотъ она идетъ! вотъ показалось, сначала, красивое пестрое пятнышко, подобное тропической птички, порхающей между вѣтвями, потомъ мелькающій образъ въ круглой шляпкѣ съ маленькою корзинкой на рукѣ; потомъ вотъ и сама яркорумяная, почти испуганная, но весело улыбающаяся дѣвушка, дѣлающая поклонъ съ трепетнымъ, но счастливымъ взоромъ, когда Артуръ подошелъ къ ней. Еслибъ Артуръ имѣлъ время обо всемъ передумать, то ему показалось бы страннымъ, что и онъ также дрожалъ, краснѣлъ, самъ сознавалъ, что краснѣеть; словомъ, смотрѣлъ и чувствовалъ себя такимъ дуракомъ, какъ еслибъ его засталъ кто-нибудь врасплохъ, а не встрѣтилъ онъ именно то, чего ожидалъ. Бѣдныя созданія! Какая жалость, что вы уже не въ золотомъ возрастѣ дѣтства, когда стояли бы вы лицомъ къ лицу, смотря одинъ другому въ глаза съ робкимъ удовольствіемъ; потомъ дали бы одинъ другому поцѣлуй, воздушный, какъ прикосновеніе крыла бабочки, и побѣжали бы, поиграть вмѣстѣ. Потомъ Артуру захотѣлось бы уйти домой на кровать съ шелковыми занавѣсами, а Гетти на подушку домашняго издѣлія, и оба заснули бы безъ мечтаній; а на завтра снова началась бы жизнь, едва сохранившая воспоминаніе о вчерашнемъ днѣ.

Артуръ поворотилъ назадъ, и пошелъ рядомъ съ Гетти безъ всякаго видимаго предлога. Они были одни въ первый разъ въ жизни. Какъ могуче впечатлѣніе такой первой встрѣчи! Онъ не осмѣливался взглянуть на маленькую молочницу въ продолженіи первыхъ двухъ или трехъ минутъ. Чтò касается до Гетти, то ноги ея покоились на облакѣ; ее несли на крыльяхъ теплые зефиры; она забыла свои розовыя ленты; она такъ же мало чувствовала свои члены, какъ, еслибъ ея ребяческая душа переселилась въ водяную лилію, покоящуюся на влажномъ ложѣ, согрѣтую лучами лѣтняго солнца. Вы, пожалуй, найдете тутъ противорѣчіе, читатель; но Артуръ почерпалъ какую-то беззаботность и увѣренность въ самой своей застѣнчивости; это состояніе было совершенно другое, нежели то, въ какомъ онъ опасался почувствовать себя при встрѣчѣ съ Гетти; въ минуты молчанія, при всемъ его неясномъ волненіи, осталось мѣсто для мысли, что его прежнія опасенія и сомнѣнія были совершенно излишніи.

— Вы хорошо сдѣлали, что выбрали эту дорогу, промолвилъ онъ наконецъ, смотря на Гетти.—Она гораздо пріятнѣе и короче, чѣмъ тѣ, которыя идутъ черезъ деревню.

— Да, сэръ, отвѣчала Гетти дрожащимъ голосомъ и почти

шопотомъ. Она не имѣла ни малѣйшаго понятія о томъ, какъ говорить съ джентльменами, подобными Артуру, и самое ея тщеславіе заставляло ее быть осторожною въ словахъ.

— Вы каждую недѣлю ходите къ мистрисъ Помфретъ?

— Да, сэръ, каждый четвергъ, кромѣ тѣхъ дней, когда она выезжаетъ съ миссъ Донниторнъ.

— И она васъ чему-то учитъ, кажется?

— Да, сэръ; чинить кружева, какъ она сама выучилась за границей и штопать чулки: оно выходитъ, точь въ точь, вязанье. Никто не скажетъ, что это штопано. Она учитъ меня такъ кроить.

— Развѣ вы хотите пойдти въ горничныя?

— Чтò жъ; я бы очень желала.

Гетти говорила громче, но голосъ ея все еще дрожалъ. Она думала про себя, «быть-можетъ, я кажусь ему такую же глушою, какъ мнѣ кажется Лука Бритнъ.»

— Я полагаю, миссъ Помфретъ всегда ждетъ васъ объ эту пору.

— Она всегда ждетъ меня въ четыре часа. Я сегодня опоздала; тетушка не могла безъ меня обойтись; настоящая пора четыре часа, потому что надо заняться, прежде чѣмъ миссъ Донниторнъ позвонитъ.

— А! такъ мнѣ не слѣдуетъ васъ задерживать, хотя я очень желалъ бы показать вамъ эрмитажъ? Были вы тамъ когда-нибудь?

— Никогда, сэръ.

— Вотъ дорожка, по которой къ нему сворачиваютъ. Но мы не пойдемъ туда. Я покажу вамъ его въ другой разъ, если вы хотите.

— Сдѣлайте милость, сэръ.

— Всегда ли вы возвращаетесь по этой дорогѣ вечеромъ; или, можетъ, боитесь идти такимъ уединеннымъ мѣстомъ?

— О, нѣтъ, сэръ! вѣдь это никогда не бываетъ поздно. Я всегда выхожу въ семь часовъ; а теперъ такіе свѣтлые вечера. Тетушка разсердилась бы на меня, еслибъ я не вернулась въ девяти часамъ.

— Можетъ-быть, Крегъ, садовникъ, васъ провожаетъ?

Яркій румянецъ облилъ лицо и шею Гетти.

— Ужъ конечно нѣтъ! Ужъ навѣрное никогда не провожалъ; я бы ему не позволила; я его терпѣть не могу! проговорила она торопливо, и слезы досады выступили такъ быстро, что прежде чѣмъ она договорила, свѣтлая капля катилась по ея горячей щекѣ. Потомъ ей до смерти стало стыдно, что она расплакалась, и на одно долгое мгновение все ея блаженство исчезло. Но вдругъ

а почувствовала, чья-то рука обвилась вокругъ нея, и тихій юсь шепталъ ей:

— О чемъ же вы плачете, Гетти? Я совсѣмъ не хотѣлъ огорчить васъ. Я ни за что въ свѣтѣ не хотѣлъ бы огорчить васъ, ѿ милый цвѣточекъ. Перестаньте же, не плачьте; посмотрите меня; а не то я подумаю, что вы на меня сердитесь.

Артуръ положилъ свою руку на нѣжную ручку, которая была ему ближе, и склонился къ Гетти съ робкою лаской вѣ орѣ. Гетти подняла свои длинныя, влажныя рѣсницы и встрѣла его глаза, устремленные на нее съ нѣжнымъ, умоляющимъ взглядомъ. Какое неизмѣримое пространство времени включали въ себѣ эти мгновенья, когда глаза ихъ встрѣались, и руки его обвивали ее! Любовь—дѣло такое простое, когда намъ всего двадцать одинъ годъ, и когда кроткая, семнадцатилѣтняя дѣвушка трепещетъ подъ нашимъ взоромъ, какъ будто она цвѣточная почка, впервые, съ изумленнымъ восторгомъ, раскрывающая свою внутренность теплomu дыханію утра. Такія она, не тронутыя временемъ души, скользятъ на встрѣчу одна другой, подобно двумъ бархатнымъ персикамъ, которые, нѣко подкатившись другъ къ другу, тотчасъ оба останавливаются; онѣ сливаются такъ же легко, какъ два ручейка, которые ничего больше не желаютъ, какъ только смѣшать свои струи и журчатъ въ вѣчно переплетающихся изгибахъ по самымъ тѣнистымъ, сокровеннымъ убѣжищамъ. Когда Артуръ смотрѣлъ въ темныя, умоляющіе глаза Гетти, ему было все равно, какимъ бы англійскимъ языкомъ она ни выражалась, и даже, еслибы пудра и фижмы были еще въ модѣ, онъ навѣрное не замѣтилъ бы, что Гетти не доставало этихъ признаковъ знатнаго происхожденія.

Но вотъ они отскочили другъ отъ друга, и сильно забились сердца ихъ! Что-то упало на землю съ внезапнымъ трескомъ; это была корзинка Гетти; всѣ ея рабочія вещицы, рассыпались по тропинкѣ, а нѣкоторыя выказывали даже намѣреніе укатиться на далекое разстояніе. Много было хлопотъ подбирать ихъ, и въ это время не было промолвлено ни одного слова; но когда Артуръ снова надѣлъ корзинку на руку дѣвухѣ, бѣдное дитя замѣтило странную перемену въ его взорахъ и обращеніи. Онъ пожалъ ей руку и произнесъ съ такимъ взглядомъ и такимъ тономъ, которые показали ей оледеняющими.

— Я помѣшалъ вамъ; не хочу задерживать васъ долѣе. Васъ, вѣрно, ждутъ. Прощайте.

И не дожидаясь отвѣта, онъ отвернулся отъ нея и поспѣшилъ назадъ по дорогѣ въ эрмитажъ, и оставленная Гетти продолжала свой путь, какъ бы въ странномъ снѣ, который начался упоеніемъ восторга и превращался въ досаду и печаль. «Придетъ ли

онъ опять къ ней на встрѣчу, когда она пойдетъ домой? За чѣмъ онъ говорилъ съ нею, какъ будто онъ ею недоволенъ, а потомъ убѣжалъ такъ неожиданно? И она заплакала, сама не зная о чѣмъ.

Артуръ былъ также самъ не свой; но чувства его озарились болѣе яснымъ сознаниемъ. Онъ поспѣшилъ въ эрмитажъ, который находился въ срединѣ лѣса; нетерпѣливымъ движеніемъ распахнулъ дверь, захлопнулъ ее за собой, швырнулъ *Зелуку* въ самый отдаленный уголокъ, и, засунувъ правую руку въ карманъ, сперва прошелся три, четыре раза по тѣсному пространству маленькой комнатки; потомъ опустился на диванъ въ томъ неловкомъ натянутомъ положеніи, которое мы часто принимаемъ, когда не хотимъ отдаться своимъ чувствамъ.

Да; онъ готовъ былъ влюбиться въ Гетти; это ясно, какъ день. Онъ готовъ былъ отправить все, на свѣтъ...куда бы то ни было, чтобы предаться восхитительному чувству, которое только что возникло въ немъ. Безполезно было себя обманывать долѣе; они слишкомъ страстно полюбятъ другъ друга, если онъ будетъ попрежнему ухаживать за нею, а потомъ, что изъ этого выйдетъ? Черезъ нѣсколько недѣль ему нужно ѣхать, и бѣдная малютка будетъ несчастна! Онъ *не долженъ* видѣться съ нею наединѣ, онъ *долженъ* бѣжать отъ нея! Не безумецъ ли онъ, что уѣхалъ такъ рано отъ Гауэна?

Онъ всталъ и раскрылъ окна, чтобы впустить въ комнату сладостное дыханіе лѣтняго дня и здоровый запахъ сосенъ, опоясывавшихъ эрмитажъ. Душистый воздухъ не помогъ его рѣшимости и онъ высунулся изъ окна и вперялъ глаза въ завѣшанную лѣтвой даль. Но вскорѣ воля его показалась ему достаточно твердою; борьба съ самимъ собою—уже конченною. Онъ положилъ въ ушѣ своемъ не встрѣчаться болѣе съ Гетти, и теперь могъ позволить себѣ помечтать, какъ безконечно было бы пріятно, еслибъ обстоятельства были другія; какъ сладостно было бы встрѣтиться съ нею, вечеромъ, когда она пойдетъ домой, и опять обвить ее рукой и смотрѣть въ ея нѣжное лицо. Онъ спрашивалъ себя, думаетъ ли такъ же объ немъ милое, маленькое созданье, и готовъ былъ биться объ закладъ, что думаетъ. Какъ хороши были ея глаза съ слезами, повисшими на рѣсницахъ. Какъ бы онъ пламенно желалъ хоть одинъ только разъ наглядѣться на нихъ вдоволь! Да; онъ опять *долженъ* видѣться съ Гетти; *долженъ* не для чего другаго, а просто, чтобы изгладить изъ ея ума всякое ложное впечатлѣніе отъ его сегодняшняго обращенія съ нею. Онъ станетъ говорить съ нею спокойнымъ, ласковымъ тономъ,—именно такъ, какъ слѣдуетъ, чтобы она не вернулась домой съ головкой, наполненною вредными мечтами. Да, во всякомъ случаѣ, это средство будетъ самое лучшее.

Много прошло времени, — прошло болѣе часу, прежде нежели замышленія Артура достигли этой точки; но разъ достигнувъ ее, онъ не могъ болѣе оставаться въ эрмитажѣ. Необходимо было ократить движеніемъ время до свиданія съ Гетти; и было уже пора идти домой и одѣваться къ обѣду, потому что дѣдъ его обѣдалъ въ шесть часовъ.

ГЛАВА XIII.

ВЕЧЕРЬ ВЪ ЛѢСУ.

Случилось такъ, что у мистрисъ Помфретъ произошла перебранка съ мистрисъ Бестъ, экономкой, въ этотъ же самый четвергъ, утромъ: обстоятельство, имѣвшее двойное послѣдствіе, въ высшей степени пріятное для Гетти. Оно было причиной, что мистрисъ Помфретъ пила чай въ своей комнатѣ, и оно же внушило этой образцовой горничной столь живое воспоминаніе о прежнихъ проказахъ мистрисъ Бестъ и о разныхъ разговорахъ, въ которыхъ она, мистрисъ Помфретъ, имѣла рѣшительный перевѣсъ надъ своею соперницей, что отъ Гетти не требовалось болѣе присутствія духа, какъ сколько было нужно, чтобы дѣйствовать иглой и, по временамъ, произносить на удачу «да», или «нѣтъ». Ей хотѣлось надѣть шляпу и уйти ранѣе обыкновеннаго; но вѣдь она сказала капитану, что пройдетъ рощей около восьми часовъ; что если онъ пойдетъ туда и будетъ ждать ее, а ея ужъ тамъ не будетъ? Придетъ ли онъ? Ея маленькая душоночка безпрестанно порхала какъ бабочка между воспоминаніемъ и тревожнымъ ожиданіемъ. Наконецъ, минутная стрѣлка старомодныхъ бронзовыхъ часовъ стала на послѣднюю четверть осьмаго, и, по всѣмъ соображеніямъ была пора готовиться къ уходу. Озабоченный умъ мистрисъ Помфретъ не помѣшалъ ей замѣтить, что какаѣ-то новая красота засіяла на личикѣ миленькаго созданія, когда она завязывала передъ зеркаломъ ленты своей шляпки.

«Право, это дитя часъ-отъ-часу хорошѣетъ, замѣтила она про себя. Тѣмъ хуже. Она отъ этого не найдетъ себѣ скорѣе ни мѣста, ни мужа. Благоразумные, порядочные мушны не охотно берутъ въ жены красавицъ. Когда я была въ дѣвкахъ, всѣ за мною ухаживали, даромъ, что я не была такъ хороша. А все-таки она должна быть мнѣ благодарна, что я обучаю ее кой-чему, чѣмъ добывать хлѣбъ, получше нежели работой на фермѣ. Мнѣ всегда говаривали, что у меня доброе сердце, и это правда, къ моему собственному вреду. Не будь я такъ добра, давно не было бы

въ домъ такихъ, которые воображаютъ что могутъ мной почитать, потому что, вишь, экономки.»

Гетти торопливо перебѣжала небольшой кусочекъ сада, котрымъ ей должно было пройти; она смертельно боялась встрѣчи съ мистеромъ Крегомъ, съ которымъ едвали была бы въ состояніи говорить вѣжливо. Какъ гора спала у нея съ плечь, когда она очутилась среди дубовъ и папортниковъ Чеза. Даже тутъ она была готова каждую минуту затрепетать отъ страха подобно лани, которая шмыгнула въ чащу при ея приближеніи. Она и не замѣчала вечерняго свѣта, который тихо лежалъ на шистыхъ тропинкахъ между папортниками и еще ярче обрисовывалъ живую ихъ зелень чѣмъ ослѣпительные лучи полуденнаго солнца; она не думала ни о чемъ, ее окружавшемъ. Она видѣла только то, что было возможно: мистера Артура Донниторна, идущаго ей на встрѣчу по Сосновой рошѣ. Это былъ передній планъ картины, которую рисовало воображеніе Гетти; далѣе, въ полупрозрачномъ туманѣ, носилось что-то, дивно прекрасное. Дни, которые совсѣмъ не похожи на прежніе дни ея жизни! Слово, она была обручена съ рѣчнымъ божествомъ, которое съ временемъ могло взять ее въ свои чудесные, подводные чертоги. Послѣ этой странной минуты восхитительнаго упоенія, мыслей уже не было и не могло быть въ головкѣ Гетти. Еслибъ вдругъ она получила неизвѣстно отъ кого шкатулку, полную жемчужъ и атласу и дорогихъ камней, какъ бы ей было не подумать, что вся судьба ея готова измѣниться, и что завтра, новая, еще болѣе изумительная, радость сойдетъ на нее? Гетти никогда не читала романовъ; еслибъ она даже раскрыла одинъ изъ нихъ, я думаю, что языкъ ихъ былъ бы для нея непонятенъ: гдѣ же ей было найдти образы, въ которые облечь свои ожиданія? Они были неосвязаемы, какъ сладостное, тонкое благовоніе, которое пахло на нее, когда она проходила мимо воротъ чезскаго сада.

Вотъ она и у другихъ воротъ, ведущихъ въ Сосновую рошу. Она входитъ въ лѣсъ, гдѣ уже царствуетъ полумракъ, и, при каждомъ шагѣ впередъ, страхъ болѣе и болѣе стѣсняетъ ея сердце. Что, если онъ не придетъ! О, какъ тяжела была мысль, выйдти на другой конецъ лѣса, на открытую дорогу, не видѣвши его. Она тихимъ шагомъ достигла перваго поворота къ эрмитажу, — но его тамъ нѣтъ. Она ненавидитъ зайчика, перебѣжавшаго тропинку; она ненавидитъ всякій предметъ, который не то, что она жаждетъ видѣть. Она идетъ далѣе, счастливая, когда подходитъ къ повороту; быть-можетъ, онъ тамъ за нимъ. Нѣтъ! Она начинаетъ плакать, сердце ея переполнилось, слезы накопились въ глазахъ; она громко всхлипнула; углы ея рта задрожали, и слезы бѣгутъ ручьями.

Она не знаетъ, что здѣсь, возлѣ нея, другой поворотъ въ эр-

гажъ, и что Артуръ Донниторнъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ я, полный одною мыслию, мыслию, въ которой есть мѣсто только и нея. Онъ опять идетъ на свиданіе съ Гетти; желаніе видѣть въ послѣдніе три часа возрасло въ немъ до лихорадочнаго зпокойства. Ужь, конечно, онъ идетъ не для того, чтобы говорить съ нею тѣмъ ласкающимъ тономъ, до котораго неосторожно увлекся передъ обѣдомъ; но чтобы все уладить, обращаясь нею съ пріивѣтливостію, которая будетъ имѣть видъ дружеской вѣжливости, и не дать ей уйти съ ложными понятіями объ къ отношеніяхъ.

Знай Гетти, что онъ тутъ, она не стала бы плакать; а оношло бы къ лучшему, потому что тогда Артуръ поступилъ бы, ожетъ-статься, такъ благоразумно, какъ намѣревался. Какъ бы о ни было, она вся задрожала, когда онъ появился на концѣ оковой аллеи, и когда она взглянула на него, двѣ крупныя капли атились по ея лицу. Чтò жь оставалось ему дѣлать, какъ не аговорить съ нею нѣжнымъ, успокоивающимъ тономъ, какъ онъ аговорилъ бы съ ласковою левреткой, зановившею себѣ ногу?

— Не испугались ли вы чего, Гетти? Не видали ли чего въ ісусу? Не бойтесь, я васъ провожу.

Гетти вся раскраснѣлась; она не знала, счастлива ли она, или несчастна. Опять въ слезахъ... чтò подумаетъ джентльменъ о дѣвущкѣ, которая то и дѣло плачетъ? Она не чувствовала себя даже въ силахъ вымолвить: «нѣтъ». Она могла только отвернуться отъ него и тихонько отереть слезы. Но прежде чѣмъ она успѣла это сдѣлать, крупная капля упала на ея розовыя ленты; она видѣла это очень хорошо.

— Подойдите-ка ко мнѣ, развеселитесь, красавица моя. Улыбнитесь мнѣ и разкажите въ чемъ дѣло. Подите сюда, разкажите мнѣ все.

Гетти повернула къ нему голову, прошептала: «я думала, вы не придете», и медленно собралась съ духомъ поднять на него глаза. Этого взгляда было слишкомъ много; нужно было имѣть глаза изъ египетскаго гранита, чтобы, въ отвѣтъ, не посмотреть на нее слишкомъ страстно.

— О, моя испуганная итичка! мой розанчикъ, покрытый росой, моя крошка! теперь не будете больше плакать, когда я съ вами, не будете?

Ахъ, онъ самъ не знаетъ, чтò говорить. Это совсѣмъ не то, чтò онъ хотѣлъ сказать. Рука его опять обвилась вокругъ ея стана, и все тѣснѣе сжимаетъ его; онъ наклоняется ближе и ближе къ ея круглымъ щечкамъ; губы его встрѣчаются съ пухленькими дѣтскими губками, и на долгое, долгое мгновеніе, время для нихъ исчезло. Чтò онъ такое? Аркадскій пастушокъ, первый ли юноша, цѣлующій первую дѣвущку? самъ Эросъ, жадно приль-

нувшій устами къ устами Психей? это все одно: онъ самъ и чего объ этомъ не знаетъ.

Послѣ того, нѣсколько минутъ длилось молчаніе. Они шли рядомъ съ бьющимися сердцами, пока не достигли воротъ на другомъ концѣ лѣса. Тогда они посмотрѣли другъ на друга, ужъ совсѣмъ не такъ, какъ смотрѣли прежде; потому что въ глазахъ ихъ оставалось воспоминаніе поцѣлуя.

Но вотъ, что-то горькое начало примѣшиваться къ ихъ сладкой похмѣлью; Артуру опять стало не ловко. Онъ отнялъ руку отъ стана дѣвушки, и сказалъ:

— Вотъ мы и на концѣ рощи. Какъ поздно, прибавилъ онъ, вынимая часы, — двадцать минутъ девятаго; но вѣдь часамъ имъ бѣгутъ. Однакожъ, теперь, я лучше не пойду дальше. Бѣгите скорѣе своими маленькими ножками, и приходите домой благополучно! Прощайте!

Онъ взялъ ее за руку, и посмотрѣлъ ей въ глаза съ печальною, полу-принужденною улыбкой. Глаза Гетти, казалось, умяли его помедлить; но онъ погладилъ ее по щекѣ и повторилъ — Прощайте!

Она была принуждена оставить его и продолжать путь.

Артуръ ринулся назадъ сквозь чащу, какъ будто чувствуя необходимость быть какъ можно дальше отъ Гетти.

Онъ не хотѣлъ идти назадъ въ эрмитажъ; онъ помнилъ, какъ боролся тамъ и спорилъ самъ съ собою до обѣда, и какъ всѣ его прекрасныя намѣренія обратились въ ничто, хуже чѣмъ въ ничто! Онъ пошелъ прямо въ Чэзъ, радуясь, что выберется изъ рощи, въ которой, навѣрное, обитаетъ его злой духъ. Въ одной видѣ этихъ буковъ и роскошныхъ липъ было что-то разнѣживающее; могучіе, узловатые стволы старыхъ дубовъ не мѣли къ себѣ этой обезсмысливающей нѣги; видѣ ихъ внушалъ нѣкоторую энергію. Артуръ терялся въ узкихъ тропинкахъ между папоротникомъ; онъ бродилъ кругомъ, не стараясь отыскать выхода, а тѣхъ поръ пока сумракъ ступился подъ вѣтвями почти въ ночную темь, и заяцъ, перебѣгая дорогу, казался совсѣмъ чернымъ.

Чувства волновались въ немъ несравненно сильнѣе, нежели утромъ. Съ нимъ происходило что-то похожее на то, какъ еслибы конь его вдругъ осмѣлился оспаривать у него владычество и повернулъ назадъ передъ барьеромъ. Онъ былъ недоволенъ собой, раздраженъ, уязвленъ, униженъ. Лишь только мысль его остановилась на томъ, что вѣроятно бы случилось, еслибы онъ далъ свободный ходъ чувствамъ, которыя закрались сегодня въ его душу, еслибы продолжалъ преслѣдовать Гетти своимъ вниманіемъ и при каждомъ удобномъ случаѣ позволялъ себѣ тѣ вѣнныя ласки, которыя онъ оказывалъ ей сегодня, умъ его отка-

казался вѣрить возможности такого будущаго! Ухаживать за Гетти было совершенно другое дѣло, нежели ухаживать за дѣвушкой одного съ нимъ званія; въ послѣднемъ случаѣ, каждое изъ дѣйствующихъ лицъ очень хорошо понимаетъ, что это одна забава; или, если забава обратилась въ чувство серьезное, то нѣтъ никакого препятствія къ брачному союзу. Но объ этой молоденькой дѣвочкѣ сейчасъ станутъ отзываться дурно, случись только прозѣдать кому-нибудь, что она прогуливается съ нимъ по вечерамъ. А потомъ, эти славные люди, Пойзеры, которымъ доброе имя ихъ такъ же дорого, какъ еслибы въ жилахъ ихъ текла благороднѣйшая кровь во всей провинціи! Да, онъ возненавидѣлъ бы себя, еслибы надѣлалъ подобнаго соблазна, и гдѣ же?—въ имѣніи, которое современемъ должно было принадлежать ему, между фермерами, которыхъ уваженіемъ онъ такъ дорожить. Ему такъ же казалось невѣроятнымъ, что онъ способенъ до такой степени унизиться въ своемъ собственномъ имѣніи, какъ и то, что онъ можетъ переломить себѣ объ ноги, и ходить всю остальную жизнь на костыляхъ. Онъ не могъ вообразить себя въ этомъ положеніи; это было слишкомъ гнусно, слишкомъ на него не похоже.

И еслибы даже никто объ этомъ и не узналъ, все равно: они могли бы слишкомъ пламенно полюбить другъ друга, и тогда все-таки, наконецъ, изъ этого ничего болѣе не могло выйти, кромѣ страданій и разлуки. Ни одинъ джентльменъ, развѣ только въ балладахъ, не можетъ жениться на племянницѣ фермера. Необходимо было разомъ все покончить. Это было слишкомъ безумно.

А вѣдь онъ былъ одушевленъ такою твердою рѣшимостію сегодня утромъ, передъ тѣмъ, какъ ѣхать къ Гауэну; и въ то время, какъ онъ былъ у него, что-то, вдругъ, съ такою силой имъ овладѣло и заставило его скакать домой! Онъ начиналъ догадываться, что не можетъ совершенно полагаться на свою рѣшимость, какъ думалъ прежде. Онъ почти желалъ, чтобы рука его опять разболѣлась; тогда онъ сталъ бы думать только объ облегченіи, которое чувствуешь, избавившись отъ боли. Кто могъ предугадать, какое побужденіе овладѣетъ имъ завтра, въ этомъ проклятомъ захолустѣ, гдѣ цѣлый Божій день не найдешь ничего, чѣмъ бы можно было заняться? Что дѣлать, чтобы впредь оградить себя отъ подобнаго безумія?

Оставалось одно средство: поѣхать и разказать все Ирвину. Да, онъ все ему разкажетъ! Стоить только разказать такія вещи, чтобъ онъ самому показались пошлыми. Испытаніе исчезнетъ, какъ исчезаетъ очарованіе милыхъ словъ, когда повторяешь ихъ равнодушно. Во всякомъ случаѣ, разказать обо всемъ Ирвину необходимо; это облегчитъ его. Итакъ онъ поѣдетъ въ Брокстонъ, завтра, тотчасъ послѣ завтрака.

Едва только Артуръ принялъ это намѣреніе, какъ сталъ разглядывать, которая изъ тропинокъ выведетъ его къ дому, и постарался выбрать самую прямую. Онъ былъ увѣренъ, что теперь заснетъ. Онъ довольно надѣлалъ всякаго рода движенія, чтобы утомить себя; а теперь ужъ ему не было надобности размышлять.

ГЛАВА XIV.

Возвращеніе домой.

Въ то время, когда совершалась эта разлука въ лѣсу, другое прощаніе происходило въ коттеджѣ, и Лизбета стояла съ Адамомъ у дверей, напрягая свои старые глаза, чтобы бросить послѣдній взглядъ на Сета и Дину, которые взбирались на противоположный склонъ.

— Эхъ! жаль мнѣ смотрѣть на нее въ послѣдній разъ! сказала она Адаму, когда они вернулись въ домъ. — Мнѣ хотѣлось бы имѣть ее при себѣ, пока я умру и лягу возлѣ моего старика. Она бы и смерть облегчила, она такъ пріятно говоритъ и такъ тихо хлопочетъ! Слово, это съ нею картинка снята, что въ новой Библии, ангелъ сидящій на большомъ камнѣ у гроба. Эхъ! такую дочь не худо бы мнѣ имѣть; да вѣдь теперь никто не беретъ такихъ, чтобы на что-нибудь годились!

— Чтò жъ, матушка, я надѣюсь, она и будетъ твоею дочерью. Сету она очень полюбилась; надѣюсь, что и Сеть ей полюбится современемъ.

— Ну, къ чему ты это говоришь? Она и думать не хочетъ о Сетѣ. Она, вишь, идетъ за двадцать миль отсюда. Какъ же она можетъ полюбить его, желала бы я знать? Это все равно, какъ тѣсту взойти безъ дрожжей! Кажется, твои книжки съ картинками могли бы тебя научить уму-разуму; а не то, лучше бы тебѣ держаться простыхъ книжекъ, какъ Сеть.

— О, нѣтъ, матушка, сказалъ Адамъ, смѣясь, — чертежи учатъ насъ многому, и мы бы далеко безъ нихъ не ушли; они ничего не говорятъ о чувствахъ людей. Сеть, добрыйшій малый и малый не глупый, а также и изъ себя не дурень; да онъ и однихъ мыслей съ Диною. Онъ стоить ея, хотя нельзя не сказать, что она славная дѣвушка. Такую дѣвушку не всякій день встрѣтишь.

— Да! ты всегда горой за брата; это все та же пѣсня съ тѣхъ поръ, какъ вы были малыми ребятами. Ты все съ нимъ радъ былъ дѣлать. Къ чему ты тутъ его припуталъ? Какъ ему жениться!

Вѣдь ему всего двадцать-три года. Ему нужнѣ учиться, да наживать копѣйку. А стѣитъ ли онъ ея, или нѣтъ, она все-таки двумя годами старше Сета, почитай, что тебѣ ровесница. Но въ томъ-то и дѣло. Люди всегда выбираютъ, что на нихъ не положе: кто самъ хорошъ, норовить взять себѣ жену похуже.

Для ума женщины, въ извѣстномъ настроеніи, всѣ предметы, *могущіе* быть, получаютъ временную прелесть отъ сравненія съ тѣмъ, что *есть*, и такъ какъ Адамъ не хотѣлъ жениться на Динѣ, Лизбета досадовала на это точно также, какъ досадовала бы, еслибъ онъ захотѣлъ на ней жениться, и отказаться отъ Меря Борджъ и товарищества съ отцомъ ея.

Было уже больше половины девятаго, когда Адамъ разговаривалъ такимъ образомъ съ матерью, такъ что, когда десять минутъ спустя, Гетти пришла на поворотъ дороги, ведущей къ фермѣ, то увидѣла Дину и Сета, которые приближались съ противоположной стороны, и остановилась, дожидаясь, чтобъ они къ ней подошли. И они также не много опоздали, потому что Дина ласковыми словами старалась утѣшать своего товарища и укрѣплять его въ минуты прощанія. Но увидѣвъ Гетти, они остановились, и пожали другъ другу руки: Сеть воротился домой, а Дина подошла къ Гетти.

— Сеть подошелъ бы и поговорилъ бы съ вами, другъ мой, сказала она,—но онъ сегодня совсѣмъ разстроень.

Гетти отвѣчала разсѣянною улыбкой, какъ-будто бы она не совсѣмъ поняла сказаннаго, и странную противоположность представлялъ видъ этой блестящей, погруженной въ себя красоты, съ спокойнымъ, полнымъ состраданія лицомъ Дины, съ ея открытымъ взоромъ, который говорилъ, что сердце ея жило не собственными, милыми ему тайнами, но чувствами, которыя оно жаждало раздѣлить съ цѣлымъ свѣтомъ. Гетти любила Дину больше чѣмъ какую-либо другую женщину, и можно ли ей было не любить той, у которой всегда было для нея ласковое слово, когда тетка ее журила, и которая всегда была готова избавить ее отъ Тотти, общей баловницы, но нисколько не занимательной для Гетти. Дина не сказала Гетти ни одного слова порицанія или упрека, во все время своего пребыванія на фермѣ. Она много говорила съ ней въ серіозномъ тонѣ; но Гетти это было не въ тягость, потому что она никогда не вслушивалась. Чтѣ бы Дина ни говорила, она почти всегда кончала тѣмъ, что гладила Гетти по щекѣ и исправляла за нее какую-нибудь работу. Дина была загадкой для Гетти; Гетти смотрѣла на нее такъ, какъ, должно-быть, маленькая лѣсная птичка, которая въ силахъ только порхать съ вѣтки на вѣтку, смотреть на быстрый полетъ ласточки, или на стремленіе жаворонка въ небеса; но она также мало за-

ботилась о разрѣшеніи такихъ загадокъ, какъ мало желала знать, что изображали картинки въ *Страствованіи Иллмирим* или въ старой Библии въ листъ, которою Марти и Тотти вѣчно надѣдали ей по воскресеньямъ.

— Вы, сегодня, кажетесь такою счастливою, милое дитя, сказала Дина, взявъ ее подъ руку.— Въ Снофильдѣ я часто стану о васъ думать и видѣть передъ собой ваше лицо, какъ вижу его теперь. Странное дѣло! Часто, когда я, одна-одинехонька, сижу въ своей горницѣ съ закрытыми глазами, или брожу по холмамъ, люди, которыхъ я видѣла и знавала, хотя бы то было на короткое время, вдругъ являются передо мною. Я слышу ихъ голоса, вижу ихъ лица яснѣе, нежели когда-нибудь ихъ видѣла и слышала, когда они въ самомъ дѣлѣ были со мной, и я могла до нихъ дотрогиваться. И тогда сердце мое стремится къ нимъ, и я участвую въ ихъ судьбѣ, какъ въ своей собственной, и утѣшаюсь, поручая ее волю Господней, и успокоиваюсь въ упованіи на любовь его, какъ къ нимъ, такъ и ко мнѣ. Такъ точно, я увѣрена, вы будете являться передо мною.

Она остановилась на минуту, но Гетти ничего не отвѣчала.

— Какое драгоценное было для меня время, продолжала Дина,— прошлая ночь и нынѣшній день! Утѣшительно видѣть такихъ добрыхъ сыновей, какъ Адамъ и Сетъ Биды. Они такъ нѣжны, такъ внимательны къ старой матери. Она рассказала мнѣ все, что дѣлалъ Адамъ въ послѣдніе годы, чтобы помогать отцу и брату: это удивительно, какой въ немъ духъ мудрости и любознания, и какъ онъ готовъ весь его употребить на пользу имъ, слабымъ. И я увѣрена, что у него также любящая душа. Я часто замѣчала между моими земляками въ Снофильдѣ, что сильные, смышленные мушоны бываютъ самые добрые къ женщинамъ и дѣтямъ. Такъ мило видѣть, какъ они носятъ маленькихъ ребятъ, какъ будто-бы они не тяжелѣе птичекъ. И дѣти, кажется, также больше любятъ, чтобъ ихъ нянчили сильныя руки. Я увѣрена, что также и Адамъ Бидъ. А вы, какъ думаете, Гетти?

— Да, отвѣчала Гетти разсѣянно, потому что умъ ея во все это время носился въ лѣсу, и она съ трудомъ могла бы сказать, на что изъявляла свое согласіе. Дина замѣтила, что она не расположена говорить; да и некогда было разговаривать долѣе, потому что онѣ были уже у воротъ фермы.

Тихій сумракъ, съ замирающимъ багровымъ отблескомъ на западѣ и рѣдкими слабо мерцавшими звѣздами, лежалъ на дворѣ фермы, гдѣ не слышно было ни одного звука, кромѣ топота рабочихъ лошадей въ конюшнѣ. Прошло около двадцати минутъ послѣ солнечнаго заката, птицы посѣли на нашествіи; бульдогъ лежалъ, растянувшись на соломѣ передъ своею канурой; а волягъ него

черная, съ бурными пятнами собака, когда скрипъ отворившейся калитки встревожилъ ихъ и заставилъ, какъ добрыхъ сторожей, залаять, не зная на кого.

Лай произвелъ свое дѣйствіе и въ домѣ, потому что въ то время, какъ Дина и Гетти подходили ближе, двери заслонила мощная фигура съ румянымъ лицомъ и черными глазами, одаренными способностію смотрѣть чрезвычайно проникательно и, при случаѣ, въ торговые дни, даже презрительно; но въ которыхъ въ эту минуту преобладало послѣжужинное выраженіе спокойствія и благодушія. Всѣмъ извѣстно, что многіе великіе ученые, выказавшіе самую безжалостную язвительность въ критикѣ на произведенія своихъ собратій, были кроткаго и снисходительнаго характера въ частной жизни; и мнѣ разказывали объ одномъ ученомъ мужѣ, который смиренно качалъ близнецовъ въ колыбели лѣвою рукой, и въ то же время правою хлесталъ ѣдкими сарказмами противника, обнаружившаго грубое незнаніе еврейскаго языка. Можно простить слабости и заблужденію, — увы! они и намъ не чужды; но ученый, который толкуетъ превратно предметы такой необъятной важности, какъ еврейскія гласныя, — о! съ такимъ человѣкомъ слѣдуетъ поступать, какъ съ врагомъ человѣческаго рода. Точно такимъ сочетаніемъ противоположностей отличался и Мартинъ Пойзеръ. Сущность его характера была такая благородная, что онъ сдѣлался ласковѣе и почтительнѣе чѣмъ когда-либо съ старымъ отцомъ, съ тѣхъ поръ, какъ тотъ передалъ ему въ полное владѣніе все свое имущество, и никто не судилъ такъ снисходительно ближняго во всѣхъ личныхъ отношеніяхъ; но къ фермеру, каковъ былъ, наприимѣръ, Лука Бритнъ, у котораго поля не были достаточно разчищены, который былъ лишенъ самыхъ элементарныхъ свѣдѣній о загородкахъ и рвахъ и выказывалъ такую крайнюю опрометчивость при покупкѣ зимнихъ запасовъ, Мартинъ Пойзеръ былъ жестокъ и непреклоненъ, какъ сѣверо-западный вѣтеръ. Лука Бритнъ не могъ сдѣлать ни одного замѣчанія, хотя бы то было о погодѣ, чтобы Мартинъ Пойзеръ не открылъ въ немъ слѣдовъ того же неразумія и невѣжества, которыя такъ явно выказывались во всѣхъ его земледѣльческихъ предпріятіяхъ. Онъ не могъ видѣть равнодушно этого лѣнтяя, подносящаго къ губамъ оловянную кружку въ общей комнатѣ *Короля Георга*, въ торговый день, и одна встрѣча съ нимъ на большой дорогѣ вызывала на лицо Мартина строгое и насмѣшливое выраженіе, какъ небо отъ земли различное отъ отеческаго взгляда, которымъ онъ пріивѣтствовалъ племянницъ. Мистеръ Пойзеръ уже докурилъ вечернюю трубку и держалъ руки въ карманахъ, — вѣдь больше нечего и дѣлать человѣку, ко-

торый продолжаетъ бодрствовать, окончивъ благополучно всю дневную работу.

— А! дѣвки! вы нынче что-то черезъ-чуръ запоздали, сказалъ онъ, когда онѣ дошли до маленькой калитки, ведущей въ сѣни. — Хозяйка ужъ начинала тревожиться; а тутъ и малютка что-то захворала у нея. Ну, какъ вы оставили старуху Бидъ, Динна? Что, она все убивается по мужъ? А вѣдь онъ, въ послѣднія пять лѣтъ, былъ для нея плохая подмога.

— Она была чрезвычайно поражена его смертію, сказала Динна, — но теперь, кажется, не много утѣшилась. Сынъ ея Адамъ цѣлый день оставался дома, работая надъ гробомъ отца; а она любитъ видѣть его дома. Она почти цѣлый день говорила со мной о сынѣ. У ней любящее сердце, только нрава-то она ужъ черезъ-чуръ раздражительнаго и заботливаго. Я бы желала, чтобъ она имѣла болѣе надежную опору для утѣшенія ея старости.

— Адамъ, кажется, опора, хоть куда надежная, отвѣчалъ Мартинъ Пойзеръ, давая обратный смыслъ желанію Динны. — За него нечего бояться, что изъ него не выйдетъ ничего путнаго. Онъ не изъ тѣхъ, что одна пустая солома, безъ зеренъ. Я поручусь за него, что онъ до послѣдняго издыханія будетъ добрымъ сыномъ. Не говорилъ онъ, что забѣжитъ къ намъ, на дняхъ? Но войдите, войдите, прибавилъ онъ, давая имъ дорогу. — Не хочу васъ задерживать.

Высокія строенія вокругъ двора заслоняли бѣольшую часть неба, но широкое окно впускало довольно свѣта въ кухню, чтобы въ ней все было видно. Мистрисъ Пойзеръ, сидя въ качающихся креслахъ, принесенныхъ изъ «гостиной», старалась усыпить маленькую Тотти. Но Тотти не расположена была спать и, при входѣ двоюродныхъ сестеръ, встала и выказала пару раскраснѣвшихся щекъ, которыя казались еще толще, обхваченныя полотнянымъ ночнымъ чепчикомъ.

Въ углу, на лѣво отъ камина, въ широкихъ съ камышевою спинкой креслахъ, сидѣлъ старикъ Пойзеръ, еще бодрый, но сморщенная и блѣдная тѣнь своего плотнаго черноволосаго сына. Голова его немного склонилась впередъ, а локти отодвинулись назадъ, такъ что вся передняя часть руки могла покоиться на ручкѣ кресель. На колѣняхъ у старика былъ разостланъ синій платокъ, которымъ онъ повязывалъ голову, когда выходилъ изъ дома. Такъ онъ сидѣлъ, наблюдая происходившее вокругъ него тѣмъ спокойнымъ, ~~смышленимъ~~ ^{смышленимъ} взоромъ здоровой старости, которая, неспособная болѣе интересоваться внутренними драмами, высматриваетъ булавки на полу, слѣдитъ за малѣйшими движеніями присутствующихъ съ безсознательнымъ и безнамѣ-

реннымъ постоянствомъ, подстерегаетъ колебаніе пламени, или отраженіе солнца на стѣнѣ, считаетъ квадратики на полу, слѣдуетъ даже за маятникомъ часовъ и радуется внутренно, подмѣтивъ сложный ритмъ въ его мѣрномъ стукѣ.

— Это что за манера приходитъ домой ночью, Гетти? сказала мистрисъ Пойзеръ.—Посмотрите-ка на часы; видите, ужъ перешло за половину десятаго. Я вотъ ужъ полчаса какъ уснула дѣвокъ спать; да и то еще черезъ чуръ поздно. Вѣдь имъ завтра вставать въ половинѣ пятаго, готовить обѣдъ для косцовъ, да хлѣбы печь; а здѣсь эта малютка, Христось съ нею, въ лихорадкѣ. Ужъ съ чего это, Богъ вѣдаетъ. Разгулялась такъ, что ни въ одномъ глазѣ сна, словно въ полдень, и никого нѣтъ, чтобы хоть помочь лѣкарство ей дать, кромѣ вашего дяди. А куда ему за такія дѣла браться? половину снадобья пролилъ ей на кофту, и проглотила она такъ мало, что отъ этого, чай, больше вреда ей будетъ, чѣмъ пользы. Да вѣдь у людей, которымъ ни до кого дѣла нѣтъ, ужъ такое счастье. Ихъ какъ нарочно не сыщешь, когда имъ что поручить надо.

— Я вышла прежде восьми часовъ, тетушка, сказала Гетти надувшись, и съ нетерпѣливымъ движеніемъ головы.—Но эти часы, Богъ знаетъ, какъ уходятъ впередъ противъ чезскихъ. На нихъ никогда не потрафишь.

— Что? По вашему, небось, и часы переставляй на дворянскій манеръ, да сиди поздно вечеромъ, да свѣчи жги? А тамъ нѣжься въ постелѣ, пока не припечетъ тебя солнушко, какъ огурецъ въ парникѣ! Часы, кажется, не въ первый разъ сегодня поставлены.

Дѣло въ томъ, что Гетти точно забыла эту разницу, когда сказала капитану, что выходила изъ *чеза* въ восемь; и это обстоятельство, вмѣстѣ съ ея медленною походкой, заставило ее опоздать получасомъ, противъ обыкновеннаго. Но тутъ вниманіе тетки было отвлечено отъ этого щекотливаго предмета движеніями Тотти, которая, замѣтивъ, наконецъ, что отъ прихода сестеръ для нея собственно не оказалось никакой прибыли, принялась кричать: «Мамма, мамма!» и разразилась плачемъ.

— Ну, ну, сокровище ты мое безцѣнное, мамма съ тобой; мамма тебя не броситъ; Тотти умница, Тотти пойдетъ спать, говорила мистрисъ Пойзеръ, откидываясь назадъ и раскачивая кресла, и съ тѣмъ вмѣстѣ, стараясь угнѣздить Тотти возлѣ себя. Но дѣвочка заливалась еще громче и повторяла: «не хочу, не хочу» такъ что мать съ тѣмъ чуднымъ терпѣніемъ, которое любовь сообщаетъ самымъ нетерпѣливымъ характерамъ, опять выпрямилась, прижала свою щеку къ полотняному чепчику и, цѣлуя его, забыла бранить Гетти.

— Подите сюда, Гетти, сказалъ мистеръ Пойзеръ примиреннымъ голосомъ;—подите, возьмите свой ужинъ въ шкапу; со стола-то ужъ все убрано. А потомъ вы придете и возьмете малютку, пока тетка ваша раздѣнется, а то вѣдь она не ляжетъ въ постель безъ матери. Да я думаю и вамъ не худо бы съѣсть кусочекъ, Дина; вѣдь имъ тамъ, чай, сегодня было не до угощенья.

— Благодарю васъ, дядюшка, сказала Дина;—я хорошо пообедала, передъ тѣмъ какъ пошла. Мистрисъ Бидъ непремѣнно захотѣла испечь для меня пирогъ.

— Я не хочу ужинать, сказала Гетти, снимая шляпу. — Я могу тотчасъ взять Тотти, если тетушкѣ угодно.

— Вотъ еще! Это что за глупости! сказалъ мистеръ Пойзеръ.—Вы вѣрно воображаете, что можно жить, не ѣвши, или питать свою плоть, накалывая на шляпку красныя ленты? Ступайте, и сейчасъ же возьмите свой ужинъ, дитя: тамъ, въ шкапѣ, славный кусокъ холоднаго пуддинга, какой вы очень любите.

Гетти молча повиновалась, а мистрисъ Пойзеръ продолжала, обращаясь къ Динѣ:

— Садитесь, милая, да смотрите такъ, повеселѣе. Бьюсь объ закладъ, старуха рада была васъ видѣть, что вы такъ долго загостились?

— Да, подъ конецъ, кажется, ей было пріятно; но сыновья ея говорятъ, что она вообще не любитъ молодыхъ женщинъ вокругъ себя; и мнѣ-таки показалось сначала, что она разсердилась на меня за то, что я пришла.

— Ну, это плохое дѣло, когда старики не любятъ молодежи, промолвилъ старикъ Мартинъ, еще ниже наклоня голову и какъ будто старающъ снять на глазъ рисунокъ квадратцевъ на полу.

— Эхъ! плохо жить на курятникѣ тому, кто не любить мухъ, сказала мистрисъ Пойзеръ. — Небось всѣ мы, въ свое время, были молоды, на горе ли себѣ, или на радость.

— Но надо же ей когда-нибудь привыкнуть и къ молодымъ женщинамъ, сказалъ мистеръ Пойзеръ; — вѣдь нельзя же ожидать, что Адамъ и Сетъ останутся холостяками еще дѣтъ на десять, чтобъ угодить матери. Это было бы слишкомъ неблагоприятно. Ни старымъ, ни молодымъ не слѣдуетъ все мѣрять на свой аршинъ. Живи, и давай жить другимъ. Чтò для одного хорошо, въ свою пору хорошо и для всѣхъ вообще. Я самъ не люблю, когда молодые парни женятся, прежде чѣмъ могутъ отличить дикое яблоко отъ садоваго; но и слишкомъ долго ждать—также не годится.

— Вѣстимо, сказала мистрисъ Пойзеръ, — коли перетерпишь обѣденное время, мало найдешь вкусу въ кушаньѣ. Ворочаешь его, ворочаешь вилкой, а ѣсть все-таки не ѣшь. Ты говоришь, кушанье виновато, а вина-то вѣдь въ твоемъ желудкѣ.

Гетти вернулась изъ буфета и сказала:

— Я могу взять теперь Тотти, тетушка, если вамъ угодно.

— Пойдемъ, Рахиль, сказалъ мистеръ Пойзеръ, такъ какъ жена эго колебалась, видя, что Тотти наконецъ спокойно угнѣздилась въ креслахъ;—ты лучше дай Гетти отнести ее наверхъ, покажишь раздѣнешся. Ты устала. Пора и тебѣ отдохнуть. Опять у тебя разболится бокъ.

— Ну, пусть она возьметъ ребенка, коли онъ пойдетъ къ ней.

Гетти подошла къ кресламъ, и стояла безъ обыкновенной своей улыбки и не дѣлая никакого покушенія приглубить Тотти; но просто ожидая, чтобы тетка подала ей ребенка.

— Хочешь пойти къ сестрицѣ Гетти, моя милашка, а мамка пока раздѣнется, чтобы лечь въ постельку? А тамъ Тотти пойдетъ на постельку къ мамкѣ, и будетъ спать съ нею всю ночь?

Но прежде чѣмъ мать успѣла договорить, Тотти отвѣтила самымъ недвусмысленнымъ образомъ: она нахмурила брови, закусила зубенками нижнюю губу и, вытянувшись впередъ, ударила Гетти по рукѣ изо всей мочи. Потомъ, не говоря ни слова, снова прижалась къ матери.

— Ой, ой, сказалъ мистеръ Пойзеръ, между тѣмъ какъ Гетти стояла неподвижно,—нейдешь къ кузинѣ Гетти? Ай, какой стыдъ! Эдакъ дѣлаютъ маленькіе ребята, а Тотти большая; Тотти умница, а не ребенокъ.

— Чтò ее попусту уговаривать, сказала мистрисъ Пойзеръ.— Она вѣчно ссорится съ Гетти, когда больна. Не пойдетъ ли она къ Динѣ?

Дина, снявъ шляпку и большой платокъ, до тѣхъ поръ смиренно сидѣла въ отдаленномъ углу комнаты, не желая вмѣшиваться въ то, чтò считалось прямою обязанностію Гетти. Но при этомъ вызовѣ, она встала и, протягивая руки, сказала:

— Пойди ко мнѣ, Тоттичка. Дай Динѣ снести тебя съ мамой наверхъ. Бѣдная, бѣдная мама! Она такъ устала! Ей нужно пойти въ постельку.

Тотти повернула лицо къ Динѣ и съ минуту на нее смотрѣла; потомъ приподнялась, протянула ручки и позволила Динѣ взять себя съ груди матери.

Гетти отвернулась, не показывая ни малѣйшаго признака досады, и, взявъ шляпу со стола, остановилась, ожидая съ равнодушнымъ видомъ, не дадутъ ли ей еще какого приказанія.

— Можно теперь запереть ворота, Пойзеръ. Аликъ, чай, давно вернулся, сказала мистрисъ Пойзеръ, вставая съ своего низкаго кресла, съ успокоеннымъ видомъ—Передайте мнѣ спички, Гетти; надо зажечь ночникъ въ моей комнатѣ. Пойдемъ, батюшка!

Тяжелые дубовые засовы загремѣли на воротахъ, и старикъ

Мартинъ приготовился встать, собравъ синій платокъ и доставъ изъ угла гладкую, узловатую палку орѣховаго дерева. Мистрисъ Пойзеръ открыла шествіе изъ кухни, а за ней двинулись дѣдушка, и Дина, съ Тотти на рукахъ, и всѣ отправились спать приослѣднихъ лучахъ зари, какъ птицы. По дорогѣ, мистрисъ Пойзеръ завернула въ комнату, гдѣ спали ея два сына, взглянула на лежащія на подушкѣ румяныя, круглыя ихъ щеки, и прислушивалась съ минуту къ ихъ легкому правильному дыханію.

— Ну, Гетти, пойдѣмъ и мы спать, сказалъ мистеръ Пойзеръ успокоительнымъ тономъ, приготовляясь самъ идти наверхъ.— Я увѣренъ, что вы безъ намѣренія опоздали; но тетка ваша сегодня измучилась. Покойной ночи, дитя мое, покойной ночи.

ГЛАВА XV.

ДВѢ СПАЛЬНИ.

Рядомъ, во второмъ этажѣ фермы, находились спальни Дини и Гетти; бѣдноубранныя комнаты, въ которыхъ не было даже ставень, чтобы защититься отъ свѣта; и теперь, мерцаніе угасающаго дня, заимствуя новую силу отъ восходившаго мѣсяца, озаряло ихъ на столько, что Гетти могла совершенно-удобно раздѣваться и двигаться по комнатѣ. Она очень хорошо различала деревянныя вѣшалки въ старомъ расписномъ шкапу, на которомъ она повѣсила шляпу и платье; могла разсмотрѣть головку каждой булавки въ своей красной подушечкѣ, и даже видѣть свое собственное изображеніе въ старомодномъ зеркалѣ, съ ясностію, совершенно достаточною, если принять въ соображеніе, что ей оставалось только пригладить волосы и надѣть ночной чепчикъ. Несносное старое зеркальце! Гетти выходила изъ терпѣнія, почти всякій разъ, какъ одѣвалась передъ нимъ. Въ свое время оно было красивымъ зеркаломъ и, вѣроятно, перешло въ семейство Пойзеровъ, четверть вѣка тому назадъ, при публичной продажѣ мебели изъ какого-нибудь дворянскаго дома. Даже и теперь, аукціонеръ могъ бы сказать кой-что въ его похвалу: на рамкѣ сохранилось еще много потускнѣвшей позолоты; оно стояло на твердой подставкѣ краснаго дерева, обильно снабженной ящичками, которые, когда ихъ выдвигали, выпрыгивали вонъ съ внезапнымъ шлокомъ, выбрасывая изъ самыхъ отдаленныхъ угловъ положенные въ нихъ предметы, такъ, что не нужно было самому доставать ихъ. Главнымъ же его украшеніемъ были два мѣдные подсвѣчника, но

ному на каждой сторонѣ; что окончательно придавало ему диктаторическій видъ. Но Гетти не жаловала этого зеркала, потому что на поверхности его было разсыяно безчисленное множество тусклыхъ пятнышекъ, которыхъ ничѣмъ нельзя было переть. Къ тому же, вмѣсто того, чтобы наклоняться назадъ и впередъ, какъ слѣдуетъ всякому порядочному зеркалу, оно было отвержено въ отвѣсномъ положеніи, такъ что ей можно было идѣть свою голову и шею не иначе, какъ сидя передъ нимъ на изкомъ стулѣ. А то, что служило туалетнымъ столомъ, былъ воссене голъ, но какой-то узкій ветхій комодъ, и сидѣть передъ нимъ было неловко до-нельзя, потому что толстыя мѣдныя ручки вышннихъ ящиковъ больно нажимали колѣни и мѣшали сѣсть добнѣе, или подвинуться къ зеркалу поближе. Но когда же фатки останавливаются передъ неудобствами, которыя препятствуютъ имъ въ исполненіи ихъ религиозныхъ обрядовъ? Гетти, въ этотъ вечеръ, еще болѣе обыкновеннаго была расположена въ свойственному ей фанатизму. Скинувъ платье и бѣлый шейный платокъ, она достала ключъ изъ широкаго кармана, висѣвшаго съ наружной стороны ея юпки, отперла одинъ изъ нижнихъ щиковъ комода, вынула два коротенькіе восковые огарка, тайомъ купленные въ Треддльстонѣ и воткнула ихъ въ мѣдныя подсвѣчники. Потомъ, отыскала коробочку съ спичками и зажгла вѣчки, и наконецъ достала маленькое, въ красной рамкѣ, зеркальце безъ пятеиъ. Въ это зеркальце она заглянула сперва, усѣвшись передъ туалетомъ. Она смотрѣлась въ него съ минуту, улыбаясь и поворачивая голову; потомъ, положила его и вынула щетку и ребенку изъ верхняго ящика. Ей захотѣлось распуститъ волосы и причесаться точно такъ, какъ была причесана дама на картинкѣ въ уборной миссъ Лиди Донниторнѣ. Вздумано и слѣвано. По плечамъ рассыпались блестящіе темные кудри. То не были тяжелые, массивные, курчавые волосы, но мягкіе, шелковистые, разбѣгающіеся нѣжными кольцами при малѣйшемъ движеніи. Она откинула ихъ назадъ, чтобы совершенно походить на картинку, такъ что они образовали темную занавѣску, на которой рельефно выставилась ея бѣлая круглая шейка; потомъ, она положила щетку и гребень и стала гладѣть на себя, сложивъ на груди руки, точь въ точь, какъ на картинкѣ. Какъ ни старо было зеркало, какъ ни испещрено пятнами, оно все-таки отражало прелестный образъ, не менѣе прелестный отъ того, что корсетъ у Гетти былъ не изъ бѣлаго атласа, какъ слѣдуетъ быть у настоящей героини романа, но изъ темной зеленоватой бумажной матеріи.

О, да! она была очень хороша собой! Капитанъ Донниторнѣ находилъ это. Она была лучше, нежели кто-нибудь въ цѣломъ

Гейслопъ; лучше всѣхъ дамъ, которыхъ она видала въ чезъ; да и право, богатяя дамы большею частію бывають старыя и дурныя; лучше миссъ Бекъ, дочери мельника, которую называли треддльстонскою красавицей. Гетти смотрѣла на себя въ этотъ вечеръ, съ совсѣмъ иными ощущеніями, нежели прежде: вокругъ нея носился невидимый зритель, котораго взоры покоились на ней, какъ утреннее сіяніе на цвѣткѣ. Сладостный голосъ, опять и снова, нашептывалъ ей ласковыя слова, которыя она слышала въ лѣсу; рука его обнимала ея станъ, и нѣжный розовый запахъ волосъ его все еще преслѣдовалъ ее. Самая тщеславная женщина не имѣетъ полнаго сознанія своей красоты ютѣхъ поръ, пока ее не полюбитъ тотъ, кто въ свою очередь заставлялъ звучать струны ея сердца.

Но Гетти видно нашла, что чего-то не доставало въ ея убранствѣ; она поднялась и достала изъ шкапа старый шарфъ изъ черныхъ кружевъ и длинныя серьги изъ завітнаго ящика, гдѣ лежали свѣчи. Шарфъ былъ изношенный, весь въ дырахъ; но онъ все-таки оказался прекрасною рамкой для ея плечъ, и отъѣнилъ ихъ бѣлизну отъ ея голыхъ рукъ. Ей захотѣлось также вынуть сережки, которыя были у ней въ ухахъ — у! какъ бранила ее тетка, за то, что она проняла себѣ уши! — и надѣтъ длинныя: правда, онѣ были сдѣланы изъ цвѣтнаго стекла и позолоченной мѣди, не болѣе; но для того, кто не зналъ, изъ чего онѣ сдѣланы, онѣ казались ничѣмъ не хуже тѣхъ, какія носили богатяя дамы.

И, вотъ, она опять усѣлась передъ зеркаломъ, съ огромными серьгами въ ухахъ, въ черномъ кружевномъ шарфѣ, накинутомъ на плечи. Она взглянула на свои руки. Онѣ были прекрасны отъ плечъ до самаго локтя, и даже немного ниже; онѣ были бѣлы и полны, съ ямочками, какъ ея щеки; но около кисти, онѣ, къ немалой ея досадѣ, загрузбѣли отъ битья масла и другихъ работъ, которыми не занимаются важныя дамы.

Капитанъ Донниторнъ, конечно, не потерпитъ, чтобъ она продолжала заниматься грубою работою; онъ, вѣрно, захочетъ, чтобъ она ходила въ красивомъ нарядѣ, тонкихъ башмакахъ и бѣлыхъ чулкахъ, — быть-можетъ, еще съ шелковыми стрѣлками. А вѣдъ онъ, должно-быть, очень любитъ ее; еще никто никогда не обнималъ и не цѣловалъ ее такимъ образомъ.

Онъ, вѣрно, захочетъ на ней жениться и сдѣлать ее дамой... Она едва смѣла предаться этой мысли; но какъ же иначе? Жениться на ней, разумѣется тайно, какъ мистеръ Джемсъ, помощникъ доктора, женился на своей племянницѣ; и долгое время никто этого не зналъ и не вѣдалъ; а потомъ ужъ, какъ спохватились, было поздно сердиться. Докторъ при ней самъ разказывалъ объ

этомъ ея теткѣ. Она не знала, какъ все это устроится; но одно было совершенно ясно для нея; Боже сохрани, чтобы когда-нибудь провѣдалъ объ этомъ старый сквайръ! Гетти едва не падала въ обморокъ отъ благоговѣнія и страха всякій разъ, какъ попадалась ему на глаза въ *чезъ*. Конечно, онъ былъ существо смертное, какъ и всѣ мы грѣшныя; но никогда не приходило ей на умъ, что и онъ, когда-то, былъ молодъ, подобно другимъ людямъ. Онъ и прежде и всегда былъ старымъ сквайромъ, передъ которымъ все трепетало. И ума не приложишь, какъ это будетъ? Но, ужь это дѣло капитана Донниторна. Онъ важный господинъ и долженъ во всемъ имѣть свою волю, и можетъ купить все, что ни пожелаетъ. И прежняя жизнь ея ужь не воротится, и будетъ она знатною барыней, станетъ разъѣзжать въ каретѣ, и къ обѣду убирать голову перьями и надѣвать шелковое платье, шитое золотомъ, которое волочится по землѣ, какъ у миссъ Лидіи и леди Деси, когда онъ шли въ столовую, однажды, вечеромъ; а она, украдкой, глядѣла на нихъ изъ оффиціантской, въ маленькое круглое окошечко. Только она будетъ не старая, безобразная дама, какъ миссъ Лидія, и не такая толстая претолстая, какъ леди Деси; но хорошенькая, съ волосами причесанными на множество разныхъ манеровъ, и иногда въ розовомъ, иногда въ бѣломъ платьѣ; она еще не рѣшила, которое лучше. И Мери Борджъ, а можетъ, и всѣ сосѣди, увидятъ, какъ она разъѣзжаетъ въ собственной каретѣ; или, лучше сказать, услышатъ объ этомъ. Она не могла себѣ представить, чтобы все это происходило въ Гейслопѣ, передъ глазами ея теткѣ! При мысли о такомъ величій, Гетти встала со стула, и при этомъ задѣла концомъ шарфа за маленькое зеркальце въ красной рамкѣ и оно съ трескомъ стукнулось объ полъ; но она была такъ поглощена своими грезами, что не дала себѣ трудъ поднять его; только слегка вздрогнувъ, она принялась гордо прохаживаться взадъ и впередъ по комнатѣ своею голубиною поступью, въ цвѣтномъ корсетѣ и пестрой юпкѣ, въ поношенномъ кружевномъ шарфѣ и съ длинными стеклянными подвѣсками въ ухахъ. И какъ хороша была плутовка въ этомъ странномъ нарядѣ! Какъ не влюбиться въ нее до безумія! Какая нѣжная, младенческая круглота во всѣхъ очертаніяхъ ея лица и тѣла! а мягкія, темныя кольца волосъ, роскошно вьющіяся вокругъ ушей и шейки! а большіе, темные глаза, подъ длинными рѣсницами, предательски-нѣжныя и странно-чарующіе, словно, изъ нихъ выглядываетъ лукавый демонъ!

Ахъ! не счастливецъ ли тотъ, кто поведетъ къ вѣнцу такую прелестную невѣсту! Какъ станутъ ему завидовать мужчины, которые соберутся на свадебный пиръ и увидятъ ее, идущую съ нимъ объ руку, украшенную кружевомъ и померанцовыми цвѣ-

тами! Милое, кругленькое, нѣжное, гибкое созданіе! Вѣдь, не правда ли, и сердце ея должно быть непремѣнно такъ же нѣжно, характеръ такъ же чуждъ угловатостей; нравъ такъ же глубокъ. Если что-нибудь пойдетъ не ладно, то ужь, навѣрное, виноватъ будетъ мужъ: ясно, что онъ можетъ сдѣлать изъ нея все, что ни захочетъ. А влюбленный, пожалуй, подумаетъ такъ: она, милочка, меня любитъ; ея маленькіе капризы такъ очаровательны: я не хотѣлъ бы, чтобъ она была на волосъ благоразумнѣе; эти взгляды, эти кошачьи ухваточки, это именно то, что нужно человѣку, чтобы сдѣлать домъ его раемъ. Всякій мушкетеръ, въ подобныхъ обстоятельствахъ, убѣдится, что онъ великій физономистъ. У природы, рассуждаетъ онъ, свой собственный языкъ, который она употребляетъ съ строжайшею правдивостію; и онъ внутренно считаетъ себя посвященнымъ въ тайны этого языка. Для него природа отпечатлѣла характеръ его невѣсты въ восхитительныхъ очертаніяхъ щекъ, губокъ и подбородка; въ вѣкахъ, нѣжныхъ какъ лепестки цвѣтка; на длинныхъ рѣсницахъ, загнутыхъ на подобіе цвѣточныхъ тычинокъ и осѣняющихъ темную, влажную глубь чудныхъ глазъ! Какъ страстно она будетъ любить своихъ дѣтей! Она сама почти дитя, и розовыя круглыя созданьица окружать ее, какъ бутончики распустившейся цвѣтокъ; а мужъ станетъ любоваться на нихъ, добродушно улыбаясь; свободный, когда ему вздумается удалиться въ святилище своей мудрости, на которое кроткая жена взираетъ съ почтеніемъ и только издали, и никогда не осмѣливаясь отдернуть съ него завѣсу. Однимъ словомъ, бракъ, какіе совершались въ золотомъ вѣкѣ, когда всѣ мушкетеры были мудры и величественны и всѣ женщины нѣжны и прекрасны.

Такъ-то, или приблизительно такъ, думалъ другъ нашъ Адамъ о Гетти; только онъ облачалъ свои мысли въ другія слова. Если ей случалось обходиться съ нимъ съ спѣсивою холодностію, онъ говорилъ себѣ: «это потому только, что она не довольно любитъ меня!» И онъ былъ убѣжденъ, что любовь ея, кого бы она ни вздумала ею осчастливить, была бы драгоценнѣйшимъ благомъ, которымъ мушкетеръ могъ обладать на землѣ. Прежде, чѣмъ станете презирать Адама за недостатокъ проницательности, спросите себя, пожалуста, были ли вы когда-нибудь расположены думать невыгодно о хорошенькой женщинѣ? соглашались ли вы когда-нибудь, безъ доказательствъ, ставящихъ въ тупикъ, повѣрить дурнымъ слухамъ о той, *единственной*, безконечно-прелестной женщинѣ, которая васъ очаровала? Нѣтъ: охотники до пушистыхъ персиковъ не думаютъ объ ихъ косточкѣ, и подъ часъ страшно портятъ объ нее зубы.

Точно такъ же думалъ о Гетти и Артуръ Донниторъ, по

крайней мѣрѣ, на сколько онъ взялъ на себя трудъ подумать о сущности ея характера. Онъ былъ увѣренъ, что она милое, любящее, доброе созданище. Мущина, пробуждающій въ молодой дѣвушкѣ боязливое, подчиняющееся чувство, всегда считаетъ ее любящею; и если случается ему заглядывать въ будущее, навѣрное, онъ представляетъ себя благоразумно-привязаннымъ къ ней, и то потому, что бѣдное созданіе такъ страстно его любитъ, что жить безъ него не можетъ. Такими ужъ создалъ Богъ этихъ милыхъ женщинъ, и это очень удобно, особенно на случай болѣзни... Я вообще полагаю, что мудрѣйшій изъ насъ, хоть разъ въ жизни, бываетъ обманутъ подобнымъ образомъ; и это всё мы погрѣшали, считая людей лучшими или худшими, нежели каковы они въ самомъ дѣлѣ. У природы есть свой языкъ, — правда, и она не лжива; но мы еще не постигли всѣхъ тонкостей этого языка, и при поспѣшномъ чтеніи намъ часто случается впадать въ ея слова смыслъ, совершенно противный истинному. Напримѣръ: длинныя темныя рѣсницы? что можетъ быть восхитительнѣе? Мнѣ самому невозможно не предположить нѣкоторой глубины чувства за глубокими сѣрыми глазами, которые опущены длинными темными рѣсницами, вопреки опыту, который доказалъ мнѣ, что они могутъ быть сопряжены съ лукавствомъ, корыстолюбіемъ и тупоуміемъ. Но когда, обманутый такимъ образомъ, я довѣрялся тусклымъ рыбьимъ глазамъ, то сходство въ результатахъ оказывалось изумительнымъ. Наконецъ, начинаешь подозрѣвать, что не существуетъ прямого соотношенія между рѣсницами и нравственностію; или, что онѣ выражаютъ душевныя качества какой-нибудь прабабушки нашей красавицы; что въ сущности мало до насъ касается.

Не было на свѣтѣ рѣсницъ, прекраснѣе Геттиныхъ. И въ эту минуту, когда она прохаживается по комнатѣ голубиною поступью и посматриваетъ на свои плечи, окруженныя старымъ чернымъ кружевомъ, ихъ темная бахрома выставляется въ полной красотѣ на розовой ея щекѣ. Ея ограниченное воображеніе способно рисовать лишь темныя, неясно-очерченныя картины будущаго; но въ каждой изъ этихъ картинъ главная фигура она, въ прекрасномъ платьѣ; капитанъ Дониторнъ близко, очень близко отъ нея, обнимаетъ ея станъ, быть-можетъ, цѣлуетъ ее; а всѣ удивляются и завидуютъ ей; въ особенности Мери Борджъ, и ея новое ситцевое платье кажется такимъ бѣднымъ возлѣ ослѣпительнаго наряда Гетти. Примѣшивается ли какое-нибудь сладкое или грустное воспоминаніе о прошломъ къ этимъ мечтамъ о будущемъ; какая-нибудь умиленная мысль объ ея вторыхъ родителяхъ, о дѣтяхъ, которыхъ она полагала нянчить; о подругѣ юности; о любимомъ животномъ;

хоть о какомъ-нибудь завѣтномъ остаткѣ ея собственнаго дѣства? Никакая! Есть растенія, почти не имѣющія корней; вы можете вырвать ихъ изъ роднаго утеса, чтобы посадить ихъ въ красивый горшокъ, и они будутъ цвѣсть не хуже прежнихъ. Гетти была способна разстаться вдругъ со всею прошлою своею жизнью и никогда болѣе не позаботиться объ ней. Я думаю, въ сердцѣ ея не было никакого чувства къ старому дому, она не любила ни царскихъ свѣчъ въ саду фермы, ни длинной загороды изъ шиповника, болѣе другихъ цвѣтовъ; быть-можетъ, даже менѣе. Непостижимо, какъ мало она, повидимому, заботилась о дядѣ, который былъ для нея вторымъ отцомъ; она никогда не догадывалась подать ему трубку вовремя, безъ его приказанія развѣ, тутъ былъ посѣтитель, которому она хотѣла дать случію полюбоваться собою, проходя мимо очага. Гетти не понимала, какъ это можно любить людей пожилыхъ? Что касается до несносныхъ ребятишекъ: Марти и Томми и Тотти, то они были для нея сущимъ наказаніемъ; она находила ихъ нестерпимыми, какъ жужжащихъ насѣкомыхъ, которыя то и дѣло льнуть къ вамъ въ жаркій лѣтній день, когда вамъ такъ хочется остаться въ покоѣ. Марти, старшій, былъ ребенкомъ, когда она поступила на ферму; потому что дѣти, родившіяся прежде него, померли. Такимъ образомъ, всѣ трое, одинъ послѣ другаго, поступили на воспитаніе Гетти, и были неразлучно при ней: то бродили около нея по лугу; то, въ дождливый день, играли возлѣ нея въ полупустыхъ комнатахъ большаго стараго дома. Мальчики уже вышли изъ-подъ ея надзора; но Тотти все еще, цѣлый Божій день терзала ее, и хуже всѣхъ прочихъ дѣтей, потому что ни съ однимъ изъ нихъ такъ много не было возни. Шитью и починкѣ тряпокъ конца не было. Еслибы Гетти сказали, что она въ жизнь свою не увидитъ больше дѣтей, она не знала бы, какъ благодарить Бога. Они были еще несноснѣе маленькихъ запятанныхъ барашковъ, которыхъ пастухъ, во время ягненья, приносилъ въ домъ, чтобы за ними особенно ухаживали; — отъ барашковъ-то рано или поздно избавишься! Что касается до цыплятъ и индюшекъ, то Гетти возненавидѣла бы самое слово «внѣсживание», еслибы тетка не пригнала ее къ птичному двору. Общая ей цѣну одной птицы изъ каждаго выводка. Кругленькіе пушистые цыплята, выглядывающіе изъ-подъ крыла насѣды, никогда не трогали ея и не доставляли ей ни малѣйшаго удовольствія. Она была равнодушна къ прелестямъ такого рода; ее прельщали только тѣ обновки, которыя она накупитъ на треддлстонской ярмаркѣ на деньги, за нихъ вырученныя. А между тѣмъ, какъ была она очаровательна, какія у ней появлялись миленькія ямочки на щекахъ, когда, бывало, наклонится и станетъ рас-

кладывать моченый хлѣбъ по куринымъ клѣткамъ! Надо было имѣть необыкновенную проворливость, чтобы подозрѣвать ее въ такомъ жестокосердіи. Работница, курносая и рябая Молли, имѣла въ сущности нѣжное сердце и, какъ говаривала мистрисъ Пойзеръ, была «сокровище» въ уходѣ за птицей; но ея глупая рожа нисколько не выражала материнскихъ движеній ея сердца, точно такъ же, какъ глиняный горшокъ не пропускаетъ свѣтъ лампы, которая въ немъ поставлена.

Вообще, передъ женскимъ глазомъ всего скорѣе обнаруживаются нравственныя несовершенства, прячущіяся за «сладостнымъ обманомъ» красоты. Не удивительно поэтому, что мистрисъ Пойзеръ, при своей проницательности и при безпрестанныхъ случаяхъ для наблюденія, успѣла оцѣнить довольно вѣрно ту степень чувства, на которую была способна Гетти, и въ минуты негодованія съ большою откровенностію высказывала мужу свое мнѣніе объ этомъ предметѣ:

— Хоть всѣ перемри въ приходѣ, она все себя будетъ ядаться да охорашиваться, словно павлинь, что гуляетъ по стѣнѣ, распустивъ хвостъ на солнышкѣ! Да есть ли на бѣломъ свѣтѣ что-нибудь такое, отъ чего бы у нея перевернулось сердце? И то ей было ни почемъ, когда мы думали, что Тотти упала въ колодезь! херувимчикъ-то нашъ! И подумать страшно! а какъ нашли мы ее у дальняго водопоая; башмачонки завязли въ грязи; сама плачетъ, что сердце надрывается! А Гетти наша и бровью не повела, — я сама видѣла, — даромъ, что нянчила дѣтя въ колыбели! Мое мнѣніе таково, что сердце у нея тверже кремня.

— Ну полно, полно! возражалъ мистеръ Пойзеръ, ты къ Гетти слишкомъ строга! Молодыя дѣвки, что незрѣлое зерно; перемелется, мука будетъ; а теперь молодо-зелено. Ты увидишь, что Гетти перемѣнится, какъ будутъ у ней мужъ и свои дѣти.

— Мнѣ что къ ней строгой-то быть? У дѣвки золотыя руки и она можетъ быть полезна, когда захочетъ. Мнѣ плохо пришлось бы безъ нея съ масломъ; въ этомъ дѣлѣ она очень проворна. Да тамъ, будь, что будетъ; а я всячески стараюсь исполнить свой долгъ къ мужниной племянницѣ и исполнила его. Обучила ее всему, какъ слѣдуетъ, въ домѣ, и учила уму-разуму, не жалѣючи груди; даромъ что, видитъ Богъ, грудь у меня совсѣмъ плоха, а подчасъ такъ схватить, что страхъ да и только! Съ тремя дѣвками въ домѣ, мнѣ нужно бы вдвое силы противъ теперешняго, чтобы держать ихъ въ повиновеніи. Это все равно, что жарить мясо на трехъ сковородахъ: ты одно поливаешь, а другое, ужь, смотри, горить.

Гетти такъ боялась тетки, что старалась скрыть отъ нея свою суетность, на сколько это было возможно безъ слишкомъ боль-

шихъ жертвъ. Она не въ силахъ была противиться искушенію потратить деньги на разныя мелочи для своего туалета, хотя mistress Пойзеръ всякій разъ крѣпко ее журила за это; но она умерла бы со стыда и страха, еслибы тетка въ эту минуту открыла дверь и застала ее при свѣтѣ восковыхъ огарковъ, съ гордымъ видомъ расхаживающую по комнатѣ, въ шарфѣ и серегѣхъ съ подвѣсками. Чтобы предупредить подобную внезапность, она всегда, въ подобныхъ случаяхъ, запирала дверь на крючокъ, и въ нѣсколько вечеръ не забыла этой предосторожности. И хорошо сдѣлала: потому что вдругъ послышался легкій стукъ въ двери, и Гетти съ ускореннымъ біеніемъ сердца, бросилась задувать свѣчи и прятать ихъ въ ящикъ. Она не имѣла времени вынуть изъ ушей серегъ; но сдернула шарфъ и спустила его на полъ, прежде чѣмъ стукъ повторился.

Мы узнаемъ причину этого стука, если оставимъ на короткое время Гетти и вернемся къ Динѣ, въ ту минуту, когда она передала Тотти на руки матери и отправилась въ свою спальню, которая, какъ мы уже сказали, была рядомъ съ спальней Гетти. Дина очень любила окно своей спальни. Оно было во второмъ этажѣ высокаго дома, и потому открывало ей обширный видъ на поля. Подъ самымъ окномъ толща стѣны образовала широкую ступеньку, на которую Дина могла поставить стулъ. И теперь первымъ ея движеніемъ, войдя въ комнату, было сѣсть на этотъ стулъ и взглянуть на мирныя поля, за которыми, прямо надъ глазами, посаженными вдоль изгороди, выплывалъ широкій кругъ мѣсяца. Еще болѣе нравилась ей видъ пастбища, гдѣ отдыхали дойныя коровы, и возлѣ него лугъ, гдѣ трава, до половины скошенная, лежала посеребренными, волнистыми полосами. Сердце ея было печально: ей оставалось только одну ночь смотрѣть на поля, которыхъ она, быть-можетъ, долго, долго уже не увидитъ; но не красота мѣстности, которую она покидала, такъ дѣйствовала на нее; для нея и мрачный, холодный Сноуфильдъ имѣлъ свою прелесть,—она думала о милыхъ ей жителяхъ этихъ мирныхъ полей; о тѣхъ, которые въ послѣднія недѣли были предметомъ ея постоянной заботы, и отнынѣ и навсегда, займутъ мѣсто въ ея любимѣмъ воспоминаніи. Она думала о борьбѣ и усталости, которыя предстояли имъ въ будущемъ на остаткѣ жизненнаго пути; когда она будетъ далеко отъ нихъ, и ничего уже не узнаетъ о томъ, что съ ними происходитъ. Гнетъ этой мысли вскорѣ сдѣлался слишкомъ тягостнымъ, и не позволялъ ей наслаждаться безотвѣтною тишиной озаренныхъ мѣсяцемъ полей. Она закрыла глаза, чтобы ощутить надъ собой присутствіе вѣчной любви, еще сильнѣе и глубже, чѣмъ при созерцаніи земли и неба. Такимъ способомъ Дина любила молиться въ уединеніи. Просто, закрыть глаза и чув-

звать себя объятою присутствіемъ Божества. Тогда, постепенно, всѣ ея опасенія, вся сердечная, нѣжная забота о другихъ, и, подобно ледянымъ кристалламъ въ теплому океану, она просидѣла, такимъ образомъ, минуту съ десять, совершенно, съ сложенными на груди руками, и блѣдный свѣтъ мѣсяца падалъ на ея спокойное лицо; но вдругъ, она вздрогнула громкаго звука, какъ бы отъ чего-нибудь упавшаго въ Гетти комнату. Но подобно всѣмъ звукамъ, поражающимъ слухъ въ минуту глубокаго раздумья, этотъ звукъ не имѣлъ ниго опредѣленнаго характера; онъ просто былъ громокъ и апенъ, такъ что она не знала, навѣрное, какое съ нимъ соитъ представленіе. Она встала и начала прислушиваться; опять все затихло, и она подумала, что это Гетти что-нибудь нила, ложась въ постель. Она медленно стала раздвѣлять сяд; но, тивъ ея воли, слѣдуя указанію этого звука, мысли ея начали редоточиваться на Гетти: на этомъ нѣжномъ, юномъ созданіи, орое имѣло передъ собой цѣлую жизнь, со всѣми ея испытаніями; святыя, ежедневныя обязанности жены и матери, и умъ, въ мало къ нимъ приготовленный, занятый одними мелочными, умными, себялюбивыми удовольствіями; словно, ребенокъ, со-звующій въ охапку свои игрушки, пускался въ длинное, труд-ное путешествіе, въ которомъ предстоятъ ему и холодъ, и го-рь, и темныя ночи подъ открытымъ небомъ. Дина вдвойнѣ звожилась о Гетти, потому что раздвѣляла заботли вое участіе га въ судьбѣ брата; она не пришла еще къ убѣжденію, что Гетти и по своему не на столько любитъ Адама, чтобы выйти него замужъ. Она ясно видѣла отсутствіе въ ней всякой способности къ горячей, самоотверженной любви, и потому не итала холодности ея обращенія съ Адамомъ признакомъ, что она жаляетъ выйти за него замужъ. И этотъ пробѣлъ въ Геттиной турѣ, вмѣстото, чтобы возбуждать въ Динѣ отвращеніе, трогаль сердце сильнѣйшею жалостію; милое лицо, цвѣтуцій видъ престнаго ребенка, производили на Дину такое впечатлѣніе, какое егда производить красота на душу чистую и нѣжную, чу-тую себялюбивой зависти: красота, этотъ дивный даръ Божій, идаетъ особенную трогательность нищетѣ, грѣху, печали, съ иторыми она сопряжена, подобно тому, какъ несравненно тяже-е видѣть грызущаго червя въ бѣлоснѣжной почкѣ лилей, не-ели на простой огородной травѣ.

Пока Дина раздвѣвалась и накидывала ночное платье, это чув-ство достигло тягостнаго напряженія. Воображеніе ея создало эристую чашу грѣха и скорби, изъ которой, она видѣла, бѣд-ое созданіе напрасно силится выпутаться, истерзанное и окро-авленное, со слезами моля о помощи и не находя ея. Такимъ об-

разомъ, въ ней, всегда, воображеніе и чувство возбуждали взаимно, все болѣе и болѣе напрягая одно другое. Она имѣла глубокое стремленіе идти и высказывать Гетти всѣ ея призыва и ижежато-предостереженія, которыя тѣснились въ душѣ ея. Но, быть-можетъ, Гетти ужъ заснула. Дина приложила ухо къ перегородкѣ: ей послышались легкіе звуки, убѣдившіе ее, что Гетти не леглась. Она все еще медлила, она не довольна сильно была убѣждена въ божественномъ направленіи своей мысли, голосъ, который повелѣвалъ ей идти, былъ не сильнѣе другаго голоса, который говорилъ, что Гетти устала, что тревожить ее въ такой неурочный часъ значитъ заставить сердце ея вымкнуться упорнѣе прежняго. Динѣ необходимо было болѣе вѣрнѣе указаніе, нежели такіе внутренніе голоса. Было довольно свѣтло, чтобы различить текстъ Библии, и она рѣшилась раскрыть ее и руководиться тѣмъ, что онъ ей скажетъ. Ей была знакома физономія каждой страницы; она могла назвать книгу Св. Писанія, часто и главу, которая раскрылась, прежде чѣмъ посмотреть на заглавіе, или на число. Это была маленькая, тѣсная Библия, совершенно истертая по краямъ. Дина положила ее на подоконникъ, гдѣ свѣтъ былъ сильнѣе, и раскрыла указательнымъ пальцемъ. Первыя слова, которыя попались ей на лѣвой страницѣ, были слѣдующія: «И всѣ они горько зарыдали на грудь Павла и цѣловали его.» Этого было достаточно для Дины; она видѣла, что *Дьяволъ* раскрылся на достояннейшей разлукѣ въ *Звѣздѣ*, когда Павелъ считъ себя обязаннымъ излить свое сердце въ послѣднемъ увѣщаніи и предостереженіи.

Она не медлила долѣе; но отворивъ тихонько свою дверь, вышла и постучалась къ Гетти. Мы знаемъ, что ей пришлось стучать два раза, потому что Гетти ошиблась задуть свѣчи и сбросить черный шаръ; но послѣ втораго удара, дверь немедленно растворилась. Дина сказала:—Могу я къ вамъ войти, Гетти? Гетти, не говоря ни слова, въ смущеніи и досадѣ распахнула дверь и выпустила ее.

Какую странную противоположность представляли эти двѣ женскіе образа, при смѣшанномъ мерцаніи вечернихъ свѣтлостей и луннаго свѣта! Гетти, съ пылающими щеками, съ глазами, блиставшими отъ воображаемой драмы, съ обнаженными прекрасными руками и шеей, съ волосами, въ беспорядочныхъ кудряхъ расброшенными по плечамъ, съ огромными подвѣсками въ ушахъ; Дина же въ длинной бѣлой одеждѣ, съ блѣднымъ лицомъ, исполненнымъ подавленной тревоги, почти похожая на прекрасное бездыханное тѣло, въ которое воротилась душа, обремененная высокими тайнами и еще возвышеннѣйшею любовью.

были почти одинаковаго роста; Дина, впрочемъ, казалась только повыше, когда обвила рукой талию Гетти и поцѣловала ее въ лобъ.

— Я знала, что вы не спите, милая, сказала она своимъ нѣжнымъ, звучнымъ голосомъ; этотъ голосъ раздражалъ нервы Гетти также мало согласовался съ ея внезапною досадою, въ музыка съ нестройнымъ звукомъ цѣпей:—я слышала, что ходите по комнатѣ, и мнѣ такъ захотѣлось еще поговорить съ и на ночь. Это послѣдній день, который я провожу здѣсь; а гра, по чѣмъ знать, что-нибудь можетъ помѣшать намъ быть вѣстѣ. Могу я присѣсть у васъ, пока вы разчесаете волосы?

— О, да! отвѣчала Гетти, торопливо отворачиваясь, чтобы доты другой стулъ изъ угла комнаты и радуясь, что Дина, по имени, не замѣчаетъ ея серегъ.

Дина сѣла, а Гетти принялась разчесывать щеткой волосы, эжде нежели заплетать ихъ, дѣлая это съ тѣмъ видомъ чрезвычайнаго равнодушiя, который принимаютъ люди, скрывающiе не тревожное смущенiе; но выраженiе глазъ Дины мало-по-лиу ее успокоило; Дина, казалось, не замѣчала подробностей ея мела.

— Милая Гетти, она сказала,—мнѣ пришло на умъ сегодня вечеромъ, что вы когда-нибудь можете быть въ горѣ; горе нашъ щий удѣлъ; для всѣхъ насъ приходитъ время, когда намъ всего жиѣе то утѣшенiе и та помощь, которыхъ весь мiръ не можетъ мѣ доставить. Мнѣ захотѣлось сказать вамъ, что если когда-нибудь, вы узнаете горе и почувствуете потребность въ другѣ, торый понималъ бы и любилъ васъ душой, то найдете этого юга въ Динѣ Морисъ въ Сноффилдѣ; и если вы придете къ ней и пошлете за нею, она никогда не забудетъ этой ночи и словъ, торыя теперь произносить. Помните это, Гетти.

— Да, сказала Гетти, немного испуганная.—Но почему вы думаете, го я буду несчастлива? Почему вы это знаете?

Гетти сѣла, завязывая чепчикъ, а Дина наклонилась къ ней и, явивъ ее за руки, отвѣчала:

— Потому, милая, что горе посѣщаетъ каждаго изъ насъ въ жизни: мы прилѣпляемъ сердца наши къ предметамъ, которыми ома Божiя не судила намъ владѣть, и тогда мы сокрушаемся; юдей, которыхъ мы любили, отнимаетъ у насъ смерть, и мы не южемъ ничему радоваться, потому что ихъ съ нами нѣтъ. Прихотить болѣзнь, и мы изнемогаемъ подъ бременемъ нашей немощюй плоти; мы заблуждаемся и грѣшимъ, и враждуемъ другъ на друга. Нѣтъ мужчины, нѣтъ женщины, рожденныхъ на землѣ, на юторыхъ не было бы возложено какое-нибудь изъ этихъ испытанiй. Такъ, чувствую я, нѣкоторыя изъ нихъ будутъ возложены

и на васъ; и я желала бы, чтобы вы, пока еще молоды, искали у Небеснаго Отца той опоры, которая не оставитъ васъ во дни бѣдствій.

Дина умогла и выпустила руки Гетти, чтобы не мѣшать ей ее занятіи. Гетти сидѣла совершенно безмолвно; она не находила въ себѣ отвѣта на тревожную привязанность Дины; но слова ее произнесенныя съ торжественною, трогательною ясностію, вводили на Гетти нервный трепетъ. Румянецъ ее исчезъ и вочи замѣнился блѣдностію: она была робка, какъ всѣ роскошныя ищущія наслажденій натуры, которыя содрогаются при одномъ намекѣ на страданія. Дина замѣтила произведенное ею дѣйствіе, и ее нѣжное, заботливое увѣщаніе дѣлалось все серьезнѣе, такъ что наконецъ Гетти, полная неяснаго страха, что нѣчто худшее когда-то, съ нею случится, принялась плакать.

Мы обыкновенно думаемъ, что натуры ограниченныя, не способны понять и оцѣнить натуры болѣе широкія, вполнѣ понятны этимъ высшимъ, всеобъемлющимъ натурамъ. Но мнѣ кажется, что эти высшія натуры должны учиться этому пониманію, точно такъ въ ребячествѣ мы учимся искусству зрѣнія, — долгимъ и тяжелымъ опытомъ, часто ушибаясь и нанося себѣ рану, оттого что намъ случается хвататься за вещи не съ того конца и не отдавать себѣ отчета въ пространство, которое мы можемъ обнять руками.

Дина никогда еще не видала Гетти до такой степени взволнованною, и въ своей неослабимой вѣрѣ полагала, что то было дѣйствіе божественной благодати. Она цѣловала рыдающую дѣвушку и плакала вмѣстѣ съ нею въ благодарной радости. Но Гетти просто, была въ томъ возбужденномъ состояніи, въ которомъ и на одну минуту невозможно ручаться, какое направленіе возмутъ чувства и, въ первый разъ въ жизни, съ раздраженіемъ приняла ласки Дины. Она нетерпѣливо оттолкнула ее отъ себя и сказала всхлипывая, какъ дитя:

— Не говорите такъ со мной, Дина. Зачѣмъ вы приходите мучать меня? Чтò я вамъ сдѣлала? Оставьте меня въ покоѣ!

Бѣдная Дина почувствовала страшную тоску. Но она была такъ умна, что не продолжала настаивать и сказала кротко: — Да, милая, вы устали! Я больше не хочу мѣшать вамъ. Ложитесь скорѣе спать. Прощайте!

Она ушла изъ комнаты тихо и проворно, какъ ночное видѣніе, но дойдя до своей кровати, бросилась на колѣни и излила въ вышней, безмолвной молитвѣ всю страстную жалость, которую переполняла ее сердце.

Что касается до Гетти, то она вскорѣ опять перенеслась въ лѣсъ; мечты ее слились съ сонными грезами, едвали болѣе отрывочными и перепутанными, чѣмъ ее мысли.

ГЛАВА XVI.

Ц ъ п и.

Мы оставили Артура Донниторна подь обязательствомъ, взявъ передь самимъ собой, видѣться съ Ирвиномъ въ ту же пятницу утромъ; и точно, на другой день онъ всталъ и одѣлся такъ о, что рѣшился поѣхать еще до завтрака. Ректоръ, какъ ему о извѣстно, завтракалъ одинъ, въ половинѣ десятаго; у дамъ семейства были свои часы. Артуру хотѣлось воспользоваться омомъ, чтобы поѣхать по горамъ и застать Ирвина за завтракомъ. За столомъ обо всемъ говорится какъ-то свободнѣе.

Грѣхи цивилизаціи сдѣлали изъ завтрака или изъ обѣда кую и веселую замѣну болѣе скучныхъ и тягостныхъ обрядовъ. Мы не такъ мрачно смотримъ на свои заблужденія, каковы ннхъ отцу духовному за чашкой кочею или за яйцами въ смят-

Мы яснѣе сознаемъ, что въ нашъ просвѣщенный вѣкъ не кетъ быть и рѣчи о строгихъ эпитимьяхъ, когда дѣло идетъ о ентльменѣ, и что смертный грѣхъ можетъ быть совмѣстимъ прекраснымъ аппетитомъ при видѣ пирожковъ, поданныхъ къ о. Нападеніе на наши карманы, которое, въ вѣка варварства, зершалось подь грубою формой пистолетнаго выстрѣла, теперь не болѣе, какъ просьба о ссудѣ, выраженная благовоспнннымъ и улыбающимся джентльменомъ, въ видѣ ловкой парензы, между вторымъ и третьимъ стаканомъ бордо.

Но все-таки въ старинныхъ, грубыхъ формахъ была та выгода, о онѣ неумолимо вызывали васъ на выполнение какимъ-нибудь ѣшнимъ дѣйствіемъ разъ принятаго намѣренія; когда вы приадываете губы къ отверстію каменной стѣны съ одной стороны и знаете, что съ другой есть ухо, ожидающее вашихъ овъ, то, по неволѣ, выскажете все, что пришли сказать, и гоздо скорѣе, нежели когда вы сидите покойно, протянувши ноги дѣ столъ, съ товарищемъ, который не имѣетъ никакого пода удивляться, если вы не скажете ему ничего особеннаго.

Тѣмъ не менѣе, Артуръ Донниторнъ, пробираясь верхомъ по ѣтущимъ тропинкамъ, въ сіяніи утренняго солнца, сохраняетъ ердую рѣшимость раскрыть свое сердце ректору, и рѣзкое визгиваніе косы, когда онъ проѣзжаетъ лугомъ, кажется ему ріатнѣе отъ сознанія его честнаго намѣренія. Онъ радуется му, что устанавливается хорошая погода; что уберутъ сѣно, за оторое такъ боялись земледѣльцы; и, таково благотворное вліяіе всякой не личной, не эгоистической радости, мысль объ удачомъ сѣнокошѣ воздѣйствовала на состояніе его души, и исполнить ое намѣреніе показалось ему дѣломъ, менѣе труднымъ. Быть-мо-

жетъ, городскимъ жителямъ кажется, что эти вліянія существуютъ только въ дѣтскихъ повѣстахъ; но когда живешь средъ полей и лѣсовъ, нельзя не признать надъ собой власти самыхъ простыхъ явленій природы. Артуръ проѣхалъ деревню Гейслопъ и подвигался къ брокстонской сторонѣ горы, какъ вдругъ, на поворотѣ дороги, увидѣлъ, на разстояніи какихъ-нибудь ста шаговъ передъ собой, человѣка, котораго нельзя было не признать съ перваго взгляда за Адама Бида, еслибы даже не слѣдовала за нимъ по пятамъ сѣрая куцаѣ собака. Онъ шагалъ своею обыкновенною быстрою походкой, и Артуръ приударилъ лошадь, чтобы догнать его; онъ съ самаго дѣтства сохранилъ къ Адаму такое живое чувство, что никакъ не могъ пропустить случай поболтать съ нимъ. Не скажу, чтобы привязанность его къ честному малому не заимствовала нѣсколько своей силы отъ его страсти къ роли покровителя; другъ нашъ Артуръ любилъ поступать хорошо; но любилъ также, чтобы признавали безукоризненность его поступковъ.

Заслышавъ ускоренный топотъ лошадиныхъ копытъ, Адамъ оглянулся и, узнавъ всадника, остановился, снявъ съ привѣтливою улыбкой бумажный колпакъ, и сталъ дожидаться его. За исключеніемъ брата своего Сета, Адамъ сдѣлалъ бы для Артура Донниторна болѣе, нежели для всякаго другаго молодаго человѣка въ мірѣ. Онъ скорѣе расстался бы со всѣмъ своимъ добромъ, чѣмъ съ двухъ-футовою линейкой, которую всегда носилъ въ карманѣ, — подаркомъ Артура, когда онъ былъ еще кудрявымъ, одиннадцатилѣтнимъ мальчикомъ и такъ хорошо пользовался уроками Адама въ плотничаньи и точеньи, что домашнія женщины не знали, куда дѣваться отъ катушекъ и круглыхъ коробочекъ собственнаго издѣлья, которыми онъ ихъ заваливалъ. Въ эту раннюю пору ихъ жизни, Адамъ гордился маленькимъ сквайромъ, и это чувство едва измѣнилось, когда кудрявый мальчикъ сдѣлался прекраснымъ молодымъ человѣкомъ съ бакенбардами.

Къ тому же на Адама сильно дѣйствовала ступень, которую занималъ его другъ въ общественной лѣствицѣ; онъ былъ склоненъ оказывать особенное уваженіе каждому, кто въ этомъ отношеніи стоялъ выше его. Онъ не былъ ни философъ, ни пролетарій съ демократическими идеями, но просто, плечистый, искусный плотникъ съ сильно развитою способностью къ благоговѣнію, побуждавшюю его признавать всѣ существующія права пока онъ не видѣлъ слишкомъ ясныхъ причинъ ихъ оспаривать. Онъ не создавалъ себѣ теорій для усовершенствованія общества, но видѣлъ, что много труда и денегъ пропадаетъ даромъ, при постройкахъ изъ сыраго дерева, производящихся подъ руководствомъ франтовски-одѣтыхъ невѣждъ, дѣлающихъ планы для мастерскихъ, магазиновъ и т. д., не имѣя понятія о сущности

равно и отъ неисполненныхъ контрактовъ, неисполненныхъ безъ поренія обѣихъ сторонъ, отъ небрежной работы подейщиковъ; онъ далъ себѣ слово во всемъ, что до него касается, всѣми силами противиться подобнымъ беспорядкамъ. Въ этихъ дѣлахъ онъ бы поддерживалъ свое мнѣніе противъ богатѣйшаго земледѣльца въ Ломширѣ и Стониширѣ; но онъ чувствовалъ, что всѣмъ прочимъ пунктамъ, ему лучше положиться на мнѣніе идей, болѣе его свѣдущихъ. Онъ видѣлъ совершенно ясно, какъ охотливо шло лѣсное хозяйство въ имѣніи Донниторна, и въ какомъ ужасномъ состояніи находились строенія на фермахъ, и еслибы арый сквайръ спросилъ его о послѣдствіяхъ такого дурнаго управленія, онъ высказалъ бы свое мнѣніе безъ вагання, сохраняя, впрочемъ, во все время разговора почтительное чувство къ братишшемуся къ нему «джентльмену». Въ словѣ «джентльменъ» было для Адама что-то магическое, и, какъ онъ часто говаривалъ, герцогъ онъ не могъ тѣхъ нахаловъ, которые важничаютъ тѣмъ, что грубятъ своимъ высшимъ». Я опять-таки долженъ вамъ напомнить, что въ жилахъ Адама текла крестьянская кровь, и что онъ былъ молодъ лѣтъ-пятьдесятъ тому назадъ. По этому, вы не должны удивляться, если кое-что въ его взглядахъ покажется вамъ старымъ. Въ отношеніи къ молодому сквайру, это инстинктивное расположеніе Адама получало новую силу отъ дѣтскихъ воспоминаній и личнаго уваженія; слѣдовательно, вы можете себѣ представить, что онъ гораздо больше видѣлъ въ Артурѣ хорошихъ качествъ и придавалъ гораздо больше цѣны самымъ обыкновеннымъ его поступкамъ, чѣмъ еслибы дѣло шло о качествахъ и поступкахъ простаго, подобнаго ему ремесленника.

Онъ былъ убѣжденъ, что настанутъ блаженные дни для всего Гейслопа, когда молодой сквайръ вступитъ во владѣніе помѣстьемъ. «У него такой великодушный, открытый нравъ, да и пониманіе всѣхъ нужныхъ усовершенствованій и поправокъ удивительное, если принять въ соображеніе, что онъ едва достигнулъ совершеннолѣтія». Итакъ, уваженіе и любовь дышали въ улыбку, которою Адамъ привѣтствовалъ подъѣзжавшаго къ нему Артура.

— Здравствуйте, Адамъ! какъ поживаете, другъ мой? сказалъ Артуръ, протягивая ему руку. Онъ никогда не жалъ руки ни одному изъ своихъ фермеровъ, и Адамъ живо чувствовалъ дѣлаемую ему честь.—Я еще издали побожился бы, что это вы. Какъ мнѣ не узнать этой спины,—только она стала еще шире,—на которой, бывало, вы такъ часто меня носили! Помните?

— Еще бы не помнить, сэръ. Плохое было бы житье на свѣтѣ, кабы люди забывали, что дѣлали и говорили ребятами. Тогда бы все одно было бы, что старые друзья, что новые!

— Въ Брокстонъ, что ль? сказалъ Артуръ, пуская лошадей ша-

гомъ, между тѣмъ какъ Адамъ пошелъ рядомъ съ нѣтъ. — Къ ректору?

— Нѣтъ, сэръ; я иду осмотрѣть анбаръ у Бравелла. Он тамъ боится, какъ бы кровля не продавила стѣны; такъ я иду и осмотрѣть, что тамъ можно сдѣлать, прежде чѣмъ послать материалъ и работниковъ.

— А! видно Борджъ во всемъ на васъ полагается, Адамъ? Онъ, пожалуй, скоро возьметъ васъ въ товарищи. Возьметъ, если онъ ужъ

— Ну, нѣтъ, сэръ; я не вижу, чтобы это было ему нужно. Я подмастерье, коли въ немъ есть совѣсть, и коли онъ любитъ свое ремесло, такъ же хорошо станеть справлять дѣло, какъ если бы онъ былъ компаніономъ. Гроша не дамъ за человѣка, который гвоздя не вколотитъ въ стѣну, коли не получить лишней платы.

— Я знаю, Адамъ; знаю, что вы работаете такъ же хорошо какъ хозяинна, какъ бы работали для самого себя. Но вы могли бы распорядиться свободнѣе, чѣмъ теперь; а можетъ-статься и работа шла бы повыгоднѣе. Старикъ долженъ же будетъ переложить кому-нибудь хозяйство; а сына у него нѣтъ. Ему нуженъ кто-нибудь который принялъ бы дѣла на себя. Но, говорятъ, онъ крѣпко любитъ денежки: онъ, чай, ищетъ человѣка съ капиталомъ. Не будъ я бѣденъ, какъ голодная крыса, съ радостію употребилъ бы какую-нибудь сумму, чтобы помочь вамъ основаться въ нашелъ имѣніи. Я увѣренъ, что это современемъ мнѣ самому было бы выгодно. Но, погодите; вотъ пройдетъ годъ, другой, и мой дѣла устроятся. Теперь мнѣ прибавятъ содержаніе; а, вѣдь, совершеннѣйшій; и когда я расплачусь съ двумя-тремя должниками, то буду въ состояніи обернуться.

— Много вашей милости, сэръ; вѣрьте, неблагодарнымъ я не буду. Но, продолжалъ Адамъ рѣшительнымъ тономъ, — я не желалъ бы дѣлать предложеній мистеру Борджу, или, чтобы кто-нибудь другой сдѣлалъ ихъ за меня. Я не вижу, чтобы мнѣ было удобно вступить съ нимъ въ товарищество. Вотъ если бы ему понадобилось передать мастерскую; о, это другое дѣло! Я бы радъ былъ признать деньжонокъ за хорошіе проценты, и увѣренъ, что расплатился бы своевременно.

— И прекрасно, Адамъ, сказалъ Артуръ, припоминая слова Ирвина о предполагаемой размолвкѣ между Адамомъ и Мери Борджъ, — пока довольно объ этомъ; когда хоронятъ вашего отца?

— Въ воскресенье, сэръ; мистеръ Ирвинъ, для этого, обѣщавъ пріѣхать пораньше. Прізнаться сказать, я радъ буду, когда все это кончится. Я думаю, и матушкѣ тогда будетъ легче. Сердце надрывается, глядя на слезы стариковъ; вѣдь для нихъ ужъ нѣтъ возможности разогнать горе трудомъ. Сухому дереву и весна не въ радость.

— Да; посмотрѣлись вы-таки труда и горя на своемъ вѣку, Адамъ. Мнѣ кажется, вы никогда не были пустоголовымъ и беззаботнымъ малымъ, какъ все мы грѣшныя. У васъ вѣчно на умѣ какия-нибудь заботы.

— Какъ не быть!.. но объ этомъ не стоить и говорить, сэръ. Я вотъ какъ полагаю: коли мы люди, и чувства въ насъ человѣческія, такъ должны имѣть и человѣческія печали. Намъ не дано жить, какъ птицамъ небеснымъ, что вылетаютъ изъ гнѣзда, едва оперившись, и не знаютъ ни роду, ни племени, и каждый годъ начинаютъ жизнь сызнова. Есть и мнѣ за что благодарить Господа Бога. Онъ далъ мнѣ здоровье, силу и разумъ, и внушилъ мнѣ любовь къ моему ремеслу. И то не бездѣлица, что удалось мнѣ ходить въ вечернюю школу къ Бартлю Масси. Онъ научилъ меня многому, чего бы мнѣ никогда безъ него не узнать.

— Какой вы молодець, Адамъ! сказалъ Артуръ, послѣ минутнаго молчанія, во время котораго онъ задумчиво смотрѣлъ на шагавшаго возлѣ него рослаго парня.—Я дрался лучше многихъ моихъ товарищей въ Оксфордѣ; но я думаю, вы бы какъ разъ меня повалили, еслибы я съ вами помѣрился, да еще такъ, чтобы я пролежалъ съ недѣлю.

— Сохрани Боже, чтобы это случилось, сэръ, сказалъ Адамъ, оглядывая съ улыбкой Артура.—Я прежде самъ дрался для потѣхи, да закачался съ тѣхъ поръ, какъ отъ моихъ кулаковъ бѣдный Джилъ Троттеръ на двѣ недѣли слегъ въ постель. Не хочу больше драться ни съ кѣмъ на свѣтѣ; развѣ только съ отъявленнымъ негодяемъ. Ну, а коли случится наткнуться на молодца, въ которомъ ни стыда, ни совѣсти, всѣми силами постараюсь подбить ему глаза!

Артуръ не засмѣялся, потому что былъ занятъ мыслию, которая высказалась слѣдующимъ вопросомъ:

— А знаете, что, Адамъ? я думаю, вамъ никогда не случалось бороться съ самимъ собою, то-есть, я думаю, что разъ сообразивъ въ умѣ своемъ, что не слѣдуетъ предаваться какому-нибудь желанію, вы преодолѣете его такъ же легко, какъ повалили бы пьяницу, который полѣзъ бы съ вами драться! Я полагаю, вы никогда не имѣли въ характерѣ той глупой нерѣшимости, по которой разъ пять скажешь самому себѣ: «не слѣдуетъ этого дѣлать», а подъ конецъ все-таки сдѣлаешь.

— Нѣтъ, сказалъ тихо Адамъ, послѣ минутнаго размышленія,—я не помню, чтобы когда-нибудь мнѣ случалось отвертываться такимъ образомъ, коли ужъ разъ порѣшилъ, что такое-то дѣло затѣвать не приходится. Страхъ, что у меня будетъ на совѣсти тяжело, отбиваетъ у меня всякую охоту къ такому дѣлу. Довольно видѣлъ я примѣровъ съ тѣхъ поръ, какъ въ состояніи сдѣлать сложеніе, что всякое худое дѣло порождаетъ и невѣсть

что грѣха и терзанія. Это все равно, что плохая работа; конца не увидишь убыткамъ, которые она надѣляетъ. Да и плохая забота жить на свѣтѣ за тѣмъ, чтобы вредить ближнему, когда можешь помочь ему. Но вѣдь не всякое лыко въ строку! Я не люблю, какъ эти диссентеры, дѣлать грѣхъ изъ всякой шалости, или изъ такого вадора, въ который всякій можетъ быть вовлеченъ. И объ этомъ еще можно поспорить, не позволено ли иногда, шутки ради, и погрѣть кулаки. Но не скажу, чтобы въ моемъ обычаѣ было повертываться, куда вѣтеръ подуетъ; я думаю, во мнѣ скорѣе другой недостатокъ. Коли я разъ что сказалъ, хотъ самому себѣ, куда мнѣ больно отступаться отъ своего слова!

— Я такъ и думалъ, сказалъ Артуръ.—У васъ желѣзная рука и желѣзная воля. Но какъ бы твердъ ни былъ человекъ, а подъ часть, куда ему тяжело устоять! Пожалуй и не станешь рвать вишень, коли будешь держать руки въ карманахъ, да помѣшаешь ли течь слюнки!

— Вѣстимо, сэръ; но тутъ всего лучше сказать самому себѣ, что и безъ того найдется много дѣла на бѣдомъ свѣтѣ! Вѣдь жизнь не тредальстонская ярмарка, куда народъ собирается покупать обновки, да глазѣть на паяцовъ... Да что это я такъ разболтался, въ самомъ дѣлѣ! Вашей милости это лучше моего извѣстно.

— Ну, я съ этимъ не совсѣмъ согласенъ, Адамъ. Вы отъ меня ушли впередъ на четыре или пять лѣтъ опыта, и я думаю, жизнь была лучшею школой для васъ, чѣмъ для меня университетъ.

— Э! да вы никакъ, сэръ, также разсуждаете о школахъ, какъ Бартъль Массе: школы, говоритъ онъ, дѣлаютъ людей пузырями то-есть, просто ни къ чему не годными, развѣ только на то, чтобы держать, что въ нихъ вольютъ! Вѣдь язычокъ-то у него, у Бартеля, что твое острое лезвіе! Чуть тронетъ, такъ и порѣжетъ! Ну, вотъ и поворотъ, сэръ. Пора мнѣ съ вами проститься, коли вы къ ректору.

— Ну прощайте, Адамъ, прощайте!

Артуръ передалъ лошадь конюху у воротъ ректорскаго дома и пошелъ, по усыпанной пескомъ дорожкѣ, къ дверямъ, выходившимъ въ садъ. Онъ зналъ, что ректоръ обыкновенно завтракаетъ въ своемъ кабинетѣ; а кабинетъ его находился налѣво отъ этой двери, насупротивъ столовой. Это была небольшая, низенькая комната, принадлежавшая къ старинной половинѣ дома, мрачная отъ темныхъ переплетовъ книгъ, разставленныхъ по стѣнамъ; но въ это утро, когда Артуръ поравнялся съ открытымъ окномъ она имѣла видъ очень веселый. Лучи утренняго солнца падали косвенно на большой стеклянный шаръ, съ золотыми рыбками, стоявшій на подставкѣ изъ дикаго камня, передъ самымъ столомъ, наскоро накрытымъ для одинокаго завтрака. Возлѣ стола помѣщалась группа, которая всякую комнату сдѣлала бы привле-

кательною. Въ гресакъ, обитыи пуховымъ легиономъ, сидѣлъ мистеръ Ирвинъ, блистающій свѣжестью, которую онъ всегда выносилъ изъ своего утренняго туалета; прекрасной формы полная и бѣлая рука его играла черною кудрявою шерстью Юноны; а во рту самаго ея хвоста, которымъ она шевелила съ споконнымъ удовольствіемъ почтенной матери семейства, два темныя щенка карабкались другъ на друга, оглашая комнату востерженнымъ дуэтомъ неугомоннаго писка. Нѣсколько хордакъ, сидѣвъ на подушкѣ Ногъ, съ видомъ пожилой дѣвственницы, которая считаетъ эти безчинства непростительною слабостію, и старается какъ можно меньше обращать на нихъ вниманіе. На столѣ, у локтя мистера Ирвина, лежалъ хорошо извѣстный Артуру первый томъ Фаулисова Эсхила, а отъ серебрянаго кофейника, внесеннаго Карролемъ, распространялся благовонный паръ, довершавшій наслажденія трапезы холостяка.

— Э, Артуръ!.. вотъ это хорошо! Какъ разъ къ завтраку! сказалъ мистеръ Ирвинъ, когда Артуръ остановился и шагнулъ въ комнату черезъ низкое окно.—Карроль! больше кофе и яицъ! дантъ ли у васъ тамъ холодной дичи, прибавить къ этой баранинѣ? Э! да это во старому, Артуръ. Вы уже лѣтъ пять не завтракали со мной.

— Прекрасное утро заманило меня пробѣхать, сказалъ Артуръ,—и я вспомнилъ то время, когда я такъ любилъ у васъ завтракать, и когда мы читали съ вами классиковъ. Дѣдушка всегда за завтракомъ нѣсколькими градусами холоднѣе, нежели во всякое другое время. Я думаю, утреннія ванны ему не въ прѣжь.

Артуръ всѣми силами старался скрыть отъ своего друга, что прѣхалъ съ особеннымъ намѣреніемъ. Не успѣвъ онъ очутиться въ присутствіи Ирвина, какъ признаніе, которое, за минуту передъ тѣмъ, онъ считалъ такимъ легкимъ дѣломъ, внезапно показалось ему труднѣйшимъ подвигомъ въ мірѣ. И въ то самое мгновеніе, когда онъ жалъ руку пріятеля, онъ увидѣлъ свое намѣреніе въ совершенно новомъ свѣтѣ.

Какъ объяснить Ирвину свое положеніе, не передавъ ему тѣхъ маленькихъ сценъ въ дѣсу; а какъ передать ихъ, не показавшись ему настоящимъ дураномъ? А потомъ, слабость его, когда онъ вернулся отъ Гауэна и сдѣлалъ совершенно противное тому, что намѣренъ былъ сдѣлать! Во мнѣніи Ирвина онъ навѣкъ останется безхарактернымъ малымъ, тряпкой! Какъ бы то ни было, тайна должна выматъса сама собою, безъ всякаго приготовления. Самый разговоръ дастъ къ этому поводъ.

— Я люблю время завтрака болѣе всякаго другаго, сказалъ Ирвинъ.—Пылъ еще не наслѣла на умъ; и онъ, какъ чистое зеркало, отражаетъ предметы. Во время завтрака всегда лежитъ передо мною любимая книга, и я такъ наслаждаюсь отрывками, которые успѣваю пробѣгать, что каждое утро мнѣ рѣшительно

кажется, будто бы я опять готовъ одѣлаться страстнымъ ученымъ. Но вотъ Дентъ приводитъ бѣдняка, застрѣлившаго зайца; а когда я покончу съ тѣмъ, что Карроль называетъ «судомъ и расправой», мнѣ приходитъ охота проѣхаться вокругъ моихъ приходоувъ; а на возвратномъ пути попадетса навстрѣчу смотритель рабочаго дома, который непременно заставитъ меня выслушать предлинную исторію о какомъ-нибудь непокорномъ нищемъ; такъ проходитъ день, и прежде чѣмъ наступитъ вечеръ, опять найдетъ на меня лѣнь. Кромѣ того, челоуьку необходимо поощреніе, сочувствіе; а я лишень его съ тѣхъ поръ, какъ этотъ бѣдный Д'Ойли покинулъ Треддльстонъ. Еслибы вы, шалуны, побольше любили книги, изъ вашего друга еще бы вышло кое-что путное. Къ несчастію, ученость, кажется, не въ крови вашего семейства.

— Кажется, нѣтъ. Еще хорошо, коли въ памяти моей отыщется на столько латыни, чтобы ею лѣтъ черезъ шесть, черезъ семь украсить мою первую рѣчь въ парламентъ. *Cras ingens iterabimus aequior* и еще кой-какіе обрѣзки въ этомъ же родѣ. Я нарочно постараюсь расположить мои мысли такъ, чтобы можно было помѣстить ихъ. Но вотъ чтò, Ирвинъ: не думаю я, чтобы знаніе классическихъ авторовъ было такою настоятельною необходимостію для деревенскаго джентльмена. Сколько я понимаю вещи, лучше бы ему пріобрѣсти основательное познаніе въ разнаго рода удобреніяхъ. Я недавно прочелъ сочиненія вашего друга Артура Йонга, и ничѣмъ-бы я не занялся такъ охотно, какъ приведеніемъ въ исполненіе нѣкоторыхъ его мыслей; куда какъ хорошо было бы побудить фермеровъ къ лучшему обработыванію земли, или, какъ онъ выражается, страну, прежде дикую и мрачно-однообразную, сдѣлать цвѣтущею, испестрить ее нивами и стадами. Дѣдушка, при жизни, не хотеть дать мнѣ никакой власти; но я ничего бы такъ не желалъ, какъ заняться стониширскою половиною этого имѣнія; она въ плачевномъ состояніи: ввести тамъ разныя улучшенія и скакать изъ одного конца въ другой, чтобы надзирать за исполненіемъ. Мнѣ хотѣлось бы знать въ лицо каждаго поселяннина и при встрѣчѣ съ ними, видѣть, какъ они радостно снимаютъ передо мною шапки.

— Bravo, Артуръ; челоуькъ, не имѣющій сочувствія къ классикамъ, не можетъ лучше оправдаться въ томъ, что родился на свѣтъ, какъ умножая количество пищи для содержанія ученыхъ и для ректоровъ, которые умѣютъ цѣнить ихъ. И когда бы вы ни вступили на полезное поприще образцоваго помѣщика, я хотѣлъ бы посмотреть на васъ. Маститый ректоръ вамъ нуженъ для довершенія картины и для того, чтобы взимать десятину съ уваженія почестей, которыя вы пріобрѣтете тяжкимъ трудомъ. Только не слишкомъ крѣпко разчитывайте на добрую волю поселянъ. Еще не доказано, чтобы люди любили больше всего тѣхъ,

кто старается быть имъ полезнымъ. Вы знаете: Гауэръ навлекъ на свою голову проклятія цѣлаго околотка тѣмъ, что улучшилъ въ своемъ имѣніи изгороди. Вы должны сначала спросить себя, мой другъ, что васъ больше прельщаетъ, популярность или польза; а то, пожалуй, вы упустите изъ рукъ и то, и другое.

— О, Гауэръ человѣкъ крутой; онъ никогда не былъ любимъ фермерами. Я не вѣрю, чтобы чего-нибудь нельзя было добиться отъ простаго народа лаской. Что касается до меня, я бы ни за что не согласился жить въ такомъ сосѣдствѣ, гдѣ бы не былъ любимъ и уважаемъ. Съ здѣшними фермерами пріятно имѣть дѣло; они всѣ, какъ видно, хорошо расположены ко мнѣ. Имъ, должно-быть, кажется, что чуть ли не вчера еще я былъ маленькимъ мальчикомъ и вѣдиль на пони, вышиной съ собаку. И еслибъ имъ предложить выгодныя условія и поправить ихъ строенія, то навѣрное, какъ они ни глупы, а согласились бы обрабатывать землю по улучшенному способу.

— Ну, ужъ тогда постарайтесь кстати влюбиться по всѣмъ правиламъ и, главное, не берите такой жены, которая бы истощила вашъ кошелекъ, и по неволѣ заставила бы васъ сдѣлаться скупцомъ. Мы съ матушкой часто объ васъ споримъ. Она говоритъ: «ни за что не возьмусь предсказывать судьбу Артура, пока не увижу женщину, въ которую онъ влюбится». Она думаетъ, что ваша возлюбленная будетъ распоряжаться вами, какъ мѣсяцъ управляетъ приливомъ. Разумѣется, я долгомъ считаю стоять за васъ горой, какъ за моего воспитанника, и утверждаю, что вы совсѣмъ не такого подвижнаго свойства. Смотрите же, оправдайте мое хорошее мнѣніе о васъ!

Артуръ вздрогнулъ при этихъ словахъ; мнѣніе, высказанное умною, старою шестрицъ Ирвинъ, произвело на него непріятное впечатлѣніе дурнаго, но точнаго предвѣщанія. Конечно, тѣмъ необходимѣе было устоять въ своемъ намѣреніи и пріобрѣсти новую защиту противъ самого себя. Но, тѣмъ не менше, на самомъ этомъ пунктѣ разговора, онъ почувствовалъ себя менше чѣмъ когда-либо расположеннымъ разказывать свои похождения съ Гетти. Онъ былъ впечатлительнаго свойства, и почти только жилъ мнѣніями и чувствами другихъ въ отношеніи къ самому себѣ; одинъ уже фактъ, что онъ находился въ присутствіи задушевнаго друга, который не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о сильной внутренней борьбѣ, которую онъ выдерживалъ въ эту минуту, поколебалъ собственную его вѣру въ важность этой борьбы. Въ самомъ дѣлѣ, стояла ли эта исторія, чтобы такъ много объ ней толковать? И что могъ Ирвинъ для него сдѣлать, чего бы онъ не могъ сдѣлать самъ? Онъ поѣдетъ въ Игльдель, несмотря на хромоту Мегъ. Поѣдетъ на Раттлеръ, и велитъ Пиму слѣдовать за собою, какъ знаетъ, на старой клячѣ. Таковы были его

мысли, когда онъ клалъ сахаръ въ кофе; но въ слѣдующее мгновеніе, поднося къ губамъ чашку, онъ вспомнилъ, какъ рѣшительно онъ обѣщала себѣ прошедшею ночью, — разказать обо всемъ Ирвину.

Нѣтъ! конецъ колебаніямъ! онъ моголмимъ свое намѣреніе, во что бы то ни стало. Для этого, всего лучше поддерживать личный характеръ разговора. Если онъ перейдетъ на предметы посторонніе, затрудненіе увеличится. Весь этотъ стремительный приливъ и отливъ противорѣчащихъ чувствъ совершился въ душѣ Артура въ самое короткое время, и послѣ непродолжительной паузы, онъ отвѣчалъ:

— Но, едва ли, мнѣ кажется, можно считать вообще нравственно слабымъ человека за то только, что онъ способенъ подчиниться владычеству любви. Криккое сложеніе не можетъ предохранить отъ оспы или другой неизбежной болѣзни. Мушина можетъ быть очень тверда во всѣхъ отношеніяхъ и быть огуманенъ, околдованъ женщиной.

— Да, только между оспой и любовью та разница, что если вы захватите эту послѣднюю болѣзнь въ раннемъ періодѣ и не пробуете перемѣну воздуха, то имѣете все шансы на совершенное выздоровленіе безъ дальнѣйшаго развитія симптомовъ. Достаточно нѣкоторыхъ прохлаждающихъ лѣкарствъ, которыми человекъ можетъ пропововать самъ себѣ: стонитъ только представить себѣ пагубныя послѣдствія своей страсти. Это родъ закопченнаго стекла, сквозь которое вы можете смотрѣть на ослѣпительный блескъ красoty и различать ея истинныя очертанія. Но вотъ, что худо: закопченное-то стекло не попадаетъ въ руки, именно тогда, когда оно больше всего нужно. Да что грѣха таить: даже человекъ, укрьпленный знаніемъ классиковъ, можетъ быть вовлеченъ въ безразсудный бракъ, вопреки предостереженіямъ, которыя поетъ ему коръ въ *Прометей*.

На лицѣ Артура, мелькнула лишь слабая улыбка, и вмѣсто того, чтобы впасть въ шутивый тонъ, въ которомъ говорилъ мистеръ Ирвинъ, онъ сказалъ съ важнымъ видомъ:

— Да, это-то хуже всего. Не горько ли и не досадно ли, что послѣ всѣхъ нашихъ размышленій, всѣхъ нашихъ благоразумныхъ намѣреній, мы все-таки дѣлаемся игрушкой случайностей, которыхъ ни предвидѣть, ни предупредить не можемъ? Я не думаю, чтобы человекъ заслуживалъ такое сильное порицаніе, если онъ увлеченъ неодолимо, вопреки своей собственной рѣшимости.

— Ахъ! да увлеченія-то эти коренятся въ его природѣ, дитя мое, такъ же глубоко, если не глубже, сколько и размышленія. Человекъ не можетъ сдѣлать ничего, несогласнаго съ его природой. Онъ носитъ въ себѣ зародышъ самыхъ исключительныхъ своихъ поступковъ; и если мы, мудрецы, бываемъ такими по-

ными дураками въ известныя случаи, то не должны ли мы вывести изъ этого несомнѣнное заключеніе, что ко всякой унціи человѣческой мудрости примѣшивается нѣсколько грановъ безумія.

— Хорошо, да вѣдь человѣкъ можетъ же быть вовлеченъ стеченіемъ обстоятельствъ въ поступокъ, котораго никогда бы не сдѣлалъ безъ этого.

— О, конечно; человѣкъ не можетъ украсть банковыхъ билетовъ иначе, какъ, имѣя ихъ подъ рукой; но ужь, извините, считать себя за честнаго человѣка онъ не заставитъ меня тѣмъ, что станетъ упрекать банковые билеты за то, что они попались ему подъ руку.

— Но однакожъ, не считаете же вы человѣка, который борется съ искушеніемъ и наконецъ намерогаеть, такимъ же презрѣннымъ, какъ тотъ, кто никогда не боролся?

— Нѣтъ, другъ мой; я жалю объ немъ, по мѣрѣ его борьбы, потому что она предвѣщаетъ внутреннее страданіе, — ужаснѣйшую изъ формъ, въ которую облакались Немеиды! Послѣдствія неумолимы. Поступки наши ведутъ за собой свои ужасныя послѣдствія, совершенно независимо отъ всякихъ колебаній, которыя имъ предшествовали, и эти послѣдствія, къ несчастію, рѣдко ограничиваются одними нами. Лучше намъ останавливать нашу мысль на этой несомнѣнной истинѣ, чѣмъ выискивать предлоги къ своему оправданію. Но я никогда не замѣчалъ въ васъ этой охоты къ нравственнымъ преніямъ, Артуръ? Не находите ли вы сами въ какомъ-нибудь затрудненіи, которое наводитъ васъ на эти общія размышленія?

Дѣлая этотъ вопросъ, мистеръ Ирвинъ оттолкнулъ тарелку, разлегся въ креслахъ и посмотрѣлъ прямо въ глаза Артуру. Онъ действительно начиналъ подозрѣвать, что Артуру нужно сказать ему нѣчто особенное, и думалъ облегчать ему путь прямымъ вопросомъ. Но онъ обманулся въ своемъ расчетѣ. Подвинутый внезапно и невольно на самый край исповѣди, Артуръ содрогнулся и почувствовалъ себя менѣе расположеннымъ къ ней, чѣмъ когда-нибудь. Разговоръ принялъ болѣе серіозное направленіе, нежели онъ предполагалъ, — это могло ввести Ирвина въ заблужденіе, — Ирвинъ, пожалуй, вообразить, что Гетти внушила ему глубокую страсть, чего совсѣмъ и не было. Онъ чувствовалъ, что краснѣетъ и стыдится этого ребячества.

— О, для себя я не вижу никакой опасности, сказалъ онъ, сядя казаться равнодушнымъ. — Я не думаю, чтобы былъ подверженъ нерѣшительности болѣе кого другаго; но встрѣчаются иногда, самыя ничтожныя обстоятельства, которыя, невольно, наводятъ человѣка на размышленіе о томъ, что можетъ случиться.

Скрывалась ли какая-нибудь побудительная причина подъ этою странною боязнью Артура проговориться, была ли тутъ неосознанная имъ самимъ задняя мысль? Наши умственные отпра-

ленія совершаются очень часто такимъ же способомъ, какъ государственныя дѣла: большая часть тяжелой работы исполняется дѣтелями, которые остаются неизвѣстными. Такъ, я думаю, въ какой-нибудь машинѣ маленькое, незамѣтное колесо значительно способствуетъ движенію большихъ, видимыхъ колесъ. Можетъ-статься такой же непризнанный дѣтель тайно двигался въ Артурѣ въ эту минуту; можетъ-статься, то былъ страхъ, что сдѣланная имъ исповѣдь, будетъ серіозною помѣхой, въ случаѣ, если онъ окажется *неспособнымъ* вполне осуществить свои добрыя намѣренія. Я не берусь утверждать, чтобъ этого не было. Душа человѣческая пресложная машина. Воспоминаніе о Гетти мелькнуло въ умѣ Ирвина въ то время, какъ онъ смотрѣлъ на Артура испытующимъ взглядомъ; но отрицательный, равнодушный отвѣтъ молодого человѣка подтвердилъ мысль, быстро затѣмъ послѣдовавшую, что не могло быть ничего серіознаго въ его отношеніяхъ къ ней. Не было вѣроятности, чтобы Артуръ когда-либо видѣлся съ Гетти иначе, какъ въ церкви и въ собственномъ ея домѣ, подъ глазами мистрисъ Пойзеръ. Намекъ же, который онъ намеренъ сдѣлать Артуру, не имѣлъ другаго, болѣе серіознаго побужденія, какъ желаніе удержать его отъ такого вниманія, которое могло бы пробудить ея тщеславіе къ маленькой кокеткѣ, возмутить идиллическое спокойствіе ея простой жизни. Артуръ скоро уѣдетъ въ полкъ, далеко отсюда; нѣтъ, съ этой стороны не могло быть опасности, даже допустивъ, что характеръ Артура не былъ противъ нея твердымъ ручательствомъ. Его честная, покровительственная гордость, его желаніе приобрести доброе расположеніе и уваженіе всѣхъ окружающихъ, должны предохранить его даже отъ глупаго романа, а не только отъ безумія болѣе низкаго разбора. Если у Артура во время предыдущаго разговора и было на умѣ что-нибудь личное, то ясно было, что онъ не расположенъ входить въ подробности; а мистеръ Ирвинъ былъ такъ деликатенъ, что не позволялъ себѣ любопытства, даже изъ дружескаго участія. Онъ замѣтилъ, что переходъ къ другому предмету будетъ приятенъ его собесѣднику, и сказалъ:

— Кстати, Артуръ, на иллюминаціи, въ день рожденія вашего полковника, горѣли щиты, которые произвели необыкновенный эффектъ, въ честь Британіи, Питта, Ломширской милиціи и особенно «доблестнаго юноши», героя праздника. Какъ вы думаете, не заpastись ли вамъ нѣкоторыми изъ нихъ, чтобъ удивить ими насъ, бѣдныхъ деревенскихъ жителей?

Случай былъ потерянъ. Пока Артуръ находился въ нерѣшимости, канатъ, за который онъ могъ ухватиться, уплылъ. Теперь онъ долженъ полагаться только на собственные свои силы.

Десять минутъ спустя, Ирвина вызвали за какимъ-то дѣломъ, и Артуръ, простившись съ нимъ, сѣлъ на лошадь съ чувствомъ недовольства самимъ собой,—съ чувствомъ, которое онъ старался заглушить, произнеся внутренно объѣтъ отправиться въ Игльдель безъ малѣйшаго отлагательства.

ГЛАВА XVII.

Въ которой ходъ повѣствованія нѣсколько приостанавливается.

«Этотъ брокстонскій ректоръ немногимъ лучше язычника! вос-
кликаетъ одна изъ моихъ читательницъ. Что бы вамъ заставить
его дать Артуру какой-нибудь истинно-духовный совѣтъ! Это
вышло бы несравненно назидательнѣе! Вы могли бы вложить ему
въ уста такія великолѣпныя изреченія, точь-въ-точь какъ въ хо-
рошей проповѣди!»

Прелестный мой критикъ! Конечно, я могъ бы все это сдѣлать,
еслибъ я былъ изъ тѣхъ талантливыхъ писателей, которымъ
нѣтъ надобности раболѣпно влачиться за дѣйствительностію и
фактомъ, которые въ силахъ изображать вещи такъ, какъ онѣ
никогда не бывали и не будутъ. Тогда, само собою разумѣется,
выборъ характеровъ зависѣлъ бы вполне отъ собственнаго мо-
его произвола, и я могъ бы, избравъ самый безукоризненный
типъ духовнаго лица, излагать его устами, при всякомъ удобномъ
случаѣ, свои личныя возвышенныя убѣжденія. Новы, конечно, уже
давно замѣтили, что я не имѣю столь высокаго призванія, что
всѣ мои притязанія ограничиваются вѣрнымъ изображеніемъ лю-
дей и предметовъ въ томъ видѣ, какъ они отразились въ умѣ
моемъ. Зеркало, безъ сомнѣнія, не совсѣмъ вѣрное; очертанія
будутъ иногда неясны; отраженіе мутно или слабо; но я чув-
ствую себя обязаннымъ по совѣсти передать вамъ это отраже-
ніе такъ, какъ оно есть, со всею возможною точностію, все равно
какъ еслибъ я былъ призванъ къ суду въ качествѣ свидѣтеля
и долженъ былъ всѣ показанія свои давать подъ присягой.

Шестидесять лѣтъ тому назадъ,—эт) не малое пространство
времени, и потому не удивительно, что многое съ тѣхъ поръ
измѣнилось,—не всѣ духовные отличались ревностію; мы даже
имѣемъ основаніе думать, что число ревностныхъ пасторовъ было
очень незначительно, и весьма вѣроятно, что еслибы даже одинъ
изъ членовъ этого меньшинства исправлялъ въ 1799 году пастор-
скую должность въ брокстонскомъ и гейслопскомъ приходахъ, то

онъ вамъ показался бы ничѣмъ не лучше мистера Ирвина. Дѣло противъ одного, вы сами нашли бы его тогда необразованнымъ назойливымъ методистомъ. Факты такъ рѣдко подходятъ подъ изящное серединное мѣрило, которымъ руководствуются наши просвѣщенные сужденія, нашъ утонченный вкусъ! Быть можетъ вы скажете: «Въ такомъ случаѣ исправьте немного факты, огласите ихъ нѣсколько съ тѣми правильными воззрѣніями, обиданіе которыми составляетъ неотъемлемое наше преимущество. Жизнь не совсѣмъ такова, какъ бы намъ хотѣлось; такъ пертушите же ее искуснымъ карандашомъ и увѣрьте всѣхъ, что она вовсе не такое запутанное, сложное дѣло, какъ кажется. Пускай у васъ всѣ люди съ безукоризненными убѣжденіями всегда безукоризненно и поступаютъ. Пусть порочныя личности всегда оказываются виноватыми, а добродѣтельныя правы. Тогда мы уже съ перваго взгляда будемъ знать, кого осуждать и кому сочувствовать. Тогда намъ можно будетъ восхищаться безъ заднихъ мыслей, безъ столкновенія съ напередъ-принятими мнѣніями; тогда мы будемъ презирать и ненавидѣть съ гнѣвомъ истиннымъ, спокойнымъ наслажденіемъ, которое дается одиозною, непоколебимою самоувѣренностію.»

Но, любезнѣйшая читательница, что въ т.-комъ случаѣ станете вы дѣлать съ тѣмъ прихожаниномъ, который въ приходѣ постоянно сходитъ вѣчно подаетъ голосъ вопреки вашему супругу? или съ новымъ пасторомъ, проповѣди котораго, къ душевному вашему прискорбію, такъ несравненно ниже проповѣдей его незабвеннаго предшественника? или съ честною вашею служанкою, которая выводитъ васъ изъ терпѣнія своимъ единственнымъ недостаткомъ? или съ вашею сосѣдкою, мисгрисъ Гринъ, которая была такъ добра къ вамъ во время вашей болѣзни, а послѣ вашего выздоровленія не разъ отзывалась о васъ довольно ядовито? или наконецъ съ самимъ вашимъ добрымъ мужемъ, у котораго, говоря уже о томъ, что онъ никогда не вытираетъ сапоговъ, такъ много несносныхъ привычекъ? Всѣхъ этихъ бѣдныхъ смертныхъ вы должны брать, какъ они есть. Вы не можете ни выдремать имъ носы, ни прибавить имъ ума, ни измѣнить ихъ склонности. Между тѣмъ, эти люди, среди которыхъ вы живете, имѣютъ право на вашу снисходительность, на ваше сочувствіе, на вашу любовь. Къ этимъ-то, болѣе или менѣе неизящнымъ, ограниченнымъ, безхарактернымъ личностямъ, вамъ всю жизнь вашу приходится относиться то съ удивленіемъ, то съ долгимъ терпѣніемъ, то съ радостными надеждами. Вотъ почему я бы желалъ бы, даже еслибы выборъ отъ меня зависѣлъ, быть талантливымъ повѣствователемъ, умѣющимъ создать передъ вашими глазами волшебный міръ, во сто разъ лучшій того обиденнаго

въ которомъ мы каждое утро встаемъ на работу; я бы побоялся, чтобъ этотъ вымышленный мѣръ не заставилъ васъ взглянуть еще холоднѣе и безучастнѣе на обыкновенные зеленые луга и пыльные улицы, на настоящихъ, живыхъ людей, которыхъ можетъ обдать холодомъ ваше равнодушіе, которымъ можетъ повредить ваше предубѣжденіе, но которыхъ вамъ легко ободрить и поддержать своимъ сочувствіемъ, своею снисходительностію и прямодушною, безбоязненною справедливостію.

Итакъ, я буду продолжать свой простой разказъ, не стараясь о томъ, чтобы поддурманивать дѣйствительность, не остерегаясь ничего, кромѣ лжи, отъ которой, несмотря на всевозможныя предосторожности, довольно трудно уберечься. Лгать такъ удобно, а правду говорить такъ трудно! Рисуя грифа, мы ощущаемъ въ карандашѣ своемъ восхитительную бойкость. Чѣмъ длиннѣе ногти, чѣмъ шире крылья, тѣмъ лучше. Но эта изумительная бойкость, которую мы готовы были принять за свою геніяльность, исчезаетъ, какъ скоро мы хотимъ нарисовать настоящаго, не преувеличеннаго льва. Разберите внимательно каждое свое слово, и вы найдете, что даже тамъ, гдѣ не представляется никакой надобности лгать вамъ очень трудно придерживаться строгой правды; даже говоря о собственныхъ вашихъ чувствахъ, вамъ гораздо легче сказать объ нихъ что-нибудь чрезвычайно тонкое, но не совсѣмъ правдивое.

За это-то драгоценное, рѣдкое свойство правдивости, люблю я фламандскую живопись, столь презираемую людьми съ высокими стремленіями. Я нахожу что-то отрадное и симпатическое въ этихъ вѣрныхъ изображеніяхъ однообразнаго, скромнаго существованія, существованія, выпадающаго въ удѣлъ нашимъ ближнимъ гораздо чаще, нежели крайности черезмѣрной роскоши или нищеты, трагическихъ страданій или мировыхъ подвиговъ. Отъ ангеловъ, парящихъ въ облакахъ, пророковъ, сивиллъ и героев-воителей, я охотно переносу мой взглядъ то на эту старуху, склоненную надъ горшкомъ съ цвѣтами, или одиноко сидящую за обѣденнымъ столомъ, между тѣмъ какъ полуденное солнце, пробиваясь сквозь сѣтку листьевъ, падаетъ на ея бѣлый чепчикъ, скользитъ по ремню ея самопралки, по ея глиняной кружкѣ и всей этой немудреной, дешевой утвари, которая для нея составляетъ драгоценную необходимость; то на эту деревенскую свадьбу, гдѣ между четырехъ закоптыхъ стѣнъ неуклюжій женихъ открываетъ балъ съ своею широкоплечею круглолицею невѣстой, а старики и пожилые гости съ очень-неправильными носами и губами, пожалуй даже съ грубыми кружками въ рукахъ, но съ очевиднымъ выраженіемъ доброжелательства и удовольствія въ лицахъ, смотрятъ на нихъ пляску. • Фш!

скажутъ идеалисты, какія неизящныя подробности! Стоитъ ли такъ много трудиться надъ вѣрнымъ изображеніемъ старухъ и уродовъ? Что за низкая сфера! Что за безобразныя, топорныя фигуры!..»

Но помилуйте! Развѣ уже нельзя и любить того, что не совсемъ красиво? Я, право, не думаю, чтобы большая половина рода человѣческаго состояла изъ красавцевъ: даже между Великобританцами, этими «царями своей породы», вовсе не составляютъ поразительнаго исключенія кривые бока, неправильныя ноздри, или желтыя лица. Семейныя привязанности, однакожь, между нами процвѣтають. У меня есть два-три пріятеля, на челѣ которыхъ были бы рѣшительно неумѣстны Аполлоновы кудри; между тѣмъ, мнѣ достовѣрно извѣстно, что не разъ трепетало любовью къ нимъ нѣжное сердце, и что материнскія уста втайнѣ прикасаются къ миниатюрнымъ портретамъ ихъ, скрашеннымъ, но все-таки далеко не привлекательнымъ. Я знавалъ также не одну превосходную мать семейства, о которой мудрено было повѣрить, чтобъ она когда-либо, даже въ лучшіе свои годы, была хороша собой; а между тѣмъ, у нея въ потаенномъ ящикѣ хранилась цѣлая кѣпа пожелтѣвшихъ любовныхъ писемъ, и миловидныя дѣти осыпали поцѣлуями ея безцвѣтныя щеки. Мнѣ также извѣстно, какъ хорошо юные герои средняго роста, съ едва пробивающимися усами и твердымъ убѣжденіемъ, что могутъ полюбить развѣ какую-нибудь Діану, уживаются въ послѣдствіи съ женой, раскачивающеюся на ходу наподобіе утки. Да! слава Богу! Человѣческое чувство подобно тѣмъ широкимъ рѣкамъ, которыя оплодотворяють землю; не красота имъ движеть: неудержимымъ потокомъ стремится оно впередъ и красоту приноситъ съ собою.

Честь и поклоненіе божественной красотѣ формы! Будемъ, сколько возможно, развивать ее въ мужчинахъ, въ женщинахъ, въ дѣтяхъ, въ садахъ нашихъ и жилищахъ. Но, изъ-за нея, не будемъ пренебрегать тою другою красотой, которой тайна заключается не въ соотвѣтственности размѣровъ, но въ таинственной глубинѣ человѣческаго сочувствія. Рисуйте намъ, если можете, ангела въ развѣвающейся лиловой одеждѣ, съ ликомъ, тихо озареннымъ небеснымъ сіяніемъ; еще чаще рисуйте намъ Мадонну, съ кроткими взорами, обращенными къ небу, и руками, воздѣтыми въ созерцаніи небесной славы. Но не навязывайте намъ эстетическихъ правилъ, которыя изгоняли бы изъ области искусства этихъ старухъ, чистящихъ морковь своими огрубѣвшими въ работѣ руками; этихъ неуклюжихъ простолюдиновъ, справляющихъ праздникъ въ грязномъ кабачкѣ; эти сутуловатыя спины, эти тупыя, закрубѣлыя лица, которыя, склоняясь надъ плу-

гомъ, справляютъ всю черную работу жизни; эти домашніе очаги съ оловянными блюдами, темными кувшинами и связками луковицъ. На бѣломъ свѣтѣ такъ много этихъ простыхъ, грубыхъ людей, судьба которыхъ не представляетъ ничего сентиментально-картинно-печальнаго! Намъ надо почаще вспоминать объ нихъ; не то, чего добраго, мы совсѣмъ пропустимъ ихъ при нашихъ религіозныхъ и философскихъ построеніяхъ, и создадимъ возвышенныя теоріи, примѣнимыя только къ какому-то исключительному міру. Итакъ, пускай искусство всегда напоминаетъ намъ о нихъ; пускай между нами всегда находятся люди, готовые съ любовью посвятить труды цѣлой жизни вѣрному изображенію обыденныхъ явленій, — люди, способные усматривать красоту этихъ явленій и съ сердечною радостью указывать намъ на солнечные лучи, такъ благосклонно падающіе на нихъ съ небесъ. На свѣтѣ мало пророковъ, мало идеально-прекрасныхъ женщинъ, мало героевъ. Не могу же я всю свою любовь, все свое уваженіе сосредоточить на этихъ исключеніяхъ; эти чувства мнѣ нужно поберечь для будничныхъ моихъ собратій, въ особенности же для тѣхъ немногихъ, которые стоятъ для меня на переднемъ планѣ многочисленной толпы, для тѣхъ, которыхъ лица я знаю, которыхъ руки я жму, которымъ я долженъ дружески уступать дорогу. Живописные разбойники и романтическіе преступники далеко не такъ часто попадаются намъ навстрѣчу, какъ простой земледѣлецъ, честно зарабатывающій свой хлѣбъ, и безъ затѣй сѣяющій его, съ помощію своего карманнаго ножа. Этотъ лавочникъ, который отвѣшиваетъ мнѣ сахаръ, и жилетъ котораго такъ безвкусно подобранъ къ галстуху, имѣетъ гораздо болѣе нужды въ моемъ сочувствіи, нежели красивѣйшій мерзавецъ въ зеленыхъ перьяхъ и красномъ шарфѣ. Гораздо болѣе правъ на мое сочувствіе имѣетъ трогательное проявленіе доброты въ тѣхъ, далеко не совершенныхъ людяхъ, которые живутъ подъ одною со мной кровлей, или въ приходскомъ священникѣ, который отчасти слишкомъ дороденъ, да и въ другихъ отношеніяхъ не Тиллотсонъ и не Оберлинъ, — чѣмъ всевозможные подвиги героевъ, знакомыхъ мнѣ только по наслышкѣ, или выспреннѣйшія добродѣтели самаго идеальнаго священника, когда-либо задуманнаго талантливымъ писателемъ.

Итакъ, возвратимся къ мистеру Ирвину, на котораго я попрошу васъ смотрѣть съ христіанскою снисходительностью, какъ бы мало онъ ни соотвѣтствовалъ вашему идеалу духовнаго лица. Быть-можетъ, вы находите, что онъ не былъ тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ былъ быть, — живымъ доводомъ въ пользу выгодъ, сопряженныхъ съ учрежденіемъ національной церкви. Но въ этомъ я съ вами не совсѣмъ согласенъ; по крайней мѣрѣ, мнѣ извѣстно, что жи-

тели Брокстона и Гейслопа были бы очень огорчены, еслибы имъ пришлось разстаться съ своимъ пасторомъ, и что рѣдкое лицо не прояснялось при его появленіи; и до тѣхъ поръ, пока не будетъ доказано, что ненависть душеспасительнѣе любви, я останусь того мнѣнія, что вліяніе мистера Ирвина было для прихожанъ гораздо благотворнѣе вліянія ревностнаго мистера Райда, который, лѣтъ двадцать спустя, поступилъ на мѣсто Ирвина, отправившагося къ предкамъ. Правда, мистеръ Райдъ сильно налегалъ на догматы реформациі, посѣщалъ своихъ прихожанъ на дому, строго порицалъ всякое непослушаніе плоти, запретилъ даже церковнымъ пѣвчимъ хожденіе по домамъ для распѣванія рождественскихъ гимновъ, какъ дающее поводъ къ пьянству и слишкомъ легкомысленному обращенію съ священными предметами. Но я узналъ отъ Адама Бьда, который въ старости часто разговаривалъ со мною объ этихъ предметахъ, что врядъ ли когда-нибудь священникъ подвизался безуспѣшнѣе мистера Райда въ снисканіи любви своихъ прихожанъ. Послѣдніе приобрѣли черезъ него множество свѣдѣній о догматахъ, такъ что между прихожанами, ходившими въ церковь, всѣ тѣ, которымъ не было еще за пятьдесятъ, научились, не хуже любаго диссентера, распознавать то, что совмѣстно съ чистымъ евангельскимъ ученіемъ, отъ того, что не подходитъ подъ это мѣрило. Въ первое время по его прибытіи, этотъ мирный околотокъ, не шутя, волновался религиозными вопросами, но, прибавляя Адамъ, — я еще смолоду ясно видѣлъ, что въ дѣлѣ религіи мало однихъ свѣдѣній. Не свѣдѣнія вразумляютъ человѣка о томъ, какъ надо поступать, а чувства. Свѣдѣнія въ религіи то же, что математика: иной пожалуй будетъ, грѣясь у печки и покуривая трубку, рѣшать въ своемъ умѣ разныя задачи, а какъ понадобится ему соорудить домъ или машину, такъ ужъ тутъ онъ безъ воли и рѣшимости ничего не сдѣлаетъ, особенно если своимъ спокойствіемъ будетъ дорожить больше всего на свѣтѣ. Мало-по-малу прихожане стали держаться въ сторонѣ отъ мистера Райда, и про него начали хорошо поговаривать въ народѣ. Я такъ думаю, что въ душѣ-то у него были намѣренія хорошія, только нравомъ-то онъ былъ крутенецъ и въ добавокъ норовиль, кто бы на него ни работалъ, со всякаго сбавить задѣльную плату: ну, а при этомъ какая и проповѣдь въ прокъ пойдетъ? Случалось ли кому провиниться, онъ тотчасъ же ставилъ себя судьей, наказывалъ виноватаго и выговаривалъ ему съ кафедры, ни дать, ни взять, какъ самыи изступленный диссентерскій проповѣдникъ: а между тѣмъ диссентеровъ онъ терпѣть не могъ и былъ къ нимъ гораздо строже мистера Ирвина. Жилъ онъ не по своимъ доходамъ; съ самаго-то начала, знаете, онъ вообрази себѣ, что съ своими шестью стами

рунтовъ въ годъ можетъ онъ угнаться хоть за самимъ мистеромъ Донниторномъ. Въ такую бѣду часто попадаются бѣдные викаріи, которымъ неожиданно, нежданно выпадаетъ на долю пасторское мѣсто. Про мистера Райда ходила, кажется, дамская слава, и онъ писалъ книжки; но что касается математики и сущности вещей, въ этомъ смыслилъ онъ не больше женщины. Въ догматахъ былъ онъ большой дока, и называлъ ихъ оплотомъ реформаціи; но я всегда какъ-то мало довѣрялъ этой учености, отъ которой люди не умнѣютъ въ житейскихъ дѣлахъ. Мистеръ Ирвинъ-то былъ совсѣмъ другая статья. Ужъ вотъ бойкій-то былъ! Съ перваго слова бывало пойметъ, что ты хочешь сказать; и въ постройкахъ зналъ толкъ: сразу, бывало, примѣтитъ, коли ты что хорошо смастерилъ. Въ обхожденіи онъ былъ со всѣми одинаковъ, какъ слѣдуетъ джентльмену; что фермеръ, что старуха, что работникъ, что дворянинъ, по немъ было все равно. Никто отъ него не видалъ, чтобъ онъ пугался въ чужія дѣла, или кому выговаривалъ, или дѣлалъ изъ себя наибольшаго. Да! ужъ подлинно то былъ рѣдкій человѣкъ!.. А съ матерью и сестрами какой былъ доброты! За этой бѣдной больной миссъ Анной какъ онъ ухаживалъ: просто души въ ней не чаялъ! Во всемъ приходѣ, некому было про него слова худаго сказать. Люди оставались у него до тѣхъ поръ въ услуженіи, пока старость ихъ не пришибала такъ, что онъ поневолѣ долженъ былъ брать на ихъ мѣсто другихъ.»

— Прекрасно, замѣгилъ я:— для будничныхъ дней ничего не можетъ быть лучше такой проповѣди; но что еслибы вашъ старый другъ, мистеръ Ирвинъ, могъ воскреснуть и взойти въ будущее воскресенье на кафедру? Миѣ сдается, что послѣ всего сказаннаго вами въ его похвалу вамъ было бы за него немного совѣстно, что онъ не умѣетъ говорить проповѣдей получше.

— Нѣтъ, нѣтъ! воскликнулъ Адамъ, выпрямляя грудь и приклоняясь къ спинкѣ своего стула, какъ бы готовясь встрѣтить всѣ возможные возраженія. — Никто отъ меня никогда не слышалъ, чтобы мистеръ Ирвинъ былъ хорошимъ проповѣдникомъ; самой глубины, того, что въ душѣ человѣка происходитъ, онъ никогда не касался; а между тѣмъ я знаю, что въ душѣ у насъ много такого дѣлается, чего никакъ нельзя подогнать полъ мѣрку; поступай молъ такъ и такъ, изъ этого послѣдуетъ вотъ то-то и то-то. Бываютъ такія времена, что чувства подступаютъ къ тебѣ подобно дыханію бурному, какъ сказано въ Писаніи, и все существо твое раздвояютъ, такъ что самъ ты себя становишься словно чужой. Что до этого касается, я согласенъ съ любымъ методистомъ; религія вещь очень духовная и глубокая: словами пожалуй всего не выскажешь, это можно только

чувствовать. Мистеръ Ирвинъ до этихъ вещей какъ-то мало и доходилъ; прочтеть, бывало, коротенькую нравоучительную проповѣдь, и дѣло съ концомъ. За то всего, что онъ говорилъ въ проповѣди, держался онъ всегда на дѣлѣ. Въ немъ этого не было, чтобы сегодня, напримѣръ, выставять себя совсѣмъ непохожимъ на людей, а завтра походить на насъ грѣшныхъ, какъ одна горошина на другую. Въмѣсто того чтобы желчь мутить добрымъ людямъ безтолковою суетой, онъ заставлялъ себя любить и уважать. Мистрисъ Пойзеръ часто говаривала, — вѣдь вы знаете, у нея про все бывало свое словечко, — такъ она часто говаривала, что мистера Ирвина можно сравнить съ хорошимъ сытнымъ обѣдомъ, который укрѣпляетъ васъ, сами вы не знаете какъ, а мистера Райда — съ микстурой, которая только мутитъ васъ, пользы же отъ нея никакой.

— Однакоже, мистеръ Райдъ гораздо чаще касался въ своихъ проповѣдяхъ той духовной области религіи, о которой вы сейчасъ говорили, Адамъ; не такъ ли? Проповѣди его гораздо болѣе вызывали на размышленіе, чѣмъ проповѣди мистера Ирвина?

— Право, не знаю! Онъ много распространялся о догматахъ; но я еще смолоду ясно понималъ, что религія состоитъ не изъ однихъ догматовъ и познаній. Тѣ и другія, по моему мнѣнію, только помогаютъ намъ пріискивать названія нашимъ чувствамъ. Коли разъ уже названіе найдено, такъ пожалуй всякому вольно про нихъ толковать, хоть самъ онъ и понятія о нихъ не имѣетъ. Ну, представьте себѣ инструментъ, котораго вы ни разу не видали, и владѣть которымъ не умѣете; а говорить про него вы можете, потому что знаете, какъ онъ называется. Я много въ свое время наслушался толковъ о религіи. Еще семнадцатилѣтнимъ парнемъ таскался я вмѣстѣ съ Сетомъ слушать диссентерскихъ проповѣдниковъ, и не мало колебался между арминіанами и кальвинистами. Веслеянцы, вы знаете, равностные арминіане, и Сеть, который вѣкъ свой не могъ сжиться ни съ чѣмъ суровымъ, и во всемъ всегда надѣялся на лучшее, съ самаго начала присталъ къ Веслеянцамъ; но мнѣ показалось, что я открылъ въ ихъ ученіи двѣ-три прорѣхи, и связался спорить съ однимъ изъ ихъ старшинъ, тамъ, въ Тредльстонѣ. Ужь какъ я приставалъ къ нему, то съ той, то съ другой стороны! Наконецъ онъ сказалъ мнѣ: «Молодой человѣкъ! Дьяволъ вашимъ высокоуміемъ и гордостью вооружается на простоту истины.» Я на это разсмѣялся, но, возвращаясь домой, одумался и нашелъ, что человѣкъ этотъ отчасти былъ и правъ. Всѣ эти толки о значеніи того или другаго текста, всѣ эти толки о томъ, можетъ ли одна благодать спасти человѣка, или нужна для этого частичка его собственной воли, ничего общаго съ настоящею религіею не имѣютъ. По цѣ-

лымъ часамъ можете вы разсуждать объ этихъ вопросахъ, и ни къ чему это васъ не поведетъ, только гордость и самомнѣніе питаеть. Такъ я и положилъ себѣ никуда не ходить, кромѣ церкви, и никого не слушать, кромѣ мистера Ирвина, потому что онъ все говорилъ хорошее, и изъ словъ его можно было многому коему-чему научиться. Я нашелъ, что для души моей полезнѣе смиряться передъ тайнами воли Божіей, и что не стоить заводить споровъ изъ-за такихъ вещей, которыхъ я никогда не пойму. Да и споры, какъ подумаешь, какіе пустые! Не Богъ ли создалъ равно и виѣшнее и внутреннее? Не онъ ли раньше или позже влагаетъ въ насъ и рѣшимость дѣлать добро? Я знаю одно только, что безъ рѣшимости я ничего не могу сдѣлать, и этого съ меня довольно.

Адамъ, какъ видите, былъ горячимъ поклонникомъ, можетъ-статься, даже нѣсколько пристрастнымъ судьей мистера Ирвина, какими, по счастью, еще многіе изъ насъ остаются въ отношеніи къ людямъ, которыхъ знавали коротко. Безъ сомнѣнія, это назовутъ презрѣнною слабостью тѣхъ выпрениіе умы, которые тоскуютъ объ идеалѣ и томятся сознаниемъ, что чувства ихъ вообще такого отборнаго свойства, что нельзя расточать ихъ на обыкновенныхъ смертныхъ. Я не разъ удостоивался чести выслушивать признанія этихъ избранныхъ душъ. Всѣ они сходились въ одномъ выводѣ: «великіе люди вовсе не стоять, чтобъ о нихъ имѣли такое высокое мнѣніе; для того, чтобы, полюбивъ женщину, не разочароваться въ своей любви, нужно, чтобъ она умерла въ то время, какъ вы за нею ухаживаете; наконецъ, если вы желаете сохранить какую-нибудь вѣру въ человѣческой героизмъ, старайтесь не всматриваться въ личность героя.» Признаюсь, я не разъ имѣлъ малодушіе утаить отъ этихъ безукоризненныхъ, проникательныхъ джентльменовъ, результаты своей собственной опытности; не разъ даже, какою въ томъ, улыбался я лицемѣрно въ изъявленіе согласія, и подлаживался къ нимъ эпиграммой на суетность нашихъ заблужденій, — одною изъ тѣхъ эпиграммъ, которыя такъ легко даются всякому, хотя поверхностно знакомому съ французскою литературой. Отношенія между людьми не требуютъ строгой искренности, замѣтилъ одинъ умный человѣкъ; но здѣсь я желаю очистить свою совѣсть, и всеуслышаніе признаюсь, что мнѣ часто случалось испытывать порывы восторженнаго благоговѣнія передъ старыми джентльменами, которые говорили на отвратительнѣйшемъ англійскомъ нарѣчій, имѣли при случаѣ припадки блажи, и никогда не простирали поприща своей дѣятельности далѣе должности приходскаго попечителя о бѣдныхъ; я признаюсь, что средство, которымъ дошелъ я до заключенія, что человѣческая природа

стоитъ любви, средство, которымъ уразумѣлъ я кое-что въ глубокомъ паосѣ челоѳеческой природы, въ ея дивныхъ тайнахъ, было частое обращеніе съ людьми, болѣе или менѣе обыкновенными, о которыхъ вы, вѣроятно, ничего разительнаго не узнали бы отъ ихъ сосѣдей. Я почти увѣренъ, что въ нихъ ровно ничего особеннаго не находили большая часть сосѣднихъ лавочниковъ.

Странное стеченіе обстоятельствъ! Сколько я могъ замѣтить, избранныя природы, тоскующія по идеалу и ни въ чемъ, что только носить панталоны или юпки, не находящія предмета, достойнаго любви и уваженія, совершенно сходятся во взглядахъ въ этомъ отношеніи съ людьми, крайне грубыми и ограниченными. Такъ, напримѣръ, я помню мистера Джеджа, содержателя деревенскаго трактира подъ выѳской «Королевскаго Дуба»; онъ имѣлъ обыкновеніе бросать убійственные взгляды на своихъ шеппертонскихъ сосѣдей, и отзѳвался о жителяхъ своего прихода—болше онъ и не зналъ никого на свѣтѣ—въ слѣдующихъ многозначительныхъ выраженіяхъ: «Да, сэръ, я часто говаривалъ, и опять-таки повторю: дрянъ у насъ народецъ въ приходѣ—отъ мала до велика, дрянъ народецъ!» Должно полагать, что у него было смутное сознаніе, что еслибъ онъ могъ переселиться въ другой приходъ, то тамъ, быть-можетъ, и нашлись бы достойные его сосѣди. И онъ, дѣйствительно, въ послѣдствіи перенесъ своихъ пенатовъ въ другой трактиръ, подъ выѳской «Арапа», пользовавшійся очень доходною извѣстностью въ одной изъ боковыхъ улицъ сосѣдняго армарочнаго мѣстечка. Но, странное дѣло! жители боковой улицы оказались ничѣмъ не лучше жителей Шеппертона. «Дрянъ народецъ, сэръ, всѣ они, сколько ихъ ни есть. Тянутъ себѣ джинъ, а сами ни на волосъ не лучше шеппертонскихъ пивниковъ. Дрянъ народецъ!»

ГЛАВА XVIII.

ЦЕРКОВЬ.

— Гетти, Гетти! развѣ вы не знаете, что служба начинается въ два часа, а теперь половина втораго? Хоть бы образумились для дня воскреснаго, да для похоронъ Тіаса Биды; стоитъ только вспомнить, что бѣдняга утонулъ въ глухую полночь, такъ по сини забѣгаютъ мурашки; а у васъ ничего нѣтъ въ головѣ, кромѣ нарядовъ, словно вы не на похороны собираетесь, а на свадьбу.

Но, тетенька, отвѣчала Гетти,—не могу же я быть готова съ другими. Вѣдь мнѣ пришлось одѣвать Тотти; а ея нами средствами не удержишь на мѣстѣ.

Тотти спускалась съ лѣстницы, а мистрисъ Пойзеръ, въ своейстой шляпкѣ и шали, стояла внизу. Если когда-либо дѣвушка походила на сплошной букетъ изъ розъ, то эта дѣвушка а Гетти, въ праздничной шляпкѣ и праздничномъ платьицѣ. Япка была съ розовымъ подбоемъ, на платьѣ розовыя мушки и разсыпаны по бѣлому полю. Вся она была розовая и бѣлая, за исключеніемъ темныхъ волосъ и глазъ, да маленькихъ имачковъ съ пряжками. Мистрисъ Пойзеръ, къ собственной ей досадѣ, не могла не улыбнуться, какъ невольнo улыбается кій смертный, при видѣ хорошенькихъ, кругленькихъ созданий. а отвернулась, не сказавъ ни слова, и присоединилась къ группѣ, стоявшей у калитки. За нею послѣдовала и Гетти, у коюй сердце до того трепетало при мысли о томъ, кого надѣясь она увидѣтъ въ церкви, что она земли подъ собой не слыла.

Маленькое шествіе тронулось. На мистеръ Пойзеръ было восесное, суконное платье, красный съ зеленымъ жилетъ, и зеленый часовой шнурокъ, съ огромною сердоликовой печатью, ускавшюся, наподобіе отвѣса, съ обширнаго мыса, на котомъ помѣщался карманъ для часовъ. На шеѣ у него былъ повянь шелковый съ желтоватымъ отливомъ платокъ; отличные сѣдые полосатые чулки, собственноручное вязанье мистрисъ Пойзеръ, ловко обтягивали его ногу. Мистеру Пойзеру нечего было выдаться своей ноги, и онъ сильно подозревалъ, что всѣ эти нововведенія сапоговъ съ отворотами и другихъ злоупотребленій, юнящихся къ прикрытію человѣческихъ икръ, не имѣютъ другой причины, кромѣ плачевнаго вырожденія этого органа въ омомъ поколѣніи.

Еще менѣе имѣлъ онъ основанія стыдиться своего круглаго, веселаго лица, которое такъ и дышало добродушіемъ, когда онъ разговаривалъ:

— Пойдемъ, Гетти, пойдете, дѣтки! И взявъ подъ руку свою сестру, первый вышелъ черезъ калитку на улицу.

«Дѣтки», къ которымъ онъ обращался, были Марти и Томми, пальчики девяти и семи лѣтъ, въ маленькихъ бумазейныхъ фрачкахъ и панталончикахъ по колѣна, черноглазые, румяные, похожіе на отца на столько, на сколько можетъ очень маленькій монъ походить на очень большаго.

Гетти шла между ними, а позади шествовала терпѣливая Молли, на которую была возложена обязанность переносить Тотти черезъ дворъ и черезъ всѣ лужи, могущія встрѣтиться на дорогѣ,

ибо Тотти, въ скоромъ времени оправившаяся отъ угрозы ей лихорадки, настояла таки на томъ, чтобъ ее взяли въ церковь, и чтобъ ей поверхъ пелеринки надѣли красныя и черныя бусы. Лужь, черезъ которыя въ то послѣ-обѣда приходилось пореносить Тотти, оказалось очень много, потому что поутру шелъ проливной дождь, хотя въ настоящую минуту небо прояснилось и тучи покоились серебристыми массами, нагроможденными на горизонтѣ.

Вы тотчасъ бы замѣтили, что сегодня воскресенье, еслибы и даже неожиданно проснулись на дворѣ фермы. Пѣтухи и куры казались, сознавали это, и ограничивались сдержаннымъ кукаваньемъ; самый бульдогъ смотрѣлъ не такъ свирѣпо, и, казалось, укусилъ бы васъ сегодня не такъ больно, какъ въ будни. Солнечное сіяніе какъ будто призывало къ отдохновенію; оно и само дремало на мшистомъ зданіи скотнаго двора, на группѣ блыхъ утокъ, расположившихся кучкой и уткнувшихъ носы под крылья; на старой черной свиньѣ, съ томнымъ видомъ растапывшейся на соломѣ, между тѣмъ какъ самый дюжій изъ ея поросятъ покоился на жирныхъ материнскихъ бокахъ, замѣнявши ему пружинный матрасъ; на Аликѣ, пастухѣ, который въ своемъ новомъ балахонѣ, вкушалъ не совсѣмъ покойный отдыхъ, полусидя, полустоя на ступеняхъ хлѣбнаго анбара. Аликѣ былъ тогда мнѣнія, что слишкомъ частое хожденіе въ церковь, подобно другимъ излишствамъ, не позволительно старшему работнику, котораго постоянно должны быть на умѣ и погода, и агитация. «Въ церковь ходить? какже! есть мнѣ когда объ этомъ думать!» возражалъ онъ вамъ такимъ горькимъ, многозначительнымъ голосомъ, что отбивалъ у васъ всякую охоту къ дальнѣйшимъ расспросамъ. Я, впрочемъ, смѣю васъ увѣрить, что Аликѣ былъ чутокъ всякаго преднамѣреннаго кощунства, я даже знаю навѣрное, что складъ ума его былъ вовсе не скептическаго, не отрицательнаго свойства, и онъ ни за что на свѣтѣ не пропустилъ бы богослуженія въ Рождество, въ Свѣтлый Праздникъ и Троицынъ день. Но вообще ему казалось, что общественное богослуженіе, какъ и всякое другое не прибыльное занятіе, было устроено преимущественно для людей досужныхъ.

— Вотъ батюшка стоитъ у воротъ, замѣтилъ Мартинъ Пойзеръ.—Онъ вѣрно хочетъ посмотрѣть, какъ мы пойдемъ черезъ поле. Что это у него за удивительное зрѣніе: вѣдь ему уже семьдесятъ пятый годъ пошелъ.

— Я часто думаю, отвѣчала мистрвсъ Пойзеръ,—что старые люди то же, что малыя дѣти: имъ бы только глядѣть, а на что они глядятъ, имъ все равно. Это, видно, ихъ Богъ Всемогущій такъ успокоиваетъ передъ тѣмъ, какъ имъ отойти ко сну.

арый Мартинъ, при видѣ приближавшейся семейной группѣ, распахнулъ ворота настежь и остановился въ нихъ, опираясь на свою палку, видимо довольный тѣмъ, что пригодился на это нетрудное дѣло. Подобно большей части людей, чья жизнь протекла въ трудѣ, онъ любилъ сознавать, что можетъ быть полезнымъ; что лукъ на огородѣ лучше урожая, если онъ самъ будетъ при посѣвѣ, что коровы будутъ не выдоены, если онъ въ воскресенье, послѣ обѣда, останется и присмотрѣть за этимъ. Онъ всегда посѣщалъ церковь въ дни, когда совершалось таинство; въ прочія же воскресенья ходилъ не очень аккуратно. Въ дождливыя воскресенья, или когда онъ чувствовалъ припадокъ легкаго ревматизма, онъ въ эти дни читывалъ первыя три главы изъ книги Бытія. — Тіаса Бида навѣрное опуститъ въ землю, прежде чѣмъ вы успеете дойти до кладбища, замѣтилъ онъ сыну, когда тотъ ошелъ поближе. — Хорошо бы было, еслибъ его схоронили вглубь, пока еще дождикъ шелъ; а теперь врядъ ли и капли пойдетъ. Вотъ мѣсяцъ, видишь, стоитъ какъ лодка, это знаетъ будетъ хорошая погода; другія примѣты врутъ, а это ужъ авѣрная.

— Да, да, отвѣчалъ сынъ, — авось-то установится погода.

— Слушайте хорошенько, что пасторъ будетъ говорить; хорошенько слушайте, ребята! обратился дѣдушка къ черноглазымъ мальчуганамъ, у которыхъ въ карманахъ было уже припасено нѣсколько камышковъ, которыми они располагали изподтишка играть во время проповѣди.

— Прощай, дѣдушка, картава пролепетала Тотти, — я въ церковь иду; у меня на шеѣ бусы. Дай мятную лепешку.

Дѣдушка, сотрясаясь отъ смѣху надъ «хитрою дѣвчонкой», съ встановкой перемѣстивъ свою палку изъ правой руки въ лѣвую, которою онъ придерживалъ ворота, и опустилъ палецъ въ тотъ жилетный карманъ, на который взоръ Тотти былъ устремленъ съ выраженіемъ доверчиваго ожиданія.

Когда всѣ они удалились, старикъ опять прислонился къ воротамъ и сталъ слѣдить за ними глазами, сперва по тропинкѣ, потомъ вдоль усадебной изгороди, потомъ сквозь дальнія ворота, пока наконецъ они не скрылись за кустами на поворотѣ. Въ то время живыя изгороди вездѣ заслоняли видъ, даже въ фермахъ, которыя содержались самымъ лучшимъ образомъ; въ то послѣ-обѣденное время, о которомъ идетъ рѣчь, шиповникъ распускалъ свои розовыя гирлянды, дикій пасленъ сверкалъ багрецомъ и золотомъ, блѣдныя жимолости вытягивались такъ высоко надъ кустами падуба, что до нихъ рукой не достанешь, а надъ всѣмъ этимъ, тамъ и тамъ, осина или кленъ бросали свою тѣнь черезъ дорогу.

У входа въ каждое поле, наши богомольцы встрѣчали земныхъ, которые должны были сторониться, чтобъ очистить дорогу. У калитки усадебной изгороди встрѣтилось имъ стадо коровъ, которыя, казалось, никакъ не хотѣли понять объемистыя туловища ихъ заслоняють дорогу. Далѣе, положивъ голову на перекладину забора, стояла кобыла, а рядомъ съ нею, уставившись головой прямо противъ ея бока, стоялъ бурый ребенокъ, видимо не привыкшій еще справляться съ своими шаткими ногами. Путь въ церковь до самаго поворота на большую дорогу, которая вела въ селеніе, пролегаль исключительно владѣніями мистера Пойзера, и онъ окидывалъ внимательнымъ взглядомъ стада и жатвы, мимо которыхъ они проходили между тѣмъ, у мистрисъ Пойзеръ на все были готовы бѣглыя замѣтки. Женщина, имѣющая въ вѣдѣніи своемъ молочную, весьма содѣйствуетъ увеличенію дохода, и потому ей позволено высказывать свои мнѣнія о скотѣ и его содержаніи. Это упрямое и жестокое животное, развивая ея умственные способности, даетъ ей возможность быть полезною мужу своими совѣтами и въ другихъ обстоятельствахъ.

— Видишь ли эту короткорогую Салли? замѣтила она, когда они переступили усадебную изгородь, и взорамъ ихъ представилось кроткое животное, лежа жевавшее свою жвачку и глядѣвшее на нихъ сонными глазами.—Вѣришь ли? день-отодня ты станешь мнѣ смотреть на эту корову, и я то же скажу тебе теперь, что говорила четыре недѣли тому назадъ: чѣмъ скорѣе сбудемъ мы ее съ рукъ, тѣмъ лучше. Ну, вотъ хоть бы эта маленькая коровка: вполонину меньше Салли даетъ молока, а масла отъ нея сбиваю вдвое больше.

— Что же это такъ? ты совсѣмъ наоборотъ противъ другихъ женщинъ; тѣ любятъ короткорогихъ, за то, что даютъ больше молока. Вотъ, Чаунова жена только и пристаётъ къ мужу, чтобъ онъ ей все такихъ накупалъ.

— А мнѣ какое дѣло, что любить Чаунова жена? Смирная жалкая бабенка, у ней мозгу въ головѣ не больше, чѣмъ у идиота! Скрутить сало рѣдкими нитками, а тамъ и пойдешь удивляться, отчего это у нея изъ сала сокъ протекаетъ. Знаю я ее, будетъ съ меня; теперь меня ничѣмъ не заманишь взять работницу изъ ея дома. Это сушая трущоба: войдешь и разберешь — понедѣльникъ ли, пятница ли; слыханное ли дѣло со стиркой никогда прежде недѣли не уберутся. А ужъ про серъ и говорить нечего; знаю я ихъ: прошлаго года они взошли у нея какъ хлѣбъ въ жестяной посудинѣ. А во всемъ-то у нея погода виновата. Есть же такіе люди на свѣтѣ! Станутъ сами в голову и будутъ васъ увѣрять, что виноваты ихъ сапоги.

— Что жь! Чаунъ набивался купить Салли; если ты хочешь, то ее можно будетъ сбыть ему, возразилъ мистеръ Пойзеръ, втайнѣ гордившійся дѣловыми способностями своей жены, и даже не разъ, на послѣднихъ базарахъ, похвалившійся ея смѣтливостію, именно по поводу коровьихъ рогъ.

— Ужь, конечно, кто взялъ себѣ въ жены мокрую курицу, пусть ужъ тотъ заодно и коровъ скупаеетъ съ короткими рогами. Завязъ въ болотѣ головой, такъ пусть ужъ за ней слѣдомъ и ноги вязнуть. А вотъ, къ слову пришлось, продолжала мистрисъ Пойзеръ, указывая на Тотти, которую, такъ какъ дорога была теперь суха, спустили съ рукъ, и которая шла, переваливаясь, впереди своихъ родителей;—посмотри, вотъ ужъ ноги, такъ ноги! и ступня у нея какая большая, настоящая будетъ батюшкина дочка!

— Да! годковъ черезъ десять такая же выровняется, какъ Гетти; только глаза у нея въ тебя цвѣтомъ пошли; въ своей семьѣ я не запомню голубыхъ глазъ. У матушки они были черные, какъ черносливъ, точь-въ-точь, какъ теперь у Гетти.

— Ну, еще это не бѣда, что дѣвочка не во всемъ будетъ похожа на Гетти; я совсѣмъ не хочу, чтобъ она ужъ такая была раскрасавица. А впрочемъ бывають люди и съ свѣтлыми волосами и съ голубыми глазами ничѣмъ не хуже черноглазыхъ и черноволосыхъ. Будь-ка у Дины побольше румянца въ лицѣ, да не навьючивай она себѣ на голову этого методистскаго чепца, воронъ пугать, такъ она слыла бы такою же красавицей, какъ и Гетти.

— Ну, ужъ насчетъ этого, замѣтилъ мистеръ Пойзеръ, съ нѣсколько-ирезрительнымъ оттѣнкомъ въ голосѣ, — ты не знаешь толку въ женской красотѣ. Мужчины никогда не стали бы такъ гоняться за Диной, какъ они гоняются за Гетти.

— А какое мнѣ дѣло, за кѣмъ бѣгають мужчины? Оно и видно, какъ хорошо они умѣють выбирать; стоить только взглянуть на ихъ истрепанныхъ женъ: что газовыя ленты; какъ только полиняютъ, такъ ужъ больше никуда не годятся.

— Добро, добро; про меня-то ты ужъ не можешь сказать, чтобы я не сумѣлъ выбрать себѣ жену, отвѣчалъ мистеръ Пойзеръ, имѣвшій обыкновеніе каждое супружеское несогласіе прекращать комплиментомъ въ подобномъ родѣ;—однако, лѣтъ десять тому назадъ, ты была почище твоей Дины.

— Развѣ я когда говорила, чтобы женщина не могла быть хорошо хозяйкой, безъ того, чтобы быть ей непремѣнно дурнушкой? Да вотъ, на что ужъ дурна жена у Чауна? Вида ея одного довольно, чтобы свернулось молоко, и безъ сычуга дѣло обойдется, только другаго-то она ужъ ничего не сумѣетъ сберечь. Что же

касается до Дины, то ей, бѣдняжкѣ, не съ чего и пригожею-то быть, когда она все, что имѣеть, отдаетъ нуждающимся, а сама обѣдаетъ лепешкой съ водой. Она меня часто выводила изъ терпѣнія: сколько разъ я ей говаривала, что она поступаетъ прямо противъ Писанія, въ которомъ сказано: «Возлюби ближняго твоего, какъ самого себя!» А ты, говорю я ей, если будешь ближняго любить не больше самой себя, такъ плохо же ему придется; ты вообразишь себѣ, что онъ можетъ и впроголодь оставаться. Отъ гдѣ-то она теперь? Сидитъ, небось, у той больной женщины, къ которой ей вдругъ загорѣлось пойдти.

— Да! жаль, что она набрала себѣ въ голову такой чепухи; оставалась бы съ нами все лѣто, ѣла бы досыта, и никто бы и не подумалъ ею тяготиться. Въ домѣ и не слышать ея было. Сидитъ себѣ бывало за работой тихохонько, какъ птичка въ своемъ гнѣздышкѣ, а пошлешь ее за чѣмъ, мигомъ сбѣгаетъ. Коли Гетти выйдеть замужъ, ты, я чай, рада была бы взятъ Дину со-всѣмъ къ себѣ.

— Что пользы толковать объ этомъ! Ты не уговоришь Дину переѣхать сюда и жить покойно, какъ люди живутъ, все равно, что ласточки на лету не приманишь къ себѣ. Ужь если можно было ее образумить, такъ кому бы, кажется, какъ не мнѣ? Я ли не уговаривала ее по цѣлымъ часамъ, я ли не журила? Вѣдь она моей родной сестры дочь, — нельзя же мнѣ было такъ оставить ее. Только какъ она, бѣдняжка, съ нами простилась, и сѣла въ свою телѣжку, да оглянулась на меня своимъ блѣднымъ лицомъ, точь-въ-точь ея тетка Іудинь, царство ей небесное, — тутъ мнѣ самой стало совѣстно тѣхъ нагоняевъ, что я ей задавала. Порой, знаешь ли, на меня находить сомнѣніе, — ужь полно, не лучше ли нашего она умѣеть распознать, что дурно, и что хорошо? Оно, разумѣется, не потому, что она методистка: бѣлый теленокъ не отъ того же бѣлъ, что его помѣть изъ одной шайки съ чернымъ.

— Ужь что и говорить, замѣтилъ мистеръ Пойзеръ, съ легкимъ отгѣнкомъ ворчливости: — ничего я въ методистахъ не вижу хорошаго. Въ методисты идутъ все больше мастеровые. Видала ли ты когда, чтобы фермеръ напустилъ на себя такую блажь? Развѣ-развѣ какой работникъ, что дѣла своего настоящимъ образомъ не знаетъ, поддастся всѣмъ этимъ проповѣдямъ и всему ихъ вздору, какъ вотъ Сетъ Бидъ. Небось Адамъ, умнѣйшая голова почитай что во всемъ околоткѣ, такъ его не поддѣнешь. Онъ ревностный сынъ церкви, не то я и не сталъ бы и поощрять его ухаживанья за Гетти.

— Ахъ, Господи Боже мой! воскликнула мистрисъ Пойзеръ, которая, во все продолженіе рѣчи своего супруга огля-

дывалась назадъ. — Каково Молли съ дѣтьми-то отстала! Они еще на томъ концѣ поля. Гетти! вы-то чего же смотрѣли? Васъ все равно, что куклу приставить за дѣтьми смотрѣть. Бѣгите назадъ и скажите имъ, чтобъ они скорѣе догоняли насъ.

Мистеръ и мистрисъ Пойзеръ были въ это время на концѣ второго поля; они посадили Тотти на одинъ изъ тѣхъ большихъ камней, которыми по старинному лонширскому обычаю замыкалась живая изгородь, и стали поджидать отставшихъ, между тѣмъ какъ Тотти самодовольно повторяла: «они негодные, негодные мальчишки, а я умница».

Дѣло въ томъ, что эта воскресная прогулка по полямъ ознаменовалась для Марти и Томми самыми потрясающими ощущениями. Передъ глазами ихъ, въ чащѣ живой изгороди происходила непрерывная драма; не останавливаться и не заглядывать по сторонамъ было для нихъ такъ же трудно, какъ еслибъ они были лагавья собаки. Марти положительно былъ увѣренъ, что видѣлъ на сучьяхъ большой осины иволгу, и занятый ею, проглядѣлъ кунницу съ бѣлымъ горлышкомъ, которая въ это самое время перебѣжала дорогу, и которую съ большимъ увлеченіемъ описывалъ младшій Томми. А тамъ, откуда ни возмись, только что оперившаяся синичка, которая порхала такъ низко, такъ низко, что поймать ее казалось ровно ничего не стоило, пока она не скрылась подъ кустъ ежевики. Отъ Гетти не было никакой возможности добиться, чтобъ она удостоила всѣ эти событія своего вниманія, и потому приходилось за сочувствіемъ обращаться къ Молли, которая на него не скупилась, глядѣла съ разинутымъ ртомъ, куда ей ни показывали, и издавала клики изумленія каждый разъ, какъ того требовали обстоятельства.

Молли, перепуганная бѣжавшею ей на встрѣчу Гетти, которая прокричала ей, что тетушка сердится, тотчасъ же прибавила шагу; но Марти, инстинктивно догадываясь, что тому, кто является съ доброю вѣстію, ничто не вмѣняется въ вину, опередилъ всѣхъ и съ крикомъ: «маменька! мы отыскали гнѣздо пестрой индѣйки!» бросился къ матери.

— Неужто! воскликнула мистрисъ Пойзеръ, дѣйствительно забывая въ радостномъ изумленіи весь свой гнѣвъ: — гдѣ же оно?

— Тамъ, подъ заборомъ, — въ такой глубокой, глубокой ямѣ. Я искалъ синичку и первый наткнулся на него; на немъ и сама индѣйка сидитъ.

— Надѣюсь, что вы не спугнули ее? успѣшила освѣдомиться мать. — Не то она броситъ гнѣздо.

— Нѣтъ, я тихонько, тихонько отошелъ прочь и шепотомъ разказалъ Молли. Вѣдь такъ, Молли?

— Ну, ну, хорошо; теперь пойдѣмъ, сказала мистрисъ Пойзеръ.— Ступайте впереди насъ съ отцомъ, и сестренку возьмите за руки. Намъ нечего мѣшкать; умненькіе мальчики не гоняются за птицами по воскресеньямъ.

— Но, маменька, замѣтилъ Марти, — помнишь, ты говорила, что полироны дала бы тому, кто указалъ бы тебѣ гнѣздо пестрой индѣйки? нельзя ли будетъ эту полкрону положить въ мою кружку?

— Тамъ увидимъ, сынокъ. А теперь ступай впередъ, какъ слѣдуетъ умному мальчику.

Отецъ и мать переглянулись между собой, одобрительно улыбаясь прыткости своего старшаго сына, но круглое личико Томи омрачилось.

— Маменька, заговорилъ онъ чуть не плача, — у Марти и безъ того гораздо больше моего денегъ въ кружкѣ!

— Мамаша! и мнѣ надо полкроны въ мою кружку, пролетела Тотти.

— Тише, тише! отвѣчала мистрисъ Пойзеръ. — Слыханная ли вещь, чтобы дѣти такъ буянили? Никто изъ васъ больше не увидитъ своей кружки, если вы не поторопитесь идти въ церковь.

Эта страшная угроза произвела желанное дѣйствіе: во всю остальную дорогу, пролежавшую еще черезъ два поля, три маленькіе пѣшехода шли, почти не останавливаясь, впередъ; даже проходя мимо небольшого пруда, изобиловавашаго головастиками, мальчики ограничились однимъ взглядомъ сожалѣнія на эти со-кровища.

Неугѣшительное зрѣлище представляло для мистера Пойзера мокрое сѣно, которое завтра же предстояло ему разбрасывать и ворочать сызнова. Вообще, въ пору сѣнокоса и жатвы, соблюдение праздничныхъ дней стоило ему не малой борьбы съ самимъ собой; но какъ бы сильно ни было искушеніе, онъ ни за что бы не рѣшился приступить въ воскресенье, даже раннимъ утромъ, къ какой-либо полевой работѣ. Вотъ какъ вздумалъ Михаилъ Гольдсвортъ пахать въ Страстную Пятницу, такъ у него и пала отъ жары пара быковъ. Не служилъ ли этотъ случай яснымъ доказательствомъ, что работать по праздникамъ большой грѣхъ? а на грѣховное дѣло, утверждалъ Мартинъ Пойзеръ, онъ никогда не пойдетъ, за тѣмъ, что въ деньгахъ, нажитыхъ такимъ образомъ, проку не бываетъ.

— Какъ взглянешь на солнышко, такъ вотъ у тебя руки и чешутся взяться за грабли, замѣтилъ онъ, когда они проходили мимо «Большаго Луга». — Да глупецъ тотъ, кто, разчитывая на прибыль, пойдетъ противъ совѣсти. Живой примѣръ — Джимъ Уэкфильдъ, котораго еще всѣ называли «джентльменомъ Уэкфиль-

мъ: этотъ и знать не хотѣлъ ни праздниковъ, ни будень: بشно ли что, нѣтъ ли, ему бывало и дѣла нѣтъ, словно нѣтъ о него ни Господа Бога, ни дьявола. И чтожь онъ взялъ? Не гѣе какъ на послѣдней ярмаркѣ самъ я своими глазами видѣлъ) съ корзинкой апельсиновъ за плечами.

— Конечно, съ жаромъ подтвердила мистрисъ Пойзеръ, — какой въ туть ожидать удачи, коли затѣнешь залучать къ себѣ счастье дыми дѣлами. И деньги-то, добытыя такимъ способомъ, проутъ тебѣ карманы. Не хотѣла бы я, чтобы дѣтямъ послѣ насъ шести пенсовъ осталось, которые бы не были нажиты честнымъ образомъ. А что до погоды касается, такъ вѣдь ее не кто ой какъ Самъ Богъ посылаетъ: наше дѣло покориться.

Благодаря превосходному обыкновенію часовъ мистрисъ Пойрръ уходитъ впередъ, вся семья прибыла въ селеніе, несмотря разныя случайности, замедлявшія шествіе, въ четверть вто-го. Впрочемъ всѣ, кто въ этотъ день намѣревался быть въ ркви, стояли уже за церковною оградой. Дѣла оставались чи однѣ только матери, въ томъ числѣ и Тимоеева Бессъ, ко-рая, стоя на порогѣ своего дома, кормила ребенка своего грудью, казалось, полагала, какъ и всѣ женщины въ ея положеніи, что ѣ нея уже ничего болѣе требовать нельзя.

Не одно любопытство видѣть погребеніе стараго Тіаса со-ало толпу въ церковной оградѣ такъ за долго до начала бого-уженія. Это у нихъ такъ издавна было заведено. Женщины ыкновенно проходили прямо въ церковь, гдѣ жены фермеровъ чинали вполголоса переговаривать другъ съ другомъ черезъ окоія перегородки, раздѣлявшія скамьи, о своихъ болѣзняхъ, и о мѣ, что докторскія снадобья ровно никуда не годятся: настой ѣ одуванчиковъ, и другія домашнія средства не въ примѣръ мьзительнѣе; о служанкахъ и о томъ, что онѣ стали неимовѣрно мдны на жалованье, а работаютъ онѣ годъ отъ году хуже, и то всѣ теперешнія дѣвки, только до тѣхъ поръ и хороши, пока тѣ у васъ на глазахъ; о плохой цѣнѣ, которую мистеръ Дингаль, медьстонскій лавочникъ, даетъ за масло, и о томъ, что исправ-ность его платежей очень и очень подлежитъ сомнѣнію, даромъ то жена у него хорошая женщина, и всѣ онѣ объ ней отъ ши жалѣютъ, да и родня у нея такая славная. Между тѣмъ му-ины оставались на дворѣ, и никто, кромѣ пѣвчихъ, которые ырвовчно, въ полголоса, снѣвались передъ службой, не входилъ въ ырковь до самой той минуты, когда мистеръ Ирвинъ являлся у моя. Они не видѣли никакой надобности торопиться. Что было ѣ дѣлать въ церкви до начала службы? Они были убѣждены, то Богъ ихъ не осудитъ, если они останутся въ оградѣ и по-мкуютъ немного о своихъ дѣлахъ.

Чеда Креннеджа трудно узнать сегодня по причинѣ его прачничнаго убѣленнаго лица, отъ котораго съ плачемъ, какъ отъ знакома, отворачивается его маленькая внучка; впрочемъ, острый глазъ тотчасъ же угадалъ бы въ немъ деревенскаго кузнеца по той смиренной почтительности, съ которою этотъ рослый грубый на видъ дѣтина снималъ шапку и проводилъ рукой по волосамъ передъ фермерами; ибо Чедъ часто говаривалъ, что каждому человѣку не грѣшно и черту свѣчку поставить. Этою совсѣмъ благозвучною поговоркою онъ хотѣлъ выразить по существу не предосудительное убѣжденіе, что съ людьми, у которыхъ ему приходится подковывать лошадей, слѣдуетъ обращаться почтительно. Чедъ вмѣстѣ съ другими чернорабочими держался нѣсколько поодаль отъ могилы подъ бѣлымъ терновникомъ гдѣ совершался обрядъ погребенія. Но Сыпучій Джимъ и нѣкоторые изъ работниковъ, нанмававшихся по фермамъ, обступали мѣсто и, стоя съ непокрытыми головами, принимали вмѣстѣ матерью и сыновьями участіе въ отданіи послѣдняго долга покойному. Другіе держались нейтральнаго положенія, то приближаясь къ группѣ, обступавшей могилу, то прислушиваясь къ разговору который вели между собою вполголоса фермеры, столпившіеся кучкой у входа въ церковь. Къ этимъ послѣднимъ присоединились и Мартинъ Пойзеръ, между тѣмъ какъ семейство его проходило въ церковь. Въ передовыхъ рядахъ этой кучки стоялъ мистеръ Кессонъ, хозяинъ *Герба Донниторновъ*, въ одной изъ самыхъ эффектныхъ позъ, а именно: заложивъ большой палецъ правой руки за жилетъ, опустивъ лѣвую руку въ карманъ своихъ панталонъ и сильно наклонивъ на сторону голову. Въ этой позѣ онъ походилъ на актера, которому дали играть какую-нибудь односложную роль, но который чувствуетъ полную увѣренность, что публика угадываетъ въ немъ первокласснаго даровитаго. Странную противоположность съ нимъ представлялъ старикъ Джонатанъ Борджъ, который, заложивъ руки за спину, наклонился впередъ отъ удушливаго кашля, съ выраженіемъ глумливаго презрѣнія ко всему, чего нельзя было обратить въ деньги. Голоса разговаривавшихъ, изъ уваженія къ мистеру Кессону, дочитывавшему послѣднія похоронныя молитвы, раздавались нѣсколько сдержаннѣе обыкновеннаго. Каждый изъ присутствовавшихъ не преминулъ промолвить слово сожалѣнія о судьбѣ сына наго Таса, но затѣмъ разговоръ перешелъ къ предмету, близкому сердцу каждаго изъ нихъ,—къ всеобщему неудовольствию возбужденному Сеччелемъ, управляющимъ сквайра, распорядившимся такъ, какъ никогда не распорядился и самъ старикъ мистеръ Донниторнъ, не стыдившійся лично собирать доходы съ собственныхъ своихъ земель, и заключать условія о продажѣ собственности

его дѣса. Самый предметъ разговора служилъ новою побужденною причиною разговаривать вполголоса, потому что можно было опасаться, чтобы въ эту самую минуту Сеччель не эшелъ по мощеной дорожкѣ, пролежавшей къ церкви. Вскорѣ утихли, потому что голосъ мистера Ирвина умолкъ, и небольшая кучка у бѣлаго терновника двинулась къ церкви. Всѣ вступились и сняли шапки передъ мистеромъ Ирвиномъ. За мѣ слѣдомъ шли Адамъ и Сеть, а между ними ихъ мать. Юсифъ нѣ, исправлявшій двойную должность могильщика и причетника, не управился еще съ могилой и не могъ слѣдовать за паромомъ въ ризницу. Прежде чѣмъ войти въ церковь, огорченая семья на минуту остановилась. Лизбетъ захотѣлось еще разъ глянуть на могилу. Увы! тамъ уже одна земля чернѣла подъ бѣлымъ терновникомъ! Впрочемъ, въ этотъ день она плакала мѣе, чѣмъ во всѣ предшествовавшіе, съ самой смерти ея мужа. Въ огорченію ея примѣшивалось теперь сознание собственной еобычайной важности, какъ главнаго дѣйствующаго лица въ проходившихъ похоронахъ. Шутка ли, мистеръ Ирвинъ служилъ о Тіасѣ особую службу, и она знала, что вслѣдъ затѣмъ по немъ будетъ пѣться погребальный гимнъ. Дружескія, полныя участія (ривѣтствія), которыми прихожане встрѣтили ее и сыновей у входа въ церковь, еще сильнѣе отвлекли печаль отъ ея сердца.

Мать съ сыновьями вошли въ церковь, а за ними слѣдомъ погнулись и остальные, кромѣ нѣкоторыхъ болтуновъ, все еще мѣшкавшихъ на дворѣ, въ той увѣренности, что торопиться покуда не зачѣмъ, чему способствовалъ отчасти видъ кареты мистера Донниторна, медленно взбирающейся въ гору.

Но вотъ, раздалась торжественные звуки органа; вечерній гимнъ, которымъ обыкновенно открывалось богослуженіе, начался; всѣ должны войти и сѣсть по мѣстамъ.

Нельзя сказать, чтобы внутренность гейслопской церкви была чѣмъ-либо особеннымъ замѣчательна, кромѣ древности дубовыхъ скамеекъ съ высокими перегородками, занимавшихъ обѣ стороны узкаго прохода. Правда, она не была обезображена галереями, этимъ изобрѣтеніемъ новѣйшаго времени; пѣвчіе помѣщались за особою перегородкой на первой скамѣ праваго ряда, такъ что Юсифъ Ранъ могъ очень удобно то присоединиться къ хору, въ которомъ онъ пѣлъ первый басъ, то по окончаніи пѣнія, снова идти къ своему налою.

Налой и каеэдра, такіе же ветхіе и темные, какъ скамьи, помѣщались по одну сторону арки, за которою находился алтарь; внутри алтарнаго пространства (chancel) были мѣста для семейства и прислуги мистера Донниторна. Но я могу васъ увѣрить, что эти старыя темныя скамьи, выдаваясь на желтоватомъ фонѣ

стѣнъ, сообщали самый пріятный колоритъ скудной внутренности зданія и очень хорошо согласовались съ румяными лицами прихожанъ и пестрыми цвѣтами ихъ жилетовъ. По близости къ престолу не было недостатка и въ болѣе яркихъ тонахъ. Каеэдра и собственное мѣсто мистера Донниторна были обложены подушками изъ малиноваго сукна, и наконецъ малиновый, шитый золотомъ напрестольный покровъ, работы самой миссъ Лидіи, замыкалъ перспективу.

Впрочемъ, и независимо отъ малиноваго покрова, свѣтло и отрадно было впечатлѣніе церкви, когда мистеръ Ирвинъ, стоя на каеэдрѣ, благодушно взиралъ на скромное собраніе, на болрыхъ стариковъ съ нѣскольکو сгорбленными спинами и погнувшимися колѣнями, но еще достаточно сильныхъ для стрижки не одной изгороди, для перекрытья ни одной соломенной кровли; на богатырскіе размѣры, топорныя бронзовыя лица каменотесовъ и плотниковъ; на пять-шесть достаточныхъ фермеровъ, съ ихъ круглолицыми семьями; на опрятныхъ старушекъ, большею частію женъ работниковъ, съ блоснѣжными оборками чепцовъ, выглядывавшими изъ-подъ ихъ черныхъ шляпокъ, и съ морщинистыми, по локоть обнаженными руками, смиренно сложенными на груди. Изъ старыхъ людей ни у кого не было въ рукахъ книги; это было бы для нихъ бесполезно, потому что ни одинъ изъ нихъ не умѣлъ читать. За то они знали наизусть нѣсколько «святыхъ словъ», и, тихо шевеля отъ времени до времени поблекшими губами, слѣдили они за богослуженіемъ, безъ яснаго, правда, пониманія его смысла, но съ простодушною вѣрой въ его спасительную и благодатную силу. Но вотъ настала минута, когда все собраніе встало на ноги, такъ что сдѣлалось возможно разсмотрѣть всѣ лица до послѣдняго, въ томъ числѣ и головки маленькихъ дѣтей, чуть-чуть выглядывавшія изъ-за стѣнокъ скамей, и раздался вечерній гимнъ добраго стараго епископа Кѣна, подъ одинъ изъ тѣхъ оживленныхъ напѣвовъ, которые вымерли вмѣстѣ съ послѣднимъ поколѣніемъ ректоровъ и приходскихъ клирошанъ. Мелодіи подобны Пановой свирѣли, онѣ до тѣхъ поръ только и живутъ, пока есть кому слушать и любить ихъ. Адамъ на этотъ разъ не занималъ своего обычнаго мѣста между пѣвчими; сидя рядомъ съ матерью и Сетомъ, онъ къ удивленію своему замѣтилъ, что Бартля Масси также не было. За то на просторѣ расходился мистеръ Юсифъ Ранъ: съ болѣе нежели обыкновенною энергіей выводилъ онъ басовыя ноты и строже обыкновеннаго поглядывалъ черезъ очки на диссентера Вилла Маскри.

Итакъ я попрошу васъ представить себѣ мистера Ирвина, обводящаго взорами всю эту картину; мистера Ирвина, въ его ши-

комъ бѣломъ стихарѣ, который такъ хорошо къ нему шель едставитъ себѣ его напудренные зачесанные назадъ волосы, его чно-смуглый цвѣтъ лица, его красиво-очерченныя губы и ноздри. . этой добродушной и вмѣстѣ пронциательной наружности была обеннаго рода прелестъ, свойственная каждому человѣческому цу, изъ котораго выглядываетъ благородная душа. И на все это возъ старинныя окна, испещренныя красными, желтыми и го-быми стеклами, бросаая нѣжныя пятна на противоположную ѣну, струило лучи свои чудное іюньское солнце.

Я убѣжденъ, что въ этотъ день взгляды мистера Ирвина, обвода е собраніе, долѣ обыкновеннаго остановился на скамьѣ, кото-ю занималъ Мартинъ Пойзеръ съ семействомъ. Кромѣ того, для еще пара черныхъ глазъ, которые неволью направлялись да же и останавливались, прикованные къ сидящей тамъ круг-ньюкой, бѣлой и розовой фигуркѣ. Но Гетти въ настоящую ми-уту не было дѣла ни до какихъ взглядовъ; вся она была по-ружена въ мысль, что Артуръ Донниторнъ скоро долженъ войти въ церковь, потому что, по всѣмъ разчетамъ, карета его должна же была теперь стоять у церковнаго подъезда. Съ тѣхъ поръ, акъ они разстались въ четвергъ вечеромъ въ лѣсу, она еще ни азу не видала его. И ужъ какъ же долго тянулось для нея это ремя! Все шло своимъ обыденнымъ чередомъ; событія этого ечера не повлекли за собой никакихъ послѣдствій, и начинали же казаться сномъ. Когда послышался шумъ отворявшейся двери, ердце ея забилося такъ сильно, что у нея не достало духу под-ать глаза. Слыша, что тетка ея присѣдаетъ, она тоже присѣла: го навѣрное былъ старый мистеръ Донниторнъ; онъ всегда вхо-илъ первый, низенькій, сморщенный, дряхлый, поводая во всѣ тороны своими близорукими глазами на кланявшееся и присѣ-авшее собраніе. Потомъ,—она это знала напередъ,—проходила миссъ Лидія; но какъ ни любила Гетти разсматривать ея модную москую шляпку, украшенную вѣнкомъ изъ маленькихъ розъ, на тотъ разъ она не обратила на нее никакого вниманія. Поклоны прекратились, стало-быть онъ не пріѣхалъ. Теперь, чуяло ея серд-е, не кому болѣе проходить въ отворенныя дверцы перегород-и, кромѣ экономки, въ черномъ чепцѣ, да горничной въ нард-ой соломенной шляпкѣ, когда-то принадлежавшей самой миссъ Лидіи, да дворецкому и лакею съ напудренными головами. Ею гуть не могло быть! А впрочемъ надо посмотрѣть; быть-можетъ, она и ошиблась, вѣдь она еще никого настоящимъ образомъ не видала. Итакъ, она подняла глаза и робко взглянула на обитое малиновымъ мѣсто близъ алтаря. Тамъ никого не было, кромѣ стараго мистера Донниторна, протиравшаго очки бѣлымъ носо-вымъ платкомъ, да миссъ Лидіи, раскрывавшей большой, золото-

обрѣзанный молитвенникъ. Чувство обманутаго ожиданія охватило ее нестерпимымъ холодомъ, она замѣтно поблѣднѣла, губы у нея задрожали, слезы готовы были хлынуть изъ ея глазъ. Что было ей дѣлать? Всякій могъ догадаться о причинѣ этихъ слезъ; всѣ узнаютъ, что она плачетъ объ отсутствіи Артура. Въ довершеніе всего, она чувствовала на себѣ пристальный взглядъ мистера Крега, у котораго въ петличкѣ красовался какой-то необыкновенный тепличный цвѣтокъ. Страшно долго тянулось время до общей исповѣди, позволившей ей наконецъ стать на колѣни; тутъ только капнули изъ глазъ ея двѣ неудержимыя, крупныя слезы; но ихъ никто не видалъ, кромѣ добродушной Молли, потому что и дядя и тетка стояли на колѣняхъ къ ней спиной. Молли, неспособная представить себѣ, чтобы слезы въ церкви могли происходить отъ другой какой-либо причины, кромѣ дурноты, о которой она имѣла по наслышкѣ смутное понятіе, выгащила изъ кармана какой-то странный плоскій голубой флакончикъ и, откупоривъ его послѣ немовѣрныхъ усилій, поднесла узкое горлышко къ носу Гетти: «Оно не пахнетъ, проговорила она, вполне увѣренная, что это-то и составляетъ преимущество выдохшагося спирта передъ свѣжимъ,—и въ носу не щекочетъ, а помогаетъ.» Гетти нетерпѣливо оттолкнула флаконъ. Но эта маленькая вспышка гнѣва сдѣлала то, чего не могъ сдѣлать, спиртъ: она заставила ее утереть слезы и изо всѣхъ силъ стараться не плакать. Маленькая, тщеславная натура Гетти не была лишена нѣкоторой силы воли; она все бы согласилась вынести скорѣе, чѣмъ подвергнуться насмѣшкамъ или сдѣлаться предметомъ общаго вниманія иначе, какъ съ выгодной стороны. Она была способна собственные ногти впустить себѣ въ нѣжное тѣло, только бы не выдать постороннимъ той тайны, которую она не хотѣла, чтобы они знали.

Какъ волновались ея мысли и чувства въ то время, какъ мимо ея ушей проносилось торжественное разрѣшеніе, которое произнесъ мистеръ Ирвинъ, и слѣдовавшіе за тѣмъ молитвенные возгласы. Ея досада была не безъ примѣси гнѣва, и вскорѣ это послѣднее чувство одержало верхъ надъ всѣми предположеніями, которыя могла создать ея небыстрая изобрѣтательность, чтобы объяснить отсутствіе Артура и въ томъ случаѣ, если онъ дѣйствительно желалъ ее видѣть. Къ тому времени, когда она вслѣдъ за другими встала на ноги, румянецъ снова, даже ярче прежняго, заигралъ у нея на лицѣ; въ эту минуту она съ негодованіемъ твердила про себя, что ненавидитъ Артура за тѣ огорченія, которыя онъ ей причиняетъ, и желала бы отмстить ему тѣмъ же. Но въ то время, какъ въ душѣ ея бушевала эта себалюбивая тревога, взоры ея были потуплены на молитвенникъ, и въки,

опущенные темными рѣсницами, казались плѣнительнѣе, чѣмъ тогда-нибудь. Таково было мнѣніе Адама, который, по окончаніи солѣннопредклоненія, бросилъ на нее быстрый взглядъ. Но что кажется до Адама, то мысль о Гетти не отвлекала его вниманія отъ богослуженія; она, напротивъ, сливалась у него съ прочими глубокими ощущеніями, которыя въ это послѣ-обѣда вызвала въ немъ общественная молитва. Такъ, нѣкоторое сознаніе нашего давнопрошедшаго и воображаемаго будущаго сливается со всѣми нашими чувствами въ минуты особенной впечатлительности. Церковная служба была для Адама лучшимъ способомъ, чтобъ излить всѣ разнообразныя чувства, тѣснившіяся въ душѣ его: скорбь, упованіе и покорность. Эти умоляющіе вопли, перемежавшіеся съ восторженными возгласами вѣры и хвалы, и съ постоянно повторявшимися отвѣтами, знакомый напѣвъ молитвъ, все это, казалось ему, лучше выражало состояніе его души, чѣмъ какая-либо другая форма богослуженія. Такъ, вѣроятно, тѣмъ изъ древнихъ христіанъ, которые съ дѣтства привыкли поклоняться Богу въ катакомбахъ, мракъ и мерцаніе факеловъ должны были явственнѣе языческаго деннаго свѣта улицъ говорить о близости Божества. Тайна нашихъ ощущеній заключается не въ самыхъ предметахъ, но въ неуловимомъ соприкосновеніи ихъ съ нашимъ прошедшимъ, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что тайна эта ускользаетъ отъ несочувствующаго-наблюдателя, какъ не удивительно то, что никакія очки не помогутъ чувствовать запахъ цвѣтовъ.

Впрочемъ, существовала также причина, по которой даже на случайнаго посѣтителя богослуженіе въ гейслопской церкви произвело бы впечатлѣніе болѣе сильное, чѣмъ сельское богослуженіе въ другихъ отдаленныхъ углахъ королевства. Эта причина, которой вы, конечно, не подозреваете, была—пѣніе нашего пріятели Юсіафа Рана. Откуда могъ честный башмачникъ позаимствоваться этимъ искусствомъ, оставалось тайной даже для самыхъ короткихъ его знакомыхъ. Я полагаю, что онъ преимущественно былъ обязанъ имъ самой природѣ, вложившей частицу своей гармоніи въ его благонамѣренную, самодовольную душу, какъ и до него влагала она во многія другія ограниченныя души. По крайней мѣрѣ она одарила его чуднымъ басомъ и тонкимъ музыкальнымъ слухомъ. Впрочемъ, я не могу сказать утвердительно, достаточно ли было этихъ средствъ, чтобы вдохновить его тѣми роскошными звуками, которыми отзывался онъ на возгласы священника. Его переходы отъ полнозвучнаго, глубокаго форте къ меланхолическому кадансу, ослабѣвавшему къ концу послѣдняго слова до чуть слышнаго отголоска, напоминавшего замирающіе переливы хорошей віолончели, въ своей спокойной,

энергической заунывности, ни съ чѣмъ не могли сравниться, кромѣ шумныхъ порывовъ и постепеннаго замиранія осенняго вѣтра въ лѣсахъ. Быть-можетъ, этотъ способъ выраженія покажется неумѣстнымъ, когда рѣчь идетъ о пѣніи простаго причетника, съ очками въ ржавой оправѣ на носу, съ жесткими волосами, широкимъ затылкомъ и выпуклымъ теменемъ; но природа часто шутитъ такія шутки; ей дѣла нѣтъ до какого-нибудь господина блестящей наружности, съ притязаніями на поэтичность, и онъ, самъ того не подозрѣвая, страшно фальшивитъ въ пѣніи; между тѣмъ какъ, благодаря ея урокамъ, какой-нибудь узколобый бѣднякъ, распѣвающій балладу въ углу кабака, попадаетъ въ тонъ вѣрнѣе птички. Иосифъ самъ ставилъ свое пѣніе гораздо выше своего чтенія, и всегда съ сознаніемъ особенной своей важности переходилъ отъ наоя на клиросъ, а сегодня и подавно: настоящій случай выходилъ изъ ряда обыкновенныхъ; умеръ старикъ, коротко знакомый всему приходу, и умеръ не своею смертью, не на постелѣ, обстоятельство, которымъ особенно тягостно поражается воображеніе крестьянина; и вотъ, по случаю его скоропостижной кончины, будетъ теперь пѣться похоронный псаломъ. Къ тому же Бартля Масси не было въ церкви, слѣдовательно въ хорѣ не кому было оспаривать первенство у Иосифа. Торжественно раздался минорный напѣвъ. Въ этихъ старинныхъ напѣвахъ много глубо-скорбнаго, и слова:

«Точно волною уносишь ты насъ,
Мы исчезаемъ какъ свовидѣнія»,

казались болѣе обыкновеннаго истинными, въ примѣненіи къ участи бѣднаго Тіаса. Мать и сыновья внимали имъ каждый съ свойственными ему чувствами. Лизбета питала смутную увѣренность, что отъ этого псалма ея мужу будетъ легче. Не входилъ ли онъ въ составъ того честнаго погребенія, за нерадѣніе о которомъ она гораздо болѣе упрекала бы себя, нежели за всѣ огорченія, которыя она причиняла покойнику при жизни? Чѣмъ чаще будетъ упоминаться о ея мужѣ, чѣмъ болѣе будетъ совершено обрядовъ въ его воспоминаніе, тѣмъ легче будетъ его душѣ. Такъ темному разуму бѣдной Лизбеты сказывалась та истина, что на человѣческой любви, на человѣческомъ сочувствіи основывается вѣрованіе въ другую, высшую любовь. Сеть, легко приходившій въ умилеше, обливался слезами, и старался припомнить, какъ онъ не переставалъ припоминать, съ самой смерти отца, все слышанное имъ о возможности раскаянія и примиренія съ Богомъ, даже въ послѣднія предсмертныя минуты; не говорилось ли въ томъ самомъ псалмѣ, который теперь пѣли, что дѣла Божіи не могутъ быть ни ограничены, ни измѣнены тече-

ніемъ времени? До тѣхъ поръ никогда не случилось, чтобъ Адамъ не былъ въ состояніи принять участіе въ пѣніи псалма. Съ тѣхъ поръ какъ онъ пересталъ быть ребенкомъ, много неприятностей и тревоженій, пришлось ему испытать; но это была первая печаль, лишившая его голоса, и, странно подумать, печаль эта была о томъ, что главная причина всѣхъ его минувшихъ тревоженій была отстранена на вѣки. Онъ не успѣлъ передъ разлукой пожать руку отцу и сказать: «Батюшка, теперь между нами все ладно, не такъ ли? Я никогда не забывалъ, чѣмъ я тебѣ обязанъ съ самаго дѣтства, а коли и случилось мнѣ иной разъ погорячиться, такъ вѣдь ты простилъ меня?» Теперь Адамъ уже не помнилъ ни тяжелаго труда, ни заработковъ, которые онъ тратилъ на отца; онъ только думалъ о томъ, каковы должны были быть чувства старика, въ тѣ минуты униженія, когда онъ склонялъ голову передъ упреками сына. Когда мы видимъ, что негодованіе наше переносится съ молчаливою покорностію, въ нашу душу уже закрадывается сомнѣніе, если не въ нашемъ правосудіи, то по крайней мѣрѣ въ нашемъ великодушіи. Чтò же должны мы чувствовать, когда предметъ нашего негодованія замолкъ на вѣки, и мы въ послѣдній разъ увидѣли лицо его во всей безответности смерти?

«Да, я всегда былъ слишкомъ крутъ, разсуждалъ Адамъ; это во мнѣ большой порокъ, что я такъ горячъ и такъ мало имѣю терпѣнія съ человѣкомъ, коли онъ въ чемъ провинился; и до того ожесточается противъ него мое сердце, что я себя принудить не могу ему простить. Вижу, что въ душѣ у меня гордости больше, чѣмъ любви. Мнѣ для отца легче было разъ тысячу взмахнуть топоромъ, нежели молвить ему одно доброе слово. И на работу-то толкали меня гордость да своеволіе; вѣдь діаволъ не въ одни грѣхи наши путается; онъ и въ томъ, чтò мы называемъ обязанностями, беретъ свое. Можетъ-статься, что я и хорошаго-то въ свою жизнь ничего не сдѣлалъ, кромѣ того, чтò мнѣ легко давалось. Работать было мнѣ всегда легче нежели сидѣть сложа руки. А вотъ настоящій-то трудъ былъ бы, еслибъ я обуздалъ свою собственную волю да переломилъ свою собственную гордость. Застань-ка я, кажись, батюшку нынѣшній вечеръ дома, не попрежнему обошелся бъ я съ нимъ. А впрочемъ мудрено знать: видно только то намъ и служить урокомъ, что дѣло поправить ужъ слишкомъ поздно. Оно отчасти и хорошо: пусть же мы знаемъ, что въ жизни сдѣланнаго не передѣлаешь сызнова; настоящимъ образомъ ничего на бѣломъ свѣтѣ не наверстывается, словно, какъ вѣрнымъ сложеніемъ не поправишь невѣрнаго вычитанія.»

Около этой темы, съ самой смерти его отца, постоянно вра-

щались мысли Адама. Торжественная жалоба надгробнаго псалм только будила эти мысли съ новою силой. То же дѣйствіе имѣла и проповѣдь мистера Ирвина, сказанная по поводу похоронъ Тіаса. Въ этой проповѣди и коротко и просто объяснялъ онъ текстъ: «Среди самой жизни мы находимся въ смерти», напоминая, что только настоящею минутой можемъ мы располагать и для подвиговъ милосердія, для усовершенствованія себя, для упроченія семейной любви. Все это старыя истины; но то, что мы считали самою старою истиною, производитъ на насъ потрясающее впечатлѣніе въ ту недѣлю, когда мы имѣли передъ глазами безжизненное лицо человѣка, существованіе котораго когда-то тѣсно было связано съ нашимъ собственнымъ. Если кто желаетъ произвести на насъ впечатлѣніе новымъ, необыкновенно яркимъ свѣтомъ, то не наводитъ ли онъ его для пробы на самые обыкновенные предметы, чтобы мы, вспоминая, какъ они до тѣхъ поръ были темны, могли судить о степени ихъ настоящаго освѣщенія?

Наконецъ настала минута заключительнаго благословенія. Вѣнчаны прекрасныя слова: «Миръ Господень, превышающій всякое разумѣніе», казалось слились съ тихимъ сіяніемъ послѣобѣденнаго солнца, падавшимъ на склоненныя головы собранія. Всѣ безшума приподнялись съ своихъ мѣстъ. Матери стали завязывать шляпки у маленькихъ дѣвочекъ, проспавшихъ всю проповѣдь; отцы принялись собирать молитвенники. Потомъ, вся толпа утѣкла черезъ старинную арку дверей на зеленѣющее кладбище, гдѣ начались разговоры между сосѣдами, обмѣны незамысловатыхъ привѣтствій и приглашенія къ чаю: въ воскресенье каждый былъ радъ гостямъ; въ этотъ день всѣ были въ лучшихъ своихъ платьяхъ и въ лучшемъ расположеніи духа.

Мистеръ и мистрисъ Пойзеръ остановились на минуту у церковныхъ воротъ; они поджидали Адама и не хотѣли уйдти, не сказавъ ласковаго слова вдовѣ и ея сыновьямъ.

— Что дѣлать, мистрисъ Бидъ! сказала мистрисъ Пойзеръ, пошедшая съ нею рядомъ: — вамъ не слѣдуетъ черезъ-чуръ убоиваться; мужья съ женами ужъ и за то должны Бога благодарить, коли имъ удалось возрастить дѣтей и дожить обонимъ до седыхъ волосъ.

— Да, да, подхватилъ мистеръ Пойзеръ, — тогда ужъ имъ не долго приходится другъ дружки дожидаться. А сыновья у васъ первые молодцы въ околоткѣ, да и не диво: я помню бѣднаго Тіаса такимъ широкоплечимъ виднымъ мужчиною, какого не скоро найдешь. А ужъ про васъ, мистрисъ Бидъ, и говорить нечего: спина у васъ и о сию пору прямѣе, чѣмъ у всѣхъ нашихъ теперешнихъ красавицъ.

— Охъ! отвѣчала мистрисъ Бидъ: — что проку-то въ томъ, что

старая посуда еще держится, коли уж она расколота на двое? чѣмъ скорѣе меня положить подъ терновникъ, тѣмъ лучше; теперь я никому не нужна.

Адамъ никогда не обращалъ вниманія на маленькія несправедливыя жалобы матери, но Сетъ отвѣчалъ :

— Нѣтъ, матушка! ты не должна этого говорить; сыновьямъ твоимъ другой матери не нажить.

— Правда ваша, парень, правда твоя, замѣтилъ мистеръ Пойзеръ.— Намъ не слѣдуетъ предаваться отчаянію, мистрисъ Бидъ; не то мы будемъ похожи на ребятъ, которые плачутъ, когда отецъ съ матерью у нихъ что-нибудь отнимаютъ. Всѣ мы подъ Богомъ ходимъ.

— Да, замѣтила мистрисъ Пойзеръ; — покойникъ противъ живыхъ всегда правъ: только пользы-то въ этомъ мало. Всѣ мы рано или поздно умремъ; лучше бы дорожили нами, пока мы живы, а то спохватятся, когда насъ ужъ нѣтъ. Что толку въ томъ, что вы будете поливать прошлогоднее жнитво?

— Послушайте, Адамъ, сказалъ мистеръ Пойзеръ, находя, что слова его жены были, по обыкновенію, скорѣе раздражающаго чѣмъ успокоивающаго свойства, и что не мѣшало бы переменить разговоръ.— Надѣюсь, что вы какъ-нибудь опять къ намъ понавѣдаетесь? Я давненько съ вами не бесѣдовалъ, да вотъ и у жены есть до васъ дѣло. Не смекнете ли вы, что надо сдѣлать съ лучшею ея самопрялкой, которая изломалась. Важная бы это штука была— починить ее; тутъ безъ токарнаго станка дѣло не обойдется. Такъ смотрите же, приходите, какъ только можно будетъ.

Говоря это, мистеръ Пойзеръ остановился и оглянулся на Гетти; дѣти были впереди. Гетти нашла себѣ спутника и была болѣе чѣмъ когда-нибудь бѣлая и розовая; въ рукѣ у нея былъ великолѣпный бѣлый съ розовымъ тепличной цвѣтокъ, съ очень длиннымъ названіемъ, шотландскимъ, полагала она, потому что про мистера Крега всѣ говорили, что онъ Шотландецъ. Адамъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы также оглянуться, и я увѣренъ, что вы не осудите его за то, что онъ безъ особеннаго неудовольствія подмѣтилъ надутое выраженіе, не покидавшее личика Гетти, въ то время, какъ садовникъ разсыпался передъ нею въ мелкой болтовнѣ. Впрочемъ, въ глубинѣ души она была рада ему въ настоящую минуту, потому что надѣялась узнать отъ него настоящую причину отсутствія Артура. Прямого вопроса она не отважилась бы сдѣлать, но разчитывала, что самъ онъ случайно проболтается о томъ, что ей хотѣлось знать; мистеръ Крегъ, какъ человѣкъ высшаго полета, былъ большой охотникъ сообщать важныя извѣстія.

Мистеръ Крегъ никогда не замѣчалъ холодности, съ которою принимались его любезности и ухаживанье, по той причинѣ, что мудрено даже самому широкому и гибкому уму передвигать свою точку зрѣнія далѣе извѣстныхъ предѣловъ. Никто изъ насъ не можетъ знать, какое впечатлѣніе мы производимъ на бразильскихъ, не очень понятливыхъ обезьянъ. Очень можетъ статься, что онѣ имѣютъ о насъ весьма невыгодное мнѣніе. Да и кромѣ того мистеръ Крегъ былъ человѣкъ съ весьма-умѣренными страстями, и уже десятый годъ колебался между относительными выгодами холостой и семейной жизни. Правда, случалось ему, разгорячившись лишнимъ стаканомъ грога, во всеуслышаніе говорить про Гетти, что она дѣвка хоть куда, и что другой такой пожалуй на улицѣ и не найдешь, но извѣстно, что человѣкъ, когда онъ навеселѣ, склоненъ къ употребленію нѣскольکو сильныхъ выраженій.

Мистеръ Пойзеръ уважалъ мистера Крега, какъ человѣка, знавшаго свое дѣло и обладавшаго обширными свѣдѣніями по части различныхъ грунтовъ земли и способовъ удобренія. Но далеко не въ одинаковой степени пользовался онъ расположеніемъ мистрисъ Пойзеръ, которая съ глазу на глазъ часто замѣчала мужу: «Что ты это нашелъ въ этомъ Крегѣ? По моему, онъ просто пѣтухъ, который воображаетъ, что и солнышко затѣмъ только и встаетъ, чтобы слышать его пѣнье.» Впрочемъ, мистеръ Крегъ былъ очень порядочный садовникъ и не даромъ былъ о самомъ себѣ высокаго мнѣнія. Въ числѣ прочихъ достоинствъ онъ былъ одаренъ крутыми плечами и выдавшимися скулами, на ходу онъ немного свѣшивалъ голову впередъ и запускалъ руки въ карманы своихъ панталонъ. Шотландскаго было въ немъ, я полагаю, одно происхожденіе; по воспитанію онъ былъ Англичанинъ, и выговоръ его, кромѣ небольшого рѣзкаго оттѣнка, ничѣмъ не отличался отъ выговора окружавшихъ его Ломширцевъ. Но садовникъ непременно долженъ быть Шотландецъ, точно также какъ учитель французскаго языка долженъ быть Парижанинъ.

— Ну, мистеръ Пойзеръ, началъ онъ, прежде чѣмъ добрый лѣнивый фермеръ успѣлъ заговорить, — мнѣ такъ думается, что вамъ завтра не удастся убирать сѣно, барометръ стоитъ на перемѣнѣ; помяните мое слово, не пройдетъ и сутокъ, онъ упадетъ еще ниже. Видите вонъ то синее облачко на горизонтѣ? Вѣдь вы знаете, что я называю горизонтомъ то мѣсто, гдѣ земля сходится съ небомъ.

— Ну да Богъ съ нимъ, съ горизонтомъ, облако-то я вижу, отвѣчалъ мистеръ Пойзеръ. — Оно прямо стоитъ надъ полемъ Майка Гольдсворта, что у него подъ паромъ стоитъ; и сквернѣйшій это паръ, я вамъ скажу.

— Итакъ помяните мое слово, не успѣете вы накрыть рогожкой одну изъ вашихъ копенъ, какъ это облако разрастется на все небо. Да! важная это штука умѣть различать разные виды облаковъ! Слава Богу! мнѣ уже теперь въ метеорологическіе календари не зачѣмъ заглядывать; еще они же могли бы отъ меня кой-чѣмъ позаимствоваться. Какъ вы поживаете, мистрисъ Пойзеръ? скоро ли располагаете собирать смородину? Мой совѣтъ вамъ—не дожидаться, пока она переспѣетъ, особенно при этой погодѣ, которая у насъ виситъ на носу. А ваше какъ здоровье, мистрисъ Бидь? продолжалъ мистеръ Крегъ, не переводя духа, и за одно уже кивая головой и Адаму съ Сетомъ.—Надѣюсь, что вамъ понравились шпинатъ и крыжовникъ, что я прислалъ на медни съ Честеромъ? Если вамъ еще какая зелень понадобится, пока вы въ такомъ огорченіи, то прошу прямо ко мнѣ обратиться. Всѣмъ извѣстно, что другимъ я даромъ ничего не отпускаю. Я долженъ этого добра поставлять въ господскій домъ, сколько требуется для ихъ обихода, а затѣмъ что останется,—моя прибыль. И смѣю васъ увѣрить, не скоро найдете сквайръ другаго человѣка, способнаго вести такое дѣло, да и тотъ еще врядъ ли захочетъ взять на себя такую обузу. На то нуженъ тонкій расчетъ, смѣю увѣрить васъ, чтобы воротить деньги, которыя я плачу сквайру. Посмотрѣлъ бы я на этихъ господъ, что составляютъ календари, сумѣли бы они-то все напередъ сообразить такъ, какъ мнѣ каждый годъ приходится сообщать.

— Ну, насчетъ дальновидности-то и они лицомъ въ грязь не ударятъ, замѣтилъ мистеръ Пойзеръ, наклоня на сторону голову и благоговѣнно понижая голосъ.—Ужъ на что лучше той картинки, помните? Представленъ пѣтухъ, съ большими шпорами, а голова у него сшибена якоремъ, а позади нарисованы корабли и сраженье. Вѣдь картинка-то вышла еще передъ Рождествомъ, а все по ней сбилось, какъ по Библии. Пѣтухъ значитъ Французъ, а якорь — Нельсонъ; какъ намъ напередъ сказывали, такъ оно и вышло.

— Нашли чему дивиться! воскликнулъ мистеръ Крегъ. — Со всѣмъ и не нужно быть очень дальновиднымъ, чтобы знать, что Англичанинъ побьетъ Француза. Слыхалъ я отъ вѣрныхъ людей, что ужъ это много-много, коли во Французѣ пять футовъ росту; вѣдь они больше однимъ только молочнымъ кушаньемъ и живы. Былъ у меня одинъ знакомый человѣкъ, — такъ отецъ его тоже много терся между Французами. Хотѣлъ бы я знать, гдѣ этимъ стрекозамъ справиться, ну хоть бы съ такимъ молодцомъ, какъ нашъ капитанъ Артуръ? Имъ и взглянуть-то на него въ диковинку! Я чай, одна его рука потолще будетъ всего Французова туловища; они вѣдь въ корсеты затягиваются; имъ это легко, затѣмъ что внутри у нихъ пусто.

— Куда это дѣвался капитанъ Артуръ, что его сегодня не было въ церкви? Я еще съ нимъ въ пятницу разговаривалъ, и онъ ни слова мнѣ не говорилъ о томъ, что собирается уѣзжать.

Это онъ такъ только въ Игльдель поѣхалъ, позабавиться рыбною ловлей. На дняхъ, я полагаю, онъ долженъ вернуться; ему надо быть при всѣхъ этихъ приготовленіяхъ къ тридцатому іюлю, ко дню его совершеннолѣтія. Съ старымъ-то сквайромъ они не лучше ладаютъ, чѣмъ морозъ съ цвѣтами, такъ онъ и радъ иногда вырваться отсюда.

Сдѣлавъ это замѣчаніе, мистеръ Крегъ улыбнулся и медленно прищурилъ глаза; но на этомъ мѣстѣ разговоръ оборвался, потому что они достигли поворота, гдѣ Адамъ долженъ былъ проститься съ своими спутниками. Садовнику по настоящему слѣдовало своротить въ томъ же направленіи, но онъ получилъ отъ мистера Пойзера приглашеніе на чай: мистрисъ Пойзеръ съ своей стороны повторила приглашеніе, потому что она устыдилась бы не оказать радушія сосѣду, собиравшемуся къ ней въ гости; личное расположеніе или нерасположеніе не имѣло ничего общаго съ соблюденіемъ этого священнаго обычая. Къ тому же мистеръ Крегъ всегда былъ какъ нельзя больше внимателенъ къ обитателямъ господской фермы, и мистрисъ Пойзеръ всегда считала долгомъ оговориться, что она собственно противъ Крега ничего не могла сказать, — одно только жаль, что всего его нельзя передѣлать сызнова.

Итакъ, Адамъ и Сетъ, идя по обѣимъ сторонамъ своей матери, спустились по дорогѣ въ долину, а оттуда поднялись въ гору къ старому домику, гдѣ печальное воспоминаніе заступило мѣсто долгаго, долгаго безпокойства, гдѣ Адаму уже, при возвращеніи съ работы, никогда не придется спрашивать: гдѣ батюшка?

Между тѣмъ, семейство Пойзеровъ, въ сопровожденіи мистера Крега, возвратилось въ веселую кухню господской фермы; у всѣхъ ихъ, только не у Гетти, на душѣ было легко, потому что хопи и знала она теперь причину отсутствія Артура, но не переставала тревожиться и недоумѣвать. Не оказывалось ли, что отсутствіе это было добровольное? Еслибъ Артуръ дѣйствительно желалъ ее видѣть, ничто не мѣшало ему оставаться дома. Гетти чувствовала томительное сознаніе, что ни въ какой долѣ не найдетъ она уже себѣ счастья, если не сбудется то, о чемъ мечталось ей въ вечеръ незабвеннаго четверга. И все-таки, даже въ эту минуту холоднаго, безутѣшнаго разочарованія и сомнѣнія, она представляла себѣ возможность снова свидѣться съ Артуромъ, чувствовать на себѣ его любящій взглядъ, слышать его нѣжные рѣчи, и ею овладѣвало то жадное томленіе, которое можно назвать «болью къ росту» — страсти.

ГЛАВА XIX.

РАБОЧИЙ ДЕНЬ АДАМА.

Несмотря на проницательность мистера Крега, синяя туча разсыпалась, не оправдавши его дурныхъ предсказаній.

— Погода, замѣтилъ онъ на слѣдующее утро,—погода, видите ли, дѣло очень причудливое; иной разъ дуракъ какой-нибудь предскажетъ еѣ впадать, а другой разъ и умный человекъ дастъ маху. По этой самой причинѣ и календари имѣютъ такой успѣхъ. Это одна изъ тѣхъ азартныхъ игръ, въ которыхъ дуракамъ счастье.

Впрочемъ, мистеръ Крегъ былъ единственный человекъ во всемъ Гейслопѣ, которому была не почутру эта непослѣдовательность погоды. Въ это утро всѣ руки едва лишь дождались, чтобъ обсохла роса на поляхъ, и немедленно принялись за дѣло. По всѣмъ фермамъ жены и дочери справляли двойную домашнюю работу за служанокъ, отправившихся ворочать сѣно, и Адаму, который, взваливъ себѣ на плечи корзину съ инструментами, пробирался межами, слышались изъ-за изгородей веселые разговоры и звонкій хохотъ. Веселую болтовню работниковъ на сѣнокосѣ всего лучше слушать издали; подобно тѣмъ топорной работы колокольчикамъ, которые вѣшаютъ коровамъ на шею, она имѣетъ нѣсколько рѣзкій звукъ и даже можетъ произвести на слухъ раздражающее, непріятное впечатлѣніе; но, слышанная издалека, она очень мило сливается съ другими веселыми звуками природы. Мышцы лучше дѣйствуютъ у человека подъ ладъ той веселой музыки, которая вырывается у него изъ души, хотя бы это была и жалкая, нестройная музыка, далеко не то, что веселыя пѣсни птичекъ.

Мнѣ кажется, нѣтъ въ лѣтній день поры веселѣе той, когда солнечная теплота только что начинаетъ осиливать утреннюю свѣжесть, и въ воздухѣ еще держится ровно на столько прохлады, чтобъ отрадное ощущеніе теплоты не переходило въ истомленіе. У Адама была на все остальное время дня работа въ трехъ миляхъ отъ селенія, въ загородномъ домѣ, отдѣливавшемся для сына одного *скайра* изъ сосѣдей; вотъ почему мы встрѣчаемъ его въ полѣ въ эту пору. Съ самаго ранняго утра, онъ былъ занятъ укладкой косяковъ, дверей, печныхъ заслонокъ въ фуру, которую

послалъ впередъ, и которую долженъ былъ встрѣтить на мѣстѣ Джонатанъ Борджъ, отправившійся туда же верхомъ для распоряженія работами. Эта маленькая прогулка была для Адама отдохновеніемъ, и онъ безсознательно поддался обаянію минуты. Въ сердцѣ у него также сіяло лѣтнее утро; въ лучахъ солнца, въ этихъ свѣтлыхъ, но не ослѣпительныхъ лучахъ, нѣжно скользившихъ по темной зелени, ему грезилась Гетти. Вчера, коснувшись по выходѣ изъ церкви руки ея, онъ замѣтилъ на ея лицѣ несвойственное ей выраженіе кроткой печали, и онъ принялъ это за признакъ участія въ его семейномъ горѣ. Бѣдный! почему было ему знать, что печаль эта происходила совсѣмъ отъ другихъ причинъ? Мы посмотримъ на лицо любимой женщины такъ же, какъ на лицо нашей матери-земли. На томъ и на другомъ, мы читаемъ отвѣты, согласные съ нашими собственными желаніями. Адаму невозможно было не чувствовать, что событія послѣдней недѣли много приблизили для него возможность женитьбы. До тѣхъ поръ онъ мучился опасеніемъ, что другой перейдетъ ему дорогу и овладѣетъ рукой и сердцемъ Гетти, пока самъ онъ силой обстоятельствъ будетъ лишенъ всякой возможности сдѣлать ей предложеніе. Даже еслибъ онъ имѣлъ сильную надежду быть любимымъ ею, —а надежда эта далеко не была въ немъ сильна, —слишкомъ много другихъ обузъ тяготѣло надъ нимъ до тѣхъ поръ, пока ему стало бы возможно зажить съ Гетти своимъ домкомъ, да еще такимъ, какимъ могла бы она довольствоваться послѣ удобствъ и изобилія фермы. Адамъ, подобно всѣмъ сильнымъ натурамъ, не сомнѣвался въ своей способности совершить что-нибудь въ будущемъ. Онъ былъ увѣренъ, что если только Богъ продлитъ ему вѣку, такъ настанетъ время, когда онъ будетъ въ силахъ содержать семью и выберется на гладкую, широкую дорогу. Но въ то же время, онъ обладалъ трезвымъ разсудкомъ и не могъ не сообразить надлежащимъ образомъ всѣхъ препятствій, которыя ему для этого пришлось бы одолѣть. До тѣхъ поръ надо было еще долго дожидаться! А Гетти между тѣмъ будетъ оставаться на виду у всѣхъ, какъ румяное яблочко, перевѣсившееся черезъ садовой заборъ, и къ этому яблочку всякій прохожій будетъ протягивать руку. Конечно, еслибъ она очень любила его, она охотно согласилась бы ждать. Но, полно, любить ли она его? Никогда еще надежда на столько не улыбнулась Адаму, чтобъ онъ рѣшился спросить ее объ этомъ. У него было достаточно проницательности, чтобы видѣть, что сватовство его благосклонно приняли бы ея дада и тетка; не будь у него этой поддержки, онъ ни за что не рѣшился бы продолжать своихъ посѣщеній на ферму. Чтò же касается до Гетти, то о чувствахъ ея мудро было вывести какое-либо по-

гтельное заключеніе: она была какъ котенокъ, и всякаго, приближался къ ней, дарила тѣми же обворожительными, овыми взглядами, которые ровно ничего не значили. Но въ юную минуту онъ не могъ не сознавать, что тягость его и значительно убавилась, и что быть-можетъ еще до истеченія слѣдующаго года обстоятельства его примуть таюю обольщенію, что ему можно будетъ подумать и о женитьбѣ. Со стороны Эри; онъ это зналъ напередъ, ему предстояло упорное сопротивление; какую бы жену онъ себѣ ни выбралъ, она бы кою стала ревновать его; въ особенности же была она возставлена противъ Гетти, быть-можетъ потому только, что подозрѣла въ ней женщину, уже выбранную ея сыномъ. Онъ опасался, мать никакъ не уживется съ нимъ подъ одною кровлей, когда онъ будетъ женатъ; а между тѣмъ, какъ оскорбится она, и онъ предложитъ ей разстаться! Да, много неприятностей придется ему вынести съ матерью; но это одно изъ тѣхъ обязательствъ, въ которыхъ онъ долженъ дать ей почувствовать, воля его непреклонна; послѣ для нея же будетъ лучше. Что него касалось, то ему очень хотѣлось, чтобы всѣ они могли жить вмѣстѣ, пока Сетъ не женится, а тамъ они могли бы во исполненіе тѣсноты сдѣлать пристройку къ старому дому; ему хотѣлось разставаться съ *яарнемъ*: съ тѣхъ поръ, какъ они жили свѣтъ, едвали случалось имъ болѣе дня провести порознь. Но, какъ скоро Адамъ замѣтилъ, что воображеніе его, распоясавшись такимъ образомъ очень еще сомнительнымъ будущимъ, еслось слишкомъ далеко, онъ тотчасъ же остановилъ свои чты. «Славное я сооронилъ зданіе, безъ кирпичу и безъ лѣса, думалъ онъ; еще не успѣлъ набутить фундаментъ, а ужъ возался на чердакъ.» Какъ скоро Адамъ убѣждался въ справедливости какого-либо положенія, оно тотчасъ же приобрѣтало въ ѣ его силу закона, истины, требующей такого же практическаго примѣненія, какъ на примѣръ та истина, что сырость производитъ ржавчину. Быть-можетъ въ этомъ-то и заключалась причина той жестокости, въ которой онъ упрекалъ себя. У него было слишкомъ мало сочувствія къ той слабости, которая преддидитъ послѣдствія ошибки и все-таки ошибается; а безъ этого чувствія откуда почерпнуть намъ достаточно терпѣнія и любви къ падающимъ и спотыкающимся спутникамъ нашего долгаго, тревожнаго, труднаго странствованія? Научиться этому есть одно только средство, доступное сильной, рѣшительной души. Она должна такъ пламенно охватить своею любовью слабыхъ и блуждающихъ, чтобы въ ней отзывалось не только внѣшнее послѣдствіе заблужденій, но и внутреннее страданіе, сопровождающее ихъ. Это длинный, трудный урокъ, и только азбуку

изъ него вытвердилъ Адамъ съ внезапною смертью своего отца: смерть эта, уничтоживъ въ одно мгновеніе все, что возбуждало его негодованіе, обратила его мысли и воспоминанія ко всему тому, что требовало отъ него жалости и снисхожденія. Но въ то утро, о которомъ идетъ рѣчь, размышленіями Адама руководила одна его нравственная сила, а не сопряженная съ нею жестокость. Онъ давно рѣшилъ въ умѣ своемъ, что жениться на молодой, цвѣтущей дѣвушкѣ было бы съ его стороны и грѣхонъ и безуміемъ, пока въ будущемъ ему не представлялось другой перспективы, кромѣ бѣдности, возрастающей по мѣрѣ увеличенія его семейства. Изъ денегъ, накопленныхъ имъ, ему приходилось такъ много раскодовать (не говоря уже объ огромномъ кушѣ, который пошелъ на наемъ охотника въ милицію за Сета), что теперь у него не доставало наличныхъ денегъ, чтобы обзавестись самымъ маленькимъ хозяйствомъ, отложивъ хоть сколько-нибудь на черный день. Онъ надѣялся мало-по-малу поправиться, но одною неопредѣленною надеждою на свои руки и голову онъ не могъ довольствоваться; ему нужны были положительные планы, за осуществленіе которыхъ онъ могъ бы не медля приняться. О товариществѣ съ Джонатаномъ Борджемъ теперь нечего было и думать: неразрывно съ нимъ были связаны условія, которыхъ онъ не могъ принять. Но Адамъ разчитывалъ, что ему съ Сетомъ, въ добавленіе къ тому, что они получали какъ подмастерья, можно будетъ сдѣлать маленькій оборотъ, а именно: закупать понемногу высшаго сорта лѣсу и выдѣлывать изъ него разные предметы домашней утвари, по части которой Адамъ былъ особенно изобрѣтателенъ и искусенъ. Сеть могъ болѣе добывать денегъ, работая не какъ подмастерье, а самъ по себѣ, подъ руководствомъ Адама. Адамъ, въ свободные часы, могъ взять на себя всю тонкую работу, требовавшую особеннаго мастерства. Деньги, добытые такимъ образомъ, въ соединеніи съ хорошимъ жалованьемъ, которое онъ получалъ какъ подмастерье, при бережливости, которую всѣ они теперь могли соблюдать, вскорѣ поставили бы ихъ на ноги. Едва успѣлъ этотъ маленькій планъ сложиться въ его умѣ, какъ онъ уже пустился въ подробныя соображенія касательно лѣса, который понадобится купить, и самой работы, съ которой онъ полагалъ начать:—то былъ бы кухонный шкафъ его собственнаго изобрѣтенія, съ такимъ замысловатымъ расположеніемъ выдвижныхъ дверецъ и засововъ, съ такими удобными отдѣленіями для склада хозяйственныхъ принадлежностей, и въ цѣломъ представлявшій такой стройный видъ, что каждая хорошая хозяйка неминуемо пришла бы отъ него въ восторгъ и принялась бы вздыхать на всѣ лады, пока мужъ не далъ бы ей слова купить его. Адамъ представлялъ себѣ, какъ мистрисъ

Пойзеръ будетъ разсматривать его' проникательнымъ своимъ взглядомъ, тщетно стараясь отыскать какой-нибудь недостатокъ; ядомъ съ мистрисъ Пойзеръ, конечно, стояла Гетти, и снова отъ соображеній и расчетовъ отвлекли Адама мечты и надежды. Да, онъ сегодня же вечеромъ пойдетъ взглянуть на нее, онъ такъ давно не былъ на фермѣ. Вечеромъ же ему хотѣлось зайти въ школу, узнать, отчего Бартль Масси вчера не былъ въ церкви, провѣдать, не боленъ ли его старый пріятель. Но онъ можетъ-быть не поспѣетъ въ оба мѣста; тогда придется отложить поспѣднее посѣщеніе до завтрашняго дня; желаніе увидѣть Гетти и снова поговорить съ нею было слишкомъ сильно.

Къ тому времени, когда онъ рѣшилъ это въ умѣ своемъ, онъ уже приближался къ цѣли своей прогулки. До него уже дошелъ стукъ молотковъ, работавшихъ надъ передѣлкой стараго дома. Для искуснаго мастераго, душой привязаннаго къ своему ремеслу, стукъ инструментовъ то же, что манящіе звуки оркестра для скрипача, которому предстоитъ принять участіе въ увертюрѣ. Крѣпкіе нервы приходятъ въ свое нормальное напряженіе, и то, что за минуту передъ тѣмъ было радостью, досадой, или честолюбіемъ, превращается въ энергію. Каждая страсть становится силой, какъ скоро изъ тѣсныхъ предѣловъ личной жизни она находитъ себѣ исходъ въ трудѣ ли мышцъ, въ ловкости ли рукъ, въ тихомъ ли творчествѣ мысли. Хотѣлъ бы я, чтобы вы прослѣдили за Адамомъ во всю остальную часть того дня, какъ онъ, стоя на подмосткахъ съ двухфутовою линейкой въ рукахъ и насвистывая въ полголоса, соображалъ, какъ устранить то или другое затрудненіе въ устройствѣ оконницъ или наката, или какъ, отгаливая въ сторону одного изъ младшихъ работниковъ съ словами: «пусти, парень, кости у тебя больно еще мягки», становился на его мѣсто и тащилъ тяжелое бревно; или какъ онъ, устремивъ свои черные, проникательные глаза на работника, находившагося на противоположномъ концѣ комнаты, предостерегалъ его, что онъ не вѣрно соблюдаетъ размѣры. Хотѣлъ бы я, чтобы вы видѣли этого широкоплечаго человѣка, съ обнаженными жилистыми руками и густыми, жесткими черными волосами, которые всякій разъ, какъ онъ снималъ свой бумажный колпакъ, путались подобно потоптанной луговой травѣ; хотѣлъ бы я, чтобы вы послушали его, когда онъ могучимъ баритономъ затыгивалъ отъ времени до времени громкій, торжественный псаломъ, какъ будто отыскивая исходъ избытку своихъ силъ, но вдругъ останавливался, словно какое докучное воспоминаніе тайно звучало въ разладъ съ его пѣніемъ. Быть-можетъ, еслибы вы уже не были посвящены въ его тайну, вы бы не догадались о тѣхъ печальныхъ воспоминаніяхъ, горячихъ привязанностяхъ и

робкихъ надеждахъ, которыя таились подъ этою атлетическою наружностью, въ этомъ грубомъ человѣкѣ съ поломанными нотами, не имѣвшемъ понятія ни о какой лирической поэзіи, кромѣ той, которая восхищала его въ старомъ и новѣйшемъ переводѣ Священнаго Писанія, или въ какомъ-нибудь старомъ гимнѣ; человѣкѣ, который не зналъ почти ничего изъ исторіи, кромѣ того же Писанія, и для котораго круговращеніе и форма земли, теченіе солнца, измѣненіе временъ года составляли область заповѣднаго знанія, куда взоръ его едва могъ проникать съ помощію отрывочныхъ свѣдѣній.

Адамъ зналъ свое дѣло, имѣлъ нѣкоторое понятіе о механикѣ и черченіи, зналъ толкъ въ матеріалахъ, которые употреблялъ все это, благодаря врожденнымъ его способностямъ, далось ему легко. Но неимовѣрныхъ усилій стоило ему пріобрѣтеніе тѣхъ знаній, которыми онъ обладалъ еще сверхъ этого. Онъ долженъ былъ трудиться въ свои досужіе часы, чтобы справиться съ перомъ и пріобрѣсти сносный почеркъ, также, чтобы выучиться читать безъ ошибокъ, или по крайней мѣрѣ только съ такими ошибками, въ которыхъ виновато уже бессмысленное правописаніе, а не безтолковость ученика, наконецъ чтобы вытвердить названіе нотъ и научиться пѣнію въ правильно-составленномъ хорѣ. Кромѣ того, онъ прочелъ всю Библію и нѣкоторыя другія книги, не принадлежащія къ числу безспорныхъ авторитетовъ, какъ-то: *Альманахъ бѣднаго Ричарда*, *Благочестивую жизнь и благочестивую кончину* Теймера, *Путешествіе странника* видѣсть съ *Жизнью* Буньяна и *Священною битвой*, многое изъ лексикона Байли, *Валентину и Орсона* и часть *Исторіи Василіа* которую далъ ему прочесть Бартъль Массж. Онъ бы могъ доставать много и другихъ книгъ у Бартъля Массж, но ему некогда было заниматься «печатными словами», какъ выражалась Ализабета. Всѣ его свободные часы, которыхъ не отнимала у него столярная работа на дому, онъ посвящалъ черченію.

Адамъ, какъ видите, не былъ сверхъестественнымъ человекомъ и, собственно говоря, гениемъ; между тѣмъ я не стану утверждать, чтобы подобные характеры представляли обыденное явленіе среди рабочаго класса. Безразсудно было бы съ вашей стороны предполагать въ любомъ работникѣ, который встрѣтитъ вамъ съ корзиной съ инструментами за плечами и въ буланомъ колпакѣ на головѣ, тотъ же здравый смыслъ, то же сильное чувствительности съ самообладаніемъ, которое поражало въ Адамѣ. Онъ былъ не дюжинный человѣкъ. А между тѣмъ, таковы сямъ, въ каждомъ поколѣніи нашихъ поселянъ-ремесленниковъ вырабатываются подобные люди, съ наслѣдіемъ привязанности которыя возрастала въ нихъ простая семейная жизнь, среди об-

щей нужды и общихъ занятій; съ наслѣдіемъ способностей, выработанныхъ мужественнымъ и искуснымъ трудомъ. Они прокладываютъ себѣ дорогу, рѣдко какъ гении, всего чаще какъ честные труженики, сознающіе въ себѣ силу добросовѣстно совершить всякое дѣло, которое имъ выпадетъ на долю. Существованіе ихъ не отдается громкимъ отголоскомъ далѣе того околотка, гдѣ они жили; зато тутъ вы почти всегда встрѣтите какую-нибудь отличную дорогу, какую-нибудь постройку, примѣненіе къ дѣлу какого-нибудь минеральнаго продукта, улучшеніе въ хозяйствѣ фермъ, искорененіе какого-нибудь злоупотребленія въ приходскихъ дѣлахъ; и со всѣмъ этимъ бываютъ неразрывно связаны ихъ имена, въ устахъ двухъ или трехъ поколѣній. Хозяева ихъ разбогатѣли, дѣло рукъ ихъ пошло на пользу, ихъ умомъ живутъ и работаютъ другіе люди. Въ молодости своей, они ходятъ въ фланелевыхъ или бумажныхъ колпакахъ, въ одеждѣ, почернѣвшей отъ угольной пыли или выпачканной красною краской и глиной; въ старости сѣдины ихъ занимаютъ почетное мѣсто въ церкви и на базарѣ, и когда въ зимніе вечера вся семья собирается передъ ярко-пылающимъ очагомъ, они любятъ разказывать своимъ наряднымъ сыновьямъ и дочерямъ о томъ, какъ имъ весело было, когда они впервые заработали два пенса поденной платы (1). Бываютъ между ними и такіе, которые умираютъ въ бѣдности, и никогда по буднямъ не скидаютъ рабочей куртки. Они не сумѣли разбогатѣть, но это надежные люди, и если они умираютъ не доработавшись до покоя, то это все равно, какъ бы главный винтъ выскочилъ изъ машины. Хозяинъ, у котораго они работали, спрашиваетъ самъ себя: «Кто мнѣ ихъ теперь замѣнить?»

ГЛАВА XX.

Адамъ посѣщаетъ господскую ферму.

Адамъ вернулся съ работы на порожней подводѣ; вотъ почему въ три четверти седьмого онъ былъ уже переодѣтъ и готовъ идти на ферму.

— Съ какой стати нарядился ты въ праздничное платье? жалобно проговорила Лизбета, когда онъ сошелъ внизъ.— Неужто для того, чтобъ идти въ школу?

(1) 6 коп. сер.

— Нѣтъ, матушка, спокойно отвѣчалъ Адамъ,—я собираюсь въ господскую ферму, а оттуда ужь быть-можетъ зайду въ школу, итакъ, тебѣ нечего беспокоиться, если я немного опоздаю. Сеть вернется черезъ полчаса, ему только сходить въ деревню; тебѣ не долго оставаться одной.

— Очень нужно надѣвать свое лучшее платье, чтобъ идти на ферму! Пойзеры, небось, тебя еще вчера въ немъ видѣли. Съ чего это ты вздумалъ будни обращать въ праздникъ? Съ какими людьми, которые не хотятъ тебя видѣть въ рабочей курткѣ, и водиться-то не стоить.

— Прощай, матушка, мнѣ некогда, сказалъ Адамъ, надѣлъ шляпу и вышелъ.

Но едва успѣлъ онъ отойти нѣсколько шаговъ отъ дому, какъ уже Лизбета начала мучиться мыслию, что она разсердила его. Возставала она противъ новаго платья, конечно, только въ подозрѣннѣя, что оно надѣвается для Гетти. Но сильнѣе всякихъ мелочныхъ причудъ говорила въ ней потребность быть любимымъ сыномъ. Она поспѣшила догнать его, и не успѣлъ онъ пройти и половины пути до ручейка, какъ она схватила его за руку и сказала:

— Нѣтъ, голубчикъ, не уходи такъ, въ сердцахъ на свою мать, вѣдь мнѣ только и осталось, что сидѣть одной-однешенькой да думать о тебѣ.

— Я и не сержусь, матушка, серьезно отвѣчалъ Адамъ, оставиваясь и кладя ей руку на плечо;—но я желалъ бы, для твоего же спокойствія, чтобы ты не такъ къ сердцу принимала, коли я дѣлаю то, что разъ задумалъ сдѣлать. Пока оба мы живы, я всегда останусь почитательнымъ сыномъ. Но вѣдь у человѣка, кромѣ того, чѣмъ онъ обязанъ отцу и матери, есть и други чувства, и не слѣдъ тебѣ требовать, чтобъ я и душой и тѣломъ принадлежалъ только тебѣ. Ты должна напередъ знать, что, гдѣ я имѣю право поставить на своемъ, тамъ я тебѣ не уступлю. Итакъ, оставимъ эти разговоры разъ-на-всегда.

— А кому и любо тебя видѣть въ новомъ платьѣ, какъ не твоей матери? отвѣчала Лизбета, прикидываясь, что не понимаетъ настоящаго смысла словъ Адама.—Вотъ, какъ вымоешь ты свое лицо, и оно станетъ у тебя гладкое и бѣлое какъ кремень, да еще какъ пригладишь свои волосы, да какъ загорятся у тебя глаза, ну, кажется, въ цѣломъ свѣтѣ только бы на одного тебя и глядѣла. По мнѣ, пожалуй, надѣвай праздничное платье, когда тебѣ угодно, я тебѣ больше перечить не стану.

— Добро, добро, сказалъ Адамъ, цѣлуя ее и поспѣшно отправляясь далѣе: онъ видѣлъ, что другихъ средствъ прекратить разговоръ не было.

Лизбета стояла на мѣстѣ и глядѣла ему вслѣдъ, осѣняя глаза рукой, пока онъ не скрылся изъ виду. Она вполне поняла значеніе всего, сказаннаго Адамомъ; когда уже его не стало видно, она медленно пошла обратно къ дому и заговорила сама съ собой, какъ это часто случалось съ нею въ тѣ длинные дни, когда мужъ и сыновья уходили на работу.

« Не нынче, такъ завтра, придетъ онъ и скажетъ мнѣ, что беретъ ее себѣ въ хозяйки. И станетъ она надо мной госпожей, а я молчи да гляди, какъ она пуститъ въ расходъ тарелки съ голубыми каемками, да еще, чего добраго, перебьетъ ихъ, тогда какъ я еще ни одной изъ нихъ не разбила; а купили мы ихъ съ юнымъ старикомъ на ярмаркѣ, въ Троицынъ день, ровно тому двадцать лѣтъ будетъ. Да, продолжала она еще громче, беря со стола свое вязанье, — только ужъ чулокъ-то моимъ ребятамъ, пока я жива, она не будетъ вязать, а когда меня не станетъ, онъ вспомнитъ, что никто лучше его старухи-матери не потрафлялъ чулка по его ногѣ; ручаюсь, что она и не смыслитъ, какъ надо спускать и выводить патку, и свяжетъ ему такіе длинные носки, что и сапоги на ногу не влѣзутъ. Вотъ что значить жениться на молодой дѣвчонкѣ; мнѣ было тридцать лѣтъ, когда я замужъ пошла, да еще съ хвостикомъ, и пошла я въ самую настоящую пору. Юживи-ка она до тридцати лѣтъ, выскочивши-то замужъ, пока еще не всѣ зубы прорѣзались, тряпка тряпкой будетъ!

Адамъ шелъ такъ скоро, что еще не было семи часовъ, какъ онъ уже стоялъ у воротъ фермы. Мартинъ Пойзеръ и его отецъ не приходили еще съ поля; въ полѣ же были и прочіе обитатели фермы, не выключая и черной съ бурымъ дворняшки; двора никто не сторожилъ, кромѣ бульдога, когда Адамъ подошелъ къ наружной двери, которая была отперта настежь; во внутренности дома, свѣтлой и опрятной, тоже никого не было; но онъ догадывался, что сама мистрисъ Пойзеръ и кто-нибудь еще должны быть недалеко и вѣрно его услышать; итакъ онъ поступался и проговорилъ своимъ громкимъ голосомъ:

— Мистрисъ Пойзеръ тутъ?

— Войдите, мистеръ Бидъ, войдите сюда, отозвалась мистрисъ Пойзеръ изъ молочни. Она всегда такъ величала Адама, когда принимала его у себя въ домѣ. — Не угодно ли вамъ будетъ войти сюда, въ молочню, потому что мнѣ въ эту минуту нельзя оторваться отъ сыра.

Адамъ вошелъ въ молочню, гдѣ мистрисъ Пойзеръ и Нанси перемывали первый вечерній сыръ.

— Что, вы небось подумали, что зашли въ нежилой домъ? сказала ему мистрисъ Пойзеръ, когда онъ остановился въ растворенныхъ дверяхъ. — Они всѣ на лугу; впрочемъ Мартинъ долженъ

скоро вернуться; нынче они складываютъ сѣновъ конны, чтобы завтра первымъ дѣломъ приняться его возить. Я поневогѣ должна была удержать Нанси дома, потому что Гетти собираетъ сегодня смородину. Эти ягоды всегда некстати поспѣваютъ, какъ на смѣхъ тогда, когда всѣ руки заняты; а на дѣтей въ этомъ дѣлѣ нельзя положиться: они кладутъ себѣ больше въ ротъ, чѣмъ въ корзину. Это все равно, что осамъ поручить собирать «рунты».

Адаму очень хотѣлось сказать, что онъ отправится до возвращенія мистера Пойзера въ садъ, но у него не хватило духу, и онъ сказалъ:

— Такъ нельзя ли мнѣ будетъ показѣть взглянуть на вашу самопрялку? я бы посмотрѣлъ, что въ ней надо починить. Можеть, она стоитъ въ такомъ мѣстѣ, что я могу отыскать ее.

— Нѣтъ, я ее поставила въ гостиной направо; ужъ лучше я сама, какъ управлюсь, схожу за ней. А теперь я бы попросила васъ пройти въ садъ и сказать Гетти, чтобъ она послала Тотти домой; ребенку только слово сказать, она сейчасъ побѣжитъ, а Гетти, я знаю, дастъ ей объѣсться смородиной. Такъ сдѣлайте одолженіе, мистеръ Бидъ, сходите и кликните ее домой; кстати же, тамъ славно цвѣтутъ пестрыя розы, можеть, вы полюбонитствуете на нихъ взглянуть. Да не хотите ли сначала выпить сыворотки, я знаю, что вы любите сыворотку, какъ всѣ люди, которымъ не приходится выдавливать ее самимъ.

— Покорно благодарю, мистрисъ Пойзеръ, я никогда не прочь выпить сыворотки, это, по моему, лучше пива.

— Такъ, такъ, отвѣчала мистрисъ Пойзеръ, доставая небольшую бѣлую чашку и черпая ею сыворотку изъ кадки:—завать хлѣба всякому пріятенъ, кромѣ самого хлѣбника; вотъ сестра мистера Ирвина тоже говоритъ: «ахъ, мистрисъ Пойзеръ, какъ мы завидуемъ вашей молочнѣ!» или: «какъ мы завидуемъ вашимъ цыплятамъ, какъ весело должно быть имѣть такую «ферну». А я имъ говорю: «да, ферма славная вещь для тѣхъ, кто со стороны смотреть и не знаетъ, сколько съ ней хлопотъ и мученіи».

— Однако, мистрисъ Пойзеръ, при вашихъ умѣньи управлять фермой, вы навѣрно не пожелаеи бы съ нею разстаться, отвѣчалъ Адамъ, принимая изъ рукъ чашку.—Вѣдь любо-дорого смотрѣть на хорошую дойную корову, какъ она стоитъ по колѣна въ травѣ, или на парное молоко, какъ оно пѣнится въ ведрѣ. А сѣжее масло-то, готовое къ отправкѣ на рынокъ, а телята, а разная домашняя птица! Ваше здоровье, мистрисъ Пойзеръ; желаю, чтобы вы всегда оставались въ силахъ заправлять своею собственною молочней и служить образцомъ всѣмъ фермерскимъ женамъ въ околоткѣ.

Мистрисъ Пойзеръ никогда не напускала на себя такого мало-

ушiя, чтобъ улыбнуться на комплиментъ; но тихое удовольствiе, подобно солнечному лучу, пробивающемуся украдкой, озарило лицо ея и придало болѣе кроткое выраженiе взгляду ея зѣроглубыхъ глазъ, устремленныхъ на Адама, въ то время, какъ онъ пилъ сыворотку. Мнѣ кажется въ эту минуту, что я чувствую вкусъ этой сыворотки, вкусъ до того тонкiй, что его едва можно отличить отъ запаха, что я ощущаю ея прiятную теплоту, разливающую по тѣлу какую-то сладостную дремоту. Легкое журчанiе капающей сыворотки сливается въ моемъ слухѣ съ чирканiемъ птвички за окномъ съ проволочною рѣшеткой, выходящимъ въ садъ и освѣненнымъ высокими розами.

— Не угодно ли еще, мистеръ Бидъ? спросила мистрисъ Пойзеръ, когда Адамъ поставилъ чашку на мѣсто.

— Нѣтъ, благодарю, теперь я пойду въ садъ и пошлю домой крошку.

— Да, пожалуйста; скажите ей, чтобъ она шла къ мамѣ въ молочню.

Адамъ прошелъ черезъ дворъ, предназначавшiйся для складки копенъ, но на которомъ въ настоящую минуту не было ни одной, къ небольшой деревянной калиткѣ, ведущей въ садъ. Садъ этотъ, нѣкогда хорошо содержанный огородъ при господскомъ домѣ, теперь, несмотря на красивую кирпичную ограду съ каменными столбами, сталъ настоящимъ фермерскимъ садомъ, съ высокими цвѣтущими травами, неподрѣзанными фруктовыми деревьями, съ кухонными овощами, разросшимися въ перемежку въ небрежномъ, полузапущенномъ изобилiи. Въ это роскошное время, когда все цвѣтеть, зеленѣетъ и разрастается, отыскивать кого-нибудь въ такомъ саду то же, что играть въ прятки. Высокiя штокрозы начинали цвѣсти и ослѣпляли взоръ своими бѣлыми, желтыми и розовыми цвѣтами, широко разрастались дикiй жасминъ и вьющiяся розы, которыхъ никто не заботился подстригать. Красные бобы и раннiй горохъ стояли зеленѣющими стѣнами. Тутъ тянулся орѣшникъ, тамъ огромная яблоня простирала свои нависшiя вѣтви, заглушая подъ собой всякое другое растенiе, но что значило одно или другое заглушес мѣстечко? Садъ былъ такъ великъ! Крупныхъ бобовъ всегда было болѣе, чѣмъ требовалось; они тянулись вдоль поросшей нестриженной травой тропинки на девять или на десять Адамовыхъ шаговъ. Что же касается до другихъ овощей, то для нихъ было такъ много лишняго мѣста, что изъ грядъ, на которыхъ чередовались посѣвы ежегодно, не та, такъ другая, предоставлялась въ полное владѣнiе густому крестовнику. Самые розовые кусты, у которыхъ Адамъ остановился, чтобы сорвать цвѣтокъ, росли, казались, въ дикомъ состоянiи. Всѣ они тѣснились другъ къ другу

густыми куртинами и щеголали своими широко распутившимися цвѣтами, изъ которыхъ бѣольшая часть была полосатой, бѣлой съ розовымъ породы, ведущей, вѣроятно, свое происхожденіе отъ соединенія домовъ Йоркскаго и Ланкастерскаго. Адамъ былъ на столько догадливъ, что выбралъ прованскую розу съ тѣсно-сомкнутыми лепестками, которая выглядывала, полузаглушенная, изъ-за своихъ пышныхъ, недрушистыхъ подругъ. Игралъ ею (ему казалось, что онъ будетъ развязнѣе, ежели руки у него будутъ чѣмъ-нибудь заняты), онъ направился къ дальнему концу сада, гдѣ, какъ ему было извѣстно, недалеко отъ бесѣдки изъ тисовыхъ деревьевъ, находилась самая длинная гряда смородины.

Но едва отошелъ онъ отъ розовыхъ кустовъ на нѣсколько шаговъ, какъ услышалъ шелестъ раскачиваемой вѣтки и дѣтскій голосъ, говорившій :

— Ну, теперь, Тотти голубушка, держи свой фартучекъ.

Голосъ раздавался съ вѣтвей высокаго вишневаго дерева, между которыми Адаму легко было разсмотрѣть маленькаго чело-вѣчка, въ голубомъ передникѣ, очень ловко пріютившагося въ такомъ мѣстѣ, гдѣ всего болѣе было ягодъ. Безъ сомнѣнія Тотти стояла внизу, только ея за горохомъ еще не было видно.

И точно, вотъ и она; шляпа свѣслась у нея на затылокъ, пух-лое личико, страшно выпачканное краснымъ сокомъ, обращено вверхъ, къ вишневому дереву, кругленькій открытый ротикъ и запачканный передникъ такъ и жадутъ обѣщанную манну. Къ сожалѣнію, болѣе половины падавшихъ вишень, вмѣсто того, чтобы быть красными и сочными, были жестки и желты; но Тотти не теряла времени въ безплодныхъ сожалѣніяхъ; она уже высасывала третью, самую сочную ягоду, когда Адамъ ска-залъ ей :

— Ну, Тотти, будетъ съ тебя вишень-то, теперь бѣги къ мамѣ,—она ждетъ тебя въ молочнѣ. Бѣги скорѣе, вѣдь ты у меня умница.

Съ этими словами Адамъ приподнялъ ее въ своихъ сильныхъ рукахъ и поцѣловалъ, что показалось Тотти очень неумѣстнымъ обрядомъ, потому что номѣшало ей на нѣсколько секундъ глотать вишни; когда онъ опустилъ ее на землю, она молча пошла-лась домой, добѣдая дорогой свои ягоды.

— Томми, голубчикъ, смотри, чтобы тебя не подстрѣлили за-мѣсто птички-воровки, замѣтилъ Адамъ, направляясь къ смороди-нымъ кустамъ. Онъ видѣлъ на концѣ гряды большую корзину смородины. Гетти вѣрно была не далеко, и Адамъ уже какъ-будто чувствовалъ на себѣ ея взглядъ. Однако, повернувъ за уголъ, онъ увидѣлъ, что она стоитъ къ нему спиной, склонившись надъ низкими вѣтками смородины. Странное дѣло, что она не слыхала

его приближенія! Быть-можетъ, шелестъ листьевъ подъ ея руками помѣшалъ ей слышать шумъ его шаговъ. Она вздрогнула, замѣтивъ присутствіе посторонняго лица, вздрогнула такъ сильно, что чашечка съ ягодами выпала у нея изъ рукъ, а когда она увидѣла, что это былъ Адамъ, то цвѣтъ лица ея изъ блѣднаго сдѣлался ярко-румянымъ. Этотъ румянецъ заставилъ сердце его биться неизвѣданнымъ еще доселѣ счастьемъ.

— Я испугалъ васъ? заговорилъ онъ, а между тѣмъ ему сладостно грезилось, что онъ говоритъ неправду, что Гетти волнуется тѣмъ же, что волнуешь и его. — Позвольте мнѣ подобрать смородину.

На это понадобилось немного времени, потому что ягоды вывалились кучкой на траву, и Адамъ, вставая и подавая ей снова посудину, взглянулъ ей прямо въ лицо съ тою сдержанною нѣжностію, которая свойственна первымъ минутамъ обнадеженной любви.

Гетти не отвернулась; румянецъ на щекахъ ея погасъ, и она встрѣтила взглядъ его взглядомъ тихой грусти, но и этому Адамъ былъ радъ: это такъ мало походило на все, видѣнное имъ въ Гетти до тѣхъ поръ.

— Смородина почти уже вся собрана, сказала она, — я скоро кончу.

— Я пособлю вамъ, отвѣчалъ Адамъ и, схвативъ большую, почти верхомъ полную корзину, перенесъ ее поближе къ тому мѣсту, гдѣ стояла Гетти.

Ни слова не было сказано между ними во все остальное время, пока они собирали смородину. Сердце Адама было слишкомъ полно для рѣчей, и онъ былъ увѣренъ, что Гетти догадывается о всемъ, что въ немъ происходитъ. Какъ бы то ни было, она не была равнодушна къ его приходу, она покраснѣла при видѣ его. Этотъ легкій отблескъ грусти — не признакъ ли это любви, точно такъ же, какъ ея всегдашняя беззаботность была признакомъ равнодушія?

Онъ могъ глядѣть на нее не сводя глазъ, между тѣмъ какъ она наклонялась надъ ягодами, и вечерніе косвенные лучи, прорываясь изъ за толстыхъ сучьевъ яблони, съ любовью покоились на ея круглыхъ щечкахъ и шейкѣ. То была для Адама пора, которую человекъ всего труднѣе забываетъ въ теченіи своей жизни, пора, когда ему кажется, что предметъ его первой любви начинаетъ платить ему взаимною любовью, высказывающеюся въ чемъ-то неопредѣленномъ, въ словѣ, въ звукѣ голоса, во взглядѣ, въ трепетѣ губъ или рѣсницъ. Легкій признакъ, почти неуловимый для слуха или зрѣнія, его нельзя описать; это не болѣе, какъ прикосновеніе перышка, а между тѣмъ отъ него преобразуется все существо

человѣка, и тревога желаній поглащается блаженнымъ забвеніемъ всего, кромѣ настоящей минуты. Многие изъ нашихъ раннихъ радостей изглаживаются изъ нашей памяти; такъ, мы никогда не можемъ воспроизвести въ воображеніи ту радость, съ которою въ дѣтствѣ мы склоняли голову на грудь нашей матери, или развѣзжали верхомъ на сплнѣ нашего отца. Нѣтъ сомнѣній, что многое изъ этихъ радостей отразилось на нашей природѣ, такъ же какъ теплота давно минувшаго утра отзывается въ мягкой зрѣлости абрикоса. Но онѣ испарились изъ нашего воображенія. Мы можемъ только вѣровать въ радости дѣтства. Но воспоминаніе первыхъ счастливыхъ минутъ нашей первой любви не покидаетъ насъ до самаго гроба и заставляетъ наше сердце трепетать какимъ-то сильнымъ чувствомъ, похожимъ на вѣяніе знакомаго благоуханія, которое мы когда-то вдыхали въ давнопрошедшія, счастливыя минуты. Это воспоминаніе придаетъ новый восхитительный оттѣнокъ поздней любви, оно дразнитъ безуміе ревности, растрavляетъ муки отчаянія.

Гетти, склоненная надъ красными гроздами, отлогіе лучи, пробивающіеся изъ-за сучьевъ яблони, волненіе, съ которымъ онъ глядѣлъ на нее, воображая, что она его любитъ, и что слова между ними не нужны, все это помнилось Адаму до послѣдняго издыханія.

А Гетти? Вамъ хорошо извѣстно, что Адамъ въ ней ошибался. Не онъ первый признаки любви къ другому принималъ за признаки любви къ самому себѣ. Когда Адамъ подошелъ къ ней, она была, по обыкновенію, погружена въ раздумье о возможности возвращенія Артура. Шумъ чьихъ бы то ни было шаговъ произвелъ бы на нее одинаковое дѣйствіе, она *почувствовала бы*, что это Артуръ, прежде чѣмъ успѣла оглянуться, а кровь, отхлынувшая отъ лица ея въ тревогѣ этого минутнаго ощущенія, снова бросилась бы ей въ лицо при видѣ всякаго другаго, точно такъ же, какъ при видѣ Адама. Онъ не ошибался, находя, что въ Гетти произошла перемѣна; тревога и опасенія первой страсти, которою она трепетала, одержали въ ней верхъ надъ тщеславіемъ и впервые вызвали въ ней то сознаніе собственной зависимости отъ привязанности другаго, которое въ самой пустой дѣвчонкѣ будитъ боязливую, жаждущую ласки женственность. Въ первый разъ почувствовала Гетти, что было для нея что-то утѣшительное въ робкой и вмѣстѣ съ тѣмъ мужественной привязанности Адама. Она нуждалась въ ласковомъ обращеніи. О, какъ тягостна была эта пустота, это молчаніе, эта разлука, это кажущееся равнодушіе, послѣ всѣхъ этихъ изліяній страстной нѣжности! Она знала, что Адамъ не будетъ надобѣдать ей ухаживаніемъ и лстивыми рѣчами, подобно другимъ ся обожателямъ.

Онъ всегда былъ такъ скроменъ съ нею, что она безъ всякаго опасенія могла наслаждаться мыслию, что ее любить этотъ энергическій, честный человекъ, что онъ тутъ, возлѣ нея. Ей никогда не приходило въ голову, что Адамъ былъ также достоинъ сожалѣнія, что его также рано или поздно ожидало страданіе.

Гетти была, какъ мы знаемъ, не первую женщиной, которую любовь къ другому сдѣлала ласковѣе съ человекомъ, любившимъ ее безнадежно; это старая-старая пѣсня, но Адамъ ничего объ этомъ не зналъ и вполне предавался сладостному обману.

— Теперь довольно, замѣтила Гетти, немного спустя. — Тегушка велѣла мнѣ оставить сколько-нибудь ягодъ на кустахъ. Теперь я отнесу домой то, что набрали.

— Вотъ и хорошо, что я пришелъ; я понесу корзину, сказалъ Адамъ, — а то она для вашихъ ручекъ слишкомъ тяжела.

— О, я бы ухватила ее обѣими руками.

— Ну да, конечно, возразилъ Адамъ улыбаясь, — и тащились бы съ мей до дому, какъ муравей съ червячкомъ. Видали ли вы когда-нибудь, какъ эти крохотные мурашки таскаютъ вещи вчетверо больше самихъ себя?

— Нѣтъ, равнодушно отвѣчала Гетти, не любопытствуя узнать трудности муравьиной жизни.

— А я такъ часто наблюдалъ за ними, когда былъ еще мальчикомъ. Видите ли, я поднимаю корзину одвою рукой, какъ пустую орѣховую скорлупу, а другая рука остается къ вашимъ услугамъ: не хотите ли на нее опереться? Такія крѣпкія руки, какъ мои, на то и сотворены, чтобы служить опорой такимъ тоненькимъ, какъ выши.

Гетти слабо улыбнулась и вложила въ его руку свою. Адамъ взглянулъ на нее, но взоры ея были задумчиво устремлены на другой уголокъ сада.

— Бывали ли вы когда въ Игльделъ? спросила она у Адама, пока они медленно подвигались впередъ.

— Да, отвѣчалъ Адамъ, обрадованный тѣмъ, что она разспрашиваетъ его о немъ самомъ;—десять лѣтъ тому назадъ, еще мальчикомъ, я ходилъ туда съ отцомъ осматривать кое-какія работы. Тамъ дивное мѣстоположеніе, скалы и пещеры, какихъ вы въ жизнь свою не видали; я же имѣлъ настоящаго понятія о скалахъ, пока тамъ не побывалъ.

— А какъ скоро дошли вы туда?

— Мы-то шли цѣлыхъ два дня, ну, а у кого добрая лошадь, тому и дня довольно на этотъ переѣздъ. Капитанъ навѣрное доскакалъ туда въ какіе-нибудь десять часовъ, — онъ важный ѣздокъ. Чего добраго, онъ завтра же будетъ назадъ; это мѣсто очень уединенное, и тамъ, гдѣ онъ рыбу ловить, ничего нѣтъ,

кромѣ дрянной гостиницы; съ его дѣятельностью онъ долго не уживется въ этомъ захолустьѣ одинъ-одинешенекъ. Я бы желалъ, чтобъ управление имѣніемъ перешло къ нему въ руки, это было бы какъ разъ дѣло по немъ, и онъ исполнилъ бы его хорошо; даромъ что онъ такъ молодъ, онъ лучше понимаетъ вещи чѣмъ другой, вдвое его старшій. Намедни онъ очень дѣльно со мной разсуждалъ о томъ, какъ онъ дастъ мнѣ денегъ взаймы, на какіе обороты; если это дѣло уладится, я буду обязанъ ему такъ какъ никому на свѣтѣ.

Бѣднаго Адама побудила говорить объ Артурѣ увѣренность, что Гетти съ удовольствіемъ узнаетъ о готовности молодого сквайра пособить ему; это обстоятельство входило въ составъ его видовъ на будущее, которые онъ желалъ выказать ей съ свѣтлой стороны. И дѣйствительно, Гетти слушала его съ участіемъ, которое вызвало новый блескъ въ ея глазахъ и улыбку на ея губахъ.

— Какъ хороши теперь розы! сказалъ Адамъ, останавливаясь и любуясь ими. — Посмотрите, я укралъ самую лучшую, впрочемъ не для себя. Мнѣ кажется, что совсѣмъ розовыя красивѣе полосатыхъ, да и зеленъ у нихъ лучше. Вы какъ находите?

Онъ поставилъ корзину на землю и вынулъ розанъ изъ петли.

— Онъ славно пахнетъ, замѣтилъ онъ, — полосатые же не имѣютъ никакого запаха. Приколите его себѣ къ платью, а там вы можете его поставить въ воду. Жаль было бы дать ему завянуть.

Гетти взяла розанъ, улыбаясь утѣшительной мысли, что Артуръ, если захочетъ, можетъ такъ скоро вернуться. Лучъ надежды и счастья мелькнулъ въ ея душѣ, и, уступая внезапному порыву игривости, она сдѣлала то, что ей не разъ случалось дѣлать прежде, — воткнула розанъ себѣ въ волосы, немного повыше лѣваго уха. Нѣжный взоръ Адама омрачился легкимъ оттѣнкомъ невольнаго неодобренія. Склонность Гетти къ нарядамъ была именно тѣмъ, что болѣе всего раздражало его мать, да и самому ему эта склонность не нравилась на столько, на сколько что-либо могло ему не нравиться въ Гетти.

— Э, замѣтилъ онъ, — да вы точно тѣ леди, что представлены на картинахъ въ Чезъ; и у тѣхъ тоже почти у каждой что-нибудь да есть въ волосахъ, либо цвѣты, либо перья, либо золотыя побрякушки; только я какъ-то не люблю на нихъ смотреть; онѣ мнѣ всякій разъ напоминаютъ разрисованныхъ женщинъ, что выходятъ на балконы балагановъ на тредльстонской ярмаркѣ. Что можетъ украшать женщину лучше ея собственныхъ волосъ, особенно, когда они такъ вьются какъ у васъ? Кожи женщины не

лода и хороша собой, то чѣмъ проще она одѣта, тѣмъ виднѣй ея красота. Да вотъ хоть бы Дина Моррисъ, какъ она мила въ своемъ простомъ чепчикѣ и платьѣ! Мнѣ кажется, лицо женщины не имѣетъ надобности въ цвѣтахъ; оно и само по себѣ тотъ же цвѣтокъ, а ужъ въ особенности ваше.

— Хорошо же! воскликнула Гетти, прикидываясь немного недовольною и вынимая розанъ изъ волосъ.—Какъ только мы придемъ домой, я непременно надѣну Дининъ чепецъ, и вы посмотрите, какъ онъ мнѣ пристанетъ. Она забыла у насъ одинъ изъ своихъ чепцовъ, такъ я могу снять выкройку.

— Нѣтъ, нѣтъ, я вовсе не желаю, чтобы вы носили методистскій чепецъ, подобно Динѣ. По моему, это очень безобразный уборъ; когда видалъ я ее прежде, всегда приходило мнѣ въ голову, что напрасно она не одѣвается какъ люди. Но я разглядѣлъ ее настоящимъ образомъ только на прошлой недѣлѣ, когда она приходила навѣстить матушку, и тутъ мнѣ показалось, что чепчикъ этотъ присталъ къ ея лицу, какъ чашечка къ жолудю. Но у васъ совсѣмъ другое лицо; мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы остались какъ вы есть, чтобы ничто не заслоняло вашей красоты. Когда слышишь хорошую пѣсню, досадно становится, коли ее перебиваетъ звонъ колокольчиковъ.

Онъ взялъ ея руку и снова вложилъ въ свою, глядя на нее съ нѣжностью. Онъ боялся, чтобъ она не приняла словъ его за нравоученіе, воображая, какъ и всѣ мы склонны воображать, что она разгадала мысли, выраженные имъ только вполнину. Ничего такъ не боялся онъ, какъ облака, которое бы омрачило блаженство этого вечера. Ни за что въ мірѣ еще не рѣшился бы онъ заикнуться Гетти про свою любовь, пока начинавшееся расположеніе ея къ нему не перешло бы въ явную привязанность. Воображеніе его рисовало въ будущемъ длинный рядъ годовъ, осчастливленныхъ правомъ называть Гетти своею. Въ настоящемъ могъ онъ довольствоваться очень немногимъ. Итакъ, онъ снова поднялъ корзину съ смородиной, и они направились къ дому.

Мѣста, черезъ которыя имъ надо было проходить, приняли совершенно другой характеръ въ теченіи того получаса, который Адамъ провелъ въ саду. Дворъ въ настоящую минуту былъ полонъ движенія. Марти гналъ крикливое стадо гусынь и назойливымъ шиканьемъ поддразнивалъ гуся. Дверь хлѣбнаго амбара скрипѣла на своихъ петляхъ, притворяемая Аликкомъ, который только что выдалъ жито. Пахарь Тимъ, при громкомъ лаѣ всѣхъ трехъ псовъ, гналъ на водопой лошадей, покрикивая на нихъ такъ усердно, какъ будто можно было опасаться, что эти неуклюжія животныя, съ пошуренными кроткими, понятливыми мордами, лѣниво передвигавшія косматыми ногами, какъ шальныя разбѣгутся во всѣ стороны,

вмѣсто того, чтобы брести-себѣ прямою дорогою. Съ сѣнокоса ужь успѣли вернуться. Войдя въ домъ, Адамъ и Гетти засталъ мистера Пойзера на трехъ-угольномъ стулѣ и насупротивъ его дѣдушку въ широкомъ креслѣ, съ нетерпѣніемъ ожидавшими ужина, который приготовлялся на дубовомъ столѣ. Мистрисъ Пойзеръ собственноручно разстлала скатерть домашней работы съ глянцевыми, затѣйливыми узорами, пріятнаго бѣловато-бурого цвѣта, одну изъ тѣхъ скатертей, на которыя радуется сердце каждой хорошей хозяйки, не то, что какое-нибудь выбѣленное газинное тряпье, которое тотчасъ же все дырами пойдетъ въ прочное домашнее тканье, котораго станеть поколѣнія на дѣ. Холодная телятина, свѣжій латукъ и чиненный хребеть, все это должно было казаться очень аппетитно людямъ, пообедавшимъ въ половинѣ перваго и успѣвшимъ проголодаться. У стѣнъ на большомъ столѣ изъ сосноваго дерева, были приготовлены блестящія оловянныя тарелки, ложки и кружки для Алики и ея товарищей; хозяинъ съ работниками ужинали вмѣстѣ; это было тѣмъ удобнѣе, что позволяло мистеру Пойзеру тотчасъ же сообщать Алику каждое приходившее ему въ голову распоряженіе насчетъ завтрашнихъ работъ.

— А, Адамъ, добро пожаловать! воскликнулъ мистеръ Пойзеръ. — Вы никакъ помогали Гетти собирать смородину, не такъ ли? Ну, подойдите же, присядьте сюда, ужь недѣли съ три будетъ какъ вы съ нами не ужинали. А вотъ хозяйюшка собирается угостить насъ своими рѣдкостными чинеными хребтами. Очень рада что вы пришли.

— Гетти, сказала мистрисъ Пойзеръ, заглядывая въ корзину, чтобы посмотрѣть, хороша ли смородина,—сбѣгайте на верхъ и пошлите сюда Моли. Она укладываетъ Гетти въ постель, а мнѣ нужно послать ее за элемь; у Нанси еще есть дѣло въ мѣлочнѣ. Вы можете присмотрѣть за ребенкомъ. Да зачѣмъ поволили вы ей убѣжать съ Томми и до того набѣться агодъ, что ей теперь и кусокъ мяса въ горло не лѣзеть?

Эти слова были произнесены тише обыкновеннаго, пока мистеръ не разговоривалъ съ Адамомъ. Мистрисъ Пойзеръ, въ томъ, что касалось приличій, строго придерживалась собственныхъ своихъ правилъ, а она считала неприличнымъ рѣзко обходиться съ молодою дѣвушкой въ присутствіи порядочнаго человѣка, который за нею ухаживаетъ. Это ей казалось недобросовѣстнымъ; каждая женщина была молода въ свое время, каждой представлялся случай пристроиться, и другія женщины должны вмѣнить себѣ въ обязанность не портить ей игры, подобно тому, какъ торговка, сбывшая свои яйца, не должна отбивать покупщика у другой. Гетти, затруднялась въ отвѣтъ на вопросъ тетки, поспѣшила

убраться на верхъ, а мистрисъ Пойзеръ пошла отыскивать къ ужину Томми и Марти.

Вскорѣ всѣ размѣстились; два румяные мальчугана по обѣимъ сторонамъ бѣднолицой матери; для Гетти было оставлено мѣсто между ея дядей и Адамомъ. Аликъ, также возвратившійся домой, забился въ свой уголь и съ помощью карманнаго ножа принялся поѣдать изъ огромнаго блюда холодные бобы, которые повидимому находилъ вкуснѣ всякаго ананаса.

— Какъ долго эта дѣвка возится съ элемъ! воскликнула мистрисъ Пойзеръ, раздавая ломтики чиненаго хребта: — я увѣрена, что она подставила кружку и забыла повернуть кранъ: отъ этого народа все станется; они вамъ поставятъ пустой котель на огонь, а тамъ черезъ часъ придутъ посмотрѣть, кипитъ ли вода.

— Она вѣрно цѣдитъ заодно и для работниковъ, сказалъ мистеръ Пойзеръ; — тебѣ надо было ей сказать, чтобъ она сперванамъ кувшинъ принесла.

— Сказать ей? возразила мистрисъ Пойзеръ: — какже! Да еслибы мнѣ этимъ дѣвкамъ все говорить, чего имъ не подскажетъ собственная ихъ догадливость, то это всѣхъ моихъ легкихъ и тѣхъ бы не стало. Мистеръ Видъ, не хотите ли подлить укусу въ вашъ салатъ? Не хотите? И хорошо дѣлаете; по моему, укусъ только портитъ вкусъ хребта. Ужь это что за кушанье, которое нуждается въ подливахъ! Пожалуй, есть такіе люди, которые, сбивъ дурное масло, полагаются на соль, что она скрадетъ его вкусъ.

Тутъ мистрисъ Пойзеръ была отвлечена появленіемъ Молли, которая несла пиво въ большомъ кувшинѣ, двухъ маленькихъ горшечкахъ и четырехъ кружкахъ, представляя такимъ образомъ любопытный образецъ вмѣстительности человеческихъ рукъ. Ротъ бѣдной Молли раскрывался шире обыкновеннаго, глаза были опущены на двойную оханку посуды, находившуюся у нея въ рукахъ, и такимъ образомъ она подвигалась впередъ, не подозревая того, что выражалъ взглядъ хозяйки.

— Молли, я никогда ничего подобнаго вамъ не видывала. Какъ подумаю, что бѣдная ваша мать вдова, и что я васъ взяла почти что съ улицы... Сколько разъ мнѣ повторять вамъ...

Молли не видѣла молніи, и громъ тѣмъ сильнѣ потрясъ ея нервы. Побуждаемая темнымъ тревожнымъ сознаниемъ, что она должна что-то измѣнить въ своемъ образѣ дѣйствій, она поспѣшила къ большому сосновому столу, на который она могла бы опустить свою ношу; но, въ эту минуту, она наступила ногой на собственный развязавшійся передникъ, раздался трескъ, потомъ плескъ, и Молли растанулась среди пивной лужи. Взрывъ сдержаннаго хохота со стороны Марти и Томми и недовольнсе воскли-

паніе со стороны мистера Пойзера, который съ досадою видѣлъ удовольствіе хлебнуть злю отстроченнымъ на нѣкоторое время. привѣтствовали это происшествіе.

— Ну, такъ и есть, рѣзко заключила мистрисъ Пойзеръ, вставая и направляясь къ шкапу, между тѣмъ какъ Молли печально принялась подбирать черепки.—Я сто разъ говорила вамъ, что это такъ будетъ. Вотъ и проститесь съ своимъ мѣсячнымъ жалованіемъ, да еще и болѣе; этотъ разбитый кувшинъ у меня десять лѣтъ жилъ и оставался цѣлехонекъ. Если сосчитать всю посуду, которую вы разбили съ тѣхъ поръ, какъ вы въ домъ, такъ я думаю у пастора, и у того бы сорвалось съ языка нехорошее слово, прости Господи мое согрѣшеніе! Будь это кшащее сусло прямо изъ котла, вы бы и его пролили, и обожглись бы, и остались бы на всю жизнь калѣкой, какою вы еще будете рано или поздно, если не образумитесь. Всякій, кто взглянетъ, какъ все у васъ изъ рукъ валится, подумаетъ, что у васъ пласка Святаго Вита. Жаль, что нельзя собрать всѣхъ черепковъ и сложить ихъ въ кучу у васъ передъ глазами. Впрочемъ, васъ ничѣмъ не исправишь, словно деревашка какая!

Между тѣмъ изъ глазъ бѣдной Молли быстро капали слезы. Съ отчаянія, не зная какъ остановить пивной потокъ, неудержимо разливавшійся по направленію къ Аликовымъ ногамъ, растерявшись совершенно подлѣ устремленнымъ на нее гнѣвнымъ взглядомъ мистрисъ Пойзеръ, она схватилась за свой фартукъ и обратила его въ половую тряпку.

— То-то, продолжала послѣдняя, отворяя шкапъ,—слезами не поможешь, только воды въ лужѣ прибудетъ, вамъ же будетъ больше работы подтирать. Я вамъ повторяю, что всему причиню ваше упрямство; если взяться за вещь какъ слѣдуетъ, то ее никогда не уронишь. А деревашкамъ, конечно, только бѣ и браться за деревянную посуду. Вотъ, теперь, я поневолѣ должна вынуть бѣлый съ коричневымъ кувшинъ, который и трехъ разъ въ году не бываетъ въ употребленіи, и принуждена отправиться сама на погребъ, гдѣ, можетъ-статься, схвачу воспаление и ухажу себя до смерти.

Говоря это, мистрисъ Пойзеръ отвернулась отъ шкапа, держа бѣлый съ коричневымъ кувшинъ въ рукахъ, какъ вдругъ ей что-то привидѣлось на противоположномъ концѣ кухни. Потому ли, что при настоящемъ раздраженномъ состояніи ея нервовъ видѣніе не могло не произвести на нее сильнаго впечатлѣнія, потому ли, что битые посуды, подобно другимъ преступленіямъ, имѣетъ въ себѣ нѣчто заразительное, какъ бы то ни было, глаза ее остановились, она вздрогнула, какъ бы при появленіи призрака, и драгоценный коричневый съ бѣлымъ кувшинъ полетѣлъ на землю, при чемъ носикъ и ручка его откололись.

— Что за диковинное дѣло! проговорила она, внезапно понизившимся голосомъ, предварительно окинувъ всю горницу растеряннымъ взглядомъ.—Словно эти кувшины заколдованы. А все по милости этихъ проклятыхъ муравленыхъ ручекъ, которыя такъ и скользятъ у тебя между пальцевъ, словно улитки.

— Вотъ ты и побита своимъ же оружіемъ, замѣтилъ ей мужъ, уже хохотавшій заодно съ младшими членами семьи.

— Оно очень весело глядѣть да зубы скалигъ, возразила мистрисъ Пойзеръ;—а это точно, временами случается, что посуда становится будто живая, и такъ и норовитъ вылетѣть у тебя изъ рукъ, словно птичка. Чему суждено разбиться, то разобьется. Ужъ я ли не крѣпко держу все, что ни беру въ руки? Никогда въ жизнь свою я ничего не била: доказательство тому, что вотъ сколько лѣтъ держится у меня глиняная посуда, купленная еще къ свадьбѣ. А вы, Гетти, съ ума что ли сошли; съ какой это стати вздумали вы сойти сюда въ такомъ нарядѣ, въ которомъ васъ можно принять за домоваго?

При этихъ словахъ мистрисъ Пойзеръ, послѣдовавъ новый взрывъ хохота, вызванный на этотъ разъ не столько внезапнымъ ея обращеніемъ къ фаталистическому взгляду на битые посуды, сколько сгранною наружностью Гетти, поразившею ея тетку. Маленькая плутовка отыскала гдѣ-то черное теткинo платье и заколола его себѣ высоко, подъ самое горло, наподобіе Динныхъ платьевъ, пригладила себѣ, на сколько то было возможно, волосы, и надѣла на голову одинъ изъ Динныхъ высокихъ чепцовъ безъ оборокъ.

Забавною нечаянностью смотрѣли черныя кокетливыя глазки и полныя розовыя щеки Гетти, въ этомъ платьѣ и чепцѣ, напоминавшихъ блѣдное, задумчивое лицо и кроткіе сѣрые глаза Дины. Мальчики повскакали со своихъ стульевъ и прыгали вокругъ нея, хлопая въ ладоши. Даже Аликъ оторвался отъ своихъ бобовъ, чтобы взглянуть на нее, и не могъ удержаться отъ глухаго рычанья, замѣнявшаго у него смѣхъ. Пользуясь этимъ шумомъ, мистрисъ Пойзеръ вышла въ чуланъ, чтобы послать на погребъ Нанси съ большою оловянною посудиною, которую никакимъ колдовствомъ нельзя было разбить.

— Что это, Гетти, вы никакъ въ методистки пошли? замѣтилъ мистеръ Пойзеръ, заливаясь тѣмъ сибаритскимъ, продолжительнымъ хохотомъ, на который способны только плотные люди.—Совѣтую вамъ въ такомъ случаѣ вытянуть лицо подлиннѣе; такъ, какъ оно есть, оно никуда не годится; не правда ли, Адамъ? Съ чего это вы вздумали такъ нарядиться?

— Адамъ сказалъ, что ему чепецъ и платье Дины нравятся лучше моихъ нарядовъ, отвѣчала Гетти, чинно усаживаясь на

свое мѣсто. — Онъ увѣряетъ, будто женщина въ уродливой платьѣ смотритъ красивѣе,

— Совсѣмъ нѣтъ, вмѣшался Адамъ, глядя на нее съ восхищеніемъ;—я только говорилъ, что этотъ нарядъ присталъ Дитѣ. Впрочемъ, еслибъ я сказалъ, что вы и въ немъ будете хороши, то я сказалъ бы не болѣе, какъ правду.

— А ты приняла Гетти за привидѣніе, не такъ ли? обратился мистеръ Пойзеръ къ женѣ, которая около этого времени возвратилась изъ чулана и сѣла на свое мѣсто.—У тебя былъ такой растерянный видъ.

— Что за дѣло, какой бы тамъ у меня ни былъ видъ; имъ разбитой посуды не почишишь, въ смѣхъ тоже проку не много. Мистеръ Бидъ, мнѣ очень досадно, что вамъ приходится такъ долго дожидаться элю. Покуда прошу васъ отвѣдать холоднаго картофеля, я знаю, что вы его любите. Томми, если ты не перестанешь смѣяться, я тебя тотчасъ же отправлю въ постель. Что тутъ смѣшнаго, хотѣла бы я знать? Мнѣ не смѣяться, а плакать хочется, глядя на чепчикъ этого бѣднаго созданія, и многимъ бы не мѣшало брать съ нея примѣръ, и не въ однихъ чепчикахъ. Никому въ этомъ домѣ не пристало потѣшаться надъ дочерью моей сестры, когда она едва успѣла уѣхать отсюда, и мнѣ такого горького стоило съ нею разстаться. Я знаю одно только: приключись какая-нибудь бѣда, занемоги я, перемри дѣти,—а кто поручится, что этого не случится?—откройся опять падежъ на скотъ, постигни насъ конечное разореніе, мы тогда рады будемъ увидѣть собственное Динино лицо подъ ея чепчикомъ, хоть онъ и безъ оборотъ. Она изъ тѣхъ людей, что всего яснѣе смотрятъ въ дождливую погоду и всего больше любягъ васъ, когда вы нуждаетесь въ любви.

Мистрисъ Пойзеръ, какъ видите, очень хорошо знала, что ничто такъ не вытѣсняетъ комическаго, какъ ужасное; Томми, который былъ впечатлительнаго характера и горячо привязанъ къ матери, въ довершеніе же всего такъ много накушался вишней, что менѣе обыкновеннаго могъ совладать съ своими чувствами,—былъ до того пораженъ мрачнымъ изображеніемъ возможнаго будущаго, что заплакалъ. Добродушный отецъ, умѣвшій свиходить ко всѣмъ человѣческимъ слабостямъ, кромѣ нерадѣнія въ фермерахъ, замѣтилъ Гетти:

— Скиньте лучше этотъ нарядъ, дружочекъ, его видъ разстраиваетъ вашу тетку.

Гетти снова побѣжала на верхъ, а появленіе эля принесло съ собой пріятное развлеченіе. Адамъ долженъ былъ высказать свое мнѣніе о новомъ початомъ бочонкѣ, а мнѣніе это не могло быть иное, какъ лестное для мистрисъ Пойзеръ. Затѣмъ послѣдовало

долгое разсужденіе о тайнахъ пивоваренія, о томъ, что не разчесть скупиться на хмѣль, и что заготовлять солодъ у себя дома плохой разчетъ для фермера. Мистрисъ Пойзеръ представлялось столько случаевъ выказать свои свѣдѣнія по этой части, что къ тому времени, когда ужинъ былъ оконченъ, кувшинъ элю долить въ другой разъ, и трубка мистера Пойзера закурена, она снова пришла въ веселое расположеніе духа, и охотно согласилась, по просьбѣ Адама, показать ему свою сломанную самопрялку.

— Э, сказалъ онъ, разсматривая ее,—да тутъ придется мнѣ поточить; славное колесо. Мнѣ его надо снести въ токарную лавку на селѣ, и тамъ уже починить. Дома у меня нѣтъ станка. Если вы завтра утромъ пошлете его къ мистеру Борджу въ лавку, то я постараюсь, чтобъ оно было готово къ середѣ. Вотъ, я все это время обдумывалъ, продолжалъ онъ, какъ бы дома обзавестись всѣмъ нужнымъ инструментомъ для мелочныхъ столярныхъ издѣлій. Я много занимался этимъ дѣломъ въ свободные часы, и нахожу, что оно выгодно, потому что на него работы больше идетъ чѣмъ матеріалу. Я думаю съ Сетомъ завести такое мастерство у себя на дому. Я знаю человѣка въ Россетерѣ, который возьметъ у насъ все, что мы ни сработаемъ, да и кромѣ того намъ можно будетъ брать заказы на сторонѣ.

Мистеръ Пойзеръ принялъ живое участіе въ этомъ планѣ, долженствовавшемъ, повидимому, служить для Адама шагомъ впередъ для достиженія степени «мастера». Мистрисъ Пойзеръ одобрила мысль подвижнаго кухоннаго шкапа, въ которомъ могли бы размѣщаться, на самомъ ограниченномъ пространствѣ и въ наилучшемъ порядкѣ, принасти, соленья, глиняная посуда и столовое бѣлье. Гетти, снова переодѣвшись въ свое обыкновенное платье, съ шейнымъ платочкомъ, нѣсколько спущеннымъ назадъ по причинѣ жары, сидѣла у окна, какъ разъ на глазахъ Адама, и отбирала смородину. Итакъ пріятно проходило время; наконецъ Адамъ всталъ и началъ собираться домой; онъ съ нетерпѣніемъ дожидаясь возможности повторить свое посѣщеніе, но оставаться долѣе не могъ. Въ эту рабочую пору всякій разсудительный человѣкъ помнитъ, что онъ долженъ встать совершенно выспавшимся къ пяти часамъ утра.

— Я отъ васъ еще пройду къ Бартлю Масси, сказалъ онъ;—его вчера не было въ церкви, и уже съ недѣлю будетъ, какъ я его не видалъ; сколько я помню, никогда этого прежде съ нимъ не случалось, чтобъ онъ пропустилъ церковную службу.

— Мы тоже объ немъ ничего не слышали, отвѣчалъ мистеръ Пойзеръ.—Теперь вѣдь у мальчиковъ вакаціи, такъ мы вамъ ничего о немъ не можемъ сказать.

— Неужели вы собираетесь идти къ нему въ эту позднюю пору? спросила мистрисъ Пойзеръ, складывая свое вязанье.

— О, мистеръ Масси долго сидитъ по вечерамъ; теперь еще не кончился вечерній классъ, многіе ученики приходятъ поздно, имъ идти издалека. Самъ же Бартъ никогда не ложится прежде одиннадцати часовъ.

— Ну ужъ въ такомъ случаѣ не хотѣла бы я съ нимъ жить, сказала мистрисъ Пойзеръ.— Это онъ вамъ весь полъ закапаетъ свѣчнымъ саломъ, а тамъ на другой день, какъ встанешь, того и глади, поскользнешься и упадешь.

— Да, одиннадцать часовъ поздненько-таки, поздненько, молвилъ старый Мартинъ.— Я во всю жизнь свою такъ поздно не ложился, развѣ по случаю свадьбы, или крестинъ, или приходскаго праздника, или во время жатвы. Одиннадцать часовъ,—поздняя пора.

— А вотъ я такъ часто сижу до двѣнадцати, со смѣхомъ возразилъ Адамъ, — только не за тѣмъ, чтобы поѣсть или выпить лишнее, а чтобы лишнее сработать. Покойной ночи, мистрисъ Пойзеръ, покойной ночи, Гетти.

Гетти могла только улыбнуться, руки она не могла протянуть, потому что обѣ онѣ у ней были испачканы смородинымъ сокомъ. За то всѣ остальные дружески пожали протянутую широкую руку, повторяя: приходите скорѣе, приходите скорѣе!

— Каково! воскликнулъ мистеръ Пойзеръ, когда Адамъ ушелъ: — сидитъ до двѣнадцати часовъ за работой. Не много найдется молодыхъ людей двадцати шести лѣтъ подъ пару этому молодцу. Ну, Гетти, если ты поддѣнешь себя Адама въ мужья, то современемъ будешь развѣзжать въ своей собственной телѣжкѣ на рессорахъ.

Въ эту минуту Гетти несла смородину черезъ кухню, и потому дядя не могъ разсмотрѣть маленькаго, отрицательнаго движенія головы, которымъ она ему отвѣчала. Развѣзжать въ телѣжкѣ казалось ей теперь вовсе незавиднымъ жребіемъ.

ГЛАВА XXI.

Вечерняя школа и учитель.

Домъ Бартъя Масси былъ одинъ изъ немногихъ домовъ, разбросанныхъ на краю общественнаго выгона, перерѣзаннаго дорогой въ Тредльстонъ. Чтобы дойти туда изъ господской фермы, Адаму понадобилось четверть часа. Взявшись за ручку двери, онъ могъ разсмотрѣть сквозь незавѣшенные окна восемь или девять

головъ, склоненныхъ надъ письменными столами, освѣщенными тонкими сальными свѣчами.

Онъ какъ разъ засталъ урокъ чтенія, и Бартль Масси только кивнулъ ему головой, когда онъ вошелъ, предоставляя ему занять мѣсто, гдѣ ему будетъ угодно. Въ этотъ вечеръ онъ пришелъ не для урока, и умъ его былъ такъ озабоченъ дѣлами, лично до него касавшимися, такъ полонъ послѣдними двумя часами, проведенными съ Гетти, что онъ не могъ забавляться книгой въ ожиданіи окончанія урока. Итакъ онъ сѣлъ въ уголокъ и разсѣянно сталъ глядѣть на все происходившее передъ нимъ, между тѣмъ какъ мысли его были далеко. Адамъ успѣлъ насмотрѣться на это зрѣлище, посѣщая школу въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ почти еженедѣльно. Онъ зналъ навзустъ каждую арабеску на прописи, писанной самимъ Бартлемъ Масси и висѣвшей, для назиданія учениковъ, въ рамкѣ надъ головой учителя. Онъ зналъ корешки всѣхъ книгъ, помѣщавшихся на полкѣ, которая тянулась вдоль выбѣленной стѣны, надъ гвоздями для аспидныхъ досокъ. Ему въ точности было извѣстно, сколько выпало зеренъ изъ колоса кукурузы, привѣшеннаго къ одному изъ бревенъ потолка. Онъ давно уже истощилъ весь запасъ возможныхъ соображеній о томъ, какъ росъ и какой видъ имѣлъ въ своей природной стихіи пучокъ кожистой водоросли, помѣщавшійся возлѣ; на старинной картѣ Англии, висѣвшей на противоположной стѣнѣ, потому что время придадо ей красивый желтокоричневый цвѣтъ, напоминающій цвѣтъ потемнѣвшей пѣнки, онъ ничего не могъ разобрать съ того мѣста, на которомъ онъ сидѣлъ. Драма, происходившая у него передъ глазами, была ему почти столько же знакома, какъ и самая сцена, но, несмотря на то, онъ не оставался равнодушнымъ ея зрителемъ, даже въ настоящемъ сосредоточенномъ настроеніи духа; взглядъ на этихъ грубыхъ людей, судорожно сжимавшихъ въ рѣкахъ перо или карандашъ, или смиренно упражнявшихся въ чтеніи, пробудилъ въ немъ привычное сочувствіе. Классъ чтенія, помѣщавшійся въ настоящую минуту на скамьѣ прямо противъ стола учителя, состоялъ изъ трехъ самыхъ отстающихъ учениковъ. Чтобы догадаться объ этомъ, Адаму стоило только взглянуть на лицо Бартля Масси. Не имѣя надобности въ настоящую минуту въ очкахъ, онъ сдвинулъ ихъ себѣ на носъ и смотрѣлъ поверхъ нихъ; на лицѣ его изображалась кротость; на его сѣдьющихъ, включенныхъ бровяхъ лежалъ отпечатокъ добродушнаго сожалѣнія; обычное недовольное выраженіе нижней губы смягчилось, и ротъ, казалось, такъ и готовился подсказать запаматованное слово или слогъ. Это кроткое выраженіе было тѣмъ поразительнѣе, что носъ учителя, неправильный, съ горбомъ и нѣсколько кривой, имѣлъ въ себѣ

что-то грозное, да и сверхъ того на лбу его замѣчалась та особая напряженность, которая обыкновенно принимается за признак рѣзкаго, нетерпѣливаго характера; синія жилы выдавались какъ веревки изъ-подъ желтой, прозрачной кожи, и этого грознаго лба не смягчало ни малѣйшее поползновение къ плѣтвости; сѣдые, щетинистые, коротко обстриженные волосы еще обрамляли его тѣсными рядами.

— Нѣтъ, Биль, не такъ, ласково говорилъ Бартъ, кивая нисходомъ Адаму головой,—начните смызнова, и тогда, можетъ-быть вы и догадаетесь какъ сложить, *т р а*. Вы помните, это тотъ самый урокъ, который вы читали на прошлой недѣль.

Биль былъ дюжій двадцатичетырехлѣтній малый, отличніи каменотесъ, не хуже любаго ремесленника одинаковыхъ съ нимъ лѣтъ, умѣвшій заработать копѣйку; но справиться съ парамфомъ азбуки, состоящимъ изъ односложныхъ словъ, казалось ему труднѣе, нежели вытесать самый твердый изъ всѣхъ попадавшихся ему камней. Буквы, жаловался онъ, были такъ необыкновенно похожи одна на другую, что ихъ невозможно было отличить; занятія каменотеса не имѣли ничего общаго съ разсужданіемъ такихъ мелочей, какъ, напримѣръ, разница, существующая между буквой съ крючкомъ, обращеннымъ книзу, и крючкомъ, обращеннымъ кверху. Но Биль твердо рѣшился выучиться читать. Рѣшимость его основывалась на двухъ побужденіяхъ; вопервыхъ, двоюродный братъ его Томъ Гезло умѣлъ читать съ одинаковою бѣгlostью и печатное и писанное; Томъ прислалъ ему письмо изъ-за двадцати миль, въ которомъ описывалъ всѣ свои удачи въ жизни, и между прочимъ сообщалъ ему, что получилъ мѣсто надзирателя надъ работниками; восторгъ. Самъ Филипсъ, работавшій вмѣстѣ съ нимъ въ каменоломнѣ, выучился читать двадцати слишкомъ лѣтъ отъ роду; а то, что могъ осуществить такой тшедушный малый, какъ Самъ Филипсъ, того ужъ навѣрное, думалъ Биль, могъ достигнуть и онъ, которому ничего бы не стоило, въ случаѣ надобности, стереть Сама съ лица земли. Итакъ, вотъ почему мы его видимъ за книгой; широкій палецъ его зарѣзъ указываетъ на три слова, голова склонилась на бокъ, вѣроятно потому, что въ этомъ положеніи ему казалось легче сосредоточить взглядъ на томъ именно словѣ, за которымъ изъ всѣхъ трехъ стало дѣло. Степень учености, которою долженъ былъ обладать Бартъ Масси, казалась ему чѣмъ-то до того безмѣрнымъ и необъятнымъ, что воображеніе Била отступало передъ нею; едва ли бы посмѣлъ онъ усомниться въ томъ, что школьный учитель имѣетъ нѣкоторое вліаніе на правильное чередованіе дня и ночи и на ходъ погоды.

Совершенно другой типъ представляла личность, помѣща-

ся рядомъ съ Билемъ. То былъ кирпичникъ, изъ методистъ, дожившій до тридцати лѣтъ, нисколько не тревожасью необразованностью, но вдругъ въ послѣднее время вдаваясь въ благочестіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, возымѣвшій желаніе читать Библию.

Но ему не легко давалось ученіе; въ этотъ вечеръ, обыкновенію своему, отправляясь въ школу, онъ мысленно звалъ на помощь Бога, потому что трудное дѣло это было принято имъ исключительно для пользы душевной, изъ жели заpastись бѳльшимъ количествомъ текстовъ и гимновъ,

того чтобъ ими отгонять дурные помыслы, искушенія рыхъ привычекъ, или, короче сказать, дьявола. Было время, да кирпичникъ славился подвигами въ чужихъ лѣсахъ. Подовали даже, хотя противъ него не было прямыхъ уликъ, что кто другой, какъ онъ, прострѣлилъ ногу сосѣднему лѣснику. ть бы то ни было, но достоверно то, что вскорѣ послѣ помятаго происшествія, которое совпадало съ прибытіемъ въ эдльсгонъ восторженнаго методистскаго проповѣдника, въ ть замѣтили большую переменъ, и, несмотря на то, что за ть все еще оставалось прозванье «Пороха», онъ ничѣмъ уже ть не гнушался, какъ этимъ неблаговонымъ веществомъ.

Онъ былъ широкогрудый малый, съ горячимъ темпераментъ, который дѣлалъ его способнѣе къ воспринятію религиозныхъ идей, нежели къ сухому процессу приобрѣтенія чисто чевѣческаго знанія азбуки. Правду сказать, его рѣшимость уже сколько поколебалась внушеніями одного изъ его собратовъ-методистовъ, увѣрявшаго, будто буква служить только помѣхой посредственному дѣйствію Святаго Духа. Тотъ же методистъ гразилъ опасеніе, что «Порохъ» уже слишкомъ заботится ообрѣтеніи познаній, могущихъ возбудить въ немъ высокомеріе.

Третій начинающій ученикъ подавалъ гораздо бѳльшія надежды. То былъ высокій, но худой и нескладный человекъ. рчти однихъ лѣтъ съ «Порохомъ», съ блѣднымъ лицомъ и руками, выпачканными синею краской. Онъ былъ красильщикъ; ннимаясь окрашиваніемъ старыхъ бабьихъ юпокъ и домашней перстляной пряжи, онъ воспламенился честолюбивымъ желаніемъ ораздо глубже изучить всѣ тайны своего искусства. Краска его же славилась по всему околотку, и онъ задумалъ изобрѣсти делевый способъ красить въ малиновый и яркочерный цвѣтъ.

Одинъ тредльстонскій торговецъ растолковалъ ему, что онъ много сберегъ бы труда и расходовъ, еслибы могъ научиться итать. Итакъ онъ сталъ въ свободные часы посѣщать вечернюю школу, твердо рѣшившись туда же посылать и сынишку своего, какъ только тотъ немного подрастетъ.

Трогательное зрѣлище представляли эти взрослые люди, съ

наружностью, носившею слѣды тяжелой работы, заботливо-спяченныя надъ изорванными книгами и съ трудомъ складывавшіяся «трава зеленá, солома суха, рожь спѣла». Урокъ этотъ казался имъ очень труднымъ послѣ нѣсколькихъ столбцовъ, написанныхъ словами, совершенно схожими между собой во всемъ, кромѣ начальной буквы. Почти можно было принять ихъ за животныхъ, дѣлающихъ смиренныя усилія, чтобы преобразовать себя въ людей. Это затрогивало самую нѣжную струну сердца Бартля Масси; только подобнымъ взрослымъ дѣтямъ нечего было опасаться отъ него ѣдкихъ прозвищъ и нетерпѣливыхъ поученій. Онъ не могъ похвалиться невозмутимую ровностью характера, и вечерній урокъ музыки служилъ доказательствомъ тому, что терпѣніе никогда не давалось ему легко; но на этотъ разъ кроткій, ободрительный лучъ свѣтился въ его взорахъ, устремленныхъ поверхъ очковъ на каменотеса Билла Доунса, который склонивъ голову на сторону, съ отчаянно-безсмысленнымъ видомъ молчалъ надъ буквами *m, p, a*.

По окончаніи урока чтенія, двое юношей, дѣтъ девятнадцати, шестнадцати, выступили впередъ и предъявили счеты воображаемымъ покупкамъ, которые они все это время писали на своихъ аспидныхъ доскахъ и подъ которые теперь предстояло имъ вывести итоги. Упражненіе это было исполнено ими такимъ невѣроятнымъ образомъ, что Бартль Масси, давно уже вставшій на нихъ черезъ очки огненные, злобщіе взгляды, наконецъ разразился громкими упреками, прерывая каждую фразу ударомъ по полу своею сучковатою палкой, которая покоилась у него между ногъ:

— Вотъ видите ли, въ двѣ недѣли вы ровно ничего не успѣли и я скажу вамъ отчего. Вы хотите научиться считать; очень хорошо. Но вы воображаете, что для этого достаточно ходить и сидѣть по часу надъ сложеніемъ, раза по два или по три въ недѣлю. Какъ скоро вы надѣли шапку на голову и вышли за порогъ, въ головѣ у васъ ничего не остается. Вы шатаетесь, всхлипывая и ни о чемъ не думая, словно вмѣсто головы у васъ на плечахъ жолобъ, годный для пропуска всякаго сора; если попадетъ въ него какая путная мысль, то ее живо унесетъ. Вы думаете, что знаніе можно дешево купить: стоитъ только придти къ Бартлю Масси, заплатить ему шесть пенсовъ въ недѣлю и онъ научитъ васъ ариѳметикѣ безъ всякаго усилія съ вашей стороны. Познанія, я долженъ вамъ сказать, не приобретаются за шесть пенсовъ; если вы желаете усвоить себѣ счеты, вы должны вертѣть ихъ у себя въ головѣ и сосредоточивать на нихъ свои мысли; нѣтъ ничего, къ чему бы нельзя было подвести итогъ, потому что во всемъ есть число, даже въ глупцѣ. Вы и

эте себѣ сказать: я одинъ глупецъ, а Джекъ другой; если моя
 это толковая голова вѣситъ четыре фунта, а Джекова три фунта, три
 цѣи и три четверти, то на сколько моя голова тяжеле Джековой?
 еловѣкъ, который крѣпко задумалъ выучиться ариѳметикѣ, самъ
 себѣ будетъ придумывать задачи и рѣшать ихъ въ умѣ. Зани-
 маясь сапожнымъ дѣломъ, онъ будетъ считать стежки по пят-
 имъ, положить имъ цѣну, скажемъ примѣрно, хоть въ полфар-
 инга, и сосчитаетъ такимъ образомъ, сколько онъ можетъ за-
 работать въ часъ, потомъ спроситъ себя, сколько это составитъ
 въ цѣлый день, а тамъ сообразитъ, сколько десять работниковъ
 при тѣхъ же цѣнахъ могутъ заработать въ пять, десять или
 то лѣтъ; шило между тѣмъ будетъ у него такъ же проворно дѣ-
 лать свое дѣло, какъ еслибы въ головѣ его было пустехонько.
 Все это я къ тому говорю, что не хочу въ своей вечерней школѣ
 держать такихъ учениковъ, которые, приходя въ классъ, не ста-
 лись бы изо всѣхъ силъ научиться чему-нибудь, съ такою охотой,
 съ какою человѣкъ изъ темнаго омута стремится на свѣтъ Божій.
 Никого отъ себя не прогоню за непонятливость. Еслибы Билли
 Лафъ, юродивый, захотѣлъ учиться, я и ему бы не отказался
 преподавать, но я не хочу бросать полезное знаніе людямъ, ко-
 торые думаютъ, что могутъ купить его на шесть пенсовъ и
 взять съ собой, какъ унцію табаку. Итакъ, вамъ незачѣмъ при-
 ходитъ, если вы воображаете, что я могу за плату думать вмѣсто
 васъ, если я не увижу, что у васъ самихъ головы не остаются
 праздными. Это мое послѣднее слово.

Бартъ Масси, окончивъ эту заключительную фразу, сильнѣе
 всѣхъ предшествовавшихъ разовъ стукнулъ своею сучковатою
 палкой по полу, и озадаченные юноши встали и съ недовольнымъ
 видомъ направились къ двери. Другимъ воспитанникамъ, къ
 счастью, нечего было показывать, кромѣ тетрадей чистописанія,
 представлявшихъ различныя степени развитія этого искусства,
 начиная съ каракулъ и кончая красивымъ письмомъ. Простыя
 погрѣшности пера, какъ бы велики они ни были, не могли до-
 вести Бартъ Масси до такого раздраженія, какъ ариѳметическія
 ошибки. Нѣсколько строже обыкновеннаго пожурилъ онъ Дже-
 коба Стори за его z, у которыхъ кавычки всѣ были обращены
 не въ ту сторону, въ которую слѣдовало: бѣдный Джекобъ испи-
 салъ ими цѣлую страницу, съ смутнымъ сознаніемъ, что въ
 нихъ что-то не такъ. Въ оправданіе себя, онъ замѣтилъ, что въ
 этой буквѣ никогда не представляется большой необходимости,
 и что онъ полагалъ, что она написана тутъ въ концѣ азбуки бо-
 лѣе для украшенія, и что точно такъ же можно было тутъ поставить
 хоть знакъ &.

Наконецъ, всѣ ученики взяли за шапки и пожелали учителю

доброй ночи. Адамъ, зная обычай своего стараго учителя, встал и спросилъ:

— Тушить что ли свѣчи, мистеръ Масси?

— Да, да, голубчикъ, только вотъ эту оставьте, я ее возьму съ собой въ комнату. Да, благо вы близко къ наружной двери, заprite ее на замокъ.

Говоря это, Бартль Масси всталъ при помощи палки. Едва ступилъ онъ на полу, какъ стало ясно, почему палка была едѣйствительно нужна: одна нога была у него много короче другой. Но, при необыкновенной живости учителя, недостатокъ этотъ почти не причинялъ ему неудобства. Еслибы вы видѣли, какъ онъ пробирался черезъ классную комнату къ ступенямъ, которыя вели въ кухню, то вы поняли бы, почему шалуны воображали, что шаги его могутъ ускоряться до неопредѣленной быстроты, и что онъ съ своею палкой можетъ настичнуть ихъ даже на самомъ скоромъ бѣгу. Какъ скоро онъ со свѣчей въ рукахъ появился на порогѣ кухни, изъ угла, за каминомъ, послышался слабый визгъ, и темная съ бурнымъ собака, принадлежавшая къ той породѣ съ короткими ногами и длиннымъ туловищемъ, которая, до усовершенствованія механическихъ орудій, обречена была на приведеніе въ движеніе вертѣль, приползла къ нему по землѣ. Она виляла хвостомъ и останавливалась на каждомъ шагу, какъ бы въ тягостной борьбѣ между заботой о корзинѣ, оставленной ей за каминомъ, и желаніемъ привѣтствовать своего господина.

— Ну, Лисичка, ну, какъ поживаютъ новорожденные? заговорилъ учитель, торопливо подходя къ углу за каминомъ и рассматривая со свѣчей низкую корзину, въ которой два совершенно слѣпыхъ щенка подымали мордочки изъ своего темнаго гнѣздышка, обложеннаго фланелью и шерстью. Лисичка не могла видѣть равнодушно, какъ даже самъ хозяинъ осматривалъ ихъ; она то забивалась въ корзину, то снова выскакивала изъ нея, поступая въ этомъ случаѣ съ чисто-женскою непослѣдовательностью. Хотя она и глядѣла въ это время самымъ глубокомысленнымъ образомъ.

— Вотъ какъ, у васъ тутъ завелось семейство, мистеръ Масси, улыбаясь замѣтилъ Адамъ, входя въ кухню:—Какъ это такъ случилось? Я полагалъ, что это противъ здѣшняго устава.

— Уставъ! что толку въ уставахъ, когда ужъ разъ мужчина такъ опростоволосился, что пустилъ женщину къ себѣ въ домъ? отвѣчалъ Бартль Масси, отворачиваясь съ нѣкоторымъ недовольствомъ отъ корзины. Онъ всегда называлъ Лисичку женщиной и, казалось, рѣшительно забывалъ, что это лишь риторическая фигура.—Ежелибъ я зналъ, что Лисичка женщина, то бы ни за что не вступился за нее, когда мальчишки собирались

топить. Дѣлать нечего, осталась она у меня на рукахъ, такъ и неволь долженъ я былъ взять ее къ себѣ. А теперь, вотъ видите ли, до чего она довела меня, хитрая притворщица! Бартъ проговорилъ эти послѣднія слова съ выраженіемъ ѣдкаго упрека и взглянулъ на Лисичку, которая потушила голову и подняла на его глаза, какъ будто глубоко чувствуя нанесенное ей оскорбленіе.—Въ самое воскресенье, во время обѣдни подарила меня семействомъ. Отъ души сожалею, что я не жестокосердый чевѣкъ и не имѣлъ духу удавить и мать и щенятъ на одной зрѣвкѣ.

— Ну, я радъ, что только это задержало васъ дома. Я было жъ испугался, не занемогли ли вы въ первый разъ въ жизни. Чѣра въ особенности жалѣлъ я, что васъ не было въ церкви.

— Да, голубчикъ, знаю почему, знаю, ласково сказала Бартъ, одходя къ Адаму и кладя ему руку на плечо, которое приходилось почти въ уровень съ его собственной головой. — Трудное было для васъ все это время, съ тѣхъ поръ, какъ мы не видались, трудное время! Но я надѣюсь, что теперь настанетъ для васъ лучшая пора. У меня есть про васъ кое-какія новости, но сперва дайте мнѣ поужинать, я таки порядочно проголодался. Присядьте-ка, присядьте.

Бартъ отправился въ свой маленькій чуланъ и возвратился оттуда съ превосходнымъ хлѣбомъ домашняго печенія. Въ числѣ его странныхъ затѣй было, несмотря на дороговизну, ѣсть хлѣбъ, по крайней мѣрѣ, разъ въ день, вмѣсто того, чтобы довольствоваться овсяными лепешками; онъ оправдывалъ себя, говоря, что школьному учителю прежде всего нужно уметь, а что овсяныя лепешки питаютъ болѣе кости, нежели мозгъ. Вслѣдъ за хлѣбомъ явился кусокъ сыру и кувшинъ, увѣнчанный высоко вздымавшеюся пѣной. Онъ поставилъ все это на круглый столъ сосноваго дерева, стоявшій противъ его широкаго кресла, у камина. По обѣимъ сторонамъ кресла помѣщались: съ одной стороны корзина Лисички, съ другой полка съ нѣсколькими книгами. Столъ и каменный полъ были такъ же чисты, какъ еслибы Лисичка была настоющею хозяйкой въ клѣтчатомъ передникѣ. На старыхъ рѣзныхъ дубовыхъ столахъ и стульяхъ, которыя въ наши дни за дорогую цѣну раскупились бы по аристократическимъ домамъ, но которые, въ это время тонконогой мебели и тощихъ купидоновъ, достались Бартлю за какіе-то пустяки, было такъ мало пыли, какъ только могло быть къ концу лѣтнаго дня.

— Ну, Адамъ, начинайте-ка. Мы не будемъ говорить о дѣлѣ, пока не поужинаемъ. Но, замѣтилъ Бартъ, вставая съ своего мѣста,—мнѣ еще надо подумать объ ужинѣ Лисички,—ну ее со-

всѣмъ,—хоть я и знаю, что все это пойдетъ на прокормленіе щенятъ. Всѣ эти женщины одинаковы; о поддержаніи мозга имъ нечего заботиться, потому что его у нихъ нѣтъ, такъ все, что онѣ ѣдятъ, переходитъ или въ жиръ, или къ ребятишкамъ.

Онѣ вынесъ изъ чулана цѣлое блюдо остатковъ, на которое Лисичка тотчасъ же устремила свои взоры, и которое она, выпрыгнувъ изъ корзины, подлизала съ величайшею поспѣшностію.

— Ужъ я поужиналъ, мистеръ Масси, ятакъ мнѣ остается глядѣть, какъ вы будете кушать. Я былъ на господской фермѣ, а у нихъ, вы знаете, ужинають спозаранку: тамъ рано ложатся, не по вашему.

— Почему мнѣ знать, какіе тамъ порядки? сурово отвѣчалъ Бартль Масси, отрѣзывая себѣ домоть хлѣба, причемъ захватилъ часть корки.—Я рѣдко хожу въ этотъ домъ, несмотря на то, что я мальчиковъ люблю и Мартина считаю за хорошаго человѣка. Тамъ для меня слишкомъ много женщинъ. Мнѣ тошно слушать женскіе голоса; онѣ вѣчно либо жужжать, либо пищать. Въ разговорѣ только и слышишь, что голосъ мистрисъ Пойзеръ, который такъ и раздается, точно труба; что же касается до молодыхъ дѣвокъ, то мнѣ на нихъ смотрѣть все равно, что смотрѣть на водяныхъ червячковъ; я знаю, что изъ нихъ выйдеть: комары кусаки. Ну-ка, приятель, отвѣдайте-ка пива, оно принесено для васъ.

— Нѣтъ, мистеръ Масси, возразилъ Адамъ, который на этотъ разъ болѣе обыкновеннаго принималъ къ сердцу выходки своего стараго друга,—не отзывайтесь такъ строго о созданіяхъ, которыми Господь Богъ назначилъ служить намъ подругами. Плохо жить рабочему человѣку безъ жены, которая могла бы и за домомъ присмотрѣть, и за съѣстными припасами, и во всемъ поддерживать уютное удобство и опрятность.

— Вздоръ! не ожидалъ я, чтобъ умный человѣкъ, какъ вы, повѣрилъ такой глупой выдумкѣ, будто женщины содѣйствуютъ уютности и удобствамъ домашней жизни. Надо было, когда разъ уже онѣ существуютъ на свѣтѣ, оправдать ихъ существованіе: вотъ и сочинили эту сказку. Вѣрьте мнѣ, нѣтъ такого полезнаго дѣла, котораго бы мужчина не исполнилъ лучше женщины, кромѣ рожденія дѣтей, да и за это-то дѣло онѣ берутся такъ глупо, что лучше бы оно было предоставлено мужчинамъ. Вѣрьте мнѣ, женщина будетъ каждую недѣлю печь пироги, а съ тѣмъ и въ гробъ ляжетъ, что не догадается, что тѣмъ жарче печь, тѣмъ скорѣе они испекутся. Вѣрьте мнѣ, женщина будетъ въ продолженіе двадцати лѣтъ каждый день варить похлебку, и никогда не приноровится къ настоящей пропорціи молока и муки; немного больше, немного меньше, по ея мнѣнію, ровно ничего не зна-

чѣтъ, а не удалась похлебка, что у нихъ сплошь да рядомъ биваетъ, такъ, послушать ихъ, тому причиной или мука, или молоко, или вода. Да вотъ хоть бы я: я самъ пеку свои хлѣбы, и круглый годъ они выходятъ у меня одинаковы. А будь-ка у меня въ домѣ другая женщина, кромѣ Лисички, тогда мнѣ только и оставалось бы, что молить себѣ у Господа Бога терпѣнія, да давиться недопеченымъ хлѣбомъ. А ужъ насчетъ чистоты мой домъ поспорить со всякимъ другимъ домомъ изъ всѣхъ, построенныхъ здѣсь вокругъ на мирской землѣ, даромъ что половина изъ нихъ биткомъ набита женщинами. Сынишка Вилла Бекера приходитъ ко мнѣ поутру, и намъ съ нимъ съ одного часа довольно, чтобъ убраться безъ всякой суетни, тогда какъ женщина провозилась бы цѣлыхъ три часа, да еще пролила бы вамъ нѣсколько шаекъ горячей воды на ноги, либо до обѣда продержала бы васъ въ комнатѣ, загроможденной утюгами и кирпичами, о которые того и гляди, что всѣ ноги переломаетъ. Лучше вы и не говорите мнѣ, что Богъ этимъ тварямъ назначилъ служить намъ подругами. Я не спору: Евву, быть-можетъ, Онъ на то и сотворилъ, чтобъ служить подругой Адаму въ раю: тамъ не было ни кушанья, которое можно было бы портить, ни другихъ женщинъ, съ которыми бы можно было наболтать и надѣлать всякихъ бѣдъ, да и то вѣдь какую штуку она выкинула, какъ только представился случай! Но считать существованіе женщинъ за благодѣяніе Божіе и въ настоящее время—это грѣшно и противно Священному Писанію. Послѣ того и ось, и змѣй, и дикихъ звѣрей можно считать за благодѣянія Божіи, тогда какъ они составляютъ часть золь, знаменующихъ годы нашего испытанія, золь, отъ которыхъ человѣку позволительно удаляться на сколько возможно въ этой жизни, въ надеждѣ навсегда избавиться отъ нихъ въ будущей.

Бранная рѣчь эта до того воспламенила и раздражила Бартля, что онъ совсѣмъ забылъ про ужинъ; единственное употребленіе, которое онъ дѣлалъ изъ своего ножа, состояло въ томъ, что онъ ручкой его стучалъ по столу. Но къ концу рѣчи удары сдѣлались до того сильны и часты, голосъ его до того задоренъ, что Лисичка сочла своею обязанностью выскочить изъ своей корзины и разразиться громкимъ лаемъ.

— Смирно, Лисичка! прикрикнулъ на нее Бартль. — Ты не лучше другихъ женщинъ, всегда вставишь свое слово, не разобравъ прежде, въ чемъ дѣло.

Сконфуженная Лисичка снова возвратилась въ корзину, а хозяинъ ея вспомнилъ объ ужинѣ и погрузился въ молчаніе, которое Адамъ не считалъ за нужное прерывать. Онъ зналъ, что стоить только дать старику поужинать и закурить трубку, и онъ раз-

веселится. Адамъ часто слыхалъ отъ него подобныя сужденія, но мало имѣлъ свѣдѣній о прошлой жизни Бартля, и вовсе не зналъ, на сколько эти воззрѣнія на семейную жизнь основывались на личномъ опытѣ. Обо всемъ, что клонилось къ разрѣшенію этого вопроса, Бартль хранилъ глубокое молчаніе. Глубокою тайной оставалось для всѣхъ даже самое мѣсто его жительства до той поры, когда двадцать лѣтъ тому назадъ, на счастье окрестныхъ ремесленниковъ и крестьянъ, онъ поселился между ними, въ качествѣ единственнаго ихъ школьнаго учителя. Когда кто-нибудь отваживался предложить ему по этому поводу нѣчто въ родѣ вопроса, Бартль всегда отвѣчалъ: «О! да мало ли, гдѣ я перебывалъ! Я долго жилъ на Югѣ.» А лонширскимъ жителямъ скорѣе пришло бы въ голову освѣдомиться поименно о какомъ-нибудь селеніи или городѣ въ Африкѣ, нежели на Югѣ.

— Ну, любезный другъ, началъ наконецъ Бартль, наливъ себѣ вторую кружку пива и закуривъ трубку, — ну, теперь мы побесѣдуемъ. Только прежде скажите мнѣ, не слыхали ли вы сегодня какихъ важныхъ новостей?

— Нѣтъ, сколько я помню, отвѣчалъ Адамъ.

— Такъ, такъ, это будутъ держать подъ спудомъ, я напередъ зналъ. До меня это дошло случайно; оно отчасти и до васъ касается, Адамъ; не умѣю я отличить квадрата отъ куба, когда это не такъ.

Здѣсь Бартль нѣсколько разъ съ поспѣшностью и ожесточеніемъ затянулся изъ трубки, глядя между тѣмъ внимательно на Адама. Нетерпѣливые, словоохотливые люди никогда не умѣютъ поддерживать огонь въ трубкѣ, вытягивая изъ нея дымъ умеренно и своевременно: они всегда дадутъ ей почти погаснуть, а тамъ указываютъ ее за эту неисправность. Наконецъ онъ продолжалъ:

— Сеччеля разбилъ параличъ. Я это узналъ отъ мальчика, котораго сегодня еще въ седьмомъ часу услали въ Тредльстонъ за докторомъ. Ему слишкомъ шестьдесятъ лѣтъ, какъ вамъ извѣстно, врядъ ли онъ встанетъ.

— Что жъ, отвѣчалъ Адамъ, — можно поручиться, что въ приходѣ радости будетъ больше чѣмъ горя, когда его не станетъ. Онъ былъ себялюбивый человекъ, охотникъ до пересказовъ и всѣмъ вредилъ. Но, сказать правду, никому онъ такъ не повредилъ, какъ самому старому сквайру. Впрочемъ и самъ сквайръ въ этомъ виноватъ: изъ экономіи, чтобы не нанимать порядочнаго человека, который бы могъ управлять имѣніемъ, онъ взялъ дурака и употребляетъ его, какъ человека годнаго на всѣ руки. Черезъ дурное управленіе лѣсами, онъ потерялъ болѣе того, чего бы ему стоило нанимать двухъ управляющихъ. Если Сеччель умретъ, то должно надѣяться, что онъ очиститъ мѣсто для болѣе-способнаго

человѣка. Но все-таки я не вижу, какъ все это можетъ до меня касаться.

— А я такъ вижу! воскликнулъ Бартль:—и другіе видятъ, кромѣ меня. Капитанъ скоро будетъ совершеннолѣтнимъ, какъ вамъ извѣстно, и должно полагать, что тогда у него будетъ болѣе голоса въ дѣлахъ. А я знаю, да и сами вы не хуже моего знаете, кому капитанъ желалъ бы поручить управленіе лѣсами, еслибъ очистилось это мѣсто. Онъ во всеуслышаніе говоритъ, что будь на то его воля, онъ завтра же сдѣлалъ бы васъ главнымъ лѣсничимъ. Самъ Карроль, дворецкій мистера Ирвина, слышалъ, какъ на дняхъ капитанъ говорилъ объ этомъ съ его господиномъ. Карроль заходилъ къ Кессону, у котораго мы сидѣли и курили свои трубки въ субботу вечеромъ, и сказывалъ намъ объ этомъ. А ужъ пасторъ, ручаюсь въ томъ, всегда готовъ поддакнуть тому, кто замолвитъ о васъ доброе слово. Объ этомъ много было говорено у Кессона. Нашлись люди, которые въ васъ и камышкомъ пустили. Ужъ коли ослы затѣяли пѣть, то можно заранѣе догадаться, какая изъ этого выйдетъ музыка.

— И все это говорилось при мистерѣ Борджѣ, спросилъ Адамъ,—или его тамъ не было въ субботу?

— Нѣтъ, онъ ушелъ еще до прихода Карроля, а вѣдь Кессонъ вы знаете, всегда любитъ перечить: доказывалъ, будто Борджъ именно такой человѣкъ, какой нуженъ для управленія лѣсами. По крайней мѣрѣ, говорилъ онъ, это человѣкъ положительный, лѣтъ шестьдесятъ имѣющій дѣло съ лѣсомъ. Адамъ былъ бы годеиъ ему въ помощники, но нельзя предполагать, чтобы сквайръ предпочелъ молодаго человѣка какъ Адамъ, когда есть и постарше и получше его подъ рукой. А я ему въ отвѣтъ: «хорошо же вы сообразили, Кессонъ; или вы не знаете, что у Борджа дѣло такое, что ему самому нуженъ лѣсъ? Какъ отдашь ему лѣсъ въ распоряженіе, онъ и станеть его продавать самъ себѣ по такой цѣнѣ, какая ему выгоднѣе. Небось, вы не поручите своимъ посѣтителямъ писать счетъ тому, что они у васъ выпили, не такъ ли? Что же касается до старости, то это не всегда достоинство: это смотря по человѣку. Всѣмъ извѣстно, кто управляетъ всѣмъ дѣломъ у Джонатана Борджа.»

— Спасибо вамъ за доброе слово, мистеръ Масси, отвѣчалъ Адамъ,—но на этотъ разъ Кессонъ былъ отчасти правъ. Врядъ ли старый сквайръ выбереть меня; я его оскорбилъ года два тому назадъ, и онъ еще этого не забылъ.

— Какъ же это случилось? вы мнѣ ничего объ этомъ не рассказывали.

— О, вышло-то все дѣло изъ-за пустяковъ: я работалъ для миссъ Лидіи рамку для экрана; она вѣдь, знаете, все что-ли-

будь вышиваетъ по канвѣ. Она очень подробно объяснила мнѣ, какъ сдѣлать этотъ экранъ; тутъ столько было толковъ и соображеній, будто мы составляли планъ цѣлаго дома. Впрочемъ, заказъ былъ важный, и мнѣ пріятно было работать на миссъ Лидію. Но, вы знаете, эти маленькія щегольскія вещицы много берутъ времени. Я же работалъ надъ этимъ только въ свободные часы, иногда поздно ночью; мнѣ приходилось по нѣскольку разъ ходить въ Тредльстонъ за маленькими мѣдными гвоздями и тому подобныи приборомъ; ножки и шарики были точеные, украшенны всѣ рѣзныя, по образцу, самой тонкой работы. Окончивъ экранъ, я остался имъ очень доволенъ. Итакъ я отнесъ его въ замокъ, и миссъ Лидія позвала меня съ нимъ въ гостиную, чтобы показать мнѣ, какъ надо вставить въ него работу. Работа была чудесная, не хуже картины; на ней были представлены Іаковъ и Рахиль, цѣлующіеся между барашковъ. Старый сквайръ былъ тоже тутъ: онъ обыкновенно сидитъ вмѣстѣ съ нею. Ну-съ, она была въ восхищеніи отъ экрана и спросила, сколько мнѣ за него слѣдуетъ. Я отвѣчалъ не наобумъ; вы знаете, это не въ моихъ привычкахъ;—я все сообразилъ приблизительно, хотя и не написалъ счета, и отвѣчалъ: фунтъ тринадцать шиллинговъ. Тутъ входили въ расчетъ и матеріалъ и работа, и то и другое по умѣренной цѣнѣ. Но старый сквайръ поднялъ голову, прищурился, по обыкновенію, на экранъ и проговорилъ: «Фунтъ тринадцать шиллинговъ за такую бездѣлицу! Лидія, милая, если ты ужъ непременно хочешь тратить деньги на эти вещи, зачѣмъ ты не покупаешь ихъ въ Россетеръ, вмѣсто того, чтобы платить здѣсь двойную цѣну за топорную работу? Ну гдѣ плотнику, какъ Адамъ, работать такія вещи? Дай ему гинею, и будетъ съ него.» Миссъ Лидія должно-быть повѣрила ему, къ тому же и сама не очень охотно разстается съ своими деньгами; въ душѣ она не дурная женщина, но не даромъ же воспитывалась она подъ его надзоромъ. Вотъ она и начала играть своимъ кошелькомъ, а сама сдѣлалась краснѣе своей ленты. Я поклонился и отвѣчалъ: «Не беспокойтесь, сударыня; если позволите, я вамъ подарю этотъ экранъ. Я назначилъ своей работѣ настоящую цѣну и знаю, что она исполнена хорошо. Я знаю также, не во гнѣвъ будь сказано его милости, что въ Россетеръ вы не купите такого экрана дешевле двухъ гиней. Я охотно дарю вамъ свою работу; я ею занимался въ свободное время, и никто кромѣ меня до нея не прикасался. Но если вы хотите заплатить мнѣ, то я не могу взяться васъ менѣе того, что назначилъ,—это значило бы признаться, что я запросилъ съ васъ лишнее. Итакъ, съ вашего позволенія, желаю вамъ счастливо оставаться.» Я поклонился и вышелъ, прежде чѣмъ она успѣла выговорить слово; она, какъ

одурѣвшая, стояла съ кошелькомъ въ рукахъ. Я вовсе не имѣлъ намѣренія сдѣлать грубость и говорилъ такъ вѣжливо, какъ только могъ. Но не могу же я уступить человѣку, который воображаетъ, что я хочу обмануть его, и хочетъ вывести меня на свѣжую воду. Вечеромъ лакей принесъ мнѣ фунтъ тринадцать шиллинговъ, завернутые въ бумажкѣ. Но я вижу ясно, что съ той поры старый сквайръ не влюбилъ меня.

— Это очень можетъ быть, очень можетъ быть, задумчиво проговорилъ Бартль.—Единственный способъ смягчить его было бы доказать ему, въ чемъ состоитъ его собственная польза. А это капитанъ могъ бы сдѣлать, право, могъ бы сдѣлать.

— Нѣтъ, не думаю, отвѣчалъ Адамъ.—Сквайръ, нечего говорить, довольно проникателенъ; но, для того, чтобы человѣкъ могъ видѣть, въ чемъ состоитъ его настоящая польза, нужно еще кромѣ проникательности кой-что другое. Для этого нужно, чтобы у него была совѣсть и вѣра въ добро и зло. Врядъ ли вы когда втолкуете старому сквайру, что онъ столько же выиграетъ честными, прямыми путями, сколько хитростями и изворотами. Да и кромѣ того, я не имѣю большаго желанія служить ему. Мнѣ не хотѣлось бы ссориться съ какимъ бы то ни было джентльменомъ, тѣмъ болѣе съ старымъ джентльменомъ, которому лѣтъ за восемьдесятъ будетъ, а съ нимъ, я знаю, мы не могли бы долго ладить. Еслибы капитанъ былъ владельцемъ имѣнія, тогда дѣло другое: у этого есть и совѣсть и желаніе поступать честно; я сталъ бы трудиться для него, какъ не сталъ бы ни для кого на свѣтѣ.

— Добро, добро, мой милый; если счастье поступится къ вамъ въ дверь, не высовывайте же голову въ окошко и не прогоняйте его отъ себя прочь. Въ жизни, какъ и въ ариѳметикѣ, надо умѣть справляться и съ четомъ и съ нечетомъ. Я и теперь скажу вамъ то же, что говорилъ вамъ десять лѣтъ тому назадъ, когда вы поколотили Майка Гольдсворта за то, что тотъ хотѣлъ сбыть фальшивый шиллингъ,—не удостовѣрившись, въ шутку ли онъ хотѣлъ это сдѣлать, или въ самомъ дѣлѣ. Вы слишкомъ вспыльчивы, слишкомъ горды и слишкомъ задорны съ людьми, которые не совсѣмъ по васъ. Если я немного черезчуръ горячъ и неподатливъ, то въ этомъ большой бѣды нѣтъ. Я старый школьный учитель, и дальше этого не хочу идти. Но зачѣмъ же я такъ трудился надъ вами и училъ васъ и чистописанію, и черченію, и геометріи, если вы не пойдете далеко въ жизни и не докажете добрымъ людямъ, что не даромъ у васъ на плечахъ посажена голова, а не рѣпа? Или вы думаете, что можно при всякомъ удобномъ случаѣ отворачивать носъ благо чутье у васъ тоньше и вы различаете запахъ, котораго никто, кромѣ васъ, и не подо-

врѣваетъ? Это также одно изъ вашихъ глупыхъ убѣжденій, въ родъ того, будто женщина услаждаетъ жизнь рабочаго человѣка. Все это чистый вздоръ. Предоставьте это дуракамъ, которые ничему не учились, кромѣ сложенія; хорошо сложеніе, нечего сказать! Дуракъ да дура, да черезъ нѣсколько лѣтъ, смотришь, еще пять-шесть дурачковъ. Ну, какой въ этомъ прокъ?

Въ продолженіе этой, не совсѣмъ спокойной апологіи хладнокровія и умѣренности, трубка погасла, и Бартль заключилъ свою рѣчь, неистово черкнувъ зажигательною спичкой о заслонку камина, послѣ чего онъ принялся затягиваться съ ожесточенною рѣшимостью, не переставая глядѣть на Адама, который съ трудомъ удерживался, отъ смѣха.

— Въ томъ, что вы говорите, мистеръ Масси, началъ Адамъ, какъ скоро онъ осилилъ свое расположеніе къ смѣху, — много здраваго смысла, какъ и всегда; но согласитесь, что мнѣ не слѣдуетъ строить плановъ для будущаго, основываясь на предположеніяхъ, которыя могутъ и не осуществиться. Мое дѣло работать съ тѣми орудіями и матеріалами, которые у меня подъ рукой. Если представится счастливый случай, я подумаю о томъ, что вы сейчасъ говорили. Но до тѣхъ поръ я ни на что не долженъ полагаться, кромѣ собственныхъ рукъ и собственной головы. Я обдумываю теперь небольшое предпріятіе, хочу съ Сетомъ заняться столярнымъ дѣломъ въ небольшихъ размѣрахъ, самъ по себѣ, и зашибать такимъ образомъ лишній фунтъ или два. Однако, становится поздно, будетъ около одиннадцати часовъ, прежде чѣмъ я доберусь до дому; а матушка можетъ еще не спать; она теперь стала безпокойнѣе прежняго. Итакъ желаю вамъ доброй ночи.

— Пойдите, мы васъ проводимъ до воротъ, сегодня славная ночь, сказалъ Бартль и взялся за палку. Лисичка тотчасъ была на ногахъ, и всѣ трое безъ дальнѣйшихъ объясненій направились, при свѣтѣ звѣздъ, вдоль Бартлевыхъ градъ съ картофедемъ, къ калиткѣ.

— Приходите въ пятницу къ уроку пѣнія, если можете, проговорилъ старикъ, запирая за Адамомъ калитку и прислоняясь къ ней.

— Хорошо, хорошо, отвѣчалъ Адамъ, направляясь къ блѣдной полосѣ, означавшей дорогу. Онъ былъ единственнымъ движущимся предметомъ на всемъ широкомъ пространствѣ мірскаго выгона. Два сѣрыхъ осла, видѣвшіеся противъ терноваго кустарника, стояли неподвижно, какъ известковыя изваянія, такъ же неподвижно, какъ сѣрая соломенная крыша надъ землянкой, видѣвшеюся въ нѣкоторомъ отдаленіи. Бартль слѣдилъ глазами за этою движущеюся фигурой, пока она не скрылась во мракѣ; между

тѣмъ Лисичка, которой привязанности были въ настоящую минуту раздѣлены, раза два успѣла сбѣгать домой и ползать съ материнскою нѣжностью своихъ щенятъ.

— Такъ , такъ , проговорилъ школьный учитель, когда Адамъ открылся изъ виду;— вотъ ты теперь идешь себѣ впередъ бодрою поступью , а былъ ли бы ты такимъ , еслибы старый , хромой Бартъ не удѣлилъ тебѣ частицы своего ума-разума? Вѣдь и самому здоровому теленку что-нибудь да нужно же сосать. И много этихъ молодцоватыхъ, рослыхъ ребятъ, которые никогда не научились бы читать безъ Бартля Масси. Ну, Лисичка, глухая дѣвка, чего тебѣ надо? Хочешь, чтобъ я шель домой, да? Такъ, такъ, у меня ужъ теперь ни въ чемъ не будетъ своей воли. Да, скажи-ка ты мнѣ, какъ ты думаешь, что мнѣ дѣлать съ этими ребятишками, когда они вдвое перерастутъ тебя? Я сильно подозреваю, что отецъ ихъ не кто иной какъ бульдогъ Вилла Бекера, — что, угадалъ, плутовка?

Тутъ Лисичка поджала хвостъ и побѣжала впередъ къ дому. Есть разговоры, въ которыхъ благовоспитанныя женщины не участвуютъ.

— Что пользы толковать съ женщинами, у которыхъ грудные ребята? продолжалъ Бартъ.— Совѣсти у нихъ нѣтъ; нѣтъ совѣсти; все съ молокомъ уходить.

ГЛАВА XXII.

СБОРЫ.

Настало 30-е июля; это былъ одинъ изъ тѣхъ жаркихъ дней, которыхъ не болѣе шести можно насчитать въ цѣлое англійское лѣто. Въ послѣдніе три или четыре дня не было дождя, и погода стояла такая, что лучшей нельзя было ожидать по времени года. На темнозеленыхъ кустахъ изгородей и на полевой ромашкѣ, окаймлявшей дороги, было менѣе обыкновеннаго пыли; между тѣмъ трава была на столько суха, что ребятишки могли по ней кататься, и въ небѣ, за исключеніемъ легкихъ, пушистыхъ полосокъ, разбросанныхъ въ далекой глубинѣ лазурнаго пространства, не было ни одного облачка. Прекрасная погода для праздника подъ открытымъ небомъ, но конечно не лучшее время года, въ которое можетъ родиться человекъ. Для природы тутъ настаетъ пора отдыха; лучшіе цвѣты отцвѣли; очаровательная пора ранняго развитія и неясныхъ надеждъ миновала; между тѣмъ

время жатвы еще не настало, и мы трепещемъ при мысли о возможныхъ буряхъ, которыя грозятъ уничтожить почти уже созрѣвшіе посѣвы. Лѣса слились въ однообразную темную зелень; по дорогамъ уже не тнутса вoзы, нагруженныя сѣномъ, цѣпляясь своими душистыми клочьями за кусты ежевики. Пастъбища приняди тамъ и сямъ уже нѣсколько бурый оттѣнокъ, но нивы еще не успѣли убраться во всю роскошь своихъ желтыхъ и красныхъ отливовъ. Барашки и телата утратили всю рѣзвую милость отрочества и превратились въ глупыхъ барановъ и толдокъ. Но этотъ промежутокъ между сѣнокосомъ и жатвой—время досуга на фермахъ, и всѣ фермеры и земледѣльцы въ Гейслопъ и Брокстонъ были того мнѣнія, что капитанъ очень умно поступаетъ, достигнувъ совершеннolѣтія въ такую пору, когда они могутъ беззаботно распить бочку эда, варенную еще осенью въ тотъ самый годъ, когда родился «наслѣдникъ», и которую надлежало почать въ тотъ день, когда ему исполнится двадцать одинъ годъ. Еще съ ранняго утра весело раздавался въ воздухѣ звонъ колоколовъ, и каждый торопился управиться съ необходимымъ дѣломъ до двѣнадцати часовъ: около этого времени надобно было собираться въ чезъ.

Лучи полуденнаго солнца струились въ спальню Гетти и, не заслоняемые занавѣсками, палили ей голову въ то время, какъ она смотрѣлась въ старое, испещренное пятнами зеркало. Это все-таки было единственное зеркало, въ которомъ она могла видѣть свои руки и шею, потому что маленькое висячее зеркальце, которое она принесла изъ сосѣдней комнаты, бывшей Динной, ничего уже не отражало ниже ея маленькаго подбородка и той части ея красивой шейки, гдѣ округлость щекъ сливалась съ другою округлостью, отбѣняемою темными нѣжными кудрями. Въ этотъ день она болѣе обыкновеннаго заботилась о своихъ рукахъ и шеѣ, по той причинѣ, что ей предстояло явиться къ вечернимъ танцамъ безъ косынки. Наканунѣ она перешла свое праздничное платье съ розовыми крапинками и передѣлала рукава его такъ, что можно было носить ихъ длинными, или укоротить по произволу. Теперь она примѣривала свой полный вечерній нарядъ. За исключеніемъ шемизетки изъ настоящаго кружева, которую тетка дала ей надѣть ради экстренности случая, на ней не было никакихъ украшеній; даже маленькія круглыя сережки, которыя она всегда носила, были вынуты. Но, прежде чѣмъ надѣть шейный платокъ и длинные рукава, въ которыхъ она должна была проходить до вечера, ей, повидимому, оставалось еще что-то сдѣлать. Она открыла ящикъ, содержащій ея заветныя драгоценности. Намъ уже разъ удалось подсмотреть, какъ она открывала этотъ ящикъ; съ тѣхъ поръ прошло уже

олѣе мѣсяца. Теперь онъ вытѣщаетъ новыя сокровища, и эти новыя такъ несравненно драгоценнѣе старыхъ, что послѣднія уже спрятаны въ уголь. Теперь Гетти уже не до большихъ серегъ въ цвѣтнаго стекла! Посмотрите, у нея теперь завелась пара расивыхъ золотыхъ серегъ съ жемчугомъ и гранатами, и уложены онѣ уютно въ хорошенькомъ футлярѣ, обитомъ бѣлыми гласомъ. О! какъ весело раскрывать этотъ футляръ и любоваться на серьги! Не пускайтесь объ этомъ въ разсужденія, мой, глубокомысленный читатель, и не говорите, что Гетти, будучи очень дорожа собой, должна была знать, что рѣшительно все равно, въ серьгахъ ли она, или нѣтъ; не говорите, что къ тому же серьги, которыхъ она не могла носить внѣ своей спальни, не могли доставлять ей большаго удовольствія, такъ какъ сущность тщеславія заключается въ постоянномъ обращеніи къ впечатлѣнію, производимому на другихъ: вы никогда не поймете природы женщины, ежели будете такъ чрезмѣрно послѣдовательны въ своихъ сужденіяхъ. Постарайтесь, напротивъ, освободиться отъ всѣхъ рациональныхъ предубѣжденій, какъ будто бы вы готовились изучать психологию канарейки. Прослѣдите только за движеніями этого кругленькаго, хорошенькаго созданія въ то время, какъ она наклоняетъ на сторону головку и бессознательно улыбается при видѣ серегъ, которыя такъ уютно уложились на днѣ футляра. Вы, быть-можетъ, думаете, что онѣ дороги ей изъ-за особы, подарившей ихъ, и что мысли ея теперь обращаются къ той минутѣ, когда онѣ были ей вручены. Но вы ошибаетесь! Если такъ, то зачѣмъ же бы ей дорожить именно серьгами, а не чѣмъ-либо другимъ? А я знаю навѣрное, что именно серьги хотѣлось ей имѣть, предпочтительно передъ всякими другими украшеніями, о которыхъ она только могла подумать:

— Маленькія, маленькія ушки! сказалъ Артуръ, показывая видъ, что щиплетъ ихъ, однажды вечеромъ, когда Гетти безъ шляпки сидѣла рядомъ съ нимъ на травѣ. «Какъ бы мнѣ хотѣлось имѣть хорошенькія серьги!» тотчасъ воскликнула она, почти не успѣвъ подумать о томъ, что говорила. Желаніе это было такъ готово вырваться у нея наружу, что оно не могло не сорваться у нея съ языка при малѣйшемъ намекѣ. На другой день, дѣло было не далѣе какъ на прошлой недѣлѣ, Артуръ нарочно поѣхалъ въ Россетеръ за серьгами. Маленькое желаніе, такъ навѣрно выраженное, показалось ему самою милою ребяческою выходкой, восхитительнѣе которой онъ ничего въ жизни не слыхалъ. Онъ завернулъ футляръ въ нѣсколько обертокъ и воображалъ себѣ возрастающее любопытство, съ которымъ Гетти будетъ ихъ развертывать одну за другою, и восхищеніе, съ которымъ ея взглядъ обратится на него. Но не о томъ, кто подарилъ ей серьги, думала она, любила на

нихъ. Вотъ она теперь вынимаетъ ихъ изъ ящика, не за тѣмъ, чтобы прижать ихъ къ губамъ, а чтобы вдѣть ихъ себѣ въ уши хоть на минуту, и полюбоваться на нихъ въ маленькое зеркальце, висающее на стѣнѣ, и склоняетъ голову то на ту, то на другую сторону, подобно прислушивающейся птичкѣ. Глядя на нее, невозможно оставаться безпристрастнымъ судьей въ вопросѣ о сережкахъ. На что и сотворены эти нѣжные кристаллы и жемчужины, какъ не на то, чтобы служить украшеніемъ подобнымъ ушкамъ? Нельзя даже находить ничего дурнаго въ крошечной кругленькой скважинкѣ, которую они оставляютъ, когда вынуты. Почему знать? Можетъ, у русалокъ и тому подобныхъ бездушныхъ красивыхъ созданій самою природою продѣланы въ ушахъ точно такія же круглыя скважины для привѣшиванья драгоценныхъ каменьевъ. Гетти, должно-быть, одной съ ними породы. Слишкомъ тяжело подумать, что она женщина, безсознательно опутывающая себя паутиной безумныхъ надеждъ и тщеславныхъ помысловъ, которые, рано или поздно, охватятъ ее желѣзною сѣтью, и превратятъ всю эту дѣтскую игру ощущений, всю эту безпечность бабочки въ глубокое страданіе человеческой души.

Но она уже должна разстаться съ серьгами, изъ опасенія заставить дядю и тетку дожидаться себя. Она поспѣшно кладетъ ихъ снова въ ящикъ и запираетъ. Настанетъ время, когда ей можно будетъ щеголять въ какихъ угодно серьгахъ, и она уже мысленно переносится въ тотъ міръ, гдѣ все роскошныя наряды, блестящій газъ, мягкій атласъ и бархатъ, въ тотъ міръ, въ который горничная миссъ Лиди дала ей заглянуть, показавъ ей гардеробъ своей госпожи. Она уже чувствуетъ у себя на рукахъ браслеты и стоитъ на мягкомъ коврѣ передъ высокимъ зеркаломъ. Но у нея въ шкатулкѣ есть одна вещица, которую надѣть она откажется сегодня; она можетъ привѣсить ее на нитку темно-коричневыхъ бусъ, которую она носитъ по торжественнымъ днямъ съ маленькимъ плоскимъ флакончикомъ для духовъ, запятаннымъ за лѣтъ; сегодня она непременно должна надѣть коричневые бусы, безъ нихъ у нея на шеѣ чего-то не доставало бы. Медальионъ былъ для Гетти далеко не такъ дорогъ, какъ серьги, несмотря на то, что то былъ красивый, большой медальионъ съ эмалевыми цвѣтами на оборотѣ и съ золотымъ ободочкомъ вокругъ стекла, за которымъ виднѣлась волнистая прядь свѣтло-каштановыхъ волосъ, служившихъ фономъ для двухъ мелкихъ темныхъ колечекъ. Она не могла носить медальиона иначе какъ подъ платьемъ, и никто не могъ его видѣть. Но у Гетти, кромѣ страсти къ нарядамъ, была еще другая страсть, очень немногимъ уступавшая первой, и эта-то другая страсть

породила въ Гетти желаніе носить медальйонъ, хотя бы и скрытымъ на груди. Она желала бы носить его постоянно; еслибы только была увѣрена въ своемъ умѣннѣ найдтиса на теткинн разспросы о томъ, что это у нея за лента на шеѣ. Итакъ она прицѣпила медальйонъ на нитку темно-коричневыхъ бусъ и заткнула его себѣ за платье. Нитка была не очень длинная, такъ что медальйонъ только чуть-чуть свѣшивался пониже выемки ея лифа. Теперь ей ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ только надѣть длинные рукава, новый гавовый шейный платочекъ и соломенную шляпу, подбитую на этотъ разъ уже не розовою матеріей полинявшою подъ іюльскимъ солнцемъ, а бѣлою. По поводу этой шляпки черная тучка омрачила для Гетти сегодняшній день: всѣмъ должно было кинутся въ глаза, что соломка, противъ бѣлыхъ лентъ, нѣсколько потемнѣла; предчувствіе говорило ей, что на Мери Борджъ будетъ новая шляпка. Чтобы утѣшиться, она взглянула на свои красивые бѣлые бумажные чулки; они въ самомъ дѣлѣ были недурны: она истратила на нихъ бѣольшую часть сбереженныхъ ею денегъ. Все, что ни мечталось Гетти въ будущемъ, не могло заглушить въ ней желанія первенствовать и въ настоящемъ. Она была увѣрена, что кашиганъ Донмиторнъ любить ее такъ сильно, что ему дѣла нѣтъ до другихъ, но вѣдь эти другія не знаютъ, до какой степени онъ къ ней привязанъ, и ей было бы тяжело даже на короткое время явиться передъ ними ничтожною и дурно одѣтою

Когда Гетти сошла внизъ, все семейство было уже въ сборѣ. На всѣхъ, конечно, были надѣты лучшія платья. Колокола такъ весело трезвонили все это утро въ честь двадцать-первой годовщины рожденія капитана, всѣ работы такъ рано были окончены, что у Марти и Томми душа была не на мѣстѣ, пока мать не объяснила имъ, что церковная служба не входитъ въ составъ церемоніала этого дня. Мистеръ Пойзеръ заикнулся было, что домъ можно бы запереть кругомъ, пусть его самъ себя сторожитъ, потому что, замѣтилъ онъ, теперь нечего опасаться, чтобы кто забрался: весь народъ нахлынетъ въ чезъ, въ томъ числѣ и воры.

— Если мы запремъ домъ, всѣмъ работникамъ можно будетъ уйдти. Другаго такого дня они во всю жизнь не увидятъ.

Но мистрисъ Пойзеръ возразила очень рѣшительно:

— Съ тѣхъ поръ, какъ я стала хозяйкой дома, я никогда не оставляла дома пустымъ и никогда не оставляю. На этой недѣлѣ тутъ столько бродило подозрительныхъ людей, что, пожалуй, безъ насъ все оберутъ до послѣдней ложки, до послѣдняго окорока. Ужь эти бродяги всегда за одно. Еще диво, какъ это не отравятъ собакъ и не перерѣжутъ всѣхъ насъ въ постеляхъ, прежде чѣмъ

мы успѣемъ спохватиться, въ любую ночь съ пятницы на субботу, когда въ домѣ бываютъ деньги для расплаты съ работниками. Ужь я ручаюсь тебѣ, бродяги не хуже насъ самихъ знаютъ, что мы дымаемъ и куда мы отлучаемся. Если нечистому есть гдѣ понутать, то, повѣрь, онъ случая не упустишь.

— Ну ужь, что въ постеляхъ-то насъ зарѣжутъ, это вздоръ, отвѣчалъ мистеръ Пойзеръ. — Развѣ у меня нѣтъ въ комнатѣ ружья? А слухъ-то у тебя на что такой, что ты разслушаешь, когда мышь грызетъ ветчину? Впрочемъ, если ты безпокоишься, то до обѣда можешь остаться дома Аликъ, а къ пяти часамъ его можешь смѣнить Тимъ. Если заберется какой недобрый чело-вѣкъ, можно будетъ спустить Гроулера, да и Аликова собака не хуже его вдѣпится въ мошенника, свисни ей только Аликъ.

Мистрисъ Пойзеръ согласилась на предлагаемую уступку, но сочла нужнымъ запереть домъ со всѣхъ сторонъ замками и за-совами; еще за минуту до отъѣзда, Нанси, служанкѣ при во-лочнѣ, было поручено запереть ставни въ кухнѣ, несмотря на то, что всего невѣроятнѣе было, чтобы разбойники избрали для нападенія окна, находившіяся прямо въ виду у Алика и его собакъ.

Крытая телѣжка безъ рессоръ стояла наготовѣ для перевоза всей семьи, за исключеніемъ мужской прислуги. Пойзеры, отецъ и сынъ, заняли мѣста на козлахъ; внутри размѣстились женщины и дѣти, всѣ сколько ихъ ни было. Чѣмъ плотнѣе телѣжка была набита народомъ, тѣмъ лучше: это дѣлало толчки не столь ощу-тительными, и широкая особа и мясистыя руки Нанси служили превосходною подушкой, на которую упасть было бы очень мягко. Но мистеръ Пойзеръ, во избѣжаніе толчковъ, которые были бы особенно неприятны въ такую жаркую погоду, ѣхалъ шагомъ; такимъ образомъ очень удобно было обмѣниваться привѣтстван-ями и перекидываться словами съ пѣшеходами, которые шли по той же дорогѣ. Тропинки, извивавшіяся между зеленыхъ луговъ и золотыхъ нивъ, были испещрены подвижными яркими пятнами: тутъ виднѣлся красный жилетъ, словно подобранный къ маковому цвѣту, почти черезчуръ уже часто мелькавшему среди хлѣбковъ; тамъ концы синяго платка выдавались на бѣлой новой, съ иг-лочки, блузѣ. Весь Брокстонъ и весь Гейслопъ должны были со-браться въ *чезъ* и веселиться тамъ въ честь *масльдика*; ста-рики и старухи, ни разу въ теченіи послѣднихъ двадцати лѣтъ такъ далеко не отваживавшіяся по сю сторону холма, ѣхали въ рыдванѣ одного изъ фермеровъ: мысль перевезти ихъ такимъ образомъ принадлежала мистеру Ирвину. Колокола затрещо-нили теперь въ послѣдній разъ, послѣ чего звонари должны были спуститься внизъ и принять участіе въ празднествѣ. И же

успѣлъ замолкнуть колокольный звонъ, какъ уже послышался приближавшійся звукъ другой музыки, такъ что даже смиренный старый гнѣдой, запряженный въ телѣжку мистера Пойзера, началъ прятать уши. То былъ оркестръ Бенефитъ-Клуба, шествовавшего въ полномъ парадѣ, то-есть въ ярко-голубыхъ шароварахъ и голубыхъ бантахъ, съ знаменемъ впереди, на которомъ изображалась каменоломня, окруженная девизомъ: «да здравствуетъ братская любовь!» Телѣгъ, само собою разумѣется, не впускали во дворъ чеза. Всѣ должны были сходить у сторожекъ привратниковъ и отсылать свои экипажи.

— Э, да ужъ въ чезъ точно ярмарка, сказала мистрисъ Пойзеръ, выходя изъ телѣжки и разсматривая группы, разбѣланныя подъ старыми дубами, мальчишекъ, бѣгавшихъ на самомъ солнцѣ и любовавшихся на высокіе шесты, съ развѣвавшимися наверху ихъ одеждами, которыя предназначались въ награду самымъ ловкимъ лазунамъ.—Я бы никогда не повѣрила, чтобы въ двухъ приходахъ могло быть столько народа. Фу, жара какая на солнцѣ! Пойди сюда, Тотти, не то все личико твое загоритъ до того, что облупится. Въ такую погоду, нечего было и огня разводять, все бы кушанье сварилось на солнцѣ. Я пойду къ мистрисъ Бестъ въ комнату и тамъ посижу.

— Погоди немножко, погоди, сказалъ мистеръ Пойзеръ,—сейчасъ подъѣдетъ рыдванъ съ стариками; это прелюбопытное будетъ зрѣлище, какъ они всѣ повылѣзутъ и пойдутъ всѣ вмѣстѣ. Батюшка, вы, чай, многихъ изъ нихъ помните еще молодыми?

— Да, да, отвѣчалъ старый Мартинъ, медленно направляясь подъ защиту большаго навѣса, откуда ему можно было видѣть, какъ старики станутъ выходить изъ своего экипажа.—Я помню, какъ Джекобъ Тафтъ прошелъ пятьдесятъ миль пѣшкомъ, преслѣдуя шотландскихъ мятежниковъ, когда они бѣжали изъ-подъ Стоунтона.

При видѣ гейслопскаго патриарха, стараго дѣдушки Тафта, въ коричневомъ колпакѣ, который вышелъ изъ рыдвана и, опираясь на двѣ палки, направился прямо къ нему, Мартинъ вообразилъ, что самъ онъ еще юноша, у котораго еще длинный рядъ годовъ впереди.

— Э, мистеръ Тафтъ! прокричалъ, на сколько хватило голоса, старый Мартинъ, который хотя и зналъ, что старикъ былъ глухъ какъ тетеревъ, но ни за что не хотѣлъ обойти его должнымъ привѣтствіемъ:—да вы еще молодець-молодцомъ. Еще вы въ силахъ нынѣшній день повеселиться, даромъ что за девятый десятокъ переваляли.

— Мое почтенье, господа, мое почтенье, повторялъ дѣдушка Тафтъ дребезжающимъ голосомъ, замѣчая, что онъ находится среди многочисленнаго собранія.

Престарѣлые гости, подѣ присмотромъ сыновей и дочерей, усѣвшихъ въ свою очередь посѣдѣть и состарѣться, прошли по самой прямой дорогѣ, предназначавшейся для экипажей, къ дому, гдѣ для нихъ былъ накрытъ особенный столъ.

Поизеры между тѣмъ очень благоразумно пробрались по трапъ подѣ тѣнь большихъ деревьевъ, откуда имъ впрочемъ открывался видѣ на передній фасадѣ дома, съ разстилавшеюся передѣ нимъ покатою лужайкой и клумбами, и на красивую полосатую палатку, поставленную на краю лужайки и образовавшую вмѣстѣ съ двумя другими большими палатками, разбитыми по обѣимъ сторонамъ зеленой арены, на которой должны были происходить разнаго рода игрища, прямой уголъ. Домъ былъ бы не болѣе какъ обыкновеннымъ владѣльческимъ домоу времени королеки Анны, не уцѣлѣй при немъ часть стараго аббатства, къ которому онъ примыкалъ съ одной стороны, подобно тому, какъ иногда на дворѣ фермы новый домикъ высоко и чинно воздвигается рядомъ съ болѣе низкими и ветхими службами. Красивый памятникъ старины стоялъ нѣсколько въ углубленіи, и въ настоющую минуту солнечные лучи прямо били на болѣе высокой и болѣе выдавшійся фасадѣ; маркизы у оконъ были спущены, и весь домъ, казалось, дремалъ подѣ вліяніемъ полуденнаго зноя. При видѣ дома, Гетти сдѣлалось грустно. «Артуръ, полумала она, вѣрно теперь находится гдѣ-нибудь въ заднихъ комнатахъ съ почетными гостями. Тамъ нельзя было ему узнать о ея прибытіи, и она долго, долго не увидитъ его, пока онъ не появится послѣ обѣда для произнесенія рѣчи.» Но Гетти отчасти ошибалась въ своихъ предположеніяхъ. Почетныхъ посѣтителей никого на этотъ разъ не пріѣхало, кромѣ Ирвиновъ, за которыми еще съ утра была послана карета, и Артуръ не оставался во внутреннихъ комнатахъ, а расхаживалъ вмѣстѣ съ мистеромъ Ирвиномъ подѣ широкими каменными аркадами стараго аббатства, гдѣ длинныя столы были выставлены для фермеровъ и для работниковъ, нанимавшихся на фермахъ.

Въ этотъ день онъ представлялъ собой типъ красиваго, бодрараго молодаго Англичанина; на немъ былъ фракъ ярко-голубаго цвѣта, сшитый по послѣдней модѣ; рука у него уже не была на перевязи. Выраженіе лица было открытое и прямодушное, но и у прямодушныхъ людей бываютъ свои тайны, а тайны не оставляютъ морщинъ на молодомъ лицѣ.

— По чести, сказалъ онъ, когда они вошли подѣ прохладныя аркады, — мнѣ кажется, что крестьянамъ выпало самое удобное помѣщеніе. Эти аркады—славныя столовыя въ эту жаркую погоду. Вы какъ нельзя умнѣ присовѣтовали мнѣ, Ирвинъ, устроить обѣдъ со всевозможнымъ удобствомъ и въ величайшемъ порядкѣ,

и только для фермеровъ, тѣмъ болѣе, что, по правдѣ сказать, денегъ у меня было очень немного. Дѣдушка только поговорилъ о *carte blanche*, а какъ дошло дѣло до денегъ, такъ побоялся оказать мнѣ такое довѣріе.

— Не тужите, отвѣчалъ мистеръ Ирвинъ, — этимъ скромнымъ праздникомъ вы доставите гораздо болѣе удовольствія. Въ такого рода случаяхъ многіе смѣшиваютъ щедрость съ потворствомъ неурядицъ и попойкамъ. Конечно, выраженія «столько-то было зажаренныхъ быковъ и барановъ» и — «всякій приходящій могъ ѣсть сколько угодно» очень громки, но дѣло въ томъ, что въ подобныхъ случаяхъ рѣдко кому удается пообѣдать какъ слѣдуетъ, тогда какъ, подкрѣпившись хорошимъ обѣдомъ и выпивъ умѣренное количество эля около полудня, народъ будетъ въ состояніи забавляться играми, когда свалитъ жара. Подъ вечеръ, конечно, многіе подгуляютъ, это ужъ неизбежно, но пьянство все-таки умѣстнѣе подъ прикрытіемъ темноты, нежели при дневномъ свѣтѣ.

— Все-таки, я надѣюсь, что пьянства будетъ не слишкомъ много; отъ тредльстонскихъ я избавился, задавъ имъ праздникъ въ самомъ городѣ; я поручилъ Кессону и Адаму, да еще кое-кому изъ надежныхъ, присутствовать при раздачѣ эля изъ балагановъ и присматривать, чтобы гульба не зашла слишкомъ далеко. Теперь пойдемте навѣрхъ посмотрѣть столы для крупныхъ фермеровъ.

Они взобрались по каменной лѣстницѣ, которая вела въ галерею, помѣщавшуюся надъ аркадами. Эта галерея служила въ теченіи трехъ поколѣній кладовою для старинныхъ, пыльных, ни къ чему непригодныхъ картинъ; тутъ можно было найти и покрытые пѣсенью портреты королевы Елизаветы и ея придворныхъ дамъ, и генерала Монка съ вышибеннымъ глазомъ, и Данила, въ совершенныхъ потемкахъ, окруженнаго двумя, и Юлія Цезаря верхомъ, съ орлинымъ носомъ, лавровымъ вѣнкомъ на головѣ и комментаріями въ рукахъ.

— Какъ это хорошо, что эта часть стараго аббатства уцѣлѣла, сказалъ Аргуръ. — Если я когда буду здѣсь полнымъ хозяиномъ, то непременно реставрирую эту галерею въ лучшемъ стилѣ. У насъ въ цѣломъ домѣ нѣтъ комнаты, которая была бы и въ третью долю такъ просторна. За этимъ вторымъ столомъ сядутъ жены фермеровъ и ихъ дѣти. Мистрисъ Бестъ утверждаетъ, что матерямъ и дѣтямъ будетъ удобнѣе сидѣть отдѣльно. Мнѣ непременно хотѣлось, чтобъ и ребятишки участвовали въ угощеніи, чтобъ это былъ настоящій семейный праздникъ. Современемъ я буду для этихъ мальчиковъ и дѣвочекъ «старымъ сквайромъ», и они будутъ разказывать своимъ дѣтямъ, какимъ красивымъ молод-

домъ былъ я въ свое время, — не въ примѣръ красивѣе моего собственнаго сына. Вотъ а этотъ столъ накрытъ для женщины и для дѣтей. Но вы все это увидите: надѣюсь, что вы сойдете со мной внизъ послѣ обѣда?

— Какже, какже, отвѣчалъ мистеръ Ирвинъ:—я бы не хотѣлъ упустить случая слышать вашу первую рѣчь къ фермерамъ.

— Да и кромѣ того вы услышите еще одну вещь, которая вамъ доставитъ удовольствіе. Пойдемте въ бібліотеку, тамъ я вамъ все разкажу, пока дѣдушка занятъ съ дамами въ гостиной. Вы никакъ этого не ожидаете, продолжалъ Артуръ, когда они усѣлись. — Вѣдь дѣдушка таки кончилъ тѣмъ, что согласился.

— Какъ, насчетъ Адама?

— Да. Я хотѣлъ было захватить къ вамъ сообщить эту новость, да мнѣ некогда было. Помните, я вамъ сказывалъ, что рѣшился не говорить съ нимъ болѣе объ этомъ предметѣ, считая это напраснымъ трудомъ. Вдругъ, вчера поутру онъ посылаетъ сказать мнѣ, чтобъ я зашелъ къ нему, прежде чѣмъ выйду изъ дома, и къ удивленію моему объявляетъ, что онъ уже обдумалъ всѣ новыя мѣры, сдѣлавшіяся необходимыми вслѣдствіе неспособности стараго Сеччеля къ дальнейшей дѣятельности, а именно, что онъ намѣревается поручить управленіе лѣсами Адаму, съ платой гиней въ недѣлю, не считая лошади, которая дается ему въ распоряженіе. Я объясняю это тѣмъ, что онъ съ самаго начала понималъ, насколько что эта мѣра будетъ выгодна для него самого, но ему еще предстояло побѣдить предубѣжденіе, которое онъ имѣетъ противъ Адама. Къ тому же, одно то обстоятельство, что я предлагаю какую-нибудь мѣру, служить ему достаточною причиною, чтобы противъ нея возставать. Странныя противорѣчія встрѣчаются въ дѣдушкѣ: я знаю, что онъ предназначаетъ мнѣ всѣ деньги, сбереженныя имъ, и чуть ли не оставляетъ бѣдную тетушку Лядю, которая всю жизнь была его рабой, съ пятьюстами фунтами годоваго дохода, для того только, чтобы мнѣ досталось побольше, а между тѣмъ мнѣ иногда приходится въ голову, что онъ рѣшительно ненавидитъ меня, потому именно, что я его наслѣдникъ. Я увѣренъ, что, сломи я себѣ шею, онъ счелъ бы это величайшимъ несчастіемъ, какое только могло бы постигнуть его, но въ то же время онъ находитъ какое-то удовольствіе отравлять жизнь мою рядомъ мелочныхъ неприятностей.

— Да, другъ мой, не одна женская любовь можетъ назваться, по выраженію старика Эскила: *ἀκέραιος ἔρως*; много, «нелюбящей любви», встрѣчается въ этомъ свѣтѣ и между мужчинами. Но разкажите мнѣ про Адама. Согласился ли онъ принять это мѣсто? Не думаю, чтобъ оно представляло ему значительныя выгоды сравнительно съ его настоящимъ занятіемъ, хотя, конечно, оно

FEB 17 1950

